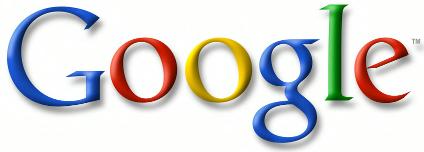

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ

для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ

среднеучебныхъ заведеній.

СОСТАВЛЕНА

Я. ...овичемъ и Б. А. Павловичемъ.

ЧАСТ... ПЕРВАЯ.

...ЕТЕРБУРГЪ.

...ства Путей Сообщенія (А. Бенке),

...по Фонтанкѣ № ...

1877.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ составленію этой хрестоматіи, мы имѣли въ виду удовлетворить насущной потребности, которая давно уже чувствуется у насъ въ такомъ пособіи. При выборѣ матеріала, мы стремились, главнымъ образомъ, удовлетворить требованіямъ школы, не упуская при этомъ изъ виду и требованій научныхъ. Мы старались прослѣдить послѣдовательно всѣ главные моменты отечественной исторіи, пользуясь для этого всѣмъ научнымъ матеріаломъ, который представляетъ наша современная историческая литература, а отчасти и первоначальными источиками. Само собою разумѣется, что, при сравнительной молодости научной литературы по русской исторіи, намъ невозможно было ограничиться только выборомъ матеріала изъ сочиненій немногихъ корифеевъ русской исторической науки: пришлось также пользоваться и второстепенными изслѣдованіями.

Въ виду того, что многіе изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи, каковы вопросы о призваніи варяговъ, о происхожденіи и сущности удѣльной системы, о личности перваго самозванца и нѣкоторые другіе, представляются еще въ наукѣ вопросами спорными, мы считали необходимымъ, относясь къ матеріалу съ полною объективностью, познакомить нашихъ читателей, въ отрывкахъ или въ извлеченіи, съ сочиненіями, служащими выраженіемъ различныхъ или даже противоположныхъ воззрѣній нашихъ историковъ на нѣкоторыя изъ наиболѣе выдающихся явленій отечественной исторіи. Такъ, по вопросу о призваніи варяговъ мы дали въ этой части хрестоматіи двѣ статьи: одну, составленную по изслѣдованіямъ Погодина, какъ представителя теоріи норманистовъ, другую — взятую изъ сочиненія Иловайскаго: «Розысканія о началѣ Руси», чтобы представить выводы и воззрѣнія антинорманистовъ. Съ такою же цѣлью дали мы нѣсколько статей относительно удѣльно-вѣчеваго

устройства. И въ слѣдующихъ частяхъ хрестоматіи мы намѣрены держаться того же пріема.

Чтобы сдѣлать нашу хрестоматію какъ можно болѣе доступною для учениковъ старшаго класса среднеучебныхъ заведеній какъ по содержанію, такъ и по формѣ изложенія, а также избѣгнуть растянутости и распространенности въ изложеніи, мы считали необходимымъ, приспособляясь къ требованіямъ школы, сообщить значительную часть статей въ извлеченіи, или, по крайней мѣрѣ, въ сокращенномъ изложеніи, устраняя все, что, по нашему мнѣнію, могло бы затруднять учениковъ даже старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Статьи, заимствованныя нами изъ первоначальныхъ источниковъ, мы предпочли дать ученикамъ въ переводѣ на современный намъ литературный языкъ, будучи увѣрены, что только въ такомъ случаѣ онѣ навѣрное прочтены будутъ учениками и могутъ быть ими усвоены вполнѣ. Чтеніе этихъ отрывковъ въ подлинникѣ и уясненіе особенностей ихъ формы изложенія составляетъ уже предметъ преподаванія русскаго языка и литературы. (Тѣ немногія статьи, которыя предназначены для преподавателей, или для чтенія учениками не иначе, какъ съ помощью преподавателя, напечатаны петитомъ или отмѣчены въ общемъ оглавленіи звѣздочкой).

Считая письменныя работы по исторіи однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для полнаго уясненія учащимся наиболѣе выдающихся и сложныхъ историческихъ явленій и для возбужденія въ нихъ умственной самодѣятельности, мы позаботились о томъ, чтобы хрестоматія наша могла служить для этого сподручнымъ пособіемъ. Историческія параллели и характеристики, сравненіе извѣстныхъ уже ученикамъ историческихъ событій и личностей, представляющихъ выдающіяся черты сходства и противоположности, составляютъ несомнѣнно отличный матеріалъ для письменныхъ работъ по исторіи; но не менѣе производительною и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе цѣнною въ дидактическомъ отношеніи работою должно быть признано сравненіе соотвѣтствующихъ отрывковъ изъ различныхъ сочиненій, отрывковъ, относящихся къ одному и тому же предмету. Въ виду этого, мы помѣстили въ нашей хрестоматіи также однородные отрывки и статьи изъ лѣтописи и исторіи Карамзина и Соловьева относительно первыхъ князей, относительно крещенія Руси, относительно Владиміра Мономаха и нѣкоторые другіе. Этотъ сравнительный пріемъ имѣемъ мы въ виду примѣнить и въ слѣдующихъ частяхъ нашей хрестоматіи. По нашему мнѣнію, матеріалъ для такихъ письменныхъ работъ долженъ быть подготовленъ внимательнымъ чтеніемъ соотвѣтственныхъ статей въ классѣ подъ руководствомъ преподавателя и соотвѣтственными вопросами его, которыми бы ученики могли руко-

водствоваться при перечитываніи указанныхъ статей дома и при составленіи, на основаніи всего этого, письменной работы.

Положимъ, что рѣчь идетъ о крещеніи Руси. Въ такомъ случаѣ прочитывается сначала отрывокъ о крещеніи Владиміра изъ лѣтописи, потомъ статья о крещеніи Владиміра и кіевлянъ изъ Карамзина, и посредствомъ цѣлаго ряда соотвѣтственныхъ вопросовъ преподаватель старается привести учениковъ къ уразумѣнію того, въ какомъ отношеніи находится изложеніе Карамзина къ изложенію лѣтописи, какъ понимаетъ Карамзинъ причины крещенія Владиміра и Руси, на сколько онъ старается уяснить то, что не выяснено лѣтописью, какъ связываетъ онъ различныя части разсказа и т. п. Когда все это уяснено ученикамъ, тогда переходятъ къ чтенію статьи Соловьева о крещеніи Владиміра, сравнивая ее съ лѣтописнымъ разсказомъ такъ же, какъ и отрывокъ изъ Карамзина. Затѣмъ уже ученики должны самостоятельно составить письменную работу, въ которой было бы выяснено, чѣмъ отличается изложеніе Соловьева отъ изложенія Карамзина относительно крещенія Руси, чѣмъ отличается отношеніе того и другаго къ лѣтописному матеріалу, одинаково ли понимаютъ Карамзинъ и Соловьевъ отношеніе язычества къ христіанству въ Кіевѣ до крещенія Руси при Владимірѣ, какъ смотрятъ они на самую личность Владиміра, какъ уясняютъ они мотивы крещенія Владиміра и кіевлянъ и т. п. Цѣль подобныхъ письменныхъ работъ при преподаваніи исторіи состоитъ не въ томъ, чтобы выяснить различіе между исторіею и лѣтописью, между безъискусственнымъ и научнымъ изложеніемъ и т.п., что входитъ въ предметъ преподаванія словесности, а въ томъ, чтобы, при помощи сравненія однородныхъ отрывковъ, полнѣе, всестороннѣе выяснить самую сущность даннаго явленія или данной эпохи и такимъ образомъ способствовать вполнѣ правильному уразумѣнію ихъ учениками. Конечно, при небольшомъ количествѣ времени, удѣляемаго у насъ на преподаваніе исторіи, нельзя расчитывать на то, чтобы ученики могли много заниматься такими письменными работами; но мы увѣрены, что даже одна или двѣ такихъ работы въ году могутъ возбудить въ ученикахъ болѣе серьезное отношеніе къ предмету, чѣмъ цѣлый рядъ уроковъ, ограничивающихся лишь выспрашиваніемъ и объясненіемъ извѣстныхъ страницъ учебника.

Въ этой первой части хрестоматіи мы остановились на эпохѣ Іоанна Грознаго, такъ какъ весь предшествующій періодъ исторіи представляетъ уже самъ по себѣ нѣчто законченное, и по программѣ гимназической соотвѣтствуетъ курсу одного изъ высшихъ классовъ гимназій (по прежней программѣ V класса, а по вновь опубликованной—VI класса). Во второй части мы имѣемъ въ виду дать подроб-

ный обзоръ событій отъ начала царствованія Грознаго до избранія Петра, а также всесторонній обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства. Третья же часть будетъ заключать въ себѣ исторію Россіи съ Петра Великаго до новѣйшаго времени.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу признательность многоуважаемому профессору и ученому С. М. Соловьеву, сочиненіями котораго намъ такъ много приходилось пользоваться, за данное намъ разрѣшеніе—воспользоваться для нашей хрестоматіи всѣмъ, что было имъ написано по русской исторіи, начиная съ монографій и обширной «Исторіи Россіи» и кончая многочисленными статьями, разбросанными въ различныхъ журналахъ и спеціальныхъ изданіяхъ еще съ сороковыхъ годовъ и до настоящаго времени.

16 августа 1877 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРЕСТОМАТІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Восточные славяне и Русь до начала государственной жизни ея.

Русь при первыхъ князьяхъ. Крещеніе Руси и распространеніе въ ней христіанства.

Стр.

Русь во время удѣльно-вѣчеваго уклада.

Русь во время татарскаго ига.

стр.

Возвышеніе Москвы.

Московское государство при Іоаннѣ III и Василіи III.

I. РАЗСЕЛЕНІЕ СЛАВЯНЪ.

(Составлено по соч. Гильфердинга т. I и Успенскаго: «Первыя славянскія монархіи на сѣверозападѣ» и др. соч.).

Славяне, принадлежа къ индоевропейской семьѣ народовъ, по основнымъ формамъ языка, а также по своимъ первоначальнымъ понятіямъ религіознымъ и общественнымъ, какъ и вообще по происхожденію своему, родственны съ древними греками, римлянами, галлами, германцами и литовцами въ Европѣ и съ индійцами, персами и мидянами въ Азіи.

Въ незапамятную старину славяне жили въ Азіи такъ же, какъ греко-италійцы, кельты и германцы.

О томъ времени, когда славяне перешли изъ Азіи въ Европу, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; несомнѣнно, впрочемъ, что еще въ до-историческое время славяне были распространены на большомъ пространствѣ въ Европѣ. Но до V вѣка славяне были неизвѣстны, такъ какъ они мало сообщались съ другими народами; ведя мирную жизнь, они рѣдко приходили въ столкновеніе съ древними образованными народами, греками и римлянами. Исторія застаетъ славянъ въ Европѣ разселенными уже на пространствѣ отъ Вислы и сѣверо-восточнаго склона Карпатовъ до Дона. Затѣмъ они переходятъ на Дунай, и уже отсюда разселяются на югъ отъ Дуная, на сѣверовостокъ и сѣверозападъ и образуютъ прочныя осѣдлыя общины, изъ которыхъ сложились особыя государства. Земли на югъ отъ Дуная и Савы не были первоначально заняты славянами. Тамъ жили многочисленные народы ѳракійскаго и иллирійскаго поколѣнія, какъ-то мизы въ нынѣшней Болгаріи, трибаллы — въ нынѣшнемъ княжествѣ Сербіи и мн. др. Большая часть этихъ народовъ покорены были македонскими царями. Во II и I вѣкѣ до Р. Х. они подпали подъ власть римлянъ.

Славяне, жившіе на югѣ отъ Карпатовъ и около средняго Дуная, были завоеваны (кажется, въ IV вѣкѣ до Р. Х.) народомъ гетовъ или даковъ, принадлежавшимъ къ ѳракійскому поколѣнію и перешедшимъ изъ нынѣшней Болгаріи на сѣверный берегъ Дуная. Но около 100 г. по Р. Х. основанное даками могущественное государство въ восточной части Венгріи, Валахіи и Молдавіи было разрушено римскимъ императоромъ Траяномъ, и тамошнее населеніе, даки и славяне, получило значительную примѣсь латинскую отъ римскихъ колоній, которыя Траянъ тамъ учредилъ.

Между тѣмъ, другія племена славянскія, которыя жили къ сѣверу и востоку отъ предѣловъ Дакіи, между Вислой и Днѣпромъ и далѣе за Днѣпръ, были подвержены набѣгамъ воинственныхъ племенъ германскихъ.

Сильнѣйшее изъ этихъ племенъ, готы, раздѣлявшееся на остготовъ и вестготовъ, въ концѣ II вѣка и въ III ст. по Р. Х., подвигаясь отъ Балтійскаго моря къ Черному, подчинило себѣ значительную часть славянскихъ племенъ въ нынѣшней западной и югозападной Россіи. Но на эту готскую державу нахлынула въ 375 году грозная орда гунновъ. Остготы вмѣстѣ съ подчиненными имъ германскими племенами и славянами покорились гуннамъ; вестготы же (жившіе къ западу отъ Днѣпра и до Тиссы) искали убѣжища въ римскихъ владѣніяхъ и переселились за Дунай, откуда потомъ перешли въ области Балканскаго полуострова, оттуда въ Италію и наконецъ въ Испанію.

Вскорѣ потомъ гунны, увлекая за собою германскія и славянскія племена, перекочевали изъ Черноморскихъ степей въ степи нынѣшней Венгріи, которыя сдѣлались средоточіемъ огромной державы, заключавшей въ себѣ земли славянъ и значительную часть земель германскихъ. Отсюда гунны дѣлали часто набѣги и за Дунай, на Восточную имперію. Чтобы отвратить отъ имперіи грозу сѣвернаго завоевателя, константинопольскій дворъ не разъ отправлялъ къ гуннскому царю Аттилѣ посольства съ данью и богатыми подарками. Такое посольство, бывшее въ 448 году и описанное участникомъ его Прискомъ, представляетъ намъ тогдашнюю Венгрію, какъ страну съ населеніемъ смѣшаннымъ: тутъ были гунны, готы и романцы, предки нынѣшнихъ румыновъ; наконецъ тамъ была и четвертая стихія, которую Прискъ явно отличаетъ и отъ гунновъ, и отъ готовъ, и отъ романцевъ. Населеніе это Прискъ обозначаетъ общимъ неопредѣленнымъ именемъ скиѳовъ. По выраженію Приска, эти скиѳы хотя и заимствуютъ языкъ отъ гунновъ или готовъ, говорятъ еще сверхъ того „своей собственной варварской рѣчью". Напитокъ, который подносили греческимъ посламъ вмѣсто вина въ деревняхъ, гдѣ они проѣзжали, назывался у туземцевъ медомъ (μέδος), говоритъ Прискъ. Справляя похороны, эти люди сопровождали ихъ обильною ѣдою, и такое пиршество они называли стравою (слово, до сихъ поръ существующее у поляковъ и у чеховъ въ томъ же значеніи ѣды, пищи). Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что эта часть населенія гуннской державы были славяне. На это указываетъ и описаніе наружности ихъ и ихъ образа жизни. Прискъ описываетъ также мѣстопребываніе самого Аттилы. Оно не было похоже на улусы какого-нибудь хана монгольскихъ кочевниковъ, а на большую деревню европейскаго строя: избы, сложенныя изъ бревенъ и гладко тесанныхъ украшенныхъ рѣзьбою досокъ, обнесенныя заборомъ съ воротами, внутри, вокругъ стѣнъ уставленныя скамьями — совершенно съ виду деревня славянская; наконецъ при домѣ была баня, которой, какъ видно это изъ разсказа Приска, „скиѳы" особенно дорожили. Сблизившись съ славянами, гунны утратили отчасти свою первоначальную дикость, смягчили нѣкоторые свои обычаи, заимствовали у славянъ нѣкоторыя ремесла, какъ напр. постройку деревянныхъ домовъ. Съ другой стороны и славяне, живя вмѣстѣ съ гуннами, подвинулись значительно въ искусствѣ владѣть оружіемъ и какъ бы унаслѣдовали отчасти ихъ воинственность.

Гуннское нашествіе дало славянамъ толчекъ: оно двинуло ихъ къ западу и югу. Аттила, посылая безпрестанно свои войска въ Мизію и другія области Византійской имперіи, открывалъ туда дорогу славянамъ. Сохранилось смутное сказаніе о томъ, что въ 449 году славяне заняли страну между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ и прогнали жившихъ тамъ римлянъ въ приморскіе города, Рагузу, Сплетъ и др. Хотя невозможно принять это сказаніе буквально въ томъ смыслѣ, будто переворотъ, замѣнившій римское или романизованное населеніе древняго Иллирика славянскимъ, произошелъ такъ внезапно, однако, начало славянской колонизаціи этой страны восходитъ несомнѣнно къ V вѣку. Такой колонизаціи могли особенно способствовать междоусобія, возникшія послѣ смерти Аттилы въ равнинахъ средняго Дуная. Готы и другія германскія дружины, которыя оставались тамъ подъ властію гунновъ, пока Аттила былъ живъ, вооружились противъ его сыновей и прогнали гунновъ назадъ къ Черному морю; потомъ они стали рѣзаться между собою и поочередно уходить за Дунай и въ Италію, чтобы искать себѣ въ предѣлахъ распадавшейся Римской имперіи болѣе богатыхъ и спокойныхъ жилищъ. Съ уходомъ этихъ завоевателей, славянамъ открылась въ Дунайской странѣ свобода дѣйствій: опустошенныя столько разъ гуннами и германцами, области Балканскаго полуострова стояли открытыми для новыхъ поселеній. Остготы, занявшіе Паноннію и оттуда предпринимавшіе завоевательные походы въ Мизію и Иллирикъ, уходя потомъ въ Италію, оставляли Мизію и Иллирикъ на произволъ славянамъ, которыхъ туда увлекали за собою. Такимъ образомъ можно считать несомнѣннымъ фактомъ, что вторженія готовъ въ страны Балканскаго полуострова потянули туда и славянъ.

Ходъ славянской колонизаціи этихъ областей въ теченіе V-го вѣка скрытъ отъ насъ, но, судя по результатамъ, есть основаніе думать, что колонизація славянъ успѣла въ теченіе V вѣка глубоко измѣнить составъ населенія Балканскаго полуострова. Если мы перенесемся мысленно въ Византію первой половины VI вѣка, то увидимъ, что на императорскомъ престолѣ сидитъ славянинъ Управда, переименованный въ Юстиніана, сынъ Истока, родомъ изъ простыхъ поселянъ славянской деревни Ведряны, находившейся въ древней Дарданіи; византійскія войска имѣли вождями славянъ, и славяне наполняли ряды арміи византійскаго императора; славянинъ защищалъ сѣверную границу имперіи на Дунаѣ, а на противоположномъ берегу Дуная стояли славяне огромнымъ племенемъ, готовые нахлынуть на земли Восточной Римской имперіи.

Съ VI вѣка движеніе славянъ стало усиливаться все болѣе и болѣе и приняло огромные размѣры. Изъ положенія оборонительнаго они переходятъ къ наступательному и становятся сами завоевателями. Они вторгаются въ предѣлы Византійской имперіи, переходятъ чрезъ Балканскія горы, подходятъ даже къ Константинополю и угрожаютъ самому существованію Византійской имперіи. Съ этого времени какъ будто какая-то невѣдомая сила погнала массы славянъ за Дунай. По всей вѣроятности, ихъ двинулъ напоръ новыхъ ордъ уральскаго или тюркскаго племени, родственныхъ гуннамъ, спѣшившихъ одна за другою занять богатыя степи Черноморья и нынѣшней Венгріи, каковы болгары и авары.

Надобно было обновиться старому населенію Балканскаго полуострова, изнемогшему отъ вѣковаго безсилія и разврата подъ римскимъ владыче-

1*

ствомъ, отъ войнъ, отъ страшныхъ набѣговъ германскихъ дружинъ, и къ этому обновленію призвано было племя славянское.

Переходъ его съ праваго берега Дуная, гдѣ его собралъ и утвердилъ Аттила, въ земли имперіи, продолжался съ V вѣка до половины VII-го.

Исподволь, отдѣльными толпами, безъ единства и совокупности дѣйствій, переселялись славяне за Дунай. Какой-то общій порывъ стремилъ ихъ въ опустѣлыя земли Мизіи, Ѳракіи, Македоніи и Далмаціи; ничья воля ихъ не двигала, ничья рука не направляла, ибо они тогда еще не составляли государствъ, а жили простыми общинами, не имѣя другой власти, кромѣ общаго совѣщанія и согласія, по свидѣтельству Прокопія.

Овладѣвъ переправою чрезъ Дунай, славяне могли занять всю Мизію; но вскорѣ дѣло коснулось земель болѣе населенныхъ и богатыхъ, земель чисто греческихъ, а не тѣхъ полуварварскихъ областей, каковы были Мизія, Дарданія и сѣверныя части Иллирика, которыми греки менѣе дорожили. Съ этого времени мирное разселеніе славянъ смѣняется насильственнымъ нашествіемъ, борьба принимаетъ часто характеръ ожесточенія. Подъ 548 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ объ опустошительномъ набѣгѣ славянъ, которые, пройдя весь Иллирикъ, проникли до Адріатическаго моря у Эпидамна (въ Албаніи). Они вселили такой страхъ въ византійцахъ, что 15,000-е войско не смѣло къ нимъ подходить на близкое разстояніе. Вскорѣ потомъ (551 г.) славяне въ числѣ 30,000 человѣкъ перешли уже безъ сопротивленія Марицу и обратили въ бѣгство войско въ Иллиріи и во Ѳракіи. Побѣда открыла имъ дорогу на югъ до самаго Архипелага. Въ 559 г. славяне проникли даже до столицы имперіи. Побѣда византійцевъ, одержанная надъ славянами подъ Адріанополемъ (въ 584 г.), только на короткое время остановила движеніе славянъ. Въ 588 г. они опять раззорили Ѳракію, въ 590 распространились въ окрестностяхъ Солуня, разселились по Ѳессаліи и Ливадіи, перешли Коринѳскій перешеекъ и мало по малу они стали заселять и Морею. Такимъ образомъ съ VII вѣка не только вся Мизія и почти вся Ѳракія, но и Македонія, и большая часть Ѳессаліи и Греціи стали землями славянскими.

Хотя почти весь Балканскій полуостровъ получилъ новое населеніе, хотя не только страна на сѣверъ отъ Балкановъ была потеряна для Византіи, но власть ея фактически прекратилась даже въ ближайшихъ къ Константинополю областяхъ, во Ѳракіи и Македоніи, занятыхъ пепереселенцами славянскими и называвшихся уже новымъ именемъ Славиніи,—однако Греческая имперія не пала, ибо славяне ничего не могли противопоставить той государственной организаціи, которой средоточіе, Константинополь, оставался нетронутымъ. Скоро эта государственная организація начала втягивать ихъ въ себя. Въ 657 г. императоръ Константъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, предпринялъ походъ въ „Славинію", взялъ тамъ многихъ въ плѣнъ и подчинилъ себѣ жителей. Это была первая попытка старой имперіи привести въ подданство славянъ, занявшихъ ея области.

Между тѣмъ переходъ славянскаго племени за Дунай еще не кончился. Пріостановилось только переселеніе славянъ съ востока, изъ равнинъ Черноморья и Нижняго Дуная. Но въ началѣ VII вѣка совершилось движеніе славянскихъ выходцевъ съ сѣвера, изъ страны Закарпатской, гдѣ была древняя земля Хорватская и Сербская и мѣстность,

называвшаяся Бойки (въ нынѣшней Галиціи). Они пошли на югъ и заняли западный уголъ Балканскаго полуострова отъ р. Моравы до Адріатическаго моря и Скутарскаго озера. И прежде уже славяне появлялись не разъ въ этихъ странахъ; но они еще въ то время, кажется, не вполнѣ утвердились въ этой странѣ; важнѣйшіе города признавали власть византійскаго императора. Когда же въ исходѣ VI или въ началѣ VII вѣка стали вторгаться туда хищные Авары, опустошившіе почти всю страну, истребившіе въ ней большую часть романскаго населенія и наводившіе ужасъ на Византію своимъ сосѣдствомъ, то императоръ Ираклій рѣшился призвать на помощь славянъ. Изъ-за Карпатскихъ горъ онъ пригласилъ въ Далмацію племя хорватовъ. Между хорватами и аварами началась война; черезъ нѣсколько времени хорваты одолѣли, частью перебили аваровъ, частью принудили покориться и стали съ тѣхъ поръ владѣть этою землею. Здѣсь они вскорѣ раздѣлились на двѣ самостоятельныхъ земли, южную или Приморскую, и сѣверную или Савскую (около р. Савы).

За хорватами и, безъ сомнѣнія, по ихъ примѣру, поднялись и двинулись за Дунай ихъ сосѣди и близкіе соплеменники Сербы, обитавшіе также въ нынѣшней Галиціи, на востокъ отъ древней Хорватіи (т. наз. Великой или Бѣлой), между верхнею Вислою и истоками Днѣстра и Прута. Въ старой (Закарпатской) Сербіи, что потомъ прозвалась Бѣлосербіей, княженіе досталось, по преданію, послѣ отца двумъ его сыновьямъ; изъ нихъ одинъ остался дома, другой же, взявъ съ собою половину народа, отправился за Дунай и потребовалъ земель отъ императора Ираклія. Ираклій отвелъ сербамъ землю въ Солунской области; но земля эта имъ не понравилась, и они рѣшились вернуться домой; Ираклій отпустилъ ихъ; уже переступили они за Дунай, но тутъ взяло ихъ раздумье, и стали они просить у Ираклія другихъ земель. Императоръ отдалъ имъ Иллирикъ, приведенный въ запустѣніе аварами. Сербы поселились въ этой области и, подобно хорватамъ, раздѣлились на двѣ вѣтви: сѣверовосточную и югозападную. Сѣверовосточная вѣтвь сербская занимала Сербію въ собственномъ смыслѣ (въ нын. княжествѣ Сербіи и части Босніи) и примыкавшія къ ней земли: Босну (край по р. Боснѣ) и Расу (край около р. Рашки). Югозападнымъ сербамъ принадлежали нын. Герцеговина, Черногорія и Адріатическое побережье отъ р. Цетины (въ Далмаціи) кругомъ Катарскаго залива и до Скутарскаго озера. Взаимное отношеніе этихъ сербскихъ вѣтвей и земель между собою въ древнее время неизвѣстно; мы видимъ только, что переходъ хорватовъ и сербовъ въ Иллирикъ имѣлъ совсѣмъ другой характеръ, нежели прежнія переселенія въ Мизію и Ѳракію: не въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ отдѣльными толпами, увлеченными какимъ-то общимъ, безсознательнымъ порывомъ, а въ два пріема, двумя, можно сказать, военными колоннами, предводимые князьями, вступили хорваты и сербы въ задунайскую страну. Славяне мизійскіе и ѳракійскіе переселились нестройными общинами, сербы и хорваты—стройною дружиною. Замѣчательно, что древнія сказанія о приходѣ чеховъ въ Богемію, выводя ихъ также изъ коренной земли хорватской и сербской (въ Галиціи), приписываютъ ихъ переселенію тотъ же дружинный характеръ, съ какимъ хорваты и сербы, по разсказу Константина Багрянороднаго, двинулись въ Иллирикъ.

Такимъ образомъ, не въ одно и то же время всѣ вѣтви славянскаго племени заняли тѣ страны, въ которыхъ онѣ живутъ теперь. Первоначальное переселеніе славянъ за Дунай, въ восточную половину древней Мизіи и нынѣшнюю Болгарію, можно относить уже къ концу IV или къ началу V вѣка. Послѣ этого впродолженіе трехъ вѣковъ (IV—VII) славяне разселились по Θракіи до Адріанополя, по Македоніи до Солуни, по Албаніи, Θессаліи и Ливадіи, перешли даже въ Пелопонесъ и на сосѣдніе острова. Заселеніе славянами земель на сѣверъ отъ Дуная—нынѣшней Моравіи и Чехіи—началось нѣсколько позже, чѣмъ переселеніе за Дунай. Время это опредѣляется приблизительно слѣдующими событіями. Квады и маркоманны оставили издавна обитаемую ими страну (занятую послѣ нихъ моравами и чехами) не ранѣе 451 года, когда Аттила, направляясь съ 500,000 войска въ Галлію, проходилъ Чехіей и долженъ былъ или прогнать ихъ, или взять съ собою. Но въ 494 г. часть геруловъ, послѣ пораженія, понесеннаго отъ лангобардовъ, искала новыхъ мѣстъ поселенія на сѣверѣ; при этомъ она проходила чрезъ земли, заселенныя славянами, получивъ отъ нихъ свободный пропускъ, (какъ свидѣтельствуетъ о томъ Павелъ Діаконъ). Такимъ образомъ, можно полагать, что въ концѣ V вѣка Моравія и Чехія были уже заняты вѣтвію славянскаго племени, чехо-моравaнами. Въ 568 году лангобарды идутъ изъ Панонніи въ Италію, уступая мѣсто аварамъ и славянамъ.

Родственные гуннамъ и туркамъ авары двинулись около половины VI вѣка изъ странъ прикаспійскихъ, перешли Волгу, покорили себѣ нѣкоторыя гуннскія племена на Азовскомъ морѣ, боролись со славянами антами на Днѣпрѣ и безпокоили славянъ, жившихъ на Днѣстрѣ. Приглашенные лангобардами на помощь противъ гепидовъ, они овладѣли землею гепидовъ, а потомъ Панонніею и Угріею, когда лангобарды ушли въ Италію. Владѣя землями на огромномъ протяженіи, авары основали на Дунаѣ и Тиссѣ, подъ долголѣтнимъ правленіемъ Баяна, сильное государство. Тѣснимые, а частію и увлекаемые аварами, славяне съ конца VI вѣка разселяются на западъ въ сосѣдство съ германскими поселеніями, на югъ до границъ Византійской имперіи. Быстрое проникновеніе славянъ въ Норикъ и Паноннію, занятіе всей мѣстности отъ Адріатическаго до Чернаго моря объясняются именно тѣмъ, что распространеніе ихъ шло рядомъ съ завоеваніями аваръ.

Почти со всѣми славянскими вѣтвями каганъ аварскій вошелъ въ сношенія: съ одними былъ въ союзѣ, нѣкоторыхъ подчинилъ. Подчиненные аварамъ славяне должны были вмѣстѣ съ ними предпринимать походы на сосѣдей; съ 586 г. является флотъ и пѣшее войско изъ славянъ въ аварской службѣ. Съ 596 г. авары переходятъ изъ Панонніи въ Турингію, чтобы воевать съ франками. Это доказываетъ, что Чехія тогда была уже подчинена.—Подчиняя ближайшіе народы, каганъ аварскій (Баянъ) искалъ союза съ болѣе отдаленными. Такъ, онъ посылалъ пословъ къ славянамъ полабскимъ, предлагалъ имъ подарки и просилъ прислать вспомогательный отрядъ. Въ началѣ VII вѣка авары овладѣли Далмаціей, опустошили Фріуль. Границы ихъ владѣній простирались отъ Сосновыхъ горъ до нижняго Дуная и отъ Карпатовъ до Адріатическаго моря. Въ это же самое время и славянскія поселенія распространяются съ замѣчательною быстротою по Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ и въ верхнедравской равнинѣ по самый Тироль. Очень вѣроятно, что сами

аварскіе каганы способствуютъ быстрому заселенію этихъ странъ, переводя сюда толпы зависѣвшихъ отъ нихъ задунайскихъ славянъ.

Славяне недолго, впрочемъ, оставались въ служебныхъ и данническихъ отношеніяхъ къ аварамъ. Воинственные завоеватели, живущіе грабежемъ и набѣгами, должны были скоро уступить соединеннымъ силамъ осѣдлаго племени. Нѣтъ сомнѣнія, что чехи, моравание и другіе славянскіе народы неохотно несли иго аваръ; воспоминаніе объ обрахъ (аварахъ) и ихъ тяжеломъ обращеніи съ подвластными народами долго жило и у славянъ русскихъ. Около 623 года, по словамъ лѣтописца Фредегара, въ Чехіи начались серьезныя попытки противостать насилію аваръ. Къ этому времени явился къ чехамъ одинъ купецъ, именемъ Само, славянинъ по происхожденію. Онъ принялъ участіе въ начавшемся противъ аваръ движеніи, своею энергіею сообщилъ ему значительную силу и распространилъ его за предѣлы Чехіи. Сначала авары, занятые приготовленіемъ къ войнѣ съ Византіею, а потомъ походомъ на нее, не обращали вниманія на внутреннія волненія подчиненныхъ имъ народовъ; но когда славяне отказались служить аварамъ, а внутри славянскихъ земель подготовилось возстаніе, тогда каганъ пошелъ на нихъ съ своимъ войскомъ. Славяне одержали побѣду, потомъ выбрали Само въ короли. Подъ его правленіемъ, продолжавшимся 35 лѣтъ, они вели частыя войны съ аварами и каждый разъ оставались побѣдителями. Авары въ постоянныхъ неудачахъ растратили свои силы. Чехія и Моравія освободились отъ ихъ зависимости. Образованію новаго государства не мало способствовало внутреннее неустройство въ самомъ аварскомъ царствѣ. Притѣсняемые доселѣ народы стали примыкать къ новообразовавшемуся славянскому государству, и широкія пустыни, окружавшія аварскую землю, стали заселяться новыми жителями, которые открыто возставали противъ утѣснителей. Къ Само, естественно, должны были примкнуть всѣ бывшіе подъ гнетомъ аваръ славяне, въ надеждѣ на лучшую участь подъ зависимостію отъ соплеменниковъ. И дѣйствительно, около 630 г. держава Само имѣла уже протяженіе, переходившее за границу Чехіи и Моравіи.

Ко времени образованія Чешскаго королевства относится начало враждебныхъ отношеній и столкновеній западныхъ славянъ съ франками. Король франкскій Дагобертъ стремился къ распространенію предѣловъ своего государства до сосѣдства съ Византіей; но это можно было сдѣлать, только одержавъ побѣду надъ Само и обезсиливъ союзъ славянскій. Скоро между франками и Само произошелъ разрывъ по поводу того, что франкскіе купцы, торговавшіе въ славянскихъ земляхъ, подчиненныхъ Само, были разграблены и избиты славянами. Началась война. Главныя силы франковъ и славянъ встрѣтились у Вогастисбурга (въ Чехіи). Здѣсь, послѣ трехдневной битвы, франки потерпѣли совершенное пораженіе, которое надолго пріостановило успѣхи франкскаго народа и задержало стремленіе его къ Дунаю. Славяне неоднократно потомъ дѣлали вторженія въ сосѣднія франкскія области, распространяясь далѣе къ западу.

Само основалъ первое великое славянское государство. Зерно его находилось въ Чехіи, а границы простирались на югѣ къ самымъ Стирійскимъ (Штирійскимъ) Альпамъ, на востокѣ — къ Татрамъ (Карпатскимъ горамъ), на сѣверѣ почти до Спревы (Шпре) и Гаволы (Гавеля), на западѣ—довольно глубоко въ нѣмецкія земли. Со смертію Само разложилась снова его держава на свои составныя части.

Съ этого времени, т. е. приблизительно съ 2-й половины VII вѣка, исторія славянъ, какъ и вообще исторія Европы, покрыта непроницаемымъ мракомъ на сотню слишкомъ лѣтъ, пока побѣды Карла Великаго и лѣтописцы его времени не разогнали этотъ мракъ.

Къ концу VIII ст. славяне полабскіе, чешскіе и моравскіе встали въ непосредственное сосѣдство съ обширной монархіею Карла Великаго, и лишь съ этого времени мы имѣемъ достовѣрную исторію западныхъ славянъ. Разъединенные, слабые, управляемые мелкими князьями, дѣлившими свое княженіе на удѣлы, славяне не могли тогда оказать серьознаго сопротивленія могущественному сосѣду.

Окончательный ударъ, нанесенный аварамъ Карломъ Великимъ, открывалъ для славянскихъ поселенцевъ всю землю, занятую прежде этими кочевниками, и давалъ имъ значительный перевѣсъ надъ аварами даже въ сѣверномъ убѣжищѣ ихъ, за Тиссою. Славяне въ большомъ количествѣ стали переселяться съ сѣвера на югъ изъ предунайской Моравіи въ Панонію. Остатки панонскихъ аваръ должны были уступить передъ неравною силой и переносить притѣсненія отъ славянъ.

На сѣверъ отъ Дуная, въ нынѣшней Моравіи и въ землѣ словаковъ, почти отъ рѣки Торисы по самый Пресбургъ и Вацовъ, въ первой половинѣ IX вѣка жилъ народъ славянскій, управляемый князьями, происходившій изъ одного рода. Вся эта страна, а также обширныя области къ югу отъ Дуная получили тогда имя Великой Моравіи, *Вишнѣ Моравѣ*. Въ странахъ, носящихъ имя Моравіи, обитали славянскіе народы, родственные по нарѣчію и правамъ — нынѣшніе мораване и словаки. Отдѣльныя поселенія этой вѣтви славянскаго племени за Дунай, начавшіяся еще со времени аварскаго, должны были повторяться чаще и чаще къ началу IX вѣка, когда въ Моравіи стала усиливаться княжеская власть, стремившаяся наложить извѣстныя обязанности на массы народа. Толпы моравянъ и словаковъ переходили въ Панонскую равнину, освобожденную отъ аваръ и имѣвшую уже славянскихъ колонистовъ. Такимъ образомъ населеніе панонской Моравіи было той же вѣтви славянскаго племени, что и населеніе предунайской Моравіи. Къ 826 году имя аваръ совсѣмъ исчезаетъ изъ страны.

Но, заселяя Панонію, страну, завоеванную оружіемъ франковъ, славяне должны были стать въ зависимыя отношенія къ завоевателямъ этой страны. Судьба чеховъ и моравянъ въ этомъ отношеніи одинакова. По свидѣтельству Чешскаго лѣтописца, Косьмы Пражскаго, чехи уже со времени Карла Великаго, а именно съ начала IX вѣка, обязаны были платить франкамъ ежегодную дань. Такое зависимое положеніе чеховъ дѣлаетъ несомнѣннымъ предположеніе, что около этого времени и мораване потеряли свою свободу. Это подтверждается также и тѣмъ, что въ актѣ раздѣленія имперіи Карла Великаго между его внуками (817 года) Людовику назначаются Баварія, Чехія и Моравія. Имя Моравіи у современныхъ франкскихъ лѣтописцевъ въ первый разъ встрѣчается не ранѣе 822. Прилагаясь сначала къ странѣ, расположенной по р. Моравѣ, впослѣдствіи это названіе распространяется на всю Панонію. Когда Моравія подпала политическому и религіозному вліянію франковъ, внутри ея началасъ работа объединенія разрозненныхъ частей, стремившихся къ самостоятельности. Моймиръ, первый изъ моравскихъ князей, упоминаемый съ этимъ титуломъ, держался еще на престолѣ съ согласія и

при содѣйствіи франковъ. Но уже при Ростиславѣ Моравскомъ, т. е. съ шестидесятыхъ годовъ IX вѣка, мораване, среди другихъ славянскихъ народовъ, пріобрѣли то значеніе, которымъ они пользовались до конца IX вѣка—значеніе поборниковъ славянской свободы, предводителей въ борьбѣ за независимость. При Святополкѣ Моравскомъ (871—894 г.) Моравская держава достигаетъ высшей степени своего могущества. Но существованіе Моравской державы было весьма недолговѣчно. Паденіе ея, ускоренное нашествіемъ венгровъ, относится уже къ началу X вѣка. Одновременно почти съ возвышеніемъ Моравской державы возникаютъ два новыхъ славянскихъ государства, Польское, по теченію рѣкъ Вислы и Одера, и Русское.

Поляки или ляхи вмѣстѣ съ чехами, моравами, славянами, и группой полабскихъ славянъ съ ея подраздѣленіями (бодричи, лютичи, лужичане) составляли, по своему географическому положенію относительно другихъ славянъ, западную вѣтвь славянскаго племени; болгаре и сербы съ ихъ подраздѣленіями (собственно сербы, хорваты, хорутане или словинцы и др.)—южную вѣтвь, а русскіе славяне—восточную.

Пространство, занятое русскими славянами въ періодъ отъ VI и до IX вѣка, было чрезвычайно огромно. Границы его простирались на сѣверѣ за Ильменьское озеро, недалеко отъ берега Ладожскаго озера, откуда шли на востокъ порѣчьемъ Тверцы къ Волгѣ, потомъ по Москвѣ рѣкѣ къ Окѣ, оттуда на югъ къ истокамъ Дона, Доюмъ до сліянія его съ Сосной, далѣе къ Донцу и вдоль Орла, притока Днѣпра, чрезъ поднѣпровскія равнины къ устью Буга, на югъ по побережью Чернаго моря до устья Дуная, оттуда на СЗ. къ восточной отрасли Карпатовъ, далѣе по сѣверовосточному склону Карпатовъ и чрезъ водораздѣлъ, отдѣляющій Вислу отъ Буга, къ Западной Двинѣ, далѣе чрезъ Западную Двину и чрезъ Чудское озеро къ границѣ между Чудью и славянами, между Ильменьскимъ и Ладожскимъ озерами.

Главнѣйшія восточныя славянскія племена, жившія на указанномъ пространствѣ во второй половинѣ IX и въ первой половинѣ X вѣка, обитали въ слѣдующемъ порядкѣ: сѣвернѣе всѣхъ—собственно славяне на берегахъ Ильменьскаго озера; по верховьямъ Западной Двины, Волги и Днѣпра—кривичи; дреговичи жили между Припетью и Западной Двиною; подлѣ дреговичей—радимичи на берегахъ Сожи; вятичи на Окѣ; на восточной сторонѣ Днѣпра, по Деснѣ съ Сеймомъ жили сѣверяне; по Припети—древляне; по среднему теченію Днѣпра—поляне; по Бугу—бужане; по Днѣстру и Пруту до самаго Чернаго моря—тиверцы и уличи; въ нынѣшней восточной Галиціи—бѣлохорваты.

Во второй половинѣ IX вѣка большая часть этихъ племенъ вошла въ составъ Русскаго государства. Такимъ образомъ къ концу IX вѣка завершается окончательно процессъ не только разселенія славянъ, но и ихъ государственнаго сплоченія.

II. ПРИРОДА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТИ И ЕЯ ВЛІЯНІЕ НА ИСТОРІЮ.

(Изъ соч. Забѣлина «Исторія Русской жизни» и изъ «Исторіи Россіи» т. I. Соловьева).

Русская страна, по своимъ географическимъ условіямъ, нисколько не похожа ни на остальную Европу, ни на Азію. Это глубокое различіе раскрывается уже при первомъ взглядѣ на географическую карту Европы. Мы видимъ, что весь европейскій материкъ очень явственно распадается на двѣ половины. Западная половина, можно сказать, вся состоитъ изъ морскихъ береговъ, изъ полуостровов и острововъ, да изъ горныхъ цѣпей, которыя служатъ какъ-бы костями этого полуостровья, настоящими хребтами для всѣхъ этихъ раздѣльныхъ и самостоятельныхъ тѣлъ материка. При этомъ берега каждаго полуострова и острова изрѣзаны моремъ тоже на мелкія отдѣльныя части и раздѣлены между собою заливами, морями, проливами. Горные хребты точно также отдѣлены другъ отъ друга и малыми, и великими долинами и низменностями. Все это вмѣстѣ образуетъ такую раздѣльность, особность и дробность частей, какой не встрѣчаемъ нигдѣ въ другихъ странахъ земнаго шара. Здѣсь повсюду самою природою устроены самыя привлекательныя и уютныя помѣщенія, какъ-бы особыя комнаты, въ отдѣльности для каждаго народа и племени, и во всемъ характерѣ страны господствуетъ линія точныхъ естественныхъ границъ или со стороны суши, или со стороны моря. Эта географическая особность въ распредѣленіи европейскихъ народностей несомнѣнно имѣла прямое вліяніе и на историческія начала западной жизни, особенно на широкое развитіе начала индивидуальности и начала самобытности не только для каждаго народа, но и для каждаго человѣка. Какъ легко было найти между этихъ морей и заливовъ, посреди этихъ горъ и долинъ, посреди всѣхъ этихъ отчетливыхъ, ясныхъ, рѣзкихъ и крѣпкихъ изгородей природы, уютное мѣстечко или для неприступнаго замка, или для свободнаго города, и зажить особою и независимою ни отъ кого жизнью. Какъ легко было создавать здѣсь государства, сосредоточивать, прикрѣплять къ мѣсту, объединять жизнь человѣка и тѣмъ увеличивать, возвышать и распространять всячески силы его развитія. Вотъ главная причина, почему на западѣ Европы существуетъ столько государствъ, сильныхъ и могущественныхъ всѣми дарами человѣческаго развитія. Къ этому присоединилось и еще великое счастіе. Природа, разгородивши для западнаго европейскаго человѣчества прелестныя, покойныя, уютныя помѣщенія, какъ добрый хозяинъ, позаботилась и о томъ, чтобы эти помѣщенія были надѣлены на большую часть года свѣтлымъ небомъ и теплымъ климатомъ. Она не заморозила своего любимца лютымъ холодомъ и не сожгла его зноемъ азіатскаго или африканскаго солнца; она наградила его климатомъ умѣреннымъ и благорастворенным, который давалъ столько облегченій для жизни человѣка, что его свобода ни одного часу не оставалась въ темномъ порабощеніи отъ простыхъ физическихъ препонъ существованія. Западный человѣкъ никогда не былъ угнетенъ непрестанною работою круглый годъ лишь для того, чтобы быть только сытымъ, одѣться, обуться, спастись отъ непогоды, устроиться въ жилищѣ такъ, чтобы не замерзнуть отъ стужи, чтобы не

потонуть въ грязи, чтобы заживо не быть погребеннымъ въ сугробахъ. Западный человѣкъ не зналъ и половины тѣхъ заботъ и трудовъ, какіе порабощаютъ и почти отупляютъ человѣка въ борьбѣ съ порядками природы болѣе скупой и суровой.

Все это, конечно, служило первою причиною, почему западный отдѣлъ Европы, этотъ сильно-разчлененный вѣтвистый полуостровъ, сдѣлался съ древнѣйшаго времени средоточіемъ и гнѣздомъ культурной жизни всего человѣчества. Совсѣмъ другое строеніе, другой складъ материка и другой характеръ климата представляетъ восточная половина Европы, служащая основаніемъ и какъ бы корнемъ для всего европейскаго полуостровья. Этотъ востокъ Европы заключаетъ въ себѣ сплошную равнину, у которой горныя цѣпи, Карпаты, Кавказъ, Уралъ, какъ и морскіе берега у морей Балтійскаго, Каспійскаго, Бѣлаго, Азовскаго и Чернаго существуютъ только на далекихъ окраинахъ, такъ что все существо этой равнины уже географически представляетъ нѣчто весьма однородное, однообразное и нераздѣльное.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними. Великая равнина открыта на юговостокѣ, соприкасается непосредственно съ степями средней Азіи; толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими; Геродотъ свойствами страны объясняетъ причины этого господства, но тотъ же Геродотъ замѣчаетъ, что берега Днѣпра, по своему необыкновенному плодородію, способны питать и земледѣльческое народонаселеніе; и вотъ преданія говорятъ о народныхъ движеніяхъ съ запада, на встрѣчу кочевымъ ордамъ; на берегахъ Днѣпра и его притоковъ, на востокѣ и западѣ, селятся племена земледѣльческія, съ характеромъ европейскимъ; они движутся все далѣе и далѣе на востокъ, но кочевники не скоро уступятъ имъ свои привольныя степи. Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба съ степными варварами. Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ, и не съ моремъ, но соприкасается со степью, широкою и вмѣстѣ привольною для житья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обще-

ствѣ, или принуждены оставить его, открывается путь къ выходу изъ государства и пріятная будущность — свободная, разгульная жизнь въ степи: вслѣдствіе этого южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населялись казацкими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, не рѣдко враждовали съ нимъ, иногда были для него опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степей, съ кочевыми азіятскими народами и съ казаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатомъ суровымъ, представляя на юговостокѣ степь, населенную кочевыми племенами, смѣнявшими другъ друга въ постоянномъ стремленіи изъ Азіи, на сѣверозападѣ—страну, покрытую дѣвственными лѣсами, наполненную рѣками, озерами, болотами, среди которыхъ кое-гдѣ блуждали орды звѣролововъ, великая равнина не могла получить скоро многочисленнаго народонаселенія.

Племена славянскія раскинулись на огромныхъ пространствахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ; при движеніи съ юга на сѣверъ, они должны были встрѣтиться съ племенами финскими; но о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними не сохранилось преданій: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было такъ много, по которой можно было такъ просторно разселиться безъ обиды другъ другу. Въ началѣ нашей исторіи мы видимъ, что славяне и финны дѣйствуютъ за-одно; какимъ образомъ ославянились финскія племена—Меря, Мурома, какимъ образомъ Двинская область получила русское народонаселеніе, и стала владѣніемъ Великаго Новгорода? — Все это произошло тихо, незамѣтно для исторіи, потому что здѣсь собственно было не завоеваніе одного народа другимъ, но мирное занятіе земли, никому не принадлежащей; распространеніе русскихъ владѣній въ Сибири, о которомъ можно имѣть ясное понятіе по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даетъ лучшее объясненіе тому, какъ распространялись русскія владѣнія и по сю сторону Уральскаго хребта; здѣсь также могли имѣть мѣсто стычки съ туземцами, которые приходили иногда раззорять новыя поселенія, отказывались платить ясакъ; но здѣсь одинъ народъ, государство, не было завоевано другимъ народомъ, государствомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно принимается въ исторіи завоеваніе: однимъ словомъ, и тамъ, и здѣсь преимущественно имѣло мѣсто населеніе, колонизація страны.

Малонаселенность страны, постоянное стремленіе владѣльцевъ увеличивать населеніе своихъ земель съ ущербомъ государственному интересу, вызывали мѣры, имѣвшія цѣлью удержать народонаселеніе на прежде занятыхъ имъ пространствахъ. Это и привело мало по малу къ прикрѣпленію крестьянъ въ концѣ XVI вѣка. Такимъ образомъ въ русской исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ

племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени славянскому—сухимъ путемъ.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: „Въ Скиѳіи, говоритъ онъ, нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны". Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѳіи соотвѣтствуютъ исполинскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою и составляютъ такимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особной жизни; какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводницами первому народонаселенію, по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города. Такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокѣ или юговостокѣ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣляли въ началѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую область западной Двины, т. е. область Кривская или Полоцкая, третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую область верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолженіе Финляндской озерной области, въ отношеніи географическомъ и историческомъ, посредничаетъ между западной Европой и Россіею. Здѣсь славянское племя сталкивается съ скандинаво-германскимъ; здѣсь шелъ великій водный путь изъ сѣверозападной Европы въ юговосточную и въ Азію, изъ варягъ въ греки, путь, по которому издавна спускались сѣверныя дружины на югъ, для опустошенія береговъ Имперіи: этимъ же путемъ производилась торговля между сѣверомъ и югомъ Европы. Великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива, по Невѣ, въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ въ Ильмень, изъ Ильменя въ Ловать. Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось, въ половинѣ IX вѣка, нигдѣ на берегахъ моря; на встрѣчу медленному движенію славянъ видимъ быстрое движеніе варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истокѣ Волхова изъ Ильменя, гдѣ является Новгородъ; но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли. Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море. Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, русскими и шведами. Наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы и укрѣпился на послѣднемъ, самомъ важномъ пунктѣ озерной системы, въ началѣ великаго воднаго пути, именно при устьѣ Невы въ море, гдѣ основалъ Петербургъ. Это положеніе въ началѣ великаго воднаго пути, соединяющаго и теперь Европу съ Азіею, условило важное значеніе Петербурга, какъ столицы: здѣсь въ IX вѣкѣ началась первая половина русской исторіи; здѣсь въ XVIII вѣкѣ началась вторая ея половина. Дви-

женіе восточныхъ славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ по великому водному пути, начавшееся въ доисторическое время, только въ XVIII вѣкѣ окончательно достигло своей цѣли—морскаго берега. Область Новгородскаго княжества есть озерная область, гдѣ главный узелъ составляетъ озеро Ильмень; слѣдовательно естественныя границы княжества должны совпадать съ границами рѣчныхъ системъ Ильменя, Ладожскаго озера и другихъ близьлежащихъ озеръ. И дѣйствительно мы видимъ, что границами Новгородской области служатъ волоки между системами рѣкъ озерныхъ, и между системами Волги, Днѣпра и Западной Двины.

Въ тѣсной связи съ системою Ильменя находится система Чудскаго и Псковскаго озеръ. Кривичи изборскіе находятся въ союзѣ съ славянами Новгородскими, вмѣстѣ съ ними призываютъ князей: несмотря однако на эту тѣсную связь, несмотря на то, что Псковъ, смѣнившій Изборскъ, находился въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, Псковъ съ самаго начала стремится къ самостоятельности, и наконецъ достигаетъ ея; здѣсь, между другими обстоятельствами, нельзя не предположить и вліянія природы, потому что Псковская область принадлежитъ къ отдѣльной рѣчной системѣ. Этимъ же обстоятельствомъ условливаются и самое различіе, и границы племенъ; народонаселеніе Изборской области принадлежало къ кривскому племени. Новгородская область представляетъ самую возвышенную страну между внутренними русскими областями. По климату и почвѣ она раздѣляется на двѣ половины: сѣверовосточную и югозападную. Сѣверовосточная, простирающаяся отъ окрестностей озеръ Лача и Вожа до рѣкъ Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лѣсами, подвержена дуновенію сѣверныхъ вѣтровъ и повсюду неплодородна по причинѣ влажной и болотистой почвы; югозападная половина гораздо возвышеннѣе, суше и плодороднѣе. Это раздѣленіе важно для насъ въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется первоначальная граница славянскаго и финскаго племени; извѣстно, что вездѣ, при своихъ столкновеніяхъ, славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства, фины-же — низменныя, болотистыя; такъ точно и здѣсь означенная граница, по качеству почвы, соотвѣтствуетъ границѣ между славянскимъ и финскимъ племенами въ Новгородской области. Самыя лучшія для хлѣбопашества мѣста находятся между рѣками Шелонью и Ловатью: здѣсь главныя селища славянскаго племени; далѣе къ сѣверозападу, въ нынѣшней Петербургской губерніи, опять начинаются низменныя, болотистыя пространства — почва финскаго племени. Но такъ какъ пространство между рѣками Шелонью и Ловатью мы назвали хлѣбороднымъ только относительно, вообще же ильменскіе славяне не нашли въ своихъ жилищахъ большихъ удобствъ для земледѣльческой промышленности, то съ теченіемъ времени, благодаря удобству водныхъ путей, среди нихъ развилась торговая промышленность, указавшая имъ необходимо путь къ сѣверовостоку, мало населенному финскими племенами, со стороны которыхъ новгородцы не могли встрѣтить сильнаго сопротивленія. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы знаемъ, что относительно продовольствія Новгородская область была въ зависимости отъ Низовой земли: князь послѣдней, пресѣкши подвозъ съѣстныхъ припасовъ, могъ заморить Новгородъ голодомъ; съ другой стороны, и относительно торговли, Новгородъ зависѣлъ вполнѣ отъ Востока, потому что торговое значеніе Новгорода состояло въ доставкѣ сѣверовосточныхъ товаровъ въ Европу; отюда

понятно, что когда на востокѣ явилось могущественное владѣніе—государство Московское, то Новгородъ, находясь въ полной зависимости отъ востока, необходимо долженъ былъ примкнуть къ этому государству: такимъ образомъ сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимымъ отъ восточной Руси. Тоже самое должно сказать и о Псковѣ: его область имѣетъ также тощую почву, которая должна была заставить народонаселеніе обратиться къ другаго рода промышленности, къ торговлѣ, ремесламъ; псковичи славились мастерствами, особенно строительнымъ; новгородцевъ въ насмѣшку называли плотниками—указаніе на ихъ промышленный характеръ. Несмотря на то, что на западѣ въ средніе вѣка существовало мнѣніе, будто изъ Балтійскаго моря по восточному пути можно проѣхать водою въ Грецію, водный путь этотъ прекращался рѣкою Ловатью, тамъ, гдѣ прекращается и Новгородская озерная область. Отъ Ловати до Днѣпра шелъ волокъ, отдѣлявшій Новгородскую озерную область отъ Западнодвинской и Днѣпровской. На пути отъ Ловати къ Днѣпру должно было встрѣтить западную Двину: вотъ причина, почему Двинская область, область полоцкихъ кривичей вошла въ связь съ новгородцами и князьями ихъ прежде области кривичей смоленскихъ, и Рюрикъ уже отдаетъ Полоцкъ одному изъ мужей своихъ. Область западной Двины, или область Полоцкая имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: славянское племя заняло начало и средину теченія Двины; но не успѣло при медленномъ движеніи своемъ, достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя подчиненные русскимъ князьямъ, но не подчинившіеся славянорусской народности. Особность полоцкаго или двинскаго княжества, его слабость вслѣдствіе этой особности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе нѣмцевъ, предъ которыми полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны.

Какъ полоцкое княжество есть область западной Двины, такъ Литва есть область Нѣмана, Польша область Вислы. Литовская область вмѣстѣ съ областью ятвяговъ, лежащею по границѣ между рѣчными системами Вислы, Нѣмана и Днѣпра, имѣютъ важное значеніе въ исторіи восточной Европы: покрытыя болотами и лѣсами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высокихъ горныхъ хребтовъ охраняли западныя границы русскихъ славянъ; среди этихъ-то болотъ и непроходимыхъ пущъ съ незапамятныхъ поръ засѣли странные народы—литва и ятвяги, происхожденія которыхъ не могутъ еще опредѣлить ученые. Благодаря природѣ своей страны, литовцы и ятвяги долѣе всѣхъ своихъ сосѣдей сохраняли дикость первоначальнаго быта; они набѣгали на окрестныя страны, но сами были недосягаемы въ своихъ неприступныхъ природныхъ укрѣпленіяхъ. Когда единоплеменники ихъ пруссы подверглись тяжкому игу нѣмцевъ, литовцы отбились отъ послѣднихъ въ своихъ дебряхъ, заслонили отъ нихъ и восточныхъ сосѣдей своихъ; съ другой стороны, вѣроятно усиленные въ числѣ прусскими выходцами, литовцы начинаютъ наступательное движеніе къ востоку и югу на русскія области, и основываютъ княжество, котораго географическое положеніе также очень важно: въ области литовскаго великаго княжества соединялись системы Днѣпровская, Вислинская, Нѣманская и Западно-Двинская; рѣки русскія соединялись съ рѣками польскими. Поэтому княжество Литовское служило звѣномъ, связующимъ Русь съ Польшею.

Югозападная, древняя собственная Русь (княжества: Кіевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское) есть область Днѣпра, главной рѣки воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; этому пути, слѣдственно Днѣпру, преимущественно Русь была обязана своимъ соединеніемъ съ сѣверозападною и юговосточною Европою: изъ первой явились князья, отъ второй получено христіанство; Днѣпру преимущественно Русь была обязана своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ: по этой рѣкѣ шли съ своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежныя славянскія племена, жившія разсѣянно; по Днѣпру же шелъ и торговый путь изъ нижнихъ странъ въ верхнія. И Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ судьбу другихъ рѣкъ русскихъ: его устье хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось русскими лодками, однако собственно не находилось въ русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что Русская государственная область распространялась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, то есть до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце Великая Россія, Московское государство, справедливо называемое страною источниковъ: отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область. Не смотря на то, что югозападная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлала ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ) въ началѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія, остается страною казаковъ до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ. Но если по причинамъ естественнымъ югозападная Русь не могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей русскихъ относительно климата и качества почвы. Древнюю Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова составляла страна около Кіева, на западномъ берегу Днѣпра, земля Полянъ. Область Кіевскаго княжества въ первоначальномъ видѣ какъ досталась она Изяславу I-му, заключала въ себѣ земли Полянъ, Древлянъ и отчасти Дреговичей. Область княжества Владиміро-Волынскаго заключала въ себѣ землю Бужанъ и принадлежала, съ одной стороны, къ системѣ Вислинской, а съ другой, чрезъ притоки Припети, къ Днѣпровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положеніе Владиміро-Волынской области на отдѣльной отъ Днѣпра рѣчной системѣ объясняетъ отчасти, почему Волынь отдѣляется отъ собственной Руси и вмѣстѣ съ Галичемъ образуетъ особую систему княжествъ; отдѣльность рѣчной системы объясняетъ также и раннюю особенность Галицкаго княжества, лежащаго по Вислинской и Днѣстровской системамъ.

На восточной сторонѣ Днѣпра, притокомъ послѣдняго, Десною, привязывалась къ Кіевской области и область Черниговская, лежащая по Деснѣ и ея притокамъ. Рѣка Сеймъ, притокъ Десны, привязывала, къ

Черниговъ область Курскую. На верхнемъ Днѣпрѣ, и слѣдовательно въ тѣсной связи съ Кіевомъ, находилась область Смоленскаго княжества. Смоленскъ находился въ области Кривичей, которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины; изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси—между областью Волги, Днѣпра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Бѣлою Россіею: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, Смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи югозападной Руси, борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжскою областью. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служитъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверовосточною, или Московскою, и югозападною, или Литовскою Русью, почему ни Московское, ни Литовское (Польское) правительство не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска. Почва Смоленскаго княжества вообще не плодородна, особенно половина, лежащая къ сѣверу отъ Днѣпра, это обстоятельство и выгодное положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ среди главныхъ Русскихъ областей необходимо условливали развитіе торговой промышленности у смольнянъ и въ древнія времена.

Теперь обратимся къ Великой Россіи, государственному ядру. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ области Верхней Волги, или Ростовской области. Главный городъ ея, Ростовъ Великій, при самомъ началѣ Русской исторіи, находится въ тѣсной связи съ Новгородомъ и его князьями: тѣже заморскіе Варяги, которые брали дань на Новгородскихъ славянахъ и на Чуди, берутъ ее и на Мери, финскомъ племени, жившемъ около Ростова; посадникъ Рюрика сидитъ въ Ростовѣ, при чемъ не упоминается о походѣ, о покореніи; слѣдовательно болѣе чѣмъ вѣроятно, что Меря, подвергавшаяся вмѣстѣ съ Новгородцами и Чудью варяжскому игу, вмѣстѣ съ ними свергла его, вмѣстѣ съ ними призвала князей. Такая тѣсная связь Ростова съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Бѣлоозеро связано съ Ростовомъ водною нитью: эта нить есть рѣка Шексна, которая вытекаетъ изъ Бѣлоозера и впадаетъ въ Волгу у нынѣшняго Рыбинска.

Внизъ по Шекснѣ ходили въ Ростовскую землю военныя дружины и торговыя лодки, вверхъ по ней шли изъ Ростова на Бѣлоозеро и мятежные волхвы, такъ сильно волновавшіе новообращенныхъ христіанъ сѣвера. Естественныя и вмѣстѣ историческія границы Ростовской области обозначаются съ сѣвера и съ сѣверозапада границами Новгородскихъ владѣній; при опредѣленіи послѣднихъ мы видѣли и сѣверозападную границу Ростовской области; на сѣверѣ естественною границею ея служили увалы, отдѣляющіе систему Волги отъ системы Сѣверной Двины. Что же касается до естественныхъ границъ Ростовской области съ востока, юга и югозапада, то онѣ собственно должны совпадать съ границами волжской системы; но это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства, котораго область есть преимущественно область Волги. Такимъ образомъ мы видимъ, что историческое дѣленіе русской государственной области на части условливается отдѣль-

ными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соотвѣтствовать величинѣ своей рѣчной области: чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству.

Итакъ, цѣлая область Волги есть преимущественно область Московскаго государства, и Ростовская область будетъ только областью верхней Волги. Прослѣдимъ же теперь распространеніе русской государственной области по волжской системѣ, и переходъ Ростовской области въ область великаго княжества Владимірскаго, и послѣдней въ область Московскаго государства. Ростовъ былъ городомъ племени, и, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ одинокъ въ цѣлой обширной области, получившей отъ него свое названіе.

Одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды разсчета, преднамѣреннаго стремленія, что видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьѣ Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ; города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: такъ построенъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи. Нужно было вступить въ борьбу съ народонаселеніемъ, жившимъ по берегамъ Волги и ея притоковъ: отсюда необходимыя войны сѣверныхъ князей съ Болгарами и Мордвою; въ этой борьбѣ Русскіе остаются побѣдителями, видимо оттѣсняютъ варваровъ; но тутъ Азія какъ будто собираетъ послѣднія силы для отпора опасному врагу и высылаетъ толпы татаръ. Основатель Нижняго Новгорода, Юрій Всеволодовичъ, палъ въ битвѣ съ татарами; движеніе русскихъ внизъ по Волгѣ было на долго остановлено.

При Дмитріи Донскомъ оно начинается снова; русскіе полки являются опять въ старинной землѣ Болгарской; здѣсь загорается послѣдняя ожесточенная борьба между Европою и Азіею, борьба, имѣющая важное значеніе не для одной русской исторіи. Азіатцы основываютъ въ Болгарской землѣ крѣпкій оплотъ противъ стремленія русскихъ, и въ лицѣ ихъ противъ Европы и христіанства, этотъ оплотъ—Казань. Послѣ долгой, упорной борьбы Казань падаетъ предъ Іоанномъ IV. Какъ важна была Казань для Азіи, видно изъ того, что, спустя немного времени послѣ ея завоеванія, устье Волги, чрезъ покореніе Астрахани, уже находится въ рукахъ Русскихъ. Въ то же время русскія поселенія распространяются по Камской системѣ, которая такъ близка къ системамъ рѣкъ сибирскихъ, причемъ переходъ чрезъ Уральскія горы, по ихъ незначительной высотѣ, былъ легокъ, незамѣтенъ для русскихъ людей; уже при Іоаннѣ IV казаки развѣдываютъ путь въ Сибирь, причемъ главная дорога ихъ по рѣкамъ; при наслѣдникахъ Грознаго, русскіе утверждаются здѣсь окончательно. Малочисленные, разбросанные на огромныхъ пространствахъ дикіе народцы не могли выставить имъ силь-

наго сопротивленія; природа въ удобствѣ водныхъ сообщеній вездѣ дала предпріимчивымъ русскимъ дружинамъ средство съ необыкновенною быстротою отыскивать новыя землицы для приведенія ихъ подъ высокую руку Великаго Государя, и скоро русскія грани касаются береговъ Восточнаго океана. Замѣтимъ также, что природа, отдѣливъ Сибирь отъ остальной Азіи пространными степями Татаріи, а съ востока и сѣвера опоясавъ уединенными океанами, и направивъ теченіе большихъ рѣкъ ея къ сѣвернымъ тундрамъ, чрезъ это самое заставила ее смотрѣть исключительно на западъ, образовала изъ нея нераздѣльную часть Европейской Россіи.

Что касается природы московскаго центральнаго пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ имперіи; но за то она почти вездѣ способна къ обработанію, слѣдовательно, вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію человѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна, чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность, какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность производящую для сѣвернаго, дополняя, слѣдовательно, одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга.

Область Москвы рѣки была первоначальною областью Московскаго княжества, и въ первой дѣятельности московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей можайскихъ-смоленскихъ, устье во власти князей рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна.

Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна. Князь Юрій Даниловичъ, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполнѣ самостоятельною. Наконецъ природа страны имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, какое оказываетъ она на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и не легкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ и неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ, развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ

увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ,—въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ сообщества мужчинъ.

Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому не веселой, въ климатѣ, относительно суровомъ, среди народа постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго—чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщинъ изъ общества мужчинъ, что, разумѣется, въ свою очередь, приводитъ еще къ большей суровости нравовъ.

Все сказанное прилагается, въ извѣстной мѣрѣ, къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.

III. ОЧЕРКЪ НРАВОВЪ И ОБЫЧАЕВЪ СЛАВЯНЪ ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКІЯ.

(Изъ статьи Соловьева, помѣщенной въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева за 1850 г. кн. 1).

Нравственная природа человѣка такъ сложна, что очень трудно уловить черты его характера, дать ему полную и вѣрную оцѣнку.

Сколько противорѣчій, сколько взглядовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія встрѣчаемъ мы при оцѣнкѣ характера одного какого нибудь человѣка? Тѣмъ труднѣе уловить черты характера цѣлаго народа. Менѣе трудно это сдѣлать, когда народъ уже сошелъ съ исторической сцены: ясно для насъ различіе въ характерѣ грековъ и римлянъ по самому различію ихъ дѣятельности, ихъ историческаго значенія. Труднѣе очертить характеръ народа живаго, еще не окончившаго свое историческое поприще, хотя и здѣсь можно еще уловить нѣкоторыя характеристическія черты, если народъ прожилъ уже много вѣковъ, ознаменовалъ чѣмъ нибудь свое историческое бытіе, высказался въ литературныхъ, художественныхъ произведеніяхъ. Но всего труднѣе опредѣлить характеръ народа младенчествующаго, который не высказался ничѣмъ, о которомъ дошли до насъ отрывочныя извѣстія чужеземцевъ, или и своихъ, но уже отдаленныхъ вѣками и смотрѣвшихъ на нравы и обычаи предковъ съ извѣстной точки зрѣнія, мѣшающей вѣрной оцѣнкѣ.

Сличивъ извѣстія современниковъ-чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще славяне своею нравственностью производили на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ славянскихъ находилась въ рѣзкой противоположности съ испорченными нравами тогдашнихъ образованныхъ и полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между славянами. Доброта не исключала, впрочемъ свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ; тотъ же

самый писатель, Прокопій, который хвалитъ доброту славянъ, разсказываетъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными; Адамъ Бременскій и Гельмольдъ также говорятъ о свирѣпости славянъ противъ проповѣдниковъ христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы.

Прокопій называетъ славянъ не лукавыми: повидимому, противный отзывъ находимъ у императора Маврикія, который называетъ ихъ вѣроломными. Но Маврикій тотчасъ же и объясняетъ эту черту ихъ характера: между ними, говоритъ онъ, господствуютъ постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они между собою не согласны; если одни въ чемъ согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство славянъ. Императоръ Маврикій говоритъ о южныхъ славянахъ, что они ласковы къ иностранцамъ, съ усердіемъ провожаютъ ихъ изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ претерпитъ какую нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отомстить за странника. Гельмольдъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ описываетъ гостепріимство славянъ сѣверныхъ, прибавляя, что у нихъ считалось позволеннымъ даже украсть для угощенія. Гостепріимство есть черта, принадлежащая не однимъ славянамъ: у грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить божество-Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно сильно чувствуютъ въ себѣ эту обязанность тѣ народы, которые сами подвергаются безпрерывной опасности изгнанія, всегда готовы взять въ руки страннический посохъ и предаться на волю судьбы и добрыхъ, гостепріимныхъ людей; слѣдовательно, славяне, народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и со своими, и съ чужими, безпрестанно подвергавшійся нападенію и изгнанію, долженствовалъ быть однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ народовъ. Но кромѣ сострадания, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа, живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ; сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ похожденіяхъ! Съ другой стороны, человѣкъ много странствовавшій, слѣдовательно много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ; отъ такого человѣка можно было многому научиться, оскорбить его считалось ненавистнымъ божеству и людямъ. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждаго дома былъ мѣстопребываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества, и оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и цѣломъ племени гостепріимныхъ. Что у нѣкоторыхъ славянъ именно существовало такое побужденіе къ гостепріимству, нѣкотораго рода хвастовство щедростію, тароватость, не разбирающая средствъ, указываютъ свидѣтельства, находимыя у Гельмольда, и нельзя сказать, чтобы

эта черта истребилась изъ народнаго характера. Писатели хвалятъ обхожденіе славянъ съ плѣнными. Императоръ Маврикій говоритъ, что у славянъ плѣнники не рабствуютъ цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ; но что назначенъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ сильно, во первыхъ, у народовъ нѣсколько цивилизованныхъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправленія сложны, роскошь развита; во вторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятіе войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ остальныя хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкать: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинственъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но славяне, во первыхъ, жили подъ самыми простыми формами быта, быта родоваго, ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднять славянское семейство, и потому не имѣли большой цѣнности. Во вторыхъ, славяне вообще не были народомъ воинственнымъ и вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями; наконецъ они не сдѣлали привычки къ рабамъ, не будучи завоевательнымъ и цивилизованнымъ народомъ. У народа, въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи: онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику, отсюда имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи; отрокъ означаетъ мальчика и раба. Писатели хвалятъ цѣломудріе славянскихъ женщинъ и привязанность ихъ къ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. При формахъ родоваго быта, когда вся жизнь замыкалась въ семьѣ, отдѣльной отъ другихъ, молодая женщина находилась подъ строгимъ и ревнивымъ надзоромъ новыхъ родственницъ, для которыхъ она была служанкою. При замкнутости въ чужой семьѣ, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала любви и покровительства; умри мужъ—положеніе жены, лишенной единственной подпоры, единственнаго звѣна, соединявшаго ее съ чужою семьею, становилось горько, нестерпимо: она предпочитала смерть. Разумѣется, что здѣсь могли также участвовать и понятія о будущей жизни, гдѣ должны были продолжаться прежнія отношенія.

Выше было сказано, что славяне жили подъ формами родоваго быта; этого обстоятельства не должно упускать изъ вида при описаніи древнихъ обычаевъ славянскихъ. Такъ какъ мы преимущественно обращаемъ вниманіе на славянъ восточныхъ, то, при описаніи нравовъ и обычаевъ ихъ, главнымъ руководителемъ долженъ быть начальный нашъ лѣтопи-

сецъ. Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы славянъ производили благопріятное впечатлѣніе, и они отзываются о нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходительны къ древнимъ славянскимъ нравамъ и обычаямъ свои писатели, духовные, христіанскіе, которые съ омерзеніемъ смотрѣли на все то, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Въ такомъ духѣ писалъ нашъ начальный лѣтописецъ.

Исключая полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: древляне жили по-скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинаковый обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ, сговорившись, молодые люди похищали себѣ женъ; имѣли по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ ними тризну, сожигали трупъ и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ и ставили на столпѣ, на распутіи. По внимательномъ разсмотрѣніи этого описанія, мы не можемъ не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Такъ поляне, по его словамъ, отличались чистотою семейныхъ нравовъ, члены семьи были стыдливы другъ предъ другомъ.

Основа семьи, узелъ ея—это бракъ, который тогда, при господствѣ родоваго быта, при замкнутости родовъ, имѣлъ самое важное значеніе: бракъ вводилъ въ семью новое, чужое совершенно лицо, перемѣнялъ отношенія, однимъ словомъ, былъ единственнымъ событіемъ, которое сильно волновало родъ, безъ того неподвижный при особности и замкнутости своей. Но если бракъ у славянъ былъ событіемъ такой важности, то ясно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ. Это-то различіе въ обычаѣ брака лѣтописецъ и приводитъ какъ основное нравственное различіе между племенами. Поляне имѣли брачный обычай: женихъ не ходитъ за невѣстою, но ее приводили вечеромъ, а на другое утро приносили по ней то, что дадутъ. Здѣсь лѣтописецъ хочетъ показать, что у полянъ бракъ совершался съ согласія родственниковъ невѣсты. Но странно было бы предположить, что обычай купли, существовавшій у всѣхъ народовъ, не существовалъ первоначально у славянъ, особенно при условіи того разрозненнаго родоваго быта, въ которомъ жили славяне, и при такихъ обычаяхъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, говоря о большей части племенъ. „У древлянъ брака не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця"; у радимичей вятичей и сѣверянъ: „браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены". Похищеніе, при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ, въ свою очередь, производитъ вражду между родами; родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предло-

жить вознагражденіе. Но, кромѣ этого, купля невѣстъ происходитъ естественно еще отъ другихъ причинъ: при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщину, съ самаго дня ея рожденія, какъ на чужую, назначенную для чужаго рода; родственники содержатъ дѣвушку, кормятъ и одѣваютъ ее не для себя, для чужихъ: отсюда естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который дѣвушка переходитъ, вознагражденія за ея содержаніе. На это ясно указываетъ обрядъ теперешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ русскихъ. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь? Я берегу свою сестру. Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко. А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе: я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ. Что же ты издержалъ? спрашиваетъ дружко. Много! Восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ за стола; на его мѣстѣ садится князь (женихъ). Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ: родъ, купившій дѣвушку, слѣдовательно взявшій ее въ полную собственность, лишалъ ее черезъ это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака, такимъ образомъ купля была выгодна для обѣихъ сторонъ. Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданаго. Обычай давать приданое долженъ былъ произойти и распространиться преимущественно въ такъ называемыхъ городахъ, мѣстахъ, гдѣ на близкомъ другъ отъ друга разстояніи жило много родовъ; близость поддерживала тѣсныя, родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея интересами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа.

Но если нѣжность родительская, при пособіи упомянутыхъ обстоятельствъ, стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданаго, то эгоизмъ рода долженъ былъ найти себѣ защитниковъ въ братьяхъ невѣсты, которыхъ интересъ страдалъ отъ того, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни, но еще отъ ихъ родовой собственности отнималась часть для ея приданаго. Отсюда обычай приданаго долженъ былъ встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невѣсты, которые, безъ вѣдома родителей, могли дѣлать всевозможныя препятствія къ браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ

невѣсты, чтобы они не мѣшали дѣлу выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракѣ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣтельствуютъ очень ясно простонародные наши свадебные обряды, такъ напр.: „женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-нибудь свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (провожатые), сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею потчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто него и, наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; тотъ опять отказывается. Дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно?— Денегъ.—Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты". Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невѣсты и бѣгство его показываетъ ясно, что братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства, чтобы на счетъ жениха вознаградить себя за выводъ сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ.

Легко понять, что вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ у разныхъ племенъ въ одно и тоже время могли быть разные обычаи относительно брака: въ то время какъ у однихъ, преимущественно въ городахъ, совершался бракъ съ согласія родителей невѣсты, даже могло быть въ обычаѣ приданое, у другихъ похищали дѣвицъ. Похищеніе женъ, насильственное или съ согласія похищенной сдѣланное, не могло условливать уваженія къ женщинѣ и стыдливости въ членахъ семьи: „срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами." Постоянная вражда между родами ввела въ обычай безстыдную брань, оскорбляющую родъ... При такихъ понятіяхъ, что могло заставить человѣка ограничиться одною добычею? что мѣшало ему имѣть двѣ или три жены? «Имяху же по двѣ и по три жены», говоритъ лѣтописецъ.

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о духовности человѣка, о загробной жизни. Обычай погребенія у радимичей, вятичей, сѣверянъ и кривичей состоялъ въ томъ, что надъ покойникомъ совершали тризну, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпѣ на распутіи. Въ чемъ состоялъ обычай погребенія у полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ и тѣмъ даетъ знать, что обычай полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ. Что тризна была въ употребленіи и у полянъ, видно изъ того, что св. Ольга, жившая въ Кіевѣ среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны нельзя разумѣть ничего инаго, какъ игры въ честь умершаго, борьбы и т. п.

У нашего лѣтописца читаемъ о тризнѣ по Игорѣ: «И посла къ деревляномъ (Ольга), рькущи сице: Се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идѣже убиста мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему. Они же, то слышавше, свезоша меды многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимше мало дружины,

легько идущи приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ; и повелѣ людямъ своимъ съсути могилу велику; яко содѣша и повелѣ тризну творити. По семъ сѣдоша деревляне пити... Яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня?» У радимичей, вятичей, сѣверянъ и кривичей, по свидѣтельству лѣтописца, мертвыхъ сожигали и пепелъ, собравши въ сосуды, ставили на придорожныхъ столбахъ; впрочемъ, какъ видно, одновременно съ этимъ обычаемъ существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, преимущественно на мѣстахъ видныхъ, холмахъ и горахъ: Аскольда и Дира погребли на горѣ; Ольга велѣла насыпать надъ Игоремъ могилу велику и проч. Не должно думать, однако, чтобы этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ славянскимъ, былъ занесенъ варягами изъ Скандинавіи: онъ существовалъ и у другихъ племенъ, не знавшихъ варяговъ, напр. у поляковъ.

Изъ свидѣтельствъ всѣхъ писателей, и своихъ, и чужихъ, оказывается, что славянскія племена жили подъ формою родоваго быта. Каждая многочисленная, развѣтвленная семья или родъ жилъ особо, подъ управленіемъ своего родоначальника, имѣя свой обычай; объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, говоря: «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Эти родоначальники носили разныя названія—старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у славянъ русскихъ. Слово князь имѣетъ значеніе чисто родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства. Отсюда древнее названіе новобрачныхъ князь и княгиня, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ, рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. „Се Кій княжаше въ родѣ своемъ... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе въ Полянахъ". Значеніе князя или старшины рода понятно, если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтьми. Но если этотъ патріархъ умираетъ, то для рода является необходимость избирать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ въ отца мѣсто, какъ выражались въ послѣдствіи наши князья. Такъ, извѣстная старинная чешская пѣсня говоритъ: „Когда умретъ глава племени, то всѣ дѣти сообща пользуются имуществомъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку". Такъ теперь у южныхъ славянъ, удержавшихъ формы древняго родоваго быта, часто деревня состоитъ изъ одной семьи, которая управляется сама собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, старшины. Этотъ судья или отецъ не всегда бываетъ физически самымъ старшимъ въ родѣ; онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе—посадить князя; избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, вноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи домовладыки, какъ жреца, потому что, окруженный всѣми родичами, торжественно кадитъ домашній иконостасъ. Прокопій говоритъ о славянахъ, что они не повинуются одному

властителю, но изначала живутъ при народномъ правленіи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, который говоритъ, что у славянъ много царьковъ, ибо, съ одной стороны, князья, старшины родовъ, могутъ являться въ видѣ правителей, съ другой, родовыя отношенія младшихъ членовъ рода къ старшему не могли быть понятны для грека, привыкшаго къ отношеніямъ государственнымъ, и онъ поэтому имѣлъ поводъ сказать, что славяне живутъ въ демократіи; да и самъ Маврикій, который упоминаетъ о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что славяне не знаютъ правительства. Но всѣ писатели, хваля славянъ, между тѣмъ единогласно говорятъ объ ихъ несогласіи, сильной враждѣ другъ съ другомъ; эти свидѣтельства могутъ быть объяснены только родовымъ бытомъ. Маврикій говоритъ, что славяне питаютъ другъ къ другу ненависть; онъ же говоритъ, что они ни въ чемъ не могутъ согласиться другъ съ другомъ, и что положатъ одни, на то не рѣшатся другіе, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такъ какъ у нихъ много цариковъ, продолжаетъ Маврикій, и эти царики между собою несогласны, то полезно привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону. Но, при всей враждебности отношеній, какая могла существовать между родами, необходимость нерѣдко должна была заставлять ихъ соединяться въ общихъ совѣщаніяхъ; являлись вѣча, сходки. О вѣчахъ упоминаетъ Прокопій, говоря, что у славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но старцы, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы изчезаютъ и являются вѣча общенародныя, знакъ ослабленія родоваго быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ разсказъ лѣтописца о Бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ, по случаю осады Бѣлгорода печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться печенѣгамъ. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, и когда узналъ объ его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшеніе вѣча, не созывая новаго.

Слово „вѣче" означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякій разговоръ; изъ этой неопредѣленности значенія видно уже, что вѣче не могло имѣть какихъ-нибудь опредѣленныхъ формъ, уставовъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, здѣсь не могло быть рѣшенія по большинству голосовъ; такъ какъ розпящійся во мнѣніи вовсе не считалъ себя обязаннымъ повиноваться рѣшенію другихъ, то большинство должно было постоянно прибѣгать къ физической силѣ для того, чтобы заставить меньшинство принять свое рѣшеніе, вслѣдствіе чего вѣча должны были почти всегда оканчиваться кровопролитіемъ или вообще насиліемъ надъ меньшинствомъ, чему лучшимъ примѣромъ служатъ вѣча новгородскія. Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ о вѣчахъ лютичей, что здѣсь въ рѣшеніяхъ всѣ должны быть согласны; если же кто противорѣчитъ, того бьютъ розгами; если и послѣ того опять будетъ явно сопротивляться

приговору, то теряетъ все свое имущество отъ огня и разграбленія, или долженъ откупаться деньгами. Что касается до отношенія къ собственности, то родовой бытъ условливалъ общую нераздѣльную собственность, и наоборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Приведенная не разъ старинная чешская пѣсня говоритъ: «Когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода». Общее владѣніе родовою собственностію необходимо заставляло родичей возстановить значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдовательно возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Не смотря на давнее существованіе городовъ среди Славянскихъ земель, роловой бытъ не могъ благопріятствовать ихъ размноженію, ибо при немъ каждый родъ любилъ жить особо, чему много способствовало неизмѣримое, дѣвственное, мало населенное пространство земель, обитаемыхъ славянами. Эта особность и разсѣянность заставили даже Прокопія думать, что славяне и самое имя свое получили отъ разсѣянныхъ вдалекѣ другъ отъ друга жилищъ *).

Тотъ же Прокопій говоритъ о славянахъ, что они живутъ въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто перемѣняютъ мѣсто жительства. Но эта непрочность и частая перемѣна жилищъ не была слѣдствіемъ малой осѣдлости, еще неискоренившагося влеченія къ кочевой жизни; она была слѣдствіемъ безпрерывной опасности, которая грозила славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ, и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: «У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устроиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя какъ разбойники. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готовымъ покинуть жилище, поддерживала въ славянинѣ отвращеніе къ чуждому игу, что замѣтилъ Маврикій. Родовой бытъ, условливавшій разъединеніе, вражду, и слѣдовательно слабость между славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны, рѣдко наступательной, большею частію оборонительной. Не имѣя одного начальника и враждуя другъ съ другомъ, славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростію; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ, возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движеніямъ бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе, чѣмъ люди другаго племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту

*) Σπόροι отъ σποράδην.

выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ; нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые; употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный медикъ не подастъ скорой помощи раненому. Кромѣ этихъ извѣстій Маврикія, у Прокопія читаемъ еще, что славяне, вступая въ битву, не надѣваютъ латъ; на нѣкоторыхъ нѣтъ даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопій не хвалитъ ихъ за опрятность, говоритъ, что, подобно массагетамъ, они были покрыты грязью и всякою нечистотою. Какъ всѣ народы, въ простотѣ быта живущіе, славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. О наружности древнихъ славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны и крѣпки; кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темнорусые, лице красноватое.

IV. ПЕРЕХОДЪ ОТЪ РОДОВАГО БЫТА КЪ ОБЩИННОМУ.

(Изъ соч. О. Миллера: «Опытъ Историческаго обозрѣнія русской словесности» Часть I вып. I.).

Что служитъ основою родоваго быта? Связи исключительно родственныя, кровныя. Рождающій, дающій существованіе другимъ, чрезъ то самое получаетъ надъ ними право неограниченной власти, той же власти, какую имѣетъ владѣлецъ надъ вещью: отъ него зависитъ еще при рожденіи вопросъ о томъ, быть имъ, или не быть;—въ первомъ случаѣ онъ признаетъ ихъ дѣтьми, въ послѣднемъ—можетъ велѣть ихъ убить (если сложенье ихъ слабо, ежели онъ найдетъ, что ихъ у него и безъ того много и т. п.); затѣмъ и взрослыми онъ всегда можетъ продать дѣтей въ рабство, отдать въ заложники и т. д. У государя родителя въ безпрекословномъ, рабскомъ повиновеніи его порожденіе, весь его *родъ*. На древнемъ языкѣ русскомъ слово это имѣетъ именно такой тѣсный смыслъ—семьи, это же послѣднее слово въ свою очередь принималось въ еще болѣе тѣсномъ значеніи супруга или супруги. На такое значеніе слова *родъ* до сихъ поръ указываетъ выраженіе двоюродный братъ. *Глава рода* въ древнѣйшемъ смыслѣ этого слова есть глава *семьи*. Онъ имѣлъ впрочемъ и свое особое названіе—*кънязь*, которое только гораздо позже получило значеніе болѣе широкое, сперва общественное, потомъ государственное. Первоначальное же *кънязь* сродно съ древне-германскимъ Kon-ung, Kun-ing; сюда же затѣмъ относится готское Kuni, кельтическое cine, ginel; греческое *гоносъ*, латинское genus, наконецъ санскритское *gana*; въ основѣ же всего этого лежитъ корень gan, имѣющій въ санскритѣ значеніе—рождать, порождать. Остатокъ такого значенія слова *князь* надо видѣть въ народномъ названіи княземъ—молодаго супруга, а княгинею—молодой супруги (такимъ образомъ и величаются они въ свадебныхъ обрядовыхъ формулахъ). Не слѣдуетъ однако же думать, чтобы званье княгини придавало женѣ уравнивающее ее съ княземъ—мужемъ значеніе главы семейства. Только въ позднѣйшее время,

рядомъ съ древнимъ величаніемъ отца *государемъ батюшкою*, могло появится и дѣйствительно приравнивающее къ нему величаніе матери — *государыней матушкой*. (Въ Далмаціи мать величается даже *владыкою*). Конечно, для дѣтей она уже издавна могла и должна была стать предметомъ глубокаго уваженія, для дѣтей, но никакъ не для мужа. Добытая имъ или силою, или посредствомъ купли, она, въ патріархальныя времена, должна была и оставаться просто вещью мужа, имѣвшаго право даже продать ее. Такимъ-то положеніемъ ея въ семьѣ поддерживалось и то, что власть послѣ смерти мужа переходила не къ ней, а къ старшему сыну, и сама мать такимъ образомъ попадала къ нему въ зависимость. Но если таково было положеніе жены и матери, то тѣмъ зависимѣе должно было быть положеніе дочерей и сестеръ. На нихъ, имѣющихъ выйти изъ рода, быть или увезенными, или проданными въ чужой родъ, смотрѣли какъ на *глядящую вонъ*, а отсюда и полная ихъ безправность. Правда, повидимому, *крѣпкою дому*, а потому и иначе цѣнимою, могла бы навсегда оставаться пребывшая *дѣвою*; но самая возможность пребывать въ этомъ положеніи, избѣгая, съ одной стороны насильственнаго увоза, съ другой выгоднаго сбыта въ чужія руки самими родными—самая эта возможность служитъ уже признакомъ смягчившихся отношеній, освобожденія отъ родовыхъ оковъ. Появленіе же цѣлаго рода дѣвъ, совершительницъ жертвоприношеній, дѣвъ, въ этомъ отношеніи замѣнившихъ родоначальниковъ, уже окончательно немыслимо при родовомъ бытѣ.

Мы начали съ рода въ древнѣйшемъ смыслѣ—рода-семьи. Само собой ясно, что съ теченіемъ времени онъ разрастался, изъ одного становилось нѣсколько; но всѣ они долгое время оставались съ другой стороны крѣпко сплоченными въ *одинъ родъ*, только родъ уже въ нѣсколько расширенномъ смыслѣ. И при дальнѣйшемъ разростаніи вѣтвей этого *корня рода* въ новыя вѣтви все еще могло сохраняться единство. Вотъ такой-то еще болѣе разросшійся родъ обозначается въ нашей родной поэзіи сложнымъ названіемъ рода племени. Отъ него, *отъ согласія всѣхъ его членовъ*, долгое время зависѣлъ вопросъ о бракѣ; у черногорцевъ же и до сихъ поръ просватываетъ *вся родня* — въ этомъ же расширенномъ смыслѣ. Но возможность не распадаться и при весьма значительномъ разростаніи вширь могла представляться лишь до тѣхъ поръ, пока существовали условія кочеваго быта, когда, пася стада свои на обширныхъ пространствахъ, родичи только на время раскидывали по нимъ и свои подвижныя жилища, которыя и умножить, и иначе размѣстить было очень легко. Но съ переходомъ къ осѣдлости, съ построеніемъ постоянныхъ, такъ сказать *окрѣплыхъ* жилищъ, должно было многое измѣниться. По мѣрѣ нарожденія новыхъ членовъ, помѣщеніе, когда-то просторное, становится все болѣе и болѣе тѣснымъ, тѣмъ самымъ уже заставляя свое населеніе расходиться, разъединяться. О раздѣленіи братьевъ послѣ смерти отца (при возможности, впрочемъ, и пребывать въ нераздѣльности, подъ началомъ у старшаго брата) говорятъ уже священныя книги индійцевъ. И при частыхъ примѣрахъ подобнаго раздѣленія долгое время могла сохраняться связь, но все уже постепенно слабѣя. Если первоначально не чѣмъ другимъ, какъ единствомъ рода, связывались между собою родители даже цѣлаго какого-нибудь села, то, по мѣрѣ его разростанія, связь эта неминуемо позабывалась;—предпри-

нимались въ различныя стороны выселки, и люди, происходившіе отъ одного корня, могли, съ совершенной утратой воспоминаній о томъ, даже очутиться между собою въ отношеніяхъ враждебныхъ. И дѣйствительно, дальнѣйшимъ признакомъ такъ называемаго родоваго быта считаютъ, и вполнѣ справедливо, замѣченныя нами въ цѣломъ множествѣ свадебныхъ пѣсенъ враждебныя отношенія между различными родами, при самой тѣсной замкнутости и сплоченности въ каждомъ изъ нихъ. Это уже вторая ступень въ развитіи *рода*. На этой же ступени является и *родовая месть* — обязанность за каждаго изъ своихъ хотя-бы и дальнихъ родичей—отомщать, хотя-бы и самому дальнему между родичами обидчику — обязанность, и до сихъ поръ еще свято соблюдаемая въ Черногоріи, какъ одинъ изъ неоспоримыхъ обломковъ родоваго быта, обломковъ, объяснимыхъ только тою странною живучестью *самаго стараго* рядомъ съ *болѣе новымъ*, какую можно замѣтить какъ въ народной поэзіи, такъ и въ народномъ бытѣ.

Выше уже замѣчено было объ участіи цѣлаго рода-племени въ дѣлѣ *просватанія*. Не трудно понять, что въ подобномъ общемъ участіи есть уже нѣчто уравнивающее, т. е. противодѣйствующее тому исключительному деспотизму родоначальника, какимъ ознаменовалась первая ступень въ развитіи родоваго быта. Съ другой же стороны и право распоряжаться заработками каждаго родича, которое первоначально должно было неограниченно принадлежать лично тому же родоначальнику, съ теченіемъ времени перешло къ собирательной единицѣ—роду, какъ *суммѣ всѣхъ родичей*. Вмѣсто прежняго, такъ сказать, *львинаго дѣлежа* явилась *общность имущества*; ясно, что въ самомъ родѣ какъ-бы завелась такимъ образомъ община. Но намъ попадалось и указанье на то, что послѣ смерти отца власть переходила къ старшему сыну; далѣе же являются свидѣтельства и о томъ, что она могла переходить къ нему даже и при отцѣ, въ случаѣ его преклонной старости и соединеннаго съ нею упадка силъ. За старшимъ братомъ слѣдовалъ второй, и такъ далѣе; въ случаѣ же несовершеннолѣтія старшаго сына при смерти отца власть, покрайней мѣрѣ временно, переходила къ ближайшему и старшему родственнику, становившемуся опекуномъ. Такимъ образомъ самая непрочность человѣческой жизни должна была вносить измѣненія въ кровное право владычества. Если же, вслѣдствіе случайностей смерти, власть могла очутиться въ рукахъ хотя бы и совершеннолѣтняго, но всетаки молодаго, то почему же было не прійти къ мысли, что по смерти естественнаго главы рода, отца, наслѣдовать можетъ и не случайно, а по согласію всѣхъ остальныхъ, не старшій изъ сыновей, а достойнѣйшій или вообще пригоднѣйшій? Такимъ образомъ могъ произойти переходъ къ *избирательному началу*, и вмѣсто прежней исключительности *правъ крови* являлись уже совершенно другія права. А такъ какъ избирательство было общимъ дѣломъ, то оно является новымъ успѣхомъ *общины* въ самыхъ предѣлахъ рода. Между тѣмъ о томъ, что у славянъ уже издавна послѣ смерти *главы челядиной* (главы челяди, чади, рода) избирали *владыку изъ всей родни*, — свидѣтельствуетъ уже древнѣйшій письменный памятникъ чешской народной поэзіи „Судъ Любуши“. Тоже самое избирательство сохранилось и до сихъ поръ въ сербскомъ народномъ быту, гдѣ съ другой стороны сохраняется и *общность хозяйства* у цѣлой обширной родни. Но у тѣхъ же сербовъ, именно и

отличающихся соблюденіемъ старины, существуетъ также допущеніе въ свою родню людей, по рожденію къ ней вовсе не относящихся, но готовыхъ, въ обмѣнъ за предоставляемыя имъ права, принять на себя какъ бы родственныя обязанности. Соотвѣтственно такой вовсе не кровной стихіи и самый союзъ, по основѣ своей родовой, носитъ уже названіе, указывающее на свободныя, добровольныя связи — *задруга*. Эта сербская *задруга* такимъ образомъ, со своимъ общимъ хозяйствомъ, со своимъ избирательнымъ началомъ въ извѣстныхъ случаяхъ, со своимъ наконецъ допущеніемъ дружества въ предѣлы родства, является какъ-бы переходной ступенью отъ рода къ общинѣ. И эта переходная ступень оказывается застывшею въ Сербіи, подобно тому какъ въ Черногоріи во многихъ отношеніяхъ застывшею оказывается древнѣйшая родовая ступень. Въ Сербіи же рядомъ съ задругой являются уже и союзы, совершенно свободные отъ родоваго начала, союзы *общинные* въ полномъ смыслѣ этого слова. Уже не зная родовой мести (сохранившейся въ Черногоріи) сербы, при отсутствіи *большихъ родовъ*, представляютъ многочисленные примѣры соединенія семей въ общину на основаніи взаимнаго договора, а не родства и одинаковости происхожденія.

И не трудно понять, что послѣ того какъ община зародилась въ родѣ, она уже не могла не выступить и за его предѣлы: связи должны были завязываться и между разрозненными родами, имѣвшими мало по малу соединяться въ общины. Изъ цѣлаго рода свадебныхъ пѣсенъ мы видимъ, какимъ образомъ утвердившаяся наконецъ, благодаря нарушенію первоначальной патріархальности свобода союзовъ брачныхъ должна была повести и къ упроченію свободныхъ союзовъ между родами. Къ тому-же въ одинаковой мѣрѣ велъ и господствовавшій у всѣхъ первобытныхъ народовъ, у славянъ же едва ли не больше, чѣмъ гдѣ либо, смягчающій и облагораживающій обычай гостепріимства. Къ тому-же неминуемо велъ наконецъ и равно распространенный повсюду обычай поступленія въ чисто свободныя отношенія *дружбы*. У славянъ это такъ называемое *побратимство* и *посестримство*, или *братство названное*, получившее подъ позднѣйшимъ вліяніемъ христіанства названіе братства крестоваго. Если же о *брачныхъ союзахъ*, какъ средствахъ *общенія* между родами, уже ясно свидѣтельствуютъ намъ пѣсни свадебныя, то съ двумя другими средствами такого общенія, *гостепріимствомъ* и *братствомъ названнымъ*, знакомятъ насъ былевыя пѣсни.

Бытъ родовой въ томъ значеніи, о какомъ нами было говорено, одинаково существовалъ въ свое время у всѣхъ народовъ и, сохранившись тамъ или здѣсь въ болѣе или менѣе живучихъ остаткахъ, ни у одного историческаго народа не могъ застыть навсегда, какъ исключительная и неподвижная форма быта. Въ силу самаго естественнаго, хотя бы медленнаго, но все же неудержимаго хода развитія, долженъ былъ совершиться, ранѣе, можетъ быть, здѣсь, нѣсколько позже тамъ, переходъ къ отношеніямъ уже не единственно кровнымъ, но и свободнымъ общественнымъ.

Но оказывается, что у славянъ даже тверже, чѣмъ гдѣ либо, должна была постепенно подготовиться и сложиться община именно потому, что она, какъ мы видѣли, зарождалась уже въ *самомъ родѣ*. У германцевъ, напротивъ того, по изслѣдованіямъ многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, оказывается не существовавшею, или покрайней мѣрѣ, мало развитою *родовая общность*

имущества. И славяне издавна уже чувствовали въ этомъ отношеніи все свое отличіе отъ германцевъ. Уже „на судѣ Любуши“ говорили они о томъ, что имъ не хвально ходить за правдою къ нѣмцамъ, „что у нихъ своя правда по святому закону боговъ вѣкожизненныхъ“; правда же эта оказывается состоящею въ томъ, чтобы обладаніе „отцовской дѣдиной“ (родовымъ имуществомъ) было у дѣтей „во едино“.

Таковы заключенія о родѣ и общинѣ на двухъ послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія. Къ этимъ заключеніямъ приводитъ сравнительное изученіе быта народовъ при переходѣ ихъ отъ до-историческаго вѣка къ историческому.

V. О ЯЗЫЧЕСКИХЪ ВѢРОВАНІЯХЪ СЛАВЯНЪ.

(Изъ «Исторіи Россіи», Иловайскаго. Ч. 1-я, Кіевскій періодъ).

Еще знаменитый византійскій писатель VI вѣка, Прокопій, замѣтилъ о русскихъ славянахъ (которыхъ онъ называетъ Антами), что они покло-няются богу, производящему молнію, закалаютъ ему быковъ и другихъ животныхъ, почитаютъ рѣки, нимфъ и иныя существа, что они дѣлаютъ своему богу обѣты въ случаѣ опасности или какой нужды, по избѣжаніи ея приносятъ ему обѣщанныя жертвы и совершаютъ по своимъ жертвамъ гаданія. Въ IX и X вв. мы находимъ у руссовъ тоже поклоненіе богу огня или грома и молніи, котораго они именовали *Перуномъ*. Подобно всѣмъ языческимъ народамъ, русскіе славяне смотрѣли на окружающую природу, какъ на существо живое, и всѣ стихіи представляли себѣ особыми божествами. Съ понятіемъ объ огнѣ и теплѣ тѣсно связано понятіе и о солнечномъ свѣтѣ. Солнце пользовалось обоготвореніемъ, весьма распространеннымъ у восточныхъ славянъ. Оно чтилось подъ разными именами, каковы: *Хорсъ*, *Дажбогъ*, *Волосъ*, *Яръ* (у западныхъ славянъ: Яровитъ, Святовитъ, Сварожичъ, Радегастъ и др.). Въ непосредственной связи съ разными поворотами солнца, какъ благодѣтельнаго божества, находящагося въ постоянной борьбѣ съ тьмою и холодомъ, находились главные славянскіе праздники. Такъ, поворотъ съ зимы на весну былъ отмѣченъ праздникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Коляды* или *Авсеня*, а въ ту пору, когда все ожило и разцвѣло подъ благотворнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, т. е. въ концѣ весны, происходило празднество *Купала* или *Ярила*, которое сопровождалось веселыми играми, прыганьемъ черезъ горящіе костры, собираніемъ цѣлебныхъ травъ и таинственныхъ цвѣтовъ.

Поклоняясь огню и солнцу, восточные славяне въ то же время были усердными водопоклонниками. Они почитали рѣки за отдѣльныхъ боговъ, и нѣкоторыя изъ нихъ даже называли просто *Богъ* (по польскому произношенію Бугъ). Другое, не разъ встрѣчающееся для рѣкъ, названіе было *Рось*, которое перешло и на самый русскій народъ. Это слово заключало въ себѣ понятіе свѣта, а также влаги, *росы*. Отсюда произошло и названіе *русалокъ*, тѣхъ игривыхъ женскихъ существъ, которыми воображеніе славянъ населяло водное царство (подъ именемъ нимфъ у Прокопія разумѣлись, конечно, славянскія русалки или вилы); къ воднымъ боже-

ствамъ, вѣроятно, принадлежала и богиня *Мокошь*, упомянутая въ лѣтописи. Купала и особенно Дажбогъ служили связью въ поклоненіи солнцу и водѣ; именемъ послѣдняго обозначалась и влага, падающая съ неба (дождь). Священное значеніе воды ясно, между прочимъ, изъ обычая совершать около нея „умыканіе", т. е. похищеніе дѣвицъ юношами, что у нѣкоторыхъ племенъ замѣняло брачный обрядъ. Водѣ также приносили въ жертву животныхъ и другіе предметы; особенно дѣлали это во время какого-либо труднаго плаванія. Обожая солнце и воду, славяне почитали и землю живымъ существомъ и боготворили ее подъ именемъ „Матери сырой земли". Властителемъ вѣтровъ они называли *Стрибога*.

Русскіе славяне вѣрили въ загробную жизнь, но имѣли о ней такія же земныя представленія, какъ и большая часть другихъ языческихъ народовъ. Загробное существованіе, по ихъ понятіямъ, было какъ-бы продолженіемъ настоящей жизни. Рай они воображали себѣ какимъ-то цвѣтущимъ, зеленымъ садомъ, но онъ принадлежитъ собственно людямъ свободнымъ, а женщины и рабы должны тамъ попрежнему служить своимъ господамъ. Конечно, въ связи съ такимъ понятіемъ господствовалъ у древнихъ славянъ обычай при погребеніи покойника убивать одну изъ его женъ, а съ знатнымъ человѣкомъ погребать еще и нѣсколько рабовъ. По словамъ одного византійскаго историка (Льва Діакона), руссы предпочитали лучше пронзить себя собственнымъ мечемъ, чѣмъ сдаться живыми непріятелю, ибо они страшились рабства, думая, что оно продолжается и за гробомъ. Объ адѣ славяне имѣли самыя неопредѣленныя представленія. Обычай сожженія труповъ основанъ былъ на томъ вѣрованіи, что душа, очищенная огнемъ, немедленно могла войти въ рай, чему способствовали и жертвы, приносимыя на могилѣ покойниковъ. Но душа человѣка недостойнаго, повидимому, должна была мучиться въ какомъ-то преисподнемъ огнѣ *(пекло)*, прежде чѣмъ очистится отъ грѣховъ. Поклоненіе предкамъ, столь обычное у языческихъ народовъ, существовало и у славянъ, которые чтили ихъ подъ именами *Рода* и *Рожаницы*, *Чура* или *Щура* (пращуръ), и также приносили имъ жертвы. Вообще вся видимая природа въ ихъ воображеніи населена была множествомъ мѣстныхъ божествъ или геніевъ, то добрыхъ и благосклонныхъ, то злыхъ и враждебныхъ, каковы: домовой, водяной, лѣшій и пр.

Упомянутые боги не вездѣ у восточныхъ славянъ имѣли одинаковое значеніе и почитаніе; оно видоизмѣнялось по разнымъ племенамъ и отчасти по характеру окружающей природы. Но главнымъ народнымъ божествомъ собственно русскаго племени всегда оставался громовникъ Перунъ. Его имя Русь употребляла въ самыхъ торжественныхъ клятвахъ, причемъ рядомъ съ нимъ ставила только одного Волоса. Послѣдній, будучи первоначально солнечнымъ богомъ, является потомъ покровителемъ земледѣлія, охранителемъ табуновъ и стадъ, вдохновителемъ пѣвцовъ и гусляровъ, и вообще сохраняетъ въ понятіи народа свой свѣтлый образъ. Что же касается Перуна, то это было божество грозное, дѣятельное и воинственное; отъ него зависѣла не только удача вообще, но, главное, онъ давалъ побѣду надъ врагами. Перунъ по преимуществу является выраженіемъ той стороны въ характерѣ древней Руси, которая отмѣчена неукротимою энергіей, отвагой и предпріимчивостью. Чтобы умилостивить своего верховнаго бога или возблагодарить его за побѣду, Русь закалала ему въ жертву не только коней, быковъ или другихъ животныхъ, но даже

и людей, послѣднихъ въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Впрочемъ, религіозное чувство славянорусcовъ, способное къ сильнымъ порывамъ, не отличалось вообще мрачнымъ или угрюмымъ настроеніемъ. Это видно уже изъ самаго представленія ихъ о раѣ, какъ о свѣтломъ, зеленомъ садѣ (не похожемъ на скандинавскую Валгаллу). Тоже показываютъ ихъ любовь къ частымъ праздникамъ и пѣсни въ честь бога *Лада* или *Деля*, какъ источника любви и веселья. Самыя жертвоприношенія богамъ обыкновенно заключались веселымъ пиромъ и шумными игрищами. Эти жертвоприношенія совершались передъ идолами или человѣкообразными истуканами, сдѣланными преимущественно изъ дерева. Надобно полагать, что мѣсто, гдѣ стояли идолы, окружалось заборомъ, вообще оградою, и составляло святилище. Самые идолы ставились, вѣроятно, подъ тѣнью липы или дуба (дерева, посвященнаго Перуну), а въ зажиточныхъ городахъ, безъ сомнѣнія, надъ ними воздвигалась кровля или шатеръ; передъ ними же устроивался родъ жертвенника. Такъ надобно разумѣть тѣ *капища* и *требища*, о которыхъ упоминаютъ наши древніе писатели. Былъ у восточныхъ славянъ и родъ жреческаго сословія, обозначаемый именами волхвовъ, кудесниковъ и людей вѣщихъ. Они занимались жертвоприношеніями, врачевствомъ, гаданіями, священными пѣснопѣніями; почитались служителями боговъ и пользовались уваженіемъ въ народѣ. Но, при довольно сильномъ развитіи княжеской власти у русскаго племени, жреческое сословіе не получило опредѣленнаго, іерархическаго устройства и большаго вліянія на общественныя дѣла. По всѣмъ признакамъ, князь былъ не только военачальникъ и судья въ своемъ племени, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его верховный жрецъ, а слѣдовательно и главная опора старой религіи.

VI. БОРЬБА НАЧАЛЪ СВѢТА И ТЬМЫ ПО ВОЗЗРѢНІЯМЪ СЛАВЯНЪ.

(Составлено по соч. Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу». Томъ I и II).

Въ своемъ младенчествѣ народъ такъ же мало понимаетъ все, что его окружаетъ, что происходитъ на землѣ и на небѣ, какъ ребенокъ то, что происходитъ въ домѣ его родителей и внѣ дома. Какъ ребенокъ чувствуетъ свою зависимость отъ старшихъ, его окружающихъ, такъ и народъ чувствуетъ свою зависимость отъ олицетворяемыхъ имъ явленій окружающей его природы. Нашъ простолюдинъ небо называетъ отцомъ-батюшкою, а землю — матушкой, кормилицей; въ сказкахъ нашихъ и пѣсняхъ часто вспоминается мать-сыра-земля. Небо, солнце, земля, по представленію первобытнаго человѣка, грѣютъ, питаютъ, кормятъ народъ, хотя хлѣбъ добывалъ-то онъ собственнымъ трудомъ. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему приведетъ трудъ земледѣльца, когда земля недобрая, безплодная, когда солнце не будетъ грѣть вдоволь, а небо заупрямится, не смилуется надъ человѣкомъ, не пошлетъ благодатнаго дождика? За блага, даруемыя природой человѣку, народъ въ своемъ младенчествѣ любитъ ее, обожаетъ, поклоняется ей, какъ Богу, обращается къ ней въ своихъ нуждахъ, въ горѣ, въ болѣзни.

Небо, солнце, земля—эти силы природы, казались славянамъ добрыми, благодатными богами.

Но не однѣ только добрыя, благодѣтельныя силы видѣли предки наши въ природѣ: еслибъ одни только добрые боги владычествовали въ мірѣ, какъ доброе солнышко, откуда бы тогда взялись всѣ несчастія, постигающія человѣка: и голодъ, и холодъ, и болѣзнь, и смерть? Солнце, думали, доброе, недопуститъ человѣка голодать; значитъ, есть въ мірѣ и въ природѣ злыя силы, злыя божества; навѣрное, это они мѣшаютъ исполниться добрымъ желаніямъ бога-солнца, это они ниспосылаютъ стужу и всякія напасти на человѣка, и разрушаютъ все то, что создано благотворными богами. Такимъ образомъ у славянъ, какъ и у всѣхъ младенческихъ народовъ, были боги добрые и злые.

И самые добрые боги, каково солнце, не всегда бываютъ милостивы къ людямъ: вѣдь и добрые люди подъ-часъ прогнѣваются и творятъ зло. Солнце—творецъ урожая, податель пищи, покровитель всѣхъ бѣдныхъ и сирыхъ; но, когда люди прогнѣваютъ доброе солнышко, оно шлетъ на землю свои огненныя стрѣлы, жгучіе палящіе лучи солнца, причиняющіе засуху, а съ ней голодъ и моръ. Солнце праведно: оно караетъ человѣка за всякую неправду, нечестіе.

Когда вы днемъ взглянете на небо, вы видите передъ собою голубой или сѣрый сводъ неба и движущееся будто-бы по небу солнце. Чѣмъ кажется вамъ это солнце? Большимъ, огненнымъ, жгучимъ, ослѣпительно свѣтящимъ шаромъ и только. Вы не видите въ немъ ничего живаго, человѣческаго; вы не считаете его способнымъ ни на милость, ни на гнѣвъ; вы равнодушно, безъ всякаго чувства благодарности, смотрите на этотъ шаръ, ложитесь спать съ полною увѣренностью, что завтра утромъ, когда проснетесь, это солнце опять будетъ уже высоко на небосклонѣ, и опять будетъ грѣть и свѣтить по прежнему: не въ волѣ солнца свѣтить или не свѣтить на землѣ. Когда солнце скрывается за тучами, вы не печалитесь о немъ: вы знаете, что тучи скоропроходящи, и что скоро опять солнце выглянетъ изъ-за нихъ. Но не такъ, какъ мы, смотрѣли первобытные люди на солнце и вообще на природу. Наши праотцы, видя солнце движущимся будто-бы по небу, видѣли въ этомъ огненномъ шарѣ живое существо: имъ представлялось оно богомъ, выѣзжающимъ каждое утро изъ своего золотаго дворца: выѣзжаетъ солнце-богъ въ своей свѣтозарной колесницѣ, запряженной бѣлыми огнедышащими конями, ѣдетъ по небу, откуда ниспосылаетъ оно на землю благодатное тепло и свѣтъ. При этомъ первобытному человѣку невольно приходили въ голову вопросы: „Какъ идетъ солнце по небу? Отчего нѣтъ пыли на его дорогѣ? Отчего не скатится солнце внизъ съ своего небеснаго пути?"

Утренняя и вечерняя заря представлялись двумя божественными сестрами, которыя постоянно находятся при солнцѣ, этомъ свѣтломъ божествѣ дня, и прислуживаютъ ему. Утренняя заря предшествуетъ солнцу, выводитъ на небесный сводъ его бѣлыхъ коней и яркими стрѣловидными лучами солнца поражаетъ мракъ и туманы ночи, разсѣваетъ ихъ; вечерняя заря принимаетъ ослѣпительно-бѣлыхъ коней солнца, когда оно, совершивши свой дневной поѣздъ, скрывается на западѣ, за горизонтомъ.

Показываясь раннимъ утромъ на краю неба, одѣтаго темною ночною пеленою, солнце казалось нашимъ далекимъ предкамъ какъ-бы рождаю-

щимся изъ тьмы; наоборотъ, когда солнце заходило вечеромъ, оно казалось умирающимъ. Прошло много вѣковъ, прежде чѣмъ увѣрились, что одно и то же солнце должно восходить ежедневно, и что, удалившись отъ земли во время холодной зимы, оно не покинетъ ея навсегда, а опять приблизится къ землѣ и принесетъ съ собой весну и лѣто.

Согласно поэтическимъ воззрѣніямъ славянъ на природу, на небѣ постоянно происходила борьба между свѣтлыми существами, какъ солнце, гроза, и другими, враждебными имъ, темными, злыми божествами, какъ облака, омрачающія ясное небо. Каждый разъ, когда эти свѣтлыя и темныя божества вступали въ борьбу, первобытные, младенческіе народы мучились сомнѣніями и вопросами: „Чѣмъ можетъ кончиться эта борьба? Не скроется ли уже солнце навсегда и перестанетъ грѣть и свѣтить землѣ? Что станется тогда съ людьми? Или же солнце выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ темными силами и опять покажется на небосклонѣ? Да и то же ли будетъ это солнце, или замѣнитъ его какое-нибудь новое?“

Такъ думали и тревожились наши отдаленные предки каждый разъ при наступленіи ночи или зимы. За то какъ велика была ихъ радость при наступленіи каждой весны! Сколько веселья, пѣсенъ и радостей приносила она! Какими шумными, торжественными праздниками привѣтствовалось возрожденіе весны.

Младенческіе народы, простодушные еще какъ дѣти, заставляли своихъ боговъ творить на небѣ тоже, что дѣлалось на землѣ: вѣдь ссорятся же и враждуютъ между собою люди, отчего же не ссориться самимъ богамъ, когда они являлись воображенію народа въ человѣческомъ образѣ? Къ тому же наши предки думали объяснить себѣ такимъ образомъ, этой вѣчной враждой и борьбой боговъ свѣта и тьмы, непонятныя еще въ то время явленія природы, каковы смѣна дня и ночи, смѣна временъ года и проч.

У словаковъ сохранилось вотъ какое преданіе про солнце. Когда съ наступленіемъ утра солнце готово выйти изъ своихъ чертоговъ, чтобы совершить свою дневную прогулку по бѣлому свѣту, то нечистая сила собирается и выжидаетъ появленія солнца, надѣясь захватить его, это божество дня, и умертвить его. Но, при одномъ приближеніи солнца, разбѣгается нечистая сила, чувствуя свое безсиліе. Такимъ образомъ первые лучи солнца, показывающіеся на небосклонѣ, прогоняютъ мракъ ночи: будто испуганный бѣжитъ онъ и прячется въ разщелины скалъ, въ подземныя пещеры и глубокія бездны. Каждый день повторяется борьба и каждый день побѣждаетъ богъ-солнце: едва только заслышитъ нечистая сила грозный для нея крикъ пѣтуха, предвѣщающій утро, какъ она мгновенно исчезаетъ.

День и ночь представлялись въ воображеніи нашихъ предковъ въ постоянной враждѣ; народная загадка называетъ день и ночь раздорниками, т. е. ссорющимися. „Кои два супостата препираются?“ спрашиваетъ старинная народная загадка, и тутъ-же сама отвѣчаетъ: „День и ночь“.

Они постоянно враждуютъ и сражаются, то день, то ночь побѣждаетъ. Одолѣвая въ вечернюю пору своего противника, ночь налагаетъ на него свои оковы, день лежитъ связаннымъ плѣнникомъ и не можетъ до утра показываться людямъ на глаза, пока не разорветъ наложенныхъ на него ночью цѣпей.

Та же борьба, какая видѣлась нашимъ предкамъ при ежедневной смѣнѣ дня и ночи, видѣлась имъ и въ смѣнѣ лѣта и зимы. Когда, съ приходомъ весны, снова раздавались удары грома, умолкавшіе на зиму, то въ этихъ раскатахъ грома слышались нашимъ предкамъ удары, наносимые Перуномъ, богомъ грома и молніи, тучамъ этимъ демонамъ, злымъ богамъ; въ молніяхъ видѣлся блескъ несокрушимой палицы Перуна и его летучихъ стрѣлъ, въ шумѣ бури слышались воинственные клики сражающихся. Грозныя и мрачныя тучи надвигались на небо и закрывали собой ясное солнышко—это, должно быть, злыя, враждебныя ему существа брали его въ плѣнъ и удерживали въ своихъ затворахъ въ плѣну золотые лучи солнца. Чѣмъ долѣе оставались на небѣ тучи, чѣмъ долѣе продолжалось ихъ движеніе, тѣмъ страшнѣе становилось за солнце.

Лунныя и солнечныя затмѣнія предки наши объясняли себѣ по своему тѣмъ, что свѣтила небесныя во время затмѣнія находятся въ пасти чудовищъ, собирающихся поглотить солнце или луну; поэтому во время затмѣнія старались производить всѣми возможными мѣрами шумъ, думая, что чудовища испугаются и выронятъ изъ пасти свою добычу. „Погибло, съѣдается солнце!“ вотъ что восклицали наши предки при видѣ солнечнаго затмѣнія. И теперь, во время затмнѣій солнца или луны, крестьяне, чтобы прогнать злыхъ боговъ, пожирающихъ небесныя свѣтила, бѣгаютъ по деревнямъ и селамъ съ бѣшенымъ крикомъ и гамомъ; чтобы еще больше напугать нечистую силу, ударяютъ они въ бубны, тазы, сковороды и чугунныя доски, брянчатъ колокольчиками и бубенчиками, хлопаютъ бичами и стрѣляютъ изъ ружій; а пройдетъ часъ затмѣнія, и вотъ радуются крестьяне, въ полной увѣренности, что недаромъ кричали да шумѣли, прогнали таки нечистую силу.

Славяне вѣрили, что въ громѣ и молніи живетъ и дѣйствуетъ сила бога Перуна, который считался главнымъ изъ боговъ. Его представляли себѣ наши предки разъѣзжающимъ по небу въ пламенной колесницѣ, запряженной крылатыми огнедышущими конями. Старинная русская поговорка: «Ѣдетъ божекъ съ перищемъ, стучитъ колесомъ», указываетъ на то, что въ раскатахъ грома, дѣйствительно, представлялся нашимъ предкамъ поѣздъ бога-громовника; перище—это страшное оружіе, которымъ, какъ полагалъ народъ, богъ грома и молніи наносилъ страшные удары. Перунъ являлся въ воображеніи народа вооруженнымъ палицей или лукомъ и огненными стрѣлами. Какъ солнечные лучи представлялись стрѣлами бога-солнца, которыми оно гонитъ поутру ночь, разсѣеваетъ туманы и разбиваетъ при началѣ весны льды и снѣга, такъ и молніи казались стрѣлами бога-громовника. Какъ молніи представлялись славянамъ молніеносными стрѣлами Перуна, такъ радуга являлась въ воображеніи народа огненнымъ лукомъ, съ котораго пускались стрѣлы Перуномъ. До сихъ поръ говорятъ въ народѣ: «Ахъ ты, радуга-дуга, ты убей мужика». Такъ-то смотрѣли славяне на явленіе грома и молніи. И что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не напоминаютъ намъ раскаты грома грохотъ быстро ѣдущей колесницы и топотъ отъ копытъ быстрыхъ коней? Развѣ быстрота молніи не напоминаетъ быстроту, съ какою летитъ пущенная съ лука стрѣла? Грохотъ грома и вой бури во время грозы не напоминаютъ-ли намъ свистъ летящей стрѣлы, шумъ копья, брошеннаго сильною рукою? Страшные удары молніи, производящей

убійства и пожары, не такъ же ли ужасны, какъ на смерть поражающее остріе стрѣлы или копья? И теперь еще поселяне наши, заслышавъ перекаты грома, думаютъ, что это Илья-пророкъ ѣдетъ по небу въ огненной колесницѣ; отъ грохота ея колесъ и происходитъ слышимый нами громъ. На одной лубочной картинкѣ Илья-пророкъ изображается на колесницѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; колеса огненныя; лошадьми управляетъ ангелъ. Видимая нами часто въ лѣтніе вечера зарница есть, какъ думаютъ болгаре, огонь, который выдыхали изъ ноздрей кони пророка, только что запряженные въ колесницу его. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи Илью-пророка представляетъ себѣ народъ въ мантіи огненнаго цвѣта, въ красной шапкѣ на головѣ и съ мечомъ, на остріѣ котораго горитъ пламя. Въ московской губерніи крестьяне объясняютъ себѣ раскаты грома поѣздкою Ильи-пророка по небу на шести жеребцахъ: отъ удара ихъ копытъ будто происходятъ и громъ, и молнія. А откуда взялось у народа нашего такое представленіе о громѣ и объ Ильѣ-пророкѣ? Это остатокъ отъ старины глубокой. Хотя народъ нашъ давно уже принялъ христіанство, но все еще не отдѣлался отъ своихъ старинныхъ языческихъ понятій; только то, что прежде язычники-славяне думали о своихъ богахъ, то потомъ, когда сдѣлались христіанами, стали думать объ ангелахъ, да о святыхъ христіанскихъ. Славяне перестали чествовать своихъ языческихъ боговъ подъ ихъ прежними именами; а о томъ, что думали праотцы наши о своихъ богахъ, память въ народѣ нашемъ осталась. Такъ вотъ почти все то, что теперь разсказываютъ въ народѣ объ Ильѣ-пророкѣ, говорили въ старину про Перуна. Такъ какъ Ильинъ-день, празднуемый въ память св. Ильи, приходится по времени къ началу жатвенной поры, когда древніе славяне чествовали своего бога Перуна, то народъ и связалъ съ Ильей-пророкомъ всѣ свои воспоминанія о Перунѣ. Слово Перунъ значитъ творецъ, производитель. Въ теплые дни весны Перунъ являлся съ своими молніями, оплодотворялъ землю дождями и выводилъ изъ-за разсѣянныхъ тучъ солнце. Тучи, разрываемыя вѣтрами и разсѣкаемыя молніями, ниспадаютъ на землю дождемъ, орошаютъ ее и даютъ обильный урожай. Холодная зима налагаетъ льды на земные источники и рѣки, а также налагаетъ оковы и на дождевыя облака. Сковывая облака, зима запирала небесныя воды, и тогда кругомъ все дряхлѣло, замирало, и земля, какъ мертвая, одѣвалась въ бѣлоснѣжный саванъ. Но весною могучій Перунъ разбивалъ эти крѣпкія оковы своей палицей или молотомъ, и тогда открывался свободный путь дождевымъ потокамъ; а они, омывая землю, возвращали ей силу плодородія, убирали поля и лѣса роскошною зеленью и цвѣтами, творили изъ устарѣвшей зимней природы юную, весеннюю. Когда раздавался ударъ перваго весенняго грома, вся природа, словно очнувшись отъ долгаго сна, снова пробуждалась къ жизни, созидался новый міръ. Такимъ образомъ явилось вѣрованіе, что дождь, особенно весенній, даетъ тѣмъ, кто умывается имъ, силы, здоровье, красоту, счастье; дождь у крестьянъ нашихъ называется «кормилецъ». При накрапываніи перваго весенняго дождя крестьяне спѣшатъ умываться этой, какъ говорятъ, *живой водой*. Понятно послѣ всего этого, что Перуна, какъ божество, посылающее дожди, считали творцомъ земныхъ урожаевъ, подателемъ пищи, установителемъ и по-

кровителемъ земледѣлія. Земля, по народному русскому повѣрью, не растворяется до перваго весенняго грома, т. е. до выѣзда на небѣ Перуна въ его громовой колесницѣ. Такъ какъ богу-громовнику приписывали дары плодородія, то его и молили орошать пашни и давать ростъ и зрѣлость нивамъ. Отъ Св. Ильи, думаетъ и теперь народъ нашъ, зависятъ росы, дожди, градъ и засуха. 20-го іюля, въ день св. Ильи, ожидаетъ народъ грозы и дождя, который непремѣнно долженъ пролиться въ этотъ день; а не пролился, ну, значитъ, чѣмъ-нибудь прогнѣвали св. Илью, и онъ выпросилъ у Бога, чтобы не было на этотъ день дождя да грозы. По русскимъ поговоркамъ: «Илья грозы держитъ»; «На Ильинъ день гдѣ-нибудь отъ грозы загорается». Гроза называется въ народѣ «божьей милостью» или «божьимъ милосердіемъ». Церковная пѣснь молитъ Илью пророка, чтобы раскрылъ онъ небеса и ниспослалъ дождь; поселяне наши ставятъ иногда на воротахъ чашку съ зерномъ ржи и овса и просятъ священника провеличать Илью и молить его, чтобы уродился хлѣбъ. Но Перунъ, какъ и богъ-солнце, творилъ не одно добро и не всегда являлся для людей благодатнымъ божествомъ. Когда люди прогнѣваютъ его непочтеніемъ къ нему или чѣмъ другимъ, тогда Перунъ является божествомъ гнѣвнымъ, карающимъ; появленіе его возбуждаютъ страхъ и трепетъ; гроза становится для людей угрозой. На Руси мѣстами слышатся и до сихъ поръ грозныя клятвы: «Убей тебя Перунъ!» «Кабы тебя Перунъ треснулъ!» Какъ божество—солнце, будучи разгнѣвано людьми, посылаетъ жгучіе лучи, которые порождаютъ засуху, безплодіе и моръ, такъ и богъ-громовержецъ насылаетъ временами на людей градъ, бури и безвременные ливни, караетъ людей грѣшныхъ неурожаемъ, голодомъ, повальными болѣзнями, которыхъ не минуетъ никто. Если градъ выбиваетъ мѣстами хлѣбъ, то поселяне наши говорятъ: „Это Богъ караетъ, онъ и велитъ Ильѣ-пророку: когда ѣздишь въ колесницѣ, щади нивы тѣхъ, которые раздаютъ хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою, а которые жадны, обмѣриваютъ и не вѣдаютъ милосердія, у тѣхъ истребляй». На Ильинъ день поселяне наши не косятъ и не убираютъ сѣна; а станешь косить, то Илья за непочтеніе къ назначенному ему празднику убьетъ громомъ или сожжетъ накошенное сѣно молніей. По русской поговоркѣ. «Илья-пророкъ въ полѣ копны считаетъ». Сохранилось вотъ еще какое старинное преданіе въ нашемъ народѣ про Илью пророка. Въ давнія времена жилъ-былъ мужикъ—Николинъ-день завсегда почиталъ, а въ Ильинъ-день нѣтъ-нѣтъ, да и работать станетъ; Николѣ угоднику и молебенъ отслужитъ, и свѣчу поставитъ, а про Илью-пророка и думать забылъ. Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николою полемъ этого самого мужика, идутъ они да смотрятъ: на нивѣ зеленя (восходящій хлѣбъ) стоятъ такія славныя, что душа не нарадуется. «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай», говоритъ Никола. «А вотъ посмотримъ», отвѣчалъ Илья; «какъ спалю я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ правду знать, да Ильинъ день почитать». Поспорили и разошлись въ разныя стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: «Продай, говоритъ, скорѣе ильинскому попу весь хлѣбъ на корню, не то ничего не останется, все градомъ повыбьетъ». Мужикъ послушался. Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ градомъ и ливнемъ разразилась она надъ нивою мужика,

весь хлѣбъ какъ ножемъ срѣзала. Хорошо, что вступился за мужика св. Никола, а то куда какъ горько пришлось бы мужику за непочитаніе Ильина дня. Такъ-то переноситъ народъ свои старинныя понятія о языческихъ своихъ богахъ на христіанскихъ святыхъ и пророковъ.

Какъ солнце представлялось нашимъ праотцамъ въ вѣчной борьбѣ съ демонами, темными, нечистыми силами, враждебными свѣту, такъ и богъ-громовникъ. Не даромъ этотъ богъ-громовержецъ представлялся въ воображеніи народа вооруженнымъ огненными стрѣлами или копьями, молотомъ, палицей, или огненнымъ мечомъ. А то какъ могъ-бы богъ-громовникъ вести борьбу съ великанами тучъ и зимнихъ тумановъ? А поражая ихъ своимъ оружіемъ, онъ низводитъ на жаждущую землю дождевые потоки и даетъ просторъ ясному солнцу. Вѣдь это они, эти мрачные окаянные демоны тучъ, производятъ все зло въ природѣ. Не они ли ужь затягиваютъ облачными покровами блестящія свѣтила и страшными заклятіями задерживаютъ паденіе дождя? Не они ли похищаютъ въ знойные дни лѣта дождевосныя облака и порождаютъ губительную засуху? Не они ли скрываютъ золотые солнечные лучи въ темныхъ пещерахъ тучъ? А чья-же эта работа, какъ не этихъ злыхъ, враждебныхъ людямъ, демоновъ, что въ теченіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ воды сковываются льдами, дождь не орошаетъ земли, и блескъ солнца помрачается туманами? Да, въ это безотрадное время пагубные демоны не сидятъ безъ дѣла: тогда-то они и строятъ въ небѣ крѣпкіе города и заключаютъ въ нихъ плѣненныя и скованныя дождевыя облака и золотые солнечные лучи. Но не долго торжествовать вамъ свою побѣду, окаянные демоны! Вотъ ужь скоро настанетъ весна, и тогда выступитъ во всей своей силѣ и во всемъ блескѣ своего мѣткаго оружія могучій Перунъ, своей палицей разобьетъ онъ воздвигнутые вами въ небесахъ укрѣпленные города, пробуравитъ облачныя скалы и прольетъ скрытыя въ нихъ благодатныя воды на томимыя мучительной жаждой поля, и снова загорится ослѣпительнымъ блескомъ свѣтильникъ солнца.

Такимъ-то образомъ происходитъ вѣчная вражда между богомъ-громовникомъ и злыми губительными демонами тучъ, и каждый разъ, послѣ каждаго пораженія ихъ, они возстаютъ съ новою силою и снова вызываютъ на бой Перуна. Хорошо еще, что у Перуна есть вѣрные и дружные помощники, какъ, напримѣръ, вѣтры, которые помогаютъ ему въ этой нескончаемой борьбѣ съ безчисленными полчищами облачныхъ демоновъ. А демоны эти вѣдь все чудовищные великаны и драконы, огромнѣйшіе змѣи, и что мудренаго въ томъ, что не справиться-бы, пожалуй, съ ними Перуну одному. Въ раскатахъ грома слышится стукъ небеснаго оружія, въ воѣ бури звуки военныхъ роговъ и клики сражающихся, а въ блескѣ молніи свѣтятся искры отъ ударовъ мечей

Когда наставала весна и приводила съ собой дождевыя тучи, когда раздавались удары грома и сверкали молніи, предки наши привѣтствовали появленіе ихъ военными играми, воинственными кликами и стукомъ оружія; всѣмъ этимъ они старались подражать тѣмъ дѣйствіямъ грозы, которыя усматривали на небѣ: во всемъ этомъ изображалась борьба бога-громовника съ демонами-тучами. До сихъ поръ сохранилось у славянъ повѣрье, что нечистые духи и вѣдьмы боятся звона колоколовъ, который напоминаетъ имъ удары грома, и вотъ, заслышавъ звонъ колоколовъ, черти улетаютъ, какъ можно дальше. Если звонъ застигнетъ ихъ вблизи,

то охватываетъ своими звуками, какъ волнами, и вертитъ въ страшномъ вихрѣ словно легкую ладью, попавшую въ стремительный водоворотъ.

Поэтому въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ во время грозы звонятъ въ колокола и стрѣляютъ изъ ружій, чтобъ разогнать чертей, которые угрожаютъ людямъ бурею и опустошеніемъ. Народъ нашъ и понынѣ увѣренъ въ томъ, что во время грозы разъѣзжаетъ по небу въ колесницѣ разгнѣванный богъ и преслѣдуетъ молніеносными стрѣлами дьявола. У малороссовъ сохранилась странная сказка про чорта. Изъ этой сказки видно, что чортъ, какъ только занадобится ему, съумѣетъ обернуться тучей. Занялъ мужикъ у чорта деньги; по условію мужикъ долженъ былъ возвратить чорту его деньги только тогда, когда со всѣхъ дубовъ поспадаютъ листья. Пришла поздняя осень, опали листья съ простыхъ дубовъ, а вѣчнозеленый дубъ стоитъ въ вѣчномъ убранствѣ. Что тутъ дѣлать? Пошелъ попавшійся въ бѣду чортъ въ лѣсъ, да давай прикидываться то бурею, то дождемъ, да напрасно, ничего не помогло! Вѣчно зеленый дубъ, словно на зло чорту, стоитъ все въ прежнемъ убранствѣ, а мужикъ потираетъ руки отъ удовольствія, что остался въ дуракахъ чортъ, и денегъ ему не отдаетъ. Народъ нашъ и теперь считаетъ молнію за стрѣлу, которую бросаетъ Илья пророкъ въ змѣя или въ дьявола, который, какъ только завидитъ молнію, тотчасъ прячется отъ нея, не рѣдко въ косматыхъ животныхъ, каковы кошка, собака. Поэтому поселяне наши во время грозы выгоняютъ изъ избы кошекъ и собакъ, чтобы избѣгнуть удара отъ небеснаго пламени. Но не укрыться дьяволу нигдѣ отъ преслѣдованій: находитъ-таки его вездѣ и поражаетъ на смерть небесная стрѣла. Мѣстами у насъ народъ вѣритъ, что Илья пророкъ побиваетъ нечистыхъ дьяволовъ каменными стрѣлами, и что на мѣстѣ пожара, произведеннаго ударомъ молніи, и вообще послѣ грозы, можно находить чудесную громовую стрѣлку. По этому повѣрью, стрѣлы громовыя, когда ниспадаютъ изъ тучъ, входятъ далеко въ глубь земли, а года черезъ три, или черезъ семь лѣтъ, возвращаются на поверхность земли въ видѣ чернаго или сѣраго продолговатаго камышка.

Наши простолюдины вѣрятъ, что человѣкъ, убитый громомъ, очищается отъ своихъ грѣховъ, потому что бываетъ невинною жертвою укрывшагося за нимъ дьявола; а дьяволъ не дуракъ и не спроста прячется за человѣкомъ: знаетъ онъ, плутъ, что человѣка-то Богъ любитъ; но изъ-за дьявола Богъ и человѣка подчасъ не пожалѣетъ, лишь бы только дьявола доканать. Славяне вообще убѣждены, что молнія, эта стрѣла божія, всегда бьетъ въ то мѣсто, гдѣ бываетъ дьяволъ. Во время грозы нечистый только и хлопочетъ объ одномъ, какъ бы укрыться отъ ея пламеннаго острія: онъ спѣшитъ въ горы или въ лѣсъ, прячется тамъ подъ деревьями, влѣзаетъ въ пустое дупло, а нерѣдко ищетъ убѣжища и въ жилыхъ домахъ. Этимъ народъ объясняетъ себѣ, почему громовые удары всего чащѐ падаютъ на высокія деревья и строенія.—Боязливые и набожные хозяева во время грозы опрокидываютъ горшки, кадки, вообще порожнюю утварь, и затворяютъ двери и окна, чтобы злые духи, гонимые молніеносными стрѣлами бога-громовника, не спрятались въ избѣ и не привлекли громоваго удара. Сказаніе о борьбѣ Ильи пророка съ змѣемъ-дракономъ (съ тучею) существуетъ у славянъ издавна. Это видно изъ сказанія, сохранившагося донынѣ у одного изъ славянскихъ народовъ (у хорутанъ).

«Однажды вышелъ лѣсникъ на охоту; вдругъ надвинулись тучи, загремѣлъ громъ, засверкала молнія и полилъ дождь. Лѣсникъ не могъ дальше идти и легъ подъ дерево. Онъ оглядывается по сторонамъ и вдругъ видитъ при блескѣ молніи какую-то звѣрскую образину.

Лѣсникъ подумалъ, что это звѣрь, прицѣлился и выстрѣлилъ. «Дождусь, думаетъ дня, и тогда увижу, что застрѣлилъ». Въ то самое время подошелъ къ лѣснику старецъ: «Знаешь-ли, спросилъ онъ, какого ты звѣря застрѣлилъ? Ты убилъ чорта, въ котораго семь лѣтъ направлялъ удары и не могъ попасть. Я—святой Илья, и надѣлю тебя за это счастіемъ и богатой невѣстою».

VII. ПРАЗДНИКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

(Изъ соч. Костомарова: «Славянская миѳологія»).

Славяне располагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потомъ дѣлился на три части; праздниковъ было три, по тремъ дѣйствіямъ земледѣльческаго процесса: посѣять, убрать и приготовить.

Первый былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца. У литовцевъ онъ продолжался съ 25 мая по 23 іюня. Это столь долгое празднество было и у славянъ: у насъ по деревнямъ поются единственно весною до 23 іюня особенныя пѣсни съ именемъ Лада въ припѣвахъ. Время съ 23 мая до 23 іюня для земледѣльческаго класса довольно свободное: тогда сѣвба кончается, а покосъ еще не начатъ.

Праздникъ весны начинался очень рано: когда только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ, тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козелъ. Памятниками этого древняго обычая у славянъ остались: 1) пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и 2) обычай водить козла: это наблюдаютъ въ Украйнѣ при началѣ весны, обыкновенно на первой недѣлѣ поста. Юноши и дѣвицы бѣгаютъ по улицѣ съ рукоплесканіями и пѣснями; въ этихъ пѣсняхъ въ первый разъ упоминается имя Лада съ эпитетомъ Лелю, т. е. свѣтлый. По-русски этотъ праздникъ называется пролѣтье. Когда снѣгъ сходилъ, распускались рѣки и выказывалась первая трава, отправлялось торжество смерти зимы и воцаренія весны. Прежде всего хороводъ, составленный нарочно заранѣе изъ юношей и дѣвъ, называемый у поляковъ стадо, купался въ знакъ очищенія. Памятникомъ этого обряда остался въ Украйнѣ еще въ XVII вѣкѣ обычай такой: на свѣтлой недѣлѣ юноши бѣгали съ ведрами за дѣвицами и обливали ихъ водою, а на другой день дѣвицы тѣмъ же отплачивали мущинамъ; въ другихъ мѣстахъ другъ друга бросали въ воду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ поселяне погружаются на провеснѣ въ воду, потомъ взлѣзаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Потомъ совершался символическій обрядъ утопленія зимы и закликанія весны. Въ XVII вѣкѣ въ Польшѣ дѣлали соломенное чучело, надѣвали на него женскую одежду, торжественно несли къ рѣкѣ и повергали въ воду; это чучело называлось Маржаною и означало у

славянъ смерть или зиму, т. е. воду въ стоячемъ положенiи. Тогда пѣли: «Смерть вьется по заборамъ, ища себѣ поживы». У чеховъ такой же праздникъ назывался торжествомъ убитой зимы и воскресенiя весны. Потомъ, другое соломенное чучело было сожигаемо съ пѣснями и криками. Эти два обряда означали распусканiе воды и умерщвленiе Маржаны или зимы —воды мертвой, посредствомъ сочетанiя огнесвѣта съ водою живою и плодородящею.

Потомъ совершалось закликанiе или призыванiе весны. Это торжество у русскихъ называется красною горкою. Какъ идея свѣтопоклоненiя относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенiя: религiозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Во первыхъ, это было торжество приходящей весны. Оно начиналось призванiями матери солнца, великой Лады. Послѣ того пѣли торжественные гимны въ честь солнцу; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ; пѣли священныя пѣсни въ честь воды, совершали моленiя о плодородiи и ниспосланiи дождя, обращались къ лѣсамъ, прося ихъ развиться, призывали птицъ развеселить пѣнiемъ разцвѣтающiя дубровы. Потомъ отправлялись символическiя игры; нѣкоторыя изъ нихъ знаменовали весну, другiя означали воспоминанiя миѳологическихъ событiй. Припѣвы: Ладо-Дидо-Ладо! (т. е. великiй Ладо) Лелю-Ладо! Дана! Дана! показываютъ, что всѣ они относятся къ священной исторiи язычества славянскаго, съ которою связывается свѣто-и-водо-поклоненiе. Обряды и пѣсни сопровождались священными огнями; въ честь солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и водѣ, невѣстѣ солнца, носили свѣтильники, подобно какъ въ Египтѣ на праздникъ Озириса, у грековъ въ честь Аполлона, изображавшагося съ факеломъ, также на праздникъ Цереры и Вакха. Названiе игры горѣлки, игры весенней, показываетъ, что она первоначально совершалась около зажженныхъ огней.

Второе значенiе красной горки было земледѣльческое. Такъ какъ это было время сѣянiя, то земледѣльческiя занятiя изображались символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры, какъ напр., извѣстная игра сѣянiе проса, и пѣсни хороводныя, въ которыхъ изображается паханiе вообще, сѣянiе мака, хмѣля, ячменя и пшеницы, льна и разныя сельскiя работы. Все это, изображаясь въ священнодѣйствiи, какъ бы освящало полевые труды поселянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это празднество имѣло значенiе для пастуховъ. Дитмаръ говоритъ, что у славянъ, весною былъ такой обычай: пастухъ ходилъ по дворамъ съ палкою, которой рукоятка изображала рѣку, держащую желѣзный шаръ. Пастухъ кричалъ: «Гонило! стереги!» и всѣ думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ. Гонило значитъ гонящiй. Кажется, шаръ на палкѣ есть символъ солнца.

Третье значенiе праздника было семейственное. Высочайшiй ладъ, всемiрная гармонiя, физически символизуются въ образѣ бракосочетанiя огне-свѣта съ водою, олицетворяемыхъ подъ именами Свантовита и Дѣваны. Это бракосочетанiе совершалось въ день Купала, а до того времени, весною, происходила воображаемая любовь свѣта съ водою, какъ жениха съ невѣстою; слѣдствiемъ этой любви былъ всеобщiй разцвѣтъ, радость, свѣжесть. Любовь свѣтоноснаго мужескаго и воднаго женскаго божествъ служила первообразомъ соединенiя половъ на землѣ; потому

въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы долженствовали соединиться бракомъ при концѣ праздника, а до того времени въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражать взаимную любовь для прославленія верховной любви. И весеннія игры символизуютъ часто любовь и бракосочетаніе, напр. «царевичъ и царевна», или «сѣяное просо», гдѣ представляется умыканіе дѣвицъ, и т. д. Эти игры, исключительная принадлежность красной горки, были кажется началомъ и религіознымъ освященіемъ тѣхъ игрищъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были отправляться каждый вечеръ между дворами, и на которыхъ молодые люди знакомились между собою и приготовлялись къ браку.

Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый праздникъ народный, который теперь называется красною горкою, называется радуницею или проводами и могилками. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, гдѣ стояли на столбахъ сосуды съ пепломъ умершихъ, приносили туда яствы и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойниковъ, а женщины въ плаксивыхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торжественное пиршество, на которомъ пили-ѣли званые и незваные, все въ честь покойниковъ, а потомъ начинались борьбы и ристанія, подобно какъ въ древности у грековъ. Эти богатырскія игры считались необходимыми для умершихъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, гдѣ разсказывается, что послѣ пиршествъ надъ могилою Игоря, княгиня Ольга пригласила древлянъ на состязаніе съ кіевлянами. Поминовеніе оканчивалось радостными пѣснями и танцами, что называлось закликать мертвыхъ, т. е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе.

Послѣ красной горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и увеселеніями. Все носило видъ богослуженія Ладу. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хороводѣ, обыкновенно у воды или въ рощахъ. Это-то были тѣ игрища „межю селы", на которыхъ, по словамъ Нестора, „умыкаху у воды дѣвиця"; это-то тѣ игрища, на которыя жаловались духовные отцы, указывая въ противоположность на пустые храмы Божіи.

Когда земледѣльцы обсѣвались, и наступало болѣе свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло быстрѣе, славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое семикомъ. Праздникъ этотъ былъ тотъ же, который называется у русскихъ Яриломъ, а у словаковъ Турицами и Лѣтницами. Подобно красной горкѣ, семикъ имѣетъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Праздникъ этотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ быть собственно семь, а можетъ быть и доходилъ до дня Купала, какъ это можно предположить изъ того, что обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ славянщины въ разныя времена, но непремѣнно въ близкія около Троицына дня и купальнаго праздника.

Идея его есть поклоненіе свѣтоносному существу въ эпоху сильнѣйшей его дѣятельности. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами, вѣрно прежде символическими знаками, служитъ непремѣннымъ условіемъ этого праздника у русскихъ поселянъ.

Обыкновенно это дерево—береза, и, кажется, оно символизовало мать Ладу-природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизуетъ мать. Къ этому же торжеству относится и обрядъ погребенія Ярилы; хотя его отправляютъ иногда и послѣ, но какъ въ различныхъ мѣстахъ въ разное время, то вѣрнѣе всего онъ долженъ былъ совпадать съ праздникомъ березки или слѣдовать непосредственно за нимъ. Ярила празднуютъ теперь разнымъ образомъ: встарину человѣкъ разрумяненный, обвязанный лентами и колокольчиками, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, шелъ, окруженный толпою народа, которая плясала, пѣла, пьянствовала и билась на кулачки до смерти. Въ заключеніе хоронили чучело мущины. Такъ описанъ этотъ языческій праздникъ въ Воронежѣ, въ житіи Преосвященнаго Тихона, который истребилъ и проклялъ идола. Въ другихъ мѣстахъ Яриломъ называютъ истукана, одѣтаго въ мужское и женское платье вмѣстѣ. Въ Бѣлоруссіи Ярило изображался въ видѣ молодаго человѣка, убраннаго цвѣтами. По всему однако видно, что Ярило однозначителенъ съ Ладомъ, ибо во Владимірской губерніи называютъ Ярила Ладомъ. Этотъ праздникъ отправлялся въ честь свѣта, изображаемаго въ смыслѣ любовной плодотворной силы. Праздникъ приходится въ то время, когда вся природа бываетъ, по русскому выраженію, въ яру. Принадлежность этого праздника есть гаданіе, особенно посредствомъ вѣнковъ и цвѣтовъ, которые бросаютъ въ воду.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтняго праздника видно изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, увитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ предъ начатіемъ покоса и жатвы, то значитъ, славяне отправляли въ то время люстрацію полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы идутъ въ вѣнкахъ, и поютъ пѣсни, приличныя только этому времени; знамена увиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣру кротко, обращали въ христіанскіе тѣ изъ языческихъ обрядовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ христіанства.

Въ семейственномъ отношеніи пѣсни лѣтницкія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ дѣвицъ, не изображается первое знакомство любящихся, а выражается предчувствіе скораго брака. Такъ, въ одной напр. пѣснѣ, дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть замужемъ, въ другой сожалѣетъ о скоропреходящихъ дняхъ дѣвичества, дняхъ забавъ и пѣсенъ, за которыми послѣдуетъ однообразная жизнь семейная. Оттого, въ весеннихъ пѣсняхъ отецъ отправляетъ дочь на игрище и говоритъ: «Гуляй, дочь моя, сколько хочешь! Два раза не будешь молодою». А въ пѣсняхъ лѣтницкихъ мать посылаетъ дочь поневѣститься.

Разомъ съ гуляньемъ, пиршествами и веселыми играми поминали мертвыхъ. Хороводъ переходилъ отъ священныхъ рощъ и водъ къ могиламъ: тамъ отправлялись тризны съ такими же играми, какъ и весною. И теперь, около этого времени, въ обыкновеніи отправлять панихиды. Живущіе, празднуя полную жизнь, земное царство свѣта, напоминали отжившимъ, что и для нихъ придетъ время, когда мечъ свѣта поразитъ «смока» (дракона) и избавитъ ихъ изъ черной ночи.

Въ то же время отправлялись жертвоприношенія русалкамъ; и теперь недѣля, послѣ духовой, называется русальною.

Наконецъ, въ заключеніе продолжительнаго празднества Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одно изъ народныхъ празднествъ не оставалось съ его явно-языческими принадлежностями, послѣ принятія христіанства, какъ праздникъ купальный. Духовные въ Россіи силились истребить его и не могли до сихъ поръ; они оставили намъ любопытныя описанія. Въ стоглавѣ (въ XVI вѣкѣ) жалуются, „что противъ праздника рождества Іоанна Предтечи, противъ ночи и во весь день до ночи, мужи, и жены, и дѣти въ домахъ и по улицѣ и, ходя по водамъ, глумы творятъ со всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рощѣ омываются водою, и пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю". Въ Польшѣ такой обычай назывался соботка, и въ XVI столѣтіи служилъ увеселеніемъ даже высшаго класса. Такой огонь, назначенный для перескакиванія чрезъ него, добывался посредствомъ тренія дерева объ дерево. У западныхъ славянъ это празднество, называемое также соботка, такъ укоренилось, что на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, 23 іюня, вечеромъ, горы Судетскія и Карпаты кажутся пылающими.

Слѣды этого празднества существуютъ у многихъ народовъ. Такъ въ сѣверныхъ странахъ такой огонь зажигался въ честь Бальдура; въ Германіи онъ называется Johannisfeuer: нѣмцы переводили чрезъ него стада свои. У литовцевъ этотъ праздникъ назывался Росса, и зажиганіе огня было главнымъ его обрядомъ. У древнихъ римлянъ существовалъ пастушескій праздникъ Палилія, когда перескакивали чрезъ огонь и проводили стада; вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось очищеніе и посредствомъ воды. У грековъ очищеніе посредствомъ огня и воды составляло важный догматъ религіи и существенную часть таинствъ Цереры и Вакха. Въ глубокой древности, на праздникѣ Весты, 23 іюня, кропили водою дома и перепрыгивали ночью чрезъ зажженные костры. Такимъ образомъ торжество Купала у славянъ было общимъ праздникомъ всего языческаго міра.

Вотъ какъ отправляется этотъ праздникъ въ южной Россіи: прежде всего юноши и дѣвицы купаются, потомъ надѣваютъ вѣнки изъ черноклена съ душистыми травами, подпоясываются чернобыльникомъ и, предъ захожденіемъ солнца, собираются на возвышенномъ мѣстѣ, непремѣнно надъ рѣкою. Ставятъ два изображенія: одно чучело на подобіе человѣка, другое—дерево, увитое женскими уборами, лентами и вѣнками. Дерево обыкновенно бываетъ черноклёнъ. Потомъ раскладываютъ кучи соломы и, постановившись кругомъ, поютъ пѣсни, и, взявши въ руки изображенія, попарно, парень съ дѣвкою, прыгаютъ черезъ огонь; когда всѣ перепрыгнутъ, бросаютъ въ воду изображенія, изъ которыхъ мужское называется Купаломъ, а женское Мареною. Вслѣдъ за тѣмъ, бросаютъ съ себя вѣнки въ воду. Въ пѣсняхъ, которыя поются при этомъ, говорится, что Купало (передѣлываемый обыкновенно въ Ивана) купался, что играло на немъ солнце, и что, наконецъ, накупавшись, онъ упалъ въ воду. Поютъ также о Маренѣ, что она необыкновенная красавица, играла въ высокомъ теремѣ, потомъ бросилась въ воду. Кромѣ того, поютъ о какомъ-то женскомъ существѣ, утонувшемъ въ Дунаѣ, и о мужскомъ, изрубленномъ дѣвицами и превратившемся въ нѣсколько цвѣтовъ.

Два изображенія—мужское и женское, Купало и Марена, означаютъ, очевидно, Лада-Свантовита—свѣтоносное начало, и женское водное начало или Дѣвану: теперь они называются въ народѣ царь-огонь и ца-

рица-водица. Бракъ солнца съ водою былъ величайшимъ торжествомъ всего творенія; оттого, по народнымъ суевѣріямъ, и солнце три раза останавливается на день св. Іоанна, и птицы, и звѣри, и цвѣты, и деревья радуются. Въ самомъ дѣлѣ въ то время, послѣ вступленія солнца въ знакъ Рака, заключается въ природѣ процессъ растенія и возбужденія; поэтому тогда солнце представляется на высочайшей степени своей всеживотворящей дѣятельности.

Въ отношеніи семейномъ этотъ день былъ великъ у славянъ. Юноши и дѣвицы, составлявшіе хороводъ впродолженіе праздника Лада, должны были соединиться бракомъ. Хороводъ уничтожается. Каждый юноша выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Это доказывается тѣмъ, что пѣсни купальскія есть, по большей части, однѣ и тѣ же, что свадебныя; въ нихъ уже мало поется о любви, а если поется, то о супружеской; дѣвушка теряетъ отца, брата, сестру и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя, золовку. Какъ купанье, такъ и перескакиванье черезъ огонь обряды брачные и, кажется, у славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчаніе. Такъ Іаковъ Черноризецъ, жившій въ XI вѣкѣ, жаловался митрополиту Іоанну, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе посредствомъ плесканья. Огонь же употребляется на свадьбахъ: въ Малороссіи и теперь на свадебномъ пиру молодые перескакиваютъ черезъ кучу зажженной соломы, какъ на Купала.

Въ хозяйственномъ отношеніи этотъ праздникъ имѣлъ также высокое значеніе. Въ этотъ день собираются обыкновенно травы какъ медицинскія, такъ и такія, которымъ фантазія приписываетъ чародѣйственную силу. Какъ вода, такъ и огонь, и даже вѣнки съ праздника купальскаго, признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ чернобыльникомъ какой-то земляной уголь, исцѣляющій отъ болѣзней. Тогда растетъ трава архилина, получаемая, какъ думали встарину, только чрезъ золотую и серебряную гривну, и трава-разрывъ, способная разрушать желѣзо, и цвѣтетъ папоротникъ, символъ таинственной силы свѣта. Огнемъ купальскимъ и водою очищали славяне скотъ, поля и огороды, приготовляясь къ началу полевыхъ работъ, и полагая, что они предохраняютъ произрастенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ. И потому, справедливо называютъ Купала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ смыслъ высочайшей силы солнца, онъ дѣйствительно былъ божествомъ плодородія.

Неизвѣстно навѣрное, имѣетъ ли праздникъ Купала значеніе для усопшихъ, но то вѣрно, что огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Такъ русскіе объясняли арабскому путешественнику Ибнъ Фоцлану, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобы умершіе невозбранно вошли въ блаженство, слѣдовательно, достигли блаженства посредствомъ огня. Въ Богеміи если и хоронили трупы, не сжигая, то считали необходимымъ, чтобы на могилѣ три или семь дней горѣлъ огонь. Что вода была также необходимою для мертвыхъ, видно изъ того, что, по сказанію того же арабскаго путешественника, мертвыхъ сожигали непремѣнно въ лодкѣ на водѣ. Святославъ, для успокоенія усопшихъ, топилъ въ водѣ пѣтуховъ и младенцевъ.

По окончаніи длиннаго праздника Лада, начинались полевыя работы, которыя, не смотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ Свантовиту-Ладу, теперь называемый «обжинки». Саксонъ Грамма-

такъ описываетъ его у прибалтійскихъ славянъ такимъ образомъ: «Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т. е. внутреннюю часть храма, едва переводя отъ благоговѣнія дыханіе, и смотритъ, есть ли вино въ рогѣ, находившемся въ правой рукѣ идола. Ежели нѣтъ или мало, это служило предвѣстіемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ собранъ передъ храмомъ и въ внѣшней части храма: жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, выходитъ къ народу, выпиваетъ при торжественныхъ моленіяхъ о всеобщемъ благоденствіи, побѣдѣ и мирѣ, желаетъ, чтобы никто изъ присутствующихъ не умеръ, потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ въ рукѣ идола. Послѣ того онъ выходитъ къ народу; приносятъ огромный медовой пирогъ и ставятъ передъ жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: «Что, видите вы меня?» Если ему отвѣчаютъ: «Не видимъ», то говоритъ: «Ну, чтобы же вы меня и на тотъ годъ не увидѣли за большимъ изобиліемъ»! Это драгоцѣнное извѣстіе мы можемъ считать относящимся и къ нашему отечеству. До сихъ поръ у малороссіянъ сохраняется подобный обрядъ, только перенесенный ко времени Рождественскихъ Святокъ. Отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: «Видите ли вы меня, дѣти»? Ему отвѣчаютъ: «Не видимъ». Онъ говоритъ: «Ну, дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не увидѣли». Послѣ обряда праздникъ проводился славянами въ пиршествахъ и забавахъ. Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество это съ различными церемоніями въ разныхъ краяхъ. Въ Россіи обыкновенно все село дѣлаетъ складчину, пьютъ и ѣдятъ, и отправляютъ при этомъ обряды, истинно миѳологическіе, напр. дѣлаютъ чучело изъ снопа въ видѣ женщины, или приносятъ въ церковь пѣтуха (а пѣтухъ, особенно красный, на всемъ европейскомъ сѣверѣ символизуетъ огонь). Въ Малороссіи жницы и женцы несутъ снопы въ церковь, сами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами.

Третій праздникъ у славянъ отправлялся зимою въ то время, когда солнце доходило до наименьшей степени своей силы и возвращалось снова на весну. Праздникъ этотъ имѣетъ основаніе въ общечеловѣческомъ миѳологическомъ понятіи о рожденіи свѣта. У римлянъ тогда отправлялись Январскія Календы (называвшіяся также Natales Solis invicti). Древнее изображеніе женщины съ младенцемъ было символомъ рождающагося солнца. У скандинавовъ тогда отправлялся праздникъ Іолы, въ знакъ возвращающагося солнца. У славянъ былъ въ то время праздникъ, именуемый теперь колядою; утверждали, что коляда есть испорченное слово Calendae, и зашло въ Малороссію отъ поляковъ, которые заимствовали его отъ западныхъ европейцевъ. Но мы знаемъ, что не только въ Малороссіи, но и въ Великой Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, извѣстно имя коляды, притомъ находимъ видимое сходство обрядовъ этого праздника съ древними подобными миѳологическими торжествами. Имя коляда, какъ можно полагать, не произошло отъ Calendae, а скорѣе однозначительно со словомъ Іола, означающемъ колесо—кругъ солнца; тоже значитъ и коляда отъ коло—кругъ, колесо.

Въ отношеніи религіозномъ этотъ праздникъ у славянъ отправлялся въ честь рождающагося солнца, изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ славяне начинали съ зимняго поворота. А такъ какъ солнце совершаетъ дѣятельность свою постоянно, и сначала оно является въ ма-

ломъ видѣ, то оттого и образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣтствѣ свѣтоноснаго начала въ годичномъ его бытіи: оттого и произошло изображеніе женщины-олицетворенной природы—съ младенцемъ. Памятникомъ этому служитъ пѣсня:

Уродилась коляда
Наканунѣ рождества.

Въ отношеніи семейственномъ этотъ праздникъ, кажется, имѣетъ также значеніе. Колядницы, ходящія подъ окнами въ Малороссіи, поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще не знающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ этимъ чувствомъ. Такъ юноша изображается съ атрибутами молодца, на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и получаетъ ее то геройскою удалью, то прельщая красотою. Дѣвицѣ расхваливаютъ ея наряды, ея красоту, и говорятъ, что скоро сберутся къ ней князи и бояре (т. е. женихи), будутъ искать любви ея, и наконецъ возьметъ ее доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ юношей. По большей части гаданья, существенная часть праздника, относятся къ семейной связи. Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша свою будущую подругу. Къ такимъ принадлежитъ гаданье посредствомъ лошади: дѣвушки выводятъ коня и проводятъ его черезъ бревно: ежели конь не зацѣпится, то мужъ у той, которая гадаетъ о себѣ, будетъ добрый, въ противномъ случаѣ—сердитый. Гаданье посредствомъ кольца также древнее. Гаданье посредствомъ куръ, которыхъ заставляютъ пить воду, ѣсть хлѣбъ, брать кольца и т. п., сходно съ гаданьями римскихъ авгуровъ. Гаданье посредствомъ лучины, которую обмакиваютъ въ водѣ и зажигаютъ и, по скорому зажженію, заключаютъ о выгодномъ или невыгодномъ бракосочетаніи, имѣетъ соотношеніе съ языческимъ понятіемъ о бракосочетаніи огня съ водою. Всѣ эти гаданья исключительно семейныя. Очень вѣроятно, что въ язычествѣ на праздникѣ коляды—рожденія солнца—составлялся и освящался хороводъ, котораго члены—юноши и дѣвицы—долженствовали на будущую весну своею любовію прославлять всеобщую любовь, выражаемую въ природѣ жизнью, а въ языческой миѳологіи—символическимъ бракосочетаніемъ царя-огня съ царицею-водицею.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, праздникъ коляды имѣлъ важное значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи. Обычаи щедровать и отчасти колядовать у малороссовъ преимущественно земледѣльческіе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ обиліе и счастіе хозяина, говорятъ, что у него есть и пшеничный хлѣбъ, и кишки, и колбасы, и желаютъ ему такого-же благоденствія на другой годъ. «Богъ тебе кличе!—говорится въ одной щедровкѣ; даетъ два лана жита, а третій пшеницы, а четвертый гречихи, а пятый овса». Въ другой говорится, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣетъ на будущій годъ хлѣбъ, то Богъ ниспошлетъ на ниву его дождь, который упадетъ три раза въ маѣ, и на нивѣ уродится жито и пшеница, а хозяинъ, въ благодарность за хорошее желаніе, долженъ поставить пѣвцамъ меду и вина. У великоруссовъ хозяину желаютъ корысти въ домъ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что значитъ принимать гостей. При святочныхъ подблюдныхъ пѣсняхъ всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

Пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ.

Многія изъ гаданій относились къ урожаю въ будущемъ году, какъ и въ женитьбѣ. Гаданье посредствомъ соломины, которую берутъ, закинувъ голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломина съ колосомъ, и о несчастіи, когда пустая, есть гаданье земледѣльческое. Обычай посыпать зерномъ на новый годъ, наблюдаемый въ Великой и Малой Россіи, сопряженъ съ большимъ торжествомъ, которое называется авсень у великоруссовъ, а у малороссіянъ щедрымъ вечеромъ. Этотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ, вѣроятно, значеніе освященія зеренъ, приготовляемыхъ для посѣва. У малороссовъ поется при этомъ о святомъ Иліи, который носитъ плеть изъ жита, и гдѣ махнетъ ею, тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ святымъ Иліею, вѣроятно, сокрылось другое языческое существо, которое могло быть не иной кто, какъ Ладъ-свѣтъ, всеоживляющее, дарующее всякое благо, начало,—Бѣлый Богъ, Свантовитъ, покровитель земледѣлія.

VIII. СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ СЛАВЯНЪ.

(По соч. Срезневскаго «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ»).

Чувствуя силу природы, славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество и по ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ—въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня. Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п., очищались водою, какъ стихіей священной, молились надъ водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судьями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностью можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, человѣку не ясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы: коляда и купало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и поэтому не могли не быть почитаемы, какъ священныя мѣста богослуженія. «Не нарицайте себѣ бога въ камнѣ», говорилъ русскій проповѣдникъ XII ст. Кириллъ, увѣщевая русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы; къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ славянъ были и жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполиновыхъ горахъ и проч.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали славяне, и сохранили отчасти до нынѣ, чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ славянъ.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ и на землѣ, славянинъ вѣрилъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію славянъ, жизнью каждаго человѣка. Славяне вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ роженицами, и разсказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу, которая предсказываетъ ему судьбу его. Русскіе славяне вѣрили также въ эти существа, называя ихъ *рожаницами*. «Молятся и роду, и рожаницамъ», говоритъ одинъ христіанскій обличитель языческихъ вѣрованій. У всѣхъ славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божье. Русскіе говорятъ: «Чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь» или, какъ выражались прежде: «Ни хитру, ни горазду суда Божія не минути». Сербы говорятъ: «Отъ Божьей воли нельзя никуда уйти». Славяне вѣрили, что боги и въ милости, и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждать ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ—во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у славянъ. „Вѣруемъ", говоритъ Кириллъ,—„въ дятловъ, въ воронъ и синицъ. Когда идемъ куда, и если которая впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ:

правая ли играетъ или лѣвая? Если играетъ по нашей мысли, то мы говоримъ себѣ: добро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ она намъ. Если что на дорогѣ случится дурнаго, то говоримъ окружающимъ насъ: а что, не воротиться ли? Когда отправляемся куда, заходимъ къ волхвамъ, вѣруемъ въ нихъ,—въ встрѣчу, а когда идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ птицу!"

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва,—все—и жизнь, и счастіе, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе и пр. О вѣрованіи славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства и въ свидѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребененіе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если бы у оставшихся въ живыхъ не было надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни. Славяне представляли себѣ рай чудеснымъ садомъ, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ разсказываютъ объ этомъ преданія словаковъ и хорутанъ,—садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю,—жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и та же участь, что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Славяне боялись мукъ въ неугасаемомъ огнѣ пекла, вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самимъ словомъ, принадлежитъ до сихъ перъ большей части славянъ. Это пекло представляли славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы, и откуда появляются на землю на страхъ боязливымъ. Не смотря, впрочемъ, на эти опасенія славянина язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія, она оживлялась мыслью о благости боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Служеніе богамъ севершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, не рѣдко дуплистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено кольями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи, гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ предъ лицемъ самого божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь

къ богу, молельщики выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленныя. Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Пѣніе было принадлежностью языческой религіи славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что „пѣвца добра милуютъ боги", и что пѣвецъ Баянъ былъ внукомъ бога солнца Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хотя благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенія чаще всего были огнемъ и яствами. Обычай разложенія огня сохранился до сихъ поръ у многихъ славянъ, не совсѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ коляды или новогодія и въ праздникъ купалы или креса въ половинѣ года. Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: „Ему, какъ Богу, жертву приносили и огонь неугасающій съ дубоваго дерева непрестанно палили". Возношенія яствами были также обыкновенны: „Ты, Перунище, до сыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви дальше", говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. „Кладутъ имъ требы, короваи имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ядятъ, ставятъ кумирамъ трапезы котѣйныя", сообщаетъ одно обличительное русское слово. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Жертвы закланія возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время праздпествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Что должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гаданіемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напримѣръ: быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвъ совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо какъ яства на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Видно также, что жертвы могли приноситься и злому богу, враждебному людямъ, или же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двоякій

характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли преимущественно характеръ дара богамъ; онѣ были вообще въ большемъ обычаѣ у славянъ. Самое слово жертва или жаризна происходитъ отъ жрѣти—сожигать. Было у славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у русскихъ, поляковъ и балтійскихъ славянъ; можно догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ славянскимъ народамъ. „Русскіе во время язычества, говоритъ ихъ лѣтописецъ, приводили дочерей своихъ и сыновей, приносили жертвы бѣсамъ, оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровью земля русска и холмъ тотъ".

Гаданія составляли столь же необходимую принадлежность богослуженія славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою: раскрыть ему свою волю и его будущее, подать ему совѣтъ или повеленіе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, оградить его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Гадая о будущемъ, славянинъ-язычникъ допрашивалъ божество, во первыхъ, о томъ, быть ли чему или не быть, дѣлать ли ему что, или не дѣлать,—во вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно то и было гаданьемъ по жребію. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа славянскаго очень важную часть суевѣрій. Гаданія, въ понятіи язычниковъ-славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную, и общественную. Гаданіемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ, на мірской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ избирали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, и старожилы еще запомнятъ, какъ москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у славянъ, особенно судъ Божій. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданіемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы, сухопутные и морскіе; гаданіемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ; гаданіемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

IX. РУССКІЕ ИНОРОДЦЫ.

(Изъ «Русской Исторіи» Бестужева-Рюмина т. I).

Въ эпоху основанія Русскаго государства на его теперешней территоріи рядомъ съ племенами славянскими живутъ племена другаго происхожденія: финны, тюрки, литва. Часть этихъ племенъ существуетъ еще до сихъ поръ; другія исчезли или замѣнены новыми выходцами, или слились, главнымъ образомъ, съ славянами, преимущественно въ Великой Россіи. Великоруссы, какъ всѣ великіе историческіе народы: римляне, англичане, французы, являются народомъ смѣшаннымъ. Славянская колонизація сѣвера и сѣверо-востока, начавшаяся еще во времена до-историческія, успѣла мало-по-малу отождествить съ собою разрозненныя финскія племена. Ни лѣтописи, ни преданія не знаютъ ни общаго истребленія финскихъ племенъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зналъ ихъ первоначальный лѣтописецъ, ни общаго переселенія ихъ оттуда, а между тѣмъ современный этнографъ не находитъ ихъ на этихъ мѣстахъ; стало быть, они не перешли, не истреблены, а переродились. Перерожденіе это началось въ эпоху доисторическую и совершалось медленно и постепенно; медленность эта много говоритъ въ пользу сравнительно мирныхъ нравовъ нашихъ предковъ.

Весь сѣверъ и сѣверо-востокъ теперешней Россіи населенъ былъ въ древности племенами финскими, которыя нашими предками назывались чудью. Писатели классической древности знаютъ чудскія племена сначала подъ разными именами (антропофаги, меланхлены и нѣкоторыя другія племена Геродота могли быть, какъ многіе думаютъ, финнами), а потомъ подъ ихъ германскимъ названіемъ финны. Подъ этимъ именемъ Тацитъ такъ описываетъ ихъ состояніе: «у финновъ чистая дикость, гнусная бѣдность: нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни пенатовъ; ихъ пища—трава, одежда—кожа, ложе—земля; вся надежда на стрѣлы, которыя, за неимѣніемъ желѣза, заостряютъ костями. Охота кормитъ одинаково и мужчинъ, и женщинъ, которыя всюду сопровождаютъ мужей и требуютъ себѣ части добычи; дѣтямъ нѣтъ другаго убѣжища отъ непогоды и звѣрей, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей; сюда идутъ юноши, сюда удаляются старцы. Они считаютъ это состояніе болѣе счастливымъ, чѣмъ обработывать поля, строить дома, дрожать за свое имущество, завидовать чужому. Не опасаясь людей, не страшась боговъ, они достигли трудно-достижимаго: они ничего не желаютъ». Скандинавскія саги знаютъ финновъ, какъ колдуновъ и ковачей оружія. Скандинавскіе путешественники упоминаютъ объ эстахъ и финнахъ; Адамъ Бременскій—о чуди, веси, мерѣ. Но самыя важныя свѣдѣнія для этнографіи чудскихъ народовъ даетъ нашъ первоначальный лѣтописецъ: „На Бѣлоозерѣ сѣдятъ весь, говоритъ онъ, а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ меря-же; по Оцѣ-рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, мордва свой языкъ". Далѣе, исчисляя народы, платящіе дань Руси, онъ указываетъ слѣдующія чудскія племена: чудь, меря, весь, мурома, черемиса, мордва, пермь, печера, ямь, ливъ. Не менѣе, если не болѣе, важны были бы разсказы восточныхъ писателей; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія критики, еще многое въ этихъ разсказахъ кажется темнымъ, непонятнымъ, а нерѣдко и баснословнымъ:

„Царь болгаровъ (жившихъ у Оки и Волги), разсказывалъ Ибнъ-Фоцлану, что за его землею, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути, есть народъ, называемый Вису (весь), у котораго ночь иногда продолжается всего часъ"; «По Волгѣ,—говоритъ Якутъ въ своемъ словарѣ, компиляціи XII в.—купцы ѣдутъ до Вису и везутъ оттуда много мѣховъ: бобровъ, соболей и бѣлокъ». Какъ производилась эта торговля, разсказываетъ Казвини, писатель XIII в. Болгаре приносятъ свои товары для продажи, и каждый, означая свой товаръ знакомъ, оставляетъ его здѣсь. Потомъ онъ приходитъ опять и находитъ на томъ же мѣстѣ товаръ, употребляемый въ его землѣ, Если онъ имъ доволенъ, то, оставляя свой, беретъ въ замѣнъ его товаръ, оставленный туземцами; если же нѣтъ, то беретъ свой товаръ. Чтобы отвадить другіе народы торговать съ весью, болгаре пустили въ ходъ сказку, которая повторялась еще въ XIV в.: „Обитатели Вису—говорили они—не ходятъ потому въ землю болгаръ, что какъ только они придутъ, то воздухъ измѣняется и наступаетъ такой холодъ, что, хотя бы это было лѣтомъ, гибнутъ растенія". О предметахъ этой торговли вотъ что говоритъ Аббу-Гамидъ-Андалузи (въ XII в., когда уже и веси давно не было, но арабы повторяютъ другъ друга)": болгаре приносили народу вису сабли изъ магометанскихъ земель. Сабли эти безъ эфеса и безъ всякихъ украшеній; это простые клинки, какъ будто сейчасъ только вынутые изъ горна. Если подобную саблю привѣсить на нитку и ударить по ней, то она звучитъ. Такія же сабли возятся и въ землю Юра, гдѣ жители покупаютъ ихъ большою цѣною". О буртасахъ любопытныя извѣстія сообщаетъ Ибнъ-Даста: „Буртасы выставляютъ въ поле 10,000 всадниковъ; но нѣтъ у нихъ верховнаго главы, который управлялъ бы ими, и власть котораго признавалась бы законною; есть у нихъ въ каждомъ селеніи только по одному или по два старшины, къ которымъ обращаются они за судомъ въ своихъ распряхъ. Настоящимъ образомъ подчиняются они только царю хозаръ". Кажется, что и другія финскія пламена остановились на такой же степени разноплеменности, и таковы были, вѣроятно, мордовскіе князья, о которыхъ упоминаютъ наши лѣтописи XIV в. и вогульскіе, встрѣчающіеся позднѣе: и тѣ и другіе, вѣроятно, были только старшинами селеній. „Занимаются они землепашествомъ, но главное ихъ богатство составляетъ медъ, куньи мѣха и мѣха вообще", какъ говоритъ тотъ-же писатель. Извѣстно, что изъ земли буртасовъ вывозили чернобурыхъ лисицъ.

Всемірно-историческое значеніе пріобрѣлъ одинъ изъ народовъ если не финскихъ, то, по крайней мѣрѣ, состоящій въ близкомъ родствѣ съ финнами. Мы говоримъ о мадьярахъ. Первоначальныя жилища мадьяровъ были между Волгою, Камою, Тоболомъ и верхнимъ теченіемъ Яика; здѣсь жили они въ сообществѣ съ своими близкими родичами башкирами, съ которыми ихъ часто смѣшиваютъ писатели средневѣковые, восточные и западные (Рубруквисъ). Тѣснимые печенѣгами, они около 884 г. переселились въ область, названную Лебедіею, и поселились здѣсь въ зависимости отъ хозаръ. Подвергшись снова нападенію печенѣговъ, переселившихся въ Европу, они пришли въ Ател-Кузъ (въ Бессарабію). Къ этому времени относится ихъ нападеніе на Кіевъ, упоминаемое первоначальнымъ нашимъ лѣтописцемъ и описанное нотаріемъ короля Белы. Мадьяры, въ разсказѣ Ибнъ-Дасты, являются хищническимъ, ко-

чевымъ народомъ: они живутъ въ кибиткахъ и занимаются грабежемъ; по разсказу Ибнъ-Дасты, хозаре окапывались отъ нихъ валами. Устройство ихъ соотвѣтствовало такому быту: они кочевали родами подъ управленіемъ родовыхъ старѣйшинъ, которые, собираясь, избирали верховнаго вождя; одному вождю повинуются безусловно: „Всѣ мадьяры—говоритъ Ибнъ-Даста—повинуются приказаніямъ, которыя даетъ имъ глава ихъ, по имени Джила: прикажетъ ли онъ на врага идти, или врага отражать, или что другое. Они подчиняются верховной власти одного, и эти вожди обыкновенно строго наказываютъ за каждый проступокъ—говоритъ императоръ Левъ;—они занимались охотою, звѣроловствомъ и даже еще до поселенія въ Паноннiи видно у нихъ начало земледѣлія".

Сѣверо-восточный уголъ нынѣшней Европейской Россiи отъ Двины и, вѣроятно, до Уральскихъ горъ занимала знаменитая въ сѣверныхъ сагахъ Біармія. Множество находокъ, дѣлаемыхъ въ нынѣшней Пермской губерніи, свидѣтельствуютъ, что нѣкогда страна эта была важнымъ торговымъ центромъ. Первое извѣстіе о Біарміи сообщаетъ норвежецъ Отеръ, бывшій въ службѣ у короля Альфреда въ IX в. Послѣ продолжительнаго плаванія, Отеръ съ своими спутниками вошелъ въ устье Большой рѣки (Двины),—до сихъ поръ онъ видѣлъ по берегу только разсѣянныхъ рыбаковъ и звѣролововъ—финновъ. „Біармійцы многочисленны въ своей землѣ, отчего онъ не осмѣлился ни самъ выйдти, ни своихъ пустить на берегъ". Много разсказывали они ему о своей землѣ и объ окружающихъ странахъ, но онъ не знаетъ, что въ этихъ разсказахъ правда, ибо не видалъ своими глазами. Что касается до языка, то ему кажется, что у біармійцевъ одинъ языкъ съ финнами. Онъ пріѣхалъ въ эту землю не только для познанія ея, но и для добыванія моржей (rosmaross), которыхъ зубы превосходны—нѣсколько зубовъ получилъ король въ подарокъ,—и кожа которыхъ удобна для дѣланія канатовъ. Съ тѣхъ поръ викинги нормандскіе часто стали посѣщать Біармію, прославленную въ сагахъ богатствомъ золота, серебра (вспомнимъ «закамское серебро» нашихъ лѣтописей и чудскія копи).

Къ сожалѣнію, въ смутныхъ извѣстіяхъ о Біарміи мы не находимъ ничего опредѣленнаго ни объ общественномъ бытѣ (знаемъ только изъ мимоходной замѣтки скандинавовъ, что они занимались земледѣліемъ), ни о государственномъ устройствѣ (о другихъ финнахъ мы знаемъ, что они жили въ разрозненности племеннаго быта; объ уграхъ, что у нихъ образовалось военное государство, по примѣру другихъ азіатскихъ ордъ), ни о религіи: только одно имя Юмалы доказываетъ намъ, что это общефинское божество неба было чтимо и въ Біарміи. Вопросъ о финской миѳологіи болѣе сложенъ, чѣмъ онъ кажется съ перваго взгляда: у большей части финскихъ народовъ мы встрѣчаемся съ самыми первоначальными формами миѳологіи, со страхомъ передъ внѣшними явленіями, который, быть можетъ, не безъ содѣйствія окружающей природы, создалъ обширную демонологію. Академикъ Шифнеръ дѣлаетъ очень важное замѣчаніе: «Западныя вѣтви финскаго племени, переселяясь изъ своей далекой или близкой прародины въ нынѣшнія мѣста своего жительства, не принесли съ собою сформированнаго ученія, но узнали и приняли готовое лишь только тогда, какъ пришли въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми народами индо-германскаго племени, опередившими ихъ въ образованіи. Что-же до тѣхъ поръ имѣли у себя финскіе народы, то было

не много выше шаманства, или, по крайней мѣрѣ, ограничивалось какимъ нибудь числомъ стихійныхъ существъ». При такомъ положеніи дѣла становится яснымъ подчиненіе финскаго элемента славянскому, хотя, конечно, и при подчиненномъ своемъ положеніи онъ не остался безъ извѣстной доли вліянія.

По Волгѣ и Камѣ въ эпоху образованія русскаго государства существовало государство Болгарское, сложенное изъ элементовъ тюркскихъ, финскихъ, а можетъ быть, отчасти и славянскихъ. Поселеніе болгаръ на Волгѣ относится, вѣроятно, къ очень давнему времени; отдѣлившаяся отъ нихъ орда тѣснила еще въ V в. славянъ въ степяхъ черноморскихъ и гнала ихъ на территорію Византійской имперіи; въ концѣ V в. эти болгаре начали сами дѣлать нападенія на грековъ; отъ нихъ въ V в. императоръ Анастасій построилъ стѣну, которой назначеніе было охранять Царьградъ; въ VI в. ихъ покорили авары. Въ царствованіе Ираклія (610—641) они освободились отъ власти аваровъ, и, въ 668, подъ начальствомъ Аспаруха, одна изъ ордъ ихъ заняла Буджакъ, отсюда мало по малу распространилась по Мизіи и основала здѣсь, между славянскими племенами, царство болгарское. Между тѣмъ единоплеменники ихъ оставались на Волгѣ, распространяясь иногда до Каспійскаго моря, которое у насъ извѣстно было подъ именемъ Хвалисскаго отъ болгарскаго племени хвалисовъ. Точныхъ свѣдѣній о болгарахъ волжскихъ мы не имѣемъ до 922 г., когда болгарскій Алмусъ (Альмушъ) принялъ исламъ, для чего отправлялъ посольство къ калифу Муктадиру съ просьбою прислать людей, свѣдущихъ въ законѣ, и архитекторовъ для построенія мечети и крѣпости, гдѣ онъ былъ бы безопасенъ отъ нападенія враждебныхъ царей. Съ отвѣтомъ отъ калифа ѣздилъ въ Болгарію Ибнъ-Фоцланъ, оставившій описаніе своего посольства. Послы ѣхали изъ Урженджа (Хивы) семьдесятъ дней (что составляетъ около 2500 верстъ); болгаре ихъ встрѣтили съ большимъ почетомъ: на встрѣчу вышли дѣти и братья царя и четыре подвластныхъ ему царя, неся хлѣбъ, мясо и просо; царь самъ встрѣтилъ ихъ за 8 верстъ отъ своего жилища; онъ угостилъ ихъ обѣдомъ въ своей палаткѣ и самъ раздавалъ куски мяса. «Таковъ тамъ обычай— говоритъ Ибнъ-Фоцланъ—что никто не можетъ дотронуться до кушанья, пока царь ему не дастъ куска, и тогда уже тому, кто получилъ кусокъ, подаютъ особый столъ»; на торжественной ауденціи съ царемъ рядомъ сидѣла царица.

Многое поражаетъ Ибнъ-Фоцлана въ странѣ болгаръ: и сѣверное сіяніе, и краткость ночи, и обычаи земли. Встрѣчаясь съ царемъ, всякій болгаринъ снимаетъ шапку и кладетъ ее подъ мышку; ему кланяются въ поясъ; купаются вмѣстѣ мужчины и женщины, но строго наказываютъ за прелюбодѣяніе: «Если кто будетъ въ этомъ виновенъ, того, кто бы онъ ни былъ, привязываютъ за ноги къ четыремъ столбамъ, которые вколачиваютъ въ землю, и топоромъ ему разсѣкаютъ тѣло отъ шеи до бедра. Такимъ же образомъ поступаютъ и съ женщинами. Потомъ каждую половину тѣла вѣшаютъ на дерево. Вора наказываютъ такимъ же образомъ». По другому арабскому извѣстію, убійцу «запирали въ ящикъ изъ дерева халенджъ (береза) и вѣшали на высокій шестъ, гдѣ онъ и умиралъ отъ жара или холода». Ибнъ - Фоцланъ сообщаетъ, между прочимъ слѣдующее странное извѣстіе: «Если встрѣтятъ человѣка съ необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ познаніемъ вещей, говорятъ:

„ему въ пору служить Богу»; потомъ схватываютъ его, вѣшаютъ на дерево и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ трупъ не распадается на части». В. В. Григорьевъ полагаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о знахаряхъ. Подобное толкованіе можетъ быть подкрѣплено разсказомъ Абу-Хамидъ-Андалузи (посѣтившаго Болгарію въ XII в.) объ обращеніи болгаръ съ вѣдьмами: «Каждыя двадцать лѣтъ—говоритъ этотъ путешественникъ—старухи въ этой странѣ заподозрѣваются въ колдовствѣ, что производитъ сильное волненіе въ народѣ. Тогда собираютъ старыхъ и, связавъ имъ руки и ноги, кидаютъ въ большую рѣку, тамъ протекающую. Которая выплыветъ, ту считаютъ колдуньею и сожигаютъ; которая же станетъ тонуть, ту объявляютъ невинною и освобождаютъ». Наши лѣтописи различаютъ разные роды болгаръ: волжскіе, серебряные, или нукратскіе (по Камѣ), черемшанскіе, хвалисскіе. «Пища болгаровъ—говоритъ Ибнъ-Фоцланъ — состоитъ большею частью изъ проса и конины, хотя въ землѣ ихъ пшеницы и ячменю родится очень много». «Болгары—народъ земледѣльческій, говоритъ Ибнъ-Даста, и воздѣлываютъ всякаго рода зерновой хлѣбъ, какъ-то: ячмень, просо и другіе». Главнымъ ихъ занятіемъ, впрочемъ, была торговля: «Хозары ведутъ торгъ съ болгарами—говоритъ Ибнъ-Даста—равнымъ образомъ и Русь привозитъ къ нимъ свои товары. Везутъ къ нимъ товары свои всѣ изъ нихъ (руссовъ), живущіе по обоимъ берегамъ упомянутой рѣки; товары же эти суть мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и другіе». «Главное ихъ богатство—говоритъ тотъ же писатель—составляетъ куній мѣхъ». Чеканной монеты у нихъ своей нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха. Каждый мѣхъ равняется двумъ диргемамъ съ половиною (=45 к.). Крупные серебряные диргемы приходятъ къ нимъ изъ странъ мусульманскихъ путемъ мѣны за ихъ товары». «Если кто-нибудь изъ нихъ — говоритъ Абу-Хамедъ-Андалузи — ведетъ торговлю съ иностранцами и обанкрутится, то продаютъ его жену, дѣтей, жилище и его самого, чтобы удовлетворить претензіи иностранца». Воинскіе подвиги также не чужды были болгарамъ: «Отъ земли буртасовъ—говоритъ Ибнъ-Даста—до земли болгаръ три дня пути. Послѣдніе производятъ набѣги на первыхъ, грабятъ ихъ и въ плѣнъ уводятъ. Болгаре ѣздятъ верхомъ, носятъ кольчуги и употребляютъ острое оружіе». Враждебныя столкновенія болгаръ съ русскими случались также нерѣдко.

На югѣ нынѣшней Россіи въ IX в. владычествовали хозаре. Происхожденіе хозаръ довольно темно, хотя большинство изслѣдователей считаетъ ихъ тюрками. Достовѣрныя извѣстія о хозарахъ восходятъ ко II в. по Р. Х., когда они жили между морями Чернымъ и Каспійскимъ, и вели войны съ армянами; нашествіе гунновъ постигло и хозаръ, которые покорились имъ. Освободившись отъ гунновъ, хозары начинаютъ славиться своими воинственными подвигами: въ VI в. персидскій царь Кобадъ оградилъ сѣверную границу Ширвана большимъ валомъ отъ нападенія хозаръ, а сынъ его Хозрой построилъ стѣну. Съ VII в. начинаются болѣе тѣсныя, то враждебныя, то дружескія, сношенія хозаръ съ Византійскою имперіею: они помагали Ираклію въ войнѣ съ персами; въ томъ же вѣкѣ подчинили они себѣ болгаръ и овладѣли Таврическимъ полуостровомъ, гдѣ находилъ у нихъ убѣжище Юстиніанъ II, женившійся на сестрѣ кагана; въ VII в. вели хозары семидесятилѣтнюю войну съ калифатомъ, въ которой по большей части терпѣли неудачи;

а между тѣмъ на сѣверѣ власть ихъ усилилась, и они подчинили себѣ въ IX в. разныя славянскія племена: полянъ, сѣверянъ, вятичей и радимичей, о чемъ свидѣтельствуетъ нашъ первоначальный лѣтописецъ. Новые выходцы изъ подъ Урала, печенѣги, заставили хозаръ принимать средства обороны: противъ нихъ, съ помощью византійцевъ, построили хозаре Саркелъ (Бѣлую Вѣжу). Нападеніе печенѣговъ, усиленіе русскихъ князей, въ особенности походы Святослава и Мстислава Удалаго, разрушили хозарское государство; но остатки хозаръ еще долго существовали въ Крыму и на Кавказѣ.

Хозаре были народъ полуосѣдлый, подобно болгарамъ: «Зимою мѣстное населеніе—говоритъ Ибнъ-Даста — живетъ въ городахъ, съ наступленіемъ же весны выходитъ изъ нихъ въ степи, гдѣ и остается до приближенія зимы. «Въ мѣсяцѣ нисанѣ (апрѣлѣ), пишетъ хозарскій царь, оставляемъ мы городъ, и каждый отправляется въ свое поле и огородъ, который и воздѣлываетъ, ибо у каждаго семейства своя вотчина, въ которую онъ и отправляется весело и радостно... Я же съ моими вельможами и слугами кочую по пространству 20 парасанговъ до великой рѣки Арзакъ». Главный городъ хозаровъ назывался Итиль и стоялъ близко отъ того мѣста, гдѣ теперь Астрахань. Городъ этотъ, по описанію царя хозарскаго Іосифа, сличенному съ арабскими писателями, состоялъ изъ трехъ частей: двухъ по обѣимъ берегамъ рѣки и третьей на островѣ; въ этой послѣдней жилъ самъ царь съ своими вельможами и слугами. Народонаселеніе города было разноплеменное и разновѣрное, вслѣдствіе чего хозары для людей каждой вѣры установили особыхъ судей. «Учреждено семь судей—говоритъ Масуди:—два для магометанъ, два для хозаръ, которые судятъ на основаніи закона Моисеева, два для живущихъ здѣсь христіанъ, которые судятъ на основаніи Евангелія, и одинъ для славянъ, руссовъ и другихъ язычниковъ, которые судятъ по законамъ языческимъ». Большинство писателей восточныхъ, а согласно съ ними и Константинъ Багрянародный, свидѣтельствуютъ, что хотя верховная власть принадлежала кагану, но управляло собственно другое лице, называемое Пехъ, вѣроятно бегъ. Что каганъ имѣлъ значеніе религіозное, видно въ особенности изъ слѣдующаго разсказа Масуди: «Когда землю хозаръ посѣщаетъ голодъ, или какое другое бѣдствіе, или тѣснятъ чужеземныя войска, то собираются знатные и незнатные къ царю хозаръ (т. е. бегу, который живетъ въ дворцѣ кагана и управляетъ отъ его имени) и говорятъ ему:—этотъ каганъ и его жизнь приносятъ намъ несчастіе; мы считаемъ это за дурное знаменіе; умертви его или выдай намъ, чтобы мы его умертвили». Слѣдственно особая милость Божія должна проявляться въ каганѣ. Въ VIII ст., при царѣ Буланѣ, каганъ принялъ еврейскую вѣру, но народъ оставался разныхъ вѣръ, и послѣ проповѣди Кирилла было въ Хозаріи много христіанъ.

Любопытныя подробности о поставленіи намѣстника (бега) передаютъ арабскіе писатели. Новому намѣстнику каганъ сначала дѣлаетъ увѣщанія, потомъ накидываетъ петлю на шею и спрашиваетъ, сколько лѣтъ онъ намѣренъ управлять? Сколько лѣтъ онъ назначитъ, столько и долженъ править, иначе его умерщвляютъ. Ибнъ-Фоцланъ, не разсказывая этого обряда, говоритъ, что его умерщвляютъ, если онъ управляетъ болѣе сорока лѣтъ. Любопытно, что подобный же обычай встрѣчается и у другихъ тюркскихъ племенъ. Каганъ очень рѣдко показывался на-

роду, и доступъ къ нему имѣлъ только его намѣстникъ и нѣкоторые другіе вельможи, которые подходили къ нему съ знаками высочайшаго благоговѣнія: намѣстникъ приходилъ къ нему босикомъ, держалъ въ рукахъ лучину и, когда она сгарала, садился рядомъ съ нимъ; другіе, входя въ случаѣ крайней необходимости, ложились на землю и не вставали, пока каганъ не позволитъ говорить. Онъ жилъ въ своемъ дворцѣ, окруженный гаремомъ: у него было 25 женъ и 60 наложницъ; если каганъ приказывалъ кому-нибудь убить себя, тотъ исполнялъ это приказаніе. Войскомъ предводительствовалъ бегъ. Войско это состояло частью изъ наемниковъ, которые были мусульмане и назывались ларсіею, а частью изъ ополченій: „царь Иша, говоритъ Ибнъ-Даста, возложилъ на зажиточныхъ и богатыхъ обязанность поставлять всадниковъ, сколько могутъ они по количеству имущества и по успѣшности промысловъ своихъ"; онъ же дѣлитъ добычу, лучшее беретъ себѣ; онъ же распоряжается податями. Подати эти состояли изъ пошлины, взимавшейся съ проѣзжихъ, и изъ десятины съ товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ и водою. Подати платились натурою, ибо хозары не знали монеты. Торговля у хозаръ, по свидѣтельству восточныхъ писателей, была транзитная: товары получались изъ Руси, Болгаріи и отправлялись по Каспійскому морю; драгоцѣнныя ткани, шедшія на одежду хозаръ, получались изъ Греціи, странъ кавказскихъ и южнаго берега Каспійскаго моря. Таково было это восточное государство, долго владычествовавшее надъ южною Россіею и оставившее память въ названіяхъ множества урочищъ.

На западъ отъ племенъ славянскихъ жили племена литовскія, прилегая къ Балтійскому морю въ нынѣшней Пруссіи, Курляндіи и частью Лифляндіи; сверхъ того они населяли губернію Ковенскую, часть Виленской, Сувалкской, Минской и Гродненской. Передовой постъ ихъ—Голяды—еще въ историческое время жилъ на р. Протвѣ. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что литовское племя принадлежитъ къ арійской семьѣ; оно, по мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, отдѣлилось отъ славянскаго позднѣе, чѣмъ славянское отдѣлилось отъ германскаго, грекоиталійскаго и т. д. Благодаря своему уединенному положенію, незначительной исторической роли, которую оно играло, ибо Литовское великое княжество, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, было скорѣе русское, чѣмъ литовское,—литовское племя и въ языкѣ, и въ преданіяхъ и даже въ бытѣ сохранило много первоначальныхъ чертъ, быть можетъ, общихъ всему арійскому племени до его раздѣленія. Сначала литовское племя было извѣстно подъ именемъ эстовъ (т. е. восточныхъ); подъ этимъ именемъ зналъ ихъ Вульфстанъ, сообщающій любопытныя подробности о погребальныхъ обрядахъ у эстовъ, о продолжительномъ времени, пока трупъ остается не сожженнымъ, о пирахъ въ это время изъ имѣнія покойника, о скачкахъ послѣ сожженія трупа, въ которыхъ призомъ служитъ оставшееся имущество покойника. Изъ разсказа Вульфстана, упоминающаго о короляхъ (т. е. старѣйшинахъ), видно, что у литовцевъ было уже общественное устройство. Адамъ Бременскій описываетъ пруссовъ, жителей Самландіи. Они, по его словамъ, помогаютъ потерпѣвшимъ крушеніе или пострадавшимъ отъ пиратовъ, ни за что считаютъ серебро и золото; у нихъ такъ много мѣховъ, что они мѣняютъ ихъ на льняныя одежды; въ священныя рощи и къ священнымъ источникамъ никого не пускаютъ; ѣдятъ конину и пьютъ кобылье молоко; живутъ они за недоступными

болотами и не терпятъ надъ собою господства. Польскій лѣтописецъ XII в. Мартинъ Галлъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о пруссахъ: „Живутъ они безъ царя и безъ закона, ибо земля ихъ такъ охранена болотами и лѣсами, какъ не была бы охранена городами и крѣпостями". „Туда, въ Пруссію, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, вошелъ Болеславъ (въ 1110 г.), воспользовавшись, какъ мостомъ, льдомъ озеръ и болотъ, ибо туда нѣтъ другаго доступа, кромѣ болотъ и озеръ. Вошедши въ самую землю, онъ не оставался на одномъ мѣстѣ, не осаждалъ городовъ и крѣпостей, ибо ихъ тамъ нѣтъ. Земля ихъ представляетъ какъ бы острова, окруженные озерами и болотами; они-то раздѣлены между жителями селеній на наслѣдственные участки". Со временъ появленія тевтонскихъ и ливонскихъ рыцарей, свѣдѣнія о Литвѣ становятся болѣе полными и ясными; самыя удовлетворительныя изъ этихъ свѣдѣній принадлежатъ начальному лѣтописцу ордена, Петру Дюисбургскому: „У пруссовъ нѣтъ понятія о Богѣ, говоритъ онъ, ибо они просты, и потому не могутъ понять разумомъ, а такъ какъ у нихъ нѣтъ письменъ, то и не могутъ обратиться къ писанію: они въ началѣ безъ мѣры удивлялись тому, что можно письмомъ сообщить отсутствующему свои намѣренія. Такъ какъ Бога они не знаютъ, то, по заблужденію, за бога считаютъ всякую тварь, какъ то: солнце, луну и звѣзды, громъ, четвероногихъ, птицъ и рыбъ. Есть у нихъ также священныя лѣса, поля и воды, гдѣ они не смѣютъ ни рубить деревья, ни пахать, ни ловить рыбы. Было въ срединѣ этого развратнаго народа, т. е. въ Надровіи, мѣсто, называемое Ромовъ, котораго названіе происходитъ отъ Рима, гдѣ жилъ криве, котораго почитаютъ они за папу. Ибо какъ господинъ нашъ папа управляетъ всеобщею церковью вѣрныхъ, такъ однимъ знакомъ или приказомъ его управлялись не только названные народы, но и летты, и другіе народы земли Ливонской. Власть его была такъ велика, что если бы не только онъ самъ или кто-нибудь изъ его родственниковъ, но даже его посланный съ его палкою или другимъ опредѣленнымъ знакомъ проходилъ по землѣ невѣрныхъ, то всѣ князья и знатные, и простой народъ оказывали ему величайшее почтеніе. Какъ въ ветхомъ завѣтѣ, сохраняютъ они постоянный огонь. Пруссы вѣрятъ въ воскресеніе тѣла, но не такъ, какъ слѣдуетъ, ибо вѣрятъ, что если кто былъ въ этой жизни знатный или незнатный, богатый или бѣдный, сильный или слабый, такимъ возстанетъ и въ будущей жизни; отчего и бываетъ, что съ знатными умершими сожигаютъ оружіе, лошадей, рабовъ и рабынь, одежды, охотничьихъ собакъ, хищныхъ птицъ и все, что относится до военнаго быта; съ незнатными сжигаютъ то, что относится къ ихъ занятію, ибо вѣрятъ, что все сожженное воскреснетъ съ умершимъ и будетъ служить ему, какъ прежде. Послѣ побѣды приносятъ жертву своимъ богамъ, и тѣ, которые принимали участіе въ битвѣ, приносятъ треть добычи названному криве, который и сожигаетъ все. Теперь летты и другіе невѣрные тѣхъ странъ сожигаютъ жертвы по своему обычаю въ какомъ нибудь мѣстѣ; лошадь, прежде чѣмъ сжечь, до того утомляютъ бѣгомъ, что она не держится на ногахъ. Пруссы рѣдко предпринимаютъ что нибудь важное, не спросивъ прежде у боговъ своихъ посредствомъ жребія, получатъ ли благо или зло. Они не заботятся и не заботились о лишнихъ или дорогихъ одеждахъ: сегодня раздѣлся, завтра одѣвается, не обращая вниманія на то, что надѣваетъ на изнанку. У нихъ нѣтъ ни мягкаго ложа, ни тонкаго обѣда. Питье у нихъ—чистая

вода, медъ и кобылье молоко, которое предварительно освящаютъ; другаго питья въ древнія времена они не знали. Гостямъ оказываютъ всякую ласку: нѣтъ въ домѣ ни съѣстнаго, ни напитка, котораго бы они не предложили гостю. По мнѣнію ихъ, если гость не напился пьяный, то не хорошо угощенъ. Есть у нихъ обычай, по которому въ попойкахъ всѣ обязываются пить равно неумѣренно, потому, предлагая напитокъ гостю, ставятъ условіемъ, что и сами выпьютъ столько же; такія изліянія вина повторяются, пока гость и хозяинъ, жена и мужъ, сынъ и дочь, всѣ не будутъ пьяны. По старому обычаю, пруссы до сихъ поръ покупаютъ женъ за извѣстную сумму денегъ, почему и служатъ онѣ какъ рабы, не обѣдаютъ съ мужемъ за однимъ столомъ и въ извѣстные дни моютъ ноги домашнимъ и гостямъ. Нищенства между ними не допускается, бѣдный свободно заходитъ въ каждый домъ и безъ боязни ѣстъ, сколько вздумаетъ. Если случится у нихъ убійство, то не можетъ быть никакой сдѣлки, пока родственники убитаго не убьютъ убійцу или его родственниковъ". Далѣе разсказываетъ Петръ, какъ пруссы обозначаютъ дни зарубками на деревѣ или узелками. Таковъ былъ простой бытъ народовъ литовскихъ, не смотря на то, что еще въ XI в. они вели торговлю, по свидѣтельству Адама, снаряжая свои корабли. Въ общественномъ устройствѣ ихъ, на сколько мы его знаемъ изъ лѣтописей прусскахъ и ливонскихъ, встрѣчается раздѣльность небольшихъ племенъ, управляемыхъ своими князьками (ригасами, конунгасами); эта раздѣльность и погубила ихъ въ войнѣ съ рыцарями. Немудрено, что, при такой простотѣ жизни, защищенные лѣсами и болотами, они долѣе другихъ народовъ сохранили первоначальныя вѣрованія; не забудемъ притомъ, что лѣсъ наиболѣе развиваетъ въ своихъ жителяхъ суевѣріе. Отсюда власть криве.

X. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВАРЯГОВЪ РУСИ.

(Сост. по изслѣдованіямъ Погодина о Русской Исторіи т. II).

Первый вопросъ, который намъ представляется при изученіи древнѣйшаго періода русской исторіи, есть слѣдующій: какъ началось Русское государство?

Самымъ важнымъ источникомъ для разъясненія этого вопроса служитъ классическое мѣсто въ Несторовой лѣтописи:

«Въ лѣто 6367. Имаху дань Варяги изъ заморья на Чюди, и на Словѣнехъ, на Мери, и на всѣхъ Кривичѣхъ; а козари имаху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ; имаху по бѣлѣи вѣверицѣ отъ дыма».

«Въ лѣто 6368, въ лѣто 6369. Изгнаша варязи за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами в собѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море к варягомъ к Руси; сице бо ся зваху *тьи* варьязи *Русь*, яко се *друзии* зовутся Свое, *друзии* же Урмане, Англяне, *друзии* Гыте; тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни, и Кривичи: вся земля наша велика и обильна, а наряда въ неи нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами. И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйши Рюрикъ..., а другии Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третии Изборьтѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля».

При обозрѣніи этого классическаго мѣста лѣтописи представляются слѣдующіе главные вопросы: 1) Кто такіе варяги и варяги-русь, и какими свойствами

они отличались? 2) Въ какомъ положеніи находились славянскія племена, съ которыми соединились варяги-русь? 3) Какъ совокупились они съ племенами славянскими, т. е. при какихъ условіяхъ зачалось государство?

Мнѣнія о происхожденіи варяговъ-руси весьма различны. Ихъ считаютъ то норманнами, то пруссами, то финнами, то готами или славянами и т. д. Древнѣйшее и достовѣрнѣйшее мнѣніе есть то, по которому варяги-русь признаются норманнами. Постараемся изложить это подробно, и собрать всѣ доказательства какъ изъ прежнихъ, такъ и изъ своихъ изслѣдованій. Первое доказательство для этого мнѣнія представляютъ отечественныя лѣтописи; кромѣ того, мнѣніе это подтверждается также лѣтописями византійскими и скандинавскими и, наконецъ, языкомъ пришедшихъ варяговъ-руси.

Здѣсь предлагаемъ мы всѣ мѣста изъ Нестора, въ которыхъ упоминается имя варяговъ. Разсмотримъ, въ какомъ значеніи оно вездѣ употребляется, руководствуясь надежнымъ правиломъ критики, что писатель лучше всего объясняется собственными своими словами, и приложимъ, гдѣ нужно, извѣстія иностранныя.

«Ляхове же, и Пруси, Чюдь, присѣдять къ морю Варяжьскому».

Какое море называлъ Несторъ Варяжскимъ? Балтійское.

Вотъ мѣста, въ которыхъ это наиболѣе видно... «того озера (Нева-Ладожскаго) внидеть устье в море Варяжьское»,—«а Двина... внидеть въ море Варяжьское».

Нѣмецкое море Несторъ считалъ, кажется, за одно море съ Балтійскимъ, и называлъ оба моря Варяжскимъ моремъ; потому что далѣе говоритъ онъ: «по тому же морю» (Варяжскому) сѣдять (варяги) до землѣ Агнянски и до Волошьски» т. е. до Англіи и Франціи. И разсматриваемое мѣсто также показываетъ это: многіе Ляхи, Пруссы, и Чудь жили около Балтійскаго моря.

Очень естественно думать, что всѣ извѣстія о жительствѣ варяговъ Несторъ получилъ отъ варяговъ, которые еще въ его время проѣзжали чрезъ Кіевъ въ Грецію на службу.

«Бѣ путь изъ Варягъ въ Грекъ, и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вътечетъ въ озеро великое Нево, того озера внидѣть устье в море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити в Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка. Тѣмже и из Руси можетъ ити... по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима» и пр.

Изъ этого мѣста ясно видно, гдѣ обитали варяги: къ нимъ ходили изъ Двины, а Двина впадаетъ въ море Варяжское. Въ описаніи пути этого ясно также видны austur-vigi и vester-vigi, восточный и западный путь, которымъ изъ дома ѣздили норманны въ Грецію.

«Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери, и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма». «Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани».

Здѣсь представляются: народы побѣдители-варяги изъ за моря и козаре.

Народы, обложенные данью отъ первыхъ: чюдь, словѣни, меря, всѣ кривичи; отъ вторыхъ: поляне, сѣверъ, вятичи.

Чудь, славяне, меря, кривичи, по собственнымъ словамъ Нестора, суть народы сѣверные въ отношеніи къ полянамъ, сѣверянамъ, вятичамъ: чудь, какъ сказалъ онъ самъ, жила около Балтійскаго моря; словенами называются здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, новгородцы; меря жила на Ростовскомъ озерѣ, «а на Клещинѣ озерѣ Меря же; кривичи сѣдять на верхъ Волги, а на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдять Кривичи».

«Поляне сѣдоша по Днѣпру; а друзи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ; а Вятъко сѣдѣ съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи».

И такъ, значитъ, варягами были обложены сѣверныя племена, козарами южныя.

Посмотримъ теперь на самихъ побѣдителей. По простому заключенію видно, что побѣдители сѣверныхъ племенъ, варяги, (если бы даже это слово встрѣтилось намъ въ первый разъ на этомъ мѣстѣ, т. е. если бы мы не имѣли большаго задатка извѣстій о жилищѣ варяговъ), должны жить на сѣверѣ; побѣдители южныхъ, козаре, на югѣ.

Впрочемъ, и само по себѣ видно, что «имаху дань варязи изъ заморья» разумѣется изъ-за своего моря, въ которое входили по Двинѣ, изъ-за варяжскаго-балтійскаго.

«И изгнаша варяги за море», разумѣется опять за то же море, изъ-за котораго пришли они, за балтійское.

И тотчасъ послѣ этого опять повторяются имена народовъ, которые платили дань варягамъ и изгнали ихъ: Славяне, Чудь, Кривичи, «идоша за море къ варягамъ—руси», «за море»=за балтійское; то же значеніе и имени варяговъ, которое сейчасъ было упомянуто.

Можно ли одному выраженію, и притомъ выраженію историческаго смысла, въ двухъ строкахъ давать разныя, или даже противуположныя значенія?

И наконецъ наияснѣйшее свидѣтельство:

«Идоша (послѣ междоусобія) за море къ варягомъ къ руси; сице бо ся зваху тьи *варязи* русь, яко се *друзии* зовутся Свое, *друзии* же оурмане, анъгляне, *друзіи* гыте; тако и си.»

Т. е. пошли посланные за море къ варягамъ руси,—такъ эти варяги назывались русью, какъ другіе свеями и проч.

И такъ варягами Несторъ ясно называетъ свое (шведовъ), оурмянъ (норвежцевъ), англянъ (англичанъ), готовъ, народы очевидно единоплеменные.

Всѣ племена эти—шведы, норвеги, англы, готы, какое общее названіе имѣли у другихъ народовъ? Они назывались норманнами, скандинавами.

Замѣтимъ кромѣ того, что изъ 57 мѣстъ, въ которыхъ Несторъ употребляетъ имя варяговъ, *нѣтъ ни одного* противорѣчащаго мнѣнію, что варяги суть скандинавы; напротивъ, многія изъ нихъ, даже порознь взятыя, подтверждаютъ это, и притомъ почти очевиднымъ образомъ.—Такое свидѣтельство очень важно: Несторъ жилъ, правда, 250 лѣтъ спустя послѣ водворенія варяговъ, но былъ окруженъ, такъ сказать, варягами, которыхъ было много при немъ въ Кіевѣ, въ самомъ монастырѣ Печерскомъ. Слѣдовательно, этотъ лѣтописецъ могъ получить отъ нихъ вѣрныя извѣстія, къ какому народу принадлежали они, изъ какихъ племенъ состоялъ народъ этотъ.

Въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ спискахъ Нестора при повѣствованіи о началѣ Русскаго государства, вмѣсто варяговъ поставлены нѣмцы.

Это извѣстіе замѣчательно, показывая, кого разумѣли подъ варягами и средніе лѣтописатели, ближайшіе къ нимъ и къ Нестору.

И такъ по Нестору и прочимъ нашимъ лѣтописямъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что варяги-русь принадлежали къ числу племенъ норманскихъ.

Съ 9-го столѣтія упоминается въ лѣтописяхъ византійскихъ объ особенныхъ тѣлохранителяхъ императорскихъ, которые состояли изъ нормановъ и назывались у нихъ варангами.

Византійскіе варанги были норманны, скандинавы, слѣд. и наши варяги, почти совершенно имъ подобные, (что касается имени, званія и образа дѣйствій), были скандинавы.

Вотъ мѣста изъ византійскихъ писателей, которыя доказываютъ скандинавское происхожденіе этихъ варанговъ.

У Никифора Вріеннія († 1137) подъ годомъ 1071:

Кесарь Іоаннъ, дядя императора Михаила Дуки, опасаясь, чтобъ возвращавшійся изъ турецкаго плѣна прежній императоръ, Романъ Діогенъ, возсѣвъ на престолъ, не сталъ вредить его дѣтямъ и племянникамъ, «склонилъ на свою сторону придворную стражу, издавна учрежденную, и по вѣрности къ императорамъ из-

мѣстную. Люди эти пріѣхали издалека, съ острова, на океанѣ находящагося. Обыкновенное оружіе ихъ состоитъ въ щитѣ и сѣкирѣ, чрезъ плеча висящей.»

У Никиты Хоніата († послѣ 1206) подъ год. 1180: «Во время возмущенія Андроника Комнина взятъ былъ Алексій Протосевастъ подъ караулъ, и отданъ подъ присмотръ германскимъ стражамъ, носящимъ обоюдоострыя сѣкиры».

У Кодина († послѣ 1453): «Во время возсѣданія за столомъ императора приходятъ и провозглашаютъ многолѣтіе варанги на отечественномъ языкѣ своемъ, т. е. англійскомъ».

Объ этихъ варягахъ тѣлохранителяхъ упоминаютъ часто сѣверные лѣтописатели, какъ напр. Снорро Стурлезонъ.

Когда Эрикъ, король датскій, пріѣхалъ въ Константинополь на пути въ Іерусалимъ, то варяги, по сказанію Саксона Граматика, получили дозволеніе представиться къ нему «своему государю, и онъ увѣщевалъ ихъ служить вѣрно царю» и проч.

Объ этихъ варягахъ константинопольскихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ.

Варяги эти, кромѣ внутренней стражи, принимали также участіе иногда и во внѣшнихъ войнахъ.

И такъ варанги греческихъ писателей суть одно съ верингами, Vaeringer, сѣверныхъ: то же имя, то же происхожденіе, тѣ же занятія.

Но одно ли они съ варягами Нестора?

Безъ сомнѣнія: варяги Нестора отправляли въ Кіевѣ ту же службу, что и варяги въ Константинополѣ. Мы находимъ доказательства тому и въ исторіи: Владиміръ, взявъ Кіевъ, не хотѣлъ расплатиться съ наемными варягами; тѣ начали проситься у него въ Грецію, слѣд. въ знакомое мѣсто, гдѣ они надѣялись найти себѣ дѣло и занятіе. Владиміръ отпустилъ ихъ. Совѣтъ Владиміра императору при этомъ случаѣ не держать варяговъ въ городѣ, а разослать по провинціямъ, ясно показываетъ, что это было мѣрою чрезвычайною, что варяги, по обыкновенію, надѣялисѣ вступить въ корпусъ, имѣвшій пребываніе всегда въ Константинополѣ. Этою милостью пользовались преимущественно варанги.

Наши варяги слѣдовательно были оттуда же родомъ, откуда и греческіе: изъ Скандинавіи.

Языкъ пришедшихъ варяговъ—руси, дошедшій до насъ въ собственныхъ ихъ именахъ, именахъ днѣпровскихъ пороговъ и нѣкоторыхъ словахъ гражданственныхъ, обличаетъ ихъ норманское происхожденіе.

I. Собственныя имена ихъ суть норманскія, что видно по сравненію съ норманскими и франкскими лѣтописями. Байеръ приводитъ множество подобныхъ именъ съ древнихъ камней, изъ древнихъ пѣсенъ, сказовъ, изъ датской исторіи Эрика царя, изъ Снорро Стурлезона, достовѣрнѣйшаго лѣтописателя скандинавскаго, Саксона Граматика, и др. Представляемъ его изслѣдованіе въ сокращеніи:

Рюрикъ. У норманновъ встрѣчается нѣсколько Руриковъ, Рорековъ, Рорикровъ, Грорекуровъ. Байеръ думаетъ, что даже Ругерикъ или Рогерикъ у германцевъ есть то же имя. Шлецеръ полагаетъ, что и испанское Родерикъ относится сюда же, *принесено* въ Испанію вестготами; даже во время основанія Россійскаго государства, около 850 года упоминается о трехъ Рюрикахъ: одинъ названъ вождемъ датчанъ, другой королемъ норманскимъ, третій просто норманномъ. Они воевали берега Фландріи, Эльбы и Рейна.

Труворъ. У скандинавовъ Труваръ, или Труере.

Синеусъ. Есть, вѣроятно, имя испорченное, у скандинавовъ Сніо.

Аскольдъ. У скандинавовъ Оскель, Аскель, Ашкелль.

Диръ. У скандинавовъ Тиръ; женское имя Дирва.

Олегъ. У скандинавовъ Алакъ. Почему же не Олофъ, Олавъ, какъ употребительнѣйшія? прибавляетъ Шлецеръ.

Игорь (по произношенію нашему, по греческому — Ингорь, или Ингеръ). У скандинавовъ: Ингваръ, Иваръ, Ифаръ и проч.

Свѣнельдъ, полководецъ Игоревъ и Святославовъ. Примѣровъ такъ много, говоритъ Байеръ, что мнѣ совѣстно приводить ихъ.

Рогвольдъ Полоцкій, нареченный тесть Ярополковъ. У скандинавовъ: Рагрвальтръ, Рагнвальдъ, Рагвольдъ, и проч.

Послы Олеговы:

Ингвальдъ. У скандинавовъ Инґіальдъ, и проч.

Фарловъ. У скандинавовъ: Фарулфъ, Ґерлуфъ.

Рулавъ. У скандинавовъ: Гролфъ, Ролфъ, Ролло, Ролво.

Лиду. У скандинавовъ Лидъ.

Карнъ. У скандинавовъ Карій.

Ріаръ. У скандинавовъ Гроаръ или Руаръ.

Байеръ нашелъ въ скандинавскихъ памятникахъ еще многое къ объясненію нашихъ именъ; но, при очевидномъ сходствѣ сравненныхъ, почелъ это уже излишнимъ и не привелъ въ разсужденіи своемъ о варягахъ.

II. Русскія названія семи днѣпровскихъ пороговъ, помѣщенныя императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ книгѣ его объ управленіи государствомъ, (писан. 949—952 г.) могутъ быть объяснены только изъ языковъ скандинавскихъ, согласно съ названіями славянскими и переводомъ греческимъ, тамъ же помѣщенными.

Первый порогъ, говоритъ Константинъ, называется Ессупи, что по русски и по славянски толкуется *не спать*.

Не спи,—такое названіе заключало предостереженіе для плавателей при этомъ опасномъ мѣстѣ.

Второй порогъ по русски Ульворси, по славянски Островунипрагъ, что значитъ островъ порога, (нынѣ Лоханскій).

Славянское значеніе очевидно. Стоитъ только сдѣлать небольшую перемѣну и вмѣсто Островунипрагъ читать: островной прагъ.

Для русскаго слова требуется также подобная перемѣна: вмѣсто Οὐλβορσι будемъ читать Οὐλμβορσί. Holm, на англійскомъ и шведскомъ языкѣ значитъ островъ, и въ особенности островъ на рѣкѣ, Holm на нижне-саксонскомъ и датскомъ островокъ, Holmur по исландски островокъ. Βορσι приводитъ на память Worth или Wurth (также Wörde и Whürde), что означаетъ сдѣланное природою въ низменныхъ болотистыхъ мѣстахъ возвышеніе; однородное этому англо-саксонское слово Worth (также Warth, Warothe) значитъ берегъ.

О третьемъ порогѣ у Константина: «Такимъ образомъ проходятъ они (руссы) и третій порогъ, называющійся Геландри, что по славянски значитъ звукъ порога».

Константинъ совсѣмъ не говоритъ, что Геландри есть славянское названіе. Славянскаго названія нѣтъ, можетъ быть, отъ того, что оно пропущено императоромъ, а всего вѣроятнѣе, переписчикомъ.

«Звукъ порога» есть греческое объясненіе, переводъ, какое вездѣ прилагалъ императоръ къ названіямъ русскимъ и славянскимъ. Геландри очевидно есть названіе русское порога, (въ славянскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ ни одного звука въ подобномъ значеніи), и очень легко объясняется изъ языковъ варяжскихъ. Замѣчательно, что этотъ порогъ до сихъ поръ называется у насъ Звонскимъ, Звонецкимъ, Звонцемъ. Вотъ пропущенное Константиномъ славянское названіе!

Большая часть объясненій хороша, и скандинавское въ русскихъ словахъ очевидно, напр. въ Ульворси, Несупи, Геландри; *другія объясненія* напр. названій Леанти, Струвуна *натянуты*, и требуютъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Также ясна однозначительность названій на обоихъ языкахъ, которая доказывается и тѣмъ, что Константинъ вездѣ приводитъ одинъ переводъ греческій; еслибы славянскія и русскія названія значили розное, то онъ необходимо долженъ былъ бы присоединять два перевода, или сказать, съ котораго языка переводитъ, съ русскаго или славянскаго.—О первомъ порогѣ выразился онъ очень ясно въ этомъ отношеніи: Несупи значитъ не спать и по русски и по славянски;—

о другихъ: такъ называется этотъ порогъ по русски, такъ по славянски, что имѣетъ такое-то значеніе по гречески.

Но какъ произошла однозначительность?

Допустить, чтобъ два разноязычные народа порознь назвали какія-либо мѣста однозначущими именами, невозможно. Допустить, что одинъ народъ перевелъ названія, употреблявшіяся у другаго, и сталъ употреблять переводныя, трудно, но, кажется, должно: и русскія слова суть точно имена пороговъ: Константинъ на нихъ, очевидно, обращаетъ большое вниманіе, и всегда называетъ ихъ сначала, что было-бы невозможно въ противномъ случаѣ; славянскія слова суть также имена; потому что до нашихъ временъ сохранились еще нѣкоторыя древнія, напр. Неясытецкій, Вольный, Звонецъ.—Какой народъ назвалъ ихъ первый? Могли варяги брать съ собою сначала славянскихъ проводниковъ, которые принесли къ своимъ на собственномъ языкѣ названія, данныя чужеземцами; могли славяне передать эти названія являвшимся на Днѣпрѣ варягамъ; могли даже оба эти народа въ общихъ своихъ походахъ (напр. при Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ, и славяне, и варяги были вмѣстѣ) дать эти названія въ одно время.—Впрочемъ, этотъ вопросъ не относится къ сущности дѣла.

Замѣтимъ здѣсь, что норманы и Константинополю дали свое названіе: Миклагардъ, т. е. великій градъ. У одной нашей рѣки сохранилось нечаянно также русское названіе въ лѣтописи: Ерелъ, его же русь зоветъ Уголъ.

Въ названіяхъ рѣкъ на сѣверѣ Струбе находитъ еще скандинавскіе звуки. Вина, (такъ называютъ сѣверные историки Двину), Нева, Ижора, Луга, Нарва, не могутъ быть объяснены, говоритъ онъ, языками финновъ и славянъ, обитающихъ теперь въ странахъ, по которымъ эти рѣки протекаютъ; но нарѣчія готѳскія представляютъ намъ: vin или vien, ev или nev, ig или eger, lug или nar или ner, которыя слова, означая собственно воду и рѣки, сдѣлались изъ нарицательныхъ именъ собственными, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Гандвикъ, (такъ называлось Бѣлое море), состоитъ изъ gand=бѣлый, слово, сохранившееся только въ кельнскихъ нарѣчіяхъ, и wik=заливъ. Holmgard, Холмогоры, (городъ въ Архангельской губ.). происходитъ отъ holm = возвышеніе = островъ, и gard = городъ.

Кромѣ этихъ названій пороговъ и прочихъ мѣстностей, и именъ собственныхъ, о которыхъ сказано выше, мы не имѣемъ никакихъ важныхъ остатковъ древняго языка русскаго, изчезнувшаго въ славянскомъ точно такъ же, какъ франкскій (нѣмецкій) изчезъ въ нынѣ такъ называемомъ французскомъ, и булгарскій между дунайскими славянами. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ памятниковъ нашего народнаго языка изъ того періода, впродолженіе котораго вліяніе русскаго языка могло быть ощутительнымъ, отъ девятаго до двѣнадцатаго столѣтія, отъ пришествія Рюрика съ варягами-русью и до Нестора; впрочемъ, письменнымъ языкомъ сдѣлался у насъ со времени введенія христіанской вѣры церковное болгарское нарѣчіе, въ которомъ трудно собирать чертами слѣды нашего собственнаго, народнаго, славянскаго нарѣчія,—гдѣ же сохраниться остаткамъ русскаго-норманскаго языка? Вліяніе его ограничивалось, безъ сомнѣнія, употребленіемъ, которое прошло незаписанное. Только нѣсколько словъ, словъ важныхъ, означающихъ гражданскія должности и дѣйствія, дошли до насъ въ договорахъ съ греками, русской правдѣ, несторовой лѣтописи и прочихъ древнихъ памятникахъ, которые и доставляютъ намъ сильное доказательство о норманскомъ происхожденіи народа, принесшаго ихъ: *бояринъ, гридинъ, ябедникъ, шильникъ, метельникъ, паломникъ, гуды, карлы*, можетъ быть *огнищане, мужи, люди, гости*. Вира, вервь, губа, *стягъ, рядъ*. Скотъ, скотница, шлягъ (шелегъ, стерлигъ). Слова эти, въ такомъ количествѣ, въ такой полнотѣ, обнимая, такъ сказать, весь тогдашній кругъ правленія, не могли придти путемъ естественнымъ, вслѣдствіе сообщенія, и не могли быть введены никѣмъ, кромѣ племени господствующаго.

Если они скандинавскія, то и господствующее племя, которое ввело ихъ въ употребленіе, варяги-русь, было племя скандинавское.

Къ числу сильнѣйшихъ доказательствъ норманскаго происхожденія варяговъ-руси принадлежатъ ихъ дѣйствія. Походы первыхъ князей по рѣкамъ и морямъ, взиманіе дани, нападенія на Константинополь, вообще образъ ихъ дѣйствія въ войнѣ и мирѣ, дома и на сторонѣ, ихъ занятія, добрыя и худыя качества, самыя преданія и басни о разныхъ частныхъ и мелкихъ поступкахъ, однимъ словомъ вся ихъ жизнь, весь ихъ бытъ, обличаютъ въ нихъ норманов. Наши лѣтописатели описываютъ ихъ почти одними и тѣми же словами, какими латинскіе, греческіе и арабскіе описываютъ прочихъ норманов. Прежніе изслѣдователи, довольствуясь внѣшними, такъ сказать, свидѣтельствами, не обращали вниманія на дѣйствія варяговъ-руси съ этой стороны; но, по нашему мнѣнію, это внутреннее доказательство должно причислить къ самымъ значительнымъ и твердымъ.

XI. О МНИМОМЪ ПРИЗВАНІИ ВАРЯГОВЪ.

(Изъ соч. Д. Иловайскаго. «Розысканія о началѣ Руси»).

Норманисты и ихъ противники.—Невѣроятность призванія.—Договоръ съ Греками.—Извѣстія византійцевъ.—Личныя имена.

Въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно ни одной легендѣ не посчастливилось такъ, какъ легендѣ о призваніи варяговъ, которую находимъ мы въ русской начальной лѣтописи подъ 862 годомъ *).

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на тысячу ладовъ. Цѣлый рядъ почтенныхъ truженниковъ науки потратилъ много учености и таланта на то, чтобъ объяснить, обставить эту легенду и утвердить ее на историческихъ основаніяхъ; напомнимъ уважаемыя имена Байера, Струбе, Миллера, Шлецера, Погодина и Куника. Тщетно являлись имъ нѣкоторые противники и съ большимъ или меньшимъ остроуміемъ возражали на ихъ положеніе; каковы: Ломоносовъ, Татищевъ, Эверсъ, Нейманъ, Венелинъ, Каченовскій, Морошкинъ, Савельевъ, Надеждинъ, Максимовичъ и др. Въ области русской исторіографіи поле оставалось доселѣ за системой скандинавомановъ; назовемъ труды Карамзина, Полеваго, Устрялова, Соловьева. Не говоримъ о трудахъ болѣе дробныхъ, трактующихъ о норманскомъ періодѣ и о скандинавскомъ вліяніи на русскую жизнь. Что касается западной литературы, тамъ скандинавская система царитъ безъ всякой оппозиціи, такъ что, если рѣчь заходитъ о русскомъ государствѣ, о началѣ Русской національности, то она неизбѣжно связываются съ призваніемъ Варяговъ.

Уже одно то обстоятельство, что въ нашей средѣ никогда не прекращались сомнѣнія въ истинѣ скандинавской теоріи и возраженія противъ нея, указываетъ на ея недостаточную убѣдительность, на присутствіе въ ней натяжекъ и противорѣчій, на ея искуственное построеніе. И дѣйствительно, чѣмъ глубже вникаешь въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе и болѣе выступаютъ наружу натяжки и противорѣчія норманской системы.

---

*) Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягамъ къ Руси: сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: «вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами». И изъбрашася три братья съ роды своими, пояша по себѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другой Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новугородци: тьи суть людье Ноугородцы отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни.»

Если она удерживала до сихъ поръ господствующее положеніе, то главнымъ образомъ, благодаря своей наружной стройности, своему положительному тону и относительному единству своихъ защитниковъ; между тѣмъ какъ противники наносили ей удары въ разсыпную, поражали нѣкоторыя отдѣльныя доказательства, но мало трогали самую существенную ея основу. Этой основой я называю вышеприведенную легенду о призваніи князей. Противники норманистовъ по большей части вѣрили въ призваніе или вообще въ пришествіе князей; сводили вопросъ къ тому, откуда пришли эти князья, и по этому поводу строили системы еще менѣе вѣроятныя, чѣмъ скандинавская.

Обратимся теперь къ самому вопросу о Варягахъ и Руси. Главныя основанія, на которыхъ держалась скандинавская система суть слѣдующія:

1) Извѣстіе русской лѣтописи (т. е. вышеприведенное мѣсто).

2) Путь изъ Варягъ въ Греки, описанный въ той же лѣтописи, и связанныя съ нимъ имена Днѣпровскихъ пороговъ, приведенныя Константиномъ Багрянороднымъ.

3) Имена князей и дружины, въ особенности по договорамъ Олега и Игоря.

4) Извѣстія византійскихъ писателей о Варягахъ и Руси.

Первымъ и самымъ главнымъ основаніемъ теоріи норманистовъ служитъ извѣстіе русской лѣтописи о призваніи князей изъ-за моря. Мы сказали выше, что противники ихъ почти не трогали этого основанія. Большею частью они, точно такъ же какъ и скандинавоманы, принимали призваніе или вообще пришествіе князей за исходный пунктъ русской исторіи и расходились только въ рѣшеніи вопроса: откуда они пришли и къ какому народу принадлежали? Такъ, Татищевъ и Болтинъ выводили ихъ изъ Финляндіи, Ломоносовъ — изъ славянской Пруссіи, Эверсъ—изъ Хозаріи, Венелинъ, Морошкинъ, Савельевъ, Максимовичъ (и въ послѣднее время Гедеоновъ)—отъ балтійскихъ и полабскихъ славянъ, Костомаровъ—изъ Литвы. Мы не видимъ, чтобы кто-либо между изслѣдователями, занимавшимися варяжскимъ вопросомъ, обратилъ исключительное вниманіе на фактическую достовѣрность самаго извѣстія о призваніи варяговъ и вообще объ иноземномъ происхожденіи княжеской династіи. Напротивъ, почти всѣ изслѣдователи идутъ отъ упомянутой лѣтописной легенды, и только различнымъ образомъ толкуютъ ея текстъ, напримѣръ: что она разумѣетъ подъ варягами Русью? На какое море она указываетъ? Въ какомъ смыслѣ понимать слова: «Пояша по себѣ всю Русь» и т. п.? Спорили иногда о правописаніи, о разстановкѣ знаковъ въ лѣтописномъ текстѣ, чтобы заставить его говорить въ пользу своего мнѣнія. А между тѣмъ весь этотъ текстъ, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не въ состояніи выдержать исторической критики, незатемненной предвзятыми идеями и толкованіями. Чѣмъ ближе мы держимся его буквальнаго смысла, тѣмъ болѣе и болѣе путаемся въ нескончаемыхъ противорѣчіяхъ, когда начинаемъ сопоставлять его съ другими несомнѣнно историческими фактами. И наоборотъ: только убѣдившись, что мы имѣетъ дѣло съ легендой, а не съ историческимъ фактомъ, получаемъ возможность стать на болѣе прочную основу. Начнемъ съ того: есть ли малѣйшая вѣроятность, чтобы народъ, да и не одинъ народъ, а нѣсколько, и даже не одного племени, сговорились разомъ, и призвали для господства надъ собою цѣлый другой народъ, то-есть, добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Такихъ примѣровъ нѣтъ въ исторіи, да они и не мыслимы. А что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о князьяхъ только и ихъ дружинѣ, но о цѣломъ народѣ, въ этомъ едва ли можетъ быть какое сомнѣніе. Сама русская лѣтопись представляетъ тому убѣдительныя доказательства. По ея словамъ, 862 году Рюрикъ съ братьями призванъ въ Новогородскую землю. Въ томъ же году Оскольдъ и Диръ уходятъ отъ него на югъ и захватываютъ Кіевъ, а черезъ годъ или чрезъ два они уже нападаютъ на Константинополь въ количествѣ 200 лодокъ, на которыхъ помѣщалось приблизительно до 10,000 войска, состоящаго изъ Руси. А между тѣмъ Оскольдъ и Диръ могли отвлечь только часть Руси отъ Рюрика, у котораго оставалась главная ея масса. Напомнимъ, что, судя по лѣтописи, онъ

господствуетъ отъ Чудскаго озера у западной Двины до низовьевъ Оки и занимаетъ своими дружинами главные пункты въ этихъ земляхъ (Новгородъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Ростовъ, Полоцкъ, Муромъ и, конечно, нѣкоторые другіе). Далѣе, что сказать о непосредственно слѣдующихъ затѣмъ обширныхъ завоеваніяхъ и походахъ Олега, предпринятыхъ со многими десятками тысячъ? Судя по лѣтописи, онъ совокупилъ войска изо всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Но вѣдь это были народы большею частью только-что покоренные: слѣдовательно, чтобы держать ихъ въ покорности и двигать съ собою ихъ вспомогательныя войска, нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притомъ, такое движеніе возможно только на сушѣ, а не на морѣ. Походъ Олега на Царьградъ, предпринятый въ столь широкихъ размѣрахъ и исполненный съ такою удачей, еслибы былъ достовѣренъ, указывалъ бы на опытныхъ и безстрашныхъ моряковъ, слѣдовательно опять на массу болѣе или менѣе однородную.

Едва ли въ этомъ морскомъ ополченіи можно допустить присутствіе приведенныхъ въ лѣтописи элементовъ, въ родѣ мери, радимичей и т. п. народовъ, жившихъ внутри Россіи и совсѣмъ незнакомыхъ съ моремъ. Если даже оставить въ сторонѣ походъ Олега, о которомъ византійцы не упоминаютъ, то остается еще походъ Игоря; о немъ византійскіе историки говорятъ такъ же положительно, какъ и о нападеніи Оскольда (не называя, впрочемъ, послѣдняго по имени). Несмотря на всю краткость и отрывочность византійскихъ извѣстій о походѣ Игоря, мы можемъ однако догадываться, что это не былъ простой набѣгъ только изъ-за добычи, какъ обыкновенно его у насъ изображаютъ, нѣтъ, это была цѣлая и довольно продолжительная война.

Руссы высадились въ Малой Азіи и воевали тамъ нѣсколько мѣсяцевъ (а въ Малой Азіи были тогда многочисленныя славянскія поселенія, не всегда покорныя Византіи); между тѣмъ флотъ ихъ опустошалъ берега Боспора. Византійская имперія только съ большимъ напряженіемъ своихъ силъ заставила наконецъ руссовъ удалиться.

А походы руссовъ на Каспійское море въ 913 и 944 годахъ, упоминаемые арабами и предпринятые также десятками тысячъ воиновъ? Обратите вниманіе на тѣ мѣста въ договорахъ Олега и Игоря, гдѣ говорится о свѣтлыхъ русскихъ князьяхъ, состоявшихъ подъ рукой кіевскаго князя; въ договорѣ Игоря приводятся и многія имена этихъ (удѣльныхъ) князей; каждый изъ нихъ имѣлъ, конечно, свою дружину. Обратите вниманіе также на главныя статьи этихъ договоровъ. Развѣ онѣ не указываютъ на существованіе уже значительныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеній, и не однихъ торговыхъ, но и посольскихъ? Договоры ведутся исключительно отъ имени Руси, какъ народа сильнаго, давно осѣдлаго на своихъ мѣстахъ и довольно ясно опредѣлявшаго свои отношенія къ сосѣдямъ. Эта Русь выдѣляетъ изъ себя значительное количество торговыхъ людей, которые предпринимаютъ далекія плаванія и подолгу проживаютъ въ чужихъ странахъ. (О большихъ русскихъ караванахъ, ходившихъ ежегодно въ Черное море говоритъ и Константинъ Багрянородный). Эти русскіе купцы-воины, торговавшіе въ Константинополѣ, были настолько многочисленны, что, въ видахъ безопасности, ставится условіемъ, чтобъ они не входили въ городъ заразъ болѣе 50 человѣкъ, и притомъ безъ оружія.

Въ тѣхъ же договорахъ говорится не объ однихъ торговцахъ и послахъ, но упоминаются и руссы, состоявшіе наемниками въ войскахъ византійскихъ императоровъ (о русскихъ наемныхъ отрядахъ говорятъ и византійскіе историки). Параллельно съ этими договорами мы можемъ поставить относящіяся къ той же эпохѣ арабскія извѣстія о русскихъ торговыхъ караванахъ на Волгѣ, то-есть въ Хозаріи; въ городѣ Итилѣ, столицѣ хозарской, встрѣчаемъ цѣлую колонію русскихъ купцовъ; у хозарскаго царя также есть наемное войско изъ руссовъ.

Все доказываетъ, что Русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдѣльною дружиной или какимъ-то родомъ, который пришелъ съ своими князьями, призванными въ Новгородскую землю для водворенія порядка. Нѣтъ,

это былъ цѣлый, сильный народъ, отличавшійся предпріимчивымъ, суровымъ и властолюбивымъ характеромъ. На его свирѣпость сильно жалуются византійскія извѣстія. Не однимъ сосѣдямъ доставалось отъ этого народа; господство его не было легкимъ и для подчиненныхъ племенъ; изъ ихъ среды онъ, конечно, бралъ то огромное количество рабовъ, которыхъ отсылалъ на продажу въ сосѣднія страны. Припомнимъ слова, вложенныя въ уста Святослава, о томъ, что изъ Руси идутъ въ Грецію шкуры, воскъ, медъ и челядь. По извѣстіямъ Константина Багрянороднаго и Ибнъ-Фоцлана, у русскихъ купцовъ славнымъ товаромъ также являются невольники и невольницы. Звѣриными шкурами и медомъ платили дань Руси подчиненныя ей племена. Что эти племена чувствовали тяжелую руку господствующаго народа и не были равнодушны къ своему положенію, показываетъ смерть Игоря и послѣдующая затѣмъ истребительная война съ древлянами. Человѣческія жертвы, приносимыя кіевскому Перуну, также не свидѣтельствуютъ въ пользу тихихъ, кроткихъ нравовъ, которыми нашъ лѣтописецъ надѣляетъ племя полянъ (иначе называвшееся Русью). По лѣтописи выходитъ, что какъ сѣверные славяне добровольно призвали къ себѣ господъ, такъ и южныя племена большею частію покорились имъ легко. «Кому дань даете? спрашиваетъ русскій князь. «Хозарамъ»! отвѣчаютъ сѣверяне или радимичи. «Не давайте хозарамъ, а мнѣ давайте». И племена будто бы покорно повиновались. Нѣкоторые писатели, поддерживающіе скандинавское происхожденіе Руси, не настаиваютъ собственно на добровольномъ призваніи, а склоняются къ тому, чтобы предположить завоеваніе или какую другую комбинацію. Но вопросъ все таки сводится къ тому же выводу.

Такъ какъ изъ самой же лѣтописи вытекаетъ, что это былъ сильный народъ, въ короткое время покорившій столько племенъ и основавшій огромное государство, то, онъ долженъ былъ совершить свое движеніе изъ Скандинавіи въ значительныхъ массахъ и произвести нашествіе въ родѣ, напримѣръ, остготовъ или лангобардовъ, покорившихъ Италію. Но могло ли подобное движеніе остаться незамѣченнымъ современниками и не найти никакого отголоска ни въ скандинавскихъ, ни въ нѣмецкихъ, ни въ византійскихъ источникахъ? Слѣдовательно, такого движенія не было. Да оно и не могло быть въ подобныхъ размѣрахъ. Ближайшая къ Россіи скандинавская страна, Швеція, была въ тѣ времена сама еще очень бѣдно населена, германскій элементъ ея былъ еще очень малолюденъ. Наиболѣе сильный нормандскій народъ, датчане, около того времени только что заявили себя морскими набѣгами; но ихъ стремленіе было обращено на берега западной Европы; главныя усилія ихъ какъ извѣстно, обратились на Англію. О норвежцахъ можно сказать то же, что о шведахъ и датчанахъ вмѣстѣ, то есть они были такъ же малочисленны, какъ шведы и такъ же стремились на западъ, какъ датчане.

Мы видимъ, какъ создалось Нормандское герцогство, подготовленное предъидущими нападеніями норманновъ, какъ постепенно подготовилось окончательное завоеваніе Англіи, и при какихъ обстоятельствахъ положено начало Неаполитанскому королевству. Можно ли отсюда заключить о томъ, что всѣмъ тремъ упомянутымъ событіямъ уже предшествовало быстрое завоеваніе тѣми же народами всего пространства отъ Финскаго залива до Чернаго моря, пространства, населеннаго отнюдь не робкими, безсильными или малочисленными племенами. Надо оставить мнѣніе, пущенное въ ходъ хотя и знаменитымъ писателемъ (Шафарикомъ), но тѣмъ не менѣе ошибочное, мнѣніе о какой-то миролюбивой, пассивной натурѣ славянъ, одаренной разными благими качествами, за исключеніемъ главныхъ, каковы любовь къ независимости и способность организаціи.

Скандинавскимъ народамъ было не подъ силу въ IX вѣкѣ основаніе такого огромнаго государства, каково Русское. На востокѣ имъ было достаточно дѣла и съ балтійскими славянами.

Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтвержденія своей системы, и нѣкоторые изъ нихъ горячо отстаивали подлинность догово-

ровъ. Дѣйствительно, нѣтъ никакихъ серьозныхъ поводовъ сомнѣваться въ ихъ подлинности; это почти единственные документальные источники, занесенные на первыя страницы нашей лѣтописи; потому-то ихъ содержаніе во многомъ и противорѣчитъ тѣмъ легендарнымъ разсказамъ, которыми они обставлены. При внимательномъ разсмотрѣніи, они могутъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ не истинности, а, напротивъ, ложности скандинавизма. Если Олегъ былъ норманнъ, пришедшій въ Россію съ Рюрикомъ, и дружина его состояла изъ норманновъ, то какъ же, по свидѣтельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуномъ и Волосомъ, а не скандинавскими Одиномъ и Торомъ? Та же клятва повторяется въ договорахъ Игоря и Святослава. Мы видѣли, что Русь, по всѣмъ несомнѣннымъ признакамъ, была сильный многочисленный народъ и народъ господствующій. Если бы это былъ народъ, пришедшій изъ Скандинавіи, то какъ могъ онъ такъ быстро измѣнить своей религіи, и кто его могъ къ тому принудить? Даже, если принять положеніе, что это былъ не народъ (что совершенно невѣроятно), а скандинавская династія съ своею дружиной, которая составила только высшее сословіе, такъ называемую аристократію, въ странѣ славянъ, и тогда нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы господствующій классъ такъ скоро отказался отъ своей религіи въ пользу религіи подчиненныхъ. Удивительно, какъ эта несообразность не бросилась въ глаза норманистамъ. Впрочемъ, и ихъ противники слишкомъ мало обратили вниманія на это обстоятельство.

Договоры Олега и Игоря убѣждаютъ насъ въ томъ, что Русь существовала на Днѣпрѣ и на Черномъ морѣ задолго до второй половины IX вѣка, то есть до эпохи такъ называемаго призванія князей. Мы уже говорили, что эти договоры указываютъ на довольно развитыя и, слѣдовательно, давнія торговыя сношенія. Подобныя сношенія, и притомъ сопровождаемыя формальными договорами, не могли завязаться вдругъ, безъ цѣлаго ряда соотвѣтствующихъ обстоятельствъ. И дѣйствительно, тѣ же договоры заключаютъ въ себѣ прямые намеки на то, что они были повтореніемъ прежнихъ, такихъ же мирныхъ трактатовъ. Напримѣръ, выраженія: «на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ христіаны и Русью бывшую любовь»; или «любовь бывшюю межю христіаны и Русью» и т. п.

Разсмотримъ теперь свидѣтельство Константина Багрянороднаго, современника Игоря. Онъ былъ свидѣтелемъ Игорева нападеніе на Византію, заключалъ съ нимъ договоръ, принималъ у себя его супругу Ольгу, довольно подробно описываетъ этотъ пріемъ (въ сочиненіи объ обрядахъ византійскаго двора) и не пользуется случаемъ сказать что-нибудь о варяжскихъ князьяхъ, основателяхъ русскаго государства. Рюрикъ, по нашей лѣтописи, приходился свекоръ Ольгѣ, и если не она, то кто-либо изъ ея свиты могъ сообщить любознательному императору подробности о Рюрикѣ и Олегѣ. Да и безъ нихъ Константинъ всегда имѣлъ возможность получить подобныя свѣдѣнія отъ русскихъ пословъ и купцовъ въ Константинополѣ. Если принять за истину то, что лѣтопись разсказываетъ (а норманисты подтверждаютъ) о походахъ Олега, тогдашній міръ долженъ былъ наполниться его славой, и тѣмъ не менѣе Константинъ сохраняетъ о немъ упорное молчаніе. Въ другомъ своемъ сочиненіи («Объ управленіи имперіей») онъ сообщаетъ многія свѣдѣнія о сосѣднихъ и даже объ отдаленныхъ народахъ (ломбардахъ, арабахъ, печенѣгахъ, сербахъ, хозарахъ,. babahъ и пр.). Тутъ между прочимъ онъ говоритъ о руссахъ; уже одно столь извѣстное описаніе ихъ плаванія по Днѣпровскимъ порогамъ показываетъ, что онъ интересовался ими и зналъ ихъ довольно хорошо, и опять никакого намека на переселеніе руссовъ въ Россію или на завоеваніе ея какими-либо иноземными князьями. Константинъ, напримѣръ, разсказываетъ о началѣ династіи Арпада у венгровъ и объ ихъ отношеніи къ хозарамъ; а между тѣмъ Арпадъ приходится, повидимому, современникомъ Рюрика. Въ третьемъ своемъ сочиненіи, жизнеописаніи своего дѣда Василія македонянина, Константинъ говоритъ о первомъ крещеніи Руси и опять не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на ея норманство. Изъ всѣхъ извѣстій Константина ясно вытекаетъ, что онъ считаетъ Русь народомъ туземнымъ, а не

пришлымъ, притомъ онъ весьма просто и естественно передаетъ намъ данническія отношенія разныхъ славянскихъ племенъ къ господствующему народу Русь. Слѣдовательно, еслибы на Руси около той эпохи случились такіе перевороты, о которыхъ разсказываютъ легенды, занесенныя въ нашу начальную лѣтопись, то есть ли какая вѣроятность, чтобы любознательный и словоохотливый Константинъ Багрянородный ничего о нихъ не зналъ, а зная—умолчалъ?

Если мы обратимся вообще къ византійскимъ извѣстіямъ о варягахъ и руссахъ, то разсмотрѣніе и сличеніе ихъ между собою приведетъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Во первыхъ, византійскіе источники не смѣшиваютъ Русь съ варягами, а говорятъ о нихъ отдѣльно. Во вторыхъ, о Руси они упоминаютъ гораздо прежде, нежели о варягахъ. Въ третьихъ, что касается наемныхъ иноземцевъ на византійской службѣ, то варяги составляли отряды сухопутные, а руссы преимущественно служили во флотѣ. Норманисты много и убѣдительно доказывали, что варяги византійскіе были норманны и означали то же, что у насъ варяги, съ чѣмъ мы совершенно согласны; только и въ этомъ случаѣ скандинавоманы слишкомъ упираютъ на Скандинавію. Относительно отечества варанговъ византійскія извѣстія указываютъ иногда на Германію, иногда на дальній островъ, находящійся на океанѣ, который они называютъ Туле, или причисляютъ ихъ къ англичанамъ. Но что же изъ этого? Мы все таки не видимъ главнаго: тождества варанговъ съ Русью, и не только нѣтъ никакого тождества, напротивъ, византійцы ясно различаютъ Русь и варяговъ.

Русь для нихъ народъ сѣверный или даже надсѣверный (гиперборейскій); но нигдѣ они не выводятъ его съ крайняго острова, лежащаго на океанѣ, какъ выражаются иногда о варангахъ. Обыкновенно византійцы причисляютъ Русь къ «скиѳскимъ» народамъ; но и этимъ названіемъ не выражается какой-либо опредѣленный этнографическій типъ. Для насъ важно то обстоятельство, что византійцы, близко, воочію видѣвшіе предъ собою въ одно и то же время и варанговъ, и Русь, нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ. Норманскую школу не смущаетъ подобное обстоятельство. Для нея довольно и того, что ихъ смѣшиваетъ наша басня о призваніи варяговъ-руси. А между тѣмъ въ этомъ-то весь корень вопроса. Мало ли что можетъ смѣшиваться въ темномъ народномъ преданіи, въ сказкѣ, въ пѣснѣ, въ собственномъ домыслѣ книгописца и т. п.? Но можетъ ли наука опираться на подобныя основанія? Варяги-норманны несомнѣнно были въ Россіи; но они были здѣсь почти тѣмъ же, чѣмъ и въ Византіи, то есть наемною дружиной. Я говорю почти, потому что у насъ размѣры нѣсколько другіе; у насъ они были въ началѣ и многочисленнѣе, чѣмъ тамъ, и принимали большее участіе въ нашихъ событіяхъ. Норманисты сильно упираютъ на Днѣпровскіе пороги у Константина Багрянороднаго, который приводитъ ихъ названія въ двухъ видахъ: въ русскомъ и славянскомъ. Вотъ они—русскія: Ульворси, Геландри, Айораръ, Варуфоросъ, Леанти и Струвунъ; славянскія: Островунипрагъ, Неясыть, Вулнипрагъ, Веруци, Напрези. Кромѣ того одинъ порогъ имѣлъ общее названіе, по русски и по славянски Есупи. Не мало эрудиціи было потрачено скандиновской школой, чтобы русскія (то есть предполагаемыя скандинавскія) названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій. Досталось, впрочемъ, и не однимъ германскимъ нарѣчіямъ; тутъ пошли въ дѣло и кельтскія, и финскія; не обращались развѣ только къ нарѣчіямъ славянскимъ. Для образца этихъ объясненій приведемъ толкованія перваго русскаго названія, то есть Ульворси или Ульборси (Οὐλβορσι). Во первыхъ, говорятъ норманисты, его надобно читать не Ульворси, а Ульмворси, и даже не Ульмворси, а Хольмворси. Затѣмъ это слово уже не представляетъ затрудненій. Хольмъ (Holm) въ языкахъ: англійскомъ, шведскомъ, нижне-саксонскомъ и датскомъ означаетъ или островъ, или островокъ; вторая половина названія «ворси» напоминаетъ нижне-нѣмецкія Worth, Wurth, Wörde, Wuhrde и англосаксонскія Worth, Warth и Warothe, означающія или возвышеніе, или берегъ; можно также производить ее отъ fors — порогъ. Прекрасно; но если толковать

Ульворси какъ переводъ соотвѣтствующаго ему у Константина славянскаго Островунипрагъ, то мы не думаемъ, что надобно исключительно обращаться къ германскимъ нарѣчіямъ, когда имѣемъ и въ славянскихъ то же слово холмъ съ различными его ваірантами, хельмъ, хлумъ, шеломъ и т. д., а для борси и для форсъ: боръ или брегъ, часто встрѣчающіеся въ сложныхъ именахъ (напримѣръ Бранпборъ, Колобрегъ, Раковоръ, и пр.), имѣемъ тотъ же прагъ или порогъ, имѣемъ, наконецъ, слово забора, которое и до нашего времени употребляется тамъ же, на Днѣпрѣ, для обозначенія малыхъ пороговъ. Такимъ образомъ съ неменьшею вѣроятностію можно предложить для Ульборси, вмѣсто Holm-fors или Holmvorth, напримѣръ: Холмоборы (Холмогоры) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, то есть Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ та же, что въ названіи Вулнипрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул* существуетъ наконецъ въ названіи рѣки Ула. Итакъ, какая нужда отыскивать его непремѣнно въ Скандинавіи? А можетъ быть Ульборси совсѣмъ и не означаетъ то же самое, что Островунипрагъ. (Въ Минской губерніи есть р. Убортъ, можетъ быть сокращеніе изъ Улбортъ).

Не беру на себя задачи немедленно объяснить такъ называемыя русскія имена пороговъ у Константина; предполагаю и значительную порчу этихъ именъ въ его передачѣ, и вообще его недоразумѣніе при ихъ параллели съ именами славянскими. Можетъ быть со временемъ, когда на объясненіе ихъ, при помощи славянскихъ нарѣчій, употреблено будетъ хотя въ половину столько же труда и усилій, сколько было потрачено на объясненіе изъ германскихъ, вопросъ этотъ ближе подвинется къ своему рѣшенію.

Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Что Константинъ по большей части передалъ имена въ искаженномъ видѣ, для этого достаточно бросить взглядъ на такъ называемыя славянскія названія. Что такое, напримѣръ, Веруци (Βερόυτζη)? Не поясни онъ, что эго славянское слово, и что означаетъ вареніе или кипѣніе воды (Βράσμα νερόυ), мы, пожалуй не вдругъ догадались бы о томъ, и норманисты по всей вѣроятности, обратились бы къ германскимъ нарѣчіямъ для отысканія корня.

Или возьмемъ общее русско-славянское названіе одного порога Есупи (Ἐσσορπῆ). Не прибавь Константинъ, что это значитъ: не спи или не спать (μὴ κοιμᾶσθαι), много пришлось бы ломать голову, чтобы дойти до такого смысла. Замѣчательно, что норманисты и это названіе не уступаютъ исключительно славянскому языку; они доискались, что на германскихъ нарѣчіяхъ: «ne suefe» будетъ значить тоже «не спи». Далѣе, что такое славянское названіе Напрези? Опять не скажи Константинъ, что это значитъ малый порогъ, то есть порожекъ, никакъ бы не догадаться. Да и послѣ его объясненія слово остается сомнительнымъ. А между тѣмъ обратимъ вниманіе на соотвѣтствующее ему русское названіе Струвунъ. Для разъясненія его будто бы необходимо также обратиться къ скандинавскимъ: strid, strond, ström и buna, büne и т. п. Но это якобы не славянское слово развѣ не тотъ же Островунъ-порогъ, приводимый Константиномъ между славянскими названіями? Струвунъ и Островунъ представляютъ такое же отношеніе, какъ названія нашего древняго города Вручій и Овручъ. Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія въ искаженіи самыхъ названій у Константина Багрянороднаго. Можно указать тому и другіе примѣры. Напомнимъ нѣкоторыя его названія славянскихъ городовъ: Немогарда, Милиниска, Телюца и пр., въ которыхъ мы узнаемъ Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ. Подобныя искаженія, конечно, неизбѣжны въ устахъ иноземцевъ, но при этомъ возьмемъ еще въ разсчетъ, какъ далеко удалились мы въ настоящее время отъ южно-русскаго произношенія X вѣка. Многія слова, даже и вѣрно записанныя въ то время греками, могутъ въ настоящее время намъ показаться чуждыми или непонятными. Далѣе, представляется вопросъ: вѣрно ли понялъ Константинъ то, что ему толковали о Днѣпровскихъ порогахъ? Что это за двойной рядъ названій: русскія и славянскія, варіанты или переводы? Норманисты усиливаются доказать, что русскія названія имѣютъ тотъ же смыслъ,

какъ и соотвѣтствующія имъ славянскія. Но въ такомъ случаѣ опять вопросъ: какія названія оригинальныя и какія переводныя; кто первый ихъ придумалъ, славяне или Русь? Такъ какъ, по теоріи норманистовъ, русь племя пришлое и не славянское, то оно, нашедши имена Днѣпровскихъ пороговъ уже готовыми у славянъ, не согласилось однако употребить ихъ, а перевело на свой языкъ. Гдѣ же и когда такъ бывало? Географическія имена не переводятся; если и можно найти примѣры, то не многіе и отнюдь не въ такомъ количествѣ заразъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ; вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя. Но что такое самое выраженіе Константина Багрянороднаго по русски и по славянски? Не въ правѣ ли мы заключить отсюда, что онъ считалъ русскій языкъ особымъ, не славянскимъ языкомъ? И не только въ этомъ случаѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ у него русь и славяне какъ будто два различные народа. И именно онъ какъ бы противопоставляетъ Русь тѣмъ племенамъ, которыя платили ей дань, и которыхъ онъ называетъ славянскими. Но въ этомъ-то сопоставленіи и заключается разгадка. Дѣло въ томъ, что сама Русь, безъ сомнѣнія, отличала себя отъ покоренныхъ племенъ; какъ господствующій народъ, она, вѣроятно, свысока смотрѣла на своихъ славянскихъ данниковъ, что, конечно, не мѣшало ей самой быть славянскимъ племенемъ. Необходимо взять при этомъ въ разсчетъ то обстоятельство, что понятіе о родствѣ всѣхъ славянъ между собою и о принадлежности ихъ къ одному великому племени есть достояніе собственно позднѣйшаго времени, и притомъ только образованнаго или книжнаго класса. Не только тогда, но и теперь милліоны людей живутъ на свѣтѣ, не подозрѣвая того, что они славяне.

Константинъ Багрянородный могъ лучше знать собственно южныхъ славянъ; а о сѣверныхъ и восточныхъ онъ писалъ болѣе по слуху, и потому легко впалъ въ заблужденіе, отдѣляя русь отъ другихъ русскихъ славянъ. Если мы не примемъ всего этого въ соображеніе, то впадемъ въ безвыходныя противорѣчія. Возьмемъ опять того же Константина. Описывая обычный зимній объѣздъ кіевскими князьями покоренныхъ племенъ (полюдье), онъ говоритъ, что князья для этого отправляются изъ Кіева «со всею русью». Можно ли понять эти слова буквально, то есть что кіевскіе князья дѣлаютъ объѣздъ въ сопровожденіи всего русскаго народа? Куда же въ такомъ случаѣ дѣвались тѣ многіе свѣтлые русскіе князья, сидѣвшіе съ ихъ дружинами по другимъ главнымъ городамъ, князья, о которыхъ говорятъ намъ договоры Олега и Игоря? Не ясно ли, что тутъ надобно разумѣть собственно княжескую дружину, да и не однихъ кіевскихъ князей, а вообще русскихъ князей; каждый изъ нихъ объѣзжалъ съ дружиной свой удѣлъ, чтобы собирать дань и творить судъ. Понятно, что дружина-то и называла себя русью по преимуществу. Понятны отсюда неточности и въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго. При всей своей добросовѣстности, онъ не могъ, конечно, избѣжать ихъ, когда говорилъ о другихъ народахъ. Если просмотримъ всѣ его извѣстія, то найдемъ у него многія недоразумѣнія по отношенію къ тѣмъ народамъ, которыхъ онъ описывалъ по слуху, недоразумѣнія весьма естественныя: и въ наше время, при настоящихъ научныхъ средствахъ, какъ иногда бываетъ трудно собрать точныя этнографическія данныя. Сличая всѣ извѣстія о Россіи того времени, мы выводимъ заключеніе, что названіе Русь, какъ терминъ этнографическій, имѣлъ весьма эластичный характеръ.

Въ обширномъ смыслѣ оно обнимаетъ всѣхъ восточныхъ славянъ, подвластныхъ русскимъ князьямъ, въ менѣе обширномъ—славянъ южно-русскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ—это племя полянъ или собственно кіевская русь, наконецъ, иногда значеніе этого имени, какъ мы видимъ, съуживалось до понятія сословнаго, а не народнаго—это княжеская дружина, то-есть, военный классъ по преимуществу. Что русь была тождественна съ славянскимъ племенемъ полянъ, это, по нашему крайнему разумѣнію, несомнѣнно. Константинъ Багрянородный, нѣсколько разъ, упоминая о славянскихъ данникахъ руси, приводитъ имена: древ-

лянъ, угличей, дреговитовъ, кривичей и сербовъ (сѣверянъ). Гдѣ же поляне, судя по нашей лѣтописи, главнѣйшее славянское племя? Константинъ ихъ не знаетъ, потому что русскіе въ сношеніяхъ съ иноземцами любили называть себя исключительно русью. А между тѣмъ дома, въ отечествѣ, имя полянъ долго еще не забывалось и послѣ того. Замѣчательны въ этомъ отношеніи извѣстныя слова нашей лѣтописи: «Все это былъ одинъ славянскій языкъ: славяне по-дунайскіе, покоренные уграми, и морава, и чехи, и ляхи, и поляне, яже нынѣ зовомая русь». Эти драгоцѣнныя слова никоимъ образомъ не согласуются съ басней о призваніи варяговъ, и безъ сомнѣнія принадлежатъ не тому лицу, которое смѣшало русь съ варягами.

Русь и въ X вѣкѣ, конечно, не могла не сознавать своего племеннаго родства съ другими примыкавшими къ ней славянами; сношенія съ иноплеменными народами необходимо приводили ее къ этому сознанію. Но у насъ вопросъ идетъ о названіи, которымъ себя отличалъ тотъ или другой народъ. Сознанію общаго родства всѣхъ славянскихъ племенъ и обобщенію слова славянскій языкъ болѣе всего помогла славянская письменность, распространившаяся вмѣстѣ съ христіанствомъ. Названіе славяне, кромѣ обширнаго смысла, имѣло такъ же, какъ русь, и болѣе тѣсный смыслъ: оно означало по преимуществу новогородцевъ.—Объ этомъ не одинъ разъ свидѣтельствуетъ наша лѣтопись. Напримѣръ: «поя же множество варягъ и словѣнъ, и чюди и кривичи». Еслибы понять здѣсь слово славяне въ смыслѣ славянъ вообще, то кривичи оказались бы не славяне. Неопредѣленность и измѣнчивость этнографическихъ терминовъ составляетъ общую черту историческихъ источниковъ древнихъ и средневѣковыхъ, начиная съ Геродота и Тацита. Одно и то же имя не только въ разныя эпохи, но и въ одну и ту же эпоху употреблялось часто то въ обширномъ (родовомъ), то въ тѣсномъ (видовомъ) значеніи. Эта черта произвела, какъ извѣстно, большую запутанность и породила множество недоразумѣній, которыми историческая наука страдаетъ до сихъ поръ, и отъ которыхъ она освобождается весьма постепенно.

Итакъ Константинъ Багрянородный различаетъ русь отъ славянъ потому, что она сама отличала себя отъ подчиненныхъ племенъ, и особенно этимъ названіемъ рознилась отъ славянъ сѣверныхъ или новогородскихъ. А послѣдніе въ свою очередь отличали себя названіемъ славянъ отъ своихъ южныхъ соплеменниковъ. Въ этомъ смыслѣ только и можно понять выраженіе Русской Правды, гдѣ стоятъ рядомъ русинъ и словенинъ, то-есть: южанинъ и сѣверянинъ или кіевлянинъ и новгородецъ.

Южане разнились отъ сѣверянъ не однимъ названіемъ; они, по всей вѣроятности, отличались и нарѣчіемъ, и особенно произношеніемъ. Впрочемъ, какому именно племени первоначально принадлежали такъ-называемыя славянскія имена пороговъ, славянамъ сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ, чѣмъ кіевская русь, рѣшить пока не беремся.

Предъ нами довольно длинный рядъ русскихъ личныхъ именъ, сохраненныхъ договорами Олега и Игоря. На эти имена, въ соединеніи съ такъ называемыми русскими названіями пороговъ и вообще съ первыми именами нашей исторіи, норманская система опирается, какъ на каменные столбы. Но они совсѣмъ не такъ прочны, какъ кажутся. Мы не будемъ разбирать каждое имя (норманисты только часть этихъ именъ приводятъ въ параллель со скандинавскими). Достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ, чтобъ указать натяжки норманистовъ и ихъ явное пристрастіе въ пользу скандинавовъ.

Возьмемъ имя Карлы. Съ перваго взгляда оно можетъ показаться нѣмецкимъ. Но напрасно вы думаете, что это имя исключительно принадлежало нѣмцамъ; оно, безъ сомнѣнія, употреблялось и у славянъ. Иначе откуда же наше карло съ его уменьшительнымъ карликъ? Притомъ оно тутъ же встрѣчается въ другой формѣ Кары; слѣдовательно *л* есть не коренной звукъ, а вставной (извѣстно, что это у насъ одна изъ обычныхъ вставочныхъ буквъ: Скуратовъ—Скурлатовъ). Слѣдовательно, корень здѣсь *кар*, а остальное варіировалось, какъ это случается

и съ другими именами: Карлы, Каравъ или Карпъ (который кстати тутъ есть), Карачунъ, Оттокаръ, и т. д. Далѣе: Инегельдъ, другая его форма, тутъ же присутствующая Иггивладъ. Владъ, это было одною изъ любимыхъ составныхъ частей въ славянскихъ именахъ. Войко, Синко (конечно уменьшительныя отъ вой, воинъ, Синъ, Синеусъ или Синаевъ), Турбидъ, по всей вѣроятности, собственно Турвидъ или Туровитъ; окончаніе *видъ* или *витъ* самое славянское изъ славянскихъ (это наше *вичъ*). Но если мы и оставимъ *бидъ*, окончаніе это также не потеряетъ своего славянскаго характера (бѣда или бида; кромѣ того у насъ есть фамилія Турбиныхъ). А первая половина имени Туръ получила въ славянскомъ языкѣ весьма разнообразное приложеніе. Напомнимъ только Буйтура Всеволода изъ слова о полку Игоревѣ.

Мы указали цѣлый рядъ именъ изъ договоровъ Олега и Игоря. Надѣемся, этихъ примѣровъ весьма достаточно, чтобъ убѣдиться въ несостоятельности норманистовъ, которые хотѣли непремѣнно сдѣлать изъ Ингивладъ скандинавское Ингіальдъ, изъ Улебъ—Ульоръ или Олаоръ и т. п. Мы не говоримъ о неизбѣжныхъ искаженіяхъ, въ которыхъ дошли до насъ эти отголоски нашей далекой старины: многія имена не точно переписывались, такъ что при чтеніи ихъ можетъ быть разногласіе,—чѣмъ конечно пользовались отрицатели ихъ славянства,—а нѣкоторыхъ совсѣмъ нельзя понять. Возьмемъ при этомъ въ расчетъ родство языковъ славяно-литовскихъ съ германскими. Въ началѣ X вѣка это родство было гораздо ближе, чѣмъ въ наше время.

Если отъ договоровъ Олега и Игоря обратимся къ лѣтописнымъ именамъ нашихъ первыхъ князей и ихъ дружинниковъ, то придется повторять то же самое.

Почему, напримѣръ, Рюрикъ есть исключительно скандинавское имя? Оно могло быть уменьшительнымъ отъ Рюаръ, которое встрѣчается въ Игоревомъ договорѣ. Вообще имена на *рикъ* или *рихъ* почему-то считаются нѣмецкими; дѣйствительно, они въ большемъ количествѣ встрѣчаются у нѣмцевъ, но были и у славянъ. Напомнимъ славянскія: Андрихъ (то же что нѣмецкое Генрихъ), Ольдрихъ и т. д. Оскольдъ, почему опять это скандинавскій Аскольдъ? У насъ есть рѣка Осколъ; неужели она названа такъ скандинавами? Форма *ольдъ* нисколько не чужда славянскому языку: мы только-что назвали Ольдриха. Это *ольдъ* могло быть сокращеніе изъ *влад*, *волод*; полная форма Ольдриха такимъ образомъ будетъ Володарикъ, то-есть уменьшительное отъ Володарь. Возьмемъ также нашего Рогвольда; будто онъ долженъ быть скандинавскимъ Рагнвальдомъ. Рогъ было также славянскимъ именемъ; напомнимъ изъ лѣтописи новгородца Гюряту Роговича (также Рогдая богатыря). Диръ, это, говорятъ намъ, скандинавское Тиръ, женское Дирва. Къ чему скандинавское Тиръ, когда у насъ есть свой Тыръ или Тырь, древнѣйшая форма отъ им. Туръ. Замѣчательно, что это имя, также какъ имя Оскольда, связано съ названіями южно-русскихъ рѣкъ: Тыръ (т. е. Днѣстръ), Стыръ, Торъ, Терекъ (уменьшит. отъ Тыръ) и т. д.

Вообще въ мірѣ языческомъ удивительнымъ образомъ переплетаются между собою имена миѳологическія, географическія, народныя и личныя. Такъ имя Тыръ съ своими видоизмѣненіями (Туръ, Турсъ, Торъ, Тавръ и пр.) получило весьма обширное приложеніе въ цѣломъ индоевропейскомъ мірѣ. Между тѣмъ какъ слово Карлъ у славянъ сохранилось въ значеніи карлика и короля, Тырь удержало значеніе исполина; оно сохраняется въ нашемъ словѣ богатырь (которое есть чисто славянское и нисколько не татарское).

Далѣе: Лютъ, столь славянское имя (Людекъ, Лютоворъ, Лютогастъ, Лютоміръ и пр.), норманисты передѣлали въ Liótr, Блудъ въ Blótr и т. п. Олегъ и Игорь гораздо болѣе присущи русской исторіи, чѣмъ скандинавской. Они принадлежали къ наиболѣе любимымъ русскимъ именамъ. Если они не славянскія, то какъ же, вмѣстѣ съ разными словами, они удерживались между князьями въ XII и XIII вѣкахъ? (Олега находимъ даже въ XIV). Между тѣмъ какъ руссы, по словамъ самихъ же норманистовъ, ославянились еще къ началу XI вѣка. Не споримъ, что между именами русскихъ дружинниковъ могутъ встрѣтиться и чисто нор-

манскія имена, принадлежавшія варягамъ—иноземцамъ, и не одни норманскія, а также угорскія, литовскія и другихъ сосѣднихъ народовъ. Мы знаемъ, что наши князья охотно принимали въ свою службу иноземныхъ витязей. Но отъ этого дружина все таки не теряла свой русскій характеръ. Въ дружинѣ Игоря, напримѣръ встрѣчается Яттягъ, т. е. Ятвягъ, который своимъ именемъ указываетъ и на свое происхожденіе. А къ какому народу вы отнесете такія имена договора, какъ Каршевъ, Куцы, Емигъ, Тилена, Вузлѣвъ и т. п.? Развѣ они похожи сколько нибудь на скандинавскія?

Норманисты отнимаютъ у славянъ не одни личныя имена. Они усиливались доказывать, будто скандинавское вліяніе отразилось и вообще въ нашемъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ словахъ изъ государственнаго быта. Такимъ образомъ: боаринъ, гридинъ, метельникъ, паломникъ, вира, вервь и мн. др. оказались не славянскими, а германскими. Въ прошломъ столѣтіи, когда построено зданіе скандинавской теоріи, понятны ошибочные филологическіе пріемы ея основателей; наука сравнительной филологіи и археологіи почти не существовала, и потому при всей своей эрудиціи и добросовѣстности, научные дѣятели, о которыхъ идетъ рѣчь, могли сдѣлать нѣсколько ошибочныхъ выводовъ. Въ наше время странно было бы настаивать на этихъ выводахъ, хотя бы и въ уваженіе къ заслугамъ такихъ дѣятелей, какъ Байеръ, Стриттеръ, Шлёцеръ и Карамзинъ.

Вернемся еще разъ къ договорамъ Олега и Игоря. По расчетамъ норманистовъ, русь, пришедшая во второй половинѣ IX вѣка, ославянилась приблизительно къ началу XI вѣка, да ранѣе невозможно было бы и требовать. Мы уже замѣтили, что русь по договору Олега, то-есть въ началѣ X вѣка, исповѣдуетъ однако ту же религію, какую исповѣдывали восточные славяне, то-есть поклонялась Перуну и Волосу. Тотъ же выводъ можно сдѣлать и о языкѣ. Если славянскій текстъ договоровъ принадлежитъ ко времени самихъ договоровъ (а норманисты этого не отвергаютъ), то ясно, что русь уже въ началѣ X вѣка употребляла славяно-русскій языкъ и славянскую письменность. А если языкъ и религія у нея были славянскіе, то вопросъ: что же оставалось у нея скандинавскаго и какъ успѣла она ославяниться въ нѣсколько лѣтъ? Вообще норманская школа относитъ введеніе славянской письменности ко времени Владиміра святаго, что опять таки противорѣчитъ существованію письменныхъ договоровъ при Олегѣ и Игорѣ. Точно также норманисты и начало христіанства въ Россіи приписываютъ пришлымъ скандинавскимъ князьямъ; тогда какъ, по всѣмъ признакамъ, христіанство существовало у насъ еще прежде этого мнимаго пришествія. На Руси оно утвердилось ранѣе, чѣмъ въ Скандинавіи, что совершенно естественно при исконномъ сосѣдствѣ южно-русскихъ славянъ съ византійскими областями на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Нѣтъ сомнѣнія, что крещеніе Владиміра святаго есть только послѣдній актъ продолжительной борьбы съ русскимъ язычествомъ, окончательная надъ нимъ побѣда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была рѣшительная побѣда византизма надъ латинствомъ, которое также, по всѣмъ признакамъ, давно уже работало не въ одной Польшѣ, но и въ Россіи.

Еслибы русь была не туземнымъ, славянскимъ народомъ, а пришла изъ Скандинавіи, то сомнительно, чтобъ она выразила къ восточному обряду болѣе симпатіи, чѣмъ къ западному. Но вопросъ о началѣ нашего христіанства самъ по себѣ весьма сложный и также затемненный легендами. Норманская школа почти ничего не сдѣлала для его разъясненія; она обошла относящіяся сюда противорѣчивыя свидѣтельства, и предпочла держаться лѣтописной легенды, такъ какъ эта легенда болѣе согласуется съ мнимымъ призваніемъ варяговъ, чѣмъ свидѣтельства византійскія и западныя.

XII. НАПАДЕНІЕ РУСИ НА ЦАРЬ-ГРАДЪ ВЪ 865 ГОДУ.

(Изъ „Исторіи Россіи," Иловайскаго Ч. I-я. Кіевскій періодъ.)

Когда Константинъ Великій задумалъ перенести на востокъ столицу Римской имперіи, онъ долго искалъ для нея наилучшаго мѣста. Вниманіе его останавливалось на разныхъ городахъ. Ему нравилось положеніе древнихъ Сардъ на берегахъ золотоноснаго Пактола; привлекала его также и богатая Өессалоника; приходило ему на умъ построить столицу на мѣстѣ столь прославленной Трои, или выбрать для нея виөинскій городокъ Халкедонъ; но онъ не повторилъ ошибки, въ которую впалъ основатель этого городка. Халкедонъ возникъ полутора столѣтіями ранѣе, чѣмъ лежащая въ виду его Византія. Говорятъ, персидскій царь Дарій во время своего похода въ Скиөію, осмотрѣвъ берега Өракійскаго Боспора, сказалъ объ основателѣ Халкедона, что онъ былъ слѣпъ, потому что не выбралъ такой превосходной мѣстности, какую занимала Византія. Во время Константина этотъ послѣдній городъ представлялъ печальныя развалины, будучи разрушенъ лѣтъ за сто передъ тѣмъ въ эпоху междуусобныхъ войнъ, раздиравшихъ имперію. На немъ то великій императоръ остановилъ свой выборъ, и основалъ здѣсь другой Римъ, другой вѣчный городъ.

Изъ Чернаго моря въ Мраморное ведетъ узкій проливъ, который змѣею извивается между гористыми берегами. Со стороны Чернаго моря берега эти круты, мѣстами обнажены, скалисты и представляютъ довольно дикій видъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ очерки ихъ болѣе и болѣе смягчаются и особенно живописнымъ является болѣе возвышенный европейскій берегъ. Довольно богатая растительность покрываетъ его вершины и скаты; тутъ, между прочимъ, красуются широковѣтвистые платаны и кедры и привлекаютъ своею темною зеленью рощи пирамидальныхъ кипарисовъ. Тамъ, гдѣ проливъ, или т. наз. Воспоръ Өракійскій, сливаетъ свои воды съ водами Мраморнаго моря, онъ отдѣляетъ отъ себя вѣтвь, которая далеко врѣзывается въ европейскій берегъ. Этотъ длинный и узкій заливъ еще у древнихъ носилъ названіе Керасъ, т. е. рогъ, такъ какъ къ концу онъ нѣсколько загибается и напоминаетъ бычачій рогъ. Впослѣдствіи ему дали названіе Золотаго Рога. Полуостровъ или уголъ, омываемый съ одной стороны Мраморнымъ моремъ, а съ другой Золотымъ Рогомъ, и упирающійся своею вершиною въ Воспоръ, есть то мѣсто, на которомъ раскинулся дивный городъ.

Константинополь, подобно древнему Риму, расположенъ на семи холмахъ, и подобно ему былъ раздѣленъ на четырнадцать частей. Эти семь холмовъ представляютъ гребень, который перещепывается долинами. Холмъ, залегающій на оконечности полуострова, есть главная часть города или Византійскій акрополь. Здѣсь сосредоточивались важнѣйшія и наиболѣе великолѣпныя постройки, такъ какъ почти весь этотъ холмъ былъ занятъ императорскимъ дворцомъ и примыкавшими къ нему храмами и площадями. Дворецъ представлялъ цѣлый лабиринтъ роскошныхъ залъ, покоевъ, портиковъ, перистилей, храмовъ, часовенъ, внутреннихъ двориковъ, термъ, садовъ и т. п. Основанный Константиномъ Великимъ, онъ потомъ постепенно расширялся и увеличивался новыми постройками, которыя совершены разными императорами. Внутренности залъ и покоевъ

были изукрашены золотомъ и мозаичными изображеніями; галлереи и площадки представляли пріятную перспективу своими мраморными колоннадами разныхъ цвѣтовъ, а также мраморными и бронзовыми статуями. Разныя отдѣленія этого дворца лабиринта носили разныя названія.

На самомъ берегу моря, гдѣ Воспоръ сливается съ Пропонтидой, рядомъ съ императорской гаванью, стоялъ особый замокъ или укрѣпленный дворецъ, называвшійся Вуколеонъ. Названіе это сообщила ему находившаяся на его набережной мраморная группа, которая изображала быка, схваченнаго львомъ. Этотъ замокъ нерѣдко служилъ настоящимъ жилищемъ императоровъ. Далѣе за нимъ на возвышенности холма находилась слѣдующая группа дворцовыхъ зданій, между которыми первое мѣсто по своимъ размѣрамъ и украшеніямъ занималъ Хризотриклиній или золотая палата (собственно золотое ложе). Онъ представлялъ восьми-угольную ротонду, т. е. каждая изъ осьми его сторонъ заканчивалась полукруглымъ абсидомъ. Это была украшенная мазаиками главная тронная зала, въ которой совершались важнѣйшія церемоніи и пріемы иностранныхъ пословъ. Затѣмъ слѣдовали другія отдѣленія; напр. магнаура или большой дворецъ, Халкійскій или мѣдный и Дафнійскій. Халкійскій получилъ свое названіе отъ бронзоныхъ воротъ искусной работы, а Дафнійскій, вѣроятно, отъ статуи Дафны, украшавшей одну изъ галлерей этого отдѣленія.

Извнѣ къ дворцовымъ зданіямъ примыкали ипподромъ и форумъ Августеонъ. Ипподромъ представлялъ выровненную продолговатую площадь, обведенную стѣнами, украшенную посрединѣ рядомъ нѣсколькихъ громадныхъ колоннъ и обелисковъ. При началѣ ипподрома находился особый дворецъ, съ эстрады котораго императоръ и его дворъ смотрѣли на ристанія. Форумъ Августеонъ, т. е. священный, представлялъ площадь, окруженную галлереей изъ аркадъ; посрединѣ онъ имѣлъ четырехугольную тріумфальную арку съ большимъ крестомъ на верху, по бокамъ котораго стояли фигуры Константина и его матери Елены. Изъ числа статуй и коллонъ, красовавшихся на этомъ форумѣ, особенно замѣчательна колоссальная конная статуя императора Юстиніана, изображеннаго въ видѣ Ахилесса.

Одною своею стороною форумъ Августеонъ примыкалъ къ первому святилищу Византіи, къ храму св. Софіи. Въ оградѣ императорскаго дворца заключалось много изящныхъ храмовъ и базиликъ; но всѣ они далеко уступали св. Софіи, кототорая служила вмѣстѣ и придворнымъ императорскимъ храмомъ и главною соборною церковью всей столицы.

Какое перо въ состояніи изобразить красоту Софійскаго храма! Извнѣ съ трехъ сторонъ его окружали величественные закрытые портики или притворы, а внутри онъ представляетъ чрезвычайно пріятную перспективу: это продолговатый овалъ, по бокамъ обрамленный двухъярусной колоннадой. Нижніе ряды колоннъ поддерживаютъ верхнюю галлерею, которая идетъ вокругъ стѣнъ внутри всего храма, за исключеніемъ абада или алтарной части. Эта галлерея составляла обычную принадлежность византійскихъ церквей и называлась гинекеемъ, потому что назначалась для женскаго пола, который у грековъ слушалъ богослуженіе отдѣльно отъ мужскаго. Надъ срединною частью зданія возвышается куполъ, очень мало выпуклый, у основанія своего имѣющій многочисленные просвѣты, а потому кажущійся необыкновенно легкимъ. По

гармоніи частей, изящной простотѣ и выдержанности стиля Софійскій храмъ и въ настоящее время представляетъ первое зданіе въ мірѣ; римскій соборъ св. Петра далеко уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Но можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производилъ этотъ храмъ своими внутренними украшеніями, т. е разноцвѣтными мраморами, и роскошными мозаиками, которыя покрывали его стѣны! Строитель Софіи, Юстиніанъ I, имѣлъ полное право въ день освѣщенія храма воскликнуть: «Слава Всевышнему, который удостоилъ меня совершить это дѣло. Я превзошелъ тебя, Соломонъ!» (Со времени мусульманскаго ига внутреннія украшенія скрыты подъ густымъ слоемъ штукатурки, а снаружи зданіе обезображено разными пристройками).

Греки любили давать своимъ храмамъ имена въ честь божественныхъ свойствъ и добродѣтелей. Такъ неподалеку отъ св. Софіи или Премудрости Божіей находился храмъ св. Ирины, т. е. храмъ Мира или Согласія, построенный Константиномъ В. (Въ настоящее время это самый древній изъ дошедшихъ до насъ византійскихъ храмовъ. Турки обратили его въ арсеналъ). Далѣе къ западу на IV холмѣ находился величественный храмъ св. Апостоловъ, въ которомъ погребались византійскіе императоры (Турки выбросили изъ него богатые мраморные саркофаги съ ихъ останками, разрушили церковь и на мѣстѣ ея воздвигли мечеть, извѣстную подъ именемъ Могамедіе). Многіе замѣчательные храмы, монастыри, термы, водопроводы, форумы, монументальныя колонны и статуи были разсѣяны по обширной Византіи. Было еще и нѣсколько особыхъ дворцовъ. Изъ послѣднихъ назовемъ Гебдомонъ съ храмомъ Іоанна Предтечи. (Остатки какого то красиваго зданія, уцѣлѣвшіе въ сѣверозападномъ углу города подлѣ большихъ стѣнъ, считаются именно за остатки дворца Гебдомонъ). Неподалеку отъ него въ томъ же углу, ближе къ золотому Рогу, въ части города, называвшейся Влахернами, находился Влахернскій дворецъ съ термами и знаменитымъ храмомъ Богородицы.

Весь Константинополь былъ окруженъ стѣнами со многими башнями; но особенною крѣпостью и массивностью отличались большія стѣны, защищавшія его съ сухаго пути; онѣ были двойныя и упирались однимъ концомъ въ Золотой Рогъ, а другимъ—въ берегъ Мраморнаго моря. Изъ многихъ воротъ, заключавшихся въ этихъ большихъ стѣнахъ, наиболѣе знамениты Золотыя, названныя такъ по своимъ украшеніямъ; они прилегали къ сторонѣ Мраморнаго моря. Неподалеку отъ Золотыхъ воротъ, внутри города на VII холмѣ, расположенъ былъ Студійскій монастырь Іоанна Крестителя, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ монастырей цареградскихъ. Монастырь этотъ замѣчателенъ для насъ по своему послѣдующему вліянію на русское монашество и на русскую письменность.

За большими стѣнами лежало Пегійское предмѣстье съ загороднымъ дворцомъ и храмомъ Богородицы. Пегійскимъ онъ названъ по источникамъ, тамъ находившимся. За тѣми же стѣнами расположены были и другія селенія и монастыри. Между прочимъ на берегу Золотаго Рога за Влахернами лежало предмѣстье съ монастыремъ св. мученика Мамы. Въ этомъ предмѣстьи обыкновенно проживали русскіе торговцы, приходившіе въ Константинополь на своихъ лодкахъ однодеревкахъ. Золотой Рогъ служилъ превосходною гаванью, въ которой находили себѣ удобную стоянку многочисленныя торговыя и военныя суда. На другой сторонѣ этого залива, тамъ гдѣ онъ соединяется съ Босфоромъ, лежало

предмѣстье Галата, носившее прежде названіе Сике, т. е. Смоковницы. Отъ этого предмѣстья къ оконечности Константинопольскаго полуострова, въ случаѣ надобности, протягивались желѣзныя цѣпи, которыя запирали входъ въ Золотой Рогъ. На противоположной сторонѣ Босфора лежало другое большое предмѣстье или пригородъ Константинополя — Хризонополисъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Скутари. Затѣмъ по обоимъ берегамъ Босфора разсѣяны были селенія, монастыри, загородныя виллы и т. п.

Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, Византія только что успокоилась отъ внутреннихъ смутъ, причиненныхъ иконоборческой ересью. Ѳеодора, супруга императора Ѳеофила, одного изъ ревностныхъ иконоборцевъ, послѣ его смерти получила въ свои руки верховную власть, по малолѣтству своего сына Михаила III. Первымъ ея дѣломъ было возстановленіе иконопечатанія, которое и утверждено созваннымъ ею духовнымъ соборомъ 842 г. Съ возобновленіемъ иконопочитанія вновь оживились и нѣкоторыя отрасли искусствъ. Имперія представила свое обычное явленіе. Сколько разъ во время смутъ, мятежей и непріятельскихъ нашествій она казалась близка къ разложенію или къ совершенному упадку! Но едва наступало затишье или на престолѣ появлялась умная, энергичная личность, какъ опять обнаруживались признаки могущества и процвѣтанія. Столько было еще жизненныхъ силъ въ этомъ съ виду ненадежномъ организмѣ и въ этой образованности, представлявшей замѣчательное сочетаніе христіанскихъ началъ съ классическими воспоминаніями, эллинизма съ варварствомъ, неограниченнаго самодержавія съ республиканскими преданіями! Но что особенно служило для Византійской имперіи неистощеннымъ источникомъ ея процвѣтанія, ея блеска и обаянія въ глазахъ варварскихъ народовъ, это замѣчательное развитіе ея промышленности и искусствъ. Въ Царьградъ, конечно, стекались изъ провинцій наиболѣе искусные ремесленники и художники; вообще здѣсь искали себѣ счастья и богатствъ наиболѣе энергичные, даровитые и предпріимчивые люди. Изобиліе товаровъ, художественныхъ произведеній и всякаго рода услугъ развивали сильную роскошь въ средѣ столичныхъ обитателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживали въ ней привязанность къ веселой жизни, къ зрѣлищамъ и другимъ удовольствіямъ. Сюда собирались торговцы почти изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, чтобы мѣнять свои сырыя произведенія на греческія издѣлія. Но наиболѣе роскошныя издѣлія, напримѣръ, самыя дорогія шелковыя ткани (паволоки), византійское правительство даже запрещало вывозить изъ имперіи для того, чтобы варвары и въ одеждѣ своей не могли сравняться съ греками; а къ варварамъ они причисляли и западные, т. е. латинскіе, народы того времени.

Имперія не долго пользовалась благоразумнымъ и бережливымъ управленіемъ Ѳеодоры. Сынъ ея Михаилъ едва достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, какъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и устранилъ свою мать отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Это былъ образецъ тиранническаго властителя, преданнаго пьянству и другимъ порокамъ. Своимъ характеромъ и наклонностями онъ напоминалъ римскаго Нерона, съ тою разницею, что имѣлъ вкусы еще болѣе грубые. Неронъ, играя передъ публикою на цитрѣ, добивался славы великаго артиста, а Михаилъ III страстно любилъ лошадей и главное свое достоинство почиталъ въ искусствѣ ристанія. Циркъ или ипподромъ—это любимое зрѣлище византійцевъ—

при немъ оживился и получилъ значеніе болѣе важное, чѣмъ всѣ государственныя дѣла. Въ одеждѣ возницы изъ партіи голубыхъ, Михаилъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ конномъ бѣгѣ и добивался побѣды надъ соперниками, которую они, конечно, уступали ему очень легко. Разсказываютъ, будто бы однажды, когда императоръ стоялъ на колесницѣ и ожидалъ сигнала къ начатію бѣга, главный сановникъ привелъ къ нему гонца, который только что прибылъ изъ Малой Азіи съ извѣстіемъ о вторженіи арабовъ. „Несчастный!"—воскликнулъ Михаилъ,—„и въ такую критическую минуту ты приходишь меня безпокоить!" На возвышенныхъ пунктахъ Малой Азіи устроены были сигнальные огни, чтобы извѣщать о непріятельскомъ вторженіи; Михаилъ велѣлъ ихъ уничтожить, такъ какъ эти огни иногда тревожили жителей столицы и отвлекали ихъ вниманіе отъ ристаній цирка. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ воздвигъ нѣсколько храмовъ и другихъ изящныхъ или полезныхъ зданій; но главную свою заботу посвятилъ постройкѣ великолѣпныхъ дворцовыхъ конюшенъ; мраморъ и порфиръ украшали ихъ стѣны; онѣ были снабжены кромѣ того роскошными водоемами. Разсказываютъ, что однажды, показывая кому-то свои конюшни, Михаилъ выразилъ надежду, что это зданіе сдѣлаетъ безсмертнымъ его имя. „Государь", получилъ онъ въ отвѣтъ, „Юстиніанъ построилъ и изукрасилъ св. Софію, и однако о немъ болѣе не говорятъ; а ты надѣешься пріобрѣсти безсмертіе этимъ вмѣстилищемъ навоза". Правдивый отвѣтъ былъ награжденъ ударами бича.

Къ этой-то эпохѣ относится первое, извѣстное въ исторіи, появленіе нашихъ предковъ подъ стѣнами Константинополя. Михаилъ III, пожелавшій вдругъ отличиться военными подвигами, въ сопровожденіи своихъ любимцевъ и приближенныхъ отправился въ Малую Азію, въ походъ противъ сарацинъ, куда увелъ съ собою византійскіе легіоны; а начальство столицы поручилъ патрицію Никитѣ, прозваніемъ Орифа. Послѣдній носилъ еще званіе друнгарія флота, и хотя до того времени не отличился никакими особыми заслугами на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, но, повидимому, былъ человѣкъ не безъ достоинствъ.

Послѣдующее событіе происходило приблизительно въ маѣ 865 года.

День склонялся къ вечеру, когда въ Царьградъ явились бѣглецы изъ селеній, расположенныхъ по берегамъ Ѳракійскаго Босфора, и принесли страшную вѣсть: многочисленные корабли варварскаго народа Рось вошли въ Босфоръ и плывутъ прямо къ столицѣ. Эта неожиданная вѣсть поразила жителей цареградскихъ, которые дотолѣ безпечно предавались своимъ занятіямъ и своимъ удовольствіямъ. Вмигъ брошены всѣ мелкія заботы и попеченія, всѣ забавы и суетныя помышленія; повсюду распространились ужасъ и смятеніе.

Варвары, очевидно, имѣли вѣрныя свѣдѣнія объ отсутствіи императора съ легіонами и почти беззащитномъ положеніи столицы. Дѣло въ томъ, что за нѣсколько времени греческое правительство нарушило свои торговые договоры съ русскимъ народомъ и допустило избить многихъ русскихъ торговцевъ, проживавшихъ въ Византіи; ссора съ ними возникла изъ-за какого-то незначительнаго долга. Тщетно Русь требовала удовлетворенія за обиду. Византійцы не обращали вниманія на эти требованія, и вотъ теперь, когда они ничего не ожидали, варвары воспользовались удобнымъ временемъ и внезапно нагрянули на Византію, прежде

нежели корсунскіе или синопскіе греки могли извѣстить столицу объ ихъ походѣ. Они, конечно, надѣялись не только отомстить за смерть товарищей, но и обогатиться несмѣтною добычею, которую сулило взятіе такого богатаго и великаго города, каковъ былъ Константинополь.

Впечатлительные византійцы легко переходили изъ одной крайности въ другую; ихъ высокомѣріе и презрѣніе къ варварамъ тотчасъ смѣнились робостью и страхомъ близкой смерти или жестокаго плѣна. Между тѣмъ Орифа и его помощники, по всѣмъ признакамъ, приняли зависящія отъ нихъ мѣры: они заперли городскія ворота, разставили по башнямъ находившуюся въ ихъ распоряженіи стражу и поспѣшили отправить гонцовъ къ императору.

Наступавшая ночь, мрачная и бурная, еще усиливала тревогу и смятеніе въ городѣ. Наиболѣе робкимъ умамъ ежеминутно представлялось, что враги уже перелѣзли стѣны, завладѣли городомъ, и насталъ всему конецъ. Но вотъ мракъ разсѣялся, вѣтеръ утихъ, морскія волны улеглись, и тогда жители Византіи увидали вереницу судовъ, которые обступали Константинополь со стороны Босфора и Пропонтиды. Варвары, держа въ рукахъ обнаженные мечи свои, грозили ими городу и испускали дикіе крики. Это были большею частью статные люди съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми острыми глазами. Наиболѣе знатные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами; остроконечные шлемы покрывали ихъ чубатыя подстриженныя кругомъ головы; сверхъ кольчуги на нихъ наброшены были плащи, углы которыхъ застегивались пряжкою на правомъ плечѣ. Вооруженіе этого народа составляли стрѣлы, копья, сѣкиры и мечи съ широкимъ, обоюдо-острымъ лезвеемъ; а щиты, съуживающіеся къ низу, были такъ длинны, что покрывали почти все тѣло.

Окруживъ городъ со стороны моря, руссы высадились на берегъ, и по обычаю своему начали насыпать валъ вдоль стѣнъ, защищавшихъ городъ съ суши, чтобы тѣмъ легче завладѣть ими. Въ тоже время часть ихъ разсѣялись по беззащитнымъ предмѣстьямъ и окрестностямъ Константинополя; они съ большою свирѣпостью принялись опустошать селенія и монастыри, истребляя огнемъ и мечемъ нивы, жилища, людей и скотъ, не щадя при этомъ ни младенцевъ, ни стариковъ, не смягчаясь никакими воплями и мольбами. Между прочимъ они захватили островокъ Теревинѳъ съ его монастыремъ. Варвары разграбили здѣсь церковные сосуды и всю утварь; они схватили двадцать два человѣка изъ его монаховъ и слугъ, и всѣхъ изрубили топорами на кормѣ лодки.

Въ отчаяніи своемъ жители Византіи обратились въ тому, о чемъ они легко забывали въ дни мира и веселія, т. е. къ молитвѣ, посту и покаянію. Духовенство совершало постоянные молебны и всенощныя бдѣнія; отверстые храмы были наполнены молящимся народомъ, при чемъ наиболѣе кающіеся стояли на колѣнахъ, били себя въ грудь, плакали и стенали. Особенно густая толпа стекалась въ соборный храмъ св. Софіи. Патріархъ Фотій въ эту торжественную минуту явился вполнѣ достойнымъ своего сана и обнаружилъ замѣчательную силу слова. Съ софійской каѳедры онъ яркими красками изображалъ варварское нашествіе какъ кару, ниспосланную Господомъ за тяжкіе грѣхи, въ которыхъ погрязло населеніе. При этомъ, смотря по теченію своихъ мыслей, онъ то называлъ варваровъ грозными и неодолимыми, и иногда выражался сло-

вами Библіи. Напримѣръ: „Народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ, чтобы дойти до втораго Іерусалима, а людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья; онъ грозенъ и не милуетъ; голосъ его какъ шумъ моря", и т. д. То отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, чтобы ярче выставить униженіе и стыдъ, которымъ подверглась Византія. „О градъ, царь едва не всей вселенной!"—восклицалъ онъ,—„какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою: необученное и набранное изъ рабовъ! О градъ, украшенный добычею многихъ народовъ, что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу! Слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя". „Походъ этихъ варваровъ", замѣчаетъ онъ,—„схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить, и мы услыхали о нихъ тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и раздѣляли насъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря".

Патріархъ призывалъ къ покаянію, но не наружному только, а глубокому и искреннему. „Не вопите и не шумите. Перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны", повторялъ онъ, и обѣщалъ заступленіе Божіе, если грѣшники имѣютъ твердое намѣреніе исправиться отъ своихъ беззаконій и поступать согласно съ заповѣдями Господними. „Было что посмотрѣть тогда!"—говорилъ послѣ тотъ же Фотій. „Гордые смирились; сластолюбцы постились; у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текли по щекамъ; ростовщики, копившіе деньги, раздавали ихъ бѣднымъ; жестокосердый сталъ милостивъ; преданный пьянству обѣщалъ не пить во всю жизнь; преданный чувственности добровольно далъ обѣтъ цѣломудрія, и вообще каждый всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели, и обѣщался впередъ исполнять всѣ обѣты чистосердечно и неуклонно". Каялись жители Византіи также и въ нарушеніи договоровъ съ варварами, и въ обидѣ, имъ причиненной.

Между тѣмъ осада продолжалась; валъ, насыпаемый непріятелями, постепенно возрасталъ, и близился часъ, когда они съ этого вала могли перелѣзть на стѣны и ворваться въ городъ. „Наконецъ, возлюбленные", проповѣдывалъ Фотій, „настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ Ней, единой надеждѣ нашей и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже! Ее поставимъ ходатайницею передъ Сыномъ и Богомъ нашимъ. Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и споручницею обѣтовъ нашихъ".

Главные византійскіе храмы изобиловали священными предметами; особымъ поклоненіемъ пользовались, конечно, тѣ предметы, которые въ народномъ вѣрованіи были связаны съ земною жизнію Спасителя и Богородицы. Напримѣръ, въ Софійскомъ соборѣ показывали вѣрующимъ пелены младенца Христа, золотые сосуды, принесенные ему въ даръ волхвами, копье, которымъ онъ былъ прободенъ, и т. д. Во Влахернскомъ храмѣ хранились поясъ Богоматери и ея риза, т. е. какая либо часть одежды. Эта святыня чтилась въ особенности какъ надежная защита во время опасности, и вообще жители Царьграда почитали Богородицу главною заступницею и покровительницею своего города. Патріархъ взялъ ея ризу, и съ молитвенными пѣснопѣніями обнесъ ее вдоль стѣнъ вокругъ города. Вслѣдъ за тѣмъ непріятели поспѣшно сняли осаду, сѣли на свои корабли и покинули Босфоръ, обогащенные награбленною на его берегахъ добычею. Источники не даютъ намъ ближайшихъ

объясненій этого поспѣшнаго отступленія руссовъ. Безъ сомнѣнія, въ это именно время достигло до нихъ извѣстіе о приближеніи византійскихъ легіоновъ и кораблей, ибо Михаилъ III тотчасъ повернулъ назадъ, какъ только услыхалъ о нападеніи руси на его столицу.

Русь ушла отъ Царьграда; но византійское правительство должно было озаботиться защитою отъ нея своихъ черноморскихъ областей, особенно Херсонеса и другихъ греческихъ городовъ, находившихся въ Тавридѣ, по сосѣдству съ таманскими и таврическими владѣніями руси. Въ этой войнѣ союзницей грековъ явилась христіанская религія: греческіе проповѣдники склонили часть варваровъ къ принятію крещенія. Тотъ же патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 866 года, обращенномъ къ восточнымъ епископамъ, извѣщаетъ ихъ, что не только племя болгарское перемѣнило свое древнее нечестіе на вѣру во Христа, но тоже сдѣлало и племя русское. „Народъ, столь часто многими превозносимый", пишетъ Фотій, и превосходящій всѣ другіе народы своею жестокостію, т. е. россы, которые, покоривъ окрестные народы, возгордились и, имѣя о себѣ весьма высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечистое языческое суевѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ себя какъ преданные друзья, хотя незадолго передъ этимъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе" (т. е. нападеніе на самый Царьградъ).

Но Фотій, очевидно, преувеличивалъ размѣры обращенія и преданности со стороны Руси. Только новому императору, Василію Македонянину, который въ слѣдующемъ 867 году воцарился на мѣстѣ убитаго имъ Михаила III, удалось богатыми дарами изъ золота, серебра и шелковыхъ тканей склонить русскихъ вождей къ миру и возобновить съ ними торговые договоры. Тогда и обращеніе варваровъ въ христіанство сдѣлало болѣе успѣховъ, такъ что патріархъ назначилъ особаго архіепископа для этой крещеной Руси.

Какъ посреди ночной мглы иногда внезапный блескъ молніи прорѣзываетъ тучи и на мгновеніе озаряетъ окрестность, такъ нападеніе 865 года на Константинополь является для насъ яркимъ лучемъ свѣта на горизонтѣ начальной русской исторіи, покрытой густымъ туманомъ.

XIII. ЛѢТОПИСНОЕ СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЕГѢ.

(изъ Лаврентьевской лѣтописи).

Въ годъ 6387. Рюрикъ, умирая, передалъ княжество Олегу, своему родственнику, сдѣлавъ его опекуномъ своего сына Игоря, очень малолѣтняго.

Въ годъ 6388. Въ годъ 6389. Въ годъ 6390. Отправился въ походъ Олегъ, взявъ много воиновъ, варяговъ, чуди, словенъ, мери, веси, кривичей, и пришелъ къ Смоленску съ кривичами, и принялъ власть надъ этимъ городомъ, и посадилъ въ немъ мужа своего. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечъ и посадилъ тамъ своего мужа. Прійдя къ горамъ кіевскимъ, увидѣлъ Олегъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ. Онъ спряталъ часть воиновъ въ ладьяхъ, а часть оставилъ назади; самъ-же пришелъ, имѣя на рукахъ малолѣтняго Игоря. Онъ приплылъ къ Угорскому и,

спрятавъ воиновъ своихъ, послалъ къ Аскольду и Диру, и велѣлъ сказать: «Мы гости, идемъ въ Грецію, посланные Олегомъ и княжескимъ сыномъ Игоремъ; придите къ намъ съ родомъ своимъ». Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда вышли прочіе люди изъ ладьи, а Олегъ сказалъ Аскольду и Диру: «Вы не князья и не княжескаго рода, я же рода княжескаго», и, указывая на Игоря, добавилъ: „И вотъ сынъ Рюрика". Воины Олеговы убили Аскольда и Дира, снесли ихъ тѣла на гору и похоронили на горѣ, называемой нынѣ Угорскимъ, гдѣ теперь находится Олминъ дворъ. На ихъ могилѣ построилъ Олма церковь св. Николы. Дирова-же могила находится за церковью св. Ирины. Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: „Это будетъ мать городовъ русскихъ". Съ нимъ были варяги и славяне и прочіе, прозывавшіеся русью. И вотъ, сталъ Олегъ строить города, установивъ дани со славянъ, кривичей и мери, приказалъ Новгороду платить дань варягамъ 300 гривенъ въ годъ, ради мира, что онъ и платилъ варягамъ до смерти Ярослава.

Въ годъ 6391. Началъ Олегъ воевать съ древлянами, поразилъ ихъ и сталъ брать дань отъ нихъ по черной куницѣ.

Въ годъ 6392. Пошелъ Олегъ на сѣверянъ и побѣдилъ ихъ, и обложилъ ихъ данью легкою, и не дозволилъ имъ платить дань хозарамъ, говоря: „Для хозаръ я врагъ, но не для васъ".

Въ годъ 6393. Послалъ Олегъ къ радимичамъ спросить: „Кому дань даете?" Они же сказали: „Хозарамъ". И Олегъ сказалъ имъ: „Не давайте хозарамъ, но давайте мнѣ". И стали они давать Олегу по шелягу, какъ давали хозарамъ. Подъ властью Олега были такимъ образомъ поляне, древляне, сѣверяне, радимичи; съ угличами же и тиверцами была война...

Въ годъ 6415. Пошелъ Олегъ на Грецію, оставивъ Игоря въ Кіевѣ. Онъ взялъ съ собою много варяговъ славянъ, чуди, кривичей, мери, полянъ, сѣверянъ, древлянъ, радимичей, хорватовъ, дулебовъ, тиверцевъ. Всѣ они назывались великою Скуфью. Съ ними всѣми, отчасти на коняхъ, отчасти на судахъ, пошелъ Олегъ. Судовъ было 2,000. Когда онъ пришелъ къ Царь-Граду, греки заперли гавань и затворились въ городѣ. Олегъ высадился на берегъ, велѣлъ вытащить на сушу суда, повоевалъ около города, умертвилъ многихъ грековъ, многія зданія разрушилъ, церкви выжегъ. Взявъ многихъ плѣнныхъ, воины Олега однихъ изрубили, другихъ замучили, иныхъ разстрѣляли, иныхъ бросили въ море и сдѣлали вообще много вреда грекамъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ воины. И велѣлъ своимъ Олегъ дѣлать колеса и ставить суда на колеса. При попутномъ вѣтрѣ, распустивъ паруса, они двинулись сухимъ путемъ къ городу. Увидя это, греки испугались и сказали Олегу черезъ пословъ своихъ: „Не губи города. Дадимъ дань, какую хочешь". Олегъ остановилъ воиновъ, а греки вынесли ему пищу и вино, но онъ не принялъ ни того, ни другаго, такъ какъ сюда была примѣшана отрава. Греки испугались и сказали: „Это не Олегъ, а св. Димитрій, посланный Богомъ на насъ". И велѣлъ Олегъ дать дань на 2,000 судовъ по 12 гривенъ на человѣка; въ каждомъ же суднѣ считалось по 40 человѣкъ. Греки согласились и просили мира и прекращенія войны въ своей странѣ. Олегъ же, отступивъ нѣсколько отъ города, вступилъ въ переговоры съ царями греческими Леономъ и Александромъ, послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, говоря:

«Вы должны дать мнѣ дань». Греки сказали: «Дадимъ, чего захочешь». И потребовалъ Олегъ чтобы дали воинамъ, находящимся на 2000 судовъ, по 12 гривенъ на ключъ, и, кромѣ того, потребовалъ платежа въ пользу русскихъ городовъ: прежде всего въ пользу Кіева, потомъ въ пользу Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и въ пользу другихъ городовъ, въ коихъ сидѣли князья, находившіеся въ зависимости отъ Олега... И сказалъ Олегъ: «Пусть Русь сошьетъ себѣ паруса изъ паволоки, а у славянъ пусть будутъ паруса полотняные». Такъ и было сдѣлано. Воины Олеговы, повѣсивъ свои щиты на вратахъ въ знакъ побѣды, ушли отъ Царь-Града. И распустила Русь свои паволочные паруса, а славяне полотняные. Вѣтеръ порвалъ ихъ, и славяне сказали: «Примемся за свои холстинные паруса, не дано славянамъ парусовъ полотняныхъ». И вернулся Олегъ въ Кіевъ, неся золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье, и прозванъ былъ онъ вѣщимъ, такъ какъ люди того времени были язычники и невѣжды.

XIV. ДОГОВОРЫ РУСИ СЪ ГРЕКАМИ.

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

А. Договоръ Олега (911 г.).

Мы, рода русскаго, Карлы, Инегельдъ, Фарловъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ, посланные отъ великаго князя русскаго Олега, отъ всѣхъ свѣтлыхъ бояръ, состоящихъ подъ его властью, къ вамъ, великимъ самодержцамъ Божьею милостью Льву, Александру и Константину, царямъ греческимъ, чтобы установить и упрочить бывшія впродолженіе многихъ лѣтъ добрыя отношенія между христіанами и русью; этого желаютъ и повелѣваютъ такъ намъ князья наши и всѣ, находящіеся подъ ихъ властью. Наша свѣтлость болѣе другихъ желаетъ съ Божьею помощью удержать и провозгласить такой миръ, какой былъ между христіанами и русью, основанный на зрѣломъ обсужденіи, на правдивости, скрѣпленный письменнымъ договоромъ и клятвою оружіемъ, соотвѣтственно вѣрѣ нашей и обычаямъ нашимъ. И вотъ статьи, составленныя съ Божьею помощью, для мирнаго договора. Вопервыхъ, пусть будетъ миръ между нами и вами, греками: да возлюбимъ другъ друга искренно и отъ всей души, да не допустимъ никого изъ людей, подчиненныхъ нашимъ свѣтлымъ князьямъ, до нанесенія вреда вамъ, но да постараемся со всѣхъ силъ сохранить на будущее время съ вашимъ, греки, народомъ добрыя отношенія неизмѣнно и добросовѣстно, утвердивъ ихъ клятвою и письменнымъ договоромъ. Такъ же и вы, греки, должны имѣть такую же неизмѣнную и искреннюю любовь къ свѣтлымъ князьямъ нашимъ русскимъ и ко всѣмъ, находящимся подъ властью нашего свѣтлаго князя, навсегда. Если совершатся преступленіи, то о наказаніяхъ постановляемъ слѣдующее: Нужно имѣть ясныя свидѣтельства для обвиненія въ преступленіи; если истинность свидѣтельствъ будетъ заподозрѣна, допускается присяга не со стороны обвинителя, а со стороны обвиненнаго; каждый долженъ присягать по своей вѣрѣ и подлежать казни, въ слу-

чаѣ обнаруженія ложности присяги. Если христіанина убьетъ русинъ или русина христіанинъ, то убійца пусть будетъ казненъ на мѣстѣ преступленія. Если убійца убѣжитъ, то принадлежащее ему имущество, за исключеніемъ части, долженствующей по закону перейти къ женѣ его, будетъ отдано ближайшему родственнику убитаго; если у убѣжавшаго убійцы нѣтъ имущества, пусть онъ считается подъ судомъ, пока не будетъ отысканъ и казненъ. Если будетъ нанесенъ ударъ мечемъ или какимъ либо другимъ орудіемъ, то за такой ударъ или убійство виновный уплачиваетъ по закону русскому 5 литръ серебра; если же нанесшій ударъ не на столько состоятеленъ, то пусть онъ дастъ, сколько можетъ, пусть отдастъ даже платье, которое носитъ, и клянется по своей вѣрѣ въ томъ, что не имѣетъ никого, кто могъ бы его выручить; тогда искъ прекращается совершенно. Если русинъ украдетъ что-либо у христіанина или, наоборотъ, христіанинъ у русина, и воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, но сопротивляющійся, будетъ убитъ, то убійца его, христіанинъ или русинъ, не виновенъ и въ правѣ взять обратно себѣ свою собственность; если же воръ не сопротивляется, а сдается, то пусть будетъ взятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что укралъ, связанъ, и затѣмъ пусть возвратитъ трижды противъ украденнаго. Если христіанинъ русину или наоборотъ причинитъ мученіе или явное насиліе, дѣлая обыскъ, и возьметъ при этомъ что-либо чужое, то пусть вернетъ трижды столько. Если сильнымъ вѣтромъ занесено будетъ на чужую землю греческое судно, то каждый изъ насъ, русскихъ, случившихся тамъ, долженъ охранять судно съ его грузомъ, отослать его обратно въ христіанскую землю, проводить его чрезъ всякое опасное мѣсто, вывести на безопасное. Если судно отъ бури или мелей не въ состояніи двинуться съ мѣста, то мы, русскіе, должны помочь гребцамъ его и препроводить въ цѣлости его съ грузомъ въ греческую землю, если она недалеко. Если такое несчастье случится близь русской земли, то слѣдуетъ довести судно до русскаго берега, а грузъ и все, что можно изъ судна, будетъ продано, и вырученныя деньги будутъ возвращены черезъ русскихъ людей, отправляющихся въ Грецію по торговымъ дѣламъ или въ посольствѣ къ царямъ вашимъ. Если же русскіе побьютъ или убьютъ кого-либо изъ людей, находящихся въ этомъ суднѣ, или украдутъ что-либо изъ него, то виновные должны подвергнуться вышесказанному наказанію. Если, будучи въ чужой сторонѣ, русинъ или грекъ встрѣтятъ тамъ раба изъ земли русской или греческой, то обязаны его купить, но не для себя, а для возвращенія на родину, причемъ купившій получетъ уплаченныя имъ деньги или обычную цѣну раба. Если кто-либо изъ грековъ взятъ въ плѣнъ во время войны, то да будетъ дана ему свобода вернуться на родину, при чемъ плѣнившій его долженъ получить, какъ выше сказано, обычную цѣну раба. Если въ случаѣ войны русскіе пожелаютъ служить у царя вашего, то имѣютъ право на это безъ ограниченія времени службы и числа поступающихъ въ нее лицъ. Если случится, что русскіе невольники будутъ привезены для продажи изъ какой-либо страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники на Русь, то они продаются по 20 червонцевъ и отпускаются на родину. Если рабъ русскій будетъ украденъ или убѣжитъ, или будетъ проданъ насильно, и хозяинъ раба станетъ жаловаться, то жалоба должа быть подтверждена свидѣтельствомъ самого раба, и тогда хозяинъ можетъ взять его себѣ обратно.

Также русскіе купцы, потерявшіе раба, могутъ жаловаться, искать его и, нашедши, взять обратно; тотъ, кто будетъ противиться обыску, проигрываетъ этимъ дѣло свое. Если кто изъ русскихъ, находящихся на службѣ христіанскаго царя въ Греціи, умретъ, не отказавъ своего имущества, и при немъ не будетъ родственниковъ, то имущество его должно вернуться на Русь къ его родственникамъ; если умершій оставитъ завѣщаніе, то лицо, названное въ завѣщаніи, получитъ наслѣдство черезъ посредство русскихъ купцовъ, посѣщающихъ греческую землю и проживающихъ тамъ. Если преступникъ уйдетъ изъ Руси въ греческую землю, и русь будетъ жаловаться христіанскому царю, то преступникъ долженъ быть взятъ и возвращенъ на Русь хотя бы насильно. То же самое обязаны дѣлать и русскіе относительно грековъ въ подобномъ случаѣ. Для утвержденія и ненарушимости заключеннаго мира между нами и греками, мы написали договоръ этотъ на двухъ хартіяхъ съ подписями царя вашего и нашими. Царь клялся Честнымъ Крестомъ и святою Единосущною Троицею единаго истиннаго Бога нашего соблюдать этотъ договоръ. Мы же клялись царю вашему, держащему власть отъ Бога, по обычаямъ нашего народа, въ томъ, что ни мы, ни никто изъ нашихъ, не будемъ нарушать этого договора, назначеннаго для сохраненія мира и любви.

В. Договоръ Игоря (944).

Мы, рода русскаго послы и гости (слѣдуютъ имена пословъ отъ Игоря, жены его Ольги, сына его Святослава, его племянниковъ и т. д.) посланы отъ Игоря, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ князей, и отъ всѣхъ людей земли Русской. Намъ велѣно обновить старый миръ и дьявола, ненавидящаго добро и сѣющаго раздоры, унизить на многія лѣта, утвердивъ любовь между греками и Русью. Великій князь нашъ Игорь, бояре его и всѣ люди русскіе послали насъ къ великимъ царямъ греческимъ, Роману, Константину и Стефану, заключить дружбу съ самими царями, со всѣмъ боярствомъ и всѣми людьми греческими навсегда, пока сіяетъ солнце и стоитъ міръ. Если кто изъ русскихъ возъимѣетъ намѣреніе разрушить эту дружбу, то, если онъ христіанинъ, пусть получитъ возмездіе отъ Бога вседержителя, пусть будетъ осужденъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ; если онъ не крещенъ, то пусть не имѣетъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, пусть не защитится щитомъ своимъ, пусть погибнетъ отъ меча своего, отъ стрѣлъ или отъ другаго своего оружія, и пусть будетъ рабомъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Великій князь русскій и бояре пусть посылаютъ въ греческую землю къ великимъ царямъ греческимъ кораблей, сколько хотятъ, съ послами и купцами, какъ постановлено. Послы имѣли прежде печати золотыя, а купцы серебрянныя; теперь же пусть князь вашъ посылаетъ грамоту царямъ нашимъ, свидѣтельствующую, что посылаемые имъ суть именно послы и купцы, имѣющіе грамоту, въ которой написано, сколько послано кораблей. Такимъ образомъ мы будемъ знать, что они приходятъ съ миромъ. Если же придутъ къ намъ безъ грамоты, то мы будемъ ихъ задерживать подъ стражею, пока не снесемся съ княземъ вашимъ; если при этомъ пришедшіе будутъ сопротивляться, то могутъ быть убиты, и князь вашъ не имѣетъ права мстить намъ за смерть ихъ. Если они убѣгутъ въ Русь, то мы напишемъ объ этомъ князю вашему, чтобы онъ поступилъ съ ними,

какъ ему угодно. Если русскіе придутъ не съ торговою цѣлью, то не имѣютъ права на полученіе мѣсячнаго содержанія. Пусть князь запретитъ посламъ своимъ и вообще приходящимъ сюда русскимъ творить безчинства въ селахъ и городахъ нашихъ. Когда они придутъ, пусть живутъ у святаго Мамы, а наше правительство пошлетъ чиновниковъ для того, чтобы переписать ихъ имена, и тогда какъ послы, такъ и купцы получатъ свое содержаніе; первыми получатъ пришедшіе изъ города Кіева, затѣмъ изъ Чернигова и Переяславля. Пусть входятъ въ городъ одними воротами, съ царскимъ чиновникомъ, безъ оружія, по пятидесяти человѣкъ, пусть совершаютъ торговлю, какъ имъ надобно, и затѣмъ пусть уходятъ. Греческій чиновникъ долженъ охранять ихъ и судить, если кто изъ грековъ или изъ русскихъ поступитъ несправедливо. Войдя въ городъ, русскіе не имѣютъ права купить паволоки дороже пятидесяти червонцевъ, и эти паволоки каждый купившій долженъ показывать чиновнику, который приложитъ къ нимъ клеймо и возвратитъ ихъ. Отходящіе отсюда русскіе получаютъ отъ насъ, если надобно, пищу на дорогу и то, что нужно для кораблей, сообразно съ прежнимъ договоромъ, чтобы безопасно вернуться въ страну свою, такъ какъ не имѣютъ права зимовать у святаго Мамы. Если уйдетъ рабъ изъ Руси или отъ русскихъ, которые придутъ въ страну царства нашего и будутъ жить у святаго Мамы, то рабъ долженъ быть возвращенъ, если его найдутъ; если же не найдутъ, то допускается присяга со стороны христіанъ по ихъ вѣрѣ, и со стороны не христіанъ по ихъ закону, и тогда потерявшіе раба получаютъ отъ насъ цѣну его, какъ установлено прежде, двѣ паволоки за человѣка. Если отъ людей царства нашего, отъ жителей города нашего или другихъ городовъ уйдетъ рабъ нашъ къ вамъ и унесетъ съ собою какую нибудь вещь, то слѣдуетъ возвратить его съ тѣмъ, что онъ принесъ, въ цѣлости, за что будетъ уплачено два червонца. Если кто изъ русскихъ попытается взять незаконно что-либо отъ людей царства нашего и сдѣлаетъ это, то пусть будетъ строго наказанъ и взятое пусть возвратитъ вдвойнѣ. Если такъ поступитъ грекъ относительно русина, то и онъ будетъ наказанъ такимъ же образомъ. Если случится русину что-либо украсть у грека, или греку у русина, то должно возвратить не только украденную вещь, но и ея стоимость; если украденная вещь найдется въ продажѣ, то пусть уплачена будетъ двойная стоимость ея, и такое наказаніе считается сообразнымъ и съ закономъ греческимъ, и съ закономъ русскимъ. Если русскіе приведутъ плѣнника христіанскаго, нашего подданнаго, то слѣдуетъ его выкупить за десять червонцевъ, если это молодой человѣкъ или взрослая дѣвица, за восемь червонцевъ, если это человѣкъ среднихъ лѣтъ, за пять червонцевъ, если это старикъ или ребенокъ. Если у грековъ найдутся рабы изъ русскихъ плѣнниковъ, то русь выкупаетъ ихъ по десяти червонцевъ; если же такого раба грекъ купилъ, то долженъ продать его за ту цѣну, которую самъ заплатилъ, при чемъ справедливость своего показанія на счетъ цѣны онъ подтверждаетъ присягою. Что касается до Корсунской страны и городовъ, находящихся въ этой области, то князь русскій не долженъ имѣть власти надъ ними, воевать съ ними и покорять ихъ себѣ; если же русскій князь будетъ просить у васъ помощи для войны, то мы окажемъ помощь, на сколько ему будетъ нужно. Если русскіе найдутъ греческое судно, выброшенное на какой нибудь берегъ, то пусть обра-

щаются съ нимъ хорошо; если кто украдетъ какую-нибудь вещь, поработитъ или убьетъ человѣка изъ этого судна, то пусть будетъ обвиненъ по закону русскому и греческому. Встрѣтивъ въ Днѣпровскомъ устьѣ корсунцевъ, занимающихся рыболовствомъ, русскіе не должны причинять имъ никакого зла; къ тому же русскіе не имѣютъ права зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ, ни у святаго Еѳерія, но должны съ наступленіемъ осени идти домой на Русь. Что касается до Черныхъ Болгаръ, приходящихъ разорять страну Корсунскую, то мы требуемъ отъ русскаго князя, чтобы онъ не допускалъ до этого. Если совершено будетъ какое нибудь преступленіе грекомъ, нашимъ подданнымъ, то русскіе не имѣютъ права казнить его, но виновный получитъ наказаніе повелѣніемъ царства нашего. Если христіанинъ убьетъ русина, или русинъ христіанина, и убійца будетъ захваченъ родственникомъ убитаго, то пусть будетъ убитъ. Если же убійца уйдетъ, то родственники убитаго возьмутъ себѣ имущество убійцы; если бѣжавшій убійца не состоятеленъ, то пусть его ищутъ, пока не найдутъ и, нашедши, пусть лишатъ его жизни. Если русинъ грека или грекъ русина ударитъ мечемъ, копьемъ или инымъ оружіемъ, то виновный долженъ заплатить пять литръ серебра по закону; если онъ не состоятеленъ, пусть дастъ, сколько можетъ, не исключая и одежды, въ которой онъ ходитъ; что же касается до остальнаго, то виновный долженъ принести присягу въ томъ, что не имѣетъ больше никакого имущества, и тогда будетъ освобожденъ. Если наши цари захотятъ имѣть военную помощь отъ васъ противъ враговъ своихъ, то они напишутъ къ великому князю вашему, а тотъ пошлетъ воиновъ столько, сколько будетъ потребовано. Такимъ образомъ увидятъ иныя страны, какая любовь существуетъ между греками и русью. Мы написали этотъ договоръ на двухъ хартіяхъ; одна изъ нихъ находится у царей нашихъ, а на ней изображенъ крестъ и написаны наши имена, а на другой имена пословъ и купцовъ вашихъ. Другую пусть люди, отправляющіеся послами нашего царства, препроводятъ къ великому князю русскому и людямъ его; они же, получивъ хартію, присягнутъ хранить истину, какъ мы согласились и написали на хартіи, снабженной нашими именами. Мы же всѣ крещенные клялись въ соборной церкви святаго Иліи предлежащимъ честнымъ крестомъ и хартіею сею хранить все, что тутъ написано, и не нарушать ничего; если же кто изъ страны нашей, князь или иной, крещенный или не крещенный, нарушитъ договоръ, да не имѣетъ помощи отъ Бога, да будетъ рабомъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ, да погибнетъ отъ своего оружія. А некрещенная Русь кладетъ щиты свои и обнаженные мечи, кольца свои и другое оружіе, и даетъ клятву хранить договоръ этотъ, заключенный Игоремъ, всѣми боярами и всѣми людьми русскими на все будущее время. Если кто изъ князей или людей русскихъ, христіанъ или не христіанъ, нарушитъ написанное на этой хартіи, тотъ да погибнетъ отъ своего оружія, да будетъ проклятъ Богомъ и Перуномъ какъ клятвопреступникъ. Да будетъ благо, да хранитъ великій князь Игорь эту справедливую любовь, да не разрушится она, пока сіяетъ солнце и стоитъ міръ, въ нынѣшніе вѣка и въ будущіе.

XV. ПОХОДЪ ИГОРЯ НА ДРЕВЛЯНЪ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Игорь, одаривъ пословъ греческихъ мѣхами драгоцѣнными, воскомъ и плѣнниками, отпустилъ ихъ къ императору съ дружественными увѣреніями. Онъ дѣйствительно хотѣлъ мира для своей старости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. „Мы босы и наги“, говорили воины Игорю: „а Свѣнельдовы отроки богаты оружіемъ и всякою одеждою. Поди въ дань съ нами, да и мы, вмѣстѣ съ тобою, будемъ довольны“. Ходить въ дань значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги.

Древніе государи наши, по извѣстію Константина Багрянороднаго, всякій годъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде апрѣля. Цѣлью сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ великихъ князей.

Игорь, отдыхая въ старости, вмѣсто себя посылалъ, кажется, вельможъ и бояръ, особенно Свѣнельда, знаменитаго воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ отроками своими или отборными молодыми воинами, его окружавшими. Имъ завидовала дружина Игорева, и князь, при наступленіи осени, исполнилъ ея желаніе: отправился въ землю древлянъ и, забывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти, обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дружина его, пользуясь, можетъ быть, слабостью князя престарѣлаго, также хотѣла богатства и грабила несчастныхъ данниковъ, усмиренныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже Игорь вышелъ изъ области ихъ; но судьба опредѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразумія. Еще недовольный взятою имъ данью, онъ вздумалъ отпустить войско въ Кіевъ, и съ частью своей дружины возвратиться къ древлянамъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ встрѣтили его на пути, и сказали ему: „Князь! мы все заплатили тебѣ: для чего же опять идешь къ намъ?“ Ослѣпленный корыстолюбіемъ, Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные древляне, видя, по словамъ лѣтописца, что надобно умертвить хищнаго волка, или все стадо будетъ его жертвою, вооружились подъ начальствомъ князя своего, именемъ Мала, вышли изъ Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византійскій историкъ повѣствуетъ, что они, привязавъ сего несчастнаго князя къ двумъ деревамъ, разорвали надвое.

XVI. КНЯЖЕНІЕ ОЛЬГИ И КРЕЩЕНІЕ ЕЯ.

(Изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина).

Великая княгиня Ольга, провождаемая воинскою дружиною, вмѣстѣ съ юнымъ Святославомъ объѣхала всю Древлянскую область, уставляя налоги въ пользу казны государственной; но жители Коростена долженствовали третью часть дани своей посылать къ самой Ольгѣ въ ея соб-

ственный удѣлъ, въ Вышегородъ, основанный, можетъ быть, героемъ Олегомъ и данный ей въ вѣно, какъ невѣстѣ или супругѣ великаго князя. Сей городъ, извѣстный Константину Багрянородному и знаменитый въ X вѣкѣ, уже давно обратился въ село, которое находится въ 7 верстахъ отъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпра, и замѣчательно красотою своего мѣстоположенія. Ольга, кажется, утѣшила древлянъ благодѣяніями мудраго правленія; по крайней мѣрѣ, всѣ ея памятники— ночлеги и мѣста, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію тогдашнихъ героевъ, забавлялась ловлею звѣрей — долгое время были для сего народа предметомъ какого-то особеннаго уваженія и любопытства.

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Святослава въ Кіевѣ, она поѣхала въ сѣверную Россію, въ область Новгородскую; учредила по Лугѣ и Мстѣ государственныя дани; раздѣлила землю на погосты или волости; сдѣлала, безъ сомнѣнія, все нужнѣйшее для государственнаго блага по тогдашнему гражданскому состоянію Россіи, и вездѣ оставила знаки своей попечительной мудрости. Черезъ 150 лѣтъ народъ съ признательностью вспоминалъ о семъ благодѣтельномъ путешествіи Ольги, и въ Нестрово время жители Пскова хранили еще сани ея, какъ вещь драгоцѣнную. Вѣроятно, что сія княгиня, рожденная во Псковѣ, какими нибудь особенными выгодами, данными его гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которою онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новгородомъ, славился въ Россіи, затмивъ сосѣдственный, древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицей области знаменитой.

Утвердивъ внутренній порядокъ государства, Ольга возвратилась къ юному Святославу, въ Кіевѣ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, наслаждаясь любовью своего признательнаго сына и не менѣе признательнаго народа. — Здѣсь, по сказанію Нестора, оканчиваются дѣла ея государственнаго правленія; но здѣсь начинается эпоха славы ея въ нашей церковной исторіи.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея передъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными пастырями и, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою, и сама отправилась въ столицу имперіи и вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. Тамъ патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купели. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли особы княжескія, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, послы россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встрѣтили Ольгу; послѣ чего императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила царица. Въ сей первый день, 9-го сентября, былъ великолѣпный обѣдъ

въ огромной, такъ называемой храминѣ Юстиніановой, гдѣ императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ княгиня россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе царскому дому, и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами: племяннику княгини дали 30 миліаризій или $2^1/_2$ червонца, каждому изъ восьми ея приближенныхъ 20, каждому изъ двадцати пословъ 12, каждому изъ сорока трехъ купцовъ тоже, священнику или духовнику Ольгину, именемъ Григорію, 8, двумъ переводчикамъ 24, Святославовымъ людямъ 5 на человѣка, посольскимъ 3, собственному переводчику княгини 15 миліаризій. На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ поднесли ей въ даръ 500 милиаризій, шести ея родственницамъ каждой 20 и восемнадцати служительницамъ каждой 8. 18-го октября княгиня вторично обѣдала во дворцѣ и сидѣла за однимъ столомъ съ императрицею, ея невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его; самъ императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ: Ольга получила 200 миліаризій, а другіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе государи россійскіе не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными; но одна учтивость, безъ сомнѣнія, заставила великую княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ.

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что императоръ, плѣненный разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга—нареченная во святомъ крещеніи Еленою — отвергла его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачнаго между ними. Во-первыхъ, Константинъ имѣлъ супругу; во-вторыхъ, Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою.

Поставленная въ святыхъ правилахъ христіанства самимъ патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но, кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ; слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ греческіе послы требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое обѣщаніе и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: «Когда царь вашъ постоитъ у меня на Почайнѣ столько же времени, сколько я стояла у него въ Судѣ (гавани Константинопольской), тогда пришлю ему дары и войско»— съ чѣмъ послы и возвратились къ императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность двора византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

XVII. ЛѢТОПИСНОЕ СКАЗАНІЕ О КРЕЩЕНІИ ОЛЬГИ.

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

Въ годъ 6463 отправилась Ольга въ Грецію и прибыла въ Константинополь. Царствовалъ тогда въ Константинополѣ Цимисхій. И пришла къ нему Ольга, и увидѣлъ царь, что она весьма красива лицемъ и умна, и удивился разуму ея, и, бесѣдуя съ нею, сказалъ ей. „Достойна ты того, чтобы здѣсь въ Цареградѣ царствовать съ нами". Она же, понявъ рѣчи царя, сказала ему: „Я язычница; если хочешь, чтобъ я крестилась, крести меня и будь моимъ воспріемникомъ; если же нѣтъ, то не крещусь." Ее крестили царь съ патріархомъ. Крестившись, она радовалась душой и тѣломъ; патріархъ преподалъ ей поученіе о вѣрѣ и сказалъ: „Благословена ты въ женахъ русскихъ за то, что возлюбила свѣтъ и оставила тьму: будутъ благословлять тебя люди русскіе до послѣдняго рода внуковъ твоихъ. И бесѣдовалъ онъ съ ней о церковномъ уставѣ, о молитвѣ, о постѣ, о милостынѣ и о содержаніи тѣла въ чистотѣ. Она же, преклонивши главу, стояла какъ губа напояемая, внимая ученію; поклонившись патріарху, она сказала: „Молитвы твои, владыко, да сохранятъ меня отъ сѣтей непріязненныхъ." Было наречено ей въ крещеніи имя Елена, какъ называлась и древняя царица, мать великаго Константина. Благословилъ ее патріархъ и отпустилъ.

Послѣ крещенія позвалъ ее царь и сказалъ: „Хочу взять тебя за себя замужъ." Она же отвѣчала: „Какъ хочешь взять меня, когда крестилъ меня самъ и назвалъ меня дочерью;—ты самъ знаешь, что у христіанъ нѣтъ такого закона." И сказалъ царь: „Перехитрила ты меня, Ольга." Давъ дары многіе, золото и серебро, матеріи дорогія и сосуды различные, царь отпустилъ ее, назвавъ своею дочерью. Она же, собираясь домой, пришла къ патріарху, прося благословенія на обратный путь, и сказала ему: „Люди мои и сынъ мой язычники; о, если бы Богъ сохранилъ меня отъ всякаго зла!" И сказалъ патріархъ: „Чадо вѣрное! во Христа крестилась ты и во Христа облеклась, Христосъ сохранитъ тебя, какъ сохранилъ Еноха въ первыхъ родахъ и потомъ Ноя въ ковчегѣ, Авраама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисея отъ Фараона, Давида отъ Саула, трехъ отроковъ отъ пещи, Даніила отъ звѣрей; подобнымъ образомъ и тебя сохранитъ отъ непріязни и отъ опасностей". Благословилъ ее патріархъ, и отправилась она съ миромъ въ землю свою, и вернулась въ Кіевъ.... Прибыла Ольга въ Кіевъ, и прислалъ къ ней царь греческій, говоря: „Я много дарилъ тебя, ибо ты говорила мнѣ, что когда возвратишься въ Русь, то пришлешь многіе дары:—рабовъ, воску, мѣховъ и войско на помощь." Отвѣчала Ольга посламъ „Скажите отъ меня царю, что если онъ постоитъ у меня въ Почайнѣ столько же, сколько я у него стояла въ гавани, то тогда дамъ требуемое".

XVIII. ВЛАДИМІРЪ СВ. И БОРЬБА ЯЗЫЧЕСКОЙ И ХРИСТІАНСКОЙ ПАРТІИ ВЪ КІЕВѢ ДО КРЕЩЕНІЯ РУСИ.

(Составлено по соч. Соловьева: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и «Исторія Россіи».)

Когда Святославъ, спѣша окончить свое княженіе на Руси, рѣшился навсегда оставить Кіевъ и окончательно поселиться въ завоеванной имъ Болгаріи, въ Переяславцѣ на Дунаѣ, который называлъ онъ „срединою земли своей", то Русскую землю, которая, по понятіямъ того времени, считалась владѣніемъ общимъ, родовымъ, онъ оставилъ своимъ двумъ сыновьямъ: Ярополку и Олегу; при этомъ старшаго сына Ярополка посадилъ онъ въ Кіевѣ, другаго — Олега въ землѣ древлянской. Это дѣленіе Святославово означаетъ, очевидно, что у него было только двое способныхъ къ правленію сыновей, а не только двѣ волости, кіевская и новгородская, такъ какъ уже при Олегѣ все теченіе Днѣпра до Кіева было во владѣніи русскихъ князей; остальныя волости оба брата также должны были подѣлить между собою. Младшему же сыну Владиміру Святославъ не далъ сначала никакой волости, а уже послѣ отправилъ его къ новгородцамъ, по требованію послѣднихъ. По разсказу лѣтописи дѣло было такъ: новгородцы, не любившіе жить безъ князя, любившіе, чтобы у нихъ былъ свой князь, знавшій ихъ обычай, терпѣли до сихъ поръ посадника кіевскаго лишь потому, что во всей Руси былъ одинъ князь. Но теперь, когда съ удаленіемъ Святослава въ Болгарію, древляне получили особаго князя, новгородцы также захотѣли имѣть своего князя. Послы ихъ, по преданію, пришли къ Святославу и стали просить себѣ князя: „Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ князя". Святославъ отвѣчалъ имъ: „Если бы кто къ вамъ пошелъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя". Ярополкъ и Олегъ были спрошены—хотятъ ли идти въ Новгородъ; но оба они отказались, такъ какъ не любили сѣверныхъ волостей и предпочитали княжить въ привольной родинѣ своей, около Днѣпра. Тогда Добрыня, бывшій посадникомъ кіевскаго князя въ Новгородѣ, внушилъ новгородцамъ, чтобы они просили себѣ Владиміра. Владиміръ былъ третій сынъ Святослава, рожденный отъ Малуши, ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: „Дай намъ Владиміра»; князь отвѣчалъ имъ: „Возьмите". Новгородцы взяли Владиміра къ себѣ, и пошелъ Владиміръ съ Добрынею, дядею своимъ, въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ. Святославъ отпустилъ Владиміра въ Новгородъ, могши въ самомъ дѣлѣ испугаться угрозы новгородцевъ, что они откажутся отъ его рода и найдутъ себѣ другаго князя. Добрыня же хлопоталъ объ этомъ, надѣясь во время малолѣтства Владимірова занимать первое мѣсто въ Новгородѣ, и не надѣясь, чтобы послѣ старшіе братья дали младшему хорошую волость.

То обстоятельство, что Святославъ не далъ сначала самъ никакой волости Владиміру, лѣтописецъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Владиміръ, говоритъ онъ, былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной, слѣдовательно, рабыни, ибо, по древнему уставу, человѣкъ и вольный, ставшій ключникомъ, по этому уже самому обращался въ раба. Итакъ Владиміръ былъ несовсѣмъ равноправный братъ Ярополка и Олега. Много-

женство не исключало неравноправности дѣтей: если было различіе между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо долженствовало существовать различіе и между дѣтьми тѣхъ и другихъ. Но различіе это было далеко не такое, какое, по нашимъ понятіямъ, существуетъ между дѣтьми законными и незаконными. На это малое различіе указываетъ уже то явленіе, что новгородцы приняли Владиміра, какъ князя, и что и послѣ между нимъ и братьями не полагается никакого различія. Здѣсь, естественно, имѣло силу не столько различіе между законностью и незаконностью матери, сколько знатность и низость ея происхожденія: разумѣется, ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать наряду съ другою его женою, какою-нибудь княжною или дочерью знатнаго боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая, впрочемъ, у него отцовскихъ правъ. Владиміръ былъ князь, но при случаѣ, когда нужно было сравнить его съ остальными братьями, могли выставить на видъ низкое происхожденіе его матери; такъ послѣ полоцкая княжна Рогнѣда, выбирая между двумя женихами, Ярополкомъ и Владиміромъ, говоритъ, что она не хочетъ идти замужъ за Владиміра, какъ сына рабыни.

По смерти Святослава Ярополкъ остался старшимъ въ родѣ княжескомъ, и при немъ въ большей силѣ отцовскій воевода Свѣнельдъ.— Для объясненія послѣдующихъ явленій мы не должны упускать изъ виду возраста дѣтей Святославовыхъ. Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ, слѣдовательно, при немъ долженъ былъ находиться воспитатель; кто былъ этотъ воспитатель, въ какомъ былъ отношеніи къ нему Свѣнельдъ, и какъ онъ получилъ важное значеніе — объ этомъ лѣтописецъ ничего не говоритъ. Древлянскому же князю Олегу было въ то время не болѣе 10 лѣтъ; слѣдовательно, воля его также была подчинена вліянію какого-нибудь сильнаго боярина, въ родѣ Свѣнельда.

Единственнымъ событіемъ Ярополкова княженія, внесеннымъ въ лѣтопись, была усобица между сыновьями Святослава. Поводомъ къ ней послужило нарушеніе права охоты въ лѣсахъ древлянскаго князя сыномъ Свѣнельда. Мы знаемъ, что охота послѣ войны была господствующею страстію средневѣковыхъ варваровъ: вездѣ князья предоставляли себѣ касательно охоты большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго лѣтописцемъ подъ 975 годамъ: Олегъ, князь древлянскій, охотясь въ лѣсахъ своего владѣнія, встрѣтилъ незнакомца, который позволилъ себѣ въ нихъ тоже самое удовольствіе. Узнавъ, что то былъ Лютъ, сынъ Свѣнельда, боярина кіевскаго, Олегъ не могъ простить такой злой обиды, такого дерзкаго нарушенія самаго драгоцѣннаго изъ правъ своихъ, и убилъ Люта. Пролитая кровь требовала мести со стороны Свѣнельда. И вотъ, по просьбѣ и настоянію его, Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, пошелъ на Олега наказать его, взять его волость; Олегъ не хотѣлъ уступить: враждебныя войска встрѣтились у Овруча, и древлянскій князь погибъ въ битвѣ. Тогда Владиміръ новгородскій, услыхавъ, что Ярополкъ убилъ брата и захватилъ его владѣніе, побоялся той же участи и убѣжалъ за море къ варягамъ, а Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, и сталъ владѣть одинъ на Руси. По понятіямъ того времени, Владиміръ долженъ былъ, очевидно, мстить за смерть брата, но кому? Принимая въ разсчетъ родовыя отношенія, мы

увидимъ ясно, что Владиміръ не могъ мстить Ярополку, потому что послѣдній былъ ему старшій братъ, а старшій братъ всегда въ отца мѣсто; мстить же отцу за брата есть несообразность. Вотъ почему лѣтописецъ, говоря о войнѣ Владиміра съ Ярополкомъ, хранитъ глубокое молчаніе о правѣ или обязанности перваго отомстить за смерть Олега, тогда какъ прямо говоритъ, что Свѣнельдъ уговаривалъ Ярополка къ войнѣ съ Олегомъ, желая отомстить за смерть своего сына.

И такъ, Владиміръ не имѣлъ обязанности мстить за смерть младшаго брата старшему, ибо внутри рода месть не существовала, но имѣлъ право вооруженною рукою воспротивиться притязаніямъ Ярополка, столь ясно имъ обнаруженнымъ. По возвращеніи изъ-за моря съ варяжскими полками, Владиміръ нашелъ въ Новгородѣ Ярополковыхъ посадниковъ; онъ прогналъ ихъ оттуда, приказавъ имъ сказать брату: «Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ», а самъ между тѣмъ оставался въ Новгородѣ, затѣвая свадьбу. Желая, вѣроятно, привлечь на свою сторону владѣльца Полоцкаго, Рогволода, Владиміръ послалъ къ нему свататься за дочь его Рогнѣду, которая была сговорена за Ярополка; Рогволоду такимъ образомъ предстоялъ выборъ между двумя соперниками. Лѣтописецъ говоритъ, что Рогволодъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ отдалъ дѣло на рѣшеніе дочери; Рогнѣда же отвѣчала, что она не хочетъ выйти замужъ за сына рабы, т. е. Владиміра, но хочетъ за Ярополка. Когда отроки Владиміра пересказали ему Рогнѣдинъ отвѣтъ, то онъ собралъ большое войско изъ варяговъ, новгородцевъ, чуди и кривичей, и пошелъ на Полоцкъ. Въ то время, когда Рогнѣду готовились вести за Ярополка, Владиміръ напалъ на Полоцкъ и убилъ Рогволода съ двумя сыновьями, а безродная Рогнѣда должна была неволею выдти за сына рабы. При этомъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ находимъ извѣстіе, что виновникомъ всѣхъ предпріятій былъ Добрыня, дядя Владиміровъ, что онъ посылалъ сватать Рогнѣду за Владиміра; онъ, послѣ гордаго отказа Полоцкой княжны, повелъ племянника и войско противъ Рогволода, позоромъ отомстилъ Рогнѣдѣ за ея презрительный отзывъ о матери Владиміра, убилъ ея отца и братьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы предположить, что Владиміръ, будучи очень молодъ, по прямому указанію преданія, могъ дѣйствовать во всемъ самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодѣтеля, потому что, какъ мы видѣли, онъ ему преимущественно былъ обязанъ новгородскимъ княженіемъ. И такъ, говоря о дѣйствіяхъ Владиміра, историкъ долженъ предполагать Добрыню. О характерѣ послѣдняго мы имѣемъ право заключать по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи: видно, что это былъ старикъ умный, ловкій, рѣшительный, но жестокій; на его жестокость указываетъ приведенное свидѣтельство о поступкѣ съ Рогнѣдою и отцемъ ея; сохранилось также извѣстіе объ его жестокихъ, насильственныхъ поступкахъ съ новгородцами при обращеніи ихъ въ христіанство; слѣдовательно, если замѣчается жестокость и насильственность въ поступкахъ молодаго Владиміра, то мы никакъ не можемъ приписывать это одному его характеру, не обращая вниманія на вліяніе Добрыни. Что же касается поступка Добрыни съ Рогволодомъ и его дочерью, то онъ очень понятенъ: Рогнѣда отказывая Владиміру, какъ сыну рабы, оскорбила этимъ столько его, столько же и Добрыню, котораго сестра была именно эта раба: черезъ нее онъ былъ дядя князю;

словами Рогнѣды была преимущественно опозорена связь, родство Владиміра съ Добрынею, и вотъ послѣдній мститъ за этотъ позоръ жестокимъ позоромъ.

Изъ Полоцка Владиміръ двинулся съ большимъ войскомъ на Ярополка, тотъ не былъ въ состояніи сопротивляться ему и затворился въ Кіевѣ. Здѣсь Владиміра ждалъ легкій успѣхъ вслѣдствіе измѣны Блуда, главнаго боярина Ярополка. Въ то время какъ, повидимому, Владиміръ слѣдовалъ благородному обычаю отца, пославъ сказать брату, что идетъ на него, въ то самое время онъ велъ переговоры съ Блудомъ, склоняя его къ измѣнѣ: „Если ты мнѣ поможешь убить брата, велѣлъ онъ сказать ему, то будешь мнѣ вмѣсто отца", — самое большое обѣщаніе, какое только можно было дать въ то время, при господствѣ родовыхъ понятій и отношеній. Въ лѣтописи помѣщены также слова Владиміра, въ которыхъ онъ оправдываетъ свое поведеніе относительно брата: „Не я, говорилъ новгородскій князь, началъ избивать братью, но онъ; я пришелъ на него единственно изъ страха подобной же участи". Блудъ велѣлъ отвѣчать Владиміру, что онъ будетъ всѣмъ сердцемъ помогать ему. Дѣйствительно, этотъ Блудъ является главнымъ совѣтникомъ Ярополка, главнымъ дѣятелемъ во время событія; князь безпрекословно исполняетъ его внушенія, что и понятно, если вспомнимъ возрастъ Ярополка, если вспомнимъ, что и при Владимірѣ роль Блуда исполнялъ Добрыня. Слѣдовательно, Владиміру или Добрынѣ нужно было имѣть дѣло съ Блудомъ, а не съ Ярополкомъ. Понятно послѣ этого, что лѣтописецъ старается сложить всю вину на Блуда. По его разсказу, Блудъ сталъ обманывать Ярополка, безпрестанно ссылаясь съ Владиміромъ, совѣтуя ему приступить къ городу, а самъ придумывалъ какъ бы убить Ярополка. Увидавъ, что со стороны гражданъ нельзя ему ожидать содѣйствія для осуществленія своего злаго умысла, Блудъ замыслилъ погубить князя лестью и коварствомъ. Сперва онъ представилъ Ярополку, что нечего бояться Владиміра, который не посмѣетъ будто стать въ полѣ противъ многочисленныхъ полковъ кіевскихъ; потомъ, зная уже о приближеніи Владиміра, началъ уговаривать Ярополка оставить Кіевъ, представляя, что жители послѣдняго сносятся со врагомъ. Ярополкъ послушался и удалился въ Родню, гдѣ былъ осажденъ войсками Владиміра и терпѣлъ голодъ. Тогда тотъ же Блудъ началъ представлять невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и уговорилъ Ярополка помириться съ младшимъ братомъ на всей волѣ послѣдняго, вопреки увѣщанію вѣрнаго отрока Варяжко, который догадывался объ измѣнѣ и совѣтовалъ князю бѣжать къ печенѣгамъ за помощью. Но Ярополкъ не послушался добраго совѣта, пошелъ къ Владиміру, и какъ сталъ входить въ двери, то два варяга прокололи его мечами, а Блудъ затворилъ двери и не далъ своимъ идти за нимъ. Такъ былъ убитъ Ярополкъ. Владиміръ же занялъ столъ Кіевскій. Слѣдовательно, изъ начальной кіевской лѣтописи оказывается, что Владиміръ былъ одолженъ своею побѣдою, во-первыхъ, тому, что Ярополкъ не имѣлъ достаточно войска, чтобы стать противъ него въ чистомъ полѣ; во-вторыхъ, измѣнѣ Блуда, который, стращая князя вѣроломствомъ кіевлянъ, не пускалъ его на вылазки, и потомъ уговорилъ совершенно оставить Кіевъ.

При разсказѣ объ этомъ событіи нельзя умолчать объ извѣстномъ отрывкѣ изъ Іоакимовой новгородской лѣтописи, сохраненномъ у Тати-

щева; не заключая въ себѣ никакого противорѣчія начальной кіевской лѣтописи, Іоакимова лѣтопись главною причиною Владимірова торжества выставляетъ борьбу христіанства съ язычествомъ. Если бы даже это объясненіе было выдумано, то и тогда нужно было бы упомянуть о немъ, какъ о догадкѣ очень остроумной и вѣроятной. Извѣстно, что отецъ Владиміра, Святославъ, по своему характеру, не могъ склониться на увѣщенія св. Ольги, и что поклонники Христа при немъ подвергались ругательствамъ отъ поклонниковъ Перуна, хотя собственно гоненія не было. Но во время греческой войны, по свидѣтельству Іоакима, Святославъ перемѣнилъ свое поведеніе относительно христіанъ: повѣривъ внушеніямъ окружавшихъ его язычниковъ, будто виновниками неудачъ военныхъ были христіане, находившіеся въ дружинахъ князя, воздвигъ на нихъ гоненіе, причемъ не пощадилъ даже своего брата Глѣба, и послалъ въ Кіевъ приказъ разорить христіанскіе храмы. Одна смерть гонителя положила конецъ бѣдствіямъ русской церкви. Но, отказавшись отъ принятія христіанства, самъ Святославъ между тѣмъ оставилъ сыновей своихъ при бабкѣ христіанкѣ: ясно, какія внушенія должны были получать отъ нея молодые князья. Въ Іоакимовой лѣтописи говорится, что Ярополкъ былъ человѣкъ кроткій и милостивый, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился изъ боязни народа, то, по крайней мѣрѣ, другимъ не препятствовалъ. Тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно не любили князя, приверженнаго къ враждебной религіи. Этимъ нерасположеніемъ къ Ярополку воспользовался Владиміръ (или, вѣрнѣе, Добрыня) и успѣлъ отнять и жизнь, и владѣніе у брата. Ярополкъ, по словамъ Іоакимовой лѣтописи, послалъ увѣщевать брата къ миру и вмѣстѣ съ тѣмъ повелъ войско въ землю кривичей. Владиміръ испугался и хотѣлъ было уже бѣжать къ Новгороду; но дядя его Добрыня, зная, что Ярополкъ не любимъ язычниками, удержалъ племянника и послалъ въ Ярополковъ станъ съ дарами къ воеводамъ, перезывая ихъ на сторону Владиміра. Воеводы обѣщали передаться и исполнили свое обѣщаніе въ битвѣ при р.順ручѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Смоленска.

Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакимовой лѣтописи, то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые годы его княженія: торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь ознаменовываетъ начало своего правленія сильною ревностью къ язычеству, ставитъ кумиры на высотахъ кіевскихъ; дядя его Добрыня, поступаетъ точно также въ Новгородѣ. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ русской землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія, хотя, какъ кажется, не слѣдуетъ принимать этихъ выраженій буквально. Началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, говоритъ лѣтописецъ, и поставилъ кумиры на холмѣ, внѣ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Приносили имъ жетвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и приносили жертвы бѣсамъ, осквернили землю требами своими, и осквернилась кровью земля Русская. Язычество, торжествуя побѣду, не могло оставить въ покоѣ соперничествующую религію: къ началу Владимірова княженія относится извѣстіе о христіанскихъ мученикахъ въ Кіевѣ. Намъ извѣстно также, что славяне язычники сильно негодовали на христіанскую религію за то, что она не допускала многоженства; въ озна-

менованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію. Что Владиміръ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ пользу язычества не по убѣжденію, а единственно въ угоду сторонѣ, доставившей ему успѣхъ, доказываетъ скорое обращеніе его къ христіанству, когда сторона приверженцевъ этой религіи начала брать верхъ.

XIX. ПРИНЯТІЕ ХРИСТІАНСТВА ВЛАДИМІРОМЪ СВЯТЫМЪ.

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

Въ годъ 6494. Пришли къ Владиміру болгаре магометанской вѣры и сказали ему: „Ты, князь, мудръ и смышленъ, а не знаешь истинной религіи; пріими нашу вѣру и поклонись Магомету“. Владиміръ спросилъ: „А какова вѣра ваша?“ Они-же отвѣчали: „Мы вѣруемъ въ Бога, а Магометъ учитъ насъ, что должно совершить обрядъ обрѣзанія, не употреблять въ пищу свинины, не пить вина; но за это въ будущей жизни правовѣрный получитъ семьдесятъ красивыхъ женъ“... И говорили они еще многое другое, чтобы привлечь къ себѣ Владиміра; но объ этомъ, ради скромности, писать нельзя. Владиміръ слушалъ ихъ, потому-что самъ имѣлъ много женъ; но ему не понравилось ни обрѣзаніе, ни запрещеніе ѣсть свинное мясо; что касается до запрещенія пить вино, то онъ выразился такъ: „Пить—веселіе Руси, не можемъ безъ того быть“. За магометанами-болгарами пришли нѣмцы и сказали: „Мы папскіе посланники. Папа говоритъ тебѣ, что твоя земля такая-же, какъ и наша, но вѣра твоя не такая. Наша вѣра—свѣтъ; мы поклоняемся Богу, творцу неба и земли, звѣздъ, луны и всякаго живаго созданія; ваши-же боги—дерево“. Владиміръ спросилъ: „Какова заповѣдь ваша?“ Послы отвѣчали: „Посильный постъ; всякій, ѣдящій и пьющій, дѣлаетъ это во славу Божью, какъ говоритъ нашъ учитель св. Павелъ». Владиміръ сказалъ нѣмцамъ: «Удалитесь, отцы наши не принимали вашей вѣры». Услышавъ объ этомъ, хозаре, послѣдователи іудейской вѣры, пришли и сказали: «Мы слышали, что приходили къ тебѣ болгаре и христіане, учившіе каждый своей вѣрѣ; но тотъ, въ кого вѣруютъ христіане, распятъ нами. Мы вѣруемъ въ единаго Бога Авраама, Исаака и Іакова». И спросилъ Владиміръ: «Въ чемъ заключается законъ вашъ?» Они-же отвѣчали: «Обрядъ обрѣзанія, неупотребленіе въ пищу свинины и заячины, празднованіе субботы». Онъ спросилъ опять: «А гдѣ земля ваша?» Послы отвѣчали: «Въ Іерусалимѣ». Владиміръ спросилъ: «Тамъ-ли живете?» Послы отвѣчали: «Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ насъ, ради грѣховъ нашихъ, по разнымъ странамъ, а земля наша перешла во власть христіанъ». Владиміръ сказалъ: «Какъ-же вы, будучи отвержены и разсѣяны сами, учите другихъ? Если бы Богъ благоволилъ къ вамъ и къ вѣрѣ вашей, не разсѣялъ бы васъ по чужимъ землямъ; не думаете-ли и насъ привести къ тому-же?» Послѣ этого прислали греки къ Владиміру философа, который говорилъ такъ: (затѣмъ слѣдуютъ указанія на неистинность вѣръ предъидущихъ проповѣдниковъ и изложеніе главныхъ догматовъ восточной церкви). Въ заключеніе философъ показалъ Владиміру картину; на ней былъ изображенъ страшный судъ, съ

праведниками, идущими съ веселіемъ въ рай по правую сторону, и съ грѣшниками, идущими въ адъ—по лѣвую. При этомъ философъ сказалъ Владиміру: «Если хочешь стать по правую сторону, то крестись». Но Владиміръ, подумавъ, отвѣчалъ: «Немного подожду». Онъ хотѣлъ испытать всѣ вѣры, а философа отпустилъ съ великою честью, одаривъ богато.

Въ годъ 6495. Созвалъ Владиміръ бояръ своихъ и городскихъ старѣйшинъ и сказалъ имъ: «Вотъ ко мнѣ приходили болгаре, убѣждавшіе принять ихъ вѣру; потомъ приходили нѣмцы и хвалили свою вѣру; за ними приходили и іудеи. Послѣ всѣхъ приходили греки. Они порицали всѣ религіи, а свою восхваляли, разсказывали много о началѣ міра, объ устройствѣ вселенной. Рѣчи ихъ прекрасны, слушать ихъ пріятно; они говорятъ о существованіи другаго міра, о томъ, что человѣкъ, вступившій въ ихъ вѣру, хотя и умретъ, но потомъ воскреснетъ и будетъ жить вѣчно; тотъ-же, кто вѣру ихъ отвергнетъ, будетъ на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть. Какъ думаете, что отвѣтите?» Отвѣчали бояре и старѣйшины: «Ты знаешь, князь, что своего никто не порицаетъ, а восхваляетъ; если хочешь основательно испытать, то снаряди мужей своихъ въ путешествіе, чтобы они побывали у каждаго народа, узнали его законъ и его богослуженіе». Князь и всѣ люди согласились съ этимъ мнѣніемъ. Были выбраны надежные и разумные мужи, числомъ 10, и имъ было сказано: «Ступайте сначала въ Болгарію и испытайте вѣру ея народа». Мужи пошли, увидѣли въ Болгаріи скверныя дѣла, поклоны въ мечетяхъ, и вернулись обратно. Владиміръ имъ сказалъ: «Идите теперь къ нѣмцамъ, присмотритесь тамъ, а оттуда ступайте къ грекамъ». Они пришли къ нѣмцамъ, присмотрѣлись къ ихъ богослуженію, затѣмъ отправились въ Царьградъ и явились къ царю. Царь спросилъ ихъ о причинѣ ихъ прибытія, они-же разсказали все, какъ было. На слѣдующій день царь послалъ сказать патріарху слѣдующее: «Пришли русскіе, чтобы испытать нашу вѣру; пристрой церковь и клиросъ, самъ облачись въ святительскія ризы; пусть русскіе увидятъ славу Бога нашего». Услышавъ это, патріархъ велѣлъ созвать клиросъ, сотворилъ по обычаю торжество, зажегъ кадила, собралъ пѣвчихъ и устроилъ лики. И пошелъ съ послами въ церковь, и поставилъ ихъ на просторномъ мѣстѣ, откуда видно было великолѣпіе храма, службу архіерейскую, было слышно пѣніе. Приставленный къ нимъ діаконъ объяснялъ имъ божественную службу. Послы были въ восторгѣ, удивлялись и хвалили богослуженіе. И, призвавъ ихъ къ себѣ, цари Василій и Константинъ сказали имъ: «Ступайте въ свою землю» и отпустилъ ихъ съ честью и съ великими дарами. Когда послы возвратились въ отечество, Владиміръ созвалъ бояръ своихъ и старѣйшинъ и сказалъ: «Вотъ пришли посланные мужи наши, послушаемъ, что они видѣли»; и, обратившись къ посламъ, прибавилъ: «Разсказывайте въ присутствіи дружины». Послы сказали: «Когда мы были у болгаръ, то видѣли, какъ они кладутъ поклоны въ храмѣ своемъ, т. е. въ мечети, стоя безъ пояса. Молящійся поклонится, потомъ сядетъ и глядитъ по сторонамъ, словно бѣшеный; нѣтъ у нихъ веселья, но печаль и великій смрадъ; вѣра ихъ не хороша. Мы были у нѣмцевъ, видѣли въ ихъ храмахъ разныя службы, но красоты не замѣтили никакой. Когда-же, послѣ прибытія въ Грецію, насъ повели туда, гдѣ греки служатъ своему Богу, то мы не знали, были-ли на небесахъ, или на землѣ, ибо на землѣ не

бываетъ ни такого вида, ни такой красоты, которой мы не въ состояніи выразить; лишь то знаемъ, что именно тамъ Богъ пребываетъ съ людьми; греческая служба—лучше чѣмъ во всѣхъ странахъ. Мы не въ состояніи забыть этой красоты, а какъ всякій человѣкъ, попробовавшій сладкаго, не пожелаетъ потомъ принять горькаго, такъ и мы не хотимъ здѣсь оставаться. Въ свою очередь бояре сказали: «Будь недобръ законъ греческій, и бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрѣйшая изъ людей». Владиміръ сказалъ: «Гдѣ же намъ принять крещеніе?» «Гдѣ тебѣ угодно», былъ отвѣтъ. Прошелъ еще годъ и

Въ годъ 6496 Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій. Корсунцы заперлись въ городѣ. Владиміръ расположился около города на разстояніи одного выстрѣла.

Осажденные храбро защищались, и Владиміръ окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ. Когда защитники города стали изнемогать, Владиміръ велѣлъ сказать имъ: „Если не сдадитесь, буду стоять подъ городомъ три года". Корсунцы не слушали этого, и Владиміръ, устроивъ войска свои, велѣлъ насыпать валъ около города. Пока валъ насыпался, корсунцы подкопались подъ городскую стѣну, тайно уносили землю къ себѣ въ городъ и высыпали ее посреди города; воины все болѣе и болѣе сыпали, а Владиміръ стоялъ. Одинъ корсунецъ, по имени Настасъ, пустилъ стрѣлу со слѣдующею надписью: „Прегради воду, идущую по трубамъ изъ колодцевъ, которые находятся къ востоку за тобою". Владиміръ, услышавъ это и взглянувъ на небо, сказалъ: „Если это сбудется, то я крещусь", и велѣлъ немедленно рыть и разрушить трубы, преградилъ доступъ водѣ къ городу, и осажденные, томимые жаждою, сдались. Войдя въ городъ вмѣстѣ съ дружиною, Владиміръ послалъ къ царямъ Василію и Константину, и велѣлъ имъ сказать: „Я взялъ вашъ славный городъ; слыхалъ я, что у васъ есть сестра дѣвица; если не отдадите ея за меня, то съ вашей столицей поступлю такъ же". Услышавъ это, цари опечалились и отвѣчали: „Христіанамъ неприлично выдавать сестру за язычника; если крестишься, то и желаніе твое будетъ исполнено, и получишь царствіе небесное, и будешь единоверцемъ нашимъ; если же этого не хочешь сдѣлать, не можемъ выдать за тебя замужъ сестру нашу". Услышавъ это, Владиміръ сказалъ посланникамъ царскимъ: «Скажите царямъ, что я крещусь, потому что еще раньше ознакомился съ вашей вѣрой; вѣра ваша и богослуженіе ваше понравились мнѣ по разсказамъ мужей, которыхъ я посылалъ». Цари, услышавъ это, возрадовались, умолили свою сестру Анну согласиться на бракъ и послали Владиміру слѣдующій отвѣтъ: «Крестись, и тогда отправимъ къ тебѣ сестру». Владиміръ же сказалъ: «Пусть прибывшіе съ вашею сестрою крестятъ меня». Цари послушались, послали сестру съ нѣсколькими сановниками и священниками. Анна шла неохотно и говорила: «Иду будто въ полонъ, лучше-бы мнѣ умереть». Братья ей говорили: „Вѣдь чрезъ тебя Богъ приведетъ Русскую землю къ покаянію, ты избавишь Грецію отъ жестокой войны; ты знаешь, сколько зла причинила Русь грекамъ; теперь, если откажешься идти, Русь снова вооружится на насъ". Такимъ образомъ Анну принудили согласиться: она сѣла на корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла къ Корсуни. Когда она прибыла, то корсунцы вышли съ поклономъ ей на встрѣчу, привели ее въ городъ и помѣстили во дворцѣ. У Владиміра,

по волѣ Божьей, разболѣлись глаза въ то время, такъ что онъ ничего не видѣлъ и былъ очень печаленъ. Царевна послала сказать ему: «Если хочешь избавиться отъ этой болѣзни, немедленно крестись; если-же этого не сдѣлаешь, то не излѣчишься». Услышавъ это, Владиміръ сказалъ: «Если это сбудется, то по истинѣ великъ христіанскій Богъ»! и велѣлъ окрестить себя. Епископъ корсунскій вмѣстѣ съ священниками царевны, огласивъ, крестилъ Владиміра. Лишь только епископъ возложилъ на Владиміра руку, послѣдній немедленно прозрѣлъ. Увидѣвъ свое чудесное исцѣленіе, Владиміръ прославилъ Бога и сказалъ: «Теперь я позналъ истиннаго Бога». Многіе изъ дружины, видя это, крестились также. Крещеніе Владиміра совершено было въ церкви св. Василія, находящейся въ Корсуни посреди города, на рынкѣ; дворецъ Владиміра, рядомъ съ этой церковью, существуетъ и до нынѣ; дворецъ-же царевны— за алтаремъ. Послѣ крещенія совершился бракъ. Люди, плохо знающіе дѣло, говорятъ, что онъ крестился въ Кіевѣ, иные говорятъ, что въ Васильевѣ, иные — что въ другомъ мѣстѣ. (слѣдуетъ исповѣданіе вѣры Владиміромъ).

Затѣмъ Владиміръ взялъ съ собою царевну, Настаса и священниковъ корсунскихъ, а также мощи св. Климента и св. Фива, ученика его, сосуды церковные и иконы на благословеніе себѣ. Онъ построилъ въ Корсуни церковь на той горѣ, которую насыпали осажденные, унося въ городъ землю съ вала; церковь эта существуетъ и до сихъ поръ. Кромѣ того, Владиміръ взялъ съ собою двѣ статуи, четырехъ мѣдныхъ коней, которые до сихъ поръ стоятъ за церковью св. Богородицы и считаются отъ невѣжественныхъ людей мраморными. Корсунь отдана была грекамъ, какъ вѣно за невѣсту, и Владиміръ воротился въ Кіевъ. Возвратившись, онъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ, однихъ изрубить, другихъ предать огню, велѣлъ привязать Перуна къ хвосту коня и спустить его съ горы на Боричево, на ручей; 12 мужей сопровождали Перуна и били палками. Это дѣлалось не потому, чтобы дерево чувствовало боль, а на поруганіе бѣсу, прельщавшему людей этимъ идоломъ, чтобы онъ получилъ возмездіе отъ людей. Великъ ты, Господи, и чудны дѣла твои! Идолъ этотъ вчера почитался людьми, а сегодня подвергся поруганію! Когда влекли идола по ручью къ Днѣпру, язычники плакали, ибо они еще не приняли крещенія; наконецъ идолъ былъ привлеченъ на берегъ и вверженъ въ Днѣпръ. Владиміръ приставилъ къ нему людей и сказалъ: „Если онъ гдѣ-либо пристанетъ къ берегу, отталкивайте его до тѣхъ поръ, пока онъ перейдетъ за пороги, и тогда бросьте". Приставленные исполнили повелѣніе. Пройдя пороги, идолъ былъ выброшенъ на мысъ, который сталъ съ тѣхъ поръ называться Перуновымъ и слыветъ до сего дня подъ этимъ именемъ. Затѣмъ Владиміръ велѣлъ объявить въ городѣ слѣдующее: „Каждый, богатый-ли, убогій-ли, нищій-ли, рабъ-ли, кто не пойдетъ къ рѣкѣ, будетъ мнѣ противенъ". Услышавъ это, люди шли охотно, радовались и говорили: „Будь это не добрая вѣра, князь и бояре не приняли-бы ея". На слѣдующій день вышелъ Владиміръ со священниками царевны и корсунскими на берегъ Днѣпра, гдѣ собралось безчисленное множество людей: одни вошли въ воду и погружались въ нее до шеи, другіе по грудь, молодые стояли у берега, дѣти на рукахъ, крещенные переходили съ мѣста на мѣсто, священники же стояли, творя молитву. И была великая радость на небѣ и на

землѣ отъ спасенія столькихъ душъ, а дьяволъ говорилъ, издавая стоны: „Горе мнѣ! Меня гонять отсюда! Тутъ я разсчитывалъ имѣть жилище, ибо здѣсь не было апостольскаго ученія, не было людей, знающихъ Бога, а были, напротивъ, такіе, которые, къ моему удовольствію, мнѣ служили. И вотъ теперь я побѣжденъ отъ невѣждъ, не отъ апостоловъ, или мучениковъ, не буду уже царствовать въ сихъ странахъ". Крестившись, народъ разошелся по домамъ; Владиміръ-же, въ восторгѣ отъ того, что познаъ Бога и просвѣтилъ народъ свой, воззрѣлъ на небо и произнесъ: „Боже, создавшій небо и землю! Посмотри на этихъ обновленныхъ людей и дозволь имъ увидѣть тебя, истиннаго Бога, какъ увидѣли тебя христіанскіе народы; утверди въ нихъ вѣру правую и неизмѣнную, а мнѣ, Господи, помоги въ борьбѣ съ врагами, чтобы я, надѣясь на Твое покровительство, побѣдилъ ихъ козни". Сказавъ это, онъ велѣлъ строить церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли кумиры, и построилъ церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна и другихъ боговъ, и гдѣ приносили имъ жертвы князь и народъ. Онъ велѣлъ строить церкви по другимъ городамъ, назначалъ туда священниковъ, заставлялъ народъ принимать христіанство по городамъ и селамъ.

XX. КРЕЩЕНІЕ ВЛАДИМІРА СВЯТАГО И КІЕВЛЯНЪ.

(*Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина*).

Владиміръ, утвердивъ власть свою, изъявилъ отмѣнное усердіе къ богамъ языческимъ: соорудилъ новый истуканъ Перуна съ серебряною головою и поставилъ его близь теремнаго двора, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами. Тамъ, говоритъ лѣтописецъ, стекался народъ ослѣпленный и земля оскверняласъ кровью жертвъ. Можетъ быть, совѣсть безпокоила Владиміра; можетъ быть, хотѣлъ онъ сею кровью примириться съ богами, раздраженными его братоубійствомъ; ибо и самая вѣра языческая не терпѣла такихъ злодѣяній... Добрыня, посланный отъ своего племянника управлять Новымъ Городомъ, также поставилъ на берегу Волхова богатый кумиръ Перуновъ.

Но эта Владимірова набожность не препятствовала ему утопать въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Первою его супругою была Рогнѣда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умертвивъ брата, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невѣстку, родившую Святополка; отъ другой законной супруги, чехини или богемки, имѣлъ сына Вышеслава отъ третьей—Святослава и Мстислава; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи, Бориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣрить лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева), и 200 въ Берестовѣ. Однимъ словомъ, лѣтописецъ называетъ его вторымъ Соломономъ въ женолюбіи.

Владиміръ вмѣстѣ со многими героями древнихъ и новыхъ временъ, любя женъ, любилъ и войну. Польскіе славяне, ляхи, наскучивъ бурною вольностію, подобно славянамъ россійскимъ, еще ранѣе ихъ прибѣгнули къ единовластію. Мечиславъ, государь знаменитый въ исторіи введеніемъ христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ польскимъ. Владиміръ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, воз-

вратить то, что было еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярополкѣ отошло къ государству Польскому. Онъ взялъ города Червень (близъ Хелма), Перемышлъ и другіе, которые съ этого времени, будучи собственностью Россіи, назывались Червенскими. Въ слѣдующіе два года храбрый князь смирилъ бунтъ вятичей, не хотѣвшихъ платить дани, и завоевалъ страну ятвяговъ, дикаго, но мужественнаго народа латышскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣе къ сѣверо-западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Балтійскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣтельству Стурлезона, лѣтописца исландскаго, принадлежала Владиміру, котораго чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ.

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владиміръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ и кровью человѣческою обагрить алтари. Исполняя совѣтъ бояръ и старцевъ, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ, и жребій палъ на юнаго варяга, прекраснаго лицемъ и душою, коего отецъ былъ христіаниномъ. Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовію къ сыну и ненавистію къ такому ужасному суевѣрію, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться тлѣнному дереву вмѣсто живаго Бога, истиннаго Творца неба, земли и человѣка. Кіевляне терпѣли христіанство; но торжественное хуленіе вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ вооружился, разметалъ дворъ варяжскаго христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за руку, съ твердостью сказалъ: «Ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій». Народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ отца и сына, которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чтитъ ихъ святыми подъ именемъ Ѳеодора и Іоанна.

Теперь приступаемъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославило его въ исторіи.

Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало по малу укоренялось христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швеціею, Норвегіею и Даніею. Самое раздѣленіе церквей восточной и западной имѣло полезное слѣдствіе для истинной вѣры, ибо главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Древній лѣтописецъ намъ повѣствуетъ, что не только христіанскіе проповѣдники, но и магометане, вмѣстѣ съ іудеями, обитавшими въ землѣ Хозарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ склонять Владиміра къ принятію вѣры своей, и что великій князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также, увидѣвъ наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества, искать истины въ разныхъ вѣрахъ.

Первые послы были отъ волжскихъ или камскихъ болгаръ. На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господ-

ствовала вѣра магометанская, утвежденная тамъ счастливымъ оружіемъ аравитянъ. Болгаре приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго князя; но обрѣзаніе казалось ему невавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. Вино, сказалъ онъ, есть веселіе для русскихъ; не можемъ быть безъ него. «Послы нѣмецкихъ католиковъ говорили ему о величіи невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: «Идите обратно; отцы наши не принимали вѣры отъ папы». Выслушавъ іудеевъ, онъ спросилъ; гдѣ ихъ отечество? „Въ Іерусалимѣ", отвѣтствовали проповѣдники, „но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ. „И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ"? сказалъ Владиміръ: мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества". Наконецъ безъименный философъ, присланный греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе библіи, ветхаго и новаго Завѣта, исторію творенія рая, грѣха, первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, христіанства, семи соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину страшнаго суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: „Благо добродѣтельнымъ и горе злымъ"! Крестися, отвѣтствовалъ философъ, и будешь въ раю съ первыми.

Лѣтописецъ нашъ угадывалъ, какимъ образомъ проповѣдники вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели греческій философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ закона христіанскаго. Вѣра славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и нерѣдко увеселялись ихъ кровью. Хотя славяне признавали также и бытіе единаго существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: одно земное было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того, христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенной, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ—здѣсь, миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тьмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни—удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владиміръ, отпустивъ философа съ дарами и съ великою честью, собралъ бояръ и градскихъ старцевъ, объявилъ имъ предложенія магометанъ, іудеевъ, католиковъ, грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. „Государь!" сказали бояре и сарцы: „всякій человѣкъ хвалитъ вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли испытать, который народъ достойнѣе поклоняется божеству". И великій князь отправилъ десять благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ болгаровъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ нѣмецкихъ католиковъ богослуженіе съ обрядами,

ю, по словамъ лѣтописи, безъ всякаго величія и красоты; наконецъ прибыли въ Константинополь. „Да созерцаютъ они славу Бога нашего!“ сказалъ императоръ и, зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облеченный въ святительскія ризы, совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется... Возвратясь въ Кіевъ, послы говорили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи магометанъ, съ неуваженіемъ о католическомъ и съ восторгомъ о византійскомъ, заключивъ словами: „Всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго: такъ и мы, узнавъ вѣру грековъ, не хотимъ иной“. Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. «Когда бы законъ греческій, сказали они, не былъ лучше другихъ, то бабка твоя Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его.» Великій князь рѣшился быть христіаниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра, и потому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего россійскаго посольства въ страну католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія закона христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной греческой древней рукописи, хранимой въ парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго царя византійскаго, названнаго въ ней Македонскимъ, вмѣсто Багрянороднаго.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и священники христіанскіе; но князь пышный хотѣлъ блеска и величія при этомъ важномъ дѣйствіи: одни цари греческіе и патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, завоевать вѣру христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, великій князь пошелъ на судахъ къ греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя. Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ скиѳовъ до хозаровъ и печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть императоровъ греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великій князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣ-

нами, ежели они не сдадутся; но граждане отвергли его предложенія въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ и, сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ къ россіянамъ стрѣлу, съ надписью: «За вами, къ востоку, находятся колодези, дающіе воду херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее». Великій князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ и велѣлъ перекопать водоводы (которыхъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ херсонскихъ). Тогда граждене, изнуряемые жаждою, сдались россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, россcійскій князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ и чрезъ пословъ объявилъ императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь. Родственный союзъ съ греческими знаменитыми царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти героя Цимисхія, была жертвою мятежей и безпорядка: военачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили императоровъ забыть обыкновенную надменность грековъ и презрѣніе къ язычникамъ. Василій и Константинъ надѣялись помощью сильнаго князя россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ, что, принявъ вѣру христіанскую, онъ получитъ и руку царевны, и царство небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ княземъ народа, по мнѣнію грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокимъ плѣномъ и ненавистнѣе смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что великій князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть, что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда святитель возложилъ на него руку. Бояре россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ государемъ приняли истинную вѣру (въ церкви св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили великій князь и невѣста его). Херсонскій митрополитъ и византійскіе пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за которымъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо великій князь, какъ вѣрный союзникъ императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ имперіи.

Сего не довольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія и, соорудивъ въ Херсонѣ церковь на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ царямъ греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи, св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ, въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близь нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и это мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данью суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься, и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцевъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и, по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился, когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кіевскихъ христіанами, тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ твоихъ; дай имъ познать тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощью въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя твое!»... Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

Скоро знаменія вѣры христіанской, принятой государемъ, дѣтьми его, вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь св. Василія, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери, тамъ, гдѣ въ 983 году пострадалъ за вѣру благочестивый варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители алтарей, священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ областяхъ государства. Многіе люди крестились, разсуждая, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и граждане кіевскіе; другіе, привязанные къ закому древнему, отвергали новый, ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до

самаго XII вѣка. Владимiръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти, но взялъ лучшiя, надежнѣйшiя мѣры для истребленiя языческихъ заблужденiй: онъ старался просвѣтить россiянъ. Чтобы утвердить вѣру на знанiи книгъ божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведенныхъ на славянскiй языкъ Кирилломъ и Меѳодiемъ и, безъ сомнѣнiя, уже давно извѣстныхъ кiевскимъ христiанамъ, великiй князь завелъ для отроковъ училища, бывшiя первымъ основанiемъ народнаго просвѣщенiя въ Россiи. Сiе благодѣянiе казалось тогда страшною новостью, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

XXI. КРЕЩЕНIЕ РУСИ.

(Изъ «Исторiи Россiи» Соловьева).

Торжество Владимiра надъ Ярополкомъ сопровождалось торжествомъ язычества надъ христiанствомъ; но это торжество не могло быть продолжительно: русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религiй, имѣвшихъ мѣсто въ юго-восточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христiанствомъ; ревность Владимiра и Добрыни въ началѣ ихъ власти, устроенiе изукрашенныхъ кумировъ, частыя жертвы проистекали изъ желанiя поднять сколько нибудь язычество, дать ему средства хотя что нибудь противопоставить другимъ религiямъ, подавляющимъ его своимъ величiемъ; но эти самыя попытки, эта самая ревность и вели прямо къ паденiю язычества, потому что всего лучше показывали его несостоятельность.

У насъ на Руси, въ Кiевѣ, произошло то же самое, что въ болѣе обширныхъ размѣрахъ произошло въ Римской имперiи, при Юлiанѣ: ревность этого императора къ язычеству всего болѣе способствовала къ окончательному паденiю послѣдняго, потому что Юлiанъ истощилъ всѣ средства язычества, извлекъ изъ него все, что оно могло дать для умственной и нравственной жизни человѣка, и тѣмъ всего рѣзче выказалась его несостоятельность, его бѣдность предъ христiанствомъ. Такъ обыкновенно бываетъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни цѣлыхъ обществъ; вотъ почему и не удивительно видѣть, какъ иногда самые страстные ревнители вдругъ неожиданно покидаютъ предметъ своего поклоненiя и переходятъ на враждебную сторону, которую защищаютъ съ удвоенною ревностью; это происходитъ именно отъ того, что въ ихъ сознанiи истощились всѣ средства прежняго предмета поклоненiя.

Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженiя Владимiра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событiи: Владимiръ, послѣ похода на ятвяговъ, возвратился въ Кiевъ и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми; старцы и бояре сказали: „Кинемъ жребiй на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того принесемъ въ жертву богамъ“. Въ это время жилъ въ Кiевѣ одинъ варягъ, который пришелъ изъ Грецiи и держалъ христiанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицемъ и душою; на этого то молодаго варяга и палъ жребiй.

Посланные отъ народа (объ участіи князя не говорится ни слова) пришли къ старому варягу и сказали ему: „Палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву". Варягъ отвѣчалъ: „У васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ, ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева; а Богъ одинъ, которому служатъ греки и кланяются, который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, солнце и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!". Посланные разсказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: „Дай сына своего богамъ". Онъ отвѣчалъ: „Если они боги, то пусть пошлютъ какого нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете". Яростный крикъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ варягамъ, подсѣкла подъ ними сѣни и убила ихъ. Не смотря на то, что смѣлый варягъ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, язычества, событіе это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, кумирамъ, сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно наругались; проповѣдь была произнесена громко; народъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла, а страшныя слова остались: ваши боги дерево, Богъ единъ, которому кланяются греки, который сотворилъ все.— И безотвѣтны стояли кумиры Владиміра передъ этими словами, и что могла, въ самомъ дѣлѣ, славянская религія сказать въ свою пользу, что могла отвѣчать на высокіе запросы, заданные ей проповѣдниками другихъ религій? Самые важные изъ нихъ были вопросы о началѣ міра и будущей жизни. Что вопросъ о будущей жизни дѣйствовалъ могущественно и на языческихъ славянъ, какъ на другіе народы, видно изъ преданія о томъ, какъ царь болгарскій обратился въ христіанство вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго суда. По русскому преданію, то же самое средство употребилъ и у насъ греческій проповѣдникъ и произвелъ также сильное впечатлѣніе на Владиміра: послѣ разговора съ нимъ, Владиміръ, по преданію, созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ, и говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ, каждый хвалитъ свою вѣру; напослѣдокъ пришли и греки, хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много говорятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру вступитъ, то, умерши, воскреснетъ и не умретъ послѣ во-вѣки; если же въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ будетъ въ огнѣ горѣть. Магометанскіе проповѣдники также говорили о будущей жизни; но самое чувственное представленіе ея уже подрывало довѣренность; въ душѣ самаго простаго человѣка есть сознаніе, что тотъ свѣтъ не можетъ быть похожъ на этотъ, при чемъ раздражала исключительность извѣстныхъ сторонъ чувственности, противорѣчіе, по которому одно наслажденіе допускалось неограниченно, другія совершенно запрещались. Владиміру, по преданію, нравился чувственный рай Магометовъ; но онъ никакъ не соглашался допустить обрѣзаніе, отказаться отъ свиннаго мяса и отъ вина: „Руси есть веселье пить, говорилъ онъ, не можемъ быть безъ того". Что вопросъ о началѣ міра и будущей жизни сильно занималъ всѣ языческіе народы сѣвера и могущественно содѣйствовалъ распространенію между ними

христіанства, могшаго дать имъ удовлетворительное рѣшеніе его, это видно изъ преданія о принятіи христіанства въ Британіи: къ одному изъ королей англо-саксонскихъ явился проповѣдникъ христіанства; король позвалъ дружину на совѣтъ, и одинъ изъ вождей сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Быть можетъ, ты припомнишь, князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты сидишь за столомъ съ дружиною: огонь пылаетъ, въ комнатѣ тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ иногда въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленькая птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мгновеніе этого перелета для нея пріятно, она не чувствуетъ болѣе ни дождя, ни бури; но это мгновеніе кратко, вотъ птица уже и вылетѣла изъ комнаты, и опять прежнее ненастье бьетъ несчастную. Такова и жизнь людская на землѣ, и ея мгновенное теченіе, если сравнить его съ продолжительностью времени, которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время мрачно и безпокойно для насъ; оно мучитъ насъ невозможностью познать его; такъ если новое ученіе можетъ дать намъ какое нибудь вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то стоитъ принять его". Отсюда понятно для насъ значеніе преданія о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ, приходившихъ къ Владиміру, вѣрность этого преданія времени и обществу. Видно, что все было приготовлено для переворота въ нравственной жизни новорожденнаго русскаго общества на югѣ, что религія, удовлетворявшая разсѣяннымъ, особо живущимъ племенамъ, не могла болѣе удовлетворять кіевлянъ, познакомившихся съ другими религіями; они употребили всѣ средства для поднятія своей старой вѣры въ уровень съ другими, и всѣ средства оказались тщетными; чужія вѣры, и особенно одна, тяготили явно своимъ превосходствомъ; это обстоятельство и необходимость защищать старую вѣру естественно должны были вести къ раздраженію, которое, въ свою очередь, влекло къ насильственнымъ поступкамъ, но и это не помогло. При старой вѣрѣ нельзя было оставаться, нужно было рѣшиться на выборъ другой. Послѣднее обстоятельство, т. е. выборъ вѣры, есть особенность русской исторіи: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религіями, но не такъ было на востокѣ Европы, на границахъ ея съ Азіею, гдѣ сталкивались не только различные народы, но и различныя религіи, а именно магометанская, іудейская и христіанская; Хозарское царство, основанное на границахъ Европы съ Азіею, представляетъ намъ это смѣшеніе разныхъ народовъ и религій; хозарскимъ каганамъ, по преданію, также предстоялъ выборъ между тремя религіями; они выбрали іудейскую; для азіятцевъ былъ доступнѣе деизмъ послѣдней. Но Хозарское царство пало, и вотъ на границахъ также Европы съ Азіею, но уже на другой сторонѣ, ближе къ Европѣ, образовалось другое владѣніе, русское, съ европейскимъ народонаселеніемъ; кагану русскому и его народу предстоялъ также выборъ между тремя религіями, и опять повторилось преданіе о проповѣдникахъ различныхъ вѣръ и о выборѣ лучшей; на этотъ разъ лучшею оказалась не іудейская: европейскій смыслъ избралъ христіанство. Преданіе очень вѣрно выставило также причину отверженія іудеевъ Владиміромъ; когда онъ спросилъ у нихъ: „Гдѣ ваша земля?" и они сказали, что Богъ въ гнѣвѣ расточилъ ихъ по странамъ чужимъ, то Владиміръ отвѣчалъ: „Какъ вы учите другихъ, будучи сами отвергнуты Богомъ и расточены?". Вспомнимъ, какъ у средневѣковыхъ

европейскихъ народовъ было вкоренено понятіе, что политическое бѣдствіе народа есть наказаніе Божіе за грѣхи, вслѣдствіе чего питалось отвращеніе къ бѣдствующему народу. Магометанство, кромѣ видимой бѣдности своего содержанія, не могло соперничать съ христіанствомъ по самой отдаленности своей. Христіанство было уже давно знакомо въ Кіевѣ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Константинополемъ, который поражалъ руссовъ величіемъ религіи и гражданственности. Бывальцы въ Константинополѣ, послѣ тамошнихъ чудесъ, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на бѣдное русское язычество и превозносить вѣру греческую. Рѣчи ихъ имѣли большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшіе во многихъ различныхъ странахъ и на востокѣ, и на западѣ, видѣвшіе много разныхъ вѣръ и обычаевъ, и, разумѣется, имъ нигдѣ не могло такъ нравиться, какъ въ Константинополѣ; Владиміру не нужно было посылать бояръ извѣдывать вѣры разныхъ народовъ; не одинъ варягъ могъ удостовѣрить его въ преимуществахъ вѣры греческой передъ всѣми другими. Митрополитъ Иларіонъ, котораго свидѣтельство, какъ почти современное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, ни слова не говоритъ о посольствахъ для извѣдыванія вѣръ, но говоритъ, согласнѣе съ дѣломъ, что Владиміръ постоянно слышалъ о греческой землѣ, сильной вѣрою, о величіи тамошняго богослуженія; бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, что, по преданію, у лѣтописца говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣръ: „Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ; всякій человѣкъ, какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго; такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше не останемся“. Эти слова находили потвержденіе и между городскими старцами, и между тѣми изъ бояръ Владиміра, которые не бывали въ Константинополѣ; у нихъ было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: „Если бы дуренъ былъ законъ греческій, говорили они, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она была мудрѣе всѣхъ людей“. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ изъ Кіева малолѣтнимъ и воспитанъ въ Новгородѣ, на сѣверѣ, гдѣ было сильно язычество, а христіанство едва ли знакомо; онъ привелъ въ Кіевъ съ сѣвера тамошнее народонаселеніе, варяговъ, славянъ новгородскихъ, чудь, кривичей, все ревностнѣйшихъ язычниковъ, которые своимъ прибытіемъ легко дали перевѣсъ кіевскимъ язычникамъ надъ христіанами, что и было причиною явленій, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ княженія Владиміра; но потомъ время и мѣсто взяли свое: ближайшее знакомство съ христіанствомъ, съ Греціею, приплывъ бывальцевъ въ Константинополѣ, должны быль ослабить языческую ревность и склонить дѣло въ пользу христіанства. Такимъ образомъ все было готово къ принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая. „Подожду еще немного“, говорилъ Владиміръ, по свидѣтельству начальнаго лѣтописца кіевскаго. Удобный случай представился въ войнѣ съ греками; преданіе тѣсно соединяетъ походъ на грековъ съ принятіемъ христіанства, хочетъ выставить, что первый былъ предпринятъ для втораго; Владиміръ спросилъ у бояръ: „Гдѣ принять намъ крещеніе?“ тѣ отвѣчали: „Гдѣ тебѣ любо“. И, по прошествіи года, Владиміръ выступилъ съ войскомъ на Корсунь. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались, не смотря на изнеможеніе; Владиміръ объявилъ имъ, что если

они не сдадутся, то онъ будетъ три года стоять подъ городомъ. Когда эта угроза не подѣйствовала, Владиміръ велѣлъ дѣлать валъ около города; но корсуняне подкопали городскую стѣну, и уносили присыпаемую русскими землю къ себѣ въ городъ; русскіе сыпали еще больше, и Владиміръ все стоялъ. Тогда одинъ корсунянинъ, именемъ Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ ко Владиміру стрѣлу, на которой было написано: „За тобою, съ восточной стороны, лежатъ колодцы, отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ, перекопай и перейми ее". Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на небо и сказалъ: „Если это сбудется, я крещусь". Извѣстіе вѣрно ходу событій; это не первый примѣръ, что князь языческаго народа принимаетъ христіанство при условіи побѣды, которую долженъ получить съ помощью новаго божества. Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать противъ трубъ, вода была перенята; херсонцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ сказать греческимъ императорамъ Василію и Константину: „Я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣвицахъ; если не отдадите ея за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ то же, что съ Корсунемъ". Испуганные и огорченные такимъ требованіемъ, императоры велѣли отвѣчать Владиміру: „Не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать сестры своей за тебя". Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланнымъ: «Скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, люба мнѣ ваша вѣра и служеніе, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи». Цари обрадовались этимъ словамъ, умолили сестру свою Анну выйти за Владиміра и послали сказать ему: „Крестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру". Но Владиміръ велѣлъ отвѣчать: „Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня". Цари послушались и послали сестру свою вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами; Аннѣ очень не хотѣлось идти: „Иду точно въ полонъ, говорила она, лучше бы мнѣ здѣсь умереть"; братья утѣшали ее: „А что, если Богъ обратитъ тобою Русскую землю въ покаяніе, а Греческую землю избавитъ отъ лютой рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же". И едва уговорили ее идти. Анна сѣла въ корабль, простилась съ роднею и поплыла съ горемъ въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время, продолжаетъ преданіе, Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ; тогда царевна велѣла сказать ему: „Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй, если же не крестишься, то и не вылѣчишься". Владиміръ сказалъ на это: „Если въ самомъ дѣлѣ такъ случится, то по истинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій", и объявилъ, что готовъ къ крещенію. Епископъ корсунскій съ царевниными священниками, огласивъ, крестили Владиміра, и когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ; удивясь такому внезапному исцѣленію, Владиміръ сказалъ: „Теперь только я узналъ истиннаго Бога!". Видя это, и изъ дружины его многіе крестились. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ Владиміра съ Анною. Все это преданіе очень вѣрно обстоятельствамъ въ своихъ подробностяхъ, и потому не можетъ быть отвергнуто. Прежняя вѣра была во Владимірѣ поколеблена,

онъ видѣлъ превосходство христіанства, видѣлъ необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлилъ, ждалъ случая, ждалъ знаменія; онъ могъ отправиться и въ корсунскій походъ съ намѣреніемъ креститься въ случаѣ удачи предпріятія, могъ повторить обѣщаніе, когда Анастасъ открылъ ему средство къ успѣху, и потомъ опять медлилъ, пока увѣщанія царевны Анны не убѣдили его окончательно. Владиміръ вышелъ изъ Корсуня съ царицею, взялъ съ собою Анастаса, священниковъ корсунскихъ, мощи св. Климента и Фива, сосуды церковные, иконы, взялъ два мѣдныхъ истукана и четыре мѣдныхъ коня; Корсунь отдалъ грекамъ назадъ въ вѣно за жену свою, по выраженію лѣтописца. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Корсунь же явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять новою русскою церковью,—извѣстіе очень вѣроятное, потому что константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимаго для утвержденія новаго порядка вещей на сѣверѣ. По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей своихъ и людей близкихъ. Вслѣдъ за тѣмъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ. Этимъ должно было приступить къ обращенію народа; ниспроверженіемъ прежнихъ предметовъ почитанія нужно было показать ихъ ничтожество; это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ почти у всѣхъ проповѣдниковъ и дѣйствительно было таковымъ; кромѣ того, ревность новообращеннаго не могла позволить Владиміру удержать хотя на нѣкоторое время идоловъ, стоящихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ города, и которымъ, вѣроятно, не переставали приносить жертвы; притомъ, если не всѣ, то большая часть истукановъ, напоминали Владиміру его собственный грѣхъ, потому что онъ самъ ихъ поставилъ. Изъ ниспровергнутыхъ идоловъ однихъ разсѣкли на части, другихъ сожгли, а главнаго, Перуна, привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, причемъ двѣнадцать человѣкъ били истукана палками; это было сдѣлано, прибавляетъ лѣтописецъ, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ идоломъ прельщалъ людей; такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе. Когда волокли идола въ Днѣпръ, то народъ плакалъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его отъ берега до тѣхъ поръ, пока пройдетъ пороги. Затѣмъ приступлено было къ обращенію кіевскаго народа, митрополитъ и священники ходили по городу съ проповѣдью; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, и самъ князь участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Многіе съ радостью крестились; но больше оставалось такихъ, которые не соглашались на это; между ними были двоякаго рода люди: одни не хотѣли креститься не по сильной привязанности къ древней религіи, но по новости и важности дѣла, колебались точно такъ же, какъ, по преданію, колебался прежде и самъ Владиміръ; другіе же не хотѣли креститься по упорной привязанности къ старой вѣрѣ; они даже не хотѣли и слушать о проповѣди. Видя это, князь употребилъ средство посильнѣе: онъ послалъ повѣстить по всему городу, чтобы на другой день всѣ некрещенные шли къ рѣкѣ, кто же не явится, будетъ противникомъ князю. Услыхавъ этотъ приказъ, многіе пошли охотно, именно тѣ, которые прежде медлили по нерѣшительности, колебались, ждали только чего-нибудь рѣшительнаго, чтобъ креститься; не понимая еще сами превосходства новой вѣры предъ старою, они естественно должны были основывать превос-

ходство первой на томъ, что она принята высшими. „Еслибы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ея“, говорили они. Нѣкоторые шли къ рѣкѣ по принужденію, нѣкоторые же, ожесточенные приверженцы старой вѣры, слыша строгій приказъ Владиміра, бѣжали въ степи и лѣса. На другой день послѣ объявленія княжескаго приказа, Владиміръ вышелъ съ священниками царицыными и корсунскими на Днѣпръ, куда сошлось множество народа; всѣ вошли въ воду и стояли одни по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали на рукахъ младенцевъ, а крещеные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно, уча некрещенныхъ, какъ вести себя во время совершенія таинства, а также и занимая мѣсто ихъ воспріемниковъ; священники на берегу читали молитвы.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства Владиміромъ и распространенія его въ Русской землѣ было, разумѣется, построеніе церквей; Владиміръ тотчасъ послѣ крещенія велитъ строить церкви и ставитъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры; такъ поставлена была церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна и прочихъ боговъ.

Владиміръ велѣлъ ставить церкви и опредѣлять къ нимъ священниковъ также и по другимъ городамъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Здѣсь останавливаютъ насъ два вопроса: по какимъ городамъ и областямъ и въ какой мѣрѣ было распространено христіанство при Владимірѣ, и потомъ откуда явились при церквахъ священнослужители? Есть извѣстія, что митрополитъ съ епископами, присланными изъ Цареграда, съ Добрынею, дядею Владиміровымъ, и съ Анастасомъ, ходили на сѣверъ и крестили народъ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверхъ по Днѣпру, волокомъ и Ловатью, до сѣвернаго конца этого пути—Новгорода Великаго. Здѣсь были крещены многіе люди, построена церковь для новыхъ христіанъ; но съ перваго раза христіанство было распространено далеко не между всѣми жителями; изъ Новгорода, по всѣмъ вѣроятностямъ, путемъ воднымъ, шекснинскимъ, проповѣдники отправились въ востоку до Ростова. Этимъ кончилась дѣятельность перваго митрополита Михаила въ 990 году; въ 991 онъ умеръ; легко представить, какъ смерть его должна была опечалить Владиміра въ его новомъ положеніи; князя едва могли утѣшить другіе епископы и бояре; скоро былъ призванъ изъ Цареграда новый митрополитъ, Леонъ; съ помощью поставленнаго имъ въ Новгородъ епископа Іоакима корсунянина, язычество здѣсь сокрушено окончательно. Вотъ любопытное извѣстіе объ этомъ изъ такъ называемой Іоакимовой лѣтописи: „Когда въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить, то собрали вѣче, и поклялись всѣ не пускать его въ городъ, не давать идоловъ на ниспроверженіе; и точно, когда Добрыня пришелъ, новгородцы разметали большой мостъ и вышли противъ него съ оружіемъ; Добрыня сталъ было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли, вывезли двѣ камнестрѣльныя машины (пороки) и поставили ихъ на мосту; особенно уговаривалъ ихъ не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами, ихъ, какой-то Богомолъ, прозванный за краснорѣчіе Соловьемъ. Іоакимъ съ священниками стояли на торговой сторонѣ; они ходили по торгамъ, улицамъ, учили людей, сколько могли, и въ два дня успѣли окрестить

нѣсколько сотъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ новгородскій тысяцкій Угоняй, ѣздя всюду, кричалъ: „Лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе". Народъ на той сторонѣ Волхова разсвирѣпѣлъ, разорилъ домъ Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ жену и еще нѣкоторыхъ изъ родни. Тогда тысяцкій Владиміровъ, Путята, приготовивъ лодки и выбравъ изъ ростовцевъ пять сотъ человѣкъ, ночью перевезся выше крѣпости на ту сторону рѣки и вошелъ въ городъ безпрепятственно, ибо всѣ думали, что это свои ратники. Путята дошелъ до двора Угоняева, схватилъ его и другихъ лучшихъ людей и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась, то народа собралось до 5000, обступили Путяту и начали съ нимъ злую сѣчу, а нѣкоторые пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить домы христіанъ. На разсвѣтѣ приспѣлъ Добрыня со всѣми своими людьми и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу; новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча перестала. Тогда самые знатные люди пришли къ Добрынѣ просить мира. Добрыня собралъ войска, запретилъ грабежъ; но тотчасъ велѣлъ сокрушить идоловъ, деревянныхъ сжечь, а каменныхъ, изломавъ, побросать въ рѣку. Мужчины и женщины, видя это, съ воплемъ и слезами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ. Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ: „Нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые себя оборонить не могутъ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать?" и послалъ всюду съ объявленіемъ, чтобы шли креститься. Посадникъ Воробей, сынъ Стояновъ, воспитанный при Владимірѣ, человѣкъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собою, а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили, и крестились мужчины выше моста, а женщины ниже. Тогда многіе язычники, чтобъ отбыть отъ крещенія, объявляли, что они крещены; для этого Іоакимъ велѣлъ всѣмъ крещенымъ надѣть на шею крестъ, а кто не будетъ имѣть на себѣ креста, тому не вѣрить, что крещенъ, и крестить. Разметанную церковь Преображенія построили снова. Окончивъ это дѣло, Путята пошелъ въ Кіевъ; вотъ почему есть бранная для новгородцевъ пословица: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ». Такимъ образомъ христіанство при Владимірѣ, какъ видно, было распространено преимущественно по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кіевъ; къ востоку же отъ Днѣпра, по Окѣ и верхней Волгѣ, даже въ самомъ Ростовѣ, не смотря на то, что проповѣдь доходила до этихъ мѣстъ, христіанство распространялось очень слабо; впослѣдствіи иноки Печерскаго монастыря были проповѣдниками христіанства у вятичей и мери и мучениками тамъ; лѣтописецъ прямо говоритъ, что въ его время вятичи сохраняли еще языческіе обычаи; наконецъ Иларіонъ, современникъ сына Владиміра, называетъ русскихъ христіанъ малымъ стадомъ Христовымъ. Самому князю принадлежитъ распространеніе христіанства на западъ отъ Днѣпра, въ странахъ, которыя онъ долженъ былъ посѣщать по отношеніямъ своимъ къ Польшѣ. Есть извѣстіе, что въ 992 году онъ ходилъ съ епископами на югозападъ, училъ, крестилъ людей, а въ землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ и деревянную церковь Богородицы. Мы видѣли, по какимъ областямъ и городамъ было распространено христіанство при Владимірѣ; теперь обратимся къ другому вопросу: откуда первоначальная русская

ходство первой на томъ, что она принята высшими. „Еслибы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ея", говорили они. Нѣкоторые шли къ рѣкѣ по принужденію, нѣкоторые же, ожесточенные приверженцы старой вѣры, слыша строгій приказъ Владиміра, бѣжали въ степи и лѣса. На другой день послѣ объявленія княжескаго приказа, Владиміръ вышелъ съ священниками царицыными и корсунскими на Днѣпръ, куда сошлось множество народа; всѣ вошли въ воду и стояли одни по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали на рукахъ младенцевъ, а крещеные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно, уча некрещенныхъ, какъ вести себя во время совершенія таинства, а также и занимая мѣсто ихъ воспріемниковъ; священники на берегу читали молитвы.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства Владиміромъ и распространенія его въ Русской землѣ было, разумѣется, построеніе церквей; Владиміръ тотчасъ послѣ крещенія велитъ строить церкви и ставитъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры; такъ поставлена была церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна и прочихъ боговъ.

Владиміръ велѣлъ ставить церкви и опредѣлять къ нимъ священниковъ также и по другимъ городамъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Здѣсь останавливаютъ насъ два вопроса: по какимъ городамъ и областямъ и въ какой мѣрѣ было распространено христіанство при Владимірѣ, и потомъ откуда явились при церквахъ священнослужители? Есть извѣстія, что митрополитъ съ епископами, присланными изъ Цареграда, съ Добрынею, дядею Владиміровымъ, и съ Анастасомъ, ходили на сѣверъ и крестили народъ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверхъ по Днѣпру, волокомъ и Ловатью, до сѣвернаго конца этого пути—Новгорода Великаго. Здѣсь были крещены многіе люди, построена церковь для новыхъ христіанъ; но съ перваго раза христіанство было распространено далеко не между всѣми жителями; изъ Новгорода, по всѣмъ вѣроятностямъ, путемъ воднымъ, шекснинскимъ, проповѣдники отправились въ востоку до Ростова. Этимъ кончилась дѣятельность перваго митрополита Михаила въ 990 году; въ 991 онъ умеръ; легко представить, какъ смерть его должна была опечалить Владиміра въ его новомъ положеніи; князя едва могли утѣшить другіе епископы и бояре; скоро былъ призванъ изъ Цареграда новый митрополитъ, Леонъ; съ помощью поставленнаго имъ въ Новгородъ епископа Іоакима корсунянина, язычество здѣсь сокрушено окончательно. Вотъ любопытное извѣстіе объ этомъ изъ такъ называемой Іоакимовой лѣтописи: „Когда въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить, то собрали вѣче, и поклялись всѣ не пускать его въ городъ, не давать идоловъ на ниспроверженіе; и точно, когда Добрыня пришелъ, новгородцы разметали большой мостъ и вышли противъ него съ оружіемъ; Добрыня сталъ было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли, вывезли двѣ камнестрѣльныя машины (пороки) и поставили ихъ на мосту; особенно уговаривалъ ихъ не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами, ихъ, какой-то Богомолъ, прозванный за краснорѣчіе Соловьемъ. Іоакимъ съ священниками стояли на торговой сторонѣ; они ходили по торгамъ, улицамъ, учили людей, сколько могли, и въ два дня успѣли окрестить

нѣсколько сотъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ новгородскій тысяцкій Угоняй, ѣздя всюду, кричалъ: „Лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе". Народъ на той сторонѣ Волхова разсвирѣпѣлъ, разорилъ домъ Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ жену и еще нѣкоторыхъ изъ родни. Тогда тысяцкій Владиміровъ, Путята, приготовивъ лодки и выбравъ изъ ростовцевъ пять сотъ человѣкъ, ночью перевезся выше крѣпости на ту сторону рѣки и вошелъ въ городъ безпрепятственно, ибо всѣ думали, что это свои ратники. Путята дошелъ до двора Угоняева, схватилъ его и другихъ лучшихъ людей и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась, то народа собралось до 5000, обступили Путяту и начали съ нимъ злую сѣчу, а нѣкоторые пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить домы христіанъ. На разсвѣтѣ приспѣлъ Добрыня со всѣми своими людьми и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу; новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча перестала. Тогда самые знатные люди пришли къ Добрынѣ просить мира. Добрыня собралъ войска, запретилъ грабежъ; но тотчасъ велѣлъ сокрушить идоловъ, деревянныхъ сжечь, а каменныхъ, изломавъ, побросать въ рѣку. Мужчины и женщины, видя это, съ воплемъ и слезами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ. Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ: „Нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые себя оборонить не могутъ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать?" и послалъ всюду съ объявленіемъ, чтобы шли креститься. Посадникъ Воробей, сынъ Стояновъ, воспитанный при Владимірѣ, человѣкъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собою, а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили, и крестились мужчины выше моста, а женщины ниже. Тогда многіе язычники, чтобъ отбыть отъ крещенія, объявляли, что они крещены; для этого Іоакимъ велѣлъ всѣмъ крещенымъ надѣть на шею крестъ, а кто не будетъ имѣть на себѣ креста, тому не вѣрить, что крещенъ, и крестить. Разметанную церковь Преображенія построили снова. Окончивъ это дѣло, Путята пошелъ въ Кіевъ; вотъ почему есть бранная для новгородцевъ пословица: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ». Такимъ образомъ христіанство при Владимірѣ, какъ видно, было распространено преимущественно по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кіевъ; къ востоку же отъ Днѣпра, по Окѣ и верхней Волгѣ, даже въ самомъ Ростовѣ, не смотря на то, что проповѣдь доходила до этихъ мѣстъ, христіанство распространялось очень слабо; впослѣдствіи иноки Печерскаго монастыря были проповѣдниками христіанства у вятичей и мери и мучениками тамъ; лѣтописецъ прямо говоритъ, что въ его время вятичи сохраняли еще языческіе обычаи; наконецъ Иларіонъ, современникъ сына Владиміра, называетъ русскихъ христіанъ малымъ стадомъ Христовымъ. Самому князю принадлежитъ распространеніе христіанства на западъ отъ Днѣпра, въ странахъ, которыя онъ долженъ былъ посѣщать по отношеніямъ своимъ къ Польшѣ. Есть извѣстіе, что въ 992 году онъ ходилъ съ епископами на югозападъ, училъ, крестилъ людей, а въ землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ и деревянную церковь Богородицы. Мы видѣли, по какимъ областямъ и городамъ было распространено христіанство при Владимірѣ; теперь обратимся къ другому вопросу: откуда первоначальная русская

церковь получила себѣ священнослужителей? Митрополитъ и епископы были присланы изъ Цареграда; въ Кіевѣ, если прежде были христіане, была церковь, то были, разумѣется, и священники; Владиміръ привелъ изъ Корсуни тамошнихъ священниковъ и священниковъ, пріѣхавшихъ съ царевною Анною. Но все этого числа было недостаточно для крещенія и наученія людей въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, и вотъ есть извѣстіе, совершенно согласное съ обстоятельствами, что присланы были священники изъ Болгаріи, которые были способны учить народъ на понятномъ для него языкѣ; есть даже извѣстіе, что и первые епископы, и даже митрополитъ Михаилъ, были изъ болгаръ. Но сколько бы ни пришло священниковъ греческихъ и болгарскихъ, все ихъ было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своихъ русскихъ священниковъ, что не могло произойти иначе, какъ чрезъ распространеніе книжнаго ученія. Такое распространеніе было предпринято немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Кіевѣ, ибо въ немъ митрополитъ и князь видѣли единственное средство утвердить вѣру. Отцы и матери были мало утверждены, оставить дѣтей при нихъ значило мало подвинуть христіанство, ибо они воспитывались бы болѣе въ языческихъ понятіяхъ и обычаяхъ; чтобы сдѣлать ихъ твердыми христіанами, необходимо было ихъ на время оторвать отъ отцовъ плотскихъ и отдать духовнымъ; притомъ, какъ выше замѣчено, только однимъ этимъ средствомъ можно было пріобрѣсть и священниковъ изъ русскихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ книжное ученіе: матери плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ и причту. Въ непосредственномъ отношеніи къ принятію христіанства находится также слѣдующее извѣстіе, сообщаемое лѣтописью: въ княженіе Владиміра умножились разбои, и вотъ епископы сказали Владиміру: «Разбойники размножились, зачѣмъ не казнишь ихъ?» Владиміръ отвѣчалъ: „Боюсь грѣха". Епископы возразили на это: „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе: тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло". Владиміръ послушался, отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ; но потомъ тѣ же епископы, вмѣстѣ съ старцами, сказали ему: „Рать сильная теперь; если придется вира, то пусть пойдетъ на оружіе и на коней". Владиміръ отвѣчалъ: „Пусть будетъ такъ"; и сталъ онъ жить опять по устроенію отцовскому и дѣдовскому. Это извѣстіе показываетъ намъ вліяніе духовенства прямо уже на строй общественный; не о церковныхъ дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанства совѣтуется Владиміръ съ епископами, но о томъ, какъ наказывать преступниковъ; вмѣстѣ со старцами епископы предлагаютъ князю о томъ, куда употреблять виры, заботятся о внѣшней безопасности, и князь соглашается съ ними.

XXII. ВЛІЯНІЕ ХРИСТІАНСТВА НА ЖИЗНЬ ДРЕВНЕ-РУССКАГО НАРОДА.

(Изъ статьи Аристова «Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей.» Журн. «Духъ христіанина» 1861 г.).

Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ лежалъ славянинъ-язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти. Всѣ его вѣрованія ограничивались грубымъ обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра. Миѳологія его была бѣдна и не развита. Подъ вліяніемъ язычества почти не были установлены у славянъ и первыя условія общественнаго быта. Князь почти не соединенъ былъ съ подданными властью; существовалъ обычай мести; однимъ словомъ—не сложился еще опредѣленный характеръ жизни. Находясь въ первой порѣ духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго, зрѣлаго новой, возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо въ сравненіи съ этой непобѣдимой духовной силой, что онъ сдался послѣ краткой борьбы. Вѣра христіанская, согласная съ мирнымъ характеромъ русскаго народа, быстро принята была и сдѣлала поворотъ въ умственной и нравственной его жизни. Но не одинъ истинный свѣтъ богопознанія и богопочтенія она внесла въ темную жизнь нашихъ предковъ: принятая на народномъ языкѣ, безконечно превышающая всѣ современныя ей начала народной жизни, вѣра Христова сдѣлалась главнымъ началомъ, одушевляющимъ всѣ отрасли жизни русскаго человѣка. Она условливала собою другой, лучшій гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго, и отвѣчала стремленію нашихъ предковъ къ опредѣленію порядка и устройству внутренняго быта. Старыя гражданскія отношенія потеряли свое значеніе и, отдѣльно взятыя, не имѣли уже самостоятельной опоры; но вѣра православная, не подавляя народности, дала старымъ началамъ новый смыслъ и силу.

Вмѣстѣ съ вѣрою перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало по малу проникать въ составъ государства. Кормчею руководилась свѣтская власть въ судныхъ приговорахъ. Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразованіе всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое, во всѣхъ даже частныхъ отношеніяхъ, христіанство принесло готовыя правила на всѣ частные случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы, прежде ихъ возникновенія и ощущенія, и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Такимъ образомъ вѣра Христова подчинила своему вліянію и водительству всякое духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера.

При такомъ преобладающемъ господствѣ начала христіанства, такъ сказать, поглотившемъ всѣ другія юныя и безсильныя начала народной мысли и жизни, вся почти древняя русская писменность, какъ выраженіе народной жизни, носитъ на себѣ печать характера церковнаго. Посланія и сочиненія свѣтскихъ лицъ исполнены текстами св. писанія и выражаютъ религіозное настроеніе. Самыя повѣсти, былины и сказки,

созданныя фантазіей русскаго народа, отражаютъ въ себѣ слѣды религіознаго взгляда и дѣйствительности. Въ лѣтописяхъ, которыя служатъ довольно полнымъ выраженіемъ ума и чувства народнаго, церковно-историческій элементъ стоитъ наряду съ гражданскимъ.

Въ теченіе всей древней русской исторіи вѣра и благочестіе нашихъ предковъ отличались почти исключительно направленіемъ церковно-обрядовымъ, богослужебнымъ. Съ одной стороны это и естественно. Нельзя требовать отъ юноши, едва начавшаго духовную жизнь, глубокаго знанія и опытности старца. Славянинъ-язычникъ жилъ внѣшнею, непосредственною жизнью природы и на все смотрѣлъ сквозь ея формы и свойства. Божествамъ своимъ онъ приписывалъ тотъ же видъ, свойства и дѣйствія, какіе природѣ и человѣку, только, конечно, въ большихъ размѣрахъ. Этимъ понятіемъ о богахъ опредѣлялся характеръ и славянскаго богослуженія. Чувственная обрядность замѣняла славянину-язычнику его нравственныя обязанности. Безъ сомнѣнія, онъ не въ состояніи былъ, по принятіи христіанства, тотчасъ отрѣшиться и отъ самаго язычества, и отъ прежняго пониманія вѣры, и вдругъ довести до сознанія возвышенное евангельское ученіе, проникнуть въ глубину мудрости Христовой вѣры, назначеніе которой — возрождать умъ, волю и всю природу человѣка.

Храмъ являлся въ воззрѣніи нашихъ предковъ, какъ живое лице, исполненное благодати духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагомъ; ему предоставляли выборъ іерарховъ по жребію, и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ ему и проч. Самый матеріалъ зданія церковнаго, мѣста, на которыхъ устроялись храмы, и всѣ принадлежности ихъ считались неприкосновенною святынею. Что говорилось въ греческихъ сочиненіяхъ о церкви, какъ объ обществѣ христіанъ, наши предки относили къ храму, даже самыя слова символа: во едину св. соборную и апостольскую церковь. «Церковь бо земное небо, говорили они. Та есть на земли Богомъ создана въ жилище св. Духа и на просвѣщеніе всего міра, еже молитвѣ домъ наречется, въ ней же есть оправданіе и очищеніе, и радость, и отпущеніе грѣховъ многихъ.» Кромѣ этого общаго священнаго значенія, храмъ имѣлъ въ древности особенное значеніе. При отсутствіи способовъ просвѣщенія, храмъ со своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ почти единственнымъ училищемъ истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они могли слышать ученіе вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ; тамъ знакомились съ исторіею христіанства даже по священнымъ изображеніямъ. Красота церкви и богослуженія имѣла неотразимую прелесть для нихъ.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ, и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и страстей юношескихъ, которыя неудержимо стремятся наружу и требуютъ немедленнаго удовлетворенія, храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ. При нападеніи внѣшнихъ враговъ, въ храмъ шли защищаться и, въ случаѣ невозможности, считали счастьемъ принять тамъ смерть отъ руки невѣрныхъ. Туда сносили имущество во время пожаровъ, въ надеждѣ защитить его крѣпкою постройкой отъ огня и обезпечить святыней мѣста отъ грабителей. При неустройствѣ законнаго

порядка въ обществѣ и незрѣлости законодательства, въ храмахъ соблюдались важныя граматы, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ заемныхъ писемъ и проч. Тамъ хранились законныя мѣры и вѣсы. Въ оградѣ церковной часто производились судебныя дѣла. Въ случаѣ голода или общаго несчастія изъ церкви брали деньги. При церквахъ устроялись богодѣльни, въ которыхъ жили больные и бѣдные. Поэтому на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердце высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ. Всякое построеніе, освященіе, обновленіе и украшеніе храма было значительнымъ событіемъ въ жизни нашихъ предковъ, занимало въ высшей степени всѣхъ и каждаго, сопровождалось высокою, единодушною радостью.

Крестъ былъ святымъ символомъ лучшаго мирнаго и благодатнаго порядка дѣлъ, въ противоположность образу меча, сила котораго одна имѣла вліяніе на устройство жизни простаго и грубаго язычника, и который служилъ признакомъ старой неудовлетворительной жизни. Ношеніе креста на груди отличало обновленнаго человѣка и вошло въ Россіи во всеобщій обычай. Св. иконы, необходимыя принадлежности храма, были во всякое почти время предъ глазами христіанина въ домѣ и имѣли сильное вліяніе на улучшеніе семейнаго быта. При каждомъ входѣ и выходѣ посѣтитель дома ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ иконою; каждый изъ членовъ семейства молился предъ ней утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ. Въ присутствіи св. иконъ древній русскій человѣкъ считалъ безчестнымъ довозволять себѣ какія нибудь предосудительныя вольности. Вмѣсто старыхъ кудесниковъ стали прибѣгать къ кресту и иконѣ съ молитвою, въ надеждѣ получить помощь въ случаѣ несчастія и болѣзни. Крестъ и икона служили вѣрною порукою въ обѣщаніяхъ; во время недовѣрчивости другъ къ другу они призывались во свидѣтельство правоты дѣла, и люди увѣрены были въ ихъ правомъ судѣ и расправѣ надъ виновнымъ и невиннымъ; крестъ и икона были необходимыми спутниками странствующихъ, которые брали ихъ съ собою въ увѣренности, что они устроятъ счастливый и благополучный путь. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь до того были тверды въ русскомъ человѣкѣ, что онъ вооружился крестомъ и выходилъ противъ страшныхъ татарскихъ полчищъ, съ цѣлью побѣдить ихъ. Безъ сомнѣнія, все это много сдерживало развитіе и обнаруженіе грубыхъ страстей и стародавнихъ привычекъ и вводило въ отношенія членовъ общества нравственныя начала. Понятно, почему при заключеніи мира поставлялось, въ числѣ первыхъ условій, возвращеніе св. иконъ, плѣненныхъ непріятелемъ.

На ряду съ извѣстіями о храмахъ и другихъ священныхъ предметахъ, въ лѣтописяхъ стоятъ часто описанія крестныхъ ходовъ. Крестные ходы совершались по случаю постигшихъ или грозящихъ народныхъ несчастій, съ цѣлью умилостивленія Бога. Въ минуты общаго бѣдствія, когда человѣкъ не ждалъ ни откуда земной помощи, крестные ходы успокаивали страждущій духъ его, вливая надежду на помилованіе и помощь небесную; они располагали къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ и не давали огрубѣть суровому сердцу и дойти до отчаянія и забвенія нравственныхъ обязанностей. Лѣтописи сообщаютъ, часто случайно, что

даже люди жестокосердые, которые разсчитывали воспользоваться общимъ несчастіемъ для своихъ корыстныхъ выгодъ, напр. ростовщики во время голода, грабители во время мора и пожара, крамольники во время мятежа,—и они умилялись душею, встрѣчая въ священномъ обрядѣ строгое осужденіе своихъ дѣйствій. Этимъ вліяніемъ крестные ходы, какъ и всѣ священныя церемоніи, благодѣтельны были для неустроеннаго житейскаго быта народа. Торжественные крестные ходы предпринимались послѣ побѣды, при освященіи храмовъ, при перенесеніи чудотворныхъ иконъ и св. мощей, или въ память прежнихъ благодѣяній Божіихъ и проч. Они соединяли христіанъ въ одномъ чувствѣ радости, какъ братьевъ, разливали въ душѣ кроткое спокойное чувство любви и возбуждали высокую благодарность подателю всякаго дара.

Тоже высокое значеніе имѣли и праздничныя торжества. При отсутствіи довѣрія другъ къ другу, при сильномъ стремленіи къ личнымъ исключительнымъ выгодамъ, праздничныя торжества наполняли душу одними общими стремленіями и чувствами, стремленіями высокими, которыя неизгладимы изъ души, связывали тѣснѣе христіанское общество, внося миръ между его членами, и упрочивали общественную нравственность. Въ первую пору принятія христіанства торжества церковныя, замѣняя языческія празденства, пріучали народъ къ жизни и обычаямъ христіанскимъ. Съ этой стороны имѣли большое значеніе и пиршества, которыми сопровождались духовныя христіанскія торжества, и о которыхъ сохранили нѣсколько краткихъ свѣдѣній лѣтописи. Имѣя привлекательность для чувственнаго человѣка, пиры распологали къ принятію вѣры Христовой и способствовали утвержденію въ ея правилахъ. Сначала, конечно, шелъ язычникъ изъ личнаго удовольствія; но, необходимо, присутствуя при христіанскихъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ, не могъ не чувствовать ихъ превосходства предъ бѣдной и жалкой обрядностью славянскаго язычества, слышалъ, при столкновеніи съ другими, о высокихъ чудесахъ христіанъ и другія священныя преданія,—и самъ дѣлался христіаниномъ.

Составляя высшую, образованную часть народа, духовенство русское стояло во главѣ всякаго добраго движенія общественнаго. Не говоря уже о первыхъ правителяхъ христіанскихъ, когда въ душѣ новообращенныхъ разлито было горячее желаніе подчинить всѣ отношенія и дѣйствія началу религіи, даже по раздробленіи Руси; у каждаго князя было стремленіе водворить и утвердить христіанство въ своей области и по его предписаніямъ преобразовать внутренній бытъ своихъ подданныхъ. Отсюда необходимая нужда въ помощи и вліяніи духовенства на народъ; отсюда участіе его въ думахъ и бесѣдахъ о всѣхъ дѣлахъ государства; отсюда совѣты съ духовенствомъ объ устройствѣ лучшаго порядка общественнаго. Пастыри церкви не одними молитвами имѣли вліяніе на исходъ военныхъ предпріятій, но, сообразно съ общею пользою, иногда побуждали и одушевляли князей и народъ начинать и продолжать войну, содѣйствовали всѣми силами и зависящими отъ нихъ средствами благополучному ея окончанію, или заботились о мирѣ и противились безполезнымъ предпріятіямъ. Неправыя дѣйствія самихъ князей вызывали со стороны іерарховъ то кроткія и слезныя моленія, то смѣлыя и сильныя обличенія, письменныя и словесныя; а иногда они пользовались правомъ отлученія отъ церкви,—и духовная сила торжествовала надъ мате-

ріальной. Особенно благодѣтельное вліяніе ихъ обнаруживалось въ княжескихъ спорахъ и междоусобіяхъ, которыя они часто успѣвали погашать своимъ посредничествомъ. На духовныхъ возлагались большею частью обязанности гражданскаго посольства, какъ на лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и, слѣдовательно, безопасныхъ въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь они старались направить ходъ дѣла къ общему благу. Значительна также заслуга русскаго духовенства въ государственномъ отношеніи во время владычества татаръ, которые обходились довольно милостиво съ пастырями церкви. Въ эту тяжелую пору іерархи облегчали участь недоумѣвающаго правительства и убитаго народа не однимъ сладостнымъ словомъ утѣшенія и надежды, но принимали на себя трудъ ходатайства въ Ордѣ за народъ христіанскій, и въ это время особенно усилось вліяніе духовенства. Они обращали вниманіе гражданскихъ правителей на современные имъ недостатки, для уничтоженія которыхъ необходимы были гражданскія средства. Градскія, торговыя и всякія мѣрила, спуды, извѣсы, ставила подлежали надзору духовныхъ лицъ.

Русское духовенство не усиливалось соединяться въ отдѣльно замкнутый, самостоятельный кругъ; оно, напротивъ, входило въ непосредственную связь съ народомъ, старалось распространить въ средѣ его свѣтлыя понятія. Къ пастырямъ церкви обращался простой народъ, еще не ознакомившійся съ первыми правилами нравственности, по принятіи христіанства, съ простодушными вопросами: „Что ѣсть и пить? Какіе поклоны творить?" Впослѣдствіи онъ искалъ разрѣшенія у пастырей во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ; пастыри были единственными его руководителями на всѣхъ путяхъ жизни, защитниками и утѣшителями въ бѣдственныя минуты. Власть духовенства простиралась на семейную жизнь народа, на обычаи и привычки, и вездѣ оно поселяло миръ и мягкость, внося новыя начала въ самый домъ христіанина, при каждомъ семейномъ горѣ и радости, во время праздничныхъ торжествъ. Оно преслѣдовало вредные остатки языческаго быта, напр. кровную месть, поединокъ, многоженство и проч. На все это образованное духовенство смотрѣло съ негодованіемъ. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ пасомыхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали несостоятельнымъ и т. п. Понятно, что народъ видѣлъ въ пастыряхъ церкви посланниковъ Божіихъ для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства лѣтописи передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе, факты въ своихъ отзывахъ объ извѣстныхъ лицахъ. „Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ... Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре, и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ"; замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени.

Монастырь, какъ пристанище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремились къ вѣчнымъ законамъ добра и правды, привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической,

которая сильно способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Они проносили свѣтъ Христовой вѣры по окрестнымъ областямъ, въ темное царство язычниковъ. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ къ выгодамъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ; они всякому страннику и посѣтителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ извѣстномъ случаѣ. Въ мірѣ большею частью хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насилія, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе къ богатству, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря, а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію. На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотью, выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь и просить другаго, болѣе почетнаго,—мантіи монашеской. Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда „собирались князья и вельможи и прочіе люди за духовною пользою"; тамъ получали правители народа человѣколюбивые совѣты, а часто и угрозы судомъ Божіимъ, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній. Благочестивые иноки русскіе были самые практическіе люди, обращали свои взоры на міръ и тамъ преслѣдовали личныя страсти и общественные безпорядки, нерѣдко съ опасностью жизни. Монастыри служили центромъ торговли, правильнаго труда и разсадниками цивилизаціи. Около монастырей скоро собирались селенія, и такимъ образомъ заселялись мѣста пустынныя и безплодныя. На монастырскія земли бѣжали крестьяне отъ поработительнаго деспотизма и находили тамъ жизнь льготную или защиту отъ неправды. Вообще русскіе монахи были строгими хранителями и защитниками народныхъ интересовъ. Они принимали подъ свой убогій кровъ и не оставляли безъ утѣшенія гонимыхъ и страждущихъ всякаго рода. Въ монастырѣ находили пріютъ и отраду выходцы разныхъ областей, во время войнъ междоусобныхъ и опустошеній внѣшнихъ враговъ, особенно когда стонала Россія подъ игомъ татарскимъ. Грозившее бѣдствіе, при вѣсти о непріятеляхъ, заставляло прятать за стѣнами монастырей, какъ въ надежномъ убѣжищѣ, все цѣнное и дорогое, и монастырь нерѣдко превращался въ крѣпость. Въ монастырскихъ житницахъ хранились запасы, благодѣтельные во время неурожая и голода, и въ обители толпами стекались нуждающіеся, которыхъ иногда до 1000 въ день

кормили; бѣдные никогда не получали здѣсь отказа въ пищѣ и одеждѣ, а больные—во врачебномъ пособіи.

Малѣйшее отступленіе отъ церковно-богослужебнаго чина, или измѣненіе какой-либо черты священныхъ предметовъ и изображеній, прежде невиданное, рѣзко бросалось въ глаза русскому человѣку; онъ придавалъ подобному обстоятельству огромное значеніе, считалъ посягательствомъ на святыню, такъ сказать, на жизненную силу вѣры, и глубоко возмущался въ своей совѣсти. Высокое благоговѣніе къ предметамъ обрядоваго богослуженія усиливалось отъ ихъ значенія, такъ сказать, историческаго. Со многими изъ нихъ неразрывно связано было воспоминаніе великихъ событій отечества. Приписывая всякое событіе непосредственному вліянію Божества, предки наши смотрѣли на храмы, какъ на живыхъ, хотя безмолвныхъ, свидѣтелей небесной милости, оказанной русскому народу. Въ лѣтописяхъ нерѣдко говорится, что ихъ строили по обѣту, въ чувствахъ общей народной радости, въ благодарность за избавленіе отъ грозившихъ бѣдствій, или въ память христіанскихъ подвиговъ въ войнѣ съ невѣрными. Храмы были для нашихъ предковъ и величественными памятниками грознаго гнѣва Господня, посѣщавшаго непослушныхъ сыновъ своихъ: ихъ воздвигали, какъ умилостивительныя жертвы, въ народныхъ бѣдствіяхъ, въ отвращеніе моровой язвы, голода, землетрясенія и болѣзней.

Есть еще одна сторона въ священныхъ предметахъ, болѣе всего усилившая народное благоговѣніе къ нимъ. Это явное обнаруженіе чрезъ нихъ чудодѣйственной силы Божіей. Чудеса совершались большею частью въ храмахъ и монастыряхъ, отъ иконъ пр. Богородицы, какъ особенной заступницы и ходатаицы за Русь православную, и святителя Николая, который пользовался особеннымъ благоговѣніемъ русскаго народа. Чудесная сила изливалась отъ нетлѣнныхъ останковъ мощей, къ которымъ съ вѣрою притекали страждущіе. Живя болѣе чувствомъ, не занимаясь научными вопросами, когда умственная сила находилась въ усыпленномъ состояніи, русскій человѣкъ безусловно вѣрилъ въ чудесныя откровенія Божіи.

Благодѣтельное вліяніе монашества на образованіе духовной жизни древней Россіи и содѣйствіе благоустройству житейскаго быта вызвало сильное уваженіе къ монастырямъ и монахамъ, которое ставятъ лѣтописцы на высокую степень добра и нравственности. Въ похвалу благочестивыхъ князей они говорятъ: „Воздавалъ честь епископамъ и пресвитерамъ, излиха же любилъ черноризцевъ.“ Прославляютъ также тѣхъ князей, которые „утѣшали братію“ пищею и одеждою и давали монастырямъ разныя пожертвованія и льготы.

При неодолимомъ и необузданномъ стремленіи къ матеріальной жизни, сопротивленіе и противодѣйствіе этому влеченію представлялось страшнымъ подвигомъ, поражало всѣхъ и каждаго. Чувственныя страсти сильно одолѣвали и подавляли народъ древней Руси: пьянство, съ своими неразлучными спутниками, и старая языческая привычка къ тѣлеснымъ наслажденіямъ не погасли въ обществѣ. Очень естественно, что постъ и умерщвленіе плоти, трезвость и воздержаніе, чистота тѣла и цѣломудріе, въ понятіи нашихъ предковъ, были недосягаемыми добродѣтелями. Умерщвленіе плоти особенно нужно было въ то время для людей грубыхъ, которыхъ только могли обуздывать и смягчать чувственныя сред-

ства. Постъ уравнивалъ и богача-сластолюбца, и бѣдняка въ качествѣ пищи. Сознавая силу и необходимость поста, пастыри древней церкви строго преслѣдовали, кто ѣстъ мясо въ великое говѣнье и прямо высказывали основаніе: „Рать въ насъ есть многа и противится плоть духови и духъ плоти. Потребно убо есть по истинѣ быліе постное: то бо кротить тѣлесныя страсти, то обуздываетъ противная стремленія и духови даетъ тѣлесное покореніе... Постъ основаніе есть добродѣтели; того ради во всѣмъ мірѣ, яко же солнце всіяенъ есть. Пощеніе очищаетъ душу и тѣло, и ангеломъ равны сътворяетъ и на небо возводитъ.“ Потому-то въ старое время смотрѣли на постъ не какъ на средство только усовершенія нравственности, но онъ самъ въ глазахъ нашихъ предковъ былъ величайшимъ совершенствомъ жизни. Изъ уваженія къ посту даже не начинали войны, и лѣтописцевъ поражало, при описаніи голода, то, что, многіе принуждены были ѣсть мясо въ постные дни, или конину въ великое говѣнье. Строгость соблюденія поста до того простиралась, что пастыри должны были писать, чтобы не морили голодомъ больныхъ дѣтей.

Древній русскій человѣкъ, какъ дитя, жилъ и руководился въ своей дѣятельности преимущественно христіанскимъ чувствомъ, и, при недостаткѣ сознанныхъ нравственныхъ правилъ, побужденіемъ къ добру, главнымъ образомъ, служили ему представленіе награды и страхъ наказанія. Строилъ ли онъ храмъ, содѣйствовалъ ли благоговѣнію богослуженія, благоговѣлъ ли предъ духовными и монахами, жертвовалъ ли отъ своего пріобрѣтенія въ церковь, монастырь, бѣднымъ и несчастнымъ, старался ли погасить буйныя страсти тѣла, заботился ли о правосудіи и проч.—все это онъ совершалъ не изъ прямой любви къ вѣчному добру, не изъ сознанія долга, основаннаго на достоинствѣ своего лица, какъ образа Божія, и на достоинствѣ человѣка, какъ брата, но дѣлалъ это болѣе по одному побужденію и съ единственною цѣлью: „на очищеніе своимъ грѣхамъ и на поминокъ единородныхъ и безсмертныхъ своихъ душъ и всего роду своего, еже есть во искупленіе дому и во изрученіе грознаго и неизбѣжнаго онаго мѣста мучимаго, идѣже онъ богатый немилостивый страждетъ“. Въ дѣлѣ добра древній христіанинъ видѣлъ болѣе путь къ собственному спасенію и счастью, услаждался внутреннимъ добрымъ движеніемъ и умиленіемъ, не заботясь о плодахъ постороннихъ, независимыхъ отъ плодовъ лично-душевныхъ. Не опираясь на сознательныя правила и отличаясь неопредѣленностью цѣли, древній русскій человѣкъ дѣлалъ добро отрывочно, сообразно частнымъ обстоятельствамъ личной жизни или внѣшнихъ побужденій. Поэтому добрыя дѣла особенно замѣтны въ минуты радости и во дни несчастія. Опустошительныя нашествія иноплеменниковъ, грозныя и разрушительныя явленія природы производили сильное впечатлѣніе на совѣсть христіанина, образумляли его среди грубой и низкой жизни, побуждали къ немедленному раскаянію и удовлетворенію, карающему правосудію. Въ такое время отказывались многіе отъ міра; духовенство пѣло молебны и совершало крестные ходы; міряне молились съ горькими вздохами, творили милостыни и дѣлали разныя пожертвованія, налагали на себя суровый постъ и строили церкви. Мысль о кончинѣ міра, предсказанной Спасителемъ, въ связи съ грозными явленіями природы, тотчасъ приходила на память, какъ громъ поражала немощную совѣсть, усиливала всеобщій

ужасъ, наполняла сердца отчаяніемъ и сокрушеніемъ: всѣ готовились къ разставанію съ міромъ, мучительно скорбѣли о грѣхахъ и прощались другъ съ другомъ. Доселѣ сохранилась пословица: „Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.“ И стремленіе къ добру въ грустное время было пламенно, но не продолжительно: оканчивалась гроза, и все шло по старому. Радостныя событія въ отечествѣ возбуждали также религіозное чувство и усиливали проявленіе его въ добрыхъ поступкахъ.

XXIII. НАЧАЛО ПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(*Изъ Лаврентьевской лѣтописи*).

Въ годъ 6559. Ярославъ, собравъ епископовъ, поставилъ въ митрополиты въ св. Софіи Иларіона, по происхожденію русскаго. По этому поводу прилично разсказать, откуда произошло названіе Печерскаго монастыря. У Ярослава, любившаго село Берестово и его церковь св. Апостоловъ, уважавшаго духовныхъ лицъ, былъ священникъ по имени Иларіонъ, мужъ благой, знающій и постникъ. Онъ ходилъ изъ Берестова на берегъ Днѣпра на холмъ, гдѣ теперь старый Печерскій монастырь, и здѣсь творилъ молитву. Тогда былъ здѣсь большой лѣсъ. Онъ вырылъ себѣ небольшую пещеру въ двѣ сажени и, приходя изъ Берестова, въ ней отпѣвалъ часы и тайно молился Богу. Затѣмъ самъ Богъ внушилъ князю мысль поставить Иларіона митрополитомъ въ св. Софіи, а вырытая имъ пещера такъ и осталась. Немного лѣтъ спустя, нашелся человѣкъ, мирянинъ изъ города Любеча; этому человѣку Богъ внушилъ мысль странствовать. Онъ отправился на Святую гору, увидѣлъ находящіеся тамъ монастыри и, посѣтивъ ихъ, возлюбилъ иноческое житье, пришелъ въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей и упрашивалъ игумена принять его въ число монаховъ. Игуменъ исполнилъ его просьбу, постригъ его, нарекъ ему имя Антоній, наставилъ его, научилъ правиламъ монашескаго житья и сказалъ: «Иди на Русь обратно, и да будетъ съ тобою благословеніе Святой горы, ибо отъ тебя произойдутъ многіе черицы.» Затѣмъ игуменъ благословилъ и напутствовалъ словами: «Иди съ миромъ.» Антоній пришелъ въ Кіевъ и размышлялъ, гдѣ ему поселиться. Онъ посѣщалъ монастыри, но они не нравились ему, ибо такъ хотѣлъ Господь. Тогда онъ началъ ходить по дебрямъ и горамъ, ища мѣста, которое для него назначилъ Богъ. Такимъ образомъ онъ пришелъ на холмъ, гдѣ Иларіонъ вырылъ пещеру, возлюбилъ это мѣсто, поселился здѣсь и такъ молился Богу со слезами: «Господи! утверди меня въ мѣстѣ семъ и да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе Святой горы и игумена, постригшаго меня.» И сталъ жить здѣсь, молясь Богу, питаясь сухимъ хлѣбомъ и то черезъ день, выпивая умѣренное количество воды, роя пещеру. Онъ не давалъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, пребывалъ постоянно въ трудѣ, бдѣніи и молитвѣ. Когда узнали о немъ добрые люди, то приходили къ нему и приносили ему все необходимое; и распространилась слава о великомъ Антоніи, и стали приходить къ нему, прося благословенія. Когда князь Ярославъ преставился, и власть въ Кіевѣ принялъ сынъ его Изяславъ, Антоній былъ уже извѣстенъ во всей Русской землѣ. Изяславъ, узнавъ про его житье, явился къ нему

съ дружиною, прося благословенія и молитвы. И всѣ узнали про великаго Антонія, чтили его; приходила къ нему братья, и онъ началъ принимать и постригать ее. Братьи собралось къ нему 12 человѣкъ. Они ископали большую пещеру и церковь, и кельи, которыя существуютъ и теперь подъ старымъ монастыремъ. Собравъ братью, Антоній сказалъ: «Васъ, братья, соединилъ Богъ, и благословеніе Святой горы надъ вами, а я васъ постригалъ. Да будетъ же надъ вами, во-первыхъ, благословеніе Бога, а во-вторыхъ, благословеніе Святой горы.» И дальше говорилъ: «Живите же себѣ, и поставлю вамъ игумена, а самъ хочу идти на ту гору одинъ, потому что и прежде я привыкъ къ уединенію.» И поставилъ игуменомъ надъ ними Варлаама, а самъ пошелъ на гору и вырылъ пещеру, которая и находится подъ новымъ монастыремъ. Въ ней онъ кончилъ жизнь свою, полную добродѣтели, не выходя никуда изъ пещеры впродолженіе 40 лѣтъ; въ ней же и по сей день находятся мощи его. Братья жила со своимъ игуменомъ. Когда число ея возрасло, возникло намѣреніе построить монастырь внѣ пещеры. Игуменъ пошелъ къ Антонію и сказалъ ему: «Отче, братья умножилась и не можетъ помѣститься въ пещерѣ. Еслибъ повелѣлъ Богъ и твоя молитва, мы бы построили церковьку около пещеры.» Антоній повелѣлъ имъ сдѣлать это. Они же поклонились ему и построили маленькую церковь во имя успенія святой Богородицы надъ пещерою. И сталъ Богъ увеличивать число черноризцевъ по молитвамъ святой Богородицы. Братья съ игуменомъ сотворили совѣтъ построить монастырь. Они пошли къ Антонію и сказали: «Отче, братья умножается, мы бы хотѣли построить монастырь.» Антоній былъ радъ этому и сказалъ: «Благословенъ Богъ за все, и молитва святой Богородицы, и отцовъ, которые на святой горѣ, да будетъ съ вами.» Сказавъ это, онъ послалъ одного изъ братьи къ князю Изяславу со слѣдующими словами: «Мой князь! Вотъ Богъ умножаетъ братью, а мѣста мало; далъ бы ты намъ ту гору, которая находится надъ пещерою.» Услышавъ это, Изяславъ согласился, послалъ своего мужа и отдалъ имъ ту гору. Игуменъ же и братья заложили большую церковь и огородили монастырь заборомъ, поставили многія кельи. Окончивъ постройку церкви, они украсили ее иконами. Такимъ образомъ получилъ начало Печерскій монастырь и назвался такъ оттого, что черицы его жили въ пещерѣ; онъ произошелъ отъ благословенія Святой горы. Когда монастырь былъ оконченъ въ игуменство Варлаама, Изяславъ построилъ монастырь св. Димитрія и пригласилъ Варлаама быть тамъ игуменомъ, желая сдѣлать этотъ монастырь высшимъ, чѣмъ Печерскій, надѣясь на богатство. Ибо бываютъ многіе монастыри, построенные царями и боярами, возникающіе отъ богатства; но эти монастыри не таковы, какъ построенные слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ. Антоній же не имѣлъ ни золота, ни серебра, но прославился слезами и пощеніемъ, какъ было сказано выше. Когда Варлаамъ ушелъ въ монастырь св. Димитрія, братья, посовѣтовавшись, послала къ старцу Антонію и сказала: «Поставь намъ игумена.» Онъ же спросилъ: «Кого хотите?» Они же сказали: «Кого хочетъ Богъ и ты.» Антоній тогда сказалъ: «Кто изъ васъ послушнѣе, кротче и смиреннѣе Ѳеодосія, тотъ да будетъ вашимъ игуменомъ.» Братья была довольна отвѣтомъ, поклонилась старцу и поставила Ѳеодосія игуменомъ надъ собою. Она состояла тогда изъ 20 человѣкъ. Когда Ѳеодосій сталъ игуменомъ, монастырь

сталъ отличаться великимъ воздержаніемъ и пощеніемъ, число чернцовъ стало возрастать и дошло до 100 человѣкъ. И начали тогда искать иноческаго устава и, найдя Михаила, монаха Студійскаго монастыря, прибывшаго изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ, просили у него устава Студійскаго. Получивъ этотъ уставъ, списали его и ввели въ своемъ монастырѣ правила, какъ вести монастырское пѣніе, какъ совершать поклоны, устраивать чтенія, стояніе въ церкви и весь рядъ церковный, какъ сидѣть за трапезой, что ѣсть въ какіе дни, и все по уставу. Θеодосій все это учредилъ и передалъ монастырю своему. Отъ этого монастыря всѣ монастыри заимствовали уставъ: этимъ то и почтененъ Печерскій монастырь, какъ старѣйшій изъ всѣхъ...

Въ годъ 6582. Θеодосій игуменъ Печерскій скончался. Скажемъ немного по поводу его смерти. У Θеодосія былъ обычай, когда приближалось постное время, въ воскресеніе на масляницѣ вечеромъ, цѣловать всю братью и наставлять ее, какъ проводить постное время въ дневныхъ и ночныхъ молитвахъ, остерегаться отъ скверныхъ мыслей, отъ бѣсовскаго навожденія. Онъ говорилъ: «Бѣсы внушаютъ черноризцамъ помышленія и желанія нечестивыя, смущаютъ ихъ душу и такимъ образомъ вредятъ ихъ молитвамъ. Когда такія мысли приходятъ, отгоняйте ихъ крестнымъ знаменіемъ, говоря такъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь». Къ тому же нужно воздерживаться отъ лишней пищи, ибо отъ обильнаго ядѣнія и безмѣрнаго питья возрастаютъ помыслы лукавые, а отъ нихъ совершается и грѣхъ. Слѣдуетъ противиться вліянію и хитрости бѣсовъ удаленіемъ лѣности и продолжительнаго сна, быть бодрымъ на церковное пѣніе, на преданія отеческія, на чтеніе книгъ; больше всего чернцамъ подобаетъ имѣть въ устахъ псалтырь Давидовъ, чѣмъ прогоняется бѣсовское уныніе. Но самое важное любить меньшихъ, покоряться старшимъ и слушаться ихъ, ибо старшіе для меньшихъ должны быть образцомъ въ поведеніи, воздержаніи, бдѣніи, хожденіи, смиреніи. И такъ, поучая меньшихъ и утѣшая ихъ, должно проводить постъ».

И теперь Θеодосій, по обычаю, цѣловалъ братью, праздновалъ съ нею Вербное Воскресеніе, затѣмъ праздникъ Пасхи и наконецъ впалъ въ болѣзнь. Когда прошло пять дней болѣзни, онъ велѣлъ вечеромъ вынести себя на дворъ, и братья, помѣстивъ его въ сани, поставила его у церкви. Онъ же сказалъ: „Братья мои, отцы мои, дѣти мои! Вотъ я удаляюсь отъ васъ, какъ сообщилъ мнѣ о моей кончинѣ Господь во время поста, когда я былъ въ пещерѣ. Кого хотите имѣть игуменомъ, пусть бы я тому далъ благословеніе". Монахи отвѣчали: „Ты намъ отецъ, и кого самъ пожелаешь, тотъ будетъ отцомъ и игуменомъ нашимъ, того будемъ слушаться, какъ слушались тебя". Θеодосій сказалъ: „Послѣ меня поставьте игуменомъ кого хотите, исключая двоихъ изъ братьи, Николая и Игната; въ выборѣ остальныхъ, какъ старшихъ, такъ и младшихъ, вы свободны". Монахи выслушали, отошли немного къ церкви и рѣшились послать къ Θеодосію двоихъ изъ среды своей со слѣдующими словами: „Кого изволитъ Богъ и твоя честная молитва, кто тебѣ любъ, того назови". Θеодосій отвѣчалъ: «Если отъ меня требуете назначенія игумена, то я это сдѣлаю не по своему желанію, а по Божьему устроенію», и назвалъ священника Іакова. Братьи это не нравилось, и они говорили: «Онъ не здѣсь постриженъ» (Іаковъ пришелъ изъ Летца вмѣстѣ съ братомъ своимъ

Павломъ), и стали просить о назначеніи Стефана, бывшаго тогда ученикомъ Θеодосіевымъ, говоря: «Онъ возросъ подъ твоею рукою и у тебя служилъ; его назначь». Θеодосій сказалъ: «Я по Божьему повелѣнію назвалъ было Іакова, а вы хотите сдѣлать по вашей волѣ». Онъ однако послушалъ братью и указалъ на Стефана, какъ игумена, благословилъ его со словами: «Чадо! передаю тебѣ монастырь; будь для него защитою, поддерживай тѣ порядки, которые я установилъ, не измѣняй преданій и уставовъ монастырскихъ, но дѣлай все по закону и чину монастырскому». Послѣ этого братья взяла Θеодосія, снесла его въ келью и положила на одръ. На шестой день, когда болѣзнь значительно усилилась, пришелъ къ нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ. Θеодосій сказалъ въ то время, когда они были у него: «Я умираю и передаю подъ твое покровительство монастырь, если бы въ немъ возникло смятеніе; Стефана, назначеннаго мною игуменомъ, не давай въ обиду». Князь, поцѣловавъ его и пообѣщавъ заботиться о монастырѣ, ушелъ. На седьмой день Θеодосій, уже изнемогающій, призвалъ Стефана и братью и говорилъ имъ слѣдующее: «Если послѣ моей кончины окажется, что я угодилъ Богу и Онъ меня принялъ, то монастырь будетъ расширяться и число монаховъ умножится. По этому признаку узнаете, что Богъ меня принялъ. Но если послѣ моей смерти монастырь станетъ оскудѣвать монахами и потребами монастырскими—знайте, что я не угодилъ Богу». Плачущая братья отвѣчала: «Отче! Моли Бога за насъ; вѣдь мы знаемъ, что Богъ трудовъ твоихъ не отвергнетъ». Всю эту ночь братья провела при умирающемъ, а на восьмой день, во вторую субботу послѣ Пасхи, во второмъ часу дня, онъ предалъ духъ свой въ руки Господа, мѣсяца третьяго мая, индикта въ 11-е лѣто. Братья плакала о немъ. Θеодосій велѣлъ себя похоронить въ пещерѣ, въ коей совершалъ много душеспасительныхъ подвиговъ; при чемъ онъ говорилъ: «Въ ночь похороните тѣло мое». Такъ и было сдѣлано. Когда насталъ вечеръ, братья взяла тѣло его, положила его въ пещеру, проводила съ пѣніемъ, со свѣчами, честно, на хвалу Богу нашему Іисусу Христу. Стефану былъ переданъ въ управленіе монастырь и блаженное стадо, собранное Θеодосіемъ и состоящее изъ чернецовъ, сіящихъ, на подобіе свѣтилъ, на Руси. Ибо одни изъ нихъ были великіе постники, иные неутомимы въ бдѣніи, иные въ колѣнопреклоненіи, иные въ пощеніи черезъ день или два дня, иные ѣли только хлѣбъ съ водою, иные только вареные плоды, иные же—сырые. Они пребывали въ любви, младшіе покорялись старшимъ, не смѣли говорить въ ихъ присутствіи, но вели себя смиренно и послушно; и старшіе имѣли любовь къ меньшимъ, наставляли и утѣшали ихъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей. Если одинъ изъ братьи впадалъ въ какое либо прегрѣшеніе, утѣшали его и втроемъ или вчетверомъ съ любовью раздѣляли его эпитемью. Такова была любовь въ этой братьи, отличавшейся великимъ воздержаніемъ. Если одинъ изъ братьи уходилъ изъ монастыря, вся братья печалилась отъ этого, посылала за нимъ, уговаривала вернуться, шла съ поклономъ и мольбами къ игумену и принимала возвратившагося въ монастырь съ радостью. Таковы то были эти любвеобильные, воздержанные, постящіеся мужи. О нѣкоторыхъ изъ числа этихъ чудныхъ мужей скажемъ отдѣльно. Первый изъ нихъ священникъ Демьянъ. Онъ былъ такъ воздержанъ и такъ постничалъ, что до смерти питался лишь хлѣбомъ и водою. Когда случалось, что приносили въ мо-

настырь дѣтей, одержимыхъ какою либо болѣзнью, или приходили взрослые больные къ блаженному Ѳеодосію, то сей послѣдній повелѣвалъ Демьяну сотворить молитву надъ болящимъ, и послѣ молитвы и помазанія масломъ немедленно слѣдовало исцѣленіе. Когда онъ самъ заболѣлъ и лежалъ въ ожиданіи смерти, то къ нему пришелъ ангелъ во образѣ Ѳеодосія, даруя ему царствіе небесное за труды его. За симъ пришелъ Ѳеодосій съ братьею. Когда они сидѣли у умирающаго, то послѣдній сказалъ, взглянувъ на игумена: «Не забывай, игуменъ, что ты мнѣ обѣщалъ». И понялъ великій Ѳеодосій, что умирающему было видѣніе, и сказалъ ему: «Братъ Демьянъ! Что я обѣщалъ, то да будетъ тебѣ». Онъ же, закрывъ глаза, предалъ духъ въ руки Господни. Игуменъ и вся братья похоронили тѣло его. Былъ и другой братъ, по имени Іеремія, помнившій крещеніе земли Русской. Его Богъ надѣлилъ даромъ предвидѣть будущее. Если онъ замѣчалъ у кого либо недобрыя помышленія, то такого обличалъ втайнѣ и наставлялъ, какъ остерегаться дьявола. Если кто изъ братьи, бывало, возымѣетъ намѣреніе уйдти изъ монастыря, то Іеремія, догадавшись объ этомъ, приходилъ къ нему, обличалъ его умыселъ, утѣшалъ. Если онъ предсказывалъ что либо доброе или худое, то слово его сбывалось. Былъ и другой старецъ, по имени Матѳей, тоже очень прозорливый. Ибо только онъ одинъ, стоя въ церкви на своемъ мѣстѣ и окинувъ взоромъ братью, поющую по обѣимъ сторонамъ, увидѣлъ бѣса, во образѣ ляха въ шлемѣ, обходящаго братью. Бѣсъ носилъ въ приполѣ цвѣты, называемые лѣпками. Проходя мимо монаховъ, онъ вынималъ изъ-за пазухи лѣпокъ и бросалъ его на кого либо. Если цвѣтокъ прилѣплялся къ кому либо изъ поющихъ, то тотъ, постоявъ немного, чувствовалъ умственное разслабленіе и сотворялъ какую нибудь вину: выходилъ изъ церкви, уходилъ въ свою келью, засыпалъ и не возвращался въ церковь до конца пѣнія. Тѣ же, на которыхъ былъ брошенъ цвѣтокъ, но не прилѣплялся къ нимъ, продолжали пѣть по-прежнему до конца заутрени и тогда расходились по кельямъ своимъ. Все это видѣлъ названный старецъ и разсказывалъ братьи своей... Таковы то были черноризцы Ѳеодосьева монастыря, которые и по смерти, на подобіе свѣтилъ, сіяютъ и молятъ Бога за всю сущую братью, и за міранъ, и за благодѣтельствующихъ монастырю, въ коемъ и донынѣ иноки ведутъ добродѣтельную жизнь, всѣ вмѣстѣ, въ пѣніи, молитвахъ, послушаніи, на славу Богу всемогущему, охраняемые молитвами Ѳеодосія, которому да будетъ слава.

XXIV. ЗНАЧЕНІЕ МОНАСТЫРЕЙ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ ИХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ ВЪ ПЕРІОДЪ ДО МОНГОЛЬКАГО ИГА.

(*По «Исторіи русской церкви» Макарія и по «Руководству къ русской церковной исторіи» Знаменскаго*).

При окончательномъ насажденіи христіанства въ Россіи монастыри имѣли высокое значеніе въ церкви восточной, давно уже пріобрѣтенное ими. Кромѣ того, что въ св. обителяхъ находили себѣ пріютъ и руководство всѣ, стремившіеся къ подвижнической жизни для спасенія души своей, здѣсь же приготовлялись лица для занятія высшихъ степеней цер-

ковной іерархіи; здѣсь воспитывались ревнители вѣры и благочестія, которые, будучи свободны отъ узъ семейныхъ, по первому гласу церкви, шли для проповѣди Слова Божія въ странахъ невѣрныхъ, или для защиты православія посреди ересей и расколовъ и вообще готовы были жертвовать всѣмъ для спасенія ближнихъ; наконецъ, монастыри, по духу своихъ строгихъ правилъ, по своимъ благоговѣйнымъ, ежедневнымъ службамъ и по образу жизни благочестивыхъ иноковъ, давно уже сдѣлались лучшими училищами для нравственнаго воспитанія народа.

Очень естественно потому, если вслѣдъ за крещеніемъ земли Русской, какъ свидѣтельствуетъ Иларіонъ, у насъ «монастыреве на горахъ сташя, черноризцы явишася»; они явились, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ первыми пастырями, пришедшими къ намъ изъ Греціи. И преданіе говоритъ, что первый нашъ митрополитъ Михаилъ основалъ на одной изъ горъ кіевскихъ монастырь и церковь (деревянную) во имя своего ангела, архистратига Михаила, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ прежде стоялъ Перунъ, а иноки, прибывшіе съ этимъ митрополитомъ, основали монастырь Спасскій, близъ Вышгорода, па высокой горѣ, доселѣ называемой, по бывшему монастырю, Бѣлый Спасъ или Спащина. Супрасльская лѣтопись свидѣтельствуетъ, будто самъ св. Владиміръ въ 996 году создалъ, вмѣстѣ съ Десятинною церковью, и монастырь при ней во имя пресв. Богородицы.

Въ княженіе Ярослава, который любилъ черноризцевъ «до излиха», они еще болѣе начали умножаться, а съ ними монастыри. Въ послѣдніе годы своей жизни, уже по сооруженіи Кіево-Софійскаго собора, Ярославъ создалъ самъ два монастыря въ Кіевѣ, и это, сколько извѣстно, были первые собственно княжескіе монастыри (если исключить Десятинный, устроенный св. Владиміромъ), которые впослѣдствіи у насъ такъ умножились.

Кто жилъ и подвизался въ первоначальныхъ кіевскихъ монастыряхъ, свѣдѣній не сохранилось; но, вѣроятно, жили не одни греки, а вмѣстѣ и русскіе, судя уже по количеству монастырей. Равнымъ образомъ есть извѣстія, что не въ одномъ Кіевѣ, а и въ другихъ областяхъ Россіи были основаны тогда обители, хотя извѣстія самыя скудныя и неопредѣленныя. Такъ о первомъ новгородскомъ епископѣ Іоакимѣ лѣтопись супрасльская говоритъ, что онъ «уряди себѣ монастырь Десятинный»; но что это былъ за монастырь и гдѣ находился, не опредѣляетъ.

Другое преданіе гласитъ, что вскорѣ послѣ крещенія новгородцевъ, вслѣдъ затѣмъ, какъ свергнутъ былъ истуканъ Перуна, стоявшій на холмѣ при истокѣ Волхова изъ Ильменскаго озера, основанъ на этомъ самомъ мѣстѣ мужской монастырь съ храмомъ Рождества Богородицы, прослывшій въ народѣ подъ именемъ Перыня или Перынскаго: названіе монастыря дѣйствительно показываетъ, что онъ получилъ свое начало, по всей вѣроятности, тогда, когда еще очень свѣжа была память о свергнутомъ Перунѣ, и трудно представить, чтобы въ то время, какъ, по приказанію равноапостольнаго Владиміра и христіанскому благоразумію, у насъ повсюду на мѣстахъ прежнихъ идольскихъ капищъ заботились устроять храмы, не былъ поставленъ храмъ или монастырь на мѣстѣ главнаго кумира новгородскаго.

Но, между тѣмъ какъ въ Кіевѣ и Новгородѣ монастыри были созидаемы то князьями, то іерархами, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ осно-

вателями обителей явились частныя лица, подвижники. «Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ». Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для юнаго христіанскаго общества, со временемъ Ярослава и Изяслава, явился монастырь Кіево-Печерскій, основанный преподобными Антоніемъ и Θеодосіемъ.

Печерскій монастырь мало по малу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей и получилъ огромное вліяніе на всю русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическая настроенность распространялась и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ проявлялось оно здѣсь.

По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми другими монастырями; въ XII вѣкѣ игуменъ Поликарпъ первый на Руси получилъ званіе архимандрита; по всей вѣроятности, въ описываемое же время обитель получила наименованіе лавры и патріаршей ставропигіи. Изъ нея брали игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархій; болѣе 50 человѣкъ ея иноковъ занимали епископскія каѳедры, выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія ея подвижниковъ: Іакова, Нестора, Симона, Поликарпа. Каждый ея постриженикъ, куда бы его ни заносила судьба, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался подъ старость воротиться въ ея св. стѣны и сложить въ ней свои кости. Симонъ Владимірскій называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются на священной печерской землѣ. Въ письмѣ къ иноку печерскому Поликарпу онъ пишетъ: «Кто не знаетъ красоты церкви соборной владимірской и другой, суздальской, которую я выстроилъ? Сколько городовъ и селъ принадлежатъ имъ! По всей землѣ той собираютъ десятину и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ, всю эту славу и власть вмѣнилъ бы въ прахъ, если бы мнѣ привелъ Богъ хоть хворостиною торчать за вратами или соромъ валяться въ монастырѣ Печерскомъ и быть попираемому людьми». По мѣрѣ распространенія славы своей, Печерская обитель обогащалась пожертвованіями князей и благочестивыхъ людей и стала богатѣйшимъ монастыремъ въ Россіи. Князь Ярополкъ Изяславичъ далъ ей три волости, дочь его—5 селъ съ челядью, Ефремъ, епископъ суздальскій—дворъ въ Суздалѣ съ церковью и селами. Монастырь получилъ возможность предпринимать богатыя постройки и украшенія своихъ церквей и совершать дѣла монастырской благотворительности въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Вслѣдъ за Кіево-Печерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ русскихъ городахъ, преимущественно со второй половины XII вѣка. Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17; въ Переяславлѣ и Черниговѣ было по четыре монастыря, въ Галицкомъ княжествѣ—3, въ Полоцкѣ тоже 3, кромѣ Спасскаго монастыря, а въ Смоленскѣ 5 монастырей. Въ югозападной Руси возникновеніе обителей сильно стѣснялось набѣгами половцевъ и усобицами князей. Благочестивые иноки любили уходить для основанія монастырей особенно на сѣверъ, гдѣ было болѣе покоя, и гдѣ, кромѣ того, сама природа среди своихъ лѣсовъ представляла прекрасныя мѣста для монашескихъ подвиговъ.

Въ одномъ Новгородѣ было до 20 монастырей, а по всему пространству новгородскихъ владѣній ихъ было болѣе 30. Первое мѣсто между новгородскими монастырями занималъ, основанный Ярославомъ, Юрьевъ

монастырь, настоятель котораго носилъ титулъ архимандрита. За нимъ болѣе другихъ пользовались уваженіемъ Антоніевъ и Хутынскій. Первый основанъ въ начала XII вѣкѣ преподобнымъ Антоніемъ Римляниномъ, который, удалившись отъ гоненія, воздвигнутаго въ Римѣ на православныхъ, приплылъ на камнѣ въ Новгородъ и спасался здѣсь въ своемъ монастырѣ 40 лѣтъ; второй основанъ въ концѣ XII вѣка преподобнымъ Варлаамомъ на пустынномъ мѣстѣ, въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Въ Ростовской землѣ также было довольно монастырей. Въ Ростовѣ было ихъ 2, въ Суздалѣ—4, во Владимірѣ—5, въ Переяславлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, Ярославлѣ по 1. Первымъ монастыремъ съ архимандричьимъ настоятельствомъ былъ здѣсь Рождественскій владимірскій, основанный Всеволодомъ III въ 1192 г. Богатствомъ своимъ славился монастырь Боголюбовъ, основанный въ 1158 году Андреемъ Боголюбскимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ему явилась Богоматерь и велѣла нести свою икону во Владиміръ. Въ началѣ XIII вѣка супруга Всеволода III Марія создала владимірскій Успенскій монастырь, въ которомъ и почила вскорѣ послѣ своего постриженія. Въ Ризположенскомъ суздальскомъ монастырѣ спасалась другая княгиня Евфросинія, дочь Михаила черниговскаго, прибывшая въ Суздаль невѣстою суздальскаго князя, но не заставшая его въ живыхъ.

Многіе изъ упомянутыхъ монастырей, какъ и Кіево-Печерская лавра, владѣли недвижимою собственностью и рабами. Такъ до насъ дошли: грамоты великаго князя Мстислава Юрьеву монастырю (1128 г.) на село съ данью, вирами и продажами; грамота Варлаама Хутынскому монастырю на земли, огороды, ловища, пожни, челядь и село; купчая и духовная грамоты Антонія Римлянина его монастырю на земли и рабовъ и др. Имущества монастырей, кромѣ содержанія обителей, вездѣ назначались еще на дѣла благотворительности, которыя давали монастырямъ высокое общественное значеніе.

XXV. О РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

(*Изъ «Лекцій по Русской Исторіи» Костомарова*).

Самымъ важнымъ источникомъ для ознакомленія съ событіями и характеромъ древней Руси являются лѣтописи. Сперва объяснимъ и покажемъ общій ихъ характеръ и значеніе.

Лѣтописи наши—это записки, писанныя отчасти свѣтскими людьми, отчасти духовными. Было мнѣніе, что составленіе ихъ принадлежитъ исключительно послѣднимъ, но это несправедливо, ибо въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо замѣтно свѣтское положеніе писателей. Лѣтописей было чрезвычайное множество; большая часть ихъ издана, но многія еще до сихъ поръ находятся въ рукописяхъ, какъ напр. *нижегородская*, *вятская*, чрезвычайно важная, и *тверская*. Лѣтописи имѣютъ тотъ общій характеръ, что всѣ онѣ исходятъ отъ одного начала, такъ что до XII вѣка образуютъ одну общую лѣтопись, и только съ этихъ поръ развѣтвляются на мѣстныя. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ большое сходство съ исторіею русской жизни и русскаго быта: сначала въ Русской землѣ сохраняется единство, которое прекращается раздѣленіемъ ея въ XII вѣкѣ на многія княжества.

Не слѣдуетъ думать, что лѣтописи и прежде были такъ написаны, какими дошли до насъ: первоначальный видъ ихъ не дошелъ до насъ, и мы имѣемъ только позднѣйшіе сборники, на которыхъ видны слѣды первоначальнаго состава. Важность и достоинство лѣтописей состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ писались не для удовлетворенія простаго любопытства, но и для спеціальныхъ практическихъ цѣлей: онѣ имѣли оффиціальный характеръ. Доказательствомъ ихъ оффиціальности служатъ слѣдующіе примѣры: въ Никоновской лѣтописи говорится: «*Первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся... написовати*»; — это служитъ доказательствомъ того, что князья дѣйствительно повелѣвали писать эти лѣтописи. Въ другомъ мѣстѣ той же самой лѣтописи упоминается о томъ же: «Прежначални отцы намъ предаша, мы же не преминухомъ писати». Въ волынской лѣтописи говорится, что въ 1289 году князь Василько Мстиславичъ приказалъ лѣтописцу записать крамолу города Берестья; слѣдовательно слѣды этого обыкновенія мы видимъ еще въ XIII вѣкѣ. Далѣе, когда въ XV вѣкѣ князь Василій Васильевичъ Темный судился съ Юріемъ Шемякою предъ ханомъ, то доказывалъ права свои по «отечеству и дѣдеству», а Юрій „*искаше престола лѣтописцы и старыми списки*". Когда Іоаннъ III замышлялъ уничтожить свободу Новгорода (1471 г.), то взялъ съ собою человѣка, знавшаго лѣтописную мудрость, чтобы показать новгородцамъ ихъ старинныя преступленія противъ князей и убѣдить ихъ въ томъ, что достоинство князя существовало издревле.

Надо также принять во вниманіе споры нашихъ городовъ между собою, въ которыхъ они должны были ссылаться на предшествовавшія событія; слѣдовательно, князья руководствовались свидѣтельствомъ лѣтописей, которыя поддерживали ихъ въ спорахъ и недоумѣніяхъ.

Что лѣтописи наши имѣли юридическое значеніе, это, наконецъ, подтверждается еще тѣмъ, что въ нихъ найдены многіе памятники нашего древняго юридическаго быта: договоры первыхъ нашихъ князей съ греками, русская правда, разные другіе договоры князей, духовная волынскаго князя Василька, а впослѣдствіи даже ханскіе ярлыки. Всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что лѣтописи велись подъ надзоромъ князей и вообще подъ вліяніемъ правительства.

Кромѣ этихъ общихъ лѣтописей, были еще лѣтописи церковныя. При церквахъ и монастыряхъ были люди, записывавшіе событія, касающіяся церкви вообще, и въ особенности той церкви или того монастыря, гдѣ велась эта лѣтопись. Въ такія лѣтописи вносились причины основанія, а также имена основателей, жертвователей и возобновителей церкви, для вѣчнаго поминовенія, такъ какъ монастыри и церкви обязывались молиться за нихъ при жизни и по смерти. Иногда то, что записывалось въ церковной лѣтописи, имѣло видъ долговаго обязательства; такъ въ новгородской лѣтописи подъ 1391 годомъ записано, что Софійская церковь дала Новгороду серебра при такомъ-то владыкѣ. Можетъ быть это было и пожертвованіе, а не долговое обязательство, но во всякомъ случаѣ записано оно было не изъ простаго любопытства.

Въ этихъ монастырскихъ и церковныхъ лѣтописяхъ записывались разныя естественныя событія, предзнаменованія и также бѣдствія народныя, имѣющія, по народному вѣрованію, связь съ предзнаменованіями. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы благочестивые люди на будущее

время могли остерегаться, замѣчая что либо, и молитвами отклонять гнѣвъ Божій. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописи Нестора подъ 1071 годомъ сказано: „Въ си времена приде волхвъ, прельщенъ бѣсомъ, пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьски земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, а вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ“. Далѣе говорится о погибели этого кудесника въ одну ночь отъ бѣса.

Церковныя лѣтописи также имѣли не одинъ мѣстный характеръ, что можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи: подъ 1542 годомъ записано, что игуменъ Тихвинскаго монастыря, пріѣхавъ въ монастырь на Лысой горѣ, вошелъ въ келью келаря, разсматривалъ лѣтопись и нашелъ, что она ведется исправно, только имена церковныхъ владыкъ записаны не всѣ.

Можно себѣ представить, какое огромное число лѣтописей было у насъ, если въ каждомъ монастырѣ велась своя отдѣльная лѣтопись. Дѣйствительно, нѣсколько такихъ монастырскихъ записокъ до насъ дошло цѣликомъ; напримѣръ, 3-я новгородская лѣтопись, приложеніе ко 2-й новгородской, 6496—7224, гдѣ отмѣчены только церковныя событія, перечень новгородскихъ владыкъ и проч.

Другое важное значеніе нашихъ лѣтописей то, что они были писаны большею частію современниками и очевидцами событій. Это можно заключать какъ по слогу и характеру разсказа, такъ и потому, что въ лѣтописи вошли многія событія, о которыхъ никто не могъ написать, кромѣ лицъ, прямо участвовавшихъ въ нихъ; наконецъ, это можно видѣть особенно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лѣтописецъ говоритъ о себѣ. Такъ напримѣръ, подъ 1051 г., объ основаніи Печерской Лавры и ея дальнѣйшей исторіи ясно сказано, что эти событія описаны современникомъ; лѣтописецъ говоритъ, что онъ пришелъ въ Кіево-Печерскій монастырь къ преподобному Өеодосію: «Къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего». Подъ 1064 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о разныхъ дурныхъ предвѣщаніяхъ и, между прочимъ, говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ другими былъ въ Кіевѣ, когда вытащили изъ рѣки сѣтями урода, „его же позоровахомъ до вечера“. Подъ 1093 годомъ, описывая погребеніе св. Өеодосія, лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ этого событія. Подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ о нашествіи половецкаго хана Боняка (прозваннаго русскими Шелудивымъ) на Печерскій монастырь, читаемъ: «И придоша въ монастырь Печерскій, *намъ* сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени... *намъ* же бѣжащимъ за домъ монастыря... *намъ* нисходящимъ (со стѣны) съ оружіемъ». Ясно, что писавшій былъ не только современникъ, но и очевидецъ, знающій всѣ подробности событія. Подъ 1097 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что князь Давидъ Игоревичъ послалъ его къ ослѣпленному Васильку, называетъ самого себя Василемъ, и указываетъ, что онъ находился тогда во Владимірѣ Волынскомъ. Подъ 1106 годомъ читаемъ: „Преставися Янъ, старець добрый... отъ него же и азъ многа словесе слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ“.

Этихъ свидѣтельствъ достаточно для доказательства, что извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ записывались современниками. Эти два качества нашихъ лѣтописей: оффиціальное значеніе, какое онѣ имѣли въ древности, и современность лѣтописателей описываемымъ событіямъ, составляютъ важное достоинство ихъ достовѣрности.

Лѣтописи наши, какъ мы сказали, сначала составляютъ одно цѣлое до начала XII вѣка, именно, до 1110 года; съ этихъ поръ лѣтописное повѣствованіе теряетъ свое единство и начинаетъ развѣтвляться: образуются частныя лѣтописи, повѣствующія о событіяхъ русскихъ земель, и присоединяются къ главной, первоначальной лѣтописи. Такъ, въ видѣ продолженія послѣдней, является *кіевская* лѣтопись, обнимающая событія южной Руси въ XII вѣкѣ, преимущественно Кіева; она прерывается на 1200 годѣ. Съ этого времени безъ начала (по всему видно нѣкогда существовавшаго, но теперь утраченнаго) слѣдуетъ лѣтопись, названная *волынскою*, но которая правильнѣе должна быть названа *галицко-волынскою*; она прерывается на 1305 годѣ. Съ половины XII вѣка отъ кіевской лѣтописи отдѣляется лѣтопись *суздальская*, примыкающая къ позднѣйшимъ московскимъ. Ея варіантъ, доведенный до втораго десятилѣтія XIII вѣка, составляетъ лѣтопись *переяславльская*. Въ XIV столѣтіи возникла лѣтопись *тверская*, которой отрывки сохранились въ нѣкоторыхъ спискахъ, перемѣшанныхъ съ частями суздальской. На сѣверѣ образуется свой особый циклъ лѣтописей, посвященныхъ почти исключительно дѣламъ Новгорода и Пскова. Смоленская земля имѣла свою особую лѣтопись, которой обломки вошли въ западно-русскія лѣтописи XIV и XV вѣкѣ. Эти послѣднія, какъ и сѣверныя, составляютъ свой мѣстный циклъ и обнимаютъ событія со времени образованія Литовской державы. Существовали еще нѣкоторыя мѣстныя лѣтописи, не дошедшія до насъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, но извѣстія изъ нихъ сохранились въ позднихъ редакціяхъ. Таковы лѣтописи: вятская, нижегородская, Устюга-Великаго.

По мѣрѣ того, какъ земля Русская начинаетъ подходить къ единодержавному укладу, лѣтописи наши сводятся въ огромные своды, въ которыхъ отдѣльныя лѣтописи опять соединяются вмѣстѣ; таковы своды: софійскій, воскресенскій и никоновскій.

XXVI. ОБЪ АВТОРѢ ЛѢТОПИСИ, НАЗЫВАЕМОЙ НЕСТОРОВОЮ.

(*Изъ «Лекцій по Русской Исторіи» Костомарова*).

Первоначальная лѣтопись (до 1110 г.), извѣстна подъ именемъ *Несторовой*. Ее приписывали преподобному Нестору, монаху Кіево-Печерскаго монастыря, извѣстному въ житіяхъ подъ именемъ Нестора, чудотворца Печерскаго, и доказывали принадлежность ему лѣтописи тѣмъ, что на нѣкоторыхъ спискахъ было подписано имя Нестора. Но всѣ такія приписки и надписки сдѣланы переписчиками или владѣльцами списковъ уже въ позднѣйшія времена, и онѣ доказываютъ только то, что существовало преданіе, приписывавшее Нестору составленіе первоначальной лѣтописи. Другое приводимое доказательство—это посланіе Кіево-Печерскаго монаха Поликарпа къ Акиндину, помѣщенное въ патерикѣ. Тамъ говорится, что Не-

сторъ лѣтописецъ написалъ житія преподобныхъ святыхъ Даміана, Іеремія, Матѳія и Исакія; и эти самыя житія есть и въ лѣтописи; по этому заключили, что лѣтопись писалъ Несторъ; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ спискахъ при самомъ началѣ лѣтописи находится заглавіе: *Повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Ѳеодосіева монастыря Нестера,* а въ воскресенскомъ спискѣ, при извѣстіи о погребеніи св. Ѳеодосія, сочинитель даетъ о себѣ знать, что онъ печерскій инокъ и писалъ лѣтопись (азъ же грѣшный инокъ и лѣтописаніе се въ то время писахъ); въ патерикѣ же этотъ самый лѣтописецъ, бывшій при открытіи мощей св. Ѳеодосія, названъ Несторомъ.

Точно существовалъ Несторъ, лѣтописецъ печерскій, и дѣйствительно участвовалъ въ составленіи нашей старой лѣтописи; но вся ли лѣтопись написана Несторомъ? Конечно нѣтъ, когда въ ней же указываются другіе составители. Подъ 1110 годомъ говорится: „Игуменъ Сильвестеръ написалъ книги си"; а нѣсколько ранѣе, именно, подъ 1098 г., говоритъ о себѣ лично другое лицо, какой то Василій, жившій не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ Волынскомъ; слѣдовательно лѣтопись писана разными лицами.

О Несторѣ мы знаемъ изъ свидѣтельства Поликарпова, что онъ списывалъ житія нѣкоторыхъ святыхъ, и эти житія вошли въ лѣтопись. Въ печерскомъ патерикѣ говорится о немъ, какъ о лѣтописателѣ печерскаго монастыря, передавшимъ потомству разсказъ объ открытіи мощей Ѳеодосія. Въ монастыряхъ издавна было въ обычаѣ вести лѣтописныя записки; безъ сомнѣнія они велись и въ Печерскомъ монастырѣ, который рано прославился передъ другими обителями, и потому его записки могли имѣть особенную важность. Вѣроятно, Несторъ писалъ печерскую лѣтопись, и эта монастырская лѣтопись занесена была въ нашу, какъ одна изъ составныхъ частей ея; вѣроятно, все, что въ ней относится къ Печерскому монастырю, взято изъ этой монастырской лѣтописи, писанной между прочимъ и Несторомъ; но не все, заключающееся въ ней, слѣдуетъ приписывать монаху или вообще Печерской обители, въ особенности разсказы о древнихъ событіяхъ на Руси. Укажемъ на старинное произведеніе нашей литературы: „Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба". Оно извѣстно намъ по списку XIV вѣка, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что составлено гораздо раньше, ибо въ публичной библіотекѣ существуетъ отрывокъ ея, писанный въ XII вѣкѣ. Это сочиненіе составлено Несторомъ, о чемъ говорится прямо: *Се же азъ Нестеръ грѣшный о житіи и о погубленіи и о чудѣсѣхъ святою и блаженною страстотерпцю сею опаснѣ вѣдущихъ исписавы а другая самъ свѣды отъ многихъ мало въ писахъ.* Оно представляетъ важныя противорѣчія съ тѣмъ, что сказывается объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ въ лѣтописи. Такъ напр., въ житіи говорится, что до Владиміра Святаго ни одного апостола не было въ Россіи, а въ лѣтописи помѣщена легенда объ апостолѣ Андреѣ, который водрузилъ крестъ на горѣ въ Кіевѣ и доходилъ даже до Новгорода. Въ житіи говорится, что Владиміръ далъ Борису городъ Владиміръ на Волыни, а въ лѣтописи— Ростовъ. Въ житіи говорится, что когда Владиміръ умеръ, то Святополкъ *прибылъ* въ Кіевъ, а въ лѣтописи—что онъ *находился* въ Кіевѣ. Наконецъ, и въ самомъ разсказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба, помѣщенномъ также и въ лѣтописи, есть мѣста, взаимно противорѣчащія. Такъ,

въ лѣтописи говорится, что убійцы только ранили Бориса, привезли его на телѣгѣ еще дышащимъ, и Святополкъ приказалъ варягамъ добить его, а въ житіи,—что убійцы, ударивъ Бориса въ сердце, умертвили сразу и привезли его къ Святополку уже мертвымъ. Въ житіи говорится, что когда убійцы пришли умертвить Глѣба, то онъ не зналъ о злодѣйскомъ намѣреніи убить брата, а въ лѣтописи,—что онъ былъ объ этомъ предувѣдомленъ. Наконецъ, по житію Борисъ отправился на войну противъ какихъ то невѣдомыхъ враговъ, а по лѣтописи—противъ печенѣговъ.

Всѣ эти противорѣчія показываютъ, что если житіе писано неоспоримо Несторомъ, то лѣтопись никакъ нельзя приписывать ему же. Кромѣ того въ самой лѣтописи встрѣчаются такія противорѣчія, которыя были бы невозможны, если бы писалъ ее одинъ человѣкъ, а произошли, конечно, только тогда, когда существовали только отдѣльныя части, писанныя разными лицами и уже послѣ сложенныя. Напр., какъ могъ одинъ и тотъ же лѣтописецъ составить сказаніе объ Олегѣ и Владимірѣ, когда при первомъ Переяславль является въ числѣ городовъ русскихъ, а въ княженіи втораго подробно говорится объ основаніи этого города. Въ лѣтописи подъ 1059 г. сказано: „Въ семъ же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ, совокупивше вои безчислены, поидоша на конѣхъ и въ ладьяхъ безчислено множество на Торкы. Се слышавше Торци, убоявшася, прибѣгоша и до сего дне и помроша бѣгаючи, Божьимъ гнѣвомъ гонимы ови отъ зимы, друзіи же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Божьимъ“; а подъ 1080 годомъ опять говорится о Торкахъ: „Заратишася Торцы Переяславьстіи на Русь; Всеволодъ же посла сына своего Володимера; Володимеръ же шедъ побѣди Торкы“. Ясно, что писавшій подъ 1059 г. былъ не тотъ, кто писалъ о событіяхъ подъ 1080 г. Эти несообразности не позволяютъ думать, что всю лѣтопись писалъ одинъ и тотъ же Несторъ.

Еще важнѣе разница въ тонѣ и характерѣ разсказа лѣтописи. Безпристрастіе въ разсказѣ о язычникахъ показываетъ, что многія мѣста въ лѣтописи писаны міряками, особенно въ началѣ, потому что монахъ XII вѣка никакъ не могъ выразить сочувствія къ язычнику Святославу въ войнѣ его съ греками. Такой тонъ едва ли могъ придать монахъ, сердцу котораго православная Греція была ближе, чѣмъ языческая Русь. Кто же связалъ эти части? Отвѣтъ мы находимъ въ самой лѣтописи, гдѣ, подъ 1110 годомъ, встрѣчаемъ слѣдующую приписку: «Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣялся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624 индикта 9 лѣта, а иже чтеть книги сія, то буди ми въ молитвахъ». Въ другомъ мѣстѣ, именно, при началѣ лѣтописнаго повѣствованія, онъ тоже говоритъ себѣ, указывая и на время, когда онъ жилъ. Онъ разбиваетъ описываемое древнее время на періоды отъ одного князя до другаго: «Отъ смерти Святослава до смерти Ярослава лѣтъ 85, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка лѣтъ 60». Смерть Святополка послѣдняя, извѣстная ему эпоха; слѣдовательно, писавшій жилъ при Владимірѣ Мономахѣ. Сильвестръ и говоритъ о себѣ тоже самое. Очевидно, что приведенная выше приписка подъ 1110 годомъ и послѣднее мѣсто, изъясняющее способъ составленія всей лѣтописи, принадлежатъ одному и тому же лицу. Выше того онъ сказалъ о себѣ: «Числа положимъ». И такъ, кто пола-

галъ числа, то есть, кто разбивалъ повѣсть по годамъ, или, что все равно, составлялъ лѣтопись, тотъ игуменствовалъ при Владимірѣ Мономахѣ; а подъ 1110 годомъ былъ игуменомъ тотъ же Сильвестеръ. И такъ, Сильвестеръ есть составитель лѣтописи, и лѣтопись по справедливости должна называться Сильвестрова, а не Несторова. Но несходство въ тонѣ, несообразность частей и, наконецъ, встрѣчаемыя противорѣчія показываютъ, что части лѣтописи писаны разными лицами, и Сильвестру могутъ принадлежать только ближайшія къ его времени извѣстія и распредѣленіе по числамъ другихъ съ нѣкоторыми дополненіями. Дѣло Сильвестра есть сводъ отдѣльныхъ сказаній. Этотъ Сильвестръ внесъ въ свой трудъ Несторову лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря, относящуюся до дѣлъ этой обители и составляющую только незначительную часть всей лѣтописи. Не все, что касается Кіево-Печерскаго монастыря, писано Несторомъ. Это можно заключить изъ слѣдующаго обстоятельства: подъ 1051 годомъ, лѣтописецъ разсказываетъ о себѣ, говоритъ о прибытіи своемъ въ Кіево-Печерскій монастырь и о постриженіи отъ Ѳеодосія. Прежде это мѣсто приписывали Нестору, но въ одномъ рукописномъ патерикѣ XVI вѣка говорится, что Несторъ пришелъ не при Ѳеодосіи, а при его преемникѣ Стефанѣ, и слѣдовательно извѣстіе, помѣщенное подъ приведеннымъ годомъ, принадлежитъ не Нестору, а какому то другому лѣтописцу, писавшему прежде его.

XXVII. СОСТАВЪ И ХАРАКТЕРЪ ЛѢТОПИСИ.

(Изъ соч. Сухомлинова «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературы»).

Составленіе древней лѣтописи приписывается, по общепринятому мнѣнію, преподобному Нестору, иноку кіево-печерскому. Несторъ не былъ первымъ русскимъ лѣтописцемъ: до него уже въ разныхъ мѣстахъ Россіи люди грамотные вели краткія лѣтописи, слѣды коихъ сохранились въ замѣткахъ, вошедшихъ въ составъ древней лѣтописи и относящихся къ событіямъ X—XI в. Были даже опыты лѣтописи подробной, излагающей событія въ нѣкоторой связи, какъ напримѣръ лѣтопись Іоакимовская. Но она извѣстна въ небольшомъ отрывкѣ и притомъ остается памятникомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ до самого Нестора. Поэтому трудъ Нестора необходимо признать древнѣйшимъ образцомъ лѣтописи полной, послѣдовательной, справедливо называемой «лѣтописью литературною».

Нельзя отвергать важнаго значенія лѣтописи, явившейся уже въ началѣ XII вѣка въ видѣ стройнаго, литературнаго цѣлаго; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться, что ея значеніе будетъ тѣмъ неоспоримѣе, чѣмъ болѣе докажется ея самостоятельность. Поэтому прежде всего необходимо указать, на сколько возможно, было ли самое начало лѣтописной дѣятельности у насъ явленіемъ самобытнымъ, вытекавшимъ изъ условій русскаго быта, или же она есть слѣдствіе подражанія иностранному образцу, бывшему въ рукахъ русскаго писателя XI вѣка.

Происхожденіе русскихъ лѣтописей объясняемо было различно. Признавая въ немъ участіе византійской хронографіи, ученые допускаютъ это участіе не въ одинаковой степени. По мнѣнію однихъ, вліяніе византійское было полное и рѣшительное: составъ, внѣшнюю форму и внут-

ренній характеръ лѣтописи наши получили отъ хроникъ византійскихъ. По мнѣнію другихъ, вліяніе Византіи было умѣреннѣе: имъ объясняются многія частности, но въ цѣломъ лѣтопись остается оригинальнымъ произведеніемъ русской словесности. Шлецеръ въ своемъ изслѣдованіи о русскихъ лѣтописяхъ задаетъ себѣ вопросъ: какъ Нестору пришла мысль написать временникъ?—и рѣшаетъ его тѣмъ, что Несторъ былъ знакомъ съ византійскою литературою. «Четыре византійскихъ историка, говоритъ онъ, Кедринъ, Скилицій, Ксифилинъ и Зонара, жили въ Несторово столѣтіе. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ зналъ ихъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ. Весь временникъ его сдѣланъ на покрой византійскій; цѣлыя мѣста изъ нихъ, переведенныя слово въ слово, внесъ онъ въ свое твореніе; также, очевидно, подражалъ въ хронологическомъ расположеніи... Такимъ образомъ этотъ руссъ вздумалъ быть историкомъ своего народа». Со времени критики Шлецера мнѣніе его о началѣ русскихъ лѣтописей было раздѣляемо многими. Крайняго предѣла своего оно достигло въ признаніи, что «первый лѣтописецъ нашъ былъ никто иной, какъ переводчикъ одного изъ византійскихъ хронографовъ. Кончивъ переводъ, трудолюбивый монахъ помѣстилъ, въ приличныхъ мѣстахъ, собственныя свои свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя народныя и монастырскія преданія, обозначилъ главнѣйшія происшествія, случившіяся въ его монастырѣ. Другіе ученые хотя и признаютъ, что временникъ русскій составленъ по примѣру хроникъ византійскихъ, однако полагаютъ, что „мысль къ дѣеписанію могла родиться въ Несторѣ отъ бесѣдъ съ собратіями своими о происшествіяхъ россійскихъ; ибо преподобный Ѳеодосій, поучая иноковъ печерскихъ избѣгать лѣности и долгаго сна, а упражняться въ пѣніи церковномъ и въ чтеніи книгъ, именно требовалъ, чтобы они занимались притомъ и *преданіями отеческими*".

Какъ бы ни было сильно вліяніе Византіи, оно не исключало и самостоятельной дѣятельности, одновременной съ нимъ или даже предварившей его. Сближаясь во многомъ съ хрониками византійскими, лѣтописи наши во многомъ и не сходны съ ними. Самая форма нашихъ лѣтописей, хотя и не чуждая византійской хронографіи, въ болѣе близкомъ отношеніи находится къ формѣ западно-европейскихъ анналовъ. Еще Шлецеръ замѣтилъ, что «русскіе временники, подобно англо-саксонскимъ, имѣютъ странный обычай означать и тотъ годъ, въ которомъ ничего не сдѣлалось». Эта мнимая странность весьма удовлетворительно объясняется внесеніемъ годовъ въ лѣтопись изъ пасхальныхъ таблицъ. Полагаютъ, что «всѣ русскія лѣтописи самымъ названіемъ «лѣтописей», «лѣтописцевъ» «временниковъ», «повѣстей временныхъ лѣтъ» и т. п., изобличаютъ свою первоначальную форму: ни одно изъ этихъ названій не было бы имъ прилично, если бы въ нихъ не было обозначаемо время каждаго событія, если бы лѣта, годы, не занимали въ нихъ такого же важнаго мѣста, какъ и самыя событія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наши лѣтописи сходны не столько съ писателями византійскими, сколько съ тѣми временниками (annales), которые ведены были издавна, въ VIII вѣкѣ, въ монастыряхъ романской и германской Европы, независимо отъ историческихъ образцовъ классической древности. Первоначальной основой этихъ анналовъ были пасхальныя таблицы, и т. д.»

Разнообразіе во взглядѣ ученыхъ показываетъ, что вопросъ о началѣ русскихъ лѣтописей еще не рѣшенъ окончательно. Средства къ болѣе или менѣе полному рѣшенію его заключаются въ данныхъ, извлекаемыхъ главнѣйшимъ образомъ изъ самой же лѣтописи. Составъ ея обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является Русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и большею частью краткихъ, незначительно въ сравненіи съ извѣстіями русскими, изложенными съ большими подробностями. Участіе византійскихъ образцовъ въ появленіи русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлено формою, въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтопись имѣетъ форму погоднаго разсказа: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ византійскихъ, какъ напримѣръ въ хроникѣ Ѳеофана, писателя начала IX вѣка. Въ ней счетъ годовъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей римскаго и персидскаго и управленія епископовъ: римскаго, константинопольскаго, іерусалимскаго, александрійскаго и антіохійскаго. Такая же форма господствуетъ и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неописанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для внѣшняго порядка лѣтописей. Обычай приписывать замѣтки къ заранѣе выставленнымъ годамъ до того укоренился, что давалъ поводъ къ довольно оригинальнымъ недоразумѣніямъ: одни и тѣ же извѣстія, части одного и того же предложенія размѣщались иногда подъ нѣсколькими годами.

Внѣшній видъ лѣтописей западныхъ объясняется, какъ мы сказали, посредствомъ пасхальныхъ таблицъ съ замѣтками о происшествіяхъ. При поразительномъ сходствѣ какого либо явленія въ письменности нашей и западно-европейской естественно предполагать для него одну и ту же причину. Нельзя отказать въ вѣроятности мнѣнію, что замѣтки на таблицахъ, составляющія анналы, дѣлаемы были и на Руси.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находятся единство внутреннее и единство внѣшнее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе, независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами, и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Мы говоримъ о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ прямое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значитъ, и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого

либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполнѣ у мѣста только на пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ смыслъ по отношенію къ кругу церковныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму. Первыми начатками лѣтописанія по данной формѣ должны быть признаны, безъ сомнѣнія, тѣ извѣстія, которыя отличаются отъ другихъ, во-первыхъ, сообщеніемъ событій наиболѣе древнихъ, во-вторыхъ—краткостью.

Обычай подробно описывать достойное замѣчанія образовался позднѣе: если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ нѣсколькихъ словахъ, другое обставлено подробностями, то съ большою вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихся древнѣйшими, какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго близкаго къ событію, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святіи (т. е. иконы) въ святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеряя Анна.

Первоначальныя краткія замѣтки мало по малу увеличивались въ своемъ объемѣ. Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи.

Лѣтопись дѣлалась все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣже предметы, о которыхъ упоминалось подъ ея годами. Еще ранѣе XII вѣка были у насъ описанія жизни святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ приданію ей внѣшней полноты и внутренняго значенія. Мѣста, заимствуемыя изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ разсказомъ. Такъ, къ замѣткѣ 6559 года: «постави Ярославъ *Ларіона* митрополитомъ Русина», присоединена повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ *Иларіона*. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидяты на свою паству, помѣщено поученіе его—замѣчательный памятникъ русской словесности XI вѣка, и т. п. Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщили лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразіе, замѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Изъ источниковъ, послужившихъ къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы книги св. писанія.

Книги св. писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнимое чтеніе предковъ нашихъ. Мысль и чувство, возвышающіяся надъ обыкновенными, облекались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частью тексты являются сами собою, вызы-

ваемые предметомъ повѣствованія. Уклоненіе отъ праваго пути тревожитъ набожное чуство, и оно выражается словами воспитавшаго его св. писанія. «Володимеръ же посла къ Блуду, расказываетъ лѣтописецъ, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «Поприяй ми; аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене; не язъ бо почалъ братью бити, но онъ; азъ же того убоявъся придохъ на нь». И рече Блудъ къ посламъ Володимеримъ: «Азъ буду тобѣ въ сердце и въ пріязньство». О злая лесть человѣческая! *Якоже Давыдъ глаголетъ: «ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть»*. Тѣмъ живѣе должно было выражаться чувство вѣры, что оно было для тогдашняго русскаго общества чувствомъ новымъ, ибо, хотя давно совершилось крещеніе Россіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держалось еще язычество со всѣми своими обычаями. Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта: изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давида, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осіи, Амоса, Даніила, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланій апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изрѣченій, вставленныхъ въ самый разсказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книгъ Притчей, какъ напримѣръ разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ. Такое же изобиліе мѣстъ изъ св. писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣстописцевъ европейскихъ отъ Георгія Амартола до Григорія Турскаго. Иногда вся рѣчь ихъ состоитъ изъ длиннаго ряда текстовъ.

Вліяніе *Палеи* на нашу лѣтопись также несомнѣнно. Подъ именемъ *палеи*, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ іудеевъ и отчасти противъ магометанъ. Изъ ветхаго завѣта вошли въ палею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Моисея, Іисуса Навина, Судей, Руѳь и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давидѣ помѣщено собраніе его пророчествъ. Большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ—о предложеніи вѣръ Владиміру—находится и въ палеѣ. Отзывъ греческаго миссіонера о вѣрѣ болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками палеи противъ магометанства. За указаніемъ разности ученія магометанъ, папистовъ, іудеевъ помѣщена въ лѣтописи проповѣдь греческаго миссіонера, въ которой съ особенной подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ св. писаніи. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ лѣтопись, то Адамъ и Ева, впервые увидѣвшіе смерть, не знали, что дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока не прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую: увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Аранъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, бросившись за идолами: это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ, и т. п. Несходство лѣтописныхъ извѣстій съ Библіею объясняется посредствомъ палеи: въ ней встрѣчается большая часть добавленій лѣтописи сравнительно съ Библіею.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи угровъ и войнѣ съ моравами и чехами, принадлежащими къ племени славянскому. Для славянъ-то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были св.

книги, отчего и грамота прозвалась славянская, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтопись сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки, о гоненіи на святыхъ братьевъ, и наконецъ о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпалъ преимущественно изъ такъ называемыхъ Панонискихъ жизнеописаній. Самый богатый источникъ для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по славянски въ Панонніи. Полагаютъ, что житіе Св. Кирилла писано ученикомъ его Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Житіе Св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ. Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Панонискими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другаго какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заключается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однѣхъ мысляхъ, но въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ иныя удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи.

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіяся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанію самостоятельному.

Особенности древней лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи, въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во-вторыхъ, въ способѣ сообщенія данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ.

Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: «Се повѣсть времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла *Русская земля*, и кто въ ней поча первое княжити.» Такъ читается начало лѣтописи въ большей части списковъ. Судьба Русской земли раскрывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Передъ изложеніемъ происшествій собственно русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ русскому народу славянахъ: моравахъ, чехахъ, сербахъ, и другихъ; за тѣмъ—о племенахъ, вошедшихъ уже въ Несторово время въ составъ народа русскаго: полянахъ, древлянахъ, новгородцахъ и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большою точностью, безъ всякихъ украшеній, съ коими являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ. Извѣстія о послѣдующихъ князьяхъ сообщаются также съ точностью, которая возрастаетъ, по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его *походы*; двигаясь къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ—древлянъ, сѣверянъ, радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностью, причемъ приведенъ и пространный договоръ съ греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на грековъ и дого-

ворѣ съ ними и о войнѣ Игоря съ древлянами. Вся исторія Сватослава есть *исторія походовъ*, на хозаръ, ясовъ, печенѣговъ, грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ, По смерти Святослава описываются междоусобія сыновей его Ярополка, Олега, Владиміра. Большая часть извѣстій о княженіи Ярослава состоитъ изъ описаній *войны* этого князя съ Святополкомъ и съ ляхами и печенѣгами, призванными Святополкомъ; *борьбы* Ярослава съ Брячиславомъ, внукомъ Владиміровымъ, и Мстиславомъ; *единоборства* Мстислава съ княземъ касожскимъ; походовъ Ярослава на ятвяговъ, Литву, мазовшанъ, и т. п. Подъ 1061 годомъ упоминается впервые о *нашествіи половцевъ* на Русь; подъ 1067 г. говорится весьма подробно о *набѣгахъ половецкихъ*, и приводится поученіе Ѳеодосія, объясняющее причину несчастія, постигшаго Русскую землю. Начиная съ 1061 года по 1110 г., почти при половинѣ годовъ находятся извѣстія о *половцахъ*, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщенныя подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описаніе несчастныхъ слѣдствій борьбы съ непріятелямя идетъ рядомъ съ описаніемъ *раздоровъ княжескихъ*, которыхъ самая полная, вѣрная и печальная картина представлена въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая дѣйствительность, лѣтопись Нестора была бы самою грустною повѣстью, если бы не передавала другой, свѣтлой стороны въ жизни того времени. Эта свѣтлая сторона — вѣра, двигавшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и лучшей части его современниковъ. Самыя бѣдствія получали другой смыслъ въ воззрѣніи религіозномъ. Страданія, понесенныя во имя вѣры, представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а побѣдою духа надъ силою внѣшнею, залогомъ будущаго блаженства. Примѣры подвиговъ вѣры дѣйствуютъ благотворно, а потому описаніе ихъ не могло не имѣть высокаго значенія для лѣтописца, не могло не найти мѣста въ его трудѣ, посвященномъ замѣчательнымъ событіямъ родины. Разсказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи со сказаніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной *подвижниками* противъ враговъ ихъ душевнаго блага, силившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе — о варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ самомъ обширномъ объемѣ излагаетъ лѣтописецъ княженіе Владиміра, утвердившаго христіанство въ Русской землѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ Владиміра можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи, подвиги его изображены съ наибольшею подробностью и съ живымъ сочувствіемъ. Описывая дѣйствія Владиміра, его отношенія къ новообращенному народу, лѣтописецъ не забываетъ и предметовъ внѣ области вѣры, имѣвшихъ привлекательность для современнаго Владиміру русскаго общества, описываетъ и пиры съ дружиною, сохранившею обычаи старины, и схватки съ врагами, вызывавшими русскихъ удальцовъ перевѣдаться съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ — христіанина и русскаго писателя XI вѣка. Дѣйствія силы высшей всего скорѣе обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу; поэтому сооруженіе *церкви* считалось важнымъ событіемъ и тщательно

отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно-европейскими. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также *монастыри*. Подобно другимъ европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіе Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что при немъ «нача вѣра хрестьянская плодитися и расширяти, и черноризьцы почаша множитися, и монастыреве починаху быти».

Въ повѣствованіи о крещеніи Владиміра и всей земли Русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору «Житія блаженнаго Володимера». Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, русскому писателю XI вѣка. Отдѣльнымъ эпизодомъ, вставленнымъ въ лѣтопись, является житье святыхъ Бориса и Глѣба.

Въ лѣтописи подъ 6575 (въ иныхъ спискахъ подъ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученій преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго († 1074). Описаніе событій перваго года начинается такъ: на Русскую землю пришли иноплеменники — половцы, Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ враговъ на Альту; но, по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганыхъ: русскіе князья бѣжали, а половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Ѳеодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплеменниковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи.

Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 6605 (1097) годомъ, главное мѣсто занамаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій, лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ. Лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполнѣ, передавая посвоему его содержаніе.

Лѣтописцы наши пользовались византійскими источниками: на это указываютъ и составъ лѣтописей, и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто ими то или другое свѣдѣніе. Между византійскими хронистами всѣхъ ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ—Георгій Амартолъ. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники, по разнымъ поводамъ и изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Составляя хронику, Георгій Амартолъ имѣлъ опредѣленную цѣль и придалъ труду своему опредѣленное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно, во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и церкви, торжество православія надъ еретиками. Преобладающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою, сообразно со свойствомъ описываемыхъ предметовъ. Хроника начинается краткимъ обзоромъ замѣчательнѣйшихъ лицъ древняго міра, частью историческихъ, частью миѳическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія Вавилонскаго царства, исторія Римской монархіи въ періодъ языческій и наконецъ исторія Византійскаго государства до смерти царя Михаила.

Слѣдовательно Амартолъ писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 года, къ которымъ принадлежатъ и походы руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартолъ при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго.

Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій, упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны—описаніе ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣлъ распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя иконоборцами, изложены съ особенною подробностью и энергіею. Обличая ложность началъ, руководившихъ изступленными еретиками, Амартолъ расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Такое же мѣсто занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими.

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ, Амартолъ описывалъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ разсказываетъ о фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываютъ, что иныя заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же выписаны почти дословно.

На Меѳодія Патарскаго ссылается лѣтописецъ нашъ при разсказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтопись, пришли изъ пустыни Етривской. Меѳодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и «по сихъ 8 колѣнъ, въ кончинѣ вѣка» выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюряты новгородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ «зайдуче луку моря», въ которыхъ вѣчный крикъ и говоръ, и люди сѣкутъ гору, «хотяще высѣчися». Это и есть люди, заключенные Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненія того же Меѳодія. Упоминаемый въ лѣтописи авторъ, Меѳодій Патарскій, былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ малоазіатской области Ликіи, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ, наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклетіана около 311 года.

Сверхъ всего этого, въ лѣтопись вводились иногда оффиціальные документы, какъ договоры. По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ; подъ 912 годомъ—другой договоръ Олега съ тѣми же царями; подъ 945 г.—договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его Константиномъ и Стефаномъ; подъ 971 г. — договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтоисца, а въ цѣли заимствованій—искусство его какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе всего вноснаго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычайности, нуждались въ объясненіи для людей мыслящихъ, не вовсе равнодушныхъ къ причинамъ событій. Между источниками первое мѣсто

занимаютъ книги св. писанія. Затѣмъ сами собою представлялись вниманію лѣтописца произведенія его соотечественниковъ, родныя ему по слову и по духу. Въ связи съ памятниками русскими находятся памятники литературы византійской, черезъ посредство которой русское общество ознакомилось съ идеями христіанскими. Въ способѣ пользоваться источниками какъ отечественными, такъ и иностранными, замѣтны единство, одинаковость пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ свидѣтельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а приводитъ изъ него извлеченія, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія.

Между древними монастырями Россіи первое мѣсто занимаетъ обитель Печерская, основанная и устроенная русскими, между тѣмъ какъ другіе монастыри учреждались преимущественно монахами греческими, переселявшимися въ Россію. Съ первыхъ лѣтъ своего существованія кіевская обитель сдѣлалась средоточіемъ монашеской жизни въ Россіи и получила народное значеніе не только для юга, но и для сѣвера и вообще для всей Русской земли. Поэтому въ лѣтописи всероссійской, какъ справедливо называютъ лѣтопись Несторову, сказаніе о Печерскомъ монастырѣ является вполнѣ умѣстнымъ, будучи разсматриваемо и безъ отношенія къ южному происхожденію лѣтописца и пребыванію его въ Кіевѣ.

Сверхъ повѣствованія о христіанскихъ подвижникахъ, свѣтлая сторона картины, изображаемой лѣтописью, заключается въ *преданіяхъ древности*, не умолкнувшихъ еще во времена лѣтописца. Воспоминаніе объ Ольгѣ, Владимірѣ, Ярославѣ и ихъ предшественникахъ составляетъ для нашего лѣтописца прекрасное прошедшее, передаваемое во всей простотѣ и естественности; поэтическій колоритъ приданъ разсказу преданіями народа, коимъ не могъ не сочувствовать народный писатель. Въ преданіяхъ старины, удержанныхъ лѣтописью, русскіе князья являются большею частью побѣдителями, а не побѣжденными, какими правдивая лѣтопись представляетъ ихъ неоднократно во времена половцевъ. Въ печальную годину половецкихъ набѣговъ весьма естественно было дорожить воспоминаніемъ о счастливомъ времени первыхъ князей, коихъ доблестные подвиги приводились въ примѣръ и писателями вѣковъ послѣдующихъ. Что касается до перваго начала преданій, то можно думать, что они слагались въ племенахъ русскихъ какъ при содѣйствіи пришлыхъ норманновъ, такъ и независимо отъ нихъ. Были, безъ сомнѣнія, повѣрья сходныя у славянъ русскихъ и у варяговъ Руси; сходство могло быть въ иныхъ случаяхъ полное, въ другихъ только нѣкоторое—въ основной мысли, обставленной неодинаковыми подробностями. По крайней мѣрѣ многія черты лѣтописныхъ сказаній встрѣчаются въ народныхъ произведеніяхъ славянскихъ племенъ, не подвергавшихся норманскому вліянію. Самое преданіе о смерти Олега, при поразительномъ сходствѣ съ исландскою сагою, не чуждо, по мысли, и міру славянскому. Олегъ, вспомнивъ о конѣ, отъ котораго долженъ былъ умереть, по предсказанію кудесника, пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали кости коня, «голы и лобъ голъ, и посмѣяся ркя; отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти? и въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну и въ ногу и съ того разболѣвся умре». Исландское преданіе говоритъ о подобномъ же предсказаніи вѣщуньи — лица, играющаго весьма важную роль въ древнемъ

скандинавскомъ бытѣ. Вѣщунья предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, впродолженіе коихъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи рокового времени погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося отъ повислой гривы Факсомъ. Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокій ровъ, надъ коимъ сдѣлалъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Оддъ отправился въ далекія путешествія. Послѣ ряда блистательныхъ подвиговъ во многихъ странахъ, между прочимъ въ Россіи, гдѣ будто бы женился на русской принцессѣ, онъ возвратился въ Норвегію ровно черезъ триста лѣтъ. По возвращеніи въ отечество Орваръ Оддъ замѣтилъ, что многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблекли и высохли, высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи; лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса, говоритъ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица, выскочивъ изъ конской головы, уязвила героя въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу. Таже мысль о неизбѣжности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ сербскомъ преданіи о «суженомъ днѣ». Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку *суждено*—по нашему: *на роду написано*—какою смертью умереть, и отъ *суженья* невозможно избѣжать. Разсказываютъ, что у какого то царя была дочь, которой вѣщунъ предсказалъ смерть отъ змѣи. Царь, желая спасти свою дочь отъ рока, сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который не могло заползти даже насѣкомое, и никуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ «сужен дан», она захотѣла винограду; слуги принесли ей большую кисть, въ коей скрывалась змѣйка, и эта-то змѣйка укусила царскую дочь, постигнутую суженымъ днемъ.

Въ ряду описаній, болѣе или менѣе пространныхъ, составленныхъ по преданію и по другимъ источникамъ, встрѣчаются въ лѣтописи и *замѣтки краткія*, подобныя первымъ начаткамъ лѣтописной дѣятельности, замѣткамъ пасхальнымъ. Краткія замѣтки сообщаютъ извѣстія о построеніи церквей, о знаменіяхъ небесныхъ, о походахъ на враговъ, о другихъ предметахъ, какъ напримѣръ, о разливѣ рѣкъ, о саранчѣ, и т. п. Иныя замѣтки составляютъ отдѣльныя и единственныя извѣстія при нѣкоторыхъ годахъ, другія примыкаютъ къ описаніямъ подробнымъ, но не имѣютъ съ ними никакой связи. Отдѣльныя замѣтки изъ двухъ-трехъ словъ попадаются въ древнѣйшей части лѣтописи. Послѣ извѣстія подъ 1058 годомъ: «Побѣди Изяславъ голяди» встрѣчается только одно, въ такой же степени краткое, именно подъ 1082 годомъ: «Осень умре Половечьскій князь». Но за то подъ иными годами всѣ извѣстія состоятъ изъ ряда краткихъ замѣтокъ, какъ напримѣръ: „Въ лѣто 6613. Увалися верхъ святаго Андрея.

Постави митрополитъ епископа Анфилохія Володимерю мѣсяца августа въ 27 день.

Томъ же лѣтѣ явися звѣзда съ хвостомъ, на западѣ, и стоя мѣсяць“.

Передавая различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣдѣнія о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣтокъ о годѣ ихъ рожденія, изъ описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ

смерти и мѣстѣ погребенія. За извѣстіемъ о смерти часто слѣдують *отзывы*, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ, и, не смотря на всю краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ († 1065) лѣтописецъ говоритъ: «Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, взрастомъ же лѣтъ и красенъ лицемъ, и милостивъ убогымъ». О Глѣбѣ († 1078): «Бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогымъ, и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ».

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествіяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣятелей, лѣтопись сообщаетъ и нѣкоторыя *черты быта внутренняго*: говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ общества, о нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ большинства и людей съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Эти черты разсѣяны по разнымъ мѣстамъ лѣтописи. Въ завѣщаніи Ярослава видно господство семейнаго начала въ древне-русскомъ княжескомъ бытѣ. Умирающій Ярославъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будеть въ мене мѣсто, а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль» и т. д. О любознательности Ярослава и мѣрахъ къ распространанію образованія свидѣтельствуютъ слѣдующія слова лѣтописи: «И бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на славянское письмо, и списаша книгы и многы списка, ими же поучающеся вѣрніи людье, наслажаются ученья божественнаго».

Нравы, обычаи и вѣрованія предковъ нашихъ обнаруживаются въ начальномъ извѣстіи о бытѣ славянъ русскихъ, полянъ, древлянъ, сѣверянъ и другихъ племенъ, въ подробномъ повѣствованіи о волхвахъ, и т. п. Волхвъ—замѣчательное лицо въ древнемъ русскомъ бытѣ, оказывавшее сильное вліяніе на массы. Въ словахъ и поступкахъ волхвовъ и въ дѣйствіяхъ въ пользу и противъ нихъ, отражается тогдашній бытъ, съ нѣкоторыми даже видоизмѣненіями его по различнымъ классамъ общества. Волхвы утверждали подобныя вещи: что Днѣпръ потечетъ назадъ, и земли перейдутъ съ мѣсто на мѣсто, такъ что Русская земля станетъ тамъ, гдѣ была Греческая, а Греческая тамъ, гдѣ была Русская; что женщины держатъ подъ кожею жито, рыбу и медъ; что боги, коимъ служатъ волхвы, черны видомъ, съ крыльями и хвостами; что боги подземные восходятъ на воздушную высь и подслушиваютъ живущихъ на небѣ, и т. п. Люди здравомыслящіе находили, что волхвы морочатъ людей сущею ложью, потому что, говоря словами Яна, собесѣдника Несторова, «створилъ Богъ человѣка изъ земли, составленъ костьми и жылами отъ крове» и кромѣ костей, жилъ и крови нѣтъ ничего въ человѣческомъ тѣлѣ. Не смотря на противодѣйствіе князей, епископовъ и

воеводъ, народъ питалъ къ волхвамъ полное довѣріе, приводилъ къ нимъ женъ, матерей, сестеръ, передавался весь на сторону волхва, такъ что только князь со своею дружиною оставался на сторонѣ епископа.

Отъ содержанія древней русской лѣтописи, въ которое вошли довольно разнообразные предметы, обращаемся къ способу изложенія этихъ предметовъ. Послѣдовательность, строго наблюдаемая въ лѣтописи, есть хронологическая: года описываются одинъ за другимъ; въ событіяхъ одного года принятъ также порядокъ времени, именно порядокъ мѣсяцевъ:

„Въ лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка.

Въ лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда....

Въ лѣто 6609. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море, мѣсяца іюня въ 10. Томъ же мѣсяци братья створиша миръ межи собою, въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася“....

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопоставлялись происшествія, лишенныя внутренней связи между собою, не смотря на краткость и какъ бы случайность разныхъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе изъ безцвѣтныхъ описаній; она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человѣкомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои *понятія* и *чувства*, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности. Понятія его выражаются въ указаніи *причинъ* происшествій и преимущественно въ *объясненіи* ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ большей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остался вѣренъ общему мнѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человѣка начитаннаго и разсудительнаго, лѣтописецъ, указывая ея неосновательность, выражаетъ *свое мнѣніе*, основанное на свидѣтельствахъ вполнѣ достовѣрныхъ.

При сужденіи о причинѣ событій, указываемой въ лѣтописи, необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ кажется маловажнымъ, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вслѣдствіе различныхъ условій ихъ быта, съ коими находится въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы, Богъ влагаетъ ихъ въ умъ и сердце человѣка. Рѣшимость русскихъ князей защищать родную землю лѣтописецъ выражаетъ словами: «*Вложи Богъ* мысль добру въ Русьскыѣ князи». Знаменитый представитель нашей церкви, Иларіонъ, первый митрополитъ изъ природныхъ русскихъ, получилъ свой высокій санъ потому, что *Богъ* князю *вложи въ сердце,* и постави и митрополитомъ въ святой Софьи». Богъ благословляетъ оружіе защитниковъ отечества и поражаетъ ужасомъ враговъ. Ненависть и вражда между братьями и родственниками приписываются070 козням дьявола: «Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей

Ярославичихъ: бывши распри межи ими» и пр. Но дьяволъ можетъ дѣйствовать только на маловѣрныхъ и малодушныхъ; на твердыхъ же въ вѣрѣ и чистыхъ мыслью и совѣстью онъ не въ силахъ оказывать вліяніе, и въ борьбѣ съ ними остается побѣжденнымъ. Наущенія дьявола въ такой же степени опасны, какъ и совѣты злыхъ людей, и потому всякій вѣрующій и правомыслящій можетъ остаться невредимымъ отъ вражескихъ козней.

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и на небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою человѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ человѣческихъ. Такая вѣра въ родство человѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является человѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами,— есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи. Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе, современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: *знаменіе* — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое. «*Знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро*», говоритъ лѣтописецъ. Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла всѣ: и простолюдины, и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ также принималъ общее мнѣніе, какъ видно и изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій, и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы онъ *явленія небесныя обратилъ на добро*. Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затмѣнія, народъ говорилъ, что солнце съѣдено; такъ думали во времена Нестора. Отголосокъ такого же мнѣнія сохраняется и доселѣ въ устахъ народа. Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя «невѣголосами» тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затмѣніи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событіями земными, коимъ будто бы служитъ оно предзнаменованіемъ. Описавъ цѣлый рядъ необыкновенныхъ явленій, Несторъ говоритъ, что они случились не къ добру, и въ доказательство приводитъ однородныя извѣстія изъ хроники Георгія Амартола. Въ это же время, говоритъ нашъ лѣтописецъ подъ 1064 годомъ, было знаменіе на западѣ: звѣзда превеликая, съ лучами вида кроваваго, восходящая свечера по заходѣ солнечномъ. Это проявляло не добро: послѣ того было много усобицъ и нашествіе поганыхъ на Русскую землю; ибо звѣзда цвѣта кроваваго проявляетъ кровопролитіе. Древле въ Іерусалимѣ являлись на воздухѣ вооруженные всадники, и это проявляло нашествіе Антіоха на Іерусалимъ. Потомъ при Неронѣ въ томъ же Іерусалимѣ возсіяла надъ городомъ звѣзда въ видѣ копья, проявлявшая нашествіе римлянъ.

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвлеченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу Русской земли, а потому *мысли* его исполнены одушевленія, соединяясь

съ *чувствами*, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе. Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ разсказъ, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ словахъ: «Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьянску, *ея же крове взищеть Богъ отъ руку ею*, и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестьяньскы». Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему и встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига. Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага Русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ русскихъ, вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія. Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава, его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнимы лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое выражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владиміра и Ярослава. Общественное благо потрясаемо было набѣгами вражескими и междоусобіями князей; описаніе и тѣхъ, и другихъ несчастій сопровождается изліяніемъ горестнаго чувства. Половцы пришли на землю Русскую, и на Руси открылась печальная картина: „Ови ведуться полонени; друзіи посѣкаеми бываютъ; друзіи на месть даеми бываютъ, горкую смерть пріемлюще; друзіи трепечють, зряще убиваемыхъ; друзіи гладомъ уморяеми и водною жажею; овы выжемы и пятами пхаеми, и на зимѣ держими и уранями". Внутреннія смуты также печалили мыслящаго лѣтописца: онъ вполнѣ сочувствовалъ горю тѣхъ князей, которымъ «печаль бысть отъ сыновець своихъ, яко начаша стужати, *хотя власти овъ сея, овъ же другоѣ*». Согласіе между братьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастія Русской земли и, по поводу братолюбія Изяслава, доказываетъ необходимость любви. Описываетъ ли подвиги своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Несторъ не увлекается ни слѣпою любовью, ни безпощадною ненавистью. Чувства его не безотчетны; они основываются на вѣрномъ взглядѣ на вещи: похвалы и порицанія находятъ положительное подтвержденіе въ самомъ повѣствованіи. Иногда они выражаются посредствомъ сравненія съ лицами, увѣковѣченными сказаніемъ библейскимъ: такъ Владиміръ Св. сравнивается въ лѣтописи съ Соломономъ. Безпристрастіе и преобладаніе мысли, сдерживающей увлеченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ *ровности изложенія*: у него нѣтъ порывовъ и витіеватыхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ; но за то она исполнена внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли. Описанія сраженій и побѣдъ, нечаянной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора

и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота изложенія. Къ нѣкоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное сочувствіе, и оно выразилось въ повѣствованіи о нихъ, но выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій.

Бѣдствія, постигшія Русскую землю съ нашествіемъ половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чувство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній. «Половци воеваша много, говоритъ лѣтописецъ, и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогаша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; половци-же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникамъ своимъ. Много роду хрестьянска стражюще: печальни, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лица, почернѣвши тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“, и друзіи: „азъ сего села“; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе, и вздыхающе, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная».

XXVIII. ИЗЪ „РУССКОЙ ПРАВДЫ“.

1. Если мужъ убьетъ мужа, то мстить за брата брату, за отца сыну, за сына отцу, или сыну братнину, или сыну сестрину. Если не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать 40 гривенъ; будетъ ли убитый русинъ или гридень, или купецъ, или должностное лицо, или мечникъ. Если то будетъ изгой или словенинъ, также полагается 40 гривенъ.

2. Или если кто будетъ избитъ до крови или синихъ пятенъ, то такому человѣку не искать свидѣтелей. Если же на немъ не будетъ никакихъ знаковъ, то онъ обязанъ представить свидѣтелей: и буде не можетъ того сдѣлать, то и конецъ дѣлу. Если кто не въ состояніи мстить за себя, то взять ему 3 гривны, да плату лѣкарю.

3. Если кто кого ударитъ бичемъ, или палкой, или пястью, или чашею, или рогомъ, или тупой стороною меча, тотъ платитъ 10 гривенъ. Если бы его и не настигли, то все онъ платитъ 10 гривенъ битому, чѣмъ и кончится дѣло.

4. Если кто кого ударитъ мечемъ, не вынувъ его изъ ноженъ, или его рукояткою, съ того взыскать 12 гривенъ за обиду.

5. Но если кто кого ударитъ по рукѣ, и рука отвалится или отсохнетъ, то платитъ 40 гривенъ. Если нога останется цѣла или же только начнетъ хромать, то дѣтямъ раненаго смирять дерзкаго.

6. Если кто отсѣчетъ у кого какой нибудь палецъ, тотъ платитъ за обиду 3 гривны.

7. За выдернутый усъ 12 гривенъ; за клокъ бороды тоже.

8. Если кто вынетъ мечъ, и однакожъ не ударитъ, тотъ платитъ гривну.

9. Если мужъ толкнетъ мужа отъ себя или къ себѣ, то платитъ 3 гривны; только обиженный долженъ представить двухъ свидѣтелей; если же это будетъ варягъ или колбягъ, то онъ дастъ только присягу.

10. Если рабъ укроется или у варяга, или у колбяга, и если они послѣ трехъ дней не выведутъ его, а господинъ между тѣмъ спознаетъ его въ третій день, то хозяину взять своего раба, да 3 гривны за обиду.

11. Кто безъ спросу поѣдетъ на чужой лошади, тотъ платитъ хозяину 3 гривны.

12. Если кто возьметъ чужую лошадь, или оружіе, или одежду, и хозяинъ спознаетъ ихъ у кого нибудь въ своемъ округѣ, то онъ имѣетъ право взять свою собственность и взыскать за обиду 3 гривны.

13. Но если хозяинъ спознаетъ свою вещь, однакожъ не получитъ ея, то онъ не вправѣ сказать тому, въ чьихъ рукахъ та вещь остается: «Это мое», онъ долженъ сказать ему такъ: «Пойдемъ со мною на сводъ; отыщемъ, у кого ты взялъ это». Если тотъ не пойдетъ, то обязанъ представить двухъ порукъ на 5 дней.

14. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, если кто станетъ искать чего нибудь на другомъ, а сей начнетъ запираться, то истецъ долженъ идти съ нимъ на изводъ передъ 12 гражданъ. И если по изслѣдованію окажется, что отвѣтчикъ поступилъ не право, не давая требуемой вещи, то истецъ въ правѣ взыскать съ него свой скотъ, да за обиду 3 гривны.

15. Если кто, спознавъ своего раба, захочетъ взять его, то отвѣтчикъ долженъ вести господина того раба къ тому, у кого онъ купилъ спознаннаго раба, а этотъ обращается ко второму, второй къ третьему; здѣсь господинъ долженъ сказать третьему: ты мнѣ отдай твоего раба, а ты свой скотъ отыскивай помощью свидѣтелей.

16. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ домѣ, а господинъ не захочетъ выдать его, то платитъ господинъ за него 12 гривенъ. Послѣ ударенный имъ человѣкъ, если встрѣтитъ его гдѣ нибудь, имѣетъ право бить его.

17. Если кто испортитъ копье, или щитъ, или одежду, и пожелаетъ испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то съ него скота. Но если бы онъ испорченнаго не захотѣлъ удержать за собою, то платить ему скота столько, сколько бы онъ самъ заплатилъ за тѣ вещи.

18. Если огнищанинъ будетъ убитъ умышленно, то убійца платитъ за него 80 гривенъ одинъ, а люди не платятъ ничего, за подъѣзднаго княжескаго тоже 80 гривенъ.

19. Если огнищанинъ будетъ убитъ разбоемъ, или убійца не отъищется, то пеню за него платитъ верви, въ которой найденъ трупъ.

20. Если огнищанинъ, совершая воровство въ домѣ, или воруя лошадей, скотъ и коровъ, будетъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, то убить его какъ собаку; это относится и къ тіуну.

21. За княжескаго тіуна 80 гривенъ, за старшаго конюха у стада 80 гривенъ.

22. За сельскаго старосту и за военнаго старосту вознагражденія князю 12 гривенъ, за простаго воина 5 гривенъ.

23. За смерда и холопа 5 гривенъ.

24. За раба кормильца или сына кормильца 12 гривенъ.

25. За коня, принадлежность коего князю обозначена штемпелемъ, 3 гривны, за коня смерда 2 гривны.

26. Если будетъ уведенъ чужой холопъ или раба, то за обиду платится 12 гривенъ.

27. Если мужъ имѣетъ на тѣлѣ ясные слѣды побоевъ „кровавъ или синь", то не нуждается въ свидѣтеляхъ.

28. За истязаніе, безъ дозволенія князя, смерда—3 гривны за обиду.

29. За истязаніе огнищанина, тіуна или мечника 12 гривенъ.

30. За нарушеніе межи и захватъ поля 12 гривенъ за обиду.

31. За воровство ладьи вознагражденія 30 рѣзанъ и пени 60 рѣзанъ.

32. За воровство собаки, ястреба и сокола 3 гривны за обиду.

33. За убійство вора во дворѣ, у дома, у хлѣва, не отвѣчаютъ; захвативъ его и продержавъ до разсвѣта, слѣдуетъ вести его на княжескій дворъ; но если будетъ убитъ воръ, котораго прежде видѣли связаннымъ, то платитъ за него.

34. За кражу сѣна 9 кунъ, за кражу дровъ 9 кунъ.

35. Тому, кто поймалъ вора, 10 рѣзанъ, мечнику отъ трехъ гривенъ куна, въ пользу церкви 15 кунъ, князю 3 гривны; а отъ двѣнадцати гривенъ мечнику 70 кунъ, въ пользу церкви 2 гривны, а князю 10 гривенъ.

XXIX. О СОСЛОВНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ.

(Изъ соч. Ланге «Изслѣдованіе о Русской Правдѣ»).

Изъ Правды видно, что все народонаселеніе современной ей Россіи дѣлилось на княжихъ людей и людиновъ. Такое дѣленіе подтверждается общимъ между тѣми и другими противупоставленіемъ, сдѣланнымъ въ статьѣ Правды: «аже кто убіетъ княжа мужа... то 80 гривенъ, ащели людинъ, то 40 гривенъ». Подъ княжими мужами разумѣли вообще всѣхъ, состоявшихъ въ службѣ князя, даже княжескихъ поваровъ и конюховъ. Къ людинамъ причисляли простыхъ, т. е. недолжностныхъ людей. Изъ этого видно, что служебный элементъ проводилъ въ древности рѣзкую черту между сословіями: служилый человѣкъ принадлежалъ въ высшимъ сословіямъ, неслужилый—къ низшимъ.

Приступая въ частности къ отдѣльному разсмотрѣнію каждаго изъ сословій, мы не будемъ останавливаться на упоминаемыхъ въ Правдѣ боярахъ. Объ нихъ, какъ о княжихъ людяхъ, т. е. какъ о высшемъ сословіи, не можетъ быть никакихъ споровъ и сомнѣній. Значеніе же огнищанъ въ точности не опредѣлено. Они до сихъ поръ даютъ поводъ къ противоположнымъ мнѣніямъ. Слово огнищанинъ, употребленное въ дополнительномъ уставѣ Ярослава, въ постановленіи объ убійствѣ и разбоѣ, замѣнено въ соотвѣтствующей этому главѣ постановленія устава Изяслава болѣе общимъ выраженіемъ княжь мужъ. Принимая, что огнищанами назывались всѣ вообще должностныя лица, состоящія при княжескомъ дворцѣ, мы думаемъ, что слово дворянинъ и по производству, и по значенію въ старину вполнѣ соотвѣтствовало слову огнищанинъ. Такимъ образомъ подъ огнищанами въ древности разумѣли то же, что впослѣдствіи стали разумѣть подъ дворянами, и слово огнищане есть только старинное названіе дворянъ. Между огнищанами и боярами было то различіе, что огнищане, какъ всѣ въ совокупности взятые дворцовые чиновники и служители разныхъ наименованій, такъ и возникшее отъ ихъ потомковъ особое

благородное сословіе, имѣли значеніе единственно отъ службы, образовались изъ людей неродословныхъ, т. е. составляли дворянство выслуженное и, вѣроятно, не могли пользоваться правомъ перехода къ другимъ князьямъ; бояре же напротивъ были дворянствомъ родословнымъ и могли по произволу избирать службу у того или у другаго князя. Но какъ огнищане, такъ и бояре назывались княжими мужами и принадлежали къ высшему сословію.

Низшія сословія вообще назывались людинами. Людины раздѣлялись на людей свободныхъ и несвободныхъ. Къ первымъ принадлежали смерды, къ послѣднимъ закупы и холопы. Закупы находились во временномъ рабствѣ, а холопы въ постоянномъ. Но намъ могутъ возразить: какимъ образомъ подъ названіемъ людины могли разумѣть смердовъ и холоповъ, когда за убійство тѣхъ и другихъ платилось во времена Правды 5 гривенъ, а за людина 40 гривенъ? Не значитъ ли это, что людинъ не одно и то же, что смердъ и холопъ? На такое, повидимому, основательное возраженіе мы отвѣтимъ слѣдующее: пять гривенъ были частнымъ вознагражденіемъ въ пользу родственниковъ убитаго смерда (головничествомъ) или въ пользу владѣльца за умерщвленнаго холопа, тогда какъ 40 гривенъ составляли поступавшую въ казну князя виру, т. е. пеню за то самое преступленіе слѣдовательно, одна плата не исключала другой.

Но въ Правдѣ говорится еще о русинѣ, славянинѣ и изгоѣ, которые тоже, безъ сомнѣнія, принадлежали къ простолюдинамъ, такъ какъ за убійство ихъ назначалась 40-гривенная вира. Теперь представляется вопросъ, кого собственно считали русиномъ, а кого изгоемъ и славяниномъ? Для опредѣленія понятія о русинѣ необходимо имѣть въ виду, что въ XII и XIII вѣкахъ Русь отличали не только отъ Новгорода, но отъ Владиміра и Суздаля, и что подъ нею разумѣли Кіевское княжество и вообще княжества южной Россіи; слѣдовательно, русинами именовались обитатели этихъ княжествъ; такъ напр. Ларіонъ изъ Берестова, поставленный въ митрополиты, названъ у Нестора русиномъ. Такой выводъ тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что руссы иногда различаются въ нашихъ лѣтописяхъ отъ варяговъ и словенъ. Въ одной изъ нихъ сказано: „Ярославъ совокупивъ Русь, варяги и словѣнѣ, поиде противу Болеслава и Святополка,“ т. е. Ярославъ соединилъ жителей княжества Кіевскаго, варяговъ, пришедшихъ изъ за моря, и новгородцевъ, у которыхъ прежде княжилъ. Въ томъ же самомъ значеніи, безъ сомнѣнія, принимаются названія русинъ, славянинъ и варягъ и въ изданной Ярославомъ Правдѣ.

Поговоримъ теперь о славянахъ и изгояхъ. Извѣстно, что поселенцы древней Россіи не удержали въ ней повсемѣстно своего племеннаго названія; его сохранили единственно жители усадьбы Славно, находившейся близь оз. Ильменя, на правомъ берегу рѣки Волхова; слѣдовательно, подъ славяниномъ въ Правдѣ нельзя разумѣть вообще каждаго изъ славянъ, поселившихся въ Руси, а только обитателя Славны. Въ то время, когда противъ этой усадьбы на лѣвомъ берегу Волхова водворились вызванные изъ за моря варяги, подъ покровительствомъ ихъ селились тутъ жители окрестныхъ мѣстъ, которые хотя и были одного племени съ обитателями Славны, но названы отъ послѣднихъ изгоями. Такимъ образомъ, въ древнемъ Новгородѣ обитатели праваго берега Волхова назывались

словенами, а самое мѣсто ихъ обитанія именовалось словенскою стороною; жители лѣваго берега той же рѣки назывались изгоями, а самое мѣсто, гдѣ они жили, прозвалось Софійскою стороною.

Такъ какъ при изданіи Правды названіе Новгорода еще, вѣроятно, не было въ общемъ употребленіи для обитателей обоихъ береговъ Волхова, то обитатели эти и названы въ ней отдѣльно словенами и изгоями, въ совокупности же подъ тѣми и другими слѣдуетъ разумѣть вообще новгородцевъ. Итакъ, по нашему мнѣнію, изгоямъ въ Правдѣ не слѣдуетъ приписывать никакого юридическаго значенія, а просто понимать подъ ними жителей Софійской стороны. Впослѣдствіи могли разумѣть подъ изгоями вообще новыхъ славянскихъ поселенцевъ на какомъ нибудь пустопорожнемъ мѣстѣ. Притомъ мы думаемъ, что въ выраженіи встрѣчаемомъ въ нашихъ актахъ: «дается село съ землею и изгои», слова «со изгои» не всегда показывали уже самое присутствіе послѣднихъ на пожалованной мѣстности, а иногда означали только предоставленіе права ихъ вызова, такъ что жалованіе земли со изгоями и извѣстное въ древней Руси право вызова поселенцевъ на пустопорожнюю землю, по нашему мнѣнію, совершенно тождественны. Кромѣ русиновъ, славянъ и изгоевъ, къ людинамъ также слѣдуетъ причислить простыхъ варяговъ и колбяговъ, о которыхъ мы поговоримъ подробно ниже.

Людины по состоянію дѣлились на смердовъ, закуповъ и холоповъ, а по мѣсту жительства на русиновъ, изгоевъ и славянъ; каждый русинъ, изгой и славянинъ могъ быть смердомъ, закупомъ или холопомъ и наоборотъ. Кромѣ того, по племенному различію людины дѣлились: на славянъ въ обширномъ смыслѣ и на варяговъ и колбяговъ.

Объяснивъ общее названіе людины, изложимъ теперь въ частности наше понятіе о двухъ главныхъ видахъ людиновъ, вмѣщавшихъ всѣ прочіе; т. е. о людинахъ свободныхъ или смердахъ, варягахъ и колбягахъ, и о людинахъ несвободныхъ или закупахъ и холопахъ.

Смердами называли всѣхъ свободныхъ людей низшаго сословія, состоявшихъ подъ данью. Это видно изъ того, что въ 1071 году Янъ, сынъ Вышаты, посланный въ Бѣлозерскъ для сбора дани, узнавъ о злодѣйствѣ двухъ волхвовъ ярославцевъ, прямо предлагаетъ о нихъ бѣлозерцамъ вопросъ: „чья еста смерда“? т. е. какого князя? Такой вопросъ Яна относительно случайно ему попавшихся и неизвѣстныхъ дотолѣ преступниковъ показываетъ, что слово смердъ принималось въ обширномъ значеніи, именно въ смыслѣ подданнаго по понятію тогдашняго времени, т. е. человѣка податнаго. Если же такое значеніе давалось названію смердъ, то, само собою разумѣется, оно могло принадлежать классу общества самому многочисленному, какимъ и было низшее сословіе свободныхъ людей, платившихъ князю дань. Что смерды дѣйствительно были люди свободные, это доказывается назначеніемъ съ нихъ продажъ за преступленія, тогда какъ съ холоповъ продажа не взыскивалась именно потому, что они были не свободные. Итакъ, всѣ свободнаго состоянія люди, платившіе дань, назывались смердами, и потому ни бояре, ни огнищане, т. е. вообще княжи мужи, ни холопы и закупы, какъ не платившіе податей, не принадлежали къ смердамъ. Не могли также именоваться ими варяги и колбяги, которые хотя и были людинами свободнаго состоянія, но не составляли податныхъ сословій.

Несвободные людины, какъ мы уже сказали, раздѣлялись на холо-

Слѣдовательно Амартолъ писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 года, къ которымъ принадлежатъ и походы руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартолъ при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго.

Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій, упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны—описаніе ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣлъ распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя иконоборцами, изложены съ особенною подробностью и энергіею. Обличая ложность началъ, руководившихъ изступленными еретиками, Амартолъ расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Такое же мѣсто занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими.

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ, Амартолъ описывалъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ разсказываетъ о фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываютъ, что иныя заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же выписаны почти дословно.

На Меѳодія Патарскаго ссылается лѣтописецъ нашъ при разсказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтопись, пришли изъ пустыни Етривской. Меѳодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и «по сихъ 8 колѣнъ, въ кончинѣ вѣка» выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюряты новгородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ «зайдуче луку моря», въ которыхъ вѣчный крикъ и говоръ, и люди сѣкутъ гору, «хотяще высѣчися». Это и есть люди, заключенные Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненія того же Меѳодія. Упоминаемый въ лѣтописи авторъ, Меѳодій Патарскій, былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ малоазіатской области Ликіи, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ, наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклетіана около 311 года.

Сверхъ всего этого, въ лѣтопись вводились иногда оффиціальные документы, какъ договоры. По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ; подъ 912 годомъ—другой договоръ Олега съ тѣми же царями; подъ 945 г.—договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его Константиномъ и Стефаномъ; подъ 971 г. — договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтоисца, а въ цѣли заимствованій—искусство его какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе всего вноснаго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычайности, нуждались въ объясненіи для людей мыслящихъ, не вовсе равнодушныхъ къ причинамъ событій. Между источниками первое мѣсто

занимаютъ книги св. писанія. Затѣмъ сами собою представлялись вниманію лѣтописца произведенія его соотечественниковъ, родныя ему по слову и по духу. Въ связи съ памятниками русскими находятся памятники литературы византійской, черезъ посредство которой русское общество ознакомилось съ идеями христіанскими. Въ способѣ пользоваться источниками какъ отечественными, такъ и иностранными, замѣтны единство, одинаковость пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ свидѣтельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а приводитъ изъ него извлеченія, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія.

Между древними монастырями Россіи первое мѣсто занимаетъ обитель Печерская, основанная и устроенная русскими, между тѣмъ какъ другіе монастыри учреждались преимущественно монахами греческими, переселявшимися въ Россію. Съ первыхъ лѣтъ своего существованія кіевская обитель сдѣлалась средоточіемъ монашеской жизни въ Россіи и получила народное значеніе не только для юга, но и для сѣвера и вообще для всей Русской земли. Поэтому въ лѣтописи всероссійской, какъ справедливо называютъ лѣтопись Несторову, сказаніе о Печерскомъ монастырѣ является вполнѣ умѣстнымъ, будучи разсматриваемо и безъ отношенія къ южному происхожденію лѣтописца и пребыванію его въ Кіевѣ.

Сверхъ повѣствованія о христіанскихъ подвижникахъ, свѣтлая сторона картины, изображаемой лѣтописью, заключается въ *преданіяхъ древности*, не умолкнувшихъ еще во времена лѣтописца. Воспоминаніе объ Ольгѣ, Владимірѣ, Ярославѣ и ихъ предшественникахъ составляетъ для нашего лѣтописца прекрасное прошедшее, передаваемое во всей простотѣ и естественности; поэтическій колоритъ приданъ разсказу преданіями народа, коимъ не могъ не сочувствовать народный писатель. Въ преданіяхъ старины, удержанныхъ лѣтописью, русскіе князья являются большею частью побѣдителями, а не побѣжденными, какими правдивая лѣтопись представляетъ ихъ неоднократно во времена половцевъ. Въ печальную годину половецкихъ набѣговъ весьма естественно было дорожить воспоминаніемъ о счастливомъ времени первыхъ князей, коихъ доблестные подвиги приводились въ примѣръ и писателями вѣковъ послѣдующихъ. Что касается до перваго начала преданій, то можно думать, что они слагались въ племенахъ русскихъ какъ при содѣйствіи пришлыхъ норманновъ, такъ и независимо отъ нихъ. Были, безъ сомнѣнія, повѣрья сходныя у славянъ русскихъ и у варяговъ Руси; сходство могло быть въ иныхъ случаяхъ полное, въ другихъ только нѣкоторое—въ основной мысли, обставленной неодинаковыми подробностями. По крайней мѣрѣ многія черты лѣтописныхъ сказаній встрѣчаются въ народныхъ произведеніяхъ славянскихъ племенъ, не подвергавшихся норманскому вліянію. Самое преданіе о смерти Олега, при поразительномъ сходствѣ съ исландскою сагою, не чуждо, по мысли, и міру славянскому. Олегъ, вспомнивъ о конѣ, отъ котораго долженъ былъ умереть, по предсказанію кудесника, пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали кости коня, «голы и лобъ голъ, и посмѣяся ркя; отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти? и въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну и въ ногу и съ того разболѣвся умре». Исландское преданіе говоритъ о подобномъ же предсказаніи вѣщуньи — лица, играющаго весьма важную роль въ древнемъ

какъ только по желанію самого истца. Такое заключеніе едва ли будетъ согласно съ истиной. Тяжи доставляли князьямъ доходы, именно виры и продажи, а судьямъ—судныя пошлины; слѣдовательно, нельзя думать, чтобы производство суда даже надъ извѣстными правительству преступниками не начиналось, если ни отъ кого не было предъявлено иска. Впрочемъ, нельзя отвергать, что вѣроятно большая часть дѣлъ во времена Правды (какъ и въ наше время) начиналась по жалобамъ истцовъ, потому что такія жалобы составляютъ самый скорый и во многихъ случаяхъ единственный путь къ обнаруженію передъ правительствомъ преступленія.

II. Самое производство изслѣдованія по тѣмъ или другимъ тяжамъ было дѣлаемо самымъ истцомъ и заключалось: 1) въ спросѣ обвиняемаго; 2) въ слѣдованіи по слѣдамъ, проложеннымъ преступникомъ; 3) въ очныхъ ставкахъ или сводѣ; 4) въ спросѣ свидѣтелей; 5) въ испытаніи желѣзомъ и водой и 6) въ приводѣ къ ротѣ (присягѣ) отвѣтчика. Приводить отвѣтчика и свидѣтелей къ присягѣ, а также подвергать испытанію обвиняемаго желѣзомъ и водою можно было не иначе, какъ испросивши на то дозволеніе судьи и заплативъ за это установленныя судныя пошлины.

Если истецъ по окончаніи изслѣдованія не находилъ отвѣтчика виновнымъ, то, безъ сомнѣнія, не имѣлъ надобности прибѣгать къ суду; но если слѣдствіе обнаруживало преступленіе отвѣтчика, то истецъ могъ стать съ нимъ передъ судьею для производства суда. Судъ заключался въ повѣркѣ произведеннаго истцомъ изслѣдованія и въ произнесеніи приговора. Повѣрка изслѣдованія заключалась въ допросѣ истца, отвѣтчика, свидѣтелей, въ распросѣ о результатахъ, произведенныхъ испытаній желѣзомъ и водою и выполненія роты. Если дѣло не требовало какихъ-либо предварительныхъ изслѣдованій, то истецъ и отвѣтчикъ могли прямо явиться на судъ и привести видоховъ или же, гдѣ это дозволялось, истецъ могъ на судѣ выполнить присягу въ подтвержденіе своего иска. Такой непосредственной явкой къ суду могли начинаться дѣла о побояхъ. Въ этомъ то смыслѣ и сказано въ Правдѣ: «Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ», т. е. на дворъ посадничій или княжій. Когда дѣло начиналъ самъ посадникъ или какой-либо княжъ мужъ, то онъ самъ производилъ изслѣдованіе, онъ же произносилъ и приговоръ.

Собственное сознаніе въ преступленіи считалось доказательствомъ вины, потому что другіе роды доказательствъ употреблялись только въ случаѣ запирательства. Слѣдованіе по слѣдамъ, оставленнымъ преступникомъ, производилось истцомъ не иначе, какъ съ понятыми. Неотведеніе слѣдовъ преступленія считалось на судѣ полнымъ обнаруженіемъ вины.

Очныя ставки или сводъ принимались какъ средство къ раскрытію истины, но сами по себѣ независимо отъ поличнаго, при которомъ онѣ только и имѣли мѣсто, не составляли доказательства къ обвиненію, а только къ оправданію и то въ томъ случаѣ, если лице, на которое ссылались, подтверждало ссылку отвѣтчика. Относительно свидѣтельскихъ показаній слѣдуетъ замѣтить, что на нихъ могъ опираться какъ отвѣтчикъ, такъ и истецъ. Послухами, о чемъ бы они не свидѣтельствовали, не могли быть холопы. Только въ крайней необходимости допускались къ свидѣтельству боярскіе тіуны, а въ малыхъ тажахъ закупы; слѣдо-

вательно, въ большихъ тяжахъ эти послѣдніе тоже не могли быть свидѣтелями. Какъ отвѣтчикъ, такъ и истецъ могли выводить послуховъ двухъ родовъ. Отвѣтчику дозволялось выставлять въ свою защиту или послуховъ—видокодъ (очевидцевъ) или послуховъ доброй славы; истецъ для обвиненія отвѣтчика могъ представить или послуховъ видоковъ или послуховъ запы, то есть навлекавшихъ своими рѣчами на обвиняемаго одно только подозрѣніе. По показаніямъ видоховъ или послуховъ доброй славы дѣло оканчивалось; по показаніямъ же послуховъ запы не могъ отвѣтчикъ подвергнуться обвиненію, но его можно было имать на желѣзо, на воду или заставить выполнить роту.

Въ послухи запы допускались и холопы съ тою только, конечно, разницею, что хотя бы они и положительно кого обвиняли въ томъ или другомъ преступленіи, какъ видоки, отвѣтчикъ по ихъ рѣчи не присуждался прямо къ наказанію, а истецъ могъ его подвергнуть испытанію желѣзомъ, водою, или требовать выполненія роты. Число свидѣтелей допускалось въ Правдѣ различное. Послуховъ видоковъ какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ, должны были выставлять не меньше двухъ. Послуховъ доброй славы требовалось для оправданія отвѣтчиковъ туземцевъ семь, а для оправданія варяговъ, колбяговъ и вообще чужеземцевъ два человѣка. Послухи-видоки обязаны были выполнять присягу въ удостовѣреніе справедливости своего показанія; но отъ послуховъ доброй славы и послуховъ запы присяги, кажется, не требовалось; по крайней мѣрѣ объ ней въ этихъ случаяхъ въ Правдѣ не упоминается.

Поговоримъ теперь объ испытаніяхъ желѣзомъ и водою. Слѣдуетъ ли подъ ними разумѣть обыкновенную пытку, съ цѣлью вынудить у обвиняемаго сознаніе въ совершеніи преступленія, или такъ называемый судъ божій?

Изученіе Русской Правды совершенно убѣждаетъ въ томъ, что испытаніе желѣзомъ и водою не было простою пыткою, и что въ этихъ случаяхъ обвиненіе или оправданіе кого-либо въ преступленіи вовсе не зависѣло отъ сознанія или запирательства подсудимаго, а основывалось на другомъ началѣ. Обвинялся въ преступленіи тотъ, кто при испытаніи горячею водою или раскаленнымъ желѣзомъ обжигался, а оправдывался тотъ, кто при тѣхъ же условіяхъ, по какому-то чуду, не получалъ обжога. Итакъ, Правда испытаніе желѣзомъ и водою допускала не иначе, какъ въ смыслѣ суда божія. Если принять во вниманіе, что такому суду подвергали только тѣхъ, на кого падало основательное подозрѣніе въ совершеніи преступленія, и коихъ поведеніе не было одобрено, тогда не будетъ удивительно, что на обжогъ при испытаніи желѣзомъ и водою смотрѣли какъ на внѣшнее подтвержденіе виновности, въ которой внутренно были уже убѣждены. Имѣя въ виду притомъ всю осмотрительность, съ какою допускали во времена Правды испытаніе желѣзомъ и водою, становится понятною и та вѣра, что правосудіе божіе непремѣнно придетъ на помощь немощи человѣческой и, измѣнивъ законы природы, обнаружитъ лице неповинное, еслибы по умышленной ошибкѣ, свойственной людямъ, оно было подвергнуто испытанію.

Всякое испытаніе желѣзомъ или водою производилось не иначе, какъ по княжескому слову. Подвергнувшій кого-либо испытанію желѣзомъ или водою произвольно, безъ княжескаго слова, долженъ былъ заплатить продажу

князю и обиженному гривну кунъ *) за муку, какой бы ни былъ результатъ испытанія. Позволеніе на испытаніе кого-либо желѣзомъ давалось только тогда: 1) если не было поличнаго; 2) если было совершено убійство или цѣна тяжи была не менѣе полугривны золота и 3) если истецъ взводилъ на кого-либо подозрѣніе по рѣчамъ стороннихъ людей, а обвиняемый не могъ въ свое оправданіе представить послуховъ доброй славы. Тѣже самыя условія соблюдались и при дачѣ разрѣшенія на испытаніе кого-либо водою, съ тою только разницею, что въ этомъ случаѣ требовалось, чтобы тяжа была менѣе полугривны золота, но не менѣе двухъ гривенъ кунъ. Давая истцу позволеніе на испытаніе кого-либо желѣзомъ или водою, князь или посадникъ взыскивали съ истца пошлину. Къ ротѣ всегда почти допускался только отвѣтчикъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ, въ которыхъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, дозволялось присягать истцу. Истцу дозволялось присягать единственно тогда, 1) если онъ, при запирательствѣ отвѣтчика въ полученіи кунъ въ рѣзъ (въ проценты), не имѣлъ въ свою пользу свидѣтелей, а самый искъ при томъ не превышалъ трехъ гривенъ кунъ и 2) когда варягу или колбягу была нанесена личная обида. Итакъ, какія же Правда, вообще принимала доказательства для обвиненія или оправданія въ преступленіи? Доказательства къ обвиненію были слѣдующія: 1) собственное сознаніе; 2) неотведеніе поличнаго сводомъ или показаніемъ послуховъ видоковъ; 3) неотведеніе слѣдовъ преступленія; 4) полученіе обжога при испытаніи желѣзомъ или водою; 5) показаніе противъ отвѣтчика послуховъ-видоковъ, выставленныхъ истцомъ и 6) присяга истца. Доказательствами къ оправданію было: 1) сводъ, которымъ подтверждалась ссылка отвѣтчика; 2) показаніе послуховъ видоковъ; 3) отведеніе слѣдовъ преступленія; 4) показаніе послуховъ доброй славы; 5) неполученіе обжога при испытаніи водою или желѣзомъ и 6) подтвержденіе отвѣтчикомъ своей невинности присягою.

Обвиненные, на основаніи изложенныхъ нами правилъ судопроизводства, подвергались иногда личному наказанію, но большею частію денежнымъ пенямъ, вирамъ и продажамъ, и кромѣ того, обязаны были вознаградить убытки истцовъ. Безъ сомнѣнія, часто могло случаться, что обвиненные не въ состояніи были заплатить ни денежной пени, ни частнаго вознагражденія. Какъ поступали въ этихъ случаяхъ съ преступниками? Въ Правдѣ сказано: «Аже кто многимъ долженъ будетъ... то вести и на торгъ, продати же и отдати же первыя гостины куны, а домашнимъ, что ся останетъ кунъ, тѣмъ ея подѣлятъ; паки ли будетъ княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прокъ въ дѣлъ». Эта статья о должникахъ, безъ сомнѣнія, примѣнялась и къ несостоятельнымъ преступникамъ, тѣмъ болѣе, что выраженіе: «паки ли будетъ княжи куны», означаетъ не то, чтобы князь былъ кредиторомъ, а скорѣе указываетъ на тотъ случай, когда слѣдовало съ кого-либо взыскать продажу или виру за преступленіе. Итакъ, несостоятельный преступникъ продавался на торгу и вырученными за него деньгами сперва удовлетворялся князь, а остатокъ, если онъ только былъ, дѣлился между частными лицами.

---

*) Гривна серебра равнялась $7^{1}/_{2}$ гривнамъ кунъ, гривна золота—50 гривнамъ кунъ. Цѣнность гривны кунъ можно опредѣлять въ сумму отъ 1 р. до 1 р. 18 к.

Если же слѣдовало съ обвиненнаго взыскать одно только вознагражденіе въ пользу частныхъ лицъ, то вырученной суммой удовлетворяли сначала пришельцевъ изъ инаго города (гостей) и чужеземцевъ, а остатокъ дѣлился между домашними, т. е. между жительствовавшими въ томъ же городѣ, гдѣ и преступникъ. Но сказавъ, что лице, оказавшееся несостоятельнымъ къ платежу пени и частнаго вознагражденія, продавалось на торгу, мы должны разрѣшить еще вопросъ, къ какимъ послѣдствіямъ вела эта продажа? Дѣлался ли проданный преступникъ закупомъ или холопомъ покупщика? По постановленіямъ Правды, холопство возникало слѣдующими пятью способами: 1) покупкой для себя чужаго холопа; 2) женитьбой свободнаго человѣка на рабѣ безъ позволенія ея господина; 3) безусловнымъ поступленіемъ въ услуги; 4) обращеніемъ закуповъ холоповъ въ случаѣ ихъ побѣга или совершенія какого преступленія и 5) рожденіемъ отъ рабовъ. Въ числѣ приведенныхъ нами способовъ не упоминается того случая, чтобы несостоятельный должникъ, проданный на торгу, обращался въ холопа. Притомъ Правда положительно говоритъ, что еслибы кто занялъ у кого куны или взялъ хлѣба съ обѣщаніемъ возвратить все это съ придатками или безъ придатка, то должникъ ни въ какомъ случаѣ не обращался за то въ холопа. Слѣдовательно, остается заключить, что несостоятельный должникъ, возникалъ ли его долгъ вслѣдствіе займа или вслѣдствіе преступленія, по продажѣ на торгу дѣлался только закупомъ покупателя. Поэтому то, какъ мы думаемъ, вслѣдъ за статьею о продажѣ за долги, въ Правдѣ тотчасъ и говорится о закупахъ.

XXXI. О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

(Изъ соч. Ланге «О Русской Правдѣ»).

Относительно происхожденія Русской Правды мнѣнія расходятся: по мнѣнію однихъ, она вполнѣ заимствована изъ германскаго права, по мнѣнію же другихъ, на ней замѣтно совмѣстное вліяніе законовъ германскихъ и византійскихъ. Мнѣніе о византійскомъ вліяніи основано не на обоюдномъ изслѣдованіи началъ сравниваемыхъ законодательныхъ памятниковъ, а только на одномъ внѣшнемъ сближеніи Правды съ нѣкоторыми отдѣльными постановленіями греческихъ императоровъ. Такое сближеніе ничего не доказываетъ. При томъ, нельзя не замѣтить, что византійское право допускаетъ членовредительныя наказанія, которымъ совершенно чужда Русская Правда.

Мнѣнія о германскомъ ея происхожденіи въ особенности держится г. Погодинъ. Доказательства онъ представляетъ слѣдующія: 1) кровавая месть за убійство—законъ по преимуществу скандинавскій; 2) вира есть скандинавское учрежденіе, и самое названіе этой пени происходитъ отъ слова Wehrgeld; 3) судъ изъ 12 гражданъ перешелъ къ намъ изъ скандинавіи; 4) законъ о ѣздѣ на чужомъ конѣ есть чисто скандинавскій; 5) воръ по русскимъ законамъ платилъ 3 гривны, а по датскимъ 3 марки; 6) числа 3, 6, 12 и 40 въ пеняхъ общи руссамъ съ сѣверными народами; 7) испытаніе желѣзомъ перешло къ намъ изъ Скандинавіи; 8) источники рабства одни и тѣже какъ въ Правдѣ, такъ и въ скандинавскомъ правѣ; 9) слова тіунъ, вервь и проч. норманскаго происхожденія.

Разберемъ эти доказательства по порядку:

1. Г. Погодинъ, какъ бы желая заране устранить возраженіе по первому своему доказательству, говоритъ, что охотники спорить, пожалуй, возразятъ общимъ мѣстомъ, что месть встрѣчается у всѣхъ народовъ. Такое возраженіе было бы,

по нашему мнѣнію, вовсе не общимъ мѣстомъ, но мы оставимъ его въ сторонѣ. Г. Погодинъ утверждаетъ, что у скандинавовъ кровавая месть была священнымъ долгомъ родственниковъ убитаго. Но въ Правдѣ месть принимается вовсе не въ такомъ значеніи: она была ничѣмъ инымъ, какъ неограниченнымъ самосудомъ, и кровавою могла сдѣлаться не по какому либо священному долгу, а просто по личному характеру мстителя.

2. Упоминаемая въ Правдѣ вира вовсе не скандинавское учрежденіе. Германская вира всегда уплачивалась убійцею и его родственниками, и никогда не взыскивалась съ общины. Наша же русская вира попреимуществу была общинной пеней, и если иногда, по волѣ самого преступника, не вкладывавшагося прежде въ дикую виру, падала на него лично, то всегда выплачивалась имъ самимъ, а не была, такъ же, какъ и головничество, обязательною для его родственниковъ. Этого же начала держались и въ договорахъ Олега и Игоря съ Греціею, въ которыхъ родственникамъ убитаго дозволялось брать себѣ только имущество, принадлежащее собственно убійцѣ. Германскія законодательства вовсе не знаютъ того, что у насъ извѣстно подъ именемъ дикой виры. Кромѣ того вира въ Германіи и Скандинавіи сполна или въ части поступала къ родственникамъ убитаго, у насъ же вира составляла доходъ князя, и обиженнымъ изъ нея не выдѣлялось ни одной куны. Притомъ, гдѣ основаніе, что названіе вира непремѣнно произошло отъ слова Wehrgeld? Мы, съ своей стороны, думаемъ, что слово вира образовалось отъ славянскаго слова вервь—веревка, а въ переносномъ смыслѣ — связь, союзъ, община. Сама Правда какъ бы указываетъ на порядокъ такого образованія. Въ ней встрѣчаются наименованія, произведенныя отъ слова вервь и имѣющія одинаковое значеніе съ названіемъ вира, именно: вервьное, виревное, вирное. Отъ такихъ производныхъ легко могло образоваться и самое слово вира, въ смыслѣ платы пени вервью, т. е. общинной платы, какою вира попреимуществу и была.

3. Скандинавскій законъ о судѣ изъ 12 гражданъ ясно указываетъ на разительное несходство между Русскою Правдою и скандинавскимъ правомъ. У насъ ни во времена Правды, ни послѣ вовсе не существовало судовъ изъ 12 гражданъ. Мнѣніе о такихъ судахъ произошло отъ неправильнаго пониманія одной статьи въ первоначальномъ Ярославовомъ уставѣ.

4. Законъ о ѣздѣ на чужомъ конѣ, по мнѣнію г. Погодина, чисто-скандинавскій. Страннымъ представляется, чтобы славяне, которые уже въ VI вѣкѣ по Р. Х. были весьма многолюдны и съ тѣхъ поръ до изданія Правды просуществовали еще пять вѣковъ, никакъ, безъ помощи норманновъ, не могли дойти до убѣжденія, что самовольное пользованіе чужимъ конемъ, или вообще чужою собственностью, есть преступленіе. Но допустимъ, что это дѣйствительно было такъ. Отчего же, спрашивается, законъ, запрещавшій такое самовольство, вошелъ въ Правду непремѣнно изъ скандинавскаго права, а не изъ византійскаго? Въ этомъ послѣднемъ тоже находятся постановленія о ѣздѣ на чужомъ конѣ, и съ греками славяне тоже имѣли сношенія. По нашему мнѣнію, разсматриваемая нами статья о конѣ вовсе ни германскаго, ни византійскаго, а просто туземнаго происхожденія; иначе, основываясь на сходствѣ нѣкоторыхъ законовъ, можно бы, пожалуй, доказывать, что Русская Правда заимствована изъ китайскаго уложенія. Кто хочетъ сравнивать одно законодательство съ другимъ, тотъ долженъ сличать ихъ общія начала, ихъ духъ, а не выхватывать частныя положенія то изъ ютландскихъ законовъ, то изъ датскихъ, то изъ шлезвигскихъ, и все примѣривать къ Правдѣ, въ желаніи искать не истины, а только подтвержденія своей любимой мысли.

5. Воръ по русскимъ законамъ платилъ 3 гривны, а по датскимъ—3 марки, слѣдовательно, по мнѣнію г. Погодина, русскій законъ есть скандинавскій. По Русской Правдѣ воръ подвергался не только трехгривенной пенѣ, онъ платилъ и 12 гривенъ и 60 кунъ, наказывался иногда потокомъ и умерщвлялся безнаказанно, если пойманъ былъ на самой татьбѣ. Такъ ли было по датскимъ законамъ? Тѣми, какъ и въ Правдѣ, приняты въ нихъ начала при опредѣленіи наказаній за татьбу? Объ этомъ г. Погодинъ умалчиваетъ.

6. Числа пеней 3, 6, 12 и 40, по мнѣнію г. Погодина, тоже означаютъ германское происхожденіе Правды. Но и въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ встрѣчаются денежныя взысканія въ три, шесть и сорокъ рублей; никто, однакожь, основываясь на этомъ, не станетъ утверждать, что наше уложеніе заимствовано изъ какого либо западно-европейскаго законодательства, въ коемъ бы встрѣчались тѣже самыя числа пеней.

7. Испытаніе желѣзомъ, какъ думаетъ г. Погодинъ, перешло къ намъ изъ Скандинавіи. Основаніе употребленія испытаній желѣзомъ и водою въ судебныхъ доказательствахъ заключалось въ вѣрѣ, что Богъ черезъ такое внѣшнее дѣйствіе непремѣнно обнаружитъ предъ людьми преступника. Безъ такой вѣры означенныя испытанія не могли бы и войти въ общее употребленіе. Если теперь припомнимъ, что испытаніе желѣзомъ производили у насъ сами истцы, а не должностныя лица, и что истцами бывали не одни норманны, но и славяне, и что послѣдніе иногда даже самовольно употребляли этотъ способъ доказательства, какъ видно изъ статьи Правды: «аже смердъ мучитъ смерда безъ княжа слова», то изъ всего этого нельзя не заключить, что вѣра въ дѣйствительность испытанія, какъ судебнаго доказательства, была въ старину общимъ народнымъ убѣжденіемъ. Послѣ этого спрашивается: могли ли норманны привить по своему произволу къ славянамъ эту вѣру, еслибы у нихъ ея не было прежде? Народныя убѣжденія образуются не вдругъ, не по чужой прихоти, а создаются медленно, въ продолженіе многихъ вѣковъ, и, безъ сомнѣнія, испытанія водою и желѣзомъ возникли еще въ отдаленной языческой древности.

8. Источники рабства, по мнѣнію г. Погодина, какъ въ Правдѣ, такъ и въ скандинавскихъ законахъ одни и тѣже. Основываясь на Стрингольмѣ, г. Погодинъ вычисляетъ слѣдующіе источники рабства по скандинавскому праву: 1) воры дѣлались рабами того, кого обворовали; 2) должникъ дѣлался рабомъ своего заимодавца, и 3) каждый могъ добровольно продавать свою вольность. Но источники холопства въ Правдѣ были не совсѣмъ такіе. Во-первыхъ, тать свободнаго состоянія никогда не обращался у насъ за татьбу въ холопа; только закупы дѣлались за воровство рабами, но не тѣхъ лицъ, кого обворовали, а, напротивъ, своихъ господъ. Во-вторыхъ, должникъ никогда не становился у насъ холопомъ своего заимодавца, да и не всякій заимодавецъ могъ имѣть рабовъ, и потому должника постановлено было продавать на торгу, и то не въ холопы, а въ закупы. Наконецъ, добровольное холопство хотя и допускалось въ Правдѣ,—но что это доказываетъ? Извѣстно, что и въ древней Греціи и Римѣ также дозволялось желающимъ поступать въ кабалу.

9. Г. Погодинъ находитъ въ Правдѣ нѣсколько словъ, по его мнѣнію, норманскаго происхожденія. Допустимъ, что филологическіе выводы г. Погодина будутъ признаны правильными знатоками дѣла,—все это не поведетъ къ подтвержденію означеннаго выше мнѣнія. Каждый изъ законовъ какого либо народа предполагаетъ ту или другую мысль, а вся совокупность ихъ заключаетъ въ себѣ извѣстныя начала. При заимствованіи славянами какого либо слова, положимъ у норманновъ или у татаръ, развѣ съ тѣмъ вмѣстѣ могла заимствоваться самая мысль того или другаго закона, то или другое начало права? Какая же можетъ быть связь между происхожденіемъ цѣлаго законодательства и заимствованіемъ словъ? По нашему мнѣнію—никакой.

Итакъ, Русская Правда вовсе не имѣетъ такого тождества съ скандинавскимъ правомъ, какое видитъ въ ней г. Погодинъ. Но, безъ сомнѣнія, онъ и самъ не въ разобранныхъ нами выше доказательствахъ полагаетъ главную опору своихъ убѣжденій, а въ тѣхъ, по его мнѣнію, истинахъ, что варяго-руссы были норманны, и что Русская Правда издана собственно для нихъ, а не для славянъ. Разсмотримъ кратко и эти положенія г. Погодина. Русская Правда была дана, по нашему мнѣнію, не для однихъ варяго-руссовъ. Это доказывается слѣдующимъ:

1) Если бы дѣйствіе Русской Правды простиралось только на варяго-руссовъ, а славяне «жили по прежнему», не справляясь съ нею, то не для чего было бы

въ основаніи ея участвовать не варягамъ. Между тѣмъ, въ числѣ ея составителей упоминаются Чюдинъ и сынъ его Иванко Чюдиновичъ, которыхъ самъ г. Погодинъ называетъ финнами. Кромѣ того нѣтъ доказательствъ, чтобы составители Правды, напр. Перенѣгъ, Мирославъ, носящіе славянскія прозвища, были нѣмцы и знатоки скандинавскаго права.

2) Если бы Правда дана была для варяго-руссовъ, т. е., по мнѣнію г. Погодина, для германцевъ, то для чего она написана на славянскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ? Самъ же г. Погодинъ утверждаетъ, что варяги, хотя жили вмѣстѣ съ славянами, но не сплавлялись съ ними въ продолженіе двухъ или трехъ вѣковъ. Какъ же могло случиться, что этому несплавившемуся еще съ славянами племени дали законы, написанные на языкѣ смердовъ? Правда же не была переводомъ съ языка нѣмецкаго—это неотразимо доказываютъ самые обороты ея рѣчи.

3) Въ Русской Правдѣ сказано: «То ти уроци смердамъ, аже платятъ князю продажю». Если смерды платили продажу, то слѣдовательно подлежали дѣйствію Правды; смердами же, какъ г. Погодинъ утверждаетъ, «на языкѣ пришлаго гордаго племени назывались туземцы». Значитъ, Правда попреимуществу могла касаться славянъ, по многолюдству ихъ, а не пришельцевъ. Кромѣ того, въ ней весьма нерѣдко говорится о преступникахъ, холопахъ и закупахъ, въ этихъ же сословіяхъ нельзя предполагать однихъ варяго-руссовъ.

4) Не только преступники славяне, но и обиженные изъ нихъ получали удовлетвореніе на основаніи Русской Правды. Въ ней означена стоимость лошади смерда, на случай если бы напр. она была у него украдена; опредѣлена продажа на случай самовольнаго преданія его «мукѣ», и назначена ему гривна въ вознагражденіе за обиду. Кромѣ того постановлено было за убитаго смерда платить родственникамъ его 5 гривенъ головничества.

Все это положительно убѣждаетъ насъ, что Русская Правда составлена не для однихъ варяго-руссовъ. Мы даже думаемъ напротивъ, что она издана была преимущественно для простолюдиновъ, т. е. для смердовъ, закуповъ, холоповъ, простыхъ варяговъ и колбяговъ; бояре же и огнищане, т. е. собственно варяго-руссы, большею частью не подлежали суду по Русской Правдѣ, а, вѣроятно, подвергались отвѣтственности по личному усмотрѣнію князя.

XXXII. РАЗЛИЧНЫЯ МНѢНІЯ ОБЪ УДѢЛЬНОМЪ ПЕРІОДѢ.

(Изъ соч. Бестужева-Рюмина «Русская Исторія» т. I).

Періодъ удѣльный обыкновенно и весьма основательно считается самымъ труднымъ для пониманія и объясненія: многочисленность разрозненныхъ центровъ исторической жизни, множество лицъ, постоянно борющихся между собою изъ-за причинъ не совсѣмъ ясныхъ для насъ, отдаленныхъ потомковъ, участіе населенія городовъ въ этихъ распряхъ—все это заставляетъ смотрѣть на время отъ Ярослава до нашествія татаръ, какъ на самый мрачный по событіямъ и темный для изслѣдованія періодъ. Ясно, слѣдовательно, что должно было появиться много попытокъ найдти руководящую нить въ этомъ лабиринтѣ переплетающихся отношеній. Два вопроса представляются изслѣдователю: 1) какъ образовалась удѣльная система? и 2) чѣмъ поддерживалось единство Русской земли?

На вопросъ о томъ, какъ образовалась удѣльная система, почему Русская земля распалась на нѣсколько отдѣльныхъ земель, даваемы были различные,непохожіе одинъ на другой, отвѣты: историки прежняго вре-

мени, и даже *Карамзинъ*, полагали, что раздѣленіе Руси на удѣлы есть слѣдствіе личной слабости князей, ихъ любви къ дѣтямъ; *Полевой* видитъ въ надѣленіи князей удѣлами противодѣйствіе развивающемуся будто феодализму; *Надеждинъ*, находя совершенно основательно, что въ нашей удѣльной системѣ нѣтъ ничего общаго съ феодализмомъ, приходитъ къ тому выводу, что полное объясненіе факта раздѣленія Руси надо искать въ обычаяхъ славянскихъ народовъ; впослѣдствіи этотъ намекъ не остался безъ исполненія; *М. П. Погодинъ* видитъ причину образованія удѣловъ въ общемъ правѣ княжескаго рода владѣть землею; пріобрѣтенною трудами ихъ отцевъ и дѣдовъ; таково же мнѣніе *С. М. Соловьева*, хотя и опирающееся на другое основаніе—на родовой бытъ; тоже думаетъ и большинство новыхъ изслѣдователей. Слѣдственно, принадлежа къ княжескому роду, каждый князь считалъ себя въ правѣ получить во владѣніе извѣстный участокъ территоріи съ соединеннымъ съ нимъ правомъ на судъ и дань. Примѣръ другихъ славянскихъ племенъ подтверждаетъ эту мысль: удѣльные князья являются у другихъ славянскихъ племенъ точно такъ же, какъ и на Руси. Противъ этого мнѣнія въ недавнее время послышались возраженія, изъ которыхъ самое вѣское принадлежитъ *В. В. Пассеку*, видящему главную причину образованія удѣловъ не столько въ княжескихъ отношеніяхъ, сколько въ стремленіи городскихъ общинъ къ самостоятельности. Прежде всего, по его мнѣнію, выдѣляются старыя общины и получаютъ своихъ отдѣльныхъ князей; затѣмъ нѣкоторые изъ пригородовъ, находившихся въ полной зависимости отъ старыхъ городовъ, становятся сильнѣе и стремятся тоже къ самостоятельности: этимъ В. В. Пассекъ объясняетъ борьбу Ростова и Суздаля, старыхъ пригородовъ, съ Владиміромъ. Къ этому мнѣнію отчасти склоняется и *Н. И. Костомаровъ*. Нѣтъ никакаго сомнѣнія въ томъ, что такой основной фактъ, какъ дробленіе государственной территоріи, не можетъ быть вызванъ только одною причиною; въ этомъ едва ли не всѣ согласны; но, выдѣляя одну причину, какъ главно-дѣйствующую къ сожалѣнію, мало обращаютъ вниманія на остальныя, отчего многія явленія остаются необъяснимыми. Такъ и въ настоящемъ случаѣ княжескія стремленія совпадаютъ съ желаніемъ городовъ имѣть князя у себя, и едва ли можно сказать, чтобы одинъ изъ этихъ фактовъ былъ причиною другаго. Они встрѣчаются, и взаимодѣйствіе ихъ образуетъ тотъ порядокъ вещей, который мы называемъ удѣльною системою.

Единство Русской земли въ періодъ удѣльный объясняется одними родовыми отношеніями между князьями, другими—господствомъ въ этотъ періодъ федеративнаго начала; наконецъ, существуетъ еще объясненіе всѣхъ отношеній этого періода договорами князей съ народомъ и князей между собою.

Главными представителями теоріи родовыхъ отношеній, въ настоящее время наиболѣе распространенной, являются *М. С. Соловьевъ* и *К. Д. Кавелинъ*, выходившіе изъ ученія знаменитаго Эверса, объяснявшаго всѣ явленія русской жизни въ періодъ варяжскій родовымъ бытомъ. По мнѣнію ученыхъ представителей этой теоріи, варяжскіе князья, призванные въ Россію, подчинялись общему строю жизни, приняли господствовавшія у славянъ родовыя понятія и положили ихъ въ основаніе своихъ взаимныхъ отношеній: такъ сложилось понятіе о родовомъ старѣйшинствѣ, опредѣляемомъ степенью близости къ родоначальнику, причемъ дяди

первенствуютъ надъ племянниками, которые становятся старшими только послѣ всѣхъ дядей. У Ярослава шесть сыновей: Володиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь. По смерти Ярослава старшимъ долженъ былъ быть Володиміръ, но онъ умеръ, а право представительства не допускается въ древней Руси, и сынъ его не можетъ быть старшимъ; слѣдовательно, старшинство переходитъ къ Изяславу, и потомъ по порядку къ каждому изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ, а послѣ нихъ къ старшему изъ сыновей того брата, который первый былъ великимъ княземъ. При каждомъ возвышеніи одного изъ князей на кіевскій столъ, его собственный столъ переходитъ къ старшему по немъ. Слѣдственно, князья не осѣдаются на одномъ мѣстѣ, а постоянно движутся. Въ подкрѣпленіе этой мысли приводятся слова Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: «Яко же отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхождаше на великое княжество Кіевское, еще и намъ и вамъ лѣствичнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыти». Волости князей умершихъ, не достигнувъ старшинства, дѣлятся между оставшимися, а сыновья ихъ не получаютъ никакой доли и становятся *изгоями* (сыновья Ростислава Владиміровича, Игоря и Вячеслава Ярославичей); если же за ними и остается ихъ волость, то въ качествѣ совсѣмъ особаго владѣнія (Полоцкъ, позднѣе Галичь). Первая борьба между князьями, по мнѣнію С. М. Соловьева, начата именно этими князьями-изгоями при Изяславѣ Ярославичѣ; оканчивается она при Святополкѣ—Михаилѣ на Любечскомъ съѣздѣ, когда всѣ князья получаютъ волости. Мономахъ грозно держитъ великокняжеское достоинство, также и сынъ его, Мстиславъ; но послѣ Мстислава снова начинаются усобицы: сначала Черниговскіе князья добиваются возвратить право на старшинство, потерянное тѣмъ, что ихъ предокъ Святополкъ Ярославичъ не былъ законнымъ великимъ княземъ; ихъ стремленія поддерживаютъ сыновья Мстислава, чтобы не уступить дядѣ Юрію. Когда послѣ Всеволода Ольговича Изяславъ Мстиславичъ свергаетъ брата его Игоря, начинается усобица между нимъ и Юрьемъ, который поддерживаетъ права дяди, а Изяславъ защищаетъ права племянника отъ старшаго брата, но долженъ, наконецъ, прикрыться именемъ другаго дяди—Вячеслава. Родовыя отношенія сами собою не могли ослабнуть, по мнѣнію С. М. Соловьева, ибо когда родъ распадается на семьи, то въ каждой семьѣ начинаются тѣ же явленія, и потому на смѣну родовому началу должно было выступить иное—начало территоріальное. Происхожденіе этого начала, выступившаго со времени Андрея Боголюбскаго, С. М. Соловьевъ объясняетъ своею гипотезою о старыхъ и новыхъ городахъ: у старыхъ городовъ, имѣвшихъ свое самоуправленіе, были пригороды, которые отъ нихъ зависѣли: «на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ». Отчего же это было такъ? Оттого, что пригороды были колоніями стараго города; слѣдственно, если пригородъ построенъ княземъ, то всѣ права стараго города переходятъ на князя. Оттого князь Суздальской земли, гдѣ кромѣ старыхъ городовъ, Ростова и Суздаля, всѣ остальные построены княземъ, является такъ силенъ; вслѣдствіе этого возникаетъ борьба старыхъ городовъ съ новыми по смерти Андрея, и побѣда новыхъ городовъ есть побѣда князя. Эта особенность Суздальской земли породила новое начало въ русской исторіи и повела къ созданію государства. Когда территоріальное могущество смѣнило родовые счеты, борьба пошла изъ-за него;

въ этой борьбѣ побѣдили князья московскіе. Такъ представляетъ себѣ С. М. Соловьевъ ходъ древней русской исторіи, и поэтому мало значенія даетъ татарскому владычеству, все объясняя причинами внутренними. *К. Д. Кавелинъ*, соглашаясь во многомъ съ С. М. Соловьевымъ, иначе объясняетъ переходъ отъ родоваго быта въ государственный: онъ полагаетъ, что на ослабленіе родовыхъ связей имѣло вліяніе раздробленіе рода на вѣтви, при чемъ каждая вѣтвь усѣлась на мѣстѣ и явилось понятіе о вотчинѣ; затѣмъ интересы владѣльческіе, территоріальные, должны были одержать перевѣсъ надъ кровными; родъ княжескій превратился во множество отдѣльныхъ владѣльцевъ. И то, и другое объясненіе равно односторонни, ибо самое понятіе отчины явилось гораздо ранѣе, чѣмъ они допускаютъ; что же касается старыхъ и новыхъ городовъ, то здѣсь еще многое остается доказать. Напримѣръ хоть бы то, отчего старые города продолжаютъ считать Владиміръ своимъ пригородомъ, въ чемъ соглашается и лѣтописецъ, называя володимірцевъ: «Новіи люди мизиніи»; потомъ, отчего же новые города по Стугнѣ, Росѣ и т. д., и въ землѣ Рязанской не повели къ подобнымъ результатамъ? Впрочемъ, самъ С. М. Соловьевъ указываетъ на другую причину различія сѣверной (преимущественно суздальской) Руси съ южною въ различіи характера населенія; но и здѣсь причину различія находитъ только въ природныхъ условіяхъ, что нѣсколько односторонне. Вообще теорія эта, любопытная, какъ попытка осмыслить русскую исторію, во многомъ неудовлетворительна: 1) она ограничивается только княжескимъ родомъ, а онъ былъ далеко не единственнымъ дѣятелемъ исторіи; 2) она имѣетъ въ виду идеалъ, а въ дѣйствительности мы видимъ, что родовыя отношенія наблюдались очень мало: столы получались вслѣдствіе призванія, завѣщанія и т. д. Важно то, что она указала на княжескій идеалъ; но идеалъ еще далеко не дѣйствительность.

Другая теорія, теорія господства въ древней Руси федеративнаго начала, была высказана *Н. И. Костомаровымъ*. Теорія эта состоитъ въ томъ, что княжества (или системы княжествъ) соотвѣтствуютъ первоначальнымъ племенамъ, на которыя дѣлилась русская отрасль славянъ, и что удѣльный періодъ связалъ эти части въ одну федерацію. Теорія эта по частямъ высказывалась нерѣдко: такъ многіе говорили, что раздѣленіе Руси по княжествамъ соотвѣтствуетъ раздѣленію на племена; но точность соотвѣтствія границъ княжествъ съ границами племенъ опровергается тѣмъ замѣчаніемъ, что нерѣдко племя раздроблено между двумя княжествами. Самая мысль о федераціи впервые высказана кн. *М. М. Щербатовымъ*, сравнивавшимъ устройство древней Руси съ устройствомъ Священной Римской имперіи. Н. И. Костомаровъ ставитъ свою теорію нѣсколько иначе: онъ говоритъ, что въ періодъ удѣльный (удѣльно-вѣчеваго уклада, какъ онъ выражается) „части начали проявлять свою самобытную жизнь одну за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитыя изъ меньшихъ“. Такихъ большихъ народностей онъ насчитываетъ шесть: 1) южно-русская, 2) сѣверская, 3) великорусская, 4) бѣлорусская, 5) псковская и 6) новгородская. При чемъ полагаетъ, что и до сихъ поръ они сохранились. Вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ разныхъ мѣстностей до сихъ поръ еще не достаточно разъясненъ: нужны болѣе точныя наблюденія, нужны мѣст-

ные словари; но и теперь уже несомнѣнно, что эти мѣстныя особенности не образуютъ не только особыхъ народностей, но даже и особыхъ племенъ, что разница между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіемъ менѣе сильна, чѣмъ между hoch deutsch и plat deutsch, между langue d'oc и langue d'oil и т. п. Эти *народности* соединились между собою федеративною связью. Въ чемъ же выражалась федерація? Во 1-хъ въ единствѣ происхожденія и языка, во 2-хъ, въ единомъ княжескомъ родѣ, въ 3-хъ, въ христіанской вѣрѣ и единой церкви. Но гдѣ же единыя связующія учрежденія? Федераціею наука называетъ такое устройство, при которомъ части, пользуясь значительною самостоятельностью, уступаютъ часть своей самодержавности въ пользу одной центральной власти, представляемой какимъ-либо постояннымъ учрежденіемъ или конгрессомъ и президентомъ или сеймомъ. Въ древней Руси не было такихъ учрежденій: власть великаго князя покоилась на обычаѣ.

По мнѣнію *В. И. Сергѣевича*, столы не наслѣдовались, а *добывались* въ древней Руси. Основа этого воззрѣнія—въ ученіи *Б. Н. Чичерина*, что въ Руси княжеской преобладало начало частное, личное. Частное начало, какъ полагаетъ В. И. Сергѣевичъ, ограничивалось договорами; такимъ образомъ весь бытъ этой эпохи сложился подъ вліяніемъ договоровъ: княжескія отношенія опредѣлялись договорами, отношенія князя къ народу—тоже. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что договоры существовали въ древней Россіи; но вопросъ въ томъ, когда и гдѣ они появились? Даровитый профессоръ дѣлаетъ важную ошибку: онъ излагаетъ свой предметъ не въ историческомъ развитіи, а догматически, вслѣдствіе чего смѣшиваются эпохи. Къ тому же *ряды*, упоминаемые въ лѣтописи, еще не договоръ, хотя въ нихъ зерно договора. Договоръ есть явленіе позднѣйшее, результатъ сознанія и необходимости тѣхъ или другихъ условій, отчего эта форма такъ развита въ Новгородѣ и между князьями московской эпохи; многое должно было опредѣлиться прежде, чѣмъ появится эта форма. Мы знаемъ, что до сихъ поръ русскіе люди многія сдѣлки совершаютъ на вѣру, по душѣ, безъ подробныхъ договоровъ. Потому едва ли не правѣе были славянофилы (Аксаковъ), полагавшіе, что основа отношеній князя къ народу была вѣра, а не договоръ. Не надо также забывать обычаи, «пошлины», которые являются прежде всякихъ договоровъ и составляютъ столь же прочное основаніе общественнаго развитія.

Изъ всего сказаннаго ясно, что мы не довольны ни одною изъ теорій, взявшихся объяснять государственный бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнѣнія, что одного движущаго начала не было, и что пестрота событій объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ началъ.

XXIII. О РОДОВЫХЪ КНЯЖЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ВЪ НАЧАЛѢ УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА.

(По сочиненію проф. Соловьева: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома»).

Мы привыкли къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, исчезновеніе удѣловъ при Іоаннѣ III, при сынѣ его Василіи, при Іоаннѣ IV. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава I-го до конца XVI-го вѣка, была раздѣлена, ставимъ удѣлъ на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система.

Но раскроемъ лѣтописи отъ временъ Ярослава I-го до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? Встрѣчаемъ ли выраженіе: удѣльный князь и великій? Происходитъ ли борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла на счетъ другаго, раздѣлена ли наконецъ Россія? Нисколько: всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣнія, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиненъ интересу родича. Вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономаховичами есть борьба удѣловъ? Борьба Чернигова съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? это борьба за единство Ярославова рода, за общность, нераздѣльность владѣнія: „Мы внуки одного дѣда“, говорятъ Святославичи, и потому домогаются Кіева. Начинается вторая борьба, въ семьѣ Монамаха, между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлы, но за старшинство. Наконецъ третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобы старшій князь поступалъ съ младшими, какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же удѣлы? Въ лѣтописи вы не находите отношеній великаго князя съ удѣльнымъ, вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ; даже самое слово *удѣлъ*, мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи; если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: волость и столъ. Такимъ образомъ выраженіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

Разсмотримъ же поближе, въ чемъ состояла сущность этихъ родовыхъ отношеній.

Значеніе старшаго въ родѣ или великаго князя. Старшій въ родѣ княжескомъ или великій князь, принималъ въ отношеніи къ младшимъ членамъ рода значеніе отца, былъ для нихъ *въ отца мѣсто*, по тогдашнему выраженію. Принимая на себя такой характеръ, великій князь имѣлъ обязанность блюсти интересы рода; такъ Ростиславичи въ 1195 г. говорили великому князю Всеволоду III: „А ты, братъ, въ Володимера племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести и о нашей". Съ своей стороны, младшіе князья обязаны были великому князю, какъ отцу, глубокимъ уваженіемъ и покорностью; такъ, Ростиславъ Мстиславичъ смоленскій, призываемый въ 1159 году младшими родичами на старшій кіевскій столъ, говоритъ имъ: „Оже мя въ правду зовете съ любовію, то я всяко иду Кыеву на свою волю, яко вы имѣете мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходите". Формулы для выраженія отношеній младшихъ князей къ великому были слѣдующія: 1) *младшій обязанъ былъ ѣздить подлѣ стремени старшаго*; такъ Ярославъ Галицкій, признавая старшинство Изяслава Мстиславича, говоритъ: „Нынѣ отце, кланяютися, прими мя яко сына своего Мстислава тако же и мене, отъ ѣздить Мстиславъ подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тобе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣжцю, всими своими полкы". Давидовичи говорятъ Изяславу Мстиславичу: „А пусти брата нашего, а мы подлѣ тебе ѣздимъ", т. е. если ты освободишь нашего брата, то мы признаемъ тебя старѣйшимъ. Младшій имѣлъ старшаго господиномъ, *былъ въ его волѣ:* „Вельми радъ, господине отце", говоритъ Ростиславъ Мстиславичъ дядѣ Вячеславу: „Имѣю тя отцемъ господиномъ, яко же и братъ мой Изяславъ имѣлъ тя и въ твоей воли были". *Младшій смотрѣлъ на старшаго*: „Они же вси (рязанскіе князья) зряху на Ростистава, имѣяхуть й отцемъ собѣ». Великій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ членовъ рода; Ростиславъ Юрьевичъ говоритъ Изяславу Мстиславичу: „А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди". Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ совѣта родичей наказать Давида Игоревича: „Яко бѣ Давидова сколота; то иди, ты, Святополче, по Давида, и любо ими, любо прожени". Однако великій князь не могъ лишить волости младшаго князя или наказать его другимъ какимъ нибудь образомъ по произволу, безъ обличенія въ винѣ; князья говорятъ Святополку Изяславичу: „Чему еси ослѣпилъ братъ твой? аще бы ти вина кая была намъ, обличалъ бы еси предъ нами, и упрѣвъ, сотворилъ ему". Ростиславичи говорятъ Боголюбскому: „А намъ путь кажеши изъ Руськой земли, безъ нашеѣ вины"; слѣдовательно, они признавали право великаго князя лишить волости, если младшій провинится. Наконецъ младшій долженъ былъ соглашаться на распоряженія старшаго безъ возраженій, не имѣлъ права подавать совѣта старшему, и когда послѣдній спрашивалъ его мнѣнія, то считалъ это за большую для себя честь и снисхожденіе; когда Изяславъ Мстиславичъ страшивалъ совѣта младшаго брата своего Ростислава, тотъ отвѣчалъ: „Брате! кланяютися, ты еси мене старѣй, а какъ ты угадаеши а азъ въ томъ готовъ есмь; аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ быхъ, брате, тако реклъ" и проч.

Изъ этихъ свидѣтельствъ легко можно заключить, какую обширную власть имѣлъ старшій въ родѣ надъ младшими; но тѣ же самыя родовыя

понятія, которыя придавали ему такое высокое значеніе, тѣже самыя понятія стѣсняли его власть, ограничивали ее въ пользу младшихъ членовъ, а именно: старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ власть, пока самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, т. е. пока не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ цѣлаго рода, пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго, какъ на собственнаго сына, не дѣлая никакого различія между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Какъ же скоро старшій въ родѣ пренебрегалъ своими отеческими обязанностями, какъ скоро предпочиталъ собственныя выгоды, выгоды дѣтей своихъ интересамъ родичей, то онъ терялъ свое значеніе старшаго и отца, всѣ его права, равно какъ обязанности младшихъ къ нему, рушились, его власть замѣнялась или общимъ родовымъ совѣтомъ, или, въ случаѣ раздора между князьями, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, защищалъ свои права, какъ умѣлъ и какъ могъ. Такъ, когда Всеволодъ Ольговичъ, доставши кіевскій столъ, пренебрегъ интересами рода Святослава, котораго былъ старшимъ, и для выгодъ собственнаго сына искалъ дружбы Мстиславичей, не давая хорошихъ волостей братьямъ, то послѣдніе сказали ему: „Ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати... и не любякуть сего Олговичи, братья Всеволода, и поропташа нам, аже любовь имѣетъ съ Мьстиславичи съ шюрьями своими, а съ нашими ворогы, и осаждался ими около, а намъ на безголовіе и безъмѣстье и собѣ“. Такъ, Ростиславъ Юрьевичъ, видя несправедливость отца, не давшаго ему волости, отступилъ отъ него, и обратился ко врагу его, Изяславу Мстиславичу; послѣдній при этомъ случаѣ говоритъ, что отецъ Ростислава, Юрій старше ихъ всѣхъ, но что они, младшіе, не могутъ признать этого старшинства, ибо Юрій не исполняетъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ, и что онъ, Изяславъ, принялъ въ такомъ случаѣ старшинство на себя, и клянется выполнить свои отеческія обязанности: „Всѣхъ васъ старѣй отецъ твой, но съ нами не умѣетъ жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, яко и душю свою».

Наконецъ младшіе отказывали въ повиновеніи старшему, если тотъ хотѣлъ обращаться съ ними не по родственному, не какъ съ сыновьями, а какъ съ подчиненными правителями, подручниками; такъ, Мстиславъ Ростисловичъ говоритъ Андрею Боголюбскому: «Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ». Обязанность старшаго блюсти выгоды своего рода, имѣть всѣхъ своихъ родичей «акы и душю» не позволяла ему считать себя полновластнымъ владѣльцемъ родовой собственности, располагать ею по произволу; онъ былъ только совладѣльцемъ съ младшими родичами и распоряжался волостями сообща съ ними; этимъ объясняются множественныя формы, встрѣчаемыя въ лѣтописи, *посадиша*, *вынаша* и проч., которыми означается распоряженіе цѣлаго рода, хотя, повидимому, дѣйствуетъ одинъ великій князь; напримѣръ: „преставись Вячеславъ, сынъ Ярославль, въ Смоленскѣ, и посадиша Игоря въ Смоленску“. Вотъ почему старшій въ родѣ, бывшій другимъ *въ отца мѣсто*, по занятіи старшаго стола, дѣлалъ рядъ съ младшею братею касательно распредѣленія родовой собственности; напримѣръ: «Иде Святославъ ко

Любчю и призва къ себѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, ряды ему дѣющю, гдѣ же удѣся велико зло въ Кыевѣ и проч.». При этихъ рядахъ опредѣляли не только, какому князю владѣть какою волостію, но также извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться князья въ своемъ поведеніи. Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то князья дѣлали другъ съ другомъ ряды—если кто нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то чтобъ отдалъ другому какую нибудь область. «Святославъ же нача слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: «На чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а помяни первый рядъ; реклъ бо еси, аже я сяду въ Кыевѣ, то я тебе надѣлю, пакы ли ты сядеши въ Кыевѣ, то ты мене надѣли; нынѣ же ты сѣлъ еси, право ли, криво ли—надѣли же мене». Ясно, что если каждый великій князь долженъ былъ дѣлать ряды съ братею, то завѣщанія въ древней Руси существовать не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ право располагать собственностью по произволу.

Какъ пріобрѣталось великокняжеское достоинство или старшинство въ родѣ? Первымъ, главнымъ правомъ на великокняжеское достоинство было старшинство физическое; слѣдовательно, дядя имѣлъ первенство надъ племянникомъ, старшій братъ надъ младшими, мужъ старшей сестры надъ младшими шурьями, старшій шуринъ надъ младшими зятьями. Касательно старшинства дяди предъ племянниками Изяславъ Мстиславичъ говоритъ о Вячеславѣ Владиміровичѣ: «А если есть яко отецъ стрый свой». Въ другомъ мѣстѣ: «Язъ Кыева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячеславъ братъ старѣй, а тому его ищю». Ростиславъ Мстиславичъ говоритъ Юрію Долгорукому: «Отче! кланяютися, стрый ми еси яко отецъ». Касательно преимущества старшаго брата надъ младшимъ св. Борисъ говоритъ про Святополка: «Тось ми буди въ отця мѣсто». О правѣ старшаго зятя надъ младшими шурьями Изяславъ Мстиславичъ говоритъ: «Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старшаго, занеже ми братъ и зять старѣй меня яко отецъ». И такъ по первому, естественному представленію о старшинствѣ, дядя постоянно имѣлъ право предъ племянникомъ. Но теперь обратимъ вниманіе на второе представленіе: по смерти отца старшій братъ заступалъ его мѣсто для младшихъ, становился отцемъ въ отношеніи къ нимъ, слѣдовательно, его дѣти должны были стать братьями дядямъ своимъ; и точно такое представленіе существовало при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, ибо мы видимъ, что сыновья старшаго брата называются братьями дядямъ своимъ; такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу Мстиславичу: «Се, брате, на мя еси приходилъ», и проч. Глѣбъ, сынъ Юрія, ясно говоритъ Изяславу, что онъ для него имѣетъ совершенно тоже значеніе, какое и отецъ Юрій: «Ако мнѣ Гюрги отецъ, тако мнѣ и ты отецъ, а язъ ти ся кланяю». Но при такомъ представленіи необходимо раждался вопросъ: старшій сынъ старшаго брата, который сталъ отцемъ для младшихъ братьевъ, сталъ по этому самому братомъ дядямъ своимъ, но какимъ братомъ, старшимъ или младшимъ? Здѣсь опять два представленія: первое, основываясь на физическомъ старшинствѣ, отдавало всегда преимущество дядямъ предъ племянниками, сыновья старшаго брата были братьями дядямъ своимъ, но братьями младшими: «Изяславъ ѣда биться съ Игоремь, тако молвить: язъ Кыева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячьславъ братъ старѣй, а тому его ищю». Но въ пользу племянниковъ скоро явилось другое пред-

ставленіе: старшій братъ сталъ отцемъ для младшихъ, сыновья его изъ племянниковъ стали для нихъ братьями, старшій между сыновьями отца есть необходимо старшій между братьями, слѣдовательно, старшій племянникъ старше дядей. Глѣбъ Юрьевичъ называлъ своего двоюроднаго брата Изяслава такимъ же отцемъ, какимъ былъ для него самъ Юрій; но на какомъ основаніи Мстиславъ Изяславичъ, старшій сынъ этого отца, не будетъ для него старшимъ братомъ? Послѣднее представленіе о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядями явилось при самыхъ первыхъ столкновеніяхъ между правами Ярославовыхъ потомковъ на старшинство, но встрѣтило сильное сопротивленіе въ общемъ мнѣніи, которое было за естественное представленіе, основанное на физическомъ старшинствѣ дядей надъ племянниками: отсюда произошли страшныя войны между Мстиславичами и Юріемъ Доргорукимъ и потомствомъ его, въ продолженіе которыхъ и до самаго разъединенія югозападной, старой Руси отъ сѣверовосточной, новой, торжество оставалось за представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками. Такъ лѣтописецъ укоряетъ Ростиславичей сѣверныхъ, что они хотѣли занять Ростовскую область мимо дядей Михаила и Всеволода, и не честили старшаго брата. Такъ самъ Изяславъ Мстиславичъ въ борьбѣ съ дядею не смѣлъ задѣвать господствующее понятіе, основывалъ свои права не на старшинствѣ старшаго племянника, а на дурномъ характерѣ дяди, ясно говорилъ, что старшинство принадлежитъ дядѣ Юрію, и подъ конецъ принужденъ былъ раскаяться въ своихъ притязаніяхъ и признать старшинство дяди Вячеслава. Такъ Юрій, четвертый дядя, торжествуетъ надъ сыновьями старшаго изъ Мономаховичей и получаетъ великокняжеское достоинство; сынъ его Андрей торжествуетъ надъ Мстиславомъ Изяславичемъ, старшимъ сыномъ старшаго изъ двоюродныхъ братьевъ, и Ростиславичи признаютъ его отцемъ; мало того, братъ его Всеволодъ III, самый младшій сынъ 4-го Мономаховича, признается старшимъ отъ Ростиславичей, внуковъ самаго старшаго изъ потомковъ Всеволода. Но въ потомствѣ Всеволода III, въ Руси сѣверовосточной, пересиливаетъ представленіе о старшинствѣ сына отъ старшаго брата уже не надъ одними младшими, но надъ всѣми дядями, при чемъ, однако, до самаго пресѣченія Рюрикова рода на престолѣ Московскомъ, дяди самые младшіе не хотятъ уступить старшинства сыну отъ перваго брата, такъ что оба представленія остаются при своихъ крайностяхъ, не уступаютъ другъ другу, не допускаютъ ничего средняго. Такъ, когда Василій Дмитріевичъ требуетъ отъ братьевъ, чтобъ они признали старшинство его сына Василія, пятый и самый младшій изъ братьевъ, Константинъ, вооружается противъ этого требованія; Владиміръ Андреевичъ Старицкій, рожденный отъ четвертаго удѣльнаго, домогается престола мимо племянника, царевича Дмитрія Іоанновича. Но въ другихъ родахъ, кромѣ княжескаго, мы видимъ, что оба представленія мирятся, а именно: первый племянникъ уравнивается въ старшинствѣ съ дядями, но только съ младшими, начиная съ четвертаго: таково положеніе мѣстничества. Отъ чего же произошло это различіе? Во-первыхъ отъ того, что въ борьбу различныхъ представленій о старшинствѣ въ родѣ княжескомъ скоро вмѣшалось понятіе объ отдѣльной собственности, явившееся на сѣверо-востокѣ вслѣдствіе господства городовъ новыхъ. Преобладаніе отдѣльной собственности, разрушивъ родовую связь, заставило старшаго брата воспользоваться своимъ положеніемъ для усиленія соб-

ственной семьи на счетъ младшихъ братьевъ; это пріобрѣтенное могущество, силу матеріальную, онъ передаетъ своему старшему сыну, который, въ свою очередь, пользуется наслѣдственнымъ могуществомъ для того, чтобъ стать выше дядей, подчинить ихъ себѣ, и такимъ образомъ естественно и незамѣтно, чрезъ посредство понятія объ отдѣльной собственности, родовыя отношенія переходили въ государственныя. Во-вторыхъ, въ родѣ княжескомъ подчиненіе младшихъ братьевъ старшему гораздо сильнѣе, нежели въ другихъ родахъ, по той самой причинѣ, что для князей нѣтъ больше высшей власти въ обществѣ, старшій братъ для нихъ вмѣстѣ отецъ и государь, значеніе старшаго въ родѣ княжескомъ, слѣдовательно, гораздо выше значенія старшаго въ другихъ родахъ, и, естественно, необходимо усиливаетъ значеніе собственной семьи великаго князя, особенно его старшаго сына: младшій братъ, чтя въ великомъ князѣ отца и государя, необходимо переноситъ это уваженіе и на сына его, своего племянника; тогда какъ въ другихъ родахъ значеніе старшаго брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствіемъ высшей власти, правительства, государя, къ которому и старшіе, и младшіе находятся въ одинакихъ подданническихъ отношеніяхъ, слѣдовательно, здѣсь разница между старшимъ и младшимъ братьями вовсе незначительна: они почти равны другъ другу, а это равенство и помогло старшимъ дядямъ выиграть въ борьбѣ означенныхъ представленій и остаться старше племянниковъ отъ перваго брата.

Случаи, исключавшіе князей изъ старшинства и даже изъ владѣнія родовою собственностію. Родъ состоялъ изъ старшихъ и младшихъ членовъ; каждый младшій могъ, въ свою очередь, сдѣлаться старшимъ. Такъ напримѣръ у Ярослава I-го было 5 сыновей: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь, которые по смерти отца были старшими членами рода, ихъ дѣти и внуки младшими, но не всѣ, а именно: Изяславъ Ярославичъ, какъ старшій, заступилъ мѣсто отца для братьевъ, слѣдовательно, его сыновья стали также братьями дядямъ своимъ, и потому также старшими членами рода; и такъ, старшими членами рода были 5 сыновей Ярослава, сыновья Изяслава; эти старшіе родичи назывались между собою братьями, и только одни участвовали во владѣніи родовою собственностію; всѣ остальные, т. е. ихъ дѣти и внуки, были младшими членами рода, сыновьями въ отношеніи къ старшимъ, считались малолѣтными, не способными владѣть родовою собственностію, быть совладѣльцами съ своими старшими. Ясно, что каждый изъ младшихъ членовъ могъ въ свою очередь сдѣлаться старшимъ, т. е. когда по смерти Изяслава вступилъ бы въ старшинство Святославъ, и, слѣдовательно, сталъ бы къ остальнымъ братьямъ въ отношеніе отца, то сыновья его стали бы изъ племянниковъ братьями дядямъ своимъ, т. е. изъ младшихъ членовъ рода старшими и т. д. переходили бы въ старшіе сыновья Всеволода, Вячеслава, Игоря. Но могло случиться, что князь оставался навсегда младшимъ членомъ рода, навсегда малолѣтнымъ, слѣдовательно, навсегда неспособнымъ не только получить великокняжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи, быть совладѣльцемъ съ своими старшими. Это могло произойти, когда какой нибудь князь умиралъ, не будучи старшимъ въ родѣ, или великимъ княземъ: въ такомъ случаѣ дѣти его оставались навсегда младшими, напримѣръ у Ярослава I-го было сначала 6 сыновей: Владиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь.

Еслибы Владиміръ остался живъ, то по смерти отца, сталъ бы великимъ княземъ и отцемъ для младшихъ братьевъ; тогда бы сынъ его Ростиславъ сталъ братомъ дядямъ своимъ, слѣдовательно, получилъ бы мѣсто старшаго члена рода; но Владиміръ умеръ при жизни отца, слѣдовательно, не былъ отцемъ для братьевъ своихъ, и потому сынъ его Ростиславъ не имѣлъ уже возможности быть братомъ дядямъ своимъ, остался навсегда племянникомъ, младшимъ, не способнымъ ни къ великокняжескому достоинству, ни къ владѣнію родовою собственностью, Однимъ словомъ можно выразиться такъ: племянники не могли быть со владѣльцами съ своими дядями. Если я говорю здѣсь: племянники, то исключаю сыновей старшаго брата, которые были уже не племянниками, но братьями дядямъ своимъ, при чемъ разумѣются сыновья такого старшаго брата, который точно, по смерти отца, заступалъ его мѣсто для младшихъ братьевъ; но если старшій братъ умиралъ при жизни отца и, слѣдовательно, не заступалъ отцовскаго мѣста для младшихъ, то сыновья его были для послѣднихъ только племянниками, и потому исключались изъ великокняжескаго достоинства, равно какъ изъ владѣнія родовою собственностью, и если получали волости, то этимъ обязаны были или милости дядей, или какому нибудь другому обстоятельству. Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшаго сына св. Владиміра, умершаго при жизни отца; потомство Владиміра, старшаго сына Ярослава I-го, равно какъ потомство Вячеслава и Игоря Ярославичей. Для предохраненія сыновей своихъ отъ такой участи, князья давали другъ другу клятву, что, въ случаѣ преждевременной смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться, чтобъ дѣти покойнаго не были исключены изъ владѣнія родовою собственностью; такую клятву дали другъ другу Юрій и Андрей Владиміровичи: «Сыну! (говоритъ Юрій племяннику, Владиміру Андреевичу) язъ есть съ твоимъ отцемъ, а съ своимъ братомъ Андреемъ, крестъ цѣловалъ на томъ яко что ся наго останетъ, то тый будетъ обоимъ дѣтемъ отецъ и волость удержати, а потомъ къ тобѣ крестъ цѣловалъ есмь имѣти тя сыномъ собѣ и Владиміря ти искати».

Князья, которыхъ отцы умерли при жизни дѣдовъ, назывались изгоями: «Изгои трои: поповъ сынъ грамоты не имѣетъ; холопъ изъ холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ, а се четвертое изгойство, и себе приложимъ, аще князь осиротѣетъ». Второе обстоятельство, исключавшее князя изъ права старшинства или изъ пользованія какою нибудь волостью, было насильственное лишеніе права или владѣнія, изгнаніе изъ волости, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, битва была судомъ Божіимъ, гдѣ побѣжденный слѣдовательно являлся виновнымъ въ глазахъ всѣхъ, его пораженіе и изгнаніе считали праведнымъ наказаніемъ за грѣхъ, при чемъ побѣдитель былъ только исполнителемъ воли Божіей. Если побѣжденный, изгнанный князь силою оружія возвращалъ свое право, свою волость, то въ этомъ видѣли возвращеніе къ нему благосклонности Божіей, прощеніе грѣха; если же не успѣвалъ возвратить потерянное, то онъ и потомство его навсегда исключались изъ права на владѣніе. Въ нашихъ лѣтописяхъ князья постоянно именуютъ битву судомъ Божіимъ; Изяславъ Мстиславичъ говоритъ: «Даже мя постигнетъ Володимеръ съ сѣми, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, а какъ Богъ разсудитъ съ нимъ; паки ли мя усрящетъ Гюрги, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, како мя съ нимъ Богъ разсудитъ». Тотъ же Изяславъ велѣлъ сказать сыну своему Мстиславу: «Се уже мы идемъ на судъ Божій, а вы намъ, сыну, всегда надоби».

Въ заключеніе должно упомянуть, что послѣ, когда линіи разошлись, младшія линіи выбирали себѣ по произволу одного изъ старшихъ князей въ отца мѣсто, иногда совершенно изъ другаго рода. Это именно принуждены были сдѣлать князья рязанскіе, рода Святослава: отдѣлившись отъ своего рода вслѣдствіе изгнанія отъ Ольговичей и не могши однако существовать отдѣльно и независимо, рязанскіе князья выбрали себѣ въ старшіе Ростислава Мстиславича смоленскаго, изъ рода Мономахова. Такіе князья, въ отношеніи къ старшему, на котораго они смотрѣли, назывались ротниками. Иногда даже младшіе князья, обиженные старшими, отступали отъ нихъ и примыкали къ чуждому роду, прибѣгая въ покровительству его старшаго.

Мы видѣли, что великій князь не имѣлъ неограниченной власти надъ родовою собственностью, но владѣлъ ею сообща съ цѣлымъ родомъ; вотъ почему, когда Андрей Боголюбскій выгналъ братьевъ и племянниковъ изъ Ростовской области, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ захотѣлъ быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ, т. е. такимъ властителемъ, который распоряжается всѣмъ самовластно, не стѣсненъ отношеніями, не ограниченъ правами родичей.

Для означенія верховной власти, не стѣсненной родовыми отношеніями, власти крѣпкой, постоянной, не зависящей ни отъ какихъ перемѣнъ, употреблялось названіе царь, царскій. Такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: «Дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславля, а ты сѣди царствуя въ Кыевѣ», т. е. а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо и безопасно, не боясь никого и не подчиняясь никому. Когда послѣ Рутскаго сраженія воины Изяславовы, нашедши своего князя въ живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава, какъ царя. Подъ именемъ великаго князя разумѣлся только старшій въ родѣ княжескомъ; вотъ почему, когда родъ Ярослава I-го раздѣлился на многіе независимые роды, то старшій въ каждомъ изъ нихъ сталъ называться великимъ княземъ, хотя былъ владѣльцемъ самой ничтожной области и признавалъ надъ собою власть другаго великаго князя, литовскаго или московскаго; такъ, напримѣръ, князь пронскій назывался также великимъ княземъ, подобно московскому, тверскому и рязанскому, потому что былъ старшимъ въ своемъ родѣ. Великій было синонимомъ старшій, и потому къ именамъ нѣкоторыхъ князей прибавляется даже послѣ существительнаго, напримѣръ Владиміръ великій, Мстиславъ великій, Всеволодъ великій, для отличія ихъ отъ множества другихъ младшихъ Владиміровъ, Мстиславовъ и Всеволодовъ, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы теперь придаемъ слово великій къ именамъ историческихъ лицъ, напримѣръ: Петръ Великій, Карлъ Великій.

XXXIV. ВѢЧЕ И КНЯЗЬ ВЪ УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

(Изъ соч. Сергѣевича «Вѣче и Князь»).

Народъ и князь суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ же

народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Отечественные памятники разсказываютъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика. Такъ, описывая кіевскія событія, послѣдовавшія за смертью трехъ братьевъ Кія, Щека и Хорива, лѣтописецъ говоритъ: «Поидоша козаре на полянъ... и реша платите намъ дань. Сдумавше же кыяне и вдаша отъ дыма мечь». Призваніе Рюрика было также дѣломъ народнаго постановленія: „Поищемъ себѣ князя" рѣшили кривичи, славяне, чюдь и меря, не находя возможности установить изъ своей среды такую власть, которая бы удовлетворила всѣхъ одинаково.

Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи: гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ. Разница, которая замѣчается въ его жизни и жизни другихъ городовъ, есть разница количественная, а не качественная.

Не всѣ города оставили намъ свои лѣтописи, а потому свидѣтельства источниковъ о вѣчевой жизни древней Россіи распредѣляется далеко не въ равной мѣрѣ между отдѣльными ея частями. Мѣстные же лѣтописцы, какъ напр. кіевскій, волынскій, суздальскій и др., труды которыхъ вошли въ составъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, далеко не восполняютъ этотъ недостатокъ особыхъ лѣтописей; описывая довольно подробно происшествія своего роднаго города, они только мимоходомъ и вскользь касаются внутренней жизни чуждыхъ имъ городовъ. Не смотря на эту неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ однако указанія на существованіе вѣча не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія.

Мы указали уже на то, что наши вѣчевыя собранія возникли до призванія князей и существовали въ то время, когда княжеская власть еще не располагала сколько нибудь значительной самостоятельной силой. Согласно съ этимъ вѣче, какъ основная форма быта, вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей. Къ предметамъ послѣдняго рода относятся: управленіе и судъ.

Это раздѣленіе возникло однако никакъ не въ силу теоретическаго сознанія его необходимости; оно является какъ необходимое слѣдствіе и характеристическая особенность нашего вѣчеваго быта. До призванія Рюрика славянскія племена не жили независимой политическою жизнью: одни изъ нихъ платили дань варягамъ, другія—хозарамъ, говоря иначе, они откупались деньгами отъ порабощенія. Первая попытка сѣверныхъ племенъ жить независимо кончилась неудачно. Не прошло 3-хъ лѣтъ съ изгнанія варяговъ, которымъ они платили дань, какъ внутренняя неурядица, ничѣмъ не умѣряемая борьба партій, принудила ихъ къ призванію князей. Эти первые факты нашей исторіи чрезвычайно характеристичны для древнѣйшаго быта славянскихъ племенъ. Вѣчевыя собранія существуютъ: кіевляне думаютъ и рѣшаютъ платить дань хозарамъ; кривичи и славяне также думаютъ и рѣшаютъ изгнать варяговъ за море. Но этой вѣчевой формы не было достаточно ни для огражденія предѣловъ отъ хищническихъ набѣговъ

воинственныхъ сосѣдей, ни для внутренняго управленія и суда. Народъ собирается для совѣщаній, но эти собранія не составляютъ сколько нибудь удовлетворительнаго органа для постояннаго дѣйствія; самоуправленіе не въ средствахъ вѣча. Эта особенность нашего древняго быта удержалась и въ періодъ князей; но для правильнаго ея пониманія необходимо сдѣлать оговорку. Хотя народъ не отправляетъ на вѣчѣ ни суда, ни управленія, но такъ какъ главная сила князя заключается въ народѣ, то, понятно, что онъ не могъ оставаться безъ вліянія на княжескій судъ и управленіе; а, при всеобъемлющемъ значеніи вѣча въ нашей древней жизни, это вліяніе переходило иногда и въ непосредственное отправленіе народомъ какъ суда (впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ), такъ и нѣкоторыхъ отраслей управленія.

Главнѣйшую дѣятельность вѣча составляетъ призваніе князя. Существованіе права признанія доказывается: во 1-хъ народнымъ сознаніемъ, которое проявляется въ повторяющихся фактахъ призванія, и во 2-хъ, условіями призванія, изъ которыхъ видно, что призваніе не переносило на князя права распоряженія столомъ послѣ его смерти, что рано или поздно дѣлало необходимымъ новое призваніе. Говоря о правѣ вѣча призывать князей, мы не хотимъ сказать, что вѣче осуществляло свое право при всякомъ измѣненіи въ распредѣленіи столовъ, что преемство ихъ опредѣлялось исключительно народною волею. Дѣйствительный переходъ столовъ совершался подъ вліяніемъ борьбы весьма разнообразныхъ интересовъ. Право вѣча имѣть князя по собственному призванію не всегда выходило побѣдителемъ изъ этой борьбы; столы не рѣдко занимались князьями не только безъ предварительнаго призванія, но и прямо противъ воли народа, въ силу военнаго превосходства князя. Эти случаи насильственнаго занятія столовъ, въ виду ясныхъ свидѣтельствъ, указывающихъ на то, что право призванія жило не только въ сознаніи народа, но и въ сознаніи князей, не отрицаютъ существованія самого права: они свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны. При равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія, при отсутствіи почему бы то ни было выдающихся изъ общаго уровня родовъ, которые могли бы предъявить свои права на безспорное первенство, у насъ не представлялось возможности создать изъ собственныхъ элементовъ главу сколько нибудь сильной правительственной власти, не возбудивъ непримиримой вражды партій. Призваніе князей извнѣ являлось единственнымъ средствомъ установить власть, не зависимую отъ внутреннихъ партій. Первое извѣстіе о призваніи дошло къ намъ отъ 862 г.

Было ли призваніе 862 года первымъ или нѣтъ, оно имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли: оно положило начало особой породѣ людей, которые, въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя, считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности.

Съ этого времени призванія дѣлаются не изъ-за моря, а изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, замкнутое и потомственное сословіе князей. Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ случаевъ призванія, сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ; ограничимся только нѣкоторыми изъ нихъ, особенно характеристичными. Народъ осуществляетъ свое право призва-

нія, не смотря ни на взаимныя соглашенія князей, установляющихъ между собой тотъ или другой порядокъ преемства волостей, ни на ихъ частныя распоряженія. Въ 1113 году, по смерти Святополка Изяславича, кіевляне зовутъ къ себѣ Владиміра Мономаха. Не смотря на то, что это призваніе прямо противорѣчило постановленію князей на Любечскомъ съѣздѣ 1097 г., на которомъ присутствовалъ и самъ Мономахъ,—онъ послѣдовалъ ему, и такимъ образомъ нарушилъ какъ тотъ порядокъ, въ установленіи котораго принималъ самъ не малое участіе, такъ и клятву, которою онъ былъ скрѣпленъ: „Да будетъ, клялись князья, на нарушителя крестъ честный и вся земля Русская“. Такъ въ силу народнаго призванія было отмѣнено постановленіе Любечскаго съѣзда, самаго полнаго изъ всѣхъ княжескихъ съѣздовъ.

Юрій Владиміровичъ, желая передать по смерти своей столъ въ Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ меньшимъ сыновьямъ, помимо старшихъ, еще при жизни своей получилъ на это согласіе жителей Ростовской волости и закрѣпилъ его крестнымъ цѣлованіемъ. По смерти Юрія, воля его не была исполнена. Это отступленіе отъ крестнаго цѣлованія лѣтописецъ старается смягчить великими достоинствами Андрея: „Томъ же лѣтѣ, разсказываетъ онъ, сдумавши Ростовци, и Суздальци и Володимерци вси, пояша Андреи сына Юрьева старѣйшаго и посадиша и на отчѣ столѣ, Ростовѣ, и Суздали, и Володимири: зане бѣ прелюбимъ всѣми за премногу его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и всѣмъ сущимъ подъ нимъ“. Андрей не только послѣдовалъ на призывъ, несогласный съ волею его отца, но и изгналъ своихъ меньшихъ братьевъ изъ Ростовской волости. Подобные примѣры встрѣчаемъ и въ другихъ волостяхъ. Изъ краткихъ и, къ сожалѣнію, очень немногочисленныхъ отрывковъ, сохраненныхъ лѣтописями отъ тѣхъ условій, которыя заключались между вѣчемъ и призваннымъ княземъ, слѣдуетъ, что призваніе обыкновенно было временное, но безъ установленія опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго оно теряло бы свою силу. На этотъ временный, хотя и не срочный, характеръ призванія указываютъ тѣ пункты условій, въ силу которыхъ князь получалъ извѣстный столъ «до своего живота», или даже «и съ дѣтьми». Если передачу стола пожизненно или съ потомками надо было особенно оговорить, то понятно, что она не разумѣлась сама собой въ призваніи, сдѣланномъ просто, безъ подобной оговорки. Такъ въ 1154 году кіевляне передаютъ Ростиславу Кіевъ «до его живота». Въ 1146 году кіевляне, призывая Изяслава Мстиславича и преступая такимъ образомъ крестное цѣлованіе Всеволоду Ольговичу, которому они обѣщали посадить въ Кіевѣ, послѣ его смерти, брата его Игоря, такъ мотивируютъ это нарушеніе клятвы: «нехощемъ быти, аки въ задничи».

Такимъ образомъ, переходъ княжескихъ столовъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ шло наслѣдованіе частной собственности отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату, не только не былъ обыкновеннымъ порядкомъ преемства столовъ, но въ сознаніи народа представлялся чѣмъ-то неумѣстнымъ и оскорбительнымъ. Приверженецы Изяслава Мстиславича отклоняютъ народъ отъ вѣрности слову, данному Всеволоду, намекомъ на то, что, признавъ Игоря, они переходятъ къ нему какъ бы по наслѣдству отъ Всеволода.

Утвержденіе князя на извѣстномъ столѣ вмѣстѣ съ его потомствомъ нуждается въ особомъ признаніи со стороны народа. Образчикъ такого

признанія сохранился намъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. По смерти Михаила Юрьевича, владимірцы призываютъ къ себѣ брата его Всеволода и цѣлуютъ къ нему крестъ «и на дѣтяхъ его». Для правильнаго пониманія этого послѣдняго условія необходимо сказать въ его поясненіе нѣсколько словъ. Цѣлуя крестъ Всеволоду и на дѣтяхъ его, владимірцы не отказываются отъ своего права призванія, они только ограничиваютъ его нисходящими потомками Всеволода, т. е. они обѣщаютъ Всеволоду не призывать къ себѣ князей изъ другихъ линій, помимо линій его сыновей. Согласно съ этимъ объясненіемъ, какъ самъ Всеволодъ, назначая себѣ преемника, такъ и сыновья его, получая отъ отца тотъ или другой столъ, входятъ всякій разъ въ новое соглашеніе съ народомъ и скрѣпляютъ это соглашеніе новымъ крестнымъ цѣлованіемъ. Итакъ, подъ призваніемъ надо разумѣть призваніе на неопредѣленное время, до тѣхъ поръ пока съ обѣихъ сторонъ соблюдаются условія призванія, или пока господствуетъ единеніе между народомъ и княземъ. Рядомъ съ временнымъ встрѣчается и пожизненное призваніе; но пожизненный характеръ призванія не разумѣется самъ собой, онъ долженъ быть именно установленъ условіями призванія. Признаніе того или другаго князя наслѣдственнымъ не извѣстно древней Россіи; но встрѣчаются случаи добровольнаго ограниченія права призванія только одной какой либо отраслью потомковъ Рюрика. Соглашеніе народа съ княземъ о его преемникѣ есть тоже призваніе, но состоявшееся подъ вліяніемъ особаго расположенія къ прежнему князю. Изъ временнаго, но не срочнаго, характера призванія слѣдуетъ, что новое призваніе можетъ состояться еще во время присутствія въ городѣ прежде призваннаго князя, по отношенію къ которому оно получаетъ значеніе смѣны или изгнанія. Случаи такихъ призваній встрѣчаются не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и другихъ волостяхъ. Вѣче не только постановляетъ рѣшеніе о призваніи, но и принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для его осуществленія: помогаетъ призванному князю войти въ городъ, затворяется въ городѣ отъ его противниковъ и пр. Такимъ образомъ, по отношенію къ призванію вѣчу принадлежитъ какъ самое постановленіе, такъ и приведеніе его въ исполненіе. Въ самой тѣсной и необходимой связи съ призваніемъ князя стоитъ законодательная дѣятельность вѣча. Призваніе установляетъ извѣстную форму государственнаго устройства, а потому въ сущности оно есть ничто иное, какъ законодательный актъ. Призваніе безусловное, безъ опредѣленія правъ и обязанностей призываемаго князя, немыслимо.

И дѣйствительно, наши источники сохранили свидѣтельства объ условіяхъ которыя заключались между народомъ и призываемымъ княземъ. Законодательная дѣятельность вѣча, составляя такимъ образомъ необходимое дополненіе къ праву призванія, не ограничивается однако одними дѣйствительными случаями призванія. Мы встрѣчаемъ случаи договоровъ не только съ призванными князьями, но и такими, которые завладѣли столомъ въ силу военной удачи. Это и понятно: княжескія войны изъ-за обладанія волостями велись не столько противъ народа, сколько противъ князя. Побѣдитель далеко не всегда являлся завоевателемъ. Устранивъ своего личнаго противника, онъ нерѣдко встрѣчался съ народомъ, который принималъ его охотно или, по крайней мѣрѣ, безъ

прямаго сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ о порядкѣ управленія представлялось необходимымъ средствомъ, чтобы укрѣпить его за собой. Безъ этого соглашенія народъ имѣлъ бы однимъ и чрезвычайно важнымъ поводомъ больше къ неудовольствію, къ образованію партіи враждебной князю, а наконецъ, и къ призванію новаго князя, болѣе удовлетворяющаго народнымъ желаніямъ. Для условій, которыя заключались между народомъ и княземъ, въ древней Россіи было весьма употребительно названіе ряда или поряда (отъ *рядиться*). Такъ въ 1169 году Мстиславъ Изяславичъ, призванный кіевлянами, заключаетъ съ ними рядъ; то же самое повторяетъ онъ и при вторичномъ занятіи Кіева въ 1172 году. Рядъ съ княземъ есть отдѣльный отъ призванія актъ и по времени слѣдуетъ за нимъ. Мы находимъ очень любопытное указаніе на это подъ 1154 г. По смерти Изяслава Мстиславича, занимавшаго кіевскій столъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Вячеславомъ, кіевляне призываютъ Ростислава и признаютъ его своимъ княземъ „до живота его" на томъ условіи, чтобы онъ честилъ Вячеслава такъ же, какъ это дѣлалъ его братъ, Изяславъ. Рядъ, опредѣлявшій права и обязанности князя, скрѣплялся крестнымъ цѣлованіемъ какъ князя, такъ и народа. Крестныя цѣлованія князя и народа не непремѣнно совпадали въ одномъ моментѣ, они могли слѣдовать одно за другимъ. Образчикъ такихъ послѣдовательныхъ крестныхъ цѣлованій встрѣчаемъ подъ 1146 г. Кіевляне, по соглашенію со Всеволодомъ Ольговичемъ, признаютъ своимъ княземъ брата его, Игоря, и еще при жизни перваго цѣлуютъ Игорю крестъ, говоря: «Ты намъ князь!» По смерти Всеволода, Игорь дѣйствительно вступаетъ на кіевскій столъ, при чемъ рядится съ кіевлянами и «цѣлуетъ къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ». Къ сожалѣнію, къ намъ не дошло ни одного текста древнѣйшихъ договоровъ народа съ князьями. Самые древніе изъ сохранившихся относятся ко второй половинѣ XIII вѣка и всѣ принадлежатъ одному Новгороду. Третью отрасль дѣятельности вѣча составляетъ рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ. Существованіе этого права доказывается весьма многочисленными свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ слѣдуетъ: во 1-хъ, что народъ самъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ и требуетъ того или другаго отъ князя; во 2-хъ, что князь, для того чтобы вести войну силами цѣлой волости, долженъ былъ получить согласіе вѣча, а въ противномъ случаѣ ему предстояло или заключить миръ, или вести войну на собственный страхъ, съ помощью однихъ охотниковъ. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда свидѣтельствъ. Въ 1015 году Ярославъ Владиміровичъ, узнавъ о намѣреніи Святополка избить всю свою братью, собираетъ новгородцевъ, выражаетъ на вѣчѣ свое раскаяніе по поводу того, что мстилъ имъ за избіеніе варяговъ, и проситъ помочь ему на Святополка. „И рѣша новгородци: аще, княже, братья наши исѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти". Въ 1067 году кіевляне требуютъ отъ своего князя Изяслава, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ печенѣговъ. Когда онъ отказался, они освободили плѣнника его, полоцкаго князя Всеслава, и посадили у себя на столѣ, а Изяславъ долженъ былъ бѣжать. Въ 1147 году, кіевляне, на приглашеніе князя своего, Изяслава Мстиславича, идти войною къ Суздалю на Юрія и его союзниковъ, отвѣчаютъ отказомъ: «Не можемъ на Владимірово племя руки поднять...» Въ 1149 году, во время приближенія Юрія къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ Изяславъ, кіев-

ляне говорятъ послѣднему: «Мирися княже, мы не идемъ...» Этими тремя предметами, призваніемъ князя, законодательствомъ и рѣшеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ, почти исчерпывается вся дѣятельность вѣча; управленіе и судъ не принадлежали ему. За исключеніемъ князя, вѣче не назначало никакихъ чиновниковъ. На князя переносились безъ исключенія всѣ заботы объ управленіи, ему принадлежало право предводительствовать на войнѣ и назначать всѣхъ должностныхъ лицъ: посадниковъ, тысяцкихъ, тіуновъ и пр. Только въ Новгородѣ и Псковѣ встрѣчаемся съ правомъ вѣча назначать, помимо князя, еще двухъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ, посадника и тысяцкаго. Но это право не можетъ быть относимо къ числу первоначальныхъ правъ вѣча; оно сложилось не ранѣе второй половины XII вѣка и составляетъ особенность новгородской волости, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что въ княжескій періодъ новгородцы сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія.

Князь не былъ только высшимъ представителемъ исполнительной власти въ томъ смыслѣ, какой мы теперь соединяемъ съ этимъ понятіемъ. Начало раздѣленія властей, болѣе или менѣе строго проводимое въ новѣйшее время, было совершенно чуждо духу нашего древняго государственнаго устройства. Еслибы дѣятельность князя была ограничена только заботой о приведеніи въ исполненіе постановленій вѣча, безъ участія въ ихъ возникновеніи, онъ былъ бы самымъ малоправнымъ членомъ волости, гдѣ каждый приносилъ свою собственную волю на вѣче и могъ проводить ее всѣми отъ него зависящими средствами. Такое ограниченіе личныхъ правъ князя нисколько не соотвѣтствовало ни его значенію, какъ свободнаго человѣка вообще, ни, еще болѣе, его значенію, какъ представителя общественной власти. Безъ князя не былъ возможенъ сколько нибудь прочный порядокъ: онъ призывался именно для водворенія наряда въ обществѣ, которое не могло изъ собственныхъ своихъ средствъ установить сколько нибудь удовлетворительные органы суда и управленія. При отсутствіи всякаго начала дѣленія властей, призваніе судить и володѣть возлагало на князя обязанность заботиться объ общественномъ благѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Всѣ общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя, касались его въ большей мѣрѣ, чѣмъ каждаго другаго члена волости, отдѣльно взятаго, ибо онъ былъ призванъ для водворенія порядка. Въ нашихъ источникахъ не встрѣчаемъ ни одного указанія на то, чтобы народъ смотрѣлъ на князя только какъ на исполнителя вѣчевыхъ постановленій. Князь постоянно принимаетъ дѣятельное участіе въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ и приводитъ въ исполненіе только тѣ изъ нихъ, на которыя даетъ свое согласіе. Такимъ образомъ, князю принадлежитъ не только правительственная и судебная власть, но и участіе въ законодательствѣ. Во взаимныхъ отношеніяхъ князя и вѣча должно было быть единеніе, одиначество. По отношенію къ этому началу единенія или соглашенія народа и князя необходимо различать два момента: моментъ призванія князя и его послѣдующую дѣятельность. Въ моментъ призванія народъ и князь заключаютъ между собою рядъ, т. е. соглашеніе объ условіяхъ, которыя кладутся въ основаніе будущему княженію. Въ теченіи самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необхо-

димы новыя соглашенія. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ такихъ соглашеній. Самые могущественные князья нуждались въ нихъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что степень могущества князя была въ прямомъ отношеніи съ количествомъ „людей", стоявшихъ на его сторонѣ, бывшихъ съ нимъ въ одиначествѣ, соглашавшихся съ его мнѣніями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ соглашеній народа и князя. Равноапостольный князь Владиміръ рѣшается на принятіе христіанства не иначе, какъ испросивши совѣта бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и получивъ согласіе всѣхъ людей. Извѣстно, какой любовью пользовались у кіевлянъ правнукъ Владиміра Святаго, Владиміръ Мономахъ, и его родъ; объясненіе этой привязанности надо опять искать въ томъ единеніи съ народомъ, которымъ отличались помянутые князья. О сознаніи необходимости такого единенія самимъ Владиміромъ Мономахомъ мы находимъ указаніе подъ 1096 годомъ. Желая положить конецъ распрѣ съ Олегомъ Черниговскимъ и условиться объ оборонѣ Русской земли отъ половцевъ, Владиміръ Мономахъ и Святополкъ Изяславичъ посылаютъ къ Олегу такое приглашеніе: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о русской землѣ предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ.» Такимъ образомъ горожане вмѣстѣ съ духовенствомъ призываются къ участію въ рядѣ князей. Лѣтопись сохранила намъ чрезвычайно любопытное свидѣтельство о порядкѣ переговоровъ народа съ княземъ въ описаніи совѣщаній, происходившихъ между внукомъ Владиміра Мономаха, Изяславомъ Мстиславичемъ, и кіевлянами, по поводу войны съ Юріемъ Долгорукимъ и его союзникомъ, Слятославомъ Ольговичемъ. Получивъ приглашеніе черниговскихъ князей выступить противъ Юрія, Изяславъ созываетъ бояръ своихъ и кіевлянъ и говоритъ имъ: «Я сгадалъ съ братьею своею, съ Володиміромъ и Изяславомъ Давидовичами и съ Всеволодовичемъ Святославомъ, хочемъ пойдти на Юрія, на стрыя своего, и на Святослава, къ Суздалю: зане Юрій принялъ подъ защиту свою врага моего, Святослава Ольговича. Братъ Ростиславъ также къ намъ присоединится съ смольнянами и новгородцами». На это изложеніе обстоятельствъ дѣла, имѣвшее цѣлью побудить кіевлянъ къ войнѣ съ Юріемъ, послѣдніе даютъ такой отвѣтъ: „Княже! Не ходи съ Ростиславомъ на стрыя своего, лѣплѣ ся съ нимъ улади; Ольговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь". Чтобы разсѣять это недовѣріе кіевлянъ къ Ольговичамъ, Изяславъ ссылается на то, что они цѣловали къ нему крестъ и заключаетъ свою рѣчь приглашеніемъ вооружиться: «А вы доспѣвайте», говоритъ онъ. Кіевляне отвѣчаютъ прямымъ отказомъ: «Княже! Ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей хоть и съ дѣтьми». Не получивъ согласія вѣча, Изяславъ отправился на помощь къ Ольговичамъ съ одними охотниками. Ближайшія событія показали, что недовѣріе кіевлянъ къ черниговскимъ князьямъ было совершенно основательно. Еще не достигнувъ Чернигова, Изяславъ узналъ, что союзники его отступили отъ него и цѣловали крестъ къ Святославу Ольговичу. Изяславъ рѣшился возвратиться въ Кіевъ и послалъ впереди себя двухъ мужей, Добрынку и Радило, къ брату Владиміру, остававшемуся въ Кіевѣ, и къ Лазарю, тысяцкому, съ такими рѣчами: «Брате! Ѣди къ митрополиту и созови

кыяны всѣ, пусть мои послы разскажуть имъ лесть черниговскихъ князей». На это новое обращеніе князя кіевляне отвѣчали: «Ради, еже ны Богъ тебе избавилъ отъ великія льсти, идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, якоже хощеши». Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе. Для примѣненія этого начала взаимныхъ соглашеній къ ежедневно возникающимъ вопросамъ общественной жизни, была необходима значительная доля уступчивости какъ со стороны князя, такъ и со стороны вѣча, умѣренность въ проведеніи собственной воли, готовность отказаться отъ разъ предположенной цѣли, какъ скоро достиженіе ея было невозможно безъ нарушенія существующаго единенія. Лѣтописи сохранили намъ нѣсколько примѣровъ этой уступчивости. Такъ, про Ярополка Святославовича лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ любилъ христіанъ, но самъ не крестился «народа ради». Въ 1097 г. владимірскій князь, Давидъ Игоревичъ, очень не хотѣлъ выдавать своихъ помощниковъ въ ослѣпленіи Василька, но уступилъ волѣ владимірскаго вѣча, когда оно свое рѣшеніе защищать Давыда отъ угрожавшихъ ему князей поставило въ зависимость отъ этой выдачи. Въ 1216 г. Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ во Владиміръ, послѣ несчастной для него Липецкой битвы, созываетъ вѣче и предлагаетъ затвориться въ городѣ. Владимірцы, понесшіе большія потери на Липецкомъ полѣ, не находятъ возможнымъ новое сопротивленіе. Князь уступаетъ имъ и проситъ только, чтобы они не выдали его противникамъ, а дали ему самому выдти изъ города. На это владимірцы согласились. При отсутствіи соглашенія, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныхъ власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божіимъ. При возможномъ столкновеніи вѣча и князя, послѣдній не всегда являлся совершенно одинокимъ: на его сторонѣ могла быть болѣе или менѣе значительная часть вѣча, составлявшая его партію. При слабости собственныхъ силъ князя, столь характеристической для древнѣйшаго періода нашей исторіи, эта возможность опереться на одну изъ вѣчевыхъ партій составляетъ для князя главнѣйшее условіе успѣха. Исходъ борьбы, смотря по отношенію силъ, выпадалъ или въ пользу князя и его партіи, или въ пользу ихъ противниковъ. Но иногда къ военнымъ приготовленіямъ приступали только какъ къ средству устрашить противника и узнать, есть ли у него рѣшительное желаніе отстаивать свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ. Если такое желаніе дѣйствительно оказывалось, сторона, возбудившая рознь, нерѣдко обращалась къ мирнымъ средствамъ и вступала въ новое единеніе. Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой. Укажемъ примѣръ подобной побѣды князя надъ противной ему партіей. Въ 1144 г. приверженцы Ивана Ростиславовича, воспользовавшись отсутствіемъ князя Владиміра изъ Галича, призвали своего любимца изъ Звенигорода и посадили на галицкомъ столѣ. Владиміръ не захотѣлъ уступить княженія безъ борьбы, собралъ своихъ сторонниковъ и осадилъ Галичъ. Счастье войны было на его сторонѣ: Иванъ принужденъ былъ бѣжать, „Владиміръ же, продолжаетъ лѣтописецъ, вшедъ въ Галичъ, многи люди изсѣче, а иныя показни казнью злою“. Если перевѣсъ

былъ на сторонѣ партіи вѣча противной князю, послѣдній лишался стола. Такъ, напримѣръ, когда Изяславъ не согласился съ рѣшеніемъ кіевскаго вѣча, высказавшагося въ пользу продолженія войны съ половцами, кіевляне освободили изъ заключенія полоцкаго князя Всеслава и посадили его на столѣ; Изяславъ же принужденъ былъ бѣжать. Въ 1175 году, смольняне изгоняютъ Ярополка; въ 1176 г. владимірцы и переяславцы— Мстислава и Ярополка Ростиславовичей и пр.

Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ временному заключенію. Это дѣлалось въ видахъ безопасности, напр. до пріѣзда новаго князя или до управы съ другими князьями, поддерживавшими сторону прогоняемаго; еслибы князю была предоставлена свобода до окончательнаго установленія новаго наряда, это могло бы повести къ усиленію его партіи.

Изгнаніе было весьма обыкновеннымъ исходомъ борьбы, кончавшейся не въ пользу князя, но не необходимымъ. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое единеніе съ вѣчемъ. Образчикъ этого находимъ подъ 1173 г. Извѣстны смуты, которыя происходили въ Галичѣ по поводу особаго покровительства, оказываемаго княземъ Ярославомъ «Настаськѣ и Чагровой чади». Несправедливость князя къ своей женѣ и сыну привела къ разрыву съ народомъ и совершенному торжеству послѣдняго: князь былъ взятъ, Чагрова чадь избита, Настаська сожжена, сынъ ея сосланъ въ заточеніе. Но народъ не пошелъ далѣе того, сколько было нужно для устраненія причины зла, и снова уладился, по выраженію лѣтописца, съ княземъ Ярославомъ. Эта готовность князей покончить новымъ единеніемъ раздѣлившее ихъ съ народомъ несогласіе объясняетъ нерѣдкій въ нашей древней исторіи фактъ вторичнаго призванія разъ уже изгнаннаго князя. Какъ князья не оставались одинокими въ своей борьбѣ съ вѣчемъ и нерѣдко находили опору въ одной изъ партій, на которыя раздѣлялся народъ, такъ точно и вѣче, въ борьбѣ съ княземъ, нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ. Въ 1068 г. кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ, при вѣсти о приближеніи только что изгнаннаго изъ Кіева Изяслава Ярославича съ польскою помощью, составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ изгнаннаго, Святославу и Всеволоду. Эти князья, отказываясь отъ предложеннаго имъ стола, даютъ такое обѣщаніе кіевлянамъ: «Мы пошлемъ къ брату своему: если поидетъ на васъ съ ляхи губить васъ, то мы выйдемъ противу ему ратью, не дадимъ погубить града отца своего; аще ли хощетъ съ миромъ, то въ малѣ придетъ дружинѣ!» Въ надеждѣ на эту помощь, кіевляне условились и приняли Изяслава. Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникаютъ всю нашу древнюю жизнь.—Для правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо обратить вниманіе на слѣдующее:

Во 1-хъ, война никогда не ведется противъ княжескаго правленія, какъ формы государственнаго быта, она ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Нашей исторіи вовсе не извѣстенъ антагонизмъ

князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя. Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя, и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть въ высшей степени народная власть. Во 2-хъ, при нелюбви древней Россіи къ строго выработаннымъ формамъ, при маломъ пониманіи ихъ важности, въ отношеніяхъ народа къ князю преобладаетъ характеръ добраго довѣрія. Соблюденіе вѣчевыхъ порядковъ не представляется на столько необходимымъ, чтобы безъ него не было возможно никакое совокупное дѣйствіе князя и народа. Князь, пользующійся популярностью, можетъ напр. выступить на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча. Ему довольно посовѣтоваться со своими боярами и затѣмъ послать бирючей звать народъ; если князь пользуется расположеніемъ народа, народъ пойдетъ, хотя бы война преслѣдовала исключительно личныя цѣли князя; тѣмъ болѣе, когда война задумана въ интересѣ самого народа, напр. для отраженія половцевъ и т. п. По существу такая война носитъ на себѣ характеръ того же единенія народа съ княземъ, которое составляетъ необходимое условіе всякаго совокупнаго дѣйствія ихъ; но со стороны формы народъ является только исполнителемъ чужаго рѣшенія. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, но помимо вѣчеваго рѣшенія, давала князю большую свободу дѣйствія и не мало способствовала усиленію княжескихъ усобицъ, которыя такимъ образомъ ускользали отъ постояннаго контроля болѣе спокойной половины населенія. Тоже самое явленіе замѣчаемъ и по отношенію къ законодательству. Законодательная власть принадлежала вѣчу и князю вмѣстѣ; но это вовсе не значило, что князь не могъ издать ни одного постановленія безъ предварительнаго соглашенія съ вѣчемъ. Призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и установлялъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ, напримѣръ, чрезмѣрная высота продажъ и виръ возбуждала протестъ вѣча, а иногда и прямо приводила къ изгнанію князя.

Таковы были отношенія князя къ вѣчу. Въ заключеніе мы должны остановиться на тѣхъ видоизмѣненіяхъ этихъ отношеній, которыя условливались взаимными отношеніями князей между собой. До сихъ поръ мы имѣли исключительно въ виду волость и ея князя. Но князь не стоитъ изолированно среди другихъ князей; онъ находится къ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Въ силу преобладанія личнаго элемента въ нашей древней исторіи, взаимныя отношенія князей не составляютъ непремѣнно взаимныхъ отношеній волостей: волости могутъ оставаться совершенно чуждыми тѣмъ войнамъ, которыя ведутъ между собою ихъ князья. Такъ въ недавно приведенномъ примѣрѣ. кіевская волость отказалась помогать Изяславу Мстиславичу въ войнѣ его съ Юріемъ; хотя въ войнѣ Изяслава и участвовали кіевляне, но война была предпринята не отъ имени волости, а лично княземъ и на его собственный страхъ. При враждебныхъ столкновеніяхъ князей мы усматриваемъ даже нерѣдко прямое желаніе послѣднихъ щадить волость, не распространять на ея жителей гибельныхъ послѣдствій войны, по возможности ограничивать

ея дѣйствіе однимъ княземъ и его ближайшими приверженцами. Такъ, напр., Всеволодъ Ольговичъ, изгнавъ изъ Чернигова въ 1127 г. дядю своего Ярослава, бьетъ и грабитъ только дружину послѣдняго. Подобно этому Мстиславъ Изяславичъ въ 1156 г., напавъ внезапно на дядю своего Владиміра, занимавшаго владимірскій столъ, принуждаетъ его бѣжать изъ Владиміра въ Перемышль, и затѣмъ довольствуется грабежемъ имущества князя и его дружины. Такое стремленіе ограничить бѣдствія войны сколько возможно тѣснымъ кругомъ совершенно понятно: щадя имущество и жизнь жителей волости враждебнаго имъ князя, они тѣмъ самымъ облегчаютъ себѣ соглашеніе съ этими послѣдними, въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность. Не смотря, однако, на нѣкоторую возможность ограничить враждебныя столкновенія князей тѣснымъ кругомъ ближайшей княжеской дружины, взаимныя отношенія князей не могли оставаться и не оставались безъ вліянія на отношенія вѣча къ своему князю. Главнѣйшимъ образомъ это вліяніе сказывалось на осуществленіи народомъ права призванія. Войны князей другъ съ другомъ, хотя и не были направлены противъ народа, но все таки эти войны касались народа. Какъ же народъ относился къ нимъ? Положеніе, которое принимала волость, въ случаѣ враждебнаго столкновенія князей, было различно, смотря по различію самыхъ случаевъ столкновенія. Для его пониманія должно имѣть въ виду: во 1-хъ, хотя для волости князь и составляетъ необходимость, но различіе между тѣмъ и другимъ княземъ въ данномъ случаѣ могло быть далеко не такъ велико, чтобы волость поддержаніе своего князя противъ его противника должна была считать необходимымъ во что бы то ни стало. Для примѣра укажемъ на кіевскія событія отъ 1067 до 1077 года. Въ 1068 г. кіевляне, опасаясь мести изгнаннаго ими князя, Изяслава Ярославича, который приближался къ Кіеву съ лядскою помощью, шлютъ приглашеніе къ братьямъ его, Святославу и Всеволоду Ярославичамъ. Святославъ и Всеволодъ отказались отъ предложеннаго имъ стола, но обѣщали помочь кіевлянамъ въ томъ случаѣ, еслибы Изяславъ вздумалъ мстить имъ. Кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Подъ 1073 г. лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: „Воздвиже дьяволъ котору въ братьи сей, въ Ярославичахъ; бывши распри межи ими, быста Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; изыде Изяславъ изъ Кыева, Святославъ же и Всеволодъ снидоста въ Кыевъ... и сѣдоста на столѣ"... Эта перемѣна произошла чрезвычайно спокойно, кіевляне не приняли въ ней участія, чѣмъ и надо объяснять совершенное молчаніе лѣтописца о вооруженномъ столкновеніи между противниками. Это и понятно. Дѣятельная поддержка Изяславла могла вовлечь кіевлянъ въ рискованную войну съ двумя сильными князьями, тогда какъ пассивное положеніе не заключало въ себѣ ни малѣйшей для нихъ невыгоды: князь мѣнялся, но вмѣсто Изяслава они получили Святослава и Всеволода, которыхъ призывали сами незадолго передъ тѣмъ. Кромѣ того, князь могъ совершить преступленіе и тѣмъ возбудить противъ себя враждебныя дѣйствія другихъ князей. Стоять за такого князя значитъ дѣлаться его сообщникомъ. Въ 980 г. кіевляне были очень далеки отъ того, чтобы оказать дѣятельную помощь князю Ярополку, убійствомъ Олега навлекшему на себя преслѣдованіе со стороны Владиміра. Судя по словамъ Блуда, они даже вступили въ тайное сношеніе съ Владиміромъ, обѣщая ему сдать городъ. Блудъ имѣлъ побужденіе именно въ такомъ свѣтѣ представить

Ярополку положеніе дѣлъ, а потому мы и не можемъ вполнѣ полагаться на его слова; но не подлежитъ сомнѣнію, что какъ только Ярополкъ оставилъ Кіевъ, кіевляне не оказали ни малѣйшаго противодѣйствія Владиміру и признали его своимъ княземъ. Подобно этому Давыдъ, Игоревичъ, навлекшій на себя преслѣдованіе братьевъ ослѣпленіемъ Василька, не находитъ большой поддержки въ своей волости и ищетъ помощи у ляховъ: окруженный Святополкомъ во Владимірѣ, Давыдъ принужденъ былъ выдти изъ города, не испробовавши ни разу силы своего оружія: несомнѣнный знакъ, что владимірцы не рѣшились выступить на его защиту. Во 2-хъ такое пассивное положеніе волости въ княжескихъ усобицахъ хотя и требуется иногда здравой политикой, но никакъ не можетъ составить общаго правила. Постоянное невмѣшательство волостей въ княжескія отношенія, возведенное въ правило, отдало бы ихъ въ жертву княжескихъ усобицъ. Волости нуждались въ мирѣ и не могли не подавать своего голоса въ его пользу. Лыбопытный образчикъ такого голоса находимъ подъ 1097 г. Владиміръ Всеволодовичъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи, подозрѣвая Святополка кіевскаго въ участіи при ослѣпленіи Василька, вознамѣрились изгнать его изъ Кіева. Получивъ вѣсть объ этомъ, Святополкъ рѣшается бѣжать; кіевляне, зная, что бѣгствомъ распря братьевъ не кончится, что Святополкъ можетъ вернуться отыскивать кіевскаго стола съ чужой помощью, удержали его и послали къ Владиміру такое посольство: „Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо возьмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися, возьмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отцы ваши и дѣды ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ побороюще по Русьскѣй земли, ины земли прiискиваху; а вы хочете погубити землю Русьскую". Князья остановились и заключили миръ. Съ другой стороны, въ договорахъ, заключаемыхъ между народомъ и княземъ, нерѣдко помѣщалось условіе: не разлучаться съ княземъ ни въ какомъ случаѣ, умереть съ нимъ вмѣстѣ. Невмѣшательство въ войну князей въ этомъ послѣднемъ случаѣ было бы прямымъ нарушеніемъ обязательства, принятаго на себя народомъ. Точно также необходимо было вмѣшательство, когда опасность потерять столъ угрожала любимому народомъ князю. Итакъ, хотя княжескія войны возникаютъ по побужденіямъ совершенно чуждымъ интересамъ волости, хотя прямая польза народа нерѣдко требуетъ самаго строгаго вмѣшательства и ограниченія враждебныхъ дѣйствій возможно тѣснымъ кругомъ, тѣмъ не менѣе есть случаи, въ которыхъ участіе въ войнѣ не только составляетъ обязанность волости, но и предписывается ея прямыми интересами. Выборъ между вмѣшательствомъ и невмѣшательствомъ условливается особенностями каждаго даннаго случая и составляетъ задачу современной политики. Если народъ рѣшался силою поддержать своего князя—случай далеко не рѣдкій, онъ долженъ былъ подчиниться и всѣмъ послѣдствіямъ войны. Какъ невмѣшательство, такъ и вмѣшательство для побѣжденной стороны имѣло послѣдствіемъ разрушеніе связи съ разъ признаннымъ уже княземъ и принятіе на столъ побѣдителя. Измѣненіе изображенныхъ нами отношеній князя къ вѣчу заключалось главнымъ образомъ въ этомъ первомъ моментѣ, насильственномъ занятіи стола, устранявшемъ осуществленіе права призванія. Послѣдующія же отношенія князя побѣдителя къ вѣчу не представляли существенныхъ особенностей: ему также было необходимо соглашеніе съ

народомъ, какъ и князю призванному. При отсутствіи постояннаго войска, большія войны могли быть ведены только съ помощью народа, который расходился по домамъ, какъ скоро непосредственная цѣль войны была достигнута. Еслибы князю, съ помощью населенія своей волости или чужеземной, и удалось изгнать своего противника и занять его столъ, этотъ успѣхъ еще нисколько не ручался за прочность пріобрѣтенія. Въ завоеванной волости могла остаться, и обыкновенно оставалась, только незначительная часть побѣдителей, ближайшая дружина князя. Эта небольшая горсть людей легко могла быть изгнана, если князь не успѣвалъ достигнуть единенія съ побѣжденными, или, по крайней мѣрѣ, составить себѣ среди нихъ сколько нибудь значительную партію. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучителенъ примѣръ Юрія Долгорукаго: онъ не успѣлъ ладить съ кіевлянами, и потому, не смотря даже на нерѣдкое уклоненіе ихъ отъ открытой борьбы съ нимъ, не успѣлъ прочно утвердиться на кіевскомъ столѣ. Подобно этому, и его внуки Ростиславичи, хотя и вошли побѣдителями во Владиміръ и Переяславль, были изгнаны, какъ скоро оказалось, что между ними и завоеванной волостью не можетъ быть единенія. Волости сознавали, что княжескія усобицы были источникомъ многихъ бѣдствій, а потому и прибѣгали къ нѣкоторымъ мѣрамъ съ цѣлью ограничить ихъ. Но это были исключительно частныя мѣры отдѣльныхъ волостей, изъ которыхъ не выработалось никакихъ общихъ нормъ для всей Русской земли, что одно могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ княжескихъ усобицъ. Во весь разсматриваемый періодъ отдѣльныя волости относились одна къ другой, какъ разныя государства. Это отсутствіе всякаго высшаго единенія давало полную свободу эгоистическимъ стремленіямъ князей.

XXXV. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ КАКЪ ПРИМИРИТЕЛЬ КНЯЖЕСКИХЪ УСОБИЦЪ.

(Изъ соч. Соловьева: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и изъ «Исторіи Россіи» Иловайскаго, ч. І-я).

Мономахъ принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ дѣятелямъ, которые являются въ самыя бѣдственныя времена для поддержанія общества, которые своею высокою личностью умѣютъ сообщить блескъ и прелесть самому дурному общественному организму. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ и только. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей; но высокими личными доблестями, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей онъ прикрывалъ недостатки существующаго порядка вещей, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Тогдашнее общество требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои семейныя обязанности, не *которовался* съ братіею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ мудрыми совѣтами нарядъ въ семью. Мономахъ, во время злой вражды между братьями,

заслужилъ названіе братолюбца, умными совѣтами и рѣшительностью отвращалъ гибельныя слѣдствія княжескихъ *которъ*, крѣпко держалъ въ рукѣ узелъ семейнаго союза. Новообращенное общество требовало отъ князя добродѣтелей христіанскихъ; Мономахъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ. Общество требовало отъ князя строгаго правосудія; Владиміръ самъ наблюдалъ надъ судомъ, чтобъ не давать сильнымъ губить слабыхъ. Въ то время, когда другіе князья играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться. Когда другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе и всякаго рода насилія, Мономахъ отличался чистотою нравовъ и строгимъ соблюденіемъ интересовъ народа. Общество больше всего ненавидѣло въ князѣ корыстолюбіе: Мономахъ всего больше имъ гнушался. Новорожденное европейско-христіанское общество, окруженное варварами, требовало отъ князя неутомимой воинской дѣятельности: Мономахъ почти всю жизнь не сходилъ съ коня, стоялъ на сторожѣ Русской земли; въ какомъ краю была опасность, тамъ былъ и Мономахъ, добрый страдалецъ за Русскую землю. Если мы, отдаленные вѣками отъ этого лица, чувствуемъ невольное благоговѣніе, разсматривая высокую его дѣятельность, то какъ же должны были смотрѣть на него современники? Не дивно, что народъ любилъ его и перенесъ эту любовь на все его потомство. По смерти отца Мономахъ не встрѣтилъ бы никакого препятствія со стороны гражданъ, еслибы захотѣлъ тотчасъ занять престолъ отцовскій. Но Мономахъ ненавидѣлъ усобицы, и потому не хотѣлъ возбудить новаго кровопролитія со стороны Святополка Изяславича, которому принадлежало старшинство между двоюродными братьями. Узнавъ о насильственной смерти брата своего Ярополка, видя, что теперь уже некому заботиться объ интересахъ его рода на югѣ, Святополкъ, княжившій въ это время въ Новгородѣ, покинулъ новгородцевъ и поспѣшилъ въ Русь, гдѣ занялъ Туровъ. По смерти Всеволода Мономахъ послалъ звать его, какъ старшаго въ родѣ, на кіевскій столъ. Если бы мы не знали всей правоты и простоты Мономахова характера, то можно было бы подумать, что онъ нарочно хотѣлъ дать старшинство Святополку, дабы показать народу все различіе между нимъ и собою. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было найти противоположность болѣе поразительную. Со слабостью характера въ Святополкѣ соединялось властолюбіе и, что еще хуже, ненасытное корыстолюбіе, порокъ, который всего болѣе ненавидѣли въ князѣ. Кіевляне жаловались на Всеволода, что онъ пренебрегалъ старою дружиною и давалъ волю пришельцамъ недавнимъ; Святополкъ не думалъ пріобрѣсть расположенія гражданъ исправленіемъ дядиной ошибки: онъ также пренебрегъ старыми боярами кіевскими и слушался только тѣхъ, которыхъ привелъ съ собою. Эти люди, не говоря уже о томъ, что, какъ пришельцы, не имѣли съ кіевлянами общихъ интересовъ, но, будучи набраны на сѣверѣ, гдѣ князь ихъ провелъ большую часть жизни, не знали состоянія дѣлъ на югѣ, и слѣдовательно могли только вредить своею неопытностью. Самъ Святополкъ позволялъ себѣ грабежи и насилія въ своей области: такъ однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки Печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ; Святополкъ, узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобъ продавать ее самому дорогою цѣною. Но и тутъ Мономахъ служилъ грозою для беззаконнаго князя; изъ страха вооружить противъ себя Владиміра, Святополкъ возвратилъ изъ изгнанія игумена Іоанна, который

ревностно обличалъ корыстолюбіе и жестокость князя. Могла ли Русь ждать чего нибудь хорошаго отъ такого князя? И вотъ усобицы не замедлили открыться на востокѣ за область Черниговскую, на западѣ — за Владиміро-Волынскую. Въ 1094 году явился Олегъ изъ Тмуторакани съ половцами у Чернигова; Мономахъ сказалъ: «Не хвалиться поганымъ», и отправился княжить въ свою отчину Переяславль, уступивъ Черниговъ Олегу. Владиміръ думалъ, что, загладивъ несправедливость дяди и отца, возвративъ Святославичамъ отцовскую волость, онъ тѣмъ самымъ усмирилъ Русь, ибо исключенные князья не будутъ уже болѣе наводить на нее половцевъ; но, къ несчастію, ошибся въ своемъ расчетѣ. Мономахъ для успокоенія Руси хотѣлъ возстановить родственную любовь, крѣпкій семейный союзъ между ея князьями, но въ характерѣ Олега встрѣтилъ сильное тому препятствіе. Несправедливость дядей ожесточила въ молодости сердце этого князя; изгнанническая жизнь отчудила его отъ родины, заставила думать только о самомъ себѣ; потерпѣвъ несправедливость, онъ считалъ справедливыми всѣ средства для возвращенія правъ своихъ; потерпѣвъ гоненіе отъ родственниковъ, онъ уже не вѣрилъ болѣе родственной любви, святости семейнаго союза, въ поступкахъ братьевъ видѣлъ одно коварство и считалъ себя въ правѣ быть также коварнымъ; добывъ мечемъ часть въ родовой собственности, онъ полагался только на одинъ мечъ и не любилъ никакихъ дружественныхъ, миролюбныхъ сдѣлокъ. Таковъ былъ Олегъ Святославичъ; между нимъ то и Святополкомъ поставленъ былъ Мономахъ съ своимъ высокимъ стремленіемъ поддержать семейный союзъ князей. Мономаха и великаго князя особенно безпокоило поведеніе Олега Черниговскаго. Когда они соединенными силами ходили въ степи противъ половцевъ, Олегъ не давалъ имъ никакой помощи. Тщетно послѣ того соединенные князья звали его въ Кіевъ для совѣщанія, по обычаю, съ епископами, боярами и гражданами; Олегъ видѣлъ въ этомъ приглашеніи только ковы, думалъ, что въ Кіевѣ произведутъ надъ ними судъ; особенно долженъ былъ оскорбить и устрашить его намекъ на присутствіе въ совѣтѣ епископовъ и гражданъ, ибо онъ зналъ, что духовенство и граждане ненавидятъ его за опустошеніе страны половцами. Вотъ почему Олегъ отвѣчалъ: «Не пойду на судъ къ епископу, или къ игумену, или смердамъ». Этотъ отвѣтъ показалъ князьямъ, что имъ нечего болѣе ждать отъ Олега. Святополкъ хотѣлъ непремѣнно войны, Мономахъ послушался его, и оба повѣстили князю Черниговскому: «Ты не помогаешь намъ въ войнѣ съ половцами, ты не идешь къ намъ на совѣтъ: изъ этого ясно видимъ, что ты въ союзѣ съ погаными, и потому идемъ на тебя съ помощью Божіею». Услышавъ о приближеніи князей, Олегъ ушелъ изъ Чернигова и заперся въ Стародубѣ; князья осадили его здѣсь; Святополкъ хотѣлъ непремѣнно погубить Святославича, но Мономахъ воспротивился; Олегъ былъ выпущенъ съ условіемъ идти въ Смоленскъ къ брату Давиду и вмѣстѣ съ нимъ явиться на общій съѣздъ. Но, вмѣсто того чтобъ сдержать свое обѣщаніе, Олегъ пошелъ къ Мурому, убилъ въ кровопролитномъ сраженіи сына Мономахова Изяслава, потомъ бросился въ землю Суздальскую и Ростовскую и укрѣпился тутъ, сбираясь овладѣть и Новгородомъ. Это заставило вооружиться Мстислава Владиміровича, князя новгородскаго. Мстиславъ, прямой наслѣдникъ своего отца, свято чтившій родственный союзъ, тщетно уговаривалъ Олега рѣшить дѣло мирнымъ рас-

пораженіемъ со старшими князьями; не могши побѣдить племянника силою, Олегъ хотѣлъ побѣдить коварствомъ; но и это не удалось.

Въ 1097 году въ Любечѣ, на одномъ коврѣ, въ знакъ односемейности, сидѣли внуки Ярослава и разсуждали о средствахъ умирить землю: «Зачѣмъ губимъ Русскую землю, подымая *котору* на самихъ себя», говорили двоюродные братья, «а между тѣмъ половцы несутъ нашу землю розно, и радуются, что между нами идетъ безпрерывная рать; возьмемся же наконецъ въ одно сердце блюсти Русскую землю». Положено было, чтобъ каждый князь держалъ ту волость, которую имѣлъ отецъ его: Святополкъ—старшій столъ, Кіевъ, Мономахъ—Переяславль, Святославичи: Олегъ, Давидъ и Ярославъ,—область Черниговскую съ принадлежащими къ ней землями на востокѣ. Что же касается князей, исключенныхъ преждевременною смертью отцевъ своихъ, то рѣшено было держаться распоряженій послѣдняго изъ Ярославичей, Всеволода, вслѣдствіе чего Давидъ Игоревичъ получилъ Владиміръ, Ростиславичи: Володарь—Перемышль, Василько—Теребовль; брата ихъ Рюрика уже не было въ живыхъ. Мономахъ достигъ своей цѣли: семейный союзъ между князьями былъ возстановленъ, Русь умирена; въ самомъ дѣлѣ, Святославичи, увидя искренность двоюродныхъ братьевъ и введеные снова во владѣніе родовою собственностью, начинаютъ жить съ этихъ поръ спокойно.

Но въ то время, какъ миръ былъ возстановленъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, на правой, въ области Владимірской, возникли опять усобицы, ибо земля Черниговская отдана была въ исключительное владѣніе одному роду Святославичей, тогда какъ Владимірская область была подѣлена между двумя враждебными линіями, изъ которыхъ каждая считала себя въ правѣ на обладаніе цѣлою волостью. Давидъ Игоревичъ, которому достался Владиміръ, опасался, что Ростиславичи, сгубившіе Ярополка, не оставятъ и его въ покоѣ. Особенно боялся онъ младшаго изъ нихъ, Василька, который отличался необыкновенно предпріимчивымъ духомъ и питалъ геройскіе замыслы. Надѣлавъ много зла Польшѣ во время господствовавшихъ въ ней смятеній послѣ Болеслава II, Василько хотѣлъ нанести рѣшительный ударъ этой державѣ, потомъ сбирался идти на дунайскихъ болгаръ и поселить ихъ у себя; наконецъ Василько думалъ ударить на половцевъ и либо стяжать себѣ славу, либо положить голову за Русскую землю. Ясно, что сосѣдство такого князя, прямаго внука стараго Святослава, не могло нравиться Давиду. Притомъ узнали, что толпы степныхъ варваровъ, берендѣи, торки, печенѣги, идутъ къ Васильку. Давидъ не могъ не встревожиться этимъ извѣстіемъ; скоро явились люди, которые начали подтверждать его опасенія; то были трое изъ близкихъ къ нему дружинниковъ—Турякъ, Лазарь и Василь. Они увѣряли Давида, что двое самыхъ доблестныхъ князей, Мономахъ и Василько, сложились вмѣстѣ, чтобы выгнать Святополка изъ Кіева, а его, Давида, изъ Владиміра. Игоревичъ повѣрилъ, но рѣшеніе, принятое на съѣздѣ, что всѣ князья должны вооружиться на зачинщика усобицъ, связывало ему руки, и потому онъ рѣшился употребить орудіемъ вел. князя. Съ этою цѣлью Давидъ на возвратномъ же пути изъ Любеча, заѣхавъ въ Кіевъ, сталъ наговаривать Святополку, что имъ обоимъ не ждать добра отъ Ростиславичей, что они убили Святополкова брата и теперь въ союзѣ съ Мономахомъ хотятъ завладѣть Кіевомъ, что должно предупредить враговъ, для чего необходимо захватить Василька. Напоминовеніе о

несчастной кончинѣ брата взволновало Святополка; съ другой стороны, онъ боялся нарушить клятву, только что данную цѣлому роду; напослѣдокъ злые совѣты перемогли: Святополкъ рѣшился задержать Василька, коварно зазвавъ его къ себѣ на перепутьи. Но, начавъ дѣло, опять не зналъ, какъ кончить, созвалъ совѣтъ изъ бояръ и гражданъ: совѣтники отвѣчали уклончиво, что если слова Давида справедливы, то Василько достоинъ казни, духовенство же прямо заступилось за плѣнника. Тогда Давидъ началъ говорить, что, по крайней мѣрѣ, нужно ослѣпить Василька, и увезъ наконецъ свою жертву у полусогласнаго Святополка. Злодѣяніе было совершено на дорогѣ: Ростиславичъ ослѣпленъ. Легко себѣ представить отчаяніе Мономаха при этомъ извѣстіи. Онъ тотчасъ повѣстилъ Святославичамъ о случившемся, приглашая ихъ поправить зло. Черниговскіе князья изъявили равный ужасъ и поспѣшили соединить полки свои съ Мономаховыми. Союзники послали къ Святополку требовать отчета въ преступленіи; они говорили велик. князю: «Зачѣмъ сдѣлалъ ты зло въ Русской землѣ и ввергнулъ въ насъ ножъ? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Если онъ былъ виноватъ, то ты долженъ былъ обличить его передъ нами и, доказавъ преступленіе, наказать его; а теперь объяви вину его, за которую подвергся онъ такой лютой казни». Святополкъ сложилъ всю вину на Давида. Тогда союзники хотѣли было уже приступить къ Кіеву, но Мономахъ испугался ненавистной усобицы, склонился на просьбу мачихи своей и духовенства, и вступилъ въ переговоры съ кіевскимъ княземъ, на котораго, какъ на старшаго въ родѣ, возложена была обязанность наказать виновнаго Давида. Святополкъ отправился, имѣя другое въ виду: онъ хотѣлъ, изгнавъ Давида, изгнать вмѣстѣ и Ростиславичей, потому что считалъ всю Владимірскую область владѣніемъ отца и брата. Старинная распря за Волынь между тремя княжескими линіями возобновилась теперь съ новою силою. Давидъ, видя бѣду, отослалъ ослѣпленнаго Василька къ брату его Володарю и спѣшилъ призвать на помощь поляковъ; Святополкъ, съ своей стороны, обратился къ нимъ же: поляки брали дары отъ обоихъ и не помогали ни одному. Тогда Давидъ нанялъ половцевъ, а Святополкъ—венгровъ. Венгры были разбиты половцами, но Давидъ все же не могъ удержаться. Владиміръ былъ занятъ Святополкомъ, но Ростиславичи отбили нападенія послѣдняго и сохранили свою волость. Изгнанный Давидъ послалъ сказать князьямъ, что хочетъ жаловаться имъ на обидчиковъ. Родичи снова съѣхались вмѣстѣ въ Витичевѣ, въ 1101 году, и послали за Давидомъ. Черезъ 20 дней Игоревичъ явился, сѣлъ на общій коверъ и спросилъ: «Зачѣмъ прислали за мною? Я явился и готовъ отвѣчать на жалобы, какія будутъ противъ меня». Тогда Мономахъ отвѣчалъ ему: «Не мы призвали тебя, но ты самъ присылалъ, говоря, что хочешь жаловаться братьямъ на обидчиковъ: теперь ты сидишь на одномъ коврѣ съ нами, для чего же не жалуешься»? Давидъ молчалъ. Тогда князья встали, сѣли на коней, разъѣхались каждый порознь съ своею дружиною и начали совѣщаться о Давидѣ. Потомъ, собравши мнѣнія, послали каждый отъ себя по боярину объявить Давиду: «Ты ввергнулъ въ насъ ножъ, сдѣлалъ зло, какого не бывало на Руси; однако мы не хотимъ заключить тебя въ оковы или наказать какъ-нибудь иначе; но вотъ Святополкъ даетъ тебѣ три города, а Владиміръ, съ своей стороны, 200 гривенъ денегъ, и Святославичи столько же отъ себя». Давидъ

повиновался. Послѣ Святополкъ далъ ему вмѣсто трехъ городовъ одинъ Дорогобужъ, гдѣ онъ и умеръ. Святополкъ достигъ своей цѣли, хотя потерялъ сына Мстислава, убитаго въ усобицѣ: Владиміръ остался за его родомъ, онъ помѣстилъ тамъ сына своего Ярослава. Ростиславичи удержали за собой прежнія волости, вопреки рѣшенію соединенныхъ князей, которые, разсуждая, что слѣпецъ Василько не въ состояніи будетъ управлять самъ своимъ княжествомъ, и, не желая усиливать Володаря, хотѣли оставить обоимъ братьямъ одинъ Перемышль, обязываясь содержать Василька на свой счетъ, если Володарь будетъ этимъ тяготиться.

Такъ оба княжескіе съѣзда достигли своей цѣли: одинъ, любечскій, кончилъ усобицу за область Черниговскую, другой, витичевскій, за волость Владиміро-Волынскую. По настоящему, право оканчивать всѣ споры съ братіею, рядить и судить между ними, принадлежало старшему въ родѣ; но Святополкъ не былъ въ уровень своему положенію.

Уступивъ ему старшинство для избѣжанія усобицы, Мономахъ, для прекращенія другихъ смятеній, долженъ былъ прибѣгнуть къ другому средству, чтобъ замѣнить власть великокняжескую. Это средство было— съѣздъ всѣхъ князей для братскаго совѣщанія, для распоряженія волостьми, для суда надъ виновными родичами.

Въ апрѣлѣ 1113 года скончался великій князь Святополкъ-Михаилъ на пути около Вышгорода. Его положили въ лодку, привезли въ Кіевъ и похоронили въ златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ, который былъ имъ самимъ основанъ. Ближайшее право на великокняжескій столъ имѣли Святославичи, Давидъ или Олегъ; впрочемъ старшинство ихъ было спорное, такъ какъ ихъ отецъ Святославъ насильно отнялъ кіевскій столъ у своего старшаго брата Изяслава и умеръ еще при его жизни. Вопросъ о старшинствѣ рѣшенъ голосомъ народнымъ, который единодушно указывалъ на Владиміра Мономаха, въ дѣйствительности уже давно стоявшаго во главѣ русскихъ князей; Святославичи были нелюбимы, особенно за свою дружбу съ половцами и многія раззоренія, причиненныя ими Русской землѣ. Граждане кіевскіе собрались на вѣче и послали въ Переяславль къ Владиміру просить его на столъ отцовскій и дѣдовскій. Владиміръ медлилъ: можетъ быть, старшинство Святославичей приводило его въ раздумье. Между тѣмъ въ Кіевѣ, при отсутствіи княжеской власти, начались безпорядки. Чернь бросилась на дворы нелюбимыхъ сановниковъ, именно тысяцкаго Путяты и нѣкоторыхъ сотскихъ, и разграбила ихъ; потомъ пограбила дворы жидовъ, которые купили себѣ разныя льготы у Святополка II, и, по обыкновенію своему, многихъ повергли въ нищету, въ качествѣ жадныхъ ростовщиковъ.

Тогда лучшіе граждане послали сказать Владиміру: „Князь, иди скорѣе въ Кіевъ, а если не придешь, то знай, что поднимется большое зло; уже не сотскихъ и не жидовъ только будутъ грабить, а пойдутъ на вдовую княгиню, на бояръ и монастыри, и ты будешь отвѣчать передъ Богомъ, если разграбятъ монастыри". Владиміръ послѣ того не медлилъ болѣе и поспѣшилъ въ Кіевъ. Его встрѣтили митрополитъ и епископы со всѣмъ городомъ, и онъ торжественно сѣлъ на столѣ своего отца и дѣда. Мятежъ утихъ; настало твердое, умное правленіе Мономаха. Онъ достигъ уже шестидесятилѣтняго возраста, когда занялъ великокняжскій столъ.

Вообще лѣтопись изображаетъ намъ Владиміра Мономаха идеаломъ русскаго князя; онъ миритъ враждующихъ, свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе; подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятіе о великокняжеской власти; младшіе родичи повиновались ему, какъ отцу; а тѣхъ, которые пытались завести распри, онъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ. Внѣшніе враги присмирѣли. Однако и при этомъ великомъ князѣ было двѣ междоусобныя войны, одна въ Полоцкой землѣ, другая на Волыни.

Прежними своими походами и подвигами Владиміръ Мономахъ на столько обезопасилъ предѣлы Руси, что во время своего княженія онъ уже не ходилъ лично на сосѣдей, а посылалъ своихъ мужественныхъ сыновей. Такъ старшій сынъ его Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ Великомъ, совершилъ съ новгородцами и псковичами большой походъ на озеро Пейпусъ, въ землю Ливонской Чуди, и взялъ ея городъ Оденпе или Медвѣжью Голову (1116 г.). Другой его сынъ Юрій (Долгорукій), посаженный отцомъ въ Ростовской землѣ, ходилъ на судахъ Волгою въ землю камскихъ болгаръ и вернулся съ большимъ плѣномъ и добычею (1120 г.). Третій, Ярополкъ, ходилъ съ войсками за Донъ, гдѣ погромилъ половцевъ и ясовъ или аланъ. (1116). Ко времени Владиміра Мономаха относится еще одно столкновеніе Руси съ греками.

По примѣру отцовъ и дѣдовъ, великіе князья кіевскіе продолжали заключать родственные союзы съ разными государями европейскими, именно польскими, угорскими, нѣмецкими, скандинавскими и греческими. Мономахъ, какъ извѣстно, былъ сынъ греческой царевны; самъ онъ вступалъ въ бракъ три раза, и первой супругой его была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда, павшаго въ битвѣ при Гастингсѣ; а старшій сынъ его Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля. Одна изъ дочерей Мономаха, Евфимія, сдѣлалась супругой угорскаго короля Коломана (впрочемъ старый и ревнивый мужъ потомъ отослалъ ее къ отцу); а другая его дочь, Марія, находилась замужемъ за греческимъ царевичемъ Леономъ. Этотъ царевичъ былъ сыномъ злополучнаго византійскаго императора Романа Діогена, который попалъ въ плѣнъ къ туркамъ и лишился престола. Леонъ въ 1116 году появился на Дунаѣ съ войскомъ, набраннымъ, вѣроятно, изъ Руси и половцевъ, и завладѣлъ нѣкоторыми болгарскими городами. Знаменитый византійскій императоръ Алексѣй Комненъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ соперника съ обычнымъ своимъ искусствомъ. Онъ подослалъ двухъ сарацинъ, которые пришли въ Дористолъ къ Леону съ предложеніемъ своихъ услугъ, и, улучивъ минуту, убили его. Тогда Владиміръ Мономахъ, желая отомстить за смерть зятя, или, вѣрнѣе, вступаясь за права его маленькаго сына, а своего внука Василія, отправилъ на Дунай войско подъ начальствомъ Ивана Войтишица, который и размѣстилъ въ дунайскихъ городахъ русскихъ посадниковъ. Но Дористолъ вскорѣ былъ захваченъ греками. Владиміръ послалъ для взятія этого города одного изъ своихъ сыновей, Вячеслава, съ воеводою Ѳомою, сыномъ извѣстнаго боярина Ратибора, но и они не могли взять Дористола. А потомъ и остальные дунайскіе города снова перешли въ руки грековъ, вѣроятно, по мирному договору съ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ, подъ конецъ Мономахова княженія

мы видимъ его опять въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей; въ 1122 г., уже по смерти Алексѣя Комнена, при его сынѣ Іоаннѣ Комненѣ, онъ выдаетъ свою внучку, дочь Мстислава, замужъ за какого то греческаго царевича.

Какъ и всѣ великіе государственные люди, Владиміръ Мономахъ славенъ не одними военными доблестями; онъ былъ замѣчателенъ и на поприщѣ мирной, гражданской дѣятельности. На его заботы о правосудіи указываетъ Русская Правда, которую онъ дополнилъ новыми статьями. Владиміръ любилъ также строиться, и ему принадлежало нѣсколько замѣчательныхъ сооруженій. Между прочимъ лѣтопись упоминаетъ о мостѣ, устроенномъ черезъ Днѣпръ (вѣроятно, мостъ судовой, разводный). Въ его княженіе были расширены укрѣпленія Новгорода Великаго, а городъ Ладога обведенъ каменною стѣною. Ему приписываютъ основаніе города Владиміра въ Ростовско-Суздальской землѣ, въ которую онъ предпринималъ довольно частыя поѣздки. По примѣру дѣда и прадѣда, онъ много заботился о созиданіи храмовъ; при немъ довершенъ въ Вышгородѣ каменный храмъ Бориса и Глѣба, куда и были перенесены останки этихъ мучениковъ. Памяти послѣднихъ онъ оказывалъ особое уваженіе и въ честь ихъ создалъ «прекрасную» церковь на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса.

При всемъ своемъ стремленіи къ единству русскихъ земель подъ верховною властью кіевскаго князя, Владиміру Мономаху не могла и въ голову придти мысль объ уничтоженіи удѣльнаго порядка, который вполнѣ сроднился съ духомъ и понятіями того времени. Подобно своему дѣду и прадѣду, онъ хлопоталъ только о томъ, чтобы соединить какъ можно болѣе областей въ рукахъ своихъ и своего потомства. Черниговскіе Святославичи, галицкіе Ростиславичи и отчасти полоцкіе Всеславичи отстояли свои наслѣдственные удѣлы; но за то Владиміру, въ качествѣ великаго князя кіевскаго, оружіемъ и ловкой политикой удалось еще разъ собрать подъ владѣніемъ одного дома почти всѣ остальныя русскія области.

Владиміръ Мономахъ скончался на 74-мъ году отъ рожденія, 19 мая 1125 года, во время своей поѣздки въ родной Переяславль. Тамъ онъ наблюдалъ за окончаніемъ упомянутой выше „прекрасной" церкви Бориса и Глѣба, которую соорудилъ на берегу Альты, недалеко отъ самаго города. Сыновья, внуки и бояре перенесли его въ Кіевъ и погребли въ Софійскомъ соборѣ, рядомъ съ отцомъ его Всеволодомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что весь народъ и всѣ люди плакали по немъ, какъ „дѣти по отцѣ или по матери". По его выраженію, это былъ „братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю", о которомъ слава прошла по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ „поганымъ", т. е. половцамъ.

XXXVI. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ КАКЪ ЗАЩИТНИКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ ОТЪ ПОЛОВЦЕВЪ.

(*Изъ «Исторіи Россіи» Иловайскаго, ч. I-я. Кіевскій періодъ*).

Водворивъ миръ въ Русской землѣ, князья склонились на убѣжденія Владиміра Мономаха и соединенными силами обратились теперь на своихъ общихъ враговъ, т. е. на дикихъ половцевъ. Борьба Руси съ этими кочевниками около того времени принимаетъ ожесточенный, упорный характеръ. Столь же коварные какъ и хищные, половецкіе ханы часто заключали миръ съ русскими князьями, причемъ брали дары и клялись не нападать на русскія земли; но вслѣдъ затѣмъ забывали о своихъ клятвахъ и вновь приходили жечь, грабить и уводить въ плѣнъ русское населеніе. Такое вѣроломство ожесточило русскихъ людей, и только этимъ общимъ ожесточеніемъ можно объяснить слѣдующій поступокъ Владиміра Мономаха, наиболѣе уважавшаго клятвы и договоры, наиболѣе рыцарственнаго изъ русскихъ князей того времени.

Въ 1095 году два половецкихъ хана, Итларь и Китанъ, пришли къ Владиміру въ Переяславль для заключенія мира. Итларь съ своими людьми вошелъ въ самый городъ, и расположился на дворѣ Ратибора; а Китанъ сталъ за городомъ между валами, взявъ къ себѣ въ заложники одного изъ сыновей Владиміровыхъ, Святослава. Ратиборъ былъ старый, знатный бояринъ, служившій воеводою еще отцу Мономаха. Этотъ бояринъ и его семья почему-то особенно злобились на половцевъ, и задумали вѣроломнымъ образомъ перебить своихъ гостей. Въ то же время въ Переяславлѣ находился кіевскій бояринъ Словята, присланный отъ Святополка съ какимъ то порученіемъ (очевидно относившимся къ тѣмъ же половцамъ). Заодно съ нимъ ратиборовичи начали уговаривать Владиміра на истребленіе половцевъ. Князь колебался, говоря: «Какъ можно это сдѣлать послѣ только что данной присяги?» Дружина успокоивала его совѣсть словами: «нѣтъ въ томъ грѣха; половцы всегда даютъ клятву сохранять миръ и всегда ее нарушаютъ, безпрестанно проливая кровь христіанскую». Владиміръ, хотя и неохотно, но далъ свое согласіе. Въ ту же ночь Словята съ отрядомъ изъ русскихъ и торковъ подкрался къ стану Китана: сначала выкрали молодаго Святослава; а потомъ бросились на половцевъ и всѣхъ перебили вмѣстѣ съ ханомъ. Итларь съ своими людьми между тѣмъ ночевалъ на дворѣ Ратибора, ничего не зная объ участи Китана. Поутру его пригласили въ избу, чтобы позавтракать и обогрѣться, такъ какъ дѣло было въ концѣ февраля. Но едва ханъ и его свита вошли въ избу, какъ ихъ заперли, вскрыли потолокъ, и оттуда первый Ольбегъ Ратиборовичъ угодилъ стрѣлою прямо въ сердце Итларя; затѣмъ избили и всѣхъ его людей. Такое вѣроломство, конечно, не принесло никакой существенной пользы Русской землѣ. Оно только еще болѣе ожесточило обѣ стороны. Вслѣдъ затѣмъ Святополкъ и Владиміръ соединенными силами предприняли походъ въ степи, разорили нѣкоторыя половецкія вежи и воротились съ большою добычею, состоявшею изъ челяди, коней, верблюдовъ и прочаго скота.

Половцы въ томъ же году отомстили нашествіемъ на кіевскіе предѣлы; они долго осаждали городъ Юрьевъ, на рѣкѣ Роси, и наконецъ сожгли его, послѣ того какъ онъ былъ оставленъ своими жителями.

Этихъ выходцевъ изъ Юрьева Святополкъ поселилъ на мѣстѣ древняго Витичева, на высокомъ холму праваго днѣпровскаго берега, и вновь основанный здѣсь городъ назвалъ своимъ именемъ Святополчъ.

Въ слѣдующемъ 1096 году, когда великій князь и Владиміръ были заняты междоусобною войною съ Олегомъ Святославичемъ, половцы воспользовались удобнымъ временемъ и усилили свои набѣги. Свирѣпый ихъ ханъ Бонякъ разорилъ правый берегъ Днѣпра до самаго Кіева; причемъ опустошилъ окрестности столицы и обратилъ въ пепелъ загородный великокняжескій дворъ на Берестовѣ; а другой ханъ, Куря, свирѣпствовалъ на лѣвой сторонѣ около Переяславля. Пришелъ тесть Святополка Тугорканъ, и осадилъ самый Переяславль, въ отсутствіе Владиміра. Тогда Святополкъ и Владиміръ, соединясь, переправились за Днѣпръ у Заруба и неожиданно для половцевъ явились подъ Переяславлемъ. Варвары были разбиты на голову. Въ числѣ убитыхъ былъ и Тугорканъ; великій князь велѣлъ его, какъ своего тестя, отвезти въ столицу и погребсти у Берестова. Но, между тѣмъ какъ князья еще находились въ Переяславлѣ, Бонякъ, пользуясь отсутствіемъ войска, явился опять около Кіева и едва не ворвался въ самый городъ. Онъ сжегъ нѣсколько монастырей и селъ, въ томъ числѣ и красный княжескій дворъ, построенный Всеволодомъ на Выдубецкомъ холму. При этомъ неожиданномъ нашествіи пострадала и знаменитая Печерская обитель. Варвары съ дикими криками напали на нее въ тотъ часъ, когда иноки послѣ заутрени спали по своимъ кельямъ. Вырубивъ монастырскія ворота, они принялись грабить, поджигать храмъ Богородицы и рыскать по пустымъ кельямъ, изъ которыхъ монахи успѣли спастись бѣгствомъ. Услыхавъ объ этомъ нашествіи, Святополкъ и Владиміръ спѣшили ударить на Боняка; но онъ съ такою же быстротою ушелъ въ степи, съ какою пришелъ. Русскіе князья погнались за нимъ, но не могли настичь.

Подобныя нападенія половцевъ повторялись почти ежегодно; русскимъ князьямъ иногда удавалось во-время собрать силы и поразить ту или другую толпу варваровъ. Нерѣдко князья съѣзжались вмѣстѣ съ половецкими ханами, заключали съ ними миръ, скрѣпляли его взаимными клятвами и даже браками съ ихъ дочерьми. Но ничто не могло прекратить губительныхъ половецкихъ набѣговъ. Оборонительная война оказывалась слишкомъ недостаточною; надобно было повести борьбу болѣе энергичную и дружную, чтобы отбить движеніе степи на южную Русь. Благодаря усиліямъ Владиміра Мономаха, такую именно наступательную борьбу повели русскіе князья въ началѣ XII вѣка. Это наступленіе восточно-европейскаго народа на своихъ турецкихъ сосѣдей совпало по времени съ такимъ же движеніемъ западно-европейскихъ народовъ противъ другой части того же турецкаго племени, которая вышла изъ тѣхъ же закаспійскихъ степей и, объединясь подъ знаменемъ Сельджукидовъ, распространила свое господство почти на всю переднюю Азію. Славные русскіе походы въ глубь половецкихъ степей совпали съ началомъ крестовыхъ походовъ для освобожденія Святой земли. Владиміръ Мономахъ и Готфридъ Бульонскій, это два вождя-героя, одновременно подвизавшіеся на защиту христіанскаго міра противъ враждебнаго ему востока. Въ 1103 г. Владиміръ пригласилъ Святополка весною вмѣстѣ выступить въ походъ на половцевъ; но дружинники отсовѣтовали походъ

на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ князья съѣхались недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра, у Долобскаго озера, и сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый съ своей дружиной. Владиміръ первый прервалъ молчаніе:

«Братъ, ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю»?

Святополкъ отвѣчалъ: «Братъ, лучше ты начни».

«Какъ же мнѣ говорить! — возразилъ Владиміръ — противъ меня и моя, и твоя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ, и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ весною смердъ пахать на своей лошади, а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно сожжетъ. Почему же объ этомъ-то вы не подумаете»?

Дружина единодушно признала справедливость его словъ.

„Я готовъ идти съ тобою", сказалъ Святополкъ.

«Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ», замѣтилъ Владиміръ.

Князья встали, поцѣловались, и послали звать съ собою въ походъ Святославичей. Олегъ отговорился болѣзнію, но братъ его Давидъ пошелъ. Кромѣ этихъ старшихъ князей, въ походъ отправилось нѣсколько изъ младшихъ родственниковъ съ своими дружинами. Князья двинулись съ конною и пѣшею ратью; послѣдняя плыла на лодкахъ по Днѣпру, а вторая вела своихъ коней берегомъ. Миновавъ пороги, лодки остановились у острова Хортицы; пѣхота вышла на берегъ, всадники сѣли на коней, и соединясь, пошли въ степь. Послѣ четырехдневнаго похода Русь достигла непріятельскихъ кочевьевъ. Приготовляясь къ битвамъ, князья и воины усердно молились, и творили разные обѣты: одинъ обѣщалъ раздать щедрую милостыню, другой сдѣлать пожертвованіе на монастырь.

Между тѣмъ половецкіе ханы, заслышавъ о русскомъ походѣ, также собрались на съѣздъ, и начали совѣщаться. Старшій изъ нихъ, Урусоба, совѣтовалъ просить мира. «Русь будетъ крѣпко съ нами биться, ибо много зла надѣлали мы Русской землѣ», говорилъ онъ. Но болѣе молодые предводители не хотѣли его слушать, и хвалились, избивши Русь, идти въ ея землю и взять ея города. Половцы выслали впередъ Алтунопу, который славился у нихъ своимъ мужествомъ. Онъ столкнулся съ сторожевымъ русскимъ отрядомъ, былъ окруженъ, побитъ и самъ палъ въ этой сѣчѣ. Ободренные первымъ успѣхомъ, русскіе полки смѣло ударили на главныя силы половцевъ. Варвары, подобно густому бору, покрывали широкое поле; но не было въ нихъ бодрости; по словамъ нашей лѣтописи, и всадники, и кони стояли въ какой-то дремотѣ. Половцы недолго выдерживали стремительное нападеніе Руси, и побѣжали. Битва происходила 4-го апрѣля. Въ ней пало до двадцати половецкихъ князей, въ томъ числѣ и Урусоба. Одинъ изъ сильнѣйшихъ хановъ, Бельдюзъ, былъ взятъ въ плѣнъ, и началъ предлагать великому князю за себя выкупъ, обѣщая много золота, серебра, коней и всякаго рода скота. Святополкъ отослалъ его къ Владиміру.

«Сколько разъ клялись вы не воевать Русской земли»? сказалъ ему Мономахъ. «Зачѣмъ не удерживалъ своихъ сыновей и родичей,—чтобы

они не нарушали клятвы и не проливали христіанской крови»?—и велѣлъ изрубить его на части. Русскіе раззорили многія вежи половецкія и взяли большую добычу плѣнниками, конями, верблюдами и прочимъ скотомъ. Они захватили также нѣкоторыя вежи печенѣговъ и торковъ, соединившихся съ половцами. Съ великою честью и славою воротились князья въ свои города.

Но сила кочевниковъ далеко не была сломлена этимъ блистательнымъ походомъ. На слѣдующіе годы варвары отомстили Руси новыми набѣгами. Еще были живы свирѣпый Бонякъ и старый Шаруканъ. Однажды они вмѣстѣ пришли на Русь и остановились подъ городомъ Лубно, на берегахъ Сулы. Святополкъ и Владиміръ соединились на этотъ разъ съ Олегомъ Черниговскимъ. Они ударили на половцевъ такъ неожиданно, что тѣ не успѣли «и стяга поставить», и были разбиты на голову. На Успеньевъ день, въ храмовой праздникъ Печерскаго монастыря, Святополкъ воротился изъ похода и отправился прямо въ обитель благодарить за побѣду. Русскіе князья заключили миръ съ половецкими ханами; причемъ на дочери одного изъ этихъ хановъ Владиміръ женилъ своего младшаго сына Юрія, знаменитаго впослѣдствіи Долгорукаго. Олегъ Святославичъ женилъ своего сына Святослава на дочери другаго хана. Но эти мирные договоры и брачные союзы по обыкновенію не прекратили враждебныхъ дѣйствій и набѣговъ половецкихъ. Тогда Мономахъ убѣдилъ русскихъ князей совершить новый большой походъ общими силами, чтобы разгромить половецкія вежи и въ самыхъ степяхъ задонскихъ.

Во главѣ соединеннаго ополченія снова стали Святополкъ, Владиміръ Мономахъ и Давидъ Святославичъ. На этотъ разъ князья выступили еще въ болѣе раннее время, чѣмъ прежде, именно въ концѣ февраля, чтобы совершить походъ до наступленія лѣтняго зноя, столь тягостнаго въ южныхъ степяхъ. До рѣки Хороля войско шло еще зимнимъ путемъ, но тутъ надобно было бросить сани. Оно постепенно миновало Псёлъ, Ворсклу, Донецъ и прочія рѣки; а на шестой недѣлѣ во вторникъ достигло береговъ Дона. На этихъ берегахъ находились осѣдлыя становища главныхъ половецкихъ хановъ. Русь облеклась въ брони, которыя во время похода обыкновенно складывались на воза.

Полки устроились и въ боевомъ порядкѣ двинулись къ городу хана Шарукана; по распоряженію Владиміра, священники шли впереди войска съ пѣніемъ тропарей и кондаковъ. Шаруканцы вышли на встрѣчу Руси съ поклономъ, съ рыбою и виномъ; чѣмъ и спасли свои жилища отъ разоренія. Слѣдующій затѣмъ городокъ хана Сугра былъ сожженъ. Въ четвергъ русская рать отъ Дона пошла далѣе. На другой день, 24 марта, она встрѣтилась съ половецкою ордою. Русскіе остались побѣдителями, и праздновали свою побѣду вмѣстѣ съ днемъ Благовѣщенія. Главная битва произошла въ страстной понедѣльникъ, на берегахъ Сала. Враги были очень многочисленны, и опять подобно густому бору окружили русскую рать. Упорная сѣча длилась до тѣхъ поръ, пока Владиміръ Мономахъ стремительнымъ натискомъ во главѣ своего полка не рѣшилъ побѣду. По словамъ лѣтописной легенды, половцы оправдывали свое пораженіе чудесною помощью, которую оказывали христіанамъ какіе то свѣтлые воины, носившіеся надъ русскими полками. Снова съ огромнымъ количествомъ плѣнниковъ и всякаго скота воротились русскіе изъ похода.

Лѣтописецъ прибавляетъ, что слава этихъ побѣдъ далеко разнеслась между другими народами, какъ-то: греками, уграми, ляхами, чехами, и дошла до самаго Рима.

XXXVII. ИЗЪ ПОУЧЕНІЯ ВЛАДИМІРА МОНОМАХА.

(Изъ Лаврентьевской Лѣтописи).

....Приближаясь къ смерти, я помыслилъ въ душѣ своей и восхвалилъ Бога, который меня грѣшнаго сохранилъ въ живыхъ до сихъ поръ. Дѣти мои или кто другой, читающій это писаніе, не смѣйтесь надо мною; кому же изъ дѣтей моихъ полюбится оно, пусть тотъ приметъ его въ сердце свое, откажется отъ бездѣйствія и начнетъ трудовую жизнъ. Тотъ, кому не понравится это писаніе, пусть не сердится, а скажетъ такъ: «отправляясь въ далекій загробный путь, онъ говорилъ безлѣпицу». На Волгѣ встрѣтили меня послы братьевъ моихъ и сказали: «Соединись съ нами, изгонимъ Ростиславичей и волость у нихъ отнимемъ; если же ты не съ нами, то не желаемъ имѣть съ тобою ничего общаго». Я отвѣчалъ: «Хотя вы и гнѣваетесь, не могу идти съ вами и совершить клятвопреступленіе». Отправивъ ихъ, я взялъ въ печали псалтырь, раскрылъ его и напалъ на слѣдующее мѣсто: «Вскую печалуеши душе? Вскую смущаеши мя"? и прочая. Я, собравъ эти великія слова, поразмыслилъ надъ ними и написалъ: Если не любите слѣдствій какого либо дѣла, не предпринимайте самаго дѣла. «Вскую печальна еси душе моя? Вскую смущаеши мя? Упова на Бога, яко исповѣмся ему». Не помогай лукавящимъ, не завидуй творящимъ беззаконіе, потому-что лукавящіе погибнутъ, послушные Господу овладѣютъ землею.... По истинѣ, дѣти мои, поймите, какъ человѣколюбивъ Богъ, какъ онъ милостивъ и премилостивъ, а мы люди грѣшные и смертные. Если кто намъ зло сотворитъ, мы хотимъ того немедленно погубить и кровь его пролить; между тѣмъ, какъ Господь нашъ, властный въ жизни и смерти, терпитъ, когда грѣховъ у насъ выше головы, и во всю жизнь поступаетъ съ нами, какъ отецъ, любящій свое дитя, наказывающій его и опять выражающій къ нему любовь. Господь нашъ указалъ намъ путь къ побѣдѣ, которая доставляется тремя добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею. Поймите, дѣти мои, что заповѣдь божья не тяжела, если этими тремя дѣлами можно освободиться отъ грѣховъ своихъ и не лишиться царства Божія. Ради Бога не лѣнитесь и не забывайте, умоляю васъ, этихъ трехъ дѣлъ; они не тяжки. Не одиночествомъ, не монашествомъ, не голодомъ, коему подвергаютъ себя иные добрые люди, но малымъ дѣломъ можно заслужить милость Божью.... Восхвалите, дѣти мои, Бога, давшаго намъ милость свою, и послушайте мое ничтожное и нескладное наставленіе. Послушайте меня и пріймите если не все, то хотя половину. Когда Богъ умягчитъ ваше сердце, испустите слезы о грѣхахъ своихъ и воскликните: «Какъ блудницу, и разбойника, и мытаря, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй». Не грѣшите ни одну ночь, если можете, кланяйтесь до земли трижды, не забывайте этого и не лѣнитесь, ибо этими ночными поклонами и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и освобождается отъ грѣховъ, совершенныхъ днемъ. Даже ѣздя на конѣ, если ни чѣмъ

не заняты и другихъ молитвъ не знаете, безпрестанно въ мысляхъ повторяйте: «Господи помилуй»; молиться такъ гораздо лучше, чѣмъ думать безлѣпицу. Болѣе всего не забывайте бѣдныхъ, по возможности кормите ихъ, окажите покровительство сиротѣ, сами оправдайте вдову, не допускайте, чтобы сильные обижали слабыхъ. Ни праваго, ни виновнаго не убивайте и не повелѣвайте убить; если кто будетъ достоинъ смерти, не губите души христіанской. Говоря что-либо, доброе, или недоброе, не клянитесь именемъ Бога, не креститесь, ибо во всемъ этомъ нѣтъ надобности; но если будете крестъ цѣловать относительно братьевъ или кого либо другаго, то исполняйте крестное цѣлованіе, чтобы, измѣнивъ ему, не погубить души своей. Уважайте епископовъ, священниковъ и игуменовъ, съ любовью принимайте отъ нихъ благословеніе, не сторонитесь отъ нихъ, любите ихъ и по возможности одаряйте, чтобы они молились Богу за васъ. Болѣе всего не имѣйте въ сердцѣ и умѣ гордости. Мы должны знать, что мы смертны, сегодня живы, а завтра въ могилѣ. Все, чѣмъ мы обладаемъ, не наше, а порученное намъ Богомъ на мало времени. Въ землѣ сокровищъ не зарывайте, ибо это великій грѣхъ. Старыхъ чтите какъ отца, молодыхъ—какъ брата. Въ домѣ своемъ не бездѣйствуйте, за всѣмъ смотрите. Не полагайтесь на тіуна и отрока, чтобы гости ваши не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и обѣдомъ вашимъ. На войнѣ не лѣнитесь, не полагайтесь на воеводъ, не предавайтесъ ѣдѣ, питью, сну. Сами разставляйте стражу и ночью, все устроивъ, тутъ-же лягте, чтобы встать рано; оружія не слагайте съ себя, ибо въ случаѣ тревоги человѣкъ погибаетъ отъ лѣности. Не лгите, не предавайтесь пьянству и разврату; отъ всего этого разрушается и духъ, и тѣло. Путешествуя по своимъ владѣніямъ, не давайте ни своимъ, ни чужимъ отрокамъ возможности наносить вредъ въ селахъ и на поляхъ, чтобы не подвергнуться проклятіямъ. Когда-же остановитесь гдѣ либо—накормите и напоите хозяина. Особенно почитайте гостей, откуда бы они къ вамъ ни пришли. Будь они не знатны, добры или злы—почтите ихъ если не подаркомъ, то пищею и напиткомъ, потому что они, странствуя, разносятъ по всѣмъ землямъ добрую или недобрую молву о человѣкѣ. Посѣтите больнаго, сопровождайте покойника, ибо мы всѣ смертны; при встрѣчѣ привѣтствуйте человѣка, сказавъ ему доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти надъ собою. Въ заключеніе всего—имѣйте страхъ Божій. Добрыхъ знаній, которыя имѣете, не забывайте, при томъ учитесь тому, чего не знаете, какъ мой отецъ, который, сидя дома, зналъ пять языковъ, и была ему за то честь отъ другихъ народовъ. Лѣность мать всякаго зла; она заставитъ забыть извѣстное и не научитъ новому; привыкнувъ же дѣлать добро, человѣкъ не будетъ лѣнивъ ни въ какомъ добромъ дѣлѣ. Да не застанетъ васъ солнце въ постелѣ; такъ жилъ мой блаженный отецъ и всѣ совершенные мужи. Утромъ онъ воздавалъ Богу хвалу, а потомъ, при восходѣ солнца, прославлялъ Господа съ радостью и говорилъ: «Просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный; и еще, Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покаявся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога.» За тѣмъ онъ садился думать съ дружиною, или творить судъ, ѣхалъ на охоту, или чтобы проѣхаться; и ложился спать, ибо отъ Бога присуждено спать въ полдень: въ это время почиваетъ и звѣрь, и птица, и человѣкъ.

А теперь разскажу вамъ, дѣти, мои о себѣ, какъ я трудился въ походахъ и на охотахъ въ продолженіи 13 лѣтъ. Вопервыхъ я ходилъ къ Ростову, чрезъ землю Вятичей, куда меня послалъ отецъ.... (слѣдуетъ перечисленіе походовъ). А изъ Чернигова въ Кіевъ я ѣздилъ не тихо къ отцу: въ одинъ день, до вечерни. Всѣхъ большихъ походовъ совершено мною 83, число же малыхъ не помню. Мировъ съ половцами я заключилъ 19 и при отцѣ, и безъ отца, при чемъ раздарилъ много скота и одежды. Я освободилъ изъ оковъ знатнѣйшихъ половецкихъ князей слѣдующихъ: двухъ братьевъ Шаруканъ, трехъ Басубарсовъ, четырехъ Овчинъ, а всѣхъ знатныхъ князей до 100. Богъ мнѣ давалъ въ руки живыхъ князей: Коксуса съ сыномъ, Алкана, Бурчевича.... А вотъ какъ я трудился на охотахъ. Вязалъ своими руками дикихъ коней по 10 и 20; два тура метали меня, на рогахъ своихъ съ конемъ, олень бодалъ, одинъ лось топталъ ногами, другой бодалъ рогами; вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь около колѣна сѣдло прокусилъ, лютый звѣрь вскакивалъ мнѣ на плечи и повергалъ на землю и меня, и коня. Но Богъ меня сохранилъ невредимо. Съ коня я падалъ много разъ, дважды разбивалъ себѣ голову, повреждалъ и руки, и ноги, особенно въ юности, когда не дорожилъ жизнью, не щадилъ головы своей. Что нужно было дѣлать отроку моему, то дѣлалъ я самъ и во время войны, и на охотѣ, и ночью, и днемъ, и зимою, и лѣтомъ, не давая себѣ покоя. Не полагаясь на посадниковъ и бирючей, самъ я справлялъ все нужное какъ правитель и какъ домохозяинъ. Самъ я заботился объ охотничьемъ нарядѣ, о конюхахъ, о соколахъ, о ястребахъ. Я не далъ сильно обидѣть ни одну вдову, ни одного, ничтожнаго смерда, и въ то же время не пропускалъ церковной службы и не уклонялся отъ исполненія церковныхъ порядковъ. Дѣти мои, или кто иной, прочитавшій это! Не охуждайте меня, такъ какъ я не хвалю ни себя, ни своей храбрости; я хвалю Бога и прославляю его милость, такъ какъ онъ меня грѣшнаго и недостойнаго сохранилъ отъ стольких опасностей, и сотворилъ меня не лѣнивымъ на всѣ дѣла, достойныя человѣка. Прочитавъ это писаніе, постарайтесь быть прилежными въ добрѣ, славя Бога со святыми его. Не бойтесь, дѣти, смерти, ни отъ войны, ни отъ звѣря, но творите мужеское дѣло, какъ Богъ подастъ. Я вѣдь тоже былъ въ опасности и въ битвахъ, и на охотахъ, падалъ съ коня; но никто не убъетъ васъ и не повредитъ вамъ, если не будетъ на то воли Господней; но коль скоро отъ Бога назначено будетъ умереть, то ни отецъ, ни мать, ни братья спасти не смогутъ. Отеческое наблюденіе хорошо, но Божье еще лучше.

ИЗЪ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ“.

(Переводъ Н. Гербеля).

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило
И видя, что, вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:
«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
И такъ—на коней и за новою славой,
Туда, гдѣ синѣется Донъ!»
Въ могучее сердце запало желанье
Напиться изъ Дона рѣки,
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье
Подъ гнетомъ душевной тоски.
Хочу я копье мое, молвилъ, далече

Въ землѣ половецкой сломить
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ
Иль Дону шеломомъ испить!»
. . . .
Ржутъ борзые кони за тихой Сулою;
Въ Новѣ-градѣ трубы трубятъ;
Гремитъ стольный Кіевъ молвой боевою;
Въ Путивлѣ знамена шумятъ:
Князь Игорь ждетъ брата, буй-туръ Всеволода—
И тотъ ему молвитъ въ привѣтъ:
«Мы оба съ тобой Святославова рода!
Ты братъ мой единый и свѣтъ!
«Вели—пусть коней твоихъ борзыхъ сѣдлаютъ;
Мои-же, мой первенецъ-братъ,
Давно ужь подъ Курскомъ тебя поджидаютъ,
Осѣдланы въ полѣ стоятъ.
«Куряне-жь мои, удалые куряне
Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани
И вскормлены съ копій стальныхъ.
«Дороги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
Булатныя сабли въ рукахъ;
«И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть».
Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ
И ѣдетъ равнивой степной;
Но солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною синею тьмой.
. . . .
Вплоть до вечера съ разсвѣта
И отъ вечера до свѣта
Копья крѣпкія трещатъ,
Свищутъ стрѣлы каленыя,
Сабли острыя гремятъ
О шеломы боевые,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.
Степь подъ конскими ногами
Вкругъ засѣяна костями
Алой кровью полита
И—той кровію сыта—
Роковой взошла бѣдою
По надъ Русскою землею.
Что за топотъ, что за звонъ
Рано утромъ предъ зарею?
Это Игорь! Это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою;
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.
Бились день—не отступали,
Храбро билися другой,
Въ третій, въ полдень, предъ грозой
Стяги княжескіе пали.
Тутъ на берегѣ, гдѣ бились,
Оба брата разлучились,
Гдѣ гульлива и буйна
Мчится быстрая Каяла,
Тутъ кроваваго вина
Не хватило, не достало,
Тутъ у вражеской рѣки
Наши братья-земляки
Жданныхъ сватовъ напоили,
И за честь своей земли
Сами трупами легли.
Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ яворъ молодой.
. . . .
Наступило, братцы, времячко,
Наступило невеселое:
Степь прикрыла силу ратную.
Возстаетъ обида кровная
Въ силу племени Даждь-Божьяго
Разражается несчастьями
И, вступивши на Троянову
Землю дѣвой, громко крыльями
Заплескала лебедиными
На Дону у моря синяго,
Пробудила время тяжкое.
Нѣтъ въ князьяхъ единомыслія
На поганыхъ; вмѣсто дружества,
Сталъ братъ брату поговаривать
«То мое, мое и это все!»
Стали спорить межь собой князья
За пустое, какъ за важное,
И крамолу на себя ковать.
А поганые со всѣхъ сторонъ
Между тѣмъ, какъ побѣдители,
Приходили въ землю Русскую.
О! далеко залетѣлъ соколъ,

Птицъ сгоняя къ морю синему:
Ужь дружинѣ храброй Игоря
Не воскреснуть. По слѣдамъ ея
Жля и Карна громко крикнули,
Понеслись землею Русскою
И изъ рога огнеметнаго
Извергали пламя лютое.
. . . .
Великій князь Всеволодъ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца твоего?
Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами людей
И вычерпать Донъ многоводный
Шеломами рати твоей.
Когда бъ ты былъ здѣсь—по ногатѣ
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили-бъ по мелкой резани
За дѣвъ половецкой земли.
Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнемъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба, семьею
Его сыновей удалыхъ.
Ты, Рюрикъ, отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши-ль златые шеломы
Забрызганы кровью чужой?
Не ваши-ль дружины рыкають
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненымъ турамъ
Концами каленыхъ мечей?
Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте и вихремъ за Донъ—
За Русскую землю, за раны,
За Игоревъ тяжкій полонъ.
А ты, Ярославъ именитый,
Князь Галицкій, славный умомъ!
Высоко сидишь ты на тронѣ,
На тронѣ твоемъ золотомъ.
Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая каменья за тучи,
Ты путь королю заступилъ;
Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.
Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролегаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.
Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченомъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.
Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщеніе извѣдаетъ онъ—
За Русскую землю, за раны,
За Игоревъ тяжкій полонъ!
И вы, храбрецы удалые,
Романъ и Мстиславъ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой;
Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, что въ небѣ ширяетъ,
Чтобъ птицу настигнуть вѣрнѣй;
Затѣмъ—что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужь многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.
Ятвяги, Литва, Деремела,
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнетомъ булатныхъ мечей.
Князья! ужь померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣдъ:
Уже города подѣлили
По Роси рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.
. . . .
Звучный голосъ раздается
Ярославны молодой,
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарей:
«Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу—
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ обмочу:
Князю милому предстану
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ».
Такъ въ Путивлѣ изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая

Горько плачетъ предъ зарей:
«Вѣтеръ, что ты завываешь
И на крыльяхъ на своихъ
Стрѣлы ханскія вздымаешь
Мечешь въ воиновъ родныхъ?
Иль тебѣ ужь на просторѣ
Тѣсно вѣять въ облакахъ,
Корабли на синемъ морѣ
Мчать, лелѣять на волнахъ?
Для чего-жь однимъ розмахомъ
Радость лучшую мою
Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
По степному ковылю?»
Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей.
«Днѣпръ мой славный! ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ,
Половецкими землями
Путь свой дальній проложилъ;
На себѣ, сквозь всѣ преграды,
Ты лелѣяла, рѣка,
Святославовы насады
До улусовъ Кобяка:
О, когда-бъ ты вновь примчала
Друга къ этимъ берегамъ,
Чтобы я къ нему не слала
Слезъ на море по утрамъ!»
Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
«Солнце ясное трикраты!
Всѣмъ ты красно и тепло!
Для чего лучемъ утраты
Войско милаго сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Жаждой луки имъ свело
И что гнетъ тоски—недоли
На колчаны налегло?»
. . . .

XXXIX. ЛИЧНОСТЬ И МІРОСОЗЕРЦАНІЕ ПѢВЦА. „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ“.

(Изъ соч. Стоюнина: «О преподаваніи русской литературы»).

За авторомъ „Слова“ всѣ единогласно признаютъ званіе лица свѣтскаго, но намъ кажется, что можно еще ближе опредѣлить его званіе, если вглядѣться въ его отношеніе къ князьямъ, дружинѣ и народу. Онъ ставитъ себя въ одинаковое положеніе съ поэтомъ Бояномъ, который, по его же описанію, видимо, былъ поэтомъ или пѣвцомъ дружины: воинственные подвиги князя и его дружины — вотъ предметъ его пѣсенъ. Тотъ дружинный эпосъ, отрывки котораго вошли въ лѣтопись Нестора, развивался дружинными поэтами въ родѣ Бояна. Русскіе бояны это барды, скальды, минезенгеры другихъ народовъ, питомцы воинственныхъ вѣковъ, вѣщіе истолкователи дружинной жизни. Понятно, что они должны были воспитаться дружиною, ея духомъ, проникнуться ея идеалами, участвовать въ ея подвигахъ и пирахъ. Ихъ пѣсни и могли сохраняться только въ дружинѣ и могли переходить, какъ бы по наслѣдству, отъ одного пѣвца къ другому. Лучшія изъ нихъ были образцами другимъ, которые ими развивали свой поэтическій даръ. Такъ Боянъ служилъ образцомъ пѣвцу „Слова о полку Игоря“, котораго мы также должны назвать дружиннымъ пѣвцомъ. Онъ воспѣваетъ Игоря и буй-туръ-Всеволода, за ихъ отвагу, мужество, за добываніе воинской славы и чести, за все то, за что пѣснотворцы стараго времени восхваляютъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава и другихъ русскихъ князей. Эти главныя свойства эпическаго Святослава Несторовой лѣтописи являются и здѣсь, какъ

лучшія и блестящія качества князя, которыя служатъ предметомъ поэтическаго одушевленія. Поэтъ знаетъ не только «былины своего времени» т. е. всѣхъ современныхъ ему князей, какъ пѣвецъ дружины, близкой къ князю, который считаетъ себя членомъ общей княжеской семьи, родовичемъ; но онъ знаетъ и «былины стараго времени», знаетъ не по отрывочнымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, а по живымъ преданіямъ, по пѣснямъ Бояна и, можетъ быть, другихъ пѣснотворцевъ стараго времени. Сочувствіе его ко всѣмъ имъ опредѣляется тѣми же самыми чертами удали, которыя дѣлали князя идоломъ дружины. Онъ описываетъ ихъ личности по удалымъ ихъ подвигамъ, по такимъ, которые доставляли князю славу, а дружинѣ честь. А эти подвиги могли совершаться только на полѣ битвы съ врагами для охраны родины. Наконецъ, близкое, какъ бы родственное отношеніе пѣвца къ дружинѣ ясно говоритъ намъ, въ какой средѣ могли развиться его идеалы. Онъ самъ одушевленъ тѣмъ ратнымъ духомъ, какимъ живетъ дружина, ищущая себѣ чести, а князю славы. «Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ мы и свои сложимъ», говорила дружина Святославу, и въ этомъ заключалась воинская честь ея. Та же самая тѣсная связь на полѣ брани между княземъ и дружиною является и у пѣвца Слова; отношенія не измѣнялись. Князь говоритъ дружинѣ: «лучше быть побиту, чѣмъ полонену» и дружина идетъ храбро за княземъ, и пѣвецъ съ сочувствіемъ слѣдитъ за дружиною, такъ какъ всѣ ея интересы близки ему самому. За то въ какомъ идеальномъ изображеніи онъ представляетъ ее: это народъ опытный, подъ трубами повитый, подъ шлемами взлелѣянный, концомъ копья вскормленный, пути и овраги знакомы ему; колчаны у него отворены, сабли наточены, и цѣль всего этого добыть себѣ чести, а князю славы. Все это заставляетъ насъ предполагать, что дружинная жизнь близко знакома пѣвцу Слова. Но наше вниманіе не можетъ остановиться только на этой сторонѣ личности поэта; въ ней ярко выступаетъ еще и другая, на которой нельзя не остановиться. Поэтъ вездѣ высказываетъ самое искреннее сочувствіе народному бѣдствію и страданіямъ отъ княжескихъ крамолъ и усобицъ, отъ дикихъ набѣговъ и раззореній половецкихъ. Онъ глубоко скорбитъ и плачетъ о родной землѣ. Ее, раздѣленную на удѣлы, онъ признаетъ за страну единую, и негодуетъ на тѣхъ князей, которые говорили: «и то мое, и это мое», за малое спорили, какъ за великое, и изъ личныхъ интересовъ проливали русскую кровь. Подвиги ихъ на этомъ поприщѣ онъ не признаетъ за доблесть, называетъ ихъ крамолами и этимъ взглядомъ руководствуется также при оцѣнкѣ княжеской дѣятельности. Тутъ онъ является строгимъ судьею и не стѣсняется въ приговорахъ. Олегъ Святославичъ превращается у него въ Олега Гореславича; потому что, по его взгляду, много горя посѣялъ онъ на русской землѣ, указывая къ ней дорогу половцамъ. Здѣсь мы видимъ не только дружинника, занятаго одними дружинными интересами, но и русскаго человѣка, сознающаго тѣсную связь со всею землею, съ народомъ; сознаніе единства русской земли, не смотря на ея раздробленность, ясно высказывается поэтомъ; онъ чуждъ всякаго—мѣстнаго, удѣльнаго—патріотизма, онъ страдаетъ равно за всѣхъ русскихъ, терпящихъ бѣды, за княжескія крамолы. Самыя вѣрованія его мы должны назвать народными. Въ его время они были еще въ полной силѣ въ народѣ, вдали отъ русско-христіанскаго центра, Кіева, хотя уже не могли быть господ-

ствующими въ дружинѣ. Эти вѣрованія еще миѳическія и являются не какъ поэтическія украшенія, а какъ вѣрованія искреннія, отчего они сохраняютъ всю свѣжесть живыхъ образовъ. Пѣвецъ самъ вѣритъ и въ Стрибога, и въ Дажьбога, и въ Хорса, и въ Велеса, котораго въ Кіевѣ уже во времена Нестора стали забывать, почему лѣтописецъ считаетъ нужнымъ опредѣлить его эпитетомъ „скотій богъ", тогда какъ тутъ же рядомъ Перуна оставляетъ безъ всякаго опредѣленія, какъ бога, еще всѣмъ хорошо знакомаго. Поэтъ вѣритъ и въ миѳическую силу стихій, къ которымъ заставляетъ обращаться плачущую Ярославну, какъ дѣйствительно къ живымъ божествамъ, на что, между прочимъ, указываетъ и эпитетъ „господине", относимый къ каждой стихіи порознь, эпитетъ, который выражаетъ живую, одушевленную силу. Наконецъ хорошее слѣдствіе этой миѳической молитвы выказывается тотчасъ же въ спасеніи князя Игоря: стихійныя божества какъ будто услышали скорбное моленіе тоскующей жены и помогли ея мужу воротиться на родину. Все это миѳическое міросозерцаніе сообщаетъ поэту множество живыхъ поэтическихъ образовъ, не выходящихъ изъ круга родныхъ вѣрованій. У него сохраняется то же миѳическое отношеніе къ природѣ, та же вѣра въ оборотней, волкодлаковъ, въ добрыя и злыя предвѣщанія, какія еще живо сохранялъ русскій народъ.

Во всемъ этомъ мы еще не видимъ вліянія христіанства. Только въ концѣ поэмы одинъ маленькій эпизодъ говоритъ, что идетъ рѣчь о князѣ-христіанинѣ, но собственно для характеристики самыхъ идеаловъ поэта онъ не имѣетъ никакого значенія.

Трудно сказать, въ такомъ ли видѣ вышло „Слово" изъ устъ поэта, и самъ ли онъ его записалъ, или оно записано кѣмъ другимъ, не умѣвшимъ сохранить пѣсеннаго размѣра. Но, соображая обстоятельства, мы склонны предполагать это послѣднее. Грамотность была потребностью только людей религіозныхъ, слѣдственно, только они преодолѣвали трудъ ученія. Всѣмъ же другимъ умѣнье читать и писать не представляло никакого интереса. Пѣвецъ Слова, если и считался христіаниномъ, то уже никакъ не былъ религіознымъ человѣкомъ, проникнутымъ христіанскими идеями и стремленіями, которыя внутренно даже и не коснулись его. Итакъ, если онъ могъ быть грамотнымъ, то вслѣдствіе какой-нибудь особенной случайности; но вѣрнѣе, что онъ и не принимался за эту науку. Обыкновенно учились читать по часослову, по псалтырю или по другимъ священнымъ книгамъ, потому что иныхъ не было. Странно было бы предположить, что нашъ поэтъ, учась, конечно, по этимъ книгамъ, не принималъ оттуда никакихъ идей, а принявъ хотя нѣсколько, онъ невольно бы разрушилъ ту цѣлость миѳическаго міросозерцанія, которую мы замѣтили въ его поэмѣ. Онъ не могъ бы быть такъ наивно искреннимъ, касаясь того, другаго или третьяго миѳическаго образа. Съ другой стороны, поэтъ въ то время не былъ писателемъ, и, слѣдовательно, поэтическія стремленія не имѣли ничего общаго съ умѣньемъ читать и писать. Боянъ, кого хотѣлъ воспѣть, брался за гусли, а не за перо и былъ, по всей вѣроятности, безграмотный. То же мы думаемъ и о пѣвцѣ „Слова". Значитъ, остаемся на предположеніи, что его поэма прошла черезъ чужое перо, слѣдственно, могла нѣсколько измѣниться въ формѣ изложенія.

XL. КОЛОНИЗАЦІЯ РОСТОВСКО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ И ЮРІЙ ДОЛГОРУКІЙ.

(Изъ соч. Корсакова: «Меря и Ростовское княжество»).

Въ періодъ времени съ утвержденія Рюрика въ Новгородѣ въ 862 г. до смерти великаго князя Юрія Владиміровича, прозваннаго Долгорукимъ, въ 1157 году, слагаются элементы гражданственности Ростовской земли, опредѣляются основы ея послѣдующаго, самобытнаго развитія. На порогѣ этого періода, въ началѣ X вѣка, самое имя Мери, аборигеновъ страны, исчезаетъ въ смыслѣ этнографическаго термина и замѣняется черезъ столѣтіе, въ началѣ XI вѣка другимъ терминомъ: „земли Ростовской", а затѣмъ, въ половинѣ этого столѣтія, получаетъ полное свое названіе „земли Ростовской и Суздальской". Очевидно, элементъ славянскій не только начинаетъ преобладать, но даже поглощаетъ собою чудское населеніе края. Двѣ новыя силы: князь и христіанство кладутъ основаніе гражданственности земли. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ силъ развивается дальнѣйшая славянская колонизація въ землю Ростовскую, и къ концу періода, въ половинѣ XII вѣка, посредствомъ этой колонизаціи зачинается новое племя, которое, при послѣдующемъ своемъ историческомъ развитіи, получаетъ названіе великорусскаго. Это дальнѣйшее развитіе славянской колонизаціи прежде всего проявляется въ видѣ колонизаціи княжеско-военной. Починъ этому виду колонизаціи кладетъ первый князь въ странѣ, Рюрикъ, а эпоха расцвѣта, наибольшаго развитія княжеско-военной колонизаціи относится ко времени Юрія Долгорукаго, устроителя Ростовской области. Послѣ него княжеско-военная колонизація продолжается во все время существованія ростовско-суздальсихъ княженій вплоть до окончательнаго сложенія Московскаго государства, которое этотъ видъ колонизаціи начинаетъ примѣнять ко вновь забираемымъ областямъ и странамъ, при своемъ все болѣе и болѣе усиливающемся расширеніи на востокъ. Пріемы княжеско-военной колонизаціи заключаются: въ раздачѣ земель, въ основаніи поселеній и крѣпостей съ стратегическою цѣлію. Пахарей для этихъ земель, насельниковъ для поселеній и крѣпостей—князья выбираютъ или изъ „охочихъ людей", привлекая ихъ къ себѣ разными льготами, или изъ существовавшихъ уже прежде поселеній, выводя изъ нихъ колонистовъ. Главное различіе княжеско-военной колонизаціи отъ вольной заключается въ иниціативѣ передвиженія, переселенія. Въ первой она принадлежитъ князю, въ послѣдней—каждому отдѣльному переселенцу въ частности, или нѣсколькимъ въ совокупности.

Объ руку съ княжеско-военной колонизаціей идетъ колонизація монастырская. Князь и его дружина являются первыми представителями христіанской религіи; ихъ сопровождаетъ епископъ; основываются церкви или въ существовавшихъ уже поселеніяхъ, или на совершенно незаселенныхъ мѣстахъ. Въ первомъ случаѣ церкви являются хранителями и распространителями культуры, во второмъ, кромѣ этого, еще центрами новыхъ поселеній. Христіанскія начала пускаютъ корни. Являются подвижники-аскеты, проникающіе дальше въ глубь лѣса уже не по рѣкамъ, а по непроходимымъ дебрямъ и трущобамъ. Здѣсь, вдали отъ жилья человѣка, окруженный дикими звѣрями, аскетъ-подвижникъ ставитъ себѣ

келью. Къ нему мало по малу сходятся „охочіе люди“, но уже не ищущіе разгула и приволья, а стремящіеся къ успокоенію душевному, къ умиротворенію своей совѣсти, жаждущіе не добычи и прибыли, а христіанскаго подвига и спасенія души. Келья огораживается тыномъ, ставится церковь,—и ея колоколъ впервые нарушаетъ дѣвственную тишь лѣсовъ; зарождается община, зачинается монастырь, около котораго вскорѣ скучивается поселеніе. Монастырь является проводникомъ христіанской цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ зерномъ новыхъ поселеній, новаго колонизаторскаго движенія. Изъ монастыря, съ теченіемъ времени, выходятъ новые подвижники, ученики его основателя и заводятъ новые монастыри. Такимъ образомъ является цѣлая сѣть христіанскихъ поселеній, и каждая новая церковь, каждый новый монастырь, все далѣе и далѣе въ глубь страны раздвигаютъ элементъ славянскій и распространяютъ христіанство, силу, всего болѣе ассимилировавшую туземныя инородческія племена и претворившую ихъ въ одну нераздѣльную народность великорусскую. Такъ зачинается въ дикой странѣ культура. Князь и епископъ, городъ и монастырь являются питомниками и проводниками этой культуры, которая съ теченіемъ времени развивается все болѣе и болѣе. Возникаютъ промышленность и торговля, эти главнѣйшіе показатели развивающихся силъ экономическихъ, эти регуляторы общественной жизни. Населеніе края получаетъ новый стимулъ для дѣятельности, новый стимулъ для передвиженія. Зараждается четвертый видъ колонизаціи—промышленно-торговый; зачинаются новые центры промышленно-торговые: ярмарки и базары, или просто склады товаровъ, а около этихъ центровъ скучивается народъ, является новое поселеніе.

Разсмотримъ сначала колонизацію княжеско-военную.

Рюрикъ, оставшись послѣ смерти братьевъ своихъ Синеуса и Трувора единой главой призвавшаго князей союза: новгородцевъ, кривичей и мери,—начинаетъ раздавать города „мужамъ своимъ“. Въ числѣ этихъ городовъ является Ростовъ. Это первое, такъ сказать, историческое упоминаніе въ лѣтописи. Съ этого времени, съ 60-хъ годовъ IX вѣка, начинается въ славянскихъ поселеніяхъ среди мери установленіе княжескаго и дружиннаго порядка. При Олегѣ въ Ростовѣ находился „князь, сущій подъ Олегомъ“. Ростовъ является въ это время однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ въ земляхъ подвластныхъ Олегу. „Мужъ“ Рюрика и „князь“ Олега, по всей вѣроятности, ограничивались сборомъ дани съ населенія; кромѣ дани, населеніе страны должно было участвовать въ походахъ верховнаго князя Олега, выставляя извѣстное число воиновъ. Такимъ образомъ, особаго варяжскаго вліянія нельзя искать въ Ростовѣ, въ землѣ мери. Варяги и до Рюрика сбирали тамъ дань, и при немъ, и послѣ него ограничивались этой же данью. Они были тамъ „находницы“, по выраженію лѣтописца. Первая софійская лѣтопись говоритъ, что «Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ—пояша съ собою дружину многу... и, утвердившись въ землѣ союза ихъ призвавшаго, почаша воевати всюду». Если принять это свидѣтельство, то можно предположить завоеваніе страны, котораго иные ученые совершенно не желаютъ видѣть въ образованіи русскаго государства.

Одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей древностей Владимірской губерніи, основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, полагаетъ, что Суздаль былъ основанъ варяжскими дружинами, которыя спустились изъ озера Неро

по р. Нерли. Конечно, это мнѣніе можно принять только какъ догадку. Суздаль могъ быть точно также основанъ и славянскими колонистами, спустившимися изъ оз. Неро по р. Нерли. Но, во всякомъ случаѣ, возникновеніе Суздаля весьма древне и можетъ быть пріурочено къ концу IX вѣка, потому что Суздаль, или, по древнѣйшей орѳографіи нашихъ лѣтописей, Суждаль является вторымъ по времени своего возникновенія и вторымъ по своему значенію послѣ Ростова „старѣйшимъ городомъ земли". Названіе его ,очевидно, чудское, и мы не имѣемъ ключа къ его объясненію.

Съ 913 по 988 годъ въ лѣтописяхъ ничего не встрѣчается о землѣ Ростовской. Игорь, занятый исключительно дѣлами юга, мало заботился о сѣверо-востокѣ. Ольга была въ новгородскихъ владѣніяхъ, „устави погосты и дани" по Мстѣ и „дани и оброки" по Лугѣ,—а Святославъ, „налѣзе Вятичей", прошелъ на Оку и Волгу. Въ Ростовѣ же изъ нихъ никто не былъ. Вслѣдствіе этого можно предположить, что Ростовская область въ это время пользовалась достаточной независимостью отъ приднѣпровскихъ князей, управляясь, быть можетъ, потомками „князей", сущихъ подъ Олегомъ.

Подъ 988 годомъ у Нестора, вслѣдъ за принятіемъ христіанства Владиміромъ, помѣщено распредѣленіе имъ волостей между сыновьями. По этому распредѣленію Ростовъ достается Ярославу, который, послѣ смерти старшаго брата Вышеслава, переводится въ Новгородъ, и въ Ростовъ назначается Борисъ. Съ Ярослава и Бориса начинается въ Ростовѣ рядъ князей, которые не живутъ тамъ постоянно, а только наѣзжаютъ въ глухую лѣсистую мѣстность, отдаленную отъ главной исторической арены того времени—Приднѣпровья. Долго ли прокняжилъ Борисъ въ своей волости, неизвѣстно; изъ лѣтописи и изъ житія его видно только, что во время смерти Владиміра, Борисъ былъ при немъ. Ярославъ, княжившій въ Приднѣпровьи послѣ смерти отца своего Владиміра, бывалъ въ Ростовѣ. Ростовъ вмѣстѣ съ Новгородомъ, какъ видно, принадлежалъ къ его волости. Въ одну изъ поѣздокъ въ Ростовъ былъ имъ срубленъ городъ, названный имъ въ свое время Ярославлемъ. Позднѣйшее преданіе такъ разсказываетъ о возникновеніи этого города: Ярославъ, посѣтивъ древній Ростовъ, охотился на берегахъ Волги и здѣсь, при впаденіи Которосли въ Волгу, отставъ отъ дружины своей, встрѣтился съ медвѣдицей и убилъ ее топоромъ. На этомъ мѣстѣ онъ построилъ церковь во имя св. пророка Иліи (христіанское имя Ярослава) и срубилъ городъ Ярославль. Послѣ Ярослава Ростовская область сначала принадлежала къ владѣніямъ новгородскимъ, а послѣ смерти Святослава Ярославича въ 1076 г., вмѣстѣ со всѣмъ поволжьемъ, составляла волость пятаго сына Ярослава, Всеволода, князя Переяславля южнаго.

Владиміръ Мономахъ, сынъ Всеволода, этотъ типическій представитель южнаго князя, который въ свою многотрудную жизнь совершилъ 83 похода, который не зналъ устали, будучи постоянно на конѣ, сражаясь за русскую землю, который дѣлалъ страшные концы по тогдашней непроѣздной дорогѣ изъ Кіева въ Смоленскъ и оттуда въ Переяславль, пробивая себѣ путь черезъ недружелюбныхъ вятичей и подвергая себя опасности въ путяхъ, нападенію дикихъ звѣрей, этотъ князь былъ нѣсколько разъ въ Ростовской области. Здѣсь срубилъ онъ городъ на Клязьмѣ въ свое имя Володимеръ, который впослѣдствіи, въ отличіе отъ Владиміра Во-

лынскаго, сталъ называться Залѣсскимъ, и построилъ церковь въ Ростовѣ. По смерти Всеволода Ростовская область стала волостью Мономаха. Въ послѣдніе годы жизни, отвлеченный отъ далекой страны событіями юга и избранный, наконецъ,, послѣ смерти Святополка, княземъ кіевскимъ, Мономахъ самъ не ѣздитъ уже въ Ростовскую область, а посылаетъ туда своихъ сыновей. Ростовская область дѣлается, такъ сказать, отраженіемъ южныхъ усобицъ, становясь ареной распри между Изяславомъ Владиміровичемъ и Олегомъ Святославичемъ черниговскимъ. Любечскій съѣздъ укрѣпляетъ Ростовскую область за Владиміромъ Мономахомъ и его родомъ. Съ этого времени тамъ впервые является самостоятельный князь—сынъ Мономаха, Юрій, прозванный Долгорукимъ. Во все это долгое время, отъ Олега до Юрія Долгорукаго ни одинъ изъ князей не живетъ подолгу въ далекой Ростовской области. Всѣ они являются тамъ гостями и то не частыми. Одинъ Мономахъ туда ѣздитъ усердно. Князей привлекаютъ туда чрезвычайные случаи, въ родѣ голода, бывшаго въ 1024 году, и смуты, производимой по поводу этого голода волхвами, вслѣдствіе чего отправился туда Ярославъ, и то мимоѣздомъ въ Новгородъ. Князья управляютъ своей далекой областью черезъ своихъ „мужей“, черезъ деньщиковъ. Такъ напр. Янъ Вышатичъ собираетъ тамъ дань въ 1071 году для князя Святослава. Князьямъ некогда заниматься отдаленной областью Ростовскою, ихъ вниманіе приковываетъ къ себѣ „Русь“, южное Приднѣпровье.

Юрій былъ въ Ростовской области еще въ 1096 году. Послѣ этого онъ, по всей вѣроятности, пребывалъ на югѣ. Юрій всѣми своими симпатіями тянетъ къ югу, цѣль его постоянныхъ стремленій есть старшій южный городъ Кіевъ. Добываніе его себѣ по праву старѣйшинства и забота о томъ, чтобы Кіевъ не достался кому нибудь изъ младшихъ родичей, а тѣмъ паче не перешелъ бы во враждебную линію Ольговичей—вотъ тѣ задачи, которыя поставилъ себѣ Юрій послѣ смерти Мономаха, тѣ задачи, которыя онъ стойко преслѣдовалъ всю свою жизнь! Поэтому онъ, немедленно послѣ смерти отца, начинаетъ сторожить Кіевъ. Онъ остается на жительство въ Городцѣ, недалеко отъ Кіева и, желая еще болѣе укрѣпиться на югѣ, въ 1135 г. промѣнивается съ братомъ Ярополкомъ волостями: „испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочую волость свою, но не всю“. Черезъ два года послѣ этой мѣны, въ 1137 г. Юрій удаляется въ Ростовъ, слѣдовательно, Ростовъ принадлежитъ снова ему. Двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ пребываетъ въ Ростовской области Юрій, слѣдя за событіями юга. Между тѣмъ на югѣ произошли событія, которыхъ, именно, всего болѣе боялся Юрій. Послѣ смерти брата его Ярополка на кіевскомъ столѣ сѣлъ Ольговичъ Всеволодъ, а, послѣ его смерти и кратковременнаго правленія брата его Игоря, великимъ княземъ кіевскимъ сталъ Изяславъ Мстиславичъ, племянникъ Юрія помимо двухъ дядей: Вячеслава и Юрія. Юрій забываетъ враждебныя отношенія Ольговичей къ Мономаховичамъ и соединяется съ Святославомъ Ольговичемъ противъ племянника Изяслава Мстиславича; онъ призываетъ даже половцевъ, этихъ исконныхъ враговъ южной Руси. Съ 1149 по 1155 годъ тянется рядъ походовъ Юрія подъ Кіевъ изъ Ростовско-Суздальской области. Эти далекіе походы были сопряжены съ большими затрудненіями. Непроѣздныя топи и болота, большія многоводныя рѣки служили главнымъ

препятствіемъ весной и лѣтомъ, а зимой затрудняли переходъ глубокіе снѣга; отъ долгихъ утомительныхъ переходовъ лошади то портили себѣ ноги, то дѣлались жертвой повальнаго мора; черезъ рѣки весною нельзя было переправляться на судахъ, а лошади тонули. Вслѣдствіе всего этого войска должны были возвращаться съ полдороги. Юрій предалъ разоренію и грабежу Приднѣпровье, а Изяславъ Мстиславичъ проникалъ въ землю Ростово-Суздальскую по Волгѣ. Война кончается смертію Изяслава Мстиславича и старшаго брата Юрія, Вячеслава. Юрій, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ треволненій, укрѣпляется въ Кіевѣ. Но недолго наслаждается онъ спокойствіемъ. Юрій не пользуется любовью кіевлянъ, и они входятъ въ переговоры съ Изяславомъ Давидовичемъ черниговскимъ; но не успѣлъ еще счастливый соперникъ Юрія вступить въ Кіевъ, какъ Юрій умеръ, въ 1157 году.

Печальна и весьма замѣчательна судьба этого младшаго изъ сыновей Мономаха. Стоя на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ, княжеско-родовой и княжеско-единовластной, двухъ этнографическихъ формацій русской народности: восточно-русской и южно-русской,—Юрій въ своемъ личномъ характерѣ носитъ туже двойственность. Съ одной стороны, всѣ его идеалы лежатъ въ южномъ приднѣпровьи, о «причастьи въ Руси» себѣ и своимъ дѣтямъ заботится онъ всю свою жизнь: его традиціи—традиціи южныхъ князей; съ другой стороны, въ его характерѣ замѣтны нѣкоторыя черты, напоминающія его сына Андрея Боголюбскаго, положившаго основаніе новому порядку дѣлъ въ княжеской Руси. Черты эти, правда, не выступаютъ рельефно, онѣ, такъ сказать, еще въ зародышѣ, но и въ этомъ зародышѣ проявляется уже „самовластіе",—основная черта характера Андрея. Характеръ Юрія, вслѣдстіе этого, не представляетъ ничего цѣльнаго. Это переходный типъ отъ южнаго князя къ князю сѣверному, отъ князя приднѣпровья къ поволжскому князю. Характеръ Юрія представляется намъ промежуточнымъ звѣномъ, соединяющимъ его отца Мономаха съ его сыномъ Андреемъ; безъ этого промежуточнаго звѣна невозможно было бы появленіе Андрея, который такъ рѣзко во всемъ отличается отъ своего дѣда Мономаха. Нравственный характеръ Юрія весьма не симпатиченъ. Личный расчетъ есть основная движущая имъ сила, есть причина всѣхъ его дѣйствій. Изъ за этого личнаго расчета онъ хитритъ, онъ нарушаетъ крестное цѣлованіе, онъ соединяется съ враждебными своему роду Ольговичами и, паче всего, „наводитъ на югъ половцевъ", исконныхъ враговъ и насильниковъ южно-русской украйны. Отецъ Юрія, «страдалецъ за Русскую землю» Мономахъ былъ не таковъ! Робкій воинъ и храбрый организаторъ, Юрій стремится постоянно на югъ, и между тѣмъ вводитъ „нарядъ" въ своей сѣверо-восточной области Ростовской. Сражаясь во имя родовыхъ княжескихъ правъ съ племянникомъ своимъ Изяславомъ, онъ самъ же нарушаетъ эти права, садясь въ Кіевѣ помимо своего старшаго брата Вячеслава. Въ народной памяти Юрій Долгорукій является жестокосердымъ, и, по народному преданію, построенный имъ городъ Москва «стоитъ на крови». Такой князь, конечно, не могъ быть любимъ на югѣ, гдѣ прямота дѣйствій, мужество въ брани, борьба съ „погаными" половцами, служеніе землѣ, а не своей личности—составляли народный идеалъ князя. Такимъ былъ Мономахъ; поэтому онъ и пользовался популярностью на югѣ; такими являются всѣ Мономаховичи, особенно же потомство Мсти-

слава Владиміровича,—эта «благородная отрасль благороднаго корня»; но Юрій былъ чуждъ югу. Одинокимъ, нелюбимымъ народомъ является онъ въ Приднѣпровьи, куда стремились постоянно его всѣ лучшіе помыслы!...

Значеніе Юрія для Ростовско-Суздальской земли, прежде всего, опредѣляется его колонизаторскою дѣятельностью въ этой землѣ. Колонизаторская дѣятельность Юрія выражается: въ вызовѣ переселенцевъ въ Ростовско-Суздальскую землю, въ построеніи новыхъ городовъ и въ расширеніи и улучшеніи прежде существовавшихъ.

Прямыхъ свидѣтельствъ лѣтописей о томъ, откуда и какъ привлекалъ Юрій колонистовъ въ свою область, мы не знаемъ. Нѣкоторые утверждаютъ, впрочемъ, что Юрій населялъ свои города, созывая людей отовсюду, что онъ давалъ этимъ поселенцамъ не малую ссуду, помогалъ имъ въ строеніяхъ, а также и другими «подаяніями», что къ нему, кромѣ русскихъ, приходило множество болгаръ, мордвы и венгровъ.

Мы представили выше наши соображенія о пріемахъ княжеско-военной колонизаціи вообще; князья Ростовско-Суздальскіе именно употребляли тѣ пріемы, которые указаны нами. За отсутствіемъ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, мы не имѣемъ основанія утверждать, что Юрій употреблялъ какіе нибудь иные способы для заселенія своей области; косвенныя свидѣтельства лѣтописей даютъ намъ, напротивъ, возможность заключить, что главный, такъ сказать, матеріалъ для заселенія Ростовско-Суздальской земли Юрій Долгорукій имѣлъ въ „повольникахъ" и „бродникахъ",—тѣхъ „сходцахъ", которые съ издавнихъ поръ стремились въ Ростовскую землю. При частыхъ походахъ Юрія на югъ, оттуда очень легко могли приходить съ нимъ Ростовскую землю разные сходцы. Юрій покровительствовалъ „большихъ людей" Новгородскихъ, держащихъ его сторону и переселялъ къ себѣ въ Суздаль ихъ семейства. Такъ, во время смутъ въ Новгородѣ послѣ бѣгства Святослава Ольговича, постояннаго союзника Юрія, въ 1139 году, къ Юрію въ Суздаль бѣжали сторонники Святослава, Судила Нѣжатичъ и Страждка. Двухъ главныхъ сторонниковъ Святослава, пособниковъ его въ бѣгствѣ, посадника Якуна и брата его Прокофья, Новгородцы заточили въ Чудь. Юрій освободилъ ихъ и привелъ къ себѣ, а семейства обоихъ, еще раньше ихъ освобожденія, призвалъ въ Суздаль и содержалъ въ почетѣ и милости. Такое обхожденіе Юрія съ „большими людьми", конечно, не оставалось подъ спудомъ въ Новгородѣ, а становясь извѣстнымъ, оно давало еще болѣе возможности «молодшимъ людямъ», недовольнымъ тогдашними частыми новгородскими смутами, искать защиты у Юрія и селиться въ его области. Кромѣ того, люди въ родѣ Судилы и Страждки, которые, по тону лѣтописнаго свидѣтельства, были значительными лицами въ Новгородѣ,—убѣгали оттуда, по всей вѣроятности, не одни, а съ своею челядью; относительно же семействъ Якуна и Прокофья это можно сказать положительно.

Именъ залѣсскихъ и польскихъ городовъ, построенныхъ Юріемъ, передаетъ лѣтопись не много. Она называетъ только: Кснятинъ, или Константиновъ, Юрьевъ польскій и Дмитровъ. Но городовъ, построенныхъ Юріемъ, было, по всей вѣроятности, больше. Москва упоминается впервые въ лѣтописи при Юріѣ, подъ 1147 годомъ, но лѣтопись ничего не говоритъ о ея построеніи. За то народное преданіе приписываетъ ея основаніе Юрію. По этому преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва,

жилъ во времена Юрія богатый бояринъ и землевладѣлецъ Степанъ Ивановичъ Кучка; его богатыя села были расположены по обоимъ берегамъ Москвы рѣки. Разъ князь Юрій проѣздомъ остановился во владѣніяхъ Кучки. Кучка „возгордившись зѣло", не только не почтилъ князя, но поносилъ его. Князь, не стерпя такого посрамленія, приказалъ предать боярина смерти, а сыновей его, Петра и Якима, и дочь, красавицу Улиту, отослалъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею; самъ же, взойдя на гору и обозрѣвъ вокругъ села, лежащія по обоимъ берегамъ рѣки Москвы и за Неглинною, полюбилъ эту мѣстность и повелѣлъ тутъ построить деревянный городъ и прозвалъ его по имени рѣки Москвою. Въ Москвѣ многія урочища въ своихъ названіяхъ до сихъ поръ сохранили память о Кучкѣ, а въ первое время своего существованія Москва называлась „Кучковымъ".

Мы уже знаемъ, что до Юрія въ Ростовско-Суздальской землѣ были города: Ростовъ, Суздаль, Ярославль и Владиміръ на Клязьмѣ, а изъ разсказовъ лѣтописца о явленіи волхвовъ въ Ростовской области подъ 1071 годомъ и о распрѣ Олега Святославича съ Мстиславомъ и Изяславомъ Владиміровичами въ 1096 году видно, что Бѣлоозеро и Бѣлозерскій городъ принадлежали также къ Ростовскимъ владѣніямъ. Бѣлоозеро съ городомъ принадлежитъ къ нимъ и при Юріи Долгорукомъ. Кромѣ того, лѣтопись упоминаетъ еще о нѣсколькихъ городахъ его времени, но существовавшихъ до него, именно: объ Углечѣ-Полѣ, Мологѣ и Переяславлѣ. Ростовъ, одинъ изъ старѣйшихъ городовъ земли, называется при Юріи Великимъ. Это названіе показываетъ, что онъ уже въ то время былъ довольно обширенъ по пространству и народонаселенію сравнительно съ другими городами и начиналъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Но Юрій не жилъ въ Ростовѣ; резиденціей своей онъ избралъ Суздаль. Переяславль былъ перенесенъ Юріемъ отъ Клещина озера и увеличенъ. Суздаль, по народному преданію, хотѣлъ онъ также перенести на другое мѣсто, на пять верстъ отъ теперешняго города, гдѣ впадаетъ въ Нерль рѣчка Каменка. Мѣсто это слыло въ народѣ «становищемъ» святыхъ князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, и Юрій, почитая память этихъ святыхъ своихъ предковъ, хотѣлъ на томъ мѣстѣ основать свою резиденцію. Уже построены были церковь Бориса и Глѣба и дворъ княжій, но Суздаль, вслѣдствіе видѣнія, бывшаго князю, остался на прежнемъ мѣстѣ. Въ Переяславлѣ, Суздалѣ и Владимірѣ Юрій построилъ „каменныя церкви" и вообще, говоритъ лѣтописецъ, „много каменныхъ церквей созда по Суздальской волости".

Повольники новгородскіе, какъ извѣстно, состояли не изъ однихъ только «молодшихъ людей»: въ числѣ ихъ бывали и дѣти новгородскихъ бояръ. Эти дѣти боярскіе, своевольно, «безъ новгородскаго слова» уходившіе въ разныя земли, были зачинщиками особой отрасли вольной колонизаціи, которую можно назвать земледѣльческо-хозяйственной, представляющей собою связующее звѣно между вольной колонизаціей и колонизаціей промышленно-торговой. Эта отрасль колонизаціи особенно процвѣтала на сѣверѣ Руси, въ землѣ Двинской и далѣе, на обширномъ пространствѣ отъ Заволочья до Уральскихъ горъ. Завладѣвая землей, которой тамъ было вдоволь, новгородскіе дѣти боярскіе становились тамъ землевладѣльцами, почти независимыми отъ «господина Новгорода-Великаго»,—земецкими людьми, своеземцами, земскими боярами. Они за-

селяли свои земли разными сходцами, изорниками и промышленниками, которые становились къ нимъ въ обязательныя отношенія. Своеземцы, земскіе бояре основывали на незаселенныхъ земляхъ свои города, призывая въ нихъ на поселеніе людей, сидѣвшихъ уже на ихъ земляхъ.

Эта-то вольная, земледѣльческо-хозяйственная колонизація, инціатива которой принадлежитъ новгородскимъ повольникамъ—дѣтямъ боярскимъ, проникала и въ Ростовско-Суздальскую землю задолго до Юрія Долгорукаго. Своеземцы и здѣсь населяли пустопорожнія земли сходцами-изорниками и основывали города, которые зависѣли вполнѣ отъ нихъ.

При Юріи Долгорукомъ, это колонизаціонное движеніе сталкивается съ колонизаціей княжеско-военной, особенно усилившейся въ то время; князь, впервые живущій въ землѣ Ростовско-Суздальской, строитъ также свои города, привлекая въ нихъ тоже «сходцевъ» изъ разныхъ мѣстъ. Эти «сходцы» находятся къ князю въ такихъ же обязательныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились прежніе сходцы къ земскимъ боярамъ. Построенные княземъ города называются по времени своего возникновенія новыми, относительно тѣхъ старыхъ городовъ, которые возникли раньше, при полномъ господствѣ въ землѣ Ростовско-Суздальской земскихъ бояръ. Въ этихъ новыхъ городахъ является тоже вѣчевое устройство, какое было и въ старыхъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что въ старыхъ городахъ вѣче вполнѣ предано боярамъ, а въ новыхъ оно держитъ сторону князя. Начинается борьба изъ-за власти въ землѣ Ростовско-Суздальской у князя съ земскими боярами; князь выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, и единовластіе упрочиваетъ свою силу въ землѣ Ростовско-Суздальской, опираясь на «сходцевъ».

Письменные источники не даютъ намъ почти никакихъ данныхъ для опредѣленія характера княжеской власти Юрія въ Ростовско-Суздальской землѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, эта власть ничѣмъ не отличалась отъ власти князей на югѣ. Юрій, стремясь къ югу своими идеалами, не могъ имѣть инаго представленія объ этой власти кромѣ того, какое давала ему вѣчевая, княжеско-родовая практика южной Руси. Юрій объѣзжалъ свою волость, по всей вѣроятности, для сбора дани, держалъ совѣтъ съ дружиною и съ дѣтьми своими въ затруднительныхъ случаяхъ, имѣлъ въ городахъ посадниковъ, а въ войскѣ тысяцкаго, поручалъ иныя волости земли Ростовско-Суздальской въ управленіе сыновьямъ и, занявъ Кіевъ, отдалъ всю эту землю сыну своему Васильку.

Соображая географическое распредѣленіе названныхъ нами городовъ Ростовско-Суздальской земли и припоминая теченіе и направленіе главнѣйшихъ притоковъ Волги, составляющихъ водную сѣть земли Мери,—мы можемъ безъ большой ошибки заключить, что Ростовско-Суздальская область при Юріи Долгорукомъ ограничивалась теченіемъ этихъ рѣкъ, т. е., что ея территорія совпадала съ землею народца мери, распространяясь къ сѣверу до Бѣлоозера, вверхъ по теченію Мсты, Мологи, Костромы и Унжи а къ югу ограничиваясь Клязьмою и Москвою-рѣкою. На востокѣ границы Ростовско-Суздальской земли не доходили еще до Оки, а на западъ границы шли неопредѣленно между безчисленными рѣчками земель Кривской и Новгородской. Въ XII вѣкѣ стали обособляться всѣ земли на Руси. На юго-востокъ Ростовско-Суздальская земля прилегала къ княжеству Рязанскому, на югъ къ Новгородъ-Сѣверскому, на юго-западъ къ Смоленскому, а съ запада и сѣвера охватывали ее об-

ширныя волости новгородскія, отдѣляясь отъ нея, быть можетъ, природными увалами. На востокъ, за Окой, шли, какъ и прежде, поселенія мордвы.

XLI. АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ.

(По соч. Костомарова. «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»).

Теперешнія губерніи Московская, Владимірская, Ярославская и Костромская составляли территорію Суздальскаго княжества. Кореннымъ населеніемъ этого края были разныя племена финскаго происхожденія, среди которыхъ съ незапамятныхъ временъ появились славянскіе переселенцы. Эти переселенцы, принадлежавшіе несомнѣнно къ народности болѣе сильной и цивилизованной, легко подчинили себѣ туземцевъ, отчасти вытѣснивъ ихъ дальше на востокъ и сѣверъ, отчасти смѣшавшись съ ними. Въ теченіи X и XI вѣковъ страна совсѣмъ ославянилась, приняла славянскій языкъ, славянскіе нравы, православную вѣру. Въ этомъ-то краѣ образовалась вѣтвь славяно-русской народности, называемая великорусскою.

Суздальское княжество считалось младшимъ въ домѣ Мономаха и досталось сыну его Юрію. Юрій, по прозванію Долгорукій, былъ на столько могущественъ, что могъ впродолженіе многихъ лѣтъ выдерживать трудную и кровопролитную войну за великое княженіе кіевское, и въ концѣ концовъ взялъ верхъ надъ своимъ соперникомъ и умеръ великимъ княземъ кіевскимъ. Сынъ Юрія, Андрей, принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ, веденныхъ отцомъ его за обладаніе Кіевомъ, и не разъ ознаменовалъ себя славными подвигами. По всей вѣроятности, Юрій хотѣлъ ему передать послѣ смерти своей кіевскій престолъ, потому что, посадивъ въ своихъ суздальскихъ городахъ, Суздалѣ и Ростовѣ, младшихъ сыновей, онъ далъ Андрею Вышгородъ, чтобы имѣть его всегда близъ себя. Но Андрей не любилъ южной Руси. Онъ не могъ не видѣть, что въ Кіевѣ на суздальцевъ смотрятъ далеко не дружелюбно, что покорятся ихъ князю только изъ страха. Онъ зналъ, что кіевляне привыкли мѣнять своихъ государей, строптивы, непослушны, что князья другихъ княжествъ, стремясь завладѣть Кіевомъ, раньше или позже возобновятъ кровавыя войны. Андрей былъ привязанъ къ сѣверу, гдѣ онъ родился и воспитался, и гдѣ жить было безопаснѣе и отъ соперниковъ, и отъ половцевъ. Онъ рѣшился оставить Вышгородъ даже безъ отцовскаго благословенія и вернуться на свою родину,

Уѣзжая тайно, безъ вѣдома отца, изъ Вышгорода, Андрей взялъ съ собою чудотворную икону Богородицы, находившуюся въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Жители, дорожившіе своею святынею, ни за что не согласились бы отдать ее Андрею; но онъ, согласившись съ однимъ священникомъ монастыря, взялъ икону тайно ночью и уѣхалъ съ нею. Андрей отправился во Владиміръ. Не доѣзжая до этого города, ему было видѣніе во снѣ: явилась къ нему Божія Матерь и сказала, что желаетъ, чтобы икона непремѣнно была оставлена во Владимірѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ было видѣніе, Андрей заложилъ село Боголюбово, построилъ въ немъ богатую каменную церковь, въ которой пока была по-

ставлена захваченная въ Вышгородѣ святыня. На украшеніе этой церкви и иконы Андрей не жалѣлъ средствъ: въ окладѣ иконы одного золота, не считая жемчуга, самоцвѣтныхъ камней и серебра, было 15 фунтовъ.

Между тѣмъ 15 мая 1157 года скончался Юрій Долгорукій. Вслѣдъ затѣмъ мы узнаемъ, что и Суздаль, и Ростовъ отказались повиноваться младшимъ сыновьямъ умершаго и превозгласили своимъ княземъ Андрея. Въ послѣднемъ они видѣли человѣка, сильно преданнаго родинѣ; къ тому же, вѣроятно, въ то время уже стали извѣстными планы Андрея сдѣлать Суздальское княжество центромъ всей Руси. То обстоятельство, что Андрей перенесъ на родину такое сокровище, какъ икону, знаменитую своими исцѣленіями и другими чудесами, вѣроятно, также не мало имѣло вліянія на расположеніе набожныхъ суздальцевъ и ростовцевъ къ Андрею. Казалось бы, что Андрей долженъ былъ теперь перемѣнить свое мѣстопребываніе и переѣхать либо въ Ростовъ, либо въ Суздаль; но онъ, сдѣлавшись княземъ всей суздальской земли, остался жить во Владимірѣ. Старинные города не нравились ему тѣмъ, что они хвалились своимъ старшинствомъ, имѣли свои вѣча. Андрей не любилъ такихъ городовъ, въ которыхъ княжеская власть чувствовала себя стѣсненной нѣкоторыми старинными правами и привычками; это была одна изъ причинъ его нерасположенія къ Кіеву; онъ хотѣлъ быть самодержавнымъ, а для этого удобнѣе было не покидать Владиміра. Городъ этотъ былъ городъ сравнительно новый, жители его не вспоминали про свои стародавнія вольности. Онъ возвысился, благодаря Андрею, такъ какъ, благодаря ему, сюда стало стекаться много народу изъ другихъ городовъ и областей. Послѣ смерти Юрія, суздальцы, бывшіе въ Кіевѣ и спасшіеся отъ народнаго возмущенія, вспыхнувшаго между кіевлянами, при вѣсти о смерти нелюбимаго ими князя, перешли тоже къ Андрею во Владиміръ. Все это наводило Андрея на мысль, что среди владимірцевъ жить ему и привольнѣе, и безопаснѣе, а потому привело его къ рѣшенію сдѣлать Владиміръ своею столицею.

Отличаясь благочестіемъ еще въ юности, Андрей, добившись власти, не измѣнился въ этомъ отношеніи. Онъ былъ щедръ, относительно монастырей, раздавалъ нескудную милостыню, оказывалъ уваженіе духовенству, ревностно соблюдалъ церковные обряды. Много церквей возникло во Владимірѣ, благодаря Андрею; иныя изъ нихъ почитались современниками верхомъ совершенства, по богатству и изяществу. Свою ревность въ дѣлѣ вѣры Андрей выказалъ и нѣсколькими походами противъ сосѣдняго болгарскаго царства, жители котораго были магометане. Походы эти увѣнчались успѣхомъ: Андрей нанесъ нѣсколько пораженій болгарамъ, многіе болгаре крестились. Успѣхи эти приписывались современниками заступничеству чудотворной иконы, сопровождавшей Андрея въ его походахъ. Понятно, что духовенство любило и уважало Андрея, а это не мало способствовало возвышенію его власти. Ростовскій епископъ оставилъ свое прежнее мѣстопребываніе и почти постоянно жилъ во Владимірѣ, нося однако прежній титулъ. Такимъ образомъ не только въ политическомъ, но и въ религіозномъ отношеніи Владиміръ дѣлается центромъ суздальской земли. Андрей хотѣлъ еще болѣе усилить значеніе первосвященника, живущаго въ его городѣ, и хлопоталъ о возведеніи его въ санъ митрополита. Но константинопольскій патріархъ отказался удовлетворить этому желанію, и ростовскій епископъ остался зависимымъ, по-прежнему, отъ кіевской митрополіи.

Водворить миръ въ Суздальской землѣ и обезопасить свою власть надъ нею—вотъ мысль, приведеніемъ въ исполненіе которой Андрей занялся немедленно послѣ своего вступленія на престолъ. Братья его, которые должны были княжить въ этой странѣ по распоряженію Юрія Долгорукаго, были изгнаны; такая же участь постигла и двухъ племянниковъ его Ростиславичей. Братья, Мстиславъ, Василько и Всеволодъ, вмѣстѣ со своей матерью, происходившею изъ рода греческихъ императоровъ, удалились въ Константинополь. Не довольствуясь властью надъ своею областью, Андрей стремился къ тому, чтобы имѣть преобладающее вліяніе во всей Руси. Два города, знаменитые какъ своею древностью, такъ и своимъ прежнимъ значеніемъ, обращали на себя особенное вниманіе Андрея. Этими городами были Кіевъ и Новгородъ. Андрей хотѣлъ добиться того, чтобы въ городахъ этихъ сажать князей, преданныхъ ему и послушныхъ его волѣ. Такое стремленіе Андрея было неоднократно причиною кровопролитныхъ войнъ, въ коихъ принимали участіе почти всѣ русскія княжества, при чемъ одни высказывались за Андрея, другія противъ него.

Вмѣшательство Андрея въ новгородскія дѣла началось съ 1160 года. Суздальскій князь питалъ враждебныя чувства къ новгородскому князю Святославу Ростиславичу главнымъ образомъ потому, что не поладилъ съ его отцомъ. У Святослава и въ Новгородѣ было много недруговъ; къ тому же между знатными новгородцами были сторонники Андрея. Ими были торговые люди, имѣвшіе дѣла съ суздальцами, а потому изъ-за личныхъ интересовъ хлопотавшіе объ упроченіи добрыхъ отношеній между Новгородомъ и Суздальскимъ княжествомъ. Все это въ значительной степени способствовало успѣху требованій Андрея; Святославъ долженъ былъ оставить Новгородъ, и новгородцы получили отъ Андрея другаго князя, именно Мстислава Ростиславича. Но уже черезъ годъ Андрей помирился съ отцомъ означеннаго Святослава и перемѣнилъ свой гнѣвъ на милость къ послѣднему. Мстиславъ былъ отозванъ, а отъ новгородцевъ стали тробовать покорности Святославу. Новгородцы не любили этого князя, но смирились, хотя и не надолго: прошло нѣсколько лѣтъ, и они, выведенные изъ терпѣнія самовластіемъ Святослава, прогнали его вторично. Изгнанный князь обратился, конечно, къ своему покровителю Андрею, который послалъ сказать новгородцамъ, что не быть у нихъ иному князю, кромѣ Святослава. Новгородцы не обратили вниманія на убѣжденія и угрозы и послали къ Мстиславу Изяславичу кіевскому просить у него сына на княженіе новгородское. Кіевскій князь былъ въ отношеніяхъ далеко не дружелюбныхъ съ Андреемъ, а потому послѣдній сталъ еще ревностнѣе настаивать на выполненіи своихъ требованій относительно Святослава. Слѣдствіемъ этого была война. Суздальская партія въ Новгородѣ стояла за примиреніе со Святославомъ и за разрывъ сношеній съ кіевскимъ княземъ; но она оказалась слабою: сторонники кіевскаго князя произвели смуту въ самомъ Новгородѣ, отчасти перебили, отчасти изгнали доброжелателей Святослава и признали княземъ своимъ пріѣхавшаго изъ Кіева Мстиславича.

Этимъ случаемъ Андрей рѣшился воспользоваться для нанесенія удара нелюбимому имъ кіевскому князю. Ростиславичи, оскорбленные тѣмъ, что Мстиславъ послалъ сына въ Новгородъ, вопреки правамъ Святослава Ростиславича, соединились съ Андреемъ. Тоже сдѣлали князья

сѣверскіе, полоцкіе, муромскіе, рязанскіе и другіе, одни изъ ненависти къ Новгороду, другіе изъ ненависти къ Мстиславу, третьи, наконецъ, боясь ослушаться приказаній Андрея. Такимъ образомъ одиннадцать князей соединили свои войска противъ Кіева, который былъ осажденъ и взятъ 12 марта 1169 года. Въ завоеванномъ городѣ побѣдители свирѣпствовали страшно: суздальцы мстили за смерть своихъ соотечественниковъ, погибшихъ въ Кіевѣ послѣ смерти Юрія; дома, даже церкви и монастыри, предавались пламени; безоружный народъ, не исключая женщинъ и дѣтей, не нашелъ себѣ пощады; грабежъ и разореніе совершались въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Нѣкогда богатый и могущественный Кіевъ въ нѣсколько дней потерялъ всѣ свои прежнія преимущества, къ великой радости Андрея, который въ униженіи Кіева видѣлъ залогъ могущества и первенства своей столицы. Глѣбъ, покорный братъ Андрея, получилъ въ удѣлъ развалины Кіева вмѣстѣ съ его областью.

Но торжества надъ стариннымъ великокняжескимъ городомъ было Андрею мало: теперь, по его мнѣнію, настала рѣшительная минута раздѣлаться съ непокорнымъ Новгородомъ. Тѣже союзники, которые сопровождали въ 1169 году Андрея въ кіевскомъ походѣ, въ 1170 двинулись по его волѣ противъ Новгорода. Оскорбленные высокомѣріемъ и требовательностью Андрея, а также ненавидя навязываемаго имъ Святослава, новгородцы рѣшились защищать свою свободу до послѣдней крайности. Опустошивъ значительную часть Новгородской области, союзныя войска явились наконецъ подъ стѣнами самого Новгорода. Они до того были увѣрены въ успѣхѣ, что заблаговременно условливались, кому какую улицу грабить, послѣ того какъ городъ будетъ взятъ. И дѣйствительно Новгороду угрожала участь Кіева: защитники его стали ослабѣвать и, вѣроятно, были бы побѣждены, еслибъ ихъ не спасло чудо, какъ говоритъ преданіе. Новгородскому владыкѣ Іоанну было видѣніе: икона Спаса, предъ которой онъ молился, произнесла слѣдующія слова: «Иди на Ильину улицу въ церковь Спаса, возьми икону пресвятой Богородицы и вознеси на забрало стѣны; она спасетъ Новгородъ». Владыка поступилъ такъ, какъ ему было приказано, и принесъ икону въ то мѣсто, на которое главнымъ образомъ напирали осаждающіе. Благодаря чудотворному дѣйствію иконы, суздальцы были отражены. На нихъ, по преданію, нашло такое одурѣніе, что они стали пускать стрѣлы другъ въ друга. Неудача заставила Андрея снять осаду, но онъ не отказался отъ своего намѣренія унизить Новгородъ. Съ этою цѣлью онъ не дозволилъ доставлять изъ своихъ областей хлѣбъ въ Новгородъ, отъ чего въ этомъ городѣ произошелъ не только застой въ торговлѣ, но даже обнаружился голодъ, такъ какъ годъ былъ неурожайный. Къ тому же новгородцы не поладили съ Романомъ Мстиславичемъ, за удержаніе котораго на своемъ престолѣ столь продолжительно вели войну. Это повело къ переговорамъ съ суздальскимъ княземъ, при чемъ обѣ стороны сдѣлали уступки: Андрей посылалъ въ Новгородъ тѣхъ князей, которые были ему любы, но новгородцы сохраняли за собою свои старинные порядки и права.

Между тѣмъ, возникли новыя междоусобія, вызванныя событіями, происшедшими на югѣ. Глѣбъ Юрьевичъ, княжившій въ Кіевѣ, скончался. Мѣсто его занялъ, съ согласія Андрея, одинъ изъ Ростиславичей, но не надолго. Разгнѣванный какимъ-то незначительнымъ ослушаніемъ со стороны послѣднихъ, Андрей послалъ къ нимъ своего боярина Михна

со словами: «Если не живете по волѣ моей, то ты, Рюрикъ, ступай вонъ изъ Кіева, ты, Давидъ, ступай изъ Вышегорода, а ты, Мстиславъ, изъ Бѣлагорода. Остается вамъ Смоленскъ, тамъ себѣ дѣлитесь, какъ знаете». Ростиславичи не торопились исполнить приказаніе и отправили во Владиміръ посольство для объясненій. Андрей между тѣмъ сталъ собирать войска и готовиться къ походу. Прежде чѣмъ двинуться, онъ еще разъ послалъ Михна къ Ростиславичамъ, но требованія его теперь были еще болѣе грозны и рѣшительны: «Вы не поступаете по моей волѣ. За это ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину, а ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ; а ты, Мстиславъ, всему зачинщикъ: не велю и тебѣ быть въ русской землѣ». Дѣйствительно, Мстиславъ оскорблялся болѣе другихъ Ростиславичей гордыми поступками Андрея и былъ душою сопротивленія ему. Вспыльчивый Мстиславъ не утерпѣлъ и теперь: онъ приказалъ Михну остричь волоса на головѣ и бородѣ и отправилъ его во Владиміръ съ высокомѣрнымъ отвѣтомъ.

Отвѣтъ Мстислава и оскорбленіе, нанесенное Михну, привели въ ярость Андрея. Суздальскія войска вмѣстѣ съ союзными (рязанскими, муромскими и др.) двинулись въ походъ, и Андрей, не участвовавшій въ немъ лично, далъ военачальникамъ приказъ—захватить во что бы то ни стало Мстислава и доставить его живымъ во Владиміръ. Мстиславъ заперся въ Вышгородѣ, а потому главныя силы Андреевской рати направились на этотъ городъ и осадили его. Осада продолжалась девять недѣль и кончилась торжествомъ Мстислава. Союзники Андрея, сражавшіеся за дѣло, которое мало касалось ихъ интересовъ, не обнаружили здѣсь стойкости и храбрости, а когда стали приходить къ Ростиславичамъ вспомогательные отряды изъ Галича, то осаждающіе отступили отъ Вышегорода такъ поспѣшно, что отступленіе ихъ было скорѣе похоже на бѣгство. Въ это время Мстиславъ сдѣлалъ вылазку изъ города и окончательно разбилъ отступавшихъ. Такимъ образомъ Андрею не удалось смирить Ростиславичей и утвердить свою власть надъ Кіевомъ. Городъ этотъ продолжалъ переходить изъ рукъ въ руки и быть причиною кровавыхъ распрей, въ которыхъ уже Андрей не имѣлъ рѣшающаго голоса. Наконецъ онъ сталъ мириться съ Ростиславичами; пошли переговоры о томъ, чтобы въ Кіевѣ княжилъ Романъ Ростиславичъ, но среди этихъ переговоровъ Андрея застигла смерть (1175).

Добившись неограниченной власти въ своей области, Андрей мечталъ о подчиненіи себѣ всѣхъ русскихъ князей. Онъ не думалъ о томъ, чтобы соединить Русскую землю въ одно цѣлое; напротивъ, онъ допускалъ удѣльную систему, но хотѣлъ, чтобы удѣльные князья были въ полной отъ него зависимости, были скорѣе намѣстниками его, чѣмъ самостоятельными князьями. Но не только удѣльные князья не любили Андрея: его собственные бояре питали къ нему не менѣе враждебные замыслы. Съ ними Андрей обходился гордо, не спрашивалъ ихъ совѣта, не терпѣлъ малѣйшаго противорѣчія съ ихъ стороны. Многіе бояре были казнены Андреемъ, другіе принуждены искать спасенія въ бѣгствѣ. Рѣдко Андрей приближалъ къ себѣ бояръ своихъ; напротивъ, наибольшимъ довѣріемъ его пользовались разные чужеземные выходцы въ родѣ ключника Амбала, по происхожденію ясина. Андрей полагалъ, что приближая къ себѣ такихъ людей, онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на ихъ преданность; но

эти ожиданія не оправдались, такъ какъ Амбала мы видимъ въ числѣ заговорщиковъ, умертвившихъ Андрея. Заговоръ былъ составленъ бояриномъ Кучковичемъ, вознегодовавшимъ на Андрея за то, что послѣдній велѣлъ казнить его брата. «Сегодня того, другаго казнилъ, а завтра казнитъ и насъ; раздѣлаемся-ка съ этимъ княземъ», разсуждали заговорщики, и порѣшили умертвить Андрея въ ту же ночь.

Андрей, не предвидя опасности, спокойно легъ спать. Ночью заговорщики стали стучаться въ дверь его спальни, и, на вопросъ Андрея: «Кто тамъ?» отвѣчали: «Прокопій». Прокопій былъ вѣрный слуга Андрея. Андрей сталъ догадываться, въ чемъ дѣло, и принялся искать меча, принадлежавшаго нѣкогда св. Борису и имѣвшаго, по мнѣнію Андрея, чудодѣйственную силу. Мечъ этотъ всегда стоялъ у постели Андрея; но теперь его не оказалось, такъ какъ Амбалъ наканунѣ нарочно унесъ его. Между тѣмъ заговорщики выломали дверь и ворвались въ спальню. Безоружный князь упалъ подъ ударами убійцъ, которые, думая, что покончили съ нимъ, поспѣшно стали удаляться. Но Андрей былъ еще живъ. Собравъ послѣднія силы, онъ вышелъ изъ комнаты въ сѣни и сталъ звать на помощь. Заговорщики вернулись, отыскали князя за лѣстничнымъ столбомъ и на этотъ разъ уже умертвили. Все это произошло въ любимой резиденціи Андрея—въ селѣ Боголюбовѣ.

Умертвивъ князя, заговорщики умертвили также нѣкоторыхъ слугъ, отличавшихся преданностью. Княжеское имущество было разграблено. Немедленно дано было знать обо всемъ случившемся во Владиміръ. Заговорщики одно время боялись, что владимірцы, городъ которыхъ столь сильно возвысился при Андреѣ, возстанутъ противъ нихъ. Но владимірцы остались спокойны, ростовцы и суздальцы стали нападать на княжескихъ чиновниковъ, и даже боголюбцы бросились грабить дворъ Андрея.

Тѣло убитаго князя долго лежало въ огородѣ; никто не осмѣливался подойти къ нему и отдать послѣдній долгъ, боясь гнѣва заговорщиковъ. Но между вѣрными слугами Андрея, пережившими своего господина, нашелся одинъ кіевлянинъ Кузьма, не побоявшійся и теперь выказать свою преданность. Онъ плакалъ надъ трупомъ Андрея и, увидѣвъ въ окнѣ княжескаго дома ключника Амбала, потребовалъ, чтобы тотъ далъ какія нибудь одежды для прикрытія нагаго тѣла князя. «Прочь! мы выбросимъ его псамъ», отвѣчалъ Амбалъ. Тогда Кузьма воскликнулъ: „Ахъ ты еретикъ! Какъ псамъ выбросить! А помнишь ли, жидъ, въ какомъ ты платьѣ пришелъ сюда? Ты весь въ бархатѣ стоишь, а князь лежитъ голый! Сдѣлай же милость, брось что нибудь". Амбалъ выбросилъ въ окно коверъ и плащъ. Кузьма обернулъ ими тѣло убитаго и понесъ въ церковь. Но церковь была заперта, и никто не рѣшался открыть ее. Вѣрный слуга положилъ трупъ князя въ притворѣ и такъ причитывалъ надъ нимъ: „Уже, господине, тебя твои слуги не знаютъ! А прежде бывало, гость прійдетъ изъ Царьграда или изъ иныхъ сторонъ Русской земли, а хоть и латынянинъ, христіанинъ ли, поганый ли, ты, бывало, скажешь: поведите его въ церковь и въ палаты, пусть видятъ всѣ истинное христіанство и крестятся. И болгаре, и жиды, и всѣ поганые, видѣвшіе славу Божью и церковное украшеніе, плачутъ о тебѣ, а эти не велятъ тебя въ церкви положить!" Двое сутокъ тѣло Андрея лежало въ притворѣ. Только на третій день, когда народъ поуспокоился,

тѣло было внесено въ церковь, и надъ нимъ отслужили панихиду. Прошло еще нѣсколько дней, и нѣкоторыя духовныя лица изъ Владиміра прибыли въ Боголюбово за тѣломъ князя, перевезли его съ почестями во Владиміръ и торжественно похоронили тамъ въ церкви св. Богородицы.

XLII. ЗНАЧЕНІЕ ЭПОХИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО.

(Изъ соч. Корсакова: «Меря и Ростовское княжество»).

Время Андрея Боголюбскаго имѣетъ весьма важное значеніе не только для исторіи Ростовско-Суздальской земли, но и для исторіи Россіи вообще. Это время есть одна изъ такъ называемыхъ историческихъ эпохъ, въ которыя опредѣляются въ жизни народа новые элементы его гражданственности, выясняются новыя начала его общественнаго развитія. Не будучи явленіемъ случайнымъ, потому что въ мірѣ исторіи, какъ въ мірѣ природы, нѣтъ случайныхъ явленій, эпоха Андрея есть необходимый результатъ всего предъидущаго хода русской исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причина многихъ послѣдующихъ историческихъ явленій.

Два элемента положили основаніе гражданственности, культурному развитію въ землѣ Ростовско-Суздальской: власть князя и христіанство. Княжеская власть, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій Ростовско-Суздальской земли, уже при Юріи Долгорукомъ сталкивается съ другою властью—земскихъ бояръ; начинается борьба между княземъ и этимъ боярствомъ. Въ эпоху Андрея борьба эта обрисовывается яснѣе. Въ борьбѣ съ боярствомъ рѣзко выясняется основная черта характера Андрея—„самовластіе", зародышъ котораго мы замѣтили еще въ Юріи. Этимъ самовластіемъ порождаются въ Андреѣ стремленія къ господству надъ сосѣдними землями: Новгородомъ, Рязанью и Смоленскомъ, къ преобладанію на югѣ, къ пренебреженію родовыми княжескими традиціями, еще столь дорогими для отца Андрея, Юрія. Въ эпоху Андрея опредѣляется типъ сѣверо-восточнаго князя—„самовластца", типъ чуждый югу, который, развиваясь болѣе и болѣе въ преемникахъ Андрея, вступаетъ съ теченіемъ времени въ новую фазу своего развитія—князя-вотчинника, князя-домовладыки, и подготовляетъ собою мало-по-малу Ивана III, Василія и Ивана IV...

Христіанство, утвердившись въ Ростовско-Суздальской землѣ не раньше XI в., только при Андреѣ получаетъ, такъ сказать, полную осѣдлость въ этой землѣ. При немъ открываются мощи святыхъ, покровителей земли: Леонтія и Исаіи; владимірская икона Божіей Матери, привезенная Андреемъ съ юга, и икона боголюбская становятся предметами особаго мѣстнаго почитанія, освящаютъ своими чудесами княжескую власть Боголюбскаго; православіе начинаетъ пріобрѣтать „земское" значеніе, становясь мало-по-малу у нарождающагося великорусскаго племени символомъ того политическаго сознанія, которое въ наше время выражается терминомъ „народность". Подготовляется то многознаменательное единеніе церкви и государства, которое вполнѣ выясняется въ позднѣйшій, московскій періодъ русской исторіи, и которое составляетъ характеристическую особенность исторіи великорусскаго племени.

келью. Къ нему мало по малу сходятся „охочіе люди", но уже не ищущіе разгула и приволья, а стремящіеся къ успокоенію душевному, къ умиротворенію своей совѣсти, жаждущіе не добычи и прибыли, а христіанскаго подвига и спасенія души. Келья огораживается тыномъ, ставится церковь,—и ея колоколъ впервые нарушаетъ дѣвственную тишь лѣсовъ; зарождается община, зачинается монастырь, около котораго вскорѣ скучивается поселеніе. Монастырь является проводникомъ христіанской цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ зерномъ новыхъ поселеній, новаго колонизаторскаго движенія. Изъ монастыря, съ теченіемъ времени, выходятъ новые подвижники, ученики его основателя и заводятъ новые монастыри. Такимъ образомъ является цѣлая сѣть христіанскихъ поселеній, и каждая новая церковь, каждый новый монастырь, все далѣе и далѣе въ глубь страны раздвигаютъ элементъ славянскій и распространяютъ христіанство, силу, всего болѣе ассимилировавшую туземныя инородческія племена и претворившую ихъ въ одну нераздѣльную народность великорусскую. Такъ зачинается въ дикой странѣ культура. Князь и епископъ, городъ и монастырь являются питомниками и проводниками этой культуры, которая съ теченіемъ времени развивается все болѣе и болѣе. Возникаютъ промышленность и торговля, эти главнѣйшіе показатели развивающихся силъ экономическихъ, эти регуляторы общественной жизни. Населеніе края получаетъ новый стимулъ для дѣятельности, новый стимулъ для передвиженія. Заращдается четвертый видъ колонизаціи—промышленно-торговый; зачинаются новые центры промышленно-торговые: ярмарки и базары, или просто склады товаровъ, а около этихъ центровъ скучивается народъ, является новое поселеніе.

Разсмотримъ сначала колонизацію княжеско-военную.

Рюрикъ, оставшись послѣ смерти братьевъ своихъ Синеуса и Трувора единой главой призвавшаго князей союза: новгородцевъ, кривичей и мери,—начинаетъ раздавать города „мужамъ своимъ". Въ числѣ этихъ городовъ является Ростовъ. Это первое, такъ сказать, историческое упоминаніе въ лѣтописи. Съ этого времени, съ 60-хъ годовъ IX вѣка, начинается въ славянскихъ поселеніяхъ среди мери установленіе княжескаго и дружиннаго порядка. При Олегѣ въ Ростовѣ находился „князь, сущій подъ Олегомъ". Ростовъ является въ это время однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ въ земляхъ подвластныхъ Олегу. „Мужъ" Рюрика и „князь" Олега, по всей вѣроятности, ограничивались сборомъ дани съ населенія; кромѣ дани, населеніе страны должно было участвовать въ походахъ верховнаго князя Олега, выставляя извѣстное число воиновъ. Такимъ образомъ, особаго варяжскаго вліянія нельзя искать въ Ростовѣ, въ землѣ мери. Варяги и до Рюрика сбирали тамъ дань, и при немъ, и послѣ него ограничивались этой же данью. Они были тамъ „находницы", по выраженію лѣтописца. Первая софійская лѣтопись говоритъ, что «Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ—пояша съ собою дружину многу... и, утвердившись въ землѣ союза ихъ призвавшаго, почаша воевати всюду». Если принять это свидѣтельство, то можно предположить завоеваніе страны, котораго иные ученые совершенно не желаютъ видѣть въ образованіи русскаго государства.

Одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей древностей Владимірской губерніи, основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, полагаетъ, что Суздаль былъ основанъ варяжскими дружинами, которыя спустились изъ озера Неро

завоеванія Новгорода великимъ княземъ московскимъ Иваномъ Васильевичемъ. Вѣче было самою верховною властью въ Новгородѣ, выше которой уже не было: оно рѣшало всѣ дѣла и въ своихъ рукахъ держало судьбы Новгорода. Во 1-хъ, вѣче приглашало князя въ Новгородъ, и вѣче указывало ему путь изъ Новгорода, когда почему либо князь оказывался неугоднымъ народу; во 2-хъ, вѣче наряжало судъ надъ всѣми властями въ Новгородѣ, даже надъ княземъ; такъ, въ 1136 году вѣче судило новгородскаго князя Всеволода Мстиславича и обвинило его въ томъ, что онъ не обороняетъ смердовъ что хотѣлъ сѣсть княземъ въ Переяславлѣ, и что первый бѣжалъ съ поля битвы во время суздальской войны. Въ 3-хъ, вѣче избирало всѣхъ властей по новгородскимъ владѣніямъ. Въ 4-хъ, вѣче казнило и жаловало, ему приносились жалобы на неправый судъ и на всякія обиды по новгородской землѣ, на которыя не давали управы другія власти. Въ 5-хъ, вѣче издавало и отмѣняло законы, давало грамоты на земли и разныя привилегіи. Въ 6-хъ, вѣче объявляло войну и заключало миръ съ сосѣдними государствами; договорныя грамоты писались обыкновенно отъ всего Новгорода, отъ старѣйшихъ и меньшихъ, т. е. отъ вѣча. Въ 7-хъ наконецъ, вѣче устанавливало подати и повинности, увеличивало ихъ и уменьшало по своему усмотрѣнію, и опредѣляло, какую употреблять монету. Вообще всякое выраженіе воли цѣлаго Новгорода принадлежало вѣчу.

На вѣчѣ, въ правильномъ его составѣ, имѣли право участвовать и имѣть голосъ всѣ члены новгородскаго общества, т. е. всѣ домовладѣльцы, хозяева, бывшіе дѣйствительными членами той или другой новгородской общины, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, купцы, такъ и черные люди; ибо приговоры или рѣшенія вѣча давались какъ отъ большихъ, такъ и отъ меньшихъ; но это отнюдь не значило, что на правильномъ вѣчѣ, собранномъ въ узаконенномъ порядкѣ, на узаконенномъ мѣстѣ и узаконенными властями, собирался поголовно весь народъ, т. е. и такъ называемые вольные люди, не состоящіе членами ни въ одной новгородской общинѣ. Но совсѣмъ иное бывало, когда во время борьбы партій собиралось заразъ по нѣскольку вѣчей даже по домамъ; здѣсь уже едвали соблюдался какой порядокъ и, вѣроятно, не спрашивалось, кто домохозяинъ, кто бездомный бродяга; здѣсь вся забота состояла въ томъ только, чтобы набрать побольше народу, составить толпу и имѣть задорныхъ предводителей толпы. Таковыя вѣча иногда собиралъ одинъ черный народъ безъ участія старѣйшихъ или большихъ. Обычнымъ и законнымъ мѣстомъ собранія правильнаго вѣча были Ярославль дворъ и площадь у Софійской церкви; кромѣ того, обычными законными мѣстами частныхъ вѣчей по концамъ города считались тѣ площади, гдѣ находилось мѣстное управленіе того или другаго конца. Вѣча же чрезвычайныя, неправильныя, собиравшіяся во время борьбы партій, не имѣли опредѣленныхъ мѣстъ для своего собранія; впрочемъ, они собирались преимущественно около церквей, чтобы воспользоваться для сбора народа церковнымъ колоколомъ. Иногда же таковыя вѣча сбирались по всему городу, у всѣхъ церквей.

Правильное вѣче созывалось или княземъ, или посадникомъ, и для этого князь или посадникъ посылали отъ себя бирючей или подвойскихъ, которые ходили по улицамъ и созывали людей, которымъ должно идти на вѣче. Правильное, законное вѣче первоначально собиралось не на

лынскаго, сталъ называться Залѣсскимъ, и построилъ церковь въ Ростовѣ. По смерти Всеволода Ростовская область стала волостью Мономаха. Въ послѣдніе годы жизни, отвлеченный отъ далекой страны событіями юга и избранный, наконецъ,, послѣ смерти Святополка, княземъ кіевскимъ, Мономахъ самъ не ѣздитъ уже въ Ростовскую область, а посылаетъ туда своихъ сыновей. Ростовская область дѣлается, такъ сказать, отраженіемъ южныхъ усобицъ, становясь ареной распри между Изяславомъ Владиміровичемъ и Олегомъ Святославичемъ черниговскимъ. Любечскій съѣздъ укрѣпляетъ Ростовскую область за Владиміромъ Мономахомъ и его родомъ. Съ этого времени тамъ впервые является самостоятельный князь—сынъ Мономаха, Юрій, прозванный Долгорукимъ. Во все это долгое время, отъ Олега до Юрія Долгорукаго ни одинъ изъ князей не живетъ подолгу въ далекой Ростовской области. Всѣ они являются тамъ гостями и то не частыми. Одинъ Мономахъ туда ѣздитъ усердно. Князей привлекаютъ туда чрезвычайные случаи, въ родѣ голода, бывшаго въ 1024 году, и смуты, производимой по поводу этого голода волхвами, вслѣдствіе чего отправился туда Ярославъ, и то мимоѣздомъ въ Новгородъ. Князья управляютъ своей далекой областью черезъ своихъ „мужей", черезъ деньщиковъ. Такъ напр. Янъ Вышатичъ собираетъ тамъ дань въ 1071 году для князя Святослава. Князьямъ некогда заниматься отдаленной областью Ростовскою, ихъ вниманіе приковываетъ къ себѣ „Русь", южное Приднѣпровье.

Юрій былъ въ Ростовской области еще въ 1096 году. Послѣ этого онъ, по всей вѣроятности, пребывалъ на югѣ. Юрій всѣми своими симпатіями тянетъ къ югу, цѣль его постоянныхъ стремленій есть старшій южный городъ Кіевъ. Добываніе его себѣ по праву старѣйшинства и забота о томъ, чтобы Кіевъ не достался кому нибудь изъ младшихъ родичей, а тѣмъ паче не перешелъ бы во враждебную линію Ольговичей—вотъ тѣ задачи, которыя поставилъ себѣ Юрій послѣ смерти Мономаха, тѣ задачи, которыя онъ стойко преслѣдовалъ всю свою жизнь! Поэтому онъ, немедленно послѣ смерти отца, начинаетъ сторожить Кіевъ. Онъ остается на жительство въ Городцѣ, недалеко отъ Кіева и, желая еще болѣе укрѣпиться на югѣ, въ 1135 г. промѣнивается съ братомъ Ярополкомъ волостями: „испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочую волость свою, но не всю". Черезъ два года послѣ этой мѣны, въ 1137 г. Юрій удаляется въ Ростовъ, слѣдовательно, Ростовъ принадлежитъ снова ему. Двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ пребываетъ въ Ростовской области Юрій, слѣдя за событіями юга. Между тѣмъ на югѣ произошли событія, которыхъ, именно, всего болѣе боялся Юрій. Послѣ смерти брата его Ярополка на кіевскомъ столѣ сѣлъ Ольговичъ Всеволодъ, а, послѣ его смерти и кратковременнаго правленія брата его Игоря, великимъ княземъ кіевскимъ сталъ Изяславъ Мстиславичъ, племянникъ Юрія помимо двухъ дядей: Вячеслава и Юрія. Юрій забываетъ враждебныя отношенія Ольговичей къ Мономаховичамъ и соединяется съ Святославомъ Ольговичемъ противъ племянника Изяслава Мстиславича; онъ призываетъ даже половцевъ, этихъ исконныхъ враговъ южной Руси. Съ 1149 по 1155 годъ тянется рядъ походовъ Юрія подъ Кіевъ изъ Ростовско-Суздальской области. Эти далекіе походы были сопряжены съ большими затрудненіями. Непроѣздныя топи и болота, большія многоводныя рѣки служили главнымъ

препятствіемъ весной и лѣтомъ, а зимой затрудняли переходъ глубокіе снѣга; отъ долгихъ утомительныхъ переходовъ лошади то портили себѣ ноги, то дѣлались жертвой повальнаго мора; черезъ рѣки весною нельзя было переправляться на судахъ, а лошади тонули. Вслѣдствіе всего этого войска должны были возвращаться съ полдороги. Юрій предалъ раззоренію и грабежу Приднѣпровье, а Изяславъ Мстиславичъ проникалъ въ землю Ростово-Суздальскую по Волгѣ. Война кончается смертію Изяслава Мстиславича и старшаго брата Юрія, Вячеслава. Юрій, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ треволненій, укрѣпляется въ Кіевѣ. Но недолго наслаждается онъ спокойствіемъ. Юрій не пользуется любовью кіевлянъ, и они входятъ въ переговоры съ Изяславомъ Давидовичемъ черниговскимъ; но не успѣлъ еще счастливый соперникъ Юрія вступить въ Кіевъ, какъ Юрій умеръ, въ 1157 году.

Печальна и весьма замѣчательна судьба этого младшаго изъ сыновей Мономаха. Стоя на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ, княжеско-родовой и княжеско-единовластной, двухъ этнографическихъ формацій русской народности: восточно-русской и южно-русской,—Юрій въ своемъ личномъ характерѣ носитъ туже двойственность. Съ одной стороны, всѣ его идеалы лежатъ въ южномъ приднѣпровьи, о «причастьи въ Руси» себѣ и своимъ дѣтямъ заботится онъ всю свою жизнь: его традиціи—традиціи южныхъ князей; съ другой стороны, въ его характерѣ замѣтны нѣкоторыя черты, напоминающія его сына Андрея Боголюбскаго, положившаго основаніе новому порядку дѣлъ въ княжеской Руси. Черты эти, правда, не выступаютъ рельефно, онѣ, такъ сказать, еще въ зародышѣ, но и въ этомъ зародышѣ проявляется уже „самовластіе",—основная черта характера Андрея. Характеръ Юрія, вслѣдстіе этого, не представляетъ ничего цѣльнаго. Это переходный типъ отъ южнаго князя къ князю сѣверному, отъ князя приднѣпровья къ поволжскому князю. Характеръ Юрія представляется намъ промежуточнымъ звѣномъ, соединяющимъ его отца Мономаха съ его сыномъ Андреемъ; безъ этого промежуточнаго звѣна невозможно было бы появленіе Андрея, который такъ рѣзко во всемъ отличается отъ своего дѣда Мономаха. Нравственный характеръ Юрія весьма не симпатиченъ. Личный расчетъ есть основная движущая имъ сила, есть причина всѣхъ его дѣйствій. Изъ за этого личнаго расчета онъ хитритъ, онъ нарушаетъ крестное цѣлованіе, онъ соединяется съ враждебными своему роду Ольговичами и, паче всего, „наводитъ на югъ половцевъ", исконныхъ враговъ и насильниковъ южнорусской украйны. Отецъ Юрія, «страдалецъ за Русскую землю» Мономахъ былъ не таковъ! Робкій воинъ и храбрый организаторъ, Юрій стремится постоянно на югъ, и между тѣмъ вводитъ „нарядъ" въ своей сѣверо-восточной области Ростовской. Сражаясь во имя родовыхъ княжескихъ правъ съ племянникомъ своимъ Изяславомъ, онъ самъ же нарушаетъ эти права, садясь въ Кіевѣ помимо своего старшаго брата Вячеслава. Въ народной памяти Юрій Долгорукій является жестокосердымъ, и, по народному преданію, построенный имъ городъ Москва «стоитъ на крови». Такой князь, конечно, не могъ быть любимъ на югѣ, гдѣ прямота дѣйствій, мужество въ брани, борьба съ „погаными" половцами, служеніе землѣ, а не своей личности—составляли народный идеалъ князя. Такимъ былъ Мономахъ; поэтому онъ и пользовался популярностью на югѣ; такими являются всѣ Мономаховичи, особенно же потомство Мсти-

нихъ главныхъ начальниковъ, именно посадника и тысяцкаго, и выбирало своихъ новыхъ начальниковъ.

За вѣчемъ въ новгородскомъ правительствѣ слѣдовали выборныя власти, назначенныя самымъ вѣчемъ, и прежде всего власти собственно новгородскія, свои домашнія, избранныя изъ новгородскихъ же гражданъ. Къ этому разряду новгородскихъ властей принадлежали; 1) посадникъ, 2) тысяцкій, 3) старосты, 4) сотскіе, 5) бирючи и 6) подвойскіе. Посадникъ въ Новгородѣ былъ первою выборною властью (изъ новгородцевъ) послѣ владыки. Посадники первоначально, такъ же какъ и епископы, присылались въ Новгородъ изъ Кіева и были не больше какъ намѣстниками князя; но со времени борьбы Новгорода съ своимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ этотъ порядокъ измѣнился, и посадники изъ княжескихъ чиновниковъ обратились въ выборныхъ отъ народа съ властью немногимъ меньшею противъ княжеской власти, такъ что князь въ Новгородѣ ничего не могъ дѣлать безъ посадника. Первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, избранный новгородскимъ вѣчемъ въ 1126 году. Въ посадники, по новгородскимъ порядкамъ, выбирались исключительно одни бояре и притомъ изъ извѣстныхъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ боярскихъ фамилій; такъ что впродолженіе времени отъ 1126 до 1400 года, по лѣтописямъ мы можемъ насчитать не болѣе сорока фамилій, изъ которыхъ выбирались посадники и тысяцкіе; изъ нихъ нѣкоторые дали по нѣскольку посадниковъ, почти слѣдовавшихъ одинъ за другимъ; такъ напр. фамилія Михаила Степанича дала Новгороду двѣнадцать посадниковъ, ясно засвидѣтельствованныхъ лѣтописями, впродолженіе времени съ 1180 по 1388 года, т. е. впродолженіи двухъ сотъ осьми лѣтъ. Избирались ли посадники на опредѣленный срокъ или безсрочно, объ этомъ нельзя сказать съ полною увѣренностью; но можно догадываться, судя по общему порядку выборовъ въ Новгородѣ, что въ санъ посадника, равно какъ и въ санъ владыки и въ другія должности, новгородцы выбирали безсрочно, только съ неотъемлемымъ правомъ вѣча смѣнять выбраннаго посадника, какъ скоро вѣче признаетъ его неугоднымъ. А поэтому нѣкоторые посадники исправляли свою должность по нѣскольку лѣтъ сряду, напримѣръ Мирошка Нездиничъ 14 лѣтъ. А были посадники, которые смѣнялись до истеченія года; лучшимъ свидѣтельствомъ, что посадники избирались не на срокъ, служитъ то, что въ лѣтописяхъ смѣна посадниковъ обыкновенно обозначалась выраженіями: отъяша посадничество у такого-то, и даша такому-то, или выгнаша такого-то, или убиша. А конечно, еслибы посадникъ выбирался на срокъ, то не было бы надобности употреблять такія выраженія. При правильномъ выборѣ посадниковъ, кажется, наблюдалось старшинство боярскихъ фамилій. Посадники по пригородамъ выбирались также изъ новгородскихъ боярскихъ фамилій. Мы имѣемъ нѣсколько извѣстій, въ которыхъ прямо говорится, что пригородскими посадниками были члены новгородскихъ боярскихъ фамилій, выбираемые на эту должность новгородскимъ вѣчемъ, и которые потомъ опять изъ пригородовъ выбирались вѣчемъ въ новгородскіе посадники, или смѣненные съ посадничества въ Новгородѣ посылались посадниками по пригородамъ, такъ напр. Мирославъ Гюрятиничъ, въ 1127 выбранный въ посадники новгородскіе, въ 1132 году былъ назначенъ посадникомъ въ Псковъ, и чрезъ два года опять выбранъ въ посадники въ Новгородъ.

Въ Новгородѣ посадники раздѣлялись на степенныхъ и старыхъ посадниковъ. Степеннымъ посадникомъ назывался тотъ, который въ данное время правилъ городомъ, исправлялъ прямыя обязанности посадника; старымъ же посадникомъ назывался тотъ, который прежде былъ посадникомъ и въ данное время не управлялъ городомъ. Какъ въ древнемъ Римѣ разъ бывшій консуломъ на всю жизнь оставался консуляромъ, такъ и въ Новгородѣ разъ бывшій степеннымъ посадникомъ на всю жизнь оставался старымъ посадникамъ и имѣлъ нерѣдко преимущество въ общественной службѣ предъ другими боярами, не бывшими въ посадникахъ. Старымъ посадникомъ въ Новгородѣ преимущественно поручались разныя важныя государственныя дѣла: они предводительствовали войсками и правили посольства въ сосѣднія государства, участвовали въ пріемѣ пословъ отъ сосѣднихъ государей и утверждали договорныя грамоты вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ; но ихъ именъ въ самыхъ грамотахъ не прописывалось, они только прикладывали къ грамотамъ свои печати, которыя отличались отъ печати степеннаго посадника тѣмъ, что въ нихъ прописывалось имя того, чья печать, напримѣръ: „Яковлева печать, посадника новгородскаго“, „Юрьева печать Ивановича посадника новгородскаго“, тогда какъ на печати степеннаго посадника имени не прописывалось, а обозначалась просто: „Новгородская печать посадника“.

Старый посадникъ, т. е. человѣкъ, лишившійся достоинства степеннаго посадника, обыкновенно продолжалъ поддерживаться своею партіею и при удобномъ случаѣ опять получалъ званіе степеннаго посадника; а до пріисканія таковаго случая занималъ какую-либо низшую должность, напримѣръ, должность посадника въ пригородѣ, или должность тысяцкаго, или должность кончанскаго, или уличанскаго старосты. А когда его партія вновь получала побѣду надъ противниками, то и онъ возвращалъ свое достоинство, разумѣется, по новому выбору вѣча, на которомъ руководила его торжествующая партія. Иногда же старый посадникъ вовсе не получалъ никакой общественной должности, но тѣмъ не менѣе оставался предводителемъ своей партіи и нерѣдко дѣйствовалъ противъ степеннаго посадника; такъ, напримѣръ, въ 1418 году старые посадники и тысяцкіе во время мятежа составили съ своими сторонниками вѣче на Софійской сторонѣ, а степенные посадники Василій Есиповичъ и тысяцкій Козьма Терентьичъ созвали вѣче на Ярославовомъ дворѣ; и старые посадники принудили степенныхъ посадника и тысяцкаго распустить свое вѣче и разойтись по домамъ. Впрочемъ, все это дѣлали старые посадники не потому, что они были старыми посадниками, а потому что они предводительствовали достаточно сильною боярскою партіею; оставленная же степень посадника имъ не сообщала ни особой силы, ни особаго значенія. Степенный посадникъ въ Новгородѣ былъ собственно главнымъ и полнымъ представителемъ Новгорода въ дѣлахъ мира и войны и въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами, замѣняющимъ на данное время волю вѣча. Всѣ договоры съ сосѣдями, если они не были писаны прямо отъ имени вѣча, писались отъ имени посадника, владыки и тысяцкаго; впрочемъ, имена послѣднихъ иногда и пропускались, отъ ихъ же имени безъ имени посадника не могла быть написана ни одна грамота, относящаяся къ цѣлому Новгороду. Посадникъ собственно былъ правителемъ Новгорода отъ земщины, постояннымъ органомъ народной воли, выбраннымъ на эту службу вѣчемъ.

Значеніе степеннаго посадника въ Новгородѣ такъ было велико, что новгородцы въ иное время оставались довольно продолжительно безъ князя за однимъ посадникомъ; такъ, напримѣръ, лѣтопись подъ 1167 г. говоритъ: „Тогда дали посадничество Якуну; и сидѣли новгородцы безъ князя за Якуномъ отъ Семеня дни до велика дни"; т. е. слишкомъ семь мѣсяцевъ, и притомъ въ самое трудное время, когда Новгородъ тѣснили сосѣдніе князья и навязывали новгородцамъ князя противъ ихъ воли. Посадникъ въ своемъ управленіи на столько былъ самостоятеленъ, что по закону не иначе могъ быть смѣненъ княземъ, какъ только по опредѣленію вѣча, и то по суду, когда онъ окажется въ чемъ нибудь виноватымъ. Такъ, когда въ 1218 году князь Святославъ прислалъ сказать на вѣчѣ, что не можетъ быть съ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество, то вѣче спросило: въ чемъ виноватъ Твердиславъ? и на отвѣтъ князя, что онъ лишаетъ его посадничества безъ вины, новгородцы отвѣчали: „Княже! Ежели нѣтъ за нимъ вины, то ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити; а тебѣ кланяемся, а Твердиславъ нашъ посадникъ, мы не уступимъ". Права и обязанности степеннаго новгородскаго посадника состояли въ слѣдующемъ: 1) Посадникъ былъ необходимымъ посредникомъ между княземъ и народомъ, такъ что князь безъ посадника не имѣлъ права ни судить, ни управлять въ Новгородѣ; даже военные походы князя всегда были въ сопровожденіи посадника, князь былъ непосредственнымъ и главнымъ начальникомъ только надъ своею дружиною или надъ невольниками, если они къ нему присоединялись; полки же новгородскіе всегда были подъ непосредственнымъ начальствомъ посадника, или того воеводы, которому посадникъ или вѣче поручитъ ихъ; и посадникъ или воевода, предводительсувуя войскомъ новгородскимъ, отвѣчали не передъ княземъ, а передъ вѣчемъ. 2) У посадника была новгородская печать съ такимъ штемпелемъ: „Новгородская печать посадника"; эта печать прикладывалась ко всѣмъ грамотамъ, выдаваемымъ отъ имени посадника. 3) Посадникъ созывалъ вѣче, велъ его торжественно на Ярославовъ дворъ и открывалъ собраніе, предлагалъ на разсмотрѣніе вѣча вопросы по дѣламъ, требовавшимъ вѣчеваго рѣшенія; правильно собранное вѣче обыкновенно находилось подъ руководствомъ посадника, онъ смотрѣлъ за порядкомъ и разсуждалъ съ членами вѣча. Въ лѣтописяхъ о правильныхъ вѣчахъ обыкновенно говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Гадавъ посадникъ и тысяцкій, и весь Новгородъ, рѣшили такъ-то". Или: «Много гадавше съ посадникомъ и тысяцкимъ, рѣшили то-то». 4) Посадникъ предводительствовалъ новгородскимъ войскомъ и водилъ его въ походы даже безъ князя; такъ въ 1167 году посадникъ Якунъ водилъ новгородскіе полки къ Русѣ, противъ князя Святослава и его союзниковъ. Онъ же защищалъ Новгородъ въ 1169 году противъ рати Андрея Боголюбскаго. 5) Посадникъ укрѣплялъ какъ самый Новгородъ, такъ и пригороды по приговору вѣча или по распоряженію князя. 6) Посадникъ отъ имени Новгорода велъ перговоры съ сосѣдними владѣтелями; а посему во всѣхъ договорныхъ новгородскихъ грамотахъ прописывалось имя посадника, при которомъ заключенъ миръ. Иногда посадникъ для переговоровъ ѣздилъ къ тому князю, съ которымъ у Новгорода было какое-либо дѣло, требовавшее переговоровъ; также иногда посадникъ съ владыкою и другими выборными ѣздили приглашать князя въ

Новгородъ. 7) Посадникъ былъ защитникомъ гражданъ противъ князя, ежели бы тотъ вздумалъ обижать ихъ; по закону князь не имѣлъ права арестовать и осудить новгородца безъ согласія посадника; а посему князья всегда старались о томъ, чтобы посадникъ былъ изъ ихъ сторонниковъ. 8) Посадникъ съ тысяцкимъ новоизбраннаго владыку новгородскаго вводилъ въ домъ св. Софіи на сѣни, т. е. передавалъ новоизбранному управленіе новгородскою церковью. 9) Должности посадника, равно какъ и должности тысяцкаго, были предоставлены опредѣленные доходы съ разныхъ областей, подъ именемъ *поралья* посадника и тысяцкаго. Вліяніе посадника въ Новгородѣ такъ было сильно, что за посадника, въ случаѣ нападеній отъ князя, вступался народъ, бралъ оружіе и защищалъ посадника; такъ въ 1220 году за посадника Твердислава вооружились противъ князя Всеволода прусы, Людинъ конецъ и загородцы и стали около Твердислава пятью полками. Вообще, чтобы ссадить посадника, на это требовалось согласіе большинства, и если у посадника была сильная партія, то дѣло не обходилось безъ боя и грабежа на улицахъ; такъ напримѣръ, въ 1388 году три конца Софійской стороны возстали на посадника Есипа Захарьинича, созвонили вѣче у св. Софіи и прямо съ вѣча въ оружіи бросились на его дворъ и сожгли хоромы и все разграбили. Посадникъ бѣжалъ за рѣку въ Плотницкій конецъ, и за него стала вся Торговая сторона; начали грабить людей, отбивать перевозчиковъ отъ берега, а перевозныя суда рубить; и въ такомъ положеніи городъ находился цѣлыхъ двѣ недѣли; и только по истеченіи этого времени обѣ стороны успѣли согласиться и смѣнили посадника Есипа Захарьинича, и дали посадничество Василію Ивановичу. При общемъ же согласіи народа, смѣна посадника по приговору вѣча производилась тихо, безъ споровъ. Степень посадничества вѣче передавало новому избранному лицу, а посадникъ, лишенный своей степени, или оставался почетнымъ лицомъ съ именемъ стараго посадника, или получалъ другое назначеніе, посылался посадникомъ куда въ пригородъ, или отправлялся воеводою въ какой либо походъ, или посланникомъ къ какому либо государю. Впрочемъ, такъ мирно кончалась смѣна посадника только тогда, когда посадникъ просто былъ неугоденъ народу или торжествующей партіи. Но когда смѣненный посадникъ подозрѣвался въ измѣнѣ или въ недоброжелательствѣ господину Великому Новгороду, то дѣло кончалось далеко не мирно: таковой посадникъ при смѣнѣ нерѣдко платился жизнью.—Тысяцкіе такъ же, какъ и посадники, выбирались вѣчемъ изъ боярскихъ фамилій, изъ тѣхъ же самыхъ, изъ которыхъ выбирались и посадники. Санъ тысяцкаго въ Новгородѣ, очевидно, былъ ниже сана посадника; ибо изъ тысяцкихъ выбирали въ посадники, такъ что санъ тысяцкаго былъ, хотя не необходимою, ступенью къ посадничеству. Тысяцкіе были собственно начальниками черныхъ людей; тогда какъ посадникъ былъ земскимъ начальникомъ всего Новгорода. Тысяцкій имѣлъ большое значеніе, онъ черезъ подчиненныхъ ему черныхъ людей могъ многое сдѣлать на вѣчѣ; черные люди составляли большинство и, по его указанію, могли пересилить лучшихъ людей. А посему бывали случаи, что иногда князь, поддерживаемый своею партіею, поднималъ вѣче на тысяцкаго; такъ, въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ поднялъ вѣче на тысяцкаго Якуна Намнѣжича. Тысяцкій сперва назначался княземъ. Но, вмѣстѣ съ появленіемъ въ

Новгородѣ посадниковъ выборныхъ отъ вѣча, а не по назначенію князя, и тысяцкіе также стали выбираться вѣчемъ; и конечно, сдѣлавшись выборнымъ отъ вѣча, тысяцкій получилъ большее значеніе, нежели какъ былъ чиновникомъ князя. И уже въ XII столѣтіи имя тысяцкаго въ договорныхъ грамотахъ Новгорода ставится вслѣдъ за именемъ князя и посадника. Подобно тому какъ посадники, сошедшіе съ посаднической степени, получали названіе старыхъ посадниковъ, точно также и тысяцкіе, сошедши со степени, получали названіе старыхъ тысяцкихъ, въ отличіе отъ степенныхъ тысяцкихъ, и принимали дѣятельное участіе и въ военныхъ, и въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ сношеніяхъ Новгорода съ сосѣдними государствами; мы ихъ печати встрѣчаемъ въ договорныхъ и въ другихъ новгородскихъ грамотахъ вслѣдъ за печатями степенныхъ тысяцкихъ, а по лѣтописямъ старые тысяцкіе наравнѣ съ старыми посадниками бывали воеводами въ новгородскихъ полкахъ и участниками въ посольствахъ и переговорахъ съ сосѣдними государями, а также членами вѣча вмѣстѣ съ другими боярами. Права и обязанности степеннаго тысяцкаго были слѣдующія: 1) Степенный тысяцкій вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ предводительствовалъ новгородскимъ войскомъ, какъ вождь и начальникъ черныхъ людей. 2) На обязанности тысяцкаго лежало заботиться вмѣстѣ съ посадникомъ о городскихъ укрѣпленіяхъ. 3) Тысяцкій вмѣстѣ съ посадникомъ ведутъ переговоры съ сосѣдними государями, отправляютъ посольства и заключаютъ миръ, разумѣется по рѣшенію вѣча. 4) Степенный тысяцкій былъ необходимымъ товарищемъ и помощникомъ посадника при открытіи народнаго вѣча, они вмѣстѣ наблюдали за порядкомъ на вѣчѣ, вмѣстѣ предлагали дѣла на разсужденіе; во всѣхъ извѣстіяхъ о правильно созванныхъ вѣчахъ мы непремѣнно встрѣчаемъ степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго; во всѣхъ грамотахъ, издаваемыхъ вѣчемъ, писались имена степенныхъ посадника и тысяцкаго, вслѣдъ за именемъ владыки новгородскаго или за именемъ князя, если онъ участвовалъ въ изданіи грамоты; всѣ переговоры съ иностранными государствами велись отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ договорныхъ грамотахъ также непремѣнно прописывалось имя степеннаго тысяцкаго во всякомъ случаѣ, т. е. писалась ли грамата отъ имени новгородскаго князя или отъ имени вѣча. 5) Тысяцкій имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника, судъ чисто земскій, народный, на которомъ не участвовали княжіе судьи и съ котораго не шло судебныхъ пошлинъ въ казну князя. Тысяцкій съ пятью старостами преимущественно завѣдывалъ судомъ по торговымъ дѣламъ, а также, вѣроятно, судомъ между черными людьми. 6) Тысяцкіе имѣли свою печать, которая прикладывалась къ договорнымъ, жалованнымъ и другимъ новгородскимъ грамотамъ вслѣдъ за печатью посадника; а конечно дѣла, подлежащія суду тысяцкаго, утверждались и печатью тысяцкаго. 7) Тысяцкій, также какъ и посадникъ, имѣлъ по закону опредѣленные доходы съ разныхъ новгородскихъ областей, которыя были приписаны на путь тысяцкаго. Сотскіе, подобно тысяцкимъ, выбирались вѣчемъ, искони были выборными отъ народа даже тогда, когда посадники и тысяцкіе еще назначались княземъ. Сотскихъ было десять. Сотскіе были изъ значительныхъ боярскихъ фамилій, и бывшіе сотскими выбирались въ тысяцкіе, слѣдовательно и въ посадники. Слѣдовательно, сотскіе

были одни изъ старѣйшихъ представителей Новгорода, наравнѣ съ посадникомъ и тысяцкимъ. Но какія прямыя и постоянныя права и обязанности принадлежали сотскимъ, какъ начальникамъ сотенъ, и что такое въ Новгородѣ значила сотня, и какъ она относилась къ концамъ и улицамъ, и какое было отношеніе сотскаго къ старостамъ кончанскимъ и уличанскимъ, къ посаднику, тысяцкому и вѣчу—все это, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, доподлинно неизвѣстно. Впрочемъ, сотни въ Новгородѣ не были топографическими единицами или бытовыми общинами, какъ концы и улицы; ибо онѣ носятъ названіе не по мѣстностямъ, а по именамъ сотскихъ; такъ въ уставѣ сказано: „Давыджа ста, Слѣпцева ста, Бовыкова ста, и т. п.“, слѣдовательно въ другое время тѣже сотни носили другія названія, по именамъ современныхъ сотскихъ: Клементьева ста, Борисова ста, и т. п. А посему должно предполагать, что дѣленіе Новгорода на сотни было чисто административное, а не бытовое; сотня, по всему вѣроятію, выражала десятую долю всего Новгорода, ибо, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, полагалось десять сотенъ и десять сотскихъ; подобно тому какъ впослѣдствіи было иное дѣленіе всѣхъ владѣній новгородскихъ на пятины—точно также административное, а не бытовое. Сотскимъ вмѣстѣ съ владыкою было поручено попеченіе о главной святынѣ Великаго Новгорода, о церкви св. Софіи. Сотскіе, будучи въ Новгородѣ помощниками или подчиненными тысяцкаго, начальниками десятой доли Новгорода, по пригородамъ и волостямъ замѣняли тысяцкихъ: и какъ въ Новгородѣ на весь городъ былъ одинъ тысяцкій, такъ въ волостяхъ на всю страну, составляющую ту или другую волость Новгорода, былъ одинъ сотскій. По всему вѣроятію, сотскимъ принадлежалъ непосредственный надзоръ за порядкомъ и тишиною въ своей сотнѣ, они же, конечно, должны были водить свою сотню на вѣче, подъ ихъ же наблюденіемъ, кажется, находилась раскладка сбора податей и повинностей въ сотнѣ, т. е. въ десятой долѣ. Старосты, по времени учрежденія города, были самыми старшими выборными начальниками въ Новгородѣ; они первые стали выбираться вѣчемъ, когда еще не выбирались ни сотскіе, ни тысяцкіе, ни посадники; по лѣтописямъ, старосты упоминаются еще при Ярославѣ Великомъ. Въ Новгородѣ каждая община имѣла своего выборнаго старосту, и потому старосты были нѣсколькихъ разрядовъ, отъ выборнаго старосты въ томъ или другомъ погостѣ между крестьянами, до кончанскаго старосты въ Новгородѣ, представителя цѣлаго конца, т. е. пятой части Новгорода. Къ высшему разряду старостъ, принимавшему самое дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода со всѣми его владѣніями, принадлежали старосты кончанскіе и уличанскіе; за ними слѣдовали старосты отъ житыхъ людей и отъ купцовъ, какъ предводители и непосредственные выборные начальники торговаго класса въ Новгородѣ, заправлявшіе торговыми дѣлами, слѣдовательно, также имѣвшіе большое вліяніе вообще на общественную новгородскую жизнь, такъ какъ Новгородъ велъ обширную торговлю и по преимуществу былъ торговымъ государствомъ въ Русской землѣ.

Кончанскіе и уличанскіе старосты созывали кончанскія и уличанскія вѣча и разбирали всѣ дѣла своего конца или улицы. Въ кончанскихъ и уличанскихъ вѣчахъ одинаково участвовали всѣ классы жителей, конца или улицы; каждая улица и каждый конецъ имѣли и

своихъ бояръ, и своихъ купцовъ, и своихъ черныхъ людей, исконныхъ жителей конца или улицы; и конечно главными представителями каждой улицы и затѣмъ конца были исконные уличанскіе бояре, которые постоянно пользовались уваженіемъ своихъ уличанъ и руководили ими въ общественныхъ дѣлахъ; отсюда, естественно, и уличанскіе, и кончанскіе старосты исключительно избирались изъ уличанскихъ боярскихъ фамилій. Уличанскіе и кончанскіе старосты представляли чисто бытовое учрежденіе, независимое отъ административныхъ распоряженій: уличанскій или кончанскій староста былъ собственно представитель данной мѣстности, безъ отношенія къ тому, къ какому классу принадлежатъ жители этой мѣстности, т. е. конца или улицы; онъ собственно представлялъ конецъ или улицу, и его выбирали всѣ жители улицы или конца безъ различія классовъ, и также всѣ безъ различія подчинялись ему по мѣсту жительства, и онъ ихъ судилъ и рядилъ только какъ жителей его конца или улицы. Кончанскіе или уличанскіе старосты, будучи изъ почетнѣйшихъ боярскихъ фамилій своего конца или улицы, имѣли въ новгородскомъ привительствѣ большое значеніе, не только какъ представители своихъ избирателей, всегда готовыхъ поддержать ихъ своею силою, но и вообще какъ люди богатые, знаменитые и имѣющіе свои связи и партіи: они онигда имѣли такую силу, что дѣлались опасными для вѣча, могли легко поднять не только свою улицу или конецъ, но, по своимъ связямъ, возмутить и другія улицы, особенно во время борьбы партій, что не рѣдко бывало въ Новгородѣ. А посему бывали случаи, что на инаго старосту вмѣстѣ съ другими боярами поднималось цѣлое новгородское вѣче. Кончанскіе и уличанскіе старосты, какъ главные начальники концовъ и улицъ, собирали, открывали и руководили кончанскія и уличанскія вѣча, водили своихъ кончанъ и уличанъ на общее вѣче на Ярославовъ дворъ или къ св. Софіи, присутствовали на общемъ вѣчѣ съ своими уличанами и кончанами, имѣли свои кончанскія и уличанскія печати, которыми утверждали не только дѣла своего конца или улицы, но кончанскіе старосты даже нерѣдко прикладывали свои печати къ договорнымъ и другимъ грамотамъ отъ общаго новгородскаго вѣча. Кончанскіе и уличанскіе старосты участвовали и въ военныхъ походахъ, и въ посольствахъ отъ новгородскаго вѣча.

Бирючи и подвойскіе въ Новгородѣ были собственно исполнителями приказаній вѣча и властей, поставленныхъ вѣчемъ, и должность ихъ состояла въ вызовѣ гражданъ, по требованію вѣча или по суду, въ сборѣ гражданъ на вѣче, по распоряженію князя или посадника, въ взысканіи недоимокъ и въ расплатѣ изъ общественной казны, по распоряженію вѣча, и, можетъ быть, въ исполненіи другихъ какихъ общественныхъ распоряженій. Должности бирючей и подвойскихъ въ Новгородѣ имѣли довольно важное значеніе, и на сіи должности вѣче, кажется, исключительно выбирало людей изъ боярскихъ фамилій, особенно въ древнее время, когда каждая общественная должность пользовалась большимъ уваженіемъ и указывала на исправляющаго ее, какъ на народнаго избранника, который поэтому вездѣ имѣлъ предпочтеніе передъ людьми, не удостоившимися выбора. Да и кромѣ общаго уваженія къ выборнымъ должностямъ, самая власть бирюча или подвойскаго была довольно велика, ибо они одни были уполномочены вѣчемъ взять или арестовать свободнаго гражданина, и по закону имъ въ этомъ никто не смѣлъ

сопротивляться. Все это бирючамъ и подвойскимъ сообщало довольно высокое положенiе, такъ что за обиду бирюча иногда поднимался чуть не весь городъ, и наоборотъ, иногда цѣлое вѣче поднималось на бирюча съ другими высшими сановниками, какъ на людей опасныхъ для цѣлаго Новгорода. Точно также и подвойскiе пользовались большимъ уваженiемъ и принимали участiе во многихъ общественныхъ дѣлахъ: по лѣтописямъ мы ихъ встрѣчаемъ и въ военныхъ походахъ, и въ посольствахъ.

Власть, приглашенную Новгородомъ со стороны, не изъ Новгородской земли, составлялъ князь. Первое приглашенiе князей новгородцами было въ 862 году. Условiя, принятыя Рюрикомъ, состояли въ слѣдующемъ: чтобы князь судилъ и управлялъ въ Новгородѣ по исконнымъ новгородскимъ обычаямъ и по взаимному согласiю съ земскимъ новгородскимъ правительствомъ; Новгородъ же уступаетъ за это свои пригороды съ прилежащею къ нимъ областью: Рюрику — Ладогу, Синеусу — Бѣлоозеро и Трувору — Изборскъ; въ самомъ же Новгородѣ и въ другихъ новгородскихъ владѣнiяхъ управленiе по-прежнему останется за новгородскимъ вѣчемъ и выборными отъ вѣча властями, а князьямъ съ этихъ областей будетъ идти опредѣленный доходъ. Но условiя, принятыя Рюрикомъ, были слишкомъ тяжелы, для того чтобы какой нибудь самостоятельный князь согласился постоянно жить въ Новгородской землѣ, не нарушая сихъ условiй, а посему уже Рюрикъ не замедлилъ нарушить ихъ и чрезъ два года по приглашенiи перебрался изъ Ладоги въ самый Новгородъ и построилъ тамъ себѣ крѣпость. Преемникъ же Рюрика, Олегъ, совсѣмъ оставилъ Новгородскую землю и сдѣлался самостоятельнымъ княземъ въ Кiевѣ на Днѣпрѣ.

Удаленiе Олега въ Кiевъ поставило новгородцевъ въ затруднительное положенiе: имъ нужно было отыскивать новаго князя или вступить въ новыя условiя съ Олегомъ; они рѣшились на послѣднее. Новыя условiя, предложенныя Олегомъ, были слѣдующiя: Новгородъ долженъ уступить Олегу и его преемникамъ всѣ города, уступленные прежде Рюрику, а съ прочихъ владѣнiй новгородскихъ платить князю опредѣленную дань и, сверхъ того, доставлять въ Кiевъ по 300 гривенъ для свободной торговли новгородцевъ по Днѣпру. Князь же за это обязывался держать въ Новгородѣ своего посадника или намѣстника съ отрядомъ дружины, подъ названiемъ гридей, на содержанiе которыхъ изъ новгородской казны должно выдавать въ годъ по тысячѣ гривенъ. Намѣстникомъ или посадникомъ князя могъ быть только тотъ, кому это довѣритъ князь,—старшiй ли дружинникъ, или сынъ, или племянникъ князя. Княжеская власть по этому новому договору была прежняя. Князь, или его посадникъ, былъ верховнымъ судьею или примирителемъ всѣхъ распрей въ Новгородѣ, верховнымъ блюстителемъ согласiя и правды между новгородскими общинами; здѣсь совмѣщалась и гражданская, и военная власть; все, что переходило за эту черту, уже принадлежало вѣчу и домашнимъ властямъ, отъ него поставленнымъ, а не князю. Начинать войну, заключать мiръ, вести переговоры съ сосѣдними владѣнiями могло только вѣче. Если князь, самъ прiѣхавши въ Новгородъ, или его посадникъ, желалъ начать съ кѣмъ нибудь войну, то это могъ сдѣлать не иначе, какъ созвавши вѣче и получивши на это отъ него согласiе. Всѣ финансовыя распоряженiя, сборы и раскладка податей и повинностей также

принадлежали вѣчу; князь, или его намѣстникъ, даже не имѣлъ права въ этомъ участвовать, онъ довольствовался только доходами, проистекавшими изъ его судебной власти и тѣми данями, которыя ему уступлены по договору. Земля вся, населенная и ненаселенная, принадлежала господину Великому Новгороду; князь владѣлъ только тѣми областями и городами, которые даны ему вѣчемъ какъ бы въ кормленье и собственно на помѣстномъ, а не на вотчинномъ правѣ, ибо они принадлежали не лично князю, а княжеской власти, и князь, оставляя Новгородъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишался и данныхъ ему областей и городовъ.

Новгородъ въ такихъ отношеніяхъ къ своимъ князьямъ находился до кончины великаго князя Владиміра Святославича, крестившаго Русскую землю, какъ прямо сказано въ лѣтописяхъ о Владиміровомъ посадникѣ въ Новгородѣ, его сынѣ Ярославѣ, подъ 1015 годомъ: „Ярославъ жилъ въ Новгородѣ и каждогодно, по договору, посылалъ въ Кіевъ по двѣ тысячи гривенъ, да тысячу гривенъ раздавалъ гридямъ въ Новгородѣ, какъ это дѣлали всѣ посадники новгородскіе". Ярославъ, получивши по смерти отца Кіевъ при помощи новгородцевъ, въ благодарность за это вступилъ съ Новгородомъ въ новыя отношенія, еще болѣе льготныя для новгородцевъ и стѣснительныя для княжеской власти, и условія этихъ новыхъ отношеній были внесены въ особыя договорныя грамоты князя съ Новгородомъ, которыя были извѣстны подъ именемъ грамотъ Ярославлихъ. Грамоты эти до насъ не дошли, и въ чемъ онѣ состояли по своимъ подробностямъ—мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что таковыя грамоты были между Ярославомъ и новгородцами и заключали въ себѣ именно условія отношеній князя къ Новгороду, и условія болѣе выгодныя для новгородцевъ, нежели всѣ прежнія условія съ князьями; ибо впослѣдствіи Ярославовы граматы были постояннымъ закономъ, опредѣляющимъ отношенія князей къ Новгороду. И новгородцы, приглашая къ себѣ князей, всегда указывали на Ярославовы грамоты какъ на законъ, на основаніи котораго они принимаютъ къ себѣ князя, и обыкновенно говорили приглашенному князю такъ: «На всей волѣ новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, ты намъ князь». Впрочемъ, по нѣкоторымъ чертамъ, сохранившимся въ лѣтописяхъ, мы, хотя приблизительно, можемъ опредѣлить тѣ условія отношеній князя къ Новгороду, которыя находились въ Ярославовыхъ граматахъ. Условія эти слѣдующія: 1) княземъ новгородскимъ могъ быть только тотъ князь изъ племени Ярослава, котораго излюбятъ сами новгородцы, котораго сами пригласятъ или согласятся добровольно принять. Новгородъ въ этомъ отношеніи совершенно свободенъ, ему не слѣдуетъ навязывать князя насильно; новгородцы такого князя имѣли право не принять или прогнать его, если онъ пріѣдетъ, показать ему путь. Новгородъ государство самостоятельное, онъ не принадлежитъ къ удѣламъ Русской земли и воленъ въ своихъ князьяхъ. Это условіе новгородцы самымъ дѣломъ приводили въ исполненіе; такъ, они въ 1095 году показали путь Давыду Святославичу, присланному къ нимъ, по распоряженію князей, безъ ихъ согласія.

2) Князь кіевскій пересталъ уже получать съ Новгородской земли урокъ въ въ 2000 гривенъ; по смерти Владиміра Святаго объ этомъ *урокѣ* уже нигдѣ не упоминается въ лѣтописяхъ; слѣдовательно Новгородъ, по Ярославовымъ грамотамъ, сталъ свободнымъ отъ обязательныхъ отношеній къ кіевскому князю. 3) Но за княземъ новгородскимъ оста-

лось прежнее право, утвержденное Олеговымъ договоромъ, имѣть въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, по собственному усмотрѣнію, а не по выбору вѣча, и притомъ какъ изъ новгородцевъ, такъ и изъ своихъ дружинниковъ, такъ напр. по лѣтописямъ мы знаемъ, что въ 1120 году былъ присланъ въ Новгородъ посадникомъ Борисъ, а въ 1129 году пришелъ посадникомъ Данилъ изъ Кіева. Равнымъ образомъ изъ Кіева же приходили, конечно, по выбору князей и владыки или епископы новгородскіе, включительно до епископа Нифонта; слѣдовательно и назначеніемъ такого важнаго сановника, какъ епископъ, еще распоряжался князь безъ участія вѣча. 4) Наконецъ, по Ярославовымъ граматамъ, новгородскій князь еще могъ судить и казнить новгородскихъ гражданъ даже не въ Новгородѣ, а въ своей отчинной землѣ; такъ въ 1118 году новгородскій князь Мстиславъ съ своимъ отцомъ Владиміромъ Мономахомъ вызвали въ Кіевъ новгородскихъ бояръ, привели ихъ къ присягѣ и нѣкоторыхъ изъ нихъ, тамъ же въ Кіевѣ, судили и казнили заточеніемъ.

Но съ 1126 года отношенія Новгорода къ князьямъ, опредѣленныя грамотами Ярослава, начали измѣняться. 1) Съ этого года новгородцы стали брать съ своихъ князей присягу, что имъ не оставлять Новгорода и управлять по новгородскимъ порядкамъ; такъ, въ этотъ годъ взята была первая присяга съ князя Всеволода Мстиславича, только что пріѣхавшаго изъ Кіева въ Новгородъ. 2) Потомъ съ 1130 года князь лишился окончательно права назначать посадника по своему усмотрѣнію, и посадникъ сдѣлался выборнымъ отъ вѣча, сталъ почти въ совершенно независимое положеніе въ отношеніи къ князю. 3) Съ 1136 года вѣче стало наряжать судъ надъ княземъ, не исполнившимъ своихъ обязательствъ въ отношеніи Новгорода; такъ, въ этомъ году былъ первый судъ надъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ. 4) Съ этого же 1136 года началось изгнаніе князей и приглашеніе новыхъ по приговору вѣча, такъ что князья въ Новгородѣ съ изгнанія Всеволода Мстиславича обратились совершенно въ выборныхъ сановниковъ, точно такъ же какъ посадники, и поступили въ зависимость не только отъ вѣча, но и отъ партій новгородскихъ, и стали искать новгородскаго престола при помощи партій, и партіи же стали изгонять князей и приглашать новыхъ. Съ этого времени новгородскій княжескій престолъ потерялъ всякую самостоятельность и прочность, и князья искали его только для пріобрѣтенія доходовъ, нисколько уже не думая упрочить его за собою или за своимъ потомствомъ. 5) Князь съ 1156 года потерялъ право распоряжаться назначеніемъ епископа въ Новгородъ: съ этого года, по смерти владыки Нифонта, епископы новгородскіе сдѣлались выборными отъ вѣча. 6) Притязанія новгородцевъ на свободный выборъ князей на основаніи Ярославовыхъ грамотъ въ 1196 году были признаны и самими князьями разныхъ русскихъ владѣній, на съѣздѣ князей, бывшемъ въ этомъ году, какъ сказано въ лѣтописи: «Вси князья выложиша Новгородъ въ свободу, гдѣ имъ любо, туже себѣ князи поимаютъ». 7) Подъ 1218 годомъ мы уже встрѣчаемъ извѣстіе, что князья, принимаемые новгородцами, клялись ни казнить, ни лишать должностей выборныхъ новгородскихъ начальниковъ безъ суда и безъ объявленія вины. 8) Наконецъ, съ 1228 года мы имѣемъ постоянныя извѣстія въ лѣтописяхъ, что князья не иначе получали новгородскій престолъ, какъ по договору

съ новгородцами, при чемъ каждый разъ писалось, на какихъ условіяхъ князь принимаетъ новгородскій престолъ; а съ 1265 года мы уже имѣемъ и подлинныя договорныя грамоты новгородцевъ съ своими князьями, продолжающіяся съ этого года слишкомъ двѣсти лѣтъ, до 1471 года, т. е. почти до уничтоженія самостоятельности господина Великаго Новгорода. Во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ своими князьями, какія только дошли до насъ, начиная съ граматы 1265 года, отношенія новгородскаго князя къ Новгороду опредѣляются слѣдующими условіями: 1-е князь, соглашающійся на приглашеніе новгородцевъ, долженъ былъ присягать Новгороду, что будетъ управлять по старинѣ и по пошлинѣ (по обычаю); въ грамотахъ прямо пишется: «На семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду; на чемъ то цѣловали дѣды и отцы,—Новгородъ тебѣ держать по старинѣ и по пошлинѣ». 2-е условіе требуетъ, чтобы князь держалъ новгородскія волости, т. е. обширныя владѣнія Новгорода, которыя были за рубежемъ новгородской земли, начиная отъ Волока и Торжка, не иначе, какъ новгородскими мужами, а отнюдь не посылалъ туда своихъ правителей или намѣстниковъ, и пользовался отъ сихъ волостей только опредѣленными дарами, а не требовалъ даней со всего тамошняго края. Весь этотъ пространный край отъ Торжка до рѣки Оби и далѣе за Обь въ Сибири даже не платилъ дани новгородскому князю, а только давалъ опредѣленные дары и управлялся начальниками изъ новгородцевъ; да и новгородца князь не иначе могъ послать туда, какъ по согласію съ посадникомъ, какъ прямо писалось въ грамотахъ: «А безъ посадника, княже, тебѣ волостей не раздавати». 3-е условіе: князь не имѣлъ права ни судить, ни давать грамотъ, ни назначать въ должности по всѣмъ новгородскимъ владѣніямъ безъ участія посадника; всякое распоряженіе князя по новгородскому управленію тогда только имѣло силу и считалось законнымъ, когда оно сдѣлано по согласію съ посадникомъ; въ грамотахъ постоянно писалось: „А безъ посадника, княже, тебѣ суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ ти даяти". 4-е. Князь не имѣлъ права лишить власти выборнаго начальника по какому нибудь вѣдомству, не обвинивъ его и не доказавъ по суду вины, по которой онъ его лишаетъ власти: «А безъ вины мужа волости не лишити»,— обыкновенно пишется въ грамотахъ. 5-е. Князь не имѣлъ права отмѣнять прежде данныя грамоты и перевершать рѣшенныя дѣла. 6-е. Князь новгородскій не могъ ни судить новгородцевъ, ни дѣлать другихъ какихъ распоряженій относительно Новгорода внѣ Новгородской земли или въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ. 7-е. Княжіе судьи имѣли право ѣздить по новгородскимъ владѣніямъ, которыя имъ назначены, только около Петрова дня и должны были судить по новгородскимъ порядкамъ, а самосуда не замышлять и новыхъ судныхъ пошлинъ, неизвѣстныхъ въ Новгородѣ, не заводить. 8-е. Новгородъ обыкновенно уступалъ князю и его мужамъ опредѣленное пространство пахатной и сѣнокосной земли, и болѣе этой отведенной земли князь не имѣлъ права занимать въ свою пользу или въ пользу своихъ мужей. 9-е. Князь не имѣлъ права выводить людей изъ новгородскихъ владѣній въ свои отчинныя владѣнія, ни давать грамотъ, ни принимать закладниковъ; также ни князь, ни княгиня, ни княжескіе бояре и слуги не могли покупать селъ въ новгородскихъ владѣніяхъ, ни ставить слободъ и мытовъ на свое имя. 10-е. Князь не имѣлъ права затворять нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ, ни приставлять при-

става къ нѣмецкому двору, да и торговать съ нѣмцами долженъ былъ только чрезъ новгородцевъ, а не чрезъ своихъ людей. 11-е. Охотиться за кабанами князю предоставлялось право на 60 верстъ отъ Новгорода во всѣ стороны; на этомъ пространствѣ новгородцы неиначе могли охотиться, какъ доложа о томъ князю; далѣе же 60 верстъ всякій могъ охотиться, не спрашиваясь князя. 12-е. Въ Торжкѣ и Волокѣ князь имѣлъ право держать своего тіуна на своей части; но съ тѣмъ, чтобы въ тоже время былъ тамъ тіунъ и отъ Новгорода на своей части. 13-е. Гостямъ новгородскимъ князь обязывался давать полную свободу торговли, по всѣмъ своимъ отчиннымъ владѣніямъ съ платежемъ мытныхъ пошлинъ не болѣе какъ по двѣ векши съ воза, и съ ладьи, и съ хмѣльнаго и льнянаго короба. И наконецъ 14-е. Новгородцамъ всѣ княжія пошлины платить по старинѣ и по крестному цѣлованію и не скрывать, а князьямъ пошлинъ не прибавлять.

Такимъ образомъ всѣ условія, на которыхъ князь долженъ былъ владѣть Новгородомъ, сохранившіяся въ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотахъ, постоянно одинаковые впродолженіе болѣе двухъ сотъ лѣтъ и съ явнымъ указаніемъ, что таковыя же условія постоянно требовались и прежде, ясно опредѣляютъ положеніе князя въ Новгородѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ, почему ни одинъ князь не оставался постоянно новгородскимъ княземъ, хотя новгородцамъ этого очень хотѣлось, и они даже брали съ иныхъ князей клятву до смерти не оставлять Новгорода. Судя по этимъ условіямъ, князю просто не для чего было жить въ Новгородѣ; не даромъ древній Святославъ говорилъ новгородскому посольству, просившему у него князя: «Да кто къ вамъ пойдетъ». Здѣсь прямая и ясная разгадка всѣмъ спорамъ и войнамъ новгородцевъ со своими князьями. Условія княжеской власти въ Новгородѣ такъ были стѣснительны въ сравненіи съ условіями княжей власти въ другихъ владѣніяхъ Руси, особенно какъ она стала развиваться съ конца XII столѣтія, что ни одинъ русскій князь не могъ постоянно оставаться новгородскимъ княземъ; и въ тоже время всѣ сколько нибудь сильные русскіе князья желали владѣть Новгородомъ, какъ придачею къ своимъ отчиннымъ владѣніямъ, ибо съ Новгорода шли князю большіе доходы. Притомъ же каждый русскій князь ясно видѣлъ, по ходу дѣлъ въ Новгородѣ, что тамъ, не смотря на крайне стѣснительныя условіе по договорамъ, можно дѣлать многое при помощи сильной партіи, не обращая вниманія на договоры. Все это вело къ тому, что князья держались въ Новгородѣ только при помощи партій, и какъ скоро партія, поддерживающая князя, терпѣла пораженіе отъ соперниковъ, то и князь долженъ былъ немедленно оставлять Новгородъ, или противная партія предавала его суду и изгоняла силою, приглашая на его мѣсто другаго князя; здѣсь уже не принимались въ расчетъ никакія заслуги князя Новгороду, и самые усердные на пользу Новгорода князья, вмѣстѣ съ паденіемъ ихъ партіи, изгонялись точно такъ же, какъ и князья ни о чемъ болѣе не думавшіе, какъ о стѣсненіи новгородскихъ вольностей и о доставленіи выгодъ своей партіи, и даже послѣдніе нерѣдко держались долѣе первыхъ. Но сколько смутъ ни порождала въ Новгородѣ частая смѣна князей, тѣмъ не менѣе княжеская власть была необходимостью въ новгородскомъ устройствѣ; безъ князя новгородцы не могли оставаться на продолжительное время. Обстоятельства, вызвавшія нов-

городцевъ въ 862 году на приглашеніе Рюрика съ братьями, продолжали существовать во всѣ 616 лѣтъ, пока Новгородъ пользовался самостоятельностью и независимостью. Въ новгородскомъ устройствѣ верховная власть князя была необходимостью, безъ которой въ правительствѣ оставался ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ, такъ что новгородцы, порѣшивши изгнать одного князя, большею частью старались удерживать его у себя до тѣхъ поръ, пока не придетъ другой князь, приглашенный ими занять его мѣсто. И, не смотря на стѣснительныя условія, княжеская власть въ Новгородѣ въ дѣйствительности никогда не теряла того большаго значенія, какое она имѣла при Рюрикѣ, первомъ варяго-русскомъ князѣ, приглашенномъ въ Новгородъ; новгородцы, постоянно любившіе строго держаться старины, только заботились о томъ, чтобы княжеская власть въ ихъ землѣ, по возможности, не выходила изъ границъ, опредѣленныхъ первымъ приглашеніемъ, и не принимала того опаснаго для новгородской вольности развитія, которое постоянно возрастало въ другихъ владѣніяхъ Русской земли. А посему князь, державшійся договорныхъ условій и не нарушавшій ихъ, всегда могъ разсчитывать на преданность новгородцевъ; они усердно помогали ему во всѣхъ дѣлахъ и обыкновенно говорили такому князю: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы головами своими вержемъ». Такой князь пользовался вполнѣ властью, ему опредѣленною договорами; онъ былъ верховнымъ владыкою Новгорода, всѣ государственные акты писались отъ его имени, его намѣстники управляли городами въ Новгородской землѣ, его судьи ѣздили по всѣмъ владѣніямъ въ Новгородской землѣ; князь, по согласію съ вѣчемъ, велъ войну и заключалъ миръ, онъ былъ верховнымъ предводителемъ войскъ новгородскихъ, отъ его имени, не отъ имени Новгорода, отправлялись и принимались посольства. Князь имѣлъ право созывать вѣче и участвовать въ законодательствѣ, даже издавать законы отъ своего лица, если они не противорѣчили правамъ Новгорода. Приглашеннаго князя, при его принятіи, обыкновенно сажали на престолъ въ церкви св. Софіи; но князь не имѣлъ постояннаго двора въ самомъ Новгородѣ, его законное мѣстожительство было на городищѣ, за два поприща отъ Новгорода, гдѣ жила и княжеская дружина.

XLIV. ДОГОВОРНАЯ НОВГОРОДА СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ ЯРОСЛАВОМЪ ТВЕРСКИМЪ (1265).

Благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Михаила, отъ тысяцкаго Кондрата, и отъ всего Новгорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ князю Ярославу. На этомъ, князь, цѣлуй крестъ всему Новгороду, на этомъ цѣловали крестъ дѣды и отцы твои и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ держать тебѣ по старинѣ, по обычаю. Въ новгородскихъ волостяхъ тебѣ, князь, не держать мужей твоихъ, но держать мужей новгородскихъ, а получать тебѣ даръ отъ тѣхъ волостей. Безъ посадника тебѣ не раздавать волостей. Тѣхъ, которые получили волости и отъ брата твоего Александра или Димитрія, съ согласія новгородцевъ, волостей безъ вины не лишать. На Торжкѣ и на Волокѣ тебѣ, князь, держать твоего тіуна, а новгородца дер-

жать на своей части. Въ Бѣжицахъ, князь, ни тебѣ, ни твоей княгинѣ, ни твоимъ боярамъ, ни твоимъ дворянамъ селъ ни держать, ни покупать, ни принимать въ даръ, равно какъ и по всей Новгородской волости. А вотъ, князь, волости новгородскія: Волокъ съ волостями, Торжекъ, Бѣжицы, городокъ Паличъ, потомъ Мелѣча, Щапино, Егна, Вологда, Заволочье, Три, Пермь, Печера, Югра. А въ Русу тебѣ, князь, ѣздить на Озвадо охотиться за звѣремъ; въ Ладогу тебѣ посылать осетерника и медовара, по грамотѣ отца твоего Ярослава. Димитрій, съ согласія новгородцевъ, отдалъ на три года судъ бѣжичанамъ и обонежанамъ, и потому тебѣ туда судій не посылать. Изъ Бѣжицъ, князь, людей въ свою землю не выводить, равно какъ изъ иныхъ волостей новгородскихъ, ни грамотъ имъ не давать, ни закладниковъ не принимать, ни изъ смердовъ, ни изъ купцовъ. Тоже относится къ княгинѣ твоей, къ боярамъ твоимъ и къ дворянамъ твоимъ. Ты не долженъ мужа лишать волости безъ вины, не долженъ нарушать грамоты. Что затѣмъ, князь, назначено тебѣ и твоимъ мужамъ, то твое, а что отнялъ было твой братъ Александръ, то тебѣ не принадлежитъ. Отъ насилій, какія дѣлалъ твой братъ Александръ въ Новгородѣ, ты, князь, долженъ отказаться. Твоимъ дворянамъ и тіунамъ прогоны получать такъ, какъ это было прежде. На всемъ этомъ тебѣ, князь, крестъ цѣловать искренно въ присутствіи нашихъ пословъ, а мы тебѣ, господинъ князь, кланяемся. Что касается до торговыхъ пошлинъ и по твоей землѣ, и по иной волости, и по Суздальской землѣ, то ты, князь, долженъ получать по двѣ векши съ ладьи и съ воза, и отъ льна, и отъ хлѣбнаго короба. Дворяне твои по селамъ у купцовъ не должны брать подводы, развѣ въ военное время. Такъ, князь господинъ, пошло отъ твоихъ и нашихъ отцовъ и дѣдовъ и отъ отца твоего Ярослава.

XLV. СОСТАВЪ НОВГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Изъ соч. Бѣляева: «Исторія Новгорода Великаго съ древнѣйшихъ временъ»).

Населеніе Новгородской земли главнымъ образомъ состояло изъ двухъ элементовъ, финскаго и славянскаго; старожилами Новгородской земли были различныя финскія племена; пришельцами же, вторыми послѣ финновъ по старшинству,—славяне. Но, уступая въ старшинствѣ, славяне во всемъ другомъ превосходили финновъ. Славянами построенъ Новгородъ и всѣ города тамошняго края; славяне собственно устроили новгородское общество и сообщили ему то значеніе, которое онъ имѣетъ въ исторіи, ту силу и энергію, которыя сдѣлали Новгородъ господиномъ огромнѣйшихъ странъ отъ Финскаго залива до рѣки Оби. Финны были лишь сподручнымъ и удобнымъ матеріаломъ въ устройствѣ новгородскаго общества; двигателями же и руководителями въ устройствѣ его были славяне; ихъ языкъ и ихъ обычаи были господствующими въ обществѣ, хотя самое общество состояло не изъ однихъ славянъ. Господствовало же славянское племя не столько числительностью и матеріальною силою, которыя первоначально были на сторонѣ финновъ, сколько общественнымъ умомъ и предпріимчивостью, словомъ—нравственными силами. Славяне, пришельцы въ финской землѣ, не столько были

завоевателями въ матеріальномъ смыслѣ этого слова, сколько цивилизаторами; они не истребляли финновъ, не обращали ихъ въ рабство, не отнимали у нихъ земли, а только селились между ними; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что до позднѣйшихъ временъ новгородской исторіи, въ самый разгаръ могущества господина Великаго Новгорода, финскія племена, ижеры, води, корѣлы и другія жили свободно между новгородцами не только въ новгородской землѣ, но и въ самомъ Новгородѣ, и считались новгородцами наравнѣ съ славянами и въ общественныхъ дѣлахъ имѣли одинаковое право голоса, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самое важное общественное дѣло — призваніе варягорусскихъ князей, въ которомъ вмѣстѣ съ славянами участвовали и финны подъ именемъ чуди. Общественные интересы славянъ и финновъ слились до того, что въ новгородскомъ обществѣ и финны, и славяне считались совершенно одноправными, что на общемъ новгородскомъ вѣчѣ не только голосъ финна имѣлъ одинаковое значеніе съ голосомъ славянина, но что даже въ выборѣ на высшія должности разныхъ правителей не было разницы между финномъ и славяниномъ, и требовалось только одно, чтобы выбираемый былъ новгородскимъ гражданиномъ (на финское происхожденіе нѣкоторыхъ посадниковъ указываютъ посадничьи имена Неревина, Возована и т. п.).

Кромѣ главныхъ и основныхъ элементовъ, финскаго и славянскаго, въ новгородскомъ обществѣ были еще элементы варяжскій и литовскій. Элементы эти вошли въ новгородское общество позднѣе двухъ первыхъ; но и эти два элемента въ новгородскомъ обществѣ подчинились славянскому элементу и слились съ нимъ. Главною причиною обращенія литовцевъ и варяговъ въ славянъ въ новгородскомъ обществѣ былъ тотъ же коренной новгородскій законъ одноправности всѣхъ членовъ новгородскаго общества, который и финновъ претворилъ въ новгородцевъ. Новгородъ для всѣхъ равно отворялъ ворота своей земли, всѣхъ радушно принималъ, только бы пришельцы подчинились его законамъ; это одно условіе сглаживало всѣ разноплеменности въ новгородскомъ обществѣ и было одною изъ главныхъ причинъ могущества господина Великаго Новгорода, тянувшаго къ Новгороду людей со всѣхъ сторонъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и знатныхъ и безвѣстныхъ.

Указавши на основные элементы новгородскаго общества, укажемъ теперь на то, что выработалъ Новгородъ изъ этихъ элементовъ, претворивши ихъ въ одно крѣпко сплоченное общество, какую далъ имъ организацію и какъ размѣстилъ.

Новгородъ состоялъ изъ союза разныхъ общинъ: каждый конецъ, каждая улица составляли отдѣльную, самостоятельно организованную общину, въ которой были свои бояре, свои купцы и черные люди или людины; слѣдовательно, эти три главные класса новгородскаго общества, классъ бояръ, классъ купцовъ и классъ черныхъ людей, не были отдѣлены другъ отъ друга или изолированы, а, напротивъ, находились въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, какъ члены одного общества, были въ живыхъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, сообщавшихъ новгородскому обществу особый характеръ; но въ тоже время каждый классъ имѣлъ свое значеніе, дававшее ему особое мѣсто въ обществѣ на пользу цѣлаго общества. Чтобы уяснить, какое значеніе имѣли эти классы въ новгородскомъ обществѣ, мы прослѣдимъ каждый классъ

отдѣльно и покажемъ, какъ онъ образовался и въ какихъ отношеніяхъ находился къ другимъ классамъ и къ обществу.

Первый классъ въ новгородскомъ обществѣ составляли бояре; они въ Новгородѣ носили разныя названія: вящихъ людей, переднихъ людей, большихъ людей, т. е. считались лучшею, сильнѣйшею частью новгородскаго общества, аристократіею. Какъ и когда образовались большіе люди или бояре въ новгородскомъ обществѣ, на это мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ ни въ какихъ древнихъ памятникахъ; знаемъ только, что новгородцы постоянно раздѣлялись на большихъ и меньшихъ. Несомнѣнно, что большіе люди, владавцы, бояре, были въ Новгородѣ еще до Рюрика, такъ какъ еще передъ призваніемъ варяговъ въ лѣтописяхъ упоминается о созваніи старѣйшиной Гостомысломъ *владавцевъ* новгородской земли на разсужденіе о приглашеніи князей. Извѣстно, что въ Новгородѣ народъ, черные люди, меньшіе люди, не былъ безгласною массою, а принималъ дѣятельное участіе въ правленіи на вѣчѣ; слѣдовательно бояре, большіе люди, не были особымъ племенемъ побѣдителей, а принадлежали къ тому же племени, къ которому и остальные граждане, происходили изъ того же народа. Знаемъ еще, что въ Новгородѣ, при чисто общинномъ устройствѣ, каждая улица, каждый конецъ составляли свою общину: въ каждой же древней новгородской улицѣ были свои бояре, находившіеся въ тѣсной связи съ своими уличанами; слѣдовательно бояре происходили изъ уличанъ же, составляли съ ними одно и были только лучшими людьми изъ уличанъ. Древнѣйшими земскими боярами въ Новгородѣ, по всей вѣроятности, были богатые землевладѣльцы, имѣвшіе въ своей собственности большія поземельныя владѣнія, что и давало имъ преимущество передъ согражданами ихъ, которые, не имѣя средствъ пріобрѣсти участокъ земли въ полную собственность, должны были довольствоваться временнымъ пользованіемъ общинною землею, принадлежавшею всей новгородской общинѣ.

Частная поземельная собственность, образовавшая въ Новгородѣ классъ бояръ, сообщила этому классу и то высокое значеніе, которымъ онъ пользовался въ новгородскомъ обществѣ. Значеніе это, въ сущности одинаковое, представляло различные оттѣнки и степени развитія собственно въ Новгородѣ, въ той новгородской волости, гдѣ находилось поземельное имѣніе боярина, и въ самомъ имѣніи или вотчинѣ его. Въ собственномъ имѣніи или вотчинѣ землевладѣлецъ былъ полнымъ хозяиномъ, владыкою, и даже само имѣнье по-новгородски называлось не иначе, какъ волостью такого-то: волость Ананьина, волость Марѳы Борецкой и т. п. Здѣсь владѣлецъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ: заводилъ села, деревни, торжки, собиралъ вольныхъ охочихъ людей, давалъ имъ пашни и разныя угодья для обработки, налагалъ на нихъ по взаимнымъ условіямъ оброки и дани, даже судилъ этихъ людей, если они на такомъ условіи поступали къ нему въ службу, содержалъ военныя дружины изъ тѣхъ же охочихъ людей, кормилъ, поилъ, обувалъ и одѣвалъ ихъ на свой счетъ и дѣлалъ съ ними походы не только на сосѣднія земли, но иногда въ отдаленныя страны, если гдѣ провѣдывалъ, что можно нажиться грабежемъ или даже захватить выгодную землю. Такъ, напримѣръ, изъ новгородскихъ своихъ имѣній бояре ходили на добычу въ Заволочье, или въ Пермь, или въ Печеру. Хотя поземельныя имѣнія новгородскихъ бояръ были обильно разсыпаны по всѣмъ новго-

родскимъ владѣніямъ, но такъ какъ особенно много было сосредоточено богатыхъ и обширныхъ боярскихъ имѣній въ Заволочьѣ, на Двинѣ, Вагѣ и Онегѣ, то здѣсь, въ этомъ отдаленномъ краю, во всемъ своемъ разгарѣ дѣйствовала никѣмъ не стѣсняемая власть бояръ землевладѣльцевъ въ своихъ имѣніяхъ. Сюда они выводили колоніи своихъ кліентовъ ратниковъ, строили тамъ городки, слободы и деревни, здѣсь они съ своими дружинами ратниковъ, собранными изъ всякихъ выходцевъ, отнимали земли у туземныхъ финновъ и отважно разгоняли ихъ нестройныя и пугливыя толпы; въ этомъ-то дикомъ краю выработывались чудные типы новгородскихъ бояръ воителей, въ родѣ боярина Ставра, о которомъ древнія былины разсказываютъ, что „чудь бѣлоглазая трепетала отъ одного его зычнаго голоса"; здѣсь-то складывались тѣ желѣзные, самовластные характеры новгородскихъ бояръ, увлекавшихъ за собою толпу и нерѣдко производившихъ смуты въ самомъ Новгородѣ, куда они иногда являлись съ дружинами своихъ ратниковъ.

Власть, развиваемая боярами до крайнихъ предѣловъ самовластія въ своихъ собственныхъ поземельныхъ имѣніяхъ, не останавливалась на рубежахъ этихъ имѣній, а, напротивъ, распространялась и на цѣлую область или страну, въ которой находились ихъ имѣнія. Конечно, за рубежемъ собственныхъ имѣній боярская власть дѣлалась гораздо слабѣе и принимала закономъ опредѣленныя формы, она тамъ не была уже самовластіемъ; но тѣмъ не менѣе бояре землевладѣльцы имѣли высокое значеніе въ цѣломъ краю, гдѣ находились ихъ поземельныя владѣнія, они тамъ, подъ именемъ скотниковъ и помужниковъ, имѣли вліяніе и на тѣ земли края, которыя не составляли ихъ поземельной собственности, такъ что участвовали въ распоряженіяхъ объ отдачѣ этихъ земель въ частное владѣніе и сообщеніи имъ разныхъ льготъ. Бояре землевладѣльцы въ томъ краю, гдѣ находились ихъ имѣнія, являлись какою-то особенною, еще неопредѣленною, земскою властью, стоящею рядомъ съ властью присылаемыхъ изъ Новгорода посадниковъ и другихъ правителей. Власть, сообщавшаяся новгородскимъ боярамъ поземельными владѣніями въ провинціяхъ или колоніяхъ, сообщала имъ могущество и власть въ самомъ Новгородѣ, гдѣ они прежде всего являлись представителями той улицы или того конца, въ которомъ они жили въ самомъ Новгородѣ, такъ что древнія новгородскія улицы нерѣдко носили названіе того боярскаго рода, который принадлежалъ къ той или другой улицѣ, напримѣръ: Добрынина улица, Чудинцова улица. Кромѣ того уличанскіе бояре находились въ такой тѣсной связи съ своими уличанами, что обидѣть улицу или уличанина, значило обидѣть тѣ боярскіе роды, которые принадлежали къ улицѣ, и, наоборотъ, обидѣть который либо изъ этихъ родовъ, значило обидѣть всю улицу; а посему какъ бояре поддерживали и защищали своихъ уличанъ, такъ въ свою очередь уличане поддерживали и защищали своихъ уличанскихъ бояръ; такъ что новгородскія лѣтописи не рѣдко представляютъ извѣстія о побоищахъ одной улицы съ другою, гдѣ улица поголовно идетъ съ оружіемъ на защиту своего боярина, или мститъ его обиду, и иногда бьется по нѣскольку дней съ своими противниками. Вообще уличанскій бояринъ имѣлъ большое вліяніе въ своей улицѣ и по своей волѣ могъ вести уличанъ, куда хотѣлъ, и почти всѣ свои замыслы въ самомъ Новгородѣ приводилъ въ исполненіе главнымъ образомъ при помощи сво-

ихъ уличанъ и потомъ однокончанъ; но здѣсь власть боярина преимущественно держалась на сочувствіи уличанъ: бояринъ, возбудившій къ себѣ нерасположеніе своихъ уличанъ, не имѣлъ ни права, ни средствъ заставить ихъ, чтобы они дѣйствовали въ его пользу. Сочувствіе же уличанъ къ боярину опредѣлялось сколько характеромъ боярина, столько, или еще даже больше, богатствомъ его владѣній на сторонѣ, гдѣ нибудь въ Заволочьѣ, или въ другомъ краю новгородскихъ волостей; слѣдовательно и успѣхи бояръ въ Новгородѣ обусловливались богатствомъ и успѣхами въ волостяхъ. Уличане, такъ сказать, льнули къ боярину, извѣстному своею предпріимчивостью и обширностью и богатствомъ владѣній на сторонѣ, ибо надѣялись отъ него не только успѣшнаго покровительства и защиты, но и прямыхъ выгодъ. Богатый бояринъ, владѣлецъ большихъ имѣній, могъ доставлять своимъ уличанамъ выгодныя порученія по управленію своими дѣлами, покупать у нихъ необходимыя въ хозяйствѣ произведенія ихъ промышленности для отправленія въ свои имѣнія. А что всего болѣе дѣйствовало на толпу, бояринъ, пріѣзжая изъ своихъ отъѣзжихъ имѣній, поражалъ согражданъ блескомъ богатства, многочисленностью прислуги и обильными угощеніями уличанъ при наборѣ ратниковъ. Наборъ охотниковъ въ ратники какого-либо богатаго уличанскаго боярина составлялъ настоящій праздникъ для безпокойной уличанской молодежи въ Новгородѣ, и не только молодежи, но и всѣхъ удальцовъ; тутъ, по словамъ народной былины о Васькѣ Буслаевѣ, разсылались ярлыки скорописчаты, приглашались молодцы къ боярину пить, ѣсть готовое, носить платье разноцвѣтное съ одного плеча съ бояриномъ, тутъ выставлялись чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, съ брагой хмѣльною, отворялись ворота на широкій дворъ, и гуляли охотники на весь Новгородъ во славу тороватаго боярина, пили, ѣли до отвалу нѣсколько дней сряду, и потомъ, поступившіе въ ратники, вооруженные и снаряженные какъ слѣдуетъ, отправлялись въ походъ. Два, три такихъ набора охотниковъ, особенно если походы боярина были удачны и ратники воротились домой съ большими добычами, дѣлали боярина любимцемъ народа, и его вліяніе и даже власть надъ улицею чуть не равнялись его власти въ собственныхъ имѣніяхъ; онъ не въ продолжительномъ времени получалъ отъ вѣча самыя важныя порученія. Такъ, напримѣръ, молодой бояринъ Александръ Аббакумовичъ, послѣ двухъ своевольныхъ походовъ съ повольниками на Волгу въ 1372 году, получилъ отъ вѣча главное начальство надъ новгородскимъ войскомъ, отправленнымъ на защиту Торжка. Необходимымъ, чисто историческимъ слѣдствіемъ обширности поземельныхъ боярскихъ владѣній и соединеннаго съ ними богатства и вліянія на общество было то, что бояре въ Новгородѣ постоянно держали въ своихъ рукахъ все управленіе Новгородомъ и всѣ выборныя власти, такъ что при всѣхъ перемѣнахъ посадниковъ, тысяцкихъ и другихъ важныхъ сановниковъ выборъ всегда падалъ на того или другаго боярина, и всѣ эти перемѣны выражали только споръ немногихъ боярскихъ фамилій, изъ которыхъ то та, то другая то падала, то возвышалась. И даже можно прослѣдить, какъ однѣ фамиліи замѣнялись другими въ извѣстные періоды времени, и какъ постепенно въ позднѣйшее время новгородской исторіи боярскія фамиліи рѣзче и рѣзче отдѣляли свои интересы отъ интересовъ народа, постоянно поддерживаемые сосѣдними князьями,

которые, начиная съ Юрія Долгорукаго, неуклонно держались одной политики, чтобы владѣть Новгородомъ при помощи своихъ сторонниковъ изъ новгородскихъ бояръ, и мало по малу довели дѣло до того, что новгородскіе бояре, продавая свое отечество князьямъ, совершенно разошлись съ народомъ и въ XV столѣтіи такъ стали тѣснить его, что великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, перемѣнивъ политику своихъ предшественниковъ и принявъ подъ свою защиту народъ, обижаемый боярами, безъ большихъ затрудненій овладѣлъ Новгородомъ, переловилъ большую часть бояръ и переселилъ ихъ въ московскія владѣнія, а народъ, разумѣется, не вступился, какъ нужно было, за своихъ притѣснителей. Члены семействъ посадничьихъ и боярскихъ назывались въ Новгородѣ сыновьями или дѣтьми посадничьими и боярскими чисто въ семейномъ значеніи, т. е. пока они были еще подъ властью отца; но какъ скоро выдѣлялись изъ семьи и дѣлались самостоятельными, то съ тѣмъ вмѣстѣ теряли названіе дѣтей или сыновей и назывались просто боярами, также какъ и ихъ отцы; но они отнюдь не составляли особаго класса, какъ боярскіе дѣти въ другихъ краяхъ Русской земли, ибо въ Новгородѣ бояре всегда составляли классъ, а не чинъ, какъ въ Москвѣ; тамъ сыновья бояръ, по самому рожденію своему, были уже боярами, когда дѣлались самостоятельными, независимыми отъ отцовъ, выдѣлялись изъ отцовскаго семейства. Всѣ лѣтописныя извѣстія о посадничьихъ и боярскихъ дѣтяхъ въ Новгородѣ прямо свидѣтельствуютъ, что значеніе боярскихъ и посадничьихъ дѣтей тамъ было чисто семейное, а не государственное.

Впрочемъ и въ Новгородѣ былъ особый классъ гражданъ съ служебнымъ значеніемъ, соотвѣтствовавшій боярскимъ дѣтамъ, какъ понималось это слово въ Москвѣ во 2-й половинѣ XVI столѣтія; только у новгородцевъ этотъ классъ назывался не боярскими дѣтьми, а гридями или гридьбою. Гридями называются люди, состоящіе на службѣ и получающіе жалованье отъ новгородскаго посадника; конечно, гриди первоначально составляли княжью дружину, назначаемую состоять при новгородскомъ посадникѣ, ибо прежде и сами посадники присылались отъ князя, какъ его слуги. Но когда посадники изъ княжихъ слугъ превратились въ выборныхъ отъ народа, то съ тѣмъ вмѣстѣ и гриди сдѣлались земскимъ постояннымъ войскомъ, хотя и не перемѣнили своего прежняго названія, и, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, мы уже встрѣчаемъ ихъ въ числѣ земскихъ людей во второмъ разрядѣ послѣ бояръ. Впослѣдствіи названіе гридьба, гриди, не встрѣчается въ новгородскихъ извѣстіяхъ, а, напротивъ, появляется другое названіе—земецкіе люди, съ тѣмъ же характеромъ, какъ и гриди; слѣдовательно въ XIV и XV столѣтіяхъ гриди стали называться въ Новгородѣ земецкими людьми, или, какъ въ другихъ краяхъ Руси, помѣщиками оттого, что они, по тогдашнему общему на Руси обычаю, получали за службу вмѣсто жалованья землю, и отъ этой то данной вѣчемъ земли, съ условіемъ нести военную службу, они вмѣстѣ съ тѣмъ получали сперва значеніе земскаго класса, а потомъ и стали называться земецкими людьми и даже своеземцами, потому что получали землю отъ Новгорода въ собственность.

Послѣ бояръ и гридей, составлявшихъ какъ бы двѣ степени одного класса, въ Новгородѣ слѣдовали купцы, какъ отдѣльный самостоятельный класъ новгородскаго общества съ своимъ управленіемъ, съ своими

начальниками и съ своими правами, и принимавшій дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода. Въ Новгородѣ торговать никому не запрещалось, торговать могъ всякій—и князь, и бояринъ, и людинъ; но тѣмъ не менѣе купцы не смѣшивались съ другими классами общества; чтобы быть настоящимъ купцомъ, требовались особыя условія. Чтобы быть *пошлымъ*, настоящимъ купцомъ, нужно было принадлежать къ какой либо купеческой общинѣ; а каждая купеческая община составляла собою самостоятельное организованное цѣлое: она имѣла свой капиталъ, свое начальство, свой судъ и управленіе, свою печать. Купцы въ Новгородѣ, принадлежа по мѣсту жительства къ какой либо улицѣ или концу и состоя членами конца или улицы вмѣстѣ съ боярами и людинами, въ тоже время составляли свои общины, которыя въ XIII столѣтіи уже назывались сотнями. Чтобы попасть въ члены какой либо новгородской купеческой общины, нужно было непремѣнно вложить опредѣленную долю въ общинный капиталъ, именно не менѣе 50 гривенъ серебра, или около 40 фунтовъ серебра на нынѣшній вѣсъ; такой взносъ давался только однажды при самомъ вступленіи въ общину, и послѣ этого внесшій оставался навсегда *пошлымъ* купцомъ не только самъ, но и его потомство. Только такіе члены купеческой общины, или *пошлые* купцы, составляли настоящее новгородское купечество, выбирались въ старосты своей общины и имѣли право на участіе въ правленіи и судѣ по торговымъ дѣламъ своей общины. Каждая купеческая община въ Новгородѣ имѣла свою контору, называвшуюся общиною, гдѣ хранился общественный капиталъ; этою конторою завѣдывали выборные старосты общины. Ихъ полагалось пятеро; имъ принадлежали судъ и управа по торговымъ дѣламъ и защита членовъ своей общины, такъ что, въ случаѣ обиды *пошлаго* купца, его защищала та община или сотня, къ которой онъ принадлежалъ; она въ случаѣ нужды отвѣчала за него, и его никто не могъ взять безъ дозволенія сотскаго, или главнаго выборнаго начальника общины.

Въ Новгородѣ, какъ государствѣ по преимуществу торговомъ, купцы, какъ богатый и хорошо организованный классъ общества, пользовались большимъ уваженіемъ и принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Голосъ купцовъ на вѣчѣ имѣлъ большое значеніе: по ихъ настоянію нерѣдко начиналась и прекращалась война. И тѣмъ сильнѣе былъ голосъ купцовъ на вѣчѣ, что въ Новгородѣ и бояре занимались торговлею, слѣдовательно, у нихъ нерѣдко были одни интересы съ купцами. Кромѣ сильнаго голоса въ общественныхъ дѣлахъ, они 1) лично участвовали въ военныхъ походахъ и, конечно, были не плохими воинами; ибо тогдашняя торговля съ полудикими племенами и по пустынямъ и рѣкамъ, нерѣдко занятымъ разбойниками, была тѣсно связана съ военнымъ ремесломъ. Купеческій караванъ обыкновенно отправлялся въ походъ вооруженнымъ, и здѣсь купцы только въ своей отвагѣ и ловкости находили обезпеченіе своей безопасности. Лѣтописи представляютъ не мало свидѣтельствъ объ участіи новгородскаго купечества въ военныхъ походахъ. 2) Купцы участвовали въ переговорахъ Новгорода съ русскими князьями о правахъ князей. Князь, желая условиться съ новгородцами, на какихъ правахъ владѣть ему Новгородомъ, обыкновенно приглашалъ для переговоровъ бояръ и купцовъ. 3) Лучшіе купцы вмѣстѣ

съ боярами правили посольства и къ русскимъ князьямъ, и къ нѣмцамъ, ѣздили приглашать князей въ Новгородъ и вели переговоры. 4) Купцы участвовали вмѣстѣ съ боярами въ высшемъ новгородскомъ судѣ, или, какъ говорилось тогда у новгородцевъ, «у докладу во владычнѣ комнатѣ».

Новгородское купечество издавна раздѣлялось на вящихъ или лучшихъ, зажиточнѣйшихъ купцовъ, и просто на купцовъ. Съ XIV вѣка вящіе, богатѣйшие купцы назывались житьими людьми.

Купцы въ Новгородѣ и въ новгородскихъ пригородахъ были и значительными землевладѣльцами, имѣли иногда довольно большія вотчины и волости какъ въ новгородской землѣ, такъ и въ новгородскихъ волостяхъ, особенно въ Заволочьѣ по Двинѣ, Онегѣ, по бѣломорскому поморью и въ Перми, гдѣ въ ихъ владѣніи находились богатѣйшія соляныя варницы и разные морскіе промыслы. По богатствамъ своимъ, купцы соперничали съ боярами; но, будучи сильно заняты своими частными промыслами, они, должно быть, не настолько принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, насколько бояре, и по этому они далеко не имѣли того значенія въ управленіи Новгородомъ, какое имѣли бояре: изъ купцовъ мы не встрѣчаемъ ни посадниковъ, ни тысяцкихъ, ни другихъ высшихъ сановниковъ. Вообще во всѣхъ чисто политическихъ движеніяхъ купцы являлись на второмъ планѣ, видная же роль народныхъ двигателей въ Новгородѣ всегда принадлежала боярамъ.

Третій классъ жителей Новгорода и всѣхъ его владѣній составляли черные люди; къ этому классу принадлежали какъ городскіе, такъ и сельскіе жители низшаго разряда, иначе называемые меньшими людьми. Сюда въ городахъ относились: 1) торговцы не записанные членами ни въ одну купеческую общину, или, иначе, *не пошлые* купцы, занимавшіеся мелочнымъ торгомъ; 2) ремесленники и 3) разные чернорабочіе люди, жившіе трудами рукъ своихъ. Въ селахъ же къ чернымъ людямъ принадлежали земледѣльцы и другіе сельскіе промышленники, жившіе на земляхъ, принадлежащихъ общинамъ или частнымъ землевладѣльцамъ, а можетъ быть, и мелкіе землевладѣльцы собственники изъ сельскихъ промышленниковъ и земледѣльцевъ. Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, непремѣнно тянули къ какой либо городской черной сотнѣ или сельской общинѣ, къ погосту, избѣ и непремѣнно должны были имѣть осѣдлость, т. е. домъ и извѣстную долю городской или сельской земли, что въ городахъ называлось дворомъ, а въ селахъ обжею. Только домохозяинъ, владѣлецъ опредѣленнаго двора, считался гражданиномъ какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ пригородахъ; равнымъ образомъ и въ селахъ только тотъ признавался членомъ той или другой сельской общины, кто владѣлъ извѣстною долею общинной земли или обжею. Люди же, не имѣющіе опредѣленной доли общинной земли, или не причисленные ни къ какой общинѣ, назывались изгоями и оставались въ этомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не получали опредѣленной доли земли и не причислялись къ какой либо общинѣ. Въ Новгородѣ въ XIII столѣтіи даже были особыя двѣ улицы для изгоевъ; но улицы эти не составляли самостоятельныхъ общинъ, имѣвшихъ свое управленіе чрезъ старостъ или сотскихъ и свой голосъ на вѣчѣ, а состояли подъ покровительствомъ церкви, какъ люди безпріютные и не имѣющіе своего голоса въ новгородскомъ обществѣ. Самыя улицы или слободы изгоевъ,

по всему вѣроятію, были устроены на церковной землѣ, ибо въ уставѣ изгойскія слободы обозначены по обоимъ концамъ епископской улицы. Очевидно, что церковь, какъ покровительница изгоевъ, давала имъ свою землю для поселенія, какъ людямъ, не имѣющимъ земли ни въ одной общинѣ и, по законамъ новгородскимъ, не могшимъ управляться своими выборными начальниками. Въ селахъ также изгои имѣли особыя поселенія, отдѣльно отъ сельскихъ общинъ и, вѣроятно, на церковныхъ земляхъ и подъ покровительствомъ церкви, для которой, конечно, они обязаны были дѣлать разныя послуги и, можетъ быть, обработывать на нее землю. Но не всѣ изгои были на церковныхъ земляхъ, они могли жить и у мірскихъ людей въ услуженіи подъ именемъ или работниковъ, казаковъ или подсусѣдниковъ и захребетниковъ.

Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, будучи членами своихъ общинъ, считаясь полноправными людьми въ новгородскомъ обществѣ и въ Новгородѣ, равно какъ и въ пригородахъ, имѣли своихъ представителей и свой голосъ на вѣчахъ. Они несли всѣ общественныя обязанности наравнѣ съ боярами и купцами, разумѣется, только въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ они были меньшими людьми и имѣли меньше средствъ; ибо въ новгородскомъ государствѣ раскладка всѣхъ повинностей и податей производилась по капиталамъ, приносящимъ хозяину доходъ, а не по головамъ. Въ селахъ точно также крестьянскія общины имѣли своихъ старостъ и свое земское управленіе и судъ, и каждый членъ общины, каждый домохозяинъ, имѣлъ голосъ на сельскомъ вѣчѣ или сходкѣ и участвовалъ въ выборѣ общинныхъ начальниковъ, въ раскладкѣ податей и другихъ общественныхъ дѣлахъ.

Но черныя общины, какъ городскія, такъ и сельскія, будучи меньшими, младшими, почти всегда подчинялись старѣйшимъ, т. е. боярамъ и купцамъ, и шли за ними. Такъ, въ Новгородѣ и въ пригородахъ, какъ мы уже видѣли, каждая улица и каждый конецъ имѣли своихъ бояръ и своихъ купцовъ, съ которыми за одно дѣйствовали и черные люди въ общественныхъ дѣлахъ; даже по закону черные люди въ уличанскихъ общинахъ не имѣли своихъ выборныхъ изъ своего класса старостъ, а подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь городъ изъ бояръ, слѣдовательно, были поставлены и по закону въ нѣкоторую зависимость отъ своихъ старѣйшихъ уличанъ. Въ селахъ же большая часть крестьянскихъ поселеній была на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ, бояръ или купцовъ; слѣдовательно, тамошнія черныя общины уже по самой землѣ были въ большей или меньшей зависимости отъ своихъ землевладѣльцевъ вотчинниковъ. Вообще въ Новгородѣ, гдѣ по преимуществу всѣмъ завѣдывала аристократія, черные или меньшіе люди хотя и были полноправными и принимали дѣятельное участіе на общемъ вѣчѣ, тѣмъ не менѣе состояли въ большой зависимости отъ старшихъ, отъ бояръ и частью отъ купцовъ. Но эта зависимость не столько была юридическая, установленная закономъ, сколько нравственная, основанная на довѣріи младшихъ къ старшимъ, и бытовая или экономическая, по которой бѣдные глядѣли изъ рукъ у богатыхъ. Впрочемъ, эта зависимость не мѣшала младшимъ возставать на старшихъ и заявлять свои права, какъ скоро старшіе нарушали довѣріе какими либо неправдами и сильными притѣсненіями.

Собственно юридическія, закономъ опредѣленныя права меньшихъ или черныхъ людей въ Новгородѣ относительно общественныхъ дѣлъ были почти одинаковы съ правами старшихъ или вящихъ людей. 1. Меньшіе или черные люди на вѣчѣ имѣли такое же участіе, какъ и вящіе люди; ихъ голосъ имѣлъ такую же силу, какъ и голосъ вящихъ или старѣйшихъ, и, при несогласіи меньшихъ съ большими, вѣче распадалось и составлялось два вѣча, и дѣло кончалось или битвой на улицахъ, или умиротворительнымъ вмѣшательствомъ владыки и духовенства, которое въ такомъ случаѣ выходило въ полныхъ облаченіяхъ, съ церковными хоругвями, иконами и крестами; слѣдовательно—въ обоихъ случаяхъ взаимнымъ согласіемъ большихъ и меньшихъ; но одни большіе безъ меньшихъ не могли держать вѣча и рѣшать дѣло. 2. Меньшіе вмѣстѣ съ большими участвовали въ защитѣ новгородской земли и во всѣхъ военныхъ походахъ. Представители меньшихъ, наравнѣ съ представителями большихъ, вели переговоры съ сосѣдними князьями, участвовали въ посольствахъ, и даже договорныя грамоты Новгорода заключались отъ имени большихъ и меньшихъ. Впрочемъ, какъ мы уже видѣли, юридическая однoправность меньшихъ съ большими не избавляла первыхъ отъ зависимости, и хотя большіе ни на одномъ вѣчѣ не могли провести закона, который бы уменьшилъ или уничтожилъ равноправность черныхъ людей, тѣмъ не менѣе всегда находили средства руководить черными людьми по своимъ видамъ, такъ что, при всякомъ возстаніи черныхъ людей на бояръ, или большихъ людей, борьба кончалась тѣмъ, что черный народъ поражалъ одну боярскую партію и въ тоже время подчинялся другой, также боярской, партіи.

Исчисленные нами три класса новгородскихъ гражданъ: бояре, купцы и черные люди, еще не даютъ полнаго понятія о составѣ новгородскаго общества; за этими классами была еще огромная масса новгородскихъ людей, состоящихъ подъ новгородскимъ закономъ, пользующихся полными правами личности, но въ тоже время имѣющихъ свои особенности, по которымъ они вполнѣ не причислялись къ помянутымъ тремъ классамъ. Особенности эти главнымъ образомъ состояли въ томъ, что эта масса новгородскихъ людей не имѣла по закону никакой общественной организаціи, не несла никакихъ общественныхъ обязанностей отъ своего имени; въ этой массѣ были и свои богачи, и свои бѣдняки, она собственно состояла изъ двухъ разрядовъ людей: изъ вольныхъ людей и повольниковъ.

Вольными людьми въ Новгородѣ назывались тѣ, которые не состояли членами ни въ какой общинѣ, и потому не несли никакихъ общинныхъ обязанностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, не пользовались и тѣми правами, которыя община даетъ своимъ членамъ. Вольный человѣкъ состоялъ только подъ покровительствомъ новгородскихъ законовъ, которые защищали его отъ обидъ; онъ могъ требовать суда и защиты, когда кто его обижалъ, а равнымъ образомъ и самъ отвѣчалъ передъ закономъ, когда являлся нарушителемъ чьихъ либо правъ; далѣе этого отношенія вольнаго человѣка къ власти и закону не простирались. Ему была предоставлена полная свобода заниматься, чѣмъ хочетъ, жить, какъ знаетъ, и тамъ, гдѣ его примутъ, для него была открыта вся новгородская земля и новгородскія волости; онъ имѣлъ полное право странствовать изъ края въ край по всѣмъ новгородскимъ владѣніямъ и, пока не

хотѣлъ этого самъ, не былъ привязанъ ни къ одной новгородской мѣстности, ежели онъ самъ не принялъ на себя обязанности жить у какого либо домохозяина.

Къ вольнымъ людямъ, во-первыхъ, принадлежали всѣ младшіе члены семействъ, не выдѣлившіеся еще изъ семьи и состоящіе подъ властью родителей, или того старшаго родственника, котораго семья признала своимъ домохозяиномъ; они оставались на правахъ вольныхъ людей до тѣхъ поръ, пока не поступали въ члены общины, не дѣлались самостоятельными домохозяевами. Таковое положеніе было одинаково для младшихъ членовъ, какъ въ богатыхъ семействахъ, такъ и въ бѣдныхъ; и сынъ богатаго боярина, одинакозо съ сыномъ бѣднаго, селянина считался вольнымъ человѣкомъ, пока не сдѣлался самостоятельнымъ домохозяиномъ; общество и законъ не признавали его еще бояриномъ, а только пока сыномъ боярина, и посему онъ не считался еще членомъ новгородскаго общества, и ни вѣче, ни власти, поставленныя вѣчемъ, не имѣли къ нему отношеній. Второй разрядъ вольныхъ людей составляли люди, уже выдѣлившіеся изъ родительскихъ семействъ, но не поступившіе въ члены ни въ одну общину и не имѣющіе ни земли, ни домохозяйства отъ своего имени; это были почти сплошь бѣдняки или люди, начинающіе только разживаться. Одни изъ нихъ ходили изъ края въ край новгородской земли, питаясь ручною работою и разными мастерствами, какія кто зналъ: кто ходилъ по селамъ учить ребятишекъ грамотѣ, кто читалъ псалтырь надъ покойниками, кто портняжничалъ и переходилъ съ своимъ мастерствомъ изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню, кто промышлялъ другимъ какимъ ремесломъ, кто присоединялся къ той или другой бродячей ватагѣ скомороховъ и таскался съ ними по городамъ и селамъ, плясалъ, пѣсенничалъ, игралъ на гудкѣ или на другомъ какомъ инструментѣ и занималъ любителей веселья прибаутками и другими скоморошьими продѣлками, и тѣмъ добывалъ себѣ деньгу и кормился. Это большею частью былъ самый буйный и безпокойный отдѣлъ вольныхъ людей въ Новгородѣ: отсюда выходили отчаянные пьяницы и гусляки, кулачные бойцы, непрошенные посѣтители чужихъ кармановъ и сундуковъ; отсюда выходили отчаянные молодцы, поджидавшіе путниковъ и обозы по лѣсамъ и большимъ дорогамъ; это былъ собственно произвольный и неугомонный пролетаріатъ Новгорода, самый горючій матеріалъ для всѣхъ возможныхъ мятежей и безпорядковъ.

Но, къ счастію Новгорода, эта бродячая и буйная масса людей далеко не вся оставалась постоянно въ своемъ безпріютномъ положеніи. Наибольшая часть этой неугомонной вольницы, перебѣсившись и наскучивъ своею безпріютною и бродячею жизнью, съ лѣтами старалась гдѣ нибудь пріютиться и осѣсться, и такимъ образомъ поступала во второй отдѣлъ втораго разряда вольныхъ людей; иные дѣлались работниками у зажиточныхъ хозяевъ, другіе поступали въ подсусѣдники и захребетники; они хотя попрежнему не были членами общины и не несли никакихъ общинныхъ обязанностей и были людьми вольными, но за нихъ отвѣчали въ общину хозяева, и они уже могли имѣть свои дворы и свои участки земли на имя хозяина и обзаводиться своимъ хозяйствомъ; ихъ положеніе было уже не прежнее безпріютное и бродячее; они уже были недалеки отъ того, чтобы поступить въ члены общины, и община, ежели находила ихъ людьми мирными и заботящимися о хозяйствѣ, всегда охотно

принимала ихъ, какъ людей уже извѣстныхъ, надѣляла участками земли и на первые годы съ значительными льготами въ податяхъ и въ повинностяхъ. Наконецъ у Новгорода было и еще средство и очень важное избавляться отъ буйной вольницы: это средство составляло повольничество, куда большею частью сбывалась самая буйная и неугомонная молодежь, которая не успѣла еще перебѣситься и приладиться къ мирной трудовой жизни, и которая, по характеру своему или по обстоятельствамъ жизни, безъ повольничества долго еще не могла бы придти въ себя, отрезвиться и полюбить мирный трудъ.

Повольничество было одно изъ древнѣйшихъ учрежденій Новгорода, не знакомое другимъ славянскимъ племенамъ на Руси. Общество повольниковъ еще не было новгородскою общиною, а составляло только дружину, въ которой члены были связаны другъ съ другомъ одними личными отношеніями, обѣщаніемъ стоять другъ за друга и клятвою или ротою—не измѣнять дружинѣ ни въ какихъ опасностяхъ, не выдавать товарищей; постоянныхъ же имущественныхъ отношеній у нихъ еще не было, ибо ни одна дружина повольниковъ не имѣла своей земли. Въ повольники легко и безпрепятственно могъ поступить каждый вольный человѣкъ, не связанный съ общиной, и богатый, и бѣдный, и изъ боярской или купеческой фамиліи, и изъ черныхъ людей; не спрашивалось ни о состояніи, ни о происхожденіи пришельца, а требовались только сила, ловкость и охота; поэтому дружины повольниковъ обыкновенно составлялись изъ самой буйной и неугомонной молодежи, которая не знала, куда дѣваться съ своею силою и молодечествомъ. Предводителями и собирателями повольничьихъ дружинъ преимущественно были сыновья богатыхъ бояръ и купцовъ новгородскихъ, которые бы могли хорошо вооружить и на первое время содержать дружину на свой счетъ. Но случалось, что собирали дружины повольниковъ и люди не очень богатые, впрочемъ только въ такомъ случаѣ, когда собиратель уже не разъ бывалъ въ отдаленныхъ походахъ и прославился подвигами своего удальства и молодечества, когда о его удали уже пѣлись пѣсни скоморохами. Къ таковому молодцу и богатая молодежь охотно шла въ ротники, и даже сами отцы этой молодежи помогали ему своими матеріальными средствами на содержаніе дружины, ибо видѣли въ немъ надежнаго руководителя своихъ сыновей въ дальнихъ и опасныхъ странствованіяхъ. Повольничество, хотя и было иногда соединено и съ грабежами, и съ разбойничествами, и разными буйствами, не только не считалось безчестнымъ, но и пользовалось большимъ уваженіемъ у новгородцевъ. Какъ въ Скандинавіи викингамъ, такъ въ Новгородѣ повольникамъ пѣлись даже пѣсни, въ которыхъ прославлялись ихъ удалые подвиги. И молодые люди изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій, достигнувъ осьмнадцати или двадцатилѣтняго возраста, другъ передъ другомъ спѣшили собирать дружины удалыхъ молодцовъ и съ ними пробовать свою удаль гдѣ нибудь на чужой сторонѣ, въ древности на Варяжскомъ морѣ, а попозднѣе на Волгѣ, или на берегахъ студенаго моря.

И дѣйствительно повольникъ, хотя иногда и грабилъ, и убивалъ людей и былъ страшенъ для купеческихъ каравановъ, тѣмъ не менѣе, по тогдашнимъ понятіямъ, не былъ безчестнымъ разбойникомъ и пьянымъ головорѣзомъ, котораго бы нельзя принять и въ порядочномъ обществѣ и стоило только сбросить съ Волховскаго моста или вздернуть на висѣ-

лицу. Напротивъ того, отъ новгородскаго повольника требовалось, чтобы онъ былъ человѣкомъ образованнымъ по тогдашнимъ понятіямъ, ловкимъ, учтивымъ и умѣющимъ вести себя съ достоинствомъ въ какомъ угодно обществѣ; повольникъ долженъ былъ горячо любить родину и заботиться о славѣ господина Великаго Новгорода, онъ долженъ былъ быть великодушнымъ и защищать несчастныхъ людей отъ обидъ и притѣсненій; разумѣется, это великодушіе должно было оказывать къ русскимъ людямъ, православнымъ христіанамъ, а отнюдь не къ бусурманамъ.

Повольники большею частью и грабительство, и буйство оставляли на чужой сторонѣ, домой же приносили тѣ выгоды, которыя доставляло повольничество. Съ одной стороны, повольники, предоставленные самимъ себѣ, съ раннихъ лѣтъ пріучались дѣйствовать самостоятельно: привыкши лицомъ къ лицу встрѣчать всякую опасность и отыскивать средства къ защитѣ и побѣдѣ только въ самихъ себѣ, въ собственной смѣтливости, ловкости и мужествѣ, они въ сильной степени развивали свою личность, дѣлались людьми твердыми, дѣйствующими по убѣжденію и съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Такимъ образомъ повольничество было искони разсадникомъ такихъ людей, какіе были нужны для новгородскаго общества; Новгородъ при помощи повольничества пріобрѣталъ для себя гражданъ, обогащенныхъ опытностью, людей бывалыхъ, которыхъ можно было употребить на какое угодно дѣло, которые, въ случаѣ нужды, привычно встрѣтятъ любую опасность и найдутся, какъ отразить ее. Съ другой стороны, молодежь, составлявшая повольничество, въ своихъ странствованіяхъ по чужимъ землямъ открывала для новгородской торговли новыя земли и новые рынки; она знакомилась съ племенами отдаленными, болѣе или менѣе узнавала, въ чемъ они нуждаются, и чего у нихъ было много. Возвратившись на родину, повольники, по миновaніи разгульнаго возраста, наскучивши буйствомъ, принимали участіе въ занятіи своихъ старшихъ соотечественниковъ и, какъ люди бывалые, опытные, или сами начинали торговлю на свои капиталы, можетъ быть собранные изъ добычъ, пріобрѣтенныхъ во время удалыхъ походовъ, или дѣлались помощниками старшихъ, водили ихъ караваны въ новооткрытыя земли. Кромѣ того, повольники, имѣя постоянно въ виду выгоды и славу своего господина Великаго Новгорода, естественно не упускали случаевъ и распространить новгородскія владѣнія. До нашего времени дошелъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ извѣстій о повольничьихъ походахъ, гдѣ разсказывается о повольникахъ то подъ именемъ молодцовъ, то подъ именемъ ушкуйниковъ—отъ особаго вида употребляемыхъ ими лодокъ, называемыхъ ушкуями. Повольничество пало вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности господина Великаго Новгорода.

XLVI. ЦЕРКОВНЫЯ ДѢЛА ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

(По соч. Костомарова: «Сѣвернорусскія народоуправства во время удѣльно-вѣчеваго уклада»).

Стремящійся къ самостоятельности въ политическомъ отношеніи, Новгородъ Великій хотѣлъ пріобрѣсти самостоятельность и въ дѣлахъ церковныхъ. Новгородскіе владыки, правда, весьма рѣдко отказывались отъ номинальной зависимости отъ русскаго митрополита, но за то не хо-

тѣли допускать вліянія митрополита на управленіе дѣлами новгородской церкви; эта самостоятельность новгородскихъ владыкъ усиливалась и упадала сообразно съ тѣмъ, какъ усиливалось и упадало политическое значеніе Великаго Новгорода. Въ XI столѣтіи зависимость новгородскаго епископа (владыки стали именоваться архіепископами съ 1168 года) отъ кіевскаго митрополита была еще очень сильна. Въ то время извѣстный своими поученіями новгородскій епископъ Лука Жидята долженъ былъ ѣздить въ Кіевъ для оправданія отъ возводимыхъ на него обвиненій предъ митрополитомъ, который, продержавъ его три года и убѣдившись наконецъ въ несправедливости обвиненій, отпустилъ его на родину. Въ числѣ новгородскихъ епископовъ послѣ Жидяты бывали не новгородцы по происхожденію, а кіевляне, назначаемые митрополитомъ.

Около половины XII вѣка положеніе дѣлъ значительно измѣняется, и уже подъ 1156 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что владыка Аркадій выбранъ былъ на вѣчѣ. Преемникъ Аркадія Іоаннъ былъ ревностнымъ защитникомъ церковной автономіи Новгорода. Его молитвамъ приписывалось спасеніе Новгорода отъ рати Андрея Боголюбскаго. Послѣ смерти этого Іоанна уже не было примѣра, чтобы владыка въ Новгородѣ назначался кѣмъ-нибудь извнѣ. Новгородскій владыка ѣздилъ къ митрополиту для благословенія и посвященія, но этимъ и оканчивалась его зависимость отъ митрополита. Будучи избранъ, владыка еще до посвященія вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей, какъ главный начальникъ новгородской церкви. Бывали случаи, что такіе «нареченные» владыки не получали посвященія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда лѣтъ; но это не мѣшало имъ являться совершенно законными представителями новгородской церкви. Во времена силы и процвѣтанія Новгорода случалось, что не владыки ѣздили за посвященіемъ къ митрополитамъ, а напротивъ, митрополиты пріѣзжали въ Новгородъ, чтобы посвятить владыку. Но какъ ни лестно было для Новгорода такое вниманіе митрополитовъ, онъ тѣмъ не менѣе не особенно любилъ эти посѣщенія, требовавшія довольно значительныхъ расходовъ, и обыкновенно предпочиталъ посылать своихъ новыхъ владыкъ къ митрополиту. Впослѣдствіи, когда стала усиливаться Москва, между новгородскими владыками и московскими митрополитами, не желавшими ограничиваться номинальнымъ главенствомъ надъ новгородскою церковью, возникали неоднократно столкновенія. Владыки жаловались въ XIV столѣтіи патріархамъ на митрополитовъ, патріархи иногда принимали ихъ сторону, но все же церковная автономія Новгорода все болѣе и болѣе упадала, по мѣрѣ того какъ приходила въ упадокъ и его политическая самостоятельность, стѣсняемая Москвою.

Новгородскіе владыки избирались на вѣчѣ. Вѣча, созываемыя для избранія владыкъ, собирались не во дворѣ Ярославовомъ, какъ обыкновенно, а въ оградѣ храма св. Софіи, этой святыни, дорогой сердцу каждаго новгородца. «Умремъ за св. Софію!» кричали новгородцы въ минуты самой грозной опасности, и этотъ кличъ воодушевлялъ ихъ. Вѣче избирало обыкновенно трехъ кандидатовъ, имена которыхъ писались на бумажкахъ, и бумажки клались на престолъ Софійскаго храма. Послѣ этого подводили къ престолу слѣпца или ребенка, который бралъ двѣ бумажки, а тотъ кандидатъ, имя котораго написано было на третьей, провозглашался владыкою, какъ человѣкъ, указанный самою св. Софіею.

Случалось, что предъидущій владыка самъ назначалъ кандидатовъ себѣ въ преемники, и тогда, особенно если назначавшій пользовался любовью и довѣріемъ, выборъ происходилъ только между этими кандидатами. При избраніи владыки не соблюдалась строгость іерархическаго достоинства. Поэтому были владыки изъ простыхъ черицовъ, изъ игуменовъ, а иногда и изъ бѣлаго духовенства. Избранные изъ среды послѣдняго принимали монашество. Митрополитъ, на посвященіе къ которому ѣздилъ „нареченный“ владыка, посвящалъ его послѣдовательно въ предшествующіе чины до іеромонаха включительно; но если «нареченный» былъ іеромонахъ, то не нуждался въ предварительномъ посвященіи въ санъ игумена или архимандрита, а прямо посвящался въ санъ архіепископа. Избирая своихъ владыкъ, новгородское вѣче считало себя въ правѣ и изгонять ихъ. Нерѣдко владыки, на старости лѣтъ, добровольно оставляли свой постъ и удалялись въ монастырь. Бывали и такіе случаи, что владыки, оставившіе управленіе новгородскою церковью, вторично вызывались къ той же дѣятельности изъ монастырей, въ которые они удалялись.

Новгородскій владыка пользовался большимъ почетомъ и вліяніемъ. Подъ вѣдомствомъ его находились всѣ люди церковные, принадлежавшіе по занятіямъ своимъ непосредственно къ церковному кругу. Таковы были: монахи, священники, ихъ жены и дѣти, церковные сторожа, нищіе, изгои, поселяне, жившіе въ церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Вслѣдствіе того, что многіе изъ мірянъ отказывали церквамъ и монастырямъ свои земли, число духовныхъ имуществъ было весьма значительно, и многочисленные смерды, жившіе въ нихъ, во все свое пребываніе на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, оставались подъ управленіемъ владыки. Всѣ эти люди носили общее названіе „софіанъ“. Между софіанами были бояре и дѣти боярскіе, получавшіе отъ владыки волости въ кормленіе на извѣстныхъ условіяхъ. Владыка имѣлъ свой особый штатъ изъ софіанъ, своихъ стольниковъ, ключниковъ, дьяковъ, свой собственный полкъ. Но и на не софіанъ владыка могъ оказывать вліяніе даже помимо того авторитета и уваженія, которымъ пользовался онъ въ глазахъ народа, какъ глава новгородской церкви. Судъ во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ принадлежалъ владыкѣ, разбиравшему несогласія, возникавшія между дѣтьми и родителями, женами и мужьями. Несогласія, происходившія отъ неправильнаго дѣлежа наслѣдства, тоже подлежали его суду, равно какъ и дѣла святотатственныя, ереси, волхвованіе, соблюденіе языческихъ обрядовъ. Такъ какъ владыка считался высшимъ представителемъ правды и безпристрастія, то онъ имѣлъ право надзора надъ торговлею. Онъ ежегодно провѣрялъ торговые и денежные вѣсы, и если открывалъ при этомъ обманъ, то виновный въ немъ терялъ свое имущество, одна треть котораго шла въ казну св. Софіи, другая въ пользу церкви Іоанна на Опокахъ, а третья отдавалась въ казну Великаго Новгорода. Независимо отъ этого новгородскій владыка имѣлъ и большое политическое значеніе. Совѣта его искали обыкновенно и князья, и посадники; разбушевавшееся и не обращающее ни на кого вниманія, вѣче умолкало при видѣ владыки, который нерѣдко мирилъ враждебныя партіи, возвращалъ увлеченный страстью народъ на путь благоразумія. Договоры съ другими княжествами и съ иностранными государствами заключались всегда съ благословенія владыки. Слу-

чалось, что владыка принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ и становился во главѣ посольствъ, ѣздившихъ призывать князей на новгородскій престолъ. Такъ какъ всѣ дѣла совершались подъ благословеніемъ владыки и подъ присягою, то, когда обстоятельства требовали измѣненія, становилось необходимымъ разрѣшеніе владыки отъ присяги, что, разумѣется, не могло не усиливать вліянія начальника новгородской церкви на свѣтскія дѣла.

XLVII. ТОРГОВЛЯ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

(По соч. Костомарова. «Сѣверно-русскія народоуправства во время удѣльновѣчеваго уклада»).

Самымъ торговымъ городомъ въ древней Руси былъ Новгородъ. Развитію торговли въ немъ способствовала, конечно, близость Балтійскаго моря и удобные пути, преимущественно водные, соединяющіе его какъ съ этимъ моремъ, такъ и съ внутренними частями Руси. Торговыя сношенія Новгорода со Скандинавіею начались очень рано, и они-то, быть можетъ, были первою причиною пришествія и утвержденія варяжскихъ князей въ Русской землѣ. Въ XI и XII столѣтіяхъ Новгородъ ведетъ весьма обширную торговлю съ городомъ Висби на островѣ Готландѣ. Готландскіе купцы имѣли въ Новгородѣ свой дворъ и свою церковь; на Готландѣ была и русская церковь, построенная тамъ пріѣзжавшими изъ Новгорода торговыми людьми. Такъ какъ Висби находился въ оживленныхъ сношеніяхъ со многими германскими городами, то и новгородскіе купцы рано познакомились съ нѣмецкими. Уже въ XII вѣкѣ рядомъ съ готскимъ дворомъ въ Новгородѣ возникаетъ нѣмецкій, а между иноземными торговцами, проживавшими въ Любекѣ, грамота императора Фридриха называетъ и русскихъ.

Въ XIII столѣтіи германская торговля принимаетъ болѣе обширные размѣры, благодаря образованію извѣстнаго Ганзейскаго союза, центромъ котораго былъ Любекъ. Слѣдствіемъ этого было то, что торговля Висби годъ отъ году упадала и переходила въ руки нѣмецкихъ купцовъ, которые и въ Новгородѣ стали принимать первенствующее положеніе и въ концѣ концовъ совсѣмъ вытѣснили представителей готскаго двора. Нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ составляли совершенно особую, тѣсно замкнутую общину. По договорамъ, заключеннымъ съ Новгородомъ, они пользовались полнѣйшимъ самоуправленіемъ. Новгородскія власти не имѣли права вступаться въ дѣла, возникающія между нѣмцами; ихъ судили ихъ собственные выборные начальники или альдермены. Даже входъ новгородскимъ чиновникамъ въ нѣмецкій гостинный дворъ былъ запрещенъ безъ разрѣшенія альдермена. Въ случаѣ возникновенія несогласій между нѣмцемъ и новгородцемъ, дѣло разбиралось тоже альдерменомъ, и только тогда, когда новгородецъ оставался недоволенъ рѣшеніемъ послѣдняго, онъ могъ обращаться къ своимъ высшимъ чиновникамъ, именно къ тысяцкому или посаднику. Договорами постановлено было также, что съ задолжавшаго новгородца первое взысканіе дѣлается въ пользу его иностранныхъ кредиторовъ, и только послѣ удостовѣренія послѣднихъ наступаетъ очередь русскихъ кредиторовъ.

Оградивъ себя такими привиллегіями, нѣмецкіе купцы не торговали иначе, какъ цѣлою общиною. Совѣтъ нѣмецкой компаніи установлялъ, какіе товары привозить въ Новгородъ, какіе купить у новгородцевъ, на какую сумму каждый изъ купцовъ долженъ былъ вести торговлю; онъ же опредѣлялъ и цѣны какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ товаровъ. Ни одинъ изъ нѣмецкихъ купцовъ не смѣлъ, подъ страхомъ строгихъ наказаній, входить въ сношенія съ русскими купцами помимо общины; даже имъ запрещено было учиться русскому языку, чтобы не облегчать возможности уклоненій отъ правилъ, постановляемыхъ компаніею, такъ что сдѣлки заключались всегда при помощи переводчиковъ, находившихся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ альдермена. Нѣмецкіе купцы въ большей части безъ ропота подчинялись этимъ ограниченіямъ, такъ какъ послѣднія, хотя и стѣсняли ихъ, но тѣмъ не менѣе были въ сущности весьма выгодны. Купцовъ, не принадлежащихъ къ компаніи, было весьма немного, да они и не могли выдерживать соперничества съ могущественною компаніею; сами новгородцы почти никогда не ѣздили со своими товарами за границу. Все это было причиною того, что компанія оставалась почти единственнымъ какъ продавцомъ чужеземныхъ, такъ и покупщикомъ русскихъ товаровъ въ Новгородѣ. Если она держится крѣпко установленныхъ ею цѣнъ, то русскіе торговцы, которымъ не у кого больше купить и некому больше продать, должны волею неволею принимать предлагаемыя компаніею цѣны. Только такимъ положеніемъ дѣла можно объяснить то обстоятельство, что, не смотря на обширность и продолжительность иностранной торговли, новгородская область отъ нея не богатѣла, служа лишь предметомъ эксплоатаціи для нѣмцевъ. Русскіе оптовые купцы, ведшіе торговыя дѣла съ компаніей (она занималась лишь оптовою какъ куплею, такъ и продажею) и отпускавшіе имъ исключительно сырые продукты, при существованіи низкихъ цѣнъ на нихъ, скупали ихъ у производителей по цѣнѣ еще болѣе низкой, а потому улучшеніе матеріальнаго состоянія производителей шло очень туго, и отъ такой торговли могли обогащаться только нѣмцы, да немногіе изъ русскихъ скупщиковъ.

Главные пути, по которымъ шла торговля Новгорода съ заграницею, были водные. Иностранныя суда съ товарами встрѣчались обыкновенно русскими приставами у острова Котлина, составлявшаго границу Новгородской земли. Пристава провожали чужеземныхъ купцовъ до самаго Новгорода, чтобы охранять ихъ въ случаѣ надобности, устранять затрудненія въ пріисканіи лоцмановъ и т. д. За безопасность иноземныхъ судовъ, пускающихся въ Неву и далѣе безъ новгородскихъ приставовъ, Новгородъ не бралъ на себя отвѣтственности. Пройдя мимо Котлина, суда вступали въ Неву, потомъ въ Ладожское озеро и достигали устья Волхова. Такъ какъ для дальнѣйшаго плаванья уже морскія суда не годились, то купцамъ давались другія, меньшія, на которыя перегружались товары. Отсюда плыли по Волхову. Достигая Гостинополя, товары подвергались осмотру и облагались небольшою пошлиною, и отсюда шли къ Новгороду. Здѣсь товары выгружались и на извощичьихъ телѣгахъ доставлялись въ нѣмецкій дворъ. Для избѣжанія запросовъ со стороны извощиковъ и могущихъ отсюда произойти неудобствъ и промедленій, новгородское правительство установило постоянную таксу за провозъ товаровъ отъ берега до нѣмецкаго двора. Кромѣ этого

пути, нѣмецкіе купцы возили свои товары на Псковъ черезъ Нарву и на Варландъ по сухопутью, главными образомъ тогда, когда установится санная дорога. Другими же дорогами возить иностранные товары въ Новгородъ запрещалось, и товары, привезенные не указанными путями, считались контрабандою и брались въ казну.

Что касается предметовъ отпуска за границу, то они состояли преимущественно въ сырыхъ продуктахъ: лѣсъ, сало, ленъ, конопля, воскъ, мѣха, кожи, иногда хлѣбъ—вотъ что продавали новгородцы своимъ нѣмецкимъ гостямъ (купцамъ); юфть была чуть ли не единственнымъ русскимъ продуктомъ, уходившимъ за-границу въ нѣсколько обработанномъ видѣ. Иностранцы, наоборотъ, привозили произведенія фабричнаго производства, какъ то: стекло, сукна, полотна. Будучи притомъ почти единственными поставщиками этихъ предметовъ, они не всегда заботились объ ихъ доброкачественности. Это подавало поводъ къ многочисленнымъ нареканіямъ, при чемъ даже альдермены иногда высказывались въ пользу новгородскихъ купцовъ. Новгородское правительство принуждено было неоднократно прибѣгать къ угрозамъ, что, въ случаѣ повторенія подобныхъ обмановъ, оно лишитъ компанію ея привилегій. Привозилось также въ Новгородъ много вина, которое шло какъ на обыкновенныя потребности, такъ и для церквей. Ливонскіе нѣмцы не допускали доставки оружія изъ западной Европы въ Новгородъ, который прежде его получалъ главнымъ образомъ оттуда; да и вообще Ливонія, особенно въ XIV вѣкѣ, будучи почти постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ то со Псковомъ, то съ Новгородомъ, сильно мѣшала торговлѣ этихъ городовъ.

Иностранные товары Новгородъ покупалъ не только для своего употребленія, но и для перепродажи ихъ другимъ русскимъ областямъ. Новгородскіе купцы постоянно ѣздили въ Суздаль, Владиміръ, Кіевъ, Черниговъ, Галичъ, даже въ Литовское княжество, и тамъ продавали заморскіе товары. Въ случаѣ возникновенія несогласій между Новгородомъ и какимъ либо другимъ изъ русскихъ княжествъ, новгородская торговля немедленно терпѣла сильные убытки, такъ какъ товары у новгородскихъ купцовъ, проживающихъ во враждебномъ Новгороду княжествѣ, обыкновенно отнимались, а сами купцы заключались подъ стражу. Являясь продавцами, новгородцы являлись также и покупателями тѣхъ товаровъ, которые они отпускали иностранцамъ. Стремленіе пріобрѣтать эти товары заставляло новгородцевъ подвигать далеко на востокъ и сѣверъ свою колонизацію и расширять предѣлы своей области. Жителей своихъ отдаленныхъ земель они облагали данью, которую брали обыкновенно натурою. Мѣха и шкуры занимали въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Нѣкоторые при-уральскіе народы платили Новгороду дань серебромъ, которое тоже вымѣнивалось у нѣмцевъ на сукна и другіе фабричные продукты. Но самымъ важнымъ предметомъ торговли Новгорода съ другими русскими княжествами былъ хлѣбъ. Въ хлѣбѣ Новгородъ нуждался не только какъ въ предметѣ для отпускной торговли: въ немъ онъ нуждался и для себя, такъ какъ не отличавшаяся плодородіемъ Новгородская область не производила сама достаточнаго количества хлѣба для прокормленія своего населенія. Хлѣбъ доставлялся изъ приволжскихъ странъ, а также съ юга. Путемъ для доставки перваго, была Волга съ ея притоками, а для доставки втораго—Днѣпръ, Ловать (между Днѣп-

ромъ и Ловатью хлѣбъ шелъ волокомъ) и Ильмень. Когда въ XIII столѣтіи, послѣ татарскаго нашествія, производительность южно-русскихъ княжествъ страшно упала, волжскій путь сдѣлался почти единственнымъ средствомъ доставки хлѣба въ Новгородъ. Неурожаи или другія случайныя обстоятельства, между прочимъ войны, стѣснявшія доставку хлѣба въ Новгородъ, бывали причиною страшнаго голода въ этомъ городѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1187 году въ Новгородѣ, цѣны на хлѣбъ поднялись до того, что родители продавали нѣмцамъ въ рабство своихъ собственныхъ дѣтей, лишь бы только послѣднихъ и себя спасти отъ ужасовъ голодной смерти. Такая зависимость Новгорода относительно хлѣбной торговли отъ другихъ русскихъ земель была причиною того, что Андрей Боголюбскій, пораженный новгородцами въ открытой войнѣ, могъ смирить ихъ тѣмъ, что не допускалъ вывоза хлѣба изъ своихъ владѣній въ Новгородъ.

XLVIII. Князья новгородскіе Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалый.

(Изъ «Сѣверно-русскихъ народоуправствъ» Костомарова).

Послѣ трагической кончины Андрея, Новгородъ прогналъ его сына и нѣсколько лѣтъ потомъ принималъ къ себѣ, одного за другимъ, князей изъ южной Руси. Между князьями, посѣщавшими одинъ за другимъ Новгородъ, выказывается своимъ значеніемъ Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Въ эпоху Андреева ополченія на Новгородъ, этотъ князь со смольнянами былъ въ числѣ враговъ новгородскихъ. Но то было мгновенное увлеченіе. Новгородцы не помянули стараго, послѣ того какъ этотъ князь нѣсколько разъ заявлялъ себя врагомъ Андрея и Суздальской земли. Въ 1179 году Новгородъ пригласилъ его, зная, что онъ, говоритъ лѣтописецъ, всегда на великія дѣла порывался. Мстиславъ не хотѣлъ было покидать Смоленскую землю и разставаться съ своею братіею; но братья и мужи уговорили его. Новгородъ принялъ его съ честью. Епископъ, духовенство съ крестами, весь народъ, встрѣчали его съ торжествомъ и посадили его у св. Софіи. Явившись на вѣче, онъ говорилъ: «Обидятъ васъ поганые—воззримъ на Бога и на помощь Пресвятой Богородицы и освободимъ новгородскую землю отъ поганыхъ». Это значило, что чудь, на которую давно претендовали новгородцы, отложилась тогда отъ Великаго Новгорода. Мстиславъ, говоритъ лѣтописецъ, собралъ до двадцати тысячъ новгородцевъ, повоевалъ землю чудскую, подчинилъ ее Новгороду и готовился идти войною на Полоцкъ, чтобы отомстить за древніе набѣги Брячислава и Всеслава, но тутъ схватила его болѣзнь, силы его упали. Онъ угасъ въ Новгородѣ 14 іюня 1180 г., пробывши тамъ очень мало времени, но подавши много несбывшихся надеждъ. Его храбрость, его презрѣніе къ смерти, при этомъ его набожность и щедрость, располагали къ нему и духовныхъ, и міранъ. Послѣ смерти его причислили къ лику святыхъ. Самое его короткое пребываніе въ Новгородѣ способствовало тому, что о немъ сохранилась такая свѣтлая, невозмутимая память.

Находясь въ постоянной непріязни къ князю Всеволоду, представителю Суздальской земли, Новгородъ преодолѣлъ нерасположеніе къ Ольговичамъ. Когда одинъ изъ ихъ рода, Святославъ Всеволодовичъ, овладѣлъ Кіевомъ, Новгородъ, сохраняя связь съ южной Русью, призналъ его первенство, принялъ его сына и велъ разорительную войну со Всеволодомъ суздальскимъ. Тогда новгородцы опустошили побережье Волги; но Всеволодъ, послѣ пятинедѣльной осады, въ 1181 г., взялъ новгородскій пригородъ Новый-Торгъ, сжегъ его, и жителей всѣхъ увелъ въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и одинъ изъ сыновей его соперника Святослава Всеволодовича.

Это событіе заставило новгородцевъ помириться съ суздальскимъ княземъ. Уладили дѣло такъ, чтобы сохранить миръ съ Всеволодомъ, но не принимать князя изъ Суздальской земли. Въ 1181 г. изгнали сына Святослава Всеволодовича, и взяли Всеволодова свояка, Ярослава Владиміровича; онъ былъ внукъ Мстислава Великаго, любимаго памятью народною. И вотъ, примирившись со Всеволодомъ, Новгородъ, въ династическомъ вопросѣ, удержалъ прежнее свое сочувстіе къ роду Мстислава. Но противныя другъ другу партіи волновали городъ: одни, руководясь выгодами и избѣгая разореній, какія край терпѣлъ во время размолвки съ Суздальскою землею, клонились къ миру со Всеволодомъ и готовы были признать его право давать князя Новгороду, лишь бы только съ неприкосновенностью своего внутренняго самоуправленія; другіе упорно стояли за связь съ южною Русью, за старину и за вражду съ Суздальскою землею и съ суздальскими князьями. Въ 1184 г. южнорусская партія одолѣла, Ярослава прогнали. Но въ 1187 г. суздальсвая партія превозмогла. Ярослава Владиміровича снова призвали. Въ 1195 г. Всеволодъ потребовалъ, чтобы Новгородъ помогалъ военною силою противъ Ольговичей. Новгородцы пошли неохотно. Самъ Ярославъ, кажется, не очень пылко принимался за это дѣло. Тогда суздальская партія сблизилась тѣснѣе со Всеволодомъ, хотѣла призвать его сына, но противная партія на этотъ разъ перевысила. Вѣче, подъ вліяніемъ этой партіи, положило: «*Вси князи въ свободу гдѣ собѣ любо, туже собѣ князя поимають.*» Новгородцы вспомнили, что всѣ князья равны для Новгорода; не существуетъ никакого права за тѣмъ или за другимъ, кромѣ добровольнаго народнаго выбора; и теперь они облекали въ легальную форму то, что существовало издавна на дѣлѣ. Ярослава прогнали и пригласили врага Всеволодова, молодаго князя черниговскаго изъ Ольговичей. Ярославъ Владиміровичъ въ 1196 г. ушелъ въ Новый-Торгъ и утвердился тамъ. Всеволодъ принялъ его сторону. Новгородцы стали за Ярослава. Онъ овладѣлъ волостью Новаго-Торга, собиралъ дань по Мстѣ, а Всеволодъ приказалъ ловить новгородцевъ, разъѣзжавшихъ по его волости. Это опять дало силу суздальской партіи въ Новгородѣ, потому что въ ней состояли богатые торговцы, которые разорялись при враждѣ съ Суздальской землею. Новый-Торгъ былъ важнымъ мѣстомъ для ихъ выгодъ. Надобно было избавиться отъ такихъ неудобствъ. Опять призвали съ честью Ярослава. Но въ 1199 г. Ярославъ опять не ужился въ Новгородѣ и уѣхалъ. Суздальская партія пошла такъ далеко, что просила у Всеволода сына его и признавала суздальскаго князя какъ бы наслѣдственнымъ владѣтелемъ Новгорода. Во главѣ этой партіи была фамилія Мирошки (Мирошкина чадь). Явились новгородскіе послы

ко Всеволоду и говорили: „Ты, господинъ великій князь Всеволодъ Юрьевичъ! Просимъ у тебя сына княжить Новгороду, зане тебѣ отчина и дѣдина Новгородъ". Всеволодъ далъ имъ сына Святослава. Въ 1205 году Всеволодъ перемѣнилъ князя и далъ новгородцамъ другаго сына, старшаго, по имени Константина. Лѣтописецъ разсказываетъ, что когда Всеволодъ отправлялъ въ Новгородъ Константина, то, вручая ему крестъ и мечъ, какъ знаки его посвященія въ принимаемое званіе, говорилъ: «Сыну мой Константине! На тебѣ Богъ положилъ старѣйшинство въ братьи своей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской земли». Великій князь ставилъ въ соотношеніе старѣйшинство князей между собою со старѣйшинствомъ городовъ и, казалось, хотѣлъ, по старымъ примѣрамъ, утвердить и узаконить обычай, чтобы старѣйшій сынъ Великаго князя былъ княземъ въ Новгородѣ. Въ тоже время онъ льстилъ новгородцамъ, называя ихъ городъ старѣйшимъ въ Русской землѣ. Вслѣдъ затѣмъ вывелъ онъ старѣйшаго сына своего изъ Новгорода и далъ новгородцамъ другаго — Святослава, бывшаго уже разъ въ Новгородѣ. Такимъ образомъ этотъ князь прибылъ въ Новгородъ, уже не по сочетанію понятій о старѣйшинствѣ Новгорода со старѣйшинствомъ назначаемаго туда князя, какъ прибылъ Константинъ, а по произволу великаго князя. Всеволодъ самъ нарушалъ то, что недавно выставлялъ какъ законное основаніе; онъ постепенно велъ къ тому, чтобы назначать въ Новгородъ такого князя, какого ему угодно, и такимъ образомъ подчинить своей власти вольный край. Новгородъ тогда сильно волновался. Разграбили и сожгли дворы богачей, державшихся суздальской партіи. За эту народную расправу Всеволодъ приказывалъ въ своей волости задерживать новгородскихъ купцовъ и конфисковать ихъ товары.

Вдругъ, на слѣдующій 1210 г., является Новгороду защитникъ. То былъ Мстиславъ, торопецкій князь, по прозвищу Удалый, сынъ Мстислава, по прозвищу Храбраго, погребеннаго у св. Софіи въ Новгородѣ. Не видно, чтобъ его звали: онъ самъ добровольно явился на выручку Великаго Новгорода. Зимою нежданно напалъ онъ на Торжокъ, схватилъ дворянъ Святослава Всеволодовича и торжковскаго посадника, сторонника суздальской партіи, и územ заковалъ ихъ. Послѣ того онъ послалъ въ Новгородъ такое привѣтствіе: „Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и всѣмъ новгородцамъ; пришелъ есмь къ вамъ, слышавъ насилье отъ князей, и жаль мнѣ своей отчины!"

Тогда для Новгорода настало время такого одушевленія, какое, проникая массу народа, заставляетъ умолкать духъ партій, мелкія распри, корыстныя побужденія, соединяетъ умы и чувства, опредѣляетъ стремленія и подвигаетъ къ общему дѣлу. Князя и Святослава, сына Всеволода, и его дворянъ взяли подъ стражу на владычнемъ дворѣ и послали къ Мстиславу съ честною рѣчью: «Поиди, княже, на столъ».

Мстиславъ явился и съ честью посаженъ на столѣ. Собралось ополченіе Новгородской земли, и онъ повелъ его на Всеволода. „Ты мнѣ сынъ, я тебѣ отецъ, говорили Всеволодовы послы отъ лица своего князя; отпусти моего сына Святослава и мужей его, а я отпускаю новгородскихъ гостей." Мстиславъ не былъ изъ числа забіякъ, жадныхъ къ дракамъ. Онъ радовался, когда безъ боя дѣлалось то, за что онъ готовъ былъ воевать. Съ обѣихъ сторонъ поцѣловали крестъ. Мстиславъ съ новгород-

скимъ ополченіемъ воротился въ Новгородъ побѣдителемъ, не проливши крови.

Для Новгорода наступили такіе же дни героизма, славы и чести, какъ для Кіева при Владимірѣ Мономахѣ. Никогда отношенія народа къ князю не являются въ такихъ согласныхъ чертахъ. Мстиславъ безкорыстно ратовалъ за новгородскіе интересы; новгородцы помогали Мстиславу въ его ратныхъ дѣлахъ. Мстиславъ ходилъ съ новгородцами на Чудь по слѣдамъ отцовскимъ и подчинилъ этотъ народъ Новгороду вплоть до моря. Взявши съ побѣжденныхъ дань, онъ отдалъ двѣ части ея новгородцамъ, третью—своимъ дворянамъ, а себѣ не взялъ ничего...

Мстиславова натура была не склонна къ постоянному пребыванію въ одномъ мѣстѣ. Было у него слишкомъ много охоты къ трудамъ, опасностямъ и подвигамъ. Къ тому же не по душѣ было Мстиславу и то, что въ Новгородѣ не пала партія, расположенная ко Всеволоду и къ союзу съ Суздальскою землею. Простой народъ любилъ Мстислава, но знатныя фамиліи начали составлять тайныя скопища и намѣревались изгнать князя. Быть можетъ, эти обстоятельства также побуждали Мстислава оставить тогда Новгородъ. Въ 1215 г. онъ явился на вѣче, поклонился вольному Великому Новгороду и сказалъ: «У меня есть дѣла на Руси (суть ми орудія въ Руси), а вы вольны въ князьяхъ.» Онъ уѣхалъ.

И едва только уѣхалъ онъ, какъ суздальская партія, послѣ многихъ преній на вѣчѣ, опять захватила господство. Замѣтно, что при этомъ играли большую роль торговые интересы. Новгородъ вошелъ уже въ широкую торговую дѣятельность съ западомъ; черезъ руки его проходили западные товары въ русскіе края. Кіевская Русь, изнуренная междоусобіями и иноплеменными нашествіями, годъ отъ году упадала; напротивъ, сѣверо-восточная населялась, процвѣтала обиліемъ и зажиточностью. Новгородскіе торговцы находили туда удобный сбытъ товаровъ. Съ другой стороны, новгородскій край постоянно нуждался въ подвозѣ хлѣба. Этотъ подвозъ былъ скуднѣе изъ южной Руси; тамъ земледѣліе упало отъ безпрестанныхъ разореній края, и необходимый Новгороду хлѣбъ сталъ доставляться изъ восточной Руси. Сообщеніе съ восточною Русью было и ближе, и легче: для него служила хорошимъ путемъ Волга съ своими притоками. Эти матеріяльныя выгоды преодолѣвали и древнее народное нерасположеніе къ суздальскому народу, и древнюю родственную связь съ южной Русью, связь неизбѣжно ослабѣвшую отъ водворенія въ южной Руси разныхъ иноплеменниковъ, какъ это случилось въ этой странѣ одновременно съ ея политическимъ и общественнымъ упадкомъ. По отходѣ Мстислава, въ тотъ же 1215 г., рѣшено просить княземъ въ Новгородъ сына Всеволодова, Ярослава. Звать его послали посадника, тысяцкаго и десять старѣйшихъ купцовъ. Участіе купцовъ въ посольствѣ показываетъ, что торговые интересы руководили этимъ выборомъ. Ярославъ пріѣхалъ; его встрѣчали съ торжествомъ; самъ архіепископъ, сторонникъ Мстислава, долженъ былъ поневолѣ выходить къ нему на эту почетную встрѣчу.

Тотчасъ же волненія вспыхнули снова. Ярославъ захватилъ своихъ недоброжелателей (Якуна Зуболомица и Ѳому Доброщаница, новоторжскаго посадника), и въ оковахъ отправилъ въ Тверь; потомъ, по наущенію князя, вѣче, гдѣ брала верхъ его партія, разграбила тысяцкаго

Якуна; князь арестовалъ его сына. Противная партія въ отместку преслѣдовала его сторонниковъ; дошло дѣло до убійства: прусы (жители прусской улицы) убили Овстрата и сына его Луготу, приверженцевъ Ярослава. Ярославъ огорчился этимъ и уѣхалъ изъ Новгорода въ Торжокъ. Онъ взялъ съ собою бояръ и, одаривъ ихъ, отпустилъ снова въ Новгородъ, вѣроятно, чтобъ имѣть тамъ сторонниковъ. Въ Новгородѣ на Городищѣ оставленъ имъ намѣстникомъ Хоть Григоровичъ. Самъ князь Ярославъ утвердился въ Торжкѣ и задумалъ сдѣлать этотъ пригородъ главнымъ городомъ, средоточіемъ власти надъ всею Новгородскою землею, изъ Торжка сдѣлать Новгородъ. Черезъ Торжокъ лежала большая торговая дорога. Князь, утвердившись въ Торжкѣ, овладѣвалъ ею и пресѣкалъ торговое сообщеніе съ Новгородомъ. Самъ Торжокъ, какъ и всѣ пригороды, находясь подъ властью Великаго Новгорода, составлялъ средоточіе области, которая тянула непосредственно къ нему, и такимъ образомъ князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, дѣлался владѣтелемъ всей Новоторжской области, а господствуя надъ нею, отнималъ у Новгорода значительную часть его владѣній. Кромѣ того, въ такихъ обстоятельствахъ князь имѣлъ еще и ту выгоду, что Новоторжская область граничила съ краемъ, которымъ правили суздальскіе князья. Князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, могъ свободно получать свѣжія военныя силы для непріязненныхъ дѣйствій противъ Новгорода. Морозъ побилъ хлѣбъ, сдѣлалась дороговизна: Ярославъ не пускалъ черезъ Торжокъ ни одного воза съ хлѣбомъ, начался голодъ. Его размѣры стали особенно ужасны въ сѣверозападной странѣ Новгородской земли. Новгородцы посылали звать князя; князь не приходилъ и не отпустилъ посланниковъ. Новгородцы послали къ нему еще разъ съ послѣднею рѣчью: «Иди въ свою отчину ко св. Софіи, а не пойдешь, такъ скажи.» Ярославъ не приходилъ въ Новгородъ и не отвѣчалъ ничего Новгороду, и опять, какъ прежде, не отпустилъ посланныхъ, да вдобавокъ приказалъ задерживать новгородскихъ гостей и оставлять ихъ въ Торжкѣ. И были, говоритъ лѣтописецъ, тогда въ Новгородѣ печаль и вопль.

Осталась надежда на Мстислава. Новгородцы обратились къ нему. Неизвѣстно, гдѣ застали его. 11-го февраля 1216 г. онъ явился въ Новгородъ и тотчасъ заковалъ намѣстника Ярославова и его дворянъ. Онъ пріѣхалъ въ Ярославовъ дворъ, на вѣче, цѣловалъ крестъ и сказалъ: „Либо возвращу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову повалю за Новгородъ.“ „На жизнь и на смерть съ тобою!“ отвѣчали новгородцы.

Мстиславъ отправилъ къ Ярославу посломъ священника Юрія изъ церкви Іоанна на Торжищѣ. Ярославъ, слыша о томъ, что Мстиславъ идетъ въ Новгородъ, послалъ 100 человѣкъ новгородцевъ, своихъ сторонниковъ, не допускать Мстислава до Новгорода. Прибытіе посла показало Ярославу, что замыселъ его не удался. „Сыну!—говорилъ этотъ посолъ отъ имени своего князя:—отпусти мужей моихъ и гостей, удались изъ Новаго-Торга и возьми со мною любовь“! Ярославъ отпустилъ священника безъ мира и приказалъ засѣкать дороги и загораживать путь по рѣкѣ Тверцѣ. Тутъ пришло къ нему извѣстіе, что отрядъ новгородцевъ, посланный имъ съ тѣмъ, чтобы не допустить Мстислава до Новгорода и, если можно, поймать его, самъ передался Мстиславу. Въ досадѣ Ярославъ собралъ за городомъ Торжкомъ новгородцевъ, которыхъ

Значеніе Пскова, какъ передоваго бойца за Русскую землю и крайняго торговаго центра на западѣ, отражалось какъ на внѣшнемъ его видѣ и внутреннемъ устройствѣ, такъ равно и на характерѣ отношеній къ Великому Новгороду. Хотя въ управленіи Псковомъ послѣдній въ первоначальное время нимало не отступалъ отъ обыкновеннаго пригородскаго порядка, посылалъ туда для завѣдыванія дѣлами княжихъ людей или же новгородскихъ посадниковъ, тѣмъ не менѣе это господство старѣйшаго города значительно смягчалось тѣмъ участіемъ въ дѣлахъ новгородскаго вѣча, которое было открыто для каждаго пригорода, но которымъ Псковъ, благодаря своему значенію и благопріятнымъ обстоятельствамъ, пользовался въ бо̀льшемъ, сравнительно съ другими пригородами, размѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, защита своей родины отъ внѣшнихъ враговъ еще не на столько поглощала вниманіе псковичей, чтобы вызвать въ нихъ сознаніе своей мѣстной особенности отъ Великаго Новгорода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преслѣдованіе однихъ только своихъ интересовъ и цѣлей; напротивъ того, до XIII ст. псковичи не отдѣляли себя отъ новгородцевъ, чувствовали себя еще вполнѣ гражданами Великаго Новгорода и старались выражать свое тождество съ послѣдними постояннымъ появленіемъ на новгородскомъ вѣчѣ и участіемъ въ рѣшеніи вопросовъ, занимавшихъ Великій Новгородъ, тѣмъ болѣе, что, въ качествѣ богатаго торговаго центра, псковичи имѣли возможность посѣщать Новгородъ весьма часто и даже держали тамъ свой постоянный торговый дворъ. Съ другой стороны, общая опасность, угрожавшая новгородцамъ и псковичамъ со стороны Чуди, Литвы и Летголы, и упорное сопротивленіе, оказываемое ими распространенію новгородской и псковской колонизаціи въ землѣ ихъ, также поддерживали общность и солидарность между новгородцами и псковичами. Такъ мы видимъ, что въ началѣ XII ст. новгородцы и псковичи, чтобы прекратить мелкіе набѣги своихъ немирныхъ сосѣдей и пооблегчить колонизацію чудскаго края, предпринимаютъ сообща цѣлый рядъ походовъ въ чудскую землю подъ предводительствомъ знаменитаго и любимаго новгородцами князя, Мстислава Владиміровича. Такъ какъ эти походы, не смотря на свой успѣхъ, не успокоили псковскихъ границъ, и Чудь и Ливь въ скоромъ времени успѣли завладѣть русскимъ городомъ Юрьевымъ Ливонскимъ, опорнымъ пунктамъ для новгородскихъ и псковскихъ колоній въ чудской землѣ, то новгородцы и псковичи, спустя 14 лѣтъ послѣ Мстиславова похода, вынуждены были предпринять рядъ новыхъ походовъ противъ общаго врага и, дѣйствительно, въ 1130 и 1133 г. предприняли походы на Чудь подъ предводительствомъ новаго князя новгородскаго, Всеволода Мстиславича. Послѣдній походъ увѣнчался значительнымъ успѣхомъ: новгородцы и псковичи не только побили Чудь и Ливь, но даже возвратили потерянный недавно городъ Юрьевъ, этотъ важный передовой пунктъ Новгорода и Пскова въ чудскомъ краю.

Еслибы новгородцы и псковичи продолжали дѣйствовать съ большею настойчивостію, или по крайней мѣрѣ, такъ, какъ дѣйствовали при Мстиславѣ и Всеволодѣ, то, по всему вѣроятію, Ливи, Чуди и Летголѣ пришлось бы оставить безполезное сопротивленіе и дать свободный ходъ развитію новгородской колонизаціи въ ихъ краю. Но съ 1137 года у новгородцевъ началась рознь, которая вскорѣ перешла и во Псковъ. Новгородцы раздѣлились на двѣ партіи, одна противъ князя Всеволода, а

другая за Всеволода, и первая одержала верхъ и успѣла выгнать Всеволода, а вторая потерпѣла пораженіе и удалилась во Псковъ, куда пригласила и Всеволода. Псковичи, руководимые укрывшимися у нихъ новгородскими боярами и довольные недавними походами Всеволода въ чудскую землю, которые особенно были выгодны для Пскова, охотно приняли сторону этого князя и рѣшились защищать его во что бы то ни стало, загородили всѣ пути и приняли такое твердое положеніе, что торжествующая новгородская партія, уже выступившая съ тѣмъ, чтобы выгнать Всеволода изъ Пскова, должна была воротиться назадъ. Чѣмъ бы кончилось это междоусобіе, неизвѣстно, такъ какъ Всеволодъ вскорѣ скончался во Псковѣ. Тѣмъ неменѣе псковичи, поддерживаемые и руководимые удалившеюся къ нимъ партіей новгородскихъ бояръ, не хотѣли уступить партіи, распоряжавшейся въ Новгородѣ, и объявили своимъ княземъ бывшаго у нихъ въ то время Всеволодова брата, Святополка Мстиславича, и стали въ такое грозное положеніе, что одинъ разъ новгородцы ожидали ихъ нападенія на самый Новгородъ. Между тѣмъ въ поддержаніе Святополка и псковичей всѣ князья, родственники Всеволода, вооружились на новгородцевъ, загородили всѣ пути, по которымъ проходили обозы съ хлѣбомъ, и стали морить Новгородъ голодомъ, такъ что новгородцы принуждены были отказаться отъ выбраннаго ими князя Святослава Ольговича и принять къ себѣ князя отъ Юрія Суздальскаго, его сына Ростислава; вслѣдъ за тѣмъ псковичи примирились съ Новгородомъ, оставивъ, впрочемъ, у себя отдѣльнаго князя, Святополка Мстиславича. Вслѣдъ за примиреніемъ воротились въ Новгородъ и сторонники Всеволода, укрывавшіеся до того времени въ Псковѣ; они, дѣйствуя заодно съ псковичами, скоро побѣдили противную партію, отказали Ростиславу и привели Святополка въ Новгородъ въ 1142 года. Такимъ образомъ псковичи съ новгородцами опять соединились подъ однимъ княземъ. Это скорое примиреніе ясно показываетъ, что псковичи во время этихъ споровъ дѣйствовали не самостоятельно, а подъ вліяніемъ новгородской же партіи бояръ, милостивцевъ Всеволода. И какъ скоро эта партія ввела своего князя въ Новгородъ, то и Псковъ замолчалъ и даже не заикнулся объ отдѣленіи отъ Новгорода. Отсюда ясно, что собственно псковскихъ интересовъ, отдѣльныхъ отъ новгородскихъ, тогда еще не было, или, покрайней мѣрѣ, они стояли на заднемъ планѣ, и псковичи были еще такъ тѣсно связаны съ Новгородомъ, какъ своею митрополіею, и настолько не сложились въ отдѣльное независимое цѣлое, что не могли или не рѣшались дѣйствовать иначе, какъ подъ руководстомъ и при поддержкѣ хотя какой либо партіи изъ Новгорода.

Такимъ образомъ борьба новгородскихъ партій, въ которой и псковичи принимали большое участіе, вертѣлась главнымъ образомъ на доставленіи торжества тому или другому лицу изъ претендентовъ на новгородскій княжескій столъ; потому то, удаляясь послѣ пораженія на новгородскомъ вѣчѣ во Псковъ съ своими новгородскими единомышленниками, старались привлечь туда же и поддерживаемаго ими претендента, въ надеждѣ посадить его на новгородскій столъ въ ближайшемъ будущемъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, во Псковѣ, какъ мы видѣли, неожиданно появлялся отдѣльный князь и успѣшно держался тамъ, не смотря на все негодованіе старѣйшаго города; но было бы, однако, совершенно

неосновательно считать подобнаго князя за псковскаго и искать въ этомъ фактѣ какой либо перемѣны въ псковскомъ устройствѣ. Подобные князья, какъ Всеволодъ Мстиславовичъ и его братъ Святополкъ, и во Псковѣ оставались ничѣмъ инымъ, какъ *претендентами* на новгородскій столъ, призывались во Псковъ не съ тѣмъ, чтобы тамъ княжить, а чтобы перейти при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ самый Новгородъ, держались тамъ не одними псковичами, но и новгородскою партіею, и скоро оставляли Псковъ, если дѣла въ Новгородѣ долго не принимали благопріятнаго для нихъ оборота, послѣ чего первый самъ собою снова возвращался въ разрядъ простыхъ новгородскихъ пригородовъ.

Подобно всѣмъ пригородскимъ князьямъ, и псковскій князь былъ ничѣмъ инымъ, какъ кормленщикомъ, получавшимъ съ Псковской области хлѣбъ и обязаннымъ за то защищать послѣднюю при помощи своей дружины отъ внезапныхъ непріятельскихъ нашествій. Но главнымъ источникомъ для доходовъ князя служилъ въ древней Руси судъ, который составлялъ естественную принадлежность и псковскаго кормленщика. Новгородцамъ приходилось заботиться только о томъ, чтобы при сборѣ судебныхъ пошлинъ князь не выступалъ изъ опредѣленныхъ предѣловъ. Поэтому весьма вѣроятно предположеніе, что на судѣ псковскаго князя присутствовали псковскій посадникъ и сотскіе; посадникъ, какъ и князь, присылался во Псковъ изъ Новгорода, а сотскіе, которыхъ во Псковѣ было нѣсколько, представляли, сообразно съ общими характеромъ старостъ, выборныхъ мѣстныхъ людей. Такимъ образомъ, въ званіи сотскихъ во Псковѣ впервые правительственнымъ лицамъ, назначаемымъ изъ старѣйшаго города, противоставлялся мѣстный элементъ: князь и посадникъ были для псковичей людьми совершенно чужими, тогда какъ сотскіе—своею братьею, согражданами; поэтому сотскіе, какъ псковичи, естественно дѣлались коноводами мѣстныхъ жителей въ случаѣ столкновеній ихъ съ властями старѣйшаго города, особенно въ случаѣ назначенія послѣднимъ князей, неугодныхъ Пскову.

Если назначеніемъ своихъ подручныхъ князей новгородцы и усиливали нѣсколько оборонительныя средства Пскова, за то одновременно съ этимъ, и даже въ большемъ размѣрѣ, усиливались и внѣшнія затрудненія послѣдняго: къ числу его старыхъ враговъ, Чуди, Ливи и Летголы, присоединился еще со второй половины XII вѣка новый и притомъ гораздо болѣе опасный врагъ—нѣмцы, врагъ, поддерживаемый строго организованнымъ военно-религіознымъ братствомъ подъ именемъ рыцарей меча, или ордена Меченосцевъ, и притомъ такой врагъ, который постоянно подкрѣплялъ и пополнялъ убыль своихъ воиновъ и колонистовъ наплывомъ пришельцевъ изъ разныхъ краевъ Германіи, которые толпами шли въ Ливонію по зову папы крестить язычниковъ. Но, вмѣсто того чтобы принять рѣшительныя мѣры противъ новаго врага и прочно установить отношенія всей земли своей къ западнымъ сосѣдямъ, великій Новгородъ ограничивалъ свою дѣятельность по защитѣ страны совершеніемъ отдѣльныхъ походовъ на непріятеля, опустошеніемъ сосѣднихъ земель и полученіемъ богатой дани, полагая, что враги затѣмъ не посмѣютъ болѣе нападать на Псковскую область. Но едва только полки новгородскіе удалялись на родину, какъ псковичамъ въ свою очередь приходилось дѣлаться добычею непріятеля и подвергаться неоднократнымъ вторженіямъ, которыя принимали тѣмъ болѣе грозный характеръ, что новый врагъ

ихъ, нѣмцы, не ограничивался, подобно Новгороду, однимъ сборомъ богатой добычи, а старался стать твердою ногой на самой псковской землѣ и даже, при помощи новгородца Твердила Иванковича, успѣлъ на время проникнуть въ самый Псковъ и посадить тамъ своихъ тіуновъ; только благодаря мужеству Александра Невскаго, псковичамъ удалось избавиться отъ ига послѣднихъ. Такимъ образомъ борьба съ сосѣдними народами, составлявшая одинаковую задачу какъ для Новгорода, такъ и для Пскова, сопровождалась однако для нихъ совершенно различными результатами: новгородцы выходили изъ борьбы съ богатою добычею, которую и спѣшили подѣлить между собою и княжескою дружиной, тогда какъ псковичамъ, забываемымъ обыкновенно при дѣлежѣ дани, приходилось только нести месть со стороны ограбленныхъ новгородцами сосѣдей. Понятно, что подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, отношенія Пскова къ Новгороду должны были подвергнуться существенной перемѣнѣ, что псковичи, будучи плохо обороняемы новгородцами, естественно должны были придти къ сознанію своей мѣстной особности, къ необходимости искать въ самихъ себѣ средствъ къ защитѣ и прежде всего устранить себя отъ всякаго участія въ дѣлахъ новгородскаго вѣча, такъ какъ посѣщеніе вѣча, въ виду постоянной опасности, сдѣлалось крайне затруднительнымъ.

Но сознаніе мѣстной особности не могло не отозваться какъ на отношеніяхъ Пскова къ Великому Новгороду, такъ и на самомъ составѣ вліятельнаго во Псковѣ элемента. До сихъ поръ, вслѣдствіе общности интересовъ псковичей съ новгородцами, въ псковской жизни немалымъ вліяніемъ пользовались новгородскіе изгнанники; теперь же, съ отреченіемъ псковичей отъ участія въ дѣлахъ новгородскаго вѣча, такое вліяніе сдѣлалось неумѣстнымъ, а потому съ этого времени самъ собой прекратился приливъ во Псковъ новгородскихъ изгнанниковъ тѣмъ болѣе, что послѣдніе слишкомъ эгоистично преслѣдовали свои личныя цѣли и для осуществленія ихъ не пренебрегали даже наведеніемъ на Псковъ иноземцевъ. Такъ приверженцы новгородца Бориса Нѣгоцевича, изгнанные изъ Пскова по случаю примиренія послѣднихъ съ Новгородомъ, овладѣли въ 1233 г. пригородомъ Пскова Изборскомъ, при помощи князя Ярослава Владиміровича и нѣмцевъ; а новгородецъ Твердило Иванковичъ, явившись во Псковъ, послѣ паденія своей фамиліи въ Новгородѣ, изгнанникомъ, а можетъ быть и новгородскимъ пригородскимъ посадникомъ, навелъ нѣмцевъ даже на самый Псковъ и сталъ управлять имъ отъ имени нѣмцевъ. Псковъ чуть не сдѣлался нѣмецкою провинціею. Но не даромъ псковичи перенесли этотъ тяжелый опытъ: они поняли, что жить такъ, какъ они жили до того времени, не годится, что надо начинать новую жизнь, и начали съ того, что не только окончательно раздѣлились съ руководившею ихъ до того времени новгородскою партіей бояръ, но и на своихъ псковскихъ бояръ стали смотрѣть не такъ, какъ смотрѣли на нихъ прежде. Измѣнническая передача Пскова нѣмцамъ въ 1240 году совершенно измѣнила отношенія вѣча къ боярамъ и выборнымъ или присылаемымъ изъ Новгорода властямъ. Бояре, большею частію друзья и родственники новгородской партіи, сдавшей Псковъ нѣмцамъ, и сами замѣшанные въ этой сдачѣ, естественно лишились того довѣрія, которымъ такъ долго пользовались у псковскаго вѣча; выборныя или присланныя изъ Новгорода власти, не умѣвшія или не хотѣвшія

открыть измѣну и тѣмъ спасти Псковъ отъ нѣмцевъ, подверглись той же участи, какъ и псковскіе бояре. Псковское вѣче, не вступая въ борьбу ни съ тѣми, ни съ другими, и даже не преслѣдуя тѣхъ, участіе которыхъ въ измѣнѣ было извѣстно, сдѣлало только то, что перестало признавать ихъ своими руководителями и голоса ихъ сравняло съ голосами меньшихъ людей; такъ что преобладаніе на псковскомъ вѣчѣ стало мало по малу переходить на сторону послѣднихъ, и Псковъ мало по малу обратился въ чисто демократическую общину, хотя и не уничтожилъ у себя аристократіи и ей преимуществено предоставилъ важное право выборной службы. Псковичамъ тѣмъ удобнѣе было это сдѣлать, что псковская аристократія въ прежнее время держалась преимущественно новгородскою боярскою партіею и, по пораженіи этой партіи, потеряла эту главнѣйшую свою опору.

Устраненіе отъ дѣятельнаго участія въ новгородской жизни не могло не отразиться и на самомъ взглядѣ псковичей на новгородское владычество. До сихъ поръ за подчиненіе свое великому Новгороду псковичи вознаграждались только тѣмъ вліяніемъ, которое оказывали они, въ качествѣ новгородскихъ гражданъ, на дѣла новгородскаго вѣча; естественно, что когда возможность вліянія была устранена, тогда и самое господство великаго Новгорода теряло въ глазахъ псковичей значительную долю своей законности и превращалось въ простое внѣшнее иго. Особенно отяготительными были для Пскова, какъ для пригорода, права старѣйшаго города призывать пригорожанъ къ себѣ на судъ въ Новгородъ и посылать оттуда во Псковъ своихъ намѣстниковъ: первое—потому, что отрывало псковичей отъ мѣстной дѣятельности; второе же—потому, что присланные изъ Новгорода намѣстники рѣдко отвѣчали желаніямъ и нуждамъ псковичей. Поэтому, какъ бы въ вознагражденіе за утрату своего вліянія въ Новгородѣ, псковичи начинаютъ теперь стремиться къ пріобрѣтенію вліянія на ходъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ и заявлять о своихъ притязаніяхъ на право участія въ избраніи собственныхъ князей, первоначально, правда, не болѣе какъ въ формѣ простой просьбы: они начинатъ выражать предъ новгородскимъ княземъ свое желаніе имѣть новгородскимъ намѣстникомъ то или другое лицо изъ окружавшей его свиты. Но такъ какъ, прося, они могли и не получить тѣхъ лицъ, которыхъ просили, или получить другихъ, то съ теченіемъ времени псковичи уже сами начинаютъ выбирать своихъ князей, не справляясь ни мало съ желаніями великаго Новгорода.

Не смотря на этотъ несомнѣнный поворотъ въ событіяхъ, не слѣдуетъ, однакожь, преувеличивать значеніе этого поворота, видѣть въ немъ доказательство утвержденія во Псковѣ самобытности: съ этимъ поворотомъ нимало не связывалось не только никакого измѣненія въ существенномъ характерѣ княжеской власти во Псковѣ, но даже простой перемѣны въ отношеніяхъ псковскихъ князей къ Великому Новгороду. Псковъ по прежнему оставался новгородскимъ пригородомъ, равно какъ и князья его продолжали носить характеръ новгородскихъ намѣстниковъ; измѣнился только одинъ способъ назначенія этихъ намѣстниковъ: вмѣсто присылки изъ Новгорода, намѣстники стали теперь по временамъ и выборными—послѣдняя уступка, которою Великій Новгородъ старался удержать свою власть надъ пригородами. Дѣйствительно, постоянныя неудовольствія, которыя возбуждало противъ себя усиленіе новгородскаго

вліянія на ходъ мѣстныхъ дѣлъ, нерѣдко заставляли новгородцевъ, тревожимыхъ вдобавокъ вѣчными интригами своихъ партій, не только смотрѣть сквозь пальцы на проявленіе мѣстной самостоятельности, именно на отказъ пригородовъ принимать новгородскихъ посадниковъ, на изгнаніе присланныхъ изъ Новгорода властей и на безчестіе ихъ свиты, но даже допускать и положительное вмѣшательство пригородовъ въ сферу собственныхъ распоряженій, въ самое назначеніе областныхъ правителей. Въ такихъ случаяхъ, вмѣсто преслѣдованія князей, самовольно избранныхъ въ пригородахъ, новгородцы предпочитали временами признавать ихъ своими намѣстниками, чтобы только не возбуждать въ пригородѣ бунта и нимало не рисковать цѣлостью своей территоріи, тѣмъ болѣе, что чрезъ это признаніе они сохраняли за собою право назначенія вновь, по смерти или удаленіи выборнаго князя, своихъ собственныхъ намѣстниковъ. Въ примѣръ князей, носившихъ во Псковѣ характеръ выборныхъ новгородскихъ намѣстниковъ и получившихъ признаніе со стороны великаго Новгорода, можетъ быть приведенъ Довмонтъ, княжившій во Псковѣ почти всю вторую половину XIII столѣтія. Довмонтъ былъ литовскій выходецъ, котораго псковичи, послѣ изгнанія новгородскаго намѣстника Святослава Ярославича, посадили на свой столъ, не спросясь у Великаго Новгорода. Это случилось вотъ какъ: когда въ Литвѣ въ 1263 г. былъ убитъ своими родственниками великій князь литовскій Миндовгъ, и между его родственниками началась страшная рѣзня, которая заставила многихъ знатныхъ литовцевъ бѣжать изъ отечества въ чужія страны, то въ числѣ такихъ бѣглецовъ въ 1266 году пришелъ во Псковъ князь Довмонтъ съ своею дружиною въ 300 человѣкъ и со всѣми ихъ семействами, ища себѣ пріюта и спасая свою голову отъ злыхъ враговъ. Псковичи и тогдашній ихъ князь Святославъ радушно приняли Довмонта и его дружину, убѣдили ихъ оставить языческую вѣру и принять святое крещеніе, на что они и согласились, и Довмонтъ въ св. крещеніи получилъ имя Тимоѳея. Затѣмъ псковское вѣче, поразмысливши, что съ безпріютнымъ и непритязательнымъ Довмонтомъ будетъ легче ладить, чѣмъ съ великокняжескимъ сыномъ Святославомъ, имѣвшимъ опору въ своемъ отцѣ, посадило Довмонта на псковскій престолъ, а Святослава попросило оставить Псковъ. Довмонтъ былъ именно такимъ княземъ, въ какомъ нуждался Псковъ. Съ одной стороны, беззавѣтная храбрость, не справлявшаяся о числѣ враговъ, и умѣніе вести военныя дѣла ставили Довмонта незамѣнимымъ бойцомъ за землю псковскую и ея свободу, а съ другой стороны, безпріютное положеніе Довмонта и самый его характеръ, тихій и уступчивый, обезпечивали псковское вѣче отъ притязаній княжеской власти. Поэтому тридцати-четырехлѣтнее безпрерывное княженіе Довмонта было самымъ блестящимъ временемъ во всей псковской исторіи. Князь Ярославъ, братъ изгнаннаго псковичами Святослава, совѣтовалъ новгородцамъ идти съ его полками, нарочно призванными съ Низу, на Псковъ для изгнанія Довмонта; но новгородцы не послѣдовали совѣту Ярослава и предпочли признать Довмонта своимъ намѣстникомъ, тѣмъ болѣе, что удачною борьбою съ сосѣдями, а именно съ литовцами и особенно съ нѣмцами, Довмонтъ уже на первыхъ порахъ не только успѣлъ оправдать мѣткость выбора псковичей, но и сдѣлалъ весьма желательнымъ признаніе его княземъ со стороны самого Великаго Новгорода. И дѣйствительно, безустанной борьбой за свое новое отече-

ство Довмонтъ не только запечатлѣлъ надолго въ памяти псковичей свой идеальный образъ, но даже въ самомъ Новгородѣ оставилъ по себѣ славу неутомимаго труженника за св. Софію и св. Троицу. Оттого со смертью Довмонта самъ собою возстановлялся старый порядокъ во Псковѣ: вновь вмѣсто выборныхъ князей являются намѣстники, назначенные Великимъ Новгородомъ. Въ началѣ XIV ст. и посадники во Псковѣ дѣлаются выборными; но между тѣмъ какъ княжеское званіе, со смертью выборнаго князя, легко теряло свой выборный характеръ, посадничество сохраняло усвоенную имъ новую форму даже и при новгородскихъ намѣстникахъ: въ примѣръ можно указать на посадника Бориса, семья котораго и впослѣдствіи доставляла Пскову посадниковъ.

Такимъ образомъ, вплоть до конца первой четверти XIV вѣка новгородцы умѣли сохранить за собою власть надъ Псковомъ и въ управленіи послѣднимъ мало въ чемъ отступали отъ обыкновеннаго областнаго порядка, посылали туда своихъ посадниковъ и служебныхъ князей, какъ и во всѣ остальные пригороды; а если временами и случалось, что во Псковѣ появлялись князья, повидимому, независимые отъ великаго Новгорода, то такіе князья были ничѣмъ инымъ, какъ претендентами на новгородскій столъ, какъ напр. Святополкъ Мстиславичъ, или же тотчасъ послѣ своего избранія псковичами получали признаніе со стороны великаго Новгорода, какъ Довмонтъ. Признанію выборныхъ князей псковскихъ новгородскими намѣстниками содѣйствовало въ особенности то обстоятельство, что первые были обыкновенно изгнанниками, порвавшими всякую связь съ родиной и потому не обязывавшими псковичей никакою зависимостью, трудно соединимою съ ихъ подчиненіемъ Великому Новгороду. Но лишь только псковичи, для которыхъ князья изгнанники представляли весьма мало выгодъ, такъ какъ все значеніе ихъ заключалось въ ихъ личной храбрости и дружинѣ, не всегда значительной, стали въ началѣ XIV вѣка выбирать себѣ князей изъ Литвы, въ надеждѣ получить оттуда вмѣстѣ съ княземъ и военную помощь, то тотчасъ же отношенія псковичей къ великому Новгороду должны были подвергнуться существенной перемѣнѣ. Помѣщеніе на псковскомъ столѣ князей, призванныхъ изъ Литвы, не только дѣлало невозможнымъ признаніе ихъ новгородскими намѣстниками, но и ставило псковичей въ нѣкоторую зависимость отъ великихъ князей литовскихъ, такъ что послѣдніе съ этихъ поръ начинаютъ уже считать Псковъ въ числѣ своихъ русскихъ владѣній. Такимъ образомъ ходомъ всей своей предшествующей исторіи Псковъ, повидимому, былъ приведенъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которыми въ другихъ пригородахъ обыкновенно обнаруживались неудовольствія противъ старѣйшаго города, то есть, въ передачѣ подъ защиту какого либо сосѣдняго владѣльца; однако, въ сущности, появленіе во Псковѣ литовскихъ князей, изъ которыхъ первымъ былъ кажется, нѣкій Давыдко въ 1323 году, имѣло смыслъ не столько подчиненія Литвѣ, сколько вызова старѣйшему брату, было равнозначительно съ провозглашеніемъ полнаго разрыва съ Великимъ Новгородомъ. Потому и новгородцы отвѣчали на принятіе Давыдка заключеніемъ дружбы съ нѣмцами и противопоставленіемъ союзу псковичей съ Литвою собственнаго союза съ нѣмцами, имѣвшаго цѣлью принудить Псковъ отстать отъ литовцевъ и воротиться снова подъ новгородскую опеку. Въ этой борьбѣ, представляющей послѣдній актъ во взаимныхъ отно-

шеніяхъ пригородовъ и старѣйшаго города и продолжавшейся около двадцати лѣтъ, вѣроятность успѣха первоначально была почти вся на сторонѣ Великаго Новгорода, такъ что заранѣе никакъ нельзя было предугадать ея конечнаго исхода; но уже въ скоромъ времени собственная слабость Великаго Новгорода, раздѣленіе его на враждовавшія между собою партіи, особенно же недостатокъ силъ для защиты своей земли отъ сосѣднихъ народовъ,—причины, уже и раньше содѣйствовавшія развитію во Псковѣ мѣстной самодѣятельности—привели къ окончательному улаженію долгихъ недоразумѣній со Псковомъ и къ признанію самобытности послѣдняго старѣйшимъ городомъ.

Когда въ 1323 году Псковъ находился въ крайне стѣсненномъ положеніи вслѣдствіе нападенія нѣмцевъ, и новгородцы, не смотря на мольбы псковичей о помощи, не пришли къ нему на выручку, то Псковъ, освободившись отъ бѣды своими собственными средствами при помощи литовцевъ, приведенныхъ Давыдкомъ, круто измѣнилъ свои отношенія къ Новгороду, и хотя явно не разрывалъ прежнихъ связей, но уже не соединялъ своихъ дѣлъ съ новгородскими, мирился и воевалъ съ сосѣдями, не сносясь съ Новгородомъ, и вродолженіе двадцати пяти лѣтъ уже ни разу не посылалъ своихъ войскъ по требованію новгородскаго вѣча, да и самъ просилъ помощи у Новгорода, именно противъ нѣмцевъ, только одинъ разъ, въ 1342 году; но, не получивъ ея и на этотъ разъ, заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ Ольгердомъ и взялъ себѣ въ князья его сына Андрея. Такимъ образомъ, Псковъ съ 1323 года въ сущности пересталъ быть пригородомъ Новгорода, успѣлъ сложиться такъ, чтобы быть независимымъ и самостоятельнымъ, и уже былъ признанъ таковымъ отъ всѣхъ сосѣдей, исключая Новгорода. Наконецъ и до Новгорода дошла очередь признать полную независимость и самостоятельность Пскова и отказаться торжественно отъ своихъ притязаній на него, какъ на пригородъ. Въ 1345 году шведскій король Магнусъ сдѣлалъ нашествіе на Новгородскую землю съ тѣмъ, чтобы обратить новгородцевъ въ латинскую вѣру и подчинить себѣ. Онъ привелъ многочисленное войско, собранное со всѣхъ шведскихъ владѣній, и уже занялъ Ижору и Орѣшекъ. Новгородцы были въ крайности, у нихъ нигдѣ не было союзниковъ, и въ этой крайности они обратились за помощью къ псковичамъ, уже не какъ къ своему пригороду, а какъ къ добрымъ сосѣдямъ и братьямъ по крови и по вѣрѣ: но, опасаясь, что и псковичи имъ откажутъ такъ же, какъ они сами отказали псковичамъ пять лѣтъ тому назадъ, они заключили формальный договоръ съ псковичами на Болотовѣ, по которому признали Псковъ *молодшимъ братомъ* Новгороду и постановили: посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить, а отъ владыки новгородскаго быть намѣстникомъ непремѣнно псковитянину, а отнюдь не новгородцу, и изъ Новгорода не звать псковичей ни черезъ дворянъ, ни черезъ подвойскихъ, ни черезъ софьянъ, ни черезъ извѣтниковъ и бирючей, т. е. не вызывать псковичей на судъ въ Новгородъ ни по частнымъ, ни по общественнымъ, ни по церковнымъ дѣламъ. Получивши такое важное и полное признаніе своихъ правъ отъ самого Новгорода, псковичи немедленно снарядили войско и, подъ предводительствомъ своего знаменитаго посадника Иліи, отправили его на помощь новгородцамъ осаждать Орѣшекъ, занятый шведами, и тѣмъ самымъ закрѣпили свой договоръ. Такимъ образомъ съ 1348 года на-

чинается новая жизнь Пскова: онъ получаетъ формальное утвержденіе прежде уже существовавшаго на дѣлѣ права дѣйствовать независимо и самостоятельно, безъ отношеній къ Новгороду, своей прежней митрополіи. Послѣ болотовскаго договора новгородцы уже не могли писать псковичей безъ ихъ согласія въ свои договоры съ другими владѣтелями и налагать на нихъ какія либо обязательства. Со времени болотовскаго договора всякія притязанія Новгорода на верховенство надъ Псковомъ прекратились сами собою.

Первая половина XIV столѣтія была не только періодомъ внѣшней борьбы Пскова за независимость, но и временемъ усиленной внутренной жизни, эпохою, въ которую, одновременно съ борьбою противъ Новгорода и его союзниковъ, опредѣлялись и основныя черты псковскаго общественнаго устройства. Будучи все предшествующее время простымъ новгородскимъ пригородомъ, Псковъ, естественно, долженъ былъ подчиняться во всемъ чужому порядку, слѣдовать во всемъ принесеннымъ извнѣ новгородскимъ пошлинамъ и обычаямъ; теперь же наступило время думать и о заведеніи *своей собственной пошлины.*

L. ИЗЪ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ.

Эта грамота составлена изъ грамотъ великаго князя Александра (Невскаго) и князя Константина (Дмитріевича), и изъ добавленій, сообразныхъ со старыми обычаями псковскими, по благословленію отцевъ нашихъ духовныхъ всѣхъ пяти соборовъ, и священно-иноковъ, и дьяконовъ, и священниковъ, и всего духовенства, и утверждена всѣми псковичами на вѣчѣ въ годъ 6905 (1397).

1. Вотъ что о судѣ княжескомъ. Если произойдетъ воровство изъ запертаго амбара, или изъ прикрытыхъ саней или воза, или изъ-подъ палубы лодки, или изъ ямы, если украденъ будетъ скотъ, или сѣно со стога, то во всѣхъ этихъ случаяхъ судъ принадлежитъ князю, причемъ пошлины 9 гривенъ; при разбоѣ, нападеніи, грабежѣ 9 гривенъ, княжской пошлины 19 денегъ, да посаднику 4 деньги.

2. Владычинъ намѣстникъ имѣетъ свой судъ, а на этомъ суду не судить ни князю, ни судьямъ; намѣстнику владычину не судить княжьяго суда.

3. Поступая на посадничество, посадникъ долженъ крестъ цѣловать въ томъ, что будетъ судить право, сообразно съ крестнымъ цѣлованіемъ, не будетъ прельщатся взятками, мстить судомъ кому либо, рѣшать дѣла по родству, не будетъ губить праваго и покровительствовать виновному; безъ слѣдствія не должно губить человѣка ни на судѣ, ни на вѣчѣ.

4. Князь и посадникъ на вѣчѣ не судятъ; они судятъ у князя во дворцѣ, сообразно законамъ, по крестному цѣлованію; а если станутъ судить не по правдѣ, пусть Богъ будетъ имъ судья на второмъ пришествіи Христовомъ; тайныхъ взятокъ не брать ни князю, ни посаднику.

5. Княжескій человѣкъ, отправляющійся намѣстникомъ въ пригородъ, долженъ цѣловать крестъ въ томъ, что Пскову будетъ хотѣть добра, будетъ судить по закону, по крестному цѣлованію.

ихъ, нѣмцы, не ограничивался, подобно Новгороду, однимъ сборомъ богатой добычи, а старался стать твердою ногой на самой псковской землѣ и даже, при помощи новгородца Твердила Иванковича, успѣлъ на время проникнуть въ самый Псковъ и посадить тамъ своихъ тіуновъ; только благодаря мужеству Александра Невскаго, псковичамъ удалось избавиться отъ ига послѣднихъ. Такимъ образомъ борьба съ сосѣдними народами, составлявшая одинаковую задачу какъ для Новгорода, такъ и для Пскова, сопровождалась однако для нихъ совершенно различными результатами: новгородцы выходили изъ борьбы съ богатою добычею, которую и спѣшили подѣлить между собою и княжескою дружиной, тогда какъ псковичамъ, забываемымъ обыкновенно при дѣлежѣ дани, приходилось только нести месть со стороны ограбленныхъ новгородцами сосѣдей. Понятно, что подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, отношенія Пскова къ Новгороду должны были подвергнуться существенной перемѣнѣ, что псковичи, будучи плохо обороняемы новгородцами, естественно должны были придти къ сознанію своей мѣстной особенности, къ необходимости искать въ самихъ себѣ средствъ къ защитѣ и прежде всего устранить себя отъ всякаго участія въ дѣлахъ новгородскаго вѣча, такъ какъ посѣщеніе вѣча, въ виду постоянной опасности, сдѣлалось крайне затруднительнымъ.

Но сознаніе мѣстной особенности не могло не отозваться какъ на отношеніяхъ Пскова къ Великому Новгороду, такъ и на самомъ составѣ вліятельнаго во Псковѣ элемента. До сихъ поръ, вслѣдствіе общности интересовъ псковичей съ новгородцами, въ псковской жизни немалымъ вліяніемъ пользовались новгородскіе изгнанники; теперь же, съ отреченіемъ псковичей отъ участія въ дѣлахъ новгородскаго вѣча, такое вліяніе сдѣлалось неумѣстнымъ, а потому съ этого времени самъ собой прекратился приливъ во Псковъ новгородскихъ изгнанниковъ тѣмъ болѣе, что послѣдніе слишкомъ эгоистично преслѣдовали свои личныя цѣли и для осуществленія ихъ не пренебрегали даже наведеніемъ на Псковъ иноземцевъ. Такъ приверженцы новгородца Бориса Нѣгоцевича, изгнанные изъ Пскова по случаю примиренія послѣднихъ съ Новгородомъ, овладѣли въ 1233 г. пригородомъ Пскова Изборскомъ, при помощи князя Ярослава Владиміровича и нѣмцевъ; а новгородецъ Твердило Иванковичъ, явившись во Псковъ, послѣ паденія своей фамиліи въ Новгородѣ, изгнанникомъ, а можетъ быть и новгородскимъ пригородскимъ посадникомъ, навелъ нѣмцевъ даже на самый Псковъ и сталъ управлять имъ отъ имени нѣмцевъ. Псковъ чуть не сдѣлался нѣмецкою провинціею. Но не даромъ псковичи перенесли этотъ тяжелый опытъ: они поняли, что жить такъ, какъ они жили до того времени, не годится, что надо начинать новую жизнь, и начали съ того, что не только окончательно раздѣлились съ руководившею ихъ до того времени новгородскою партіей бояръ, но и на своихъ псковскихъ бояръ стали смотрѣть не такъ, какъ смотрѣли на нихъ прежде. Измѣнническая передача Пскова нѣмцамъ въ 1240 году совершенно измѣнила отношенія вѣча къ боярамъ и выборнымъ или присылаемымъ изъ Новгорода властямъ. Бояре, большею частію друзья и родственники новгородской партіи, сдавшей Псковъ нѣмцамъ, и сами замѣшанные въ этой сдачѣ, естественно лишились того довѣрія, которымъ такъ долго пользовались у псковскаго вѣча; выборныя или присланныя изъ Новгорода власти, не умѣвшія или не хотѣвшія

открыть измѣну и тѣмъ спасти Псковъ отъ нѣмцевъ, подверглись той же участи, какъ и псковскіе бояре. Псковское вѣче, не вступая въ борьбу ни съ тѣми, ни съ другими, и даже не преслѣдуя тѣхъ, участіе которыхъ въ измѣнѣ было извѣстно, сдѣлало только то, что перестало признавать ихъ своими руководителями и голоса ихъ сравняло съ голосами меньшихъ людей; такъ что преобладаніе на псковскомъ вѣчѣ стало мало по малу переходить на сторону послѣднихъ, и Псковъ мало по малу обратился въ чисто демократическую общину, хотя и не уничтожилъ у себя аристократіи и ей преимуществено предоставилъ важное право выборной службы. Псковичамъ тѣмъ удобнѣе было это сдѣлать, что псковская аристократія въ прежнее время держалась преимущественно новгородскою боярскою партіею и, по пораженіи этой партіи, потеряла эту главнѣйшую свою опору.

Устраненіе отъ дѣятельнаго участія въ новгородской жизни не могло не отразиться и на самомъ взглядѣ псковичей на новгородское владычество. До сихъ поръ за подчиненіе свое великому Новгороду псковичи вознаграждались только тѣмъ вліяніемъ, которое оказывали они, въ качествѣ новгородскихъ гражданъ, на дѣла новгородскаго вѣча; естественно, что когда возможность вліянія была устранена, тогда и самое господство великаго Новгорода теряло въ глазахъ псковичей значительную долю своей законности и превращалось въ простое внѣшнее иго. Особенно отяготительными были для Пскова, какъ для пригорода, права старѣйшаго города призывать пригорожанъ къ себѣ на судъ въ Новгородъ и посылать оттуда во Псковъ своихъ намѣстниковъ: первое—потому, что отрывало псковичей отъ мѣстной дѣятельности; второе же—потому, что присланные изъ Новгорода намѣстники рѣдко отвѣчали желаніямъ и нуждамъ псковичей. Поэтому, какъ бы въ вознагражденіе за утрату своего вліянія въ Новгородѣ, псковичи начинаютъ теперь стремиться къ пріобрѣтенію вліянія на ходъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ и заявлять о своихъ притязаніяхъ на право участія въ избраніи собственныхъ князей, первоначально, правда, не болѣе какъ въ формѣ простой просьбы: они начинатъ выражать предъ новгородскимъ княземъ свое желаніе имѣть новгородскимъ намѣстникомъ то или другое лицо изъ окружавшей его свиты. Но такъ какъ, прося, они могли и не получить тѣхъ лицъ, которыхъ просили, или получить другихъ, то съ теченіемъ времени псковичи уже сами начинаютъ выбирать своихъ князей, не справляясь ни мало съ желаніями великаго Новгорода.

Не смотря на этотъ несомнѣнный поворотъ въ событіяхъ, не слѣдуетъ, однакожь, преувеличивать значеніе этого поворота, видѣть въ немъ доказательство утвержденія во Псковѣ самобытности: съ этимъ поворотомъ нимало не связывалось не только никакого измѣненія въ существенномъ характерѣ княжеской власти во Псковѣ, но даже простой перемѣны въ отношеніяхъ псковскихъ князей къ Великому Новгороду. Псковъ по прежнему оставался новгородскимъ пригородомъ, равно какъ и князья его продолжали носить характеръ новгородскихъ намѣстниковъ; измѣнился только одинъ способъ назначенія этихъ намѣстниковъ: вмѣсто присылки изъ Новгорода, намѣстники стали теперь по временамъ и выборными—послѣдняя уступка, которою Великій Новгородъ старался удержать свою власть надъ пригородами. Дѣйствительно, постоянныя неудовольствія, которыя возбуждало противъ себя усиленіе новгородскаго

вліянія на ходъ мѣстныхъ дѣлъ, нерѣдко заставляли новгородцевъ, тревожимыхъ вдобавокъ вѣчными интригами своихъ партій, не только смотрѣть сквозь пальцы на проявленіе мѣстной самостоятельности, именно на отказъ пригородовъ принимать новгородскихъ посадниковъ, на изгнаніе присланныхъ изъ Новгорода властей и на безчестіе ихъ свиты, но даже допускать и положительное вмѣшательство пригородовъ въ сферу собственныхъ распоряженій, въ самое назначеніе областныхъ правителей. Въ такихъ случаяхъ, вмѣсто преслѣдованія князей, самовольно избранныхъ въ пригородахъ, новгородцы предпочитали временами признавать ихъ своими намѣстниками, чтобы только не возбуждать въ пригородѣ бунта и нимало не рисковать цѣлостью своей территоріи, тѣмъ болѣе, что чрезъ это признаніе они сохраняли за собою право назначенія вновь, по смерти или удаленіи выборнаго князя, своихъ собственныхъ намѣстниковъ. Въ примѣръ князей, носившихъ во Псковѣ характеръ выборныхъ новгородскихъ намѣстниковъ и получившихъ признаніе со стороны великаго Новгорода, можетъ быть приведенъ Довмонтъ, княжившій во Псковѣ почти всю вторую половину XIII столѣтія. Довмонтъ былъ литовскій выходецъ, котораго псковичи, послѣ изгнанія новгородскаго намѣстника Святослава Ярославича, посадили на свой столъ, не спросясь у Великаго Новгорода. Это случилось вотъ какъ: когда въ Литвѣ въ 1263 г. былъ убитъ своими родственниками великій князь литовскій Миндовгъ, и между его родственниками началась страшная рѣзня, которая заставила многихъ знатныхъ литовцевъ бѣжать изъ отечества въ чужія страны, то въ числѣ такихъ бѣглецовъ въ 1266 году пришелъ во Псковъ князь Довмонтъ съ своею дружиною въ 300 человѣкъ и со всѣми ихъ семействами, ища себѣ пріюта и спасая свою голову отъ злыхъ враговъ. Псковичи и тогдашній ихъ князь Святославъ радушно приняли Довмонта и его дружину, убѣдили ихъ оставить языческую вѣру и принять святое крещеніе, на что они и согласились, и Довмонтъ въ св. крещеніи получилъ имя Тимоѳея. Затѣмъ псковское вѣче, поразмысливши, что съ безпріютнымъ и непритязательнымъ Довмонтомъ будетъ легче ладить, чѣмъ съ великокняжескимъ сыномъ Святославомъ, имѣвшимъ опору въ своемъ отцѣ, посадило Довмонта на псковскій престолъ, а Святослава попросило оставить Псковъ. Довмонтъ былъ именно такимъ княземъ, въ какомъ нуждался Псковъ. Съ одной стороны, беззавѣтная храбрость, не справлявшаяся о числѣ враговъ, и умѣніе вести военныя дѣла ставили Довмонта незамѣнимымъ бойцомъ за землю псковскую и ея свободу, а съ другой стороны, безпріютное положеніе Довмонта и самый его характеръ, тихій и уступчивый, обезпечивали псковское вѣче отъ притязаній княжеской власти. Поэтому тридцати-четырехлѣтнее безпрерывное княженіе Довмонта было самымъ блестящимъ временемъ во всей псковской исторіи. Князь Ярославъ, братъ изгнаннаго псковичами Святослава, совѣтовалъ новгородцамъ идти съ его полками, нарочно призванными съ Низу, на Псковъ для изгнанія Довмонта; но новгородцы не послѣдовали совѣту Ярослава и предпочли признать Довмонта своимъ намѣстникомъ, тѣмъ болѣе, что удачною борьбою съ сосѣдями, а именно съ литовцами и особенно съ нѣмцами, Довмонтъ уже на первыхъ порахъ не только успѣлъ оправдать мѣткость выбора псковичей, но и сдѣлалъ весьма желательнымъ признаніе его княземъ со стороны самого Великаго Новгорода. И дѣйствительно, безустанной борьбой за свое новое отече-

ство Довмонтъ не только запечатлѣлъ надолго въ памяти псковичей свой идеальный образъ, но даже въ самомъ Новгородѣ оставилъ по себѣ славу неутомимаго труженника за св. Софію и св. Троицу. Оттого со смертью Довмонта самъ собою возстановлялся старый порядокъ во Псковѣ: вновь вмѣсто выборныхъ князей являются намѣстники, назначенные Великимъ Новгородомъ. Въ началѣ XIV ст. и посадники во Псковѣ дѣлаются выборными; но между тѣмъ какъ княжеское званіе, со смертью выборнаго князя, легко теряло свой выборный характеръ, посадничество сохраняло усвоенную имъ новую форму даже и при новгородскихъ намѣстникахъ: въ примѣръ можно указать на посадника Бориса, семья котораго и впослѣдствіи доставляла Пскову посадниковъ.

Такимъ образомъ, вплоть до конца первой четверти XIV вѣка новгородцы умѣли сохранить за собою власть надъ Псковомъ и въ управленіи послѣднимъ мало въ чемъ отступали отъ обыкновеннаго областнаго порядка, посылали туда своихъ посадниковъ и служебныхъ князей, какъ и во всѣ остальные пригороды; а если временами и случалось, что во Псковѣ появлялись князья, повидимому, независимые отъ великаго Новгорода, то такіе князья были ничѣмъ инымъ, какъ претендентами на новгородскій столъ, какъ напр. Святополкъ Мстиславичъ, или же тотчасъ послѣ своего избранія псковичами получали признаніе со стороны великаго Новгорода, какъ Довмонтъ. Признанію выборныхъ князей псковскихъ новгородскими намѣстниками содѣйствовало въ особенности то обстоятельство, что первые были обыкновенно изгнанниками, порвавшими всякую связь съ родиной и потому не обязывавшими псковичей никакою зависимостью, трудно соединимою съ ихъ подчиненіемъ Великому Новгороду. Но лишь только псковичи, для которыхъ князья изгнанники представляли весьма мало выгодъ, такъ какъ все значеніе ихъ заключалось въ ихъ личной храбрости и дружинѣ, не всегда значительной, стали въ началѣ XIV вѣка выбирать себѣ князей изъ Литвы, въ надеждѣ получить оттуда вмѣстѣ съ княземъ и военную помощь, то тотчасъ же отношенія псковичей къ великому Новгороду должны были подвергнуться существенной перемѣнѣ. Помѣщеніе на псковскомъ столѣ князей, призванныхъ изъ Литвы, не только дѣлало невозможнымъ признаніе ихъ новгородскими намѣстниками, но и ставило псковичей въ нѣкоторую зависимость отъ великихъ князей литовскихъ, такъ что послѣдніе съ этихъ поръ начинаютъ уже считать Псковъ въ числѣ своихъ русскихъ владѣній. Такимъ образомъ ходомъ всей своей предшествующей исторіи Псковъ, повидимому, былъ приведенъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которыми въ другихъ пригородахъ обыкновенно обнаруживались неудовольствія противъ старѣйшаго города, то есть, въ передачѣ подъ защиту какого либо сосѣдняго владѣльца; однако, въ сущности, появленіе во Псковѣ литовскихъ князей, изъ которыхъ первымъ былъ кажется, нѣкій Давыдко въ 1323 году, имѣло смыслъ не столько подчиненія Литвѣ, сколько вызова старѣйшему брату, было равнозначительно съ провозглашеніемъ полнаго разрыва съ Великимъ Новгородомъ. Потому и новгородцы отвѣчали на принятіе Давыдка заключеніемъ дружбы съ нѣмцами и противопоставленіемъ союзу псковичей съ Литвою собственнаго союза съ нѣмцами, имѣвшаго цѣлью принудить Псковъ отстать отъ литовцевъ и воротиться снова подъ новгородскую опеку. Въ этой борьбѣ, представляющей послѣдній актъ во взаимныхъ отно-

шеніяхъ пригородовъ и старѣйшаго города и продолжавшейся около двадцати лѣтъ, вѣроятность успѣха первоначально была почти вся на сторонѣ Великаго Новгорода, такъ что заранѣе никакъ нельзя было предугадать ея конечнаго исхода; но уже въ скоромъ времени собственная слабость Великаго Новгорода, раздѣленіе его на враждовавшія между собою партіи, особенно же недостатокъ силъ для защиты своей земли отъ сосѣднихъ народовъ,—причины, уже и раньше содѣйствовавшія развитію во Псковѣ мѣстной самодѣятельности—привели къ окончательному улаженію долгихъ недоразумѣній со Псковомъ и къ признанію самобытности послѣдняго старѣйшимъ городомъ.

Когда въ 1323 году Псковъ находился въ крайне стѣсненномъ положеніи вслѣдствіе нападенія нѣмцевъ, и новгородцы, не смотря на мольбы псковичей о помощи, не пришли къ нему на выручку, то Псковъ, освободившись отъ бѣды своими собственными средствами при помощи литовцевъ, приведенныхъ Давыдкомъ, круто измѣнилъ свои отношенія къ Новгороду, и хотя явно не разрывалъ прежнихъ связей, но уже не соединялъ своихъ дѣлъ съ новгородскими, мирился и воевалъ съ сосѣдями, не сносясь съ Новгородомъ, и вродолженіе двадцати пяти лѣтъ уже ни разу не посылалъ своихъ войскъ по требованію новгородскаго вѣча, да и самъ просилъ помощи у Новгорода, именно противъ нѣмцевъ, только одинъ разъ, въ 1342 году; но, не получивъ ея и на этотъ разъ, заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ Ольгердомъ и взялъ себѣ въ князья его сына Андрея. Такимъ образомъ, Псковъ съ 1323 года въ сущности пересталъ быть пригородомъ Новгорода, успѣлъ сложиться такъ, чтобы быть независимымъ и самостоятельнымъ, и уже былъ признанъ таковымъ отъ всѣхъ сосѣдей, исключая Новгорода. Наконецъ и до Новгорода дошла очередь признать полную независимость и самостоятельность Пскова и отказаться торжественно отъ своихъ притязаній на него, какъ на пригородъ. Въ 1345 году шведскій король Магнусъ сдѣлалъ нашествіе на Новгородскую землю съ тѣмъ, чтобы обратить новгородцевъ въ латинскую вѣру и подчинить себѣ. Онъ привелъ многочисленное войско, собранное со всѣхъ шведскихъ владѣній, и уже занялъ Ижору и Орѣшекъ. Новгородцы были въ крайности, у нихъ нигдѣ не было союзниковъ, и въ этой крайности они обратились за помощью къ псковичамъ, уже не какъ къ своему пригороду, а какъ къ добрымъ сосѣдямъ и братьямъ по крови и по вѣрѣ: но, опасаясь, что и псковичи имъ откажутъ такъ же, какъ они сами отказали псковичамъ пять лѣтъ тому назадъ, они заключили формальный договоръ съ псковичами на Болотовѣ, по которому признали Псковъ *молодшимъ братомъ* Новгороду и постановили: посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить, а отъ владыки новгородскаго быть намѣстникомъ непремѣнно псковитянину, а отнюдь не новгородцу, и изъ Новгорода не звать псковичей ни черезъ дворянъ, ни черезъ подвойскихъ, ни черезъ софьянъ, ни черезъ извѣтниковъ и бирючей, т. е. не вызывать псковичей на судъ въ Новгородъ ни по частнымъ, ни по общественнымъ, ни по церковнымъ дѣламъ. Получивши такое важное и полное признаніе своихъ правъ отъ самого Новгорода, псковичи немедленно снарядили войско и, подъ предводительствомъ своего знаменитаго посадника Иліи, отправили его на помощь новгородцамъ осаждать Орѣшекъ, занятый шведами, и тѣмъ самымъ закрѣпили свой договоръ. Такимъ образомъ съ 1348 года на-

чинается новая жизнь Пскова: онъ получаетъ формальное утвержденіе прежде уже существовавшаго на дѣлѣ права дѣйствовать независимо и самостоятельно, безъ отношеній къ Новгороду, своей прежней митрополіи. Послѣ болотовскаго договора новгородцы уже не могли писать псковичей безъ ихъ согласія въ свои договоры съ другими владѣтелями и налагать на нихъ какія либо обязательства. Со времени болотовскаго договора всякія притязанія Новгорода на верховенство надъ Псковомъ прекратились сами собою.

Первая половина XIV столѣтія была не только періодомъ внѣшней борьбы Пскова за независимость, но и временемъ усиленной внутренной жизни, эпохою, въ которую, одновременно съ борьбою противъ Новгорода и его союзниковъ, опредѣлялись и основныя черты псковскаго общественнаго устройства. Будучи все предшествующее время простымъ новгородскимъ пригородомъ, Псковъ, естественно, долженъ былъ подчиняться во всемъ чужому порядку, слѣдовать во всемъ принесеннымъ извнѣ новгородскимъ пошлинамъ и обычаямъ; теперь же наступило время думать и о заведеніи *своей собственной пошлины*.

L. ИЗЪ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ.

Эта грамота составлена изъ грамотъ великаго князя Александра (Невскаго) и князя Константина (Дмитріевича), и изъ добавленій, сообразныхъ со старыми обычаями псковскими, по благословленію отцевъ нашихъ духовныхъ всѣхъ пяти соборовъ, и священно-иноковъ, и дьяконовъ, и священниковъ, и всего духовенства, и утверждена всѣми псковичами на вѣчѣ въ годъ 6905 (1397).

1. Вотъ что о судѣ княжескомъ. Если произойдетъ воровство изъ запертаго амбара, или изъ прикрытыхъ саней или воза, или изъ-подъ палубы лодки, или изъ ямы, если украденъ будетъ скотъ, или сѣно со стога, то во всѣхъ этихъ случаяхъ судъ принадлежитъ князю, причемъ пошлины 9 гривенъ; при разбоѣ, нападеніи, грабежѣ 9 гривенъ, княжской пошлины 19 денегъ, да посаднику 4 деньги.

2. Владычинъ намѣстникъ имѣетъ свой судъ, а на этомъ суду не судить ни князю, ни судьямъ; намѣстнику-владычину не судить княжьяго суда.

3. Поступая на посадничество, посадникъ долженъ крестъ цѣловать въ томъ, что будетъ судить право, сообразно съ крестнымъ цѣлованіемъ, не будетъ прельщаться взятками, мстить судомъ кому либо, рѣшать дѣла по родству, не будетъ губить праваго и покровительствовать виновному; безъ слѣдствія не должно губить человѣка ни на судѣ, ни на вѣчѣ.

4. Князь и посадникъ на вѣчѣ не судятъ; они судятъ у князя во дворцѣ, сообразно законамъ, по крестному цѣлованію; а если станутъ судить не по правдѣ, пусть Богъ будетъ имъ судья на второмъ пришествіи Христовомъ; тайныхъ взятокъ не брать ни князю, ни посаднику.

5. Княжескій человѣкъ, отправляющійся намѣстникомъ въ пригородъ, долженъ цѣловать крестъ въ томъ, что Пскову будетъ хотѣть добра, будетъ судить по закону, по крестному цѣлованію.

6. Если посадникъ будетъ оставлять свою должность, то долженъ самъ окончить свои дѣла и судъ; преемникъ его не долженъ пересуживать его судовъ.

7. Торговаго вора, конокрада, государственнаго измѣнника и поджигателя въ живыхъ не оставлять.

8. За кражу, совершенную на посадѣ, повторенную дважды, не лишать жизни, а, разслѣдовавъ дѣло, наказать по винѣ; но, поймавъ въ третій разъ, лишить жизни; этотъ законъ не относится къ торговому вору.

9. Если будутъ судиться о правѣ собственности на землю или воду, а на той землѣ будетъ дворъ или посѣвъ, и отвѣтчикъ владѣетъ ею 4 или 5 лѣтъ, то онъ, отвѣтчикъ, ссылается на свидѣтельство 4 или 5 сосѣдей; если сосѣди, призванные въ свидѣтели, удостовѣрятъ, что отвѣтчикъ правъ предъ Богомъ, чистъ и владѣетъ землею 4 или 5 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ истецъ не призывалъ его въ судъ и не изъявлялъ притязаній на землю или воду, то отвѣтчикъ остается собственникомъ земли или воды, причемъ съ него не требуется и присяги; истецъ проигрываетъ дѣло, если въ продолженіи этихъ лѣтъ не судился и не заявлялъ о своихъ правахъ.

37. Если судъ назначитъ тяжущимся поле (поединокъ), и на полѣ истецъ побѣдитъ отвѣтчика, то истецъ беретъ съ отвѣтчика слѣдующее по иску, а денегъ за выкупъ трупа не требуетъ, только беретъ съ побѣжденнаго его доспѣхи или что другое, что побѣжденный имѣлъ на себѣ во время боя; съ виновнаго, если бой состоится, пошлину получаетъ князь, а два пристава по 6 денегъ; если противники на полѣ помирятся, и бой не состоится, платится лишь приставамъ по 3 деньги; если отвѣтчикъ побѣдитъ, князь пошлины не получаетъ.

80. Если произойдетъ драка во Псковѣ или на пригородѣ, или въ волости на пиру, или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, но подравшіеся не обратятся къ приставамъ и дѣло уладятъ между собою, то князь не получаетъ пошлины.

88. Если у кого умретъ жена безъ завѣщанія, имѣющая отчину (родовое недвижимое имущество), мужъ владѣетъ этой отчиной пожизненно; но если мужъ вступитъ во второй бракъ, то отчины лишается.

89. Если умретъ мужъ безъ завѣщанія, оставивъ отчину и благопріобрѣтенное имущество, то жена владѣетъ этимъ, пока не вступитъ во второй бракъ.

90. Если у кого умретъ жена, а онъ женится вторично, мать-же, сестра или другіе родственники жены станутъ требовать женииной движимости, мужъ отдаетъ ее по совѣсти, но не долженъ быть приводимъ къ присягѣ по этому дѣлу. То же самое, если по смерти мужа, отецъ его или братья будутъ требовать съ жены, она отдаетъ по своему усмотрѣнію и не приводится къ присягѣ на счетъ оставшагося послѣ мужа имущества.

91. Если умретъ сынъ, и овдовѣвшая невѣстка начнетъ искать на свекрѣ или деверѣ своего приданнаго или своего имущества, и если искъ ея свекоръ или деверь не признаютъ правильнымъ, то имъ предоставляется одно изъ двухъ: или самимъ принять присягу, или предоставить ее невѣсткѣ.

109. Священника, дьякона, просвирню, монаха и монахиню долженъ судить намѣстникъ владыки. Если обѣ судящіяся стороны будутъ или

священники, или дьяконы, или монахи, или монастырскіе люди, а не міряне, то не судятъ ни князь, ни посадникъ, ни судьи, а намѣстникъ владыки; если одинъ изъ судящихся мірянинъ, а не оба люди церковные, то судить князю, посаднику и судьямъ совмѣстно съ намѣстникомъ владыки.

111. Если кто передъ судящими, на судѣ, ударитъ своего противника, платитъ ударенному рубль или выдается ему головою; князь-же получаетъ пошлину.

LI. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ПСКОВА.

(Изъ соч. Бѣляева: «Исторія города Пскова и Псковской земли»).

Псковъ, какъ колонія Новгорода, и притомъ такая колонія, которая постоянно находилась въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ своею метрополіею, почти до половины XIV столѣтія, естественно долженъ былъ усвоить всѣ новгородскіе порядки, и онъ дѣйствительно ихъ усвоилъ; но, согласно съ мѣстными условіями общественной жизни, далъ имъ свой оттѣнокъ и такимъ образомъ значительно измѣнилъ ихъ, соображаясь съ мѣстными условіями, сообщилъ имъ свой типъ, который при видимомъ сходствѣ, далеко не походилъ на типъ новгородскій. Таковому важному измѣненію прежде всего способствовало то, что Псковъ былъ колонія Новгорода; слѣдовательно, многое въ устройствѣ, что въ Новгородѣ складывалось и выдѣлывалось долгимъ опытомъ жизни общества, во Псковъ было принесено готовымъ и, конечно, не совсѣмъ подходящимъ къ мѣстнымъ условіямъ псковскаго общества, гораздо младшаго сравнительно съ новгородскимъ обществомъ; и посему старое, готовое устройство во многомъ должно было измѣнять и прилаживать къ новому и первоначально незначительному обществу. Потомъ, съ другой стороны, новгородскіе порядки должны были во многомъ видоизмѣняться во Псковѣ потому, что Псковъ былъ поставленъ въ необходимость постоянно отбиваться отъ немирныхъ сосѣдей, будучи построенъ на самой границѣ; тогда какъ въ этомъ отношеніи Новгородъ былъ поставленъ совсѣмъ въ другія условія, по крайней мѣрѣ за то время, когда уже появился Псковъ, первоначально же, конечно, были тѣ же условія и въ Новгородѣ.

Все это заставило псковское общество сложиться иначе, нежели новгородское, хотя оно первоначально заимствовало у Новгорода и людей его, составлявшихъ и самое общественное устройство, и долго находилось въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ. Самые элементы псковскаго общества были тѣ же, которые были и въ новгородскомъ обществѣ, т. е. ильменскіе славяне, вышедшіе изъ Новгорода, и туземныя финскія племена, жившія по Наровѣ, около Чудскаго озера и по рѣкѣ Великой; даже взаимныя отношенія этихъ двухъ элементовъ, вообще говоря, были тѣже, какъ и въ Новгородѣ, т. е. отношенія пришельца колониста къ туземцу старожилу. Но за колонистомъ псковичемъ стоялъ новгородецъ; отсюда естественно псковичъ дѣйствовалъ смѣлѣе и самонадѣяннѣе, опираясь въ случаѣ нужды на новгородца, что дѣйствительно почти всегда и бывало; а съ другой стороны и тузем-

ный чудинъ-эстонецъ, сосѣдъ большаго озера и моря, былъ смѣлѣе и напористѣе, нежели тотъ же финнъ, жившій въ средоземьѣ. Объ эстонцахъ скандинавскія саги прямо говорятъ, что это племя отличалось воинственностью и страшно было своими морскими разбоями и жестокостью. Слѣдовательно, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, колонизація, доставшаяся на долю Пскова, по необходимости во многомъ разнилась отъ мирной колонизаціи новгородской. Волей-неволей война была постояннымъ удѣломъ псковича и изборянина, и притомъ война мелкая, въ которой каждый поселенецъ былъ въ одно и тоже время и земледѣльцемъ или торговцемъ, и воиномъ,—сѣвернымъ казакомъ, человѣкомъ самостоятельнымъ, твердымъ, неподатливымъ и тугимъ на покорность. А посему псковское общество, сложившееся по новгородскому образцу, хотя и признало у себя тѣ же классы, которые были въ Новгородѣ, т. е. большихъ людей и меньшихъ, бояръ, купцовъ и людиновъ, общинниковъ, тѣмъ не менѣе отношеніе и значеніе этихъ классовъ, по самому характеру людей, ихъ составлявшихъ, было совсѣмъ не таково, какъ въ Новгородѣ.

Первый классъ въ псковскомъ обществѣ составляли бояре; но замѣчательно, въ псковскихъ лѣтописяхъ бояръ нигдѣ не называютъ вящими, передними людьми, большими людьми, хотя самое названіе бояръ и сохранилось. Бояре псковскіе были одни и тѣ же съ новгородскими боярами. По тѣсной связи Пскова съ Новгородомъ и по отношеніямъ Пскова, какъ пригорода, къ Новгороду, какъ къ метрополіи, однѣ и тѣ же фамиліи были боярами и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ, и переходили изъ Новгорода въ Псковъ и изъ Пскова въ Новгородъ почти впродолженіе всего перваго періода псковской исторіи, т. е. впродолженіе почти пятисотъ лѣтъ, извѣстныхъ исторіи. Такая близкая связь новгородскихъ и псковскихъ бояръ естественно должна была сообщить большую силу и значеніе классу псковскихъ бояръ. И дѣйствительно, исторія свидѣтельствуетъ, что бояре въ Псковѣ первоначально имѣли большую силу; ихъ связи, вліяніе и богатство дѣлали ихъ могущественными вождями общества; они нерѣдко скопляли около себя значительныя дружины охотниковъ, поступавшихъ на ихъ содержаніе, а иногда увлекали за собою ту или другую часть общества, или по своей волѣ поднимали тотъ или другой пригородъ. Такъ въ 1228 году псковскіе бояре, поддерживая партію новгородскихъ бояръ, недовольныхъ княземъ новгородскимъ, Ярославомъ Всеволодовичемъ, втянули Псковъ въ войну съ Ярославомъ и въ противонародный союзъ съ ливонскими нѣмцами, которые, при помощи тѣхъ же измѣнниковъ псковскихъ и новгородскихъ бояръ, даже на время успѣли ввести свой гарнизонъ въ самый Псковъ и передать власть надъ городомъ своему союзнику новгородскому, боярину Твердиславу Иванковичу. Эта послѣдняя продѣлка псковскихъ бояръ верховодовъ, дѣйствовавшихъ за одно съ партіею такихъ же верховодовъ новгородскихъ бояръ, наконецъ образумила псковичей, и когда въ 1242 году князь Александръ Ярославичъ Невскій выгналъ нѣмцевъ и новгородскихъ и псковскихъ бояръ-измѣнниковъ, то псковское вѣче стало иначе смотрѣть на своихъ бояръ, и хотя не лишило ихъ правъ службы господину Пскову, но уже болѣе не признавало ихъ своими руководителями, а, напротивъ, службу ихъ обществу подвергло строгому своему контролю и во все послѣдующее время уже стало держать ихъ

въ строгой зависимости. Послѣ 1242 года псковскіе бояре, какъ лучшіе люди, по прежнему пользовались большимъ уваженіемъ отъ народа и были передовыми людьми псковскихъ общинъ, представителями своихъ концовъ, улицъ и пригородовъ, и посему избирались во всѣ важныя общественныя должности: въ должности посадниковъ, сотскихъ, судей, губскихъ старостъ, воеводъ и посланниковъ отъ Пскова. Повидимому, и послѣ 1242 года вся общественная власть находилась въ ихъ рукахъ; но такъ было только повидимому; на дѣлѣ же, послѣ 1242, Псковъ годъ отъ года все болѣе пріобрѣталъ характеръ чисто демократической республики, и первоначальныя аристократическія начала, принесенныя изъ Новгорода, годъ отъ года теряли свое значеніе, и вся власть постепенно сосродоточивалась въ вѣчѣ, на которомъ были равны и бояре, и купцы, и черные люди.

Псковичи, не менѣе новгородцевъ предпріимчивые въ торговлѣ и другихъ промыслахъ, но гораздо болѣе новгородцевъ вышколенные безпрерывною борьбою то съ Чудью, то съ нѣмцами, то съ Литвою, выработали себѣ характеръ неуступчивый и неподатливый на покорность; а опытъ прежняго времени, когда псковскіе бояре, дѣйствуя за одно съ одною партіею новгородскихъ бояръ, чуть не передали Псковъ нѣмцамъ, такъ врѣзался въ память псковскаго вѣча, что оно впродолженіе всего послѣдующаго времени строго и постоянно смотрѣло, чтобы какая нибудь власть не затѣяла подчинить своему вліянію власть вѣча. А посему, какъ ни велика была, повидимому, власть псковскихъ бояръ и послѣ 1242 года, но вся эта власть состояла почти исключительно въ исполненіи приговоровъ вѣча, и бояре, повидимому, могущественные и всесильные, въ сущности были только покорными слугами вѣча. И чѣмъ болѣе бояре имѣли видимыхъ средствъ подавить остальныхъ гражданъ, и чѣмъ долѣе жилъ Псковъ, тѣмъ осторожнѣе вело себя вѣче и тѣмъ болѣе съ своей стороны принимало средствъ, которыя развивали его власть и стѣсняли значеніе бояръ. Одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ въ этомъ дѣлѣ состояло въ томъ, что вѣче, по возможности, старалось уклоняться отъ единичныхъ властей, и функціи той или другой власти стало дѣлить между нѣсколькими выборными лицами, или окружать ту или другую власть разными помощниками, назначаемыми вѣчемъ; такой порядокъ постепенно развивался по мѣрѣ того, какъ Псковъ постепенно отдалялся отъ тѣсныхъ связей съ Новгородомъ и заявлялъ свои права на самостоятельность. Такъ, единичную власть степеннаго посадника, сперва присылаемаго изъ Новгорода, а потомъ обратившагося въ выборнаго сановника, назначаемаго самимъ псковскимъ вѣчемъ, псковичи сперва старались ограничить допущеніемъ старыхъ посадниковъ участвовать въ дѣятельности степеннаго посадника, а потомъ, по мѣрѣ возможности, стали выбирать заразъ по два степенныхъ посадника; впрочемъ, эта послѣдняя мѣра относительно посадничьей власти употреблялась не постоянно. Но за то всѣ остальныя власти, кромѣ княжеской, съ постепеннымъ развитіемъ самостоятельности Пскова, окончательно перестали быть единичными и дѣлились по крайней мѣрѣ между двумя лицами: напримѣръ, судьи и старосты постоянно выбирались и отправляли свою должность по двое, а сотскихъ постоянно было по нѣскольку; тысяцкаго же, этой важной единичной власти, вовсе не было въ средѣ сановниковъ, избираемыхъ псковскимъ вѣчемъ. Другимъ

важнымъ средствомъ къ ослабленію бояръ, избираемыхъ представлять ту или другую власть, служилъ заведенный во Псковѣ порядокъ, по которому важнѣйшія дѣла не иначе могли быть рѣшены, какъ при участіи нѣсколькихъ властей, хотя бы и безъ представленія вѣчу. Наконецъ самымъ грознымъ средствомъ противъ своеволія бояръ было право народнаго вѣча отмѣнять всѣ неугодныя ему распоряженія другихъ властей, и право вѣча казнить виновниковъ неугодныхъ распоряженій. Такъ, напримѣръ, въ 1458 году вѣче не только отмѣнило введенную прежними посадниками хлѣбную мѣру, невыгодную въ торговлѣ, но и тутъ же на вѣче избило тѣхъ посадниковъ, которые ее ввели. При помощи такихъ средствъ псковское вѣче, не лишая бояръ правъ первенствующаго сословія и предоставляя имъ всѣ права выборной власти, въ то же время положило этой власти опредѣленныя границы, въ которыхъ она не только не была опасна вѣчу, но и не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ покорнымъ исполнителемъ велѣній вѣча. И посему бояре, при всемъ ихъ большомъ значеніи въ обществѣ, вполнѣ зависѣли отъ вѣча и несли всѣ общественныя тягости наравнѣ съ другими классами и въ этомъ отношеніи не пользовались никакими привилегіями. Ближайшимъ слѣдствіемъ таковыхъ порядковъ было то, что съ 1242 года лѣтописи уже не упоминаютъ ни о какихъ боярскихъ партіяхъ во Псковѣ, или о раздѣленіи псковскаго вѣча происками бояръ верховодовъ; тогда какъ лѣтописи Новгорода переполнены извѣстіями о борьбѣ боярскихъ партій и о разныхъ незаконныхъ вѣчахъ, иногда даже одерживавшихъ верхъ надъ вѣчемъ законнымъ. Основою значенія и могущества бояръ во Псковѣ такъ же, какъ и въ Новгородѣ, была частная поземельная собственность; она главнымъ образомъ сообщала боярамъ ту силу и могущество, которое ставило ихъ выше другихъ классовъ общества, не имѣвшихъ частной поземельной собственности, а владѣвшихъ общинною землею; но и здѣсь псковскіе бояре значительно уступали новгородскимъ боярамъ. Съ одной стороны, между псковскими боярами не было такихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, каковыми были бояре новгородскіе, владѣвшіе необозримыми землями въ Заволочьѣ. Еще въ прежнее время, когда Псковъ вмѣстѣ съ Новгородомъ имѣлъ значительныя колоніи въ земляхъ Чуди и Летголы, псковскіе бояре еще могли тягаться своими поземельными владѣніями съ новгородскими владѣльцами въ Заволочьѣ: но, съ постепеннымъ распространеніемъ владѣній нѣмецкаго Ливонскаго ордена въ этомъ краѣ, тамошнія владѣнія псковскихъ бояръ постепенно стали уменьшаться и, съ послѣднимъ уничтоженіемъ тамъ псковскихъ колоній въ 1284 году, дошли до нуля. Такимъ образомъ частная поземельная собственность псковскихъ бояръ должна была ограничиться только псковскою землею, которая была слишкомъ невелика, и притомъ далеко не вся принадлежала боярамъ, а, напротивъ, въ большей своей половинѣ была раздѣлена между общинами и мелкими поземельными собственниками, не принадлежавшими къ классу бояръ. Между псковичами былъ даже обычай, утвержденный закономъ, по которому люди небогатые составляли между собою компаніи и, подъ именемъ сябровъ и пайщиковъ, покупали на общій сборный капиталъ землю, а купивши, дѣлили между собою по долямъ въ полную собственность. Таковая мелкая поземельная собственность, легко пріобрѣтаемая въ складчину, естественно должна была сильно конкурировать съ крупной боярской поземельной соб-

ственностью, а съ тѣмъ вмѣстѣ невыгодно вліять на значеніе бояръ какъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ и во всей Псковской землѣ, ибо мелкіе поземельные собственники изъ черныхъ людей естественно были болѣе свободны и самостоятельны, нежели безземельные крестьяне, живущіе по взаимнымъ условіямъ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ бояръ, и, слѣдовательно, болѣе или менѣе зависѣвшіе отъ нихъ, какъ полныхъ хозяевъ земли; къ тому же псковскіе законы явно склонялись въ пользу мелкой поземельной собственности противъ крупной, и особенно въ пользу обработки земли, противъ владѣнія землею безъ обработки. По псковскимъ законамъ, кто владѣлъ землею четыре или пять лѣтъ спокойно, выстроилъ на ней дворъ и распахалъ пашню, на того прежній владѣлецъ той же земли уже не можетъ предъявлять своего земельнаго иска, ежели четверо или пять человѣкъ сосѣдей подтвердятъ, что тотъ владѣетъ землею четыре или пять лѣтъ спокойно. При такомъ законѣ предпріимчивые мелкіе поземельные собственники легко могли захватывать участки у крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, ежели они заняты другими дѣлами четыре или пять лѣтъ и не обращали надлежащаго вниманія на завладѣніе, не начинали исковъ.

Съ другой стороны, самая форма владѣнія землею и отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ земли и къ обществу во Псковѣ не давали псковскимъ боярамъ того высокаго значенія, какимъ пользовались новгородскіе бояре, по тамошнимъ формамъ владѣнія землею и по отношеніямъ крестьянъ къ владѣльцу земли и обществу. По псковскимъ порядкамъ, бояринъ или самъ обработывалъ свою землю наемными работниками, наймитами, или самую землю отдавалъ въ наймы охочимъ людямъ, на взаимныхъ условіяхъ, по частному договору, съ записью или безъ записи. Нанимателей земли или жильцовъ псковскій законъ постоянно старался ставить сколько можно въ болѣе независимое положеніе отъ владѣльцевъ земли, или давать имъ права равныхъ другъ другу договаривающихся сторонъ, и не допускалъ права вотчиннаго суда землевладѣльца надъ жильцами, живущими на его землѣ. Но, конечно, при всемъ стараніи закона, не могло быть равенства между бѣднымъ жильцомъ и богатымъ землевладѣльцемъ, и первый почти находился подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ втораго, а посему демократическій Псковъ, чтобы не дать перевѣса на вѣчѣ боярамъ при подачѣ голосовъ смердами или жильцами, живущими на ихъ землѣ, и слѣдовательно находящимися подъ ихъ вліяніемъ, постоянно держался того правила, чтобы не допускать смердовъ къ общественнымъ дѣламъ и къ подачѣ голосовъ на вѣчѣ. За это правило особенно крѣпко держались черные люди, постоянно бывшіе на сторожѣ и опасавшіеся, чтобы бояре какимъ нибудь образомъ не получили большинства на вѣчѣ. При таковыхъ порядкахъ естественно псковскій бояринъ не могъ вести на вѣче толпу своихъ полузависящихъ кліентовъ, какъ это дѣлалъ нерѣдко бояринъ новгородскій, и посему на псковскомъ вѣчѣ бояре всегда оставались въ меньшинствѣ, или, покрайней мѣрѣ, не могли проводить законовъ въ ущербъ демократическимъ началамъ псковскаго общества.

Купцы во Псковѣ такъ же, какъ и въ Новгородѣ, составляли отдѣльный классъ общества, занимавшій второе мѣсто послѣ бояръ и имѣвшій свой судъ и управу и свое отдѣльное самостоятельное устройство. Этотъ классъ принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ и пользовался до-

машнимъ значенiемъ въ обществѣ, ибо Псковъ, подобно Новгороду, былъ по преимуществу торговымъ городомъ. Общественное устройство купечества во Псковѣ, происшедшаго отъ купечества новгородскаго, было одинаково съ новгородскимъ, т. е. купцы составляли общины, и только тотъ считался настоящимъ пошлымъ купцомъ, кто былъ членомъ какой либо купеческой общины, кто вложилъ въ нее извѣстный капиталъ, хотя торговать могъ всякiй и не вложившiйся въ купеческую общину. Каждая купеческая община имѣла своихъ выборныхъ, по общему псковскому порядку, не менѣе двухъ, которые судили и рядили членовъ своей общины и завѣдывали общинными капиталами. Кромѣ старостъ по отдѣльнымъ общинамъ еще выбирались по два староста отъ всего купечества. А если были выборные старосты отъ всего купечества, слѣдовательно, были и общiя купеческiя собранiя или вѣча, независимыя отъ вѣча цѣлаго города изъ всѣхъ классовъ, и на этихъ купеческихъ вѣчахъ разбирались и рѣшались дѣла, относящiяся до всего псковскаго купечества. Таковымъ учрежденiемъ общаго купеческаго собранiя или вѣча со своими старостами, псковское купечество рѣзко отличалось отъ купечества новгородскаго, не имѣвшаго подобнаго учрежденiя, и въ цѣломъ своемъ составѣ поставленнаго въ зависимость отъ тысяцкаго.

Имѣя общее купеческое собранiе или вѣче, псковское купечество тѣмъ самымъ пользовалось не только большею самостоятельностью противъ новгородскаго купечества, но и въ самомъ Псковѣ имѣло сильный перевѣсъ надъ боярами и надъ черными людьми, ибо оно являлось на общенародное вѣче, всегда напередъ уговорившись и уладившись на своемъ общемъ купеческомъ вѣчѣ, тогда какъ ни бояре, ни черные люди не имѣли такихъ закономъ опредѣленныхъ предварительныхъ собранiй и, слѣдовательно, являлись на общенародное вѣче не столько готовыми, какъ купцы. Къ тому же во Псковѣ, какъ преимущественно торговомъ городѣ, купцы должны были имѣть и дѣйствительно имѣли гораздо больше влiянiя на черныхъ людей, чѣмъ бояре, которыхъ влiянiю сильно вредили мелкiе самостоятельные землевладѣльцы и показанныя выше законныя ограниченiя крупныхъ землевладѣльцевъ. Все это ставило псковскихъ купцовъ въ такое положенiе, что они, по оффицiальнымъ бумагамъ, хотя считались вторымъ классомъ общества, но въ сущности, на дѣлѣ, по своему влiянiю на псковское общество, были сильнѣйшимъ и первенствующимъ классомъ: они собственно руководили вѣчемъ, бояре же хотя и пользовались большимъ уваженiемъ и имѣли большiй въ обществѣ вѣсъ, но были поставлены обстоятельствами въ такое положенiе, что въ сущности были не руководителями вѣча, а только безпрекословными исполнителями его опредѣленiй. Лучшимъ доказательствомъ такого положенiя купцовъ во Псковѣ служатъ всѣ псковскiе порядки, направленные исключительно къ тому, чтобы ограничить влiянiе и значенiе бояръ и утвердить значенiе и силу общенароднаго вѣча, на которомъ передовымъ и лучше организованнымъ классомъ являлись купцы.

Черные люди во Псковѣ были въ иномъ положенiи, нежели въ Новгородѣ; они находились въ меньшей зависимости отъ большихъ людей или отъ бояръ какъ потому, что бояре во Псковѣ не имѣли такихъ огромныхъ поземельныхъ владѣнiй, какъ бояре новгородскiе, такъ и потому, что Псковъ, по самому устройству своему, былъ не на сторонѣ бояръ крупныхъ землевладѣльцевъ, а, напротивъ, болѣе покровительствовалъ мелкой поземель-

ной собственности; вслѣдствіе этого черные или меньшіе люди во Псковѣ пользовались большею независимостью и самостоятельностью, нежели какую самостоятельность имѣли меньшіе люди въ Новгородѣ. Къ тому же постоянная и упорая борьба съ Чудью, Летголою и Литвою и потомъ съ нѣмцами, лежавшая одинаково и на большихъ, и на меньшихъ людяхъ во Псковѣ, естественно равняла ихъ между собою и дѣлала меньшихъ людей болѣе твердыми и самостоятельными. Конечно, и во Псковѣ какой либо предпріимчивый и храбрый бояринъ могъ скопить около себя охочихъ людей и повести на какое либо военное предпріятіе; но охочіе люди во Псковѣ были далеко не то, что повольники въ Новгородѣ: они не были ратниками своего предводителя, и по самому ходу дѣлъ въ псковской исторіи скоплялись около большаго человѣка только для воинскихъ набѣговъ на немирныхъ сосѣдей, или для отраженія сосѣднихъ нападеній, а не для колонизаціи, какъ это было въ Новгородѣ съ конца XIII столѣтія. Псковичамъ нечего было и думать о колонизаціи. Слѣдовательно, предводитель охочихъ людей во Псковѣ не могъ имъ дать захваченной земли подъ поселеніе и привлечь ихъ къ себѣ разными ссудами на обзаведеніе хозяйствомъ; они шли за нимъ только для того, чтобы поразжиться тѣмъ, что успѣютъ награбить въ непріятельской землѣ. Между тѣмъ купцы, старавшіеся удержать первенство и силу за своимъ классомъ противъ бояръ, первоначально, какъ мы уже видѣли, дѣйствовавшихъ за одно съ боярами новгородскими, естественно должны были ближе соединиться съ черными или меньшими людьми и заодно дѣйствовать на общемъ вѣчѣ. Первоначальная тѣсная связь псковскихъ бояръ съ новгородскими боярами, передавшая было Псковъ нѣмцамъ, породила тѣснѣйшую связь купцовъ съ черными людьми и, кажется, болѣе всего способствовала той независимости и самостоятельности, которою пользовались во Псковѣ черные люди; по всему вѣроятію, ей обязанъ былъ своимъ существованіемъ и законъ, покровительствующій мелкому землевладѣнію и порядку сябреннаго пріобрѣтенія земель въ полную отдѣльную собственность сябровъ.

Все это поставило черныхъ или меньшихъ людей во Псковѣ въ такое положеніе, что они на вѣче были большими людами, т. е. всегда оказывались въ большинствѣ передъ большими людьми и не пропускали ни одного закона, который вредилъ бы ихъ значенію, или давалъ перевѣсъ большимъ людямъ. Имѣя главную опору въ общенародномъ вѣчѣ и чувствуя себя сильными, особенно на вѣчѣ, черные люди естественно интересъ вѣча считали своимъ собственнымъ интересомъ, и поэтому заботились, чтобы права вѣча были неприкосновенными, и чтобы вѣче было дѣйствительно силою въ управленіи Псковомъ, чтобы партіи верховодовъ-затѣйщиковъ не нарушали его спокойной и правильной дѣятельности. Дорожа неприкосновенностью правъ вѣча, черные люди заодно съ купцами крѣпко держались разъ принятыхъ порядковъ и не дробились на партіи, зная изъ опыта въ Новгородѣ, что, при раздѣленіи на партіи, меньшіе люди болѣе всего терпятъ отъ большихъ людей, дѣлаясь ихъ орудіемъ. Отъ этого исторія Пскова за все время его самостоятельности не представляетъ борьбы партій, тамъ вѣче никогда не дѣлилось, и не было незаконныхъ вѣчъ. Меньшіе люди, сильные на вѣчѣ, на вѣчѣ же и управлялись съ большими людьми, когда это находили нужнымъ.

Самостоятельность и до нѣкоторой степени равенство между большими и меньшими людьми во Псковѣ такъ были велики и очевидны, что у псковичей даже выработался особый терминъ въ языкѣ при сношеніяхъ большихъ людей съ меньшими, терминъ, прямо указывающій на равенство тѣхъ и другихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Псковичи, большіе и меньшіе люди, относясь другъ къ другу, называли другъ друга господами; такъ что даже предводители войскъ или воеводы не иначе обращались къ воинамъ какъ техническимъ выраженіемъ—«господа такіе-то». Черные или меньшіе люди во Псковѣ такъ же, какъ и въ Новгородѣ, несли всѣ государственныя повинности вмѣстѣ съ большими людьми: по раскладкѣ или разрубу, сдѣланному вѣчемъ, они платили съ капиталовъ (кто какимъ владѣлъ) подати, строили укрѣпленія и несли разныя службы. Въ военное время они также съ большими людьми раскладывались по сохамъ и деньгамъ въ ратную службу. Вообще меньшіе или черные люди во Псковѣ въ общественныхъ правахъ и обязанностяхъ болѣе или менѣе были сравнены съ большими людьми, и вся существенная разница состояла въ томъ, что большіе люди, бояре, состояли въ постоянной службѣ у Пскова, а черные люди вмѣстѣ съ купцами не состояли въ постоянной службѣ и назывались житейскими людьми, а не служилыми.

Черные люди во Псковѣ, подобно какъ въ Новгородѣ, составляли городскія и сельскія общины черныхъ людей съ своими старостами; общинное устройство было однимъ изъ главныхъ основаній силы черныхъ людей: въ общинахъ беззащитная единичная личность бѣдняка находила свое убѣжище и защиту отъ притѣсненія сильныхъ людей. Общинное устройство такъ сильно было развито между черными людьми во Псковѣ, что общинами жили не только люди, владѣющіе общинною землею, но даже мелкіе поземельные собственники составляли общины подъ именемъ сябровъ или шабровъ, и псковскимъ закономъ былъ признанъ особый видъ мелкой поземельной собственности подъ именемъ сябренаго владѣнія, который, какъ мы уже видѣли, состоялъ въ томъ, что мелкіе капиталисты, сельскіе или городскіе жители, составляли капиталъ въ складчину, на этотъ складочный капиталъ покупали землю, и потомъ каждый сябръ или пайщикъ, по количеству сложеннаго капитала, получалъ соотвѣтствующую по цѣнѣ долю изъ купленной земли въ полную собственность съ правомъ отчужденія; мелкіе поземельные собственники въ сябреномъ ли владѣніи, или въ отдѣльной единичной поземельной собственности, во Псковѣ, кажется, составляли между черными людьми особый классъ, средній между купцами и черными людьми, живущими на общинныхъ земляхъ, извѣстный по псковскимъ памятникамъ подъ именемъ житьихъ людей. По крайней мѣрѣ, упоминаемые въ псковскихъ памятникахъ житьи люди не могутъ быть причислены къ новгородскимъ житьимъ людямъ. Въ Новгородѣ житьими людьми были собственно зажиточнѣйшіе, богатѣйшіе, вящіе купцы, какъ писалось по новгородски; и во всѣхъ новгородскихъ памятникахъ они писались впереди простыхъ купцовъ, вслѣдъ за боярами. По псковскимъ же памятникамъ, житьи люди вездѣ помѣщаются послѣ купцовъ, слѣдовательно, ихъ нельзя причислить къ вящимъ, богатѣйшимъ купцамъ. Кромѣ полноправныхъ людей, членовъ общинъ, имѣвшихъ право участвовать на вѣчѣ, во Псковѣ были еще два класса служилыхъ людей, не имѣв-

шихъ права участвовать на вѣчѣ, хотя пользовавшихся всѣми другими правами, предоставленными свободнымъ людямъ въ Псковской землѣ; эти два класса имѣли общее между собою то, что жили на чужихъ земляхъ съ обязанностью службы. Одинъ изъ этихъ классовъ, извѣстный подъ именемъ земцевъ, служилъ самому Пскову и жилъ на земляхъ, данныхъ Псковомъ; а другой, подъ общимъ именемъ смердовъ, жилъ на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ и состоялъ въ службѣ у хозяевъ занятой земли. Земцы составляли постоянное войско Пскова, разселенное по границамъ, и обязанное защищать границы отъ нападенія непріятелей. По всему вѣроятію учрежденіе класса земцевъ должно отнести къ концу XIV или началу XV столѣтія; по крайней мѣрѣ извѣстія о нихъ относятся къ этому времени. Земцы получали отъ Пскова на свое содержаніе земли преимущественно на западномъ и особенно сѣверо-западномъ рубежѣ псковскомъ: земли эти давались въ не полную собственность, подобно помѣстьямъ въ Москвѣ, хотя во Псковѣ они назывались вотчинами; этихъ земель земцы не могли ни продавать, ни дарить, ни другимъ какимъ образомъ отчуждать; въ противномъ случаѣ обязаны были выкупать ихъ назадъ, и затѣмъ уже лишались на нихъ права. Равнымъ образомъ земцы лишались права на эти земли и тогда, когда не исполняли лежащей на землѣ службы, или когда самъ Псковъ, по своему усмотрѣнію, находилъ въ данной мѣстности службу земцевъ ненужною и сводилъ ихъ съ данныхъ вотчинъ. Къ этому же разряду служилыхъ людей во Псковѣ принадлежали жолнеры и пищальники, что-то въ родѣ московскихъ стрѣльцовъ, явившихся впослѣдствіи; этотъ классъ служилыхъ людей явился уже въ послѣднее время самостоятельнаго существованія Пскова.

Смерды, какъ уже сказано выше, жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, по взаимнымъ условіямъ съ хозяевами земли. Они раздѣлялись на городскихъ и сельскихъ смердовъ. Городскіе смерды иначе назывались дворными наймитами и обыкновенно состояли у своихъ хозяевъ на службѣ, по взаимнымъ условіямъ, на опредѣленные годы; они еще назывались подсусѣдниками. Сельскіе смерды носили названія: изорниковъ, когда занимали землю подъ пашню; огородниковъ, когда занимали огородную землю; кочетниковъ или рыболововъ, когда брали у владѣльцевъ рыбныя ловли или исады. Сельскіе смерды жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ безсрочно, сколько поживется, или пока будетъ держать хозяинъ земли. По псковскому закону, относительно свободнаго перехода смердовъ поставлено было только одно ограниченіе, состоящее въ томъ, что переходъ допускался только въ одинъ срокъ въ году, именно въ Филипово заговѣнье, т. е. въ шесть недѣль рождественскаго поста. А ежели смердъ проживетъ на хозяйской землѣ до весны и даже весну, то, въ случаѣ перехода на другую землю, обязанъ былъ заплатить хозяину столько, сколько хозяинъ получитъ дохода съ другой такой же доли земли, не оставленной смердомъ.

Смерды, какъ люди свободные, пользовались всѣми правами какъ личными, такъ и имущественными. Зависимость смерда отъ хозяина земли была добровольная и временная, и ограничивалась только отношеніями смерда къ хозяину по землѣ и по крутѣ, или ссудѣ на хозяйственное обзаведеніе; но тѣмъ не менѣе эта временная и добровольная зависимость лишала смерда правъ политическихъ. Смердъ, пока онъ

былъ смердомъ, не могъ быть членомъ псковскаго общества и не имѣлъ права участвовать своимъ голосомъ на вѣчѣ. Демократическое устройство Пскова допускало на вѣче только людей вполнѣ свободныхъ, и не иначе, какъ членовъ общинъ; а посему псковскій законъ признавалъ за смердомъ гражданскую личность и даже обязывалъ смердовъ наравнѣ съ черными людьми платить подати и отправлять общественныя повинности, но политическихъ правъ имъ не давалъ, и именно за такой порядокъ всегда стояли черные люди, т. е. главная масса демократовъ.

Подобно тому какъ въ Новгородѣ, и во Псковѣ были вольные люди: къ этому классу принадлежали какъ младшіе члены полноправныхъ семействъ псковскихъ, такъ пришельцы изъ другихъ краевъ Русской земли и всѣ люди, не имѣющіе ни частной поземельной собственности, ни доли въ общинныхъ земляхъ, и не живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, а состоящіе или на содержаніи своихъ семействъ, или прокармливающіеся своимъ личнымъ трудомъ по найму. Эта огромная масса людей была на такомъ же положеніи во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, т. е. имѣла за собою право личной свободы и труда, но не причислялась ни къ какой общинѣ и не владѣла ни на какихъ правахъ землею, а посему не имѣла никакихъ общественныхъ и политическихъ правъ и не подлежала никакимъ общественнымъ обязанностямъ. Но добровольно вольные люди могли принимать на себя и общественныя обязанности, и дѣйствительно, подъ названіемъ охочихъ людей часто участвовали въ военныхъ походахъ на защиту Псковской земли. Впрочемъ, охочіе люди никогда не смѣшивались съ рубленою ратью, т. е. собранною по раскладкѣ, по разрубу общинъ, а составляли особые полки и имѣли своихъ отдѣльныхъ воеводъ, выбранныхъ или самими охочими людьми, или назначенныхъ вѣчемъ; даже походы охочихъ людей всегда производились отдѣльно отъ походовъ псковской или рубленой рати, хотя бы они начались самимъ псковскимъ правительствомъ.

Вольные люди во Псковѣ, какъ свои, такъ и пришельцы, подобно какъ въ Новгородѣ, оставались въ своемъ неопредѣленномъ положеніи, не подлежащемъ никакимъ общественнымъ обязанностямъ, только до тѣхъ поръ, пока не поступали въ члены какой-либо общины, или не зачислялись въ смерды за какимъ-либо землевладѣльцемъ, чѣмъ почти всегда оканчивалось чисто переходное положеніе вольнаго человѣка. Бродячее и малоправное положеніе вольнаго человѣка во Псковѣ среди общества людей домовитыхъ, пользующихся обширнымъ правомъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, естественно никогда не могло быть постояннымъ и даже продолжительнымъ. Каждый вольный человѣкъ, чтобы не оставаться безгласнымъ и вовсе безучастнымъ въ общественныхъ дѣлахъ, спѣшилъ освободиться отъ своего черезъ-чуръ свободнаго положенія, и, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, или прямо поступалъ въ члены какой-либо общины и дѣлался полноправнымъ гражданиномъ Псковской земли, или, по крайней мѣрѣ, зачислялся смердомъ за какимъ-нибудь землевладѣльцемъ, чтобы получить осѣдлость и обзавестись хозяйствомъ и послѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, перейдти въ общину и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлаться полноправнымъ гражданиномъ. Быть полноправнымъ членомъ общины, участвовать на вѣче и подавать свой голосъ при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ было постояннымъ и любимымъ желаніемъ каждаго вольнаго человѣка во Псковѣ; оставаться же навсегда

вольнымъ человѣкомъ считалось постыднымъ. А посему хотя вольныхъ людей во Псковѣ всегда было довольно, но они не были пролетаріями, тягостными для общества, а представляли собою разсадникъ или питомникъ будущихъ полноправныхъ гражданъ и ревностныхъ общественныхъ дѣятелей. На пролетаріатъ во Псковѣ никогда не было жалобъ. Были ли во Псковѣ повольники, на это въ памятникахъ нѣтъ прямыхъ указаній, но, судя по положенію Пскова и по отношенію его къ своимъ сосѣдямъ, для повольниковъ, кажется, не было мѣста въ псковскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ для повольниковъ съ чисто новгородскимъ характеромъ.

LII. ПЕРВОЕ ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВІЕ.

(Изъ соч. Погодина: «Древняя Русская Исторія до монгольскаго ига»).

Мы видѣли, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ первой четверти XII столѣтія сдѣлался Мстиславъ Мстиславичъ Удалый, изъ рода смоленскихъ князей, который призванъ былъ изъ Новгорода въ Галичъ, гдѣ, по смерти знаменитаго Романа Волынскаго, сосредоточились дѣйствія всего юга.

Туда, въ 1223 году, явился неожиданно изъ своихъ кочевьевъ, въ нынѣшнихъ степяхъ Новороссійскихъ, тесть Мстиславовъ, старшій половецкій ханъ Котянъ, въ сопровожденіи своихъ подручниковъ,—всѣ трепещущіе отъ страха. Никогда не видали половцевъ въ такомъ смятенномъ, странномъ положеніи. И признаковъ нѣтъ прежней дерзости, назойливости, прежняго высокомѣрія. Тихіе, смиренные и униженные, съ поклонами и дарами приходятъ они къ Мстиславу и просятъ: «Помогите намъ, напали на насъ сильные враги и разорили нашу землю. Если вы теперь намъ не поможете, они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами тоже. Помогите намъ!»

„Что сдѣлалось съ вами? Кто погубилъ васъ? Какіе враги“? спрашиваютъ князь и его бояре испуганныхъ бѣглецовъ и не могутъ получить никакого удовлетворительнаго отвѣта. Половцы сами ничего не знали порядочно, показывали различно, умѣли описать только свое пораженіе: «Враги ихъ пришли со стороны Каспійскаго моря, числомъ ихъ было очень много, храбрость и силу явили они великую, злобы еще больше; лицомъ они смуглые, глаза у нихъ узкіе, врозь, губы толстыя, плечи широкія, скулы выпуклыя, волосы черные. Сначала по предгорію Кавказскому побѣдили они ясовъ, обезовъ, касоговъ. Половцы стали было имъ въ отпоръ съ самымъ сильнымъ своимъ княземъ Юріемъ Кончаковичемъ, но не могли устоять. Многіе были побиты, другіе загнаны въ луку моря, за Донъ, за Днѣпръ. Остальные перебрались черезъ валъ половецкій, въ русскую землю....»

Вотъ все, что можно было понять и разобрать изъ ихъ словъ. Впрочемъ, въ ихъ голосѣ, на ихъ лицахъ, во всемъ ихъ разстроенномъ видѣ, заключалось самое ясное и убѣдительное доказательство о справедливости жалобъ, объ опасности положенія, о силѣ враговъ.

Но, по крайней мѣрѣ, какъ ихъ зовутъ? спрашиваютъ русскіе, удивляясь, въ свою очередь, смутнымъ разсказамъ.

«Зовутъ ихъ татарами»—и вотъ въ первый разъ услышалось на Руси зловѣщее, роковое имя!

Мстиславъ рѣшился созвать русскихъ князей въ Кіевъ на совѣтъ, для разсужденія объ этихъ новыхъ происшествіяхъ, касающихся до всей Русской земли. Понеслись гонцы съ повѣстками во всѣ стороны. Князья собрались: Мстиславъ Романовичъ Кіевскій съ сыномъ Всеволодомъ и зятемъ, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій (будущій мученикъ), молодой Даніилъ Романовичъ Волынскій, Мстиславъ Нѣмый Волынскій, Олегъ Курскій, и многіе другіе. Туда прибыли и наибольшіе половцы. Они обходили князей отъ одного къ другому, кланялись, просили, дарили коней, верблюдовъ, буйволовъ, дѣвокъ-невольницъ. Одинъ изъ нихъ, Бастѣй, для большаго умилостивленія, принялъ даже христіанскую вѣру. Всѣ средства употребляли они, чтобы подвинуть русскихъ къ участію и защитѣ. Котянъ дѣйствовалъ въ особенности на зятя своего Мстислава Галицкаго, и мудрено ли было воспламенить этого неустрашимаго витязя, въ которомъ лѣта не угашали браннаго духа. Его самого уже волновало любопытство, что это за новые воины, предъ которыми все такъ преклонялось; его самого уже брало нетерпѣніе помѣриться съ ними силою, коей также до сихъ поръ никто не могъ противиться—и чудь, и угры, и ляхи, и половцы. А теперь его умоляютъ о помощи, отъ него ожидаютъ спасенія! Землѣ Русской предстоятъ опасности! Надо же предупредить ихъ!

Князья думали долго и толковали между собою. Мстиславъ убѣдилъ ихъ на общемъ совѣтѣ такимъ соображеніемъ: «Если мы не поможемъ половцамъ, то они передадутся татарамъ и наступятъ вмѣстѣ съ ними на Русскую землю. Тогда силы будетъ у нихъ еще больше». Опредѣлено было помочь половцамъ, а такъ какъ борьба съ врагами лучше въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей, то и рѣшились князья идти имъ на встрѣчу.

Половцы, ждавъ—не дождавшись этого рѣшенія, возрадовались. Надежда блеснула предъ ними отмстить за свое пораженіе. Не медля, князья разъѣхались по своимъ волостямъ строить вои, и по всей Русской землѣ пронеслось рѣшеніе—биться съ татарами. Къ великому князю суздальскому послано было извѣстіе съ просьбою приходить скорѣе на помощь.

Къ веснѣ снарядились князья. Съ апрѣля мѣсяца потянулись со всѣхъ сторонъ полки, кто въ ладьяхъ, кто на коняхъ, кто пѣшій. Собрались кіяне и черниговцы, галичане и волыняне, смольяне и переяславцы, весь Днѣпръ покрылся ладьями, изъ-подъ которыхъ не видать было и воды: „Мы переходили рѣку по ладьямъ, какъ по суху", говоритъ очевидецъ. А жители Курска, Трубчевска и Путивля пришли коньми, всѣ съ своими князьями. Слышался уже изъ Залѣсской стороны и Василько Константиновичъ, племянникъ великаго князя Юрія, шедшій съ вспомогательной дружиной ростовской и суздальской. Выгонцы галицкіе въ тысачѣ ладьяхъ приплыли Днѣстромъ въ море, поднялись въ Днѣпръ до пороговъ и стали у рѣки Хортицы. Половцевъ прибывало ежедневно. Услышавъ про новую брань, они какъ будто изъ земли выростали, и стекались со всѣхъ сторонъ, ободренные, испытать еще разъ счастья. Всѣ отправились въ путь.

Лѣто въ тотъ годъ было жаркое. Дождей на перепадало ни капли. Солнце палило жестоко. Отъ необыкновенной засухи земля трескалась, лѣса и болота загорались. Воздухъ наполнялся дымомъ и смрадомъ, и мгла прилегала къ землѣ. Вблизи не видать было ничего. Птицы не могли летать. По ночамъ являлась необыкновенная звѣзда на западѣ.

Между тѣмъ татары, разбившіе половцевъ, подвигались медленно вверхъ по ихъ землѣ. Услышавъ о приближеніи многочисленнаго ополченія русскаго вдали отъ главной своей силы, они, кажется, усумнились и выслали пословъ къ князьямъ. «Слышимъ, что вы поднялись противъ насъ, повѣривши половцамъ; но мы не на васъ пришли, мы вашей земли не занимали, ни селъ вашихъ, ни городовъ вашихъ; мы пришли на холопей своихъ, на конюховъ половцевъ: возьмите съ нами миръ. Прибѣгутъ они къ вамъ, бейте ихъ, а имѣніе ихъ берите себѣ. Мы знаемъ, что и вамъ они причинили много зла». Такъ говорили послы.

А половцы шептали русскимъ князьямъ другое, возбуждая на брань, и стараясь всѣми силами, чтобы они не соглашались мириться; и русскіе князья велѣли избить пословъ, пошли, не останавливаясь, далѣе, внизъ по Днѣпру, судьба ихъ какъ будто влекла, и достигли Олешья (противъ нынѣшняго Херсона).

Татары прислали другихъ пословъ: «Видимъ, что вы слушаетесь половцевъ, вы убили нашихъ пословъ, идете противъ насъ; идите, а мы опять говоримъ, что васъ не трогаемъ». Вторыхъ пословъ князья отпустили.

Они все шли далѣе. Вдругъ послышалось въ станѣ, что сторожа завидѣли впереди татаръ, которые пришли высматривать русскихъ людей. Молодой князь Даніилъ Романовичъ Волынскій, вскочилъ на коня и понесся впередъ взглянуть, что это за люди. Нѣсколько другихъ молодыхъ князей погнались вслѣдъ за нимъ, увлеченные тѣмъ же любопытствомъ «къ невиданной рати».

Соглядатаи, впрочемъ, многочисленные, завидя ихъ приближеніе, съ поспѣшностію скрылись.

Впечатлѣніе произвели они различное. Одни говорили, что это «простые люди», другіе возражали: «Нѣтъ, это ратники, добрые вои». Молодые князья переспорили всѣхъ и пристали къ старшимъ: «Княже Мстиславе и другій Мстиславе, не стойте! Пойдемъ противу имъ! Мы ихъ побъемъ». Мстиславу самому скорѣе хотѣлось къ дѣлу: столько же пылкій, онъ послушался молодежи и переправился чрезъ Днѣпръ въ тысячѣ человѣкъ. Это было во вторникъ. Безстрашный, пошелъ онъ впередъ, по полю половецкому, встрѣтилъ сторожей татарскихъ, напалъ— и разбить ихъ стоило ему одного удара. Его вои угнали множество рогатаго скота, который татары водили за собою, такъ что стало его на всю нашу рать,—и пустились въ погоню «сѣкуще». Первый успѣхъ ободрилъ рать.

Всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ и поспѣшили вслѣдъ за Мстиславомъ, который, въ жару отъ первой удачи, шелъ впередъ, не останавливаясь, и горѣлъ желаніемъ сразиться съ главною ратью. Девять дней шли они и достигли рѣки Калки—роковая черта: за нею стояла вся сила татарская.

Мстиславъ, у котораго никто не могъ оспаривать военачальства, велѣлъ Даніилу Волынскому съ полкомъ своимъ и нѣкоторыми другими

перейдти рѣку, потомъ перешелъ самъ, послалъ своего вѣрнаго слугу храбраго Яруна съ половцами въ сторожахъ, расположился станомъ, но не утерпѣлъ и велѣлъ немедленно готовиться къ бою. Мстиславъ кіевскій и Мстиславъ черниговскій стояли поодаль въ своихъ станахъ, ничего не зная о томъ, что битва скоро начнется. Ослѣпленный витязь не далъ имъ никакой вѣсти, увѣренный въ побѣдѣ и желая всю ея славу присвоить одному себѣ.

Даніилъ ѣхалъ впереди и началъ первымъ битву. Онъ получилъ ударъ въ грудь, но молодой и сильный, «буести ради», говоритъ очевидецъ, не почувствовалъ раны и не видалъ, какъ кровь изъ нея лилась. Мстиславъ Нѣмый, увидя его раненымъ и бьющимся, поспѣшилъ къ нему на помощь; онъ друженъ былъ съ его отцемъ, любилъ его какъ сына. Нечего говорить о Мстиславѣ Удаломъ: Олегъ Курскій подвизался съ нимъ крѣпко. Татаре бѣжали отъ мужественныхъ витязей. Казалось, дѣло пошло счастливо. Ярунъ съ половцами началъ тогда биться также на своей сторонѣ, но половцы погубили нашу рать: послѣ перваго столкновенія они дрогнули, замѣшались. Татары наперли крѣпче съ крикомъ и воплемъ,—передніе попятили заднихъ, задніе крайнихъ,—еще напоръ, еще ударъ,—и половцы побѣжали, побѣжали всѣми своими толпами, прямо на станы нашихъ князей, которые, не знавши ничего, не успѣли еще поставить всѣхъ полковъ въ порядокъ. Половцы смяли ихъ совершенно. Никто не понималъ, что происходитъ; никто не зналъ, что ему предпринять. Крики отчаянія варваровъ, лишавшихся послѣдней надежды, заглушали все. Они разбѣжались во всѣ стороны, пѣшіе, конные, съ телѣгами, и произвели общее замѣшательство. Татаре навалились на остальные, державшіеся еще полки всѣми силами; началась сѣча, злая и лютая, но духъ упадалъ, сомнѣніе овладѣвало, а враговъ нагонялось больше и больше; они стрѣляли неудержно и пронзали противниковъ. Князья увидѣли, что стоять имъ больше нельзя. Храброму Даніилу не стало мочи. Огонь снѣдалъ его внутренность, жажда мучила его; онъ поворотилъ коня къ рѣкѣ и припалъ напиться воды; тогда только почувствовалъ онъ свои раны, оглянулся, увидѣлъ, что все бѣжитъ во всѣ стороны, и побѣжалъ съ прочими. Бѣжалъ и Мстиславъ Галицкій, бѣжалъ въ первый разъ отъ роду, разумѣется, истощивъ всѣ силы въ битвѣ, бѣжалъ, вѣрно, съ горькимъ чувствомъ своей вины. Татаре погнались за ними до Днѣпра и убили шесть князей. Кіянъ однихъ пало до десяти тысячъ, изъ всѣхъ воевъ спасся едва десятый. Среди общаго бѣгства и половцы убили многихъ изъ нашихъ, инаго изъ-за коня, инаго изъ-за одежды. Мстиславъ, прибѣжавъ къ Днѣпру, переправился и велѣлъ истребить ладьи, зажечь и изрубить,—чтобы татарамъ нельзя было гнаться.

Но не всѣ вои, не всѣ князья русскіе бѣжали. Остался одинъ, Мстиславъ старый, великій князь Кіевскій. Не предувѣдомленный о сраженіи, онъ стоялъ съ своимъ полкомъ на каменной горѣ, надъ рѣкою Калкой. Увидѣвъ съ высоты бѣгство русскихъ князей, Мстиславъ не двинулся съ мѣста; онъ рѣшился, кажется, принять смерть за отечество и сохранить честь русскаго имени. Укрѣпивъ свой станъ, онъ три дня съ горы бился съ татарами, которые напрасно вступали съ нимъ въ переговоры, обѣщая отпустить его на искупъ. Наконецъ, воевода Бродниковъ, племени намъ подданнаго, поклялся за нихъ въ исполненіи слова. Князь

повѣрилъ и былъ преданъ измѣнникомъ, связанный, татарамъ. Они взяли укрѣпленіе и изсѣкли людей. Князей положили подъ доски, а сами сѣли сверху обѣдать, со смѣхомъ слушая, какъ подъ досками хрустѣли ихъ кости,—и «тако ту скончаша князи животъ свой».

Татаре остервенѣлые шли впередъ, предавая все огню и мечу. Нѣкоторые жители по дорогѣ выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестами: пощады не было никому. Дошедъ до Новагорода Святополческаго, на Днѣпрѣ, близъ Вятичева, верстахъ во ста отъ Кіева, грозные враги вдругъ оборотились назадъ и скрылись столь же быстро, какъ быстро появились. Никого не осталось, и ничего не стало слышно. Все утихло и успокоилось.

Народъ образумился. Какъ будто свирѣпый вихрь пронесся по пространству, ломая и разрушая все встрѣчное, помрачая зрѣніе. Онъ пронесся, и опять возсіяло солнце, открылось небо, ожила природа.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли? Какой языкъ у нихъ? Какая вѣра? Какого они рода? спрашивали себя русскіе люди въ недоумѣніи, опомнясь послѣ перваго переполоха и не видя предъ собою никого болѣе. Всѣ спрашивали другъ друга, но никто не умѣлъ отвѣчать никому. Одни толковали, что это прежніе печенѣги, которые нападали при Святомъ Владимірѣ, другіе называли ихъ таурменами, безбожными моавитянами. Книжники разсуждали, что это должны быть тѣ люди, которыхъ загналъ Гедеонъ, что они вѣрно пришли изъ пустыни между востокомъ и сѣверомъ, что о нихъ предсказывалъ и святый Меѳодій Патарскій: «Придти имъ къ скончанію вѣка, и отъ Тигра до Понтскаго моря, кромѣ Еѳіопіи». «Нѣтъ», заключали православные, выслушавъ ученыя рѣчи, «Богъ одинъ знаетъ, что это за люди, а насылалъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши; обратилъ же вспять, ожидая нашего покаянія».

Что же произошло на Руси послѣ этого неожиданнаго нашествія, упавшаго, какъ снѣгъ, на ея голову, послѣ такого ужаснаго пораженія почти совокупныхъ ея силъ? Какое впечатлѣніе осталось въ нашихъ князьяхъ по удаленіи дикой восточной орды? Собирались ли они гдѣ-нибудь толковать о мѣрахъ на случай ея возвращенія? Подумали-ль они о настоящемъ своемъ положеніи? Перемѣнили-ль образъ своихъ дѣйствій въ отношеніяхъ другъ къ другу, въ виду угрожающей опасности.

Увы! Ничего не перемѣнилось въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: ни разсужденій, ни мѣръ, ни совѣщаній никакихъ нигдѣ не было. Все пошло по-прежнему, какъ будто ничего не случилось особеннаго, какъ будто никакой опасности извнѣ не грозило имъ ни откуда, и все происшедшее они видѣли только во снѣ. Тотчасъ принялись они за прерванныя нечаянно распри, и междоусобія на всѣхъ концахъ возобновились съ прежнею горячностью, въ Галичѣ и на Волыни, въ Кіевѣ и Курскѣ, Новѣгородѣ и Владимірѣ, Смоленскѣ и Черниговѣ.

LIII. НАШЕСТВІЕ БАТЫЯ И ПОКОРЕНІЕ РУСИ МОНГОЛАМИ.

(Изъ «Древней Русской Исторіи» Погодина и изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина)

Прошло пять лѣтъ, и опять возобновились междоусобія удѣльныхъ князей, какъ будто ничего не случилось и нечего было опасаться болѣе бѣды для Русской земли. Вдругъ въ 1229 г. пронесся опять слухъ о татарахъ, показавшихся на рубежѣ Азіи, въ окрестностяхъ р. Яика или Урала, и опять вздрогнули всѣ сердца русскихъ, чуя бѣду. Впрочемъ, татаре подвигались медленно. Только въ 1232 г. подошли они къ Волгѣ и, не доходя до великаго города Болгарскаго (на лѣвой сторонѣ Волги, Казанской губ. въ Спасскомъ уѣздѣ), остановились зимовать. Здѣсь кочевали они больше трехъ лѣтъ и уже въ 1236 г. взяли другую столицу болгаръ, ограбили и сожгли. На слѣдующую зиму явились они въ области Рязанской, подойдя лѣсами съ восточной стороны.

Рязанскій князь Юрій Игоревичъ повѣстилъ родныхъ и сосѣднихъ князей; въ родственный Черниговъ и въ ближній Владиміръ отправлены послы за помощью. Въ Рязань собрались окрестные князья. Сюда прислали татары пословъ, требуя десятины во всемъ: и въ князьяхъ, и въ людяхъ, и въ коняхъ. Князья отвѣчали: «Не будетъ насъ, тогда возьмете все.» Послы препровождены были къ великому князю Юрію Всеволодовичу во Владиміръ. На предложеніе татаръ: «Мирися съ нами», онъ отвѣчалъ: «Брань славная лучше мира постыднаго», и началъ приготовляться къ войнѣ, а рязанцамъ помощи не прислалъ, *хотя особь брань сотворити.*

Изъ Чернигова не было еще помощи, и рязанскіе князья должны были одни идти на встрѣчу татарамъ къ Воронежу, рѣшась умереть, а не покориться. По преданію, рязанскіе князья, посовѣтовавшись между собою, попытались умилостивить хана дарами, съ которыми отправился къ нему сынъ старшаго рязанскаго князя Ѳеодора. Батый принялъ дары ласково и требовалъ у Ѳеодора жены его, славившейся своей красотой. Услышавъ такое требованіе, князь Ѳеодоръ отвернулся съ негодованіемъ, и тутъ же былъ умерщвленъ. Тѣло было брошено звѣрямъ на растерзаніе.

Услыхавъ о смерти Ѳеодора, князя рязанскаго, жена его кинулась изъ высокаго терема на берегу Осетра съ младенцемъ на рукахъ и убилась до смерти. Татаре двинулись впередъ къ Воронежу и разбили русскихъ князей, которые спаслись каждый въ свой городъ. Татаре устремились впередъ, опустошая Рязанскую область, *„грады разбивающе и жгуще, люди сѣкуще и плѣнующе"*. Татарами были разорены до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславль, Борисоглѣбскъ. Кромѣ Пронска имена другихъ городовъ исчезаютъ послѣ этого въ лѣтописяхъ. Декабря 16-го обступили татаре Рязань. Князья затворились. Осада продолжалась пять дней. Граждане оборонялись отчаянно, все время стояли по стѣнамъ городскимъ, не смѣняясь, тогда какъ татаръ прибывали все свѣжія толпы. Падало множество, но никто и не думалъ о сдачѣ. На шестой день подступили татаре съ огнемъ, съ пороками и лѣстницами, и декабря 21-го взятъ былъ городъ копьемъ, разграбленъ и запаленъ. Жители всѣ перебиты: одни разстрѣляны стрѣлами, другіе посѣ-

чены мечами, потоплены въ рѣкѣ; женщины преданы поруганію, дѣти брошены въ огонь, и не осталось въ городѣ никого изъ живыхъ: некому было стонать и плакать, некому скорбѣть о погибшихъ, всѣ вмѣстѣ лежали мертвые. Изъ князей остался въ живыхъ одинъ, который успѣлъ бѣжать во Владиміръ и повѣдать великому князю о погибели Рязани. Татаре пошли впередъ, не останавливаясь, на Владиміръ. Вдругъ сзади, когда они уже выходили изъ области Рязанской, говоритъ другое сказаніе, показались русскіе воины и ворвались въ станъ татарскій. Это были воины изъ полка боярина Евпатія Коловрата. Рязанскій бояринъ Евпатій Коловратъ былъ посланъ, при слухахъ о приближеніи къ Рязани татаръ, за помощью въ Черниговъ. Услышавъ тамъ, что татаре явились уже въ области Рязанской, Евпатій поспѣшилъ съ княземъ туда и нашелъ свою родину совершенно опустошенною, собралъ, сколько могъ, дружины, 1700 человѣкъ, которыхъ «Богъ соблюде», и погнался за татарами.

Поздно понялъ великій князь Юрій II свое положеніе и свою ошибку. Онъ отрядилъ сына своего Всеволода съ войскомъ къ Коломнѣ, а другаго, Владиміра, въ Москву. Подъ Коломною произошло сраженіе. Татаре окружили, по обычаю, суздальцевъ со всѣхъ сторонъ и одолѣли ихъ. Всеволодъ съ малой дружиной бѣжалъ во Владиміръ. Татаре двинулись къ Москвѣ. Москва, городокъ, только что возникавшій среди лѣсовъ, ее окружавшихъ, не могла долго противиться. Жители ея были истреблены, имущество пограблено. Татаре обратились къ Владиміру.

Великій князь уѣхалъ передъ тѣмъ на Волгу собирать войско для отпора татарамъ. Онъ не ожидалъ, очевидно, что они такъ скоро могутъ очутиться передъ самымъ Владиміромъ, и предполагалъ, что успѣетъ вернуться заблаговременно со свѣжими силами. Онъ могъ думать, что крѣпкій городъ продержится во всякомъ случаѣ до его прибытія, но ошибся въ своемъ расчетѣ. Въ то время, какъ Юрій II расположился на Сити, ожидая своихъ братьевъ съ полкомъ, татаре 3-го февраля явились предъ Владиміромъ и тьмами темъ окружили его со всѣхъ сторонъ. Владимірцы затворились накрѣпко съ сыновьями великаго князя. Татаре сначала уклонились отъ боя и требовали сдачи. Владимірцы отказались отворить ворота. Епископъ Митрофанъ увѣщевалъ народъ: «Чада, не убоимся смерти, не пріимемъ себѣ во умѣ сего тлѣннаго, скоро минующаго житья, но о томъ нескоро минующемъ житьѣ попечемся, еже ангелы жити. Поручникъ я вамъ, аще и градъ нашъ копіемъ возьмутъ, и смерти насъ предадутъ, получимъ вѣнцы нетлѣнные на томъ свѣтѣ отъ Христа Бога.» «О семъ же словеси слышавше вси, начаша крѣпко боротися», говоритъ лѣтопись. Татаре подъѣхали къ Золотымъ воротамъ, имѣя при себѣ плѣненнаго при Москвѣ Владиміра Юрьевича, и спросили о великомъ князѣ, тутъ ли онъ въ городѣ. Владимірцы въ отвѣтъ пустили въ татаръ по стрѣлѣ. Татаре отвѣтили тѣмъ же, потомъ закричали: «Не стрѣляйте!» Владимірцы остановились. Тогда татаре подошли ближе къ золотымъ воротамъ и поставили передъ ними Владиміра. «Узнаете ли вы своего княжича?» спрашивали они осажденныхъ. А узнать его, дѣйствительно, уже не легко было: такъ перемѣнился онъ въ татарской неволѣ: на несчастномъ не было лица: блѣдный и исхудалый, онъ еле держался на ногахъ. Молодые князья, стоявшіе у Золотыхъ воротъ, увидали брата и залились слезами; бояре и граждане съ

ними. «Ударимъ, воскликнули пылкіе молодые князья воеводѣ и дружинѣ, ударимъ: лучше умереть за Святую Богородицу и правую вѣру, чѣмъ быть въ плѣну у поганыхъ». Воевода удерживалъ, однакожъ, князей. Татаре обложили городъ и на виду у жителей приготовлялись къ приступу. Между тѣмъ одинъ отрядъ татаръ ходилъ къ Суздалю. Городъ взятъ и сожженъ; княжій дворъ, монастырь св. Дмитрія, церковь св. Богородицы ограблены, жители перебиты, другіе отведены въ плѣнъ. Уцѣлѣвшіе нагіе и босые бродили безъ покрова по лѣсамъ и тамъ погибали. Скоро и этотъ отрядъ татаръ воротился къ Владиміру. Приготовленія къ приступу кончились, и татаре начали ставить лѣса и пороки отъ утра и до вечера, а на ночь огородили тыномъ весь городъ. Поутру князья и граждане увидѣли, что ужъ спастись городу отъ осады нельзя, и что онъ будетъ взятъ. Оставалось только приготовляться къ смерти. Супруга великаго князя съ дочерью, съ женами своихъ сыновей и съ внучатами ушли во храмъ Св. Богородицы, пріобщались тамъ св. таинъ и приняли ангельскій образъ отъ руки св. Митрофана. За ними послѣдовалъ много бояръ и людей, старики, женщины и дѣти. Всѣ ждали со страхомъ и трепетомъ своей погибели, предаваясь въ волю Божію.

7-го февраля, къ заутрени, татаре бросились на стѣны и ворвались въ городъ съ различныхъ сторонъ. До обѣда весь почти городъ былъ занятъ и занялся огнемъ. Татаре отбили церковныя двери въ соборѣ Божіей Матери. Семейство великаго князя съ ближними людьми укрылось на полатяхъ. Татаре ободрали всѣ иконы, захватили всѣ драгоцѣнности, сосуды, кресты, оклады, ризы и пр. Узнавъ, что великая княгиня съ семействомъ на полатяхъ, татаре звали ихъ сойти, обѣщая помиловать, но тѣ не сошли. Тогда татаре натаскали лѣсу въ церковь, наклали вороха около церкви и зажгли. Скоро отъ дыма всѣ задыхались. Епископъ Митрофанъ, уже объятый пламенемъ, благословилъ погибающихъ и воскликнулъ: „Боже, простри руку твою невидимую и прими съ миромъ души рабъ твоихъ".

Владимірскій соборъ Успенія, памятникъ князя Андрея Боголюбскаго на крутомъ берегу Клязьмы, сохранился до нашего времени. Тамъ по внутренней, узкой, темной лѣстницѣ можно еще и теперь взойти на эти приснопамятныя полати, гдѣ избранные русскіе люди скончали животъ свой, покоряясь безропотно волѣ Божіей съ вѣрой и любовью.

Молодые князья, Всеволодъ и Мстиславъ, были застигнуты за городомъ и убиты вмѣстѣ съ прочими, искавшими спасенія въ бѣгствѣ. Изъ Владиміра татаре разсыпались отрядами къ Ростову, Ярославлю, Городцу и поплѣнили все по Волгѣ, даже до Галича; другіе пошли на Переяславль, ограбили и разорили Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, вплоть до Торжка; впродолженіе одного февраля мѣсяца взято городовъ 14, кромѣ слободъ и погостовъ. Суздальская и Ростовская области были окончательно разорены. А великій князь Юрій стоялъ еще станомъ на Сити съ племянниками, дожидаясь братьевъ своихъ съ ихъ дружинами. Вдругъ пришла къ нему роковая вѣсть. «Господи, воскликнулъ Юрій, обливаясь слезами: такъ ли судишь ты? Буде воля твоя святая, готовъ умереть и я: одному что дѣлать мнѣ на этомъ свѣтѣ?»

Скоро явились татаре, и 4-го марта произошло побоище на Сити. Кучи кургановъ, расположенныхъ по рѣкѣ Сити, по всему ея теченію до ея устья и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, такъ же, какъ и по Мо-

логѣ, обозначаютъ путь грознаго шествія татаръ и гибели русскихъ людей. Судя по расположенію этихъ кургановъ, слѣдуетъ думать, что сраженіе происходило во многихъ мѣстахъ. Многіе изъ отрытыхъ въ курганахъ скелетовъ сохранили на костяхъ слѣды ударовъ, проломовъ, разрубовъ, усѣченій.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новгороду и, взявъ Волокъ Ламскій и Тверь, осадили Торжокъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что новгородцы усердною помощью спасутъ ихъ. Но въ это несчастное время всякій думалъ только о себѣ: ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татаре взяли наконецъ Торжокъ и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться. Войско Батыя шло дальше, села исчезали, головы жителей, по словамъ лѣтописцевъ, падали на землю, какъ трава скошенная. Уже Батый находился во ста верстахъ отъ Новгорода, гдѣ плоды цвѣтущей долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу, но вдругъ испуганный, вѣроятно, лѣсами и болотами этого края, къ радостному изумленію тамошнихъ жителей, обратился назадъ къ Козельску (въ губ. Калужской). Этотъ городъ имѣлъ тогда особаго князя, бывшаго еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени князей черниговскихъ. Дружина его и народъ совѣтовались между собой, что дѣлать. «Нашъ князь младенецъ, говорили они, но мы, какъ вѣрные россіяне, должны за него умереть, чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую славу, а за гробомъ принять вѣнецъ безсмертія». Сказали и сдѣлали. Татаре семь недѣль стояли подъ крѣпостью и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву, изрубили многія стѣнобитныя орудія татарскія и, положивъ 4000 непріятелей, сами легли на ихъ трупахъ.

Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Козельскъ злымъ городомъ. Юный князь Василій пропалъ безъ вѣсти; говорили, что онъ утонулъ въ крови. Батый, какъ-бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю Половецкую, къ Дону, а братъ Юріевъ, Ярославъ, въ надеждѣ, что буря миновала, спѣшилъ изъ Кіева во Владиміръ принять достоинство великаго князя.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для того, чтобы овладѣть землей половцевъ. Знаменитѣйшій изъ ихъ хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава галицкаго, былъ еще живъ и мужественно противился татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ король, принявъ его въ подданство съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для поселенія. Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границахъ Россіи; завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій владимірскому храму Богоматери.

Тогда жители великаго княженія снова обезпамятѣли отъ ужаса; оставляя домы свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяславль, татаре опустошили его совершенно. Церковь

святаго Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, заслужила ихъ особенное вниманіе: они сравняли ее съ землею, убивъ епископа Симона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ, славный мужествомъ гражданъ во времена нашихъ междоусобій. Черниговцы не измѣнили своей прежней славѣ и дали отпоръ сильный. Князь Мстиславъ Глѣбовичъ предводительствовалъ ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Одержавъ наконецъ побѣду, долго остававшуюся сомнительной, татаре сожгли Черниговъ, но хотѣли отдыха и черезъ Глуховъ отступили къ Дону.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ. Внукъ Чингизхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивится красотѣ его. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ въ густой зелени садовъ, высокая бѣлая стѣна, съ высокими, гордыми вратами и башнями, воздвинутыми и украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестью склонить жителей столицы къ подданству.

Кіевляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровью ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя месть татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Даніила смоленскаго, Ростиславъ Мстиславовичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава, какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ монголовъ; видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ такой великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ жестокихъ варваровъ. Необходимо было оставить въ столицѣ вождя искуснаго и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ охраненіе столицы боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій бодрствовалъ и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами монгольскими, причемъ указывалъ на несмѣтное число Батыевой рати. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началась приступомъ къ вратамъ Лядскимъ. Тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачили воздухъ, копья трещали и ломались»; мертвыхъ и издыхающихъ—попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ, но татаре къ вечеру овладѣли стѣной. Еще кіевляне не теряли бодрости,

отступили къ церкви Десятинной, и ночью, укрѣпивъ ее тыномъ, снова ждали непріятеля; безоружные граждане, съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имуществомъ, заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однакожь не было рѣчи о переговорахъ: никто не думалъ молить Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ, и гражданамъ необходимостью, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою.

Димитрій, исходя кровью отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копье и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ, татаре отдыхали на развалинахъ стѣны; утромъ возобновили бой и сломили бренную ограду кіевлянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ святаго Владиміра, и что ограда эта есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами, схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Этотъ грозный завоеватель умѣлъ, однакожь, цѣнить необыкновенную храбрость и даровалъ ему жизнь.

Татаре нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей. Древній Кіевъ исчезъ. Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ разрушенъ до основанія; послѣ изъ развалинъ его воздвигли новый. Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ этого мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его. Татаре таранами отбили врага, похитили всѣ сокровища и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими.

Батый, узнавъ, что князья южной Россіи находятся въ Венгріи, пошелъ въ области Галицкую и Владимірскую, осадилъ городъ Ладыжинъ и, не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ, ибо татаре не знали правилъ чести и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, татаре отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города, но взяли Владиміръ, Галичъ и множество другихъ городовъ. Великодушный воевода кіевскій Димитрій находился съ Батыемъ и, сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить эту землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское, что король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную, что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на татаръ. Батый послѣдовалъ совѣту Димитрія и двинулся изъ Россіи въ Венгрію.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ, что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большей части народа, прибавляютъ: «Батый какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ, другіе скитались въ земляхъ

чуждыхъ, искали заступниковъ между невѣрными и не находили; они славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, растоптанныхъ конями татарскими. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ». Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою имперіею отъ временъ Θеодосія Великаго до VII вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Дружины князей и города, не уступая въ мужествѣ татарамъ, не хотѣли соединиться, дѣйствовали разрозненно и, весьма естественнымъ образомъ, не могли устоять противъ полумильонной рати Батыевой, тогда какъ Батый безпрестанно умножалъ рать свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ.

LIV. О НРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ ТАТАРЪ.

(*Изъ соч. Плано Карпини: «Historia Mongolorum»* *).

Когда мы должны были, въ качествѣ посланниковъ отъ апостольскаго престола, отправиться къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ, и когда мы узнали желаніе государя-папы и достопочтенныхъ кардиналовъ, то рѣшили прежде всего идти къ татарамъ, такъ какъ боялись, чтобы въ ближайшемъ будущемъ съ ихъ стороны не стала угрожать опасность церкви Божіей. И хотя мы боялись, чтобы татаре или другіе народы насъ не убили, или на вѣкъ не плѣнили, боялись, чтобы отъ голода, жажды, холода, жара, непріятностей и трудовъ чрезмѣрныхъ не потерпѣть свыше силъ (что все,—въ большей даже степени, чѣмъ мы думали,—сбылось, за исключеніемъ смерти и вѣчной неволи), однако мы не пощадили самихъ себя, чтобы, сообразно съ волей Божіей, исполнить порученіе государя-папы и сколько-нибудь принести пользу христіанству и, по крайней мѣрѣ, достовѣрно узнавъ желанія и намѣренія татаръ, сообщить ихъ христіанамъ: иначе татаре могли бы двинуться на нихъ совершенно неожиданно, не давъ времени приготовиться къ отпору, какъ это бываетъ въ иныхъ случаяхъ по грѣхамъ человѣческимъ, и сдѣлать большое опустошеніе въ средѣ христіанскаго населенія.

Поэтому всему тому, что мы написали ради пользы вашей съ цѣлью предостеречь васъ, вы должны вѣрить тѣмъ болѣе, что мы все это или видѣли своими глазами, проведя годъ и четыре слишкомъ мѣсяца въ ихъ странѣ, съ ними, въ ихъ обществѣ, или слышали отъ заслуживающихъ довѣрія христіанъ, находящихся у нихъ въ рабствѣ. Отъ первосвященника мы имѣли порученіе все изучать и наблюдать внимательно, что мы, равно какъ и братъ Бенедиктъ полякъ, нашъ товарищъ въ этихъ треволненіяхъ и переводчикъ, исполняли тщательно.

Если въ написанномъ нами окажется что-либо вставленное для свѣдѣнія читателямъ и неизвѣстное въ странѣ вашей, то за это не называйте насъ лжецами, ибо мы передаемъ только то, что видѣли сами

---

*) Joannis de Plano Carpini, Antivariensis episcopi Historia Mongolorum, quos nos Tartaros appellamus.

или слышали отъ людей, по нашему мнѣнію, заслуживающихъ довѣрія. Вѣдь это очень жестоко, если на человѣка, за добро, которое онъ сдѣлалъ, клевещутъ другіе...

О наружномъ видѣ татаръ. Наружный видъ ихъ отличается отъ вида всѣхъ другихъ людей. Глаза у нихъ дальше отстоятъ одинъ отъ другаго, чѣмъ у иныхъ людей; скулы также; послѣднія—выдавшіяся впередъ; носъ плоскій и умѣренной величины, глаза малые, рѣсницы доходящія до бровей. Тѣломъ они худощавы, за исключеніемъ немногихъ. Борода почти у всѣхъ растетъ плохо; только у немногихъ растетъ на верхней губѣ и бородѣ достаточно волосъ, которыхъ они никогда не бреютъ. На верхушкѣ головы выбриваютъ, на подобіе духовныхъ лицъ, корону, и отъ одного уха до другаго, на разстояніи трехъ пальцевъ, вообще всѣ бреютъ волоса, соединяя выбритое пространство съ вышеуказанною короною; также бреютъ верхнюю часть лба на протяженіи въ два пальца; волоса же, растущіе между короною и прежде указаннымъ выбритымъ мѣстомъ, пускаютъ расти до бровей, подрѣзая по обѣ стороны лба больше, чѣмъ къ срединѣ. Остальнымъ волосамъ позволяютъ расти такъ, какъ женщины. Эти волоса они соединяютъ въ двѣ косы, каждую изъ которыхъ перевязываютъ за ухомъ. Ноги ихъ умѣренной величины.

О бракѣ у татаръ. Каждый имѣетъ женъ столько, сколько можетъ содержать. Иной имѣетъ ихъ 100, иной 50, иной 10; одни больше, другіе меньше. Семейныя связи не мѣшаютъ бракамъ, исключая мать, дочь и сестру отъ одной матери. Они считаютъ позволительнымъ брать себѣ въ жены сестеръ, хотя бы отъ одного съ ними отца, но другой матери, и даже женъ отца послѣ его смерти. Жену брата беретъ себѣ, послѣ его смерти, младшій братъ или иной младшій родственникъ. Всѣхъ остальныхъ женщинъ берутъ себѣ въ жены безъ всякаго различія, платя за нихъ очень дорого родителямъ. Жены послѣ смерти мужей не легко вступаютъ въ новый бракъ, за исключеніемъ того случая, если найдется желающій взять свою мачиху въ жены.

О жилищахъ татаръ. Юрты ихъ круглыя, устроенныя на подобіе палатки изъ хворосту и тонкихъ кольевъ. Наверху, въ срединѣ, онѣ имѣютъ круглое отверстіе, посредствомъ котораго входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ, такъ какъ всегда у нихъ огонь разводится въ срединѣ юрты. Стѣны и потолокъ покрыты войлокомъ; двери тоже изъ войлока. Иныя юрты обширны, иныя нѣтъ, сообразно съ положеніемъ хозяина. Нѣкоторыя изъ этихъ юртъ могутъ быть быстро сняты и вновь устроены и перевезены за начальниками; другія не разбираются по частямъ, но перевозятся на телѣгахъ. У простыхъ людей одинъ быкъ впрягается въ телѣгу, у болѣе важныхъ—три или четыре, даже больше, смотря по тому, какъ тяжело то, что везутъ. Татаре, куда бы ни шли, на войну ли, или не на войну, всегда все свое имущество имѣютъ при себѣ.

Объ имуществѣ татаръ. Они очень богаты скотомъ, имѣютъ верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей. Вообще домашняго скота у нихъ столько, что во всемъ мірѣ, какъ намъ казалось, столько не могло быть. Свиней и другихъ животныхъ у нихъ очень мало.

О добрыхъ нравахъ татаръ. Вышеназванные люди, т. е. татаре, болѣе послушны своимъ властителямъ, чѣмъ какой либо другой народъ въ мірѣ. Такимъ послушаніемъ отличаются и жрецы, и свѣтскіе люди.

Они уважаютъ властителей своихъ и рѣдко говорятъ имъ неправду. Рѣдко или никогда не бранятъ одинъ другаго, никогда не дерутся; войны, ссоры, раны и убійства никогда между ними не встрѣчаются. Даже грабители и крупные воры здѣсь не извѣстны. Гдѣ ихъ юрты и телѣги, тамъ весь ихъ скарбъ, не запертый ни вечеромъ, ни ночью. Если потеряются животныя, то нашедшій ихъ возвращаетъ хозяину или передаетъ тѣмъ людямъ, которые назначены для этой цѣли; хозяинъ, потерявшій скотъ, спрашиваетъ у нихъ и получаетъ обратно безъ всякаго затрудненія. Другъ друга очень уважаютъ и въ обхожденіи дружественны. Пищу, хотя и не обильную у нихъ, довольно равномѣрно раздѣляютъ между собою. Они очень выносливы. Голодая цѣлый день или два дня, не становятся мрачными, но поютъ и играютъ, будто покушавъ досыта. Ѣздя верхомъ, переносятъ сильный холодъ, равно какъ и сильный жаръ. Они не изнѣжены, не завидуютъ другъ другу; у нихъ не бываетъ ничего, что возбуждало бы сильныя желанія. Другъ друга они не презираютъ, но помогаютъ охотно, насколько могутъ. Жены ихъ отличаются скромностью. Возмущенія у нихъ бываютъ рѣдко или никогда, и хотя они напиваются до-пьяна, но и тогда ни словами, ни поступками не выказываютъ неуваженія къ своему положенію.

О дурныхъ нравахъ татаръ. Описавъ хорошіе нравы ихъ, нужно сказать и о дурныхъ. Они болѣе горды, чѣмъ другіе народы, и презираютъ другихъ, не обращая вниманія, имѣютъ ли дѣло съ благородными или нѣтъ. Мы видѣли при дворѣ татарскаго императора благороднаго мужа Ярослава, великаго князя русскаго, сына царя и царицы Грузіи, многихъ знатныхъ султановъ, князя Солонговъ. Никто изъ нихъ не получалъ почета, и татаре, сопровождавшіе ихъ, хотя были изъ незнатныхъ, шли впереди и занимали всегда лучшее и первое мѣсто, а имъ нужно было всегда садиться сзади. Очень злобно они смотрятъ на другихъ и склонны по природѣ къ гнѣву. Они лживѣе всѣхъ людей, и почти нельзя найдти у нихъ правды: сначала они льстятъ, но въ концѣ жалятъ, какъ скорпіоны. Лицемѣры и обманщики, они готовы, если возможно, всѣхъ надувать. Мужчины неопрятны при ѣдѣ и питьи и въ другихъ отношеніяхъ. Если другимъ желаютъ сдѣлать зло, намѣреніе свое скрываютъ, чтобы не провѣдали про него и не приняли мѣръ. Пьянство у нихъ въ почетѣ, и пьяный тутъ-же выбрасываетъ лишнее, что не мѣшаетъ ему приняться за питье снова. Они очень жадны и скупы, мастера выпрашивать и не возвращать взятаго, скупы, когда нужно дать что-либо. Убить человѣка другой народности имъ ничего не стоитъ. Короче говоря, у нихъ столько дурныхъ проявленій, что перечислить ихъ на письмѣ не возможно.

Объ обычаяхъ и законахъ татаръ. У нихъ обычай или законъ—наказывать смертью мужчинъ и женщинъ, уличенныхъ въ развратѣ. Если кто либо будетъ въ ихъ странѣ уличенъ въ грабежѣ или воровствѣ, то предается смерти безъ милосердія. Если кто изъ нихъ выдастъ намѣренія, особенно когда собираются на войну, то получаетъ сто ударовъ столь сильныхъ, насколько можетъ ихъ нанести палкою простой человѣкъ. Когда кто либо изъ меньшихъ совершитъ какой нибудь проступокъ, то старшіе не щадятъ его, а сильно наказываютъ ударами. Между дѣтьми отъ тѣхъ или другихъ женъ опредѣленной разницы не дѣлаютъ, и отецъ даетъ имъ то, что хочетъ, безразлично, и если онъ князь, то

это достоинство переходитъ на сыновей, родившихся отъ которой бы то ни было жены. Если татаринъ имѣетъ нѣсколько женъ, то у каждой изъ нихъ есть своя юрта и своя семья. Съ одной онъ проводитъ время одинъ день, съ другою другой и т. д.; но одна изъ всѣхъ считается главною, и съ нею онъ чаще проводитъ время, чѣмъ съ другими. Жены, хотя ихъ много, между собою ссорятся не часто.

Мужчины работаютъ только надъ изготовленіемъ стрѣлъ и немного наблюдаютъ за стадами. Они охотятся и упражняются въ метаніи стрѣлъ, поэтому всѣ, отъ мала до велика, хорошіе стрѣлки, а дѣти ихъ съ двухъ и трехъ лѣтъ начинаютъ ѣздить верхомъ, учатся управлять лошадьми и скакать на нихъ. Имъ даютъ лукъ, соотвѣтствующій ихъ возрасту, и показываютъ, какъ должно стрѣлять. Они очень ловки и смѣлы.

Дѣвушки и женщины ѣздятъ верхомъ и скачутъ на коняхъ не хуже мужчинъ. Мы видѣли ихъ съ луками и стрѣлами. И мужчины, и женщины долго могутъ находиться на конѣ. Женщины занимаются всѣмъ хозяйствомъ, дѣлаютъ предметы изъ кожи, одежду, обувь; онѣ правятъ въ телѣгахъ, нагружаютъ верблюдовъ; онѣ очень быстры и неутомимы во всѣхъ своихъ работахъ.

О хитростяхъ татаръ во время битвъ. Желая отправиться на войну, высылаютъ передовыхъ, которые ничего не имѣютъ съ собою, кромѣ вооруженія и коней. Эти ничего не грабятъ, домовъ не сожигаютъ, скота не убиваютъ, но только умерщвляютъ и ранятъ людей, а если этого не могутъ, то обращаютъ въ бѣгство. За ними слѣдуетъ уже войско, которое, наоборотъ, захватываетъ все, что можетъ, не исключая и людей, которыхъ, встрѣтивъ, убиваетъ или беретъ въ плѣнъ. Къ тому же начальники войска посылаютъ повсюду развѣдчиковъ, очень опытныхъ въ исканіи, чтобы открыть людей и запасы.

Когда нужно перейдти черезъ большую рѣку, то поступаютъ такъ. Начальники имѣютъ круглую, легкую кожу, на которой придѣланы частые ремни. Между ремней кладутъ сѣно и стягиваютъ его такъ, что образуется нѣчто въ родѣ мѣшка, который наполняютъ одеждою и другими вещами. Такіе мѣшки привязываютъ крѣпко одинъ къ другому. Посрединѣ кладутъ сѣдла и другія твердыя вещи; посрединѣ тоже садятся люди. Приготовленное такимъ образомъ судно привязывается къ хвосту лошади, которая вмѣстѣ съ человѣкомъ, управляющимъ ею, плыветъ впереди. Въ иныхъ случаяхъ они имѣютъ два весла, при помощи коихъ плывутъ по теченію и переходятъ такимъ образомъ рѣки. Лошадей же сгоняютъ въ воду, причемъ онѣ слѣдуютъ за лошадью, плывущею съ человѣкомъ впереди, и такимъ образомъ переходятъ большія рѣки. Другіе же, простые люди, должны имѣть по кожаному мѣшку, хорошо сшитому. Въ эти мѣшки они прячутъ одежды и всѣ свои вещи, мѣшокъ плотно завязываютъ и, прикрѣпивъ къ хвосту лошади, переходятъ рѣки, какъ было сказано.

Нужно знать, что они, завидѣвъ непріятеля, идутъ ему на встрѣчу, пускаютъ въ него три или четыре стрѣлы и, если видятъ, что не могутъ побѣдить, возвращаются назадъ къ своимъ. Это дѣлаютъ и ради хитрости, чтобы противники, погнавшись за ними, попали въ тѣ мѣста, гдѣ устроены засады; и если противники попадутъ въ вышесказанныя засады, то ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ и поражаютъ. Если ви-

дять, что имѣютъ предъ собою большое войско, отступаютъ назадъ на извѣстное разстояніе и тайно нападаютъ на другую часть страны, убивая людей и все разоряя. Если же замѣчаютъ, что сдѣлать этого не могутъ, то отступаютъ на болѣе значительное разстояніе; нерѣдко, впрочемъ, остаются въ безопасномъ мѣстѣ, ожидая, пока войско противниковъ не раздѣлится, и тогда воровскимъ образомъ набѣгаютъ и опустошаютъ всю страну. Въ войнѣ они чрезвычайно хитры, ибо уже болѣе сорока лѣтъ съ другими народами сражаются постоянно.

Когда желаютъ вступить въ сраженіе, все войско устраиваютъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ должны сражаться. Князья или начальники войска не участвуютъ въ сраженіи, но стоятъ далеко отъ непріятеля, имѣя при себѣ женъ и дѣтей на лошадяхъ. Иногда они дѣлаютъ человѣческія чучела и сажаютъ ихъ на лошадей, для того чтобы показать, что у нихъ много воиновъ. Противъ непріятеля прямо выставляютъ толпу плѣнныхъ и другихъ народовъ, находящихся между ними, присоединяя къ ней, кажется, нѣсколькихъ татаръ. Другіе отряды, состоящіе изъ сильнѣйшихъ людей, издали посылаются направо и налѣво, чтобы непріятели не замѣтили ихъ; такимъ образомъ они окружаютъ непріятелей, собираясь вмѣстѣ. Такъ они начинаютъ сражаться на всѣхъ пунктахъ и, будучи даже незначительными въ иныхъ случаяхъ по числу, заставляютъ думать непріятелей своихъ совершенно противоположное, особенно когда непріятели дадутъ себя обмануть дѣтьми и женами или чучелами, находящимися при начальникахъ, какъ объ этомъ сказано было выше. Но если непріятели хорошо сражаются, то татаре уступаютъ и бѣгутъ; когда-же, во время ихъ бѣгства, непріятели раздѣлятся, начавъ гнаться за бѣгущими, они убиваютъ во время ихъ бѣгства большее число людей, чѣмъ во время битвы. Нужно знать, что они неохотно идутъ въ рукопашный бой, избѣгая его, гдѣ возможно, но предпочитаютъ наносить удары людямъ и лошадямъ посредствомъ стрѣлъ и, только ослабивъ непріятеля такимъ образомъ, вступаютъ въ рукопашную.

Пребываніе у Батыя. Когда мы прибыли къ Батыю въ предѣлахъ земли Комановъ, насъ помѣстили въ разстояніи одной мили отъ жилища его. Прежде чѣмъ идти во дворецъ Батыя, намъ сказали, что мы должны проходить между двухъ огней. Мы не хотѣли на это согласиться по нѣкоторымъ причинамъ, но намъ сказали слѣдующее: «Не бойтесь: мы требуемъ, чтобы вы проходили между двухъ огней, лишь затѣмъ, чтобы огонь уничтожилъ зло, если вы имѣете таковое въ намѣреніи вашемъ по отношенію къ нашему повелителю, или если несете съ собою ядъ». Мы отвѣчали: «Мы готовы проходить, чтобъ не дать повода подозрѣвать себя въ чемъ либо подобномъ». Когда мы пришли въ орду, насъ спрашивалъ чиновникъ Батыя, по имени Эдигей, чѣмъ мы намѣрены ему ударить челомъ, т. е. какіе несемъ подарки. Мы отвѣчали, какъ и прежде, что государь-папа даровъ не шлетъ, но мы хотимъ отъ себя принести подарки изъ тѣхъ средствъ, которыя получили на расходы по милости Бога и государя-папы. Когда подарки были даны и приняты, тотъ же Эдигей спросилъ насъ о причинѣ нашего прибытія, на что мы отвѣчали то же самое, что и прежде. Послѣ этихъ переговоровъ мы были введены въ юрту, сдѣлавъ прежде поклонъ и выслушавъ на порогѣ наставленіе. Войдя и ставъ на колѣни, мы сказали нашу рѣчь, затѣмъ подали письмо и просили дать намъ переводчиковъ, которые мо-

гли бы перевести письма. Эту просьбу нашу исполнили въ страстную пятницу, и мы внимательно перевели письма на русскій, сарацинскій и татарскій языки. Переводъ былъ представленъ Батыю, который разсматривалъ и читалъ его внимательно.

Этотъ Батый держитъ себя съ великолѣпіемъ, имѣя тѣлохранителей и разныхъ придворныхъ чиновниковъ, какъ императоръ. Садится онъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, какъ-бы на тронѣ, съ одною изъ женъ; другія же, какъ братья и сыновья, такъ и прочіе младшіе, садятся ниже, на скамьяхъ; остальные люди—за ними на землѣ: мужчины вправо, женщины влѣво. Палатки Батыя изъ холста; онѣ просторны и очень красивы и принадлежали венгерскому королю. Въ его палатку никто изъ постороннихъ, кромѣ родственниковъ, какъ бы знатенъ и могуществень онъ ни былъ, не смѣетъ войдти безъ дозволенія Батыя. Мы, объяснивъ дѣло, сѣли по лѣвую сторону, ибо такой обычай существуетъ для прибывающихъ пословъ, между тѣмъ какъ отъѣзжающіе послы садятся по правую сторону. Среди палатки, ближе къ двери, ставится столъ съ напитками въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Ни самъ Батый, ни татарскіе вельможи, особенно въ собраніи, никогда не пьютъ безъ пѣнія и музыки. Когда Батый ѣздитъ на лошади, надъ головой его несутъ всегда зонтикъ на длинной палкѣ; такой же обычай соблюдается и всѣми болѣе знатными татарами, и даже женами ихъ. Этотъ Батый къ своимъ людямъ довольно добръ, хотя они его и сильно боятся. Въ битвѣ онъ очень жестокъ; онъ очень находчивъ и очень хитеръ въ войнахъ, такъ какъ съ давнихъ поръ привыкъ къ нимъ.

Въ страстную субботу насъ позвали въ ставку, и названнный выше чиновникъ Батыя вышелъ къ намъ, говоря, что мы поѣдемъ къ императору Гаюку въ его земли.

Пребываніе у Гаюка. Когда мы прибыли къ Гаюку, то послѣдній велѣлъ намъ дать палатку и отпускать содержаніе, какое у татаръ въ обыкновеніи. Наше положеніе было лучше, чѣмъ положеніе другихъ пословъ. Къ нему самому насъ и не позвали, потому что онъ еще не былъ избранъ и пока не принималъ участія въ правленіи; но переводъ писемъ государя-папы и слова, нами сказанныя, были ему переданы Батыемъ. Пробывъ здѣсь пять или шесть дней, мы были позваны къ его матери, гдѣ было торжественное собраніе. Прійдя туда, мы нашли большую пурпурную палатку, которая, по нашему мнѣнію, была способна вмѣстить въ себѣ болѣе 2000 человѣкъ. Вокругъ нея сдѣлана была деревянная ограда съ разными рисунками.

На второй или на третій день мы отправились съ приставленными къ намъ татарами къ палаткѣ Гаюка. Сюда сошлись всѣ князья, и каждый изъ нихъ со своею свитою сидѣлъ на конѣ въ томъ или другомъ мѣстѣ вокругъ палатки. Въ первый день всѣ были одѣты въ бѣлыя одежды, во второй—въ красныя; и тогда въ палатку пришелъ Гаюкъ. На третій день одежды были синеватыя, на четвертый алыя. Въ оградѣ около палатки было два главныхъ входа. Одинъ предназначался только для императора, и этимъ входомъ никто не смѣлъ входить и выходить, хотя онъ былъ открытъ и не былъ охраняемъ стражею. Другой входъ предназначался для всѣхъ приглашенныхъ. При немъ стояли сторожевые воины съ мечами, луками и стрѣлами. Если кто-либо приближался къ палаткѣ ближе опредѣленной черты, то его хватали и били, а если

убѣгалъ, пускали въ него стрѣлы безъ желѣза. Въ такомъ положеніи всѣ оставались почти до полудня, а затѣмъ начали пить кумысъ и пили до вечера, что было весьма удивительно.

Насъ позвали вовнутрь и дали намъ нѣчто въ родѣ пива, такъ какъ мы не пили совсѣмъ кумыса. Это сдѣлали для насъ ради великой чести. Они насъ принуждали къ питью, что съ непривычки было для насъ очень тяжело. Мы объяснили имъ наше положеніе и такимъ образомъ освободились отъ принужденія. Внѣ находились князь Ярославъ изъ Суздаля на Руси, многіе начальники китайцевъ и солянговъ, два сына грузинскаго царя, посолъ калифа багдадскаго, который былъ султанъ, и болѣе десяти другихъ сарацинскихъ султановъ, какъ намъ казалось, и какъ намъ передавали чиновники. Здѣсь вообще было болѣе 4000 пословъ. Всѣ они располагались внѣ ограды и получали для питья кумысъ. Князю Ярославу и намъ, когда мы находились внѣ, всегда давали первое мѣсто. Въ этомъ мѣстѣ мы провели, если не ошибаемся, около четырехъ недѣль. Мы думаемъ, что здѣсь происходило избраніе, хотя превозглашеніе было и не здѣсь... Этотъ лагерь или дворецъ татаре называютъ Сыра-Орда.

Выйдя отсюда, мы отправились на лошадяхъ всѣ вмѣстѣ въ другое мѣсто, за три или четыре мили. Тутъ была приготовлена, на прекрасной равнинѣ между горами, на берегу рѣки, другая ставка, носящая у татаръ названіе Золотой Орды. Здѣсь Гаюкъ долженъ былъ торжественно возсѣсть на тронѣ въ день Успенія Богородицы; но торжество это было отложено по поводу выпавшаго града. Палатка была укрѣплена на колоннахъ, покрытыхъ листами золота и связанныхъ золотыми связями съ другими балками. Потолокъ и стѣны были покрыты дорогими матеріями; съ наружной стороны были другія ткани. Здѣсь мы находились до дня св. Варѳоломея. Въ этотъ день прибыла громадная толпа. Она стояла, обратившись лицомъ къ югу. Нѣкоторые стояли въ извѣстномъ разстояніи отъ другихъ и шли впереди все дальше и дальше, произнося молитвы и дѣлая колѣнопреклоненія по направленію къ югу. Мы же въ то время, когда шли воспѣванія и колѣнопреклоненія въ честь божества, какъ и другіе, не знающіе, въ чемъ дѣло, на колѣни не становились. Эта церемонія продолжалась долго. Затѣмъ татаре вернулись къ палаткѣ, усадили Гаюка на императорскомъ тронѣ, а князья предъ нимъ стали на колѣни; потомъ и весь народъ сдѣлалъ это, исключая насъ, которые не были ихъ подданными. Затѣмъ начали пить и, сообразно своему нраву, провели такъ время до вечера, когда начали развозить въ возахъ мясо, варенное безъ соли, и раздавать его по большему куску на четыре или пять человѣкъ. Въ палаткѣ раздавали мясо и супъ съ большимъ количествомъ соли. Такимъ образомъ шло пиршество во всѣ дни.

Здѣсь же мы были позваны къ императору. Чиновникъ Шингай записалъ имена наши и тѣхъ, которые насъ послали, и вызывалъ громко въ присутствіи императора и всѣхъ князей. Послѣ этого каждый изъ насъ долженъ былъ четыре раза преклонить лѣвое колѣно, и намъ велѣли не касаться порога. Когда насъ обыскали внимательно, нѣтъ ли при насъ оружія, и ничего не нашли, то велѣли войдти въ дверь съ восточной стороны, ибо съ западной никто входить не смѣетъ, кромѣ императора да князя, которому принадлежитъ палатка. Однако простые люди мало заботятся о соблюденіи этого обычая. Такимъ образомъ въ

первый разъ въ его присутствіи мы вошли въ его палатку, когда онъ былъ провозглашенъ императоромъ. Здѣсь онъ принималъ пословъ; но лишь немногіе входили въ самую палатку. Здѣсь же приносились подарки, состоявшіе въ шелковыхъ матеріяхъ, пурпурѣ и другихъ тканяхъ, поясахъ съ золотомъ, великолѣпныхъ мѣхахъ и другихъ приношеніяхъ самыхъ превосходныхъ. Здѣсь же мы видѣли зонтикъ, подаренный для ношенія надъ головою императора, весь усыпанный драгоцѣнными камнями. Здѣсь же правитель одной провинціи представилъ Гаюку много верблюдовъ, покрытыхъ дорогими матеріями, съ сѣдлами, приспособленными такъ, что внутри ихъ могли сидѣть люди. Такихъ сѣделъ мы насчитали 40 или 50. Было много лошадей и муловъ съ вооруженіями изъ кожи или изъ желѣза. Насъ спросили, желаемъ ли дать подарки; но мы, израсходовавъ почти все, что имѣли, ничего дать не могли. Здѣсь, на нѣкоторомъ разстояніи отъ палатки, на горѣ, стояло болѣе 500 возовъ, нагруженныхъ золотомъ, серебромъ и дорогими матеріями. Всѣ эти богатства были раздѣлены между императоромъ и князьями, каждый изъ коихъ дѣлилъ свою долю между своими людьми, но такъ, какъ ему было угодно.

Въ это время умеръ Ярославъ, великій князь той части Руси, которая называется Суздалемъ. Онъ былъ приглашенъ матерью императора, которая, ради чести, кормила и поила его изъ рукъ своихъ. Возвратился онъ въ занимаемое имъ жилище больнымъ и черезъ семь дней скончался. Тѣло его удивительнымъ образомъ сдѣлалось прозрачно-блѣдное, почему полагали, что татаре отравили этого князя, чтобы свободно завладѣть его землею. Это подтверждается и тѣмъ, что безотлагательно, не увѣдомивъ русскихъ, бывшихъ здѣсь съ княземъ, они поторопились послать сказать на Русь сыну его Александру, чтобы тотъ прибылъ для полученія наслѣдства послѣ отца. Но Александръ не пошелъ, а только далъ письменный отвѣтъ, что прибудетъ. Всѣ полагали, что онъ былъ бы убитъ или задержанъ навсегда въ неволѣ, если бы пришелъ.

Впродолженіе мѣсяца мы терпѣли голодъ и жажду, такъ что еле могли жить, потому что содержаніе, которое намъ отпускалось на четырехъ, еле хватало на одного; купить-же было нечего. Но Богъ послалъ намъ нѣкоего русскаго, именемъ Кузьму, любимца императора и его золотыхъ дѣлъ мастера. Онъ насъ нѣсколько поддерживалъ. Намъ кажется, что мы бы умерли безъ посторонней помощи. Кузьма показалъ намъ императорскій тронъ, который онъ сдѣлалъ до воцаренія Гаюка, и сдѣланную имъ же печать. Онъ даже объяснилъ намъ надписи печати. И иныя секретныя дѣла, касающіяся названнаго императора, мы узнали черезъ пришедшихъ съ другими князьями русскихъ и венгерцевъ, знающихъ по-латыни и по-французски, и отъ русскихъ духовныхъ и другихъ, съ ними бывшихъ. Иные изъ нихъ тридцать лѣтъ участвовали въ войнахъ и другихъ происшествіяхъ и знали многое про татаръ, ибо знали языкъ ихъ и оставались съ ними одни 20, другіе 10, третьи большее, четвертые меньшее количество лѣтъ. Отъ нихъ мы могли все развѣдать, и сами они охотно и нерѣдко безъ вопросовъ съ нашей стороны разсказывали намъ обо всемъ, зная, что это насъ интересуетъ.

Спустя нѣсколько дней, насъ позвалъ императоръ опять и велѣлъ черезъ своего главнаго министра Кадака, въ присутствіи главныхъ секретарей Балы и Шингая и другихъ многихъ писцовъ, разсказать намъ

все наше дѣло, что мы и исполнили охотно. Переводчикомъ нашимъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, былъ Темиръ, воинъ Ярослава, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его священникомъ и еще однимъ священникомъ, бывшимъ при императорѣ. И спрошены мы были тогда о томъ, есть-ли у государя-папы люди, понимающіе по-русски, по-сарацински или по-татарски. Мы отвѣчали, что нѣтъ, но прибавили, что, по нашему мнѣнію, то, что будетъ написано по-татарски, мы переведемъ, напишемъ внимательно и доставимъ государю-папѣ какъ само письмо, такъ и переводъ.

Въ день св. Мартина мы были опять позваны, и пришли къ намъ Кадакъ, Шингай и многіе вышеуказанные писцы. Мы переводили письмо слово въ слово, и когда писали по-латыни, они велѣли намъ объяснять имъ все, желая знать, не дѣлаемъ ли въ чемъ либо ошибки.

У императора татарскаго обыкновеніе не говорить самому ни съ кѣмъ изъ постороннихъ, какъ бы они знатны ни были: онъ слушаетъ и отвѣчаетъ при посредствѣ третьяго лица. Императоръ Гаюкъ имѣетъ около 40 или 45 лѣтъ или больше. Онъ росту средняго, очень разсудителенъ, хитеръ, серьозенъ и важенъ. Никто не видѣлъ его смѣющимся изъ-за пустяка и дѣлающимъ что-либо легкомысленное. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили намъ христіане, бывшіе долго при немъ. Эти же христіане, знакомые съ его семействомъ, говорили, что, по ихъ мнѣнію, онъ самъ долженъ сдѣлаться христіаниномъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что онъ имѣетъ при себѣ христіанскихъ священниковъ, даетъ имъ содержаніе, имѣетъ христіанскую часовню передъ своею большою палаткою, и въ часовнѣ этой открыто и публично совершается служба и священное пѣніе по обряду греческому, какъ и въ христіанской странѣ, не смотря на то, что здѣсь большинство татаръ и людей другихъ исповѣданій. Другіе князья не дѣлаютъ этого.

Императоръ предлагалъ отправить вмѣстѣ съ нами своихъ пословъ, какъ говорили приставленные къ намъ татаре. Онъ хотѣлъ, чтобы мы объ этомъ просили, какъ намъ сказалъ одинъ изъ нашихъ татаръ, именно старшій, убѣждавшій насъ поступить такимъ образомъ. Но мы отъ этого не видѣли пользы и заявили, что не намѣрены просить; если-же императоръ хочетъ, то пусть посылаетъ, а мы постараемся, съ Божьею помощью, довести пословъ его безпрепятственно. Мы по многимъ причинамъ считали ненужнымъ посольство. Во-первыхъ, мы боялись, чтобы, увидѣвъ наши раздоры и войны, они не возъимѣли еще большаго желанія напасть на насъ. Во-вторыхъ, мы боялись, чтобы послы не явились шпіонами. Въ-третьихъ, мы боялись, чтобы ихъ не убили, ибо наши соотечественники вообще драчливы и горды, а у татаръ былъ обычай, никогда не заключать мира съ тѣми, которые убили ихъ пословъ, ибо татаре мстительны...

На третій день послѣ того, въ день св. Бриція, насъ отпустили и снабдили письмомъ императора за его печатью, велѣвъ намъ идти къ матери императора. Каждому изъ насъ она подарила лисью шубу, мѣхомъ наружу и подшитую матеріею, и пурпурный кафтанъ. Въ обратный путь мы отправились 14 ноября.

LV. УТВЕРЖДЕНІЕ МЕЧЕНОСЦЕВЪ ВЪ ОСТЗЕЙСКОМЪ КРАѢ.

(По «Русской исторіи» Бестужева-Рюмина и «Сѣвернорусскимъ народоуправствамъ» Костомарова).

Чудскія и латышскія племена, населявшія издревле нынѣшній Остзейскій край, съ давнихъ поръ были въ сношеніяхъ съ сосѣдними славянскими племенами. Въ числѣ племенъ, приглашавшихъ Рюрика и его братьевъ, упоминается лѣтописью чудское племя. Ярославъ въ 1030 г. построилъ городъ Юрьевъ (близъ нынѣшняго Дерпта), а новгородцы и полочане считали прибрежья Рижскаго залива своими владѣніями, съ жителей которыхъ они брали дань. Населеніе Остзейскаго края было грубо и необразовано, оно оставалось при своихъ старинныхъ языческихъ вѣрованіяхъ, раздѣлялось на множество мелкихъ племенъ, не составлявшихъ одного политическаго цѣлаго. Ни новгородцы, ни полочане не обращали вниманія на ихъ религію и политическое устройство: они довольствовались данью и дозволяли затѣмъ туземцамъ жить совершенно такъ, какъ имъ было угодно. Но вотъ однажды, именно въ 1159 году, буря занесла корабли съ нѣмецкими купцами изъ города Бремена къ устьямъ западной Двины. Иностранцы познакомились нѣсколько со страною и пришли къ заключенію, что было бы не безвыгодно завести торговыя сношенія съ туземцами, у которыхъ можно дешево обмѣнивать разныя сырыя произведенія. Слѣдствіемъ этого было то, что почти неизвѣстныя дотолѣ берега Рижскаго залива стали отъ времени до времени посѣщаться германскими торговыми людьми.

Весьма естественно, что нѣмцы, познакомившись съ туземцами, пожелали въ средѣ ихъ ввести христіанство. И дѣйствительно, въ 1187 г., вмѣстѣ съ купцами прибылъ католическій миссіонеръ Мейнгардъ, построилъ церковь близъ ливскаго селенія Икемола и началъ проповѣдывать евангеліе. Мейнгардъ былъ провозглашонъ первымъ ливонскимъ епископомъ. Такъ какъ онъ поселился на землѣ, считавшейся принадлежащею полоцкому князю, то и обратился съ просьбою къ послѣднему о дозволеніи основать нѣмецкую колонію. Полоцкій князь не воспротивился этому, и такимъ образомъ возникъ укрѣпленный городокъ Дипагольмъ.

Проповѣдь Мейнгарда нельзя считать особенно удачною: она вызывала неоднократно сильное неудовольствіе въ туземцахъ, упорно привязанныхъ къ вѣрѣ предковъ. Какъ во время Мейнгарда, такъ и при преемникѣ его Бертольдѣ происходили весьма часто враждебныя столкновенія между нѣмцами и туземцами. Бертольдъ былъ даже убитъ въ одной изъ такихъ схватокъ. Тогда епископомъ назначенъ былъ знаменитый Альбертъ, прочно утвердившій нѣмецкое владычество въ этой странѣ. Онъ выхлопоталъ у папы буллу, разрѣшающую образованіе духовно-рыцарскаго ордена, обязанностью котораго было не только словомъ, но и оружіемъ распространять католицизмъ между языческими туземцами. Орденъ этотъ сначала носилъ названіе «Братьевъ Христова воинства» (Fratres militiae Christi), а потомъ переименовался въ „Меченосцевъ“ (Gladiferi). Впослѣдствіи орденъ этотъ слился воедино съ «Тевтонскимъ» или «орденомъ дѣвы Маріи», утвердившимся по нижнему теченію Вислы и ведшимъ кровопролитныя войны съ пруссами и литовцами. Во

время Альберта возникъ уже болѣе значительный нѣмецкій городъ въ Остзейскомъ краѣ, именно Рига, которая съ 1201 года стала мѣстопребываніемъ епископа. Теперь уже пришельцы не довольствуются проповѣдью слова Божья, а пускаютъ въ ходъ и оружіе, захватывая себѣ земли туземцевъ и обращая послѣднихъ почти въ рабское состояніе. Слухъ объ успѣхахъ первыхъ меченосцевъ скоро распространился по всей Германіи, и потому многіе германскіе дворяне стремились въ Ригу пополнять убыль въ рядахъ бойцовъ за святое, по ихъ мнѣнію, дѣло. Такимъ образомъ, получая постоянно подкрѣпленія изъ Германіи, орденъ Меченосцевъ, какъ и Тевтонскій, сдѣлался многочисленнымъ и могущественнымъ.

Если проповѣдь первыхъ католическихъ миссіонеровъ вызывала неудовольствіе и возмущеніе въ туземцахъ, то теперь, когда она соединялась съ порабощеніемъ, сопротивленіе должно было возрасти еще больше. Но превосходство обыкновенно было на сторонѣ нѣмцевъ: они не страдали внутренними раздорами, получали постоянно подкрѣпленіе изъза-границы, имѣли лучшее оружіе, строили укрѣпленные замки. Насколько имъ уступали туземцы, можно видѣть изъ того, что, дѣлая нападенія на замки своихъ притѣснителей, они пытались стаскивать веревками камни со стѣнъ, полагая, что стѣна состоитъ изъ камней, лежащихъ другъ на другѣ и не связанныхъ никакимъ цементомъ. Тѣ, которые крестились подъ вліяніемъ насилья, бросались въ Двину, желая смыть съ себя крещеніе и отослать его по теченію рѣки на западъ, туда, откуда оно пришло. Возставшіе обыкновенно вели войну съ крайнимъ озлобленіемъ, безжалостно мучили и убивали попавшихся къ нимъ враговъ, иногда заживо жарили ихъ и ѣли. Но и нѣмцы, побѣдивъ возставшихъ, поступали съ ними не снисходительнѣе: они казнили ихъ цѣлыми тысячами, выжигали до тла ихъ села и т. п.

Полоцкіе князья, разрѣшившіе Мейнгарду основаніе нѣмецкой колоніи при устьяхъ западной Двины, скоро поняли свою ошибку и начали рядъ попытокъ вытѣснить нѣмцевъ оружіемъ. Эти же намѣренія были и у псковичей, а преимущественно у новгородцевъ, которые считали нѣкоторыя земли, занятыя нѣмцами (напр. Оденпе или Медвѣжью голову) своею собственностью. Съ 1206 года начинается почти непрерывный рядъ кровопролитныхъ войнъ между орденомъ и сосѣдними русскими княжествами, при чемъ большинство новыхъ подданныхъ ордена (чудь, ливы, эсты) обыкновенно помогаютъ русскимъ, надѣясь при ихъ содѣйствіи отвоевать утраченную свободу. Но противники ордена не отличались тѣмъ единодушіемъ, которое одно только могло бы имъ доставить побѣду. Въ самыя рѣшительныя минуты то тотъ, то другой изъ нихъ оставлялъ поле сраженія. Такъ, напримѣръ, одно время полоцкій князь заключилъ миръ съ нѣмцами, обѣщавшими не распространять дальше своихъ владѣній и платить ему дань. Борьба съ Суздалью неоднократно мѣшала Новгороду употребить всѣ свои силы противъ нѣмецкихъ рыцарей. Однажды случилось даже, что псковскій князь Владиміръ, выдавшій сестру свою за брата епископа Альберта Теодориха и поэтому изгнанный изъ Пскова, ушелъ въ Ригу и самъ способствовалъ нѣмцамъ утвердиться въ Остзейскомъ краѣ.

Между тѣмъ около 1237 года на прибрежьи между Финскимъ и Рижскимъ заливомъ утвердились датчане, построившіе здѣсь городъ Ревель.

Датчане иногда вступали въ споры съ ливонскими рыцарями на счетъ земель, но чаще однако поддерживали ихъ въ борьбѣ съ туземцами и русскими, такъ какъ и на тѣхъ, и на другихъ они смотрѣли враждебно. Къ довершенію всего, миссіонеры изъ Швеціи стали ревностно распространять католичество въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ Финляндіи. Языческіе туземцы возмущались противъ нихъ и искали помощи у Новгорода. Все это было причиною того, что въ 1239 году папа велѣлъ проповѣдовать въ Швеціи крестовый походъ какъ противъ язычниковъ, такъ и противъ русскихъ. Въ то время когда съ одной стороны орденъ сталъ сильно напирать на Новгородъ и Псковъ, съ другой угрожало крестоносное ополченіе, появившееся въ устьяхъ Невы. Оно шло подъ предводительствомъ Бюргера, который управлялъ дѣлами Швеціи вмѣсто больнаго короля Эрика Эриксона. Новгородцы вооружились, и война приняла священный характеръ. Къ счастью, она окончилась блистательною побѣдою, одержанною новгородскимъ княземъ Александромъ надъ Бюргеромъ при впаденіи Ижоры въ Неву (15 іюля 1240 года). Побѣда эта доставила Александру прозваніе „Невскаго". Она избавила Новгородъ отъ жестокой опасности, но не спасла ближайшихъ частей Финляндіи отъ шведскаго ига, наложеніе котораго шло рука объ руку съ водвореніемъ католицизма, проповѣдуемаго шведскими миссіонерами.

Но блистательная побѣда, одержанная на берегахъ Невы, не предотвратила опасности, грозящей съ другой стороны. Ливонскіе нѣмцы подвигали все далѣе и далѣе свои владѣнія. Они захватили было Псковъ и стали мало по малу покорять Новгородскія области. Александръ, неполадившій было съ Новгородомъ и оставившій этотъ городъ, снова вернулся и началъ войну съ орденомъ. Копорье, занятое нѣмцами, было отнято, Псковъ также. Орденъ двинулъ значительныя силы противъ новгородскаго князя, и произошла знаменитая битва на льду Чудскаго озера (5 апрѣля 1241 года), въ которой орденъ потерпѣлъ страшное пораженіе. Эта битва положила предѣлъ дальнѣйшему распространенію владѣній ордена, который долженъ былъ отказаться отъ Пскова, Води, Луги и Латыголы. Впрочемъ, она не заканчиваетъ собою столкновеній, которыя часто возобновлялись впослѣдствіи до тѣхъ поръ, пока Новгородъ и Псковъ пользовались независимостью. Послѣ паденія независимости этихъ городовъ, борьба съ ливонскими нѣмцами и шведами переходитъ какъ бы по наслѣдству къ Московскому государству.

LVI. КРЕСТОНОСЦЫ И ЛИТВА.

(Изъ статьи проф. Соловьева: «Крестоносцы и Литва», помѣщенной въ «Отеч. Запискахъ» за 1852 годъ).

Когда крестовые походы на мусульманскій востокъ не достигли ожидаемыхъ результатовъ, тогда видимъ начало новой крестовой войны, направленной противъ языческаго народонаселенія, затаившагося въ самой Европѣ, на границахъ между восточною и западною ея половинами. Искатели подвиговъ стекаются изъ всѣхъ краевъ западной Европы на пустынные берега Нѣмана, гдѣ загарается страшная, вѣковая борьба, представляющая большой интересъ въ своихъ подробностяхъ и въ своихъ послѣдствіяхъ, особенно для исторіи восточной Европы.

Соприкасаясь съ одной стороны съ Балтійскимъ моремъ, съ другой окруженное племенами славянскими и финскими, племя литовское съ незапамятныхъ поръ обитало въ странѣ своей, покрытой рѣками, озерами, болотами, непроходимыми пущами, съ трудомъ доступной и непривлекательной для завоевателя. Вслѣдстіе такихъ природныхъ причинъ, литовское племя позднѣе всѣхъ другихъ европейскихъ племенъ познакомилось съ христіанствомъ. Литовскія племена въ глубинѣ лѣсовъ своихъ оставались непричастными великимъ перемѣнамъ, происходившимъ среди сосѣднихъ народовъ въ девятомъ и послѣдующихъ вѣкахъ, и враждебно выступали противъ новорожденныхъ славянскихъ государствъ Русскаго и Польскаго, въ разбойническихъ нападеніяхъ опустошая границы ихъ. Князья русскіе и польскіе мстятъ пруссамъ и литовцамъ вторженіемъ въ ихъ собственные предѣлы; но ни Русь, ни Польша не могли дѣйствовать противъ варваровъ съ постояннымъ усиліемъ, и потому походы ихъ не достигали цѣли: бытъ пруссовъ и литовцевъ оставался нетронутымъ. Скоро внутреннія смуты и раздробленіе Польши отняли у послѣдней возможность дѣйствовать не только наступательно, но даже и оборонительно противъ пруссовъ. Конрадъ, князь Мазовецкій, ближайшій сосѣдъ пруссовъ, доведенъ былъ до отчаянія опустошительными набѣгами послѣднихъ. Однажды шайка этихъ грабителей прислала къ нему требовать лошадей и платья. Конрадъ не смѣлъ не исполнить требованія, и между тѣмъ не имѣлъ средствъ удовлетворить ему. Что же онъ сдѣлалъ въ такихъ обстоятельствахъ? Зазвалъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшихъ пановъ своихъ съ женами и во время пира велѣлъ отобрать ихъ лошадей и верхнее платье и отослать пруссакамъ. Но не всегда же можно было употреблять подобныя средства, и потому Конрадъ началъ думать о другихъ, при чемъ обратилъ вниманіе на Тевтонскій орденъ. Въ 1192 году, во время послѣднихъ отчаянныхъ попытокъ христіанъ удержаться въ Палестинѣ, Тевтонскій орденъ рыцарей Богородицы получилъ свое окончательное утвержденіе. Его рыцари носили черную тунику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ, они обязывались ходить за больными и биться съ врагами вѣры; только нѣмецъ и членъ стараго дворянскаго рода имѣлъ право на вступленіе въ орденъ.

Къ этому-то ордену обратился мазовецкій князь съ просьбою о помощи противъ пруссаковъ. Тевтонскіе рыцари были славны своими подвигами въ Палестинѣ, богаты недвижимымъ имуществомъ, которое пріобрѣли въ даръ отъ государей въ разныхъ странахъ Европы; но они хорошо видѣли, что имъ нельзя долго держаться въ Палестинѣ, и потому не могли не согласиться на предложеніе Конрада. Оно обѣщало имъ новое поприще, новое средство продлить существованіе ордена, которое условливалось возможностью постоянной борьбы съ врагами креста Христова. Въ 1225 году, послы Конрада предложили магистру ордена Герману фон-Зальца землю Хелмскую или Кульмскую съ обязанностью защищать польскія владѣнія отъ язычниковъ; въ 1226 году императоръ Фридрихъ II-й предоставилъ ордену владѣніе Кульмскою землею и всѣми странами, которыя онъ отниметъ впередъ у пруссаковъ, но въ видѣ имперскаго лена, безъ всякой зависимости отъ мазовецкихъ князей; въ 1228 году явился въ новыхъ владѣніяхъ ордена первый областной магистръ Пруссіи, Германъ Балкъ, съ сильнымъ отрядомъ рыцарей; въ 1230 по-

слѣдовало окончательное утвержденіе условій съ Конрадомъ, и орденъ началъ свою дѣятельность на новой почвѣ.

Пруссія была подѣлена на одиннадцать областей, не связанныхъ другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ; жители этихъ областей могли безнаказанно опустошать владѣнія Польши, слабой отъ раздѣла, усобицъ и внутренняго нестроенія, но сами, въ свою очередь, были не способны ни къ какому соединенному, дружному предпріятію: нападенія пруссовъ на Польшу были набѣгами разбойничьихъ шаекъ; при оборонѣ собственной земли они не могли выставить также общаго, дружнаго сопротивленія; каждая область, каждое племя боролись поодиночкѣ съ своимъ новымъ врагомъ, а этотъ врагъ былъ—военное братство, которое существовало съ цѣлью постоянной, неусыпной борьбы съ ними, и которое обладало всѣми средствами къ этой борьбѣ; на его сторонѣ была постоянная, самая строгая дисциплина, на его сторонѣ было военное искусство, на его сторонѣ было религіозное воодушевленіе; потери ордена были для него нечувствительны; послѣ каждаго пораженія онъ возставалъ съ болѣе грозными силами; ряды погибшихъ братьевъ быстро замѣщались новыми подвижниками, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, чтобы пролить кровь свою въ священной борьбѣ подъ славною хоругвью Дѣвы Маріи и Святаго Георгія. Противъ суроваго дикаря западная Европа выставила столь же суроваго рыцаря, но со всѣми преимуществами образованности. Вѣренъ былъ успѣхъ на сторонѣ ордена, но орденъ дорого заплатилъ за этотъ успѣхъ.

Въ 1231 году Висла впервые увидѣла на себѣ суда рыцарей. Крестоносцы вышли на правый ея берегъ у того мѣста, гдѣ возвышался священный дубъ языческихъ пруссовъ, и немедленно обнаружили характеръ предпріятія, намѣреніе съ самаго начала становиться твердою ногою въ землѣ; на языческомъ требищѣ воздвиглась христіанская твердыня: Торномъ назвали ее завоеватели, какъ говорятъ, въ знакъ того, что отворились для нихъ ворота въ Пруссію. Окружные язычники тщетно нападали на зачинавшійся городъ; рыцари положили доброе начало своему дѣлу; и что шагъ впередъ, то новая твердыня; городки старшинъ прусскихъ падали передъ рыцарями, замки послѣднихъ оставались невредимыми. Но враги еще ни разу не испытывали силъ своихъ въ чистомъ полѣ; на берегахъ рѣки Сиргуны произошла первая битва между рыцарями и пруссаками; послѣднихъ было вдвое больше числомъ; мужество было одинаково съ обѣихъ сторонъ, но искусство дало побѣду крестоносцамъ.

Однимъ построеніемъ крѣпостей въ новозанятыхъ странахъ орденъ не ограничился: льготами привлекались нѣмецкіе колонисты въ новопостроенные города; люди, стекавшіеся изъ разныхъ странъ помогать ордену въ священныхъ войнахъ, получали отъ него въ ленъ земельные участки, на которыхъ строили новые замки; туземцы, оставшіеся отъ истребленія, принуждены были или бѣжать въ Литву, или принять христіанство и подчиниться игу новыхъ господъ. Для утвержденія новой вѣры среди пруссаковъ, орденъ отбиралъ дѣтей у туземцевъ и отсылалъ ихъ учиться въ Германію, съ тѣмъ, чтобы эти молодые люди, возвратясь потомъ на родину, содѣйствовали распространенію христіанства и нѣмецкой народности среди своихъ соплеменниковъ. Но пруссаки, озлобленные жестокими притѣсненіями, тяжкими работами, надменнымъ обхож-

деніемъ побѣдителей, ждали только случая, чтобы отречься отъ новой вѣры, насильно ими принятой, свергнуть иго духовное и матеріальное.

Но въ то время какъ, повидимому, орденъ сталъ твердою ногою въ Пруссіи, опасность встала для него съ востока: тамъ онъ встрѣтился съ племенемъ, о которое должна была разбиться его сила, которому суждено было отмстить рыцарямъ за своихъ единоплеменниковъ пруссаковъ: орденъ встрѣтился съ Литвою. Какая же была главная причина того явленія, что литовцы были счастливѣе пруссаковъ въ борьбѣ своей съ орденомъ? Главною причиною неудачи пруссаковъ было отсутствіе единства между областями, отсутствіе общаго вождя въ борьбѣ съ завоевателями; но когда орденъ пришелъ въ столкновеніе съ литовцами, то во главѣ этого племени стоялъ князь, способный защитить свою землю отъ завоевателя, гдѣ можно—силою, гдѣ нужно—хитростью: этотъ князь былъ знаменитый Миндовгъ. Внутри страны Миндовгъ велъ борьбу съ родичами, отдѣлывался отъ нихъ, не разбирая средствъ; но успѣшному окончанію этой внутренней борьбы мѣшали два опасные врага внѣшніе: съ сѣвера Ливонскій орденъ, съ юга Русь. Въ то время, какъ орденъ Тевтонскій утвердился въ Пруссіи, соединенный съ нимъ Ливонскій орденъ рыцарей меча распространялъ свои завоеванія съ сѣвера и началъ утверждать свою власть въ Курляндіи; жители послѣдней обратились къ литовскому князю съ просьбою принять ихъ въ свое подданство и защитить отъ рыцарей. Миндовгъ охотно согласился, но скоро увидалъ, что не въ состояніи бороться вдругъ и съ родичами, которые съ разныхъ сторонъ возбуждали противъ него непріятелей, и съ Ливонскимъ орденомъ, и съ русскимъ княземъ, знаменитымъ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ. Потерпѣвъ неудачу въ войнѣ съ обоими, Миндовгъ предложилъ ливонскому магистру Андрею фонъ-Штунланду вступить съ нимъ въ мирные переговоры. Штунландъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ вступить ни въ какія соглашенія съ язычникомъ, съ которымъ обязанъ вести вѣчную войну; но если литовскій князь захочетъ принять христіанство, то получитъ и миръ, и королевскую корону отъ папы. Миндовгъ согласился и получилъ обѣщанное; но онъ принялъ христіанство точно такъ же, какъ пруссаки принимали его подъ мечемъ рыцарей, только для вида, до первой воможности возвратиться къ отцовской вѣрѣ. „Крещеніе его было льстиво, говоритъ лѣтописецъ, потому что втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если когда выѣдетъ на поле, и заяцъ перебѣжитъ дорогу, то уже ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не посмѣетъ и вѣтки сломить тамъ“. Миндовгъ предъ рыцарями выказывалъ себя ревностнымъ христіаниномъ, послушнымъ сыномъ папы, союзникомъ ордена, уступилъ послѣднему значительныя земли; мало того, завѣщалъ ему всю Литву, въ случаѣ своей безпотомственной смерти, а между тѣмъ толпы литовцевъ, въ 1259 году, вторгнулись въ Курляндію и опустошили тамъ орденскія владѣнія; отрядъ тевтонскихъ рыцарей вышелъ къ нимъ на встрѣчу; на берегахъ рѣки Дурбы произошла битва, которая служила печальнымъ предвѣщаніемъ для ордена: литовцы одержали блистательную побѣду, которую они отпраздновали сожженіемъ плѣнныхъ рыцарей въ жертву богамъ.

Эта побѣда Литвы служила знакомъ къ волненію пруссаковъ, подстрекнутыхъ, какъ говорятъ, Миндовгомъ. Жители каждой области вы-

брали себѣ особыхъ вождей, которые всѣ были воспитаны въ Германіи, куда, какъ мы видѣли, орденъ отсылалъ прусскую молодежь; вожди положили срокъ, когда взяться всѣмъ за оружіе для истребленія христіанъ, и въ 1260 году, въ условленный день, вспыхнуло повсемѣстное востаніе: всѣ христіане, не успѣвшіе скрыться въ замкахъ и лѣсахъ, были побиты или забраны въ неволю; ихъ домы, церкви были сожжены. Миндовгъ еще медлилъ, все выжидалъ, наконецъ, видя, что часъ пробилъ, рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, вступилъ съ войскомъ въ Пруссію и страшно опустошилъ ее. Между тѣмъ рыцари получили сильное подкрѣпленіе изъ Германіи и выступили противъ возставшихъ пруссаковъ, но потерпѣли отъ нихъ пораженіе въ двухъ кровавыхъ битвахъ; только двѣ области, прежде всѣхъ занятыя нѣмцами, оставались вѣрными ордену, за что и были въ конецъ раззорены пруссаками и литовцами; въ другихъ же областяхъ прусскихъ рыцари едва успѣли удержать за собою нѣсколько замковъ, да и тѣ подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ отъ язычниковъ. Такое состояніе дѣлъ продолжалось четырнадцать лѣтъ; казалось, что орденъ долженъ былъ отказаться отъ надежды вторично покорить Пруссію; но вышло иначе. Причины этого явленія объяснить не трудно. Орденъ нельзя было окончательно обезсилить опустошеніемъ его прусскихъ владѣній: онъ получалъ свое питаніе извнѣ, изо всей Германіи, изо всей Европы; пусть орденъ лишился бы всѣхъ своихъ замковъ, всѣхъ своихъ земель въ Пруссіи: новый приплывъ крестоносныхъ дружинъ съ юга и запада вполнѣ возобновлялъ его силы, давалъ ему возможность начать снова борьбу. А пруссаки? Благодаря побужденію и подкрѣпленію со стороны Литвы, они умѣли единовременно возстать противъ пришельцевъ; но при самомъ этомъ единодушномъ и единовременномъ возстаніи каждая область выбрала особаго вождя—дурное предвѣщаніе для будущаго единства въ борьбѣ! И точно, когда орденъ началъ снова наступательное движеніе, борьба приняла свой прежній характеръ: каждая область снова защищалась отдѣльно и, разумѣется, при такой особности не могла устоять предъ дружнымъ и постояннымъ напоромъ рыцарей; а между тѣмъ Миндовгъ умеръ, въ самой Литвѣ начались смуты, усобицы; пруссаки предоставлены были собственнымъ, раздробленнымъ силамъ, и силы эти, какъ слѣдуетъ ожидать, оказались недостаточными. Наконецъ продолжительное знакомство съ христіанами, съ высшею образованностью пришельцевъ должно было произвести среди пруссаковъ свое дѣйствіе: не смотря на упорную привязанность къ родной старинѣ, на жестокую ненависть къ пришельцамъ-поработителямъ, нѣкоторые изъ пруссовъ, разумѣется лучшіе, не могли не замѣтить превосходства вѣры и быта послѣднихъ; и вотъ иногда случалось, что среди сильнаго возстанія избранный вождь этого возстанія, лучшій человѣкъ въ области, вдругъ покидалъ дѣло соплеменниковъ, переходилъ на сторону рыцарей и принималъ христіанство съ цѣлымъ родомъ: такъ начала обнаруживаться слабость въ религіозномъ воодушевленіи, которое было основою сопротивленія со стороны пруссаковъ. Возстаніе, имѣвшее мѣсто въ послѣдней четверти XIII вѣка, показало, что эта народность находится уже при послѣднемъ своемъ часѣ; а между тѣмъ рыцари неутомимо и неуклонно преслѣдовали свою цѣль и въ 1283 году покончили завоеваніе Пруссіи, послѣ пятидесятидвухлѣтней кровавой борьбы.

Кончивъ завоеваніе Пруссіи, орденъ немедленно началъ наступательное движеніе на Литву. Главная сцена борьбы перенеслась съ береговъ Вислы и Прегеля на берега Нѣмана. Уже въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1283 г. магистръ провинціальный прусскій, Конрадъ Тирбергъ, переправился черезъ Нѣманъ и спалилъ на другомъ берегу его литовскій острожекъ; но ужь съ самаго начала видно было, что война здѣсь приметъ другой характеръ, чѣмъ въ Пруссіи. Послѣдніе годы тринадцатаго и первые четырнадцатаго столѣтія протекли въ опустошительныхъ набѣгахъ рыцарей на литовскія области и литовцевъ на владѣнія рыцарей; послѣднимъ не удалось стать твердою ногою на литовскомъ берегу Нѣмана. Нѣкоторыя подробности этихъ набѣговъ любопытны. Однажды отрядъ рыцарей, плывшихъ вверхъ по Нѣману для опустошенія Литвы, увидалъ на берегу женщину, которая громко и слезно взывала къ нѣмцамъ, что она христіанка, полька, взятая въ плѣнъ и измученная литовцами. Начальникъ отряда сжалился, велѣлъ причалить къ берегу, но едва вышелъ на него, какъ былъ окруженъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ выскочившими изъ засады литвинами; мнимая полька была также переодѣтый литвинъ, умѣвшій говорить по-польски. Не менѣе интересенъ слѣдующій эпизодъ борьбы: комендантъ орденской крѣпости Рагнеты, Вернеръ фонъ-Орселенъ, велѣлъ выстроить огромный и высокій корабль, въ видѣ пловучаго острожка; за нимъ должны были плыть поменьше барки, полныя ратниковъ и съѣстныхъ припасовъ; флотъ поплылъ вверхъ по Нѣману съ цѣлью ударить на литовскій острогъ Юнигеру; но когда приблизился къ послѣднему, то поднялся сильный вѣтеръ и пловучая крѣпость сѣла на мель, съ которой никакъ не могли ее сдвинуть. Литовцы овладѣли ею и сожгли. Неудачны были рѣчные походы рыцарей на Литву; еще неудачнѣе были походы, предпринятые сухимъ путемъ вглубь страны. Такъ, въ 1314 году, рыцари вздумали вторгнуться въ области Литовской Руси, въ землю кривичей, дошли до Новогрудка, сожгли посады, но города взять не могли и, отягченные добычею, со множествомъ плѣнныхъ, возвращались уже домой, какъ почувствовали недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; удвоили шаги, чтобы скорѣе достигнуть мѣстъ, гдѣ они сложили запасы, подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ, но, пришедши туда, увидали только трупы своихъ ратниковъ: литовцы успѣли перебить ихъ и забрать всѣ припасы. Орденское войско осталось безъ хлѣба и въ самой ужасной крайности достигло прусскихъ границъ: часть умерла съ голода на дорогѣ, часть погибла по возвращеніи, отъ заразительныхъ болѣзней, причиненныхъ голодомъ или дурною пищею.

Если и до сихъ поръ покушенія ордена на Литву были большею частью неудачны, то еще менѣе можно было надѣяться удачи, когда великимъ княземъ литовскимъ сталъ съ 1315 года знаменитый Гедиминъ, при которомъ Литва такъ усилилась присоединеніемъ русскихъ областей. Война съ обѣихъ сторонъ продолжаетъ носить характеръ набѣговъ, не имѣющихъ важныхъ слѣдствій: орденскія войска вторгаются въ Литву, литовскія и русскія опустошаютъ Пруссію и союзную ордену Бранденбургію. Такой же порядокъ дѣлъ продолжался и при Ольгердѣ, сынѣ и преемникѣ Гедимина. Какъ трудно было ордену становиться твердою ногою въ Литвѣ, какъ литовцы умѣли защищать свои замки, можетъ показать намъ извѣстіе объ осадѣ Пунэ (Полангена). Въ 1336 году въ

Пруссію прибылъ маркграфъ бранденбургскій, графъ генебергскій и графъ намурскій съ многочисленнымъ войскомъ для помощи ордену въ войнѣ съ язычниками. Великій магистръ воспользовался удобнымъ случаемъ, двинулся съ ними вмѣстѣ на Литву и осадилъ Пунэ, острожекъ, служившій пристанищемъ для Литвы, возвращавшейся съ набѣговъ. На этотъ разъ въ немъ укрылось четыре тысячи окрестныхъ жителей съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Въ христіанскомъ ополченіи было множество военныхъ машинъ, которыя такъ успѣшно били въ стѣны острожка, что осажденные скоро увидали невозможность защищаться долѣе и, не смотря на то, рѣшились скорѣе погибнуть съ женами и дѣтьми, чѣмъ сдаться; оборонялись до послѣдней крайности, потратили много народа на вылазкахъ; всѣ способные къ бою были покрыты ранами, а между тѣмъ часть стѣнъ уже была раскачана таранами, другая грозила рухнуть отъ подкоповъ. Тогда литвины перебили женъ и дѣтей, поклали трупы ихъ на огромный костеръ, строможденный среди крѣпости, зажгли его и потомъ стали сами умерщвлять другъ друга. Большую часть перебилъ Маргеръ, начальникъ крѣпости, поклявшійся, что, по умерщвленіи товарищей, самъ себя лишитъ жизни; много помогла Маргеру одна старуха, которая обезглавила топоромъ сто ратниковъ и потомъ убила сама себя, увидавъ входящихъ непріятелей. Нѣмцы, видѣвъ горящій костеръ и валы безъ защиты, безпрепятственно вступили въ крѣпость; оставшіеся въ живыхъ литвины бросались сами подъ удары ихъ мечей. Маргеръ исполнилъ свое слово: онъ бился еще съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ, и когда всѣ они пали, бросился въ подземелье, гдѣ спряталъ свою жену, убилъ сперва ее, а потомъ и самого себя.

Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1345 года, когда великимъ магистромъ ордена былъ избранъ Генрихъ фонъ-Арфбергъ. Арфбергъ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, и борьба началась съ обѣихъ сторонъ съ большими усиліями, съ большимъ ожесточеніемъ. Великій магистръ проникъ до Трокъ, страшно опустошилъ ихъ окрестности; на поляхъ Аукенскихъ встрѣтился съ литовскими и русскими полками Ольгерда и поразилъ ихъ въ злой сѣчѣ, какой еще не было до сихъ поръ между рыцарями и Литвою. Плодомъ побѣды было новое опустошеніе литовскихъ областей. Но Ольгердъ недолго заставилъ ждать мести: съ братьями Кейстутомъ и Наримонтомъ вторгнулся онъ въ предѣлы орденскихъ владѣній и съ лихвою отплатилъ за недавнее опустошеніе Литвы. Литва возвращалась уже домой, обремененная добычею, какъ на рѣкѣ Стравѣ была настигнута великимъ магистромъ: произошла новая злая сѣча, и снова литовцы потерпѣли пораженіе. Ихъ уронъ считаютъ до десяти тысячъ и больше; но зато и орденъ потерялъ 50 рыцарей и 4000 простыхъ ратниковъ. Такъ же неудачно для Литвы шли дѣла и при наслѣдникѣ Арфберга, Винрихѣ фонъ-Книпроде. Въ 1360 году Ольгердъ, Кейстутъ и сынъ послѣдняго Патрикій сошлись съ великимъ магистромъ на границахъ литовскихъ. Битва продолжалась цѣлый день; наконецъ рыцари опять одержали побѣду. Напрасно Кейстутъ старался остановить бѣгущихъ и возобновить битву: его свалили съ коня. Патрикій ринулся въ середину непріятелей для спасенія отца, но также былъ сброшенъ съ лошади, поднялся и отбивался до тѣхъ поръ, пока подоспѣлъ отрядъ литовцевъ и выручилъ его изъ бѣды; но отца спасти не могъ. Кейстута отвезли въ Маріенбургъ,

столицу ордена, и засадили въ тѣсную тюрьму. День и ночь стояла у дверей стража, не пускавшая къ плѣннику никого, кромѣ слуги, приносившаго пищу; но этотъ слуга, приближенный къ магистру, отличившійся своею вѣрностью, былъ родомъ литвинъ, въ молодости захваченный въ плѣнъ и окрещенный подъ именемъ Адольфа. Ежедневный разговоръ съ Кейстутомъ на родномъ языкѣ, злая судьба и знаменитые подвиги литовскаго богатыря разбудили въ Адольфѣ давно уснувшую любовь къ старому отечеству: онъ далъ средства Кейстуту уйти изъ заключенія и достичь двора зятя своего, князя мазовецкаго. Литовскій князь не хотѣлъ возвращаться на родину, не отомстивъ рыцарямъ; онъ взялъ у нихъ два замка и съ добычею возвращался домой, какъ на дорогѣ былъ захваченъ орденскимъ отрядомъ, вторично попался въ неволю, вторично ушелъ изъ нея и опять началъ готовиться къ вторженію въ Пруссію.

Великій магистръ, узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ, рѣшился предупредить Кейстута и осадить Ковно—важное мѣсто при сліяніи Виліи съ Нѣманомъ. Въ началѣ 1362 года выступилъ онъ въ походъ съ большимъ числомъ крестовыхъ воиновъ, собравшихся изъ Англіи, Даніи, Богеміи, Германіи, Италіи, окружилъ ковенскій замокъ и началъ машинами громить его стѣны. Литовцы оборонялись отчаянно. Наконецъ стѣна не выдержала напора орудій и рухнула; орденское войско вломилось въ крѣпость и внесло въ нее огонь; почти всѣ защитники ея погибли отъ меча или отъ пламени и дыма. Ольгердъ и Кейстутъ стояли надъ Нѣманомъ, смотрѣли на гибель Ковна и не могли подать ему помощи. Это случилось въ великую субботу. Весело отпраздновавъ на развалинахъ свѣтлый праздникъ, великій магистръ отправился назадъ; идти дальше было нельзя: впереди была обширная страна съ воинственнымъ народонаселеніемъ. Братья Ольгердъ и Кейстутъ дѣйствовали всегда заодно, и эти то согласные братья стояли съ войскомъ, готовые къ защитѣ родной земли. Взятіе Ковна придало, однако, духъ рыцарямъ. Впродолженіе двухъ слѣдующихъ годовъ (1363 и 1364) они съ успѣхомъ возобновляли наступательныя движенія на Литву; но всѣ эти удачи не повели ни къ чему. Ольгердъ и Кейстутъ отомстили имъ троекратнымъ опустошительнымъ нападеніемъ на прусскія области; простой народъ литовцы уводили въ неволю, но рыцарей сожигали въ жертву богамъ; рыцари отплатили имъ опустошеніемъ Литвы въ 1366 году, а въ 1369 г. орденъ рѣшился стать твердою ногою на литовской почвѣ и въ милѣ отъ Ковна заложилъ замокъ Готтесвердеръ. Ольгердъ и Кейстутъ поспѣшили взять его, но принуждены были снова отдать нѣмцамъ. Въ 1370 году огромное ополченіе, состоявшее изъ Литвы, Жмуди, Руси и татаръ, подъ предводительствомъ Ольгерда и Кейстута и двоихъ молодыхъ сыновей ихъ, Ягайла и Витовта, вторгнулось въ Пруссію; великій магистръ встрѣтилъ его подъ замкомъ Рудавою. Битва съ одинаковымъ счастьемъ длилась до полудня; наконецъ лѣвое крыло заколебалось; великій магистръ въ челѣ свѣжей конницы ударилъ на него съ боку и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, сломилъ и принудилъ къ бѣгству. Кейстутъ, увидя, что братъ оставилъ поле битвы, обратился и самъ въ бѣгство. Но и эта кровавая битва осталась безъ слѣдствій. Великій магистръ не воспользовался своею побѣдою, не сдѣлалъ ни шага впередъ, и когда прибыли къ нему знатные сподвижники изъ Германіи—герцогъ австрійскій, два герцога баварскіе, два князя опольскихъ, ландграфъ

Лейхтенбергскій съ нѣсколькими тысячами войска, онъ, для потѣхи гостей, опустошилъ Жмудь. Кейстутъ немедленно отплатилъ ему опустошеніемъ Пруссіи, и опять нѣсколько лѣтъ прошло во взаимныхъ набѣгахъ, безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія.

Такъ продолжалось до самой смерти Ольгерда, когда орденъ получилъ надежду осилить Литву вслѣдствіе междоусобій между ея князьями. Встала вражда между Кейстутомъ и племянникомъ его, Ягайломъ Ольгердовичемъ; орденъ соединился съ Ягайломъ противъ Кейстута. Измѣною схваченъ былъ старый богатырь, самый страшный врагъ нѣмцевъ, задушенъ въ тюрьмѣ, и орденъ немедленно увидалъ для себя плоды отъ смерти Кейстутовой. Въ 1382 году, на островѣ рѣки Дубиссы, при впаденіи ея въ Нѣманъ, имѣлъ мѣсто съѣздъ сановниковъ ордена съ Ягайломъ. Литовскій князь уступилъ рыцарямъ часть западной Жмуди, обязался впродолженіе четырехъ лѣтъ помогать ордену во всѣхъ его войнахъ, а самому не начинать ни съ кѣмъ войны безъ его вѣдома и согласія. Не смотря на то, что здѣсь невыгода была на сторонѣ Литвы, подобные договоры (это былъ уже не первый) разительно показываютъ намъ все различіе борьбы ордена съ Литвою отъ борьбы его съ пруссаками: цѣль существованія ордена—постоянная, непримиримая борьба съ язычниками до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не будутъ истреблены или принуждены принять христіанство. Вслѣдстіе этого орденъ не могъ входить ни въ какія соглашенія съ язычниками и князьями ихъ, заключать перемирія; такъ поступалъ онъ и во все продолженіе борьбы съ пруссаками и въ началѣ борьбы съ Литвою. Но Литва не была похожа на Пруссію; орденъ имѣлъ теперь дѣло съ княземъ обширнаго объединеннаго владѣнія, который могъ располагать всѣми силами своего государства, сообщать имъ постоянное направленіе, и орденъ принужденъ былъ перемѣнить прежній образъ своихъ дѣйствій, вступать въ переговоры, заключать перемиріе съ языческимъ княземъ, чтобъ предохранить собственныя владѣнія отъ опустошительныхъ набѣговъ, чтобъ упрочить пріобрѣтенныя выгоды, наконецъ, чтобъ имѣть возможность вмѣшиваться въ усобицы князей, ибо только однимъ этимъ средствомъ можно было обезсилить Литву. Ягайло долженъ былъ во всемъ уступить требованіямъ ордена, потому что двоюродный братъ его Витовтъ Кейстутовичъ успѣлъ освободиться изъ плѣна, въ который попалъ вмѣстѣ съ отцомъ, и такъ какъ единственнымъ средствомъ спастись отъ преслѣдованій Ягайла и получить волость осталось для него отдаться подъ покровительство того же ордена, то онъ и вошелъ съ ними въ сношенія, обязался, въ случаѣ, если рыцари помогутъ ему возвратить свою отчину, объявить себя подручникомъ ордена. Для послѣдняго не могло быть ничего лестнѣе подобной сдѣлки: безъ борьбы достигалъ онъ верховной власти надъ Литвою, подѣленною между враждебными князьями. Великій магистръ послалъ объявить Ягайлу, чтобъ онъ позволилъ возвратиться въ Литву и вступить во владѣніе отчиною Кейстутовичамъ находящимся подъ высокою рукою ордена. Ягайло на этотъ разъ не заблагоразсудилъ повиноваться приказу ордена, и война открылась. Самъ великій магистръ Конрадъ Цольнеръ вступилъ въ Литву съ сильнымъ войскомъ; но подлѣ хоругви ордена развѣвалось знамя литовско-жмудское, подъ которымъ шелъ Витовтъ съ отрядомъ своихъ приверженцевъ. Число этихъ приверженцевъ все болѣе и болѣе увеличивалось, когда

войско вступило на правый берегъ Нѣмана. Витовтъ первый ударилъ на Троки, стольный городъ отца своего. За нимъ явилось ополченіе рыцарей съ осадными машинами. Стѣна съ одной стороны была разбита; гарнизонъ Ягайла увидалъ невозможность защищаться долѣе и сдалъ городъ. Такимъ образомъ Витовтъ получилъ свою отчину. Какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по краю, толпы литвы и жмуди начали сбѣгаться къ сыну Кейстутову, который скоро увидалъ себя обладателемъ почти всего Троцкаго княжества; но едва только великій магистръ оставилъ Литву, какъ подъ Троками явилось многочисленное войско Ягайла и принудило нѣмецкій гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости. Въ такой бѣдѣ Витовтъ рѣшился на самыя большія пожертвованія, чтобы получить болѣе дѣятельную помощь отъ ордена: онъ принялъ католицизмъ, объявилъ себя вассаломъ ордена и уступилъ послѣднему въ полное владѣніе лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. Въ 1384 году Нѣманъ опять покрылся многочисленными судами, наполненными всякаго рода матеріаломъ. Положено было возобновить старое Ковно, чтобы изъ этой крѣпости удобнѣе дѣйствовать противъ Ягайла; самъ великій магистръ опять предводилъ ополченіемъ. Шесть недѣль безъ отдыха работало множество народа, и стѣны новаго Ковно поднялись; но крѣпость уже носила новое, чуждое названіе Риттерсвердера. Такимъ образомъ ясно становилось, что Литвѣ готовится участь Пруссіи. Къ счастью для Литвы, эти страшныя примѣты поразили князей ея, и они рѣшились во время прекратить усобицу для спасенія общаго дѣла. Ягайло предложилъ Витовту значительныя волости и возобновленіе прежней братской любви, если онъ захочетъ отказаться отъ союза съ общимъ врагомъ. Витовтъ охотно принялъ предложеніе, захватилъ два орденскихъ замка, и оба брата начали сообща собирать силы для борьбы съ нѣмцами. Цѣлью ихъ усилій былъ новый ковенскій замокъ — Риттерсвердеръ, ключъ ко всей Литвѣ; они осадили его и стали добывать съ необыкновенною энергіей. Нѣмецкій гарнизонъ, составленный изъ выборныхъ ратниковъ орденскаго войска, выставилъ также упорное сопротивленіе. Каждый день происходили кровавыя стычки: въ ловкости брали верхъ нѣмцы, въ смѣлости и отвагѣ—Литва и Русь; особенно литовскія пушки плохо дѣйствовали въ сравненіи съ нѣмецкими. Наконецъ, послѣ трехнедѣльныхъ усилій, литовцамъ и русскимъ удалось сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, и крѣпость сдалась въ виду нѣмецкаго отряда, который не могъ подать никакой помощи осажденнымъ. Примиреніе Витовта съ двоюроднымъ братомъ принесло ордену страшныя потери: много рыцарей погибло или пошло въ неволю; утрачены четыре крѣпкіе замка, въ томъ числѣ и дорого стоившій Реттерсвердеръ, и слишкомъ сто квадратныхъ миль новопріобрѣтенной земли, вмѣстѣ съ надеждою дальнѣйшихъ завоеваній.

Но эти потери были еще только предвѣстницами страшной опасности, которая начала грозить ордену отъ внуковъ Гедиминовыхъ. Ягайло сталъ свататься за наслѣдницу польскаго престола Ядвигу, а слѣдствіемъ этого брака должно было быть соединеніе Польши съ Литвою, образованіе могущественнаго государства, предъ силами котораго орденъ долженъ былъ поникнуть. Рыцари забили сильную тревогу, стали разглашать, что это соединеніе грозитъ гибелью христіанству, потому что Литва непремѣнно обратитъ Польшу въ язычество; сдѣлали сильное вторженіе въ области

литовскія, однако ничто не помогло: въ 1385 году Ягайло принялъ католицизмъ, съ обѣщаніемъ распространить его и въ наслѣдственныхъ областяхъ, въ Литвѣ и на Руси, обвѣнчался на Ядвигѣ, короновался королемъ польскимъ и, вопреки увѣреніямъ ордена, что новый король обманываетъ папу и все христіанство, началъ ревностно стараться о распространеніи католицизма въ Литвѣ. Но, не смотря на это, орденъ не оставилъ Литвы въ покоѣ, и когда снова возникли несогласія между Ягайломъ и Витовтомъ, не упустилъ случая вмѣшаться въ междоусобія и попытаться утвердить свое вліяніе въ Литвѣ. Витовтъ отдалъ ордену Жмудь и Гродно подъ залогъ и пользовался помощью нѣмцевъ, въ борьбѣ съ Ягайломъ. Но сыну Кейстутову тяжко было видѣть себя подручникомъ ненавистныхъ рыцарей и вмѣстѣ съ ними пустошить свою отчину; притомъ Ягайло изъявлялъ готовность помириться съ нимъ и дать ему грамоту на великія княженія Литовское и Жмудское. Нечаянно, съ значительнымъ отрядомъ войска, явился Витовтъ передъ Ковномъ, гдѣ былъ принятъ какъ союзникъ и вѣрный слуга ордена; но едва успѣлъ онъ войти въ крѣпость, какъ велѣлъ своимъ людямъ занять всѣ посты, перехваталъ рыцарей, нѣмецкихъ купцовъ, велѣлъ разломать мосты на Нѣманѣ и Виліи, потомъ также нечаянно овладѣлъ Гродномъ и новыми острожками ордена.

Съ этихъ поръ миръ между двоюродными братьями не прерывался, но у рыцарей оставалась еще надежда волновать Литву и пользоваться смутою: встала вражда между родными братьями Ягайломъ и Свидригайломъ Ольгердовичами за материнское наслѣдство—Витебскъ. Лишенный послѣдняго, Свидригайло, по слѣдамъ Кейстутовича, ушелъ во владѣнія ордена и отдался подъ его покровительство. Въ 1394 году великій магистръ Конрадъ фонъ-Юнгингенъ, надѣясь на связи Свидригайла въ Литвѣ, нанялъ двѣсти отборныхъ бургундскихъ стрѣльцовъ, которыхъ прислалъ ему герцогъ Филиппъ, набралъ также гостей военныхъ изъ Силезіи, Германіи, Франціи, взялъ съ собой и Свидригайла съ отрядомъ литовскихъ выходцевъ. Цѣлью похода была Вильна. Осада Вильны въ 1394 году принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ событій въ исторіи борьбы ордена съ Литвою. Не смотря на многочисленность осаждавшихъ, ихъ искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерію, осажденные отбивались съ такимъ мужествомъ, что великій магистръ, потерявъ треть войска, множество лошадей и снарядовъ, принужденъ былъ снять осаду и заключить миръ съ Витовтомъ, чтобы только безпрепятственно выйдти изъ Литвы. Но кромѣ этихъ неудачъ военныхъ, орденъ находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и въ другомъ отношеніи: стараніями короля Владислава Ягайла, христіанство, по ученію римской церкви, стало господствующею религіею въ Литвѣ; народъ литовскій сталъ народомъ христіанскимъ; какой же предлогъ оставался ордену вести съ нимъ постоянную ожесточенную войну? Сначала орденъ прибѣгъ ко лжи: старался распускать при дворахъ европейскихъ слухи, что обращеніе Ягайла и родичей его къ католицизму есть только наружное, что литовскіе князья обманываютъ папу и весь католическій міръ, остаются язычниками въ сердцѣ, а подданные ихъ—и явно. Но долго распространять такихъ внушеній нельзя было по Европѣ: легаты папскіе были въ Литвѣ, своими глазами видѣли ревность Ягайла къ распространенію католицизма въ своихъ

отчинныхъ земляхъ; императоръ вошелъ въ дружественную связь съ королемъ польскимъ, и нигдѣ уже въ Германіи не вѣрили болѣе ордену, такъ что онъ долженъ былъ набирать охотниковъ сражаться съ врагами христіанства въ самыхъ отдаленныхъ странахъ на югѣ, напримѣръ, въ Неаполѣ. Со всѣхъ сторонъ, отъ императора, отъ папы, отъ сосѣднихъ государей, великій магистръ получалъ увѣщанія къ миру съ Литвою, и *вѣчный* миръ былъ наконецъ заключенъ между нимъ и Витовтомъ въ 1398 году; но Жмудь была исключена изъ договора, потому что жители ея упорно противились распространенію среди нихъ католицизма.

LVII. БОРЬБА ПРАВОСЛАВІЯ СЪ КАТОЛИЦИЗМОМЪ ВЪ ЛИТВѢ ДО ЯГАЙЛА, КРЕЩЕНІЕ ЛИТВЫ И СОЕДИНЕНІЕ ЕЯ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

(Изъ соч. Васильевскаго: «Очеркъ исторіи города Вильны» помѣщеннаго въ «Памятникахъ Русской старины»).

Городъ Вильна дѣлается исторически извѣстнымъ около 1321 года, какъ столица великаго князя литовскаго и русскаго Гедимина. Очень вѣроятно, что еще ранѣе этого времени здѣсь существовали болѣе или менѣе значительныя поселенія, и что Гедимину принадлежитъ постройка только виленскихъ замковъ, верхняго, на теперешней горѣ Замковой, и нижняго, занимавшаго уголъ, образуемый впаденіемъ рѣки Вильны (теперь Вилейки) въ рѣку Вилію, или, что тоже, нынѣшнюю каѳедральную площадь.

Преданіе, подтверждаемое позднѣйшими историческими данными, представляетъ нижній замокъ средоточіемъ литовскаго язычества. Здѣсь находилась языческая святыня, здѣсь жили жрецы-служители огня Перкунова, здѣсь съ самаго древняго времени былъ дворецъ великокняжескій, и около него находились дома приближенныхъ бояръ литовскихъ. Это былъ, можно сказать, центръ національной литовской жизни. Но собственно городъ уже во время Гедимина носилъ другой характеръ. Большинство подданныхъ Гедимина состояло изъ русскихъ; уже съ давняго времени утвердилась крѣпкая связь русскаго народа съ литовскимъ; еще ранѣе Гедимина русская образованность, которая, во всякомъ случаѣ, была выше литовской, проникла въ области, населенныя собственно литовскимъ племенемъ; русскіе были учителями литовцевъ въ военномъ искусствѣ; они же строили въ ихъ землѣ города и потомъ ихъ населяли. Что касается собственно Вильны, то она возникла неподалеку отъ той границы, гдѣ литовское племя соприкасалось съ русскимъ со временъ самой глубокой древности. Самое названіе рѣки, отъ которой заимствовано имя города, принадлежитъ, повидимому, русскому племени. Литовцы называли Вилію Нерія или Нергисъ; это имя носила Вилія и въ тѣхъ частяхъ своего теченія, на которыхъ явилась столица Гедимина.

Слѣды литовскихъ поселеній въ столицѣ Гедимина, конечно, существуютъ. Но еще многочисленнѣе и яснѣе указанія на исконное существованіе русскаго населенія въ литовской столицѣ. Въ остаткахъ стѣнъ, нѣкогда окружавшихъ нижій Гедиминовъ замокъ и сохранившихся до начала нынѣшняго столѣтія, въ способѣ постройки древнѣйшихъ литов-

скихъ укрѣпленій, мѣстные изслѣдователи старины находили большое сходство съ постройками древнѣйшихъ городовъ южной Россіи—Кіева и Овруча. Съ самаго древняго времени русскіе населяли лучшую и большую часть города. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что русскіе суть исконные жители города Вильны.

На западной сторонѣ, противъ русской половины, разсѣяны были посады всякаго рода пришельцевъ; тутъ были выходцы изъ Жмуди; тутъ были пруссы, бѣжавшіе отъ меча крестносцевъ; очень рано появились здѣсь и нѣмцы. Только русскіе составляли сплошную и однородную массу. Они должны были дать городу его типъ и характеръ. Что это было такъ на самомъ дѣлѣ, свидѣтельствуетъ языкъ, на которомъ говорили въ Вильнѣ уже въ XIV столѣтіи. Языкъ русскій употреблялся не только при дворѣ и не на одной только русской половинѣ: это былъ языкъ всего виленскаго населенія, языкъ общепонятный и общеупотребительный. Самые коренные литовцы очень рано его усвоили, благодаря преобладающему вліянію русской народности.

Нельзя представить себѣ, чтобы тамъ, гдѣ жилъ православный людъ, не было православныхъ храмовъ. Если съ самыхъ временъ Гедимина существовали въ Вильнѣ русскіе люди, то съ того же времени были здѣсь, безъ сомнѣнія, и русскія, православныя церкви, тѣмъ болѣе, что со стороны властей не могло быть никакого препятствія къ ихъ построенію. Двѣ супруги Гедимина, который былъ женатъ три раза, были русскія по происхожденію; между его дѣтьми уже въ 1333 году были сыновья, крещенные въ православную вѣру; его дочь Анастасія была выдана за сына Ивана Калиты, московскаго князя; самъ Гедиминъ не только изъ политики, но и по убѣжденію склонялся на сторону христіанства. Вопросъ можетъ быть только о томъ, какіе изъ древнихъ православныхъ храмовъ могутъ быть отнесены ко времени Гедимина. Преданіе указываетъ на двѣ церкви, именуя ихъ самыми древними: это церковь св. Николая Чудотворца и церковь св. Параскевы или Пятницкая.

Католическая пропаганда началась въ Литвѣ очень рано и уже при Гедиминѣ коснулась Вильны. Католицизмъ имѣлъ, во-первыхъ, два военныхъ ордена, Тевтонскій и Ливонскій, соединенные подъ одною властью и учрежденные съ прямою цѣлью обращенія въ христіанство язычниковъ сѣвера. Правда, предлагая христіанскую вѣру на остріѣ меча, обращая въ рабство населеніе, нѣмецкій орденъ болѣе отталкивалъ литовцевъ отъ христіанской вѣры, чѣмъ обращалъ въ нее. Но, кромѣ военнаго меча, у римской церкви было и другое могущественное орудіе. Когда уходила крестоносная рать, оставивъ послѣ себя разоренные села и города, къ литовскому князю являлись монахи одного изъ нищенствующихъ орденовъ, доминиканцы или францисканцы; они говорили огорченному князю, что только одинъ человѣкъ можетъ защищать его отъ страшнаго оружія рыцарей, это глава католической церкви, св. отецъ, папа.

Такія же точно внушенія шли изъ ближайшаго къ Вильнѣ нѣмецкаго города Риги. Городское общество рижское и тамошній архіепископъ находились въ постоянной ссорѣ съ орденомъ и часто призывали литовскихъ язычниковъ противъ своихъ собратій по вѣрѣ. Чтобы снять съ себя упрекъ въ дружбѣ съ язычниками, чтобы подкопать ту нравственную почву, на которой стоялъ орденъ, получившій отъ папы привилегію

обращать сѣверныхъ язычниковъ въ христіанство *силою оружія*, рижскій архіепископъ и его партія желали устроить *добровольное* обращеніе литовцевъ въ католичество. При Гедиминѣ эти старанія, повидимому, готовы были увѣнчаться успѣхомъ. Названный князь внималъ внушеніямъ францисканскихъ монаховъ и совѣтамъ архіепископа тѣмъ охотнѣе, что кровопролитная борьба съ нѣмцами ему наскучила, что у него было стремленіе доставить своему народу спокойствіе, безопасную торговлю и нѣкоторую образованность. Въ 1323 г. изъ Вильны отправлены были великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ грамоты къ папѣ, къ городу Ригѣ и къ приморскимъ ганзейскимъ городамъ, а также къ монахамъ орденовъ францисканскаго и доминиканскаго. Къ папѣ Гедиминъ писалъ, что онъ вовсе не врагъ католической вѣры, какъ представляютъ его рыцари, что онъ самъ готовъ признать отеческую власть папы, что при немъ находятся монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которымъ онъ даетъ полную свободу проповѣдывать христіанское ученіе. Къ начальствующимъ лицамъ духовныхъ орденовъ Гедиминъ обращался съ просьбою прислать къ нему монаховъ, знающихъ литовскій и русскій языки; извѣщалъ миноритовъ (францисканцевъ), что онъ уже построилъ для нихъ церковь въ Вильнѣ. Изъ Риги и другихъ торговыхъ приморскихъ городовъ Гедиминъ приглашалъ въ Вильну купцовъ и ремесленниковъ всякаго рода, обѣщая дать имъ всѣ льготы и самоуправленіе по образцу рижскаго городоваго устройства.

Планы Гедимина, однако, не исполнились. При Авиньонскомъ дворѣ медлили отправленіемъ къ нему посольства, которое должно было разсудить русско-литовскаго князя съ Тевтонскимъ орденомъ, какъ того хотѣлъ Гедиминъ. Орденъ не прекращалъ своихъ нападеній на земли литовскаго государя, не смотря на заключенный миръ. Съ другой стороны, собственные подданные Гедимина, услышавъ о намѣреніи своего государя принять католическое крещеніе, единодушно протестовали и грозили возстаніемъ. Православные русскіе и язычники жмудскіе нѣсколько разъ приходили къ своему государю и прямо объявляли, что они не хотятъ и слышать о нѣмецкой вѣрѣ, какъ называли тогда католическое исповѣданіе въ Литвѣ и на Руси; они грозили низверженіемъ съ престола, истребленіемъ всего рода Гедиминова, если онъ, Гедиминъ, обратится въ католичество. Въ жмудинахъ говорила ожесточенная ненависть къ вѣрѣ, во имя которой почти каждый годъ сожигаемы были ихъ домы, подвергались истязаніямъ и истребленію ихъ дѣти и родные. Русскіе съ своей стороны опасались, что если Гедиминъ сдѣлается католикомъ, то они уже не будутъ пользоваться прежнею свободою вѣроисповѣданія, что Гедиминъ перестанетъ оказывать то расположеніе къ православію, которое они доселѣ видѣли.

Между тѣмъ пришло въ литовскую столицу и католическое посольство отъ папы Іоанна XXII. Въ ноябрѣ 1324 г. послы прибыли въ Вильну и тотчасъ же представились Гедимину, но тутъ отъ него самого они узнали, что долгій путь сдѣланъ ими совершенно понапрасну. Гедиминъ объявилъ имъ, что онъ никогда не думалъ креститься, что если о томъ было написано въ его грамотахъ, то это прибавлено тѣми монахами, которые перелагали посланія на латинскій языкъ. „Я позволяю въ своей землѣ каждому жить по своей вѣрѣ, сказалъ онъ посламъ; русскіе чествуютъ Бога по своему обряду; поляки почитаютъ Его по своему обы-

чаю; литовцы служатъ Богу опять по своему; но у всѣхъ насъ одинъ Богъ". Папу Гедиминъ готовъ былъ признавать отцомъ, но только потому, что тотъ былъ старше его лѣтами.

Чтобы понять поведеніе Гедимина, нужно имѣть въ виду, что положеніе его въ виду трехъ вѣръ, которыя предъявляли предъ нимъ свои требованія, было весьма затруднительно. Возвышаясь умомъ и понятіями надъ своими современниками, онъ не могъ раздѣлять суевѣрій язычества, онъ не могъ чувствовать религіознаго уваженія къ священнымъ гадамъ (ужамъ), предъ которыми благоговѣли жмудскіе язычники, или къ священному огню, который пылалъ вблизи его дворца въ „Кривой долинѣ". Гедиминъ имѣлъ довольно ясное понятіе о христіанскомъ ученіи и объ его догматахъ; близкія связи съ русскими князями, дѣти, крещенныя въ православную вѣру,—все склоняло его въ пользу православія. Но православное крещеніе не спасло бы его отъ меча рыцарей, не привязало бы къ нему Жмуди, въ которой язычество было сильно. Съ другой стороны, принявъ католичество и пріобрѣтя чрезъ то нѣкоторую опору въ папѣ, Гедиминъ вооружилъ бы противъ себя почти всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ русскихъ, такъ и язычниковъ. Вотъ почему Гедиминъ оставался до конца въ религіи своихъ предковъ и кончилъ свою жизнь въ борьбѣ съ Тевтонскимъ орденомъ.

При самомъ началѣ правленія Ольгерда (1345—1377), русское вліяніе и успѣхи православной вѣры обнаружились уже съ такою силою въ Вильнѣ, что грозили погасить священный огонь, горѣвшій въ нижнемъ замкѣ. Ольгердъ, рожденный отъ русской матери, прибылъ въ Вильну изъ Витебска, въ сопровожденіи своей жены Маріи Ярославны, которая, будучи послѣднею отраслью витебскихъ князей изъ потомства св. Владиміра, принесла въ приданое мужу свое наслѣдственное княжество. Преданіе приписываетъ Маріи Ярославнѣ основаніе Пятницкой церкви.

Литовскіе язычники, средоточіемъ которыхъ былъ нижній замокъ, довольно спокойно смотрѣли на появленіе христіанскаго храма на мѣстѣ какого то стариннаго языческаго капища; ихъ не оскорбляло присутствіе въ нижнемъ замкѣ православнаго духовенства, окружавшаго великую княгиню. Только одни жрецы языческіе, уже начинавшіе опасаться полнаго паденія національнаго культа, были недовольны, тѣмъ болѣе, что они замѣчали въ самихъ литовцахъ сильное движеніе въ пользу русской вѣры. Случилось, что духовникъ великой княгини, монахъ, по имени Несторъ, успѣлъ обратить въ православную вѣру двухъ литвиновъ знатнаго рода, приближенныхъ къ великому князю. Это раздражило до послѣдней крайности искреннихъ приверженцевъ язычества, имѣвшихъ пока сильную опору въ жмудинахъ. Положеніе Ольгерда было въ высшей степени затруднительно. Обязанный великокняжескимъ престоломъ своему брату Кейстуту, ревностному защитнику языческой религіи, любимцу всей Жмуди, еще не крѣпкій на своемъ великокняжескомъ престолѣ, онъ долженъ былъ, подобно своему отцу Гедимину, обращать вниманіе на тробованія приверженцевъ народнаго жмудско-литовскаго культа. Уступая ихъ настояніямъ, онъ приказалъ, чтобы обращенные Несторомъ литвины, Кумецъ и Нежило, въ православіи Іоаннъ и Антоній, были заключены въ темницу. Впродолженіе цѣлаго года оставались они въ заключеніи; ни убѣжденія, ни угрозы не могли побѣдить ихъ твердости. Только на короткое время поколебался одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, послѣ

бомъ и медомъ предводителей отряда: нѣмцы все таки сожгли все, что можно было сжечь.

Не долго пережилъ Ольгердъ разореніе своей столицы. Онъ умеръ не только православнымъ, но и схимникомъ, говоритъ одна русская лѣтопись, указывая и мѣсто его погребенія въ Пречистенской церкви, имъ самымъ построенной. Впрочемъ при похоронахъ княжескихъ литовцы, по своему обычаю, сожгли восемнадцать лошадей и много драгоцѣнныхъ вещей.

Соблазнительный блескъ польской королевской короны, рука красавицы Ядвиги, надежда найти помощь и защиту противъ враговъ своего народа,—рыцарей тевтонскаго ордена,—заставили сына и наслѣдника Ольгердова отправиться въ Краковъ, чтобы принять тамъ католическое крещеніе. Черезъ десять лѣтъ послѣ разоренія Вильны крестоносцами, приближалась къ Вильнѣ католическая миссія, во главѣ которой находился на этотъ разъ уже не магистръ нѣмецкаго ордена съ мечемъ въ рукахъ, а самъ великій князь литовскій Владиславъ Ягайло, принявшій титулъ короля польскаго, окруженный польскимъ духовенствомъ и высшими сановниками коронными. Надѣвая на себя польскую корону, Ягайло далъ обѣщаніе крестить свой народъ въ католическую вѣру.

Для совѣщанія о мѣрахъ, необходимыхъ для исполненія этого обязательства, собрались въ столицу литовскую родные братья Ягайлы: Скиригайло, князь трокскій, оставшійся вѣрнымъ православію, Владиміръ, князь кіевскій, Дмитрій Корибутъ, удѣльный князь Новогородка, оба также православные. Здѣсь, далѣе, присутствовалъ Витовтъ, двоюродный братъ Ягайлы, сынъ Кейстута, князь городенскій, перешедшій въ Краковѣ изъ православія въ католичество. Князья были окружены боярами, большинство которыхъ были русскіе по происхожденію, православные по вѣрѣ. При такомъ составѣ великокняжескаго совѣта, не могло быть и рѣчи объ обращеніи въ католичество жителей коренныхъ русскихъ областей, исповѣдывавшихъ православіе со времени Владиміра Равноапостольнаго. Католическая проповѣдь должна была ограничиться одними природными литвинами. Но и здѣсь ревность францисканскихъ монаховъ и польскихъ епископовъ встрѣтили большія затрудненія. Между литвинами, даже въ числѣ приближенныхъ великаго князя, были такіе, которые уже крестились по православному обряду и не хотѣли перекрещиваться въ латинскую вѣру. Ягайло думалъ устрашить строгостью, и двое упорныхъ бояръ литовскихъ преданы были казни. Неизвѣстно, какъ подѣйствовалъ этотъ примѣръ на виленское населеніе, но, сколько извѣстно, удѣльные князья, какъ, напримѣръ, Скиригайло, князь трокскій, православный самъ, не подражали старшему своему брату. Многіе литовскіе роды остались попрежнему православными.

Легче было справиться съ язычниками. Священный огонь, пылавшій въ нижнемъ виленскомъ замкѣ, былъ погашенъ; священныя деревья срублены, священные гады поребиты, и никакой силы, никакого знаменія не явилось для защиты народной святыни. Не трудно было послѣ этого убѣдить литвиновъ въ ея безсиліи; но католическіе миссіонеры не умѣли говорить на языкѣ, понятномъ для народа. Самъ Ягайло явился на помощь проповѣдникамъ, поставленнымъ въ затрудненіе. Владѣя русскимъ языкомъ, какъ природнымъ, онъ могъ понимать тѣмъ легче польскую рѣчь, что вполнѣ былъ знакомъ и съ содержаніемъ проповѣди, съ основ-

въ коей помѣщена была икона Пресвятой Дѣвы, принесенная Ольгердомъ изъ Корсуня и подаренная имъ своей супругѣ, которая, въ свою очередь, передала эту святыню Троицкому монастырю. Къ концу правленія Ольгерда существовала уже и соборная церковь Пресвятой Дѣвы (Пречистенскій соборъ), освященная, по преданію, митрополитомъ кіевскимъ Алексіемъ во время его пребыванія въ Вильнѣ.

Неизвѣстно, что сталось съ монахами доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которые были въ Вильнѣ при Гедиминѣ. Лѣтопись замѣчаетъ, что при началѣ княженія Ольгерда „римской вѣры уже не было, только русская смѣшалася". Но около 1365 г., одинъ изъ бояръ, приближенныхъ къ Гедимину, принадлежавшій къ фамиліи Гаштольдовъ, будучи городскимъ намѣстникомъ въ Подоліи, завоеванной племянниками Ольгерда, женился на дочери одного поляка. Вслѣдствіе этого брака Гаштольдъ обратился въ католичество, снова вызвалъ въ Вильну монаховъ францисканскаго ордена и далъ имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ виленскихъ католическихъ епископовъ.

Новые пришельцы не долго пользовались спокойствіемъ. Ненависть литовцевъ къ католицизму обнаружилась тѣмъ сильнѣе, что рыцари нѣмецкаго ордена не задолго предъ тѣмъ, въ 1365 году, сожгли часть Вильны, а помѣщеніе монаховъ находилось вблизи замка, неподалеку отъ главной языческой святыни. Воспользовавшись отсутствіемъ Ольгерда и Гаштольда, толпа язычниковъ (въ 1368 г.) напала на убѣжище монаховъ— ихъ монастырь; семь монаховъ были убиты вблизи его, семь другихъ успѣли бѣжать, но были пойманы въ горахъ, на берегахъ рѣки Виліи. Издѣваясь надъ вѣрою пришельцевъ, язычники пригвоздили ихъ къ крестамъ и пустили внизъ по рѣкѣ, приговаривая: „Вы пришли съ запада, ступайте же на западъ". Возвратившись изъ похода, князь жестоко наказалъ участниковъ этого злодѣйства. Если вѣрить литовскому лѣтописцу, онъ казнилъ не менѣе пятисотъ человѣкъ. Гаштольдъ вызвалъ съ своей стороны другихъ монаховъ того же ордена.

Не смотря на то, что источники, сообщающіе намъ извѣстіе о виленскихъ мученикахъ обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, принадлежатъ позднѣйшему времени, они заключаютъ такія подробности, которыя внушаютъ къ себѣ довѣріе; а на основаніи ихъ мы должны думать, что и въ княженіе Ольгерда, какъ при отцѣ его, восточное православіе стояло на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ римское католичество. Литвины, принявшіе русскую вѣру, погибаютъ по настоянію фанатическихъ жрецовъ; но масса населенія не только не обнаруживаетъ вражды или ненависти къ новообращеннымъ, а выказываетъ къ нимъ явное сочувствіе. Католическіе же монахи, пришедшіе въ Вильну, напротивъ того, погибаютъ вслѣдствіе народнаго движенія, не смотря на покровительство вѣротерпимой верховной власти и лицъ, къ ней приближенныхъ. И это понятно. Католическое исповѣданіе продолжало быть для Вильны враждебною „нѣмецкою вѣрою". Во имя этой вѣры, въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи и для увеселенія „гостей", которые стекались со всѣхъ сторонъ Европы, тевтонскіе рыцари совершали свои ежегодныя „военныя прогулки" на литовскія области и два раза, при жизни Ольгерда, посѣтили Вильну. Въ послѣдній разъ это было зимой 1377 года. Подойдя къ городу, рыцари сожгли часть его и расположились въ остальной. Напрасно Ольгердъ просилъ пощадить то, что осталось, напрасно угощалъ хлѣ-

бомъ и медомъ предводителей отряда: нѣмцы все таки сожгли все, что можно было сжечь.

Не долго пережилъ Ольгердъ разореніе своей столицы. Онъ умеръ не только православнымъ, но и схимникомъ, говоритъ одна русская лѣтопись, указывая и мѣсто его погребенія въ Пречистенской церкви, имъ самымъ построенной. Впрочемъ при похоронахъ княжескихъ литовцы, по своему обычаю, сожгли восемнадцать лошадей и много драгоцѣнныхъ вещей.

Соблазнительный блескъ польской королевской короны, рука красавицы Ядвиги, надежда найти помощь и защиту противъ враговъ своего народа,—рыцарей тевтонскаго ордена,—заставили сына и наслѣдника Ольгердова отправиться въ Краковъ, чтобы принять тамъ католическое крещеніе. Черезъ десять лѣтъ послѣ разоренія Вильны крестоносцами, приближалась къ Вильнѣ католическая миссія, во главѣ которой находился на этотъ разъ уже не магистръ нѣмецкаго ордена съ мечемъ въ рукахъ, а самъ великій князь литовскій Владиславъ Ягайло, принявшій титулъ короля польскаго, окруженный польскимъ духовенствомъ и высшими сановниками коронными. Надѣвая на себя польскую корону, Ягайло далъ обѣщаніе крестить свой народъ въ католическую вѣру.

Для совѣщанія о мѣрахъ, необходимыхъ для исполненія этого обязательства, собрались въ столицу литовскую родные братья Ягайлы: Скиригайло, князь трокскій, оставшійся вѣрнымъ православію, Владиміръ, князь кіевскій, Дмитрій Корибутъ, удѣльный князь Новогородка, оба также православные. Здѣсь, далѣе, присутствовалъ Витовтъ, двоюродный братъ Ягайлы, сынъ Кейстута, князь городенскій, перешедшій въ Краковѣ изъ православія въ католичество. Князья были окружены боярами, большинство которыхъ были русскіе по происхожденію, православные по вѣрѣ. При такомъ составѣ великокняжескаго совѣта, не могло быть и рѣчи объ обращеніи въ католичество жителей коренныхъ русскихъ областей, исповѣдывавшихъ православіе со времени Владиміра Равноапостольнаго. Католическая проповѣдь должна была ограничиться одними природными литвинами. Но и здѣсь ревность францисканскихъ монаховъ и польскихъ епископовъ встрѣтили большія затрудненія. Между литвинами, даже въ числѣ приближенныхъ великаго князя, были такіе, которые уже крестились по православному обряду и не хотѣли перекрещиваться въ латинскую вѣру. Ягайло думалъ устрашить строгостью, и двое упорныхъ бояръ литовскихъ преданы были казни. Неизвѣстно, какъ подѣйствовалъ этотъ примѣръ на виленское населеніе, но, сколько извѣстно, удѣльные князья, какъ, напримѣръ, Скиригайло, князь трокскій, православный самъ, не подражали старшему своему брату. Многіе литовскіе роды остались попрежнему православными.

Легче было справиться съ язычниками. Священный огонь, пылавшій въ нижнемъ виленскомъ замкѣ, былъ погашенъ; священныя деревья срублены, священные гады поребиты, и никакой силы, никакого знаменія не явилось для защиты народной святыни. Не трудно было послѣ этого убѣдить литвиновъ въ ея безсиліи; но католическіе миссіонеры не умѣли говорить на языкѣ, понятномъ для народа. Самъ Ягайло явился на помощь проповѣдникамъ, поставленнымъ въ затрудненіе. Владѣя русскимъ языкомъ, какъ природнымъ, онъ могъ понимать тѣмъ легче польскую рѣчь, что вполнѣ былъ знакомъ и съ содержаніемъ проповѣди, съ основ-

ными истинами христіанства, усвоенными отъ матери. Такимъ образомъ языкъ русскій служилъ нѣкоторымъ посредничествующимъ орудіемъ при католической проповѣди въ Вильнѣ. А чего не въ состояніи было сдѣлать убѣжденіе, то восполнила княжеская щедрость. Ягайло привезъ съ собою большой запасъ бѣлыхъ суконныхъ свитокъ, которыя были предназначены въ награду тѣмъ, кто принялъ католичество: бѣдные литовцы, носившіе до сихъ поръ простой холстъ и грубые мѣха, соблазнялись бѣлыми свитками и толпами шли въ Вильну слушать проповѣдь „лядской" (польской) вѣры. Безъ особенныхъ приготовленій ихъ вели къ Виліѣ, католическій священникъ кропилъ святою водою размѣщенныя отдѣльно группы мужчинъ и женщинъ, и каждая отдѣльная группа получала одно общее для всѣхъ имя, сегодня одно, завтра другое. Съ удивленіемъ и недоумѣніемъ смотрѣли русскіе православные жители Вильны на совершавшееся предъ ихъ глазами. Ихъ самыхъ оставили въ покоѣ, согласно съ принятымъ рѣшеніемъ крестить только литвиновъ.

Лѣтопись говоритъ, что Ягайло „крестилъ половину своего города Вильны". Но едва ли эти слова слѣдуетъ понимать въ количественномъ смыслѣ; едва ли среди тогдашняго виленскаго населенія можно было найти такъ много чистыхъ и некрещеныхъ литвиновъ, чтобы они могли составить цѣлую половину всего числа жителей. Слова лѣтописи слѣдуетъ понимать въ простомъ топографическомъ смыслѣ. Жители Вильны, подлежавшіе крещенію, находились на „половинѣ" города, противоположной его русской части (русская половина). Но и тамъ, среди язычниковъ литовскаго и жмудскаго происхожденія, можно было встрѣтить поселенцевъ нѣмецкихъ, уже исповѣдывавшихъ католичество. Число всѣхъ литвиновъ мужескаго и женскаго пола, крещеныхъ въ католичество, простиралось до 30,000. Трудно сказать, какая именно часть изъ этого числа приходилась на долю города Вильны, но, во всякомъ случаѣ, часть небольшая.

На томъ мѣстѣ, гдѣ было доселѣ главное языческое капище, заложенъ въ 1387 году католическій храмъ во имя св. Станислава, долженствовавшій служить каѳедрою вновь учрежденнаго епископства виленскаго. Щедрые вклады, сдѣланные королемъ, обезпечили содержаніе епископа и членовъ капитула; кромѣ земель, селъ и деревень съ ихъ доходами, епископъ Андрей Василло получилъ каменный домъ. Почти въ одно время съ каѳедральнымъ соборомъ основанъ былъ въ верхнемъ замкѣ костелъ св. Мартина и еще костелъ св. Іоанна (Свято-Янскій).

При первомъ торжествѣ католицизма въ Вильнѣ обнаружились признаки нетерпимости, всегда его сопровождающей. При тѣсныхъ связяхъ русской народности съ литовскою, браки литвиновъ и литвинокъ съ русскими были многочисленны и часты. Теперь такіе браки постановлено было допускать только подъ условіемъ обращенія стороны православной въ римскую вѣру; если, не смотря на запрещеніе, смѣшанный бракъ будетъ заключенъ, то онъ хотя и не расторгается, но сторона православная должна быть принуждаема всѣми средствами къ принятію католическаго исповѣданія; съ этою цѣлью допускались и тѣлесныя наказанія. Далѣе, Ягайло вознамѣрился дать городу Вильнѣ самоуправленіе на основаніяхъ магдебургскаго права, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Но актъ объ этомъ былъ написанъ только на языкѣ латынскомъ, съ умолчаніемъ въ немъ о православныхъ жителяхъ Вильны, чѣмъ Ягайло

обнаружилъ явное намѣреніе исключить самый многочисленный и важный элементъ населенія изъ пользованія правами, вновь предоставленными городу.

Такія мѣры поселяли рознь и раздраженіе въ умахъ. Еще сильнѣйшее неудовольствіе возбуждено было въ жителяхъ Вильны появленіемъ польскаго гарнизона въ виленскихъ замкахъ. Литовская хроника говоритъ, что князю Витовту было тяжело и обидно видѣть, что «чужіе» и «посторонніе» люди владѣли въ Литовской землѣ. Не менѣе чѣмъ Витовту, это было тяжело и обидно для многихъ другихъ менѣе видныхъ литовцевъ. Что касается Витовта, то, принявши въ Краковѣ вторичное католическое крещеніе, именно въ той надеждѣ, что ему поручатъ управленіе великимъ княжествомъ, и видя себя обманутымъ, онъ рѣшился воспользоваться неудовольствіемъ виленскаго населенія и сдѣлалъ попытку захватить виленскіе замки неожиданнымъ нападеніемъ. Когда же его хитрость не удалась, онъ обратился къ нѣмецкому ордену, который всегда готовъ былъ поддержать междоусобіе въ землѣ Литовской. Въ настоящій моментъ тевтонскіе братья были очень огорчены тѣмъ, что люди, которыхъ они имѣли право обратить мечемъ въ христіанство, вздумали, повидимому, обратиться помимо ихъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, всѣ язычники обратятся въ католиковъ, то зачѣмъ будетъ существовать орденъ, созданный спеціально для обращенія язычниковъ сѣверо-восточной Европы? Боясь, чтобы католическій міръ не почелъ ихъ задачу оконченною, тевтонскіе братья хотѣли поспѣшить завоеваніемъ Литвы и въ союзѣ съ Витовтомъ пошли на Вильну.

Походъ начался во второй половинѣ августа 1390 года. Въ немъ участвовало, кромѣ ливонскихъ рыцарей, много знатныхъ «гостей», прибывшихъ изъ западной Европы, въ числѣ коихъ былъ Генрихъ Дерби, сынъ графа Ланкастерскаго, впослѣдствіи знаменитый Генрихъ IV, король Англіи.

Въ началѣ сентября крестоносная рать подошла къ Вильнѣ и прежде всего разрушила католическій храмъ св. Дѣвы Маріи на Пескахъ. Но чтобы привлечь на свою сторону большинство мѣстнаго населенія, нѣмцы, вѣроятно, по совѣту Витовта, щадили православныя церкви. На шестой день послѣ начала осады они взяли штурмомъ одинъ изъ тогдашнихъ виленскихъ замковъ, такъ называемый „Кривой городъ". При этомъ внутри замка произошелъ пожаръ, началось страшное смятеніе; двѣ тысячи человѣкъ были убиты или взяты плѣнъ; множество народа погибло въ пламени; братъ короля Казиміръ-Коригайло, начальствовавшій въ «Кривомъ городѣ», искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но былъ схваченъ на пути къ нижнему замку и убитъ.

Взявъ «Кривой городъ», нѣмцы приступили къ осадѣ «Нижняго замка», гдѣ начальствовалъ другой братъ Ягайлы—Скиригайло. Благодаря мужественной защитѣ, осада затянулась. Пришлось возвращаться назадъ и отложить взятіе столицы литовской до будущаго года.

Осенью 1391 года великій магистръ ордена Конрадъ Валленродъ, со знатными гостями изъ Германіи, Франціи и Шотландіи, снова двинулся въ походъ. Литовцы, не имѣя силъ противостоять рыцарямъ въ открытомъ полѣ, отступали, истребляя и предавая пламени все, что могло послужить на пользу непріятеля. Въ началѣ сентября рыцари подошли къ Трокамъ и увидѣли на мѣстѣ этого города груду пепла. Около 20

сентября они приблизились къ Вильнѣ. Этотъ городъ не былъ истребленъ, но окрестности его на пять миль кругомъ были опустошены. Встрѣтивъ неожиданно отпоръ, рыцари, послѣ легкой стычки въ предмѣстьяхъ Вильны, принуждены были поворотить назадъ.

Король Владиславъ Ягайло долженъ былъ почувствовать, что ему не справиться съ положенiемъ дѣлъ въ Литвѣ, что онъ не въ силахъ будетъ защищать ее долго, когда среди самаго населенiя оказывалось много людей, сочувствовавшихъ Витовту, если не нѣмцамъ, и питавшихъ антипатiю къ полякамъ. Онъ послалъ сказать своему двоюродному брату: «Не губи больше земли Литовской, будь съ нами въ мирѣ и возьми себѣ великое княженiе въ Вильнѣ». Этого только и желалъ Витовтъ. Получивъ надежду владѣть Литвою, онъ въ 1392 году ушелъ отъ рыцарей и принялъ управленiе великимъ княжествомъ Литовскимъ. Но это вызвало новое нашествiе нѣмцевъ. Орденъ захотѣлъ отомстить своему прежнему союзнику. Въ августѣ 1394 года великiй магистръ вторгнулся еще разъ въ Литву. Онъ снова явился подъ Вильною и осадилъ ее. Витовтъ, стоявшiй вблизи города и препятствовавшiй подвозу съѣстныхъ припасовъ для крестоносной рати, былъ разбитъ. Между тѣмъ подошелъ и ливонскiй магистръ со своимъ отрядомъ. Вильна была окружена и заперта со всѣхъ сторонъ. Не смотря, однако, на всѣ усилiя осаждающихъ, виленскiе замки устояли, и въ сентябрѣ враги ушли обратно.

Послѣ неудачнаго похода въ 1394 году нѣмцы оставили на нѣкоторое время въ покоѣ Вильну, такъ что она получила возможность отдохнуть и оправиться. Витовтъ хотѣлъ сдѣлать Вильну центромъ всего русскаго народа. Заключивъ перемирiе съ орденомъ, онъ думалъ о присоединенiи къ своимъ владѣнiямъ Новгорода, Пскова, Смоленска, самой Москвы. Неразборчивый на средства, онъ вступилъ для достиженiя своей цѣли въ союзъ съ ханомъ татарскимъ Тохтамышемъ, который былъ изгнанъ изъ Кипчака страшнымъ Тамерланомъ. «Я тебя посажу въ ордѣ на царство, а ты меня посади на Москвѣ на великомъ княженiи, на всей землѣ Русской»; такъ передаютъ лѣтописи договоръ Витовта съ ханомъ. Первый походъ союзниковъ былъ удаченъ. Подъ Азовомъ Витовтъ разбилъ татаръ, враждебныхъ Тохтамышу, и взялъ въ плѣнъ цѣлый улусъ татарскiй. Витовтъ поселилъ своихъ плѣнниковъ вблизи столицы, частью же въ ней самой, и выстроилъ для нихъ мечеть въ одномъ изъ предмѣстiй Вильны.

Второй походъ Витовта на орду кончился страшнымъ пораженiемъ на берегахъ Ворсклы (1399). Разбитый въ прахъ, Витовтъ долженъ былъ искать опоры въ Польшѣ, и это повело къ такъ называемой политической унiи между Польшею и Литвою. Въ 1401 году состоялся сеймъ въ Вильнѣ, на которомъ подписанъ былъ актъ торжественно провозглашеннаго соединенiя Литвы съ Польшею. Этотъ актъ оставался, впрочемъ, долго мертвою буквою, подобно многимъ другимъ попыткамъ политической унiи послѣдующаго времени. Онъ сейчасъ же вызвалъ реакцiю въ православномъ населенiи противъ католицизма и полонизма. Родной братъ короля Владислава, Болеславъ-Свидригайло, изъ православiя перешедшiй въ католичество, но всѣми своими сочувствiями оставшiйся на сторонѣ «русской» вѣры и всегда ей покровительствовавшiй, взялъ на себя прежнюю роль Витовта. Съ прусскимъ войскомъ явился онъ,

въ 1402 году, подъ Вильною и нашелъ себѣ союзниковъ въ самихъ жителяхъ Вильны: Шесть виленскихъ гражданъ поплатились головою за приверженность къ нему; русскіе монахи дѣйствовали тоже въ пользу Свидригайлы: они будто бы обѣщали зажечь виленскій замокъ внутри, но ихъ планъ былъ открытъ. Вильна устояла. Союзники Свидригайлы принуждены были отступить и уйти домой.

Въ 1415 году Витовтъ рѣшился на важную мѣру по отношенію къ православной церкви. Подъ тѣмъ предлогомъ, что митрополитъ Фотій, подобно своимъ предшественникамъ, жившій въ Москвѣ, не радѣетъ о своей русско-литовской паствѣ, Витовтъ, не смотря на отказъ константинопольскаго патріарха, устроилъ отдѣльную митрополію для южной и западной Руси. «Пусть люди не говорятъ со стороны: государь не въ той вѣрѣ, оттого и царство оскудѣло», пишетъ онъ, объясняя свою заботливость о православной церкви. Соборомъ западно-русскихъ епископовъ избранъ былъ на митрополію Григорій Цамблакъ (родомъ болгаринъ). Онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Вильну.

Есть, однако, основаніе думать, что созданіе отдѣльной митрополіи было вызвано не одною заботливостью о благѣ православной церкви. Желая изъ всѣхъ земель русскихъ и литовскихъ, находившихся подъ его властью, создать единое и независимое государство, Витовтъ хотѣлъ устроить и церковь независимую и притомъ единую, безъ раздѣленія на католическую и православную. Мысль о церковной уніи, проглядывающая въ дѣйствіяхъ Витовта, находилась въ связи съ гусситскимъ движеніемъ, которому великій князь литовскій готовъ былъ подать руку, и съ вопросомъ объ исправленіи римской церкви во главѣ и членахъ. Еще въ 1413 году былъ въ Литвѣ и въ самой Вильнѣ сподвижникъ и другъ Гуса Іеронимъ Пражскій; онъ посѣщалъ здѣсь православныя церкви, преклонялъ колѣни предъ мощами и иконами въ русскихъ храмахъ, публично принималъ евхаристію изъ рукъ православныхъ священниковъ, бесѣдовалъ съ Витовтомъ о вопросахъ, относящихся къ различіямъ вѣроисповѣданій. Новоизбранный митрополитъ Григорій, съ другими русскими епископами, былъ посланъ княземъ на Констанцскій соборъ, который, кромѣ гуситскаго дѣла, долженъ былъ заняться исправленіемъ католической церкви и вопросомъ о соединеніи церквей. Но православные русскіе епископы, прибывъ въ Констанцъ, узнали, что ихъ прежній знакомецъ, защищавшій ученіе и обрядъ православной церкви, погибъ на кострѣ; они узнали также, что соборъ уже осудилъ причащеніе подъ обоими видами. Явившись въ засѣданіе собора, русскіе іерархи объявили, что они хотятъ остаться тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и не желаютъ быть послушными римской церкви. Польскіе прелаты, которые много толковали о готовности русско-литовскихъ епископовъ признать власть папы, сдѣлались послѣ этого, говоритъ нѣмецкая хроника, предметомъ смѣха для всѣхъ отцовъ собора. Нѣкоторые благоразумные люди (изъ числа католиковъ) высказали, однако, убѣжденіе, что если бы совершилось преобразованіе католической церкви, то можно бы найти средство къ дѣйствительному соединенію церквей.

Существованіе отдѣльной митрополіи, если оно связывалось въ умѣ Витовта съ мыслью о соединеніи церквей (объ уніи), послѣ неудачной попытки въ Констанцѣ должно было въ его глазахъ утратить большую часть своей цѣны. Къ тому же, зимою 1420 г., митрополитъ Григорій

литовскія, однако ничто не помогло: въ 1385 году Ягайло принялъ католицизмъ, съ обѣщаніемъ распространить его и въ наслѣдственныхъ областяхъ, въ Литвѣ и на Руси, обвѣнчался на Ядвигѣ, короновался королемъ польскимъ и, вопреки увѣреніямъ ордена, что новый король обманываетъ папу и все христіанство, началъ ревностно стараться о распространеніи католицизма въ Литвѣ. Но, не смотря на это, орденъ не оставилъ Литвы въ покоѣ, и когда снова возникли несогласія между Ягайломъ и Витовтомъ, не упустилъ случая вмѣшаться въ междоусобія и попытаться утвердить свое вліяніе въ Литвѣ. Витовтъ отдалъ ордену Жмудь и Гродно подъ залогъ и пользовался помощью нѣмцевъ, въ борьбѣ съ Ягайломъ. Но сыну Кейстутову тяжко было видѣть себя подручникомъ ненавистныхъ рыцарей и вмѣстѣ съ ними пустошить свою отчину; притомъ Ягайло изъявлялъ готовность помириться съ нимъ и дать ему грамоту на великія княженія Литовское и Жмудское. Нечаянно, съ значительнымъ отрядомъ войска, явился Витовтъ передъ Ковномъ, гдѣ былъ принятъ какъ союзникъ и вѣрный слуга ордена; но едва успѣлъ онъ войти въ крѣпость, какъ велѣлъ своимъ людямъ занять всѣ посты, перехваталъ рыцарей, нѣмецкихъ купцовъ, велѣлъ разломать мосты на Нѣманѣ и Виліи, потомъ также нечаянно овладѣлъ Гродномъ и новыми острожками ордена.

Съ этихъ поръ миръ между двоюродными братьями не прерывался, но у рыцарей оставалась еще надежда волновать Литву и пользоваться смутою: встала вражда между родными братьями Ягайломъ и Свидригайломъ Ольгердовичами за материнское наслѣдство—Витебскъ. Лишенный послѣдняго, Свидригайло, по слѣдамъ Кейстутовича, ушелъ во владѣнія ордена и отдался подъ его покровительство. Въ 1394 году великій магистръ Конрадъ фонъ-Юнгингенъ, надѣясь на связи Свидригайла въ Литвѣ, нанялъ двѣсти отборныхъ бургундскихъ стрѣльцовъ, которыхъ прислалъ ему герцогъ Филиппъ, набралъ также гостей военныхъ изъ Силезіи, Германіи, Франціи, взялъ съ собой и Свидригайла съ отрядомъ литовскихъ выходцевъ. Цѣлью похода была Вильна. Осада Вильны въ 1394 году принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ событій въ исторіи борьбы ордена съ Литвою. Не смотря на многочисленность осаждавшихъ, ихъ искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерію, осажденные отбивались съ такимъ мужествомъ, что великій магистръ, потерявъ треть войска, множество лошадей и снарядовъ, принужденъ былъ снять осаду и заключить миръ съ Витовтомъ, чтобы только безпрепятственно выйдти изъ Литвы. Но кромѣ этихъ неудачъ военныхъ, орденъ находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и въ другомъ отношеніи: стараніями короля Владислава Ягайла, христіанство, по ученію римской церкви, стало господствующею религіею въ Литвѣ; народъ литовскій сталъ народомъ христіанскимъ; какой же предлогъ оставался ордену вести съ нимъ постоянную ожесточенную войну? Сначала орденъ прибѣгъ ко лжи: старался распускать при дворахъ европейскихъ слухи, что обращеніе Ягайла и родичей его къ католицизму есть только наружное, что литовскіе князья обманываютъ папу и весь католическій міръ, остаются язычниками въ сердцѣ, а подданные ихъ—и явно. Но долго распространять такихъ внушеній нельзя было по Европѣ: легаты папскіе были въ Литвѣ, своими глазами видѣли ревность Ягайла къ распространенію католицизма въ своихъ

отчинныхъ земляхъ; императоръ вошелъ въ дружественную связь съ королемъ польскимъ, и нигдѣ уже въ Германіи не вѣрили болѣе ордену, такъ что онъ долженъ былъ набирать охотниковъ сражаться съ врагами христіанства въ самыхъ отдаленныхъ странахъ на югѣ, напримѣръ, въ Неаполѣ. Со всѣхъ сторонъ, отъ императора, отъ папы, отъ сосѣднихъ государей, великій магистръ получалъ увѣщанія къ миру съ Литвою, и *вѣчный* миръ былъ наконецъ заключенъ между нимъ и Витовтомъ въ 1398 году; но Жмудь была исключена изъ договора, потому что жители ея упорно противились распространенію среди нихъ католицизма.

LVII. БОРЬБА ПРАВОСЛАВІЯ СЪ КАТОЛИЦИЗМОМЪ ВЪ ЛИТВѢ ДО ЯГАЙЛА, КРЕЩЕНІЕ ЛИТВЫ И СОЕДИНЕНІЕ ЕЯ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

(Изъ соч. Васильевскаго: «Очеркъ исторія города Вильны» помѣщеннаго въ «Памятникахъ Русской старины»).

Городъ Вильна дѣлается исторически извѣстнымъ около 1321 года, какъ столица великаго князя литовскаго и русскаго Гедимина. Очень вѣроятно, что еще ранѣе этого времени здѣсь существовали болѣе или менѣе значительныя поселенія, и что Гедимину принадлежитъ постройка только виленскихъ замковъ, верхняго, на теперешней горѣ Замковой, и нижняго, занимавшаго уголъ, образуемый впаденіемъ рѣки Вильны (теперь Вилейки) въ рѣку Вилію, или, что тоже, нынѣшнюю каѳедральную площадь.

Преданіе, подтверждаемое позднѣйшими историческими данными, представляетъ нижній замокъ средоточіемъ литовскаго язычества. Здѣсь находилась языческая святыня, здѣсь жили жрецы-служители огня Перкунова, здѣсь съ самаго древняго времени былъ дворецъ великокняжескій, и около него находились дома приближенныхъ бояръ литовскихъ. Это былъ, можно сказать, центръ національной литовской жизни. Но собственно городъ уже во время Гедимина носилъ другой характеръ. Большинство подданныхъ Гедимина состояло изъ русскихъ; уже съ давняго времени утвердилась крѣпкая связь русскаго народа съ литовскимъ; еще ранѣе Гедимина русская образованность, которая, во всякомъ случаѣ, была выше литовской, проникла въ области, населенныя собственно литовскимъ племенемъ; русскіе были учителями литовцевъ въ военномъ искусствѣ; они же строили въ ихъ землѣ города и потомъ ихъ населяли. Что касается собственно Вильны, то она возникла неподалеку отъ той границы, гдѣ литовское племя соприкасалось съ русскимъ со временъ самой глубокой древности. Самое названіе рѣки, отъ которой заимствовано имя города, принадлежитъ, повидимому, русскому племени. Литовцы называли Вилію Нерія или Нергисъ; это имя носила Вилія и въ тѣхъ частяхъ своего теченія, на которыхъ явилась столица Гедимина.

Слѣды литовскихъ поселеній въ столицѣ Гедимина, конечно, существуютъ. Но еще многочисленнѣе и яснѣе указанія на исконное существованіе русскаго населенія въ литовской столицѣ. Въ остаткахъ стѣнъ, нѣкогда окружавшихъ нижній Гедиминовъ замокъ и сохранившихся до начала нынѣшняго столѣтія, въ способѣ постройки древнѣйшихъ литов-

скихъ укрѣпленій, мѣстные изслѣдователи старины находили большое сходство съ постройками древнѣйшихъ городовъ южной Россіи—Кіева и Овруча. Съ самаго древняго времени русскіе населяли лучшую и большую часть города. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что русскіе суть исконные жители города Вильны.

На западной сторонѣ, противъ русской половины, разсѣяны были посады всякаго рода пришельцевъ; тутъ были выходцы изъ Жмуди; тутъ были пруссы, бѣжавшіе отъ меча крестносцевъ; очень рано появились здѣсь и нѣмцы. Только русскіе составляли сплошную и однородную массу. Они должны были дать городу его типъ и характеръ. Что это было такъ на самомъ дѣлѣ, свидѣтельствуетъ языкъ, на которомъ говорили въ Вильнѣ уже въ XIV столѣтіи. Языкъ русскій употреблялся не только при дворѣ и не на одной только русской половинѣ: это былъ языкъ всего виленскаго населенія, языкъ общепонятный и общеупотребительный. Самые коренные литовцы очень рано его усвоили, благодаря преобладающему вліянію русской народности.

Нельзя представить себѣ, чтобы тамъ, гдѣ жилъ православный людъ, не было православныхъ храмовъ. Если съ самыхъ временъ Гедимина существовали въ Вильнѣ русскіе люди, то съ того же времени были здѣсь, безъ сомнѣнія, и русскія, православныя церкви, тѣмъ болѣе, что со стороны властей не могло быть никакого препятствія къ ихъ построенію. Двѣ супруги Гедимина, который былъ женатъ три раза, были русскія по происхожденію; между его дѣтьми уже въ 1333 году были сыновья, крещенные въ православную вѣру; его дочь Анастасія была выдана за сына Ивана Калиты, московскаго князя; самъ Гедиминъ не только изъ политики, но и по убѣжденію склонялся на сторону христіанства. Вопросъ можетъ быть только о томъ, какіе изъ древнихъ православныхъ храмовъ могутъ быть отнесены ко времени Гедимина. Преданіе указываетъ на двѣ церкви, именуя ихъ самыми древними: это церковь св. Николая Чудотворца и церковь св. Параскевы или Пятницкая.

Католическая пропаганда началась въ Литвѣ очень рано и уже при Гедиминѣ коснулась Вильны. Католицизмъ имѣлъ, во-первыхъ, два военныхъ ордена, Тевтонскій и Ливонскій, соединенные подъ одною властью и учрежденные съ прямою цѣлью обращенія въ христіанство язычниковъ сѣвера. Правда, предлагая христіанскую вѣру на остріѣ меча, обращая въ рабство населеніе, нѣмецкій орденъ болѣе отталкивалъ литовцевъ отъ христіанской вѣры, чѣмъ обращалъ въ нее. Но, кромѣ военнаго меча, у римской церкви было и другое могущественное орудіе. Когда уходила крестоносная рать, оставивъ послѣ себя разоренные села и города, къ литовскому князю являлись монахи одного изъ нищенствующихъ орденовъ, доминиканцы или францисканцы; они говорили огорченному князю, что только одинъ человѣкъ можетъ защищать его отъ страшнаго оружія рыцарей, это глава католической церкви, св. отецъ, папа.

Такія же точно внушенія шли изъ ближайшаго къ Вильнѣ нѣмецкаго города Риги. Городское общество рижское и тамошній архіепископъ находились въ постоянной ссорѣ съ орденомъ и часто призывали литовскихъ язычниковъ противъ своихъ собратій по вѣрѣ. Чтобы снять съ себя упрекъ въ дружбѣ съ язычниками, чтобы подкопать ту нравственную почву, на которой стоялъ орденъ, получившій отъ папы привилегію

обращать сѣверныхъ язычниковъ въ христіанство *силою оружія*, рижскій архіепископъ и его партія желали устроить *добровольное* обращеніе литовцевъ въ католичество. При Гедиминѣ эти старанія, повидимому, готовы были увѣнчаться успѣхомъ. Названный князь внималъ внушеніямъ францисканскихъ монаховъ и совѣтамъ архіепископа тѣмъ охотнѣе, что кровопролитная борьба съ нѣмцами ему наскучила, что у него было стремленіе доставить своему народу спокойствіе, безопасную торговлю и нѣкоторую образованность. Въ 1323 г. изъ Вильны отправлены были великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ грамоты къ папѣ, къ городу Ригѣ и къ приморскимъ ганзейскимъ городамъ, а также къ монахамъ орденовъ францисканскаго и доминиканскаго. Къ папѣ Гедиминъ писалъ, что онъ вовсе не врагъ католической вѣры, какъ представляютъ его рыцари, что онъ самъ готовъ признать отеческую власть папы, что при немъ находятся монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которымъ онъ даетъ полную свободу проповѣдывать христіанское ученіе. Къ начальствующимъ лицамъ духовныхъ орденовъ Гедиминъ обращался съ просьбою прислать къ нему монаховъ, знающихъ литовскій и русскій языки; извѣщалъ миноритовъ (францисканцевъ), что онъ уже построилъ для нихъ церковь въ Вильнѣ. Изъ Риги и другихъ торговыхъ приморскихъ городовъ Гедиминъ приглашалъ въ Вильну купцовъ и ремесленниковъ всякаго рода, обѣщая дать имъ всѣ льготы и самоуправленіе по образцу рижскаго городоваго устройства.

Планы Гедимина, однако, не исполнились. При Авиньонскомъ дворѣ медлили отправленіемъ къ нему посольства, которое должно было разсудить русско-литовскаго князя съ Тевтонскимъ орденомъ, какъ того хотѣлъ Гедиминъ. Орденъ не прекращалъ своихъ нападеній на земли литовскаго государя, не смотря на заключенный миръ. Съ другой стороны, собственные подданные Гедимина, услышавъ о намѣреніи своего государя принять католическое крещеніе, единодушно протестовали и грозили возстаніемъ. Православные русскіе и язычники жмудскіе нѣсколько разъ приходили къ своему государю и прямо объявляли, что они не хотятъ и слышать о нѣмецкой вѣрѣ, какъ называли тогда католическое исповѣданіе въ Литвѣ и на Руси; они грозили низверженіемъ съ престола, истребленіемъ всего рода Гедиминова, если онъ, Гедиминъ, обратится въ католичество. Въ жмудинахъ говорила ожесточенная ненависть къ вѣрѣ, во имя которой почти каждый годъ сожигаемы были ихъ домы, подвергались истязаніямъ и истребленію ихъ дѣти и родные. Русскіе съ своей стороны опасались, что если Гедиминъ сдѣлается католикомъ, то они уже не будутъ пользоваться прежнею свободою вѣроисповѣданія, что Гедиминъ перестанетъ оказывать то расположеніе къ православію, которое они доселѣ видѣли.

Между тѣмъ пришло въ литовскую столицу и католическое посольство отъ папы Іоанна XXII. Въ ноябрѣ 1324 г. послы прибыли въ Вильну и тотчасъ же представились Гедимину, но тутъ отъ него самого они узнали, что долгій путь сдѣланъ ими совершенно понапрасну. Гедиминъ объявилъ имъ, что онъ никогда не думалъ креститься, что если о томъ было написано въ его грамотахъ, то это прибавлено тѣми монахами, которые перелагали посланія на латинскій языкъ. „Я позволяю въ своей землѣ каждому жить по своей вѣрѣ, сказалъ онъ посламъ; русскіе чествуютъ Бога по своему обряду; поляки почитаютъ Его по своему обы-

чаю; литовцы служать Богу опять по своему; но у всѣхъ насъ одинъ Богъ". Папу Гедиминъ готовъ былъ признавать отцомъ, но только потому, что тотъ былъ старше его лѣтами.

Чтобы понять поведеніе Гедимина, нужно имѣть въ виду, что положеніе его въ виду трехъ вѣръ, которыя предъявляли предъ нимъ свои требованія, было весьма затруднительно. Возвышаясь умомъ и понятіями надъ своими современниками, онъ не могъ раздѣлять суевѣрій язычества, онъ не могъ чувствовать религіознаго уваженія къ священнымъ гадамъ (ужамъ), предъ кодорыми благоговѣли жмудскіе язычники, или къ священному огню, который пылалъ вблизи его дворца въ „Кривой долинѣ". Гедиминъ имѣлъ довольно ясное понятіе о христіанскомъ ученіи и объ его догматахъ; близкія связи съ русскими князями, дѣти, крещенныя въ православную вѣру,—все склоняло его въ пользу православія. Но православное крещеніе не спасло бы его отъ меча рыцарей, не привязало бы къ нему Жмуди, въ которой язычество было сильно. Съ другой стороны, принявъ католичество и пріобрѣтя чрезъ то нѣкоторую опору въ папѣ, Гедиминъ вооружилъ бы противъ себя почти всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ русскихъ, такъ и язычниковъ. Вотъ почему Гедиминъ оставался до конца въ религіи своихъ предковъ и кончилъ свою жизнь въ борьбѣ съ Тевтонскимъ орденомъ.

При самомъ началѣ правленія Ольгерда (1345—1377), русское вліяніе и успѣхи православной вѣры обнаружились уже съ такою силою въ Вильнѣ, что грозили погасить священный огонь, горѣвшій въ нижнемъ замкѣ. Ольгердъ, рожденный отъ русской матери, прибылъ въ Вильну изъ Витебска, въ сопровожденіи своей жены Маріи Ярославны, которая, будучи послѣднею отраслью витебскихъ князей изъ потомства св. Владиміра, принесла въ приданое мужу свое наслѣдственное княжество. Преданіе приписываетъ Маріи Ярославнѣ основаніе Пятницкой церкви.

Литовскіе язычники, средоточіемъ которыхъ былъ нижній замокъ, довольно спокойно смотрѣли на появленіе христіанскаго храма на мѣстѣ какого то стариннаго языческаго капища; ихъ не оскорбляло присутствіе въ нижнемъ замкѣ православнаго духовенства, окружавшаго великую княгиню. Только одни жрецы языческіе, уже начинавшіе опасаться полнаго паденія національнаго культа, были недовольны, тѣмъ болѣе, что они замѣчали въ самихъ литовцахъ сильное движеніе въ пользу русской вѣры. Случилось, что духовникъ великой княгини, монахъ, по имени Несторъ, успѣлъ обратить въ православную вѣру двухъ литвиновъ знатнаго рода, приближенныхъ къ великому князю. Это раздражило до послѣдней крайности искреннихъ приверженцевъ язычества, имѣвшихъ пока сильную опору въ жмудинахъ. Положеніе Ольгерда было въ высшей степени затруднительно. Обязанный великокняжескимъ престоломъ своему брату Кейстуту, ревностному защитнику языческой религіи, любимцу всей Жмуди, еще не крѣпкій на своемъ великокняжескомъ престолѣ, онъ долженъ былъ, подобно своему отцу Гедимину, обращать вниманіе на тробованія приверженцевъ народнаго жмудско-литовскаго культа. Уступая ихъ настояніямъ, онъ приказалъ, чтобы обращенные Несторомъ литвины, Кумецъ и Нежило, въ православіи Іоаннъ и Антоній, были заключены въ темницу. Впродолженіе цѣлаго года оставались они въ заключеніи; ни убѣжденія, ни угрозы не могли побѣдить ихъ твердости. Только на короткое время поколебался одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, послѣ

годоваго тяжелаго заключенія. Но, пристыженный примѣромъ своего брата, который остался твердымъ и непреклоннымъ, онъ явился опять къ великому князю и объявилъ, что снова возвращается къ христіанской церкви, готовый претерпѣть всякія мученія. Съ радостью принялъ Антоній свего брата, когда онъ пришелъ къ нему въ тяжелыхъ оковахъ раздѣлить снова темничное заключеніе, а народъ проникся благоговѣніемъ къ такому подвигу. Общая тюрьма двухъ братьевъ превратилась въ мѣсто проповѣди; толпы стали собираться подъ ея окнами, привлекаемыя удивленіемъ и сочувствіемъ къ страдальцамъ, и многіе возвращались въ домы свои съ убѣжденіемъ въ истинѣ и превосходствѣ русской вѣры. Послѣдовали новыя обращенія, запечатлѣнныя крещеніемъ. Испуганные жрецы просили князя, чтобы онъ защитилъ религію своихъ предковъ и показалъ строгій примѣръ противъ ея постоянно умножающихся отступниковъ. Они достигли наконецъ того, что князь рѣшился отдать въ ихъ руки своихъ прежнихъ любимцевъ. Новыя усилія жрецовъ возвратить братьевъ къ вѣрѣ предковъ, усилія, сопровождавшіяся страшными истязаніями, остались напрасными; тогда Іоаннъ и Антоній приговорены были умереть смертью злодѣевъ. На концѣ города, на взгорьѣ, росло дубовое дерево, на которомъ вѣшали преступниковъ; на немъ кончили жизнь и виленскіе мученики. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на томъ же самомъ мѣстѣ пострадалъ ихъ родственникъ, также принявшій христіанство подъ именемъ Евстафія и обвиненный, кромѣ того, въ совращеніи въ „русскую вѣру" другихъ литвиновъ. Новый мученикъ погребенъ былъ христіанами тамъ, гдѣ уже покоились тѣла его родственниковъ, „у святаго Николы" въ Вильнѣ, какъ сказано въ русскихъ лѣтописяхъ. Тѣла Антонія, Іоанна и Евстафія, признанныхъ святыми, при митрополитѣ кіевскомъ (и всѣхъ русскихъ земель) Алексіѣ были перенесены въ церковь св. Троицы.

Русскія лѣтописи относятъ страдальческую кончину Евстафія къ 1347 году; къ тому же году должна быть отнесена и смерть его родственниковъ. Еще ранѣе, именно въ предъидущемъ (1346) году, умерла первая жена Ольгерда, Марія Ярославна, оставивъ послѣ себя пять сывей, воспитанныхъ въ православіи. Нужно думать, что смерть Маріи много помогла оживленію надеждъ языческой партіи и ея временному торжеству при дворѣ великокняжескомъ. Но этому торжеству суждено было продолжаться не долго. Въ 1349 году Ольгердъ женился на дочери тверскаго князя Александра Михайловича, Ульянѣ, снова породнившись такимъ образомъ съ московскимъ великимъ княземъ Симеономъ Ивановичемъ. Дворъ великой княгини сдѣлался вновь средоточіемъ и опорою православія. Ея дѣти всѣ воспитывались не только въ русскихъ нравахъ, но и въ вѣрованіяхъ православной церкви; только старшій изъ нихъ, Ягайло, родившійся во время неулегшейся языческой реакціи и праднaзначаемый въ государи собственно литовскихъ областей, не былъ, повидимому, крещенъ по христіанскому обряду, не смотря на свое знакомство съ вѣрою своей матери.

Кромѣ древнихъ церквей Никольской и Пятницкой, при Ульянѣ Александровнѣ явились двѣ новыя, составлявшія потомъ украшеніе православной Вильны. На томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали виленскіе мученики, основана была церковь, а потомъ и монастырь, во имя св. Троицы. Вблизи этого монастыря, говоритъ преданіе, построена была деревянная часовня,

въ коей помѣщена была икона Пресвятой Дѣвы, принесенная Ольгердомъ изъ Корсуня и подаренная имъ своей супругѣ, которая, въ свою очередь, передала эту святыню Троицкому монастырю. Къ концу правленія Ольгерда существовала уже и соборная церковь Пресвятой Дѣвы (Пречистенскій соборъ), освященная, по преданію, митрополитомъ кіевскимъ Алексіемъ во время его пребыванія въ Вильнѣ.

Неизвѣстно, что сталось съ монахами доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которые были въ Вильнѣ при Гедиминѣ. Лѣтопись замѣчаетъ, что при началѣ княженія Ольгерда „римской вѣры уже не было, только русская смѣшалася". Но около 1365 г., одинъ изъ бояръ, приближенныхъ къ Гедимину, принадлежавшій къ фамиліи Гаштольдовъ, будучи городскимъ намѣстникомъ въ Подоліи, завоеванной племянниками Ольгерда, женился на дочери одного поляка. Вслѣдствіе этого брака Гаштольдъ обратился въ католичество, снова вызвалъ въ Вильну монаховъ францисканскаго ордена и далъ имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ виленскихъ католическихъ епископовъ.

Новые пришельцы не долго пользовались спокойствіемъ. Ненависть литовцевъ къ католицизму обнаружилась тѣмъ сильнѣе, что рыцари нѣмецкаго ордена не задолго предъ тѣмъ, въ 1365 году, сожгли часть Вильны, а помѣщеніе монаховъ находилось вблизи замка, неподалеку отъ главной языческой святыни. Воспользовавшись отсутствіемъ Ольгерда и Гаштольда, толпа язычниковъ (въ 1368 г.) напала на убѣжище монаховъ— ихъ монастырь; семь монаховъ были убиты вблизи его, семь другихъ успѣли бѣжать, но были пойманы въ горахъ, на берегахъ рѣки Виліи. Издѣваясь надъ вѣрою пришельцевъ, язычники пригвоздили ихъ къ крестамъ и пустили внизъ по рѣкѣ, приговаривая: „Вы пришли съ запада, ступайте же на западъ". Возвратившись изъ похода, князь жестоко наказалъ участниковъ этого злодѣйства. Если вѣрить литовскому лѣтописцу, онъ казнилъ не менѣе пятисотъ человѣкъ. Гаштольдъ вызвалъ съ своей стороны другихъ монаховъ того же ордена.

Не смотря на то, что источники, сообщающіе намъ извѣстіе о виленскихъ мученикахъ обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, принадлежатъ позднѣйшему времени, они заключаютъ такія подробности, которыя внушаютъ къ себѣ довѣріе; а на основаніи ихъ мы должны думать, что и въ княженіе Ольгерда, какъ при отцѣ его, восточное православіе стояло на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ римское католичество. Литвины, принявшіе русскую вѣру, погибаютъ по настоянію фанатическихъ жрецовъ; но масса населенія не только не обнаруживаетъ вражды или ненависти къ новообращеннымъ, а выказываетъ къ нимъ явное сочувствіе. Католическіе же монахи, пришедшіе въ Вильну, напротивъ того, погибаютъ вслѣдствіе народнаго движенія, не смотря на покровительство вѣротерпимой верховной власти и лицъ, къ ней приближенныхъ. И это понятно. Католическое исповѣданіе продолжало быть для Вильны враждебною „нѣмецкою вѣрою". Во имя этой вѣры, въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи и для увеселенія „гостей", которые стекались со всѣхъ сторонъ Европы, тевтонскіе рыцари совершали свои ежегодныя „военныя прогулки" на литовскія области и два раза, при жизни Ольгерда, посѣтили Вильну. Въ послѣдній разъ это было зимой 1377 года. Подойдя къ городу, рыцари сожгли часть его и расположились въ остальной. Напрасно Ольгердъ просилъ пощадить то, что осталось, напрасно угощалъ хлѣ-

бомъ и медомъ предводителей отряда: нѣмцы все таки сожгли все, что можно было сжечь.

Не долго пережилъ Ольгердъ разореніе своей столицы. Онъ умеръ не только православнымъ, но и схимникомъ, говоритъ одна русская лѣтопись, указывая и мѣсто его погребенія въ Пречистенской церкви, имъ самымъ построенной. Впрочемъ при похоронахъ княжескихъ литовцы, по своему обычаю, сожгли восемнадцать лошадей и много драгоцѣнныхъ вещей.

Соблазнительный блескъ польской королевской короны, рука красавицы Ядвиги, надежда найти помощь и защиту противъ враговъ своего народа,—рыцарей тевтонскаго ордена,—заставили сына и наслѣдника Ольгердова отправиться въ Краковъ, чтобы принять тамъ католическое крещеніе. Черезъ десять лѣтъ послѣ разоренія Вильны крестоносцами, приближалась къ Вильнѣ католическая миссія, во главѣ которой находился на этотъ разъ уже не магистръ нѣмецкаго ордена съ мечемъ въ рукахъ, а самъ великій князь литовскій Владиславъ Ягайло, принявшій титулъ короля польскаго, окруженный польскимъ духовенствомъ и высшими сановниками коронными. Надѣвая на себя польскую корону, Ягайло далъ обѣщаніе крестить свой народъ въ католическую вѣру.

Для совѣщанія о мѣрахъ, необходимыхъ для исполненія этого обязательства, собрались въ столицу литовскую родные братья Ягайлы: Скиригайло, князь трокскій, оставшійся вѣрнымъ православію, Владиміръ, князь кіевскій, Дмитрій Корибутъ, удѣльный князь Новогородка, оба также православные. Здѣсь, далѣе, присутствовалъ Витовтъ, двоюродный братъ Ягайлы, сынъ Кейстута, князь городенскій, перешедшій въ Краковѣ изъ православія въ католичество. Князья были окружены боярами, большинство которыхъ были русскіе по происхожденію, православные по вѣрѣ. При такомъ составѣ великокняжескаго совѣта, не могло быть и рѣчи объ обращеніи въ католичество жителей коренныхъ русскихъ областей, исповѣдывавшихъ православіе со времени Владиміра Равноапостольнаго. Католическая проповѣдь должна была ограничиться одними природными литвинами. Но и здѣсь ревность францисканскихъ монаховъ и польскихъ епископовъ встрѣтили большія затрудненія. Между литвинами, даже въ числѣ приближенныхъ великаго князя, были такіе, которые уже крестились по православному обряду и не хотѣли перекрещиваться въ латинскую вѣру. Ягайло думалъ устрашить строгостью, и двое упорныхъ бояръ литовскихъ преданы были казни. Неизвѣстно, какъ подѣйствовалъ этотъ примѣръ на виленское населеніе, но, сколько извѣстно, удѣльные князья, какъ, напримѣръ, Скиригайло, князь трокскій, православный самъ, не подражали старшему своему брату. Многіе литовскіе роды остались попрежнему православными.

Легче было справиться съ язычниками. Священный огонь, пылавшій въ нижнемъ виленскомъ замкѣ, былъ погашенъ; священныя деревья срублены, священные гады поребиты, и никакой силы, никакого знаменія не явилось для защиты народной святыни. Не трудно было послѣ этого убѣдить литвиновъ въ ея безсиліи; но католическіе миссіонеры не умѣли говорить на языкѣ, понятномъ для народа. Самъ Ягайло явился на помощь проповѣдникамъ, поставленнымъ въ затрудненіе. Владѣя русскимъ языкомъ, какъ природнымъ, онъ могъ понимать тѣмъ легче польскую рѣчь, что вполнѣ былъ знакомъ и съ содержаніемъ проповѣди, съ основ-

непріятелей и расположились спокойно: ихъ шнеки стояли у берега, раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Часовъ въ одиннадцать утра новгородцы внезапно появились передъ шведскимъ лагеремъ, бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Не мало было молодцовъ, которые отличились здѣсь богатырскою своею удалью: между ними новгородецъ Савва бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золотоверхій. Самъ Александръ нагналъ Биргера и хватилъ его острымъ копьемъ по лицу, «возложилъ ему печать на лицо», говоритъ повѣствователь. У шведовъ было много убитыхъ и раненыхъ. Схоронили они наскоро часть убитыхъ на мѣстѣ, свалили остальныхъ на свои шнеки, чтобы похоронить въ отечествѣ, и въ ночь до свѣта всѣ уплыли внизъ по Невѣ въ море.

Велико было торжество новгородцевъ. Но вскорѣ не поладилъ съ ними Александръ и ушелъ въ Переяславль.

А тѣмъ временемъ на Новгородъ шли другіе такіе же враги. Нѣмцы, завоевавши Псковъ, заране считали уже своимъ пріобрѣтеннымъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Карелію (края нынѣшней Петербургской и отчасти Олонецкой губерніи); они отдавали страны эти католичеству, и папа присудилъ ихъ церковному вѣдомству эзельскаго епископа. 13-го апрѣля 1241 года эзельскій епископъ, по имени Генрихъ, заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее—рыбныя ловли, управленія и всѣ вообще мірскіе доходы съ будущихъ владѣній.

Нѣмцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородскія земли, предавали ихъ опустошенію, взяли пригородъ Лугу, Тесово, построили укрѣпленіе въ погостѣ Копорье. Вожане по неволѣ приставали къ нимъ; тѣ, которые не хотѣли, разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Непріятельскія шайки метались въ разныя стороны, достигали тридцати верстъ отъ Новгорода и убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ за товарами. Въ такихъ обстоятельствахъ новгородцы послали къ Ярославу просить князя. Ярославъ прислалъ имъ сына Андрея. Нѣмцы причиняли имъ все болѣе и болѣе зла: у поселянъ по Лугѣ отобрали всѣхъ коней и скотъ, и не на чемъ пахать было поселянамъ. Новгородцы разсудили, что одинъ Александръ можетъ ихъ выручить, и отправили къ нему владыку Спиридона. Дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Руси. Александръ не противился.

Немедленно отправился онъ съ новгородцами очищать Новгородскую землю отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, милостиво обращаясь съ плѣнниками, перевѣшалъ, однако, измѣнившихъ Новгороду вожанъ и чудь. Затѣмъ онъ достигъ Пскова, освободилъ его отъ нѣмцевъ, отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ двухъ нѣмецкихъ намѣстниковъ Пскова.

Оставаясь во Псковѣ, Александръ ждалъ противъ себя новой непріятельской силы и вскорѣ услышалъ, что она идетъ на него. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года Александръ двинулся на встрѣчу врагамъ и у скалы, называемой Вороній камень, на Узмени, произошла другая битва, не менѣе знаменитая Невской, извѣстная въ исторіи, подъ названіемъ: «Ледовое побоище». Враги встрѣтились въ субботу 5 апрѣля

при солнечномъ восходѣ. Увидя приближающихся враговъ, Александръ поднялъ руки вверхъ и громко сказалъ: «Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!» Битва была упорная и жестокая. Съ трескомъ ломались копья. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и трескался мѣстами. Многіе потонули. Потерявшіе строй нѣмцы бѣжали; русскіе съ торжествомъ гнались за ними семь верстъ до Суболичскаго берега.

Съ торжествомъ возвращался Александръ въ освобожденный Псковъ. Близъ коня его вели знатныхъ рыцарей, за нимъ гнали толпу простыхъ плѣнныхъ. На встрѣчу ему вышло духовенство. Народъ привѣтствовалъ побѣдителя радостными кликами.

Эти двѣ побѣды имѣютъ важное значеніе въ русской исторіи. Правда, проявленія вражды нѣмцевъ съ русскими не прекращались и послѣ того, въ особенности для Пскова, который не разъ вступалъ съ орденомъ въ кровавыя столкновенія, но уже мысль о покореніи сѣверныхъ русскихъ земель, о порабощеніи ихъ наравнѣ съ Ливоніею, которое подвергло бы ихъ участи прибалтійскихъ славянъ, навсегда оставила нѣмцевъ. Сами папы, вмѣсто грозныхъ буллъ, возбуждавшихъ крестовые походы на русскихъ наравнѣ съ язычниками, избрали другой путь въ надеждѣ подчинить себѣ Русь, путь посольствъ и убѣжденій, оказавшійся, какъ извѣстно, столько же безплоднымъ, какъ и прежнія воинственныя буллы. Такимъ образомъ папа Иннокентій IV прислалъ къ Александру въ 1251 г. двухъ кардиналовъ. Папа увѣрялъ Александра, будто отецъ Александра изъявлялъ обѣщаніе монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполненія этого намѣренія. Папа убѣждалъ Александра идти по слѣдамъ отца, представлялъ выгоды, какія русскій князь и Русь получатъ отъ этого подчиненія, и обѣщалъ противъ татаръ помощь тѣхъ самыхъ рыцарей, отъ которыхъ недавно Александръ освобождалъ русскія земли. Но Александръ не поддался увѣщаніямъ и отказалъ наотрѣзъ. Посольство это повлекло за собою въ послѣдующей русской исторіи множество подобныхъ посольствъ, также безполезныхъ.

Александръ могъ оружіемъ перевѣдаться съ западными врагами и остановить ихъ покушенія овладѣть сѣверною Русью, но не могъ онъ съ тѣми же средствами дѣйствовать противъ восточныхъ враговъ. Западные враги только намѣревались покорить сѣверную Русь, а восточные уже успѣли покорить прочія русскія земли, опустошить и обезлюдить ихъ. При малочисленности, нищетѣ и разрозненности остатковъ тогдашняго русскаго населенія въ восточныхъ земляхъ, нельзя было думать о томъ, чтобы выбиться оружіемъ изъ подъ власти монголовъ.

LX. ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ТАТАРАМЪ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ во Владиміръ, чтобы оплакать оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ,

умеръ въ Вильнѣ. Послѣ его смерти митрополитъ Фотій поспѣшилъ въ Литву и былъ благосклонно принятъ Витовтомъ; въ числѣ другихъ городовъ онъ посѣтилъ Вильну (1421 г.). Витовтъ снова призналъ его власть надъ православною западно-русскою церковью и до конца своей жизни оставался съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

LVIII. КНЯЖЕСТВО ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ ПРИ РОМАНѢ И ДАНІИЛѢ.

(Изъ статьи Соловьева: «Даніилъ Романовичъ, король галицкій», помѣщенной въ «Современникѣ» 1847 г.).

Присоединенная къ Руси св. Владиміромъ, область Галицкаго княжества была на время захвачена Болеславомъ Храбрымъ, возвращена опять при Ярославѣ и по смерти его составляла часть Владиміро-Волынскаго удѣла. Послѣ долгихъ и кровавыхъ междоусобій, происходившихъ за этотъ удѣлъ, въ юго-западной части его, нынѣшней Галиціи, успѣла утвердиться семья Ростиславичей, потомковъ Владиміра, старшаго сына Ярослава I. Исключенные, по тогдашнимъ понятіямъ, изъ старшинства преждевременною смертью своего родоначальника, Ростиславичи лишены были всякой надежды получить Кіевъ, всякаго участія въ перемѣщеніи другихъ Ярославичей, въ дѣлежѣ остальныхъ областей русскихъ, и должны были ограничиться одною Галиціею, мечемъ ихъ добытою. Такимъ образомъ Галицкое княжество стало удѣломъ особымъ; князья его стали отдѣльными владѣльцами постоянно одной области. Находясь между тремя враждебными странами, Русью, Венгріею и Польшею, Ростиславичи только необыкновенною ловкостью, изворотливостью, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами могли держаться на столѣ своемъ. Благодаря хитрости Владиміра Володаревича и умной распорядительности сына его Ярослава Осмомысла, Галицкое княжество пришло скоро въ цвѣтущее состояніе и получило важное значеніе между сосѣдними государствами, чему содѣйствовало особенно положеніе страны, затруднительное при слабости государства, но чрезвычайно выгодное при его могуществѣ. Умный и сильный галицкій князь былъ единственнымъ посредникомъ между тремя странами—Русью, Польшею и Венгріею: онъ отпиралъ ворота, по древнему выраженію, во всѣ эти страны; безъ его участія не могло рѣшиться никакое дѣло между ними. Всего лучше значеніе и могущество галицкаго князя выражено въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Здѣсь авторъ, обращаясь къ Ярославу Осмомыслу, говоритъ: „Высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ столѣ, ты подперъ Угорскія горы своими желѣзными полками, заступилъ путь королю (венгерскому), затворилъ ворота Дунаю, отворяешь по волѣ ворота Кіеву". Но этого могущественнаго владѣтеля окружали люди, предъ которыми должна была поникнуть его власть, особенно власть его преемниковъ: это были бояре галицкіе.

Въ другихъ княжествахъ древней Руси бояре не могли пріобрѣсть важнаго значенія. Главная причина тому заключалась въ господствѣ родовыхъ отношеній между князьями, которыя, не давая самимъ князьямъ

установиться въ постоянныхъ удѣлахъ, заставили и дружины ихъ быть подвижными, отнимали отъ бояръ возможность утвердиться въ княжествахъ, стать въ нихъ постоянными землевладѣльцами. Не такъ было въ Галичѣ. Эта страна, ставши удѣломъ князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярослава, равно какъ изъ владѣнія остальною родовою собственностью, не перемѣняла князей своихъ и, съ другой стороны, не дробилась на мельчайшіе удѣлы въ родѣ Ростиславичей, потому что Владиміру Володаревичу удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ своемъ княжествѣ. Это единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Такимъ образомъ, когда остальная Русь представляла зрѣлище безпрерывнаго движенія и перехода, въ удѣлѣ Галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣщенія князей, вслѣдствіе чего и у бояръ галицкихъ была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣсть вліяніе на дѣла княжества. Вотъ почему бояре галицкіе имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси. Бояре въ другихъ областяхъ русскихъ были бояре князей, а бояре галицкіе были бояре княжества, и когда, по смерти Ярослава Осмомысла, настали страшныя смуты въ странѣ, и три народа бились за владычество надъ нею, въ это несчастное время бояре выступили на сцену, захватили себѣ всю власть и дошли даже до необузданнаго своеволія, ни во что ставя князей своихъ. Разумѣется, сосѣдство Польши и Венгріи не могло остаться безъ вліянія въ этомъ отношеніи.

Галицкіе бояре показали свою силу еще надъ самимъ Ярославомъ Осмомысломъ, котораго могущество такъ славилось на Руси. Будучи недовольны вліяніемъ княжеской любовницы, они схватили ее вмѣстѣ съ Ярославомъ, сожгли живую, убили ея доброжелателя и любимцевъ княжескихъ, а съ самого Ярослава взяли клятву, что онъ будетъ хорошо жить со своею законною женою. Когда Осмомыслъ, при смерти, завѣщалъ столъ свой незаконному сыну Олегу, мимо законнаго Владиміра, то бояре не думали исполнить завѣщанія: они выгнали Олега и возвели на престолъ Владиміра, однако не могли ужиться съ послѣднимъ по причинѣ глубокой его безнравственности. Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галича, княземъ владиміро-волынскимъ, былъ Романъ Мстиславовичъ, внукъ знаменитаго Изяслава Мстиславовича. По смерти отца Романа, Мстислава, старшая линія Мономахова потомства сошла со сцены и уступила мѣсто второй линіи, Ростиславичамъ смоленскимъ. Романъ, довольствуясь отцовскимъ удѣломъ, княжилъ спокойно на Волыни, не принимая никакого участія въ дѣлахъ южной Руси, выжидая удобнаго случая съ успѣхомъ выступить на поприще. Дурное поведеніе Владиміра галицкаго и неудовольствіе бояръ внушили Роману мысль овладѣть этимъ богатымъ удѣломъ. Не взирая на близкое родство свое съ княземъ галицкимъ, Романъ началъ сноситься съ боярами его, уговаривая ихъ свергнуть Владиміра и принять къ себѣ его, Романа. Бояре приняли предложеніе. Владиміръ былъ изгнанъ, Романъ сталъ княземъ въ Галичѣ. Романъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государей, которые не робѣютъ предъ сильными средствами для искорененія сильнаго зла. Будучи еще княземъ волынскимъ, онъ прославился ожесточенною борьбою, которую велъ съ двумя врагами тогдашней Руси—половцами и литовцами. Лѣтописецъ оставилъ намъ отрывки изъ народныхъ думъ, гдѣ такъ вели-

чали Романа: «Сердитый какъ рысь, онъ стремился на невѣрныхъ какъ левъ, губилъ ихъ подобно крокодилу; храбрый какъ туръ, онъ орлинымъ полетомъ пролеталъ земли враговъ, ревновалъ дѣду своему Мономаху и тщился погубить иноплеменниковъ».

Романъ такъ напугалъ половцевъ, что они именемъ его стращали дѣтей своихъ. Еще замѣчательнѣе характеръ борьбы, которую велъ онъ съ Литвою. Здѣсь Романъ преслѣдовалъ цѣль, общую всѣмъ русскимъ князьямъ: онъ заботился болѣе всего о построеніи городовъ и населеніи пустынь; для прекращенія варварскихъ набѣговъ, онъ считалъ единственнымъ средствомъ пріученіе дикихъ и звѣроловныхъ племенъ къ хлѣбопашеству, истребленіе дремучихъ лѣсовъ, расчистку непроходимыхъ пространствъ, превращеніе ихъ въ хлѣбородныя поля. Ожесточенный сопротивленіемъ варваровъ, Романъ, говоритъ преданіе, запрягалъ плѣнныхъ литовцевъ въ плуги и заставлялъ ихъ такимъ образомъ вырывать коренья на новыхъ мѣстахъ, очищать почву. Съ такимъ характеромъ, съ такими привычками сѣлъ волынскій князь на галицкій престолъ. Легко понять, какая страшная, отчаянная борьба должна была возгорѣться между нимъ и боярами. Какъ понялъ Романъ значеніе, пріобрѣтенное боярами въ Галичѣ, и какъ поступалъ съ ними, видно изъ его любимой поговорки: „Не раздавивъ пчелъ, меду не ѣсть". Не смотря, однако, на жестокость и ловкость, съ какими Романъ дѣйствовалъ, не всѣ пчелы были передавлены, и сыну Романову, Даніилу, нужно было перенести много трудовъ и бѣдствій, прежде нежели онъ могъ спокойно ѣсть медъ.

Романъ погибъ въ битвѣ съ поляками въ 1205 г. Послѣ него остались два малолѣтнихъ сына—Даніилъ и Василько. Противъ малютокъ была ненависть бояръ къ отцу ихъ и честолюбіе сосѣднихъ владѣльцевъ: князья русскіе, польскіе и король венгерскій объявили свои притязанія. Счастливѣе всѣхъ соискателей были трое изъ князей черниговскихъ, сыновья знаменитаго Игоря сѣверскаго. Съ помощью бояръ они отстранили вмѣшательство Польши и Венгріи, выгнали вдову и сыновей Романа не только изъ Галича, но и изъ Владиміро-Волынскаго удѣла. Даніилъ нашелъ убѣжище въ Венгріи.

Но и Игоревичи не мирились съ могуществомъ галицкихъ бояръ и рѣшились возобновить политику Романа. Болѣе 500 бояръ было умерщвлено; остальные разбѣжались. Трое изъ послѣднихъ, Владиславъ, Судиславъ и Филиппъ, ушли въ Венгрію и, желая свергнуть Игоревичей, стали просить венгерскаго короля помочь Даніилу. Король далъ сильное вспомогательное войско, которому Игоревичи не могли сопротивляться и были взяты въ плѣнъ. Даніилъ былъ провозглашенъ галицкимъ княземъ. Бояре хотѣли управлять именемъ малютки, и для этого изгнали изъ Галича мать Даніила. Княгиня удалилась въ Венгрію. Король вступился за нее, пришелъ съ войскомъ въ Галичъ, схватилъ главныхъ бояръ, между ними и Владислава, который въ оковахъ былъ отведенъ въ Венгрію. Тогда братья Владиславовы возбудили противъ Даніила его родственника, Мстислава Ярославовича Нѣмаго, кн. пересопницкаго, который принудилъ Романово семейство снова бѣжать въ Венгрію, и смуты, возникшія въ самой Венгріи, не дозволили этой послѣдней предпринять новое вмѣшательство; но король, желая какъ нибудь успокоить Галичъ до совершеннолѣтія Даніила, отправилъ туда плѣннаго Владислава съ полномочіями, думая, что этотъ человѣкъ, стоявшій во главѣ

галицкаго боярства, одинъ въ состоянiи прекратить волненiя. Гордый бояринъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Галичъ и началъ властвовать по-княжески. Мать Данiила, видя, что отъ Венгрiи нечего надѣяться, удалилась въ Польшу къ Лешку Бѣлому. Лешко принялъ сторону изгнанниковъ и пошелъ на Владислава; за послѣдняго вступился венгерскiй король. Тогда Лешко послалъ сказать королю: «Не хорошо, что бояринъ княжитъ въ Галичѣ: жени лучше сына своего Коломана на моей дочери и посади его княземъ». Эта сдѣлка состоялась, а сыновья Романа должны были удовольствоваться Владимiро-Волынскимъ удѣломъ.

Но такое состоянiе не было продолжительнымъ. Лешко скоро поссорился съ королемъ и пригласилъ въ Галичъ знаменитѣйшаго изъ русскихъ князей—Мстислава торопецкаго. Этотъ зовъ былъ по сердцу Мстиславу. Кромѣ того, стыдно было русскимъ князьямъ оставлять безъ боя венграмъ прiобрѣтенiе св. Владимiра. У нихъ еще было другое понужденiе: въ Галичѣ венгерское правительство выгнало епископа и священниковъ православныхъ и водворило латинскихъ. Мстиславъ выгналъ венгровъ и самъ сталъ княжить въ Галичѣ, выдавъ дочь свою за Данiила. Лешко не хотѣлъ остаться безъ выгоды при этой перемѣнѣ и захватилъ часть Владимiро-Волынскаго удѣла. Тогда-то Данiилъ въ первый разъ выступилъ на поприще, на которомъ ему суждено было прiобрѣсть такую славу: не смотря на свою молодость, онъ отнялъ оружiемъ у поляковъ захваченную ими область. Галицкiе бояре увидѣли, что сынъ Романа пойдетъ по слѣдамъ отца, и начали стараться всѣми силами отнять у него надежду получить Галичъ отъ Мстислава. Съ этою цѣлью они говорили послѣднему: «Князь! отдай лучше Галичъ венгерскому королевичу, а подъ нимъ можешь взять его назадъ, когда захочешь; отдашь ли разъ Данiилу, то вѣкъ не будетъ твой Галичъ». Мстиславъ послушался, помирился съ королемъ, помолвилъ дочь свою за королевича Андрея, съ тѣмъ чтобы послѣ отдать ему Галичъ. Отсюда пошло нелюбье между Мстиславомъ и Данiиломъ.

Послѣ Калкской битвы Мстиславъ воротился въ Галичъ, гдѣ находился въ затруднительномъ положенiи: законный наслѣдникъ этого удѣла, Данiилъ, возмужалъ и, естественно, долженъ былъ смотрѣть на Мстислава, какъ на похитителя. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Мстиславу, который потому слушалъ наговоры на Данiила. Онъ, для того чтобы обезопасить себя со стороны Данiила, выдалъ дочь за Андрея и отдалъ послѣднему Галичъ.

Мстиславъ умеръ въ 1227 г. По смерти его Данiилъ увидѣлъ себя окруженнымъ врагами: въ Галичѣ княжилъ королевичъ, въ Кiевѣ—одинъ изъ Ростиславичей смоленскихъ, Владимiръ Рюриковичъ. Владимiръ хотѣлъ выместить на Данiилѣ обиды, причиненныя отцомъ послѣдняго его отцу, соединился съ Михаиломъ черниговскимъ и венграми и пошелъ на Данiила. Но этотъ князь шелъ по слѣдамъ отца: онъ заставилъ союзниковъ просить мира.

Избавившись отъ враговъ, Данiилъ обратился на венгровъ и выслалъ ихъ изъ Галича; но бояре галицкiе, видя его успѣхъ, рѣшились погубить его. Сперва составили заговоръ сжечь князя; но потомъ, когда заговоръ открылся, составили другой—убить на пиру. Но и этотъ планъ разстроился: 28 бояръ было схвачено. Данiилъ простилъ ихъ, но великодушiе дѣйствовало плохо. Дерзость бояръ не знала предѣловъ. Такъ,

лигіозномъ отношеніи. Вотъ почему Даніилъ, еще въ 1245 году, объявилъ папѣ Иннокентію IV о готовности соединиться съ римскою церковью. Легко представить восторгъ папы: письмо за письмомъ, распоряженіе за распоряженіемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенія Галича. Онъ отправилъ доминиканскаго монаха для безотлучнаго пребыванія при дворѣ Даніила, поручилъ архіепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволилъ русскому духовенству совершать службу на заквашенныхъ просвирахъ. Но папа сильно ошибся въ разсчетахъ: съ умнымъ Даніиломъ не такъ легко было сладить, какъ онъ думалъ. Даніилъ признавалъ папу верховнымъ первосвященникомъ и только, желая сохранить всѣ догматы и обряды греческой церкви въ неприкосновенности. Мы видѣли, что папа уступилъ русской церкви совершеніе таинствъ на квасномъ хлѣбѣ; мало того: онъ долженъ былъ вооружиться проклятіемъ противъ всякаго хулителя церкви греческой, обѣщать соборъ для изслѣдованія, которое изъ двухъ исповѣданій правѣе; онъ уступилъ требованію Даніила, чтобы никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ особъ не могъ пріобрѣтать имѣній въ русскихъ земляхъ безъ позволенія князя. Всѣ эти уступки не помогли: Даніилъ соединился съ Римомъ единственно изъ политическихъ видовъ съ условіемъ скорой и дѣйствительвой помощи противъ татаръ. Но когда Даніилъ получилъ отъ папы не помощь, а только письмо, въ которомъ давалось позволеніе возвращать силою земли, отнятыя варварами, то сынъ Романа прервалъ сношенія съ Римомъ. Тщетно папа присылалъ къ нему епископа съ вѣнцомъ королевскимъ: Даніилъ отослалъ назадъ и посла, и безполезный даръ, велѣвъ сказать папѣ: „Мнѣ нужна твоя помощь, а не вѣнецъ королевскій, о которомъ мнѣ не время думать, когда татаре грозятъ каждую минуту“. Въ 1249 году легатъ папскій выѣхалъ изъ Галича. Венгерскій король усиленно старался помирить Даніила съ папою. Папа, съ своей стороны, въ угоду Даніилу, писалъ въ 1253 году ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи, Помераніи, Ливоніи и Пруссіи объ отраженіи татарскихъ набѣговъ и о проповѣдываніи крестоваго похода; но это посланіе не произвело никакого дѣйствія. Въ 1254 году опять предъ Даніиломъ предстали папскіе послы со скипетромъ и вѣнцомъ королевскимъ, но Даніилъ отказался вторично короноваться королемъ. Потомъ онъ уступилъ просьбамъ матери и князей польскихъ, которые дали ему слово дѣйствовать вмѣстѣ противъ татаръ, и короновался въ Дрогичинѣ. Но пустой титулъ короля галицкаго не помогъ ему ни въ чемъ: ни папа, ни король венгерскій, ни князья польскіе не думали соединиться съ нимъ противъ татаръ. Въ 1260 году Даніилъ соединилъ свои полки съ войсками Белы, короля венгерскаго, противъ Пршемыслова-Оттокара II богемскаго; но союзники были разбиты, и Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть сына своего Романа на престолѣ австрійскомъ. Въ то же время Даніилъ, видя, что отъ папы ожидать нечего, прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV.

Блестящія побѣды надъ ятвягами нѣсколько вознаградили Даніила за неуспѣхи на западѣ. Дикари эти принуждены были платить дань и, главное, обязались строить для Даніила города въ землѣ своей. Такъ русскіе князья продолжали исполнять свою наслѣдственную обязанность, заставляя варваровъ волею и неволею привыкать къ гражданственности.

Но, принуждая ятвяговъ строить города, Даніилъ всего болѣе заботился объ укрѣпленіи своихъ собственныхъ городовъ, въ чемъ видѣлъ единственное средство съ успѣхомъ противостать кочевымъ татарамъ; но судьба не позволила Даніилу привесть въ исполненіе это намѣреніе: татаре проникли его планы и спѣшили предупредить ихъ. Темникъ Батыевъ, Кумерса, былъ робокъ и слабъ силами, и потому позволялъ Даніилу мало по малу забирать у тататъ города. Но ему на смѣну пришелъ съ огромными толпами другой темникъ—Бургундай. Онъ отправилъ приказъ русскимъ князьямъ, чтобы тѣ вышли къ нему на встрѣчу. Король Даніилъ не поѣхалъ самъ на встрѣчу варвару, но послалъ брата Василька, сына Льва и епископа. Ихъ встрѣтилъ татаринъ ругательствомъ: „Если хотите со мною мира, сказалъ онъ въ заключеніе, то разорите всѣ города". Должно было повиноваться; укрѣпленія городовъ были срыты. Даніилъ поѣхалъ въ Польшу и Венгрію, но нигдѣ не нашелъ помощи. Съ разрушеніемъ крѣпостей рушились послѣднія надежды. Онъ не долго пережилъ ихъ.

Въ 1264 году умеръ Даніилъ, который, послѣ Мономаха, болѣе всѣхъ князей заслужилъ прекрасное названіе страдальца за Русскую землю. Но какъ же думали о Даніилѣ современники, подданные его? Какія черты въ немъ всего болѣе поразили ихъ? Не воинственныя доблести, не многочисленныя побѣды, но то, что Даніилъ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ успѣлъ не только загладить слѣды монгольскаго нашествія, но и привести свое княжество въ цвѣтущее состояніе, украсить его богатыми городами, великолѣпными (по тому времени) зданіями, усилить промышленность, торговлю. Современниковъ поразила эта умная, хозяйственная распорядительность князя, умѣніе утѣшать народъ въ бѣдствіяхъ, по выраженію лѣтописца; ихъ поразило умѣніе Даніила, при всемъ униженіи отъ татаръ, поддержать достоинство Русской земли, поставить себя необходимымъ и могущественнымъ членомъ славяно-венгерской системы европейскихъ государствъ. Другая черта, поразившая современниковъ въ Даніилѣ, это безпримѣрная привязанность, безпримѣрная дружба къ брату Васильку, вполнѣ его достойному. Съ младенчества неразлучные и въ бѣдствіяхъ, и въ счастіи, оба брата жили одною душою, одною мыслью. Легко понять, какъ важно было такое братское согласіе для Руси въ то ужасное время, и современники умѣли оцѣнить его: они прозвали Даніила братолюбцемъ и вторымъ Соломономъ по мудрости.

LIX. Князь Александръ Ярославичъ Невскій и его побѣды.

(Изъ «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

XIII вѣкъ былъ періодомъ самаго ужаснаго потрясенія для Руси. Съ востока на нее нахлынули монголы съ безчисленными полчищами покоренныхъ татарскихъ племенъ, разорили, обезлюдили большую часть Руси и поработили остатокъ народонаселенія; съ сѣверо-запада угрожало ей нѣмецкое племя подъ знаменемъ католичества. Задачею политическаго дѣятеля того времени было поставить Русь по возможности въ

такія отношенія къ разнымъ врагамъ, при которыхъ она могла удержать свое существованіе. Человѣкъ, который принялъ на себя эту задачу и положилъ твердое основаніе на будущія времена дальнѣйшему исполненію этой задачи, по справедливости можетъ назваться истиннымъ представителемъ своего вѣка.

Такимъ является въ русской исторіи князь Александръ Ярославичъ Невскій.

Отрочество и юность его большею частью протекли въ Новгородѣ. Отецъ его, Ярославъ, всю жизнь то ссорился съ новгородцами, то опять ладилъ съ ними. Нѣсколько разъ новгородцы прогоняли его за крутой нравъ и насиліе и нѣсколько разъ приглашали снова, какъ-бы не въ состояніи обойтись безъ него. Князь Александръ уже въ молодыхъ лѣтахъ подвергался тому же вмѣстѣ съ отцомъ. Въ 1228 году, оставленный съ своимъ братомъ Ѳедоромъ, съ двумя княжескими мужами въ Новгородѣ, онъ долженъ былъ бѣжать, не выдержавъ поднявшагося въ то время междоусобія — явленія обычнаго въ вольномъ Новгородѣ. Въ 1230 году юноша снова вернулся въ Новгородъ съ отцомъ и съ тѣхъ поръ, какъ кажется, долго не покидалъ Новгорода. Съ 1236 года начинается его самобытная дѣятельность. Отецъ его Ярославъ уѣхалъ въ Кіевъ; Александръ посаженъ былъ княземъ въ Великомъ Новгородѣ. Молодой князь былъ высокъ ростомъ, красивъ собою, а голосъ его, по выраженію современника, „гремѣлъ передъ народомъ, какъ труба". Вскорѣ важный подвигъ предстоялъ ему.

Вражда нѣмецкаго племени съ славянскимъ принадлежитъ къ такимъ всемірнымъ историческимъ явленіямъ, которыхъ начало не доступно изслѣдованію, потому что оно скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. При всей скудости свѣдѣній нашихъ, мы не разъ видимъ въ отдаленной древности признаки давленія нѣмецкаго племени на славянское. Уже съ IX вѣка въ исторіи открывается непрерывное многовѣковое преслѣдованіе славянскихъ племенъ; нѣмцы порабощали ихъ, тѣснили къ востоку и сами подвигались за ними, порабощая ихъ снова. Пространный Прибалтійскій край, нѣкогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпалъ насильственному нѣмецкому игу для того, чтобы потерять до послѣднихъ слѣдовъ свою народность. За прибалтійскими славянами къ востоку жили литовскія и чудскія племена, отдѣлявшія первыхъ отъ ихъ русскихъ соплеменниковъ. Къ этимъ племенамъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка проникли нѣмцы въ образѣ воинственной общины подъ знаменемъ религіи, и такимъ образомъ стремленіе нѣмцевъ къ порабощенію чужихъ племенъ соединилось съ распространеніемъ христіанской вѣры между язычниками и съ подчиненіемъ ихъ папскому престолу.

Властолюбивые замыслы нѣмцевъ послѣ уступки имъ Ливоніи обратились на сѣверную Русь. Возникла мысль, что призваніемъ ливонскихъ крестоносцевъ было не только крестить язычниковъ, но и обратить къ истинной вѣрѣ русскихъ. Русскіе представлялись на западѣ врагами св. отца и римско-католической церкви, даже самого христіанства.

Борьба Новгорода съ нѣмцами была неизбѣжна. Новгородцы еще прежде владѣли значительнымъ пространствомъ земель, населенныхъ чудью, и постоянно, двигаясь на западъ, стремились къ подчиненію чудскихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они распространяли между послѣдними

ство, то Даніилъ перешелъ на сторону противника его, Михаила Ярославича тверскаго, и на судѣ князей во Владимірѣ дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Вооружаясь такимъ образомъ противъ великихъ князей, Даніилъ обнаруживалъ намѣреніе сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ, а вступая въ связь съ другими князьями, утвердить свою независимость. Іоаннъ Дмитріевичъ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ наслѣдственный удѣлъ свой (Переяславль) дядѣ Даніилу. Удѣлъ этотъ былъ большимъ пріобрѣтеніемъ для Москвы: онъ былъ богатъ, населенъ, защищенъ крѣпостью. Андрей отправилъ было своихъ бояръ въ Переяславль; но Даніилъ, дѣйствуя въ духѣ независимаго владѣтеля, выгналъ ихъ оттуда. Благодаря политикѣ и дѣйствіямъ Даніила, Московское княжество перешло къ Юрію уже сильнымъ и значительнымъ. Первымъ дѣйствіемъ этого князя было завоеваніе Можайскаго удѣла въ 1303 году. На общемъ съѣздѣ того же года въ Переяславлѣ, Юрій, не смотря на милость хана Тохтымаша къ великому князю Андрею, умѣлъ удержать Переяславль за собою. Твердый волею, властолюбивый, жестокій, онъ началъ, по смерти Андрея, бѣдственный споръ съ Михаиломъ тверскимъ о великомъ княженіи и около этого же времени умертвилъ рязанскаго князя Константина, плѣненнаго Даніиломъ. Хотя это не упрочило власти его надъ Рязанью, княземъ которой сдѣлался Ярославъ, сынъ Константина, но Коломна досталась Юрію. Московское княжество еще увеличилось. Въ отсутствіе Михаила онъ умѣлъ преклонить къ себѣ Новгородъ, снова завоеванный Михаиломъ (1316).

Мысль овладѣть великокняжескимъ достоинствомъ не покидала Юрія; она заставила его жить три года въ Ордѣ, воевать съ Михаиломъ, погубить его и самому погибнуть. Іоаннъ Даниловичъ княжилъ въ Москвѣ еще при жизни Юрія и умѣлъ склонить митрополита Петра на жительство въ своемъ городѣ (1326); еще при немъ ходилъ Іоаннъ въ Орду (1322); по смерти же брата и тверскаго князя Димитрія, онъ опустошилъ Тверское княжество, сообразно съ волею хана, заслужилъ его милость, ходилъ снова въ Орду и сдѣланъ былъ великимъ княземъ. Въ его правленіе Москва получаетъ уже рѣшительный перевѣсъ надъ прочими владѣніями. Умѣя коварною политикой поддержать милость хана, Іоаннъ опирался на нее въ своихъ дѣйствіяхъ и первый началъ повелѣвать князьями. Такимъ образомъ, онъ неприсоединилъ къ Москвѣ ни одного удѣла завоеваніемъ; но въ продолженіе всего своего княженія хитростію поступковъ расширялъ его владѣнія и утверждалъ политическое первенство. Великокняжеское достоинство перестаетъ уже быть удѣломъ князей владимірскихъ: при Калитѣ Владиміръ оставался во владѣніи Александра Васильевича суздальскаго. По смерти послѣдняго, братъ и наслѣдникъ его въ Суздалѣ, долженъ былъ получить и Владиміръ; но Іоаннъ не далъ ему этого удѣла. Чѣмъ нельзя было овладѣть непосредственно, то старался онъ подчинить своему вліянію. Выдавъ дочерей своихъ, одну за князя ярославскаго, Василія Давыдовича, другую за ростовскаго князя Константина Васильевича, онъ присвоилъ всю власть въ ихъ удѣлахъ, и въ Ростовѣ имѣлъ своего уполномоченнаго. Рязанскіе князья одни сохранили свою независимость.

Въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ упоминаетъ о многихъ селахъ, купленныхъ имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ, Ростовѣ: такъ вездѣ хотѣлъ онъ распространить свое вліяніе; а изъ духовной грамоты

непріятелей и расположились спокойно: ихъ шнеки стояли у берега, раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Часовъ въ одиннадцать утра новгородцы внезапно появились передъ шведскимъ лагеремъ, бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Не мало было молодцовъ, которые отличились здѣсь богатырскою своею удалью: между ними новгородецъ Савва бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золотоверхій. Самъ Александръ нагналъ Биргера и хватилъ его острымъ копьемъ по лицу, «возложилъ ему печать на лицо», говоритъ повѣствователь. У шведовъ было много убитыхъ и раненыхъ. Схоронили они наскоро часть убитыхъ на мѣстѣ, свалили остальныхъ на свои шнеки, чтобы похоронить въ отечествѣ, и въ ночь до свѣта всѣ уплыли внизъ по Невѣ въ море.

Велико было торжество новгородцевъ. Но вскорѣ не поладилъ съ ними Александръ и ушелъ въ Переяславль.

А тѣмъ временемъ на Новгородъ шли другіе такіе же враги. Нѣмцы, завоевавши Псковъ, заране считали уже своимъ пріобрѣтеннымъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Карелію (края нынѣшней Петербургской и отчасти Олонецкой губерніи); они отдавали страны эти католичеству, и папа присудилъ ихъ церковному вѣдомству эзельскаго епископа. 13-го апрѣля 1241 года эзельскій епископъ, по имени Генрихъ, заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее—рыбныя ловли, управленія и всѣ вообще мірскіе доходы съ будущихъ владѣній.

Нѣмцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородскія земли, предавали ихъ опустошенію, взяли пригородъ Лугу, Тесово, построили укрѣпленіе въ погостѣ Копорье. Вожане по неволѣ приставали къ нимъ; тѣ, которые не хотѣли, разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Непріятельскія шайки метались въ разныя стороны, достигали тридцати верстъ отъ Новгорода и убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ за товарами. Въ такихъ обстоятельствахъ новгородцы послали къ Ярославу просить князя. Ярославъ прислалъ имъ сына Андрея. Нѣмцы причиняли имъ все болѣе и болѣе зла: у поселянъ по Лугѣ отобрали всѣхъ коней и скотъ, и не на чемъ пахать было поселянамъ. Новгородцы разсудили, что одинъ Александръ можетъ ихъ выручить, и отправили къ нему владыку Спиридона. Дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Руси. Александръ не противился.

Немедленно отправился онъ съ новгородцами очищать Новгородскую землю отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, милостиво обращаясь съ плѣнниками, перевѣшалъ, однако, измѣнившихъ Новгороду вожанъ и чудь. Затѣмъ онъ достигъ Пскова, освободилъ его отъ нѣмцевъ, отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ двухъ нѣмецкихъ намѣстниковъ Пскова.

Оставаясь во Псковѣ, Александръ ждалъ противъ себя новой непріятельской силы и вскорѣ услышалъ, что она идетъ на него. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года Александръ двинулся на встрѣчу врагамъ и у скалы, называемой Вороній камень, на Узмени, произошла другая битва, не менѣе знаменитая Невской, извѣстная въ исторіи, подъ названіемъ: «Ледовое побоище». Враги встрѣтились въ субботу 5 апрѣля

при солнечномъ восходѣ. Увидя приближающихся враговъ, Александръ поднялъ руки вверхъ и громко сказалъ: «Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!» Битва была упорная и жестокая. Съ трескомъ ломались копья. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и трескался мѣстами. Многіе потонули. Потерявшіе строй нѣмцы бѣжали; русскіе съ торжествомъ гнались за ними семь верстъ до Суболичскаго берега.

Съ торжествомъ возвращался Александръ въ освобожденный Псковъ. Близъ коня его вели знатныхъ рыцарей, за нимъ гнали толпу простыхъ плѣнныхъ. На встрѣчу ему вышло духовенство. Народъ привѣтствовалъ побѣдителя радостными кликами.

Эти двѣ побѣды имѣютъ важное значеніе въ русской исторіи. Правда, проявленія вражды нѣмцевъ съ русскими не прекращались и послѣ того, въ особенности для Пскова, который не разъ вступалъ съ орденомъ въ кровавыя столкновенія, но уже мысль о покореніи сѣверныхъ русскихъ земель, о порабощеніи ихъ наравнѣ съ Ливоніею, которое подвергло бы ихъ участи прибалтійскихъ славянъ, навсегда оставила нѣмцевъ. Сами папы, вмѣсто грозныхъ буллъ, возбуждавшихъ крестовые походы на русскихъ наравнѣ съ язычниками, избрали другой путь въ надеждѣ подчинить себѣ Русь, путь посольствъ и убѣжденій, оказавшійся, какъ извѣстно, столько же безплоднымъ, какъ и прежнія воинственныя буллы. Такимъ образомъ папа Иннокентій IV прислалъ къ Александру въ 1251 г. двухъ кардиналовъ. Папа увѣрялъ Александра, будто отецъ Александра изъявлялъ обѣщаніе монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполненія этого намѣренія. Папа убѣждалъ Александра идти по слѣдамъ отца, представлялъ выгоды, какія русскій князь и Русь получатъ отъ этого подчиненія, и обѣщалъ противъ татаръ помощь тѣхъ самыхъ рыцарей, отъ которыхъ недавно Александръ освобождалъ русскія земли. Но Александръ не поддался увѣщаніямъ и отказалъ наотрѣзъ. Посольство это повлекло за собою въ послѣдующей русской исторіи множество подобныхъ посольствъ, также безполезныхъ.

Александръ могъ оружіемъ перевѣдаться съ западными врагами и остановить ихъ покушенія овладѣть сѣверною Русью, но не могъ онъ съ тѣми же средствами дѣйствовать противъ восточныхъ враговъ. Западные враги только намѣревались покорить сѣверную Русь, а восточные уже успѣли покорить прочія русскія земли, опустошить и обезлюдить ихъ. При малочисленности, нищетѣ и разрозненности остатковъ тогдашняго русскаго населенія въ восточныхъ земляхъ, нельзя было думать о томъ, чтобы выбиться оружіемъ изъ подъ власти монголовъ.

LX. ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ТАТАРАМЪ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ во Владиміръ, чтобы оплакать оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ,

наслѣдовалъ престолъ великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ княженіяхъ. Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ ордѣ, и россіяне еще съ гордостью именовали его своимъ независимымъ княземъ, даже стращали имъ монголовъ. Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и велѣлъ сказать ему: «Князь новгородскій! Извѣстно ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ множество народовъ? Ты ли одинъ будешь независимымъ? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно въ шатрѣ моемъ, да познаешь славу и величіе монголовъ». Александръ любилъ отечество болѣе своей княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ и вслѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ монгольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ, и что сей князь дѣйствительно есть человѣкъ необыкновенный: такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, одушевленныя любовью къ народу россійскому и благородствомъ сердца! Отъ Батыя Александръ и братъ его ѣздили, подобно Ярославу, въ Татарію къ великому хану.

Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ великаго хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыя. Андрей же сѣлъ на престолѣ владимірскомъ, а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ. Удѣльные князья владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака, и часто бывали въ его станѣ, ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи.

Новгородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостью. Внутреннее спокойствіе Новгорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію князя Александра, въ коей все государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе монголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ орду множество золота для искупленія россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, бояръ и духовенства: Александръ выздоровѣлъ.

Братъ Александра Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго: княжа во Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ, слушался юныхъ совѣтниковъ и, видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ государствѣ отъ слабости государей, винилъ въ томъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостью въ разсужденіи монголовъ облегчить судьбу подданныхъ; въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей, пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ боярами. Неврюй и другіе воеводы татарскіе уже шли въ сіе время наказать его за какое

то ослушаніе: настигнувъ Андрея у Переславля, разбили княжескую дружину и едва не схватили самого князя. Обрадованные случаемъ мститъ россіянамъ какъ мятежникамъ, толпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ владимірскимъ и съ добычею удалились. Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Саратака на россіянъ и, признанный въ Ордѣ великимъ княземъ, съ торжествомъ въѣхалъ во Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, игумены, священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ, также всѣ граждане и бояре подъ начальствомъ тысяцкаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ великомъ княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ алтарямъ. Поручивъ Новгородъ сыну своему Василію, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна. Батый умеръ: сынъ его, вѣроятно Сартакъ, хотѣлъ господствовать надъ татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею великаго хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ и ввѣрилъ дѣла россійскія своему намѣстнику Улавчію. Сей вельможа принималъ нашихъ князей и дары ихъ: къ нему явился и Александръ. Вѣроятно, Александръ, свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данью по числу людей, желалъ отвратить сію тягость, но тщетно: пріѣхали чиновники татарскіе въ области Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, сочли жителей и поставили надъ ними десятниковъ, сотниковъ, темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и монаховъ. Изъявляя уваженіе къ духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога русскаго, какъ думалъ народъ. Намѣстникъ ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную: герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ новгородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестью взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ татарскими чиновниками и съ князьями Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ, и что сопротивленіе безполезно: народъ отвѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ посадника и выбралъ другаго. Самъ юный князь Василій, по внушенію своихъ бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ и не могъ ничѣмъ перемѣнить его; они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили монгольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ ханомъ, однакожъ безъ ига рабскаго. Великій князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю, а бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Александръ остался въ Новѣгородѣ и, предвидя, что ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско ханово уже готово

идти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ, ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и великій князь увѣдомилъ монголовъ о его покорности. Чиновники ихъ явились на берегахъ Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники монгольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ посадникова сына и боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что татаре и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ монгольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ во Владиміръ. Народъ поколебался: бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную волю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая монголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. Итакъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣло съ баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ орду, или чрезъ великихъ князей. Монголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностью и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. Вельможи татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ великое княженіе.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ во Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягащало народъ. Господство монголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ бесерменскимъ, хозарскимъ или хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія. Сіи люди откупали у татаръ дань нашихъ княженій, брали неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей, въ случаѣ неплатежа объявляли должниковъ своими рабами и отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ: нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго монаха, который, принявъ вѣру магометанскую въ Татаріи, хвалился милостью новаго великаго хана Коблая и ругался надъ святынею христіанства; тѣло его бросили псамъ на съѣденіе.

Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: на Александра, въ глазахъ хановыхъ, падало подозрѣніе, и великій князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: монголы незадолго до того времени

требовали вспомогательнаго войска отъ Александра; онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. Александръ нашелъ хана Берку въ волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ искусства и науки, ласкалъ ученыхъ, художниковъ, украсилъ новыми зданіями свою Кипчакскую столицу и позволилъ россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять христіанское богослуженіе, такъ что митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную епархію подъ именемъ Сарской. Великій князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе бесерменовъ изъ городовъ суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ и, пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14-го ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концомъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принялъ схиму и, слыша горестный плачъ вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: „Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью!“ Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда, по собственному выраженію одного изъ нихъ, гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ великаго князя, онъ въ собраніи духовенства воскликнулъ: „Солнце отечества закатилось!“ Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: „Не стало Александра!“ Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса, ибо Невскій казался необходимымъ для государства и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народъ въ глубокой скорби повторяли одно слово: „Погибаемъ!...“ Тѣло великаго князя уже везли въ столицу: не смотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ-хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику, отечества разные благопріятные для Россіи случаи. Самые легкомысленные новгородцы, не охотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно сожалѣли о кончинѣ Александра, говоря, что „онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю Русскую“. Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда Великою Архимандритіею), гдѣ покоилось до XVIII вѣка, когда государь Петръ I вздумалъ перенести сіи останки безсмертнаго князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое бытіе.

лигіозномъ отношеніи. Вотъ почему Даніилъ, еще въ 1245 году, объявилъ папѣ Иннокентію IV о готовности соединиться съ римскою церковью. Легко представить восторгъ папы: письмо за письмомъ, распоряженіе за распоряженіемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенія Галича. Онъ отправилъ доминиканскаго монаха для безотлучнаго пребыванія при дворѣ Даніила, поручилъ архіепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволилъ русскому духовенству совершать службу на заквашенныхъ просвирахъ. Но папа сильно ошибся въ разсчетахъ: съ умнымъ Даніиломъ не такъ легко было сладить, какъ онъ думалъ. Даніилъ признавалъ папу верховнымъ первосвященникомъ и только, желая сохранить всѣ догматы и обряды греческой церкви въ неприкосновенности. Мы видѣли, что папа уступилъ русской церкви совершеніе таинствъ на квасномъ хлѣбѣ; мало того: онъ долженъ былъ вооружиться проклятіемъ противъ всякаго хулителя церкви греческой, обѣщать соборъ для изслѣдованія, которое изъ двухъ исповѣданій правѣе; онъ уступилъ требованію Даніила, чтобы никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ особъ не могъ пріобрѣтать имѣній въ русскихъ земляхъ безъ позволенія князя. Всѣ эти уступки не помогли: Даніилъ соединился съ Римомъ единственно изъ политическихъ видовъ съ условіемъ скорой и дѣйствительной помощи противъ татаръ. Но когда Даніилъ получилъ отъ папы не помощь, а только письмо, въ которомъ давалось позволеніе возвращать силою земли, отнятыя варварами, то сынъ Романа прервалъ сношенія съ Римомъ. Тщетно папа присылалъ къ нему епископа съ вѣнцомъ королевскимъ: Даніилъ отослалъ назадъ и посла, и безполезный даръ, велѣвъ сказать папѣ: „Мнѣ нужна твоя помощь, а не вѣнецъ королевскій, о которомъ мнѣ не время думать, когда татаре грозятъ каждую минуту“. Въ 1249 году легатъ папскій выѣхалъ изъ Галича. Венгерскій король усиленно старался помирить Даніила съ папою. Папа, съ своей стороны, въ угоду Даніилу, писалъ въ 1253 году ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи, Помераніи, Ливоніи и Пруссіи объ отраженіи татарскихъ набѣговъ и о проповѣдываніи крестоваго похода; но это посланіе не произвело никакого дѣйствія. Въ 1254 году опять предъ Даніиломъ предстали папскіе послы со скипетромъ и вѣнцомъ королевскимъ, но Даніилъ отказался вторично короноваться королемъ. Потомъ онъ уступилъ просьбамъ матери и князей польскихъ, которые дали ему слово дѣйствовать вмѣстѣ противъ татаръ, и короновался въ Дрогичинѣ. Но пустой титулъ короля галицкаго не помогъ ему ни въ чемъ: ни папа, ни король венгерскій, ни князья польскіе не думали соединиться съ нимъ противъ татаръ. Въ 1260 году Даніилъ соединилъ свои полки съ войсками Белы, короля венгерскаго, противъ Пршемыслова-Оттокара II богемскаго; но союзники были разбиты, и Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть сына своего Романа на престолѣ австрійскомъ. Въ то же время Даніилъ, видя, что отъ папы ожидать нечего, прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV.

Блестящія побѣды надъ ятвягами нѣсколько вознаградили Даніила за неуспѣхи на западѣ. Дикари эти принуждены были платить дань и, главное, обязались строить для Даніила города въ землѣ своей. Такъ русскіе князья продолжали исполнять свою наслѣдственную обязанность, заставляя варваровъ волею и неволею привыкать къ гражданственности.

Но, принуждая ятвяговъ строить города, Данiилъ всего болѣе заботился объ укрѣпленiи своихъ собственныхъ городовъ, въ чемъ видѣлъ единственное средство съ успѣхомъ противостать кочевымъ татарамъ; но судьба не позволила Данiилу привесть въ исполненiе это намѣренiе: татаре проникли его планы и спѣшили предупредить ихъ. Темникъ Батыевъ, Кумерса, былъ робокъ и слабъ силами, и потому позволялъ Данiилу мало по малу забирать у тататъ города. Но ему на смѣну пришелъ съ огромными толпами другой темникъ—Бургундай. Онъ отправилъ приказъ русскимъ князьямъ, чтобы тѣ вышли къ нему на встрѣчу. Король Данiилъ не поѣхалъ самъ на встрѣчу варвару, но послалъ брата Василька, сына Льва и епископа. Ихъ встрѣтилъ татаринъ ругательствомъ: „Если хотите со мною мира, сказалъ онъ въ заключенiе, то разорите всѣ города“. Должно было повиноваться; укрѣпленiя городовъ были срыты. Данiилъ поѣхалъ въ Польшу и Венгрiю, но нигдѣ не нашелъ помощи. Съ разрушенiемъ крѣпостей рушились послѣднiя надежды. Онъ не долго пережилъ ихъ.

Въ 1264 году умеръ Данiилъ, который, послѣ Мономаха, болѣе всѣхъ князей заслужилъ прекрасное названiе страдальца за Русскую землю. Но какъ же думали о Данiилѣ современники, подданные его? Какiя черты въ немъ всего болѣе поразили ихъ? Не воинственныя доблести, не многочисленныя побѣды, но то, что Данiилъ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ успѣлъ не только загладить слѣды монгольскаго нашествiя, но и привести свое княжество въ цвѣтущее состоянiе, украсить его богатыми городами, великолѣпными (по тому времени) зданiями, усилить промышленность, торговлю. Современниковъ поразила эта умная, хозяйственная распорядительность князя, умѣнiе утѣшать народъ въ бѣдствiяхъ, по выраженiю лѣтописца; ихъ поразило умѣнiе Данiила, при всемъ униженiи отъ татаръ, поддержать достоинство Русской земли, поставить себя необходимымъ и могущественнымъ членомъ славяно-венгерской системы европейскихъ государствъ. Другая черта, поразившая современниковъ въ Данiилѣ, это безпримѣрная привязанность, безпримѣрная дружба къ брату Васильку, вполнѣ его достойному. Съ младенчества неразлучные и въ бѣдствiяхъ, и въ счастiи, оба брата жили одною душою, одною мыслью. Легко понять, какъ важно было такое братское согласiе для Руси въ то ужасное время, и современники умѣли оцѣнить его: они прозвали Данiила братолюбцемъ и вторымъ Соломономъ по мудрости.

LIX. КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ЯРОСЛАВИЧЪ НЕВСКIЙ И ЕГО ПОБѢДЫ.

(Изъ «Русской Исторiи въ жизнеописанiяхъ» Костомарова).

XIII вѣкъ былъ перiодомъ самаго ужаснаго потрясенiя для Руси. Съ востока на нее нахлынули монголы съ безчисленными полчищами покоренныхъ татарскихъ племенъ, разорили, обезлюдили большую часть Руси и поработили остатокъ народонаселенiя; съ сѣверо-запада угрожало ей нѣмецкое племя подъ знаменемъ католичества. Задачею политическаго дѣятеля того времени было поставить Русь по возможности въ

такія отношенія къ разнымъ врагамъ, при которыхъ она могла удержать свое существованіе. Человѣкъ, который принялъ на себя эту задачу и положилъ твердое основаніе на будущія времена дальнѣйшему исполненію этой задачи, по справедливости можетъ назваться истиннымъ представителемъ своего вѣка.

Такимъ является въ русской исторіи князь Александръ Ярославичъ Невскій.

Отрочество и юность его большею частью протекли въ Новгородѣ. Отецъ его, Ярославъ, всю жизнь то ссорился съ новгородцами, то опять ладилъ съ ними. Нѣсколько разъ новгородцы прогоняли его за крутой нравъ и насиліе и нѣсколько разъ приглашали снова, какъ-бы не въ состояніи обойтись безъ него. Князь Александръ уже въ молодыхъ лѣтахъ подвергался тому же вмѣстѣ съ отцомъ. Въ 1228 году, оставленный съ своимъ братомъ Ѳедоромъ, съ двумя княжескими мужами въ Новгородѣ, онъ долженъ былъ бѣжать, не выдержавъ поднявшагося въ то время междоусобія — явленія обычнаго въ вольномъ Новгородѣ. Въ 1230 году юноша снова вернулся въ Новгородъ съ отцомъ и съ тѣхъ поръ, какъ кажется, долго не покидалъ Новгорода. Съ 1236 года начинается его самобытная дѣятельность. Отецъ его Ярославъ уѣхалъ въ Кіевъ; Александръ посаженъ былъ княземъ въ Великомъ Новѣгородѣ. Молодой князь былъ высокъ ростомъ, красивъ собою, а голосъ его, по выраженію современника, „гремѣлъ передъ народомъ, какъ труба“. Вскорѣ важный подвигъ предстоялъ ему.

Вражда нѣмецкаго племени съ славянскимъ принадлежитъ къ такимъ всемірнымъ историческимъ явленіямъ, которыхъ начало не доступно изслѣдованію, потому что оно скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. При всей скудости свѣдѣній нашихъ, мы не разъ видимъ въ отдаленной древности признаки давленія нѣмецкаго племени на славянское. Уже съ IX вѣка въ исторіи открывается непрерывное многовѣковое преслѣдованіе славянскихъ племенъ; нѣмцы порабощали ихъ, тѣснили къ востоку и сами подвигались за ними, порабощая ихъ снова. Пространный Прибалтійскій край, нѣкогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпалъ насильственному нѣмецкому игу для того, чтобы потерять до послѣднихъ слѣдовъ свою народность. За прибалтійскими славянами къ востоку жили литовскія и чудскія племена, отдѣлявшія первыхъ отъ ихъ русскихъ соплеменниковъ. Къ этимъ племенамъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка проникли нѣмцы въ образѣ воинственной общины подъ знаменемъ религіи, и такимъ образомъ стремленіе нѣмцевъ къ порабощенію чужихъ племенъ соединилось съ распространеніемъ христіанской вѣры между язычниками и съ подчиненіемъ ихъ папскому престолу.

Властолюбивые замыслы нѣмцевъ послѣ уступки имъ Ливоніи обратились на сѣверную Русь. Возникла мысль, что призваніемъ ливонскихъ крестоносцевъ было не только крестить язычниковъ, но и обратить къ истинной вѣрѣ русскихъ. Русскіе представлялись на западѣ врагами св. отца и римско-католической церкви, даже самого христіанства.

Борьба Новгорода съ нѣмцами была неизбѣжна. Новгородцы еще прежде владѣли значительнымъ пространствомъ земель, населенныхъ чудью, и постоянно, двигаясь на западъ, стремились къ подчиненію чудскихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они распространяли между послѣдними

православіе болѣе мирнымъ, хотя и болѣе медленнымъ, путемъ, чѣмъ западные рыцари. Какъ только нѣмцы утвердились въ Ливоніи, тотчасъ начались нескончаемыя и непрерывныя столкновенія и войны съ Новгородомъ; и такъ шло до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникамъ, не хотѣвшимъ креститься отъ нѣмцевъ, и потому-то въ глазахъ западнаго христіанства сами представлялись поборниками язычниковъ и врагами Христовой вѣры. Такія же столкновенія явились у новгородцевъ съ католическою Швеціею по поводу Финляндіи, куда съ одной стороны проникали новгородцы съ православнымъ крещеніемъ, а съ другой—шведы съ западнымъ католичествомъ; споръ между обѣими сторонами былъ также и за обладаніе финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, возбуждалъ какъ нѣмцевъ, такъ и шведовъ къ такому же покоренію сѣверной Руси, какимъ уже было покореніе Ливоніи и Финляндіи. Въ завоеванной Ливоніи нѣмцы насильно обращали къ христіанству язычниковъ; точно также приневоливали они принимать католичество крещеныхъ въ православную вѣру туземцевъ; этого мало: они насиловали совѣсть и тѣхъ коренныхъ русскихъ поселенцевъ, которыхъ отцы еще прежде прибытія рыцарей водворились въ Ливоніи.

Силы ордена Меченосцевъ увеличились отъ соединенія съ Тевтонскимъ орденомъ. Между тѣмъ рыцари, по рѣшенію папы, должны были уступить датчанамъ часть Ливоніи (Гаррію и Вирландію), а папа предоставилъ имъ вознаградить себя за это покореніемъ русскихъ земель. Вслѣдствіе этого, по призыву дерптскаго епископа Германа, рыцари и съ ними толпа нѣмецкихъ охотниковъ бросились на Псковъ. Одинъ изъ русскихъ князей, Ярославъ Владиміровичъ, велъ враговъ на своихъ соотечественниковъ. Въ 1240 году нѣмцы овладѣли Псковомъ: между псковитянами нашлись измѣнники; одинъ изъ нихъ Твердила Иванковичъ сталъ управлять городомъ отъ нѣмецкой руки.

Между тѣмъ на Новгородъ ополчились шведы. Папская булла поручала шведамъ начать походъ на Новгородъ, на мятежниковъ, непокорныхъ власти намѣстника Христова, на союзниковъ язычества и враговъ христіанства. Въ Швеціи, вмѣсто больнаго короля, управлялъ тогда зять его Биргеръ. Этотъ правитель Биргеръ самъ взялъ начальство надъ священнымъ ополченіемъ противъ русскихъ. Въ войскѣ его были шведы, норвежцы, финны и много духовныхъ особъ съ ихъ вассалами. Биргеръ прислалъ въ Новгородъ къ князю Александру объявленіе войны надменное и грозное: «Если можешь, сопротивляйся; знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою».

У новгородцевъ война также приняла религіозный характеръ. Дѣло шло о защитѣ православія, на которое разомъ посягали враги, возбужденные благословеніемъ папы. Александръ Ярославичъ помолился у св. Софіи и выступилъ съ новгородскою ратью къ устью Волхова. Къ нему пристали ладожане, подручники Великаго Новгорода. Шведы вошли въ Неву и бросили якорь въ устьѣ Ижоры. Вѣроятно, это былъ роздыхъ: они намѣревались плыть черезъ озеро и достигнуть Ладоги врасплохъ: прежде всего слѣдовало взять этотъ новгородскій пригородъ, а потомъ вступить въ Волховъ и идти на Великій Новгородъ. Въ Новгородѣ уже знали о нихъ. Александръ не медлилъ и, предупредивши ихъ, приблизился къ Ижорѣ въ воскресенье 15-го іюля (1240). Шведы не ждали

непріятелей и расположились спокойно: ихъ шнеки стояли у берега, раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Часовъ въ одиннадцать утра новгородцы внезапно появились передъ шведскимъ лагеремъ, бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Не мало было молодцовъ, которые отличились здѣсь богатырскою своею удалью: между ними новгородецъ Савва бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золотоверхій. Самъ Александръ нагналъ Биргера и хватилъ его острымъ копьемъ по лицу, «возложилъ ему печать на лицо», говоритъ повѣствователь. У шведовъ было много убитыхъ и раненыхъ. Схоронили они наскоро часть убитыхъ на мѣстѣ, свалили остальныхъ на свои шнеки, чтобы похоронить въ отечествѣ, и въ ночь до свѣта всѣ уплыли внизъ по Невѣ въ море.

Велико было торжество новгородцевъ. Но вскорѣ не поладилъ съ ними Александръ и ушелъ въ Переяславль.

А тѣмъ временемъ на Новгородъ шли другіе такіе же враги. Нѣмцы, завоевавши Псковъ, заранѣ считали уже своимъ пріобрѣтеннымъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Карелію (края нынѣшней Петербургской и отчасти Олонецкой губерніи); они отдавали страны эти католичеству, и папа присудилъ ихъ церковному вѣдомству эзельскаго епископа. 13-го апрѣля 1241 года эзельскій епископъ, по имени Генрихъ, заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее—рыбныя ловли, управленія и всѣ вообще мірскіе доходы съ будущихъ владѣній.

Нѣмцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородскія земли, предавали ихъ опустошенію, взяли пригородъ Лугу, Тесово, построили укрѣпленіе въ погостѣ Копорье. Вожане по неволѣ приставали къ нимъ; тѣ, которые не хотѣли, разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Непріятельскія шайки метались въ разныя стороны, достигали тридцати верстъ отъ Новгорода и убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ за товарами. Въ такихъ обстоятельствахъ новгородцы послали къ Ярославу просить князя. Ярославъ прислалъ имъ сына Андрея. Нѣмцы причиняли имъ все болѣе и болѣе зла: у поселянъ по Лугѣ отобрали всѣхъ коней и скотъ, и не на чемъ пахать было поселянамъ. Новгородцы разсудили, что одинъ Александръ можетъ ихъ выручить, и отправили къ нему владыку Спиридона. Дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Руси. Александръ не противился.

Немедленно отправился онъ съ новгородцами очищать Новгородскую землю отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, милостиво обращаясь съ плѣнниками, перевѣшалъ, однако, измѣнившихъ Новгороду вожанъ и чудь. Затѣмъ онъ достигъ Пскова, освободилъ его отъ нѣмцевъ, отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ двухъ нѣмецкихъ намѣстниковъ Пскова.

Оставаясь во Псковѣ, Александръ ждалъ противъ себя новой непріятельской силы и вскорѣ услышалъ, что она идетъ на него. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года Александръ двинулся на встрѣчу врагамъ и у скалы, называемой Вороній камень, на Узмени, произошла другая битва, не менѣе знаменитая Невской, извѣстная въ исторіи, подъ названіемъ: «Ледовое побоище». Враги встрѣтились въ субботу 5 апрѣля

при солнечномъ восходѣ. Увидя приближающихся враговъ, Александръ поднялъ руки вверхъ и громко сказалъ: «Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!» Битва была упорная и жестокая. Съ трескомъ ломались копья. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и трескался мѣстами. Многіе потонули. Потерявшіе строй нѣмцы бѣжали; русскіе съ торжествомъ гнались за ними семь верстъ до Суболичскаго берега.

Съ торжествомъ возвращался Александръ въ освобожденный Псковъ. Близъ коня его вели знатныхъ рыцарей, за нимъ гнали толпу простыхъ плѣнныхъ. На встрѣчу ему вышло духовенство. Народъ привѣтствовалъ побѣдителя радостными кликами.

Эти двѣ побѣды имѣютъ важное значеніе въ русской исторіи. Правда, проявленія вражды нѣмцевъ съ русскими не прекращались и послѣ того, въ особенности для Пскова, который не разъ вступалъ съ орденомъ въ кровавыя столкновенія, но уже мысль о покореніи сѣверныхъ русскихъ земель, о порабощеніи ихъ наравнѣ съ Ливоніею, которое подвергло бы ихъ участи прибалтійскихъ славянъ, навсегда оставила нѣмцевъ. Сами папы, вмѣсто грозныхъ буллъ, возбуждавшихъ крестовые походы на русскихъ наравнѣ съ язычниками, избрали другой путь въ надеждѣ подчинить себѣ Русь, путь посольствъ и убѣжденій, оказавшійся, какъ извѣстно, столько же безплоднымъ, какъ и прежнія воинственныя буллы. Такимъ образомъ папа Иннокентій IV прислалъ къ Александру въ 1251 г. двухъ кардиналовъ. Папа увѣрялъ Александра, будто отецъ Александра изъявлялъ обѣщаніе монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполненія этого намѣренія. Папа убѣждалъ Александра идти по слѣдамъ отца, представлялъ выгоды, какія русскій князь и Русь получатъ отъ этого подчиненія, и обѣщалъ противъ татаръ помощь тѣхъ самыхъ рыцарей, отъ которыхъ недавно Александръ освобождалъ русскія земли. Но Александръ не поддался увѣщаніямъ и отказалъ наотрѣзъ. Посольство это повлекло за собою въ послѣдующей русской исторіи множество подобныхъ посольствъ, также безполезныхъ.

Александръ могъ оружіемъ перевѣдаться съ западными врагами и остановить ихъ покушенія овладѣть сѣверною Русью, но не могъ онъ съ тѣми же средствами дѣйствовать противъ восточныхъ враговъ. Западные враги только намѣревались покорить сѣверную Русь, а восточные уже успѣли покорить прочія русскія земли, опустошить и обезлюдить ихъ. При малочисленности, нищетѣ и разрозненности остатковъ тогдашняго русскаго населенія въ восточныхъ земляхъ, нельзя было думать о томъ, чтобы выбиться оружіемъ изъ подъ власти монголовъ.

LX. ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ТАТАРАМЪ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ во Владиміръ, чтобы оплакать оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ,

наслѣдовалъ престолъ великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ княженіяхъ. Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ ордѣ, и россіяне еще съ гордостью именовали его своимъ независимымъ княземъ, даже стращали имъ монголовъ. Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и велѣлъ сказать ему: «Князь новгородскій! Извѣстно ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ множество народовъ? Ты ли одинъ будешь независимымъ? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно въ шатрѣ моемъ, да познаешь славу и величіе монголовъ». Александръ любилъ отечество болѣе своей княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ и вслѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ монгольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ, и что сей князь дѣйствительно есть человѣкъ необыкновенный: такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, одушевленныя любовью къ народу россійскому и благородствомъ сердца! Отъ Батыя Александръ и братъ его ѣздили, подобно Ярославу, въ Татарію къ великому хану.

Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ великаго хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыя. Андрей же сѣлъ на престолѣ владимірскомъ, а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ. Удѣльные князья владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака, и часто бывали въ его станѣ, ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи.

Новгородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостью. Внутреннее спокойствіе Новгорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію князя Александра, въ коей все государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе монголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ орду множество золота для искупленія россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, бояръ и духовенства: Александръ выздоровѣлъ.

Братъ Александра Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго: княжа во Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ, слушался юныхъ совѣтниковъ и, видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ государствѣ отъ слабости государей, винилъ въ томъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостью въ разсужденіи монголовъ облегчить судьбу подданныхъ; въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей, пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ боярами. Неврюй и другіе воеводы татарскіе уже шли въ сіе время наказать его за какое

то ослушаніе: настигнувъ Андрея у Переславля, разбили княжескую дружину и едва не схватили самого князя. Обрадованные случаемъ мститъ россіянамъ какъ мятежникамъ, толпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ владимірскимъ и съ добычею удалились. Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Саратака на россіянъ и, признанный въ Ордѣ великимъ княземъ, съ торжествомъ въѣхалъ во Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, игумены, священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ, также всѣ граждане и бояре подъ начальствомъ тысяцкаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ великомъ княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ алтарямъ. Поручивъ Новгородъ сыну своему Василію, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна. Батый умеръ: сынъ его, вѣроятно Сартакъ, хотѣлъ господствовать надъ татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею великаго хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ и ввѣрилъ дѣла россійскія своему намѣстнику Улавчію. Сей вельможа принималъ нашихъ князей и дары ихъ: къ нему явился и Александръ. Вѣроятно, Александръ, свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данью по числу людей, желалъ отвратить сію тягость, но тщетно: пріѣхали чиновники татарскіе въ области Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, сочли жителей и поставили надъ ними десятниковъ, сотниковъ, темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и монаховъ. Изъявляя уваженіе къ духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога русскаго, какъ думалъ народъ. Намѣстникъ ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную: герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ новгородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестью взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ татарскими чиновниками и съ князьями Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ, и что сопротивленіе безполезно: народъ отвѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ посадника и выбралъ другаго. Самъ юный князь Василій, по внушенію своихъ бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ и не могъ ничѣмъ перемѣнить его; они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили монгольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ ханомъ, однакожъ безъ ига рабскаго. Великій князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю, а бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Александръ остался въ Новѣгородѣ и, предвидя, что ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско ханово уже готово

идти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ, ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и великій князь увѣдомилъ монголовъ о его покорности. Чиновники ихъ явились на берегахъ Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники монгольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ посадникова сына и боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что татаре и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ монгольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ во Владиміръ. Народъ поколебался: бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную волю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая монголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. Итакъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣло съ баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ орду, или чрезъ великихъ князей. Монголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностью и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. Вельможи татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ великое княженіе.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ во Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство монголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ бесерменскимъ, хозарскимъ или хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія. Сіи люди откупали у татаръ дань нашихъ княженій, брали неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей, въ случаѣ неплатежа объявляли должниковъ своими рабами и отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ: нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго монаха, который, принявъ вѣру магометанскую въ Татаріи, хвалился милостью новаго великаго хана Коблая и ругался надъ святынею христіанства; тѣло его бросили псамъ на съѣденіе.

Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: на Александра, въ глазахъ хановыхъ, падало подозрѣніе, и великій князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: монголы незадолго до того времени

требовали вспомогательнаго войска отъ Александра; онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. Александръ нашелъ хана Берку въ волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ искусства и науки, ласкалъ ученыхъ, художниковъ, украсилъ новыми зданіями свою Кипчакскую столицу и позволилъ россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять христіанское богослуженіе, такъ что митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную епархію подъ именемъ Сарской. Великій князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе бесерменовъ изъ городовъ суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ и, пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14-го ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концомъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принялъ схиму и, слыша горестный плачъ вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: „Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью!“ Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда, по собственному выраженію одного изъ нихъ, гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ великаго князя, онъ въ собраніи духовенства воскликнулъ: „Солнце отечества закатилось!“ Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: „Не стало Александра!“ Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса, ибо Невскій казался необходимымъ для государства и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народъ въ глубокой скорби повторяли одно слово: „Погибаемъ!....“ Тѣло великаго князя уже везли въ столицу: не смотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ-хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику, отечества разные благопріятные для Россіи случаи. Самые легкомысленные новгородцы, не охотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно сожалѣли о кончинѣ Александра, говоря, что „онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю Русскую“. Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда Великою Архимандритіею), гдѣ покоилось до XVIII вѣка, когда государь Петръ I вздумалъ перенести сіи останки безсмертнаго князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое бытіе.

LXI. О ПРИЧИНАХЪ ПОСТЕПЕННАГО ВОЗВЫШЕНІЯ МОСКВЫ ДО СМЕРТИ ІОАННА III.

(Изъ статьи Станкевича, помѣщенной въ «Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Московскаго Университета» за 1834 г., т. V).

Первый вопросъ, представляющійся при изслѣдованіи причинъ постепеннаго возвышенія Москвы, есть слѣдующій: съ какого времени начинается это возвышеніе? Съ этимъ вопросомъ сопряженъ другой: въ чемъ заключается первоначальная причина возвышенія Москвы?

Имя Москвы въ первый разъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1147 годомъ, въ описаніи угощенія, которое давалъ Юрій Владиміровичъ, прозванный Долгорукимъ, Святославу, князю Новгородъ-Сѣверскому. Изъ этого явствуетъ, что Москва существовала уже въ половинѣ XII столѣтія. Съ тѣхъ поръ до конца XIII столѣтія имя ея едва мелькаетъ въ лѣтописяхъ. Въ 1237 году она бѣдствіемъ обращаетъ на себя вниманіе лѣтописцевъ: ее сжигаетъ Батый. Въ 1282 году Даніилъ московскій помогаетъ брату Андрею противъ Димитрія Александровича. Съ этого времени Москва видимо начинаетъ участвовать въ дѣлахъ прочихъ городовъ и княжествъ. Скоро Можайскъ и Переяславль присоединяются къ Москвѣ. Наконецъ въ правленіе Іоанна Даниловича Калиты открывается намъ несомнѣнное ея могущество. Въ духовной грамотѣ Калиты исчислены города и волости, вошедшіе въ составъ московскаго княжества, и съ этого времени мы легко можемъ слѣдить за его возрастаніемъ. Здѣсь утверждается престолъ митрополита, къ которому тяготѣютъ епархіи южнаго и сѣвернаго края Россіи, не смотря на то, что послѣдній въ это время совершенно отдѣляется отъ перваго, который къ концу XIV столѣтія совершенно подпадаетъ власти литовцевъ. Тогда сѣверныя княжества образуютъ особую систему, цѣлость которой поддерживается единствомъ пастыря духовнаго, общимъ игомъ, взаимною нуждою. Московское княжество дѣлается центромъ этой системы и вскорѣ явно получаетъ характеръ главенства, котораго тѣнь сохраняло Владимірское княжество до Іоанна Даниловича Калиты. Сынъ и преемникъ его, Симеонъ, первый сталъ называться великимъ княземъ всея Руси, заимствуя это названіе отъ титула митрополитовъ, которые удержали его отъ временъ своего пребыванія въ Кіевѣ, средоточіи Руси. Знаменитый племянникъ его, Димитрій Донской, расширяетъ предѣлы своего княжества, заставляетъ удѣльныхъ князей признать себя меньшими, упрочиваетъ существенное вліяніе надъ независимыми владѣтелями. Въ его правленіе восходитъ первая заря свободы для Русской земли. Донская битва не рѣшила судьбы ея: не разъ еще пылали стѣны Москвы, не разъ сокрушался твердый щитъ Россіи—жертва преждевременныхъ, но благородныхъ усилій свергнуть чуждое иго. Могущество Іоанна III, пріуготовленное его родственниками, составило эпоху въ русской исторіи. Онъ наконецъ сокрушилъ или, лучше сказать, взялъ въ свои руки тѣ цѣпи, которыми монголы опутали русскія княжества. Такъ незначительный городъ Суздальскаго княжества, едва замѣчаемый лѣтописцами въ первыя времена своего существованія, черезъ три съ половиною вѣка пріобрѣтаетъ господство надъ сильными дотолѣ владѣніями, соединяетъ ихъ въ одно политическое тѣло, водворяетъ въ немъ гражданскую жизнь.

Вникая въ эти событія, мы видимъ, что Москва не одной личности князей своихъ обязана своимъ возвышеніемъ, что она не есть произведеніе одной ихъ силы, механически совокупившей разрозненныя до того времени области подъ господство одной, могущественнѣйшей. Хотя личность князей и много участвовала въ дѣлѣ возвышенія Москвы, но одна власть, одна сила, никогда не могла бы дать такой прочности ея господству: при первомъ удобномъ случаѣ Москва утратила бы свои пріобрѣтенія, если бы между ними и ею не было связи болѣе естественной, органической. Многія причины совокупились, чтобы возвеличить Москву, чтобы соединить вокругъ нея независимыя владѣнія въ одно стройное цѣлое. Онѣ дѣйствовали совокупно; онѣ сдѣлали Москву естественнымъ средоточіемъ Россіи, не только властительницею, главою, но сердцемъ ея, которое, пустивъ артеріи во всѣ части государства, наполнило ихъ жизненными соками.

Слѣдя за постепеннымъ возрастаніемъ Москвы, внимательно наблюдая всѣ ея отношенія, мы находимъ слѣдующія главныя причины ея успѣховъ: I. самое ея географическое положеніе; II. нашествіе и господство монголовъ; III. пребываніе митрополита въ Москвѣ; IV. характеръ, политика и внѣшнія отношенія московскихъ князей. Постараемся показать дѣйствія этихъ причинъ въ самыхъ событіяхъ. Возьмемъ первую изъ нихъ.

I. *Географическое положеніе.* Вліяніе его на возвышеніе Москвы можетъ быть разсматриваемо: во-1-хъ, само по себѣ; во-2-хъ, въ совокупности съ другими причинами. Нѣтъ сомнѣнія, что географическое положеніе само по себѣ никогда не могло бы поставить Москву на ту степень величія, на которой она является въ княженіе Іоанна III; не смотря на это, центральное положеніе могло быть благопріятно для населенія, дать городу торговое значеніе, обогатить его. Но еще болѣе важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что княжества: Тверское, Суздальское, или Владимірское, Рязанское, отчасти Смоленское—толпятся вокругъ Москвы; она занимаетъ средину между ними. Чѣмъ болѣе расширялось и пріобрѣтало силы Московское княжество, чѣмъ болѣе слабѣли другія владѣнія, тѣмъ значительнѣе становилось центральное положеніе перваго. Не подвергаясь опасности отъ своихъ сосѣдей, оно имѣло всю возможность утвердить свою власть надъ ними, управлять ихъ дѣйствіями; да и собственная выгода владѣтелей требовала, чтобы они имѣли одну политическую систему съ московскимъ княземъ: о самостоятельности имъ нельзя было думать. Если отдѣльный владѣтель и могъ противиться Москвѣ, то на самое короткое время; соединеніе съ другими князьями было для него невозможно: ихъ всегда раздѣляли московскія владѣнія. Призвать на помощь Литву также значило перейти къ ней въ подданство. Но и сами литовскіе князья со времени Витовта страшились борьбы съ Москвою, и въ такомъ случаѣ искать ихъ покровительства значило безъ всякой нужды раздружиться съ Москвою и подать ей поводъ къ притѣсненіямъ, а иногда и лишиться владѣній (какъ это случилось съ послѣднимъ княземъ тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ, при Іоаннѣ III Васильевичѣ). Такимъ образомъ, раздѣляя силы князей русскихъ, Московское княжество пользовалось ихъ слабостію и расширяло предѣлы свои болѣе и болѣе; пріобщая къ себѣ независимыя владѣнія, оно обращало постепенно центръ въ окружность и наконецъ образовало Русское государство.

Теперь обратимся ко второй причинѣ возвышенія Москвы и посмотримъ, какимъ образомъ могло содѣйствовать ему.

II. *Нашествіе и господство монголовъ.* Съ перваго взгляда кажется, что появленіе монголовъ въ началѣ XIII вѣка, опустошеніе, сдѣланное ими въ это время въ земляхъ русскихъ, имѣли слѣдствіемъ одно: гибель, нищету, страданія людей. Но временное бѣдствіе, если оно не пустило корня, исчезаетъ для исторіи въ строгомъ смыслѣ. Что же касается до опустошеній, сдѣланныхъ монголами въ XIII вѣкѣ, то они имѣли огромныя слѣдствія для нашего отечества *). Съ этого времени южная Россія, пожженная ихъ огнемъ, истерзанная ихъ оружіемъ, отпадаетъ совершенно отъ сѣверной и къ концу XIV вѣка, ослабленная, опустошенная, раздробленная, она падаетъ подъ власть Литвы. Сѣверная Россія составляетъ особую систему. Въ ней, какъ будто по преданію, Владимірское княжество сохраняло тѣнь главенства: всякій владѣтель получалъ титулъ великаго князя не иначе, какъ съ княженіемъ Владимірскимъ. Но, подвергаясь постоянно набѣгамъ монголовъ, оно не могло удержать великаго князя въ своихъ предѣлахъ. Владиміръ пересталъ быть мѣстопребываніемъ великихъ князей. Ярославъ Ярославичъ, принявъ великокняжескій титулъ, остался въ Твери и, учредивъ въ ней особую епископію, образовалъ такимъ образомъ независимое княжество. Великій князь Василій Ярославичъ, сколько можно догадываться, во все свое правленіе оставался въ наслѣдственномъ удѣлѣ, Костромѣ. Итакъ Владиміръ утратилъ свое первенство: чрезъ это сдѣлалось возможнымъ другимъ городамъ пріобрѣсти оное. Тверь готова была воспользоваться этимъ случаемъ, она усилилась; но ей недоставало другихъ условій, другихъ причинъ, чтобы утвердить за собою первенство. Вотъ первое дѣйствіе монгольскаго ига, монгольскихъ набѣговъ. Южная Русь отдѣлена, первенство Владиміра въ сѣверной уничтожено. Тверь утверждаетъ свою независимость, она дѣлается сильнѣйшимъ владѣніемъ; великокняжеское достоинство переходитъ въ родъ князей тверскихъ; Владиміръ удерживаетъ за собою еще митрополитовъ. Возможность къ первенству однаго города, владѣнія уже явилась; Москва, принявшая къ себѣ митрополита и управляемая великимъ княземъ, совокупивъ условія первенства, сдѣлала шагъ къ возвышенію. Полученіемъ велилокняжескаго достоинства отъ хановъ первые московскіе князья одолжены были, кажется, своей политикѣ; но, получивъ его, они въ своихъ дѣйствіяхъ опирались на могущество хановъ и тѣмъ поддерживали свой перевѣсъ надъ прочими владѣтелями. Вотъ дѣйствіе уже самаго господства монголовъ. Іоаннъ Калита употреблялъ всѣ средства снискать милость ханскую, старался перехватить враждебныхъ ему князей на пути

---

*) Прямыя слѣдствія какъ господства, такъ и нашествія монгольскаго, безъ сомнѣнія, были вредны для Россіи во многихъ отношеніяхъ, не говоря уже о порчѣ народнаго характера. Монголы заставили соединиться князей тѣснѣе, но зато обратили всю дѣятельность ихъ на защиту своихъ владѣній; заставили, выучили хитрить князей русскихъ, обременили народъ налогами, которые, по всей вѣроятности, остались на немъ и по освобожденіи отъ татарскаго ига; отвлекли его отъ мирной промышленности. Но посредственныя слѣдствія этого ига благодѣтельны, и однимъ изъ нихъ должно признать централизацію Россіи, къ которой вело преимущественно возвышеніе Москвы.

онъ хотѣлъ утвердить ее за своимъ домомъ, хотѣлъ сдѣлать великокняжеское достоинство наслѣдственнымъ въ немъ и хорошо понималъ, что на одномъ благоволенiи хановъ нельзя основывать эту надежду. Какъ непостоянна и непрочна казалась ему милость Узбека, видимъ изъ того, что духовное завѣщанiе 1328 года писалъ онъ, «идя въ орду», т. е. опасаясь найти тамъ гнѣвъ, а не милость. И потому онъ старался найти внутри самой Россiи опору болѣе прочную, опору нравственную, и онъ нашелъ ее въ самой Москвѣ.

За два года до вступленiя своего на престолъ владимiрскiй, убѣдилъ онъ святителя Петра переѣхать изъ Владимiра, гдѣ обыкновенно жили митрополиты со временъ святителя Максима, въ Москву. Св. Петръ охотно согласился, полюбилъ искренно и Москву, и ея князя и предрекъ ей славную будущность словами: «Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градехъ русскихъ, и взыдутъ руки его на плеща врагъ его, и прославится Богъ въ немъ». Преемники св. Петра, слѣдуя его примѣру, основали въ Москвѣ свою митрополiю, а Iоаннъ впослѣдствiи, въ 1328 году, сдѣлалъ ее столицею великаго княженiя.

Князья уважали мнѣнiя духовныхъ лицъ и нерѣдко мирились подъ ихъ влiянiемъ. Князья понимали силу духовенства, но ни одинъ не умѣлъ обратить ее въ свою пользу. Iоаннъ Калита первый взялся за эту мысль. Сдѣлавшись княземъ московскимъ, по смерти Юрiя, онъ склонилъ митрополита Петра переселиться изъ Владимiра въ Москву. Простодушный лѣтописецъ разсказываетъ, что митрополитъ Петръ пришелъ въ Москву, такъ сказать, нечаянно, проходя другiе мѣста и грады, и, полюбивъ благочестиваго Iоанна, сiяющаго православiемъ, украшеннаго всѣми добродѣтелями, милостиваго къ нищимъ, воздающаго должную честь святымъ Божiимъ церквамъ и ихъ служителямъ и прилежнаго къ божественному писанiю, началъ съ тѣхъ поръ жить въ градѣ томъ больше, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ.

Присутствiе въ Москвѣ митрополита возвысило ее въ глазахъ народа. Св. Петръ, желая еще болѣе поднять этотъ городъ, убѣдилъ Iоанна заложить въ немъ храмъ Успенiя Божiей Матери, въ которомъ заповѣдовалъ похоронить свои кости. Но, къ сожалѣнiю, смерть похитила митрополита Петра слишкомъ рано для Москвы: онъ умеръ 20 декабря 1326 года, оставляя милость, миръ и благословенiе возлюбленному своему сыну Iоанну и сѣмени его до вѣка. Преемникъ его, митрополитъ Θеогностъ, утвердивъ свой престолъ также въ Москвѣ, ревностно поддерживалъ Iоанна, чему разительный примѣръ мы видѣли въ отлученiи имъ Пскова отъ церкви,—отлученiи сдѣланномъ по настоянiю Iоанна. Θеогностъ былъ тѣмъ лучшимъ помощникомъ его, что пользовался милостью хана. Благодарный духовенству за его дѣятельное содѣйствiе во всѣхъ своихъ планахъ, Калита самъ ревностно заботился объ устройствѣ и благолѣпiи церквей. Онъ украсилъ Москву храмами Успенiя Богоматери, Iоанна Лѣствичника, поклоненiя честныхъ веригъ св. Апостола Петра, св. Спаса Преображенiя, св. архангела Михаила. Присутствiе митрополита и созданiе храмовъ въ Москвѣ возвысили ея блескъ.

Народъ начиналъ смотрѣть на нее, какъ на градъ богоспасаемый, и привыкалъ видѣть въ ея князѣ главу всѣхъ князей. Но Iоаннъ чувствовалъ, что ничтожность его родовой отчины можетъ еще служить Москвѣ препятствiемъ къ достиженiю первенства прочнаго, а потому и старался

зомъ пребываніе митрополита въ Москвѣ, само по себѣ дѣлавшее эту столицу средоточіемъ духовной власти и предметомъ народнаго благоговѣнія, было важно для нея еще и тѣмъ, что великій князь могъ употреблять вліяніе митрополита въ свою пользу, ибо отъ него безусловно зависѣли всѣ епархіи, и онъ имѣлъ право поставлять и смѣнять епископовъ.

Впродолженіе всего времени отъ Іоанна Даниловича Калиты, призвавшаго святителя Петра на жительство въ Москву, до смерти Іоанна III, митрополиты, неограниченные властители въ дѣлахъ духовныхъ, всегда употребляли власть свою на пользу князей московскихъ. Такъ Іоаннъ Даниловичъ склонилъ въ 1329 году митрополита Θеогноста наложить проклятіе на Александра Тверскаго, не хотѣвшаго, по требованію его, ѣхать въ Орду, и на псковитянъ, поднявшихъ оружіе для его защиты. Митрополитъ Алексій, усердствуя Димитрію Іоанновичу Донскому, велѣлъ святому Сергію, игумену троицкому, затворить всѣ церкви въ Нижнемъ *).

Въ 1471 году Филиппъ увѣщеваетъ новгородцевъ смириться подъ крѣпкую руку великаго князя Іоанна Васильевича. Митрополиты употребляемы были часто для переговоровъ и сопровождали рать великокняжескую. Такъ Θеогностъ ходилъ съ Симеономъ Іоанновичемъ подъ Новгородъ (въ 1340), отправлялся съ нимъ въ Орду къ Чанибеку. Алексій исцѣлилъ Тайдулу и ходилъ въ Орду, чтобы смирить гнѣвъ ханскій. Южная Русь, находясь подъ владычествомъ Литвы, въ церковныхъ дѣлахъ до XV столѣтія зависѣла отъ московскаго митрополита. Князья литовскіе чувствовали всю важность этой зависимости, и Витовтъ, по смерти Кипріана, предложилъ епископамъ южной Россіи избрать особаго митрополита. Ученый болгаринъ Григорій Цамвлакъ былъ рукоположенъ соборомъ епископовъ, ибо константинопольскій патріархъ не рѣшился посвятить его. Ревностныя усилія Витовта объ избраніи особаго митрополита южной Россіи свидѣтельствуютъ, что эта духовная связь была въ глазахъ его весьма важнымъ политическимъ обстоятельствомъ. Итакъ, пребываніе митрополита въ Москвѣ двоякимъ образомъ способствовало ея возвышенію: во первыхъ, оно дѣлало ее центромъ духовныхъ сношеній, обнимавшихъ всѣ части Русской земли, и возвышало ее во мнѣніи народномъ; во-вторыхъ, оно было важно какъ орудіе великихъ князей для утвержденія ихъ могущества.

Перейдемъ теперь къ важнѣйшей и самой сложной причинѣ успѣховъ Москвы.

IV. Характеръ, политика и внѣшнія отношенія московскихъ князей со времени Даніила Александровича. Первый князь, давшій Москвѣ политическое значеніе въ системѣ сѣверныхъ русскихъ владѣній, былъ Даніилъ, сынъ Александра Невскаго. Съ его времени начинается и расширеніе московскихъ владѣній надъ прочими. Дѣйствія каждаго изъ нихъ съ этого времени были непосредственными причинами возвышенія Москвы. Даніилъ, въ княженіе Димитрія Александровича, держался стороны брата его Андрея, съ нимъ враждовавшаго. Когда же Андрей принялъ великокняжеское достоин-

---

*) По случаю несогласія Донскаго съ Борисомъ, не хотѣвшимъ уступить Нижняго-Новагорода Димитрію Константиновичу Суздальскому, который прибѣгнулъ къ покровительству великаго князя.

ство, то Даніилъ перешелъ на сторону противника его, Михаила Ярославича тверскаго, и на судѣ князей во Владимірѣ дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Вооружаясь такимъ образомъ противъ великихъ князей, Даніилъ обнаруживалъ намѣреніе сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ, а вступая въ связь съ другими князьями, утвердить свою независимость. Іоаннъ Дмитріевичъ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ наслѣдственный удѣлъ свой (Переяславль) дядѣ Даніилу. Удѣлъ этотъ былъ большимъ пріобрѣтеніемъ для Москвы: онъ былъ богатъ, населенъ, защищенъ крѣпостью. Андрей отправилъ было своихъ бояръ въ Переяславль; но Даніилъ, дѣйствуя въ духѣ независимаго владѣтеля, выгналъ ихъ оттуда. Благодаря политикѣ и дѣйствіямъ Даніила, Московское княжество перешло къ Юрію уже сильнымъ и значительнымъ. Первымъ дѣйствіемъ этого князя было завоеваніе Можайскаго удѣла въ 1303 году. На общемъ съѣздѣ того же года въ Переяславлѣ, Юрій, не смотря на милость хана Тохтымаша къ великому князю Андрею, умѣлъ удержать Переяславль за собою. Твердый волею, властолюбивый, жестокій, онъ началъ, по смерти Андрея, бѣдственный споръ съ Михаиломъ тверскимъ о великомъ княженіи и около этого же времени умертвилъ рязанскаго князя Константина, плѣненнаго Даніиломъ. Хотя это не упрочило власти его надъ Рязанью, княземъ которой сдѣлался Ярославъ, сынъ Константина, но Коломна досталась Юрію. Московское княжество еще увеличилось. Въ отсутствіе Михаила онъ умѣлъ преклонить къ себѣ Новгородъ, снова завоеванный Михаиломъ (1316).

Мысль овладѣть великокняжескимъ достоинствомъ не покидала Юрія; она заставила его жить три года въ Ордѣ, воевать съ Михаиломъ, погубить его и самому погибнуть. Іоаннъ Даниловичъ княжилъ въ Москвѣ еще при жизни Юрія и умѣлъ склонить митрополита Петра на жительство въ своемъ городѣ (1326); еще при немъ ходилъ Іоаннъ въ Орду (1322); по смерти же брата и тверскаго князя Димитрія, онъ опустошилъ Тверское княжество, сообразно съ волею хана, заслужилъ его милость, ходилъ снова въ Орду и сдѣланъ былъ великимъ княземъ. Въ его правленіе Москва получаетъ уже рѣшительный перевѣсъ надъ прочими владѣніями. Умѣя коварною политикой поддержать милость хана, Іоаннъ опирался на нее въ своихъ дѣйствіяхъ и первый началъ повелѣвать князьями. Такимъ образомъ, онъ неприсоединилъ къ Москвѣ ни одного удѣла завоеваніемъ; но въ продолженіе всего своего княженія хитростію поступковъ расширялъ его владѣнія и утверждалъ политическое первенство. Великокняжеское достоинство перестаетъ уже быть удѣломъ князей владимірскихъ: при Калитѣ Владиміръ оставался во владѣніи Александра Васильевича суздальскаго. По смерти послѣдняго, братъ и наслѣдникъ его въ Суздалѣ, долженъ былъ получить и Владиміръ; но Іоаннъ не далъ ему этого удѣла. Чѣмъ нельзя было овладѣть непосредственно, то старался онъ подчинить своему вліянію. Выдавъ дочерей своихъ, одну за князя ярославскаго, Василія Давыдовича, другую за ростовскаго князя Константина Васильевича, онъ присвоилъ всю власть въ ихъ удѣлахъ, и въ Ростовѣ имѣлъ своего уполномоченнаго. Рязанскіе князья одни сохранили свою независимость.

Въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ упоминаетъ о многихъ селахъ, купленныхъ имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ, Ростовѣ: такъ вездѣ хотѣлъ онъ распространить свое вліяніе; а изъ духовной грамоты

Донскаго видно, что Іоаннъ Даниловичъ пріобрѣлъ покупкою города: Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичъ. Такимъ образомъ, хитрая политика Іоаннова насиліемъ, коварствомъ, деньгами, утверждала первенство Москвы, подготовленное его отцемъ и братомъ; политика Калиты была одной изъ главнѣйшихъ, посредственныхъ причинъ ея возвышенія. Принявъ за основаніе духовную Іоанна Даниловича, въ которой исчислены всѣ удѣлы Московскіе, мы можемъ съ большею подробностію видѣть постепенное восхожденіе Москвы къ тому величію, въ которомъ является она при Іоаннѣ III.

Начинающіяся съ этого времени грамоты могутъ служить важнымъ матеріаломъ для изслѣдователя—важнымъ какъ по фактамъ, которые въ нихъ содержатся, такъ и по своей достовѣрности. Грамоты эти могутъ показать намъ: во-первыхъ, постепенное расширеніе московскихъ владѣній; во-вторыхъ, возрастаніе многихъ волостей и начало городовъ новыхъ; въ-третьихъ, наконецъ, отношеніе великаго князя къ московскимъ удѣльнымъ и другимъ князьямъ. Правленіе каждаго изъ князей московскихъ, отъ Калиты до Іоанна III, есть извѣстная ступень въ процессѣ возвышенія Москвы.

Іоаннъ Калита въ духовной грамотѣ своей отказываетъ сыновьямъ отчину свою Москву; старшему, Симону, даетъ Можайскъ и Коломну съ ихъ волостями; Іоанну—Звенигородъ и Рузу; Андрею—Лопастну, Серпуховъ и Перемышль. Переяславль-Залѣсскій—также принадлежалъ къ московскимъ владѣніямъ; Владиміръ находился въ непосредственной власти Іоанна; города Галичъ, Угличъ и Бѣлозерскъ также отъ него зависѣли. Это даетъ намъ приблизительное понятіе о границахъ московскихъ владѣній.

Главная внутренняя политика московскихъ великихъ князей долженствовала съ этого времени состоять въ томъ, чтобы препятствовать соединенію удѣльныхъ князей между собою, утверждать власть свою надъ ними, пользоваться первымъ случаемъ для пріобрѣтенія ихъ владѣній, удерживать характеръ первенства въ сношеніяхъ съ независимыми владѣтелями тверскимъ и рязанскимъ и не дозволять имъ связи съ Литвою. Симеонъ, получивъ отъ хана великокняжеское достоинство, заключилъ во Владимірѣ съ братьями Іоанномъ и Андреемъ договоръ, по которому послѣдніе, признавая старѣйшинство перваго, обязуются имѣть съ нимъ одну политическую систему. Въ походѣ его на Новгородъ видимъ уже съ нимъ князей суздальскихъ, князя ростовскаго и ярославскаго. Около 1351 г. онъ вступилъ въ сношенія съ Ольгердомъ и выдалъ за него свояченицу свою Юліану, дочь Александра Михайловича тверскаго. Такъ Симеонъ утвердилъ цѣлость Московскаго княжества первымъ договоромъ, упрочилъ свое вліяніе на другихъ князей и, какъ старшій и сильнѣйшій изъ нихъ, вступилъ въ сношенія съ чужеземнымъ владѣтелемъ. Кратковременное правленіе Іоанна Іоанновича ни уменьшило, ни увеличило силъ Московскаго княженія. Въ духовной его грамотѣ видимъ лишь нѣсколько волостей, непоименованныхъ въ завѣщаніи Іоанна Даниловича. По смерти Іоанна II, пользуясь малолѣтствомъ Димитрія Іоанновича, князь суздальскій захотѣлъ присвоить себѣ первенство между русскими князьями; но Дмитрій получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, и князь суздальскій не дерзнулъ идти на бой съ Москвою. Участіе Димитрія въ дѣлѣ возвышенія Москвы двоякое, равно

какъ и большей части князей Московскихъ: онъ расширялъ ея границы и утверждалъ вліяніе свое на другихъ князей; расширилъ свои владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ большій вѣсъ московскому княжеству. Князей стародубскаго и галицкаго онъ выслалъ, въ города же ихъ послалъ своихъ намѣстниковъ, а ростовскаго обязалъ къ совершенной зависимости отъ своей воли. Вліяніе на князей распространялъ Димитрій орудіемъ и политикою: вскорѣ по восшествіи на престолъ, онъ изгналъ изъ Владиміра Димитрія Константиновича, пріѣхавшаго туда съ ханскою грамотой, и позволилъ ему остаться какъ своему присяжнику. Потомъ, заключая договоръ съ двоюроднымъ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, онъ явно беретъ перевѣсъ надъ нимъ. Въ договорахъ съ князьями рязанскимъ и тверскимъ, оставляетъ имъ титулъ великихъ князей, но обязуетъ ихъ признавать себя за старѣйшаго и держаться одной съ нимъ политической системы. Принявъ сторону Димитрія суздальскаго противъ брата его Бориса, занявшаго, по смерти Андрея Константиновича, Нижній-Новгородъ, Димитрій Іоанновичъ уже повелѣваетъ Борису пріѣхать къ себѣ судиться.

До этого времени московскіе князья не говорили такимъ тономъ. Доставивъ Нижній Димитрію Константиновичу, Донской женился на дочери своего соперника и потомъ кліента. Походъ его противъ Михаила тверскаго можетъ намъ показать князей, болѣе или менѣе находившихся подъ его вліяніемъ Донскаго сопровождали: Владиміръ Андревичъ, Димитрій Константиновичъ суздальскій съ братомъ и сыномъ, князья ростовскіе, князь смоленскій, ярославскій, моложскій, бѣлозерскій, кашинскій, стародубскій и др. Помогая по смерти Димитрія Константиновича сыновьямъ его Симеону и Василію противъ дядя ихъ, Бориса городецкаго, онъ всѣхъ удержалъ въ зависимости. Назначеніе наслѣдникомъ Василія Димитріевича было важнымъ шагомъ на пути Москвы къ безусловному первенству; новый порядокъ наслѣдства упрочивалъ великокняжеское достоинство въ родѣ князей московскихъ. Вступивъ на престолъ, Василій продолжалъ начатое дѣло отца и дѣда и успѣлъ выхлопотать въ Ордѣ Нижній-Новгородъ, Городецъ, Мещеру, Тарусу, Муромъ для присоединенія къ московскимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ княжество Суздальское составило часть Московскаго. Женатый на дочери Витовта, Софіи, и находясь въ безпрестанныхъ съ нимъ сношеніяхъ, то дружелюбныхъ, то непріязненныхъ, Василій заключилъ, наконецъ, съ тестемъ миръ, по которому Угра назначена была границею между владѣніями Литвы и московскаго князя, а города Козельскъ, Перемышль, Любутскъ поступили во владѣніе къ послѣднему и были отданы Владиміру Андреевичу (1408). Смоленскъ уже находился во власти Витовта.

Изъ новгородскихъ владѣній за Василіемъ остался, кажется, Бѣжецкій Верхъ. Ростовскихъ князей отправлялъ онъ въ качествѣ намѣстниковъ въ другіе города.

Василій Темный столько же пріобрѣталъ своимъ коварствомъ, сколько терялъ слабостію: изгнавъ родъ Шемяки и двоюроднаго брата Іоанна Можайскаго, онъ увеличилъ собственныя владѣнія. Въ такомъ видѣ было Московское княжество, когда главою его сдѣлался Іоаннъ III Васильевичъ. Въ княженіе его начинается собственно государство Русское: доселѣ его не было, и то, что называютъ Россіею того времени, состояло изъ отдѣльныхъ независимыхъ владѣній, соединенныхъ однимъ языкомъ,

идти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ, ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и великій князь увѣдомилъ монголовъ о его покорности. Чиновники ихъ явились на берегахъ Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники монгольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ посадникова сына и боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что татаре и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ монгольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ во Владиміръ. Народъ поколебался: бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную волю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая монголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. Итакъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣло съ баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ орду, или чрезъ великихъ князей. Монголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностью и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. Вельможи татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ великое княженіе.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ во Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство монголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ бесерменскимъ, хозарскимъ или хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія. Сіи люди откупали у татаръ дань нашихъ княженій, брали неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей, въ случаѣ неплатежа объявляли должниковъ своими рабами и отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ: нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго монаха, который, принявъ вѣру магометанскую въ Татаріи, хвалился милостью новаго великаго хана Коблая и ругался надъ святынею христіанства; тѣло его бросили псамъ на съѣденіе.

Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: на Александра, въ глазахъ хановыхъ, падало подозрѣніе, и великій князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: монголы незадолго до того времени

требовали вспомогательнаго войска отъ Александра; онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. Александръ нашелъ хана Берку въ волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ искусства и науки, ласкалъ ученыхъ, художниковъ, украсилъ новыми зданіями свою Кипчакскую столицу и позволилъ россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять христіанское богослуженіе, такъ что митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную епархію подъ именемъ Сарской. Великій князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе бесерменовъ изъ городовъ суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ и, пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14-го ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концомъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принялъ схиму и, слыша горестный плачъ вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: „Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью!" Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда, по собственному выраженію одного изъ нихъ, гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ великаго князя, онъ въ собраніи духовенства воскликнулъ: „Солнце отечества закатилось!" Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: „Не стало Александра!" Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса, ибо Невскій казался необходимымъ для государства и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народъ въ глубокой скорби повторяли одно слово: „Погибаемъ!...." Тѣло великаго князя уже везли въ столицу: не смотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ-хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику, отечества разные благопріятные для Россіи случаи. Самые легкомысленные новгородцы, не охотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно сожалѣли о кончинѣ Александра, говоря, что „онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю Русскую". Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда Великою Архимандритіею), гдѣ покоилось до XVIII вѣка, когда государь Петръ I вздумалъ перенести сіи останки безсмертнаго князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое бытіе.

ству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ далеко превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностью для всѣхъ служить примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя", говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты государь, любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды". Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ". Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ «Богъ намъ прибѣжище и сила», первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили монголовъ, индѣ монголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ, и сказалъ Владиміру: „Теперь наше время". Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай съ высокаго кургана смотрѣлъ на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ, терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „Великъ Богъ христіанскій!" и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «Гдѣ братъ мой и перво-

начальникъ нашей славы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «Государь! Ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность небу, обнялъ Владиміра, чиновниковъ, цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровью невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостью подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе, Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій, Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысяцкаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество; а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ, такъ что легкіе наши отряды нигдѣ не могли его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцовъ въ Москву, въ Переяславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска за Оку, денно и нощно молился въ храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею на вѣки, что орда пала и не возстанетъ, что кровь христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для России и совершенно умилостивила небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Влади-

міра Андреевича *Храбрымъ*, и ставя Мамаево побоище выше Альтскаго и Невскаго. Но оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; однако оно считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, до битвы Полтавской. Оно еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея и, въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными, служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила довершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

LXVI. МЕЖДОУСОБІЯ ВЪ КНЯЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ II ТЕМНАГО.

(По «Исторіи Россіи» Соловьева).

Великокняжескій престолъ, въ силу завѣщанія Василія Димитріевича, долженъ былъ перейти и дѣйствительно перешелъ къ сыну его Василію Васильевичу. Но братъ покойнаго великаго князя, Юрій Димитріевичъ звенигородскій, отказался признать законною передачу великаго княженія племяннику. Онъ опирался на древній, все болѣе и болѣе выходившій изъ употребленія, порядокъ старшинства въ родѣ и, какъ старшій, заявилъ о правахъ своихъ. Это обстоятельство вызвало войну, во время которой всѣ преимущества, казалось, должны были быть на сторонѣ звенигородскаго князя, которому сочувствовали многіе изъ удѣльныхъ князей, и соперникомъ котораго былъ малолѣтній племянникъ. Враждебныя дѣйствія открылись походомъ московскихъ воеводъ на Кострому, походомъ, удачнымъ для Василія. Слѣдствіемъ этихъ успѣховъ было то, что Юрій заключилъ перемиріе со своимъ соперникомъ; но, отказываясь отъ утвержденія окончательнаго мира, причемъ онъ долженъ былъ бы, разумѣется, своего племянника признать великимъ княземъ, предлагалъ рѣшить дѣло не оружіемъ, а положиться на приговоръ татарскаго хана. Такимъ образомъ въ 1432 году вопросъ о правѣ на великое княженіе переходитъ въ орду, и рѣшеніе его ставится въ зависимость отъ ханскаго произвола. Имѣя многихъ вліятельныхъ мурзъ за себя и опираясь на старинные обычаи, Юрій былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Но и Василій имѣлъ за себя ловкаго ходатая въ лицѣ боярина Ивана Димитріевича Всеволжскаго, котораго и отправилъ въ орду ко времени разбирательства дѣла о престолонаслѣдіи. Всеволжскій, которому Василій обѣщалъ жениться на его дочери, въ случаѣ удачи въ ордѣ, успѣлъ въ значительной степени ослабить приверженцевъ Юрія при ханскомъ дворѣ. Когда Юрій основывалъ свои права на древнемъ родовомъ обычаѣ, доказывалъ ихъ ссылками на ложно толкуемое завѣщаніе Димитрія Донскаго и на лѣтописи, хитрый московскій бояринъ твердилъ, что Василій Васильевичъ ищетъ престола, полагаясь на милость ханскую. Хану, которому желательно было видѣть на великокняжескомъ престолѣ человѣка преданнаго и надежнаго, обязаннаго ему своимъ возвышеніемъ, а не человѣка, основывающагося на правахъ и обычаяхъ, понравилась рѣчь Всеволжскаго, и Василій получилъ ярлыкъ.

Спустя немного времени, тотъ же самый Всеволжскій сдѣлался однимъ изъ самыхъ жестокихъ враговъ Василія Васильевича и употреблялъ всѣ усилія, чтобы доставить побѣду Юрію, устраненному отъ великокняжескаго престола ханскимъ ярлыкомъ. Дѣло въ томъ, что мать Василія, Софія, дочь великаго князя литовскаго Витольда, не хотѣла, чтобы сынъ ея женился на дочери своего боярина. По ея настоянію, Василій выбралъ себѣ невѣсту княжескаго рода. Пользуясь стариннымъ правомъ отъѣзда, Всеволжскій оставилъ Москву и перешелъ на службу къ Юрію, возбуждая сего послѣдняго добиться оружіемъ того, чего нельзя было получить ханскимъ судомъ. Ко всему этому присоединилось еще оскорбленіе, нанесенное сыну Юрія, Василію Косому, на пиру у великаго князя. Князь Василій Юрьевичъ явился на пиръ въ драгоцѣнномъ поясѣ, который достался еще Димитрію Донскому въ приданое за его женою, былъ украденъ изъ казны великокняжеской и наконецъ, долго переходя изъ рукъ въ руки, очутился у Косаго. Софія, не любившая Юрьевичей, узнавъ поясъ на Косомъ, велѣла своимъ слугамъ при всѣхъ отнять у него этотъ поясъ. Косой и братъ его Димитрій Шемяка, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, немедленно выѣхали изъ Москвы и поклялись отомстить за оскорбленіе.

Въ апрѣлѣ 1433 года возгорѣлась война. Многочисленная рать Юрія одержала нѣсколько побѣдъ и принудила Василія бѣжать изъ своей столицы. Юрій вступилъ въ Москву и заставилъ москвичей присягать себѣ, какъ великому князю. Что касается до Василія, то этотъ несчастный князь былъ взятъ во время бѣгства въ плѣнъ. Юрьевичи совѣтовали отцу не выпускать плѣнника на свободу и не давать ему удѣла; но Юрій, по совѣту нѣкоторыхъ бояръ, быть можетъ разсчитывавшихъ, что дѣло Василія еще не окончательно проиграно, не рѣшился такъ поступить со своимъ побѣжденнымъ племянникомъ, а отдалъ ему Коломну. Лишь только Василій утвердился въ Коломнѣ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ стали къ нему стекаться его прежніе бояре, вынужденные необходимостью признать Юрія великимъ княземъ, но оставившіе его при первой возможности. Чувствуя непрочность своего положенія въ Москвѣ и узнавъ, что Василій Васильевичъ стоитъ во главѣ очень сильной рати, Юрій вступилъ съ нимъ въ переговоры. Онъ обязывался признать Василія великимъ княземъ, отказаться отъ прямыхъ сношеній съ ордою и не принимать къ себѣ сыновей своихъ Василія Косаго и Димитрія Шемяки.

Возвратившись въ Москву, Василій велѣлъ схватить и ослѣпить Всеволжскаго, отъѣздъ котораго считалъ измѣною. Имѣнія Всеволжскаго были взяты въ казну. Однако Василію не долго суждено было пользоваться миромъ: Юрьевичи, стоя во главѣ ополченія, набраннаго изъ галичанъ и вятчанъ, продолжали борьбу и нанесли пораженіе московскимъ воеводамъ. Успѣхъ сыновей ободрилъ и отца, который, не смотря на недавно заключенный договоръ, выступилъ въ поле. Василій не ожидалъ такого вѣроломства со стороны своего дяди; онъ не ожидалъ и того, чтобы нѣкоторые изъ князей, напримѣръ можайскій, считавшіеся друзьями его, оставили его въ критическую минуту. Все это было причиною того, что Василій вторично долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Немного спустя, скончался Юрій Васильевичъ. Сынъ его Василій Косой занялъ тогда Москву, не обращая вниманія на тотъ прин-

цинъ старшинства, за сохраненіе котораго боролся отецъ его. Но ни Шемяка, ни третій сынъ Юрія, Димитрій Красный, не хотѣли признать Косаго великимъ княземъ. Они стали сноситься съ Василіемъ, обѣщая содѣйствовать возвращенію его въ Москву, если онъ согласится на нѣкоторыя прибавки къ ихъ удѣламъ. Василій, понятно, принялъ предложеніе, и Косой, нелюбимый въ Москвѣ и лишенный помощи братьевъ, долженъ былъ оставить захваченную имъ Москву и удовольствоваться Дмитровымъ, даннымъ ему Василіемъ въ замѣнъ за Звенигородъ, который былъ присоединенъ къ Москвѣ. Косой, однако, не угомонился и возобновилъ смуту; но счастье окончательно оставило его: онъ былъ захваченъ въ плѣнъ, и ему выкололи глаза по повелѣнію Василія.

Жестокій поступокъ великаго князя съ Косымъ сильно разгнѣвалъ Шемяку. Къ тому же были и другія причины, вызывавшія негодованіе этого князя: подозрѣвая, что Шемяка находится въ тайныхъ сношеніяхъ со своимъ безпокойнымъ братомъ, Василій велѣлъ его посадить подъ стражу въ то самое время, когда онъ пріѣхалъ въ Москву звать Василія Васильевича къ себѣ на свадьбу. Хотя, послѣ окончательнаго паденія Косаго, Шемяка былъ освобожденъ и безпрепятственно вернулся въ свой удѣлъ, однако все случившееся заставило его глубоко ненавидѣть Василія и ждать удобнаго случая для мести.

Случай этотъ представился пять лѣтъ спустя. Въ 1445 году татаре сдѣлали набѣгъ на Русь. Василій выступилъ противъ нихъ. Шемяка не послалъ ему своей рати на помощь, не смотря на неоднократныя приглашенія. Битва съ татарами окончилась очень несчастливо для русскихъ: они были поражены, и самъ великій князь попалъ въ плѣнъ. Шемяка послалъ своихъ агентовъ въ орду, чтобы всякими средствами разстроить возможность примиренія татаръ съ Василіемъ и возвращенія послѣднему великокняжескаго престола. Но козни эти не имѣли успѣха, такъ какъ татаре, удовольствовавшись большимъ единовременнымъ выкупомъ и обѣщаніемъ платить аккуратно дань, сочли за лишнее вмѣшиваться въ княжескія усобицы. Вернувшійся въ Москву Василій узналъ объ интригахъ Шемяки, хотя до поры до времени не выказывалъ нерасположенія къ Шемякѣ. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній понималъ всю непрочность своего положенія; онъ предвидѣлъ, что при первомъ удобномъ случаѣ великій князь не пощадитъ его, а потому рѣшился на смѣлую мѣру. Узнавъ черезъ своихъ шпіоновъ объ отъѣздѣ Василія на богомолье въ Троицкій монастырь и сговорившись съ княземъ можайскимъ, онъ неожиданно двинулъ войско къ Троицѣ и завладѣлъ монастыремъ раньше, чѣмъ Василій могъ изготовиться къ защитѣ. Великій князь искалъ спасенія въ церкви, но здѣсь былъ взятъ и отвезенъ подъ карауломъ въ Москву, которая тоже была неожиданно для москвичей захвачена Шемякою. Тутъ Василію выкололи глаза и сослали его въ Угличъ вмѣстѣ съ женою; мать же его Софію Витовтовну отправили на Чухлому (1446). Шемяка сталъ княжить въ Москвѣ, хотя народъ былъ имъ крайне недоволенъ. Намъ неизвѣстны подробности его княженія, но оно, вѣроятно, было одно не изъ лучшихъ, такъ какъ неправедность „суда Шемякина" вошла у народа въ поговорку. Московскіе бояре втайнѣ ненавидѣли Шемяку и обсуждали средства избавленія отъ него и призванія опять Василія на престолъ. Явные сторонники Василія бѣжали въ Литву и тамъ готовились съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ похитителя.

Въ самой Москвѣ нѣкоторыя всѣми уважаемыя духовныя лица убѣждали Шемяку облегчить участь ослѣпленнаго плѣнника. Шемяка наконецъ рѣшился освободить Василія и дать ему удѣлъ. Осенью 1446 года онъ, въ сопровожденіи епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, поѣхалъ въ Угличъ, освободилъ Василія изъ заключенія, каялся предъ нимъ и просилъ у него прощенія. Василій отвѣчалъ: «И не такъ мнѣ еще надобно было пострадать за грѣхи мои и клятвопреступленіе передъ вами, старшими братьями моими, и предъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ, которое изгубилъ и еще изгубить хотѣлъ. Достоинъ былъ я и смертной казни, но ты, государь, показалъ ко мнѣ милосердіе, не погубилъ меня съ моими беззаконіями, далъ мнѣ время покаяться». Рѣчь эта, сопровождаемая слезами говорящаго, растрогала Шемяку. Онъ богато одарилъ Василія и назначилъ ему въ удѣлъ Кострому. Василій призналъ его великимъ княземъ и далъ «проклятыя грамоты» не искать великокняжескаго престола.

Но лишь только Василій прибылъ въ Кострому, Шемякѣ стало ясно, что освобожденіе соперника было съ его стороны ошибкою. Василій сталъ собирать рать. Игуменъ Кириллобѣлозерскаго монастыря освободилъ его отъ клятвы. Выходцы, проживавшіе въ Литвѣ, стали съ оружіемъ въ рукахъ возвращаться на Русь, умножая собою ряды Васильевой рати. Явились и татарскіе отряды на помощь къ Василію. Шемяка двинулся противъ главныхъ силъ Василія къ Волоку, между тѣмъ какъ бояринъ Плещеевъ, пробравшись мимо Шемякиной рати, неожиданно явился подъ Москвою и накапунѣ Рождества Христова, найдя Никольскія ворота отворенными, вступилъ въ городъ къ великой радости москвичей. Вскорѣ послѣ этого Шемяка счелъ свое дѣло проиграннымъ и просилъ, вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, княземъ можайскимъ, мира. Василій согласился и, наказавъ противниковъ отнятіемъ у нихъ нѣкоторыхъ областей, вернулся въ Москву (1447).

Безпокойный Шемяка не угомонился и послѣ этого. Три года спустя, онъ опять своими крамолами навлекъ на себя гнѣвъ Василія. Но на этотъ разъ происшедшая борьба между двумя соперниками была послѣдней. Великокняжеская рать наносила Шемякѣ одно пораженіе за другимъ, и когда, наконецъ, послѣдній оплотъ Шемяки, Галичъ, сдался Василію, то Шемяка искалъ спасенія въ бѣгствѣ и остальную часть жизни провелъ въ скитальчествѣ. Онъ умеръ въ Новгородѣ въ 1453 году. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1454 году, Иванъ можайскій, союзникъ Шемяки, принужденъ былъ бѣжать въ Литву, а удѣлъ его присоединенъ былъ къ Москвѣ. Два года спустя и серпуховскаго князя „за нѣкую крамолу“ постигла подобная же участь.

LXVII. СЛѢДСТВІЯ МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

(Изъ «Русской исторіи» Устрялова).

При твердомъ намѣреніи потомковъ Калиты свергнуть иго, при очевидномъ превосходствѣ русскихъ надъ монголами въ успѣхахъ жизни гражданской, при явномъ изнеможеніи орды, рабство наше не могло быть продолжительно: оно приближалось къ концу, но слѣды его уже обнаружились.

Монголы оставили глубокіе слѣды въ нашемъ отечествѣ. Вліяніе ихъ на судьбу Руси наиболѣе замѣтно въ ходѣ самыхъ событій, въ раздробленіи Русской земли на двѣ части: на московскую и литовскую, въ перевѣсѣ князя московскаго надъ удѣльными. Это, однакожъ, не главное и притомъ едва-ли прямое слѣдствіе нашего рабства: правда, поддерживая домъ Іоанна Калиты, ханы сильно потрясли удѣльную систему и приготовили для Руси единодержавіе; но, соображая исторію свою до монголовъ, мы въ правѣ сказать, что и безъ нихъ удѣльная система, при новыхъ, лучшихъ понятіяхъ о правахъ верховной власти, рушилась бы такъ точно, какъ пала феодальная въ западной Европѣ, гдѣ зло вкоренилось еще глубже. Притомъ же ханы не всегда покровительствовали князьямъ московскимъ: со временъ Димитрія Донскаго они неоднократно покушались исторгнуть у нихъ первенство, отдавая великокняжескій престолъ князьямъ тверскимъ, нижегородскимъ, рязанскимъ. Монгольская печать глубоко врѣзалась въ многообразныхъ формахъ жизни общественной или внутреннемъ устройствѣ и въ характерѣ народномъ. Съ перваго взгляда кажется, что вліяніе монголовъ на гражданственность русскаго народа не могло быть значительно: они вели жизнь кочевую, далеко уступали намъ въ развитіи ума, не могли передать намъ никакихъ идей гражданскихъ, управляли нашими предками издали, не смѣшиваясь съ ними; наконецъ мы видѣли въ нихъ злодѣевъ, нехристей и все *татарское* считали поганнымъ. При всемъ томъ они властвовали надъ Русью долго, болѣе двухъ вѣковъ: вліяніе было неминуемо.

Для объясненія слѣдствій нашего ига необходимо сравнить, въ главныхъ условіяхъ жизни общественной, Русь XIII вѣка съ Русью XV вѣка, чтобы видѣть, какія перемѣны произошли въ государственномъ организмѣ. Главные предметы, на кои должно обратить вниманіе, суть: 1) право верховной власти; 2) сословія народныя; 3) государственное управленіе въ отношеніи къ сбору податей, суду и расправѣ; 4) дѣло ратное; 5) языкъ; 6) вѣра.

До монголовъ верховная власть надъ Русскою землею принадлежала всему роду Владиміра Св., раздѣленному на многія отрасли. Каждый потомокъ его имѣлъ право на удѣлъ и въ своемъ участкѣ былъ государь неограниченный: производилъ судъ и расправу, воевалъ и мирился по произволу, собиралъ подати, оставлялъ свой удѣлъ въ наслѣдство дѣтямъ. Каждый владѣтель довольствовался простымъ титуломъ князя, исключая старшихъ въ родѣ, кои назывались великими князьями, вступалъ на свой столъ безъ пышныхъ обрядовъ, имѣлъ немногочисленную дружину или дворъ, самъ собиралъ подати, самъ производилъ судъ и расправу и распоряжался дѣлами ратными на полѣ брани.

При монголахъ, въ концѣ ихъ владычества, верховная власть надъ Русскою землею сосредоточивалась въ немногихъ поколѣніяхъ и притомъ такъ, что только одно лицо давало направленіе общимъ дѣламъ государственнымъ; безъ согласія его князья удѣльные не могли ни воевать, ни мириться; иначе подвергались опасности потерять свои удѣлы. Верховный князь носилъ титулъ великаго князя всея Руси: принималъ свое достоинство торжественно въ соборномъ храмѣ владимірскомъ; прочіе потомки Владиміра Св. удержали названіе князей, но, исключая двухъ или трехъ не изъ дома Іоанна Калиты, утратили всѣ права удѣльныя и вошли въ разрядъ подданныхъ. Столь важная перемѣна въ понятіяхъ

о верховной власти была слѣдствіемъ мудрой политики государей московскихъ, коимъ много, однакожь, содѣйствовали монголы.

Менѣе перемѣнъ замѣтно въ состояніи народа, въ раздѣленіи его на сословія, въ кругѣ его обязанностей и въ отношеніяхъ къ верховной власти. Сословія народныя по-прежнему были высшее, среднее и низшее. Къ первому относились *мужи княжіе*, или тѣ особы, которыя составляли княжескій совѣтъ и занимали почетныя мѣста въ управленіи. Они имѣли званія бояръ, первостепенныхъ сановниковъ, воеводъ, предводителей войска, намѣстниковъ, областныхъ правителей и тіуновъ или судей. Къ среднему классу принадлежали владѣльцы поземельные, подъ именемъ дѣтей боярскихъ, люди городскіе, граждане, гости; они имѣли свою собственность недвижимую. Въ низшемъ классѣ состояли черные люди и смерды (крестьяне), не имѣвшіе ни земли, ни собственныхъ домовъ, однакожъ лично свободные; наконецъ холопы, крѣпостные люди: это были плѣнники или несостоятельные должники, давшіе на себя кабалу. Всѣ вообще вполнѣ зависѣли отъ своего государя и были обязаны ему безотчетнымъ повиновеніемъ. Одни бояре могли переходить отъ князя къ князю, но въ такомъ случаѣ теряли помѣстья. Монголы не имѣли прямаго вліянія на развитіе гражданскихъ понятій нашихъ, ибо не могли передать намъ ничего новаго. Замѣтно однакожь, что при нихъ власть князей въ отношеніи къ подданнымъ усилилась болѣе прежняго: до монголовъ неоднократно встрѣчаются вѣча или народныя собранія въ Ростовѣ, Владимірѣ, Кіевѣ; при монголахъ вѣча вездѣ замолкли, исключая Новгородъ и Псковъ. Все стало покорствовать безъ всякаго условія великому князю: въ немъ одномъ видѣли избавителя отъ тяжкаго рабства; ему готовы были жертвовать и имуществомъ, и жизнью.

Прямое, непосредственное вліяніе ига обнаружилось въ государственномъ управленіи относительно двухъ главныхъ предметовъ — сбора податей и суда. До монголовъ финансовая система наша имѣла самыя простыя основанія: внутреннее устройство не требовало отъ государя значительныхъ издержекъ, заведеній общественныхъ не было, судьи получали пошлины съ вершенныхъ дѣлъ, люди ратные содержали себя сами, въ награду за усердіе или за отличные подвиги князь раздавалъ добычу, земли, а чаще всего угощалъ своихъ сподвижниковъ роскошными пирами. Государственные расходы ограничивались издержками на содержаніе князя, его семейства и двора. Для покрытія ихъ онъ имѣлъ свои княжескія села, съ которыхъ получалъ доходы естественными произведеніями, подобно всѣмъ поземельнымъ владѣльцамъ; имѣлъ свои заповѣдные лѣса, рыбныя ловли; сверхъ того, въ извѣстное время года объѣзжалъ свой удѣлъ и собиралъ дань натурою, по мѣрѣ возможности, и едва ли въ опредѣленномъ количествѣ, хлѣбомъ, медомъ, воскомъ, живностью; наконецъ съ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ обвиненный платилъ виру или пеню въ казну княжескую. При такой ограниченности государственныхъ расходовъ, владѣльцы поземельные и люди житые жертвовали князю только избыткомъ своего достоянія; промышленность сельская и городская имѣла путь свободный, не встрѣчая заставъ между отдѣльными княжествами; наконецъ не было должной необходимости въ звонкой монетѣ: предки наши знали цѣну серебра и золота, охотно брали то и другое отъ грековъ и нѣмцевъ для удобнѣйшей покупки чужеземныхъ товаровъ; но въ домашнемъ быту не встрѣчали въ дорогихъ ме-

таллахъ особенной надобности, и обыкновенно ходячею монетою была мягкая рухлядь, подъ названіемъ кунъ, бѣлокъ и проч.

Монголы ввели новую, дотолѣ неизвѣстную намъ финансовую систему: покоривъ Русь и всѣми силами удерживая надъ нею господство, преимущественно изъ корысти, они требовали съ насъ дани. Сборъ дани въ первые годы нашего рабства былъ ничто иное, какъ грабежъ. Ханы присылали своихъ баскаковъ съ войскомъ брать все, что можно было взять, или отдавали русскія княжества въ откупъ хивинцамъ, бухарцамъ, армянамъ, жидамъ, которые также приходили съ вооруженными отрядами и собирали десятину поголовно. Впослѣдствіи, когда иго смягчилось, въ XIV столѣтіи князья московскіе приняли на себя доставлять ханамъ ордынскій выходъ. Количество его опредѣлительно неизвѣстно: Димитрій Донской вносилъ 5,000 руб. тогдашнихъ на свою долю; прочіе князья по соразмѣрности. Надлежало изыскивать всѣ средства къ удовлетворенію корыстолюбія орды: кромѣ выхода, князья московскіе должны были доставлять ханамъ, женамъ ихъ, мурзамъ, богатые подарки и притомъ гораздо болѣе другихъ князей, своихъ соперниковъ, ибо только дарами они могли поддержать свое право на первенство. Для покрытія столь тягостной повинности введены были разнообразные налоги, отчасти съ татарскими названіями: со всѣхъ произведеній сельской и городской промышленности взималась пошлина въ разныхъ видахъ, за провозъ, за складку, за мѣру, за вѣсъ, за куплю, за продажу; съ дровъ, лавокъ, съ земли, съ рыбныхъ ловель, съ мельницъ, со всего собирали подать. Однимъ словомъ, русскій не могъ ни купить, ни продать самаго ничтожнаго предмета промышленности безъ явки и безъ пошлины; для этой цѣли учреждены были заставы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ, при всѣхъ перевозахъ; ихъ отдавали обыкновенно на откупъ. Металлическая монета, подъ татарскимъ названіемъ деньги и алтына, нерѣдко съ татарскимъ клеймомъ, замѣнила прежнюю мѣру произведеній.

Легко вообразить, какъ много затрудняли эти налоги развитіе промышленности внутренней и внѣшней: въ самомъ дѣлѣ, она какъ будто онѣмѣла. Кромѣ частаго опустошенія городовъ и селъ монголами, самая безнадежность пользоваться плодами трудолюбія отнимала руки у земледѣльцевъ и у городскихъ промышленниковъ. Даже великіе князья (напр. Іоаннъ Калита) были бѣднѣе нынѣшнихъ зажиточныхъ дворянъ. Одинъ Новгородъ постоянно расширялъ кругъ своей торговой дѣятельности: отдаленный отъ монголовъ, безопасный отъ ихъ вторженій, онъ находился въ тѣсной связи съ нѣмецкими землями, былъ вторымъ въ числѣ городовъ, составлявшихъ Ганзу, получалъ отъ нея товары европейскіе, передавалъ ей произведенія востока и славился своими богатствами. Примѣру его слѣдовалъ отчасти и Псковъ. Но цвѣтущее состояніе этихъ городовъ не могло оживить внутреннія области нашего отечества, гдѣ народъ, обремененный налогами, страдалъ въ бѣдности, а города знаменитые, Кіевъ, Черниговъ, лежали въ развалинахъ.

Тягость налога, падавшаго на среднія и низшія сословія, влекла за собою не менѣе пагубныя слѣдствія въ другомъ отношеніи: народъ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы облегчить злополучную участь; унижаясь предъ откупщиками, обманывая ихъ, привыкая къ разнымъ уловкамъ, свойственнымъ человѣку, угнетенному неволею, онъ утратилъ прежнюю благородную гордость и познакомился со многими пороками. Новый порядокъ суда и расправы былъ неизбѣженъ.

До монголовъ за самыя важныя преступленія виновный платилъ только своимъ имуществомъ, внося опредѣленную закономъ пеню; обвиняемый же въ преступленіи недоказанномъ былъ судимъ, смотря по уликамъ или по свидѣтельству постороннихъ лицъ, и нерѣдко могъ оправдать себя присягою или судебнымъ поединкомъ. Тѣлесное наказаніе не было терпимо ни въ какомъ случаѣ. Выраженіе: «да будетъ мнѣ стыдно», служило порукою въ ненарушимости самыхъ священныхъ обязательствъ. Монголы ввели свою расправу: требуя дани, они выводили должниковъ на правежъ, сѣкли кнутомъ, пытали, казнили смертью, чтобы страхомъ муки получить то, чего хотѣли. Правда, они не вмѣшивались въ судъ гражданскій; но какъ, съ одной стороны, при тяжкомъ наказаніи должниковъ, уголовные преступники не могли ожидать лучшей доли, съ другой же стороны, нравы народные загрубѣли, и денежная пеня стала возмездіемъ недостаточнымъ: то расправа татарская мало-по-малу введена была и въ дѣлахъ гражданскихъ. Со времени Донскаго уголовныхъ преступниковъ казнили уже смертью. Правежъ, кнутъ, пытка оставались долго памятниками владычества монголовъ, доколѣ успѣхи образованности не смягчили нравовъ.

Наконецъ въ дѣлѣ ратномъ замѣтна также значительная перемѣна. Въ древнихъ походахъ на грековъ, печенѣговъ, половцевъ, въ междоусобныхъ распряхъ, война постоянно была дѣломъ княжескихъ дружинъ: каждый князь имѣлъ свою. Она состояла изъ бояръ, отроковъ, мечниковъ. Съ нею обыкновенно совѣтовался князь о дѣлахъ общественныхъ, чрезъ нее производилъ судъ и расправу; она же была и главнымъ войскомъ его. Отправляясь въ походъ, князь вооружалъ свою дружину топорами, саблями, мечами, стрѣлами, копьями, и, присоединивъ къ ней на время нужное число воевъ или ратниковъ изъ своихъ слугъ, иногда изъ купцовъ и градскихъ обывателей, рѣдко изъ земледѣльцевъ, составлялъ полкъ, раздѣлявшійся на стрѣлковъ и копѣйщиковъ. Главный воевода полка именовался тысяцкимъ; впрочемъ, рѣдкій князь не самъ предводительствовалъ своею ратью. При звукѣ трубъ вои собирались около княжескаго стяга или знамени и выступали въ походъ; за ними везли оружіе, которое воины разбирали предъ началомъ самой битвы. Впереди сторожа развѣдывали путь, добывали языковъ, искали сакму или слѣдъ непріятелей, стараясь узнать по оному о числѣ ихъ и направленіи. Встрѣтясь съ врагами въ полѣ, союзные князья держали совѣтъ и устраивали полки: каждый занималъ опредѣленное мѣсто. Отрядъ стрѣлковъ начиналъ битву, пуская тучу стрѣлъ; потомъ вступали въ рукопашный бой: иногда хватались за руки и сѣклись мечами. Князь обыкновенно былъ впереди, съ копьемъ или топоромъ въ рукѣ, ободряя воиновъ словами и еще болѣе собственнымъ примѣромъ. Войско малочисленное ограждало себя осѣкомъ или тыномъ изъ кольевъ съ насыпью. Участь битвы обыкновенно зависѣла отъ смѣтливости князей: обыкновенно одерживалъ побѣду тотъ, кто успѣвалъ зайдти врагу въ тылъ и разстроить его нечаяннымъ ударомъ. Веселый пиръ и добыча были наградою побѣдоносной дружинѣ.

Подъ владычествомъ монголовъ военное искусство наше, не измѣняясь въ основѣ, въ общей идеѣ, мало-по-малу получило особенный характеръ, отпечатокъ времени и обстоятельствъ. Главное войско состояло попрежнему въ княжеской дружинѣ или во дворѣ; однако часто дол-

женъ былъ вооружаться и весь народъ. Сверхъ того, при постоянномъ изнеможеніи, мы отвыкли встрѣчать враговъ въ открытомъ полѣ и болѣе любили воевать подъ защитою крѣпостей. Поголовное ополченіе и оборонительная война суть двѣ отличительныя черты ратнаго дѣла нашего при монголахъ. Прибавимъ и третью: норманны-язычники ободряли себя въ битвахъ мыслію объ Одинѣ, о наслажденіяхъ въ Валгаллѣ; руссы-христіане въ походахъ половецкихъ призывали на помощь пресвятую Богородицу, въ распряхъ междоусобныхъ мечтали о славѣ; при татарахъ умирали съ единственною мыслью о терновомъ вѣнцѣ Христовомъ. Въ устройствѣ ратей, въ раздѣленіи и отчасти въ вооруженіи войскъ, въ самомъ образѣ войны мы встрѣчаемъ многое, чего не видимъ въ древней Руси, и что могло быть заимствовано отъ монголовъ. По примѣру ихъ мы раздѣляли свои рати на десятки, сотни и тысячи; движеніями ихъ управляли два или три воеводы, изъ которыхъ одинъ былъ старшимъ; главное же—мы дѣйствовали исключительно конницею и притомъ вооружали весь народъ, такъ что когда во всей Европѣ болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости войскъ постоянныхъ, мы, уже чуждые Европѣ, вступили въ сферу азіатскихъ народовъ, перенимали ратное дѣло у своихъ властителей; мало думали объ искусствѣ и славѣ, желали только сокрушить враговъ массою силъ и опустошить въ конецъ непріятельскую землю.

На языкъ и церковь монголы не имѣли прямаго вліянія, исключая немногія слова, означавшія нѣкоторые, неизвѣстные намъ до нихъ, предметы. Языкъ русскій не принялъ никакихъ формъ татарскихъ, сохранилъ свою чистоту, свою стройность и попрежнему служилъ единственнымъ средствомъ къ выраженію мыслей для всѣхъ сословій свѣтскихъ и духовныхъ, во всѣхъ случаяхъ жизни общественной и домашней. Несчастныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Русь подъ игомъ монголовъ, не могли благопріятствовать успѣхамъ нашей словесности.

Монголы содѣйствовали развитію религіозныхъ понятій. Одна только вѣра, надежда на Бога, могла облегчить страданія народныя. Умы приняли религіозное направленіе, возникли многіе монастыри, впослѣдствіи знаменитые; московскіе митрополиты стали дѣятельно участвовать въ дѣлахъ государственныхъ, поддерживали самодержавіе и, не взирая на дарованныя ханами льготы, благословляли князей и народъ на борьбу съ злодѣями земли Русской. Это религіозное направленіе однакожь не было фанатизмомъ: всегда благоразумные въ дѣлахъ вѣры, предки наши чуждались только нововведеній, крѣпко держались старины. И догматы, и обряды церкви остались неприкосновенными.

Такимъ образомъ, давъ иное направленіе почти всѣмъ условіямъ жизни общественной, монголы не измѣнили того, что служитъ залогомъ самобытности народной,—ни языка, ни вѣры.

LXVIII. ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ ІОАННА III.

(Изъ «Исторія государства Россійскаго» Карамзина).

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохваль-

ныя усилія князей московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества; но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростью умнаго слуги ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостью, и, бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ удѣловъ подвергнулъ великое княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знатнѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царьграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростью возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между нами и Европою, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Внутри государства онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть передъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостью, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ все-

народно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ-бы земнымъ Богомъ для россіянъ, которые съ сего времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностью волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, Іоанну Васильевичу, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостью. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти ко трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться. Уже замѣтивъ строгость Іоаннову, прибавимъ, что самые знатные чиновники, свѣтскіе и духовные, лишаемые сана за преступленія, не освобождались отъ ужасной торговой казни: такъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнутомъ Ухтомскаго князя, дворянина Хомутова и бывшаго архимандрита Чудовскаго за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершаго брата Іоаннова.

Исторія не есть похвальное слово и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ, какъ государь, на вышней степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ-бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Іоаннъ оставилъ государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовью и гордостью именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе монголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ, въ 1480 году, заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестаго-на десять вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ.

Онъ умножилъ государственные доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираніи дани, расписавъ земледѣльцевъ на сохи и каждаго обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ хозяйственныхъ произведеній и деньгами, что записывалось въ особенныя книги.

Торговля также обогощала казну болѣе прежняго. Россія сдѣлалась извнѣ независимою, внутри спокойною. Государь любилъ пышность, дотолѣ неизвѣстную, и купцы наши вмѣстѣ съ иноземными стремились удовлетворять новымъ потребностямъ Москвы, гдѣ находилось для нихъ нѣсколько гостиныхъ казенныхъ дворовъ и гдѣ собиралась пошлина съ товаровъ и съ лавокъ.

Сей монархъ, оружіемъ и политикою возвеличивъ Россію, старался, подобно Ярославу I, утвердить ея внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, въ коихъ она имѣла необходимую нужду, бывъ долгое время жертвою разновластія и безпорядка. Въ 1497 году Іоаннъ велѣлъ дьяку Владиміру Гусеву собрать всѣ наши древнія судныя грамоты, разсмотрѣлъ, исправилъ и выдалъ собственное уложеніе, писанное весьма ясно, основательно.

LXIX. Софія Палеологъ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Іоаннъ III еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, при жизни отцовской, по обстоятельствамъ политическимъ, женился на Маріи Борисовнѣ, дочери великаго князя тверскаго. Іоаннъ не долго жилъ съ нею: въ 1467 г. Марія скончалась; начали толковать, что княгиня была отравлена, дознались, что одна изъ женщинъ ея, Наталья, жена Алексѣя Полуехтова, посылала поясъ къ ворожеѣ; великій князь разсердился и на мужа, и на жену, и шесть лѣтъ потомъ не пускалъ Полуехтова къ себѣ на глаза. Отъ этой первой жены Іоаннъ имѣлъ сына, именемъ также Іоанна, для отличія называемаго Молодымъ, котораго, по примѣру отцовскому, назвалъ великимъ княземъ, чтобы отнять у братьевъ предлогъ къ предъявленію старыхъ правъ старшинства предъ племянникомъ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ по смерти Маріи, какъ началось знаменитое сватовство великаго князя на царевнѣ греческой. Послѣ паденія Византіи, братъ павшаго на ея стѣнахъ императора Константина, Ѳома Палеологъ нашелъ съ семействомъ убѣжище въ Римѣ; послѣ него осталось здѣсь двое сыновей и дочь Софія; эту дочь папа Павелъ II, чрезъ извѣстнаго кардинала Виссаріона, одного изъ греческихъ митрополитовъ, подписавшихъ Флорентійское соединеніе, и предложилъ въ супружество московскому великому князю, безъ сомнѣнія, желая воспользоваться случаемъ завязать сношенія съ Москвою и утвердить здѣсь свою власть посредствомъ Софіи, которую, по самому воспитанію ея, не могъ подозрѣвать въ отчужденіи отъ католицизма. Въ февралѣ, 1469 года, грекъ Юрій пріѣхалъ къ великому князю съ письмомъ отъ Виссаріона, въ которомъ кардиналъ предлагалъ Іоанну руку греческой царевны, отказавшей будто бы изъ преданности къ отцовской вѣрѣ двумъ женихамъ, королю французскому и герцогу медіоланскому. Великій князь взялъ эти слова въ мысль, говоритъ лѣтописецъ, и, подумавши съ митрополитомъ, матерью, боярами, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ отправилъ въ Римъ своего посла, выѣзжаго италіанца, монетнаго мастера, Ивана Фрязина. Фрязинъ возвратился съ портретомъ царевны и съ пропускными (опасными) грамотами отъ папы для проѣзда пословъ московскихъ съ Софьею по всѣмъ землямъ като-

лическимъ. Тотъ же Фрязинъ отправился опять въ Римъ представлять лице жениха при обрученіи. Папѣ хотѣлось выдать Софію за московскаго князя, возстановить флорентійское соединеніе, пріобрѣсть могущественнаго союзника противъ страшныхъ турокъ, и потому ему легко и пріятно было вѣрить всему, что ни говорилъ посолъ московскій; а Фрязинъ, отказавшійся отъ латинства въ Москвѣ, но равнодушный къ различію исповѣданій, разсказывалъ то, чего не было, обѣщалъ то, чего быть не могло, лишь бы только уладить поскорѣе дѣло, желанное и въ Москвѣ не менѣе, чѣмъ въ Римѣ.

Дѣло уладилось: въ іюнѣ 1482 года Софія выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антонія и многихъ грековъ, а 1-го октября пригналъ во Псковъ гонцемъ Николай Ляхъ, отъ моря изъ Ревеля, и объявилъ на вѣчѣ: «Царевна переѣхала море, ѣдетъ въ Москву, дочь Ѳомы, князя морійскаго, племянница Константина, царя цареградскаго, внука Іоанна Палеолога, зятя великаго князя Василія Димитріевича, зовутъ ее Софія, она будетъ вамъ государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, и вы бы ее встрѣтили, да приняли честью». Объявивъ это псковичамъ, гонецъ въ тотъ же день поскакалъ къ Новгороду Великому, а оттуда въ Москву. Псковичи тотчасъ начали медъ сытить и кормъ сбирать; посадники и бояре изъ купцовъ отправились на встрѣчу къ царевнѣ въ Изборскъ, жили уже здѣсь цѣлую недѣлю, какъ пріѣхалъ изъ Дерпта гонецъ съ приказомъ, чтобы ѣхали встрѣчать ее на нѣмецкій берегъ; въ шести насадахъ и со множествомъ лодокъ поѣхали посадники и бояре, и встрѣтили Софію на устьѣ Эмбаха, вышли изъ судовъ и, наливши кубки и позолоченные рога виномъ и медомъ, били ей челомъ; она приняла это отъ нихъ въ честь и любовь великую и объявила, что сейчасъ же хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобы поскорѣе покинуть нѣмцевъ; посадникъ принялъ ее, всѣхъ пріятелей ея и казну въ свои насады, и поплыли въ русскому берегу. Передъ Псковомъ была ей также честь большая: вышли къ ней на встрѣчу священники съ крестами и посадники; принявши благословеніе отъ священниковъ, челобитье отъ посадниковъ и всего Пскова, Софія пошла въ Троицкій соборъ съ пріятелями своими; былъ съ нею, говоритъ лѣтописецъ, и владыка свой (кардиналъ), не по нашему обычаю одѣтый весь въ красное, въ перчаткахъ, которыхъ никогда не снимаетъ и благословляетъ въ нихъ, и несутъ передъ нимъ распятіе литое, высоко взоткнутое на древкѣ, къ иконамъ не подходитъ и не крестится, въ Троицкомъ соборѣ приложился только къ Пречистой, и то по приказанію царевны. Изъ Троицкаго собора царевна пошла на княжій дворъ, гдѣ опять посадники, бояре и весь Псковъ подчивали ее виномъ, медомъ, всякими кушаньями, и всѣхъ пріятелей ея и слугъ, кормили и коней; потомъ всѣ посадники, бояре и купцы дарили ее, чѣмъ кто могъ, а отъ всего Пскова поднесли 50 р. деньгами, да Ивану Фрязину дали 10 рублей. Царевна, видя такую почесть, сказала посадникамъ, боярамъ и всему Пскову; «Теперь хочу ѣхать въ дорогу къ моему и вашему государю въ Москву, и на вашемъ почетномъ пріемѣ, на вашемъ хлѣбѣ, винѣ и меду кланяюсь; когда, Богъ дастъ, буду въ Москвѣ, и когда вамъ будетъ тамъ какая нужда, то буду усердно стараться за васъ». Сказавши это, поклонилась посадникамъ и всему Пскову, сѣла въ повозку и выѣхала изъ города; посадники и бояре съ виномъ, медомъ и хлѣбомъ провожали ее до новгородскаго ру-

бежа. Въ Новгородѣ была оказана ей такая же честь въ пріемѣ и въ дарахъ.

Софія подъѣзжала къ Москвѣ, а здѣсь, между тѣмъ, шло совѣщаніе: думалъ князь великій съ матерью, боярами и братьями, какъ сдѣлать? Вездѣ, гдѣ ни останавливалась до сихъ поръ Софія, папскій посолъ, кардиналъ Антоній, шелъ передъ нею, а впереди несли крестъ латинскій. Одни на совѣтѣ говорили, что ничего, можно позволить это и въ Москвѣ; другіе же возражали, что никогда этого не бывало въ нашей землѣ, чтобы латинской вѣрѣ почесть оказывали; сдѣлалъ это одинъ разъ Исидоръ, но за то онъ и погибъ. Великій князь послалъ спросить митрополита Филиппа; тотъ отвѣчалъ: «Нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣхать близко; если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города; неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался». Тогда великій князь послалъ боярина отобрать у легата крестъ и спрятать его въ саняхъ. Антоній сначала было воспротивился, но потомъ скоро уступилъ; больше противился московскій посолъ, Иванъ Фрязинъ, денежникъ: хотѣлось ему оказать честь папѣ, послу его и всей землѣ ихъ, потому что ему самому оказали тамъ большую почесть; будучи въ Римѣ, онъ исполнялъ всѣ латинскіе обычаи, скрывши, что принялъ въ Москвѣ православную вѣру. 12 ноября 1472 года въѣхала Софія въ Москву и въ тотъ же день обвѣнчана была съ Іоанномъ, а на другой день легатъ правилъ посольство и поднесъ дары отъ папы. Разумѣется, кардиналъ долженъ былъ немедленно же обратиться къ дѣлу, за которымъ собственно пріѣхалъ, къ дѣлу о соединеніи церквей; но скоро онъ испугался, говоритъ лѣтописецъ, потому что митрополитъ выставилъ противъ него на споръ книжника Никиту Поповича. Иное спросивши у Никиты, самъ митрополитъ говорилъ легату, о другомъ заставлялъ спорить Никиту; кардиналъ не нашелъ, что отвѣчать, и кончилъ споръ, сказавши: «Нѣтъ книгъ со мною!» Такъ неудачно кончилась попытка римскаго двора возстановить флорентійское соединеніе посредствомъ брака князя московскаго на Софіи Палеологъ. Но бракъ этотъ имѣлъ другія важныя слѣдствія.

До сихъ поръ главною заботою московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы, прибытки; вмѣсто вождей дружины, какими князья являлись на югѣ, мы видимъ на сѣверѣ князей-собственниковъ, хозяевъ. Такъ, всѣ отношенія, отношенія духовенства, дружины, остальнаго народонаселенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія: въ половинѣ XV вѣка все уже было приготовлено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя преданія, обычаи, пріемы, отъ которыхъ нужно было освободиться. Великій князь московскій на дѣлѣ былъ сильнѣйшимъ изъ князей сѣверной Руси, которому никто не могъ противиться; но онъ продолжалъ еще носить названіе великаго князя, что означало только старшаго въ родѣ княжескомъ; онъ еще недавно клапялся въ ордѣ не только хану, но и вельможамъ его; князья родичи еще не переставали требовать родственнаго, равнаго обхожденія; члены дружины еще сохраняли старое право отъѣзда, а это отсутствіе прочности въ служебныхъ отношеніяхъ, хотя на дѣлѣ и пришедши къ

концу, давало имъ поводъ думать о старинѣ, когда дружинникъ, при первомъ неудовольствіи, отъѣзжалъ отъ одного князя къ другому и считалъ себя въ правѣ знать всѣ думы княжескія; при дворѣ московскомъ явилась толпа служилыхъ князей, которые не забыли о своемъ происхожденіи отъ одного родоначальника съ московскимъ великимъ княземъ и выдѣлялись изъ дружины московской, становясь выше ея, слѣдовательно, имѣя еще болѣе притязаній; церковь, содѣйствуя московскимъ князьямъ въ утвержденіи единовластія, давно уже старалась дать имъ высшее значеніе относительно другихъ князей; но для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли нужна была помощь преданій имперіи: эти то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ. Современники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ императора византійскаго, явился грознымъ государемъ на московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго, потому что явился для князей и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина, должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ; по первому мановенію грознаго Іоанна головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ. Современники и ближайшіе потомки приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельства. Князь Курбскій, защитникъ старины, старыхъ правъ княжескихъ и боярскихъ, говоритъ, что перемѣна въ поведеніи князей московскихъ произошла отъ внушенія женъ иноплеменныхъ, и сильно вооружается противъ Софіи, хотя, съ другой стороны, указываетъ начало вражды въ поведеніи предковъ Іоанновыхъ относительно другихъ слабѣйшихъ князей.

Но, кромѣ Курбскаго, до насъ дошелъ еще другой боярскій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софіею. Уже въ княженіе сына ея Василія опальный Берсень такъ говорилъ Максиму греку: „Какъ пришли сюда греки, такъ наша земля и замѣшалась; а до тѣхъ поръ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софія, съ вашими греками, такъ наша земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царяхъ». Максимъ замѣтилъ на это: «Господинъ! Мать великаго князя, великая княгиня Софія, съ обѣихъ сторонъ была рода великаго: по отцѣ царскаго рода константинопольскаго, а по матери происходила отъ великаго герцога феррарскаго Италійской страны». Берсень отвѣчалъ: «Господинъ! Какова бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля недолго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи великій князь перемѣнилъ; такъ какого добра отъ насъ ждать?» Въ чемъ же, по мнѣнію Берсеня, состояла эта перестановка обычаевъ? «Лучше, говоритъ онъ, старыхъ обычаевъ держаться, и людей жаловать, и старыхъ почитать; а теперь государь нашъ, запершись самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ». И такъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что великій князь, отстранивъ прежнее вліяніе дружины, началъ думать особо свою думу, съ кѣмъ хотѣлъ, и теперь уже дружина не могла сказать ему по прежнему: «ты, князь, самъ собою это замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобой, мы объ этомъ ничего не знали»; не смѣла она сказать

теперь этого, потому что московскіе князья уничтожили отдѣльныя волости, и боярамъ некуда уже стало болѣе отъѣзжать. Но не одни недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельства о важномъ вліяніи Софіи на перестановку обычаевъ въ Русской землѣ; есть свидѣтельства болѣе безпристрастныя: Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіи сына Софіи, говоритъ о ней: „Это была женщина необыкновенно хитрая; по ея внушенію, великій князь сдѣлалъ многое". Наконецъ, лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря, напримѣръ, что, по внушеніямъ Софіи, Іоаннъ окончательно разорвалъ съ ордою.

26 марта 1470 года родился у Софіи первый сынъ Василій-Гавріилъ; въ 1490 году старшій сынъ Іоанновъ, молодой великій князь Іоаннъ, разболѣлся ломотою въ ногахъ. Въ это время былъ въ Москвѣ лекарь, мистръ Леонъ, жидъ вызванный русскими послами изъ Венеціи; Леонъ объявилъ отцу больнаго: «вылечу сына твоего, а не вылечу, вели меня казнить смертною казнью». Великій князь велѣлъ лечить; Леонъ сталъ давать больному лекарства внутрь, а къ тѣлу прикладывать стклянки съ горячею водою; но отъ этого леченія Іоанну стало хуже, и онъ умеръ 32-хъ лѣтъ. Старый великій князь велѣлъ схватить лекаря, и, какъ минуло покойнику сорокъ дней, Леона казнили смертью. Эти подробности важны для насъ, потому что люди, недовольные Іоанномъ III и Софіею, упрекали ихъ въ отравѣ Іоанна Молодаго. Но послѣдній оставилъ малолѣтняго сына Димитрія отъ брака своего съ Еленою, дочерью Стефана, господаря молдавскаго, и потому теперь рождался вопросъ: кому наслѣдовать великое княженіе, сыну или внуку? Если бы Іоаннъ III захотѣлъ обратить вниманіе на старый обычай, еслибы справился съ лѣтописями, то нашелъ бы, что внукъ не могъ получить великаго княженія не по отчинѣ. Но мы видѣли, что отецъ Димитрія, Іоаннъ, былъ при жизни своего отца уже великимъ княземъ, равнымъ отцу, и потому, даже по прежнимъ родовымъ счетамъ, преждевременная смерть Іоанна Молодаго не лишала сына его правъ на старшинство; при томъ же, московскому государю не было теперь нужды до старыхъ родовыхъ счетовъ; всѣ предки его шли наперекоръ имъ, отдавая преимущество племяннику передъ дядею; Іоаннъ III, вѣрный преданію, долженъ былъ также отдать преимущество внуку Димитрію передъ сыномъ Василіемъ. Но послѣдній имѣлъ за собою также важныя преимущества: онъ былъ сынъ Софіи Палеологъ, отъ царскаго корня: ему, разумѣется, а уже никакъ не Димитрію, принадлежалъ гербъ Римской имперіи, и Софія была способна внушить мужу и сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права.

Если князья, бояре и по смерти Софіи дурно отзывались о ней, представляли ее виновницею перемѣны, перемѣны къ худшему, по ихъ мнѣнію, то ясно, что они не могли быть расположены къ ней при жизни ея, и потому поддерживали Елену, вдову Іоанна Молодаго, и сына ея Димитрія; на сторонѣ же Софіи и сына ея Василія мы видимъ только дѣтей боярскихъ и дьяковъ. Дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ извѣстилъ Василія, что отецъ хочетъ пожаловать великимъ княженіемъ внука Димитрія, и, вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Яропкинымъ и другими дѣтьми боярскими, началъ совѣтовать молодому князу выѣхать изъ Москвы, захватить казну въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ, и погубить Димитрія; главные заговорщики набрали себѣ и другихъ соумышленниковъ, привели ихъ

тайно къ крестному цѣлованію. Но заговоръ былъ открытъ въ декабрѣ 1497 года: Іоаннъ велѣлъ держать сына на его же дворѣ подъ стражею, а приверженцевъ его велѣлъ казнить; шестерыхъ казнили на Москвѣ рѣкѣ: Яропкину отсѣкли руки, ноги и голову, Поярку—руки и голову; двумъ дьякамъ, Стромилову и Гусеву, да двумъ дѣтямъ боярскимъ отсѣкли головы, многихъ другихъ дѣтей боярскихъ пометали въ тюрьмы. Въ то же время разсердился великій князь и на жену свою, великую княгиню Софью, за то, что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ: этихъ лихихъ бабъ обыскали и утопили въ Москвѣ-рѣкѣ ночью, послѣ чего Іоаннъ сталъ остерегаться жены.

Желаніе бояръ исполнилось. Но, удалившись отъ Софіи, Іоаннъ не удалился отъ мыслей, внушенныхъ ею; отстранивъ сына ея отъ великаго княженія, онъ спѣшилъ совершить царское вѣнчаніе надъ соперникомъ его, внукомъ Димитріемъ, и бояре, не любившіе Софію за принесеніе новыхъ понятій, пользуются однако ими и называютъ Димитрія царемъ Боговѣнчаннымъ, въ укоръ Василію и сыну его. 4 февраля 1498 года въ Успенскомъ соборѣ среди церкви приготовили мѣсто большое, тамъ, гдѣ святителей ставятъ; на этомъ мѣстѣ поставили три стула: великому князю, внуку его Димитрію и митрополиту; на налоѣ лежала шапка Мономаха и бармы. Когда великій князь съ внукомъ вошли въ церковь, митрополитъ со всѣмъ соборомъ началъ служить молебенъ Богородицѣ и Петру Чудотворцу, послѣ чего митрополитъ и великій князь сѣли на своихъ мѣстахъ, а князь Димитрій сталъ у мѣста передъ ними, у верхней ступени. Іоаннъ, обратясь къ митрополиту, началъ говорить: «Отецъ митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ, но Божіею волею, сынъ мой Иванъ умеръ, у него остался сынъ первый Димитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ». Послѣ этой рѣчи митрополитъ велѣлъ Димитрію стать на его мѣсто и, вставши, благословилъ его крестомъ; потомъ Димитрій преклонилъ голову, и митрополитъ, положивши на нее руку, прочелъ громко молитву, чтобы Господь Богъ далъ поставляемому скипетръ царства, посадилъ его на престолъ правды и проч. Два архимандрита поднесли сперва бармы, потомъ шапку; митрополитъ бралъ ихъ, передавалъ великому князю, а тотъ возлагалъ на внука. За этимъ обрядомъ слѣдовала ектенья, молитва Богородицѣ и многолѣтіе, послѣ котораго духовенство поздравило обоихъ великихъ князей; митрополитъ сказалъ Іоанну: „Божіею милостью радуйся и здравствуй преславный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ, и съ внукомъ своимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ всея Руси, на многая лѣта; Димитрію сказалъ: «Божіею милостью здравствуй, господинъ сынъ мой князь великій Димитрій Ивановичъ всея Руси, съ государемъ своимъ дѣдомъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, на многая лѣта». Потомъ поздравляли обоихъ великихъ князей дѣти Іоанновы, бояре и всѣ люди. Такъ кончился обрядъ; великіе князья отслушали послѣ литургію, и Димитрій вышелъ изъ церкви въ шапкѣ и бармахъ: въ дверяхъ осыпалъ его трижды деньгами золотыми и се-

ребрянными дядя Юрій Ивановичъ; тоже повторено было передъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами.

Но торжество бояръ не было продолжительно. Не прошло еще году послѣ царскаго вѣнчанія Димитріева, какъ въ январѣ 1499 г., страшная опала постигла два знатнѣйшихъ боярскихъ семейства—князей Патрикѣевыхъ и князей Ряполовскихъ. Іоаннъ нашелъ измѣну бояръ и приговорилъ ихъ къ смертной казни: Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ; просьбы духовенства спасли жизнь Патрикѣевымъ: отецъ со старшимъ сыномъ должны были постричься въ монахи, младшій сынъ остался подъ стражею въ домѣ.

Лѣтописцы говорятъ глухо, не объявляютъ, въ чемъ состояли крамолы, измѣна Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго; но нѣтъ сомнѣнія, что эта измѣна и крамолы состояли въ дѣйствіяхъ ихъ противъ Софіи и ея сына въ пользу Елены и Димитрія внука: это ясно видно изъ приведенныхъ выше словъ, Курбскаго и Берсеня; ясно и изъ того, что за опалою Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго немедленно послѣдовала опала Елены и Димитрія, торжество Софіи и Василія.

Послѣ опалы боярской, Іоаннъ началъ нерадѣть о внукѣ, по выраженію лѣтописцевъ, и объявилъ сына Василія великимъ княземъ Новгорода и Пскова.

Іоаннъ не хотѣлъ дѣлить великаго княженія, не хотѣлъ раздирать его усобицами, которыя могли кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и предупредилъ борьбу, пожертвовалъ сыну внукомъ. 11-го апрѣля 1505 года, великій князь положилъ опалу на внука своего, великаго князя Димитрія и на мать его Елену, посадилъ ихъ подъ стражу, и съ того дня не велѣлъ ихъ поминать на ектеньяхъ и литіяхъ, не велѣлъ называть Димитрія великимъ княземъ, а 14-го апрѣля пожаловалъ сына своего Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Владимірское и Московское и всея Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита. Съ этихъ поръ имя великаго князя Василія является въ грамотахъ подлѣ отцовскаго, при чемъ Іоаннъ называется въ отличіе великимъ княземъ Большимъ.

LXX. КОНЕЦЪ УДѢЛОВЪ.

(Изъ «Исторіи русскаго народа» Полеваго).

Іоаннъ неуклонно слѣдовалъ одной системѣ правленія, уже оправданной столь блестящими успѣхами. Среди учрежденій земскихъ и сношеній съ иноземцами онъ не переставалъ мыслить о скрѣпленіи разрушенныхъ частей Руси, уничтоженіи монголовъ, борьбѣ съ Литвою,—мыслить и дѣйствовать неутомимо.

Еще въ 1484 году Тверь казалась сохраняющею прежнюю независимость. Въ договорѣ, тогда заключенномъ, великій князь тверской еще свободно говорилъ о неприкосновенности своихъ владѣній, хотя смиренно назывался онъ *младшимъ братомъ сына Іоаннова* и отказывался отъ дружбы и договора съ королемъ польскимъ, которые осмѣлился заключить безъ воли Іоанна. Но конецъ Твери приближался быстро: подвластные ей князья безпрестанно отъ нея отступались; бояре тверскіе

переходили въ Москву; подданные боялись болѣе Іоанна, нежели своего князя. Наконецъ, перехваченъ былъ посланникъ тверскаго князя въ Польшу. Іоаннъ разгнѣвался, объявилъ, что, сносясь съ врагомъ его, королемъ польскимъ, тверской князь нарушаетъ всѣ договоры, и за то независимость Твери должна быть уничтожена. Владыка тверской и князь Михаилъ Холмскій пріѣхали умолять. Онъ не пустилъ ихъ на глаза. Сильное войско московское двинулось къ Твери немедленно. Самъ Іоаннъ предводилъ имъ; Фіоравенти управлялъ пушками и пищалями. Князь Михаилъ тверской не дождался Іоанна и бѣжалъ въ Литву. Въ сентябрѣ 1485 г. москвичи окружили Тверь, зажгли посады, и Тверь покорилась Іоанну, молила только его о милости. Іоаннъ объявилъ, что за измѣну тверскаго князя онъ лишаетъ его и потомство его навѣки наслѣдія. Подвластные Твери князья холмскіе, дорогобужскіе, микулинскіе перешли въ службу Іоанна; намѣстники московскіе стали управлять городами княжества, нѣкогда превосходившаго силами Москву, столь долго боровшагося съ нею, пятнадцать лѣтъ продолжавшаго кровавую войну съ прадѣдомъ Іоанна,—войну, въ которой три раза Москва видѣла побѣдныя знамена Твери и Литвы подъ своими стѣнами и едва спасалась отъ гибели. Прошло сто лѣтъ, и Тверь, безъ битвъ и защиты, пала по слову правнука Димитріева.

Верея не могла быть опасна Іоанну; онъ, кажется, любилъ притомъ юнаго князя Василія, храбраго, пылкаго, и за него прощалъ старому крамольнику, отцу Василіеву, уже покорному и смиренному. Но Іоаннъ безпрерывно стѣснялъ Верею; позволилъ Василію заступить мѣсто отца его, но договорился (въ 1482 г.), что послѣ смерти отцовской Василій уступаетъ Бѣлозерскъ великому князю. Тогда же князь верейскій принужденъ былъ выдать всѣ договорныя прежнія грамоты; у него взяли потомъ Вышгородъ, подарокъ отца Іоаннова. Юный Василій, можетъ быть, негодовалъ, но таилъ досаду и вскорѣ увидѣлъ, что званіе независимаго князя не охраняетъ его личной безопасности. Женясь на племянницѣ Софіи, Василій получилъ отъ тетки, въ приданое за своею женою, какое-то драгоцѣнное украшеніе, принадлежавшее первой супругѣ Іоанна. Софія не сказала объ этомъ супругу своему; вдругъ Іоаннъ вздумалъ подарить то украшеніе своему внуку, узналъ объ отдачѣ драгоцѣнности Василію, разсердился, велѣлъ отобрать у Василія подарокъ Софіи и изъявить ему гнѣвъ свой. Василій не смѣлъ болѣе оставаться въ Москвѣ и даже въ Руси; онъ оставилъ отчизну и съ супругою своею бѣжалъ въ Литву. Іоаннъ послалъ за нимъ погоню и требовалъ отъ Михаила верейскаго, чтобы онъ немедленно лишилъ сына своего наслѣдства. Бѣдный старикъ не смѣлъ противиться и въ 1483 г. заключилъ договоръ съ Іоанномъ, по которому отрекся навсегда отъ сына своего и получилъ удѣлъ его, Верею, въ пожалованіе отъ Іоанна, съ тѣмъ, что, по кончинѣ Михаила, все безъ остатка должно присоединиться къ великому княжеству. Еще болѣе двухъ лѣтъ князь верейскій жилъ одинокій, безотрадный. Въ духовной своей, предъ кончиною, исполняя договоръ 1483 года, Михаилъ все отдалъ Іоанну; осмѣлился только просить его заплатить долги и не отнимать вотчинъ, пожалованныхъ имъ разнымъ людямъ. Отдавая имѣнія разнымъ церквамъ и монастырямъ, Михаилъ включалъ условіе: «Если они понадобятся великому князю», то обители и церкви должны удовольствоваться небольшою платою де-

негъ въ замѣну ихъ. Движимое имѣніе Михаилъ также отказалъ Іоанну, исключивъ весьма немногое дочери своей и на поминъ души. Упоминая о сынѣ своемъ, какъ о преступникѣ и чуждомъ ему человѣкѣ, Михаилъ не смѣлъ отказать ему ни благословенія, ни креста, ни иконы. Михаилъ умеръ въ 1485 г. Изгнанникъ Василій не возвращался уже на родину и умеръ на чужбинѣ: хотя Іоаннъ сжалился надъ нимъ, и звалъ его къ себѣ, Василій не вѣрилъ ласкѣ грознаго московскаго государя.

Мать Іоанна скончалась въ 1484 г. Она успѣвала сохранять согласіе между старшимъ сыномъ своимъ и двумя остальными его братьями, Андреемъ углицкимъ и Борисомъ волоцкимъ. Братья Іоанновы, послѣ примиренія ихъ въ 1480 году, не вступались въ новыя пріобрѣтенія Іоанна. Договорами 1486 г. они отреклись отъ всѣхъ притязаній на вотчины, которыя взялъ великій князь у князя верейскаго за вину его, и на то, что, «при Божіей помощи, взялъ у недруга своего князя тверскаго». Но ничто не спасло ихъ, когда не стало матери. Въ 1491 г., послѣ ласковаго, дружескаго пріема въ московскомъ дворцѣ, неожиданно взяли подъ стражу князя Андрея. Бояринъ Ряполовскій заплакалъ, объявляя ему волю Іоанна. «Воленъ Богъ, да государь мой, братъ старѣйшій; но онъ *имаетъ* меня неповинно, и судъ мой съ нимъ передаю Богу!» отвѣчалъ Андрей. Еще незадолго до того Іоаннъ едва не предалъ жестокой казни боярина, остерегавшаго Андрея; теперь взвели на Андрея небывалыя вины, и посадили его въ тюрьму. Владѣнія его были заняты войскомъ; дѣти его Іоаннъ и Димитрій, были сосланы въ заточеніе. Андрей находился въ темницѣ болѣе двухъ лѣтъ и скончался въ своемъ печальномъ заключеніи (въ 1493 г.). Жестокій поступокъ этотъ не прикрытый даже никакимъ благовиднымъ предлогомъ, тревожилъ совѣсть Іоанна. Черезъ пять лѣтъ онъ призвалъ къ себѣ однажды митрополита и духовенство и со слезами каялся имъ, что былъ причиною погибели брата; духовенство простило его въ грѣхѣ и, вѣроятно, не смѣло потребовать свободы племянникамъ его, дѣтямъ Андрея. Немного найдемъ въ исторіи примѣровъ участи столь злополучной, какова была участь несчастныхъ Іоанна и Димитрія Андреевичей. Во все время правленія дяди своего и потомъ во все правленія Василія, они были въ темницѣ на Вологдѣ въ цѣпяхъ. Димитрій Андреевичъ пережилъ брата своего, сорокъ девять лѣтъ изнывалъ въ цѣпяхъ и умеръ въ заточеніи; Іоаннъ Андреевичъ скончался за нѣсколько лѣтъ до смерти брата, также въ темницѣ, принявъ передъ кончиною схиму... Борисъ ужаснулся, когда, заключивъ Андрея, Іоаннъ потребовалъ его къ себѣ; онъ не смѣлъ ослушаться, явился и былъ доволенъ, что Іоаннъ отпустилъ его невредимо. Онъ пережилъ Андрея только семью мѣсяцами. Дѣти его, Θеодоръ и Іоаннъ, наслѣдовали послѣ него удѣлъ, но уступили всѣ волости московскія дядѣ, взявъ въ обмѣнъ другія. Іоаннъ Борисовичъ скончался въ 1503 г. и, умирая бездѣтнымъ, отказалъ дядѣ свой удѣлъ (Рузу и половину Ржева), прося только заплатить послѣ него долги и помянуть душу. Онъ не смѣлъ распорядиться ничѣмъ, ни пожаловать кого-нибудь волостью, говоря въ духовной: «*Людцы* мои передъ Богомъ да передъ моимъ государемъ; вѣдаетъ ихъ Богъ да государь, какъ ему Богъ на сердце положитъ».

Управляясь такимъ образомъ съ главными князьями, братьями и племянниками, Іоаннъ еще самовластнѣе оканчивалъ съ князьями мень-

шими. Едва замѣчали современники, какъ исчезали послѣднія слѣды удѣловъ, уцѣлѣвшихъ въ лицѣ этихъ князей. Въ 1463 г. добровольно уступили Іоанну послѣднюю независимость свою князья ярославскіе; въ 1474 г. князья ростовскіе продали ему остальную половину Ростова. Зять Іоанна, князь рязанскій Василій, скончался въ 1483 году. Іоаннъ не вступался въ его наслѣдство; дѣти Василія, Іоаннъ и Ѳеодоръ, подѣлили Рязанское княжество; Ѳеодоръ вскорѣ уступилъ свою часть великому князю (Перевитескъ и Старую Рязань). Іоаннъ умеръ въ 1500 году, передавъ малолѣтнему сыну Іоанну остатки Рязанскаго княжества: Переяславль, Ростиславль, Пронскъ. Мать его, Агриппина, и бабка Анна, правили его именемъ; Ѳеодоръ же въ своей части считался только намѣстникомъ великаго князя. Анна скончалась въ 1501 г., и великій князь повелѣвалъ внукомъ и матерью его, какъ полный самовластитель.

Сынъ Іоана III, Василій Іоанновичъ, хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды удѣльной системы, и, дѣйствительно, при немъ наступилъ конецъ удѣловъ: Рязань, которою уже Іоаннъ III распоряжался во время малолѣтства ея великаго князя Іоанна Іоанновича была присоединена къ Москвѣ окончательно въ 1517 году. Послѣдній князь рязанскій Іоаннъ и мать его уже давно томились: онъ—въ темницѣ, она—въ монастырѣ. На нихъ взвели небывалыя преступленія. При набѣгѣ крымскаго хана Мехмета на Москву, Іоаннъ успѣлъ бѣжать изъ темницы своей и погибъ безъ вѣсти; мать же его умерла монахинею. Оставалось покончить только съ Шемякинымъ Василіемъ Ивановичемъ, внукомъ памятнаго Димитрія Шемяки. Онъ вѣрно служилъ Василію, но былъ властителемъ сильнаго удѣла—Новгорода Сѣверскаго, а не простымъ царедворцемъ и помѣщикомъ, какъ другіе князья: оболенскіе, воротынскіе, масальскіе. Шемякина Василія Ивановича особенно ненавидѣлъ князь стародубскій Василій Семеновичъ, внукъ Ивана Можайскаго, и безпрерывно клеветалъ на него. Откровенно оправдавшись однажды, Шемякинъ былъ потребованъ снова въ Москву въ 1523 г. Въ безопасности его ручался самъ митрополитъ. Шемякинъ довѣрчиво пріѣхалъ въ Москву, но былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ Литвою и за это былъ осужденъ на вѣчное заточеніе. Послали взять его княгиню, бояръ; княжество его присовокупили къ великому княжеству Московскому; внукъ Шемяки погибъ въ своемъ безвѣстномъ заточеніи, и послѣдніе слѣды удѣловъ погибли навсегда. Напрасно троицкій игуменъ Порфирій вопіялъ о несправедливости, о нарушеніи слова митрополитова: его принудили оставить Троицкую обитель и сослали на Бѣлоозеро. Митрополитъ не обинуясь хвалился тѣмъ, что избавилъ своимъ вѣроломствомъ Русскую землю отъ *запазушнаго врага*.

LXXI. ПОСТЕПЕННОЕ ПАДЕНІЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НОВГОРОДА ВЕЛИКАГО.

(По «Исторіи Новгорода Великаго» Бѣляева и «Исторіи Россіи» Соловьева.)

По мѣрѣ того какъ усиливалось Московское княжество, отношенія его къ Новгороду становились такими, что ясно обнаруживали стремленіе московскихъ князей оттянуть себѣ разныя Новгородскія волости,

стѣснить самостоятельность самого Новгорода и, наконецъ, уничтожить ее окончательно. Между тѣмъ въ самомъ Новгородѣ не хватило силъ и единодушія для предотвращенія этой серьозной опасности. Бояре, все сильнѣе и сильнѣе захватывающіе въ свои руки правительство, преслѣдуютъ главнымъ образомъ свои эгоистическія цѣли, сбываютъ общественныя дѣла кой-какъ. Всѣхъ заѣдаютъ личныя выгоды; любовь же къ отечеству ежели иногда и проявляется, то только по старымъ воспоминаніямъ о славныхъ боевыхъ временахъ. Когда московскіе князья оттягиваютъ отъ Новгорода одну область за другой, Новгородъ не напрягаетъ усилій для того, чтобы защитить свои торговые интересы, которые должны были неминуемо страдать отъ продолжительныхъ и энергическихъ войнъ, предпочитаютъ откупаться деньгами отъ нападеній того или другаго князя, доставляя такимъ образомъ своему отечеству далеко не почетный и не прочный миръ.

Уже Иванъ Калита неоднократно опустошалъ новгородскія области и бралъ дань съ Новгорода какъ на себя, такъ и на татарскаго хана. Такъ же велъ себя по отношенію къ Новгороду и Семенъ Ивановичъ. По смерти послѣдняго, новгородцы порѣшили прервать связи съ Москвою и избрали своимъ княземъ Константина Суздальскаго.

Но желаніе Новгорода порвать такимъ образомъ связи съ Москвою не осуществилось: послѣ смерти Константина новгородцы принуждены были признать своимъ княземъ Іоанна Іоанновича, а когда, по его смерти, сынъ его Димитрій добился ярлыка въ ордѣ, то былъ признанъ княземъ и въ Новгородѣ. Новый московскій князь сначала жилъ мирно съ Новгородомъ. Новгородъ помогалъ ему дѣятельно въ борьбѣ съ Тверью, а послѣ того какъ послѣдняя была побѣждена, получилъ по мирному договору значительныя выгоды.

Пока великій князь московскій былъ занятъ войною съ Мамаемъ, а потомъ съ Тохтамышемъ и другими болѣе близкими для него дѣлами, новгородцы попрежнему наслаждались миромъ со всѣми сосѣдями и пользовались ихъ уваженіемъ, а иные изъ сосѣдей даже искали помощи и покровительства у Новгорода.

Зимою 1384 года отъ великаго князя Димитрія изъ Москвы пріѣхали его бояре брать черный боръ по новгородскимъ волостямъ. Новгородцы, всегда неохотно платившіе черный боръ, завели споръ съ боярами великаго князя и отъ чернаго бора перешли къ другимъ обидамъ. Новгородскіе бояре нѣсколько разъ ѣздили на Городище тягаться съ княжими боярами объ обидахъ и, не покончивъ тяжбы, принудили московскихъ бояръ бѣжать съ Городища въ Москву, даже не добравши чернаго бора. Мало этого, на другой годъ на вѣчѣ всѣ бояре и дѣти боярскія и житые и черные люди, всѣ пять концовъ, по общему приговору, торжественно цѣловали крестъ: не зваться на судъ къ митрополиту, ни къ великому князю и его представителямъ. Такимъ приговоромъ вѣча новгородцы за одинъ разъ порѣшили свои мирныя отношенія и къ митрополиту, и къ князю, ибо и у того, и у другаго отняли всѣ судебныя пошлины.

Послѣ такого рѣшительнаго поступка со стороны новгородцевъ Димитрію Ивановичу оставалось одно—начать войну съ Новгородомъ, и онъ дѣйствительно открылъ походъ противъ Новгорода. Новгородцы, получивши объ этомъ вѣсть, немедленно отправили къ князю своихъ послан-

никовъ. Великій князь поспѣшилъ заключить миръ на всей старинѣ новгородской и на условіяхъ уплаты 8.000 рублей за грабежи повольниковъ и недобранной княжчины.

По смерти великаго князя Димитрія Ивановича, новгородцы, какъ только узнали, что его сынъ Василій Димитріевичъ утвержденъ татарскимъ ханомъ на великомъ княженіи, немедленно отправили въ Москву своихъ пословъ, которые отъ имени Новгорода заключили миръ по старинѣ, и великій князь Василій Димитріевичъ, принявши всѣ предложенныя ему условія, прислалъ въ Новгородъ своего намѣстника.

Зимою 1391 года прибылъ въ Новгородъ Кипріанъ, митрополитъ московскій и всея Россіи, съ епископомъ рязанскимъ и былъ принятъ владыкою новгородскимъ и всѣмъ Норгородомъ съ большими почестями; владыка съ духовенствомъ выходилъ его встрѣчать отъ церкви Спаса на Ильину улицу со крестами и съ иконами. Митрополитъ пріѣзжалъ въ Новгородъ затѣмъ, чтобы убѣдить новгородцевъ уничтожить докончальную грамоту, по которой они семь лѣтъ тому назадъ цѣловали другъ другу крестъ не зваться на митрополичій судъ въ Москву, и прожилъ поэтому двѣ недѣли, много говорилъ съ новгородцами и представлялъ разныя убѣжденія; но его убѣжденія на нихъ не дѣйствовали, они наотрѣзъ сказали ему, что грамоты не раздерутъ, и онъ съ большимъ нелюбьемъ на Новгородъ уѣхалъ въ Москву.

Нелюбье митрополита отозвалось Новгороду войною съ великимъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ. Въ 1393 году великій князь прислалъ въ Новгородъ требованіе, чтобы новгородцы прислали свою докончальную грамоту митрополиту, прибавляя къ тому: «а что на этой грамотѣ вы цѣловали крестъ, то митрополитъ этотъ грѣхъ снимаетъ съ васъ.» Новгородъ на это требованіе отвѣчалъ отказомъ, и великій князь, получивши этотъ отказъ, немедленно началъ войну, взялъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій и Вологду съ волостьми и опустошилъ другія новгородскія владѣнія; новгородцы же, въ отвѣтъ на это нападеніе, сами напали на великокняжескія владѣнія, сосѣднія съ Заволочьемъ, и взяли города Кличенъ, Устюжну, Устюгъ, и даже Бѣлоозеро, произвели тамъ страшное опустошеніе и воротились домой съ добычею и множествомъ плѣнниковъ; но вмѣсто того, чтобы продолжать войну, удачно начатую, новгородское вѣче, очевидно руководимое сильными людьми, тяготившимися военными расходами и терпѣвшими въ военное время большіе убытки по торговлѣ, вдругъ перемѣнило образъ дѣйствія, и, не смотря на успѣхи войны, первое подалось на миръ и отправило свое посольство къ великому князю и митрополиту. Посольство это не только отослало къ митрополиту новгородскую докончальную грамоту, изъ-за которой началась война, но и согласилось на такія уступки со стороны Новгорода, которыхъ можно бы было ожидать только послѣ значительныхъ пораженій въ войнѣ, а не послѣ недавнихъ успѣховъ; оно уступило великому князю черный боръ, на который прежніе новгородцы обыкновенно смотрѣли какъ на безчестіе господина Великаго Новгорода и соглашались на него только въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; мало этого, вѣче согласилось еще сдѣлать великому князю и митрополиту небольшую приплату деньгами.

Между тѣмъ великій князь московскій Василій Димитріевичъ составилъ себѣ планъ отдѣлить отъ Новгорода Заволочье или Двинскую об-

ласть. Заволочьемъ преимущественно владѣли богатые новгородскіе бояре, которые имѣли тамъ свои обширныя земли съ городами и селами; они нерѣдко производили смуты даже въ самомъ Новгородѣ, а въ своихъ владѣніяхъ были почти полными самостоятельными владыками, а посему, естественно, многіе изъ нихъ тяготились зависимостію тамошняго края отъ новгородскаго вѣча. Къ этимъ-то своевольнымъ богачамъ великій князь московскій обратился съ разными обѣщаніями и ласками, съ нѣкоторыми изъ нихъ вошелъ чрезъ своихъ агентовъ въ тайныя сношенія: обѣщая Двинской области, подъ своимъ покровительствомъ, такую же независимость и самостоятельность, какою пользовался самъ господинъ Великій Новгородъ. Наконецъ, это тайное дѣло доведено было дотого, что въ 1397 году московскій великій князь прислалъ въ Заволочье на Двину своихъ бояръ Андрея Албердова съ товарищами, которые княжимъ именемъ объявили всю Двинскую область свободною и сказали на тамошнемъ вѣчѣ: «разорвите всѣ связи съ Новгородомъ и цѣлуйте крестъ къ великому князю: онъ хочетъ оборонять васъ отъ Новгорода и стоять за васъ». Новгородцамъ на этотъ разъ удалось смирить измѣнившихъ имъ двинскихъ бояръ оружіемъ. Но въ 1401 г. московскій князь напалъ на заволочье безъ объявленія войны. Мало этого, в. кн. до того простеръ свое презрѣніе къ Новгороду, что предъ нападеніемъ на Заволочье велѣлъ митрополиту Кипріяну вызвать новгородскаго владыку Іоанна въ Москву, какъ-бы на соборъ по святительскимъ дѣламъ, и засадилъ его въ монастырь. Московская рать, посланная съ новгородскими измѣнниками, пользуясь нечаянностію нападенія, хотя страшно опустошила Двинскую землю, посѣкла и повѣшала множество беззащитнаго народа, но могла только разбойничать и потѣшаться надъ беззащитными, невооруженными, а какъ скоро пришлось ей имѣть дѣло съ ратными людьми, то она оказалась такою ничтожною и неспособною, что даже не потребовалось особой новгородской рати, чтобы остановить ея разбойничьи успѣхи.

Всѣ эти оскорбленія новгородское правительство сносило терпѣливо и, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даже не считало ихъ нарушеніемъ мирныхъ договоровъ. Князь московскій продолжалъ держать за собою Торжокъ, Волокъ Ламскій и Бѣжецкій Верхъ, томилъ въ заключеніи новгородскаго владыку и знаменитыхъ бояръ; а правители Новгорода протестовали противъ этого только тѣмъ, что удерживали нѣкоторыя княжескія пошлины, слѣдовавшія съ новгородскихъ волостей, и не признавали законнымъ насильственнаго задержанія своего владыки въ Москвѣ и посему не выбирали себѣ новаго владыку. Иныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не было: они были какъ-бы довольны неопредѣленнымъ и унизительнымъ положеніемъ Новгорода; нѣтъ даже извѣстій о какихъ либо посольствахъ и жалобахъ на оскорбительныя отношенія московскаго князя.

Между тѣмъ в. кн. Василій Димитріевичъ хотя съ 1397 года постоянно держалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородѣ, слѣдовательно признаваемъ былъ новгородцами своимъ княземъ, тѣмъ не менѣе не оставлялъ замысловъ при удобномъ случаѣ отнять у Новгорода ту или другую область и давалъ у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ и бѣглецамъ новгородскимъ, всѣмъ недовольнымъ новгородскими порядками, чтобы при случаѣ употребить ихъ противъ Новгорода. Великій князь не разрывалъ съ Новгородомъ мира и держалъ тамъ своихъ немѣстни-

ковъ даже тогда, когда, въ 1419 году, новгородцы, по старому обычаю давать у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ, приняли къ себѣ изгнаннаго великимъ княземъ брата его Константина Димитріевича, дали ему свои пригороды и назначили въ его пользу по всей новгородской волости особый сборъ подъ именемъ коробейщины, такъ что въ одно и то же время сидѣли въ Новгородѣ и намѣстникъ великокняжескій князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ, и врагъ великаго князя, братъ его князь Константинъ Димитріевичъ, и въ 1420 году оба вмѣстѣ, отъ имени Новгорода, вели переговоры съ нѣмецкими послами и заключили съ нѣмецкимъ орденомъ миръ по старинѣ.

Смерть в. кн. Василія Димитріевича вполнѣ показала, что новгородцы, одержимые внутреннимъ недугомъ, разъѣдающимъ ихъ общество, рѣшительно утратили способность продолжать независимое и самостоятельное существованіе. По смерти Василія Димитріевича, въ Москвѣ началась усобица между его малолѣтнимъ сыномъ Василіемъ Васильевичемъ и братомъ Юріемъ Димитріевичемъ. Усобица эта продолжалась десять лѣтъ и давала новгородцамъ всю возможность утвердить и обезпечить самостоятельность и независимость Великаго Новгорода; а между тѣмъ на дѣлѣ они не только не позаботились объ этомъ, но даже не подумали воротить своихъ волостей, отнятыхъ покойнымъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ; они во все это время оставались безъ князя и, по старому новгородскому обычаю—не принимать участія въ княжескихъ усобицахъ, только ждали, кто изъ спорящихъ князей одержитъ окончательный верхъ, не вступая даже въ договоръ ни съ однимъ изъ соперниковъ и давая свободу современнымъ обстоятельствамъ складываться безъ новгородскаго участія. Но все это время Великій Новгородъ, съ виду сильный и богатый средствами, подобно одряхлѣвшему богатырю съ разбитыми ногами, только отмахивался, когда на него нападали, самъ же не двигался съ мѣста и не предпринималъ ничего по собственному замышленію.

Между тѣмъ, въ 1432 году, по ханскому суду, Василій Васильевичъ былъ объявленъ великимъ княземъ. Недовольный такимъ ханскимъ рѣшеніемъ, князь Юрій Димитріевичъ началъ войну съ племянникомъ и въ 1434 году занялъ Москву, а Василій Васильевичъ, спасаясь отъ преслѣдованія, бѣжалъ въ Новгородъ и засѣлъ съ своею небольшою дружиною на Городищѣ. Новгородцы такъ мало знали о дѣлахъ въ великомъ княженіи Московскомъ, что при появленіи князя вооружились и думали отражать нападеніе спасающагося бѣгствомъ князя; но, не видя нападенія, воротились, а Василій Васильевичъ, проживши на Городищѣ три недѣли и два дня, удалился сперва на Москву и Кострому, а потомъ въ Нижній Новгородъ. А въ это время внезапно скончался въ Москвѣ великій князь Юрій Дмитріевичъ, и сыновья его, посеорясь между собою, отдали Москву князю Василію Васильевичу. Василій Васильевичъ, утвердившись въ Москвѣ, обратилъ вниманіе на Новгородъ. Не желая упустить изъ виду этого важнаго владѣнія, онъ въ 1435 году вступилъ въ переговоры съ новгородцами, а на первый разъ, чтобы получить право быть новгородскимъ княземъ, цѣловалъ къ Новгороду крестъ на томъ, что онъ отступается отъ новгородскихъ отчинъ: Бѣжецкаго Верха, Волока-Камскаго и Вологды, но не исполнилъ этого обѣщанія и отъ взимавшихся прежде поборовъ не отказался.

Уступая московскому князю, новгородцы такъ же вяло дѣйствовали и въ отношеніи къ в. кн. литовскому. До насъ дошла договорная грамота Новгорода съ Казиміромъ, относящаяся къ 1440 году, или около этого времени. Изъ этой грамоты мы видимъ, что литовскій князь также получилъ право не только сбирать черный боръ съ нѣкоторыхъ новгородскихъ владѣній, но даже держать своихъ тіуновъ, вмѣстѣ съ новгородскими тіунами, въ Великихъ Лукахъ и Ржевѣ. Слѣдовательно, отношенія Новгорода къ Литвѣ, судя по этой грамотѣ, едва ли не были тяжелѣе и постыднѣе, чѣмъ отношенія къ Москвѣ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій, какъ литовскій князь успѣлъ поставить Новгородъ въ такія унизительныя отношенія; но, тѣмъ не менѣе, отношенія эти, по свидѣтельству грамоты, существовали и ясно указываютъ на то омертвленіе, въ которомъ находилось тогдашнее новгородское правительство, и на ту безчестность, съ которою вожаки новгородскаго вѣча продавали владѣнія и права господина Великаго Новгорода.

Вѣроятно узнавши о договорѣ новгородцевъ съ в. кн. литовскимъ и не откладывая въ дальній ящикъ, в. кн. Василій Васильевичъ въ 1441 г. объявилъ свой гнѣвъ Новгороду и прислалъ складную грамоту, а вслѣдъ затѣмъ самъ съ большимъ войскомъ вступилъ въ новгородскія владѣнія, имѣя при себѣ также и войска изъ Пскова и Твери. Новгородцы поспѣшили выслать своего архіепископа Евфимія и съ нимъ бояръ и житьихъ людей, которые и заключили миръ на томъ условіи, чтобы Новгородъ заплатилъ в. князю 8000 руб., и чтобы новгородцы не мстили великокняжескимъ союзникамъ, псковичамъ и тверитянамъ, послѣ чего московскія, псковскія и тверскія войска немедленно очистили новгородскія владѣнія, и великій князь остался княземъ новгородскимъ на прежнихъ условіяхъ. Новгородъ за уступчивость передъ литовскимъ княземъ поплатился опустошеніемъ Новгородской земли и платежемъ 8000 руб. окупа московскому князю.

Между тѣмъ внутреннее состояніе Новгорода постепенно ухудшалось. Вмѣсто суда и правды, день-ото-дня росли своеволія и притѣсненія бѣдныхъ богатыми. Митрополитъ Іона, въ своихъ посланіяхъ къ новгородскому владыкѣ Евфимію и къ новгородцамъ, писанныхъ въ это время, пишетъ: «Слышалъ я, сынове, нѣкое богоненавистное и богомерзкое злое дѣло створяется въ вашемъ православномъ христіанствѣ, не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ честныхъ, отъ великихъ людей, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: за всякую большую и малую вещь зачинается гнѣвъ и оттого ярость, и свары, и прекословія, и многонародное сбираніе съ обѣихъ сторонъ; мало этого, нанимаютъ на то злое и богоненавистное дѣло сбродней пьянчивыхъ и кровопролитныхъ человѣковъ и бои замышляютъ и кровопролитія и души христіанскія губятъ». Наконецъ великій князь Василій Васильевичъ, поуправившись съ другими дѣлами, зимою 1456 года открылъ походъ на Новгородъ. Прослышавши объ этомъ, новгородцы отправили къ нему посадника Василія Степанова съ челобитьемъ, чтобы отложилъ свой гнѣвъ; но великій князь не принялъ этого посланника, вступилъ съ войсками въ землю Новгородскую. Новгородцы выслали свою рать, но были разбиты и потѣряли много своихъ убитыми и плѣнными. Это пораженіе навело ужасъ на Новгородъ: слабое и непользующееся довѣріемъ правительство не знало, что дѣлать; немедленно собралось вѣче, на которомъ били челомъ

владыкѣ Евфимію, чтобы шелъ умолять великаго князя. Владыка Евфимій съ большимъ новгородскимъ посольствомъ отправился въ великокняжескій станъ въ Яжелбицѣ и многими просьбами убѣдилъ великаго князя заключить миръ, по которому новгородцы обязались заплатить 8500 рублей и соглашались на новыя, небывалыя отношенія къ великому князю. Во 1-хъ, важное измѣненіе касалось суда, этой главной обязанности новгородскаго князя. По прежнему порядку, князь или его намѣстникъ участвовали только въ одномъ посадничьемъ судѣ; по настоящей же грамотѣ, кромѣ посадничья суда, былъ учрежденъ еще другой судъ: отъ князя и отъ Новгорода назначалось по боярину, и если эти бояре-судьи не могли согласиться въ рѣшеніи дѣла, то его рѣшалъ князь съ посадникомъ; къ этому суду относились только тѣ дѣла, въ которыхъ одинъ изъ тяжущихся былъ княжій человѣкъ, а другой—новгородецъ. Во 2-хъ, отмѣнена въ судныхъ дѣлалъ печать великаго Новгорода, и ея мѣсто заступила печать великаго князя. Въ 3-хъ, отъ опредѣленнаго суда великокняжескихъ намѣстниковъ или самого великаго князя никто не долженъ отговариваться другими дѣлами, исключая двухъ случаевъ — когда нужно сбираться на войну или укрѣплять городъ. Въ 4-хъ, вѣчевымъ грамотамъ не быть, т. е. мимо суда княжескаго не бытѣ суду и рѣшенію суда вѣчемъ, или на судъ князя нельзя приносить жалобъ вѣчу. Въ 5-хъ, когда придется великимъ князьямъ черный боръ по новгородскимъ волостямъ, то новгородцамъ дать черный боръ по старинѣ; этимъ условіемъ навсегда отстранялись всѣ споры Новгорода о черномъ борѣ, такъ много ссорившіе Новгородъ съ князьями. Въ 6-хъ, Новгородъ этою грамотою навсегда отказался отъ стариннаго и самаго важнаго права—давать убѣжище побѣжденнымъ и изгнанникамъ, названнымъ лиходѣями великаго князя. За всѣ эти уступки со стороны Новгорода великій князь возвратилъ Новгороду Торжокъ со всѣми волостями и тѣ волости, которыя онъ занялъ въ Заволочьѣ.

Новгородъ цѣловалъ крестъ великому князю и старшему его сыну соправителю, и такимъ образомъ терялъ право выбора князей въ случаѣ смерти Василія, слѣдовательно, поступалъ въ разрядъ наслѣдственныхъ владѣній московскаго княжескаго дома; и посему отступленіе отъ московскихъ князей уже должно было считаться измѣною, нарушеніемъ договора. Мало этого, новгородцы даже въ сношеніяхъ съ сосѣдями, послѣ яжелбицкаго мира, должны были спрашиваться у великаго князя московскаго; такъ напримѣръ, когда, въ 1461 году, нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ для заключенія перемирія, то и новгородцы приступили къ заключенію перемирія лишь тогда, когда получили на это дозволеніе отъ великаго князя. Конечно, такія стѣснительныя, необычныя отношенія не могли быть желательны Новгороду, и новгородцы, естественно, ими тяготились; но послѣднія договорныя грамоты поставили ихъ въ такое безвыходное положеніе, что всякое движеніе, не согласное съ этими грамотами, дѣлало ихъ нарушителями договора и, слѣдовательно, виноватыми, а всякое притязаніе московскаго князя ежели не справедливымъ, то извинительнымъ. Единственнымъ выходомъ изъ такого невыгоднаго положенія было только прямое возстаніе и, слѣдовательно, новая война съ великимъ княземъ. Но положеніе, въ которомъ тогда находился Новгородъ, какъ мы видѣли выше изъ посланій митрополита Іоны, было вовсе неудобно ни для прямаго возстанія, ни для

войны; Новгородъ для успѣха въ томъ и другомъ прежде долженъ былъ возстать самъ на себя, отыскать силы для перестройки собственнаго общества, вычистить ту гниль и тлю, которая его разъѣдала; а до этого новгородцы и не думали добраться, да едва ли и могли что-нибудь сдѣлать.

Особность Новгорода давно уже поддерживалась только усобицами княжескими, и необходимымъ слѣдствіемъ ихъ прекращенія было приравненіе Новгорода къ другимъ городамъ сѣверной Руси, полное подчиненіе его князьямъ московскимъ. Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, такъ началъ тяготиться, что Новгородъ не воздаетъ ему достойной чести,—ему, который держитъ въ рукахъ всѣхъ князей: понятно, что если самъ Василій не успѣлъ освободить себя отъ такихъ непріятныхъ для него отношеній, то сынъ его долженъ былъ объ этомъ позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положенія, не могли не видѣть, что противъ сына Василіева не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси, и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ великаго князя московскаго, былъ еще великій князь литовскій, который назывался также и русскимъ; къ этому князю отъѣзжали изъ сѣверовосточной Руси всѣ князья недовольные, лишенные отчинъ, угрожаемые княземъ московскимъ; къ нему обратились и новгородцы въ послѣдній, рѣшительный часъ. Но великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій былъ католикъ; отложиться отъ московскаго князя и поддаться литовскому, отложиться отъ московскаго митрополита и признать свою зависимость отъ митрополита кіевскаго, митрополита подозрительнаго по своему поставленію,—въ глазахъ многихъ, въ глазахъ большинства въ Новгородѣ, въ глазахъ всего сѣвернаго русскаго народонаселенія, значило измѣнить православію, прижиться къ латинству, или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть древнее благочестіе сильной опасности. Мысль о подданствѣ великому князю литовскому встрѣчала сопротивленіе въ господствующемъ чувствѣ большинства въ Новгородѣ, въ привязанности къ вѣрѣ предковъ. Такимъ образомъ Москва, въ окончательной борьбѣ своей съ Новгородомъ, имѣла могущественнаго нравственнаго союзника, обѣщавшаго вѣрную побѣду. Этотъ союзникъ былъ—православіе.

Въ Москвѣ не могли не знать о существованіи литовской стороны, которая, разумѣется, должна была утверждать, что соединеніе съ Литвою вовсе не опасно для православія, что въ старомъ Кіевѣ такой же православный митрополитъ, какъ и въ Москвѣ. Въ челѣ стороны литовской стояли Борецкіе, дѣти умершаго посадника Исака Борецкаго. Вдова Исака Борецкаго, Мароа, имѣла сильную власть надъ дѣтьми по обычаю и по личному характеру, и посредствомъ этой власти пользовалась могущественнымъ вліяніемъ на дѣла роднаго города. Существованіе сильной стороны, враждебной Москвѣ, ожесточеніе, такъ рѣзко обнаружившееся въ нѣкоторыхъ новгородцахъ послѣ похода Василія Темнаго, не могли не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ Новгорода съ Москвою въ княженіе преемника Васильева: въ Новгородѣ стали утаивать великокняжескія пошлины; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленныя прежде по суду Москвѣ; съ большаго вѣча шумная толпа людей являлась на княжескій дворъ, на Городище, бранила, безчестила на-

мѣстниковъ, посла Іоаннова. Наконецъ новгородскіе порубежники нападали на волости московскія.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ ноябрѣ 1470 года умеръ новгородскій владыка Іона, а черезъ два дня послѣ его смерти пріѣхалъ въ Новгородъ братъ кіевскаго князя-намѣстника Семена, Михайло Александровичъ или Олельковичъ, выпрошенный Новгородомъ у короля Казимира, пріѣхалъ въ сопровожденіи многочисленной толпы и былъ принятъ съ честью. Принимать съ честью князей литовскихъ и давать имъ кормленіе на пригородахъ не было новостью для Новгорода, и подобные пріемы прежде не вели къ разрыву съ московскими князьями, которые продолжали держать въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ. Такъ и теперь новгородцы, принявши Олельковича, не показали пути намѣстникамъ Іоанновымъ; но теперь обстоятельства были уже другія: теперь пробилъ рѣшительный часъ, теперь громко и ясно былъ высказанъ вопросъ: оставаться ли за Москвою, или просить покровительства у великаго князя литовскаго? При рѣшеніи этого вопроса городъ раздѣлился на двѣ стороны.

Чрезъ десять дней послѣ смерти Іоны, посадники, тысяцкіе и весь Великій Новгородъ, поставя вѣче у св. Софіи, положили три жребія на престолѣ: жребій Варсонофія, духовника, Пимена, ключника, и Ѳеофила, ризничьяго архіепископскихъ; вынулся жребій Ѳеофиловъ; избраннаго, по старинѣ, ввели честно во владычній дворъ на сѣни и, по старинѣ, отправили посла въ Москву бить челомъ великому князю, просить опасной грамоты для пріѣзда Ѳеофила и посвященія его въ архіепископы у гроба чудотворца Петра. Пришелъ и отвѣтъ изъ Москвы. Великій князь велѣлъ сказать: «Отчина моя, великій Новгородъ, прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую, нареченному владыкѣ Ѳеофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ было при отцѣ моемъ, дѣдѣ и прадѣдахъ».

Люди, не хотѣвшіе разрывать съ Москвою, и въ томъ числѣ Ѳеофилъ, обрадовались такому отвѣту. Но литовская партія не дремала и произвела смуту. На вѣчѣ раздались голоса: «Не хотимъ за великаго князя московскаго, не хотимъ называться его отчиною. Мы люди вольные, не хотимъ терпѣть обиды отъ Москвы, хотимъ за короля Казимира!» Въ отвѣтъ послышались крики стороны противной: «Хотимъ, по старинѣ, къ Москвѣ! Нельзя намъ отдаться за короля и поставить владыку у себя отъ митрополита латинца.» Вѣчевая усобица должна была рѣшить вопросъ о томъ, за кѣмъ быть Новгороду, за литовскимъ или московскимъ княземъ. Природа вѣча давала сторонѣ богатѣйшей возможность осилить противниковъ менѣе богатыхъ наймомъ людей, которые продавали не только свои голоса на вѣчѣ, но и свои руки, когда дѣло доходило до схватки: приверженцы Литвы стали нанимать *худыхъ мужиковъ вѣчниковъ*, которые готовы стать за всякаго; вѣчники начали звонить въ колокола, кричать: «хотимъ за короля!» и бросать камнями въ тѣхъ, которые хотѣли оставаться за московскимъ княземъ. Наконецъ литовская сторона осилила: отправили посла съ поминками и съ челобитьемъ къ королю, и король заключилъ договоръ со всѣмъ Великимъ Новгоромъ, мужами вольными: обязался держать на Городищѣ намѣстника вѣры греческой; намѣстникъ, дворецкій и тіуны королевскіе,

живя на Городищѣ, не могли имѣть при себѣ болѣе пятидесяти человѣкъ. Пойдетъ великій князь московскій на Великій Новгородъ, или сынъ его, или братъ, или которую землю подниметъ на Великій Новгородъ, то королю садиться на коня за Новгородъ со всею радою литовскою; король не отнимаетъ у новгородцевъ ихъ вѣры греческой православной, и, гдѣ будетъ любо Великому Новгороду, тутъ онъ и поставитъ себѣ владыку; римскихъ церквей король не ставитъ ни въ Новгородѣ, ни въ пригородахъ, ни по всей землѣ новгородской. Если король помиритъ Новгородъ съ московскимъ княземъ, то возьметъ черный боръ по новгородскимъ волостямъ, одинъ разъ по старымъ грамотамъ, а въ иные годы чернаго бору ему не надобно. Король удержитъ Новгородъ въ волѣ мужей вольныхъ, по ихъ старинѣ и по крестной грамотѣ; цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду литовскую.

Иванъ III, узнавъ о побѣдѣ литовской стороны, хотѣлъ испытать еще мирныя средства и отправилъ въ Новгородъ посла съ жалованіемъ и добрыми рѣчами, «чтобы отчина его, новгородцы, отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ латинству не приставали, а ему бы, великому князю, челомъ были да исправились, а онъ великій государь, жалуетъ ихъ и въ старинѣ держитъ.» Митрополитъ Филиппъ также послалъ увѣщательныя грамоты.

Всѣ эти увѣщанія не помогли: надобно было садиться на коня. Въ маѣ 1471 года великій князь созываетъ на думу братьевъ своихъ, митрополита, архіереевъ, бояръ и воеводъ, объявляетъ, что необходимо выступить въ походъ на новгородцевъ за ихъ отступленіе, но спрашиваетъ, выступать ли немедленно, или ждать зимы, потому что земля новгородская наполнена большими озерами, рѣками, болотами непроходимыми; прежніе великіе князья лѣтомъ на Новгородъ не хаживали, а кто ходилъ, тотъ много людей терялъ. Рѣшили выступить немедленно и великій князь занялся распоряженіями къ походу.

Первый отрядъ подъ начальствомъ кн. Холмскаго и боярина Ѳедора Давыдовича, въ числѣ 10,000, выступилъ въ началѣ іюня къ Русѣ; за нимъ пошелъ отрядъ подъ начальствомъ кн. Оболенскаго-Стриги къ Вышнему Волочку и потомъ по Мстѣ; трое братьевъ великокняжескихъ и князь Верейскій двинулись съ полками каждый изъ своей отчины. Всѣ эти войска вступили разными дорогами въ Новгородскую землю и начали страшно опустошать ее; воеводамъ велѣно было расцустить ратниковъ по многимъ мѣстамъ, жечь, плѣнить и казнить безъ милости жителей за ихъ неисправленіе къ своему государю великому князю. Самъ Іоаннъ выступилъ 20 іюня съ главными силами. Въ Торжкѣ явились къ нему воеводы тверскіе со многими людьми, явились и послы псковскіе съ объявленіемъ, что Псковъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду.

Къ московскому князю приходила помощь съ разныхъ сторонъ; Великому Новгороду не было помощи ни откуда: король Казимиръ не трогался; даже князь Михаилъ Олельковичъ, услыхавъ о смерти брата своего Семена въ Кіевѣ, еще 15 марта уѣхалъ изъ Новгорода да на дорогѣ пограбилъ Русу и отъ нея всѣ мѣста до самой границы. Новгородцы послали просить помощи у ордена; между тѣмъ передовые полки, подъ начальствомъ кн. Холмскаго, сожгли Русу и на берегу Ильменя,

у Коростыни, побили отрядъ новгородцевъ, которые, приплывъ озеромъ, хотѣли нечаянно напасть на москвичей. Въ Новгородѣ приверженцы Литвы, затѣявшіе войну, силою выгнали въ походъ плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ. Такимъ образомъ набралось тысячъ сорокъ войска, и пошло оно подъ начальствомъ степеннаго посадника Дмитрія Борецкаго по лѣвому берегу Шелони. Московскіе воеводы, не смотря на огромную разницу въ числѣ войска (у нихъ было немного болѣе 4,000, а у новгородцевъ до 40,000), рѣшились вступить въ битву. Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе, потеряли двѣнадцать тысячъ убитыми и тысячу семь сотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находился степенный посадникъ Борецкій вмѣстѣ съ другими воеводами; въ обозѣ побѣдители нашли и договорную грамоту новгородцевъ съ Казимиромъ и отослали ее къ великому князю.

Великій князь получилъ вѣсть о побѣдѣ, когда стоялъ въ Яжелбицахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода; отсюда онъ пошелъ къ Русѣ и вступилъ въ нее. Онъ ждалъ пословъ новгородскихъ съ челобитьемъ, но вмѣстѣ того получилъ вѣсть, что Новгородъ волнуется попрежнему. Не смотря на Шелонское пораженіе, не смотря на то, что здѣсь литовская сторона лишилась предводителей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, не смотря на то, что гонецъ, посланный къ Казимиру для понужденія его садиться поскорѣе на коня за Новгородъ, возвратился съ печальною вѣстью, что магистръ ливонскій не пропустилъ его черезъ свою землю,—не смотря на все это, когда въ Новгородѣ узнали, что Іоаннъ въ Русѣ, то всталъ сильный мятежъ, сторожа заняли стѣны и башни, перемѣняясь день и ночь, а люди попрежнему раздѣлились: одни хотѣли за Москву, а другіе за Литву.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ сильно разсердился, и велѣлъ казнить Борецкаго съ тремя другими знатнѣйшими плѣнниками: «Вы за короля задаваться хотѣли», сказалъ онъ имъ. Новгородцы приготовились защищаться, но скоро увидали, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительно: хлѣбъ вздорожалъ, рожь исчезла на торгу; можно было найти пшеничный хлѣбъ, да и того мало. Тогда потребители ржанаго хлѣба поднялись на потребителей пшеничнаго, укоряя ихъ за то, что они привели великаго князя на Новгородъ. Это значило, что московская сторона взяла верхъ, и вотъ нареченный владыка Ѳеофилъ съ старыми посадниками и житыми людьми поѣхалъ бить челомъ великому князю, который стоялъ уже при устьѣ Шелони, на Коростынѣ. Іоаннъ принялъ новгородское челобитье, велѣлъ перестать жечь и плѣнить, а далъ миръ Новгороду по старинѣ, но за новгородскую *проступку* взялъ 15,500 рублей, кромѣ того, что передано было братьямъ великокняжескимъ, князьямъ, боярамъ, воеводамъ за ходатайство. Въ договорѣ, заключенномъ по старинѣ, новгородцы обязались: за короля и за великаго князя литовскаго не отдаться никакою хитростью, быть съ Москвою неотступными и неразлучными, князей у великаго князя литовскаго на пригороды не просить и не принимать на владычество выбирать по старинѣ и ставить владыку у гроба св. Петра чудотворца въ Москвѣ. 1 сентября возвратился Іоаннъ въ Москву; того же 1471 года, въ декабрѣ, пріѣхалъ туда нареченный владыка новгородскій Ѳеофилъ и былъ посвя-

щенъ. Θеофилъ просилъ свободы новгородскимъ плѣнникамъ, и великій князь исполнилъ его просьбу и отправилъ намѣстниковъ своихъ въ Новгородъ попрежнему. Казалось, что все уладилось; но такъ могло только казаться.

При ослабленіи власти княжеской, вслѣдствіе постоянной борьбы многихъ князей-соперниковъ, образовались стороны, также постоянно боровшіяся между собою; богатый бояринъ, имѣвшій средства платить многочисленнымъ вѣчникамъ, могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбленія; иногда цѣлыя улицы, цѣлые концы враждовали другъ съ другомъ, стоя за то или другое лицо, за того или другаго чиновника гражданскаго; сила рѣшала споръ; предводитель восторжествовавшей стороны достигалъ должности посадника и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, тѣмъ улицамъ, тѣмъ концамъ, которые были противъ него. Что оставалось побѣжденнымъ и слабымъ? Молчать и ждать благопріятныхъ обстоятельствъ, ждать усиленія своей стороны, которое дастъ имъ возможность собраться на вѣче, низложить соперниковъ и поступить съ ними по ихъ же примѣру. Въ такомъ состояніи находились дѣла, когда великій князь былъ далеко, а намѣстниковъ мало слушались. Но теперь, когда великій князь хотѣлъ и могъ возстановить свое старинное значеніе верховнаго судьи, теперь сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низверженію враговъ своихъ: она могла отдать свое дѣло на рѣшеніе великаго князя. Посадникъ степенный Василій Ананьинъ съ 18-ю другими боярами своей стороны, наѣхавши съ многочисленнымъ отрядомъ на двѣ улицы, Славкову и Никитину, людей переграбилъ и перебилъ, многихъ даже до смерти, имѣнія взялъ на тысячу рублей. Въ то же время староста Θедоровской улицы, Памфилъ, вмѣстѣ съ двумя боярами, которые участвовали и въ нападеніи на двѣ упомянутыя улицы, ударилъ на дворъ двухъ братьевъ, бояръ Полинарьиныхъ, людей у нихъ перебилъ, имѣнія пограбилъ на 500 руб. Любопытно, что между виновниками этихъ насилій встрѣчаемъ имена извѣстныхъ враговъ Москвы; это обстоятельство можетъ навести на мысль, что здѣсь дѣйствовали также и причины политическія, что на эту борьбу должно смотрѣть, какъ на продолженіе борьбы двухъ сторонъ литовской и московской. 22-го октября 1475 года, Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ, миромъ, но со многими людьми; въ Вышнемъ Волочкѣ встрѣтилъ его посолъ отъ владыки Θеофила съ дарами, по всей дорогѣ встрѣчали его и жалобщики. За 90 верстъ до города встрѣтилъ князя владыка Θеофилъ, воевода новгородскій князь Василій Васильевичъ Шуйскій и посадникъ степенный Ананьинъ, со многими другими духовными, боярами и житыми людьми. Проведя мѣсяцъ въ дорогѣ, Іоаннъ въѣхалъ въ Новгородъ. На другой день пошли къ великому князю съ челобитьемъ, дарами и жалобами разные люди, а на третій явились главные жалобщики — двѣ улицы, Славкова и Никитина, да братья Полинарьины, и жаловались въ присутствіи владыки, старыхъ посадниковъ, другихъ бояръ и житыхъ людей. Іоаннъ сказалъ владыкѣ и посадникамъ: „Ты, богомолецъ нашъ, и вы, посадники, объявите отчинѣ нашей, Великому Новгороду, чтобы дали на этихъ обидчиковъ своихъ приставовъ, какъ я далъ на нихъ своихъ, потому что я хочу дѣло разсмотрѣть, и ты бы, богомолецъ мой, и вы, посад-

ники, тогда у меня были: хочется мнѣ обиженнымъ управу дать". Новгородцы дали своихъ приставовъ, и въ воскресенье, 26 ноября, обидчики и обиженные всѣ стали предъ великимъ княземъ на Городищѣ, въ присутствіи Ѳеофила и старыхъ посадниковъ. Начался судъ, и было рѣшено, что жалобы справедливы. Посадникъ Ананьинъ, съ тремя главными товарищами, скованные, были отправлены въ Москву. Между тѣмъ многимъ понравилось искать защиты отъ обидъ на судѣ великокняжескимъ; ждать Іоанна, когда онъ опять пріѣдетъ въ Новгородъ, было долго, и вотъ забыли старинное условіе: „на низу новгородца не судить," стали брать приставовъ, и являться въ назначенный срокъ въ Москву на судъ. „Этого не бывало отъ начала, говорилъ лѣтописецъ, какъ земля ихъ стала и какъ великіе князья пошли отъ Рюрика на Кіевѣ и на Владимірѣ; одинъ только великій князь Иванъ Васильевичъ довелъ ихъ до этого".

Два шага было сдѣлано; оставалось сдѣлать третій, послѣдній. Все было приготовлено: литовская сторона, пораженная бездѣйствіемъ Казимира, безмолствовала безъ главъ своихъ; народъ началъ смотрѣть на московскаго князя какъ на верховнаго судью; мало того, были въ Новгородѣ люди, которыхъ лѣтописецъ называетъ пріятелями в. кн. московскаго; вѣче молчало. Но оно могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ хана Золотой или Казанской орды, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ московскаго намѣстника: надобно было освободиться и отъ вѣча, и отъ посадника. Пріѣхали двое пословъ новгородскихъ, Назаръ Подвойскій и Захаръ, вѣчевой дьякъ, которые въ челобитьи назвали Іоанна государемъ, тогда какъ прежде, съ тѣхъ поръ какъ земля ихъ стала, говоритъ лѣтописецъ, того не бывало, ни одного великаго князя государемъ не называли, а только господиномъ. Лѣтописи не сообщаютъ ясныхъ подробностей, кѣмъ собственно и какъ устроено было это дѣло. Отправились послы изъ Москвы спросить владыку и весь великій Новгородъ: «Какого они хотятъ государства? Хотятъ ли, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобъ тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя?» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что послы назвали Іоанна государемъ по рѣшенію владыки, бояръ, посадниковъ, но безъ вѣдома Великаго Новгорода; въ другихъ говорится, что новгородцы, услыхавъ запросъ посла московскаго, пограбили этихъ посадниковъ и бояръ. Но пословъ московскихъ держали шесть недѣль съ честью, съ честью и отпустили, давши такой отвѣтъ великимъ князьямъ: «Вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ; но государями васъ не зовемъ; судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ; хотимъ съ вами жить, какъ договорились въ послѣдній разъ на Коростыни; кто же взялся безъ нашего вѣдома иначе сдѣлать, тѣхъ казните, какъ сами знаете, и мы здѣсь будемъ ихъ также казнить, кого поймаемъ; а вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, чтобы держали насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію. Послы и преданные великому князю посадники отправились въ Москву и объявили здѣсь о новгородскихъ событіяхъ. Іоаннъ пришелъ къ митрополиту съ вѣстію о клятвопреступленіи новгородцевъ: „Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами прислали, а теперь запираются, и на насъ ложь положили".

Услыхавъ о вооруженіяхъ, новгородцы послали старосту одной изъ своихъ улицъ въ Москву бить челомъ объ опасной грамотѣ для своихъ пословъ; но великій князь велѣлъ *опасчика* задержать въ Торжкѣ, и, не смотря на осеннее время, спѣшилъ двинуть отвсюду многочисленные полки къ Новгороду. Прежде, когда Іоаннъ ходилъ въ Новгородъ миромъ, на станціяхъ являлись къ нему знатные новгородцы съ подарками; теперь они являлись къ нему съ челобитьемъ о принятіи въ службу. Находясь въ 50 верстахъ отъ Новгорода, Іоаннъ послалъ приказъ псковичамъ идти на Новгородъ ратью съ пушками, пищалями, самострѣлами, со всею приправою, съ чѣмъ къ городу приступить, стать на устьѣ Шелони и дождаться дальнѣйшихъ приказаній. Въ 30 верстахъ отъ Новгорода явились къ Іоанну владыка Өеофилъ съ посадниками и житыми людьми и сталъ бить челомъ: «Господинъ *государь* князь великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи! Положилъ ты гнѣвъ свой на отчину свою, на Великій Новгородъ, мечъ твой и огонь ходитъ по Новгородской землѣ, кровь христіанская льется, смилуйся надъ отчиною своею, мечъ уйми, огонь утоли, чтобы кровь христіанская не лилась: господинъ государь, пожалуй! Да положилъ ты опалу на бояръ новгородскихъ и свелъ ихъ на Москву въ свой первый пріѣздъ: смилуйся, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Новгородъ Великій". Великій князь не отвѣчалъ посламъ ни слова, но позвалъ ихъ обѣдать. На другой день ходили они къ брату великокняжескому Андрею Меньшому съ подарками, чтобы просилъ брата за Новгородъ, и потомъ пришли къ великому князю съ просьбою, чтобы пожаловалъ—велѣлъ съ боярами поговорить: великій князь выслалъ къ нимъ троихъ бояръ на *говорку*. Послы предложили имъ такія условія: чтобы великій князь съѣздилъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ по 1000 рублей, велѣлъ бы судъ судить намѣстнику своему и посаднику въ городѣ, а чего они не управятъ, тому бы самъ князь великій управу чинилъ, когда пріѣдетъ на четвертый годъ, а чтобы позвовъ на Москву не было; чтобы князь великій не велѣлъ своимъ намѣстникамъ владычнихъ судовъ судить и посадничьихъ; чтобы великокняжескіе подданные въ тяжбахъ своихъ съ новгородцами судились предъ намѣстникомъ и посадникомъ въ городѣ, а не на Городищѣ».

Вмѣсто отвѣта, великій князь велѣлъ воеводамъ своимъ придвинуться къ Новгороду, занять городище и подгородные монастыри и, получивъ вѣсть, что приказаніе исполнено, велѣлъ сказать посламъ: «Сами вы знаете, что посылали къ намъ Назара подвойскаго и Захара, вѣчеваго дьяка, и назвали насъ великихъ князей себѣ государями; мы великіе князья, по вашей присылкѣ и челобитью, послали бояръ спросить васъ: какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что пословъ съ тѣмъ не посылывали, и говорили, что мы васъ притѣсняемъ. Но, кромѣ того, что вы объявили насъ лжецами, много и другихъ вашихъ къ намъ неисправленій и нечести... Захочетъ Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ, великимъ князьямъ, челомъ бить».

Послы отправились назадъ въ Новгородъ, а слѣдомъ за ними двинулся туда и великій князь. Новгородцамъ стало очень тяжко, потому что непріятель расположился въ ихъ же посадахъ и монастыряхъ, обхвативши городъ съ обѣихъ сторонъ. Не смотря на то, они сначала сѣли

всѣ въ осадѣ. Іоаннъ видѣлъ, что они укрѣпились хорошо, и потому не хотѣлъ брать города приступомъ, а рѣшился стоять подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока голодъ и тѣснота заставятъ осажденныхъ покориться. Въ Новгородѣ между тѣмъ народъ сталъ волноваться: одни хотѣли биться съ великимъ княземъ, а другіе покориться ему, и послѣднихъ оказалось больше, чѣмъ первыхъ. Вслѣдствіе этого, явился въ московскомъ станѣ опять владыка Ѳеофилъ съ посадниками и житыми; послы били челомъ, чтобы государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положитъ ему на сердце свою отчину жаловать? Отвѣтъ былъ прежній: «Захочетъ наша отчина бить намъ челомъ, и она знаетъ, какъ бить челомъ». Послы отправились назадъ въ городъ и на другой день возвратились съ повинною, что дѣйствительно Новгородъ посылалъ въ Москву Назара да Захара называть великаго князя государемъ, и потомъ заперся.—«Если такъ, велѣлъ отвѣчать имъ Іоаннъ: если ты, владыка, и вся наша отчина Великій Новгородъ сказались передъ нами виноватыми, и спрашиваете, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, Новгородѣ, то объявляемъ, что хотимъ такого же государства нашего и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ». Послы просили, чтобы великій князь отпустилъ ихъ въ городъ подумать, и дано имъ два дня на размышленіе. Послы возвратились съ новыми просьбами, съ новыми уступками. Великій князь велѣлъ отвѣчать имъ: «Сказано вамъ, что хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же, какое у насъ государство въ Низовой землѣ на Москвѣ; а вы теперь сами мнѣ указываете, какъ нашему государству у васъ быть. Какое же послѣ этого будетъ мое государство?» Послы отвѣчали: «Мы не указываемъ, и государству великихъ князей урока не кладемъ: но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, какъ ихъ государству въ немъ быть, потому что Великій Новгородъ низоваго обычая не знаетъ, не знаетъ, какъ наши государи великіе князья держатъ свое государство въ Низовой землѣ». «Государство наше таково, былъ отвѣтъ: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ Низовой землѣ, чтобы было на чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ, а которыя земли наши за вами, и вы ихъ намъ отдайте; вывода не бойтесь, въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ».

Шесть дней думали новгородцы объ этомъ государствѣ, наконецъ, 14 декабря, владыка съ посадниками явился и объявилъ, что вѣчевой колоколъ и посадника новгородцы отложили, только бы государь не выводилъ ихъ, въ вотчины ихъ, земли, воды и въ имущества не вступался, позвы отложилъ и службы имъ въ Низовую землю не наряжалъ. Великій князь всѣмъ этимъ ихъ пожаловалъ. Тогда они стали бить челомъ, чтобы государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому Новгороду, крестъ бы цѣловалъ, и получили въ отвѣтъ: „Не быть моему цѣлованію;" просили, чтобы бояре цѣловали крестъ,—и въ томъ получили отказъ; просили, чтобы, по крайней мѣрѣ, будущій намѣстникъ присягнулъ,—отказано и въ этомъ; наконецъ просили, чтобы великій князь позволилъ имъ возвратиться въ городъ и опять подумать—и этого позволенія не дано.

13 января 1478 г. пришелъ къ великому князю владыка со многими боярами, житыми, купцами, и принесъ присяжную запись: писалъ ее

дьякъ владычный, подписалъ владыка собственною рукою и печать свою приложилъ, приложили по печати и со всѣхъ пяти концевъ. Въ тотъ же день въ станѣ цѣловали крестъ на этой записи многіе бояре, житые и купцы передъ боярами великокняжескими. Намѣстниками въ Новгородѣ были назначены князья Иванъ Васильевичъ Стрига да братъ его Ярославъ Оболенскій, а чрезъ нѣсколько дней приданы были къ нимъ еще двое намѣстниковъ. Оболенскіе помѣстились на дворѣ Ярославовомъ, самъ же великій князь продолжалъ жить въ станѣ и два раза только въѣзжалъ въ Новгородъ для слушанія обѣдни у св. Софіи, потому что въ Новгородѣ былъ моръ. Передъ отъѣздомъ Іоаннъ велѣлъ схватить старосту купеческаго Марка Панфильева, боярыню Марѳу Борецкую съ внукомъ ея Василіемъ Ѳедоровымъ, еще пятерыхъ новгородцевъ, и отвезти ихъ въ Москву, имѣніе отписалъ на себя; забраны были и всѣ договоры, когда либо заключенные новгородцами съ кн. литовскими. 17 февраля тронулся Іоаннъ изъ стана, 5 марта пріѣхалъ въ Москву; за нимъ привезли изъ Новгорода вѣчевой колоколъ и подняли на колокольню на площади Кремлевской звонить вмѣстѣ съ другими колоколами.

Но не вдругъ могъ забыть Новгородъ свой прежній бытъ, и противная Москвѣ сторона ждала только перваго удобнаго случая, чтобы снова подняться. Этотъ удобный случай не замедлилъ представиться, когда въ 1477 году ханъ Золотой орды, въ союзѣ съ Казимиромъ литовскимъ, началъ грозить Москвѣ нашествіемъ, и когда братья великаго князя хотѣли также воспользоваться этимъ случаемъ для возвращенія себѣ старыхъ удѣльныхъ правъ. Іоанну дали тайно знать, что многіе новгородцы пересылаются и съ нѣмцами. Король обѣщалъ явиться съ полками и послалъ, съ одной стороны, къ хану Золотой орды, звать его на Москву, а съ другой къ папѣ съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе важной области къ римской церкви. Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ церквей польскихъ и литовскихъ. Іоаннъ хотѣлъ предупредить Казимира и застать врасплохъ новгородцевъ; взявъ съ собою только тысячу человѣкъ, онъ отправился 26 октября къ Новгороду *миромъ*, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны съ нѣмцами, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы въ Новгородѣ не узнали о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Не смотря на то, въ Бронницахъ онъ получилъ вѣсть, что новгородцы затворились и не намѣрены пускать его миромъ. Тогда Іоаннъ дождался полковъ своихъ и приступилъ къ городу, въ которомъ попрежнему имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ: они не хотѣли биться и перебѣгали къ москвичамъ: архіепископъ послалъ за опасною грамотою, но Іоаннъ отвѣчалъ: „Я самъ опасъ для невинныхъ и государь вашъ; отворите ворота: когда войду въ городъ, невинныхъ ничѣмъ не оскорблю.“ А между тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась. Наконецъ ворота отворились, и владыка, посадникъ, тысяцкій (ибо новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старосты пяти концовъ, бояре и народъ вышли на встрѣчу къ великому князю, пали ницъ и просили прощенія. Іоаннъ благословился у архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе: „Я, государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего“, и

отправился, по обычаю, къ св. Софіи, потомъ въ домъ Ефима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ враговъ Москвы были захвачены и пытаны. Тутъ только великій князь узналъ объ участіи владыки въ заговорѣ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ новгородцами. Өеофилъ былъ взятъ и отосланъ въ московскій Чудовъ монастырь подъ стражу; богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ заговорщиковъ подвергнулись смертной казни, 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы по низовьимъ городамъ. Но и этимъ дѣло не кончилось: въ 1481 году схвачены были четверо новгородскихъ бояръ; вражда сторонъ продолжалась, и слѣдствіемъ было то, что въ 1484 году сами же новгородцы прислали доносъ въ Москву, что нѣкоторые изъ ихъ согражданъ пересылались съ королемъ; по этому доносу человѣкъ тридцать большихъ и житыхъ людей было схвачено, домы ихъ разграблены, сами подвергнуты пыткѣ; когда ихъ приговорили къ смертной казни, то передъ висѣлицею стали они прощаться другъ съ другомъ и каяться, что напрасно клепали другъ на друга на пыткѣ. Услыхавъ объ этомъ, великій князь не велѣлъ ихъ вѣшать, но велѣлъ сковать и посадить въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе.

Въ 1487 году переведено изъ Новгорода во Владиміръ 50 семей лучшихъ купцовъ. Въ 1488 году привели изъ Новгорода въ Москву больше семи тысячъ житыхъ людей за то, что хотѣли убить намѣстника великокняжескаго. Нѣкоторыхъ намѣстникъ казнилъ еще въ Новгородѣ, другихъ казнили въ Москвѣ, остальныхъ отправили на житье въ Нижній, Владиміръ, Муромъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другіе города; на ихъ мѣсто посланы въ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ низовыхъ дѣти боярскіе и купцы.

LXXII. СВЕРЖЕНІЕ ТАТАРСКАГО ИГА.

(*Изъ «Исторія русскаго народа» Полеваго*).

Утративъ Новгородъ, Казимиръ вошелъ съ ханомъ Золотой орды Ахматомъ въ дружескія сношенія и возбуждалъ его на Русь, обѣщая сильную помощь. Еще въ 1465-мъ году Ахматъ собралъ-было свои полчища и пошелъ на Москву; но на берегахъ Дона встрѣтилъ его непримиримый врагъ, крымскій ханъ. Крымцы и ордынцы сразились, дрались, Москва осталась спокойною. Въ 1468 г. ордынцы набѣгали на Рязань и были отбиты. Еще не вступая тогда въ битву открытую, Іоаннъ послалъ предложить Ахмату миръ.

Но ханъ уже ничего не слушалъ и лѣтомъ 1472 года быстро пошелъ на Москву. Іоаннъ былъ готовъ къ отпору. Даніилъ Холмскій и Стрига-Оболенскій выступили 10 іюля къ берегамъ Оки. Мать и сынъ Іоанна удалились въ Ростовъ. Братья его двинулись за Холмскимъ. Узнавъ, что Ахматъ стоитъ уже близъ Оки съ полчищами многочисленными, 30 іюля выѣхалъ изъ Москвы самъ Іоаннъ и остановился въ Коломнѣ. Ахматъ окружилъ Алексинъ; жители соглашались дать ему окупа пять рублей. «Дайте еще шестой рубль женѣ моей!» говорилъ ханъ. Трусливый воевода алексинскій бѣжалъ, но жители не сдавались.

Монголы зажгли городъ и грабили его. Юрій, братъ Іоанна, и другіе воеводы плакали съ досады, видя невозможность перейдти черезъ рѣку и пособить храбрымъ алексинцамъ. Ободренные неподвижностью русскихъ, монголы бросились черезъ Оку вплавь, напали на русскій отрядъ и погнали его. Тутъ прискакалъ въ битву сынъ князя верейскаго, Василій Удалый, сбилъ монголовъ, вогналъ ихъ въ Оку. Разспрашивая плѣнныхъ, узнавъ, что самъ Іоаннъ идетъ съ вспомогательнымъ войскомъ, не видя Казимировой помощи, Ахматъ съ досадою поворотилъ, началъ отступать и наконецъ побѣжалъ, такъ что Іоаннъ велѣлъ преслѣдовать его, и монголы въ шесть дней достигли улусовъ своихъ, употребивъ шесть недѣль на походъ до береговъ Оки. Этимъ до времени заключились дѣла съ ордою.

Укротивъ Казань, покоривъ Новгородъ, помѣрявшись силою съ ордою, Іоаннъ не переставалъ обращать вниманіе на Казимира и монголовъ. Ни слова не было говорено съ королемъ польскимъ о томъ, что Новгородъ покорялся ему, и что Іоаннъ успѣлъ отнять у Польши эту богатую добычу, также и о томъ, что нашествіе ордынцевъ было слѣдствіемъ происковъ Казимира. Съ обѣихъ сторонъ соблюдали миръ, старались прекратить прямые поводы къ войнѣ, пересылали посланниковъ; что у Казимира было слѣдствіемъ безпечности и того, что онъ было занятъ совсѣмъ другими дѣлами въ Польшѣ, то у Іоанна оказалось дѣломъ политики дальновидной.

Онъ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсть себѣ неутомимаго, вѣрнаго союзника, поставилъ его гибельнымъ врагомъ Польши, сдѣлавъ въ то же время губителемъ Золотой орды, и съ надеждою побѣды могъ уже осмѣлиться на униженіе государства Витовтова и Ягайлова. Этотъ новый союзникъ Іоанна былъ крымскій ханъ Менгли-Гирей. Хаджи-Гирей, почитаемый родоначальникомъ крымскихъ хановъ, умеръ вскорѣ послѣ битвы съ Ахматомъ въ 1465 году. Послѣ него осталось шесть или восемь сыновей. Старшій, Нордулатъ, занялъ мѣсто отца и былъ низвергнутъ среднимъ братомъ своимъ, Менгли-Гиреемъ. Нордулатъ бѣжалъ въ Литву и искалъ покровительства Казимирова, который поступилъ чрезвычайно неосторожно: обласкалъ Нордулата и обѣщалъ помощь. Отсюда начало вражды Менгли-Гирея противъ Польши. Іоаннъ свѣдалъ о событіяхъ въ Крыму и началъ искать дружбы новаго хана. Менгли-Гирей радъ былъ дружбѣ Іоанна и прислалъ къ нему грамоту. Посолъ Менгли-Гирея въ 1473 г. въ Москвѣ утвердилъ первый дружескій оборонительный договоръ съ Крымомъ. Бояринъ Беклемишевъ поѣхалъ въ Крымъ съ соболями для подарковъ хану и его вельможахъ, условился о ежегодныхъ поминкахъ или подаркахъ, но не могъ уговорить Менгли-Гирея на войну противъ Польши; ханъ согласился на войну только противъ общаго врага Руси и Крыма—Золотой орды. Беклемишевъ возвратился съ новымъ посломъ ханскимъ и съ слѣдующею клятвенною записью: «Вышняго Бога волею, я, царь Менгли-Гирей, взялъ любовь, братство и вѣчный миръ съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ. Отъ дѣтей и на внучатъ быть намъ вездѣ заодно, другу другомъ, недругу недругомъ. Мнѣ, Менгли-Гирею, твоей земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевать, ни моимъ уланамъ, ни князьямъ, ни казакамъ; а безъ нашего вѣданія повоюютъ, намъ ихъ казнить, а взятое и головы людскія безъ окупа отдать. Пошлинъ между нами никакихъ нѣтъ, и

послы наши ходятъ безъ пошлинъ. Во всемъ томъ я Менгли-Гирей, съ моими уланами и съ князьями, тебѣ, брату Ивану, молвя крѣпкое слово, клятву далъ жить по сему ярлыку».

Іоаннъ отправилъ въ Крымъ боярина Старкова съ новыми подарками и подробными наставленіями. Льстя самолюбію Менгли-Гирея, онъ правилъ ему челобитья, называлъ его царемъ, хотя ханъ писалъ къ нему только поклонъ, называя его великимъ княземъ.

Но, дружески сносясь съ Менгли-Гиреемъ, Іоаннъ думалъ и о другомъ. Онъ принялъ къ себѣ казанскаго царевича Муртозу и далъ ему во владѣніе Новгородъ Рязанскій; принялъ также и врага Менгли-Гиреева Зенебека, увѣривъ Менгли-Гирея, что дѣлаетъ это для его безопасности. Іоаннъ не прекращалъ сношеній и съ Золотою ордою, даже изъявлялъ покорность хану Золотой орды.

Предосторожности Іоанновы вскорѣ оправдались. Братъ Менгли-Гирея, Айдаръ, напалъ на него нечаянно и заставилъ его бѣжать. Менгли-Гирей укрылся у генуэзцевъ въ Кафѣ и вскорѣ попалъ въ плѣнъ къ султану. Призванный врагами Генуи, турецкій флотъ осадилъ Кафу (въ 1475 г.), взялъ ее, и жители кафинскіе, а вмѣстѣ съ ними и Менгли-Гирей, увезены были въ Царьградъ. Это послужило, однакожь, къ счастію бѣднаго хана: султанъ полюбилъ его, велѣлъ ему признать власть оттоманскую и отправилъ его снова владѣть Крымомъ. Но бѣдствія Менгли-Гирея еще не кончились. Ахматъ уже ждалъ его со своими ордами, вступилъ въ Крымъ и принудилъ крымцевъ избрать въ ханы Зенебека, можетъ быть, нарочно отпущеннаго изъ Москвы въ это время Іоанномъ. По крайней мѣрѣ Зенебекъ, будучи ханомъ крымскимъ, смиренно относился къ Іоанну, какъ къ благодѣтелю своему, и, чувствуя непрочность своего владычества, просилъ дать ему пристанище въ Руси, если онъ лишится ханства. Іоаннъ послалъ возобновить съ нимъ союзъ, заключенный при Менгли-Гиреѣ, и велѣлъ сказать Зенебеку: «Я былъ тебѣ другомъ, когда ты скитался бездомнымъ казакомъ и спрашивалъ меня, дамъ ли я мѣсто отдохнуть коню твоему, если онъ утрудится, ѣздя по полямъ; буду другомъ твоимъ всегда». «Ты видишь власть мою»—говорилъ Іоанну Ахматъ чрезъ посла своего послѣ завоеванія Крыма, «видишь, что я все дѣлаю, что захочу. Не надѣйся на Крымъ; иди и преклонись предо мною въ ордѣ моей»! Іоаннъ не оказалъ гнѣва за гордыя слова, отвѣчалъ ласково, отправилъ посла хитрить съ Ахматомъ, и вскорѣ перемѣна обстоятельствъ дала Іоанну средства совершить предпріятіе важное. Менгли-Гирей изгналъ Зенебека, снова овладѣлъ Крымомъ и извѣстилъ объ этомъ Іоанна. Зенебекъ бѣжалъ въ Русь; Іоаннъ умѣлъ переманить къ себѣ изъ Литвы Нордулата и Айдара, держалъ ихъ въ почетномъ плѣну и спѣшилъ хвалиться этимъ передъ Менгли-Гиреемъ. «Держу, берегу враговъ твоихъ, и ты безопасенъ; заключимъ же договоръ, какъ старые друзья: ты воюй Литву и отвлеки Казимира, а я управлюсь съ Ахматомъ, злодѣемъ твоимъ». Менгли-Гирей соглашался на все, клялся въ этомъ послу Іоаннову, боярину Звенцу, и тайно принялъ отъ него особенную грамоту съ золотою печатою: въ этой грамотѣ Іоаннъ обѣщалъ, если Менгли-Гирей опять утратитъ Крымъ, принять его къ себѣ какъ друга и способствовать ему снова завоевать Крымъ.

Настало рѣшительное время. Судьба Золотой орды положена была на вѣсы судебъ. Послы Ахматовы горделиво явились въ Москвѣ; Іоаннъ

изорвалъ басму ханскую, прогналъ ихъ съ безчестіемъ и велѣлъ сказать Ахмату, чтобы онъ не смѣлъ посылалъ къ нему никого. Ахматъ изумился, не помнилъ себя отъ ярости, велѣлъ сбирать войско, клялся не оставить слѣдовъ Іоанна, переслался съ Литвою и въ 1480-мъ году собралъ все, что могъ собрать, оставивъ беззащитными свои волжскіе улусы. Казимиръ обѣщалъ помогать Ахмату; лѣтомъ Ахматъ выступилъ съ береговъ Волги наказать дерзкаго князя московскаго.

Тогда открылась вся дѣятельность ума Іоаннова и обширная его политика. Крымъ закипѣлъ ратниками; сильныя толпы Менгли-Гиреевы ворвались въ Подолію. Казимиру некогда уже было послѣ этого помогать Ахмату. Нордулатъ съ русскими и татарскими дружинами и съ воеводою Ноздреватымъ поплылъ по Волгѣ опустошать Ахматовы улусы. Объемля всѣ возможные способы дѣйствій, еще прежде, въ 1474 году, Іоаннъ отправилъ посла своего даже къ шаху персидскому, убѣждая его помогать въ войнѣ противъ волжской орды. Тѣмъ ревностнѣе сносился Іоаннъ съ ордами ногайскими, потомками Эдигеева заяицкаго царства, ненавидѣвшими Ахмата. Ногаи выступили немедленно, когда узнали о походѣ хана Золотой орды.

Такъ глубоко сообразилъ Іоаннъ свои предпріятія, хотя и былъ увѣренъ, что однѣхъ собственныхъ его силъ достанетъ управиться съ ордою. Ахматъ велъ, однакожъ, на Москву сильныя полчища. Надобно было противопоставить имъ силу. Іоаннъ не хотѣлъ ничего дѣлать на удачу, даже давать открытой битвы безъ предварительной увѣренности въ успѣхѣ. Онъ умѣлъ возбудить въ своихъ подданныхъ горячую ревность воинскую. Юный сынъ его, воеводы, войско, жители Москвы думали, что настало время Донскаго, и, какъ тогда, только храбрость и счастіе должны рѣшить борьбу; они видѣли въ походѣ Ахматовомъ нашествіе, подообное Мамаеву. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ лечь костьми за православную вѣру, и всѣхъ ревностнѣе дѣйствовало духовенство, не щадя пособій, словъ, молитвъ; оно благословляло, убѣждало идти сражаться съ погаными. Іоаннъ не выводилъ никого изъ заблужденія, думалъ иначе, но соглашался со всѣми. Іюня 8-го сынъ его выступилъ къ Серпухову; другіе воеводы заняли все теченіе Оки до впаденія въ нее рѣки Угры. Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы 23-го іюля и остановился въ Коломнѣ. Нетерпѣливо ждали въ Москвѣ извѣстія о побѣдѣ, о битвѣ великой; но время проходило, русскіе стояли по Окѣ и Угрѣ неподвижно и, къ ужасу, къ изумленію москвичей, Іоаннъ вдругъ возвратился въ Москву, велѣлъ сжечь посады московскіе, послалъ охранительныя дружины въ Переяславль, въ Дмитровъ, даже звалъ къ себѣ въ Москву сына своего и князя Даніила Холмскаго, знаменитѣйшаго изъ воеводъ. Уже и то непонравилось никому, что супруга и другіе дѣти Іоанна были отправлены въ дальній сѣверъ, и Софія, боясь неудачи въ битвахъ, поспѣшно ѣхала далѣе и далѣе. Новыя распоряженія Іоанновы показывали, что онъ ждетъ набѣга монголовъ на Москву и готовится къ осадѣ, слѣдственно, не надѣется устоять. «Государь оставляетъ войско, робѣетъ, не щадитъ насъ, спасаетъ только себя и дѣтей, не смѣетъ стать противъ врага». Такъ кричали москвитяне. Іоаннъ далъ имъ волю говорить, не поѣхалъ въ Кремль, остановился въ Красномъ селѣ, сказалъ, что пріѣхалъ въ Москву видѣться съ матерью и посовѣтоваться со святителями и боярами. «Нечего вамъ совѣтовать, надобно сражаться»! отвѣчали ему всѣ. Го-

рячѣе другихъ спорилъ Вассіанъ, архіепископъ ростовскій. Онъ называлъ Іоанна бѣгуномъ и грозилъ, что на него падетъ кровь, какую прольютъ татары. «Неужели смерти боишься?» восклицалъ Вассіанъ;— но человѣкъ не безсмертенъ и рока своего не прейдетъ ни человѣкъ, ни звѣрь, ни птица! Я старъ и дряхлъ, но дай мнѣ войска твои, я пойду, устыжу тебя, не отвращу лица моего отъ враговъ»! Негодуя на Іоанна, народъ кричалъ, что въ казну сбирали съ нихъ на дань татарскую какъ прежде, но великій князь не платилъ дани, разгнѣвалъ царя и теперь робѣетъ и бѣгаетъ отъ него. Всѣ хвалили поступокъ Холмскаго, который смѣло отвѣчалъ Іоанну на призывъ его въ Москву: «Волей не иду отъ войска!» Пылкій юноша сынъ Іоанна также велѣлъ сказать отцу: „Лучше умру здѣсь, но въ Москву не пойду". Между тѣмъ Іоаннъ спокойно распорядился въ Москвѣ, кончилъ опасную ссору съ братьями Андреемъ Старшимъ и Борисомъ и 3-го октября снова отправился изъ Москвы прямо на берега Угры.

Туда еще съ лѣта придвинулись всѣ силы Ахмата; но узнавъ, что берега Оки заняты русскимъ войскомъ, Ахматъ двигался далѣе къ западу отъ Оки къ Угрѣ, вошелъ наконецъ во владѣнія литовскія, звалъ Казимира, не смѣлъ переправляться ни черезъ Оку, ни черезъ Угру и бездѣйствовалъ. Лѣто прошло, наступила осень; монголы обносились, были голодны, терпѣли отъ холода. Октября 8-го они начинали битву, пуская черезъ Угру стрѣлы; имъ отвѣтствовали изъ пищалей, и Ахматъ прекратилъ дѣйствія, опять остановился, велѣлъ собирать припасы. Іоаннъ пріѣхалъ въ это время къ войску и, не уважая негодованія общаго, началъ переговоры съ ханомъ, сталъ просить у него мира, длить время. „Пусть придетъ онъ самъ", говорилъ Ахматъ, ободрясь, возгордясь снова и думая, что Іоаннъ въ самомъ дѣлѣ испугался; „пусть станетъ у моего стремени и молитъ о милости!" Іоаннъ не соглашался. Ахматъ становился сговорчивѣе; упрекалъ, что уже девять лѣтъ не платятъ ему дани, соглашался на миръ, если отдадутъ ее за всѣ протекшіе годы, и если хотя не самъ Іоаннъ, но сынъ его придетъ поклониться, или братъ, даже какой-нибудь знатный вельможа,—соглашался наконецъ, чтобы прислали къ нему Басенкова, который привозилъ ему посулы въ 1475 году. Іоаннъ прекратилъ переговоры и замолчалъ. Ахматъ еще разъ хотѣлъ пробраться черезъ Оку подъ Опаковымъ Городищемъ; опять монголовъ отбили. Октябрь миновалъ; морозы усилились; Ахматъ былъ въ отчаяніи, слыша, что Крымъ разоряетъ Литву, и Казимиру не до помощи. Онъ самъ началъ трепетать каждаго движенія русскихъ дружинъ, помышлялъ о походѣ обратномъ, но еще медлилъ въ нерѣшительности.

Извѣстія о предложеніи мира и покорности монголамъ привели Москву въ ужасное негодованіе. Духовенство отправило къ Іоанну пословъ. Вассіанъ написалъ длинное посланіе, заклиналъ не слушаться совѣта лукавыхъ льстецовъ, не страшиться силы Ахматовой, надѣяться на Бога и заступленіе Богоматери и святыхъ, молилъ Іоанна вспомнить о клятвѣ своей, приводилъ примѣры изъ русской исторіи, тексты священнаго писанія, даже слова философа Демокрита, который весьма мудро говаривалъ, что князю надобно имѣть въ дѣлахъ умъ, противъ непріятелей храбрость, а къ своей дружинѣ привѣтъ и любовь.

Іоаннъ прочиталъ посланіе и приказалъ отступить отъ береговъ Угры, которую многіе называли поясомъ Богородицы, охраняющимъ

землю Русскую. Угра уже покрылась льдомъ. Іоаннъ велѣлъ сбираться всѣмъ войскамъ къ Боровску, надѣясь, что Ахматъ бросится за отступающими; тамъ, на Боровскихъ равнинахъ, Іоаннъ хотѣлъ сражаться. Но Ахматъ былъ побѣжденъ безъ битвы. Видя поспѣшное отступленіе русскихъ, онъ боялся, что его заманиваютъ, обходятъ, и ноября 7-го поспѣшно бросился отъ береговъ Угры къ западу, не смѣя идти прямо во свояси, ибо онъ получилъ уже вѣсть о разореніи приволжскихъ улусовъ Нордулатомъ и движеніи ногаевъ на Волгу. Нордулатъ достигъ Сарайскихъ обиталищъ хана, жегъ, грабилъ, полонилъ, не смотря на увѣщанія монголовъ, говорившихъ ему: «Что ты дѣлаешь? Ты губишь родную мать свою въ угожденіе князю московскому!» Дружины Нордулата благополучно возвратились по Волгѣ, не встрѣтивъ даже никакого сопротивленія.

Полчищъ Ахмата не осталось слѣдовъ ни на Окѣ, ни на Угрѣ. Сынъ его Муртоза осмѣлился было на утекѣ напасть на одинъ русскій отрядъ, но бѣжалъ за отцомъ, слыша, что противъ него отовсюду двинулись полки русскіе.

Съ торжествомъ воротились дружины Іоанновы; въ благодареніе Богу за походъ 1480 года установили на вѣки совершать крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, въ 23-е іюня — день выступленія противъ Ахмата. Благодаря Менгли-Гирея за помощь, Іоаннъ извѣщалъ его о торжествѣ своемъ и погибели хана Золотой орды, общаго ихъ врага. Въ самомъ дѣлѣ, истомленный Іоанномъ, съ голодными, разсѣявшимися на обратномъ походѣ толпами, Ахматъ въ бѣшенствѣ грабилъ литовскія земли, по которымъ шелъ, и достигнувъ Дона, хотѣлъ зимовать на берегахъ его. Ногаи ждали его тамъ; напали на него ночью, убили самого Ахмата, взяли его женъ, обозъ, дѣтей и совершенно истребили остальныхъ воиновъ его. Іоаннъ благодарилъ хана Ногайской орды, послалъ ему и другимъ ногаимъ подарки и началъ съ ними дружескія сношенія.

Современники не поняли мудрой, изумительной политики Іоанна; не видали битвъ и думали, что Іоаннъ явно робѣлъ, простоявъ безъ дѣйствія все лѣто и осень и не думая сражаться. Они называли даже отступленіе Іоаннна къ Боровскому бѣгствомъ отъ враговъ и жаловались, что супруга Іоаннова не только бѣжала отъ страха татарскаго, но и не унимала боярскихъ холопей, сопровождавшихъ ее и обижавшихъ жителей. «Воздай Богъ по дѣламъ всякому, кто какъ дѣлалъ, а видно лучше любимъ мы женъ своихъ, нежели защиту церкви православной», говорятъ лѣтописцы. «Кто спасъ насъ отъ погибели?—Богъ и пречистая Богоматерь его, да угодники Божіи; пишемъ мы сіе не въ укоръ, но только ради того, что не долженъ никто хвалиться, несмысленный, и въ безуміи своемъ говорить: мы оружіемъ своимъ спасли землю Русскую! Умолкните, безумные; устыдитесь и воздайте лучше хвалу Богу Спасителю!» Болѣе всѣхъ заслужилъ похвалу современниковъ велерѣчивый Вассіанъ. Его посланіе списывали, почитая образцомъ краснорѣчія и ревности православной. Потомство судитъ безпристрастнѣе. Дѣйствіями Іоанна на вѣки исчезла Золотая Сарайская орда. Не взятіемъ Казани при Іоаннѣ Грозномъ, но усмиреніемъ ея въ 1469 году и походомъ на Угру въ 1480 году положенъ былъ предѣлъ власти ордынцевъ, исчезли дани, исчезъ и запустѣлъ Сарай. Остатки Ахматовой орды удали-

лись, съ сыновьями его, далѣе, къ Каспійскому морю, и основались въ Астрахани. Еще нѣсколько лѣтъ дѣти Ахмата назывались ордынскими ханами, замышляли вредить Крыму, заѣзжали даже за Днѣпръ, скитались по южнымъ областямъ Украйны. Но они были вездѣ преслѣдуемы, истребляемы, утратили потомъ самое названіе ордынскихъ, принявъ имя астраханскихъ хановъ. Но когда великое дѣло истребленія ордынцевъ занимало Іоанна, онъ не оставлялъ другихъ великихъ предпріятій. Таковы были: завоеваніе Перми, совершенное уничтоженіе вольности новгородской, истребленіе удѣловъ. Вездѣ видимъ одинаково осторожное мужество и свѣтлый умъ Іоанна, превышавшій современниковъ, ставившій его выше робкаго мнѣнія и малодушнаго ропота людей, не понимавшихъ дѣлъ и мудрости Іоанновой.

LXXIII. ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ЛИТОВСКОМУ ВЪ КОНЦѢ XV И ВЪ НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

(По соч. Карпова: «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ»).

Князья, притѣсняемые великимъ княземъ московскимъ, надѣялись на Литву и въ крайнемъ случаѣ бѣжали туда. Это вело къ тому, что въ договорныхъ грамотахъ великаго князя съ князьями имя короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира упоминается почти постоянно, какъ имя врага Ивана Васильевича, и особенно въ этомъ смыслѣ начинаетъ оно упоминаться послѣ похода Ахмата на Угру. Отъѣзжая изъ Россіи въ Литву, князья уносили туда съ собою только одни притязанія. Казимиръ не хотѣлъ имъ помогать въ желаніи ихъ возвратить свое прежнее значеніе, а только не отказывалъ въ хлѣбѣ и соли. Эту хлѣбъ-соль давали имъ въ видѣ владѣній, и при этомъ князья изъ самостоятельныхъ превращались въ служебныхъ. Самыми важными изъ нихъ были потомки старыхъ отъѣздчиковъ изъ Сѣверской Руси, Шемякинъ и Можайскій. Ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ въ удѣлъ Черниговъ, Стародубъ и другія мѣста, подъ бокомъ у Московскаго государства и на границѣ степей. Къ этимъ отъѣздчикамъ Иванъ Васильевичъ относился такъ, что почти во всѣхъ своихъ союзныхъ договорахъ поставлялъ условіемъ не принимать этихъ князей и не ссылаться съ ними.

Граница Московскаго государства съ Литвою при Иванѣ III до девяностыхъ годовъ XV столѣтія была опредѣлена договоромъ Василія Темнаго съ Казимиромъ. Такъ какъ Новгородъ и Тверь не были подчинены Москвѣ, то московская граница съ Литвою соприкасалась не во многихъ мѣстахъ: не входя въ подробности, ее можно опредѣлить такъ, что она шла отъ города Калуги и рѣки Угры почти прямою линіею къ Ржеву. На юго-западѣ отъ этой границы къ Днѣпру находились владѣнія многочисленныхъ князей, по большей части Рюриковичей; все это пространство земель носило оффиціальное названіе страны князей. Одни изъ этихъ князей имѣли родовыя владѣнія, а другіе—пожалованныя великими князьями литовскими. Князья, имѣвшіе родовыя владѣнія, опредѣляли свои родовыя отношенія къ своему верховному господину посредствомъ договоровъ. Договоры съ князьями новосильскими,

томъ, по поводу своего родства съ Ягеллонами, уяснилъ, что далъ за своею дочерью въ приданое всю Русь, которая находится подъ властью Польши и Литвы; но онъ, какъ государь всей Руси, все таки оставляетъ за собою право наблюдать, какъ управляютъ Русью и, находя, что дурно, началъ отнимать приданое дочери по кусочкамъ и завѣщалъ потомкамъ отобрать все. Это завѣщаніе тоже окончательно выполнила Екатерина II.

Въ ноябрѣ 1492 г. пріѣхало въ Москву литовское посольство. Содержаніемъ рѣчей пословъ было восшествіе на литовскій престолъ Александра и указанія на то, что на границахъ чинятся многія такія обиды, какихъ прежде и не бывало. Литовцы не хотѣли признавать существованіе войны и объявляли, что это—пограничныя обиды. Но посламъ еще наказаны были рѣчи, о которыхъ они проговорились въ первый день своего пребыванія въ Москвѣ. По обычаю, послѣ перваго слушанія, послы обѣдали у великаго князя, а потомъ ихъ угощали на подворьѣ. На этомъ пиру пьяные послы говорили о сватовствѣ и докончаніи. Начались переговоры о городахъ и волостяхъ, захваченныхъ москвичами у Литвы. Бояре объявили прежде, что все, что находится теперь во владѣніи обоихъ государствъ, должно быть оставлено за ними; но послы о самомъ важномъ прибыткѣ отъ Литвы, о Вязьмѣ, говорили слѣдующее: такъ какъ одни вяземскіе князья служатъ Литвѣ, другіе—Москвѣ, и ихъ владѣнія трудно разобрать, то «когда государи будутъ въ докончаніи и кровномъ связаніи, о Вязьмѣ смолву учинятъ и объищутъ, куды Вязьма изъ старины была, ино тогда одинъ другому поступится». Послѣ долгихъ споровъ послы уступили и написали Вязьму на сторону московскаго государя. Точно такъ же и бояре спустили о Мосальскѣ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ; о Новгородѣ постановили, что его граница по старымъ рубежамъ. Послѣ этого послы сказали боярамъ, что у нихъ есть посольство къ в. кн. Ивану о сватовствѣ. Затѣмъ послы были у великаго князя, подали вѣрующую грамоту, и старшій изъ нихъ говорилъ отъ имени Александра: „Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и докончаніе, какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ съ тобою еще лучшихъ отношеній: если на то воля Божья, далъ бы ты за насъ дочь свою, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной дружбѣ и радостной связи теперь и на вѣки». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: „Слышали мы ваши рѣчи и съ Божьею помощью хотимъ такого сближенія съ вашимъ государемъ; какъ Богъ захочетъ, такъ дѣло и будетъ". Московское правительство постоянно старалось отдѣлить дѣло мира отъ сватовства. Послы опять были у великаго князя, и бояре съ ними говорили о докончаніи и велѣли читать предъ ними образцовый списокъ договорной грамоты. Въ этомъ спискѣ в. кн. московскій былъ названъ государемъ всея Руси. Кажется, послы не возражали на это. Они похвалили списокъ и велѣли съ него писать начисто. При этомъ они выставили только требованіе, чтобы написать въ докончаніи постановленіе не принимать служебныхъ князей. Бояре дали на это согласіе и на томъ уложили. Послѣ этого отъ великаго князя вышелъ кн. Патрикѣевъ съ боярами говорить о сватовствѣ. Бояре сказали отъ имени государя: «Говорили вы отъ своего государя, чтобы намъ дать за него свою дочку, и мы, съ Божьею волею, хотимъ за него дать ее». Послы сказали: «Боже, то дай!» Тогда бояре начали говорить о законѣ гре-

бивъ волость. Князья мезецкіе, чтобы отнять этотъ плѣнъ, погнались за одоевскими, но тѣ противъ нихъ бои поставили. Въ Москвѣ отвѣчали, что князья одоевскіе сами жаловались на князей мезецкихъ, нападавшихъ на ихъ отчину.

Ссоры литовскихъ князей не разрѣшалъ ихъ государь, и за это дѣло взялся Иванъ Васильевичъ. Когда сѣверо-восточная Русь была объединена около Москвы, тогда тамъ не подымалось никакого шума—все было тихо; когда же великій князь литовскій сдѣлался врагомъ московскаго, назвавшаго себя „государемъ всея Руси", то къ ссорившимся литовскимъ служебнымъ князьямъ стали являться посланцы изъ Москвы съ объявленіемъ, что государь хочетъ ихъ жаловать, взять ихъ къ себѣ въ службу съ ихъ отчиною и ихъ беречь, что они могутъ воевать за свою обиду своихъ враговъ, и которые города возьмутъ, на тѣхъ городахъ имъ сидѣть; въ эти завоеванные города и въ ихъ собственные великій князь не будетъ вступаться, а будетъ только защищать. Соглашавшимся на эти предложенія князьямъ посланцы великаго князя давали «правду»; эту правду потомъ подтверждали бояре. Князья при этомъ обязывались инаго государя, кромѣ московскаго, не искать, и надъ воеводами, которыхъ къ нимъ пришлютъ, никакого лиха и хитрости не учинить. Для пріѣзда въ Москву князьямъ давались опасныя грамоты. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія начинаются отъѣзды князей изъ литовской службы въ московскую. Князья отъѣзжали при этомъ со своими отчинами, а московскій государь принималъ ихъ. Первый, начавшій это дѣло, былъ князь Иванъ Михайловичъ воротынскій. Послѣ отъѣзда онъ послалъ къ королю человѣка сложить съ себя свое крестное цѣлованіе. Король князя воротынскаго изъ крестнаго цѣлованія не выпустилъ, а жаловался Ивану III, что князь ограбилъ предъ отъѣздомъ смоленскихъ мѣщанъ. Отвѣчая на жалобы короля по поводу Воротынскаго, Иванъ III говорилъ: „Король Казимиръ напрасно называетъ князя Ивана Михайловича своимъ слугою и не хочетъ его выпустить изъ присяги; эти князья и прежде служили на обѣ стороны". Вскорѣ пріѣхалъ служить Москвѣ и другой Воротынскій, Димитрій Ѳеодоровичъ; послѣ него — князь Бѣльскій. Король не выпускалъ и этихъ князей изъ своей службы и объяснялъ московскому государю, что дѣлаетъ это на основаніи докончанія князей съ нимъ; тѣмъ болѣе онъ не признавалъ права отъѣзда съ отчинами, потому что, по докончанію, эти отчины, если и родъ княжескій прекратится, должны принадлежать Литовскому великому княжеству, да, наконецъ, и у князей владѣнія не всѣ родовыя, а многія жалованы имъ и ихъ отцамъ за службу королемъ.—Опираясь на обѣщаніе московскаго государя, князья, отъѣзжавшіе изъ литовской службы, вмѣстѣ съ князьями, давно служившими московскому государю и при помощи московскихъ пограничныхъ войскъ, начали мстить своимъ врагамъ и родственникамъ въ литовскихъ владѣніяхъ. Князь Воротынскій ограбилъ волости Брянскія; князь Бѣльскій, когда убѣжалъ изъ Литвы, тайно напалъ со многими людьми на отчину своего брата.

Литовскіе государи, разъ не умѣвшіе удержать князей въ своемъ подданствѣ вслѣдствіе того, что оставляли ихъ на произволъ судьбы, готовы были обратно принять ихъ къ себѣ, не обращая вниманія на то, что сами ихъ называли измѣнниками. Къ этимъ князьямъ подсылались

литовскіе агенты. Московскіе государи знали объ интригахъ и удерживали князей различными средствами, между прочимъ привязывали ихъ къ себѣ посредствомъ родственныхъ связей. Средствомъ удерживать князей были также московскія войска, которыя не выходили изъ Сѣверской области, подъ видомъ охраненія страны отъ литовцевъ и крымцевъ. Наконецъ князей постоянно окружали московскіе шпіоны; но самыми лучшими шпіонами у князей были сами же князья. Московское правительство не давало князьямъ воевать между собою, и потому они постоянно слали въ Москву другъ на друга доносы, обвиняя враговъ въ измѣнѣ и переговорахъ съ королемъ.

Понятно, что служебные князья не могли способствовать поддержанію добрыхъ отношеній между Литвою и Москвою; но главное, чего не могли забыть въ Литвѣ,—это полное подчиненіе Новгорода Москвѣ. Въ договорѣ Василія Васильевича съ Казимиромъ о Новгородѣ и Псковѣ было постановленно, что Казимиру въ Новгородъ и Псковъ не вступаться: захотятъ эти города отдаться королю, то ихъ не принимать; въ чемъ они королю сгрубятъ, то онъ, обославшись съ великимъ княземъ, можетъ съ ними вѣдаться, а послѣднему тогда за нихъ не вступаться; если псковичи и новгородцы будутъ воевать между собою, то въ ихъ ссоры королю не вступаться; если же въ чемъ новгородцы и псковичи сгрубятъ великому князю и захочетъ онъ ихъ казнить, то королю въ это дѣло не вступаться. Но въ Новгородѣ всегда была партія, смотрѣвшая на в. кн. литовскаго, какъ на естественнаго союзника, на тотъ случай, если бы притязанія Москвы перешли извѣстный предѣлъ. Такъ въ 1470 году былъ отправленъ посолъ къ королю Казимиру, чтобы онъ далъ князя въ Новгородъ. Казимиръ далъ имъ православнаго князя Михаила Олельковича. Этотъ князь былъ принятъ въ Новгородѣ честно. На вѣчѣ кричали: «Не хотимъ зваться отчиною великаго князя! Мы люди вольные, а в. кн. московскій намъ обиды многія чинитъ! Хотимъ за короля польскаго и в. кн. литовскаго Казимира!» Противники подобныхъ рѣчей говорили: «Нельзя тому быть, чтобы за короля отдаться и архіепископа поставить въ Кіевѣ». Новгородцы наконецъ почти совсѣмъ отступили отъ в. кн. московскаго къ кор. Казимиру. Казимиръ заключилъ съ вольными мужами, съ Великимъ Новгородомъ, договоръ, по которому обязывался держать Новгородъ по крестной грамотѣ. Иванъ III долженъ былъ предупредить все, что можетъ произойти изъ того, что хотя навремя литовскій князь усядется въ Новгородѣ. Начинать борьбу съ Новгородомъ Ивану III было тѣмъ возможнѣе, что въ самомъ Новгородѣ были люди, не мирволившіе Литвѣ и стоявшіе за Москву.

Война началась. Московскія войска пошли безпрепятственно по новгородскимъ землямъ, опустошая все на пути. Лѣто было жаркое, болота просохли и поэтому не мѣшали движеніямъ москвичей. Новгородское войско выступило къ Шелони и было разбито. По мѣрѣ дальнѣйшаго наступленія московской рати, для новгородцевъ зло войны все болѣе и болѣе увеличивалось; но въ Новгородѣ все спорили на вѣчѣ, и одни хотѣли быть за королемъ, другіе за великимъ княземъ. Когда же, 27 іюля, Иванъ Васильевичъ сталъ съ войскомъ на устьѣ Шелони, а псковитяне приближались къ Новгороду съ другой стороны, то въ шелонскій станъ явился нареченный архіепископъ Ѳеофилъ съ посадниками, тысяцкими и житьими людьми отъ всѣхъ концовъ новгородскихъ

съ челобитною о мирѣ. Вел. кн. Иванъ обѣщалъ сложить гнѣвъ къ Новгороду, отпустилъ плѣнныхъ безъ окупа и обѣщалъ держать Новгородъ по старинѣ, а все, что случилось во время войны, предать забвенію. Новгородцы обѣщались прервать всякія сношенія съ Литвою и еще тѣснѣе прежняго должны были примкнуть къ Москвѣ.

Спустя немного времени, самостоятельность Новгорода была окончательно уничтожена Иваномъ III. Хотя великій князь переселилъ многихъ новгородцевъ съ ихъ семьями во внутреннія области, и этими переселенцами были, безъ сомнѣнія, лица, болѣе другихъ выдвигавшіяся своими литовскими или вообще анти-московскими симпатіями, тѣмъ не менѣе полное спокойствіе водворилось не сразу. Но дальнѣйшія попытки новгородцевъ воротить прежнюю независимость съ помощью Литвы оказывались вполнѣ неудачными и въ самомъ зародышѣ подавляемы были Иваномъ.

Но что дѣлалъ Казимиръ? На него надѣялись новгородцы, отъ него они ждали спасенія; онъ же обѣщалъ имъ помочь, какъ обѣщалъ Ахмату и братьямъ великаго князя, но никому не помогъ. Есть основаніе думать, что Казимиру даны были обѣщанія различныхъ уступокъ со стороны Московскаго государства,—обѣщанія, которыя потомъ взяты были назадъ. Когда возникли переговоры между Москвою и Литвою о вѣчномъ мирѣ уже послѣ кончины Казимира, при в. кн. литовскомъ Александрѣ Казимировичѣ, то литовскимъ посламъ велѣно было настаивать, чтобы московскій государь поступился Луками и Ржевомъ и возвратилъ Новгороду положеніе, опредѣляемое договорами Василія II съ Казимиромъ. Если послы не въ состояніи будутъ этого отстоять, то велѣно имъ поступиться и написать Инфлянты на сторону литовскаго государя, точно такъ же, какъ московскій напишетъ на свою сторону Новгородъ; въ концѣ же концовъ, если въ Москвѣ будутъ ужь очень крѣпко упираться, то уступить все. Послѣднее условіе объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ хотѣли остановить наступательное на нее движеніе Москвы посредствомъ брака Александра съ дочерью Ивана III и поэтому готовы были утвердить всѣ прежнія пріобрѣтенія не только молчаливымъ согласіемъ, но и посредствомъ договора. Въ дѣлѣ о сватовствѣ московскіе бояре, черезъ которыхъ шли переговоры, стояли твердо на своемъ, намекая литовскимъ посламъ, что сватовство возможно лишь послѣ соглашенія, признающаго за Москвою право обладать тѣмъ, что дали ей ея успѣхи.

Послѣдній посолъ, который при Казимирѣ ѣздилъ въ Литву изъ Москвы, былъ Берсень. Онъ уже не засталъ Казимира въ живыхъ и поэтому воротился. Въ это время дѣятельность князей, отъѣхавшихъ отъ литовскаго подданства въ московское, продолжалась однообразно: при помощи московскихъ войскъ, одинъ городъ за другимъ захватывался. Литовское правительство не считало, что у него съ московскимъ идетъ война; но все же нужно было думать о томъ, какъ остановить такое движеніе восточнаго сосѣда. Для этой цѣли придумали особенное средство, именно брачную политику. Интригою легко опутать ребенка, человѣка слабаго нравственными силами; но при столкновеніи съ человѣкомъ степеннымъ она оказывается недѣйствительной, сама собою падаетъ и притомъ вредитъ именно тому, кто интригуетъ. Когда была пущена противъ Ивана III интрига въ формѣ брачной системы, то онъ съ самаго начала извлекъ изъ нея всевозможную пользу для себя, а по-

томъ, по поводу своего родства съ Ягеллонами, уяснилъ, что далъ за своею дочерью въ приданое всю Русь, которая находится подъ властью Польши и Литвы; но онъ, какъ государь всей Руси, все таки оставляетъ за собою право наблюдать, какъ управляютъ Русью и, находя, что дурно, началъ отнимать приданое дочери по кусочкамъ и завѣщалъ потомкамъ отобрать все. Это завѣщаніе тоже окончательно выполнила Екатерина II.

Въ ноябрѣ 1492 г. пріѣхало въ Москву литовское посольство. Содержаніемъ рѣчей пословъ было восшествіе на литовскій престолъ Александра и указанія на то, что на границахъ чинятся многія такія обиды, какихъ прежде и не бывало. Литовцы не хотѣли признавать существованіе войны и объявляли, что это—пограничныя обиды. Но посламъ еще наказаны были рѣчи, о которыхъ они проговорились въ первый день своего пребыванія въ Москвѣ. По обычаю, послѣ перваго слушанія, послы обѣдали у великаго князя, а потомъ ихъ угощали на подворьѣ. На этомъ пиру пьяные послы говорили о сватовствѣ и докончаніи. Начались переговоры о городахъ и волостяхъ, захваченныхъ москвичами у Литвы. Бояре объявили прежде, что все, что находится теперь во владѣніи обоихъ государствъ, должно быть оставлено за ними; но послы о самомъ важномъ прибыткѣ отъ Литвы, о Вязьмѣ, говорили слѣдующее: такъ какъ одни вяземскіе князья служатъ Литвѣ, другіе—Москвѣ, и ихъ владѣнія трудно разобрать, то «когда государи будутъ въ докончаніи и кровномъ связаніи, о Вязьмѣ смолву учинятъ и объищутъ, куды Вязьма изъ старины была, ино тогда одинъ другому поступится». Послѣ долгихъ споровъ послы уступили и написали Вязьму на сторону московскаго государя. Точно такъ же и бояре спустили о Мосальскѣ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ; о Новгородѣ постановили, что его граница по старымъ рубежамъ. Послѣ этого послы сказали боярамъ, что у нихъ есть посольство къ в. кн. Ивану о сватовствѣ. Затѣмъ послы были у великаго князя, подали вѣрующую грамоту, и старшій изъ нихъ говорилъ отъ имени Александра: „Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и докончаніе, какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ съ тобою еще лучшихъ отношеній: если на то воля Божья, далъ бы ты за насъ дочь свою, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной дружбѣ и радостной связи теперь и на вѣки». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: „Слышали мы ваши рѣчи и съ Божьею помощью хотимъ такого сближенія съ вашимъ государемъ; какъ Богъ захочетъ, такъ дѣло и будетъ". Московское правительство постоянно старалось отдѣлить дѣло мира отъ сватовства. Послы опять были у великаго князя, и бояре съ ними говорили о докончаніи и велѣли читать предъ ними образцовый списокъ договорной грамоты. Въ этомъ спискѣ в. кн. московскій былъ названъ государемъ всея Руси. Кажется, послы не вовражали на это. Они похвалили списокъ и велѣли съ него писать начисто. При этомъ они выставили только требованіе, чтобы написать въ докончаніи постановленіе не принимать служебныхъ князей. Бояре дали на это согласіе и на томъ уложили. Послѣ этого отъ великаго князя вышелъ кн. Патрикѣевъ съ боярами говорить о сватовствѣ. Бояре сказали отъ имени государя: «Говорили вы отъ своего государя, чтобы намъ дать за него свою дочку, и мы, съ Божьею волею, хотимъ за него дать ее». Послы сказали: «Боже, то дай!» Тогда бояре начали говорить о законѣ гре-

ческомъ и римскомъ, чтобы великой княжнѣ въ томъ отъ государя неволи не было: была бы она въ своемъ греческомъ законѣ. Послы объявили: «Той неволѣ не быть, и наши головы въ томъ порука; а какъ будутъ послы отъ государя нашего, то и крѣпость на томъ учинятъ». Такимъ образомъ состоялось соглашеніе насчетъ брака и вслѣдъ затѣмъ обрученіе, при которомъ священники читали молитвы, и мѣсто Александра заступалъ панъ Гаштольдъ, одинъ изъ литовскихъ пословъ.

Вскорѣ затѣмъ отправилось изъ Москвы въ Литву посольство для присутствованія при присягѣ Александра на договорѣ. Пріобрѣтенія Москвы были значительны: между псковскими, новгородскими и тверскими областями, отчинами московскаго государя, границы шли по старымъ рубежамъ; далѣе граница шла отъ Ржева на юговостокъ дугою, оставя Вязьму и Рославль въ московскихъ владѣніяхъ, а Брянскъ въ литовскихъ. Но для насъ не столько важны земельныя пріобрѣтенія, утвержденныя этимъ договоромъ за Москвою, какъ то, что тутъ намѣчена исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Московскаго государства къ Польско-Литовскому; тутъ собственно начинается ихъ новая исторія. Стремленіе къ прекращенію средневѣковыхъ отношеній государствъ впервые высказали литовцы именно тѣмъ, что они, хотя побужденные необходимостью, поставили условіе, что впередъ служебныхъ князей съ отчинами не принимать и тѣмъ дѣлали препятствіе одному изъ старыхъ, средневѣковыхъ порядковъ. Мало того, они допустили употребленіе въ договорѣ титула „Государя всея Руси“ и притомъ, за брачный союзъ Александра съ дочерью Ивана Васильевича, поторопились еще дать обѣщаніе о греческомъ законѣ. Это обѣщаніе развилось впослѣдствіи въ главное отношеніе и право вмѣшательства москвичей во внутреннія дѣла Польско-Литовскаго государства, какъ покровителей лицъ, принадлежащихъ къ восточной церкви. Это новое право развилось въ дѣйствительное обязательство; послѣднему способствовало то, что литовцы, давши собственно право слѣдить за чистотою православія одной Елены, своими поступками и неосмотрительностью, въ родѣ того, что они постоянно оправдывались, что въ Литвѣ православныхъ не нудятъ къ римскому закону, такъ сказать, показали москвичамъ, что они признаютъ дѣйствительно, во всей цѣлости, за ними право защитниковъ православія.

9-го марта 1494 года отправилось изъ Москвы посольство съ громаднымъ поѣздомъ. Оно ѣхало для присутствованія при цѣлованіи креста Александромъ на договорѣ о мирѣ и по случаю сватовства. Послы должны были говорить отъ Ивана Васильевича Александру: «Мы, съ Божьею помощью, даемъ свою дочь за тебя и обручили ее съ тобою твоими послами. Мы здѣсь твоимъ посламъ велѣли говорить о греческомъ законѣ, и послы сказали, что держать нашей дочери греческій законъ, и отъ тебя ей въ томъ неволи не будетъ. Да послы взяли съ собою и списокъ, какую тебѣ дать грамоту о греческомъ законѣ за своею печатью, и ты бы далъ ее намъ». Московскимъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, чтобы в. кн. Александръ далъ такую же грамоту слово въ слово по списку, а если онъ не захочетъ дать грамоты, то о ней не стоять, а утвердить его рѣчами, чтобы крѣпкое слово молвилъ, что Еленѣ въ вѣрѣ неволи не будетъ. А начнутъ боярамъ говорить о срокѣ, когда по княжну пріѣзжать, то назначить срокъ; не ранѣе Петрова или Ильина дня (29 іюня, 20 іюля); если захотятъ позднѣе, то

на ихъ волѣ“. Переговоры о грамотѣ, которую литовцы дали только тогда, когда еще нѣсколько разъ обмѣнялись посольствами съ Москвою, затянули отъѣздъ Елены въ Литву. Только на крещеніе 1495 г. пріѣхало въ Москву посольство за княжной. Послы были спрошены, кому вѣнчать молодыхъ, и сказали, что вѣнчать великаго князя бискупу, а княжну—митрополиту, а если его не будетъ, то владыкѣ. 13-го января, послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, на которой присутствовали великій князь съ великой княгиней, снохою, дѣтьми и боярами, было прощаніе. Великій князь, стоя у правыхъ дверей, подозвалъ къ себѣ пановъ и говорилъ имъ ту же рѣчь къ Александру, что и прежде. Послѣ этого они вышли на помостъ, у котораго стояла тапкана (экипажъ), долженствовавшая везти Елену въ Литву. Здѣсь, простившись съ дочерью, великій князь давалъ руку панамъ и приказалъ передать отъ себя Александру поклонъ, а отъ дѣтей челобитье. Въ третьемъ часу дня, Елена, сопровождаемая громаднымъ обозомъ съ вещами, выѣхала изъ Москвы.

Отпуская въ Литву дочь свою, Иванъ далъ ей списокъ съ своихъ рѣчей, что говорилъ посламъ о греческомъ законѣ, и, кромѣ того, увѣщевалъ «въ латинскую божницу не ходить, а ходить въ свою церковь; а захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь, то посмотрѣть разъ или два, а больше не ходить. Будетъ въ Вильнѣ мать Александра, и когда пойдетъ къ своей божницѣ и прикажетъ Еленѣ идти съ собою, то проводить свекровь до божницы и потомъ вѣжливо отпрашиваться въ свою церковь, а въ божницу не ходить“. Да кромѣ того иныя многія рѣчи говорилъ Иванъ III своей дочери, чтобы она крѣпко держалась своей вѣры.

Во главѣ посольства къ Александру находились: кн. Семенъ Ряполовскій и Михайло Русалка; съ ними ѣхали ихъ жены. Посламъ было наказано, чтобы по дорогѣ княжна заходила въ соборныя церкви и монастыри. Данъ былъ также подробный наказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свадьбы, а главное то, что Елена, на вопросъ бискупа при вѣнчаніи о томъ, любъ ли ей в. кн. Александръ, должна отвѣчать: «Любъ мнѣ и не оставить мнѣ его до живота, никоторыя ради болѣзни, опричь греческаго закона; держать мнѣ греческій законъ, а ему меня къ римскому не нудить». Кн. Ряполовскій долженъ былъ сказать при этомъ бискупу, чтобы и в. кн. Александру у того же вопроса молвилъ, что ему къ римскому закону жены не нудить. Остальные пункты наказа были въ томъ же тонѣ.

Всѣ требованія московскаго правительства во время сватовства, повидимому, исполнились. Но Ряполовскому съ товарищами велѣно было послѣ свадьбы просить Александра, отъ имени в. кн. московскаго, чтобы онъ построилъ православную церковь во дворцѣ и дозволилъ боярамъ съ ихъ женами, дворецкому и инымъ людямъ побыть у Елены, пока она попривыкнетъ. Первая просьба не была уважена, на томъ основаніи, что есть законъ, возбраняющій увеличивать число православныхъ церквей, и нарушать его не годится тѣмъ болѣе, что близъ дворца есть церковь, въ которую можетъ ходить великая княгиня. Этимъ въ Москвѣ были крайне огорчены, и когда въ маѣ пріѣхалъ литовскій посолъ, то ему выражено было неудовольствіе отъ великаго князя, причемъ еще прибавлялось, что изъ Вильны стараются выжить русскихъ людей, пріи-

рячѣе другихъ спорилъ Вассіанъ, архіепископъ ростовскій. Онъ называлъ Іоанна бѣгуномъ и грозилъ, что на него падетъ кровь, какую прольютъ татары. «Неужели смерти боишься?» восклицалъ Вассіанъ;—«но человѣкъ не безсмертенъ и рока своего не прейдетъ ни человѣкъ, ни звѣрь, ни птица! Я старъ и дряхлъ, но дай мнѣ войска твои, я пойду, устыжу тебя, не отвращу лица моего отъ враговъ»! Негодуя на Іоанна, народъ кричалъ, что въ казну сбирали съ нихъ на дань татарскую какъ прежде, но великій князь не платилъ дани, разгнѣвалъ царя и теперь робѣетъ и бѣгаетъ отъ него. Всѣ хвалили поступокъ Холмскаго, который смѣло отвѣчалъ Іоанну на призывъ его въ Москву: «Волей не иду отъ войска!» Пылкій юноша сынъ Іоанна также велѣлъ сказать отцу: „Лучше умру здѣсь, но въ Москву не пойду“. Между тѣмъ Іоаннъ спокойно распорядился въ Москвѣ, кончилъ опасную ссору съ братьями Андреемъ Старшимъ и Борисомъ и 3-го октября снова отправился изъ Москвы прямо на берега Угры.

Туда еще съ лѣта придвинулись всѣ силы Ахмата; но узнавъ, что берега Оки заняты русскимъ войскомъ, Ахматъ двигался далѣе къ западу отъ Оки къ Угрѣ, вошелъ наконецъ во владѣнія литовскія, звалъ Казимира, не смѣлъ переправляться ни черезъ Оку, ни черезъ Угру и бездѣйствовалъ. Лѣто прошло, наступила осень; монголы обносились, были голодны, терпѣли отъ холода. Октября 8-го они начинали битву, пуская черезъ Угру стрѣлы; имъ отвѣтствовали изъ пищалей, и Ахматъ прекратилъ дѣйствія, опять остановился, велѣлъ собирать припасы. Іоаннъ пріѣхалъ въ это время къ войску и, не уважая негодованія общаго, началъ переговоры съ ханомъ, сталъ просить у него мира, длить время. „Пусть придетъ онъ самъ“, говорилъ Ахматъ, ободрясь, возгордясь снова и думая, что Іоаннъ въ самомъ дѣлѣ испугался; „пусть станетъ у моего стремени и молитъ о милости!“ Іоаннъ не соглашался. Ахматъ становился сговорчивѣе; упрекалъ, что уже девять лѣтъ не платятъ ему дани, соглашался на миръ, если отдадутъ ее за всѣ протекшіе годы, и если хотя не самъ Іоаннъ, но сынъ его придетъ поклониться, или братъ, даже какой-нибудь знатный вельможа,—соглашался наконецъ, чтобы прислали къ нему Басенкова, который привозилъ ему посулы въ 1475 году. Іоаннъ прекратилъ переговоры и замолчалъ. Ахматъ еще разъ хотѣлъ пробраться черезъ Оку подъ Опаковымъ Городищемъ; опять монголовъ отбили. Октябрь миновалъ; морозы усилились; Ахматъ былъ въ отчаяніи, слыша, что Крымъ разоряетъ Литву, и Казимиру не до помощи. Онъ самъ началъ трепетать каждаго движенія русскихъ дружинъ, помышлялъ о походѣ обратномъ, но еще медлилъ въ нерѣшительности.

Извѣстія о предложеніи мира и покорности монголамъ привели Москву въ ужасное негодованіе. Духовенство отправило къ Іоанну пословъ. Вассіанъ написалъ длинное посланіе, заклиналъ не слушаться совѣта лукавыхъ льстецовъ, не страшиться силы Ахматовой, надѣяться на Бога и заступленіе Богоматери и святыхъ, молилъ Іоанна вспомнить о клятвѣ своей, приводилъ примѣры изъ русской исторіи, тексты священнаго писанія, даже слова философа Демокрита, который весьма мудро говаривалъ, что князю надобно имѣть въ дѣлахъ умъ, противъ непріятелей храбрость, а къ своей дружинѣ привѣтъ и любовь.

Іоаннъ прочиталъ посланіе и приказалъ отступить отъ береговъ Угры, которую многіе называли поясомъ Богородицы, охраняющимъ

землю Русскую. Угра уже покрылась льдомъ. Іоаннъ велѣлъ сбираться всѣмъ войскамъ къ Боровску, надѣясь, что Ахматъ бросится за отступающими; тамъ, на Боровскихъ равнинахъ, Іоаннъ хотѣлъ сражаться. Но Ахматъ былъ побѣжденъ безъ битвы. Видя поспѣшное отступленіе русскихъ, онъ боялся, что его заманиваютъ, обходятъ, и ноября 7-го поспѣшно бросился отъ береговъ Угры къ западу, не смѣя идти прямо во свояси, ибо онъ получилъ уже вѣсть о разореніи приволжскихъ улусовъ Нордулатомъ и движеніи ногаевъ на Волгу. Нордулатъ достигъ Сарайскихъ обиталищъ хана, жегъ, грабилъ, полонилъ, не смотря на увѣщанія монголовъ, говорившихъ ему: «Что ты дѣлаешь? Ты губишь родную мать свою въ угожденіе князю московскому!» Дружины Нордулата благополучно возвратились по Волгѣ, не встрѣтивъ даже никакого сопротивленія.

Полчищъ Ахмата не осталось слѣдовъ ни на Окѣ, ни на Угрѣ. Сынъ его Муртоза осмѣлился было на утекѣ напасть на одинъ русскій отрядъ, но бѣжалъ за отцомъ, слыша, что противъ него отовсюду двинулись полки русскіе.

Съ торжествомъ воротились дружины Іоанновы; въ благодареніе Богу за походъ 1480 года установили на вѣки совершать крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, въ 23-е іюня — день выступленія противъ Ахмата. Благодаря Менгли-Гирея за помощь, Іоаннъ извѣщалъ его о торжествѣ своемъ и погибели хана Золотой орды, общаго ихъ врага. Въ самомъ дѣлѣ, истомленный Іоанномъ, съ голодными, разсѣявшимися на обратномъ походѣ толпами, Ахматъ въ бѣшенствѣ грабилъ литовскія земли, по которымъ шелъ, и достигнувъ Дона, хотѣлъ зимовать на берегахъ его. Ногаи ждали его тамъ; напали на него ночью, убили самого Ахмата, взяли его женъ, обозъ, дѣтей и совершенно истребили остальныхъ воиновъ его. Іоаннъ благодарилъ хана Ногайской орды, послалъ ему и другимъ ногаямъ подарки и началъ съ ними дружескія сношенія.

Современники не поняли мудрой, изумительной политики Іоанна; не видали битвъ и думали, что Іоаннъ явно робѣлъ, простоявъ безъ дѣйствія все лѣто и осень и не думая сражаться. Они называли даже отступленіе Іоаннна къ Боровскому бѣгствомъ отъ враговъ и жаловались, что супруга Іоаннова не только бѣжала отъ страха татарскаго, но и не унимала боярскихъ холопей, сопровождавшихъ ее и обижавшихъ жителей. «Воздай Богъ по дѣламъ всякому, кто какъ дѣлалъ, а видно лучше любимъ мы женъ своихъ, нежели защиту церкви православной», говорятъ лѣтописцы. «Кто спасъ насъ отъ погибели?—Богъ и пречистая Богоматерь его, да угодники Божіи; пишемъ мы сіе не въ укоръ, но только ради того, что не долженъ никто хвалиться, несмысленный, и въ безуміи своемъ говорить: мы оружіемъ своимъ спасли землю Русскую! Умолкните, безумные; устыдитесь и воздайте лучше хвалу Богу Спасителю!» Болѣе всѣхъ заслужилъ похвалу современниковъ велерѣчивый Вассіанъ. Его посланіе списывали, почитая образцомъ краснорѣчія и ревности православной. Потомство судитъ безпристрастнѣе. Дѣйствіями Іоанна на вѣки исчезла Золотая Сарайская орда. Не взятіемъ Казани при Іоаннѣ Грозномъ, но усмиреніемъ ея въ 1469 году и походомъ на Угру въ 1480 году положенъ былъ предѣлъ власти ордынцевъ, исчезли дани, исчезъ и запустѣлъ Сарай. Остатки Ахматовой орды удали-

лись, съ сыновьями его, далѣе, къ Каспійскому морю, и основались въ Астрахани. Еще нѣсколько лѣтъ дѣти Ахмата назывались ордынскими ханами, замышляли вредить Крыму, заѣзжали даже за Днѣпръ, скитались по южнымъ областямъ Украйны. Но они были вездѣ преслѣдуемы, истребляемы, утратили потомъ самое названіе ордынскихъ, принявъ имя астраханскихъ хановъ. Но когда великое дѣло истребленія ордынцевъ занимало Іоанна, онъ не оставлялъ другихъ великихъ предпріятій. Таковы были: завоеваніе Перми, совершенное уничтоженіе вольности новгородской, истребленіе удѣловъ. Вездѣ видимъ одинаково осторожное мужество и свѣтлый умъ Іоанна, превышавшій современниковъ, ставившій его выше робкаго мнѣнія и малодушнаго ропота людей, не понимавшихъ дѣлъ и мудрости Іоанновой.

LXXIII. ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ЛИТОВСКОМУ ВЪ КОНЦѢ XV И ВЪ НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

(По соч. Карпова: «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ»).

Князья, притѣсняемые великимъ княземъ московскимъ, надѣялись на Литву и въ крайнемъ случаѣ бѣжали туда. Это вело къ тому, что въ договорныхъ грамотахъ великаго князя съ князьями имя короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира упоминается почти постоянно, какъ имя врага Ивана Васильевича, и особенно въ этомъ смыслѣ начинаетъ оно упоминаться послѣ похода Ахмата на Угру. Отъѣзжая изъ Россіи въ Литву, князья уносили туда съ собою только одни притязанія. Казимиръ не хотѣлъ имъ помогать въ желаніи ихъ возвратить свое прежнее значеніе, а только не отказывалъ въ хлѣбѣ и соли. Эту хлѣбъ-соль давали имъ въ видѣ владѣній, и при этомъ князья изъ самостоятельныхъ превращались въ служебныхъ. Самыми важными изъ нихъ были потомки старыхъ отъѣздчиковъ изъ Сѣверской Руси, Шемякинъ и Можайскій. Ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ въ удѣлъ Черниговъ, Стародубъ и другія мѣста, подъ бокомъ у Московскаго государства и на границѣ степей. Къ этимъ отъѣздчикамъ Иванъ Васильевичъ относился такъ, что почти во всѣхъ своихъ союзныхъ договорахъ поставлялъ условіемъ не принимать этихъ князей и не ссылаться съ ними.

Граница Московскаго государства съ Литвою при Иванѣ III до девяностыхъ годовъ XV столѣтія была опредѣлена договоромъ Василія Темнаго съ Казимиромъ. Такъ какъ Новгородъ и Тверь не были подчинены Москвѣ, то московская граница съ Литвою соприкасалась не во многихъ мѣстахъ: не входя въ подробности, ее можно опредѣлить такъ, что она шла отъ города Калуги и рѣки Угры почти прямою линіею къ Ржеву. На юго-западѣ отъ этой границы къ Днѣпру находились владѣнія многочисленныхъ князей, по большей части Рюриковичей; все это пространство земель носило оффиціальное названіе страны князей. Одни изъ этихъ князей имѣли родовыя владѣнія, а другіе—пожалованныя великими князьями литовскими. Князья, имѣвшіе родовыя владѣнія, опредѣляли свои родовыя отношенія къ своему верховному господину посредствомъ договоровъ. Договоры съ князьями новосильскими,

замѣтилъ церковные толки, подобные тѣмъ, какіе были въ Москвѣ. Умы книжниковъ заняты были споромъ объ аллилуйѣ. Во Псковѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли на всенощной пѣть: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже!» или «аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже!» Принимавшіе первый способъ «трегубили» аллилуію, а принимавшіе второй—«сугубили» ее. Сугубшіе опирались на томъ, будто аллилуіа въ переводѣ значитъ: слава тебѣ Боже! (между тѣмъ аллуліа, какъ извѣстно, означаетъ: хвалите Господа) и укоряли своихъ противниковъ, что они, произнося аллилуію, вмѣсто трехъ разъ, четыре раза, четверятъ Троицу и, такимъ образомъ, впадаютъ въ ересь. Ожесточеніе между партіями дошло до того, что трегубившіе, составлявшіе большинство, запрещали на рынкѣ продавать съѣстные припасы сугубившимъ. Книжники или такъ называемые „философы", державшіеся трегубія, толковали, что ихъ противники заимствовали отъ латинъ свое сугубіе. Споръ этотъ изо Пскова перешелъ и въ Новгородъ. Геннадій принялъ въ немъ участіе и поручилъ переводчику Димитрію Герасимову, ѣздившему за границу, изслѣдовать: дѣйствитеелно ли въ западной церкви двоятъ аллилуію? Но Герасимовъ привезъ ему отвѣтъ, что, по воззрѣнію западной церкви, все равно, что двоить, что троить аллилуію. Споръ этимъ, конечно, не порѣшился: сугубившіе съ своей стороны обвиняли трегубившихъ не только въ латинствѣ, но въ жидовствѣ и даже въ язычествѣ. Вопросъ объ аллилуіѣ перешелъ въ грядущія столѣтія и соединился со многими другими вопросами, составившими въ свое время сущность старообрядческаго раскола.

Въ православной церкви во всѣ времена господствовала обширная обрядность, сложная символика, поклоненіе священнымъ предметамъ и монашескій взглядъ на богоугодную нравственность. При невѣжествѣ народа, это, естественно, давало русской религіозности характеръ перевѣса формы надъ содержаніемъ, выраженія надъ мыслью. Все это перешло къ намъ съ византійскою литературою, но принесло у насъ своеобразные плоды: такія явленія, какъ споры „о хожденіи посолонь" или „объ аллилуйѣ" исключительно принадлежатъ русской жизни. Но съ тою же византійскою литературою заходили къ намъ и взгляды совершенно противоположные: ихъ можно прослѣдить въ разныхъ переводныхъ и подражательныхъ сочиненіяхъ, доступныхъ въ свое время только немногимъ, по причинѣ малограмотности. Взгляды эти клонилось, обратно, къ перевѣсу содержанія надъ формою, ставили внутреннее благочестіе выше внѣшняго, христіанскую нравственность выше многомоленія и поста, и обличали безплодность обряда самого по себѣ, не осмысленнаго. Въ то время, когда монашествующая набожность боялась діавола, находились люди, писавшіе: «Все въ человѣкѣ, какъ доброе, такъ и злое, отъ самого человѣка, а діаволъ не можетъ отвлечь человѣка отъ добра и привлечь на зло». Тогда какъ большинство проповѣдывало, что для спасенія души нужно безпрестанно читать молитвы, удручать плоть постомъ, подвергать себя добровольной нищетѣ и лишеніямъ, раздавались такія смѣлыя рѣчи: «Какой успѣхъ человѣку морить себя голодомъ и не дѣлать добрыхъ дѣлъ? Угоднѣе Богу кормить голоднаго, чѣмъ изсушать свою собственную плоть, оказывать помощь вдовицамъ, нежели изнурять свои члены, избавлять отъ томленія бѣдняковъ, чѣмъ томиться самому... Старайся лучше внутренній постъ хранить, чѣмъ воздерживаться отъ яствъ

бивъ волость. Князья мезецкіе, чтобы отнять этотъ плѣнъ, погнались за одоевскими, но тѣ противъ нихъ бои поставили. Въ Москвѣ отвѣчали, что князья одоевскіе сами жаловались на князей мезецкихъ, нападавшихъ на ихъ отчину.

Ссоры литовскихъ князей не разрѣшалъ ихъ государь, и за это дѣло взялся Иванъ Васильевичъ. Когда сѣверо-восточная Русь была объединена около Москвы, тогда тамъ не поднималось никакого шума—все было тихо; когда же великій князь литовскій сдѣлался врагомъ московскаго, назвавшаго себя „государемъ всея Руси", то къ ссорившимся литовскимъ служебнымъ князьямъ стали являться посланцы изъ Москвы съ объявленіемъ, что государь хочетъ ихъ жаловать, взять ихъ къ себѣ въ службу съ ихъ отчиною и ихъ беречь, что они могутъ воевать за свою обиду своихъ враговъ, и которые города возьмутъ, на тѣхъ городахъ имъ сидѣть; въ эти завоеванные города и въ ихъ собственные великій князь не будетъ вступаться, а будетъ только защищать. Соглашавшимся на эти предложенія князьямъ посланцы великаго князя давали «правду»; эту правду потомъ подтверждали бояре. Князья при этомъ обязывались инаго государя, кромѣ московскаго, не искать, и надъ воеводами, которыхъ къ нимъ пришлютъ, никакого лиха и хитрости не учинить. Для пріѣзда въ Москву князьямъ давались опасныя грамоты. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія начинаются отъѣзды князей изъ литовской службы въ московскую. Князья отъѣзжали при этомъ со своими отчинами, а московскій государь принималъ ихъ. Первый, начавшій это дѣло, былъ князь Иванъ Михайловичъ воротынскій. Послѣ отъѣзда онъ послалъ къ королю человѣка сложить съ себя свое крестное цѣлованіе. Король князя воротынскаго изъ крестнаго цѣлованія не выпустилъ, а жаловался Ивану III, что князь пограбилъ предъ отъѣздомъ смоленскихъ мѣщанъ. Отвѣчая на жалобы короля по поводу Воротынскаго, Иванъ III говорилъ: „Король Казимиръ напрасно называетъ князя Ивана Михайловича своимъ слугою и не хочетъ его выпустить изъ присяги; эти князья и прежде служили на обѣ стороны". Вскорѣ пріѣхалъ служить Москвѣ и другой Воротынскій, Димитрій Ѳеодоровичъ; послѣ него — князь Бѣльскій. Король не выпускалъ и этихъ князей изъ своей службы и объяснялъ московскому государю, что дѣлаетъ это на основаніи докончанія князей съ нимъ; тѣмъ болѣе онъ не признавалъ права отъѣзда съ отчинами, потому что, по докончанію, эти отчины, если и родъ княжескій прекратится, должны принадлежать Литовскому великому княжеству, да, наконецъ, и у князей владѣнія не всѣ родовыя, а многія жалованы имъ и ихъ отцамъ за службу королемъ.—Опираясь на обѣщаніе московскаго государя, князья, отъѣзжавшіе изъ литовской службы, вмѣстѣ съ князьями, давно служившими московскому государю и при помощи московскихъ пограничныхъ войскъ, начали мстить своимъ врагамъ и родственникамъ въ литовскихъ владѣніяхъ. Князь Воротынскій ограбилъ волости Брянскія; князь Бѣльскій, когда убѣжалъ изъ Литвы, тайно напалъ со многими людьми на отчину своего брата.

Литовскіе государи, разъ не умѣвшіе удержать князей въ своемъ подданствѣ вслѣдствіе того, что оставляли ихъ на произволъ судьбы, готовы были обратно принять ихъ къ себѣ, не обращая вниманія на то, что сами ихъ называли измѣнниками. Къ этимъ князьямъ подсылались

литовскіе агенты. Московскіе государи знали объ интригахъ и удерживали князей различными средствами, между прочимъ привязывали ихъ къ себѣ посредствомъ родственныхъ связей. Средствомъ удерживать князей были также московскія войска, которыя не выходили изъ Сѣверской области, подъ видомъ охраненія страны отъ литовцевъ и крымцевъ. Наконецъ князей постоянно окружали московскіе шпіоны; но самыми лучшими шпіонами у князей были сами же князья. Московское правительство не давало князьямъ воевать между собою, и потому они постоянно слали въ Москву другъ на друга доносы, обвиняя враговъ въ измѣнѣ и переговорахъ съ королемъ.

Понятно, что служебные князья не могли способствовать поддержанію добрыхъ отношеній между Литвою и Москвою; но главное, чего не могли забыть въ Литвѣ,—это полное подчиненіе Новгорода Москвѣ. Въ договорѣ Василія Васильевича съ Казимиромъ о Новгородѣ и Псковѣ было постановленно, что Казимиру въ Новгородъ и Псковъ не вступаться: захотятъ эти города отдаться королю, то ихъ не принимать; въ чемъ они королю сгрубятъ, то онъ, обославшись съ великимъ княземъ, можетъ съ ними вѣдаться, а послѣднему тогда за нихъ не вступаться; если псковичи и новгородцы будутъ воевать между собою, то въ ихъ ссоры королю не вступаться; если же въ чемъ новгородцы и псковичи сгрубятъ великому князю и захочетъ онъ ихъ казнить, то королю въ это дѣло не вступаться. Но въ Новгородѣ всегда была партія, смотрѣвшая на в. кн. литовскаго, какъ на естественнаго союзника, на тотъ случай, если бы притязанія Москвы перешли извѣстный предѣлъ. Такъ въ 1470 году былъ отправленъ посолъ къ королю Казимиру, чтобы онъ далъ князя въ Новгородъ. Казимиръ далъ имъ православнаго князя Михаила Олельковича. Этотъ князь былъ принятъ въ Новгородѣ честно. На вѣчѣ кричали: «Не хотимъ зваться отчиною великаго князя! Мы люди вольные, а в. кн. московскій намъ обиды многія чинитъ! Хотимъ за короля польскаго и в. кн. литовскаго Казимира!» Противники подобныхъ рѣчей говорили: «Нельзя тому быть, чтобы за короля отдаться и архіепископа поставить въ Кіевѣ». Новгородцы наконецъ почти совсѣмъ отступили отъ в. кн. московскаго къ кор. Казимиру. Казимиръ заключилъ съ вольными мужами, съ Великимъ Новгородомъ, договоръ, по которому обязывался держать Новгородъ по крестной грамотѣ. Иванъ III долженъ былъ предупредить все, что можетъ произойти изъ того, что хотя навремя литовскій князь усядется въ Новгородѣ. Начинать борьбу съ Новгородомъ Ивану III было тѣмъ возможнѣе, что въ самомъ Новгородѣ были люди, не мирволившіе Литвѣ и стоявшіе за Москву.

Война началась. Московскія войска пошли безпрепятственно по новгородскимъ землямъ, опустошая все на пути. Лѣто было жаркое, болота просохли и поэтому не мѣшали движеніямъ москвичей. Новгородское войско выступило къ Шелони и было разбито. По мѣрѣ дальнѣйшаго наступленія московской рати, для новгородцевъ зло войны все болѣе и болѣе увеличивалось; но въ Новгородѣ все спорили на вѣчѣ, и одни хотѣли быть за королемъ, другіе за великимъ княземъ. Когда же, 27 іюля, Иванъ Васильевичъ сталъ съ войскомъ на устьѣ Шелони, а псковитяне приближались къ Новгороду съ другой стороны, то въ шелонскій станъ явился нареченный архіепископъ Ѳеофилъ съ посадниками, тысяцкими и житьими людьми отъ всѣхъ концовъ новгородскихъ

съ челобитною о мирѣ. Вел. кн. Иванъ обѣщалъ сложить гнѣвъ къ Новгороду, отпустилъ плѣнныхъ безъ окупа и обѣщалъ держать Новгородъ по старинѣ, а все, что случилось во время войны, предать забвенію. Новгородцы обѣщались прервать всякія сношенія съ Литвою и еще тѣснѣе прежняго должны были примкнуть къ Москвѣ.

Спустя немного времени, самостоятельность Новгорода была окончательно уничтожена Иваномъ III. Хотя великій князь переселилъ многихъ новгородцевъ съ ихъ семьями во внутреннія области, и этими переселенцами были, безъ сомнѣнія, лица, болѣе другихъ выдвигавшіяся своими литовскими или вообще анти-московскими симпатіями, тѣмъ не менѣе полное спокойствіе водворилось не сразу. Но дальнѣйшія попытки новгородцевъ воротить прежнюю независимость съ помощью Литвы оказывались вполнѣ неудачными и въ самомъ зародышѣ подавляемы были Иваномъ.

Но что дѣлалъ Казимиръ? На него надѣялись новгородцы, отъ него они ждали спасенія; онъ же обѣщалъ имъ помочь, какъ обѣщалъ Ахмату и братьямъ великаго князя, но никому не помогъ. Есть основаніе думать, что Казимиру даны были обѣщанія различныхъ уступокъ со стороны Московскаго государства,—обѣщанія, которыя потомъ взяты были назадъ. Когда возникли переговоры между Москвою и Литвою о вѣчномъ мирѣ уже послѣ кончины Казимира, при в. кн. литовскомъ Александрѣ Казимировичѣ, то литовскимъ посламъ велѣно было настаивать, чтобы московскій государь поступился Луками и Ржевомъ и возвратилъ Новгороду положеніе, опредѣляемое договорами Василія II съ Казимиромъ. Если послы не въ состояніи будутъ этого отстоять, то велѣно имъ поступиться и написать Инфлянты на сторону литовскаго государя, точно такъ же, какъ московскій напишетъ на свою сторону Новгородъ; въ концѣ же концовъ, если въ Москвѣ будутъ ужь очень крѣпко упираться, то уступить все. Послѣднее условіе объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ хотѣли остановить наступательное на нее движеніе Москвы посредствомъ брака Александра съ дочерью Ивана III и поэтому готовы были утвердить всѣ прежнія пріобрѣтенія не только молчаливымъ согласіемъ, но и посредствомъ договора. Въ дѣлѣ о сватовствѣ московскіе бояре, черезъ которыхъ шли переговоры, стояли твердо на своемъ, намекая литовскимъ посламъ, что сватовство возможно лишь послѣ соглашенія, признающаго за Москвою право обладать тѣмъ, что дали ей ея успѣхи.

Послѣдній посолъ, который при Казимирѣ ѣздилъ въ Литву изъ Москвы, былъ Берсень. Онъ уже не засталъ Казимира въ живыхъ и поэтому воротился. Въ это время дѣятельность князей, отъѣхавшихъ отъ литовскаго подданства въ московское, продолжалась однообразно: при помощи московскихъ войскъ, одинъ городъ за другимъ захватывался. Литовское правительство не считало, что у него съ московскимъ идетъ война; но все же нужно было думать о томъ, какъ остановить такое движеніе восточнаго сосѣда. Для этой цѣли придумали особенное средство, именно брачную политику. Интригою легко опутать ребенка, человѣка слабаго нравственными силами; но при столкновеніи съ человѣкомъ степеннымъ она оказывается недѣйствительной, сама собою падаетъ и притомъ вредитъ именно тому, кто интригуетъ. Когда была пущена противъ Ивана III интрига въ формѣ брачной системы, то онъ съ самаго начала извлекъ изъ нея всевозможную пользу для себя, а по-

томъ, по поводу своего родства съ Ягеллонами, уяснилъ, что далъ за своею дочерью въ приданое всю Русь, которая находится подъ властью Польши и Литвы; но онъ, какъ государь всей Руси, все таки оставляетъ за собою право наблюдать, какъ управляютъ Русью и, находя, что дурно, началъ отнимать приданое дочери по кусочкамъ и завѣщалъ потомкамъ отобрать все. Это завѣщаніе тоже окончательно выполнила Екатерина II.

Въ ноябрѣ 1492 г. пріѣхало въ Москву литовское посольство. Содержаніемъ рѣчей пословъ было восшествіе на литовскій престолъ Александра и указанія на то, что на границахъ чинятся многія такія обиды, какихъ прежде и не бывало. Литовцы не хотѣли признавать существованіе войны и объявляли, что это—пограничныя обиды. Но посламъ еще наказаны были рѣчи, о которыхъ они проговорились въ первый день своего пребыванія въ Москвѣ. По обычаю, послѣ перваго слушанія, послы обѣдали у великаго князя, а потомъ ихъ угощали на подворьѣ. На этомъ пиру пьяные послы говорили о сватовствѣ и докончаніи. Начались переговоры о городахъ и волостяхъ, захваченныхъ москвичами у Литвы. Бояре объявили прежде, что все, что находится теперь во владѣніи обоихъ государствъ, должно быть оставлено за ними; но послы о самомъ важномъ прибыткѣ отъ Литвы, о Вязьмѣ, говорили слѣдующее: такъ какъ одни вяземскіе князья служатъ Литвѣ, другіе—Москвѣ, и ихъ владѣнія трудно разобрать, то «когда государи будутъ въ докончаніи и кровномъ связаніи, о Вязьмѣ смолву учинятъ и объищутъ, куды Вязьма изъ старины была, ино тогда одинъ другому поступится». Послѣ долгихъ споровъ послы уступили и написали Вязьму на сторону московскаго государя. Точно такъ же и бояре спустили о Мосальскѣ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ; о Новгородѣ постановили, что его граница по старымъ рубежамъ. Послѣ этого послы сказали боярамъ, что у нихъ есть посольство къ в. кн. Ивану о сватовствѣ. Затѣмъ послы были у великаго князя, подали вѣрующую грамоту, и старшій изъ нихъ говорилъ отъ имени Александра: „Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и докончаніе, какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ съ тобою еще лучшихъ отношеній: если на то воля Божья, далъ бы ты за насъ дочь свою, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной дружбѣ и радостной связи теперь и на вѣки». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: „Слышали мы ваши рѣчи и съ Божьею помощью хотимъ такого сближенія съ вашимъ государемъ; какъ Богъ захочетъ, такъ дѣло и будетъ“. Московское правительство постоянно старалось отдѣлить дѣло мира отъ сватовства. Послы опять были у великаго князя, и бояре съ ними говорили о докончаніи и велѣли читать предъ ними образцовый списокъ договорной грамоты. Въ этомъ спискѣ в. кн. московскій былъ названъ государемъ всея Руси. Кажется, послы не возражали на это. Они похвалили списокъ и велѣли съ него писать начисто. При этомъ они выставили только требованіе, чтобы написать въ докончаніи постановленіе не принимать служебныхъ князей. Бояре дали на это согласіе и на томъ уложили. Послѣ этого отъ великаго князя вышелъ кн. Патрикѣевъ съ боярами говорить о сватовствѣ. Бояре сказали отъ имени государя: «Говорили вы отъ своего государя, чтобы намъ дать за него свою дочку, и мы, съ Божьею волею, хотимъ за него дать ее». Послы сказали: «Боже, то дай!» Тогда бояре начали говорить о законѣ гре-

ческомъ и римскомъ, чтобы великой княжнѣ въ томъ отъ государя неволи не было: была бы она въ своемъ греческомъ законѣ. Послы объявили: «Той неволѣ не быть, и наши головы въ томъ порука; а какъ будутъ послы отъ государя нашего, то и крѣпость на томъ учинятъ». Такимъ образомъ состоялось соглашеніе насчетъ брака и вслѣдъ затѣмъ обрученіе, при которомъ священники читали молитвы, и мѣсто Александра заступалъ панъ Гаштольдъ, одинъ изъ литовскихъ пословъ.

Вскорѣ затѣмъ отправилось изъ Москвы въ Литву посольство для присутствованія при присягѣ Александра на договорѣ. Пріобрѣтенія Москвы были значительны: между псковскими, новгородскими и тверскими областями, отчинами московскаго государя, границы шли по старымъ рубежамъ; далѣе граница шла отъ Ржева на юговостокъ дугою, оставя Вязьму и Рославль въ московскихъ владѣніяхъ, а Брянскъ въ литовскихъ. Но для насъ не столько важны земельныя пріобрѣтенія, утвержденныя этимъ договоромъ за Москвою, какъ то, что тутъ намѣчена исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Московскаго государства къ Польско-Литовскому; тутъ собственно начинается ихъ новая исторія. Стремленіе къ прекращенію средневѣковыхъ отношеній государствъ впервые высказали литовцы именно тѣмъ, что они, хотя побужденные необходимостью, поставили условіе, что впередъ служебныхъ князей съ отчинами не принимать и тѣмъ дѣлали препятствіе одному изъ старыхъ, средневѣковыхъ порядковъ. Мало того, они допустили употребленіе въ договорѣ титула „Государя всея Руси" и притомъ, за брачный союзъ Александра съ дочерью Ивана Васильевича, поторопились еще дать обѣщаніе о греческомъ законѣ. Это обѣщаніе развилось впослѣдствіи въ главное отношеніе и право вмѣшательства москвичей во внутреннія дѣла Польско-Литовскаго государства, какъ покровителей лицъ, принадлежащихъ къ восточной церкви. Это новое право развилось въ дѣйствительное обязательство; послѣднему способствовало то, что литовцы, давши собственно право слѣдить за чистотою православія одной Елены, своими поступками и неосмотрительностью, въ родѣ того, что они постоянно оправдывались, что въ Литвѣ православныхъ не нудятъ къ римскому закону, такъ сказать, показали москвичамъ, что они признаютъ дѣйствительно, во всей цѣлости, за ними право защитниковъ православія.

9-го марта 1494 года отправилось изъ Москвы посольство съ громаднымъ поѣздомъ. Оно ѣхало для присутствованія при цѣлованіи креста Александромъ на договорѣ о мирѣ и по случаю сватовства. Послы должны были говорить отъ Ивана Васильевича Александру: «Мы, съ Божьею помощью, даемъ свою дочь за тебя и обручили ее съ тобою твоими послами. Мы здѣсь твоимъ посламъ велѣли говорить о греческомъ законѣ, и послы сказали, что держать нашей дочери греческій законъ, и отъ тебя ей въ томъ неволи не будетъ. Да послы взяли съ собою и списокъ, какую тебѣ дать грамоту о греческомъ законѣ за своею печатью, и ты бы далъ ее намъ». Московскимъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, чтобы в. кн. Александръ далъ такую же грамоту слово въ слово по списку, а если онъ не захочетъ дать грамоты, то о ней не стоять, а утвердить его рѣчами, чтобы крѣпкое слово молвилъ, что Еленѣ въ вѣрѣ неволи не будетъ. А начнутъ боярамъ говорить о срокѣ, когда по княжну пріѣзжать, то назначить срокъ; не ранѣе Петрова или Ильина дня (29 іюня, 20 іюля); если захотятъ позднѣе, то

на ихъ волѣ". Переговоры о грамотѣ, которую литовцы дали только тогда, когда еще нѣсколько разъ обмѣнялись посольствами съ Москвою, затянули отъѣздъ Елены въ Литву. Только на крещеніе 1495 г. пріѣхало въ Москву посольство за княжной. Послы были спрошены, кому вѣнчать молодыхъ, и сказали, что вѣнчать великаго князя бискупу, а княжну—митрополиту, а если его не будетъ, то владыкѣ. 13-го января, послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, на которой присутствовали великій князь съ великой княгиней, снохою, дѣтьми и боярами, было прощаніе. Великій князь, стоя у правыхъ дверей, подозвалъ къ себѣ пановъ и говорилъ имъ ту же рѣчь къ Александру, что и прежде. Послѣ этого они вышли на помостъ, у котораго стояла тапкана (экипажъ), долженствовавшая везти Елену въ Литву. Здѣсь, простившись съ дочерью, великій князь давалъ руку панамъ и приказалъ передать отъ себя Александру поклонъ, а отъ дѣтей челобитье. Въ третьемъ часу дня, Елена, сопровождаемая громаднымъ обозомъ съ вещами, выѣхала изъ Москвы.

Отпуская въ Литву дочь свою, Иванъ далъ ей списокъ съ своихъ рѣчей, что говорилъ посламъ о греческомъ законѣ, и, кромѣ того, увѣщевалъ «въ латинскую божницу не ходить, а ходить въ свою церковь; а захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь, то посмотрѣть разъ или два, а больше не ходить. Будетъ въ Вильнѣ мать Александра, и когда пойдетъ къ своей божницѣ и прикажетъ Еленѣ идти съ собою, то проводить свекровь до божницы и потомъ вѣжливо отпрашиваться въ свою церковь, а въ божницу не ходить". Да кромѣ того иныя многія рѣчи говорилъ Иванъ III своей дочери, чтобы она крѣпко держалась своей вѣры.

Во главѣ посольства къ Александру находились: кн. Семенъ Ряполовскій и Михайло Русалка; съ ними ѣхали ихъ жены. Посламъ было наказано, чтобы по дорогѣ княжна заходила въ соборныя церкви и монастыри. Данъ былъ также подробный наказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свадьбы, а главное то, что Елена, на вопросъ бискупа при вѣнчаніи о томъ, любъ ли ей в. кн. Александръ, должна отвѣчать: «Любъ мнѣ и не оставить мнѣ его до живота, никоторыя ради болѣзни, опричь греческаго закона; держать мнѣ греческій законъ, а ему меня къ римскому не нудить». Кн. Ряполовскій долженъ былъ сказать при этомъ бискупу, чтобы и в. кн. Александру у того же вопроса молвилъ, что ему къ римскому закону жены не нудить. Остальные пункты наказа были въ томъ же тонѣ.

Всѣ требованія московскаго правительства во время сватовства, повидимому, исполнились. Но Ряполовскому съ товарищами велѣно было послѣ свадьбы просить Александра, отъ имени в. кн. московскаго, чтобы онъ построилъ православную церковь во дворцѣ и дозволилъ боярамъ съ ихъ женами, дворецкому и инымъ людямъ побыть у Елены, пока она попривыкнетъ. Первая просьба не была уважена, на томъ основаніи, что есть законъ, возбраняющій увеличивать число православныхъ церквей, и нарушать его не годится тѣмъ болѣе, что близъ дворца есть церковь, въ которую можетъ ходить великая княгиня. Этимъ въ Москвѣ были крайне огорчены, и когда въ маѣ пріѣхалъ литовскій посолъ, то ему выражено было неудовольствіе отъ великаго князя, причемъ еще прибавлялось, что изъ Вильны стараются выжить русскихъ людей, прі-

рячѣе другихъ спорилъ Вассіанъ, архіепископъ ростовскій. Онъ называлъ Іоанна бѣгуномъ и грозилъ, что на него падетъ кровь, какую прольютъ татары. «Неужели смерти боишься?» восклицалъ Вассіанъ;—«но человѣкъ не безсмертенъ и рока своего не прейдетъ ни человѣкъ, ни звѣрь, ни птица! Я старъ и дряхлъ, но дай мнѣ войска твои, я пойду, устыжу тебя, не отвращу лица моего отъ враговъ»! Негодуя на Іоанна, народъ кричалъ, что въ казну сбирали съ нихъ на дань татарскую какъ прежде, но великій князь не платилъ дани, разгнѣвалъ царя и теперь робѣетъ и бѣгаетъ отъ него. Всѣ хвалили поступокъ Холмскаго, который смѣло отвѣчалъ Іоанну на призывъ его въ Москву: «Волей не иду отъ войска!» Пылкій юноша сынъ Іоанна также велѣлъ сказать отцу: „Лучше умру здѣсь, но въ Москву не пойду". Между тѣмъ Іоаннъ спокойно распорядился въ Москвѣ, кончилъ опасную ссору съ братьями Андреемъ Старшимъ и Борисомъ и 3-го октября снова отправился изъ Москвы прямо на берега Угры.

Туда еще съ лѣта придвинулись всѣ силы Ахмата; но узнавъ, что берега Оки заняты русскимъ войскомъ, Ахматъ двигался далѣе къ западу отъ Оки къ Угрѣ, вошелъ наконецъ во владѣнія литовскія, звалъ Казимира, не смѣлъ переправляться ни черезъ Оку, ни черезъ Угру и бездѣйствовалъ. Лѣто прошло, наступила осень; монголы обносились, были голодны, терпѣли отъ холода. Октября 8-го они начинали битву, пуская черезъ Угру стрѣлы; имъ отвѣтствовали изъ пищалей, и Ахматъ прекратилъ дѣйствія, опять остановился, велѣлъ собирать припасы. Іоаннъ пріѣхалъ въ это время къ войску и, не уважая негодованія общаго, началъ переговоры съ ханомъ, сталъ просить у него мира, длить время. „Пусть придетъ онъ самъ", говорилъ Ахматъ, ободрясь, возгордясь снова и думая, что Іоаннъ въ самомъ дѣлѣ испугался; „пусть станетъ у моего стремени и молитъ о милости!" Іоаннъ не соглашался. Ахматъ становился сговорчивѣе; упрекалъ, что уже девять лѣтъ не платятъ ему дани, соглашался на миръ, если отдадутъ ее за всѣ протекшіе годы, и если хотя не самъ Іоаннъ, но сынъ его придетъ поклониться, или братъ, даже какой-нибудь знатный вельможа,—соглашался наконецъ, чтобы прислали къ нему Басенкова, который привозилъ ему посулы въ 1475 году. Іоаннъ прекратилъ переговоры и замолчалъ. Ахматъ еще разъ хотѣлъ пробраться черезъ Оку подъ Опаковымъ Городищемъ; опять монголовъ отбили. Октябрь миновалъ; морозы усилились; Ахматъ былъ въ отчаяніи, слыша, что Крымъ разоряетъ Литву, и Казимиру не до помощи. Онъ самъ началъ трепетать каждаго движенія русскихъ дружинъ, помышлялъ о походѣ обратномъ, но еще медлилъ въ нерѣшительности.

Извѣстія о предложеніи мира и покорности монголамъ привели Москву въ ужасное негодованіе. Духовенство отправило къ Іоанну пословъ. Вассіанъ написалъ длинное посланіе, заклиналъ не слушаться совѣта лукавыхъ льстецовъ, не страшиться силы Ахматовой, надѣяться на Бога и заступленіе Богоматери и святыхъ, молилъ Іоанна вспомнить о клятвѣ своей, приводилъ примѣры изъ русской исторіи, тексты священнаго писанія, даже слова философа Демокрита, который весьма мудро говаривалъ, что князю надобно имѣть въ дѣлахъ умъ, противъ непріятелей храбрость, а къ своей дружинѣ привѣтъ и любовь.

Іоаннъ прочиталъ посланіе и приказалъ отступить отъ береговъ Угры, которую многіе называли поясомъ Богородицы, охраняющимъ

землю Русскую. Угра уже покрылась льдомъ. Іоаннъ велѣлъ сбираться всѣмъ войскамъ къ Боровску, надѣясь, что Ахматъ бросится за отступающими; тамъ, на Боровскихъ равнинахъ, Іоаннъ хотѣлъ сражаться. Но Ахматъ былъ побѣжденъ безъ битвы. Видя поспѣшное отступленіе русскихъ, онъ боялся, что его заманиваютъ, обходятъ, и ноября 7-го поспѣшно бросился отъ береговъ Угры къ западу, не смѣя идти прямо во свояси, ибо онъ получилъ уже вѣсть о разореніи приволжскихъ улусовъ Нордулатомъ и движеніи ногаевъ на Волгу. Нордулатъ достигъ Сарайскихъ обиталищъ хана, жегъ, грабилъ, полонилъ, не смотря на увѣщанія монголовъ, говорившихъ ему: «Что ты дѣлаешь? Ты губишь родную мать свою въ угожденіе князю московскому!» Дружины Нордулата благополучно возвратились по Волгѣ, не встрѣтивъ даже никакого сопротивленія.

Полчищъ Ахмата не осталось слѣдовъ ни на Окѣ, ни на Угрѣ. Сынъ его Муртоза осмѣлился было на утекѣ напасть на одинъ русскій отрядъ, но бѣжалъ за отцомъ, слыша, что противъ него отовсюду двинулись полки русскіе.

Съ торжествомъ воротились дружины Іоанновы; въ благодареніе Богу за походъ 1480 года установили на вѣки совершать крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, въ 23-е іюня — день выступленія противъ Ахмата. Благодаря Менгли-Гирея за помощь, Іоаннъ извѣщалъ его о торжествѣ своемъ и погибели хана Золотой орды, общаго ихъ врага. Въ самомъ дѣлѣ, истомленный Іоанномъ, съ голодными, разсѣявшимися на обратномъ походѣ толпами, Ахматъ въ бѣшенствѣ грабилъ литовскія земли, по которымъ шелъ, и достигнувъ Дона, хотѣлъ зимовать на берегахъ его. Ногаи ждали его тамъ; напали на него ночью, убили самого Ахмата, взяли его женъ, обозъ, дѣтей и совершенно истребили остальныхъ воиновъ его. Іоаннъ благодарилъ хана Ногайской орды, послалъ ему и другимъ ногаямъ подарки и началъ съ ними дружескія сношенія.

Современники не поняли мудрой, изумительной политики Іоанна; не видали битвъ и думали, что Іоаннъ явно робѣлъ, простоявъ безъ дѣйствія все лѣто и осень и не думая сражаться. Они называли даже отступленіе Іоанна къ Боровскому бѣгствомъ отъ враговъ и жаловались, что супруга Іоаннова не только бѣжала отъ страха татарскаго, но и не унимала боярскихъ холопей, сопровождавшихъ ее и обижавшихъ жителей. «Воздай Богъ по дѣламъ всякому, кто какъ дѣлалъ, а видно лучше любимъ мы женъ своихъ, нежели защиту церкви православной», говорятъ лѣтописцы. «Кто спасъ насъ отъ погибели?—Богъ и пречистая Богоматерь его, да угодники Божіи; пишемъ мы сіе не въ укоръ, но только ради того, что не долженъ никто хвалиться, несмысленный, и въ безуміи своемъ говорить: мы оружіемъ своимъ спасли землю Русскую! Умолкните, безумные; устыдитесь и воздайте лучше хвалу Богу Спасителю!» Болѣе всѣхъ заслужилъ похвалу современниковъ велерѣчивый Вассіанъ. Его посланіе списывали, почитая образцомъ краснорѣчія и ревности православной. Потомство судитъ безпристрастнѣе. Дѣйствіями Іоанна на вѣки исчезла Золотая Сарайская орда. Не взятіемъ Казани при Іоаннѣ Грозномъ, но усмиреніемъ ея въ 1469 году и походомъ на Угру въ 1480 году положенъ былъ предѣлъ власти ордынцевъ, исчезли дани, исчезъ и запустѣлъ Сарай. Остатки Ахматовой орды удали-

лись, съ сыновьями его, далѣе, къ Каспійскому морю, и основались въ Астрахани. Еще нѣсколько лѣтъ дѣти Ахмата назывались ордынскими ханами, замышляли вредить Крыму, заѣзжали даже за Днѣпръ, скитались по южнымъ областямъ Украйны. Но они были вездѣ преслѣдуемы, истребляемы, утратили потомъ самое названіе ордынскихъ, принявъ имя астраханскихъ хановъ. Но когда великое дѣло истребленія ордынцевъ занимало Іоанна, онъ не оставлялъ другихъ великихъ предпріятій. Таковы были: завоеваніе Перми, совершенное уничтоженіе вольности новгородской, истребленіе удѣловъ. Вездѣ видимъ одинаково осторожное мужество и свѣтлый умъ Іоанна, превышавшій современниковъ, ставившій его выше робкаго мнѣнія и малодушнаго ропота людей, не понимавшихъ дѣлъ и мудрости Іоанновой.

LXXIII. ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ЛИТОВСКОМУ ВЪ КОНЦѢ XV И ВЪ НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

(По соч. Карпова: «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ»).

Князья, притѣсняемые великимъ княземъ московскимъ, надѣялись на Литву и въ крайнемъ случаѣ бѣжали туда. Это вело къ тому, что въ договорныхъ грамотахъ великаго князя съ князьями имя короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира упоминается почти постоянно, какъ имя врага Ивана Васильевича, и особенно въ этомъ смыслѣ начинаетъ оно упоминаться послѣ похода Ахмата на Угру. Отъѣзжая изъ Россіи въ Литву, князья уносили туда съ собою только одни притязанія. Казимиръ не хотѣлъ имъ помогать въ желаніи ихъ возвратить свое прежнее значеніе, а только не отказывалъ въ хлѣбѣ и соли. Эту хлѣбъ-соль давали имъ въ видѣ владѣній, и при этомъ князья изъ самостоятельныхъ превращались въ служебныхъ. Самыми важными изъ нихъ были потомки старыхъ отъѣздчиковъ изъ Сѣверской Руси, Шемякинъ и Можайскій. Ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ въ удѣлъ Черниговъ, Стародубъ и другія мѣста, подъ бокомъ у Московскаго государства и на границѣ степей. Къ этимъ отъѣздчикамъ Иванъ Васильевичъ относился такъ, что почти во всѣхъ своихъ союзныхъ договорахъ поставлялъ условіемъ не принимать этихъ князей и не ссылаться съ ними.

Граница Московскаго государства съ Литвою при Иванѣ III до девяностыхъ годовъ XV столѣтія была опредѣлена договоромъ Василія Темнаго съ Казимиромъ. Такъ какъ Новгородъ и Тверь не были подчинены Москвѣ, то московская граница съ Литвою соприкасалась не во многихъ мѣстахъ: не входя въ подробности, ее можно опредѣлить такъ, что она шла отъ города Калуги и рѣки Угры почти прямою линіею къ Ржеву. На юго-западѣ отъ этой границы къ Днѣпру находились владѣнія многочисленныхъ князей, по большей части Рюриковичей; все это пространство земель носило оффиціальное названіе страны князей. Одни изъ этихъ князей имѣли родовыя владѣнія, а другіе—пожалованныя великими князьями литовскими. Князья, имѣвшіе родовыя владѣнія, опредѣляли свои родовыя отношенія къ своему верховному господину посредствомъ договоровъ. Договоры съ князьями новосильскими,

одоевскими и воротынскими показываютъ, что они заключались такъ, что въ нихъ стояли, съ одной стороны, великій князь литовскій, а съ другой—нѣсколько князей вмѣстѣ. Эти договоры сходны одинъ съ другимъ; вотъ ихъ содержаніе: «Били мы челомъ королю Казимиру, государю великому князю, чтобы принялъ насъ на службу по докончанію дяди своего, великаго князя Витовта. Намъ ему служить вѣрою во всемъ, безъ всякой хитрости и во всемъ быть послушными, а ему насъ въ чести держать и въ жалованіи, и въ докончаніи, какъ держалъ дядя его. Поступать намъ по королевской волѣ, и съ кѣмъ онъ будетъ миренъ, съ тѣмъ мы мирны; съ кѣмъ онъ не миренъ, съ тѣмъ и мы не мирны. Королю и великому князю насъ защищать. Намъ безъ королевской и великокняжеской воли ни съ кѣмъ въ докончанія не вступать и никому не помогать. По смерти королевской намъ и нашимъ дѣтямъ служить тому, кто будетъ на литовскомъ престолѣ. Если послѣ насъ не будетъ потомковъ, то нашей землѣ отъ Литвы не отступать. Королю, или кто будетъ по немъ на литовскомъ престолѣ, въ наши земли не вступаться. Когда мы помремъ, то нашимъ дѣтямъ король, а потомъ и его дѣти должны дать такое же докончаніе, какъ теперь, и держать по немъ; если же при нашей жизни Божья воля станется надъ королемъ, то его дѣти должны дать намъ такое же докончаніе. Если докончаніе не будетъ дано, или по немъ насъ не будутъ держать, то съ насъ крестное цѣлованіе долой, и намъ воля. Судъ намъ съ сосѣдями по старинѣ, а сопремся въ судѣ, то положить все дѣло на короля». Князь, вступающій въ службу къ великому князю литовскому, само собой разумѣется, давалъ присягу въ вѣрности за вотчину, которую ему жаловали, и обязывался управлять вотчиной по старинѣ, а жителямъ ея приказывалось служить своему князю и быть ему послушными, какъ самому великому князю. Но такъ какъ въ докончаніяхъ говорилось, что великій князь обязанъ держать служебныхъ въ чести, жалованіи и защищать ихъ, то подобныя условія давали мѣсто частымъ недоразумѣніямъ и возможность князьямъ перемѣнить своего господина. Но въ девяностыхъ годахъ XV столѣтія такими верховными господами были только двое: великій князь литовскій и великій князь московскій. Великій князь литовскій и въ то же время король польскій, какъ государь двухъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои особенные интересы, естественно долженъ былъ быть государемъ слабымъ по своей силѣ. Занятый постоянно внутренней борьбой своихъ искусственно соединенныхъ между собою государствъ, великій князь московскій не имѣлъ возможности, подобно московскому, не допускать князей враждовать между собою. Они враждовали какъ изъ-за границъ своихъ владѣній, такъ и изъ-за владѣнія своими городами по роду и старѣйшинству. Эти князья въ своихъ ссорахъ за рѣшеніемъ обращались, на основаніи договоровъ, къ своему верховному государю; а такъ какъ король мало вмѣшивался и мало обращалъ вниманія на дѣла своихъ служебныхъ князей, то послѣдніе прибѣгали къ помощи собственной силы. Отъ этого въ странѣ князей, на восточной сторонѣ Днѣпра, происходила постоянная война. Въ ссоры служебныхъ литовскихъ князей вмѣшивались сосѣдніе служебные московскіе. Въ 1487 году королевскій посолъ въ Москвѣ говорилъ, что одоевскіе князья, служащіе Москвѣ, приходили на отчину мезецкихъ князей, городъ осадили, но не взяли, потомъ, захвативъ много плѣнныхъ, ушли, погра-

бивъ волость. Князья мезецкіе, чтобы отнять этотъ плѣнъ, погнались за одоевскими, но тѣ противъ нихъ бои поставили. Въ Москвѣ отвѣчали, что князья одоевскіе сами жаловались на князей мезецкихъ, нападавшихъ на ихъ отчину.

Ссоры литовскихъ князей не разрѣшалъ ихъ государь, и за это дѣло взялся Иванъ Васильевичъ. Когда сѣверо-восточная Русь была объединена около Москвы, тогда тамъ не поднималось никакого шума—все было тихо; когда же великій князь литовскій сдѣлался врагомъ московскаго, назвавшаго себя „государемъ всея Руси", то къ ссорившимся литовскимъ служебнымъ князьямъ стали являться посланцы изъ Москвы съ объявленіемъ, что государь хочетъ ихъ жаловать, взять ихъ къ себѣ въ службу съ ихъ отчиною и ихъ беречь, что они могутъ воевать за свою обиду своихъ враговъ, и которые города возьмутъ, на тѣхъ городахъ имъ сидѣть; въ эти завоеванные города и въ ихъ собственные великій князь не будетъ вступаться, а будетъ только защищать. Соглашавшимся на эти предложенія князьямъ посланцы великаго князя давали «правду»; эту правду потомъ подтверждали бояре. Князья при этомъ обязывались инаго государя, кромѣ московскаго, не искать, и надъ воеводами, которыхъ къ нимъ пришлютъ, никакого лиха и хитрости не учинить. Для пріѣзда въ Москву князьямъ давались опасныя грамоты. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія начинаются отъѣзды князей изъ литовской службы въ московскую. Князья отъѣзжали при этомъ со своими отчинами, а московскій государь принималъ ихъ. Первый, начавшій это дѣло, былъ князь Иванъ Михайловичъ воротынскій. Послѣ отъѣзда онъ послалъ къ королю человѣка сложить съ себя свое крестное цѣлованіе. Король князя воротынскаго изъ крестнаго цѣлованія не выпустилъ, а жаловался Ивану III, что князь пограбилъ предъ отъѣздомъ смоленскихъ мѣщанъ. Отвѣчая на жалобы короля по поводу Воротынскаго, Иванъ III говорилъ: „Король Казимиръ напрасно называетъ князя Ивана Михайловича своимъ слугою и не хочетъ его выпустить изъ присяги; эти князья и прежде служили на обѣ стороны". Вскорѣ пріѣхалъ служить Москвѣ и другой Воротынскій, Димитрій Ѳеодоровичъ; послѣ него — князь Бѣльскій. Король не выпускалъ и этихъ князей изъ своей службы и объяснялъ московскому государю, что дѣлаетъ это на основаніи докончанія князей съ нимъ; тѣмъ болѣе онъ не признавалъ права отъѣзда съ отчинами, потому что, по докончанію, эти отчины, если и родъ княжескій прекратится, должны принадлежать Литовскому великому княжеству, да, наконецъ, и у князей владѣнія не всѣ родовыя, а многія жалованы имъ и ихъ отцамъ за службу королемъ. — Опираясь на обѣщаніе московскаго государя, князья, отъѣзжавшіе изъ литовской службы, вмѣстѣ съ князьями, давно служившими московскому государю и при помощи московскихъ пограничныхъ войскъ, начали мстить своимъ врагамъ и родственникамъ въ литовскихъ владѣніяхъ. Князь Воротынскій ограбилъ волости Брянскія; князь Бѣльскій, когда убѣжалъ изъ Литвы, тайно напалъ со многими людьми на отчину своего брата.

Литовскіе государи, разъ не умѣвшіе удержать князей въ своемъ подданствѣ вслѣдствіе того, что оставляли ихъ на произволъ судьбы, готовы были обратно принять ихъ къ себѣ, не обращая вниманія на то, что сами ихъ называли измѣнниками. Къ этимъ князьямъ подсылались

литовскіе агенты. Московскіе государи знали объ интригахъ и удерживали князей различными средствами, между прочимъ привязывали ихъ къ себѣ посредствомъ родственныхъ связей. Средствомъ удерживать князей были также московскія войска, которыя не выходили изъ Сѣверской области, подъ видомъ охраненія страны отъ литовцевъ и крымцевъ. Наконецъ князей постоянно окружали московскіе шпіоны; но самыми лучшими шпіонами у князей были сами же князья. Московское правительство не давало князьямъ воевать между собою, и потому они постоянно слали въ Москву другъ на друга доносы, обвиняя враговъ въ измѣнѣ и переговорахъ съ королемъ.

Понятно, что служебные князья не могли способствовать поддержанію добрыхъ отношеній между Литвою и Москвою; но главное, чего не могли забыть въ Литвѣ,—это полное подчиненіе Новгорода Москвѣ. Въ договорѣ Василія Васильевича съ Казимиромъ о Новгородѣ и Псковѣ было постановленно, что Казимиру въ Новгородъ и Псковъ не вступаться: захотятъ эти города отдаться королю, то ихъ не принимать; въ чемъ они королю сгрубятъ, то онъ, обославшись съ великимъ княземъ, можетъ съ ними вѣдаться, а послѣднему тогда за нихъ не вступаться; если псковичи и новгородцы будутъ воевать между собою, то въ ихъ ссоры королю не вступаться; если же въ чемъ новгородцы и псковичи сгрубятъ великому князю и захочетъ онъ ихъ казнить, то королю въ это дѣло не вступаться. Но въ Новгородѣ всегда была партія, смотрѣвшая на в. кн. литовскаго, какъ на естественнаго союзника, на тотъ случай, если бы притязанія Москвы перешли извѣстный предѣлъ. Такъ въ 1470 году былъ отправленъ посолъ къ королю Казимиру, чтобы онъ далъ князя въ Новгородъ. Казимиръ далъ имъ православнаго князя Михаила Олельковича. Этотъ князь былъ принятъ въ Новгородѣ честно. На вѣчѣ кричали: «Не хотимъ зваться отчиною великаго князя! Мы люди вольные, а в. кн. московскій намъ обиды многія чинитъ! Хотимъ за короля польскаго и в. кн. литовскаго Казимира!» Противники подобныхъ рѣчей говорили: «Нельзя тому быть, чтобы за короля отдаться и архіепископа поставить въ Кіевѣ». Новгородцы наконецъ почти совсѣмъ отступили отъ в. кн. московскаго къ кор. Казимиру. Казимиръ заключилъ съ вольными мужами, съ Великимъ Новгородомъ, договоръ, по которому обязывался держать Новгородъ по крестной грамотѣ. Иванъ III долженъ былъ предупредить все, что можетъ произойти изъ того, что хотя навремя литовскій князь усядется въ Новгородѣ. Начинать борьбу съ Новгородомъ Ивану III было тѣмъ возможнѣе, что въ самомъ Новгородѣ были люди, не мирволившіе Литвѣ и стоявшіе за Москву.

Война началась. Московскія войска пошли безпрепятственно по новгородскимъ землямъ, опустошая все на пути. Лѣто было жаркое, болота просохли и поэтому не мѣшали движеніямъ москвичей. Новгородское войско выступило къ Шелони и было разбито. По мѣрѣ дальнѣйшаго наступленія московской рати, для новгородцевъ зло войны все болѣе и болѣе увеличивалось; но въ Новгородѣ все спорили на вѣчѣ, и одни хотѣли быть за королемъ, другіе за великимъ княземъ. Когда же, 27 іюля, Иванъ Васильевичъ сталъ съ войскомъ на устьѣ Шелони, а псковитяне приближались къ Новгороду съ другой стороны, то въ шелонскій станъ явился нареченный архіепископъ Ѳеофилъ съ посадниками, тысяцкими и житьими людьми отъ всѣхъ концовъ новгородскихъ

съ челобитною о мирѣ. Вел. кн. Иванъ обѣщалъ сложить гнѣвъ къ Новгороду, отпустилъ плѣнныхъ безъ окупа и обѣщалъ держать Новгородъ по старинѣ, а все, что случилось во время войны, предать забвенію. Новгородцы обѣщались прервать всякія сношенія съ Литвою и еще тѣснѣе прежняго должны были примкнуть къ Москвѣ.

Спустя немного времени, самостоятельность Новгорода была окончательно уничтожена Иваномъ III. Хотя великій князь переселилъ многихъ новгородцевъ съ ихъ семьями во внутреннія области, и этими переселенцами были, безъ сомнѣнія, лица, болѣе другихъ выдвигавшіяся своими литовскими или вообще анти-московскими симпатіями, тѣмъ не менѣе полное спокойствіе водворилось не сразу. Но дальнѣйшія попытки новгородцевъ воротить прежнюю независимость съ помощью Литвы оказывались вполнѣ неудачными и въ самомъ зародышѣ подавляемы были Иваномъ.

Но что дѣлалъ Казимиръ? На него надѣялись новгородцы, отъ него они ждали спасенія; онъ же обѣщалъ имъ помочь, какъ обѣщалъ Ахмату и братьямъ великаго князя, но никому не помогъ. Есть основаніе думать, что Казимиру даны были обѣщанія различныхъ уступокъ со стороны Московскаго государства,—обѣщанія, которыя потомъ взяты были назадъ. Когда возникли переговоры между Москвою и Литвою о вѣчномъ мирѣ уже послѣ кончины Казимира, при в. кн. литовскомъ Александрѣ Казимировичѣ, то литовскимъ посламъ велѣно было настаивать, чтобы московскій государь поступился Луками и Ржевомъ и возвратилъ Новгороду положеніе, опредѣляемое договорами Василія II съ Казимиромъ. Если послы не въ состояніи будутъ этого отстоять, то велѣно имъ поступиться и написать Инфлянты на сторону литовскаго государя, точно такъ же, какъ московскій напишетъ на свою сторону Новгородъ; въ концѣ же концовъ, если въ Москвѣ будутъ ужь очень крѣпко упираться, то уступить все. Послѣднее условіе объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ хотѣли остановить наступательное на нее движеніе Москвы посредствомъ брака Александра съ дочерью Ивана III и поэтому готовы были утвердить всѣ прежнія пріобрѣтенія не только молчаливымъ согласіемъ, но и посредствомъ договора. Въ дѣлѣ о сватовствѣ московскіе бояре, черезъ которыхъ шли переговоры, стояли твердо на своемъ, намекая литовскимъ посламъ, что сватовство возможно лишь послѣ соглашенія, признающаго за Москвою право обладать тѣмъ, что дали ей ея успѣхи.

Послѣдній посолъ, который при Казимирѣ ѣздилъ въ Литву изъ Москвы, былъ Берсень. Онъ уже не засталъ Казимира въ живыхъ и поэтому воротился. Въ это время дѣятельность князей, отъѣхавшихъ отъ литовскаго подданства въ московское, продолжалась однообразно: при помощи московскихъ войскъ, одинъ городъ за другимъ захватывался. Литовское правительство не считало, что у него съ московскимъ идетъ война; но все же нужно было думать о томъ, какъ остановить такое движеніе восточнаго сосѣда. Для этой цѣли придумали особенное средство, именно брачную политику. Интригою легко опутать ребенка, человѣка слабаго нравственными силами; но при столкновеніи съ человѣкомъ степеннымъ она оказывается недѣйствительной, сама собою падаетъ и притомъ вредитъ именно тому, кто интригуетъ. Когда была пущена противъ Ивана III интрига въ формѣ брачной системы, то онъ съ самаго начала извлекъ изъ нея всевозможную пользу для себя, а по-

томъ, по поводу своего родства съ Ягеллонами, уяснилъ, что далъ за своею дочерью въ приданое всю Русь, которая находится подъ властью Польши и Литвы; но онъ, какъ государь всей Руси, все таки оставляетъ за собою право наблюдать, какъ управляютъ Русью и, находя, что дурно, началъ отнимать приданое дочери по кусочкамъ и завѣщалъ потомкамъ отобрать все. Это завѣщаніе тоже окончательно выполнила Екатерина II.

Въ ноябрѣ 1492 г. пріѣхало въ Москву литовское посольство. Содержаніемъ рѣчей пословъ было восшествіе на литовскій престолъ Александра и указанія на то, что на границахъ чинятся многія такія обиды, какихъ прежде и не бывало. Литовцы не хотѣли признавать существованіе войны и объявляли, что это—пограничныя обиды. Но посламъ еще наказаны были рѣчи, о которыхъ они проговорились въ первый день своего пребыванія въ Москвѣ. По обычаю, послѣ перваго слушанія, послы обѣдали у великаго князя, а потомъ ихъ угощали на подворьѣ. На этомъ пиру пьяные послы говорили о сватовствѣ и докончаніи. Начались переговоры о городахъ и волостяхъ, захваченныхъ москвичами у Литвы. Бояре объявили прежде, что все, что находится теперь во владѣніи обоихъ государствъ, должно быть оставлено за ними; но послы о самомъ важномъ прибыткѣ отъ Литвы, о Вязьмѣ, говорили слѣдующее: такъ какъ одни вяземскіе князья служатъ Литвѣ, другіе—Москвѣ, и ихъ владѣнія трудно разобрать, то «когда государи будутъ въ докончаніи и кровномъ связаніи, о Вязьмѣ смолву учинятъ и объищутъ, куды Вязьма изъ старины была, ино тогда одинъ другому поступится». Послѣ долгихъ споровъ послы уступили и написали Вязьму на сторону московскаго государя. Точно такъ же и бояре спустили о Мосальскѣ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ; о Новгородѣ постановили, что его граница по старымъ рубежамъ. Послѣ этого послы сказали боярамъ, что у нихъ есть посольство къ в. кн. Ивану о сватовствѣ. Затѣмъ послы были у великаго князя, подали вѣрующую грамоту, и старшій изъ нихъ говорилъ отъ имени Александра: „Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и докончаніе, какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ съ тобою еще лучшихъ отношеній: если на то воля Божья, далъ бы ты за насъ дочь свою, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной дружбѣ и радостной связи теперь и на вѣки». Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: „Слышали мы ваши рѣчи и съ Божьею помощью хотимъ такого сближенія съ вашимъ государемъ; какъ Богъ захочетъ, такъ дѣло и будетъ". Московское правительство постоянно старалось отдѣлить дѣло мира отъ сватовства. Послы опять были у великаго князя, и бояре съ ними говорили о докончаніи и велѣли читать предъ ними образцовый списокъ договорной грамоты. Въ этомъ спискѣ в. кн. московскій былъ названъ государемъ всея Руси. Кажется, послы не возражали на это. Они похвалили списокъ и велѣли съ него писать начисто. При этомъ они выставили только требованіе, чтобы написать въ докончаніи постановленіе не принимать служебныхъ князей. Бояре дали на это согласіе и на томъ уложили. Послѣ этого отъ великаго князя вышелъ кн. Патрикѣевъ съ боярами говорить о сватовствѣ. Бояре сказали отъ имени государя: «Говорили вы отъ своего государя, чтобы намъ дать за него свою дочку, и мы, съ Божьею волею, хотимъ за него дать ее». Послы сказали: «Боже, то дай!» Тогда бояре начали говорить о законѣ гре-

ческомъ и римскомъ, чтобы великой княжнѣ въ томъ отъ государя неволи не было: была бы она въ своемъ греческомъ законѣ. Послы объявили: «Той неволѣ не быть, и наши головы въ томъ порука; а какъ будутъ послы отъ государя нашего, то и крѣпость на томъ учинятъ». Такимъ образомъ состоялось соглашеніе насчетъ брака и вслѣдъ затѣмъ обрученіе, при которомъ священники читали молитвы, и мѣсто Александра заступалъ панъ Гаштольдъ, одинъ изъ литовскихъ пословъ.

Вскорѣ затѣмъ отправилось изъ Москвы въ Литву посольство для присутствованія при присягѣ Александра на договорѣ. Пріобрѣтенія Москвы были значительны: между псковскими, новгородскими и тверскими областями, отчинами московскаго государя, границы шли по старымъ рубежамъ; далѣе граница шла отъ Ржева на юговостокъ дугою, оставя Вязьму и Рославль въ московскихъ владѣніяхъ, а Брянскъ въ литовскихъ. Но для насъ не столько важны земельныя пріобрѣтенія, утвержденныя этимъ договоромъ за Москвою, какъ то, что тутъ намѣчена исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Московскаго государства къ Польско-Литовскому; тутъ собственно начинается ихъ новая исторія. Стремленіе къ прекращенію средневѣковыхъ отношеній государствъ впервые высказали литовцы именно тѣмъ, что они, хотя побужденные необходимостью, поставили условіе, что впередъ служебныхъ князей съ отчинами не принимать и тѣмъ дѣлали препятствіе одному изъ старыхъ, средневѣковыхъ порядковъ. Мало того, они допустили употребленіе въ договорѣ титула „Государя всея Руси" и притомъ, за брачный союзъ Александра съ дочерью Ивана Васильевича, поторопились еще дать обѣщаніе о греческомъ законѣ. Это обѣщаніе развилось впослѣдствіи въ главное отношеніе и право вмѣшательства москвичей во внутреннія дѣла Польско-Литовскаго государства, какъ покровителей лицъ, принадлежащихъ къ восточной церкви. Это новое право развилось въ дѣйствительное обязательство; послѣднему способствовало то, что литовцы, давши собственно право слѣдить за чистотою православія одной Елены, своими поступками и неосмотрительностью, въ родѣ того, что они постоянно оправдывались, что въ Литвѣ православныхъ не нудятъ къ римскому закону, такъ сказать, показали москвичамъ, что они признаютъ дѣйствительно, во всей цѣлости, за ними право защитниковъ православія.

9-го марта 1494 года отправилось изъ Москвы посольство съ громаднымъ поѣздомъ. Оно ѣхало для присутствованія при цѣлованіи креста Александромъ на договорѣ о мирѣ и по случаю сватовства. Послы должны были говорить отъ Ивана Васильевича Александру: «Мы, съ Божьею помощью, даемъ свою дочь за тебя и обручили ее съ тобою твоими послами. Мы здѣсь твоимъ посламъ велѣли говорить о греческомъ законѣ, и послы сказали, что держать нашей дочери греческій законъ, и отъ тебя ей въ томъ неволи не будетъ. Да послы взяли съ собою и списокъ, какую тебѣ дать грамоту о греческомъ законѣ за своею печатью, и ты бы далъ ее намъ». Московскимъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, чтобы в. кн. Александръ далъ такую же грамоту слово въ слово по списку, а если онъ не захочетъ дать грамоты, то о ней не стоять, а утвердить его рѣчами, чтобы крѣпкое слово молвилъ, что Еленѣ въ вѣрѣ неволи не будетъ. А начнутъ боярамъ говорить о срокѣ, когда по княжну пріѣзжать, то назначить срокъ; не ранѣе Петрова или Ильина дня (29 іюня, 20 іюля); если захотятъ позднѣе, то

на ихъ волѣ". Переговоры о грамотѣ, которую литовцы дали только тогда, когда еще нѣсколько разъ обмѣнялись посольствами съ Москвою, затянули отъѣздъ Елены въ Литву. Только на крещеніе 1495 г. пріѣхало въ Москву посольство за княжной. Послы были спрошены, кому вѣнчать молодыхъ, и сказали, что вѣнчать великаго князя бискупу, а княжну—митрополиту, а если его не будетъ, то владыкѣ. 13-го января, послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, на которой присутствовали великій князь съ великой княгиней, снохою, дѣтьми и боярами, было прощаніе. Великій князь, стоя у правыхъ дверей, подозвалъ къ себѣ пановъ и говорилъ имъ ту же рѣчь къ Александру, что и прежде. Послѣ этого они вышли на помостъ, у котораго стояла тапкана (экипажъ), долженствовавшая везти Елену въ Литву. Здѣсь, простившись съ дочерью, великій князь давалъ руку панамъ и приказалъ передать отъ себя Александру поклонъ, а отъ дѣтей челобитье. Въ третьемъ часу дня, Елена, сопровождаемая громаднымъ обозомъ съ вещами, выѣхала изъ Москвы.

Отпуская въ Литву дочь свою, Иванъ далъ ей списокъ съ своихъ рѣчей, что говорилъ посламъ о греческомъ законѣ, и, кромѣ того, увѣщевалъ «въ латинскую божницу не ходить, а ходить въ свою церковь; а захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь, то посмотрѣть разъ или два, а больше не ходить. Будетъ въ Вильнѣ мать Александра, и когда пойдетъ къ своей божницѣ и прикажетъ Еленѣ идти съ собою, то проводить свекровь до божницы и потомъ вѣжливо отпрашиваться въ свою церковь, а въ божницу не ходить". Да кромѣ того иныя многія рѣчи говорилъ Иванъ III своей дочери, чтобы она крѣпко держалась своей вѣры.

Во главѣ посольства къ Александру находились: кн. Семенъ Ряполовскій и Михайло Русалка; съ ними ѣхали ихъ жены. Посламъ было наказано, чтобы по дорогѣ княжна заходила въ соборныя церкви и монастыри. Данъ былъ также подробный наказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свадьбы, а главное то, что Елена, на вопросъ бискупа при вѣнчаніи о томъ, любъ ли ей в. кн. Александръ, должна отвѣчать: «Любъ мнѣ и не оставить мнѣ его до живота, никоторыя ради болѣзни, опричь греческаго закона; держать мнѣ греческій законъ, а ему меня къ римскому не нудить». Кн. Ряполовскій долженъ былъ сказать при этомъ бискупу, чтобы и в. кн. Александру у того же вопроса молвилъ, что ему къ римскому закону жены не нудить. Остальные пункты наказа были въ томъ же тонѣ.

Всѣ требованія московскаго правительства во время сватовства, повидимому, исполнились. Но Ряполовскому съ товарищами велѣно было послѣ свадьбы просить Александра, отъ имени в. кн. московскаго, чтобы онъ построилъ православную церковь во дворцѣ и дозволилъ боярамъ съ ихъ женами, дворецкому и инымъ людямъ побыть у Елены, пока она попривыкнетъ. Первая просьба не была уважена, на томъ основаніи, что есть законъ, возбраняющій увеличивать число православныхъ церквей, и нарушать его не годится тѣмъ болѣе, что близъ дворца есть церковь, въ которую можетъ ходить великая княгиня. Этимъ въ Москвѣ были крайне огорчены, и когда въ маѣ пріѣхалъ литовскій посолъ, то ему выражено было неудовольствіе отъ великаго князя, причемъ еще прибавлялось, что изъ Вильны стараются выжить русскихъ людей, прі-

ѣхавшихъ съ Еленою, а самой Еленѣ не позволяютъ носить московскаго платья. Вскорѣ затѣмъ отправленъ былъ къ Еленѣ гонецъ, который долженъ былъ развѣдать, какъ живетъ дочь в. кн. московскаго. Отецъ приказывалъ Еленѣ черезъ гонца, чтобы она заботилась о томъ, чтобы у нея слуги были греческаго закона, просила бы мужа объ этомъ, равно какъ и о томъ, чтобы онъ дозволилъ продержать бояръ до того времени, пока прійдетъ о томъ посольство отъ отца.

Такимъ образомъ въ теченіе перваго же года, послѣ заключенія между государями родственнаго союза, у нихъ произошли недоразумѣнія. Обстоятельства же, какъ нарочно, усиливали недружелюбныя отношенія. Такъ Иванъ Васильевичъ узналъ, что ѣхалъ къ нему посолъ отъ турецкаго султана черезъ литовскія земли, и тамъ его не пустили. Прошло два года со времени заключенія мира, а новая граница не была еще точно опредѣлена намѣстниками пограничныхъ городовъ и служебные князья позволяли себѣ дѣлать всевозможныя самоуправства и насилія; суда же по всѣмъ этимъ дѣламъ не было. Литва тяготилась такимъ положеніемъ дѣлъ, и Александръ, отправляя въ Москву посольство, долженствовавше объясниться по поводу задержанія турецкаго посла, велѣлъ предложить съѣздъ судей на границахъ. Но на это предложеніе бояре отвѣчали: «Сколько разъ было говорено о церкви греческаго закона, о новой утвержденной грамотѣ о греческомъ законѣ, о титулѣ государя, который вы до сихъ поръ не пишете по докончанію, и все это не выполнено. Вы намъ о тѣхъ начальныхъ дѣлахъ ничего не говорите, ино нашимъ боярамъ какъ съ вашими панами съѣхаться? Какъ имъ въ грамотахъ наше имя писать, коли братъ нашъ къ намъ о имени ничего не приказываетъ и по докончанію не правитъ?» Этотъ отвѣтъ кончался угрозой: «Мы постоянно посылали къ Менглигирею и Стефану молдавскому, чтобы они были въ мирѣ съ Александромъ, а нынѣ намъ посылать къ нимъ объ этомъ непригоже, потому что Александръ не правитъ по докончанію»

30 мая 1499 года прислалъ изъ Вязьмы князь Борисъ Михайловичъ Оболенскій-Туреня грамоту, которая передана была ему черезъ нѣсколько рукъ изъ Литвы отъ Шестова, служившаго у Елены Ивановны. „Здѣсь, господинъ, встало великое смятеніе между латинянами и нашимъ христіанствомъ. Въ нашего владыку смоленскаго дьяволъ вселился, да и въ Сапѣгу. Великій князь неволитъ государыню нашу въ проклятую латинскую вѣру; государыню нашу Богъ научилъ, да помнитъ она наказъ государя отца своего, и она отказала“. Вслѣдствіе этой грамоты Иванъ III послалъ въ Литву Мамонова. Онъ долженъ былъ говорить Еленѣ наединѣ: „Дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой нудитъ тебя и иныхъ людей отступить отъ закона греческаго. Ты въ этомъ мужа не слушай, до крови и до смерти въ этомъ дѣлѣ пострадай, къ римскому закону не приступай, чтобы отъ Бога душею не погибнуть, а отъ насъ и всего православнаго христіанства не быть въ проклятіи, и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Отвѣть намъ обо всемъ этомъ, правда-ли то, и мы тогда къ мужу пошлемъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія“. Но, не дожидаясь отвѣта дочери, Иванъ велѣлъ Мамонову вывѣдать въ Литвѣ, миренъ ли великій князь литовскій съ крымцами, волохами и турками.

Вскорѣ начались явно враждебныя для Литвы сношенія Москвы съ крымцами и волохами, и война открылась ранѣе, чѣмъ въ Литву была послана разметная грамота. Съ помощью князей было подготовлено все для того, чтобы только явились московскія войска и занимали одинъ городъ за другимъ. Князья Шемячичъ и Можайскій, потомъ князья-отъѣздчики изъ Литвы начала девяностыхъ годовъ, бывшіе тверскіе служебные князья, наконецъ служебные московскіе татаре, всѣ они вмѣстѣ съ московскими князьями и боярами, подъ предводительствомъ князя Даніила Щеняти около Дорогобужа, у р. Ведроши, на Митьковомъ полѣ сошлись съ литовскими войсками, предводимыми великимъ гетманомъ литовскимъ княземъ Константиномъ Острожскимъ и одержали верхъ. Эта побѣда дала возможность продолжать дальнѣйшія завоеванія литовскихъ владѣній. Князья—отъѣздчики отъ Литвы, старые и новые, спѣшили воспользоваться обстоятельствами, чтобы захватить въ свою пользу побольше волостей. Александру пришлось еще отбиваться отъ татаръ. Наконецъ, онъ рѣшился вступить въ переговоры о мирѣ съ Москвою. Для его пословъ даны были, отъ имени „Царя всея Руси," опасныя грамоты для пріѣзда въ Москву. Послы прибыли 4 марта 1503 года. Они говорили, что слѣдуетъ установить миръ на прежнихъ основаніяхъ съ обоюднымъ освобожденіемъ плѣнныхъ. Они привезли съ собою письма отъ Елены къ отцу, матери и братьямъ, Василію и Юрію. „Отецъ мой Іоаннъ Васильевичъ, Божьею милостью, государь всея Руси, самодержецъ царства казанскаго и другихъ;" такой титулъ давала Елена своему отцу. „Дочь твоя, писала она далѣе, тебѣ челомъ бьетъ" государь мой мужъ послалъ къ тебѣ великихъ пословъ о тѣхъ обидныхъ дѣлахъ, которыя отъ твоихъ людей, съ Божія попущенія, начались. Вся вселенная вопіетъ и ни на кого, какъ только на меня, что будто я къ тебѣ, государю, пишу, приводя тебя на то дѣло, и говорятъ, какой отецъ бываетъ врагъ дѣтямъ своимъ. Господинъ государь-батюшка! Вспомни, что я есть служебница и дѣвка твоя, и ты далъ меня за такого же брата своего, какъ и ты; а вѣдаешь ты самъ, что ты далъ ему за мной, и что потомъ я ему съ собой принесла; однакожь государь мой держалъ меня въ чести и жалованьи... Всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, кровная любовь, дружба и помощь на поганство; но теперь видятъ, что со мной пришло всевозможное зло... Господинъ батюшка! Съ горькими и великими слезами и плачемъ тебѣ, государю и отцу, челомъ бью: вспомни, Бога ради, и меня, служебницу и кровь свою, оставь гнѣвъ безвинный и вражду съ сыномъ и братомъ своимъ, а прежнюю любовь и дружбу, которую вы съ нимъ заключили, соблюди, чтобы еще больше кровь христіанская не проливалась, а поганство не смѣялось и измѣнники не радовались". Въ письмѣ также много говорилось о греческомъ законѣ и о томъ, что принужденія никакого не было. Въ письмахъ Елены къ Софіи Ѳоминишнѣ и къ братьямъ повторялось то же, что и въ письмѣ къ отцу, съ прибавленіемъ просьбы ходатайствовать о мирѣ предъ отцомъ. Но Иванъ не довѣрялъ письмамъ дочери. Отпуская пословъ, онъ говорилъ канцлеру ея, Сапѣгѣ: „Привезъ ты намъ грамоту отъ дочери, да и словомъ ты намъ говорилъ отъ нея; но въ той грамотѣ она иное не по дѣлу писала, и не пригоже было ей такъ къ намъ писать." При этомъ Иванъ говорилъ то, что обыкновенно говорилось о притѣсненіи православныхъ въ Литвѣ, и кончилъ

словами: „Ты, дочка, къ римскому закону не приступай, и хотя-бы тебѣ за то до крови пострадать, ты бы пострадала, а того не учинила. А если къ римскому закону приступишь волею или неволею, то отъ Бога погибнешь, а мнѣ и твоей матери тебя не благословить, а съ зятемъ нашимъ у насъ за это будетъ безпрестанная рать".

Послы говорили, что пріѣхали возобновить прежнія условія мира. Бояре обвиняли литовцевъ въ нарушеніи мира, утверждали о невозможности возобновлять прежнія условія и наконецъ, сказали: „Если вашъ государь хочетъ мира съ нашимъ, то онъ послушался-бы всей отчины нашего государя, русской земли." Точки зрѣнія обѣихъ договаривающихся сторонъ были слишкомъ различны, чтобы можно было добиться заключенія вѣчнаго мира. По предложенію пановъ принято было лишь перемиріе на шесть лѣтъ, причемъ рѣшено было, что во время перемирія каждый будетъ владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ во время войны. Срокъ перемирія назначено считать по Благовѣщеніе 1509 г., Теперь граница московскихъ владѣній шла по Семи и Деснѣ до Чернигова, отъ Чернигова на сѣверо-западъ близко Днѣпра къ р. Сожи и вверхъ по ней мимо Мстиславля, потомъ, огибая Смоленскъ, чрезъ Западную Двину мимо Велижа, который остался въ московскихъ владѣніяхъ, и, пересѣкая теперешнюю Витебскую губернію на сѣверо-западъ мимо Сабежа (въ литовскихъ владѣніяхъ) къ Опочкѣ.

Послѣ заключенія перемирія старый московскій государь жилъ недолго: ему было 65 лѣтъ. Договаривающіяся стороны условились, чтобы въ теченіе перемирія ѣздили послы между государями, для того чтобы привести ихъ къ миру. Въ концѣ 1505 г. посланный отъ Александра къ тестю для переговоровъ о пограничныхъ дѣлахъ пріѣхалъ въ Москву и правилъ посольство Василію Ивановичу, такъ какъ Иванъ III скончался 27 окт. 1505 г. Вѣсть о смерти завоевателя была въ Литвѣ принята съ удовольствіемъ, и Александръ говорилъ, что теперь насталъ часъ поправить дѣла и вернуться къ старому. Ливонскій орденъ, помогавшій Литвѣ и въ прежнія войны, снова изъявилъ готовность содѣйствовать; такое-же содѣйствіе обѣщалъ Махметъ-Аминь казанскій. Но послы послѣдняго явились въ Литву уже послѣ смерти Александра и обратились съ рѣчами къ королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду. Впрочемъ, Литвѣ невозможно было пока воспользоваться предложеніями казанскаго царя, такъ какъ ей должно было охранять себя со стороны степей, ибо крымцы дѣлали набѣги, а въ то же время изъ Москвы говорили въ прежнемъ тонѣ. Василій Ивановичъ, извѣщая Александра о своемъ вступленіи на престолъ, говорилъ черезъ пословъ, чтобы литовскій государь правилъ по докончанію: своей жены къ римскому закону не нудилъ. На эти старыя рѣчи отвѣчали, что никого къ римскому закону не нудятъ.

Какъ только пришла вѣсть въ Москву о смерти Александра, великій князь послалъ навѣстить сестру и приказалъ ей передать, «чтобы она похотѣла и говорила бы бискупу и панамъ, всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобы похотѣли его государства служить»; если же будутъ опасаться за вѣру, то государь обѣщаетъ не дѣлать никакихъ измѣненій противъ прежняго, а жаловать хочетъ и свыше того. Елена отвѣчала, что Александръ поступился государствомъ своимъ брату своему Жигимонду (Сигизмунду). Сигизмундъ же послалъ къ Василію сказать, что хочетъ завести съ

нимъ переговоры о мирѣ. Въ концѣ марта 1507 г. явились въ Москву послы и говорили, что теперь слѣдуетъ заключить вѣчный миръ, а захваченныя Иваномъ III земли возвратить. Василій III отвѣчалъ, что держитъ свою отчину, чѣмъ пожаловалъ его и благословилъ отецъ, и что далъ Богъ отъ прародителей, да и вся Русская земля наша отчина». Такъ какъ послы жаловались на захватъ земель во время перемирія, то имъ было сказано, что перемиріе было только съ Александромъ, а съ Жигимондомъ перемирія не было, но что, впрочемъ, и съ нимъ великій князь хочетъ добрыхъ отношеній. Отпуская пословъ, Василій приказалъ имъ передать королю, чтобы онъ Елену держалъ въ чести и къ римскому закону не нудилъ. Сношенія между двумя государствами этимъ и прекратились.

Чтобы произвести извѣстнаго рода впечатлѣніе на московскаго государя, въ февралѣ 1507 г. на виленскомъ сеймѣ было постановлено, чтобы всѣ владѣльцы переписали въ своихъ имѣніяхъ людей и подали списки для приведенія въ ясность того, какъ кто можетъ служить со своихъ имѣній. Кромѣ того, владѣльцы имѣній должны были выѣхать на войну къ опредѣленному сроку на назначенное мѣсто. Срокъ назначенъ былъ къ Пасхѣ, для того чтобы, какъ было сказано въ постановленіи сейма, непріятель, заслышавъ въ чемъ дѣло, не предупредилъ и не вторгнулся въ литовскія земли. Но постановленія сейма не произвели желаннаго впечатлѣнія на Василія: онъ не предпринималъ военныхъ дѣйствій, но и не обнаруживалъ уступчивости. Одно непредвидѣнное дѣло повело къ войнѣ во второй половинѣ 1507 г. Оно заключалось въ томъ, что паны-рада великаго княжества литовскаго поссорились между собою. Когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ, то панъ Забережскій съ товарищами началъ говорить, что кн. Михайло Глинскій, заправлявшій литовскими дѣлами при Александрѣ, хочетъ сдѣлаться великимъ княземъ литовскимъ. Жалобы Глинскаго на пановъ по этому поводу Сигизмундъ оставилъ безъ всякаго рѣшенія. Потомъ король уѣхалъ въ Польшу, паны-рада разъѣхались; дѣло Глинскаго, очевидно, считали неважнымъ. Но Глинскій не успокоился: онъ бросился на имѣнія Забережскаго и убилъ его. Послѣ этого Глинскій началъ настоящій бунтъ; въ Москвѣ этимъ воспользовались и двинули войска къ литовской границѣ, а къ Глинскому былъ посланъ дьякъ съ приглашеніемъ вступить въ московскую службу съ отчинами. Глинскій изъявилъ согласіе. Вліянію Глинскихъ поддались князья Друцкіе и присягнули Василію. Между тѣмъ московскія войска подошли къ Оршѣ и начали осаду этого города, но принуждены были, услышавъ о томъ, что на Оршу идетъ самъ король, снять осаду и удалиться изъ литовскихъ предѣловъ, опустошая все по пути. Этимъ въ сущности и окончились сколько нибудь крупныя столкновенія, происшедшія въ эту войну. Уже въ сентябрѣ видимъ пословъ Сигизмунда въ Москвѣ, ведущихъ мирные переговоры. Сначала они требовали городовъ, которые издавна принадлежали Литвѣ, но, получивъ обыкновенно даваемый на эти требованія отвѣтъ, объявили, что король поступается тѣми городами и волостями, которыми въ перемиріе владѣла Москва, но что тѣ, которые она взяла послѣ, слѣдуетъ возвратить, да также возвратить Черниговъ, Любечъ, Дорогобужъ, Торопецъ. Послѣ долгихъ спорныхъ рѣчей послы сказали, что король отступается и отъ этихъ городовъ, но просили, чтобы великій князь

отступился отъ смоленскихъ волостей. Послѣ спорныхъ рѣчей и по этому поводу, великій князь велѣлъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, и договаривающіеся на томъ порѣшили, чтобы учинить вѣчный миръ, который и былъ утвержденъ 8-го октября. Плѣнныхъ постановлено выпустить съ обѣихъ сторонъ. Владѣнія служебныхъ князей: Шемячича, Можайскаго, Бѣльскихъ съ товарищами—остались за Москвою. Василій III, принимая Глинскаго на службу, обѣщалъ стоять за его отчины, и потому дозволялось Глинскому съ братьею воевать Литовскую землю за свои обиды, а которые города они возьмутъ, то на нихъ сидѣть Глинскимъ, а великому князю въ нихъ не вступаться. Но это обѣщаніе, при заключеніи мира, не было исполнено: всѣ земли Глинскихъ остались за Литвою, а Глинскимъ съ товарищами отданъ былъ приказъ ѣхать въ Москву. Кромѣ вѣчнаго мира, между государями заключенъ былъ союзъ на всѣхъ непріятелей и на татаръ; но въ этомъ послѣднемъ отношеніи былъ исключенъ только Менгли-Гирей.

Таковы были отношенія Москвы къ Литвѣ при Иванѣ III и въ первое время княженія Василія III. Иванъ прямо высказывалъ, что сила, на которую опирается онъ въ борьбѣ съ Польско-Литовскимъ государствомъ, заключается въ томъ, что онъ государь *русскій* и *православный*. Онъ поддерживалъ православіе всюду, гдѣ можно, до того, что, напримѣръ, Еленѣ наказывалъ заботиться о томъ, чтобы ея православные люди въ Литвѣ не женились на католичкахъ и за католиковъ дочерей не давали. Но литовцамъ чрезвычайно дорого обошлось православіе московскаго государя: въ ихъ глазахъ, не говоря объ удѣлахъ, повидимому, ради православія былъ подчиненъ Москвѣ Новгородъ и крѣпко къ ней привинченъ; сама Литва лишилась огромныхъ областей; земли ея были разорены московскими войсками, разграблены служебными князьями; внутри государства явился страшный бунтъ; съ юга всѣ русско-литовскія области опустошены татарами, и поводомъ ко всему этому была защита православія. Жалованныя грамоты, огромныя льготы жителямъ разореныхъ областей были для литовцевъ только временнымъ облегченіемъ, и у нихъ явилась мысль усилиться тѣмъ, что было въ сущности главною причиною ихъ несчастій, а именно: кромѣ обращенія главныхъ союзниковъ Москвы, всѣхъ православныхъ, въ католичество, еще болѣе крѣпкимъ политическимъ соединеніемъ великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ.

LXXIV. ИЗЪ СУДЕБНИКА IОАННА III (1497 г.).

Въ годъ 7006, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, в. кн. Іоаннъ Васильевичъ всея Руси, съ дѣтьми своими и боярами опредѣлилъ, какъ судить судъ боярамъ и окольничимъ.

1) Судъ судить боярамъ и окольничимъ, а на судѣ у бояръ и у окольничихъ быть дьякамъ; боярамъ, окольничимъ и дьякамъ посуловъ (взятокъ) отъ суда и отъ печалованія не брать, и посула отъ суда никакому судьѣ не брать; на судѣ не мстить никому и не руководствоваться дружбою.

2) Если прійдетъ жалобщикъ къ боярину, то жалобщика не удалять,

а давать во всемъ управу всякому жалобщику, какъ слѣдуетъ; если жалоба суду не подсудна, то довести объ этомъ до свѣдѣнія великаго князя или того, кто вѣдаетъ приказныхъ людей.

3) Бояринъ и дьякъ берутъ за судъ съ виновнаго, отвѣтчика или истца, первый—два алтына, а второй—восемь денегъ, если дѣло рублевое; если оно превышаетъ своею стоимостью рубль или меньше, то взимать по расчету.

4) Если досудятся до поля (поединка), но предъ полемъ помирятся, то бояринъ и дьякъ получаютъ по этому расчету, первый—два алтына съ рубля, второй—восемь денегъ; окольничій-же дьякъ и недѣльщикъ полевыхъ пошлинъ не получаютъ.

9) Убійцу своего господина, крамольника, церковнаго вора, похитителя людей, подметчика, поджигателя, завѣдомо преступнаго человѣка казнить смертью.

10) Если вора поймаютъ съ украденною вещью въ первый разъ, исключая вора церковнаго и похитителя людей, а не будетъ доказано, что онъ воровалъ прежде, то подвергнуть его торговой казни, бить кнутомъ, удовлетворить истца и выдать судьѣ на продажу. Если у вора нѣтъ имущества для удовлетворенія истца, то бить его кнутомъ, да выдать его головою истцу на продажу, а судья ничего не получитъ.

11) Если воръ пойманъ съ украденною вещью вторично, то казнить его смертью, истца удовлетворить изъ имущества казненнаго; изъ остатка этого имущества заплатить судьѣ. Если у вора имущества нѣтъ, то его истцу не выдавать, а казнить смертью.

12) Если на кого скажутъ пять или шесть человѣкъ добрыхъ дѣтей боярскихъ подъ присягою, или черныхъ людей пять-шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ, что онъ воръ, а не будетъ доказано, что онъ прежде воровалъ, то взять съ него вознагражденіе истцу безъ суда.

13) Если вора съ поличнымъ поймаютъ въ первый разъ, но пять или шесть человѣкъ подъ присягою заявятъ, что онъ и прежде не разъ воровалъ, то казнить его смертью и истца вознаградить изъ его имущества.

14) Если кого оговоритъ воръ, то произвести разслѣдованіе; если оговоренный человѣкъ подозрителенъ, то его пытать; если прежде на немъ не было никакого подозрѣнія, то на слова вора не полагаться, а оговореннаго отдать на поруки до разслѣдованія.

19) Если бояринъ обвинитъ кого не по суду и дастъ вмѣстѣ съ дьякомъ на него правую грамоту, и грамота окажется несправедливою, то взятое отдать обратно; бояринъ и дьякъ за это не отвѣчаютъ, а рѣшеніе отмѣняется.

55) Если купецъ, идя въ торговлю, возьметъ у кого деньги или товаръ, а товаръ у него на пути утеряется по несчастной случайности, потонетъ, сгоритъ, перейдетъ къ грабителямъ, то бояринъ разслѣдуетъ дѣло и велитъ дьяку дать полѣтную грамоту (для уплаты съ разсрочкою) съ печатью великаго князя, чтобы потерявшій уплачивалъ долгъ безъ процентовъ. Но если взявшій на пути пропьетъ, или инымъ какимъ нибудь предосудительнымъ образомъ, не по несчастью, утратитъ товаръ, то такого выдать истцу головою на продажу.

56) Если рать татарская полонитъ холопа, а тотъ уйдетъ изъ плѣна, то онъ перестаетъ быть холопомъ своего прежняго господина.

59) Священника, діакона, монаха, монахиню, старую вдову, питающуюся отъ церкви Божьей, судитъ святитель или его судья; если дѣло возникаетъ между міряниномъ и церковнымъ человѣкомъ — то судъ совмѣстный. Если вдова не отъ церкви Божьей питается, а живетъ своимъ домомъ, то не подлежитъ святительскому суду.

60) Если умретъ человѣкъ безъ завѣщанія, а у него сына нѣтъ, то все имущество и земли переходятъ къ дочери; если нѣтъ дочери—то къ ближайшему родственнику.

62) Если ищутъ землю бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ, то допускается трехлѣтняя давность; если ищутъ земли черный человѣкъ на черномъ, помѣщикъ на помѣщикѣ, за которымъ земля великокняжеская, черный или сельскій человѣкъ на помѣщикѣ, помѣщикъ на черномъ или сельскомъ человѣкѣ, то въ такомъ случаѣ также судить за три года, а дальше трехъ лѣтъ не судить; если на бояринѣ или монастырѣ ищется великокняжеская земля, то судить за шесть лѣтъ, а далѣе не судить; которыя земли находятся за приставомъ на судѣ (составляютъ предметъ иска), то тѣ земли досуживать.

67) Велѣть объявить на базарахъ въ Москвѣ и всѣхъ городахъ московскихъ и новгородскихъ, объявить во всѣхъ волостяхъ, чтобы истцы и отвѣтчики судьямъ и приставамъ посуловъ не давали, чтобы не было подставныхъ свидѣтелей, чтобы настоящіе свидѣтели говорили правду. Если свидѣтель дастъ показаніе ложно о томъ, чего не видѣлъ, и это потомъ будетъ узнано, то съ такого свидѣтеля взыскивать искъ истца и убытки.

LXXV. НОВГОРОДСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ ГЕННАДІЙ И БОРЬБА ЕГО СЪ ЕРЕСЬЮ.

(Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»).

Конецъ XV вѣка представляетъ переломъ въ области русской мыслительности, направленной главнымъ образомъ на религіозные предметы: съ одной стороны здѣсь являются начала тѣхъ споровъ и толковъ объ обрядахъ и буквѣ, которые, развившись впослѣдствіи, произвели явленіе громадной важности—расколъ старообрядчества со всѣми его видоизмѣненіями; съ другой—въ это время ярко высказываются признаки религіознаго свободомыслія, стремившагося къ отпаденію отъ основныхъ догматовъ православія. Въ исторіи того и другаго направленія игралъ важнѣйшую роль новгородскій архіепископъ Геннадій, человѣкъ стойкаго характера и съ замѣчательнымъ образованіемъ по своему времени. Къ сожалѣнію, многое въ жизни и дѣятельности этого человѣка намъ остается неизвѣстнымъ. Мы не знаемъ ни мѣста его рожденія, ни его юности. Осталось только извѣстіе, что фамильное его прозвище было Гонозовъ или Гонзовъ, и что, вступивши въ монашество, онъ былъ ученикомъ преподобнаго Савватія соловецкаго, а потомъ возведенъ въ санъ архимандрита Чудовскаго монастыря въ Кремлѣ.

Съ 1485 года открылась широкая область дѣятельности для Геннадія; онъ получилъ санъ новгородскаго владыки. Въ своей епархіи Геннадій

замѣтилъ церковные толки, подобные тѣмъ, какіе были въ Москвѣ. Умы книжниковъ заняты были споромъ объ аллилуйѣ. Во Псковѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли на всенощной пѣть: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже!» или «аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже!» Принимавшіе первый способъ «трегубили» аллилуію, а принимавшіе второй—«сугубили» ее. Сугубшіе опирались на томъ, будто аллилуіа въ переводѣ значитъ: слава тебѣ Боже! (между тѣмъ аллуліа, какъ извѣстно, означаетъ: хвалите Господа) и укоряли своихъ противниковъ, что они, произнося аллилуію, вмѣсто трехъ разъ, четыре раза, четверятъ Троицу и, такимъ образомъ, впадаютъ въ ересь. Ожесточеніе между партіями дошло до того, что трегубившіе, составлявшіе большинство, запрещали на рынкѣ продавать съѣстные припасы сугубившимъ. Книжники или такъ называемые „философы", державшіеся трегубія, толковали, что ихъ противники заимствовали отъ латинъ свое сугубіе. Споръ этотъ изо Пскова перешелъ и въ Новгородъ. Геннадій принялъ въ немъ участіе и поручилъ переводчику Димитрію Герасимову, ѣздившему за границу, изслѣдовать: дѣйствитеелно ли въ западной церкви двоятъ аллилуію? Но Герасимовъ привезъ ему отвѣтъ, что, по воззрѣнію западной церкви, все равно, что двоить, что троить аллилуію. Споръ этимъ, конечно, не порѣшился: сугубившіе съ своей стороны обвиняли трегубившихъ не только въ латинствѣ, но въ жидовствѣ и даже въ язычествѣ. Вопросъ объ аллилуіѣ перешелъ въ грядущія столѣтія и соединился со многими другими вопросами, составившими въ свое время сущность старообрядческаго раскола.

Въ православной церкви во всѣ времена господствовала обширная обрядность, сложная символика, поклоненіе священнымъ предметамъ и монашескій взглядъ на богоугодную нравственность. При невѣжествѣ народа, это, естественно, давало русской религіозности характеръ перевѣса формы надъ содержаніемъ, выраженія надъ мыслью. Все это перешло къ намъ съ византійскою литературою, но принесло у насъ своеобразные плоды: такія явленія, какъ споры „о хожденіи посолонь" или „объ аллилуйѣ" исключительно принадлежатъ русской жизни. Но съ тою же византійскою литературою заходили къ намъ и взгляды совершенно противоположные: ихъ можно прослѣдить въ разныхъ переводныхъ и подражательныхъ сочиненіяхъ, доступныхъ въ свое время только немногимъ, по причинѣ малограмотности. Вгляды эти клонилось, обратно, къ перевѣсу содержанія надъ формою, ставили внутреннее благочестіе выше внѣшняго, христіанскую нравственность выше многомоленія и поста, и обличали безплодность обряда самого по себѣ, не осмысленнаго. Въ то время, когда монашествующая набожность боялась діавола, находились люди, писавшіе: «Все въ человѣкѣ, какъ доброе, такъ и злое, отъ самого человѣка, а діаволъ не можетъ отвлечь человѣка отъ добра и привлечь на зло». Тогда какъ большинство проповѣдывало, что для спасенія души нужно безпрестанно читать молитвы, удручать плоть постомъ, подвергать себя добровольной нищетѣ и лишеніямъ, раздавались такія смѣлыя рѣчи: «Какой успѣхъ человѣку морить себя голодомъ и не дѣлать добрыхъ дѣлъ? Угоднѣе Богу кормить голоднаго, чѣмъ изсушать свою собственную плоть, оказывать помощь вдовицамъ, нежели изнурять свои члены, избавлять отъ томленія бѣдняковъ, чѣмъ томиться самому... Старайся лучше внутренній постъ хранить, чѣмъ воздерживаться отъ яствъ

по внѣшнему образу. Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и внѣшнее подвижничество безъ внутренняго храненія и соблюденія». Вопреки общему вѣрованію о силѣ молитвъ и заступленіи святыхъ передъ Богомъ, встрѣчались такія умствованія: „Если человѣкъ самъ не дѣлаетъ добра, то святые, хотя бы молились за него, не сдѣлаютъ ему пользы; сбудется только пословица: одинъ строитъ, другой разоряетъ".

Все это не заключало въ себѣ въ сущности ничего неправославнаго, но все это показываетъ, что въ самой благочестивой письменности были сѣмена противодѣйствія тому строю понятій о благочестіи, который былъ усвоенъ вѣками и принятъ большинствомъ: злоупотребленія въ духовенствѣ всегда могли обращать эти сѣмена въ противодѣйствія самой церкви. Такъ и сдѣлалось. Нигдѣ это противодѣйствіе не могло такъ легко прорваться, какъ во Псковѣ. Псковичи тяготились зависимостью отъ новгородскаго владыки по церковному управленію и суду, и между тѣмъ отсутствіе епархіальнаго начальника давно уже лишало во Псковѣ область благочестія правильнаго надзора.

Во Псковѣ свободнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, могло воспитаться противодѣйствіе противъ существующаго церковнаго порядка, были постоянныя причины къ этому. Съ одной стороны, духовенство роптало на вмѣшательство вѣча въ церковныя дѣла, съ другой—новгородскій владыка и его софійскій дворъ подавали постоянный поводъ къ жалобамъ, какъ на свою бездѣйственность въ дѣлѣ управленія и суда, такъ и на свою жадность въ собираніи пошлинъ.

Нападки на эти пошлины, упреки, дѣлаемые духовному управленію въ томъ, что оно посвящаетъ священнослужителей за деньги, положили начало ереси, извѣстной подъ названіемъ „Стригольниковъ".

Намъ неизвѣстно ни точное время явленія этой ереси, ни обстоятельства, служившія ближайшимъ поводомъ къ ея возникновенію; знаемъ только, что около 1374 года изъ Пскова въ Новгородъ бѣжали отъ преслѣдованія трое главныхъ проповѣдниковъ этой ереси: одинъ изъ нихъ неизвѣстенъ по имени, другой былъ діаконъ Никита, третій—міряниъ, по имени Карпъ. Въ сочиненіи конца XV вѣка, въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго, Карпъ названъ художествомъ «стригольникъ». Что такое «стригольникъ», мы не знаемъ, но ересь эта получила кличку стригольниковъ. Трое проповѣдниковъ нашли себѣ въ Новгородѣ послѣдователей, но вскорѣ возмутили противъ себя народъ и были сброшены съ моста въ Волховъ въ 1375 году. Посѣянное ими сѣмя ереси, однако, не пропало безслѣдно. Въ продолженіе XV вѣка еретики не разъ подвергались преслѣдованію во Псковѣ и Новгородѣ; ихъ умерщвляли, запирали въ тюрьмы; другіе изъ нихъ разбѣгались и разносили съ собою свои еретическія мнѣнія. Какъ всегда бываетъ, гонимая секта укрѣплялась и распространялась отъ гоненій. Въ Новгородѣ, въ послѣднихъ годахъ XV вѣка, Геннадій, не смотря на громадное выселеніе прежнихъ жителей и приливъ новыхъ, указывалъ, что между чернецами есть стригольники. Ересь стригольниковъ своею исходною точкою имѣла порицаніе обычая платить пошлины при посвященіи, а затѣмъ еретики нападали на жадность и корыстолюбіе духовенства. Стригольники начали учить, что таинства, совершенныя недостойными священниками, недѣйствительны, а затѣмъ дошли до того, что признали все существующее и прежнее духовенство неимѣвшимъ дара Духа Святаго, отвергали вселенскіе соборы, дозволяли вмѣсто свя-

разницею, что планъ, составленный Иваномъ III, по своимъ размѣрамъ, далеко оставлялъ за собою всѣ предшествовавшія попытки въ этомъ родѣ. Въ видахъ поднятія финансоваго положенія княжеской власти, этотъ планъ прежде всего обязывалъ теперь псковичей платить намѣстничьи деньги.

Независимо отъ намѣстничьихъ денегъ, по новому проекту, не оставался безъ приращенія и первоначальный источникъ княжескихъ доходовъ—судебныя пошлины, которыя, вслѣдствіе незначительности числа дѣлъ, поступавшихъ по псковской правдѣ на разсмотрѣніе князя-намѣстника, никакъ не могли достигнуть во Псковѣ достаточныхъ размѣровъ, особенно когда князю приходилось отдѣлять отъ нихъ часть въ пользу представителей господина Пскова. Новый проектъ расширялъ поэтому значительно и самый кругъ судебной дѣятельности намѣстника, относя къ его вѣдѣнію разныя дѣла по земледѣлію или такъ называемые нивные суды со связанными съ ними пошлинами, а именно разборъ дѣлъ по уборкѣ полевыхъ произведеній, по огражденію полей. Проектъ производилъ, наконецъ, нѣкоторыя измѣненія къ лучшему и въ положеніи людей, окружавшихъ намѣстника, какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и на псковскихъ пригородахъ. Такъ, прогонныя деньги, которыя взимались въ пользу княжескихъ приставовъ за совершеніе поѣздокъ по дѣламъ подсудимыхъ, были удвоены.

Планъ расширенія финансовыхъ правъ псковскаго князя и его людей былъ задуманъ въ Москвѣ еще въ 1474 году, но отъ псковичей нѣкоторое время сохранялся втайнѣ, благодаря тому обстоятельству, что великій князь еще не зналъ, какъ согласить съ принятымъ имъ на себя обязательствомъ соблюдать старину тѣ нововведенія, которыя заключались въ его планѣ и рѣшительно выходили изъ круга псковской пошлины. Предвидя, что при предъявленіи его требованій, псковичи во всякомъ случаѣ обвинятъ его въ нарушеніи старины, ссылаясь на свои пошлинныя граматы, Иванъ Васильевичъ необходимо долженъ былъ приготовиться къ тому заране, ознакомиться для этой цѣли съ характеромъ псковскихъ грамотъ, открыть въ нихъ какую либо слабую сторону, и такимъ образомъ обезпечить за собою благопріятный исходъ и въ этомъ, повидимому, безнадежномъ дѣлѣ. Въ этихъ видахъ, воспользовавшись оплошностью псковичей, приславшихъ къ нему съ благодарностью за помощь противъ внѣшнихъ враговъ простыхъ, а не большихъ пословъ или торжественное посольство, великій князь потребовалъ къ себѣ на просмотръ старыя пошлинныя грамоты псковскія. Просмотръ грамотъ не остался безъ результатовъ: слабая сторона псковской пошлины была скоро открыта и притомъ съ большимъ искусствомъ, такъ что великій князь, не нуждаясь болѣе въ укрывательствѣ своего плана отъ псковичей, уже смѣло могъ заявить предъ господиномъ Псковомъ, въ 1475 году, о своихъ требованіяхъ, имѣя въ запасѣ вѣское возраженіе на всѣ замѣчанія послѣдняго о нарушеніи старины. И когда предположеніе великаго князя дѣйствительно оправдалось, т. е. псковичи на отрѣзъ отказались удовлетворять новымъ требованіямъ, заявленнымъ княземъ Ярославомъ, ссылаясь на свои пошлинныя грамоты, которыя, въ лицѣ дошедшей до насъ псковской правды, въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о совершенной новизнѣ притязаній псковскаго намѣстника, тогда великій князь въ отвѣтѣ посламъ замѣтилъ, что

учили отвергать Св. Троицу, божество Іисуса Христа и всѣ церковныя постановленія; неизвѣстно только, передавали ли они новообращеннымъ Талмудъ и принадлежали ли сами къ вѣрующимъ въ Талмудъ, но за то учили астрологіи и кабалистическимъ гаданіямъ: этимъ, вѣроятно, они въ особенности и привлекали къ себѣ. Но, по отшествіи іудеевъ, ученіе ихъ въ Русской землѣ не могло сохраниться во всей своей старозаконной чистотѣ. Русскіе послѣдователи смѣшали его съ разными вольнодумными толками, и отсюда-то произошло явленіе, приводившее въ недоумѣніе многихъ ученыхъ. Іосифъ, игуменъ волоколамскій, оставившій намъ описаніе жидовствующей ереси, употребляетъ противъ нея такія обличенія, которыя скорѣе показываютъ заблужденія, не сообразныя съ чистымъ іудействомъ, и заставляютъ предполагать или оттѣнки христіанской секты, или чистый матеріализмъ. Такимъ образомъ, онъ обличаетъ между ними такихъ, которые, опираясь на примѣръ Іисуса Христа и апостоловъ, отвергали въ принципѣ монашество и думали подкрѣпить свои мнѣнія тѣми же текстами изъ апостола Павла, которыми въ XVI вѣкѣ обыкновенно западные протестанты доказывали несообразность учрежденія монашества съ духомъ христіанскаго ученія. Для послѣдователей іудейства не нужно было ссылаться на Павла, такъ какъ онъ имъ ни въ какомъ отношеніи не могъ быть авторитетомъ. Ясно, что Іосифъ Волоцкій, ратуя противъ жидовствующихъ, поражалъ вмѣстѣ съ ними и другія, существовавшія въ его время, еретическія мнѣнія. Согласно съ этимъ и Геннадій жаловался, что въ Новгородѣ, кромѣ «мудрствующихъ по-жидовски», есть еретики, держащіе ереси маркіанскую (отвергающую Тройцу), мессальянскую, саддукейскую (отвергающую будущую жизнь) и др. Для ревнителя православія всѣ эти ереси равнымъ образомъ были ненавистны и достойны истребленія.

Ознакомившись со своею епархіею и замѣтивши, что въ ней гнѣздятся ереси, Геннадій дѣятельно принялся ихъ отыскивать. Не легко ему это было. Еретики вели себя хитро и распространяли свои лжеученія, пользуясь благопріятными обстоятельствами, а передъ людьми, твердыми въ православіи, казались сами не только православными, но и свирѣпыми врагами ересей, и щедро разсыпали на нихъ проклятія; клясться и увѣрять въ своемъ православіи у нихъ не считалось грѣхомъ. За то при всякомъ случаѣ они совращали слабаго и потакали разнымъ порокамъ, чтобы привлекать къ себѣ. Главною цѣлью ихъ было проводить на священническія мѣста своихъ единомышленниковъ, и это удавалось имъ. Не только въ городахъ, но и въ селахъ были на священнослужительскихъ мѣстахъ заклятые еретики, и они завлекали мірянъ, не свѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры, прельщали ихъ ласковымъ обращеніемъ и дѣлали имъ всякаго рода послабленія, чтобы привлечь къ себѣ. Еретики выказывали себя глубокими книжниками и мудрецами; они хвалились, что у нихъ есть такія священныя книги, которыя, при всеобщемъ невѣжествѣ, были незнакомы большинству: имъ легко было приводить изъ нихъ мѣста и давать произвольныя толкованія. Понятно, что съ такими врагами предстояла трудная борьба, и не ранѣе, какъ въ 1487 году, Геннадію удалось попасть на явный слѣдъ. Случилось, что еретики въ пьяномъ видѣ стали болтать и упрекать другъ друга. Дали знать объ этомъ Геннадію; тотъ извѣстилъ митрополита Геронтія и приступилъ къ обыску. Одинъ изъ попавшихся, попъ Наумъ, открылъ Геннадію все и

принесъ ему псалмы, которые пѣли еретики въ своихъ тайныхъ собраніяхъ по іудейскому способу. Геннадій отдалъ подозрѣваемыхъ на поруки до окончанія слѣдствія и прислалъ митрополиту и великому князю свой первый обыскъ; онъ извѣщалъ, что трое еретиковъ, попы Григорій и Герасимъ и дьякъ Самсонъ, обличаются, по показаніямъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ томъ, что хвалили жидовскую вѣру, хулили Сына Божія и Пречистую Богородицу и всю православную вѣру, и ругались надъ иконами.

Между тѣмъ четверо изъ отданныхъ на поруки бѣжали въ Москву. Геннадій еще не подозрѣвалъ, что въ самой Москвѣ ересь уже пустила корни. Денисъ и Алексій совратили въ Москвѣ любимца великокняжескаго, дьяка Ѳеодора Курицына, архимандрита Симоновскаго монастыря Зосиму, крестовыхъ дьяковъ Истому и Сверчка и другихъ лицъ. Эти лица дѣйствовали на великаго князя и на митрополита, вѣроятно, представляли имъ, что Геннадій преувеличиваетъ дѣло, и новгородскій архіепископъ долго не получалъ изъ Москвы никакого отвѣта. Это заставило Геннадія усиленно добиваться отъ великаго князя и митрополита приказанія преслѣдовать еретиковъ. Геннадій хлопоталъ черезъ епископовъ, находившихся въ Москвѣ; указывалъ, что въ Москвѣ послабляютъ еретикамъ, а между тѣмъ въ Новгородѣ они становятся отважнѣе и ругаются надъ святынею. Настойчивость Геннадія привела, наконецъ, къ тому, что великій князь приказалъ созвать соборъ, и на соборѣ постановили троихъ обвиненныхъ предать торговой казни въ Москвѣ, а потомъ послать къ Геннадію на покаяніе; если же они не покаются, то отослать ихъ къ намѣстникамъ великаго князя въ Новгородъ для „градской“ казни. Кромѣ того Геннадію поручалось дѣлать дальнѣйшій обыскъ и тѣхъ, которые окажутся виновными, предавать намѣстникамъ для „градской“ казни. Соображаясь съ этимъ рѣшеніемъ собора, Геннадій продолжалъ обыскъ (слѣдствіе) и хваталъ подозрительныхъ. Тѣ, которые приносили покаяніе и сами на себя писали признаніе, подвергаемы были церковной эпитиміи; Геннадій оставилъ ихъ на свободѣ, запретивши имъ только ходить въ церковь, а нераскаявшихся и продолжавшихъ хвалить жидовскую вѣру отсылалъ къ намѣстникамъ для преданія ихъ торговой казни. Но всѣ тѣ, которые принесли предъ нимъ притворное покаяніе, бѣжали потомъ въ Москву и тамъ не только жили на свободѣ, но и распространяли ересь. Духовныя лица, которыхъ Геннадій уже считалъ несомнѣнно еретиками, совершали въ Москвѣ богослуженіе. Сильно возмущала Геннадія безнаказанность еретиковъ, да и послѣдніе болѣе всего ненавидѣли новгородскаго владыку.

Въ 1489 году скончался митрополитъ Геронтій, человѣкъ несомнѣнно православный по своимъ убѣжденіямъ, но дававшій потачку еретикамъ; быть можетъ, ненавидя Геннадія, онъ неохотно принимался за дѣло, поднятое послѣднимъ, и не довѣрялъ справедливости всего, что выставлялъ новгородскій владыка. Еретики до того взяли верхъ при дворѣ Иванѣ Васильевича, что своимъ ходатайствомъ могли доставить митрополичью каѳедру такому лицу, какое имъ было нужно. Въ сентябрѣ 1490 года состоялся выборъ: духовныя власти избрали митрополитомъ Зосиму.

Какъ только Зосима усѣлся на митрополичьемъ столѣ, тотчасъ потребовалъ отъ Геннадія исповѣданія вѣры. Это значило, что Геннадія

подозрѣваютъ въ неправовѣріи. Геннадій ясно видѣлъ, что къ нему придираются, что враги составляютъ противъ него козни: враги эти—еретики, и новгородскій владыка усилилъ противъ нихъ свою ревность. Геннадій не послалъ Зосимѣ исповѣданія, объяснивши, что онъ уже далъ его, по обычаю, при своемъ поставленіи въ архіерейскій санъ, а съ своей стороны настоятельно требовалъ приняться немедленно за строжайшій обыскъ надъ еретиками и казнить ихъ безъ милосердія. Геннадій напомнилъ митрополиту, что онъ обязанъ настаивать передъ великимъ княземъ на преслѣдованіи еретиковъ, и указывалъ на государева дьяка и любимца Өеодора Курицына, какъ на корень всего зла: „Отъ него вся бѣда стала, онъ отъявленный еретикъ и заступникъ еретиковъ передъ государемъ". Геннадій этимъ не ограничился: онъ смѣло обличалъ распоряженія самого великаго князя, касавшіяся церкви. Настойчивыя требованія Геннадія, обращаемыя къ митрополиту, могли остаться безъ вниманія, такъ какъ и прежде того Геннадій не разъ уже писалъ въ Москву, присылалъ разные доносы и улики на еретиковъ, а имъ въ Москвѣ не давали ходу: очевидно, люди, принадлежавшіе къ ереси и приближенные къ государю, представляли Геннадія вздорнымъ, безпокойнымъ человѣкомъ. Но Геннадій, защищая православіе, защищалъ разомъ и самого себя отъ подкопа, который вели противъ него враги. Вслѣдъ за письмомъ къ митрополиту разразился онъ посланіемъ, обращеннымъ къ русскимъ архіереямъ: ростовскому, суздальскому, тверскому и пермскому; онъ убѣждалъ ихъ всѣхъ требовать немедленнаго созванія собора и суда надъ еретиками, и притомъ суда самаго строгаго. Уликами для еретиковъ должны были служить показанія, отобранныя Геннадіемъ подъ пыткою у тѣхъ, которыхъ прежде выслали къ нему изъ Москвы. Уже онъ посылалъ эти показанія въ Москву, но имъ не вѣрили, говорили, что они вынужденны были муками, и на это недовѣріе горько жаловался Геннадій архіереямъ. Геннадій убѣждалъ архіереевъ, чтобы великій князь непремѣнно послалъ за новгородскимъ архіепископомъ, и убѣждалъ ихъ безъ него не начинать никакого дѣла. Въ показаніяхъ Самсонка и другихъ были признанія въ томъ, что еретики изрекали хулу на Христа, Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, ругались надъ иконами и надъ другими священными вещами. Самъ Самсонко сознавался, что онъ съ попомъ Наумомъ расщепляли святыя иконы, а Наумъ, проходя мимо иконы Богородицы, показалъ ей кукишъ. Иные спали на иконахъ, другіе мылись на нихъ. Макаръ, дьякъ, который ѣлъ въ постъ мясо, плевалъ на икону, а Самсонко вырѣзывалъ изъ просфоръ кресты и бросалъ кошкамъ и собакамъ и проч. Геннадіево посланіе оказало немедленное дѣйствіе. Зосима не хотѣлъ собирать собора, но не могъ противиться общему требованію архіереевъ и большинства духовенства, которое единогласно домогалось суда надъ еретиками. Соборъ открылся 17 октября. Геннадія не пригласили, и архіереи рѣшились приступить къ дѣлу безъ Геннадія, хотя онъ просилъ ихъ добиваться, чтобы его непремѣнно пригласили на соборъ. Основываясь на показаніяхъ, присланныхъ Геннадіемъ, и на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, собранныхъ въ Москвѣ, соборъ обвинилъ новгородскаго протопопа Гаврила, нѣсколькихъ священниковъ и дьяконовъ въ томъ, что они не поклонялись иконамъ, ругались надъ ними, называя ихъ, заурядъ съ идолами, дѣлами рукъ человѣческихъ, признавали тѣло и кровь Христово

простымъ хлѣбомъ и виномъ съ водою. Уличили ли ихъ при этомъ въ прямомъ „жидовствѣ", мы не знаемъ. Еретики упорно отпирались отъ обвиненій, а въ томъ, въ чемъ нельзя было отпереться, каялись и просили прощенія. Соборъ лишилъ ихъ духовнаго сана, предалъ проклятію и осудилъ на заточеніе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ отправили къ Геннадію въ Новгородъ. Архіепископъ приказалъ ихъ встрѣтить за 40 верстъ отъ города, надѣть на нихъ вывороченную одежду, посадить на вьючныхъ лошадей лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями, въ соломенныхъ вѣнцахъ съ надписью: «Се есть сатанино воинство. «Въ такомъ видѣ ввезли ихъ въ городъ. Со связанными руками, они сидѣли обращенные лицомъ на западъ, по выраженію Іосифа Волоцкаго, въ ту сторону, гдѣ ихъ ожидалъ вѣчный огонь. Владыка велѣлъ народу плевать на нихъ, ругаться надъ ними и кричать: «Вотъ враги Божіи, хулители христіанскіе». Послѣ того на головахъ ихъ зажжены были берестовые шлемы. По извѣстію Іосифа, Денисъ скоро умеръ, за мѣсяцъ передъ смертью лишившись разсудка. Подобная участь постигла и Захара. Но для искорененія еретическаго духа этимъ еще сдѣлано было немного. Соборное осужденіе постигло указанныхъ нами лицъ собственно не за жидовскую или какую нибудь опредѣленную ересь, а за противные церкви поступки и выраженія, которые могли одинаково быть послѣдствіемъ разныхъ заблужденій и даже просто безпутной жизни и пьянства. Важные еретики оставались безъ преслѣдованія и жили въ Москвѣ, пользуясь покровительствомъ властей. Таковы были Ѳедоръ Курицынъ, братъ его Волкъ, Сверчекъ, Семенъ Кленовъ, Максимовъ и друг. Иванъ Максимовъ нашелъ возможность совратить въ ересь невѣстку великаго князя, вдову Елену.

Распространенію всякаго рода безвѣрія, а также и всякихъ еретическихъ толкованій, способствовало то обстоятельство, что въ это время окончилась седьмая тысяча лѣтъ, считаемая отъ сотворенія міра. Уже долгое время было въ ходу вѣрованіе, не только на Руси, но и на православномъ востокѣ, что міру должно существовать только 7000 лѣтъ. Вѣрованіе это чрезвычайно древнее и исходитъ еще отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Одинъ изъ раннихъ отцовъ церкви, Ириней, конца II вѣка, писалъ, что во сколько дней созданъ міръ, черезъ столько тысячъ лѣтъ послѣдуетъ его конецъ; съ тѣхъ поръ еще это мнѣніе повторялось многими и въ различныхъ видахъ. Сообразно съ этимъ мнѣніемъ, пасхалія, которою руководствовались для преходящихъ праздниковъ, составлена была на 7000 лѣтъ, и русскіе сроднились съ мыслью, что конецъ пасхаліи согласуется съ концомъ міра. Но пасхалія была на исходѣ, конецъ міра не приходилъ, и надобно было составлять дальнѣйшую пасхалію. Митрополитъ Зосима изложилъ пасхалію только на слѣдующіе двадцать лѣтъ, но въ то же время поручилъ Геннадію, пріѣхавшему для того въ Москву, составить свою пасхалію, чтобы согласіе между тою и другою послужило мѣриломъ истины. Геннадій написалъ пасхалію на семьдесятъ лѣтъ. Она оказалась дословно сходною въ тѣхъ годахъ, на которые составилъ посхалію Зосима, и Геннадіева пасхалія была разослана по всей Руси съ предисловіемъ, гдѣ объяснялся процессъ составленія пасхаліи и проводилась мысль, что нельзя человѣку знать времени кончины міра.

Но составленіе пасхаліи не отняло у еретиковъ возможности поль-

зоваться для своихъ цѣлей исходомъ семитысячныхъ годовъ. „Какъ же это, говорили они, апостолы написали, что Христосъ родился въ послѣднее лѣто, а вотъ уже 1500 лѣтъ проходитъ по Рождествѣ Христовѣ, міру же все конца нѣтъ; стало быть апостолы неправду писали. Говорили, что Христосъ скоро придетъ, а его все нѣтъ“! Такія замѣчанія вызывали со стороны православныхъ необходимость опровергать ихъ, вдаваться въ объясненія какъ священнаго писанія, такъ и св. отцовъ. Геннадій опровергалъ эти замѣчанія, ходившія въ то время въ народѣ, и кромѣ книгъ, признаваемыхъ церковью, ссылался даже на апокрифическія или отреченныя сочиненія, которыя были тогда въ большомъ ходу между духовными, не всегда умѣвшими отличать ихъ отъ каноническихъ. Страсть къ религіознымъ разсужденіямъ все болѣе и болѣе усиливалась. Митрополитъ Зосима явно показывалъ видъ, что защищаетъ православіе, а на самомъ дѣлѣ былъ опорою для еретиковъ.

Это былъ человѣкъ, преданный обжорству, пьянству, всякимъ чувственнымъ удовольствіямъ, и потому склонный къ безвѣрію и матеріализму. Въ тѣ минуты, когда вино дѣлало его откровеннымъ, онъ высказывалъ самыя соблазнительныя мнѣнія: что Христосъ самъ себя назвалъ Богомъ, что евангельскіе, апостольскіе и церковные уставы и преданія— все вздоръ; иконы и кресты все равно, что болваны. Его причисляли также къ послѣдователямъ жидовства, но едвали было такъ на самомъ дѣлѣ: отрицаніе будущей жизни несогласимо было съ общепринятыми іудейскими вѣрованіями, и, кажется, Зосима не принадлежалъ ни къ какой ереси, а просто ничему не вѣрилъ, потому что ни о чемъ не заботился, кромѣ чувственныхъ удовольствій. Отъ этого онъ готовъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на всякую ересь и говорилъ: не слѣдуетъ наказывать еретиковъ и отыскивать ихъ. Въ томъ же духѣ говорили не только сами еретики, но и православные, побуждаемые добродушіемъ: „Зачѣмъ осуждать и истязать еретиковъ и отступниковъ? Господь сказалъ: не судите, да не судимы будете“. Противъ такихъ мнѣній вооружались въ то время строгіе ревнители православія, и главнымъ изъ нихъ былъ неутомимый Геннадій. Онъ, напротивъ, доказывалъ, что не только слѣдуетъ всѣми возможными средствами отыскивать еретиковъ, но даже не вѣрить ихъ покаянію, когда оно приносится поневолѣ обличенными въ ереси. Геннадій требовалъ, чтобы ихъ жгли и вѣшали. Тогда вопросъ о томъ, какъ относиться къ еретикамъ, занималъ умы. Геннадій придавалъ ему огромную важность, и для противодѣйствія своимъ противникамъ нашелъ себѣ дѣятельнаго и энергическаго товарища въ игуменѣ волоколамскаго монастыря Іосифѣ. Онъ былъ сынъ землевладѣльца близъ Волоколамска, по прозвищу Санина, и происходилъ изъ крайне благочестивой семьи. Самъ Іосифъ въ молодости постригся въ Боровскомъ монастырѣ у знаменитаго и уважаемаго за свою святую жизнь игумена Пафнутія, а впослѣдствіи, еще при жизни послѣдняго, сдѣлался его преемникмоъ. Онъ хотѣлъ ввести въ монастырѣ чрезвычайную строгость, но вооружилъ противъ себя всю братію, и потому удалился изъ Боровска, скитался около года по разнымъ монастырямъ, наконецъ основалъ собственный монастырь на своей родинѣ близъ Волоколамска. Великій князь лично зналъ его и уважалъ за строгое постничество и необыкновенную по тому времени ученость. Съ Іосифомъ сошелся Геннадій, знакомый съ нимъ еще прежде и пожертвовавшій въ Волоколамскій монастырь свое село Мечевское.

Зосима не долго могъ скрываться. Ревнители благочестія скоро разгадали его, соблазнились его поведеніемъ, его двусмысленными выходками, о которыхъ слухъ расходился въ народѣ, и стали обличать его. Митрополитъ, прежде проповѣдывавшій милость ко всѣмъ, теперь самъ сталъ жаловаться великому князю на своихъ враговъ, и великій князь подвергъ нѣкоторыхъ заточенію; но въ 1493 году смѣло и рѣшительно поднялся противъ Зосимы Іосифъ Волоцкій, написавшій въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ посланіе къ суздальскому епископу Нифонту, призывая его со всѣми товарищами, русскими іерархами, стать за православную вѣру противъ отступника митрополита. Это посланіе, вѣроятно, написанное заодно съ Геннадіемъ, произвело свое дѣйствіе. Въ 1494 году митрополитъ, увидѣвши, что вся церковь противъ него вооружается, добровольно отказался отъ митрополіи, всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ, объявилъ, что по немощи не можетъ быть митрополитомъ, и удалился сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троицкій монастырь. Не ранѣе, какъ въ сентябрѣ слѣдующаго года, избранъ былъ новый митрополитъ Симонъ, бывшій игуменомъ Троицко-Сергіеваго монастыря. Достойно замѣчанія, какъ велъ себя великій князь въ этомъ случаѣ: предшествовавшія событія показали ему, что церковь, такъ сильно содѣйствовавшая усиленію верховной мірской власти, способна была, однако, заявлять свою независимость противъ этой власти. Мысль эта уже тяготила Ивана, и этимъ то, должно быть, пользовались приближенные къ нему еретики, отклоняя его отъ слишкомъ ревностнаго преслѣдованія вольнодумцевъ. Иванъ былъ отчасти доволенъ: охлажденіе къ духовенству, распространявшееся въ народѣ, могло содѣйствовать видамъ Ивана. Во-первыхъ, онъ видѣлъ въ этомъ средство поставить свою власть выше всякаго противодѣйствія со стороны представителей церкви; во-вторыхъ—возможность осуществить со временемъ свое тайное желаніе овладѣть церковными имуществами, желаніе, которое уже давно онъ выказалъ своими поступками, отнявши у новгородскаго владыки и у новгородскихъ монастырей значительную часть ихъ имѣній.

При такомъ настроеніи Ивана Васильевича, еретикамъ удобно было подделываться къ нему и пользоваться его покровительствомъ, увѣряя, что всѣ обвиненія въ ереси не что иное, какъ слѣдствіе изувѣрства духовныхъ. Иванъ Васильевичъ давно уже не любилъ Геннадія; Іосифа Волоцкаго онъ уважалъ, но когда послѣдній началъ докучать ему просьбами объ отысканіи и преслѣдованіи еретиковъ, государь и ему велѣлъ замолчать. Еретическое направленіе въ особенности укрѣпилось тогда, когда государь охладѣлъ къ своему сыну Василію и оказывалъ расположеніе къ своей невѣсткѣ и ея сыну. Московскіе еретики, а вмѣстѣ съ ними и бояре Патрикѣевы, благопріятели Елены и ея сына, подстрекали великаго князя присвоить себѣ церковное имущество, что было очень по душѣ Ивану Васильевичу, и государь началъ съ имѣній новгородскаго владыки: онъ отнялъ у Геннадія часть архіепископскихъ земель и отдалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ.

Между тѣмъ Геннадій, ведя неутомимую войну противъ еретиковъ, первый понялъ, что православію нельзя бороться съ ересями только тѣми средствами насилія, какія до сихъ поръ употреблялись. Въ ереси уходило изъ православія то, что по умственному развитію стояло выше

59) Священника, діакона, монаха, монахиню, старую вдову, питающуюся отъ церкви Божьей, судитъ святитель или его судья; если дѣло возникаетъ между міряниномъ и церковнымъ человѣкомъ — то судъ совмѣстный. Если вдова не отъ церкви Божьей питается, а живетъ своимъ домомъ, то не подлежитъ святительскому суду.

60) Если умретъ человѣкъ безъ завѣщанія, а у него сына нѣтъ, то все имущество и земли переходятъ къ дочери; если нѣтъ дочери—то къ ближайшему родственнику.

62) Если ищутъ землю бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ, то допускается трехлѣтняя давность; если ищутъ земли черный человѣкъ на черномъ, помѣщикъ на помѣщикѣ, за которымъ земля великокняжеская, черный или сельскій человѣкъ на помѣщикѣ, помѣщикъ на черномъ или сельскомъ человѣкѣ, то въ такомъ случаѣ также судить за три года, а дальше трехъ лѣтъ не судить; если на бояринѣ или монастырѣ ищется великокняжеская земля, то судить за шесть лѣтъ, а далѣе не судить; которыя земли находятся за приставомъ на судѣ (составляютъ предметъ иска), то тѣ земли досуживать.

67) Велѣть объявить на базарахъ въ Москвѣ и всѣхъ городахъ московскихъ и новгородскихъ, объявить во всѣхъ волостяхъ, чтобы истцы и отвѣтчики судьямъ и приставамъ посуловъ не давали, чтобы не было подставныхъ свидѣтелей, чтобы настоящіе свидѣтели говорили правду. Если свидѣтель дастъ показаніе ложно о томъ, чего не видѣлъ, и это потомъ будетъ узнано, то съ такого свидѣтеля взыскивать искъ истца и убытки.

LXXV. НОВГОРОДСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ ГЕННАДІЙ И БОРЬБА ЕГО СЪ ЕРЕСЬЮ.

(Изъ соч. Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»).

Конецъ XV вѣка представляетъ переломъ въ области русской мыслительности, направленной главнымъ образомъ на религіозные предметы: съ одной стороны здѣсь являются начала тѣхъ споровъ и толковъ объ обрядахъ и буквѣ, которые, развившись впослѣдствіи, произвели явленіе громадной важности—расколъ старообрядчества со всѣми его видоизмѣненіями; съ другой—въ это время ярко высказываются признаки религіознаго свободомыслія, стремившагося къ отпаденію отъ основныхъ догматовъ православія. Въ исторіи того и другаго направленія игралъ важнѣйшую роль новгородскій архіепископъ Геннадій, человѣкъ стойкаго характера и съ замѣчательнымъ образованіемъ по своему времени. Къ сожалѣнію, многое въ жизни и дѣятельности этого человѣка намъ остается неизвѣстнымъ. Мы не знаемъ ни мѣста его рожденія, ни его юности. Осталось только извѣстіе, что фамильное его прозвище было Гонозовъ или Гонзовъ, и что, вступивши въ монашество, онъ былъ ученикомъ преподобнаго Савватія соловецкаго, а потомъ возведенъ въ санъ архимандрита Чудовскаго монастыря въ Кремлѣ.

Съ 1485 года открылась широкая область дѣятельности для Геннадія; онъ получилъ санъ новгородскаго владыки. Въ своей епархіи Геннадій

замѣтилъ церковные толки, подобные тѣмъ, какіе были въ Москвѣ. Умы книжниковъ заняты были споромъ объ аллилуйѣ. Во Псковѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли на всенощной пѣть: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже!» или «аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже!» Принимавшіе первый способъ «трегубили» аллилуію, а принимавшіе второй—«сугубили» ее. Сугубвшіе опирались на томъ, будто аллилуіа въ переводѣ значитъ: слава тебѣ Боже! (между тѣмъ аллуліа, какъ извѣстно, означаетъ: хвалите Господа) и укоряли своихъ противниковъ, что они, произнося аллилуію, вмѣсто трехъ разъ, четыре раза, четверятъ Троицу и, такимъ образомъ, впадаютъ въ ересь. Ожесточеніе между партіями дошло до того, что трегубившіе, составлявшіе большинство, запрещали на рынкѣ продавать съѣстные припасы сугубившимъ. Книжники или такъ называемые „философы", державшіеся трегубія, толковали, что ихъ противники заимствовали отъ латинъ свое сугубіе. Споръ этотъ изо Пскова перешелъ и въ Новгородъ. Геннадій принялъ въ немъ участіе и поручилъ переводчику Димитрію Герасимову, ѣздившему за границу, изслѣдовать: дѣйствитеелно ли въ западной церкви двоятъ аллилуію? Но Герасимовъ привезъ ему отвѣтъ, что, по воззрѣнію западной церкви, все равно, что двоить, что троить аллилуію. Споръ этимъ, конечно, не порѣшился: сугубившіе съ своей стороны обвиняли трегубившихъ не только въ латинствѣ, но въ жидовствѣ и даже въ язычествѣ. Вопросъ объ аллилуіѣ перешелъ въ грядущія столѣтія и соединился со многими другими вопросами, составившими въ свое время сущность старообрядческаго раскола.

Въ православной церкви во всѣ времена господствовала обширная обрядность, сложная символика, поклоненіе священнымъ предметамъ и монашескій взглядъ на богоугодную нравственность. При невѣжествѣ народа, это, естественно, давало русской религіозности характеръ перевѣса формы надъ содержаніемъ, выраженія надъ мыслью. Все это перешло къ намъ съ византійскою литературою, но принесло у насъ своеобразные плоды: такія явленія, какъ споры „о хожденіи посолонь" или „объ аллилуйѣ" исключительно принадлежатъ русской жизни. Но съ тою же византійскою литературою заходили къ намъ и взгляды совершенно противоположные: ихъ можно прослѣдить въ разныхъ переводныхъ и подражательныхъ сочиненіяхъ, доступныхъ въ свое время только немногимъ, по причинѣ малограмотности. Вгляды эти клонилось, обратно, къ перевѣсу содержанія надъ формою, ставили внутреннее благочестіе выше внѣшняго, христіанскую нравственность выше многомоленія и поста, и обличали безплодность обряда самого по себѣ, не осмысленнаго. Въ то время, когда монашествующая набожность боялась діавола, находились люди, писавшіе: «Все въ человѣкѣ, какъ доброе, такъ и злое, отъ самого человѣка, а діаволъ не можетъ отвлечь человѣка отъ добра и привлечь на зло». Тогда какъ большинство проповѣдывало, что для спасенія души нужно безпрестанно читать молитвы, удручать плоть постомъ, подвергать себя добровольной нищетѣ и лишеніямъ, раздавались такія смѣлыя рѣчи: «Какой успѣхъ человѣку морить себя голодомъ и не дѣлать добрыхъ дѣлъ? Угоднѣе Богу кормить голоднаго, чѣмъ изсушать свою собственную плоть, оказывать помощь вдовицамъ, нежели изнурять свои члены, избавлять отъ томленія бѣдняковъ, чѣмъ томиться самому... Старайся лучше внутренній постъ хранить, чѣмъ воздерживаться отъ яствъ

по внѣшнему образу. Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и внѣшнее подвижничество безъ внутренняго храненія и соблюденія». Вопреки общему вѣрованію о силѣ молитвъ и заступленіи святыхъ передъ Богомъ, встрѣчались такія умствованія: „Если человѣкъ самъ не дѣлаетъ добра, то святые, хотя бы молились за него, не сдѣлаютъ ему пользы; сбудется только пословица: одинъ строитъ, другой разоряетъ".

Все это не заключало въ себѣ въ сущности ничего неправославнаго, но все это показываетъ, что въ самой благочестивой письменности были сѣмена противодѣйствія тому строю понятій о благочестіи, который былъ усвоенъ вѣками и принятъ большинствомъ: злоупотребленія въ духовенствѣ всегда могли обращать эти сѣмена въ противодѣйствія самой церкви. Такъ и сдѣлалось. Нигдѣ это противодѣйствіе не могло такъ легко прорваться, какъ во Псковѣ. Псковичи тяготились зависимостью отъ новгородскаго владыки по церковному управленію и суду, и между тѣмъ отсутствіе епархіальнаго начальника давно уже лишало во Псковѣ область благочестія правильнаго надзора.

Во Псковѣ свободнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, могло воспитаться противодѣйствіе противъ существующаго церковнаго порядка, были постоянныя причины къ этому. Съ одной стороны, духовенство роптало на вмѣшательство вѣча въ церковныя дѣла, съ другой—новгородскій владыка и его софійскій дворъ подавали постоянный поводъ къ жалобамъ, какъ на свою бездѣйственность въ дѣлѣ управленія и суда, такъ и на свою жадность въ собираніи пошлинъ.

Нападки на эти пошлины, упреки, дѣлаемые духовному управленію въ томъ, что оно посвящаетъ священнослужителей за деньги, положили начало ереси, извѣстной подъ названіемъ „Стригольниковъ".

Намъ неизвѣстно ни точное время явленія этой ереси, ни обстоятельства, служившія ближайшимъ поводомъ къ ея возникновенію; знаемъ только, что около 1374 года изъ Пскова въ Новгородъ бѣжали отъ преслѣдованія трое главныхъ проповѣдниковъ этой ереси: одинъ изъ нихъ неизвѣстенъ по имени, другой былъ діаконъ Никита, третій—мірянинъ, по имени Карпъ. Въ сочиненіи конца XV вѣка, въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго, Карпъ названъ художествомъ «стригольникъ». Что такое «стригольникъ», мы не знаемъ, но ересь эта получила кличку стригольниковъ. Трое проповѣдниковъ нашли себѣ въ Новгородѣ послѣдователей, но вскорѣ возмутили противъ себя народъ и были сброшены съ моста въ Волховъ въ 1375 году. Посѣянное ими сѣмя ереси, однако, не пропало безслѣдно. Въ продолженіе XV вѣка еретики не разъ подвергались преслѣдованію во Псковѣ и Новгородѣ; ихъ умерщвляли, запирали въ тюрьмы; другіе изъ нихъ разбѣгались и разносили съ собою свои еретическія мнѣнія. Какъ всегда бываетъ, гонимая секта укрѣплялась и распространялась отъ гоненій. Въ Новгородѣ, въ послѣднихъ годахъ XV вѣка, Геннадій, не смотря на громадное выселеніе прежнихъ жителей и приливъ новыхъ, указывалъ, что между чернецами есть стригольники. Ересь стригольниковъ своею исходною точкою имѣла порицаніе обычая платить пошлины при посвященіи, а затѣмъ еретики нападали на жадность и корыстолюбіе духовенства. Стригольники начали учить, что таинства, совершенныя недостойными священниками, недѣйствительны, а затѣмъ дошли до того, что признали все существующее и прежнее духовенство неимѣвшимъ дара Духа Святаго, отвергали вселенскіе соборы, дозволяли вмѣсто свя-

щенниковъ учить и проповѣдывать каждому, вооружались противъ монастырей, противъ вкладовъ по душамъ, поминокъ и вообще противъ того, что на благочестивомъ языкѣ называлось «строить душу». Они, какъ видно, какъ-то по своему толковали таинство причащенія, а вмѣсто исповѣди передъ священникомъ вводили свой обрядъ покаянія припаданіемъ къ землѣ. Отвергая церковныя постановленія, сами стригольники, однако, уважали произвольный постъ, отличались суровымъ воздержаніемъ, молитвою и книжностью. Какъ всегда бываетъ со всякаго рода сектами, и ересь стригольниковъ, распространяясь, развѣтвилась и разбилась на многіе толки, такъ что въ XV вѣкѣ люди различныхъ мнѣній назывались общимъ именемъ «стригольниковъ». Одни, напримѣръ, не расходились совершенно съ церковью, а только вольнодумствовали надъ ея постановленіями. Другіе соблазняясь способомъ поставленія духовныхъ лицъ, разошлись съ существовавшею въ ихъ время церковью, но не отвергали необходимости православной церкви и готовы были присоединиться къ существующей, если бы въ ней не было того, что имъ казалось злоупотребленіемъ. Третьи отвергали монашество. Четвертые, оторвавшись отъ церкви, учреждали свое собственное богослуженіе. Пятые, не признавая ни соборовъ, ни церковныхъ уставовъ и преданій, опирались на одномъ только св. писаніи, какъ дѣлали впослѣдствіи протестанты. Шестые доходили до чистаго деизма, отвергали уже евангельскія и апостольскія писанія и поклонялись одному Отцу Богу Небесному. Наконецъ, уже самые крайніе отрицали воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь.

Такое броженіе умовъ господствовало въ пятнадцатомъ вѣкѣ на русскомъ сѣверѣ, когда, передъ паденіемъ независимости Новгорода, занесена была туда ересь раціоналистическаго жидовства. Въ 1470 году, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ прибылъ въ Новгородъ изъ Кіева ученый іудей Схарія. Въ Новгородѣ въ то время были во всеобщемъ ходу религіозные толки: люди всякаго сословія, и мужчины, и женщины, сходились не только въ домахъ, но и на торжищахъ, говорили о духовныхъ предметахъ и часто съ желаніемъ критиковать существующее въ церкви преданіе и постановленіе. Во всеобщемъ хаосѣ споровъ и толковъ удобно было и ученому іудею пустить въ ходъ еще одно еретическое ученіе, имѣвшее цѣлью распространеніе основъ іудейской вѣры. Онъ совратилъ сперва одного попа, по имени Дениса, потомъ послѣдній привелъ къ нему другаго попа, по имени Алексія, имѣвшаго приходъ на Михайловской улицѣ. Это были люди мыслящіе и начитанные по тогдашнему времени. Они приняли іудейство. Семейства этихъ священниковъ послѣдовали ихъ примѣру. Вслѣдъ за Денисомъ и Алексіемъ обратились къ новой ереси зять Алексія Иванъ Максимовъ, отецъ его попъ Максимъ, зять Дениса Васька Сухой, софійскій протопопъ Гавріилъ и еще много другихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ. Сдѣлавши свое дѣло, іудеи исчезли безслѣдно: вѣроятно, они уѣхали, изъ Новгорода. Когда Иванъ III былъ въ Новгородѣ, то взялъ поповъ Дениса и Алексія къ себѣ въ Москву. Какъ книжные люди, они вскорѣ заняли видныя мѣста: Алексій сдѣланъ протопопомъ Успенскаго собора, а Денисъ Архангельскаго. Никто не могъ подозрѣвать въ нихъ и тѣни какого бы то ни было неправовѣрія.

Ученіе, проповѣданное іудеями, имѣло чисто-еврейскія основанія. Они

учили отвергать Св. Троицу, божество Іисуса Христа и всѣ церковныя постановленія; неизвѣстно только, передавали ли они новообращеннымъ Талмудъ и принадлежали ли сами къ вѣрующимъ въ Талмудъ, но за то учили астрологіи и кабалистическимъ гаданіямъ: этимъ, вѣроятно, они въ особенности и привлекали къ себѣ. Но, по отшествіи іудеевъ, ученіе ихъ въ Русской землѣ не могло сохраниться во всей своей старозаконной чистотѣ. Русскіе послѣдователи смѣшали его съ разными вольнодумными толками, и отсюда-то произошло явленіе, приводившее въ недоумѣніе многихъ ученыхъ. Іосифъ, игуменъ волоколамскій, оставившій намъ описаніе жидовствующей ереси, употребляетъ противъ нея такія обличенія, которыя скорѣе показываютъ заблужденія, не сообразныя съ чистымъ іудействомъ, и заставляютъ предполагать или оттѣнки христіанской секты, или чистый матеріализмъ. Такимъ образомъ, онъ обличаетъ между ними такихъ, которые, опираясь на примѣръ Іисуса Христа и апостоловъ, отвергали въ принципѣ монашество и думали подкрѣпить свои мнѣнія тѣми же текстами изъ апостола Павла, которыми въ XVI вѣкѣ обыкновенно западные протестанты доказывали несообразность учрежденія монашества съ духомъ христіанскаго ученія. Для послѣдователей іудейства не нужно было ссылаться на Павла, такъ какъ онъ имъ ни въ какомъ отношеніи не могъ быть авторитетомъ. Ясно, что Іосифъ Волоцкій, ратуя противъ жидовствующихъ, поражалъ вмѣстѣ съ ними и другія, существовавшія въ его время, еретическія мнѣнія. Согласно съ этимъ и Геннадій жаловался, что въ Новгородѣ, кромѣ «мудрствующихъ по-жидовски», есть еретики, держащіе ереси маркіанскую (отвергающую Троицу), мессальянскую, саддукейскую (отвергающую будущую жизнь) и др. Для ревнителя православія всѣ эти ереси равнымъ образомъ были ненавистны и достойны истребленія.

Ознакомившись со своею епархіею и замѣтивши, что въ ней гнѣздятся ереси, Геннадій дѣятельно принялся ихъ отыскивать. Не легко ему это было. Еретики вели себя хитро и распространяли свои лжеученія, пользуясь благопріятными обстоятельствами, а передъ людьми, твердыми въ православіи, казались сами не только православными, но и свирѣпыми врагами ересей, и щедро разсыпали на нихъ проклятія; клясться и увѣрять въ своемъ православіи у нихъ не считалось грѣхомъ. За то при всякомъ случаѣ они совращали слабаго и потакали разнымъ порокамъ, чтобы привлекать къ себѣ. Главною цѣлью ихъ было проводить на священническія мѣста своихъ единомышленниковъ, и это удавалось имъ. Не только въ городахъ, но и въ селахъ были на священнослужительскихъ мѣстахъ заклятые еретики, и они завлекали мірянъ, не свѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры, прельщали ихъ ласковымъ обращеніемъ и дѣлали имъ всякаго рода послабленія, чтобы привлечь къ себѣ. Еретики выказывали себя глубокими книжниками и мудрецами; они хвалились, что у нихъ есть такія священныя книги, которыя, при всеобщемъ невѣжествѣ, были незнакомы большинству: имъ легко было приводить изъ нихъ мѣста и давать произвольныя толкованія. Понятно, что съ такими врагами предстояла трудная борьба, и не ранѣе, какъ въ 1487 году, Геннадію удалось попасть на явный слѣдъ. Случилось, что еретики въ пьяномъ видѣ стали болтать и упрекать другъ друга. Дали знать объ этомъ Геннадію; тотъ извѣстилъ митрополита Геронтія и приступилъ къ обыску. Одинъ изъ попавшихся, попъ Наумъ, открылъ Геннадію все и

принесъ ему псалмы, которые пѣли еретики въ своихъ тайныхъ собраніяхъ по іудейскому способу. Геннадій отдалъ подозрѣваемыхъ на поруки до окончанія слѣдствія и прислалъ митрополиту и великому князю свой первый обыскъ; онъ извѣщалъ, что трое еретиковъ, попы Григорій и Герасимъ и дьякъ Самсонъ, обличаются, по показаніямъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ томъ, что хвалили жидовскую вѣру, хулили Сына Божія и Пречистую Богородицу и всю православную вѣру, и ругались надъ иконами.

Между тѣмъ четверо изъ отданныхъ на поруки бѣжали въ Москву. Геннадій еще не подозрѣвалъ, что въ самой Москвѣ ересь уже пустила корни. Денисъ и Алексій совратили въ Москвѣ любимца великокняжескаго, дьяка Ѳеодора Курицына, архимандрита Симоновскаго монастыря Зосиму, крестовыхъ дьяковъ Истому и Сверчка и другихъ лицъ. Эти лица дѣйствовали на великаго князя и на митрополита, вѣроятно, представляли имъ, что Геннадій преувеличиваетъ дѣло, и новгородскій архіепископъ долго не получалъ изъ Москвы никакого отвѣта. Это заставило Геннадія усиленно добиваться отъ великаго князя и митрополита приказанія преслѣдовать еретиковъ. Геннадій хлопоталъ черезъ епископовъ, находившихся въ Москвѣ; указывалъ, что въ Москвѣ послабляютъ еретикамъ, а между тѣмъ въ Новгородѣ они становятся отважнѣе и ругаются надъ святынею. Настойчивость Геннадія привела, наконецъ, къ тому, что великій князь приказалъ созвать соборъ, и на соборѣ постановили троихъ обвиненныхъ предать торговой казни въ Москвѣ, а потомъ послать къ Геннадію на покаяніе; если же они не покаются, то отослать ихъ къ намѣстникамъ великаго князя въ Новгородъ для „градской“ казни. Кромѣ того Геннадію поручалось дѣлать дальнѣйшій обыскъ и тѣхъ, которые окажутся виновными, предавать намѣстникамъ для „градской“ казни. Сообразуясь съ этимъ рѣшеніемъ собора, Геннадій продолжалъ обыскъ (слѣдствіе) и хваталъ подозрительныхъ. Тѣ, которые приносили покаяніе и сами на себя писали признаніе, подвергаемы были церковной эпитиміи; Геннадій оставилъ ихъ на свободѣ, запретивши имъ только ходить въ церковь, а нераскаявшихся и продолжавшихъ хвалить жидовскую вѣру отсылалъ къ намѣстникамъ для преданія ихъ торговой казни. Но всѣ тѣ, которые принесли предъ нимъ притворное покаяніе, бѣжали потомъ въ Москву и тамъ не только жили на свободѣ, но и распространяли ересь. Духовныя лица, которыхъ Геннадій уже считалъ несомнѣнно еретиками, совершали въ Москвѣ богослуженіе. Сильно возмущала Геннадія безнаказанность еретиковъ, да и послѣдніе болѣе всего ненавидѣли новгородскаго владыку.

Въ 1489 году скончался митрополитъ Геронтій, человѣкъ несомнѣнно православный по своимъ убѣжденіямъ, но дававшій потачку еретикамъ; быть можетъ, ненавидя Геннадія, онъ неохотно принимался за дѣло, поднятое послѣднимъ, и не довѣрялъ справедливости всего, что выставлялъ новгородскій владыка. Еретики до того взяли верхъ при дворѣ Иванѣ Васильевича, что своимъ ходатайствомъ могли доставить митрополичью каѳедру такому лицу, какое имъ было нужно. Въ сентябрѣ 1490 года состоялся выборъ: духовныя власти избрали митрополитомъ Зосиму.

Какъ только Зосима усѣлся на митрополичьемъ столѣ, тотчасъ потребовалъ отъ Геннадія исповѣданія вѣры. Это значило, что Геннадія

подозрѣваютъ въ неправовѣріи. Геннадій ясно видѣлъ, что къ нему придираются, что враги составляютъ противъ него козни: враги эти—еретики, и новгородскій владыка усилилъ противъ нихъ свою ревность. Геннадій не послалъ Зосимѣ исповѣданія, объяснивши, что онъ уже далъ его, по обычаю, при своемъ поставленіи въ архіерейскій санъ, а съ своей стороны настоятельно требовалъ приняться немедленно за строжайшій обыскъ надъ еретиками и казнить ихъ безъ милосердія. Геннадій напомнилъ митрополиту, что онъ обязанъ настаивать передъ великимъ княземъ на преслѣдованіи еретиковъ, и указывалъ на государева дьяка и любимца Ѳеодора Курицына, какъ на корень всего зла: „Отъ него вся бѣда стала, онъ отъявленный еретикъ и заступникъ еретиковъ передъ государемъ". Геннадій этимъ не ограничился: онъ смѣло обличалъ распоряженія самого великаго князя, касавшіяся церкви. Настойчивыя требованія Геннадія, обращаемыя къ митрополиту, могли остаться безъ вниманія, такъ какъ и прежде того Геннадій не разъ уже писалъ въ Москву, присылалъ разные доносы и улики на еретиковъ, а имъ въ Москвѣ не давали ходу: очевидно, люди, принадлежавшіе къ ереси и приближенные къ государю, представляли Геннадія вздорнымъ, безпокойнымъ человѣкомъ. Но Геннадій, защищая православіе, защищалъ разомъ и самого себя отъ подкопа, который вели противъ него враги. Вслѣдъ за письмомъ къ митрополиту разразился онъ посланіемъ, обращеннымъ къ русскимъ архіереямъ: ростовскому, суздальскому, тверскому и пермскому; онъ убѣждалъ ихъ всѣхъ требовать немедленнаго созванія собора и суда надъ еретиками, и притомъ суда самаго строгаго. Уликами для еретиковъ должны были служить показанія, отобранныя Геннадіемъ подъ пыткою у тѣхъ, которыхъ прежде выслали къ нему изъ Москвы. Уже онъ посылалъ эти показанія въ Москву, но имъ не вѣрили, говорили, что они вынужденны были муками, и на это недовѣріе горько жаловался Геннадій архіереямъ. Геннадій убѣждалъ архіереевъ, чтобы великій князь непремѣнно послалъ за новгородскимъ архіепископомъ, и убѣждалъ ихъ безъ него не начинать никакого дѣла. Въ показаніяхъ Самсонка и другихъ были признанія въ томъ, что еретики изрекали хулу на Христа, Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, ругались надъ иконами и надъ другими священными вещами. Самъ Самсонко сознавался, что онъ съ попомъ Наумомъ расщепляли святыя иконы, а Наумъ, проходя мимо иконы Богородицы, показалъ ей кукишъ. Иные спали на иконахъ, другіе мылись на нихъ. Макаръ, дьякъ, который ѣлъ въ постъ мясо, плевалъ на икону, а Самсонко вырѣзывалъ изъ просфоръ кресты и бросалъ кошкамъ и собакамъ и проч. Геннадіево посланіе оказало немедленное дѣйствіе. Зосима не хотѣлъ собирать собора, но не могъ противиться общему требованію архіереевъ и большинства духовенства, которое единогласно домогалось суда надъ еретиками. Соборъ открылся 17 октября. Геннадія не пригласили, и архіереи рѣшились приступить къ дѣлу безъ Геннадія, хотя онъ просилъ ихъ добиваться, чтобы его непремѣнно пригласили на соборъ. Основываясь на показаніяхъ, присланныхъ Геннадіемъ, и на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, собранныхъ въ Москвѣ, соборъ обвинилъ новгородскаго протопопа Гаврила, нѣсколькихъ священниковъ и дьяконовъ въ томъ, что они не поклонялись иконамъ, ругались надъ ними, называя ихъ, заурядъ съ идолами, дѣлами рукъ человѣческихъ, признавали тѣло и кровь Христово

простымъ хлѣбомъ и виномъ съ водою. Уличили ли ихъ при этомъ въ прямомъ „жидовствѣ", мы не знаемъ. Еретики упорно отпирались отъ обвиненій, а въ томъ, въ чемъ нельзя было отпереться, каялись и просили прощенія. Соборъ лишилъ ихъ духовнаго сана, предалъ проклятію и осудилъ на заточеніе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ отправили къ Геннадію въ Новгородъ. Архіепископъ приказалъ ихъ встрѣтить за 40 верстъ отъ города, надѣть на нихъ вывороченную одежду, посадить на вьючныхъ лошадей лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями, въ соломенныхъ вѣнцахъ съ надписью: «Се есть сатанино воинство. «Въ такомъ видѣ ввезли ихъ въ городъ. Со связанными руками, они сидѣли обращенные лицомъ на западъ, по выраженію Іосифа Волоцкаго, въ ту сторону, гдѣ ихъ ожидалъ вѣчный огонь. Владыка велѣлъ народу плевать на нихъ, ругаться надъ ними и кричать: «Вотъ враги Божіи, хулители христіанскіе». Послѣ того на головахъ ихъ зажжены были берестовые шлемы. По извѣстію Іосифа, Денисъ скоро умеръ, за мѣсяцъ передъ смертью лишившись разсудка. Подобная участь постигла и Захара. Но для искорененія еретическаго духа этимъ еще сдѣлано было немного. Соборное осужденіе постигло указанныхъ нами лицъ собственно не за жидовскую или какую нибудь опредѣленную ересь, а за противные церкви поступки и выраженія, которые могли одинаково быть послѣдствіемъ разныхъ заблужденій и даже просто безпутной жизни и пьянства. Важные еретики оставались безъ преслѣдованія и жили въ Москвѣ, пользуясь покровительствомъ властей. Таковы были Ѳедоръ Курицынъ, братъ его Волкъ, Сверчекъ, Семенъ Кленовъ, Максимовъ и друг. Иванъ Максимовъ нашелъ возможность совратить въ ересь невѣстку великаго князя, вдову Елену.

Распространенію всякаго рода безвѣрія, а также и всякихъ еретическихъ толкованій, способствовало то обстоятельство, что въ это время окончилась седьмая тысяча лѣтъ, считаемая отъ сотворенія міра. Уже долгое время было въ ходу вѣрованіе, не только на Руси, но и на православномъ востокѣ, что міру должно существовать только 7000 лѣтъ. Вѣрованіе это чрезвычайно древнее и исходитъ еще отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Одинъ изъ раннихъ отцовъ церкви, Ириней, конца II вѣка, писалъ, что во сколько дней созданъ міръ, черезъ столько тысячъ лѣтъ послѣдуетъ его конецъ; съ тѣхъ поръ еще это мнѣніе повторялось многими и въ различныхъ видахъ. Сообразно съ этимъ мнѣніемъ, пасхалія, которою руководствовались для преходящихъ праздниковъ, составлена была на 7000 лѣтъ, и русскіе сроднились съ мыслью, что конецъ пасхаліи согласуется съ концомъ міра. Но пасхалія была на исходѣ, конецъ міра не приходилъ, и надобно было составлять дальнѣйшую пасхалію. Митрополитъ Зосима изложилъ пасхалію только на слѣдующіе двадцать лѣтъ, но въ то же время поручилъ Геннадію, пріѣхавшему для того въ Москву, составить свою пасхалію, чтобы согласіе между тою и другою послужило мѣриломъ истины. Геннадій написалъ пасхалію на семьдесятъ лѣтъ. Она оказалась дословно сходною въ тѣхъ годахъ, на которые составилъ посхалію Зосима, и Геннадіева пасхалія была разослана по всей Руси съ предисловіемъ, гдѣ объяснялся процессъ составленія пасхаліи и проводилась мысль, что нельзя человѣку знать времени кончины міра.

Но составленіе пасхаліи не отняло у еретиковъ возможности поль-

зоваться для своихъ цѣлей исходомъ семитысячныхъ годовъ. „Какъ же это, говорили они, апостолы написали, что Христосъ родился въ послѣднее лѣто, а вотъ уже 1500 лѣтъ проходитъ по Рождествѣ Христовѣ, міру же все конца нѣтъ; стало быть апостолы неправду писали. Говорили, что Христосъ скоро придетъ, а его все нѣтъ"! Такія замѣчанія вызывали со стороны православныхъ необходимость опровергать ихъ, вдаваться въ объясненія какъ священнаго писанія, такъ и св. отцовъ. Геннадій опровергалъ эти замѣчанія, ходившія въ то время въ народѣ, и кромѣ книгъ, признаваемыхъ церковью, ссылался даже на апокрифическія или отреченныя сочиненія, которыя были тогда въ большомъ ходу между духовными, не всегда умѣвшими отличать ихъ отъ каноническихъ. Страсть къ религіознымъ разсужденіямъ все болѣе и болѣе усиливалась. Митрополитъ Зосима явно показывалъ видъ, что защищаетъ православіе, а на самомъ дѣлѣ былъ опорою для еретиковъ.

Это былъ человѣкъ, преданный обжорству, пьянству, всякимъ чувственнымъ удовольствіямъ, и потому склонный къ безвѣрію и матеріализму. Въ тѣ минуты, когда вино дѣлало его откровеннымъ, онъ высказывалъ самыя соблазнительныя мнѣнія: что Христосъ самъ себя назвалъ Богомъ, что евангельскіе, апостольскіе и церковные уставы и преданія—все вздоръ; иконы и кресты все равно, что болваны. Его причисляли также къ послѣдователямъ жидовства, но едвали было такъ на самомъ дѣлѣ: отрицаніе будущей жизни несогласимо было съ общепринятыми іудейскими вѣрованіями, и, кажется, Зосима не принадлежалъ ни къ какой ереси, а просто ничему не вѣрилъ, потому что ни о чемъ не заботился, кромѣ чувственныхъ удовольствій. Отъ этого онъ готовъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на всякую ересь и говорилъ: не слѣдуетъ наказывать еретиковъ и отыскивать ихъ. Въ томъ же духѣ говорили не только сами еретики, но и православные, побуждаемые добродушіемъ: „Зачѣмъ осуждать и истязать еретиковъ и отступниковъ? Господь сказалъ: не судите, да не судимы будете". Противъ такихъ мнѣній вооружались въ то время строгіе ревнители православія, и главнымъ изъ нихъ былъ неутомимый Геннадій. Онъ, напротивъ, доказывалъ, что не только слѣдуетъ всѣми возможными средствами отыскивать еретиковъ, но даже не вѣрить ихъ покаянію, когда оно приносится поневолѣ обличенными въ ереси. Геннадій требовалъ, чтобы ихъ жгли и вѣшали. Тогда вопросъ о томъ, какъ относиться къ еретикамъ, занималъ умы. Геннадій придавалъ ему огромную важность, и для противодѣйствія своимъ противникамъ нашелъ себѣ дѣятельнаго и энергическаго товарища въ игуменѣ волоколамскаго монастыря Іосифѣ. Онъ былъ сынъ землевладѣльца близъ Волоколамска, по прозвищу Санина, и происходилъ изъ крайне благочестивой семьи. Самъ Іосифъ въ молодости постригся въ Боровскомъ монастырѣ у знаменитаго и уважаемаго за свою святую жизнь игумена Пафнутія, а впослѣдствіи, еще при жизни послѣдняго, сдѣлался его преемникомъ. Онъ хотѣлъ ввести въ монастырѣ чрезвычайную строгость, но вооружилъ противъ себя всю братію, и потому удалился изъ Боровска, скитался около года по разнымъ монастырямъ, наконецъ основалъ собственный монастырь на своей родинѣ близъ Волоколамска. Великій князь лично зналъ его и уважалъ за строгое постничество и необыкновенную по тому времени ученость. Съ Іосифомъ сошелся Геннадій, знакомый съ нимъ еще прежде и пожертвовавшій въ Волоколамскій монастырь свое село Мечевское.

Зосима не долго могъ скрываться. Ревнители благочестія скоро разгадали его, соблазнились его поведеніемъ, его двусмысленными выходками, о которыхъ слухъ расходился въ народѣ, и стали обличать его. Митрополитъ, прежде проповѣдывавшій милость ко всѣмъ, теперь самъ сталъ жаловаться великому князю на своихъ враговъ, и великій князь подвергъ нѣкоторыхъ заточенію; но въ 1493 году смѣло и рѣшительно поднялся противъ Зосимы Іосифъ Волоцкій, написавшій въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ посланіе къ суздальскому епископу Нифонту, призывая его со всѣми товарищами, русскими іерархами, стать за православную вѣру противъ отступника митрополита. Это посланіе, вѣроятно, написанное заодно съ Геннадіемъ, произвело свое дѣйствіе. Въ 1494 году митрополитъ, увидѣвши, что вся церковь противъ него вооружается, добровольно отказался отъ митрополіи, всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ, объявилъ, что по немощи не можетъ быть митрополитомъ, и удалился сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троицкій монастырь. Не ранѣе, какъ въ сентябрѣ слѣдующаго года, избранъ былъ новый митрополитъ Симонъ, бывшій игуменомъ Троицко-Сергіеваго монастыря. Достойно замѣчанія, какъ велъ себя великій князь въ этомъ случаѣ: предшествовавшія событія показали ему, что церковь, такъ сильно содѣйствовавшая усиленію верховной мірской власти, способна была, однако, заявлять свою независимость противъ этой власти. Мысль эта уже тяготила Ивана, и этимъ то, должно быть, пользовались приближенные къ нему еретики, отклоняя его отъ слишкомъ ревностнаго преслѣдованія вольнодумцевъ. Иванъ былъ отчасти доволенъ: охлажденіе къ духовенству, распространявшееся въ народѣ, могло содѣйствовать видамъ Ивана. Во-первыхъ, онъ видѣлъ въ этомъ средство поставить свою власть выше всякаго противодѣйствія со стороны представителей церкви; во-вторыхъ—возможность осуществить со временемъ свое тайное желаніе овладѣть церковными имуществами, желаніе, которое уже давно онъ выказалъ своими поступками, отнявши у новгородскаго владыки и у новгородскихъ монастырей значительную часть ихъ имѣній.

При такомъ настроеніи Ивана Васильевича, еретикамъ удобно было поддѣлываться къ нему и пользоваться его покровительствомъ, увѣряя, что всѣ обвиненія въ ереси не что иное, какъ слѣдствіе изувѣрства духовныхъ. Иванъ Васильевичъ давно уже не любилъ Геннадія; Іосифа Волоцкаго онъ уважалъ, но когда послѣдній началъ докучать ему просьбами объ отысканіи и преслѣдованіи еретиковъ, государь и ему велѣлъ замолчать. Еретическое направленіе въ особенности укрѣпилось тогда, когда государь охладѣлъ къ своему сыну Василію и оказывалъ расположеніе къ своей невѣсткѣ и ея сыну. Московскіе еретики, а вмѣстѣ съ ними и бояре Патрикѣевы, благопріятели Елены и ея сына, подстрекали великаго князя присвоить себѣ церковное имущество, что было очень по душѣ Ивану Васильевичу, и государь началъ съ имѣній новгородскаго владыки: онъ отнялъ у Геннадія часть архіепископскихъ земель и отдалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ.

Между тѣмъ Геннадій, ведя неутомимую войну противъ еретиковъ, первый понялъ, что православію нельзя бороться съ ересями только тѣми средствами насилія, какія до сихъ поръ употреблялись. Въ ереси уходило изъ православія то, что по умственному развитію стояло выше

общаго уровня; еретики были всѣ люди начитанные и книжные. Глубокое невѣжество господствовало между духовенствомъ. Во всякомъ свободномъ спорѣ еретика съ православнымъ первый всегда могъ взять верхъ. Геннадій понялъ это и требовалъ заведенія училищъ. Нѣсколько разъ билъ онъ объ этомъ челомъ великому князю, просилъ ходатайствовать и митрополита Симона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Геннадій видѣлъ необходимось распространенія св. писанія. До этихъ поръ книги ветхаго завѣта составляли рѣдкость. Геннадій собралъ разныя части ветхаго завѣта, существовавшія въ древнихъ переводахъ, и присовокупилъ къ нимъ новые переводы другихъ частей. Главными сотрудниками Геннадія въ этомъ дѣлѣ были: переводчикъ великаго князя Димитрій Герасимовъ и доминиканецъ, принявшій православіе, по имени Веньяминъ. Библія эта носитъ на себѣ сильный отпечататокъ вліянія латинскаго текста. Не смотря на недостатки этого перевода, Геннадій совершилъ очень важный подвигъ въ дѣлѣ умственнаго развитія на Руси, такъ какъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ переводы священнаго писанія на языкъ страны и распространеніе его имѣли болѣе или менѣе важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ умственной дѣятельности. Хотя, при малограмотности русскаго народа, священное писаніе очень долго еще оставалось достояніемъ немногихъ, но эти немногіе, послѣ Геннадія, имѣли возможность познакомиться съ священнымъ писаніемъ въ его цѣломъ объемѣ, пріобрѣтали сравнительно большую широту и правильность взгляда на отвлеченные предметы и получали средства къ возбужденію работы мысли.

Торжество еретиковъ было недолговременно. Въ 1499 году опала поразила Патрикѣевыхъ и ихъ партію; Иванъ охладѣлъ къ невѣсткѣ и внуку, примирился съ Софіею и съ Василіемъ; это дѣлалось медленно, и не прежде, какъ въ апрѣлѣ 1502 года, дѣло приняло рѣшительный оборотъ: Елена съ сыномъ были посажены въ темницу; Василій объявленъ государемъ всея Руси; въ Еленѣ потеряли еретики свою важнѣйшую опору. Но настроеніе, сообщенное Ивану еретиками въ прежнее время, все еще оставалось въ немъ и послѣ того. Еретики первые возбуждали Ивана противъ духовенства, нападали на разныя злоупотребленія, на соблазнительное поведеніе духовныхъ, въ особенности выставляли на видъ старинныя обвиненія, поднятыя стригольниками, обвиненія въ томъ, что духовные поставляются за деньги, «по мздѣ». Въ 1503 году состоялся соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Симона. На немъ были русскіе епископы и въ числѣ ихъ Геннадій, затѣмъ многіе архимандриты и игумены, и между ними знаменитыя въ свое время лица: Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій. Этотъ соборъ сдѣлалъ постановленіе, отсѣкавшее, повидимому, у вольнодумцевъ исходный пунктъ нападокъ на духовенство: соборъ запретилъ брать какія бы то ни было пошлины отъ поставленій на священнослужительскія мѣста.

Лицо, которое первое подвергалось строгости постановленія соборнаго о безплатномъ поставленіи священниковъ, былъ архіепископъ Геннадій. Едва онъ прибылъ въ Новгородъ, какъ его обвинили въ томъ, что онъ бралъ «мзду» со священниковъ еще въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Это сдѣлалось по совѣту Геннадіева любимца, дьяка Михаила Алексѣева. Великій князь и митрополитъ произвели обыскъ и свели Геннадія въ Москву. Вѣроятно, во избѣжаніе соблазнительнаго суда надъ Геннадіемъ,

ему позволили или велѣли подать отъ себя митрополиту „отреченную грамоту" (въ іюнѣ 1504 года). Въ ней онъ отказывался отъ управленія, какъ будто по причинѣ немощи. Дѣло это остается для насъ темнымъ. Геннадій имѣлъ столько враговъ, что взводимое на него обвиненіе могло быть несправедливымъ, или по крайней мѣрѣ преувеличеннымъ. Геннадій поселился въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ черезъ полтора года (въ декабрѣ 1505).

Въ то время, когда уже Геннадій доживалъ свой вѣкъ въ уединеніи, дѣло, начатое имъ, доканчивалъ другъ его Іосифъ Волоцкій. Послѣ собора, будучи въ Москвѣ, онъ видѣлся съ Иваномъ Васильевичемъ наединѣ и до того подѣйствовалъ на него своими рѣчами, что великій князь далъ ему обѣщаніе искоренить ересь.

Но послѣ даннаго обѣщанія Иванъ долго ничего не дѣлалъ, и снова, призвавши къ себѣ Іосифа обѣдать, спросилъ: «Какъ писано: нѣтъ ли грѣха еретиковъ казнить»? На это Іосифъ сказалъ, что у апостола Павла въ посланіи къ евреямъ написано: «Кто отвергнется Моисеева закона, тотъ при двухъ свидѣтеляхъ руметъ. Кольми паче тотъ, кто попираетъ сына Божія и укоряетъ благодать Святого Духа». Иванъ замолчалъ и не велѣлъ Іосифу болѣе говорить объ этомъ.

Изъ этого можно заключить, что Иванъ отчасти самъ подпадалъ вліянію еретиковъ и склонялся къ ереси, а потомъ, хотя и раскаявался, но все еще колебался. Лѣта брали свое. Иванъ слабѣлъ здоровьемъ и приближался ко гробу. Страхъ замогильной жизни побуждалъ его искать примиренія своей души съ церковью; но въ немъ еще боролись прежнія еретическія внушенія, нашедшія къ нему доступъ, потому что были согласны съ его практическою натурою. Вѣроятно, ихъ поддерживали и и православные, предпочитавшіе кроткія мѣры жестокимъ. Іосифъ дѣйствовалъ на Ивана черезъ его духовника, андрониковскаго архимандрита Митрофана.

Настойчивость Іосифа и государева духовника Митрофана взяла верхъ. Иванъ Васильевичъ, долго колебавшись, въ декабрѣ 1504 года, созвалъ соборъ и предалъ на его рѣшеніе дѣло объ ереси. Соборъ обвинилъ и предалъ проклятію нѣсколькихъ уличенныхъ еретиковъ. Іосифъ настаивалъ, чтобы не обращали вниманія на ихъ раскаяніе, потому что оно вынужденное, и требовалъ самой жестокой казни надъ наиболѣе виновными. Иванъ Васильевичъ не могъ уже, если бы даже хотѣлъ, спасти ихъ противъ воли всего собора, уступившаго во всемъ убѣжденіямъ Іосифа. Дьякъ Волкъ Курицынъ, Димитрій Коноплевъ и Иванъ Максимовъ были сожжены въ клѣткахъ 28 декабря въ Москвѣ. Некрасу Рукавому отрѣзали языкъ и отправили въ Новгородъ; тамъ сожгли Рукаваго, архимандрита Кассьяна, его брата и съ ними многихъ другихъ еретиковъ. Менѣе виновныхъ отправили въ заключеніе въ тюрьмы, а еще менѣе виновныхъ въ монастыри.

LXXVI. ИНОСТРАНЦЫ ВЪ МОСКВѢ ПРИ ІОАННѢ III.

(По «Исторіи Россіи» Соловьева).

Татарское иго отдѣлило восточную Русь отъ Европы и заставило ее интересоваться болѣе тѣмъ, что происходило въ Азіи, чѣмъ тѣмъ, что происходило за западною границею. Слѣдствіемъ этого была крайняя рѣдкость сношеній съ болѣе просвѣщенными народами Европы. Къ тому же Русь, принявшая христіанство по обряду восточной церкви, видѣла въ своихъ западныхъ сосѣдяхъ неправославныхъ, еретиковъ. Извѣстно, какъ наши предки были преданы своей вѣрѣ, какъ ревниво охраняли свои религіозные обряды. Относясь съ недовѣріемъ и даже презрѣніемъ къ иновѣрцамъ, особенно къ латинянамъ, предки наши считали признакомъ неблагочестія входить въ сколько нибудь близкія отношенія съ ними. Иноземные обычаи во многомъ были не похожи на русскіе, унаслѣдованные отъ предковъ; а уваженіе къ предкамъ у русскаго народа было всегда развито въ высшей степени. «Ты сдѣлалъ это по чужеземному обычаю» — вотъ фраза, считавшаяся крайне оскорбительною для того, къ кому она была направлена. Къ тому же были еще и другія обстоятельства, тормозившія сближеніе Россіи съ Европою. Западные народы, находившіеся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Россіей, напримѣръ литовцы, шведы, ливонскіе нѣмцы, очень часто приходили во враждебныя столкновенія съ нашими предками. Войны съ ними не могли, конечно, возбудить взаимныхъ симпатій между Россіею и западомъ, симпатій, къ которымъ не вели, какъ мы видѣли выше, и другія причины. Слѣдствіемъ этого отчужденія отъ Европы была значительная отсталость русскихъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ. Русскіе не могли не признать многихъ преимуществъ, которыя имѣла Европа передъ ними, но перенимать у нея, подражать ей — считали дѣломъ для себя неподходящимъ.

Нѣсколько иными глазами на Европу взглянулъ Иванъ Васильевичъ. Его преданность православной вѣрѣ, преданность отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ, не позволяла ему желать преобразованія своего государства по западно-европейскому образцу; но тѣмъ не менѣе онъ не чуждался сношеній съ западомъ. Добившись самодержавія и сдѣлавшись могущественнымъ государемъ, онъ не могъ не пожелать вступить въ сонмъ западно-европейскихъ монарховъ, величавшихъ себя титулами королей и императоровъ. Иванъ III любилъ обмѣниваться съ ними посольствами, число которыхъ въ это время весьма сильно увеличивается въ сравненіи съ предъидущими княженіями. Почти неизвѣстная Европѣ дотолѣ «Московія» все болѣе и болѣе начинаетъ выдвигаться изъ мрака. Послы отъ папъ, германскихъ императоровъ, венгерскихъ королей, не говоря уже о послахъ литовскихъ и польскихъ, все чаще и чаще начинаютъ предпринимать далекія и нелегкія въ то время поѣздки въ столицу Московскаго государства. Съ своей стороны и Иванъ III снаряжалъ посольства къ различнымъ дворамъ, обмѣнивался подарками съ европейскими государями.

Независимо отъ этихъ сношеній съ иностранными дворами, Иванъ III сталъ призывать въ Москву разныхъ мастеровъ изъ-за границы. Иванъ III страстно любилъ постройки, и при немъ столица сѣверо-восточной Руси

украсилась многими новыми зданіями. Любя пышность и великолѣпіе, Иванъ III съ неудовольствіемъ видѣлъ, что Московское государство не имѣетъ опытныхъ ремесленниковъ и художниковъ, могущихъ взять на себя исполненіе той изящной и величавой обстановки, которою московскій государь хотѣлъ окружить свою власть. Къ тому же онъ видѣлъ, что и въ государственномъ отношеніи важно воспользоваться трудами и знаніями иностранныхъ мастеровъ: эти послѣдніе были гораздо опытнѣе русскихъ въ постройкѣ укрѣпленій, въ выдѣлкѣ оружія; они могли научить русскихъ горному дѣлу, познакомить ихъ съ устройствомъ и употребленіемъ разныхъ машинъ и т. п. По всей вѣроятности, жена Ивана III, Софія Палеологъ, проведшая молодость свою въ центрахъ европейской цивилизаціи того времени, дѣйствовала на своего мужа въ томъ же смыслѣ, убѣждая его озаботиться вызовомъ опытныхъ архитекторовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, врачей и людей другихъ профессій въ Россію.

Отправляя посла своего Толбузина въ Венецію, Иванъ Васильевичъ велѣлъ ему поискать и пригласить въ Москву архитектора, который умѣлъ бы строить церкви. Поводомъ для этого послужило намѣреніе реставрировать соборную церковь Успенія, построенную еще при Калитѣ, но обветшавшую до того, что своды ея тронулись. Реставраціею занялись было русскіе строители, но не имѣли успѣха: возобновленный ими соборъ рухнулъ, прежде чѣмъ своды его были окончены. Тогда Иванъ рѣшилъ поручить дѣло, вѣроятно, по совѣту Софіи, итальянскому архитектору и повелѣлъ Толбузину пріискивать таковаго. Юрію Трахіоноту, отправлявшемуся въ качествѣ посла къ германскому императору, Иванъ III далъ слѣдующій наказъ: «Добывать великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; если Юрій сыщетъ такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить и рядить ихъ, чтобы ѣхали къ великому князю на наемъ, по скольку имъ въ мѣсяцъ давать за все про все, добывать также мастера хитраго, который умѣлъ бы къ городамъ приступать, да другаго мастера, который-бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ».

Вызовъ, дѣлаемый Иваномъ Васильевичемъ, не былъ безуспѣшенъ: правда, первоклассные художники и мастера отказывались ѣхать въ невѣдомую Московію; но все же явилось нѣсколько опытныхъ знатоковъ своего дѣла, которые, какъ своимъ искусствомъ, такъ и новыми пріемами, приводили въ удивленіе москвичей. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ уроженецъ города Болоньи Аристотель Фіоравенти, договоренный Толбузинымъ за десять рублей въ мѣсяцъ. Этотъ человѣкъ зналъ много „хитростей“ и, по пріѣздѣ въ Москву, сталъ строить храмы, чеканить монету, лить пушки, учить, какъ должно стрѣлять изъ нихъ. Фіоравенти было поручено возобновленіе Успенскаго собора. Итальянскій архитекторъ призналъ стѣны, возведенныя прежними мастерами, негодными и сталъ разбивать ихъ. Съ этой цѣлью онъ устроилъ стѣнобитную машину, которая приводила въ восторгъ жителей Москвы. Но восторгъ ихъ увеличился еще болѣе, когда они увидѣли, что архитекторъ устроилъ колесо, поднимавшее на весьма значительную высоту тя-

желые камни. Постройка собора продолжалась около четырехъ лѣтъ и окончилась въ 1479 году. Освященіе новаго собора, не имѣвшаго по своему изяществу равнаго въ то время на Руси, было торжественно отпраздновано Иваномъ и всею Москвою.

Къ концу XV столѣтія въ Москвѣ все чаще и чаще стали появляться иностранцы. Это были лекаря, аптекаря, литейщики, архитекторы. Между ними встрѣчаемъ даже «органнаго игреца». Нѣмецъ Де-Викторъ открылъ серебряную и мѣдную руду въ Печерскомъ краѣ. Венеціанецъ Маркъ Фрязинъ построилъ Грановитую палату, предназначенную для торжественныхъ пріемовъ. Иванъ Васильевичъ же долго еще продолжалъ жить въ деревянномъ дворцѣ, наконецъ, въ 1499 году, приказалъ миланцу Алевизу заложить каменный. Примѣру государя послѣдовали другіе, и Москва стала мало по малу украшаться каменными зданіями. Впрочемъ, и нѣсколько раньше, чѣмъ Иванъ Васильевичъ велѣлъ строить себѣ новый дворецъ, каменныя палаты возникли на митрополичьемъ дворѣ, а также у купца Таракана близъ Флоровскихъ воротъ. Между иностранными мастерами было два врача, Леонъ и Антонъ, оба нѣмецкаго происхожденія. Имъ очень не повезло въ Россіи. Леонъ лѣчилъ сына Ивана Васильевича, Ивана Молодаго. Онъ ручался своею головою, что больной выздоровѣетъ, но ошибся въ расчетѣ: больной скончался. Тогда стали ходить слухи о томъ, что Леонъ виновникъ печальнаго исхода болѣзни. Вѣроятно, во всемъ этомъ играло видную роль нерасположеніе къ иностранцамъ, которое питали русскіе. Они могли сознавать, что иностранцы опытнѣе ихъ и могутъ принести имъ извѣстную пользу, но все же смотрѣли на нихъ съ тайнымъ злорадствомъ и недовѣріемъ, толковали всякую ошибку и неудачу съ ихъ стороны имъ же во вредъ. Безъ сомнѣнія, и Иванъ III въ значительной степени раздѣлялъ этотъ взглядъ, потому что велѣлъ отрубить голову Леону. Участь другаго врача, Антона, была не менѣе печальна. Онъ пользовалъ одного татарскаго царевича, бывшаго на московской службѣ. Когда больной умеръ, то стали говорить, что нѣмецъ уморилъ его «смертнымъ зеліемъ на смѣхъ». Родственники царевича требовали казни Антона, и Иванъ велѣлъ имъ выдать лѣкаря. Несчастный предлагалъ большой выкупъ, и корыстолюбивые татаре готовы были отпустить его; но великій князь считалъ подобную сдѣлку предосудительною и велѣлъ умертвить Антона. Эти варварскіе поступки привели въ сильное негодованіе жившихъ въ Москвѣ иностранцевъ: нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Фіоравенти, стали проситься на родину, но ихъ задержали силою. Правительство не желало лишиться въ нихъ полезныхъ людей, а съ другой стороны боялось, чтобы они, зная основательно московское государство, не стали распространять о немъ дурныхъ вѣстей заграницею, чѣмъ могли бы воспользоваться враги Московскаго государства. Вообще боязнь какого нибудь худа отъ того, если иностранецъ близко ознакомится съ Москвою, очень долго замѣчалась въ нашихъ предкахъ. Они старались, чтобы даже и тѣ иностранцы, которые пріѣзжали въ качествѣ пословъ, знакомились со страною и ея населеніемъ какъ можно меньше.

LXXVII. БОРЬБА СЪ ПОЛЬШЕЮ И ВОЗВРАЩЕНІЕ СМОЛЕНСКА.

(*Изъ «Исторіи русскаго народа» Полеваго, т. VI.*)

Прошло около четырехъ лѣтъ послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Сигизмундомъ. Съ обѣихъ сторонъ не думали держать его, и ссорились, не боясь войны. Человѣкъ, все потерявшій въ послѣднюю войну, Михаилъ Глинскій, возбуждалъ Василія, надѣясь все выиграть при новыхъ замѣшательствахъ. Сигизмундъ съ завистью смотрѣлъ на обширныя области, отторгнутыя русскими. Онъ надѣялся всего болѣе на помощь Крыма, гдѣ Менгли-Гирей утратилъ волю и власть, совершенно довѣряясь дѣтямъ и вельможамъ своимъ. Польша платила ему ежегодную дань и пріобрѣла его дружбу. Открывались неудовольствія и въ завоеванныхъ русскими областяхъ, гдѣ Василій безпрерывно стѣснялъ права властителей и князей. Не исчисляемъ здѣсь подробностей, мелочныхъ ссоръ и неудовольствій. Спорили о границахъ, о плѣнникахъ, о людяхъ, перебѣжавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Василій жаловался и на стѣсненное житье Елены въ Литвѣ. Наконецъ въ маѣ 1512 года неудовольствія возрасли до величайшей степени, и началась десятилѣтняя упорная война. Прежде всего крымскіе хищники напали на Бѣлевъ, Одоевъ, Рязань. Противъ нихъ выступили войска. Часть Татаръ ушла, не дожидаясь защитниковъ; другихъ преслѣдовали до самаго Дона. Василій послалъ упрекать Менгли-Гирея въ нарушеніи договоровъ и забвеніи дружбы. Ханъ отвѣтствовалъ, что набѣгъ сдѣланъ безъ его вѣдома. Василій не входилъ болѣе въ переговоры; хотѣлъ дѣйствовать, предупредить Сигизмунда, ибо зналъ, что Крымъ враждуетъ волею Польши. Говорили, что въ гнѣвѣ онъ обѣщалъ воевать съ Польшею до тѣхъ поръ, пока лошадь его будетъ ходить, а сабля рубить. Отправивъ къ Сигизмунду складную грамоту, онъ исчислялъ въ ней все, что давало причину къ новой войнѣ; утѣсненіе Елены, неисполненіе условій, подговоръ татаръ на Москву. Объявляя притомъ войну, Василій написалъ имя Сигизмунда безъ титула. Сильное войско русское выступило на Литву отовсюду. Самъ Василій выѣхалъ къ Смоленску 19-го декабря 1512 года. Главное войско, при которомъ былъ самъ великій князь, находилось подъ предводительствомъ царевича Петра, князя Даніила, князя Михаила Глинскаго, двухъ князей Масальскихъ, братьевъ Василія, и многихъ другихъ.

Сигизмундъ, казалось, не страшился огромныхъ силъ русскихъ. Крѣпкимъ Смоленскомъ начальствовалъ храбрый воевода его Сологубъ. Надѣясь, что Крымъ не замедлитъ помощью, Сигизмундъ защитилъ только Литву войскомъ, и прислалъ укорять Василія въ вѣроломствѣ. Вмѣсто отвѣта, русское войско облегло Смоленскъ, и разорило всѣ его окрестности. Ночью, напоивъ воиновъ крѣпкимъ медомъ, сдѣлали шумный стремительный приступъ къ городу. Сологубъ отразилъ осаждавшихъ, и нападенія ихъ прекратились. Два мѣсяца послѣ того войско русское стояло безъ дѣйствія подъ Смоленскомъ, и отступило наконецъ, принужденное къ тому разлитіемъ водъ. Въ январѣ 1513 г. скончалась въ Вильнѣ королева Елена. Въ Москвѣ явно говорили, что она отравлена. Не смотря на то, что Василій показывалъ видъ, будто вѣритъ этой клеветѣ, онъ не отвергъ мира, предложеннаго Сигизмундомъ, ждалъ пословъ его, боялся только, не хотятъ-ли его провести, выиграть у него время, и снова, го-

воря о мирѣ, привелъ въ движенiе войска свои. Въ iюнѣ сдѣланы были распоряженiя къ походу; самъ Василiй выѣхалъ въ Боровскъ, но медлилъ. Только князь Рѣпня подходилъ къ Смоленску и прогналъ Сологуба, выступившаго на встрѣчу русскимъ. Въ концѣ сентября опять многочисленное войско, при личномъ присутствiи Василiя, осадило Смоленскъ и, пока отряды русскiе разоряли селенiя въ Литвѣ, стояло шесть недѣль подъ городомъ, стрѣляло изъ пушекъ, ходило на приступы, и—отошло безъ успѣха; начались дожди, сдѣлалась непроходимая грязь. Василiй возвратился въ Москву.

Зимою, въ февралѣ 1514 г., привезли къ нему отвѣтъ на письмо, писанное имъ къ императору въ 1508 году. Императорскiй посолъ увѣрялъ, что государь его готовъ воевать Польшу. Василiй обрадовался. Заключили договоръ, и въ нѣмецкомъ переводѣ назвали великаго князя императоромъ. Послы русскiе поѣхали въ Германiю. Императоръ утвердилъ договоръ золотою печатью, честилъ пословъ Василiя, прислалъ отъ себя новыхъ пословъ, которыхъ великолѣпно и роскошно встрѣчали и угощали повсюду, на пути и въ Москвѣ. Но императоръ не начиналъ войны.

Двукратный безуспѣшный походъ къ Смоленску огорчалъ Василiя. Глинскiй взялся дополнить то, чего недоставало русскимъ, въ искусствѣ или мужествѣ. Онъ требовалъ только, чтобы въ награду отдали Смоленскъ ему, и объявили его княземъ Смоленскимъ. Василiй обѣщалъ. Глинскiй исполнилъ свое слово. Жители Смоленска и безъ того были въ отчаянiи отъ двукратной осады. Видя въ третiй разъ подходящiя русскiя дружины, они пристали къ сторонѣ друзей Глинскаго, находившихся въ Смоленскѣ, изъ коихъ главнымъ былъ епископъ Варсонофiй. Въ концѣ iюля Смоленскъ былъ осажденъ снова. Едва загремѣли пушки русскiя, въ городѣ сдѣлалось смятенiе. Жители взбѣгали на стѣны, просили пощады, другiе умоляли Сологуба не противиться, и сдать городъ русскимъ. Тщетно храбрый защитникъ Смоленска увѣрялъ, что скоро будетъ помощь отъ Сигизмунда, что русскiе и на сей разъ отойдутъ со стыдомъ. Его не слушали. Со стѣнъ не прекращались вопли жителей, молившихъ о помилованiи. Пальба прекратилась. Епископъ Варсонофiй явился на городскомъ мосту, и извѣстилъ о сдачѣ Смоленска. Августа 1-го Василiй торжественно въѣхалъ въ покорившiйся городъ и, къ изумленiю измѣнника Глинскаго, началъ самовластно распоряжаться, называя Смоленскъ своею отчиною и дѣдиною, древнимъ достоянiемъ Руси, нынѣ возвращеннымъ отечеству волею Божiею, орудiемъ и побѣдою. Глинскiй рабски преданный дотолѣ, руководствовавшiй политикою Василiя, спутникъ во всѣхъ походахъ его, осмѣлился напомнить о данномъ словѣ; вмѣсто отвѣта, Василiй смѣялся надъ безразсуднымъ честолюбiемъ измѣнника. Глинскiй замолчалъ и продолжалъ усердствовать.

Завоевавъ Смоленскъ, войско немедленно отправилось далѣе, и начало разорять окрестности Мстиславля. Кричевъ и Дубровна передались русскимъ. Василiй подтвердилъ смольянамъ ихъ права и преимущества, пожаловалъ измѣнниковъ смоленскихъ, одарилъ ихъ. Уважая храбрость Сологуба, онъ отпустилъ его къ Сигизмунду; прибавилъ къ титулу своему названiе: смоленскiй, и опредѣливъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ князя Шуйскаго, поѣхалъ въ Москву торжествовать. Въ Дорогобужѣ получилъ онъ вѣсть неожиданную.

Главное войско русское, посланное на Литву, находилось подъ начальствомъ Челяднина. Однимъ изъ отрядовъ его начальствовалъ Глинскій. Пылая мщеніемъ за вѣроломство Василія, измѣнникъ предложилъ королю польскому свои услуги, если только король проститъ ему прежнюю вину и возвратитъ прежнія помѣстья и милости. Взятіе Смоленска встревожило Сигизмунда. Крымцы не шли на помощь, а русскіе немилосердно разоряли Литву. Сигизмундъ зналъ, кому были обязаны русскіе Смоленскомъ; обвинялъ Сологуба въ малодушіи, робости, безпечности, судилъ и казнилъ его, но милостиво принялъ предложеніе Глинскаго. Измѣннику обѣщано было забвеніе всего: Глинскій хотѣлъ показать путь къ побѣдѣ войску польскому, которое поспѣшно выступило тогда противъ русскихъ подъ предводительствомъ князя Константина Острожскаго. Обнадеженный въ будущей судьбѣ, Глинскій оставилъ ввѣренный ему отрядъ и поѣхалъ къ польскому полководцу. Но онъ не зналъ, что отовсюду стерегли его завистливые соглядатаи; письма его были уже перехвачены и пересланы къ Василію; знали даже, гдѣ и когда поѣдетъ Глинскій къ полякамъ, и на дорогѣ схватили его, обезоружили его свиту, и представили всѣхъ бѣглецовъ въ Дорогобужъ къ раздраженному Василію, который жестоко началъ упрекать Глинскаго въ измѣнѣ. «Ты самъ измѣнилъ, безчеловѣчный!» вскричалъ Глинскій. «Я вѣкъ былъ бы тебѣ вѣренъ, если бы ты исполнилъ свое слово и отдалъ мнѣ Смоленскъ! Въ чемъ упрекаешь меня? Я хотѣлъ только удалиться отъ тебя, не предавая тебя, и не измѣняя. Вели скорѣе отвести меня на казнь. Лучше умереть, нежели видѣть лицомъ къ лицу тирана ненавистнаго!» Но не казнь ожидала этого человѣка, столь замѣчательнаго, столь достопамятнаго въ русской исторіи. Его сковали и увезли въ Москву. Вскорѣ отправился туда и Василій, испуганный неожиданною перемѣною обстоятельствъ.

Князь Острожскій хитрилъ нѣсколько дней съ русскими воеводами; вдругъ перешелъ черезъ Днѣпръ и, 8-го сентября, близъ Орши напалъ на Челяднина, который не ожидалъ его и ссорился съ своими товарищами. Острожскій на голову разбилъ все русское войско, не смотря на превосходство силъ его. Челяднинъ, тридцать семь князей и знатныхъ чиновниковъ, 1500 дворянъ и множество воиновъ отдались въ полонъ; множество было убитыхъ и утонувшихъ въ Днѣпрѣ. Потеря русскихъ простиралась всего до 30,000 человѣкъ; пушки и обозы достались непріятелю. Радость о побѣдѣ была всеобщая въ Литвѣ и въ Польшѣ; Острожскаго уподобляли Александру Македонскому и плохими стихами воспѣвали его побѣду. Онъ велѣлъ пѣть благодарственные молебны на литовскомъ и русскомъ языкѣ и построилъ двѣ церкви. Смольняне ужаснулись, боясь наказанія за свое предательство: они прислали тайно звать Острожскаго, обѣщая сдать ему городъ. Острожскій бросился къ Смоленску; русскіе отряды поспѣшно удалились предъ нимъ; но Острожскаго предупредилъ бдительный намѣстникъ смоленскій. Онъ провѣдалъ объ измѣнѣ; схватилъ епископа Варсонофія и отослалъ въ Москву; другихъ измѣнниковъ повѣсили на городской стѣнѣ, надѣвъ на нихъ шубы, подарки Василія, и привѣсивъ къ нимъ даже серебряные ковши, какими наградилъ ихъ Василій за первую измѣну. Острожскій приступилъ однакожъ къ Смоленску, осадилъ сей городъ и былъ отбитъ. Все дѣло кончилось только отнятіемъ литовскихъ областей, занятыхъ русскими за Смоленскомъ.

отъ Полоцка; но настоящая опасность Польши только еще приближалась: въ 1519 году, Сигизмундъ узналъ всю мѣру хитрой политики и великой силы русскаго властителя.

Страшнымъ, давно неслыханнымъ набѣгомъ полетѣли крымцы по областямъ Сигизмунда. Тогда же новый, нежданный врагъ сталъ грозить Польшѣ отъ береговъ Балтійскаго моря. Василій искалъ союза съ нѣмецкимъ или Тевтонскимъ орденомъ. Это военно-духовное братство, болѣе 200 лѣтъ бывшее грозою Литвы и Польши, упало тогда, совершенно стѣсненное отовсюду. Альбертъ бранденбургскій, избранный въ гермейстеры въ 1511 году, тщетно искалъ защиты противъ Польши у императора, и рѣшился воспользоваться силою русскихъ, желая выиграть утвержденіе своей независимости. Онъ говорилъ объ этомъ посламъ Василія, возвращавшимся въ 1516 г. отъ императора. Дѣло казалось столь важнымъ, что Шонбергъ, посолъ Альберта, на первой недѣлѣ великаго поста пріѣхавшій въ Москву, велъ переговоры съ боярами и былъ принятъ Василіемъ въ тотъ самый день, когда онъ пріобщался: Альбертъ требовалъ одного—денегъ. Василій согласился, съ тѣмъ, чтобы начать войну немедленно. Въ мартѣ 1517 г. дворянинъ Загряжскій былъ у гермейстера въ Кенигсбергѣ. Ливонскій магистръ не совѣтовалъ Альберту вѣрить русскимъ. Папа Левъ X-й также не совѣтовалъ ему вступаться въ распрю сильныхъ, и лучше ждать всего отъ времени. Но Альбертъ ничего не слушалъ. Василій льстилъ ему всячески: писалъ за него къ королю французскому, соглашался на дружбу съ папою и наконецъ послалъ даже значительное количество серебра. Альбертъ унижался передъ русскимъ властителемъ до того, что приказалъ посламъ своимъ кланяться ему въ землю. Дѣло было кончено. Получивъ деньги, гермейстеръ набралъ войско и напалъ на занятые Польшею прусскіе города. Въ то же время хищники крымскіе жгли и грабили Волынь. Не однократный побѣдитель крымцевъ, князь Острожскій, спѣшилъ разбить ихъ, и во второй разъ въ жизни испыталъ жестокое пораженіе; подъ Соколомъ, Баядуръ, предводитель крымцевъ, жестоко разбилъ его и безпрепятственно опустошилъ земли литовскія и польскія до самаго Кракова. Русскія дружины въ это время вступили тремя путями въ Литву: Шуйскій изъ Новгорода, Курбскій изъ Стародуба прошли до самой Вильны. Воевода Годуновъ и князь Елецкій грабили окрестности Витебска и Полоцка. Царевичъ Өеодоръ, сынъ Алегама, разорялъ Литву налетомъ, соединясь съ сыномъ Даніила Щени, княземъ Михаиломъ.

Если бы въ этой войнѣ принятъ былъ правильный планъ, если бы Василій былъ одаренъ умомъ отца своего, Сигизмундъ могъ бы погибнуть; по крайнѣй мѣрѣ, Русь могла бы пріобрѣсти тогда великія выгоды. Но Альбертъ тщетно предлагалъ русскимъ завоевать Самогицію и войти потомъ въ Мазовію, гдѣ онъ соединится съ ними и отниметъ у Сигизмунда всѣ средства защиты. Русскіе, по старой привычкѣ, ходили грабить Литву, довольствовались добычею и дѣйствовали на удачу. Василій, можетъ быть, ослѣпленный успѣхами, неосторожно оскорбилъ въ это время Махмета, и сдѣлалъ его изъ союзника врагомъ своимъ. Татаре немедленно удалились изъ Польши. Сигизмундъ спѣшилъ предложить Василію перемиріе, польстивъ его уступкою Смоленска. Василій согласился, ввелъ опустошительныя толпы свои обратно въ русскіе предѣлы и въ сентябрѣ заключилъ съ Польшею перемиріе на полгода.

Въ декабрѣ 1522 г., послѣ продолжительныхъ споровъ, заключенъ былъ наконецъ миръ съ Польшею; но Василій гордо отвергъ предложеніе вести переговоры въ Польшѣ, требовалъ присылки пословъ въ Москву и упорно настоялъ на отдачѣ Смоленска. Сигизмундъ хотѣлъ зато, по крайнѣй мѣрѣ, прочнаго мира. И въ этомъ было ему отказано. Заключили миръ только на пять лѣтъ; границею положено было теченіе Днѣпра, ниже Смоленска, и по рѣкѣ Мерѣ, вверхъ до рѣки Иваки. Такимъ образомъ желаніе Василія исполнилось: Смоленскъ, отторгнутый Витовтомъ при его прадѣдѣ, сто двадцать лѣтъ бывшій оплотомъ Литвы противъ Руси, присоединился снова къ Русской землѣ. Ни перемѣны счастія, ни продолжительная война, не возвратили Польшѣ завоеваній Іоанна и сына его. Опустошенія Литвы и сговорчивость короля польскаго показывали крѣпость и силу Руси. Ненадежность мира являла, что, при первомъ удобствѣ, Польша снова увидитъ хоругви русскія въ своихъ предѣлахъ безъ надежды на успѣхъ въ битвахъ.

Мы видѣли дѣла Василія. Не одаренный ни мудростью, ни мужествомъ, ни твердостью души отцовской, онъ выдержалъ продолжительную войну противъ короля Сигизмунда; совершенно кончилъ исторію удѣловъ и вольныхъ городовъ въ Русской землѣ, и, не смотря на частыя неудачи, удерживалъ и успѣлъ удержать успѣхи Крыма и Казани при отважномъ Махметъ-Гиреѣ и смѣломъ Сафа-Гиреѣ. Василій умножилъ великолѣпіе двора и любилъ пышность. Онъ украсилъ Кремль и Москву многими зданіями и церквами; укрѣпилъ многіе города стѣнами каменными; ободрялъ и любилъ переселявшихся въ Русь иноземцевъ, художниковъ и торговцевъ. Оршинская битва, набѣгъ Махмета на Москву, неудачи подъ Казанью, все было закрыто однимъ: завоеваніемъ Смоленска.

LXVIII. ПОСТЕПЕННОЕ ПАДЕНІЕ ПСКОВА.

(Изъ соч. Никитскаго: «Очеркъ внутренней исторіи Пскова»).

Московская политика, въ борьбѣ съ вѣчевымъ началомъ, постоянно отличалась двумя главными чертами: съ одной стороны, большою сдержанностью, совершенно естественною при выжиданіи нарушеній старины отъ самихъ противниковъ, а съ другой, крайнею искусственностью, являющеюся необходимымъ слѣдствіемъ стремленія сохранить за собою внѣшнюю справедливость, при помощи вынужденнаго отступленія отъ старины со стороны самихъ представителей вѣчеваго порядка.

Хотя ближайшая цѣль, которую поставила себѣ политика великихъ князей московскихъ, уже сначала заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ приближеніи Псковскаго княженія къ простому московскому намѣстничеству, тѣмъ не менѣе первые шаги на этомъ поприщѣ не произвели особеннаго впечатлѣнія на псковичей, частью потому, что имѣли мѣсто внѣ предѣловъ собственно псковской жизни, а частью и потому, что касались, повидимому, одной только обрядности. Соединенію съ Москвой псковичи придавали одно только формальное значеніе, и въ этомъ смыслѣ, регулировали какъ внутреннія дѣла свои, такъ и отношенія къ сосѣдямъ, стараясь, въ послѣднемъ случаѣ, главнымъ образомъ о томъ, чтобы

обособить себя не только отъ Великаго Новгорода, но и отъ Москвы. Подобныя стремленія сдѣлаются отчасти понятными, если только вспомнить о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя приходилось испытывать псковичамъ отъ иноземцевъ, благодаря долгой связи своей съ Великимъ Новгородомъ. Въ самомъ дѣлѣ, привыкнувъ, впродолженіе новгородскаго владычества, смотрѣть на Псковъ, какъ на новгородскій пригородъ, иноземцы не находили нужнымъ оставлять своей привычки и тогда, когда Псковъ уже совершенно отдѣлился отъ Новгорода и сталъ на свои собственныя ноги, и потому въ международныхъ сношеніяхъ обращались не къ самому Пскову, а къ Великому Новгороду, сообщали свои объясненія, какъ это сдѣлали въ 1341 году нѣмцы по поводу убіенія псковскихъ пословъ на Опочнѣ, не псковскому, а новгородскому вѣчу, предполагая такимъ образомъ, умышленно или неумышленно, Псковъ въ зависимости отъ Новгорода. Съ присоединеніемъ къ Москвѣ, отношенія Пскова усложнялись еще болѣе, такъ какъ иноземцы получали чрезъ это двойную возможность посылать извѣщенія о началѣ войны не только въ Новгородъ, но и въ Москву, и, благодаря этому обстоятельству, безнаказанно терзать Псковскую землю внезапными нашествіями; потому въ договорахъ съ сосѣдями, псковичи старались выговорить первымъ условіемъ то, чтобы они не посылали разметныхъ грамотъ ни въ Новгородъ, ни въ Москву, а доставляли бы ихъ прямо во Псковъ, и только по прошествіи извѣстнаго срока послѣ врученія грамоты, открывали бы войну. Но подобное регулированіе внѣшнихъ отношеній Пскова, очевидно, ставило Москву въ неестественное положеніе: великіе князья должны были тратить свои силы на защиту Пскова, не имѣя съ своей стороны не только ни малѣйшаго вліянія на улаженіе отношеній послѣдняго къ сосѣдямъ, но даже и достаточныхъ свѣдѣній о предметѣ вражды. Поэтому, подтверждая въ своихъ отдѣльныхъ договорахъ съ западными сосѣдями статьи, обусловливавшія особность существованія названныхъ братьевъ, Великаго Новгорода и Пскова, великіе князья московскіе вмѣстѣ съ тѣмъ предъявили и иныя требованія, обезпечивавшія уже ихъ собственный интересъ. Такъ, въ случаѣ неудовольствій съ Великимъ Новгородомъ или Псковомъ, великіе князья литовскіе, прежде собственной управы, должны были давать знать о нихъ въ Москву, да и вообще не только не питать завоевательныхъ плановъ въ отношеніи псковичей и новгородцевъ, но даже не потворствовать имъ, если бы послѣдніе задумали передаться Литвѣ сами добровольно.

И во внутреннихъ дѣлахъ, какъ во внѣшнихъ, великіе князья московскіе не обнаружили сразу своего завѣтнаго желанія видѣть псковскихъ князей простыми московскими намѣстниками, а, подъ предлогомъ обезопасенія своихъ собственныхъ интересовъ, стремились первоначально не болѣе какъ къ замѣщенію псковскаго стола людьми, по крайней мѣрѣ, не враждебными Москвѣ, и въ этихъ видахъ добивались снисканія для себя тѣхъ же преимуществъ, которыми пользовались при замѣщеніи своего стола сами псковичи. Смотря на своихъ князей, какъ на республиканскихъ чиновниковъ, псковичи обязывали ихъ, при утвержденіи на княжескомъ столѣ, цѣловать крестъ Пскову въ томъ, что они будутъ судить право и строго держаться старины, не преступая ни въ чемъ псковскихъ пошлинъ и обычаевъ; но они нимало не распространяли этой обязанности и на великихъ князей, какъ бы считая присягу намѣстни-

ковъ въ послѣднемъ случаѣ совершенно излишнею. Пока, однако, сами псковичи строго держались старины и призывали къ себѣ князей исключительно изъ Москвы, великіе князья оставляли это обстоятельство совершенно безъ всякаго вниманія; но лишь только въ княженіе Василія Темнаго на псковскомъ столѣ стали появлятѣся разные литовскіе выходцы, лица совершенно чуждыя Москвѣ, какъ тотчасъ же присяга получила особенное значеніе, дѣлаясь въ рукахъ московскихъ князей весьма удобнымъ средствомъ для опредѣленія своихъ настоящихъ друзей и недруговъ. Потому, посылая отъ себя въ 1443 году намѣстника во Псковъ, Василій II не преминулъ заявить требованіе, чтобы псковскіе князья присягали не только одному Пскову, но и великому князю, и притомъ послѣднему на первомъ планѣ. Псковичи уступили, и новый обрядъ посаженія псковскихъ князей, принятый въ 1443 году, сдѣлался съ тѣхъ поръ нормальнымъ для всего послѣдующаго теченія самостоятельной псковской жизни. Посаженіе по прежнему состояло изъ двухъ отдѣльныхъ актовъ—интронизаціи и принесенія присяги, но оба акта совершались теперь неиначе, какъ въ присутствіи великокняжескаго посла, да сверхъ того интронизація получила теперь вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ порученія, такъ какъ московскій посолъ отъ лица великаго князя поручалъ намѣстнику псковское княженіе, а присяга приносилась намѣстникомъ сначала великому князю, а затѣмъ уже и Пскову. Дальнѣйшія событія показали, что расчетъ великаго князя не былъ ошибоченъ; ибо, когда въ 1456 году псковичи приняли къ себѣ на княженье Александра Чарторижскаго, того самаго, при которомъ впервые введена была присяга московскимъ князьямъ, а въ 1460 г., будучи удручены нѣмцами, просили великаго князя о признаніи его своимъ намѣстникомъ, то Василій Васильевичъ, не отказывая просьбамъ псковичей, потребовалъ отъ Чарторижскаго только одной присяги въ удостовѣреніе того, что послѣдній, княжа во Псковѣ, не будетъ замышлять ничего дурнаго ни противъ самого великаго князя, ни противъ его дѣтей. Чарторижскій не захотѣлъ выполнить обряда: „Не слуга я", сказалъ онъ, слагая крестное цѣлованіе Пскову на вѣчѣ, «великому князю, да и вамъ не князь; когда придется псковичамъ бить вороновъ соколомъ, т. е., когда псковичи будутъ нуждаться въ храбромъ князѣ (соколѣ) для отраженія внѣшнихъ враговъ (вороновъ), тогда вспомнятъ и меня, Чарторижскаго», и затѣмъ, простившись, уѣхалъ.

Будучи постоянно отвлекаемы другими, болѣе важными, событіями, великіе князья московскіе не могли, однако, заниматься непрерывно псковскими дѣлами, а посвящали себя имъ только урывками, невольно растягивая такимъ образомъ борьбу съ псковичами на крайне продолжительное время. Потому, не смотря на свои первые успѣхи, какъ бы побуждавшіе къ дальнѣйшимъ начинаніямъ, великіе князья могли возвратиться къ продолженію начатаго ими дѣла превращенія псковскихъ князей изъ вѣчевыхъ сановниковъ въ простыхъ псковскихъ намѣстниковъ не раньше, какъ чрезъ двадцать лѣтъ по окончательномъ прекращеніи усобицъ, волновавшихъ Москву второй разъ въ правленіе Василія, тѣмъ болѣе, что въ это время изо Пскова стали приходить въ Москву постоянныя просьбы то о содѣйствіи при переговорахъ съ иноземцами, то о военной помощи противъ послѣднихъ. Дѣйствительно, территоріальный споръ Пскова съ нѣмцами, начавшійся за столѣтіе назадъ, не

только нимало не подвинулся впередъ, но даже не подавалъ никакихъ надеждъ на скорый исходъ безъ посторонняго вмѣшательства: взять въ твердыя руки «обидную землю» ни у одной изъ спорящихъ сторонъ не хватало силы, а мирное рѣшеніе дѣла было еще менѣе возможно, такъ какъ назначаемые для того съѣзды или совсѣмъ не удавались, благодаря отсутствію нѣмцевъ, отговаривавшихся иногда просто „недосугомъ", а если и удавались, то проходили въ безплодныхъ препирательствахъ и безполезномъ разореніи окрестной мѣстности. Только при содѣйствіи Москвы удалось псковичамъ заключить въ 1461 году съ нѣмцами перемиріе на пять лѣтъ, по которому каждая сторона обязалась ловить рыбу на спорномъ мѣстѣ только со своего берега, да сверхъ того, нѣмцы возвратили псковичамъ захваченныя на «обидномъ мѣстѣ» иконы и товаръ. Только, благодаря вліянію Москвы, удалось въ 1463 году псковичамъ побудить нѣмцевъ къ уступкѣ спорныхъ мѣстъ; только появленіе въ 1474 году московскихъ полковъ во Псковѣ утвердило окончательно за псковичами обладаніе этими спорными землями и опредѣлило въ пользу псковичей ихъ взаимныя отношенія съ нѣмцами.

Усиленіе московскаго вліянія на устройство внѣшнихъ дѣлъ Пскова представляло для великихъ князей благопріятный случай къ тому, чтобы снискать соотвѣтственное усиленіе своей власти и во внутренней жизни послѣдняго. Василій Васильевичъ, дѣйствительно, тотчасъ же ухватился за этотъ случай и, нимало не справляясь съ стариной, спѣшилъ присвоить себѣ право назначать псковскихъ князей по своему усмотрѣнію, въ томъ предположеніи, что лишивши послѣднихъ выборнаго характера, который одинъ только и держалъ псковскихъ князей въ зависимости отъ вѣча, онъ тѣмъ самымъ сдѣлаетъ ихъ изъ вѣчевыхъ сановниковъ послушнымъ орудіемъ великокняжеской воли. Псковичи, однако, думали иначе и не придавали этому нововведенію никакого особеннаго значенія, пока за ними оставалось еще право изгонять своихъ князей, когда тѣ своими поступками вызывали неудовольствія или оказывались «на народъ не благи». Уже въ 1461 году былъ присланъ изъ Москвы во Псковъ намѣстникъ «не по псковскому прошенію, ни постаринѣ», а единственно по иниціативѣ самого великаго князя. Псковичи согласились принять и этого князя, разсчитывая воспользоваться, въ затруднительномъ положеніи, оставшимся еще за ними правомъ изгнанія. Дѣйствительно, когда князь Владиміръ, первый изъ назначенныхъ Москвою намѣстниковъ, оказался враждебнымъ къ псковичамъ, то они не только показали ему путь изъ Пскова, но и совершили это въ самыхъ грубыхъ формахъ, столкнувъ князя Владиміра со степени, которую занимали псковскіе князья во время засѣданій вѣча. Послѣ этого происшествія обѣ стороны поспѣшили въ Москву: Владиміръ, чтобы довести до свѣдѣнія великаго князя о нанесенномъ ему безчестіи, а псковичи, чтобы оправдаться въ своемъ поступкѣ. Но въ Москвѣ въ это время (въ 1463 году) былъ уже другой великій князь; мѣсто Василія занималъ Иванъ Васильевичъ, убѣжденный въ совершенной безполезности предпринятой отцомъ попытки; поэтому хотя онъ и «подивилъ» на поступокъ псковичей и не пускалъ, въ наказаніе за самоуправство, псковскихъ пословъ три дня на свои княжескія очи, тѣмъ не менѣе высказалъ явное желаніе поддерживать псковскую старину, снова предоставивъ псковичамъ полную свободу выбирать своихъ князей, «который князь Пскову любъ».

Въ уступчивости, обнаруженной Иваномъ III въ вопросѣ о псковскихъ намѣстникахъ, высказывается не отреченіе отъ стремленій своего предшественника, а только превосходство Ивана Васильевича надъ своимъ отцомъ. Новый великій князь нимало не думалъ оставлять мысли о превращеніи псковскихъ князей въ простыхъ московскихъ намѣстниковъ, а только хотѣлъ повести дѣло иначе, начать не съ начала, какъ сдѣлалъ его отецъ, а съ конца, не съ права избранія псковичами своихъ князей, а съ права изгнанія послѣднихъ. Право назначать во Псковъ намѣстниковъ, котораго такъ добивался Василій, не только навлекало на великихъ князей обвиненіе въ нарушеніи псковской старины, но вдобавокъ не ручалось нимало и за упроченіе во Псковѣ московскаго владычества, доколѣ за псковичами оставалось старое право изгонять своихъ князей, да еще и съ безчестіемъ. Кромѣ того, самое право выбора своихъ князей, которымъ псковичи пользовались по старинѣ, еще не такъ рѣшительно противорѣчило московскимъ интересамъ, чтобы нельзя было допустить его ни подъ какимъ видомъ; и при свободѣ выбора великій князь всегда могъ навязать Пскову такого намѣстника, который готовъ былъ служить послушнымъ орудіемъ великокняжеской воли: стоило только отказывать подъ благовидными предлогами, напримѣръ, подъ видомъ собственной надобности, въ тѣхъ лицахъ, которыя почему либо были не надежны, доколѣ сами просители не натыкались на вполнѣ надежнаго человѣка. Такъ, когда въ 1472 году, псковичи просили въ Москвѣ въ намѣстники къ себѣ князя Ивана Стригу, то великій князь отвѣчалъ: «Свою отчину жалую, какого князя хотите, того и дамъ вамъ, князь же Иванъ Стрига мнѣ нуженъ здѣсь самому;» а когда псковичи указали затѣмъ на Ивана Бабича или же Ярослава, брата Ивана Стриги, то отвѣтъ со стороны князя былъ уже болѣе благосклонный: «Иванъ Бабичъ мнѣ нуженъ самому, а княземъ Ярославомъ свою отчину Псковъ жалую». Псковичи узнали уже слишкомъ поздно, что за человѣкъ былъ князь Ярославъ. Такимъ образомъ, отказываясь отъ притязаній на право назначать псковскихъ намѣстниковъ, великій князь въ сущности не терялъ ничего, а между тѣмъ выигрывалъ чрезъ это очень много, такъ какъ и псковичи, въ свою очередь, должны были сдѣлать ему уступку, отказались отъ права наносить безчестье великокняжескому намѣстнику, а слѣдовательно и изгонять послѣдняго, даже въ томъ случаѣ, когда намѣстникъ началъ бы «творить сильно», то есть, поступать несправедливо, и предоставили разъ навсегда судъ надъ послѣднимъ исключительно самому великому князю. Требованіе не безчестить намѣстника, предъявленное великимъ княземъ псковичамъ, выражало въ болѣе опредѣленной формѣ то же самое, что для Великаго Новгорода, уже со времени Василія, обозначалось словами: „держать имя великаго князя честно и грозно"; и эта неопредѣленная формула, какъ показываютъ причины неудовольствій въ 1471 году великаго князя на новгородцевъ, налагала на Новгородъ главнымъ образомъ обязанность чтить въ своихъ намѣстникахъ представителей великаго князя.

Благодаря передачѣ права суда надъ дѣйствіями намѣстниковъ исключительно въ руки одного великаго князя, псковскіе князья не только предоставлялись въ полное распоряженіе Москвы, но освобождались отъ всякой зависимости со стороны псковскаго вѣча: будучи разъ избраны, они уже не нуждались затѣмъ нимало въ согласованіи своей дѣятель-

ности съ желаніями вѣча, и даже, при случаѣ, могли занять относительно послѣдняго угрожающее положеніе, пользуясь для этой цѣли тѣмъ страшнымъ оружіемъ, которое они имѣли въ жалобѣ на безчестье, сдѣлавшейся съ тѣхъ поръ какъ бы казенною. Такимъ образомъ въ началѣ княженія Ивана III въ псковской исторіи самъ собою совершился крутой поворотъ, сразу низведшій псковскихъ князей на степень простыхъ московскихъ намѣстниковъ. Но, усвоивъ себѣ характеръ простыхъ московскихъ намѣстниковъ, псковскіе князья уже не могли довольствоваться тѣми тѣсными рамками, которыми псковичи ограничивали ихъ дѣятельность, а необходимо должны были стремиться къ полному уравненію своихъ правъ съ правами московскихъ намѣстниковъ въ восточной Руси, что если еще и не вело прямо къ упраздненію вѣчеваго быта, тѣмъ не менѣе сильно подрывало значеніе псковскаго вѣча и дѣлало существованіе послѣдняго какъ бы уже анахронизмомъ. Въ стремленіи къ этому уравненію, получившему вскорѣ весьма широкіе размѣры, власть псковскихъ намѣстниковъ встрѣчала единственный тормазъ развѣ только въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыхъ печальный походъ сами псковичи считали за предвѣстіе своей окончательной гибели. Подобно тому какъ въ княженіе Василія смуты въ самой Москвѣ отвлекали отъ псковскихъ дѣлъ вниманіе великаго князя, такъ точно и теперь послѣднія столкновенія съ Великимъ Новгородомъ мѣшали Ивану III сосредоточиться на псковскихъ дѣлахъ, заставляя его бросать безъ исполненія свои планы и даже искать дружбы господина Пскова. Еще большую услугу оказало псковичамъ окончательное паденіе Великаго Новгорода, когда великій князь, окрыленный успѣхомъ своего перваго похода на новгородцевъ, снова возвратился во Псковъ къ разрѣшенію вопроса объ окончательномъ уравненіи правъ псковскаго князя съ намѣстниками восточной Руси.

Нельзя сказать, чтобы планъ уравненія псковскихъ намѣстниковъ съ московскими имѣлъ въ виду расширеніе сферы дѣйствія псковскихъ князей на все псковское управленіе: подобное расширеніе не могло имѣть мѣста уже по тому одному, что въ этомъ отношеніи между обоими явленіями не было никакой существенной разницы. И псковскіе князья, и московскіе намѣстники носили въ сущности одинъ и тотъ же характеръ, были собственно ни чѣмъ инымъ, какъ только органами для суда, имѣвшими въ судебныхъ пошлинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода, а потому, если и различались чѣмъ либо между собою, то не болѣе, какъ только размѣромъ, въ которомъ та и другая власть пользовалась правомъ суда или же получала средства для своего содержанія. А въ этомъ отношеніи псковскіе князья дѣйствительно далеко отставали отъ московскихъ намѣстниковъ: не только кругъ дѣятельности ихъ былъ ограниченъ, не только многія судебныя дѣла совсѣмъ были изъяты изъ вѣдомства псковскихъ князей, но и самый намѣстничій кормъ, который въ XV столѣтіи обыкновенно предоставлялся въ Москвѣ намѣстникамъ въ подспорье судебнымъ пошлинамъ, составлялъ во Псковѣ совершенно неизвѣстное явленіе. Понятно поэтому, что уравненіе псковскихъ князей съ московскими намѣстниками должно было имѣть въ виду главнымъ образомъ поднятіе финансоваго положенія псковскаго князя и такимъ образомъ, преслѣдовать ту же цѣль, къ которой стремились раньше сами псковскіе намѣстники, съ тою развѣ только

разницею, что планъ, составленный Иваномъ III, по своимъ размѣрамъ, далеко оставлялъ за собою всѣ предшествовавшія попытки въ этомъ родѣ. Въ видахъ поднятія финансоваго положенія княжеской власти, этотъ планъ прежде всего обязывалъ теперь псковичей платить намѣстничьи деньги.

Независимо отъ намѣстничьихъ денегъ, по новому проекту, не оставался безъ приращенія и первоначальный источникъ княжескихъ доходовъ—судебныя пошлины, которыя, вслѣдствіе незначительности числа дѣлъ, поступавшихъ по псковской правдѣ на разсмотрѣніе князя-намѣстника, никакъ не могли достигнуть во Псковѣ достаточныхъ размѣровъ, особенно когда князю приходилось отдѣлять отъ нихъ часть въ пользу представителей господина Пскова. Новый проектъ расширялъ поэтому значительно и самый кругъ судебной дѣятельности намѣстника, относя къ его вѣдѣнію разныя дѣла по земледѣлію или такъ называемые нивные суды со связанными съ ними пошлинами, а именно разборъ дѣлъ по уборкѣ полевыхъ произведеній, по огражденію полей. Проектъ производилъ, наконецъ, нѣкоторыя измѣненія къ лучшему и въ положеніи людей, окружавшихъ намѣстника, какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и на псковскихъ пригородахъ. Такъ, прогонныя деньги, которыя взимались въ пользу княжескихъ приставовъ за совершеніе поѣздокъ по дѣламъ подсудимыхъ, были удвоены.

Планъ расширенія финансовыхъ правъ псковскаго князя и его людей былъ задуманъ въ Москвѣ еще въ 1474 году, но отъ псковичей нѣкоторое время сохранялся втайнѣ, благодаря тому обстоятельству, что великій князь еще не зналъ, какъ согласить съ принятымъ имъ на себя обязательствомъ соблюдать старину тѣ нововведенія, которыя заключались въ его планѣ и рѣшительно выходили изъ круга псковской пошлины. Предвидя, что при предъявленіи его требованій, псковичи во всякомъ случаѣ обвинятъ его въ нарушеніи старины, ссылаясь на свои пошлинныя граматы, Иванъ Васильевичъ необходимо долженъ былъ приготовиться къ тому заране, ознакомиться для этой цѣли съ характеромъ псковскихъ грамотъ, открыть въ нихъ какую либо слабую сторону, и такимъ образомъ обезпечить за собою благопріятный исходъ и въ этомъ, повидимому, безнадежномъ дѣлѣ. Въ этихъ видахъ, воспользовавшись оплошностью псковичей, приславшихъ къ нему съ благодарностью за помощь противъ внѣшнихъ враговъ простыхъ, а не большихъ пословъ или торжественное посольство, великій князь потребовалъ къ себѣ на просмотръ старыя пошлинныя грамоты псковскія. Просмотръ грамотъ не остался безъ результатовъ: слабая сторона псковской пошлины была скоро открыта и притомъ съ большимъ искусствомъ, такъ что великій князь, не нуждаясь болѣе въ укрывательствѣ своего плана отъ псковичей, уже смѣло могъ заявить предъ господиномъ Псковомъ, въ 1475 году, о своихъ требованіяхъ, имѣя въ запасѣ вѣское возраженіе на всѣ замѣчанія послѣдняго о нарушеніи старины. И когда предположеніе великаго князя дѣйствительно оправдалось, т. е. псковичи на отрѣзъ отказались удовлетворять новымъ требованіямъ, заявленнымъ княземъ Ярославомъ, ссылаясь на свои пошлинныя грамоты, которыя, въ лицѣ дошедшей до насъ псковской правды, въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о совершенной новизнѣ притязаній псковскаго намѣстника, тогда великій князь въ отвѣтѣ посламъ замѣтилъ, что

псковскія пошлинныя грамоты писаны просто мѣстными псковскими князьями, подобными Александру Михайловичу Тверскому и Константину Дмитріевичу, а не великими, и что потому потомки послѣднихъ исторически нимало не обязываются строго придерживаться подобныхъ грамотъ въ своемъ поведеніи относительно Пскова. Такимъ образомъ, если, въ вопросѣ объ улучшеніи финансоваго положенія псковскаго намѣстника великій князь и позволялъ себѣ значительное отступленіе отъ старины, то это еще не значило, что и въ дальнѣйшемъ онъ отказывался рѣшительно отъ всякаго соблюденія послѣдней, а только то, что нарушаемая имъ старина, исходя не отъ великихъ, а отъ мѣстныхъ князей, казалась ему совсѣмъ не обязательною.

Псковичи разсчитывали было поддерживать свою старину и послѣ категорическаго отвѣта великаго князя, но, испуганные грозною расправою послѣдняго въ Новгородѣ, спѣшили въ 1476 году удовлетворить немедленно же всѣмъ требованіямъ своего намѣстника. Иванъ Васильевичъ, конечно, отнесся благосклонно къ этому заявленію покорности со стороны псковичей, но уже не удовольствовался имъ однимъ, а хотѣлъ сразу вывести и послѣднее слѣдствіе изъ своего ознакомленія съ псковскими грамотами. Если псковскія пошлинныя грамоты оказались совершенно не обязательными для великаго князя, то что же долженъ былъ принимать послѣдній за основаніе своихъ приговоровъ при рѣшеніи дальнѣйшихъ столкновеній между псковичами и московскими намѣстниками? Очевидно, только одно собственное усмотрѣніе, доводя о результатахъ его до свѣдѣнія псковичей при помощи особенныхъ, такъ называемыхъ засыльныхъ грамотъ, которыя, накопляясь все болѣе и болѣе, съ теченіемъ времени должны были замѣнить вполнѣ для Пскова его собственную старину. Но, пріобрѣтая такимъ образомъ все большее и большее значеніе въ жизни Пскова и распространяя всюду свое непосредственное вліяніе, великій князь, въ то же самое время, какъ бы отодвигался отъ послѣдняго и становился рѣшительно недоступнымъ для псковичей, благодаря коренному измѣненію въ самой формѣ своихъ сношеній съ псковичами. Въ прежнее время, въ случаѣ возникновенія во Псковѣ какихъ-либо сомнѣній въ дѣйствительности требованій, шедшихъ изъ Москвы, великіе князья свободно допускали къ себѣ псковичей и охотно удовлетворяли ихъ постоянному желанію знать волю великаго князя не изъ вторыхъ рукъ, а изъ собственныхъ устъ послѣдняго; теперь же Иванъ Васильевичъ сталъ тяготиться этимъ старымъ обычаемъ и требовалъ, чтобы псковичи, не утруждая великаго князя личными сношеніями, довольствовались тѣми сообщеніями, которыя доходили до нихъ отъ великокняжескихъ пословъ, чтобы словамъ людей великаго князя придавали точно такую же вѣру, какъ и самому великому князю или его офиціальной грамотѣ. Перемѣна въ характерѣ сношеній Пскова съ великими князьями необходимо должна была сообщить вмѣстѣ съ тѣмъ и особенное значеніе московскимъ боярамъ и дьякамъ, служившимъ посредниками между обѣими сторонами. Покуда доступъ къ великому князю былъ совершенно свободенъ для господина Пскова, до тѣхъ поръ ни бояре, ни дьяки не имѣли никакой возможности открыто повернуться ко Пскову своею дурною стороной; но лишь только великій князь сталъ чуждаться личныхъ сношеній съ псковичами и передалъ все это дѣло въ руки своихъ бояръ и дьяковъ, тотчасъ же

со стороны Пскова поднялись громкія жалобы на несправедливыя дѣйствія послѣднихъ. Мало того, что бояре и дьяки, отправляемые изъ Москвы во Псковъ послами, какъ во время своего слѣдованія псковскою землею, такъ и пребыванія на псковскихъ подворьяхъ, не давали пощады ни одному частному лицу, дерзко наносили обиды однимъ и алчно грабили другихъ; но даже и съ самимъ Псковомъ они затѣвали постоянныя тяжбы по поводу тѣхъ даровъ, которыми псковичи обыкновенно чествовали великокняжескихъ посланцевъ. Не довольствуясь поминками, предлагаемыми вѣчемъ „по силѣ", они запрашивали чрезмѣрныя суммы, и когда получали со стороны Пскова отказъ, старались мстить псковичамъ новыми насиліями, тѣмъ болѣе, что великій князь, полагаясь во всемъ на своихъ бояръ, не гнушавшихся подтверждать ложь крестнымъ цѣлованіемъ, не обращалъ никакого вниманія на доходившія до него временами жалобы псковичей.

Положеніе, навязанное Пскову предшествующими событіями, по справедливости должно быть названо невозможнымъ. Фактически уже вся дѣйствительная власть къ этому времени была прибрана къ рукамъ великаго князя московскаго, намѣстникъ котораго хозяйничалъ во Псковѣ, какъ у себя дома, не стѣсняясь ни мало псковскою стариной, сажалъ въ оковы всякаго, кто только «князю каково слово молвилъ», а въ пригородахъ въ томъ же духѣ дѣйствовалъ чрезъ своихъ послушныхъ подручниковъ, также очень мало щадившихъ псковскіе интересы. А между тѣмъ собственныя власти псковскія, руководившія прежде судьбами Пскова, отнюдь не были уничтожены, вѣче попрежнему все еще продолжало свое существованіе и, понятно, исполнялось тѣмъ большимъ негодованіемъ на московскій порядокъ, чѣмъ больше чувствовало свое рѣшительное безсиліе къ устраненію совершавшихся вокругъ несправедливостей. Конечно, отказавшись отъ права изгонять своихъ князей или наносить имъ безчестіе, псковское вѣче получило взамѣнъ того нѣкоторое оружіе противъ притѣсненій своихъ намѣстниковъ въ жалобѣ великому князю московскому; но кто могъ поручиться, что жалобы его не только будутъ приняты во вниманіе, но даже и просто выслушаны великимъ княземъ, когда послѣдній самъ же старался ограничить личныя сношенія свои со псковичами? Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, взаимное раздраженіе заинтересованныхъ сторонъ дошло до того, что изъ свиты псковскаго князя или шестниковъ и псковичей образовалось два противоположные лагеря, готовые ежечасно вступить въ свалку при самомъ ничтожномъ поводѣ. Поводъ не заставилъ себя долго ждать, а о ничтожности его каждый можетъ составить себѣ понятіе изъ предлагаемаго разсказа. Одинъ псковичъ велъ возъ съ капустой по торгу мимо княжескаго двора; въ это время одному княжескому человѣку пришло въ голову взять наручье капусты и дать княжескому барану; это несчастное наручье капусты и сдѣлалось предметомъ раздора, открывшагося сначала на княжемъ дворѣ, а затѣмъ, когда шестники, вооруженные ножами и луками, оттѣснили оттуда псковичей, защищавшихся просто каменьями и палками, и на самомъ торгу. За шестниками вышелъ на поле битвы самъ намѣстникъ Ярославъ Васильевичъ, облеченный въ панцырь, и во хмѣлю началъ стрѣлять. Только псковичамъ, прибывшимъ на мѣсто дѣйствія съ оружіемъ, удалось прекратить эту небывалую въ псковской жизни рѣзню съ княжескими людьми и побудить шестниковъ

увести князя на свой дворъ. На собранномъ послѣ стычки вѣчѣ псковичи на отрѣзъ отказали Ярославу Васильевичу въ княженіи и освободили изъ заточенья всѣхъ гражданъ, заключенныхъ какъ имъ самимъ, такъ и его пригородскими намѣстниками; однако они не рѣшились показать путь князю и выпроводить его изъ Пскова, не дождавшись отъ своихъ пословъ извѣстій о томъ, что скажутъ на это въ Москвѣ. Но великій князь взглянулъ на это дѣло совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ сами псковичи. Въ столкновеніи съ Ярославомъ Васильевичемъ онъ увидѣлъ безчестіе князю—намѣстнику, отъ права нанесенія котораго псковичи отказались раньше добровольно. Вина послѣднихъ въ его глазахъ нимало не выкупалась даже и тѣмъ, что псковичи вынуждены были къ свалкѣ несправедливыми дѣйствіями князя Ярослава и его людей: судъ надъ дѣйствіями намѣстниковъ принадлежалъ не псковичамъ, а составлялъ исключительное дѣло одного великаго князя. Понятно поэтому, что псковскіе послы привезли изъ Москвы совсѣмъ неблагопріятный для вѣча отвѣтъ; великій князь „осаживалъ" на столѣ князя Ярослава, низложеннаго псковичами, и требовалъ выдачи головою лицъ, которыхъ псковичи освободили изъ заключенія. А когда псковичи и послѣ того продолжали настаивать на невозможности жить долѣе съ княземъ и выдать въ его руки свою братью—согражданъ, тогда изъ устъ Ивана Васильевича послышалось грозное слово: «Если отчина наша Псковъ дошла до того, что рѣшилась напасть на дворъ нашего намѣстника, а своего князя, то она сама изъ старины вышла, а не я, князь великій».

Чтобы вѣрнѣе опредѣлить значеніе кризиса, наступившаго въ псковской исторіи, вслѣдствіе столкновенія съ княземъ Ярославомъ, необходимо остановиться нѣкоторое время надъ многознаменательными словами Ивана Васильевича: «Отчина наша сама изъ старины вышла». Слова эти обвиняли псковичей въ нарушеніи старины, а нарушеніе старины одной стороной нимало не обязывало ея соблюденіе и другою, и такимъ образомъ какъ бы предавало Псковъ вполнѣ на произволъ великаго князя. Но изъ псковской старины до сихъ поръ не тронутымъ оставалось одно псковское вѣче съ его представителями; понятно поэтому что, не получая удовлетворенія своимъ требованіямъ со стороны Пскова, великій князь могъ грозить ему ничѣмъ инымъ, какъ именно уничтоженіемъ самого псковскаго вѣча. И если разсматривать ходъ событій въ его исторической связи, то нельзя не замѣтить, что судьба Пскова въ Москвѣ въ это время была уже рѣшена, что псковское вѣче переживало свои послѣдніе дни, и что такимъ образомъ очередь платиться своею послѣднею стариной дошла до Пскова нѣсколько раньше, чѣмъ даже для самаго Великаго Новгорода. Въ сущности оно такъ и слѣдовало ожидать. Съ одной стороны, было бы совершенно естественно думать, что великіе князья начнутъ борьбу противъ вѣчеваго порядка не съ Великаго Новгорода, а со Пскова, какъ слабѣйшаго пункта, и если сдѣлаютъ какое-либо отклоненіе со своего пути, то не иначе, какъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ: при такомъ предложеніи, поведеніе ихъ явится гораздо болѣе раціональнымъ. Съ другой, эта догадка объяснитъ вполнѣ и ту настойчивость, которую обнаруживали великіе князья въ своихъ отношеніяхъ къ Пскову, сравнительно съ нерѣшительностью ихъ въ дѣлахъ новгородскихъ, и которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ борьбѣ со псковичами великіе князья не ду-

мали стоять долго на полдорогѣ и довольствоваться простымъ фактическимъ господствомъ, а хотѣли немедленно же раздѣлаться съ псковскою стариной и отнять у Пскова всякую возможность мѣшаться въ распоряженія, шедшія изъ Москвы. И однакожъ, скажутъ намъ, Псковъ не палъ, правда, но причина, которой псковичи были обязаны тогда своимъ спасеніемъ, всего лучше подтверждаетъ предположеніе о грозившей ему въ то время гибели: отъ окончательнаго подчиненія Москвѣ въ 1477 году псковичей спасли дѣла новгородскія. Будучи неожиданно привлеченъ къ рѣшенію участи Великаго Новгорода, Иванъ Васильевичъ не желалъ бороться сразу съ двумя врагами, и потому, отказавшись отъ мысли объ окончательномъ подчиненіи себѣ Пскова, круто измѣнилъ тонъ своихъ сношеній съ псковичами: послѣ того какъ уже произнесены были грозныя слова: «Отчина наша сама изъ старины вышла», не обѣщавшія для Пскова ничего хорошаго, великій князь вдругъ повернулъ назадъ, отозвалъ изъ Пскова ненавистнаго Ярослава со всею его свитой, освободилъ захваченныхъ имъ въ псковской землѣ людей, и далъ псковичамъ князя, котораго они указали сами, въ силу своего права выбирать князя, «который князь Пскову любъ».

Такимъ образомъ, новгородская катастрофа не только совсѣмъ не имѣла для Пскова того роковаго характера, какой приписываетъ ей псковскій лѣтописецъ, утверждая, что съ паденіемъ Новгорода, кончилось все и для Пскова, но даже повела къ совершенно противоположнымъ результатамъ, продлила самобытное существованіе Пскова чуть не на полвѣка и облегчила самый переходъ подъ московское владычество, давъ псковичамъ достаточное время для освоенія съ суровостью московскаго порядка. Правда, самобытность, которою пользовался Псковъ, по паденіи Новгорода, была не столько дѣйствительною, сколько призрачною; независимость, сохраненная имъ, носила собственно одинъ формальный характеръ; вѣче и посадники существовали болѣе по имени, не имѣя на ходъ псковскихъ дѣлъ никакого опредѣленнаго вліянія; однако не должно упускать изъ виду и того, что всѣ эти явленія отнюдь не были слѣдствіемъ паденія Новгорода, а получили свое начало гораздо раньше. Тѣмъ не менѣе новгородская катастрофа не осталась безъ нѣкоторыхъ послѣдствій и для псковскаго устройства; только перемѣны, вызванныя ею, имѣли собственно второстепенное значеніе и нимало не свидѣтельствовали о наступательныхъ дѣйствіяхъ великаго князя. Въ знакъ признательности за участіе въ подчиненіи Москвѣ своего старѣйшаго брата, псковичамъ было сообщено и милостивое слово Ивана Васильевича: великій князь изъявлялъ желаніе сохранять псковскую старину и впредь, но только подъ условіемъ, тоже не новымъ, чтобы псковичи честно держали слово великаго князя и знаючи помнили его жалованье. Ближайшій смыслъ словъ: знаючи помнить жалованье, налагалъ на псковичей обязанность подчиняться перемѣнѣ, введенной великимъ княземъ въ отношенія между названными братьями. До сихъ поръ сношенія между Новгородомъ и Псковомъ, какъ самостоятельными землями, производились чрезъ посольства; теперь же, когда старѣйшій братъ подпалъ окончательно подъ московское владычество, а послѣдній для того же самаго нуждался только въ одномъ оффиціальномъ актѣ, сношенія чрезъ посольства сдѣлались неумѣстными; ихъ замѣнили сношенія между московскими намѣстниками, которые, являясь одинаково глав-

ными дѣятелями въ той и другой странѣ, должны были естественно взять въ свои руки и всѣ дѣла, касавшіяся взаимныхъ интересовъ новгородцевъ и псковичей. Сюда относились главнымъ образомъ поземельныя и территоріальныя тяжбы между новгородцами и псковичами, споры о земляхъ, водахъ и дворахъ, равно какъ и о прибрежныхъ владѣніяхъ Пскова на Чудскомъ озерѣ или «берегѣ», наконецъ, дѣла по взаимнымъ обидамъ: обо всемъ этомъ должны были заботиться и пещись великокняжескіе намѣстники, какъ новгородскіе, такъ и псковской, и этимъ путемъ водворять въ сосѣднихъ земляхъ «судъ и управу по обѣ стороны».

Но, отстранивъ на время отъ Пскова окончательную развязку, новгородская катастрофа не могла остановить естественнаго хода исторіи, а потому новый періодъ существованія, въ который Псковъ вступилъ послѣ паденія Великаго Новгорода, представлялъ ничто иное, какъ постоянное уничтоженіе и самой формальной независимости, пощаженной предъидущими событіями и выражавшейся въ существованіи вѣча и его представителей. Занятые въ предшествующее время главнымъ образомъ мыслью о низведеніи псковскихъ князей на степень простыхъ московскихъ намѣстниковъ, великіе князья не обращали особеннаго вниманія на псковское вѣче, разсчитывая, быть можетъ, избавиться отъ него при случаѣ однимъ рѣшительнымъ ударомъ; теперь же, когда новгородская катастрофа показала неосновательность этого разсчета, Иванъ Васильевичъ и относительно вѣча принялъ такой же образъ дѣйствія, какимъ руководился прежде при подчиненіи себѣ псковскихъ намѣстниковъ: сталъ мало по малу стѣснять дѣятельность вѣча, подрывалъ вліяніе его въ Псковской землѣ и, такимъ образомъ, подготовлялъ незамѣтно и самое уничтоженіе формальной независимости Пскова: прежде всего псковскому вѣчу пришлось поплатиться своею властью надъ смердами, господство надъ которыми всегда составляло одно изъ важнѣйшихъ условій существованія вѣчеваго порядка.

Обязанности смердовъ къ землевладѣльцу опредѣлялись особенною, такъ называемою смердьею грамотою, хранившеюся, наравнѣ съ другими бумагами, въ архивѣ Троицкаго собора. Грамота эта налагала на псковскихъ смердовъ обязанность не только платить опредѣленный оброкъ въ пользу князя, и такимъ образомъ восполнять отчасти недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ давать дань и самому господину Пскову, а также исполнять для правительствующаго города разныя натуральныя повинности.

Усиленіе княжеской власти во Псковѣ необходимо должно было вести къ устраненію псковскаго вѣча отъ всякаго господства надъ смердами. Сдѣлавшись почти неограниченными хозяевами во Псковѣ, московскіе намѣстники не могли благосклонно смотрѣть на поборы со смердовъ, которыми обогащалась городская казна въ ущербъ ихъ собственнымъ интересамъ; да и сами смерды тяготились, кажется, не мало своею двойною обязанностью — поддерживать существованіе не только князя, но и старѣйшаго города. Поэтому между псковскими намѣстниками и смердами легко могла состояться сдѣлка, по которой первые сохраняли, а можетъ быть даже и увеличивали, свои права на дань со смердовъ, но въ вознагражденіе за это обязывались содѣйствовать послѣднимъ въ пріобрѣтеніи полной свободы отъ обязанностей въ пользу старѣйшаго города. Такъ какъ, однако, въ Москвѣ и теперь еще остерегались явнаго

нарушенія старины, то для обхода этого подводнаго камня псковскій намѣстникъ и въ дѣлѣ со смердами долженъ былъ прибѣгнуть къ самому грубому подлогу—къ замѣнѣ грамоты, опредѣлявшей положеніе смердовъ, новою, составленною въ духѣ, благопріятномъ для послѣднихъ. Подобный поступокъ, конечно, необходимо требовалъ согласія важнѣйшихъ псковскихъ властей; но добиться этого согласія было нисколько не трудно, такъ какъ въ это время во Псковѣ было уже не мало вліятельныхъ людей, явно державшихъ сторону великихъ князей московскихъ. Ларникъ Есифъ, завѣдывавшій въ то время архивомъ Троицкаго собора, не былъ человѣкомъ неподкупной честности; да и между боярами не трудно указать на нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своею дружбою съ великими князьями московскими. По крайней мѣрѣ, оба степенные посадника 1483 года, Стефанъ Максимовичъ и Леонтій Тимофеевичъ, принадлежали къ боярскимъ семьямъ, успѣвшимъ уже заране заслужить благосклонность Москвы. При помощи этихъ и другихъ лицъ, псковскому намѣстнику Ярославу безъ большаго труда удалось вынуть изъ ларя грамоту, опредѣлявшую положеніе смердовъ, и подмѣнить ее новою, притомъ все это втихомолку, такъ что Псковъ узналъ о подлогѣ только тогда, когда смерды, скрывъ, въ свою очередь, грамоты, касавшіяся отношенія ихъ къ старѣйшему городу, вдругъ отказались отъ исполненія своихъ обязанностей — дачи дани и совершенія различныхъ работъ; и когда псковичи, для уличенія непокорныхъ смердовъ, обратились въ архивъ Троицкаго собора за справкой, то, къ своему величайшему удивленію, вмѣсто смердьей грамоты нашли тамъ только бумагу, составленную княземъ Ярославомъ.

Отказавшись наносить безчестіе велико-княжескимъ намѣстникамъ, псковичи уже не могли ничего предпринять противъ главнаго виновника въ подлогѣ грамоты, князя Ярослава, безъ того, чтобы не навлечь на себя гнѣва великаго князя; но вѣче все еще считало себя въ правѣ, по крайней мѣрѣ, казнить недруговъ изъ своей братьи-согражданъ, и потому на первыхъ же порахъ спѣшило излить свою ярость на лицахъ, заподозрѣнныхъ въ составленіи подложной грамоты. Дворы многихъ посадниковъ были тотчасъ же преданы на потокъ и разграбленіе, а коноводы смердовъ, отказавшихся отъ исполненія своихъ обязанностей, подвергнуты наказанію на вѣчѣ, а затѣмъ брошены въ тюрьму. Но это была только прелюдія, за которою не замедлила послѣдовать и самая драма: вскорѣ былъ казненъ на вѣчѣ посадникъ Гаврилъ, не поторопившійся почему-то бѣгствомъ, а три другіе посадника, Стефанъ Максимовичъ, Леонтій Тимофеевичъ и Василій Коростовой, принимавшіе главное участіе въ дѣлѣ и уже успѣвшіе скрыться въ Москву, были, по опечатаніи ихъ имущества, животовъ и дворовъ, заочно приговорены къ смертной казни, и самый приговоръ скрѣпленъ такъ называемою мертвою грамотой. Вѣроятно, въ это же время и ларникъ Есифъ, послѣ различныхъ истязаній, былъ выведенъ на казнь, но только успѣлъ убѣжать и скрыться. Однако, не смотря на поспѣшное наказаніе своихъ недруговъ, псковичи все-таки ошиблись въ своихъ расчетахъ, предполагая, что и теперь, какъ въ былое время, еще свободно можно творить у себя дома судъ и расправу. Подобно тому какъ уже раньше псковскій намѣстникъ изъявилъ псковичамъ свое неудовольствіе за то, что пригородское вѣче въ Опочкѣ казнило одного конокрада, помимо княжескаго суда, такъ

точно и теперь великій князь, съ двухъ сторонъ получившій извѣстія о происшествіяхъ во Псковѣ, отъ князя Ярослава—съ казеннымъ обвиненіемъ псковичей въ нанесеніи ему безчестья, и отъ псковскаго посольства — съ просьбою не гнѣваться на Псковъ за наказаніе преступныхъ смердовъ, остался рѣшительно недоволенъ самоуправствомъ псковскаго вѣча. Начавъ дѣло о смердахъ по собственной иниціативѣ, великій князь естественно не могъ отдать на жертву псковичамъ своихъ мѣстныхъ пріятелей, и потому потребовалъ немедленнаго освобожденія смердовъ, снятія съ посадниковъ „мертвой грамоты" и опечатанія ихъ имущества, равно какъ и удовлетворенія князя Ярослава за безчестье.

Когда и второе псковское посольство получило въ Москвѣ тотъ же отвѣтъ, то въ самомъ Псковѣ возникло сильное раздвоеніе: лучшіе люди, посадники, бояре и житьи, мало заинтересованные въ тяжбѣ, желали какъ можно скорѣе удовлетворить требованіямъ великаго князя, опасаясь въ противномъ случаѣ за самое существованіе вѣча, которое, не смотря на свою ничтожность, все еще напоминало Пскову о его древней свободѣ; но черные люди, тяготившіеся необходимостью отказаться отъ выгодныхъ для нихъ даней и работъ со стороны смердовъ и непонимавшіе настоящаго хода вещей, продолжали стоять на старомъ: не отпускали смердовъ изъ заключенія, не уничтожали мертвой граматы и, считая себя правыми, не хотѣли бить челомъ князю Ярославу. Увѣренные въ своей справедливости, они даже отправили къ великому князю посольство, составленное изъ людей ихъ собственнаго кружка, такъ какъ боярамъ они мало довѣряли, предполагая ихъ въ стачкѣ съ псковскими посадниками-бѣглецами. Получивъ изъ Москвы и на этотъ разъ старый отвѣтъ, черные люди, наконецъ, образумились, отпустили смердовъ на свободу, уничтожили мертвую грамоту на трехъ посадниковъ, которые послѣ того явились во Псковъ и стали свободно проживать между своими согражданами, и положили просить извиненія у великаго князя въ своемъ самоуправствѣ, въ томъ, что, вопреки повелѣнію великаго князя и въ присутствіи его посла, наказали смердовъ и убили посадника Гаврила. Въ торжественномъ посольствѣ, отправленномъ съ этою цѣлью въ Москву, принималъ участіе и князь Ярославъ; слѣдовательно, псковичи еще раньше добили челомъ и ему. Но потрясеніе, вслѣдствіе котораго вся Псковская земля „мялась" въ продолженіе двухъ лѣтъ и отправила къ великому князю пять посольствъ, тѣмъ еще не кончилось. Вскорѣ послѣ пятаго посольства одному священнику удалось найти у норовскихъ смердовъ грамоту, опредѣлявшую отношенія послѣднихъ къ Пскову; грамота эта, правда, была вырвана смердомъ изъ рукъ священника, но самъ смердъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Въ наивной радости псковичи снова послали въ Москву извѣстіе, что задержанъ смердъ, скрывающій у себя грамоту, на которую псковичи раньше ссылались, и старались подкрѣпить свое извѣстіе жалобами на псковскаго намѣстника: какъ будто бы они не могли догадаться, что тутъ дѣло было не въ грамотѣ, а въ желаніи великаго князя. Псковичи почувствовали свой промахъ только тогда, когда отъ великаго князя получили гнѣвный отвѣтъ: „Давно ли я простилъ вамъ вашу вину, а вы теперь опять пристаете со смердами?" Великій князь даже не выслушалъ самъ жалобъ на князя Ярослава, которыя были представлены отъ всей Псковской земли, какъ отъ старѣйшаго города, такъ отъ пригородовъ и волостей,

а предоставилъ разобрать это дѣло своимъ боярамъ, нарочно для этой цѣли посланнымъ во Псковъ.

Такимъ образомъ, благодаря своей уступчивости, псковское вѣче вышло нетронутымъ и изъ продолжительной тяжбы о смердахъ; однако потери, понесенныя имъ въ теченіе этого спора, до того ограничили кругъ вѣчевой дѣятельности, что дальнѣйшее существованіе вѣча становилось совершенно излишнимъ и могло вести къ однимъ только смятеніямъ въ псковской жизни. Послѣ отнятія власти надъ смердами и лишенія права казнить своихъ недруговъ по собственному усмотрѣнію, за вѣчемъ осталась одна только сфера избранія на псковскій столъ намѣстниковъ изъ среды слугъ великаго князя; фактически, однако, и этимъ правомъ пользовалось очень рѣдко, такъ какъ великій князь, вопреки подтвержденной имъ самимъ псковской старинѣ, часто назначалъ намѣстниковъ во Псковъ прямо отъ себя, ни мало не справляясь съ желаніями псковичей. Въ концѣ своего княженія Иванъ Васильевичъ даже задумалъ снова соединить Великій Новгородъ и Псковъ, выказавшіе въ теченіе своей исторіи столько взаимной непріязни, въ одно цѣлое, и хотя этотъ планъ и не осуществился, тѣмъ не менѣе онъ не остался безъ важнаго вліянія на вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи псковскаго вѣча. Поводомъ къ подобной комбинаціи у Ивана III служило желаніе вывести сына своего Василія изъ опалы, обрушившейся на голову послѣдняго вслѣдствіе вѣнчанія на царство Димитрія: образованіе для Василія особеннаго княженія изъ Великаго Новгорода и Пскова должно было служить переходною ступенью къ возстановленію его правъ на московскій престолъ. Со стороны новгородцевъ, по своему положенію мало интересовавшихся планами великаго князя, трудно было ожидать какой либо оппозиціи; но псковичи, пользовавшіеся до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, формальнымъ правомъ на избраніе себѣ вольнаго князя, не могли удержаться отъ протеста. Ходъ событій принялъ до того любопытный характеръ, что Псковъ и Москва, повидимому, какъ бы рѣшительно помѣнялись своими ролями: псковичи стояли за единаго московскаго князя, требовали, чтобы московскій князь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и княземъ псковскимъ; а между тѣмъ великій князь какъ бы хотѣлъ возвратиться къ древней русской удѣльной системѣ и постоянно твердилъ: „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и своихъ дѣтяхъ; кому хочу, тому и дамъ княжество". Однако, сущность дѣла была совершенно иная. Псковъ отказался отъ подчиненія Василію не потому, что имѣлъ въ виду единство русской земли, а потому, что не хотѣлъ снова подчиняться Новгороду въ лицѣ назначаемаго туда Василія, не хотѣлъ снова дѣлаться новгородскимъ пригородомъ, тѣмъ болѣе, что Новгородъ въ это время находился въ сравнительно худшемъ положеніи, чѣмъ его младшій братъ. Да и въ планѣ великаго князя лежало не дробленіе Руси, а только постепенное возвращеніе Василію правъ его на московскій престолъ: потому мистификація сама собою кончилась въ томъ же 1499 году, и великій князь снова подтвердилъ свое прежнее обѣщаніе держать свою отчину Псковъ по старинѣ.

Въ теченіе этого кратковременнаго спора, не имѣющаго по себѣ никакого особеннаго значенія въ исторіи, случилось одно событіе, которое придало ему большую важность и сдѣлало изъ него какъ бы введеніе къ уничтоженію и формальной самобытности Пскова, выражавшейся въ

Смутное время.

судьѣ. Для этой цѣли былъ отправленъ намѣстникомъ въ Псковъ, безъ всякой предварительной просьбы со стороны послѣдняго, Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, который, вслѣдствіе необычнаго появленія своего въ Псковѣ, получилъ отъ псковичей названіе Найдена. Дѣло въ томъ, что хотя Псковскіе князья намѣстники уже давно потеряли свой княжескій характеръ, тѣмъ не менѣе псковичи продолжали соблюдать при ихъ въѣздѣ обычное торжество, выходили на встрѣчу съ крестами и служили на пути молебны; но наконецъ въ Москвѣ замѣтили несообразность такихъ церемоній съ дѣйствительнымъ положеніемъ псковскихъ князей, и Рѣпня первый пренебрегъ этимъ обычаемъ, явившись, безъ всякаго предувѣдомленія псковичей, прямо на загородный княжескій дворъ, гдѣ впервые и найденъ былъ послѣдними. Не смотря на свое прозвище, Найденъ оказался совсѣмъ не находкой: съ принятіемъ имъ намѣстничества, тотчасъ же начались сильныя притѣсненія псковичамъ, особенно лучшимъ людямъ, дѣтямъ посадничимъ и боярскимъ, какъ отъ самого намѣстника и его двора, такъ и отъ пригородскихъ правителей и ихъ свиты. Псковичи жаловались на Рѣпню въ Москвѣ великому князю; послѣдній, преслѣдуя свой планъ, обѣщалъ дать Управу и наказать, если окажется нужнымъ, своего намѣстника, но только не иначе, какъ въ Новгородѣ, куда предполагалъ отправиться съ войскомъ для приближенія къ театру дѣйствія: говорилъ же это, по мѣткому замѣчанію лѣтописца, великій князь псковичамъ, «лукавствуя ими и играя, яко безумными». Покорные словамъ Василія Ивановича, псковичи немедленно же снарядили въ Новгородъ особое посольство съ жалобой на притѣсненія намѣстника, а слѣдомъ за нимъ отправился туда же и самъ Иванъ Михайловичъ Найденъ, съ обычнымъ обвиненіемъ на псковичей въ безчестіи. Естественно, что великій князь не удовлетворился появленіемъ изъ Пскова однихъ офиціальныхъ жалобщиковъ, а обѣщалъ только тогда приступить къ разбору дѣла, когда обиженные соберутся въ Новгородъ сами лично, и притомъ въ значительномъ количествѣ. Не зная цѣли этого требованія, псковичи стали разсылать по всей землѣ своей грамоты, призывавшія жалобщиковъ въ Великій Новгородъ; жалобщиковъ на зовъ откликнулось не мало, но между ними открылось точно такое же раздѣленіе, какъ и въ Новгородѣ: явились люди, которые отправились въ Новгородъ съ жалобою не на Рѣпню, а на собственнаго псковскаго посадника и вообще на свою братью псковичей, равно какъ и на новгородскихъ помѣщиковъ. Но, должно быть, между явившимися просителями не оказалось многихъ изъ тѣхъ лицъ, которыя нужны были для Василія; поэтому великому князю пришлось невольно выразиться яснѣе, и онъ потребовалъ присылки въ Новгородъ всѣхъ псковскихъ посадниковъ, если только вся земля Псковская не хотѣла стать предъ нимъ виноватою. Когда и это желаніе было исполнено, требуемые посадники явились въ Новгородъ не только въ числѣ девяти, но еще и въ сопровожденіи всѣхъ купецкихъ старостъ, тогда наконецъ великій князь опредѣлилъ время, въ которое намѣревался дать управу по псковскимъ дѣламъ, и къ которому приглашалъ торопиться всѣхъ остальныхъ псковичей, имѣвшихъ до него какія либо жалобы. Срокомъ этимъ было Крещенье. Но въ праздникъ Крещенья псковичи, собранные послѣ водоосвященія на владычній дворъ, вмѣсто расправы услышали отъ московскихъ бояръ нерадостныя слова: „Поимани есте Богомъ и великимъ кня-

земъ Василіемъ Ивановичемъ всея Россіи“, и вслѣдъ за этимъ лучшіе люди, посадники, бояре и купцы, были заключены въ палатахъ владычнаго двора, а псковичи молодые люди, послѣ переписи, были розданы по новгородскимъ улицамъ на соблюденіе.

Новгородское пойманье вполнѣ оправдало надежды, которыя возлагалъ на него Василій Ивановичъ; оно дѣйствительно сдѣлало совершенно невозможнымъ открытое сопротивленіе со стороны Пскова, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранило и тѣ вѣчевыя волненія, которыя характеризовали послѣдніе дни Великаго Новгорода; и такимъ образомъ оно было одною изъ главныхъ причинъ той трагической сдержанности, съ которою Псковъ подчинился своей тяжелой участи. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому событію, изъ Пскова не только была отвлечена значительная масса знатнѣйшихъ гражданъ, но даже отняты у вѣча всѣ его естественные руководители, особенно необходимые въ критическія минуты, а чрезъ это и самая способность къ дѣятельной иниціативѣ. Оттого и впечатлѣніе, которое было произведено извѣстіемъ о новгородскомъ поиманіи, доставленнымъ во Псковъ однимъ псковскимъ торговцемъ, было подавляющее: псковичи сразу опустили крылья, сразу такъ упали духомъ, какъ не случалось съ ними никогда въ самыя тяжелыя времена непріятельскаго нашествія. Оттого и на вѣчѣ, собранномъ по этому поводу во Псковѣ, вопросъ о томъ, что дѣлать, поднимать ли щитъ противъ своего государя, запираться ли въ городѣ, ставился собственно только для формы; ибо, при отсутствіи лучшихъ силъ псковскихъ и заключеніи коноводовъ въ Новгородѣ, никто не могъ серьезно обольщаться мыслью о сопротивленіи великому князю; всѣ, напротивъ того, были убѣждены въ необходимости безусловнаго подчиненія волѣ Василія III и спѣшили довести о томъ до свѣдѣнія въ Великій Новгородъ. Отправляя въ Новгородъ посла съ изъявленіемъ покорности, псковичи должны были предугадывать и тѣ желанія, которыя могъ заявить оттуда Василій Ивановичъ, и такимъ образомъ имѣли возможность заране приготовиться къ сдержанному выслушанію новгородскихъ вѣстей; тѣмъ не менѣе слова Василія, переданныя вѣчу дьякомъ Долматовымъ и требовавшія закрытія вѣча, снятія вѣчеваго колокола и отмѣны званія посадниковъ, все таки были слишкомъ тяжелы, чтобы можно было оставаться спокойнымъ: слушая эти слова, между псковичами не плакали только тѣ, которые были юны и нерузумны. Какъ, однако, вѣчу ни трудно было произносить приговоръ надъ самимъ собою, но отвѣтъ былъ необходимъ и притомъ въ одномъ утвердительномъ смыслѣ; а потому на слѣдующій день вѣче изъявило свое согласіе на закрытіе вѣчевыхъ собраній и отмѣну званія посадниковъ. Снятіе вѣчеваго колокола было внѣшнимъ знакомъ уничтоженія этихъ послѣднихъ остатковъ псковской старины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отнесенія Пскова въ разрядъ простыхъ московскихъ областей.

Подчинивъ Псковъ своей власти безъ особеннаго труда, Василій III не удовольствовался своими легкими успѣхами, а считалъ необходимымъ укрѣпить за Москвой обладаніе покореннымъ краемъ, предотвратить тамъ возможность волненій и въ будущемъ и прочно утвердить во Псковѣ московскій порядокъ. Средство, употребляемое великими князьями московскими для предотвращенія волненій въ покоренныхъ областяхъ, состояло не въ чемъ иномъ, какъ въ выводѣ или разводѣ, то есть, на-

сильственномъ отнятіи недвижимой собственности. При подчиненіи своемъ Москвѣ, Великій Новгородъ старался, по крайней мѣрѣ, выговорить въ условіяхъ льготу отъ вывода и даже успѣлъ въ этомъ на первое время; но его младшему брату пришлось испытать уже въ самый моментъ соединенія съ Москвою. Основаніе для вывода было положено собственно еще новгородскимъ поиманьемъ, которое передало въ руки Василія значительное количество псковичей; въ настоящее время только оставалось восполнить пробѣлы въ этомъ событіи, перебрать псковичей хорошенько на ихъ собственной родинѣ, чтобы такимъ образомъ не оставить тамъ никого изъ враговъ московскаго владычества. Въ этихъ видахъ, пославъ напередъ съ войскомъ московскихъ воеводъ Петра Великаго, Хабара и Челяднина, великій князь самъ лично предпринялъ путешествіе во Псковъ, заране объявивъ мягко псковичамъ, что онъ хочетъ побывать во Псковѣ и поклониться святой Троицѣ. Встрѣченный, по вступленіи во Псковъ, коломенскимъ владыкой Вассіаномъ Кривымъ въ Троицкомъ храмѣ словами: „Богъ де тебя, государя, благословляетъ, Псковъ вземши", Василій не долго оставался тамъ въ бездѣйствіи: въ слѣдующее же воскресенье знатнѣйшіе псковичи, посадники, бояре, купцы и житые люди, были приглашены на княжескій дворъ для принятія жалованья; посадники и бояре частью пошли въ гридню, частью же остались съ купцами на крыльцѣ и тамъ, послѣ предварительной переклички, были всѣ арестованы вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами изъ молодыхъ людей. За вычетомъ этихъ отдѣльныхъ примѣровъ, вся масса среднихъ и молодшихъ людей псковичей осталась совершенно нетронутою и была къ тому же успокоена московскими боярами, объявившими прямо, что имъ нечего опасаться развода, что великому князю до нихъ нѣтъ никакого дѣла, что ему нужно управиться только одними лучшими людьми, на притѣсненія которыхъ они сами жаловались ему неоднократно. А лучшимъ людямъ арестованнымъ на княжескомъ дворѣ, управа великаго князя не дала даже времени для приготовленія къ отъѣзду; отведенные за приставами на подворья, они въ ту же ночь должны были собраться и ѣхать въ Москву, захвативши съ собой только то, что можно было захватить въ этотъ короткій срокъ: этимъ путемъ было выселено изъ Пскова, на первый разъ, триста семей, въ число которыхъ входили и семьи псковичей, захваченныхъ раньше въ Великомъ Новгородѣ. То, что было начато Василіемъ, еще съ большимъ рвеніемъ продолжалъ его преемникъ: въ царствованіе Грознаго было выведено изъ Пскова сначала десять опальныхъ семей въ Казань, а затѣмъ въ 1569 году, за нѣсколько времени до погрома Великаго Новгорода, совершилось равносильное почти опустошеніе и Пскова: въ московскіе предѣлы было сведено тогда пятьсотъ псковскихъ семей.

Если выводъ служилъ въ рукахъ великихъ князей московскихъ средствомъ къ предотвращенію въ будущемъ возможныхъ волненій въ завоеванныхъ областяхъ, то замѣна мѣстнаго населенія пришлыми московскими людьми закрѣпляла за Москвой обладаніе краемъ и полагала основаніе къ прочному водворенію тамъ московскаго порядка. Поселяясь въ завоеванномъ краѣ и наслѣдуя обыкновенно недвижимую собственность мѣстныхъ изгнанниковъ, москвичи, съ одной стороны, сразу получали тамъ прочную осѣдлость и становились такимъ образомъ надежнымъ противовѣсомъ мѣстному населенію; съ другой же, являясь представителями московскихъ воззрѣній и обы-

чаевъ, они, естественно, должны были содѣйствовать ихъ утвержденію и на своей новой родинѣ. Заботясь о закрѣпленіи Пскова за Москвою, Василій Ивановичъ не могъ, конечно, оставить его безъ заселенія московскимъ людомъ и въ этихъ видахъ сдѣлалъ объ отведеніи для пришлыхъ москвичей мѣста во Псковѣ нужныя распоряженія, благодаря которымъ Псковъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ и даже по внѣшности получилъ физіономію простаго московскаго города. Центральная часть его, Кромъ, была очищена отъ находившихся въ ней построекъ или клѣтей, заключавшихъ въ себѣ главнымъ образомъ частные запасы хлѣба и платья, и предназначена для вмѣщенія двора великаго князя и его хлѣбныхъ житницъ, которыя дѣйствительно вскорѣ и были построены. Такое же очищеніе было произведено и въ Середнемъ городѣ или Застѣньи: всѣ находившіеся тамъ псковскіе дворы, число которыхъ въ описываемое время простиралось до 6,500, были отобраны великимъ княземъ на себя, а обладавшимъ ими псковичамъ, если только послѣдніе еще раньше не подверглись выселенію въ Москву, представлено было занять мѣста въ Большомъ городѣ и на посадѣ, куда вслѣдъ за ними переведенъ былъ изъ Середняго города и торгъ, чтобы удалить съ глазъ долой всякое подобіе древняго псковскаго вѣча. Наравнѣ съ Кромомъ, получившимъ исключительное назначеніе служить мѣстопребываніемъ самого великаго князя и хранилищемъ казенныхъ запасовъ, и Середній городъ былъ вполнѣ предоставленъ въ распоряженіе одного московскаго люда: тамъ должны были прежде всего помѣститься московскіе намѣстники съ окружавшими ихъ служилыми людьми, тысячью боярскихъ дѣтей и пятью стами пищальниковъ, а затѣмъ и московскіе гости, сведенные съ десяти московскихъ городовъ въ равномъ числѣ на мѣсто выселенныхъ изъ Пскова трехъ сотъ псковскихъ семей; пришлые гости получили въ свое полное распоряженіе и дворы, которые были отобраны раньше у псковичей.

LXIX. ВАСИЛІЙ III, ЕГО ВНѢШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

*(Изъ «Записокъ о Московіи» *) барона Герберштейна).*

Умеръ Іоаннъ Васильевичъ въ 7014 году отъ сотворенія міра. Въ достоинствѣ великаго князя московскаго наслѣдовалъ ему сынъ Гавріилъ, потомъ называвшійся Василіемъ. Онъ содержалъ въ заключеніи своего племянника Димитрія, который еще при жизни дѣда (Іоанна III) былъ вѣнчанъ на царство, сообразно народному обычаю. Поэтому, и при жизни, и по смерти племянника, Василій не хотѣлъ торжественно вѣнчаться на царство. Онъ во многомъ подражалъ отцу, сохранилъ въ цѣлости доставшееся ему отъ отца и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ многія области не столько войною, въ которой былъ весьма несчастливъ, сколько хитростью; какъ отецъ привелъ въ зависимость отъ себя Новгородъ,

---

*) «Rerum Moscovitarum commentarii», перев. Анонимова.

Фердинанда, эрцъ-герцога австрійскаго, моего государя, серебряныя чаши, золотыя и серебрянныя парчи и нѣсколько нѣмецкихъ гульденовъ, то князь отобралъ у нихъ и цѣпи, и чаши, и большую часть испанскихъ дукатовъ. Когда я спрашивалъ пословъ, справедливо ли это, то одинъ постоянно отрицалъ, боясь унизить своего князя, другой же говорилъ, что князь приказалъ принести къ себѣ цесарскіе подарки, чтобы поглядѣть на нихъ; потомъ, когда я весьма часто вспоминалъ объ этомъ, одинъ изъ нихъ пересталъ послѣ этого посѣщать меня, чтобы не быть принужденнымъ ко лжи, продолжая отпираться, или избѣжать опасности въ томъ случаѣ, если признается въ истинѣ. Но придворные не отвергали этого факта, а возражали: „Такъ что же? Если князь вознаградитъ ихъ другою милостью". Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться противорѣчить ему и быть въ чемъ нибудь другаго мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божьей. Поэтому они называютъ его божьимъ ключникомъ, постельникомъ, и вѣрятъ, что онъ исполнитель воли Божьей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, или другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: „Будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ". Подобно тому если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаютъ: „знаетъ Богъ и великій государь".

Со времени Рюрика до нынѣшняго князя, прежніе государи не употребляли другаго титула, какъ титулъ великихъ князей или владимірскихъ, или московскихъ или новгородскихъ и пр., кромѣ Василія, который называлъ себя господиномъ всей Россіи и великимъ княземъ владимірскимъ и проч. Василій же Іоанновичъ присвоиваетъ себѣ титулъ и имя царя слѣдующимъ образомъ: Великій Горсударь Василій, Божьею милостью, царь и государь всей Руси и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, псковскій, смоленскій, тверской, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и пр., государь великій князь нижней земли новгородской, черниговскій, рязанскій, волоцкій, ржевскій, бѣлевскій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, удорскій, бодорскій, кондинскій и проч. Такъ какъ нынѣ всѣ называютъ его императоромъ, то мнѣ кажется необходимымъ распространиться объ этомъ титулѣ. Слово *царь* на русскомъ языкѣ значитъ *король, rex*. Но у поляковъ, богемцевъ и всѣхъ другихъ славянъ подъ нимъ понимаютъ императора, цезаря, по созвучію; отъ этого полагаютъ, что царемъ называется одинъ цезарь или императоръ. Русскіе же переводчики, слыша, что иностранцы называютъ ихъ государя императоромъ, начали и сами именовать своего государя такъ, полагая, что имя царь почтеннѣе имени короля, хотя это одно и тоже. Нѣкоторые называютъ московскаго князя бѣлымъ царемъ. Я тщательно отъискивалъ причину, почему бы онъ назывался бѣлымъ царемъ, когда прежде изъ московскихъ князей никто не употреблялъ этого титула. Я думаю, что московскихъ князей называютъ бѣлыми царями отъ бѣлыхъ шапокъ, какъ теперь персидскій шахъ называется Кизиль-пашой, т. е. красной головой, отъ красной шапки. Царскій титулъ употребляется имъ въ сношеніяхъ съ римскимъ императо-

ромъ и папой, съ королями шведскими и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ турецкимъ. Его же никто изъ нихъ не называетъ царемъ, развѣ только ливонцы. Въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ онъ употребляетъ такого рода титулъ: Великій Государь Василій, Божьею милостью, государь всей Руси и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, смоленскій, тверской, югорскій, пермскій, болгарскій и пр., пропуская титулъ царя, потому что ни тотъ, ни другой изъ нихъ не удостоитъ принять грамоту другаго съ прибавленіемъ новаго титула. Нѣкоторые пишутъ, что московскій князь добивался отъ папы и отъ цесаря Максимиліана царскаго имени и титула. Это мнѣ кажется неправдоподобнымъ преимущественно потому, что московскій князь ни одному человѣку такъ не враждебенъ, какъ папѣ, котораго онъ удостоиваетъ только титула учителя. Цесаря же римскаго онъ почитаетъ не выше себя, какъ это явствуетъ изъ его грамотъ, въ которыхъ онъ свое имя ставитъ впереди императорскаго титула.

LXXX. МАКСИМЪ ГРЕКЪ.

(Изъ «Исторіи Русской Словесности» Галахова).

Въ исторіи просвѣщенія встрѣчаются лица, ученая дѣятельность которыхъ относится ко всѣмъ важнѣйшимъ явленіямъ современной имъ эпохи. Сочиненія ихъ отвѣчаютъ высшимъ интересамъ общества, религіознымъ и нравственнымъ, и потому служатъ наилучшимъ указателемъ свѣтлыхъ или темныхъ его сторонъ. Такимъ лицомъ у насъ въ XVI вѣкѣ былъ Максимъ Грекъ (родился около 1480, умеръ 1556), аѳонскій инокъ, приглашенный для описи греческихъ рукописей, хранившихся въ библіотекѣ великаго князя Василія Іоанновича, и для перевода нѣкоторыхъ изъ нихъ на церковно-славянскій языкъ. Время пребыванія его въ Россіи (1518—1556) составляетъ въ русской исторіи періодъ многихъ нестроеній, начало которыхъ восходитъ еще къ XIII вѣку, и которыя, накопляясь и развиваясь въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій, вполнѣ обнаружили свою силу въ XVI в., такъ что правительство нашлось вынужденнымъ созвать для разсмотрѣнія ихъ особый соборъ, означаемый именемъ Стоглаваго. Раскрытіе этихъ нестроеній и служило существеннымъ предметомъ дѣятельности Максима. Хотя онъ былъ вызванъ для спеціальнаго занятія — разбора великокняжеской библіотеки, но труды его этимъ не ограничились. Какъ человѣкъ, по образованію стоявшій высоко надъ современнымъ русскимъ обществомъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ новомъ его отечествѣ, и на каждое замѣчательное событіе отзывался своимъ словомъ. „Разжигаемый“, какъ онъ самъ выражается, „божественною ревностью“, онъ не могъ не обращать вниманія на ясно сознаваемыя имъ потребности и недостатки. Ему, новому и свѣжему человѣку въ сферѣ чуждой жизни, были замѣтнѣе отступленія отъ христіанскихъ началъ, какъ догматическихъ, такъ и нравственныхъ.

Неустройства, съ которыми пришлось имѣть дѣло Максиму Греку, происходили меньшею частью отъ иноземныхъ вліяній и большею частью отъ внутреннихъ причинъ.

Иноземныя вліянія оказывали свое дѣйствіе преимущественно на религіозныя понятія. Раціонализмъ, католичество, іудейство, Магометово ученіе колебали православныхъ, имѣвшихъ частыя сношенія съ иновѣрцами. Ересь жидовствующихъ, хотя и осужденная на соборѣ 1504 г., считала еще многихъ приверженцевъ. Притязанія папъ на соединеніе русской церкви съ римскою сдѣлались настоятельнѣе. Въ Москвѣ долго жилъ папскій легатъ Николай Шомбергъ, бывшій впослѣдствіи кардиналомъ и архіепископомъ падуанскимъ; сочиненія его въ пользу этого соединенія читались нѣкоторыми русскими не безъ участія. Иностранцы занесли къ намъ и любовь къ астрологіи, вѣру во вліяніе небесныхъ свѣтилъ на людей и государства, сильно распространенную тогда на западѣ.

Общій источникъ всего этого заключался въ отсутствіи образованія, въ невѣжествѣ. Аѳонскій инокъ считалъ своимъ долгомъ противодѣйствовать всѣмъ явленіямъ русскаго быта, которыя шли наперекоръ православнымъ началамъ: повсемѣстный упадокъ нравственности, ослабленіе монашеской жизни, остатки язычества, суевѣріе, не отличаемое отъ истинной вѣры, возведеніе обрядовъ на степень догматовъ, превратныя толкованія тѣхъ и другихъ, смѣшеніе апокрифовъ съ истинными писаніями, ошибочные переводы и искаженные списки богослужебныхъ книгъ, неправильныя отношенія великаго князя къ духовенству и боярамъ, высшихъ духовныхъ лицъ къ низшимъ, однихъ монастырей къ другимъ, короче все, чѣмъ возмущалось законное теченіе жизни, онъ обличалъ, какъ мужъ просвѣщенный, понимавшій значеніе истиннаго христіанства и коротко знакомый съ греческими преданіями.

Максимъ Грекъ былъ совершенно приготовленъ къ той дѣятельности, которую судьба предоставила ему въ Россіи. Онъ получилъ многостороннее образованіе у своихъ соотечественниковъ въ Венеціи и Флоренціи. Извѣстно, что Италія XV вѣка первенствовала въ Европѣ по своему просвѣщенію. Еще прежде чѣмъ Византія завоевана была турками, многіе греки, не находя въ родномъ городѣ спокойнаго пріюта ученымъ занятіямъ, уходили въ Италію и перепиской греческихъ рукописей доставляли себѣ средства къ существованію. Съ паденіемъ Византіи переселенія усилились, обратясь въ средство постояннаго умственнаго общенія Греціи съ Западомъ. Переселенцы встрѣчали радушный пріемъ у людей, желавшихъ ознакомиться съ классическою литературою. На нихъ смотрѣли съ уваженіемъ, какъ на истолкователей древнихъ поэтовъ и философовъ, какъ на проводниковъ эллинизма. Государи и города старались привязать ихъ къ себѣ почетомъ и жалованьемъ; университеты предлагали имъ каѳедры; преподаваніе ихъ привлекало многочисленныхъ слушателей. Въ важнѣйшихъ итальянскихъ городахъ заводились библіотеки; греческія рукописи тщательно спасались отъ истребленія; въ Италіи впервые начали печатать греческія книги. Греки выказали разностороннюю дѣятельность, какъ учители, авторы и издатели. Главное направленіе ихъ учености было филологическое. Максимъ Грекъ основательно изучилъ греческій, латинскій, французскій и итальянскій языки. Древне-греческихъ писателей называлъ онъ своими первыми наставниками. Филологическое образованіе послужило ему съ пользою при переводахъ, давъ ему средство отличать подлинныя сочиненія отъ подложныхъ. Философіи не придавалъ онъ большой важности: онъ требовалъ отъ нея не самостоятельнаго значенія и первенствующей роли, а служе-

нія религіи. Богословіемъ занимался онъ на Аѳонѣ, гдѣ, по возвращеніи изъ Италіи, постригся въ монахи; здѣсь читалъ онъ творенія Василія Великаго, Григорія Богослова, Златоуста, Максима Исповѣдника, Дамаскина и другихъ.

Не однимъ образованіемъ Максимъ былъ одолженъ Италіи: въ лицѣ Іеронима Саванаролы, знаменитаго доминиканскаго проповѣдника и настоятеля монастыря св. Марка во Флоренціи (1452—1498), она показала ему примѣръ дѣятельности, одушевленной религіознымъ рвеніемъ. Италія XV вѣка, на ряду съ блистательными успѣхами въ наукахъ и искусствахъ, представляла многія явленія, которыми возмущались люди строго-христіанской жизни: слабость вѣры и даже безвѣріе въ образованномъ классѣ, усвоившемъ понятія языческаго міра посредствомъ знакомства съ произведеніями классической философіи и поэзіи, суевѣріе простаго народа, не имѣвшаго въ дѣлахъ религіи заботливыхъ руководителей и предоставленнаго собственнымъ силамъ, безпорядки духовнаго управленія, сильное послабленіе нравственности, высказавшееся роскошью, праздностью, любовью къ чувственности. Савонарола обличалъ эту нравственную распущенность, своеволіе папской власти и зазорную жизнь духовенства. Онъ требовалъ возстановленія древне-христіанскаго духа, и его краснорѣчіе вначалѣ увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ, но потомъ, обвиненный въ ереси и преданный проклятію папою Александромъ VI-мъ, онъ былъ сожженъ на кострѣ. Исторія его напоминаетъ нѣкоторымъ образомъ судьбу Максима Грека, которому также пришлось быть обличителемъ современныхъ нестроеній, также пріобрѣсть уваженіе въ первое время своей дѣятельности, а потомъ пострадать за нее какъ бы еретику.

Въ „Повѣсти о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“ Максимъ ставитъ въ примѣръ русскимъ монахамъ Савонаролу, этого образцоваго инока, который силою проповѣди и строгою жизнью обратилъ къ исправленію современное порочное общество. Между обстоятельствами, сопровождавшими дѣятельность того и другаго лица, существуетъ извѣстная аналогія. Состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ, при Василіи Іоанновичѣ и Грозномъ, обнаруживаетъ черты сходства съ состояніемъ Флоренціи въ XV вѣкѣ при Медичи: у насъ тоже, какъ выше замѣчено, существовали безпорядки церковнаго управленія, языческіе обычаи, суевѣріе, упадокъ нравственности въ духовенствѣ и народѣ. Эти сходственныя явленія имѣли, конечно, своимъ источникомъ другіе, противоположные предметы: что въ Италіи было дѣломъ усиленнаго хода цивилизаціи, то у насъ происходило преимущественно отъ тугаго развитія просвѣщенія, отъ невѣжества.

Подобно многимъ ревнителямъ своихъ идей, Савонарола переступилъ за черту надлежащихъ дѣйствій: обличая пристрастіе къ языческимъ представленіямъ, онъ вооружился на классическое образованіе вообще, въ которомъ исторія справедливо признаетъ важный моментъ развитія человѣчества и драгоцѣнное наслѣдіе новаго міра. Такъ и Максимъ Грекъ. Великая заслуга его заключается въ томъ, что онъ раскрывалъ истинныя начала христіанства и точныя научныя понятія; но, съ другой стороны, обличая ложные толки въ сферѣ православія и сферѣ науки, онъ относился отрицательно къ такимъ фактамъ, которые на Руси имѣли совсѣмъ другой смыслъ, нежели во Флоренціи. Если религія флорентійскихъ

ученыхъ XV в. пострадала отъ ихъ пристрастія къ языческой мудрости, отъ ихъ благоговѣнія предъ Платономъ и Аристотелемъ, если долгое господство схоластики вызвало на западѣ законное ей противодѣйствіе, то, напротивъ, въ Россіи первой половины XVI в. или вовсе не было повода опасаться такихъ вредныхъ пристрастій, или рѣдкіе примѣры какого либо знакомства нашихъ предковъ съ Аристотелемъ служили знакомъ похвальнаго успѣха, утѣшительнаго движенія впередъ. Схоластика составила бы эпоху въ исторіи нашего научнаго образованія. Самая любовь къ астрологіи должна быть объясняема въ пользу нашихъ старинныхъ грамотниковъ: она говоритъ о ихъ любознательности, о желаніи постигнуть таинственную связь между землей и видимымъ небомъ. Такая любознательность не заслуживаетъ безусловнаго порицанія даже и въ томъ случаѣ, когда она, по силѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уклоняется въ сторону отъ прямаго пути.

Предметомъ многочисленныхъ сочиненій Максима Грека было раскрытіе ложныхъ понятій и дѣйствій. Существенный характеръ ихъ обличительный, критическій. Хотя критика немыслима безъ опредѣленныхъ началъ, но догматическое, положительное ученіе стоитъ въ нихъ не на первомъ планѣ. Главное вниманіе обращено на опроверженіе мнѣній, противныхъ христіанскому просвѣщенію.

Дѣятельность Максима началась трудами по объясненію Св. Писанія. Онъ перевелъ съ греческаго сводное толкованіе на псалтырь, составленное изъ объясненій древнѣйшихъ писателей церковныхъ, потомъ толкованіе на Дѣянія апостольскія и Златоустовы бесѣды, на евангелія отъ Матѳея и отъ Іоанна. Такъ какъ онъ не успѣлъ еще достаточно освоиться съ церковно-славянскимъ языкомъ, то въ пособіе дали ему двухъ толмачей, знавшихъ языкъ латинскій: Дмитрія Герасимова и Власія, бывшаго посланникомъ въ Даніи и къ Карлу V. Максимъ диктовалъ имъ свой переводъ съ греческаго на латинскій, а они уже переводили съ латинскаго на церковно-славянскій.

Важнѣйшія сочиненія Максима принадлежатъ къ отдѣлу полемико-догматическихъ: здѣсь онъ отвергаетъ ученія евреевъ, язычниковъ, магометанъ, католиковъ и лютеранъ, противопоставляя имъ христіанское православное исповѣданіе. Между ними замѣчательно „Обличительное слово на эллинскую (языческую) прелесть", по своей видимой связи съ пребываніемъ Максима въ Италіи, въ которой, какъ сказано выше, преданность образованнаго класса языческимъ понятіямъ породила равнодушіе къ воззрѣніямъ христіанства. Многіе ученые, въ порывѣ увлеченія дохристіанскимъ міромъ, мечтали воскресить греческую миѳологію. Знакомство съ классической литературой и философіей внушило имъ чрезвычайное уваженіе къ Сократу, Платону, Аристотелю. Максимъ Грекъ, желая предостеречь русское православіе отъ подобныхъ стремленій, написалъ вышесказанное обличительное слово.

Многія сочиненія Максима Грека направлены противъ „льстивыхъ писаній" Николая Шомберга, „родомъ нѣмчина, а вѣрою латинянина", который старался отклонять русскихъ отъ православія въ латинство. Два слова: «На латинанъ» и «Противъ Николаевыхъ главизнъ» составляютъ одно цѣлое и адресованы какому то боярину Карпову, который интересовался религіозными вопросами и получилъ особое посланіе отъ нѣмчина. Авторитетъ философіи, разсуждающей, какъ выражается Мак-

симъ, „по преданію человѣковъ, по стихіямъ міра“, былъ для него подорванъ съ того времени, какъ онъ на Аѳонѣ изучилъ творенія святителей церкви. Поэтому, въ „Словѣ къ Николаю латинянину объ исхожденіи Св. Духа“, онъ совѣтуетъ „удовольствоваться богодухновеннымъ богословіемъ оныхъ блаженныхъ мужей и не искать новѣйшаго хитрословія: латинское ухищреніе—больше суесловіе, чѣмъ богословіе: оно изобрѣтено вчера и можетъ хвалиться мудростью Аристотелевскою, а не Святымъ Духомъ, свыше возглашающимъ».

Жидовствующіе имѣли еще тайныхъ приверженцевъ: и Максимъ обличалъ «іудейское зловѣріе», чтобы соблюсти отъ него Русскую землю чистою и невредимою. Магометане вступали нерѣдко въ религіозные споры съ православными: Максимъ далъ послѣднимъ по этому поводу нѣсколько совѣтовъ. Не оставлены имъ безъ вниманія народныя суевѣрія, въ которыхъ высказывалось грубое противорѣчіе или догматамъ вѣры, или доброй нравственности. Въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ, самомъ живомъ изъ вопросовъ того времени, Максимъ сталъ на сторонѣ тѣхъ, которые рѣшали его отрицательно, т. е. не признавали за монастырями права владѣть селами и деревнями. Да и не могъ ученый инокъ, видѣвшій образцы совершеннаго одиночества и на западѣ, и на Аѳонѣ, сочувствовать тому устройству, которое людей, отрекшихся отъ міра, необходимо втягивало въ міръ, и которымъ поэтому ослаблялся аскетизмъ. Не могъ онъ также умалчивать правду при видѣ многихъ неправдъ эпохи Василія Іоанновича и малолѣтства его сына.

Но духовное поборничество навлекло Максиму Греку многихъ враговъ и послужило ему въ осужденіе. Прежде всего возбудилъ онъ ропотъ невѣжества обличеніемъ нравственной безурядицы и ложныхъ ученій. Люди, строго державшіеся старины, не умѣвшіе отличать въ писаніяхъ буквы отъ духа, вооружились на него за указаніе ошибокъ въ церковныхъ книгахъ и за исправленіе ихъ. Вторая причина неудовольствія вытекла изъ отношеній Максима къ митрополиту Даніилу, бывшему игумену Волоколамскаго монастыря, и вообще къ волоколамскимъ инокамъ, которые, начиная съ царствованія Іоанна III, играли важную роль въ дѣлахъ московскаго двора. Сила ихъ возрасла особенно при Василіи Іоанновичѣ. Курбскій называетъ ихъ „презлыми осифлянами (по имени Іосифа Волоцкаго), скорыми послушниками и во всемъ зломъ потаковниками“, а самого Даніила „прегордымъ и прелютымъ“. Между недовольными Даніиломъ находились знакомые Максиму, къ которому они обращались съ вопросами о дѣйствіяхъ высшей духовной власти и ея отношеніи къ цареградскому патріарху, къ великому князю и боярамъ. Мнѣніе о монастырскихъ имѣніяхъ также раздѣляло святогорскаго инока и митрополита: послѣдній отстаивалъ неприкосновенность всѣхъ правъ, какими дотого пользовались обители, тогда какъ первый писалъ противъ этихъ правъ. Положеніе Максима на Руси было особенное: его спрашивали о многомъ, что дѣлалось въ правительственной и придворной средѣ. Не мало было людей любознательныхъ и вмѣстѣ недовольныхъ современнымъ порядкомъ, которые желали знать, такой ли порядокъ въ чужихъ земляхъ. Къ кому другому могли они обратиться, съ кѣмъ другимъ бесѣдовать, какъ не съ Максимомъ, строгимъ инокомъ, ученымъ мужемъ, человѣкомъ бывалымъ въ Греціи, на Западѣ, на горѣ Аѳонской? Онъ самъ пишетъ, что многіе пытали у него о разныхъ ве-

щахъ. И нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ бесѣдахъ произносились невыгодные отзывы о современномъ состояніи Руси. Скопившіяся неудовольствія выжидали только случая разрѣшиться. Случай представился въ разводѣ великаго князя съ первою его супругою. Когда приверженцы новой супруги, Елены Глинской, взяли при дворѣ перевѣсъ, тогда, разумѣется, Максиму и другимъ, которые не нравились торжествовавшей партіи, стала угрожать невзгода, тѣмъ болѣе, что Максимъ писалъ противъ расторженія брака. Въ 1525 г., подъ предлогомъ подозрительныхъ сношеній съ двумя опальными, Берсенемъ-Беклемишевымъ и Жаренымъ, его заключили въ Симоновъ монастырь и допрашивали обо всемъ, что было говорено о дѣлахъ князя. Когда, по слѣдствію, онъ оказался невиннымъ, обратились къ трудамъ его по исправленію церковныхъ книгъ. Нѣкоторымъ неточностямъ въ исправленіи, происходившимъ или отъ малаго знакомства Максима съ церковно-славянскимъ языкомъ, или отъ невѣрно-переданной мысли его помощниками, придали чрезвычайную важность, созвали для того соборъ (1525), на которомъ и осудили исправителя, какъ еретика, испортившаго Св. Писаніе. Максимъ былъ отправленъ въ Волоколамскій монастырь, подъ надзоръ недоброжелательныхъ ему иноковъ. Послѣ новаго собора (1531) перевели его въ тверской Отрочъ монастырь, а отсюда въ Троицкую Сергіеву лавру (1551), гдѣ онъ и скончался.

Максимъ Грекъ принадлежитъ исторіи русскаго просвѣщенія не только своими сочиненіями, но и вліяніемъ на образованіе многихъ лицъ. Кн. Вассіанъ Косой, кн. Курбскій, Зиновій Отенскій, инокъ Силуанъ, находившійся при немъ въ писцахъ, были его учениками. Кн. Курбскій отзывается о немъ съ великимъ уваженіемъ. Іоаннъ Грозный цѣнилъ его ученость, хотя не хотѣлъ ни освободить его изъ заточенія, ни отпустить на Аѳонскую гору.

LXXXI. ВОПРОСЪ О МОНАСТЫРСКИХЪ ИМУЩЕСТВАХЪ.

(Изъ соч. Иконникова «Максимъ Грекъ»).

Въ сочиненіяхъ, представляющихъ общественное состояніе, Максимъ Грекъ разсматриваетъ монастырскую жизнь и общественныя отношенія въ обширномъ смыслѣ слова. На эти стороны обратимъ и мы свое вниманіе.

Въ древней Руси мы замѣчаемъ особенно рѣзкое направленіе народнаго духа—наклонность къ мистицизму. Она сильнѣе всего проявилась въ постоянной мысли о близкой кончинѣ міра и въ страсти къ монашеству. Стремленіе къ монастырской жизни поддерживалось и развивалось, съ одной стороны, подъ вліяніемъ аскетическихъ произведеній византійской литературы, съ другой, исключительно религіознымъ воспитаніемъ вообще. Такому развитію аскетическихъ твореній еще болѣе способствовало то обстоятельство, что книжность исходила преимущественно изъ монастырей, отчего и въ переводахъ встрѣчается болѣе сочиненій иноческаго характера.

Монашество, согласно съ восточно-византійскими понятіями, было поставлено, въ глазахъ русскихъ, какъ идеалъ христіанской жизни, и

потому весьма естественно, что для тѣхъ изъ нихъ, которые прониклись новымъ началомъ, введеннымъ въ жизнь, началомъ христіанскимъ, и монашество стало конечною цѣлью всѣхъ желаній. Оно представлялось имъ «лучше царской державы»; о немъ говорили: «Свѣтъ инокамъ ангели, свѣтъ же мірянамъ иноки», а потому давался такой совѣтъ: «Монастыри любите, это сыновья святыхъ, пристанища сего свѣта». При взглядѣ на монастырь, какъ мѣсто покоя отъ мірской суеты, онъ сдѣлался убѣжищемъ отъ неудачъ, бѣдствій и преслѣдованій. Князья и бояре искали въ немъ успокоенія отъ неурядицъ земскихъ; физическія и общественныя бѣдствія заставляли идти туда ради покаянія въ грѣхахъ, потому что русскіе на всякое бѣдствіе смотрѣли, какъ на наказаніе Божіе за ихъ грѣхи. Если же принять во вниманіе многочисленность общественныхъ бѣдствій въ древней Руси и связь ихъ съ мыслью о близкой кончинѣ міра, то становится понятнымъ, на сколько эти обстоятельства способствовали развитію монастырской жизни. Для поступленія въ монашество, богатые считали долгомъ помогать бѣднымъ, такъ какъ при этомъ дѣлались вклады. Князья, бояре и многіе другіе считали даже религіозною обязанностью постригаться передъ смертію. Напримѣръ, Василій Іоанновичъ говорилъ митрополиту, что если его не допустятъ постричься, то чтобы на мертваго положили монашеское платье. За противодѣйствіе обѣту угрожали наказаніемъ Божіимъ.

Для древне-русскаго религіознаго человѣка самый переходъ отъ мірской жизни къ монастырю не составлялъ особенной трудности, потому что и въ обыкновенной жизни онъ былъ проникнутъ аскетизмомъ. Ему запрещались гусли, пѣсни и пляски, и совѣтовалось проводить время въ «молитвахъ и славословіи»; по взгляду церковныхъ наставниковъ, постъ мірянъ мало чѣмъ долженъ былъ отличаться отъ поста монаховъ. Относительно женщинъ давался такой совѣтъ: «Блюдите же и возрѣнія на лица женьска, яко тѣ и святыхъ соблазниша, не бесѣдуй съ мужатицами, яко не вси жены добры нравы (имѣютъ). Се же не хуля глаголю о женахъ, но блюдитися діаволя сѣти». Въ другомъ старинномъ поученіи, на вопросъ: «Что есть жена?» дается такой отвѣтъ: «Сѣть утворена прельщающи человѣки во властяхъ, свѣтлымъ лицомъ убо и высокими очима налидающи, ногама играющи, дѣлы убивающи, многы бо уязвивши низложи, тѣмже въ доброти женстѣй мнози прельщаются и отъ того любы яко огнь возгарается.... Что есть жена? святымъ обложница, покоище зміино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, поднѣчающая сковрада, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская». Подъ вліяніемъ подобныхъ наставленій и понятій сложилось убѣжденіе, что тотъ, кто «не имѣ жены и кромѣ міра пребывая, заповѣди Господни исправити можетъ; а съ женою и съ чады живуще не можетъ спастися»; вслѣдствіе чего бросали женъ и дѣтей безъ пристанища и шли въ монастырь; изъ посланія же Фотія видно, что «жены отъ мужей стриглись тайно отъ черницъ». На жизнь смотрѣли съ отрицательной стороны; о ней обыкновенно говорили: «Вскоре житіе минуется и вся въ немъ временна суть и мечетна». Религіозная мистика простиралась до того, что многіе еще при жизни просили поминать ихъ за упокой. Всеобщее сочувствіе къ монастырямъ въ древней Руси наглядно выразилось въ многочисленныхъ пожертвованіяхъ и надѣлахъ ихъ недвижимою собствен-

ностью. Уже въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ извѣстіе о надѣлѣ монастырей недвижимымъ имуществомъ. Въ Ипатіевской лѣтописи говорится, что князь Ярополкъ Изяславичъ (ум. 1086 г.) далъ Печерскому монастырю «всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую, и около Кіева». Въ XII вѣкѣ дочь его, при своей смерти, отказала монастырю все свое имѣніе. Мы не станемъ приводить далѣе подобныхъ примѣровъ, а замѣтимъ что подобные вклады дѣлались князьями, княгинями, боярами, наслѣдниками, духовными, лицами низшаго званія и женщинами. Для нашей цѣли достаточно будетъ представить только причины, способствовавшія развитію громадной монастырской собственности. Эти причины были слѣдующія:

1. Первоначальное побужденіе, въ надѣлѣ духовенства недвижимою собственностію, вытекало изъ необходимости обезпечить его и невозможности достигнуть этой цѣли иначе, какъ пожалованіемъ ему недвижимыхъ имуществъ. Такая невозможность зависѣла отъ экономическаго устройства древней Россіи. При общемъ же уваженіи къ монастырямъ, весьма естественно, что они скоро получили перевѣсъ въ численности своихъ имуществъ надъ остальными церквами. Кромѣ того надѣлъ церквей и монастырей имуществами, въ глазахъ благочестивыхъ жертвователей, имѣлъ значеніе еще потому, что пожертвованныя имущества должны были служить вспомоществованіемъ для бѣдныхъ.

2. Пожалованіе вотчинъ духовенству и въ особенности монастырямъ давало возможность заселить и разработать такія земли, которыя оставались безъ всякаго употребленія, и потому князья, при своихъ пожалованіяхъ, иногда ставили, какъ условія даренія, заселеніе земель купленными людьми или людьми свободнаго званія.

3. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производили на русскихъ общественныя бѣдствія: въ послѣднихъ они даже видѣли милость Божію, предупреждающую людей отъ конечной гибели, и потому для умилостивленія гнѣва Божія дѣлали большіе вклады на церкви и монастыри. Вслѣдствіе же постоянной тревоги во время владычества татаръ и тѣхъ льготъ, какими пользовалась подъ ихъ властью церковь, весьма естественно, что многіе спѣшили укрыться въ монастырь, избѣгая разныхъ повинностей и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывая тамъ свои богатства, или просто передавали ихъ туда на сбереженіе. Въ монастырѣ можно было сохранить богатство, которое по смерти вступившаго въ монашество становилось собственностью монастыря.

4. Въ монастыряхъ скопились денежныя богатства, а это дало имъ возможность пріобрѣтать вотчины покупкою у другихъ лицъ.

5. Постоянною же причиною распространенія монастырской недвижимой собственности была та религіозность, которая проникла во всѣ побужденія древне-русскаго человѣка. Лѣтописцы, въ числѣ добродѣтелей князей, обыкновенно ставятъ: «Чтяше паче мѣры іерейскій и мнишскій чинъ, подавая имъ еже на потребу». Главною заботою для религіознаго человѣка было спасеніе души, которое обусловливалось, въ числѣ другихъ внѣшнихъ формъ религіи, и посмертнымъ поминовеніемъ; вотъ почему въ большой части жалованныхъ грамотъ духовенству говорится, что имущество даруется въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, по душѣ, для поминовенія души, въ вѣчный поминокъ души. Если же умершій

не успѣвалъ сдѣлать распоряженія на счетъ вклада по душѣ, то родственники его считали долгомъ назначить часть наслѣдства на поминъ по немъ. Кромѣ того, въ жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются обязательства молить Бога о здравіи и долголѣтіи вкладчика, а иногда упоминается, что дареніе сдѣлано по поводу какого либо счастливаго событія или исполненія намѣреній и предпріятій. Наконецъ,

6. Увеличенію монастырской недвижимой собственности (и вообще богатства) содѣйствовали также добровольныя или насильственныя пostриженія бояръ, князей, княгинь и царей (о чемъ такъ часто встрѣчаются свидѣтельства въ древнихъ извѣстіяхъ), такъ какъ они въ этихъ случаяхъ дѣлали большіе вклады. А у знатныхъ лицъ существовалъ обычай — имѣть при нѣкоторыхъ монастыряхъ какъ бы родовыя кладбища, при чемъ они не упускали случая вознаграждать эти монастыри.

Вслѣдствіе такихъ условій произошло громадное развитіе монастырской собственности. Не считая нисколько преувеличеннымъ извѣстіе одного иностранца, можно судить о ея обширности уже въ XVI вѣкѣ. Адамъ Климентъ, посѣтившій Россію въ 1553 году, говоритъ, что монастырскія имѣнія въ это время составляли третью часть всего государства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри получили обширныя привиллегіи на свои владѣнія: такъ, они и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлинъ (всѣхъ или нѣкоторыхъ); они пользовались правомъ сбора податей и пошлинъ съ другихъ, не подвѣдомственныхъ имъ лицъ; они избавлялись отъ подсудимости мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ (впрочемъ не всѣ); монастыри получали право суда и расправы надъ людьми, живущими на ихъ земляхъ (иногда не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ), право — призывать виновныхъ въ ихъ обидѣ во всякій срокъ, а крестьяне ихъ могли призываться только въ опредѣленный; монастыри избавлялись отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происшедшіе въ ихъ селахъ. Многіе монастыри освобождались отъ проѣздовъ чрезъ ихъ села княжескихъ чиновниковъ, выдачи имъ корма, подводъ и проводниковъ, отъ пировъ, братчинъ и скомороховъ.

Такія льготы заставляли многихъ идти на монастырскія земли; даже люди свободнаго состоянія, посадскіе и уѣздные, добровольно записывались закладчиками за монастырями.

Число монастырей и пустынь и громадное развитіе монастырскихъ имуществъ фактически подтверждаютъ, что занесенныя съ Востока правила аскетизма вполнѣ привились на русской почвѣ. Но, съ другой стороны, монашество, по своей идеѣ, было доступно для отдѣльныхъ личностей, а не для массы, которая никогда не можетъ проникнуться одинаковымъ сознаніемъ той или другой идеи, какова бы она ни была. Слѣдовательно въ древней Руси въ самомъ развитіи монастырской жизни уже заключалась причина ея паденія. Кромѣ того, монашество было создано людьми слишкомъ отвлеченными, и по ихъ идеѣ оно было тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе отвлекало своихъ послѣдователей отъ дѣйствительной жизни; чѣмъ ближе оно стояло къ ней, тѣмъ болѣе было вѣроятности въ неосуществительности его идеала. Однимъ словомъ, оно

высоту жезлъ воздвигши, хребетъ мужа убогаго ударити яряся..... къ симъ же погубивъ и душевную доброту....»

Монахи сохраняли хлѣбъ «по вся лѣта» на голодный годъ, руководясь «желаніемъ большаго прибытка», а крестьяне ихъ «томились въ житейскихъ потребахъ, обильна сія имъ уготовляюще, во скудостѣ и нищетѣ всегда пребывали, ниже ржанаго хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты»; если крестьяне не могли возвратить заимодавцамъ-монахамъ долга, то послѣдніе «расхищали оставшая имъ отъ крайнія нищеты худа стяжанница». Когда же обремененные „тягостью“ крестьяне хотѣли куда-нибудь переселиться, то съ нихъ монахи требовали плату за прожитое на монастырской землѣ время, а въ крайнихъ случаяхъ и продавали ихъ. Это свидѣтельство Максима Грека получаетъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что монастырскіе крестьяне пользовались большими льготами, и если уже рѣшались оставлять свои мѣста раньше срока, то видно притѣсненія со стороны монаховъ пересиливали всякое терпѣніе. И Максимъ Грекъ особенно нападаетъ на сильно развившееся у монаховъ лихоимство. Кромѣ того они морили крестьянъ «безпрестанно и всяческими монастырскими работами, внутри же и внѣ горчайши ихъ житіе содѣлающе, кромѣ щедротъ и милости».

Высшая іерархія служила для нихъ лучшимъ примѣромъ въ этомъ злѣ. Максимъ Грекъ въ рѣзкихъ чертахъ представилъ подобныя же отношенія высшихъ духовныхъ лицъ и ихъ частную жизнь. Они (въ родѣ тверскаго епископа Акакія) хвалили Бога «пѣніи красногласными», «шумомъ доброгласнымъ свѣтлошумныхъ колоколовъ»; «миры благоуханными, иконы велелепнѣ украшая златомъ и сребромъ и многоцѣнными каменіи»; но средства на украшеніе храмовъ шли «отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ и хищенія чужихъ имѣній». Эти представители духовенства «свѣтло и обильно напивались по вся дни и пребывали въ піянствѣ и всяческихъ играніяхъ», «а сиротъ и вдовицъ безщадно и безмилостивно расхищали». Тѣ дары и вклады, которые назначались на церкви, для употребленія въ пользу бѣдныхъ, они брали себѣ «въ различна наслажденія душъ и украшеніе ризное и свѣтлопированія. «Они призывали на пиръ богатыхъ и удовлетворяли во всемъ своихъ родственниковъ, а «нищихъ и сиротъ мразомъ и гладомъ тающихъ и внѣ вратъ стоящихъ и горько плачющихъ своея скудости (ради), преже обложивше горкими лайбами (ругательствами), отгоняли кинувше кусъ хлѣба гнилаго».

Современное Максиму духовенство, заботясь только о личныхъ выгодахъ, совершенно забывало даже о прямыхъ своихъ обязанностяхъ. Съ чувствомъ глубокой скорби взывалъ Максимъ о печальной дѣйствительности. «Нѣсть ни единъ учай прилѣжнѣ, ни наказуя безчинныя, никто же утѣшая малодушныя, никто же заступаяй и прилежа о немощныхъ, никто же обличаяй противящихся слову благочестія, никто же запрещаяй безстуднымъ, никто же обращаяй заблудьшихъ отъ истины и честнаго житія христіанскаго, никто же за совершенное смиреномудріе отбѣгаетъ священническихъ санъ, ниже по божественнѣй ревности взыщетъ ихъ, да люди беззаконнующая и безчинствующая исправитъ. Но сопротивное паче обрящеши нынѣ дерзаемо: вси готови дары великими сихъ

купити, да въ отрадѣ и покои всегда живутъ. О како кто достойнѣ восплачетъ достигшую нынѣ родъ нашъ тму!... наши же пастыріе безчувственнѣйши каменіи устроишася, довольно себе въ отвѣтъ тогда неищующе, аще себе спасти возмогутъ». При томъ вліяніи и значеніи, какое имѣло духовенство въ древней Руси, Максимъ Грекъ весьма основательно замѣчалъ, что духовныя лица были «наставницы всякаго безчинія и претыканіе соблазна вѣрнымъ и невѣрнымъ равнѣ бо простымъ и безчиннымъ людемъ». И дѣйствительно, безпорядочная жизнь духовенства вызывала обличенія въ обществѣ. Еще стригольники говорили о святителяхъ и попахъ: «Си человѣкоядцы суть и винопивцы, друзи мытаремъ грѣшникомъ».

Общественные дѣятели XVI вѣка, для устраненія монастырскихъ безпорядковъ, предлагали два средства: отнятіе у монастырей недвижимыхъ имуществъ и возстановленіе древнихъ монастырскихъ уставовъ. Кромѣ того Максимъ предлагалъ еще одно частное средство, о которомъ мы скажемъ ниже.

Вкладчики монастырскихъ имуществъ угрожали наказаніями въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ тѣмъ, которые рѣшатся прикоснуться къ ихъ дареніямъ. Но неумѣстность обогащенія монастырей сознавалась еще въ первую пору ихъ существованія. И такое мнѣніе, что далѣе, то становилось болѣе общимъ.

Въ XIV же вѣкѣ уже ясно обнавужилось движеніе противъ церковныхъ имуществъ. Оно явилось на почвѣ Новгорода и Пскова, вѣроятно, подъ вліяніемъ распространившейся тамъ тогда ереси стригольниковъ, которая вообще имѣла анти-іерархическое направленіе. По крайней мѣрѣ, съ этого времени начался рядъ посланій русскихъ митрополитовъ въ Новгородъ и Псковъ, съ запрещеніями прикасаться къ церковнымъ имуществамъ и пастырскими угрозами. Въ своихъ посланіяхъ митрополиты напоминали о религіозномъ назначеніи церковныхъ имуществъ (поминовеніе души); прикосновеніе къ нимъ называли „обидою святой церкви", „великимъ грѣхомъ", и даже грозили за нарушеніе ихъ церковными проклятіями. Въ новгородскихъ и псковскихъ попыткахъ, направленныхъ противъ нихъ, видно намѣреніе слѣлать изъ нихъ общественное употребленіе.

Когда же въ 1477 году Іоаннъ III овладѣлъ Новгородомъ, то, отобравъ архіепископскія и монастырскія волости, отдалъ ихъ въ „помѣстье" дѣтямъ боярскимъ. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ была уже заявлена государственная потребность, для которой нужно было найти безобидный исходъ; на первый разъ ограничились землями завоеванными, слѣдовательно, болѣе другихъ подверженными случайности. Но такъ какъ этихъ имуществъ оказалось недостаточно, то великій князь рѣшился взять въ вѣдомство государства и остальныя вотчины духовенства. Онъ предложилъ обсудить это на соборѣ, созванномъ по поводу «вдовыхъ поповъ и дьяконовъ» (1503 года). На соборѣ мнѣнія присутствовавшихъ раздѣлились: въ пользу великаго князя говорили—Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и пустынники бѣлозерскіе, потому что они были блюстителями пустынической жизни. Такъ Нилъ Сорскій съ бѣлозерскими пустынниками замѣчалъ, „чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ». Остальные члены

собора держались противнаго мнѣнія, и главнымъ защитникомъ его былъ Іосифъ Волоколамскій. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводилъ въ примѣръ Аѳанасія Аѳонскаго, Ѳеодосія Великаго, Антонія и Ѳеодосія печерскихъ и многіе монастыри, которые владѣли селами; наконецъ заключилъ: „Аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣчу постричися? и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или архіепископію, или епископа, и на всякія честныя власти? а коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе". Его мнѣніе восторжествовало, и здѣсь началась та вражда между Іосифовскими и Кирилловскими монастырями, которая продолжалась и далѣе, какъ бы по преданію.

Послѣ своихъ обсужденій, соборъ отвѣчалъ великому князю, что „святители и монастыри земли держали и нынѣ держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная Божія суть", причемъ ссылался на примѣръ греческой и русской церкви, на уставы Владиміра и Ярослава и на ханскіе жалованные ярлыки. Духовенство отстояло свое дѣло, и великій князь долженъ былъ отказаться отъ своей мысли.

Іосифъ Волоколомскій и его сторонники дѣйствовали на соборѣ въ интересахъ іерархическихъ, тогда какъ Нилъ Сорскій, Паисій Ярославовъ и бѣлозерскіе пустынники защищали свое мнѣніе на религіозно-нравственномъ основаніи. Но этимъ дѣло не кончилось; послѣ нихъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ продолжали развивать князь инокъ Вассіанъ и Максимъ Грекъ.

Максимъ Грекъ постоянно указываетъ на владѣніе монастырей имуществами, какъ на главную причину зла, обнаруживавшагося въ монастырской жизни: «Ничто же бо обыче, говоритъ онъ, толь воззвѣрити насъ, яко же еже господьски владѣти стяжаніи», потому что, „не можетъ душа двѣма господинома работати, вкупѣ Богу и мамонѣ, яко же убо ни единимъ окомъ на земли зрѣти, а другимъ на высоту небесную, но обоими нужно зрѣти ли горѣ или долу". И въ этомъ случаѣ онъ представлялъ въ примѣръ русскимъ монахамъ — монаховъ картезіянскихъ, которые питались однимъ подаяніемъ. „Сіе же пишу, прибавляетъ Максимъ, не яко да покажу латинскую вѣру чисту, совершенно и прямо ходящу—да не будетъ во мнѣ таково безуміе— но да яко покажу православнымъ, яко и не у правомудренныхъ у латынехъ есть попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей". Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Максимъ представилъ два противоположныя мнѣнія о монастырскихъ имуществахъ, существовавшія тогда въ русскомъ обществѣ. Это сочиненіе написано въ діалогической формѣ, подъ заглавіемъ: „Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ". Лица же стязующихъ Филоктимонъ, сирѣчь любостяжательный, да и Актимонъ, сирѣчь не стяжательный. Въ лицѣ «нестяжателя» Максимъ приводитъ собственныя возраженія.

Защитники монастырскихъ имуществъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія приводили слова Евангелія, въ которомъ за отреченіе отъ отца, матери, дѣтей и селъ обѣщается награда сторицею не только въ будущей жизни, но и въ «нынѣшнемъ вѣцѣ» (Матѳ. 19. 29.). Они указывали въ примѣръ на Авраама, Исаака, Іакова, Іова, Давида, Самуила, левитовъ и священниковъ (Ветх. Завѣта), которые владѣли имуществомъ. Накенецъ говорили, что и при существованіи монастырскихъ имуществъ

рошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ Ногаямъ, въ Казань, съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ, какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея изъ лагеря подъ Коломною, онъ и храбрый воевода Ляцкій съ сыномъ бѣжали въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Заботясь о защитѣ Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ, Оболенскій такъ-же ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями, и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1535 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда-же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе, предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна; онъ успѣвалъ еще и сопровождать Елену на богомолья, которыми хотѣла она доказывать народу свое благочестіе.

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира (1535 г.); казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Коряковымъ, казнили въ

Однако напрасно были совѣты Вассіана и Максима Грека великому князю. Василій Іоанновичъ не раздѣлялъ убѣжденій своего отца. Во время своего правленія, онъ безпрестанно подтверждалъ жалованныя грамоты своихъ предшественниковъ (на монастырскія имущества), давалъ новыя, строилъ монастыри и надѣлялъ ихъ вотчинами. Въ борьбѣ духовенства за право владѣнія церковными имуществами, рѣзче всего обнаружилась сила его вліянія въ Россіи.

При каждомъ важномъ случаѣ духовенство непремѣнно напоминало о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Такъ, въ числѣ условій, предложенныхъ Владиславу, при избраніи его въ цари, было поставлено и требованіе, чтобы новый царь никакимъ образомъ не нарушалъ неприкосновенности церковныхъ имуществъ и доходовъ. То же поставлено на видъ и въ уставной грамотѣ 1611 года въ числѣ условій, предписанныхъ земскою думою тремъ избраннымъ ею для управленія Россіею военачальникамъ. Въ 1648 году люди всѣхъ сословій поднесли Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой просили, чтобы онъ отобралъ у духовенства всѣ вотчинныя земли, неправильно имъ пріобрѣтенныя послѣ запретительнаго указа 1580 года и роздалъ бы ихъ служилымъ людямъ. Хотя за это дѣло принялись, но просьба осталась всетаки безъ послѣдствій. Даже Петръ Великій не могъ окончательно разрѣшить вопроса о церковныхъ имуществахъ, а Екатерина II, за отобраніе ихъ, сама чувствовала обидчивость духовенства.

Могло ли помочь исправленію монастырской жизни возстановленіе древнихъ уставовъ? Посмотримъ, къ чему приводили подобныя попытки.

Когда Іосифъ Волоколамскій хотѣлъ ввести въ Боровскомъ монастырѣ болѣе строгій уставъ, то встрѣтилъ противодѣйствіе въ большинствѣ братіи. Когда Ѳеодоритъ основалъ на рѣкѣ Колѣ Троицкій монастырь и запретилъ въ своемъ уставѣ всякое пріобрѣтеніе, кромѣ труда рукъ, а также держать въ монастырѣ женщинъ, то «сего ради, говоритъ Курбскій, сложившеся со діаволомъ, мниси оные возненстовавшася; имаютъ старца святаго и бьютъ нещадно, и не токмо изъ монастыря извлачаютъ, но и отъ страны тоя изгоняютъ, аки врага нѣкоего». Артемій оставилъ имущество въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ «многаго ради мятежу и любостяжательныхъ, издавна законопреступныхъ мниховъ». Извѣстный Паисій оставилъ игуменство, потому что «не могъ превратить чернецовъ на Божій путь, на молитву, постъ и воздержаніе»; они хотѣли даже убить его, такъ какъ между монахами были бояре и князья, которые не хотѣли повиноваться ему. Вотъ вся несостоятельность тѣхъ попытокъ, которыми думали поправить дѣло и которыя снова предлагались.

Максимъ Грекъ съ своей стороны предлагалъ еще частную мѣру, именно чтобы игумены избирались «соборомъ» братіи а не «дарами сребра и злата». Такіе игумены, замѣчаетъ онъ, «суть безчинники житіемъ, въ пьянствѣ всегда и пищѣ всякой упражняющеся сами, а сущіи подъ рукою ихъ братія презираеми тѣлеснѣ и не брегоми духовнѣ скитаются безпутіемъ, яко же овцы не имуще пастыря». Но если онъ ставилъ хорошую жизнь монаховъ въ зависимость отъ хорошихъ игуменовъ, то самымъ лучшимъ доказательствомъ противъ его мнѣнія служитъ борьба представленныхъ здѣсь нами лицъ. Іосифъ Волоколамскій,

«вся обща всѣмъ» и каждый изъ монаховъ самъ по себѣ не можетъ располагать ничѣмъ.

Максимъ Грекъ на это возражаетъ, что поступающій въ монастырь изъявляетъ свободное желаніе, причемъ отказывается „отъ стяжанія", слѣдовательно „приложеніе стяжанія" есть нарушеніе обѣта, тѣмъ болѣе, что съ многостяжаніемъ и лихоимствомъ соединяются безчеловѣчные поступки; евангельскія же обѣщанія слѣдуетъ понимать духовно, потому что въ противномъ смыслѣ выходитъ, что «и за едину жену, юже оставитъ кто, воспріиметъ иныя многи и чада породитъ больша первыхъ». Противъ указанія на примѣръ Авраама, Исаака и др., Максимъ замѣчаетъ, что они заботились о бѣдныхъ, вдовицахъ и сиротахъ; при томъ они жили съ женами, дѣтьми и рабами «по данному закону», и заповѣдь не запрещала имъ владѣть имѣніями и рабами, почему они и «угодили Вышнему». «Мы же иноцы, продолжаетъ онъ, како яже о себѣ нынѣ устроимъ, паче же како и отнюдь смѣемъ, яже о себѣ прикладывати къ правдѣ преправедныхъ онѣхъ? Гдѣ бо о онѣхъ писано есть, яко свое сребро чрезъ заповѣди законныя съ ростомъ взаимъ даяху, или росты на ростѣхъ истязаху отъ убогихъ и немогущихъ отдати истину за преумноженіе многолѣтнихъ ростовъ расхищаху оставшая имъ отъ послѣднія нищеты худая стяжаница, якова же нынѣ дерзаемъ мы на бѣдныхъ селяниxъ, лихоимствующе ихъ тяжчайшими росты и расхищающе ихъ, и не могущихъ отдати заемое, и напаче тружающихся безпрестанно и стражущихъ въ селѣхъ нашихъ и во всѣхъ нашихъ потребахъ и внутрь и внѣ монастыря? Гдѣ таково что безчеловѣчьное дерзнуто бывша праведными онѣми писано есть»? Далѣе Максимъ говоритъ, что монахи вслѣдствіе владѣнія имуществами нарушили „главизну всѣмъ божественнымъ заповѣдемъ — заповѣдь о нищелюбіи». А между тѣмъ сколько теперь вопіетъ обиженныхъ и оскорбленныхъ нищихъ, вдовъ и сиротъ, проливающихъ слезы предъ отцомъ сирыхъ, судіею вдовицъ и заступникомъ убогихъ. Мы же нисколько не склоняемся къ ихъ скорби и слезамъ, хотя всякій день слышимъ, «яко судъ безъ милости не сотворшимъ милости. Во истину уподобихомся аспиду глухому, затыкающему уши свои».

На доводъ защитниковъ монастырскихъ имуществъ, что левиты и священники ветхаго завѣта владѣли собственностью и получали десятину, Максимъ отвѣчаетъ: «Ветхая мимоидоша и се вся быша нова», и представляетъ имъ въ примѣръ извѣстныхъ пустынниковъ. «Корень всѣмъ злымъ, говоритъ онъ, сребролюбіе есть», потому что оно приводило многихъ къ самоубійству, умерщвленію другихъ и къ отреченію отъ вѣры. Любостяжателенъ же и сребролюбивый инокъ боголюбецъ, яко же подобаетъ и нищелюбецъ быти не можетъ, занеже въ преступленіи святыхъ Божіихъ заповѣдей ходитъ». Слѣдовательно, Максимъ Грекъ, признавая невозможность монастырскихъ имуществъ, требовалъ возстановленія ихъ прежняго назначенія, т. е. чтобы они служили вспомоществованіемъ для нищихъ, вдовъ и сиротъ.

И Вассіанъ, и Максимъ Грекъ, въ своихъ сочиненіяхъ, разбирали этотъ вопросъ съ религіозно-нравственной стороны. Слѣдовательно, они были прямыми продолжателями въ развитіи мнѣнія, высказаннаго на московскомъ соборѣ Ниломъ Сорскимъ и его сторонниками.

И Вассіанъ, и Максимъ подобно Нилу, указывали монахамъ на пустынножительство, какъ на образецъ монашеской жизни.

Однако напрасно были совѣты Вассіана и Максима Грека великому князю. Василій Іоанновичъ не раздѣлялъ убѣжденій своего отца. Во время своего правленія, онъ безпрестанно подтверждалъ жалованныя грамоты своихъ предшественниковъ (на монастырскія имущества), давалъ новыя, строилъ монастыри и надѣлялъ ихъ вотчинами. Въ борьбѣ духовенства за право владѣнія церковными имуществами, рѣзче всего обнаружилась сила его вліянія въ Россіи.

При каждомъ важномъ случаѣ духовенство непремѣнно напоминало о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Такъ, въ числѣ условій, предложенныхъ Владиславу, при ибраніи его въ цари, было поставлено и требованіе, чтобы новый царь никакимъ образомъ не нарушалъ неприкосновенности церковныхъ имуществъ и доходовъ. То же поставлено на видъ и въ уставной грамотѣ 1611 года въ числѣ условій, предписанныхъ земскою думою тремъ избраннымъ ею для управленія Россіею военачальникамъ. Въ 1648 году люди всѣхъ сословій поднесли Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой просили, чтобы онъ отобралъ у духовенства всѣ вотчинныя земли, неправильно имъ пріобрѣтенныя послѣ запретительнаго указа 1580 года и роздалъ бы ихъ служилымъ людямъ. Хотя за это дѣло принялись, но просьба осталась всетаки безъ послѣдствій. Даже Петръ Великій не могъ окончательно разрѣшить вопроса о церковныхъ имуществахъ, а Екатерина II, за отобраніе ихъ, сама чувствовала обидчивость духовенства.

Могло ли помочь исправленію монастырской жизни возстановленіе древнихъ уставовъ? Посмотримъ, къ чему приводили подобныя попытки.

Когда Іосифъ Волоколамскій хотѣлъ ввести въ Боровскомъ монастырѣ болѣе строгій уставъ, то встрѣтилъ противодѣйствіе въ большинствѣ братіи. Когда Ѳеодоритъ основалъ на рѣкѣ Колѣ Троицкій монастырь и запретилъ въ своемъ уставѣ всякое пріобрѣтеніе, кромѣ труда рукъ, а также держать въ монастырѣ женщинъ, то «сего ради, говоритъ Курбскій, сложившеся со діаволомъ, мниси оные возненстовавшася; имаютъ старца святаго и бьютъ нещадно, и не токмо изъ монастыря извлачаютъ, но и отъ страны тоя изгоняютъ, аки врага нѣкоего». Артемій оставилъ имущество въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ «многаго ради мятежу и любостяжательныхъ, издавна законопреступныхъ мниховъ». Извѣстный Паисій оставилъ игуменство, потому что «не могъ превратить чернецовъ на Божій путь, на молитву, постъ и воздержаніе»; они хотѣли даже убить его, такъ какъ между монахами были бояре и князья, которые не хотѣли повиноваться ему. Вотъ вся несостоятельность тѣхъ попытокъ, которыми думали поправить дѣло и которыя снова предлагались.

Максимъ Грекъ съ своей стороны предлагалъ еще частную мѣру, именно чтобы игумены избирались «соборомъ» братіи а не «дарами сребра и злата». Такіе игумены, замѣчаетъ онъ, «суть безчинники житіемъ, въ пьянствѣ всегда и пищѣ всякой упражняющеся сами, а сущіи подъ рукою ихъ братія презираеми тѣлеснѣ и не брегоми духовнѣ скитаются безпутіемъ, яко же овцы не имуще пастыря». Но если онъ ставилъ хорошую жизнь монаховъ въ зависимость отъ хорошихъ игуменовъ, то самымъ лучшимъ доказательствомъ противъ его мнѣнія служитъ борьба представленныхъ здѣсь нами лицъ. Іосифъ Волоколамскій,

ностью. Уже въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ извѣстіе о надѣлѣ монастырей недвижимымъ имуществомъ. Въ Ипатіевской лѣтописи говорится, что князь Ярополкъ Изяславичъ (ум. 1086 г.) далъ Печерскому монастырю «всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую, и около Кіева». Въ XII вѣкѣ дочь его, при своей смерти, отказала монастырю все свое имѣніе. Мы не станемъ приводить далѣе подобныхъ примѣровъ, а замѣтимъ что подобные вклады дѣлались князьями, княгинями, боярами, наслѣдниками, духовными, лицами низшаго званія и женщинами. Для нашей цѣли достаточно будетъ представить только причины, способствовавшія развитію громадной монастырской собственности. Эти причины были слѣдующія:

1. Первоначальное побужденіе, въ надѣлѣ духовенства недвижимою собственностію, вытекало изъ необходимости обезпечить его и невозможности достигнуть этой цѣли иначе, какъ пожалованіемъ ему недвижимыхъ имуществъ. Такая невозможность зависѣла отъ экономическаго устройства древней Россіи. При общемъ же уваженіи къ монастырямъ, весьма естественно, что они скоро получили перевѣсъ въ численности своихъ имуществъ надъ остальными церквами. Кромѣ того надѣлъ церквей и монастырей имуществами, въ глазахъ благочестивыхъ жертвователей, имѣлъ значеніе еще потому, что пожертвованныя имущества должны были служить вспомоществованіемъ для бѣдныхъ.

2. Пожалованіе вотчинъ духовенству и въ особенности монастырямъ давало возможность заселить и разработать такія земли, которыя оставались безъ всякаго употребленія, и потому князья, при своихъ пожалованіяхъ, иногда ставили, какъ условія даренія, заселеніе земель купленными людьми или людьми свободнаго званія.

3. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производили на русскихъ общественныя бѣдствія: въ послѣднихъ они даже видѣли милость Божію, предупреждающую людей отъ конечной гибели, и потому для умилостивленія гнѣва Божія дѣлали большіе вклады на церкви и монастыри. Вслѣдствіе же постоянной тревоги во время владычества татаръ и тѣхъ льготъ, какими пользовалась подъ ихъ властью церковь, весьма естественно, что многіе спѣшили укрыться въ монастырь, избѣгая разныхъ повинностей и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывая тамъ свои богатства, или просто передавали ихъ туда на сбереженіе. Въ монастырѣ можно было сохранить богатство, которое по смерти вступившаго въ монашество становилось собственностью монастыря.

4. Въ монастыряхъ скопились денежныя богатства, а это дало имъ возможность пріобрѣтать вотчины покупкою у другихъ лицъ.

5. Постоянною же причиною распространенія монастырской недвижимой собственности была та религіозность, которая проникла во всѣ побужденія древне-русскаго человѣка. Лѣтописцы, въ числѣ добродѣтелей князей, обыкновенно ставятъ: «Чтяше паче мѣры іерейскій и мнишскій чинъ, подавая имъ еже на потребу». Главною заботою для религіознаго человѣка было спасеніе души, которое обусловливалось, въ числѣ другихъ внѣшнихъ формъ религіи, и посмертнымъ поминовеніемъ; вотъ почему въ большой части жалованныхъ грамотъ духовенству говорится, что имущество дарується въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, по душѣ, для поминовенія души, въ вѣчный поминокъ души. Если же умершій

не успѣвалъ сдѣлать распоряженія на счетъ вклада по душѣ, то родственники его считали долгомъ назначить часть наслѣдства на поминъ по немъ. Кромѣ того, въ жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются обязательства молить Бога о здравіи и долголѣтіи вкладчика, а иногда упоминается, что дареніе сдѣлано по поводу какого либо счастливаго событія или исполненія намѣреній и предпріятій. Наконецъ,

6. Увеличенію монастырской недвижимой собственности (и вообще богатства) содѣйствовали также добровольныя или насильственныя постриженія бояръ, князей, княгинь и царей (о чемъ такъ часто встрѣчаются свидѣтельства въ древнихъ извѣстіяхъ), такъ какъ они въ этихъ случаяхъ дѣлали большіе вклады. А у знатныхъ лицъ существовалъ обычай — имѣть при нѣкоторыхъ монастыряхъ какъ бы родовыя кладбища, при чемъ они не упускали случая вознаграждать эти монастыри.

Вслѣдствіе такихъ условій произошло громадное развитіе монастырской собственности. Не считая нисколько преувеличеннымъ извѣстіе одного иностранца, можно судить о ея обширности уже въ XVI вѣкѣ. Адамъ Климентъ, посѣтившій Россію въ 1553 году, говоритъ, что монастырскія имѣнія въ это время составляли третью часть всего государства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри получили обширныя привиллегіи на свои владѣнія: такъ, они и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлинъ (всѣхъ или нѣкоторыхъ); они пользовались правомъ сбора податей и пошлинъ съ другихъ, не подвѣдомственныхъ имъ лицъ; они избавлялись отъ подсудимости мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ (впрочемъ не всѣ); монастыри получали право суда и расправы надъ людьми, живущими на ихъ земляхъ (иногда не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ), право — призывать виновныхъ въ ихъ обидѣ во всякій срокъ, а крестьяне ихъ могли призываться только въ опредѣленный; монастыри избавлялись отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происшедшіе въ ихъ селахъ. Многіе монастыри освобождались отъ проѣздовъ чрезъ ихъ села княжескихъ чиновниковъ, выдачи имъ корма, подводъ и проводниковъ, отъ пировъ, братчинъ и скомороховъ.

Такія льготы заставляли многихъ идти на монастырскія земли; даже люди свободнаго состоянія, посадскіе и уѣздные, добровольно записывались закладчиками за монастырями.

Число монастырей и пустынь и громадное развитіе монастырскихъ имуществъ фактически подтверждаютъ, что занесенныя съ Востока правила аскетизма вполнѣ привились на русской почвѣ. Но, съ другой стороны, монашество, по своей идеѣ, было доступно для отдѣльныхъ личностей, а не для массы, которая никогда не можетъ проникнуться одинаковымъ сознаніемъ той или другой идеи, какова бы она ни была. Слѣдовательно въ древней Руси въ самомъ развитіи монастырской жизни уже заключалась причина ея паденія. Кромѣ того, монашество было создано людьми слишкомъ отвлеченными, и по ихъ идеѣ оно было тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе отвлекало своихъ послѣдователей отъ дѣйствительной жизни; чѣмъ ближе оно стояло къ ней, тѣмъ болѣе было вѣроятности въ неосуществительности его идеала. Однимъ словомъ, оно

не должно было сливаться съ жизнью. Слѣдовательно, и развитіе монастырской собственности въ Россіи въ конечномъ результатѣ должно было привести къ паденію монашества, потому что владѣніе помѣстьями втягивало монастыри въ самую суету жизни. И въ XVI вѣкѣ монастырская жизнь представляла уже результаты вліянія этихъ двухъ причинъ. Обличители того времени, съ одной стороны, показываютъ намъ, что монастыри не соотвѣтствовали своей идеѣ, съ другой стороны, обличители постоянно связываютъ упадокъ монашеской жизни съ владѣніемъ недвижимою собственностью.

На Стоглавомъ соборѣ говорили: „Многіе стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и по селамъ ѣздити прохлады дня". Монахъ, по словамъ Максима Грека, «частѣ піанъ, весь червленъ и безчинно слоняяся и прегордая вѣщаваетъ».

Монастырскія богатства и выгоды монастырской жизни сами собою возбуждали въ монахахъ страсть къ роскоши. По словамъ Максима, они только заботились какъ бы украсить себя «пестрыми и мягкими шолковыми тканями, златомъ же и сребромъ и бисеры добрыми».

Для удовлетворенія предметамъ роскоши, необходимы были средства, и при томъ постоянныя, а такими могли быть только недвижимыя имущества. Но мы видимъ, что монахи всѣми способами старались пріобрѣтать ихъ. Они совѣтывали „не давать имѣніе аще и убогимъ сродникамъ, а давати къ монастырю, за что, прибавляли они, святые умолятъ у Бога царствіе небесное". Они угождали царю и властямъ для того, чтобы «выманити имѣнія монастырямъ, или богатство многое и жити въ сладострастіяхъ скверныхъ, яко свиньямъ питающеся». Они захватывали чужія имѣнія (Максимъ говоритъ: влекли къ суду за малую землицу и сію многажды не свою и составляли подложные акты въ пользу монастырей). Наконецъ они говорили открыто всѣмъ: «Что имате потребно несите къ намъ, то бо все въ руцѣ Божіи влагаете». Бывало основатель монастыря служитъ въ ветхихъ крашенинныхъ ризахъ, а преемники его уже облекаются въ золото.

Но такъ какъ не всѣ изъ монаховъ могли пользоваться мірскими благами монастырской жизни, то главною ихъ заботою сдѣлалось пріобрѣтеніе «нѣкой земной славицы», или «духовнаго сана». Максимъ Грекъ замѣчаетъ о такихъ: «Всякимъ образомъ тщимся взыти на нѣкій санъ церковный, не точію лицемѣрствующе житіе благоговѣйно и дружбы составляюще съ сущими во властехъ и всякимъ образомъ угожающе имъ, и ласкающе, *но многажды и дары,* ова приносяще имъ, ова же обѣщаваше, аще довершатъ искомое нами и желаемо». Главный мотивъ его обличеній, направленныхъ противъ недостатковъ монастырской жизни, состоитъ въ представленіи контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались монахи, и печальнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ, забытыхъ и забитыхъ своими владѣльцами. Каждый изъ монаховъ, говоритъ Максимъ, «тщится богатства ради да получитъ нѣкія земныя славицы», а получивъ думаетъ, что «надъ закономъ владѣти поставленъ есть..... гордится, беззаконствуетъ, лютѣ гнѣвается, мучитъ, связуетъ, мзды емлетъ, блудно питается, вся его мудрованія злато есть, и много мятежное ему попеченіе како угодити властемъ. Языкъ же его разрѣшенъ священныхъ узъ молчанія вся съ яростію вѣщаетъ и досаженіемъ..... ниже рука безмолствуетъ, но на

высоту жезлъ воздвигши, хребетъ мужа убогаго ударити яряся..... къ симъ же погубивъ и душевную доброту....»

Монахи сохраняли хлѣбъ «по вся лѣта» на голодный годъ, руководясь «желаніемъ большаго прибытка», а крестьяне ихъ «томились въ житейскихъ потребахъ, обильна сія имъ уготовляюще, во скудостѣ и нищетѣ всегда пребывали, ниже ржанаго хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты»; если крестьяне не могли возвратить заимодавцамъ-монахамъ долга, то послѣдніе «расхищали оставшая имъ отъ крайнія нищеты худа стяжаннища». Когда же обремененные „тягостью“ крестьяне хотѣли куда-нибудь переселиться, то съ нихъ монахи требовали плату за прожитое на монастырской землѣ время, а въ крайнихъ случаяхъ и продавали ихъ. Это свидѣтельство Максима Грека получаетъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что монастырскіе крестьяне пользовались большими льготами, и если уже рѣшались оставлять свои мѣста раньше срока, то видно притѣсненія со стороны монаховъ пересиливали всякое терпѣніе. И Максимъ Грекъ особенно нападаетъ на сильно развившееся у монаховъ лихоимство. Кромѣ того они морили крестьянъ «безпрестанно и всяческими монастырскими работами, внутри же и внѣ горчайши ихъ житіе содѣлающе, кромѣ щедротъ и милости».

Высшая іерархія служила для нихъ лучшимъ примѣромъ въ этомъ злѣ. Максимъ Грекъ въ рѣзкихъ чертахъ представилъ подобныя же отношенія высшихъ духовныхъ лицъ и ихъ частную жизнь. Они (въ родѣ тверскаго епископа Акакія) хвалили Бога «пѣніи красногласными», «шумомъ доброгласнымъ свѣтлошумныхъ колоколовъ», «миры благоуханными, иконы велелепнѣ украшая златомъ и сребромъ и многоцѣнными каменіи»; но средства на украшеніе храмовъ шли «отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ и хищенія чужихъ имѣній». Эти представители духовенства «свѣтло и обильно напивались по вся дни и пребывали въ піянствѣ и всяческихъ играніяхъ», «а сиротъ и вдовицъ безщадно и безмилостивно расхищали». Тѣ дары и вклады, которые назначались на церкви, для употребленія въ пользу бѣдныхъ, они брали себѣ «въ различна наслажденія душъ и украшеніе ризное и свѣтлопированія. «Они призывали на пиръ богатыхъ и удовлетворяли во всемъ своихъ родственниковъ, а «нищихъ и сиротъ мразомъ и гладомъ тающихъ и внѣ вратъ стоящихъ и горько плачющихъ своея скудости (ради), преже обложивше горкими лайбами (ругательствами), отгоняли кинувше кусъ хлѣба гнилаго».

Современное Максиму духовенство, заботясь только о личныхъ выгодахъ, совершенно забывало даже о прямыхъ своихъ обязанностяхъ. Съ чувствомъ глубокой скорби взывалъ Максимъ о печальной дѣйствительности. «Нѣсть ни единъ учай прилѣжнѣ, ни наказуя безчинныя, никто же утѣшая малодушныя, никто же заступаяй и прилежа о немощныхъ, никто же обличаяй противящихся слову благочестія, никто же запрещаяй безстуднымъ, никто же обращаяй заблудьшихъ отъ истины и честнаго житія христіанскаго, никто же за совершенное смиреномудріе отбѣгаетъ священническихъ санъ, ниже по божественнѣй ревности взыщетъ ихъ, да люди беззаконнующая и безчинствующая исправитъ. Но сопротивное паче обрящеши нынѣ дерзаемо: вси готови дары великими сихъ

купити, да въ отрадѣ и покои всегда живутъ. О како кто достойнѣ восплачетъ достигшую нынѣ родъ нашъ тму!... наши же пастыріе безчувственнѣйши каменіи устроишася, довольно себе въ отвѣтъ тогда не-ищующе, аще себе спасти возмогутъ». При томъ вліяніи и значеніи, какое имѣло духовенство въ древней Руси, Максимъ Грекъ весьма основательно замѣчалъ, что духовныя лица были «наставницы всякаго безчинія и претыканіе соблазна вѣрнымъ и невѣрнымъ равнѣ бо простымъ и безчиннымъ людемъ». И дѣйствительно, безпорядочная жизнь духовенства вызывала обличенія въ обществѣ. Еще стригольники говорили о святителяхъ и попахъ: «Си человѣкоядцы суть и винопивцы, друзи мытаремъ грѣшникомъ».

Общественные дѣятели XVI вѣка, для устраненія монастырскихъ безпорядковъ, предлагали два средства: отнятіе у монастырей недвижимыхъ имуществъ и возстановленіе древнихъ монастырскихъ уставовъ. Кромѣ того Максимъ предлагалъ еще одно частное средство, о которомъ мы скажемъ ниже.

Вкладчики монастырскихъ имуществъ угрожали наказаніями въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ тѣмъ, которые рѣшатся прикоснуться къ ихъ дареніямъ. Но неумѣстность обогащенія монастырей сознавалась еще въ первую пору ихъ существованія. И такое мнѣніе, что далѣе, то становилось болѣе общимъ.

Въ XIV же вѣкѣ уже ясно обнаружилось движеніе противъ церковныхъ имуществъ. Оно явилось на почвѣ Новгорода и Пскова, вѣроятно, подъ вліяніемъ распространившейся тамъ тогда ереси стригольниковъ, которая вообще имѣла анти-іерархическое направленіе. По крайней мѣрѣ, съ этого времени начался рядъ посланій русскихъ митрополитовъ въ Новгородъ и Псковъ, съ запрещеніями прикасаться къ церковнымъ имуществамъ и пастырскими угрозами. Въ своихъ посланіяхъ митрополиты напоминали о религіозномъ назначеніи церковныхъ имуществъ (поминовеніе души); прикосновеніе къ нимъ называли „обидою святой церкви“, „великимъ грѣхомъ“, и даже грозили за нарушеніе ихъ церковными проклятіями. Въ новгородскихъ и псковскихъ попыткахъ, направленныхъ противъ нихъ, видно намѣреніе сдѣлать изъ нихъ общественное употребленіе.

Когда же въ 1477 году Іоаннъ III овладѣлъ Новгородомъ, то, отобравъ архіепископскія и монастырскія волости, отдалъ ихъ въ „помѣстье„ дѣтямъ боярскимъ. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ была уже заявлена государственная потребность, для которой нужно было найти безобидный исходъ; на первый разъ ограничились землями завоеванными, слѣдовательно, болѣе другихъ подверженными случайности. Но такъ какъ этихъ имуществъ оказалось недостаточно, то великій князь рѣшился взять въ вѣдомство государства и остальныя вотчины духовенства. Онъ предложилъ обсудить это на соборѣ, созванномъ по поводу «вдовыхъ поповъ и дьяконовъ» (1503 года). На соборѣ мнѣнія присутствовавшихъ раздѣлились: въ пользу великаго князя говорили—Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и пустынники бѣлозерскіе, потому что они были блюстителями пустыннической жизни. Такъ Нилъ Сорскій съ бѣлозерскими пустынниками замѣчалъ, „чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ». Остальные члены

собора держались противнаго мнѣнія, и главнымъ защитникомъ его былъ Іосифъ Волоколамскій. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводилъ въ примѣръ Аѳанасія Аѳонскаго, Ѳеодосія Великаго, Антонія и Ѳеодосія печерскихъ и многіе монастыри, которые владѣли селами; наконецъ заключилъ: „Аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣчу пострічися? и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или архіепископію, или епископа, и на всякія честныя власти? а коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе". Его мнѣніе восторжествовало, и здѣсь началась та вражда между Іосифовскими и Кирилловскими монастырями, которая продолжалась и далѣе, какъ бы по преданію.

Послѣ своихъ обсужденій, соборъ отвѣчалъ великому князю, что „святители и монастыри земли держали и нынѣ держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная Божія суть", причемъ ссылался на примѣръ греческой и русской церкви, на уставы Владиміра и Ярослава и на ханскіе жалованные ярлыки. Духовенство отстояло свое дѣло, и великій князь долженъ былъ отказаться отъ своей мысли.

Іосифъ Волоколомскій и его сторонники дѣйствовали на соборѣ въ интересахъ іерархическихъ, тогда какъ Нилъ Сорскій, Паисій Ярославовъ и бѣлозерскіе пустынники защищали свое мнѣніе на религіозно-нравственномъ основаніи. Но этимъ дѣло не кончилось; послѣ нихъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ продолжали развивать князь инокъ Вассіанъ и Максимъ Грекъ.

Максимъ Грекъ постоянно указываетъ на владѣніе монастырей имуществами, какъ на главную причину зла, обнаруживавшагося въ монастырской жизни: «Ничто же бо обыче, говоритъ онъ, толь воззвѣрити насъ, яко же еже господьски владѣти стяжаніи», потому что, „не можетъ душа двѣма господинома работати, вкупѣ Богу и мамонѣ, яко же убо ни единимъ окомъ на земли зрѣти, а другимъ на высоту небесную, но обоими нужно зрѣти ли горѣ или долу". И въ этомъ случаѣ онъ представлялъ въ примѣръ русскимъ монахамъ — монаховъ картезіянскихъ, которые питались однимъ подаяніемъ. „Сіе же пишу, прибавляетъ Максимъ, не яко да покажу латинскую вѣру чисту, совершенно и прямо ходящу—да не будетъ во мнѣ таково безуміе— но да яко покажу православнымъ, яко и не у правомудренныхъ у латынехъ есть попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей". Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Максимъ представилъ два противоположныя мнѣнія о монастырскихъ имуществахъ, существовавшія тогда въ русскомъ обществѣ. Это сочиненіе написано въ діалогической формѣ, подъ заглавіемъ: „Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ". Лица же стязующихъ Филоктимонъ, сирѣчь любостяжательный, да и Актимонъ, сирѣчь не стяжательный. Въ лицѣ «нестяжателя» Максимъ приводитъ собственныя возраженія.

Защитники монастырскихъ имуществъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія приводили слова Евангелія, въ которомъ за отреченіе отъ отца, матери, дѣтей и селъ обѣщается награда сторицею не только въ будущей жизни, но и въ «нынѣшнемъ вѣцѣ» (Матѳ. 19. 29.). Они указывали въ примѣръ на Авраама, Исаака, Іакова, Іова, Давида, Самуила, левитовъ и священниковъ (Ветх. Завѣта), которые владѣли имуществомъ. Накенецъ говорили, что и при существованіи монастырскихъ имуществъ

рошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ Ногаямъ, въ Казань, съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ, какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея изъ лагеря подъ Коломною, онъ и храбрый воевода Ляцкій съ сыномъ бѣжали въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Заботясь о защитѣ Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ, Оболенскій такъ-же ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями, и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1535 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда-же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе, предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна; онъ успѣвалъ еще и сопровождать Елену на богомолья, которыми хотѣла она доказывать народу свое благочестіе.

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира (1535 г.); казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Коряковымъ, казнили въ

Однако напрасно были совѣты Вассіана и Максима Грека великому князю. Василій Іоанновичъ не раздѣлялъ убѣжденій своего отца. Во время своего правленія, онъ безпрестанно подтверждалъ жалованныя грамоты своихъ предшественниковъ (на монастырскія имущества), давалъ новыя, строилъ монастыри и надѣлялъ ихъ вотчинами. Въ борьбѣ духовенства за право владѣнія церковными имуществами, рѣзче всего обнаружилась сила его вліянія въ Россіи.

При каждомъ важномъ случаѣ духовенство непремѣнно напоминало о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Такъ, въ числѣ условій, предложенныхъ Владиславу, при ибраніи его въ цари, было поставлено и требованіе, чтобы новый царь никакимъ образомъ не нарушалъ неприкосновенности церковныхъ имуществъ и доходовъ. То же поставлено на видъ и въ уставной грамотѣ 1611 года въ числѣ условій, предписанныхъ земскою думою тремъ избраннымъ ею для управленія Россіею военачальникамъ. Въ 1648 году люди всѣхъ сословій поднесли Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой просили, чтобы онъ отобралъ у духовенства всѣ вотчинныя земли, неправильно имъ пріобрѣтенныя послѣ запретительнаго указа 1580 года и роздалъ бы ихъ служилымъ людямъ. Хотя за это дѣло принялись, но просьба осталась всетаки безъ послѣдствій. Даже Петръ Великій не могъ окончательно разрѣшить вопроса о церковныхъ имуществахъ, а Екатерина II, за отобраніе ихъ, сама чувствовала обидчивость духовенства.

Могло ли помочь исправленію монастырской жизни возстановленіе древнихъ уставовъ? Посмотримъ, къ чему приводили подобныя попытки.

Когда Іосифъ Волоколамскій хотѣлъ ввести въ Боровскомъ монастырѣ болѣе строгій уставъ, то встрѣтилъ противодѣйствіе въ большинствѣ братіи. Когда Ѳеодоритъ основалъ на рѣкѣ Колѣ Троицкій монастырь и запретилъ въ своемъ уставѣ всякое пріобрѣтеніе, кромѣ труда рукъ, а также держать въ монастырѣ женщинъ, то «сего ради, говоритъ Курбскій, сложившеся со діаволомъ, мниси оные вознеистовавшася; имаютъ старца святаго и бьютъ нещадно, и не токмо изъ монастыря извлачаютъ, но и отъ страны тоя изгоняютъ, аки врага нѣкоего». Артемій оставилъ имущество въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ «многаго ради мятежу и любостяжательныхъ, издавна законопреступныхъ мниховъ». Извѣстный Паисій оставилъ игуменство, потому что «не могъ превратить чернецовъ на Божій путь, на молитву, постъ и воздержаніе»; они хотѣли даже убить его, такъ какъ между монахами были бояре и князья, которые не хотѣли повиноваться ему. Вотъ вся несостоятельность тѣхъ попытокъ, которыми думали поправить дѣло и которыя снова предлагались.

Максимъ Грекъ съ своей стороны предлагалъ еще частную мѣру, именно чтобы игумены избирались «соборомъ» братіи а не «дарами сребра и злата». Такіе игумены, замѣчаетъ онъ, «суть безчинники житіемъ, въ пьянствѣ всегда и пищѣ всякой упражняющеся сами, а сущіи подъ рукою ихъ братія презираеми тѣлеснѣ и не брегоми духовнѣ скитаются безпутіемъ, яко же овцы не имуще пастыря». Но если онъ ставилъ хорошую жизнь монаховъ въ зависимость отъ хорошихъ игуменовъ, то самымъ лучшимъ доказательствомъ противъ его мнѣнія служитъ борьба представленныхъ здѣсь нами лицъ. Іосифъ Волоколамскій,

Паисій, Артемій и Ѳеодоритъ очень извѣстны своею жизнью, чтобы подтвердить это, а въ сочиненіи Іосифа Волоколамскаго «о святыхъ отцахъ, бывшихъ въ рустѣхъ монастырѣхъ», ясно представляются безпорядки монастырской жизни именно отъ выбранныхъ монахами игуменовъ. И старое зло, не смотря на всѣ обличенія, осталось во всей силѣ.

LXXXII. ПОЛОЖЕНІЕ ДРЕВНЕРУССКАГО ОБЩЕСТВА ПО ОБЛИЧЕНІЯМЪ МАКСИМА ГРЕКА.

(Изъ соч. Иконникова: «Максимъ Грекъ»).

Максимъ Грекъ современную ему Россію представляетъ въ «образѣ жены сидящей при пути, стонящей горцѣ и плачущей безъ утѣхи», облеченной въ «одежду черну, яко же обычай есть вдовамъ-женамъ, окресть которой звѣри, львы и медвѣди, и волцы и лиси». Что же это были за «стоны горькіе и плачъ безъ утѣхи?»

Въ древне-русскихъ нравственно-обличительныхъ сочиненіяхъ постоянно представляется контрастъ между жизнью богачей, пріискивающихъ себѣ всѣми неправдами лишній прибытокъ, и участью подавленныхъ и угнетенныхъ обстоятельствами жизни бѣдняковъ и рабовъ. «Какъ звѣри алчутъ насытиться плотью, говорилъ Серапіонъ (XIII вѣка), такъ мы алчемъ и не перестаемъ желать, какъ бы всѣхъ погубить, а горькое и кровью облитое имущество сиротъ захватить. Звѣри ѣдятъ и насыщаются, а мы не можемъ насытиться». «Что отвѣщаемъ мы, замѣчаетъ Максимъ Грекъ, иже всѣ надежду спасенія нашего полагаемъ въ единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во время священныхъ постъ, а еже обидѣти и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судилища влачити враждебнѣ и ратовати и озлобляти ихъ различнѣ не престаемъ».

А между тѣмъ тѣ же богачи записывали имѣнія на монастыри, кормили монаховъ, строили церкви.... Однажды къ Дмитрію Прилоцкому одинъ богачъ принесъ съѣстные припасы, но тотъ велѣлъ ему отнести ихъ домой и раздать своимъ рабамъ, которые у него голодали. Іосифъ Волоколамскій писалъ посланіе къ одному вельможѣ, изъ котораго видно, что послѣдній до того дурно обходился съ своими рабами, что они «голодомъ таяли, наготою страдали, терпѣли тѣсноту и скудость въ телѣсныхъ потребахъ». Если рабы выкупались на волю, то ихъ владѣльцы не удовлетворялись «цѣною уреченою», а брали сколько смогутъ, и обыкновенно гораздо больше той цѣны, какую сами дали за нихъ; если же у выкупившихся рабовъ оказывались послѣ дѣти, то прежній владѣлецъ снова требовалъ выкупа и за нихъ. Такія безчеловѣчныя отношенія древніе обличители называли «торгомъ живыхъ душъ». Извѣстный своею набожностью Василій Іоанновичъ много давалъ милостыни по монастырямъ и посылалъ богатые дары на Аѳонъ, а когда, говоритъ Максимъ, «пойдетъ государь въ церковь, вдовицы плачутъ и за нимъ идутъ, и они (вѣроятно слуги вел. князя) ихъ бьютъ; и язъ, замѣчалъ Максимъ на допросѣ, за государя молилъ Бога, чтобы государю Богъ на сердце положилъ и милость бы государь надъ ними показалъ». Вообще сильные и богатые постоянно жили на счетъ слабыхъ и бѣдныхъ: «Безъ вины порабощали людей поклепомъ, клеветою, ложью, завистью, гнѣвомъ, судбами неправедными, мздами кривыми, лихоиманіемъ, рѣзоиманіемъ».

Вотъ почему отношенія бѣдняка къ богачу составляютъ обыкновенный мотивъ народныхъ русскихъ легендъ; подъ вліяніемъ этихъ отношеній сложилось въ народѣ понятіе, что господа и мужики сдѣланы изъ двухъ различныхъ матеріаловъ. Болѣе человѣчныя отношенія между владѣльцами и подчиненными казались немыслимыми.

Высшее общество жило на счетъ низшаго, и весьма естественно, что пока доставало средствъ для удовлетворенія прихотямъ богача, которыя, при недостаткѣ лучшаго употребленія силъ, казались необходимыми, то и его подручники пользовались снисходительностью. Но лишь только готовыхъ средствъ не оказывалось, то ихъ старались пріискать, и подручники подвергались всѣмъ бѣдамъ, ничѣмъ не сдерживаемаго личнаго произвола, потому что для пріисканія этихъ средствъ другихъ путей не было.

Смутныя экономическія и общественныя условія древней Руси привели массу населеніе къ печальному состоянію рабства.... Безпрестанныя войны, моровыя повѣтрія, голодъ, частые пожары и вообще бѣдствія физическія и общественныя губили населенія и всею своею тягостью обрушивались на низшее сословіе. Случалось, что во время голодовъ, дороговизны, слѣдовавшей за ними, и отъ неурожаевъ, русскій народъ ѣлъ липовый листъ, березовую кору, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, а дѣтей отдавали даромъ купцамъ; отъ истощенія силъ многіе падали мертвыми на улицахъ. *) Недостатокъ осѣдлости и опасность отъ нападеній не позволяли низшему классу заботиться о сборѣ запасовъ; это даже было запрещено; и потому въ случаѣ бѣды онъ подвергался всѣмъ невыгодамъ безвыходнаго положенія; вслѣдствіе этого неудивительно встрѣчать извѣстія, что многіе изъ русскихъ рѣшались отдавать себя въ кабалу за три рубля на всю жизнь, иногда и со всѣмъ семействомъ. Всѣми невзгодами, падавшими на низшій классъ, пользовались зажиточные: у нихъ было все въ запасѣ, а потому принять человѣка на пустое содержаніе, за ничтожную плату, въ минуту нужды, имъ ничего не стоило. Богатый бояринъ жилъ какъ царь, окруженный многочисленною свитою.

Съ другой стороны къ тому же результату приводили дурное управленіе и тяжелыя повинности, отчего многіе изъ посадскихъ оставляли свои жилища и закладывались частнымъ владѣльцамъ или монастырямъ, а другіе и сами постригались въ монахи. При крайней неравномѣрности въ распредѣленіи общественныхъ силъ, трудъ лишь сталъ крайней необходимостью: въ высшемъ обществѣ онъ вполнѣ пренебрегался, а низшее, подручное, при безполезности его для собственной жизни, старалось всѣми средствами избыть его, какъ тягость, въ которой оно не видѣло назначенія.

Вслѣдствіе этого, наклонность къ праздности сдѣлалась отличительною чертою древне-русскаго общества, въ особенности въ XVI и XVII вѣкахъ. Митрополитъ Даніилъ по этому поводу замѣчаетъ: «Всякъ лѣнится учитися художеству, вси бѣгаютъ рукодѣліа, вси щапятъ торгованіи, вси поношаютъ земледѣлателемъ». Обѣднѣвшіе дворяне считали неприличнымъ пріобрѣтать содержаніе трудомъ и предпочитали просить милостыню. И иностранцы постоянно упоминаютъ о лѣни и праздности русскихъ (Герберштейнъ, Флетчеръ, Моржеретъ, Олеарій и др.); напримѣръ, Олеарій рѣзко замѣчаетъ, что на работу ихъ «можно загнать только палками и плетьми». Праздность и необходимость жить чѣмъ нибудь, съ одной стороны, притѣсненія и угнетенія—съ другой, приводили тогда русскихъ къ двумъ неизбѣжнымъ крайностямъ: въ монастырь и на большую дорогу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ русское общество страдало крайними пороками, каковы пьянство и развратъ. И Максимъ писалъ противъ тѣхъ, которые обѣщались не ѣсть мяса въ понедѣльникъ, «будто спасенія ради большаго, а на винопитіи си-

*) Отъ 1228—1462 было 232 опустошенія. Съ 1228—1462 встрѣчается 23 извѣстія о морѣ, но, считая собственно съ половины XIV вѣка, прійдется на каждыя 5 лѣтъ по одному извѣстію. Въ Москвѣ за тотъ же періодъ приходится по одному большому пожару на 7 лѣтъ, и въ Новгородѣ на 5 лѣтъ. Иногда горѣли цѣлые города. Съ 1228—1462 было 10 голодовъ во всей Русской землѣ, не говоря о мѣстныхъ и неурожаяхъ. Во время голода въ Смоленскѣ въ 1230 году было собрано 32 тысячи труповъ, а въ Новгородѣ за два раза 3030 и 3500.

дѣли весь день», и постоянно «искали гдѣ братчина, гдѣ пированіе», откуда не выходили «безъ брани». Поэтому Максимъ объяснилъ имъ, что «лишнее винопитіе всякому злу виновно, отъ него происходятъ и брани, и свары, и убійство, и всяко богомерзко блуженіе, а въ мясояденіи ничто же таково случается». Но это только еще зло нравственное; соціальное зло лежало гораздо глубже: оно заключалось въ крайне неравномѣрныхъ отношеніяхъ между высшимъ, богатымъ классомъ и низшимъ, бѣднымъ. Древніе обличители въ пользу угнетенныхъ думали подѣйствовать религіозными угрозами; но виновники зла примиряли свою совѣсть соблюденіемъ религіозной внѣшности, которою думали загладить свои проступки противъ нравственности. И нравственно обличительныя сочиненія Максима Грека сосредоточиваются именно на этихъ явленіяхъ.

По этому поводу онъ написалъ «Словеса къ лихоимцамъ, аки сквернымъ и всякія злобы исполненнымъ отъ лица Богородицы, а каноны всякими различными пѣсньми угожати чающимъ». Здѣсь Максимъ рѣзко относится и къ такой религіозности, и къ печальнымъ фактамъ дѣйствительной жизни. Максимъ совѣтовалъ имъ лучше позаботиться «о бѣдныхъ и подручныхъ», а идущему служить молебенъ предлагалъ лучше отдать деньги бѣдняку, нежели «іерею».

Русскіе обличители думали поправить общественное зло только однѣми угрозами; но вѣковой опытъ долженъ былъ убѣдить въ несостоятельности подобныхъ мѣръ. Въ обличеніяхъ и угрозахъ не было положительной основы, на которой можно было бы утвердить колебавшіяся силы. Обличители, опровергая существующее, ничего не давали въ замѣнъ его. Многочисленность обличеній, постоянно повторяющихся съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ, лучше всего говоритъ о ихъ несостоятельности въ приложеніи къ дѣйствительной жизни.

Страсть къ роскоши, развившаяся въ высшемъ кругу русскаго общества XVI вѣка, не была слѣдствіемъ вкуса: богачъ старался удовлетворить себя внѣшнею обстановкою, за неимѣніемъ внутренняго содержанія; отсюда та безграничность въ удовлетвореніи прихотей, которая легла тяжелымъ гнетомъ на низшемъ, «подручномъ» классѣ. Но могли ли помочь обществу нравственныя сентенціи если за ними не было даже силы религіозныхъ угрозъ? Вотъ почему для насъ особенно важно замѣтить, что уже Максимъ Грекъ сознавалъ необходимость реформы русскаго общества другимъ средствомъ, которое до тѣхъ поръ не было извѣстно древней Руси, которому еще не скоро пришлось осуществиться. Это средство заключалось въ западной наукѣ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, онъ представляетъ въ примѣръ, что въ Парижѣ собираются изъ всѣхъ странъ «западныхъ и сѣверскихъ, желающіе словесныхъ художествъ, не точію сынове простѣйшихъ человѣкъ, но и самѣхъ, иже въ царскую высоту и болярскаго и княжескаго сана», гдѣ каждый изъ нихъ «время довольно въ ученіихъ прилѣжно упразднився возвращается въ свою страну, преполонъ всякія премудрости и разума и есть сицевый украшеніе и похвала своему отечеству, совѣтникъ бо ему есть предобръ и предстатель искусенъ и поспѣшникъ ему добрѣйшій во вся елика потребна ему будутъ».

Затѣмъ, обращаясь къ русскимъ, Максимъ говоритъ: «Такимъ подобаетъ быти же и бывати своимъ отечествомъ иже у насъ о благородіи и изобиліи богатства зѣло хвалящеся, иже отъ священнаго наказанія словесныхъ ученій наставляеми и просвѣщаеми возмогутъ не точію сами своимъ непохвальнымъ страстемъ одолѣти и о внѣшномъ ясполѣпномъ украшеніи нерадѣти и внѣ сребролюбія и всякаго лихоиманія себе блюсти, но аще и иныхъ понудятъ подражателемъ ихъ бывати, любителемъ всякаго богоугоднаго жительства». Въ этихъ словахъ замѣчательно то, что Максимъ Грекъ самой реформѣ придавалъ нравственное значеніе и въ наукѣ видѣлъ средство, которое должно уничтожить въ русскомъ обществѣ пустоту и безсодержательность жизни, и которое должно было измѣнить и самый взглядъ на существовавшія отношенія. Такимъ образомъ мѣра, предложенная Максимомъ Грекомъ, находится въ непосредственной связи съ состояніемъ тогдашняго русскаго общества. Сейчасъ разобранныя нами его обли

ченія даютъ обильный матеріялъ для характеристики экономическихъ причинъ разложенія древне-русскаго общества. Они представляютъ намъ, какъ два высшихъ сословія, духовенство и боярство, подчинивъ себѣ вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ массу подручниковъ, своими отношеніями къ нимъ окончательно парализировали ихъ, пользуясь полнѣйшею ихъ беззащитностью. При Максимѣ Грекѣ эти отношенія уже рѣзко обнаружились. Конечно, обличительныя выраженія Максима Грека не статистическая цифра, которая больше говоритъ, чѣмъ нѣсколько страницъ краснорѣчія; но его обличенія представляютъ намъ сущность самыхъ отношеній въ обыденной жизни, и потому важны для характеристики тогдашняго общества.

Кромѣ того древне-русское общество страдало отъ юридической неопредѣленности въ отношеніяхъ судей, властей и подчиненныхъ. О судейскихъ притѣсненіяхъ постоянно упоминаютъ лѣтописи. Въ княженіе Василія Дмитріевича, когда Кашинъ достался Тверскому князю Ивану Михайловичу, то его намѣстники, посаженные въ Кашинѣ, стали угнетать жителей продожами и грабежомъ. Подъ 1446 годомъ лѣтописецъ такъ жалуется на дурное состояніе суда въ Новгородѣ: «Въ то время, говоритъ онъ, не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, встали ябедники, изнарядили четы, обѣты и крестныя цѣлованія на неправду, начали грабить по лѣсамъ, волостямъ и по городу, и были мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; были по волости изъѣзды великіе и боры частые, крикъ, рыданіе, вопль и клятва отъ всѣхъ людей на старѣйшихъ нашихъ и на городъ нашъ, потому что не было въ насъ милости и суда праваго». О томъ же говорятъ другіе литературные памятники въ особенности обличенія, въ которыхъ судьи прямо называются «татями и разбойниками», которые «овецъ Христовыхъ заклали, кровь ихъ испили, плоть ихъ изъѣли и овчинами ихъ одѣлись сами»; въ обличеніяхъ говорится, что вслѣдствіе суда многіе сдѣлались «боси, наги, голодни и ранени безвинно». Княжескіе намѣстники продавали свой судъ другимъ, которые, конечно, должны были помнить и о нихъ, и о себѣ. Подъ вліяніемъ дѣйствительности сложилась извѣстная сатира о «Шемякиномъ судѣ», представляющая въ довольно крайнихъ примѣрахъ продажность судей.

Порядки Москвы, тяготѣвшей надъ остальными областями, еще болѣе увеличивали бѣдствія населенія. Въ житіи Сергія Радонежскаго говорится, что когда Ростовъ достался Москвѣ, то, вслѣдствіе насилія московскихъ властей, многіе дошли «до послѣдняго бѣденьства, яко не токмо имѣніа обнажени быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себѣ носиша и претерпѣша» И такъ было во всѣхъ волостяхъ и селахъ ростовскихъ; многіе принуждены были бѣжать въ другія страны. Въ 1485 году пріѣхали служить въ Москву тверскіе бояре потому, что не могли сносить обидъ великаго князя, бояръ его и дѣтей боярскихъ при спорахъ о земляхъ: «Гдѣ не изобидятъ московскіе дѣти боярскіе, прибавляетъ лѣтописецъ, то пропало, а гдѣ тверичи изобидятъ, а то князь великій съ поношеніемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому, а отвѣтомъ его вѣры не иметъ, а суда не дастъ». Еще до взятія Пскова московскій князь посылалъ туда иногда своихъ намѣстниковъ, которые, «насиловали жителей, грабили и продавали ихъ поклепами и судами неправедными». Когда же Псковъ былъ взятъ и начались тамъ новые порядки, то по замѣчанію лѣтописца «у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ взлѣтѣла на небо и кривда въ нихъ нача ходити.... и псковичи бѣдные не вѣдаша правды московскія». Конечно, лицамъ, назначаемымъ изъ Москвы въ города для управленія, еще болѣе чѣмъ своимъ, не было разсчета соблюдать интересы областнаго населенія.

И Максимъ Грекъ, въ своемъ обличеніи, указываетъ на всѣ эти отношенія: «Мы, говоритъ онъ, елицы во властѣхъ и начальствѣхъ есме ниже правдою судимъ, ниже милость являемъ къ обидимымъ и требующимъ помощи, но приносящему намъ множайшу мзду, или обидяй или обидимъ, обои слухи даемъ ему, волею преслушающе страшнаго судію».

Противъ этаго зла древніе обличители дѣйствовали своими обыкновенными средствами:

Умъ подобенъ воску и бумагѣ: какъ на нихъ можно начертать какіе угодно знаки, такъ и онъ слѣдуетъ тѣмъ обычаямъ и ученіямъ, въ которыхъ его наставляли. Мудрому царю неприлично желать чужихъ имѣній, потому что судія всѣхъ отмститъ за обиженныхъ; царю слѣдуетъ удалять развратныхъ совѣтниковъ, потому что бесѣда съ злыми до конца извращаетъ насъ.... Не столько скорбитъ мать о нуждахъ своихъ дѣтей, сколько заботливый царь печется объ устроеніи своихъ подданныхъ.... Благовѣрному царю и пастырю слѣдуетъ пріобрѣтать милостью и кротостью къ подручнымъ небесныя сокровища, а не земныя похищеніемъ чужихъ имѣній и богатствъ. Царь! утверди себя богомудренно, чтобы ты не былъ когда нибудь побѣжденъ страстью іудейскаго сребролюбія, потому что апост. Павелъ называетъ такого кумиро-служителемъ.... Ничто такъ не утверждаетъ царскія державы, какъ попеченіе о нищихъ и милосердіе.... Далѣе Максимъ Грекъ дѣлаетъ, на основаніи свят. отцовъ, анализъ человѣческихъ страстей. Тремя страстями, говоритъ онъ, смущается душа, особенно царская, именно: властолюбіемъ, славолюбіемъ и сребролюбіемъ, и послѣдствія ихъ очень губительны. Страсть сластолюбія есть «ненасытное угожденіе чреву и подчервнымъ неприличнымъ похотемъ». Слѣдствіемъ славолюбія бываетъ то, что все дѣлаютъ изъ угожденія людямъ, и если удается желаніе, то всѣмъ благотворятъ, если же славолюбцы узнаютъ, что надъ ними насмѣхаются, то они начинаютъ мстить хуже всякаго дикаго звѣря. Корень же всякому злу—сребролюбіе, которое состоитъ въ собираніи всѣми способами богатства, какъ то: похищеніемъ, лихоиманіемъ, клеветою и обидами. Если кто побѣдилъ эти страсти, тотъ есть угодникъ Троицы, а царь можетъ назваться самодержцемъ. Затѣмъ, обращаясь къ вел. князю, Максимъ говоритъ: «И что убо можетъ сего зазорнѣйшее быти, да не глаголю окояннѣйшее, яко мнящагося владѣти градомъ преславнымъ и языкомъ неудобь счисляемымъ, самому владѣему и водиму бывати безсловесными страстьми и рабу нарицатися отъ святыхъ устъ Спасовыхъ. Разумѣвай да разумѣетъ внятно глаголемая» (вѣроятно намекъ на разводъ вел. князя). И въ заключеніе Максимъ въ видѣ наставленія князю приводитъ слова Менандра, который говоритъ: «Три добродѣтели дѣлаютъ царство твердымъ и славнымъ: правда, т. е. правый судъ, когда не руководствуются лицепріятіемъ и не берутъ мзды; цѣломудріе, когда обуздываютъ «движенія естественны», и, наконецъ, кротость къ подчиненнымъ». «Иже, заключаетъ Максимъ, треми сими добробродѣтельми правитъ жизнь свою, суще во истину царь православенъ, образъ воодушевленъ самого царя небеснаго».

При общественномъ неустройствѣ, при неопредѣленности въ отношеніяхъ къ власти и при сильномъ тяготѣніи Москвы къ власти надъ остальными областями и обществомъ, являлась необходимость въ особенномъ родѣ защиты, которая выходила изъ круга законныхъ мѣръ, а потому совершенно подлежала случайности. Такою мѣрою было «печалованіе». Въ древнихъ наставленіяхъ говорится: «Аще имѣеши дерзновеніе къ царемъ — поскорби обидимы видя». Правомъ печалованія по преимуществу пользовалась духовная власть, въ силу того вліянія, какое она имѣла въ древней Руси. Вотъ почему къ ней обращались опальные и угнетенные съ просьбами о защитѣ. Печалованіе было до того необходимымъ вслѣдствіе представленныхъ выше причинъ, что лишеніе его, въ лицѣ вліятельнаго человѣка, для цѣлой области казалось предвѣстникомъ бѣдствій. Максимъ Грекъ самъ принималъ участіе въ печалованіи и побуждалъ къ къ этому митрополита Макарія, Адашева и Сильвестра, которые въ особенности могли помочь въ такомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ и въ своихъ сочиненіяхъ, обращенныхъ къ властямъ, и въ самой жизни, Максимъ представляется намъ однимъ изъ печальниковъ древней Руси. Кромѣ того, почти во всѣхъ своихъ нравственныхъ обличеніяхъ, онъ является защитникомъ интересовъ слабыхъ и угнетенныхъ противъ притѣсненій сильныхъ.

Но сильно развившаяся государственная власть въ печалованіи видѣла ограниченіе, и потому старалась противодѣйствовать или, по крайней мѣрѣ, умень-

свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе.» Можетъ быть, Михаилъ, тяжко испытанный жизнью, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою на честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду государя и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго. Онъ стыдился притомъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости. Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первою жертвою своему честолюбію. Братья Елены, кн. Юрій и Михаилъ Глинскіе, люди, выдвинутые единственно родствомъ съ правительницею, уничтожались передъ Оболенскимъ. Но сильнѣйшую партію противъ него составляли кн. Шуйскіе, Василій, старшій бояринъ въ княжескомъ совѣтѣ, братъ его Иванъ, кн. Иванъ и Андрей Михайловичи. Къ нимъ присоединились другіе знатнѣйшіе роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурлятевы, Скопины, Бутурлины, Темкины. Всѣ ненавидѣли Елену и литовцевъ, втѣснившихся въ милость государя, ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть государствомъ самовластно. Еще отдѣльную партію придворную составляли кн. Бѣльскіе, любимецъ Василія Иванъ Ѳедоровичъ и братья его Симеонъ и Димитрій. Одаренные способностями государственными, они были не любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ, Воротынскій и другіе мужи знаменитые, желавшіе добра и чести отечеству. Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не пристававшихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались Захарьины, Нагіе, Адашевы, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ придворнаго вельможества по кончинѣ Василія. Намъ необходимо узнать предварительно общій характеръ и части его, ибо отнынѣ ему надлежало править государствомъ. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить и погубили добрыя свойства души юнаго государя, были причиною бѣдствій, потрясшихъ Русскую землю въ основаніи! Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри,—и имъ ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа? Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько же позора и погибели пало черезъ то на Русскую землю...

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ; это былъ Михаилъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить умнѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ—Бѣльскихъ. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія, царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго государя, возобновивъ древнія права первородства. И ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло, исполненіе отважно, но удачно; Оболенскій хо-

эстества. Разумъ, кромѣ того что украшаетъ человѣка мудростію и правдою может еще направлять и внѣшніе члены на правый путь: онъ удерживаетъ глаза отъ блуднаго наслажденія чужою красотою, слухъ (уши) отъ постыдныхъ пѣсней и завистливыхъ клеветъ, языкъ отъ выраженія досады и злословія, наконецъ руки отъ похищенія чужихъ имѣній. Самое необходимое для царя правда, о которой Максимъ совѣтуетъ позаботиться великому князю. Мы, продолжаетъ онъ, всю надежду спасенія полагаемъ въ лишеніи мясъ, рыбы и масла, а между тѣмъ всевозможнымъ образомъ обижаемъ своихъ подчиненныхъ. Хорошимъ и желающимъ добра совѣтникомъ считай не того, кто побуждаетъ тебя на войну, но того, кто совѣтуетъ имѣть миръ со всѣми сосѣдними державами. Только душевная красота, т. е. правда, имѣетъ значеніе, а внѣшняя и тѣлесная есть временная и ложная; она затемняетъ душу и дѣлаетъ ее мерзкою. Позаботься же, о благовѣрнѣйшій царю, получить разумную красоту души, которая нетлѣнна. Самая свѣтлая планета—солнце, потому что оно одно освѣщаетъ вселенную, а ему подобна душа царя, украшенная правдою, кротостью, чистотою и щедростью. Царь своимъ примѣромъ побуждаетъ на добрыя дѣла и подданныхъ, подобно тому, какъ солнце своею теплотою оплодотворяетъ землю. Но какъ небольшое облако, закрывъ солнце, лишаетъ вселенную прежняго свѣта, такъ и душа царя, если подчинится страстямъ, то помрачится, а все подвластное царю поколеблется и смутится мятежною бурею частыхъ волненій. Много трезвости требуетъ царскій умъ, чтобы богоугодно управлять врученнымъ ему царствомъ».

Извѣстно чѣмъ кончилось печалованіе митрополита Филиппа. Іоаннъ даже требовалъ у духовенства отреченія отъ обычая печаловаться...... И представители духовной власти въ этомъ случаѣ противорѣчили своимъ собственнымъ дѣйствіямъ: они хотѣли одною рукою удержать то, что создавали другою. Самъ Максимъ Грекъ въ развитіи понятія о власти былъ только продолжателемъ основныхъ взглядовъ своихъ предшественниковъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ

для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ

СРЕДНЕУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОСТАВЛЕНА

Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке),
по Фонтанкѣ № 99.
1878.

щими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ кн. Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго вельможу у государя и государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею, питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. Напримѣръ, любя охоту, онъ любилъ не убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а бояре говорили: «Пусть державный веселится!» Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о кн. Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтренность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы великій князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ казни въ кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, государевы дяди, князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые: первый засѣдалъ въ думѣ; вторый имѣлъ знатный санъ конюшаго. Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племянику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ бояръ и ругаются надъ самимъ государемъ, угрожая смертью всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ-Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ, объявилъ съ твердостью, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю, что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: кн. Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ истерзали, умертвили сего знатнѣйшаго вельможу. Шуйскіе и друзья ихъ безмолствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ, ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли, отнималъ дворянскія

Смутное время.

Стран.

V

Стран.

...Алексѣя Михайловича.

Стран.

Царствованіе Михаила Өеодоровича.

Западная Россія подъ польско-литовскимъ владычествомъ въ XVI и XVII ст.

Стран.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Стран.

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

Обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства.

воли государя. Оболенскій казался изумленнымъ, объявилъ Андрею, что теперь поневолѣ не можетъ исполнить своихъ обѣщаній. Андрей отвезенъ былъ прямо въ темницу; жену и сына разлучили съ нимъ и посадили подъ стражу отдѣльно. Бояръ и сановниковъ Андрея, кн. Пронскихъ, Палецкихъ, Хованскихъ, также родовыхъ бояръ его Колычевыхъ, Валуевыхъ, допрашивали о мнимомъ заговорѣ противъ великаго князя, пытали ихъ, сѣкли кнутомъ, заключали въ темницы; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ мученіяхъ. Тридцать дѣтей боярскихъ было повѣшено въ разныхъ мѣстахъ, по дорогѣ отъ Москвы до Новгорода. Черезъ полгода объявили народу, что измѣнникъ князь Андрей умеръ волею Божіею въ заключеніи своемъ. Андрей былъ умерщвленъ 10-го декабря 1537 г. Жена и сынъ его остались въ заключеніи.

Здѣсь былъ предѣлъ самовластію слабой Елены и ея жестокаго любимца. Въ февралѣ 1538 г. Елена возвратилась съ великолѣпнымъ дворомъ своимъ съ богомолья въ Можайскъ, гдѣ находился чудотворный образъ Св. Николая, и куда супругъ ея ѣздилъ ежегодно; а 3-го апрѣля жестокій ядъ прекратилъ дни правительницы! Дотолѣ бодрый, Оболенскій оказалъ удивительное малодушіе: въ отчаяніи обнималъ онъ малолѣтняго Іоанна, плакалъ неутѣшно, рыдалъ надъ гробомъ Елены и только! Въ испугѣ, онъ, конечно, думалъ, что теперь ничто не спасетъ его отъ злобы враговъ, и не дѣлалъ даже никакихъ усилій поддержать власть свою, противиться своимъ непріятелямъ. Робко ожидалъ бѣдный временщикъ совершенія судьбы. Апрѣля 9-го, по опредѣленію боярской думы, власть и попечительство надъ государемъ вручили Василію Васильевичу Шуйскому. Оболенскій находился въ комнатѣ Іоанна, вмѣстѣ съ мамушкою юнаго великаго князя, своею сестрою, когда явились воины и, именемъ старшаго боярина и боярской думы, вырвали его и сестру его изъ объятій Іоанна, нѣжно любившаго ихъ, горестно плакавшаго и умолявшаго не трогать мамушки и брата ея. Агриппину послали въ Каргополь, и тамъ постригли въ монахини. Оболенскій, четыре года властвовавшій надъ Русью и государемъ ея, безъ суда обреченъ на ужасную смерть: его уморили голодомъ.

II. ВОСПИТАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО И СБЛИЖЕНІЕ СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ правителяхъ государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, Іоаннъ былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникаю-

I. ПРАВЛЕНІЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ.

(Изъ «Исторіи русскаго народа» Полеваго).

Василій оставилъ двухъ сыновей. Старшему, Іоанну, было три года, младшему, Георгію, немного болѣе года. Іоанну передалъ онъ великое княженіе. За нѣсколько дней до смерти, уже предчувствуя близкую кончину, Василій говорилъ братьямъ своимъ Юрію и Андрею Іоанновичамъ, митрополиту и ближнимъ боярамъ: «Приказываю своего сына, великаго князя Ивана, Богу, Пречистой Богородицѣ, св. чудотворцамъ, и тебѣ, отцу своему, Даніилу митрополиту. Даю ему все государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Руси. А вы, мои, братья, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ присяга и записи между нами; о земскомъ строеніи и о разныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стойте обще, да будетъ рука православныхъ христіанъ высока надъ бусурманствомъ. А вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата, какъ служили мнѣ, такъ служите и сыну моему; на недруговъ будьте заодинъ, христіанство берегите, будьте прямы и неподвижны.» Отпустивъ отъ себя братьевъ и митрополита, оставшись съ своими приближенными, князьями Бѣльскими, Шуйскими, Горбатымъ, Глинскимъ, Василій говорилъ имъ: «Отъ Владиміра кіевскаго ведется наше государство: мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре. Постойте же крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ, была бы въ семьѣ правда, и въ васъ бы розни никакой не было».

Но трехлѣтній Іоаннъ не могъ самъ управлять государствомъ. Кому-же приказывалъ государство Василій? Не знаемъ, ибо духовная Василія не дошла до насъ. За день до кончины, четыре часа бесѣдовалъ Василій съ княземъ Шуйскимъ, Воронцовыми, Михаиломъ Захарьинымъ, Тучковымъ, Глинскимъ, Шигоною, Головинымъ, дьяками Пушинымъ и Мишуринымъ; говорилъ съ ними о сынѣ своемъ, объ «устроеніи земскомъ, какъ быть и какъ править послѣ него государство, и о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, и какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться». И такъ онъ оставлялъ послѣ себя государство Еленѣ? Нѣтъ. Когда принесли дѣтей прощаться съ Василіемъ, и Елена со слезами спрашивала у него: «На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?» Василій твердо отвѣчалъ: «Государствомъ и великимъ княженіемъ благословляю сына Ивана,

а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ писывали отцы и прародители прежнимъ великимъ княгинямъ».—Слѣдовательно не Еленѣ повелѣвалъ онъ править государствомъ, ибо никогда прежде, со временъ Ольги, не было примѣра, чтобы женщинѣ, и при томъ юной женѣ, приказывали русскіе повелители свою землю. Въ духовныхъ означались только удѣлы вдовамъ великихъ князей. Вѣроятно, избранный совѣтъ и братья Василія должны были управлять послѣ него государствомъ; но сильная крамола приверженцевъ Елены мгновенно ниспровергла всѣ распоряженія великаго князя. Едва закрылъ глаза Василій, митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ. Братья Василія клялись: «Служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; жить на своихъ удѣлахъ и стоять въ правдѣ, въ чемъ цѣловали крестъ брату своему великому князю Василію Ивановичу и крѣпости ему дали; государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть; противъ недруговъ его и своихъ, бусурманства и латинства, стоять прямо, обще и заодинъ». Бояре сановники и всѣ другіе клялись «великому князю Ивану и его матери великой княгинѣ Еленѣ хотѣть добра вправду».

Такимъ образомъ неожиданно племянницѣ измѣника Глинскаго, литвянкѣ, юной вдовѣ, досталось правленіе государствомъ. Вельможество придворное, забравшее въ свои руки дѣла въ послѣдніе годы царствованія Василія, окружило крамолою младенца и мать его, женщину еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подверженную страстямъ пылкимъ, неопытную и нелюбимую народомъ. Еще всѣ помнили, еще скорбѣли объ участи несчастной Соломоніи; ненавидѣли самый родъ Глинскихъ. Тѣмъ болѣе съ завистью взирали царедворцы на этихъ пришельцевъ, изъ тюрьмы и отъ опалы перешедшихъ къ милости и трону.

Не оставалось сомнѣнія, что главнымъ лицомъ въ дѣлахъ правленія будетъ отнынѣ кн. Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій-Телепневъ-Овчина, имѣвшій знаменитый санъ боярина и конюшаго, любимецъ Елены, еще юный, одаренный необыкновенною храбростью и замѣчательнымъ умомъ. Съ нимъ въ дружбѣ и согласіи былъ митрополитъ Даніилъ. Мамушка юнаго Іоанна, Агриппина Челяднина, была сестра Оболенскаго; онъ могъ по своей волѣ управлять мыслями Елены и воспитаніемъ малолѣтняго государя. Вѣрными его сообщниками были братъ его Ѳеодоръ, двое другихъ Оболенскихъ,—кн. Борисъ и Михаилъ Горбатые.

Можно было полагать, что дядя Елены, знаменитый Михаилъ Глинскій, также сдѣлается государственнымъ дѣятелемъ, по родству своему, лѣтамъ, опытности, завѣтамъ Василія, даже по уваженію къ несчастіямъ его жизни. Но никто при дворѣ не любилъ и не уважалъ Михаила Глинскаго. Ненавистное имя литовскаго измѣнника и долговременное заключеніе его въ темницѣ не были заглажены ни милостями, ни любовью Василія впослѣдствіи. Михаила Глинскаго только терпѣли, ради родства его съ Еленою; имѣя званіе боярина, онъ не обладалъ ни дружбою, ни довѣренностью другихъ. Умирая, Василій видѣлъ въ немъ высшую опору государства и говорилъ боярамъ своимъ: «Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій; но не дерзайте думать, что онъ пріѣзжій: держите его за здѣшняго урожденца; онъ мнѣ прямой слуга; будьте съ нимъ сообща, и дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте съ нимъ за одно. А ты, Михайло, будь вѣренъ, не пощади живота за княгиню мою и дѣтей моихъ; пролей за нихъ кровь

свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе.» Можетъ быть, Михаилъ, тяжко испытанный жизнью, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою на честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду государя и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго. Онъ стыдился притомъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости. Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первою жертвою своему честолюбію. Братья Елены, кн. Юрій и Михаилъ Глинскіе, люди, выдвинутые единственно родствомъ съ правительницею, уничтожались передъ Оболенскимъ. Но сильнѣйшую партію противъ него составляли кн. Шуйскіе, Василій, старшій бояринъ въ княжескомъ совѣтѣ, братъ его Иванъ, кн. Иванъ и Андрей Михайловичи. Къ нимъ присоединились другіе знатнѣйшіе роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурлятевы, Скопины, Бутурлины, Темкины. Всѣ ненавидѣли Елену и литовцевъ, втѣснившихся въ милость государя, ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть государствомъ самовластно. Еще отдѣльную партію придворную составляли кн. Бѣльскіе, любимецъ Василія Иванъ Ѳедоровичъ и братья его Симеонъ и Димитрій. Одаренные способностями государственными, они были не любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ, Воротынскій и другіе мужи знаменитые, желавшіе добра и чести отечеству. Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не пристававшихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались Захарьины, Нагіе, Адашевы, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ придворнаго вельможества по кончинѣ Василія. Намъ необходимо узнать предварительно общій характеръ и части его, ибо отнынѣ ему надлежало править государствомъ. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить и погубили добрыя свойства души юнаго государя, были причиною бѣдствій, потрясшихъ Русскую землю въ основаніи! Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри,—и имъ ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа? Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько же позора и погибели пало черезъ то на Русскую землю...

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ; это былъ Михаилъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить умнѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ—Бѣльскихъ. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія, царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго государя, возобновивъ древнія права первородства. И ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло, исполненіе отважно, но удачно; Оболенскій хо-

рошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ Ногаямъ, въ Казань, съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ, какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея изъ лагеря подъ Коломною, онъ и храбрый воевода Ляцкій съ сыномъ бѣжали въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Заботясь о защитѣ Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ, Оболенскій такъ-же ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями, и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1535 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда-же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе, предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна; онъ успѣвалъ еще и сопровождать Елену на богомолья, которыми хотѣла она доказывать народу свое благочестіе.

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира (1535 г.); казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Кораковымъ, казнили въ

Москвѣ, какъ непослушныхъ присяжниковъ Іоанна (1536 г.). Здѣсь видимъ однакожь справедливость и умѣренность въ наказаніи. Но жестокость другихъ поступковъ показывала въ могущественномъ Оболенскомъ свирѣпаго вельможу, который ничего не щадитъ для собственной своей безопасности; судьба Михаила Глинскаго и дядей Іоанна, несчастныхъ Юрія и Андрея Іоанновичей, лежитъ позоромъ на памяти любимца Елены.

Мы видѣли, что, съ самаго вступленія Елены въ правленіе, Иванъ Бѣльскій, Андрей Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дядя малолѣтнаго Іоанна, князь Юрій, были обречены на жестокое заключеніе. Не прошло года, и Михаилъ Глинскій умеръ въ темницѣ. Знаменитаго вельможу, старца, роднаго дядю Елены, схоронили безъ всякой чести на погостѣ одной изъ бѣдныхъ церквей московскихъ. Народъ возропталъ такъ, что, для успокоенія его, велѣно было вырыть гробъ Глинскаго и отвезти въ Троицко-Сергіевскую обитель. Съ ужасомъ говорили въ Москвѣ, что Глинскій умеръ въ нуждѣ темничной, отъ лихихъ людей. Затѣмъ, почти послѣ трехлѣтней неволи, Юрій Іоанновичъ скончался въ темницѣ своей, 26 августа 1536 года, отъ голода, какъ говорила общая молва. Юрія съ честью похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, и немедленно потребовали въ Москву Андрея Іоанновича. Видя, что три года совершенной покорности не ограждаютъ его, Андрей былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ, не смѣлъ ѣхать, не смѣлъ отказаться, и наконецъ увѣдомилъ племяника, что, за тяжкою болѣзнью, ѣхать не можетъ. „Отъ болѣзни и кручины въ бѣдѣ моей, я потерялъ умъ и мысли. Неужели велите меня, больнаго и безумнаго, волочить къ Москвѣ?“ униженно писалъ Андрей. „Покажите милость; согрѣйте мнѣ сердце, холопу своему, вашимъ жалованьемъ!“ Оболенскій ничему не внималъ. Андрея окружалъ знаменитый дворъ, знатные люди, сильная дружина. Послали лекаря Ѳеофила узнать болѣзнь его, а Досиѳея, владыку Крутицкаго, сказать Андрею, что „никакого лиха ему не будетъ“, но за непослушаніе митрополитъ и церковь проклянутъ его, какъ злодѣя. Оболенскій выступилъ изъ Москвы по слѣдамъ посланныхъ къ Андрею съ воинскими дружинами. Вскорѣ Ѳеофилъ донесъ, что Андрей только притворяется больнымъ, а владыка Досиѳей извѣщалъ, что Андрей не слушаетъ словъ его. Тогда обвинили несчастнаго князя въ зломъ умыслѣ. Къ несчастью, онъ подтвердилъ сіе обвиненіе, въ отчаяніи согласясь на совѣтъ приближенныхъ своихъ, уговаривавшихъ его бѣжать изъ Старицы, гдѣ жилъ онъ дотолѣ, завладѣть Новгородомъ и объявить себя великимъ княземъ, или, по крайней мѣрѣ, правителемъ государства, по малолѣтству своего племяника. Разославъ грамоты по городамъ съ укоризненными словами противъ Елены и бояръ-правителей, Андрей выступилъ къ Новгороду, медлилъ, и повернулъ въ сторону, когда услышалъ, что Новгородъ успѣли защитить противъ него сильнымъ войскомъ. Оболенскій окружилъ Андрея и дружину его со всѣхъ сторонъ. Андрей хотѣлъ сражаться; но Оболенскій рѣшилъ дѣло безъ кровопролитія, хитростью: онъ ручался за безопасность князя, если только тотъ покорится добровольно, и просилъ его не проливать крови христіанской напрасно. Несчастный сынъ Іоанна III повѣрилъ всему; людей его обезоружили, и его самого, съ женою, сыномъ Владиміромъ и со всѣмъ дворомъ повезли въ Москву. При въѣздѣ въ городъ, посланный отъ Елены возвѣстилъ притворный гнѣвъ ея и опалу Оболенскому за то, что онъ договаривался съ измѣнникомъ—княземъ старицкимъ безъ

Стран.

Царствованіе Михаила Θеодоровича.

Западная Россія подъ польско-литовскимъ владычествомъ въ XVI и XVII ст.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Стран.

Царствованіе Θеодора Алексѣевича.

Обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства.

Стран.

ложилъ святителямъ устроить церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами невѣждами, но и самые нравы духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей алтаря; уставить благочиніе, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить христіанство россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія собора, который назвали Стоглавнымъ по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ.

Къ симъ, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежитъ и замыселъ его обогатить Россію плодами искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиттъ въ 1547 г. былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ и наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, распрашивалъ его съ любопытствомъ, предложилъ ему ѣхать отъ насъ посланникомъ въ Нѣмецкую землю, чтобы вывести оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лѣкарей, аптекарей, типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ, даже теологовъ. Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ государю и Россіи. Онъ нашелъ императора, Карла V въ Аугсбургѣ на сеймѣ, вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе царя, но съ условіемъ, чтобы Шлиттъ именемъ Іоанновымъ обязался клятвенно не выпускать ученыхъ и художниковъ изъ России въ Турцію, и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой имперіи. Карлъ V далъ нашему посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей годныхъ для службы царя, а Шлиттъ набралъ болѣе ста двадцати человѣкъ и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все разрушилось отъ низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонскаго ордена. Они боялись нашего просвѣщенія, думали, что Россія сдѣлается оттого еще сильнѣе, опаснѣе для сосѣднихъ державъ, и своими коварными представленіями заставили императора думать такъ же: вслѣдствіе этого сенаторы любекскіе беззаконно посадили Шлитта въ темницу. Многочисленные спутники его разсѣялись, и долго Іоаннъ не зналъ о несчастной судьбѣ своего посланника, который, бѣжалъ наконецъ изъ заключенія, уже въ 1557 г. возвратился въ Москву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и съ разными легкомысленными предложеніями, напримѣръ: чтобы царь помогалъ императору людьми и деньгами въ войнѣ турецкой, далъ ему аманатовъ (заложниковъ) (двадцать пять князей и бояръ) въ залогъ вѣрности, обѣщалъ соединить церковь нашу съ латинскою, имѣлъ всегдашняго посла при дворѣ Карла, основалъ орденъ для россіянъ и чужестранцевъ, нанялъ 6000 нѣмецкихъ воиновъ, учредилъ почту отъ Москвы до Аугсбурга, и проч. Хотя благое намѣреніе царя не исполнилось совершенно отъ недоброжелательства любчанъ и правительства ливонскаго, однакожь многіе изъ нѣмецкихъ художниковъ, остановленныхъ въ Любекѣ, вопреки запрещенію императора и магистра ливонскаго, умѣли тайно проѣхать въ Россію и были ей полезными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго образованія.

Сіе истинно царское дѣло совершалось подъ звукъ оружія и побѣдъ, тогда необходимыхъ для благоденствія Россіи.

I. ПРАВЛЕНІЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ.

(Изъ «Исторіи русскаго народа» Полеваго).

Василій оставилъ двухъ сыновей. Старшему, Іоанну, было три года, младшему, Георгію, немного болѣе года. Іоанну передалъ онъ великое княженіе. За нѣсколько дней до смерти, уже предчувствуя близкую кончину, Василій говорилъ братьямъ своимъ Юрію и Андрею Іоанновичамъ, митрополиту и ближнимъ боярамъ: «Приказываю своего сына, великаго князя Ивана, Богу, Пречистой Богородицѣ, св. чудотворцамъ, и тебѣ, отцу своему, Даніилу митрополиту. Даю ему все государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Руси. А вы, мои, братья, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ присяга и записи между нами; о земскомъ строеніи и о разныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стойте обще, да будетъ рука православныхъ христіанъ высока надъ бусурманствомъ. А вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата, какъ служили мнѣ, такъ служите и сыну моему; на недруговъ будьте заодинъ, христіанство берегите, будьте прямы и неподвижны.» Отпустивъ отъ себя братьевъ и митрополита, оставшись съ своими приближенными, князьями Бѣльскими, Шуйскими, Горбатымъ, Глинскимъ, Василій говорилъ имъ: «Отъ Владиміра кіевскаго ведется наше государство: мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре. Постойте же крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ, была бы въ семьѣ правда, и въ васъ бы розни никакой не было».

Но трехлѣтній Іоаннъ не могъ самъ управлять государствомъ. Комуже приказывалъ государство Василій? Не знаемъ, ибо духовная Василія не дошла до насъ. За день до кончины, четыре часа бесѣдовалъ Василій съ княземъ Шуйскимъ, Воронцовыми, Михаиломъ Захарьинымъ, Тучковымъ, Глинскимъ, Шигоною, Головинымъ, дьяками Пушинымъ и Мишуринымъ; говорилъ съ ними о сынѣ своемъ, объ «устроеніи земскомъ, какъ быть и какъ править послѣ него государство, и о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, и какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться». И такъ онъ оставлялъ послѣ себя государство Еленѣ? Нѣтъ. Когда принесли дѣтей прощаться съ Василіемъ, и Елена со слезами спрашивала у него: «На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?» Василій твердо отвѣчалъ: «Государствомъ и великимъ княженіемъ благословляю сына Ивана,

а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ писывали отцы и прародители прежнимъ великимъ княгинямъ».—Слѣдовательно не Еленѣ повелѣвалъ онъ править государствомъ, ибо никогда прежде, со временъ Ольги, не было примѣра, чтобы женщинѣ, и при томъ юной женѣ, приказывали русскіе повелители свою землю. Въ духовныхъ означались только удѣлы вдовамъ великихъ князей. Вѣроятно, избранный совѣтъ и братья Василія должны были управлять послѣ него государствомъ; но сильная крамола приверженцевъ Елены мгновенно ниспровергла всѣ распоряженія великаго князя. Едва закрылъ глаза Василій, митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ. Братья Василія клялись: «Служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; жить на своихъ удѣлахъ и стоять въ правдѣ, въ чемъ цѣловали крестъ брату своему великому князю Василію Ивановичу и крѣпости ему дали; государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть; противъ недруговъ его и своихъ, бусурманства и латинства, стоять прямо, обще и заодинъ». Бояре сановники и всѣ другіе клялись «великому князю Ивану и его матери великой княгинѣ Еленѣ хотѣть добра вправду».

Такимъ образомъ неожиданно племянницѣ измѣнника Глинскаго, литвянкѣ, юной вдовѣ, досталось правленіе государствомъ. Вельможество придворное, забравшее въ свои руки дѣла въ послѣдніе годы царствованія Василія, окружило крамолою младенца и мать его, женщину еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подверженную страстямъ пылкимъ, неопытную и нелюбимую народомъ. Еще всѣ помнили, еще скорбѣли объ участи несчастной Соломоніи; ненавидѣли самый родъ Глинскихъ. Тѣмъ болѣе съ завистью взирали царедворцы на этихъ пришельцевъ, изъ тюрьмы и отъ опалы перешедшихъ къ милости и трону.

Не оставалось сомнѣнія, что главнымъ лицомъ въ дѣлахъ правленія будетъ отнынѣ кн. Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій-Телепневъ-Овчина, имѣвшій знаменитый санъ боярина и конюшаго, любимецъ Елены, еще юный, одаренный необыкновенною храбростью и замѣчательнымъ умомъ. Съ нимъ въ дружбѣ и согласіи былъ митрополитъ Даніилъ. Мамушка юнаго Іоанна, Агриппина Челяднина, была сестра Оболенскаго; онъ могъ по своей волѣ управлять мыслями Елены и воспитаніемъ малолѣтняго государя. Вѣрными его сообщниками были братъ его Ѳеодоръ, двое другихъ Оболенскихъ,—кн. Борисъ и Михаилъ Горбатые.

Можно было полагать, что дядя Елены, знаменитый Михаилъ Глинскій, также сдѣлается государственнымъ дѣятелемъ, по родству своему, лѣтамъ, опытности, завѣтамъ Василія, даже по уваженію къ несчастіямъ его жизни. Но никто при дворѣ не любилъ и не уважалъ Михаила Глинскаго. Ненавистное имя литовскаго измѣнника и долговременное заключеніе его въ темницѣ не были заглажены ни милостями, ни любовью Василія впослѣдствіи. Михаила Глинскаго только терпѣли, ради родства его съ Еленою; имѣя званіе боярина, онъ не обладалъ ни дружбою, ни довѣренностью другихъ. Умирая, Василій видѣлъ въ немъ высшую опору государства и говорилъ боярамъ своимъ: «Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій; но не дерзайте думать, что онъ пріѣзжій: держите его за здѣшняго урожденца; онъ мнѣ прямой слуга; будьте съ нимъ сообща, и дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте съ нимъ за одно. А ты, Михайло, будь вѣренъ, не пощади живота за княгиню мою и дѣтей моихъ; пролей за нихъ кровь

свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе.» Можетъ быть, Михаилъ, тяжко испытанный жизнью, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою на честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду государя и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго. Онъ стыдился притомъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости. Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первою жертвою своему честолюбію. Братья Елены, кн. Юрій и Михаилъ Глинскіе, люди, выдвинутые единственно родствомъ съ правительницею, уничтожались передъ Оболенскимъ. Но сильнѣйшую партію противъ него составляли кн. Шуйскіе, Василій, старшій бояринъ въ княжескомъ совѣтѣ, братъ его Иванъ, кн. Иванъ и Андрей Михайловичи. Къ нимъ присоединились другіе знатнѣйшіе роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурлятевы, Скопины, Бутурлины, Темкины. Всѣ ненавидѣли Елену и литовцевъ, втѣснившихся въ милость государя, ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть государствомъ самовластно. Еще отдѣльную партію придворную составляли кн. Бѣльскіе, любимецъ Василія Иванъ Ѳедоровичъ и братья его Симеонъ и Димитрій. Одаренные способностями государственными, они были не любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ, Воротынскій и другіе мужи знаменитые, желавшіе добра и чести отечеству. Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не примыкавшихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались Захарьины, Нагіе, Адашевы, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ придворнаго вельможества по кончинѣ Василія. Намъ необходимо узнать предварительно общій характеръ и части его, ибо отнынѣ ему надлежало править государствомъ. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить и погубили добрыя свойства души юнаго государя, были причиною бѣдствій, потрясшихъ Русскую землю въ основаніи! Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри,—и имъ ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа? Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько же позора и погибели пало черезъ то на Русскую землю...

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ; это былъ Михаилъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить умнѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ—Бѣльскихъ. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія, царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго государя, возобновивъ древнія права первородства. И ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло, исполненіе отважно, но удачно; Оболенскій хо-

рошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ Ногаямъ, въ Казань, съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ, какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея изъ лагеря подъ Коломною, онъ и храбрый воевода Ляцкій съ сыномъ бѣжали въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолвствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Заботясь о защитѣ Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ, Оболенскій такъ-же ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями, и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1535 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда-же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе, предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна; онъ успѣвалъ еще и сопровождать Елену на богомолья, которыми хотѣла она доказывать народу свое благочестіе.

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира (1535 г.); казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Коряковымъ, казнили въ

Москвѣ, какъ непослушныхъ присяжниковъ Іоанна (1536 г.). Здѣсь видимъ однакожь справедливость и умѣренность въ наказаніи. Но жестокость другихъ поступковъ показывала въ могущественномъ Оболенскомъ свирѣпаго вельможу, который ничего не щадитъ для собственной своей безопасности; судьба Михаила Глинскаго и дядей Іоанна, несчастныхъ Юрія и Андрея Іоанновичей, лежитъ позоромъ на памяти любимца Елены.

Мы видѣли, что, съ самаго вступленія Елены въ правленіе, Иванъ Бѣльскій, Андрей Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дядя малолѣтнаго Іоанна, князь Юрій, были обречены на жестокое заключеніе. Не прошло года, и Михаилъ Глинскій умеръ въ темницѣ. Знаменитаго вельможу, старца, роднаго дядю Елены, схоронили безъ всякой чести на погостѣ одной изъ бѣдныхъ церквей московскихъ. Народъ возроптал такъ, что, для успокоенія его, велѣно было вырыть гробъ Глинскаго и отвезти въ Троицко-Сергіевскую обитель. Съ ужасомъ говорили въ Москвѣ, что Глинскій умеръ въ нуждѣ темничной, отъ лихихъ людей. Затѣмъ, почти послѣ трехлѣтней неволи, Юрій Іоанновичъ скончался въ темницѣ своей, 26 августа 1536 года, отъ голода, какъ говорила общая молва. Юрія съ честью похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, и немедленно потребовали въ Москву Андрея Іоанновича. Видя, что три года совершенной покорности не ограждаютъ его, Андрей былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ, не смѣлъ ѣхать, не смѣлъ отказаться, и наконецъ увѣдомилъ племяника, что, за тяжкою болѣзнью, ѣхать не можетъ. „Отъ болѣзни и кручины въ бѣдѣ моей, я потерялъ умъ и мысли. Неужели велите меня, больнаго и безумнаго, волочить къ Москвѣ?“ униженно писалъ Андрей. „Покажите милость: согрѣйте мнѣ сердце, холопу своему, вашимъ жалованьемъ!“ Оболенскій ничему не внималъ. Андрея окружалъ знаменитый дворъ, знатные люди, сильная дружина. Послали лекаря Ѳеофила узнать болѣзнь его, а Досиѳея, владыку Крутицкаго, сказать Андрею, что „никакого лиха ему не будетъ“, но за непослушаніе митрополитъ и церковь проклянутъ его, какъ злодѣя. Оболенскій выступилъ изъ Москвы по слѣдамъ посланныхъ къ Андрею съ воинскими дружинами. Вскорѣ Ѳеофилъ донесъ, что Андрей только притворяется больнымъ, а владыка Досиѳей извѣщалъ, что Андрей не слушаетъ словъ его. Тогда обвинили несчастнаго князя въ зломъ умыслѣ. Къ несчастью, онъ подтвердилъ сіе обвиненіе, въ отчаяніи согласясь на совѣтъ приближенныхъ своихъ, уговаривавшихъ его бѣжать изъ Старицы, гдѣ жилъ онъ дотолѣ, завладѣть Новгородомъ и объявить себя великимъ княземъ, или, по крайней мѣрѣ, правителемъ государства, по малолѣтству своего племяника. Разославъ грамоты по городамъ съ укоризненными словами противъ Елены и бояръ-правителей, Андрей выступилъ къ Новгороду, медлилъ, и повернулъ въ сторону, когда услышалъ, что Новгородъ успѣли защитить противъ него сильнымъ войскомъ. Оболенскій окружилъ Андрея и дружину его со всѣхъ сторонъ. Андрей хотѣлъ сражаться; но Оболенскій рѣшилъ дѣло безъ кровопролитія, хитростью: онъ ручался за безопасность князя, если только тотъ покорится добровольно, и просилъ его не проливать крови христіанской напрасно. Несчастный сынъ Іоанна III повѣрилъ всему; людей его обезоружили, и его самого, съ женою, сыномъ Владиміромъ и со всѣмъ дворомъ повезли въ Москву. При въѣздѣ въ городъ, посланный отъ Елены возвѣстилъ притворный гнѣвъ ея и опалу Оболенскому за то, что онъ договаривался съ измѣнникомъ—княземъ старицкимъ безъ

воли государя. Оболенскій казался изумленнымъ, объявилъ Андрею, что теперь поневолѣ не можетъ исполнить своихъ обѣщаній. Андрей отвезенъ былъ прямо въ темницу; жену и сына разлучили съ нимъ и посадили подъ стражу отдѣльно. Бояръ и сановниковъ Андрея, кн. Пронскихъ, Палецкихъ, Хованскихъ, также родовыхъ бояръ его Колычевыхъ, Валуевыхъ, допрашивали о мнимомъ заговорѣ противъ великаго князя, пытали ихъ, сѣкли кнутомъ, заключали въ темницы; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ мученіяхъ. Тридцать дѣтей боярскихъ было повѣшено въ разныхъ мѣстахъ, по дорогѣ отъ Москвы до Новгорода. Черезъ полгода объявили народу, что измѣнникъ князь Андрей умеръ волею Божіею въ заключеніи своемъ. Андрей былъ умерщвленъ 10-го декабря 1537 г. Жена и сынъ его остались въ заключеніи.

Здѣсь былъ предѣлъ самовластію слабой Елены и ея жестокаго любимца. Въ февралѣ 1538 г. Елена возвратилась съ великолѣпнымъ дворомъ своимъ съ богомолья въ Можайскъ, гдѣ находился чудотворный образъ Св. Николая, и куда супругъ ея ѣздилъ ежегодно; а 3-го апрѣля жестокій ядъ прекратилъ дни правительницы! Дотолѣ бодрый, Оболенскій оказалъ удивительное малодушіе: въ отчаяніи обнималъ онъ малолѣтняго Іоанна, плакалъ неутѣшно, рыдалъ надъ гробомъ Елены и только! Въ испугѣ, онъ, конечно, думалъ, что теперь ничто не спасетъ его отъ злобы враговъ, и не дѣлалъ даже никакихъ усилій поддержать власть свою, противиться своимъ непріятелямъ. Робко ожидалъ бѣдный временщикъ совершенія судьбы. Апрѣля 9-го, по опредѣленію боярской думы, власть и попечительство надъ государемъ вручили Василію Васильевичу Шуйскому. Оболенскій находился въ комнатѣ Іоанна, вмѣстѣ съ мамушкою юнаго великаго князя, своею сестрою, когда явились воины и, именемъ старшаго боярина и боярской думы, вырвали его и сестру его изъ объятій Іоанна, нѣжно любившаго ихъ, горестно плакавшаго и умолявшаго не трогать мамушки и брата ея. Агриппину послали въ Каргополь, и тамъ постригли въ монахини. Оболенскій, четыре года властвовавшій надъ Русью и государемъ ея, безъ суда обреченъ на ужасную смерть: его уморили голодомъ.

II. ВОСПИТАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО И СБЛИЖЕНІЕ СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ правителяхъ государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, Іоаннъ былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникаю-

щими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ кн. Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго вельможу у государя и государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею, питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. Напримѣръ, любя охоту, онъ любилъ не убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а бояре говорили: «Пусть державный веселится!» Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о кн. Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтренность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы великій князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ казни въ кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, государевы дяди, князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые: первый засѣдалъ въ думѣ; вторый имѣлъ знатный санъ конюшаго. Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племянику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ бояръ и ругаются надъ самимъ государемъ, угрожая смертью всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ-Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ, объявилъ съ твердостью, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю, что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: кн. Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ истерзали, умертвили сего знатнѣйшаго вельможу. Шуйскіе и друзья ихъ безмолствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ, ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли, отнималъ дворянскія

Стран.

Царствованіе Θеодора Алексѣевича.

Обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства.

1. Судъ царя и великаго князя судить боярамъ и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, а судомъ не дружить и не мстить никому, посуловъ (взятокъ) на судѣ не брать. Точно также и всякій судья на судѣ не долженъ брать посуловъ.

2. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ неправо рѣшатъ дѣло и обвинятъ кого несправедливо или списокъ подпишутъ и правую грамоту, и если разслѣдованіе покажетъ, что это сдѣлано безъ умысла, то бояринъ, окольничій, дворецкій, казначей и дьякъ не отвѣчаютъ, но рѣшеніе отмѣняется, и взятое должно быть возвращено.

3. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ, взявъ посулъ, рѣшитъ дѣло несправедливо, а разслѣдованіе обнаружитъ это, то неправильно обвиненный получаетъ съ виновныхъ судей свою потерю, пошлинъ царскихъ и великокняжескихъ и судебныхъ издержекъ взять съ нихъ и втрое подвергнуть наказанію, какое государь укажетъ.

6. А кто солжетъ на боярина, окольничаго, дворецкаго, казначея, дьяка или подъячаго, и по обыску ложь обнаружится, то такого жалобщика, сверхъ его вины, казнить торговою казнью, бить кнутомъ и ввергнуть въ тюрьму.

8. Брать боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку на судѣ отъ рублеваго дѣла на виноватомъ истцѣ или отвѣтчикѣ слѣдующія пошлины: боярину, или дворецкому, или казначею 11 денегъ, дьяку 7, подъячему 2; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то пошлины взымать по расчету, а больше того не брать; отъ записки подъячему не брать ничего. Если взято будетъ лишнее, то виновный платитъ втрое. Если послѣдуетъ жалоба на то, что взято лишнее, и она окажется ложною, то жалобщика казнить торговою казнью и заключить въ тюрьму.

14. На полѣ (судебномъ поединкѣ) долженъ биться боецъ съ бойцемъ, а небоецъ съ небойцемъ; а бойцу съ небойцемъ не биться. Но если небоецъ съ бойцемъ самъ пожелаетъ биться, то ему это разрѣшается.

19. Если ищетъ женщина, или малолѣтній, или старецъ, или больной, или калѣка, или священникъ, или монахъ, или монахиня, то для поединка имъ нанимать бойца, равно какъ и отвѣтчику. Крестъ цѣлуютъ истецъ и отвѣтчикъ, бьются же нанятые. Но если истецъ или отвѣтчикъ пожелаетъ самъ биться съ нанятымъ, то ему это разрѣшается.

26. Вознагражденіе за безчестіе дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія, опредѣлять по доходу съ того кормленія, какъ значится по книгамъ; женамъ ихъ за безчестіе вдвое. Дѣтямъ боярскимъ, получающимъ денежное жалованье, за безчестіе платить, въ размѣрѣ жалованья; женамъ ихъ вдвое. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ за безчестіе платить, какъ царь укажетъ; женамъ ихъ вдвое. Большимъ гостямъ безчестія 50 рублей, женамъ ихъ вдвое. Торговымъ людямъ, посадскимъ и всѣмъ среднимъ безчестія 5 рублей; женамъ ихъ вдвое. Боярскому человѣку доброму безчестія 5 рублей, если онъ не тіунъ и доводчикъ, женѣ его вдвое. Тіуну боярскому или доводчику или праветчику безчестіе платится въ размѣрѣ доходовъ; женамъ ихъ вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному за безчестіе рубль, женѣ его вдвое. Боярскому человѣку младшему или черному младшему городскому человѣку тоже рубль, а женамъ ихъ вдвое. За увѣчіе платится, смотря по увѣчію и по безчестію.

27. Если чужеземецъ будетъ искать на чужеземцѣ, то обвиняемый можетъ, какъ хочетъ, или присягать, что не виноватъ, или, положивъ у креста предметъ иска, предложить истцу взять его, принесши присягу. Если человѣкъ здѣшняго государства истецъ, а чужеземецъ отвѣтчикъ, или наоборотъ, то метать жребій, и чей жребій вынется, тому присягать.

52. Если кого приведутъ съ поличнымъ впервые, то его судить и собрать о немъ свѣдѣнія. Если по обыску назовутъ его лихимъ человѣкомъ, то его пытать, и если онъ скажетъ самъ на себя, то казнить смертью, а въ противномъ случаѣ предать пожизненному заключенію, истцу-же заплатить изъ его имущества. Если же по обыску скажутъ, что онъ человѣкъ добрый, то вести дѣло обыкновеннымъ порядкомъ.

I. ПРАВЛЕНІЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ.

(Изъ «Исторіи русскаго народа» Полеваго).

Василій оставилъ двухъ сыновей. Старшему, Іоанну, было три года, младшему, Георгію, немного болѣе года. Іоанну передалъ онъ великое княженіе. За нѣсколько дней до смерти, уже предчувствуя близкую кончину, Василій говорилъ братьямъ своимъ Юрію и Андрею Іоанновичамъ, митрополиту и ближнимъ боярамъ: «Приказываю своего сына, великаго князя Ивана, Богу, Пречистой Богородицѣ, св. чудотворцамъ, и тебѣ, отцу своему, Даніилу митрополиту. Даю ему все государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Руси. А вы, мои, братья, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ присяга и записи между нами; о земскомъ строеніи и о разныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стойте обще, да будетъ рука православныхъ христіанъ высока надъ бусурманствомъ. А вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата, какъ служили мнѣ, такъ служите и сыну моему; на недруговъ будьте заодинъ, христіанство берегите, будьте прямы и неподвижны.» Отпустивъ отъ себя братьевъ и митрополита, оставшись съ своими приближенными, князьями Бѣльскими, Шуйскими, Горбатымъ, Глинскимъ, Василій говорилъ имъ: «Отъ Владиміра кіевскаго ведется наше государство: мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре. Постойте же крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ, была бы въ семьѣ правда, и въ васъ бы розни никакой не было».

Но трехлѣтній Іоаннъ не могъ самъ управлять государствомъ. Кому-же приказывалъ государство Василій? Не знаемъ, ибо духовная Василія не дошла до насъ. За день до кончины, четыре часа бесѣдовалъ Василій съ княземъ Шуйскимъ, Воронцовыми, Михаиломъ Захарьинымъ, Тучковымъ, Глинскимъ, Шигоною, Головинымъ, дьяками Пушинымъ и Мишуринымъ; говорилъ съ ними о сынѣ своемъ, объ «устроеніи земскомъ, какъ быть и какъ править послѣ него государство, и о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, и какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться». И такъ онъ оставлялъ послѣ себя государство Еленѣ? Нѣтъ. Когда принесли дѣтей прощаться съ Василіемъ, и Елена со слезами спрашивала у него: «На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?» Василій твердо отвѣчалъ: «Государствомъ и великимъ княженіемъ благословляю сына Ивана,

а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ писывали отцы и прародители прежнимъ великимъ княгинямъ».—Слѣдовательно не Еленѣ повелѣвалъ онъ править государствомъ, ибо никогда прежде, со временъ Ольги, не было примѣра, чтобы женщинѣ, и при томъ юной женѣ, приказывали русскіе повелители свою землю. Въ духовныхъ означались только удѣлы вдовамъ великихъ князей. Вѣроятно, избранный совѣтъ и братья Василія должны были управлять послѣ него государствомъ; но сильная крамола приверженцевъ Елены мгновенно ниспровергла всѣ распоряженія великаго князя. Едва закрылъ глаза Василій, митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ. Братья Василія клялись: «Служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; жить на своихъ удѣлахъ и стоять въ правдѣ, въ чемъ цѣловали крестъ брату своему великому князю Василію Ивановичу и крѣпости ему дали; государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть; противъ недруговъ его и своихъ, бусурманства и латинства, стоять прямо, обще и заодинъ». Бояре сановники и всѣ другіе клялись «великому князю Ивану и его матери великой княгинѣ Еленѣ хотѣть добра вправду».

Такимъ образомъ неожиданно племянницѣ измѣника Глинскаго, литвянкѣ, юной вдовѣ, досталось правленіе государствомъ. Вельможество придворное, забравшее въ свои руки дѣла въ послѣдніе годы царствованія Василія, окружило крамолою младенца и мать его, женщину еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подверженную страстямъ пылкимъ, неопытную и нелюбимую народомъ. Еще всѣ помнили, еще скорбѣли объ участи несчастной Соломоніи; ненавидѣли самый родъ Глинскихъ. Тѣмъ болѣе съ завистью взирали царедворцы на этихъ пришельцевъ, изъ тюрьмы и отъ опалы перешедшихъ къ милости и трону.

Не оставалось сомнѣнія, что главнымъ лицомъ въ дѣлахъ правленія будетъ отнынѣ кн. Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій-Телепневъ-Овчина, имѣвшій знаменитый санъ боярина и конюшаго, любимецъ Елены, еще юный, одаренный необыкновенною храбростью и замѣчательнымъ умомъ. Съ нимъ въ дружбѣ и согласіи былъ митрополитъ Даніилъ. Мамушка юнаго Іоанна, Агриппина Челяднина, была сестра Оболенскаго; онъ могъ по своей волѣ управлять мыслями Елены и воспитаніемъ малолѣтняго государя. Вѣрными его сообщниками были братъ его Ѳеодоръ, двое другихъ Оболенскихъ,—кн. Борисъ и Михаилъ Горбатые.

Можно было полагать, что дядя Елены, знаменитый Михаилъ Глинскій, также сдѣлается государственнымъ дѣятелемъ, по родству своему, лѣтамъ, опытности, завѣтамъ Василія, даже по уваженію къ несчастіямъ его жизни. Но никто при дворѣ не любилъ и не уважалъ Михаила Глинскаго. Ненавистное имя литовскаго измѣнника и долговременное заключеніе его въ темницѣ не были заглажены ни милостями, ни любовью Василія впослѣдствіи. Михаила Глинскаго только терпѣли, ради родства его съ Еленою; имѣя званіе боярина, онъ не обладалъ ни дружбою, ни довѣренностью другихъ. Умирая, Василій видѣлъ въ немъ высшую опору государства и говорилъ боярамъ своимъ: «Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій; но не дерзайте думать, что онъ пріѣзжій: держите его за здѣшняго урожденца; онъ мнѣ прямой слуга; будьте съ нимъ сообща, и дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте съ нимъ за одно. А ты, Михайло, будь вѣренъ, не пощади живота за княгиню мою и дѣтей моихъ; пролей за нихъ кровь

свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе.» Можетъ быть, Михаилъ, тяжко испытанный жизнью, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою на честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду государя и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго. Онъ стыдился притомъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости. Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первою жертвою своему честолюбію. Братья Елены, кн. Юрій и Михаилъ Глинскіе, люди, выдвинутые единственно родствомъ съ правительницею, уничтожались передъ Оболенскимъ. Но сильнѣйшую партію противъ него составляли кн. Шуйскіе, Василій, старшій бояринъ въ княжескомъ совѣтѣ, братъ его Иванъ, кн. Иванъ и Андрей Михайловичи. Къ нимъ присоединились другіе знатнѣйшіе роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурлятевы, Скопины, Бутурлины, Темкины. Всѣ ненавидѣли Елену и литовцевъ, втѣснившихся въ милость государя, ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть государствомъ самовластно. Еще отдѣльную партію придворную составляли кн. Бѣльскіе, любимецъ Василія Иванъ Θедоровичъ и братья его Симеонъ и Димитрій. Одаренные способностями государственными, они были не любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ, Воротынскій и другіе мужи знаменитые, желавшіе добра и чести отечеству. Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не пристававшихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались Захарьины, Нагіе, Адашевы, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ придворнаго вельможества по кончинѣ Василія. Намъ необходимо узнать предварительно общій характеръ и части его, ибо отнынѣ ему надлежало править государствомъ. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить и погубили добрыя свойства души юнаго государя, были причиною бѣдствій, потрясшихъ Русскую землю въ основаніи! Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри,—и имъ ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа? Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько же позора и погибели пало черезъ то на Русскую землю...

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ; это былъ Михаилъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить умнѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ—Бѣльскихъ. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія, царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго государя, возобновивъ древнія права первородства. И ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло, исполненіе отважно, но удачно; Оболенскій хо-

рошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ Ногаямъ, въ Казань, съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ, какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея изъ лагеря подъ Коломною, онъ и храбрый воевода Ляцкій съ сыномъ бѣжали въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Заботясь о защитѣ Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ, Оболенскій такъ-же ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями, и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1535 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда-же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе, предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна; онъ успѣвалъ еще и сопровождать Елену на богомолья, которыми хотѣла она доказывать народу свое благочестіе.

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира (1535 г.); казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Коряковымъ, казнили въ

Москвѣ, какъ непослушныхъ присяжниковъ Іоанна (1536 г.). Здѣсь видимъ однакожь справедливость и умѣренность въ наказаніи. Но жестокость другихъ поступковъ показывала въ могущественномъ Оболенскомъ свирѣпаго вельможу, который ничего не щадитъ для собственной своей безопасности; судьба Михаила Глинскаго и дядей Іоанна, несчастныхъ Юрія и Андрея Іоанновичей, лежитъ позоромъ на памяти любимца Елены.

Мы видѣли, что, съ самаго вступленія Елены въ правленіе, Иванъ Бѣльскій, Андрей Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дядя малолѣтнаго Іоанна, князь Юрій, были обречены на жестокое заключеніе. Не прошло года, и Михаилъ Глинскій умеръ въ темницѣ. Знаменитаго вельможу, старца, роднаго дядю Елены, схоронили безъ всякой чести на погостѣ одной изъ бѣдныхъ церквей московскихъ. Народъ возроптала такъ, что, для успокоенія его, велѣно было вырыть гробъ Глинскаго и отвезти въ Троицко-Сергіевскую обитель. Съ ужасомъ говорили въ Москвѣ, что Глинскій умеръ въ нуждѣ темничной, отъ лихихъ людей. Затѣмъ, почти послѣ трехлѣтней неволи, Юрій Іоанновичъ скончался въ темницѣ своей, 26 августа 1536 года, отъ голода, какъ говорила общая молва. Юрія съ честью похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, и немедленно потребовали въ Москву Андрея Іоанновича. Видя, что три года совершенной покорности не ограждаютъ его, Андрей былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ, не смѣлъ ѣхать, не смѣлъ отказаться, и наконецъ увѣдомилъ племянника, что, за тяжкою болѣзнью, ѣхать не можетъ. „Отъ болѣзни и кручины въ бѣдѣ моей, я потерялъ умъ и мысли. Неужели велите меня, больнаго и безумнаго, волочить къ Москвѣ?“ униженно писалъ Андрей. „Покажите милость; согрѣйте мнѣ сердце, холопу своему, вашимъ жалованьемъ!“ Оболенскій ничему не внималъ. Андрея окружалъ знаменитый дворъ, знатные люди, сильная дружина. Послали лекаря Ѳеофила узнать болѣзнь его, а Досиѳея, владыку Крутицкаго, сказать Андрею, что „никакого лиха ему не будетъ“, но за непослушаніе митрополитъ и церковь проклянутъ его, какъ злодѣя. Оболенскій выступилъ изъ Москвы по слѣдамъ посланныхъ къ Андрею съ воинскими дружинами. Вскорѣ Ѳеофилъ донесъ, что Андрей только притворяется больнымъ, а владыка Досиѳей извѣщалъ, что Андрей не слушаетъ словъ его. Тогда обвинили несчастнаго князя въ зломъ умыслѣ. Къ несчастью, онъ подтвердилъ сіе обвиненіе, въ отчаяніи согласясь на совѣтъ приближенныхъ своихъ, уговаривавшихъ его бѣжать изъ Старицы, гдѣ жилъ онъ дотолѣ, завладѣть Новгородомъ и объявить себя великимъ княземъ, или, по крайней мѣрѣ, правителемъ государства, по малолѣтству своего племянника. Разославъ грамоты по городамъ съ укоризненными словами противъ Елены и бояръ-правителей, Андрей выступилъ къ Новгороду, медлилъ, и повернулъ въ сторону, когда услышалъ, что Новгородъ успѣли защитить противъ него сильнымъ войскомъ. Оболенскій окружилъ Андрея и дружину его со всѣхъ сторонъ. Андрей хотѣлъ сражаться; но Оболенскій рѣшилъ дѣло безъ кровопролитія, хитростью: онъ ручался за безопасность князя, если только тотъ покорится добровольно, и просилъ его не проливать крови христіанской напрасно. Несчастный сынъ Іоанна III повѣрилъ всему; людей его обезоружили, и его самого, съ женою, сыномъ Владиміромъ и со всѣмъ дворомъ повезли въ Москву. При въѣздѣ въ городъ, посланный отъ Елены возвѣстилъ притворный гнѣвъ ея и опалу Оболенскому за то, что онъ договаривался съ измѣнникомъ—княземъ старицкимъ безъ

Царствованіе Михаила Θеодоровича.

Западная Россія подъ польско-литовскимъ владычествомъ въ XVI и XVII ст.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Стран.

Царствованіе Θеодора Алексѣевича.

Обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства.

виновный, претерпѣвшій наказаніе, не лишался чрезъ то общественной довѣренности, хотя онъ уже замѣтилъ нѣкоторыя перемѣны, происшедшія, въ позднѣйшее время, во взглядѣ нашихъ предковъ на понятіе о чести.

Какъ средство, дополнительное къ другимъ наказаніямъ,—отрѣшеніе отъ должности слѣдовало само собою въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ подвергался смертной казни, лишенію свободы или ссылкѣ. Но, кромѣ того, оно назначалось также за нѣкоторыя другія преступленія, опредѣленныя въ законахъ. Такъ, по Судебнику, подъячіе и недѣльщики отрѣшались отъ должности: первые, когда находили у нихъ (за городомъ или на подворьѣ) списки съ судебныхъ дѣлъ, которыя должны были всегда храниться у дьяковъ; вторые, когда они брали посулъ, хотя-бы въ пользу постороннихъ лицъ. Достаточнымъ доказательствомъ въ этихъ преступленіяхъ считалось показаніе добрыхъ свидѣтелей, и виновные подвергались наказанію безъ суда.

Изъ различныхъ наказаній такъ называемыя вещныя, конфискація имуществъ и денежныя пени, являются въ исторіи ранѣе другихъ. Но въ началѣ своего учрежденія они извѣстны не болѣе, какъ средство частнаго вознагражденія, которымъ преступникъ примиряется съ самимъ оскорбленнымъ или его наслѣдниками, для предупрежденія съ ихъ стороны частной расправы или кровной мести. Только впослѣдствіи, съ развитіемъ верховной власти, они становятся предметомъ уголовнаго права. Варяго-Руссы еще застали въ нашемъ отечествѣ кровную месть во всей ея силѣ, и потому не могли рѣшиться уничтожить ее вдругъ, довольствуясь постепеннымъ ея ограниченіемъ. И такъ, верховная власть относительно большей части уголовныхъ преступленій, должна была терпѣть частную расправу; но, сознавая свое значеніе, не могла оставить безъ наказанія тѣхъ преступниковъ, которымъ не угрожала кровная месть со стороны оскорбленныхъ. Отсюда установленіе виры объясняется уже какъ право верховной власти подвергать наказанію преступниковъ за дѣйствія, нарушающія благосостояніе государства. Вмѣстѣ съ вирою, верховная власть ввела въ употребленіе конфискацію имуществъ для преступленій болѣе тяжкихъ или по крайней мѣрѣ болѣе предосудительныхъ, по понятіямъ древнихъ народовъ. Это отличительное свойство учрежденія въ Россіи вещныхъ наказаній тѣмъ болѣе замѣчательно, что, даже съ измѣненіемъ взгляда нашихъ предковъ на важность уголовныхъ преступленій и слѣдовательно на средства наказанія, которымъ они должны подвергаться, денежныя взысканія не только удержали важнѣйшее мѣсто въ уголовномъ правѣ, но даже до позднѣйшаго времени сохраняли характеръ своего первоначальнаго учрежденія.

Въ древнѣйшихъ источникахъ мы уже встрѣчаемъ указанія на конфискацію имуществъ, какъ на средство наказанія, весьма употребительное для нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленій. Съ утвержденіемъ единовластія, конфискація имуществъ должна была получить болѣе опредѣленныя правила, что дѣйствительно и было исполнено въ Судебникѣ Іоанна III, еще болѣе въ узаконеніяхъ Іоанна IV. Изъ его Судебника видно, что это средство наказанія соотвѣтствовало болѣе тяжкимъ преступленіямъ, обыкновенно подвергавшимъ преступника смертной казни. Эта конфискація была общая (исключалась только часть имущества, служившая для удовлетворенія истца), и законодатель не обращалъ никакого вниманія на женъ и дѣтей виновнаго, которыя, напротивъ, какъ мы сказали выше, часто испытывали сами злосчастный жребій мужа или отца.

Подъ именемъ денежныхъ взысканій въ уголовномъ правѣ разумѣются собственно тѣ пени, которыя взимаются верховною властью за дѣйствія, запрещенныя закономъ и противныя благосостоянію государства. На этомъ основаніи, говоря о денежныхъ взысканіяхъ въ древнемъ уголовномъ правѣ, мы должны отличать ихъ отъ вознагражденій натурою или деньгами, которыя получалъ, съ одной стороны, судья за свой трудъ, съ другой—истецъ, въ удовлетвореніе понесеннаго имъ убытка или оскорбленія. Здѣсь ограничимся разсмотрѣніемъ собственно денежныхъ штрафовъ въ томъ значеніи, какое они имѣютъ въ системѣ уголовнаго права.

I. ПРАВЛЕНІЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ.

(Изъ «Исторіи русскаго народа» Полевого).

Василій оставилъ двухъ сыновей. Старшему, Іоанну, было три года, младшему, Георгію, немного болѣе года. Іоанну передалъ онъ великое княженіе. За нѣсколько дней до смерти, уже предчувствуя близкую кончину, Василій говорилъ братьямъ своимъ Юрію и Андрею Іоанновичамъ, митрополиту и ближнимъ боярамъ: «Приказываю своего сына, великаго князя Ивана, Богу, Пречистой Богородицѣ, св. чудотворцамъ, и тебѣ, отцу своему, Даніилу митрополиту. Даю ему все государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Руси. А вы, мои, братья, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ присяга и записи между нами; о земскомъ строеніи и о разныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стойте обще, да будетъ рука православныхъ христіанъ высока надъ бусурманствомъ. А вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата, какъ служили мнѣ, такъ служите и сыну моему; на недруговъ будьте заодинъ, христіанство берегите, будьте прямы и неподвижны.» Отпустивъ отъ себя братьевъ и митрополита, оставшись съ своими приближенными, князьями Бѣльскими, Шуйскими, Горбатымъ, Глинскимъ, Василій говорилъ имъ: «Отъ Владиміра кіевскаго ведется наше государство: мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре. Постойте же крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ, была бы въ семьѣ правда, и въ васъ бы розни никакой не было».

Но трехлѣтній Іоаннъ не могъ самъ управлять государствомъ. Кому-же приказывалъ государство Василій? Не знаемъ, ибо духовная Василія не дошла до насъ. За день до кончины, четыре часа бесѣдовалъ Василій съ княземъ Шуйскимъ, Воронцовыми, Михаиломъ Захарьинымъ, Тучковымъ, Глинскимъ, Шигоною, Головинымъ, дьяками Пушинымъ и Мишуринымъ; говорилъ съ ними о сынѣ своемъ, объ «устроеніи земскомъ, какъ быть и какъ править послѣ него государство, и о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, и какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться». И такъ онъ оставлялъ послѣ себя государство Еленѣ? Нѣтъ. Когда принесли дѣтей прощаться съ Василіемъ, и Елена со слезами спрашивала у него: «На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?» Василій твердо отвѣчалъ: «Государствомъ и великимъ княженіемъ благословляю сына Ивана,

а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ писывали отцы и прародители прежнимъ великимъ княгинямъ».—Слѣдовательно не Еленѣ повелѣвалъ онъ править государствомъ, ибо никогда прежде, со временъ Ольги, не было примѣра, чтобы женщинѣ, и при томъ юной женѣ, приказывали русскіе повелители свою землю. Въ духовныхъ означались только удѣлы вдовамъ великихъ князей. Вѣроятно, избранный совѣтъ и братья Василія должны были управлять послѣ него государствомъ; но сильная крамола приверженцевъ Елены мгновенно ниспровергла всѣ распоряженія великаго князя. Едва закрылъ глаза Василій, митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ. Братья Василія клялись: «Служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; жить на своихъ удѣлахъ и стоять въ правдѣ, въ чемъ цѣловали крестъ брату своему великому князю Василію Ивановичу и крѣпости ему дали; государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть; противъ недруговъ его и своихъ, бусурманства и латинства, стоять прямо, обще и заодинъ». Бояре сановники и всѣ другіе клялись «великому князю Ивану и его матери великой княгинѣ Еленѣ хотѣть добра вправду».

Такимъ образомъ неожиданно племянницѣ измѣника Глинскаго, литвянкѣ, юной вдовѣ, досталось правленіе государствомъ. Вельможество придворное, забравшее въ свои руки дѣла въ послѣдніе годы царствованія Василія, окружило крамолою младенца и мать его, женщину еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подверженную страстямъ пылкимъ, неопытную и нелюбимую народомъ. Еще всѣ помнили, еще скорбѣли объ участи несчастной Соломоніи; ненавидѣли самый родъ Глинскихъ. Тѣмъ болѣе съ завистью взирали царедворцы на этихъ пришельцевъ, изъ тюрьмы и отъ опалы перешедшихъ къ милости и трону.

Не оставалось сомнѣнія, что главнымъ лицомъ въ дѣлахъ правленія будетъ отнынѣ кн. Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій-Телепневъ-Овчина, имѣвшій знаменитый санъ боярина и конюшаго, любимецъ Елены, еще юный, одаренный необыкновенною храбростью и замѣчательнымъ умомъ. Съ нимъ въ дружбѣ и согласіи былъ митрополитъ Даніилъ. Мамушка юнаго Іоанна, Агриппина Челяднина, была сестра Оболенскаго; онъ могъ по своей волѣ управлять мыслями Елены и воспитаніемъ малолѣтняго государя. Вѣрными его сообщниками были братъ его Ѳеодоръ, двое другихъ Оболенскихъ,—кн. Борисъ и Михаилъ Горбатые.

Можно было полагать, что дядя Елены, знаменитый Михаилъ Глинскій, также сдѣлается государственнымъ дѣятелемъ, по родству своему, лѣтамъ, опытности, завѣтамъ Василія, даже по уваженію къ несчастіямъ его жизни. Но никто при дворѣ не любилъ и не уважалъ Михаила Глинскаго. Ненавистное имя литовскаго измѣнника и долговременное заключеніе его въ темницѣ не были заглажены ни милостями, ни любовью Василія впослѣдствіи. Михаила Глинскаго только терпѣли, ради родства его съ Еленою; имѣя званіе боярина, онъ не обладалъ ни дружбою, ни довѣренностью другихъ. Умирая, Василій видѣлъ въ немъ высшую опору государства и говорилъ боярамъ своимъ: «Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій; но не дерзайте думать, что онъ пріѣзжій: держите его за здѣшняго урожденца; онъ мнѣ прямой слуга; будьте съ нимъ сообща, и дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте съ нимъ за одно. А ты, Михайло, будь вѣренъ, не пощади живота за княгинѣю мою и дѣтей моихъ; пролей за нихъ кровь

свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе.» Можетъ быть, Михаилъ, тяжко испытанный жизнью, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою на честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду государя и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго. Онъ стыдился притомъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости. Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первою жертвою своему честолюбію. Братья Елены, кн. Юрій и Михаилъ Глинскіе, люди, выдвинутые единственно родствомъ съ правительницею, уничтожались передъ Оболенскимъ. Но сильнѣйшую партію противъ него составляли кн. Шуйскіе, Василій, старшій бояринъ въ княжескомъ совѣтѣ, братъ его Иванъ, кн. Иванъ и Андрей Михайловичи. Къ нимъ присоединились другіе знатнѣйшіе роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурлятевы, Скопины, Бутурлины, Темкины. Всѣ ненавидѣли Елену и литовцевъ, втѣснившихся въ милость государя, ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть государствомъ самовластно. Еще отдѣльную партію придворную составляли кн. Бѣльскіе, любимецъ Василія Иванъ Ѳедоровичъ и братья его Симеонъ и Димитрій. Одаренные способностями государственными, они были не любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ, Воротынскій и другіе мужи знаменитые, желавшіе добра и чести отечеству. Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не пристававшихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались Захарьины, Нагіе, Адашевы, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ придворнаго вельможества по кончинѣ Василія. Намъ необходимо узнать предварительно общій характеръ и части его, ибо отнынѣ ему надлежало править государствомъ. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить и погубили добрыя свойства души юнаго государя, были причиною бѣдствій, потрясшихъ Русскую землю въ основаніи! Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри,—и имъ ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа? Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько же позора и погибели пало черезъ то на Русскую землю...

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ; это былъ Михаилъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить умнѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ—Бѣльскихъ. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія, царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго государя, возобновивъ древнія права первородства. И ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло, исполненіе отважно, но удачно; Оболенскій хо-

рошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ Ногаямъ, въ Казань, съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ, какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея изъ лагеря подъ Коломною, онъ и храбрый воевода Ляцкій съ сыномъ бѣжали въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Заботясь о защитѣ Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ, Оболенскій такъ-же ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями, и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1535 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда-же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе, предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна; онъ успѣвалъ еще и сопровождать Елену на богомолья, которыми хотѣла она доказывать народу свое благочестіе.

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира (1535 г.); казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Коряковымъ, казнили въ

Москвѣ, какъ непослушныхъ присяжниковъ Іоанна (1536 г.). Здѣсь видимъ однакожь справедливость и умѣренность въ наказаніи. Но жестокость другихъ поступковъ показывала въ могущественномъ Оболенскомъ свирѣпаго вельможу, который ничего не щадитъ для собственной своей безопасности; судьба Михаила Глинскаго и дядей Іоанна, несчастныхъ Юрія и Андрея Іоанновичей, лежитъ позоромъ на памяти любимца Елены.

Мы видѣли, что, съ самаго вступленія Елены въ правленіе, Иванъ Бѣльскій, Андрей Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дядя малолѣтнаго Іоанна, князь Юрій, были обречены на жестокое заключеніе. Не прошло года, и Михаилъ Глинскій умеръ въ темницѣ. Знаменитаго вельможу, старца, роднаго дядю Елены, схоронили безъ всякой чести на погостѣ одной изъ бѣдныхъ церквей московскихъ. Народъ возропталъ такъ, что, для успокоенія его, велѣно было вырыть гробъ Глинскаго и отвезти въ Троицко-Сергіевскую обитель. Съ ужасомъ говорили въ Москвѣ, что Глинскій умеръ въ нуждѣ темничной, отъ лихихъ людей. Затѣмъ, почти послѣ трехлѣтней неволи, Юрій Іоанновичъ скончался въ темницѣ своей, 26 августа 1536 года, отъ голода, какъ говорила общая молва. Юрія съ честью похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, и немедленно потребовали въ Москву Андрея Іоанновича. Видя, что три года совершенной покорности не ограждаютъ его, Андрей былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ, не смѣлъ ѣхать, не смѣлъ отказаться, и наконецъ увѣдомилъ племяника, что, за тяжкою болѣзнью, ѣхать не можетъ. „Отъ болѣзни и кручины въ бѣдѣ моей, я потерялъ умъ и мысли. Неужели велите меня, больнаго и безумнаго, волочить къ Москвѣ?“ униженно писалъ Андрей. „Покажите милость; согрѣйте мнѣ сердце, холопу своему, вашимъ жалованьемъ!“ Оболенскій ничему не внималъ. Андрея окружалъ знаменитый дворъ, знатные люди, сильная дружина. Послали лекаря Ѳеофила узнать болѣзнь его, а Досиѳея, владыку Крутицкаго, сказать Андрею, что „никакого лиха ему не будетъ“, но за непослушаніе митрополитъ и церковь проклянутъ его, какъ злодѣя. Оболенскій выступилъ изъ Москвы по слѣдамъ посланныхъ къ Андрею съ воинскими дружинами. Вскорѣ Ѳеофилъ донесъ, что Андрей только притворяется больнымъ, а владыка Досиѳей извѣщалъ, что Андрей не слушаетъ словъ его. Тогда обвинили несчастнаго князя въ зломъ умыслѣ. Къ несчастью, онъ подтвердилъ сіе обвиненіе, въ отчаяніи согласясь на совѣтъ приближенныхъ своихъ, уговаривавшихъ его бѣжать изъ Старицы, гдѣ жилъ онъ дотолѣ, завладѣть Новгородомъ и объявить себя великимъ княземъ, или, по крайней мѣрѣ, правителемъ государства, по малолѣтству своего племяника. Разославъ грамоты по городамъ съ укоризненными словами противъ Елены и бояръ-правителей, Андрей выступилъ къ Новгороду, медлилъ, и повернулъ въ сторону, когда услышалъ, что Новгородъ успѣли защитить противъ него сильнымъ войскомъ. Оболенскій окружилъ Андрея и дружину его со всѣхъ сторонъ. Андрей хотѣлъ сражаться; но Оболенскій рѣшилъ дѣло безъ кровопролитія, хитростью: онъ ручался за безопасность князя, если только тотъ покорится добровольно, и просилъ его не проливать крови христіанской напрасно. Несчастный сынъ Іоанна III повѣрилъ всему; людей его обезоружили, и его самого, съ женою, сыномъ Владиміромъ и со всѣмъ дворомъ повезли въ Москву. При въѣздѣ въ городъ, посланный отъ Елены возвѣстилъ притворный гнѣвъ ея и опалу Оболенскому за то, что онъ договаривался съ измѣнникомъ—княземъ старицкимъ безъ

воли государя. Оболенскій казался изумленнымъ, объявилъ Андрею, что теперь поневолѣ не можетъ исполнить своихъ обѣщаній. Андрей отвезенъ былъ прямо въ темницу; жену и сына разлучили съ нимъ и посадили подъ стражу отдѣльно. Бояръ и сановниковъ Андрея, кн. Пронскихъ, Палецкихъ, Хованскихъ, также родовыхъ бояръ его Колычевыхъ, Валуевыхъ, допрашивали о мнимомъ заговорѣ противъ великаго князя, пытали ихъ, сѣкли кнутомъ, заключали въ темницы; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ мученіяхъ. Тридцать дѣтей боярскихъ было повѣшено въ разныхъ мѣстахъ, по дорогѣ отъ Москвы до Новгорода. Черезъ полгода объявили народу, что измѣнникъ князь Андрей умеръ волею Божіею въ заключеніи своемъ. Андрей былъ умерщвленъ 10-го декабря 1537 г. Жена и сынъ его остались въ заключеніи.

Здѣсь былъ предѣлъ самовластію слабой Елены и ея жестокаго любимца. Въ февралѣ 1538 г. Елена возвратилась съ великолѣпнымъ дворомъ своимъ съ богомолья въ Можайскъ, гдѣ находился чудотворный образъ Св. Николая, и куда супругъ ея ѣздилъ ежегодно; а 3-го апрѣля жестокій ядъ прекратилъ дни правительницы! Дотолѣ бодрый, Оболенскій оказалъ удивительное малодушіе: въ отчаяніи обнималъ онъ малолѣтняго Іоанна, плакалъ неутѣшно, рыдалъ надъ гробомъ Елены и только! Въ испугѣ, онъ, конечно, думалъ, что теперь ничто не спасетъ его отъ злобы враговъ, и не дѣлалъ даже никакихъ усилій поддержать власть свою, противиться своимъ непріятелямъ. Робко ожидалъ бѣдный временщикъ совершенія судьбы. Апрѣля 9-го, по опредѣленію боярской думы, власть и попечительство надъ государемъ вручили Василію Васильевичу Шуйскому. Оболенскій находился въ комнатѣ Іоанна, вмѣстѣ съ мамушкою юнаго великаго князя, своею сестрою, когда явились воины и, именемъ старшаго боярина и боярской думы, вырвали его и сестру его изъ объятій Іоанна, нѣжно любившаго ихъ, горестно плакавшаго и умолявшаго не трогать мамушки и брата ея. Агриппину послали въ Каргополь, и тамъ постригли въ монахини. Оболенскій, четыре года властвовавшій надъ Русью и государемъ ея, безъ суда обреченъ на ужасную смерть: его уморили голодомъ.

II. ВОСПИТАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО И СБЛИЖЕНІЕ СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ правителяхъ государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, Іоаннъ былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникаю-

щими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ кн. Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго вельможу у государя и государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею, питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. Напримѣръ, любя охоту, онъ любилъ не убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а бояре говорили: «Пусть державный веселится!» Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о кн. Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтренность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы великій князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ казни въ кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, государевы дяди, князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые: первый засѣдалъ въ думѣ; вторый имѣлъ знатный санъ конюшаго. Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племянику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ бояръ и ругаются надъ самимъ государемъ, угрожая смертью всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ-Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ, объявилъ съ твердостью, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю, что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: кн. Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ истерзали, умертвили сего знатнѣйшаго вельможу. Шуйскіе и друзья ихъ безмолствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ, ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли, отнималъ дворянскія

Царствованіе Өеодора Алексѣевича.

Обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства.

боярскіе и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью не играли и по корчмамъ не пьянствовали, и другаго зла не творили, а жили по-христіански.

Вопросъ. Утромъ въ великій четвергъ солому жгутъ и кличутъ мертвыхъ; иные невѣжественные попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и держатъ тамъ ее до седьмаго четверга послѣ Пасхи, а потомъ соль раздаютъ, какъ лѣкарство для людей и животныхъ.

Отвѣтъ. Запретить въ великій четвергъ солому жечь и мертвыхъ кликать, а священникамъ соль подъ престолъ класть и держать ее тамъ до седьмаго четверга послѣ Пасхи, ибо это дѣло есть прелесть эллинская и еретическая. Попъ, продолжающій поступать такъ, долженъ быть лишенъ своего сана.

Вопросъ. О судахъ архимандритовъ и игуменовъ и всякаго священническаго и иноческаго чина, и о всѣхъ церковныхъ причетникахъ, и о монастырскихъ слугахъ, и о жалованныхъ грамотахъ несудимыхъ монастырскихъ и церковныхъ, въ которыхъ написано, что не должны быть судимы владыки, игумены, попы, чернцы и всякіе причетники церковные и монастырскіе. Почему это такъ установлено, и должно-ли быть сохраняемо въ будущемъ?

Отвѣтъ. Божественныя писанія и священныя правила и законы запрещаютъ мірскимъ судьямъ судить священниковъ и діаконовъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ; управленіе всѣми священными мужами, причетниками и иноками принадлежитъ епископу. Не мірскіе суды должны судить ихъ, а епископъ, или тотъ, которому онъ поручитъ судъ. Если-же причетникъ имѣетъ тяжбу со своимъ или чужимъ епископомъ, то судитъ митрополитъ той области съ соборомъ своихъ епископовъ. Если причетникъ или епископъ имѣетъ тяжбу съ митрополитомъ, то судитъ патріархъ. Митрополитъ во всей своей области имѣетъ подвластныхъ ему епископовъ; ихъ избираетъ и поставляетъ; ему-же подвластны всѣ церкви, монастыри, иноки и, причетники ихъ; мірскія же власти, вмѣшивающіяся въ духовный судъ осуждаются въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Вопросъ. Угодно-ли то Богу, что, въ то время какъ божественное писаніе и мірянамъ брать проценты возбраняетъ, церковные и монастырскія деньги и хлѣбъ отдаются въ ростъ?

Отвѣтъ. На счетъ отдачи въ ростъ митрополичихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ денегъ божественныя писанія и священныя правила говорятъ: „Не только епископамъ, дьяконамъ, всему священному чину и инокамъ возбраняется, но и для простыхъ людей не одобряется взиманіе процентовъ и лихоимство". Поэтому святители, архимандриты, игумены должны давать въ займы деньги и хлѣбъ по своимъ силамъ своимъ крестьянамъ безъ процентовъ, затѣмъ чтобы крестьяне у нихъ жили, и села ихъ не были-бы пусты.

Вопросъ. По міру скитаются чернцы и черницы, попы и міряне и женщины со св. иконами и на сооруженіе или выкупъ проданныхъ собираютъ, и милостыни просятъ на торгу, по улицамъ, по селамъ и по домамъ съ образами ходятъ. Надлежитъ разсудить собору, допускать-ли это на будущее время, существуетъ-ли на счетъ этого постановленіе, и не есть-ли это оскорбленіе св. иконъ? Иноземцы этому очень удивляются.

Отвѣтъ. Чернцы и черницы по городамъ и по селамъ скитаются по міру на соблазнъ и осужденіе многимъ людямъ, а душамъ на погибель.

I. ПРАВЛЕНІЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ.

(Изъ «Исторіи русскаго народа» Полеваго).

Василій оставилъ двухъ сыновей. Старшему, Іоанну, было три года, младшему, Георгію, немного болѣе года. Іоанну передалъ онъ великое княженіе. За нѣсколько дней до смерти, уже предчувствуя близкую кончину, Василій говорилъ братьямъ своимъ Юрію и Андрею Іоанновичамъ, митрополиту и ближнимъ боярамъ: «Приказываю своего сына, великаго князя Ивана, Богу, Пречистой Богородицѣ, св. чудотворцамъ, и тебѣ, отцу своему, Даніилу митрополиту. Даю ему все государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Руси. А вы, мои, братья, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ присяга и записи между нами; о земскомъ строеніи и о разныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стойте обще, да будетъ рука православныхъ христіанъ высока надъ бусурманствомъ. А вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата, какъ служили мнѣ, такъ служите и сыну моему; на недруговъ будьте заодинъ, христіанство берегите, будьте прямы и неподвижны.» Отпустивъ отъ себя братьевъ и митрополита, оставшись съ своими приближенными, князьями Бѣльскими, Шуйскими, Горбатымъ, Глинскимъ, Василій говорилъ имъ: «Отъ Владиміра кіевскаго ведется наше государство: мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре. Постойте же крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ, была бы въ семьѣ правда, и въ васъ бы розни никакой не было».

Но трехлѣтній Іоаннъ не могъ самъ управлять государствомъ. Кому-же приказывалъ государство Василій? Не знаемъ, ибо духовная Василія не дошла до насъ. За день до кончины, четыре часа бесѣдовалъ Василій съ княземъ Шуйскимъ, Воронцовыми, Михаиломъ Захарьинымъ, Тучковымъ, Глинскимъ, Шигоною, Головинымъ, дьяками Пушинымъ и Мишуринымъ; говорилъ съ ними о сынѣ своемъ, объ «устроеніи земскомъ, какъ быть и какъ править послѣ него государство, и о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, и какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться». И такъ онъ оставлялъ послѣ себя государство Еленѣ? Нѣтъ. Когда принесли дѣтей прощаться съ Василіемъ, и Елена со слезами спрашивала у него: «На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?» Василій твердо отвѣчалъ: «Государствомъ и великимъ княженіемъ благословляю сына Ивана,

а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ писывали отцы и прародители прежнимъ великимъ княгинямъ».—Слѣдовательно не Еленѣ повелѣвалъ онъ править государствомъ, ибо никогда прежде, со временъ Ольги, не было примѣра, чтобы женщинѣ, и при томъ юной женѣ, приказывали русскіе повелители свою землю. Въ духовныхъ означались только удѣлы вдовамъ великихъ князей. Вѣроятно, избранный совѣтъ и братья Василія должны были управлять послѣ него государствомъ; но сильная крамола приверженцевъ Елены мгновенно ниспровергла всѣ распоряженія великаго князя. Едва закрылъ глаза Василій, митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ. Братья Василія клялись: «Служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; жить на своихъ удѣлахъ и стоять въ правдѣ, въ чемъ цѣловали крестъ брату своему великому князю Василію Ивановичу и крѣпости ему дали; государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть; противъ недруговъ его и своихъ, бусурманства и латинства, стоять прямо, обще и заодинъ». Бояре сановники и всѣ другіе клялись «великому князю Ивану и его матери великой княгинѣ Еленѣ хотѣть добра вправду».

Такимъ образомъ неожиданно племянницѣ измѣника Глинскаго, литвянкѣ, юной вдовѣ, досталось правленіе государствомъ. Вельможество придворное, забравшее въ свои руки дѣла въ послѣдніе годы царствованія Василія, окружило крамолою младенца и мать его, женщину еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подверженную страстямъ пылкимъ, неопытную и нелюбимую народомъ. Еще всѣ помнили, еще скорбѣли объ участи несчастной Соломоніи; ненавидѣли самый родъ Глинскихъ. Тѣмъ болѣе съ завистью взирали царедворцы на этихъ пришельцевъ, изъ тюрьмы и отъ опалы перешедшихъ къ милости и трону.

Не оставалось сомнѣнія, что главнымъ лицомъ въ дѣлахъ правленія будетъ отнынѣ кн. Иванъ Ѳеодоровичъ Оболенскій-Телепневъ-Овчина, имѣвшій знаменитый санъ боярина и конюшаго, любимецъ Елены, еще юный, одаренный необыкновенною храбростью и замѣчательнымъ умомъ. Съ нимъ въ дружбѣ и согласіи былъ митрополитъ Даніилъ. Мамушка юнаго Іоанна, Агриппина Челяднина, была сестра Оболенскаго; онъ могъ по своей волѣ управлять мыслями Елены и воспитаніемъ малолѣтняго государя. Вѣрными его сообщниками были братъ его Ѳеодоръ, двое другихъ Оболенскихъ,—кн. Борисъ и Михаилъ Горбатые.

Можно было полагать, что дядя Елены, знаменитый Михаилъ Глинскій, также сдѣлается государственнымъ дѣятелемъ, по родству своему, лѣтамъ, опытности, завѣтамъ Василія, даже по уваженію къ несчастіямъ его жизни. Но никто при дворѣ не любилъ и не уважалъ Михаила Глинскаго. Ненавистное имя литовскаго измѣнника и долговременное заключеніе его въ темницѣ не были заглажены ни милостями, ни любовью Василія впослѣдствіи. Михаила Глинскаго только терпѣли, ради родства его съ Еленою; имѣя званіе боярина, онъ не обладалъ ни дружбою, ни довѣренностью другихъ. Умирая, Василій видѣлъ въ немъ высшую опору государства и говорилъ боярамъ своимъ: «Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій; но не дерзайте думать, что онъ пріѣзжій: держите его за здѣшняго урожденца; онъ мнѣ прямой слуга; будьте съ нимъ сообща, и дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте съ нимъ за одно. А ты, Михайло, будь вѣренъ, не пощади живота за княгиню мою и дѣтей моихъ; пролей за нихъ кровь

свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе.» Можетъ быть, Михаилъ, тяжко испытанный жизнью, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою на честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду государя и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго. Онъ стыдился притомъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости. Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первою жертвою своему честолюбію. Братья Елены, кн. Юрій и Михаилъ Глинскіе, люди, выдвинутые единственно родствомъ съ правительницею, уничтожались передъ Оболенскимъ. Но сильнѣйшую партію противъ него составляли кн. Шуйскіе, Василій, старшій бояринъ въ княжескомъ совѣтѣ, братъ его Иванъ, кн. Иванъ и Андрей Михайловичи. Къ нимъ присоединились другіе знатнѣйшіе роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурлятевы, Скопины, Бутурлины, Темкины. Всѣ ненавидѣли Елену и литовцевъ, втѣснившихся въ милость государя, ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть государствомъ самовластно. Еще отдѣльную партію придворную составляли кн. Бѣльскіе, любимецъ Василія Иванъ Ѳедоровичъ и братья его Симеонъ и Димитрій. Одаренные способностями государственными, они были не любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ, Воротынскій и другіе мужи знаменитые, желавшіе добра и чести отечеству. Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не пристававшихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались Захарьины, Нагіе, Адашевы, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ придворнаго вельможества по кончинѣ Василія. Намъ необходимо узнать предварительно общій характеръ и части его, ибо отнынѣ ему надлежало править государствомъ. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить и погубили добрыя свойства души юнаго государя, были причиною бѣдствій, потрясшихъ Русскую землю въ основаніи! Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри,—и имъ ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа? Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько же позора и погибели пало черезъ то на Русскую землю...

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ; это былъ Михаилъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить умнѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ—Бѣльскихъ. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія, царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго государя, возобновивъ древнія права первородства. И ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло, исполненіе отважно, но удачно; Оболенскій хо-

рошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ Ногаямъ, въ Казань, съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ, какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея изъ лагеря подъ Коломною, онъ и храбрый воевода Ляцкій съ сыномъ бѣжали въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолвствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Заботясь о защитѣ Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ, Оболенскій такъ-же ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями, и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1535 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда-же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе, предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна; онъ успѣвалъ еще и сопровождать Елену на богомолья, которыми хотѣла она доказывать народу свое благочестіе.

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира (1535 г.); казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Коряковымъ, казнили въ

Москвѣ, какъ непослушныхъ присяжниковъ Іоанна (1536 г.). Здѣсь видимъ однакожь справедливость и умѣренность въ наказаніи. Но жестокость другихъ поступковъ показывала въ могущественномъ Оболенскомъ свирѣпаго вельможу, который ничего не щадитъ для собственной своей безопасности; судьба Михаила Глинскаго и дядей Іоанна, несчастныхъ Юрія и Андрея Іоанновичей, лежитъ позоромъ на памяти любимца Елены.

Мы видѣли, что, съ самаго вступленія Елены въ правленіе, Иванъ Бѣльскій, Андрей Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дядя малолѣтнаго Іоанна, князь Юрій, были обречены на жестокое заключеніе. Не прошло года, и Михаилъ Глинскій умеръ въ темницѣ. Знаменитаго вельможу, старца, роднаго дядю Елены, схоронили безъ всякой чести на погостѣ одной изъ бѣдныхъ церквей московскихъ. Народъ возроптал такъ, что, для успокоенія его, велѣно было вырыть гробъ Глинскаго и отвезти въ Троицко-Сергіевскую обитель. Съ ужасомъ говорили въ Москвѣ, что Глинскій умеръ въ нуждѣ темничной, отъ лихихъ людей. Затѣмъ, почти послѣ трехлѣтней неволи, Юрій Іоанновичъ скончался въ темницѣ своей, 26 августа 1536 года, отъ голода, какъ говорила общая молва. Юрія съ честью похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, и немедленно потребовали въ Москву Андрея Іоанновича. Видя, что три года совершенной покорности не ограждаютъ его, Андрей былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ, не смѣлъ ѣхать, не смѣлъ отказаться, и наконецъ увѣдомилъ племяника, что, за тяжкою болѣзнью, ѣхать не можетъ. „Отъ болѣзни и кручины въ бѣдѣ моей, я потерялъ умъ и мысли. Неужели велите меня, больнаго и безумнаго, волочить къ Москвѣ?“ униженно писалъ Андрей. „Покажите милость; согрѣйте мнѣ сердце, холопу своему, вашимъ жалованьемъ!“ Оболенскій ничему не внималъ. Андрея окружалъ знаменитый дворъ, знатные люди, сильная дружина. Послали лекаря Ѳеофила узнать болѣзнь его, а Досиѳея, владыку Крутицкаго, сказать Андрею, что „никакого лиха ему не будетъ“, но за непослушаніе митрополитъ и церковь проклянутъ его, какъ злодѣя. Оболенскій выступилъ изъ Москвы по слѣдамъ посланныхъ къ Андрею съ воинскими дружинами. Вскорѣ Ѳеофилъ донесъ, что Андрей только притворяется больнымъ, а владыка Досиѳей извѣщалъ, что Андрей не слушаетъ словъ его. Тогда обвинили несчастнаго князя въ зломъ умыслѣ. Къ несчастью, онъ подтвердилъ сіе обвиненіе, въ отчаяніи согласясь на совѣтъ приближенныхъ своихъ, уговаривавшихъ его бѣжать изъ Старицы, гдѣ жилъ онъ дотолѣ, завладѣть Новгородомъ и объявить себя великимъ княземъ, или, по крайней мѣрѣ, правителемъ государства, по малолѣтству своего племяника. Разославъ грамоты по городамъ съ укоризненными словами противъ Елены и бояръ-правителей, Андрей выступилъ къ Новгороду, медлилъ, и повернулъ въ сторону, когда услышалъ, что Новгородъ успѣли защитить противъ него сильнымъ войскомъ. Оболенскій окружилъ Андрея и дружину его со всѣхъ сторонъ. Андрей хотѣлъ сражаться; но Оболенскій рѣшилъ дѣло безъ кровопролитія, хитростью: онъ ручался за безопасность князя, если только тотъ покорится добровольно, и просилъ его не проливать крови христіанской напрасно. Несчастный сынъ Іоанна III повѣрилъ всему; людей его обезоружили, и его самого, съ женою, сыномъ Владиміромъ и со всѣмъ дворомъ повезли въ Москву. При въѣздѣ въ городъ, посланный отъ Елены возвѣстилъ притворный гнѣвъ ея и опалу Оболенскому за то, что онъ договаривался съ измѣнникомъ—княземъ старицкимъ безъ

воли государя. Оболенскій казался изумленнымъ, объявилъ Андрею, что теперь поневолѣ не можетъ исполнить своихъ обѣщаній. Андрей отвезенъ былъ прямо въ темницу; жену и сына разлучили съ нимъ и посадили подъ стражу отдѣльно. Бояръ и сановниковъ Андрея, кн. Пронскихъ, Палецкихъ, Хованскихъ, также родовыхъ бояръ его Колычевыхъ, Валуевыхъ, допрашивали о мнимомъ заговорѣ противъ великаго князя, пытали ихъ, сѣкли кнутомъ, заключали въ темницы; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ мученіяхъ. Тридцать дѣтей боярскихъ было повѣшено въ разныхъ мѣстахъ, по дорогѣ отъ Москвы до Новгорода. Черезъ полгода объявили народу, что измѣнникъ князь Андрей умеръ волею Божіею въ заключеніи своемъ. Андрей былъ умерщвленъ 10-го декабря 1537 г. Жена и сынъ его остались въ заключеніи.

Здѣсь былъ предѣлъ самовластію слабой Елены и ея жестокаго любимца. Въ февралѣ 1538 г. Елена возвратилась съ великолѣпнымъ дворомъ своимъ съ богомолья въ Можайскъ, гдѣ находился чудотворный образъ Св. Николая, и куда супругъ ея ѣздилъ ежегодно; а 3-го апрѣля жестокій ядъ прекратилъ дни правительницы! Дотолѣ бодрый, Оболенскій оказалъ удивительное малодушіе: въ отчаяніи обнималъ онъ малолѣтняго Іоанна, плакалъ неутѣшно, рыдалъ надъ гробомъ Елены и только! Въ испугѣ, онъ, конечно, думалъ, что теперь ничто не спасетъ его отъ злобы враговъ, и не дѣлалъ даже никакихъ усилій поддержать власть свою, противиться своимъ непріятелямъ. Робко ожидалъ бѣдный временщикъ совершенія судьбы. Апрѣля 9-го, по опредѣленію боярской думы, власть и попечительство надъ государемъ вручили Василію Васильевичу Шуйскому. Оболенскій находился въ комнатѣ Іоанна, вмѣстѣ съ мамушкою юнаго великаго князя, своею сестрою, когда явились воины и, именемъ старшаго боярина и боярской думы, вырвали его и сестру его изъ объятій Іоанна, нѣжно любившаго ихъ, горестно плакавшаго и умолявшаго не трогать мамушки и брата ея. Агриппину послали въ Каргополь, и тамъ постригли въ монахини. Оболенскій, четыре года властвовавшій надъ Русью и государемъ ея, безъ суда обреченъ на ужасную смерть: его уморили голодомъ.

II. ВОСПИТАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО И СБЛИЖЕНІЕ СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ правителяхъ государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, Іоаннъ былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникаю-

щими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ кн. Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго вельможу у государя и государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею, питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. Напримѣръ, любя охоту, онъ любилъ не убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а бояре говорили: «Пусть державный веселится!» Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о кн. Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтренность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы великій князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ казни въ кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, государевы дяди, князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые: первый засѣдалъ въ думѣ; вторый имѣлъ знатный санъ конюшаго. Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племянику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ бояръ и ругаются надъ самимъ государемъ, угрожая смертью всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ-Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ, объявилъ съ твердостью, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю, что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: кн. Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ истерзали, умертвили сего знатнѣйшаго вельможу. Шуйскіе и друзья ихъ безмолствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ, ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли, отнималъ дворянскія

земли, угнетая крестьянъ; что даже и слуги его господствовали и тиранствовали въ Россіи, не боясь ни судей, ни законовъ. Но сія варварская казнь, хотя и заслуженная недостойнымъ вельможею, была ли достойна истиннаго правительства и государя? Она явила, что бѣдствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ, что не законъ и не справедливость, а только одна сторона надъ другою одержала верхъ, насиліе уступило насилію, ибо юный Іоаннъ, безъ сомнѣнія, еще не могъ властвовать самъ собою: кн. Глинскіе съ друзьями повелѣвали его именемъ, хотя и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что «съ того времени бояре начали имѣть страхъ отъ государя».

Опалы и жестокость новаго правленія дѣйствительно устрашили сердца. Сослали Ѳедора Шуйскаго-Скопина, кн. Юрія Темкина, Ѳому Головина и многихъ иныхъ въ отдаленныя мѣста; а знатнаго боярина Ивана Кубенскаго, сына двоюродной тетки государевой, княжны углицкой, посадили въ темницу: онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался достоинствами, умомъ, тихимъ нравомъ. Его заключили въ Переславлѣ вмѣстѣ съ женою. Казнь, изобрѣтенная варварствомъ, была участью сановника придворнаго, Аѳанасія Бутурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему отрѣзали языкъ предъ темницею въ глазахъ народа. Чрезъ пять мѣсяцевъ, освободивъ Кубенскаго, государь снова возложилъ на него опалу, также на кн. Петра Шуйскаго, Горбатаго, Дмитрія Палецкаго и на своего любимца, боярина Ѳеодора Воронцова; простилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству митрополита, но не надолго. Разнесся слухъ, что ханъ крымскій готовится идти къ нашимъ предѣламъ: самъ Іоаннъ, уже вступивъ въ лѣта юности, рѣшился предводительствовать ратью, прибылъ къ войску и жилъ въ Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ. Ханъ не явился. Воинскій станъ сдѣлался дворомъ, и злые честолюбцы занимались казнями. Однажды государь, по своему обыкновенію, выѣхавъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятьюдесятью новгородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какія-то жалобы: Іоаннъ не слушалъ и велѣлъ своимъ дворянамъ разогнать ихъ. Новгородцы противились: началась битва; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвили съ обѣихъ сторонъ человѣкъ десять. Государь возвратился въ станъ и велѣлъ ближнему дьяку Василію Захарову узнать, кто подучилъ новгородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Глинскими, донесъ ему, что бояре, кн. Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Ѳедоръ и Василій, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, гнѣвный Іоаннъ велѣлъ отрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казнь и прежними своими беззаконіями во время боярскаго правленія. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Ѳедора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительнаго первенства между боярами и досадовалъ, когда государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовавъ паденію Шуйскихъ и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ! Такъ новые вельможи, пѣстуны или совѣтники Іоанновы, пріучали юношу-монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и тиранству! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель; подобно имъ, не удерживали, но стремили Іоанна на пути къ разврату, и пеклись не о томъ, чтобы сдѣлать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее въ рукахъ собственныхъ.

Между тѣмъ великій князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей державы, но единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Васильевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ во Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный сонмомъ бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности; скакалъ на борзыхъ лошадяхъ и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія государевы, не принося ни малѣйшей пользы государству, стоили денегъ народу: дворъ требовалъ угощенія, даровъ. Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-монарха на престолѣ, утѣшаясь только надеждою, что лѣта и зрѣлый умъ откроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.

Великому князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ митрополита и долго говорилъ съ нимъ наединѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, отпѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, послалъ за боярами, даже и за тѣми, которые находились въ опалѣ, и вмѣстѣ съ ними былъ у государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ; но бояре, подобно митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину и съ нетерпѣніемъ ждали открытія счастливой тайны.

Прошло три дня. Велѣли собраться двору: первосвятитель, бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ митрополиту: «Уповая на милость Божію и на св. заступниковъ земли Русской, имѣю намѣреніе жениться: ты, отче, благословилъ меня. Первою моею мыслью было искать невѣсты въ иныхъ царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будетъ ли тогда супружество счастіемъ? Желаю найти невѣсту въ Россіи, по волѣ Божіей и твоему благословенію». Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: «Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе столь вожделѣнное для твоихъ подданныхъ! Благословляю оное именемъ Отца небеснаго». Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ лѣтописецъ, и съ новымъ восторгомъ прославили мудрость державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: «еще до своей женитьбы исполнить древній обрядъ предковъ и вѣнчаться на царство». Онъ велѣлъ митрополиту и боярамъ готовиться къ сему великому торжеству. Оно было не новое для московской державы: Іоаннъ III вѣнчалъ своего внука на царство; но совѣтники великаго князя, желая или дать болѣе важности сему обряду, или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Димитрія Іоанновича, говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха, на коего митрополитъ ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константиновы.

Января 16-го утромъ, Іоаннъ вышелъ въ столовую комнату, гдѣ находились всѣ бояре; а воеводы, князья и чиновники, богато одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ государевъ, благовѣщенскій протоіерей, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на златомъ блюдѣ, Животворящій Крестъ, вѣнецъ и бармы, отнесъ ихъ въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и великій князь: передъ нимъ духовникъ съ крестомъ и св. водою, кропя людей на обѣ стороны; за нимъ князь Юрій Васильевичъ, бояре, князья

и весь дворъ. Вступивъ въ церковь, государь приложился къ иконамъ; священные лики возгласили ему многолѣтіе, митрополитъ благословилъ его. Служили молебенъ. Посреди храма, на амвонѣ съ двѣнадцатью ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя златыми паволоками; въ ногахъ лежали бархаты и камки: тамъ сѣли государь и митрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богато-украшенный налой съ царскою утварью, архимандриты взяли и подали ее Макарію; онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и, возлагая на него крестъ, бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чтобы Всевышній оградилъ сего христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Обрядъ заключился возглашеніемъ новаго многолѣтія государю. Принявъ поздравленіе отъ духовенства, вельможъ, гражданъ, Іоаннъ слушалъ литургію, возвратился во дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на бархатъ. Юрій Васильевичъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами изъ мисы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій. Какъ скоро государь вышелъ изъ церкви, народъ, дотолѣ неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирать царское мѣсто: всякій хотѣлъ имѣть лоскутъ паволоки на память великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе торжественное вѣнчаніе было повтореніемъ Димитріева, съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ молитвъ и съ тою разностью, что Іоаннъ III самъ (а не митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу юнаго монарха. Съ сего времени россійскіе монархи начали уже не только въ сношеніяхъ съ иными державами, но и внутри государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться царями, сохраняя и титулъ великихъ князей, освященный древностью. Хотя титулъ не придаетъ естественнаго могущества, но дѣйствуетъ на воображеніе людей, и библейское имя царя, напоминая ассирійскихъ, египетскихъ, іудейскихъ, наконецъ православныхъ греческихъ вѣнценосцевъ, возвысило въ глазахъ россіянъ достоинство ихъ государей. Достойно примѣчанія, что константинопольскій патріархъ Іоасафъ, въ знакъ своего усердія къ вѣнценосцу Россіи, въ 1561 году соборною грамотою утвердилъ его въ санѣ царскомъ, говоря въ ней: «Не только преданіе людей достовѣрныхъ, но и самыя лѣтописи свидѣтельствуютъ, что нынѣшній властитель московскій происходитъ отъ незабвенной царицы Анны, сестры императора Багрянороднаго, и что митрополитъ ефесскій, уполномоченный для того соборомъ духовенства византійскаго, вѣнчалъ россійскаго великаго князя Владиміра на царство.» Сія грамота подписана 36-ю митрополитами и епископами греческими.

Между тѣмъ знатные сановники, окольничіе, дьяки объѣзжали Россію, чтобы видѣть всѣхъ дѣвицъ благородныхъ и представить лучшихъ невѣстъ государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной, которой мужъ, Романъ Юрьевичъ, былъ окольничимъ, а свекоръ бояриномъ Іоанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Но не знатность, а личныя достоинства невѣсты оправдывали сей выборъ, и современники, изображая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили они имя въ языкѣ русскомъ: цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ, ибо она считалась уже необходи-

мою принадлежностью счастливой царской невѣсты. Юные супруги явились глазамъ народа, благословенія гремѣли на стѣнахъ Кремля, дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней, царь сыпалъ милости на богатыхъ, царица питала нищихъ. Воспитанная безъ отца въ тишинѣ уединенія, Анастасія увидѣла себя какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ перенесенною на сцену мірскаго величія и славы; но она не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами и, все относя къ Богу, поклонялась Ему и въ царскихъ чертогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ вдовы-матери. Прервавъ веселые пиры, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую-Сергіеву лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ св. Сергія.

Ни набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ. Онъ любилъ показывать себя царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей, игралъ, такъ сказать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, но еще зависѣлъ отъ вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи царства и не зналъ, что государь истинно независимый есть только государь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли, именемъ юноши-государя, наслаждались почестями, богатствомъ. Кто преклонялся предъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить пятою народъ, и быть ихъ слугою значило быть господиномъ въ Россіи. Намѣстники не знали страха,—и горе угнетеннымъ, которые мимо вельможъ шли къ трону съ жалобами! Такъ граждане псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ (весною въ 1547 г.) жаловались новому царю на своего намѣстника, кн. Трунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ, закипѣлъ гнѣвомъ, кричалъ, топалъ, лилъ на нихъ горящее вино, палилъ имъ бороды и волосы, велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большаго колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ столицу, и бѣдные псковитяне остались живы. Честные бояре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли царя, а льстецы славили его мудрость. Добродѣтельная Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услышалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностью устремиться на путь добродѣтели. Для исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ!

Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя иные великими; но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. Царь съ вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія, вызваннаго пожаромъ. Онъ велѣлъ немедленно послѣ пожара возобновить кремлевскій дворецъ, богатые также спѣшили строиться, о бѣдныхъ не думали. Симъ воспользовались непріятели Глинскихъ: духовникъ Іоанновъ,

протоіерей Ѳеодоръ, кн. Скопинъ-Шуйскій. бояринъ Иванъ Ѳедоровъ, кн. Юрій Темкинъ, Нагой и Григорій Захарьинъ, дядя царицы. Они составили заговоръ, а народъ охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.

Въ слѣдующій день государь поѣхалъ съ боярами навѣстить митрополита въ Новоспасской обители. Тамъ духовникъ его, Скопинъ-Шуйскій и ихъ единомышленники объявили Іоанну, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь удивился и велѣлъ изслѣдовать сіе дѣло боярамъ, которые, чрезъ два дня пріѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жегъ столицу? Въ нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: «Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ! Княгиня Анна вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду, и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по Москвѣ. Вотъ отчего мы сгорѣли!» Сію басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣрили ей, однакожь молчали, ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Княгиня Анна, бабка государева, съ сыномъ Михайломъ находилась тогда во ржевскомъ своемъ помѣстіи. Другой сынъ ея Юрій стоялъ на кремлевской площади въ кругу бояръ: изумленный нелѣпымъ обвиненіемъ и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось дотолѣ неслыханное въ Москвѣ злодѣйство: мятежники въ святомъ храмѣ убили роднаго дядю государева, извлекли его тѣло изъ Кремля и положили на Лобномъ мѣстѣ, разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и дѣтей боярскихъ. Никто не унималъ беззаконія: правительства какъ бы не было.

Въ сіе ужасное время, когда юный царь трепеталъ въ воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода; онъ приблизился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою царя легкомысленнаго и злострастнаго, что огнь небесный испепелилъ Москву, что сила вышняя волнуетъ народъ и ліетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ св. Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму царей земныхъ, заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ, представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія, потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ. Обливаясь слезами раскаянія, онъ простеръ десницу къ наставнику вдохновенному, требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ и пріялъ оную. Смиренный іерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго вѣнценосца на пути исправленія, заключивъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ ангеломъ: имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества. Царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище. Сильвестръ возбудилъ въ царѣ желаніе блага, Адашевъ облегчилъ царю способы благотворенія. — Такъ повѣствуетъ умный современникъ, князь Андрей Курбскій, бывшій тогда уже знатнымъ сановникомъ двора. По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Іоанновой славы, новая, ревностная дѣя-

тельность въ правленіи, ознаменованная счастливыми для государства успѣхами и великими намѣреніями.

Во-первыхъ, обуздали мятежную чернь, которая, на третій день по убіеніи Глинскаго, явилась шумною толпою въ Воробьевѣ, окружила дворецъ и кричала, чтобы государь выдалъ ей свою бабку, княгиню Анну, и сына ея Михайла. Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ бунтовщиковъ: толпу разсѣяли, схватили и казнили нѣкоторыхъ, многіе ушли, другіе падали на колѣна и винились. Порядокъ возстановился. Тогда государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ: взяли мѣры, чтобы никто изъ нихъ не остался безъ крова и хлѣба.

Во вторыхъ, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, кн. Скопинъ-Шуйскій съ клевретами, обманулись, если имѣли надежду, свергнувъ Глинскихъ, овладѣть царемъ. Хотя Іоаннъ пощадилъ ихъ, изъ уваженія ли къ своему духовнику и къ дядѣ царицы, или за недостаткомъ ясныхъ уликъ, или предавъ одному суду Божію такое дѣло, которое, не смотря на беззаконіе способовъ, удовлетворяло общей, справедливой ненависти къ Глинскимъ, но мятежное господство бояръ рушилось совершенно, уступивъ мѣсто единовластію царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ вѣры утвердить благословенную перемѣну въ правленіи и въ своемъ сердцѣ, государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; потомъ онъ созвалъ святителей, умиленно каялся въ грѣхахъ и, разрѣшенный, успокоенный ими въ совѣсти, причастился св. Таинъ. Юное, пылкое сердце его хотѣло открыть себя предъ лицемъ Россіи: онъ велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ, всякаго чина или состоянія, для важнаго дѣла государственнаго. Они собрались, и въ день воскресный, послѣ обѣдни, царь вышелъ изъ Кремля съ духовенствомъ, съ крестами, съ боярами, съ дружиною воинскою на Лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обратился къ митрополиту и сказалъ: „Святый владыко! Знаю усердіе твое ко благу и любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а вельможи не радѣли о мнѣ, хотѣли быть самовластными, моимъ именемъ похитили саны и чести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ, не внималъ стенанію бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ! Вы, вы дѣлали, что хотѣли, злые крамольники, судіи неправедные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилось? Я чистъ отъ сей крови! А вы ждите небеснаго гнѣва!“... Тутъ государь поклонился на всѣ стороны, и продолжалъ: «Люди божіи и намъ Богомъ дарованные! Молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшаго зла: могу только впредь спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего ужь нѣтъ и не будетъ! Оставьте ненависть, вражду: соединимся всѣ любовью христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ.» Въ сей великій день, когда Россія въ лицѣ своихъ повѣренныхъ присутствовала на Лобномъ мѣстѣ, съ благоговѣніемъ внимая искреннему обѣту юнаго вѣнценосца жить для ея счастія, Іоаннъ въ восторгѣ великодушія объявилъ искреннее прощеніе виновнымъ боярамъ; онъ хотѣлъ, чтобы митрополитъ и святители также ихъ простили име-

немъ Судіи Небеснаго, хотѣлъ, чтобы всѣ россіяне братски обнялися между собою, чтобы всѣ жалобы и тяжбы прекратились миромъ до назначеннаго имъ срока.—Въ тотъ же день онъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ ему торжественно: «Алексій! Ты не знатенъ и не богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое, не по твоему желанію, но въ помощь душѣ моей, которая стремится къ такимъ людямъ, да утолите ея скорбь о несчастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! Не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ, когда они, похитивъ честь, беззаконствуютъ; да не обманутъ тебя и ложныя слезы бѣднаго, когда онъ въ зависти клевещетъ на богатаго! Все рачительно испытывай и доноси мнѣ истину, страшася единственно суда Божія.» Народъ плакалъ отъ умиленія вмѣстѣ съ юнымъ своимъ царемъ.

Царь говорилъ и дѣйствовалъ, опираясь на чету избранныхъ, Сильвестра и Адашева, которые приняли въ священный союзъ свой не только митрополита, но и всѣхъ мужей добродѣтельныхъ, опытныхъ, усердныхъ къ отечеству и прежде отгоняемыхъ отъ трона. Ласкатели и шуты онѣмѣли при дворѣ; въ думѣ заграждались уста навѣтникамъ и кознодѣямъ, а правда могла быть откровенною. Не смотря на довѣренность, которую Іоаннъ имѣлъ къ совѣту, онъ самъ входилъ и въ государственныя, и въ важнѣйшія судныя дѣла, чтобы исполнить обѣтъ, данный имъ Богу и Россіи. Вездѣ народъ благословилъ усердіе правительства къ добру общему, вездѣ смѣняли недостойныхъ властителей, наказывали презрѣніемъ или темницею, но безъ излишней строгости, хотѣли ознаменовать счастливую государственную перемѣну не жестокою казнью худыхъ становыхъ, какъ бы объявляя тѣмъ народу, что злоупотребленія частной власти бываютъ обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ усыпленія или разврата въ главномъ начальствѣ: гдѣ оно терпитъ грабежъ, тамъ грабители почти невинны, пользуясь дозволяемымъ.

Вообще мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для царской власти. Весьма немногіе изъ прежнихъ царедворцевъ и то самые злѣйшіе, были удалены; другихъ старались обуздать или исправить. Въ Думу поступили новые бояре: дядя царицы Захарьинъ, Хабаровъ, кн. Куракинъ, Булгаковъ, Данило Пронскій, Дмитрій Палецкій. Отнявъ у ненавистнаго Михайла Глинскаго знатный санъ конюшаго, оставили боярство, помѣстья и свободу жить, гдѣ хочетъ; но сей вельможа, устрашенный судьбою брата, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, кн. Турунтаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Литву. За ними гнался кн. Петръ Шуйскій. Видя, что имъ нельзя уйти, они возвратились въ Москву и, взятые подъ стражу, клялись, что ѣхали не въ Литву, а на богомолье въ Оковецъ. Несчастныхъ уличили во лжи, но милостиво простили, извинивъ бѣгство ихъ страхомъ. Въ самомъ семействѣ государя, гдѣ прежде обитали холодность, недовѣріе, зависть, вражда, Россія увидѣла миръ и тишину искренней любви. Узнавъ счастіе добродѣтели, Іоаннъ еще болѣе узналъ цѣну супруги добродѣтельной: утверждаемой прелестною Анастасіею во всѣхъ благихъ мысляхъ и чувствахъ, онъ былъ и добрымъ царемъ и добрымъ родственникомъ: женивъ кн. Юрія Васильевича, избралъ супругу и для кн. Владиміра Андреевича, дѣвицу Евдокію, изъ рода Нагихъ, жилъ съ первымъ въ одномъ дворцѣ, ласкалъ, чтилъ обоихъ, присоединяя имена ихъ къ своему въ государственныхъ указахъ писалъ: «Мы уложили съ братьями и съ боярами».

Желая уподобиться во всемъ Іоанну III, желая, по его собственному слову, быть царемъ правды, онъ не только острилъ мечъ на враговъ иноплеменныхъ, но, въ цвѣтущей юности лѣтъ, занялся и законодательствомъ. Окруженный сонмомъ бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ, царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Вышелъ Судебникъ (въ 1550 г.) или вторая Русская Правда, вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ. Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовью къ справедливости, къ благоустройству. Въ прибавленіяхъ къ Судебнику находится и важный по тогдашнему времени указъ о мѣстничествѣ: государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умѣрить оное, запретивъ дѣтямъ боярскимъ и княжатамъ считаться родомъ съ воеводами; уставилъ также, что воевода Большаго полка долженъ быть всѣхъ знатнѣе; что начальники Передоваго и Сторожеваго полка ему одному уступаютъ въ старѣйшинствѣ и не считаются съ воеводами Правой и Лѣвой Руки: что государю принадлежитъ судить о родахъ и достоинствахъ: что, кто съ кѣмъ посланъ, тому тотъ и повинуется.

Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ Собору слугъ Божіихъ, и, въ 1551 г. 23 февраля, дворецъ кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами духовными и мірскими. Митрополитъ, девять святителей, всѣ архимандриты, игумены, бояре, сановники первостепенные, сидѣли въ молчаніи, устремивъ взоръ на царя юношу, который съ силою ума и краснорѣчія говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи царствъ, отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ, описалъ все претерпѣнное вдовствующею Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной, упомянулъ о слезной кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкѣ вельможъ, коихъ худые примѣры испортили въ немъ сердце; но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа. «Тогда, сказалъ онъ, ужаснулась душа моя и кости во мнѣ затрепетали, духъ мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродѣтель. Отъ васъ требую ревностнаго наставленія, пастыри христіанъ, учители царей и вельможъ, достойные святители церквей! Не щадите меня въ преступленіяхъ, смѣло упрекайте мою слабость; гремите словомъ Божіимъ, да жива будетъ душа моя!» Далѣе, изъяснивъ свое благодѣтельное намѣреніе устроить счастіе Россіи всѣми данными ему отъ Бога способами и доказавъ необходимость исправленія законовъ для внутренняго порядка, царь предложилъ святителямъ Судебникъ на разсмотрѣніе и граматы уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ надлежало избрать старостъ и цѣловальниковъ или присяжныхъ, чтобы они судили дѣла вмѣстѣ съ намѣстниками или съ ихъ тіунами, какъ дотолѣ было въ одномъ Новгородѣ и Псковѣ; а сотскіе и пятидесятники, также избираемые общею довѣренностію, долженствовали заниматься земскою исправою, дабы чиновники царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ. Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанна.

Но симъ не кончилось его дѣйствіе; государь, устроивъ державу, пред-

ложилъ святителямъ устроить церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами невѣждами, но и самые нравы духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей алтаря; уставить благочиніе, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить христіанство россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія собора, который назвали Стоглавнымъ по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ.

Къ симъ, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежитъ и замыселъ его обогатить Россію плодами искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиттъ въ 1547 г. былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ и наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, распрашивалъ его съ любопытствомъ, предложилъ ему ѣхать отъ насъ посланникомъ въ Нѣмецкую землю, чтобы вывести оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лѣкарей, аптекарей, типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ, даже теологовъ. Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ государю и Россіи. Онъ нашелъ императора, Карла V въ Аугсбургѣ на сеймѣ, вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе царя, но съ условіемъ, чтобы Шлиттъ именемъ Іоанновымъ обязался клятвенно не выпускать ученыхъ и художниковъ изъ России въ Турцію, и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой имперіи. Карлъ V далъ нашему посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей годныхъ для службы царя, а Шлиттъ набралъ болѣе ста двадцати человѣкъ и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все разрушилось отъ низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонскаго ордена. Они боялись нашего просвѣщенія, думали, что Россія сдѣлается оттого еще сильнѣе, опаснѣе для сосѣднихъ державъ, и своими коварными представленіями заставили императора думать такъ же: вслѣдствіе этого сенаторы любекскіе беззаконно посадили Шлитта въ темницу. Многочисленные спутники его разсѣялись, и долго Іоаннъ не зналъ о несчастной судьбѣ своего посланника, который, бѣжалъ наконецъ изъ заключенія, уже въ 1557 г. возвратился въ Москву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и съ разными легкомысленными предложеніями, напримѣръ: чтобы царь помогалъ императору людьми и деньгами въ войнѣ турецкой, далъ ему аманатовъ (заложниковъ) (двадцать пять князей и бояръ) въ залогъ вѣрности, обѣщалъ соединить церковь нашу съ латинскою, имѣлъ всегдашняго посла при дворѣ Карла, основалъ орденъ для россіянъ и чужестранцевъ, нанялъ 6000 нѣмецкихъ воиновъ, учредилъ почту отъ Москвы до Аугсбурга, и проч. Хотя благое намѣреніе царя не исполнилось совершенно отъ недоброжелательства любчанъ и правительства ливонскаго, однакожь многіе изъ нѣмецкихъ художниковъ, остановленныхъ въ Любекѣ, вопреки запрещенію императора и магистра ливонскаго, умѣли тайно проѣхать въ Россію и были ей полезными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго образованія.

Сіе истинно царское дѣло совершалось подъ звукъ оружія и побѣдъ, тогда необходимыхъ для благоденствія Россіи.

III. ВОСПИТАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО И СБЛИЖЕНІЕ СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ.

(Изъ „Исторіи Россіи" Соловьева).

Іоаннъ родился съ блестящими дарованіями; быть можетъ, онъ родился также съ воспріимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою: но, безъ сомнѣнія, эта воспріимчивость, страстность, раздражительность, если не были произведены, то, по крайней мѣрѣ, были развиты до высшей степени воспитаніемъ, обстоятельствами дѣтства его. Извѣстно, что ребенокъ даровитый, предоставленный съ ранняго дѣтства самому себѣ и поставленный при этомъ въ затруднительное, непріятное положеніе, развивается быстро, преждевременно во всѣхъ отношеніяхъ. По смерти матери, Іоаннъ былъ окруженъ людьми, которые заботились только о собственныхъ выгодахъ, которые употребляли его только орудіемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Среди эгоистическихъ стремленій людей, окружавшихъ его, Іоаннъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ, своему собственному эгоизму. При жизни отца онъ долго бы находился въ удаленіи отъ дѣлъ; подъ бдительнымъ надзоромъ, въ тишинѣ, характеръ его спокойно могъ бы сложиться, окрѣпнуть; но Іоаннъ трехъ лѣтъ былъ уже великимъ княземъ, и хотя не могъ править государствомъ на дѣлѣ, однако самыя формы, которыя соблюдать было необходимо, напримѣръ, посольскіе пріемы и проч., должны были безпрестанно напоминать ему о его положеніи; необходимо стоялъ онъ въ средоточіи государственной дѣятельности, въ средоточіи важныхъ вопросовъ, хотя и былъ молчаливымъ зрителемъ, молчаливымъ исполнителемъ формъ. Передъ его глазами происходила борьба сторонъ: людей къ нему близкихъ, которыхъ онъ любилъ, у него отнимали; передъ нимъ наглымъ, звѣрскимъ образомъ влекли ихъ въ заточеніе, не смотря на его просьбы, потомъ слышалъ онъ о ихъ насильственной смерти; въ то же время онъ ясно понималъ свое верховное положеніе, ибо тѣ же самые люди, которые не обращали на него никакого вниманія, которые при немъ били, обрывали людей къ нему близкихъ, при посольскихъ пріемахъ и другихъ церемоніяхъ стояли предъ нимъ, какъ покорные слуги; видѣлъ онъ, какъ все преклонялось предъ нимъ, какъ все дѣлалось его именемъ, и слѣдовательно должно было такъ дѣлаться; да и было около него много людей, которые изъ собственныхъ выгодъ, изъ ненависти къ осилившей сторонѣ, твердили, что поступки послѣдней беззаконны, оскорбительны для него. Такимъ образомъ ребенокъ видѣлъ передъ собою враговъ, похитителей его правъ, но бороться съ ними на дѣлѣ не могъ: вся борьба должна была сосредоточиться у него въ головѣ и въ сердцѣ — самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человѣка борьба, особенно въ такомъ возрастѣ! Голова ребенка была постоянно занята мыслью объ этой борьбѣ, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностью прочелъ все, что могъ прочесть, изучилъ священную, церковную, римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія св. отцевъ; но во всемъ, что онъ ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбою, искалъ средствъ

выйдти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ св. Писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти противъ беззаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него. Отсюда будутъ понятны намъ послѣдующія стремленія Іоанна, стремленія, такъ рано обнаружившіяся, принятіе царскаго титула, желаніе быть тѣмъ же на московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были на іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій на римскомъ; Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически.

Но въ то время, какъ умъ былъ занятъ мыслью о правахъ, дерзко нарушаемыхъ, о средствахъ, какъ бы дать окончательное освященіе этимъ правамъ, дать имъ совершенную недосягаемость, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые не обращали на него никакого вниманія, оскорбляли его, въ своихъ борьбахъ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки; Іоаннъ привыкъ необращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, позволяли ему предаваться чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодаго князя оскорбляли, наносили ему удары въ самыя нѣжныя чувствительныя мѣста, оскорбляли память его родителей, позоря, умерщвляя людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ. Оскорбляли такимъ образомъ вдвойнѣ Іоанна: оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній; оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ. Отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій въ Іоаннѣ развивались два чувства: презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія.

По словамъ Курбскаго, Іоанна воспитывали великіе и гордые бояре на свою и на дѣтей своихъ бѣду, стараясь другъ передъ другомъ угождать ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Когда онъ началъ приходить въ возрастъ, былъ лѣтъ двѣнадцати, то сталъ прежде всего проливать кровь безсловесныхъ, бросая ихъ на землю съ высокихъ теремовъ, а пѣстуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою бѣду. Когда онъ началъ приближаться къ пятнадцатому году, то принялся и за людей: собралъ около себя толпу знатной молодежи и началъ съ нею скакать верхомъ по улицамъ и площадямъ, бить, грабить встрѣчавшихся мужчинъ и женщинъ, поистинѣ въ самыхъ разбойническихъ дѣлахъ упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: «О! храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ!»

Если признать вѣрность показаній Курбскаго, признать, что Іоаннъ дѣйствительно съ 12 лѣтъ началъ обнаруживать дурныя наклонности, отъ которыхъ пѣстуны не удерживали его, то этотъ возрастъ совпадаетъ съ правленіемъ Андрея Шуйскаго и товарищей его. Прежде, когда Іоаннъ былъ еще очень малъ, Шуйскіе считали ненужнымъ обращать на него большое вниманіе: князь Иванъ, въ его присутствіи, клалъ ногу на по-

стель его отца, Тучковъ пихалъ ногами вещи его матери, позабывши, что ребенокъ такія явленія помнитъ лучше, чѣмъ взрослый; въ это время многое дѣлалось и не такъ, какъ хотѣлъ ребенокъ: и платье ему давали дурное, и не давали долго ѣсть. Но когда ребенокъ сталъ выростать, то окружающіе перемѣнили обращеніе съ нимъ, стали готовить въ немъ себѣ будущаго милостивца, вдругъ перестали видѣть въ немъ ребенка, котораго еще должно было воспитывать, и начали смотрѣть на него, какъ на великаго князя, которому должно было угождать. Воронцовъ счелъ для себя выгоднымъ пріобрѣсть расположеніе тринадцатилѣтняго государя, и это расположеніе Шуйскіе и товарищи ихъ сочли для себя опаснымъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, и сами Шуйскіе обходились теперь съ Іоанномъ не такъ, какъ прежде. Новое положеніе Іоанна въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ видно уже изъ того, что, при описаніи сверженія кн. Бѣльскаго и митрополита Іоасафа, объ Іоаннѣ сказано только, что онъ сильно испугался; при описаніи же происшествія съ Воронцовымъ говорится, что Іоаннъ уже ходатайствовалъ у Шуйскихъ за своего любимца. Поступокъ Шуйскихъ съ Воронцовымъ былъ послѣднимъ боярскимъ самовольствомъ: неизвѣстно какъ, вслѣдствіе чьихъ внушеній и ободреній, вслѣдствіе какихъ приготовленій, тринадцатилѣтній Іоаннъ рѣшился *напасть* на Шуйскаго: иначе нельзя выразить тогдашнихъ отношеній. Молодой великій князь долженъ былъ начать свою дѣятельность нападеніемъ на перваго вельможу въ государствѣ; понятно, что это нападеніе будетъ такое, къ какимъ пріучили его Шуйскіе: 29 декабря 1543 года Іоаннъ велѣлъ схватить первосовѣтника боярскаго кн. Андрея Шуйскаго и отдать его псарямъ: псари убили его, волоча къ тюрьмамъ; совѣтниковъ его, кн. Ѳедора Шуйскаго, кн. Юрія Темкина, Ѳому Головина, который позволилъ себѣ извѣстный поступокъ съ митрополитомъ, и другихъ разослали.

Нападеніе было удачное, враги застигнуты врасплохъ, напуганы: съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтопись, начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе. Прошелъ годъ; Іоанну было уже четырнадцать лѣтъ, и опала постигла кн. Ивана Кубенскаго: его сослали въ Переяславъ и посадили подъ стражу. Кн. Иванъ Кубенскій съ братомъ Михаиломъ были главами заговора противъ Бѣльскаго и митрополита Іоасафа въ пользу Шуйскаго; Иванъ же Кубенскій упоминается въ числѣ бояръ, бросившихся на Воронцова съ Шуйскими. 16 декабря 1544 года былъ схваченъ Кубенскій. Въ маѣ 1545 г. онъ былъ освобожденъ. 10 сентября Аѳанасію Бутурлину отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова. Послѣ казни Андрея Шуйскаго первымъ дѣломъ великаго князя было возвращеніе изъ ссылки Воронцова, который ничего не потерялъ изъ прежняго его расположенія; возвратившись къ двору съ торжествомъ, блистательно отомщенный, Воронцовъ сталъ думать, какъ бы самому занять мѣсто Андрея Шуйскаго, одному управлять всѣмъ, одному раздавать всѣ милости именемъ еще несовершеннолѣтняго государя: кого государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдома, и Ѳедору досадно, говоритъ лѣтописецъ. Самъ ли Іоаннъ замѣтилъ эти досады, или другіе, которымъ было тѣсно съ Воронцовымъ (напримѣръ Михаилъ и Юрій Глинскіе, дядья государевы, указали ему въ Воронцовѣ другаго Шуйскаго), только Воронцовъ подвергся опалѣ вмѣстѣ съ прежними своими врагами. Но и на этотъ разъ опала продолжалась не болѣе двухъ мѣсяцевъ: въ декабрѣ 1545 г.,

для отца своего, Макарія митрополита, великій князь пожаловалъ бояръ своихъ.

Этихъ колебаній, опалъ, налагаемыхъ на одни и тѣ же лица, прощеній ихъ въ продолженіи 13-го, 15-го и 16-го года Іоанновой жизни нельзя оставить безъ вниманія: странно было бы предположить, что молодой Іоаннъ, только по старой непріязни къ родственникамъ и друзьямъ Шуйскихъ, безо всякаго повода, бросался на нихъ и потомъ прощалъ; трудно предположить, чтобы могущественная сторона Шуйскихъ такъ была поражена казнью князя Андрея, что отказалась совершенно отъ борьбы: но кто боролся съ нею именемъ Іоанна? — Лѣтописи молчатъ. Можно указывать вначалѣ на Воронцова, можно указывать на кн. Глинскихъ, которыхъ могущество обнаруживается во всеобщей ненависти вельможъ къ нимъ. Но окончательно Кубенскій и Воронцовъ были погублены не Глинскими: на это есть опредѣленное свидѣтельство источниковъ. Въ маѣ 1546 г. великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну, по вѣстямъ, что крымскій ханъ идетъ къ этимъ мѣстамъ. Однажды Іоаннъ, выѣхавши погулять за городъ, былъ остановленъ новгородскими пищальниками, которые стали о чемъ то бить ему челомъ; онъ нерасположенъ былъ ихъ слушать и велѣлъ отослать. Лѣтописецъ не говоритъ, какъ посланные великимъ княземъ исполнили его приказаніе; говоритъ только, что пищальники начали бросать въ нихъ каменьями и грязью; видя это, Іоаннъ отправилъ отрядъ дворянъ своихъ для отсылки пищальниковъ; но послѣдніе стали сопротивляться и дворянамъ; тѣ вздумали употребить силу; тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами, изъ пищалей стрѣлять, а дворяне дрались изъ луковъ и саблями; съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ человѣкъ по пяти или по шести; великаго князя не пропустили проѣхать прямо къ его стану, онъ долженъ былъ пробираться окольною дорогою. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это происшествіе на Іоанна, напуганнаго въ дѣтствѣ подобными сценами и сохранившаго на всю жизнь слѣдствія этого испуга. Но онъ привыкъ видѣть враговъ своихъ, дерзкихъ ослушниковъ своей власти не въ рядахъ простыхъ ратныхъ людей, и потому сейчажъ же имъ овладѣло подозрѣніе: онъ велѣлъ провѣдать, по чьей наукѣ пищальники осмѣлились такъ поступить, потому что безъ науки этого случиться не могло. Разузнать объ этомъ онъ поручилъ не знатному человѣку, но дьяку своему, Василію Захарову, который былъ у него въ приближеніи: мы видимъ, слѣдовательно, что Іоаннъ, подобно отцу, уже началъ приближать къ себѣ людей новыхъ, безъ родовыхъ преданій и притязаній, дьяковъ. Захаровъ донесъ, что пищальниковъ подучили бояре, кн. Кубенскій и двое Воронцовыхъ, Ѳедоръ и Василій Михайловичи. Великій князь повѣрилъ дьяку и въ великой ярости велѣлъ казнить Кубенскаго и Воронцовыхъ, какъ вслѣдствіе новаго обвиненія, такъ и по прежнимъ ихъ преступленіямъ, за мздоимство во многихъ государскихъ и земскихъ дѣлахъ; людей близкихъ къ нимъ разослали въ ссылку. Лѣтописцы говорятъ, что дьякъ оклеветалъ бояръ. Курбскій относитъ къ тѣмъ же временамъ и другія казни.

Такъ проводилъ Іоаннъ шестнадцатый годъ своего возраста; на семнадцатомъ, 13 декабря 1546 г., онъ позвалъ къ себѣ митрополита и объявилъ, что хочетъ жениться; на другой день митрополитъ отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, даже

и опальныхъ, и со всѣми отправился къ великому князю, который сказалъ Макарію: «Милостію Божіею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостію великихъ чудотворцевъ, Петра, Алексія, Іоны, Сергія и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, положилъ я на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ жениться. Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ, у какого нибудь короля или царя; но потомъ я эту мысль отложилъ: не хочу жениться въ чужихъ государствахъ, потому что я послѣ отца своего и матери остался малъ; если я приведу себѣ жену изъ чужой земли и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ; поэтому я хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ благословитъ, по твоему благословенію». Митрополитъ и бояре, говоритъ лѣтописецъ, заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется. Но молодой Іоаннъ тутъ же удивилъ ихъ и другою рѣчью: «По твоему, отца своего митрополита, благословенію, и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство, на великое княженіе сѣсть.» Бояре обрадовались, что государь еще въ такомъ младенчествѣ, а прародительскихъ чиновъ поискалъ. Но, конечно, всего болѣе удивились они, а нѣкоторые, не очень обрадовались тому, что шестнадцатилѣтній великій князь съ этихъ поръ, внутри и внѣ государства, принялъ титулъ, котораго не рѣшались принять ни отецъ, ни дѣдъ его, титулъ царя. 16 января 1547 г. совершено было царское вѣнчаніе, подобное вѣнчанію Димитрія-внука при Іоаннѣ III. Между тѣмъ еще въ декабрѣ разосланы были по областямъ, къ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, грамоты: «Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ будутъ изъ васъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу. Выборъ палъ на дѣвушку изъ самыхъ знатныхъ и древнихъ московскихъ боярскихъ родовъ, который, при наплывѣ родовъ княжескихъ, успѣлъ удержать за собою близкое къ престолу мѣсто: выборъ палъ на Анастасію, дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племяницу боярина Михаила Юрьевича, близкаго человѣка къ великому князю Василію; быть можетъ и эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ; надобно замѣтить, что представитель рода по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасіи, Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, не принадлежалъ къ сторонѣ Шуйскихъ, не упоминается ни въ какихъ боярскихъ смутахъ дѣтства Іоаннова.

3 февраля была царская свадьба; 12 апрѣля вспыхнулъ сильный пожаръ въ Москвѣ; 20 числа другой; 3 іюня упалъ большой колоколъ-благовѣстникъ; 21 новый страшный пожаръ, какого еще никогда не бывало въ Москвѣ; загорѣлась церковь Воздвиженія на Арбатѣ, при сильной бурѣ; огонь потекъ, какъ молнія, спалилъ на западъ все вплоть до Москвы рѣки у Семчинскаго сельца; потомъ буря обратилась на Кремль, вспыхнулъ верхъ Успенскаго собора, крыши на царскомъ дворѣ, казен-

ный дворъ, Благовѣщенскій соборъ; сгорѣла оружейная палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною, дворъ митрополичій, по каменнымъ церквамъ сгорѣли иконостасы и людское добро, которое продолжали и въ это время прятать по церквамъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣлъ иконостасъ и всѣ сосуды церковные; митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ. Кремлевскіе монастыри Чудовъ и Вознесенскій сгорѣли; въ Китаѣ сгорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы. Народу сгорѣло 1700 человѣкъ. Великій князь съ женою, братомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево.

На другой день онъ поѣхалъ съ боярами въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Θедоръ Барминъ, кн. Θедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челяднинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ; чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ, отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло; розыскъ произвели такимъ образомъ: 26 числа, въ воскресенье, на пятый день послѣ пожара, бояре пріѣхали въ Кремль на площадь къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и начали спрашивать: «Кто зажигалъ Москву?». Въ топлѣ закричали: «Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волховала: вынимала сердца человѣческія, да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: оттого Москва и выгорѣла!» Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жалованіи, отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе людей своихъ не унимали. Конюшій бояринъ кн. Михайло Васильевичъ Глинскій, родной дядя царскій, былъ въ это время съ матерью во Ржевѣ, полученномъ отъ царя въ кормленіе; но братъ его Юрій былъ въ Москвѣ и стоялъ вмѣстѣ съ боярами на кремлевской площади. Услышавши о себѣ и о матери своей такія рѣчи въ народѣ, онъ понялъ, что его можетъ постигнуть, и ушелъ въ Успенскій соборъ; но бояре, злобясь на Глинскихъ, какъ на временщиковъ, напустили чернь: та бросилась въ Успенскій соборъ, убила Глинскаго, выволокла трупъ его изъ Кремля и положила передъ торгомъ, гдѣ казнятъ преступниковъ. Умертвивши Глинскаго, чернь бросилась на людей его, перебила ихъ множество, разграбила дворъ; много погибло тутъ и неизвѣстныхъ дѣтей боярскихъ изъ Сѣверской страны, которыхъ приняли за людей Глинскаго. Но одного Глинскаго было мало: на третій день послѣ убіенія кн. Юрія, толпы черни явились въ селѣ Воробьевѣ, у дворца царскаго, съ крикомъ, чтобы государь выдалъ имъ бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ея кн. Михайла, которые будто спрятаны у него въ покояхъ; Іоаннъ въ отвѣтъ велѣлъ схватить крикуновъ и казнить; на остальныхъ напалъ страхъ, и они разбѣжались.

Виновниками возстанія противъ Глинскихъ, главными наустителями черни, лѣтописецъ называетъ благовѣщенскаго протопопа Θедора Бармина, кн. Θедора Шуйскаго-Скопина, кн. Юрія Темкина, Ивана Петровича Челяднина, Григорія Юрьевича Захарьина, Θедора Нагаго. Въ малолѣтство Іоанна Шуйскіе и пріятели ихъ сами управлялись съ людьми себѣ враждебными; но когда Іоаннъ выросъ, когда казнь Андрея Шуйскаго, Кубенскаго, Воронцова показала имъ невозможность дальнѣйшаго самоуправства, то они начали дѣйствовать противъ приближенныхъ къ царю людей не непосредственно, но посредствомъ народа.

Виновники событій 26 іюня умѣли закрыть себя и достигли своей цѣли относительно Глинскихъ: оставшійся въ живыхъ кн. Михайло Глинскій не только потерялъ надежду восторжествовать, но даже отчаялся въ собственной безопасности, и вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, кн. Турунтаемъ Пронскимъ, побѣжалъ въ Литву; но бѣглецы были захвачены кн. Петромъ Шуйскимъ, посидѣли немного подъ стражею и были прощены, отданы на поруки, потому что вздумали бѣжать по неразумію, испугавшись судьбы кн. Юрія Глинскаго. Могущество Глинскихъ рушилось, но его не наслѣдовали знатные враги ихъ: полною довѣренностью Іоанна, могущественнымъ вліяніемъ на внутреннія дѣла начинаютъ пользоваться простой священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и ложничій царскій Алексѣй Өедоровъ Адашевъ, человѣкъ очень незначительнаго происхожденія.

Сильныя волненія, досады, поблажки чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ и дурные примѣры, которые Іоаннъ видѣлъ въ дѣтствѣ, безспорно имѣли пагубное вліяніе на его характеръ, произвели въ немъ между прочимъ раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлала его способнымъ и къ скорому принятію добраго вліянія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе и неподозрительнаго для Іоанна. Пожаръ московскій произвелъ на молодаго царя сильное впечатлѣніе. Вотъ что самъ царь писалъ объ этомъ впечатлѣніи собору, созванному для устройства церковнаго: «Нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ пересказать всего того, что я сдѣлалъ дурнаго по грѣхамъ молодости моей. Прежде всего смирилъ меня Богъ, отнялъ у меня отца, а у васъ пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая видъ, что мнѣ доброхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ, доискиваясь самовластія, въ помраченіи ума своего, дерзнули схватить и умертвить братьевъ отца моего. По смерти матери моей бояре самовластно владѣли царствомъ; по моимъ грѣхамъ, сиротству и молодости, много людей погибло въ междоусобной брани, а я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій, навыкъ къ злокозненнымъ обычаямъ боярскимъ, и съ того времени до сихъ поръ сколько согрѣшилъ я передъ Богомъ, и сколько казней послалъ на насъ Богъ! Мы не разъ покушались отомстить врагамъ своимъ, но все безуспѣшно; не понималъ я, что Господь наказываетъ меня великими казнями, и не покаялся, но самъ угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всякимъ насиліемъ. Господь наказывалъ меня за грѣхи, то потопомъ, то моромъ, и все я не каялся; наконецъ Богъ послалъ великіе пожары, и вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, смирился духъ мой, умилился я и позналъ свои согрѣшенія: выпросилъ прощеніе у духовенства, далъ прощеніе князьямъ и боярамъ». Курбскій говоритъ, что во время народнаго возмущенія противъ Глинскихъ, Богъ подалъ руку помощи землѣ христіанской такимъ образомъ: пришелъ къ Іоанну одинъ мужъ, чиномъ пресвитеръ, именемъ Сильвестръ, пришлецъ изъ Новгорода Великаго, сталъ претить ему отъ Бога священными писаніями и строго заклинать его страшнымъ Божіимъ именемъ; кромѣ того повѣдалъ ему о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ бы отъ Бога происшедшихъ. «Не знаю, прибавляетъ Курбскій, правду ли онъ говорилъ о чудесахъ, или выдумалъ, чтобы только напугать Іоанна для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, и достигъ своей цѣли: душу его исцѣлилъ и

очистилъ, развращенный умъ исправилъ, съ помощью Алексѣя Адашева, митрополита Макарія и всѣхъ преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ».

Изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился только тутъ внезапно предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде. По всѣмъ вѣроятностямъ, Сильвестръ уже давно переселился изъ Новгорода въ Москву и былъ однимъ изъ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, по этому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь его внушенія, его вліяніе получили большую силу. Для объясненія нравственнаго переворота въ Іоаннѣ, для объясненія при этомъ Сильвестрова значенія, припомнимъ событія, встрѣчаемыя нами въ концѣ шестнадцатаго и на семнадцатомъ году возраста Іоаннова: казнь Кубенскаго и Воронцова, бывшая слѣдствіемъ убѣжденія въ неисправимости бояръ; сильная по лѣтамъ степень развитія ума и воли, обнаружившаяся въ Іоаннѣ намѣреніемъ вѣнчаться на царство и принять титулъ царскій; нравственный переворотъ, долженствовавшій произойдти вслѣдствіе брака шестнадцатилѣтняго юноши, наконецъ пожары, народное возстаніе противъ лицъ, которымъ довѣрялъ царь болѣе всѣхъ по единству интересовъ, по близкому родству, и которыя раздражили народъ безнаказанными насиліями слугъ своихъ,—все это заставляло Іоанна порѣшить окончательно съ князьями и боярами, искать опоры въ лицахъ другаго происхожденія и въ лицахъ испытанной нравственности.

Но если на семнадцатомъ году возраста, вслѣдствіе означенныхъ причинъ и вліяній, произошелъ въ Іоаннѣ важный нравственный переворотъ, то не ранѣе 20-го года, вслѣдствіе естественнаго развитія, молодой царь нашелъ въ себѣ силы окончательно порѣшить съ прошедшимъ, которое сильно тяготило его. Естественнымъ слѣдствіемъ живости, страстности природы въ Іоаннѣ было неумѣнье сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни одинъ государь нашей древней исторіи не отличался такою охотою и такимъ умѣньемъ поговорить, поспорить, устно или письменно на площади народной, на церковномъ соборѣ, съ отъѣхавшимъ бояриномъ или съ послами иностранными, отчего получилъ прозваніе *въ словесной премудрости ритора*. Несчастное положеніе Іоанна съ самаго дѣтства заставляло его постоянно защищать себя въ собственныхъ глазахъ и предъ другими людьми: отсюда его рѣчи и письма обыкновенно или защитительныя въ свою пользу, или обвинительныя противъ враговъ своихъ. Раздражительная, страстная природа и несчастныя обстоятельства увлекли его къ страшнымъ крайностямъ; но при этомъ сознаніе своего паденія никогда не умирало въ немъ: отсюда это постоянное желаніе защитить себя, обвинить другихъ съ собственномъ паденіи.

Теперь онъ хотѣлъ защитить себя предъ народомъ, сложить вину всего прошедшаго зла на людей, которыхъ онъ не переставалъ называть своими врагами, какъ мы видѣли изъ рѣчи его на соборѣ. Прежде онъ хотѣлъ мстить имъ опалами и казнями; теперь, при новомъ настроеніи, онъ хочетъ торжественно объявить ихъ вину. На двадцатомъ году возраста своего, видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ, умыслилъ царь привести всѣхъ въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы, ра-

зорить неправды, утолить вражду, приказалъ онъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина. Когда выборные съѣхались, Іоаннъ въ воскресный день вышелъ съ крестами на лобное мѣсто, и, послѣ молебна, началъ говорить митрополиту: «Молю тебя, святый владыко! Будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; родственники о мнѣ не брегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ нерадѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, *азъ же яко глухъ и не слышахъ и не имый въ устахъ своихъ обличенія*, по молодости моей и безпомощности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего». Поклонившись на всѣ стороны, Іоаннъ продолжалъ: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ: въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать». Въ это время расположеніе царя къ Алексѣю Адашеву достигло высшей степени: въ тотъ самый день, въ который говорена была рѣчь къ народу, Іоаннъ пожаловалъ Адашева въ окольничіе и при этомъ сказалъ ему: «Алексѣй! Взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей для помощи души моей; хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто бы печаль мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ: но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія; избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ». Говорилъ онъ это съ прещеніемъ, прибавляетъ извѣстіе, и съ тѣхъ поръ началъ самъ судить многіе суды и розыскивать праведно. Такъ кончилось правленіе боярское.

IV. ИЗЪ «СУДЕБНИКА» ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА (1550).

Лѣта 7058, въ 1-й день мѣсяца іюля, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси со своими братьями и боярами сей Судебникъ уложилъ, какъ судить боярамъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, по городамъ намѣстникамъ, и по волостямъ, и ихъ тіунамъ, и всякимъ судьямъ.

1. Судъ царя и великаго князя судить боярамъ и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, а судомъ не дружить и не мстить никому, посуловъ (взятокъ) на судѣ не брать. Точно также и всякій судья на судѣ не долженъ брать посуловъ.

2. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ неправо рѣшатъ дѣло и обвинятъ кого несправедливо или списокъ подпишутъ и правую грамоту, и если разслѣдованіе покажетъ, что это сдѣлано безъ умысла, то бояринъ, окольничій, дворецкій, казначей и дьякъ не отвѣчаютъ, но рѣшеніе отмѣняется, и взятое должно быть возвращено.

3. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ, взявъ посулъ, рѣшитъ дѣло несправедливо, а разслѣдованіе обнаружитъ это, то неправильно обвиненный получаетъ съ виновныхъ судей свою потерю, пошлинъ царскихъ и великокняжескихъ и судебныхъ издержекъ взять съ нихъ и втрое подвергнуть наказанію, какое государь укажетъ.

6. А кто солжетъ на боярина, окольничаго, дворецкаго, казначея, дьяка или подъячаго, и по обыску ложь обнаружится, то такого жалобщика, сверхъ его вины, казнить торговою казнью, бить кнутомъ и ввергнуть въ тюрьму.

8. Брать боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку на судѣ отъ рублеваго дѣла на виноватомъ истцѣ или отвѣтчикѣ слѣдующія пошлины: боярину, или дворецкому, или казначею 11 денегъ, дьяку 7, подъячему 2; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то пошлины взымать по расчету, а больше того не брать; отъ записки подъячему не брать ничего. Если взято будетъ лишнее, то виновный платитъ втрое. Если послѣдуетъ жалоба на то, что взято лишнее, и она окажется ложною, то жалобщика казнить торговою казнью и заключить въ тюрьму.

14. На полѣ (судебномъ поединкѣ) долженъ биться боецъ съ бойцемъ, а небоецъ съ небойцемъ; а бойцу съ небойцемъ не биться. Но если небоецъ съ бойцемъ самъ пожелаетъ биться, то ему это разрѣшается.

19. Если ищетъ женщина, или малолѣтній, или старецъ, или больной, или калѣка, или священникъ, или монахъ, или монахиня, то для поединка имъ нанимать бойца, равно какъ и отвѣтчику. Крестъ цѣлуютъ истецъ и отвѣтчикъ, бьются же нанятые. Но если истецъ или отвѣтчикъ пожелаетъ самъ биться съ нанятымъ, то ему это разрѣшается.

26. Вознагражденіе за безчестіе дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія, опредѣлять по доходу съ того кормленія, какъ значится по книгамъ; женамъ ихъ за безчестіе вдвое. Дѣтямъ боярскимъ, получающимъ денежное жалованье, за безчестіе платить, въ размѣрѣ жалованья; женамъ ихъ вдвое. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ за безчестіе платить, какъ царь укажетъ; женамъ ихъ вдвое. Большимъ гостямъ безчестія 50 рублей, женамъ ихъ вдвое. Торговымъ людямъ, посадскимъ и всѣмъ среднимъ безчестія 5 рублей; женамъ ихъ вдвое. Боярскому человѣку доброму безчестія 5 рублей, если онъ не тіунъ и доводчикъ, женѣ его вдвое. Тіуну боярскому или доводчику или праветчику безчестіе платится въ размѣрѣ доходовъ; женамъ ихъ вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному за безчестіе рубль, женѣ его вдвое. Боярскому человѣку младшему или черному младшему городскому человѣку тоже рубль, а женамъ ихъ вдвое. За увѣчіе платится, смотря по увѣчію и по безчестію.

27. Если чужеземецъ будетъ искать на чужеземцѣ, то обвиняемый можетъ, какъ хочетъ, или присягать, что не виноватъ, или, положивъ у креста предметъ иска, предложить истцу взять его, принесши присягу. Если человѣкъ здѣшняго государства истецъ, а чужеземецъ отвѣтчикъ, или наоборотъ, то метать жребій, и чей жребій вынется, тому присягать.

52. Если кого приведутъ съ поличнымъ впервые, то его судить и собрать о немъ свѣдѣнія. Если по обыску назовутъ его лихимъ человѣкомъ, то его пытать, и если онъ скажетъ самъ на себя, то казнить смертью, а въ противномъ случаѣ предать пожизненному заключенію, истцу-же заплатить изъ его имущества. Если же по обыску скажутъ, что онъ человѣкъ добрый, то вести дѣло обыкновеннымъ порядкомъ.

55. Если вора поймаютъ впервые, исключая вора церковнаго и похитителя людей, а въ иномъ прежнемъ воровствѣ довода на него не будетъ, то его казнить торговою казнью, бить кнутомъ, искъ на немъ доправить, да отдать его на вѣрныя поруки. Если вѣрнаго поручителя нѣтъ, то ввергнуть въ тюрьму и держать до тѣхъ поръ, пока таковой не найдется. Если у вора не будетъ имущес тва для удовлетворенія истца, то его, наказавъ кнутомъ, выдать истцу головою на правежъ, пока не выкупится, а истцу пріискать поручителей въ томъ, что, доправивъ свое, отдастъ его боярамъ.

56. Если вора поймаютъ вторично, то его пытать и, если скажетъ самъ на себя, смертью казнить, а истца вознаградить изъ его имущества. Если имущества не будетъ, то и тогда казнить, а истцу не выдавать. Если подъ пыткою на себя самъ не скажетъ, то навести справки, и когда по справкамъ окажется, что онъ лихой человѣкъ, ввергнуть его въ тюрьму до смерти; въ противномъ же случаѣ отдать на крѣпкія поруки. Если таковыхъ нѣтъ, то держать его въ тюрьмѣ, пока не найдутся.

59. Завѣдомо лихой человѣкъ, уличенный въ разбоѣ, душегубствѣ, ябедничествѣ, подлогѣ или другомъ лихомъ дѣлѣ, долженъ быть казненъ смертью, а истецъ получаетъ вознагражденіе изъ его имущества; получившійся затѣмъ остатокъ идетъ на судебные платежи. Если у такого преступника столько имущества нѣтъ, то все же его казнить, а истцу не выдавать, при чемъ нѣтъ и судебныхъ платежей.

61. Убійца своего господина, бунтовщикъ, крамольникъ, церковный воръ, похититель людей, поджигатель, завѣдомо лихой человѣкъ, да будетъ казненъ смертью. Изъ имущества его удовлетворяется истецъ, остальное идетъ на судебныя издержки. Если у такого преступника имущества нѣтъ, то все же истцу онъ не выдается, а казнится смертью.

68. Если намѣстнику данъ въ кормленіе городъ съ волостями или волости, а въ волостяхъ по сію пору не было старостъ и цѣловальниковъ, то отнынѣ въ нихъ должны быть старосты и цѣловальники. Если кто либо изъ жителей этихъ волостей будетъ искать или отвѣчать предъ намѣстникомъ или волостелемъ, или предъ тіунами ихъ, то въ судѣ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ быть старостѣ и цѣловальникамъ изъ той волости, изъ которой истецъ или отвѣтчикъ, а судные дѣла писать земскому дьяку той же волости. А безъ старосты и цѣловальниковъ намѣстникамъ и волостелямъ, за которыми числится кормленіе съ боярскимъ судомъ или безъ боярскаго суда, а также ихъ тіунамъ, не судить. Посула на судѣ не брать ни намѣстникамъ, ни волостелямъ, ни ихъ тіунамъ.

74. Если въ городѣ будутъ два намѣстника, а въ волости два волостеля, и если судъ между ними не раздѣленъ, то брать судебные пошлины однажды и дѣлить между собою пополамъ. Если города и волости ихъ подѣлены, но у нихъ будетъ судъ смѣстный, то все же пошлины брать однажды и дѣлить между собою пополамъ. Если два намѣстника, два волостеля или два тіуна съ одного дѣла взяли пошлины дважды, и если это будетъ доказано, то заплатившему эти пошлины намѣстники, волостели и ихъ тіуны должны возвратить втрое.

78. Если люди вольные станутъ бить челомъ князьямъ и боярамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ, и станутъ на себя давать кабалы служить за долгъ, то признавать кабалы законными только на сумму не свыше 15 рублей.

81. Дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не были еще на службѣ, въ число холоповъ никто не долженъ принимать. Холопами могутъ становиться только отставленные государемъ отъ службы.

83. Если наймитъ у своего хозяина не дослужитъ срока своего и уйдетъ, то онъ лишается слѣдуемаго ему вознагражденія. Если хозяинъ не захочетъ отдать наймиту того, что долженъ, и будетъ въ томъ уличенъ наймитомъ, то послѣдній вправѣ требовать двойнаго вознагражденія.

84. А вотъ судъ о земляхъ. Если бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или бояринъ на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ будутъ искать земли, то судить за три года (т. е. признавать трехлѣтнюю давность). Тоже самое,

если будетъ искать черный человѣкъ на черномъ, помѣщикъ на помѣщикѣ, за которымъ числится земля царя и великаго князя, черный сельскій человѣкъ на помѣщикѣ или обратно. Если ищутъ на бояринѣ или монастырѣ земель царя и великаго князя, то судить за шесть лѣтъ, а дальше не судить. Если о земляхъ заведено уже дѣло, то таковое досуживать.

90. Если купецъ, идя на торговлю, возьметъ въ займы деньги или товаръ, да на пути потеряетъ занятое неумышленно отъ потопленія, пожара, войны или грабежа, то бояре должны, разслѣдовавъ дѣло, приказать дьяку царя и великаго князя дать такому человѣку полѣтную грамоту (т. е. грамоту, допускающую разсрочку платежей) съ царскою и великокняжескою печатью, смотря по имуществу пострадавшаго, на уплату долга безъ процентовъ. Если потеря случится по причинѣ пьянства, безумія, не по несчастному случаю, то должника выдать заимодавцу головою, пока онъ не откупится. Если полѣтная грамота дана будетъ по причинѣ разбоя и разбойники будутъ найдены имъ или открыты во время производства дѣла, то она теряетъ свою силу.

91. Попа, діакона, чернца, черницу и старую вдовицу, которые питаются отъ церкви Божіей, должны судить святители и ихъ судіи; если судится простой человѣкъ съ церковнымъ, то судъ совмѣстный. Если вдовица питается не отъ церкви Божіей, а живетъ домомъ своимъ, то святительскому суду не подлежитъ. Городскіе торговые люди не должны жить при монастыряхъ, а въ городскихъ дворахъ; торговыхъ людей, проживающихъ при монастыряхъ, оттуда устранять и подвергать суду намѣстниковъ. Нищимъ, питающимся отъ церкви Божіей, жить въ монастыряхъ.

92. Если кто умретъ безъ завѣщанія, не имѣя сына, то имущество его и земля переходятъ къ дочери; если и дочери нѣтъ, то къ ближайшему родственнику.

97. Тѣ дѣла, которыя до изданія настоящаго Судебника рѣшены, Судебникомъ не отмѣняются; не отмѣняются и тѣ, о которыхъ процессъ уже начатъ. Всѣ эти дѣла, касающіяся земель, холопства, кабалы и т. п., должны быть рѣшены прежнимъ порядкомъ. Впредь всякія дѣла рѣшать по настоящему Судебнику и управу чинить сообразно съ тѣмъ, какъ царь и великій князь предписываетъ въ своемъ Судебникѣ, со дня его составленія.

98. Если откроются случаи, не предусмотрѣнные симъ Судебникомъ, то они должны быть сообщены государемъ боярской думѣ для приговора, и рѣшеніе затѣмъ должно быть внесено въ настоящій Судебникъ.

99. Велѣть объявить на торгахъ въ Москвѣ, во всѣхъ городахъ земли Московской, Новгородской, Тверской, по волостямъ, чтобы истецъ и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ взятокъ на судѣ не давали и не обѣщали, чтобы свидѣтели, не видѣвъ дѣла, не свидѣтельствовали, а видѣвъ, свидѣтельствовали по правдѣ. Если свидѣтель будетъ свидѣтельствовать, не видѣвъ дѣла, лживо, и это обнаружится потомъ, то съ него взыскивать потерю истца и всѣ убытки, да за преступленіе казнить торговою казнью.

V. О ЗНАЧЕНІИ И СОДЕРЖАНІИ СУДЕБНИКА.

(Изъ ст. Калачева: „О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго", помѣщенной въ „Юридическихъ Запискахъ" Рѣдкина).

Судебникъ Іоанна IV имѣлъ великую важность не только для современниковъ, но и для потомства, которое долго руководствовалось имъ въ дѣлахъ судебныхъ: онъ важенъ и для насъ, какъ звено, необходимое для уразумѣнія исторіи русскаго законодательства.

Уложеніе, изданное Іоанномъ III и дополненное законами его сына, не могло казаться вполнѣ удовлетворительнымъ въ правленіе Іоанна IV. Съ развитіемъ жизни гражданской, съ уясненіемъ юридическихъ понятій, явилась потребность

въ разсмотрѣніи прежнихъ законовъ: надлежало иные дополнить, другіе замѣнить новыми, взятыми изъ обычаевъ жизни, всегда пополняющихъ письменное законодательство. Такую потребность современниковъ не могло не замѣтить мудрое правительство, дѣйствовавшее именемъ Іоанна, и съ самаго начала своей силы обратило на нее вниманіе. Безъ сомнѣнія, по совѣту Сильвестра, Адашева и другихъ приближенныхъ, Іоаннъ, *«благословясь у духовенства исправить Судебникъ по старинѣ»*, въ 1550 г. іюня 1-го, съ своими братьями и боярами *«уложилъ Судебникъ, какъ судить боярамъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, и по городамъ намѣстникамъ, и по волостямъ волостелямъ, тіунамъ и всякимъ судьямъ.»*

По окончаніи Судебника, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ собору *слугъ Божіихъ*, и, въ 1551 г. февр. 23, во дворцѣ кремлевскомъ явились, кромѣ митрополита, девять святителей, всѣ архимандриты, игумены, бояре и сановники первостепенные. Царь-юноша произнесъ имъ рѣчь, сильную умомъ и краснорѣчіемъ: говорилъ о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ *вдовствующею* Россіею во дни его юности, о неустройствѣ государственномъ, о самосудной власти вельможъ, о презрѣніи законовъ, о превратности древнихъ обычаевъ, о растлѣніи нравовъ, и ставилъ ихъ причиною, побудившею его къ исправленію законовъ и возстановленію спасительной ихъ власти и благоустройства въ государственномъ управленіи; потомъ царь предложилъ святителямъ на разсмотрѣніе Судебникъ съ уставными грамотами, объ избраніи старостъ и цѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятниковъ: соборъ утвердилъ всѣ новыя мудрыя постановленія Іоанновы.

По собственному признанію законодателя, онъ думалъ только дополнить Уложеніе Іоанна III, согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями государства, желая искоренить зло, вкравшееся въ систему судебнаго управленія. Отсюда очевидны источники, которыми пользовались при составленіи Судебника: письменные законы предковъ Іоанновыхъ, пополненные обычнымъ правомъ жизни гражданской и государственной. Такимъ образомъ, Судебникъ Іоанна IV представляется намъ какъ плодъ юридической дѣятельности предковъ, какъ вѣрное зерцало древней жизни русскихъ. Онъ всегда останется памятникомъ, драгоцѣннымъ для историка, юриста и филолога, для всякаго просвѣщеннаго и любознательнаго гражданина. Будучи окончательнымъ результатомъ предъидущаго развитія жизни юридической, онъ самъ впослѣдствіи послужилъ источникомъ для развитія отечественнаго права, потому что Уложеніе Алексѣя Михайловича, краеугольный камень послѣдующаго законодательства, есть ничто иное, какъ Судебникъ Іоанна IV, дополненный и исправленный новымъ развитіемъ права: съ одной стороны — письменными законами позднѣйшаго времени — указами и боярскими приговорами, законами мѣстными, примѣненными къ системѣ русскаго законодательства, по ихъ всеобщему юридическому духу (Литовскій Статутъ); съ другой стороны—практическими случаями, обычаями присутственныхъ мѣстъ.

Судебникъ, какъ это видно изъ его названія, есть кодексъ, опредѣляющій внѣшнюю (формальную) сторону права: судопроизводство есть, слѣдовательно, предметъ, разсматриваемый Судебникомъ. Главное вниманіе законодателя было обращено на устройство судовъ: на органы судопроизводства, высшіе и низшіе, на тяжущихся и ихъ повѣренныхъ, на самый порядокъ, соблюдаемый въ судопроизводствѣ, на законы, по которымъ оно движется, на искъ, на зовъ отвѣтчика, на доказательства судебныя, на рѣшеніе и его исполненіе. Очевидно, что все это относится къ судопроизводству гражданскому. Что же касается до части, разсматривающей гражданское право, то она почти не взошла въ составъ Судебника: право жило въ сознаніи народа, и обычаи, еще не обременяя памяти своею массою, ясно вѣщали о понятіяхъ юридическихъ, въ то время слишкомъ немногосложныхъ. Только немногія исключенія были записаны въ кодексѣ законовъ; но и то или по связи того или другаго права (гражданскаго) съ судопроизводствомъ, или по неясному сознанію законодателемъ различія между судомъ и правомъ.

Законодатель обращаетъ вниманіе и на судебно-уголовную часть: на *татьбу, душегубство и всякое лихое дѣло*; онъ назначаетъ даже для уголовныхъ дѣлъ особыхъ судей — *губныхъ старостъ*, которые должны участвовать въ судѣ намѣстниковъ и волостелей по дѣламъ *вѣдомыхъ разбойниковъ*, приказывая судить эти дѣла не по Судебнику, *а по губнымъ грамотамъ*. Слѣдовательно, очевидно, что главное вниманіе законодателя обращено было на гражданское судопроизводство; о судѣ же уголовномъ онъ говоритъ только для того, чтобы точнѣе опредѣлить дѣятельность органовъ судопроизводства вообще. Поэтому не только уголовное право, но даже уголовное судопроизводство остается въ Судебникѣ почти неразвитымъ.

VI. О МѢРАХЪ НАКАЗАНІЯ ПО ДРЕВНЕМУ РУССКОМУ ПРАВУ И ОСОБЕННО ПО СУДЕБНИКУ ІОАННА IV.

(Изъ соч. Калачева: „О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго", помѣщен. въ „Юридическихъ Запискахъ" Рѣдкина).

Понятіе о наказаніи, какъ о возмездіи верховной власти преступнику за его дѣйствіе, противное благосостоянію государства, можетъ образоваться только съ твердымъ установленіемъ верховнаго правительства. Въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе ранняго развитія монархической власти, эта идея о существѣ наказанія должна была довольно рано сдѣлаться общею, тѣмъ болѣе, что удѣльная система не могла препятствовать ея развитію, что, напротивъ, удѣльные князья могли строже смотрѣть за преступленіями подданныхъ и подвергать ихъ надлежащей казни. Въ самомъ дѣлѣ, уже Русская Правда свидѣтельствуетъ, что еще въ то время, когда дозволялась частная расправа, верховная власть считала долгомъ наказывать преступника въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ не подвергался такъ называемой кровной мести со стороны родственниковъ убитаго или оскорбленнаго. Отсюда видно, что въ древней Россіи правительство сознало первоначально свою обязанность по отношенію къ уголовному праву только какъ исключеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда частная расправа не могла имѣть мѣста. Со времени запрещенія частной расправы, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ дѣлахъ уголовныхъ, верховная власть могла дѣйствовать рѣшительно; и если прежде преступникъ подвергался опредѣленной казни или пенѣ только въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, то теперь законодатель могъ не только увеличить строгость въ средствахъ наказанія, но и ввести новыя, которыя доселѣ употреблялись только вслѣдствіе фактическаго произвола князя. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ въ періодъ удѣловъ не только умноженіе различныхъ средствъ наказанія, но и въ этихъ средствахъ видимъ постепенное увеличеніе строгости: между тѣмъ, какъ Русская Правда знаетъ только пени, виру и выдачу преступника и его имѣнія на разграбленіе князю, удѣльные князья ввели въ употребленіе смертную казнь, клейменіе преступника, отсѣченіе рукъ и другихъ членовъ и проч. За то, съ другой стороны, употребленіе тѣхъ или другихъ наказаній въ данномъ случаѣ стало зависѣть не отъ одного произвола князю, но преимущественно отъ степени и свойства преступленія. Масштабомъ для опредѣленія степени наказанія было принято возмездіе, т. е. преступникъ подвергался тому же злу, какое причинилъ или думалъ причинить другому своимъ преступленіемъ. Замѣтимъ однако, что, кромѣ возмездія, законодатели, назначая наказаніе преступнику, имѣли также въ виду другія, болѣе частныя цѣли, между которыми важнѣйшее мѣсто занимала цѣль устрашенія, для чего наказанія, большею частью, совершались публично, и чему преимущественно должна была способствовать жестокость ихъ исполненія, особенно при Іоаннѣ IV.

Объяснивъ существо наказанія по понятіямъ нашихъ предковъ, мы обозримъ различныя средства ихъ внѣшняго проявленія, употреблявшіяся въ древней Россіи.

Всѣ разнообразныя средства наказанія, которыя встрѣчаются въ источникахъ, можно подвести къ двумъ главнымъ видамъ: казнь и опала. Въ обширномъ смыслѣ оба выраженія совершенно тождественны, и потому нерѣдко одно употреблялось вмѣсто другаго. Но въ смыслѣ болѣе тѣсномъ опала означала преимущественно гнѣвъ царскій, удаленіе виновнаго отъ двора, съ глазъ государя, и преступнику угрожали потерею довѣренности царской, лишеніемъ знатной должности при дворѣ. Напротивъ, казнь подвергала виновнаго вреду болѣе матеріальному и состояла въ лишеніи жизни (смертная казнь) или свободы, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, денежныхъ штрафахъ и проч. Очевидно, что царская опала, падая главнымъ образомъ на приближенныхъ къ престолу и особенно чувствительная для царедворцевъ, по нелицемѣрной любви къ монарху, которой издревле отличались русскіе, теряла свою силу въ областяхъ, отдаленныхъ отъ центра управленія. Напротивъ, казнь, равно падая на всякаго преступника, преимущественно выражала права и обязанности верховной власти въ сферѣ уголовнаго права.

Исторія временъ, предшествующихъ Іоанну IV, особенно же его царствованія, представляетъ намъ примѣры почти всѣхъ средствъ наказанія, извѣстныхъ въ наше время. Но, подобно всѣмъ явленіямъ въ различныхъ государствахъ, сходныхъ въ общихъ чертахъ и представляющихъ видоизмѣненія въ частностяхъ, средства наказанія, извѣстныя въ древней Россіи, имѣютъ также свои оттѣнки, сообразно съ характеромъ и понятіями нашихъ предковъ, и вслѣдствіе различныхъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, при которыхъ тѣ или другія средства наказанія получили свое начало и развитіе. Мы разсмотримъ сначала средства наказанія личныя: смертную казнь, тѣлесныя наказанія, лишеніе свободы и чести, ссылку и отрѣшеніе отъ должности, потомъ вещныя: конфискацію имуществъ и денежные штрафы.

Съ тѣхъ поръ, какъ кровная месть была запрещена, какъ самоуправство, лишеніе жизни преступника сдѣлалось исключительнымъ правомъ верховной власти и ея органовъ, въ отношеніи къ уголовному судопроизводству. Но, съ своей стороны, верховная власть, сознавая существо наказанія, не могла уже такъ произвольно, какъ прежде, пользоваться столь важнымъ правомъ, тѣмъ болѣе, что для предупрежденія злоупотребленій со стороны ея органовъ было также необходимо опредѣлить тѣ случаи, въ которыхъ они могли бы виновнаго подвергать лишенію жизни. Такое опредѣленіе преступленій, подлежащихъ смертной казни, встрѣчается первоначально въ жалованныхъ и договорныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей; но здѣсь число ихъ весьма ограничено, и при томъ самое право наказанія, предоставленное судьямъ, въ большей части случаевъ поставлено въ непосредственную зависимость отъ рѣшенія государя. Впрочемъ, ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ источникахъ не встрѣчается подробностей касательно лишенія жизни, какъ наказанія, опредѣленнаго законами, до тѣхъ поръ, когда въ рукахъ московскихъ князей стала усиливаться верховная власть, униженная междоусобіями удѣльныхъ князей и игомъ монгольскимъ. Извѣстно, что въ княженіе Дмитрія Донскаго смертная казнь совершалась уже публично на древнемъ Кучковѣ полѣ, хотя, безъ сомнѣнія, это былъ не первый примѣръ всенароднаго наказанія. Еще большее развитіе смертная казнь должна была получить при преемникахъ этого государя, которые, со времени единовластія, могли точнѣе опредѣлить нѣкоторыя государственныя преступленія (измѣну, разбой и проч.) и строже преслѣдовать виновныхъ. Наконецъ въ Судебникѣ Іоанна III лишеніе жизни признается уже общимъ наказаніемъ для всѣхъ вѣдомыхъ лихихъ людей, за всякое лихое дѣло, особенно за душегубство (смертоубійство), разбой, татьбу, ябедничество и подписку; а Іоаннъ IV умножилъ этотъ списокъ преступленій, включивъ въ число преступниковъ, подлежащихъ смертной казни, бунтовщиковъ (крамольниковъ), измѣнниковъ, церковныхъ и головныхъ татей (похитителей чужихъ людей), убійцъ

своихъ господъ, подметчиковъ и зажигателей. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ уголовные судьи не имѣли права ни казнить, ни отпускать лихаго человѣка безъ доклада государю. Исключеніемъ пользовались только губные старосты и намѣстники отдаленныхъ областей: Смоленской, Новгородской, Псковской и Казанской.

Смертная казнь совершалась публично, на площади, въ присутствіи многочисленнаго народа, который отвсюду стекался на ужасное зрѣлище, не только привлекаемый любопытствомъ, но также принуждаемый правительствомъ, которое жестокостью казни думало устрашить жителей. Такъ Іоаннъ IV приказывалъ сгонять на мѣсто казни москвитянъ, уже привыкшихъ къ самымъ ужаснымъ мученіямъ, не смотря на то, что государь, неистощимый въ жестокости, всякій разъ изобрѣталъ новыя муки и казни. Въ особенности Москва въ царствованіе Грознаго оглашалась воплями дѣйствительныхъ и мнимыхъ преступниковъ, наказываемыхъ поодиночкѣ или толпами. Когда царь не присутствовалъ лично, то въ Москвѣ мѣсто его заступали тіуны московскій и дворецкій. Если же преступленіе было совершено въ областномъ городѣ или въ уѣздѣ, то казнь происходила на мѣстѣ преступленія, и тогда при ея исполненіи присутствовали намѣстники и волостели, а въ разбойныхъ дѣлахъ губные старосты. Но въ случаяхъ, не опредѣленныхъ законами или сомнительныхъ, преступниковъ привозили въ Москву, гдѣ произносился окончательный надъ ними приговоръ и совершалась казнь.

Что касается, наконецъ, до самаго исполненія смертной казни, то оно было весьма разнообразно. Въ древней Россіи были извѣстны не только простые способы лишенія жизни: отсѣченіе головы, разстрѣляніе и висѣлица, но также множество сложныхъ: преступниковъ колесовали, разсѣкали на части, разрѣзывали по суставамъ, перетирали тонкими веревками, засѣкали до смерти, сажали на колъ, распинали на крестѣ. Подозрѣваемыхъ въ отравленіи заставляли выпивать ядъ. При Іоаннѣ IV извѣстный докторъ Бомелій составлялъ губительное зелье съ такимъ искусствомъ, что отравляемый умиралъ въ назначенную минуту. Далѣе, преступниковъ топили въ рѣкахъ (зимою пускали подъ ледъ)—родъ казни, бывшій особенно въ употребленіи въ Новгородѣ, гдѣ, какъ въ Римѣ съ Тарпейской скалы, преступниковъ свергали съ моста въ Волховъ; сжигали на кострахъ и въ желѣзныхъ клѣткахъ — обыкновенная казнь для еретиковъ, чародѣевъ и виновныхъ въ смерти государя и членовъ царской фамиліи, или только подозрѣваемыхъ въ злоумышленіи на ихъ жизнь. Вмѣстѣ съ преступниками, смертной казни подвергались часто и невинные: за мужей страдали жены, за родителей—дѣти.

Оба способа тѣлесныхъ наказаній: членовредительныя (отнятіе членовъ) и просто-болѣзненныя, были равно извѣстны въ древней Россіи, употребляясь или какъ наказанія самостоятельныя, или въ соединеніи съ другими, и при томъ одинаково падая на всѣхъ преступниковъ, безъ различія состоянія и званій.

Членовредительныя наказанія, служа отчасти средствомъ для обозначенія преступника, замѣченнаго въ воровствѣ, употреблялись преимущественно вслѣдствіе особеннаго взгляда нашихъ предковъ на возмездіе, какъ на существо наказанія. Въ этомъ отношеніи виновный подвергался лишенію того или другаго члена не только за поврежденіе тѣлеснаго организма, но также за преступленіе, совершенное при содѣйствіи этого члена: за воровство отсѣкали руку, за богохуленіе, за слова, оскорбительныя для государевой чести, за ложные доносы лишали языка и проч. Замѣтимъ однако, что членовредительныя наказанія имѣли большее значеніе на практикѣ, нежели въ системѣ законовъ, гдѣ за преступленія, подлежащія этой казни, назначались преимущественно, даже почти исключительно, наказанія просто-болѣзненныя или денежные штрафы. И такъ, между тѣмъ, какъ исторія представляетъ намъ безчисленные примѣры членовредительствъ, источники знаютъ только отсѣченіе руки—обыкновенное наказаніе для воровъ, обличенныхъ въ повтореніи преступленія или въ двухъ татьбахъ вмѣстѣ, и пятнаніе или клейменіе (на щекѣ или на лбу), которому подвергались тѣ же преступники. Въ Судебникахъ Іоанна III и его внука даже вовсе не упоминается объ этомъ родѣ тѣлесныхъ наказаній.

Гораздо чаще употреблялись наказанія просто-болѣзненныя, хотя въ примѣненіи ихъ къ практическимъ случаямъ старались, повидимому, также о матеріальномъ уравненіи наказанія съ преступленіемъ. Поддѣльщикамъ и обрѣзчикамъ денегъ лили въ ротъ растопленное олово. Вообще однако наказанія болѣзненныя, не смотря на жестокость ихъ исполненія, считались легчайшими, въ сравненіи съ наказаніями членовредительными, и потому на практикѣ употреблялись для преступленій менѣе значительныхъ, а въ законодательствѣ были почти исключительнымъ способомъ наказанія. Самое исполненіе ихъ было весьма разнообразно, соразмѣрялось со степенью виновности преступника. Мы не станемъ однако исчислять всѣхъ болѣзненныхъ наказаній, а разсмотримъ только важнѣйшіе ихъ виды. Первое мѣсто, по степени тяжести, занимаетъ торговая казнь. Такъ называлось наказаніе кнутомъ, которое совершалось обыкновенно среди города, на площади или на торгу, отчего оно получило и названіе. Виновный спускалъ съ себя платье и ложился на спину помощнику палача, обвивъ руки около его шеи. Ноги преступника связывались веревкой, которую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него держалъ за концы другой прислужникъ палача, отчего казнимый не могъ даже свободно шевелиться. Самъ палачъ, стоя отъ преступника въ трехъ добрыхъ шагахъ, изо всей мочи стегалъ его длиннымъ, толстымъ кнутомъ, такъ что, послѣ каждаго удара, кровь текла ручьями, потому что кнутъ оканчивался тремя ремнями изъ самой грубой кожи, которые рѣзали спину какъ-бы ножемъ. Иногда несчастный умиралъ подъ ударами палача, хотя послѣдній не имѣлъ права превышать назначенное число ударовъ. Для этого судья или недѣльщикъ, присутствовавшіе при совершеніи казни, объявляли число ударовъ, опредѣленное судебнымъ рѣшеніемъ, и по исполненіи казни, кричали палачу: «полно» или «стой». Кажется однако, что это не былъ единственный способъ торговаго наказанія; потому что въ источникахъ упоминается еще о сѣченіи кнутомъ на дыбѣ, также на козлѣ—обычай до послѣдняго времени сохранившійся въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Другой видъ наказанія составляло наказаніе батогами. Это наказаніе считалось легче перваго, и потому не было исключительнымъ правомъ судьи, принадлежа и другимъ лицамъ, въ отношеніи къ ихъ подчиненнымъ; также въ случаяхъ, смягчающихъ преступленіе, оно замѣняло собою торговую казнь. Оно совершалось слѣдующимъ образомъ. Преступника клали на землю ничкомъ, обнаживъ ему спину до рубахи. Два человѣка держали его, одинъ за ноги, другой за голову, а третій (иногда и нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ) дралъ ему спину прутьями, толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока не останавливалъ его судья. Видомъ этой казни былъ такъ называемый правежъ. Передъ суднымъ или другимъ приказомъ, во время присутствія, недѣльщики били виновнаго кнутомъ или тростью по икрамъ, и это продолжалось каждый день до истеченія назначеннаго срока. Впрочемъ, это наказаніе употреблялось болѣе какъ мѣра взысканія для неисправныхъ плательщиковъ, что называлось править долги, отчего и самый правежъ получилъ свое имя. Самымъ легкимъ изъ болѣзненныхъ наказаній считалось наказаніе розгами. Не смотря на то, въ источникахъ о немъ упоминается не только какъ о средствахъ частной, но и государственной расправы. Такъ князя Михаила Ноздроватаго высѣкли на конюшнѣ за худое распоряженіе при осадѣ Шмильтена. Іоаннъ IV пользовался даже этимъ средствомъ наказанія для смертной казни; по крайней мѣрѣ, князья Щепятевъ и Турунтай-Пронскій были засѣчены розгами.

Въ древнемъ русскомъ правѣ до Іоанна IV нѣтъ яснаго различія между ссылкою и лишеніемъ свободы. Въ своихъ понятіяхъ современники смѣшивали ихъ значеніе, а на практикѣ они часто соединялись въ одно общее наказаніе—лишеніе свободы или заключеніе въ отдаленномъ городѣ, монастырѣ и проч. Только со времени открытія Сибири, доставившаго Россіи возможность пользоваться ссылкой предпочтительно предъ другими государствами, могли образоваться въ этомъ отношеніи болѣе опредѣленныя правила. Болѣе опредѣленное значеніе ссылка имѣла только по отношенію къ изгнанію преступника изъ мѣста его жи-

тельства или мѣста преступленія, куда онъ не могъ болѣе возвращаться безъ особенно-вредныхъ для себя послѣдствій; но это наказаніе главнымъ образомъ распространялось только на воровъ и ябедниковъ. Что касается до ссылки, какъ способа ограниченія свободы преступника назначеніемъ ему какого-либо отдаленнаго мѣста жительства, то она встрѣчается или въ значеніи опалы, или исключительно какъ мѣра охраненія. Въ первомъ случаѣ виновному поручалась извѣстная служба или обязанность въ городѣ, служившемъ мѣстомъ ссылки; во второмъ — онъ лишался всякой должности и находился подъ строгимъ надзоромъ мѣстнаго начальства.

Напротивъ, собственно такъ называемое лишеніе свободы было болѣе извѣстно въ древней Россіи, употребляясь или какъ самостоятельное наказаніе, или преимущественно какъ мѣра охраненія. Въ томъ и другомъ значеніи оно часто встрѣчается въ источникахъ, особенно въ Судебникѣ и современныхъ ему памятникахъ юридическихъ.

Какъ самостоятельное наказаніе, лишеніе свободы было или пожизненное, или временное. Первое (тюрьма по смерть) преимущественно употреблялось въ томъ случаѣ, когда преступникъ, подлежащій смертной казни, не признавался въ своемъ преступленіи, что считалось, въ большей части случаевъ, необходимымъ для того, чтобы подвергнуть его назначенному въ законахъ наказанію. Такимъ образомъ темницы наполнялись множествомъ заключенныхъ, число которыхъ увеличивалось еще употребленіемъ тюремнаго содержанія, какъ мѣры охраненія; а отсюда объясняются отчасти обычай ссылать преступника для заключенія въ отдаленныя мѣста. Особеннымъ видомъ этого средства наказанія было ограниченіе свободы въ извѣстныхъ только отношеніяхъ. Способы такого ограниченія были весьма различны: иногда свобода виновнаго ограничивалась вслѣдствіе принужденной перемѣны состоянія, когда напр. преступникъ свѣтскаго сословія подвергался невольному постриженію и заключенію въ монастырь, иногда назначеніемъ мѣстопребыванія, высылкою изъ мѣста жительства или преступленія и пр.

Какъ мѣра охраненія, лишеніе свободы употреблялось не только для подсудимыхъ, но и для виновныхъ въ извѣстномъ преступленіи. Въ первомъ случаѣ подсудимый подвергался всегда лишенію свободы, когда не могъ представить по себѣ поруки въ томъ, что въ опредѣленный срокъ явится на судъ, заплатитъ долгъ или, вслѣдствіе неуплаты денегъ, будетъ ставиться на правежъ.

Такому же заключенію подвергались и обвиненные по суду, когда не могли представить по себѣ порукъ въ томъ, что не окажутся впредь виновными въ учиненномъ ими преступленіи. На этомъ основаніи, судьи не имѣли права заключать въ темницы (ковать въ желѣза) подсудимыхъ прежде, нежели имъ будетъ достовѣрно извѣстно, что они не могутъ представить порукъ, и нарушеніе этого правила подвергало ихъ строгой отвѣтственности. Но, съ своей стороны, поруки, принимая на свою отвѣтственность подсудимаго или виновнаго, въ случаѣ неисполненія съ его стороны возложенной на него обязанности или новаго преступленія, отвѣчали головою въ его мѣсто, или принуждены были заплатить сумму денегъ, заране назначенную въ поручной записи, которая давалась ими по этому случаю, равно какъ убытки истца и судебныя издержки.

Понятіе о чести въ древней Россіи имѣло свое отличительное значеніе, которое выражалось въ особенномъ взглядѣ нашихъ предковъ, съ одной стороны, на преступленія или дѣйствія, подвергающія безчестію, съ другой—на лишеніе чести, какъ на средство наказанія.

Собственно такъ называемыя преступленія, по господствующему понятію того времени, не лишали чести самого виновнаго, хотя и могли служить основаніемъ для безчестія лица, оскорбленнаго его преступленіемъ. Сюда преимущественно относятся такъ называемыя личныя обиды: виновный, нанесшій безчестіе другому, былъ только обязанъ заплатить ему извѣстную сумму денегъ (безчестіе), смотря по роду и степени своей вины и по состоянію оскорбленнаго, между тѣмъ какъ самъ оскорбленный подвергался невыгодному мнѣнію или даже все-

общему порицанію, если не искалъ вознагражденія за причиненное ему безчестіе. Но собственно отличительный взглядъ нашихъ предковъ по понятію о чести или безчестіи относится къ мѣстничеству. Оно состояло въ томъ, что каждое лицо высшаго сословія, какъ на службѣ, такъ и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, могло или по крайней мѣрѣ должно было занимать по отношенію къ другимъ только извѣстное, принадлежавшее ему по праву мѣсто. Это право опредѣлялось не только прежними мѣстами, которое занимало то или другое лицо въ извѣстныхъ случаяхъ, но также значеніемъ его рода и мѣстами его предковъ, что записывалось исправно въ родословныхъ и разрядныхъ книгахъ. Назначеніе извѣстному лицу низшаго мѣста, нежели ему приходилось по родословцу или разряду, или даже упрекъ въ томъ, что кто-либо не по праву занимаетъ то или другое мѣсто, считалось для него тяжкой обидой и преимущественно называлось безчестіемъ. Жалобы на такое безчестіе были безпрерывныя и суды весьма продолжительны, потому что, съ своей стороны, отвѣтчики употребляли всѣ средства, чтобы выиграть тяжбу и не лишиться чести по суду. Зато и истецъ, котораго жалоба была признана справедливой, не могъ уже довольствоваться денежной пеней, назначаемой за личную обиду, и требовалъ наказанія болѣе удовлетворительнаго для его оскорбленной чести, которымъ бы, въ свою очередь, могъ оскорбить честолюбіе своего соперника. Такимъ наказаніемъ была выдача виновнаго головою за безчестіе. Въ этомъ значеніи выдача преступника на произволъ или въ собственность истца была не что иное, какъ обрядъ, оскорблявшій чувство чести виновнаго. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Истца или отвѣтчика, обвиненнаго по суду, приводили на дворъ его соперника приставы въ сопровожденіи дьяка или подъячаго. На нижнемъ крыльцѣ онъ долженъ былъ ждать прихода боярина, который, бывъ о томъ извѣщенъ заранѣ, въ этотъ день не выходилъ со двора. Когда онъ, наконецъ, являлся на крыльцѣ, дьякъ или подъячій обращался къ нему съ рѣчью, говоря, что „Великій Государь указалъ и бояре приговорили того человѣка, который съ нимъ быть не хотѣлъ, за его боярское безчестіе отвесть къ нему боярину головою“. Бояринъ, поблагодаривъ за царское жалованье, отпускалъ соперника, довольствуясь его униженіемъ, и даже одарялъ дьяка или подъячаго, а на другой день ѣздилъ къ самому царю благодарить за его жалованье. Кромѣ этого наказанія, въ дѣлахъ по мѣстничеству употреблялись также опала, тюремное заключеніе и проч.

Къ средствамъ, оскорбляющимъ чувство чести, можно отнести еще два рода наказаній, весьма извѣстныхъ въ древности, которымъ подвергались преступники, обличенные въ лихоимствѣ и ереси. Первое назначалось для судей и дьяковъ, которые брали посулы и кривили душою. По извѣстіямъ иностранцевъ, оно состояло въ томъ, что лихоимцу, заслужившему тѣлесное наказаніе, во время его исполненія, привязывали къ шеѣ кошелекъ, серебро, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу или другую вещь, взятую имъ въ подарокъ. Еретики, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, подвергаемыя наказанію, опредѣленному за ересь въ градскихъ законахъ или узаконеніяхъ (правилахъ) греческихъ императоровъ, включенныхъ въ Номоканонъ (Кормчую книгу), переносили также наказаніе, оскорбительное для чести. Такъ поступилъ архіепископъ новгородскій Геннадій съ нѣкоторыми, обличенными въ ереси, приказавъ ихъ посадить на коней, лицомъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шлемахъ берестевыхъ, острыхъ (какіе изображаются на бѣсахъ), съ мочальными кистями, съ вѣнцомъ соломеннымъ и съ надписью: „Се есть сатанино воинство“. Также наказанъ былъ при Іоаннѣ Грозномъ архіепископъ новгородскій Пименъ: его посадили на бѣлую кобылу въ худой одеждѣ, съ волынкою и бубномъ въ рукахъ, какъ шута или скомороха, возили изъ улицы въ улицу и пр.

Что касается до лишенія чести, какъ самостоятельнаго наказанія, то оно было неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что, по господствующимъ понятіямъ того времени, никакое наказаніе (исключая, можетъ быть, въ дѣлахъ по мѣстничеству) не было соединено съ безчестіемъ для преступника. По словамъ Олеарія, еще въ его время

виновный, претерпѣвшій наказаніе, не лишался чрезъ то общественной довѣренности, хотя онъ уже замѣтилъ нѣкоторыя перемѣны, происшедшія, въ позднѣйшее время, во взглядѣ нашихъ предковъ на понятіе о чести.

Какъ средство, дополнительное къ другимъ наказаніямъ,—отрѣшеніе отъ должности слѣдовало само собою въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ подвергался смертной казни, лишенію свободы или ссылкѣ. Но, кромѣ того, оно назначалось также за нѣкоторыя другія преступленія, опредѣленныя въ законахъ. Такъ, по Судебнику, подъячіе и недѣльщики отрѣшались отъ должности: первые, когда находили у нихъ (за городомъ или на подворьѣ) списки съ судебныхъ дѣлъ, которыя должны были всегда храниться у дьяковъ; вторые, когда они брали посулъ, хотя-бы въ пользу постороннихъ лицъ. Достаточнымъ доказательствомъ въ этихъ преступленіяхъ считалось показаніе добрыхъ свидѣтелей, и виновные подвергались наказанію безъ суда.

Изъ различныхъ наказаній такъ называемыя вещныя, конфискація имуществъ и денежныя пени, являются въ исторіи ранѣе другихъ. Но въ началѣ своего учрежденія они извѣстны не болѣе, какъ средство частнаго вознагражденія, которымъ преступникъ примиряется съ самимъ оскорбленнымъ или его наслѣдниками, для предупрежденія съ ихъ стороны частной расправы или кровной мести. Только впослѣдствіи, съ развитіемъ верховной власти, они становятся предметомъ уголовнаго права. Варяго-Руссы еще застали въ нашемъ отечествѣ кровную месть во всей ея силѣ, и потому не могли рѣшиться уничтожить ее вдругъ, довольствуясь постепеннымъ ея ограниченіемъ. И такъ, верховная власть относительно большей части уголовныхъ преступленій, должна была терпѣть частную расправу; но, сознавая свое значеніе, не могла оставить безъ наказанія тѣхъ преступниковъ, которымъ не угрожала кровная месть со стороны оскорбленныхъ. Отсюда установленіе виры объясняется уже какъ право верховной власти подвергать наказанію преступниковъ за дѣйствія, нарушающія благосостояніе государства. Вмѣстѣ съ вирою, верховная власть ввела въ употребленіе конфискацію имуществъ для преступленій болѣе тяжкихъ или по крайней мѣрѣ болѣе предосудительныхъ, по понятіямъ древнихъ народовъ. Это отличительное свойство учрежденія въ Россіи вещныхъ наказаній тѣмъ болѣе замѣчательно, что, даже съ измѣненіемъ взгляда нашихъ предковъ на важность уголовныхъ преступленій и слѣдовательно на средства наказанія, которымъ они должны подвергаться, денежныя взысканія не только удержали важнѣйшее мѣсто въ уголовномъ правѣ, но даже до позднѣйшаго времени сохраняли характеръ своего первоначальнаго учрежденія.

Въ древнѣйшихъ источникахъ мы уже встрѣчаемъ указанія на конфискацію имуществъ, какъ на средство наказанія, весьма употребительное для нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленій. Съ утвержденіемъ единовластія, конфискація имуществъ должна была получить болѣе опредѣленныя правила, что дѣйствительно и было исполнено въ Судебникѣ Іоанна III, еще болѣе въ узаконеніяхъ Іоанна IV. Изъ его Судебника видно, что это средство наказанія соотвѣтствовало болѣе тяжкимъ преступленіямъ, обыкновенно подвергавшимъ преступника смертной казни. Эта конфискація была общая (исключалась только часть имущества, служившая для удовлетворенія истца), и законодатель не обращалъ никакого вниманія на женъ и дѣтей виновнаго, которыя, напротивъ, какъ мы сказали выше, часто испытывали сами злосчастный жребій мужа или отца.

Подъ именемъ денежныхъ взысканій въ уголовномъ правѣ разумѣются собственно тѣ пени, которыя взимаются верховною властью за дѣйствія, запрещенныя закономъ и противныя благосостоянію государства. На этомъ основаніи, говоря о денежныхъ взысканіяхъ въ древнемъ уголовномъ правѣ, мы должны отличать ихъ отъ вознагражденій натурою или деньгами, которыя получалъ, съ одной стороны, судья за свой трудъ, съ другой—истецъ, въ удовлетвореніе понесеннаго имъ убытка или оскорбленія. Здѣсь ограничимся разсмотрѣніемъ собственно денежныхъ штрафовъ въ томъ значеніи, какое они имѣютъ въ системѣ уголовнаго права.

По различію преступленій, подвергавшихъ виновнаго денежнымъ взысканіямъ равно какъ по степени ихъ тяжести и по мѣрѣ ихъ опредѣленности, можно раздѣлить денежныя взысканія на три вида. Сюда относятся: 1) вира, 2) продажа и 3) пеня. Въ Судебникѣ Іоанна IV не встрѣчается ни названія виры, ни даже слѣдовъ этого учрежденія; но въ современныхъ ему источникахъ вира еще употребляется и означаетъ исключительно денежное взысканіе въ пользу намѣстниковъ, которому подвергались сами преступники или жители округа, волости или селенія, въ томъ случаѣ, когда первыхъ не могли найти или вовсе не знали, за убіеніе лицъ низшаго сословія (крестьянъ и боярскихъ людей). Вмѣсто виры, встрѣчается иногда древне-славянское слово головщина (головничество), имѣющее то же самое значеніе. Продажею называлось вообще всякое денежное взысканіе въ пользу судей или истца, какъ законное, такъ и несправедливое (взятка); но, въ примѣненіи къ уголовному праву, она означала опредѣленный штрафъ, которому виновный подвергался за свое преступленіе въ пользу князя или намѣстника. Въ Русской Правдѣ мы находимъ подробное количественное исчисленіе денежныхъ взысканій въ значеніи продажи, по различію преступленій государственныхъ и гражданскихъ, личныхъ и вещныхъ. Изъ различныхъ статей Судебника видно, что продажа употреблялась болѣе какъ самостоятельное средство наказанія и взималась за лихоимство, напримѣръ съ судьи, который, за взятку несправедливо рѣшивъ дѣло, былъ обязанъ заплатить пошлины и убытки судебные втрое; за ссѣченіе граней и межей крестьянъ между собою: въ этомъ случаѣ волостель получалъ съ виновнаго два алтына (вмѣсто барана, какъ это было прежде); за утайку вѣнечной пошлины, которая поступала въ святительскую казну, и проч. Сюда же относятся взысканія за нарушеніе таможенныхъ уставовъ, за корчемство и вообще за вещныя государственныя преступленія. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ Судебникѣ и современныхъ ему источникахъ не опредѣлено всѣхъ случаевъ, въ которыхъ взималась продажа, и еще менѣе самое количество денежныхъ взысканій, такъ что эта неопредѣленность дополнялась, съ одной стороны, прежними установленіями, съ другой—обычнымъ правомъ. Пеня, въ обширномъ смыслѣ, означала всякое денежное взысканіе, и потому даже въ источникахъ употреблялась иногда въ значеніи продажи, т. е. штрафа опредѣленнаго; но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ пеня была особеннымъ видомъ денежнаго взысканія въ уголовномъ правѣ, такъ что виновный былъ иногда присужденъ къ ея уплатѣ вмѣстѣ съ продажей. Въ этомъ значеніи количество пени не опредѣлялось въ источникахъ: оно зависѣло, большею частью, отъ усмотрѣнія государя. Въ Судебникѣ означены только нѣкоторые случаи, въ которыхъ взимаема была пеня, именно бой (по суду), грабежъ, ябедничество, самовольное пятнаніе лошадей и проч. Иногда преступники, принужденные къ уплатѣ пени, присылались въ Москву, какъ это именно было постановлено въ Судебникѣ въ отношеніи къ ябедникамъ.

VII. ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ И СУДЪ ВЪ УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ И ВЪ ЭПОХУ СУДЕБНИКОВЪ.

(Составлено по соч. Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.»).

Въ теченіи всего удѣльнаго періода, а отчасти и въ эпоху судебниковъ судъ имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности, какъ и вообще все управленіе князей носило еще частный, вотчинный характеръ: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами. Князь имѣлъ право суда и дани: то

было тягло, лежавшее на землѣ, и всѣ жители княжеской вотчины подвергались этимъ повинностямъ. Общее правило гласило: «А судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ». Судъ передавался по частному праву: князь не назначалъ сановниковъ для управленія дѣлами, а *жаловалъ* извѣстныя права, извѣстные доходы въ *кормленіе* временное или наслѣдственное, или отдавалъ на откупъ.

Обыкновенно судъ отдавался въ кормленіе намѣстникамъ и волостелямъ. Первые вѣдали города со станами, вторые—волости; но иногда власть намѣстниковъ распространялась на цѣлые уѣзды, т. е. на города со станами и волостями, и въ такомъ случаѣ въ волостяхъ имъ принадлежала вира за душегубство (убійство), а волостели вѣдали остальной судъ. Вообще кругъ дѣятельности намѣстниковъ и волостелей опредѣлялся не правительственными соображеніями, а расположеніемъ князя къ тому или другому кормленщику. Поэтому въ судебныхъ округахъ было величайшее разнообразіе, которое еще болѣе увеличивалось отъ раздѣленія на части. Въ удѣльный періодъ города и области дѣлились между князьями и переходили изъ рукъ въ руки, какъ частная собственность: право суда подвергалось той же участи. Въ одномъ и томъ же городѣ могло быть нѣсколько намѣстниковъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ участкомъ своего князя. Взаимныя отношенія намѣстниковъ одного города опредѣлялись частными договорами князей или распоряженіями того князя, который дѣлилъ свое имѣніе между сыновьями; поэтому судебное устройство не могло быть вездѣ одинаково и всегда зависѣло отъ случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Тоже было и въ каждомъ отдѣльномъ княжествѣ: городъ или волость могли быть пожалованы двумъ кормленщикамъ вмѣстѣ, и тогда судъ, по частному распоряженію князя, или дѣлился между ними, или оставался нераздѣльнымъ. Кормленіе жаловалось княземъ иногда на извѣстный срокъ, иногда безсрочно, иногда кормленіе, бывшее за отцами и дѣдами, утверждалось за сыновьями, внуками и другими родственниками и принимало характеръ наслѣдственности. Такимъ образомъ, судъ передавался по частному праву. Поэтому, получивши кормленіе въ даръ или во временное пользованіе, кормленщикъ могъ оставить его, когда хотѣлъ, и это не считалось нарушеніемъ служебныхъ обязанностей.

Самое управленіе носило тотъ же характеръ частнаго владѣнія: какъ частные хозяева, намѣстники и волостели назначали въ зависѣвшія отъ нихъ должности своихъ людей, слугъ или холоповъ, и мѣняли, когда хотѣли. Для суда они опредѣляли тіуновъ, для разныхъ судебныхъ дѣйствій (вызова къ суду, взысканій), доводчиковъ и праветчиковъ. Кормленщики, ихъ тіуны и доводчики получали кормъ отъ подчиненныхъ имъ жителей. Намѣстникъ и волостель при въѣздѣ въ городъ или волость получали въѣзжее, кто что принесетъ, потомъ на праздники два или три раза въ годъ (на Святую недѣлю, на Петровъ день и на Рождество Христово) кормъ натурою или деньгами; тіуны получали также кормъ. Вторымъ источникомъ дохода служили судебныя пошлины. Судьи получали различныя пошлины, смотря по тому, былъ ли виновенъ истецъ или отвѣтчикъ, кончалось ли дѣло судомъ, или тяжущіеся мирились до произнесенія приговора. Особыя пошлины получалъ кормленщикъ за приложеніе печати, а дьякъ за письмо. Всѣ эти пошлины кормленщикъ получалъ съ судебныхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ въ пользу тяжущихся, ему же принадлежала и пеня съ преступниковъ. Штрафованіе было произвольное; судья извлекалъ изъ преступника все, что могъ. По судебникамъ, все имущество лихаго человѣка, за исключеніемъ того, что принадлежало истцу, должно было идти намѣстнику и его тіуну. Особенный разрядъ составляли преступленія явныя, которыя оставляли видимые слѣды: таковы были душегубство, разбой и татьба съ поличнымъ, изъ которыхъ само собою, безъ всякаго иска, рождалось право кормленщика на извѣстную пеню. Если убійцы не было на лицо, пеня взыскивалась съ того стана, волости или города, гдѣ найдено было мертвое тѣло; эта пеня называлась вирою за голову, также поголовщиною. Если поймавшій вора съ поличнымъ отпускалъ его, не явивъ судьѣ, съ него взыскивалась пеня за самосудъ. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ

имѣлось въ виду не столько преступленіе, сколько доходъ съ него; кормленщикъ управлялъ *не на князя, а на себя*; и главною цѣлью его было полученіе дохода, «чѣмъ можно быти сытымъ». Отправленіе же суда было только средствомъ къ обогащенію. Поэтому самыя преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходныя статьи, изъ которыхъ судья извлекалъ прибытокъ, на которыя онъ имѣлъ исключительную привиллегію, составлявшую одну изъ самыхъ крупныхъ выгодъ кормленія. Иногда кормленщикъ завѣдывалъ не только судомъ, но всею волостью со всѣми доходами, и часть ихъ выплачивалъ своему князю. Иногда давались въ кормленіе нѣкоторыя таможенныя пошлины, явка съ гостей, мыты, перевозы и др. Таковы были доходы.

Что касается до самаго суда, то и онъ носилъ частный характеръ. Если судья самъ не могъ рѣшить дѣла, онъ докладывалъ его, кому хотѣлъ, что, впрочемъ, не было для него обязательно. Докладъ былъ частный способъ разрѣшать затрудненія; о судебныхъ инстанціяхъ, установляемыхъ закономъ, не было еще понятія. Поэтому и аппеляція не существовала; но, въ случаѣ притѣсненій намѣстниковъ, волостелей, ихъ тіуновъ и заводчиковъ, можно было жаловаться князю. Поводомъ къ жалобамъ могли быть не только злоупотребленія, но и самая неопредѣленность правъ: обыкновенно предписывалось кормленщику *ходить по пошлинѣ*, но часто обычай былъ недостаточенъ. Для устраненія жалобъ на злоупотребленія кормленщиковъ князья давали жителямъ отдѣльныхъ общинъ или округовъ *уставныя грамоты*, въ которыхъ опредѣлялись права судей.

Судебная власть кормленщиковъ распространялась на жителей пожалованнаго имъ округа; въ судебникахъ постановлено, что если изъ Москвы посланъ будетъ недѣльщикъ для вызова отвѣтчика къ суду, и оба тяжущіеся будутъ одного города или одной волости, то недѣльщикъ долженъ поставить ихъ обоихъ передъ намѣстникомъ, волостелемъ или тіуномъ того округа, гдѣ они живутъ; иначе онъ лишается *ѣзда*. Но эта судебная власть подвергалась многимъ ограниченіямъ: жалованныя грамоты епископамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ освобождали ихъ самихъ, людей ихъ и крестьянъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей. Нѣкоторыя лица получали право судиться только у князя; обыкновенно въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ частнымъ лицамъ постановлялось, что всѣ жалобы на нихъ самихъ, дѣтей ихъ и прикащиковъ подлежатъ суду князя, или того, кому князь прикажетъ судить. Такое же право предоставлялось архимандритамъ и игуменамъ монастырей и ихъ прикащикамъ. Духовенство по церковнымъ правиламъ подлежало одному духовному суду, но и здѣсь бывали частыя исключенія: царскими жалованными грамотами архимандриты, игумены и священники въ гражданскихъ дѣлахъ съ посторонними лицами освобождались отъ духовныхъ властей и получали право судиться однимъ княземъ и его боярами. Посредствомъ жалованныхъ же грамотъ совершалось отчужденіе княжескихъ правъ въ пользу монастыря въ томъ случаѣ, когда князь жаловалъ село монастырю, или если монастырь покупалъ земли, на которыхъ лежали княжескій судъ и повинности. Притомъ жалованныя грамоты бывали различнаго содержанія: одни монастыри и епископы получали надъ своими людьми и крестьянами право полнаго суда съ душегубствомъ, разбоемъ и татьбою съ поличнымъ; другимъ предоставлялось право суда во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, которое оставалось за намѣстниками и волостелями; нѣкоторымъ наконецъ жаловалось то право, что душегубство или татьба съ поличнымъ судились не намѣстниками, а самимъ княземъ. Такимъ образомъ преступленія, составлявшія княжескій доходъ, дробились, какъ частная собственность и жаловались различнымъ судьямъ. При пожалованіи частнымъ лицамъ селъ и деревень въ вотчину, судъ исчислялся въ числѣ прочихъ принадлежностей, но нѣкоторыя статьи князь могъ оставить за собою. Право суда надъ подчиненнымъ ему лицемъ принадлежало судьѣ, какъ частная собственность, которой онъ не могъ быть лишенъ. Поэтому дѣло, возникшее между тяжущимися, подсудными двумъ различнымъ судьямъ, влекло за собою участіе въ судѣ обоихъ судей, что и называлось смѣстнымъ или общимъ (вопчимъ) судомъ. Судили иногда

оба судьи вмѣстѣ, какъ опредѣлено въ большей части жалованныхъ грамотъ, иногда судилъ судья истца, иногда же судья отвѣтчика, какъ постановлено въ видѣ общаго правила въ царскомъ судебникѣ, а другой судья „за нимъ идетъ, своего прибытка смотритъ". Такимъ образомъ вслѣдствіе владѣльческаго характера суда, подсудность опредѣлялась не видами общественнаго блага, а правомъ судьи на доходы съ суда надъ извѣстными лицами.

Таковъ былъ судъ намѣстниковъ и волостелей, но кромѣ того право суда отдавалось въ кормленіе и другимъ лицамъ: дворецкому, конюшему, ловчему, ключнику, въ дворцовыхъ селахъ посельскимъ; иногда писцы судили тяжбы о земляхъ. Наконецъ иногда судъ отдавался на откупъ; по крайней мѣрѣ, такъ дѣлалось въ новгородскихъ областяхъ, гдѣ господствовала таже система, которая существовала въ остальныхъ княжествахъ.

Система кормленія несомнѣнно имѣла многія темныя стороны, представляя огромный просторъ для судейскаго произвола, хотя при условіяхъ общественной жизни удѣльнаго періода, при отсутствіи единой, крѣпкой и могущественной общественной власти, при отсутствіи правительственныхъ средствъ, кормленія составляли явленіе необходимое, тѣсно связанное со всѣмъ устройствомъ быта, основаннаго на частномъ правѣ. Такъ какъ господствовавшая въ удѣльный періодъ система кормленія была совершенно несовмѣстна съ государственнымъ порядкомъ, то московскіе государи, начиная съ Іоанна III, прежде всего старались опредѣлить и ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія и наконецъ совершенно уничтожили систему кормленій. Въ уставныхъ грамотахъ, которыя жаловались отдѣльнымъ общинамъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, опредѣлялось количество корма и пошлинъ, платимыхъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ людямъ, и полагались нѣкоторыя ограниченія ихъ власти, именно: опредѣлялось, сколько намѣстникъ или волостель долженъ держать тіуновъ и доводчиковъ и въ какихъ мѣстахъ, запрещалось перемѣнять ихъ ранѣе года: самимъ кормленщикамъ и ихъ тіунамъ запрещалось ѣздить по округамъ; кормъ и поборы запрещалось имъ взыскивать самимъ: сотскіе сбирали ихъ въ станахъ и платили въ городѣ кормленщикамъ и ихъ людямъ, наконецъ запрещалось брать виру или пеню за неумышленное убійство, и въ случаѣ жалобы на судей, жителямъ округа позволялось самимъ назначать срокъ, въ который они должны были стать къ суду передъ великимъ княземъ.

Всѣ эти постановленія имѣли въ виду избавить подсудныхъ жителей отъ произвольныхъ поборовъ и притѣсненій. Кромѣ того, въ Судебникахъ установлено ограниченіе самой судебной власти кормленщиковъ. Кормленія раздѣлены на кормленія съ боярскимъ судомъ и безъ боярскаго суда. Судебникомъ 1497 года запрещено было намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ кормленіе безъ боярскаго суда, штрафовать, казнить и освобождать преступниковъ безъ доклада: они также лишены были права давать холопу и рабѣ правыя грамоты на господина и отпускныя выдавать безъ доклада холопа и раба и давать за нихъ бѣглыя грамоты. Въ царскомъ судебникѣ ограниченъ былъ и судъ боярскій: запрещено было давать безъ доклада правыя и бѣглыя грамоты и безъ доклада штрафовать, казнить или отпустить вора, убійцу и всякаго лихаго человѣка. Но важнѣйшимъ ограниченіемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ судъ старостъ и цѣловальниковъ. Въ судебникѣ Іоанна III общимъ правиломъ постановлено, чтобы на судѣ были дворскій, староста и добрые или лучшіе люди; въ судебникѣ же Іоанна IV постановлено, чтобы тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ не было старостъ и цѣловальниковъ, были старосты и цѣловальники и земскій дьякъ для письма судныхъ дѣлъ. Первоначально добрые или лучшіе люди были ничто иное, какъ свидѣтели при судѣ или понятые; число ихъ было произвольно, при каждомъ дѣлѣ были особые свидѣтели. Но при Іоаннѣ Грозномъ понятые превратились въ постоянные выборные, присяжную должность, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ имя старостъ и цѣловальниковъ. Значеніе ихъ оставалось прежнее: они сидѣли въ судѣ какъ свидѣтели; земскій дьякъ составлялъ судный списокъ, кото-

рый они, приложивъ къ нему руки, отдавали кормленщику. Но къ этому присоединились и другія обязанности; если люди намѣстниковъ и волостелей отдавали кого нибудь на поруки и поручителей не было, то они не могли ихъ уводить къ себѣ и ковать въ желѣзо, не явивъ старостѣ и цѣловальникамъ; иначе послѣдніе могли, по просьбѣ родственниковъ, освободить обвиненнаго и взять безчестіе на томъ, кто его сковалъ.

Такимъ образомъ участіе въ судѣ выборнаго начала служило обезпеченіемъ противъ притѣсненій намѣстниковъ и волостелей; но этимъ не ограничивалось его значеніе: не только судебныя, но и полицейскія и финансовыя дѣла предоставлены были самостоятельному управленію общинъ. Съ возникновеніемъ государственнаго начала явилась потребность установить въ государствѣ безопасность и тишину, оградить частныя лица отъ разбоевъ и грабежей. Такъ какъ частный, личный интересъ кормленщиковъ оказывался недостаточной гарантіей въ этомъ отношеніи, то московскіе государи стали посылать въ области сыщиковъ для искорененія разбоевъ. Сыщики не имѣя подчиненныхъ служителей и командъ, производили преслѣдованіе, розыскъ и казни посредствомъ жителей области; но, избавленные отъ всякаго контроля, они злоупотребляли своею властью и тѣмъ возбуждали множество жалобъ на притѣсненія. При такомъ недостаткѣ правительственныхъ средствъ, естественно было предоставить искорененіе разбоевъ самимъ жителямъ области, возложивъ на нихъ и отвѣтственность за успѣхъ; областные жители избавлялись этимъ отъ притѣсненій, а государство получало обезпеченіе въ исполненіи мѣръ для общественной безопасности. Такъ возникли губныя грамоты, которыя сначала давались отдѣльнымъ общинамъ и областямъ. Иногда преслѣдованіе и наказаніе воровъ и разбойниковъ предоставлялось установленнымъ уже общиннымъ властямъ: въ городахъ—сотскимъ, старостамъ, десятскимъ и лучшимъ людямъ вмѣстѣ съ городовыми приказщиками, въ сельскихъ общинахъ—старостамъ и лучшимъ людямъ; по большею частью учреждались особые губные старосты и цѣловальники. Въ судебникѣ 1550 г. постановлено общимъ правиломъ, чтобы вѣдомыхъ разбойниковъ судили губные старосты, а намѣстники бы въ ихъ судъ не вступались, вѣдомыхъ же воровъ велѣно судить по губнымъ грамотамъ. Въ губной грамотѣ 1549 г. предписано вѣдомыхъ воровъ судить губнымъ старостамъ вмѣстѣ съ волостелями и ихъ тіунами; но въ 1555 г. въ дополнительныхъ статьяхъ къ судебнику постановлено, чтобы вообще губные старосты вѣдали разбойныя и татиныя дѣла. Преслѣдованіе и поимка воровъ и разбойниковъ, а также и обыскъ возложены были на всѣхъ жителей общины; казнь «положена на ихъ души», но вмѣстѣ съ тѣмъ община несла и всю отвѣтственность. Если лихой человѣкъ скрывался, старостамъ предписывалось *наметывать* его на тѣхъ людей, которые жили съ нимъ въ посадахъ на одной улицѣ, а въ станахъ и волостяхъ—въ одной деревнѣ, и велѣть имъ, *добывъ его*, ставить передъ собою. Иногда эта обязаность возлагалась на учрежденныхъ для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и если они лихаго человѣка, который жилъ въ ихъ сотнѣ, не могли добыть, то на нихъ правился искъ истца, да кромѣ того съ нихъ взыскивалась пеня, чтобы впредь у нихъ въ сотнѣ не было лихихъ людей.

Такимъ образомъ судебно-полицейская отрасль суда была отнята у намѣстниковъ и волостелей и поручена управленію выборныхъ. Но это былъ только первый шагъ, и вскорѣ многимъ общинамъ предоставлено было полное право суда. При господствѣ системы кормленія, когда личный интересъ кормленщиковъ былъ важнѣйшимъ побужденіемъ къ исполненію судебной должности, неминуемы были частыя жалобы на притѣсненія намѣстниковъ и волостелей. Съ другой стороны, злоупотребленія вызывали сопротивленіе, и часто кормленщики не имѣли достаточно средствъ для усмиренія непокорныхъ; поэтому они, съ своей стороны, жаловались царю, что посадскіе и волостные жители не даются имъ подъ судъ и на поруки, бьютъ ихъ и кормовъ имъ не платятъ. При недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и отсутствіи контроля естественно было предоставить судъ самимъ

общинамъ, обязавъ ихъ платить судебные доходы уже не кормленщикамъ, а государству. Это было совершено Іоанномъ Грознымъ, который въ 1555 г. пишетъ, что онъ, жалуя крестьянство, отставилъ намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ, а за ихъ доходы и за судебныя пошлины велѣлъ посадскихъ и крестьянъ пооброчить деньгами; поэтому онъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ для суда и сбора доходовъ велѣлъ учредить *излюбленныхъ старостъ*, «которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею». Этотъ указъ не былъ исполненъ повсемѣстно; города и волости продолжали отдаваться въ кормленіе; но многимъ общинамъ даны были уставныя грамоты съ правомъ собственнаго суда. Это было важнымъ шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго владѣнія превратился въ общественную должность. Прежніе частные доходы, кормы, виры, судебныя должности уничтожены, и замѣнены общимъ оброкомъ въ пользу государства; въ иныхъ мѣстахъ остались нѣкоторые доходы въ прежнемъ видѣ, именно судебныя пошлины, но они поступали уже не къ судьямъ, а въ царскую казну. Иногда излюбленнымъ старостамъ предоставлялось право судить какъ гражданскія, такъ и губныя дѣла, иногда послѣднія судились особенными губными старостами. Для огражденія тяжущихся и подсудимыхъ отъ обидъ и притѣсненій у кормленщиковъ, сидѣли на судѣ выборные лучшіе люди и цѣловальники, которые присутствовали также при обыскахъ и всякихъ дѣлахъ и употреблялись для розысковъ. Дѣла между жителями различныхъ округовъ судились въ Москвѣ, кромѣ губныхъ дѣлъ, которые рѣшались на мѣстѣ. Въ Москву также присылались дѣла, въ которыхъ судьи встрѣчали затрудненіе, «которыхъ за чѣмъ рѣшить не мочно». Наконецъ, съ предоставленіемъ общинамъ собственнаго суда, увеличена и отвѣтственность судей.

Кромѣ судебнаго и полицейскаго управленія, выборнымъ людямъ дано обширное участіе и въ финансовыхъ дѣлахъ: ко всякимъ сборамъ, таможеннымъ, кабацкимъ и т. п., выбирались головы и цѣловальники изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Эта служба была тѣмъ болѣе тягостна, что съ нею соединялась вся отвѣтственность за сборы: если собрано было менѣе доходовъ, нежели въ прежніе годы, то остальное взыскивалось съ выборныхъ, а если ихъ имущество было недостаточно, то съ тѣхъ, которые ихъ выбирали. Сборъ податей также предоставленъ былъ выборнымъ отъ общинъ, но и это часто имѣло характеръ повинности. Это было не управленіе общины собственными дѣлами, а выборъ людей «къ государеву дѣлу, на царскую службу». Это былъ тотъ порядокъ, который можно назвать системою повинностей: государство, стремясь къ водворенію общественнаго порядка и нуждаясь для правильной дѣятельности и контроля въ органахъ управленія, искало обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всѣ обязанности общественнаго управленія; государство обязало всѣхъ службою, объявляло свои требованія, а большую часть исполненія предоставляло самимъ подданнымъ. Отсюда возникли система поручительства и выборное начало. Для обезпеченія правильнаго исполненія должности, отъ должностнаго лица требовалось, чтобы оно представило по себѣ поручителей. Но поручительство было частнымъ способомъ обезпеченія; въ выборномъ же началѣ выражалась уже государственная обязанность: оно было ничто иное, какъ обязательное поручительство общины съ отвѣтственностью въ случаѣ плохаго исполненія должности; выборъ цѣловальниковъ былъ тяжкою службою, отправляемою по очереди, отъ которой искали освобожденія въ видѣ милости. Такимъ образомъ дѣятельность общинъ была вызвана государственнымъ началомъ не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ общественная повинность для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ. Но, какъ бы то ни было, общинное начало получило значительное участіе въ земскомъ управленіи. Это было явленіе новое, созданіе московскихъ государей.

VIII. ИЗЪ „СТОГЛАВА".

Вопросъ. Отцы мои святые, преосвященный митрополитъ Макарій московскій и всея Руси, всѣ архіепископы и епископы и весь священный соборъ! Воззрите на домы свои, на порученныя вамъ отъ Бога святительства и паствы, позаботьтесь о святыхъ божьихъ церквахъ, честныхъ иконахъ и о всякомъ церковномъ строеніи, чтобы по св. церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиламъ. Ибо нынѣ видимъ и слышимъ, что, вопреки божественному уставу, многіе церковные чины не сполна совершаются, не по священнымъ правиламъ и не по уставу. Вы бы о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ разсудили, и указъ учинили по божественному уставу и по священнымъ правиламъ сполна, что касается до всякаго священническаго и иноческаго чина и до причту церковнаго. Установили-бы вы старостъ поповскихъ надъ всѣми священниками, ради бреженія церковнаго, установили-бы и прочіе чины по правилу. Потому что вамъ поручено пещись о церквахъ Божьихъ, поучать и наставлять церковныхъ чиновниковъ, чтобы и мы отъ нихъ спасеніе получили и ихъ благочестіе и духовное поученіе. Но если по вашему святительскому нерадѣнію это не будетъ соблюдаемо, то, смотря на нихъ, и мы погибнемъ, не найдя пути Господняго.

Отвѣтъ. Дошло до слуха боговѣнчаннаго и христолюбиваго Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всей Руси самодержца, что по многимъ церквамъ Божьимъ звонятъ и поютъ не во время, вопреки божественному уставу, и что многіе священные чины не сполна совершаются, не по священнымъ правиламъ и не по уставу. Боголюбивый-же царь, о семъ слыша, разжегся духомъ св., безотлагательно велѣвъ написать о тѣхъ многоразличныхъ церквахъ и чинахъ, которые не по уставу и не сполна по освященнымъ правиламъ совершаются, сообщилъ это на соборѣ преосвященному митрополиту Макарію и повелѣлъ ему о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ, разсудивъ, указъ учинить по божественному уставу и по священнымъ правиламъ. Вслѣдствіе этого, митрополитъ на соборѣ, разсудивъ о всѣхъ этихъ многоразличныхъ чинахъ и справившись съ божественными правилами, уложилъ, чтобы отнынѣ впредь въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ Россійскаго царства, по всѣмъ Божьимъ церквамъ звонить вечерніе и заутренніе часы и божественную литургію служить, и прочее церковное пѣніе править сполна и по чину во всемъ, по преданіямъ св. апостоловъ и св. отцевъ, и по уставу, и по священнымъ правиламъ, не измѣняя ничего. Оберегая санъ и величество царства, и святительства, и смиренныхъ душъ нашихъ пастырскихъ, чтобы ничего въ святыхъ церквахъ помимо священныхъ правилъ не совершалось, даже по нашему нерадѣнію, повелѣваемъ избрать протопоповъ въ каждомъ градѣ, по царскому велѣнію и по благословенію святительскому, священниковъ искусныхъ, добрыхъ, непорочной жизни. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ надлежитъ быть семи старостамъ поповскимъ и семи соборамъ, по уложенію церковному; да къ нимъ избрать десятскихъ, тоже священниковъ добрыхъ и искусныхъ и жизни непорочной. Также учредить старостъ поповскихъ и десятскихъ во всѣхъ городахъ, сколько надо, для непрерывнаго надзора за священниками и діаконами по всѣмъ святымъ Божьимъ церквамъ,

чтобы совершалось все у нихъ по уставу и преданію великаго нашего православія; чтобы священники и діаконы въ святыхъ Божьихъ церквахъ всегда съ великимъ тщаніемъ совершали богослуженіе; чтобы заутрени воскресныя, праздничныя и ежедневныя пѣли по уставу, читали божественныя книги, евангеліе толковое, и златоустъ, и житья святыхъ, и прологъ и прочія святыя душеполезныя книги на поученіе и на просвѣщеніе, и на истинное покаяніе, и на добрыя дѣла, и всѣмъ православнымъ христіанамъ въ душевную пользу; чтобы, отпѣвъ заутреню со всякимъ благочиніемъ и со страхомъ Божьимъ, послѣ заутрени или предъ обѣднею, пѣли молебны о долголѣтнемъ здравіи и о спасеніи благовѣрнаго царя и благовѣрной царицы, да умножитъ Богъ лѣта живота ихъ и продлитъ ихъ потомство въ благодарныхъ дѣтяхъ, да возвыситъ Богъ царскую десницу надо всѣми врагами его и устроитъ царство его мирно во вѣки и изъ рода въ родъ; также чтобы молили Бога о всѣхъ благовѣрныхъ князьяхъ и о боярахъ, о помощи христолюбивому воинству и его укрѣпленіи, о благопребываніи и мирѣ, о строеніи земскомъ, о спокойствіи и здравіи всего православнаго христіанства.

Вопросъ. Божественныя книги писцы списываютъ съ неисправленныхъ переводовъ и, списавъ, не исправляютъ ихъ, отчего въ книгахъ остаются пропуски и ошибки; по тѣмъ же книгамъ въ церквахъ Божіихъ читаютъ, поютъ и учатся, съ нихъ списываютъ.

Отвѣтъ. Пусть протопопы, старѣйшіе священники и всѣ священники, каждый въ своемъ градѣ, во всѣхъ св. церквахъ наблюдаютъ, и если найдутъ святыя книги въ какой-либо церкви неисправленныя и съ ошибками, пусть соборнѣ исправятъ ихъ, руководствуясь хорошимъ переводомъ, ибо священныя правила запрещаютъ книги неисправленныя въ церкви вносить и изъ нихъ пѣть. Также пусть они велятъ писцамъ, списывающимъ по городамъ книги, списывать съ добрыхъ переводовъ, и, списавъ, провѣрять. Слѣдить, чтобъ писецъ, списавъ книгу, но не исправивъ, не продавалъ ея; запрещать и покупателю впередъ покупать такія книги. Если же окажется, что продавцы и покупатели, и потомъ не захотятъ сообразоваться съ этимъ требованіемъ, то отбирать у нихъ безъ всякихъ отговорокъ такія книги, исправлять и потомъ отдавать въ тѣ церкви, которыя болѣе другихъ нуждаются въ книгахъ.

Вопросъ. По грѣхамъ слабость, небреженіе и нерадѣніе вошли въ міръ въ настоящее время: называемъ себя христіанами, а бороды и головы брѣемъ, усъ подкусываемъ, платье и одежды невѣрныхъ земель носимъ, такъ что и нельзя узнать христіанъ.

Отвѣтъ. Священныя правила возбраняютъ православнымъ христіанамъ брить бороды и подстригать усы; обычай дѣлать это не христіанскій, но латинскій и еретическій, обычай греческаго царя Константина Ковалина. Его запрещаютъ отеческія и апостольскія правила, *) говоря такъ: «Кто бороду брѣетъ и умретъ безъ бороды, тотъ не достоинъ, чтобы надъ нимъ служили, пѣли по немъ сорокоустье, просфоры и свѣчи по немъ въ церковь приносили; пусть онъ причислится къ невѣрнымъ, такъ какъ обычаи позаимствовалъ у еретиковъ».

*) Въ числѣ апостольскихъ правилъ рѣшительно нѣтъ никакого постановленія о бородахъ. Да ни одно правило изъ всѣхъ Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ ни слова не говоритъ о бритьѣ бородъ и стриженіи усовъ. (Примѣчаніе издателя «Стоглава» (1863).

Вопросъ. Ученики учатся грамотѣ небрежно, а божественное писаніе о всемъ этомъ упоминаетъ, и на насъ, пастырей, падаетъ отвѣтственность за эту небрежность.

Отвѣтъ. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ избрать добрыхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имѣющихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ наставлять другихъ, умѣющихъ хорошо читать, писать и пѣть; а въ домахъ тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ учредить училища, куда-бы священники и діаконы и всѣ православные христіане своихъ дѣтей посылали для ученія грамотѣ, церковному чтенію, пѣнію и письму. Тѣ священники, діаконы и дьяки должны внушать ученикамъ страхъ Божій, наблюдать за ихъ нравственностью, оберегать ихъ отъ всякой нечистоты, чтобы они, сдѣлавшись взрослыми, достойны были стать священниками. Въ святыхъ Божьихъ церквахъ учениковъ научать страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, чтенію, порядкамъ богослуженія. А грамотѣ ихъ учить основательно, на сколько знаютъ сами учителя, учить писать основательно на сколько возможно, ничего не скрывая, чтобы ученики всѣ книги учили.

Вопросъ. Въ монастыряхъ чернцы и попы постригаются для спасенія души своей; иные-же постригаются ради покоя тѣлеснаго, чтобы постоянно бражничать, и по селамъ ѣздятъ для удовольствія.

Отвѣтъ. По священнымъ и божественнымъ правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, вѣдать и блюсти церковный чинъ и монастырское строеніе слѣдуетъ духовнымъ настоятелямъ и пастырямъ, архимандритамъ, игуменамъ, строителямъ и соборнымъ старцамъ. Все должно быть сообразуемо съ божественнымъ уставомъ, съ правилами св. апостоловъ и св. отцевъ, съ преданіями отценачальниковъ. Ни въ одномъ монастырѣ не должно ничего измѣнять произвольно, но сколь возможно заботиться о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ, о братіи, о всѣхъ служащихъ въ святыхъ обителяхъ, по заповѣди Господней: «Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овца». Поэтому духовные пастыри должны имѣть великое попеченіе о своемъ честномъ пребываніи. Священноиноки и діаконы по всѣмъ монастырямъ должны имѣть настоятелей своихъ духовныхъ архимандритовъ и игуменовъ, и строителей, почитать ихъ и слушаться во всемъ. Иноки должны остерегаться всякаго предосудительнаго дѣла, остерегаться питья хмѣльнаго, не должны держать вина горячаго по монастырямъ, ни пива, ни меду, а держать имъ и пить квасы хлѣбные и напитки нехмѣльные. Фряжскія вина не возбраняются, ибо нигдѣ не написано, что этихъ винъ пить не слѣдуетъ. Если гдѣ есть фряжскія вина, то пусть ихъ пьютъ во славу Божью, а не ради пьянства. Начальникамъ, архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ, по кельямъ особнякомъ не ѣсть, а ѣсть вмѣстѣ съ братьею въ трапезѣ, если болѣзнь или старость не мѣшаютъ этому. Пища у начальниковъ съ братьею должна быть общая.

Вопросъ. Дѣти боярскія, и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, службы не исполняютъ, дѣломъ не занимаются, совершаютъ всякое зло, крадутъ, разбойничаютъ, души губятъ; это зло слѣдуетъ искоренить.

Отвѣтъ. Благочестивый царь въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ долженъ объявить свой царскій приказъ, чтобы дѣти

боярскіе и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью не играли и по корчмамъ не пьянствовали, и другаго зла не творили, а жили по-христіански.

Вопросъ. Утромъ въ великій четвергъ солому жгутъ и кличутъ мертвыхъ; иные невѣжественные попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и держатъ тамъ ее до седьмаго четверга послѣ Пасхи, а потомъ соль раздаютъ, какъ лѣкарство для людей и животныхъ.

Отвѣтъ. Запретить въ великій четвергъ солому жечь и мертвыхъ кликать, а священникамъ соль подъ престолъ класть и держать ее тамъ до седьмаго четверга послѣ Пасхи, ибо это дѣло есть прелесть эллинская и еретическая. Попъ, продолжающій поступать такъ, долженъ быть лишенъ своего сана.

Вопросъ. О судахъ архимандритовъ и игуменовъ и всякаго священническаго и иноческаго чина, и о всѣхъ церковныхъ причетникахъ, и о монастырскихъ слугахъ, и о жалованныхъ грамотахъ несудимыхъ монастырскихъ и церковныхъ, въ которыхъ написано, что не должны быть судимы владыки, игумены, попы, чернцы и всякіе причетники церковные и монастырскіе. Почему это такъ установлено, и должно-ли быть сохраняемо въ будущемъ?

Отвѣтъ. Божественныя писанія и священныя правила и законы запрещаютъ мірскимъ судьямъ судить священниковъ и діаконовъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ; управленіе всѣми священными мужами, причетниками и иноками принадлежитъ епископу. Не мірскіе суды должны судить ихъ, а епископъ, или тотъ, которому онъ поручитъ судъ. Если-же причетникъ имѣетъ тяжбу со своимъ или чужимъ епископомъ, то судитъ митрополитъ той области съ соборомъ своихъ епископовъ. Если причетникъ или епископъ имѣетъ тяжбу съ митрополитомъ, то судитъ патріархъ. Митрополитъ во всей своей области имѣетъ подвластныхъ ему епископовъ; ихъ избираетъ и поставляетъ; ему-же подвластны всѣ церкви, монастыри, иноки и, причетники ихъ; мірскія же власти, вмѣшивающіяся въ духовный судъ осуждаются въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Вопросъ. Угодно-ли то Богу, что, въ то время какъ божественное писаніе и мірянамъ брать проценты возбраняетъ, церковные и монастырскія деньги и хлѣбъ отдаются въ ростъ?

Отвѣтъ. На счетъ отдачи въ ростъ митрополичихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ денегъ божественныя писанія и священныя правила говорятъ: „Не только епископамъ, дьяконамъ, всему священному чину и инокамъ возбраняется, но и для простыхъ людей не одобряется взиманіе процентовъ и лихоимство". Поэтому святители, архимандриты, игумены должны давать въ займы деньги и хлѣбъ по своимъ силамъ своимъ крестьянамъ безъ процентовъ, затѣмъ чтобы крестьяне у нихъ жили, и села ихъ не были-бы пусты.

Вопросъ. По міру скитаются чернцы и черницы, попы и міряне и женщины со св. иконами и на сооруженіе или выкупъ проданныхъ собираютъ, и милостыни просятъ на торгу, по улицамъ, по селамъ и по домамъ съ образами ходятъ. Надлежитъ разсудить собору, допускать-ли это на будущее время, существуетъ-ли на счетъ этого постановленіе, и не есть-ли это оскорбленіе св. иконъ? Иноземцы этому очень удивляются.

Отвѣтъ. Чернцы и черницы по городамъ и по селамъ скитаются по міру на соблазнъ и осужденіе многимъ людямъ, а душамъ на погибель.

тѣхъ чернцовъ и черницъ собрать да, переписавъ, разослать по общимъ монастырямъ. Которые чернцы и черницы здоровы тѣломъ, тѣхъ отдавать подъ надзоръ добрыхъ старцевъ, чтобы ихъ учили страху Божію, иноческому житью и другимъ добродѣтелямъ по преданію св. отцевъ. Послѣ того какъ они поживутъ подъ надзоромъ въ покорности и послушаніи, отряжать ихъ для монастырской службы, гдѣ кто достоинъ служить и трудиться въ какой обители на св. братью, своего ради спасенія и по заповѣди владыки Христа Бога нашего. Которые-же чернцы стары или больны, не могутъ работать и быть въ услуженіи, тѣхъ устроить въ монастырскихъ больницахъ, снабжать пищею и одеждою, какъ остальную братью, да велѣть отцамъ духовнымъ имѣть надзоръ за ихъ покаяніемъ, поучать ихъ, чтобъ жили въ чистотѣ и въ покаяніи, и въ прочихъ добрыхъ дѣлахъ, и въ благодареніи всесильнаго Бога, и творили-бы безпрестанно молитву Іисусу, сколько имъ по силамъ, а скорби и болѣзни переносили съ благодареніемъ, да не лишены будутъ мзды отъ Бога, и молили-бы Бога за царя и за всѣхъ православныхъ христіанъ. А благочестивый царь, преосвященный митрополитъ и владыки должны за всѣхъ тѣхъ старыхъ и больныхъ по всѣмъ монастырямъ изъ своей казны давать вкладъ, какъ имъ Богъ внушитъ. За здоровыхъ чернцовъ, разосланныхъ по монастырямъ, вкладъ не долженъ даваться, ибо они могутъ трудиться и служить на св. братью за свое содержаніе.

IX. ИСТОРИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СТОГЛАВАГО СОБОРА.

(*Изъ ст. Иконникова*: «*Русскіе общественные дѣятели въ XVI в.*», *помѣщенной въ* «*Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*»).

Въ 1551 г. Іоаннъ Грозный созвалъ соборъ, и на немъ было ясно заявлено, что на Москвѣ «поисшатались обычаи и самовластіе учинилось по своимъ волямъ, и преданія и законы порушились». Этимъ соборомъ Іоаннъ какъ-бы хотѣлъ охватить всю жизнь русскаго общества и дать ей лучшее направленіе, потому что соборъ назначался «во исправленіе церковнаго благочинія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія».

Впрочемъ, уже въ самой задачѣ собора исправленію этихъ нестроеній придавался односторонній, пассивный характеръ, потому что ихъ думали устранить однимъ утвержденіемъ «прародительскихъ законовъ». Созваніемъ собора заявлялась потребность реформы, а недостатки общества, выставленные на видъ соборомъ, были такого характера, что ясно показывали всю недостаточность прежней системы, и въ то же время требовали существенныхъ мѣръ. Старая система оказалась несостоятельною, новыя мѣры требовали и новыхъ людей. Картина общества, начертанная соборомъ, показываетъ, что его вожатые были плохи, а мѣры предпринятыя соборомъ, свидѣтельствуютъ, что его представители были не способны исправить дѣло.

Для лицъ, которыя брались вести общественную реформу, предстояло два пути: выставить наружу недостатки, назвать ихъ настоящимъ именемъ и наложить запрещеніе на будущее время, или серьезно подумать о дѣлѣ и оцѣнить прежнюю систему, на сколько она имѣетъ въ себѣ задатковъ жизни. Реформаторы Стоглаваго собора выбрали первый путь, потому что сами принадлежали къ старой системѣ и не желали выпустить опеку изъ своихъ рукъ. Но они же сами и оста-

вили намъ печальныя свидѣтельства о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привело ихъ одностороннее направленіе. Стоглавъ—это обличеніе несостоятельности цивилизаціи древней Руси и вмѣстѣ съ Домостроемъ крайній ея выводъ. Стоглавъ по преимуществу имѣетъ дѣло съ обществомъ и въ особенности захватываетъ его религіозную сторону, какъ самый существенный элементъ древне-русской цивилизаціи; Домострой рисуетъ идеальную картину семейной жизни, тоже по старинѣ, не дѣлая порухи ни старымъ мнѣніямъ, ни старымъ обычаямъ. И Стоглавъ, и Домострой ожидали блага исключительно отъ закрѣпленія стараго; если общественные подпорки расшатались, то ихъ, по взгляду того и другаго, слѣдуетъ только утвердить покрѣпче, и вѣка ихъ не сдвинутъ.

Принципы этихъ двухъ памятниковъ, посредствомъ которыхъ хотѣли дѣйствовать на общество ихъ творцы,—въ сущности одинаковы. Но прежде посмотримъ, на сколько проницательны въ своемъ дѣлѣ дѣятели Стоглава, взявшіе на себя иниціативу исправленія общества. Ясно, что они видѣли зло, но много значитъ и то, какими глазами и съ какой стороны они взглянули на него.

Религіозная жизнь, въ которой постоянно вращался древне-русскій людъ, далеко отступила отъ идеаловъ, построенныхъ Антоніемъ, Ѳеодосіемъ, Ниломъ Сорскимъ. Ходъ дѣлъ и ее втянулъ въ общій водоворотъ жизни. «Свѣтъ монастырскаго житія»,—это подобіе, какъ говорили тогда, ангельскаго житія на землѣ, померкъ». Нѣкоторые, говорили на соборѣ, теперь стригутся ради покоя тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и ѣздить по селамъ для прохлады. Чернцы и черницы по міру волочатся и живутъ въ міру не зная даже, что такое монастырь. Старецъ поставитъ въ лѣсу келью или церковь срубитъ, да и идетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у царя земли и ржи проситъ, а что собралъ, то пропьетъ, такъ что людямъ только соблазнъ. Чернцы и черницы, мужики и бабы, настроенные разными снами и видѣніями, скитаются по городамъ и дворамъ и объявляютъ свои пророчества, собирая деньги подъ предлогомъ сооруженія церкви или искупленія отъ долговъ; и по рынкамъ ходятъ съ образами безчинно, такъ что иноземцы и иновѣрцы дивятся, а въ православныхъ возбуждаютъ подозрѣніе. Нѣкоторые иноки не могутъ сносить монастырскаго устава и наказанія и, позабывъ свои обѣты, шляются по городамъ и селамъ, надоѣдая царю и благочестивымъ людямъ; они своимъ поведеніемъ только вводятъ во соблазнъ и смущеніе многихъ православныхъ. Если у насъ есть въ обителяхъ напитки, то мы не можемъ воздержаться отъ пьянства. А архимандриты и игумены добиваются сановъ деньгами, лишь-бы получить власть; службы-же церковной и монастыря они даже не знаютъ и покоятъ себя въ кельѣ съ гостями; да племянниковъ своихъ содержатъ въ монастырѣ и удовлетворяютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, а монастыри опустошаютъ и вкладчиковъ изгоняютъ, такъ что братія обѣднѣла, страдаетъ голодомъ и жаждою и томится всякими нуждами, потому что все богатство перешло къ властямъ, а онѣ его истощили вмѣстѣ съ своими родственниками и друзьями. Между тѣмъ своимъ-же крестьянамъ епископы и монастыри, въ случаѣ нужды, отдаютъ деньги и хлѣбъ не иначе какъ въ ростъ, и отъ такой тягости села пустѣютъ.

И пастыри и овцы вмѣстѣ заблудились. Попы и церковные причетники въ церкви бываютъ пьяны, и тогда всякія неподобныя рѣчи исходятъ изъ устъ ихъ, а подъ часъ и бьются въ церкви, а міряне, смотря на ихъ безчиніе дѣлаютъ тоже, все равно, какъ на торжищахъ и играхъ, или на пиру и въ корчмахъ; «лаются безъ стыда всегда и всякими укоризнами неподобными, скаредными и богомерзкими рѣчами». А вотъ еще учинилось великое зло: нѣкоторые, многимъ людямъ на смятеніе и на соблазнъ и погибель, скверное беззаконіе творятъ, за что отъ множества народа и отъ иновѣрныхъ бываетъ поношеніе и укоризна вѣрѣ. На Ивановъ день и въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія сходятся мужи, и жены, и дѣвицы на бѣсовскія пѣсни и плясаніе, а которые тяжутся, на полѣ бьются (на поединкахъ) и кровь проливаютъ, и въ то время волхвы и чародѣи помогаютъ имъ волхвованіемъ. Просвирницы надъ просвирами приго-

варивають и тѣ просвиры попу дають. Въ великій четвергъ на зарѣ солому палять и кличутъ мертвыхъ, а нѣкоторые неразумные попы тогда соль подъ престолъ кладутъ и держатъ ее до седьмаго четверга по великому дню, и ту соль раздаютъ на врачеваніе людямъ и скоту. Да по погостамъ и по селамъ ходятъ лживые пророки мужики, жонки, дѣвки и старыя бабы, нагіе и босые, волосы отростивъ и распустя; трясутся и убиваются, и говорятъ, что имъ являются святыя Пятница и Настасія и заповѣдываютъ въ среду и пятницу ручной работы не дѣлать, а женщинамъ не прясть и платья не мыть, и камня не разжигать, а иные еще заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творить....

Эта темная картина общественной жизни становилась еще мрачнѣе отъ полной безпомощности страдавшихъ физическими недугами и бездомовныхъ ватагъ, любившихъ жить на чужой счетъ. На соборѣ жаловались, что «дѣти боярскіе, и люди боярскіе и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ, и души губятъ».

Въ этой картинѣ предъ нами стоятъ лицомъ къ лицу вожатые шестивѣковой цивилизаціи Руси и ея питомцы. Къ чему привела односторонность системы этихъ руководителей, объ этомъ говоритъ самая жизнь, описанная Стоглавомъ. Нѣсколько вѣковъ назадъ одинъ обличитель, желая предохранить рускую національность отъ нравовъ тлетворнаго запада, совѣтовалъ своимъ современникамъ не брататься и не знакомиться съ иноземцами, потому что на западѣ «то творятъ, чего и жидова не творитъ». (Слово Өеодосія о вѣрѣ крестьянской и латынской.) А между тѣмъ на Стоглавомъ соборѣ, члены его сознавались, что «въ иновѣрцахъ таково безчиніе не творится, какъ у насъ; даже болѣе—сами иноземцы дивились тому, что творилось. Это публичное признаніе должно было обходиться слишкомъ дорого при господствовавшемъ въ то время отвращеніи къ иностранцамъ. Такое признаніе могло произойти только послѣ добросовѣстной оцѣнки грубой дѣйствительности, потому что, не смотря на то, что она била въ глаза, по словамъ Стоглава, даже многимъ изъ своихъ, прежнее отвращеніе отъ всего чужого и національная самомнительность въ собственныхъ достоинствахъ продолжали существовать. За Стоглавомъ остается его историческое достоинство, потому что онъ не скрылъ подъ риторическими фразами общественнаго зла, такъ часто закрываемаго у предъидущихъ обличителей одними воззваніями къ покаянію и угрозами адскихъ мукъ. Но этимъ и ограничивается его заслуга, потому что онъ не пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ на дѣлѣ. Да онъ и не имѣлъ этого въ виду. Охраненіе національной чистоты отъ всякой посторонней примѣси было ихъ постоянною цѣлью; отцы Стоглаваго собора требовали только осуществленія того же идеала. Жить по преданіямъ отцовъ—вотъ девизъ ихъ стремленій въ общественной реформѣ.

Мало того, дѣятели Стоглаваго собора отрицательно отнеслись даже къ внѣшнимъ уклоненіямъ отъ прародительскихъ обычаевъ, «Въ каждой странѣ, говорили они по поводу одного запрещенія, есть свой законъ и свой обычай, и не переходятъ они изъ одной страны въ другую, но каждый держитъ законъ своего обычая; мы же православные, принявшіе истинный законъ отъ Бога, усвоили беззаконія разныхъ странъ и осквернились ими. За то и казни всякія приходятъ на насъ отъ Бога». И такое мнѣніе было только отголоскомъ издавна установившагося взгляда на жизнь въ средѣ разныхъ книжниковъ и *философовъ*, передававшихъ свою мудрость, какъ завѣтную и непоколебимую истину, по наслѣдству. Современные Стоглавому собору «разумные люди» говорили съ полною убѣдительностію, что «та земля не долго стоитъ, которая переставливаетъ свои обычаи»; а другіе мудрецы, вѣря въ ихъ непогрѣшимость, задумывались уже надъ участью Россіи, потому что вкрались разныя новизны, пугавшія ихъ разстроенное воображеніе. Отцы Стоглава стояли не выше сыновъ своего вѣка.

И такъ, къ какому заключенію приводятъ свидѣтельства Стоглава о современномъ ему состояніи русскаго общества? Они указываютъ: 1) полное растлѣ-

ніе нравовъ; 2) господство старыхъ языческихъ суевѣрій рядомъ съ новыми, установившимися подъ религіозною формою, благодаря разнымъ странствующимъ шарлатанамъ и обманщикамъ; 3) они указываютъ, что разложеніе нравовъ коснулось и идеала древне-русскаго общества—монастыря и представителей существенной стороны древне-русской жизни—стороны религіозной, духовенства; наконецъ 4) что жизнь низшихъ, народа, подручныхъ, приносилась въ жертву высшимъ, властямъ; будетъ-ли то духовный владыка, или сынъ боярскій, они заботились только о собственныхъ удобствахъ и выгодахъ, забывая и свой долгъ, и болѣе соотвѣтствующее назначеніе.

Правда, указанія Стоглава оффиціальны, а потому слишкомъ общи, чтобы составить себѣ полное понятіе о положеніи тогдашнихъ дѣлъ; но съ другой стороны—они потому и получаютъ для насъ двойное значеніе, что они оффиціальны. По нашему мнѣнію, Стоглавъ односторонне взглянулъ на тѣ общественныя явленія, которыхъ не хотѣлъ все-таки скрыть отъ суда современниковъ. Дѣятели Стоглаваго собора видѣли въ нихъ только пороки, а не соціальное зло, и потому думали парализировать ихъ одними запрещеніями, угрозами и наказаніями. Затѣмъ попеченіе о благосостояніи общества было возложено на духовныхъ отцовъ, которые обязаны были духовныхъ дѣтей своихъ поучать и наказывать прилежно, чтобы они жили въ чистотѣ, и въ покаяніи, и въ прочихъ добродѣтеляхъ. Такимъ образомъ даже ходъ дѣлъ сохранялся въ прежнемъ порядкѣ. Для большаго же успѣха была устроена какъ бы надзирающая іерархія, изъ протопоповъ, которая должна была уже слѣдить за самыми наставниками, потому что и соборъ самъ чувствовалъ, какъ мало можно положиться на нихъ; такъ какъ тѣ, по его словамъ, которые должны были бы предохранять мірянъ отъ всякаго зла, сами находились во всякомъ безчиніи. Недостатокъ наставниковъ ощущался ясно, а между тѣмъ, не измѣняя положенія дѣлъ, хотѣли вручить наставничество прежнимъ духовнымъ отцамъ. Это значило лечить болѣзнь домашними средствами и тогда, когда неудовлетворительность ихъ была доказана опытомъ. Отцы Стоглава думали, что зло само собою уляжется, когда виновные прольютъ источники слезъ покаянія и станутъ точно выполнять церковные обряды и строго повиноваться духовной власти, полагая, конечно, что для этого достаточно одного смиренія. Они смотрѣли на общественныя бѣдствія, какъ на слѣдствія грѣховъ, отъ которыхъ можно откаяться и отмолиться; а потому искали причинъ этихъ бѣдствій даже въ ношеніи тафій, въ бритьѣ бородъ и стриженіи усовъ, потому что это было нарушеніе преданій отцовъ, а слѣдовательно ересь. Однимъ словомъ, все возводилось къ одной общей причинѣ—къ нарушенію отчепреданнаго житія. Вотъ почему дѣятели Стоглаваго собора, взявшіе на себя иниціативу общественной реформы, вдались въ формальную сторону обрядовыхъ вопросовъ и посвятили такъ много мѣста разнымъ разсужденіямъ въ родѣ указа „о звону, о царскихъ дверехъ“ и т. п. и не пошли далѣе своихъ предшественниковъ. Они видѣли зло, но не могли какъ слѣдуетъ отнестись къ нему, потому что или односторонне понимали его, или не рѣшались пожертвовать своими интересами. Такъ наприм., на соборѣ былъ задѣтъ довольно щекотливый для духовенства вопросъ о церковныхъ имуществахъ, и вотъ его порѣшили самымъ положительнымъ аргументомъ, съ которымъ тогда нельзя было никому тягаться: сказано было, что если кто обидитъ церковныя стяжанія, тотъ „да не узритъ милости святыя Троицы, егда предстанетъ страшному судилищу, да отпадетъ христіанскія части, яко же Іуда отъ двонадесятаго числа апостольскаго, и да приметъ клятву (проклятіе) отъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ богоносныхъ отецъ“.

Но какъ не годились въ дѣло мѣры, предпринятыя соборомъ, такъ не годились и люди, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ вліять на общество. Жалобы на нихъ подымались и прежде: стригольники укоряли святителей и поповъ за ихъ жизнь, называя ихъ „человѣкоядцами и винопивцами, друзьями мытарей и грѣшниковъ“. Когда митрополитъ Ѳеодосій вздумалъ собирать поповъ для наставленій, желая улучшить нравственное положеніе клира, то встрѣтилъ въ средѣ его такое

противодѣйствіе, что долженъ былъ оставить свою митрополію, а Новгородскій епископъ Геннадій не могъ даже готовящихся въ священники научить самымъ необходимымъ требованіямъ въ церковномъ обиходѣ, потому что они сейчасъ разбѣгались. „Они круглые невѣжды, говоритъ о попахъ Флетчеръ, и это неудивительно, потому что епископы, которые ихъ назначаютъ, не знаютъ ничего, даже священнаго писанія, которымъ они ограничиваются на столько, чтобы читать и пѣть въ служеніи". „Они не имѣютъ ни обыкновенія, ни способности, чтобы говорить проповѣди и наставлять свою паству, потому что весь клиръ погруженъ въ глубокое невѣжество, какъ въ отношеніи слова Божія, такъ и въ отношеніи наукъ.

Нельзя сказать, чтобы члены собора не видѣли такого важнаго недостатка, который, прежде всякихъ другихъ причинъ, подрывалъ ихъ же собственныя распоряженія. На соборѣ было заявлено, что лица, ищущія священства, „мало грамотѣ умѣютъ", да и то учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ, потому что учиться негдѣ, а отцы ихъ и мастера также мало умѣютъ, потому что нѣтъ училищъ. Самымъ виднымъ результатомъ этого обстоятельства было то, что въ половинѣ XVI вѣка мало книгъ оказалось годными къ употребленію, остальныя же всѣ были испорчены переписчиками, что было извѣстно и отцамъ собора. А потому они и сдѣлали распоряженіе относительно заведенія училищъ. На соборѣ было постановлено, чтобы въ Москвѣ и другихъ городахъ священники и діаконы избрали изъ среды себя женатыхъ и благочестивыхъ, которые могли бы и другихъ поучать, а также, чтобы они были искусные въ чтеніи, письмѣ и пѣніи; и у нихъ въ домахъ открыли бы училища, куда отдавали бы своихъ дѣтей священники, діаконы и міряне на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія. Тоже было потомъ повторено и въ наказной грамотѣ митроп. Макарія, разосланной для исполненія. По взгляду Стоглаваго собора, эти училища должны были быть не только учебными заведеніями, но и воспитательными. Духовнымъ наставникамъ, у которыхъ предполагалось устроить ихъ, было наказано, чтобы они «наиболѣе учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ, и сохранили бы ихъ отъ всякаго плотскаго растлѣнія. Но чѣмъ гарантировалъ соборъ существованіе этихъ школъ?—ничѣмъ. Все было предоставлено доброй волѣ духовныхъ отцовъ. Но, если эти отцы бѣжали отъ наставничества Θеодосія и Геннадія, то что ручалось за то, что на нихъ подѣйствуютъ постановленія Стоглаваго собора. Такъ и случилось. Іоаннъ Кобенцель, посѣтившій Россію въ 1576 году, замѣтилъ, что „во всей Московіи нѣтъ школъ", а двадцать пять лѣтъ спустя послѣ него Маржеретъ писалъ, что Москвитяне „не знаютъ школъ... и таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую". А вѣдь религіозность составляла главную сторону древне-русской жизни. Да и что можно было ожидать отъ тѣхъ духовныхъ отцовъ, которые, по общему свидѣтельству непререкаемыхъ авторитетовъ, „смотрѣли только ко взятію" и добивались мѣстъ на „льготу тѣлу своему", потому что „не хотѣли дѣлать рукодѣлія". Такъ распоряженія Стоглава разбивались—съ одной стороны—о полное равнодушіе къ дѣлу руководителей общества, съ другой—о несостоятельность самыхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ члены собора думали дѣйствовать на общество.

И оно осталось прежнимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, для этого стоитъ только заглянуть впередъ на нѣсколько поколѣній. И отцы, и дѣти сохраняли прежнія роли. Около 1575 г. Іоаннъ Грозный, главный дѣятель Стоглаваго собора, собравъ высшихъ духовныхъ лицъ, говорилъ имъ: «Вы ведете жизнь самую дурную, утопаете въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, дозволяете себѣ ужаснѣйшіе грѣхи, вымогательство, взяточничество и непомѣрные росты. Ваша жизнь изобилуетъ кровавыми и вопіющими грѣхами: грабительствомъ, обжорствомъ, праздностію, вы хуже, гораздо хуже, скотовъ. Ваши молитвы не могутъ быть полезны ни мнѣ, ни моему народу. Много мы должны отвѣчать предъ Богомъ за то, что многихъ, болѣе достойныхъ, попустили умереть вмѣсто васъ».

Стоглавый *соборъ* вопіялъ противъ нарушенія общественной безопасности, но отъ этого не стало лучше... «Страна, говоритъ Флетчеръ, наполнена грабежами и убійствами. Жизнь человѣческая ставится ни во что. Вы можете видѣть, какъ грабятъ человѣка, запоздавшаго въ городѣ, на улицѣ, и никто не отвѣтитъ на его крики и не переступитъ порога, чтобы помочь ему. Я не буду говорить объ этихъ страшныхъ убійствахъ, о жестокостяхъ, которыя совершаются въ Россіи; съ трудомъ вѣришь, что подобныя вещи могутъ совершаться между людьми, и особенно между людьми, которые называютъ себя христіанами». А въ XVII вѣкѣ раздается голосъ, обличающій, что злоба еще умножилась въ людяхъ, преуспѣло лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убійство, пьянство, нелѣпыя игрища, грабежи, хищенія и тому подобное. И въ этихъ фактахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Котошихинъ передаетъ слѣдующій частный, но любопытный фактъ, свидѣтельствующій о народной нравственности того времени. «На погребеніи царствующихъ особъ, говоритъ онъ, обыкновенно бываетъ множество народа—московскихъ жителей и пріѣзжихъ; но такъ какъ погребеніе происходитъ ночью, то горе бываетъ имъ, потому что московскихъ людей натура небогобоязливая: съ мужчинъ и женщинъ по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и бываетъ въ тотъ день убитыхъ и зарѣзанныхъ болѣе ста человѣкъ».

Надъ такимъ положеніемъ дѣлъ задумывались немногіе русскіе, задумывались и иностранцы. И съ укоромъ обращались они къ руководителямъ этого изношеннаго общества. «Теперь, говоритъ Олеарій, никто не указываетъ истиннаго пути заблуждающемуся, никто не подумаетъ о томъ, чтобъ умною, исполненною здраваго смысла, рѣчью подѣйствовать на совѣсть народа. А между тѣмъ число преступленій и пороковъ нарастаетъ съ каждымъ годомъ. Только одинъ развѣ палачъ налагаетъ на спины русскихъ, за совершенное ими преступленіе, скоропреходящее наказаніе». На Стоглавомъ соборѣ всю надежду полагали на духовныхъ отцовъ, но въ XVII вѣкѣ ихъ уже считали главными виновниками общественнаго зла и неспособными вести дѣло. Извѣстный Симеонъ Полоцкій открыто обличалъ, что «ихъ великимъ нерадѣніемъ и всеконечнымъ небреженіемъ, премногіе, несмысленные люди отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погибельной жизни уклонились... Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и нигдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ это не учители, но мучители... Виною всѣхъ золъ преимущественно неумѣнье и нерадѣнье духовныхъ отцовъ: не учатъ и не наставляютъ дѣтей своихъ духовныхъ».

Такъ неудачно окончилось дѣло Стоглаваго собора...

X. ИЗЪ „ДОМОСТРОЯ".

Наставленіе отца сыну. Благословляю я грѣшный (такой-то) и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына моего (такого-то) и жену его, и ихъ чадъ, и домочадцевъ. Быть имъ во всякомъ христіанскомъ законѣ и во всякой чистой совѣсти и правдѣ, съ вѣрою творя волю божью и храня заповѣди, себя утверждая во всякомъ страхѣ божьемъ и въ законной жизни, жену поучая, домочадцевъ наставляя не принужденіемъ, ранами, тяжелою работою. Они должны, какъ дѣти, имѣть спокойствіе, быть сыты, одѣты, въ тепломъ углу, устроены удобно. Вамъ и дѣтямъ вашимъ на память и вразумленіе, чтобы вы жили по-христіански, даю это писаніе. Если не послушаетесь совѣтовъ, изложенныхъ въ этомъ писаніи, и не примѣните ихъ къ жизни, будете поступать не такъ, какъ написано, то сами на себя возьмете отвѣтственность въ день страшнаго суда, а я

не виновенъ въ вашихъ проступкахъ и грѣхахъ. Я о всякомъ благочиніи говорилъ, плакалъ, молилъ, поучалъ и писаніе предлагалъ вамъ. Если пожелаете искренно принять мои безъискусственныя наставленія и мои простые совѣты, если прочитаете ихъ, прося у Бога помощи и разума, чтобы открылъ глаза ваши, и сообразно съ этими наставленіями и совѣтами станете поступать, то будетъ на васъ милость Божья и Пречистой Богородицы, и великихъ чудотворцевъ, и наше благословеніе отнынѣ и до вѣка. Домъ вашъ, дѣти ваши, имущество ваше и все, чѣмъ одарилъ Богъ, все, что получили вы, благодаря намъ, и благодаря своему труду, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ во вѣки. Аминь.

Какъ дѣти должны чтить отцовъ своихъ духовныхъ и повиноваться имъ. Необходимо знать, какъ чтить дѣтямъ отцовъ своихъ духовныхъ. Изъискать отца духовнаго добраго, боголюбиваго, благоразумнаго, разсудительнаго, строгаго, трезваго, несребролюбиваго, негнѣвливаго. Такого отца духовнаго надлежитъ почитать и повиноваться ему во всемъ, и каяться предъ нимъ со слезами, исповѣдовать грѣхи свои безъ утайки, откровенно, наставленія его исполнять. Должно его приглашать къ себѣ часто, совѣщаться съ нимъ во всякомъ дѣлѣ, повелѣнія его съ любовью принимать, слушаться его во всемъ, почитать его, бить челомъ предъ нимъ низко, потому что онъ учитель вашъ и наставникъ. Къ нему приходите, дары ему давайте отъ своихъ трудовъ по силѣ, совѣтуйтесь съ нимъ часто о жизни благочестивой, винитесь предъ нимъ въ грѣхахъ своихъ, узнавайте отъ него, какъ мужу любить жену свою и дѣтей своихъ, а женѣ слушаться мужа своего, спрашивайте его ежедневно. Должно исповѣдовать предъ отцами духовными грѣхи свои, каяться предъ ними во всемъ, ибо они стражи душъ нашихъ и отвѣтъ за насъ дадутъ въ день страшнаго суда, не поносить ихъ, не осуждать, не обманывать. Если духовный будетъ за кого либо ходатайствовать, то ходатайство выслушать, виновнаго пожаловать, смотря по винѣ, разсмотрѣвъ дѣло съ духовнымъ отцомъ.

Какъ дѣтей учить и страхомъ спасать. Наказывай сына твоего въ юности, и онъ успокоитъ тебя въ старости и принесетъ тебѣ честь. Не будь скупъ на удары дитяти, ибо отъ палочныхъ ударовъ онъ не умретъ, а поздоровѣетъ; нанося удары тѣлу, спасаешь душу отъ смерти. Если любишь сына твоего, часто наказывай его, чтобы ты могъ потомъ быть имъ доволенъ. Наказывай сына въ молодости, и онъ, возмужавъ, будетъ твоей утѣхой, и восхвалишься посреди злыхъ, а враги твои будутъ завидовать тебѣ. Воспитай дѣтище въ страхѣ, и обрѣтешь въ немъ покой и благословеніе. Не улыбайся ему, не играй съ нимъ; ибо въ маломъ дѣлѣ посмѣявшись, въ большомъ пострадаешь, будешь скорбѣть и послѣ будто оскомину сотворишь душѣ твоей. Не дай ему власти въ юности и сокруши ему ребра, пока онъ ростетъ, чтобы, возмужавъ, не пересталъ повиноваться тебѣ, ибо въ такомъ случаѣ будетъ больно и досадно твоей душѣ, убыточно твоему дому, будетъ погибель имѣнію твоему, укоризна отъ сосѣдей, враги твои насмѣются надъ тобою, предъ властью поплатишься и претерпишь разныя непріятности.

Какъ научать мужу жену свою; какъ угодить Богу и мужу своему, какъ хорошо устроить домъ, завести въ хозяйствѣ порядокъ, рукодѣліе всякое знать и самой дѣлать. Мужья должны поучать женъ

своихъ съ любовью и разумно. Жены должны спрашивать мужей своихъ о всякомъ благочиніи, какъ душу спасти, Богу и мужу угодить, домъ свой устроить. Онѣ должны имъ во всемъ покоряться, и всякое мужнино приказаніе принимать съ любовью и исполнять. Онѣ должны имѣть страхъ Божій и соблюдать чистоту тѣлесную. Вставъ съ постели, очистивъ себя и молитву сотворивъ, онѣ должны женщинамъ и дѣвкамъ (прислугѣ) задать урочную работу на день: разныя кушанія варить, печь хлѣбы ситніе и рѣшетные. Хозяйка сама должна знать, какъ мука сѣется, какъ квашня приготовляется и мѣсится, какъ въ печи валяются хлѣбы, простые и здобные, какъ выпекаются; она должна знать приготовленіе калачей и пироговъ, количество муки, необходимое для этого, сколько чего можно сдѣлать изъ четверти, осьмины или рѣшета, сколько будетъ отрубей, сколько выйдетъ печенія; мѣру должно знать во всемъ. Сама хозяйка должна умѣть изготовлять мясныя и рыбныя блюда, всякіе пироги и блины, всякіе каши и кисели, всякіе пирожки. Умѣя сама, пусть она и слугъ научитъ всему этому. Въ то время, когда хлѣбъ пекутъ, стираютъ и бѣлье, чтобы не выходило лишнихъ дровъ. Хозяйка надсматриваетъ, какъ стираютъ красныя рубашки и лучшія вещи, сколько и на какое количество рубашекъ выходитъ мыла и золы, хорошо-ли вымыто, выпарено, выполоскано, высушено и выкатано все, и скатерти, и платки, и полотенца, и утиральники. Всему этому она должна знать счетъ, отдавать въ стирку по счету и принимать выстиранное по счету. Старыя вещи должны быть бережно подчинены, ибо онѣ пригодятся для сиротокъ. Когда хлѣбы пекутъ, отдѣлить часть тѣста и пироговъ начинить; если пшеничное пекутъ, то изъ муки, оставшейся послѣ высѣвки, сдѣлать семьѣ пироги, въ дни скоромные со скоромною начинкою, какая случится, а въ постные съ кашей, горохомъ, макомъ, рѣпой, грибами, рижиками, капустой, съ чѣмъ Богъ дастъ; все-же семьѣ это доставитъ удовольствіе. Всякое блюдо мясное и рыбное, всякій пирожокъ постный и скоромный жена должна умѣть дѣлать сама и слугъ научить. Такова должна быть хорошая хозяйка. Она должна знать все, что касается до пива, меда, вина, кваса, уксуса, кислыхъ щей, что какъ дѣлается, сколько чего выходитъ. Если она все это знаетъ, то, благодаря распоряженіямъ мужа и ея разумомъ, хозяйство пойдетъ хорошо и всего будетъ много. Служанкамъ рукодѣльнымъ указать должно работу, какую каждая можетъ дѣлать: шить рубашки, ткать платки, вышивать шелкомъ и золотомъ. Самой необходимо надзирать, выдавать холстъ, тафту, золото, серебро, отвѣсивъ, отмѣрявъ и сообразивъ, сколько чего нужно. Малыхъ дѣвокъ учить, чему слѣдуетъ; замужнимъ женщинамъ, которыя дѣлаютъ черную работу, избу топять, хлѣбы пекутъ, платья моютъ, выдавать ленъ, чтобы онѣ пряли на мужа и дѣтей; одинокая женщина или дѣвка пусть прядетъ ленъ на господина, а изъ остатковъ отъ чесанія льна—на себя. Сама хозяйка должна знать, кому какая работа дается, сколько чего выдано, сколько кто сдѣлалъ за день, сколько чего должно выйдти. Все это должна знать и всему счетъ вести. Сама она никогда, развѣ въ случаѣ болѣзни, не должна быть безъ дѣла; слуги, глядя на нее, должны вести себя такъ-же. Придетъ-ли мужъ или гостья обычная, она должна всегда сидѣть за работою: отъ этого ей честь и слава, а мужу похвала. Слуги не должны никогда будить госпожу, а она должна будить ихъ. Ложась спать, она должна послѣ работы всегда совершить молитву.

Какъ устроить домъ хорошо и чисто. Согрѣвъ утромъ воды, перемыть, вытереть и высушить столъ, блюда, ставцы, ложки и всякіе сосуды, ковши, кувшины. Тоже сдѣлать послѣ обѣда и вечеромъ. Ведра, лотки, квашни, корыта, сита, рѣшета, горшки также всегда вымыть, вычистить, вытереть, высушить, положить въ чистое мѣсто, гдѣ прилично. Всѣ сосуды и принадлежности должны быть всегда чисты, не должны разбрасываться по скамьямъ, двору, хоромамъ, все должно быть на своемъ мѣстѣ, въ порядкѣ. Изба, стѣны, скамьи, полъ, окна, двери, даже въ сѣняхъ и на крыльцѣ должны быть вымыты, вычищены, выкрашены, чтобы всегда было чисто. Лѣстницу и нижнее крыльцо вымыть, выскоблить, вытереть, вымести. Предъ нижнимъ крыльцомъ сѣна положить для вытиранія ногъ. Чтобы не загрязнить лѣстницы и сѣней, положить передъ дверью или рогожку, или старый войлокъ, или потирало. Въ грязную погоду у нижняго крыльца сѣно или солому перемѣнить, равно какъ рогожку и войлокъ, положить новое потирало, а грязное выполоскать и высушить, потому что оно опять пригодится. У добрыхъ людей, гдѣ жена порядочная, домъ всегда чистъ и устроенъ, все въ порядкѣ, опрятно, на своемъ мѣстѣ, вычищено, выметено. Въ хорошій домъ какъ въ рай входишь. За всѣмъ этимъ жена должна смотрѣть, всему этому должна она учить слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ: коли не дѣйствуютъ слова — побоями. Но если мужъ увидитъ, что у жены и слугъ нѣтъ порядка и дѣлается не такъ, какъ здѣсь написано, то долженъ онъ жену научить. Когда она дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ, то заслуживаетъ любви и жалованія; если же она не живетъ по наставленію, сама не исполняетъ своихъ обязанностей и слугъ не учитъ исполнять, то пусть мужъ накажетъ и постращаетъ ее наединѣ, а наказавъ, пожалуетъ и скажетъ доброе слово. Должно наказывать съ любовью, не слѣдуетъ мужу сердиться на жену, а женѣ на мужа, но жить имъ въ любви и откровенности. Со слугами и дѣтьми поступать такъ-же: наказать по винѣ, и по дѣлу и побить, потомъ пожаловать. Госпожа должна заботиться о слугахъ; тогда имъ будетъ жить хорошо. Но если жена, или сынъ, или дочь слова и приказанія не слушаютъ, поступаютъ вопреки ему, не боятся, не дѣлаютъ того, что мужъ, отецъ или мать повелѣваютъ, то ихъ плетью постегать, смотря по винѣ; а бить ихъ наединѣ, не при людяхъ, наказать, потомъ пожаловать и ласковое слово молвить, а не гнѣваться ни мужу на жену, ни женѣ на мужа. За какую либо вину не бить по уху, по лицу, подъ сердце кулакомъ, пинкомъ, не колоть посохомъ, ничѣмъ желѣзнымъ и деревянымъ не ударять. Тотъ, кто въ сердцахъ такъ бьетъ, можетъ большой вредъ причинить: слѣпоту, глухоту, поврежденіе руки или ноги, грудную, головную, зубную болѣзнь. Должно бить плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Когда вина велика, когда ослушаніе или небреженіе было значительное, снять рубашку и плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, смотря по винѣ, да побивъ, чтобы гнѣва не было, сказать ласковое слово. Да чтобы люди этого не видѣли и не слышали, и чтобы не было жалобъ.

Заключеніе. Чадо мое единородное и любимое, Анфимъ! Соизволилъ Богъ, и благочестивый, православный Царь-Государь повелѣлъ тебѣ послужить въ своей царской казнѣ у таможенныхъ дѣлъ. И нынѣ молю тебя и со слезами говорю: ради Бога, помни царскій приказъ, проси у Бога помощи разума отъ всей души и отъ всего помышленія; служи вѣрою

и правдою, безъ всякой хитрости и лукавства; не преступай своего долга относительно Государя ради друга, недругу не мсти, не дѣлай людямъ проволочекъ ни въ чемъ. Всякому воздай съ любовью должное, безъ брани; не успѣешь сдѣлать что-либо, отвѣчай добрымъ словомъ, отпускай въ срокъ, безъ затрудненій, товары оцѣнивай правильно, да не будетъ твоя служба злоупотребленіемъ относительно Государя. Довольствуйся милостивымъ государевымъ жалованіемъ, все государево пусть будетъ у тебя въ порядкѣ, записано въ приходъ и расходъ. Будь послушенъ къ казначеямъ, друженъ съ товарищами, съ подъячими, мастерами, сторожами грозенъ и любовенъ, со всѣми людьми привѣтливъ. Бѣдныхъ, скорбящихъ, нуждающихся и плѣнныхъ отнюдь не притѣсняй, самъ ихъ, по возможности, накорми и напои, а кое-кому и милостыню подай. Коли случится судъ, соверши его безъ затягиванія и безъ хитрости для каждаго, чье дѣло право, богатъ-ли онъ или бѣденъ, другъ тебѣ или врагъ. Евангеліе говоритъ: „Не на лица судите, сынове человѣчестіи, но праведенъ судъ судите; имъ-же судите судомъ, судится вамъ, въ ню-же мѣру мѣрите, возмѣрится".

XI. ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ „ДОМОСТРОЯ".

(Изъ соч. Галахова. «Исторія русской словесности» и Стоюнина: «О преподаваніи русской литературы».

Стоглавъ и сочиненія Максима Грека имѣютъ дѣло съ состояніемъ цѣлаго общества: они заняты вопросами государственнаго устройства и народной жизни. Но для полнаго представленія современныхъ нравовъ необходима характеристика частнаго, домашняго быта, о которомъ молчатъ литературные памятники. Лѣтописи заняты описаніемъ важнѣйшихъ событій, предполагая обстоятельства обыденной жизни всѣмъ извѣстными; юридическіе акты входятъ въ подробности внутренняго быта настолько, насколько онѣ нужны для объясненія изслѣдуемаго дѣла и подведенія его къ закону; мемуары относятся къ позднѣйшему времени, когда оказалась возможность писателю выступить съ своими собственными, личными требованіями. Недостатокъ источниковъ, по которымъ можно было бы составить понятіе о характерѣ частной, семейной жизни въ XVI вѣкѣ, восполняется сочиненіемъ священника Сильвестра, знаменитаго по своимъ отношеніямъ къ Грозному. Сочиненіе это, извѣстное подъ именемъ «Домостроя», т. е. книги домашняго устройства, устава, принадлежитъ, по своему назначенію, къ одному разряду съ «Поученіемъ Мономаха», которое можетъ быть также названо домостроемъ XII вѣка.

Рядомъ съ наставленіями религіозными, «Домострой» содержитъ въ себѣ и правила житейской мудрости, такъ что одна часть его имѣетъ предметомъ высшія потребности человѣка, благочестіе и душевное спасеніе, а другая обыкновенныя, насущныя его нужды. Въ первомъ отдѣлѣ говорится о вѣрѣ въ Бога и святыхъ его, о таинствахъ, о почитаніи духовнаго чина, царя и властей, о повиновеніи родителямъ и старшимъ, о воспитаніи дѣтей, обязанностяхъ жены, отношеніяхъ господъ къ слугамъ, и проч.; во второмъ—о хозяйственномъ устройствѣ.

Въ «Домостроѣ» изображается идеалъ благочестиваго семьянина, развившійся не въ монастырской кельѣ, хотя и подъ сильнымъ религіознымъ вліяніемъ, а въ семьѣ, при тѣхъ условіяхъ, какія представляла русская семейная жизнь.

Въ идеалѣ «Домостроя» проглядываетъ аскетизмъ, перешедшій сюда изъ того ученія: «Славы земныя ни въ чемъ не желай, всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи, обидимъ не мсти, хулимъ моли, зла за зло не воздавай, со-

грѣшающихъ не осуждай» и проч. Сообразно съ этимъ и жизнь должна течь самымъ ровнымъ невозмутимымъ путемъ, не допуская никакой страсти, даже никакихъ веселыхъ порывовъ: музыка, пѣніе, пляска, все это стоитъ наравнѣ съ волшебствомъ, чарованіемъ, бѣсовскимъ служеніемъ.

Съ этимъ вмѣстѣ соединяются родовыя понятія, перешедшія изъ глубокой старины, объ отношеніи главы семейства ко всѣмъ членамъ семьи. Хотя въ основаніи этихъ отношеній полагается, согласно съ христіанскимъ требованіемъ, любовь, но это не устраняетъ—съ одной стороны—грознаго господства владыки дома, съ другой—самаго рабскаго ему подчиненія. Необходимый атрибутъ его власти—жезлъ или лоза и плеть, отъ которыхъ нѣтъ спасенія ни женѣ, ни дѣтямъ, ни слугамъ, если бы владыка нашелъ нужнымъ поучить ихъ. Страхомъ онъ долженъ держать свой домъ въ порядкѣ; чтобы быть вѣрнымъ идеалу отца, онъ не долженъ даже ласкать своего ребенка или играть съ нимъ, чтобы не унизить своего достоинства, чтобы не ослабить страха, подъ вліяніемъ котораго должно идти воспитаніе. Здѣсь воля признается только за нимъ однимъ, за прочими неволя и работа.

Основаніемъ счастія считается внѣшній порядокъ въ домѣ, жизнь по извѣстной мѣркѣ, въ извѣстныхъ формахъ. Для этого «Домострой» касается всевозможныхъ мелочей хозяйственной жизни, опредѣляетъ каждый шагъ, даже указываетъ предметы для разговоровъ съ гостями. При этомъ надо замѣтить, что здѣсь имѣется въ виду жизнь семьянина богатаго, у котораго дворъ застроенъ амбарами для храненія его богатствъ и хозяйственныхъ запасовъ, мастерскія наполнены слугами и холопами, приготовляющими все нужное для дома. Отсюда всѣ заботы хозяина и хозяйки обращаются на воспитаніе дѣтей, на добропорядочную жизнь слугъ, на сбереженіе или увеличеніе богатства и на обиходное хозяйство. Владыкѣ дома представляются правила быть хорошимъ мужемъ, отцомъ, господиномъ, хозяиномъ. Заботы его должны касаться и собственной чести, а честь заключается въ доброй славѣ между людьми, и такъ какъ люди судятъ по наружности, то и слѣдуетъ на нее обращать особенное вниманіе.

Съ другой стороны, «Домострой» пугаетъ воображеніе страхомъ ада, исчисляя всѣ тѣ поступки, которые по его понятіямъ заслуживаютъ осужденія; сюда относятся и ловы съ собаками, съ птицами и съ медвѣдями, также игра въ шахматы, въ шашки, въ кости. Царь сравнивается съ Богомъ, который также называется царемъ, только небеснымъ и вѣчнымъ, а тотъ временной. Даже извлекается особенная, чисто-религіозная польза изъ повиновенія земному царю: «Аще законному царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и небеснаго царя боятися». Какъ глубоко вѣрилъ въ непогрѣшимость и чистоту своего идеала составитель «Домостроя», видно изъ его обращенія къ дѣтямъ: «Аще сего моего писанія не внемлете и наказанія не послушаете, и потому не учнете жити и не тако творити, яко же есть писано, сами отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда, и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ... И начнете дѣломъ творите вся сія, будетъ на васъ милость Божія и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наше благословеніе отъ нынѣ и до вѣка; и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ отъ нашего благословенія (т. е. по наслѣдству отъ насъ) и отъ своихъ трудовъ, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ». Никакая другая жизнь, угодная Богу и достойная счастія, не допускается и считается невозможною.

Взглянемъ же на этотъ идеалъ съ общечеловѣческой стороны его. Здѣсь мы уже указали на любовь къ человѣку, которая вводится въ отношеніе между членами семьи, начало дѣйствительно плодотворное; но тутъ ея дѣйствія слишкомъ парализируются недовѣріемъ къ человѣческой природѣ. Въ человѣкѣ предполагается слишкомъ много злаго начала, весьма большая наклонность къ противорѣчію всему доброму и какъ бы естественное стремленіе выходить изъ той сферы, которая ему предназначается; удерживать его отъ этого, пріучать идти по доброму пути и не сбиваться съ него можно только страхомъ наказанья, стра-

хомъ тѣлесной боли. По мысли этой отцу совѣтуется не щадить даже родныхъ дѣтей, возлагать на нихъ раны, сокрушать ребра. Такой взглядъ на человѣка развивается всегда тамъ, гдѣ нравственныя семейныя отношенія основываются на рабской зависимости, гдѣ въ нравственныя понятія входитъ полное, безпрекословное, рабское подчиненіе младшихъ старшимъ. При такомъ состояніи умъ обыкновенно такъ мало развивается, что не въ силахъ владѣть страстями; у него еще не выработались тѣ разумныя убѣжденія, опираясь на которыя, человѣкъ могъ бы сдерживать себя. Отсюда является и недовѣріе къ человѣческой природѣ, будто ее нужно подчинять извѣстнымъ правиламъ только физическою силою. Такъ какъ эти правила вытекаютъ изъ идеала, то всякое уклоненіе отъ нихъ считается оскорбленіемъ идеала, слѣдственно явленіемъ безнравственнымъ и опаснымъ для общаго благосостоянія семьи. Аскетическія понятія, перешедшія къ намъ съ христіанствомъ, не противорѣчили такимъ взглядамъ, а напротивъ вносили даже добровольныя истязанія тѣла для спасенія души. Заботы о душѣ домочадца дѣлаются также главными заботами христіанскихъ отцевъ семейства и при томъ же недовѣріи къ человѣческой природѣ находятъ еще больше опоры въ оправданіи жестокихъ наказаній: «Бія его по тѣлу, душу его избавляетъ отъ смерти; казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою и дастъ красоту душѣ твоей». Съ этимъ вмѣстѣ пріобрѣтается и новая узда для усмиренія бунтливой природы человѣка; къ страху наказанія и тѣлесной боли присоединяется еще страхъ для души—страхъ ада. Другая важная черта, бросающаяся въ глаза въ идеалѣ «Домостроя», есть любовь къ порядку, къ благоустройству, къ труду. Все это такія нравственныя силы, которыя могли бы разумно развить жизнь человѣка, если бы не были стѣснены въ самыхъ узкихъ предѣлахъ, самыми мелочными правилами, которыя не позволяли сдѣлать ни одного свободнаго шага, если бы съ ихъ исполненіемъ не соединялось понятія о семейной чести. Здѣсь обычай, привычка, извѣстная форма обращаются въ непремѣнный законъ, неисполненіе котораго ведетъ за собою осужденіе, безчестье. Здѣсь крайняя неподвижность мертвитъ всякую живую мысль, останавливаетъ всякое развитіе. Здѣсь старина имѣетъ смыслъ святости, и передъ нею любовь къ порядку должна обратиться въ деспотическое стѣсненіе самостоятельности въ жизни, любовь къ благоустройству—въ самые мелочные разсчеты, любовь къ труду—въ рабское исполненіе различныхъ формальностей и условныхъ правилъ, освященныхъ стариною и возведенныхъ чуть не до Божескихъ законовъ. Такимъ образомъ парализованы и эти нравственныя силы. Отсюда и развитіе идеала сдѣлалось невозможнымъ: онъ обратился въ догматъ жизни, смѣшался съ религіознымъ вѣрованіемъ, и отступленіе отъ него грозило гибелью въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

XII. ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

(*Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина*).

Приступая къ описанію достопамятной осады казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ куликовскою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ россіянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ, что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютости Шигъ-Алеевой, казанцы, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, имѣли время размыслить о

слѣдствіяхъ. Казань съ намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ московскій. Ея вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцевъ, усиленная воспоминаніями древности, раздраженная ненавистью къ христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства, она преодолѣла естественную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни, произвела восторгъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства казанцы не чувствовали своей слабости.

19-го августа государь съ 150,000 воиновъ былъ на Луговой сторонѣ Волги. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а бояринъ Морозовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленыя башни и тарасы, чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота. Казанцы испортили всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20-го августа войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нея на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые, подобно зеленому сукну, разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ, съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящемъ). Два дня выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглецъ мурза Камай, и донесъ государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что царь Едигеръ, Кульшеривъ-Молна или глава духовенства и князья умѣли одушевить народъ злобою на христіанъ; что никто не мыслитъ о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30,000 воиновъ и 2,700 ногаевъ; что князь Япанча со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку, вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожить станъ россіянъ. Іоаннъ принялъ Камая милостиво, совѣтовался съ боярами; велѣлъ для укрѣпленія изготовить на каждаго воина бревно, на десять воиновъ туръ. Большому и передовому полку приказано было занять поле Арское, правой рукѣ берегъ Казанки, сторожевому устье Булака, лѣвой рукѣ стать выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а царской дружинѣ, предводимой имъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ лугу. Строго запрещено было вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 23-го августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ, и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнью знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ, славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ, наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ. Духовникъ Іоанновъ, протоіерей Андрей, благословилъ его и войско, которое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака, богато украшеннаго; взглянулъ

на Спасителевъ образъ святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ и громко сказавъ: «О твоемъ имени движемся!» повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто; не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что царь казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные воеводы говорили другъ другу: «Будемъ тѣмъ осторожнѣе!»

Россіяне обступили Казань. 7,000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, и, видя предъ собою не болѣе какъ въ двухъ стахъ саженяхъ царскія палаты, мечети каменныя, лѣзли на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости, къ Арскому полю... Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрипѣли, отворились ворота, и 15,000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; они побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города, взяли плѣнниковъ и медленно отступили въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ славнымъ дѣломъ. Приказъ государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву, воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ. Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя. Ввечеру государь, собравъ воеводъ, изустно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью.

26-го августа большой полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: кн. Михайло Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; кн. Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ, а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые, россіяне отражали конницу, пѣхоту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, казаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время Воротынскому утвердить, насыпать землею туры въ пятидесяти саженяхъ отъ рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступить имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни полководцы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять бьющихся. Наконецъ непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду россіянъ, и государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарные молебны.

Войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ.

Кормовщики наши не смѣли удаляться отъ стана: Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, подъ начальствомъ кн. Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, кн. Горбатый-Шуйскій въ кровопролитной битвѣ нанесъ пораженіе Япанчѣ и взялъ много плѣнныхъ. Государь велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили татарамъ: «Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему». Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ, плѣнныхъ согражданъ, и кричали: «Лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!» Сіе остервененіе удивило россіянъ и государя.

Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размыслу (инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его отъ Каменной Дауровой Бани, занятой нашими казаками. Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые подъ надзоромъ кн. Серебрянаго и любимца Іоаннова, Алексѣя Алашева, рылись въ землѣ десять дней; они, наконецъ, услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать государю. 5-го сентября, рано, Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, множество людей; бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ, ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа. Мы взяли не малое число плѣнныхъ, убили еще гораздо болѣе и ждали слѣдствій.

Не смотря на рѣшительность казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили ихъ: рыли и нашли ключъ, малый смрадный, коимъ надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій; останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью гремѣли пушки

россійскія, прикрытыя турами и плетнями. Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, россіяне выстроили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть саженъ: ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ воротамъ: поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружину искусныхъ стрѣльцовъ: ждали утра и удивили ихъ залпомъ. Стрѣльцы стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ: казанцы укрывались въ ямахъ, копали себѣ землянки, но сражались неослабно: они уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, пересылая осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, со своимъ царемъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми, что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Между тѣмъ храбрый князь Воротынскій подвигалъ туры ближе и ближе къ Арской башнѣ; наконецъ одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: стрѣльцы, казаки, головы съ людьми боярскими стояли за ними, бились до изнуренія силъ и смѣнялись.

Уже около пяти недѣль россіяне стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячъ непріятелей. Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады: всѣ хотѣли скораго конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30 сентября онѣ взлетѣли на воздухъ. Сіе страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не новое для казанцевъ, произвело оцѣпенѣніе и тишину въ городѣ на нѣсколько минутъ; а россіяне, не теряя времени, подкатили туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что настаетъ часъ рѣшительный, казанцы высыпали изъ города и схватились съ тѣми полками, коимъ велѣно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ, и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: «Царь съ нами!» бросились къ стѣнамъ, гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣча была ужасная. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раздавался въ облакахъ густаго дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, многіе россіяне были уже на стѣнѣ, рѣзались въ улицахъ съ татарами. Князь Воротынскій увѣдомилъ о томъ государя и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ идти на приступъ. Успѣхъ, дѣйствительно, казался вѣроятнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться; излишняя торопь произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла-бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Но чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то кн. Воротынскій занялъ Арскую башню нашими стрѣлками: они укрѣпились турами и рядомъ твердыхъ щитовъ, сказали воеводамъ: «Здѣсь будемъ ждать васъ», и сдержали слово. Казанцы не могли отнять у нихъ сей башни. Часть

стѣны обгорѣла, дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Наконецъ, 1 октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ очистить душу на канунѣ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: мурза Камай и сѣдые старѣйшины горной стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приближались къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному, требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: «Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, на стѣнѣ Русь, не боимся, поставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся!» Тогда государь началъ устроивать войско къ великому дѣлу.

Приказавъ изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцемъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ. Тогда Воротынскій прислалъ ему сказать, что инженеръ кончилъ дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ, что казанцы замѣтили нашу работу, и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ заутреню въ церкви, молился изъ глубины сердца ... Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни россіяне, ни казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

Заря освѣтило небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: россіяне передъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнью знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга, все было въ ожиданіи. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ евангеліе, и едва произнесъ слова: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь!» грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася.... Государь вышелъ на паперть и увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью; глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: «Съ нами Богъ!» полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: «Алла! Алла!» призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; они мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ. Но россіяне,

ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны; казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; они уже не береглися, не прятались за щиты, а стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшалось, многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ, иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ. И въ ту минуту, когда Іоаннъ, отслушавъ литургію, причастясь св. таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные татаре, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Едигеръ засѣлъ въ укрѣпленномъ дворѣ царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота. Тутъ юныя жены и дочери казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ царя, еще бились усильно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота, къ нижней части города. Кн. Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу, удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ, затруднялъ каждый шагъ, давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ россіянъ. Гонимые, тѣснимые казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода остановилъ сѣчу. «Слушайте», сказали казанцы: «доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и царя, живаго, неуязвленнаго. Ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле, испить съ вами послѣднюю чашу». Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали нѣсколькихъ вельможъ, а сами начали снова стрѣлять, прыгали со стѣны внизъ и хотѣли идти къ стану нашей правой руки, но, встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво, кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и дворѣ царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи. Но татаръ было еще 5,000, и самыхъ храбрыхъ: они стояли, ибо не страшились смерти, стиснули нашихъ героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровью, замертво на землю, шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу. Остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для россіянъ! Государь послалъ конную дружину за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ отъ лѣса: воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча престала, но кровь лилася. Раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ, брали въ плѣнъ женъ и дѣтей. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми; отъ крѣпости до Казанки, далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный военачальникъ, кн. Воротынскій, прислалъ сказать государю: «Радуйся, благочестивый Самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и счастіемъ побѣда совершилась. Казань наша, царь ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя богатства собраны. Что прикажешь?» «Славить Всевышняго», отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣлъ руки на небо, велѣлъ пѣть молебенъ подъ святою хоругвію, и собственною рукою на семъ мѣстѣ водрузивъ животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви христіанской. Представили ему Едигера. Безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: «Несчастный! Развѣ ты не зналъ могущества Россіи и лукавства казанцевъ?» Едигеръ, ободренный тихостью государя, преклонилъ колѣна, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ милости. Іоаннъ простилъ его и съ любовью обнялъ брата, князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея, вельможъ, отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно, всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству, послалъ бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины съ хвалою и съ милостивымъ словомъ, велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу и въѣхалъ въ Казань. У воротъ стояло множество освобожденныхъ россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани: увидѣвъ государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали. «Избавитель! Ты вывелъ насъ изъ ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, не щадилъ головы своей!» Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола царскаго; потомъ онъ поѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ; видя трупы казанцевъ, онъ говорилъ: «Это не христіане, но подобные намъ люди». Видя мертвыхъ россіянъ, онъ молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія. При вступленіи во дворецъ, бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу: „Гдѣ царствовало зловѣріе, упиваясь кровью христіанъ, тамъ видимъ крестъ животворящій и государя нашего во славѣ». Всѣ единогласно, единодушно, въ умиленіи сердецъ, принесли благодарность небу. Іоаннъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ, и всю добычу, всѣ богатства казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству; взялъ только утварь царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя державное и пушки, сказавъ: «Моя корысть есть спокойствіе и честь Россіи»!

XIII. Астраханское царство и покореніе его Іоанномъ Грознымъ.

(Изъ сочиненія Перстятковича: «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ»).

Между рукавами Волги, недалеко отъ впаденія ея и отъ развалинъ древняго Итиля, возникъ татарскій городъ Астрахань. Благодаря своему выгодному мѣстоположенію, Астрахань достигла скоро значительной сте-

пени развитія. Было время, когда венеціанцы получали азіатскіе товары, которыми они торговали исключительно изъ Азова (Тану), откуда они вывозили ихъ на своихъ галерахъ; но эти произведенія на своемъ пути изъ Азіи къ Азовскому морю должны были проходить чрезъ Астрахань. Позже, когда предпріимчивые генуэзцы раскинули факторіи свои по берегу Чернаго моря, Астрахань для нихъ стала стоянкою въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Азіею. Понятно поэтому, какъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій торговыя сношенія съ Астраханью должны были оживиться, и какъ этотъ городъ долженъ былъ разбогатѣть и увеличиться. Но отчасти это самое богатство Астрахани могло привлечь къ ней знаменитаго азіатскаго завоевателя Тамерлана, который въ концѣ XIV столѣтія взялъ и разрушилъ ее. Еще около половины XV вѣка она представляла собою печальный видъ разрушенія; но въ началѣ XVI она уже упоминается, какъ богатый торговый городъ, сообщившій свое имя окрестной странѣ. Внутреннее устройство Астрахани было такое - же, какъ и Казани, въ которой также жили татаре. Земледѣліе и торговля составляли главное занятіе жителей этого царства; но такъ какъ пространства пахатной земли было немного (главнымъ образомъ по р. Бузану), то и земледѣліемъ, по всей вѣроятности, занимались немногіе изъ астраханцевъ. Слѣдовательно и здѣсь торговля составляла преимущественно занятіе жителей. Сами казанцы нѣкоторые свои товары сбывали на астраханскомъ рынкѣ, а отсюда, въ свою очередь, нѣкоторыя изъ произведеній привозились въ Казань. Господствующая религія въ Астраханскомъ царствѣ была магометанская, хотя, впрочемъ, еще въ XV столѣтіи среди жителей попадались язычники.

Астраханское царство походило во многомъ на Казанское: тотъ же народъ, то же преобладающее занятіе жителей, та же религія и такая же многочисленная аристократія, только съ сравнительно меньшимъ числомъ подчиненныхъ ей черныхъ людей. Астраханское царство было, повидимому, гораздо слабѣе Казанскаго; это можно было видѣть уже изъ той легкости, съ которою сосѣди въ разное время завладѣвали городомъ Астраханью. Такъ, въ 1523 г., Астраханью овладѣлъ крымскій ханъ Магметъ-Гирей въ союзѣ съ ногайскимъ княземъ Мамаемъ; въ 1532 г. ею завладѣли черкасы и возвели на престолъ своего претендента; въ 1538 г. ее захватили ногаи, изгнали астраханскаго царя и провозгласили царемъ своего кліента. Въ подобныхъ случаяхъ цари всего чаще покидали городъ и бѣгствомъ спасали свою жизнь и свободу.

Сношенія астраханскихъ царей съ Россіею начинаются еще со второй половины XV столѣтія; по свидѣтельству людей того времени, они, кромѣ незначительной торговли, имѣли въ виду главнымъ образомъ подарки, которые, въ подобныхъ случаяхъ, великій князь московскій вручалъ астраханскому послу. Впослѣдствіи сношенія астраханскихъ царей съ Москвою получаютъ характеръ политическій: Астрахань находилась въ сосѣдствѣ съ Крымскою ордою и соприкасалась съ Казанью, поэтому общность интересовъ побуждала иногда Россію вступать въ переговоры съ астраханскими царями противъ Гиреевъ, усиленіе которыхъ было одинаково невыгодно какъ Россіи, такъ и Астрахани. Астраханскіе царевичи являлись въ Москву и поступали здѣсь на службу, увеличивая собою такимъ образомъ число служилыхъ царевичей татарскихъ на Руси и укрѣпляя связь между Москвою и Астраханью. Лѣтомъ 1551 г., когда въ Казани цар-

ствовалъ Шигъ-Алей, какъ русскій присяжникъ, въ Москву прибыли послы отъ астраханскаго царя Ямгурчея и отъ имени своего повелителя «били челомъ царю, чтобъ царь пожаловалъ, велѣлъ себѣ служити со юртомъ и жаловалъ-бы его, какъ и Шигъ-Алея царя и иныхъ царей, которые ему служатъ». Вслѣдствіе этого государь въ слѣдующемъ-же году отправилъ въ Астрахань вмѣстѣ съ Ямгурчеевыми послами своего посла «видѣти царевы Ямгурчеевы правды» и привести астраханскаго царя и его землю къ присягѣ на вѣрность Россіи. Немного, впрочемъ, правды пришлось видѣть русскому послу у царя Ямгурчея въ Астрахани: его не пустили обратно, а задержали здѣсь, сперва подъ тѣмъ предлогомъ, что на Волгѣ неспокойно, происходятъ разбои, а позднѣе безъ всякаго предлога.

Въ самый годъ завоеванія Казани (май 1552 г.), пріѣхалъ въ Москву къ царю на службу царевичъ Кайбула, сынъ прежняго астраханскаго царя (Аккубека), который былъ съ Россіею въ хорошихъ отношеніяхъ. Царь принялъ его милостиво, позволилъ ему жениться на Шигъ-Алеевой племянницѣ и далъ ему въ помѣстье городъ Юрьевъ съ данью. Послѣ этого Ямгурчей тѣснѣе сблизился съ крымскимъ ханомъ и сталъ окончательно во враждебное отношеніе къ Россіи. Царю нельзя было болѣе медлить, ибо Ямгурчей не только не сдержалъ своего обѣщанія по своему челобитью, но даже ограбилъ русскаго посла. Государь рѣшился «за свою обиду и срамоту» отправить въ Астрахань царевича Дербыша вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ и воеводами (1554 г.). Лѣтопись прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстіе, будто царь вспомнилъ въ этомъ случаѣ и о своемъ правѣ на этотъ городъ, потому что Астрахань, «древнее отечество» его, которою владѣли предки царя подъ именемъ Тмуторокани.

Дербышу и русскимъ воеводамъ поручено было идти на Астрахань сообща. Силы Астраханскаго царства оказались до того незначительными, что высланныхъ войскъ (30,000) было даже слишкомъ достаточно, чтобъ овладѣть имъ. Русскимъ воеводамъ пришлось выдержать лишь небольшое сраженіе съ отрядомъ, посланнымъ Ямгурчеемъ для развѣдыванія о непріятелѣ. Сама Астрахань, покинутая своимъ царемъ, не оказала ни малѣйшаго сопротивленія, и русскіе заняли ее свободно. Астраханскій царь, узнавъ о прибытіи русскаго войска, убѣжалъ безъ сраженія, и воеводы, посланные на его станъ, не были въ состояніи настигнуть его. Астраханское войско большею частью разбѣжалось въ разныя стороны, царское семейство попалось въ плѣнъ, пушки и пищали очутились также въ русскихъ рукахъ. Воеводы, согласно своему наказу, посадили на астраханскій престолъ царевича Дербыша, а пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ астраханцевъ привели, по ихъ желанію, къ присягѣ. Послѣ этого вельможи астраханскіе (князья, мирзы и уланы) присягнули вмѣстѣ съ простыми людьми, «на томъ, что имъ царю и великому князю и Дербышъ-Алею царю служити прямо и полонъ русскій весь отдати, откуда ни веденъ и въ которой ни буди ордѣ купленъ»; послѣ же Дербыша, кого имъ изъ Москвы назначатъ царемъ, «тотъ имъ любъ». Самъ Дербышъ обязался посылать въ Москву ежегодно 40,000 алтынъ и три тысячи рыбъ; кромѣ того, великокняжескіе рыболовы получили право ловить рыбу отъ Казани до моря «безданно и безъявочно» вмѣстѣ съ астраханскими ловцами.

Хотя Дербышъ и оставался царемъ въ Астрахани, но въ Москвѣ не могли обманываться относительно его чувствъ: съ самаго начала уже было

ясно, въ какую сторону склоняются симпатіи этого данника. Дербышъ сознавалъ себя слишкомъ магометаниномъ и татарскимъ царевичемъ, чтобы быть во враждѣ со своимъ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ сосѣдомъ, крымскимъ ханомъ, и оставаться постояннымъ данникомъ отдаленнаго христіанскаго государя среди своихъ мусульманскихъ подданныхъ. Поэтому онъ постарался завязать дружескія сношенія съ Крымомъ, принявъ къ себѣ на службу крымскаго царевича. Крымскій-же ханъ въ это время (приблизительно лѣтомъ 1555 г.) задумывалъ походъ на Москву. Чтобы предпріятіе лучше удалось, ханъ въ концѣ мая прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ русскимъ посломъ своего гонца и писалъ царю о своемъ желаніи быть съ Россіею въ дружбѣ, для чего будто-бы онъ уже отправилъ своего посла. Поступалъ онъ такимъ образомъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы обнадежить царя, дабы не было предпринято никакихъ мѣръ на случай ханскаго вторженія. Предъ самымъ походомъ ханъ распустилъ слухъ, что идетъ на пятигорскихъ черкесовъ, которые незадолго передъ этимъ вступили въ подданство Россіи, а на самомъ дѣлѣ съ 60,000 войскомъ вторгнулся въ русскіе предѣлы. Но успѣхъ предпріятія далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ хана и его приготовленіямъ. Въ Москвѣ хорошо знали давній обычай крымскаго царя «инуды лукъ натянуть, а инуды стрѣлять»; поэтому ханъ не засталъ въ расплохъ русскихъ, которые собрались довольно скоро и подъ начальствомъ царя направились къ Тулѣ. Когда крымскій ханъ, который былъ уже ослабленъ сраженіемъ съ русскимъ отрядомъ, посланнымъ было на помощь пятигорскимъ черкесамъ, узналъ объ этомъ движеніи царя, то поспѣшилъ возвратиться домой. Эти событія не помѣшали, однако, Россіи выслать довольно значительный отрядъ на Волгу, съ порученіемъ его предводителю беречь Астрахань, надзирать за царемъ Дербышемъ и охранять перевозы на Волгѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что дальше оставлять дѣла въ такомъ положеніи не слѣдовало, когда отношенія Россіи къ Крыму были натянуты, а возстаніе въ Казанской области, не смотря на усиліе правительства, не уменьшалось.

Зимою 1556 года прибыли въ Москву ногайскіе послы отъ князя Измаила и отъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ ордѣ мирзъ съ грамотами и челобитіемъ, «чтобъ ихъ государь оборонилъ отъ Дербыша и учинилъ бы въ Астрахани своихъ людей, такъ же, какъ и въ Казани, потому что онъ не прямитъ великому князю и имъ подѣлалъ нужи великія». Вслѣдъ за этимъ явился и другой посолъ отъ Измаила съ грамотою, въ которой онъ подтверждалъ извѣстіе о союзѣ Дербыша съ крымскимъ ханомъ. Въ послѣдней своей грамотѣ Измаилъ настоятельно проситъ царя прислать раннею весною русское войско на Астрахань, предупреждая при этомъ, что если такимъ образомъ не будетъ поступлено, то Астраханцы съ царемъ Дербышомъ «на лѣто пристанутъ къ Крыму». На случай-же предположенія, «что Астрахани безъ царя и безъ татаръ нельзя быти», Измаилъ совѣтуетъ сдѣлать царемъ служилаго астраханскаго царевича Кайбулу. Царь поспѣшилъ успокоить Измаила грамотою, которою увѣдомлялъ его, что весною пошлетъ большое войско, чтобы покончить съ Астраханью; при этомъ обѣщалъ также и ему послать 200 стрѣльцовъ. Дербышъ между тѣмъ рѣшился открыто выступить противъ Россіи: онъ соединился съ крымскимъ ханомъ и принудилъ московскаго посла вмѣстѣ съ другими русскими, находившимися въ Астрахани, уйти. Обо всемъ этомъ Измаилъ

далъ знать царю, причемъ увѣдомлялъ его, что самъ онъ пошелъ на Астрахань и просилъ поспѣшить присылкою русскаго войска. При подобныхъ условіяхъ медлить было нельзя; поэтому въ Москвѣ поспѣшили отпустить Измаилова посла съ вѣстью, что русское войско на дняхъ выступитъ къ Астрахани. Для подкрѣпленія-же Измаила подъ Астраханью отпустили съ его посломъ 50 человѣкъ пищальниковъ, да полемъ послано было на Волгу 500 казаковъ подъ начальствомъ атамана Ляпуна Филимонова. Въ томъ-же мѣсяцѣ отправлено было на Астрахань и главное русское войско, состоявшее преимущественно изъ стрѣльцовъ. Дербышъ съ своей стороны тоже старался приготовиться къ войнѣ съ Россіею: уже весною крымскій ханъ прислалъ ему для защиты пушекъ и отрядъ войска въ 1,000 человѣкъ, въ составъ котораго входило и 300 янычаръ съ пищалями. Но немного сопротивленія оказалъ Россіи послѣдній царь астраханскій. Когда русскіе подошли къ Астрахани, то опять нашли городъ пустымъ: царь и его подданные бѣжали изъ города, такъ что русскія войска свободно заняли Астрахань, укрѣпили ее и утвердили за Россіею. Оказалось, что еще до прихода русскаго войска приходилъ на Астрахань атаманъ Ляпунъ съ казаками, который побилъ и плѣнилъ здѣсь множество людей, почему жители и разбѣжались изъ города. Самого-же Дербыша съ войскомъ русскіе лишь послѣ поисковъ настигли въ двадцати верстахъ отъ Астрахани. Здѣсь Дербышъ, не взирая на поддержку крымцевъ и ногайскихъ мирзъ, послѣ нѣсколькихъ сраженій уже сталъ сноситься съ предводителемъ русскаго войска и просить о милости, говоря, «что онъ государю измѣнилъ неволею», при чемъ клялся возвратиться въ городъ вмѣстѣ съ астраханцами и служить государю. Замѣчательно со стороны Дербыша признаніе объ измѣнѣ Россіи «неволею»; оно окажется совершенно справедливымъ, если принять во вниманіе тѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ находился и долженъ былъ дѣйствовать. Представитель магометанскаго царства, самъ царевичъ магометанскій, окруженный подданными магометанами, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними магометанскими царствами и ордами, онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ данникомъ христіанскаго государя, который жилъ довольно далеко отъ него! Свыше силъ его было удержаться при подобныхъ условіяхъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ и наблюдать интересы русскаго царя среди магометанскихъ общественныхъ союзовъ и между своими мусульманскими подданными. Астраханцы («черные люди») возвратились въ городъ и умоляли простить ихъ, говоря, что они шли противъ русскихъ «неволей: водилъ ихъ царь и князи». Впослѣдствіи явились въ Астрахань къ русскимъ воеводамъ князья, мирзы, шейхи и черные люди и присягнули Россіи. Имъ роздали острова и пашни «по старинѣ», съ обязанностью чернымъ людямъ платить ясаки, какъ платили прежнимъ царямъ.

Вмѣстѣ съ присоединеніемъ Астрахани завязываются сношенія между Россіею и новыми ея сосѣдями. Въ Астрахани-же, какъ и въ остальныхъ городахъ русскихъ, водворяются воеводы, управляющіе ею по наказу, которымъ снабжали ихъ въ московскомъ приказѣ. Видно, царь рѣшился на этотъ разъ покончить съ Астраханью и не назначалъ туда болѣе никакого царевича, находя это излишнимъ.

Послѣ завоеванія Астрахани устье Волги закрѣплено было за Россіею, вслѣдствіе чего Волга стала окончательно рѣкою Русскаго государства. Такимъ образомъ все Поволжье отъ Казани до Астрахани, со всѣми сво-

ими естественными богатствами для земледѣльческаго и промысловаго занятій, стало достояніемъ русскихъ людей, которымъ до сихъ поръ открытъ былъ лишь суровый сѣверовостокъ съ скудною своею природою, куда поэтому преимущественно и двигались «неписьмянные и нетяглые» люди изъ русскаго общества, рубившіе здѣсь вѣковые лѣса и разчищавшіе пространство для жилищъ и для пашни. Они располагались иногда вдали отъ всякаго жилья и угодій, на мѣстахъ, гдѣ «отъ вѣка не бывали дворы и пашни», за что отъ правительства получали на нѣсколько лѣтъ льготы относительно уплаты податей, долговъ, самоуправленія и пр. Почти до самаго завоеванія Казани русскіе люди принуждены были направляться въ бѣдныя, негостепріимныя и слабонаселенныя сѣверовосточныя страны. Вслѣдъ за присоединеніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ сюда возобновляется движеніе русскаго народа, прерванное и надолго остановленное татарскимъ нашествіемъ.

XIV. ПЕРЕМѢНА ВЪ ІОАННѢ, РАЗРЫВЪ ЕГО СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ И НАЧАЛО ЭПОХИ КАЗНЕЙ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Мы видѣли, какое сильное впечатлѣніе на воспріимчивую, страстную природу Іоанна произвело страшное бѣдствіе, постигшее Москву въ 1547 году. Сильная набожность, которая замѣтна въ Іоаннѣ во все продолженіе его жизни, содѣйствовала тому, что онъ такъ легко принялъ религіозныя внушенія отъ лица духовнаго, священника Сильвестра; съ другой стороны—ненависть къ вельможамъ, которою онъ напитался во время малолѣтства, облегчала доступъ къ нему человѣку, не принадлежавшему по происхожденію своему и сану къ вельможамъ. Самъ Іоаннъ говоритъ, что это именно побужденіе заставило его приблизить къ себѣ Сильвестра, то же побужденіе заставило его облечь полною довѣренностью и Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ: но здѣсь уже, мимо всякихъ другихъ отношеній, необходимо было непріязненное столкновеніе между ними. Привыкнувъ требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ Іоанна, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не хотѣлъ своихъ государственныхъ мыслей приносить въ жертву тому уваженію, которое питалъ къ нравственнымъ достоинствамъ Сильвестра. Отсюда тягость, которую началъ чувствовать Іоаннъ отъ притязаній послѣдняго. Напримѣръ, Іоаннъ принялъ твердое намѣреніе покорить Ливонію; это было намѣреніе, которое сдѣлалось послѣ того постояннымъ господствующимъ стремленіемъ Іоанновыхъ преемниковъ, намѣреніе, за которое Петръ Великій благоговѣлъ предъ Іоанномъ. Но противъ этого намѣренія возстали бояре и особенно Сильвестръ; вмѣсто покоренія Ливоніи они совѣтовали царю покорить Крымъ. Іоаннъ не соглашался и продолжалъ войну ливонскую. Какъ же поступилъ Сильверстъ въ этомъ случаѣ?

Онъ сталъ внушать Іоанну, что всѣ непріятности, которыя послѣ того его постигли, болѣзни его самаго, жены, дѣтей, суть Божія наказанія за то, что онъ не слушался его совѣтовъ, продолжалъ воевать съ ливонцами. Безспорно, Сильвестръ былъ вообще человѣкъ благонамѣренный, мужъ строгаго благочестія, что особенно и давало ему власть надъ набожнымъ Іоанномъ; безъ сомнѣнія, и противъ войны ливонской онъ выставлялъ благовидныя причины: вмѣсто того, чтобъ воевать съ христіанами, слабыми, безвредными, лучше воевать съ невѣрными, безпрестанно опустошающими границы государства и т. п.; но въ то же время, какъ изъ знаменитаго Домостроя, такъ и изъ другихъ извѣстій, мы видимъ, что это былъ человѣкъ, иногда предававшійся мелочамъ. Такъ, взявшись управлять совѣстью, нравственнымъ поведеніемъ молодаго царя, онъ входилъ въ этомъ отношеніи въ ненужныя подробности, что должно было также раздражать Іоанна. Природа послѣдняго, безспорно, требовала сильнаго сдерживанія; но при этомъ сдерживаніи нужна была большая осторожность, нужна была мѣра. Не смотря однако на непріятныя столкновенія по причинѣ разности взглядовъ на дѣла политическія, Іоаннъ, безъ сомнѣнія, не поколебался бы въ своей довѣренности и привязанности къ Сильвестру и Адашеву, еслибъ продолжалъ вѣрить въ полную привязанность ихъ къ своей особѣ и къ своему семейству. Но несчастный случай заставилъ Іоанна потерять эту вѣру. Въ 1553 году, вскорѣ послѣ возвращенія изъ казанскаго похода, онъ опасно занемогъ: ему предложили (вѣроятно, братья царицы) написать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу Димитрію, съ двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича Старицкаго и бояръ. Удѣльный князь не замедлилъ выставить права свои на престолъ по смерти Іоанна, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ московскіе князья. Когда нѣкоторые вѣрные Іоанну и его семейству люди вооружились за это противъ Владиміра, Сильвестръ принялъ сторону послѣдняго, а отецъ другаго любимца Іоаннова, окольничій Ѳеодоръ Адашевъ, прямо объявилъ себя противъ Димитрія въ пользу Владиміра. Для объясненія этого явленія припомнимъ, что Сильвестръ и Адашевъ, пользуясь неограниченною довѣренностью царя въ выборѣ людей, необходимо, еслибы даже и не хотѣли того, должны были составить, при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія, многочисленную и сильную партію людей, которые, будучи обязаны имъ своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ ними ихъ стремленія. Такъ извѣстно, что Іоаннъ, избирая какого нибудь сановника духовнаго, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы; въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ такое же вліяніе на выборъ людей имѣлъ Алексѣй Адашевъ. Многіе изъ вельможъ, князей, видя невозможность дѣйствовать самостоятельно при рѣшительномъ отвращеніи къ нимъ Іоанна, примкнули къ числу совѣтниковъ Сильвестра и Адашева. Лѣтописецъ прямо говоритъ о давней и тѣсной дружбѣ Сильвестра съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; Іоаннъ, въ перепискѣ своей съ Курбскимъ, славнымъ единомышленникомъ Сильвестра, называетъ кн. Димитрія Курлятева, бывшаго прежде въ числѣ соумышленниковъ Шуйскаго; любопытно также, что скоро послѣ московскихъ пожаровъ, когда вліяніе Сильвестра особенно усилилось, Іоаннъ женилъ роднаго брата своего, Юрія, на дочери кн. Палецкаго, также одного изъ главныхъ совѣтни-

ковъ Шуйскаго, и подвергшагося за это прежде опалѣ. Вліяніе Сильвестра и совѣтниковъ его могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ: отсюда ненависть совѣтниковъ Сильвестровыхъ къ царицѣ Анастасіи и ея братьямъ, ненависть, могшая вызвать и со стороны послѣднихъ подобное же чувство. Совѣтники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустомъ Сильвестра; Курбскій называетъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ, въ случаѣ смерти царя и малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ: совѣтники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наслѣдникомъ престола князя Владиміра Андреевича. Оставшійся вѣрнымъ Іоанну кн. Владиміръ Воротынскій и дьякъ Иванъ Висковатый начали говорить удѣльному князю, чтобъ онъ не упрямился и крестъ цѣловалъ племяннику: князь Владиміръ Андреевичъ сильно разсердился и сказалъ Воротынскому: «Ты бы со мной не бранился и не указывалъ и противъ меня не говорилъ». И была между боярами брань большая, крикъ, шумъ. Больной царь началъ имъ говорить: «Если вы сыну моему Дмитрію креста не цѣлуете, то значитъ у васъ другой государь есть; а вѣдь вы цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ, что мимо насъ другихъ государей вамъ не искать. Я васъ привожу къ крестному цѣлованію, велю вамъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинымъ; я съ вами говорить не могу много; вы души свои забыли, намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните; а кто не хочетъ служить государю младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить; и если мы вамъ ненадобны, то это на вашихъ душахъ». На это отозвался кн. Иванъ Михайловичъ Шуйскій. Онъ придумалъ отговорку: «Намъ нельзя цѣловать крестъ не передъ государемъ; передъ кѣмъ намъ цѣловать, когда государя тутъ нѣтъ?». Прямѣе высказался окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца: что было у него на душѣ больше, чѣмъ у другихъ, то и вылилось: «Тебѣ государю и сыну твоему царевичу, князю Дмитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ не служить; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данила съ братьею; а мы ужъ отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія». И былъ мятежъ большой, шумъ и рѣчи многія во всѣхъ боярахъ: не хотятъ младенцу служить. Но къ вечеру поцѣловали крестъ Димитрію многіе бояре. Но Петръ Щенятевъ-Патрикѣевъ, Семенъ Ростовскій и Иванъ Турунтай-Пронскій, трое этихъ князей, продолжали говорить: «Вѣдь нами владѣть Захарьинымъ; и чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ и служить намъ государю молодому, такъ мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру Андреевичу». Царь велѣлъ написать цѣловальную запись, на которой приводить къ присягѣ князя Владиміра Андреевича. Владиміръ прямо отрекся цѣловать крестъ; тогда Іоаннъ сказалъ ему: «Знаешъ самъ, что станется на твоей душѣ, если не хочешъ крестъ цѣловать; мнѣ до того дѣла нѣтъ». Потомъ, обратившись къ боярамъ, поцѣловавшимъ крестъ, Іоаннъ сказалъ: «Бояре! Я боленъ, мнѣ ужъ не до того; а вы на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте». Бояре, поцѣловавшіе крестъ, начали уговаривать

къ тому же и другихъ; но тѣ отвѣчали имъ жестокою бранью: «Вы хотите владѣть, а мы вамъ должны будемъ служить; не хотимъ вашего владѣнья!» кричали они. А между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ и его мать собирали своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ жалованье. Присутствовавшіе бояре стали говорить Владиміру, что онъ и его мать поступаютъ неприлично: государь боленъ, а они людямъ своимъ деньги раздаютъ; Владиміръ сильно разсердился за это на бояръ, а тѣ стали его беречься, не стали часто пускать къ больному государю. Тутъ услыхали и Сильвестра, молчавшаго до тѣхъ поръ; онъ сталъ говорить присягнувшимъ боярамъ: «Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? Онъ государю добра хочетъ!» Бояре отвѣчали: «Мы дали присягу государю и сыну его, по этой присягѣ и дѣлаемъ такъ, какъ бы ихъ государству было крѣпче». Съ этихъ поръ пошла вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его совѣтниками. На другой день Іоаннъ призвалъ всѣхъ бояръ и началъ имъ говорить, чтобъ они присягали сыну его, царевичу Димитрію, и присягали бы въ передней избѣ, потому что онъ очень боленъ и приводить ихъ къ присягѣ при себѣ ему очень тяжело; вмѣсто себя онъ велѣлъ присутствовать при крестномъ цѣлованіи боярамъ—князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ товарищами. Присягнувшимъ боярамъ Іоаннъ сказалъ: «Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить; а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть: такъ если станется надо мною воля Божія, умру я, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали, не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ. А вы, Захарьины, чего испугались? Или думаете, что бояре васъ пощадятъ? Вы отъ нихъ будете первые мертвецы: такъ вы-бы за сына и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали».

Слова Іоанна о будущей судьбѣ своего семейства, когда Владиміръ сдѣлается царемъ, испугали бояръ, увидавшихъ какія мысли на душѣ у больнаго, и къ чему могутъ повести такія мысли, если больной выздоровѣетъ. Испугавшись этихъ жесткихъ словъ, по выраженію лѣтописца, бояре пошли въ переднюю избу цѣловать крестъ. Но какъ нѣкоторые изъ присягнувшихъ хотѣли выполнять свою присягу, показалъ кн. Димитрій Палецкій: не смотря на свою присягу, онъ послалъ сказать Владиміру Андреевичу и матери его, что если они дадутъ зятю его, царскому брату князю Юрію (не могшему, по состоянію умственныхъ способностей, чѣмъ либо управлять) и женѣ его удѣлъ, назначенный въ завѣщаніи великаго князя Василія, то онъ, Палецкій, не будетъ противиться возведенію князя Владиміра на престолъ и готовъ ему служить.

И съ тѣхъ поръ пошла вражда, между боярами смута, а царству во всемъ скудость, говоритъ лѣтопись. Іоаннъ выздоровѣлъ. Мы видѣли, какія чувства къ боярамъ вынесъ онъ изъ своего малолѣтства; эти чувства высказываются ясно вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ: въ рѣчи къ собору архіерейскому, въ рѣчи къ народу съ Лобнаго мѣста; самъ Іоаннъ признается, что нерасположеніе его къ боярамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева; Курбскій говоритъ, что на третій день послѣ взятія Казани, разсердившись на одного изъ воеводъ, Іоаннъ сказалъ: «Теперь оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ». Понятно, какъ должно было усилиться это враждебное чувстве послѣ болѣзни. Но всего

болѣе должны были поразить Іоанна бездѣйствіе, молчаливая присяга Алексѣя Адашева, явное сопротивленіе отца его Федора, явное заступничество Сильвестра за князя Владиміра, слова, что послѣдній добра хочетъ государю. Питая враждебное чувство къ вельможамъ, не довѣряя имъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ двоихъ людей, обязанныхъ ему всѣмъ, на благодарность которыхъ, слѣдовательно, онъ могъ положиться, и, что всего важнѣе, эти люди овладѣли его довѣренностью не вслѣдствіе ласкательствъ, угожденій; онъ не любилъ этихъ людей только какъ пріятныхъ слугъ, онъ уважалъ ихъ какъ людей высоконравственныхъ, смотрѣлъ на нихъ не какъ на слугъ, но какъ на друзей, одного считалъ отцомъ. И эти-то люди изъ вражды къ женѣ его и къ ея братьямъ, не желая видѣть ихъ господства, соединяются съ его врагами, не хотятъ видѣть на престолѣ сына его, обращаются къ удѣльному князю, двоюродному брату. Но Іоаннъ очень хорошо зналъ, какая участь ожидаетъ его семейство при воцареніи Владиміра, который долженъ будетъ смотрѣть на маленькаго Димитрія, какъ на самаго опаснаго для себя соперника, а извѣстно было, какъ московскіе князья, предки Іоанновы, отдѣлывались отъ своихъ опасныхъ соперниковъ, отъ князей родичей; у Владиміра передъ глазами была участь его отца и роднаго дяди. Понятно слѣдовательно, почему Іоаннъ умолялъ вѣрныхъ бояръ бѣжать съ его женою и ребенкомъ въ чужія земли, умолялъ Захарьиныхъ положить головы свои прежде, чѣмъ дать жену его на поруганіе боярамъ. Понятно, какъ Іоаннъ долженъ былъ смотрѣть на людей, ведшихъ семейство его прямо къ гибели, а въ числѣ этихъ людей онъ видѣлъ Сильвестра и Адашева. Лѣтописецъ справедливо говоритъ, что съ тѣхъ поръ пошла вражда; но лѣтописецъ не говоритъ намъ о непосредственномъ выраженіи этой вражды, о скорой мести: тяжелыя чувства затаились пока на днѣ души; выздоровленіе, неожиданное, чудесное избавленіе отъ страшной опасности, располагали къ чувству иному, радость, благодарность къ Богу противодѣйствовали чувству мести къ людямъ. Съ другой стороны, надобно было начать дѣло тяжелое, порвать установившіяся уже отношенія; тронуть одного—значило тронуть всѣхъ; тронуть одного изъ пріятелей Сильвестра и Адашева, значило тронуть ихъ самихъ, а это, по прежнимъ отношеніямъ, было очень трудно, къ этому вовсе не были приготовлены, трудно было начать борьбу противъ вождей многочисленной стороны, обступавшей престолъ, не имѣя людей, которыхъ можно было бы противопоставить ей, на которыхъ можно было бы опереться. Наконецъ, при явномъ, рѣшительномъ дѣйствіи, что можно было выставить противъ Сильвестра и Адашева? Они не подавали голоса противъ Димитрія въ пользу Владиміра Андреевича.

Іоаннъ далъ обѣтъ во время болѣзни по выздоровленіи ѣхать на богомолье въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь и дѣйствительно въ началѣ весны отправился въ путь вмѣстѣ съ женою и сыномъ; но малютка на дорогѣ умеръ. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ членовъ Сильвестровой стороны, Курбскій, оставилъ намъ любопытныя извѣстія объ этой кирилловской поѣздкѣ, во время которой, заѣхавъ въ Пѣсношскій монастырь, Іоаннъ встрѣтился съ монахомъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, Вассіаномъ Топорковымъ. Іоаннъ, помня, что Топорковъ былъ любимъ отцомъ его, зашелъ къ нему въ келью и спросилъ: «Какъ долженъ я царствовать, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи?» Вассіанъ

прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ». Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: «Если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ!». Такъ, по мнѣнію Курбскаго съ товарищами, долженъ былъ говорить монахъ Іосифова монастыря, любимецъ великаго князя Василія, и догадка ихъ могла быть справедлива; говоримъ—догадка, ибо шепчутъ на ухо не для того, чтобъ другіе слышали. Курбскій говоритъ, что отъ сатанинскаго силлогизма Топоркова произошла вся бѣда, т. е. перемѣна въ поведеніи Іоанна; но мы видимъ, что лѣтописецъ болѣе безпристрастный указываетъ начало бѣды въ событіяхъ, происходившихъ во время болѣзни Іоанновой, тогда какъ Курбскій заблагоразсудилъ умолчать объ этихъ событіяхъ. Оба показанія впрочемъ могутъ быть легко соединены. Іоаннъ подъ впечатлѣніемъ событій, происходившихъ во время болѣзни его, могъ именно желать свиданія съ Вассіаномъ, приверженцемъ отца его и противникомъ вельможъ, и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ могъ слушать его бесѣды, которыя, конечно, не могли клониться въ пользу совѣтниковъ Сильвестровыхъ. Но какъ бы то ни было, и Курбскій не указываетъ на немедленныя слѣдствія совѣта Вассіанова; онъ самъ говоритъ, что Іоаннъ и послѣ свиданія съ Вассіаномъ не мало лѣтъ царствовалъ хорошо, хотя—съ другой стороны—уже въ 1554 г. мы видимъ значительное движеніе недовольныхъ. Въ числѣ князей, не хотѣвшихъ присягать Дмитрію, былъ кн. Семенъ Ростовскій, который хотѣлъ бѣжать и по этому поводу пересылался съ Литвою, за что сосланъ былъ на Бѣлоозеро въ тюрьму. Князь Семенъ извинялся малоумствомъ, лѣтописцы также не говорятъ о побужденіяхъ его къ отъѣзду; но само правительство объясняетъ эти причины въ наказѣ послу, отправленному въ Литву. «Если станутъ его спрашивать о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго, то говорить: «Пожаловалъ его государь боярствомъ для отечества, а самъ онъ не дороденъ, въ разумѣ простъ и на службу не годится; однако захотѣлъ, чтобъ государь пожаловалъ его наравнѣ съ дородными; государь его такъ не пожаловалъ, а онъ, разсердившись по малоумству, началъ со всякими иноземцами говорить непригожія рѣчи про государя и про землю, чтобъ государю досадить; государь вины его сыскалъ, что онъ государя со многими землями ссорилъ, и за то велѣлъ его казнить. А станутъ говорить, что съ княземъ Семеномъ хотѣли отъѣхать многіе бояре и дворяне—отвѣчать: «Къ такому дураку добрый кто пристанетъ? Съ нимъ хотѣли отъѣхать только родственники его, такіе же дураки». Іоаннъ жалуется въ письмѣ къ Курбскому, что послѣ этого Сильвестръ съ своими совѣтниками держалъ князя Семена въ великомъ береженіи, помогалъ ему всякими благами, и не только ему, но всему роду его.

Въ 1560 году видимъ удаленіе Сильвестра и Адашева отъ двора. И удаленіе Сильвестра немного болѣе уяснено въ памятникахъ, какъ и появленіе его при Іоаннѣ. Когда царь, говоритъ Курбскій, оборонился храбрыми воеводами своими отъ враговъ окрестныхъ, то платитъ оборонителямъ зломъ за добро. Какъ же онъ это начинаетъ? Вотъ какъ: прежде всего отгоняетъ отъ себя Сильвестра и Адашева, ни въ чемъ предъ нимъ

невиноватыхъ, отворивши оба уха презлымъ ласкателямъ своимъ, шурьямъ и другимъ съ ними, которые заочно клеветали ему на этихъ святыхъ мужей. Зачѣмъ же они это дѣлали? Затѣмъ, да не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣть, судъ неправедный судить, посулы брать и другія злости плодить, пожитки свои умножать. Что же они клевещутъ и шепчутъ на ухо? Тогда умерла у царя жена: вотъ они и сказали, что извели ее тѣ мужи, Сильвестръ и Адашевъ. Царь повѣрилъ. Услыхавъ объ этомъ, Сильвестръ и Адашевъ начали умолять, то черезъ письма, то черезъ митрополита, чтобъ дана была имъ очная ставка съ клеветниками: «Неотрицаемся, писали они, и смерти, если будемъ обличены; но да будетъ судъ явственный передъ тобою и передъ всею думою твоею». Что же умышляютъ клеветники? Писемъ не допускаютъ до царя, митрополиту запрещаютъ и грозятъ, царю говорятъ: «Если допустишь ихъ къ себѣ на очи, то очаруютъ они тебя и дѣтей твоихъ; притомъ все войско и народъ любитъ ихъ больше, чѣмъ тебя самого, побьютъ тебя и насъ камнями. Но если даже этого не будетъ, то свяжутъ тебя опять и покорятъ себѣ въ неволю. Такъ они тебя до сихъ поръ держали въ оковахъ, по ихъ приказу ты пилъ и ѣлъ и съ женою жилъ, не давали они тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ большомъ, ни въ маломъ, не давали тебѣ ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Еслибъ не они были при тебѣ, и тебя не держали какъ уздою, то ты бы уже мало не всею вселенною обладалъ. Теперь, когда ты отогналъ ихъ отъ себя, то пришелъ въ свой разумъ, отворилъ себѣ очи, смотришь свободно на все свое царство и самъ единъ управляешь имъ». Царь хвалитъ совѣтъ, начинаетъ любить совѣтниковъ, связываетъ себя и ихъ клятвами, вооружаясь какъ на враговъ, на мужей неповинныхъ и на всѣхъ добрыхъ, добрахотящихъ ему и души за него полагающихъ. И что жь прежде всего дѣлаетъ? Собираетъ соборъ изъ бояръ и духовенства, присоединяетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ монаховъ, Михаила Сукина, издавна знаменитаго злобою, Вассіана неистоваго и другихъ, исполненныхъ лицемѣрія и безстыдства, сажаетъ ихъ близъ себя, съ благодарностью слушаетъ ихъ, клевещущихъ на святыхъ. Что же дѣлаютъ на этомъ соборѣ? Читаютъ вины вышесказанныхъ мужей заочно. Митрополитъ говоритъ: «Надобно привести обвиненныхъ сюда, чтобъ выслушать, что они будутъ отвѣчать на обвиненія». Всѣ добрые были согласны съ нимъ; но ласкатели вмѣстѣ съ царемъ завопили: «Нельзя этого сдѣлать, потому что они вѣдомые злодѣи и волшебники великіе, очаруютъ царя и насъ погубятъ, если придутъ». И такъ судили ихъ заочно. Сильвестра заточили на островъ, что на Ледовитомъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, лежащій на краю Корельскаго языка, въ Лопи дикой. Адашевъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда въ нововзятый городъ въ Ливоніи, гдѣ назначается воеводою, но ненадолго: когда враги его услыхали, что и тамъ Богъ помогаетъ ему, потому что многіе города ливонскіе хотѣли поддаться ему по причинѣ его доброты, то прилагаютъ клеветы къ клеветамъ, и царь приказываетъ перевести его въ Дерптъ и держать подъ стражею. Черезъ два мѣсяца онъ занемогъ здѣсь горячкою и умеръ; тогда клеветники возопили царю: „Измѣнникъ твой отравился". А Сильвестръ еще прежде, чѣмъ изгнанъ былъ, увидавши, что царь не по Богѣ всякія вещи начинаетъ, претилъ ему и наставлялъ много, но онъ отнюдь не внималъ, и къ ласкателямъ

умъ и уши преклонилъ; тогда пресвитеръ, видя, что царь уже отвратилъ отъ него свое лицо, отошелъ въ монастырь, во ста миляхъ отъ Москвы лежащій, и тамъ, постригшись въ монахи, провождалъ чистое житіе. Но клеветники, услыхавъ, что монахи тамошніе держатъ его въ чести, изъ зависти и изъ боязни, чтобъ царь, узнавъ объ этомъ, не возвратилъ его къ себѣ, схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что соборомъ осудили его.

И такъ, по разсказу Курбскаго, сперва выходитъ, что дѣло началось отгнаніемъ Сильвестра и Адашева, что это отгнаніе послѣдовало по смерти царицы Анастасіи, вслѣдствіе клеветы въ отравѣ; а потомъ вдругъ узнаемъ, что Сильвестръ еще прежде самъ удалился и постригся, что враги его потомъ, изъ зависти и страха, составили клевету, осудили заочно и отправили въ Соловки. Слѣдовательно дѣло началось не клеветою въ отравѣ, а прежде; Сильвестръ ушелъ, увидавъ, что царь отвратилъ отъ него лице свое. Что же заставило Іоанна отвратить лицо отъ Сильвестра, объ этомъ Курбскій не говоритъ, и, перемѣшавши порядокъ событій какъ бы намѣренно, поставивши позади то, что должно быть напереди, чтобъ замять дѣло, обмануть читателя, удовлетворить его одною причиною, тогда какъ надобно было выставить двѣ, лишилъ себя довѣренности, показалъ, что или не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить причины нерасположенія царя къ Сильвестру, которое заставило послѣдняго удалиться. Объ Адашевѣ Курбскій говоритъ, что онъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда, назначается въ Феллинъ воеводою уже послѣ смерти царицы Анастасіи; но извѣстно, что Адашевъ еще въ маѣ 1560 года отправленъ былъ въ походъ на Ливонію въ третьихъ воеводахъ въ большомъ полку. Посмотримъ, разсказъ царя Іоанна не будетъ ли удовлетворительнѣе, при чемъ прежде всего замѣтимъ, что царь, оправдывая свои жестокости, никогда не отрицаетъ ихъ; слѣдовательно мы имѣемъ право полагаться на его слова. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ къ Курбскому, перечисляя вины Сильвестра и Адашева: «Видя измѣны отъ вельможъ, мы взяли вашего начальника, Алексѣя Адашева, отъ гноища и сравняли его съ вельможами, ожидая отъ него прямой службы. Какими почестями и богатствами осыпали мы его самого и родъ его! Потомъ для духовнаго совѣта и спасенія души взялъ я попа Сильвестра, думая, что онъ, предстоя у престола владычнаго, побережетъ души своей: онъ началъ хорошо, и я ему, для духовнаго совѣта, повиновался; но потомъ онъ восхитился властью и началъ совокупляться въ дружбу (составлять себѣ партію) подобно мірскимъ. Подружился онъ съ Адашевымъ и начали совѣтоваться тайкомъ отъ насъ, считая насъ слабоумными, мало по малу начали они всѣхъ васъ бояръ въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть, честью равняя васъ съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ приравнивая къ вамъ; начали причитать васъ къ вотчинамъ, городамъ и селамъ, которые, по уложенію отца нашего, отобраны у васъ: они это уложеніе разрушали, чѣмъ многихъ людей къ себѣ привязали. Единомышленника своего князя Димитрія Курлятева ввели къ намъ въ синклитію и начали злой совѣтъ свой утверждать: ни одной волости не оставили, гдѣ бы своихъ угодниковъ не посадили; втроемъ съ Курлятевымъ начали рѣшать и мѣстническія дѣла; не докладывали намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было; наши мнѣнія и разумныя они отвергали, а ихъ и дурные совѣты были

хороши. Такъ было во внѣшнихъ дѣлахъ; во внутреннихъ же мнѣ не было ни въ чемъ воли: сколько спать, какъ одѣваться, все было ими опредѣлено, а я былъ какъ младенецъ. Но развѣ это противно разуму, что въ лѣтахъ совершенныхъ не захотѣлъ я быть младенцемъ? Потѣмъ вошло въ обычай, что я не смѣлъ слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ его совѣтниковъ, а совѣтники его могли говорить мнѣ, что имъ было угодно, обращались со мной не какъ со владыкою или даже съ братомъ, но какъ съ низшимъ; кто насъ послушается, сдѣлаетъ по нашему, тому гоненіе и мука; кто раздражитъ насъ—тому богатство, слава и честь; попробую прекословить—и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа то моя погибнетъ, и царство разорится. И тако́е утѣсненіе увеличивалось не день ото дня, но часъ отъ часу. Когда мы съ христіанскою хоругвію двинулись на безбожный языкъ казанскій, получили надъ нимъ побѣду и возвращались домой, то какое доброхотство оказали намъ люди, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ малымъ числомъ людей сквозь безбожную и невѣрную землю! Когда, по возвращеніи въ Москву, я занемогъ, то доброхоты эти возшатались какъ пьяные съ Сильвестромъ и Адашевымъ, думая, что насъ ужъ нѣтъ, забывъ благодѣянія наши и свои души, потому что отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, что кромѣ нашихъ дѣтей другаго государя себѣ не искать; они хотѣли воцарить далекаго отъ насъ въ колѣнѣ князя Владиміра, а младенца нашего погубить, воцаривъ князя Владиміра. Если при жизни нашей мы отъ своихъ подвластныхъ насладились такого доброхотства, то что будетъ послѣ насъ? Когда мы выздоровѣли, Сильвестръ и Адашевъ не перемѣнили своего поведенія: на доброжелателей нашихъ подъ разными видами умышлялись гоненія, князю Владиміру во всемъ потакали, на царицу нашу Анастасію сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ, а про дѣтей нашихъ тяжело имъ было и вспомянуть. Когда князь Семенъ Ростовскій измѣнилъ, и мы наказали его съ милостью, то Сильвестръ съ вами, злыми совѣтниками своими, началъ его держать въ великомъ береженіи и помогать ему всякимъ добромъ, и не только ему, но и всему роду его. Такимъ образомъ измѣнникамъ нашимъ было хорошо, а мы терпѣли притѣсненіе. Началась война съ ливонцами: Сильвестръ съ вами, своими совѣтниками, жестоко на насъ за нее возставалъ. Заболѣю ли я, или царица, или дѣти—все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ. Какъ вспомню этотъ тяжкій обратный путь изъ Можайска съ больною царицею Анастасіею? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы, путешествія по святымъ мѣстамъ, приношенія и обѣты ко святынѣ о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи—всего этого мы были лишены лукавымъ умышленіемъ; о человѣческихъ же средствахъ, о лѣкарствахъ во время болѣзни и помину никогда не было. Пребывая въ такихъ жестокихъ скорбяхъ, не будучи въ состояніи сносить такой тягости, превышающей силы человѣческія, и сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева и всѣхъ его совѣтниковъ, мы наказали ихъ милостиво: смертною казнью не казнили никого, но по разнымъ мѣстамъ разослали. Попъ Сильвестръ, видя своихъ совѣтниковъ въ опалѣ, ушелъ по своей волѣ, и мы его отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотѣли судить его здѣсь: хочу судиться съ нимъ въ будущемъ вѣкѣ, предъ Агнцемъ Божіимъ. А сынъ его и до сихъ

поръ въ благоденствіи пребываетъ, только лица нашего не видитъ. А мірскихъ людей мы наказали по ихъ измѣнѣ: сначала смертною казнью не казнили никого; но всѣмъ приказано было отстать отъ Сильвестра и Адашева, не имѣть съ ними сообщенія, въ чемъ и взята была со всѣхъ присяга; но совѣтники ихъ, которыхъ ты называешь мучениками, приказъ нашъ и крестное цѣлованіе вмѣнили ни во что, не только не отстали отъ измѣнниковъ, но и больше начали имъ помогать и всячески промышлять, чтобы ихъ на первый чинъ возвратить и составить на насъ лютѣйшее умышленіе, и такъ какъ злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей винѣ и судъ приняли».

Въ этомъ разсказѣ насъ не останавливаетъ никакая запутанность или противорѣчіе: причина и постепенность дѣйствія ясны. Іоаннъ самъ объявляетъ, что нерасположеніе къ вельможамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія; для совѣта духовнаго, для нравственнаго руководства приближенъ былъ священникъ Сильвестръ, болѣе всѣхъ другихъ къ тому способный; относительно внутренней, нравственной жизни подчиненіе Сильвестру было полное; но Сильвестръ, соединясь съ Адашевымъ, составилъ себѣ многочисленную и сильную партію: они захотѣли полнаго подчиненія себѣ во всемъ. Несогласіе Іоанна съ Сильвестромъ и его совѣтниками выставлялось какъ непослушаніе велѣніямъ Божіимъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ наказанія. Во время болѣзни царя, Сильвестръ, отецъ Адашева и пріятели ихъ дѣйствовали такъ, что заставили Іоанна разувѣриться въ ихъ расположеніи къ нему и его семейству, возбудили или усилили нерасположеніе къ себѣ царицы и братьевъ ея, и сами не скрывали своего нерасположенія къ нимъ. Послѣднее столкновеніе, на которомъ остановился Іоаннъ при перечисленіи своихъ оскорбленій, помѣстилъ онъ во время обратнаго пути изъ Можайска съ больною Анастасіею. Извѣстіе это, лишенное подробностей, для насъ темно, какъ и многіе другіе намеки, дѣлаемые Іоанномъ въ перепискѣ съ Курбскимъ; но одно выраженіе ясно указываетъ на столкновеніе Сильвестра и Адашева или совѣтниковъ ихъ съ Анастасіею: „За одно малое слово съ ея стороны явилась она имъ неугодна; за одно малое слово ея они разсердились". Это столкновеніе, какъ видно, было послѣднимъ, рѣшительнымъ въ борьбѣ; время путешествія Іоаннова съ больною женою намъ извѣстно: это было въ ноябрѣ 1559 года; весною видимъ уже Адашева въ почетной ссылкѣ при войскѣ, отправлявшемся въ Ливонію; въ это же время долженъ былъ удалиться и Сильвестръ. Любопытно и тутъ видѣть остатокъ того нравственнаго вліянія, которымъ пользовался Сильвестръ надъ Іоанномъ; послѣдній выставляетъ болѣе виновнымъ Адашева: «Сыскавъ измѣны собаки Адашева Алексѣя со всѣми его совѣтники». Сильвестръ удаляется добровольно; Іоаннъ повторяетъ, что онъ не сдѣлалъ ему никакого зла, что не хочетъ судить его, а будетъ судиться съ нимъ предъ судомъ Христовымъ; невоздержный на бранныя выраженія, Іоаннъ въ перепискѣ съ Курбскимъ позволяетъ себѣ только одно бранное выраженіе на счетъ Сильвестра: помня столкновенія свои съ послѣднимъ въ совѣтѣ о дѣлахъ политическихъ, позволяетъ себѣ называть Сильвестра невѣждою. Очень важно извѣстіе, находимое у Іоанна, о постепенности въ опалахъ: сперва удаленіе нѣкоторыхъ, взятіе съ оставшихся клятвы не сообщаться съ удаленными; но клятва не соблюдается, совѣт-

ники Сильвестра и Адашева стараются возвратить имъ прежнее значеніе—и слѣдуютъ казни. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобъ многочисленная и сильная сторона Сильвестра и Адашева осталась спокойною зрительницею своего паденія, не старалась возвратить себѣ прежняго значенія, чего могла достигнуть только чрезъ возвращеніе Сильвестру и Адашеву ихъ прежняго значенія. Это извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что объясненія перевода Адашева изъ Феллина въ Дерптъ и Сильвестра изъ Кириллова въ Соловецкій монастырь, объясненія, которыя сообщаетъ намъ Курбскій, очень невѣроятны: Адашеву хотѣли сдаваться ливонскіе города. Сильвестра кирилловскіе монахи держали въ большомъ почетѣ, и это возбудило зависть, опасенія во врагахъ ихъ! Наконецъ, очень важно, что Іоаннъ, при исчисленіи винъ Сильвестра и Адашева ни слова не упоминаетъ объ обвиненіи въ отравѣ Анастасіи и тѣмъ опять подрываетъ достовѣрность извѣстій Курбскаго, будто обвиненіе въ отравѣ царицы, которое придумали враги Сильвестра и Адашева, и которому повѣрилъ Іоаннъ, было началомъ опалы. Еслибъ Іоаннъ дѣйствительно повѣрилъ отравѣ, еслибъ это былъ главный пунктъ обвиненія, то что могло помѣшать ему выставить его въ посланіи къ Курбскому? Только во второмъ посланіи, желая отвѣтить на упрекъ въ потерѣ нравственной чистоты, Іоаннъ обращается къ Курбскому съ вопросомъ: «А зачѣмъ вы разлучили меня съ женою? Еслибъ вы не отняли у меня мою юницу, то кровавыхъ жертвъ и не было бы. Только бы на меня съ попомъ не стали, то ничего бы и не было; все учинилось отъ вашего самовольства». Такимъ образомъ то, что у Курбскаго является на первомъ планѣ, о томъ самъ Іоаннъ вовсе сначала не упоминаетъ, а потомъ упоминаетъ мимоходомъ, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, чтобъ только чѣмъ-нибудь оправдаться въ упрекѣ за нравственные безпорядки. Это различіе легко объясняется тѣмъ, что Іоаннъ не считалъ для себя нужнымъ скрывать главныя причины событій—борьбу съ Сильвестромъ, Адашевымъ и совѣтниками ихъ за власть, что повело къ удаленію этихъ лицъ, и потомъ движеніе партіи Сильвестра и Адашева для возвращенія своимъ вождямъ прежняго значенія, что повело къ дальнѣйшимъ опаламъ и казнямъ, тогда какъ Курбскому хотѣлось скрыть обѣ причины; для этого онъ перемѣшалъ событія: что нужно было поставить впереди, поставилъ сзади и выставилъ причину не настоящую.

Іоаннъ не отрицаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ. Слѣдовательно имѣемъ право принять показанія Курбскаго о казни одной вдовы, Маріи Магдалины, съ пятью сыновьями: вдова эта была родомъ полька и приняла въ Москвѣ православіе; по словамъ Курбскаго ее обвинили въ связи съ Адашевымъ и въ чародѣйствѣ; Курбскій превозноситъ ея христіанскую жизнь; тогда же казнены братъ Адашева, Данила, и другіе родственники.

На основаніи признаній самого Іоанна, имѣемъ право принять извѣстіе Курбскаго и другихъ современниковъ о порчѣ нравственности Іоанна, происшедшей въ это время: мы видѣли, какъ начало порчи положено было въ молодыхъ лѣтахъ его; бракъ, впечатлѣніе, произведенное пожарами, вліяніе Сильвестра и Адашева повели къ успокоенію страстей, къ очищенію души; но скоро Іоаннъ опять сталъ волноваться подозрѣніемъ и гнѣвомъ вслѣдствіе поведенія Сильвестра и совѣтниковъ его во время

болѣзни своей, вслѣдствіе образованія при дворѣ двухъ сторонъ, вслѣдствіе вражды Сильвестра и стороны его къ Анастасіи; наконецъ Сильвестръ и Адашевъ удалились, но совѣтники ихъ остались и дѣйствовали для возвращенія себѣ прежняго значенія; надобно было дѣйствовать противъ нихъ, употреблять наказанія. Опять возвращалась страшная эпоха Шуйскихъ, Кубенскихъ и Воронцовыхъ, около Іоанна образовалась пустота: люди, къ которымъ онъ привыкъ, которыхъ любилъ и, что всего важнѣе, которыхъ уважалъ, исчезли или, что еще хуже, стали поодаль, во враждебномъ положеніи, съ укоромъ въ устахъ и во взорахъ; къ новымъ людямъ, занявшимъ ихъ мѣсто, не чувствовалось уваженія. Въ это время новый ударъ—Іоаннъ овдовѣлъ, остался совершенно одинокъ, остался одинъ на одинъ съ своими страстями, требовавшими немедленнаго удовлетворенія; а природа Іоанна мѣшала ему останавливаться при удовлетвореніи страстей; при впечатлительности, страстности, увлекательности природы Іоанна, переходы отъ зла къ добру и отъ добра къ злу были очень скоры.

XV. ПЕРЕМѢНА ВЪ ІОАННѢ, РАЗРЫВЪ ЕГО СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ И НАЧАЛО ЭПОХИ КАЗНЕЙ.

(*Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина*).

И россіяне современные, и чужеземцы, бывшіе въ Москвѣ, изображаютъ юнаго Іоанна IV какъ примѣръ монарховъ благочестивыхъ, мудрыхъ, ревностныхъ ко славѣ и счастію государства. Такъ изъясняются первые: „Обычай Іоанновъ есть соблюдать себя чистымъ предъ Богомъ. И въ храмѣ, и въ молитвѣ уединенной, и въ совѣтѣ боярскомъ, и среди народа у него одно чувство: да властвую, какъ Всевышній указалъ властвовать своимъ истиннымъ помазанникамъ! Судъ нелицемѣрный, безопасность каждаго и общая цѣлость порученныхъ ему государствъ, торжество вѣры, свобода христіанъ есть всегдашняя дума его. Обремененный дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность, не хочетъ обыкновенныхъ прохладъ царскихъ. Ласковый къ вельможамъ и народу, любя, награждая всѣхъ по достоинству, щедростью искореняя бѣдность, а зло примѣромъ добра, сей Богомъ урожденный царь желаетъ въ день страшнаго суда услышать гласъ милости: ты еси царь правды! и отвѣтствовать съ умиленіемъ: «се азъ и люди, яже далъ ми еси ты!» Не менѣе хвалятъ его и наблюдатели иноземные, англичане, пріѣзжавшіе въ Россію для торговли. «Іоаннъ, пишутъ они, затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ, и добродѣтелью; имѣетъ многихъ враговъ и смиряетъ ихъ. Литва, Польша, Швеція, Данія, Ливонія, Крымъ, Ногаи ужасаются русскаго имени. Въ отношеніи къ подданнымъ онъ удивительно снисходителенъ, привѣтливъ, любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ, и, несмотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ; скажетъ боярину: иди:—и бояринъ бѣжитъ; изъявитъ досаду вельможѣ, и вельможа въ отчаніи, скрывается, тоскуетъ въ уединеніи, отпускаетъ волосы въ знакъ горести, пока царь не объявитъ ему прощенія. Однимъ

словомъ, нѣтъ народа въ Европѣ, болѣе россіянъ преданнаго своему государю, коего они равно и страшатся, и любятъ. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Іоаннъ во все входитъ, все рѣшаетъ, не скучаетъ дѣлами и не веселится ни звѣринною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: какъ служить Богу, и какъ истреблять враговъ Россіи!» Вѣроятно ли, чтобы государь любимый обожаемый, могъ съ такой высоты блага, счастія, славы, низвергнуться въ бездну ужасовъ тиранства?

Исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но, предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе, во-первыхъ, природными свойствами людей, во-вторыхъ, обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу. Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной вѣрѣ, ибо самые дерзкіе развратители царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; они исхитили юношу изъ сѣтей нѣги и, съ помощью кроткой Анастасіи, увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась, но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный имъ за мудрые совѣты, государь пересталъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ и тѣмъ болѣе чувствовавалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостью, оскорбительною для монарха. Напримѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны ливонской, утверждая, что надобно, прежде всего, искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ Россіи и Христа, что ливонцы, хотя и не греческаго исповѣданія, однако-же христіане и для насъ не опасны, что Богъ благословляетъ только войны справедливыя, нужныя для цѣлости и свободы государствъ. Дворъ былъ наполненъ людьми, преданными симъ двумъ любимцамъ; но братья Анастасіи не любили ихъ, также и многіе обыкновенные завистники, не терпящіе никого выше себя. Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннoваго сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры; проповѣдуя небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ, стоятъ высоко предъ трономъ и не даютъ никому видѣть царя, желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, и въ тоже время препятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя государю быть умѣреннымъ въ счастіи, ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія. Они говорили: «Кто сіи люди, дерзающіе предписывать законы царю великому и мудрому не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ домашнихъ, семейныхъ, въ самомъ образѣ жизни? Дерзающіе указывать ему, какъ обходиться съ супругою, сколько ѣсть и пить въ мѣру». Ибо Сильвестръ, наставникъ Іоанновой

совѣсти, всегда требовалъ отъ него воздержанія, умѣренности въ физическихъ наслажденіяхъ, къ коимъ юный монархъ имѣлъ сильную склонность. Іоаннъ не внималъ злословію, ибо уже скучалъ излишне строгими нравоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы; онъ не мыслилъ оставить добродѣтели, а желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтись. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что, скоро по завоеваніи Казани, онъ, въ гнѣвѣ на одного воеводу, сказалъ вельможамъ: «Теперь уже не боюсь васъ!» Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви къ благу. Хотя государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ противорѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года.

Въ сіе время холодность государева къ Адашеву и Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидѣли необходимость удалиться отъ двора. Первый, занимавъ дотолѣ важнѣйшее мѣсто въ думѣ и всегда употребляемый въ переговорахъ съ европейскими державами, хотѣлъ еще служить царю инымъ способомъ: принялъ санъ воеводы и поѣхалъ въ Ливонію; а Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ государю благословеніе, заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ. Друзья ихъ осиротѣли, непріятели восторжествовали, славили мудрость царя и говорили: «Нынѣ ты уже истинный самодержецъ, помазанникъ Божій: единъ управляешь землею, открылъ свои очи и зришь свободно на все царство!» Но сверженные любимцы казались имъ еще страшными. Вопреки извѣстной государевой немилости, Адашева честили въ войскѣ; самые граждане ливонскіе изъявляли отмѣнное къ нему уваженіе: все покорялось его уму и добродѣтели. Не менѣе и Сильвестръ, уже монахъ смиренный, блисталъ добродѣтелями христіанскими въ пустынѣ: иноки съ удивленіемъ видѣли въ немъ примѣръ благочестія, любви, кротости. Царь могъ узнать о томъ, раскаяться, возвратить изгнанниковъ: надлежало довершить ударъ и сдѣлать государя столь несправедливымъ, столь виновнымъ противъ сихъ мужей, чтобы онъ уже не могъ и мыслить объ искреннемъ мирѣ съ ними. Кончина царицы подала къ тому случай.

Іоаннъ былъ растерзанъ горестью: всѣ вокругъ его проливали слезы или отъ истинной жалости, или въ угодность царю печальному, и въ сихъ слезахъ явилась гнусная клевета подъ личиною усердія, любви, будто бы приведенной въ ужасъ открытіемъ неслыханнаго злодѣйства. «Государь!» сказали Іоанну, «ты въ отчаяніи, Россія также, а два изверга торжествуютъ: добродѣтельную царицу извели Сильвестръ и Адашевъ, сія враги тайные и чародѣи, ибо они безъ чародѣйства не могли бы такъ долго владѣть умомъ твоимъ». Представили доказательства, которыя не убѣждали и самыхъ легковѣрныхъ; но государь зналъ, что Анастасія со времени его болѣзни не любила ни Сильвестра, ни Адашева, думалъ, что они также не любили ея, и принялъ клевету, можетъ быть, желая оправдать свою къ нимъ немилость, если не вѣрными уликами

въ ихъ злодѣйствѣ, то хотя подозрѣніемъ. Свѣдавъ о семъ доносѣ, изгнанники писали къ царю, требуя суда и очной ставки съ обвинителями. Послѣдняго не хотѣли враги ихъ, представляя царю, что они какъ василиски ядовиты, могутъ однимъ взоромъ очаровать его снова, и любимые войскомъ, всѣми гражданами, произвести мятежъ, что страхъ сомкнетъ уста доносителямъ. Государь велѣлъ судить обвиняемыхъ заочно: митрополитъ, епископы, бояре, многіе иные духовные и свѣтскіе чиновники собрались во дворцѣ. Читали не одно, но многія обвиненія, изъясняемыя самимъ Іоанномъ въ письмѣ къ князю Курбскому. «Ради спасенія души моей, пишетъ царь, приблизилъ я къ себѣ іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый лицемѣръ обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять царствомъ безъ царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольства въ бояръ, роздали единомышленникамъ города и волости, сажали, кого хотѣли, въ думу, заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи дни уничиженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ царя съ горстью воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія страшила, чтобы привести въ ужасъ мою душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго, запрещаютъ ѣздить по св. обителямъ, не дозволяютъ карать нѣмцевъ... Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына моего, взять себѣ инаго царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ своихъ чѣмъ платили намъ за оное? Новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали кн. Владиміру Андреевичу. И такъ удивительно-ли, что я рѣшился наконецъ не быть младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавымъ попомъ и неблагодарнымъ слугою Алексіемъ?» Замѣтимъ, что Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи и тѣмъ свидѣтельствуетъ нелѣпую ложь сего доноса; всѣ иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безразсудны въ устахъ тридцатилѣтняго самодержца, который признаніемъ своей бывшей неволи открываетъ тайну своей жалкой слабости. Адашевъ и Сильвестръ могли, какъ люди, ослѣпиться честолюбіемъ; но государь симъ нескромнымъ обвиненіемъ уступилъ имъ славу прекраснѣйшаго въ исторіи царствованія. Увидимъ, какъ онъ безъ нихъ властвовалъ; и если не Іоаннъ, а любимцы его отъ 1547 до 1560 года управляли Россіею, то для счастія подданныхъ и царя надлежало бы симъ добродѣтельнымъ мужамъ не оставлять государственнаго кормила. Лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ, клевещетъ на самого себя; гораздо вѣроятнѣе, что онъ искренне любилъ благо, узнавъ его прелесть, и наконецъ, увлеченный страстями, только обузданными, но не искорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ мудрыми наставниками: ибо легче перемѣниться, нежели такъ долго принуждать себя—и кому? Государю самовластному, который однимъ словомъ могъ всегда расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи. Адашевъ, какъ совѣтникъ не одобряя войны ливонской, служилъ Іоанну какъ подданный, какъ министръ и

воинъ усерднымъ орудіемъ для успѣховъ ея; слѣдственно государь повелѣвалъ и, вопреки его жалобамъ, не былъ рабомъ любимцевъ.

Выслушавъ бумагу о преступленіяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что сіи злодѣи уличены и достойны казни; другіе, потупивъ глаза, безмолвствовали. Тутъ старецъ, митрополитъ Макарій, близостью смерти и саномъ первосвятительства утверждаемый въ обязанности говорить истину, сказалъ царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ. Всѣ добросовѣстные вельможи согласились съ симъ мнѣніемъ; но сонмъ губителей, по выраженію Курбскаго, возопилъ противъ онаго, доказывая, что люди, осуждаемые чувствомъ государя велемудраго, милостиваго, не могутъ представить никакого законнаго оправданія, что ихъ присутствіе и козни опасны, что спокойствіе царя и отечества требуетъ немедленнаго рѣшенія въ семъ важномъ дѣлѣ. И такъ рѣшили, что обвиняемые виновны. Надлежало только опредѣлить казнь, и государь, еще желая имѣть видъ милосердія, умѣрилъ оную: послали Сильвестра на дикій островъ Бѣлаго моря, въ уединенную обитель Соловецкую, и велѣли Адашеву жить въ новопокоренномъ Феллинѣ, коего взятію онъ способствовалъ тогда своимъ умомъ и распоряженіями. Но твердость и спокойствіе сего мужа досаждали злобнымъ гонителямъ: его заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ черезъ два мѣсяца умеръ горячкою, къ радости своихъ непріятелей, которые сказали царю, что обличенный измѣнникъ отравилъ себя ядомъ.

Отселѣ начало злу. Уже не было двухъ главныхъ дѣйствователей благосклоннаго Іоаннова царствованія; но друзья ихъ, мысли и правила остались: надлежало, истребивъ Адашева, истребить и духъ его, опасный для клеветниковъ добродѣтели, противный самому государю въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ. Требовали клятвы отъ всѣхъ бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны удаленныхъ, наказанныхъ измѣнниковъ и быть вѣрными государю. Присягнули, одни съ радостью, другіе съ печалью, угадывая слѣдствія, которыя и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинствомъ и способомъ угождать царю, сдѣлалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Іоанну: «Всегда-ли плакать тебѣ о супругѣ? Найдешь другую, равно прелестную; но можешь неумѣренностью въ скорби повредить своему здравію безцѣнному. Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ земной горести искалъ и земнаго утѣшенія». Іоаннъ искренно любилъ супругу, но имѣлъ легкость въ нравѣ, несогласную съ глубокими впечатлѣніями горести. Онъ безъ гнѣва внималъ утѣшителямъ, и, чрезъ восемь дней по кончинѣ Анастасіи, митрополитъ, святители, бояре торжественно предложили ему искать невѣсты: законы пристойности были тогда не строги. Раздавъ по церквамъ и для бѣдныхъ нѣсколько тысячъ рублей въ память усопшей, пославъ богатую милостыню въ Іерусалимъ, въ Грецію, государь объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ короля польскаго.

Съ сего времени умолкъ плачъ во дворцѣ. Начали забавлять царя сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и свѣтлыми пирами, напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце, смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности, называли постничество лицемѣріемъ. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностью. Еще многіе бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣт-

лою трапезою съ лицемъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали: ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову. Между новыми любимцами государевыми отличались бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его, кравчій Ѳедоръ, кн. Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной, Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, готовые на все для удовлетворенія своему честолюбію. Прежде они подъ личиною благонравія терялись въ толпѣ обыкновенныхъ царедворцевъ, но тогда выступили впередъ и, по симпатіи зла, вкрались въ душу Іоанна, пріятные ему какою-то легкостью ума, искусственною веселостью, хвастливымъ усердіемъ исполнять, предупреждать его волю, какъ божественную, безъ всякаго соображенія съ иными правилами, которыя обуздываютъ и благихъ царей, и благихъ слугъ царскихъ, первыхъ въ ихъ желаніяхъ, вторыхъ въ исполненіи оныхъ. Они сговорились съ двумя или тремя монахами, заслужившими довѣренность Іоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коимъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть царя и своимъ присутствіемъ какъ бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его. Курбскій въ особенности именуетъ здѣсь чудовскаго архимандрита Левкія, главнаго угодника придворнаго. Порокъ ведетъ къ пороку: женолюбивый Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе и, въ ожиданіи новой супруги для вѣчной, единственной любви, искалъ временныхъ предметовъ въ удовлетвореніе грубымъ вожделеніямъ чувственнымъ. Мнимая, прозрачная завѣса тайны не скрываетъ слабостей вѣнценосца: люди съ изумленіемъ спрашивали другъ у друга, какимъ гибельнымъ наитіемъ государь, дотолѣ примѣръ воздержанія и чистоты душевной, могъ унизиться до распутства?

Сіе безъ сомнѣнія великое зло произвело еще ужаснѣйшее. Развратники, указывая царю на печальныя лица важныхъ бояръ, шептали: «Вотъ твои недоброхоты! Вопреки данной ими присягѣ, они живутъ Адашевскимъ обычаемъ, сѣютъ вредные слухи, волнуютъ умы, хотятъ прежняго своевольства». Такіе ядовитые навѣты разстраивали Іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ, взоръ его мутился, изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистной памяти мнимыхъ измѣнниковъ, онъ рѣшился быть строгимъ и сдѣлался мучителемъ, коему равнаго едва ли найдемъ въ самыхъ Тацитовыхъ лѣтописяхъ!... Не вдругъ, конечно, разсвирѣпѣла душа, нѣкогда благочестивая: успѣхи добра и зла бываютъ постепенны; но лѣтописцы не могли проникнуть въ ея внутренность, не могли видѣть въ ней боренія совѣсти съ мятежными страстями: видѣли только дѣла ужасныя и называютъ тиранство Іоанново чуждою бурею, какъ бы изъ нѣдръ ада посланную возмутить, истерзать Россію. Оно началось гоненіемъ всѣхъ ближнихъ Адашева: ихъ лишали собственности, ссылали въ мѣста дальнія. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиналъ ласкателей, новыхъ совѣтниковъ царскихъ; а царь злобился и хотѣлъ мѣрами жестокими унять дерзость. Жена знатная, именемъ Марія, славилась въ Москвѣ христіанскими добродѣтелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести царя. Ее казнили, вмѣстѣ съ пятью сыновьями, и скоро многихъ иныхъ, обвиняемыхъ въ томъ-же: знаменитаго воинскими подвигами окольничаго Данила Адашева, брата Алексіева съ двѣнадцати-лѣтнимъ сыномъ, трехъ Сатиныхъ, коихъ сестра была за Алексіемъ, и родственника его, Ивана Шишкина, съ женою и дѣтьми; кн. Дмитрій Оболенскій-Овчининъ,

сынъ воеводы, умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ, погибъ за нескромное слово. Оскорбленный надменностью юнаго любимца государева, Ѳедора Басманова, Дмитрій сказалъ ему: «Мы служимъ царю трудами полезными, а ты гнусными дѣлами содомскими!» Басмановъ принесъ жалобу Іоанну, который въ изступленіи гнѣва за обѣдомъ вонзилъ несчастному князю ножъ въ седрце; другіе пишутъ, что онъ велѣлъ задушить его. Кн. Михайло Рѣпнинъ также былъ жертвою великодушной смѣлости. Видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ съ своими любимцами въ маскахъ, сей вельможа заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску: Рѣпнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: «Государю ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ думы, не могу безумствовать!» Царь выгналъ его и чрезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить, стоящаго во святомъ храмѣ, па молитвѣ; кровь сего добродѣтельнаго мужа обагрила помостъ церковный. Угождая несчастному расположенію души Іоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихіе разговоры въ семействахъ, между друзьями, смотрѣли на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступленій, ибо доносы нравились государю, и судія не требовалъ уликъ вѣрныхъ. Такъ, безъ вины, безъ суда, убили кн. Юрія Кашина, члена думы; кн. Дмитрія Курлятева, друга Адашевыхъ, насильно постригли и скоро умертвили со всѣмъ семействомъ; первостепеннаго вельможу, побѣдителя казанцевъ, кн. Михайла Воротынскаго, съ женою, съ сыномъ и съ дочерью сослали на Бѣлоозеро. Ужасъ крымцевъ, воевода-бояринъ Иванъ Шереметьевъ былъ вверженъ въ душную темницу, истерзанъ, окованъ тяжкими цѣпями. Царь пришелъ къ нему и хладнокровно спросилъ: «Гдѣ казна твоя? Ты слылъ богачемъ.» «Государь!» отвѣчалъ полумертвый страдалецъ; «я руками нищихъ переслалъ ее къ моему Христу Спасителю!» Выпущенный изъ темницы, онъ еще нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ думѣ; наконецъ скрылся отъ міра въ пустынѣ Бѣлозерской, но не укрылся отъ гоненія: Іоаннъ писалъ тамошнимъ монахамъ, что они излишне честятъ сего бывшаго вельможу, какъ бы въ досаду царю.

Москва цѣпенѣла въ страхѣ. Кровь лилась, въ темницахъ, въ монастыряхъ стенали жертвы; но тиранство еще созрѣвало: настоящее ужасало будущимъ. Нѣтъ исправленія для мучителя, всегда болѣе и болѣе подозрительнаго, болѣе и болѣе свирѣпаго: кровопійство не утоляетъ, но усиливаетъ жажду крови: оно дѣлается лютѣйшею изъ страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безуміе, казнь народовъ и самого тирана. Любопытно видѣть, какъ сей государь, до конца жизни усердный чтитель христіанскаго закона, хотѣлъ соглашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостью: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, чародѣи, враги Христа и Россіи; то смиренно винился передъ Богомъ и людьми, называлъ себя гнуснымъ убійцею невинныхъ, приказалъ за нихъ молиться въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной обители св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ инокомъ. Такъ писалъ Іоаннъ къ кн. Курбскому и къ начальникамъ любимыхъ имъ монастырей, во свидѣтельство, что гласъ неумолимой совѣсти тревожитъ мутный сонъ души его, готовя его ко внезапному, страшному пробужденію въ могилѣ!

XVI. ПАДЕНІЕ ЛИВОНСКАГО ОРДЕНА И ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА.

(По соч. Костомарова: „Ливонская война" и „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ", и по его статьѣ „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго", помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы" за 1871 г.)

Усиленіе Московскаго государства на востокѣ вызывало опасенія и въ его западныхъ сосѣдяхъ: завоевательная политика Москвы угрожала имъ потерею земель, какъ это уже обнаружилось отношеніями Московскаго государства къ Польско-Литовскому при Іоаннѣ III и Василіи III. Неудивительно поэтому, что ливонскіе нѣмцы очень недружелюбно смотрѣли на попытки Москвы войти въ сношенія съ западомъ, получать оттуда лучшее оружіе, призывать мастеровъ; къ тому-же и въ торговомъ отношеніи нѣмцамъ выгодно было держать Московію въ черномъ тѣлѣ. Вотъ почему еще въ 1539 г. епископъ дерптскій «невѣдомо куды» сослалъ пушечнаго мастера за то, что тотъ хотѣлъ ѣхать въ Москву служить царю. Подобное опасеніе высказалось еще рѣзче дѣломъ Іоанна Шлитта въ 1549 г., дѣломъ, которое со временемъ припомнило Ливоніи московское правительство. Шлиттъ взялся доставить въ Москву изъ Германіи на службу разныхъ техниковъ, ремесленниковъ и особенно людей, знающихъ военное искусство. Онъ просилъ съ этою цѣлью разрѣшенія у Карла V и получилъ его, но въ Любекѣ, по наущенію ливонцевъ, былъ арестованъ вмѣстѣ со своими товарищами. Императоръ Карлъ V не одобрилъ поступка любечанъ и велѣлъ освободить Шлитта, такъ какъ надѣялся, что нѣкоторыя лица, сопровождающія его, могутъ способствовать дѣлу утвержденія католичества въ Москвѣ; но ливонцы до того настаивали на невозможности пустить «хитрыхъ» людей изъ Германіи въ Россію, что Карлъ V наконецъ взялъ назадъ свое повелѣніе и такимъ образомъ «лукавое намѣреніе москвитянъ, какъ выражался одинъ ливонскій историкъ, распалось въ прахъ».

Въ Москвѣ были очень озлоблены этими интригами. Между тѣмъ въ 1550 г. явилось туда посольство отъ дерптскаго епископа. Поводомъ къ нему было то, что пятидесятилѣтнее перемиріе, заключенное когда-то между магистромъ и Москвою, истекало; дерптскій епископъ просилъ о его продленіи. Царь согласился продлить перемиріе на пять лѣтъ, но при этомъ жаловался на обиды, чинимыя въ Ливоніи православнымъ, на задержку Шлитта, а также говорилъ, что дерптское епископство изстари платило великимъ князьямъ дань во Псковѣ, и что поэтому слѣдуетъ продолжать этотъ обычай. Этимъ дѣло пока и кончилось; но когда въ 1554 г. явились снова ливонскіе послы, то бояре стали говорить имъ: «Ливонская земля извѣчная отчина великихъ князей, и ливонцы должны платить дань». Они ссылались на древніе договоры, но ливонскіе послы отрицали справедливость этихъ ссылокъ. Бояре составили проектъ мирнаго договора, по которому Ливонія обязалась не вступать въ союзъ съ Литвою и Польшею, предоставить у себя право свободной торговли русскимъ купцамъ, не мѣшать сношеніямъ Россіи съ западными государствами и т. п. Послы дали свое согласіе и привѣсили свои печати съ оговоркою, что договоръ получитъ силу только тогда, когда вмѣсто нихъ приложатъ руки и подвѣсятъ печати свои мейстеръ ливонскій, архіепископъ рижскій и епископъ дерптскій.

Такой рѣшительный тонъ московское правительство приняло по отношенію къ Ливоніи именно потому, что знало, какъ мало была способна эта страна защищать себя. Между высшимъ классомъ и простымъ народомъ въ Ливоніи была цѣлая бездна. Владѣльцы были нѣмцы по происхожденію и поработители, поселяне—туземцы, порабощенные, забитые, безсильные и покорные дворянству, но въ душѣ питавшіе къ нему закоренѣлую ненависть. Въ рыцаряхъ угасъ уже воинственный фанатизмъ; гражданскій смыслъ не замѣнилъ его; общество ливонское и въ самомъ зародышѣ построено было не на гражданской почвѣ. Всегда почти съ военнымъ сословіемъ бываетъ такая судьба: коль скоро воинственный духъ въ немъ угаснетъ, оно рѣдко организуется само собою въ гражданское, а скорѣе разлагается. Рыцари потеряли прежнее призваніе распространять вѣру, уже полтора столѣтія не было рѣчи о священной войнѣ. Поработивъ крещенныхъ ливовъ, эстовъ и латышей, рыцари и духовныя власти стали себѣ жить-поживать привольно, роскошно, на счетъ трудовъ побѣжденныхъ, получали со своихъ земель хорошіе доходы. Города процвѣтали, потому что управляли торговлею сѣвера и обращали въ свою выгоду торговлю съ русскими. Духовенство могло имѣть мало гражданской привязанности къ краю. Высшіе духовные сановники были большею частью уроженцы Германіи и пріѣзжали на свои епископства, какъ на временную должность, а потому и думали единственно о томъ, чтобы хорошо пожить и уѣхать назадъ на родину, когда надоѣстъ имъ Ливонія. Вообще и дворянинъ, и духовный въ Ливоніи, нѣмцы по происхожденію, чувствовали каждый свое отдѣльное существованіе болѣе, чѣмъ гражданскую связь другъ съ другомъ. Народъ былъ покоренъ, внѣшнія опасности не угрожали имъ, а потому и потребность взаимной защиты не соединяла ихъ. Пока еще католицизмъ былъ живѣе, онъ кое-какъ скрѣплялъ разнообразное общество, наплывшее въ чужую страну изъ Германіи. Но проникло протестанство и ускорило разложеніе этого общества. Католичество стало для ливонца тяжелою уздою, которую сбросить онъ всегда былъ готовъ, какъ только представлялся благовидный предлогъ. Оттого протестантство нашло въ Ливоніи много прозелитовъ: бюргеры принимали лютеранство, монахи бросали монастыри и дѣлались свѣтскими. Невѣжественное и погруженное въ матеріальное житье-бытье дворянство держалось еще католичества, но не препятствовало распространенію новаго ученія. Что касается до народа, то для него было все равно, будутъ-ли его считать католическимъ или какимъ либо другимъ: онъ не имѣлъ никакого понятія о вѣрѣ, которую исповѣдовалъ. Его господа и пастыри довольствовались тѣмъ, что крестили его, а о наставленіи его въ истинахъ христіанской вѣры не думали вовсе. Протестантство принималось въ Ливоніи не потому, чтобы религіозное чувство и смыслъ требовали обновленія, а потому, что при маломъ значеніи сущности религіи и при равнодушіи къ благочестію, оно было привлекательнѣе для любителей мірскихъ наслажденій. Къ тому-же Ливонія не была свободна отъ междоусобій. Гермейстеры всегда хотѣли имѣть полновластіе въ странѣ какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными сановниками; но духовные, т. е. архіепископы и епископы, старались удержаться независимыми отъ ордена. Изъ-за этого въ исторіи Ливоніи были нерѣдко столкновенія свѣтскихъ властей съ духонными, особенно у гермейстера съ рижскимъ архіепископомъ.

Не утвердить договора, подписаннаго послами въ Москвѣ, ливонское правительство не рѣшилось, но и выполнять его условій не было намѣрено тоже. Основываясь на томъ, что безъ согласія германскаго императора Ливонія платить дани не можетъ, правительство ея обратилось съ протестаціею къ германскому императору. Но Москва не хотѣла и знать послѣдняго: она опиралась на договоръ какъ на несомнѣнное обязательство, требовала выполненія условій и грозила войною въ противномъ случаѣ. Новые послы, прибывшіе въ Москву, упорствовали, создавали разныя затрудненія, давали уклончивые отвѣты, наконецъ согласились уплатить дань. Когда у нихъ потребовали денегъ, то оказалось, что они таковыхъ не привезли съ собою. На это имъ сказано было: «Ступайте же себѣ домой, а царь самъ пойдетъ собирать дань". Русскіе купцы, имѣвшіе свои выгоды въ торговлѣ съ Ливоніей и не желавшіе войны, предложили посламъ въ займы требуемую царемъ сумму; но царь запретилъ давать деньги ливонскимъ посламъ. Послы соглашались остаться заложниками, пока будутъ присланы изъ Ливоніи деньги; московское правительство не согласилось и на это. Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ 1558 г., вторглись въ Ливонію войска, состоящія не столько изъ русскихъ, сколько изъ татаръ и черкесовъ, и стали разгуливать по ней, страшно опустошая неукрѣпленныя мѣста, при чемъ болѣе всего пострадала Дерптская провинція. Нападающіе не довольствовались грабежемъ и разрушеніемъ: они нещадно истребляли жителей нѣмецкаго происхожденія. Разоривъ страну, войско удалилось, а дерптскому епископу послана была грамота, въ которой объяснялось, что все это сдѣлано за неисполненіе Ливоніею ея обязательствъ.

Вѣсть объ опустошительномъ набѣгѣ русскихъ войскъ встревожила ливонское правительство. Сеймъ, собравшійся въ Венденѣ, рѣшилъ, что надобно, во что бы то ни стало, добиться мира съ Москвою. Такъ какъ казна была пуста, то города Ревель, Дерптъ и Рига сдѣлали складчину, для того чтобы дать правительству деньги на удовлетвореніе претензій Москвы. Но въ то время, когда новое посольство съ деньгами отправлялось въ русскую столицу, произошли споры между жителями Нарвы и Иванъ-Города (оба эти города отдѣлялись другъ отъ друга лишь рѣкою). Поводъ подали протестантскіе жители Нарвы, начавшіе стрѣлять по русскимъ Иванъ-Города, собиравшимся въ церкви. Русскія войска приняли участіе въ борьбѣ, и Нарва была занята. Воеводы, съ согласія Іоанна IV, пошли и дальше, и вскорѣ пространство отъ Чудскаго озера до моря, берега озера и полоса, соприкасающаяся съ теченіемъ Наровы, присоединились къ Московскому государству. Въ завоеванныхъ городахъ закрывались протестантскіе и католическіе храмы, а на ихъ мѣстѣ воздвигались православные. Нѣмцы гибли или убѣгали; что же касается до туземнаго населенія, то оно безпрекословно и даже съ охотою покорялось русскому царю. Ливонскіе послы, прибывшіе въ Москву въ это время, не могли уже разсчитывать уладить дѣло на прежнихъ основаніяхъ; бояре имъ заявили: «Если вашъ мейстеръ и всѣ рыцари и бискупы хотятъ отворотить гнѣвъ государя и его силу ратную отъ своей земли, пусть сдѣлаютъ такъ, какъ сдѣлали царь казанскій и астраханскій, пусть сами явятся къ царю и ударятъ челомъ всею Ливонскою землею, а потомъ поступятъ такъ, какъ будетъ угодно царю». Впрочемъ, бояре на этотъ разъ сбавили свой высокій запросъ и соглашались принять предлагаемую

сумму, но требовали, чтобы Ливонія уступила царю завоеванныя его войсками области. Послы не имѣли полномочія на такія уступки и не дали согласія. Ихъ отпустили съ ихъ деньгами.

Московское правительство рѣшилось энергично продолжать завоеванія. Кн. Петръ Шуйскій съ большимъ войскомъ, взявъ по дорогѣ нѣсколько укрѣпленныхъ городковъ, подступилъ къ Дерпту. Въ городѣ въ виду непріятеля продолжались прежнія распри и несогласія между протестантами и католиками, что въ значительной степени облегчало дѣло осаждающихъ. Шуйскій предложилъ городу сдаться, обѣщая безпрепятственное удаленіе всѣмъ тѣмъ, которые того пожелаютъ, въ Германію, и неприкосновенность личную и имущественную тѣмъ, которые отдадутся въ подданство царю. Католическая партія была въ пользу защиты города до послѣдней крайности, протестантская же убѣждала сдаться. Между тѣмъ русскіе палили изъ пушекъ, а помощь отъ магистра не приходила. Городъ былъ сданъ. Шуйскій честно исполнилъ условія капитуляціи: не допустилъ татаръ ограбить удаляющихся нѣмцевъ, запретилъ чинить всякія обиды оставшимся и строго наказывалъ нарушителей этого запрещенія.

Между тѣмъ правительство ордена не имѣло ни достаточнаго количества воиновъ, ни денегъ для веденія войны съ Москвою. Многіе рыцари и духовные, узнавъ о паденіи Дерпта, поспѣшно удалились въ Германію. На вмѣшательство европейскихъ державъ въ войну, о чемъ хлопоталъ орденъ, надежды было мало. Германскій императоръ извѣщалъ, что ему очень прискорбно узнать объ опасности, какой подвергается Ливонія, но имперія, занятая войною съ турками, не въ силахъ оказать ей помощь. Данія, Швеція и Польша обѣщали лишь послать посольства въ Москву и убѣждать царя отступиться отъ Ливоніи. Понятно, что посольства не могли имѣть и не имѣли никакого успѣха. Когда польскій посолъ заикнулся о Ливоніи, Адашевъ отвѣчалъ, что Ливонія земля царская, и царь наказываетъ своихъ строптивыхъ подданныхъ. Новый великій магистръ Готтардъ Кетлеръ дѣлалъ всевозможныя усилія для предотвращенія московскаго завоеванія: онъ закладывалъ цѣлыя области и замки, чтобы добыть денегъ, вооружалъ дворянство, нанималъ иностранные полки; онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ русскими, но выбить ихъ изъ Дерпта не могъ, притомъ понималъ, что средства его все-же крайне ограничены и недостаточны для борьбы съ Москвою. Положеніе ордена казалось съ часу на часъ безвыходнѣе: войско бунтовало, требуя платы; денегъ не хватало. Епископы, думая прежде всего о себѣ, хотѣли захватить въ свою пользу все, что имъ попадется въ руки при всеобщемъ разрушеніи, и удалиться. Эзельскій и пильтенскій епископъ Іоганъ-фонъ-Меннигаузенъ уступилъ свое епископство брату датскаго короля, герцогу Магнусу, призвалъ его въ Аренсбургъ, а самъ, получивъ за свою уступку 20,000 талеровъ, ушелъ въ Германію. Его примѣру послѣдовалъ и ревельскій епископъ Маврицій Врангель: онъ продалъ свое епископство тому-же Магнусу и также ушелъ. Тоже сдѣлалъ фогтъ въ Синебурѣ. Данія заявляла, что она окажетъ помощь Ливоніи, если пріобрѣтенія Магнуса будутъ признаны. Кетлеръ видѣлъ неминуемость распаденія своего государства. Къ тому же онъ недалеко отъ Ревеля потерпѣлъ отъ русскаго войска, предводимаго кн. Курбскимъ, сильное пораженіе. Въ августѣ 1560 г. городъ Феллинъ, чуть-ли не самая сильная крѣпость

Ливоніи, сдался русскимъ. Воеводы обѣщали защитникамъ Феллина пощаду и даже милость царя. Взятые въ Феллинѣ знатные нѣмцы, какъ напр. храбрый фонъ-Бель и бывшій магистръ, предшественникъ Кетлера, Фирстенбергъ, отправлены были въ Москву. Не смотря на заступничество воеводъ, царь обошелся съ ними очень жестоко. Фонъ-Бель имѣлъ смѣлость сказать царю: „Ты хочешь покорить наше отечество неправдою и кровопійствомъ, ты поступаешь не такъ, какъ христіанскій государь». Разгнѣванный царь велѣлъ водить плѣнныхъ, погоняемыхъ ударами кнута, по московскимъ улицамъ на поруганіе черни, а потомъ однихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и фонъ-Беля, казнилъ, другихъ, въ числѣ коихъ былъ и Фирстенбергъ, заключилъ въ темницу. Къ довершенію всего, городъ Ревель сталъ тяготѣть къ Швеціи, и король шведскій вовсе не обнаруживалъ намѣренія упускать изъ рукъ добычу.

Кетлеръ наконецъ убѣдился, что спасти независимость Ливоніи нѣтъ возможности. Онъ вступилъ въ переговоры съ королемъ польскимъ и в. княземъ литовскимъ Сигизмундомъ-Августомъ. Рыцарство, какъ аристократическій элементъ, предпочитало польское подданство московскому или шведскому. Что касается до защиты страны, то, казалось, ни подъ чьимъ покровительствомъ, какъ подъ польскимъ, она не могла быть болѣе безопасною. Рѣчь Посполитая не только казалась сильною въ достаточной степени для того, чтобы быть оплотомъ противъ завоевательной московской политики, но и географическое положеніе дѣлало ее подручною для этого дѣла по отношенію къ Ливоніи. Отдача Ливоніи кому-бы то ни было влекла за собою необходимость сложенія духовнаго званія рыцарями. Составлять орденъ могла Ливонія, лишь будучи независимымъ краемъ. Еще въ апрѣлѣ 1560 года этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ на ливонскомъ сеймѣ, результатомъ чего былъ актъ, въ которомъ рыцари сознавались, что Богъ караетъ ихъ по грѣхамъ, что страна въ крайнемъ положеніи, потому они предоставляютъ своему гермейстеру употребить послѣднія усилія и просьбы къ сосѣдямъ о помощи, и позволяютъ ему, если окажется нужнымъ, вступить въ бракъ, коль скоро этотъ бракъ повлечетъ за собою выгодныя связи и дастъ возможность облегченія несчастной странѣ. Послѣ новыхъ несчастій, испытанныхъ Ливоніею отъ Москвы, потребность въ этомъ еще болѣе уяснилась. Въ сентябрѣ 1561 г. рыцари на сеймѣ составили другой актъ, гдѣ заявили, что считаютъ совершенно невозможнымъ дальнѣйшее существованіе ордена. Они признали свою безбрачную жизнь грѣшною, навлекающею на нихъ гнѣвъ и гибель отъ Бога. Рѣшено сложить съ себя духовное званіе и отдаться Польшѣ и Литвѣ съ тѣмъ, чтобы Кетлеръ былъ наслѣдственнымъ правителемъ края, и чтобы на будущія времена тамъ всегда оставался удѣльный владѣтель нѣмецкаго происхожденія. Гермейстеръ выигрывалъ при отдачѣ Ливоніи: онъ дѣлался наслѣдственнымъ государемъ. Рыцари тоже выигрывали: они могли сдѣлаться наслѣдственными владѣтелями имѣній, коими до сихъ поръ управляли въ качествѣ орденскихъ сановниковъ. Страна отдавалась личности Сигизмунда-Августа, избѣгая какъ будто прямаго отношенія какъ къ Польшѣ, такъ и къ Литвѣ, и сохраняя свою отдѣльность. Король обѣщалъ сохранить ненарушимо аугсбургское исповѣданіе, всѣ права и преимущества, какъ личныя, такъ и по имѣніямъ, всѣ законы, прежній порядокъ управленія, допускать къ должностямъ въ Ливоніи только мѣстныхъ уроженцевъ. Гермейстеръ изъявлялъ согла-

сіе снять съ себя духовно-рыцарское званіе, получалъ княжескій титулъ. Ему отдавались въ потомственное владѣніе Курляндія и Семигалія, т. е. вся часть Ливоніи на западъ отъ Двины. Эта страна должна была быть въ зависимости ленной отъ короля; Двина должна составлять ея границу. Остальная Ливонія поступала въ непосредственное владѣніе короля, и гермейстеръ назначался ея временнымъ намѣстникомъ, а городъ Динаминде отдавался ему въ пожизненное владѣніе. Онъ назначался и временнымъ намѣстникомъ города Риги. Вездѣ управленіе должно было производиться при посредствѣ нѣмцевъ; но ради военныхъ надобностей допускались польско-литовскіе гарнизоны. Взятое русскими и датчанами король обѣщалъ возвратить Ливоніи оружіемъ. Епископство курляндское должно было быть возвращено также, а Магнусу предоставлялись во владѣніе Леаль, Гапсаль и Сонненбургъ.

Что касается до города Ревеля, то онъ, понимая тоже невозможность дальнѣйшаго существованія независимой Ливоніи, не былъ однако склоненъ къ подчиненію Сигизмунду-Августу, и предпочиталъ отдаться Швеціи, король которой предлагалъ свое покровительство. «Отъ римскаго императора, разсуждали ревельцы, нѣтъ намъ ни помощи, ни утѣшенія; гермейстеръ никакъ не въ силахъ намъ пособить, хоть-бы и захотѣлъ. Какая выгода соединяться намъ съ Польшей и Литвою, чего ему такъ хочется? Польша и Литва намъ не подъ руку, и народъ тамъ другаго языка, другой вѣры, другихъ обычаевъ. Иное дѣло рижане: тѣ хоть торговлею связаны съ Польшею и Литвою, получаютъ оттуда хлѣбъ; а намъ нѣтъ никакой выгоды туда отдаваться, одна погибель намъ изъ этого будетъ. Шведы одной съ нами вѣры, страна ихъ отъ насъ близко, и торговля у насъ съ Швеціей постоянная. Намъ подручно пристать къ Швеціи, можно оттуда и помощь получить». Городъ пригласилъ на съѣздъ дворянство эстляндское къ 4 мая 1561 г. Дворянство согласилось, и Ревель вмѣстѣ съ Эстляндіею сдѣлались достояніемъ шведской короны.

Подданство Ливоніи польскому королю должно было поставить этого послѣдняго во враждебныя отношенія къ Московскому государству, которое не желало отказаться отъ своихъ завоеваній въ этой странѣ. На предложеніе поляковъ—очистить ливонскіе города, бояре отъ имени царя отвѣчали, что не одна Ливонія, но и русскія земли Литвы испоконъ вѣка были достояніемъ предковъ московскихъ царей, что сама Литва платила дань сыновьямъ Мономаха, а потому и она есть царская вотчина. Очевидно, что соглашеніе при такихъ условіяхъ было немыслимо. Въ началѣ 1563 г. русскія войска въ значительномъ количествѣ двинулись въ походъ. Самъ Иванъ IV осаждалъ Полоцкъ и взялъ его, что дало ему возможность сильно возгордиться и въ переговорахъ съ литовскими послами запрашивать возвращенія Кіева, Галича, Волыни. Литовцы и слышать не хотѣли объ этихъ уступкахъ, а потому переговоры не привели ни къ какому прочному перемирію. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за завоеваніемъ Полоцка, энергическое наступленіе русскихъ на Литву прекращается, главною причиною чего было недовѣріе, которое возъимѣлъ царь относительно своихъ бояръ. Спасаясь отъ его подозрительности, кн. Черкасскіе, а за ними кн. Курбскій и нѣкоторые другіе, бѣжали въ Литву. Курбскій обратился затѣмъ къ царю съ письмомъ, въ которомъ старался оправдать свой поступокъ. Письмо это вызвало знаменитую переписку Іоанна IV съ бѣжавшимъ княземъ. Впродолженіе всего 1564 г. война на литов-

..ой границѣ и въ Ливоніи шла вяло, но южныя области Московскаго государства сильно страдали отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, побуждаемыхъ Сигизмундомъ-Августомъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы. Ничего энергичнаго не предпринималось ни съ той, ни съ другой стороны и въ слѣдующіе годы. Въ 1569 г. состоялась окончательная унія Литвы съ Польшею, вопреки желанію многихъ литовскихъ и русскихъ вельможъ. Московское вліяніе могло-бы помѣшать уніи и даже составить партію, склонную къ соединенію Литвы съ Московскимъ государствомъ; но правительство послѣдняго не обратило вниманія на эти обстоятельства. Зато когда, года три спустя, скончался бездѣтный король Сигизмундъ-Августъ и Литовско-Польскому государству предстояло выбрать себѣ монарха, Іоаннъ возъимѣлъ желаніе получить польскую корону. Въ Польшѣ и Литвѣ были вельможи, склонные къ возведенію на польскій престолъ сына Іоанна IV, Өеодора. Но царь отклонялъ предложенія на счетъ сына и прочилъ себя, увѣряя польскихъ пословъ, что будетъ соблюдать старинныя привиллегіи Польши. Тутъ-же онъ не упускалъ случая замѣтить, что напрасно его считаютъ злымъ и жестокимъ, что такимъ его представляютъ лишь измѣнники, которымъ вѣрить не слѣдуетъ. Однако въ Польшѣ и Литвѣ знали хорошо характеръ Іоанна, и это одно, помимо другихъ причинъ, не могло уже расположить сеймъ въ пользу московскаго царя. Польскимъ королемъ сдѣлался французскій принцъ Генрихъ; но онъ властвовалъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшѣ, потому что, получивъ извѣстіе о смерти своего брата, французскаго короля Карла IX, уѣхалъ тайно изъ Кракова, прибылъ въ Парижъ и промѣнялъ польскую корону на французскую. Іоаннъ опять явился въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ, но опять не добился своей цѣли: королемъ польскимъ сдѣлался храбрый и дѣятельный седмиградскій воевода Стефанъ Баторій. Іоаннъ былъ сильно недоволенъ этимъ избраніемъ, отказывался называть Стефана братомъ, попрекалъ его бусурманствомъ, на томъ основаніи, что, въ качествѣ седмиградскаго воеводы, онъ былъ данникомъ Турціи.

Что касается до Ливоніи, то въ Москвѣ составили планъ обратить ее въ отдѣльное королевство, находящееся въ зависимости отъ Московскаго государства и платящее ему дань. Въ короли предназначался датскій принцъ Магнусъ, вызванный съ этою цѣлью въ Москву. Магнуса женили на племянницѣ царя. Но прежде, чѣмъ добиться исполненія этого плана, надо было выдержать борьбу съ Баторіемъ, который, принимая польскую корону, обѣщалъ Польшѣ вернуть всѣ земли, отнятыя у нея въ послѣднее время Москвою. Предстояло также побѣдить и шведовъ, такъ какъ царь не признавалъ принадлежности имъ Эстляндіи и Ревеля и хотѣлъ, чтобы вся Ливонія вошла въ составъ королевства Магнуса. Въ 1577 г. двѣ русскія арміи вошли въ Ливонію, обозначая свой путь неслыханными жестокостями. Одна направилась къ Ревелю и не имѣла никакого успѣха, другая, при которой находился царь, пошла въ польскую Ливонію и завладѣла многими городами: Кокенгузеномъ, Венденомъ, Вольмаромъ. Но торжество царя было непродолжительно: Баторій съ небольшимъ, но превосходнымъ войскомъ явился въ Ливонію. Шведы также отправили свои отряды. Посаженный царемъ король Магнусъ не могъ держаться противъ такихъ силъ и, ненавидя Іоанна IV, который неоднократно оскорблялъ его и даже заключалъ подъ стражу, перешелъ

на сторону Баторія. Съ конца лѣта 1579 г. начинается рядъ пораженій, которыя терпитъ русская рать отъ польскаго короля. Не смотря на то, что польскій сеймъ не давалъ своему королю достаточныхъ денежныхъ средствъ для войны, Баторій не пожалѣлъ своей собственной казны, на которую нанималъ солдатъ, и энергично продолжалъ борьбу. Іоаннъ отчаялся въ успѣхѣ и отправилъ къ Баторію посольство, причемъ велѣлъ посламъ вести себя не только крайне вѣжливо, но даже униженно предъ Баторіемъ. Имъ велѣно было не обращать вниманія, если король не спроситъ о царскомъ здоровьи и не встанетъ съ мѣста, когда они будутъ отдавать ему поклонъ отъ московскаго государя. Въ другое время такое несоблюденіе этикета было бы сочтено самымъ жестокимъ оскорбленіемъ. Мало того, посламъ сказано было, что они, если ихъ будутъ бранить и безчестить, должны жаловаться на это слегка, а не говорить «прытко». Но король требовалъ слишкомъ многаго: не только Ливоніи, но Новгорода, Пскова, Великихъ Лукъ со всѣми ихъ землями. Хотя и побѣжденный, Іоаннъ не могъ согласиться на столь тяжелыя условія, и хотя не переставалъ искать посредниковъ, которые помогли бы ему заключить менѣе прискорбный миръ, но долженъ былъ продолжать войну.

Между тѣмъ военное счастье стало измѣнять Баторію, а польскій сеймъ давалъ лишь самыя скудныя средства для войны. Баторій взялъ Полоцкъ, Великіе Луки, Холмъ, Старую Русу, Островъ, но крѣпкія стѣны и мужественные защитники Пскова остановили его успѣхи. Ему пришлось начать правильную осаду этого города, а между тѣмъ войска было мало, денегъ также, приближалось холодное время года. Этимъ объясняется то, что король сталъ сговорчивѣе и согласился на переговоры, которые заведены были въ деревнѣ Киверовой-горкѣ, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго яма, при посредствѣ іезуита Посевина. Папа Григорій XIII, въ надеждѣ извлечь пользу для католической церкви, принялъ предложеніе царя о посредничествѣ и послалъ Посевина для переговоровъ. Долго тянулись эти переговоры, наконецъ въ январѣ 1582 г. состоялось десятилѣтнее перемиріе между Польшей и Москвою, въ силу котораго послѣдняя отказалась отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа, а Баторій возвратилъ взятые имъ псковскіе пригороды.

Миръ 1582 г. былъ неполнымъ: война со Шведами продолжалась еще потомъ въ теченіи полутора года. Впрочемъ ни русское, ни шведское оружіе въ эту войну не ознаменовало себя никакимъ сколько нибудь важнымъ подвигомъ. Трехлѣтнее перемиріе, заключенное на рѣкѣ Плисѣ, завершило и эту войну. Швеція осталась обладательницею прежнихъ своихъ владѣній въ Ливоніи, да къ тому же пріобрѣла отъ Московскаго государства города Яму и Копорье съ ихъ землями.

Такимъ образомъ попытка Іоанна Грознаго завладѣть Ливоніею окончилась значительнымъ истощеніемъ Московскаго государства отъ продолжительной войны и уступкою нѣсколькихъ русскихъ земель.

Нѣкоторые историки въ Ливонской войнѣ видятъ фактъ, доказывающій необыкновенный умъ Іоанна. Они даже приписываютъ ему тѣ великія идеи, которыя имѣлъ Петръ В., ведшій тоже войну въ Ливоніи и наконецъ покорившій ее. Но сходство тутъ болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее. Для Петра Ливонія была не цѣлью, а средствомъ добыть часть берега Балтійскаго моря, съ обладаніемъ которымъ у него были связаны его завѣтныя мысли о реформахъ въ Россіи, объ оживленіи ея

...ній съ западомъ, о включеніи ея въ семью европейскихъ государствъ. Но подобныхъ намѣреній у Іоанна мы не видимъ: для него завоеваніе Ливоніи было только цѣлью, за которою не скрывалось никакихъ болѣе отдаленныхъ идеаловъ. Желаніе обладать портами на Балтійскомъ морѣ отнюдь не можетъ быть приписываемо Іоанну и поставляемо настоящей причиной войны съ орденомъ уже потому, что доступъ къ морю, котораго добивался Петръ, при Іоаннѣ былъ во власти Россіи. Если-бы Россія при Петрѣ была въ тѣхъ же границахъ, что при Іоаннѣ, то Петру не нужно было-бы начинать наступательную войну, ему бы просто пришлось начать строить Петербургъ на русской землѣ и обнажить свой мечъ только тогда, когда этотъ фактъ вызвалъ-бы подозрительность и противодѣйствіе со стороны шведовъ. Если же съ Ливонской войной Іоаннъ не соединялъ другихъ цѣлей, кромѣ чисто завоевательныхъ, то сама война не можетъ служить фактомъ, особенно возвеличивающимъ его умъ и проницательность. Совѣтники Іоанновы были противъ этой войны: они указывали царю на другой пунктъ, именно на Крымъ, завоеваніе котораго, послѣ паденія Казани и Астрахани, завершило бы торжество Россіи надъ татарами. Постоянные набѣги крымцевъ, доходившихъ иногда до Москвы, отзывались крайне неблагопріятно на благосостояніи народа и не допускали русскую колонизацію проникать въ богатыя и плодородныя страны, простиравшіяся у тогдашней южной границы Россіи. Безъ сомнѣнія, покореніе Крыма было дѣломъ нелегкимъ; но въ то время, когда Ливонская война начиналась, крымцы много пострадали отъ неурожаевъ и мора. Казацкіе отряды наносили имъ много вреда и могли бы, будучи энергично поддержаны Московскимъ государствомъ, окончательно покончить съ Крымомъ. Въ такой именно моментъ Сильвестръ и Адашевъ совѣтовали, но безуспѣшно, Іоанну предпринять крымскій походъ, съ удачнымъ завершеніемъ котораго въ то время связано было болѣе дѣйствительной пользы для Россіи, чѣмъ съ завоеваніемъ Ливоніи.

XVII. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ІОАННА ГРОЗНАГО СЪ КУРБСКИМЪ.

А. Изъ перваго письма Курбскаго къ Іоанну.

...Зачѣмъ, о царь, ты избилъ сильныхъ въ Израилѣ? Зачѣмъ ты предалъ разнымъ казнямъ воеводъ, данныхъ тебѣ Богомъ? Зачѣмъ ихъ побѣдоносную, святую кровь въ церквахъ Божіихъ и во владыческихъ торжествахъ пролилъ и мученическою кровью ихъ церковные пороги обагрилъ? Зачѣмъ на доброхотовъ твоихъ, жизнь за тебя полагающихъ, неслыханныя мученія и гоненія воздвигъ, задумалъ ихъ казнить смертью, ложно обвиняя православныхъ въ измѣнахъ, чародѣйствахъ и другихъ преступленіяхъ, и усердно стараясь свѣтъ измѣнить въ тьму, сладкое сдѣлать горькимъ? Чѣмъ, о царь, провинились предъ тобою, чѣмъ тебя разгнѣвали эти представители христіанства? Не они-ли разорили прегордыя царства и, своимъ мужествомъ, сдѣлали твоими подданными тѣхъ, которые властвовали надъ предками нашими? Не тщеніемъ-ли ихъ разума крѣпкіе города нѣмецкіе, съ соизволенія Бога, тебѣ поко-

рились? За все-ли это намъ воздаешь, всенародно истребляя насъ? Не мнишь-ли, о царь, что ты безсмертенъ? Или, быть можетъ, ты впалъ въ небывалую ересь и не хочешь предстать предъ неизбѣжнымъ судьею, богоначальнымъ Іисусомъ, который будетъ судить всѣхъ людей по правдѣ, паче же всего прегордыхъ мучителей, и велитъ, какъ говорится, «истязати ихъ и до влас прегрѣшенія». Онъ есть, Христосъ мой, сидящій на престолѣ херувимскомъ одесную Бога-Отца, онъ судья между мною и тобою.

Сколько зла и гоненій я потерпѣлъ отъ тебя! Какихъ бѣдъ и напастей не насылалъ ты на меня! Какихъ презлыхъ коварствъ ты не обнаружилъ относительно меня! Всѣхъ бѣдъ, испытанныхъ мною, благодаря тебѣ, теперь въ порядкѣ не могу перечесть за множествомъ ихъ, и такъ какъ душа моя объята печалью. Скажу лишь въ заключеніе вообще: я былъ всего лишенъ и безвинно удаленъ изъ земли Божьей, а все благодаря тебѣ. Я не просилъ нѣжными словами, не умолялъ тебя многослезнымъ рыданіемъ, не ходатайствомъ о твоихъ милостяхъ черезъ посредство духовныхъ лицъ; но ты воздалъ мнѣ зломъ за добро, непримиримою ненавистью за мою любовь къ тебѣ. Моя кровь, пролитая, какъ вода, за тебя, вопіетъ противъ тебя предъ Господомъ моимъ. Богъ сердцевѣдецъ: я прилежно обдумывалъ и совѣсть мою въ свидѣтели призывалъ, чтобы отыскать вину свою, но не нашелъ никакого прегрѣшенія въ себѣ относительно тебя. Я начальствовалъ надъ твоимъ войскомъ и не уклонялся отъ службы, не привелъ тебя ни къ какому безчестью, а лишь славныя побѣды, съ помощью ангела Господня, одерживалъ тебѣ во славу, никогда не допустилъ войска твоего до бѣгства предъ непріятелемъ. И все это дѣлалъ я не годъ, не два, а много лѣтъ потрудился въ поту и терпѣніи, постоянно защищалъ отечество, мало видѣлся съ своими родителями, жены своей не узнавалъ, всегда въ отдаленныхъ городахъ противъ враговъ твоихъ сражался, испытывалъ много нуждъ и естественныхъ болѣзней, всему чему свидѣтель Господь мой Іисусъ Христосъ. Во многихъ битвахъ я получалъ отъ варварскихъ рукъ раны, и все тѣло мое испещрено ими. И ты, о царь, все это ставишь ни во что, и являешь намъ нестерпимую ярость и ужаснѣйшую ненависть, страшнѣе раскаленной печи.

Хотѣлъ я перечислить въ порядкѣ военныя дѣла, совершенныя мною тебѣ во славу, силою Христа моего; но не дѣлаю этого, такъ какъ Богу это все лучше извѣстно, чѣмъ человѣку. Богъ воздаетъ не только за это, но и за чашу студеной воды. Знаю также, что и тебѣ эти дѣла небезъизвѣстны. И да будетъ притомъ, о царь, вѣдомо тебѣ, что не увидишь лица моего до дня втораго пришествія. И не думай, что я намѣренъ молчать. До кончины моей буду безпрестанно вопіять со слезами на тебя предъ лицемъ пребезначальной Троицы, въ которую вѣрую, и призываю на помощь Матерь херувимскаго Владыки, мою надежду и заступницу, владычицу Богородицу, и всѣхъ святыхъ, избранниковъ Божіихъ, и государя моего праотца Ѳеодора Ростиславича, тѣло котораго нетлѣнно сохраняется въ продолженіи многихъ лѣтъ, гробъ котораго испускаетъ благоуханіе и, благодатью Духа Святаго, отъ него исходятъ чудесныя исцѣленія, что тебѣ, о царь, хорошо извѣстно.... Писано въ Вольмарѣ, городѣ государя моего короля Сигизмунда-Августа, отъ королевской милости коего надѣюсь получить щедрыя пожалованія и утѣшенія во всѣхъ скорбяхъ моихъ, но болѣе всего надѣюсь на помощь Божью.

В. Изъ перваго (отвѣтнаго) письма Іоанна къ Курбскому.

...Ты, тѣла ради, душу погубилъ, и, непрочной славы ради, пріобрѣлъ славу незавидную: ты возмутился не противъ человѣка, а противъ Бога. Пойми, несчастный, съ какой высоты и въ какую пропасть ты сошелъ душею и тѣломъ. На тебѣ сбылось сказанное: «И еже имѣя мнится, взято будетъ отъ него». Твое благочестіе таково, что довело тебя до погибели не ради Бога, а ради самолюбія. Всѣ, имѣющіе разумъ, могутъ понять твое преступленіе, что ты убѣжалъ, желая бренной славы и богатства, а не спасаясь отъ смерти. Если ты, какъ самъ говоришь, праведенъ и благочестивъ, то почему же ты побоялся смерти неповинной, которая не есть смерть, а желанное благо? Вѣдь въ концѣ концовъ все же прійдется умереть! Если ты убоялся ложнаго смертнаго приговора, по лживымъ заявленіямъ друзей твоихъ, слугъ сатаны, то это служитъ доказательствомъ вашихъ измѣнническихъ намѣреній, проявляемыхъ съ давнихъ поръ и донынѣ. Зачѣмъ и апостола Павла ты презрѣлъ? Онъ говоритъ: «Всякая душа владыкамъ предвластвующимъ да повинуется, никая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть, тѣмъ же противляйся власти, Божію повеленію противится». Смотри и пойми: сопротивляющійся власти Богу противится, а противящійся Богу именуется отступникомъ, что составляетъ величайшій грѣхъ. И это сказано о всякой власти, даже о такой, которая устанавляется кровопролитіемъ и бранью; мы же не насильно добились власти, а слѣдовательно, сопротивляться нашей власти еще болѣе значитъ сопротивляться Богу. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ апостолъ Павелъ, слова котораго ты презрѣлъ: «Раби! Послушайте господей своихъ, не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодници, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть». Если, творя добро, пострадать, то значитъ такова уже воля Господня!

Если ты праведенъ и благочестивъ, то отчего ты не захотѣлъ отъ меня, строптиваго повелителя, пострадатъ и пріобрѣсти мученическій вѣнецъ? Ради бренной славы, сребролюбія, мірскихъ наслажденій ты попралъ все свое благочестіе душевное вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою и закономъ....

Какъ ты не стыдился раба своего Васьки Шибанова? Онъ умѣлъ соблюсти свой долгъ и предъ царемъ, и предъ всѣмъ народомъ; въ предсмертный часъ, вѣрный своему крестному цѣлованію, онъ не отрекся отъ тебя, хвалилъ тебя въ готовности принять смерть за тебя. Но ты не пожелалъ поступить съ подобною вѣрностью долгу: по причинѣ одного гнѣвнаго слова моего, ты погубилъ душу не только свою, но и души всѣхъ твоихъ предковъ; вѣдь божьимъ соизволеніемъ дѣду нашему, великому государю, они были отданы въ подданство; и они до смерти ему служили и вамъ, дѣтямъ своимъ, приказали служить дѣтямъ и внукамъ дѣда нашего. И все это ты забылъ, какъ собака, преступилъ крестное цѣлованіе, присоединился къ врагу христіанства и къ тому же, не обращая вниманія на свое преступленіе, подобныя скудоумныя слова говоришь, будто мечешь къ небо камнями, не стыдишься своего раба, вѣрнаго долгу, и отказываешься сдѣлать относительно своего повелителя то, что сдѣлалъ онъ....

Какъ выше я сказалъ, сколько зла перенесъ я отъ васъ (бояръ) въ юности и переношу доселѣ! Этимъ теперь тебя пространно изобличу. Вотъ что было (хотя ты былъ въ то время юнъ, но можешь знать): когда Божьимъ соизволеніемъ отецъ нашъ великій государь переселился въ лучшую жизнь, оставилъ тлѣнное и земное царство, перешелъ въ царство небесное, которому нѣтъ конца, и предсталъ предъ Царемъ царей и Господиномъ господъ, я остался съ однимъ братомъ, покойнымъ Георгіемъ. Мнѣ былъ тогда третій годъ, брату же одинъ годъ. Родительница наша благочестивая царица Елена осталась въ бѣдственномъ вдовствѣ, будто въ плѣненіи пребывала, окруженная иноплеменными народами, ведшими непримиримыя войны, какъ-то: литовцами, поляками, крымцами, татарами, ногаями, казанцами. И въ то же время отъ васъ измѣнниковъ бѣды и скорби она испытывала, такъ какъ, подобно тебѣ, бѣшенной собакѣ, князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Лятскій бѣжали въ Литву и оттуда ѣздили въ Царьградъ, въ Крымъ, къ ногаямъ, вездѣ возбуждая войну противъ православныхъ. Они однако не добились успѣха, такъ какъ, при заступничествѣ Бога и пречистой Богородицы, молитвами великихъ чудотворцевъ и родителей нашихъ, всѣ сіи злыя намѣренія распались въ прахъ. Потомъ измѣнники подняли на насъ дядю нашего князя Андрея Ивановича, и съ этими измѣнниками (восхваляемыми тобою и готовыми, по твоимъ словамъ, положить жизнь за насъ) онъ пошелъ къ Новгороду. И многіе въ то время отъ насъ отстали и пристали къ дядѣ нашему князю Андрею, а во главѣ ихъ былъ твой братъ князь Иванъ. Но и эти злыя намѣренія, съ божьею помощью, не имѣли успѣха. Не это ли есть доброхотство восхваляемыхъ тобою? Не такъ ли полагаютъ за насъ свою душу, когда имѣютъ намѣреніе погубить насъ и возвести на престолъ нашего дядю? Затѣмъ, обычаемъ измѣнниковъ, они стали отчину нашу, Радогощь, Стародубъ, Гомель, нашему врагу, Литвѣ, передавать. Вотъ какіе это доброхоты...

Когда, по Божьей волѣ, родительница наша благочестивая княгиня Елена перешла изъ земнаго царства въ небесное, мы съ покойнымъ братомъ Георгіемъ остались сиротами, уповающими на пресвятую Богородицу, молитвы святыхъ и родителей нашихъ. Мнѣ былъ тогда восьмой годъ, и тѣ, которые должны быть подданными нашими, стали самоуправничать, ибо государство было тогда безъ владѣтеля. Они ничего сообразнаго съ нашимъ благомъ не дѣлали, сами предались достиженію богатства и значенія, ссорились другъ съ другомъ. И что они надѣлали! Сколько бояръ, воеводъ, доброжелательныхъ отцу нашему, избили; дворы, села и имѣнія дядей нашихъ присвоили себѣ и водворились въ нихъ; казну нашей матери перенесли въ большую казну, неистово топча ее ногами и толкая кольями, а иное раздѣлили между собою! Все это сотворилъ дѣдъ твой Михайло Тучковъ. Князья Василій и Иванъ Шуйскіе самовольно взяли меня подъ свою опеку и такимъ образомъ воцарились, выпустивъ изъ заключенія и пристроивъ при себѣ всѣхъ тѣхъ, которые были главными измѣнниками относительно отца нашего и матери нашей... Насъ же, т. е. меня и моего роднаго брата покойнаго Георгія, воспитывали будто чужихъ или убогихъ дѣтей. Не удовлетворялись даже наши потребности относительно одежды и пищи...

Я не стараюсь свѣтъ измѣнить въ тьму и сладкаго не называю горькимъ. Неужели свѣтъ и сладость—это власть рабовъ? Неужели тьма и

горечь происходятъ оттого, когда владѣетъ Богомъ данный государь, о славѣ котораго прежде было сказано пространно? Въ своемъ письмѣ, написанномъ по внушенію діавола, ты высказываешь сочувствіе тому, чтобы рабы, помимо господъ своихъ, имѣли власть. Я ревностно забочусь о томъ, чтобы наставить людей на путь истины и свѣта, чтобы они познали единаго Бога, въ Тройцѣ славимаго, и государя, даннаго Богомъ, и отстали отъ междуусобныхъ браней и беззаконной жизни, такъ какъ послѣдними средствами царства приходятъ въ упадокъ. Есть ли оставленіе зла и твореніе добра горечь и тьма? Нѣтъ, это сладость и свѣтъ, ибо подданные, не повинующіеся царю, никогда не отстанутъ отъ междуусобныхъ войнъ...

Ты пишешь о крови своей, пролитой въ сраженіяхъ съ иноплеменниками за насъ, и въ своемъ безуміи полагаешь, что она вопіетъ противъ насъ передъ Богомъ. Но вѣдь это смѣха достойно. Кто пролилъ эту кровь, противъ того она и вопіетъ. Если кровь твоя и дѣйствительно пролита врагами, то вѣдь этимъ ты исполнилъ лишь свой долгъ относительно отечества; не сдѣлай ты этого, и ты бы не былъ христіаниномъ, а варваромъ. Такимъ образомъ этотъ упрекъ насъ не касается. Гораздо въ большой степени наша кровь вопіетъ предъ Господомъ противъ васъ, кровь, пролитая благодаря вамъ. Она струилась не изъ ранъ, не кровавыми пятнами, но потомъ и усталостью отъ множества трудовъ, которыми вы меня преступно, выше силъ моихъ, отягощали. По причинѣ вашей злобы и вашего утѣсненія много слезъ нашихъ, вмѣсто крови, было пролито, много было вздоховъ и стенаній, происходящихъ изъ глубины сердца. Отъ этого я получилъ боль въ поясницѣ. Я у васъ никогда не пользовался любовью, къ царицѣ моей и къ дѣтямъ нашимъ вы никогда не относились съ искреннимъ вниманіемъ. Таковое мое моленіе вопіетъ предъ Богомъ противъ васъ больше, чѣмъ ваше безуміе, потому что пролитіе крови вашей за православіе не то, что пролитіе крови изъ-за самолюбія и богатства...

Ты призываешь верховнаго судью Бога. Воистину Онъ праведно воздастъ каждому по дѣламъ, и добрымъ и злымъ; но только всякій человѣкъ долженъ разсудить, какого и за какія дѣла онъ долженъ ожидать себѣ воздаянія? Пишешь, что лица своего намъ не покажешь до дня страшнаго суда Божія; но кому же желательно видѣть столь эѳіопское лицо?

XVIII. УДАЛЕНІЕ ГРОЗНАГО ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ СЛОБОДУ И УЧРЕЖДЕНІЕ ОПРИЧНИНЫ И ЗЕМЩИНЫ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Измѣна Курбскаго и подозрѣніе другихъ бояръ въ сношеніяхъ съ Литвою вызвали сильный гнѣвъ въ Іоаннѣ. Всѣ добрые вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго; онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи, требовалъ доносовъ и жаловался, что ихъ мало; самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаждѣ къ истязанію. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были предъ нимъ

и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для ужасовъ, и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 г., Москва узнала, что царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, дворянами, людьми приказными, воинскими, поимянно созванными для того изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ, съ ихъ женами и дѣтьми. 3 декабря утромъ явилось на Кремлевской площади множество саней: въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, св. иконы, кресты, сосуды драгоцѣнные, одежды, деньги. Духовенство, бояре ждали государя въ церкви Успенія: онъ пришелъ и велѣлъ митрополиту служить обѣдню, молился съ усердіемъ, принялъ благословеніе, милостиво далъ поцѣловать руку свою боярамъ, чиновникамъ, купцамъ, сѣлъ въ сани съ царицею, съ двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михайломъ Салтыковымъ, кн. Аѳанасіемъ Вяземскимъ, съ другими любимцами и, провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ Александровскую слободу. Въ Москвѣ, кромѣ митрополита, находились тогда многіе святители: они вмѣстѣ съ боярами, вмѣстѣ съ народомъ, не зная, что думать о государевомъ необыкновенномъ, таинственномъ путешествіи, безпокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

3 генваря вручили митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неустройства, беззаконіе боярскаго правленія во время его малолѣтства, доказывалъ, что и вельможи, и приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья государевы, радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество, что сей духъ въ нихъ не измѣнился, что они не перестаютъ злодѣйствовать: воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ хану, Литвѣ, нѣмцамъ терзать Россію, а если государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ боярамъ и чиновникамъ, то митрополитъ и духовенство вступаются за виновныхъ. «Вслѣдствіе чего,—писалъ Іоаннъ, - не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости сердца оставили государство и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ путь». Другую грамоту прислалъ онъ гостямъ, купцамъ, мѣщанамъ: дьяки въ собраніи народа читали оную велегласно. Царь увѣрялъ добрыхъ москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. «Государь насъ оставилъ!» вопилъ народъ: «Мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплеменниками? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали отъ митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: «Пусть царь казнитъ своихъ лиходѣевъ: въ животѣ и въ смерти воля его; но царство да не останется безъ главы! Онъ нашъ владыка, Богомъ данный, инаго не вѣдаемъ. Мы всѣ съ своими головами ѣдемъ за тобою бить челомъ государю и плакаться». Тоже говорили купцы и мѣщане, прибавляя: «Пусть царь укажетъ намъ своихъ измѣнниковъ, мы сами истребимъ ихъ!» Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали

главными послами святителя новгородскаго Пимена и чудовскаго архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе епископы; за духовенствомъ вельможи, кн. Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, всѣ бояре, окольничіе, дворяне и приказные люди, прямо изъ палатъ митрополитовыхъ, не заѣхавъ къ себѣ въ домы; также и многіе гости, купцы, мѣщане поѣхали, чтобы ударить челомъ государю и плакаться.

Святители остановились въ Слатинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну. Онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую слободу съ приставами и 5 генваря впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ царю благословеніе отъ митрополита, епископы слезно умоляли его снять опалу съ духовенства, съ вельможъ, дворянъ, приказныхъ людей, не оставлять государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили наконецъ, чтобы онъ дозволилъ боярамъ видѣть очи царскія. Іоаннъ впустилъ и бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ ея народа многочисленнаго, богатою сокровищами природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ. «Когда,—сказали вмѣстѣ и духовные и государственные сановники,—ты не уважаешь мірскаго величія и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились чудеса божественной къ тебѣ милости, гдѣ лежатъ цѣлебныя мощи угодниковъ Христовыхъ; вспомни, что ты блюститель не только государства, но и церкви, первый, единственный монархъ православія! Если удалишься, кто спасетъ истину, чистоту нашей вѣры? Кто спасетъ милліоны душъ отъ погибели вѣчной?» Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости, ссылался на исторію, доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле врагами державныхъ наслѣдниковъ монарховыхъ: хотѣли извести царя, супругу, сыновей его... Бояре безмолвствовали. «Но, продолжалъ царь, для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ, соглашаюсь опять взять свои государства, а на какихъ условіяхъ, вы узнаете». Условія состояли въ томъ, чтобы Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ, опалою, смертью, лишеніемъ достоянія, безъ всякаго стуженія, безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны духовенства. Въ сихъ словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ боярамъ, которые предъ нимъ стояли: казалось, что никто изъ нихъ и не думалъ о своей жизни; хотѣли единственно возвратить царя царству, и всѣ со слезами благодарили, славили Іоаннову милость. Грозный владыка, какъ бы смягченный смиреніемъ обреченныхъ жертвъ, велѣлъ святителямъ праздновать съ нимъ Богоявленіе, удержалъ въ слободѣ кн. Бѣльскаго и Щенятева, а другихъ бояръ вмѣстѣ съ дьяками отпустилъ въ Москву, чтобы дѣла не остановились въ приказахъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала царя, и долго говорили, что онъ занимается тайнымъ дѣломъ съ людьми ближними, угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2 февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ духовенство, бояръ, знатнѣйшихъ сановниковъ. Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ, имѣлъ высокія плечи, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ римскій, глаза

небольшіе, сѣрые, но свѣтлые, проницательные, исполненные огня, а лицо нѣкогда пріятное. Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость, всѣ черты исказились, взоръ угасъ; а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса, отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова исчисливъ вины бояръ и подтвердивъ согласіе остаться царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры, о кратковременности жизни, и предложилъ уставъ *опричнины*—имя дотолѣ неизвѣстное. Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти, но обстоятельства удивили, а слѣдствія привели въ новый ужасъ Россію. 1) Царь объявлялъ своею собственностью города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Шую, Вологду, и нѣкоторые другіе, также волости Московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1000 тѣлохранителей изъ князей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ нѣкоторыя улицы съ разными слободами, откуда надлежало выслать дворянъ и приказныхъ людей, не записанныхъ въ царскую тысячу; 4) назначилъ особенныхъ сановниковъ для услугъ своихъ: дворецкаго, казначеевъ, ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ-бы возненавидѣвъ славныя воспоминанія кремлевскія и священные гробы предковъ, не хотѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III, а указалъ строить новый за Неглинною, между Арбатомъ и Никитскою улицею, и подобно крѣпости оградить высокою стѣною. Сія часть Россіи и Москвы, сія тысящная дружина Іоаннова, сей новый дворъ, какъ отдѣльная собственность царя, находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы опричниною, а все остальное, т. е. все государство, *земщиною*, которую Іоаннъ поручалъ боярамъ земскимъ кн. Бѣльскому, Мстиславскому и др., велѣвъ старымъ государственнымъ чиновникамъ, конюшему, дворецкому, казначеямъ, дьякамъ, сидѣть въ ихъ приказахъ, рѣшать всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относиться къ боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ государю. Іоаннъ, повидимому, желалъ какъ-бы удалиться отъ царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго владѣтеля, и въ доказательство, что государство и государственное уже не одно знаменуетъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны земской 100,000 рублей за издержки по путешествію отъ Москвы до слободы Александровской! Никто не противорѣчилъ: воля царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе.

4 февраля Москва увидѣла исполненіе условій, объявленныхъ царемъ духовенству и боярамъ въ Александровской слободѣ. Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной царицы Анастасіи и дѣтей его. Первою жертвою былъ славный воевода кн. Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій, потомокъ св. Владиміра и древнихъ князей суздальскихъ, знаменитый участникъ въ завоеваніи Казанскаго царства, мужъ ума глубокаго, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отече-

ства и христіанъ. Ему надлежало умереть вмѣстѣ съ сыномъ, Петромъ, семнадцати-лѣтнимъ юношею. Оба шли къ мѣсту казни безъ страха, спокойно, держа другъ друга за руку. Сынъ не хотѣлъ видѣть казни отца, и первый склонилъ подъ мечъ свою голову: родитель отвелъ его отъ плахи, сказавъ съ умиленіемъ: «Да не зрю тебя мертваго!» Юноша уступилъ ему первенство, взялъ отсѣченную голову отца, поцѣловалъ ее, взглянулъ на небо и съ лицомъ веселымъ отдалъ себя въ руки палача. Шуринъ Горбатаго Петръ Ховринъ (родомъ грекъ), окольничій Головинъ, кн. Иванъ Сухой-Кашинъ, и кравчій, кн. Петръ Ивановичъ Горенскій, были казнены въ тотъ же день; кн. Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ. Пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но, укрѣпляемый вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ канонъ Іисусу. Двухъ бояръ, кн. Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмаго, постригли; у многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отняли имѣніе, другихъ съ семействами сослали въ Казань. Одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ, ближній родственникъ добродѣтельной царицы Анастасіи, бояринъ и воевода Иванъ Петровичъ Яковлевъ, также навлекъ на себя опалу; но Іоаннъ въ самомъ ожесточеніи еще любилъ хвалиться милосердіемъ: простивъ Яковлева, взялъ съ него клятвенную грамоту, утвержденную подписями святителей, въ томъ, чтобы не уходить ему изъ Россіи ни въ Литву, ни къ папѣ, ни къ императору, ни къ султану, ни къ кн. Владиміру Андреевичу, и не имѣть съ нимъ никакихъ тайныхъ сношеній. Другіе бояре, кн. Василій Серебряный, Иванъ Охлябишинъ и другіе долженствовали представить за себя ручателей въ неизмѣнной службѣ государю, а, въ случаѣ ихъ бѣгства, ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести большую сумму денегъ въ казну: напримѣръ, за Серебрянаго 25000 рублей. Предосторожность безполезная и постыдная для государя; но сей государь былъ тиранъ.

После казней Іоаннъ занялся образованіемъ своей новой дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, кн. Аѳанасій Вяземскій и другіе любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ дѣтей баярскихъ, отличныхъ не достоинствами, но удальствомъ, распутствомъ, готовностью на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ; требовалось именно, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными боярами; неизвѣстность, самая низость происхожденія, вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, царь избралъ 6,000, взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ земскими (то есть, со всѣми, не записанными въ опричнину), не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За это государь далъ имъ не только земли, но и домы и всю движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ опричнины съ голыми руками, такъ что многіе изъ нихъ, люди заслуженные, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія; новые дворяне, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностью закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами: деревни разорились. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ опричнымъ: они были всегда въ судахъ, а на нихъ не

было ни суда, ни управы. Опричникъ или кромѣшникъ могъ безопасно тѣснить, грабить сосѣда и, въ случаѣ жалобы, бралъ съ него пеню за безчестіе. Сверхъ многихъ иныхъ злодѣйствъ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, слѣдующее вошло въ обыкновеніе: слуга опричника, исполняя волю господина, съ нѣкоторыми вещами прятался въ домѣ купца или дворянина; господинъ заявлялъ его мнимое бѣгство, мнимую кражу, требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина пять сотъ, тысячу или болѣе рублей. Не было снисхожденія: надлежало или немедленно заплатить, или идти на правежъ, заключавшійся въ томъ, что неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сѣчь его всенародно до уплаты денегъ. Иногда опричникъ самъ подметывалъ что нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ и за сію, будто-бы украденную у него, вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, онъ велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань: ибо сказать неучтивое слово кромѣшнику значило оскорбить самого царя. Въ такомъ случаѣ невинный спасался отъ тѣлесной казни тягостною денежною пенею. Однимъ словомъ, люди земскіе, отъ дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ опричныхъ; первые были ловомъ, послѣдніе ловцами, и единственно для того, чтобы Іоаннъ могъ надѣяться на усердіе своихъ разбойниковъ-тѣлохранителей въ новыхъ, замышляемыхъ имъ убійствахъ. Чѣмъ болѣе государство ненавидѣло опричныхъ, тѣмъ болѣе государь имѣлъ къ нимъ довѣренности: сія общая ненависть служила ему залогомъ ихъ вѣрности. Затѣйливый умъ Іоанновъ изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что грызутъ лиходѣевъ царскихъ и метутъ Россію!

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ: по крайней мѣрѣ онъ не взлюбилъ Москвы и съ сего времени жилъ большею частью въ слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ; на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ. Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные чиновники—въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу, купцы тоже. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоанна, для чего въ трехъ верстахъ отъ слободы, прозванной Неволею, обыкновенно стояла воинская стража. Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельностью успокаивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ иноковъ: выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, называлъ братіею, себя игуменомъ, Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова параклисіархомъ, далъ имъ тафьи или скуфейки и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою. Іоаннъ сочинилъ для нихъ уставъ монашескій и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ царе-

архіепископовъ и епископовъ, отложилъ свой гнѣвъ и велѣлъ сказать Филиппу, чтобы онъ «въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ не вступался и на митрополію ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ея изъ-за того, что царь не отмѣнилъ опричнины и не велѣлъ ему вступаться въ царскій домовый обиходъ, а совѣтывалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтывали съ отцемъ его и дѣдомъ». И Филиппъ далъ свое слово архіепископамъ и епископамъ, что онъ, по царскому слову и по ихъ благословенію, соглашается стать на митрополію, что въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ ему не вступаться, а по поставленіи, изъ-за опричнины и царскаго домоваго обихода, митрополіи не оставлять». Въ такихъ выраженіяхъ составленъ былъ приговоръ и, 20 іюля, подписанъ нареченнымъ на митрополію соловецкимъ игумномъ Филиппомъ и за нимъ двумя архіепископами и пятью епископами. Черезъ пять дней совершилось въ Успенскомъ соборѣ поставленіе митрополита Филиппа, при соучастіи почти всѣхъ святителей русской земли. Самъ Іоаннъ присутствовалъ при торжествѣ съ своими дѣтьми и двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ.

Прошло около года, и ничто не возмущало мира между царемъ и митрополитомъ. Филиппъ занимался только дѣлами церкви. Царь оказывалъ Филиппу благоволеніе и любовь. Православные радовались этому и благодарили Бога. Но въ душѣ царь уже не любилъ первосвятителя: онъ подозрѣвалъ въ немъ орудіе бояръ, полагая, что, по ихъ-то настроенію, онъ осмѣлился требовать уничтоженія опричнины предъ своимъ поставленіемъ на митрополію. Въ 1567 г. перехвачены были письма польскаго короля Сигизмунда и литовскаго гетмана Ходкевича къ главнѣйшимъ нашимъ боярамъ, которые будто-бы еще прежде тайно дали согласіе измѣнить своему государю и переселиться въ Литву. Начались страшныя казни; опричники неистовствовали въ Москвѣ, убивали всенародно на улицахъ и площадяхъ человѣкъ по десяти и по двадцати въ день; всѣхъ объялъ ужасъ. Многіе со слезами прибѣгали къ митрополиту и умоляли его заступиться за нихъ предъ государемъ. И добрый пастырь, утѣшая несчастныхъ словами вѣры, не могъ оставаться безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ духовныхъ чадъ. Онъ помнилъ, что отказался отъ мысли просить уничтоженія опричнины, но что сохранилъ за собою право «совѣтывать» государю, и слѣдовательно ходатайствовать, по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы онъ обуздывалъ своихъ опричниковъ, наблюдалъ правду и милость по отношенію къ своимъ подданнымъ и, карая злодѣевъ, не дозволялъ проливать неповинной крови. Одушевленный такими мыслями, святитель отправился къ Іоанну, чтобы сначала наединѣ пастырски побесѣдовать съ нимъ. Въ чемъ состояла эта тайная бесѣда, какъ обличалъ или убѣждалъ царя митрополитъ, неизвѣстно; но послѣдствія показали, что убѣжденія не принесли никакой пользы, а только, быть можетъ, еще болѣе утвердили Іоанна въ увѣренности, что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ бояръ и служитъ ихъ орудіемъ.

Къ прискорбію, нашлись и между духовными лицами предатели, старавшіеся только объ угожденіи царю. Это были: Пименъ, архіепископъ новгородскій, Пафнутій, епископъ суздальскій, Филоѳей, епископъ рязанскій и протоіерей Благовѣщенскаго собора Евстафій, царскій духовникъ, котораго Филиппъ подвергъ запрещенію за какіе-то проступки. Особенно этотъ послѣдній, т. е. духовникъ царя, непрестанно доносилъ ему, тайно

и явно, на митрополита. Время шло, неистовства опричниковъ не прекращались, царь не исправлялся. И святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, рѣшился начать (22 марта 1568 г.) открытыя, всенародныя обличенія ему. Іоаннъ пришелъ въ соборную церковь; здѣсь св. Филиппъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «О державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить Его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону. Правда—самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу: какъ смертный, не превозносись, а какъ образъ Божій, не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться только тотъ кто самъ собою обладаетъ и не работаетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь: у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого».... Услышавъ эти обличенія, царь въ ярости сказалъ: «Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Того ли не знаешь, что меня мои же хотятъ поглотить? *Филиппъ*. «Я точно чернецъ; но, по благодати св. Духа, по избранію св. собора и твоему изволенію, я пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства». *Іоаннъ*. «Одно тебѣ говорю, отче святый: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію». *Филиппъ*. «Благочестивый царь! Наше молчаніе умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить смерть». *Іоаннъ*: «Владыко святый! Возстали на меня друзи мои и искренніи мои ищутъ мнѣ зла». *Филиппъ*. «Государь! Тебѣ говорятъ неправду и лукавство; приблизь къ себѣ людей, желающихъ совѣтовать тебѣ доброе, а не льстить, и прогони говорящихъ тебѣ неправду». *Іоаннъ*: «Филиппъ, не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ». *Филиппъ*: «Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни мзды, чтобы получить этотъ санъ; зачѣмъ лишилъ ты меня пустыни? Если для тебя ничего не значатъ каноны, дѣлай, какъ хочешь». Царь пошелъ въ свои палаты въ большомъ раздумьи и въ гнѣвѣ на святителя.

Чрезъ нѣсколько времени въ день воскресный царь снова пришелъ въ соборную Успенскую церковь къ божественной службѣ. Самъ онъ и сопровождавшіе его опричники были въ черныхъ одеждахъ, которыя онъ нарочно придумалъ для нихъ, и съ высокими шлыками на головахъ. Въ церкви онъ приблизился къ митрополичьему мѣсту, на которомъ стоялъ Филиппъ, и три раза просилъ его благословенія; но святитель ничего не отвѣчалъ. Тогда бояре сказали: «Святый владыко! Къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ твоего благословенія». Послѣ этого Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, произнесъ: «Царь благой! Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ и язычниковъ есть правда, въ одной Россіи нѣтъ ея: во всемъ мірѣ можно встрѣчать милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просилъ прощенія въ грѣхахъ своихъ предъ Богомъ: прощай

же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою»... Іоаннъ распалился яростью и воскликнулъ: «О Филиппъ, нашу-ли волю думаешь измѣнить? Лучше было-бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами». «Тогда, отвѣчалъ святитель, суетна была-бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о тѣхъ скорблю, которые невинно предаются смерти, какъ мученики; я скорблю о тебѣ, пекусь о твоемъ спасеніи». Іоаннъ, вовсе не слушая словъ святителя, въ великомъ гнѣвѣ махалъ рукою, грозилъ ему изгнаніемъ и разными муками и говорилъ: «Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ; посмотримъ на твою твердость». «Я пришлецъ на землѣ, отвѣчалъ святый, какъ и отцы мои, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки». Тутъ-же, въ соборѣ, враги Филиппа, желая унизить его всенародно, подготовили на св. старца самую гнусную клевету, которую подучили произнесть предъ всѣми одного благообразнаго отрока, бывшаго чтецомъ домовой митрополичей церкви. Выслушавъ отрока, Пименъ новгородскій и другіе епископы, угодники царскіе, сказали: «Царя укоряетъ, а самъ творитъ такія неистовства». Митрополитъ отвѣчалъ Пимену: «Ты домогаешься восхитить чужой престолъ, но скоро лишишься и своего». А отрока, который вслѣдъ затѣмъ сознался, что говорилъ все не по своей волѣ, но по принужденію и изъ страха, простилъ и благословилъ. Когда эта клевета не удалась, царь приказалъ схватить всѣхъ главныхъ бояръ и сановниковъ митрополичихъ: ихъ заключили подъ стражу, пытали, стараясь вывѣдать что нибудь недоброе о святителѣ, но ничего не допытались.

Іюля 28, по случаю праздника въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, митрополитъ тамъ священнодѣйствовалъ. Туда же прибылъ на праздникъ, по утвердившемуся обычаю, и царь со всѣми боярами и опричниками. Въ то время, когда Филиппъ, совершая крестный ходъ вокругъ обители, достигъ св. воротъ и хотѣлъ читать евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ, и сказалъ государю: «Чтеніе слова Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенною главою, а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами»? «Кто такой»? спросилъ Іоаннъ и, взглянувъ вокругъ, не увидѣлъ никого въ тафьѣ, потому что виновный успѣлъ уже снять ее. Царю сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державою. Іоаннъ вышелъ изъ себя, всенародно поносилъ святителя и называлъ лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого царь принялъ твердое намѣреніе низложить Филиппа. Но, чтобы не возмутить народа, который весьма чтилъ архипастыря, задумалъ прежде обвинить его въ какихъ либо преступленіяхъ. А какъ вся жизнь Филиппа сіяла въ Москвѣ одними только добродѣтелями, то не счелъ недостойнымъ отправить особую депутацію въ Соловки для разслѣдованія его тамошней жизни. Во главѣ депутаціи находились клевреты царскіе: суздальскій епископъ Пафнутій, андрониковскій архимандритъ Θеодосій и князь Василій Темкинъ. Они употребили все, и ласки, и угрозы, и дары, и обѣщанія почестей, чтобы найти между иноками лжесвидѣтелей на митрополита, и дѣйствительно нѣкоторыхъ увлекли, а въ числѣ ихъ самого игумена Паисія, которому обѣщали епископскій санъ. Добрыхъ старцевъ, говорившихъ только истину о Филиппѣ и прославлявшихъ его непорочную жизнь въ монастырѣ, били и не хотѣли слушать. Записавъ клеветы и взявъ съ собою клеветниковъ, царскіе послы

возвратились въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ, въ присутствіи самого государя и бояръ, для суда надъ митрополитомъ. Призвали обвиняемаго, выслушали обвиненія на него; Паисій и его сообщники старались подтверждать свои клеветы. Первосвятитель не думалъ оправдываться, а сказалъ только Паисію: «Чадо, что сѣешь, то и пожнешь». Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, объявилъ, что вовсе не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени, и тутъ же началъ слагать съ себя всѣ знаки своего сана. Но царь велѣлъ остановиться и ждать судебнаго приговора. Ноября 8, въ день архистратига Михаила, когда св. Филиппъ священнодѣйствовалъ въ своей каѳедральной церкви, вдругъ явился туда любимецъ царскій, бояринъ Басмановъ, сопровождаемый опричниками. Онъ приказалъ прочитать предъ всѣмъ народомъ соборный приговоръ о низложеніи митрополита. И тотчасъ бросились на него опричники, совлекли съ него святительское облаченіе, одѣли его въ простую и разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни, отвезли въ Богоявленскій монастырь. Не довольствуясь этимъ, Іоаннъ хотѣлъ еще осудить св. старца на сожженіе, такъ какъ его обвиняли, между прочимъ, въ волшебствѣ, и, по ходатайству духовныхъ властей, согласился оставить ему жизнь. Цѣлую недѣлю просидѣлъ страдалецъ въ смрадной темницѣ, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодомъ. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ-называемый Старый. Царь прислалъ къ нему сюда отрубленную голову одного изъ любимыхъ его родственниковъ. Святитель поклонился предъ нею до земли, благословилъ ее, съ любовью облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по волѣ царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ на заточеніе въ тверскій Отрочь монастырь. Спустя около года, Іоаннъ, путешествуя въ Новгородъ для лютыхъ казней, когда приближался къ Твери, вспомнилъ о Филиппѣ и послалъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ, Малюту Скуратова, будто-бы попросить благословенія на путь. И этотъ злодѣй, вошедши въ келію страдальца и бесѣдуя съ нимъ наединѣ, задушилъ его подушкою (23 декабря 1569 г.), а потомъ сказалъ настоятелю и приставникамъ, что митрополитъ умеръ по ихъ небрежности «отъ неуставнаго зною келейнаго». Скоро Іоаннъ сознадъ свою несправедливость противъ св. мужа и излилъ свой гнѣвъ на Соловецкую обитель за оклеветаніе его. Игуменъ Паисій былъ заточенъ въ Валаамскій монастырь, монахъ Зосима и еще десять иноковъ, тоже клеветавшихъ на св. Филиппа, были разосланы по разнымъ монастырямъ.

Были у насъ, въ царствованіе Іоанна IV, одинъ за другимъ, еще три митрополита. Но эти уже не рѣшались или, быть можетъ, считали безполезнымъ обличать и убѣждать грознаго царя, такъ какъ опытъ святителя Филиппа показалъ, что обличенія не только не могли исправить Іоанна, но еще болѣе ожесточали его. Спустя дня два по низверженіи Филиппа возведенъ былъ на митрополитскій престолъ архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря Кириллъ. При немъ лютость Іоанна достигла крайнихъ предѣловъ. Не довольствуясь уже тѣмъ, чтобы губить отдѣльныя лица и семейства, онъ началъ изливать гнѣвъ свой на цѣлые города.

XX. НОВГОРОДСКІЙ ПОГРОМЪ.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Московскій царь давно уже не терпѣлъ Новгорода. При учрежденіи опричнины, онъ обвинялъ весь русскій народъ въ томъ, что въ прошедшіе вѣка этотъ народъ не любилъ царскихъ предковъ. Видно, что Іоаннъ читалъ лѣтописи и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описывались проявленія древней вѣчевой свободы. Нигдѣ, конечно, онъ не видѣлъ такихъ рѣзкихъ, ненавистныхъ для него чертъ, какъ въ исторіи Новгорода и Пскова. Понятно, что къ этимъ двумъ землямъ, а особенно къ Новгороду, развивалась въ немъ злоба. Новгородцы уже знали объ этой злобѣ и чуяли надъ собою бѣду, а потому и просили Филиппа ходатайствовать за нихъ передъ царемъ. Въ 1569 г. Іоаннъ началъ выводить изъ Новгорода и Пскова жителей съ ихъ семьями: изъ Новгорода взялъ сто пятьдесятъ, изъ Пскова пятьсотъ; Новгородъ и Псковъ были въ большомъ страхѣ. Въ это время какой-то бродяга, родомъ волынецъ, наказанный за что-то въ Новгородѣ, вздумалъ разомъ и отомстить новгородцамъ, и угодить Іоанну. Онъ написалъ письмо, какъ будто отъ архіепископа Пимена и многихъ новгородцевъ къ Сигизмунду-Августу, спряталъ это письмо въ Софійской церкви за образъ Богородицы, а самъ убѣжалъ въ Москву и донесъ государю, что архіепископъ со множествомъ духовныхъ и мірскихъ людей отдается литовскому государю. Царь съ жадностью ухватился за этотъ доносъ и тотчасъ отправилъ въ Новгородъ искать указанныхъ грамотъ. Грамоты дѣйствительно отыскались. Чудовищно-развитое воображеніе царя не допустило его до какихъ нибудь сомнѣній въ дѣйствительности этой продѣлки.

Въ декабрѣ 1569 г. предпринялъ Іоаннъ Васильевичъ походъ на сѣверъ. Съ нимъ были всѣ опричники и множество дѣтей боярскихъ. Онъ шелъ, какъ ка войну: то была странная, сумасбродная война съ прошлыми вѣками, дикая месть живымъ за давно умершихъ. Не только Новгородъ и Псковъ, но и Тверь была осуждена на кару, какъ-бы въ воспоминаніе тѣхъ временъ, когда тверскіе князья боролись съ московскими предками Іоанна. Городъ Клинъ, нѣкогда принадлежавшій Твери, долженъ былъ первый испытать царскій гнѣвъ. Опричники, по царскому приказанію, ворвались въ городъ, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни въ чемъ неповинные, не понимавшіе, что все это значитъ, разбѣгались. За тѣмъ царь пошелъ на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякаго встрѣчнаго, кто не нравился. Подступивши къ Твери, царь приказалъ окружить городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ и самъ расположился въ одномъ изъ ближнихъ монастырей.

Іоаннъ стоялъ подъ Тверью пять дней. Сначала ограбили всѣхъ духовныхъ, начиная съ епископа. Простые жители думали, что тѣмъ дѣло и кончится; но, черезъ два дня, по царскому приказанію, опричники бросились въ городъ, бѣгали по домамъ, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякіе домашніе запасы и купеческіе товары: воскъ, ленъ, кожи и пр., свозили въ кучи, сожигали, а потомъ удалились. Жители опять начали думать, что этимъ дѣло кончится, что, истребивши ихъ достояніе, имъ по крайней мѣрѣ оставятъ жизнь, какъ вдругъ опричники опять врываются въ городъ и начинаютъ бить

кого ни попало: мужчинъ, женщинъ, младенцевъ, иныхъ жгутъ огнемъ, другихъ рвутъ клещами, тащатъ и бросаютъ тѣла убитыхъ въ Волгу. Самъ Іоаннъ собираетъ плѣнныхъ полочанъ и нѣмцевъ, которые содержались въ тюрьмахъ, частью помѣщены были въ домахъ. Ихъ тащатъ на берегъ Волги, въ присутствіи царя разсѣкаютъ на части и бросаютъ подъ ледъ. Изъ Твери уѣхалъ царь въ Торжокъ; и тамъ повторялось то-же, что дѣлалось въ Твери. Въ помянникѣ Іоанна записано убитыхъ тамъ православныхъ христіанъ 1490 чел. Но въ Торжкѣ Іоаннъ едва избѣжалъ опасности. Тамъ содержались въ башняхъ плѣнные нѣмцы и татаре. Іоаннъ явился прежде къ нѣмцамъ, приказалъ убивать ихъ передъ своими глазами и спокойно наслаждался ихъ муками; но, когда онъ оттуда отправился къ татарамъ, мурзы бросились въ отчаяніи на Малюту, тяжело ранили его, потомъ убили еще двухъ человѣкъ, а одинъ татаринъ кинулся было на самого Іоанна, но его остановили. Всѣ татаре были умерщвлены.

Изъ Торжка царь шелъ на Вышній-Волочекъ, Валдай, Яжелбицы. По обѣ стороны отъ дороги опричники разбѣгались по деревнямъ, убивали людей и разоряли ихъ достояніе.

Еще до прибытія Іоанна въ Новгородъ пріѣхалъ туда его передовой полкъ. По царскому повелѣнію тотчасъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ никто не могъ убѣжать изъ него. Потомъ нахватали духовныхъ изъ новгородскихъ и окрестныхъ монастырей и церквей, заковали въ желѣзо и въ Городищѣ поставили на правежъ; всякій день били ихъ на правежѣ, требуя по 20 новгородскихъ рублей съ каждаго, какъ бы на выкупъ. Такъ продолжалось дней пять. Дворяне и дѣти боярскіе, принадлежащіе къ опричнинѣ, созвали въ Дѣтинецъ знатнѣйшихъ жителей и торговцевъ, а также и приказныхъ людей, заковали и отдали приставамъ подъ стражу, а дома ихъ и имущество опечатали. Это дѣлалось въ первыхъ числахъ января 1570 г.

6 января, въ пятницу вечеромъ, пріѣхалъ государь въ Городище съ остальнымъ войскомъ и съ 1500 московскихъ стрѣльцовъ. На другой день дано повелѣніе перебить дубинами до смерти всѣхъ игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правежѣ, и развезти тѣла ихъ на погребеніе, каждаго въ свой монастырь. 8 января, въ воскресенье, царь далъ знать, что пріѣдетъ къ св. Софіи къ обѣднѣ. По давнему обычаю, архіепископъ Пименъ со всѣмъ соборомъ, съ крестами и иконами сталъ на Волховскомъ мосту у часовни Чуднаго креста встрѣчать государя. Царь шелъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, не цѣловалъ креста изъ рукъ архіепископа и сказалъ такъ: «Ты, злочестивецъ, въ рукѣ держишь не крестъ животворящій, а вмѣсто креста оружіе; ты со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этимъ оружіемъ уязвить наше царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы Великій Новгородъ отдать иноплеменнику, польскому королю Жигимонту-Августу; съ этихъ поръ ты уже не назовешься пастыремъ и сопрестольникомъ св. Софіи, а назовешься ты волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ нашему царскому вѣнцу и багру досадитель!» Затѣмъ, не подходя къ кресту, царь приказалъ архіепископу служить обѣдню.

Іоаннъ отслушалъ обѣдню со всѣми своими людьми, а изъ церкви пошелъ въ столовую палату. Тамъ былъ приготовленъ обѣдъ для высокаго гостя. Едва усѣлся онъ за столъ и отвѣдалъ пищи, какъ вдругъ заво-

пилъ. Это былъ условный знакъ. Архіепископъ Пименъ былъ схваченъ, опричники бросились грабить его владычную казну, дворецкій Салтыковъ и царскій духовникъ Евстафій съ царскими боярами овладѣли ризницею церкви св. Софіи, а отсюда отправились по всѣмъ монастырямъ и церквамъ забирать въ пользу царя церковную казну и утварь. Царь уѣхалъ въ Городище.

Вслѣдъ затѣмъ царь приказалъ привести къ себѣ въ Городище тѣхъ новгородцевъ, которые до его прибытія были взяты подъ стражу. Это были владычные бояре, новгородскіе дѣти боярскіе, выборные городскіе и приказные люди и знатнѣйшіе торговцы. Съ ними вмѣстѣ привезли ихъ женъ и дѣтей. Собравши всю эту толпу передъ собою, Іоаннъ приказалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ раздѣвать ихъ и терзать «неисповѣдимыми», какъ говоритъ современникъ, муками, между прочимъ поджигать ихъ какимъ-то изобрѣтеннымъ имъ составомъ, который у него назывался поджаръ («нѣкоею составною мудростью огненною»); потомъ онъ велѣлъ измученныхъ, опаленныхъ привязывать сзади къ санямъ, шибко везти вслѣдъ за собою въ Новгородъ, волоча по замершей землѣ, и метать въ Волховъ съ мосту. За ними везли ихъ женъ и дѣтей; женщинамъ связывали назадъ руки съ ногами, привязывали къ нимъ младенцевъ и въ такомъ видѣ бросали въ Волховъ; по рѣкѣ ѣздили царскіе слуги съ баграми и топорами и добивали тѣхъ, которые всплывали. «Пять недѣль продолжалась неукротимая ярость царева», говоритъ современникъ. Когда наконецъ царю надоѣла такая потѣха на Волховѣ, онъ началъ ѣздить по монастырямъ и приказалъ передъ своими глазами истреблять огнемъ хлѣбъ въ скирдахъ и въ зернѣ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ. Осталось преданіе, что, пріѣхавши въ Антоніевъ монастырь, царь отслушалъ обѣдню, потомъ вышелъ въ трапезу и приказалъ побить все живое въ монастырѣ. Расправившись такимъ образомъ съ иноческими обителями, Іоаннъ началъ прогулку по мірскому жительству Новгорода: приказалъ истреблять купеческіе товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери въ домахъ, истреблять домашніе запасы и все достояніе жителей. Въ то же самое время царскіе люди ѣздили отрядами по окрестностямъ Новгорода, по селамъ, деревнямъ и боярскимъ усадьбамъ, разорять жилища, истреблять запасы, убивать скотъ и домашнюю птицу. Наконецъ, 13 февраля, въ понедѣльникъ, на второй недѣлѣ поста, созвалъ государь оставшихся въ живыхъ новгородцевъ; ожидали они своей гибели, какъ вдругъ царь окинулъ ихъ милостивымъ взглядомъ и ласково сказалъ: «Жители Великаго Новгорода! Молите всемилостиваго, всещедраго, человѣколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ и о всемъ христолюбивомъ нашемъ воинствѣ, чтобъ Господь подаровалъ намъ свыше побѣду и одолѣніе на видимыхъ и невидимыхъ враговъ! Судитъ Богъ измѣннику моему и вашему архіепископу Пимену и его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ: на нихъ измѣнникахъ взыщется вся пролитая кровь; и вы объ этомъ не скорбите, живите въ городѣ семъ съ благодарностью, я вамъ оставляю намѣстника князя Пронскаго». Самого Пимена царь отправилъ въ оковахъ въ Москву. Иностранныя извѣстія говорятъ, что онъ предавалъ его поруганію, сажалъ на бѣлую кобылу и приказывалъ водить окруженнаго скоморохами, игравшими на своихъ инструментахъ. «Тебѣ пляшущихъ медвѣдей водить, а не сидѣть владыкою», говорилъ ему Іоаннъ. Несчастный Пименъ былъ отправленъ въ Веневъ въ заточеніе и жилъ тамъ подъ вѣчнымъ страхомъ смерти.

Число истребленныхъ показывается современниками различно и, вѣроятно, преувеличено. Псковской лѣтописецъ говоритъ, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Въ народѣ до сихъ поръ осталось преданіе, что Грозный запрудилъ убитыми новгородцами Волховъ, и съ тѣхъ поръ, какъ-бы въ память этого событія, отъ обилія пролитой тогда человѣческой крови, рѣка никогда не замерзаетъ около моста, какъ бы ни были велики морозы. Послѣдствія царскаго погрома еще долго отзывались въ Новгородѣ. Истребленіе хлѣбныхъ запасовъ и домашняго скота произвело страшный голодъ и болѣзни не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ его; доходило до того, что люди поѣдали другъ друга и вырывали мертвыхъ изъ могилъ. Все лѣто 1570 г. свозили кучами умершихъ къ церкви Рождества въ полѣ вмѣстѣ съ тѣлами утопленныхъ, выплывшихъ на поверхность воды, и нищій старецъ Иванъ Жегальцо погребалъ ихъ.

До сихъ поръ Новгородъ, оправившись послѣ Іоанна III, былъ сравнительно городомъ богатымъ: новый торговый путь чрезъ Бѣлое море не убилъ его; англичане сами посѣщали его и имѣли въ немъ, какъ во Псковѣ, Ярославлѣ, Казани и Вологдѣ, свое подворье; Новгородъ; отправлялъ значительный отпускъ воска, кожъ и льна. Новгородскіе купцы (а именно купцы изъ новгородскихъ пригородовъ Орѣшка и Корѣлы) въ большомъ числѣ ѣздили въ Швецію. Такимъ образомъ въ Новгородѣ были люди съ капиталами, и жители пользовались благосостояніемъ. Съ этимъ обстоятельствомъ, конечно, совпадаетъ и то, что Новгородъ предъ другими краями русскими и въ этотъ періодъ славился преимущественно признаками умѣлости: такъ, въ предшествовавшіе годы, приглашали въ Москву изъ Новгорода каменьщиковъ, кровельщиковъ, рѣзчиковъ на камнѣ и деревѣ, иконописцевъ и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ. Съ Іоаннова посѣщенія новгородскій край упалъ, обезлюдѣлъ; недобитые имъ, ограбленные новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищія поколѣнія.

Изъ Новгорода царь отправился въ Псковъ съ намѣреніемъ и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были въ оцѣпенѣніи, исповѣдывались, причащались, готовились къ смерти. Псковской воевода кн. Юрій Токмаковъ велѣлъ поставить на улицахъ столы съ хлѣбомъ—солью и всѣмъ жителямъ земно кланяться и показывать знаки полнѣйшей покорности, какъ будетъ въѣзжать царь. Іоаннъ подъѣхалъ къ Пскову ночью и остановился въ монастырѣ св. Николая на Любатовѣ. Здѣсь онъ услышалъ звонъ въ псковскихъ церквахъ и понялъ, что псковичи готовятся къ смерти. Когда утромъ онъ въѣхалъ въ городъ, его пріятно поразила покорность народа, лежавшаго ницъ на землѣ, но болѣе всего подѣйствовалъ на него юродивый Никола, по прозвищу Салосъ, (что знаитъ по-гречески юродивый). Этого рода люди, представлявшіе изъ себя ...рачковъ и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, часто осмѣливались ...рить сильнымъ людямъ то, на что бы не рѣшился никто другой. ...ла поднесъ Іоанну кусокъ сырого мяса: «Я христіанинъ и не ѣмъ ...ъ постъ», сказалъ Іоаннъ. «Ты хуже дѣлаешь, сказалъ ему Ни..., ты ѣшь человѣческое мясо». По другимъ извѣстіямъ, юродивый ...дрекалъ ему бѣду, если онъ начнетъ свирѣпствовать во Псковѣ, и, ...слѣдъ затѣмъ, у Іоанна издохъ его любимый конь. Это такъ подѣйствовало на царя, что онъ никого не казнилъ, но все-таки ограбилъ церковную казну и частныя имѣнія жителей.

пилъ. Это былъ условный знакъ. Архіепископъ Пименъ былъ схваченъ, опричники бросились грабить его владычную казну, дворецкій Салтыковъ и царскій духовникъ Евстафій съ царскими боярами овладѣли ризницею церкви св. Софіи, а отсюда отправились по всѣмъ монастырямъ и церквамъ забирать въ пользу царя церковную казну и утварь. Царь уѣхалъ въ Городище.

Вслѣдъ затѣмъ царь приказалъ привести къ себѣ въ Городище тѣхъ новгородцевъ, которые до его прибытія были взяты подъ стражу. Это были владычные бояре, новгородскіе дѣти боярскіе, выборные городскіе и приказные люди и знатнѣйшіе торговцы. Съ ними вмѣстѣ привезли ихъ женъ и дѣтей. Собравши всю эту толпу передъ собою, Іоаннъ приказалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ раздѣвать ихъ и терзать «неисповѣдимыми», какъ говоритъ современникъ, муками, между прочимъ поджигать ихъ какимъ-то изобрѣтеннымъ имъ составомъ, который у него назывался поджаръ («нѣкоею составною мудростью огненною»); потомъ онъ велѣлъ измученныхъ, опаленныхъ привязывать сзади къ санямъ, шибко везти вслѣдъ за собою въ Новгородъ, волоча по замершей землѣ, и метать въ Волховъ съ мосту. За ними везли ихъ женъ и дѣтей; женщинамъ связывали назадъ руки съ ногами, привязывали къ нимъ младенцевъ и въ такомъ видѣ бросали въ Волховъ; по рѣкѣ ѣздили царскіе слуги съ баграми и топорами и добивали тѣхъ, которые всплывали. «Пять недѣль продолжалась неукротимая ярость царева», говоритъ современникъ. Когда наконецъ царю надоѣла такая потѣха на Волховѣ, онъ началъ ѣздить по монастырямъ и приказалъ передъ своими глазами истреблять огнемъ хлѣбъ въ скирдахъ и въ зернѣ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ. Осталось преданіе, что, пріѣхавши въ Антоніевъ монастырь, царь отслушалъ обѣдню, потомъ вышелъ въ трапезу и приказалъ побить все живое въ монастырѣ. Расправившись такимъ образомъ съ иноческими обителями, Іоаннъ началъ прогулку по мірскому жительству Новгорода: приказалъ истреблять купеческіе товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери въ домахъ, истреблять домашніе запасы и все достояніе жителей. Въ то же самое время царскіе люди ѣздили отрядами по окрестностямъ Новгорода, по селамъ, деревнямъ и боярскимъ усадьбамъ, разорять жилища, истреблять запасы, убивать скотъ и домашнюю птицу. Наконецъ, 13 февраля, въ понедѣльникъ, на второй недѣлѣ поста, созвалъ государь оставшихся въ живыхъ новгородцевъ; ожидали они своей гибели, какъ вдругъ царь окинулъ ихъ милостивымъ взглядомъ и ласково сказалъ: «Жители Великаго Новгорода! Молите всемилостиваго, всещедраго, человѣколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ и о всемъ христолюбивомъ нашемъ воинствѣ, чтобъ Господь подаровалъ намъ свыше побѣду и одолѣніе на видимыхъ и невидимыхъ враговъ! Судитъ Богъ измѣннику моему и вашему архіепископу Пимену и его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ: на нихъ измѣнникахъ взыщется вся пролитая кровь; и вы объ этомъ не скорбите, живите въ городѣ семъ съ благодарностью, я вамъ оставляю намѣстника князя Пронскаго». Самого Пимена царь отправилъ въ оковахъ въ Москву. Иностранныя извѣстія говорятъ, что онъ предавалъ его поруганію, сажалъ на бѣлую кобылу и приказывалъ водить окруженнаго скоморохами, игравшими на своихъ инструментахъ. «Тебѣ пляшущихъ медвѣдей водить, а не сидѣть владыкою», говорилъ ему Іоаннъ. Несчастный Пименъ былъ отправленъ въ Веневъ въ заточеніе и жилъ тамъ подъ вѣчнымъ страхомъ смерти.

Число истребленныхъ показывается современниками различно и, вѣроятно, преувеличено. Псковской лѣтописецъ говоритъ, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Въ народѣ до сихъ поръ осталось преданіе, что Грозный запрудилъ убитыми новгородцами Волховъ, и съ тѣхъ поръ, какъ-бы въ память этого событія, отъ обилія пролитой тогда человѣческой крови, рѣка никогда не замерзаетъ около моста, какъ бы ни были велики морозы. Послѣдствія царскаго погрома еще долго отзывались въ Новгородѣ. Истребленіе хлѣбныхъ запасовъ и домашняго скота произвело страшный голодъ и болѣзни не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ его; доходило до того, что люди поѣдали другъ друга и вырывали мертвыхъ изъ могилъ. Все лѣто 1570 г. свозили кучами умершихъ къ церкви Рождества въ полѣ вмѣстѣ съ тѣлами утопленныхъ, выплывшихъ на поверхность воды, и нищій старецъ Иванъ Жегальцо погребалъ ихъ.

До сихъ поръ Новгородъ, оправившись послѣ Іоанна III, былъ сравнительно городомъ богатымъ: новый торговый путь чрезъ Бѣлое море не убилъ его; англичане сами посѣщали его и имѣли въ немъ, какъ во Псковѣ, Ярославлѣ, Казани и Вологдѣ, свое подворье; Новгородъ; отправлялъ значительный отпускъ воска, кожъ и льна. Новгородскіе купцы (а именно купцы изъ новгородскихъ пригородовъ Орѣшка и Корѣлы) въ большомъ числѣ ѣздили въ Швецію. Такимъ образомъ въ Новгородѣ были люди съ капиталами, и жители пользовались благосостояніемъ. Съ этимъ обстоятельствомъ, конечно, совпадаетъ и то, что Новгородъ предъ другими краями русскими и въ этотъ періодъ славился преимущественно признаками умѣлости: такъ, въ предшествовавшіе годы, приглашали въ Москву изъ Новгорода каменьщиковъ, кровельщиковъ, рѣзчиковъ на камнѣ и деревѣ, иконописцевъ и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ. Съ Іоаннова посѣщенія новгородскій край упалъ, обезлюдѣлъ; недобитые имъ, ограбленные новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищія поколѣнія.

Изъ Новгорода царь отправился въ Псковъ съ намѣреніемъ и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были въ оцѣпенѣніи, исповѣдывались, причащались, готовились къ смерти. Псковской воевода кн. Юрій Токмаковъ велѣлъ поставить на улицахъ столы съ хлѣбомъ—солью и всѣмъ жителямъ земно кланяться и показывать знаки полнѣйшей покорности, какъ будетъ въѣзжать царь. Іоаннъ подъѣхалъ къ Пскову ночью и остановился въ монастырѣ св. Николая на Любатовѣ. Здѣсь онъ услышалъ звонъ въ псковскихъ церквахъ и понялъ, что псковичи готовятся къ смерти. Когда утромъ онъ въѣхалъ въ городъ, его пріятно поразила покорность народа, лежавшаго ницъ на землѣ, но болѣе всего подѣйствовалъ на него юродивый Никола, по прозвищу Салосъ, (что значитъ по-гречески юродивый). Этого рода люди, представлявшіе изъ себя дурачковъ и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, часто осмѣливались говорить сильнымъ людямъ то, на что бы не рѣшился никто другой. Никола поднесъ Іоанну кусокъ сырого мяса: «Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ», сказалъ Іоаннъ. «Ты хуже дѣлаешь, сказалъ ему Никола, ты ѣшь человѣческое мясо». По другимъ извѣстіямъ, юродивый предрекалъ ему бѣду, если онъ начнетъ свирѣпствовать во Псковѣ, и, вслѣдъ затѣмъ, у Іоанна издохъ его любимый конь. Это такъ подѣйствовало на царя, что онъ никого не казнилъ, но все-таки ограбилъ церковную казну и частныя имѣнія жителей.

XXI. ЛИЧНОСТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.

(Изъ статьи Бестужева-Рюмина: „Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго“, помѣщенной въ „Зарѣ“, за 1871 г.).

Что такое царь Иванъ Васильевичъ Грозный? Чтобы понять эту личность, слѣдуетъ обратить вниманіе на одно очень важное обстоятельство. Обыкновенно мы судимъ людей по степени ихъ успѣха. Всегда ли это бываетъ справедливо? Если передъ нами стоятъ два человѣка съ одинаковымъ характеромъ, съ одинаковыми цѣлями и съ одинаковыми почти средствами для достиженія ихъ, за измѣненіемъ только нѣкоторыхъ, несущественныхъ обстоятельствъ, то мы обыкновенно отдаемъ преимущество, вѣнчаемъ лаврами того, который одержалъ полную побѣду; мы видимъ человѣка, достигшаго послѣднихъ результатовъ, видимъ торжество блистательное, униженіе сосѣдняго государства, стоявшаго прежде на первомъ планѣ на всемъ сѣверѣ; видимъ полное достиженіе цѣли, видимъ его торжественно сходящимъ съ своего поприща. Мы говоримъ: „Вотъ великій человѣкъ!“ Обращаясь къ другому, мы видимъ, что цѣли были тѣ-же, но не было того торжества, и говоримъ: „Этотъ не былъ великимъ человѣкомъ.“ Будемъ ли мы правы? Если мы будемъ великимъ человѣкомъ называть только того, кто, идя къ цѣли, выбираетъ средства, дѣйствительно соотвѣтствующія этой цѣли при извѣстномъ положеніи дѣлъ, тогда мы будемъ совершенно правы; но дѣйствительно ли всегда можно съ имѣющимися подъ рукою средствами достигнуть желаемой цѣли, и неужели человѣкъ, ранѣе другаго стремившійся къ извѣстной цѣли, но не имѣвшій подъ руками средствъ для ея достиженія, не заслуживаетъ, если не вѣнчанія лаврами, то по крайней мѣрѣ нашего участія, нашего внимательнаго изученія? Въ такомъ положеніи, кажется, мы стоимъ передъ двумя нашими великими историческими лицами: передъ Петромъ Великимъ и Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Оба они одного хотѣли, къ одному стремились; но одинъ имѣлъ Полтаву и Ништадтскій миръ, другой же имѣлъ миръ на Киверовой горкѣ и только одно утѣшеніе—блистательную защиту Пскова. Мы должны вглядѣться въ причины, отъ которыхъ произошло различіе между ними. Причины эти заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что одинъ жилъ въ XVI, а другой въ XVII и началѣ XVIII вѣка, у одного было много приготовлено такого, чего не было у другаго. Одинъ имѣлъ подъ руками вѣрныхъ и готовыхъ служить ему сотрудниковъ, у другаго же такихъ сотрудниковъ не оказалось. Когда царь Иванъ Грозный говорилъ: „Я хочу завоевать Лифляндію, хочу утвердиться на берегу Балтійскаго моря“, ему отвѣчали на это самые близкіе совѣтники, которыхъ мы до сихъ поръ не отвыкли называть лучшими его внушителями, относить къ лучшимъ людямъ того времени, Сильвестръ и Адашевъ: „Зачѣмъ идти туда? Не лучше ли завоевать Крымъ, идти по старому пути.“ Такимъ образомъ, онъ находилъ на самыхъ первыхъ порахъ нерасположеніе, неохоту служить ему, онъ не встрѣчалъ никакого сочувствія къ себѣ и своимъ планамъ. Внѣшняя его политика не встрѣтила сочувствія, не болѣе посчастливилось и внутренней. Царь Иванъ Васильевичъ жилъ въ ту эпоху, когда, очень бѣдное населеніемъ, разсѣяннымъ на огромномъ пространствѣ, Русское государство непремѣнно требовало употребленія всѣхъ своихъ силъ на службу государственную, что могло достигаться большимъ или меньшимъ прикрѣпленіемъ. Это сознавалось и Иваномъ Васильевичемъ, дѣлавшимъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые шаги, учредившимъ помѣстную систему съ обязательствомъ службы, систему, которая вела къ тому строю Московскаго государства, который сложился позже, къ закрѣпленію всего населенія. Но, рядомъ съ этимъ, мы видимъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ въ другую сторону. Образуются самостоятельныя общины съ широкимъ самоуправленіемъ, вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ появляются губные старосты. Общины и вообще все государство представляется въ торжественныхъ случаяхъ земскимъ соборомъ, который собирается около царя. Любопытно то обстоятельство, что Иванъ Васильевичъ

былъ первымъ, собравшимъ великій земскій соборъ. Онъ собралъ его по торжественному случаю, поручая ему великое земское дѣло—утвержденіе „Судебника"; при этомъ онъ каялся народу въ томъ, что дѣлалось въ его молодости, частью безъ его вѣдома. Этотъ великій актъ его личной и вмѣстѣ съ тѣмъ земской дѣятельности недавно подвергался осужденію: говорили, будто онъ это сдѣлалъ потому, что ему нравился эфектъ, который производила картина его всенароднаго покаянія. Едва ли, впрочемъ, можно относиться такъ легкомысленно къ историческимъ дѣятелямъ. Задуманный Грознымъ планъ переустройства государства не могъ тогда же осуществиться въ полномъ своемъ видѣ; онъ встрѣтилъ себѣ противодѣйствіе именно въ томъ обстоятельствѣ, что при бѣдности населенія, при малочисленности его, при большомъ требованіи на службу государственную, все служилое сословіе стремилось къ закрѣпленію; оно служило, оно требовало, чтобы что-нибудь его кормило. И вотъ, по теченію самыхъ дѣлъ, вызванное этими обстоятельствами и требованіями, явилось закрѣпленіе, которое убило общину и уничтожило государственный планъ, который такъ хорошо подходилъ къ общеславянскому, всегдашнему плану государственнаго устройства. Планъ этотъ вызванъ недовѣріемъ къ высшему классу, который нашелъ себѣ краснорѣчиваго выразителя и проповѣдника своихъ дѣйствій, жалобъ и огорченій. Этотъ проповѣдникъ былъ знаменитый отъѣздчикъ изъ Москвы, кн. Курбскій. Ему-то мы вѣримъ до сихъ поръ, на немъ основываемъ большую часть нашихъ сужденій; мы вѣримъ, что все боярство было совершенно невинно, что Іоаннъ Грозный просто въ порывахъ гнѣва, въ порывахъ увлеченія, казнилъ направо и налѣво, нисколько не обращая вниманія на то, были ли люди въ чемъ-либо виноваты или нѣтъ. По описанію Курбскаго, являются все невинные мученики, оказывается, что въ теченіи слишкомъ 20 лѣтъ производились страшныя казни, каждый день, безъ смысла, безъ причины, и мы очень часто и теперь повторяемъ, что дѣйствительно все такъ и было. Но точно ли не было никакой измѣны? Точно ли выгодно было московскому боярству не измѣнять, и неужели оно не имѣло гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ своихъ идеаловъ? Идеалы эти были, и были рядомъ, въ Литвѣ. Ясно, что литовское устройство, порядки и положеніе въ Литвѣ дворянства было гораздо выгоднѣе, чѣмъ положеніе его въ Москвѣ. Въ Москвѣ — служба, въ Москвѣ — воля одного человѣка; въ Литвѣ же собственная воля. У насъ есть нѣкоторыя данныя, правда очень слабыя, которыя подтверждаютъ эту мысль. Подобно Курбскому, почти все наше первостепенное боярство, разумѣется, весьма немногочисленное, состояло изъ потомковъ Рюрика и Гедимина. Они назывались вначалѣ княжатами, составляли особое сословіе и имѣли много суверенныхъ правъ; они жили на старыхъ мѣстахъ, гдѣ жили ихъ предки, бывшіе когда-то владѣтельными князьями. Это были измельчавшіе потомки князей, владѣвшіе двумя, тремя селами, гдѣ они сохраняли полныя права; но эти вотчины были не только частною собственностью, но въ то же время и частью государственной территоріи. Иванъ Грозный въ тѣхъ видахъ, чтобы не оставлять людей на мѣстахъ, гдѣ сохранялись такія воспоминанія и оставалась связь съ населеніемъ, помнившимъ суверенныхъ владѣльцевъ, ограничилъ права на владѣніе землею, на передачу ея въ наслѣдство и т. п. Эти ограниченія, разумѣется, не нравились боярамъ. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ принималъ еще другую мѣру, на которую указываютъ иностранцы, именно, объявляя опалу боярину, онъ переводилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ въ другую мѣстность. Очевидно, это имѣло политическую цѣль и было на чемъ нибудь основано. Намъ говорятъ, что письма, которыя писалъ боярамъ литовскій государь и его канцлеръ, выдуманы, что будто ихъ нарочно сочинялъ Иванъ Васильевичъ, чтобы испытать бояръ, и что бояре нарочно отвѣчали, чтобы выказать свою благонамѣренность и т. д. На дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: изъ писемъ этихъ оказывается, напр., что бояре, выѣхавшіе изъ Литвы, упрекаютъ литовскаго государя въ томъ, что предки его поступали съ ними не такъ, какъ слѣдуетъ; отсюда ясно видно, что они пріѣхали въ Москву недовольные, что письма эти не поддѣланы, и что Си-

гизмундъ на что нибудь надѣялся, обращаясь къ боярамъ. Эти данныя подтверждаютъ предположеніе, что бояре представляли постоянное сопротивленіе, и сопротивленіе это началось съ первой минуты, какъ только Грозный началъ себя помнить; еще ребенкомъ онъ встрѣчалъ оскорбленіе отъ бояръ; извѣстно, что бояринъ Шуйскій клалъ ноги при немъ на постель и таскалъ изъ казны его серебряную посуду; извѣстно также, что не щадили самыхъ дорогихъ его привязанностей, что у него отняли няню и всѣхъ любимыхъ имъ людей удаляли отъ него одного за другимъ. Такъ воспитывали его съ самаго дѣтства. Вотъ наконецъ онъ выросъ, сдѣлался самодержавнымъ государемъ и окружилъ себя людьми, къ которымъ былъ наиболѣе расположенъ, и которыхъ отчасти указалъ ему митрополитъ Макарій. Окруженный этими людьми, тотчасъ послѣ казанскаго похода, онъ заболѣлъ; что же онъ видитъ во время своей болѣзни? Крамолы, ссоры между своею женою и окружавшими его боярами; онъ видитъ нежеланіе этихъ бояръ подчиниться его сыну, желаніе отдать престолъ совершенно другому роду, роду его двоюроднаго брата. Это случилось среди самыхъ блистательныхъ побѣдъ его, когда, казалось, онъ окруженъ былъ людьми, которымъ вполнѣ довѣрялся; и эти-то люди были первые противъ него. Въ немъ естественно рождается сомнѣніе, усиливающееся со смертью его любимой жены. Потерявъ ее, онъ, разумѣется, прямо долженъ былъ обратить свои подозрѣнія на людей, которые были всегда противъ нея и противъ ея рода. Но что же это были за люди? Представляли ли они собой болѣе широкій политическій идеалъ, чѣмъ идеалъ Грознаго? Этихъ людей мы знаемъ отчасти; мы знаемъ, что въ политическомъ отношеніи они были противъ ливонской войны, а за войну съ Крымомъ и татарами, т. е. за продолженіе стараго; мы знаемъ, что въ умственномъ отношеніи Іоаннъ Грозный былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, близко знакомый съ письменностью той эпохи, одинъ изъ лучшихъ писателей своего времени. Блескъ, юморъ, огромная начитанность, логичность изложенія, отличающія всѣ его произведенія, рѣдко встрѣчаются даже и у писателей по призванію, а не только у писателей случайныхъ, каковымъ можетъ быть правитель великаго народа. Слѣдовательно, у окружавшихъ Іоанна не было даже и умственнаго превосходства надъ нимъ; мы знаемъ произведенія одного изъ нихъ, «Домострой», образецъ узкости и мелочности; это произведеніе того человѣка, который считается геніемъ, ангеломъ-хранителемъ Грознаго, который внушалъ ему благородныя идеи, и подъ вліяніемъ котораго онъ дѣйствовалъ. И такъ, кажется, собравши всѣ эти черты вмѣстѣ, можно придти къ тому убѣжденію, что не ту совершенно сторону затрогиваютъ въ этой замѣчательной личности. Во всѣхъ вопросахъ русской исторіи, съ которыми она соприкасается, можно припомнить много такого, что выставляетъ намъ эту личность совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Завоевавъ, напр., Ливонію, что дѣлаетъ царь Иванъ Васильевичъ? Въ Ливоніи появляется дерптскій епископъ, появляется юрьевское помѣстное дворянство; совсѣмъ иначе дѣйствуетъ онъ при завоеваніяхъ на востокѣ: завоевавши Казань, онъ старается привлечь къ себѣ мѣстное населеніе. Это различіе въ политикѣ имѣло огромное значеніе, и не должно было бы его проходить безъ внимательнаго разбора. И такъ, какъ правитель государства и какъ политическій дѣятель, Иванъ Васильевичъ имѣетъ за себя весьма важныя стороны, на которыхъ дѣятельность его заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія, и наконецъ съ психологической стороны онъ представляетъ въ высшей степени любопытную задачу.

XXII. ЛИЧНОСТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.

(Изъ статьи Костомарова: „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго", помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы" за 1871 г.).

Напрасно историки наши силятся опровергнуть основное воззрѣніе Карамзина на личность царя Ивана Васильевича и представить его великимъ государственнымъ мужемъ, со свѣтлымъ умомъ, достойнымъ уваженія и сочувствія, предшественникомъ Петра В., и оправдать его звѣрскія дѣянія.

Личность эта принадлежитъ къ разряду тѣхъ нервныхъ натуръ, которыхъ можно встрѣчать много вездѣ въ разныхъ положеніяхъ, зависящихъ отъ разныхъ условій рожденія, жизни, воспитанія. Способности ихъ отъ природы могутъ быть различны, но при всемъ различіи, онѣ всѣ имѣютъ общіе признаки. Главное ихъ, общее, свойство—чрезвычайная чувствительность къ внѣшнимъ ощущеніямъ и, вслѣдствіе этого, быстрая смѣна впечатлѣній. Поэтому воля у нихъ необыкновенно слабая; великими дѣятелями они быть не способны, устойчивости у нихъ нѣтъ, терпѣнія у нихъ очень мало, сердечныя движенія ихъ очень сильны, но лишены глубины, крѣпости и постоянства чувства, воображеніе у нихъ сильнѣе и разсудка, и сердца. Они безпрестанно создаютъ себѣ образы, увлекаются ими и, при первой возможности, готовы ихъ осуществлять; но легко покидаютъ ихъ, когда являются препятствія, или когда другіе образы овладѣваютъ ихъ душею. Если природа одаритъ такую личность недюжиннымъ умомъ, то умъ этотъ не можетъ свободно и спокойно дѣйствовать подъ сильнымъ гнетомъ ощущеній, управляемыхъ воображеніемъ; и нерѣдко жизнь такихъ существъ представляетъ безпрерывную и странную смѣну умныхъ поступковъ глупыми и наоборотъ; нерѣдко однако послѣдніе берутъ верхъ надъ первыми; умъ притупляется, привыкая уступать господству воображенія и внезапныхъ побужденій. Эти личности не способны къ самостоятельности и нуждаются въ опекѣ надъ собою, хоть обыкновенно не замѣчаютъ этого; онѣ не надолго привязываются къ тѣмъ, которые имѣютъ на нихъ вліяніе, и вообще не любятъ послѣднихъ; онѣ покоряются, воображая, что никому не покоряются, что дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію; когда же онѣ почуютъ унизительность своей зависимости, то ненавидятъ тѣхъ, которые управляли ими, но, по слабости воли и по трусости, и тутъ не сразу освобождаются, а только тогда, когда помогаетъ имъ иное вліяніе. Онѣ чрезвычайно самолюбивы, потому что чрезмѣрная чувствительность побуждаетъ ихъ безпрестанно и постоянно обращаться къ себѣ, и въ то же время крайняя трусость—ихъ неизбѣжное свойство, потому что та-же чувствительность къ впечатлѣніямъ опасности слишкомъ охватываетъ все ихъ существо. Съ трусостью всегда соединяется подозрительность и недовѣрчивость. Успѣхъ чрезмѣрно поднимаетъ ихъ; неудача повергаетъ въ прахъ. Отъ этого онѣ высокомѣрны, самонадѣянны въ счастіи и малодушны въ несчастіяхъ. Эти люди бываютъ сильно и горячо воспріимчивы ко всему доброму, но еще чаще ко злу и порокамъ, потому что для добра, на практикѣ, всегда окажется необходимо терпѣніе, котораго у нихъ не хватаетъ. Чаще всего выходитъ, что они плѣнительно добры, благородны на словахъ и совсѣмъ не таковы на дѣлѣ: слова легче дѣлъ, и, при извѣстной долѣ способностей, изъ нихъ вырабатываются превосходные риторы, способные увлекать и привлекать къ себѣ, обольщать собою на нѣкоторое время, пока не откроется, что, кромѣ краснорѣчія, у нихъ мало достоинствъ. Хорошее воспитаніе сдерживаетъ ихъ, способнымъ изъ нихъ даетъ возможность сдѣлаться полезными до извѣстной степени, а малоспособныхъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ безвредными нулями. Чѣмъ ихъ воспитаніе небрежнѣе, чѣмъ существованіе ихъ безбѣднѣе, тѣмъ сильнѣе развиваются ихъ природныя свойства. Горе, если такія личности получаютъ неограниченную власть: возможность осуществлять образы, творимые воображеніемъ, вслѣдствіе чрезвычайной чувствительности къ разнымъ ощущеніямъ, доводитъ ихъ до всевозможнаго безумія. Многіе тираны, прославленные

исторіею за свою кровожадность и вычурныя злодѣйства, принадлежали къ такимъ натурамъ. Такимъ типическимъ лицомъ въ исторіи императорскаго Рима былъ Неронъ; такимъ былъ и нашъ Іоаннъ Васильевичъ. Онъ представляетъ поразительное сходство съ Нерономъ при всѣхъ отличіяхъ, наложенныхъ на судьбу того и другого несходными обстоятельствами и различною средою. Подобно Нерону, Іоаннъ былъ испорченъ въ дѣтствѣ; какъ Неронъ попалъ подъ опеку Сенеки и Бурра, и подъ ихъ вліяніемъ показались признаки мудраго и добраго правленія, такъ Іоаннъ попалъ подъ опеку Сильвестра и его кружка, и его именемъ совершено было не мало блестящихъ и полезныхъ дѣлъ; какъ Неронъ, освободившись отъ опеки своихъ менторовъ, такъ и Іоаннъ, удаливши и перемучивши людей, которыхъ прежде во всемъ слушался, не зналъ предѣловъ своимъ развратнымъ и кровожаднымъ прихотямъ. Злодѣянія Нерона и Іоанна облекались характеромъ вычурности, иногда театральности. Неронъ вначалѣ своихъ злодѣяній убилъ мать; Іоаннъ не убивалъ матери, которой лишился въ младенчествѣ, зато убилъ сына въ концѣ своихъ злодѣяній. Неронъ сжегъ (какъ говорятъ) Римъ, а потомъ мучилъ невинныхъ христіанъ, обвиняя ихъ напрасно въ поджогѣ, а себя выставляя праведнымъ судьею; Иванъ не жегъ Москвы: ее сжегъ Девлетъ-Гирей страхомъ своего появленія, по безразсудству и трусости Іоанна; за то Іоаннъ разорилъ Новгородъ и перемучилъ гораздо болѣе русскихъ христіанъ, чѣмъ Неронъ римскихъ, и, подобно послѣднему, обвинялъ свои жертвы въ небывалыхъ преступленіяхъ, а себя показывалъ грознымъ, но праведнымъ судьею. Неронъ уѣхалъ въ Грецію, дурачился тамъ съ художествами и науками, а Римъ предоставилъ произволу своихъ вольноотпущенниковъ; Іоаннъ уѣхалъ въ Александровскую слободу, разыгрывалъ тамъ комедію монашества, а Русь отдалъ на волю опричнины. Неронъ и Іоаннъ были равно жадны и корыстолюбивы, грабили области и не спускали—первый языческимъ храмамъ, второй—христіанскимъ монастырямъ. Неронъ хвастался, что онъ одинъ изъ римскихъ императоровъ могъ довести произволъ владыки до крайнихъ предѣловъ; Іоаннъ толковалъ о безпредѣльности своей царской власти, и неограниченный произволъ самовластія былъ его идеаломъ, цѣлью его дѣйствій и помысловъ. Неронъ былъ трусъ и при концѣ жизни показалъ такое малодушіе, что не могъ нанести себѣ смертельнаго удара; Іоанну не приходилось спасать себя отъ опасности, испытать то, чему онъ подвергалъ другихъ, но за то во все свое царствованіе онъ многообразно и многократно показывалъ крайнюю трусость и малодушіе. Правда, Іоаннъ каялся и посылалъ въ монастыри поминовенія по тѣмъ, которыхъ самъ убилъ, но это дѣлалось не потому, чтобъ онъ возненавидѣлъ зло и обратился на путь добра: то было проявленіе трусости, московскій царь боялся царя небеснаго и хотѣлъ его умилостивить. Безсердечіе было одинаково какъ у русскаго, такъ и у римскаго тиранна, только римскій не боялся своихъ боговъ. Наконецъ Неронъ хвастался великими способностями поэта, пѣвца, художника; Іоаннъ щеголялъ риторикою, богословствованіемъ, знаніемъ исторіи, вообще резонерствомъ. Но, по странному стеченію, московскій царь въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе римскаго императора. Нерона, сколько извѣстно, потомство не оцѣнило за его литературные и художественные труды, а московскаго тиранна превозносятъ теперь за «блескъ, юморъ, огромную начитанность, логичность изслѣдованія» и признаютъ однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени. Зато Сенека оказался счастливѣе Сильвестра. Воздавая хвалу Ивану и противополагая его литературнымъ произведеніямъ творенія Сильвестра, какъ «образчикъ» узкости и мелочности, упускаютъ изъ вида то обстоятельство, что если Іоаннъ, котораго воспитаніе въ дѣтствѣ оставлено было въ крайнемъ небреженіи, отъ кого-либо набрался какихъ-нибудь свѣдѣній и науки писательства, то скорѣе всего отъ того же Сильвестра.

XXIII. ОБЪЯСНЕНІЕ ХАРАКТЕРА И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ІОАННА ГРОЗНАГО.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицомъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣдовъ своихъ. Одно уже названіе *Грозный*, которое мы привыкли соединять съ именемъ Іоанна IV, указываетъ достаточно на связь этого историческаго лица съ предшественниками его, ибо и дѣда его, Іоанна III, называли также Грознымъ. Во второй половинѣ XVI в. борьба стараго съ новымъ, раздражительность при этой борьбѣ доходятъ до такой степени, что участвующіе въ ней не могутъ болѣе оставаться молчаливыми, высказываются; явно усилившаяся въ Москвѣ съ половины XV в. начитанность, грамотность помогаютъ этому высказыванію, этому веденію борьбы словомъ, и являются двое борцовъ— внукъ Іоанна III и Софіи Палеологъ, Іоаннъ IV, и потомокъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей, московскій бояринъ, князь Андрей Курбскій. Курбскій указываетъ намъ начало непріязни въ самомъ собраніи земли, въ подчиненіи всѣхъ княжествъ сѣверной Руси княжеству Московскому; какъ бояринъ и князь, Курбскій указываетъ перемѣну въ отношеніяхъ московскихъ великихъ князей къ дружинѣ ихъ, начало борьбы при Іоаннѣ III, указываетъ на Софію Палеологъ, какъ на главную виновницу перемѣны, еще сильнѣе вооружается онъ противъ сына Іоанна III и Софіи, Василія, и въ Іоаннѣ IV видитъ достойнаго наслѣдника отцовскаго и дѣдовскаго, достойнаго продолжателя ихъ стремленій. Слова Курбскаго вполнѣ объясняютъ намъ эти стремленія Іоанна IV, стремленія, обнаружившіяся очень рано, высказывавшіяся постоянно и сознательно. Намъ понятно становится это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя и съ Августомъ Кесаремъ и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлить себя, возвыситься на высоту недосягаемую; понятно становится намъ презрѣніе къ Стефану Баторію, многомятежнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ ему равенства съ царемъ московскимъ.

Мы видѣли, вслѣдствіе чего Іоаннъ дошелъ до ранняго сознанія борьбы, которую онъ долженъ былъ вести, до сознанія началъ, которыя онъ долженъ защищать отъ началъ противоположныхъ. Послѣднимъ, во время его малолѣтства, дана была возможность вполнѣ обнаружиться, и это обнаруженіе вызвало противодѣйствіе, усиленное еще новыми, извѣстными намъ обстоятельствами, характеромъ главнаго дѣятеля, образовавшимся также подъ вліяніемъ борьбы. Въ борьбѣ этой обнаружились значеніе и средства той и другой стороны; она бросила яркій свѣтъ и на прежнія отношенія, на древнюю исторію Руси. Чтобъ уяснить себѣ характеръ отношеній между нашими древними князьями, намъ стоило только спросить у лѣтописцевъ, какъ эти князья звали другъ друга и какъ звали ихъ подданные? Встрѣчаемъ ли мы въ древнихъ лѣтописяхъ названія: князь кіевскій, черниговскій, переяславскій, туровскій, полоцкій? Нѣтъ, мы этихъ названій не встрѣчаемъ; встрѣчаемъ одни собственныя имена княжескія, которыя приводятъ обыкновенно въ такое затрудненіе людей, начинающихъ заниматься древнею русскою исторіею. Чего нѣтъ въ древнихъ памятникахъ, того не должны мы искать въ древнемъ обществѣ: князья не титулуются по имени своихъ владѣній, слѣдовательно владѣнія эти не имѣли для нихъ первенствующаго значенія, и дѣйствительно видимъ, что они ихъ мѣняли; видимъ, что они называютъ другъ друга братьями, считаются, ведутъ споры о старшинствѣ по родовой лѣстницѣ; заключаемъ, что господствующія отношенія между ними были родовыя, а не по владѣніямъ. Обратимся съ тѣмъ же вопросомъ и къ дружинѣ княжеской,

къ боярамъ, спросимъ: какъ ихъ зовутъ? При именахъ вельможъ западной Европы мы привыкли встрѣчать частицы *фонъ*, *де*, съ собственными именами земельныхъ участковъ, замковъ. Еслибъ исчезли всѣ извѣстія о происхожденіи западно-европейскаго высшаго сословія, то изъ однихъ фамильныхъ именъ мы заключили-бы, что имѣемъ дѣло съ землевладѣльцами, что владѣніе землею положено въ основу сословнаго значенія. Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ: что встрѣтимъ? «Данило Романовичъ Юрьевича Захарина, Иванъ Петровичъ Ѳедоровича». Какъ у древнихъ князей, такъ и у бояръ нѣтъ слѣда отношенія къ земельной собственности, и одно явленіе объясняетъ другое: если князья не имѣли постоянныхъ волостей, мѣняли ихъ по родовымъ счетамъ, то и дружина ихъ мѣняла также волости вмѣстѣ съ ними, не могла усѣсться на однихъ мѣстахъ, глубоко пустить корни въ землю, пріобрѣсти чрезъ землевладѣніе самостоятельное земское значеніе, зависѣла, получала средства существованія и значеніе отъ князя, или отъ цѣлаго рода княжескаго, ибо дружинники переходили отъ одного князя къ другому. Какой былъ главный интересъ русскаго боярина, это выражается въ его имени: къ имени, полученному при рожденіи или при крещеніи, онъ прибавляетъ имя отца, дѣда и прадѣда, носитъ съ собою свое родословіе и крѣпко стоитъ за то, чтобъ роду не было порухи, униженія; отсюда понятно становится намъ явленіе мѣстничества: интересъ родовой господствуетъ. Когда князей было много, когда можно было переходить отъ одного изъ нихъ къ другому, выгодное положеніе дружинника обезпечивалось вполнѣ этою возможностью; когда же эта возможность, съ установленіемъ единовластія, исчезла, дружинникъ долженъ былъ принять то положеніе, какое угодно было назначить для него единовластителю; сословныя отличія и преимущества не выработались, не опредѣлились закономъ: мы видѣли, что когда на поле или судебный поединокъ являлись съ одной стороны дѣти боярскіе, а съ другой—крестьяне и дѣти боярскіе, по сословнымъ требованіямъ, отказывались биться съ крестьянами, то судья обвинялъ ихъ, ибо законъ молчалъ о сословныхъ различіяхъ. Въ отношеніяхъ княжескихъ въ сѣверной Россіи произошла перемѣна; здѣсь родовая связь рушилась, волости обособились, и когда подчинились всѣ Москвѣ, то князья ихъ явились сюда съ волостными поименованіями. Но князья, отстранивъ отъ первыхъ мѣстъ, заѣхавъ, по тогдашнему выраженію, старинные роды боярскіе, не долго удерживаютъ за собою первенствующее положеніе, кромѣ титула скоро ничѣмъ болѣе не отличаются отъ остальныхъ членовъ служилаго сословія, и многіе изъ нихъ даже забываютъ свои наименованія по волостямъ и сохраняютъ только имена, отъ личныхъ прозвищъ происходящія. Все это объясняетъ намъ, почему въ малолѣтство Іоанна IV мы видимъ только борьбу извѣстныхъ отдѣльныхъ родовъ за первенство, почему служилое сословіе такъ долго и упорно держалось за обычай мѣстничества: въ глубинѣ жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно изъ одной сферы, съ большою силою и упругостью обнаружится въ другой.

Древнее начало было сильно, вело упорную борьбу; но уже государству пошелъ седьмой вѣкъ, оно объединилось, старое съ новымъ начало сводить послѣдніе счеты: не мудрено, что появилось много важныхъ вопросовъ, важныхъ требованій. Вторая половина XVI в., царствованіе Іоанна IV, характеризуется преимущественно этимъ поднятіемъ важныхъ вопросовъ въ государственной жизни, наибольшею выставкою этихъ вопросовъ, если начали подниматься они и прежде, ибо въ исторіи ничто не дѣлается вдругъ. Такъ опричнина, съ одной стороны, была слѣдствіемъ враждебнаго отношенія царя къ своимъ старымъ боярамъ, но, съ другой стороны, въ этомъ учрежденіи высказался вопросъ объ отношеніи старыхъ служилыхъ родовъ, ревниво берегущихъ свою родовую честь и вмѣстѣ свою исключительность посредствомъ мѣстничества, къ многочисленному служилому сословію, день ото дня увеличивавшемуся вслѣдствіе государственныхъ требованій и вслѣдствіе свободнаго доступа въ него отовсюду; подлѣ личныхъ стремленій Іоанна видимъ стремленіе цѣлаго разряда людей, которымъ было выгодно

враждебное отношеніе царя къ старшей дружинѣ. Государство складывалось новое, сводило счеты съ старымъ: понятно, что долженъ былъ явиться и громко высказаться вопросъ о необходимыхъ перемѣнахъ въ управленіи, о недостаточности прежнихъ средствъ, о злоупотребленіяхъ, отъ нихъ происходящихъ, являются попытки къ рѣшенію вопроса: губныя грамоты, новое положеніе дьяковъ относительно воеводъ и т. д. Понятно, что въ то же время долженъ былъ возникнуть вопросъ первой важности, вопросъ о необходимости пріобрѣтенія средствъ государственнаго благосостоянія, которыми обладали другіе европейскіе народы: и вотъ видимъ первую попытку относительно Ливоніи. Вѣкъ задавалъ важные вопросы, а во главѣ государства стоялъ человѣкъ, по характеру своему способный приступить немедленно къ ихъ рѣшенію.

Къ сказанному прежде объ этомъ характерѣ, о его образованіи и постепенномъ развитіи намъ не нужно было бы прибавлять ничего болѣе, еслибъ въ нашей исторической литературѣ не высказывались объ немъ мнѣнія совершенно противоположныя. Въ то время, какъ одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими, очень нелестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія проистекли изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческій не любитъ живого многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатки въ предметѣ любимомъ и достоинства въ предметѣ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лицо добромъ, и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который-бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя; и наоборотъ, въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признать никакого достоинства.

Такъ случилось и съ Іоанномъ IV; явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо, при ихъ совершеніи, царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтовъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе въ глазахъ Іоанна есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестью его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ. Вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренностью, самовольство, самоуправство, говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностью; вотъ эти знаменитыя мѣста: «Вы ль растлѣнны, или я? Что я хотѣлъ вами владѣть а вы не хотѣли подъ моею властью быть, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли, и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничѣмъ не владѣлъ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостью въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею увerткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: «Ты говоришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ и со

крушенно уже ранами все тѣло имѣешь; но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ своею властью сдѣлавши, на насъ вину вскладываете!» Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринятъ не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: «Когда мы съ крестоносною хоругвью всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ Казанскій и, получивъ неизрѣченнымъ Божіимъ милосердіемъ побѣду, возвращались домой, то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю». Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время Казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: «Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? Такъ ли покоряются прегордыя царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда выходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было больше пятнадцати тысячъ, по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты: когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благопріятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль, и о побѣдѣ мало заботились; побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться. Для этого скораго возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ много было пролитія христіанской крови. На приступѣ, если бы я васъ не удержалъ, то хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во время». Какъ согласить эти слова: «Я посылалъ», «еслибъ я васъ не удержалъ» съ словами: «Вы государились, а я ничѣмъ не владѣлъ»? Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ, они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т. е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь «совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта шурей своихъ». Слѣдовательно, Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда въ 1555 г. царь выступилъ противъ крымскаго хана, и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т. е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно

видѣть отношенія Сильвестра и къ митрополиту, и къ царю. Это посланіе Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: «Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи, и всему освященному собору, благовѣщенскій попъ Сильверстишко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ государю Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ. Государь святый митрополитъ! Священникъ Семенъ про Матюшу мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ, и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина, Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жь. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно: и мы то государю сказали жь. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобъ онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣнилъ; но тогда царь и государь скоро въ Коломну поѣхалъ, и то дѣло позалеглось. А про Артемья, бывшаго троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Тройцѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго права и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфирій приходилъ къ благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія къ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ душевной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и богоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать». Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится-ли послѣдній занять мѣсто троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ: когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы, дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя? Всего страннѣе предполагать, чтобъ человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана, послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, и относительно Баторія: непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы, и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитывались мы, и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность, укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній, и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія своего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III, потомокъ Всеволода III; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его въ началѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ сво-

емъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ, но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ. Сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія; точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III, самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ. Таковы были всѣ эти московскіе или вообще сѣверные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща, и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ: то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли онѣ быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною слабостью, неумѣньемъ устоять противъ искушеній, неумѣньемъ совладать съ порочными наклонностями своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь: но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ; но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства къ защитѣ; въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: «Я знаю, что я золъ», говорилъ онъ; но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему. Мы не можемъ не признать за нимъ большихъ дарованій и большой, возможной въ то время начитанности: но эти дарованія, эта начитанность не оправданіе, а обвиненіе ему. Его жестокости хотятъ оправдать суровостью нравовъ времени: дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; мы видѣли, что борьба между старымъ и новымъ шла уже давно, и давно уже она приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать смягченію нравовъ, не могъ пріучить къ осторожному обхожденію съ жизнью и честью человѣка; дѣйствительно, жестокость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени: требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло: такъ напримѣръ въ очень распространенномъ въ древности сказаніи Ивана Пересвѣтова „О царѣ Турскомъ Магметѣ, какъ хотѣлъ сожещи книги Греческія“, строгій судъ и жестокія казни султана прославляются, какъ достойныя подражанія. Но возможность найдти оправданіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица, да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI в., потому что оно было основано на другомъ началѣ, чѣмъ то общество, которымъ управлялъ Магметъ-салтанъ; оно было способно выставить человѣка, который указалъ Іоанну требованія этого основного начала; русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основного начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво, но онъ не созналъ

одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ: надобно было отучать отъ этого, но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда, или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами, и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слово оправданія такому человѣку. Онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы: ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій. Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный.

XXIV. ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ.

(Изъ соч. Небольсина: «Покореніе Сибири»).

Ермакъ, съ подчинившимися ему артелями бездомныхъ искателей приключеній, явился за Ураломъ, въ предѣлахъ сибирскаго юрта, къ осени 1581 г.; цифры этого года вырѣзаны и на памятникѣ ему въ Тобольскѣ.

По дорогѣ Ермакъ всюду встрѣчалъ кочевья и мелкія сборища туземныхъ племенъ, которыя и не думали ему сопротивляться, потому что, ведя жизнь кочевую или бродячую, они переходили съ одного мѣста на другое, не знали о поземельной собственности и не имѣли, значитъ, никакого повода препятствовать походу толпы, дотолѣ ими невидѣнной. Тѣ изъ сибирскихъ обитателей, которымъ сознаніе осѣдлости было уже доступно, и которые, быть можетъ, не такъ хладнокровно смотрѣли на своихъ незваныхъ гостей, не могли поставить казакамъ никакого препятствія.

Углубляясь далѣе и далѣе въ пустынныя мѣста, Ермакъ явился на Турѣ. Первое, что онъ встрѣтилъ здѣсь, что напоминало ему жизнь, нѣсколько похожую на жизнь нашего народа, были пашенные юрты или улусы вогуловъ и остяковъ, находившихся въ непосредственномъ завѣдываніи или Кучумова брата, или остяцкаго князя Епанчи.

Объ отношеніяхъ обитавшихъ здѣсь народцевъ къ князькамъ, а князьковъ къ Кучуму, мы можемъ сказать только то, что, вѣроятно, и въ тѣ времена между ними существовали тѣ же самыя отношенія, какія и нынѣ находимъ у кочевыхъ народовъ Сибири, то есть, *кибитка*, *юртъ*—соединеніе членовъ одного и того же семейства, *улусъ*—соединеніе нѣсколькихъ семей, *аулъ*—связь всѣхъ семей въ поколѣніе, подъ одну *власть* или *волость*, *орда*—соединеніе всѣхъ поколѣній, и наконецъ *сибирскій юртъ*—совокупная связь всѣхъ этихъ единичныхъ дѣленій. Глава этого юрта былъ сибирскій царь или ханъ; Сибирь была то же, что ханская ставка; отдѣльные предводители племенъ, ауловъ, волостей, находились

въ такомъ отношеніи къ нему, какое нынѣшніе киргизскіе султаны имѣютъ къ своему хану: они были лучшіе люди изъ мѣстныхъ народовъ и назывались князьками и асаулами; а духовенство мухамеданское, ахуны и сеиты, и родственники хана, царевичи, были его думными, карачами.

Какъ ни ограничено, можетъ быть, было туринское населеніе, но Ермакъ понималъ, что здѣсь дѣло не обойдется безъ битвы, потому что улусники были въ необходимости защищать ту землю, которая имъ принадлежитъ по праву. Ермакъ рѣшился дать тутъ «сраженіе», но при первыхъ же выстрѣлахъ дикари пришли въ смятеніе. Оглушивъ непривычное ухо ружейною пальбою, Ермакъ прогналъ епанчинскихъ татаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передаетъ лѣтописецъ ощущенія сибирскихъ дикарей, такъ хорошо понятыя и какъ будто-бы отъ нихъ подслушанныя, но переданныя книжнымъ языкомъ: «Таковы бо суть Рустіи воини сильни: егда стрѣльнутъ изъ луковъ своихъ, тогда огнь пышетъ и дымъ великій исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси. А ущититься отъ нихъ никакими ратными сбруями не мочно: куяки и бехтердцы, и пансыри, и кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ».

Первый шагъ и первая побѣда оправдали надежды Ермака. Онъ пустился далѣе, пошелъ внизъ по Турѣ, вышелъ на Тоболъ и, достигнувъ устья Тавды, встрѣтился съ толпою сибирцевъ или татаръ, предводительствуемыхъ приближеннымъ къ Кучуму сановникомъ, по имени Таузаномъ. Казаки переловили татаръ и Таузана и представили Ермаку. Ермакъ принялся его распрашивать, и Таузанъ, которому были показаны опыты всемогущества русскаго ружья, со страху смерти «повѣда имъ вся по ряду про сибирскихъ царей и князей, про мурзъ и улановъ и про царя Кучума». Ермакъ, добывъ языка и разузнавъ всѣ подробности, отпустилъ его съ миромъ, «да скажетъ Кучумови-салтану пришествіе ихъ».

Кучума удивилъ неожиданный приходъ русскихъ, а чудеса, разсказанныя про казаковъ татарами, заставили его крѣпко опасаться грознаго непріятеля. По разсказамъ лѣтописцевъ, «царь Кучумъ оскорбися и опечалися вельми зѣло и въ недоумѣніи мнозѣ бысть; и посылаетъ во всю свою державу по градомъ и улусомъ, дабы къ нему ѣхали во градъ Сибирь на спомоганіе противу русскихъ сильныхъ вой. Въ малѣ же времени собрашася къ нему все множество воя его, и мурзы, и уланове, и татарове, и остяки, и вогуличи, и прочая языци подъ властью его вси».

Собравъ рать, Кучумъ послалъ ее противъ Ермака, назначивъ начальникомъ надъ избранными имъ людьми сына своего Махметъ-Кула. А самъ, между прочимъ, оставаясь въ своей резиденціи, Сибири, въ ожиданіи приближенія Ермака къ Иртышу, велѣлъ, на всякій случай, въ недальнемъ разстояніи отъ Сибири, внизъ отъ нея по Иртышу, ближе къ Тоболу, при урочищѣ Чувашевомъ, приготовить новый городокъ или ограду, укрѣпленную валомъ, которую онъ приказалъ «засыпати землею и каменіемъ и окрѣпити, яко же есть достойно утвержденію»; однимъ словомъ, Кучумъ приготовился, какъ слѣдуетъ. «Маметкулъ же, съ вои своими, доиде до нѣкоего урочища, иже Бабасанъ именуемо» и тутъ, на Тоболѣ, между Тавдою и Иртышемъ, встрѣтился съ нашими. Съ этого времени дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ, и положеніе нашихъ будущихъ завоевателей становится болѣе затруднительнымъ. Во-первыхъ, враги наши были фанатики, мухамедане, люди, вслѣдствіе

вновь воспріятыхъ ими идей, сами по себѣ воинственные; во-вторыхъ, это были люди, которые, сразу привыкнувъ къ грому ермаковыхъ пищалей, медлятъ обращаться въ бѣгство и сами уже дерзаютъ осыпать казаковъ тучами стрѣлъ; въ-третьихъ, наконецъ, это были уже не бродячія племена, ни къ чему не привязанныя, а люди болѣе цивилизованные, люди съ сознаніемъ права: дорожа роднымъ клочкомъ земли, они бьются жестоко съ казаками.

Такова была первая битва, при урочищѣ Бабасанъ. Здѣсь Ермакъ, хотя и не затмилъ славы своей первой побѣды, однакожъ, уступая численности татаръ, принужденъ былъ, не ожидая бѣгства непріятелей, самъ пуститься на стругахъ своихъ внизъ по Тоболу. Между тѣмъ, татаре, не имѣя лодокъ, да и на сухомъ пути боясь еще близко подступиться къ нашимъ удальцамъ, заняли выгодную позицію на возвышенныхъ мѣстахъ и изъ-за береговыхъ утесовъ преслѣдовали казаковъ мѣткими стрѣлами.

Ермакъ продолжалъ дѣлать дальнѣйшія завоеванія; мы употребляемъ это слово, потому что каждый шагъ Ермака въ странѣ чужой былъ уже побѣдой. Гдѣ онъ прошелъ, тамъ пріобрѣлъ право собственности, налагая свою руку на богатства прибрежныхъ обитателей; гдѣ онъ разбивалъ мухамеданъ въ битвѣ, тамъ въ ихъ глазахъ, въ ихъ убѣжденіи былъ ихъ законнымъ покорителемъ.

Близъ устья Тобола Ермака настигли татаре. На этотъ разъ Ермаку трудно было уплыть, жалѣя зарядовъ. Не всѣ враги были пѣши, многіе были на коняхъ: они слѣдили за ходомъ Ермаковыхъ плотовъ, старались преградить ему дорогу своими стрѣлами и надѣялись ввести казаковъ въ засаду. Сынъ Кучума, Махметъ-Кулъ, поджидалъ своего непріятеля въ новомъ укрѣпленіи подъ Чувашевымъ. Но Ермакъ, не доходя еще до Чувашева, причалилъ къ берегу близъ самаго устья Тобола и мужественно кинулся на наѣздниковъ и на пѣшую рать. Битва его увѣнчалась успѣхомъ: татаре обратились въ бѣгство; удалые казаки сѣли на струги и, распростившись съ Тоболомъ, стали подниматься вверхъ по Иртышу.

Взятое Ермакомъ направленіе, т. е. именно то, что Ермакъ поплылъ вверхъ, а не внизъ по Иртышу, что, казалось-бы, было и удобнѣе, и сподручнѣе, доказываетъ, что хитрый казакъ дѣйствовалъ по здраво-обдуманному и умно разсчитанному плану. Зная, вѣроятно, что внизъ по Иртышу и далѣе по Оби живутъ остяки, питающіеся преимущественно одною рыбою, хотя и не менѣе богатые дорогими мѣхами, Ермакъ сообразилъ, что въ этихъ мѣстахъ зимой средства къ жизни и прокормленію многочисленныхъ товарищей его будутъ недостаточны. Вверхъ же по Иртышу были юрты пашенные, народъ богаче средствами къ осѣдлому проживанію; близко тутъ же самъ царь Кучумъ жилъ, къ Кучуму ходили торговые бухарцы. Ермакъ, можетъ быть, разсчитывалъ, что, поднявшись съ осени подальше отъ Сибири, онъ весною, по вскрытіи водъ, отдохнувъ хорошенько зимой, съ свѣжими силами нахлынетъ на Сибирь, и тогда что Богъ дастъ! А пожива вѣрная и богатая. Но до того времени, вдали отъ Кучума, онъ съ пятьюстами удальцовъ надѣялся, быть можетъ, при помощи ружья, мирно и согласно прозимовать съ сосѣдями, которыхъ ему Богъ пошлетъ.

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ такъ разсчитывалъ Ермакъ, но не такъ вышло на дѣлѣ. Кучумъ, получивъ извѣстіе о новомъ пораженіи своихъ и о походѣ Ермака по Иртышу къ Сибири, обрадовался случаю отплатить нарушителю своего спокойствія должною местью. Онъ пошелъ самъ къ нему на встрѣчу и отправился подъ Чувашево для усиленія въ новомъ укрѣпленіи рати своего сына.

Это было 22 октября 1581 года, въ пятьдесятъ второй день похода Ермака.

Къ вечеру этого дня казаки подплыли къ Чувашеву, и такъ какъ ночью подыматься вверхъ, въ сосѣдствѣ отъ Сибири, было слишкомъ опасно, то, замѣтивъ старое городище (въ которомъ были-ли въ то время обитатели, неизвѣстно), называемое Аты или городокъ Атикъ-мурзы, засѣли въ немъ. Утомленные недавнею битвою и трудностью пути, казаки расположились было на покой; но зоркіе глаза стражи замѣтили страшное полчище невѣрныхъ, заране радовавшихся ожидающей ихъ побѣдѣ. Многочисленность непріятелей испугала нашихъ витязей. Поднялась тревога, паническій страхъ объялъ казаковъ: они рѣшились бѣжать! Они—но не Ермакъ. Собрался кругъ или совѣтъ. Казаки толковали: время позднее, снѣгъ, не трудно и зазимовать въ чужой странѣ: тогда татаринъ окружитъ и изведетъ всѣхъ по одиночкѣ. Положено—бѣжать. О рѣшеніи казацкой дружины доведено было до свѣдѣнія Ермака. Зная характеръ своего предводителя, своего удалаго атамана, неизъявившаго желанія отступить ни на шагъ предъ непріятелемъ, старѣйшіе изъ его шайки, вѣроятно, старались убѣдить его къ побѣгу доводами, по ихъ мнѣнію, самыми неопровержимыми, на счетъ того, что, конечно, въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ, однакожь оно все таки не дурно бы предотвратить бѣду, пока есть еще къ этому возможность. Ермакъ старался отговорить товарищей отъ предпринятаго намѣренія, урезонивая ихъ тѣмъ, что имъ нѣтъ выхода на Русь, что они пропали дома, что ихъ головы оцѣнены. Ермакъ вдохнулъ въ нихъ храбрость и они рѣшились «погибнуть—такъ погибнуть съ честью!»

Утромъ, 23 октября, казаки пошли къ Чувашеву на приступъ. Битва была жестокая: пули и стрѣлы свистѣли, богатыри сибирскіе валились подъ ударами казаковъ, хотя число татаръ и превосходило наши силы въ двадцать разъ. Кучумъ, наблюдая съ высокой горы за движеніями ратниковъ, приносилъ мольбы Аллаху о побѣдѣ надъ русскими; но казаки были непобѣдимы. Съ обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о «быть или не быть», съ обѣихъ сторонъ не было пощады врагу, съ обѣихъ сторонъ ярость дошла до остервенѣнія; бросились въ рукопашную: «И бысть сѣча зла, за руки емлюще сѣчахуся!» Толпы татаръ стали замѣтно рѣдѣть; царевичъ Махметъ-Кулъ былъ раненъ и переправленъ на ту сторону рѣки съ приближенными къ нему людьми; остяцкіе князьки оставили Кучума и удалились восвояси.

Покинутый всѣми, Кучумъ увидѣлъ бездну, которая такъ неожиданно предъ нимъ разверзлась: ему угрожалъ плѣнъ, а малочисленность его ратниковъ не могла долѣе бороться въ открытомъ полѣ съ богатырствомъ казаковъ. Кучумъ возвратился къ своему дому, собралъ весь свой кочевой скарбъ и съ оставшимися въ живыхъ своими подданными пошелъ искать пріюта, куда глаза глядятъ. Сибири не стало. Но казаки не знали объ этомъ. Потерявъ въ битвѣ подъ Чувашевымъ пятую часть

своей дружины и утомившись отъ продолжительнаго и упорнаго боя, окончившагося только съ наступленіемъ темноты, Ермакъ расположился на покой и поставилъ крѣпкую стражу, опасаясь вѣроломства татаръ. Утромъ слѣдующаго дня, казаки отправились къ Сибири. Какъ далеко Чувашево лежало отъ Сибири—навѣрное неизвѣстно; кажется однакожь, что это очень близко отъ нынѣшняго Тобольска, верстахъ въ трехъ или около отъ устья Тобола, вверхъ по Иртышу. Воспоминаніе объ этомъ мѣстѣ сохранилось нынѣ въ названіи Подчувашевскаго перевоза и селенія Подчуваши. Казаки пошли къ Сибири, какъ увѣряютъ лѣтописцы, «безъ боязни». Но когда они приблизились къ ней, то, къ удивленію своему, не замѣтили ни одной живой души. Раздумье напало на казаковъ; они стали прислушиватся, «и не бѣ никакого гласа». Мертвая тишина и запустѣніе поразило ихъ. Казаки, подозрѣвая, что татаре снова скрылись въ засадѣ, что они притворяются въ надеждѣ заманить къ себѣ побѣдителей, долго не рѣшались входить въ запустѣлый городъ, «мняще, яко лукавствуютъ поганіи надъ ними и нѣчто лукавнующе». И только 26 числа, совершенно убѣдившись въ напрасномъ безпокойствѣ, они рѣшились войдти въ Сибирь.

Сибирь была пуста. Но Ермакъ былъ уже владыкой всего Зауралья, вплоть до самаго Иртыша. Въ два мѣсяца онъ совершилъ весь свой походъ, побѣдилъ татаръ, покорилъ Сибирь.

Ермакъ взялъ Сибирь, или, какъ въ то время чрезвычайно вѣрно выражались сами казаки, «сбилъ съ куреня царя Кучума». Изъ пятисотъ сорока человѣкъ первоначальнаго числа дружины у него стало гораздо меньше. Порохъ вышелъ. Запасы истощились. Сообщеній съ русскими на Камѣ не было и не могло быть. Зима...

Остаться въ Сибири—останешься если и не безъ хлѣба, то уже навѣрное безъ снарядовъ: отправиться самому за Уралъ—Сибирь потеряна. Положеніе Ермака было незавидное. Не смотря на то, что на четвертый же день послѣ занятія имъ запустѣлаго города возвратились туда и обитавшіе въ немъ остяки, не смотря на то, что они видѣли въ Ермакѣ героя непобѣдимаго, что, не имѣя сочувствія къ личнымъ выгодамъ Кучума, князекъ остяцкій снабдилъ Ермакову дружину, сколько могъ, всѣми жизненными запасами, не смотря на то, что семейства этихъ остяковъ и ихъ жены скоро подружились съ покорителями, Ермаку надо было подумать о будущемъ и оградить себя, сколько это было возможно въ его положеніи, отъ козней Кучума и Махметъ-Кула, которыхъ мѣстопребываніе было ему неизвѣстно.

Однакожь казаки, съ первыхъ же недѣль своей зимовки, увѣрились, что теперь имъ нечего безпокоиться, что подвиги ихъ надолго упрочили въ этихъ мѣстахъ тишину и спокойствіе: они довѣрчиво стали выходить изъ Сибири на промыслы и мелкими дружинами удалялись отъ прочихъ собратій на порядочное разстояніе. Такъ однажды, 5 декабря, отправившись на рыбный промыселъ къ урочищу Абалакъ (это названіе сохранилось и понынѣ въ названіи селенія Абалацкаго, верстахъ въ пяти отъ бывшей Сибири вверхъ по Иртышу), казаки устроили себѣ тамъ шалаши и, утомившись одно время работой, легли на покой, но стражи не разставили. Махметъ-Кулъ воспользовался ихъ безпечностью, напалъ на нихъ и умертвилъ ихъ всѣхъ до единаго. Узнавъ объ этой потерѣ, Ермакъ съ дружиною бросился за нимъ въ погоню, догналъ его и разбилъ: татаре разбѣжались.

Этотъ случай, послужившій Ермаку новымъ доказательствомъ, что положеніе его слишкомъ необезпечено, заставилъ его обсудить свое дѣло со всѣхъ сторонъ. Вслѣдствіе ли давнишнихъ соображеній, или нечаянно, сказать навѣрное трудно, Ермака осѣнила счастливая мысль рѣшиться на предпріятіе небывалое, на послѣднюю крайность, на которую могъ рѣшиться только человѣкъ съ сильной энергіей и въ самомъ безвыходномъ положеніи: мысль эта была—отправить посольство къ царю.

Для этого Ермаку слѣдовало раздѣлить свою дружину на двѣ неравныя части. Съ однимъ, значительнѣйшимъ, отрядомъ, онъ самъ остался въ покоренной странѣ. Другой отрядъ Ермакъ послалъ за горы съ вѣрнымъ своимъ товарищемъ, обреченнымъ уже казни, Иваномъ Кольцомъ. Кольцо долженъ былъ ѣхать къ царю, упросить его претворить гнѣвъ на милость ради новаго царства, а между прочимъ просить о высылкѣ воинства для скрѣпленія слабыхъ еще узъ Россіи съ Сибирью.

Нежданная вѣсть должна была обрадовать царя. Онъ простилъ и наградилъ Кольцо, Ермака и всѣхъ казаковъ, и забылъ ихъ старыя вины; увѣряютъ даже, что Грозный пожаловалъ Ермаку дорогую шубу съ своего плеча, серебряный ковшъ и два дорогіе панцыря.

Немедленно по полученіи этого радостнаго извѣстія, царь назначилъ въ новую свою провинцію воеводъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ тремя стами ратниковъ, стрѣльцовъ, которыхъ, впослѣдствіи тоже стали называть казаками.

XXV. ПОСТЕПЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНІЕ РУССКИХЪ ГРАНИЦЪ И РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦІИ ВЪ СИБИРИ.

(*Изъ статьи Венюкова «Поступательное движеніе Россіи въ сѣверной и восточной Азіи», напечатанной въ «Русс. Вѣстн.», 1876 г.*).

Скоро (1879 года) исполнится ровно три вѣка съ той поры, какъ, приглашенный именитыми людьми Строгоновыми, атаманъ приволжской казачьей вольницы Ермакъ перешелъ Уралъ и началъ завоеваніе Сибири. Если мы перенесемся мыслью въ ту эпоху, то увидимъ, что завоеваніе это шло очень быстро, не смотря на малодоступность и суровость страны, и что, хотя въ Россіи конецъ XVI и начало XVII ст. были временемъ смутъ, ко времени заключенія Столбовскаго и Деулинскаго договоровъ, вольница стояла уже на берегахъ Енисея. Когда же Москва хоронила, въ 1645 году, перваго царя изъ дома Романовыхъ, тогда казаки появились на устьяхъ Индигирки, у Охотскаго моря, а вслѣдъ затѣмъ и на самомъ Амурѣ. Семнадцатое столѣтіе еще не кончилось, какъ Дежневымъ былъ обогнутъ Чукотскій Носъ, и Атласовымъ завоевана Камчатка, то-есть были достигнуты крайніе предѣлы нашихъ теперешнихъ владѣній на сѣверо-востокѣ Азіи. И нельзя сказать, что казаки шли такъ быстро впередъ потому, что не встрѣчали сопротивленія; напротивъ, начиная отъ пріуральскихъ вогуловъ и иртышскихъ татаръ и кончая чукчами, камчадалами и гиляками они должны были последовательно побѣдить въ открытой борьбѣ цѣлый рядъ народовъ, которые далеко превосходили числомъ отважныя ихъ дружины. Дикокаменные киргизы на Енисеѣ, буряты въ Прибайкальской странѣ, якуты на Ленѣ оказывались нерѣдко такими противниками, что отъ нихъ приходилось даже отсиживаться въ крѣпостцахъ или, по тогдашнему, въ острогахъ. Москва была при этомъ далеко, помощи

откуда нибудь ждать было трудно; не разъ приходилось испытывать голодъ, недостатокъ военныхъ припасовъ, перевозочныхъ средствъ, не говоря уже про суровую стужу, мученія отъ насѣкомыхъ и про опасность отъ хищныхъ звѣрей. Не смотря на все это, казаки шли неустанно впередъ.

Въ чемъ состояла тайна этихъ успѣховъ? Прежде всего, конечно, въ беззавѣтной удали самихъ завоевателей—казаковъ, а потомъ въ покровительственномъ, но не стѣснительномъ отношеніи къ нимъ московскаго правительства и поставляемыхъ имъ по сибирскимъ городамъ воеводъ. Вспомнимъ, какъ вообще производилось разслѣдованіе и покореніе новыхъ земель. Какой-нибудь казакъ или даже просто купецъ, ходившій при казачьихъ отрядахъ съ торговыми цѣлями, прослышавъ отъ туземцевъ о новой странѣ, богатой пушниною или серебромъ, уговаривалъ нѣсколькихъ соратниковъ идти съ нимъ на завоеваніе ея. Снаряжали лодки, чтобы слѣдовать водой, если путь предстоялъ по рѣкѣ, или лошадей и оленей, если нужно было двигаться по сухому пути. На дальнемъ сѣверѣ, гдѣ снѣгъ лежитъ большую часть года и содержаніе вьючнаго скота затруднительно, не пренебрегали и лыжами, на которыхъ смѣлые стрѣлки пробѣгали сотни верстъ въ нѣсколько дней. Запасались продовольствіемъ, оружіемъ, порохомъ и свинцомъ, и выступали въ путь, сказавшись, для вѣдѣнія, воеводѣ, а то и просто безъ спроса. Зачинщикъ предпріятія обыкновенно становился атаманомъ, т. е. начальникомъ. И завоеватели небольшою, но не совсѣмъ недисциплинированною кучкой отправлялись въ невѣдомую страну. Ни лѣса, ни горы, ни рѣчныя стремнины не останавливали ихъ. Шли неустанно, охотясь и облагая ясакомъ встрѣчныя мелкія общины и одинокія семьи туземцевъ, а тамъ, гдѣ оказывалось сопротивленіе, употребляя силу. При партіи обыкновенно слѣдовали одинъ или нѣсколько торговцевъ, для скупки мѣховъ и продажи русскихъ товаровъ, да писарь для изготовленія отписныхъ грамотъ въ Москву. Если отрядъ былъ значителенъ и имѣлъ цѣлью водвореніе въ новой странѣ, то бралъ съ собой священника, потому что, «нельзя же было христіанскимъ душамъ умирать безъ причастія среди бусурмановъ», но отнюдь не для того, чтобы съ его благословенія разстрѣливать людей, не вѣровавшихъ во Христа, какъ то дѣлалось въ Новомъ Свѣтѣ испанцами. Когда къ концу лѣта отрядъ достигалъ какого-нибудь достаточно привольнаго мѣста, обыкновенно широкой долины, то останавливался тутъ, и казаки начинали строить зимовья, либо острогъ, а то и цѣлый городокъ, съ часовней и анбаромъ для склада ясачной казны. Съ теченіемъ времени эти городки обростали, при благопріятныхъ условіяхъ, слободами, и появлялись города, въ родѣ Томска, Енисейска, Иркутска, Якутска и пр.

Мы неблагодарны къ памяти большей части отважныхъ завоевателей сѣверной и восточной Азіи, и не только подвиги ихъ, но самыя имена мало извѣстны большинству образованныхъ русскихъ людей, которые однако же знаютъ похожденія испанскихъ и португальскихъ конкистадоровъ, въ родѣ Охеды, Бальбоа, Кабральи, Пизарро и проч. За исключеніемъ Ермака и отчасти Хабарова, люди эти забыты, а между тѣмъ среди нихъ были такія способныя и энергическія личности, какъ Атласовъ, Бекетовъ, Буза, Дежневъ, Копыловъ, Корытовъ, Перфирьевъ Поярковъ, Стадухинъ и многіе др. Современное имъ московское правительство относилось къ нимъ благосклоннѣе, чѣмъ потомство, и самъ Грозный Іоаннъ IV не затруднился послать шубу съ своего плеча бывшему разбойничьему атаману Ермаку Тимофѣеву, когда тотъ, черезъ своихъ посланцевъ, „билъ ему челомъ" новымъ Сибирскимъ царствомъ. Вообще, тогдашніе московскіе государственные люди хорошо понимали величіе и трудности того предпріятія, которое началъ Ермакъ, и поддерживали поступательное движеніе русскаго народа къ востоку по мѣрѣ возможности.

Переселеніе въ Сибирь, распашка тамъ земель, торговля съ инородцами (кромѣ продажи имъ пороха и оружія) были совершенно свободны. Для правильной связи донскихъ и зауральскихъ владѣній со средоточіемъ государства были установлены почты. Лицамъ, служившимъ за Ураломъ, оказывались особыя милости,

и даже созданъ былъ особый разрядъ сибирскихъ дворянъ, въ который доступъ былъ открытъ каждому человѣку способному и отличившемуся въ Сибири. Но самая главная заслуга московскаго правительства состояла въ томъ, что оно нисколько не стѣсняло предпріимчивости завоевателей, хорошо понимая, что всякая опека издали не только безполезна, но и положительно вредна, такъ какъ производитъ только помѣху въ дѣлѣ и отнимаетъ энергію у людей трудящихся. Военно-подъяческій элементъ, съ его притязаніями все регулировать, былъ чуждъ первому вѣку завоеванія Сибири и даже еще при Петрѣ Великомъ между сибиряками цѣнился не высоко. Такъ, когда якутскіе промышленники и казаки думали, въ 1710 г., отправиться на острова Сѣвернаго океана, а якутскій воевода Трауернихтъ удерживалъ ихъ, говоря, что безъ указа не можетъ имъ разрѣшить экспедицію, то генералъ-губернаторъ Гагаринъ писалъ ему, чтобъ онъ подобныхъ предпріятій отнюдь не стѣснялъ.

Съ эпохи Петра начинается стремленіе къ централизаціи, къ направленію сибирскихъ дѣлъ изъ Москвы и потомъ изъ Петербурга.

XXVI. ПРИДВОРНЫЯ ИНТРИГИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА И СМЕРТЬ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

(Изъ «Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Дмитріи Самозванцѣ» Кулиша).

Въ 1584 г. умеръ Іоаннъ IV. Ему наслѣдовалъ сынъ его Ѳеодоръ, юноша слабый здоровьемъ, застѣнчивый, склонный болѣе къ иноческой жизни, чѣмъ къ дѣламъ государственнымъ. И будучи наслѣдникомъ престола, и сдѣлавшись царемъ, онъ проводилъ время въ комнатѣ, убранной многочисленными иконами и освѣщенной многочисленными лампадами, за чтеніемъ св. книгъ, самъ нерѣдко надѣвалъ монашескую одежду, бесѣдовалъ долго съ иноками. Заботы правленія возложилъ онъ на членовъ верховной думы, предоставивъ себѣ только право миловать и благотворить. Къ нему являлся ежедневно въ четыре часа утра духовникъ съ крестомъ, благословеніемъ, святой водой и съ образомъ угодника Божія, означеннаго на тотъ день въ святцахъ. Послѣ земныхъ поклоновъ и молитвъ передъ образомъ, отправлялся онъ къ своей супругѣ, царицѣ Иринѣ, и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ. Ѳеодоръ строго соблюдалъ налагаемые на себя посты и другіе благочестивые обѣты.

Естественно, что члены верховной думы, имѣя въ своихъ рукахъ болѣе власти, нежели въ предшествовавшее царствованіе, старались взять верхъ одни надъ другими. Еще въ ночь кончины Іоанна Грознаго начальные люди раздѣлились на партіи: одни были преданы Ѳеодору, другіе младшему брату его, Димитрію. «Димитрій младенецъ, говорили эти послѣдніе, но въ немъ виденъ отцовскій умъ, а Ѳеодоръ хоть и взрослый, да разумомъ ребенокъ». Прежде всего осмѣлился высказать такую мысль бояринъ Богданъ Бѣльскій, которому царь Іоаннъ передъ смертью поручилъ надзоръ за воспитаніемъ Димитрія. Возведеніе на престолъ воспитанника доставило-бы воспитателю первенство въ государствѣ. Родственники Димитрія, Нагіе, постарались распространить въ народѣ убѣжденіе въ пользу младшаго царевича, и далеко-бы это пошло, если-бы сторона царевича Ѳеодора не приняла мѣръ рѣшительныхъ. Къ Нагимъ приставлена была стража; нѣкоторые опасные люди удалены были изъ

столицы, и въ ту же ночь всѣ знатные москвитяне присягнули старшему брату.

Нагіе тогда поняли, что Димитрію опасно оставаться долѣе въ Москвѣ, и поспѣшили увезти его въ городъ Угличъ, назначенный ему отцомъ въ удѣлъ. Бѣльскій самъ хлопоталъ объ этомъ, но хлопоталъ для того только, чтобъ удаленіемъ Θеодорова совмѣстника усыпить осторожность противной партіи. Онъ полагался на усердіе къ нему стрѣльцовъ, которые столько же любили въ немъ своего стараго предводителя (во время опричнины), сколько народъ его ненавидѣлъ. Съ его возвышеніемъ стрѣльцы сами надѣялись имѣть больше значенія, нежели подъ правленіемъ кроткаго Θеодора. Но сторона Θеодора была управляема братомъ его жены, Борисомъ Годуновымъ, человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и рѣшительнымъ. Годуновъ происходилъ изъ рода мурзы Чета, поселившагося въ Москвѣ въ XIV в. Въ концѣ царствованія Іоанна IV Годуновъ пользовался весьма значительнымъ вліяніемъ. Родство съ Малютою Скуратовымъ много этому способствовало, а женитьба Θеодора Іоанновича на Иринѣ, сестрѣ Годунова, еще болѣе упрочила видное положеніе послѣдняго. Онъ повернулъ умы согражданъ противъ опаснаго соперника. Среди ночи неожиданно вспыхнулъ мятежъ. Купцы, ремесленники, жильцы московскіе и боярскія дѣти, сверкая при свѣтѣ фонарей ножами, рогатинами и боевыми сѣкирами, приступили къ Кремлю, обратили царь-пушку къ Фроловскимъ воротамъ и угрожали разбить ихъ. У стрѣльцовъ опустились руки при видѣ двадцати-тысячной толпы раздраженнаго народа. На вопросы высланныхъ отъ царя сановниковъ нестройные крики множества голосовъ высказали подозрѣніе народа, будто-бы Бѣльскій задумалъ возвратить времена опричнины и низложить царя. Въ то же время тысяча другихъ голосовъ кричали только: «Бѣльскаго! Выдайте намъ злодѣя Бѣльскаго!», Застигнутый такимъ образомъ посреди своихъ недовершенныхъ замысловъ, Бѣльскій потерялъ отвагу: забился въ царскую спальню, трепеталъ и молилъ о пощадѣ. Но приговоръ его напередъ уже былъ приготовленъ въ умахъ приверженцевъ Θеодора: Бѣльскаго немедленно сослали въ Нижній Новгородъ на воеводство. Народъ, удовлетворенный успѣхомъ своего требованія, разошелся по домамъ съ восклицаніями: «Да здравствуетъ царь! Да здравствуютъ вѣрные бояре!». Все успокоилось. Но въ то время, когда народъ кричалъ противъ Бѣльскаго, въ толпѣ раздавались крики, направленные противъ Годунова. Годуновъ видѣлъ, что и онъ не принадлежитъ къ числу любимцевъ народныхъ, да и между боярами имѣетъ много завистниковъ; нелюбовь народа къ себѣ онъ не могъ объяснить иначе, какъ боярскими интригами.

Между боярами на первомъ мѣстѣ стоялъ князь Иванъ Мстиславскій, славный по знатности рода между придворными. Но его ограниченныя способности и робкій характеръ ясно доказывали, что это не его было дѣло. За нимъ слѣдовали потомки удѣльныхъ князей Шуйскихъ. Они, потеряли удѣлъ въ борьбѣ съ великими князьями, сражались противъ Москвы подъ новгородскими знаменами и, когда Новгородъ палъ, перешли въ ряды бояръ московскихъ. На нихъ-то пала подозрительность Годунова. Онъ не имѣлъ еще средства дать имъ почувствовать свою силу, но, зная навѣрное, что съ этой стороны будутъ новыя на него покушенія, готовился къ противодѣйствію.

Между тѣмъ власть его въ государствѣ возрасла. Въ прежнее цар-

ствованіе онъ былъ любимымъ человѣкомъ грознаго государя, но сила его между вельможами заключалась только въ умственномъ превосходствѣ да въ тайномъ страхѣ, какой внушалъ онъ каждому своимъ хитрымъ и мстительнымъ характеромъ. Теперь онъ вдругъ взошелъ и титломъ, и богатствомъ на возможно высокую ступень въ государствѣ. Послѣ вѣнчанія, Ѳеодоръ далъ ему древній, высокій санъ конюшаго и титулъ *ближняго великаго боярина* и намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго, а предоставленные ему доходы съ областей составляли, вмѣстѣ съ особымъ денежнымъ жалованьемъ, громадное богатство. Испуганный мятежомъ, Ѳеодоръ вручилъ ему безотвѣтственную власть въ управленіи царствомъ, и Бориса Годунова называли *правителемъ* не только въ отечествѣ, но и въ иностранныхъ государствахъ. Годуновъ теперь безъ труда привлекъ на свою сторону, по крайней мѣрѣ наружно, искуснѣйшихъ людей государственныхъ, дьяковъ Щелкаловыхъ, а для связи съ старыми родами подружился съименитѣйшимъ по происхожденію бояриномъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Шуйскіе, съ своей стороны, опирались на приверженность многихъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, на любовь простолюдиновъ и на дружбу митрополита Діонисія, естественно имѣвшаго великое вліяніе на Ѳеодора; однакожь боялись дѣйствовать прямо и зашли съ той стороны, съ которой Годуновъ меньше всего ожидалъ опасности: рѣшились дѣйствовать отъ имени сановитаго и почетнаго на Москвѣ князя, Ивана Мстиславскаго. Мстиславскій былъ самый несчастный простакъ, клонившійся на всѣ стороны. Ласкаетъ его Годуновъ—онъ радуется своему почету у самовластнаго правителя; Шуйскіе говорятъ ему о родовомъ старшинствѣ—онъ вѣритъ, что ему легко достигнуть въ государствѣ старшинства дѣйствительнаго. Долго колеблясь между робостью и тщеславіемъ, старикъ наконецъ положился на могущество партіи Шуйскихъ и обѣщалъ, чего отъ него требовали: въ назначенный день позвать Годунова на пиръ и предать убійцамъ. Годуновъ открылъ заговоръ и надѣялся разомъ отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, но долженъ былъ ограничиться насильственнымъ постриженіемъ въ монахи бѣднаго Мстиславскаго, ссылкою въ дальнія мѣста Воротынскихъ, Головиныхъ и заточеніемъ въ темницы другихъ заговорщиковъ; Шуйскихъ же, при всей своей силѣ, на сей разъ, безъ явныхъ доказательствъ, коснуться не осмѣлился.

Вслѣдъ за тѣмъ Шуйскіе избрали другой путь отважный и рѣшительный. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ, у котораго были свои неудовольствія на Годунова, они составили отъ лица всего народа челобитную, въ которой всѣ сословія, устрашенныя будто-бы мыслью, что безплодіе Ирины угрожаетъ отечеству прекращеніемъ Рюрикова дома, торжественно просятъ Ѳеодора развестись съ нею, отпустить въ монастырь и взять другую супругу, чтобъ имѣть наслѣдника престола, для общаго спокойствія. Начали собирать подписи, а между тѣмъ волновали чернь, чтобъ устрашить Ѳеодора и заставить его на все согласиться. Но медленность и нѣкоторая гласность, неизбѣжныя при такомъ дѣлѣ, дали Годунову время принять свои мѣры. Судъ о разводѣ зависѣлъ отъ митрополита. Годуновъ спѣшитъ въ палаты къ Діонисію и употребляетъ въ дѣло все, что могъ внушить ему, какъ духовному хранителю народнаго спокойствія, и все, чѣмъ искушаются люди со стороны честолюбія. Видѣть

въ своей кельѣ самовластнаго правителя государства съ мольбою о спасеніи, обязать такого человѣка въ столь трудное для него время и обладать средствомъ привести снова его въ такое положеніе, въ умѣ Діонисія это значило, что отнынѣ онъ раздѣлитъ съ Годуновымъ поровну верховное господство надъ государствомъ. Годуновъ видѣлъ его насквозь со всѣми его поползновеніями и, наружно передъ нимъ унижаясь, внутренно торжествовалъ надъ нимъ и изрекалъ роковой приговоръ ему и его сообщникамъ.

Лишь только слухи о разводѣ стихли, нашелся доносчикъ на Шуйскихъ, что они въ заговорѣ съ московскими купцами и думаютъ измѣнить царю; доносчикъ былъ ничтожный, слуга самихъ же обвиняемыхъ; но его извѣту повѣрили и немедленно взяли подъ стражу главныхъ представителей фамиліи Шуйскихъ, вмѣстѣ съ друзьями ихъ. Нельзя было однакожь употребить законной строгости съ Шуйскими, и потому придуманы средства беззаконныя. Сдѣлали видъ, будто-бы изъ уваженія къ заслугамъ щадятъ князя Ивана Петровича, знаменитаго защитника Пскова противъ Баторія, и отправили его на Бѣлоозеро, а князя Андрея Ивановича, по милосердію, въ Каргополь; но оба были тайно удавлены. Прочихъ взятыхъ подъ стражу также разослали по дальнимъ городамъ, а нѣкоторымъ купцамъ, для острастки московской черни, всенародно отрубили головы. Митрополитъ Діонисій самъ ускорилъ свое паденіе. Въ порывѣ огорченія за друзей своихъ, онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, явился въ царскія палаты и смѣло изъяснилъ царю поступки Годунова, беззаконные и опасные для государства. Едва они удалились, Годуновъ внушилъ царю, что эти извѣтники не пастыри церкви, а волки хищные въ одеждѣ овчей. Діонисія и Варлаама схватили въ тотъ же день, лишили сана и заточили въ дальніе монастыри. На первосвятительскій престолъ возведенъ былъ Іовъ, смиренный богомолецъ, устремлявшій все свое вниманіе на исправленіе духовенства и на церковное благолѣпіе. Онъ представлялъ противоположность Діонисію, гордому своими позваніями, высокомѣрному умомъ, пылкому сердцемъ, и Годуновъ, облекши его въ высшій духовный санъ, надѣялся сдѣлать изъ него послушное себѣ орудіе.

Чѣмъ больше возвышался Годуновъ въ государствѣ, тѣмъ больше обнаруживалъ правительственной дѣятельности: составлялись описи земель, населялись пустыни, пограничныя мѣста укрѣплялись новыми городами; судъ и расправа замѣтно улучшились. Имя Годунова было въ устахъ народа чаще всякаго другого имени. Здѣсь его славили за рѣшеніе судебнаго дѣла безъ проволочки, за оправданіе бѣдняка въ тяжбѣ съ богачомъ, за осужденіе родственника и ближняго человѣка по жалобѣ простолюдина; въ другомъ мѣстѣ построенные на счетъ казны, безъ отягощенія жителей, гостиные дворы, городскія стѣны и общественныя зданія производили въ народѣ самые выгодные о немъ толки. Даже въ переговорахъ съ иноземными государями и министрами московскіе послы величали его начальнымъ человѣкомъ въ Россіи, говорили, что вся земля отъ государя ему приказана, и что никогда еще такого мудраго правленія въ ней не бывало.

Въ 1589 г., Θеодоръ, по внушенію своего любимца, учредилъ въ Россіи патріаршество. Іовъ получилъ санъ патріарха московскаго и всея Россіи. Умноживъ и возвыся такимъ образомъ духовныхъ сановниковъ, Годуновъ пріобрѣлъ въ нихъ на всякій случай крѣпкую себѣ опору.

Сановники свѣтскіе и потомки знаменитыхъ древнихъ родовъ, изъ личныхъ выгодъ, тѣснились вокругъ него усердною толпою. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Шуйскіе, таили въ душѣ желаніе и надежду отомстить ему за братьевъ и друзей; но благоразуміе заставляло ихъ до времени скрывать свои чувства: «На всѣхъ людей, говоритъ лѣтопись, нашелъ страхъ, и всѣ стали ему покоряться и во всемъ творить его волю». Была, притомъ же, еще одна причина согласія аристократовъ съ Годуновымъ. Уже шесть лѣтъ Θеодоръ царствовалъ; слабость здоровья не обѣщала ему долголѣтія, а дѣтей у него не было. Умри Θеодоръ сегодня, завтра провозгласятъ царемъ Димитрія; а извѣстно, что, по смерти Іоанна IV, Шуйскіе съ товарищами были, равно какъ и Годуновы, противниками Димитріевой партіи. Молодой царевичъ воспитывался въ мрачномъ угличскомъ дворцѣ, похожемъ на монашескую обитель, вдали отъ брата, вдали отъ столицы. Ему было уже около девяти лѣтъ. Мать и дядя его, Нагіе, внушали ему ненависть къ московскому правительству, толковали объ ожидающемъ его престолѣ, призывали даже ворожей къ царевичу, чтобъ узнать, долго ли жить Θеодору. Ходили слухи, что рѣзвый мальчикъ часто хвалился передъ дворцовыми слугами, какъ онъ отомститъ своимъ гонителямъ; говорили, что однажды, слѣпивъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми изъ снѣга нѣсколько человѣческихъ фигуръ, онъ назвалъ ихъ именами придворныхъ и началъ рубить саблею: одному отсѣкъ голову, другому руку, третьяго пронзилъ насквозь, говоря будто-бы: «Такъ будетъ имъ въ мое царство!».

Подобные слухи, при всей своей ничтожности, тревожили въ Москвѣ начальнѣйшихъ людей. Рѣшено было освободиться отъ опаснаго царевича насильственною мѣрою. Неизвѣстно, всѣхъ-ли приверженцевъ Годунова должно упрекать въ этомъ ужасномъ замыслѣ наравнѣ съ нимъ, только убійство очевидно было задумано въ Москвѣ. Выполнить его поручено было дьяку Михайлу Битяговскому. Михайло Битяговскій, опредѣленный къ должности дворецкаго при царевичѣ, нашелъ средства согласить на кровавое свое дѣло брата своего Данила, племяника Качалова, мамку царевича боярыню Волохову и ея брата Осипа. Они условились сложить бѣду на падучую болѣзнь царевича, о которой распространились слухи въ Угличѣ и въ столицѣ, и выжидали только удобной минуты для совершенія ужаснаго своего предпріятія. Однажды, въ майское утро, мамка вывела царевича на крыльцо. Тутъ одинъ изъ убійцъ, взявъ его за руку, спросилъ: «У тебя, государь, новое ожерелье?» — «Нѣтъ, старое», отвѣчалъ царевичъ, приподнявъ голову. Въ эту минуту сверкнулъ въ рукѣ убійцы ножъ; но ударъ по горлу былъ невѣренъ. Крикъ показавшейся въ дверяхъ кормилицы испугалъ злодѣя; онъ бросилъ ножъ и убѣжалъ. Но двое другихъ убійцъ вырвали несчастнаго царевича изъ рукъ кормилицы, зарѣзали и быстро скрылись. Мать прибѣжала на шумъ, но уже поздно: бездыханное тѣло сына, какъ будто оживленное ея воплемъ, затрепетало послѣднимъ трепетомъ. Вслѣдъ затѣмъ явились дяди царевича, Нагіе, и велѣли бить въ набатъ. Гонцы поскакали по всѣмъ улицамъ, отъ воротъ къ воротамъ: «Чего стоите, царя у васъ нѣтъ», говорили они жителямъ, выскакивавшимъ на громкій стукъ ихъ. Страшная вѣсть облетѣла Угличъ въ одну минуту; каждый спѣшитъ ко дворцу. Народъ отыскиваетъ убійцъ, влечетъ на мѣсто преступленія и, вмѣстѣ съ виновными, убиваетъ многихъ невинныхъ. Но страсти наконецъ успо-

коились, и Нагіе вмѣстѣ съ угличанами ужаснулись послѣдствія стольких убійствъ безъ суда законнаго. Написали донесеніе къ царю, отправили въ Москву гонца, а между тѣмъ постарались дать убитымъ Битяговскимъ съ товарищами видъ вооруженныхъ разбойниковъ. Однимъ вложили въ руку обагренные куриною кровью ножи, на другихъ бросили желѣзныя палицы, сабли, самопалы и оставили въ ожиданіи суда изъ Москвы, а тѣло царевича Димитрія положили во гробъ и поставили въ соборной церкви.

Въ Москвѣ давно ожидали этого извѣстія. Гонца къ царю не допустили, переписали грамоту по-своему, объяснили смерть Димитрія падучею болѣзнью, Борисъ Годуновъ взялъ на себя увѣдомить Ѳеодора о горестномъ событіи. Благочестивый царь долго плакалъ, не говоря ни слова, и изъявилъ согласіе на предложеніе Бориса—для погребенія царевича и изслѣдованія дѣла отправить въ Угличъ митрополита Геласія, кн. Василія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Клешнина. Не удивительно, что Годуновъ выбралъ въ эту опасную для него коммиссію митрополита Геласія: Геласій былъ обязанъ ему своимъ возвышеніемъ. Не удивителенъ и выборъ Клешнина: онъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ злоумышленниковъ противъ Димитрія. Но выбору Шуйскаго многіе дивились: съ этимъ именемъ каждый привыкъ соединять ненависть къ Годунову. Никто не подозрѣвалъ, что этого то и хотѣлось дальновидному крамольнику. Онъ предвидѣлъ, что смерть царевича припишется ему, и, въ доказательство совершенной своей невинности, избралъ въ слѣдственные судьи своего стариннаго врага. Когда самъ Шуйскій привезъ изъ Углича подтвержденіе исторіи о падучей болѣзни царевича, это зажало рты многимъ обвинителямъ Годунова. А могъ-ли онъ повредить Борису, когда противъ его внушеній Ѳеодору не устоялъ и самъ Діонисій, глава духовенства?

Патріархъ Іовъ, которому Ѳеодоръ передалъ на верховный судъ донесеніе членовъ угличской коммиссіи, основался на этомъ донесеніи и объявилъ на соборѣ предъ царемъ, что «смерть царевича Димитрія учинилась судомъ Божіимъ, и что Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей Битяговскихъ и другихъ велѣлъ побить напрасно, изъ личной злобы, за ихъ усердіе къ государю. За столь великую измѣну, продолжалъ Іовъ, Михайло Нагой съ братьями и углицкіе мужики заслуживаютъ всякаго наказанія; но это дѣло земское, зависящее отъ гнѣва и милости государя, а наша обязанность молиться о тишинѣ междоусобной брани». Ѳеодоръ, основавшись на этомъ мнѣніи, поручилъ судъ надъ «виновными» боярамъ; а тѣ, чтобъ скрыть концы, разослали всѣхъ Нагихъ по темницамъ въ отдаленные города, несчастную мать Димитрія постригли въ монахини и отправили въ дикую пустыню св. Николая на Выскѣ (близъ Череповца), около двухъ сотъ угличанъ, обвиненныхъ въ убіеніи невинныхъ, казнили смертью, многимъ отрѣзали языки, многихъ заточили, большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымь.

Неизвѣстно, теперь ли родилась въ умѣ Годунова мысль объ обладаніи московскимъ престоломъ, или уже и прежде она управляла его дѣйствіями; но съ этого времени царственное величіе очевидно сдѣлалось его цѣлью. Ѳеодоръ болѣлъ, дряхлѣлъ и видимо приближался къ смерти; право на престолъ переходило послѣ него къ родственникамъ его, Рюриковичамъ, Гедиминовичамъ, Романовымъ; а кто-бы изъ нихъ ни

воцарился, паденіе временщика было неизбѣжно! Значитъ, уже не одно безграничное властолюбіе, но и самая заботливость о личной безопасности указывала ему, въ чемъ искать опоры. Нужно было только устранить соискателей престола и возвысить свое право надъ ними. Предусмотрительный умъ ясно представилъ Борису положеніе властей въ безгосударное время. Начальнымъ человѣкомъ дѣлался тогда патріархъ, и какъ, по недостатку прямого наслѣдника, предстояло избраніе на царство, то первый и сильнѣйшій голосъ въ этомъ избраніи принадлежалъ ему. Борису нужно было только заставить Ѳеодора завѣщать престолъ царицѣ Иринѣ, или, по крайней мѣрѣ, увѣрить въ томъ верховную думу. При содѣйствіи царскаго душеприкащика, Іова, легко было и этого достигнуть.

XXVII. ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ДО ПРИКРѢПЛЕНІЯ ИХЪ.

(Изъ соч. Бѣляева: «Крестьяне на Руси»).

Отношеніе крестьянъ къ землѣ. По исконному убѣжденію русскаго народа, земля составляла основаніе всѣхъ отношеній человѣка къ обществу: безъ земли можно было быть княжимъ бояриномъ, слугою княжимъ и боярскимъ, монахомъ, священникомъ или другимъ духовнымъ лицомъ и вообще вольнымъ государевымъ человѣкомъ; но чтобы быть членомъ городской или сельской общины, для этого непремѣнно должно было имѣть какую либо долю городской или сельской земли. Гость, купецъ, крестьянинъ не могли быть безъ земли, они считались принадлежащими къ той или другой общинѣ по землѣ, или, по тогдашнему выраженію, „по землѣ и водѣ тянули къ городу или волости". Бояринъ, монастырь, пріобрѣтая землю, чрезъ это самое дѣлались членами общины, по землѣ и водѣ тянули къ городу; и наоборотъ, крестьянинъ, купецъ, вообще тяглый человѣкъ, лишаясь земли, переставалъ быть тяглымъ человѣкомъ и членомъ общины. Въ XIV и XV вв. земли попрежнему были и общинныя, и частныя, и крестьяне могли жить или на общинныхъ земляхъ, или на своихъ собственныхъ, или на владѣльческихъ; отсюда и отношенія крестьянъ къ землѣ были различны.

1) Ежели крестьяне сидѣли на общинной или черной землѣ, то они пользовались ею только какъ члены общины, получая въ надѣлъ извѣстные участки или выти земли въ безсрочное пользованіе, такъ что на одномъ и томъ же участкѣ крестьянинъ могъ сидѣть цѣлую жизнь и передавалъ его своимъ наслѣдникамъ, но, разумѣется, съ неизмѣннымъ условіемъ, быть членомъ общины и „тянуть во всѣ общинные разрубы и разметы", т. е. уплачивать всѣ общинныя пошлины, лежащія на занимаемомъ участкѣ земли. Этотъ участокъ земли до нѣкоторой степени представлялъ какъ-бы собственность крестьянина. Крестьянинъ, владѣющій участкомъ общинной земли, имѣлъ на нее всѣ права пользованія и распоряженія, могъ отдавать ее въ наемъ, могъ самъ воздѣлывать ее въ какихъ угодно видахъ. Община во-все это не вступалась, крестьянинъ въ этомъ отношеніи былъ полнымъ хозяиномъ даннаго ему участка, только бы исполнялъ лежащія на немъ общинныя обязанности.

2) Ежели крестьянинъ сидѣлъ на своей собственной землѣ, имъ самимъ расчищенной изъ дикаго поля, или купленной у другого землевладѣльца собственника, то онъ былъ полнымъ собственникомъ, какъ и прочіе частные землевладѣльцы, могъ свободно какъ отчуждать ее, такъ и распоряжаться ею, могъ продавать, дарить, завѣщевать, отдавать въ наймы, селить на ней крестьянъ на свое имя.

3) Крестьяне, сидящіе на чужой землѣ, т. е. на землѣ частнаго собственника, князя, боярина, монастыря, купца, крестьянина,—занимали землю только

по взаимному соглашенію съ землевладѣльцемъ и, при недостаткѣ такого согласія, не могли оставаться на этой землѣ: земля эта вполнѣ принадлежала своему собственнику, и крестьянинъ сидѣлъ на ней въ качествѣ безсрочнаго жильца, могъ просидѣть на ней цѣлую жизнь и даже передать ее своимъ дѣтямъ, но могло быть и такъ, что черезъ годъ, около Юрьева дня осенняго, онъ или самъ оставлялъ землю, или хозяинъ ссылалъ его. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы переселенія крестьянъ съ одной земли на другую были общимъ правиломъ; это скорѣе были исключенія, по крайней мѣрѣ въ XIV и XV вв. Крестьянинъ, живущій на чужой землѣ, имѣлъ право обрабатывать ее и пользоваться ея плодами, дѣлясь ими съ господиномъ на половину (изполовникъ), или по другимъ условіямъ; онъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣчалъ по занятой имъ землѣ передъ правительствомъ, онъ платилъ съ земли подати въ казну, какъ членъ общества, по землѣ онъ тянулъ судомъ и данью и иными пошлинами, по землѣ онъ былъ не наймитомъ, батракомъ, а наемщикомъ домохозяиномъ. Крестьянинъ обыкновенно получалъ отъ господина дворъ и долю или выть пахатной земли и сѣнокоса и право въѣзжать въ лѣсъ, ежели таковый былъ, за что платилъ господину своею работою или произведеніями воздѣлываемой земли, и оставался хозяиномъ даннаго участка, пока не оставлялъ его самъ, или пока землевладѣлецъ не сгонялъ его. Но иногда землевладѣлецъ отдавалъ крестьянину нѣсколько деревень со всѣми угодьями и предоставлялъ ему, какъ хозяину, населять отданныя деревни, призывать на нихъ крестьянъ и пользоваться всѣми доходами на извѣстныхъ условіяхъ.

Отношеніе крестьянъ между собою. Крестьяне по отношенію другъ къ другу составляли общины, которыя имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ, головъ, сотскихъ, старостъ и другихъ. Каждая община составляла отдѣльное юридическое, или скорѣе административное, цѣлое, впрочемъ цѣлое свободное, а не замкнутое. Въ члены общины каждый поступалъ по своей волѣ, садясь на землю, которая или принадлежала къ общинѣ, или тянула къ ней въ административномъ отношеніи.

Крестьянскія общины были различны: у крестьянъ, живущихъ на черныхъ или общинныхъ земляхъ, самою большею общиною была волость, имѣвшая своего старосту; къ этой высшей общинѣ тянули низшія общины, села и большія деревни, приписанныя къ волости, имѣвшія также своихъ старостъ; къ селамъ тянули деревни и вообще мелкіе поселки. У крестьянъ, живущихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, общину составляла вотчина, т. е. всѣ села и деревни, принадлежащія къ одному имѣнію и находящіяся въ одномъ уѣздѣ. Крестьянинъ, какъ свободный человѣкъ, какъ членъ русскаго общества, въ отношеніи къ землевладѣльцу былъ только жильцомъ-наемщикомъ, и всѣ отношенія ихъ были чисто гражданскія, частныя, основанныя на взаимныхъ условіяхъ; общественныя же отношенія сюда не принадлежали, для нихъ была другая форма— община. Конечно, иногда богатые, сильные землевладѣльцы принимали на себя и общественныя отношенія крестьянъ, такъ что ихъ крестьяне ни чѣмъ не тянули ни къ намѣстникамъ, ни къ волостямъ, ни къ другимъ общественнымъ властямъ; но это былъ не общій порядокъ, а привилегія, даваемая самимъ правительствомъ тому или другому землевладѣльцу изъ особенной милости — или по другимъ соображеніямъ; по общему же порядку общественныя отношенія крестьянъ шли мимо ихъ землевладѣльцевъ, при посредствѣ крестьянскихъ общинъ и ихъ старостъ и другихъ начальниковъ, выбираемыхъ самими крестьянами.

Отношенія крестьянъ къ правительству. Всѣ крестьяне вообще, какъ городскіе, такъ и сельскіе, и какъ живущіе на собственныхъ земляхъ или на общинныхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, въ отношеніи къ правительству, судомъ и данью тянули по землѣ и водѣ, т. е. по мѣсту жительства. Они были подчинены намѣстникамъ волостелямъ, и другимъ начальникамъ, назначаемымъ отъ правительства, доставляли имъ кормы и другіе узаконенные доходы и тянули во всѣ пошлины, почему и назывались тяглыми людьми. Подати и службы,

лежавшія на крестьянахъ, были многоразличны: такъ, напр., въ тверскихъ владѣніяхъ, по свидѣтельству тамошнихъ княжескихъ грамотъ, крестьяне платили дань, ямъ, тамгу, осминичее, (кажется, съ получаемаго отъ земли хлѣба), медовое—отъ занятія пчеловодствомъ, кормы намѣстникамъ и волостелямъ и другимъ начальнымъ людямъ, сторожевое, писчее (кажется, на веденіе писцовыхъ книгъ); кромѣ того, также лежали на крестьянахъ службы, подвода, ратное дѣло, княжье дѣло. Хотя службы, подати и пошлины лежали на всѣхъ крестьянахъ безъ различія, какъ на живущихъ на собственныхъ и общинныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, но самый платежъ податей и пошлины и отправленіе службъ были неодинаковы. Крестьяне, живущіе на черныхъ земляхъ, платили въ казну больше, нежели крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, и даже между владѣльческими крестьянами не было равенства; крестьяне, живущіе на земляхъ боярскихъ и княжескихъ, платили менѣе, нежели крестьяне монастырскіе и церковные. Это различіе въ старое время опредѣлялось *сохами*. Въ старой Руси всѣ поземельныя владѣнія для раскладки податей и повинностей были разбиты на большія доли или единицы, называвшіяся *сохами* и заключавшія въ себѣ отъ 1200 до 400 четвертей въ полѣ, т. е. по нынѣшней мѣрѣ, отъ 1800 до 600 десятинъ, смотря по тому, къ какому классу или кости принадлежали земли, составляющія соху, т. е. были ли дворцовыя вотчинныя помѣстныя, монастырскія, или общинныя—черныя. Правительство полагало одинаковую подать со всѣхъ сохъ безъ различія: напримѣръ, въ намѣстничій кормъ полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, бочку овса и возъ сѣна съ сохи; но тяжесть платежа была не одинакова ибо въ княжихъ и боярскихъ земляхъ соха была втрое больше, нежели въ черныхъ земляхъ, а на большемъ пространствѣ было больше и крестьянъ. Слѣдовательно, платить было легче, ибо та же податная единица разлагалась на большее число плательщиковъ: напримѣръ, въ боярскихъ сохахъ приведенный выше намѣстничій кормъ разлагается на 300 плательщиковъ, въ монастырскихъ на 150, а въ черныхъ на сто плательщиковъ. Кромѣ различія въ платежѣ податей, крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, имѣли еще то отличіе въ отношеніяхъ къ правительству противъ крестьянъ, живущихъ на черныхъ или на общинныхъ земляхъ, что казенныя подати у нихъ иногда включались въ условіе съ землевладѣльцемъ; поэтому такіе землевладѣльческіе крестьяне не знали никакихъ казенныхъ сборщиковъ и другихъ слугъ администраціи; все это, по условію, было въ вѣдѣніи землевладѣльца, господина; онъ представлялъ въ казну и подати съ крестьянъ. Это условіе, кажется, было одной изъ важныхъ причинъ, почему даже богатые крестьяне, могшіе имѣть собственныя земли, охотно садились на земляхъ сильныхъ частныхъ собственниковъ; они всегда предпочитали имѣть дѣло съ однимъ землевладѣльцемъ, который за нихъ отвѣчалъ передъ правительствомъ, лишь бы не сноситься съ разными сборщиками и правительственными слугами разныхъ вѣдомствъ.

О крестьянскомъ переходѣ. Черные люди или крестьяне, какъ городскіе, такъ и сельскіе, свободно могли переходить и изъ городовъ въ деревни, и изъ деревень въ города, и какъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ на общинныя земли, такъ и съ общинныхъ земель къ частнымъ землевладѣльцамъ; но только садиться на земли могли не иначе, какъ съ согласія или общинъ и общинныхъ начальниковъ, въ городѣ—сотниковъ, въ волостяхъ—старостъ, или съ согласія землевладѣльцевъ, если садились на частныхъ земляхъ.

Такимъ образомъ выходъ крестьянина былъ свободенъ, и зависѣлъ или отъ самого крестьянина, или отъ землевладѣльца; поселеніе же крестьянина на новой землѣ условливалось непремѣнно согласіемъ или хозяина земли, или начальника той общины, которой принадлежала земля, каждый могъ поселиться только тамъ, гдѣ его примутъ. Это было первое естественное ограниченіе свободнаго перехода крестьянъ съ одной земли на другую. Ограниченіе это, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и постепеннаго уменьшенія вслѣдствіе этого дикихъ полей и лѣсовъ, никому не принадлежащихъ, естественно должно было дѣлаться ощутительнѣе.

Второе важное ограниченіе свободнаго перехода крестьянъ состояло въ раздѣленіи крестьянъ на тяглыхъ и не тяглыхъ. По всѣмъ княжескимъ грамотамъ тяглыхъ людей нельзя было переводить ни изъ города въ деревню, ни съ общинной земли на землю частнаго владѣльца. Переходъ тяглаго человѣка допускался только въ двухъ случаяхъ: или когда община согласится отпустить желающаго ее оставить, или когда выходящій изъ общины дастъ за себя окупъ. Собственно свободный переходъ съ одной земли на другую безусловно дозволялся только людямъ вольнымъ, которые живутъ за чужимъ тягломъ, не имѣютъ своей выти или доли общинной земли: таковы были сыновья при отцахъ, братья при братьяхъ, племянники при дядяхъ, и вообще *захребетники, подсусѣдники*, не вступившіе еще ни въ какое обязательство съ общиною, или уволенные отъ обязательства. Причина такого ограниченія состояла въ томъ, что всѣ тяглые люди вносились въ писцовую книгу, и за каждымъ, внесеннымъ въ писцовую книгу, была записана извѣстная выть земли, съ которой онъ долженъ былъ платить подати и тянуть во всѣ общинные разрубы и разметы; а община отвѣчала за исправный платежъ тяглеца передъ правительствомъ и, въ случаѣ выхода его изъ общины, раскладывала его долю платежа на остальныхъ своихъ членовъ, до новыхъ писцовыхъ книгъ. Естественно, что законъ долженъ былъ останавливать переходъ тяглыхъ людей съ одной земли на другую, чтобы такимъ образомъ не отягощать общинъ излишнимъ платежемъ за вышедшихъ тяглецовъ и предоставлять выпускъ самимъ общинамъ, которыя и дозволяли выходъ или неисправнымъ, негоднымъ своимъ членамъ, имѣя въ виду замѣнить ихъ лучшими, или такимъ, за которыхъ вносился окупъ слѣдующихъ съ выходящаго тяглеца податей и другихъ общинныхъ расходовъ. Но, конечно, ограниченіе перехода для тяглыхъ людей на дѣлѣ не уничтожало этого перехода, а только стѣсняло его, ибо своевольныхъ переходовъ или побѣговъ тяглыхъ людей было не мало, чему доказательствомъ служатъ многія жалобы общинъ, что платить подати тяжело, что люди разбѣжались.

Третье общее ограниченіе свободнаго перехода крестьянъ состояло въ назначеніи законнаго срока въ году, мимо котораго крестьянинъ не могъ переходить съ одной земли на другую. Срокомъ для перехода крестьянъ во владѣніяхъ князей московскаго дома былъ Юрьевъ день осенній. По закону, крестьяне, вышедшіе не въ срочное время, возвращались на старое мѣсто жительства доживать до срока; равнымъ образомъ и землевладѣльцы не могли выгонять крестьянъ мимо этого срока. Впрочемъ, это ограниченіе крестьянскаго выхода Юрьевымъ днемъ предотвращало только безпорядки переходовъ и ограничивало произволъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, но нисколько не отрицало права свободнаго перехода: крестьянинъ, перешедшій съ одной земли на другую не въ срокъ, возвращался назадъ только для того, чтобы дожить до срока, и, доживши, могъ перейти безпрепятственно. Здѣсь собственно охранялся только частный интересъ или крестьянина, или землевладѣльца; другихъ цѣлей общественныхъ законъ здѣсь не имѣлъ въ виду. Кромѣ общихъ мѣръ ограниченія свободнаго перехода крестьянъ съ одной земли на другую, изчисленныхъ нами, мы встрѣчаемъ еще частныя, временныя мѣры противъ того же перехода. Такъ, свободный переходъ крестьянъ иногда ограничивался тѣмъ, что частные землевладѣльцы не имѣли права перезывать крестьянъ изъ тѣхъ же волостей, гдѣ находились ихъ недвижимыя имѣнія. Такимъ образомъ переманиваніе крестьянъ съ общинныхъ земель затруднялось; ибо переводить крестьянъ изъ дальнихъ волостей было не такъ удобно, какъ изъ сосѣднихъ общинъ, съ одной стороны потому, что на отдаленныхъ крестьянъ землевладѣльцу труднѣе дѣйствовать, а съ другой стороны и потому, что самая перевозка крестьянъ изъ дальнихъ волостей представляетъ болѣе затрудненій.

Такимъ образомъ, въ XIV и XV вѣкахъ, по грамотамъ русскихъ князей, переходъ крестьянъ съ одной земли на другую и отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу былъ не совсѣмъ свободенъ и подвергался разнымъ ограниченіямъ,

даже встрѣчались частныя мѣры какъ-бы прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Впрочемъ, въ сущности все это не уничтожало общаго права крестьянъ переходить съ одной земли на другую и права землевладѣльцевъ ссылать однихъ поселенцевъ и принимать другихъ, а только законно полагало мѣру и границы для обузданія своеволія и прекращенія безпорядковъ; всѣ ограниченія относились только къ извѣстнымъ условіямъ, или были мѣрами временными, частными. Всѣ крестьяне въ XIV и XV вв. и по закону, и на дѣлѣ были людьми свободными и, безъ всяхихъ отношеній къ мѣсту жительства, составляли одинъ классъ народа съ одними общественными правами и обязанностями; крестьянами назывались только домовладѣльцы, имѣвшіе землю или свою, или общинную, или чужую, на которой они жили какъ жильцы, нанимая ее на разныхъ частныхъ условіяхъ и съ непремѣннымъ общимъ условіемъ тянуть тягло, т. е. платить казенныя подати и отправлять повинности по общиннымъ разрубамъ и разметамъ. Необходимое условіе, чтобъ быть крестьяниномъ, было хозяйство на извѣстномъ участкѣ земли городской или сельской; но владѣльческое отношеніе къ землѣ здѣсь не принималось въ разсчетъ: было ли хозяйство крестьянина на собственной землѣ, или на общинной, или на землѣ частнаго владѣльца,—это все равно; во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянинъ пользовался одинаковыми общественными правами и обязанностями. Крестьянинъ съ землею и земля съ крестьяниномъ тѣсно были связаны; всѣ отношенія крестьянина къ обществу и государству опредѣлялись землею, и всѣ отношенія земли, какъ крестьянской земли, условливались хозяйствомъ крестьянина. Сверхъ того, крестьянинъ, какъ свободный членъ русскаго общества, имѣлъ право переходить не только съ одной земли на другую, съ города въ село и изъ села въ городъ, но и могъ поступать въ другіе классы общества: въ купцы, въ духовенство и въ служилые люди у князя, разумѣется, съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, если община его отпуститъ или за окупъ, или какъ-нибудь иначе.

Крестьяне во время Судебниковъ. Судебники 1497 и 1550 годовъ въ сущности не измѣнили ни отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и къ землѣ, ни ихъ значенія, какъ членовъ общества. Крестьяне и по Судебникамъ признаны свободными людьми, сидящими или на своихъ, или на общинныхъ, или на владѣльческихъ земляхъ; даже по прежнему и по Судебникамъ признанъ законнымъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день осенній. Но Судебники, съ одной стороны, скрѣпили и опредѣлили положительнымъ закономъ верховной власти то, что уже прежде было утверждено обычаемъ; а съ другой стороны, постепенное развитіе государства, съ утвержденіемъ единодержавія и съ уничтоженіемъ удѣльнаго разновластія, многое измѣняя или усовершенствуя въ общественномъ устройствѣ, естественно не могло миновать и крестьянства. И ежели немного измѣненій досталось по Судебникамъ на долю крестьянъ, то, по крайней мѣрѣ, многое, при столкновеніи съ общими нововведеніями, сдѣлалось болѣе яснымъ и опредѣленнымъ. Но что всего важнѣе, Судебники и послѣдующее законодательство прямо свидѣтельствуютъ, что крестьяне, какъ свободные члены русскаго общества, получили на свою долю тѣ же самыя права и то же участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какія достались и прочимъ классамъ общества; а это прямо указываетъ, что и прежде, до Судебниковъ, права крестьянъ были такъ же широки, какъ и по Судебникамъ.

Первый важный законъ Судебниковъ, законъ свободнаго перехода крестьянъ съ одной земли на другую, есть ничто иное, какъ подтвержденіе прежнихъ законовъ о томъ же предметѣ; даже срокъ перехода, Юрьевъ день осенній, также прежній. Видимая новость Судебника, платежъ за пожилое (ссуда), въ сущности не была новостью, ибо и прежде крестьянинъ не могъ отойти отъ землевладѣльца, не разсчитавшись съ нимъ; Судебникъ здѣсь только опредѣлилъ общій порядокъ и установилъ цѣну за пожилое.

Во 2-хъ. Облегчая разсчеты крестьянина съ землевладѣльцемъ, Судебники въ то же время строго наблюдаютъ, чтобы при крестьянскихъ переходахъ не

пропадали казенныя подати. По Судебнику 1550 г., крестьянинъ, даже отходя отъ землевладѣльца и освобождаясь отъ господскихъ работъ, не переставалъ платить государевыхъ податей съ оставленной имъ земли до тѣхъ поръ, пока не сниметъ съ этой земли своего хлѣба. Мало этого: Судебникъ строго взыскиваетъ казенныя подати даже съ крестьянина, продавшагося въ полные холопи (рабы), пока его хлѣбъ стоитъ въ полѣ, или, въ противномъ случаѣ, хлѣбъ этотъ отбирается въ казну. Здѣсь законъ ясно отличаетъ частныя, гражданскія отношенія крестьянъ отъ ихъ же отношеній государственныхъ. Судебникъ не снимаетъ съ крестьянина воли записываться въ холопи, но требуетъ, чтобы онъ напередъ исполнилъ лежавшія на немъ общественныя обязанности по званію свободнаго члена русскаго общества.

Въ 3-хъ. Судебникъ, не снимая съ крестьянина воли записываться въ холопи, въ то же время ограждаетъ его отъ холопства, если онъ не хочетъ принять его. Такъ, по Русской Правдѣ, въ старое время закупъ обращался въ обѣльнаго раба, если господинъ выручитъ его, т. е. заплатитъ за него всѣ судебные иски по татьбѣ или другому преступленію. По царскому Судебнику, напротивъ, вырученный господиномъ въ судебномъ искѣ, крестьянинъ оставался свободнымъ и не лишался права переходить къ другому господину.

Въ 4-хъ. Царскій Судебникъ, согласно съ прежними узаконеніями и обычаями, признаетъ крестьянскую общину, и не только признаетъ ее, но и утверждаетъ за нею разныя права и преимущества, одинаковыя съ правами и преимуществами другихъ общинъ. По царскому Судебнику, намѣстники, волостели и всѣ другіе правители, назначаемые государемъ въ города и волости, не могли судить суда безъ дворскаго, старосты и лучшихъ людей общины. Форма, въ которой Судебникъ требуетъ непремѣннаго присутствія лучшихъ людей на судѣ, не исключаетъ и не полагаетъ различія между общинами крестьянъ, живущихъ на собственныхъ земляхъ, на общинныхъ и на владѣльческихъ; слѣдовательно, и крестьяне владѣльческіе отъ своихъ общинъ посылали своихъ выборныхъ людей для присутствія на судѣ волостеля или намѣстника. Кромѣ того, каждая община или волость, чья бы она ни была, по Судебнику должна была имѣть не только своихъ выборныхъ людей и старостъ на судѣ, но и своего земскаго дьяка, который писалъ на судѣ дѣла своихъ волостныхъ людей. Крестьянская община, точно такъ же, какъ и городская, по Судебнику признавалась первою защитницею своихъ членовъ. Намѣстничьи и волостелины люди ни по суду, ни до суда не могли взять крестьянина безъ согласія общинныхъ выборныхъ начальниковъ, старостъ и цѣловальниковъ, или, въ противномъ случаѣ, подвергались пенѣ. Относительно крестьянской общины царскій Судебникъ, кажется, ввелъ только одну новость—земскихъ волостныхъ дьяковъ, о которыхъ не упоминается даже въ Судебникѣ 1497 г. Такимъ образомъ по Судебникамъ были утверждены всѣ прежнія права крестьянъ: крестьяне по-прежнему всѣ признаны свободными членами русскаго общества, безъ всякаго различія, на какихъ бы земляхъ они ни жили; мѣстожительство по-прежнему осталось чисто частнымъ гражданскимъ отношеніемъ крестьянъ и въ сущности не измѣняло ихъ общественныхъ отношеній. Всѣ крестьяне безъ различія составляютъ одинъ опредѣленный классъ русскаго общества, и Судебники не представляютъ и намековъ на различіе между крестьянами, живущими на своихъ или общинныхъ земляхъ, и между крестьянами на земляхъ владѣльческихъ. Самое устройство крестьянскихъ общинъ у тѣхъ и другихъ крестьянъ получило одинаковую форму; мало этого: крестьянскія общины по Судебникамъ нисколько не отличены отъ общинъ городскихъ; и въ тѣхъ, и въ другихъ одни и тѣ же права и обязанности, одинаковые выборные начальники съ одинаковымъ значеніемъ. Въ городскихъ общинахъ были выборные старосты, цѣловальники и земскіе дьяки, и такіе же старосты, цѣловальники и земскіе дьяки были и въ крестьянскихъ волостныхъ общинахъ; въ города присылались отъ правительства намѣстники, въ волости волостели; у намѣстниковъ въ судѣ участвовали выборные старосты и цѣловальники изъ городскихъ

общинъ, и у волостелей также присутствовали на судѣ выборные старосты и цѣловальники крестьянскихъ общинъ; городскія общины защищали своихъ членовъ и дѣлали между ними раскладки казенныхъ податей и повинностей, и на крестьянскихъ волостныхъ общинахъ лежали тѣ же права и обязанности; городскія общины, по Судебникамъ, имѣли надзоръ за своими членами при посредствѣ выборныхъ сотскихъ и десятскихъ; то же самое было и въ общинахъ волостныхъ крестьянскихъ. Вообще, по Судебникамъ, согласно съ прежними исконными обычаями, устройство городскихъ и сельскихъ общинъ было одинаково, и жительство крестьянъ на общинныхъ или на владѣльческихъ земляхъ здѣсь не полагало никакого различія. Землевладѣльцы вообще не касались общественныхъ отношеній крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ. Крестьяне, при свободномъ переходѣ съ владѣльческихъ земель на общинныя и съ волостныхъ на городскія и наоборотъ, естественно не могли утратить своего общаго характера. А свободный переходъ крестьянъ Судебники даже во многомъ облегчили, отдѣливши отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ по ссудамъ отъ отношеній по землѣ и яснѣе опредѣливши поземельныя отношенія. Вообще конецъ XV в. и почти весь XVI в. были временемъ самаго полнаго развитія крестьянскихъ общинъ; все, выработанное прежнею жизнью для крестьянскихъ общинъ, теперь получило полное утвержденіе и опредѣленіе. Не только Судебники, но и всѣ современные имъ памятники ясно свидѣтельствуютъ, что грозные государи московскіе Іоаннъ III и Іоаннъ IV были самыми усердными утвердителями исконныхъ крестьянскихъ правъ; и особенно царь Іоаннъ IV постоянно стремился къ тому, чтобы крестьяне въ общественныхъ отношеніяхъ были независимы и, согласно съ исконными русскими обычаями, имѣли одинаковыя права съ прочими классами русскаго общества.

Общее заключеніе о крестьянахъ XVI вѣка. Вообще крестьяне въ XVI в. получили полное развитіе своихъ правъ, какъ люди свободные, полноправные члены русскаго общества, составляющіе особый, самостоятельный классъ. Въ XVI в. законъ гласно призналъ за крестьянами всѣ ихъ права, выработанныя жизнью русскаго общества. Свободный переходъ крестьянъ съ одной земли на другую получилъ значительное облегченіе строгимъ отдѣленіемъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ отъ отношеній по ссудамъ. Личность крестьянина, какъ полноправнаго члена въ обществѣ, пріобрѣла для себя сильную опору въ равенствѣ суда для всѣхъ классовъ общества и въ пенѣ за безчестіе, утвержденныхъ закономъ, а также въ зависимости отъ крестьянской общины, а не отъ произвола землевладѣльцевъ. А крестьянскія общины, безъ различія на владѣльческихъ, или на черныхъ земляхъ, получили такую самостоятельность и такія права собственнаго суда и управленія, какими прежде рѣдко пользовались самые богатые и сильные землевладѣльцы, и почти совершенно сравнялись съ городскими общинами. Самое владѣніе землею получило больше прочности и самостоятельности противъ прежняго времени. Конечно, община или землевладѣлецъ по прежнему могли еще сослать неисправнаго крестьянина съ земли; но они не имѣли права убавить или прибавить участокъ земли противъ порядной записи; земля, составлявшая тягловую долю крестьянина, оставалась неприкосновенною, пока крестьянинъ исправно тянулъ съ нея тягло; власть его надъ этимъ участкомъ простиралась до того, что онъ могъ мѣнять и продавать его людямъ, соглашающимся нести тягло. Иногда крестьяне до того простирали свою власть на землю, принадлежащую частнымъ владѣльцамъ, что удерживали ее за собою противъ воли собственниковъ, и собственники, чтобы сослать такого крестьянина съ ихъ земли, должны были прибѣгать къ помощи правительства. Конечно, это со стороны крестьянъ было явное злоупотребленіе; но самая возможность такого злоупотребленія уже свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи крестьянской самостоятельности. Но рядомъ съ обширнымъ развитіемъ и законнымъ признаніемъ крестьянской полноправности, XVI в. представляетъ постепенное стѣсненіе матеріальныхъ средствъ въ крестьянствѣ.

Земля, этотъ основной капиталъ земледѣльца, незамѣтно, но быстро ускользаетъ изъ крестьянскихъ рукъ. Государи московскіе Іоаннъ III и Іоаннъ IV, такъ много одѣлавшіе для развитія крестьянской полноправности, едва-ли не въ большихъ размѣрахъ способствовали постепенному переходу земли изъ крестьянскихъ рукъ въ руки служилыхъ людей, или въ непосредственное распоряженіе правительства. Признавая всю землю государственною, безъ различія, въ чьихъ-бы рукахъ она ни была, они постоянно имѣли въ виду, чтобы земля изъ службы не выходила, и поэтому смѣло измѣняли ея назначеніе, соображаясь съ тѣмъ, гдѣ служба земли представлялась болѣе выгодною для государства. Оказывалась-ли у правительства нужда въ деньгахъ, земли большими массами отдавались на оброкъ; нужны-ли были служилые люди, земли поступали въ помѣстныя и вотчинныя дачи; встрѣчались-ли недочеты въ оброчномъ содержаніи, земля переводилась на прямое государственное тягло, по общиннымъ разрубамъ и разметамъ. Вообще на каждое новое требованіе, на каждую нужду правительства отвѣчала земля. Конечно, почти все это дѣлалось и прежде, но далеко не въ тѣхъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ XVI в. Мы знаемъ, что удѣльные князья въ прежнее время раздавали земли и въ помѣстья, и въ вотчины, и отдавали на оброкъ; но эта раздача по самой уже слабости удѣльнаго правительства была слишкомъ ограничена. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились государи московскіе въ XV в. Завоеваніе Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и другихъ огромныхъ земель и совершенное уничтоженіе удѣловъ поставили ихъ на такую высоту, что съ ихъ государственною властью власть прежнихъ князей нельзя уже и сравнивать; въ прежнее время князья большею частью *смотрѣли изъ рукъ народа*, а у московскихъ государей XVI в. народъ сталъ смотрѣть изъ ихъ рукъ и, какъ милость, получалъ отъ нихъ утвержденіе неприкосновенности своихъ правъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, по совершенномъ покореніи Новгорода, въ Вотьской пятинѣ около трети отдалъ въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ, а остальное предоставилъ монастырямъ и земцамъ новгородскимъ; такія же распоряженія московскихъ государей были въ Твери, Псковѣ, Смоленскѣ, Казани и въ другихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Москвѣ. Московскіе служилые люди и переселенцы охотно садились въ завоеванныхъ земляхъ, розданныхъ имъ щедрою рукою, и, конечно, не гнались за тѣмъ, что богатое государское жалованье имъ давалось съ непремѣннымъ условіемъ службы, на помѣстномъ правѣ, или съ иными какими ограниченіями; ибо богатство государскаго жалованья съ лихвою выкупало невыгоды службы и другія ограниченія. Переселенцы же изъ завоеванныхъ земель въ московскія волости рады были занимать отведенныя имъ земли на условіяхъ, назначенныхъ правительствомъ, лишь-бы вовсе не остаться безъ земель. Такимъ образомъ огромныя завоеванія московскихъ государей въ XVI в. не только распространили московскія владѣнія на всю Русскую землю и даже далеко за ея прежніе предѣлы, но и способствовали къ тому, чтобы всю землю, состоящую въ московскихъ владѣніяхъ, мало по малу ввести въ службу и въ тягло; ибо за новыми поселенцами изъ завоеванныхъ земель легко было распространить тяжести службы и тягла и на старожильцовъ во всѣхъ московскихъ владѣніяхъ. Въ царствованіе царя Ивана Васильевича особенно была развита раздача земель въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ; упорныя и продолжительныя войны этого государя съ Казанью, Ливоніею, Польшею и Швеціею требовали постоянно огромныхъ войскъ, какихъ не бывало при прежнихъ русскихъ государяхъ; такъ, еще въ первую литовскую войну, бывшую въ 1535 году, псковскій лѣтописецъ насчитываетъ до полутораста тысячъ воиновъ; казанскіе походы, вѣроятно, были еще многолюднѣе; въ походѣ на Полоцкъ, одной только *посохи* съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ было 80 т. человѣкъ; во время войны съ Баторіемъ у царя подъ Старицею было собрано 300 т. войска, и наконецъ по всей Украинской линіи, противъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ, каждое лѣто стояли полки, по Окѣ и по другимъ рѣкамъ, и сторожи по городкамъ и засѣкамъ отъ Алатыря до Путивля. Такимъ образомъ въ царствованіе Іоанна IV Московское государство

въ разные годы имѣло по крайней мѣрѣ до милліона войска разныхъ названій и разныхъ способовъ содержанія; изъ этихъ войскъ по крайней мѣрѣ половина, т. е. до полумилліона людей, постоянно получали на свое содержаніе помѣстныя дачи, а судя по тому, что въ 1550 г. въ царскомъ приговорѣ, на 1,050 человѣкъ бояръ и дѣтей боярскихъ, изъ помѣщенныхъ въ московскомъ уѣздѣ, отъ Москвы за 60 и за 70 верстъ, было назначено 118,000 чети земли, должно допустить, что къ концу царствованія Іоанна IV было въ помѣстной раздачѣ по крайней мѣрѣ до 50 милліоновъ четвертей земли. *). Кромѣ того, на содержаніе во время походовъ другаго полмилліона войскъ, не получавшихъ помѣстій, а также для пособія и помѣщикамъ въ военное время, нужны были огромныя суммы денегъ. Если въ 1563 г. самому послѣднему разряду войскъ, *посохъ*, для полоцкаго похода давалось по 5 рублей конному и по 2 рубля пѣшему воину, а въ то время 6 рублей равнялись фунту серебра, то для полоцкаго лишь похода на одну посоху, которой тамъ было 80 т. человѣкъ, должно было собрать, по крайней мѣрѣ, 180,000 рублей или 30 т. фунтовъ серебра. Какое же огромное количество нужно было на веденіе всѣхъ войнъ, бывшихъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ? А едва-ли не большую часть всѣхъ издержекъ должна была выплачивать земля, записанная въ тяглѣ.

Принимая въ соображеніе такія огромныя траты земли и денегъ, понятно, что положеніе крестьянъ въ XVI в. должно было сдѣлаться тяжелымъ и по мѣстамъ не выносимымъ, особенно тамъ, гдѣ производились военныя дѣйствія, сопровождаемыя, по обычаю, страшнымъ грабежомъ и опустошеніями. Поэтому насъ нисколько не должны удивлять огромныя пространства пустопорожнихъ земель, указываемыя писцовыми книгами XVI в. и другими памятниками. А тѣмъ меньше мы должны приписывать такое запустѣніе земель свободному переходу крестьянъ; самые памятники вездѣ жалуются и приписываютъ запустѣніе не свободному переходу, а другимъ причинамъ: голоду, повальнымъ болѣзнямъ, войнѣ, плохому хозяйству землевладѣльцевъ и тяжести податей и повинностей.

Свободный же переходъ крестьянъ ни въ одномъ памятникѣ не выставляется причиною запустѣнія земель. Да и дѣйствительно, съ земли выгодной, не опустошенной, необремененной невыносимыми податями и повинностями, и при свободѣ перехода, крестьянинъ не имѣлъ надобности переходить; перемѣна мѣстожительства для земледѣльца, по самой природѣ его промысла, весьма неудобна и отяготительна, поэтому онъ рѣшается на нее только въ крайности.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ оставленія земель крестьянами, вслѣдствіе опустошенія или несоразмѣрнаго отягощенія податями и повинностями, было то, что подати и повинности еще невыносимѣе ложились на крестьянъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ, ибо за опустѣлыя выти по порядку платили живущія выти до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ. А это породило новое искусственное запустѣніе земель, особенно у помѣщиковъ и вотчинниковъ многоземельныхъ и богатыхъ, желавшихъ привлечь къ себѣ побольше крестьянъ и въ тоже время разсчитывавшихъ облегчить имъ разныя повинности и казенныя подати не на свой

---

*) Царь Иванъ Васильевичъ могъ раздавать земли въ такихъ размѣрахъ безпрепятственно и во вновь покоренныхъ краяхъ, и въ старыхъ московскихъ владѣніяхъ; ибо, при свободномъ переходѣ крестьянъ и при зависимости ихъ не столько отъ землевладѣльцевъ, сколько отъ своихъ общинъ, права крестьянъ почти нисколько не нарушались при переходѣ земель изъ одного владѣнія въ другое. Крестьяне, при переходѣ черной земли въ помѣстное или вотчинное владѣніе, конечно, должны были нести подати и въ пользу государства, и въ пользу помѣщика или вотчинника; но на дѣлѣ подати эти отнюдь не были двойными, ибо по сошной раскладкѣ съ помѣстныхъ или вотчинныхъ земель шло въ казну почти вдвое менѣе, чѣмъ съ черныхъ земель, и сверхъ того крестьяне въ помѣщикѣ или вотчинникѣ находили своего покровителя и часто помогателя ссудою, а ежели онъ былъ тяжелъ для нихъ, то они могли свободно оставлять его земли.

счетъ, а на счетъ казны. Они это дѣлали обыкновенно такъ: при составленіи писцовыхъ книгъ всѣми мѣрами старались показать за собою земли сколько можно меньше заселенной и сколько можно больше пустой, дабы такимъ образомъ, въ общей раскладкѣ, писцы на ихъ имѣнія, какъ пустующія, положили менѣе податей. Для этой цѣли они обыкновенно, во время составленія писцовыхъ книгъ, удаляли крестьянъ съ своихъ земель, даже прятали въ лѣсахъ, а по составленіи книгъ или опять приглашали на старыя поселенія, или переманивали къ себѣ съ общинныхъ земель и отъ небогатыхъ землевладѣльцевъ, не умѣвшихъ показать свои земли запустѣлыми. При общемъ отягощеніи крестьянъ казенными податями и повинностями, такая уловка богатыхъ землевладѣльцевъ почти всегда удавалась, и крестьяне охотно шли на ихъ земли, значительно такимъ образомъ облегченныя въ несеніи казенныхъ податей и повинностей противъ другихъ земель. Въ случаѣ нужды, богатые землевладѣльцы употребляли и насиліе для умноженія своихъ крестьянъ, а вслѣдъ за богатыми землевладѣльцами то-же дѣлали и черныя волости, гдѣ случались ловкіе начальники. О такихъ продѣлкахъ, очень невыгодныхъ для казны и невыносимо тягостныхъ для крестьянъ, мы имѣемъ свидѣтельства въ оффиціальныхъ памятникахъ XVI в. Такъ, въ царской грамотѣ новгородскимъ дьякамъ, отъ 20-го января 1556 г., сказано, что по всѣмъ новгородскимъ пятинамъ, при описи 1554 г., многія земли названы пустыми, а послѣ розыску оказалось, что «многіе обжи за дѣтьми боярскими паханы и кошены, а въ первыхъ обыскѣхъ писаны пусты, непаханы и некошены». И царь писалъ къ дьякамъ: «И вы бъ, дьяки наши, того сыскавъ до пряма, да на тѣхъ людехъ, кто тѣ пустые обжи пашетъ и коситъ, и на тѣхъ, кто въ обыску зимѣ сказывалъ, что тѣ обжи пусты, а опослѣ того есте сыскали, что тѣ обжи не пусты, наши всякіе подати и на прошлые лѣта доправили вдвое.... А сыскивали бы накрѣпко, чтобъ у васъ живущаго впустѣ не писали». Здѣсь, вѣроятно, обманъ былъ замѣченъ преимущественно по своей обширности, ибо неправильно пустующими землями оказались многія обжи по всѣмъ пяти новгородскимъ пятинамъ; а не столько рѣзкіе обманы, очевидно, сходили съ рукъ и ложились страшнымъ гнетомъ на земледѣльцевъ, отъ чего рождалось новое запустѣніе: цѣлыя селенія разбѣгались по сторонамъ, кто къ сильнымъ землевладѣльцамъ, кто въ наемные работники, кто въ стрѣльцы, кто въ казаки, кто даже въ холопи.

Всѣ частныя мѣры для поправленія этого дѣла явно оказывались недѣйствительными. Судебникъ и дополнительныя къ нему узаконенія царя Ивана Васильевича, облегчившія свободный переходъ крестьянъ и утвердившія ихъ общественную самостоятельность, сдѣлали свое дѣло и не могли идти дальше; они дали правительству средства свободно распоряжаться землями и обратить ихъ на службу государству, но когда дошло дѣло до самихъ крестьянъ, то оказалась необходимость въ новыхъ узаконеніяхъ, на которыя царь Иванъ Васильевичъ не могъ уже рѣшиться въ явное противорѣчіе со своими прежними законами. Онъ ограничивался только строгими розысками, чтобы владѣльцы жилыхъ земель не писали пустыми и крестьянъ не таили; но эти розыски естественно не всегда были удачны и производили только запутанности и проволочки, а между тѣмъ волости пустѣли, крестьяне разорялись, и сборъ податей терпѣлъ недочетъ. Царь предпринималъ и другія мѣры: такъ, въ 1551 г. запретилъ епископамъ, монастырямъ и церквамъ пріобрѣтать села и деревни безъ доклада государю; потомъ въ 1581 г. совершенно запретилъ духовенству вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія; въ соборномъ приговорѣ этого года сказано: «А митрополиту и владыкамъ или монастыремъ земель не покупати, и въ закладѣ не держати, а кто послѣ сего уложенія купитъ землю, или закладную учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на государя». Сверхъ того, по этому же приговору, духовенство отказалось въ пользу казны отъ всѣхъ недвижимыхъ имѣній, находившихся въ то время у него въ залогѣ, и отъ имѣній, данныхъ служилыми князьями. Но эти и подобныя мѣры, конечно, только давали новыя средства казнѣ, сбора же податей тѣмъ не менѣе не облегчали, и онъ лежалъ какимъ то гнетомъ на тяглыхъ людяхъ. Крестьянскія

общины болѣе и болѣе подвергались запустѣнію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и большему разоренію, такъ что самая юридическая самостоятельность и общественное значеніе этихъ общинъ, утвержденныя за ними законами Іоанна IV-го, послужили имъ къ большему отягощенію: ибо, съ одной стороны, не смотря на свою самостоятельность и значеніе, они были слишкомъ безсильны предъ громадными силами правительства, а, съ другой стороны, самая юридическая самостоятельность подвергала ихъ неумолимой отвѣтственности предъ правительствомъ, по самому ходу дѣлъ, требовавшимъ огромныхъ пожертвованій.

Такимъ образомъ крестьяне въ продолженіи пяти вѣковъ, отъ Русской Правды почти до конца XVI столѣтія, пользуясь свободнымъ переходомъ съ одной земли на другую, мало по малу развились въ отдѣльный самостоятельный классъ русскаго общества, пользующійся юридическою полноправностью наравнѣ съ другими классами общества; въ то же время они, частью вслѣдствіе того же свободнаго перехода съ одной земли на другую, незамѣтно очутились въ такомъ тяжеломъ и безотрадномъ положеніи, что находили болѣе выгоднымъ остаться вовсе безземельными батраками и даже холопами, лишь-бы только освободиться отъ тягла, лежащаго на землѣ. Но, очевидно, и въ этомъ тяжеломъ положеніи любовь крестьянъ къ свободѣ и самостоятельности была такъ велика, что сравнительно немногіе рѣшались мѣнять безотрадную и тяжелую жизнь крестьянина на жизнь боярскаго холопа, свободную отъ тяжестей тягла и обезпеченную боярскимъ содержаніемъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ писцовыя книги, въ которыхъ на сто дворовъ крестьянскихъ не приходилось и десяти дворовъ людскихъ или холопскихъ, не смотря на то, что, по Судебнику, переходъ изъ крестьянства въ холопи былъ свободенъ.

XXVIII. ПРИКРѢПЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЛИЧНЫМИ СТРЕМЛЕНІЯМИ БОРИСА ГОДУНОВА.

(Изъ соч. Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова»).

Сперва Борисъ не смѣлъ думать о вѣнцѣ царскомъ и довольствовался одною честью быть, по мысли предшествовавшихъ великихъ князей, въ особенности царя Ивана IV, ревностнымъ поборникомъ идеи государства, управляя подъ чужимъ именемъ. Но, не предвидя потомства отъ Ѳеодора, слабаго душею и тѣломъ, онъ считалъ себя одного въ правѣ возсѣсть на престолѣ царей московскихъ. Между всѣми сановниками придворными онъ одинъ разумѣлъ духъ времени, насущныя требованія дѣйствительности, видѣлъ, хотя, можетъ быть, не съ полнымъ сознаніемъ, всю несостоятельность прежней общественной системы юридическихъ родовыхъ отношеній и очевидно возрастающую силу идеи государства. Оттого смотрѣлъ на себя, какъ на достойнѣйшаго носить титулъ царскій. Чтобъ выполнить свое твердое убѣжденіе на дѣлѣ, ему однакожъ нельзя было опереться на общинниковъ, искать въ нихъ средствъ къ возвышенію въ своемъ лицѣ начала государственнаго на развалинахъ прежнихъ юридическихъ родовыхъ отношеній. Людямъ промышленнымъ Грозный далъ все, что только можно было дать: чѣмъ могъ ихъ привязать къ себѣ «изрядный правитель»? Не на потребностяхъ общинниковъ могъ онъ основать свою власть, свое будущее могущество; ему нужно было отыскать въ дѣйствительности другой интересъ общественный, и онъ думалъ его найдти въ интересѣ дѣтей боярскихъ, людей, обязанныхъ ратною службой.

По мѣрѣ того какъ идея государства все болѣе и болѣе раскрывалась въ общественныхъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и количество земель государственныхъ, умножалось число помѣстій, слѣдовательно и людей служилыхъ, состоявшихъ преимущественно изъ дѣтей боярскихъ, обязанныхъ по первому требованію являться *конными*, *людными*, *оружными*, и становиться подъ знамена царскія. Такъ какъ въ интересѣ государей было имѣть какъ можно болѣе служилыхъ людей за количество земли какъ можно меньшее, то ясно, что дѣти боярскіе непремѣнно должны были явиться, въ системѣ государственнаго хозяйства, владѣльцами мелкопомѣстными.

То обстоятельство, что дѣти боярскіе были именно мелкіе владѣльцы, и заставило проницательнаго Годунова обратить на нихъ вниманіе. Онъ видѣлъ въ нихъ, людяхъ ратныхъ, для осуществленія идеи государства, оплотъ самый надежный. Но какимъ образомъ думалъ приковать правитель къ своимъ выгодамъ разрядъ общественный, столь многочисленный, столь сильный по ремеслу своему? Средство для достиженія своей цѣли, нужно полагать, заимствовалъ Борисъ отъ Руси Литовской, гдѣ въ областяхъ, граничащихъ съ Польшею, совершилось закрѣпленіе крестьянъ въ концѣ XV столѣтія; а можетъ статься, онъ слѣдовалъ историческому преданію, ибо и прежде, до него, дѣлаемы были, какъ кажется, попытки частныхъ закрѣпленій.

Безъ всякаго сомнѣнія, Борисъ поднялъ и рѣшилъ вопросъ о закрѣпленіи болѣе въ интересѣ личномъ, тѣмъ не менѣе его распоряженіе объ отмѣнѣ Юрьева дня совершенно согласовалось съ требованіями государства и исторіи. Въ первую эпоху нашего общественнаго бытія, предшествовавшую Андрею Боголюбскому, когда жизнью управляло естественное родовое начало, всѣ разряды общественные находились въ состояніи непрестаннаго движенія: князья мѣнялись столами, слѣдуя обычаю родоваго старѣйшинства; дружинники, думцы первыхъ русскихъ князей отъѣзжали отъ одного господина къ другому; общинники, по всей вѣроятности, также безпрепятственно мѣняли мѣсто жительства. Во второй половинѣ XII столѣтія родовой бытъ естественный рѣшительно преобразовался въ юридическій, и князья изъ кочующихъ родичей сдѣлались осѣдлыми отчинниками; переходы княжескіе съ мѣста на мѣсто, по всему пространству земли русской, мало по малу ограничились. По мѣрѣ того какъ князья-отчинники исчезли, и Москва объединила Русь восточную, люди служилые, потомки прежнихъ дружинниковъ, постепенно утратили возможность отъѣзда. Вслѣдъ за людьми служилыми потеряли возможность перехода и люди неслужилые, общинники городскіе и сельскіе. Вопросъ о закрѣпленіи возникъ неминуемо: къ нему вела сама исторія. При этомъ однако не нужно забывать, что отмѣны Юрьева дня требовалъ и финансовый интересъ государства. Только при условіи осѣдлости производительнаго населенія могъ быть правильно распредѣляемъ и взимаемъ налогъ. Послѣднее обстоятельство врядъ ли ускользало отъ прозорливости Годунова: не смотря на то, она была для него дѣломъ второстепеннымъ. Существенная причина, побудившая Бориса обнародовать отъ имени Θеодора указъ о закрѣпленіи, была иная, болѣе личная, совершенно впрочемъ сообразная съ нуждами государственными.

Указъ 1592 или 1593 года, въ силу котораго закрѣплялись крестьяне, доселѣ еще не отысканъ; но о содержаніи его можно судить по

указу отъ 21 ноября 1597 г. и еще по другому указу, о холопахъ, отъ 5 февраля того же года. Въ первомъ сказано: «Которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ-за дѣтей боярскихъ и приказныхъ людей изъ помѣстій и отчинъ, изъ патріарховыхъ, митрополичихъ, владычнихъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго года за 5 лѣтъ, (слѣдовательно крестьянскій выходъ былъ уже уничтоженъ въ 1592 г. или, по крайней мѣрѣ, въ 1593 г.), и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого выбѣжали, судъ давати и сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы отвозить назадъ, гдѣ кто жилъ; а которые крестьяне выбѣжали до сего указа лѣтъ за 6 и за 10 и больше, а тѣ помѣщики или отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ по нынѣшній годъ лѣтъ за 6 и болѣе, царю и великому князю Ѳедору Іоанновичу не били челомъ, и государь царь и великій князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, а назадъ ихъ, кто гдѣ жилъ, не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго года бѣжали за пять лѣтъ (челомъ слѣдовательно могли бить владѣльцы только на крѣпостныхъ, находившихся въ бѣгахъ съ 1592, или по крайней мѣрѣ съ 1593 г.); а которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго государева царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершити по суду и по сыску и по сему уложенію». Во второмъ указѣ о холопахъ, отъ 5-го февраля 1597 г. читаемъ: «А о *вольныхъ* людяхъ государь приговорилъ со всѣми бояры, которые люди служатъ у кого добровольно (тѣхъ слѣдовательно, которые не подпали подъ опредѣленіе какого-то предшествовавшаго указа о закрѣпленіи), и тѣхъ вольныхъ людей ставити въ холопьѣ приказѣ съ тѣми, у кого служатъ, да распрашивати, сколь давно, кто у кого служитъ и кабалу на себя даетъ-ли, и которые люди вольные послужили у кого недѣль пять-шесть, а кабалъ на себя давати не хотятъ, тѣхъ отпущати на волю; а кто послужилъ съ полгода и больше, и на тѣхъ холопей служивыя кабалы давати, и челобитья ихъ не слушати, потому что тотъ человѣкъ (господинъ) того добровольнаго холопа кормилъ и обувалъ и одѣвалъ». Такимъ образомъ законъ о закрѣпленіи былъ изданъ вскорѣ послѣ смерти Димитрія царевича, незадолго до смерти бездѣтнаго Ѳедора, и изданъ по соображеніямъ Годунова: это доказываютъ слѣдующія слова въ указѣ царя Василія Шуйскаго 1607 г.: «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, *не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ*, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда было крестьянъ, книги учинилъ». Выраженіе: *не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ*, опредѣляя историческій характеръ царской власти при Шуйскомъ, что впрочемъ до насъ не касается, въ тоже время показываетъ, противъ кого былъ направленъ указъ «изряднымъ правителемъ». Борисъ уничтоженіемъ выхода крестьянскаго хотѣлъ сокрушить, еще до своего избранія на царство, силу естественныхъ враговъ государственнаго начала, имъ представляемаго, связать руки большимъ владѣльцамъ, ибо такое уничтоженіе только для нихъ могло быть невыгоднымъ, а не для мелкопомѣстныхъ дѣтей боярскихъ, интересъ которыхъ Годуновъ стремился отдѣлить отъ боярскаго и приковать къ собственному или государственному, что все равно.

Отчего же закрѣпленіе промышленнаго населенія было невыгоднымъ для большихъ землевладѣльцевъ и выгоднымъ для мелкихъ? Отвѣтъ простой. Какъ скоро въ данное время въ данной странѣ существуютъ два рода поземельной собственности, большая и малая, однородныя по качеству и принадлежащія двумъ разрядамъ владѣльцевъ, большимъ и малымъ, обработывающимъ свое достояніе посредствомъ рабочихъ, необходимо должно обнаружиться извѣстное политико-экономическое явленіе, одинаково и постоянно повторяющееся при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. На площади поземельнаго владѣнія большаго объема, очевидно, возможно помѣщеніе большаго количества рабочихъ, нежели на поверхности поземельнаго владѣнія малаго размѣра. Отъ этого самаго большой землевладѣлецъ будетъ всегда имѣть болѣе чистаго поземельнаго дохода, нежели собственникъ мелкопомѣстный, при меньшихъ требованіяхъ отъ земледѣльца. Земледѣлецъ, стѣсненный владѣльцемъ мелкопомѣстнымъ, пользуясь обычаемъ перехода, поневолѣ уйдетъ къ большому поземельному собственнику, ибо того будетъ требовать его выгода. Но коль скоро право перехода у земледѣльца отнято, онъ увидитъ себя принужденнымъ остаться на землѣ мелкаго владѣльца и противъ воли удовлетворять всѣмъ его требованіямъ. Послѣднее, слѣдовательно, будетъ выгодно для мелкопомѣстнаго, къ ущербу большаго поземельнаго собственника. Это то и понялъ на практикѣ Годуновъ, уничтожая Юрьевскій выходъ: отъ имени Ѳедора, онъ обпародовалъ распоряженіе, выгодное для однихъ дѣтей боярскихъ, землевладѣльцевъ мелкихъ.

Закрѣпляя крестьянъ, Годуновъ однакожь вовсе не думалъ ихъ смѣшивать съ холопами (рабами). Еслибъ въ самую пору отмѣненія Юрьева дня, осенняго, Годуновъ хотѣлъ крестьянъ обратить въ холоповъ, то очевидно сравнялъ бы ихъ юридически съ послѣдними, о чемъ онъ рѣшительно не думалъ, равно какъ и его современники. Въ пору закрѣпленія всѣмъ казалось, что промышленникъ теряетъ только возможность переходить съ мѣста на мѣсто, не болѣе.

Для самого Бориса закрѣпленіе необходимо было только какъ средство открыть путь къ престолу. Приковывая крестьянина къ одному мѣсту, онъ дѣйствовалъ въ интересѣ людей ратныхъ, дѣтей боярскихъ, владѣвшихъ небольшими участками земли, желая привязать ихъ къ себѣ, и тѣмъ самымъ взять перевѣсъ надъ своими соперниками, боярами и духовенствомъ, обладавшими большими владѣніями. Это явствуетъ изъ словъ позднѣйшаго указа царя Василія Шуйскаго: «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, *по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ*, выходъ крестьянамъ заказалъ».

Съ перваго взгляда кажется, что Годуновъ, заказывая крестьянамъ выходъ, поступалъ неблагоразумно, ибо, посягая на выгоды большихъ владѣльцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ, онъ въ тоже время дѣйствовалъ противъ себя, потому что, подобно имъ, обладалъ великимъ имѣніемъ.

По странной случайности, весьма многіе члены рода Годуновыхъ умерли бездѣтными и чрезъ то дали возможность своимъ ближайшимъ родственникамъ, въ томъ числѣ и Борису, пріобрѣсть много отчинъ по наслѣдству. Со времени вступленія Ѳедора на престолъ, Годуновъ сталъ получать ежегодно царскаго жалованья 15,000 р.; сверхъ того, въ качествѣ конюшаго, съ царскихъ конюшенныхъ слободъ имѣлъ ежегодно дохода 12,000 р., съ торговыхъ бань за валами города Москвы 1,500;

съ пожалованной Θедоромъ области Ваги или Шенкурска 32,000 р.; изъ княжествъ рязанскаго и сѣверскаго 30,000 р.; изъ городовъ Твери и Торжска 8,000 р.; съ наслѣдственныхъ своихъ владѣній въ вяземскомъ и дорогобужскомъ уѣздахъ, умноженныхъ другими отчинами, имѣлъ Борисъ 8,000 р. дохода; слѣдственно, всего 106,500 р. Будучи такимъ богачемъ, Годуновъ, по свидѣтельству Герсея, со своими ближними въ 40 дней могъ вывести въ поле 100,000 вооруженныхъ людей. Обладатель несмѣтнаго движимаго имущества и значительныхъ отчинъ, Борисъ, замысливъ великій общественный переворотъ въ быту промышленниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, заранѣе постарался отстранить отъ себя невыгодныя слѣдствія, долженствовавшія неминуемо постигнуть большихъ землевладѣльцевъ. Есть основанія думать, что, еще до закрѣпленія, онъ успѣлъ перевести на свои земли достаточное количество рукъ для ихъ воздѣлыванія: иначе, какъ бы онъ могъ въ 1598 г., подъ Серпуховымъ, угощать на свой счетъ, въ теченіи шести недѣль, подъ шатрами, на серебряной посудѣ, несмѣтное войско съ неслыханной щедростью, изъ своей казны дарить бояръ и людей ратныхъ? Закрѣпляя крестьянъ, Годуновъ наносилъ ударъ однимъ большимъ землевладѣльцамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, обезопасивъ себя предварительно. Тщетно негодовали на него знаменитые родичи: противъ ихъ притязаній, заранѣе предусмотрѣнныхъ, находилъ онъ оплотъ въ дѣтяхъ боярскихъ, страшныхъ своей многочисленностью, своимъ ратнымъ духомъ. Напрасно роптало на него духовенство: за Бориса стоялъ горой патріархъ, неограниченный повелитель надъ міромъ церковнымъ. Все улыбалось счастливцу, приготовившему исподволь торжество свое; завѣса будущаго тихо приподнималась передъ нимъ, и онъ ждалъ только смерти Θедора, чтобы явить въ своемъ лицѣ, передъ изумленной Россіей, окончательное торжество начала государственнаго надъ развалинами древнихъ юридическихъ родовыхъ отношеній.

XXIX. ОЧЕРКЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ РУССКОЙ ІЕРАРХІИ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ПАТРІАРШЕСТВА.

(Изъ соч. Зернина. «Учрежденіе въ Россіи патріаршества», помѣщ. въ «Архивъ историко-юридич. свѣдѣній» Калачева за 1855 г.).

На развитіе нашей іерархіи сильнѣйшее вліяніе имѣли два обстоятельства: отношенія ея къ константинопольскому патріарху и отношенія ея къ великимъ князьямъ; и тѣ, и другія съ теченіемъ времени измѣнялись; укажемъ какъ на главныя фазы этихъ перемѣнъ, такъ и на обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ онѣ совершались.

Въ теченіе всего періода времени отъ окончательнаго введенія христіанства до самаго XIV столѣтія, для уясненія связи нашей іерархіи съ византійскою, мы имѣемъ весьма мало извѣстій. Византійскіе историки ровно ничего не сообщаютъ объ этомъ. Посему мы должны довольствоваться только тѣми немногими данными, которыя сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ. Пополняя эти извѣстія нѣкоторыми данными, почерпаемыми изъ оффиціальныхъ документовъ, мы можемъ сказать про отношенія нашей іерархіи къ константинопольскому патріарху слѣдующее: 1) митрополитъ кіевскій и всея Руси, отъ самаго начала русской митрополіи, былъ въ полномъ подчиненіи у византійскаго патріарха наряду съ прочими епархіальными начальниками визан-

тійскаго патріархата; 2) въ византійской іерархіи онъ занималъ второстепенное мѣсто; 3) изъ лѣтописей мы знаемъ, что до самаго XIV в. митрополитами у насъ были почти исключительно греки.

Что же касается до положенія, въ какомъ находился русскій митрополитъ въ своей эпархіи, то, до XIV столѣтія и даже далѣе, власть его не подчинялась никакому высшему авторитету. Дѣйствительно въ XI, XII, XIII и даже XIV столѣтіяхъ мы видимъ, что весьма многое благопріятствовало свободному развитію у насъ духовной власти. Тогда какъ, при постоянныхъ усобицахъ Рюрикова дома, власть великокняжеская долгое время не могла достигнуть свойственнаго ей значенія и зависѣла отъ личности великаго князя; тогда какъ Русь въ теченіи трехъ столѣтій распадалась на отдѣльныя сферы, власть духовная митрополита кіевскаго равномѣрно простиралась на всѣ области, служа для нихъ нѣкоторымъ образомъ общимъ средоточіемъ. Весьма много содѣйствовало самостоятельному положенію нашего клира и то обстоятельство, что до самаго XIV столѣтія митрополитами кіевскими были почти исключительно греки. Пріѣзжая въ страну, имъ мало извѣстную, они по большей части являлись на сторонѣ в. князя кіевскаго, содѣйствуя усиленію его власти. „Подобаетъ бо княземъ яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, христова словеса разумѣти извѣсто, и основаніе церковное твердое, да ни ти будутъ основаніе, якоже есть святыя церкве, на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людемъ отъ Бога. Единъ бо Богъ царствуетъ небесными, вамъ же, съ его помощью, царствовати земными, долѣшнимъ симъ въ роды и роды“. Такъ писалъ Владиміру Мономаху митрополитъ Никифоръ, какъ природный грекъ; вѣрный преданію византійскому, онъ внушалъ и русскому князю высокое понятіе о его верховной власти.

Съ своей стороны князья наши вполнѣ постигали значеніе духовной власти митрополита всея Руси. Кто изъ нихъ стремился утвердить свой престолъ надъ прочими, тотъ старался имѣть на своей сторонѣ митрополита. Такъ в. князь Андрей Боголюбскій, покидая южную Русь и сознавая невозможность установить тамъ перевѣсъ власти великокняжеской, утвердился въ странѣ, мало причастной родовымъ отношеніямъ южно-русскихъ князей. Чтобы дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, онъ заботился объ основаніи новой митрополіи во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Со времени нашествія монголовъ, когда вслѣдствіе сдѣланныхъ ими опустошеній Русь приведена была въ крайнее разстройство, спасителемъ явилось тоже высшее духовенство. Къ счастью для Руси, при терпимости монголовъ къ религіямъ покоренныхъ ими народовъ, церковь русская не только осталась неприкосновенною, но еще ей ханскими ярлыками была предоставлена полная самостоятельность и свобода отъ дани и пошлинъ. Не распространяясь о содѣйствіи нашего духовенства (во время монголовъ) цѣлямъ государственнымъ, какъ о слишкомъ уже извѣстномъ, обратимся къ обзору главнѣйшихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на развитіе нашей іерархіи. Посмотримъ, не произошло-ли какой перемѣны въ отношеніяхъ ея: 1) къ византійскимъ патріархомъ, 2) къ великимъ князьямъ.

Изъ протоколовъ константинопольскаго патріархата мы видимъ, что патріарховъ и митрополита всея Руси съ XIV столѣтія особенно занимаетъ вопросъ о раздѣлѣ русской митрополіи; приведемъ главнѣйшія данныя, относящіяся сюда. Въ 1317 г. патріархъ Іоаннъ Глика и императоръ Андроникъ въ первый разъ прислали отдѣльнаго митрополита на митрополію, каѳедра которой была въ Галичѣ. Митрополитъ Ѳеогностъ, родомъ грекъ, какъ видно, сильно былъ встревоженъ этимъ обстоятельствомъ. Императоръ Іоаннъ Палеологъ, давая ему титулъ, не бывшій на Руси ни прежде, ни послѣ, успокоилъ его извѣстіемъ, что новая митрополія уничтожена, и что ея епископіи по прежнему подчинены кіевскому митрополиту. Далѣе императоръ писалъ къ князю владимірскому Димитрію Любарту, извѣщая его, что „галицкій митрополитъ поставленъ былъ во время смутъ въ Константинополѣ, что при новомъ патріархѣ опять приведено все въ преж-

ній порядокъ, потому что съ того времени, какъ народъ русскій принялъ христіанство, положено было, что для всей Руси, Великой и Малой, назначаемъ былъ одинъ митрополитъ кіевскій". Далѣе слѣдуетъ соборное опредѣленіе о подчиненіи Малой Руси митрополиту всея Руси. Вслѣдъ за этимъ галицкій митрополитъ отозванъ въ Константинополь.

Замѣчательно дѣло о возведеніи на митрополичью каѳедру владимірскаго епископа Алексѣя; здѣсь между прочимъ сказано, что «хотя не дозволено назначать въ митрополиты кого-нибудь изъ Константинополя, но на сей разъ для епископа Алексѣя сдѣлано исключеніе въ уваженіе свидѣтельствъ великаго князя и покойнаго митрополита". Вопросъ о раздѣлѣ митрополіи подымается при св. митрополитѣ Алексѣѣ (въ 1361 г.). Въ протоколахъ находится объ этомъ дѣло; съ св. Алексѣемъ спорилъ митрополитъ Романъ, которому по снисхожденію и ради мира императоръ дозволилъ править, кромѣ литовскихъ митрополій, въ Полоцкѣ, Туровѣ и Новогородкѣ. Митрополиту же Алексѣю опредѣлено согласно съ прежнимъ обычаемъ быть начальнымъ архіепископомъ кіевскимъ и всея Руси Но такъ какъ, не смотря на все это, Романъ, возвратившись въ Кіевъ, дерзнулъ назваться всеобщимъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, то были отправлены въ Россію сакелларій вселенской церкви и дьяконъ Георгій съ порученіемъ, собравъ письменныя свидѣтельства съ собственноручными подписями епископовъ, князей и другихъ достовѣрныхъ мужей, препроводить оныя къ императору и патріарху. Обо всемъ этомъ извѣстили и Романа.

Весьма важенъ документъ, писанный въ 1362 г. Изъ него видно, что патріархи сознавали необходимость поддерживать нераздѣльность митрополіи всея Руси. Въ означенной грамотѣ постановляется, что и земля Литовская на все послѣдующее время ни по какимъ причинамъ не должна отдѣляться отъ области и духовнаго управленія митрополита кіевскаго, потому что одинъ подобный случай (съ Романомъ) произвелъ замѣшательство. По отношенію къ св. митрополиту Алексѣю замѣчательна грамота, писанная въ 1389 г., о низложеніи Пимена и о возстановленія въ лицѣ Кипріана единства митрополіи русской. Въ грамотѣ этой замѣчателенъ пунктъ, которымъ вмѣняется въ вину Алексѣю его стараніе объ утвержденіи свѣтской власти. На основаніи приведенныхъ документовъ мы дѣлаемъ слѣдующія заключенія: 1) константинопольскіе патріархи особенно смотрѣли за нераздѣльностью русской митрополіи; того требовалъ ихъ собственный интересъ. Но такъ какъ съ XIV столѣтія всѣ русскія земли сосредоточивались около двухъ пунктовъ, Москвы и Литвы, такъ какъ и в. князья московскіе постигали, что для упроченія ихъ власти необходимо содѣйствіе духовной власти митрополита, вслѣдствіе чего и тѣ и другіе старались удержать въ своихъ владѣніяхъ митрополичью каѳедру, то интересы константинопольскихъ патріарховъ пришли въ столкновеніе съ интересами великихъ князей. Столкновеніе это, какъ показываетъ ходъ самыхъ событій, имѣло результатомъ раздѣленіе митрополіи, вслѣдствіе котораго власть великокняжеская упрочилась, вліяніе патріарха на Русь (особенно восточную) сперва ослабло, а потомъ вовсе уничтожилось. Все это дѣйствительно воспослѣдовало съ XV столѣтія. 2) Стараясь не допускать раздѣленія русской митрополіи, патріархи уже по одному этому должны были остерегаться, чтобы митрополитъ всея Руси не былъ русскій и притомъ избранный русскимъ княземъ. Вотъ почему, когда рѣшено было, что Ѳеогносту преемникомъ будетъ св. Алексѣй, патріархъ поставилъ на видъ свое право назначать на Русь митрополитовъ въ Константинополѣ. Опасенія патріарха на счетъ св. Алексѣя были не безъ основанія: великій іерархъ дѣствительно во время управленія митрополіею употреблялъ все свое вліяніе на то, чтобы упрочить власть в. князя московскаго, въ чемъ и успѣлъ, заслуживъ признательность потомства.

Но не столько великіе князья литовско-русскіе были виновниками ослабленія въ русской церкви вліянія константинопольскаго патріарха, сколько великіе князья московскіе. Послѣдніе не только старались о томъ, чтобы каѳедра митрополита всея Руси была въ Москвѣ, но чтобы и митрополитами были русскіе и

избранные русскимъ клиромъ. Такъ дѣйствовалъ Димитрій Ивановичъ Донской, примѣру его слѣдовалъ и внукъ его Василій Васильевичъ. Сознавая всю важность своего стремленія, онъ хотѣлъ, чтобы право свободнаго избранія митрополита утверждено было за русскою церковью съ согласія самого цареградскаго патріарха.

Можно сказать съ увѣренностью, что патріархи отказали бы нашимъ князьямъ въ свободномъ избраніи митрополита русскимъ клиромъ, если бы это случилось столѣтіями двумя ранѣе; но въ XV в. ихъ положеніе не позволяло отстаивать имъ своихъ верховныхъ правъ на русскую іерархію. Константинополь былъ завоеванъ турками и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и отношенія митрополита всея Руси къ патріарху. Перемѣна эта состояла въ слѣдующемъ: 1) въ Великой Руси окончательно утвердилось правило, что митрополитомъ долженъ быть избранный русскимъ клиромъ; 2) избраніе его стало совершаться на соборѣ русскаго духовенства; 3) избраннаго утверждалъ великій князь. Византійскіе патріархи утвердили всѣ эти нововведенія. Но, предоставляя такія отличія русской іерархіи, они не возвышали главы ея въ духовномъ отношеніи.

Обстоятельство это очень важно: изъ него мы видимъ, что патріархи не имѣли въ виду предоставить полную самостоятельность митрополиту всея Руси; по праву онъ все еще былъ подвластенъ византійскому патріарху. Слѣдовательно, для пріобрѣтенія нашей іерархіей полной самостоятельности необходимо было, чтобы глава ея сдѣлался автокефаліемъ (самостоятельнымъ касательно духовнаго правленія епархіей), или достигъ сана патріаршескаго; мы увидимъ, что обстоятельства подготовили и эту важную перемѣну.

Половина XV в. ознаменована была перемѣною и въ отношеніяхъ митрополита всея Руси къ великому князю, что совершилось при Иванѣ III, утвердившемъ на прочномъ основаніи государственный порядокъ великаго княжества Московскаго. Византійская имперія пала: послѣдніе Палеологи или искали покровительства папъ и западныхъ государей, или, забывая свое прежнее величіе, унижали себя угодливостью турецкимъ султанамъ. Папа, зная уже силы государства Московскаго, задумалъ обратить ихъ въ пользу Запада. Съ этой цѣлью, какъ извѣстно, онъ устроилъ бракосочетаніе Ивана III съ царевною Софьею Палеологъ, племянницею послѣдняго императора Константина XII. Можно было предвидѣть, что обстоятельство это не послужитъ въ пользу Запада. Судя по характеру и основнымъ началамъ политики Ивана III, оно какъ нельзя лучше согласовалось съ его видами. Къ тому же и Софья, воспитанная въ правилахъ византійскаго двора, легко могла владѣть душою такого князя, какъ Иванъ III. Нѣтъ сомнѣнія, что она была виновницей многихъ перемѣнъ и нововведеній при московскомъ дворѣ. Несомнѣнно и то, что Иванъ III, почитая себя преемникомъ Палеологовъ, явился въ такомъ видѣ, въ какомъ не являлся не одинъ изъ его предшественниковъ, т. е. государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Естественно, что онъ, по новому своему положенію, долженъ былъ установить для себя новыя отношенія къ митрополиту. Отношенія эти были тѣ же, въ какихъ находились въ Византіи императоръ и патріархъ. Оставалось достигнуть, чтобы великій князь явился въ полномъ смыслѣ царемъ, митрополитъ-патріархомъ; и то, и другое совершилось не вдругъ. Нужно было, чтобы прежде окрѣпъ новый порядокъ въ Москвѣ, чтобы верховныя права московскаго государя утвердились теоретически, чтобы власть монархическая существовала и по идеѣ. Это совершилъ внукъ Ивана III, Іоаннъ IV, который, вѣнчаясь на царство, хотѣлъ, чтобы это вѣнчаніе происходило именно такимъ чиномъ, „яковымъ цесари Римскіе, сущіе христіанскіе отъ папы и патріарха вѣнчаеми“. Онъ хотѣлъ быть самодержцемъ въ томъ смыслѣ этого слова, какой давали ему въ Римѣ и Византіи.

Но если мы обратимся къ взаимному положенію власти царской и митрополичьей, то увидимъ поразительную несообразность. Митрополитъ всея Руси по праву все еще былъ зависимъ отъ константинопольскаго патріарха. Константинопольскому патріарху все еще принадлежалъ верховный судъ надъ нимъ. Ми-

трополитъ всея Руси, глава и представитель клира обширнѣйшей церкви. Ве-ликій государь [illegible] царемъ. [illegible] глава вселен-ской церкви [illegible] и [illegible] патріарха [illegible] въ зависимости у патріарха, который былъ только по имени патріархъ. Поэтому необходимо было, чтобы митрополитъ всея Руси звался соотвѣтственно величію и могуществу государства, чтобы онъ по праву пользовался всѣми тѣми отличіями, какія имѣлъ на дѣлѣ; нужно было, чтобы онъ въ случаѣ надобности судимъ былъ патріархами какъ равный, а не какъ низшій соборомъ; нужно было, чтобы онъ сдѣлался совершенно самостоятельнымъ въ духовныхъ отношеніяхъ. Неизвѣстно, какъ бы разрѣшилъ этотъ вопросъ царь Іоаннъ Васильевичъ; но наврядъ-ли можно полагать, что онъ устранилъ бы вліяніе цареградскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви. Объ этомъ мы заключаемъ изъ того, что онъ, зная о зависимости нашихъ митрополитовъ отъ цареградскихъ патріарховъ, въ дѣлѣ съ митрополитомъ Филиппомъ не думалъ обращаться къ верховному суду. Съ другой стороны, судя по послѣдовательности, какая выражалась во всѣхъ дѣйствіяхъ царя, мы можемъ предположить, что онъ устроилъ бы самостоятельность нашей церкви сообразно съ ея величіемъ и достоинствомъ. Этого не случилось. Дѣятельность царя постоянно отвлекаема была другими дѣлами, и вопросъ о самостоятельности нашей церкви остался нерѣшеннымъ. Его покончилъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.

XXX. УЧРЕЖДЕНІЕ ПАТРІАРШЕСТВА ВЪ РОССІИ.

(Изъ соч. Зернина: «Учрежденіе въ Россіи патріаршества», помѣщеннаго въ «Архивѣ Историко-юридич. свѣдѣній» Калачева за 1855 г., и изъ соч. Хлѣбникова: «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи.»)

Въ 1586 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Москву антіохійскій патріархъ Іоакимъ за милостынею. При свиданіи съ царемъ онъ разсказалъ о бѣдствіяхъ и кручинахъ своей паствы. Набожный Ѳеодоръ отъ души соболѣзновалъ объ угнетенныхъ восточныхъ христіанахъ; между прочимъ разсказъ патріарха поселилъ въ душѣ его важную мысль. Созвавъ высшее духовенство и своихъ бояръ на совѣщаніе, царь началъ имъ говорить: «Богу тако извольшу, въ наказаніе наше, яко сущимъ тамо (на Востокѣ) патріархомъ и прочимъ святителемъ нареченіемъ святительства токмо именоватися, власти же едва ли не всяко лишенѣмъ; наша же страна, яко же зрите, благодатію Божіею во многоразширеніе приходитъ, наипаче же благочестивая наша вѣра, еже на основаніи апостолъ и пророкъ утверждена, возрастаетъ и множится, и сего ради хощу, аще Богу угодно будетъ и писанія божественная не прорекуютъ, яко да въ царствующемъ градѣ Москвѣ устроится превысочайшій престолъ патріаршескій; аще бо угодно вамъ сія, возвѣстите ми, азъ бо мню, яко ничтоже въ сихъ благочестію повреждені, но паче предспѣваніе вѣрѣ Христовѣ.»

Митрополитъ и прочіе члены думы одобрили царскую мысль; однако сдѣлано было замѣчаніе, что объ этомъ прежде всего нужно извѣстить восточныхъ патріарховъ, ибо такое важное дѣло, какъ учрежденіе московскаго патріархата, должно быть совершено по приговору всей восточной церкви и съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ, «да не возмнится инѣмъ языкомъ, наипачеже пишущимъ на святую нашу вѣру прочимъ латыномъ и еретикомъ, яко въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріаршескій престолъ устроился единою ти царскою властію.»

Здѣсь вниманіе наше останавливается на слѣдующихъ пунктахъ: 1) царь Θеодоръ говоритъ. что восточные патріархи существуютъ только по имени; 2) онъ поставляетъ на видъ обширность и постепенное распространеніе области русской церкви; 3) предлагаетъ учредить въ Россіи патріаршество. Очевидно, что онъ указываетъ на несообразность подчиненія русскаго клира константинопольскому патріарху и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ средство уничтожить эту несообразность. Въ отвѣтѣ царю думы поражаетъ насъ предусмотрительность и стараніе отклонить всѣ толки со стороны враговъ греческой церкви.

Взявъ все это въ соображеніе, мы видимъ, что главная причина учрежденія у насъ патріаршества таились во внутреннемъ состояніи и взаимныхъ отношеніяхъ и той и другой церкви.

И такъ, главнымъ виновникомъ въ дѣлѣ учрежденія патріаршества былъ царь Θеодоръ; онъ собралъ думу, которой поставилъ на видъ причину, побуждавшую его произвести такую важную перемѣну въ іерархіи. Но есть поводъ думать, что въ этой мысли его особенно поддерживало духовенство, представителемъ котораго въ 1586 г. былъ митрополитъ Діонисій, прозванный мудрымъ грамматикомъ. Современники изображаютъ его человѣкомъ съ твердымъ характеромъ, съ высокимъ представленіемъ о своемъ достоинствѣ и полнымъ сознаніемъ своихъ верховныхъ правъ. Такой человѣкъ всего способнѣе былъ возъимѣть мысль сдѣлаться патріархомъ, тѣмъ болѣе, что со стороны царя препятствій быть не могло: онъ находился подъ вліяніемъ «сладкорѣчиваго митрополита».—Но займемся разборомъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось разсматриваемое нами событіе.

Лѣтомъ 1587 г. прибылъ въ Москву грекъ Николай; онъ словесно извѣстилъ царя, что восточные патріархи согласны исполнить его желаніе и для рукоположенія уполномочили іерусалимскаго патріарха. Слѣдовательно, Θеодоръ былъ увѣдомленъ объ успѣхѣ своего предпріятія и ожидалъ іерусалимскаго патріарха. Вдругъ смоленскій воевода извѣстилъ его, что въ Смоленскъ прибылъ цареградскій патріархъ Іеремія. Такая неожиданность съ одной стороны привела въ смущеніе царя и правителя, съ другой поселила въ нихъ подозрѣніе. Смоленскому воеводѣ сдѣланъ былъ выговоръ за оплошность и за то, что онъ не развѣдалъ о причинѣ пріѣзда Іереміи; между прочимъ наказано было обращаться съ патріархомъ, какъ можно почтительнѣе. Іеремія, зная, что царь ожидаетъ прибытія іерусалимскаго патріарха, спѣшилъ объясниться и просилъ рѣшительнаго отвѣта: быть или не быть ему въ Москвѣ.

Получивъ царское согласіе, онъ немедленно отправился въ дальнѣйшій путь. На дорогѣ и подъ Москвою ему были приготовлены почетныя встрѣчи. Недѣлю Іеремія прожилъ въ Москвѣ, и все къ нему никто не являлся отъ царя съ приглашеніемъ. Наконецъ ему назначена аудіенція. Царь принялъ его торжественно. Свиданіе было непродолжительно; послѣ того какъ царь и патріархъ размѣнялись взаимными привѣтствіями и дарами, первый удалился во внутреннія палаты; патріархъ же, по собственному его желанію, отведенъ былъ въ особую палату для разговора съ Борисомъ Годуновымъ. Они бесѣдовали въ присутствіи только дьяковъ, всѣ лишніе свидѣтели были высланы въ проходную палату. Борисъ прежде всего спросилъ патріарха о причинѣ его пріѣзда и о томъ, кто въ Царьградѣ патріархъ въ его отсутствіе, также о странствіи его черезъ Ли-

товскую землю и о разговорахъ съ *панами-рады* и канцлеромъ. Іеремія сталъ разсказывать повѣсть о своихъ несчастіяхъ. Онъ удовлетворилъ также желанію правителя кое-какими извѣстіями о дѣлахъ литовскихъ. Бесѣда ихъ заключилась *тайными рѣчами*, которыя патріахъ сообщилъ Борису, и которыя послѣдній обѣщался донести «въ слухъ царю.»

Вскорѣ послѣ этого разговора царь совѣщался съ царицею и правителемъ; потомъ созвана была дума боярская, въ которой царь говорилъ слѣдующее: «Прежде всего приходилъ къ намъ изъ Антіохіи святѣйшій Іоакимъ патріархъ, и мы тогда съ вами, бояре, совѣтовали, какъ бы намъ Господь Богъ свое милосердіе даровалъ и устроилъ въ государствѣ Московскомъ патріарха; и святѣйшій Іоакимъ рекся о томъ посовѣтовать со всѣми патріархи. Нынѣ же, по неизрѣченной милости Божіей, пришелъ къ намъ самъ пресвятѣйшій патріархъ Іеремія Цареградскій и Вселенскій, чего доселѣ при нашихъ родителяхъ не бывало, чтобы отъ такого великаго и начальнаго въ вѣрѣ христіанской мѣста изъ православнаго Царьграда пришелъ патріархъ. И мы, прося у Бога милости, разсудили, чтобы патріарху Цареградскому быть нашего государства въ начальномъ городѣ Владимірѣ.»

Между тѣмъ во время царскихъ совѣщаній протекли многіе дни и недѣли; Іеремія началъ уже просить объ отпускѣ въ Царьградъ. Наконецъ къ нему былъ присланъ Борисъ Годуновъ съ объявленіемъ царской мысли—«остаться ему въ Россійскомъ Царствіи и патріаршествовать на престолѣ Владимірскомъ и всея Руси, дабы такимъ обычаемъ именоваться ему Вселенскимъ.»—Іеремія отвѣтствовалъ: «будетъ на то воля Великаго Государя; и язъ того не отмещусь; только мнѣ во Владимірѣ быти невозможно, занеже патріархъ всегда бываетъ при Государѣ; а то что за патріаршество, что жить не при Государѣ?» Отвѣтъ патріарха огорчилъ царя; онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Іереміи Годунова и дьяка Щелкалова уговаривать его, но все было тщетно.

Тогда Θеодоръ созвалъ думу, къ которой говорилъ: «Помыслили мы Вселенскому патріарху Іеремію быть у насъ на престолѣ Владимірскомъ и всея Великія Россіи; а въ царствующемъ градѣ Москвѣ быть, по прежнему, отцу нашему и богомольцу Іову митрополиту, а Святѣйшій Іеремія сего не хочетъ, если мы не произволимъ ему быть въ Москвѣ у Пречистыя Богородицы; мы же разсудили, какъ намъ такого сопрестольника Великихъ Чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, мужа житія достохвальнаго, святаго и преподобнаго отъ Пречистыя Богородицы и Великихъ чудотворцевъ изгнать и учинить Греческаго патріарха, а онъ здѣшняго обычая и закона не знаетъ и намъ съ нимъ ни о какихъ духовныхъ дѣлахъ безъ толмача бесѣдовать нельзя.»—Послѣ этого Годуновъ и Щелкаловъ еще разъ были посланы къ Іереміи съ объявленіемъ царской воли, что если самъ не изволитъ остаться въ Россіи и патріаршествовать во Владимірѣ, то поставилъ бы по крайней мѣрѣ, патріархомъ кого-нибудь изъ Русскаго клира. Патріархъ далъ свое согласіе, по долгомъ совѣщаніи съ присланными.

Все это мы знаемъ изъ нашихъ отечественныхъ извѣстій; посмотримъ, какъ говоритъ объ этомъ Арсеній, архіепископъ Елассонскій, спутникъ Іереміи, описавшій его пребываніе въ Москвѣ и учрежденіе русскаго патріаршества. Описавъ пріѣздъ патріарха, Арсеній въ своемъ повѣствованіи переходитъ къ слѣдующему: «Прошло много недѣль (послѣ свида-

нія съ царемъ), и Іеремія все еще не получалъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ сталъ говорить, что его присутствіе необходимо въ Константинополѣ, и просилъ разрѣшенія отправиться въ обратный путь. Тогда присланъ былъ къ нему Борисъ Годуновъ, который съ какимъ-то страхомъ объявилъ патріарху волю царскую, чтобы онъ совсѣмъ остался въ Москвѣ и чтобы именовался патріархомъ владимірскимъ, московскимъ и всея Руси, получая богатое содержаніе. Патріархъ благодарилъ, отказываясь отъ такой чести; но, чтобы нѣкоторымъ образомъ исполнить волю царя, предложилъ поставить въ патріархи кого-нибудь изъ среды русскаго духовенства. Послѣ чего царь созвалъ на соборъ всѣхъ епископовъ и архимандритовъ и передалъ имъ отвѣтъ Іереміи. Члены собора единогласно рѣшили, чтобы ихъ главою былъ патріархъ Іеремія. Царь теперь вторично послалъ къ патріарху отъ себя и отъ лица всего духовенства боярина Андрея Щелкалова и брата его дьяка Василія Щелкалова, чтобы побудить его къ выполненію всеобщаго теперь желанія. Посланные, передавая патріарху рѣшеніе собора, упомянули, что ему назначаются богатые дары, обширная область, большіе, малые и значительные города, ежедневно мѣра хлѣба и 1000 аспровъ новгородскихъ (серебряныхъ копѣекъ); свитѣ его также обѣщаны помѣстья и богатое содержаніе. Іеремія со смиреніемъ вторично отказался и повторилъ свое первое предложеніе. Такъ какъ государь и духовные теперь приняли это предложеніе, то и приступили къ выполненію его».

Извѣстіе это несогласно съ отечественнымъ въ главной мысли и въ частностяхъ. Арсеній говоритъ, что: 1) Іеремія не могъ принять сдѣланнаго ему предложенія, 2) будто-бы наше духовенство также раздѣляло мысль, чтобы Іеремія былъ его главою. Послѣдняго нельзя допустить по слѣдующимъ причинамъ: 1) духовенство наше, поддерживая общеніе съ восточными патріархами по дѣламъ вѣры, въ то же время постоянно питало какую-то недовѣрчивость собственно къ личности греческихъ духовныхъ; примѣровъ тому много въ исторіи нашей іерархіи; 2) если-бы Іеремія сдѣлался русскимъ патріархомъ, то къ прежнимъ затрудненіямъ прибавилось-бы еще новое, а именно: въ Византіи на мѣсто Іереміи непремѣнно избрали бы новаго патріарха,—спрашивается: въ какихъ же отношеніяхъ былъ-бы къ нему Іеремія? Обстоятельство это такъ важно, что не могло быть упущено изъ виду, а потому мы съ увѣренностью можемъ сказать, что наше духовенство не могло просить Іеремію, чтобы онъ патріаршествовалъ въ Россіи.

Но если духовенство было противъ того, чтобы Іеремія остался въ Россіи, то тѣмъ болѣе этого не могъ допустить Годуновъ, вполнѣ постигавшій всю важность замышляемой перемѣны въ русской іерархіи. Чтобы понять надлежащимъ образомъ участіе Годунова въ этомъ дѣлѣ, намъ необходимо объяснить одно обстоятельство, о которомъ умалчиваетъ Арсеній, намъ нужно возвратиться къ первой бесѣдѣ Годунова съ патріархомъ. Мы видѣли, что первая бесѣда ихъ кончилась *тайными рѣчами*, которыя Іеремія просилъ сообщить царю. Послѣ этой бесѣды, по предварительномъ совѣщаніи съ царицею и Годуновымъ, Θеодоръ созвалъ думу, которой прежде всего изъявилъ свою радость по причинѣ пріѣзда въ Москву цареградскаго патріарха; далѣе сообщилъ, что назначаетъ Іереміи Владиміръ съ титуломъ патріарха владимірскаго и всея Руси. Спрашиваемъ: почему царь не хотѣлъ, чтобы Іеремія былъ въ Москвѣ?

Мы думаемъ, что все это было дѣломъ Годунова. Умный и дальновидный правитель съ перваго взгляда понялъ, чего добивался византійскій патріархъ. Бесѣдуя съ нимъ съ глазу на глазъ, Годуновъ узналъ объ истинной причинѣ его пріѣзда, узналъ, что онъ готовъ навсегда остаться въ Россіи, претерпѣвши въ Константинополѣ много несчастій. Но Борисъ зналъ также очень хорошо, какъ подѣйствуетъ на набожнаго царя это неожиданное изъявленіе желанія патріарха; поэтому онъ долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы объяснить царю все неудобство, если Іеремія будетъ русскимъ патріархомъ; далѣе нужно было представить, что этимъ можно оскорбить достойнаго уваженія митрополита Іова. Что Годуновъ дѣйствовалъ именно такъ, это оправдывается послѣдующими обстоятельствами. Царь, какъ мы уже видѣли, не желая обидѣть и патріарха, и Іова, первому предложилъ патріаршествовать во Владимірѣ, второму жить попрежнему въ Москвѣ. Но Іеремія, оставшись во Владимірѣ, все еще могъ быть опасенъ для Годунова по своему высокому сану и уваженію, какое питали къ нему царь и народъ. Легко могло быть, что въ дѣлахъ затруднительныхъ и особой важности обратились-бы прежде всего къ рѣшенію патріарха, а онъ могъ дѣйствовать и несогласно съ видами правителя Вотъ почему, какъ говоритъ Арсеній, Борисъ не безъ страху объявилъ Іереміи о царскомъ желаніи, чтобы онъ патріаршествовалъ въ Россіи: онъ опасался, чтобы патріархъ не принялъ этого предложенія, хотя тотъ, будучи вѣренъ византійскому преданію, не могъ принять его въ томъ видѣ, въ какомъ оно было сдѣлано; объ этомъ мы заключаемъ по отвѣту, данному Годунову Іереміею.

Помимо всего этого, отношеніе Бориса Годунова къ вопросу объ учрежденіи у насъ патріаршества обусловливалось и его личными властолюбивыми стремленіями.

Два сословія составляли главную силу общества древней Россіи: духовенство и служилый классъ, изъ которыхъ первое владѣло всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ, а другое сосредоточивало главную военную силу. Если Борисъ хотѣлъ искать опоры для своихъ честолюбивыхъ стремленій, то она представлялась ему скорѣе въ заступничествѣ за интересы духовенства и служилаго сословія, чѣмъ въ содѣйствіи интересамъ простого народа, который былъ слишкомъ грубъ и бѣденъ, чтобы онъ могъ дать опору, особенно для незаконнаго восшествія на престолъ.

На низшіе классы могъ опереться законный государь, какъ это сдѣлалъ Іоаннъ IV; но этого не могъ сдѣлать человѣкъ, которому еще нужно было войти на престолъ. Борисъ долженъ былъ искать опоры въ этихъ двухъ сословіяхъ тѣмъ болѣе, что главная цѣль у нихъ была одна—крѣпостное право.

Духовенство имѣло страшную нравственную силу и притомъ, по своему званію, оно не могло быть естественнымъ соперникомъ Бориса. Вотъ почему онъ сдѣлалъ все, чтобы найти здѣсь прочную опору.

Прежде всего нужно было сосредоточить всю власть духовенства въ однѣхъ рукахъ и поставить во главѣ его человѣка преданнаго. Онъ достигъ этого, сдѣлавъ Іова патріархомъ. Въ своемъ посланіи 1597 г. Іовъ хотя говоритъ, что мысль о введеніи патріаршества пришла Θеодору, но въ лѣтописи «о многихъ мятежахъ» выдается за положительный фактъ, что введеніе патріархата было посовѣтано Θеодору цареградскимъ пат-

ріархомъ Іеремією, который былъ въ это время въ Москвѣ. Нельзя думать, чтобы патріархъ самъ пришелъ къ такой мысли, потому что для грековъ въ ней самой не было ничего выгоднаго. Но такое сосредоточеніе духовной власти было очень выгодно Борису, и, очень можетъ быть, что самая мысль о патріаршествѣ родилась въ его головѣ.

О своемъ возведеніи на патріаршество Іовъ говоритъ, что онъ достигъ этого сана «Божіимъ превысокимъ человѣколюбіемъ и изволеніемъ о Святѣмъ Дусѣ, блаженныя памяти сына моего, Богомъ вѣнчаннаго Царя и Государя Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всея Русіи Самодержца, того же попеченіемъ и труды истиннаго по благочестію поборника, искренняго доброхота и ближняго пріятеля Царева». Заручивъ себѣ главу церкви, Борисъ не оставилъ и ея главныхъ членовъ: четыре епископа были сдѣланы митрополитами, пять архіепископами. Монастырямъ были даны тарханныя грамоты, и снова было негласно допущено пріобрѣтеніе имѣній по завѣщанію. Этимъ главнымъ образомъ и объясняется, почему, при восшествіи на престолъ Бориса, вся дѣятельная роль принадлежитъ духовенству и всего болѣе его главѣ, патріарху Іову.

Когда рѣшено было, что Іеремія не останется въ Россіи, приступили къ учрежденію патріаршества. Царь просилъ патріарха назначить кого нибудь изъ русскихъ духовныхъ: Іеремія охотно согласился. Тогда царь послалъ къ нему Годунова и Щелкалова, чтобы узнать, какъ совершается установленіе патріарха въ Византіи. Когда Іеремія сообщилъ византійскій церемоніалъ, то немедленно приступили къ дѣлу. Совершенъ былъ выборъ трехъ кандидатовъ: Іова митрополита, Александра, архіепископа новгородскаго, и Варлаама казанскаго; они представлены были царю, и окончательный выборъ палъ на Іова, котораго 23 января 1589 г. посвятили въ патріархи московскіе.

Мы считаемъ существенно важнымъ показать: 1) какія установились отношенія между новымъ патріархомъ и подвластнымъ ему клиромъ; 2) какія отношенія установились между нашимъ патріархомъ и византійскимъ.

1) Что касается правъ новаго патріарха въ подвластномъ ему діоцезѣ, то они были тѣ же, какъ и митрополита всея Руси, а именно: a) патріарху, какъ и митрополиту всея Руси, окончательно принадлежалъ судъ церковный, но съ прежнимъ ограниченіемъ: дѣла, важныя для всей церкви, рѣшались соборомъ; b) патріаршеская область была очень обширна, но та-же, какъ и митрополита всея Руси; c) дворъ и управленіе патріарха въ сущности остались тѣ же, какъ и при митрополитѣ.

Перемѣна въ степеняхъ іерархіи, происшедшая по учрежденіи патріаршества, состояла въ томъ, что установлено было 4 митрополіи, 6 архіепископій и 8 епископій, въ послѣдствіи число митрополій было увеличено.

2) Отношенія русскаго патріарха къ византійскому приняли слѣдующій видъ: патріархъ Іеремія, при учрежденіи въ Россіи патріаршества, дѣйствовалъ, не унижая константинопольской патріархіи: первенство ея было утверждено въ ряду прочихъ патріархій. Русскому патріарху назначено мѣсто по іерусалимскомъ, хотя царь Ѳеодоръ желалъ, чтобы нашей патріархіи дано было 3-е мѣсто и старшинство надъ антіохійскою и іерусалимскою. Въ Москвѣ Іеремія далъ Іову уложенную грамату, скрѣпленную подписью русскихъ и греческихъ духовныхъ, участвовавшихъ въ соборѣ.

Возвратившись въ Константинополь, Іеремія созвалъ соборъ, на которомъ единогласно утвердили русскую патріархію. Восточные патріархи признали русскаго равнымъ себѣ. Любопытно, что къ учрежденію въ Россіи патріаршества примѣнили XXVIII правило Халкедонскаго собора, которымъ утверждены права и преимущества ново-римскаго патріарха и равенство его съ древне-римскимъ. Москву греки считали третьимъ Римомъ; посему и главѣ московскаго духовенства предоставлены права патріарха на томъ же основаніи, на какомъ возвышенъ былъ глава византійской іерархіи и сравненъ съ древне-римскимъ архіепископомъ.

И такъ, патріаршество въ Россіи учреждено было по приговору всей греческой церкви и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Глава русскаго клира явился вполнѣ самостоятельнымъ.

XXXI. ВОЦАРЕНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

(*Изъ соч. Павлова, «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова»*).

1598 г. января, въ 6-й день, плачъ и рыданія оглашали Москву: «послѣдній цвѣтъ русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ». На праздникъ Богоявленья, въ 12 часовъ по полудни, началъ царь Ѳедоръ сильно изнемогать. Видя отшествіе свое въ вѣчный покой, призвалъ онъ къ себѣ благочестивую царицу и великую княгиню Ирину Ѳедоровну и, давъ ей «о Христѣ цалованіе», простившись съ ней, не повелѣлъ ей царствовать, но принять иноческій образъ. Потомъ приказалъ призвать патріарха Іова и своихъ бояръ. Видя неминуемую кончину царя, патріархъ сказалъ ему: «Видимъ государевъ мы свѣтъ померкающъ отъ очію нашихъ и тебя праведнаго отшествіе къ Богу: кому сіе царство и насъ сирыхъ приказываешь и свою царицу?» Ѳедоръ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: «Въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій нашъ Богъ, како Ему угодно, тако и будетъ, а съ царицею моею Богъ воленъ, како ей жить, и о томъ у насъ уложено». По духовному завѣщанію, умирающій вручалъ послѣ себя скипетръ свой супругѣ Иринѣ, а душу свою приказывалъ «отцу своему и богомольцу», святѣйшему Іову патріарху, да брату своему царскому Ѳедору Никитичу Романову-Юрьеву, да шурину своему Борису Ѳедоровичу Годунову. Давъ отвѣтъ патріарху въ присутствіи бояръ, царь повелѣлъ себя соборовать и причастился св. тайнъ. Въ часъ утра 7-го января его уже не было.

На разсвѣтѣ, какъ скоро разнесся по всей Москвѣ слухъ о царскомъ преставленіи, повсюду «въ царствующемъ градѣ» раздались вопль, стенаніе, воздыханіе, сѣтованіе; повсюду «въ царствующемъ градѣ послышалось персей біеніе»; не обрѣлся ни одинъ домъ, гдѣ бы не было плачущихъ. Святѣйшій патріархъ повелѣлъ благовѣстить у соборной церкви пречистой Богородицы, чтобъ собрать народъ. Люди съ усердіемъ стекались на звонъ колокола: іереи, діаконы, иноки, инокини, мужи и жены, изъ коихъ нѣкоторыя несли грудныхъ младенцевъ на рукахъ. Всѣ стремились во дворецъ къ одру усопшаго государя, чтобъ проститься съ нимъ и дать клятву въ вѣрности Иринѣ.

Въ 9-й день послѣ Ѳедоровой кончины Ирина, оставивъ «превысочайшую царскую свѣтлость», пожелала вступить инокиней въ обитель

Новодѣвичьяго монастыря. Напрасно святители, бояре, народъ били челомъ и со слезами молили государыню, чтобы она показала милость: попрежнему держала скипетръ царствія. Ирина не вняла мольбамъ народнымъ и постриглась подъ именемъ Александры. Вслѣдъ за сестрой удалился въ Новодѣвичій монастырь и Годуновъ.

Узнавъ объ отреченіи Ирины, духовенство, бояре, народъ собрались въ Кремлѣ для совѣщанія. Государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ народу и, представивъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобъ цѣловали крестъ на имя думы боярской. Такъ дѣйствовалъ онъ, по всей вѣроятности, по желанію бояръ, въ особенности Шуйскихъ. На требованіе Щелкалова раздался всеобщій крикъ: «Не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу: ей мы дали присягу и другой не дадимъ никому; она и въ черницахъ мать Россіи!» Щелкаловъ снова совѣтовался съ боярами, опять вышелъ къ народу и сказалъ, что царица навсегда отреклась отъ міра, и что народъ, во избѣжаніе неустройствъ, долженъ дать присягу на имя думы боярской. На это всѣ хоромъ воскликнули: «Да здравствуетъ отецъ нашъ Борисъ Ѳедоровичъ! Онъ будетъ преемникомъ матери нашей царицы!»

Всѣмъ соборомъ пошли въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ народа, заклиналъ инокиню Александру благословить брата на царство. Во время этого обращенія Іова къ царственной вдовѣ, всѣ проливали слезы, и сама Александра. Патріархъ сталъ послѣ того увѣщевать Бориса, чтобы тотъ принялъ скипетръ. Но Годуновъ «не поддавался, отрицался», говоря, что и безъ него есть много бояръ, достойныхъ избранія на царство, присовокуплялъ однакожь, что «съ бояры радѣти и промышляти радъ не токмо по-прежнему, но и свыше перваго». Іовъ снова сталъ упрашивать, но тщетно. Во все это время государствомъ управлялъ патріархъ съ боярскою думою, разсылая указы именемъ «царицы Александры» и на ея же имя получая донесенія земскихъ воеводъ. Между тѣмъ въ Смоленскѣ и иныхъ городахъ воеводы вели раздоръ между собою и не слушались предписаній боярской думы. Одновременно съ тѣмъ распустилъ Борисъ молву о вторженіи татарскаго хана съ великими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ казаками. Народъ былъ въ ужасѣ и недоумѣніи.

По совершеніи четыредесятницы по царѣ Ѳедорѣ, въ пятницу 17-го февраля, собрался въ Кремлѣ земскій соборъ, состоявшій изъ выборныхъ всѣхъ русскихъ городовъ, куда заблаговременно отправилъ правитель своихъ рачителей, чтобъ несомнѣннымъ образомъ обезпечить успѣхъ своего будущаго избранія на царство. Извѣстивъ соборъ, что Ирина не захотѣла ни сама держать скипетръ правленія, ни благословить брата на царство, и что Годуновъ также отказывается отъ вѣнца, патріархъ Іовъ сказалъ: «И вы бы, преосвященные митрополиты, и архіепископы и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные люди, и гости (изъ купцовъ), и дѣти боярскіе, и всѣхъ чиновъ всякіе люди царствующаго града Москвы, и всея Россійскія земли всѣ православные крестьяне о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ православномъ государствѣ государемъ быти?» И, не дожидаясь отвѣта выборныхъ, продолжалъ: «А у меня, Іова патріарха, и у митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и архимандри-

товъ, и у игуменовъ, и у всего освященнаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ, и у служилыхъ всякихъ людей, и у гостей (изъ купцовъ), и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣмъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Ѳедоровича инаго государя никого не искати и не хотѣти». Соборъ безъ прекословія согласился съ Іовомъ.

Описывали также на земскомъ соборѣ, какъ Годуновъ, будучи правителемъ, своею мудрою, неусыпною дѣятельностью возвысилъ государство, смирилъ хана, шведовъ, Литву, расширилъ государственные предѣлы, умножилъ число царей-данниковъ и слугъ, какъ знаменитѣйшія вѣнчанныя главы Европы и Азіи изъявляютъ уваженіе и пріязнь Москвѣ, какая тишина внутри государства, милость войску и народу, правосудіе въ присутственныхъ мѣстахъ, защита для нищихъ, вдовъ, сиротъ. Бояре и выборные, выслушавъ рѣчи, говоренныя на соборѣ, единодушно съ кликами и слезами положили, что мимо Бориса царя имъ не искать.

На другой день, февраля 18-го, въ часъ утра, духовенство, бояре и народъ съ колѣнопреклоненіемъ молились въ Успенскомъ соборѣ, чтобы сердце Бориса смягчилось, и онъ наконецъ, преклонившись на общее желаніе, принялъ вѣнецъ; еще два дня прошло въ молебствіи, и февраля 20-го, Іовъ, предъидя духовенству, боярамъ, народу, явился, окруженный несмѣтною толпою, въ Новодѣвичій монастырь. Тщетно молилъ патріархъ отъ лица Россіи инокиню Александру благословить брата на царство: вѣнценосная вдова «на милость не положила, брата своего Бориса Ѳедоровича на государство не пожаловала». Напрасно уговаривалъ Іовъ самого Годунова; правитель отвѣчалъ: «Какъ тебѣ, государю и отцу своему, и вселенскому собору, и боярамъ, и дворянамъ, и всему православному крестьянству говорилъ прежде сего, и нынѣ тоже говорю: не мните себѣ того, что мнѣ помыслить на такого великаго государя пресвѣтлаго и праведнаго царя превысочайшую царьскую степень на высоту царьствія его». Это вѣщалъ Борисъ, проливая слезы. Іовъ со всѣмъ священствомъ и весь соборъ земскій не знали, что имъ дѣлать, и въ недоумѣніи возвратились въ Москву. Положили, 21 февраля, пѣть во всѣхъ церквахъ праздничный молебенъ, также въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, потомъ взять честные и животворящіе кресты, чудотворные образа и еще попытать разъ сходить въ обитель, чтобъ умолить непреклоннаго правителя принять державу.

Сверхъ того патріархъ, тайно посовѣтовавшись съ митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами, игуменами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, крѣпко утвердилъ слѣдующее: снова просить вдовствующую царицу отпустить брата на царство, а также просить и Годунова; если же онъ будетъ и теперь отказываться, то угрожать ему гнѣвомъ Божіимъ и даже отлученіемъ отъ церкви. Послѣ этого тайнаго совѣщанія святителей, патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, боярами, выборными, дворянами, дѣтьми боярскими, приказными, служилыми людьми, купцами, крестьянами, мужами и женами, изъ коихъ нѣкоторыя шли съ малыми дѣтьми, иныя же несли грудныхъ младенцевъ, отслуживъ молебенъ Богородицѣ Одигитріи, съ честными и животворящими крестами, съ чудотворными образами, двинулся въ послѣдній разъ въ монастырь Новодѣвичій.

Какъ скоро крестный ходъ, сопровождаемый выборными и несмѣтнымъ множествомъ народа, приблизился къ обители, скрывавшей въ своихъ стѣнахъ Ирину и Годунова, вынесли изъ обители, при колокольномъ звонѣ, крестному ходу во стрѣтеніе, чудотворный образъ смоленской Богоматери Одигитріи; вслѣдъ за чудотворною иконою шелъ Борисъ. Дойдя до образа пречистой Богородицы владимірской, правитель, «слезъ многихъ наполнився», возопилъ гласомъ великимъ: «О милосердая царице, пречистая Богородице, мати Христа Бога нашего! Почто толикъ подвигъ сотворила еси и чудотворный свой образъ водзвиже съ честными кресты и со иными множествы чудотворныхъ образовъ? Тѣмъ, пречистая Богородица, помолися о мнѣ и помилуй мя». Говоря это, палъ онъ на землю передъ иконой «со многимъ рыданіемъ и плачемъ», и, лежа на землѣ, орошалъ ее слезами «на многъ часъ»; послѣ того всталъ, приложился къ иконѣ владимірской и къ другимъ, не переставая точить изъ очей «рѣки слезъ». Подойдя къ Іову, правитель молвилъ ему, плача: «О святѣйшій отецъ и государь мой Іовъ патріархъ! Почто чудныя чудотворныя иконы пречистыя Богородицы и честные кресты воздвиглъ еси и толикъ многотрудный подвигъ сотворилъ еси?» Первосвятитель, благословивъ Бориса Ѳедоровича животворящимъ крестомъ, молвилъ ему сквозь слезы: «Не буди удержимъ печалью, Богомъ возлюбленный сыну, но утѣши сердце свое упованіемъ Божіимъ и пречистыя Богородицы милостью и великихъ чудотворцевъ. Еще глаголеши, яко толикъ подвигъ азъ воздвигохъ, повѣмъ же ти сыну, истину глаголя: не азъ сей подвигъ сотворихъ, якоже глаголеши, но пречистая Богородица съ превѣчнымъ своимъ младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и съ великими чудотворцы возлюби тебе и воздвигшеся, и изволи притти, и святую волю сына своего Бога нашего исполнити на тебѣ, государѣ нашемъ. Тѣмъ же, сыну, устыдися пришествія ея, послушай, яко же Богъ изволи и пречистая Богородица и великіе чудотворцы, и не буди противенъ воли Божіи, повинися святой воли его и симъ ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Его». За симъ первосвятитель благословилъ правителя. Крестный ходъ вступилъ торжественно въ церковь Богородицы Одигитріи, а Годуновъ пошелъ въ келью сестры; бояре, дворяне, дѣти боярскіе, люди служилые, приказные, купцы, крестьяне, мужи и жены, съ малыми дѣтьми, съ грудными младенцами, частью толпились въ оградѣ монастырской, частью же, не будучи въ состояніи помѣститься внутри ограды, около монастырскихъ стѣнъ съ рыданіемъ и воплемъ, моля Бориса принять скипетръ царствія.

Святѣйшій патріархъ, совершивъ въ церкви пречистой Богородицы Одигитріи божественную литургію «соборнѣ», съ животворящими крестами и чудотворными образами, въ священныхъ одеждахъ, въ чемъ служили литургію, пошелъ въ келью инокини Александры; за нимъ послѣдовали бояре и весь царскій синклитъ. Дворяне же, дѣти боярскіе, люди служилые, приказные, купцы, крестьяне и иные, собранные въ обитель насильно, частью стоя въ оградѣ монастыря, частью же внѣ ограды, «съ великимъ плачемъ и рыданіемъ велегласно» вопіяли: «О благочестивая царица и великая княгиня инокиня Александра Ѳедоровна всея Руси! Милосердуй о насъ, царица, пощади, пощади, благовѣрная и христолюбивая государыня; благослови и даждь боговѣнчаннаго царя на царство всѣмъ намъ благонадежнаго государя, всему Россійскому государству са-

модержца, брата своего Бориса Өедоровича!» Также молили со слезами и Годунова, «чтобъ онъ, государь, пожаловалъ своихъ богомольцевъ, и боляръ, и христолюбивое воинство и все православное христіанство, скифетроцарствія царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ былъ, царствующему-жь граду Москвѣ и всему Россійскому государству самодержецъ, а намъ государь благонадежный». Когда инокиня-царица явилась у окна своей кельи, чтобъ взглянуть на народъ, ему дали о томъ знать помаваніемъ рукъ; люди пали ницъ: не хотѣвшимъ повергнуться на землю пристава и рачители Борисовы «пхали въ шію и били», не хотѣвшимъ плакать приказывали мочить глаза слюнею и вопить насильно.

Долго молили Александру. Наконецъ она тронулась и, обратясь къ Іову, всему собору святителей и боярамъ, сказала: «Для ради всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога нашего и пречистыя, пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, даю вамъ своего единокровнаго брата; да будетъ вамъ государемъ, царемъ и великимъ князамъ, всея Русіи самодержцемъ». Затѣмъ сталъ говорить Борисъ, воздохнувъ изъ глубины сердца: «Сія ли угодно твоему человѣколюбію, владыко, и тебѣ, моей великой государынѣ, еже такое великое бремя на меня возложила еси, неудобь мною носиму быти, и на толикій превысочайшій царскій престолъ предаеши меня, о немъ же мысли моей не было и на разумъ мой не взыде? Всевидящій сердца человѣческаго зритель Богъ свидѣтель на меня, да и ты, моя великая государыня, что въ мыслѣ моей о томъ нѣтъ и на разумъ мой не взыде; азъ всегда при тебѣ хощу быти и святое пресвѣтлое равноангельское лицо твое зрѣти». Державная инокиня «во мнозѣмъ душевномъ умиленіи и тихости», снова стала увѣщевать брата: «еже противу всемогущаго Бога воли кто можетъ стояти или не повинуяся вопреки глаголя? Всемогущенъ бо есть и всесиленъ, творитъ бо елико хощетъ: и ты бы, братецъ мой, безо всякаго прекословія, повинуяся воли Божіи, былъ всему православному крестьянству государемъ». Борисъ рыдалъ и отрицался, не хотя, повидимому, быть на государствѣ. Сестра продолжала увѣщевать его. Наконецъ, «по многоувѣщательнымъ и премудрымъ умильнымъ словесамъ» сестры своей, Годуновъ изрекъ: «Господи Боже мой милостивый и прещедрый и человѣколюбивый, Царь царьствующимъ и Господь господьствующимъ! Аще угодно сія Твоему человѣколюбію, Владыко, буди святая твоя воля: Твой бо есмь рабъ. Спаси мя по милости твоей и соблюди по множеству щедротъ твоихъ: на Тя бо уповахъ, спаси мя». И обратясь къ патріарху, собору святителей, боярамъ, заключилъ: «Аще будетъ на то воля Божія, буди такъ». Въ отвѣтъ на слова эти Іовъ, святители, бояре съ радостными слезами пали на землю и вознесли благодарственное моленіе Богу. Потомъ патріархъ, вышедъ въ сопровожденіи собора святителей и бояръ изъ кельи Александры, возвѣстилъ остальнымъ пришедшимъ «всесильнаго Господа милость», что, по «Его святой волѣ», Борисъ Өедоровичъ «пожаловалъ хочетъ быти на великомъ государьствѣ царемъ и великимъ князямъ всеа Русіи самодержцемъ». Какъ море, всколыхался народъ. Всѣ, воздѣвъ руки на небо, единогласно, яко, «единѣми усты» загремѣли: «Слава, слава единому безсмертному всемогущему и вся содержащему въ Троицѣ славимому Богу нашему, что не презрѣлъ моленія нашего и не оставилъ насъ сирыхъ по своей святой милости и по нашему моленію и прошенію далъ намъ великаго государя царя правдѣ и милость!»

XXXII. ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

(Изъ соч. Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова»).

Вступивъ на престолъ, Борисъ окончательно утвердилъ за Россіей слѣдовательно и за христіанской Европой, цѣлый новый промышленный міръ—Сибирь, которой послѣдній независимый владѣтель, престарѣлый слѣпецъ Кучумъ, послѣ пораженія воеводою Воейковымъ на рѣкѣ Оби, явясь бѣглецомъ къ ногаямъ, испилъ у нихъ смертную чашу. Въ новопріобрѣтенной странѣ, по мановенію воли Борисовой, возникли города, укрѣпленные и населенные русскими выходцами и ссыльными; Кетскій острогъ, Тюмень, выстроенный въ 1585 г., Тобольскъ—въ 1586 г., Березовъ и Пелымъ—въ 1593 г., Верхотурье, Туринскъ—въ 1600 г., явились пути сообщенія; туземцамъ и русскимъ поселенцамъ дарованы разныя льготы.

Промышленный интересъ государства требовалъ охраненія границъ отъ набѣговъ крымцевъ. По свидѣтельству современниковъ, Борисъ строилъ съ этою цѣлью крѣпости и засѣки на южной границѣ; сверхъ того, учредилъ сторожевую линію, посредствомъ которой быстро передавалась воеводамъ и Москвѣ вѣсть о малѣйшемъ непріятельскомъ движеніи татаръ. Объ этомъ живомъ телеграфѣ XVI в. повѣствуетъ одинъ иностранецъ: «Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ татарскихъ, русскіе поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя царскою, крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и 40 верстъ. По большой части, при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Сіи всадники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова, садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ дерева, находясь на вершинѣ, уже вдали замѣчаетъ скачущаго вѣстника, и едва пойметъ изъ словъ его или изъ знаковъ, съ какой стороны подымается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля, а нерѣдко вмѣсто людей открывается конскій степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова товарища, тогда, съ прибытіемъ вѣстника, воинство беретъ оружіе, а воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля.

Вѣрный въ своемъ стремленіи своему благодѣтелю Грозному, изъ школы котораго вышелъ, Годуновъ подобно ему, хотѣлъ стать, изъ цѣлей экономическихъ, твердою ногою на одномъ изъ прибалтійскихъ пунктовъ, тѣмъ болѣе, что Нарва, бывшее складочное мѣсто между Россіею и Западомъ, была утрачена по Плюсскому перемирію (28 декабря 1586 г.). Пользуясь раздоромъ, возникшимъ между польскимъ королемъ Сигизмуидомъ III и его дядею Карломъ IX, королемъ шведскимъ, онъ думалъ снова овладѣть Ливоніею, готовя ей въ короли сына злополучнаго Эрика XIV,

шведскаго принца Густава, жениха Ксеніи Борисовны, разумѣется, подъ покровительствомъ царя московскаго. Желая имѣть приверженныхъ слугъ въ самой Ливоніи, Годуновъ отпустилъ въ отечество ливонцевъ, плѣненныхъ еще при Іоаннѣ IV, одаривъ ихъ съ неслыханною щедростью. Въ своей граматѣ къ воеводамъ въ Иванъ-городъ и Псковъ повелѣвалъ онъ своему повѣренному Клаусу говорить отъ своего лица жителямъ: «Слухъ дошелъ до великаго государя, что имъ, рижанамъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей во всемъ тѣснота, хотятъ рижскихъ людей отвести отъ ихъ вѣры и привести въ католическую вѣру, и права и обряды и вольности ихъ порушити, и такъ сдѣлати, чтобы нѣмцевъ не найти и съ фонаремъ въ Ливонской землѣ... И великій государь про то добрѣ поскорбѣлъ. Похотятъ рижане, лучшіе люди, быти подъ рукою государя, и вотчины ихъ будутъ за ними по прежнему; а изъ Риги никого выводити не велитъ, и урядовъ и правъ, какъ у нихъ велось изстари при арцыбискупѣ и при майстрѣ, порушити не велитъ, и торговати всѣмъ безъ пошлины». Не имѣя никакого прибалтійскаго пункта, Годуновъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ дать значеніе торговлѣ бѣломорской, и съ этою цѣлью основалъ, еще при царѣ Ѳеодорѣ, Архангельскъ. Сохранился любопытный отвѣтъ Бориса отъ имени царя Ѳеодора Елизаветѣ, королевѣ англійской, требовавшей, чтобъ торговые люди иныхъ земель товаровъ ихъ (англичанъ) «съ собою не привозили за свои товары». Царь Ѳедоръ или Годуновъ, что все равно, такъ писалъ къ знаменитой повелительницѣ Британіи: «Предѣлы Россіи открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ, сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы султановы, цесарскіе, нѣмецкіе, французскіе, испанскіе, литовскіе, персидскіе, бухарскіе, хивинскіе, шемахинскіе, и многіе иные, такъ что можемъ обойтися и безъ англичанъ и въ угодность имъ не затворимъ дорогъ въ свою землю. Для насъ всѣ равны». Это свидѣтельство можетъ иного навести на мысль, будто-бы Годуновъ сознавалъ важность свободы торговли; однако существовали въ государствѣ Московскомъ и въ его время, въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., внутреннія таможни, остатокъ удѣльщины, этой общественной системы исключительныхъ отношеній.

Заботясь о промышленности, Борисъ не менѣе обращалъ вниманія на образованіе народа, умственное и нравственное.

Видя къ себѣ нерасположеніе всѣхъ приверженцевъ стараго порядка вещей, подозрительный Годуновъ, вступивъ на престолъ, изъ чувства самосохраненія, окружилъ себя своего рода опричниной, состоявшей изъ иноземныхъ тѣлохранителей: сыпалъ на нихъ и на ихъ соотчичей милость за милостью. Принятые въ русское подданство, иностранцы должны были непремѣнно дѣйствовать съ одной стороны на самого Годунова, а съ другой стороны на общество. Вѣроятно, подъ ихъ вліяніемъ задумалъ онъ основать въ Москвѣ свѣтскія училища. Для вызова наставниковъ отправилъ онъ около 1601 г. въ Германію Крамера. Это видно изъ письма къ царю лиценціата правъ, Тобіи Лонціуса изъ Гамбурга, отъ 24 января 1601 г.: «Онъ (Крамеръ), употребилъ много стараній и просьбъ, такъ и Лонціусъ, для того, чтобы склонить меня на выѣздъ въ землю вашего императорскаго и королевскаго величества, ибо ваше императорское и королевское величество не только требуете ученыхъ людей, но намѣрены даже въ вашемъ державномъ городѣ и областяхъ всемилостивѣйше учредить и устроить школы и университеты... Ваше императорское и королевское

величество подлинно стяжаете чрезъ то во вселенной безсмертное имя отца отечества, котораго Богъ воздвигъ и утвердилъ на благо края. Мнѣ случилось быть въ Ливоніи, въ Дерптѣ, гдѣ подданные вашего императорскаго и королевскаго величества, купцы псковскіе, имѣютъ свой гостиный дворъ и торгуютъ: я познакомился съ ними и могу сказать искренно, что сами нѣмцы не оказывали мнѣ столько чести и доброжелательства, какъ эти добрые русскіе. За то я и люблю ихъ душевно, усердствую быть орудіемъ Вышняго Промысла для ученія и наставленія юношества въ Россіи, во славу божію и ко благу отечества. Но ѣхать въ землю столь отдаленную не могу безъ удостовѣренія, что то угодно вашему величеству». Около того же времени, а можетъ быть, немного ранѣе, посылалъ Годуновъ въ Любекъ Романа Бекмана для приглашенія въ царскую службу врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и другихъ мастеровъ.

Замысливъ образовать подданныхъ, Годуновъ, какъ сказано было выше, хотѣлъ учредить школы. Борисъ предложилъ, говоритъ одинъ иностранный писатель, государственному совѣту (боярской думѣ) вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, и для изученія разныхъ языковъ учредить школы; но попы и монахи противились сему намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единовѣріе, единонравіе, если же настанетъ разноязычіе, поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ. Борисъ оставилъ свое намѣреніе, однакожъ послалъ въ чужія земли 18 молодыхъ дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ, но только одинъ возвратился въ Россію: прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего отечества.

Мы сказали, что иноземные выходцы, милостиво принятые въ русскую службу Годуновымъ, имѣли вліяніе на самое общество московское. Въ угодность Борису, многіе русскіе, даже пожилые, начали брить бороду. Такъ какъ въ службѣ царской было весьма много женатыхъ иноземцевъ, то, по естественному ходу вещей, ихъ семейные нравы должны были подѣйствовать и на русское общество, среди котораго они жили. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ Годунова общественное положеніе русской женщины значительоо измѣнилось, и она въ началѣ XVII в. является нѣсколько иною, нежели въ XVI в. Общественное значеніе женщины въ XVI в. было крайне незавидно: ее рѣшителъно держали взаперти, обращаясь съ затворницей весьма грубо.

Со временъ Годунова русская женщина стала дышать нѣсколько свободнѣе. По свидѣтельству Маржерета, когда царица прогуливалась, нѣсколько женщинъ слѣдовало, не боясь нареканія, за ея каретою, сидя на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины. Гораздо чаще, чѣмъ прежде, по словамъ Петрея, мужъ сталъ выводить свою жену къ постороннему, когда у мужа бывали гости. Годуновъ, желая истребить грубые пороки, запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора или убійцу, нежели того, кто вопреки указу, осмѣлится открыть кружечный дворъ. «Пусть дома, говорилъ Борисъ, каждый ѣстъ и пьетъ, сколько хочетъ: можетъ и гостей пригласить; но никто да не дерзнетъ продавать вино москвитянамъ; если же содержатели питейныхъ домовъ не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, пусть подадутъ просьбы; они получатъ земли и помѣстья».

Оживляя всѣми возможными мѣрами промышленность, стремясь водворить въ государствѣ Московскомъ образованіе умственное и нравственное, Годуновъ не менѣе того старался дать достодолжное мѣсто Россіи въ ряду другихъ державъ, имѣя въ виду разорвать узы, связывавшія Москву съ Востокомъ, и сблизить ее съ Западомъ. Дипломатія русская представляла при немъ тройственный характеръ; во 1-хъ, Годуновъ вступалъ въ сношенія съ иноземными государствами изъ интересовъ матеріальныхъ; во 2-хъ, изъ интересовъ образованія, въ 3-хъ, изъ интересовъ семейныхъ.

Въ интересахъ матеріальныхъ дѣйствовалъ онъ двояко, отрицательно и положительно, стараясь—съ одной стороны — защищать Московское государство отъ крымскаго разоренія, а съ другой—стремясь обогатить вещественныя силы Россіи новыми пріобрѣтеніями въ Сибири, Грузіи, Лапландіи, Ливоніи и Эстоніи, сносясь и при Ѳеодорѣ, и въ свое государствованіе съ Ганзою, Англіею. Крѣпости и засѣки держали крымцевъ въ грозѣ; сверхъ того вредили хану одна изъ трехъ ордъ ногайскихъ, приверженныхъ къ царю, и астраханскіе воеводы; Сибирь, послѣ безуспѣшнаго сопротивленія Кучума, покорилась Москвѣ; Грузія поступила было на время подъ наше покровительство; сверхъ того, шелъ споръ съ Даніею за границы въ Норвегіи; Годуновъ не терялъ также надежды пріобрѣсть отъ Швеціи Эстонію, а отъ Польши Ливонію. Склонясь на просьбу купцовъ Ганзы, Борисъ далъ имъ жалованную грамоту на свободу торговли, сбавивъ впрочемъ любчанамъ пошлину только до половины; сносясь съ Англіею по дѣламъ торговымъ, онъ, при всемъ уваженіи, при всѣхъ милостяхъ къ торговцамъ этой страны, не хотѣлъ однакожъ предоставить имъ однимъ право безпошлинной торговли.

Въ интересахъ образованія Годуновъ пересылался съ Любекомъ, Тосканой, вызывая въ Москву ученыхъ и ремесленниковъ.

Изъ интересовъ семейныхъ онъ велъ переговоры съ Англіею, Голштиніею, Австріею, Даніею, ища невѣсты для своего возлюбленнаго сына Ѳеодора, которому уповалъ передать престолъ, думая тѣмъ возвысить родъ свой передъ всѣми другими боярскими родами.

XXXIII. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСА ГОДУНОВА.

(Изъ ст. Костомарова: «Смутное время Московскаго государства. Названый царь Димитрій», помѣщенной въ «Вѣстн. Европы» за 1866 г.).

Царство Бориса въ первые годы шло мирно и спокойно. Оно казалось золотымъ вѣкомъ для Москвы. Скоро измѣнилось все. Не смотря на всѣ щедроты Бориса, его не любили. Его бы не избрали въ цари, если бы избраніе происходило правильнымъ порядкомъ, если бы духовенство и московская чернь не порѣшили тогда судьбы Русской земли. Московскіе люди понимали, что всѣ знаки царскаго добродушія истекаютъ изъ одного желанія утвердить за собою похищенную власть, что Борисъ только обольщаетъ народъ. Люди родовитые съ омерзеніемъ видѣли на царскомъ престолѣ потомка Мурзы Четя, природнаго татарина, тогда какъ были княжескіе роды гораздо его знаменитѣе. Мысль, что потомство

татарской крови утвердится на престолѣ московскомъ на будущія времена, оскорбляла народное самолюбіе тѣхъ, кому была знакома исторія русской земли, и кто дорожилъ ею, какъ святынею. Но дѣло было искусно обдѣлано. Борисъ, въ качествѣ избраннаго всею землею, вѣнчанный, помазанный, поддерживаемый патріархомъ и всѣмъ духовенствомъ, былъ крѣпокъ какъ нельзя болѣе. Онъ казался вполнѣ законнымъ государемъ, и никакой потомокъ Рюрика или Гедимина не въ силахъ былъ поставить своихъ родовыхъ преимуществъ противъ правъ народнаго избранія и церковнаго освященія. Столкнуть Бориса и не допустить родъ его до вѣнца можно было только такимъ именемъ, за которымъ-бы, прежде возведенія Бориса, народъ признавалъ право занять престолъ московскій. Такимъ именемъ было одно имя—имя Димитрія царевича. Правительство, объявивши разъ, что этотъ царевичъ въ дѣтствѣ зарѣзался, старалось, чтобы не говорили о немъ, хотѣло, чтобъ всѣ русскіе люди забыли его. Между тѣмъ въ народѣ шепотомъ продолжали обвинять Бориса въ убійствѣ царственнаго дитяти. Казни въ Угличѣ, переселеніе жителей этого города въ Сибирь, заточенія и ссылки, которыя послѣдовали послѣ смерти царевича, гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливался не вѣрить, что царевичъ самоубійца,—все это уже бросило черное пятно на Бориса. Въ судьбѣ Димитрія оставалось много таинственнаго, неразгаданнаго. Среди этой неизвѣстности, легко могъ получить вѣру слухъ, что убитъ былъ не Димитрій, а подмѣненный заранѣе мальчикъ, самъ же Димитрій здравствуетъ и готовится гласно потребовать отъ Бориса своего наслѣдія. И вотъ, въ 1600 г., сталъ разноситься слухъ, будто Димитрій не убитъ, а, предохраненный друзьями, проживаетъ до сихъ поръ. Эта роковая вѣсть перевернула Годунова и измѣнила до корня. Мягкосердечіе его исчезло. Въ немъ проснулся прежній Борисъ Годуновъ, воспитанникъ страшныхъ годовъ опричнины, не содрогавшійся ни предъ чѣмъ истребитель Углича, гонитель Шуйскихъ и всѣхъ враговъ своихъ. Цѣль его жизни была утвердить свой родъ на престолѣ; для этой цѣли онъ былъ жестокимъ и суровымъ, для этой цѣли сдѣлался добродушнымъ и милосерднымъ; кроткія средства не удавались теперь: для той же цѣли ему приходилось опять сдѣлаться подозрительнымъ, мрачнымъ, свирѣпымъ. Онъ увидѣлъ, что у него есть враги, а у враговъ можетъ явиться страшное орудіе. Надобно было найти это орудіе, истребить своихъ враговъ, или же приходилось потерять плоды трудовъ всей жизни, ожидать себѣ и своему роду позора и гибели. Его положеніе было таково, что онъ не могъ, не смѣлъ объявить, чего онъ ищетъ, кого преслѣдуетъ, какого рода измѣны страшится; заикнуться о Димитріи значило-бы вызывать на свѣтъ ужасный призракъ. Оставалось хватать всѣхъ, кого можно было подозрѣвать въ нерасположеніи къ воцарившемуся государю, пытать ихъ, мучить, чтобъ такимъ образомъ случайно попасть па слѣдъ желаемой тайны. Такъ Борисъ и сталъ поступать. Если-бы Борисъ зналъ подлинно, кто враги его, то только на нихъ-бы налегъ, и ихъ гибелью окончилось-бы все дѣло; но онъ только подозрѣвалъ, а не былъ увѣренъ. На перваго онъ напалъ на Богдана Бѣльскаго; этотъ человѣкъ былъ ближе всѣхъ къ Димитрію. Царь Іоаннъ Васильевичъ поручалъ ему охранять свое дѣтище. Борисъ всегда считалъ его себѣ опаснымъ, въ 1599 г. удалилъ его изъ Москвы и послалъ въ украинскія степи строить городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій зажилъ тамъ богато и знатно, состроилъ

крѣпкій городъ, набралъ на свой счетъ войско, кормилъ, одѣвалъ, жаловалъ ратныхъ людей. Когда разнесся слухъ о Димитріи, Борисъ, не упоминая объ этомъ имени, придрался къ Бѣльскому за то, что онъ, какъ доносили царю, будучи въ Царевѣ-Борисовѣ, въ веселый часъ произнесъ неосторожныя слова: «Царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я царь въ Царевѣ-Борисовѣ!» Бѣльскаго привезли въ Москву. Царь позорилъ его, поругался надъ нимъ, приказалъ доктору своему, шотландцу, выщипать ему густую, красивую бороду, которою Бѣльскій гордился. Его сослали куда-то на Низъ и заточили въ тюрьму. Ссылка постигла и другихъ, которые были съ Бѣльскимъ въ Царевѣ-Борисовѣ.

Слѣдъ Димитрія не былъ отысканъ. Борисъ, растоптавъ Бѣльскаго, принялся за другихъ. Пострадала и фамилія Романовыхъ, и нѣсколько другихъ родственныхъ и дружескихъ съ нею знатныхъ фамилій. Романовы находились въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Бѣльскимъ. Притомъ-же Романовы были и безъ того бѣльмомъ въ глазу у Бориса. Это былъ родъ самый близкій къ прежней династіи и самый любимый народомъ. Если Борисъ вступилъ на престолъ, будучи шуриномъ покойнаго царя, то Романовы также могли добиваться вѣнца, будучи двоюродными братьями по матери царя Θеодора. На сторонѣ ихъ были и память добродѣтельной Анастасіи, и безукоризненное ихъ всѣхъ поведеніе, и непричастность ихъ рода къ тяжелому времени опричнины. Въ народѣ носились слухи, будто царь Θеодоръ предъ смертью хотѣлъ, чтобъ вѣнецъ царскій перешелъ по избранію Романовымъ, а не Борису. Понятно, что при такой обстановкѣ Романовы не были расположены къ Борису, и Борисъ могъ подозрѣвать Романовыхъ, когда ему приходилось отыскивать тайнаго зла противъ себя. Нужно было потормошить Романовыхъ: авось у нихъ найдутъ нити, по которымъ можно добраться до тайны; нужно было потомъ во всякомъ случаѣ избавиться отъ нихъ навсегда. По извѣстіямъ, сообщаемымъ лѣтописями, Борисъ придрался къ нимъ такимъ образомъ: одинъ изъ холопей Александра Никитича Романова, Второй-Бартеневъ, явился къ окольничьему Семену Годунову, родственнику и клеврету царя Бориса, и предложилъ свои услуги—донести на Романовыхъ. Семенъ сейчасъ же обѣщалъ ему царское жалованье. Тогда Второй-Бартеневъ наклалъ въ мѣшокъ разныхъ кореньевъ и положилъ этотъ мѣшокъ въ казну Александра Никитича, а потомъ сдѣлалъ доносъ, будто у его боярина есть коренья, которыми онъ хочетъ извести царя и добыть вѣдовствомъ царства. Когда Семенъ донесъ объ этомъ, царь послалъ сдѣлать обыскъ. Обыскали Александра Никитича, взяли заповѣдный мѣшокъ и понесли къ патріарху Іову; изъ мѣшка вынуты были коренья и положены на столъ при патріархѣ и другихъ лицахъ изъ знатнаго духовенства. Улика была на лицо. Дѣлавшіе обыскъ ссылались на Второго-Бартенева, какъ на свидѣтеля, не смотря на то, что онъ же былъ и доносчикъ. Начали брать Романовыхъ одного за другимъ. Борисъ осудилъ всѣхъ братьевъ съ ихъ семьями какъ измѣнниковъ и злодѣевъ своихъ, и сослалъ ихъ въ разныя отдаленныя мѣста. Александра сослали къ Бѣлому морю въ Луду; его тамъ скоро не стало; по извѣстію лѣтописца, его удавилъ приставъ Лодыженскій. Василія Никитича сослали въ Яренскъ, а потомъ въ Пелымъ. Этотъ бояринъ страдалъ отъ жестокостей своего пристава, который надѣлъ на узника тяжелыя цѣпи, мучилъ и билъ вопреки приказаніямъ самого Бориса, а оправдывался тѣмъ, что Романовъ

укралъ у него ключъ отъ цѣпи и хотѣлъ убѣжать. Туда же сослали и брата его Ивана Никитича, больного, невладѣвшаго рукою. Борисъ не былъ изъ такихъ тирановъ, которые находятъ себѣ наслажденіе въ страданіяхъ тѣхъ, кого считаютъ врагами. Онъ только охранялъ самого себя, былъ рѣшителенъ въ этомъ, но стѣснялъ опасныхъ людей на столько, чтобы они ему не могли быть вредны. Поэтому Борисъ вовсе не приказывалъ мучить братьевъ, сосланныхъ въ Пелымъ. Онъ велѣлъ имъ дать особый дворъ съ двумя избами, давать имъ по калачу и по два денежныхъ хлѣба въ сутки, въ скоромные дни по части говядины и по три части баранины, а въ постные дни рыбы, не накладывать цѣпей, но велѣлъ не допускать къ нимъ никого, не дозволять ни съ кѣмъ переписываться, слѣдить за ихъ каждымъ словомъ. Слуги Борисовы показывали свое усердіе къ царю больше, чѣмъ царь требовалъ. Василій Никитичъ скоро умеръ въ Пелымѣ отъ дурного содержанія и худаго обращенія. Михаила Никитича заточили за 30 верстъ отъ Чердыни въ Наробской волости и держали въ земляной тюрьмѣ. О немъ сохранилось преданіе, что онъ былъ силачъ; и теперь хранятся въ наробской церкви его цѣпи: плечныя въ 12, ножныя въ 19, а замокъ на нихъ въ 10 фунтовъ. Приставы и сторожа истязали его, но не по приказанію Бориса. Всѣхъ ихъ разлучили съ семьями. Болѣе всѣхъ братьевъ отличался Ѳедоръ Никитичъ, отъ природы умный, острый, любезный и привѣтливый съ русскими и съ чужеземцами, любознательный и начитанный, знакомый даже немного съ латынью; никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ; не было въ Москвѣ красивѣе мущины, такъ что красота его вошла въ пословицу, и если портной, сдѣлавши платье и примѣривъ его, хотѣлъ похвалить, то говорилъ своему заказчику: «Теперь ты совершенно Ѳедоръ Никитичъ». Говорятъ, что еще при царѣ Ѳедорѣ принудили его жениться на бѣдной дѣвушкѣ, вѣроятно съ цѣлью унизить его. Но онъ нашелъ добрую жену въ этой незнатной дѣвицѣ, урожденной Шестовой. Этого-то щеголя московскаго постригли насильно въ Сійскомъ монастырѣ, подъ именемъ Филарета, и приставили къ нему строгій надзоръ; жену его Ксенію Ивановну разлучили съ малолѣтними дѣтьми, постригли подъ именемъ Мароы и сослали въ Егорьевскій погостъ Толвуйской волости въ Заонежьѣ; малолѣтнихъ дѣтей ея, мальчика Михаила и дѣвочку, сослали на Бѣлоозеро съ теткою ихъ, сестрою Романовыхъ, дѣвицею Анастасіею. Туда же сослали мужа другой сестры Романовыхъ, князя Бориса Канбулатовича Черкаскаго, съ женою и дѣтьми. Постригли и мать Ксеніи Ивановны, Марью Шестову. Сослали по дѣлу Романовыхъ многихъ другихъ свойственниковъ и друзей ихъ, въ томъ числѣ князя Сицкаго, бывшаго воеводою въ Астрахани: его привезли изъ Астрахани въ оковахъ, разлучили съ женою и сослали въ Кожеозерскій монастырь, а жену въ Сумскую пустынь; сослали также князей Репниныхъ, Карповыхъ и Шестуновыхъ.

Но Филаретъ былъ слишкомъ уменъ и остороженъ, чтобъ клевреты Бориса могли услышать отъ него что нибудь важное. Филаретъ говорилъ только: «Бояре мнѣ великіе недруги, искали головъ нашихъ, научали говорить на насъ людей нашихъ: я самъ видѣлъ то не однажды. У нихъ теперь нѣтъ ни одного разумнаго; не сдѣлаетъ съ ними царь никакого дѣла; только и есть умный человѣкъ, что Богданъ Бѣльскій: тотъ досужъ и къ посольскимъ, и ко всякимъ дѣламъ...» Передъ приставомъ Филаретъ вспомнилъ о семьѣ и показывалъ видъ, что не знаетъ ничего объ ней и

говорилъ: «Милыя мои дѣти! Маленьки бѣдныя остаются! Кто ихъ будетъ кормить и поить! А жена моя бѣдная на удачу уже жива-ли! Гдѣ она? Чаю, гдѣ-нибудь туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже что надобно! То мнѣ и лихо, что жена и дѣти: какъ помянешь ихъ, такъ словно кто рогатиною въ сердце кольнетъ! Много они мнѣ мѣшаютъ. Дай Господи услышать, чтобъ ихъ раньше Богъ прибралъ: я бы тому обрадовался. Чаю, и жена сама тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ-бы уже не мѣшали: я-бы сталъ промышлять одинъ своею душою». А между тѣмъ, не смотря на всю строгость, Филаретъ зналъ, гдѣ его жена и дѣти; находились добрые люди, которые облегчали участь страдальцевъ. Въ Толвуйской волости былъ попъ Ермолай и нѣкоторые крестьяне, которые освѣдомлялись о положенiи Филарета и сообщали объ немъ извѣстiя женѣ его, и отъ ней переносили вѣсти ему.

И другiя фамилiи испили подобную чашу. Такъ, семейство Пушкиныхъ, по доносу своихъ холоповъ, было разослано въ Сибирь; ихъ помѣстья и вотчины описаны, имущество распродано, а доносчики получили награды. Дьяку Щелкалову не прошло даромъ, что онъ читалъ народу о присягѣ боярской думѣ: и его сослали въ 1602 г. Подозрительный до крайности, Борисъ каждую минуту боялся за свой вѣнецъ, за свое существованiе, за свой родъ и былъ несчастнѣйшимъ въ мiрѣ человѣкомъ. Димитрiй не отыскивался; но Борисовы агенты провѣдали и доносили царю, что тайные враги спроваживаютъ этого Димитрiя за рубежъ въ Польшу. Борисъ, по-прежнему не упоминая имени Димитрiя, приказалъ устроить на западной границѣ караулы, не пропускать никого черезъ границу хоть-бы съ проѣзжею памятью, но всѣхъ велѣлъ задерживать и доносить ему объ нихъ. Всѣ знали, что ищутъ какихъ то важныхъ государственныхъ преступниковъ; но никому не объявляли, кого именно ищутъ. Народъ испыталъ много тѣсноты, оскорбленiй; много было схвачено и перемучено невинныхъ людей, а того, кого Борису было нужно, не нашли. Награды за доносы привлекали къ этимъ занятiямъ. По московскимъ улицамъ, говоритъ современникъ, то и дѣло сновали мерзавцы да подслушивали, что въ народѣ говорится, и чуть только кто заведетъ рѣчь о царѣ, о государственныхъ дѣлахъ, сейчасъ говоруновъ хватаютъ и въ пытку. Не проходило пира, чтобъ на немъ не было соглядатаевъ; гдѣ только люди соберутся, тамъ и доносчики явятся. Обвиняемыхъ въ недоброжелательствѣ къ государю и въ злоумышленiяхъ обыкновенно подвергали пыткамъ, и, если они подъ пыткою оказывались сколько-нибудь виновными, заключали въ темницы или разсылали по отдаленнымъ землямъ. Имущества опальныхъ брали въ казну или раздавали доносчикамъ. Борисъ воспользовался положенiемъ холоповъ и ихъ естественною непрiязнью къ господамъ. Въ тѣ времена господинъ безъ крѣпостнаго акта могъ покуситься на свободу служившаго у него человѣка, и сильный всегда могъ оскорбить, закабалить, примучить слабаго. За то холопу, если ему тяжело становилось холопство, былъ прекрасный способъ освободиться отъ рабства—донести на господина. Скрывая упорно главнѣйшую причину розысковъ, Борисъ гласно высказывалъ другаго рода страхъ: чтобъ его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями, и достаточно было голословнаго слуха о вѣдовствѣ, чтобъ начать розыскъ. Царь дѣйствительно боялся вѣдовства, но въ самомъ дѣлѣ не столько, сколько показывалъ, прикрывая этою боязнью надежду по-

средствомъ розысковъ напасть на слѣдъ Димитрія. Искали въ сущности Димитрія; никто не смѣлъ сказать, что его ищутъ; между тѣмъ объ этомъ знали, и расходился на бѣду Борису слухъ о Димитріи въ русскомъ народѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе Борисъ хотѣлъ уничтожить эту молву въ самомъ источникѣ.

Быстро исчезла та призрачная любовь, которую Борисъ подогрѣвалъ къ себѣ въ русскомъ народѣ искусственною добротою и щедротами. Бориса стали ненавидѣть: его ненавидѣли бояре, ненавидѣло и дворянство, которое ему обязано было закрѣпленіемъ крестьянъ; скоро оно охладѣло къ нему, послѣ того какъ онъ сталъ царемъ. Народъ въ первое льготное время послѣ вѣнчанія новаго царя отдохнулъ немного отъ своего обычнаго бремени; но когда воротился прежній порядокъ, ему послѣ отдыха стало тяжелѣе, чѣмъ прежде, терпѣть отъ налоговъ и грабительства правителей. Страшный голодъ, постигшій Русь въ 1601 и 1602 г., довершилъ подготовку Московской земли къ потрясеніямъ. Нищета поразила простой народъ быстро. Тогда многіе изъ владѣльцевъ, державшихъ у себя холоповъ—и добровольныхъ, и насильно закабаленныхъ,—прогоняли ихъ отъ себя, потому что дорого обходилось ихъ прокормленіе. Изгнанники увеличивали толпы голоднаго народа. Настала тяжелая зима. Въ слѣдующій годъ былъ такой же неурожай. Тогда уже постигла Московское государство такая бѣда, какой, какъ говорили, не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Люди стали умирать съ голоду. Царь приказалъ отперереть свои житницы, продавать хлѣбъ дешевле ходячей цѣны, а очень бѣднымъ раздавать деньги. Каждый день въ Москвѣ раздавали нищимъ по полуденьгѣ человѣку, а въ праздники и воскресные дни по цѣлой деньгѣ. Для приходившихъ за царскою милостынею въ нѣсколькихъ мѣстахъ близъ стѣны Бѣлаго города выстроили переходы, и въ нихъ то раздавалась милостыня; каждый день у царя выходило по 20,000 фунтовъ стерлинговъ, говоритъ одинъ англичанинъ. Но этого было недостаточно: хлѣбъ и прочіе припасы, при накопившемся многолюдствѣ, дорожали болѣе и болѣе; невозможно было всѣхъ прокормить такою милостынею; притомъ же въ Московской землѣ, по замѣчанію современника, всѣ должностныя лица были воры; они на этотъ разъ раздавали царскія деньги своей роднѣ, пріятелямъ и тѣмъ, которые съ ними дѣлились барышами; ихъ сообщники приходили въ лохмотьяхъ, заурядъ съ нищими и голодными, и получали прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ царскія деньги, а настоящіе нищіе, хромые, слѣпые, увѣчные, не могли дотолпиться; ихъ прогоняли палками. Бѣдняги ѣли сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, всякую падаль. Много народу умирало по улицамъ. Борисъ учредилъ стражу, чтобы подбирать и хоронить тѣла умиравшихъ безпріютно отъ голода и приказалъ изъ своей казны отпускать на мертвецовъ саваны. Эта стража то-и-дѣло разъѣзжала по Москвѣ и увозила мертвецовъ въ ямы за городомъ. Случалось такимъ образомъ, что и живыхъ, падавшихъ отъ изнеможенія, захватывали; случалось, что везутъ полныя сани труповъ, а между ними слышатся стоны и жалобныя моленія; а тѣ, что везутъ, какъ будто не слышатъ, разсчитывая, что все равно придется же забирать ихъ и увозить впослѣдствіи; и такъ безъ содраганія бросали еще дышащихъ людей въ могилы.

Раздача милостыни продолжалась съ мѣсяцъ. Потомъ правительство разсудило, что раздача милостыни только обогощаетъ плутовъ, накопляетъ

голодный народъ въ столицѣ; смертность усиливается, можетъ явиться и зараза; притомъ подозрительный Борисъ боялся, чтобъ народъ, пришедши въ крайнее ожесточеніе, не поднялъ бунта, а это было-бы опасно въ столицѣ при такомъ многолюдствѣ. Запретили раздачу милостыни въ столицѣ. Это было именно въ такую пору, когда вѣсть о щедротахъ Бориса успѣла распространиться по отдаленнымъ угламъ русскаго міра, и со всѣхъ сторонъ шли народныя толпы къ Москвѣ за пропитаніемъ; на дорогѣ постигла ихъ вѣсть, что уже болѣе не раздаютъ въ Москвѣ милостыни и не кормятъ голодныхъ. Путники, лишенные средствъ, погибали по дорогамъ, какъ мухи, а другіе ѣли ихъ трупы, и эту пищу у нихъ отнимали стаи волковъ, которые бросались и на мертвыхъ, и на живыхъ. Голодное время сдѣлало свое: кромѣ погибели множества народа, оно утвердило въ московскомъ народѣ тяжелую мысль, что царствованіе Бориса не благословляется небомъ, потому что достигнуто и поддерживается беззаконіями. Если старожилы не помнили на Руси такого страшнаго голода, то не помнили и такого бродяжничества, какъ въ эти времена. Господа выгоняли слугъ своихъ, когда черезъ-чуръ дорого стоило ихъ прокормить, а потомъ, какъ хлѣбныя цѣны спадали, хотѣли возвратить ихъ себѣ; но бывшіе холопы, если не успѣвали пропасть отъ голода, скитались и не хотѣли ворочаться. Бѣглецы собирались въ шайки. Къ этимъ бродягамъ приставало множество холоповъ, принадлежавшихъ опальнымъ боярамъ. Этихъ опальныхъ холоповъ собрались тогда тысячи; лишенные права шататься изъ двора во дворъ, они приставали къ разбойничьимъ шайкамъ, которыя повсюду составлялись въ разномъ числѣ. Все это бѣглое населеніе естественно было недовольно тогдашнимъ правительствомъ, все съ радостью готово было броситься къ тому, кто поднимется на Бориса, кто пообѣщаетъ льготы. Тутъ не было никакихъ стремленій къ какому-бы то ни было иному государственному и общественному строю: громада недовольныхъ легко приступаетъ къ новому лицу, надѣясь, что при новомъ будетъ лучше, чѣмъ при старомъ.

XXXIV. ПРИЧИНЫ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

(Изъ ст. Соловьева: «Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ», помѣщенной въ «Современникѣ» за 1848 г.).

Въ началѣ XVII столѣтія страшная болѣзнь объяла государственное тѣло и стала грозить конечною гибелью. Не преступленія правителя, не дерзкій умыселъ монаха, не крамола бояръ, не зависть сосѣдней державы, не тайные ковы знаменитаго ордена произвели эту болѣзнь въ государствѣ: она таилась внутри его и ждала только удобной минуты, чтобъ развиться во всей силѣ.

Уже пять вѣковъ шла борьба между началами государственными и противогосударственными; къ концу XVI в. государство восторжествовало: сосредоточивающая сила преодолѣла всѣ препоны, огромное государственное тѣло было объединено, сплочено, готово, повидимому, выйдти изъ той замкнутости, въ которой удерживала его внутренняя борьба, и начать цѣльную жизнь въ кругу другихъ государствъ, родственныхъ ему по одной общей основѣ гражданскаго быта—христіанству; казалось, что

съ новою династіей московское государство начнетъ новое бытіе, усвоитъ себѣ плоды западно-европейской цивилизаціи и быстро пойдетъ по пути усовершенствованія, по пути къ наряду; казалось, что и новый царь, вѣрный ученикъ Грознаго, сознавалъ новыя потребности юнаго государства, сознавалъ назначеніе своей династіи и воспитывалъ въ сынѣ своемъ правителя, способнаго удовлетворить этимъ новымъ потребностямъ и выполнить назначеніе династіи. Но все это казалось только, и нужно было пройти еще цѣлому столѣтію, прежде чѣмъ новая жизнь могла начаться для Россіи. Что же были за причины такого замедленія?

Пять вѣковъ упомянутой борьбы, борьбы напряженной и кровавой, не могли не оставить послѣ себя слѣдовъ въ нашемъ древнемъ обществѣ; никогда и нигдѣ подобные переломы, подобные переходы изъ одного порядка вещей въ другой не обходятся дешево для народовъ, никогда и нигдѣ подобныя борьбы на жизнь и на смерть, въ которыхъ всѣ средства обыкновенно считаются позволенными, не остаются безъ гибельныхъ послѣдствій для народной нравственности. Въ борьбѣ сильнаго со слабымъ интересъ самосохраненія становится интересомъ господствующимъ; но извѣстно, что такое господство вовсе не благопріятствуетъ развитію доблестей гражданскихъ; чтобъ спастись отъ насилій сильнаго, слабый прибѣгаетъ къ коварству и противъ меча готовитъ отраву; съ другой стороны—сильный не преминетъ воспользоваться всякимъ средствомъ для достиженія своей цѣли, при чемъ заставитъ слабаго стать своимъ орудіемъ, и такимъ образомъ развратитъ его. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, при господствѣ интереса самосохраненія, довѣренность между гражданами необходимо ослабѣваетъ, всякій начинаетъ опасаться другаго, особиться, начинаетъ думать только о самомъ себѣ, и при единствѣ внѣшнемъ внутреннее исчезаетъ. Вспомнимъ, какія средства должны были употреблять великіе князья противъ удѣльныхъ, вспомнимъ поведеніе бояръ при послѣднихъ Рюриковичахъ, обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ Грознаго, и средства его въ борьбѣ со стариною, вспомнимъ крестоцѣловальную запись Годунова и разсказы о доносахъ въ его царствованіе; присоединимъ еще сюда нѣсколько извѣстій о состояніи народной нравственности въ это время; вотъ слова автора московской хроники: «Во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и распутствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ».

Таковы были дурные соки, накопленные обществомъ въ продолженіи пяти вѣковъ; ясно, что общество не могло начать новой жизни, не очистившись прежде отъ этихъ соковъ, не излечившись отъ своей тяжкой болѣзни, а это излеченіе могло произойти только вслѣдствіе сильнаго потрясенія всего организма. Нужно было, чтобъ болѣзненныя начала, развившись во всей полнотѣ, вызвали противоборство началъ жизненныхъ,

и общество, выдержавъ борьбу съ опасною болѣзнью, вышло изъ нея чистымъ, здоровымъ и крѣпкимъ; надобно было, чтобъ единство, данное Руси московскими государями, перешло, какъ необходимость, въ народное сознаніе, чтобъ это матеріальное единство стало духовнымъ, независящимъ болѣе отъ силы, отъ сосредоточенія внѣшняго; надобно было очистить народъ отъ общественнаго разврата, затронувши въ немъ высшіе гражданскіе интересы и заставивши его жертвовать всѣмъ для ихъ соблюденія. Но, кромѣ этихъ причинъ, дѣлавшихъ необходимымъ сильное государственное потрясеніе, были еще другія. Выше было сказано, что къ концу XVI в. государство восторжествовало надъ родовымъ бытомъ: не было болѣе удѣльныхъ князей, усобицы прекратились, но слѣдствія ихъ остались. Во время прежнихъ родовыхъ споровъ и междоусобій враждующіе князья постоянно имѣли нужду въ толпѣ людей праздныхъ, привыкшихъ къ буйной воинской жизни, къ жизни на счетъ другихъ, на счетъ общества; толпами этихъ-то людей поддерживались междоусобія, потому что побѣжденный всегда находилъ средства снова набрать войско. Но когда усобицы стихли, то что было дѣлать этимъ людямъ безпристаннымъ, бездомовнымъ, которымъ было тѣсно въ обществѣ? Что было дѣлать теперь казакамъ? Толпами шли они за границу государства, но много оставалось ихъ еще внутри; государство начало набирать ихъ въ свою службу, но служба эта была для нихъ тяжка; имъ хотѣлось прежней воли, прежняго безнарядья, чтобъ безнаказанно жить на счетъ общества; толпы ихъ умножились на Украйнѣ при Грозномъ и Годуновѣ: они ждали предлога возмутить покой государства, но этого предлога не было; у единаго царя не было родичей, соперниковъ; но если ихъ не было на самомъ дѣлѣ, то надлежало ихъ выдумывать, надлежало явиться сопернику мнимому, однимъ словомъ, для казаковъ необходимъ былъ самозванецъ. Но не для однихъ казаковъ былъ необходимъ онъ. Мы знаемъ, что бояре, дружина княжеская также сильно стояли за родовыя отношенія между князьями, потому что этими только отношеніями поддерживалось право отъѣзда; родовыя отношенія исчезли, исчезла и возможность отъѣзда, князья и бояре должны были безпрекословно подчиниться волѣ царя, и какого царя? Не прирожденнаго на престолѣ Ивана III-го, но ихъ прежняго товарища и соперника, который и на престолѣ продолжалъ питать къ нимъ прежнія подозрѣнія, прежнюю вражду; опала грозила ежеминутно, а средствъ къ спасенію не было: у новаго царя не было родича, не было соперника; но если не было на самомъ дѣлѣ соперника царю, то надобно было его выдумать, надлежало явиться сопернику мнимому: для бояръ былъ необходимъ самозванецъ.

Такимъ образомъ самозванецъ былъ необходимъ для бояръ, для казаковъ; былъ нуженъ также для Польши, для іезуитовъ: сколько причинъ для его появленія и успѣховъ!

XXXV. ПРЕБЫВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ I ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Изъ статьи Костомарова: «Смутное время Московскаго государства. Названный царь Димитрій», помѣщенной въ «Вѣстн. Европы» за 1866 г.).

Въ 1600—1601 гг., когда Борисъ учреждалъ по границѣ заставы и не пропускалъ никого даже съ проѣзжими памятьми, сталъ по Кіеву

бродить молодой монахъ. Онъ говорилъ о себѣ, что онъ вышелъ изъ Московской земли. Это былъ перехожій калика, странникъ: много шаталось такихъ повсюду. Онъ поступилъ во дворъ кн. Острожскаго, кіевскаго воеводы. Этотъ столѣтній старецъ, главный дѣятель защиты православія противъ римскаго католичества, былъ гостепріименъ, особенно для православныхъ духовныхъ; много ихъ проживало у него на его счетъ. Но таинственный монахъ оставался у него недолго: онъ оставилъ его и перешелъ къ панамъ Гойскимъ. Гойскіе были люди чрезвычайно вліятельные и извѣстные. Они были аріане и въ то время оставались самыми ревностными двигателями этой вольнодумной секты въ Рѣчи Посполитой. Православные паны дружили съ еретикомъ во имя свободы совѣсти. Гойскіе устроили на Волыни двѣ аріанскихъ школы: одну въ Гощѣ на р. Горынѣ, другую въ Соколѣ на р. Случѣ. Сами они проживали въ Гощѣ; около нихъ постоянно собирался аріанскій сборъ, т. е. пріѣзжали единовѣрцы толковать и спорить, а послѣ споровъ пировать и веселиться. Въ такой кругъ попалъ нашъ калика и сбросилъ съ себя монашеское платье; нѣкоторые говорятъ, будто онъ служилъ на кухнѣ у Гойскаго, другіе говорятъ, что онъ тамъ училъ дѣтей; но вѣроятнѣе третье извѣстіе, что онъ самъ тамъ учился. Сколько мы его знаемъ впослѣдствіи, онъ кое-чему учился и успѣлъ нахвататься вершковъ польскаго либеральнаго воспитанія. Здѣсь, вѣроятно, онъ пріобрѣлъ навыкъ къ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ и вообще ту ловкость и развязность, которою послѣ отличался. Тогда въ Польшѣ въ школахъ и въ панскихъ дворахъ, гдѣ воспитывалось юношество, очень заботились о томъ, чтобы развить тѣлесныя силы и быстроту движеній молодаго человѣка. Нашъ калика, побывши нѣсколько времени при дворѣ Гойскаго, сдѣлался ловкимъ молодымъ человѣкомъ, и гимнастика далась ему лучше, чѣмъ латинская грамматика. Сверхъ того, пребываніе въ этой школѣ свободомыслія положило на него печать того религіознаго индифферентизма, которой не стерли впослѣдствіи и отцы іезуиты. Отъ Гойскаго калика перешелъ въ мѣстечко Брагинъ къ кн. Адаму Вишневецкому и поступилъ къ нему на дворовую службу.

Знатные паны держали у себя на дворахъ большіе *оршаки* слугъ. Изъ нихъ одни назывались дворяне, были шляхетскаго происхожденія и занимали ближайшія къ панской особѣ должности; изъ нихъ-то составлялась надворная команда, выходившая въ поле подъ панскою хоругвью. Другіе, подъ общимъ названіемъ *либеріи*, составляли дворню: между ними различались гайдуки, казаки, хлопцы, пахолки, пахолята. У пана, какъ у независимаго владѣтельнаго лица, были свои придворные чины. Дворы Вишневецкихъ отличались многолюдствомъ, и паны не были разборчивы въ пріемѣ слугъ, даже сами не знали, кто у нихъ служитъ: приходили къ нимъ и уходили отъ нихъ бродяги разныхъ странъ; стоило только попросить маршалка записать себя въ реестрѣ. Молодой московскій человѣкъ былъ лѣтъ двадцати, худощавъ, небольшого роста, съ русыми волосами, лицо у него было кругловатое, некрасивое, смуглое, большой расплюснутый носъ, подъ носомъ бородавка, голубые глаза отдавались какою-то задумчивостью, голосъ его былъ пріятенъ, говорилъ онъ складно, съ воодушевленіемъ. Поживши не долго въ ряду другихъ слугъ, онъ заболѣлъ или сказался больнымъ, легъ въ постель и попросилъ къ себѣ русскаго священника. Его исповѣдали. Онъ сказалъ духовнику:

стремленіи римской пропаганды проникнуть въ Московское государство. Димитрій появился чрезвычайно кстати для нея; да и для него, въ его положеніи, она была необходима. Чтобъ сыскать себѣ поддержку въ Польшѣ, Димитрію выгодно было показаться готовымъ принять католичество и обѣщать его ввести въ Московское государство, а католической пропагандѣ отыскивался наконецъ самый удобный случай для ея видовъ. Димитрія побудили написать письмо къ папскому нунцію Рангони, жившему въ Краковѣ, и искать его покровительства. Кругомъ царевича все твердило, что если онъ пріобрѣтетъ его благосклонность, то успѣхъ несомнѣненъ: нунцій напишетъ святому отцу, а слово святаго отца все можетъ: вся Польша пойдетъ за него. Наконецъ изъ Кракова послѣдовало новое приглашеніе къ Вишневецкому и Мнишку, чтобъ они ѣхали въ столицу и везли съ собою спасеннаго чудесно царевича и представили королю. Такъ Димитрій, поживши въ домѣ Мнишка весело, выѣхалъ; его провожало уже много друзей, а въ головѣ у него былъ чарующій образъ женской прелести, который болѣе всего увлекаетъ къ предпріимчивости пылкія натуры.

Димитрій съ панами прибылъ въ Краковъ въ мартѣ 1604 года. На другой день пріѣзда нунцій посѣтилъ Димитрія. Онъ слушалъ съ участіемъ его разсказъ о чудесномъ спасеніи, удивлялся промыслу Божію и говорилъ: «Перстъ Божій явно показываетъ, что провидѣніе сохранило тебя для великаго дѣла человѣческаго спасенія. Призваніе твое велико!» Наконецъ нунцій объявилъ положительно, что король и польская нація будутъ ему помогать только въ такомъ случаѣ, если онъ приметъ покровительство папы и соединеніе со св. римско-католическою религіею. Претенденту некуда было дѣваться: въ случаѣ отказа, онъ лишался помощи. Этого мало: онъ могъ бояться, что когда Борисъ начнетъ усильно домогаться его выдачи, то его могутъ и выдать, какъ существо безполезное для цѣлей Польши и, напротивъ, вредное для согласія съ сосѣдями. Димитрій обѣщалъ. Обдѣлавши, какъ слѣдуетъ, свое дѣло, монсиньоръ ввелъ самъ царевича къ королю. Сигизмундъ III давно уже ждалъ его и желалъ видѣть. Получивши извѣстіе о появленіи его у Вишневецкихъ, польскій король тотчасъ сообразилъ, что изъ этого можно извлечь выгоды для страны, которою управлялъ, и разослалъ письма къ разнымъ важнымъ панамъ: извѣщалъ о событіи, просилъ совѣта, какъ поступить, а съ своей стороны наклонялся къ мнѣнію, что слѣдуетъ принять благосклонно претендента на московскій престолъ, но не излагалъ этого мнѣнія настойчиво, готовясь, во всякомъ случаѣ, послѣдовать чужимъ совѣтамъ. Этимъ поступкомъ король хотѣлъ оградить себя на будущее время отъ укоровъ, которые бы его постигли, еслибъ онъ самовольно поступалъ такъ или иначе въ такомъ важномъ дѣлѣ. Король получалъ различные отвѣты: нѣкоторые совсѣмъ были противъ участія въ этомъ дѣлѣ; другіе не прочь были обратить это явленіе въ пользу Рѣчи Посполитой, но боялись войны съ Московскимъ государствомъ. Выпытавши мнѣніе пановъ, король приготовился принять Димитрія ласково, но сдержано. Самъ онъ лично былъ болѣе расположенъ въ его пользу, чѣмъ сколько смѣлъ высказать. Онъ встрѣтилъ претендента стоя, съ горделивой, но привѣтливой осанкой, опершись одной рукой на маленькій столикъ, и протянулъ ему руку съ улыбкой. Изгнанникъ поцѣловалъ ее. Король былъ въ шляпѣ, Димитрій съ открытой головой. Димитрій, по

обычаю, пересыпалъ рѣчь свою примѣрами изъ исторіи и кончилъ ее такъ: «Вспомните, ваше величество, что вы родились узникомъ: Богъ освободилъ васъ и вашихъ родителей; Богъ хочетъ, чтобъ вы освободили меня отъ изгнанія и потери отеческаго престола». Сигизмундъ ничего не отвѣчалъ, но далъ знакъ своему дворецкому; тотъ попросилъ царевича на минуту выйти. Король сталъ совѣтоваться съ нунціемъ наединѣ. Черезъ нѣсколько минутъ царевича позвали снова, за нимъ вошли и паны. Король далъ ему такой отвѣтъ: «Боже тебя сохрани въ добромъ здоровьѣ, московскій князь Димитрій. Мы тебя признаемъ княземъ; мы вѣримъ тому, что отъ тебя слышали, вѣримъ письменнымъ доказательствамъ, тобою доставленнымъ, и свидѣтельствамъ другихъ; поэтому мы назначаемъ тебѣ на твои нужды сорокъ тысячъ злотыхъ въ годъ; съ этого времени ты другъ нашъ и находишься подъ нашимъ покровительствомъ; мы позволяемъ тебѣ имѣть свободное обращеніе съ нашими подданными и пользоваться ихъ помощью и совѣтомъ, на сколько будешь имѣть нужду». Въ этихъ словахъ не было никакого обѣщанія со стороны короля и еще менѣе польской націи: всякое политическое дѣло зависѣло отъ сейма, а не отъ короля. Но и этого уже было достаточно. Сигизмундъ по крайней мѣрѣ заявилъ, что не станетъ противодѣйствовать тѣмъ, которые возъимѣли-бы доброе желаніе помогать Димитрію: Претендентъ не отвѣчалъ ни слова, пришелъ въ смущеніе; нунцій за него изъявлялъ чувства благодарности. Отъ короля Димитрій отправился къ воеводѣ. Туда прибылъ и нунцій. Снова онъ обнималъ и цѣловалъ Димитрія, совѣтовалъ быть дѣятельнымъ, просилъ присутствовавшихъ пановъ помогать ему всѣми силами къ пріобрѣтенію короны. Димитрія просилъ не забывать своего великаго назначенія—содѣйствовать распространенію римско-католической вѣры. Здѣсь нунцій вручилъ Димитрію письмо отъ папы: святой отецъ посылалъ ему свое благословеніе, назидательные и утѣшительные совѣты и побужденія — преслѣдовать неуклонно предположенную цѣль и возвратить себѣ родительское достояніе. Къ Димитрію назначили отца іезуита Савицкаго, который поучалъ его въ догматахъ католической вѣры, показывалъ ему величіе католическаго богослуженія и укоренялъ въ немъ мысль о соединеніи съ католическою церковью для блага и согласія всего христіанства.

Во время пребыванія его въ Краковѣ явилась толпа московскихъ людей. Во главѣ ихъ былъ какой-то Иванъ Порошинъ съ товарищами: они услышали, что во владѣніи короля польскаго есть кто-то, называющій себя царевичемъ Димитріемъ, и хотѣли взглянуть на него. Когда ихъ допустили, они поклонились ему и признали его своимъ законнымъ государемъ. Тогда же съ Дону прибыло двое атамановъ, Корѣла и Нѣжакожъ, отправленныхъ на вывѣдку, настоящій-ли Димитрій явился. Казацкіе атаманы, видя, что знатные паны и самъ польскій король признаютъ явившагося Димитрія настоящимъ, объявили ему готовность служить всѣмъ тихимъ Дономъ и, воротившись къ своимъ, увѣряли, что царевичъ дѣйствительный. Димитрій воротился съ Мнишками и съ Вишневецкими въ Самборъ. Тутъ паны кликнули кличъ, приглашали шляхту и казаковъ идти съ ними въ московщину добывать законному царю престолъ. Не трудно было набрать охотниковъ на какой-нибудь набѣгъ въ Украйнѣ, особенно Вишневецкимъ, когда они владѣли тамъ множествомъ имѣній, и голосъ ихъ былъ повсюду знаемъ и уважаемъ. Пока

собирались охотники, претендентъ опять поселился у Мнишка, и опять начались пиры и веселости. Свидѣвшись вновь съ Мариной, Димитрій, уже признанный отъ короля въ званіи царевича, сталъ смѣлѣе. На помощь ему поспѣлъ патеръ Савицкій, втершійся къ нему въ дружбу іезуитъ. Онъ началъ ему совѣтовать жениться на Маринѣ. Мнишекъ обрадовался, обнималъ нареченнаго зятя, плакалъ отъ умиленія. Но свадьба была отложена до того счастливаго времени, когда Димитрій, низвергнувши Бориса, сядетъ на престолъ московскій. Удостовѣрившись, что дочь совершенно плѣнила Димитрія, Мнишекъ потребовалъ крупную цѣну за свою красавицу. 23 мая 1604 г. Димитрій вручилъ Мнишку запись, гдѣ давалъ слово жениться на Маринѣ по восшествіи на престолъ, обѣщалъ дать Мнишку 100,000 польскихъ золотыхъ на подъемъ и на заплату долговъ его, для покупки убранствъ невѣсты и столоваго серебра, а потомъ обѣщалъ во владѣніе будущей женѣ своей Новгородъ и Псковъ со всѣми уѣздами этихъ государствъ и отрекался самъ владѣть въ нихъ. Существуетъ еще другая запись отъ 12 іюня 1604 г. Тамъ претендентъ обѣщалъ дать самому Мнишку въ вѣчное и потомственное владѣніе Смоленское и Сѣверское княжества, за исключеніемъ половины Смоленской земли и шести городовъ Сѣверской, которые отдавалъ польской коронѣ ради дружелюбія съ польскимъ королемъ.

Живучи у сендомирскаго воеводы, Димитрій написалъ грамоты къ московскому народу и просилъ послать ихъ впередъ, прежде чѣмъ онъ войдетъ въ свое наслѣдіе. Въ этихъ грамотахъ онъ благодаритъ тѣхъ, которые помогли ему спастись, и увѣщевалъ народъ русскій отстать отъ Бориса и признать законнаго государя. Эти грамоты появились въ украинныхъ земляхъ и подготовляли народъ къ появленію царевича. Борисъ принялъ чрезвычайныя мѣры, чтобъ ничего и никого не пропускать изъ Литвы; но грамоты Димитрія входили въ Московское государство въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который привозился въ Россію по случаю дороговизны. Явилось множество незванныхъ слугъ и пособниковъ претенденту, и его грамоты переписывались и распространялись по дорогамъ, на улицахъ городовъ и посадовъ.

XXXVI. БОРЬБА ЛЖЕДИМИТРІЯ СЪ ГОДУНОВЫМЪ.

(Изъ «Исторіи Россіи», Соловьева).

15 августа 1604 г. Лжедимитрій выступилъ въ походъ. Подъ Глинянами поляки, сопровождавшіе его, собрались въ коло и выбрали гетманомъ Юрія Мнишка, выбрали и полковниковъ. Въ октябрѣ 1604 г. Лжедимитрій вошелъ въ области Московскаго государства. Жители перваго пограничнаго города, Моравска, узнавъ, что идетъ царь съ польскимъ войскомъ, стали волноваться, и, больше изъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили къ Димитрію пословъ съ покорностью и присягнули ему. Казаки, которые всегда шли впереди главнаго войска, приблизились къ Чернигову и были встрѣчены выстрѣлами; но потомъ черниговцы вступили въ переговоры и связали воеводу, не хотѣвшаго сдаваться царевичу. Не смотря на то, казаки, до прихода главнаго войска, бросились на посадъ

и пограбили его. Димитрій послалъ сказать имъ, чтобъ отдали добычу, иначе онъ поведетъ противъ нихъ рыцарство; казаки долго ругались и отговаривались, однако принуждены были возвратить добычу, хотя и не всю. Черниговъ поддался; но не поддался Новгородъ Сѣверскій, гдѣ засѣлъ воевода Петръ Өедоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова, который возвысилъ его наперекоръ мѣстничеству. На требованіе сдачи, изъ Новгорода Сѣверскаго отвѣчали полякамъ: «Вы пріѣхали на наши деньги съ воромъ»! Басмановъ отбилъ приступъ, не далъ зажечь города, и нетерпѣливый Лжедимитрій, раздраженный помѣхою, началъ укорять поляковъ: «Я думалъ больше о полякахъ, говорилъ онъ; а теперь вижу, что они такіе же люди, какъ и другіе». Рыцарство отвѣчало ему: «Мы не имѣемъ обязанности брать города приступомъ, однако не отказываемся и отъ этого, пробей только отверстіе въ стѣнѣ». Поляки хотѣли было уже покинуть его, какъ пришла вѣсть, что воевода князь Василій Рубецъ Мосальскій сдалъ Путивль, самый важный городъ въ Сѣверской землѣ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе украинскіе города, и на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку Лжедмитрій уже признавался истиннымъ царевичемъ. Народъ видѣлъ этого царевича, окруженнаго поляками, но видѣлъ и усердіе его къ вѣрѣ православной: такъ онъ велѣлъ принести въ Путивль изъ Курска чудотворную икону Богородицы, встрѣтилъ ее съ честью и поставилъ въ своихъ палатахъ и каждый день горячо молился передъ нею; эта икона сопровождала его и въ Москву, гдѣ онъ держалъ ее также во дворцѣ. Царскій воевода Дмитрій Шуйскій стоялъ неподвижно у Брянска, не помогалъ Басманову и писалъ царю, что надобно выслать больше войска. Борисъ велѣлъ набирать полки, но въ приговорѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что «войска очень оскудѣли: одни, прельщенные воромъ, передались ему; многіе казаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчины, службы не служатъ ни сами, ни дѣти ихъ, ни холопы, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и святой церкви. Мы судили и повелѣли, продолжаетъ царь, чтобы всѣ патріаршіе, митрополичьи, архіепископскіе, епископскіе и монастырскіе слуги, сколько ни есть ихъ годныхъ, немедленно собравшись, съ оружіемъ и запасами, шли въ Калугу; останутся только старики да больные». Новая рать была поручена первому боярину, кн. Мстиславскому, который сошелся съ войсками самозванца подъ Новгородомъ Сѣверскимъ 18 декабря: царскаго войска было отъ 40 до 50,000, у самозванца же не болѣе 15,000. И прежде, при недостаткѣ ратнаго искусства, многочисленность московскихъ войскъ мало оказывала пользы въ чистомъ полѣ, а теперь шаткость, недоумѣніе отнимали нравственныя силы у воеводъ и воиновъ; Шереметевъ и Салтыковъ еще прежде говорили, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ; послѣ этого легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ, у русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ стану самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще мало! Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: 21 декабря, одушевивъ свое войско рѣчью, которая дышала полною увѣренностью въ правотѣ дѣла, онъ ударилъ на царское войско, которое тотчасъ дрогнуло. Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбитъ съ лошади, получилъ нѣсколько ранъ въ

голову; царское войско потеряло 4,000 человѣкъ убитыми, и только неопытность Лжедимитрія въ ратномъ дѣлѣ помѣшала ему нанесть Мстиславскому совершенное пораженіе. Обозрѣвая послѣ битвы поле сраженія и видя столько труповъ съ русской стороны, Лжедимитрій заплакалъ.

Не смотря однако на эту побѣду, которая по настоящему должна была бы сильно возвысить духъ въ подвижникахъ Лжедимитрія, дѣла его грозили принять очень дурной оборотъ. Левъ Сапѣга писалъ Мнишку, что въ Польшѣ на его предпріятіе смотрятъ очень дурно, и совѣтовалъ возвратиться; и Мнишекъ, подъ предлогомъ сейма, сталъ сбираться въ Польшу; рыцарство начало требовать у Лжедимитрія денегъ. Лжедимитрій ѣздилъ отъ одной роты къ другой, уговаривая рыцарство остаться, но встрѣчалъ только оскорбленія: одинъ полякъ сказалъ ему: «Дай Богъ, чтобы посадили тебя на колъ». Лжедимитрій далъ ему за это въ зубы, но этимъ не унялъ рыцарство, которое стащило съ него соболью шубу; русскіе приверженцы царевича должны были потомъ выкупать ее. Съ Лжедимитріемъ осталось только 1,500 поляковъ, которые вмѣсто Мнишка выбрали гетманомъ Дворжицкаго. Но эта убыль въ войскѣ скоро была вознаграждена: пришло 12,000 казаковъ малороссійскихъ, съ которыми самозванецъ засѣлъ въ Сѣвскѣ. Такъ какъ главный воевода кн. Мстиславскій былъ раненъ, то другіе воеводы, Дмитрій Шуйскій съ товарищами, не позаботились извѣстить царя о битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Борисъ узналъ объ ней стороною, и тотчасъ послалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова съ рѣчью и милостивымъ словомъ. Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ Мстиславскому для леченія ранъ медика и двоихъ аптекарей. У дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ ратныхъ людей царь и сынъ его велѣли также спросить о здоровьѣ. Такое благоволеніе могло быть оказано войску только за самую блистательную побѣду; слѣдовательно, здѣсь обнаружилась вся робость Годунова предъ опасностью, робость, заставившая его унизиться до ласкательства предъ войскомъ. Если и разбитое войско получило знаки царскаго благоволенія, то понятно, что Борисъ спѣшилъ осыпать милостями воеводу, который одинъ исполнилъ свою обязанность какъ должно, Басманова, защитника Новгорода Сѣверскаго: онъ былъ вызванъ въ Москву, куда имѣлъ торжественный въѣздъ, получилъ боярство, богатое помѣстье, множество денегъ и подарковъ.

На помощь къ больному отъ ранъ Мстиславскому былъ посланъ кн. Василій Ивановичъ Шуйскій, который, при появленіи самозванца, торжественно, съ Лобнаго мѣста, свидѣтельствовалъ предъ московскимъ народомъ, что истинный царевичъ умеръ и погребенъ имъ, Шуйскимъ. Самозванецъ вышелъ изъ Сѣвска, и 21 января 1605 г. ударилъ на царское войско при Добрыничахъ, гдѣ, не смотря на храбрость необыкновенную, потерпѣлъ пораженіе. Но радость Бориса не была продолжительна: скоро пришли вѣсти, что самозванецъ не истребленъ окончательно, а усиливается. Послѣ пораженія при Добрыничахъ самозванецъ заперся въ Путивлѣ и, видя малочисленность своего войска, хотѣлъ было уѣхать въ Польшу; но теперь между русскими было уже много людей, которые тѣсно соединили свою судьбу съ его судьбою, и которые не хотѣли ни сбѣжать въ Польшу, ни отдаваться въ руки Борису; они удержали Лжедимитрія, грозя, что могутъ спасти себя, выдавъ его живымъ Годунову, и утверждая, что, не смотря на пораженіе, средствъ у него еще много,

что у Бориса много враговъ. Враги Бориса, которымъ нужно было поддержать самозванца, не замедлили предложить послѣднему свою помощь: 4,000 донскихъ казаковъ явилось въ Путивль. Что же дѣлали въ это время царскіе воеводы? Они пошли осаждать Рыльскъ; но тутъ поляки распустили слухъ, что къ нимъ на помощь идетъ Жолкѣвскій, гетманъ польный; языкъ сообщилъ эту вѣсть царскимъ воеводамъ, которые испугались, отступили поспѣшно отъ Рыльска, стали въ Комарницкой волости и начали страшно мстить ея жителямъ за приверженность къ Лжедимитрію: не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ, что, разумѣется, еще болѣе усилило ненависть къ Борису и привязанность къ Лжедимитрію. Недѣятельность воеводъ разсердила царя: онъ послалъ сказать воеводамъ, что они ведутъ дѣло нерадиво: столько рати побили, а самозванца не поймали. Бояре и все войско оскорбились: при шаткости, при усобицѣ, первая немилость уже производила сильное неудовольствіе, заставляла многихъ думать, какъ бы избыть немилостиваго государя; уже многіе начали смотрѣть на свою службу, не какъ на необходимую обязанность въ отношеніи къ царю и царству, но какъ на милость, которую они оказывали Борису, и при первомъ неудовольствіи начинали думать объ отступленіи отъ него.

Побуждаемые царемъ, воеводы пошли осаждать Кромы, гдѣ засѣлъ приверженецъ Лжедимитрія Акинѳіевъ да донскіе казаки съ атаманомъ Корелою. Воеводы, по словамъ иностранца очевидца, при осадѣ Кромъ занимались дѣлами, достойными одного смѣха; но русскій лѣтописецъ говоритъ еще о другихъ дѣлахъ, достойныхъ не одного смѣха: когда деревянная стѣна Кромъ уже сгорѣла и нужно было порѣшить дѣло, Салтыковъ велѣлъ отвезти нарядъ отъ крѣпости, «норовя окаянному Гришкѣ». Къ шаткости, ослабленію нравственному присоединилось еще бѣдствіе физическое, открылась сильная смертность въ станѣ царскомъ: Борисъ прислалъ лекарства ратнымъ людямъ, а между тѣмъ попытался отдѣлаться отъ самозванца отравою, подослалъ къ нему въ Путивль монаховъ съ зельемъ; но умыселъ былъ открытъ, и скоро разнеслась вѣсть о смерти самого Бориса: 13 апрѣля, когда онъ всталъ изъ-за стола, кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа, и послѣ двухчасовыхъ страданій онъ умеръ, постриженный въ монахи подъ именемъ Боголѣпа. Пронесся слухъ, что онъ погибъ отъ яда, собственною рукою приготовленнаго.

Послѣ Бориса остался сынъ Ѳедоръ, который, по отзыву современниковъ, хотя былъ и молодъ, но смысломъ и разумомъ превосходилъ многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому естествословію. Дѣйствительно, какъ видно, Борисъ первый изъ царей московскихъ расширилъ для своего сына кругъ знаній, которымъ ограничивались при воспитаніи русскихъ людей: такъ извѣстна карта Московскаго государства, начерченная рукою Ѳедора. Жители Москвы спокойно присягнули Ѳедору, цѣловали крестъ «государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Руси и ея дѣтямъ, государю царю Ѳедору Борисовичу и государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ», при чемъ прибавлено: «И къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтниками не ссылаться ни на какое лихо, не измѣнять, не отъѣзжать, лиха никакого не сдѣлать, государства не подъискивать, не по своей мѣрѣ

ничего не искать, и того вора, что называется царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣть не хотѣть». Въ Москвѣ всѣ присягнули безъ сопротивленія; но состояніе умовъ въ жителяхъ областей было подозрительно. Доносили, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ разносятся слухи о грамотахъ Лжедимитрія, въ которыхъ онъ обѣщаетъ быть въ Москвѣ, «какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться».

Недѣятельность бояръ Мстиславскаго и Шуйскаго, воеводъ огромной рати, неумѣніе или нежеланіе ихъ истребить самозванца, вождя дружины малочисленной, сбродной, заставили новое правительство отозвать обоихъ князей въ Москву и на ихъ мѣсто послать уже показавшаго свою вѣрность и мужество Басманова. Басмановъ увидалъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствовала шаткость умовъ и нравственная слабость, ничего сдѣлать нельзя, что дѣло Годуновыхъ проиграно окончательно смертью Бориса, въ которой многіе видѣли указаніе свыше на рѣшеніе борьбы; притомъ же за Ѳедора, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ его, извѣстныхъ впрочемъ не всѣмъ, не было старины, какъ за отца его, а это въ то время очень много значило; Басмановъ видѣлъ, что воеводы, сколько-нибудь дѣятельные, способные сообщать дѣятельность, одушевленіе войску, не хотятъ Годуновыхъ, видѣлъ, что противиться общему расположенію умовъ, значитъ идти на явную и безполезную въ его глазахъ гибель, и, не желая пасть жертвою присяги, рѣшился покончить дѣло. Онъ соединился съ князьями Голицыными, Василіемъ и Иваномъ Васильевичами, съ Салтыковымъ, и 7 мая объявилъ войску, что истинный царь есть Дмитрій. Полки безъ сопротивленія провозгласили послѣдняго государемъ; только немногіе не захотѣли нарушить присяги Ѳедору и съ двумя воеводами, князьями Ростовскимъ и Телятевскимъ, побѣжали въ Москву. Послѣ измѣны войска гонцы съ грамотами отъ Лжедимитрія безпрестанно являлись въ Москвѣ, но ихъ хватали и замучивали до смерти. 1-го іюня пріѣхали съ грамотами Наумъ Плещеевъ и Гаврило Пушкинъ; они отправились сперва въ Красное село, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, которые еще при царѣ Ѳедорѣ были не за Годунова. Плещеевъ и Пушкинъ прочли красносельцамъ Лжедимитріеву грамоту. Лжедимитрій напоминалъ въ ней о присягѣ, данной отцу его, Іоанну, о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ молодости отъ Годунова, о своемъ чудесномъ спасеніи, въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ; извинялъ бояръ, войско и народъ въ томъ, что они присягнули Годунову, не вѣдая злокозненнаго нрава его. Въ заключеніе самозванецъ обѣщалъ награду всѣмъ въ случаѣ признанія, гнѣвъ Божій и свой царскій въ случаѣ сопротивленія. Красносельцы съ радостью приняли посланныхъ и собрались шумною толпою провожать ихъ въ городъ. Правительство выслало было противъ нихъ стрѣльцовъ, но тѣ, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы Лжедимитрія съ красносельцами достигли безпрепятственно Лобнаго мѣста, гдѣ прочли народу грамату Лжедимитріеву. Народъ взволновался, просилъ Василія Ивановича Шуйскаго объявить правду, точно-ли онъ похоронилъ Димитрія царевича въ Угличѣ. Шуйскій отвѣчалъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, и вмѣсто его убитъ и похороненъ поповъ сынъ. Ворота въ Кремль не были заперты; толпы народа ворвались туда, схватили царя Ѳедора съ матерью и съ сестрою во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій домъ Борисовъ; родственниковъ ихъ взяли подъ стражу, имѣніе ихъ разграбили, домы разломали.

3 іюня отправлены были изъ Москвы къ самозванцу въ Тулу съ повинною бояринъ кн. Иванъ Воротынскій и кн. Андрей Телятевскій, тотъ самый, который убѣжалъ въ Москву, увидя измѣну Басманова и войска. Еще прежде пріѣзда Воротынскаго и Телятевскаго, какъ скоро узнано было о присягѣ Лжедимитрію, отправились въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій да дьякъ Сутуповъ покончить съ Годуновыми. Посланные начали съ патріарха Іова, самаго ревностнаго приверженца послѣднихъ: его съ безчестіемъ вывели изъ собора во время самой службы и, какъ простаго монаха, сослали въ Старицкій монастырь; сидѣвшихъ подъ стражею родныхъ бывшаго царя также разослали въ заточеніе. Покончивъ съ патріархомъ и Годуновыми, Голицынъ и Мосальскій съ Молчановымъ, Шелефединовымъ и тремя стрѣльцами пошли въ старый домъ Борисовъ: царицу Марью удавили скоро; молодой Ѳедоръ боролся отчаянно; наконецъ одному изъ убійцъ удалось умертвить его самымъ отвратительнымъ образомъ; народу объявили, что царица Марья и сынъ ея со страху отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ. Тѣло царя Бориса выкопали въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, на Срѣтенкѣ.

XXXVII. ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ I.

(Изъ «Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ» Кулиша).

Не выѣзжая еще изъ Тулы, Лжедимитрій началъ державствовать, и первая грамота, разосланная по государству, была о прекращеніи мятежей, которые тогда кипѣли повсюду, въ низшихъ сословіяхъ, противъ помѣщиковъ и законныхъ властей. Новый царь накрѣпко приказывалъ, «чтобъ не было въ людяхъ шатости, убійства и грабежу», а кто на кого имѣетъ неудовольствіе, то писалъ-бы къ нему. Такъ, возвысясь на престолъ посредствомъ вражды черни къ высшимъ сословіямъ, онъ не хотѣлъ, однакожъ, терпѣть ея самоуправства. Въ то же время онъ заботился уже и о государственномъ богатствѣ. Зная, что все въ Россіи, такъ сказать, сдвинулось съ своего мѣста, онъ опасался, чтобъ черныя и другія земли не уклонились отъ податей, а казначеи не утаили старыхъ суммъ подъ шумъ и треволненіе государства, и потому строго повелѣвалъ не выпускать изъ казны денегъ, беречь ихъ крѣпко и собирать подати безъ всякой отсрочки и послабленія. Узнавъ, что посолъ англійскаго короля Іакова, Ѳома Смитъ, и агентъ по торговлѣ, Джонъ Мерикъ, возвращаются на Архангельскъ въ отечество, онъ велѣлъ возвратить ихъ, взять у нихъ грамоты Борисовы и обѣщать своимъ именемъ заключеніе дружественнаго союза съ королемъ Іаковомъ и новыя торговыя выгоды въ Россіи для англійскихъ купцовъ.

Наконецъ, 20 іюня, Димитрій вступилъ въ Москву. Лѣтній день сіялъ во всей красѣ. Столица представляла зрѣлище шумной радости; улицы, заборы, кровли домовъ, башни и колокольни покрыты были народомъ, какъ роями пчелъ; яркіе цвѣта праздничныхъ одеждъ дѣлали видъ этотъ великолѣпнымъ. И вездѣ раздавалось имя Димитрія, который ѣхалъ

медленно, на бѣломъ конѣ, въ царской одеждѣ, въ драгоцѣнномъ ожерельѣ. Вокругъ него—60 бояръ и князей, передъ нимъ—стройныя дружины поляковъ въ полномъ вооруженіи, съ трубами и литаврами, за нимъ—ряды иностранцевъ, казаковъ и стрѣльцовъ. Вездѣ москвичи падали передъ нимъ ницъ и восклицали: «Здравствуй, отецъ нашъ, государь и великій князь всероссійскій! Даруй тебѣ, Боже, многія лѣта! Да осѣнитъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостью, которою онъ спасъ тебя въ семъ мірѣ. Ты наше солнце красное!». Царь, ознакомясь съ обычаями польскаго дворянства, не любилъ восточныхъ поклоненій, хоть и радовался выраженію любви народной. Онъ отвѣчалъ на привѣты привѣтами и велѣлъ вставать простертымъ на землѣ подданнымъ и молиться за него Богу. Но, не смотря на видимый восторгъ Москвы, впереди всего поѣзда ѣхалъ отрядъ хорошо вооруженныхъ трубачей и литаврщиковъ для развѣдыванья, не таится-ли гдѣ измѣна. Гонцы скакали изъ улицы въ улицу и возвращались къ царю съ успокоительными донесеніями. Случилось, однакожъ, нѣчто непріятное: когда Димитрій въѣхалъ на площадь черезъ живой мостъ и Москворѣцкія ворота, вдругъ поднялся такой страшный вихрь, что всадники и кони чуть не попадали. Пыль взвилась столбомъ и на нѣсколько минутъ всѣхъ ослѣпила. Москвичи ужаснулись и, творя крестныя знаменія, говорили другъ другу: «Господи, спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію».

На Лобномъ мѣстѣ ожидало царя духовенство съ крестами и хоругвями. Поѣздъ остановился. Димитрій сошелъ съ коня и подошелъ ко крестамъ. Здѣсь благовѣщенскій протопопъ произнесъ къ нему рѣчь, униженно моля о пощадѣ народа, который былъ во тьмѣ и теперь только увидѣлъ свѣтъ, уподобляя царя Богу и прося не слушать людей, подвигающихъ его на гнѣвъ неподобными слухами. Потомъ пѣли молебствіе; и въ то время, какъ русскіе въ благоговѣйномъ молчаніи внимали церковному клиру, поляки продолжали играть въ трубы и въ бубны. Лжедимитрій не унялъ ихъ, по разсѣянности-ли, среди новой для него роли, по вольнодумству-ли и пристрастію къ иноземнымъ обычаямъ, но только это обстоятельство, на которое горько жалуются набожные лѣтописцы, зачлось ему въ умахъ народа на черный его день. Еще сильнѣе оскорблено было православное чувство русское, когда, вслѣдъ за царемъ, вошли въ Успенскій и Архангельскій соборъ «поганые католики и люторы», не знаменуясь крестомъ, не поклоняясь образамъ, на все глядя безъ благоговѣнія, съ гордымъ и насмѣшливымъ видомъ. Народъ, однакожъ, тронутъ былъ искреннымъ чувствомъ, съ какимъ царь палъ на гробъ своего мнимаго отца, Іоанна Грознаго, плакалъ и вспоминалъ свое сиротство и гоненіе.

Новый царь немедленно приступилъ къ устройству двора своего, подражая въ названіяхъ сановниковъ обычаямъ двора польскаго: появились въ Россіи великій дворецкій, великій оружничій, великій мечникъ, надворный подскарбій и прочая.

Политика, а можетъ быть и иныя побужденія, заставили его оказать милости всѣмъ опальнымъ Борисова времени. Возвращены изъ ссылки и оставшіеся въ живыхъ Романовы. Монахъ Филаретъ, возведенный, еще по приказанію Годунова, въ архимандриты, сдѣланъ теперь ростовскимъ митрополитомъ; сынъ его Михаилъ, будущій царь, поселился съ матерью въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Костромы, а братъ Иванъ получилъ

мѣсто въ царскомъ совѣтѣ. Даже Годуновы пощажены отъ опалы; имъ роздали воеводскія мѣста въ Сибири и въ другихъ отдаленныхъ областяхъ: царь велъ себя великодушно, не унижаясь до преслѣдованія падшихъ.

На четвертый день по пріѣздѣ въ Москву, Лжедимитрій поставилъ новаго патріарха на мѣсто сверженнаго Іова. Ему нужно было покорное орудіе въ замышляемыхъ имъ преобразованіяхъ, а онъ зналъ, что русскіе святители строго держатся преданій старины, противясь всѣми зависящими отъ нихъ средствами каждому нововведенію, и потому избралъ въ патріархи грека Игнатія. Этотъ архіерей, спасаясь отъ гоненія турокъ, бѣжалъ изъ отечества въ Римъ и жилъ тамъ нѣсколько времени; потомъ, при царѣ Θеодорѣ, онъ пріѣхалъ въ Россію, умѣлъ понравиться Годунову и поставленъ рязанскимъ архіепископомъ. Игнатій встрѣтилъ самозванца въ Тулѣ, какъ сына Іоанна Грознаго. Лжедимитрій замѣтилъ въ немъ свободу мыслей касательно уставовъ церкви и поспѣшилъ возвести его въ санъ патріарха.

Съ самаго вступленія своего въ Москву, новый царь дѣятельно занимался дѣлами правленія: постоянно, въ каждую среду и субботу, принималъ самъ на Красномъ крыльцѣ челобитныя, ежедневно присутствовалъ въ совѣтѣ; въ облегченіе бѣдняковъ, изнуряемыхъ долговременными тяжбами, онъ побуждалъ приказы рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ, а для прекращенія дороговизны, какъ русскимъ, такъ и иноземцамъ далъ свободу торговли и промышленности. Онъ былъ милосердъ до слабости и щедръ до расточительности. Онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что есть два средства удержать подданныхъ въ повиновеніи: одно—держать ихъ въ грозѣ и страхѣ, а другое—привлекать ихъ щедрыми наградами, и что онъ избралъ послѣднее. На этомъ основаніи онъ подтвердилъ духовенству старыя льготныя грамоты и далъ новыя, велѣлъ заплатить всѣ суммы, взятыя при Грозномъ у людей разнаго званія, въ видѣ государственнаго займа, и удвоилъ жалованье служилымъ людямъ. Но особенно озаботился онъ тѣмъ сословіемъ, на которомъ преимущественно основывается матеріальная сила и богатство государства. Кратковременность его царствованія не позволила ему распутать узлы, затянутые Борисомъ, однакожь начало было сдѣлано. Во-первыхъ, ограничено было право высшихъ сословій брать служилыя кабалы такъ, чтобы бѣднякъ, тѣснимый нуждою, не могъ закабалить себя разомъ отцу и сыну, дядѣ и племяннику, старшему и меньшому брату вмѣстѣ, но только одному изъ родственниковъ. Во-вторыхъ, освобождены были отъ преслѣдованій помѣщичьихъ крестьяне, перебѣжавшіе во время голода къ другимъ землевладѣльцамъ для прокормленія, а холопы, закрѣпощенные насильно, получили право возвращать свою вольность. Но возстановить попрежнему Юрьевъ день было невозможно: начались-бы новыя замѣшательства, безпорядки и безконечныя расправы между слабымъ и сильнымъ, какъ было при Борисѣ, а новому царю нуженъ былъ повсемѣстный миръ для утвержденія на престолѣ. Притомъ же онъ замышлялъ войну противъ турокъ и нуждался въ ратномъ сословіи: еслибъ разрѣшить крестьянамъ вольный переходъ изъ помѣстія въ помѣстіе, вся земледѣльческая часть народонаселенія пришла-бы въ движеніе, и тогда наборъ ратныхъ людей былъ бы очень затруднителенъ: многіе землевладѣльцы могли бы не явиться въ войско подъ предлогомъ опустѣнія помѣстій, покинутыхъ крестьянами. Волею и неволею онъ долженъ былъ отложить уничтоженіе Борисова закона до преобразованія военныхъ силъ государства.

И такъ, въ дѣлахъ правленія все шло съ обыкновенною силою. Сознавая свои заслуги, видя вездѣ довольныя лица, слыша умиленныя благодаренія народа, царь пересталъ опасаться тайныхъ недоброжелателей и отпустилъ нѣмцевъ и поляковъ, помогавшихъ ему въ завоеваніи престола. Каждый изъ нихъ получилъ за весь походъ щедрое жалованье.

Дѣйствуя такимъ образомъ, въ духѣ царя истинно русскаго, не нуждающагося среди своего народа въ иноземной стражѣ, Лжедимитрій не былъ намѣренъ однако соблюдать въ точности родные обычаи, отъ которыхъ отвыкъ, во время пребыванія своего въ чужеземномъ обществѣ: такъ, напр., ввелъ за столомъ музыку и пѣніе, не умывалъ рукъ послѣ обѣда, вставши изъ-за стола, не ложился спать, противъ обычая прежнихъ царей, и въ то время, когда вся Москва улегалась въ постели, онъ съ кѣмъ нибудь изъ приближенныхъ выходилъ изъ дворца, осматривалъ казну, посѣщалъ аптеки и лавки нѣмецкихъ мастеровъ, которые, подобно ему, въ это время не спали. Эти уединенныя прогулки вовсе не были похожи на царственное поведеніе, къ которому москвичи издавна привыкли. Прежніе цари не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою князей и бояръ, которые вели ихъ подъ руку, или, лучше сказать, переносили; въ церковь отправлялись въ громадной, раззолоченной колымагѣ, и если ѣздили верхомъ, то взбирались на сѣдло, ступивши сперва на скамейку, которую два боярина подставляли имъ подъ ноги, между тѣмъ какъ другіе держали коня и подавали поводья. Лжедимитрій для своихъ разъѣздовъ выбиралъ самыхъ горячихъ жеребцовъ; слѣдуя наѣздническимъ урокомъ, полученнымъ въ Запорожьѣ, едва бралъ въ руку поводъ, уже былъ на сѣдлѣ, веселился бѣшеными скачками своего коня, и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ и ловкости. Въ охотѣ онъ не оставался празднымъ зрителемъ; пылкая его натура вездѣ требовала жаркой дѣятельности. Онъ завелъ себѣ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли англійскихъ договъ; съ ними гонялся по полямъ и лѣсамъ, презирая усталость и опасности. Онъ обладалъ силою рѣдкою и хорошо владѣлъ оружіемъ, самъ пробовалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ съ необыкновенною мѣткостью, самъ училъ воиновъ наѣздничеству и фехтованью, велѣлъ строить, штурмовать и защищать крѣпости, бросался въ свалку и смѣялся, когда въ замѣшательствѣ его сшибали съ ногъ и давили. Однимъ словомъ, говоритъ современникъ-иностранецъ, его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки—все доказывало, что онъ былъ герой, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій. Но тогдашніе русскіе, и особливо простолюдины, не въ состояніи были цѣнить горячей дѣятельности молодого царя, его навыка къ воинскимъ трудамъ и забавамъ, его опытности въ ратномъ искусствѣ. Всѣ эти свойства для нихъ казались странностями, несовмѣстными съ достоинствомъ особы государя.

А завистникамъ царя того и хотѣлось. Не говоря о Шуйскихъ, никогда не питавшихъ любви къ нему, онъ опротивѣлъ и другимъ придворнымъ, какъ человѣкъ, не согласный съ ними ни въ образѣ мыслей, ни въ прывычкахъ, ни во вкусѣ къ удовольствіямъ. Особенно досадно имъ было, что царь приблизилъ къ себѣ нѣкоторыхъ поляковъ; тяжело запали также имъ въ душу и его насмѣшки надъ ихъ необразованностью. Отличая иноземцевъ за ихъ познанія, царь безъ церемоніи говаривалъ

сановитымъ боярамъ, что они ничего не видали, ничему не учились, и обѣщалъ посылать ихъ въ чужія земли, гдѣ-бы они могли хоть сколько нибудь образовать себя. Разжигаемые завистью и оскорбленнымъ самолюбіемъ, придворные начали дружно работать надъ разрушеніемъ благоденствія царя, возведеннаго на престолъ ими самими. Они внушали тайно народу, что человѣкъ съ такими скоморошескими, ляшскими ухватками и обычаями не можетъ быть сыномъ Іоанна Васильевича; разсказывали, что онъ ѣстъ богопротивную телятину, вовсе не моется въ банѣ, держится тайно латинской ереси, да и всѣхъ русскихъ хочетъ обусурманить.

Эти внушенія не остались безъ дѣйствія. Къ нимъ присоединилось неблагопріятное для царя впечатлѣніе, произведенное на народъ буйными поляками, которые позволяли себѣ съ горожанами всякія наглости, вообразивъ, что оказанная царю услуга даетъ имъ на то право. Теперь представилось народу въ ужасающемъ видѣ и то, что царь далъ іезуитамъ обширный домъ въ самомъ Кремлѣ и позволилъ служить латинскую обѣдню.

Волненіе умовъ часъ отъ часу усиливалось. Одинъ монахъ рѣшился всенародно объявить, что знаетъ царя съ дѣтства подъ именемъ Отрепьева, что даже училъ его грамотѣ и жилъ вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ монастырѣ. Монаха схватили и, если вѣрить лѣтописцу, тайно умертвили въ темницѣ. Но возмущеніе этимъ не кончилось. Торговые люди, давніе приверженцы Шуйскаго, сильно шумѣли и, можетъ быть, рѣшились бы на какое нибудь отчаянное дѣло, еслибъ не предупредила ихъ бдительность Басманова. Его полиція слѣдила за клевретами боярскими, и скоро онъ узналъ, что главою возмутителей народныхъ былъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Улики были явны: Шуйскій повинился. Но царь такъ убѣжденъ былъ въ своей царственности, что не хотѣлъ изрѣчь ему собственнаго приговора и отдалъ своего обличителя на судъ народа. Созванъ былъ соборъ изъ людей всѣхъ чиновъ и званій, и единодушно призналъ Шуйскаго лжецомъ и преступникомъ, достойнымъ смертной казни. Такимъ образомъ вся земля уже въ волненіи мятежа, не въ страхѣ отъ иноземнаго покровительства Димитрію, но въ покоѣ и посреди собственной семьи народной подтвердила за нимъ снова наслѣдственное право царствовать. Димитрій торжествовалъ и, въ избыткѣ великодушія, хотѣлъ показать Россіи, что не боится никакихъ зложелателей и желаетъ властвовать милостью, а не грозою. Когда Шуйскаго вывели на лобное мѣсто, и уже палачъ взялъ въ руки топоръ, чтобъ снять ему съ плечь голову, появился изъ Кремля гонецъ и кричалъ: «Стой!» онъ объявилъ, что царь, по просьбѣ своей матери и близкихъ особъ, даруетъ преступнику жизнь. Шуйскихъ лишили только имущества и разослали въ Галицкіе пригороды; но еще съ дороги возвратили, отдали имущество и прежнія мѣста при дворѣ. Такимъ великодушіемъ царь думалъ покорить себѣ навѣки строптивыя души старыхъ крамольниковъ; но юношеское чувство жестоко обмануло его, и нѣкоторые изъ придворныхъ тогда же предсказали, что Василій Шуйскій не оставитъ его въ покоѣ.

XXXVIII. ОТНОШЕНІЯ ЛЖЕДИМИТРІЯ КЪ КАТОЛИЦИЗМУ И СНОШЕНІЯ ЕГО СЪ РИМОМЪ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева и изъ его же ст. «Обзоръ событій русской исторіи отъ смерти Θеодора Іоанновича до воцаренія дома Романовыхъ», помѣщенной въ «Современникѣ» за 1848 годъ).

Отступленіе Лжедимитрія отъ старыхъ обычаевъ могло оскорблять нѣкоторыхъ; трудно сказать, что оно могло оскорблять многихъ, потому что пристрастіе къ иноземнымъ обычаямъ начало распространяться еще при Годуновѣ. Могли оскорбляться нѣкоторые приближенные люди; большинство не было свидѣтелемъ уклоненія самозванца отъ старыхъ обычаевъ; молодечество его, видное для всѣхъ, конечно, не могло оскорблять большинство.

Сильнѣе всего могли оскорбиться пристрастіемъ самозванца къ чуждой вѣрѣ. Онъ принялъ католицизмъ; но изъ всего видно, что это принятіе было слѣдствіемъ расчета: въ Польшѣ оно было необходимо ему для полученія помощи отъ короля, т. е. отъ іезуитовъ. Теперь, когда онъ уже сидѣлъ на престолѣ Московскомъ, ему нужно было сохранить дружескія отношенія къ папѣ, Сигизмунду и ко всѣмъ католическимъ державамъ. Въ это время, не смотря на появленіе другихъ могущественныхъ интересовъ въ Европѣ, еще не утратила своей силы и привлекательности мысль о необходимости всеобщаго христіанскаго ополченія противъ страшныхъ турокъ; неудивительно, что походъ противъ турокъ сталъ любимою мечтою пылкаго, храбраго Лжедимитрія; но онъ зналъ, что для осуществленія этой мечты нужно было находиться въ тѣсномъ союзѣ, въ единеніи съ католическими державами, съ папою. Пріязнь папы, іезуитовъ и руководимаго ими короля Сигизмунда нужны были Лжедимитрію еще по другой причинѣ: онъ былъ влюбленъ въ Марину Мнишекъ, которую хотѣлъ какъ можно скорѣе видѣть въ Москвѣ; король, духовенство католическое могли препятствовать ея пріѣзду, и сами Мнишки были ревностные католики. Нѣтъ сомнѣнія, что, для выхода изъ затруднительнаго положенія относительно римскаго двора и для своихъ политическихъ замысловъ, Лжедимитрій желалъ соединенія церквей, которое должно было рѣшиться на соборѣ, желалъ внушить русскимъ людямъ, что дѣло это не такъ трудно, какъ они думали, что нѣтъ большой разницы между обоими исповѣданіями; такъ, напримѣръ, у него вырывались слова, что можно быть осьмому и девятому собору, что въ латинахъ нѣтъ порока, что вѣра латинская и греческая—одно. Говорятъ, что на вопросъ одного изъ русскихъ вельможъ, правда-ли, что онъ хочетъ построить для поляковъ въ Москвѣ церковь, Димитрій отвѣчалъ: «Почему же мнѣ этого не сдѣлать? Они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили же имѣть свою церковь и школу еретикамъ». Но мысль о рѣшительныхъ, насильственныхъ мѣрахъ въ пользу католицизма была ему совершенно чужда, какъ видно изо всѣхъ извѣстныхъ намъ его поступковъ и сношеній съ римскимъ дворомъ.

Римскій дворъ внимательно слѣдилъ за отношеніями Лжедимитрія къ Польшѣ, потому что отъ нихъ всего болѣе зависѣло дѣло католицизма, введеніе котораго въ свое государство обѣщалъ самозванецъ папѣ: еслибъ царь разорвалъ связь съ Польшею, съ Мнишкомъ, то ужь тѣмъ меньше

сталъ бы обращать вниманія на прежнія обязательства свои относительно Рима. Папскій нунцій въ Польшѣ, Рангони, писалъ къ Лжедимитрію, что онъ всего болѣе старается объ усиленіи любви и укрѣпленіи союза между нимъ и Сигизмундомъ. Извѣщая царя о восшествіи на престолъ папы Павла V-го, Рангони просилъ его, чтобъ онъ послалъ поздравить новоизбраннаго папу, къ которому уже отправленъ портретъ его. Посылая къ Лжедимитрію, между прочими подарками, латинскую библію послѣдняго изданія, Рангони намекаетъ въ письмѣ къ нему, что ему остается, въ благодарность за благодѣяніе Божіе, исполнить обѣщаніе свое—ввести католицизмъ въ Московское государство; но при этомъ Рангони совѣтуетъ, чтобы царь началъ это дѣло мудро и бережно, дабы, въ противномъ случаѣ, не потерпѣть какого-нибудь вреда.

Лжедимитрій исполнилъ просьбу нунція, отправилъ къ новому папѣ поздравительное письмо, въ которомъ съ признательностью упоминаетъ о расположеніи къ себѣ покойнаго папы Климента VIII. Извѣщая о счастливомъ окончаніи борьбы своей съ Годуновымъ, Димитрій говоритъ, что, въ надеждѣ на помощь и покровительство Божіе, столь явно ему оказанное, онъ будетъ всѣми силами заботиться о распространеніи христіанства: для этого онъ намѣренъ соединить свои войска съ императорскими противъ турокъ и проситъ папу убѣдить императора не заключать мира съ послѣдними. О введеніи католицизма между своими подданными ни слова, и хотя пишетъ, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ сообщитъ папѣ отправившійся въ Римъ іезуитъ Лавицкій, однако въ наказѣ, данномъ послѣднему, также ничего не говорится о введеніи католицизма. Изъ этого наказа узнаемъ только о желаніи царя, чтобъ папа склонилъ императора и короля польскаго къ войнѣ съ турками и склонилъ также Сигизмунда признать за Димитріемъ императорскій титулъ. Новый папа писалъ Димитрію: «Мы увѣрены, что католическая религія будетъ предметомъ твоей горячей заботливости, потому что только по одному нашему обряду люди могутъ поклоняться Господу и снискивать его помощь; убѣждаемъ и умоляемъ тебя стараться всѣми силами о томъ, чтобъ желанныя наши чада, народы твои, приняли римское ученіе; въ этомъ дѣлѣ обѣщаемъ тебѣ нашу помощь, посылаемъ монаховъ, знаменитыхъ чистотою жизни, а если тебѣ будетъ угодно, то пошлемъ и епископовъ».

Болѣе всего надѣялся папа пользы дѣлу католицизма отъ брака Димитріева съ Мариною. Кардиналъ Боргезе писалъ нунцію, что его святѣйшество ожидаетъ и духовныхъ плодовъ отъ этого брака для блага всего христіанства. Самъ папа писалъ къ Димитрію, что бракъ его съ Мариной есть дѣло, въ высокой степени достойное его великодушія и благочестія, что этимъ поступкомъ Димитрій удовлетворилъ всеобщему ожиданію: «Вѣрь, продолжаетъ папа, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію спасительнаго дѣла, именно, привести въ лоно римской церкви и народъ московскій, причемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя твой благороднѣйшій бракъ». Тоже самое писалъ папа къ Маринѣ и отцу ея. Папа такъ спѣшилъ бракомъ самозванца съ Мариною, что уполномочилъ патера Савицкаго обвѣнчать ихъ тайно въ великій постъ. Зная, что Лжедимитрій добивается императорскаго титула, папа черезъ кардинала Боргезе наказывалъ нунцію удовлетворить въ этомъ отношеніи желанію царя. Не считая приличнымъ прямо требовать отъ Сигизмунда, чтобы тотъ уступилъ желаніямъ Димитрія относительно титула, папа

косвеннымъ образомъ намекалъ королю, какъ бы важенъ былъ союзъ Москвы съ Польшею для дружнаго нападенія на общихъ враговъ—татаръ.

Но въ то самое время, какъ римскій дворъ употреблялъ всѣ усилія для скрѣпленія союза между Москвою и Польшею, возникли затрудненія въ собственныхъ сношеніяхъ его съ Димитріемъ: папа надѣялся, что бракъ царя на католичкѣ будетъ могущественно содѣйствовать распространенію латинства въ московскихъ областяхъ; но Димитрій требовалъ, чтобы Марина содержала католицизмъ втайнѣ, наружно же исполняла законы греческаго исповѣданія, ходила въ русскую церковь, постилась въ дни предписанные православіемъ. Нунцій Рангони, къ которому Димитрій обратился съ этими требованіями, отвѣчалъ, что, не смотря на пламенное желаніе услужить ему, онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить его желанію, ибо такое важное и трудное дѣло требуетъ для своего рѣшенія власти высшей и разсужденія болѣе зрѣлаго. Не желая, чтобъ это дѣло пошло далѣе, Рангони пишетъ къ Димитрію, увѣщевая его не дѣлать никакого принужденія своей невѣстѣ въ столь важномъ дѣлѣ, какъ религія, указывая при этомъ на то, что въ противномъ случаѣ могутъ произойти большія непріятности. Однако Димитрій не тронулся увѣщаніями нунція, и дѣло было отослано на рѣшеніе папы.

Въ началѣ марта 1606 г. Боргезе увѣдомлялъ Рангони, что пункты, предложенные царемъ, рѣшены не согласно съ его желаніемъ, ибо конгрегація изъ кардиналовъ и теологовъ, послѣ тщательнаго обсужденія предмета, произнесла приговоръ, что престолъ апостольскій не разрѣшаетъ въ подобныхъ случаяхъ, и не бывало примѣра, чтобъ когда нибудь разрѣшилъ. Между тѣмъ папу безпокоило и то, что тѣлохранителями Димитрія были иностранцы, исповѣдывавшіе протестантизмъ, что въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей были два поляка, братья Бучинскіе, которые также не были католиками; вотъ почему папа, посылая обратно къ Димитрію отправленнаго имъ въ Римъ Лавицкаго, пишетъ при этомъ Димитрію: «Особенно внемли увѣщаніямъ не ввѣрять себя и своихъ еретикамъ и не удаляться отъ совѣта мудрыхъ и благочестивыхъ людей». Подъ послѣдними папа разумѣетъ Мнишка съ товарищами и особенно католическихъ духовныхъ; изъ этихъ же словъ видно, что царь не слишкомъ приклонялся къ совѣтамъ мудрыхъ и благочестивыхъ, и нуждался въ увѣщаніяхъ по этому случаю. Гораздо болѣе могъ надѣяться папа отъ Марины; поэтому въ своихъ письмахъ къ ней онъ увѣщеваетъ ее воспитывать будущихъ дѣтей своихъ въ строгости и благочестіи, съ младенчества напитать ихъ мыслью, что на нихъ лежитъ обязанность распространять истинную религію. Въ заключеніе Павелъ V-й поручаетъ расположенію московской царицы Андрея Лавицкаго и весь орденъ іезуитовъ, полезный цѣлому свѣту: Павелъ V-й изъявляетъ надежду, что народъ московскій легко обратится въ католицизмъ, потому что отъ природы кротокъ и до сихъ поръ еще не былъ зараженъ ересями.

Не смотря однако на всю эту перемѣну, Димитрій не думалъ слушаться никакихъ увѣщаній и поддаваться вліянію іезуитовъ; какъ онъ уважалъ мнѣніе русскаго народа относительно латиновъ, доказательствомъ служитъ то, что онъ не пригласилъ папскаго посла Александра Рангони къ столу и прямо объявилъ ему самому, что онъ поступилъ такъ для русскихъ. Не ревность къ католицизму заставляла его поддерживать дружелюбныя сношенія съ папою и Польшею: и тотъ, и другая нужны были

ему лишь по сильному желанію его воевать съ турками и по его связи съ семействомъ Мнишекъ.

Вовсе не желая жертвовать интересами своего государства интересамъ дворовъ иностранныхъ, римскаго и польскаго, Димитрій вмѣстѣ съ тѣмъ однако не могъ, не умѣлъ показаться своему народу царемъ, сохраняющимъ его интересы, именно потому, что явно пренебрегалъ внѣшностью, которою всего болѣе руководствуется толпа въ своихъ сужденіяхъ, ибо внутренняго не знаетъ, и если знаетъ, то не разумѣетъ. Димитрій думалъ, что, удовлетворивъ низшимъ классамъ народонаселенія соблюденіемъ старыхъ обычаевъ, онъ можетъ позволить себѣ внутри дворца образъ жизни, который своими удобствами и разгуломъ обольстилъ его въ странѣ чуждой; но внутри дворца, около трона стояли заклятые враги царя, слѣдившіе за каждымъ его движеніемъ и проносившіе каждое движеніе его въ толпахъ народа, разумѣется, съ преувеличеніями. Иногда, впрочемъ, Димитрій явно, передъ всѣми, поступалъ необдуманно, оскорблялъ народъ; такъ онъ велѣлъ вывести арбатскихъ и чертольскихъ священниковъ изъ занимаемыхъ ими домовъ, въ которые перевелъ своихъ нѣмецкихъ тѣлохранителей. Вообще надобно замѣтить, что хотя и были причины къ народному неудовольствію, которое иногда и обнаруживалось, однако это неудовольствіе никогда не было столь сильнымъ и всеобщимъ, какъ обыкновенно представляютъ. Вышеприведенныя слова самозванца о безразличіи исповѣданій, о возможности новаго собора, должны были оскорблять русскихъ людей, заставлять ихъ смотрѣть на него, какъ на еретика, прелестника; но многіе-ли люди слышали подобныя слова? Одинъ изъ современниковъ, смотрѣвшій на Лжедимитрія, какъ на еретика, приписывавшій ему много дурныхъ дѣлъ, долженъ, однако, признаться, что большинство было за него, что онъ пользовался сильною народною привязанностью. Это особенно обнаружилось, когда явились обличители: дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Ѳеодоръ Калачникъ. Послѣдній, когда вели его на казнь, вопилъ всему народу: «Приняли вы вмѣсто Христа антихриста и поклоняетесь посланному отъ сатаны; тогда опомнитесь, когда всѣ погибнете». Но народъ ругался надъ нимъ, кричалъ: «По дѣломъ тебѣ смерть». Но за то гораздо поразительнѣе былъ въ противоположномъ смыслѣ поступокъ дьяка Тимоѳея Осипова: постившись и причастясь св. Таинъ, Осиповъ пришелъ во дворецъ и передъ всѣми началъ говорить Димитрію: «Ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, не царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ». Это вывело царя изъ терпѣнія: онъ велѣлъ немедленно казнить Осипова. Вольная, нарушавшая обычаи предковъ жизнь Димитрія также находила усердныхъ и явныхъ порицателей среди самыхъ царедворцевъ: такъ однажды, когда въ четвергъ на шестой недѣлѣ великаго поста за столомъ царскимъ подали жареную телятину, то князь Василій Шуйскій замѣтилъ Димитрію, что въ постъ русскіе не могутъ ѣсть мясо; послѣдній, охотникъ до споровъ, началъ возражать князю; тогда думный дворянинъ Татищевъ взялъ сторону Шуйскаго и наговорилъ царю такихъ вещей, что тотъ долженъ былъ выгнать его изъ-за стола и хотѣлъ было сослать въ Вятку, но былъ упрошенъ Басмановымъ. Неудовольствія усилились съ прибытіемъ Марины въ Москву. Димитрій, страстно влюбленный въ свою невѣсту, не хотѣлъ принуждать ее въ дѣлахъ вѣры, требуя только отъ нея на-

ружнаго соблюденія православныхъ обрядовъ въ глазахъ народа; но этою уступкою онъ не могъ угодить послѣднему: знали царедворцы, слѣдовательно зналъ и народъ, что Марина остается латинкою. Грекъ Игнатій согласился совершить бракъ и вѣнчать Марину на царство, но архіереи русскіе, Гермогенъ казанскій и Іоасафъ коломенскій, говорили, что если невѣста не перемѣнитъ исповѣданія, то бракъ не будетъ законнымъ: Гермогенъ былъ удаленъ въ свою епархію и тамъ заключенъ въ монастырь; Іоасафа оставили въ покоѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Бракъ и царское вѣнчаніе были совершены, и здѣсь новый соблазнъ, новая причина къ неудовольствію: свадьба была на 9-е мая, на пятницу и на Николинъ день, что запрещено уставомъ православной церкви. Но не одни духовные интересы были затронуты съ прибытіемъ Марины: для помѣщенія родственниковъ невѣсты вывели изъ кремлевскихъ дворцовъ не только купцовъ и духовныхъ, но даже бояръ, и въ томъ числѣ мнимыхъ родственниковъ царя—Нагихъ; притомъ спутники Мнишковъ, поляки, вели себя въ Москвѣ съ безразсудною кичливостью. Народъ волновался; купцы исправно обирали расточительныхъ гостей, но въ душѣ скрывали тоску и злобу. Казаки, вѣрные спутники Димитрія, также не упускали случая ругаться надъ гражданами, называли ихъ жидами. Тогда Шуйскій съ товарищами увидѣли, что приспѣло время приступить къ дѣлу, и ловко воспользовались общимъ настроеніемъ для составленія заговора съ цѣлью сверженія самозванца. Шуйскій выступилъ во главѣ заговора, подъ предлогомъ спасенія православной вѣры; на самомъ же дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду, конечно, лишь свои честолюбивые замыслы.

XXXIX. ГИБЕЛЬ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

(Изъ «Московской лѣтописи Бера», помѣщенной въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ»).

На другой день Пасхи, 24 апрѣля, пріѣхалъ въ Москву воевода сендомирскій, отецъ Марины: его пышно встрѣтили князья, бояре и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1-го мая, и царская невѣста пожаловала. Впродолженіе всего этого дня, какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ, играли безъ умолку московскіе музыканты. Не всѣ однако веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, какъ и въ день пріѣзда Дмитріева. Многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности пріуныли москвитяне; они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей, опасенія москвитянъ еще болѣе увеличились: они ждали большой бѣды. Уже и прежде народъ, замѣтивъ особенную милость Димитрія къ полякамъ и нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими боярами, разглашалъ, что царь есть самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: москвитяне жалѣли о Борисѣ и думали, что поляки и нѣмцы непремѣнно ихъ перебьютъ.

Шуйскій, котораго Димитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленныхъ бояръ, купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности, что онъ давно это предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю, но москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ поляковъ. Да и самъ Димитрій полякъ: его признали царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь, впрочемъ, найти въ юномъ героѣ защитника вѣры и отечественныхъ обычаевъ; но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ, презираетъ святыхъ, оскверняетъ храмы чудотворца Николая и пречистой дѣвы Маріи, дозволивъ входить въ нихъ некрещенымъ ляхамъ, да еще съ собаками, онъ изгоняетъ пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ латинамъ, а самъ женится на поганой полькѣ. «Если мы, продолжалъ Шуйскій, не пріимемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія православной вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностью: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что царь есть самозванецъ, и что онъ замышляетъ злое съ своими поляками; пусть посовѣтуются съ гражданами московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ поляковъ, да и тѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ вмѣстѣ съ обманщикомъ»! Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ и обѣщалъ принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, москвитяне долженствовали броситься во дворецъ съ воплемъ: «Поляки губятъ царя», и, окруживъ государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая однакожь нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Такъ составленъ былъ тайный заговоръ. Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ, но нимало не безпокоился: онъ думалъ, что имѣетъ довольно силы для усмиренія русскихъ, а того не размыслилъ, что поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

8 мая совершилось царское бракосочетаніе, вскорѣ потомъ царица была коронована. Наканунѣ свадьбы Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими боярами: поляки хотѣли нарядить невѣсту въ польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла; русскіе же требовали, чтобы какъ царь, такъ и царица вѣнчались по старинѣ, въ русскомъ. Послѣ долговременнаго пренія, Димитрій сказалъ: «Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значитъ»! Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви пресвятой Богородицы. Но въ слѣдующій день (9 мая) прислалъ къ супругѣ польскую одежду, объявивъ притомъ: «Вчера я сдѣ-

ружнаго соблюденія православныхъ обрядовъ въ глазахъ народа; но этою уступкою онъ не могъ угодить послѣднему: знали царедворцы, слѣдовательно зналъ и народъ, что Марина остается латинкою. Грекъ Игнатій согласился совершить бракъ и вѣнчать Марину на царство, но архіереи русскіе, Гермогенъ казанскій и Іоасафъ коломенскій, говорили, что если невѣста не перемѣнитъ исповѣданія, то бракъ не будетъ законнымъ: Гермогенъ былъ удаленъ въ свою епархію и тамъ заключенъ въ монастырь; Іоасафа оставили въ покоѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Бракъ и царское вѣнчаніе были совершены, и здѣсь новый соблазнъ, новая причина къ неудовольствію: свадьба была на 9-е мая, на пятницу и на Николинъ день, что запрещено уставомъ православной церкви. Но не одни духовные интересы были затронуты съ прибытіемъ Марины: для помѣщенія родственниковъ невѣсты вывели изъ кремлевскихъ дворцовъ не только купцовъ и духовныхъ, но даже бояръ, и въ томъ числѣ мнимыхъ родственниковъ царя—Нагихъ; притомъ спутники Мнишковъ, поляки, вели себя въ Москвѣ съ безразсудною кичливостью. Народъ волновался; купцы исправно обирали расточительныхъ гостей, но въ душѣ скрывали тоску и злобу. Казаки, вѣрные спутники Димитрія, также не упускали случая ругаться надъ гражданами, называли ихъ жидами. Тогда Шуйскій съ товарищами увидѣли, что приспѣло время приступить къ дѣлу, и ловко воспользовались общимъ настроеніемъ для составленія заговора съ цѣлью сверженія самозванца. Шуйскій выступилъ во главѣ заговора, подъ предлогомъ спасенія православной вѣры; на самомъ же дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду, конечно, лишь свои честолюбивые замыслы.

XXXIX. Гибель Лжедимитрія.

(Изъ «Московской лѣтописи Бера», помѣщенной въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ»).

На другой день Пасхи, 24 апрѣля, пріѣхалъ въ Москву воевода сендомирскій, отецъ Марины: его пышно встрѣтили князья, бояре и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1-го мая, и царская невѣста пожаловала. Впродолженіе всего этого дня, какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ, играли безъ умолку московскіе музыканты. Не всѣ однако веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, какъ и въ день пріѣзда Дмитріева. Многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности пріуныли москвитяне; они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей, опасенія москвитянъ еще болѣе увеличились: они ждали большой бѣды. Уже и прежде народъ, замѣтивъ особенную милость Димитрія къ полякамъ и нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими боярами, разглашалъ, что царь есть самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: москвитяне жалѣли о Борисѣ и думали, что поляки и нѣмцы непремѣнно ихъ перебьютъ.

Шуйскій, котораго Димитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленныхъ бояръ, купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности, что онъ давно это предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю, но москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ поляковъ. Да и самъ Димитрій полякъ: его признали царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь, впрочемъ, найти въ юномъ героѣ защитника вѣры и отечественныхъ обычаевъ; но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ, презираетъ святыхъ, оскверняетъ храмы чудотворца Николая и пречистой дѣвы Маріи, дозволивъ входить въ нихъ некрещенымъ ляхамъ, да еще съ собаками, онъ изгоняетъ пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ латинамъ, а самъ женится на поганой полькѣ. «Если мы, продолжалъ Шуйскій, не примемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія православной вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностью: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что царь есть самозванецъ, и что онъ замышляетъ злое съ своими поляками; пусть посовѣтуются съ гражданами московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ поляковъ, да и тѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ вмѣстѣ съ обманщикомъ»! Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ и обѣщалъ принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, москвитяне долженствовали броситься во дворецъ съ воплемъ: «Поляки губятъ царя», и, окруживъ государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая однакожь нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Такъ составленъ былъ тайный заговоръ. Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ, но нимало не безпокоился: онъ думалъ, что имѣетъ довольно силы для усмиренія русскихъ, а того не размыслилъ, что поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

8 мая совершилось царское бракосочетаніе, вскорѣ потомъ царица была коронована. Наканунѣ свадьбы Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими боярами: поляки хотѣли нарядить невѣсту въ польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла; русскіе же требовали, чтобы какъ царь, такъ и царица вѣнчались по старинѣ, въ русскомъ. Послѣ долговременнаго пренія, Димитрій сказалъ: «Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значитъ»! Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви пресвятой Богородицы. Но въ слѣдующій день (9 мая) прислалъ къ супругѣ польскую одежду, объявивъ притомъ: «Вчера я сдѣ-

лалъ угодное народу; теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ». Съ того времени царица всегда наряжалась по-польски. Праздновали эту свадьбу очень весело: поляки, при семъ случаѣ, напились допьяна и, возвращаясь домой, дозволяли себѣ самые наглые поступки: рубили саблями встрѣчавшихся москвитянъ и позволяли себѣ другія насилія. Народъ все это бралъ на замѣчаніе.

Въ субботу, 10 мая, царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: такую пищу русскіе признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о томъ въ народѣ, и москвитяне еще болѣе убѣдились, что царь ихъ полякъ, но скрыли свое негодованіе, выжидая удобнаго случая.

11 мая Мартинъ Беръ, урожденецъ нейштатскій, говорилъ во дворцѣ, съ дозволенія государя, первую лютеранскую проповѣдь для господъ капитановъ, докторовъ и другихъ нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ нѣмецкую слободу.

12 мая разнеслась въ городѣ молва, что Димитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ образомъ чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу со своею поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что царь не истинный Димитрій, и что страшная бѣда грозитъ отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ рынкахъ. Двое алебардщиковъ, схвативъ одного изъ такихъ говоруновъ, привели его во дворецъ и донесли государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные бояре смотрѣли на бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ; говорили притомъ, что государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ нѣмцевъ, и что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы кто либо его затѣялъ. Эти увѣренія успокоили безстрашнаго героя: онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ капитановъ, которые 13, 14 и 15 мая увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ, спряталъ ихъ письменные извѣты и, сказавъ: «Все это ничего не значитъ», оставилъ изъ всей гвардіи во дворцѣ, по прежнему, не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Но справедливо говоритъ пословица: чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается. Димитрій оправдалъ изреченіе св. апостола Павла: «Егда бо рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ все губительство». Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ сраженъ измѣнниками прежде, нежели успѣлъ опомниться.

Ночью, на 16 мая, случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли. Это не предвѣщало ничего добраго.

Наконецъ 17 мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часа по полуночи, когда царь и польскіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго похмѣлья, измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола. Народъ взволновался; нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, схвативъ дубины,

ружья, сабли, копья, кто что могъ, устремились ко дворцу съ крикомъ: «Кто умерщвляетъ царя»? «Поляки», отвѣчали бояре. Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу Басманову узнать о причинѣ смятенія. Но коварные бояре отвѣчали вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отчего волнуется народъ, и что вѣроятно случился гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ царскихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, и самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться. Басмановъ видитъ весь дворъ наполненный людьми вооруженными и спрашиваетъ, чего они хотятъ, что значитъ колокольный звонъ? Народъ завопилъ: «Выдай самозванца, тогда узнаешь отвѣтъ нашъ»!

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: «Бѣда, государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: зачѣмъ не послушалъ вѣрныхъ нѣмцевъ»! Между тѣмъ одинъ изъ бояръ ворвался, сквозь толпу тѣлохранителей, въ царскій покой и закричалъ Димитрію: «Ну, безвременный царь! Проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета»? Вѣрный Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, срубилъ голову наглецу. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его алебардщики, выхватилъ мечъ у курляндскаго дворянина Вильгельма Шварцгофа и, грозя имъ народу, кричалъ: «Я вамъ не Борисъ»! Но, встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ подошелъ къ толпѣ бояръ и просилъ ихъ не выдавать государя. Татищевъ, знатный вельможа, обругалъ его, какъ нельзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре бросили его съ крыльца, вышиною въ 12 саженъ. Такъ погибъ за царя этотъ герой, другъ и покровитель нѣмцевъ.

Мятежники, ободренные смертью храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ, но легко ли было одолѣть такое множество! Чернь вырубила нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила копьеносцевъ. Димитрій едва могъ убѣжать во внутренніе покои. Нѣмцы заперлись извнутри и стали за дверьми.

Устрашенный царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Русскіе, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили нѣмцевъ отойти въ сторону: наконецъ раздробили ее топорами. «О, для чего», говорили между собою алебардщики, «мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славою и спасли бы царя: это оружіе годится только для красы, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ! Горе и царю, отвергшему совѣты наши! Погибая самъ, онъ губитъ и насъ»! Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но видя, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третью, гдѣ также его не было.

Царь между тѣмъ пробѣжалъ царицины покои, достигнулъ Каменнаго дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 саженъ; но вся надежда на спасеніе изчезла: онъ вывихнулъ себѣ

ногу. Русскіе, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на тѣлохранителей, стоявшихъ подлѣ царской умывальни, и, отнявъ у нихъ оружіе, приставили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденію; причемъ распрашивая, куда дѣвался царь, обыскивали дворецъ и похитили множество сокровищъ. Бояре же и князья вломились къ царицѣ. Женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. «Гдѣ царь и царица?» воскликнули бояре (имя грубыхъ мужиковъ было имъ приличнѣе). «Вамъ лучше должно знать, куда вы дѣвали царя, мы не обязаны его караулить», было отвѣтомъ. «Непотребныя!» закричали бояре, «гдѣ царица ваша?» «На что же вамъ царица?» спрашиваетъ гофмейстерина. Ей отвѣчаютъ страшными угрозами. Послѣ того бояре раздѣлили между собою всѣхъ дѣвицъ, благородныхъ полекъ, и отослали ихъ въ свои дома. Гофмейстерину же, толстую старуху, подъ платьемъ коей притаилась Марина, бояре оставили въ покоѣ, только бранили ее безъ пощады и требовали непремѣнно, чтобы она призналась, куда скрылась ея царица. «Сегодня рано поутру, сказала гофмейстерина, мы отправили ее въ домъ пана воеводы сендомирскаго: тамъ она и теперь».

Между тѣмъ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у Чертольскихъ воротъ, увидѣвъ лежащаго государя и, услышавъ стоны его, спѣшили помочь ему и хотѣли отнести его во дворецъ. Народъ, замѣтивъ это, увѣдомилъ бояръ, которые тотчасъ оставили гофмейстерину и бросились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить Димитрія; тщетно стрѣльцы, имъ убѣжденные, старались спасти его; положивъ на мѣстѣ одного или двухъ бояръ ружейными выстрѣлами, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

Бояре схватили разбившагося въ паденіи царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы сказать съ плѣнникомъ Плавта: «Слишкомъ несправедливо тащить и колотить въ одно время». Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно убранныя, но тогда же разграбленныя и изгаженныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохранителей подъ стражею, обезоруженныхъ и печальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ одному изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни слова; что думалъ, извѣстно только Богу сердцевѣдцу; можетъ быть, онъ вспомнилъ неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ нѣмцевъ! Одинъ изъ копьеносцевъ, ливонскій дворянинъ Вильгельмъ Фирстенбергъ, пробрался въ комнату, желая знать, что будетъ съ царемъ, но былъ заколотъ однимъ изъ бояръ, подлѣ самого государя. «Смотри, говорили нѣкоторые вельможи, какъ усердны псы нѣмецкіе! И теперь не покидаютъ своего царя; побьемъ ихъ до послѣдняго!» Но другіе не согласились.

Принесшіе Димитрія въ комнату поступали съ нимъ не лучше жидовъ: тотъ щипнетъ, другой кольнетъ. Вмѣсто царской одежды, нарядили его въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. «Поглядите на царя всероссійскаго, сказалъ одинъ, у меня такой царь на конюшнѣ!». «А я бы этому царю далъ знать», говорилъ другой. Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: «Говори, кто ты, кто твой отецъ, и откуда ты родомъ?» «Вы всѣ знаете, отвѣчалъ Димитрій, что я царь вашъ, сынъ Іоанна Васильевича. Спросите мать мою, она въ монастырѣ; или выведите меня на Лобное мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться». Тутъ выскочилъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ, и сказавъ: «Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!» прострѣлилъ его насквозь.

Между тѣмъ старый измѣнникъ Шуйскій разъѣзжалъ на дворѣ верхомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бросились ко дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они остановились на дворѣ и хотѣли знать, что говорилъ польскій шутъ; имъ отвѣчали, что Димитрій винится въ самозванствѣ (чего онъ впрочемъ не сдѣлалъ). Тутъ всѣ завопили: «Бей его, руби его». Князья и бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзали въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басмановъ, и, сбросивъ его съ крыльца, кричали: «Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ!». Такимъ образомъ тотъ, кто вчера гордился своимъ могуществомъ и въ цѣломъ свѣтѣ гремѣлъ славою, теперь лежалъ въ пыли и прахѣ. Бѣдствіе поразило и его, и супругу, и гостей въ девятый день послѣ брака. Не худо бы было и другимъ остерегаться такой же свадьбы: она была не лучше парижской. Димитрій царствовалъ безъ 3 дней 11 мѣсяцевъ.

XL. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА МНѢНІЯ, ЧТО ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ БЫЛЪ ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ *).

(Изъ ст. Казанскаго: «Изслѣдованія о личности перваго Лжедимитрія», помѣщ. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1877 г.),

Кажется, что и самъ самозванецъ въ началѣ появленія своего въ Польшѣ съ именемъ Димитрія царевича не скрывалъ того, что онъ подъ именемъ Григорія Отрепьева укрывался въ Россіи. Иначе для чего-бы ему разсказывать свои похожденія такъ, что въ нихъ повторялась исторія Отрепьева. Было много случаевъ, когда самозванецъ могъ и долженъ былъ для своей выгоды ясно выставить, что онъ не одно лицо съ Григоріемъ Отрепьевымъ, но онъ этого не сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ его царствованія не содержитъ прямаго опроверженія наименованія его Григоріемъ Отрепьевымъ.

Увѣдомляя изъ Путивля письмами короля польскаго и Бучинскаго о томъ, что войско русское прислало Ивана Голицына съ заявленіемъ покорности и объясненіемъ, что противъ Гришки Отрепьева-разстриги присягали они стоять, но такъ какъ въ формѣ присяги Ѳеодору Борисовичу имени Гришки не упомянуто, то они присягать отказались,—Лжедимитрій ничего болѣе не говоритъ касательно Отрепьева.

---

*) Карамзинъ также считалъ Лжедимитрія Отрепьевымъ: Онъ говоритъ: «Бѣдный сынъ боярскій, галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, Богдана Якова, стрѣлецкаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ литвиномъ, служилъ въ домѣ у Романовыхъ и у кн. Бориса Черкасскаго, зналъ грамотѣ, оказывалъ много ума, но мало благоразумія, скучалъ низкимъ состояніемъ, рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ инока, слѣдуя примѣру дѣда Замятни Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ обители Чудовой. Постриженный вятскимъ игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто, жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ обители Св. Евфимія, въ галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ, наконецъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ келіи у дѣда подъ началомъ. Тамъ патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла,* ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны святымъ лучше многихъ старыхъ книжни-

Онъ какъ будто проситъ у нихъ совѣта, какъ поступить ему. Очевидно, представлялось опаснымъ объявить теперь, что подъ именемъ Отрепьева скрывался именно онъ, Димитрій царевичъ. Православные не могли-бы примириться съ тою мыслью, что разстрига будетъ царемъ. Дѣйствительно самозванецъ не повторяетъ уже тѣхъ вѣстей, какія разсказывалъ о себѣ въ Польшѣ. Онъ ограничивается неопредѣленными фразами о своемъ спасеніи въ юности. Если когда, то теперь слѣдовало ему уничтожить обнародованное Борисомъ извѣстіе, что онъ Григорій Отрепьевъ; но онъ не дѣлаетъ этого и въ грамотѣ къ московскому народу даже мимоходомъ не касается этого предмета.

Впродолженіе одиннадцатимѣсячнаго правленія Лжедимитрія много разъ раздавались голоса, называвшіе царя разстригой. Казнями отвѣтили за эти названія, даже публично въ лицо царя сказанныя (какъ сдѣлалъ дьякъ Осиповъ), а ничѣмъ не доказали лживости такого обвиненія. Самозванецъ не боялся объявить, что онъ носилъ имя Григорія Отрепьева, но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ нужно бы признаться, что онъ разстрига, онъ и долженъ былъ молчать. Замѣтили, что онъ ни разу не посѣтилъ Чудова монастыря, и что многіе иноки изъ Чудова монастыря были высланы. Авраамій Палицынъ говоритъ, что бывшій чудовскій архимандритъ, тогда митрополитъ крутицкій Пафнутій, съ перваго раза узналъ въ новомъ царѣ бывшаго монаха своего монастыря, но не посмѣлъ объявить о семъ.

Смирной-Отрепьевъ, дядя Григорія Отрепьева, сосланъ былъ въ Сибирь. Названный Димитрій и въ Москвѣ уклонялся отъ очной ставки съ нимъ, какъ уклонился отъ нея въ Польшѣ. Въ рѣшеніи вопроса о томъ, былъ-ли первый Лжедимитрій Отрепьевъ, большое значеніе имѣлъ-бы судъ надъ Шуйскимъ, бывшій въ началѣ царствованія Лжедимитрія, если-бы доказано было, что Шуйскій открыто называлъ его Отрепьевымъ, и что на судѣ обнаружена лживость его показанія. Всѣ почти историческіе источники, относящіеся къ эпохѣ перваго Лжедимитрія, согласны въ томъ, что Шуйскаго судили, приговорили къ смерти, вывели на мѣсто казни, но царь замѣнилъ ему смертную казнь ссылкой вмѣстѣ съ его братьями, и чрезъ нѣсколько времени простилъ его и всю родню и приблизилъ опять къ престолу. Но какъ подробности этого событія, такъ и время указываются неодинаково. Русскія сказанія объ этомъ событіи слагались и частью записаны были въ царствованіе Шуйскаго, а потому личность его выставляется въ лучшемъ свѣтѣ, и разсказъ окрашивается уже принятыми убѣжденіями. Скорѣе-бы можно

ковъ того времени. Пользуясь милостью Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ во дворецъ, видѣлъ пышность царскую и плѣнялся ею, изъявлялъ необыкновенное любопытство, съ жадностью слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія царевича; гдѣ могъ, онъ вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ, однимъ злымъ инокомъ, мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ россіянъ, умиленныхъ памятью Димитрія, и въ честь небеснаго правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный діаконъ читалъ съ прилежаніемъ россійскія лѣтописи и нескромно, хотя и въ шутку, говорилъ иногда чудовскимъ монахамъ: «Знаете-ли, что я буду царемъ на Москвѣ?». Одни смѣялись, другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до ростовскаго митрополита Іоны, который объявилъ патріарху и самому царю, что «недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ дьявольскимъ». Добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣта, но царь велѣлъ отправить безумца въ Соловки или Бѣлозерскія пустыни, будто-бы за ересь, на вѣчное покаяніе. Но опальный діаконъ умѣлъ спастись бѣгствомъ (въ февр. 1602 г.) вмѣстѣ съ двумя иноками чудовскими: священникомъ Варлаамомъ и клирошаниномъ Михаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними и не извѣстили царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными». (изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина).

было довѣрять иностранцамъ, современникамъ этого событія, но и у нихъ нѣтъ согласія въ показаніяхъ. Русскіе лѣтописцы хотя почти согласно относятъ время суда надъ Шуйскимъ къ первымъ днямъ вступленія самозванца въ Москву, но не всѣ говорятъ, чтобы Шуйскій судимъ былъ за то, что открыто называлъ новаго царя Гришкой Отрепьевымъ. Извѣстія иностранцевъ таковы, что нѣтъ возможности допустить судъ надъ Шуйскимъ въ первые дни по вступленіи самозванца въ Москву, равно они не подтверждаютъ и того, чтобы Шуйскій открыто называлъ Лжедимитрія Отрепьевымъ.

Судъ надъ Шуйскимъ объясняется отношеніемъ Шуйскаго къ дѣлу о смерти царевича Димитрія. Шуйскій былъ очевиднымъ свидѣтелемъ смерти и погребенія Димитрія царевича. По смерти Бориса онъ, какъ выразился патріархъ Гермогенъ, велегласно обличалъ самозванство явившагосяДимитрія. Видя успѣхъ Лжедимитрія, Шуйскій поспѣшилъ обезопасить себя, явившись къ самозванцу на поклонъ въ Тулу и присягнувъ ему въ числѣ первыхъ. Эта покорность отняла у Лжедимитрія возможность немедленно избавиться отъ Шуйскихъ. Но, какъ опасный человѣкъ, онъ остался подъ тщательнымъ надзоромъ и, какъ говоритъ патріархъ, терпѣлъ гоненіе и утѣсненіе. Между тѣмъ и Шуйскій не могъ съ покорностью поклоняться бродягѣ на престолѣ и, въ виду недавней присяги и свидѣтельства, что это царевичъ Димитрій, не могъ распускать слуховъ, что это разстрига, а надѣялся подорвать уваженіе народа къ нему, распуская слухи о его нечестіи. Это и дошло до Лжедимитрія; поспѣшили нарядить судъ изо всѣхъ сословій, чтобъ одна дума боярская не защитила своего члена, и Шуйскій, игравшій послѣднее время такія перемѣнныя роли, потерявъ и въ народѣ уваженіе своимъ двоедушіемъ, былъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи царя. Если бы на этомъ соборѣ была рѣчь о томъ, что ложно новаго царя называютъ Григоріемъ Отрепьевымъ, то всѣ современные писатели упомянули-бы объ этомъ, особенно иностранцы.

По нашему мнѣнію, судъ надъ Шуйскимъ, предъ выборными изъ всѣхъ сословій, на которомъ новый царь почелъ нужнымъ оправдывать себя, а между тѣмъ не снялъ съ себя главнаго обвиненія, что онъ разстрига Отрепьевъ, и совсѣмъ не коснулся важнаго для всѣхъ вопроса о томъ, какъ онъ спасенъ въ юности и гдѣ жилъ до своего появленія въ Польшѣ,—служитъ новымъ подтвержденіемъ, что первый Лжедимитрій былъ дѣйствительно тотъ монахъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ Григорія Отрепьева. Если-бы было объяснено по крайней мѣрѣ то, что новый царь не есть Григорій Отрепьевъ, Шуйскій не рѣшился-бы называть его Григоріемъ Отрепьевымъ и послѣ его смерти. Между тѣмъ послѣ гибели самозванца Шуйскій не только называлъ его Отрепьевымъ, но и повторялъ въ присутствіи Романовыхъ и Черкасскаго, что Отрепьевъ въ отрочествѣ прислуживалъ у нихъ.

Изъ дѣла Шуйскаго не видно ясно, чтобъ онъ дѣйствительно открыто называлъ Лжедимитрія во время его царствованія Гришкой Отрепьевымъ; но за то несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что дьякъ Тимоѳей Осиповъ публично и въ лицо самому самозванцу назвалъ его Григоріемъ Отрепьевымъ. Осиповъ, по общему отзыву, былъ человѣкъ глубоко благочестивый. Его возмущали всеобщее поклоненіе Лжедимитрію, о которомъ зналъ онъ, что это разстрига Отрепьевъ, и надменность этого похитителя престола. Онъ рѣшился открыто обличить его. Представъ предъ лицо самозванца, онъ сказалъ: «Велишь ты себя писать въ титлахъ и грамотахъ цезарь непобѣдимый, а то слово по нашему христіанскому закону Господу нашему Іисусу Христу грубно и противно: а ты воръ и еретикъ, подлинный разстрига Гришка Отрепьевъ, а не царевичъ Димитрій». Осиповъ затѣмъ объявилъ, что онъ не хочетъ присягать іезуиткѣ, царицѣ-язычницѣ, которая своимъ присутствіемъ оскверняетъ святыню московскую. Онъ хотѣлъ еще продолжать, но его тотчасъ же убили. Самоотверженная рѣшимость дьяка Тимоѳея Осипова обличить въ глаза самозванца, назвать его прямо Гришкой Отрепьевымъ, показываетъ, какъ ясна и глубока была увѣренность многихъ, что названный Димитрій есть дѣйствительно бѣглый монахъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ.

Не знаемъ, можно-ли въ пользу какого-либо мнѣнія привести столько доказательствъ, сколько представляется возможнымъ привести въ подтвержденіе той-мысли, что первый Лжедимитрій былъ монахъ, извѣстный прежде подъ именемъ Григорія Отрепьева. Укажемъ въ заключеніе на одно частное обстоятельство. Имѣя нѣсколько подписей самозванцевыхъ, пишетъ Карамзинъ, видимъ въ латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ русскихъ—твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, дьякъ патріаршій. Онъ не уступитъ никакому дьяку того времени въ красивомъ изображеніи буквъ.

Но была молва, которой нѣкоторые придаютъ большое значеніе при рѣшеніи вопроса о личности самозванца, молва, что самозванецъ велъ съ собою Отрепьева, привелъ въ Москву и потомъ сослалъ въ Ярославль. Если былъ Григорій Отрепьевъ при самозванцѣ, то очевидно было-бы, что самозванецъ не Григорій Отрепьевъ. Къ такому выводу приходилъ Устряловъ, а г. Костомаровъ положительно допускаетъ существованіе Григорія Отрепьева, какъ лица, отдѣльнаго отъ самозванца. Потому молва эта требуетъ изъясненія.

Стоитъ только сопоставить всѣ свидѣтельства о Григоріи Отрепьевѣ, какъ объ отдѣльномъ отъ перваго Лжедимитрія лицѣ, чтобы видѣть ихъ несостоятельность, чтобъ убѣдиться въ томъ, что отдѣльный Отрепьевъ измышленъ для сокрытія происхожденія Лжедимитрія.

Буссовъ пишетъ: «Былъ въ одномъ русскомъ монастырѣ монахъ, именемъ Гришка Отрепьевъ. Зная хорошо всѣ происшествія своего отечества, онъ вмѣстѣ съ кромѣшниками распускалъ о Борисѣ худую славу; но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оставилъ Россію, достигъ береговъ Борисѳена, нашелъ въ Бѣлоруссіи какого-то благороднаго юношу (то былъ побочный сынъ Стефана Баторія, какъ открыли мнѣ по довѣренности польскіе вельможи) и далъ ему нужныя наставленія для своего умысла; уговорилъ его сдѣлаться слугой князя Адама Вишневецкаго и потомъ, при удобномъ случаѣ, открыть сему вельможѣ съ притворною горестью, будто ему, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть. Послѣ сего Отрепьевъ возвратился въ Россію, пришелъ въ землю казаковъ и началъ тамъ разглашать, что у князя Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести наслѣдникъ русскаго престола, Димитрій Іоанновичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Распустивъ сію молву, Отрепьевъ проситъ, убѣждаетъ казаковъ подать помощь царевичу и сулитъ имъ знатную награду; убѣжденія этого дьявольскаго монаха не остались безъ дѣйствія. Въ сентябрѣ 1604 г., по его наущенію, собралось на русской границѣ до 6000 казаковъ; въ то же время Отрепьевъ далъ знать мнимому Димитрію, что казаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразиться за него съ Борисомъ, что самъ онъ, Отрепьевъ, съ ними и готовъ служить ему совѣтами». Отрепьевъ, создавшій самозванца, приведшій ему 6000 казаковъ и предложившій служить совѣтами, въ дальнѣйшемъ разсказѣ Буссова совсѣмъ исчезаетъ; нѣтъ объ немъ и помину. У Буссова Отрепьевъ является хитрымъ, дѣятельнымъ лицомъ, а Маржеретъ говоритъ, что до побѣга изъ Россіи онъ слылъ негодяемъ и горькимъ пьяницей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, допускаетъ, что съ нимъ бѣжалъ за границу истинный царевичъ Димитрій. Но ничего Маржеретъ не говоритъ, какую роль игралъ Отрепьевъ при настоящемъ Димитріи со времени бѣгства изъ Россіи до вступленія въ Москву. Въ теченіи трехъ лѣтъ о немъ нѣтъ и помину. Когда русскіе объявили въ Путивлѣ, что они клялись воевать противъ Гришки Отрепьева, а не противъ царевича Димитрія Іоанновича, предстояла надобность назвать кого-либо Отрепьевымъ, и вотъ въ Путивлѣ является Отрепьевъ. На сеймѣ посольскомъ 1608 г. послы польскіе говорили боярамъ московскимъ: «Сами москвичи, чтобъ всѣ болѣе вѣрили, отыскали пьянаго Гришку Отрепьева москвитина, котораго именемъ называлъ Борисъ Димитрія, и предъ всѣми ставили его въ Путивлѣ, обличая неправду Бориса и оправдывая Димитрія, а дѣлали это москвичи, а не поляки, и этого Гришку доставили изъ Москвы, а не изъ Польши». У Бареццо-Баррецій встрѣ-

чаемъ иное сказаніе. Въ Бѣлгородѣ схваченъ былъ Гришка Отрепьевъ, тотъ знаменитый магъ и волшебникъ, о которомъ Борисъ распустилъ слухъ. что не Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, а этотъ магъ, извѣстный по всей Московіи за дурнаго человѣка, приходилъ вмѣстѣ съ казаками польскими, чтобъ отнять у него престолъ. Въ этомъ разсказѣ Отрепьевъ является не пьяницей, но магомъ и волшебникомъ. Должно допустить, что была сдѣлана въ Путивлѣ попытка указать на какого-то несчастнаго Отрепьева. Въ иномъ сказаніи о самозванцѣ читаемъ: «Многіе говорили, что идетъ Димитрій, а не разстрига, да и разстригу прямо съ собою въ Москву везетъ и покажетъ, чтобы не сомнѣвались люди». Молва такимъ образомъ пущена была. Но когда пожелали подтвержденія сему извѣстію въ Путивлѣ, то объявили, что Отрепьевъ посаженъ въ темницу за вину нѣкую Видно, что попытка показать подставного Отрепьева была не совсѣмъ удачна, и его постарались убрать. Въ извѣстіи о заключеніи въ тюрьму Отрепьева, кажется скрывается та истина, что въ Путивлѣ, когда русскіе окружили самозванца, при немъ не видѣли никакого Григорія Отрепьева. Польскіе спутники самозванца не упоминаютъ объ Отрепьевѣ. Можетъ быть, со стороны Лжедимитрія это была не первая попытка показать подставнаго Отрепьева: есть извѣстіе, что будто въ Кіевѣ монаху Леониду Крынецкому онъ велѣлъ называться Григоріемъ Отрепьевымъ. Этимъ объясняется разногласіе о похожденіяхъ Отрепьева въ Кіевѣ. Конечно, онъ имѣлъ цѣлью запутать свой слѣдъ отъ шпіоновъ Бориса Годунова.

Показаніе Маржерета, что Отрепьевъ былъ привезенъ въ Москву и отосланъ самозванцемъ въ Ярославль, не заслуживаетъ никакого довѣрія. Маржеретъ пишетъ: «Дознано (кѣмъ и когда?), что разстригѣ было отъ 35 до 38 лѣтъ. Димитрій вступилъ въ Россію 23 или 24 лѣтъ и привезъ съ собою разстригу, котораго всякъ могъ видѣть. Разстрига, до побѣга изъ Россіи, слылъ негодяемъ и горькимъ пьяницей, за что Димитрій удалилъ его за 230 верстъ отъ столицы въ Ярославль». Хотя всякъ могъ видѣть Отрепьева, но Маржеретъ не рѣшился сказать, что видѣлъ его самъ. И какъ за то, что до побѣга изъ Россіи, назадъ тому три года Отрепьевъ слылъ негодяемъ и пьяницей, удалить его въ Ярославль? Кто-то изъ дома англійской компаніи въ Ярославлѣ увѣрялъ Маржрета, что сосланный туда разстрига называлъ себя Гришкой Отрепьевымъ, а убитаго царя истиннымъ Димитріемъ. Такъ какъ послѣднее ложно, то и первое несправедливо; повторять слова пьянаго человѣка не слѣдовало. Можетъ быть и до Шуйскаго дошли рѣчи эти, онъ навелъ справки, и ничего не оказалось. Масса разсказываетъ иную молву, вышедшую будто отъ родныхъ Отрепьева, что, по вступленіи на престолъ, самозванецъ подкупилъ одного вора, который, повсюду выдавая себя за Григорія Отрепьева и притворяясь юродивымъ, ходилъ въ монашеской рясѣ. По убіеніи Лжедимитрія этотъ монахъ сознался, что онъ былъ подкупленъ, и могъ разсказать, какъ самозванецъ, выдавая себя за Димитрія, бѣжалъ съ нѣкоторыми бумагами въ Польшу.

И такъ, появленіе въ лѣтописяхъ извѣстія о другомъ Отрепьевѣ объясняется попытками самозванца заставлять другаго носить его имя. Но, должно быть, самъ онъ почувствовалъ неудобность подобной мѣры, и потому не рѣшился долго играть съ другимъ эту комедію, частью не надѣясь на скромность этого лица, частью опасаясь вступить въ противорѣчіе съ прежними своими показаніями.

XLI. КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДМИТРІЙ?

(*Изъ соч. Костомарова: «Кто былъ первый Лжедимитрій»*).

У насъ общепринятое мнѣніе о самозванцѣ, царствовавшемъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія Ивановича, есть то, что онъ былъ чернецъ Чудова монастыря Гришка Отрепьевъ. Это мнѣніе считалось и считается у насъ какъ бы доказан-

нымъ окончательно. Между тѣмъ, до сихъ поръ остались неразобранными, неизслѣдованными и неповѣренными мѣста изъ источниковъ, на которыхъ основывается это мнѣніе.

Наши лѣтописныя сказанія и большая часть иностранныхъ источниковъ о смутной эпохѣ составлены уже впослѣдствіи, а потому оцѣнка взгляда ихъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ оцѣнки первоначальныхъ свѣдѣній, болѣе близкихъ какъ ко времени, такъ и къ самому вопросу. Они считали загадочное лицо, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ или другимъ, на основаніи такого или инаго образовавшагося мнѣнія, и потому важнѣе всего добраться, какъ эти мнѣнія сложились и откуда получили начало.

Самозванецъ появился въ польскихъ владѣніяхъ въ 1600—1601 г., а первыя положительныя заявленія о томъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, явились въ концѣ 1604 г. Первымъ протестомъ изъ Московскаго государства противъ него были двѣ грамоты отъ пограничныхъ черниговскихъ воеводъ; одна отъ князя Михаила Кашина-Оболенскаго, другая отъ князя Татева. Въ обѣихъ извѣщается, что называющій себя Димитріемъ былъ бѣглый чернецъ, но онъ не называется Гришкою.

Изъ сношенія нашихъ бояръ съ польскими послами уже черезъ полтора года послѣ воцаренія Шуйскаго видно, что тогда бояре указывали, будто въ 1604 г. они посылали для обличенія самозванца дядю Гришки Отрепьева, Смирного-Отрепьева, къ панамъ, требуя очной ставки съ племянникомъ, но паны не допустили его до этого. Въ отвѣтъ на это польскіе послы уличали ихъ и объясняли, что Смирной-Отрепьевъ пріѣзжалъ совсѣмъ по другимъ дѣламъ, съ двумя грамотами. О личности же Димитрія не было ни слова; и даже самъ Смирной не сказался, какъ онъ былъ посланъ, посланникомъ или гонцемъ, какъ всегда дѣлалось; а въ одной изъ грамотъ не упомянуто было и его имя.

Эта протестація поляковъ заслуживаетъ вѣроятія, потому что панамъ не было необходимости въ этомъ случаѣ говорить неправду. Еслибъ Смирной пріѣхалъ съ порученіемъ о самозванцѣ, они бы все равно не могли удовлетворить его, и, слѣдовательно, нечего было бы запираться, что не знали такого порученія. Притомъ же они не запирались, что Постникъ-Огаревъ, вслѣдъ за Смирновымъ, а можетъ быть и въ одно время, пріѣзжавшій въ Польшу, имѣлъ порученіе о Димитріи. И почему же по такому важному государственному дѣлу Смирного-Отрепьева посылали московскіе бояре къ польскимъ панамъ, а не московскій государь къ польскому королю?

Постникъ-Огаревъ, дворянинъ, посланъ былъ Борисомъ октября 14. Паны, въ тѣхъ же самыхъ и послѣдующихъ сношеніяхъ, объясняли боярамъ, что этотъ посланникъ пріѣзжалъ съ грамотой отъ Бориса собственно о пограничныхъ недоразумѣніяхъ, но между прочимъ грамота касалась и того, что во владѣніяхъ короля находится бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, называющійся Димитріемъ углицкимъ, и посылаетъ грамоты въ украинные города Московскаго государства. Приглашали короля поймать его и наказать. Король отвѣчалъ, что такъ какъ этотъ человѣкъ находится уже въ предѣлахъ Московскаго государства, то тамъ его удобнѣе поймать.

Въ то же время въ Разрядныхъ книгахъ записано, что царю «учинилась вѣсть (слѣдовательно—въ первый разъ царь узналъ), что нашелся въ Литвѣ воръ, который называется Димитріемъ». И тутъ же слѣдуетъ заключеніе, что этотъ воръ долженъ быть Гришка Отрепьевъ, сбѣжавшій въ 1603 г. въ Сѣверскую землю съ чернецомъ Мисаиломъ Повадинымъ. Онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и тамъ разболѣлся, призвалъ игумена исповѣдываться и сознался ему, что онъ царевичъ Димитрій и ходитъ непостриженъ въ искусѣ, избѣгая царя Бориса. Игуменъ сталъ его чтить, объявилъ о немъ и сказалъ королю.

Такимъ образомъ до 1605 г. видны лишь немногіе шаги къ тому, чтобъ назвать самозванца опредѣленнымъ именемъ Гришки Отрепьева. Народу не говорили ничего о таинственномъ лицѣ, старались даже не говорить съ нимъ объ этомъ, и ему не дозволяли о немъ говорить. Между тѣмъ народъ все болѣе и болѣе увлекался новизною.

Въ то время когда успѣхи самозванца въ Сѣверской землѣ дѣлали его очень опаснымъ для Бориса, когда народныя симпатіи склонялись повсюду на сторону Димитрія, необходимымъ сочли совершить повсемѣстный обрядъ проклятія надъ этимъ врагомъ Бориса. Но для этого нужно было объявить народу положительно, кто таковъ именно человѣкъ, взявшій на себя роль Димитрія. И вотъ патріархъ въ январѣ 1605 г. разсылаетъ грамоту, гдѣ не ограничивается однимъ глухимъ намекомъ на то, что называвшій себя Димитріемъ есть Гришка, но разсказываетъ подробно его похожденія. „Этотъ человѣкъ звался въ мірѣ Юшка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, проживалъ у Романовыхъ во дворѣ, сдѣлалъ какое то преступленіе, достойное смертной казни и, избѣгая наказанія, постригся въ чернцы, ходилъ по многимъ монастырямъ, былъ въ Чудовомъ монастырѣ дьякономъ, бывалъ у патріарха Іова во дворѣ для книжнаго письма, потомъ убѣжалъ изъ монастыря съ двумя товарищами, монахами Варлаамомъ Яцкимъ и Мисаиломъ Повадинымъ". До сихъ поръ патріархъ говоритъ то, что ему могло быть извѣстно лично. Далѣе идутъ свѣдѣнія, которыя онъ могъ имѣть только получивши отъ другихъ, а именно

1) Чернеца Пимена, постриженника Смоленскаго монастыря.

2) Чернеца Венедикта, Троицкаго монастыря.

3) Стефана иконника, ярославца, торговавшаго въ Кіевѣ иконами.

Пименъ говоритъ, что онъ встрѣтился съ нимъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ; Григорій былъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ; а Пименъ проводилъ ихъ за рубежъ въ Литовскую землю, а самъ воротился назадъ въ Московское государство.

Венедиктъ былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ и тамъ видѣлъ Гришку въ Печерскомъ и Никольскомъ и у князя Острожскаго; служилъ въ дьяконскомъ чинѣ. Потомъ Гришка уклонился къ люторамъ, впалъ въ ересь и чернокнижіе, сталъ ѣсть мясо, связался съ запорожцами и ушелъ изъ монастыря на Запорожье. Венедиктъ жаловался на него печерскому игумену, и тотъ послалъ къ запорожцамъ взять его; тогда Гришка ушелъ къ князю Адаму Вишневецкому.

Стефанъ иконникъ видѣлъ Гришку въ Кіевѣ: онъ приходилъ къ нему въ лавку съ запорожцами, тогда онъ дьяконилъ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ монастыряхъ и у князя Острожскаго.

Венедиктъ и Стефанъ иконникъ свидѣтельствовали, что Гришка убѣжалъ къ Адаму Вишневецкому, а тамъ, по умышленію князей Вишневецкихъ и по королевскому повелѣнію, началъ называться Димитріемъ Углицкимъ.

Изъ этихъ извѣстій невозможно вывести несомнѣнно, чтобъ самозванецъ, вошедшій тогда въ Сѣверскую землю, былъ именно Гришка. Патріарху извѣстно было только то, что былъ въ Чудовомъ монастырѣ монахъ Гришка Отрепьевъ; онъ бѣжалъ въ Литву, обыкновенный пріютъ множества бѣглецовъ того времени. Самъ патріархъ болѣе ничего сказать не въ силахъ. Затѣмъ три его свидѣтеля что говорятъ? Первый вовсе не обвиняетъ Гришки въ самозванствѣ. Остаются другіе два. Но если дать имъ довѣріе, какъ очевидцамъ, то они намъ сообщаютъ единственно то, что Гришка жилъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ; а Венедиктъ прибавляетъ, что и велъ себя дурно. Это они говорятъ какъ очевидцы. Что же до того, что Гришка ушелъ къ Вишневецкому и тамъ назвался Димитріемъ, то ни Венедиктъ, ни Стефанъ иконникъ не называютъ себя очевидцами и свидѣтелями этого происшествія. Они не могутъ доказать, что именно Гришка, а не другой кто либо, назвалъ себя Димитріемъ у князя Адама Вишневецкаго, какъ равно не показываютъ, откуда они знаютъ, что Гришка ушелъ именно къ Вишневецкому. По собственному признанію Венедикта, за Гришкой изъ монастыря посылали, а онъ спрятался и ушелъ. Если онъ прятался, то, безъ сомнѣнія, не открывалъ ему, куда онъ убѣжитъ. Слѣдовательно, при самой полной добросовѣстности этихъ показаній, источникомъ сообщеннаго здѣсь можетъ быть только слухъ и собственное соображеніе. Венедиктъ и Стефанъ иконникъ могли услышать, что проявился называющій себя Димитріемъ Углицкимъ, и, вспомнивъ бѣжавшаго бродягу Гришку, сообразили: ужь не Гришка ли этотъ новоявленный

Димитрій? Такъ могло быть только при полной добросовѣстности. Но о добросовѣстности трехъ бродягъ мало можно толковать, когда тогдашнія извѣстія по этому дѣлу, исходившія прямо отъ патріарха и другихъ важныхъ лицъ, разнорѣчатъ между собою, и передаваемое ими не согласуется съ строгой истиной. Напримѣръ, патріархъ писалъ окружную грамоту о проклятіи Гришки, гдѣ выставилъ народу то, что ему было извѣстно объ этомъ лицѣ, и скоро послѣ того писалъ грамоту въ Вильно къ католическому духовенству и въ ней допустилъ противорѣчіе тому, что писалъ своему народу. Такъ, въ окружной всенародной грамотѣ, какъ выше сказано, было объявлено, что Гришка *прежде* своего постриженія *заворовался*, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни и избѣгая ея, постригся въ монахи; а въ грамотѣ къ католическому духовенству, напротивъ, онъ пишетъ что Гришка, уже постригшись, надѣлалъ преступленій, и, избѣгая смертной казни, ушелъ въ Литву. Въ соборной грамотѣ къ князю Острожскому говорится, что Гришка, живучи въ Чудовѣ монастырѣ, былъ уличенъ въ чернокнижествѣ, призываніи нечистыхъ духовъ и отреченіи отъ Бога, и за то осужденъ не на смерть, а на тюремное заточеніе въ Каменномъ монастырѣ. Сверхъ того, въ грамотѣ, отправленной въ Польшу, сказано, что самъ патріархъ посвящалъ его въ діаконы; въ окружной грамотѣ этого не говорится, напротивъ, смыслъ выходитъ такой, что Гришка, прежде поступленія во дворъ къ патріарху, былъ дьякономъ и былъ взятъ во дворъ уже носивши дьяконскій чинъ. На это могутъ возразить: патріархъ могъ ставить Гришку прежде, чѣмъ взялъ во дворъ. Посвященный въ діаконы Гришка ходилъ по разнымъ монастырямъ, а потомъ уже взятъ во дворъ къ патріарху. Но, во-первыхъ, еслибъ патріархъ его ставилъ, то, конечно, въ Чудовомъ монастырѣ, и тогда въ грамотѣ было бы поставлено имя Чудова монастыря прежде, а не послѣ безъименныхъ многихъ монастырей; здѣсь же изображается, что Гришка былъ въ званіи дьяконскомъ во многихъ монастыряхъ, а потомъ пришелъ въ Чудовъ. Во-вторыхъ, для чего было патріарху не сказать народу о томъ, что онъ самъ поставлялъ Гришку, когда онъ сообщаетъ объ этомъ польскимъ духовнымъ? И почему не оповѣстить народу вначалѣ о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ писано было впослѣдствіи Острожскому? Не скорѣе ли видно тутъ, что писавшимъ грамоты въ Польшу и къ Острожскому приходили въ голову новыя удачныя выдумки, которыя случайно не приходили тогда, когда писалось окружное посланіе. Извѣстно, что кто вымышляетъ, тому рѣдко удается повторить свой вымыселъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ изложилъ его первый разъ.

Когда послѣ низложенія самозванца, въ царствованіе Шуйскаго, патріарха Іова привезли въ Москву изъ Старицы для разрѣшенія народа отъ клятвы, то патріархъ объявилъ, будто Гришка разстригся прежде, чѣмъ бѣжалъ въ Литовское государство. Между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ прежде отъ имени того же патріарха Іова, не видно было, чтобъ Гришка снялъ съ себя монашескій санъ до побѣга въ Кіевъ, напротивъ, въ Кіевѣ еще ходилъ въ монашескомъ платьѣ и служилъ въ дьяконскомъ санѣ. Собственно это разнорѣчіе само по себѣ не важно, но оно въ числѣ другихъ указываетъ, что въ оффиціальныхъ актахъ, относящихся къ этому времени, не держались строгой одинаковости изложенія событій, а изображали ихъ такъ, какъ въ данную минуту казалось приличнѣе и выгоднѣе изображать.

Гораздо важнѣе слѣдующее разнорѣчіе. Написанная отъ имени патріарха, въ 1605 г., грамота, гдѣ излагались въ первый разъ народу свидѣтельства о томъ, что явившійся подъ именемъ Димитрія есть Гришка Отрепьевъ, была разослана по епархіямъ; архіереи должны были сообщать народу тѣ вѣсти, какія сообщилъ имъ Іовъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, русскіе архіереи не имѣли тогда инаго источника, кромѣ грамоты патріаршей, ибо переписывали ее слово въ слово. Но при этомъ они говорили не совсѣмъ то, что говорилъ патріархъ. Напримѣръ, въ грамотѣ Исидора, митрополита новгородскаго, говорится о Стефанѣ иконникѣ, что онъ видѣлъ Гришку у Адама Вишневецкаго и слышалъ, какъ онъ назывался ца-

ревичемъ Димитріемъ; а въ окружной грамотѣ патріарха не говорится, чтобы Стефанъ видѣлъ его у Адама Вишневецкаго, а все знакомство его съ Гришкою ограничивалось тѣмъ, что послѣдній съ запорожскими черкасами приходилъ къ его лавкѣ. Откуда-же это разнорѣчіе? Конечно, въ грамотѣ новгородскаго митрополита прибавка, сдѣланная для того, чтобъ показаніе Стефана Иконника имѣло какую-нибудь цѣнность, ибо въ патріаршей граматѣ оно можетъ возбуждать смѣхъ своею несостоятельностью. Сверхъ того, въ окружной грамотѣ патріарха, въ показаніи Венедикта, говорится, что Гришка присталъ къ люторамъ, а у Исидора это обстоятельство упускается, зато говорится, будто Венедиктъ видѣлъ Гришку въ Никольскомъ монастырѣ разстриженнымъ, чего нѣтъ въ патріаршей грамотѣ.

Извѣстія эти слагались и обнародовались въ то время, когда для спасенія Борисова правленія необходимо было, чтобъ тотъ, кто называлъ себя Димитріемъ, представленъ былъ народу не безъименнымъ воромъ, но съ какимъ-нибудь положительнымъ именемъ, ибо это лицо оставлять неизвѣстнымъ было опасно. Если онъ не Димитрій, то все таки кто же онъ, спрашивалъ бы народъ. А коль скоро онъ—неизвѣстно кто, то почему же онъ не Димитрій? И почему правительство можетъ знать, что онъ не Димитрій, когда сознается, что не знаетъ, кто онъ? Для вліянія на народъ рѣшились предать проклятію вора. Но кого проклинать? Нужно было имя. Что оно было крайне нужно, показали послѣдствія. Когда послѣ смерти Бориса написали крестоцѣловальную запись, гдѣ не упомянули ни имени Гришки, ни другаго опредѣленнаго имени, а выразились о самозванцѣ, какъ о неизвѣстномъ ворѣ, то перешедшіе къ самозванцу считали эту неопредѣлительность въ присяжномъ листѣ для себя достаточнымъ извиненіемъ. Видно только, что когда нужно было доискаться, кто бы могъ быть назвавшійся Димитріемъ, то патріархъ вспомнилъ, что въ Чудовомъ монастырѣ былъ монахъ Отрепьевъ, бывавшій у него во дворѣ для книжнаго письма и бѣжавшій изъ Москвы. Этимъ собственно и ограничивались положительныя свѣдѣнія о Гришкѣ въ Москвѣ. Что касается до его преступленій, то относительно этого патріархъ запутался въ своихъ грамотахъ и въ одной изъ нихъ обвиняетъ Гришку въ преступленіи, сдѣланномъ до постриженія въ монахи, не говоря о его преступленіяхъ въ монашествѣ, а въ другой, не говоря, чтобъ причиною поступленія въ монашество было желаніе избѣжать кары за преступленіе, говоритъ, что Гришка уже постригшись въ монахи, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни. Затѣмъ подтвержденіемъ догадкамъ, явившимся въ Москвѣ, послужили неясныя показанія трехъ бродягъ, которымъ было естественно сочинить что-нибудь о Гришкѣ и доставить правительству услугу сообщеніемъ нужныхъ ему объясненій. Но если они говорили и правду, то ничего не сказали важнаго, ибо не объяснили, почему они считаютъ, что назвавшій себя Димитріемъ былъ Гришка, а не иной кто-нибудь?

Замѣчательно, что въ то время проглядываютъ черты, которыя давали право думать, что правительство не увѣрено было въ томъ, что утверждало всенародно, будто самозванецъ былъ Гришка. Напримѣръ, въ посольской грамотѣ, посланной къ королю Сигизмунду съ Постникомъ-Огаревымъ, было сказано, что еслибъ это лицо и былъ настоящій Димитрій, то и тогда бы онъ не имѣлъ права на престолъ Московскаго государства, какъ незаконнорожденный сынъ. Поляки объясняли это желаніемъ обезпечить за собою право, еслибъ оказалось, что претендентъ былъ не только не Гришка, но даже настоящій Димитрій. Имѣлъ-ли право на престолъ Димитрій, или не имѣлъ, для Бориса должно было быть все равно, если только онъ былъ увѣренъ, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, поляки впослѣдствіи придирались къ этой оговоркѣ, и доказывали русскимъ, что Борисъ самъ не зналъ навѣрное, что назвавшій себя царевичемъ былъ дѣйствительно бѣглый монахъ. Подобное невѣдѣніе, кто именно былъ самозванецъ, проглядываетъ въ упомянутой нами выше крестоцѣловальной записи на вѣрность Θеодору Борисовичу, гдѣ сказано: *«И того вора, что называется Димитріемъ Углецкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти»*. Объ этомъ ворѣ нѣсколько разъ упоминается въ этой грамотѣ, и все безъименно. Не доказываетъ-ли это того, что, признавая называвшаго себя Димитріемъ воромъ-обманщикомъ, неувѣрены были, точно ли это Гришка Отрепьевъ?

Отписка къ полякамъ и ко всѣмъ измѣнникамъ. Да вѣдаетъ ваше темное державство, гордые начальники, Сапѣга и Лисовской, и прочая ваша дружина, что напрасно прельщаете насъ, Христово стадо православныхъ христіанъ. Богоборцы, мерзость запустѣнія, вѣдайте, что и десяти лѣтъ христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту, а ваши грамоты мы, принявъ, оплевали. Какая же польза человѣку возлюбить тьму паче свѣта и преложить ложь на истину, честь на безчестіе, свободу на горькое рабство, оставить св. истинную свою православную христіанскую вѣру греческаго закона и покориться еретикамъ, которые прокляты отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ? Или какое пріобрѣтеніе и почесть оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться самозванцу врагу и вамъ, латынамъ иновѣрнымъ, и быть какъ жиды или хуже ихъ? Жиды, не познавъ Господа своего, распяли его; мы же знаемъ своего православнаго государя, подъ властью царей христіанскихъ отъ прародителей нашихъ мы рождались въ вертоградѣ истиннаго пастыря Христа. Какъ оставить намъ повелѣваете христіанскаго царя и ложною ласкою, и тщетною лестью, и суетнымъ богатствомъ прельстить насъ хотите? Не хотимъ и богатства всего міра за нарушеніе своего крестнаго цѣлованія.

L. ОСАДА ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

(Изъ статей Соловьева «Обзоръ событій Русской Исторіи отъ кончины царя Өеодора Іоанновича», помѣщ. въ «Современникъ» за 1848 г.).

Въ то время, какъ шведы только еще обѣщали пособіе Шуйскому, поляки успѣшно дѣйствовали въ пользу самозванца подъ Москвою. Сапѣгѣ было поручено взять Троицкій монастырь, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями, а изъ этихъ областей столица получала пособія ратью, деньгами и хлѣбными запасами. Узнавъ о движеніи Сапѣги, Шуйскій послалъ брата своего Ивана перехватить ему дорогу; но московское ополченіе было на голову разбито подъ Рахмановымъ. Поразивъ царское войско, Сапѣга вмѣстѣ съ Лисовскимъ приступили къ Троицкому монастырю 23 сентября. Войско осаждавшихъ простиралось до 30,000 человѣкъ; но такъ какъ, послѣ первыхъ попытокъ овладѣть монастыремъ, Сапѣга увидалъ необходимость остаться подъ нимъ долгое время, почему долженъ былъ озаботиться собраніемъ запасовъ на зиму и разсылать отряды для занятія другихъ городовъ, то число войска его часто измѣнялось, уменьшалось иногда до 10,000 человѣкъ. Силы осажденныхъ трудно опредѣлить съ точностью, по недостатку свѣдѣній. По сохранившейся современной записи о сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ было тамъ 609 человѣкъ; если, по мнѣнію одного изслѣдователя, мы должны приложить сюда еще 700 ратниковъ, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, поименованные у Палицына, да если приложимъ сюда еще монаховъ, способныхъ нести воинскіе труды, то выйдетъ около 1,500 человѣкъ, кромѣ монастырскихъ слугъ и крестьянъ; при опредѣленіи числа послѣднихъ

талъ его полякомъ, а не Гришкою Отрепьевымъ. Такія черты свидѣтельствуютъ, что враги, считая его самозванцемъ, не имѣли несомнѣнной увѣренности, что онъ Гришка Отрепьевъ.

По смерти его, Шуйскій разослалъ по всему Московскому царству грамоту о низложеніи прежняго царя и о собственномъ восшествіи на престолъ. Если гдѣ, то въ этой грамотѣ должны были быть собраны всѣ очевидныя доказательства, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ. И однако мы, къ удивленію нашему, не встрѣчаемъ тамъ этого; все усиліе направлено лишь на то, чтобъ уличить бывшаго царя въ измѣнѣ православной вѣрѣ и русскимъ обычаямъ; наброшено на него множество обвиненій, но объ его самозванствѣ сказано коротко, какъ уже о фактѣ извѣстномъ и доказанномъ: «Богоотступникъ, еретикъ, разстрига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, омраченьемъ бѣсовскимъ прельстилъ многихъ людей». А чѣмъ же это было доказано? Самый способъ его низложенія и смерти какъ нельзя яснѣе показываетъ, что нельзя было уличить его не только въ томъ, что онъ Гришка, но даже и вообще въ самозванствѣ. Зачѣмъ было убивать его? Почему не поступили съ нимъ, именно какъ онъ просилъ, почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую онъ называлъ матерью? Почему не изложили передъ народомъ своихъ противъ него обвиненій? Почему наконецъ не призвали матери, братьевъ и дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ чернецовъ и вообще всѣхъ, знавшихъ Гришку, и не уличили его? Вотъ сколько средствъ, чрезвычайно сильныхъ, было въ рукахъ его убійцъ, и они не воспользовались ни однимъ изъ нихъ! Нѣтъ, они отвлекли народъ, науськали его на поляковъ, сами убили царя скопомъ, а потомъ объявляли, что онъ Гришка Отрепьевъ, и все темное, непонятное въ этомъ вопросѣ объясняли чернокнижествомъ и дьявольскимъ прельщеніемъ.

Всѣ историки и лѣтописцы, признающіе Димитрія Гришкой, повторяютъ, съ разными видоотличіями, слухи, которые образовались первоначально вслѣдствіе внушеній отъ власти, что обманщикъ былъ Гришка. Уже послѣ смутнаго времени появился рядъ повѣствованій и разсказовъ о приключеніяхъ Гришки Отрепьева. Они одинъ другому противорѣчатъ. Очевидно, Гришка сдѣлался миѳомъ, о немъ ходили сказки и легенды въ различныхъ оттѣнкахъ.

Но при самозванцѣ былъ Гришка Отрепьевъ. Наши историки, соблазняясь свидѣтельствомъ современниковъ (не имѣвшихъ никакой причины лгать) о различіи Гришки отъ самозванца, думали объяснить это различіе извѣстіемъ, вошедшимъ въ Морозовскую лѣтопись и рукописную «Повѣсть о Борисѣ и Разстригѣ», что Гришка самъ, назвавшись Димитріемъ, нарекъ своимъ именемъ другаго. Но Морозовская лѣтопись говоритъ, что эту роль Гришки на себя взялъ чернецъ Пименъ:—умышленная и неудачная ложь, ибо мы знаемъ изъ патріаршей грамоты, что чернецъ Пименъ былъ въ концѣ 1604 года въ Россіи; проводивши Гришку Отрепьева до границы литовской, онъ воротился назадъ. «Повѣсть о Борисѣ и Разстригѣ» говоритъ, что это былъ Леонидъ, инокъ Крынецкаго монастыря, который сопутствовалъ самозванцу вмѣстѣ съ Мисаиломъ Повадинымъ и Варламомъ. Но странно, что объ этомъ Леонидѣ упоминается въ одномъ только сочиненіи, и то единственно для того, чтобъ указать, что онъ замѣнилъ собой настоящаго Гришку. Почему же ни въ патріаршей грамотѣ, ни въ одномъ изъ разсказовъ, вошедшихъ въ хронографіи и лѣтописи, нѣтъ имени этого Леонида? Не показываетъ ли это, что имени Леонида не осталось даже по преданіямъ въ числѣ спутниковъ самозванца, и выдумано кѣмъ-то уже впослѣдствіи? Да и какъ можно вѣрить вообще, что кто-то, въ угодность самозванцу, принялъ на себя имя Гришки Отрепьева, не бывши имъ въ самомъ дѣлѣ, когда объ этомъ говорятъ только два позднѣйшіе источника, да и тѣ разногласятъ между собою?

Есть много иностранныхъ разсказовъ о томъ, какъ спасся Димитрій царевичъ отъ подосланныхъ убійцъ. Всѣ они если не есть, то кажутся сокращеніемъ

подробной повѣсти объ этомъ, находящейся въ рукописи, приписываемой какому-то Товіанскому. Тамъ разсказывается, что спасъ его докторъ Симеонъ, подмѣнивши другимъ мальчикомъ, котораго убійцы, почитая за царевича, зарѣзали ночью соннаго, а настоящій переданъ на сохраненіе князю Мстиславскому. Впослѣдствіи, послѣ разныхъ приключеній, царевичъ поступилъ въ монастырь, желая укрыться отъ преслѣдованій Бориса. Эта повѣсть съ перваго взгляда показываетъ такое же легендарное происхожденіе, какъ и наши затѣйливые разсказы о похожденіяхъ Гришки Отрепьева. Писана она со слуховъ, ходившихъ изъ устъ въ уста въ Польшѣ и заходившихъ въ Западную Европу. Въ сокращенныхъ видахъ это сказаніе повторяется Пясецкимъ, Петрицкимъ, Бареццо-ди-Бареции. Но то, что у нихъ разсказывается, точно ли было разсказано Димитріемъ и въ такомъ ли видѣ разсказано? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Разсказы эти черезчуръ противорѣчатъ истинѣ, и самозванецъ былъ бы черезчуръ неловкій обманщикъ, еслибъ прибѣгнулъ къ такого рода вымысламъ. Такъ, напримѣръ, подлогъ наканунѣ убійства и ночное убійство мальчика, подложеннаго вмѣсто царевича, не сходятся съ обстоятельствами, сопровождавшими убійство настоящаго царевича Димитрія въ Угличѣ. Убійство это произошло не ночью, а днемъ. Цѣлый городъ въ продолженіи трехъ дней смотрѣлъ на мертвое тѣло царевича, и всѣ могли узнавать въ немъ того самаго, который былъ живъ наканунѣ убійства. Справедливо смѣялся надъ этою сказкою великій гетманъ и канцлеръ польскій Янъ Замойскій: „Замыслить убить наслѣдника престола и ошибиться въ убитомъ», говорилъ онъ, «да это можно только барана или козла зарѣзать, и не посмотрѣть, кого зарѣзали». Притомъ же въ извѣстіи Товіанскаго говорится и то, что докторъ Симеонъ, спасши царевича, сохранилъ его у князя Ивана Мстиславскаго въ украинныхъ земляхъ Московскаго государства, когда никакого Мстиславскаго тамъ не бывало. Неужели нарекшій себя Димитріемъ могъ не знать этихъ обстоятельствъ и выдумать такія небылицы, которыя легко могли опровергнуть съ перваго раза, когда были другіе способы гораздо хитрѣе и ловчѣе скрыть обманъ.

Англичанинъ Смитъ, посѣтившій Россію во время гибели Борисова дома и воцаренія самозванца, объясняетъ тайное спасеніе царевича, безъ сомнѣнія такъ, какъ онъ слышалъ отъ русскихъ. Богданъ Бѣльскій былъ удаленъ отъ двора. Его друзья ему сообщали обо всемъ, что дѣлается при дворѣ; и по этимъ извѣстіямъ Бѣльскій сообразилъ, что Борисъ замышляетъ истребить Димитрія. Онъ вошелъ въ сношеніе съ его матерью; мальчика подмѣнили; на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ Димитріемъ и похожъ на него. Этотъ поповъ сынъ воспитывался подъ именемъ царевича Димитрія, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему перерѣзали горло, будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло его лежало впродолженіи трехъ дней всенародно, всѣ думали, что это Димитрій, а между тѣмъ настоящій Димитрій проживалъ въ неизвѣстности.

Василій Ивановичъ Шуйскій передъ низложеніемъ Борисова сына Ѳеодора, спрошенный народомъ, объяснилъ, что Димитрій избѣжалъ Годуновскаго преслѣдованія, а вмѣсто его убитъ и царски погребенъ священническій сынъ, а настоящій Димитрій идетъ въ Москву и находится въ Тулѣ.

Въ Ростовской лѣтописи разсказывается, что когда самозванецъ открылся Вишневецкому, то показалъ свитокъ, гдѣ было объяснено его спасеніе такъ: „Когда повелѣлъ его Борисъ убити, и его Богъ укрылъ, мѣсто его убиша Угличкаго попова сына, а его скрыша бояре и дьяки Щелкаловы, по приказу отца его царя Ивана Васильевича“.

Въ допросѣ, сдѣланномъ Мнишку по смерти самозванца, Мнишекъ объявилъ, что, пришедши къ Адаму Вишневецкому, самозванецъ показалъ, что Господь Богъ его отъ смерти спасъ помощью доктора, положившаго на мѣсто его иное дитя, которое вмѣсто его въ Угличѣ зарѣзали; а потомъ докторъ отдалъ его на воспитаніе къ одному сыну боярскому, который присовѣтовалъ ему спрятаться между чернецами.

Повидимому, здѣсь-то и корень всѣхъ нелѣпыхъ разсказовъ о подмѣнѣ Симеономъ Димитрія. Но собственно это мѣсто двусмысленно. Можно дѣйствительно понимать и такъ, что докторъ подложилъ вмѣсто царевича другаго предъ убійствомъ; но можно понимать и такъ, что онъ сдѣлалъ этотъ подмѣнъ и раньше. Во всякомъ случаѣ, однако, видно, что въ разсказѣ о спасеніи своемъ самозванецъ говорилъ въ Польшѣ о какомъ-то докторѣ; но замѣчательно, что по этому извѣстію докторъ отдалъ его не Ивану Мстиславскому, какъ говорится въ сказаніи Товіанскаго, а какому-то сыну боярскому.

Такимъ образомъ ничто здѣсь собственно не противорѣчитъ извѣстію Смита, показывающему, что спасеніе Димитрія приписывали Богдану Бѣльскому и его друзьямъ ранѣе убійства, совершеннаго въ Угличѣ, подкрѣпляемому свидѣтельствами Буссова и Петрея, сообщающими, что Бѣльскій увѣрялъ народъ крестнымъ цѣлованіемъ, что пришедшій въ Москву есть истинный Димитрій, и, наконецъ, сообразному съ мнѣніемъ Маржерета, на которое слѣдуетъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній извѣстнаго круга людей въ то время.

Если вопросъ ставить такимъ образомъ, что спасеніе Димитрія приписывалось партіи друзей его, то открывается, что личность эта должна быть орудіе партіи, ненавидѣвшей Бориса, и тотъ самый Богданъ Бѣльскій, который такъ энергически увѣрялъ народъ въ истинности прибывшаго въ Москву Димитрія, былъ со своими друзьями и виновникомъ его самозванства. По извѣстію Маржерета слухъ о Димитріи возникъ въ 1600 г., именно около того времени, когда поляки указываютъ время прибытія его въ Кіевъ. Съ этихъ поръ, говоритъ Маржеретъ, Борисъ занимался только истязаніями и пытками. Рабъ, обвиняющій своего господина, хотя бы и ложно, въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя награжденіе, а господина или его главнаго служителя подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не слыхали и не видали. Димитріеву мать вывели изъ монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ родовъ спаслись отъ подозрѣній тирана, котораго прежде считали милосердымъ государемъ. Извѣстіе современника чрезвычайно важно. Указываемое имъ время совпадаетъ дѣйствительно съ эпохою гоненій и преслѣдованій знатныхъ фамилій. Борисъ сдѣлался подозрителенъ, хотѣлъ все знать, говоритъ нашъ лѣтописецъ, и началъ награждать холопей боярскихъ за доносы. Началось съ Воинка, холопа князя Шестунова, который донесъ на своего боярина. Царь публично на площади приказалъ объявить ему похвалу и наградить помѣстьемъ. Съ его легкой руки и начались доносы холопей на бояръ; за доносами пытки, ссылки, заточенія, казни.

На основаніи всѣхъ упомянутыхъ здѣсь обстоятельствъ, мы признаемъ самозванца твореніемъ боярской партіи, враждебной Борису. Борисъ былъ въ этомъ убѣжденъ, и когда ожидаемый давно и не дававшій ему покоя призракъ царевича Димитрія отозвался въ Польшѣ и началъ существовать подъ этимъ именемъ, Борисъ не задумался сказать боярамъ: »Вотъ наконецъ что вышло! Я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измѣна и крамола князей и бояръ: знаю, это ваше, ваше дѣло, вы хотите погубить меня!» Какія же лица, кромѣ Бѣльскаго, благопріятствовали дѣлу явленія Димитрія? Сказать положительно невозможно; только однихъ Щелкаловыхъ именуетъ самъ претендентъ. Дьякъ Василій Щелкаловъ былъ дѣйствительно въ эпоху казней въ опалѣ и удаленъ отъ дѣлъ; при самозванцѣ былъ въ чести и, какъ его приверженецъ, подвергся опалѣ при Шуйскомъ.

Если Лжедмитрій былъ твореніемъ враждебной Борису партіи, хотѣвшей подорвать его державу и наслѣдіе рода, то былъ ли онъ сознательнымъ, или безсознательнымъ ея орудіемъ? Сознавалъ ли онъ, что онъ плутъ, обманщикъ, или же онъ былъ самъ обольщенъ, обманутъ и вѣрилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ царевичъ Димитрій?

Нѣкоторые поступки и черты его характера удостовѣряютъ въ томъ, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе.

1) Когда послѣ его прихода въ Москву, Шуйскій сталъ разсѣевать про него слухи, что онъ самозванецъ, Димитрій сдѣлалъ поступокъ, невиданный на Руси:

онъ отдалъ это дѣло, въ которомъ замѣшался вопросъ о его собственной личности, на судъ всѣхъ сословій Русской земли. Димитрій давалъ тогда возможность обличать себя. Всѣ шансы были на сторонѣ враговъ его. Еслибъ Шуйскій и его одномышленники имѣли на своей сторонѣ какія-нибудь доказательства, они бы могли одержать верхъ. Стало быть, царь вполнѣ былъ увѣренъ, что у враговъ нѣтъ доказательствъ, а это возможно единственно тогда, когда царь самъ былъ убѣжденъ, что онъ именно тотъ, за кого себя выдавалъ.

2) Самозванецъ-обманщикъ всѣми силами долженъ былъ бы поддерживать свой обманъ, не щадить никакихъ средствъ для этого, не останавливаться ни предъ какими жестокостями. Это свойство обмана. Всякая ложь, желающая удержать господство, прибѣгаетъ ко злу. Сознательный обманщикъ на престолѣ принужденъ былъ бы, хотя бы противъ воли, казнить и мучить людей за истину, за невѣріе его обману и за обличеніе этого обмана. Онъ неизбѣжно вошелъ бы во вкусъ къ жестокостямъ, и скоро укоренилась бы въ немъ ненависть ко всему правдивому, честному, и сталъ бы онъ отъявленнымъ чудовищемъ. Димитрій продержался почти годъ и не обнаружилъ никакихъ жестокостей.

3) Самозванецъ-обманщикъ, безъ сомнѣнія, осторожно показывалъ бы себя людямъ и остерегался, чтобъ его не увидѣли и не узнали прежніе знакомые. Димитрій, напротивъ, велъ себя такъ открыто, какъ ни одинъ изъ царей московскихъ. Онъ выходилъ пѣшкомъ, въ противность обычаямъ, и принималъ просьбы два раза въ недѣлю самъ лично.

4) Его предпочтеніе иноземныхъ пріемовъ жизни, естественное въ молодомъ москвитянинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предразсудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и ѣсть телятину, и все, что навлекло на него укоры отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ человѣка, глубоко сознававшаго свое царское происхожденіе, свое право. Если въ чемъ, то именно въ этомъ во всемъ ловкій обманщикъ подчинялся бы окружающей его средѣ.

5) Когда Шуйскій составилъ заговоръ, поляки провѣдали о существованіи коварныхъ замысловъ; были доносы и отъ русскихъ, и отъ нѣмцевъ. Лжедимитрій не хотѣлъ розыскивать, преслѣдовать, онъ даже приказывалъ наказывать доносчиковъ. Это и помогло заговору созрѣть. Еслибъ царь зналъ за собой обманъ, то никакъ бы не пренебрегалъ осторожностью.

6) Наконецъ, въ послѣднія минуты, когда его разшибеннаго, окровавленнаго принесли во дворецъ и стали допрашивать и вмѣстѣ съ тѣмъ бить, ругаться, онъ говорилъ: «Спросите у матери; выведите меня на Лобное мѣсто и дайте мнѣ говорить». Въ этихъ словахъ видна прежняя увѣренность и надежда, что дѣло его и теперь оправдается, если станутъ разбирать его спокойно.

Намъ могутъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: если Лжедимитрій могъ быть человѣкъ, увѣренный въ томъ, что онъ истинный царевичъ, и если обольщеніе было такъ хитро ведено, что не было возможности открыть обмана, (ибо народу представили дѣло такъ, что онъ подмѣненъ еще задолго до убійства въ Угличѣ), то скорѣе, не настоящій ли онъ царевичъ, и не легче ли въ самомъ дѣлѣ было его спасти, чѣмъ сотворить?

Все это, по нашему мнѣнію, возможно: легче было спасти, чѣмъ поддѣлать Димитрія. Но принять это положительно намъ воспрещаютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Еслибъ такъ было, то, по воцареніи Димитрія, были бы объяснены народу подробности его спасенія, а участвовавшіе въ спасеніи получили бы огромныя награды и благодарность предъ лицемъ всей земли Русской.

2) Еслибъ то былъ настоящій царевичъ, то, прибывши въ Польшу, онъ представилъ бы тамъ болѣе очевидныхъ доказательствъ своего царственнаго происхожденія; а то они до того слабы, что имъ никто въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ, кромѣ развѣ самыхъ легковѣрныхъ. Претендентъ не нашелъ себѣ поддержки соб-

ственно въ Польшѣ, а нашелъ ее въ Украйнѣ, гдѣ въ то время были готовые элементы для всякаго набѣга, для дѣла смуты и потрясенія государственнаго порядка. Его ратная сила, составленная изъ казаковъ и украинской шляхты, мало чѣмъ отличавшейся отъ казаковъ, по склонности къ буйству и шатанію, была такого же рода, какъ и сила втораго Лжедмитрія: это были толпы, готовыя пристать ко всякому бродягѣ, обѣщающему подъ своимъ знаменемъ поживу. Признали его московскіе изгнанники, поселенные въ польскомъ королевствѣ; но имъ выгодно было признать всякаго такого претендента; ибо въ случаѣ успѣха они могли надѣяться воротиться съ честью въ отечество и найти тамъ хорошее положеніе, а въ противномъ случаѣ ничѣмъ нерисковали. Наконецъ ласкали его въ Польшѣ католическіе духовные, особенно іезуиты, по обычному стремленію пользоваться всякими—и честными, и безчестными—средствами для приведенія къ папской власти страны, не входившей въ систему католическаго міра. Нельзя предположить, что дѣйствительный царевичъ явился въ чужую землю съ такими слабыми свидѣтельствами своего званія и могъ опираться только на такія стихіи, которыя бы равнымъ образомъ послужили всякому самозванцу-обманщику.

Эти соображенія побуждаютъ насъ признать, что царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія былъ не настоящій Димитрій, но лицо обольщенное и подготовленное боярами, партіею враждебною Борису. Люди этой партіи настроили пылкаго, увлекающагося юношу въ убѣжденіи, что онъ царевичъ Димитрій, спасенный въ младенчествѣ по наказу его родителя царя Ивана, и выпроводили его изъ Московскаго государства. Это сдѣлано было на русское авось. Они, конечно, не желали замѣнить Борисовъ родъ навсегда этимъ поддѣльнымъ Димитріемъ; но имъ достаточно было поставить Годуновымъ страшное знамя, подъ которое можно было соединить противъ нихъ народную громаду и ниспровергнуть родъ Годуновыхъ съ престола; а потомъ можно было обличить самозванца, выставить его обманщикомъ, сознаться въ своемъ заблужденіи, уничтожить его. Но дѣло будетъ совершено: Бориса и рода его не будетъ на престолѣ, а это главное. Родовитость русская слишкомъ оскорблялась тѣмъ, что на престолъ взошла фамилія незнатная, даже не чисто русской, а татарской крови. Это было черезчуръ унизительно и для національной чести. Таковы могли быть побужденія и разсчеты у тѣхъ, которые выпустили на свѣтъ самозванца.

XLII. КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

(Изъ статьи Иконникова: «Кто былъ первый Лжедимитрій», помѣщенной въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ»).

Всѣмъ извѣстно, какъ разногласны свидѣтельства русскихъ и иностранныхъ писателей въ указаніи личности Димитрія. Обыкновенно говорятъ, что первымъ самозванцемъ былъ Гришка Отрепьевъ. Но г. Костомаровымъ доказано, что такъ называемый первый самозванецъ былъ не Отрепьевъ, а вслѣдствіе этого представляется другой вопросъ: кто же именно былъ первый самозванецъ? На это г. Костомаровъ не даетъ отвѣта, а только представляетъ доводы противъ признанія въ первомъ самозванцѣ царевича Димитрія. Онъ говоритъ:

1) Еслибы самозванецъ былъ истинный царевичъ, то, по воцареніи его, былибы объяснены подробности его спасенія, а участвовавшіе въ немъ получили-бы награды.

2) Если-бы онъ былъ истинный царевичъ, то въ Польшѣ могъ-бы представить болѣе очевидныя доказательства, а то они до того слабы, что имъ повѣрили только самые легковѣрные.

Эти возраженія, намъ кажется, не вполнѣ удовлетворительны и вотъ почему Хотя Беръ и говоритъ, что Борисъ въ появленіи самозванца видѣлъ дѣло бояръ (т. е. политической партіи), но это еще не указываетъ на самое образова-

ніе замысла. Маржеретъ время казней Борисовыхъ соединяетъ съ распространеніемъ слуха о Димитріи. Тогда „въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана". Благодаря покровительству Бориса, распространилось шпіонство. «По доносу раба, господина его или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, чтобы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не слыхали и не видали». Когда же самозванецъ шелъ къ Москвѣ, то, по приказанію Бориса, многихъ за то, что они признавали въ немъ истиннаго Димитрія и говорили, что въ доказательство этого онъ ведетъ съ собою разстригу, подвергли, «разнымъ мукамъ», рѣзали языки... И однако къ этой переборкѣ, не исключая и высшихъ лицъ, никто не высказался, что бы могло существовать что либо подобное спасенію Димитрія, или подготовленію самозванца. Ясно, что дѣло шло самымъ тайнымъ путемъ. По воцареніи Димитрія, 74 семейства подверглись ссылкѣ, какъ приверженцы Бориса. Неужели они не имѣли связей съ лицами (если только это была партія бояръ), участвовавшими въ заговорѣ, чтобы не могли во время подслужиться Борису? Вотъ почему гораздо правдоподобнѣе, что въ дѣлѣ Димитрія участвовали лица, близкія къ семейству царевича, каковы: Бѣльскій, Нагіе, Романовы.

Что касается до объясненія народу подробностей спасенія, то Беръ упоминаетъ о разсылкѣ Димитріемъ грамотъ, которыя очень подробно объясняли обстоятельства его спасенія, «вслѣдствіе чего многіе русскіе явились въ Путивль и признали Димитрія государемъ». О грамотахъ, разосланныхъ имъ еще до прибытія въ Москву, говорятъ и русскія извѣстія. Нельзя допустить, чтобы и царица, признавая Димитрія своимъ сыномъ «предъ всѣми гражданами», не объяснила обстоятельствъ спасенія, потому что этотъ вопросъ былъ тогда предметомъ первой важности. Намъ извѣстно, что москвитяне, желая знать истину, обращались къ Шуйскому съ просьбою сказать имъ: «Точно ли царевичъ убитъ въ Угличѣ»? Свидѣтельство матери для нихъ должно было казаться еще важнѣе. И Беръ, по поводу свиданія съ нею Димитрія, которое происходило передъ народомъ, говоритъ, что послѣ этого «многіе готовы были присягнуть, что онъ сынъ ея». А Маржеретъ, доказывая истинность Димитрія, замѣчаетъ, что объ этомъ тогда «немногіе русскіе думали иначе», слѣдовательно, доводы въ пользу Димитрія для нихъ были убѣдительны.

Чтобы судить, на чемъ могъ опираться самозванецъ въ Польшѣ, какъ на доказательствахъ справедливости своихъ притязаній, слѣдуетъ замѣтить, что эти доказательства могли быть личныя и письменныя. Мы не станемъ утверждать, что русскіе, жившіе въ Польшѣ, признали его безпристрастно, такъ какъ московскимъ изгнанникамъ выгодно было признать всякаго такого претендента; но нельзя же отвергнуть письменныхъ свидѣтельствъ. По извѣстію Ростовской лѣтописи, Димитрій доказывалъ свое происхожденіе какимъ то свиткомъ. Король говорилъ, что онъ убѣждается въ истинномъ происхожденіи Димитрія на основаніи «словъ и *письменныхъ доказательствъ*, а равно и другихъ свидѣтельствъ».

Въ тѣхъ источникахъ, которыми обыкновенно пользуются изслѣдователи при изложеніи событій, вызванныхъ его появленіемъ, находится довольно свидѣтельствъ въ пользу истинности царствовавшаго Димитрія; а потому слѣдовало бы, при опроверженіи различныхъ мнѣній, обратить вниманіе и на нихъ, такъ какъ только всестороннее обсужденіе вопроса можетъ привести его къ окончательному результату. Мы сгруппируемъ здѣсь только тѣ обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу Димитрія, съ тѣмъ, чтобы заинтересованные этимъ вопросомъ критики не упускали и ихъ изъ виду.

1) Неизвѣстному лицу трудно было бы затѣять смуту во имя Димитрія: кто могъ быть увѣренъ, что легко будетъ разубѣдить въ убійствѣ царевича, такъ какъ никто не сомнѣвался въ этомъ до появленія Димитрія.

2) Если такъ называемый первый самозванецъ былъ подставленъ партіею бояръ и притомъ былъ убѣжденъ въ своей истинности, то рождается вопросъ, какимъ образомъ бояре успѣли воспитать его для своей цѣли? Если они взяли

его еще дитятей, то что ручалось имъ въ томъ, что это дитя можетъ годиться для ихъ плана, прійдя въ возрастъ; если же они пріискали для этого „пылкаго юношу“ и „настроили“ его на свой ладъ, то неужели же онъ сейчасъ позабылъ прошлое и не позаботился бы узнать у своихъ близкихъ, которые окружали его прежде? Какимъ образомъ случилась съ нимъ подобная метаморфоза? Положимъ, боярамъ нужно было свергнуть Бориса съ престола; но въ подобной игрѣ еще представлялся вопросъ: кто выиграетъ, Борисъ или самозванецъ? Для того, чтобы планъ удался, нужна была не кучка бояръ, а цѣлая партія, связанная общими интересами члеповъ; но въ такомъ случаѣ весьма сомнительно, чтобы они всѣ устояли передъ преслѣдованіями Бориса, который, при всемъ предполагаемомъ негодованіи на него, имѣлъ очень много сторонниковъ, даже въ высшемъ сословіи. Чтобы настроить кого-нибудь къ извѣстному предпріятію, бояре должны были имѣть съ нимъ постоянныя сношенія, что оказывается вполнѣ невозможнымъ при постоянномъ надзорѣ Бориса. Тѣ же бояре, по воцареніи Димитрія, когда уже не существовало рода Борисова, дали „торжественную грамоту королю, за своею печатью, въ удостовѣреніе, что объявившій себя Димитріемъ сынъ царя Іоанна Васильевича“. Неужели они были такъ непослѣдовательны, что въ то время, когда цѣль ихъ была уже достигнута, Борисъ свергнутъ, они рѣшились дать Сигизмунду право мстить за Димитрія, такъ какъ выгода одного соединялась съ существованіемъ другаго? Бояре, участвовавшіе въ заговорѣ, не знали, какъ назвать Димитрія, и потому передъ убійствомъ спрашивали его, точно ли онъ сынъ Іоанна Васильевича? Да и самая партія, низвергнувшая потомъ самозванца, не имѣла никакого отношенія къ лицамъ, участвовавшимъ въ его появленіи.

3) Подробности о самозванцѣ скорѣе всего могли быть извѣстны матери царевича и Бѣльскому, такъ какъ ихъ содѣйствіе должно было пригодиться впослѣдствіи. Слѣдовательно, мы въ правѣ были бы ожидать, что Мареа и Бѣльскій представятъ положительные доводы противъ самозванца въ то время, когда его уже не существовало. Но мы видимъ противное: Мареа оставалась при прежнемъ убѣжденіи до тѣхъ поръ, пока не опредѣлился новый взглядъ на Димитрія въ правленіе Шуйскаго. Такъ, когда по убіеніи царя спрашивали ее: „Твой ли это сынъ?» она отвѣчала: „Спрашивать было меня объ этомъ, пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой“. Уже въ этомъ отвѣтѣ видна борьба совѣсти со страхомъ. Впослѣдствіи Мареа объявляла, что она признала Димитрія изъ боязни, что онъ присылалъ къ ней для наущенія совѣтниковъ, что при извѣстной встрѣчѣ съ нею не позволилъ присутствовать боярамъ; тогда какъ намъ извѣстно, что за нею Димитрій посылалъ Скопина-Шуйскаго, своего противника, что свиданіе съ нею происходило передъ толпою: ей только стоило сказать, что явившійся Димитрій не сынъ ея, чтобы перемѣнить мнѣніе народа не въ его пользу. Что мѣшало заговорщикамъ обратиться къ ней, когда Димитрій, передъ своею смертью, совѣтовалъ имъ спросить ее, кто онъ таковъ, и когда одного ея слова достаточно было, чтобы уничтожить его? Они этого не сдѣлали: ясно, что не надѣялись на благопріятный исходъ дѣла. Легко подмѣтить, что грамоту Мареы писала другая рука. И еще г. Соловьевъ догадывался, что въ грамотѣ за Мареу говорили другіе.

Показаніе Бѣльскаго имѣло большое значеніе, такъ какъ онъ ближе другихъ зналъ царевича, который былъ отданъ ему на попеченіе Грознымъ. Въ день прибытія Димитрія въ Кремль, Бѣльскій торжественною клятвою заявилъ истинность его, но не отступился отъ своего слова: въ правленіе Шуйскаго онъ былъ сосланъ въ Казань за приверженность къ Димитрію.

4) Изъ хода дѣлъ видно, что убійство, совершенное въ Угличѣ, не представлялось для современниковъ фактомъ, ясно опредѣленнымъ: спѣшили скорѣе прикрыть его, а потому лишь только явилось лицо, претендовавшее на имя убитаго, такъ сейчасъ родилось сомнѣніе въ томъ, кто убитъ. Извѣстно, что когда разнесся слухъ о Димитріи, то Борисъ первый усумнился въ смерти царевича и ве-

Димитрій? Такъ могло быть только при полной добросовѣстности. Но о добросовѣстности трехъ бродягъ мало можно толковать, когда тогдашнія извѣстія по этому дѣлу, исходившія прямо отъ патріарха и другихъ важныхъ лицъ, разнорѣчатъ между собою, и передаваемое ими не согласуется съ строгой истиной. Напримѣръ, патріархъ писалъ окружную грамоту о проклятіи Гришки, гдѣ выставилъ народу то, что ему было извѣстно объ этомъ лицѣ, и скоро послѣ того писалъ грамоту въ Вильно къ католическому духовенству и въ ней допустилъ противорѣчіе тому, что писалъ своему народу. Такъ, въ окружной всенародной грамотѣ, какъ выше сказано, было объявлено, что Гришка *прежде* своего постриженія *заворовался*, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни и избѣгая ея, постригся въ монахи; а въ грамотѣ къ католическому духовенству, напротивъ, онъ пишетъ что Гришка, уже постригшись, надѣлалъ преступленій, и, избѣгая смертной казни, ушелъ въ Литву. Въ соборной грамотѣ къ князю Острожскому говорится, что Гришка, живучи въ Чудовѣ монастырѣ, былъ уличенъ въ чернокнижествѣ, призываніи нечистыхъ духовъ и отреченіи отъ Бога, и за то осужденъ не на смерть, а на тюремное заточеніе въ Каменномъ монастырѣ. Сверхъ того, въ грамотѣ, отправленной въ Польшу, сказано, что самъ патріархъ посвящалъ его въ діаконы; въ окружной грамотѣ этого не говорится, напротивъ, смыслъ выходитъ такой, что Гришка, прежде поступленія во дворъ къ патріарху, былъ дьякономъ и былъ взятъ во дворъ уже носивши дьяконскій чинъ. На это могутъ возразить: патріархъ могъ ставить Гришку прежде, чѣмъ взялъ во дворъ. Посвященный въ діаконы Гришка ходилъ по разнымъ монастырямъ, а потомъ уже взятъ во дворъ къ патріарху. Но, во-первыхъ, еслибъ патріархъ его ставилъ, то, конечно, въ Чудовомъ монастырѣ, и тогда въ грамотѣ было бы поставлено имя Чудова монастыря прежде, а не послѣ безъименныхъ многихъ монастырей; здѣсь же изображается, что Гришка былъ въ званіи дьяконскомъ во многихъ монастыряхъ, а потомъ пришелъ въ Чудовъ. Во-вторыхъ, для чего было патріарху не сказать народу о томъ, что онъ самъ поставлялъ Гришку, когда онъ сообщаетъ объ этомъ польскимъ духовнымъ? И почему не оповѣстить народу вначалѣ о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ писано было впослѣдствіи Острожскому? Не скорѣе ли видно тутъ, что писавшимъ грамоты въ Польшу и къ Острожскому приходили въ голову новыя удачныя выдумки, которыя случайно не приходили тогда, когда писалось окружное посланіе. Извѣстно, что кто вымышляетъ, тому рѣдко удается повторить свой вымыселъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ изложилъ его первый разъ.

Когда послѣ низложенія самозванца, въ царствованіе Шуйскаго, патріарха Іова привезли въ Москву изъ Старицы для разрѣшенія народа отъ клятвы, то патріархъ объявилъ, будто Гришка разстригся прежде, чѣмъ бѣжалъ въ Литовское государство. Между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ прежде отъ имени того же патріарха Іова, не видно было, чтобъ Гришка свялъ съ себя монашескій санъ до побѣга въ Кіевъ, напротивъ, въ Кіевѣ еще ходилъ въ монашескомъ платьѣ и служилъ въ дьяконскомъ санѣ. Собственно это разнорѣчіе само по себѣ не важно, но оно въ числѣ другихъ указываетъ, что въ оффиціальныхъ актахъ, относящихся къ этому времени, не держались строгой одинаковости изложенія событій, а изображали ихъ такъ, какъ въ данную минуту казалось приличнѣе и выгоднѣе изображать.

Гораздо важнѣе слѣдующее разнорѣчіе. Написанная отъ имени патріарха, въ 1605 г., грамота, гдѣ излагались въ первый разъ народу свидѣтельства о томъ, что явившійся подъ именемъ Димитрія есть Гришка Отрепьевъ, была разослана по епархіямъ; архіереи должны были сообщать народу тѣ вѣсти, какія сообщилъ имъ Іовъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, русскіе архіереи не имѣли тогда инаго источника, кромѣ грамоты патріаршей, ибо переписывали ее слово въ слово. Но при этомъ они говорили не совсѣмъ то, что говорилъ патріархъ. Напримѣръ, въ грамотѣ Исидора, митрополита новгородскаго, говорится о Стефанѣ иконникѣ, что онъ видѣлъ Гришку у Адама Вишневецкаго и слышалъ, какъ онъ назывался ца-

ревичемъ Димитріемъ; а въ окружной грамотѣ патріарха не говорится, чтобы Стефанъ видѣлъ его у Адама Вишневецкаго, а все знакомство его съ Гришкою ограничивалось тѣмъ, что послѣдній съ запорожскими черкасами приходилъ къ его лавкѣ. Откуда-же это разнорѣчіе? Конечно, въ грамотѣ новгородскаго митрополита прибавка, сдѣланная для того, чтобъ показаніе Стефана Иконника имѣло какую-нибудь цѣнность, ибо въ патріаршей граматѣ оно можетъ возбуждать смѣхъ своею несостоятельностью. Сверхъ того, въ окружной грамотѣ патріарха, въ показаніи Венедикта, говорится, что Гришка присталъ къ люторамъ, а у Исидора это обстоятельство упускается, зато говорится, будто Венедиктъ видѣлъ Гришку въ Никольскомъ монастырѣ разстриженнымъ, чего нѣтъ въ патріаршей грамотѣ.

Извѣстія эти слагались и обнародовались въ то время, когда для спасенія Борисова правленія необходимо было, чтобъ тотъ, кто называлъ себя Димитріемъ, представленъ былъ народу не безъименнымъ воромъ, но съ какимъ-нибудь положительнымъ именемъ, ибо это лицо оставлять неизвѣстнымъ было опасно. Если онъ не Димитрій, то все таки кто же онъ, спрашивалъ бы народъ. А коль скоро онъ—неизвѣстно кто, то почему же онъ не Димитрій? И почему правительство можетъ знать, что онъ не Димитрій, когда сознается, что не знаетъ, кто онъ? Для вліянія на народъ рѣшились предать проклятію вора. Но кого проклинать? Нужно было имя. Что оно было крайне нужно, показали послѣдствія. Когда послѣ смерти Бориса написали крестоцѣловальную запись, гдѣ не упомянули ни имени Гришки, ни другаго опредѣленнаго имени, а выразились о самозванцѣ, какъ о неизвѣстномъ ворѣ, то перешедшіе къ самозванцу считали эту неопредѣлительность въ присяжномъ листѣ для себя достаточнымъ извиненіемъ. Видно только, что когда нужно было доискаться, кто бы могъ быть назвавшійся Димитріемъ, то патріархъ вспомнилъ, что въ Чудовомъ монастырѣ былъ монахъ Отрепьевъ, бывавшій у него во дворѣ для книжнаго письма и бѣжавшій изъ Москвы. Этимъ собственно и ограничивались положительныя свѣдѣнія о Гришкѣ въ Москвѣ. Что касается до его преступленій, то относительно этого патріархъ запутался въ своихъ грамотахъ и въ одной изъ нихъ обвиняетъ Гришку въ преступленіи, сдѣланномъ до постриженія въ монахи, не говоря о его преступленіяхъ въ монашествѣ, а въ другой, не говоря, чтобъ причиною поступленія въ монашество было желаніе избѣжать кары за преступленіе, говоритъ, что Гришка уже постригшись въ монахи, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни. Затѣмъ подтвержденіемъ догадкамъ, явившимся въ Москвѣ, послужили неясныя показанія трехъ бродягъ, которымъ было естественно сочинить что-нибудь о Гришкѣ и доставить правительству услугу сообщеніемъ нужныхъ ему объясненій. Но если они говорили и правду, то ничего не сказали важнаго, ибо не объяснили, почему они считаютъ, что назвавшій себя Димитріемъ былъ Гришка, а не иной кто-нибудь?

Замѣчательно, что въ то время проглядываютъ черты, которыя давали право думать, что правительство не увѣрено было въ томъ, что утверждало всенародно, будто самозванецъ былъ Гришка. Напримѣръ, въ посольской грамотѣ, посланной къ королю Сигизмунду съ Постникомъ-Огаревымъ, было сказано, что еслибъ это лицо и былъ настоящій Димитрій, то и тогда бы онъ не имѣлъ права на престолъ Московскаго государства, какъ незаконнорожденный сынъ. Поляки объясняли это желаніемъ обезпечить за собою право, еслибъ оказалось, что претендентъ былъ не только не Гришка, но даже настоящій Димитрій. Имѣлъ-ли право на престолъ Димитрій, или не имѣлъ, для Бориса должно было быть все равно, если только онъ былъ увѣренъ, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, поляки впослѣдствіи придирались къ этой оговоркѣ, и доказывали русскимъ, что Борисъ самъ не зналъ навѣрное, что назвавшій себя царевичемъ былъ дѣйствительно бѣглый монахъ. Подобное невѣдѣніе, кто именно былъ самозванецъ, проглядываетъ въ упомянутой нами выше крестоцѣловальной записи на вѣрность Ѳеодору Борисовичу, гдѣ сказано: *«И того вора, что называется Димитріемъ Углецкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти»*. Объ этомъ ворѣ нѣсколько разъ упоминается въ этой грамотѣ, и все безъименно. Не доказываетъ-ли это того, что, признавая называвшаго себя Димитріемъ воромъ-обманщикомъ, неувѣрены были, точно ли это Гришка Отрепьевъ?

Для опредѣленія личности самозванца важнѣе всего было бы для насъ дѣло Василія Ивановича Шуйскаго, еслибъ мы знали о немъ подробнѣе. Всѣ почти историческіе источники, относящіеся къ эпохѣ перваго Лжедимитрія, согласны въ томъ, что Шуйскихъ судили, приговорили Василія къ смерти, вывели на мѣсто казни, но царь замѣнилъ ему смертную казнь ссылкою, наравнѣ съ его братьями, а чрезъ нѣсколько времени принялъ его и всю родню его снова въ милость. Въ повѣствованіи, вошедшемъ въ Никоновскій сборникъ, говорится, что Шуйскіе, видя на православную вѣру гоненіе, начали помышлять, чтобъ православная вѣра до конца не разорилась, а Димитрій для суда надъ Шуйскими созвалъ соборъ не только изъ бояръ, но и изъ простыхъ; и никто на этомъ соборѣ не стоялъ на сторонѣ Шуйскихъ. Въ варіантѣ того же повѣствованія, изданномъ Оболенскимъ, подъ именемъ «Новаго Лѣтописца», прибавляется, что всѣ на соборѣ были увѣрены, что царь—Гришка Отрепьевъ, да сказать не смѣли. Въ повѣствованіи, помѣщенномъ въ разныхъ хронографахъ, приводится сущность приговора, читаннаго Басмановымъ надъ Шуйскимъ. Изъ него видно, что Василій Шуйскій осужденъ за то, что называлъ царя Григоріемъ Отрепьевымъ. Въ хроникѣ Буссова разсказывается безъ точнаго указанія времени, что былъ составленъ противъ царя заговоръ, и открылось, что Шуйскій глава его. Его вывели на площадь казнить, а потомъ объявили, что царь, по своему милосердію, этого преступника прощаетъ. Мы не знаемъ доводовъ, какіе тогда представлялись съ обѣихъ сторонъ; не знаемъ, доказывалъ-ли на соборѣ Шуйскій, что царь самозванецъ, и не доказалъ этого, или же онъ оправдывался и запирался въ томъ, что говорилъ, будто царь Гришка Отрепьевъ, и былъ уличенъ; но еслибъ онъ стоялъ твердо на томъ, что царь Гришка, то не могъ бы ужъ никакъ возвратиться въ милость царя. Впослѣдствіи, мы знаемъ, онъ притворился и признавалъ царя сыномъ Ивана Грознаго.

Надобно обратить вниманіе, что судъ надъ Шуйскими былъ совершенъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно, Лжедимитрій сильно рисковалъ тогда, предавая собственное дѣло на обсужденіе націи. Значитъ, онъ былъ твердо увѣренъ, что невозможно доказать, что онъ Гришка Отрепьевъ. По свидѣтельству нашихъ и иностранныхъ историковъ, тогда никто не оправдалъ Шуйскаго, никто не изъявилъ подозрѣнія, что царь не Димитрій, а Гришка. Еслибъ были явныя улики, явились бы свидѣтельства, и царь не усидѣлъ бы на престолѣ. Этотъ судъ собора, созваннаго изъ всѣхъ сословій, фактически былъ для Димитрія законнымъ признаніемъ всей страны. Дѣло его было обсуждено и порѣшено въ его пользу. Онъ былъ въ рукахъ враговъ своихъ, какъ нельзя болѣе; они имѣли всякую возможность обличить его, еслибъ могли; а когда не обличили, то, значитъ, не было у нихъ надлежащихъ доказательствъ. Кого и чего могли бояться члены собора? Польскаго отряда, поддерживавшаго царя? Всего въ городѣ было нѣсколько польскихъ ротъ, провожавшихъ его; не могли же они защищать его отъ цѣлой націи. Положимъ, прежде, изъ ненависти къ Борису и его фамиліи, могли иные насильно закрывать себѣ глаза и принуждать самихъ себя признавать вѣдомаго бродягу царскимъ сыномъ; теперь Годуновыхъ уже не было. Что же могло привлекать къ Гришкѣ?

Сообразивъ эти обстоятельства, нельзя не признать, что въ то время не было доказательствъ, что царь былъ Гришка Отрепьевъ, разстрига, бѣглецъ Чудова монастыря.

Вотъ все, что во время царствованія Димитрія проглядывало какъ бы въ обличеніе, что онъ Гришка Отрепьевъ. Въ минуты его убійства, заговорщики, взявши его съ фундамента Борисова дома, внесли во дворецъ и стали допрашивать: «Говори, кто ты таковъ? Кто твой отецъ?» Не показываетъ ли этотъ вопросъ, что заговорщики не знали совершенно, что онъ Гришка Отрепьевъ; иначе, зачѣмъ спрашивать его? Тогда они бы прямо обличали его, что онъ Гришка. Валуевъ, передъ тѣмъ какъ застрѣлилъ его, сказалъ: „Вотъ я поблагословлю этого польскаго свистуна.» Это выраженіе какъ будто показываетъ, что Валуевъ счи-

талъ его полякомъ, а не Гришкою Отрепьевымъ. Такія черты свидѣтельствуютъ, что враги, считая его самозванцемъ, не имѣли несомнѣнной увѣренности, что онъ Гришка Отрепьевъ.

По смерти его, Шуйскій разослалъ по всему Московскому царству грамоту о низложеніи прежняго царя и о собственномъ восшествіи на престолъ. Если гдѣ, то въ этой грамотѣ должны были быть собраны всѣ очевидныя доказательства, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ. И однако мы, къ удивленію нашему, не встрѣчаемъ тамъ этого; все усиліе направлено лишь на то, чтобъ уличить бывшаго царя въ измѣнѣ православной вѣрѣ и русскимъ обычаямъ; наброшено на него множество обвиненій, но объ его самозванствѣ сказано коротко, какъ уже о фактѣ извѣстномъ и доказанномъ: «Богоотступникъ, еретикъ, разстрига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, омраченьемъ бѣсовскимъ прельстилъ многихъ людей». А чѣмъ же это было доказано? Самый способъ его низложенія и смерти какъ нельзя яснѣе показываетъ, что нельзя было уличить его не только въ томъ, что онъ Гришка, но даже и вообще въ самозванствѣ. Зачѣмъ было убивать его? Почему не поступили съ нимъ, именно какъ онъ просилъ, почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую онъ называлъ матерью? Почему не изложили передъ народомъ своихъ противъ него обвиненій? Почему наконецъ не призвали матери, братьевъ и дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ чернецовъ и вообще всѣхъ, знавшихъ Гришку, и не уличили его? Вотъ сколько средствъ, чрезвычайно сильныхъ, было въ рукахъ его убійцъ, и они не воспользовались ни однимъ изъ нихъ! Нѣтъ, они отвлекли народъ, науськали его на поляковъ, сами убили царя скопомъ, а потомъ объявляли, что онъ Гришка Отрепьевъ, и все темное, непонятное въ этомъ вопросѣ объясняли чернокнижествомъ и дьявольскимъ прельщеніемъ.

Всѣ историки и лѣтописцы, признающіе Димитрія Гришкой, повторяютъ, съ разными видоотличіями, слухи, которые образовались первоначально вслѣдствіе внушеній отъ власти, что обманщикъ былъ Гришка. Уже послѣ смутнаго времени появился рядъ повѣствованій и разсказовъ о приключеніяхъ Гришки Отрепьева. Они одинъ другому противорѣчатъ. Очевидно, Гришка сдѣлался миѳомъ, о немъ ходили сказки и легенды въ различныхъ оттѣнкахъ.

Но при самозванцѣ былъ Гришка Отрепьевъ. Наши историки, соблазняясь свидѣтельствомъ современниковъ (не имѣвшихъ никакой причины лгать) о различіи Гришки отъ самозванца, думали объяснить это различіе извѣстіемъ, вошедшимъ въ Морозовскую лѣтопись и рукописную «Повѣсть о Борисѣ и Разстригѣ», что Гришка самъ, назвавшись Димитріемъ, нарекъ своимъ именемъ другаго. Но Морозовская лѣтопись говоритъ, что эту роль Гришки на себя взялъ чернецъ Пименъ:—умышленная и неудачная ложь, ибо мы знаемъ изъ патріаршей грамоты, что чернецъ Пименъ былъ въ концѣ 1604 года въ Россіи; проводивши Гришку Отрепьева до границы литовской, онъ воротился назадъ. «Повѣсть о Борисѣ и Разстригѣ» говоритъ, что это былъ Леонидъ, инокъ Крынецкаго монастыря, который сопутствовалъ самозванцу вмѣстѣ съ Мисаиломъ Повадинымъ и Варлаамомъ. Но странно, что объ этомъ Леонидѣ упоминается въ одномъ только сочиненіи, и то единственно для того, чтобъ указать, что онъ замѣнилъ собой настоящаго Гришку. Почему же ни въ патріаршей грамотѣ, ни въ одномъ изъ разсказовъ, вошедшихъ въ хронографіи и лѣтописи, нѣтъ имени этого Леонида? Не показываетъ ли это, что имени Леонида не осталось даже по преданіямъ въ числѣ спутниковъ самозванца, и выдумано кѣмъ-то уже впослѣдствіи? Да и какъ можно вѣрить вообще, что кто-то, въ угодность самозванцу, принялъ на себя имя Гришки Отрепьева, не бывши имъ въ самомъ дѣлѣ, когда объ этомъ говорятъ только два позднѣйшіе источника, да и тѣ разногласятъ между собою?

Есть много иностранныхъ разсказовъ о томъ, какъ спасся Димитрій царевичъ отъ подосланныхъ убійцъ. Всѣ они если не есть, то кажутся сокращеніемъ

подробной повѣсти объ этомъ, находящейся въ рукописи, приписываемой какому-то Товіанскому. Тамъ разсказывается, что спасъ его докторъ Симеонъ, подмѣнивши другимъ мальчикомъ, котораго убійцы, почитая за царевича, зарѣзали ночью сонного, а настоящій переданъ на сохраненіе князю Мстиславскому. Впослѣдствіи, послѣ разныхъ приключеній, царевичъ поступилъ въ монастырь, желая укрыться отъ преслѣдованій Бориса. Эта повѣсть съ перваго взгляда показываетъ такое же легендарное происхожденіе, какъ и наши затѣйливые разсказы о похожденіяхъ Гришки Отрепьева. Писана она со слуховъ, ходившихъ изъ устъ въ уста въ Польшѣ и заходившихъ въ Западную Европу. Въ сокращенныхъ видахъ это сказаніе повторяется Пясецкимъ, Петрицкимъ, Бареццо-ди-Барецци. Но то, что у нихъ разсказывается, точно ли было разсказано Димитріемъ и въ такомъ ли видѣ разсказано? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Разсказы эти черезчуръ противорѣчатъ истинѣ, и самозванецъ былъ бы черезчуръ неловкій обманщикъ, еслибъ прибѣгнулъ къ такого рода вымысламъ. Такъ, напримѣръ, подлогъ наканунѣ убійства и ночное убійство мальчика, подложеннаго вмѣсто царевича, не сходятся съ обстоятельствами, сопровождавшими убійство настоящаго царевича Димитрія въ Угличѣ. Убійство это произошло не ночью, а днемъ. Цѣлый городъ въ продолженіи трехъ дней смотрѣлъ на мертвое тѣло царевича, и всѣ могли узнавать въ немъ того самаго, который былъ живъ наканунѣ убійства. Справедливо смѣялся надъ этою сказкою великій гетманъ и канцлеръ польскій Янъ Замойскій: „Замыслить убить наслѣдника престола и ошибиться въ убитомъ», говорилъ онъ, «да это можно только барана или козла зарѣзать, и не посмотрѣть, кого зарѣзали». Притомъ же въ извѣстіи Товіанскаго говорится и то, что докторъ Симеонъ, спасши царевича, сохранилъ его у князя Ивана Мстиславскаго въ украинныхъ земляхъ Московскаго государства, когда никакого Мстиславскаго тамъ не бывало. Неужели нарекшій себя Димитріемъ могъ не знать этихъ обстоятельствъ и выдумать такія небылицы, которыя легко могли опровергнуть съ перваго раза, когда были другіе способы гораздо хитрѣе и ловчѣе скрыть обманъ.

Англичанинъ Смитъ, посѣтившій Россію во время гибели Борисова дома и воцаренія самозванца, объясняетъ тайное спасеніе царевича, безъ сомнѣнія такъ, какъ онъ слышалъ отъ русскихъ. Богданъ Бѣльскій былъ удаленъ отъ двора. Его друзья ему сообщали обо всемъ, что дѣлается при дворѣ; и по этимъ извѣстіямъ Бѣльскій сообразилъ, что Борисъ замышляетъ истребить Димитрія. Онъ вошелъ въ сношеніе съ его матерью; мальчика подмѣнили; на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ Димитріемъ и похожъ на него. Этотъ поповъ сынъ воспитывался подъ именемъ царевича Димитрія, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему перерѣзали горло, будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло его лежало впродолженіи трехъ дней всенародно, всѣ думали, что это Димитрій, а между тѣмъ настоящій Димитрій проживалъ въ неизвѣстности.

Василій Ивановичъ Шуйскій передъ низложеніемъ Борисова сына Θеодора, спрошенный народомъ, объяснилъ, что Димитрій избѣжалъ Годуновскаго преслѣдованія, а вмѣсто его убитъ и царски погребенъ священническій сынъ, а настоящій Димитрій идетъ въ Москву и находится въ Тулѣ.

Въ Ростовской лѣтописи разсказывается, что когда самозванецъ открылся Вишневецкому, то показалъ свитокъ, гдѣ было объяснено его спасеніе такъ: „Когда повелѣлъ его Борисъ убити, и его Богъ укрылъ, мѣсто его убиша Углицкаго попова сына, а его скрыша бояре и дьяки Щелкаловы, по приказу отца его царя Ивана Васильевича“.

Въ допросѣ, сдѣланномъ Мнишку по смерти самозванца, Мнишекъ объявилъ, что, пришедши къ Адаму Вишневецкому, самозванецъ показалъ, что Господь Богъ его отъ смерти спасъ помощью доктора, положившаго на мѣсто его иное дитя, которое вмѣсто его въ Угличѣ зарѣзали; а потомъ докторъ отдалъ его на воспитаніе къ одному сыну боярскому, который присовѣтовалъ ему спрятаться между чернецами.

Повидимому, здѣсь-то и корень всѣхъ нелѣпыхъ разсказовъ о подмѣнѣ Симеономъ Димитрія. Но собственно это мѣсто двусмысленно. Можно дѣйствительно понимать и такъ, что докторъ подложилъ вмѣсто царевича другаго предъ убійствомъ; но можно понимать и такъ, что онъ сдѣлалъ этотъ подмѣнъ и раньше. Во всякомъ случаѣ, однако, видно, что въ разсказѣ о спасеніи своемъ самозванецъ говорилъ въ Польшѣ о какомъ-то докторѣ; но замѣчательно, что по этому извѣстію докторъ отдалъ его не Ивану Мстиславскому, какъ говорится въ сказаніи Товіанскаго, а какому-то сыну боярскому.

Такимъ образомъ ничто здѣсь собственно не противорѣчитъ извѣстію Смита, показывающему, что спасеніе Димитрія приписывали Богдану Бѣльскому и его друзьямъ ранѣе убійства, совершеннаго въ Угличѣ, подкрѣпляемому свидѣтельствами Буссова и Петрея, сообщающими, что Бѣльскій увѣрялъ народъ крестнымъ цѣлованіемъ, что пришедшій въ Москву есть истинный Димитрій, и, наконецъ, сообразному съ мнѣніемъ Маржерета, на которое слѣдуетъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній извѣстнаго круга людей въ то время.

Если вопросъ ставить такимъ образомъ, что спасеніе Димитрія приписывалось партіи друзей его, то открывается, что личность эта должна быть орудіе партіи, ненавидѣвшей Бориса, и тотъ самый Богданъ Бѣльскій, который такъ энергически увѣрялъ народъ въ истинности прибывшаго въ Москву Димитрія, былъ со своими друзьями и виновникомъ его самозванства. По извѣстію Маржерета слухъ о Димитріи возникъ въ 1600 г., именно около того времени, когда поляки указываютъ время прибытія его въ Кіевъ. Съ этихъ поръ, говоритъ Маржеретъ, Борисъ занимался только истязаніями и пытками. Рабъ, обвинявшій своего господина, хотя бы и ложно, въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя награжденіе, а господина или его главнаго служителя подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не слыхали и не видали. Димитріеву мать вывели изъ монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ родовъ спаслись отъ подозрѣній тирана, котораго прежде считали милосердымъ государемъ. Извѣстіе современника чрезвычайно важно. Указываемое имъ время совпадаетъ дѣйствительно съ эпохою гоненій и преслѣдованій знатныхъ фамилій. Борисъ сдѣлался подозрителенъ, хотѣлъ все знать, говоритъ нашъ лѣтописецъ, и началъ награждать холопей боярскихъ за доносы. Началось съ Воинка, холопа князя Шестунова, который донесъ на своего боярина. Царь публично на площади приказалъ объявить ему похвалу и наградить помѣстьемъ. Съ его легкой руки и начались доносы холопей на бояръ; за доносами пытки, ссылки, заточенія, казни.

На основаніи всѣхъ упомянутыхъ здѣсь обстоятельствъ, мы признаемъ самозванца твореніемъ боярской партіи, враждебной Борису. Борисъ былъ въ этомъ убѣжденъ, и когда ожидаемый давно и не дававшій ему покоя призракъ царевича Димитрія отозвался въ Польшѣ и началъ существовать подъ этимъ именемъ, Борисъ не задумался сказать боярамъ: »Вотъ наконецъ что вышло! Я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измѣна и крамола князей и бояръ: знаю, это ваше, ваше дѣло, вы хотите погубить меня!« Какія же лица, кромѣ Бѣльскаго, благопріятствовали дѣлу явленія Димитрія? Сказать положительно невозможно; только однихъ Щелкаловыхъ именуетъ самъ претендентъ. Дьякъ Василій Щелкаловъ былъ дѣйствительно въ эпоху казней въ опалѣ и удаленъ отъ дѣлъ; при самозванцѣ былъ въ чести и, какъ его приверженецъ, подвергся опалѣ при Шуйскомъ.

Если Лжедмитрій былъ твореніемъ враждебной Борису партіи, хотѣвшей подорвать его державу и наслѣдіе рода, то былъ ли онъ сознательнымъ, или безсознательнымъ ея орудіемъ? Сознавалъ ли онъ, что онъ плутъ, обманщикъ, или же онъ былъ самъ обольщенъ, обманутъ и вѣрилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ царевичъ Димитрій?

Нѣкоторые поступки и черты его характера удостовѣряютъ въ томъ, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе.

1) Когда послѣ его прихода въ Москву, Шуйскій сталъ разсѣевать про него слухи, что онъ самозванецъ, Димитрій сдѣлалъ поступокъ, невиданный на Руси:

онъ отдалъ это дѣло, въ которомъ замѣшался вопросъ о его собственной личности, на судъ всѣхъ сословій Русской земли. Димитрій давалъ тогда возможность обличать себя. Всѣ шансы были на сторонѣ враговъ его. Еслибъ Шуйскій и его одномышленники имѣли на своей сторонѣ какія-нибудь доказательства, они бы могли одержать верхъ. Стало быть, царь вполнѣ былъ увѣренъ, что у враговъ нѣтъ доказательствъ, а это возможно единственно тогда, когда царь самъ былъ убѣжденъ, что онъ именно тотъ, за кого себя выдавалъ.

2) Самозванецъ-обманщикъ всѣми силами долженъ былъ бы поддерживать свой обманъ, не щадить никакихъ средствъ для этого, не останавливаться ни предъ какими жестокостями. Это свойство обмана. Всякая ложь, желающая удержать господство, прибѣгаетъ ко злу. Сознательный обманщикъ на престолѣ принужденъ былъ бы, хотя бы противъ воли, казнить и мучить людей за истину, за невѣріе его обману и за обличеніе этого обмана. Онъ неизбѣжно вошелъ бы во вкусъ къ жестокостямъ, и скоро укоренилась бы въ немъ ненависть ко всему правдивому, честному, и сталъ бы онъ отъявленнымъ чудовищемъ. Димитрій продержался почти годъ и не обнаружилъ никакихъ жестокостей.

3) Самозванецъ-обманщикъ, безъ сомнѣнія, осторожно показывалъ бы себя людямъ и остерегался, чтобъ его не увидѣли и не узнали прежніе знакомые. Димитрій, напротивъ, велъ себя такъ открыто, какъ ни одинъ изъ царей московскихъ. Онъ выходилъ пѣшкомъ, въ противность обычаямъ, и принималъ просьбы два раза въ недѣлю самъ лично.

4) Его предпочтеніе иноземныхъ пріемовъ жизни, естественное въ молодомъ москвитянинѣ, который ознакомился съ болѣе цивилизованнымъ бытомъ, его религіозный либерализмъ, допустившій равенство вѣроисповѣданій, его неуваженіе къ старымъ предразсудкамъ, позволявшее ему не ходить въ баню и ѣсть телятину, и все, что навлекло на него укоры отъ приверженцевъ старины, также показываютъ въ немъ человѣка, глубоко сознававшаго свое царское происхожденіе, свое право. Если въ чемъ, то именно въ этомъ во всемъ ловкій обманщикъ подчинялся бы окружающей его средѣ.

5) Когда Шуйскій составилъ заговоръ, поляки провѣдали о существованіи коварныхъ замысловъ; были доносы и отъ русскихъ, и отъ нѣмцевъ. Лжедмитрій не хотѣлъ розыскивать, преслѣдовать, онъ даже приказывалъ наказывать доносчиковъ. Это и помогло заговору созрѣть. Еслибъ царь зналъ за собой обманъ, то никакъ бы не пренебрегалъ осторожностью.

6) Наконецъ, въ послѣднія минуты, когда его разшибеннаго, окровавленнаго принесли во дворецъ и стали допрашивать и вмѣстѣ съ тѣмъ бить, ругаться, онъ говорилъ: «Спросите у матери; выведите меня на Лобное мѣсто и дайте мнѣ говорить». Въ этихъ словахъ видна прежняя увѣренность и надежда, что дѣло его и теперь оправдается, если станутъ разбирать его спокойно.

Намъ могутъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: если Лжедмитрій могъ быть человѣкъ, увѣренный въ томъ, что онъ истинный царевичъ, и если обольщеніе было такъ хитро ведено, что не было возможности открыть обмана, (ибо народу представили дѣло такъ, что онъ подмѣненъ еще задолго до убійства въ Угличѣ), то скорѣе, не настоящій ли онъ царевичъ, и не легче ли въ самомъ дѣлѣ было его спасти, чѣмъ сотворить?

Все это, по нашему мнѣнію, возможно: легче было спасти, чѣмъ поддѣлать Димитрія. Но принять это положительно намъ воспрещаютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Еслибъ такъ было, то, по воцареніи Димитрія, были бы объяснены народу подробности его спасенія, а участвовавшіе въ спасеніи получили бы огромныя награды и благодарность предъ лицемъ всей земли Русской.

2) Еслибъ то былъ настоящій царевичъ, то, прибывши въ Польшу, онъ представилъ бы тамъ болѣе очевидныхъ доказательствъ своего царственнаго происхожденія; а то они до того слабы, что имъ никто въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ, кромѣ развѣ самыхъ легковѣрныхъ. Претендентъ не нашелъ себѣ поддержки соб-

ственно въ Польшѣ, а нашелъ ее въ Украйнѣ, гдѣ въ то время были готовые элементы для всякаго набѣга, для дѣла смуты и потрясенія государственнаго порядка. Его ратная сила, составленная изъ казаковъ и украинской шляхты, мало чѣмъ отличавшейся отъ казаковъ, по склонности къ буйству и шатанію, была такого же рода, какъ и сила втораго Лжедмитрія: это были толпы, готовыя пристать ко всякому бродягѣ, обѣщающему подъ своимъ знаменемъ поживу. Признали его московскіе изгнанники, поселенные въ польскомъ королевствѣ; но имъ выгодно было признать всякаго такого претендента; ибо въ случаѣ успѣха они могли надѣяться воротиться съ честью въ отечество и найти тамъ хорошее положеніе, а въ противномъ случаѣ ничѣмъ нерисковали. Наконецъ ласкали его въ Польшѣ католическіе духовные, особенно іезуиты, по обычному стремленію пользоваться всякими—и честными, и безчестными—средствами для приведенія къ папской власти страны, не входившей въ систему католическаго міра. Нельзя предположить, что дѣйствительный царевичъ явился въ чужую землю съ такими слабыми свидѣтельствами своего званія и могъ опираться только на такія стихіи, которыя бы равнымъ образомъ послужили всякому самозванцу-обманщику.

Эти соображенія побуждаютъ насъ признать, что царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія былъ не настоящій Димитрій, но лицо обольщенное и подготовленное боярами, партіею враждебною Борису. Люди этой партіи настроили пылкаго, увлекающагося юношу въ убѣжденіи, что онъ царевичъ Димитрій, спасенный въ младенчествѣ по наказу его родителя царя Ивана, и выпроводили его изъ Московскаго государства. Это сдѣлано было на русское авось. Они, конечно, не желали замѣнить Борисовъ родъ навсегда этимъ поддѣльнымъ Димитріемъ; но имъ достаточно было поставить Годуновымъ страшное знамя, подъ которое можно было соединить противъ нихъ народную громаду и ниспровергнуть родъ Годуновыхъ съ престола; а потомъ можно было обличить самозванца, выставить его обманщикомъ, сознаться въ своемъ заблужденіи, уничтожить его. Но дѣло будетъ совершено: Бориса и рода его не будетъ на престолѣ, а это главное. Родовитость русская слишкомъ оскорблялась тѣмъ, что на престолъ взошла фамилія незнатная, даже не чисто русской, а татарской крови. Это было черезчуръ унизительно и для національной чести. Таковы могли быть побужденія и разсчеты у тѣхъ, которые выпустили на свѣтъ самозванца.

XLII. КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

(Изъ статьи Иконникова: «Кто былъ первый Лжедимитрій», помѣщенной въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ»).

Всѣмъ извѣстно, какъ разногласны свидѣтельства русскихъ и иностранныхъ писателей въ указаніи личности Димитрія. Обыкновенно говорятъ, что первымъ самозванцемъ былъ Гришка Отрепьевъ. Но г. Костомаровымъ доказано, что такъ называемый первый самозванецъ былъ не Отрепьевъ, а вслѣдствіе этого представляется другой вопросъ: кто же именно былъ первый самозванецъ? На это г. Костомаровъ не даетъ отвѣта, а только представляетъ доводы противъ признанія въ первомъ самозванцѣ царевича Димитрія. Онъ говоритъ:

1) Еслибы самозванецъ былъ истинный царевичъ, то, по воцареніи его, были-бы объяснены подробности его спасенія, а участвовавшіе въ немъ получили-бы награды.

2) Если-бы онъ былъ истинный царевичъ, то въ Польшѣ могъ-бы представить болѣе очевидныя доказательства, а то они до того слабы, что имъ повѣрили только самые легковѣрные.

Эти возраженія, намъ кажется, не вполнѣ удовлетворительны и вотъ почему. Хотя Беръ и говоритъ, что Борисъ въ появленіи самозванца видѣлъ дѣло бояръ (т. е. политической партіи), но это еще не указываетъ на самое образова-

ніе замысла. Маржеретъ время казней Борисовыхъ соединяетъ съ распространеніемъ слуха о Димитріи. Тогда „въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана". Благодаря покровительству Бориса, распространилось шпіонство. «По доносу раба, господина его или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, чтобы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не слыхали и не видали». Когда же самозванецъ шелъ къ Москвѣ, то, по приказанію Бориса, многихъ за то, что они признавали въ немъ истиннаго Димитрія и говорили, что въ доказательство этого онъ ведетъ съ собою разстригу, подвергли, «разнымъ мукамъ», рѣзали языки... И однако къ этой переборкѣ, не исключая и высшихъ лицъ, никто не высказался, что бы могло существовать что либо подобное спасенію Димитрія, или подготовленію самозванца. Ясно, что дѣло шло самымъ тайнымъ путемъ. По воцареніи Димитрія, 74 семейства подверглись ссылкѣ, какъ приверженцы Бориса. Неужели они не имѣли связей съ лицами (если только это была партія бояръ), участвовавшими въ заговорѣ, чтобы не могли во время подслужиться Борису? Вотъ почему гораздо правдоподобнѣе, что въ дѣлѣ Димитрія участвовали лица, близкія къ семейству царевича, каковы: Бѣльскій, Нагіе, Романовы.

Что касается до объясненія народу подробностей спасенія, то Беръ упоминаетъ о разсылкѣ Димитріемъ грамотъ, которыя очень подробно объясняли обстоятельства его спасенія, «вслѣдствіе чего многіе русскіе явились въ Путивль и признали Димитрія государемъ». О грамотахъ, разосланныхъ имъ еще до прибытія въ Москву, говорятъ и русскія извѣстія. Нельзя допустить, чтобы и царица, признавая Димитрія своимъ сыномъ «предъ всѣми гражданами», не объяснила обстоятельствъ спасенія, потому что этотъ вопросъ былъ тогда предметомъ первой важности. Намъ извѣстно, что москвитяне, желая знать истину, обращались къ Шуйскому съ просьбою сказать имъ: «Точно ли царевичъ убитъ въ Угличѣ»? Свидѣтельство матери для нихъ должно было казаться еще важнѣе! И Беръ, по поводу свиданія съ нею Димитрія, которое происходило передъ народомъ, говоритъ, что послѣ этого «многіе готовы были присягнуть, что онъ сынъ ея». А Маржеретъ, доказывая истинность Димитрія, замѣчаетъ, что объ этомъ тогда «немногіе русскіе думали иначе», слѣдовательно, доводы въ пользу Димитрія для нихъ были убѣдительны.

Чтобы судить, на чемъ могъ опираться самозванецъ въ Польшѣ, какъ на доказательствахъ справедливости своихъ притязаній, слѣдуетъ замѣтить, что эти доказательства могли быть личныя и письменныя. Мы не станемъ утверждать, что русскіе, жившіе въ Польшѣ, признали его безпристрастно, такъ какъ московскимъ изгнанникамъ выгодно было признать всякаго такого претендента; но нельзя же отвергнуть письменныхъ свидѣтельствъ. По извѣстію Ростовской лѣтописи, Димитрій доказывалъ свое происхожденіе какимъ то свиткомъ. Король говорилъ, что онъ убѣждается въ истинномъ происхожденіи Димитрія на основаніи «словъ и *письменныхъ доказательствъ*, а равно и другихъ свидѣтельствъ».

Въ тѣхъ источникахъ, которыми обыкновенно пользуются изслѣдователи при изложеніи событій, вызванныхъ его появленіемъ, находится довольно свидѣтельствъ въ пользу истинности царствовавшаго Димитрія; а потому слѣдовало бы, при опроверженіи различныхъ мнѣній, обратить вниманіе и на нихъ, такъ какъ только всестороннее обсужденіе вопроса можетъ привести его къ окончательному результату. Мы сгруппируемъ здѣсь только тѣ обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу Димитрія, съ тѣмъ, чтобы заинтересованные этимъ вопросомъ критики не упускали и ихъ изъ виду.

1) Неизвѣстному лицу трудно было бы затѣять смуту во имя Димитрія: кто могъ быть увѣренъ, что легко будетъ разубѣдить въ убійствѣ царевича, такъ какъ никто не сомнѣвался въ этомъ до появленія Димитрія.

2) Если такъ называемый первый самозванецъ былъ подставленъ партіею бояръ и притомъ былъ убѣжденъ въ своей истинности, то рождается вопросъ, какимъ образомъ бояре успѣли воспитать его для своей цѣли? Если они взяли

его еще дитятей, то что ручалось имъ въ томъ, что это дитя можетъ годиться для ихъ плана, прійдя въ возрастъ; если же они пріискали для этого „пылкаго юношу" и „настроили" его на свой ладъ, то неужели же онъ сейчасъ позабылъ прошлое и не позаботился бы узнать у своихъ близкихъ, которые окружали его прежде? Какимъ образомъ случилась съ нимъ подобная метаморфоза? Положимъ, боярамъ нужно было свергнуть Бориса съ престола; но въ подобной игрѣ еще представлялся вопросъ: кто выиграетъ, Борисъ или самозванецъ? Для того, чтобы планъ удался, нужна была не кучка бояръ, а цѣлая партія, связанная общими интересами членовъ; но въ такомъ случаѣ весьма сомнительно, чтобы они всѣ устояли передъ преслѣдованіями Бориса, который, при всемъ предполагаемомъ негодованіи на него, имѣлъ очень много сторонниковъ, даже въ высшемъ сословіи. Чтобы настроить кого-нибудь къ извѣстному предпріятію, бояре должны были имѣть съ нимъ постоянныя сношенія, что оказывается вполнѣ невозможнымъ при постоянномъ надзорѣ Бориса. Тѣ же бояре, по воцареніи Димитрія, когда уже не существовало рода Борисова, дали „торжественную грамоту королю, за своею печатью, въ удостовѣреніе, что объявившій себя Димитріемъ сынъ царя Іоанна Васильевича". Неужели они были такъ непослѣдовательны, что въ то время, когда цѣль ихъ была уже достигнута, Борисъ свергнутъ, они рѣшились дать Сигизмунду право мстить за Димитрія, такъ какъ выгода одного соединялась съ существованіемъ другаго? Бояре, участвовавшіе въ заговорѣ, не знали, какъ назвать Димитрія, и потому передъ убійствомъ спрашивали его, точно ли онъ сынъ Іоанна Васильевича? Да и самая партія, низвергнувшая потомъ самозванца, не имѣла никакого отношенія къ лицамъ, участвовавшимъ въ его появленіи.

3) Подробности о самозванцѣ скорѣе всего могли быть извѣстны матери царевича и Бѣльскому, такъ какъ ихъ содѣйствіе должно было пригодиться впослѣдствіи. Слѣдовательно, мы въ правѣ были бы ожидать, что Мароа и Бѣльскій представятъ положительные доводы противъ самозванца въ то время, когда его уже не существовало. Но мы видимъ противное: Мароа оставалась при прежнемъ убѣжденіи до тѣхъ поръ, пока не опредѣлился новый взглядъ на Димитрія въ правленіе Шуйскаго. Такъ, когда по убіеніи царя спрашивали ее: „Твой ли это сынъ?» она отвѣчала: „Спрашивать было меня объ этомъ, пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой". Уже въ этомъ отвѣтѣ видна борьба совѣсти со страхомъ. Впослѣдствіи Мароа объявляла, что она признала Димитрія изъ боязни, что онъ присылалъ къ ней для наущенія совѣтниковъ, что при извѣстной встрѣчѣ съ нею не позволилъ присутствовать боярамъ; тогда какъ намъ извѣстно, что за нею Димитрій посылалъ Скопина-Шуйскаго, своего противника, что свиданіе съ нею происходило передъ толпою: ей только стоило сказать, что явившійся Димитрій не сынъ ея, чтобы перемѣнить мнѣніе народа не въ его пользу. Что мѣшало заговорщикамъ обратиться къ ней, когда Димитрій, передъ своею смертью, совѣтовалъ имъ спросить ее, кто онъ таковъ, и когда одного ея слова достаточно было, чтобы уничтожить его? Они этого не сдѣлали: ясно, что не надѣялись на благопріятный исходъ дѣла. Легко подмѣтить, что грамоту Мароы писала другая рука. И еще г. Соловьевъ догадывался, что въ грамотѣ за Мароу говорили другіе.

Показаніе Бѣльскаго имѣло большое значеніе, такъ какъ онъ ближе другихъ зналъ царевича, который былъ отданъ ему на попеченіе Грознымъ. Въ день прибытія Димитрія въ Кремль, Бѣльскій торжественною клятвою заявилъ истинность его, но не отступился отъ своего слова: въ правленіе Шуйскаго онъ былъ сосланъ въ Казань за приверженность къ Димитрію.

4) Изъ хода дѣлъ видно, что убійство, совершенное въ Угличѣ, не представлялось для современниковъ фактомъ, ясно опредѣленнымъ: спѣшили скорѣе прикрыть его, а потому лишь только явилось лицо, претендовавшее на имя убитаго, такъ сейчасъ родилось сомнѣніе въ томъ, кто убитъ. Извѣстно, что когда разнесся слухъ о Димитріи, то Борисъ первый усумнился въ смерти царевича и ве-

лѣлъ привезти царицу Маѳу въ Москву, самъ ѣздилъ къ ней вмѣстѣ съ патріархомъ; что она имъ говорила—неизвѣстно, однако Борисъ, въ подтвержденіе убійства Димитрія, не осмѣлился сослаться на авторитетъ матери. Вмѣсто положительныхъ доводовъ, Борисъ принялся за религіозныя убѣжденія: онъ велѣлъ пѣть Димитрію вѣчную память, а разстригу проклинать.

5) Открытая жизнь Димитрія, его обыкновеніе выходить пѣшкомъ, иногда только вдвоемъ, и личный пріемъ просьбъ по два раза въ недѣлю показываютъ, что такъ могъ поступать только человѣкъ, по чистой совѣсти увѣренный въ своемъ достоинствѣ, не боявшійся натолкнуться на лицъ, съ которыми могъ прежде встрѣчаться, и которыя могли его теперь обличить. Дѣло Шуйскаго, который называлъ Димитрія самозванцемъ, послѣдній отдалъ на разсмотрѣніе всѣхъ сословій; слѣдовательно, исходъ его зависѣлъ отъ доводовъ съ той и другой стороны, и однако Шуйскій проигралъ. Такую же самоувѣренность выразилъ Димитрій и передъ самой смертью: онъ требовалъ въ подтвержденіе своей правоты голоса матери и всенароднаго объясненія. Маржеретъ говоритъ: „Для очевиднаго доказательства въ обманѣ, противники Димитрія должны были открыть истинныхъ его родителей; враги же государя были столь дѣятельны и при жизни, и по смерти, что, при извѣстномъ въ Россіи порядкѣ суда и расправы, имъ легко было добраться до истины; но, какъ извѣстно, ни при жизни, ни по смерти его, не могли доказать обмана». Послѣ смутнаго времени принялись только повторять и переиначивать показанія, распущенныя Борисовымъ правительствомъ.

6) При опредѣленіи личности перваго самозванца не слѣдуетъ пренебрегать физіономическими примѣтами, о которыхъ говорятъ писатели самыхъ различныхъ мнѣній о немъ. Такъ Бареццо-Барецци свидѣтельствуетъ, что Димитрій доказывалъ свою тождественность (въ Польшѣ) съ сыномъ Іоанна примѣтами «Онъ имѣлъ весьма замѣтную бородавку близъ праваго глаза со стороны носа и одну руку длиннѣе другой». Петрей, говоря о примѣтахъ, прибавляетъ, что самозванецъ «походилъ на убитаго царевича Димитрія». Шаумъ, упоминая въ одномъ мѣстѣ, что царевичъ Димитрій «имѣлъ бородавку на носу и одну руку длиннѣе другой», въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что, «тѣ же примѣты служили въ пользу и самозванцу».

XLIII. РАЗБОРЪ МНѢНІЙ О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО САМОЗВАНЦА.

(Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева).

Слухи и мнѣнія о самозванцѣ ходили и ходятъ разные. Первое мнѣніе состоитъ въ томъ, что человѣкъ, объявившій себя Димитріемъ, былъ истинный царевичъ, сынъ Іоанна Грознаго, спасшійся отъ гибели, приготовленной ему Годуновымъ въ Угличѣ, гдѣ вмѣсто него былъ убитъ другой ребенокъ, подставной. Здѣсь прежде всего надобно замѣтить, что въ извѣстіяхъ о спасеніи Димитрія находятся историческія несообразности, напримѣръ, говорятъ, будто онъ спасся бѣгствомъ въ Украйну, къ отцу своему крестному, кн. Ивану Милославскому, жившему тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Грознаго; послѣ же смерти Мстиславскаго, въ скорости случившейся, царевичъ отправился въ Польшу; но извѣстно, что никакого Мстиславскаго на Украйнѣ никогда не было; притомъ, если царевичъ былъ спасенъ и отправленъ въ Польшу, то что мѣшало ему немедленно же открыться польскому правительству? Гонимые удѣльные князья обыкновенно убѣгали изъ Москвы въ Литву. Тогда дѣло не подлежало бы никакому сомнѣнію. Далѣе, въ извѣстіяхъ о спасеніи есть противурѣчія относительно обстоятельствъ спасенія: одни говорятъ, что

спасъ царевича докторъ подмѣномъ, другіе, что сама мать. Но важнѣе слѣдующее обстоятельство: всѣ извѣстія согласны въ одномъ, что убійство подмѣненнаго ребенка произошло ночью, тогда какъ намъ достовѣрно извѣстно, что происшествіе случилось днемъ; и тѣ показанія, которыя говорятъ, что царевичъ былъ убитъ, и тѣ, которыя утверждаютъ, что онъ закололъ себя ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни, вполнѣ согласны въ этомъ обстоятельствѣ; слѣдовательно, не было возможности убійцамъ, потомъ роднымъ царевича, близкимъ къ нему людямъ и гражданамъ углицкимъ обмануться; если бы даже обманулись сначала, то мертвое тѣло лежало долго передъ глазами всѣхъ, всѣ имѣли возможность увидать свою ошибку. Свидѣтельства очевидцевъ о несходствѣ малолѣтняго Димитрія съ тѣмъ, кто потомъ назвался его именемъ, не важны, взятыя отдѣльно: ибо часто люди, знавшіе младенца и увидѣвши потомъ того-же человѣка взрослымъ, не могутъ найти между ними ничего общаго; не важно и свидѣтельство о томъ, что Димитрій былъ бы гораздо моложе, чѣмъ казался Лжедмитрій: часто человѣкъ можетъ казаться многими годами старѣе и моложе своего возраста, а жизнь Димитрія была именно такова, что могла его состарить. Но чрезвычайной важности для насъ свидѣтельства современниковъ, вполнѣ безпристрастныхъ, какъ, напримѣръ, Буссова, который былъ очень привязанъ къ Лжедмитрію, превозноситъ его достоинства, имѣетъ всѣ побужденія засвидѣтельствовать его царское происхожденіе, и между тѣмъ свидѣтельствуетъ о противномъ. Его свидѣтельство основывается на свидѣтельствѣ Басманова, который больше всѣхъ другихъ имѣлъ причины утверждать законность Лжедмитрія, и, несмотря на то, свидѣтельсвуетъ о его самозванствѣ, свидѣлельствуетъ наединѣ, въ разговорѣ съ человѣкомъ довѣреннымъ и привязаннымъ къ царю.

Но если тотъ, кто царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія, носилъ это имя незаконно, то является вопросъ: въ собственной-ли головѣ родилась мысль о самозванствѣ, или она внушена была другими? и во второмъ случаѣ, сознательно-ли онъ принялъ на себя роль самозванца, или былъ убѣжденъ, что онъ истинный царевичъ? Чтобы сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры послѣдующихъ самозванцевъ.—Что же касается до перваго, то въ немъ нельзя не видѣть человѣка съ блестящими способностями, пылкаго, впечатлительнаго, легко увлекающагося; но чудовищемъ разврата его назвать нельзя. Въ поведеніи его нельзя не замѣтить убѣжденія въ законности правъ своихъ, ибо чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходившую до неосторожности, эту открытость и свободу въ поведеніи? Чѣмъ объяснить мысль, отдать свое дѣло на судъ всей земли, когда онъ созвалъ соборъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго? Чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты обращеніе къ матери? Почему, говорятъ, разстрига, сѣвъ на престолъ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? Для чего не объяснилъ онъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ? Возможнсть такихъ вопросовъ служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что Лжедмитрій не былъ сознательный обманщикъ. Еслибы онъ былъ обманщикъ, а не обманутый, то чего бы ему стоило сочинить подробности своего спа-

сенія и похожденія? Но онъ этого не сдѣлалъ. Что онъ могъ объявить? Могущественные люди, его подставлявшіе, разумѣется, были такъ осторожны, что не дѣйствовали непосредственно; онъ зналъ и говорилъ, что нѣкоторые вельможи спасли его и покровительствуютъ, но именъ ихъ не зналъ; по имени онъ зналъ только о дьякахъ Щелкаловыхъ. Но теперь рождается другой вопросъ: кѣмъ же былъ подставленъ самозванецъ? Кто увѣрилъ его въ томъ, что онъ царевичъ Димитрій? Кому было выгодно, нужно появленіе самозванца? Оно было выгодно для Польши, Лжедмитрій пришелъ отсюда, слѣдовательно, онъ могъ быть подставленъ польскимъ правительствомъ. Кого же мы должны разумѣть подъ польскимъ правительствомъ? Короля Сигизмунда III? Но характеръ послѣдняго даетъ ли намъ право приписать ему подобный планъ для заведенія смутъ въ Московскомъ государствѣ? Осторожное, робкое поведеніе Сигизмунда въ началѣ дѣятельности самозванца даетъ ли основаніе предполагать въ королѣ главнаго виновника дѣла? Планъ придуманъ кѣмъ-нибудь изъ вельможъ польскихъ? Указываютъ на Льва Сапѣгу, канцлера литовскаго. Сапѣга два раза былъ въ Москвѣ посломъ, одинъ разъ при Ѳедорѣ, другой при Борисѣ, и въ послѣдній разъ пріѣхалъ изъ Москвы съ сильнымъ ожесточеніемъ противъ Бориса; когда самозванецъ объявился у князя Вишневецкаго, то Петровскій, бѣглый москвичъ, слуга Сапѣги, первый явился къ Вишневецкому, призналъ Отрепьева царевичемъ и указалъ примѣты: бородавки на лицѣ и одну руку короче другой. Потомъ Сапѣга явился сильнымъ поборникомъ плановъ Сигизмунда противъ Москвы, ожесточеннымъ врагомъ новаго царя Михаила, восшествіе котораго разстроивало его планы; въ царствованіе Михаила, до самой смерти своей, держитъ онъ подъ рукою, наготовѣ, самозванца, несчастнаго Лубу, какъ орудіе смутъ въ Москвѣ. Любопытно, что и нашъ лѣтописецъ злобу поляковъ и разореніе, претерпѣнное отъ нихъ Московскимъ государствомъ, приписываютъ раздраженію Сапѣги и товарищей его за то, что они видѣли въ Москвѣ много иностраннаго войска. Наконецъ нѣкоторые разскавываютъ, что послѣ сраженія при Добрыничахъ самозванецъ издалъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ говорится, что былъ въ Москвѣ при посольствѣ Льва Сапѣги. Такого манифеста, впрочемъ, не сохранилось, а въ дошедшемъ до насъ ни слова не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ. Какъ бы то ни было, если заподозрить кого нибудь изъ вельможъ польскихъ въ подстановкѣ самозванца, то прежде всего подозрѣніе должно пасть на Льва Сапѣгу. Но можно-ли заподозрить одного частнаго человѣка въ начинаніи такого дѣла? Гораздо болѣе основанія заподозрить могущественныхъ тогда въ Польшѣ іезуитовъ, которымъ появленіе самозванца, какъ орудіе для введенія католицизма въ Московское государство, было очень нужно; на Сапѣгу же можно смотрѣть какъ на повѣреннаго іезуитовъ. Но, принимая это мнѣніе, надобно непремѣнно принять, что самозванецъ былъ человѣкъ, воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ всѣ русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно. Очевидцы признавали въ первомъ Лжедмитріи великороссіянина, который бѣгло и краснорѣчиво изъяснялся на московскомъ нарѣчіи, какъ народномъ, четко и красиво писалъ, латинскую же грамоту зналъ плохо и почти вовсе не зналъ. Побочный сынъ Стефана Баторія, воспитанникъ

іезуитскихъ школъ, за котораго выдавали его нѣкоторые, не могъ бы писать *in perator*; когда посолъ папскій произносилъ передъ нимъ латинскую рѣчь, то ее должно было переводить ему. Московское правительство при Годуновѣ, Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳеодоровичѣ постоянно упрекало польское въ томъ, что оно было виновникомъ разоренія Московскаго государства, помогая Лжедимитрію, и въ то же время постоянно утверждало, что самозванецъ этотъ былъ москвичъ, именно Григорій Отрепьевъ. Если бы была малѣйшая возможность усомниться въ этомъ, то что мѣшало московскому правительству укорить польское за то, что оно прибрало своего поляка, назвало его царевичемъ Димитріемъ и выслало въ Московское государство для смуты? Нѣкоторые современники говорили, что монахъ Григорій Отрепьевъ игралъ въ дѣлѣ важную роль, былъ руководителемъ самозванца; это мнѣніе основывалось на томъ, что подлѣ самозванца при его появленіи дѣйствительно находился монахъ, называвшійся Григоріемъ Отрепьевымъ; но дѣло объясняется извѣстіемъ, что Отрепьевъ, объявивши себя царевичемъ, сдалъ свое прежнее имя монаху Леониду. Еслибы монахъ Григорій Отрепьевъ существовалъ отдѣльно, что мѣшало явиться ему въ Москву и этимъ появленіемъ уничтожить Годуновскую выдумку или ошибку и самымъ блистательнымъ образомъ подтвердить, что тотъ, кто называется Димитріемъ, не есть разстрига Гришка Отрепьевъ? Желаніе нѣкоторыхъ писателей, чтобы такъ было, остается только желаніемъ, ибо не подтверждается свидѣтельствомъ источниковъ. Что самозванецъ былъ москвичъ, съ которымъ іезуиты познакомились уже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя царевичемъ, неоспоримо доказываетъ посланіе папы Павла V къ воеводѣ сендомірскому, гдѣ говорится, что Лжедимитрій обращенъ въ католицизмъ францисканцами, а не іезуитами.

Но если самозванецъ былъ человѣкъ изъ Москвы, или даже если согласимся, что руководителемъ его былъ монахъ московскій, то какъ объяснить себѣ возможность для Сапѣги, или для іезуитовъ ковать эту кромолу въ Москвѣ? Предполагаютъ, что Сапѣга во время своего пребыванія въ Москвѣ, сговорился съ боярами о подстановкѣ, посредствомъ дьяка Власьева. Слѣдовательно это мнѣніе о подстановкѣ самозванца іезуитами и Сапѣгою требуетъ, для вѣроятности своей, соединенія съ другимъ мнѣніемъ, высказаннымъ современниками событія, а именно, что самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ тамошними врагами Бориса. Это послѣднее мнѣніе твердо само по себѣ, не требуетъ никакихъ предположеній, не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ извѣстіями о похожденіяхъ Отрепьева. Принимая это мнѣніе какъ вѣроятнѣйшее, мы, разумѣется, не имѣемъ никакой нужды отвергать участіе Сапѣги и вообще польскихъ пановъ или іезуитовъ въ замыслѣ; но должно замѣтить, что если Польшѣ или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая оттого произойти, то внутреннимъ врагамъ Бориса, терзавшимся мыслью, что Годуновъ на престолѣ, грозимымъ ежечасно тяжелою опалою, это появленіе было болѣе чѣмъ выгодно: оно вполнѣ соотвѣтствовало ихъ цѣли, ибо имъ нужно было орудіе, которое было бы такъ могущественно, что могло свергнуть Годунова, и въ то же время такъ ничтожно, что послѣ легко бы было отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно въ слѣ-

дующемъ мѣстѣ изъ хронографовъ о Годуновѣ: «Навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили.»

Но не въ однихъ хронографахъ русскіе современники выразили такое мнѣніе. Изъ иностранныхъ писателей его высказываетъ Буссовъ, оставившій намъ лучшее описаніе событій, которыхъ былъ очевидцемъ, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ главными дѣятелями. Буссовъ говоритъ также, что самъ царь Борисъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ. Это мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса не только правоподобнѣе всѣхъ другихъ само по себѣ, но и высказано современниками, близкими къ дѣлу, имѣетъ за себя еще то, что вполнѣ согласно съ русскими свидѣтельствами о похожденіяхъ Григорія Отрепьева, свидѣтельствами, которыя нѣтъ возможности отвергнуть. И по извѣстіямъ польскимъ, Отрепьевъ, открывая о своемъ происхожденіи Вишневецкому, объявилъ, что онъ, спасенный отъ убійцъ, отданъ былъ на воспитаніе къ одному сыну боярскому, а потомъ былъ въ монахахъ.

XLIV. ВОЦАРЕНІЕ ШУЙСКАГО, НЕПРОЧНОСТЬ ЕГО ПОЛОЖЕНІЯ И ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНІЯ ВТОРАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ.

(Изъ ст. Соловьева: „Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳедора Іоанновича“, помѣщ. въ „Современникѣ“ 1848 и 1849 г.).

Во главѣ заговора, которымъ былъ сверженъ и погубленъ Лжедимитрій I, стояли Шуйскій и Голицынъ, имѣя въ виду престолъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою партію. Партія Шуйскаго естественно была сильнѣе, во-первыхъ, уже потому, что онъ болѣе выдавался изъ толпы, чѣмъ Голицынъ, особенно въ послѣднее время; во-вторыхъ, потому, что онъ имѣлъ сильную партію между жителями Москвы: тѣ, которые имѣли силу и отвагу свергнуть Лжедимитрія, не могли не воспользоваться этою силою и отвагою для возведенія на престолъ своего любимаго боярина. Противники Шуйскаго знали это, и потому хотѣли противопоставить голосу московскихъ сторонниковъ князя Василія голосъ выборныхъ изо всей земли Русской, созванія которыхъ они требовали. Но Шуйскій не хотѣлъ дожидаться земской думы и рѣшился захватить престолъ точно такимъ же образомъ, какъ недавно свергнулъ съ него Лжедимитрія, т. е. скопомъ и заговоромъ. 19-го мая, въ 6 часовъ утра, купцы, разнощики и ремесленники толпились на красной площади точно такъ, какъ 17-го числа; бояре, придворные сановники, вмѣстѣ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ вышли также на площадь; они предложили избрать патріарха, который долженъ былъ стоять во главѣ временнаго правленія, и разослать между тѣмъ повсюду грамоты для созванія земской думы; они хотѣли сперва избрать патріарха, потому что, еслибъ имъ удалось избрать его изъ своихъ, то Шуйскому было бы трудно получить согласіе думы; изъ опыта было извѣстно, какое могущественное вліяніе на рѣшеніе выборныхъ имѣлъ глава церкви. Но на предложеніе бояръ въ толпѣ закричали, что патріархъ не такъ нуженъ, какъ царь, которымъ долженъ быть

князь Василій Ивановичъ. Бояре не смѣли противиться, и Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ. Итакъ Шуйскій былъ избранъ точно такъ-же, какъ былъ свергнутъ Лжедимитрій, скопомъ и заговоромъ, не только безъ согласія всего государства, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ не сказала своего *да:* самое гибельное предзнаменованіе для новаго царя, потому что, когда усердіе клевретовъ его охладѣетъ, то кто поддержитъ его? Такимъ образомъ на московскомъ престолѣ явился царь партіи; но партія противная существовала: озлобленная неудачею, она не теряла надеждъ; къ ней присоединились, т. е. объявили себя противъ Шуйскаго, всѣ тѣ, которымъ были выгодны перемѣны, и всякая перемѣна могла казаться теперь законною, ибо настоящаго, установленнаго ничего не было. Масса людей умѣренныхъ молчала, потому что не питала сочувствія ни къ одному явленію,—ни къ новому порядку вещей, ни къ движеніямъ, противъ него направленнымъ; произволу людей безпокойныхъ открывалось свободное поприще, а представители общества, люди, не разрознившіе своихъ интересовъ съ интересами послѣдняго, должны были сносить все буйство этого произвола, не имѣя на что опереться, во имя чего ратовать, не имѣя сочувствія къ человѣку, который провозгласилъ себя главою государства.

Шуйскій, въ исполненіе обѣщанія, даннаго другимъ боярамъ, вмѣстѣ съ нимъ возставшимъ на Лжедимитрія, такъ повѣстилъ о своемъ воцареніи: «Божіею милостью мы, великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ освященнаго собора, и по челобитью и прошенью всего православнаго христіанства, учинились на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ. Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику. И нынѣ мы, великій государь, будучи на престолѣ Россійскаго царства, хотимъ того, чтобы православное христіанство было нашимъ добропаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и въ благоденствѣ, и поволилъ я, царь и великій князь всея Руси, цѣловать крестъ на томъ: что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьевъ ихъ и у женъ, и у дѣтей не отнимать, если они съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отнимать, если они съ ними въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство не гибло; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнить, смотря по винѣ, которую взвелъ напрасно. На томъ на всемъ, что въ сей запискѣ писано, я, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судить истиннымъ, праведнымъ судомъ, и безъ вины опалы своей ни на кого не класть, и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавать и отъ всякаго насильства оберегать». Не менѣе замѣчательна и другая окружная грамота, написанная отъ имени московскихъ властей о гибели самозванца и выборѣ Шуйскаго: «Мы всѣ, бояре и окольничіе, и дворяне, и всякіе

люди, узнали про то подлинно, что онъ прямой воръ Гришка Отрепьевъ; да и мать царевича Димитрія, царица инока Марөа, и ея братъ Михайло Нагой съ братьею всѣмъ людямъ Московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичъ Димитрій *умеръ* подлинно и погребенъ въ Угличѣ, а тотъ воръ называется царевичемъ Димитріемъ ложно: а какъ его поймали, и тотъ воръ и *самъ сказалъ*, что онъ Гришка Отрепьевъ, и на государствѣ учинился бѣсовскою помощью, и *людей всѣхъ прелъстилъ чернокнижествомъ*, и за то тотъ Гришка, противъ своего злодѣйственнаго дѣла, принялъ отъ Бога возмездіе, злѣ животъ свой скончалъ.... И послѣ того, прося у Бога милости, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, также и мы, бояре, и окольничіе, и дворяне, дѣти боярскіе и всякіе люди Московскаго государства, *избрали всѣмъ Московскимъ государствомъ*, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ государствѣ государемъ; и всесильный, въ Тройцѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость свою показалъ, объявилъ государя на Московское государство, великаго государя царя и великаго князя Василія Ивановича, всея Русіи самодержца, государя благочестиваго, и по Божьей церкви, и по православной христіанской вѣрѣ побор ателя, отъ корня великихъ государей россійскихъ, отъ великаго князя Александра Ярославича Невскаго, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею *во многія лѣта* претерпѣлъ, а наипаче всѣхъ отъ того вора, богоотступника и еретика смертью пострадалъ». Вслѣдъ за этою грамотою Шуйскій разослалъ другую, уже отъ своего имени, въ которой также объявлялъ о гибели Лжедимитрія, съ точнѣйшимъ объясненіемъ причинъ. Вмѣстѣ была разослана и окружная грамота отъ имени царицы Марөы, гдѣ она отрекалась отъ Лжедимитрія.

Теперь легко можно представить, какъ должны были смотрѣть въ Москвѣ и въ областяхъ на описанныя событія. Неизбѣжно должны были найтись многіе, которымъ могло показаться страннымъ, какъ воръ Гришка могъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижіемъ прельстить весь мудрый сонмъ властей московскихъ? Недавно эти власти извѣщали народъ, что новый царь есть истинный Димитрій; теперь увѣряютъ въ противномъ, увѣряютъ, что Димитрій грозилъ гибелью православію и чести государственной, увѣдомляютъ, что онъ погибъ, но какъ, это оставляютъ въ тайнѣ, объявляютъ, что избранъ новый царь всѣмъ государствомъ, а между тѣмъ извѣстно, что не всѣмъ. Странность, темнота событія извѣщаемаго, порождали недоумѣнія, сомнѣнія, недовѣрчивость. Этотъ недостатокъ довѣрія къ новому правительству и необходимо соединенное съ нимъ неуваженіе отнимали руки у добрыхъ и развязывали руки злымъ, которымъ было выгодно мутить государство, а мутить его было легко. До сихъ поръ области вѣрили Москвѣ, признавали каждое слово, пришедшее къ нимъ, непреложнымъ; но теперь Москва явно признается, что чародѣй прельстилъ ее омраченіемъ бѣсовскимъ; теперь необходимо рождается вопросъ: не омрачены-ли москвитяне и Шуйскимъ? До сихъ поръ Москва была средоточіемъ, къ которому тяготѣли всѣ области, связью между Москвою и областями было довѣріе къ власти, въ ней пребывающей; теперь это довѣріе было нарушено, и связь исчезла, государство замутилось; вѣра, разъ поколебленная, повела необходимо къ суевѣрію; потерявъ вѣру къ Москву, начали вѣрить всѣмъ и всему;

тутъ-то въ самомъ дѣлѣ наступило для всего государства омраченіе бѣсовское, омраченіе, произведенное духомъ лжи, отъ которой менѣе другихъ былъ чистъ Шуйскій, котораго сонмъ клевретовъ посадилъ на престолъ царей московскихъ.

1-го іюня 1606 года Шуйскій вѣнчался на царство; скоро послѣ этого, свергнувъ Игнатія, возвели на патріаршескій престолъ Гермогена казанскаго, «обнаружившаго твердость свою при самозванцѣ и потерпѣвшаго отъ него гоненіе». Современники называютъ Гермогена ученымъ, словеснымъ, мудрымъ, хитрорѣчивымъ, но не сладкоглаголивымъ, т. е. рѣчь его, отличавшаяся внѣшнею, холодною витіеватостью, не ласкала сердца слушателей; этой несладкоглаголивости соотвѣтствовала жесткость нрава, неумѣренная строгость къ слабостямъ человѣческимъ; сюда присоединялся еще въ Гермогенѣ важный недостатокъ, особенно въ то смутное время— легковѣріе. Гермогенъ, говорятъ, охотно слушалъ навѣты, худо отличалъ истинное отъ ложнаго и вѣрилъ всему. Этою слабостью воспользовались, какъ видно, враги Шуйскаго: они наговорили патріарху на послѣдняго и успѣли поссорить ихъ; по жестокости нрава, патріархъ не скрылъ своего неудовольствія на Василія и выражалъ его своимъ обхожденіемъ съ нимъ.

Можно себѣ представить, какъ гибельно было такое обхожденіе патріарха для Шуйскаго, который и безъ того уже не пользовался большимъ уваженіемъ и довѣренностью гражданъ. Исполненіе клятвы, данной боярамъ, не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта, сильно повредило Шуйскому; нѣсколько приверженныхъ къ нему бояръ и гражданъ уговаривали его, чтобъ онъ «въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось»; и точно, это небывалое дѣло заставило смотрѣть на Шуйскаго, какъ на полуцаря, непохожаго на предшествовавшихъ государей; а между тѣмъ въ думѣ, наполненной врагами Шуйскаго, открылось свободное поле для крамолъ, которыхъ царь теперь не могъ сдерживать, ибо не могъ предпринять никакой сильной мѣры безъ согласія тѣхъ же самыхъ крамольниковъ; наконецъ ограниченіе власти царской относительно наказанія, ограниченіе ея боярами неблагонамѣренными, обѣщало безнаказанность всякой смутѣ, всякой крамолѣ: кліентъ Голицына или какого-нибудь другого могущественнаго боярина могъ отважиться на все, по внушенію своего патрона, зная, что послѣдній можетъ отстоять его отъ наказанія. Шуйскій былъ скупъ отъ природы; теперь, когда казна была истощена расточительностью самозванца, онъ хотѣлъ наполнить ее бережливостью, и потому не оказалъ никакой щедрости по случаю своего воцаренія. Этимъ онъ возбудилъ негодованіе алчной толпы, бывшей до сихъ поръ за него, въ надеждѣ милостей и наградъ: видя, что нельзя жить на счетъ скупаго царя, площадные крикуны и смутники перешли на сторону враговъ его.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ Шуйскій выслалъ изъ Москвы всѣхъ тѣхъ, которые не участвовали въ умыслахъ противъ Лжедимитрія: князя Рубца-Мосальскаго отправилъ воеводою въ Корѣлу, Аѳанасія Васильева въ Уфу, Михаила Салтыкова въ Ивангородъ, Богдана Бѣльскаго въ Казань; другихъ стольниковъ и дворянъ разослалъ также по разнымъ городамъ на службу; у нѣкоторыхъ даже отнялъ помѣстья и вотчины. Эта мѣра была также вредна, ибо, съ одной стороны, вмѣсто утишенія областей, онъ разослалъ туда на службу людей озлобленныхъ,

слѣдовательно вѣрныхъ возмутителей, съ другой, враги царя могли воспользоваться этимъ, чтобъ обвинить его въ измѣнѣ своему обѣщанію— не мстить за прежнее нелюбье. Такимъ образомъ при самомъ воцареніи Шуйскаго были уже готовы матеріалы для воспламененія мятежа въ областяхъ и въ самой столицѣ. Нѣкоторые изъ бояръ знатныхъ крамолили противъ новаго царя съ цѣлью занять его мѣсто; но было много и такихъ сановниковъ второстепенныхъ, которые не могли имѣть сами надежды на престолъ, не могли соперничать ни съ Шуйскими, ни съ Голицыными, однако не хотѣли видѣть на престолѣ ни Шуйскаго, ни Голицина, ни кого-либо другаго изъ бояръ, ибо знали, что смѣна одного боярина другимъ на престолѣ не поведетъ ни къ чему прочному, а будетъ только источникомъ новыхъ смутъ и междоусобій; они должны были искать чего-нибудь новаго, прочнаго, что бы могло обезпечить имъ навсегда ихъ выгоды, потому что если бы сановникъ второстепенный, ненавидя Шуйскаго, сталъ подъ знамена Голицына и возведеніемъ послѣдняго на престолъ получилъ большія выгоды, то эти выгоды не могли быть прочны; ибо тотчасъ же образовалась бы другая боярская партія противъ Голицына, а сверженіе послѣдняго вело къ гибели всѣхъ его клевретовъ; вотъ почему второстепеннымъ сановникамъ невыгодно было становиться подъ знамена бояръ, и они должны были искать новаго, прочнаго порядка вещей. Наконецъ, люди всякаго происхожденія, хотѣвшіе жить общественными смутами, очевидно должны были становиться подъ знамена перваго искателя престола, кто бы онъ ни былъ, ибо они не искали прочнаго порядка вещей; напротивъ, только шаткости и смуты въ государствѣ могли быть для нихъ ручательствомъ за ихъ выгоды. Но всѣ означенныя лица, и бояре, хотѣвшіе престола для себя, и сановники второстепенные, не хотѣвшіе царствованія боярскаго, наконецъ смутники изъ лицъ всякаго происхожденія, которымъ выгоды были перемѣны, не могли отважиться прямо на сверженіе Шуйскаго. Голицынъ съ товарищами не имѣлъ никакого права, никакой возможности прямо выставить себя соперникомъ новому царю и открыто противъ него дѣйствовать. Какое изъ своихъ правъ могъ выставить Голицынъ, которое бы превышло права Шуйскаго? Въ какихъ преступленіяхъ могъ онъ обвинять Шуйскаго, которыя бы превышали его собственныя? Голицынъ и другіе бояре искатели престола (если только были они) могли надѣяться на корону тогда, когда Шуйскій будетъ свергнутъ другимъ, чужимъ, а не ихъ именемъ, слѣдовательно могли только крамолить противъ него, а не дѣйствовать открыто. Тоже самое должно сказать и о всѣхъ другихъ людяхъ, почему бы то ни было недовольныхъ Шуйскимъ и жаждущихъ перемѣны: они могли возмутиться противъ Шуйскаго какъ царя, неправильно избраннаго; но во чье имя возмутились бы они, кого предложили бы взамѣнъ Шуйскаго? Такимъ образомъ для всѣхъ нуженъ былъ предлогъ къ возстанію, нужно было лицо, во имя котораго можно дѣйствовать, лицо, столько могущественное, чтобы могло свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько ничтожное, чтобы не могло быть препятствіемъ для исполненія извѣстныхъ замысловъ; однимъ словомъ—нуженъ былъ самозванецъ; Шуйскаго можно было свергнуть только такъ, какъ свергнутъ былъ Годуновъ. Вотъ причины появленія и успѣховъ втораго самозванца. Какъ для благоустроеннаго гражданскаго общества государь, правительство не можетъ умирать, такъ

для тогдашняго разстроеннаго русскаго общества не могъ умереть самозванецъ; и точно, еще первый Лжедимитрій не испустилъ духа, какъ уже пронеслась вѣсть о второмъ.

XLV. ВОЛНЕНІЯ ВЪ СѢВЕРСКОЙ УКРАЙНѢ И БУНТЪ ШАХОВСКАГО.

(Изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина).

Казалось, что самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженцевъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коихъ онъ любилъ, осыпалъ милостями и наградами, громогласнѣе другихъ кляли память его, желая неблагодарностью спасти себя, и спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже снискать довѣренность Василіеву: такъ, кн. Григорій Петровичъ Шаховскій, извѣстный любимецъ разстригинъ, былъ посланъ воеводою въ Путивль, между тѣмъ нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ самозванцу и не могли столько бояться новаго царя, какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось еще немало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Отрепьева, и куда многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій пылалъ ненавистью къ виновникамъ Лжедимитріевой гибели; зналъ расположеніе народа сѣверскаго и неудовольствіе россіянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраніи вѣнценосца; зналъ волненіе умовъ и въ Москвѣ, и въ цѣломъ государствѣ, смятенномъ бунтами и еще несовсѣмъ успокоенномъ властью закона; считалъ державство Василія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными, и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ и сказалъ имъ торжественно, что московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умертвили какого-то нѣмца, что Димитрій, истинный сынъ Іоанновъ, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей сѣверскихъ, что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій новгородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ, что не только за истиннаго царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, стрѣльцы, казаки, люди боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и черниговскимъ воеводою, княземъ Телятевскимъ. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному обману, кто не хотѣлъ измѣнить Василію и дерзалъ противиться мятежу, тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали! Такъ погибли воеводы, бояринъ князь Буйносовъ въ Бѣлѣгородѣ, Плещеевъ въ Ливнахъ; другихъ свергали въ темницы. Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ царю; вѣрность называли измѣною, богатство преступленіемъ; холопы грабили имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ женъ, женились на дочеряхъ боярскихъ. Плавая въ крови, утопая въ мерзостяхъ насилія, терпѣливо ждали

Димитрія. Увѣряя въ необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ однакожъ разумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи изъ Сендомира.

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и заговора? Шаховскій имѣлъ клевретовъ въ Москвѣ, гдѣ, скоро по убіеніи Лжедимитрія, распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ двумя царедворцами, неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ: одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь злотыхъ и сказалъ: «Знаешь ли насъ? Ты перевезъ государя Димитрія Іоанновича, который спасается отъ московскихъ измѣнниковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ, казнить ихъ, а тебя сдѣлать великимъ человѣкомъ. Вотъ онъ!» Примолвилъ незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали то же. Сіи путешественники или бѣглецы выѣхали изъ предѣловъ Россіи въ Литву, и вдругъ вся Польша заговорила о Димитріи, который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него перемѣны обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Василіевъ, князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мнишкова дѣйствительно объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Димитріемъ, что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, что теща купила для него богатыя одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей, что съ нимъ только одинъ москвитянинъ, дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные россіяне, и въ числѣ ихъ кн. Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ. Новый самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностью съ первымъ: былъ выше его, лицемъ не бѣлъ, а смуглъ, имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ), глаза большіе, брови густыя, навислыя, бородавку среди щеки, усы и бороду стриженную; но такъ же, какъ Отрепьевъ, онъ говорилъ твердо языкомъ польскимъ и разумѣлъ латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго царя Ѳеодора и мнимый чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Василіева царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе разстриги, чтобы питать мятежъ въ землѣ Сѣверской; но онъ не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ разстриги встревожилъ московскую чернь, которая, три дни терзавъ мертваго лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію; ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другаго на свое мѣсто. Дѣйствовала и любовь къ чудесному, и любовь къ мятежамъ. «Чернь московская» (пишутъ очевидцы) «была готова смѣнять царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго или своевольствовать въ безначаліи»; и люди, обагренные, быть можетъ, кровью самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Васи-

лія! Клевреты Шаховскаго въ столицѣ желали волненія, безпокойства народнаго, и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедимитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибивали къ стѣнамъ. Въ сихъ грамотахъ упрекали россіянъ неблагодарностью къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ царей и сказывали, что Димитрій будетъ въ Москвѣ къ новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія: призывали всѣхъ дьяковъ, сличали ихъ руки съ подметными письмами и не открыли сочинителей.

Свѣдавъ о бунтѣ южной Россіи и сендомирскомъ самозванцѣ, правительство увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ крутицкаго митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю, образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: митрополита не приняли и не слушали. Ни грамоты, ни посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ, остервененіе возрастало. Дѣйствуя неусыпно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украйною, писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день московскаго мятежа. Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле съ воеводою, холопомъ кн. Телятевскаго, Иваномъ Болотниковымъ. Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ татарами, проданный въ неволю туркамъ и выкупленный нѣмцами въ Константинополѣ, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Шаховскому въ Путивлѣ. Внутренно вѣря или не вѣря самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа.

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ итти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали бояринъ Воротынскій и кн. Трубецкой. Но Болотниковъ нанесъ имъ пораженіе, послѣ чего дворяне разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ царства.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а царя Василія—*Шубникомъ;* велѣлъ однихъ утопить, другихъ вести въ Путивль для казни; нѣкоторыхъ сѣчь плетьми и едва живыхъ отпустить въ Москву; шелъ впередъ и возстановлялъ державу самозванца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся земля Рязанская пристали къ бунту, вооружились, избрали начальниковъ: сына боярскаго Истому Пашкова, веневскаго сотника, Григорія Сунбулова, бывшаго воеводою въ Рязани, и тамошняго дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго. Сіе новое войско отличалось ревностью болѣе чистою, составленное изъ гражданъ, владѣльцевъ, людей домовитыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими клевретами Басманова въ измѣнѣ Ѳеодору, они хотя и присягнули Василію, но осуждали дѣло москвитянъ, убіеніе разстриги и думали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда живъ Димитрій, старѣйшій и слѣдственно одинъ вѣнценосецъ законный. Измѣна распространялась отъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастись отъ ярости мятежниковъ.

Встревоженный бѣгствомъ воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ воеводъ знаменитыхъ, наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа, о нелѣпой баснѣ разстригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служитъ единственно предлогомъ для злодѣйства, въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей, царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско и, какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, задумалъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства: снять опалу съ памяти вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ пышно и великолѣпно перенести тѣла Бориса, Маріи, юнаго Θеодора изъ бѣдной обители св. Варсонофія въ знаменитую лавру Сергіеву.

Но рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнью Димитрія. Юноша, ближній государевъ, кн. Скопинъ-Шуйскій, имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры, но воеводы главные встрѣтились съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ, сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ октябрѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ, торжественно объявили Василія царемъ сверженнымъ, писали къ москвитянамъ, духовенству, синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги, что война кончилась и царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и достояніе, обѣщая имъ *богатство* и *воеводство*; разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную... Войско и самое государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучъ спасенія.

Въ коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна: Болотниковъ, называя себя воеводою царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ; но воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ и, стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, вслѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ царемъ); за Ляпуновымъ явились и всѣ рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ думнаго дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностью ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія, говорилъ: «Они также русскіе и христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, да раскаются, и кровь отечества да не льется въ междоусобіи!» Василій или дѣйствительно надѣялся утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость главнымъ ви-

новникамъ онаго, или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ смолянъ и тверитянъ: они соединились въ Можайскѣ съ воеводою царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Но мятежники упорствовали. Василій ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю, двадцатилѣтнему князю Скопину-Шуйскому, который окружилъ непріятеля въ станѣ. Болотниковъ бился до совершеннаго изнуренія силъ и бѣжалъ съ немногими къ Серпухову.

Болотниковъ думалъ остановиться въ Серпуховѣ, но жители не впустили его. Онъ засѣлъ въ Калугѣ, въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ, собралъ тысячъ десять бѣглецовъ, изготовился къ осадѣ и писалъ къ сѣверской думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужнѣе Димитрій, истинный или мнимый, что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, что всѣ ихъ клевреты готовы слѣдовать примѣру Ляпунова и Сунбулова, если явленіе вожделѣннаго царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ. Но кого было представить? Сендомирскаго ли самозванца Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и ни мало несходнаго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Случай далъ между тѣмъ другое орудіе Шаховскому.

Мы говоримъ о бродягѣ Илейкѣ, Лжепетрѣ, мнимомъ сынѣ царя Ѳеодора, явившемся среди Терскихъ казаковъ. Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Ѳеодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честью, какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе, и даже не усумнился обѣщать ему царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится. Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ атаманомъ Илейкою, призвали къ себѣ запорожцевъ, ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ сѣверской и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско съ бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который осадилъ Калугу (30-го декабря), но безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу. Бунтъ вспыхнулъ въ уѣздѣ Арзамасскомъ и Алатырскомъ, мордва, холопы грабили, рѣзали царскихъ чиновниковъ и дворянъ, утопили алатырскаго воеводу Сабурова, осадили Нижній-Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила. Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ. Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія. Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжался хладнокровно, посылалъ рати и воеводъ; между прочимъ Мстиславскій и Скопинъ-Шуйскій были посланы къ Калугѣ, а самъ царь еще остался въ Москвѣ съ дружиною царскою, чтобы хранить святыню отечества и церкви, или явиться на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Воеводы, посланные царемъ истребить скопища

мятежниковъ, большею частью не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ обступивъ Калугу, не могъ взять ея. Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца.

Наконецъ Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско царское; всѣ обратили тылъ, кромѣ юнаго князя Скопина-Шуйскаго: онъ упорнымъ боемъ далъ время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; осаждавшіе отступили, сражаясь, къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15,000 воиновъ царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ.

Сіи вѣсти поразили Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ духовенство, бояръ, людей чиновныхъ, предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія и грозилъ казнью ослушникамъ; всѣ россіяне, годные для службы, должны были спѣшить къ нему съ оружіемъ, монастыри—запасти столицу хлѣбомъ на случай осады, и сами иноки готовиться къ ратнымъ подвигамъ за вѣру. Употребили и нравственное средство: святители предали анаѳемѣ Болотникова и другихъ главныхъ злодѣевъ. Время было дорого: къ счастію, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ. 21-го мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско: приходилось итти всѣмъ царствомъ на скопище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василіемъ Мстиславскій и Воротынскій, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, царь умѣлъ одушевить ихъ своимъ великодушіемъ: въ присутствіи ста тысячъ воиновъ, цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ онъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть. Казалось, что Россія нашла царя, а царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностью повторили обѣтъ Василіевъ и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ, и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василій послалъ Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова къ Каширѣ. Самозванецъ Петръ велѣлъ также занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлись на берегу Восми, началось дѣло кровопролитное, и мятежники одолѣвали; но Голицынъ и Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ восклицаніемъ: «Нѣтъ для насъ бѣгства; одна смерть или побѣда!» и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли непріятеля. Телятевскій ушелъ въ Тулу, оставивъ москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5,000 плѣнныхъ.

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность, двинулся къ Алексину, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, сразились съ полкомъ князя Скопина-Шуйскаго, но неудачно. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостью бился въ вылазкахъ, три, четыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобойныхъ ору-

дій, стрѣляя только издали и немѣтко. Воеводы московскіе не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную.

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи инаго вѣнценосца, новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самаго себя; но, обманутый надеждою, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: «Гдѣ же тотъ, за кого умираемъ? Гдѣ Димитрій?» Шаховскій и Болотниковъ клялися имъ: первый—что царь въ Литвѣ, второй—что видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію къ ближнимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какого-нибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію ляхамъ, такими словами: «Отъ границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте насъ отъ Шуйскаго». Съ письмами и наказомъ послали въ Литву атамана казаковъ днѣпровскихъ, Ивана Заруцкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ московскій, онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семъ городѣ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василію. Послали другаго вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его.

Въ Тулѣ мятежники оборонялись усильно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина дала царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. Муромецъ, сынъ боярскій, именемъ Суминъ-Кровковъ, предложилъ Василью затопить Тулу, изъявилъ возможность успѣха и ручался въ томъ жизнью. Приступили къ дѣлу, велѣли ратникамъ носить землю на берегъ Упы, ниже города, и запрудили рѣку деревяною плотиною: вода поднялась, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ; только высокія мѣста остались сухи и казались грядами острововъ. Битвы, вылазки пресѣклись. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ: они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ царю, винились, требовали милосердія и находили его. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали: наконецъ Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ, извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и самозванца Петра, если царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, и скорѣе *съѣдятъ другъ друга* отъ голода, нежели сдадутся. Василій обѣщалъ милость, и 10-го октября бояринъ Колычевъ вступивъ въ Тулу съ воинами московскими, взялъ Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на плечо, палъ ницъ и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой: служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сендомирѣ: обманщикъ или царь истинный, не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти. Вотъ сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ, усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ». Онъ угадывалъ, ка-

жется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій обѣщалъ и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, вслѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами, а князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни боярства.

Но общая радость все прикрывала. Взятіе Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго царства или Смоленскаго княжества. Три дни славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ лаврѣ св. Сергія и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на серпуховской дорогѣ, близъ Данилова монастыря, Болотникова отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную пустыню Кубенскаго озера, а вѣроломныхъ нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, въ Сибирь. Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и освободили. Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею.

XLVI. ПОЯВЛЕНІЕ ВТОРАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ.

(Изъ ст. Костомарова: «Смутное время Московскаго государства», помѣщ. въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 г.).

Давно желанный Димитрій явился. Царь Василій Шуйскій узналъ о немъ тогда еще, когда стоялъ подъ Тулою. Одни говорятъ, что его звали Богданомъ, и что онъ былъ литвинъ; другіе называютъ его Матвѣемъ Веревкинымъ изъ Стародуба, третьи—Иваномъ; четвертые говорятъ, что онъ былъ сынъ убѣжавшаго въ Литву при Грозномъ кн. Курбскаго; пятые—что онъ былъ еврей и т. д. По однимъ извѣстіямъ, его выслала въ Московское государство жена Мнишка, черезъ своего агента Мѣховецкаго, по другимъ, его отыскалъ въ Кіевѣ, посланный нарочно съ цѣлью найти Димитрія, путивльскій попъ Воробей. Намъ кажется болѣе достовѣрнымъ сказаніе, записанное въ одномъ изъ западно-русскихъ хронографовъ. Былъ онъ родомъ стародубецъ, переселился въ Бѣлую Русь, училъ дѣтей у священника въ Шкловѣ, потомъ перешелъ въ Могилевъ и тамъ также договорился учить дѣтей у священника Сашковича, который, подобно многимъ своимъ собратіямъ, держалъ школу. Учитель такъ былъ бѣденъ, что лѣтомъ ходилъ въ изорванномъ тулупѣ и носилъ бараній шлыкъ, потому что не на что было ему сдѣлать лѣтней одежи. Изъ Могилева онъ перешелъ въ Пропойскъ, и тамъ сочли его шпіономъ, задержали и посадили въ тюрьму. Тогда онъ, для своего избавленія, сказалъ на себя, что онъ московскій бояринъ Нагой, дядя царя Димитрія. Пропойскій подстароста Рогоза Чечерскій извѣстилъ объ этомъ своего старосту пана Зѣновича, а тотъ приказалъ его отпустить и проводить въ Московское государство. Къ нему пристало тогда двое молодцовъ: одинъ по имени Грицько, другой Рагозинскій. Они провели его въ Попову-Гору. Тамъ, какъ узнали, что идетъ Нагой, стали его распрашивать о Димитріи, и такъ какъ всѣ толковали, что онъ живъ, то и на-

званный Нагой сталъ увѣрять ихъ, что Димитрій живъ и скоро придетъ изъ Польши. Еще пристало къ нему нѣсколько молодцовъ, и въ томъ числѣ Алексѣй Рукинъ, подъячій. Съ ними онъ отправился въ Стародубъ и тамъ говорилъ такъ: «Я Нагой, родной дядя царя, самъ царь недалеко, идетъ съ паномъ Мѣховецкимъ, ведетъ тысячу конныхъ. Вотъ онъ скоро васъ обрадуетъ, пріѣдетъ и пожалуетъ васъ за вашу вѣрность, дастъ вамъ большія льготы».

Прошло нѣсколько времени. Не приходилъ Мѣховецкій съ Димитріемъ Его товарищъ Алексѣй Рукинъ отправился по сосѣднимъ городамъ разсказывать, что Димитрій живъ. Было легко найти легковѣрныхъ, потому что Шаховскій уже подготовилъ къ этому Сѣверскую землю. Рукинъ пріѣхалъ въ Путивль. «Гдѣ Димитрій?» спрашивали его. Онъ отвѣчалъ: «Въ Стародубѣ». Они задержали его, послали съ нимъ въ Стародубъ нѣсколько своихъ путивлянъ и сказали ему: «Мы тебя замучимъ, если ты не покажешь намъ Димитрія». Стародубцы уже теряли терпѣніе, когда пришли къ нимъ путивляне. Въ Стародубѣ толпа жителей, вмѣстѣ съ пришедшими изъ Путивля, приступила къ названному Нагому и спрашивала: «Гдѣ же Димитрій, почему онъ не приходитъ? Гдѣ онъ, туда мы пойдемъ къ нему головами!» Нагой говорилъ: «Не знаю!» Тогда стародубцы стали грозить пыткою. Нагой увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Тогда стародубцы и путивляне принялись за Рукина за то, что онъ увѣрялъ ихъ ложно. Стали полосить ему спину кнутомъ, приговаривая: «Говори, гдѣ Димитрій, гдѣ Димитрій?» Тогда, не стерпя муки, Алешка закричалъ: «Смилуйтесь, ради Николы Чудотворца! Я покажу вамъ Димитрія!».

Его отпустили. Тогда онъ указалъ на того, кто назвался Нагимъ, и сказалъ: «Вотъ Димитрій Ивановичъ! Онъ передъ вами и смотритъ, какъ вы меня мучите. Онъ у васъ въ рукахъ! Вы можете и его убить рядомъ со мною. Онъ для того не объявляется вамъ сразу, чтобы узнать, рады ли вы его приходу будете!» Новопоказанному Димитрію оставалось или принять на себя это имя, или подвергнуться пыткѣ. Онъ, принявъ повелительный видъ, махнулъ грозно палкою и сказалъ: «Вы все еще меня не знаете! Я государь!» Это было сказано съ такою рѣшимостью, что стародубцы, пораженные, невольно упали къ ногамъ его и закричали: «Виноваты, государь, передъ тобой, не узнали тебя! Помилуй насъ! Рады тебѣ служить противъ твоихъ недруговъ! Животъ свой положимъ за тебя!» Его повели съ колокольнымъ звономъ въ городъ (замокъ), убрали для него покои, какъ могли, чтобы они казались царскимъ жилищемъ, несли ему подарки и деньги.

Изъ Стародуба разосланы были грамоты въ сосѣдніе сѣверскіе города, чтобы люди русскіе спѣшили къ своему царю. Посланы были гонцы съ грамотами и въ Москву. Въ нихъ извѣщалось всѣмъ, что, «съ Божіею помощью, Димитрій спасся отъ убійцъ, благодаритъ московскихъ людей за то, что, при ихъ пособіи, онъ достигъ престола, и снова проситъ, чтобъ его въ другой разъ посадили на царство». Изъ Сѣверской земли, гдѣ такъ давно ждали Димитрія, собралось къ нему тысячи три вольницы, севрюковъ. Явился въ Стародубъ и Мѣховецкій съ отрядомъ украинской вольницы. Современники думали, что этотъ Мѣховецкій и выпустилъ Димитрія изъ литовскихъ предѣловъ въ Россію.

Въ это время прибылъ въ Стародубъ Заруцкій, посланный отъ Бо-

лотникова искать Димитрія. Казацкій атаманъ явился къ Димитрію и сразу увидалъ, что это вовсе не тотъ, который царствовалъ въ Москвѣ. Но Заруцкому нужно было Димитрія какого-нибудь; Заруцкій поклонился ему, увѣрялъ всѣхъ, что дѣйствительно узналъ въ немъ настоящаго государя. Онъ не поѣхалъ назадъ въ Тулу, остался при Димитріи, сдѣлался его всегдашнимъ товарищемъ, довѣреннымъ лицомъ. Вору хотѣлось испытать, точно-ли преданы и вѣрны ему стародубцы. И вотъ однажды онъ выѣхалъ за ворота съ Заруцкимъ, и начали они разъѣзжаться и сражаться копьями. По тайному приказанію Димитрія, Заруцкій сбилъ его съ коня. Димитрій упалъ и показывалъ видъ, будто сильно ушибленъ. Заруцкій пустился бѣжать. Народъ закричалъ: «Ловите, держите измѣнника!» Схватили его, связали и привели къ Димитрію. Тотъ всталъ и, засмѣявшись, сказалъ: «Благодарю васъ, православные христіяне! Вотъ теперь я дважды увѣрился, что вы мнѣ вѣрны!» Всѣ стародубцы смѣялись, а Заруцкій все-таки схватилъ нѣсколько порядочныхъ пинковъ; но послѣ того всѣ знали, что Заруцкій самый близкій человѣкъ къ царю Димитрію.

Димитрій нѣсколько времени оставался въ Стародубѣ, ожидая болѣе силъ, а между тѣмъ отправилъ къ Шуйскому, находившемуся подъ Тулою, посланца, одного боярскаго сына изъ стародубскаго уѣзда. Этотъ человѣкъ смѣло явился передъ царемъ Василіемъ съ грамотою. Въ ней Димитрій называлъ Шуйскаго измѣнникомъ, похитителемъ и требовалъ уступить ему престолъ. Посланецъ, съ своей стороны, сказалъ царю: «Прямой ты измѣнникъ! Подыскался царства подъ нашимъ государемъ». Царь приказалъ его пытать, вѣроятно, чтобы вывѣдать отъ него о состояніи дѣлъ. Но у посланца не вывѣдали никакой вѣсти. Онъ жарился на огнѣ, да въ то же время расточалъ на Шуйскаго всевозможныя ругательства. Такъ онъ и умеръ въ мукахъ.

Когда, наконецъ, понабралось у Димитрія сѣверской вольницы, онъ двинулся на Карачевъ, взялъ его, оттуда повернулъ къ Козельску: разбилъ и взялъ въ плѣнъ московскій отрядъ и вернулся къ Карачеву. Тутъ литовскіе люди, бывшіе съ нимъ, заспорили за добычу, полученную подъ Козельскимъ отъ разбитаго московскаго отряда, и думали уйти. Димитрій былъ непредпріимчиваго и нехрабраго нрава и притомъ подозрителенъ. Онъ сообразилъ, что поляки его оставляютъ, а русскимъ нельзя довѣряться. Димитрій поэтому хотѣлъ бѣжать. Но тутъ прислалъ за нимъ изъ-подъ Карачева Мѣховецкій, оставшійся при войскѣ. «Воротись, извѣщалъ онъ его, будешь самъ здѣсь на лицо, такъ войско тебя послушается и не разойдется!» Димитрій пробылъ съ недѣлю въ Орлѣ, раздумывалъ такъ-и-сякъ и наконецъ воротился, по просьбѣ Мѣховецкаго, въ Карачевъ, но опять увидалъ, что поляки не слишкомъ расположены служить ему и думаютъ только о добычѣ, а московскіе люди готовы, при первомъ случаѣ, выдать его. Сообразивши все это, Димитрій опять тайно убѣжалъ. На этотъ разъ онъ уже не остановился въ Орлѣ, а бѣжалъ въ Путивль. По всему видно, онъ хотѣлъ вовсе отказаться отъ званія Димитрія, случайно принятаго въ Стародубѣ. Онъ не чувствовалъ въ себѣ на столько силы, чтобы носить это имя, и радъ былъ случаю улизнуть и избавиться отъ своей роли. Но и теперь, какъ въ первый разъ, не удалось ему. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ нѣкто Валавскій. Съ нимъ было тысяча человѣкъ. Онъ шелъ изъ Украины отъ знатнаго

пана Ружинскаго на помощь Димитрію. Потомъ Самуилъ Тышкевичъ привелъ украинскую вольницу. Современники говорятъ, что игравшій роль Димитрія не хотѣлъ имъ сказаться и назвать себя царскимъ именемъ; но всѣ стали допытываться и уличать его, и онъ не могъ извернуться и долженъ былъ сознаться, что онъ тотъ самый, который уже признавалъ себя за Димитрія. «Куда же ты это бредешь?» спрашивали его. «Меня», говорилъ онъ, «поляки оставляютъ, а своимъ я не довѣряю: они меня выдадутъ или убьютъ. Я хотѣлъ бѣжать въ Путивль. Тамъ люди мнѣ издавна преданы. Оттуда я въ первый разъ, по смерти Годунова, былъ приглашенъ на царство». Его не пустили. Вслѣдъ затѣмъ явились къ нему новые пособники изъ Браславскаго воеводства: Хмѣлевскій, Хруслинскій и князь Адамъ Вишневецкій. Послѣднему, должно быть, очень дико было признавать новое лицо за то самое, которое онъ зналъ такъ близко, какъ рѣдкій тогда могъ знать въ Польшѣ.

Понятно, что такими пособниками руководила обычная въ Украинѣ охота къ шатанію и разбоямъ. Руководило ими и желаніе отмстить за тѣхъ, которые потерпѣли въ Москвѣ во время войны, и за тѣхъ, которые томились въ плѣну. Много было въ Польшѣ женъ и дѣтей, которыя въ томительной неизвѣстности о судьбѣ своихъ мужей и отцовъ взывали о справедливой карѣ лживому московскому народу, говоритъ современникъ. Это чувство должно было служить нравственнымъ предлогомъ къ оправданію своей лжи. Доблестные поляки, говоритъ тотъ же современникъ, выступая съ призракомъ царя, увѣряли единогласно что Димитрій ушелъ изъ Москвы отъ смерти. Самъ Богъ помогъ ихъ справедливому дѣлу: они мстили за тяжкія оскорбленія своимъ согражданамъ.

Съ этими новыми силами Димитрій воротился опять къ Карачеву, а изъ Карачева со всѣмъ полчищемъ пошелъ къ Брянску. Русскіе предупредили его и сожгли Брянскій посадъ, а въ самый городъ ввели крѣпкій гарнизонъ. Воръ стоялъ подъ Брянскомъ нѣсколько недѣль. За девять дней до Рождества прибылъ на помощь Брянску воевода кн. Куракинъ. Зима была въ тотъ годъ теплая, и въ декабрѣ все еще не замерзала Десна. По ней плавали льдины; былъ большой холодъ и въ водѣ, и въ воздухѣ. Литовскіе люди никакъ не ожидали, чтобъ ихъ непріятели рѣшились идти вплавь. Но московскіе люди не побоялись холода, перешли рѣку и дружнымъ натискомъ выбили изъ окоповъ толпу; тутъ же ударили на нее осажденные въ Брянскѣ. Довольно воровъ побили и побрали въ плѣнъ. Шайка снялась съ обоза и отступила къ Карачеву, а оттуда воръ опять пріѣхалъ въ Орелъ.

XLVII. ПОЛЬСКОЕ УЧАСТІЕ ВЪ СМУТАХЪ ПРИ ЦАРѢ ВАСИЛІИ И ВО ВРЕМЯ МЕЖДУЦАРСТВІЯ.

(Изъ «Исторіи польскаго народа» Шмитта).

Вѣсть о смерти перваго Лжедимитрія возбудила сильное волненіе въ Рѣчи-Посполитой, но внутренніе безпорядки устраняли всякую мысль о мести. Между тѣмъ въ Московскомъ царствѣ появился новый самозванецъ, къ нему поспѣшили: Заруцкій съ донскими казаками, кн. Рожинскій, Вишневецкій, Лисовскій и множество шляхты, которая охотно шла подъ знамя самозванца, лишь-бы вы-

местить на Шуйскихъ смерть многихъ своихъ соотечественниковъ. Главное начальство принялъ Рожинскій, хотя Лисовскій и другіе дѣйствовали отдѣльно. Лисовскій одержалъ подъ Зарайскомъ побѣду надъ царскимъ войскомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Ляпунова. Рожинскій одержалъ также блистательную побѣду надъ братомъ царя, Димитріемъ Шуйскимъ, и остановился (10 іюня 1608 г.) въ двухъ миляхъ отъ Москвы, въ Тушинѣ, гдѣ укрѣпился лагеремъ. Сюда явились къ нему Млоцкій, Бобовскій, Петръ Сапѣга и немало шляхты. Собственно Рѣчь-Посполитая и польское правительство не принимали участія въ этой войнѣ, а потому посольство могло явиться съ поздравленіями по поводу вступленія Василія на престолъ и съ требованіемъ освободить прежнихъ пословъ и арестованныхъ магнатовъ. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ, заключено было четырехлѣтнее перемиріе, въ теченіи котораго долженъ былъ состояться или вѣчный, или, по крайней мѣрѣ, двадцатилѣтній миръ. Мнишекъ обѣщалъ не признавать самозванца своимъ зятемъ и не выдавать ему дочери, которая, съ своей стороны, отказалась отъ титула царицы. По заключеніи этого договора, Василій отправилъ, подъ военнымъ конвоемъ, освобожденныхъ плѣнныхъ къ границамъ Польши. Но отрядъ, сопровождавшій Марину съ отцомъ, подвергся вблизи границы нападенію Зборовскаго, который разсѣялъ его, а Марину, Мнишка и другихъ поляковъ доставилъ въ тушинскій лагерь.

Самозванецъ былъ, впрочемъ, только щитомъ, а въ сущности власть была въ рукахъ Рожинскаго, который имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 2,000 пѣхоты, 18,000 польской конницы и до 45,000 казаковъ. Весь его временный успѣхъ можно приписать этимъ военнымъ силамъ. Лисовскій и Сапѣга составляли отдѣльно отряды въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Доведенный до крайности, Василій заключилъ оборонительно-наступательный союзъ съ Карломъ шведскимъ и получилъ отъ него (1609) въ помощь нѣсколькотысячный отрядъ подъ начальствомъ Делагарди.

Сигизмундъ принялъ этотъ союзъ за нарушеніе недавно заключеннаго перемирія и, успокоивъ окончательно Рѣчь-Посполитую на сеймѣ 1609 г., склонилъ сеймъ дать согласіе на войну съ Московіей съ цѣлью вновь пріобрѣсти Смоленскъ и другія утраченныя земли. Войско Сигизмунда подступило къ Смоленску, гдѣ начальствовалъ Шеинъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи для защиты этой крѣпости 30,000 войска и 40,000 мѣщанъ и крестьянъ, а сверхъ того большіе запасы провіанта, оружія и зарядовъ. Гетманъ Жолкѣвскій совѣтовалъ идти прямо на Москву, оставивъ Смоленскъ въ сторонѣ, но король предпочелъ приступить къ осадѣ, которая продолжалась 20 мѣсяцевъ.

Вѣсть объ объявленіи войны и о вторженіи короля въ русскія владѣнія была весьма неутѣшительною для тѣхъ вооруженныхъ полчищъ, которыя, обольщаемыя надеждою большой добычи, поддерживали дѣло самозванца. Они могли весьма основательно опасаться, что ожидаемыя ими необыкновенныя награды не попадутъ въ ихъ руки. А потому, когда Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ и отправилъ часть войскъ для занятія Сѣверской земли, Рожинскій составилъ въ своемъ лагерѣ военный совѣтъ и склонилъ своихъ сподвижниковъ къ образованію конфедераціи, въ которой всѣ дали обѣтъ не покидать Димитрія до тѣхъ поръ, пока онъ не займетъ престола, и пока они сами не получатъ выслуженнаго жалованія. Съ такими рѣшеніями была снаряжена депутація къ королю. Мархоцкій, одинъ изъ депутатовъ, объявилъ отъ имени конфедератовъ, что, въ случаѣ оказанія имъ противодѣйствія въ полученіи кровью заслуженной ими награды, они не признаютъ ни короля королемъ, ни братьевъ братьями, ни отечества отечествомъ. Не смотря на столь дерзкое заявленіе, депутатамъ отвѣчали довольно мягко, въ надеждѣ, что комисары, отправленные уже въ тушинскій лагерь, съумѣютъ убѣдить войско отказаться отъ самозванца. Переговоры длились весьма долго, ибо рѣшительно невозможно было согласиться на преувеличенныя требованія войска. Во всякомъ случаѣ комисары успѣли на столько, что Рожинскій съ частью войска рѣшился покинуть самозванца и хотѣлъ остаться при немъ только до поры до

времени, чтобы не смутить русскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые намѣревались въ качествѣ пословъ отправиться къ Сигизмунду съ просьбою дать сына, Владислала, въ цари московскіе. Самозванецъ началъ серьезно опасаться, что Рожинскій выдастъ его королю, а потому уѣхалъ изъ лагеря въ Калугу. Послѣ его бѣгства въ лагерѣ произошло замѣшательство. Донцы бросились за нимъ, и многіе изъ русскихъ послѣдовали также ихъ примѣру. Марина, желавшая господствовать во что бы то ни стало, хотѣла принудить войско къ вѣрности самозванцу, но, не достигнувъ цѣли, переодѣлась въ мужское платье и бѣжала въ Калугу. Въ пользу самозванца объявилъ себя и Сапѣга, чрезъ что на его сторону перешло много жолнеровъ Рожинскаго, при которомъ затѣмъ остались лишь лица, намѣревавшіяся перейдти къ королю. Еще недавно столь многочисленное войско въ тушинскомъ лагерѣ сократилось до цифры 3,500 человѣкъ. Рожинскій велѣлъ сжечь лагерь и перешелъ въ Осиповъ, гдѣ вскорѣ скончался.

Такое положеніе тушинцевъ было для царя весьма кстати, но онъ не могъ имъ воспользоваться. Подъ Царевымъ-Займищемъ Жолкѣвскій аттаковалъ русскихъ и окружилъ ихъ, желая принудить къ сдачѣ. Но въ то-же время получена была вѣсть, что приближаются главныя шведско-московскія силы въ числѣ 50,000 человѣкъ. Жолкѣвскій оставилъ часть войска для наблюденія за окруженными, и двинулся ночью съ остальною противъ главныхъ силъ. Съ разсвѣтомъ онъ встрѣтилъ ихъ подъ Клушинымъ и произвелъ на нихъ нападеніе и, послѣ непродолжительной, но кровопролитной стычки, одержалъ совершенную побѣду. Возвратившись неожиданно въ Царево-Займище, онъ принудилъ и этотъ отрядъ къ сложенію оружія и къ принесенію присяги на вѣрность Владиславу. Жолкѣвскій, смѣлый въ битвахъ, обнаружилъ смѣлость и въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ: онъ безъ королевскаго указа хотѣлъ воцарить Владислава, въ томъ убѣжденіи, что нѣтъ лучшаго способа окончанія войны съ выгодою для Рѣчи-Посполитой

Василій, готовясь защищаться до послѣдней крайности, началъ собирать новыя войска; но онъ былъ свергнутъ, а власть приняла дума боярская, бывшая подъ начальствомъ кн. Мстиславскаго. Столицѣ угрожалъ съ одной стороны Сапѣга, въ лагерѣ котораго находился самозванецъ, а съ другой Жолкѣвскій, идущій изъ Можайска. Въ боярской думѣ мнѣнія раздѣлились. Одни хотѣли провозгласить царемъ польскаго королевича Владислава, другіе, особенно духовенство, желали предоставить престолъ Василію Голицыну или Михаилу, сыну ростовскаго митрополита Филарета, родственнику царя Өеодора Іоанновича. Спрошенный думою о цѣли своего прибытія, гетманъ Жолкѣвскій отвѣчалъ, что желаетъ освободить столицу отъ сосѣдства самозванца и его клевретовъ. Прежде нежели онъ открылъ переговоры съ боярами, къ нему прибыло посольство изъ лагеря Сапѣги съ заявленіемъ, что самозванецъ уступитъ Польшѣ весь Сѣверскій край и заплатитъ значительную сумму, лишь бы ему было дозволено вступить на московскій престолъ. Гетманъ отправилъ пословъ къ королю, а самъ вошелъ въ переговоры съ уполномоченными боярской думы на такъ называемомъ Дѣвичьемъ полѣ. Москва соглашалась имѣть царемъ Владислава съ условіемъ, что онъ перейдетъ въ православную вѣру, сохранитъ независимость государства отъ Польши оставитъ при себѣ не болѣе 500 поляковъ, будетъ наказывать смертью каждаго, кто приметъ католическую вѣру и т. п. Жолкѣвскій извѣстилъ короля о требованіяхъ боярской думы и, въ ожиданіи соотвѣтственной инструкціи, откладывалъ, на сколько было возможно, окончательное соглашеніе. Но Сигизмундъ не спѣшилъ высказываться; и когда, съ одной стороны, настаивали бояре, чтобы покончить съ ними дѣло, а съ другой—не получавшее жалованія войско грозило составленіемъ конфедераціи, гетманъ волею-неволею вынужденъ былъ заключить (27 авг.) договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: русскіе всѣхъ сословій должны присягнуть на вѣрность Владиславу, какъ своему царю, который, съ своей стороны, обязанъ гарантировать восточной церкви свою опеку, наказывать смертью всѣхъ, принимающихъ другую вѣру, и изгнать еретиковъ; при этомъ Владиславъ долженъ обязаться не раздавать должностей полякамъ, не возвышать налоговъ и

повинностей и судебную часть оставить безъ всякихъ измѣненій. Въ то же время было выговорено, что самозванецъ будетъ уничтоженъ общими силами, а Марина возвратится въ Польшу. Бояре обязались доставлять войску провіантъ, но за то гетманъ не могъ занять столицы безъ ихъ позволенія. Относительно обращенія королевича въ православіе и заключенія вѣчнаго мира съ Польшею предполагалось войдти въ переговоры лично съ королемъ. Разрѣшеніе всякихъ споровъ относительно границъ и замковъ отложено до ближайшаго сейма Рѣчи-Посполитой, на который должно было прибыть и московское посольство. Договоръ этотъ былъ скрѣпленъ торжественно присягою съ обѣихъ сторонъ, и вся Россія признала царемъ королевича.

Сигизмундъ желалъ властвовать въ Москвѣ, соединенной съ Польшей, и, увлекаемый религіознымъ рвеніемъ, мечталъ объ обращеніи всей Россіи въ католичество. Потому вышеприведенный договоръ вовсе не былъ ему по сердцу. Не принося, впрочемъ, особенныхъ выгодъ Рѣчи-Посполитой, договоръ этотъ имѣлъ значеніе единственно потому, что сынъ пожизненнаго польскаго короля занялъ бы престолъ царей московскихъ и, послѣ смерти отца, навѣрное, попытался бы захватить и Польшу подъ свою неограниченную власть. Сигизмундъ отвѣтилъ, что не можетъ утвердить подобнаго договора, какъ скоро началъ войну съ цѣлью возвратить утраченныя провинціи Рѣчи-Посполивой, а вовсе не для того, чтобы ея цѣною посадить сына на московскомъ престолѣ. Слѣдствіемъ такого взгляда было, приказаніе гетману управлять Москвою именемъ Сигизмунда, а не именемъ королевича. Приказаніе это пришло слишкомъ поздно, а потому Жолкѣвскій, послѣ заключенія договора, не могъ уже его выполнить. Объяснивъ королю въ подробномъ донесеніи невозможность выполненія полученныхъ приказаній, гетманъ обратился съ воззваніемъ къ Сапѣгѣ и его войску, прося или выдать самозванца, или, по крайней мѣрѣ, перейдти на сторону братьевъ и короля. Высокомѣрный отвѣтъ, что рыцарство не покинетъ своего царя, и что оно готово драться со всякимъ, дерзнувшимъ оскорбить его, вынудилъ гетмана прибѣгнуть къ оружію. Подойдя къ лагерю Сапѣги, Жолкѣвскій выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ. Войско Сапѣги заняло также позиціи, но вмѣсто боя начались переговоры. Какъ скоро защитники самозванца получили достаточную гарантію въ правильномъ удовлетвореніи жалованіемъ, то, не медля, перешли на сторону короля. Они выговорили себѣ только одно условіе, именно, чтобы король предоставилъ Маринѣ и самозванцу на ихъ содержаніе Гродно и Самборъ. Лжедимитрій однако не согласился на такія условія и, предупрежденный заблаговременно, что Жолкѣвскій намѣренъ схватить его, бѣжалъ съ Мариною и Заруцкимъ въ Калугу. Гетманъ, по соглашенію съ боярами, вступивъ въ Москву безъ сопротивленія, занялъ Кремль и другіе укрѣпленные пункты. Подъ предлогомъ движенія мятежной черни, будто-бы готовой призвать Лжедимитрія, Жолкѣвскій склонилъ Мстиславскаго и другихъ бояръ требовать вступленія поляковъ въ Москву. Это совершилось ночью; войско шло въ тишинѣ, со свернутыми знаменами, и жители только на разсвѣтѣ увидали среди себя королевскихъ воиновъ. Къ королю-же было снаряжено блестящее посольство, во главѣ котораго Жолкѣвскій поставилъ Голицына и ростовскаго митрополита Филарета. Не желая затрогивать самолюбія русскихъ, гетманъ поддерживалъ въ войскѣ самую строгую дисциплину. Поляки Сапѣги не были впущены въ Москву и отправлены въ Сѣверскій край. Передавъ наконецъ начальство надъ войскомъ Гонсѣвскому, Жолкѣвскій поѣхалъ самъ къ королю въ Смоленскъ, съ намѣреніемъ склонить его къ утвержденію заключеннаго договора.

Осада Смоленска продолжалась безостановочно, ибо Шеинъ объявилъ, что избранному царю Владиславу сдастъ крѣпость, но Сигизмунду никогда. Посолъ Голицынъ поддерживалъ съ Шеинымъ тайныя сношенія, за что вмѣстѣ съ митрополитомъ и другими членами посольства былъ сосланъ подъ стражею въ Каменку. Такое обращеніе съ послами и къ тому-же явное желаніе Сигизмунда пріобрѣсти власть надъ Москвою лично для себя, начало тревожить русскихъ. Самозванецъ погибъ, правда, отъ руки одного придворнаго, которому нанесъ оскорбленіе, но

Ляпуновъ, Пожарскій и многіе бояре вмѣстѣ съ патріархомъ взывали къ народу взяться за оружіе, чтобы выступить противъ Сигизмунда и поляковъ. Патріархъ освобождалъ всѣхъ отъ присяги, данной Владиславу. Гонсѣвскій перехватилъ его письма и отдалъ его самого подъ стражу, но уже не могъ предотвратить возраставшаго неудовольствія. Дѣло дошло наконецъ (29 марта 1611 г.) до боя въ самой Москвѣ. Весь народъ взялся за оружіе, поляки зажгли городъ, который такимъ образомъ сдѣлался жертвою пламени. Пожаръ остановилъ, правда, возстаніе въ городѣ, но вооруженныя толпы двигались къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ подъ начальствомъ Ляпунова, Трубецкаго, Заруцкаго и др.; положеніе поляковъ становилось весьма затруднительнымъ, ибо, насчитывая въ своихъ рядахъ не болѣе 10,000 человѣкъ, они должны были сражаться съ арміею въ 140,000 человѣкъ, малѣйшая убыль которой могла быть тотчасъ же пополнена. Гонсѣвскій такъ ловко бросилъ тѣнь подозрѣнія на Ляпунова, опаснѣйшаго изъ враговъ, что его, какъ обвиненнаго въ измѣнническихъ сношеніяхъ, лишили жизни. Однакожь и это обстоятельство не улучшило положенія поляковъ, хотя ссорившіеся между собою русскіе военачальники дѣйствовали съ меньшею энергіею. Извѣстіе, что Ходкѣвичъ, по приказанію короля, взявшаго наконецъ Смоленскъ, долженъ прибыть съ вспомогательнымъ отрядомъ, могло придать нѣсколько бодрости изнемогавшему отъ усиленныхъ трудовъ войску, но не могло уже устранить опасности. Самъ Сигизмундъ, по занятіи Смоленска, отправился въ Варшаву, гдѣ созвалъ сеймъ; Ходкѣвичъ-же съ немногочисленнымъ отрядомъ двинулся къ Москвѣ. Появленіе его съ небольшою горстью воиновъ, не предсказывало значительнаго успѣха. Русскіе-же, сохранявшіе до того времени вѣрность присягѣ Владиславу, видя, что Сигизмундъ не присылаетъ сына на царство, считали это нарушеніемъ договора и переходили въ лагерь противниковъ. Сверхъ того, поляки разграбили остатки драгоцѣнной царской казны для удовлетворенія, хоть частью, войска, домогавшагося жалованія, что окончательно возстановило жителей противъ нихъ. Доведенные неимовѣрнымъ голодомъ до крайности, поляки должны были наконецъ сдать Кремль (7 нояб. 1612 г.), выговоривъ себѣ личную неприкосновенность и цѣлость своего имущества. Условіе это было нарушено, ибо почти всѣ поляки были умерщвлены, что слѣдуетъ приписать необузданности казаковъ. Подстрекаемый со всѣхъ сторонъ идти на помощь осажденнымъ и вести съ собою Владислава въ Москву, король собрался наконецъ въ новый походъ съ 2,000 человѣкъ пѣхоты и 1,200 человѣкъ конницы. Но, извѣщенный на дорогѣ о сдачѣ Москвы, Сигизмундъ воротился ни съ чѣмъ въ Варшаву. По освобожденіи столицы отъ поляковъ, провозглашенъ былъ царемъ пятнадцатилѣтній Михаилъ, сынъ задержаннаго въ Польшѣ митрополита Филарета.

XLVIII. Борьба Москвы съ Тушинымъ.

(По «Исторіи смутнаго времени въ Россіи» Бутурлина).

Послѣ брянской битвы самозванецъ расположился на зимовку въ Орлѣ, а царскіе воеводы въ Волховѣ. Глубокіе снѣга и морозы препятствовали важнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ, самозванецъ все болѣе и болѣе усиливался. Къ нему изъ Польши стекались не одни бездомные витязи, но даже знатнѣйшіе паны, напр. Тышкевичъ, прибывшій въ Орелъ съ 700 конныхъ, Рожинскій съ 1000 и др. Подъ знаменами вора собралось всего 7,000 поляковъ, 8,000 донскихъ и запорожскихъ казаковъ, да довольно русскихъ злодѣевъ. Изъ всѣхъ польскихъ пановъ Рожинскій почитался достойнѣйшимъ и домогался главнаго начальства; Мѣховецкій, прежній гетманъ, долженъ былъ уступить ему свое званіе.

повинностей и судебную часть оставить безъ всякихъ измѣненій. Въ то же время было выговорено, что самозванецъ будетъ уничтоженъ общими силами, а Марина возвратится въ Польшу. Бояре обязались доставлять войску провіантъ, но за то гетманъ не могъ занять столицы безъ ихъ позволенія. Относительно обращенія королевича въ православіе и заключенія вѣчнаго мира съ Польшею предполагалось войдти въ переговоры лично съ королемъ. Разрѣшеніе всякихъ споровъ относительно границъ и замковъ отложено до ближайшаго сейма Рѣчи-Посполитой, на который должно было прибыть и московское посольство. Договоръ этотъ былъ скрѣпленъ торжественно присягою съ обѣихъ сторонъ, и вся Россія признала царемъ королевича.

Сигизмундъ желалъ властвовать въ Москвѣ, соединенной съ Польшей, и, увлекаемый религіознымъ рвеніемъ, мечталъ объ обращеніи всей Россіи въ католичество. Потому вышеприведенный договоръ вовсе не былъ ему по сердцу. Не принося, впрочемъ, особенныхъ выгодъ Рѣчи-Посполитой, договоръ этотъ имѣлъ значеніе единственно потому, что сынъ пожизненнаго польскаго короля занялъ бы престолъ царей московскихъ и, послѣ смерти отца, навѣрное, попытался бы захватить и Польшу подъ свою неограниченную власть. Сигизмундъ отвѣтилъ, что не можетъ утвердить подобнаго договора, какъ скоро началъ войну съ цѣлью возвратить утраченныя провинціи Рѣчи-Посполитой, а вовсе не для того, чтобы ея цѣною посадить сына на московскомъ престолѣ. Слѣдствіемъ такого взгляда было, приказаніе гетману управлять Москвою именемъ Сигизмунда, а не именемъ королевича. Приказаніе это пришло слишкомъ поздно, а потому Жолкѣвскій, послѣ заключенія договора, не могъ уже его выполнить. Объяснивъ королю въ подробномъ донесеніи невозможность выполненія полученныхъ приказаній, гетманъ обратился съ воззваніемъ къ Сапѣгѣ и его войску, прося или выдать самозванца, или, по крайней мѣрѣ, перейдти на сторону братьевъ и короля. Высокомѣрный отвѣтъ что рыцарство не покинетъ своего царя, и что оно готово драться со всякимъ, дерзнувшимъ оскорбить его, вынудилъ гетмана прибѣгнуть къ оружію. Подойдя къ лагерю Сапѣги, Жолкѣвскій выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ. Войско Сапѣги заняло также позиціи, но вмѣсто боя начались переговоры. Какъ скоро защитники самозванца получили достаточную гарантію въ правильномъ удовлетвореніи жалованіемъ, то, не медля, перешли на сторону короля. Они выговорили себѣ только одно условіе, именно, чтобы король предоставилъ Маринѣ и самозванцу на ихъ содержаніе Гродно и Самборъ. Лжедимитрій однако не согласился на такія условія и, предупрежденный заблаговременно, что Жолкѣвскій намѣренъ схватить его, бѣжалъ съ Мариною и Заруцкимъ въ Калугу. Гетманъ, по соглашенію съ боярами, вступивъ въ Москву безъ сопротивленія, занялъ Кремль и другіе укрѣпленные пункты. Подъ предлогомъ движенія мятежной черни, будто-бы готовой призвать Лжедимитрія, Жолкѣвскій склонилъ Мстиславскаго и другихъ бояръ требовать вступленія поляковъ въ Москву. Это совершилось ночью; войско шло въ тишинѣ, со свернутыми знаменами, и жители только на разсвѣтѣ увидали среди себя королевскихъ воиновъ. Къ королю-же было снаряжено блестящее посольство, во главѣ котораго Жолкѣвскій поставилъ Голицына и ростовскаго митрополита Филарета. Не желая затрогивать самолюбія русскихъ, гетманъ поддерживалъ въ войскѣ самую строгую дисциплину. Поляки Сапѣги не были впущены въ Москву и отправлены въ Сѣверскій край. Передавъ наконецъ начальство надъ войскомъ Гонсѣвскому, Жолкѣвскій поѣхалъ самъ къ королю въ Смоленскъ, съ намѣреніемъ склонить его къ утвержденію заключеннаго договора.

Осада Смоленска продолжалась безостановочно, ибо Шеинъ объявилъ, что избранному царю Владиславу сдастъ крѣпость, но Сигизмунду никогда. Посолъ Голицынъ поддерживалъ съ Шеинымъ тайныя сношенія, за что вмѣстѣ съ митрополитомъ и другими членами посольства былъ сосланъ подъ стражею въ Каменку. Такое обращеніе съ послами и къ тому-же явное желаніе Сигизмунда пріобрѣсти власть надъ Москвою лично для себя, начало тревожить русскихъ. Самозванецъ погибъ, правда, отъ руки одного придворнаго, которому нанесъ оскорбленіе, но

Ляпуновъ, Пожарскій и многіе бояре вмѣстѣ съ патріархомъ взывали къ народу взяться за оружіе, чтобы выступить противъ Сигизмунда и поляковъ. Патріархъ освобождалъ всѣхъ отъ присяги, данной Владиславу. Гонсѣвскій перехватилъ его письма и отдалъ его самого подъ стражу, но уже не могъ предотвратить возраставшаго неудовольствія. Дѣло дошло наконецъ (29 марта 1611 г.) до боя въ самой Москвѣ. Весь народъ взялся за оружіе, поляки зажгли городъ, который такимъ образомъ сдѣлался жертвою пламени. Пожаръ остановилъ, правда, возстаніе въ городѣ, но вооруженныя толпы двигались къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ подъ начальствомъ Ляпунова, Трубецкаго, Зарупкаго и др.; положеніе поляковъ становилось весьма затруднительнымъ, ибо, насчитывая въ своихъ рядахъ не болѣе 10,000 человѣкъ, они должны были сражаться съ арміею въ 140,000 человѣкъ, малѣйшая убыль которой могла быть тотчасъ-же пополнена. Гонсѣвскій такъ ловко бросилъ тѣнь подозрѣнія на Ляпунова, опаснѣйшаго изъ враговъ, что его, какъ обвиненнаго въ измѣнническихъ сношеніяхъ, лишили жизни. Однакожь и это обстоятельство не улучшило положенія поляковъ, хотя ссорившіеся между собою русскіе военачальники дѣйствовали съ меньшею энергіею. Извѣстіе, что Ходкѣвичъ, по приказанію короля, взявшаго наконецъ Смоленскъ, долженъ прибыть съ вспомогательнымъ отрядомъ, могло придать нѣсколько бодрости изнемогавшему отъ усиленныхъ трудовъ войску, но не могло уже устранить опасности. Самъ Сигизмундъ, по занятіи Смоленска, отправился въ Варшаву, гдѣ созвалъ сеймъ; Ходкѣвичъ-же съ немногочисленнымъ отрядомъ двинулся къ Москвѣ. Появленіе его съ небольшою горстью воиновъ, не предсказывало значительнаго успѣха. Русскіе-же, сохранявшіе до того времени вѣрность присягѣ Владиславу, видя, что Сигизмундъ не присылаетъ сына на царство, считали это нарушеніемъ договора и переходили въ лагерь противниковъ. Сверхъ того, поляки разграбили остатки драгоцѣнной царской казны для удовлетворенія, хоть частью, войска, домогавшагося жалованія, что окончательно возстановило жителей противъ нихъ. Доведенные неимовѣрнымъ голодомъ до крайности, поляки должны были наконецъ сдать Кремль (7 нояб. 1612 г.), выговоривъ себѣ личную неприкосновенность и цѣлость своего имущества. Условіе это было нарушено, ибо почти всѣ поляки были умерщвлены, что слѣдуетъ приписать необузданности казаковъ. Подстрекаемый со всѣхъ сторонъ идти на помощь осажденнымъ и вести съ собою Владислава въ Москву, король собрался наконецъ въ новый походъ съ 2,000 человѣкъ пѣхоты и 1,200 человѣкъ конницы. Но, извѣщенный на дорогѣ о сдачѣ Москвы, Сигизмундъ воротился ни съ чѣмъ въ Варшаву. По освобожденіи столицы отъ поляковъ, провозглашенъ былъ царемъ пятнадцатилѣтній Михаилъ, сынъ задержаннаго въ Польшѣ митрополита Филарета.

XLVIII. БОРЬБА МОСКВЫ СЪ ТУШИНЫМЪ.

(По «Исторіи смутнаго времени въ Россіи» Бутурлина).

Послѣ брянской битвы самозванецъ расположился на зимовку въ Орлѣ, а царскіе воеводы въ Волховѣ. Глубокіе снѣга и морозы препятствовали важнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ самозванецъ все болѣе и болѣе усиливался. Къ нему изъ Польши стекались не одни бездомные витязи, но даже знатнѣйшіе паны, напр. Тышкевичъ, прибывшій въ Орелъ съ 700 конныхъ, Рожинскій съ 1000 и др. Подъ знаменами вора собралось всего 7,000 поляковъ, 8,000 донскихъ и запорожскихъ казаковъ, да довольно русскихъ злодѣевъ. Изъ всѣхъ польскихъ пановъ Рожинскій почитался достойнѣйшимъ и домогался главнаго начальства; Мѣховецкій, прежній гетманъ, долженъ былъ уступить ему свое званіе.

По открытіи весны, съ обѣихъ сторонъ стали готовиться къ походу. Самозванецъ, уповая столько-же на измѣну, сколько и на открытую силу, разсылалъ повсюду грамоты, въ коихъ старался убѣждать, что онъ тотъ-же Димитрій Іоанновичъ, спасшійся во время московскаго бунта. Въ царскомъ войскѣ притомъ оказалась измѣна, что очень облегчило самозванцу побѣду надъ нимъ и движеніе къ самой Москвѣ. Дѣйствія самозванца становились опасными, въ особенности потому, что онъ распоряжался совершенно въ духѣ предначертаній Болотникова. По повелѣнію его объявили повсюду, что крестьянамъ, присягнувшимъ ему, отдавались земли господъ ихъ, служившихъ Василію, и что даже дозволялось имъ жениться на барскихъ дочеряхъ, коихъ успѣютъ захватить въ помѣстіяхъ. Чернь возставала въ пользу злодѣя. Устрашенные дворяне и дѣти боярскіе покидали дома свои и уходили въ Москву съ женами и дѣтьми. Хотя междоусобіе болѣе чѣмъ когда либо принимало видъ рѣшительной борьбы, и хотя, казалось, посему надлежало высшимъ сословіямъ способствовать утвержденію власти царя Василія, но нашлись вельможи, какъ кн. Катыревъ, Троекуровъ, Трубецкой, которые стали подговаривать воиновъ къ измѣнѣ. Но злоумышленіе ихъ было вовремя открыто, и заговорщики разсажены были по темницамъ, а менѣе знатные изъ нихъ были казнены.

1 іюня самозванецъ расположился въ селѣ Тушинѣ, въ 15 верстахъ отъ Москвы по волоколамской дорогѣ. Здѣсь на высотахъ позади селенія возникъ укрѣпленный станъ самозванца, который поэтому и получилъ отъ лѣтописцевъ названіе *Тушинскій воръ*. Впродолженіе двухъ недѣль обѣ стороны находились въ бездѣйствіи. Самозванецъ, вѣроятно, надѣялся овладѣть столицей посредствомъ одной измѣны, но всѣ старанія его, чтобы взволновать въ свою пользу столичную чернь, остались безуспѣшными: московскіе обыватели гнушались покориться явному злодѣю. Между тѣмъ польскіе отряды ходили по окрестностямъ и брали города. Городъ Коломна былъ взятъ и почти разрушенъ Лисовскимъ, который съ другой стороны подступилъ къ Москвѣ, но царскіе воеводы успѣшно отбили его и заставили удалиться въ Тушино.

Не смотря на этотъ успѣхъ, положеніе царя не становилось лучше, ибо Василій только могъ удерживаться въ Москвѣ, не имѣя достаточныхъ силъ, чтобы дѣйствовать наступательно противъ Тушина; притомъ предвидѣлось, что трудно будетъ удержать въ службѣ помѣщиковъ, всегда тяготящихся продолжительнымъ отсутствіемъ изъ своихъ имѣній. Въ виду этого Василій рѣшился добиваться достиженія соглашенія съ польскими послами, съ коими уже шли переговоры. 25 іюля царь подписалъ договоръ съ ними, при чемъ они обязались отозвать на родину своихъ соотечественниковъ, находящихся съ воромъ и составляющихъ его главную опору. Но условіе это выполнено не было.

По договору, царь отпустилъ всѣхъ поляковъ, оставшихся въ Москвѣ со времени перваго Лжедимитрія. Ихъ, въ томъ числѣ и Мнишка съ дочерью, отправили въ обходъ на Угличъ, Тверь и Бѣлую къ смоленскому рубежу, подъ конвоемъ кн. Долгорукаго, чтобы они не были захвачены воромъ. Случилось впрочемъ иначе: плѣнники попали въ руки отряда войскъ самозванца. Марина долго колебалась между тщеславіемъ и позоромъ, не рѣшаясь признать завѣдомаго обманщика своимъ мужемъ, но Мнишекъ, прельщенный разными обѣщаніями самозванца, склонилъ

дочь свою къ позорному шагу. Самозванца съ нею прежде тайно обвѣнчалъ одинъ іезуитъ, а затѣмъ она явилась въ Тушино и имѣла торжественное свиданіе съ воромъ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ притворная нѣжность изъявлялась радостными слезами. Присутствіе Марины въ станѣ самозванца много возвысило послѣдняго въ общемъ мнѣніи.

Царь надѣялся на помощь извнѣ и отправилъ Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ для собиранія рати и веденія переговоровъ со Швеціею, король которой, Карлъ IX, обѣщалъ прислать помощь. Между тѣмъ подъ Москвою битвы продолжались. Царь, узнавъ, что войско самозванца раздѣлилось, такъ какъ одинъ изъ польскихъ военачальниковъ, Сапѣга, вздумалъ дѣйствовать отдѣльно противъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, выслалъ противъ него сорокатысячную рать, которая однако близъ села Рахманова потерпѣла пораженіе. Ужасъ столицы былъ неизобразимъ. Казалось, что исчезалъ послѣдній лучъ надежды. При общемъ унынiи, не только простолюдины, но даже важныя лица стали шайками выѣзжать въ Тушино. Царь сначала хотѣлъ дѣйствовать великодушными средствами. Онъ объявилъ всенародно, что никого не желаетъ удерживать при себѣ принужденно, что всякому дается воля избрать одно изъ двухъ: или свободно выѣхать изъ Москвы, или цѣловать крестъ на томъ, что останется въ осадѣ безъ всякой шатости. Но въ несчастныя времена ничто не удается, и многіе изъ присягнувшихъ на другой-же день уѣхали въ Тушино. Таковы были: кн. Дмитрій Черкасскій, кн. Алексѣй Сицкій, Бутурлинъ. Напрасно встревоженный царь обратился тогда къ понудительнымъ мѣрамъ. Повсемѣстно разосланными указами было повелѣно всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ ѣхать на службу въ Москву, подъ опасеніемъ смертной казни за ослушаніе. Такому же наказанію и отобранію всего имущества въ казну подвергались тѣ изъ обывателей, которые бы стали укрывать *нѣтовъ* (т. е. не являвшихся на службу), или даже принимать ихъ только на ночлегъ. Изнемогающее правительство было такъ мало уважаемо, что вездѣ предписанныя строгости оставались безъ исполненія.

Если-бы Рожинскій и Сапѣга рѣшились воспользоваться первою тревогою въ столицѣ для приступа, то, вѣроятно, они бы овладѣли Москвою. Но польскіе вожди не хотѣли траты людей на приступѣ и, имѣя въ виду, что среди ужасовъ его трудно было бы уберечь отъ расхищенія московскія сокровища, коими надѣялись овладѣть, стояли на томъ, чтобы столицу не добывать открытою силою, а вынуждать къ сдачѣ посредствомъ строгаго стѣсненія. Да и самозванецъ, видя, что вся Россія постепенно покоряется ему, надѣялся безъ большихъ усилій одолѣть царя и вынудить къ сдачѣ столицу чувствомъ ея одиночества среди измѣны государства. Стоявшіе еще за царя города, Москва, Переяславь-Рязанскій, Нижній, Смоленскъ, Новгородъ и геройская обитель Троицко-Сергіева, представлялись какъ лучезарные, но малочисленные оазы среди мрачнаго господства мятежа, распространявшагося на все государство, кромѣ ледовитыхъ окраинъ онаго. Правда, вѣрные города отличались отъ прочихъ богатствомъ и многолюдствомъ, а потому не нуждались еще въ военныхъ средствахъ, но разобщенныя силы ихъ не могли дѣйствовать въ совокупности, необходимой для успѣха, а слѣдственно можно было предвидѣть постепенное паденіе самыхъ послѣднихъ оплотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конечное торжество разрушителей общественнаго устройства въ Россіи.

Въ самой Москвѣ, до тѣхъ поръ еще пребывавшей въ повиновеніи, появилась шаткость даже въ рядахъ тѣхъ изъ защитниковъ престола, которые по своему званію должны были менѣе прочихъ колебаться въ вѣрности своей. Всѣ болѣе или менѣе дѣйствовали по одному только расчету, и самыя даже преступныя связи съ измѣнниками казались одною только дозволенною осторожностью. Многіе знатные отъѣзжали въ Тушино по тайному соглашенію со своими родственниками, еще остававшимися при царѣ, дабы во всякомъ случаѣ имѣть вездѣ заступниковъ, и такимъ образомъ обезопасить родъ свой, какая-бы сторона ни восторжествовала. Другіе слуги царскіе открыто торговали своимъ вѣроломствомъ и часто переѣзжали изъ Москвы въ Тушино и обратно для полученія жалованія отъ царя. Лѣтописецъ называетъ ихъ *перелетами* и увѣряетъ, что многіе изъ нихъ до десяти разъ перебѣгали отъ одной стороны къ другой. Имъ нигдѣ не довѣряли, но они были вездѣ принимаемы благосклонно, ибо строгость казалась неумѣстною, и каждый надѣялся поощреніемъ побѣговъ ослабить своего врага. Корыстолюбіе жителей столицы побуждало ихъ еще къ другимъ преступленіямъ. Хотя тушинскій станъ утопалъ въ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, но въ немъ нуждались въ соли, въ лѣкарственныхъ зеліяхъ. И то, и другое было туда доставляемо изъ Москвы, съ большою выгодою для занимавшихся симъ промысломъ; случалось, что и оружье поступало изъ Москвы на продажу въ Тушино.

Василій не измѣнялъ себѣ. Окруженный вельможами вѣроломными, чиновниками безусердными и чернью строптивою, онъ бодрствовалъ и удерживалъ въ повиновеніи столицу при содѣйствіи какъ украинскихъ помѣщиковъ, коихъ преданность ему основана была на личныхъ выгодахъ, такъ и духовенства, единственнаго сословія, непричастнаго беззаконію. Онъ надѣялся на переговоры Скопина со шведами, на рать, которую Шеинъ собиралъ въ Смоленскѣ, а Шереметьевъ въ Низовой землѣ. Къ тому-же мятежники, на мѣсто того, чтобы добрымъ обхожденіемъ стараться привлечь къ себѣ жителей занимаемыхъ ими городовъ и волостей, обращались съ ними неистово и искали только наживы и удовлетворенія гнуснѣйшихъ страстей. Самозванецъ, всѣмъ обязанный полякамъ, не смѣлъ ни въ чемъ имъ противурѣчить. Знатнѣйшіе изъ нихъ, къ крайней досадѣ и угнетенію русскихъ, выпросили себѣ въ собственность разные города; паны своевольничали, обирали обывателей и отнимали красивыхъ женъ и дочерей у мужей и отцовъ; польскіе воины толпами выходили изъ тушинскаго стана, подъ предлогомъ отъискиванія фуража, и, собираясь въ шайки, усиленныя множествомъ пристававшихъ къ нимъ русскихъ злодѣевъ, чинили ужасные разбои по селамъ и деревнямъ. Самозванецъ, чувствуя, сколько это вредило ему, разсылалъ всѣмъ воеводамъ своимъ настоятельныя приказанія ловить и строго наказывать разорителей; но злодѣи находили безсовѣстныхъ покровителей въ польскихъ вождяхъ. Замосковскіе люди, поддавшіеся вору въ надеждѣ обезопасить себя отъ убійства и разоренія, видѣли, что жестоко обманулись. Власть самозванца нисколько не предохраняла ихъ отъ свирѣпѣйшаго насилія, и постыднымъ малодушіемъ они обезчестили себя безъ всякой пользы. Тогда рѣшились они свергнуть постыдное иго и снова покориться царской власти. Почти въ одно время Галичъ, Кострома, Вологда, Городецъ, Кашинъ и др. отложились отъ вора. Также и на правой сторонѣ Волги

дѣла принимали лучшій для царя оборотъ при содѣйствіи непоколебимой твердости Нижняго Новгорода. Шереметьевъ имѣлъ въ этой странѣ много успѣховъ надъ бунтовщиками. Въ столицѣ однако часто стали повторяться смуты, особенно, когда, вслѣдствіе прекращенія подвоза, хлѣбъ повысился въ цѣнѣ до 7 рублей за четверть. Чернь буйными толпами приступала къ царю и кричала, что нѣтъ силъ болѣе терпѣть нуждъ продолжительнаго обложенія. Патріархъ увѣщевалъ богатыхъ хлѣботорговцевъ сбавить цѣны, но корыстолюбіе превозмогло въ нихъ всякое чувство состраданія. Тогда прибѣгнули къ помощи Троицко-Сергіевскаго монастыря, имѣвшаго въ Москвѣ житницы и въ нихъ громадное количество хлѣба. Появленіе этого хлѣба на рынкѣ понизило цѣны и нѣсколько успокоило волновавшуюся Москву.

Между тѣмъ блеснулъ новый лучъ надежды. Скопинъ съ новгородскимъ ополченіемъ и вспомогательнымъ шведскимъ отрядомъ шелъ къ Москвѣ. Самозванецъ очень безпокоился этимъ, польскіе военачальники также. Сапѣга, неудачно до сихъ поръ осаждавшій Троицко-Сергіевскій монастырь, вознамѣрился предупредить пришествіе Скопина и выступилъ ему на встрѣчу. Битва произошла недалеко отъ Колязина, поляки были опрокинуты и гонимы до Рябова монастыря. Скопинъ, обрадованный успѣхомъ, возвратился въ Колязинъ. Сапѣга стоялъ еще четыре дня въ бездѣйствіи при Рябовѣ, не отваживаясь на новое нападеніе и стыдясь отступленія. Но наконецъ войско его возмутилось вслѣдствіе распространившагося слуха, что король польскій вступаетъ въ Россію и призываетъ всѣхъ поляковъ на службу къ себѣ, лишая ихъ такимъ образомъ возможности довершить торжество Лжедимитрія и получить богатыя награды. Тогда Сапѣга повернулъ назадъ.

Скопинъ употребилъ въ пользу стояніе свое въ Колязинѣ. Неусыпныя старанія его были обращены на разные предметы, ведущіе къ одной цѣли: къ составленію могущественнаго ополченія для освобожденія Москвы. Для пополненія казны онъ разослалъ во всѣ сѣверные города, не занятые непріятелемъ, грамоты, коими приказывалъ прислать къ нему всѣ находящіеся въ сборѣ государственные доходы, собрать вновь по 50 руб. съ сохи и, кромѣ того, призывалъ всѣхъ вѣрныхъ россіянъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ какъ деньгами, такъ сукнами и тафтами. Въ мѣстахъ-же, гдѣ продавцы этихъ товаровъ, нужныхъ для снаряженія войска, отказались-бы добровольно ставить, предписывалось отбирать ихъ по описи и безъ согласія хозяевъ, впрочемъ удовлетворяя купцовъ немедленно, по оцѣнкѣ, изъ государственной казны. Почти вездѣ безропотно исполнялись его требованія.

Постепенное умноженіе силъ, сосредоточивавшихся подъ хоругвью Скопина, подало наконецъ надежду на близкое избавленіе Троицы и Москвы. Россія видѣла въ юномъ героѣ предназначеннаго къ спасенію отечества. Но самое влеченіе къ нему всѣхъ сердецъ уже открывало предъ нимъ гибельную бездну. Пылкій Прокофій Ляпуновъ не переставалъ властвовать надъ рязанцами, очарованными его умомъ и отвагою. Подъ руководствомъ его они не измѣняли еще царю. Но вѣрность Ляпунова не имѣла прочнаго основанія: онъ хотя презрѣлъ Болотникова, презиралъ и самозванца, не любилъ и Василія и твердо былъ увѣренъ, что Россія не успокоится подъ его злосчастною державой. Глаза его обращались на Скопина, любимца всего народа. Ляпуновъ отправилъ къ

нему посланцовъ съ грамотою, въ коей предлагалъ вступить на престолъ вмѣсто Василія, оглашеннаго недостойнымъ. Скопинъ съ прискорбнымъ изумленіемъ прочиталъ грамоту, гнѣвно разорвалъ ее, но не отправилъ, движимый великодушіемъ, посланцовъ, моливших о пощадѣ, къ царю для вѣрной казни. Это имѣло пагубныя послѣдствія: завистники воспользовались симъ случаемъ для клеветы, и искра злобы заронилась въ сердцѣ царя противъ надежнѣйшаго защитника его престола.

Между тѣмъ въ тушинскомъ станѣ господствовала безурядица. Король, начавшій войну съ Россіей, дѣйствительно прислалъ своихъ пословъ, которые должны были передать его приказъ тушинскимъ полякамъ оставить вора и идти къ Смоленску. Поляки были недовольны этимъ, кричали, что король хочетъ ихъ лишить заслуженной награды, которую они должны получить, возведя на престолъ Лжедимитрія. Большинство ихъ высказывалось за неповиновеніе королевскому приказу; Рожинскій былъ того-же мнѣнія. Однако переговоры сіи тревожили самозванца. Поляки признавали его государемъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ вовсе не уважали его. Рожинскій въ его присутствіи билъ палкой его любимцевъ, а Тышкевичъ въ глаза называлъ его обманщикомъ. Боясь, чтобы при такихъ условіяхъ поляки не выдали его королю, какъ къ этому тоже побуждали королевскіе послы своихъ соотечественниковъ, самозванецъ задумалъ бѣжать. Рожинскій однако нагналъ его, вернулъ въ Тушино и учредилъ даже за нимъ надзоръ: поляки не желали упустить его изъ рукъ своихъ. Теперь положеніе самозванца еще болѣе ухудшилось. Когда, 27 декабря, онъ рѣшился спросить Рожинскаго, въ какомъ положеніи находится дѣло переговоровъ съ королевскими послами, то этотъ панъ отвѣчалъ: «Какое тебѣ дѣло, зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ. Довольно мы крови за тебя пролили, а пользы не видимъ!» Слова эти, сопровождаемыя не только бранью, но даже угрозами побоевъ, такъ устрашили самозванца, что онъ рѣшился, во что бы то ни стало, удалиться изъ стана. Въ тотъ-же день, когда трубили вечернюю зорю, онъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, отправился въ навозныхъ саняхъ въ Калугу съ шутомъ своимъ Иваномъ Кошелевымъ. Поляки старались поймать его, но напрасно; они страшно негодовали. Въ концѣ-концовъ большинство ихъ, съ Рожинскимъ во главѣ, порѣшило, что, упустивъ самозванца, имъ ничего не остается, какъ идти къ королю подъ Смоленскъ.

Скопинъ, подкрѣпленный новою русскою ратью и шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ, достигалъ наконецъ своей цѣли: отступленіе Рожинскаго предоставляло ему возможность идти въ Москву, не подвергаясь опасностямъ рѣшительнаго боя. 12 марта онъ уже былъ въ столицѣ. Восторгъ москвитянъ обратилъ прибытіе его въ народное торжество. Въ Москвѣ онъ ревностно занимался приготовленіями къ походу противъ Сигизмунда. Онъ хотѣлъ избавленіемъ Смоленска заслужить новую признательность отечества, уже прославлявшаго его за освобожденіе столицы. Но въ неисповѣдимыхъ совѣтахъ Всевышняго не ему суждено было довершить спасеніе Россіи... Московскіе жители не переставали честить героя. Не смотря на свою скромность, онъ занялъ въ глазахъ народа такое положеніе, что даже царь казался второстепеннымъ лицомъ въ столицѣ. При столь всеобщемъ влеченіи сердецъ, вѣроятно, многіе предполагали, что онъ можетъ быть наслѣдникомъ бездѣтнаго Василія.

Царскій братъ Димитрій видѣлъ въ побѣдоносномъ сродникѣ опаснаго для себя соперника. Шведскій военачальникъ предупреждалъ Скопина о какихъ-то тайныхъ ковахъ противъ него и совѣтовалъ для безопасности своей поспѣшить выступленіемъ изъ Москвы. Но чистой душѣ Скопина не легко было подозрѣвать въ злодѣйствѣ ближайшихъ родственниковъ. Будучи 23 апрѣля на пиру у кн. Воротынскаго, онъ не отказался выпить меду изъ чаши, поднесенной ему супругой Димитрія Шуйскаго, и тотчасъ заболѣлъ. Едва успѣли его живаго отнесть къ нему въ домъ. Кровь рѣкою лилась у него изъ носа, и въ ночь онъ скончался. Москва дрогнула при сей вѣсти. Народъ называлъ Димитрія убійцею. Царь на спасеніе брата принужденъ былъ выслать дружину свою, которая и отстояла домъ его. Неутѣшнымъ москвичамъ, удержаннымъ силою отъ мести, по мнѣнію ихъ праведной, оставалось только оплакивать кончину героя.

Но дѣйствительно-ли онъ отравленъ? Доказательствъ преступленія не было, да и быть не могло, ибо естественно, что никто не осмѣливался приступить къ изслѣдованію происшествія, навлекавшаго подозрѣніе на лица, столь приближенныя къ царю. Съ другой стороны, должно ли слѣпо вѣрить молвѣ народной, всегда готовой приписывать насилію скоропостижную кончину знаменитыхъ мужей? Изъ современныхъ писателей только нѣмецъ Беръ и псковской лѣтописецъ прямо обвиняютъ въ отравленіи Скопина, первый самого царя, а послѣдній—жену Димитрія Шуйскаго. Но Беръ врагъ Василію и недоброжелатель русскихъ. Псковская лѣтопись, писанная въ замѣтномъ духѣ ненависти ко всѣмъ высшимъ сословіямъ Россіи и къ поддерживаемому ими царю, также не должна была усумниться дать вѣру клеветамъ. Какъ бы то ни было однако, а опуская въ землю гробъ доблестнаго защитника своего, царь погребалъ не его одного, но и престолъ свой.

XLIX. ОСАДА ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

(Изъ «Сказанія о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ» Авраамія Палицына).

Сказаніе, чего ради Троицкій-Сергіевъ монастырь былъ въ осадѣ. Наказуя, Господь всегда насъ не оставляетъ, и прибѣгающихъ къ нему пріемлетъ, а отвращающихся съ долготерпѣніемъ ожидаетъ, и сего ради попустилъ насъ въ самовластіи быть, чтобы когда въ сѣтяхъ безумно увязнемъ, ниоткуда помощи не обрѣтши, опять къ нему, раскаявшись, очи возвели и оттуда помощь получили. Такъ попустилъ Господь Богъ, чтобы владѣлъ нами попратель иноческаго чина, разстрига Григорій Отрепьевъ, назвавшійся царскимъ сыномъ Дмитріемъ Ивановичемъ всея Россіи. И на царскій престолъ вошелъ, и въ недолгое время тотъ Григорій достойную месть пріялъ отъ Бога, позорно скончался. Потомъ-же въ его мѣсто иной назвался, и достигаетъ онъ до царствующаго града Москвы, но не былъ здѣсь принятъ. Всюду же въ Россіи слухъ о немъ прошелъ, и сего ради всѣ воры къ нему собрались, не за тѣмъ, чтобы на царскій престолъ его возвести, но чтобы всѣ древнія царскія сокровища присвоить. Вся же Россія отъ ложныхъ царей очень

страдаетъ, и богатство всѣхъ градовъ на царей отъемлемо бываетъ, народъ же изъ окольныхъ странъ всюду отъ меча гибнетъ. Хотя царемъ всей Россіи Василій Ивановичъ нарицается, но отъ Тушинскаго вора все Россійское государство разоряется, и лишь немногіе грады въ Поморіи не соблазнились и крестному цѣлованію остались вѣрны. Иные же, ради дальняго разстоянія, примкнули къ врагамъ россійскимъ, измѣнникамъ сѣверскимъ и полякамъ. Труденъ путь бываетъ отвсюду приходить къ Москвѣ всѣмъ, доброхотствующимъ по правдѣ, ибо окружили враги царствующій градъ, и на всѣхъ путяхъ хотящіе къ нему притекать побиваемы бываютъ, а градъ Москва, ради недостатка въ необходимомъ, въ озлобленіи бываетъ; потому изъ него многіе бѣгаютъ и къ врагамъ пристаютъ, а надежно о семъ враги веселятся. Долгое время помогали граду люди, приходящіе отъ Троицы живоначальныя Сергіева монастыря, одни прямо, другіе пробиваясь окольными стезями и лѣсами, и тутъ съ избранными воинами и съ неизмѣнными хранителями предъ всѣмъ народомъ оставались. Измѣнники же, отбѣгающіе отъ царя Василія, всегда объ этомъ вору съ поляками доносили, и сихъ враговъ христіанскихъ на домъ св. Троицы возбуждали. Долгое время подъ Москвою стоя, они хотѣли сію святыню себѣ покорить; но всевидящему Оку иное угодно было сотворить. Все же царь Василій имъ сопротивляется, дани и оброки отъ царства своего пріемля по троицкой дорогѣ, все получаемое воинамъ раздавая. Измѣнники же отъ его руки дары принимали, и вскорѣ сребролюбія ради и кровопролитія къ врагамъ притекали. Царствующій же градъ Москва сихъ ради измѣнъ колеблется, но, искусившись и отъ Гриши, и отъ Петруши, того вора не принимаетъ. Но поляки часто перехватывали московскія посылки; тогда великая польза царствующему граду была отъ обители чудотворца Сергія, ради святыхъ его молитвъ, ибо въ ней скопилось много народа, преданнаго царю законному, изъ разныхъ земель. Тогда же въ той великой Лаврѣ архимандритъ Іоасафъ и келарь старецъ Аврамій Палицынъ, съ прочими доброхотствующими къ царствующему граду, со всѣмъ усердіемъ великое тщаніе показали, и велика помощь была отъ обители чудотворца всѣмъ людямъ, къ Москвѣ правящимъ, во всякихъ нуждахъ, и относительно посылокъ, и относительно передачи вѣстей: ибо, себя защищая, обитель и городъ охраняла, до конца монастырской казны не жалѣла. Воинствующіе же люди всѣ питаемы были отъ трапезы преподобныхъ чудотворцевъ, и, елико возможно, храбро сражались. Ихъ братолюбія сердца враговъ ужасались, боясь, чтобы оно не было начальнымъ свѣтиломъ, смотря на которое прочіе отъ нихъ отступятъ и къ правдѣ обратятся.

О совѣтѣ вора съ Литвою, какъ бы разорить домъ пресвятыя Троицы. Собралось сонмище сатанинское, и отверзли псы уста свои, такъ говоря: «О царь великій Димитрій Ивановичъ! Доколѣ будутъ мѣшать великому твоему благородству вороны сіи, вогнѣздившіеся во гробѣ каменномъ, и доколѣ эти старцы будутъ вредить намъ повсюду? Не только на путяхъ вѣстниковъ нашихъ хватаютъ, изъ лѣсовъ выходя, какъ звѣри, но и смертямъ лютымъ предаютъ безъ пощады: паче же всего имѣютъ многихъ единомышленниковъ, и всѣ грады развращаютъ, служить учатъ царю Шуйскому. Тебѣ, о великій россійскій браздодержатель, самому извѣстно, также и намъ, что многіе знатные, принявъ иночество, здѣсь живутъ, и, если не обратить на нихъ вниманія, они мо-

гуть всегда зло устроять намъ; слухъ же пошелъ, что ждутъ князя Михаила Скопина съ черными псами, со шведскими нѣмцами, и Өедора Шереметева съ понизовскими людьми; и такъ вкупѣ всѣ собравшись и твердыню сію занявъ, могуть насъ побѣдить. И посему, пока они не укрѣпились, да повелить твое благородіе смирить ихъ; если не покорятся, то разсыплемъ въ воздухъ прахомъ всѣ жилища ихъ». Велехвально же берется за это гетманъ Сапѣга съ подручнымъ ему воинствомъ, и Александръ Лисовской и воры русскіе. Такъ они на путь злой поспѣшають.

О приходѣ подъ Троицкій Сергіевъ монастырь гетмана Петра Сапѣги, да пана Александра Лисовскаго и иныхъ многихъ, съ польскими и литовскими людьми и съ русскими измѣнниками. Въ лѣто 7117 Богъ попустилъ за грѣхи наши, что сентября въ 23 день пришелъ подъ Троицкій Сергіевъ монастырь литовскій гетманъ Петръ Сапѣга и панъ Александръ Лисовской, со многими польскими и литовскими людьми и съ русскими измѣнниками, по московской дорогѣ. И когда они были на Клементьевскомъ полѣ, осадные люди изъ града вышли конные и пѣшіе, и съ ними бой великій имѣли и, милостью пребезначальныя Троицы, многихъ литовскихъ людей побили и поранили, сами же во градъ благополучно возвратились. Богоотступники же, польскіе и литовскіе люди и русскіе измѣнники, сіе видя, воскричали нелѣпыми голосами, поспѣшно и сурово окружили со всѣхъ странъ Троицкій Сергіевъ монастырь. Архимандритъ Іоасафъ и весь освященный соборъ со множествомъ народа вошелъ во св. церковь св. живоначальныя Тройцы, и молился образу пречистыя Богородицы и многоцѣлебнымъ мощамъ великаго чудотворца Сергія объ избавленіи и о помощи противъ враговъ. Градскіе же люди вокругъ обители слободы и всякія службы огню предали, чтобы не дать врагамъ жилищъ. Гетманъ Сапѣга и Лисовской, разсмотрѣвши мѣсто, гдѣ имъ съ воинствомъ своимъ стать, и раздѣлившись, начали строить себѣ станы и поставили два острога, а въ нихъ крѣпости многія сотворили и ко обители пути заняли, и никому пройти было невозможно, ни въ домъ, ни изъ дома чудотворца.

О укрѣпленіи осады и о великой тѣснотѣ во градѣ. Осадные же воеводы, князь Григорій Борисовичъ Долгорукій, да Алексѣй Голохвастовъ, и дворяне приговорили со архимандритомъ Іоасафомъ, и съ соборными старцами, что слѣдуетъ, для большей безопасности, всѣхъ людей привести къ крестному цѣлованію, а начальствовать старцамъ и дворянамъ, и раздѣлить градскія стѣны, и башни, и ворота, и нарядъ устроить по башнямъ и внизу, чтобы всякій вѣдалъ свое мѣсто. Градскіе люди воздыхали и плакали, ибо изъ окольнихъ странъ многіе прибѣжали, и такова тѣснота была въ обители, что не было мѣста празднаго. Многіе люди и скоты безъ крова остались, и потому расхищали всякія дерева и камни на постройку убѣжищъ, ибо осень настала, и зима приближалась. Всѣ изнемогали, жены дѣтей рождали предъ всѣми, не имѣя куда скрыться, всякое богатство гибло, и всякій смерти просилъ со слезами. Если бы кто и каменное сердце имѣлъ, и тотъ, видя сію тѣсноту и напасти, восплакалъ бы, ибо исполнилось на насъ пророческое слово: «Праздники ваша свѣтлыя въ плачь вамъ переложу и въ сѣтованіе, и веселіе ваше въ рыданіе».

Отписка къ полякамъ и ко всѣмъ измѣнникамъ. Да вѣдаетъ ваше темное державство, гордые начальники, Сапѣга и Лисовской, и прочая ваша дружина, что напрасно прельщаете насъ, Христово стадо православныхъ христіанъ. Богоборцы, мерзость запустѣнія, вѣдайте, что и десяти лѣтъ христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту, а ваши грамоты мы, принявъ, оплевали. Какая же польза человѣку возлюбить тьму паче свѣта и преложить ложь на истину, честь на безчестіе, свободу на горькое рабство, оставить св. истинную свою православную христіанскую вѣру греческаго закона и покориться еретикамъ, которые прокляты отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ? Или какое пріобрѣтеніе и почесть оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться самозванцу врагу и вамъ, латынамъ иновѣрнымъ, и быть какъ жиды или хуже ихъ? Жиды, не познавъ Господа своего, распяли его; мы же знаемъ своего православнаго государя, подъ властью царей христіанскихъ отъ прародителей нашихъ мы рождались въ вертоградѣ истиннаго пастыря Христа. Какъ оставить намъ повелѣваете христіанскаго царя и ложною ласкою, и тщетною лестью, и суетнымъ богатствомъ прельстить насъ хотите? Не хотимъ и богатства всего міра за нарушеніе своего крестнаго цѣлованія.

L. ОСАДА ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

(Изъ статей Соловьева «Обзоръ событій Русской Исторіи отъ кончины царя Θеодора Іоанновича», помѣщ. въ «Современникѣ» за 1848 г.).

Въ то время, какъ шведы только еще обѣщали пособіе Шуйскому, поляки успѣшно дѣйствовали въ пользу самозванца подъ Москвою. Сапѣгѣ было поручено взять Троицкій монастырь, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями, а изъ этихъ областей столица получала пособія ратью, деньгами и хлѣбными запасами. Узнавъ о движеніи Сапѣги, Шуйскій послалъ брата своего Ивана перехватить ему дорогу; но московское ополченіе было на голову разбито подъ Рахмановымъ. Поразивъ царское войско, Сапѣга вмѣстѣ съ Лисовскимъ приступили къ Троицкому монастырю 23 сентября. Войско осаждавшихъ простиралось до 30,000 человѣкъ; но такъ какъ, послѣ первыхъ попытокъ овладѣть монастыремъ, Сапѣга увидалъ необходимость остаться подъ нимъ долгое время, почему долженъ былъ озаботиться собраніемъ запасовъ на зиму и разсылать отряды для занятія другихъ городовъ, то число войска его часто измѣнялось, уменьшалось иногда до 10,000 человѣкъ. Силы осажденныхъ трудно опредѣлить съ точностью, по недостатку свѣдѣній. По сохранившейся современной записи о сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ было тамъ 609 человѣкъ; если, по мнѣнію одного изслѣдователя, мы должны приложить сюда еще 700 ратниковъ, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, поименованные у Палицына, да если приложимъ сюда еще монаховъ, способныхъ нести воинскіе труды, то выйдетъ около 1,500 человѣкъ, кромѣ монастырскихъ слугъ и крестьянъ; при опредѣленіи числа послѣднихъ

должно сообразоваться съ возможностью помѣщенія внутри монастыря, гдѣ, надобно замѣтить, было много еще женщинъ и дѣтей: толпы окольныхъ жителей съ семействами собрались въ монастырь, и тѣснота была страшная. Воеводами лаврской рати были: окольничій кн. Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Шуйскій, напрягая все свое вниманіе на югъ государства, гдѣ вспыхивали безпрестанно возстанія, откуда приходили подъ Москву Болотниковъ и самозванцы, не имѣлъ возможности и не считалъ нужнымъ укрѣплять достаточными гарнизонами подъ начальствомъ надежныхъ людей сѣверные пункты, не тронутые измѣною. Слѣдствіемъ такой очень естественной беззаботности было то, что осаднымъ воеводою на столь важномъ пунктѣ, какъ Троицкій монастырь, былъ назначенъ Долгорукій, одинъ изъ первыхъ измѣнниковъ при Годуновѣ и не давно еще бывшій въ службѣ втораго самозванца. Архимандритомъ монастыря былъ въ это время Іоасафъ, человѣкъ, какъ видно, очень кроткій, способный поэтому утишать враждующихъ, водворять миръ между множествомъ народа, собраннаго изъ разныхъ сословій, съ разными нравами, понятіями, ставшаго раздражительнымъ и нетерпѣливымъ вслѣдствіе бѣдствій и лишеній всякаго рода. Келаремъ монастыря былъ Авраамій Палицынъ, на котораго мы должны обратить особенное вниманіе, какъ на человѣка, принимавшаго важное участіе въ описываемыхъ событіяхъ, и какъ автора извѣстной книги: «Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря». Авраамій Палицынъ назывался въ міру Аверкіемъ Ивановичемъ; въ 1588 г., въ царствованіе Ѳеодора, Аверкій Палицынъ подвергся тяжкой опалѣ: имѣніе его отобрано въ казну, самъ онъ сосланъ и постригся или постриженъ въ монахи. Причина опалы неизвѣстна; но если обратимъ вниманіе на годъ ея, если вспомнимъ, что около этого времени, въ концѣ 1587 г., имѣла мѣсто опала Шуйскихъ, друзей ихъ и клевретовъ, то не можемъ удержаться отъ мысли, что опала Палицына имѣетъ связь съ опалою Шуйскихъ за заговоръ противъ Годунова, за предложеніе царю развестись съ Ириною. Въ 1600 г. Борисъ снялъ опалу съ монаха Аверкія; но послѣдній при Годуновѣ и самозванцѣ оставался въ удаленіи; только съ восшествіемъ Шуйскаго на престолъ, Авраамій получаетъ важное значеніе, начинаетъ играть важную роль: онъ становится келаремъ Троицкаго монастыря, перваго монастыря въ государствѣ, государь исполняетъ просьбы его, самыя затруднительныя; все это подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о прежнихъ связяхъ Палицына съ фамиліею новаго царя, который теперь спѣшилъ вознаградить человѣка, пострадавшаго за приверженность къ его роду.

Разсмотрѣвши внимательно всѣ поступки Палицына, историкъ можетъ вывести о его характерѣ слѣдующее заключеніе: это былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій, дѣловой, уклончивый, начитанный и, по тогдашнимъ понятіямъ, краснорѣчивый,—однимъ словомъ, настоящій келарь, ибо значеніе этого монастырскаго чиновника состояло въ томъ, чтобъ быть представителемъ монастыря предъ мірскими властями, охранителемъ его выгодъ, ходатаемъ по дѣламъ его въ судахъ. Если каждый монастырь имѣлъ нужду въ опытномъ и ловкомъ келарѣ, то ясно, каковъ долженствовалъ быть келарь Троицкаго монастыря, владѣвшаго такою огромною недвижимою собственностію, имѣвшаго столько правъ и вольностей: келарь его долженъ былъ почти постоянно отсутствовать изъ монастыря,

почти постоянно жить въ столицѣ, хлопоча по дѣламъ обители; такъ и во время осады келарь Палицынъ находился въ Москвѣ. Но обратимся къ событіямъ.

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи ревностно помогали ратникамъ: тогда, какъ одни отправляли богослуженіе, другіе работали въ хлѣбнѣ и поварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для осажденныхъ; иные же день и ночь находились на стѣнѣ вмѣстѣ съ воинами, раздѣляли ихъ труды, выходили вмѣстѣ съ ними на вылазки, принимая даже начальство надъ отрядами; вѣроятно, большая часть изъ нихъ до постриженія были людьми служилыми. Польскіе вожди писали и къ воеводамъ троицкимъ и ко всѣмъ воинамъ, убѣждая къ сдачѣ обѣщаніями богатыхъ наградъ, въ противномъ случаѣ грозили злою смертію. Убѣжденія и угрозы остались тщетны. Причины такого явленія найти не трудно: монахи и воины видѣли передъ стѣнами своими не того, кто называлъ себя сыномъ Грознаго; они видѣли передъ стѣнами святой обители Сергія толпы ненавистныхъ иновѣрцевъ, пришедшихъ поругать и расхитить монастырь. Здѣсь дѣло шло не столько о томъ, передаться ли царю тушинскому отъ царя московскаго, сколько о томъ, предать ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе врагамъ истинной вѣры; троицкіе *сидѣльцы* защищали не одинъ престолъ нелюбимаго Шуйскаго, но и гробъ св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрности. Но измѣна вкралась и сюда. Если въ станѣ Сапѣги нашлись казаки, которые, мучимые совѣстью за то, что подняли святотатственную руку на обитель св. Сергія, перебѣгали къ осажденнымъ и сообщали имъ о замыслахъ непріятеля, то и въ стѣнахъ монастыря нашлись перебѣжчики между монастырскими слугами и даже между дѣтьми боярскими, которые не стерпѣли сидѣть въ осадѣ, ставшей чрезвычайно трудною во время зимы. Осенью, когда было еще тепло, многочисленныя толпы народа могли жить на открытомъ воздухѣ; но когда начались морозы, то всё столпилось въ кельяхъ: отсюда страшная тѣснота и ея слѣдствія—повальная болѣзнь, къ которой присоединился еще недостатокъ топлива. Среди этихъ физическихъ бѣдствій открылось и зло нравственное—вражда между монахами, несогласіе между воеводами, послышались обвиненія въ измѣнѣ. Марта 29, 1609 г., дочь Годунова Ксенія или Ольга писала изъ Троицкаго монастыря, гдѣ находилась во время осады, къ одной своей теткѣ, что она «въ своихъ бѣдахъ чуть жива, конечно больна, со всѣми старицами, и впредь никакъ не чаемъ себѣ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потому что у насъ, въ осадѣ, шатость и измѣна великая.» Стрѣльцы и монастырскіе служки жаловались на архимандрита и братію, что плохо ихъ кормятъ. Оправдательная грамота архимандрита къ царю дошла до насъ; она содержитъ любопытныя подробности о состояніи монастыря во время осады. Архимандритъ пишетъ: «Какъ сѣли въ осадѣ, всѣ люди ѣдятъ троицкій хлѣбъ, а своего у всякаго было мало запасено, и деньги, что кому пригоже, даемъ. А какъ въ казнѣ денегъ не стало, и мы собирали съ братьи по рублю съ человѣка, а съ иныхъ по половинѣ, а инымъ, кому надобно, занимаемъ, да даемъ.» Архимандритъ укоряетъ ратниковъ въ неумѣренности: «Мы имъ говорили, что ѣшьте въ трапезѣ, что братіе ѣдятъ, то и вы, изъ-

передъ меня, изъ-передъ архимандрита возьми передъ себя, а свое передъ меня поставь; и они братскую яству просятъ по кельямъ, потому что въ трапезѣ ставятъ передъ четверыхъ, а имъ то по кельямъ пойдетъ одному, что у нихъ, у иныхъ жены да дѣти, а у иныхъ жонки... Й смирить намъ себя больше того не вѣдаемъ какъ; а ѣдимъ мы съ братьею въ трапезѣ, съ Филлипова заговѣнья, сухари съ хлѣбомъ... А намъ, государь, въ осадѣ тѣснота и нужа великая: по дрова не выпустятъ, отъ келій кровли и заднія сѣни и чуланы сожжены, а нынѣ жжемъ житницы и проч.»

Не одни ратные люди писали жалобы на архимандрита и соборныхъ старцевъ: нашлись жалобщики и между братьею, въ которой произошло раздвоеніе по случаю доноса на казначея монастырскаго Іосифа Дѣвочкина. Палицынъ пишетъ, что діаконъ и лѣваго крылоса головщикъ Гурій Шишкинъ вывѣдалъ у Дѣвочкина измѣну и донесъ главному воеводѣ. Долгорукій тотчасъ схватилъ казначея и, по тогдашнему обычаю, велѣлъ пытать. Такой поступокъ воеводы съ однимъ изъ главныхъ лицъ въ монастырѣ возбудилъ негодованіе въ архимандритѣ и соборныхъ старцахъ, вооружилъ ихъ и противъ доносчика Шишкина съ товарищами. Поступокъ Долгорукаго съ Дѣвочкинымъ оскорбилъ и втораго воеводу Голохвастова: въ самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ состояніи умовъ, когда всѣмъ всюду видѣлась измѣна, когда одно неосторожное слово могло служить поводомъ къ доносу и вести къ пыткѣ, никто не могъ имѣть ручательства въ личной неприкосновенности, и потому Голохвастовъ хотѣлъ, какъ видно, силою воспротивиться Долгорукому. Заступничество Голохвастова за Дѣвочкина, обвиненнаго въ измѣнѣ, равно какъ умыселъ отнять городовые ключи у Долгорукаго, дало поводъ смотрѣть и на Голохвастова, какъ на участника въ измѣнѣ казначея, дали поводъ думать, что второй воевода хочетъ прибрать къ своимъ рукамъ ключи для того, чтобъ отперетъ непріятелю входъ въ монастырь. Палицынъ прямо обвиняетъ Голохвастова въ согласіи съ Дѣвочкинымъ, говоритъ, что воевода снесся съ врагами и назначилъ день, въ который хотѣлъ предать имъ монастырь такимъ образомъ: когда осажденные сдѣлаютъ вылазку, Голохвастовъ хотѣлъ затворить ворота и предать вышедшихъ на жертву полякамъ, впустивъ враговъ въ тоже время другимъ входомъ въ монастырь. Изъ связи разсказа Палицына, выходитъ, что Дѣвочкинъ, признавшись на пыткѣ въ собственной измѣнѣ, обговорилъ и своихъ соучастниковъ, и въ томъ числѣ Голохвастова.

Но должно замѣтить, во-первыхъ, что самъ Палицынъ уничтожаетъ довѣріе къ своимъ показаніямъ, умалчивая подробности, закрывая истину слогомъ витіеватымъ; во-вторыхъ, еслибъ Дѣвочкинъ точно на пыткѣ оговорилъ Голохвастова, или еслибъ осажденные узнали объ измѣнѣ послѣдняго какимъ нибудь другимъ образомъ, то и Долгорукій, и старцы, въ своихъ донесеніяхъ въ Москву, не преминули бы довести объ этомъ до свѣдѣнія царя и Палицына; но въ ихъ донесеніяхъ ни слова не говорится объ измѣнѣ Голохвастова и о подробностяхъ замысла, какъ ихъ приводитъ Палицынъ. Долгорукій заключаетъ свое донесеніе Палицыну о поведеніи Голохвастова слѣдующими словами: «А про Алексѣя, въ осадѣ, вѣдаютъ многіе люди, что Алексѣй дѣла не дѣлаетъ, только ссору чинитъ, а только все на него писати, ино и письмо не обдержитъ. И тебѣ

бы, господине, порадѣти о святомъ мѣстѣ: будетъ, по грѣхомъ, осада продлится, и тебѣ бъ порадѣти, и государю о томъ побити челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, о томъ дѣлѣ царскій указъ учинилъ.» Въ другой грамотѣ къ тому же Палицыну Долгорукій пишетъ: «Пожалуй, государь Аврамій Ивановичъ, чтобъ тебѣ государю извѣстити тайно, что здѣсь въ осадѣ ссору дѣлаетъ великую АлексѣйГолохвастовъ, чтобъ государь пожаловалъ, на просухѣ прислалъ сюда вѣрныхъ человѣкъ сто; и про него бъ велѣлъ сыскати, и велѣлъ бы его пожаловати, къ Москвѣ взяти. И буде пожалуетъ государь ко мнѣ, холопу своему, о томъ дѣлѣ отписать, и онъ бы, государь, пожаловалъ, велѣлъ ко мнѣ, холопу своему, тайно отписать.» Изъ этихъ словъ видно, что Долгорукій боялся явно дѣйствовать противъ Голохвастова, у котораго было много приверженцевъ, съ которымъ, какъ видно, одинаково думали архимандритъ и соборные старцы. Въ то время когда Шуйскаго мало уважали, ибо отъ гнѣва его всегда можно было найти убѣжище въ Тушинѣ, въ то время одного приказа изъ Москвы было недостаточно для смѣны воеводы, нужно было прислать сто человѣкъ вѣрныхъ людей и поступать съ величайшею осторожностью и тайною.—Но упомянутыя грамоты старцевъ и Долгорукаго не дошли въ Москву; Голохвастовъ остался воеводою до конца осады и не обнаружилъ ни малѣйшей попытки къ измѣнѣ; сто человѣкъ вѣрныхъ не были присланы изъ Москвы, и дѣло осталось неразвѣданнымъ, вслѣдствіе чего историкъ не имѣетъ права обвинять Голохвастова, ибо прямое обвиненіе Палицына опровергается молчаніемъ враговъ втораго воеводы и самымъ характеромъ повѣствованія, мало внушающимъ довѣрія.

Въ 1610 г., въ началѣ января, Скопинъ, усилившись на сѣверѣ, прислалъ помощь въ монастырь; осаждающіе не могли держаться долѣе и сняли осаду.

LI. СВЕРЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ ШУЙСКАГО СЪ ПРЕСТОЛА.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

17 февраля 1609 г. толпа, подъ начальствомъ кн. Романа Гагарина, Григорія Сумбулова бросилась въ Кремль; она состояла изъ многихъ служилыхъ людей разныхъ городовъ и, обратившись къ боярамъ, кричала: «Надобно перемѣнить царя! Василій сѣлъ самовольствомъ, не всею землею выбранъ». Нѣкоторые бояре уже были не въ ладахъ съ Шуйскимъ, особенно Голицыны, такъ какъ Василій Васильевичъ Голицынъ самъ помышлялъ о престолѣ. Но они не рѣшились стать заодно съ мятежниками, потому что за Шуйскаго былъ патріархъ Гермогенъ. Замѣчательно, что патріархъ самъ постоянно не ладилъ съ царемъ, но изъ чувства законности стоялъ за него, какъ за существующую верховную власть. Толпа мятежниковъ вышла изъ Кремля на Красную площадь. Ударили въ набатъ. Явился патріархъ. «Князь Василій Шуйскій нелюбъ намъ на царствѣ!» кричала толпа; «онъ тайно убиваетъ и сажаетъ нашу братію въ воду!» «А кого-же казнилъ Шуйскій?» спросилъ патріархъ. Мятежники не назвали именъ; но кричали: «Изъ-за Василія кровь льется, и земля не усмирится, пока онъ будетъ на царствѣ. Его одна Москва выбрала, а мы хотимъ избрать инаго царя!» Патріархъ на это сказалъ: «До сихъ

поръ Москва всѣмъ городамъ указывала, а ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань и никакой другой городъ не указывалъ Москвѣ; а что кровь льется, то это дѣлается по волѣ Божіей, а не по хотѣнію вашего царя».

Убѣжденія патріарха спасли на этотъ разъ Василія; между тѣмъ дороговизна жизненныхъ припасовъ въ столицѣ, окруженной непріятелемъ, увеличилась; въ апрѣлѣ бояринъ Крюкъ-Колычевъ составилъ заговоръ убить Василія. Умыселъ былъ открытъ. Зачинщика казнили. Положеніе царя становилось все ужаснѣе: до него доходили слухи, что его убьютъ то на Николинъ день, то на Вознесенье. Народъ врывался къ нему во дворецъ и кричалъ: «Чего еще намъ дожидаться! Развѣ голодною смертью помирать?» Царь обнадеживалъ москвичей скорымъ прибытіемъ Скопина со шведскими людьми и убѣждалъ купцовъ не поднимать цѣны на хлѣбъ. Но московскіе купцы поступали такъ же, какъ нѣкогда при Борисѣ: припрятывали хлѣбъ, чтобъ продавать его по дорогой цѣнѣ. На счастіе Василію, въ это время дѣла Тушинскаго вора пошли неудачно. Города, прежде признававшіе его, выведенные изъ терпѣнія безчинствомъ поляковъ и русскихъ воровъ, одинъ за другимъ отпадали и признавали царя Василія. Крестьяне собирались шайками, били и топили шатавшихся тушинцевъ. Сапѣга ничего не могъ сдѣлать съ Троицкимъ монастыремъ. Попытки тушинцевъ овладѣть Москвою не имѣли успѣха. Но болѣе всего поправились дѣла Василія послѣ успѣховъ Скопина. Зимою тушинскій лагерь пришелъ въ совершенное разстройство. 12 янв. 1610 г. Сапѣга отступилъ отъ Тройцы; въ февралѣ убѣжалъ воръ въ Калугу, а въ началѣ марта Тушино совершенно опустѣло. Почти вся Русь покорилась Василію; но съ запада на него наступала бѣда: Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ, а русскіе, бывшіе въ Тушинѣ, явились къ польскому государю просить на московское царство Владислава. Судьба, казалось, не давала Василію ни минуты отдыха. Одна бѣда проходила, другая наступала. Въ концѣ апрѣля скоропостижно скончался Скопинъ, и это приблизило паденіе Василія. Народная молва считала царя участникомъ его смерти. Уже поляки и запорожцы забирали южные города; Стародубъ, Почепъ, Черниговъ взяты были приступомъ и ограблены; Новгородъ-Сѣверскій и Рославль цѣловали крестъ Владиславу.

Вмѣсто Скопина царь назначилъ главнымъ предводителемъ войска своего брата Димитрія, но русскіе не терпѣли его, а жену его считали убійцею Скопина. Шведскій полководецъ Делагарди презиралъ Димитрія Шуйскаго за неспособность. Московскіе плѣнники сообщили подъ Смоленскомъ полякамъ, что народъ не любитъ Василія, что войско не захочетъ за него биться, и вся Русь охотно признаетъ Владислава царемъ. По этимъ извѣстіямъ, Сигизмундъ отправилъ къ Москвѣ войско подъ начальствомъ коронпаго гетмана Жолкѣвскаго. Войско Шуйскаго, тысячъ въ тридцать, двинулось къ Можайску; съ нимъ шелъ и Делагарди со своею ратью, состоящею изъ людей разныхъ націй. Въ московскомъ войскѣ было много новобранцевъ, въ первый разъ шедшихъ на бой. Охоты защищать царя Василія не было ни у кого. Враги встрѣтились между Москвою и Можайскомъ, при деревнѣ Клушино. Отъ перваго напора поляковъ побѣжала московская конница, смяла пѣхоту; иноземцы, бывшіе подъ начальствомъ Делагарди, взбунтовались и стали передаваться непріятелю. Тогда начальники московскаго войска съ Димитріемъ Шуйскимъ убѣжали въ лѣсъ, а за ними и всѣ бросились въ разсыпную.

Жолкѣвскому досталась карета Димитрія Шуйскаго, его сабля, булава, знамя, много денегъ и мѣховъ, которые Димитрій намѣревался раздать войску Делагарди, но не успѣлъ. Делагарди, оставленный своими подчиненными, изъявилъ желаніе переговорить съ гетманомъ Жолкѣвскимъ и, когда гетманъ пріѣхалъ къ нему, то Делагарди выговорилъ у него согласіе уйти безпрепятственно изъ предѣловъ московскаго государства. «Наша неудача, сказалъ Делагарди, происходитъ отъ неспособности, русскихъ и вѣроломства моихъ наемныхъ воиновъ. Не то было бы съ тѣми же русскими, если бы ими начальствовалъ доблестный Скопинъ. Но его извели, и счастье измѣнило московскимъ людямъ».

Жолкѣвскій принудилъ сидѣвшихъ въ Царевѣ-Займищѣ Елецкаго и Валуева присягнуть Владиславу, присоединиться къ нему съ ихъ пятитысячнымъ отрядомъ, и пошелъ прямо на Москву. Можайскъ сдался ему безъ сопротивленія. Волокъ-Ламскій, Ржевъ, Погорѣлое Городище, Іосифовъ монастырь покорились добровольно. По совѣту Валуева, Жолкѣвскій послалъ агентовъ своихъ въ Москву съ грамотами, въ которыхъ обѣщалъ Русской землѣ тишину и благоденствіе подъ правленіемъ Владислава, если русскіе изберутъ королевича царемъ. Эти грамоты разбрасывались по улицамъ, ходили по рукамъ, всенародно читались на сходкахъ. Царь Василій не могъ ничего сдѣлать. Съ другой стороны подходилъ Тушинскій воръ изъ Калуги и 11 іюля сталъ въ Коломенскомъ селѣ. Тогда Прокопій Ляпуновъ написалъ своему брату Захару и Василію Васильевичу Голицыну, что слѣдуетъ удалить и Шуйскаго, и вора.

17 іюля Захаръ Ляпуновъ собралъ сходку дворянъ и дѣтей боярскихъ за Арбатскими воротами и сказалъ: «Наше государство доходитъ до конечнаго разоренія. Тамъ поляки и Литва, тутъ калужскій воръ, а царя Василія не любятъ. Онъ не по правдѣ сѣлъ на престолъ и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобъ онъ оставилъ престолъ, а калужскимъ людямъ пошлемъ сказать, пусть они своего вора выдадутъ; и мы съобща выберемъ всею землею инаго царя и встанемъ единомысленно на всякаго врага». Послали въ Коломенское.

Русскіе, бывшіе при ворѣ, сказали: «Сведите Шуйскаго, а мы своего Димитрія свяжемъ и приведемъ въ Москву». Послѣ такого отвѣта толпа отправилась къ царю Василію. Выступилъ впередъ дюжій, плечистый Захаръ Ляпуновъ и сказалъ царю: «Долго-ли за тебя кровь христіанская будетъ литься? Ничего добраго отъ тебя не дѣлается. Земля раздѣлилась, разорена, опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; братья твои окормили отравою государя нашего Михаила Васильевича, оборонителя и заступника нашего. Сжалься надъ нами, положи посохъ свой! Сойди съ царства. Мы посовѣтуемъ сами о себѣ иными мѣрами». Василій вышелъ изъ себя, обнажилъ большой ножъ, который носилъ при себѣ, бросился на Ляпунова и закричалъ: «Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, когда бояре мнѣ того не говорятъ?» Ляпуновъ погрозилъ ему своею крѣпкою рукою и сказалъ: «Василій Ивановичъ! Не бросайся на меня, а то я тебя вотъ такъ тутъ и изотру!» Бывшіе съ Ляпуновымъ дворяне сказали: «Пойдемъ, объявимъ народу».

Они вышли на Красную площадь и зазвонили въ колоколъ. Народъ сбѣжался. Захаръ Ляпуновъ съ лобнаго мѣста приглашалъ патріарха, духовенство, бояръ, служилыхъ людей и всякаго чина православныхъ христіанъ за Серпуховскія ворота на всенародную сходку. Народъ по-

валилъ за Серпуховскія ворота. Пріѣхали патріархъ, бояре. «Вотъ три года-четвертый сидитъ Василій Шуйскій на царствѣ», говорили народу; «неправдою сѣлъ, не по выбору всей земли, и нѣтъ на немъ благословенія Божія, нѣтъ счастья землѣ! Какъ только его братья пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся, а ратные разбѣгаются! Собирайтесь въ совѣтъ, какъ намъ Шуйскаго отставить, а инаго выбрать всею землею».

Патріархъ хотѣлъ было защищать Шуйскаго, котораго не любилъ, но потомъ уѣхалъ. Бояре отправились къ царю. Своякъ царя Василія, Иванъ Михайловичъ Воротынскій, сказалъ ему: «Вся земля бьетъ тебѣ челомъ; оставь свое государство ради междоусобной брани, за тѣмъ, что тебя не любятъ и служить тебѣ не хотятъ».

Царю Василію ничего не осталось, какъ повиноваться. Онъ положилъ свой царскій посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжій домъ. Верховное правленіе на время перешло къ боярскому совѣту, подъ предсѣдательствомъ кн. Мстиславскаго.

На другой день, 18 іюля, толпа москвичей вышла къ Данилову монастырю и послала въ Коломенское сказать: «Мы свое клятвенное слово совершили, Шуйскаго свели; теперь ведите къ намъ своего вора». Но изъ Коломенскаго села имъ дали такой отвѣтъ: «Дурно, что вы не помните крестнаго цѣлованія своему государю, а мы за своего помереть рады». Тогда многимъ въ Москвѣ стало жаль Шуйскаго, а Шуйскій, узнавши это, послалъ денегъ стрѣльцамъ, которыхъ было тысячъ до восьми въ Москвѣ, чтобы съ ихъ помощью возвратить себѣ престолъ. Патріархъ началъ охуждать низложеніе царя.

Тогда, 19 іюля, Захаръ Ляпуновъ подобралъ себѣ товарищей, подговорилъ чудовскихъ іеромонаховъ. Они пришли въ домъ къ Василію Шуйскому, разлучили его съ женой, увезли ее въ Вознесенскій монастырь и объявили, что Василію слѣдуетъ постричься въ монахи. «Люди московскіе, что я вамъ сдѣлалъ?» сказалъ Шуйскій; «Какую обиду учинилъ? Развѣ мнѣ это за то, что я воздалъ месть тѣмъ, которые содѣяли возмущеніе на нашу православную вѣру и тщалися разорить домъ Божій?» Ему повторили, что надобно постричься. Шуйскій наотрѣзъ сказалъ, что не хочетъ. Тогда іеромонахамъ велѣно было совершить обрядъ постриженія, и когда, по обряду, спросили его, желаетъ ли онъ, Василій громко закричалъ: «Не хочу!» Но князь Тюфякинъ, одинъ изъ соумышленниковъ Ляпунова, произносилъ за него обѣщаніе, а Ляпуновъ крѣпко держалъ Василія за руки, чтобъ онъ не отмахивался. Его одѣли въ иноческое платье и увезли въ Чудовъ монастырь. Въ тоже время въ Вознесенскомъ монастырѣ насильно постригли жену Василія. Патріархъ Гермогенъ вопіялъ противъ такого беззаконія и говорилъ, что инокомъ сталъ теперь тотъ, кто за Василія отрекался отъ міра.

Василій былъ послѣдній государь изъ дома св. Владиміра.

LII. СЕМИБОЯРЩИНА.

(*Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина*).

До сверженія Василія Шуйскаго властвовала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго, и

самозванца, и ляховъ: она хотѣла *своего* царя, и въ семъ смыслѣ дума писала отъ имени синклита и всѣхъ чиновъ людей, гостей и купцовъ ко всѣмъ областнымъ воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, *внявъ челобитью земли Русской, оставилъ государство и міръ* для спасенія отечества, что Москва цѣловала крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю тушинскому, что всѣ россіяне должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею самодержца вожделѣннаго. Въ семъ же смыслѣ отвѣтствовали бояре и гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Василіевомъ низверженіи, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защитить ихъ въ бѣдствіяхъ. «Не требуемъ твоей защиты, писали они, не приближайся, или встрѣтимъ тебя какъ непріятеля». Но дума боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, гетманъ къ ней приближался, народъ вольничалъ, холопы не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы даже въ станъ къ Лжедимитрію, единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая: ея главою былъ кн. Ѳедоръ Мстиславскій, извѣстный добродушіемъ и вѣрностью, чуждый властолюбія и козней.

Въ то время когда Москва, безъ царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя тушинскаго и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея, когда отечество смятенное не видало между своими ни одного человѣка, столь знаменитаго родомъ и дѣлами, чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовью и надеждой, когда измѣны и предательства унизили въ глазахъ народа самыхъ первыхъ вельможъ, и два несчастныя избранія доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать въ Россіи и бороться съ завистью,—мысль искать государя внѣ отечества, какъ древніе новогородцы искали князей въ землѣ варяжской, могла естественно представиться уму и добрыхъ гражданъ. Мстиславскій, одушевленный чистымъ усердіемъ, вѣроятно, послѣ тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣйшими, торжественно объявилъ боярамъ, духовенству, всѣмъ чинамъ и гражданамъ, что для спасенія царства должно вручить скипетръ Владиславу. Кто могъ самъ и не хотѣлъ быть вѣнценосцемъ, того мнѣніе и голосъ имѣли силу; надѣялись, что король плѣнится честью видѣть сына монархомъ великой державы и дозволитъ ему перемѣнить законъ, или Владиславъ юный, еще нетвердый въ догматахъ латинства, легко склонится къ нашимъ и, вопреки отцу, когда сядетъ на престолъ московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ православія. Еще благородная гордость страшилась уничиженія взять невольно властителя отъ ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ея постыдную слабость; еще духовенство страшилось за вѣру, и патріархъ убѣждалъ бояръ не жертвовать церковью никакимъ выгодамъ государственнымъ: не имѣя средства возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ предлагалъ имъ въ цари или князя Василія Голицына, или юнаго Михаила, сына Филаретова, внука первой супруги Іоанновой. Духовенство благопріятствовало Голицыну, народъ

Михаилу, любезному для него памятью Анастасіи и добродѣтелью отца. Но время еще не наступило, а гетманъ уже стоялъ подъ Москвою: ни Голицынъ, крамольникъ въ думѣ и бѣглецъ на полѣ ратномъ, ни юноша, питомецъ келій, едва извѣстный свѣту, не обѣщали спасенія Москвѣ, извнѣ тѣснимой двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежемъ; каждый часъ былъ дорогъ, и большинство голосовъ въ думѣ рѣшило — принять совѣтъ Мстиславскаго.

Немедленно послали къ гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель? «Желаю не крови вашей, а блага Россіи», отвѣчалъ Жолкѣвскій; «предлагаю вамъ державство Владислава и гибель самозванца». Дали взаимно заложниковъ, вступили въ переговоры на Дѣвичьемъ полѣ въ шатрѣ, гдѣ бояре, Мстиславскій, Голицынъ и другіе, съ честью встрѣтили гетмана, объявляя, что Россія готова признать Владислава царемъ, но съ условіями необходимыми для ея достоинства и спокойствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣшительнаго согласія королевскаго: король же не только медлилъ дать ему наказъ, но и не отвѣтствовалъ ни слова на всѣ его донесенія послѣ клушинскаго дѣла, заботясь единственно о взятіи Смоленска и съ гордостью являя гетмановы трофеи, знамена и плѣнниковъ Шеину непреклонному! Жолкѣвскій, равно смѣлый и благоразумный, скрывъ отъ бояръ свое затрудненіе, спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора: отвергалъ и соглашался королевскимъ именемъ. Выслушавъ первое требованіе, чтобы Владиславъ крестился въ нашу вѣру, онъ далъ имъ надежду, но устранилъ обязательство, говоря: «Да будетъ каролевичъ царемъ, и тогда, внимая совѣсти и пользѣ государственной, можетъ добровольно исполнить желаніе Россіи». Устранилъ, до особеннаго Сигизмундова разрѣшенія, и другія статьи, а именно: чтобы Владиславу не сноситься съ папою о законѣ, утвердить въ Россіи смертную казнь для всякаго, кто оставитъ греческую вѣру для латинской, не имѣть при себѣ болѣе пятисотъ ляховъ, соблюсти всѣ титла царскія и жениться на россіянкѣ. Жолкѣвскій, съ умысломъ замедлялъ переговоры, тщетно ожидая вѣстей отъ короля; наконецъ уже не могъ медлить, опасаясь нетерпѣнія россіянъ и своихъ ляховъ, готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья, и 17 августа подписалъ достопамятныя условія россіянъ съ Владиславомъ.

Къ тому-же россіяне, бывъ недовольны собственнымъ желаніемъ царя Василія умѣрить самодержавіе, въ четыре года перемѣнили мысли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную власть, удѣляя часть ея не только боярамъ въ правосудіи и въ налогахъ, но и *земской* думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ. Они боялись не самодержавія вообще, но самодержавія въ рукахъ иноплеменнаго, еще иновѣрнаго монаха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви, и для того предписали ему условія, согласныя съ выгодами боярскаго властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, который, любя вольность, не хотѣлъ пріучить наслѣдника Сигизмунда, будущаго монарха польскаго, къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатями, Жолкѣвскій и бояре звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два алтаря, богато украшенные; вокругъ

алтарей духовенство, патріархъ, святители, съ иконами и крестами, за духовенствомъ бояре и сановники; далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты съ распущенными знаменами, ляхи и россіяне. Гетманъ съ своими воеводами вступилъ въ шатеръ, приблизился къ алтарю, положилъ на него руку и далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій за короля и королевство, республику Польскую и великое княжество Литовское, за себя и войско. Потомъ московскіе бояре и сановники, дворянство и купечество, воины и граждане, цѣловали крестъ Владиславу съ видомъ усердія и благоговѣнія. Гонцы отъ думы боярской спѣшили во всѣ города объявить имъ новаго царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а гетманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ россіянъ и каждаго изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу клушинской битвы и не оставивъ ничего драгоцѣннаго ни у себя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища московскія. Первый вельможа, князь Мстиславскій, отплатилъ ему такимъ же роскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Но еще крестъ и евангеліе лежали на алтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили гетману грамоту Сигизмундову: Сигизмундъ писалъ къ гетману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ знатнѣйшимъ посломъ, Гонсѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго, представить Россіи въ вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ея, виновника или питателя нашихъ мятежей, извѣстнаго ревнителя латинской вѣры; дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго ляхами,—казалось гетману болѣе нежели дерзостью, казалось безуміемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, утаить волю королевскую отъ россіянъ и своихъ сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честью и благомъ республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей политикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь ляховъ отъ самозванца. И дѣйствительно, благодаря Жолкѣвскому, ляхи и россіяне оставили Лжедимитрія; первые объявили себя слугами республики, послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, а самозванецъ и Марина ночью ускакали въ Калугу съ атаманомъ Заруцкимъ, съ шайкою казаковъ, татаръ и россіянъ немногихъ.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно, бояре усердно и прямодушно. Началось безпрекословно царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимірѣ, Ярославлѣ и далѣе. Молились въ храмахъ за государя новаго; всѣ указы писались, всѣ суды производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ. Многіе радовались искренно, алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе, и въ ихъ числѣ патріархъ, скрывали горесть, не ожидая ничего добраго отъ ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ; бывъ дотолѣ у Сигизмунда, они явились въ столицѣ съ видомъ лицемѣрнаго умиленія, какъ бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому милостью Божію, ихъ невинностью и добродѣтелью; обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что государство и православіе спасены навѣки. Самъ гетманъ ежеднев-

ными письмами убѣждалъ Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершеннаго добрымъ геніемъ республики, а бояръ московскихъ плѣнялъ изображеніемъ златаго вѣка Россіи подъ державою вѣнценосца юнаго, любезнаго, готоваго внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и быть сильнымъ единственно силою закона. Жолкѣвскій не хотѣлъ явно властвовать надъ думою, довольствуясь единственно внушеніями и совѣтами. Такъ, онъ доказывалъ ей необходимость изгладить въ сердцахъ память минувшаго общимъ примиреніемъ, забыть вину клевретовъ самозванца, оставить имъ чины и дать всѣ выгоды россіянъ безпорочныхъ. Бояре не согласились, отвѣтствуя: «Возможно ли слугамъ обманщика равняться съ нами?». И сдѣлали они неблагоразумно, какъ мыслилъ Жолкѣвскій, ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ самозванцу въ Калугу. Но гетманъ успѣлъ выслать изъ Москвы двухъ человѣкъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: Голицына, одобреннаго духовенствомъ искателя державы, и Филарета, коего сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане. Оба, какъ устроилъ гетманъ, должны были въ качествѣ великихъ пословъ ѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу утварь царскую, требовать ихъ согласія на статьи договора, нерѣшенныя гетманомъ, и между тѣмъ служить королю заложниками: отвѣтствовать своею головою за вѣрность россіянъ! Отпѣвъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ соборѣ Успенскомъ, давъ посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу о величіи и православіи Россіи, Гермогенъ заклиналъ ихъ не измѣнить церкви, не плѣняться мірскою лестью, и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11 сентября изъ Москвы, а чрезъ десять дней ляхи были уже въ стѣнахъ кремлевскихъ.

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало гетману отступить къ Можайску. Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства россіянъ и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, гетманъ склонилъ не только Салтыкова съ тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и другихъ бояръ легкоумныхъ, хотя и честныхъ, *требовать* вступленія ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовой признать Лжедимитрія. Не слушали ни патріарха, ни вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; велѣли имъ свернуть знамена, идти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ; жители на разсвѣтѣ увидѣли себя какъ бы плѣнниками между воинами королевскими, изумились, негодовали, однакоже успокоились, вѣря торжественному объявленію думы, что ляхи у нихъ будутъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ, овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей. Гетманъ властвовалъ, но только указами думы изъявлялъ снисходительность къ народу, честилъ бояръ и духовенство. Дворецъ кремлевскій, гдѣ пили и веселились сонмы иноплеменныхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостинницѣ; кремлевскій домъ Борисовъ, за-

нятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно наполняясь, какъ въ Ѳеодорово время, знатнѣйшими россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ: такъ гетманъ, именемъ царя Владислава, далъ первому боярину князю Мстиславскому, не хотѣвшему быть вѣнценосцемъ, санъ конюшаго и слуги. Россіяне снесли также избраніе ляха Гонсѣвскаго въ предводители осьмнадцати тысячъ московскихъ стрѣльцовъ, которые со времени Лжедимитрія I, едва не спасеннаго ими, уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменниковъ: Гонсѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростью и пирами. «Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ, пишутъ ляхи, только осьмидесятилѣтній патріархъ, боясь государя иновѣрнаго; но и его, уже хладное, загрубѣлое сердце смягчилось привѣтливостью и любезнымъ обхожденіемъ гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ всегда хвалившаго греческую вѣру, такъ что и патріархъ казался наконецъ искреннимъ ему другомъ». Гермогенъ былъ другомъ единственно отечества и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ.

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ и занявъ отрядами всѣ города смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ королемъ, гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана: ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое, великое, и рѣшительно увѣрялъ бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава. Но судьба влекла Россію къ другому назначенію.

Какъ несчастный царь Василій съ своими братьями завидовалъ князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ со своими панами завидовалъ гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и государя. Недоброжелатели гетмановы говорили королю: «Извлекая мечъ, ты, государь, объявилъ, что думаешь единственно о благѣ республики: теперь, имѣя случай распространить ея владѣнія, можешь ли упустить его только для чести видѣть сына на престолѣ московскомъ?.. Не скажетъ ли народъ твой, ревнитель свободы, что ты плѣняешься властью самодержавною? Если же царство Россійское столь завидно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ Москву и собственною рукою, какъ побѣдитель, возьми ея державу!». Хотя разсудительные вельможи умоляли короля немедленно принять договоръ гетмановъ, немедленно отпустить Владислава въ Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и легіонъ поляковъ въ блюстители, обогатить казну республики казною царскою, удовлетворить ею всѣмъ требованіямъ войска, наконецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Россіею, но король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть царемъ или завоевателемъ Россіи и въ семъ расположеніи ждалъ пословъ московскихъ, Филарета и Голицына.

Менѣе другихъ вѣря гетману или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили думу, что, вопреки условіямъ, ляхи грабятъ въ уѣздахъ Осташкова, Ржева и Зубцева, что Сигизмундъ велитъ дворянамъ россійскимъ присягать ему и Владиславу вмѣстѣ, обѣщая имъ за то жалованье и земли. 7 октября послы увидѣли Смоленскъ и станъ королевскій, куда ихъ не впустили; указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ терпѣть ненастье, холодъ и голодъ. Тѣ, которые предлагали царство Владиславу, требовали пищи отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а вельможи литовскіе отвѣчали: «Король здѣсь на войнѣ, и самъ терпитъ нужду». Представленные Сигизмунду, послы торжествен-

ными рѣчами изъявили причину своего посольства и, сказавъ, что Шуйскій добровольно оставилъ царство, именемъ Россіи били челомъ о Владиславѣ. Вмѣсто короля, имъ гордо отвѣтствовалъ канцлеръ Сапѣга, а черезъ нѣсколько дней объявили имъ королевскую волю.

Какъ ни важны были статьи договора, устраненныя Жолкѣвскимъ; хотя патріархъ и бояре въ наказѣ, данномъ посламъ, велѣли имъ неотступно требовать и *молить слезно*, чтобъ королевичъ, находившійся тогда въ Литвѣ, принялъ греческую вѣру отъ Филарета и смоленскаго епископа, ѣхалъ въ Москву уже православный, и тѣмъ отвратилъ соблазнъ, не терпимый и въ Польшѣ, гдѣ государи должны быть всегда одной вѣры съ народомъ: но царствованіе Владислава зависѣло единственно отъ согласія королевскаго на статьи, утвержденныя гетманомъ, ибо россіяне цѣловали крестъ первому безъ всякой оговорки, довольствуясь надеждою склонить его къ своему закону уже въ царскомъ санѣ. Главнымъ дѣломъ для пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, *дать отца сиротамъ*, жизнь, душу составу государственному, полумертвому безъ государя. И что же? Вельможи королевскіе объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ, что Владиславъ малолѣтній, что онъ не можетъ устроить царства смятеннаго, что Сигизмундъ долженъ прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедимитрію. Послы отвѣчали: «Королевичъ молодъ, но Богъ устроитъ державу разумомъ его и счастіемъ, нашимъ радѣніемъ и вашими совѣтами, вельможи думные. Смоленскъ не имѣетъ нужды въ воинахъ иноземныхъ: оказавъ столько вѣрности во времена самыя бѣдственныя, столько доблести въ защитѣ противъ васъ, измѣнитъ ли чести нынѣ, чтобъ служить бродягѣ? Ручаемся вамъ душами за боярина Шеина и гражданъ: они искренно, вмѣстѣ съ Россіею, присягнутъ Владиславу». «Для чего же и не Сигизмунду?» возразили паны. Филаретъ и Голицынъ изумились. «Мы избрали Владислава, а не Сигизмунда, сказали они, и вы, избравъ шведскаго принца въ короли, не цѣловали креста родителю его, Іоанну». Въ отвѣтъ на упоминаніе о статьяхъ договора Жолкѣвскаго, канцлеръ Левъ Сапѣга объявилъ посламъ королевскимъ именемъ: 1) что въ крещеніи и женитьбѣ Владислава воленъ Богъ и Владиславъ; 2) что онъ не будетъ сноситься о вѣрѣ съ папою; 3) что смертная казнь для отметчиковъ отъ греческаго исповѣданія въ Россіи утверждается; 4) что о числѣ ляховъ, коимъ быть при особѣ царя, послы могутъ условиться съ нимъ самимъ; 5) что всѣ иныя желанія и требованія россіянъ предложатся сейму въ Варшавѣ, гдѣ, съ его согласія, король дастъ имъ сына въ цари, но прежде занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедимитрія и совершенно усмиривъ Россію. Паны изъясняли, что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ничего, выступилъ изъ Россіи, то вольные ляхи и казаки, числомъ не менѣе восьмидесяти тысячъ въ ея предѣлахъ, соединились бы съ Лжедимитріемъ; что король хочетъ Смоленска не для себя, а для Владислава, ибо оставитъ ему все въ наслѣдство, и Литву, и Польшу; что смоленскіе граждане должны присягнуть королю единственно изъ чести. Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе Сигизмунда только манить Россію Владиславомъ и взять ее себѣ въ добычу или разграбить, выразили негодованіе столь сильно, что гнѣвные паны уже не хотѣли говорить съ ними, воскликнувъ: «Конецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ будетъ его пепелъ и кровь жителей».

О семъ худомъ успѣхѣ посольства свѣдали въ Москвѣ съ равною горестью и бояре благонамѣренные, и гетманъ, который, все еще увѣряя въ непремѣнномъ исполненіи своего договора, рѣшился употребить крайнее средство: оставить Москву и лично объясниться съ королемъ. Сами россіяне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностямъ безначалія и мятежей. Пожавъ руку у Мстиславскаго, онъ сказалъ ему: «Ѣду довершить мое дѣло и спокойствіе Россіи». Ляхамъ онъ сказалъ: «Я далъ слово боярамъ, что вы будете вести себя примѣрно для вашей собственной безопасности; поручаю вамъ царство Владислава, честь и славу республики». Преемникомъ его, т. е. истиннымъ градоначальникомъ Москвы, надлежало быть ляху Гонсѣвскому, съ усердною помощью Михаила Салтыкова и дьяка Ѳедора Андронова, названнаго государственнымъ казначеемъ. Устроивъ все для охраненія тишины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и тихо ѣхалъ Москвою, провожаемый толпами жителей. Улицы и кровли домовъ были наполнены людьми. Вездѣ раздавались громкіе клики: желали ему счастливаго пути и скораго возвращенія. Сіе торжество гетманово ознаменовалось дѣломъ безславнѣйшимъ для боярской думы: она выдала бывшаго царя своего иноплеменнику! Жолкѣвскій взялъ съ собою Василія и, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду.

Гетмана встрѣтили пышно воеводы королевскіе и сенаторы; говорили ему рѣчи и славили его какъ героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду своего державнаго плѣнника въ богатой одеждѣ. Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго... Изъявивъ гетману благодарность за мнимую славу имѣть такого плѣнника и за мнимое взятіе Москвы, король не хотѣлъ однако же утвердить его договора. Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ, грозилъ: доказывалъ, что воцареніемъ королевича Московская и Польская держава будутъ навѣки единою къ ихъ обоюдному счастію, и что никогда первая не признаетъ Сигизмунда царемъ; грозилъ новою, жестокою, необозримою въ бѣдствіяхъ войною. Считая гетмана пристрастнымъ къ своему дѣлу, Сигизмундъ не вѣрилъ ему, твердилъ, что занятіе Смоленска необходимо для блага республики и для его королевской чести, наконецъ велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять пословъ московскихъ къ уступчивости миролюбивой.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ гетманъ долженъ былъ исполнить королевскую волю; но, властвуя надъ собою, въ переговорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ казался убѣжденнымъ въ ея справедливости и требовалъ Смоленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. «Вы боялись, сказалъ онъ, пустить насъ и въ Москву, а пустивъ радовались! Не упорствуйте, или договоръ, заключенный мною съ вами, столь благонамѣренный, столь благословенный для обѣихъ державъ, уничтожится неминуемо. Король думаетъ, что не взять Смоленска есть для него безчестіе, возьметъ силою и только изъ уваженія къ моему ходатайству медлитъ: сѣкира лежитъ у корня!» Не хотѣли дать времени посламъ списаться съ Москвою, говоря: «Не Москва указываетъ королю, а король Москвѣ»; требовали неукоснительнаго рѣшенія. Отказавъ панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще *слезно* заклинали ихъ не ниспровергать дѣла гетманова, но тщетно! Еще переговоры длились, хотя и безполезно. Послы россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не дозволяли писать въ Смоленскъ, мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ что они долгое

время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ думы боярской, слыша единственно отъ пановъ, что шведы воюютъ Россію, самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ крымцевъ и турокъ въ сподвижники, что король датскій готовится взять Архангельскъ, что всѣ возстаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ.

Россія дѣйствительно гибла, и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелью. Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплеменниками, казалась нечувствительною къ своему уничиженію и стыду. Бояре сидѣли въ думѣ и писали указы, но слушаясь Гонсѣвскаго, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договоръ гетмановъ и предвидя слѣдствія, употреблялъ всѣ нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ стрѣльцовъ изъ Москвы, чтобы уменьшить въ ней число людей ратныхъ, велѣлъ истребить всѣ рогатки на улицахъ, запретилъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ и выходить ночью изъ домовъ, вездѣ усилилъ стражу. Выгнали дворянъ и богатѣйшихъ купцовъ изъ Китая и Бѣлаго города за валъ Деревянаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить нѣмцевъ и ляховъ. Однакожъ благоразумныя предписанія гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей: наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Еще тишина царствовала, и москвитяне пировали съ ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями и нося камень за пазухою, какъ говоритъ историкъ-очевидецъ. Ляхи не вѣрили терпѣнію россіянъ, а россіяне доброму намѣренію ляховъ, видя ихъ беззаконное господство въ столицѣ, угодное только немногимъ знатнымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ тушинскимъ злодѣямъ, которые хотя и предлагали иноплеменнику условія, благовидныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были отдать Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастися отъ праведной казни. Сильные мечомъ ляховъ, они законодательствовали въ робкой думѣ, утверждая Мстиславскаго и другихъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что наши послы живутъ у короля въ неволѣ, и все еще ждала Владислава. Долго молчавъ, король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ: долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ, и тогда возвратится въ Литву, чтобъ на сеймѣ, въ присутствіи нашихъ пословъ, утвердить договоръ московскій. Между тѣмъ король отъ собственнаго имени давалъ указы думѣ о вознагражденіи бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ, жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги, однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права. И дума уважала его волю, какъ будто бы нераздѣльную съ волею царя малолѣтняго. Люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ королевскій просить милостей, равно беззаконныхъ и срамныхъ... Уже народъ, менѣе думы терпѣливый, изъявлялъ досаду, не видя Владислава, и бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпѣнію безъ отлагательства и безъ сейма: о Владиславѣ не было слуха, а король заботился единственно о взятіи Смоленска.

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ правитель-

ствомъ быть главою и душею государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ гетманомъ и Гонсѣвскимъ для собранія дани на жалованье королевскому войску. Жалобы еще удвоились отъ неистовства ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, не только самовольствовали въ нихъ и грабили, но и жгли, мучили и убивали россіянъ. Гдѣ нѣтъ защиты отъ правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Псковъ, Великія Луки, Яма, Иванъ-городъ, Копорье, Орѣшекъ упорствовали въ вѣрности къ самозванцу отъ ненависти къ ляхамъ; Казань, въ счастливѣйшіе дни тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ, вдругъ пристала къ нему, почти всѣми отверженному и презрѣнному. Ея чернь и граждане, свѣдавъ о вступленіи гетмана въ столицу, возмутились, объявили, что лучше хотятъ служить калужскому царьку, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрію.

Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду, какъ пугалище для Москвы, самозванецъ, имѣя тысячъ пять казаковъ, татаръ и росіянъ, еще грозилъ и Москвѣ, и Сигизмунду, но недолго: вскорѣ онъ былъ убитъ татарскимъ княземъ Арасланомъ, мстившимъ за казнь отца. Въ Калугѣ поэтому случаю сдѣлалось страшное смятеніе. Ударили въ набатъ. Марина, отчаянная, полунагая, ночью, съ зажженнымъ факеломъ бѣгала изъ улицы въ улицу, требуя мести, а къ утру не осталось ни единаго татарина живаго въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Арaслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили казаки и граждане. Трупъ Лжедмитріевъ съ честью предали землѣ въ соборной церкви. Вскорѣ затѣмъ у Марины родился сынъ. Его торжественно крестили и назвали Іоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; но россіяне чиновные, которые еще находились между послѣдними клевретами самозванца, кн. Дмитрій Трубецкой, Черкасскій, Бутурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, они цѣловали крестъ государю законному, тому, кто волею Божіею и всенародною утвердится на московскомъ престолѣ, дали знать о семъ думѣ боярской, овладѣли Калугою и взяли Марину подъ стражу.

Россія, казалось, желала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ въ крайности униженія безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные провидѣніемъ начать великое дѣло... и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ патріархъ Гермогенъ, другой— Ляпуновъ рязанскій. — Ляпуновъ враждовалъ, Гермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ, и не безмолвствовали, когда, нарушая договоръ, гетманъ овладѣлъ столицею. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ царствѣ. Уже Гермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ духовенствомъ и чиновниками областей убѣждалъ не терпѣть насилія инопле-

менниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало, и какъ скоро услышали москвитяне о смерти Лжедмитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога, вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться для изгнанія ляховъ. Тщетно Сигизмундъ, зная о гибели самозванца и лишась предлога оставаться въ Россіи будто бы для его истребленія, писалъ боярамъ, что „Владиславъ скоро будетъ въ Москву": Россія уже не хотѣла Владислава. Дума въ своемъ отвѣтѣ благодарила Сигизмунда за милость, требуя однако же скорости и прибавляя, что россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы; но патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, если не крестится въ нашу вѣру и не вышлетъ всѣхъ ляховъ изъ Россіи. Гермогенъ сказалъ, столица и государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи и копья: начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ къ другу словесно, что пришло время стать за вѣру и государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна къ ея жителямъ отъ уѣздныхъ смолянъ, другая отъ москвитянъ ко всѣмъ россіянамъ. Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно для избавленія Москвы отъ ляховъ, по мысли Ляпунова и благословенію Гермогена.

Что же сдѣлало такъ называемое правительство, боярская дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признакѣ души и жизни въ государствѣ истерзанномъ? Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, велѣло посламъ Филарету и Голицыну уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно королю, велѣло Шеину впустить ляховъ въ Смоленскъ, выслало даже войско съ кн. Куракинымъ для усмиренія бунта въ Владимірѣ. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота боярская не скрѣплена патріархомъ, и не хотѣли повиноваться; дали тайно знать и смоленскому воеводѣ, чтобъ онъ не исполнялъ указа думы, и доблестный Шеинъ остался непоколебимъ. Съ другой стороны, войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина. Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть думы, оттолѣ признаваемая единсквенно невольною Москвою.

Уже москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый, какъ было предъ гибелью разстриги. Кричали на улицахъ: „Мы по глупости выбрали ляха въ цари, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ идти въ неволю къ ляхамъ; время раздѣлаться съ ними!" Не взирая на то, Гонсѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, довольствовался угрозами, сказалъ Гермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ. Болѣе наглости оказали злодѣи россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Гермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. „Не велю, отвѣтствовалъ патріархъ, если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и ляховъ, выходящихъ изъ Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной королевичу присяги". Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхва-

тилъ ножъ: Гермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сіе знаменіе противъ ножа твоего, да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника»! Мстиславскій тоже никакъ не хотѣлъ одобрить народнаго возстанія и писалъ отъ имени думы грамоту за грамотою къ королю, что обстоятельства ужасны и время дорого, что одна столица не измѣняетъ еще Владиславу, а держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Иванъ-городъ и Псковъ, обольщенные генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть царемъ шведскаго принца, что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе магометово, умышляютъ предаться шаху Аббасу, что области низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ, но что немедленное прибытіе королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь королевскую. Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого короля съ войскомъ, отвѣтствуя ему за успѣхъ, т. е. за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію бояръ и даже многихъ польскихъ сенаторовъ, вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву, не думалъ и самъ идти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣнники: сильно, упорно хотѣлъ одного—взять Смоленскъ и ничего болѣе не дѣлалъ.

LIII. ПОЛЯКИ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1611 ГОДУ.

(Изъ «Московской Лѣтописи» Бера, помѣщенной въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ».

По смерти Лжедмитрія II, города, воевавшіе съ Москвою, прислали къ жителямъ ея письмо слѣдующаго содержанія: «Попуталъ насъ лукавый! Сгубилъ наше царство проклятый самозванецъ! Мы хотимъ жить съ вами въ добромъ согласіи, но прежде прогоните нехристей, поганыхъ поляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь христіанская перестанетъ литься».

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ рады и благодарны, если областные жители опомнятся и исправятся, но что нельзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. Вмѣстѣ съ симъ отвѣтомъ разослали тайно грамоты, въ коихъ совѣтовали своимъ единоземцамъ признать царемъ королевскаго сына, чтобы внутренніе раздоры прекратились и города воевать между собою перестали; но въ то же время они убѣждали исподволь истреблять поляковъ, имѣвшихъ въ Россіи помѣстья или просто въ ней жившихъ. «Такимъ образомъ, писали москвитяне, государство незамѣтно очистится отъ невѣрныхъ. Мы же съ своей стороны довольно имѣемъ силъ побить при случаѣ всѣхъ поляковъ, въ столицѣ живущихъ, хотя они и не скидаютъ съ себя ни латъ, ни шлемовъ». Слѣдуя внушенію, города присягнули Владиславу въ январѣ 1611 года и думали оставить поляковъ въ дуракахъ; но русскіе скоро испытали на себѣ пословицу: «Не рой ямы другому, самъ въ нее попадешь».

25 января московскіе обыватели жаловались намѣстнику Владислава Гонсѣвскому, что поляки притѣсняютъ народъ, не уважаютъ русскаго

богослуженія, ругаются надъ св. иконами, даже стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей, что русскимъ и въ домахъ нѣтъ безопасности, казна государственная расхищена, и непомѣрныя суммы выдаются на содержаніе 6,000 воиновъ, а царь Владиславъ не является, и что король, вопреки обѣщанію, до сихъ поръ не соглашаясь прислать своего сына, обнаруживаетъ намѣреніе только разорить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные велѣли сказать наотрѣзъ намѣстнику и всѣмъ его ротмистрамъ, чтобы они позаботились о скорѣйшемъ прибытіи королевича, а въ противномъ случаѣ убрались бы сами туда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. «Для такой невѣсты, говорили москвитяне, какова Россія, мы скоро найдемъ и другаго жениха“!

Панъ Гонсѣвскій ласково принялъ жалобу и просилъ москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастью: ибо, говорилъ намѣстникъ, его величество такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ государствѣ, что не имѣетъ никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ царскому сану достоинствомъ; притомъ же король хочетъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ польской коронѣ, чтобы впослѣдствіи не имѣть объ немъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ, Гонсѣвскій обѣщалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшимъ пріѣздѣ избраннаго русскими государя, и далъ слово строго наказывать поляковъ, которые станутъ нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пьянымъ польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Богоматери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близъ Срѣтенскихъ воротъ, гдѣ находилась эта икона, ему отсѣкли обѣ руки и повѣсили ихъ подъ образомъ, а самого виновника вывели за городъ и сожгли. При семъ случаѣ Гонсѣвскій обнародовалъ объявленіе, что скоро прибудетъ царь Владиславъ, что москвитяне должны молиться о здравіи его величества, что государь повелѣлъ строжайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать своевольство, охранять гражданъ и святыню ихъ, и что казнь виновнаго дворянина служитъ яснымъ доказательствомъ попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи Россіи.

Москвитяне казались довольными; но поляки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство, не дремали: разставили при всѣхъ воротахъ сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили русскимъ имѣть при себѣ что либо смертоносное, обыскивали всѣ возы, пріѣхавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ-ли въ нихъ оружія. Если же москвитяне изъявляли досаду, поляки говорили имъ: «Осторожность не мѣшаетъ; насъ горсть, а васъ тысячи; мы не думаемъ ничего дурнаго, вы же, москвитяне, насъ не любите». Не взирая на убѣжденія, москвитяне весьма негодовали на поляковъ. «Уже и теперь, говорили они, нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберется поболѣе этихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотятъ быть нашими господами. Но мы ихъ проучимъ! Мы выбрали царемъ поляка, только не для того, чтобы каждый безмозглый ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали отказываться и отъ своего права. Старая собака король не хотѣлъ отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остаться дома. Не хотимъ Владислава! А эти пусть

добромъ отсюда уберутся, не то, переколотимъ ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдь семьсотъ тысячъ: если на что рѣшимся, постоимъ за себя!»

Злоба народа безпрестанно увеличивалась. Москвитяне насмѣхались надъ стражею Гонсѣвскаго и нерѣдко поносили поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками. «Эй, пучки! кричали насмѣшники, долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно придется собакамъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, когда не хотите добромъ оставить нашего города!» За все, что ни покупали, поляки должны были платить вдвое дороже русскихъ, или возвращались съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. «Смѣйтесь, какъ хотите, говорили они русскимъ, для насъ все равно; мы не будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ раскаяваться!» и уходили домой осмѣянные.

13 февраля польскіе дворяне велѣли своимъ служителямъ купить овса на рынкѣ, за московскою дорогою. Одинъ изъ поляковъ, замѣтивъ, сколько платили русскіе, приказалъ отмѣрить нѣсколько бочекъ и хотѣлъ заплатить за нихъ по одному флорину, такъ же какъ платили и другіе. Московскій торгашъ, недовольный этою платою, требовалъ съ него за каждую бочку по два флорина. «Эй ты, москаль, закричалъ слуга, какъ смѣешь ты грабить насъ? Развѣ мы не одному царю служимъ?» «Коли не хочешь дать за бочку по 2 флорина, возразилъ москвитянинъ, возьми свои деньги и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!» Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить москаля, какъ вдругъ сбѣжалось человѣкъ 40 или 50, вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собралось такое множество народа, что польская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была прибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ и, преслѣдуемые москвитянами, просили помощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое изъ товарищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить вдвое болѣе русскихъ. Тутъ 12 польскихъ воиновъ ударили на многія сотни москвитянъ, убили человѣкъ 15, а прочихъ разогнали.

Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго города, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество москвитянъ, недовольныхъ поляками, что дѣло едва не кончилось всеобщимъ бунтомъ. Благоразуміе намѣстника отвратило бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа и сказалъ: «Москвитяне! Вы считаете себя наилучшими христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы Бога, когда жаждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! Вы испытаете всю тяжесть Его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ царей, вы избрали наконецъ государемъ нашего королевича; но едва присягнули ему въ вѣрности, вы уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самого щенкомъ, забывъ, что Богъ избралъ ихъ своими намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая царемъ своего законнаго государя, а насъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? Не повинуясь царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностью:

конечно, шести тысячамъ трудно устоять противъ семисотъ тысячъ; но побѣда зависитъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстью людей Онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Что побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы постоимъ за правое дѣло!»

«Полно врать, закричали изъ толпы; безъ ружей и дубинъ, мы побьемъ васъ колпаками».

«Нѣтъ, братцы! продолжалъ намѣстникъ; колпаками и съ дѣвками не управитесь: и онѣ васъ утомятъ; чего же не сдѣлаютъ 6,000 героевъ? Прошу васъ, умоляю, будьте смирны и покойны!»

«Ну, такъ убирайтесь отсюда и очистите нашъ городъ!» сказали москвитяне.

«Этого не дозволяетъ намъ присяга, возразилъ намѣстникъ, государь не затѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ же разбѣжались по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда».

«Такъ не долго вамъ оставаться въ живыхъ!» воскликнулъ народъ.

«Это зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете ссору, да не съумѣете кончить ее, тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покойны, а не то вы пропали. Съ нами Богъ!» Сказавъ это, намѣстникъ возвратился въ замокъ, а москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а королевича все не было. Между тѣмъ разнеслась молва, что король не отпускаетъ своего сына, изъ опасенія ввѣрить его столь вѣроломнымъ людямъ.

Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда польскій военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. «Пусть требуетъ платы отъ своего царя", говорилъ народъ.

Болѣе всего москвитяне злились на своихъ вельможъ, Михаила Глѣбовича Салтыкова, Ѳедора Андронова, Ивана Тарасовича Граматина, и требовали выдачи этихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ царство королевичу Владиславу. Около 3,000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ него, но едва начальникъ нѣмецкой дружины Борковскій ударилъ тревогу, и нѣмцы бросились къ ружью, москвитяне поспѣшили удалиться. Стража хотѣла запереть ворота, чтобы напасть на вѣроломныхъ; капитанъ удержалъ ее, сказавъ: «Пусть ихъ ругаются! Собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ; но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!» Въ четверть часа не было уже видно ни одного русскаго. Но поляки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ волненіе народа, полководцы ихъ отмѣнили торжественный выходъ въ Вербное воскресенье, которое послѣ Николина дня считается важнѣйшимъ праздникомъ: они опасались при семъ случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно въ этотъ день выходитъ къ народу царь и отъ двора своего до церкви, называемой Іерусалимомъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ патріархъ; шествіе открываетъ клиръ, воспѣвая *осанну*, съ приличными обрядами; за нимъ слѣдуетъ болѣе 20 боярскихъ дѣтей въ красномъ платьѣ, и разстилаютъ его по дорогѣ, гдѣ царь ведетъ патріаршаго осла. Какъ скоро проѣдетъ патріархъ, они подбираютъ свою одежду и, забѣжавъ впередъ, снова разстилаютъ ее до самой церкви. За перво-

священникомъ везутъ въ саняхъ огромное съ разными плодами дерево, на коемъ сидятъ три или четыре отрока и поютъ священные гимны; шествіе заключаютъ князья, бояре и купцы. На этотъ праздникъ стекается безчисленное множество народа, причемъ такая бываетъ тѣснота, что люди слабаго сложенія не смѣютъ присутствовать на церемоніи, если хотятъ остаться живыми.

Чернь, узнавъ о запрещеніи намѣстника праздновать столь великій день, изъявила сильный ропотъ и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ стерпѣть такое насиліе; волю народную надлежало исполнить; узду осляти держалъ, вмѣсто царя, знатнѣйшій изъ московскихъ вельможъ Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли тишину столицы.

Между тѣмъ дали знать намѣстнику, что москвитяне, подстрекаемые патріархомъ, отложили мятежъ до Страстной недѣли, и что бояре приготовили сани съ дровами, которыя намѣрены въ минуту возмущенія разставить по улицамъ и лишить поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о томъ, намѣстникъ и Борковской отдали приказъ, чтобы ни одинъ нѣмецъ, ни одинъ полякъ, подъ смертною казнью, не оставался въ городѣ и не выходилъ изъ крѣпости.

LIV. ВОЗСТАНІЕ ПРОТИВЪ ПОЛЯКОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

(Изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина).

19 марта, во вторникъ Страстной недѣли, въ часъ обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Гонсѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увидѣлъ кровопролитіе между ляхами и россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцовъ и грабили лавки, вломились въ домъ къ боярину князю Андрею Голицыну и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою рѣкою: конные ляхи гнали, топтали, рубили ихъ, но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны стрѣльцами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностью приведенный одушевить Москву, князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ, устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ и встрѣтилъ ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ. Гонсѣвскій подкрѣплялъ своихъ, но число россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дрекольемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и кровель разили непріятеля камнями и чурбанами: преграждали улицы столами, лавками, дровами, стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ ляхи отступали. Уже москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ нѣмцами капитанъ Маржеретъ, вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый гетманомъ въ

королевскую службу: торгуя вѣрностью и жизнью, сей честный наемникъ ободрилъ ляховъ неустрашимостью и, нѣкогда ливъ кровь свою за россіянъ, жадно облился ихъ кровью. Битва снова сдѣлалась упорною: многолюдство однакожь преодолѣвало, и москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: „Огня! Огня!“ и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михаила Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина: гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику. Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя въ лице москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать домы; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастью для изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло, но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города среди труповъ отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое правительство россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымящимся кровью москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи. Тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные: прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной думѣ ляховъ и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Гонсѣвскій принялъ совѣтъ, и въ слѣдующее утро 2,000 нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ; жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе, не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу еще глубокомъ, цѣпенѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра, смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія. Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской обители, ждать избавителей. Но оставленная въ жертву огню и ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; онъ бился съ ляхами и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною, не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю. Вѣрные ему до конца, немногіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру. До самой ночи уже безпрепятственно губилъ огонь столицу, ляхи съ гордостью побѣдителей возвратились въ Китай

и Кремль любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ—бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, обѣщало имъ безопасность, какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла и презирая месть россіянъ.

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали; наконецъ вездѣ потухло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ что ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ, но ликовали и грабили казну царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску; сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцовъ и людей знатныхъ; сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархатъ и штофъ; пили изъ бочекъ венгерское и мальвазію; изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго: хлѣба; бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали и пьяные рѣзали другъ друга... А россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресеніе и молились за царя Владислава, съ іерархомъ достойнымъ такой паствы, Игнатіемъ, угодникомъ Разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовой обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ инокомъ, и снова назвали патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кириловскомъ подворьѣ.

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала и новую силу народному движенію. Ревностные иноки Лавры, едва услыхавъ, что дѣлается въ столицѣ, послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умилительныя грамоты къ областнымъ воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымящійся пепелъ кровью измѣнниковъ и ляховъ.

LV. ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ И КАЗАКИ ПОДЪ МОСКВОЮ.

(Изъ ст. Забѣлина: «Мининъ и Пожарскій», помѣщ. въ «Русс. Архивѣ» за 1872 г.).

Ровно черезъ недѣлю послѣ московскаго погрома пришли наконецъ воеводы изъ городовъ, первый—Прокопій Ляпуновъ съ рязанцами, Трубецкой и Заруцкій изъ Калуги, дружина Тушинскаго вора; пришелъ кн. Репнинъ съ нижегородцами, пришли съ воеводами арзамазцы, муромцы, владимірцы, костромичи, ярославцы, романовцы, угличане, каширяне, и Москву осадили накрѣпко. Но прежде чѣмъ разсказывать, какъ дѣйствовали эти воеводы, лѣтописецъ тотчасъ же прямо начинаетъ повѣсть о томъ, что была у нихъ подъ Москвою *рознь* великая и безо всякаго дѣла стояли многіе дни. Ратные люди всѣхъ полковъ сошлись на совѣтъ, объяснили, что отъ множества воеводъ и отъ ихъ несогласій только замѣшательство ратному дѣлу, не знать, кого изъ нихъ слушать; и порѣшили выбрать начальниковъ. Выбрали Трубецкаго, Заруцкаго и

Ляпунова. Выборъ первыхъ двухъ прямо показывалъ, что въ войскѣ господствовала партія тушинская, казацкое *атаманьс*, какъ выражался патріархъ Гермогенъ. Однако Ляпуновъ, какъ настоящій диктаторъ, забралъ всю власть въ руки къ себѣ. Ненавидя вообще измѣнниковъ — бояръ, призвавъ въ ополченіе ихъ же холоповъ, съ объявленіемъ имъ свободы, онъ давалъ сильно чувствовать свою власть *отецкимъ* дѣтямъ, т. е. тому же боярскому сословію, у котораго однакожъ, какъ у сословія помѣщиковъ, онъ все-таки былъ главнымъ представителемъ. Приходили къ нему на поклоненіе и стаивали у его избы многое время, дожидаясь, когда приметъ или когда выйдетъ. Съ казаками тушинской дружины онъ поступалъ еще хуже. Зато была на него ненависть великая. Съ другой стороны, Заруцкій опирался только на своеволіе казаковъ, понабралъ себѣ въ кормленіе много городовъ и волостей и на казацкое насиліе и буйство всегда смотрѣлъ сквозь пальцы, потому что искренно дружилъ только полякамъ. Зато и на него отъ всей земли была ненависть великая. Трубецкой во всѣхъ случаяхъ держался стороны Заруцкаго. Таковъ былъ составъ этого ополченія.

Очень понятно, что среди такихъ обстоятельствъ скоро должна была возродиться мысль объ избраніи какого-либо законнаго царя, чтобъ по крайней мѣрѣ освободить себя отъ деспотизма избранныхъ воеводъ. Еще больше должны были разсуждать объ этомъ сами воеводы, чтобъ избавиться другъ отъ друга и именемъ новаго царя завладѣть властью вполнѣ. Придумали послать въ Новгородъ просить царя изъ за моря, у варяговъ, шведскаго королевича Филиппа. У Заруцкаго же съ казаками и иными боярами и дворянами была другая мысль: они хотѣли подойти поближе къ цѣли и думали посадить на царство калужскаго воренка, Маринкина сына. Она же въ ту пору и жила недалеко отъ Москвы, въ Коломнѣ.

Между тѣмъ ратнымъ людямъ отъ воеводскаго управленія пришло не въ мочь. Снова они собрались на совѣтъ и написали воеводамъ отъ всей рати челобитную, въ которой просили, чтобъ воеводы были между собою въ совѣтѣ и ратныхъ людей жаловали бы по достоинству, а не выборомъ и не черезъ мѣру; и себѣ бы взяли вотчины тоже въ мѣру, а остальныя вотчины и всякія земли взять бы во дворецъ и тѣмъ кормить и жаловать ихъ, ратныхъ людей. Также между собою всѣмъ ратнымъ другъ друга не попрекать, кто служилъ въ тушинскихъ таборахъ, и кто служилъ въ Москвѣ царю Василію. А о боярскихъ дворовыхъ людяхъ, которые ушли отъ бояръ—измѣнниковъ и теперь въ казакахъ, помыслить и сказать имъ указъ, въ какомъ чинѣ имъ служить... Ясно, что въ ратныхъ людяхъ просыпались здравыя политическія стремленія: они хотѣли порядка, правильнаго устройства, хотѣли забыть позорное прошлое, хотѣли какъ бы обновиться, начать новую жизнь... Начальники, прочитавши челобитную, стали судить объ ней разно. Трубецкому и Заруцкому она очень не полюбилась, именно по поводу вотчинъ, что вполнѣ и обнаруживало, съ какими цѣлями и зачѣмъ именно они передвинулись отъ Калуги къ Москвѣ. Ради вотчинъ передвигались они отъ одного самозванца къ другому, а потомъ и пришли къ Москвѣ, гдѣ пока еще мутной воды было много, и еще можно было уловить не одну рыбку, а пожалуй и цѣлую рыбицу, какъ уловилъ себѣ Заруцкій богатую область Вагу, а за нимъ потомъ и Трубецкой уловилъ ее же.

Ляпуновъ, починомъ котораго, вѣроятно, и челобитная была написана,

показалъ себя другимъ человѣкомъ. Онъ примкнулъ къ челобитной и, вопреки желанію товарищей—воеводъ, велѣлъ составить приговоръ, который былъ написанъ 30 іюня и съ большими подробностями распространялся главнымъ образомъ о правильномъ распредѣленіи помѣстій и вотчинъ, грозя отнимать, кто забралъ не по своей мѣрѣ, слишкомъ много, взыскивать неправильно собранные доходы и т. п., что все должно было окончательно возстановить противъ Ляпунова всѣхъ воровъ и грабителей. Замѣчательно, что въ приговорѣ, наравнѣ съ другими, участвовали и *дворовые*, т. е. боярскіе холопы. Таковы были внутреннія, домашнія отношенія въ первой рати, собравшейся на очищеніе Москвы. Съ поляками она билась все-таки крѣпко и храбро, почти каждый день. Три дня дрались съ Сапѣгою и заставили его отойти отъ Москвы; очистили весь Бѣлый городъ, подѣлали въ немъ много укрѣпленій. Но все это строилось энергіей Ляпунова. Писался онъ третьимъ послѣ тушинскихъ бояръ, какъ думный дворянинъ, но на дѣлѣ былъ первымъ и главнымъ и распоряжался самостоятельно. Но скоро насталъ часъ и для него. Какъ слѣдовало ожидать, дѣло вышло изъ-за казаковъ. Казаки больше всего воевали по селамъ и деревнямъ и по большимъ дорогамъ, грабя и побивая торговыхъ и всякихъ запасистыхъ людей. Прокопій много разъ говорилъ князю Трубецкому, Заруцкому, Просовецкому, чтобъ унимали своихъ казаковъ, что торговымъ людямъ отъ нихъ нѣтъ проѣзда въ Москву, а оттого и всей рати нужда во всемъ. Атаманье объясняло, что воровать казакамъ оно не позволяетъ, а что если кто тайно ѣздитъ, тѣхъ велитъ ловить, казнить смертью, а нельзя поймать, такъ на мѣстѣ ихъ побивать. Порѣшивши такъ (о чемъ Прокопій разослалъ по городамъ и грамоты), казаки стали ѣздить на грабежъ уже станицами, человѣкъ по 200, по 300 и больше. Какъ ихъ ловить и какъ ихъ на мѣстѣ побивать? Однако подобный случай не замедлилъ. У Николы на Угрѣшѣ Матвѣй Плещеевъ поймалъ такихъ воровъ 28 человѣкъ и посажалъ ихъ въ рѣку, потопилъ. Но трупы были привезены въ Москву на зрѣлище всему казачеству. Тогда оно и поднялось на Прокопія всѣмъ казацкимъ *кругомъ*. Прокопій было побѣжалъ въ свою Рязань, но ратные возвратили его и упросили остаться попрежнему. Тогда принялся за дѣло соперникъ его Заруцкій, сговорившись съ Гонсѣвскимъ, польскимъ воеводою Кремля. Была поддѣлана подъ руку Ляпунова измѣнная грамота, что онъ сносится съ поляками. Казаки потребовали его въ кругъ для земскаго дѣла. Онъ было не шелъ, но атаманье поклялось, что ничего худаго ему не сдѣлаютъ. Однако для земскаго дѣла ни Трубецкой, ни Заруцкій не вышли въ кругъ. Начался великій шумъ, споръ; но атаманъ Сергѣй Карамышевъ разомъ все покончилъ, начавъ Прокопія сѣчь саблею. Сказалъ было прежній великій недругъ Прокопія Иванъ Ржевскій прямое, смѣлое слово, что губятъ Прокопія неповинно, но тутъ же и погибъ заодно съ нимъ.

Смерть Ляпунова произвела потрясающее впечатлѣніе на всю рать, особенно на дворянское земство, на прямыхъ служилыхъ людей, которые и поспѣшили убраться отъ Москвы. Иные, кто былъ повороватѣе и похитрѣе, покупали себѣ у Заруцкаго воеводства и начальства и тоже подобру, по-здорову удалялись отъ злодѣевъ. Какъ потомъ неистовствовали казаки надъ служилымъ дворянствомъ, объ этомъ лѣтописцы разсказываютъ слѣдующее. Вскорѣ принесенъ былъ изъ Казани образъ Богородицы, списокъ съ чудотворной. Всѣ ратные вышли встрѣчать святыню

пѣшими, а Заруцкій съ казаками выѣхалъ на коняхъ, непочтительно и невѣжливо. При этомъ казаки явили великое самовластіе: всѣхъ ратныхъ позорили, лаяли и поносили, а многихъ и били; ратные въ великомъ ужасѣ и страхѣ думали, что ихъ всѣхъ побьютъ, какъ Ляпунова. Затѣмъ, во время отбоя отъ поляковъ Дѣвичьяго монастыря, на битвахъ, многіе *честные* люди, стольники, дворяне, искали сами себѣ смерти отъ казачьяго насилія, безчестія и позору. Особенное гоненіе и тѣсненіе было отъ понизовыхъ казаковъ, отъ волжской вольницы, въ которой много было боярскихъ холопей. Они продолжали мстить боярству помѣщичьи обиды и наказывали его за начатую смуту тѣмъ же оружіемъ. Служилые почти всѣ разошлись по домамъ. Осталась подъ Москвою рать Тушина и Калуги, рать тушинскаго царика подъ начальствомъ его бояръ Трубецкаго и Заруцкаго, который сдѣлался теперь полнымъ властелиномъ, ибо Трубецкой игралъ при немъ ничтожную роль. Конечно, эта рать приносила Москвѣ весьма двусмысленную помощь. Она и не устояла противъ Сапѣги, который успѣлъ спокойно доставить запасы осажденнымъ въ Кремлѣ полякамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выбилъ ее изъ Бѣлаго города. Потомъ она отбила Ходкѣвича, но, вѣроятно, потому что онъ пришелъ прямо на таборы, значитъ, было уже необходимо за себя постоять; а затѣмъ во все время дорога врагамъ въ Кремль и изъ Кремля была вообще несовсѣмъ закрыта, и особенной тѣсноты имъ не было. Такъ вели себя тушинскіе воеводы потому, что имъ главнымъ образомъ нужно было только стоять у Москвы, какъ они стояли еще въ Тушинѣ, ибо это *стоять* значило пользоваться кормленіемъ и доходами съ городовъ, дворцовыхъ богатыхъ селъ, съ вотчинъ и волостей, раздавать вотчины своимъ доброхотамъ и совѣтникамъ, первенствовать и владычествовать надъ землею. Вотъ почему они хотѣли сначала присягнуть калужскому воренку, а потомъ присягнули новому самозванцу, появившемуся во Псковѣ, но ими же, вѣроятно, и поставленному. Съ такими царями можно было очень долго *стоять*, домогаясь будто бы очистить Москву отъ польской силы.

LVI. ПРИЗЫВНЫЯ ГРАМОТЫ ИЗЪ ТРОИЦКАГО МОНАСТЫРЯ И ПОДГОТОВЛЕНІЕ НИЖЕГОРОДСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ МОСКВЫ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Благодаря польскому безнарядью, безнарядное ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго могло держаться подъ Москвою, придавая себѣ попрежнему видъ людей, пришедшихъ сражаться за православную вѣру противъ богоборныхъ польскихъ и литовскихъ людей. Но русскіе люди вовсе не такъ смотрѣли на это ополченіе по смерти Ляпунова; вотъ что писали казанцы къ пермичамъ: «Подъ Москвою, господа, промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за домъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофія Петровича Ляпунова, казаки убили, преступя крестное цѣлованье. Митро-

политъ, мы и всякіе люди казанскаго государства согласились съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городами поволжскими, съ горными и луговыми татарами и луговою черемисою на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, за московское и казанское государство стоять, другъ друга не побивать, не грабить и дурнаго ничего ни надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинить по приговору, смотря по винѣ; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ людей въ города не пускать и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ попрежнему; казаковъ въ городъ не пускать; стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ на Московское государство государя, а выбрать бы намъ на Московское государство государя всею землею Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволью, одни, не согласившись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть».

Изъ этой грамоты мы видимъ, что земскіе люди, жители чистой половины Московскаго государства, жители Поволжья, противоположнаго казацкой украйнѣ, вовсе не пришли въ отчаяніе отъ гибели Ляпунова и торжества казаковъ подъ Москвою, вовсе не соединяли дѣла очищенія земли съ личностью одного человѣка, одного воеводы; скорбно отзываясь о гибели представителя своего, они въ тоже время даютъ знать, что общее дѣло отъ этого не проиграно, что между ними господствуютъ совѣтъ и соединеніе, даютъ знать, что они не допускаютъ никакой перемѣны, никакой новизны до возстановленія законнаго порядка, до избранія царя всею землею, и повторяютъ свой первый приговоръ надъ казаками: казаковъ въ города не пускать, и государя, ими одними избраннаго, не хотѣть.

Нравственныя силы чистаго, общественнаго народонаселенія были напряжены попрежнему, и попрежнему раздались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру отцовскую противъ боговъ богоборныхъ. Прежде призывалъ къ возстанію за вѣру начальный человѣкъ въ безгосударное время, патріархъ; теперь не было его слышно изъ темницы кремлевской; но вмѣсто грамотъ патріаршихъ шли призывныя грамоты отъ властей прославленнаго недавно новою славою Троицкаго Сергіева монастыря, отъ архимандрита Діонисія и келарія Авраамія Палицына. Хитрый келарь не хотѣлъ терпѣть нужды подъ Смоленскомъ, не хотѣлъ дожидаться заточенія въ глубь Польши, и уѣхалъ, не повидавшись съ послами. По пріѣздѣ въ свой монастырь, онъ нашелъ, что дѣло Владислава проиграно, и сталъ ревностно за дѣло освобожденія: когда ополченіе Ляпунова подошло къ Москвѣ, Авраамій явился къ нему со святою водою. Другимъ характеромъ отличался человѣкъ, котораго имя стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Палицына въ знаменитыхъ посланіяхъ троицкихъ, архимандритъ Діонисій; съ нимъ-то мы и должны теперь познакомиться.

Однажды при началѣ смутнаго времени, въ Москвѣ, на рынокъ гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ, вспомнивъ поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ, вмѣсто того чтобъ осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами и сказалъ ему: «Да, братъ! Я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по

этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей кельѣ; прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи!» Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ невѣждою. «Нѣтъ, братья, говорилъ имъ монахъ, дерзкій невѣжда я, а не онъ, всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобъ мнѣ впередъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ кельѣ». Съ этими словами монахъ ушелъ; обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ старицкаго Богородскаго монастыря, именемъ Діонисій.

Скоро опять увидали Діонисія на площадяхъ московскихъ, и тутъ уже онъ не говорилъ, что неприлично было ему, какъ монаху, показываться среди народа, тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Увѣщевая духовенство, патріархъ Гермогенъ ставилъ въ примѣръ Діонисія: «Смотрите, говорилъ онъ, на Старицкаго архимандрита; никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ». Подъ всемірными соборами патріархъ разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники царя Василія требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщевалъ народъ, не смотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы.

Изъ старицкаго монастыря Діонисій былъ переведенъ на архимандрію въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Когда Москва была разорена и воры свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому монастырю, и страшно было смотрѣть на нихъ: одни были изломаны, обожжены, у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обсѣчены, многіе приходили въ монастырь для того только, чтобъ исповѣдаться, пріобщиться и умереть; многіе не успѣвали достигнуть монастыря, умирали на дорогѣ; монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Діонисій призвалъ келаря, казначея, всю братію, слугъ и крестьянъ монастырскихъ и началъ имъ говорить, что во время такой бѣды надобно изъ всѣхъ силъ помогать людямъ, которые ищутъ пріютъ у св. Сергія. И вотъ пошелъ промыслъ всѣмъ бѣднымъ, живымъ и умирающимъ, въ монастырѣ и кругомъ монастыря. Прежде всего начали строить домы, больницы для раненныхъ, избы на страннопріимство всякаго чина людямъ, прибѣгавшимъ изъ Москвы и другихъ городовъ, особыя избы мущинамъ, особыя женщинамъ, въ Служней слободѣ и въ селѣ Клементьевѣ; монастырскіе люди ѣздили по селамъ и дорогамъ, подбирали раненыхъ и мертвыхъ; женщины, которымъ монастырь далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили и мыли рубашки живымъ, саваны мертвымъ. А внутри монастыря, въ кельѣ архимандричьей, сидѣли *писцы борзые*, изъ которыхъ особенно отличался Алексѣй Тихоновъ, собирали они учительныя слова изъ божественныхъ писаній, составляли увѣщательныя посланія и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію земли.

Лѣтомъ 1611 г., когда еще Ляпуновъ былъ живъ, разосланы были Діонисіемъ грамоты въ Казань, во всѣ понизовые города, въ Новгородъ Великій, на Поморье, въ Вологду и Пермь: «Православные христіане!» говорилось въ грамотѣ; «вспомните истинную православную христіанскую

вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова, и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ; гдѣ св. Божія церкви и Божіе образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, иноки, добродѣтелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобъ васъ самихъ также лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою отъ скудости не разошлось».

6 октября троицкія власти опять разослали грамоты по областямъ съ извѣстіемъ, что «пришелъ къ Москвѣ, къ литовскимъ людямъ на помощь, Ходкѣвичъ, а съ нимъ пришло всякихъ людей съ 2,000 человѣкъ, и стали по дорогамъ въ Красномъ селѣ и по Коломенской дорогѣ, чтобы имъ къ боярамъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ, которые стоятъ за православную христіанскую вѣру, никакихъ запасовъ не пропустить и голодомъ отъ Москвы отогнать, и насъ, православныхъ христіанъ, привести въ конечную погибель; а бояре, воеводы и всякіе ратные люди стоятъ подъ Москвою крѣпко и неподвижно, хотятъ за православную христіанскую вѣру, по своему обѣщанію, пострадать и смертью животъ вѣчный получить. А каширяне, калужане, туляне и другихъ замосковскихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди къ Москвѣ пришли, а изъ сѣверныхъ городовъ Юрій Беззубцевъ со всѣми людьми идетъ къ Москвѣ же на спѣхъ, а на другой сторонѣ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе служилые, и ратные люди собираются теперь въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и хотятъ идти къ Москвѣ же». Грамота оканчивается тѣмъ же увѣщаніемъ, какое мы видѣли и въ прежнихъ грамотахъ. Конечно, у Троицы очень хорошо знали о поведеніи казаковъ въ подмосковномъ станѣ: но все же это войско стояло подъ хоругвью православной вѣры и Московскаго государства, держало въ осадѣ вѣчныхъ враговъ креста Христова и успѣшно билось съ ними: потому неудивительно, что троицкія власти считаютъ своею обязанностью въ минуту опасности призывать русскихъ людей на помощь ополченію Трубецкаго и Заруцкаго.

Народъ былъ готовъ встать, какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ его, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для

спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе, воры. Явились признаки сознанія необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ, признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутренній, духовный міръ свой, чтобъ оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово, города переслали другъ другу грамоты, гдѣ писали, что въ Нижнемъ Новгородѣ было откровеніе Божіе какому то благочестивому человѣку, именемъ Григорію, велѣно ему Божіе слово проповѣдать во всемъ Россійскомъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полуночи: видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ конмату, куда явились два мужа съ проповѣдью о покаяніи, очищеніи всего государства. Во Владимірѣ было также видѣніе. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздержаться три дня даже и съ грудными младенцами: и по приговору, по своей волѣ православные христіане постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, ни пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Такъ, при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени. Еще Шуйскій думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріарха хотѣли очистить народъ отъ грѣха недавнихъ клятвопреступленій; но это дѣйствіе было произвольно съ ихъ стороны, и потому преждевременно; теперь же народъ, путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія: православные христіане постились, говоритъ грамота, по своему изволенію.

И такъ все было готово; ждали только начала движенія; движеніе обнаружилось въ Нижнемъ Новгородѣ. Правительственными лицами здѣсь въ описываемое время были: воеводы—князь Василій Андреевичъ Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ, стряпчій Иванъ Ивановичъ Биркинъ, дьякъ Василій Семеновъ; въ числѣ земскихъ старостъ былъ Кузьма Мининъ Сухорухій, мясной торговецъ. Когда въ октябрѣ 1611 г., нижегородцы получили троицкую грамоту, то старшіе люди въ городѣ съ духовенствомъ собрались для совѣта, и Мининъ сказалъ: «Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу». На другой день нижегородцы сошлись въ соборной церкви; тамъ протопопъ Савва увѣщевалъ ихъ стать за вѣру и потомъ прочелъ троицкую грамоту; послѣ протопопа началъ говорить Мининъ: «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ». Послѣ этого начались частыя сходки, Мининъ продолжалъ свои увѣщанія: «Что же намъ дѣлать?» спрашивали его. «Ополчаться, отвѣчалъ Мининъ; сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличъ кликать по вольныхъ служилыхъ людей».—«А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?» послышался опять вопросъ. Мининъ отвѣчалъ: «Я убогій съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2,500 человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 рублей; брали третью деньгу: у меня

[illegible] 300 рублей, а к 100 рублей въ сборныя деньги [illegible]: также и вы всѣ сдѣлайте». «Будь такъ, будь такъ!» закричали всѣ. Начался сборъ: пришла одна вдова и сказала: «Осталась я послѣ мужа бездѣтна, а есть у меня 12,000 рублей. 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставляю себѣ». Кто не хотѣлъ давать волею, у тѣхъ брали силою. Но прежде чѣмъ собирать ратныхъ людей, надобно было найти воеводу. Въ то время въ Суздальскомъ уѣздѣ жилъ стольникъ и воевода [illegible] князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, который [illegible] [illegible] отъ Троицы и излѣчивался отъ ранъ, полученныхъ при разореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, сказалъ дѣло и сказалъ народу, что не на кого больше положиться, кромѣ князя Пожарскаго. Послали къ нему архимандрита [illegible] Феодосія, дворянина Болтина, да изо всѣхъ чиновъ лучшихъ людей. Пожарскій отвѣчалъ посланнымъ: «Радъ я вашему совѣту, готовъ хоть сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну собирать». Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого нѣтъ. Пожарскій сказалъ имъ на это: «Есть у васъ Кузьма Мининъ, бывалъ онъ человѣкъ служилый, ему это дѣло за обычай».

Когда посланные возвратились и объявили нижегородцамъ слова Пожарскаго, тѣ стали бить челомъ Кузьмѣ, чтобъ принялся за дѣло. Мининъ отговаривался для укрѣпленія, чтобъ нижегородцы сильнѣе за него стояли. «Соглашусь, говорилъ онъ, если напишете приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны, и будете ратныхъ людей давать деньги». Нижегородцы согласились, и Мининъ написалъ въ приговорѣ свои прежнія слова, что не только отдавать имущество, но жены и дѣтей продавать. Когда приговоръ былъ подписанъ, Кузьма взялъ его и отослалъ къ Пожарскому, чтобы нижегородцы, [illegible] въ [illegible], не могли его взять.

Вѣсть, что нижегородцы встали и [illegible] на [illegible] [illegible] для ратныхъ людей, скоро распространилась по городамъ. [illegible] смоленскіе дворяне, лишившіеся помѣстій въ своей области [illegible] и получившіе земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, прислали бить челомъ нижегородцамъ, чтобы тѣ приняли ихъ къ себѣ, потому что Заруцкій [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], не желавшихъ [illegible] [illegible] къ нимъ. Нижегородцы послали [illegible] [illegible] къ Пожарскому, упрашивая его, чтобы шелъ въ Нижній [illegible]. Пожарскій [illegible] на дорогѣ присоединились къ нему служилыхъ людей [illegible] [illegible] и [illegible], и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Нижній, гдѣ былъ принятъ съ великою честью. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ратныхъ людей. [illegible] [illegible] нижегородской [illegible] стали [illegible] [illegible] было [illegible] по всѣмъ городамъ, [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Ивана [illegible], [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible], что «[illegible] Христову [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] въ Россійскомъ государствѣ и [illegible] не [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] Московское государство [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], всѣ города Московскаго государства [illegible] другъ съ дру-

гомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ—быть намъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать, и своимъ произволомъ, безъ совѣта всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы далъ намъ государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ христіанскимъ государямъ. Изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и дѣти боярскіе подъ Москвою были, польскихъ и литовскихъ людей осадили крѣпкою осадою, но потомъ дворяне и дѣти боярскіе изъ—подъ Москвы разъѣхались для временной сладости, для грабежей и похищенья; многіе покушаются, чтобы быть на Московскомъ государствѣ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея. Но теперь мы, Нижняго Новгорода всякіе люди, сославшись съ Казанью и со всѣми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное разоренье, прося у Бога милости, идемъ всѣ головами своими на помощь Московскому государству; да къ намъ же пріѣхали въ Нижній изъ Арзамаса смольняне, дорогобужане и вятчане, и другихъ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе: и мы, всякіе люди Нижняго Новгорода, посовѣтовавшись между собою, приговорили животы свои и домы съ ними раздѣлить, жалованье имъ и подмогу дать и послать ихъ на помощь Московскому государству. И вамъ бы, господа, помнить свое крестное цѣлованіе, что намъ противъ враговъ нашихъ до смерти стоять: идти бы теперь на литовскихъ людей всѣмъ вскорѣ. Если вы, господа дворяне и дѣти борскіе, опасаетесь отъ казаковъ какого-нибудь налогу или какихъ нибудь воровскихъ заводовъ, то вамъ бы никакъ этого не опасаться; какъ будемъ всѣ верховые и понизовые города въ сходу, то мы всею землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ; самимъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ какому до сихъ поръ мы не приставали, да и впередъ никакого дурна не захотимъ: непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратными людьми на польскихъ и литовскихъ людей идти вмѣстѣ, чтобы казаки попрежнему не разогнали низовой рати воровствомъ, грабежемъ, иными воровскими заводами и Маринкинымъ сыномъ. А какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ, то станемъ надъ польскими и литовскими людьми промышлять вмѣстѣ заодно, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, и которые люди подъ Москвою или въ какихъ нибудь городахъ захотятъ дурно учинить или Маринкою и сыномъ ея новую кровь захотятъ начать, то мы дурна никакого имъ сдѣлать не дадимъ. Мы, всякіе люди Нижняго Новгорода, утвердились на томъ и въ Москву къ боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринки и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотимъ, точно также и литовскаго короля».

Въ этой грамотѣ, возвѣщавшей второе возстаніе земли, объявляется движеніе чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, противъ казаковъ, сколько противъ польскихъ и литовскихъ людей; основная мысль грамоты: надобно намъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы не дать казакамъ сдѣлать ничего дурнаго. Грамота имѣла сильное дѣйствіе, ибо въ областяхъ всѣ были готовы къ возстанію и ждали только начала. Отовсюду слали въ Нижній выборныхъ на совѣтъ, присылали и казну, шли ратные люди. Первые пришли коломничи. За

коломничами пришли рязанцы, за ними служилые люди украинскихъ городовъ; пришли добрые казаки и стрѣльцы, которые сидѣли въ Москвѣ въ осадѣ съ царемъ Василіемъ. Всѣ получили жалованье. Между всѣми этими гостями и нижегородцами былъ великій совѣтъ и любовь, говоритъ лѣтописецъ. Кн. Пожарскій, Кузьма и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ, говоритъ лѣтопись, былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно, это были послѣдніе люди Московскаго государства, коренные, основные люди: когда ударили бури смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться. Такъ окончился 1611 и начался 1612 годъ.

LVII. ДВИЖЕНІЕ НИЖЕГОРОДСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ КЪ МОСКВѢ И ОЧИЩЕНІЕ ЕЯ ОТЪ ПОЛЯКОВЪ.

(Изъ ст. Забѣлина: «Мининъ и Пожарскій», помѣщ. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1872 г.).

Обыкновенно историки разсказываютъ, что нижегородцы поднялись и вошли, такъ сказать, въ разумъ только съ той минуты, какъ прочитали призывную грамоту изъ Троицкаго монастыря. Дѣло вообще представляется въ такомъ видѣ, что нижегородцы до того времени, какъ будто, по словамъ легенды, въ самомъ дѣлѣ спали и слухомъ не слыхали, что дѣлается въ Москвѣ: изъ этой только грамоты они узнали именно о томъ, что настоитъ необходимость помочь отечеству. Такъ написалъ объ этомъ Авраамій Палицынъ, и ему одному повѣрили историки предпочтительно предъ всѣми лѣтописцами, которые о такомъ дѣйствіи троицкихъ грамотъ и даже о самихъ грамотахъ не говорятъ ни слова.

Но теперь доказано, что старецъ Авраамій, въ своемъ сказаніи «Объ осадѣ Троицкаго монастыря», писалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ эпическую поэму, даже въ иныхъ мѣстахъ книжно-стихотворнымъ складомъ, а главное-писалъ своему монастырю и особенно себѣ высокопарный панегирикъ, похвальное слово. Такимъ образомъ свѣдѣнія, сообщаемыя старцемъ, исторія должна принимать съ великою осторожностью. Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошее и доброе дѣлалось и совершалось въ то время почином Троицкаго монастыря, старецъ беззастѣнчиво, напр., расписываетъ, что ляпуновское ополченіе было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно троицкими грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ московской розрухи, т. е. въ то время, когда уже ополченіе со всѣхъ сторонъ приближалось къ Москвѣ. О томъ, что поднялъ это ополченіе никто иной, какъ патріархъ Гермогенъ, старецъ Авраамій вовсе не знаетъ, или какъ бы не хочетъ знать, въ то время какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вся тогдашняя переписка городовъ между собою. Онъ, напротивъ, говоритъ, что «тѣ ихъ грамоты отъ обители Живоначальныя Троицы во всѣ россійскіе города достигли, и слухъ сей въ уши всѣхъ распространился, и милостію Пребезначаль-

ныя Тройцы по всѣмъ городамъ всѣ бояре и воеводы и все воинство и всенародное множество православныхъ христіанъ мало по малу разгорались духомъ ратнымъ, и вскорѣ, согласившись между собою, сподвиглись отъ всѣхъ городовъ къ Москвѣ на отмщеніе крови христіанской»

Этихъ грамотъ исторія до сихъ еще поръ не открыла. Ей извѣстны двѣ окружныя грамоты отъ Тройцы: одна, писанная въ іюлѣ, другая 6 октября; обѣ писаны по просьбѣ стоявшихъ подъ Москвою воеводъ, а не по начину самого монастыря, какъ свидѣтельствуетъ и самъ Авраамій. Первая писана еще при жизни Ляпунова и проситъ помощи ратными людьми и казною. Самъ Ляпуновъ еще въ апрѣлѣ писалъ въ Казань (гдѣ грамота получена мая 1-го) о томъ же, объявляя и боярскимъ холопамъ волю, если пойдутъ къ Москвѣ. Но Казань не двигалась, и потому повторительная просьба пошла отъ Троицы кромѣ Казани и въ другіе города. Однако въ томъ же іюлѣ пришла наконецъ казанская рать съ бояриномъ В. П. Морозовымъ; но она Ляпунова уже не застала, и на приступахъ къ Дѣвичьему монастырю, вѣроятно, потерпѣла позоръ отъ казаковъ. Очень хорошо понималъ стремленія казаковъ и чутко слѣдилъ за ними патріархъ Гермогенъ. Въ августѣ онъ торопливо и въ душевномъ волненіи пишетъ въ свой любезный Нижній Новгородъ грамоту съ твердымъ наказомъ скорѣй писать въ Казань къ митрополиту, чтобъ писалъ въ полки (подъ Москву) къ боярамъ и казацкому войску *учительскую* грамоту, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и *атаманьѣ* говорили (отъ Казани) безстрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не сажали. Эта грамота была получена въ Нижнемъ 25 августа, 30 числа она пошла въ Казань и по всѣмъ городамъ. Казанцы переслали ее въ Пермь. По всему Поволжью и съ притоками всѣ узнали, чего хотятъ казаки, и всѣ стали единодушно противъ ихъ мысли. Въ то же самое время распространилась вѣсть и объ убійствѣ промышленника и поборателя по христовой вѣрѣ, Ляпунова. Казань и объ этомъ шлетъ поспѣшно грамоту въ Пермь (получена 16 сент.) и увѣдомляетъ, что она сослалась уже съ Нижнимъ и со всѣми поволжскими городами, что «быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ, за государство стоять, новыхъ начальствъ въ города не пускать, *казаковъ въ города не пускать*; если станутъ они выбирать государя, не сославшись со всею землею, того государя не принимать». Ясно, что вся земля отложилась уже отъ подмосковнаго ополченія, отъ казаковъ и ихъ воеводъ, что въ ней уже зарождалось дѣло независимое и самостоятельное. По всей землѣ только и говору было, что казаки опаснѣе ляховъ, что идти къ Москвѣ значитъ идти къ казакамъ на позоръ и на смертъ. Это показываетъ, что казацкіе подвиги навели порядочный страхъ на всю землю. Вся земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два врага отечеству, поляки и казаки, съ которыми требуются почти одинаковые счеты.

Все это даетъ намъ основаніе не вѣрить сказанію Палицына, что нижегородцы возбуждены были троицкими грамотами. Нѣтъ, они давно были возбуждены, съ самаго начала смуты, и постоянно поддерживались въ своихъ мысляхъ патріархомъ Гермогеномъ, который еще 25 августа дѣлаетъ ихъ живымъ центромъ переписки со всѣми городами противъ замысла казаковъ присягнуть Маринкину сыну; а прошелъ сентябрь, и нижегородцы принялись за дѣло уже настоящимъ образомъ. Сильнѣе всего

возбудить ихъ къ дѣлу могла именно эта грамота патріарха, принесшая имъ самое возмутительное свѣдѣніе о намѣреніяхъ бояръ и казацкой *атаманьи*. Надо же было покончить со всѣми подобными воровствами и смутами. Ни одинъ живой человѣкъ не могъ этого не почувствовать. Пора было возбудить спящихъ, т. е. указать выходъ изъ безвыходнаго, погибельнаго положенія! Такой живой человѣкъ, возбудитель спящихъ, и явился въ лицѣ Минина. Но онъ поднялся не Ходкѣвича отбивать, какъ призывали троицкія власти, прося, чтобъ не мѣшкали, чтобъ «въ долгомъ времени, гладнымъ утѣсненіемъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ ратнымъ людямъ (казакамъ) какія порухи не учинили».召Mининъ поднялся съ мыслью создать свое независимое, сильное и крѣпкое ополченіе, сильное на столько, чтобъ не бояться и казаковъ съ ихъ казацкими воеводами.

Очень понятно, что для такого ополченія нуженъ былъ и воевода иной, вовсе не рядовой, съ какимъ можно было отправить полки только противъ Ходкѣвича. Въ этомъ случаѣ нравственныя качества воеводы, быть можетъ, становились несравненно важнѣе, чѣмъ военныя качества. Вотъ почему дѣлается яснымъ, что Пожарскаго не одинъ Мининъ желалъ и выбиралъ, а приневолили его къ воеводству бояре и вся земля, *сильно*, т. е. насильно, какъ онъ, на глазахъ у всѣхъ, свидѣтельствовалъ самъ въ переговорахъ съ новгородскими послами. Затѣмъ на глазахъ у всѣхъ же, въ окружныхъ своихъ грамотахъ, онъ свидѣтельствовалъ, что посылали за нимъ многажды ѣхать въ Нижній для земскаго совѣта, что по прошенію онъ пріѣхалъ, и стали къ нему въ Нижній пріѣзжать бояре, воеводы, стольники, стряпчіе, дворяне большіе и меньшіе, дѣти боярскіе, т. е. все служилое сословіе, которое въ выборѣ воеводы должно было имѣть, конечно, сильнѣйшій голосъ; что, главное, съ ними со всѣми и съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою и съ посадскими людьми на совѣтѣ, онъ и всѣ дали Богу души свои, т. е. поклялись, цѣловали крестъ на всемъ томъ, на чемъ стоять порѣшили. Слѣдовательно, воеводство Пожарскаго утверждено было всѣмъ міромъ, и служилыми, и посадскими.

Нижегородцы не торопились. Они работали всю осень и всю зиму до великаго поста, когда въ началѣ марта и тронулись въ походъ къ Ярославлю, задумавъ устроить въ этомъ городѣ, такъ сказать, главную свою квартиру; ибо онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ серединный городъ для сбора рати.

Между тѣмъ прослышали о нижегородскомъ собраніи и въ Москвѣ. И вотъ что здѣсь обнаружилось. И враги, сидѣвшіе въ Кремлѣ, на которыхъ поднимались нижегородцы, и свои, которые *стояли* вокругъ Кремля и должны были бы очень обрадоваться такой вѣсти, стали дѣйствовать заодно, причемъ свои-то показали еще больше ловкости и энергіи въ замыслахъ остановить движеніе. Кремлевскіе измѣнники-бояре приступили къ патріарху Гермогену, заставляя его писать въ Нижній, чтобъ не собирались и не ходили подъ Москву, и когда онъ остался неколебимъ, сами написали въ Ярославль и Кострому, а вѣроятно и въ другіе значительные города, чтобъ народъ образумился и оставался вѣренъ Владиславу, ибо безъ него ничего хорошаго и сдѣлаться не можетъ.

Заруцкій послалъ въ Ярославль казаковъ, за которыми слѣдомъ пошелъ съ полками Просовецкій, чтобъ занять Ярославль и всѣ помор-

скіе города, дабы не соединились съ нижегородцами. Трубецкой, конечно, не замѣчалъ, что затѣваетъ его властелинъ-товарищъ. Вотъ какъ было хотѣли встрѣтить нижегородцевъ изъ-подъ Москвы тѣ именно воеводы, къ которымъ на помощь призывали народъ троицкія грамоты. Правду нижегородцы говорили, отправляясь въ походъ, что они теперь послѣдніе люди. Однако попытка Заруцкаго не удалась. Тотчасъ былъ посланъ изъ Нижняго передовой полкъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, который прибылъ въ Ярославль прежде Просовецкаго: казаковъ переловили, посажали въ тюрьмы, и Просовецкій, узнавъ объ этомъ, не пошелъ къ Ярославлю.

Первые шаги ополченія повсюду были для него торжествомъ. Вездѣ встрѣчали его съ истинною радостью, доставляя казну на помогу и собирая ратныхъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Такъ оно двигалось изъ города въ городъ вверхъ по Волгѣ и прошло Балахну, Юрьевъ, Рѣшму, Кинешму, Кострому и пришло въ Ярославль еще по зимнему пути. Въ Ярославлѣ ополченіе было встрѣчено съ особенною радостью и съ большимъ почетомъ. Пожарскому и Минину ярославцы принесли даже многіе дары, но предводители ничего не приняли. Не затѣмъ они шли, чтобъ собирать себѣ дары по городамъ, хотя это была самая обычная почесть въ русскомъ старинномъ быту при всякой встрѣчѣ и при всякой радости. Дары-то именно и бывали знакомъ и выраженіемъ радости.

Изъ Ярославля походъ замѣшкался надолго, главнымъ образомъ потому, что изъ подъ Москвы Трубецкой и Заруцкій увѣдомили, что они присягнули псковскому вору Сидоркѣ, представлявшему лицо тушинскаго вора, будто не убитаго въ Калугѣ. Это была новая *ложной лжи ложь*; они присягали ему еще 2 марта, разумѣется съ тою цѣлью, чтобъ смять и спутать нижегородское движеніе, которое тогда только что выступило въ походъ. Но когда нижегородцы стали уже въ Ярославлѣ, куда они успѣли придти еще по зимнему пути, то Трубецкой, узнавъ, вѣроятно, что дѣло выходитъ нешуточное, которое смять и разстроить уже невозможно, повернулъ свой воеводскій флюгеръ въ эту же сторону и 28 марта послалъ къ другу келарю въ Троицкій монастырь объясненіе, что присягнулъ онъ неволею, какъ и другіе, что онъ радъ соединенью съ Пожарскимъ, что нельзя-ли отъ монастыря послать о томъ Пожарскому грамоту. Конечно, грамота была послана. Въ ней троицкія власти просили Пожарскаго идти подъ Москву *на-спѣхъ*, чтобы тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, розныо своею не потеряли большаго Каменнаго города и остроговъ-укрѣпленій и пушекъ. Вслѣдъ затѣмъ Пожарскій пишетъ въ Путивль, для извѣщенія украиннымъ городамъ и съ увѣщаніемъ, чтобъ отстали отъ псковскаго вора.

Такимъ образомъ только въ половинѣ іюня нижегородцы узнали, что подъ Москвою, по крайней мѣрѣ хоть съ виду, воровство утихло. Но они очень желали, чтобъ оно утихло и за Москвою, въ украинныхъ городахъ, къ югу, и для того писали грамоту въ Путивль.

Уже изъ этихъ двухъ грамотъ, на сѣверъ и на югъ отъ Москвы, выясняется, что нижегородское ополченіе, прежде чѣмъ двигаться дальше, стояло на одномъ, добивалось одного, самаго главнаго, т. е. общаго соединенія всѣхъ городовъ въ одной мысли. Съ этою цѣлью отовсюду оно постоянно требовало присылки выборныхъ, человѣка по два и по три, для общаго земскаго совѣта, т. е. неутомимо, на походѣ же, собирало

этотъ совѣтъ и всѣми силами старалось образумить города, привлечь ихъ на путь неподвижной правды. Оно очень хорошо понимало, что только «всемірное соединенье» можетъ положить конецъ криводушію этихъ воеводъ. Дѣйствуя изъ Ярославля по этому направленію слишкомъ два мѣсяца, оно добилось наконецъ того, что тушинскіе бояре прислали повинную даже съ великимъ моленіемъ. По мѣрѣ того какъ росла въ Ярославлѣ нижегородская, не военная только, а именно нравственная сила, какъ все виднѣе и виднѣе восходило это солнце общаго избавленія отъ всякихъ враговъ, чужихъ и домашнихъ, все больше и разсѣявался туманъ всякаго лукавства и криводушія въ людяхъ. Но для того чтобы достигнуть единенія мыслей въ городахъ, очень удаленныхъ другъ отъ друга, потребно было время. Напоминаемъ о состояніи тогдашнихъ путей и о многихъ другихъ препонахъ, какія всегда являются въ военное и притомъ смутное время. Ни почтъ, ни телеграфовъ не было, и все это дѣлали *нарочные*, успѣвавшіе служить съ истинною отвагою и преданностью.

Вообще, мы можемъ утвердительно сказать, что нижегородское ополченіе, оставаясь такъ долго въ Ярославлѣ, не потеряло для главной своей цѣли ни одной минуты. Оно неисчислимо больше завоеваній сдѣлало безъ меча, однимъ своимъ поведеніемъ, привлеченіемъ всѣхъ къ неподвижной правдѣ. И это самое важное изъ того, что можно ставить ему въ заслугу. Дѣло меча, послѣ успѣховъ этого мирнаго дѣла, стало уже дѣломъ второстепеннымъ и не столько затруднительнымъ. Прежде всего надо было осадить со всѣхъ сторонъ, взять приступомъ свою собственную смуту, и эта осада была несравненно мудренѣе осады Китай-города или Кремля.

Только 26 іюля ополченіе могло безъ помѣхи двинуться въ Москву. И оно не помедлило. Но въ это время Заруцкій употребилъ послѣднее средство: онъ подослалъ къ Пожарскому убійцъ. Подосланный Заруцкимъ казакъ Стенька хотѣлъ пырнуть ножомъ Пожарскаго и попалъ по ногѣ казаку Роману. Вся рать и всѣ посадскіе зашумѣли, поймали Стеньку и стали пытать. Онъ повинился, указалъ товарищей, которыхъ тоже похватали и разослали въ города по тюрьмамъ, а иныхъ взяли съ собой въ Москву для обличенія злодѣйства. Тамъ они предъ всею ратью вину свою объявили и были всѣ отпущены на свободу. „А убить ни единаго не далъ кн. Димитрій Михайловичъ», прибавляетъ лѣтопись. Конечно, толпа не пощадила бы по крайней мѣрѣ главныхъ злодѣевъ. Но не кровь начинать шелъ Пожарскій.

Въ то время Трубецкой съ Заруцкимъ прислали пословъ (оффиціальныхъ) и просили идти подъ Москву, не мѣшкая, ибо идетъ близко Ходкѣвичъ. Пожарскій тотчасъ отправилъ передовой отрядъ, велѣлъ спѣшить, но, пришедъ въ Москву, въ таборы казацкіе не входить, а стать особо, укрѣпивъ свой собственный острожекъ у Петровскихъ воротъ. Затѣмъ послалъ еще отрядъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, велѣлъ тоже спѣшить, но стать также особо, у Тверскихъ воротъ.

Между тѣмъ въ Москву пришли и ратные изъ украинныхъ городовъ, вѣроятно, по призывнымъ грамотамъ Пожарскаго. Они стали тоже особо, но потому, что Заруцкій не пустилъ ихъ къ себѣ. И было имъ отъ него и отъ казаковъ великое утѣсненіе, такъ что всею ратью они отправили посольство въ Ярославль съ просьбою идти, не медля, и избавить ихъ

отъ казацкаго насилія. Между тѣмъ Заруцкій, услышавъ, что ополченіе уже двинулось изъ Ярославля, собрался съ казаками, мало не съ половиною войска, и побѣжалъ отъ Москвы къ Маринкѣ на Коломну, а потомъ въ рязанскія мѣста, чѣмъ и доказалъ, какъ нельзя лучше, съ какими цѣлями онъ стоялъ слишкомъ годъ подъ Москвою. Отъ оставшагося войска съ Трубецкимъ нѣсколько атамановъ и казаковъ явились къ Пожарскому еще въ Ростовѣ съ просьбою идти подъ Москву не мѣшкая; а пришли вовсе не для того, прибавляетъ лѣтописецъ, пришли развѣдать, нѣтъ ли какого умышленья надъ ними; потому что, по пословицѣ «на ворѣ шапка горитъ», они ожидали отъ нижегородской силы расправы за свое воровство. Кн. Димитрій и Козьма, по своему обычаю, пожаловали пословъ деньгами и сукнами и отпустили съ честью.

Ополченіе наконецъ пришло подъ Троицкій монастырь; было встрѣчено съ великою честью и хотѣло тутъ стоять нѣкоторое время, желая по своему обычаю укрѣпиться съ подмосковными казачьими таборами, чтобъ другъ на друга никакого зла не умышлять. Но скоро изъ Москвы явились дворяне и казаки съ вѣстью, что Ходкѣвичъ приближается и скоро будетъ въ Москвѣ. Пожарскому было уже не до уговора съ казаками. Отпѣли молебны и съ благословеніемъ троицкихъ властей и братіи тронулись въ походъ; но шли съ большимъ опасеніемъ, были «въ великой ужасти, какъ на такое великое дѣло идти!». Это значитъ, что ополченіе до послѣдней минуты сомнѣвалось въ своемъ успѣхѣ и боялось особенно казаковъ, съ которыми въ одной мысли не успѣло укрѣпиться никакимъ уговоромъ. Опасенія были не напрасны.

Наконецъ ополченіе придвинулось къ Москвѣ. Оно пришло вечеромъ и расположилось ночевать на Яузѣ, за 5 верстъ отъ города. Между тѣмъ были посланы разъѣздные осмотрѣть мѣста, гдѣ бы стать правильнымъ станомъ. Трубецкой безпрестанно присылалъ къ нижегородцамъ, звалъ къ себѣ стоять въ таборы, т. е. у Яузскихъ воротъ, съ восточной стороны города, а Ходкѣвичъ двигался съ западной стороны. Нижегородцы всею ратью отказались: отнюдь тому не быть, чтобъ стать вмѣстѣ съ казаками, опять они начнутъ враждовать съ земскими; *всею ратью* слѣдовательно выражено старое и полное недовѣріе къ таборамъ и къ ихъ воеводѣ. На это она имѣла множество причинъ и въ числѣ ихъ весьма недавнюю и яркую причину со стороны только что бѣжавшаго Заруцкаго.

На утро отъ Яузы ополченіе вступало въ городъ. Трубецкой со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его и снова звалъ Пожарскаго стоять къ себѣ, въ свои укрѣпленія. Пожарскій снова ему отвѣтилъ, что отнюдь ему вмѣстѣ съ казаками не стаивать, и сталъ у Арбатскихъ воротъ. Ходкѣвичъ стоялъ уже на Поклонной горѣ и скоро перешелъ Москву-рѣку у Новодѣвичьяго монастыря. Съ нимъ, кромѣ поляковъ, были венгры и малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ Наливайки. Онъ придвинулся именно къ той мѣстности, гдѣ стояли полки Пожарскаго. Первому Пожарскому и выпала честь встрѣтить враговъ. Трубецкой съ своими сталъ подальше, по другую сторону Москвы-рѣки, за Крымскимъ бродомъ, и въ добавокъ прислалъ къ Пожарскому просить конныхъ сотенъ себѣ на подмогу, чтобъ промыслить надъ Ходкѣвичемъ со стороны, съ боку. Пожарскій, надѣясь въ правдѣ быть, отпустилъ къ нему пять сотенъ, выбравъ лучшихъ изъ своихъ поляковъ. Между тѣмъ Ходкѣвичъ наступалъ только съ одними конными, а Пожарскому самому конные были бы очень надобны.

Началась битва и продолжалась съ перваго часа до осьмаго. Бился Пожарскій одними своими конными. Отъ Трубецкаго ни одинъ не вышелъ на помощь. Казаки только, какъ псы, лаяли и поносили нижегородцевъ, приговаривая: «богаты пришли изъ Ярославля, и одни, могутъ отбиться отъ гетмана!» Трубецкой не выпускалъ въ бой даже и присланныхъ сотенъ. Не ясенъ-ли былъ его умыселъ обезсилить Пожарскаго и именно коннымъ войскомъ, когда у Ходкѣвича только конные и были? Нижегородцы бились до послѣднихъ силъ, а гетманъ наступалъ жестоко. Могли-ли они стоять противъ польской, венгерской, малороссійской конницы, неизмѣримо болѣе опытной и искусной? Рѣшено было слѣзть съ коней и биться пѣшими. «И былъ бой зѣло крѣпокъ», хватались за руки съ врагами и сѣкли другъ друга безъ пощады. Отосланныя къ Трубецкому конныя сотни не могли вытерпѣть и бросились на помощь безъ его приказанія. Онъ было не пускалъ, но головы не послушали, рынулись и помогли своимъ. За ними также самовольно рынулись и прямые люди изъ казацкой атаманьи: Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Колошна, Дружина Рослановъ, Марко Козловъ, крикнувъ Трубецкому: «Для чего не помогаешь погибающимъ? Изъ вашей (воеводской) нелюбви только пагуба творится и государству, и ратнымъ».

Гетманъ былъ отбитъ, воротился на Поклонную гору, а оттуда перебрался къ Донскому монастырю, на сторону Трубецкаго, ибо не могъ не замѣтить, что дѣйствія Трубецкаго были двусмысленны и могли быть ему очень полезны. Онъ пошелъ по сторонѣ Трубецкаго, по зарѣчью, и повелъ свои атаки жестокимъ обычаемъ: смялъ полки, втопталъ ихъ въ рѣку и побилъ бы многихъ, еслибъ не устоялъ съ своимъ полкомъ кн. Пожарскій. Тогда Трубецкой съ казаками ушелъ въ свои таборы, къ устью Яузы. Гетманъ занялъ зарѣчье противъ Кремля, выбивъ оттуда и остальныхъ казаковъ. Такимъ образомъ добрый подвигъ кн. Пожарскаго, оттѣснившаго поляковъ съ своей стороны, пропалъ даромъ по несостоятельности казацкихъ полковъ, которые, видимо, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, все еще продолжали играть въ смуту. Нижегородцы пріуныли и даже впали въ большой страхъ и отчаяніе. Воеводы посылали въ таборы, чтобъ за-едино подняться на гетмана. «Они же не хотяху». Тогда Пожарскій отправилъ къ нимъ старца Аврамія. Старецъ посулилъ имъ дать много монастырской казны. Казаки на обѣщаніе склонились, и тогда только, условившись съ полкомъ Пожарскаго, двинулись на гетмана вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ. Тотчасъ былъ отбитъ острожекъ Климентовскій, причемъ однихъ венгровъ было побито 700 человѣкъ. Потомъ пѣшіе засѣли по рвамъ, ямамъ и крапивамъ, гдѣ только можно было попрятаться, чтобъ не пропустить въ городъ польскихъ запасовъ. Однако большой надежды на успѣхъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божію, и вкупѣ всѣ дали обѣщаніе построить храмъ, да поможетъ Господь одолѣть врага.

День склонялся къ вечеру. Господь услышалъ вопль призывающихъ Его съ вѣрою, говоритъ лѣтопись, и послалъ свыше помощь—слабаго и къ ратному дѣлу неискуснаго, Господь охрабрилъ нижегородца Козьму Минина Сухорука, отъ него же перваго началось и собраніе этого ополченія на спасеніе и очищеніе государства. При этомъ лѣтописецъ, какъ бы съ радостью, восклицаетъ: «Да не похвалятся сильные своею силою и не говорятъ, что такъ это мы совершили! Не въ крѣпкой силѣ пребы-

ваетъ Господь, но въ творящихъ Его волю». Козьма задумалъ самъ ударить на враговъ, пришелъ къ кн. Пожарскому и сталъ просить людей. «Бери, кого хочешь!» отвѣтилъ князь. Козьма взялъ роту Хмѣлевскаго да дворянъ три сотни. На томъ берегу, у Крымскаго двора (церковь Іоанна Воина) стояли двѣ гетманскія роты, конная и пѣшая. Козьма, переправясь за рѣку, съ великою прыткостью ударилъ впрямь на эти роты. Онѣ, не дождавшись еще дѣла, дрогнули и побѣжали, конные, потоптали пѣшихъ. Козьма еще прытче погналъ за ними. Тогда засѣвшіе въ ямахъ и крапивахъ наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Козьма съ великимъ стремленіемъ гонитъ поляковъ, всѣ, въ одинъ часъ, отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ скрывались, повскакали, какъ одинъ человѣкъ, и ринулись тискомъ на гетманскіе таборы. Слѣдомъ за ними напустили конные полки. Гетманъ не выдержалъ этого натиска, дрогнулъ, и побѣжалъ со всѣмъ войскомъ, оставивъ храбрымъ въ добычу свои таборы со всѣми запасами, къ которымъ, конечно, бросились первые казаки, запасы отнимали, а таборы разграбили дочиста. Въ такихъ дѣлахъ казаки были первые мастера. Всѣ ратные такъ охрабрились, что порывались идти слѣдомъ за врагами, гнать гетмана дальше. Но воеводы остановили храбрыхъ. Довольно нынче одной радости, сказали они, чтобъ послѣ скорбь не приключилась! Это вѣдь Божіею помощью прогнаны наши враги! Однако, расположивъ казаковъ и стрѣльцовъ по городскому рву, они велѣли всю ночь держать неумолкаемую стрѣльбу изъ ружей. Такая была стрѣльба, что не было слышно, кто что говоритъ, а огонь и дымъ стояли какъ отъ великаго пожара. Гетманъ, отодвинувшись къ Донскому монастырю, всю ночь стоялъ на коняхъ, ожидая новаго нападенія, и на разсвѣтѣ побѣжалъ совсѣмъ отъ Москвы.

Казалось, въ виду такого славнаго и радостнаго дѣла, должна была смолкнуть всякая злоба, всякій раздоръ. Но корень смуты не исчезалъ. Онъ, какъ огонекъ, тлѣлся подъ пепломъ общаго разгрома и тотчасъ загорался болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ, какъ скоро находилъ себѣ средство и случай выказаться. Этотъ корень заключался въ самовластныхъ боярскихъ притязаніяхъ, во всякихъ притязаніяхъ великородства и владычества, какими была исполнена боярская среда снизу и до верху. И вотъ, какъ только пріобрѣтенъ былъ успѣхъ надъ врагами, и стало всѣмъ легче и свободнѣе, боярство заговорило о своихъ правахъ. Начальники между собою стали не въ совѣтѣ. Тушинскій бояринъ Трубецкой сталъ величаться своимъ боярствомъ и потребовалъ отъ нижегородской рати, отъ Пожарскаго и Минина и ото всѣхъ, чтобъ пріѣзжали къ нему на совѣтъ, какъ къ честнѣйшему, въ его таборы. Но къ нему никто не ѣхалъ, не для того, чтобъ не хотѣли ему честь воздавать, а боялись отъ казаковъ убійства. Была всѣмъ очень памятна смерть Ляпунова, къ которому на защиту не вышелъ Трубецкой, не заступился за него. Всею ратью порѣшили устроить совѣтные съѣзды на Трубѣ, почти на срединѣ между таборами и нижегородскимъ станомъ. Здѣсь воеводы съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою установили одно правительство: перенесли сюда разрядъ и другіе приказы и всякія дѣла стали дѣлать заодно, о чемъ и написали въ города грамоты, присовокупивъ, что если которыя грамоты будутъ приходить къ нимъ отъ кого либо одного изъ воеводъ, то тѣмъ грамотамъ не вѣрить, и свои грамоты писать тоже на имя обоихъ воеводъ. О томъ же соединеніи правящей власти были по-

сланы грамоты и особо, отъ всей рати, для увѣренія. Это происходило въ началѣ октября или даже въ началѣ сентября. Для нижегородцевъ и для друзей отечества это было тоже своего рода немалое завоеваніе и побѣда надъ врагомъ, ибо всякое соединеніе въ одну мысль объ истинномъ добрѣ и благѣ отечества была исключительно задачею нижегородскаго ополченія. Но прежде, чѣмъ такъ устроилось, боярская и боярствующая среда употребила свои завѣтныя попытки разстроить всякій союзъ въ подмосковной рати и поворотить дѣло на прежній путь. Видимо, что приверженцы поляковъ и Владислава не теряли надежды на поворотъ дѣла въ его сторону до послѣдней минуты. Видимо, что нижегородцы были для нихъ великою помѣхою, и они всѣ силы употребляли, чтобы разсѣять это ополченіе, въ которомъ преобладалъ исключительно духъ земства, посадскій, мужичій духъ, стоявшій крѣпко и прямо на правдѣ, раскрывавшій безъ ужимокъ всякую ложь и неправду, сводившій очень правильно земскіе счеты, кто что забралъ и чѣмъ завладѣлъ незаконно.

Съ большимъ сочувствіемъ къ Пожарскому лѣтописцы описываютъ его поведеніе при сдачѣ поляками Кремля. Эти сказанія дороги, какъ свидѣтельства, что и людямъ XVII в. вовсе не чужды были симпатіи къ поступкамъ человѣчнымъ, вполнѣ гуманнымъ.

Кремлевскіе сидѣльцы въ осадѣ испытывали въ это время страшный, неизобразимый голодъ. Поляки, чтобы освободить себя отъ безполезныхъ ртовъ, стали мало по малу выпроваживать голодныхъ вонъ изъ Кремля. Такимъ образомъ дошла очередь до боярскихъ женъ и дѣтей. Великородные бояре, продававшіе постоянно отечество, очень опечалились, боясь безчестья и всякаго насилія своимъ женамъ со стороны осаждавшаго ихъ войска. Къ кому было обратиться, ктобъ ихъ защитилъ отъ позора, сохранилъ, взялъ на свои руки? Бояре послали просить объ этомъ прямо къ Пожарскому и къ Козьмѣ. Здѣсь они надѣялись найти добрыхъ людей. Пожарскій не только обѣщалъ исполнить ихъ просьбу, но, во время выхода боярынь изъ Кремля, самъ выѣхалъ къ нимъ, встрѣтилъ и принялъ *честью*, съ почетомъ, проводилъ каждую въ безопасное мѣсто къ ихъ знакомымъ и велѣлъ обезпечить ихъ содержаніе. Казаки за это хотѣли убить нижегородскаго воеводу: они собирались грабить боярынь-измѣнницъ.

Скоро сдались и поляки. Въ переговорахъ о сдачѣ они просили за себя и за бояръ-измѣнниковъ не погубить ихъ и ставили условіемъ, чтобъ приняли ихъ въ полки Пожарскаго, а къ Трубецкому отнюдь не хотѣли идти, боясь казаковъ. Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ Пожарскій явился защитникомъ несчастныхъ и беззащитныхъ. Принять бояръ онъ пришелъ съ своимъ полкомъ. Это было на Каменномъ мосту, у Троицкихъ воротъ Кремля. Какъ только завидѣли выходящихъ бояръ казаки поднялись тоже всѣмъ полкомъ, вооружились, распустили знамена и хотѣли постоять за ожидаемую добычу. Едва-едва прошло безъ кровавой ссоры, и дѣло, вѣроятно, уладилось какими-либо обѣщаніями. Казаки отошли въ свои таборы, и Пожарскій принялъ бояръ съ великимъ почетомъ. Изъ поляковъ полкъ Струся взялъ Трубецкой. Казаки весь полкъ побили, такъ что не многіе остались. Другой полкъ, Будиловъ, взялъ кн. Пожарскій и разослалъ его по городамъ: ни единаго не убили и не ограбили.

23 октября 1612 г. Кремль и вся Москва были очищены, по крайней мѣрѣ отъ явныхъ враговъ. Трубецкой по своему великородству сталъ въ Кремлѣ на царя-борисовскомъ дворѣ. Пожарскій не коснулся царскихъ палатъ и сталъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ, поближе къ своимъ нижегородцамъ. Казаки однако готовили эпилогъ своего *стоянья* подъ Москвою. Они безпрестанно стали просить у воеводъ жалованья, а того не помня (замѣчаетъ лѣтопись), что всю казну во многихъ городахъ выграбили; теперь же едва и послѣдней казны у начальниковъ силою не отняли. Они пришли однажды въ Кремль толпою съ прямымъ намѣреніемъ побить начальниковъ и захватить казну. Но собрались дворяне и не дали совершить убійства: много вражды было, едва безъ крови прошло.

LVIII. ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И ВСТУПЛЕНІЕ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ» и изъ статьи Полеваго: «Вступленіе на престолъ Михаила Ѳедоровича», помѣщ. въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1834 г.).

Освободивъ Москву отъ враговъ, вожди ополченія народнаго послали во всѣ города Россіи съ извѣщеніемъ о семъ радостномъ событіи. Они вмѣстѣ съ другими сановниками и духовенствомъ, бывъ убѣждены опытомъ, что народъ русскій можетъ быть счастливымъ только подъ скипетромъ государя самодержавнаго и православнаго, созвали изъ многихъ городовъ значительнѣйшихъ лицъ. Изъ нихъ составился земскій совѣтъ для избранія царя. Важность предмета приводила ихъ въ недоумѣніе. Всѣ имѣли одну цѣль: желали царя крови русской, способнаго къ соглашенію разномыслящихъ партій, и въ то же время твердаго для защиты отечества отъ притязаній чужестранныхъ державъ; но кого избрать? Земскій совѣтъ истощился въ преніяхъ; долго не могли они рѣшиться. Наконецъ, по общему согласію, 21 февраля 1613 г., избрали того, кого Гермогенъ (тогда уже не существовавшій) при жизни своей хотѣлъ благословить на царство—шестнадцатилѣтняго отрока Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева, непричастнаго ни къ какой партіи, чистаго совѣстью, знатнаго родомъ. Въ тотъ же день присягнула ему вся Москва, а затѣмъ вся Россія. Земскій совѣтъ послалъ двѣ грамоты: одну къ Михаилу, другую къ родительницѣ его, въ коихъ изъяснено было общее желаніе имѣть царемъ Михаила Ѳеодоровича, съ убѣдительною просьбою о скоромъ прибытіи въ Москву. Посламъ, коимъ поручено было вручить сіи грамоты, велѣно убѣждать Михаила принять корону, а родительницу его согласиться на то и благословить на царство сына. Земскій совѣтъ писалъ и къ Сигизмунду: въ грамотѣ своей къ нему, упомянувъ о всѣхъ сношеніяхъ нашихъ съ Польшей отъ времени Бориса Годунова, укорялъ поляковъ въ пособіи самозванцамъ, въ явномъ нарушеніи договоровъ, просилъ короля и сына его отмѣнить желаніе быть на россійскомъ престолѣ и, возстановляя миръ, размѣняться плѣнниками.

На первомъ же съѣздѣ русскіе іерархи выполнили главную для нихъ часть программы, составленной Скаргою. Они заключили съ панами весьма знаменательное условіе—не позволять простымъ людямъ держать монастыри. Это значило—лишить магдебургскія, цеховыя и братскія общины патроната надъ монастырями, которые епископы и архимандриты обращали въ экономическія заведенія, оставляя церкви безъ оконъ, безъ книгъ, безъ утвари и богослуженія, а не то—даже и запертыми. На второмъ съѣздѣ 1591 года рѣшено было избавиться уніею отъ вмѣшательства свѣтскихъ людей вообще въ церковныя дѣла. Но мысль эта выразилась открыто только въ протестаціяхъ противъ королевскихъ урядниковъ и помѣщиковъ за то, что они вступаютъ въ дѣла духовенства, судятъ священниковъ, разводятъ браки; а тайно отъ большинства присутствовавшихъ на соборѣ составленъ четырьмя архіереями актъ признанія папы главою церкви. Эти архіереи были: Кириллъ Луцкій, Гедеонъ Львовскій, Леонтій Пинскій и Діонисій Холмскій. Митрополитъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, и заставлялъ іезуитовъ тайно убѣждать себя (просто напросто—дѣло шло о возвышеніи, въ глазахъ короля, цѣны отступничеству).

Приверженцы римской куріи въ Польшѣ считали православную Русь не только вѣрною, но и легкою добычею латинской церкви. Общество было разрознено въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ; связи между различными его частями были порваны; соперничество и недовѣріе господствовали тамъ, гдѣ бы слѣдовало царствовать согласію; просвѣщеніе въ высшемъ классѣ было только кажущееся; мракъ, свойственный народной массѣ, едва мѣстами начиналъ уступать случайнымъ проблескамъ знанія. Но практика показала, что добыча была не такъ легка, и что необразованныхъ русскихъ поповъ, съ ихъ безграмотною паствою, гораздо труднѣе обратить, нежели просвѣщенныхъ въ заграничныхъ университетахъ членовъ дома князей Острожскихъ.

Придворные патеры Сигизмунда III работали дѣятельно посредствомъ своихъ агентовъ на Руси. Православныхъ пановъ они, что называется, обернули вокругъ пальца; мѣщанъ имѣли они больше всего въ виду, но меньше всего боялись на поприщѣ интриги, такъ какъ мѣщане лишены были голоса на сеймѣ: а шляхетнымъ ихъ представителямъ, этимъ «старшимъ братчикамъ» мѣщанскимъ, іезуиты всегда готовы были давать полную свободу проявлять силу свою въ словоизверженіи. Они хорошо знали натуру пассивныхъ людей вообще и русскихъ пановъ въ особенности: они знали, что чѣмъ больше пассивный человѣкъ говоритъ, тѣмъ меньше дѣлается онъ способенъ дѣйствовать. Притомъ іезуиты разочли ариѳметически, что паны, охладѣвъ къ реформаціи, охладѣютъ и къ православію. Только задоръ однихъ пановъ къ новаторству, въ противодѣйствіе королю и его католической радѣ, подстрекалъ другихъ къ упорству въ древнемъ благочестіи, на зло той же самой придворной лигѣ. Знали очень хорошо іезуиты, и для этого не нужно было особенной прозорливости, что православные паны всѣ очутятся въ одной церкви съ королемъ и сенаторами, но никакъ не съ торгашами и холопами, никакъ не съ этими чоботарями и воскобойниками, которымъ они давали свои охранныя грамоты въ качествѣ старшихъ братчиковъ. А безъ привиллегированныхъ, неприкосновенныхъ для самого короля, членовъ братства, какая религіозная корпорація въ низшихъ сферахъ можетъ устоять противъ

что вы пришли звать сына моего въ цари, но онъ не захочетъ, и я не благословлю его!» Едва могли упросить благочестивую инокиню не противиться и идти къ моленію во храмъ, предоставляя будущее волѣ Бога. Она и сынъ ея шли, заливаясь слезами. Въ церкви отслужили молебенъ, и тогда архіепископъ Ѳеодоритъ преклонился передъ Михаиломъ и проговорилъ: «Московскаго государства митрополитъ Кириллъ ростовскій и ярославскій архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ благословляютъ тебя, великаго государя-царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ».

Бояринъ Шереметевъ слѣдовалъ за нимъ, и сказалъ: «Великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи! Твои, государь, бояре, окольничіе, чашники, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и приказные люди, дворяне изъ городовъ, жильцы, головы стрѣлецкіе сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые люди, гости, торговые люди Московскаго государства и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди, велѣли тебѣ, государь, челомъ ударить и о твоемъ государевомъ многолѣтнемъ здравіи спросить».

Громогласно началъ Ѳеодоритъ читать посланіе земскаго совѣта. Упомянувъ о пресѣченіи на престолѣ московскомъ царскаго корня, о злодѣйствахъ измѣнниковъ и насиліи поляковъ, хотѣвшихъ „попрать вѣру греческаго закона, и учинить въ Россіи проклятую латинскую вѣру, онъ говорилъ, что наконецъ Москва очищена, церкви Божіи облеклись въ прежнюю лѣпоту, попрежнему славится въ нихъ имя Божіе; но о Московскомъ государствѣ пещись и Божьими людьми промышлять некому: государя у насъ нѣтъ». Земскій совѣтъ извѣщалъ объ избраніи Михаила въ Успенскомъ соборѣ, объ единодушной всѣхъ клятвѣ служить ему, прямить, биться за него до смерти; молили его, да идетъ на царство свое, «и да возвыситъ Богъ десницу его; православная вѣра да будетъ нерушима въ великомъ Россійскомъ государствѣ, возсіявъ во всю вселенную, какъ подъ небомъ пресвѣтлое солнце; а христіане да получатъ тишину, покой и благоденствіе». Бояринъ Шереметевъ подтвердилъ чтеніе словами. Онъ и Ѳеодоритъ обратились къ матери Михаила, проговорили повелѣнныя рѣчи и умоляли: «Моленья и челобитья не презрить, и итти съ сыномъ на царскій престолъ».

Ожидали отказа Маѳы и Михаила, но не столь упорнаго и рѣшительнаго, какой услышали. Вѣримъ искренности отрицанія ихъ: это были хитрый Годуновъ или честолюбивый Шуйскій. Кроткій юноша и мать его, инокиня, испытанная бѣдствіями, вблизи видѣвшая смерть стольких царей и ужасы безначалія, едва только не полгода вышедшая изъ Кремлевскаго гибельнаго заточенія, гдѣ голодъ и сабля врага ставили ее и сына на край могилы, еще за нѣсколько дней едва не потерявшая сына своего, при одномъ слухѣ, что онъ избранъ въ цари,—она и онъ могли трепетать, ужасаться чести, имъ предлагаемой. Мысль, что Михаила окружитъ буйный сонмъ бояръ, что Сигизмундъ будетъ мстить отцу за избраніе сына на царство и состояніе Русской земли, опустошенной, кипящей измѣною и крамолою, все это страшнымъ видѣніемъ предстояло очамъ Маѳы и Михаила. «Сыну моему не быть царемъ; не благословлю его; въ мысли у меня того не было, и въ разумъ мой прійти не могло!» воскликнула инокиня Маѳа. «Не хочу царствовать и могу ль

быть наслѣдникомъ великихъ царей Русскихъ!» говорилъ Михаилъ. Тщетно молили ихъ. «Его ли, юнаго, отдамъ вамъ въ цари?» отвѣчала Марѳа. «Люди русскіе! Вспомните прошедшее: по грѣхамъ нашимъ, всѣ вы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда судомъ Божіимъ не стало царя Бориса, не вы-ли клялись быть вѣрными сыну его и передались вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы-ли клялись царю Василію и поѣхали къ Тушинскому вору, предали вашего царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ государямъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганія, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, крестопреступленіе? И что же такое ваше Русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками; народъ страждетъ, обѣднѣлъ. Чѣмъ будетъ царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обиходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцемъ его, въ неволѣ польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? И могу-ли приступить къ тому безъ благословенія отца его?».

«Благослови только, великая инокиня!» возражалъ Ѳеодоритъ. «Ты упрекаешь насъ прошедшимъ: но то были грѣхи и наказаніе Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ: мы, всею Русскою землею, его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ; но вспомни, что Борисъ извелъ царскій корень, убилъ Димитрія царевича, и разстрига былъ мститель ему за преступленія его. Когда судомъ Божіимъ погибъ разстрига, царя Василія выбрали немногіе люди; другіе не хотѣли ему служить; сдѣлалась рознь, явилось междоусобство, и возникъ злодѣй тушинскій, обольщая народъ на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастія, сохраненіемъ православія. Мы били челомъ Василію, да оставитъ онъ царство свое, для блага Русской земли, и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша-ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники Михайло Салтыковъ и Ѳедька Андроновъ предали царя злодѣю Жолкѣвскому. И если было притомъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стоять за церковь Божію; всею землею избрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судебъ Божіихъ, хоть и погибли Годуновы и Шуйскій: судьбами царей воля Божія дѣйствуетъ; ей-ли воспротивиться? Не страшись и за государя нашего митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ».

Но, тщетны были сіи слова. Напрасно Ѳеодоритъ многорѣчиво приводилъ примѣры изъ исторіи, говорилъ о Константинѣ и Ѳеодосіи, Давидѣ, Маркіонѣ и Іосифѣ; напрасно восклицалъ: «Гласъ народа, гласъ Божій; кого предъизберетъ Богъ, того и возлюбитъ; кого наречетъ, того и оправдаетъ; кого оправдаетъ, того и прославитъ. Назначенному во чревѣ матери честь приложится, и изъ младенчества онъ на то предустроенъ будетъ». Марѳа и Михаилъ плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Ѳеодоритъ взялъ образъ Владимірскія Богоматери, Аврамій подалъ образъ московскихъ Чудотворцевъ; оба понесли святыя иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михаилъ. «Что дѣлаете!» воскликнулъ благочестивый юноша; «Зачѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ, и дѣло выше силъ моихъ мнѣ!».—«Если вѣришь имъ, го-

ворилъ владыка, указывая на образа, вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать, и спасутъ отца твоего! Что человѣкъ, и что имъ дѣлается? Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!» Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ поверглись передъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей, и соединили клики свои съ рыданіемъ старцевъ и младенцевъ.

Уже около шести часовъ продолжалось умилительное зрѣлище. «И такъ, вы не внемлете мольбамъ!» возгласилъ наконецъ Өеодоритъ. «Совершилось; да будетъ по вашему; мы идемъ обратно, и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй. Русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но передъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе отчизны! И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе; да расточится царство Московское; да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги, да прійдутъ и расхитятъ насъ!».

Голосъ его казался грознымъ голосомъ Божіимъ. Марөа повергласъ предъ святыми иконами и изрекла согласіе. Өеодоритъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Михаила наперсный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близь приготовленнаго царскаго мѣста и слушалъ литургію; запѣли благодарственный молебенъ и провозгласили многолѣтіе царю Михаилу. Сидя на тронѣ своемъ, юный царь принималъ поздравленія. Звонъ колоколовъ, радостный кликъ народа, оглашали воздухъ, когда онъ появился въ царскомъ великолѣпіи изъ храма и шелъ къ келіи, гдѣ обиталъ, уже облеченный великолѣпными уборами. Три дня продолжался колокольный звонъ, и тогда же духовенство и бояре постановили навсегда праздновать въ Костромѣ иконѣ Өеодоровскія Богоматери въ 14 день марта,—день принятія Михаиломъ престола царскаго.

Вѣсти изъ Костромы получены были вечеромъ, наканунѣ дня Благовѣщенія (24 марта). На другой день, съ ранняго утра, Кремль былъ наполненъ народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ читали донесеніе Өеодорита, пѣли молебнъ и благословляли новаго царя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Веселье сдѣлалось общее.

Марта 19, сопровождаемый духовенствомъ, присланнымъ отъ земскаго совѣта, и множествомъ съѣхавшихся въ Кострому разнаго званія людей, Михаилъ, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь его до Ярославля казался торжественнымъ шествіемъ; народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его при церквахъ со крестами. Ярославль весь двинулся въ срѣтеніе царя. Путь Михаила изъ Ярославля до Москвы продолжался болѣе двухъ недѣль, царь поклонялся въ Ростовѣ и Переяславлѣ св. мощамъ, посѣщалъ монастыри и прожилъ Святую недѣлю въ Троицкой Лаврѣ. Путь отъ Троицкой обители до Москвы былъ истиннымъ торжествомъ дѣтей, встрѣчающихъ отца своего. Москвичи ѣхали, шли, бѣжали на встрѣчу государю и съ восторгомъ смотрѣли на благолѣпнаго, крот-

каго, юнаго властителя Русской земли. Ряды войскъ, граждане съ хлѣбомъ-солью, предшествовали Михаилу, и толпились на пути. Близъ Москвы все духовенство, всѣ бояре, съ крестами и иконами, вышли привѣтствовать царя. Улицы заперлись народомъ, плачущимъ отъ радости, и громко благословляющимъ царя. Преклонясь предъ святынею Успенскаго собора и поклонясь гробамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Михаилъ вошелъ въ царскіе чертоги: Марѳа благословила его и удалилась на житье въ Вознесенскій монастырь.

Царь былъ теперь въ древнихъ кремлевскихъ чертогахъ; его встрѣтилъ радостный народъ; передъ нимъ смиренно ударилъ челомъ сонмъ вельможъ и царедворцевъ, недавно торжествовавшій спасеніе столицы отъ враговъ; уже по слѣдамъ остатка измѣнниковъ, за скопищами Заруцкаго, пошли войска; другіе двинулись противъ враждебныхъ шведовъ; Польша не начинала военныхъ дѣйствій. Такъ казалось все благопріятнымъ, но не таково было въ самомъ дѣлѣ. Гдѣ было царское войско? Гдѣ была казна царская?

И въ такомъ состояніи Россіи, бремя правленія падало на царя, едва не отрока, юнаго, неопытнаго, страшившагося за участь своего родителя, трепетавшаго окружавшихъ его: ибо кто окружалъ его, кто были его совѣтниками?

Совѣтъ царя представлялъ странное смѣшеніе вельможъ и царедворцевъ, переживших пять царей и страшныя времена безначалія. Кромѣ того, что никто изъ всѣхъ царскихъ сановниковъ не отличался достоинствами, многіе-ли изъ нихъ не были еще запятнаны измѣною, вѣроломствомъ, малодушіемъ? Своевольство въ совѣтахъ, ничтожное мѣстничество, гордость другъ передъ другомъ, охлажденіе къ чести государственной были общимъ удѣломъ царедворцевъ Михаила, плодомъ, возращеннымъ событіями минувшаго, но еще не прошедшаго времени.

Царь не смѣлъ употребить строгости, долженъ былъ снисходить своевольству, если знатность и санъ защищали вельможу. Вѣроятно, руководимый матерью, онъ прибавилъ только въ совѣтъ вельможъ знатнѣйшее духовенство. Дѣла стали означаться прежде всего именемъ духовенства, потомъ вельможъ и чиновниковъ.

Вѣрные юному Михаилу совѣтовали поспѣшить великимъ таинствомъ коронованія, освящавшимъ главу избраннаго царя въ глазахъ его подданныхъ. Еще прежде сего торжества, избраніе Михаила ознаменовали составленіемъ соборно утвержденной грамоты: «Да незабвенно будетъ писаніе въ ней въ роды и роды и во вѣки вѣковъ». Предложеніе объ этомъ учинено было въ земскомъ совѣтѣ духовенствомъ, апрѣля 14 дня, когда Михаилъ находился въ Троицкой лаврѣ. Общій кликъ собранія: «Благословенъ Богомъ глаголъ вашъ, святители, пастыри душъ нашихъ! Да будетъ тако, да будете тако!» былъ отвѣтомъ. Цѣлый мѣсяцъ составляли грамоту, сочинили ее со всею роскошью риторики; переписали на девяти большихъ листахъ, читали въ земскомъ совѣтѣ и подписали всѣ, кто былъ въ собраніи. Важное писаніе это начиналось указаніемъ на происхожденіе русскихъ царей отъ Августа цесаря; потомъ содержало въ себѣ краткую исторію русскихъ князей. Съ честью упоминая о Годуновѣ и Шуйскомъ, умалчивали о убіеніи Димитрія; всю вину послѣднихъ бѣдствій и междоусобій слагали на «богоотступника, проклятаго еретика и

чернокнижника Отрепьева», на Сигизмунда клятвопреступника, на Михаила Салтыкова и Өедора Андронова. Подробно излагали наконецъ избраніе Михаила, отрицаніе его и матери отъ престола, согласіе ихъ только изъ страха, да не будутъ онъ и они виновны предъ Богомъ въ конечномъ разореніи отечества. Грамота заключалась страшнымъ проклятіемъ и угрозою казни всякому, кто будетъ противникъ опредѣленія и присяги царю Михаилу.

Земскій совѣтъ былъ уничтоженъ послѣ подписанія утвержденной грамоты: Михаилъ царствовалъ.

Іюля 11, въ тотъ день, когда Михаилу совершилось ровно семнадцать лѣтъ, совершено было его коронованіе.

Народъ ликовалъ, взирая на царя юнаго, видя обновленіе древняго царскаго величія: «Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его на царство въ чревѣ матери!» говорилъ народъ. «Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхованію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи». Пиры, милостыни, колокольный звонъ и веселье продолжались три дня.

LIX. Состояніе государства въ первые годы царствованія Михаила Өедоровича.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Мало въ исторіи найдется примѣровъ, когда бы новый государь вступилъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ, при какихъ избранъ былъ шестнадцатилѣтній Михаилъ Өедоровичъ. Съ двумя государствами, Польшею и Швеціею, не окончена была война. Оба эти государства владѣли окраинами Московской державы и выставляли двухъ претендентовъ на московскій престолъ, двухъ соперниковъ новоизбранному царю. Третьяго соперника ему провозглашала казацкая вольница въ Астрахани въ особѣ малолѣтняго сына Марины, и Заруцкій во имя его затѣвалъ двинуть турокъ и татаръ на окончательное разореніе Московскаго государства. Внутри государства многіе города были сожжены до тла, и самая Москва находилась въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ казаковъ, грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне еще въ прошломъ году не могли убрать хлѣба и умирали отъ голода. Повсюду господствовала крайняя нищета, въ казнѣ не было денегъ и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ подданныхъ. Одна бѣда вела за собою другія; но величайшая бѣда состояла въ томъ, что московскіе люди, по мѣткому выраженію матери царя, «измалодушествовались». Всякій думалъ только о себѣ, мало было чувства чести и законности. Всѣ лица, которымъ повѣрялось управленіе и правосудіе, были склонны для своихъ выгодъ грабить и утѣснять подчиненныхъ, не лучше казаковъ, наживаться на счетъ крови бѣднаго народа, вытягивать изъ него послѣдніе соки, зажиливать общественное достояніе въ то время, когда необходимо было для спасенія отечества крайнее самопо-

Началась битва и продолжалась съ перваго часа до осьмаго. Бился Пожарскій одними своими конными. Отъ Трубецкаго ни одинъ не вышелъ на помощь. Казаки только, какъ псы, лаяли и поносили нижегородцевъ, приговаривая: «богаты пришли изъ Ярославля, и одни, могутъ отбиться отъ гетмана!» Трубецкой не выпускалъ въ бой даже и присланныхъ сотенъ. Не ясенъ-ли былъ его умыселъ обезсилить Пожарскаго и именно коннымъ войскомъ, когда у Ходкѣвича только конные и были? Нижегородцы бились до послѣднихъ силъ, а гетманъ наступалъ жестоко. Могли-ли они стоять противъ польской, венгерской, малороссійской конницы, неизмѣримо болѣе опытной и искусной? Рѣшено было слѣзть съ коней и биться пѣшими. «И былъ бой зѣло крѣпокъ», хватались за руки съ врагами и сѣкли другъ друга безъ пощады. Отосланныя къ Трубецкому конныя сотни не могли вытерпѣть и бросились на помощь безъ его приказанія. Онъ было не пускалъ, но головы не послушали, рынулись и помогли своимъ. За ними также самовольно рынулись и прямые люди изъ казацкой атаманьи: Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Колошна, Дружина Рослановъ, Марко Козловъ, крикнувъ Трубецкому: «Для чего не помогаешь погибающимъ? Изъ вашей (воеводской) нелюбви только пагуба творится и государству, и ратнымъ».

Гетманъ былъ отбитъ, воротился на Поклонную гору, а оттуда перебрался къ Донскому монастырю, на сторону Трубецкаго, ибо не могъ не замѣтить, что дѣйствія Трубецкаго были двусмысленны и могли быть ему очень полезны. Онъ пошелъ по сторонѣ Трубецкаго, по зарѣчью, и повелъ свои атаки жестокимъ обычаемъ: смялъ полки, втопталъ ихъ въ рѣку и побилъ бы многихъ, еслибъ не устоялъ съ своимъ полкомъ кн. Пожарскій. Тогда Трубецкой съ казаками ушелъ въ свои таборы, къ устью Яузы. Гетманъ занялъ зарѣчье противъ Кремля, выбивъ оттуда и остальныхъ казаковъ. Такимъ образомъ добрый подвигъ кн. Пожарскаго, оттѣснившаго поляковъ съ своей стороны, пропалъ даромъ по несостоятельности казацкихъ полковъ, которые, видимо, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, все еще продолжали играть въ смуту. Нижегородцы пріуныли и даже впали въ большой страхъ и отчаяніе. Воеводы посылали въ таборы, чтобъ за-едино подняться на гетмана. «Они же не хотяху». Тогда Пожарскій отправилъ къ нимъ старца Аврамія. Старецъ посулилъ имъ дать много монастырской казны. Казаки на обѣщаніе склонились, и тогда только, условившись съ полкомъ Пожарскаго, двинулись на гетмана вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ. Тотчасъ былъ отбитъ острожекъ Климентовскій, причемъ однихъ венгровъ было побито 700 человѣкъ. Потомъ пѣшіе засѣли по рвамъ, ямамъ и крапивамъ, гдѣ только можно было попрятаться, чтобъ не пропустить въ городъ польскихъ запасовъ. Однако большой надежды на успѣхъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божію, и вкупѣ всѣ дали обѣщаніе построить храмъ, да поможетъ Господь одолѣть врага.

День склонялся къ вечеру. Господь услышалъ вопль призывающихъ Его съ вѣрою, говоритъ лѣтопись, и послалъ свыше помощь—слабаго и къ ратному дѣлу неискуснаго, Господь охрабрилъ нижегородца Козьму Минина Сухорука, отъ него же перваго началось и собраніе этого ополченія на спасеніе и очищеніе государства. При этомъ лѣтописецъ, какъ бы съ радостью, восклицаетъ: «Да не похвалятся сильные своею силою и не говорятъ, что такъ это мы совершили! Не въ крѣпкой силѣ пребы-

ваетъ Господь, но въ творящихъ Его волю». Козьма задумалъ самъ ударить на враговъ, пришелъ къ кн. Пожарскому и сталъ просить людей. «Бери, кого хочешь!» отвѣтилъ князь. Козьма взялъ роту Хмѣлевскаго да дворянъ три сотни. На томъ берегу, у Крымскаго двора (церковь Іоанна Воина) стояли двѣ гетманскія роты, конная и пѣшая. Козьма, переправясь за рѣку, съ великою прыткостью ударилъ впрямь на эти роты. Онѣ, не дождавшись еще дѣла, дрогнули и побѣжали, конные, потоптали пѣшихъ. Козьма еще прытче погналъ за ними. Тогда засѣвшіе въ ямахъ и крапивахъ наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Козьма съ великимъ стремленіемъ гонитъ поляковъ, всѣ, въ одинъ часъ, отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ скрывались, повскакали, какъ одинъ человѣкъ, и рынулись тискомъ на гетманскіе таборы. Слѣдомъ за ними напустили конные полки. Гетманъ не выдержалъ этого натиска, дрогнулъ, и побѣжалъ со всѣмъ войскомъ, оставивъ храбрымъ въ добычу свои таборы со всѣми запасами, къ которымъ, конечно, бросились первые казаки, запасы отнимали, а таборы разграбили дочиста. Въ такихъ дѣлахъ казаки были первые мастера. Всѣ ратные такъ охрабрились, что порывались идти слѣдомъ за врагами, гнать гетмана дальше. Но воеводы остановили храбрыхъ. Довольно нынче одной радости, сказали они, чтобъ послѣ скорбь не приключилась! Это вѣдь Божіею помощью прогнаны наши враги! Однако, расположивъ казаковъ и стрѣльцовъ по городскому рву, они велѣли всю ночь держать неумолкаемую стрѣльбу изъ ружей. Такая была стрѣльба, что не было слышно, кто что говоритъ, а огонь и дымъ стояли какъ отъ великаго пожара. Гетманъ, отодвинувшись къ Донскому монастырю, всю ночь стоялъ на коняхъ, ожидая новаго нападенія, и на разсвѣтѣ побѣжалъ совсѣмъ отъ Москвы.

Казалось, въ виду такого славнаго и радостнаго дѣла, должна была смолкнуть всякая злоба, всякій раздоръ. Но корень смуты не исчезалъ. Онъ, какъ огонекъ, тлѣлся подъ пепломъ общаго разгрома и тотчасъ загорался болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ, какъ скоро находилъ себѣ средство и случай выказаться. Этотъ корень заключался въ самовластныхъ боярскихъ притязаніяхъ, во всякихъ притязаніяхъ великородства и владычества, какими была исполнена боярская среда снизу и до верху. И вотъ, какъ только пріобрѣтенъ былъ успѣхъ надъ врагами, и стало всѣмъ легче и свободнѣе, боярство заговорило о своихъ правахъ. Начальники между собою стали не въ совѣтѣ. Тушинскій бояринъ Трубецкой сталъ величаться своимъ боярствомъ и потребовалъ отъ нижегородской рати, отъ Пожарскаго и Минина и ото всѣхъ, чтобъ пріѣзжали къ нему на совѣтъ, какъ къ честнѣйшему, въ его таборы. Но къ нему никто не ѣхалъ, не для того, чтобъ не хотѣли ему честь воздавать, а боялись отъ казаковъ убійства. Была всѣмъ очень памятна смерть Ляпунова, къ которому на защиту не вышелъ Трубецкой, не заступился за него. Всею ратью порѣшили устроить совѣтные съѣзды на Трубѣ, почти на срединѣ между таборами и нижегородскимъ станомъ. Здѣсь воеводы съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою установили одно правительство: перенесли сюда разрядъ и другіе приказы и всякія дѣла стали дѣлать заодно, о чемъ и написали въ города грамоты, присовокупивъ, что если которыя грамоты будутъ приходить къ нимъ отъ кого либо одного изъ воеводъ, то тѣмъ грамотамъ не вѣрить, и свои грамоты писать тоже на имя обоихъ воеводъ. О томъ же соединеніи правящей власти были по-

сланы грамоты и особо, отъ всей рати, для увѣренія. Это происходило въ началѣ октября или даже въ началѣ сентября. Для нижегородцевъ и для друзей отечества это было тоже своего рода немалое завоеваніе и побѣда надъ врагомъ, ибо всякое соединеніе въ одну мысль объ истинномъ добрѣ и благѣ отечества была исключительно задачею нижегородскаго ополченія. Но прежде, чѣмъ такъ устроилось, боярская и боярствующая среда употребила свои завѣтныя попытки разстроить всякій союзъ въ подмосковной рати и поворотить дѣло на прежній путь. Видимо, что приверженцы поляковъ и Владислава не теряли надежды на поворотъ дѣла въ его сторону до послѣдней минуты. Видимо, что нижегородцы были для нихъ великою помѣхою, и они всѣ силы употребляли, чтобы разсѣять это ополченіе, въ которомъ преобладалъ исключительно духъ земства, посадскій, мужичій духъ, стоявшій крѣпко и прямо на правдѣ, раскрывавшій безъ ужимокъ всякую ложь и неправду, сводившій очень правильно земскіе счеты, кто что забралъ и чѣмъ завладѣлъ незаконно.

Съ большимъ сочувствіемъ къ Пожарскому лѣтописцы описываютъ его поведеніе при сдачѣ поляками Кремля. Эти сказанія дороги, какъ свидѣтельства, что и людямъ XVII в. вовсе не чужды были симпатіи къ поступкамъ человѣчнымъ, вполнѣ гуманнымъ.

Кремлевскіе сидѣльцы въ осадѣ испытывали въ это время страшный, неизобразимый голодъ. Поляки, чтобы освободить себя отъ безполезныхъ ртовъ, стали мало по малу выпроваживать голодныхъ вонъ изъ Кремля. Такимъ образомъ дошла очередь до боярскихъ женъ и дѣтей. Великородные бояре, продававшіе постоянно отечество, очень опечалились, боясь безчестья и всякаго насилія своимъ женамъ со стороны осаждавшаго ихъ войска. Къ кому было обратиться, ктобъ ихъ защитилъ отъ позора, сохранилъ, взялъ на свои руки? Бояре послали просить объ этомъ прямо къ Пожарскому и къ Козьмѣ. Здѣсь они надѣялись найти добрыхъ людей. Пожарскій не только обѣщалъ исполнить ихъ просьбу, но, во время выхода боярынь изъ Кремля, самъ выѣхалъ къ нимъ, встрѣтилъ и принялъ *честью*, съ почетомъ, проводилъ каждую въ безопасное мѣсто къ ихъ знакомымъ и велѣлъ обезпечить ихъ содержаніе. Казаки за это хотѣли убить нижегородскаго воеводу: они собирались грабить боярынь-измѣнницъ.

Скоро сдались и поляки. Въ переговорахъ о сдачѣ они просили за себя и за бояръ-измѣнниковъ не погубить ихъ и ставили условіемъ, чтобъ приняли ихъ въ полки Пожарскаго, а къ Трубецкому отнюдь не хотѣли идти, боясь казаковъ. Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ Пожарскій явился защитникомъ несчастныхъ и беззащитныхъ. Принять бояръ онъ пришелъ съ своимъ полкомъ. Это было на Каменномъ мосту, у Троицкихъ воротъ Кремля. Какъ только завидѣли выходящихъ бояръ казаки поднялись тоже всѣмъ полкомъ, вооружились, распустили знамена и хотѣли постоять за ожидаемую добычу. Едва-едва прошло безъ кровавой ссоры, и дѣло, вѣроятно, уладилось какими-либо обѣщаніями. Казаки отошли въ свои таборы, и Пожарскій принялъ бояръ съ великимъ почетомъ. Изъ поляковъ полкъ Струся взялъ Трубецкой. Казаки весь полкъ побили, такъ что не многіе остались. Другой полкъ, Будиловъ, взялъ кн. Пожарскій и разослалъ его по городамъ: ни единаго не убили и не ограбили.

23 октября 1612 г. Кремль и вся Москва были очищены, по крайней мѣрѣ отъ явныхъ враговъ. Трубецкой по своему великородству сталъ въ Кремлѣ на царя-борисовскомъ дворѣ. Пожарскій не коснулся царскихъ палатъ и сталъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ, поближе къ своимъ нижегородцамъ. Казаки однако готовили эпилогъ своего *стоянья* подъ Москвою. Они безпрестанно стали просить у воеводъ жалованья, а того не помня (замѣчаетъ лѣтопись), что всю казну во многихъ городахъ выграбили; теперь же едва и послѣдней казны у начальниковъ силою не отняли. Они пришли однажды въ Кремль толпою съ прямымъ намѣреніемъ побить начальниковъ и захватить казну. Но собрались дворяне и не дали совершить убійства: много вражды было, едва безъ крови прошло.

LVIII. ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И ВСТУПЛЕНІЕ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ» и изъ статьи Полеваго: «Вступленіе на престолъ Михаила Ѳедоровича», помѣщ. въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1834 г.).

Освободивъ Москву отъ враговъ, вожди ополченія народнаго послали во всѣ города Россіи съ извѣщеніемъ о семъ радостномъ событіи. Они вмѣстѣ съ другими сановниками и духовенствомъ, бывъ убѣждены опытомъ, что народъ русскій можетъ быть счастливымъ только подъ скипетромъ государя самодержавнаго и православнаго, созвали изъ многихъ городовъ значительнѣйшихъ лицъ. Изъ нихъ составился земскій совѣтъ для избранія царя. Важность предмета приводила ихъ въ недоумѣніе. Всѣ имѣли одну цѣль: желали царя крови русской, способнаго къ соглашенію разномыслящихъ партій, и въ то же время твердаго для защиты отечества отъ притязаній чужестранныхъ державъ; но кого избрать? Земскій совѣтъ истощился въ преніяхъ; долго не могли они рѣшиться. Наконецъ, по общему согласію, 21 февраля 1613 г., избрали того, кого Гермогенъ (тогда уже не существовавшій) при жизни своей хотѣлъ благословить на царство—шестнадцатилѣтняго отрока Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева, непричастнаго ни къ какой партіи, чистаго совѣстью, знатнаго родомъ. Въ тотъ же день присягнула ему вся Москва, а затѣмъ вся Россія. Земскій совѣтъ послалъ двѣ грамоты: одну къ Михаилу, другую къ родительницѣ его, въ коихъ изъяснено было общее желаніе имѣть царемъ Михаила Ѳеодоровича, съ убѣдительною просьбою о скоромъ прибытіи въ Москву. Посламъ, коимъ поручено было вручить сіи грамоты, велѣно убѣждать Михаила принять корону, а родительницу его согласиться на то и благословить на царство сына. Земскій совѣтъ писалъ и къ Сигизмунду: въ грамотѣ своей къ нему, упомянувъ о всѣхъ сношеніяхъ нашихъ съ Польшей отъ времени Бориса Годунова, укорялъ поляковъ въ пособіи самозванцамъ, въ явномъ нарушеніи договоровъ, просилъ короля и сына его отмѣнить желаніе быть на россійскомъ престолѣ и, возстановляя миръ, размѣняться плѣнниками.

Скоро въ Москву пріѣхали посланные изъ Костромы, зарайскій протоіерей Димитрій и гонецъ Иванъ Усовъ. Радостную вѣсть привезли они въ Москву: Михаилъ принялъ вѣнецъ, поднесенный ему, Русская земля пережила безгосударное время; въ Россіи былъ царь, избранный по думѣ и согласію православныхъ. Онъ не могъ отказаться: народъ уже любилъ его, уже видѣлъ въ немъ избранника Божія, присягалъ ему предъ престоломъ Бога, не дожидаясь его согласія, и кровью доказывалъ вѣрность свою юному государю.

Михаила избрали въ Москвѣ февраля 21. 25-го присягала первопрестольная столица, и посланы были повсюду грамоты о присягѣ ему. Быстро летѣла между тѣмъ молва, предупреждая приказы. Мать и сынъ жили въ костромской своей вотчинѣ, страшась смутъ, тоскуя о томъ, что дѣлается въ Москвѣ, слыша о раздорахъ вельможъ и опасаясь буйныхъ мятежниковъ и литовскихъ наѣздниковъ, всюду бродившихъ отчаянными шайками. Вѣсть объ избраніи Михаила въ цари распространилась въ костромской области, и удалой начальникъ одного изъ бродящихъ польскихъ отрядовъ вздумалъ изумить русскихъ смѣлымъ, неожиданнымъ предпріятіемъ: схватить избраннаго царя, и увезть его въ Польшу, или умертвить, если не успѣетъ захватить въ неволю. Скрытно пробрался онъ въ окрестности помѣстья Романовыхъ. Остановясь въ сосѣдствѣ села Домнина, селеніи Деревницахъ, поляки взяли старика, тамошняго крестьянина, и спрашивали его о дорогѣ къ помѣстью и о томъ, въ этомъ ли помѣстьѣ находится теперь Михаилъ. Сей старикъ былъ Иванъ Сусанинъ. Онъ вызвался самъ провести убійцъ къ помѣстью Романовыхъ и, по глубокимъ снѣгамъ въ тамошнихъ лѣсахъ, завелъ ихъ окольными дорогами въ сторону. Поляки увидѣли наконецъ обманъ, но было поздно. Въ ярости начали они терзать Сусанина. Ни пытки, ни побои, ничто не поколебало великодушнаго старика. Онъ умеръ въ мученіяхъ, и Михаилъ былъ спасенъ: посланные отъ Сусанина предупредили его объ опасности; Мареа поспѣшила укрыться съ юнымъ сыномъ своимъ въ Кострому. Здѣсь съ изумленіемъ узнали они неожиданную вѣсть. Ожидая избранныхъ пословъ изъ Москвы, костромичи просили Мареу и Михаила поселиться въ келіяхъ знаменитаго Ипатьевскаго монастыря.

Марта 13-го прибыло посольство земскаго совѣта и остановилось въ подгороднемъ селѣ Новоселкахъ. Вся Кострома взволновалась; жители спѣшили поклониться принесеннымъ изъ Москвы иконамъ. Послали къ Михаилу спросить, когда позволитъ онъ предстать посламъ земскаго совѣта всего Русскаго государства. Получивъ позволеніе, ночь провели въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ начальствомъ; на другой день, утромъ, открылось трогательное зрѣлище: костромское духовенство, въ сопровожденіи множества народа, подняло чудотворную икону Ѳеодоровскія Богоматери и торжественно пошло изъ собора къ Ипатьевской обители. Съ другой стороны двинулись присланные изъ Москвы, съ чудотворною Владимірскою иконою. Тутъ были архіепископъ Ѳеодоритъ, келарь Авраамій, бояре, воины. Народъ сопровождалъ ихъ. Раздалось священное пѣніе. Мареа и Михаилъ встрѣтили великое шествіе за вратами монастыря и смиренно поверглись передъ иконами и крестами. Ихъ просили послѣ сего идти въ почетномъ мѣстѣ въ главную Троицкую церковь обители Ипатьевской. Мареа не хотѣла. „Знаю, говорила она, знаю,

что вы пришли звать сына моего въ цари, но онъ не захочетъ, и я не благословлю его!» Едва могли упросить благочестивую инокиню не противиться и идти къ моленію во храмъ, предоставляя будущее волѣ Бога. Она и сынъ ея шли, заливаясь слезами. Въ церкви отслужили молебенъ, и тогда архіепископъ Ѳеодоритъ преклонился передъ Михаиломъ и проговорилъ: «Московскаго государства митрополитъ Кириллъ ростовскій и ярославскій архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ благословляютъ тебя, великаго государя-царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ».

Бояринъ Шереметевъ слѣдовалъ за нимъ, и сказалъ: «Великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея России! Твои, государь, бояре, окольничіе, чашники, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и приказные люди, дворяне изъ городовъ, жильцы, головы стрѣлецкіе сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые люди, гости, торговые люди Московскаго государства и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди, велѣли тебѣ, государь, челомъ ударить и о твоемъ государевомъ многолѣтнемъ здравіи спросить».

Громогласно началъ Ѳеодоритъ читать посланіе земскаго совѣта. Упомянувъ о пресѣченіи на престолѣ московскомъ царскаго корня, о злодѣйствахъ измѣнниковъ и насиліи поляковъ, хотѣвшихъ „попрать вѣру греческаго закона, и учинить въ Россіи проклятую латинскую вѣру, онъ говорилъ, что наконецъ Москва очищена, церкви Божіи облеклись въ прежнюю лѣпоту, попрежнему славится въ нихъ имя Божіе; но о Московскомъ государствѣ пещись и Божьими людьми промышлять некому: государя у насъ нѣтъ». Земскій совѣтъ извѣщалъ объ избраніи Михаила въ Успенскомъ соборѣ, объ единодушной всѣхъ клятвѣ служить ему, прямить, биться за него до смерти; молили его, да идетъ на царство свое, «и да возвыситъ Богъ десницу его; православная вѣра да будетъ нерушима въ великомъ Россійскомъ государствѣ, возсіявъ во всю вселенную, какъ подъ небомъ пресвѣтлое солнце; а христіане да получатъ тишину, покой и благоденствіе». Бояринъ Шереметевъ подтвердилъ чтеніе словами. Онъ и Ѳеодоритъ обратились къ матери Михаила, проговорили повелѣнныя рѣчи и умоляли: «Моленья и челобитья не презрить, и итти съ сыномъ на царскій престолъ».

Ожидали отказа Марѳы и Михаила, но не столь упорнаго и рѣшительнаго, какой услышали. Вѣримъ искренности отрицанія ихъ: это не были хитрый Годуновъ или честолюбивый Шуйскій. Кроткій юноша и мать его, инокиня, испытанная бѣдствіями, вблизи видѣвшая смерть столькихъ царей и ужасы безначалія, едва только не полгода вышедшая изъ Кремлевскаго гибельнаго заточенія, гдѣ голодъ и сабля врага ставили ее и сына на край могилы, еще за нѣсколько дней едва не потерявшая сына своего, при одномъ слухѣ, что онъ избранъ въ цари,—она и онъ могли трепетать, ужасаться чести, имъ предлагаемой. Мысль, что Михаила окружитъ буйный сонмъ бояръ, что Сигизмундъ будетъ мстить отцу за избраніе сына на царство и состояніе Русской земли, опустошенной, кипящей измѣною и крамолою, все это страшнымъ видѣніемъ предстояло очамъ Марѳы и Михаила. «Сыну моему не быть царемъ; не благословлю его; въ мысли у меня того не было, и въ разумъ мой прійти не могло!» воскликнула инокиня Марѳа. «Не хочу царствовать и могу ль

быть наслѣдникомъ великихъ царей Русскихъ!» говорилъ Михаилъ. Тщетно молили ихъ. «Его ли, юнаго, отдамъ вамъ въ цари?» отвѣчала Мароа. «Люди русскіе! Вспомните прошедшее: по грѣхамъ нашимъ, всѣ вы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда судомъ Божіимъ не стало царя Бориса, не вы-ли клялись быть вѣрными сыну его и передались вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы-ли клялись царю Василію и поѣхали къ Тушинскому вору, предали вашего царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ государямъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганія, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, крестопреступленіе? И что же такое ваше Русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками; народъ страждетъ, обѣднѣлъ. Чѣмъ будетъ царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обиходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцемъ его, въ неволѣ польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? И могу-ли приступить къ тому безъ благословенія отца его?».

«Благослови только, великая инокиня!» возражалъ Өеодоритъ. «Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи и наказаніе Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ: мы, всею Русскою землею, его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ; но вспомни, что Борисъ извелъ царскій корень, убилъ Димитрія царевича, и разстрига былъ мститель ему за преступленія его. Когда судомъ Божіимъ погибъ разстрига, царя Василія выбрали немногіе люди; другіе не хотѣли ему служить; сдѣлалась рознь, явилось междоусобство, и возникъ злодѣй тушинскій, обольщая народъ на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастія, сохраненіемъ православія. Мы били челомъ Василію, да оставитъ онъ царство свое, для блага Русской земли, и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша-ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники Михайло Салтыковъ и Өедька Андроновъ предали царя злодѣю Жолкѣвскому. И если было притомъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стоять за церковь Божію; всею землею избрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судебъ Божіихъ, хоть и погибли Годуновы и Шуйскій: судьбами царей воля Божія дѣйствуетъ; ей-ли воспротивиться? Не страшись и за государя нашего митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ».

Но, тщетны были сіи слова. Напрасно Өеодоритъ многорѣчиво приводилъ примѣры изъ исторіи, говорилъ о Константинѣ и Өеодосіи, Давидѣ, Маркіонѣ и Іосифѣ; напрасно восклицалъ: «Гласъ народа, гласъ Божій; кого предъизберетъ Богъ, того и возлюбитъ; кого наречетъ, того и оправдаетъ; кого оправдаетъ, того и прославитъ. Назначенному во чревѣ матери честь приложится, и изъ младенчества онъ на то предустроенъ будетъ». Мароа и Михаилъ плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Өеодоритъ взялъ образъ Владимірскія Богоматери, Авраамій подалъ образъ московскихъ Чудотворцевъ; оба понесли святыя иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михаилъ. «Что дѣлаете!» воскликнулъ благочестивый юноша; «Зачѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ, и дѣло выше силъ моихъ мнѣ!».—«Если вѣришь имъ, го-

ворилъ владыка, указывая на образа, вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать, и спасутъ отца твоего! Что человѣкъ, и что имъ дѣлается? Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!» Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ поверглись передъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей, и соединили клики свои съ рыданіемъ старцевъ и младенцевъ.

Уже около шести часовъ продолжалось умилительное зрѣлище. «И такъ, вы не внемлете мольбамъ!» возгласилъ наконецъ Ѳеодоритъ. «Совершилось; да будетъ по вашему; мы идемъ обратно, и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, Русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но передъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе отчизны! И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе; да расточится царство Московское; да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги, да прійдутъ и расхитятъ насъ!».

Голосъ его казался грознымъ голосомъ Божіимъ. Марѳа повергласъ предъ святыми иконами и изрекла согласіе. Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Михаила наперсный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близь приготовленнаго царскаго мѣста и слушалъ литургію; запѣли благодарственный молебенъ и провозгласили многолѣтіе царю Михаилу. Сидя на тронѣ своемъ, юный царь принималъ поздравленія. Звонъ колоколовъ, радостный кликъ народа, оглашали воздухъ, когда онъ появился въ царскомъ великолѣпіи изъ храма и шелъ къ келіи, гдѣ обиталъ, уже облеченный великолѣпными уборами. Три дня продолжался колокольный звонъ, и тогда же духовенство и бояре постановили навсегда праздновать въ Костромѣ иконѣ Ѳеодоровскія Богоматери въ 14 день марта,—день принятія Михаиломъ престола царскаго.

Вѣсти изъ Костромы получены были вечеромъ, наканунѣ дня Благовѣщенія (24 марта). На другой день, съ ранняго утра, Кремль былъ наполненъ народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ читали донесеніе Ѳеодорита, пѣли молебнъ и благословляли новаго царя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Веселье сдѣлалось общее.

Марта 19, сопровождаемый духовенствомъ, присланнымъ отъ земскаго совѣта, и множествомъ съѣхавшихся въ Кострому разнаго званія людей, Михаилъ, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь его до Ярославля казался торжественнымъ шествіемъ; народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его при церквахъ со крестами. Ярославль весь двинулся въ срѣтеніе царя. Путь Михаила изъ Ярославля до Москвы продолжался болѣе двухъ недѣль, царь поклонялся въ Ростовѣ и Переяславлѣ св. мощамъ, посѣщалъ монастыри и прожилъ Святую недѣлю въ Троицкой Лаврѣ. Путь отъ Троицкой обители до Москвы былъ истиннымъ торжествомъ дѣтей, встрѣчающихъ отца своего. Москвичи ѣхали, шли, бѣжали на встрѣчу государю и съ восторгомъ смотрѣли на благолѣпнаго, крот-

каго, юнаго властителя Русской земли. Ряды войскъ, граждане съ хлѣбомъ-солью, предшествовали Михаилу, и толпились на пути. Близъ Москвы все духовенство, всѣ бояре, съ крестами и иконами, вышли привѣтствовать царя. Улицы заперлись народомъ, плачущимъ отъ радости, и громко благословляющимъ царя. Преклонясь предъ святынею Успенскаго собора и поклонясь гробамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Михаилъ вошелъ въ царскіе чертоги: Мароа благословила его и удалилась на житье въ Вознесенскій монастырь.

Царь былъ теперь въ древнихъ кремлевскихъ чертогахъ; его встрѣтилъ радостный народъ; передъ нимъ смиренно ударилъ челомъ сонмъ вельможъ и царедворцевъ, недавно торжествовавшій спасеніе столицы отъ враговъ; уже по слѣдамъ остатка измѣнниковъ, за скопищами Заруцкаго, пошли войска; другіе двинулись противъ враждебныхъ шведовъ; Польша не начинала военныхъ дѣйствій. Такъ казалось все благопріятнымъ, но не таково было въ самомъ дѣлѣ. Гдѣ было царское войско? Гдѣ была казна царская?

И въ такомъ состояніи Россіи, бремя правленія падало на царя, едва не отрока, юнаго, неопытнаго, страшившагося за участь своего родителя, трепетавшаго окружавшихъ его: ибо кто окружалъ его, кто были его совѣтниками?

Совѣтъ царя представлялъ странное смѣшеніе вельможъ и царедворцевъ, переживших пять царей и страшныя времена безначалія. Кромѣ того, что никто изъ всѣхъ царскихъ сановниковъ не отличался достоинствами, многіе-ли изъ нихъ не были еще запятнаны измѣною, вѣроломствомъ, малодушіемъ? Своевольство въ совѣтахъ, ничтожное мѣстничество, гордость другъ передъ другомъ, охлажденіе къ чести государственной были общимъ удѣломъ царедворцевъ Михаила, плодомъ, возращеннымъ событіями минувшаго, но еще не прошедшаго времени.

Царь не смѣлъ употребить строгости, долженъ былъ снисходить своевольству, если знатность и санъ защищали вельможу. Вѣроятно, руководимый матерью, онъ прибавилъ только въ совѣтъ вельможъ знатнѣйшее духовенство. Дѣла стали означаться прежде всего именемъ духовенства, потомъ вельможъ и чиновниковъ.

Вѣрные юному Михаилу совѣтовали поспѣшить великимъ таинствомъ коронованія, освящавшимъ главу избраннаго царя въ глазахъ его подданныхъ. Еще прежде сего торжества, избраніе Михаила ознаменовали составленіемъ соборно утвержденной грамоты: «Да незабвенно будетъ писаніе въ ней въ роды и роды и во вѣки вѣковъ». Предложеніе объ этомъ учинено было въ земскомъ совѣтѣ духовенствомъ, апрѣля 14 дня, когда Михаилъ находился въ Троицкой лаврѣ. Общій кликъ собранія: «Благословенъ Богомъ глаголъ вашъ, святители, пастыри душъ нашихъ! Да будетъ тако, да будете тако!» былъ отвѣтомъ. Цѣлый мѣсяцъ составляли грамоту, сочинили ее со всею роскошью риторики; переписали на девяти большихъ листахъ, читали въ земскомъ совѣтѣ и подписали всѣ, кто былъ въ собраніи. Важное писаніе это начиналось указаніемъ на происхожденіе русскихъ царей отъ Августа цесаря; потомъ содержало въ себѣ краткую исторію русскихъ князей. Съ честью упоминая о Годуновѣ и Шуйскомъ, умалчивали о убіеніи Димитрія; всю вину послѣднихъ бѣдствій и междоусобій слагали на «богоотступника, проклятаго еретика и

чернокнижника Отрепьева», на Сигизмунда клятвопреступника, на Михаила Салтыкова и Өедора Андронова. Подробно излагали наконецъ избраніе Михаила, отрицаніе его и матери отъ престола, согласіе ихъ только изъ страха, да не будутъ онъ и они виновны предъ Богомъ въ конечномъ разореніи отечества. Грамота заключалась страшнымъ проклятіемъ и угрозою казни всякому, кто будетъ противникъ опредѣленія и присяги царю Михаилу.

Земскій совѣтъ былъ уничтоженъ послѣ подписанія утвержденной грамоты: Михаилъ царствовалъ.

Іюля 11, въ тотъ день, когда Михаилу совершилось ровно семнадцать лѣтъ, совершено было его коронованіе.

Народъ ликовалъ, взирая на царя юнаго, видя обновленіе древняго царскаго величія: «Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его на царство въ чревѣ матери!» говорилъ народъ. «Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхованію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи». Пиры, милостыни, колокольный звонъ и веселье продолжались три дня.

LIX. СОСТОЯНІЕ ГОСУДАРСТВА ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ӨЕДОРОВИЧА.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Мало въ исторіи найдется примѣровъ, когда бы новый государь вступилъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ, при какихъ избранъ былъ шестнадцатилѣтній Михаилъ Өедоровичъ. Съ двумя государствами, Польшею и Швеціею, не окончена была война. Оба эти государства владѣли окраинами Московской державы и выставляли двухъ претендентовъ на московскій престолъ, двухъ соперниковъ новоизбранному царю. Третьяго соперника ему провозглашала казацкая вольница въ Астрахани въ особѣ малолѣтняго сына Марины, и Заруцкій во имя его затѣвалъ двинуть турокъ и татаръ на окончательное разореніе Московскаго государства. Внутри государства многіе города были сожжены до тла, и самая Москва находилась въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ казаковъ, грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне еще въ прошломъ году не могли убрать хлѣба и умирали отъ голода. Повсюду господствовала крайняя нищета, въ казнѣ не было денегъ и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ подданныхъ. Одна бѣда вела за собою другія; но величайшая бѣда состояла въ томъ, что московскіе люди, по мѣткому выраженію матери царя, «измалодушествовались». Всякій думалъ только о себѣ, мало было чувства чести и законности. Всѣ лица, которымъ ввѣрялось управленіе и правосудіе, были склонны для своихъ выгодъ грабить и утѣснять подчиненныхъ, не лучше казаковъ, наживаться на счетъ крови бѣднаго народа, вытягивать изъ него послѣдніе соки, зажиливать общественное достояніе въ то время, когда необходимо было для спасенія отечества крайнее самопо-

жертвованіе. Молодаго царя тотчасъ окружили кривые и корыстолюбивые люди, которые старались захватить себѣ какъ можно болѣе земель и присвоивали даже государевы дворцовыя села. Въ особенности родственники его матери, Салтыковы, стали играть тогда первую роль и сдѣлались первыми совѣтниками царя, между тѣмъ какъ лучшіе, наиболѣе честные, дѣятели смутнаго времени оставались въ тѣни заурядъ съ другими. Кн. Пожарскій, за нежеланіе объявлять боярство новопожалованному боярину Борису Салтыкову, выданъ былъ ему головою. Близъ молодого царя не было людей, отличавшихся умомъ и энергіей. Прежняя печальная исторія русскаго общества приносила горькіе плоды. Мучительства Грознаго, коварное правленіе Бориса, наконецъ смуты и полное разстройство всѣхъ государственныхъ связей выработали поколѣніе жалкое, мелкое, поколѣніе тупыхъ и узкихъ людей, которые мало способны были стать выше повседневныхъ интересовъ. При новомъ шестнадцатилѣтнемъ царѣ не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежнихъ временъ. Самъ Михаилъ былъ отъ природы добраго, но, кажется, меланхолическаго нрава, не одаренъ блестящими способностями, но не лишенъ ума; зато не получилъ никакого воспитанія и, какъ говорятъ, вступивши на престолъ, едва умѣлъ читать.

Въ высшей степени знаменательно сужденіе одного голландца о тогдашнемъ состояніи Россіи: «Царь ихъ подобенъ солнцу, котораго часть покрыта облаками, такъ что земля Московская не можетъ получить ни теплоты, ни свѣта... Всѣ приближенные царя—несвѣдущіе юноши; ловкіе и дѣловые приказные—алчные волки, всѣ безъ различія грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя; къ царю нѣтъ доступа безъ больших издержекъ; прошенія нельзя подать въ приказъ безъ огромныхъ денегъ, и тогда еще не извѣстно, чѣмъ кончится дѣло: будетъ ли оно задержано или пущено въ ходъ». Смутное время однако сдѣлало большую перемѣну въ строѣ государственнаго правленія противъ прежнихъ временъ: оно выдвинуло значеніе собора всей земли Русской. Во все свое царствованіе, а въ первыхъ годахъ въ особенности, царь Михаилъ въ важныхъ дѣлахъ собиралъ земскую думу изъ выборныхъ всей земли и вообще во всѣхъ дѣлахъ дѣйствовалъ за-одно съ боярскимъ приговоромъ, какъ и значится въ законодательныхъ актахъ того времени. Это объясняется новостью династіи и тѣмъ, что Михаилъ былъ посаженъ на царство волею собора; при смутныхъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ, для собственной безопасности, опираться на волю земли. Участіе земскихъ соборовъ въ правленіи не могло остановить лихоимства, неправосудія и всякаго рода насилій, дозволяемыхъ себѣ воеводами и вообще начальными людьми, потому что какъ бы ихъ ни смѣщали, кѣмъ бы ихъ ни замѣняли, все-таки неизбѣжно происходили одни и тѣ же явленія, коренившіяся во всеобщей порчѣ нравовъ. Поэтому-то Масса, голландецъ, чужой человѣкъ, наблюдавшій и близко знавшій русскую жизнь, говоря о началѣ царствованія Михаила, выразился такъ: «Надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ; ибо такой царь нуженъ Россіи, иначе она пропадетъ; народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки, и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ». Первою заботою новаго правительства былъ сборъ казны. Это

было естественно, потому что какъ только новый царь вступилъ на престолъ, такъ къ нему обратились всякихъ чиновъ служилые люди, представляли, что они проливали кровь свою за государство, терпѣли всякую нужду и страданія, а между тѣмъ ихъ помѣстья и вотчины запустѣли, разорены; не даютъ никакихъ доходовъ; не достаетъ имъ ни платья, ни вооруженія. Они просили денегъ, хлѣба, соли, суконъ и безъ обиняковъ прибавляли, что если имъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья не будетъ, то они отъ бѣдности станутъ грабить, воровать, разбивать проѣзжихъ по дорогамъ, убивать людей, и не будетъ никакой возможности ихъ унять. Царь и соборъ разослали повсюду грамоты, приказывали собирать скорѣе и точнѣе подати и всякіе доходы, слѣдуемые въ казну, сверхъ того умоляли всѣхъ людей въ городахъ, монастыряхъ, давать въ казну взаймы все, кто что можетъ дать: денегъ, хлѣба, суконъ и всякихъ запасовъ. Приводилось въ худой примѣръ то, что московскіе гости и торговые люди въ прошлые годы пожалѣли дать ратнымъ людямъ денегъ на жалованье и черезъ то потерпѣли страшное разореніе отъ поляковъ. Такія грамоты посылались преимущественно въ сѣверо-восточный край, менѣе другихъ пострадавшій, и въ особенности къ богатымъ Строгоновымъ, оказавшимъ важное пособіе Пожарскому и Минину. То, что поступало въ казну, оказывалось недостаточнымъ. А между тѣмъ нужно было много чрезвычайныхъ усилій для поддержанія порядка и огражденія государства, котораго части съ трудомъ подчинялись единству власти. Понадобилось нѣсколько лѣтъ, чтобы расправиться съ Заруцкимъ и съ буйными казацкими шайками, бродившими по Россіи. Въ 1614 году правительство снова просило денегъ и должно было бороться со всякаго рода сопротивленіемъ. Дворяне и дѣти боярскіе бѣгали со службы; ихъ принуждены были ловить и въ наказаніе отбирать треть имущества на государя. Иные пристали къ казакамъ. Посадскіе люди не платили положенныхъ на нихъ податей по 175 руб. съ сохи и другихъ поборовъ, тѣмъ болѣе, что сборщики и воеводы наблюдали при этомъ свои противозаконныя выгоды. Но въ то время, когда тяглыхъ, посадскихъ и волостныхъ людей доводили до ожесточенія сборами и правежами, монастыри одинъ за другимъ выпрашивали для себя и своихъ имѣній льготы, жаловались на разореніе и дѣйствовали въ этомъ случаѣ черезъ посредство богомольной матери государя, которая тогда записывала имъ и вотчины.

Такъ 1614—15 годы проходили въ усиленной борьбѣ съ внутреннимъ неустройствомъ. На юго-востокѣ въ іюнѣ 1614 г. порѣшили съ Заруцкимъ. Но множество другихъ казацкихъ шаекъ продолжало разорять государство почти во всѣхъ его предѣлахъ подъ начальствомъ полковника Яська Баловня. Между тѣмъ въ Сѣверской странѣ началъ свирѣпствовать Лисовскій съ нѣсколькими тысячами разнаго сброда, носившими общее названіе лисовчиковъ. Русская земля, пострадавшая и обѣднѣвшая въ смутное время, потерпѣла новое разореніе отъ разбойниковъ Лисовскаго, а между тѣмъ угрожающее положеніе со стороны Швеціи и Польши требовало увеличенія ратныхъ силъ и, вслѣдствіе этого, умноженія денежныхъ средствъ. Сдѣланы были распоряженія о новыхъ поборахъ. Строгоновы обѣщали давать деньги въ казну, и съ ихъ приказщиковъ велѣно было взять 13,810 рублей. Положено было брать во всѣхъ городахъ со двора по гривнѣ, а съ уѣздовъ всѣхъ волостей—съ

сохи по 120 рублей; но когда дѣло дошло до сбора, то въ разныхъ мѣстахъ опять началось сопротивленіе. Воеводы должны были употреблять на ослушниковъ ратныхъ людей, но въ то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, пріѣзжавшіе для царскихъ дѣлъ, брали прежде всего съ народа на себя то, чего имъ не слѣдовало брать, отягощали жителей кормами (сборомъ продовольствія) въ свою пользу, а потомъ уже правили съ низшихъ посадскихъ и крестьянъ государственныя подати. Многихъ забивали и замучивали до смерти на правежахъ и доносили въ Москву, что нечего взять. Посадскіе изъ городовъ посылали челобитчиковъ жаловаться на утѣсненія въ Москву, но это стоило также лишнихъ денегъ. Въ Москвѣ, въ приказахъ, съ челобитчиковъ брали взятки; да и сами челобитчики, пріѣзжавшіе въ столицу отъ своихъ обществъ, присваивали себѣ порученныя имъ мірскія деньги. Тогда правительство думало усилить свои доходы продажею напитковъ, приказывало вездѣ строить кабаки, курить вино, запрещало служилымъ и посадскимъ держать напитки для продажи; и это средство не могло принести много пользы: для того чтобы пить, нуженъ былъ достатокъ; тѣ же, которые пропивали послѣднюю деньгу, могли доставить только ничтожный доходъ казнѣ и за то менѣе были въ состояніи платить прямые налоги. Эти сборы были недостаточны, а служилымъ надобно было платить; и дѣти боярскіе, вытребованные на службу, роптали, что не получаютъ жалованья, и разбѣгались. Въ это время правительство старалось умножить и усилить въ войскѣ отдѣлъ стрѣльцовъ, какъ болѣе организованное войско; на нихъ тогда полагались всѣ надежды, и потому по городамъ приказано было набирать въ стрѣльцы охочихъ вольныхъ людей, умѣющихъ стрѣлять.

Правительство, не въ силахъ будучи сладить съ поборами, созвало въ 1616 г. земскій соборъ. Приказано было выбрать лучшихъ уѣздныхъ посадскихъ и волостныхъ людей для «великаго государева земскаго дѣла на совѣтъ». Этотъ соборъ постановилъ всемірный приговоръ: собрать со всѣхъ торговыхъ людей пятую деньгу съ имущества, непремѣнно деньгами, а не товарами, а съ уѣздовъ по 120 рублей съ сохи. Со Строгоновыхъ, по разсчету, приходилось взять 16,000 рублей, но, кромѣ того, соборъ наложилъ на нихъ еще 40,000. «Не пожалѣйте своихъ животовъ, писалъ къ Строгоновымъ царь, хоть и себя приведете въ скудость. Разсудите сами: если отъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ конечное разореніе Россійскому государству, нашей истинной вѣрѣ, то въ тѣ поры и у васъ, и у всѣхъ православныхъ христіанъ, животовъ и домовъ совсѣмъ не будетъ».

LX. ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЕЙ И СТОЛБОВСКІЙ ДОГОВОРЪ.

(*Изъ соч. Лыжина: «Столбовскій договоръ и переговоры ему предшествовавшіе».*)

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Михаила Θеодоровича, русское правительство отправило пословъ къ императору, въ Голландію, Данію, Францію и Англію. Посредствомъ этихъ посольствъ царь возвѣщалъ иностраннымъ государямъ о своемъ восшествіи на престолъ и просилъ о денежномъ пособіи для веденія войны съ Швеціею или о со-

дѣйствіи заключенію мира. Шведы съ своей стороны желали мира. Карлъ IX оказалъ Россіи помощь съ цѣлью предупредить намѣреніе Польши относительно Швеціи и никогда не помышлялъ слить воедино свое государство съ Россіею. Мысль эта родилась въ головѣ честолюбиваго Делагарди. Но она не была основана на вѣрныхъ взглядахъ на тогдашнее положеніе Швеціи и настроеніе русскихъ. Густавъ-Адольфъ мыслилъ вѣрнѣе. Онъ понималъ, что рѣзкое различіе въ вѣрѣ, понятіяхъ и нравахъ служило непреодолимымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе мысли Делагарди. «Русскимъ врождена ненависть къ иностранцамъ и грубое высокомѣріе, а потому на нихъ не надо полагаться; они съ нами не соединятся», думалъ Густавъ-Адольфъ. Замѣчательно, что онъ, не смотря на молодость, обнаружилъ столько дальновидности и, не утрачивая своего достоинства, умѣлъ обойти осторожно препятствія.—Война, которую вели въ то время шведы съ Даніею, отвлекала вниманіе Густава-Адольфа отъ Россіи. По окончаніи датской войны, онъ сначала, уступивъ просьбамъ матери, отпустилъ брата въ Россію; но не могъ и не хотѣлъ жертвовать выгодами своего государства для того, чтобы доставить брату вѣнецъ царскій. И потому, позволивъ Карлу-Филиппу отправиться въ Россію, онъ сдѣлалъ первымъ условіемъ вознагражденіе Швеціи за пособіе, оказанное ею Россіи въ войнѣ съ поляками.

Густавъ-Адольфъ уже тогда требовалъ уступки земель, которыя пріобрѣлъ Столбовскимъ договоромъ. Но въ то самое время, когда Карлъ-Филиппъ на пути въ Россію остановился въ Выборгѣ, король шведскій получилъ черезъ Горна письмо отъ Делагарди, извѣщавшее о выборѣ русскаго царя и воспослѣдовавшемъ затѣмъ народномъ движеніи въ завоеванныхъ шведами русскихъ областяхъ. Въ этихъ извѣстіяхъ Густавъ-Адольфъ видѣлъ подтвержденіе своихъ предположеній. Желая воспользоваться представлявшимися выгодами и не рѣшаясь для неудободостижимыхъ цѣлей подвергаться случайностямъ войны, онъ далъ Горну и Делагарди предписаніе, во что бы то ни стало, заключить миръ съ Россіею, тутъ же уполномочивъ ихъ отступиться отъ правъ Карла-Филиппа на русскій престолъ. Желая придать болѣе законный видъ дѣйствіямъ своимъ при переговорахъ, которые Густавъ-Адольфъ имѣлъ въ виду, онъ объявилъ новгородцамъ, что Карлъ-Филиппъ уступилъ ему право на россійскій престолъ, и требовалъ отъ нихъ присяги. Въ то же время онъ приказалъ Делагарди, постоянно договаривавшемуся съ жителями Новгорода и даже обѣщавшему не касаться ихъ религіи, черезъ посредство новгородскихъ бояръ, склонить царя къ миру. Безпрестанные набѣги казаковъ на Лифляндію, Сумерскую землю и присутствіе Трубецкаго съ царскимъ войскомъ требовало постоянной дѣятельности со стороны шведскаго полководца; Делагарди съ трудомъ держался въ Новгородѣ. Все это заставляло шведовъ желать мира. Послѣ долгаго ожиданія отвѣтъ прибылъ. Въ немъ царь объявлялъ, что не войдетъ въ переговоры до тѣхъ поръ, пока шведы не выйдутъ изъ занятыхъ ими русскихъ земель. Избѣгая войны, Густавъ-Адольфъ уже прежде самъ написалъ письмо царю; но, по совѣту Делагарди, не отослалъ его и поспѣшилъ прибытіемъ въ Нарву. Въ Нарвѣ Густавъ-Адольфъ получилъ письмо отъ государственнаго совѣта, представлявшаго ему, что необходимо склонить иностранныя государства содѣйствовать заключенію мира. Густавъ-Адольфъ отвѣчалъ, что уже писалъ объ этомъ въ Голландію и

Англію и обѣщалъ возобновить свою просьбу черезъ ландграфа Морица Гессенскаго. Послѣдовавшія затѣмъ военныя дѣйствія шведовъ сопровождались успѣхомъ; не ограничиваясь обороною, шведы и сами дѣлали нападенія, проникая далеко на сѣверъ, къ самой Колѣ. Тамъ война приняла чисто народный характеръ. Жители шведской Финляндіи на сѣверѣ воевали съ русскими и наконецъ заключили между собою мѣстный миръ. Воюя съ московскимъ царемъ, король шведскій старался пріобрѣсти любовь новгородцевъ. Въ этомъ случаѣ онъ по-прежнему обратилъ свое вниманіе на бояръ и купцовъ. Первыхъ онъ привлекалъ къ себѣ милостями, вторыхъ мѣрами для предохраненія ихъ торговли. Но, не полагаясь на минутный успѣхъ своего оружія, Густавъ-Адольфъ отправился въ Швецію, чтобы оттуда содѣйствовать начатію переговоровъ. Онъ оставилъ въ Россіи Горна. Кромѣ того, по его порученію, Делагарди написалъ въ Россію письмо слѣдующаго содержанія: такъ какъ до короля шведскаго дошли слухи, что на русскій престолъ избранъ царь, но не было оффиціальнаго о томъ объявленія, при томъ царь не послалъ къ королю посла, какъ заведено между коронованными лицами, то онъ, Делагарди, получилъ отъ короля своего приказаніе написать царю письмо и узнать мнѣніе послѣдняго. Делагарди писалъ далѣе, что хотя король вполнѣ можетъ надѣяться на успѣхъ, продолжая войну, онъ снова обращается къ царю съ цѣлью доказать римскому императору, королю датскому, Голландіи и королю англійскому, къ которымъ обратились русскіе съ просьбою о посредничествѣ, что шведы всегда готовы приступить къ переговорамъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ просилъ назначить мѣсто и время начатія переговоровъ.

Возвратясь въ Стокгольмъ, Густавъ-Адольфъ не щадилъ труда, чтобы при выборѣ посредниковъ охранить интересы Швеціи. Одна изъ особенностей Столбовскаго договора, придающая ему вящее значеніе, заключается въ участіи, которое вся Европа начала принимать съ того времени въ международныхъ отношеніяхъ Россіи и Швеціи. Религіозные и политическіе виды, сопрягаемые католиками съ войною, происходившею между русскими и шведами, съ самаго начала приковали къ ней вниманіе не только правительствъ, но и многихъ частныхъ лицъ въ Европѣ. Казалось, въ то время, когда вся Европа готовилась къ войнѣ за релегію, протестантскія государства, къ которымъ обратились Россія и Швеція съ просьбою о посредничествѣ, объявятъ себя въ пользу послѣдней. Но въ этомъ случаѣ государственные интересы взяли верхъ надъ религіозными, и нѣтъ сомнѣнія, что большая часть протестантской Европы была за Россію. Положеніе, которое надлежало принять этому государству, было тѣсно соединено съ выгодами нѣкоторыхъ сѣверныхъ державъ, и въ то самое время, когда Данія, Швеція, Голландія, Англія и часть Германіи готовились къ войнѣ съ Австріей, между ними зарождался раздоръ по поводу Россіи. Англія стремилась удержать за собою первенство между протестантскими государствами и сопрягала съ Россіею торговые интересы. Данія издавна видѣла въ Швеціи опаснѣйшую соперницу свою на Балтійскомъ морѣ; сама Германія съ недовѣрчивостію смотрѣла на завоеванія, дѣлаемыя Швеціею въ Россіи. Одна Голландія желала возвышенія Швеціи съ цѣлью ослабить ганзейскіе города и Данію. Но и она оказывала дружеское расположеніе къ Россіи, имѣя въ виду торговыя выгоды. Вѣрно судя о внѣшнихъ отношеніяхъ своего

государства, Густавъ-Адольфъ посылалъ въ Данію посольства, чтобы устранить датскаго короля отъ принятія участія въ переговорахъ, призналъ англійскаго короля посредникомъ, тщательно скрывая свою недовѣрчивость, просилъ Голландію участвовать въ переговорахъ и привлекалъ ее на свою сторону. Кромѣ того, чтобы не утратить своего вліянія на Германію и заслужить любовь нѣмецкихъ протестантовъ, Густавъ-Адольфъ, съ помощью памфлетовъ, старался убѣдить ихъ, что воюя съ Россіею, онъ намѣренъ распространить въ ней протестантизмъ. Русскіе знали объ отношеніяхъ Швеціи къ сосѣдямъ. Канцлеръ шведскій Оксенштирнъ въ письмѣ къ своему другу Горну прекрасно изобразилъ это расположеніе сосѣдей къ Швеціи, которую окружали одни враги, и высказывалъ положительно, что она не можетъ вести войны въ одно и тоже время съ Польшей и Россіей, совѣтуя искать мира съ послѣдней.

Уже до отъѣзда въ Россію, король шведскій получилъ отъ короля англійскаго два письма съ предложеніемъ посредничества. Густавъ-Адольфъ безотлагательно отвѣчалъ Якову, обвиняя русскихъ, что, воспользовавшись защитою шведовъ, они не соглашаются на неоднократно предлагаемые имъ переговоры и грозятъ выгнать шведовъ силою изъ Новгородской области. Согласившись на посредничество, англійское правительство не принимало открыто сторону котораго-либо государства: содѣйствовать развитію своей торговли въ Россіи,—вотъ къ чему по-прежнему стремились англичане. Обдуманность, съ которою они преслѣдовали эту цѣль, обнаружилась при самомъ назначеніи Мерика посреднкиомъ въ переговорахъ. Мерикъ уже молодымъ человѣкомъ жилъ въ Россіи, занимаясь торговлею. Въ 1584 г. онъ былъ назначенъ агентомъ въ Ярославль, въ 1592 г. тѣмъ же въ Москву. Тутъ онъ охранялъ интересы королевы англійской, доведя до ея свѣдѣнія о проискахъ австрійцевъ и папы, которые обвиняли королеву въ содѣйствіи султану, врагу христіанства, а въ 1598 г. извѣстилъ королеву о вступленіи на русскій престолъ Бориса Годунова, милостиваго къ англичанамъ. Заслуживъ довѣренность Годунова, онъ въ свою очередь умѣлъ войти въ милость самозванца и потомъ Шуйскаго. Даже отлучаясь изъ Россіи, Мерикъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ ней.

Долговременное пребываніе Мерика въ Россіи служило лучшею гарантіею того вліянія, которое было необходимо, чтобы склонить русскихъ къ неизбѣжнымъ уступкамъ. Въ свою очередь и относительно шведовъ Мерикъ могъ дѣйствовать съ большимъ авторитетомъ, опираясь на знаніе русскихъ; и дѣйствительно, къ этому средству онъ прибѣгалъ часто, какъ свидѣтельствуютъ письма его. Не заслуживъ въ послѣдующихъ переговорахъ любви шведовъ, Мерикъ успѣлъ однако же заставить ихъ угождать ему; такъ что въ глаза шведы его честили, хотя и называли заочно «мужикомъ» и выражали русскимъ удивленіе, что послѣдніе «его пишутъ княземъ». Но, не смотря на происки (шведы увѣряли, что Мерикъ не прямитъ государю), они не успѣли потрясти въ русскихъ довѣріе къ нему, потому что онъ дѣйствовалъ весьма осмотрительно. 27 декабря 1614 г. Мерикъ обѣдалъ у царя, въ январѣ же онъ былъ въ отвѣтѣ у бояръ, а уже въ мартѣ отправился къ мѣсту переговоровъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1615 г. въ Новгородъ прибылъ Мерикъ, и переговоры приняли скорѣйшій ходъ. Горнъ предложилъ ему начать переговоры. Короля ожидали въ Нарву 1 іюля. Мерикъ объ-

явилъ, что напишетъ въ Москву о назначеніи переговорщиковъ съ русской стороны. Въ ожиданіи ихъ, онъ хотѣлъ отправиться къ самому Густаву-Адольфу; въ то же время онъ сообщилъ Горну, что, по словамъ русскихъ, шведы получили возмездіе за пособіе, оказанное Шуйскому. Кромѣ того, русскіе жаловались Мерику, что шведы отказываются признать за царемъ надлежащій титулъ. Въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ Горнъ извѣщалъ о совѣщаніи съ Мерикомъ, Густавъ-Адольфъ предписалъ первому ускорить ходъ переговоровъ. Горнъ далъ Мерику на разсмотрѣніе подлинныя письма русскихъ и объявилъ, что, не условившись предварительно, Густавъ-Адольфъ не можетъ признать за Михаиломъ Θеодоровичемъ титула царя, потому что самъ имѣетъ право на русскій престолъ. По прочтеніи писемъ, Мерикъ призналъ извѣстія ложными, но не вступилъ съ шведскимъ переговорщикомъ въ дальнѣйшія объясненія. Вслѣдъ затѣмъ, увѣривъ Горна въ миролюбивыхъ расположеніяхъ русскихъ, Мерикъ предложилъ заключить перемиріе. Онъ отказалъ послать въ Москву врученный ему шведами пропускной видъ, потому что въ этомъ видѣ былъ выпущенъ титулъ царя и Голландія признавалась посредницей на равнѣ съ Англіей. Тутъ же Мерикъ спросилъ, намѣрены ли шведы продолжать осаду Пскова и будутъ ли впредь принимать въ свою службу поляковъ. Горнъ сказалъ ему, что не уполномоченъ отвѣчать на эти вопросы до тѣхъ поръ, пока не соберутся прочіе переговорщики. Въ видѣ тайны онъ открылъ Мерику, что король намѣренъ осаждать Псковъ, что 3000 поляковъ изъявили желаніе служить шведамъ до истеченія срока перемирія, что Голландія и Данія упоминаются, какъ державы, совѣтовавшія королю заключить миръ, а посредникомъ признанъ одинъ король англійскій, и наконецъ, что шведы согласятся замѣнить пропускной видъ, переданный Мерику, другимъ, въ который будетъ вписанъ требуемый титулъ, но съ оговоркою о правѣ шведскаго короля на русскій престолъ. Мерикъ и удовольствовался этимъ отвѣтомъ и при слѣдующемъ свиданіи просилъ Горна убѣдить Густава-Адольфа снять осаду Пскова и не упоминать въ пропускномъ видѣ о Голландіи.

Незадолго предъ тѣмъ шведы хотѣли потребовать отъ новгородцевъ принесенія присяги; но Мерикъ отсовѣтовалъ привести въ исполненіе это рѣшеніе, представивъ, что подобное требованіе можетъ ожесточить русскихъ.

Уже съ первыхъ встрѣчъ шведы стали не довѣрять Мерику. Вскорѣ до нихъ дошли слухи о воинственномъ настроеніи умовъ въ Москвѣ. Московскіе бояре грозили опустошить Швецію, какъ опустошили Польшу, и предоставить покончить споръ съ Делагарди Дмитрію Трубецкому. Не довѣряя русскимъ, Густавъ-Адольфъ рѣшился принять мѣры для усиленія военныхъ дѣйствій. Но, прибывъ въ Нарву, онъ былъ встрѣченъ Мерикомъ, увѣрившимъ его, что съ помощью переговоровъ шведы пріобрѣтутъ болѣе. Сентября 12 Мерикъ письмомъ извѣстилъ русскихъ пословъ, что «сколько онъ у шведовъ ни былъ, онъ у нихъ правды не видалъ.» Такъ, король Густавъ-Адольфъ письмомъ изъ Риги въ Новгородъ отъ 2 авг. «послалъ мнѣ грамоту, продолжалъ Мерикъ, за своею рукою и печатью, объявляя мнѣ, что по нѣкоторымъ причинамъ послы послѣ него не могли быть въ назначенное время... и далъ мнѣ въ грамотѣ своей обѣтъ, что ни котораго утѣсненья городу Пскову не хо-

тѣлъ учинить... и онъ король свой обѣтъ нарушилъ.» По представленію Мерика, Густавъ-Адольфъ согласился не начинать осады Пскова до 20 авг. и назначилъ переговорщиками Аксель Оксенштирна, Филиппа Шединга, Клосъ Флеминга, Якова Делагарди и Монса Мартенсона. Первые два не присутствовали однако при переговорахъ. Шведскій король требовалъ также присутствія голландскихъ пословъ и окончанія переговоровъ въ назначенный срокъ. Мерикъ отправился изъ Нарвы въ Новгородъ и послалъ въ Москву Ѳому Смита съ цѣлью уговорить царя приступить къ переговорамъ безотлагательно.

Смитъ привезъ отъ царя письмо съ извѣщеніемъ, что въ шведскихъ видахъ не достаетъ надлежащаго титула и выпущены имена переговорщиковъ, которые назначаются съ шведской стороны. Впрочемъ, въ томъ же письмѣ царь обѣщалъ съ своей стороны послать переговорщиковъ въ Тверь или Торжокъ съ цѣлью обмѣнять виды и опредѣлить мѣсто и время переговоровъ, которые предлагалъ начать 10 сентября между Осташковымъ и Старою Руссою. Съѣздъ былъ назначенъ на 5 января. На этомъ же съѣздѣ русскіе послы начали говорить первые, замѣтили шведскимъ посламъ, что они говорили много неправды про царя и сказали имъ, чтобъ они объявили, какой приказъ ихъ государя о вѣковѣчной отчинѣ царя русскаго, о Новгородѣ, Старой Руссѣ, Порховѣ, Ладогѣ, Иванъ-городѣ, о Ямѣ, о Копорьѣ, о Гдовѣ? Кромѣ того, продолжали послы, «мы говорили вамъ, что государя вашего люди поимали въ безгосударственное время тѣ города и земли и многіе запасы, и сокровища церковныя и монастырскія и частныхъ лицъ. Вы намъ на все это не дали отвѣта и не сказали, согласенъ ли государь вашъ возвратить нашему государю упомянутые города и заплатить тѣ понесенныя нами убытки?». «Это мы и вчера слышали, отвѣтилъ Делагарди, и не дали вамъ отвѣта, потому что еще не договорили съ вами бо́льшаго дѣла. Незачѣмъ говорить о Новгородѣ, когда Владимірское и Московское государство принадлежитъ Филиппу Карлусовичу». Послы отвѣтили, что объ этомъ ни говорить, ни слушать не хотятъ. «У насъ теперь царемъ Михаилъ Ѳедоровичъ: онъ учинитъ у насъ миръ и покой и соединеніе, и всѣ великіе государи ищутъ его дружбы и любви, и вамъ бы тѣ непригожія слова о королевичѣ Филиппѣ оставить, а мы о немъ и слушать не хотимъ. Притомъ же вы Новгородъ взяли обманомъ; ты, Делагарди, на чемъ крестъ цѣловалъ Новгороду, нарушилъ и ни въ чемъ въ своемъ словѣ не устоялъ. Бояре же Карлуса не выбирали, а если и было какое письмо къ вамъ отъ кого безъ совѣту всей земли, и тому было вѣрить нечего тогда вамъ». А говорили о томъ послы межъ собою съ бранью сердито и хотѣли разъѣхаться. «Пускай бы шведскіе послы говорили о государевыхъ городахъ, что завладѣли неправдою, и о убыткахъ, что поискали въ городахъ, прибавили русскіе послы. Когда была утверждаема запись, то споръ касался одного титула, а о королевичѣ тогда и въ поминѣ не было». Потомъ посредники, обѣщавъ отговорить шведскихъ пословъ отъ упоминанія о королевичѣ, вызвали послѣднихъ. Поговоривъ съ ними, англійскій и голландскіе послы объявили русскимъ, что шведскіе послы не станутъ говорить о Карлѣ-Филиппѣ съ тѣмъ, «чтобы вы тѣхъ городовъ Новгорода съ пригородами поступилися государю ихъ свѣйскому королю, которые цѣловали крестъ королевичу Карлу-Филиппу.

Русскіе послы объявили, что ни пяди земли не отдадутъ отъ вот-

чины государя своего и въ то же время не станутъ слушать о Карлѣ-Филиппѣ. Посредники отвѣчали: «Мы учнемъ говорить свѣйскимъ посламъ, чтобы они многія мѣры оставили и поискали бы доброму дѣлу сходительства, чтобъ привести къ доброму концу, а вамъ бы царскаго величества посламъ также поискать добраго дѣла къ сходительству и о чемъ вы намъ говорили о государевыхъ городахъ и о убыткахъ, и о лифляндскихъ городахъ, то бъ имъ объявить», а, изговоря то, пошли въ комнату къ свѣйскимъ посламъ». Вышедъ, они объявили, что ночи прошло ужъ много; завтра праздникъ, и потому предлагали съѣзжаться въ воскресенье часу въ 4 или 5-мъ. Русскіе послы изъявили на то свое согласіе.

7 января былъ снова съѣздъ. Русскіе послы пріѣхали раньше шведскихъ и, дожидая послѣднихъ, сидѣли въ комнатѣ англійскаго посла, ведя съ нимъ и съ голландскими послами разговоръ. Мерикъ молчалъ, а голландскіе послы говорили, что свѣйскіе послы требуютъ вознагражденія убытковъ, не отдаютъ городовъ и грозятъ разорвать, какъ скоро учнемъ съ ними говорить о Лифляндіи. Явились наконецъ шведскіе послы, и государевы послы опять по прежнему начали совѣщанія, не уменьшая своихъ требованій и коснулись Лифляндіи. Услыша послѣднее, «свѣйскіе послы изъ за стола встали и хотѣли итти вонъ и говорили, только бъ де мы вѣдали, что вамъ и нынѣ про лифляндскіе города поминать, и мы бъ де на съѣздъ не ѣхали, то бъ де у насъ и разрывъ». Посредники ихъ уняли; шведскіе послы опять сѣли за столъ и опять завели рѣчь о Карлѣ-Филиппѣ. Государевы послы опять отказались слушать ихъ. Шведскіе послы, не смотря на то, опять заговорили о королевичѣ; русскіе послы опять отказали имъ, объявивъ, что «съ Божіею помощью учинился великій государь нашъ царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Россіи самодержецъ и ему, государю Всероссійскаго государства, люди служатъ, и за него, государя, всѣ единодушно стоятъ, работаютъ». Шведскіе послы просидѣли и шляпъ не сняли, слыша царское именованье. Государевы послы замѣтили, что они поступаютъ не пригоже: «Говорено у насъ съ вами, что царскаго величества именованье вамъ услыша, тотчасъ вставъ и шляпы снимать; пригоже ль то будетъ, что мы противъ государя вашего имени не учнемъ вставать и шапокъ снимать?» Шведскіе послы отвѣтили: «Вы де не въ одно время противъ государя нашего имени шапокъ не снимали, и мы молчали». Государевы послы отвѣтили, что противъ имени Густава-Адольфа короля вставали, а когда говорятъ о королевичѣ Филиппѣ, то имъ къ тому вставать не приходится. Шведскіе послы обѣщали вставать и не говорить о королевичѣ. Государевы послы объявили, что о королевичѣ и слушать не хотятъ и просили отдать Новгородъ. Шведскіе послы отвѣтили: «О королевичѣ мы говорить не будемъ, а вы оставьте говорить о лифляндскихъ городахъ и о Новгородѣ». Государевы послы просили отдать государеву отчину Лифляндію и Новгородъ. Тутъ они развили историческія сношенія Лифляндіи съ Россіею. Шведскіе послы объявили, что «не токмо что Лифляндская земля не отчина государя вашего, но и Новгородомъ недавно начали владѣть, и завладѣли Лифляндскою землею московскіе государи неправдою, и за то Богъ имъ месть воздалъ». Государевы послы отвѣтили: «Лифляндія за нами отъ прародителей государей нашихъ государя Георгія-Ярослава Володиміровича, который построилъ въ Лифляндской землѣ городъ Юрьевъ ливонскій въ свое имя, а Новгородское государство было

за россійскіе государи во времена Рюрика и ни за кѣмъ опричь россійскихъ царей не бывало». Русскіе кромѣ того просили голландскихъ пословъ отправиться въ Швецію и убѣдить Густава-Адольфа быть менѣе притязательнымъ. Голландцы отказались, жалуясь на недовѣріе русскихъ, и просили Густава-Адольфа выдать имъ виды для возвращенія въ Голландію.

Потерявъ надежду на успѣхъ, шведскіе переговорщики послали къ русскимъ Олофва Дуфва, чтобы прервать переговоры. Такъ какъ срокъ перемирія кончился, то шведы стали болѣе заботиться о приготовленіи къ войнѣ. Но вскорѣ (3 сент.) въ Ладогу прибылъ Смитъ, увѣрившій шведскихъ переговорщиковъ, что, если снова начнутся переговоры, миръ состоится. Тутъ же Смитъ спросилъ, позволятъ ли они русскимъ переговорщикамъ пріѣхать въ Ладогу, если послѣдніе не откроютъ Мерику окончательнаго рѣшенія своего государя.

16 сент. въ Ладогу пріѣхалъ секретарь англійскаго посла и просилъ шведскихъ переговорщиковъ отправиться навстрѣчу Мерику въ деревню Столбово, лежащую при рѣкѣ Тезо близъ водопада Тезо. 5 окт., сойдясь снова съ шведскими переговорщиками, Мерикъ извѣстилъ ихъ, что русскіе не соглашаются на уступку земель и предлагаютъ выплатить 100,000 рублей. Но, находя, что условія эти недостаточны, онъ обѣщалъ, что русскіе уступятъ Ивангородъ и Ямъ, и указывалъ на пользу, которая сопряжена съ этими городами. Шведскіе переговорщики отвѣчали, что выгоды будутъ еще значительнѣе, если король оставитъ за собою всѣ завоеванныя земли. Прибавивъ къ вышеупомянутому Копорье и не добившись отъ шведовъ ничего, Мерикъ прекратилъ на этотъ день переговоры. Въ понедѣльникъ Мерикъ жаловался на Густава-Адольфа, упорствующаго въ своихъ требованіяхъ, тогда какъ русскій царь дѣлаетъ всевозможныя уступки. Онъ обвинялъ шведскихъ переговорщиковъ, что они не дорожатъ дружбою англійскаго короля, и утверждалъ, что во время прежнихъ переговоровъ были сговорчивѣе изъ уваженія къ голландскимъ посламъ. Наконецъ Мерикъ сдѣлалъ послѣднее предложеніе, заключавшееся въ прибавкѣ къ тремъ поименованнымъ крѣпостямъ 10,000 руб. При этой встрѣчѣ Мерикъ былъ сильно взволнованъ и открыто порицалъ неуступчивость шведскихъ пореговорщиковъ. На другой день Мерикъ письмомъ извѣстилъ Делагарди, что отсылаетъ своего толмача къ русскимъ переговорщикамъ, дабы испросить у царя новыхъ предписаній. Въ томъ же письмѣ онъ объявилъ, что съ намѣреніемъ такъ горячо защищалъ дѣло русскихъ, желая заставить вышеупомянутаго толмача пересказать имъ все, что происходило. Кромѣ того, онъ просилъ Делагарди указать на тѣ пункты, въ которыхъ шведы не намѣрены уступать, обѣщаясь обратить на нихъ вниманіе царя. Горнъ, Вильдеманъ и Монсъ Мартенсонъ отправились къ нему на домъ. Мерикъ началъ тутъ отказываться отъ своихъ словъ, обвинялъ толмача, невѣрно будто бы передавшаго ихъ значеніе, и доказывалъ, что уступалъ 10,000 руб. въ замѣнъ Нотебурга съ участкомъ земель, лежащихъ за Невою до самаго Систербека. Шведы представили ему протоколъ, Мерикъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ и всю вину слагалъ на толмача. 31 окт. шведы согласились удовольствоваться третьею частью суммы, назначенной прежде, и уступкою упомянутыхъ четырехъ крѣпостей, въ томъ числѣ и Нотебурга. Мерикъ обѣщалъ дать отвѣтъ, снесясь съ русскими переговорщиками.

Въ ожиданіи извѣстій отъ русскихъ, Мерикъ не переставалъ переговариваться съ шведами и предложилъ уступить часть нотебургскаго уѣзда; а за другую часть заплатить сумму денегъ. Онъ въ то же время предложилъ заключить на нѣсколько лѣтъ перемиріе. Видя, что шведы не хотятъ заключить перемирія, Мерикъ просилъ шведовъ оставить за русскими въ нотебургскомъ уѣздѣ 4 погоста, лежащіе на южной сторонѣ Невы, и не требовать денегъ; но и въ этомъ ему отказали. Нѣсколько дней спустя, Мерикъ снова явился къ шведскимъ переговорщикамъ и просилъ оставить за русскими только два погоста. Шведскіе переговорщики объявили, что если русскимъ уступить по требованію Мерика 2 погоста, то между обоими государствами нельзя будетъ положить твердыхъ границъ, и война не замедлитъ возобновиться. Уступая всѣ 4 погоста, Мерикъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ русскіе не намѣрены платить шведамъ денегъ. Шведы отказались отъ денегъ, но требовали въ замѣнъ часть Сумерской земли между Ивангородомъ и Пейпусомъ. Тутъ Мерикъ не скрылъ душевнаго волненія и просилъ шведовъ не увеличивать своихъ требованій. Шведы не настаивали, но сумму уменьшать не хотѣли, и только послѣ четырехдневныхъ переговоровъ согласились удовольствоваться 30,000. Наконецъ послѣ долгихъ споровъ сошлись на 20,000. Это рѣшеніе не могло не радовать шведовъ, потому что ихъ положеніе становилось затруднительнѣе со дня на день. Поляки готовились къ нападенію и легко могли бы проложить себѣ дорогу въ Финляндію, потому что солдаты, большею частью нѣмцы, отказывались служить шведскому королю. Русскіе сдѣлали нѣсколько нападеній на шведскія укрѣпленія близъ Пскова. Но по старанію Мерика военныя дѣйствія между русскими и шведами прекратились. Делагарди написалъ Гильенгельму, который былъ въ Нарвѣ, чтобъ онъ вывелъ войска свои изъ укрѣпленій. Финскіе солдаты были отправлены на родину, а шведскіе размѣщены въ пограничныхъ крѣпостяхъ.

Шведскіе переговорщики поспѣшили написать предварительныя условія договора. Вслѣдъ за рѣшеніемъ, принятымъ Мерикомъ и шведскими переговорщиками, сошлись (7 дек.) въ деревнѣ Столбово по 4 полномочныхъ съ каждой стороны. Совершивъ присягу и приложившись къ кресту, они постановили сойтись въ упомянутой деревнѣ посламъ обоихъ государствъ въ сопровожденіи 50 человѣкъ конницы и 200 пѣхоты; причемъ посламъ гарантировалась неприкосновенность. 19 дек. англійскій посолъ съ своею свитою отправился къ мѣсту переговоровъ; 22 выѣхали изъ Ладоги шведскіе переговорщики въ сопровожденіи конвоя изъ пѣхоты и конницы. 31 декабря договорщики сошлись въ квартирѣ англійскаго посла въ деревнѣ Столбово, въ трехъ миляхъ отъ квартиры шведскихъ переговорщиковъ. На другой день была вторая встрѣча. Тутъ переговорщики долго спорили о срокѣ сдачи мѣстъ, а равно и о совершеніи присяги. Съ упорствомъ настаивали шведы, чтобы русскіе особеннымъ актомъ утвердили уступку Нотебурга, Кексгольма и т. д., но русскіе не согласились. Всѣ остальные пункты не встрѣтили препятствій. Оставалось только рѣшить вопросъ о конфирмаціи мира англійскимъ королемъ. Русскіе переговорщики не хотѣли признать надъ собою контроля англійскаго правительства, а шведы не настаивали, замѣтивъ, что не ихъ вина, если королю не воздана надлежащая честь. Умный Мерикъ, сознавая отвѣтственность, которую приметъ на себя Англія, поручившись

вить вдвое—по десяти рублей, а на питухахъ по полтинѣ на человѣка; да тѣхъ-же людей, у кого корчму найдутъ вторично, бить кнутомъ на торгу, а питуховъ бить батогами.

8) А которымъ людямъ питія у себя безъявочно держать не велѣно, а они у себя питіе держать учнутъ, не явя, и то неявочное питіе у нихъ найдутъ, и на тѣхъ людяхъ имать заповѣди пять рублей съ человѣка, а питіе имать на государя.

11) Да въ прошломъ, въ 142 году, по указу блаженной памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Россіи на Москвѣ и въ городахъ, о табакѣ заказъ учиненъ крѣпкій подъ смертною казнью, чтобъ нигдѣ русскіе люди и иноземцы всякіе табаку у себя не держали и табакомъ не торговли. А кто, русскіе люди и иноземцы, табакъ учнутъ держать или табакомъ учнутъ торговать, и тѣхъ людей продавцовъ и покупателей велѣно имать и присылать въ новую четверть, и за то тѣмъ людямъ чинить наказаніе большое безъ пощады подъ смертною казнью, а дворы ихъ и животы продавать, а деньги имать въ государеву казну. А нынѣ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи указалъ и бояре приговорили: тѣмъ людямъ, у кого табакъ объявился, указъ чинить противъ того же, какъ о томъ указано въ прошломъ, во 142, году.

Совершена сія книга повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи самодержца въ третье лѣто Богомъ хранимой его державы и при сынѣ его государевѣ благовѣрномъ царевичѣ и великомъ князѣ Дмитріи Алексѣевичѣ, въ первое лѣто рожденія его, лѣта 7157, января въ 29 день.

LXXV. О ЗНАЧЕНІИ УЛОЖЕНІЯ И ИСТОЧНИКАХЪ ЕГО.

(Изъ рѣчи профес. Морошкина. «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи», помѣщ. въ «Отчетѣ Москов. университета» за 1838 г.).

Уложеніе составлено въ 1649 году повелѣніемъ Алексѣя Михайловича, трудами и искусствомъ бояръ: Одоевскаго, Прозоровскаго, окольничаго Волконскаго, и дьяковъ: Леонтьева и Грибоѣдова. Государь и великій земскій соборъ Уложеніе слушали, утвердили и на мѣрѣ поставили. Съ тѣхъ поръ Уложеніе начало свое дѣйствіе въ предѣлахъ Русской земли и до изданія Свода Законовъ пребыло главнымъ источникомъ законодательства. Сто восемьдесятъ шесть лѣтъ оно правило жизнью русскаго народа. Оно вѣчно пребудетъ историческимъ первообразомъ русскаго законодательнаго ума, русскаго гражданскаго быта и юридическаго слова. Уложеніе родословно, какъ Москва, патріархально, какъ русскій народъ, и грозно, какъ царскій гнѣвъ. По мѣсту своего происхожденія, будучи Уложеніемъ Москвы, по времени изданія, произведеніемъ упорной старины, оно какъ будто приковываетъ народъ къ неподвижному основанію московской мѣстности и древнихъ обычаевъ; но будучи соборнымъ, по своимъ источникамъ и редакціи, оно поставлено на распутіи русской исторіи; оно вольно было принять всѣ стихіи русской общественной жизни, и дѣйствительно ихъ приняло и уложило. Уложеніе не отвергаетъ и чужеземнаго, не противится преобразованіямъ и усовершенствованіямъ; но при этомъ оно хочетъ быть самобытнымъ, хочетъ быть Уложеніемъ Москвы, оно хочетъ быть единымъ, послѣдовательнымъ, народнымъ. Въ этомъ отношеніи оно упорнѣе самой Россіи. Когда наше отечество склонило свою главу подъ остріе преобразованія, одно Уложеніе пробилось сквозь ряды иностранныхъ регламентовъ и побѣдоносно возлегло на тронѣ Екатерины II.

дробный отчетъ о положенiи дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Кромѣ того, отъ 1630 г. сохранилось извѣстiе, что значительное количество шведскихъ судовъ было размѣщено въ портахъ Финляндiи, дабы быть въ готовности противъ москвичей, если послѣднiе начнутъ враждебныя дѣйствiя. Съ помощью того же флота шведы старались воспрепятствовать провозу въ Россiю изъ Германiи и другихъ мѣстъ запрещенныхъ товаровъ.

LXI. ОТНОШЕНIЯ РОССIИ КЪ ПОЛЬШѢ ВЪ ЦАРСТВОВАНIЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россiи подъ державою дома Романовыхъ» и Берха «Царствованiе царя Михаила Ѳеодоровича и взглядъ на междуцарствiе»)

Главною заботою Михаила была Польша. Сигизмундъ раскаявался, что, помышляя о прiобрѣтенiи себѣ престола московскаго, лишилъ сына своего возможности достигнуть онаго; онъ желалъ поправить свою ошибку и начать вновь борьбу съ Россiею; но внутреннее разстройство Польши препятствовало ему въ томъ. На сеймѣ его упрекали въ безполезныхъ тратахъ; войско польское требовало невыплаченнаго жалованья, безъ чего не хотѣло вновь сражаться съ русскими, а казна Сигизмундова была вовсе истощена. Обстоятельства сiи были причиною, что около четырехъ лѣтъ король не могъ предпринять рѣшительнаго похода. Михаилъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы управиться съ Заруцкимъ, съ внутренними мятежниками и примириться съ Швецiею.

Сигизмундъ въ стѣсненномъ своемъ положенiи вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ предложилъ вступить въ переговоры съ тѣмъ, чтобы рѣшенiе дѣла было предоставлено суду императора Матѳiя, въ расположенiи котораго онъ былъ увѣренъ. Нѣсколько разъ уполномоченные съѣзжались, но совѣщанiе ихъ не имѣло успѣха. Послы польскiе и цесарскiе утверждали, что единственное средство къ примиренiю—возвести Владислава на престолъ россiйскiй; а наши требовали возвращенiя Смоленска, вывода польскихъ войскъ изъ Россiи, признанiя Михаила царемъ, да сверхъ того, чтобы Польша заплатила миллiонъ рублей за убытки. Между тѣмъ частыя непрiязненныя дѣйствiя продолжались. Михаилъ, пользуясь затруднительнымъ положенiемъ Сигизмунда, спѣшилъ возвратить города, коими поляки овладѣли именемъ Владислава. Войска царскiя заняли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлую, обложили Смоленскъ, намѣреваясь голодомъ принудить его къ сдачѣ; но подоспѣвшiй Ходкѣвичъ подкрѣпилъ осажденныхъ и спабдилъ ихъ съѣстными припасами. Вскорѣ потомъ прибылъ Гонсѣвскiй, принудилъ наши войска снять осаду и разбилъ ихъ совершенно.

Между тѣмъ Сигизмундъ настоянiями своими успѣлъ наконецъ склонить сеймъ къ возобновленiю войны съ Россiею для водворенiя Владислава на престолъ московскiй. Самъ королевичъ принялъ главное начальство надъ войскомъ, но военными дѣйствiями располагалъ гетманъ Ходкѣвичъ подъ надзоромъ особенныхъ коммиссаровъ, назначенныхъ недовѣрчивымъ сеймомъ. Владиславъ сдѣлалъ воззванiе къ русскому народу; нѣкоторые умы были поколеблены. Воевода Ададуровъ сдалъ ему

Дорогобужъ и сталъ подъ его знамена. Владиславъ занялъ безъ труда и Вязьму. Но храбрый бояринъ Лыковъ, защищавшій Можайскъ, остановилъ непріятеля, принудивъ его провести зиму въ Вязьмѣ, претерпѣвать голодъ и холодъ среди жителей, ожесточенныхъ противъ него. Окрестные города оставались вѣрными Михаилу. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, ропотъ въ войскѣ и повелѣнія сейма кончить войну переговорами заставили Владислава сдѣлать предложеніе о мирѣ; но Михаилъ не хотѣлъ слышать о немъ, покуда непріятель не выступитъ изъ предѣловъ Россіи; въ то же время царь принималъ мѣры къ защитѣ столицы, на помощь коей спѣшили со всѣхъ сторонъ войска. Поляки не могли открыть себѣ путь къ Москвѣ. При Владиславѣ осталось наконецъ не болѣе 1000 человѣкъ регулярнаго войска. Онъ уже думалъ отступать, окончивъ такимъ образомъ походъ столь же трудный, сколько безполезный, какъ вдругъ неожиданно прибылъ къ нему запорожскій гетманъ Сагайдачный, котораго Сигизмундъ склонилъ дарами идти на помощь къ Владиславу. Бѣдствовавшая Россія подверглась новой борьбѣ: Сагайдачный привелъ съ собою 20,000 казаковъ, испытанныхъ въ бояхъ. Съ ними Владиславъ пошелъ прямо къ Москвѣ, отправивъ къ Михаиловымъ боярамъ грамоту, въ которой требовалъ немедленнаго повиновенія; въ противномъ случаѣ грозилъ местью. Владиславъ пытался взять Москву штурмомъ, но не имѣлъ удачи: поляки были отбиты. Тогда королевичъ началъ помышлять о мирѣ. Открылись переговоры; послы царскіе, Шереметевъ, Мезецкій и Измайловъ, объявили, что не будетъ и рѣчи о соглашеніи, если польскіе уполномоченные станутъ называть Владислава царемъ, а когда поляки начали доказывать права его на престолъ московскій, то наши стали вычислять всѣ неправды Сигизмундовы и удалились. Владиславъ опять возобновилъ переговоры, соглашаясь отказаться отъ царскаго титула съ тѣмъ, чтобы всѣ чины русскаго государства отправили торжественное посольство въ Варшаву просить прощенія у него въ мятежѣ, и чтобы уступили ему Псковъ, Смоленскъ и города Сѣверскіе. Бояре отвергли съ негодованіемъ это предложеніе. Владиславъ отступилъ къ Троицкой лаврѣ, намѣреваясь тамъ зимовать, чтобы потомъ съ весною возобновить войну и опустошить въ конецъ Россію; но войско его опять начало роптать за неплатежъ жалованья, а коммиссары, по приказанію сейма, настаивали на заключеніи мира. Царь съ своей стороны тоже желалъ прекращенія войны. Послѣ долгихъ переговоровъ, 1-го декабря 1618 года, заключено перемиріе на 14 лѣтъ въ селѣ Деулинѣ, въ 7 верстахъ отъ Троицкаго монастыря. Положено: Владиславу отказаться отъ царскаго титула, а Михаилу отъ Ливонскаго, Черниговскаго и Смоленскаго. Россія уступила области Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую; поляки возвратили плѣнныхъ, въ томъ числѣ Филарета.

Но царя постоянно занимала мысль о возвращеніи отъ Польши уступленныхъ ей областей; онъ стремился къ тому, чтобы возстановить Россію въ томъ положеніи, въ какомъ она была при послѣднемъ царѣ Рюрикова дома. Естественно, намѣреніе это должно было произвесть новую борьбу съ Польшею. Года черезъ три по примиреніи съ этой державой; Михаилъ объявилъ въ земскомъ совѣтѣ, что Сигизмундъ нарушаетъ мирный договоръ, что Владиславъ удерживаетъ титулъ царя московскаго. что въ грамотахъ ко двору московскому польскіе паны пишутъ

укоризны, что турецкій султанъ Османъ, шведскій король Густавъ-Адольфъ и ханъ крымскій убѣдительно просятъ идти войною на общаго врага, и что сами они уже начали военныя дѣйствія. Если и при настоящихъ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ, присовокупилъ государь, Сигизмундъ не хочетъ нашей дружбы, чего же ожидать послѣ, когда онъ примирится съ Швеціею и Турціею, и не потеряемъ ли дружбы союзниковъ нашихъ, если отвергнемъ ихъ предложенія? Всѣ отвѣчали, что готовы жертвовать жизнью на войну съ королемъ польскимъ.

Хотя срокъ перемирію съ поляками еще не минулъ, но Михаилъ, узнавъ о смерти Сигизмунда (1632 г.), желалъ воспользоваться междуцарствіемъ въ Польшѣ и сдѣлалъ огромныя приготовленія къ упорной борьбѣ: нанялъ иноземное войско въ Англіи, Голландіи и Швеціи, вызвалъ изъ заграницы искусныхъ генераловъ, инженеровъ, закупилъ большое количество оружія, пороха. Армія состояла изъ 70,000 русскихъ и 30,000 нѣмцевъ съ сильною артиллеріею; главнымъ предводителемъ назначенъ знаменитый доблестью бояринъ Шеинъ. Въ октябрѣ 1632 года царь получилъ пріятное извѣстіе о взятіи городовъ Серпейска и Дорогобужа. Въ ноябрѣ и декабрѣ наши взяли Бѣлую, Невель, Рославль, Почепъ, Трубчевскъ и Себежъ. Михаилъ былъ очень доволенъ сими успѣхами. Войска наши потомъ обложили Смоленскъ и начали осаду этого города. Между тѣмъ Владиславъ, сынъ Сигизмунда, былъ избранъ королемъ польскимъ. Этотъ опытный и мужественный воинъ поспѣшилъ на помощь къ Смоленску и прибылъ, когда этотъ городъ, послѣ 10-ти мѣсячной осады, томимый голодомъ, готовъ былъ сдаться. Армія польская состояла изъ 20,000 человѣкъ, къ которымъ еще присоединились 15,000 казаковъ. Владиславъ атаковалъ армію Шеина, принудилъ ее снять осаду и защищаться въ окопахъ. Шеинъ пытался выдти изъ окоповъ, чтобы рѣшительнымъ дѣломъ окончить борьбу; но усилія его были безполезны, войска его пали духомъ. Между подчиненными Шеину воеводами и особенно между иностранными генералами нашей арміи возникло такое несогласіе, что Леслій (бывшій шотландскій полковникъ) въ присутствіи Шеина застрѣлилъ англійскаго генерала Сандерсона, начальствовавшаго надъ 3000 англичанъ, находившихся въ нашей службѣ; открылись повальныя болѣзни; цѣлые полки бѣжали. Шеинъ, до того времени мужъ знаменитый неустрашимостью и заслугами, заключилъ капитуляцію, покрывшую его безславіемъ, по которой онъ оставилъ Владиславу весь свой лагерь и 125 пушекъ. По возвращеніи въ Москву, Шеинъ, Измайловъ и старшій сынъ его были казнены; прочіе, оказавшіеся виновными по смоленскому походу, были наказаны и сосланы. Владиславъ, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, желалъ мира, потому что въ войскѣ его опять возникъ ропотъ за невыдачу жалованья; къ тому же съ турками онъ былъ въ войнѣ, а съ Швеціею перемиріе его приближалось къ сроку. Михаилъ, послѣ пораженія Шеина, не могъ продолжать военныхъ дѣйствій; составленіе новой арміи требовало времени и представляло большія затрудненія, а потому и онъ съ своей стороны желалъ примиренія. Приступили къ переговорамъ. Въ маѣ съѣхались уполномоченные съ обѣихъ сторонъ и, послѣ 30 жаркихъ совѣщаній, подписали при рѣчкѣ Поляновкѣ, недалеко отъ Вязьмы, 15 іюня 1634 года, мирный трактатъ, главное содержаніе коего состояло изъ слѣдующихъ статей: 1) Вѣчный миръ и забвеніе всего прошедшаго. 2) Польскій король отрицается отъ данной ему россіянами

присяги и отъ всѣхъ правъ своихъ на россійскій престолъ, и возвратитъ присланный къ нему избирательный актъ. 3) Въ вознагражденіе уступитъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ польской коронѣ: Черниговъ и Смоленскъ съ ихъ уѣздами, Дорогобужъ, Бѣлую, Рославль, Стародубъ, Трубчевскъ, Невель, Себежъ, Красное, Муромскъ и Новгородъ Сѣверскій, съ артиллеріею, снарядами и архивами. Поселянамъ воспрещается оставлять мѣста своихъ жительствъ, но дозволяется только выѣхать оттуда солдатамъ, купцамъ и духовенству. 4) Царь Михаилъ долженъ исключить Смоленскъ и Черниговъ изъ титула своего, и не писаться *всея Россіи*, дабы не разумѣли подъ симъ названіемъ Россію, принадлежащую Польшѣ. 5) Царь долженъ отказаться отъ всѣхъ покушеній и правъ на Лифляндію, Эстляндію и Курляндію, и не дозволять проходить чрезъ земли свои чужимъ войскамъ для покоренія сихъ странъ. 6) Для опредѣленія границъ будутъ назначены съ обѣихъ сторонъ коммиссары. 7) Купцы обѣихъ державъ будутъ наслаждаться полною свободою, но русскіе не должны пріѣзжать въ Краковъ и Вильну, а польскіе въ Москву. 8) Плѣнные должны быть обоюдно возвращены безъ всякаго возмездія. 9) Царь и король обязываются не оказывать никакихъ пособій общимъ непріятелямъ. 10) Въ точномъ сохраненіи мирныхъ условій сихъ присягнетъ король въ Варшавѣ предъ русскими послами, а царь учинитъ то же въ Москвѣ предъ польскими. 11) Послы обѣихъ державъ долженствуютъ быть отправлены въ теченіи двухъ мѣсяцевъ.

Если миръ сей и не имѣлъ существенныхъ выгодъ, то для отечества нашего былъ онъ полезенъ въ двоякомъ отношеніи: царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пріобрѣлъ чрезъ оный возможность возстановить силы своего государства, устроить разоренную Москву и укрѣпить границы; притомъ торжественнымъ отреченіемъ Владислава отъ правъ на россійскій престолъ успокоивались умы кичливыхъ, которые при малѣйшемъ неудовольствіи передавались Владиславу.

LXII. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА.

(Изъ соч. Смирнова: «Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ»).

Поляки, прославляя воинскія доблести Сигизмунда и Владислава, говорили, что «Московское кесарство такъ разорено было войнами и запустошено въ смутное время, что не только городовъ, но и деревень на поляхъ не видишь, а гдѣ хотя деревенька и осталася, и тутъ людей нѣтъ». Они не преувеличивали. И нашъ лѣтописецъ также говоритъ, что почти вся земля русская была пуста. И въ этой-то пустой, разоренной землѣ самовластвовали «сильники», не только воеводы и намѣстники гражданскіе, но и даже высшія власти духовныя. Такую терпѣвшую и терпящую отъ своихъ и чужихъ враговъ землю долженъ былъ устраивать Филаретъ Никитичъ, по святому обычаю печалованія, бывшаго лучшею чертою дѣятельности русскихъ святителей. Должно думать, что еще на пути изъ Польши въ Москву ему привелось отчасти познакомиться съ тѣми безпорядками въ жизни отечества, причины которыхъ лежали какъ въ недавнемъ переворотѣ, какой произвело смутное время, такъ и

въ тѣхъ лицахъ, которыя и при установившемся уже, повидимому, государственномъ порядкѣ нечестно и противогосударственно относились къ дѣлу устроенія. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ Филаретъ Никитичъ сѣлъ на престолъ патріаршій, его начальною заботою было—узнать достовѣрно настоящее состояніе Русской земли. Съ соборомъ пастырей онъ пришелъ къ сыну-государю съ совѣтомъ—сдѣлать общую перепись государству и раздѣлить на всѣхъ поровну тяжесть улучшенія и исправленія отечества. Соборъ, съ патріархомъ во главѣ, донесъ Михаилу Өеодоровичу, что прежніе дозорщики, со времени восшествія на престолъ Михаила до возвращенія Филарета Никитича изъ Польши, «дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными не по дружбѣ тяжело; что отсюда—несправедливость, постоянныя жалобы, просьбы разныхъ льготъ, и многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и на всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловати велѣти отъ сильныхъ людей оборонить». По такому благому совѣту и разумнѣйшему начинанію патріарха, положено было послать дозорщиковъ въ разоренные и не разоренные города Русской земли, давъ имъ полные наказы, чтобъ они «описали и дозрили всѣ города вправду, безъ посуловъ, чтобы пріостановили переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, сыскивали про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ; сыскивали бы, что отъ разоренія запустѣло, отъ такихъ людей, которые умѣли бы честно и правдиво разсказать обиды и насильства и разоренье.... чтобы всякія нужды и тѣсноты и разоренья и всякіе недостатки были вѣдомы, и государь бы съ патріархомъ начали промышлять, чтобы во всемъ поправить, какъ лучше». Такая подробная перепись была лучшимъ средствомъ узнать существенные недостатки, опредѣлить и начертать планъ устроительной дѣятельности. Судя по грамотѣ, перепись должна была имѣть, повидимому, гражданскій характеръ и выгоду—правильную раскладку повинностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ описываемы были города и у всякихъ людей села и деревни, были описываемы и церкви, въ которомъ селѣ который храмъ и чье сооруженіе; видно, что желало правительство узнать и нужды церковныя, происшедшія отъ разоренія поляковъ, русскихъ измѣнниковъ и казаковъ. Такъ какъ къ участію въ разузнаваніи нуждъ государства были призваны и лица духовныя, и отъ нихъ спрашивали и сыскивали о недостаткахъ церкви и притѣсненіяхъ отъ сильныхъ людей, то понятно, что этою мѣрою обличались нарушенныя въ смутное время и позднѣе сильными людьми права церкви и ея служителей, и опредѣлялся характеръ церковно-устроительной и административной дѣятельности Филарета Никитича.

Въ переписныхъ книгахъ того времени слишкомъ часто можно встрѣтить такую формулу, выражавшую состояніе русскихъ церквей: «На посадѣ монастырь, а въ немъ церковь ветха, стоитъ безъ пѣнія, запустѣла съ такого-то года»; или: «Такой-то монастырь разоренъ до основанія, игумена въ томъ монастырѣ и старцевъ нѣтъ ни одного человѣка, а церковь стоитъ безъ пѣнія, и образовъ и книгъ нѣтъ, и вотчины всѣ разорены до основанія». Хотя общею переписью могло достигаться то, что крестьяне оставались при прежнихъ владѣльцахъ, но эта мѣра не могла быть еще существенною поддержкою для церквей и монастырей, за которыми числились прежде вотчины, потому, что жалованныя грамоты на нихъ большею частью были сожжены, или утратились какимъ-

нибудь образомъ при разореніи. Въ древней же Руси было закономъ представлять по временамъ грамоты, не только данныя прежними царями, но даже если онѣ были даны царствующимъ еще лицемъ, для новой подписи и утвержденія царя; иначе онѣ были рушены всякими сильными лицами или общинами. Монастыри жаловались, что они вслѣдствіе потери грамотъ оскудѣли, что братіи питаться нечѣмъ. Слѣдовательно, нужно было возстановленіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ и подтвержденіе ихъ. Этимъ путемъ давалась возможность существованію небогатыхъ монастырей, совершенно лишившихся во время безурядицъ своихъ владѣній, которыя переходили какими-то путями къ богатымъ монастырямъ. Такъ Филаретъ Никитичъ долженъ былъ по жалобѣ разбирать дѣло о завладѣніи Троицкимъ монастыремъ рыбными ловлями и садами у бѣднаго переяславскаго Данилова монастыря; точно то же случалось и при спорахъ монастырей и церквей съ частными лицами. Но при такихъ разбирательствахъ нужно было дѣйствовать съ осмотрительностью. Если были примѣры того, что частныя лица завладѣвали несправедливо собственностью другихъ, и общины оттягали земли у другихъ слабѣйшихъ, конечно, основываясь на различныхъ жалованныхъ грамотахъ, которыми особенно богато время самозванцевъ и Сигизмунда, то нѣкоторые монастыри и сельскія церкви желали увеличить свои имѣнія и доходы, пользуясь тоже этимъ общимъ разореніемъ и сожженіемъ актовъ, хотя бы у нихъ послѣднихъ и не существовало. Но допущеніе такого незаконнаго увеличенія церковныхъ имѣній, всегда пользовавшихся большими или меньшими льготами въ отношеніи даней и различныхъ послугъ государству, особенно было бы невыгодно теперь, при устроеніи и исправленіи многихъ земскихъ нуждъ, требовавшихъ безотлагательно капиталовъ. Не желая оскорблять церкви отказомъ въ удовлетвореніи ея законныхъ требованій и нарушать завѣщанія прежнихъ царей и доброхотныхъ дателей въ пользу церквей, и съ другой стороны, сохраняя интересы государства и не допуская преобладанія, основаннаго притомъ на сомнительныхъ правахъ, въ льготахъ и имѣніяхъ надъ государствомъ и его тяглымъ и бѣднымъ крестьянствомъ, царь и патріархъ постановили: «Тѣ списки съ жалованныхъ грамотъ, у которыхъ архимандричьихъ и игуменскихъ, и соборныхъ старцевъ, и дьячихъ рукъ нѣтъ,—тѣмъ спискамъ не вѣрить», если бы на нихъ кто-либо основывалъ свои права на какія-либо имѣнія и льготы. Изъ этого постановленія видно, что списки съ прежнихъ дѣйствительныхъ жалованныхъ грамотъ иногда писались или возстановлялись какъ монастырями, такъ и церквями, владѣвшими прежде какими-либо имѣніями, на память, а иногда составлялись и подложныя жалованныя грамоты. Одного только подтвержденія прежнихъ жалованныхъ грамотъ было, однакожь, недостаточно для того, чтобъ устроить церковь русскую, разоренную въ смутное время. Нѣкоторые монастыри били челомъ, что «прежнихъ государей вотчины дано имъ мало, что монастырскія деревнишки разорены ворами». Постоянныя просьбы монастырей и жалобы не оставались въ этомъ случаѣ неудовлетворенными: однимъ монастырямъ жаловались земли, лѣса и рыбныя ловли, или давалось право зазывать въ запустѣлыя земли крестьянъ, распахивать дарственныя земли и во всемъ устроять по-прежнему; или же давались выморочныя имѣнія хотя и на оброки. Иногда въ пользу церкви шла половина мыта со всѣхъ судовъ, проходящихъ по рѣкамъ той мѣстности, гдѣ находился монастырь; кре-

стыние монастырскіе избавлялись отъ нѣкоторыхъ пошлинъ. Такія льготы давались иногда или на вѣчныя времена, или на опредѣленное время, или на неопредѣленное.

Съ заботливостью о внѣшнемъ благоустройствѣ русской церкви Филаретъ Никитичъ соединялъ заботливость и о внутреннемъ ея благолѣпіи. Въ 1627 году повелѣніемъ и благословеніемъ его было составлено: «Сказаніе о дѣйственныхъ чинахъ московскаго Успенскаго собора». Большая часть сказанія состоитъ изъ перечня: въ какіе дни и гдѣ бываетъ служеніе патріаршее, и бываетъ-ли при служеніи этомъ царь. Въ статьяхъ, касающихся крестныхъ ходовъ, значится: какія иконы и изъ какихъ церквей должны быть воздвигаемы, и по какому пути долженъ быть направленъ ходъ. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ о крестныхъ ходахъ приложено краткое историческое повѣствованіе о причинѣ и времени установленія хода. Есть правила относительно звона. Устрояя церковь Божію въ землѣ московской, нужно было обратить патріарху свое вниманіе и попеченіе на далекую Сибирь тѣмъ болѣе, что тамъ дѣло просвѣщенія было новое и, при смутныхъ обстоятельствахъ церкви русской, не могло быть ведено и поддерживаемо съ тою ревностью и наблюдательностью, какихъ требовала непросвѣщенная сторона. Недостатокъ пастырей въ языческой странѣ былъ причиною того, что дѣло просвѣщенія христіанскаго шло медленно между туземцами. Рѣшено было учредить въ Сибири, состоявшей до того времени въ вѣдомствѣ московской епархіи, каѳедру архіепископскую. Мѣстомъ каѳедры былъ назначенъ Тобольскъ, столица Сибири. Былъ избранъ на каѳедру тобольскую архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря Кипріанъ. Памятниками его ревности и трудовъ въ этомъ отношеніи осталось до 30 храмовъ и 12 монастырей, которые онъ или самъ строилъ, или возобновлялъ и поддерживалъ прежде его бывшіе. Порядокъ жизни въ монастыряхъ вводилъ онъ тѣмъ, что поставлялъ въ игумны лично извѣстныхъ ему строгою жизнью монаховъ, прибывшихъ съ нимъ въ Сибирь изъ Волоколамскаго, Соловецкаго и другихъ монастырей.

Время перваго самозванца, окруженнаго католиками, какъ оно ни было коротко, имѣло свое вліяніе на русское общество; въ Москвѣ были уже латинскія библіи, переводы съ польскихъ книгъ, латинскія изображенія страстей христовыхъ. Постоянныя столкновенія съ поляками не могли пройти безслѣдно особенно для лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ слоямъ русскаго общества. Правда такихъ лицъ, зараженныхъ иновѣрными мыслями, мы знаемъ не много: это князь Хворостининъ и еще какой-то князь, считавшій москвитянъ невѣждами въ дѣлахъ вѣры потому именно, что они крѣпко стоятъ за свое православіе. Какія же мѣры были приняты нашею церковью противъ вторженія католицизма, которое могло разростись и охватить многихъ? Если не могло быть серьозной полемической борьбы съ католицизмомъ частью потому, что проявленія его были большею частью одиночны, частью по недостатку людей, способныхъ вступить въ борьбу съ нимъ на южныхъ, напримѣръ, границахъ Россіи, все-таки нельзя было оставить зло не разслѣдованнымъ. Въ распоряженіи патріарха Филарета Никитича были только мѣры и средства: или уединить лицъ, зараженныхъ латинствомъ и свободомысліемъ, или пресѣчь и уничтожить причины, могущія породить измѣну православію, т. е. не дать возможности русскимъ сближаться съ католиками. Когда патріархъ узналъ

о Хворостининѣ и его заблужденіяхъ, онъ сослалъ его въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь, гдѣ князь долженъ былъ содержаться подъ крѣпкимъ надзоромъ и исполнять келейное монашеское правило. Ему запрещено было давать для чтенія какія-нибудь книги, кромѣ книгъ церковныхъ. Филаретъ Никитичъ, какъ и большая часть народа русскаго того времени, особенно не терпѣлъ католиковъ и старался не допускать ихъ въ Россію. Для сохраненія чистоты вѣры такими путями правительство даже жертвовало важными государственными интересами. Когда, напримѣръ, въ 1627 г. французскій король Людовикъ XIII присылалъ въ Москву посольство для исходатайствованія своимъ подданнымъ свободной торговли въ Россіи, при чемъ была попытка просить и о построеніи костела, посольству было отказано во всемъ наотрѣзъ. Даже въ трудное время для Россіи, передъ смоленской войною, при недостаткѣ собственныхъ военныхъ силъ, когда нужно было обратиться за помощью иностранныхъ войскъ, положено было закономъ «людей римской вѣры однолично не наймовать». И когда между наемными войсками какимъ-то образомъ оказалось нѣсколько католиковъ, ихъ вывезли обратно за границу. Иностранные писатели замѣчали, что изъ всѣхъ иновѣрцевъ только католики и жиды нетерпимы были русскими. Послѣ московскаго разоренія поляки стали особенно ненавистны русскимъ за тѣ оскорбленія отечественной святыни, до которыхъ доходило рыцарство, оскверняя Божіи церкви, ругаясь надъ алтарями, иконами, мощами и проч. Свою ненависть русскіе перенесли съ поляковъ и на всѣхъ католиковъ.

Самое видное мѣсто въ дѣятельности святѣйшаго патріарха занимаетъ печатаніе и исправленіе богослужебныхъ книгъ. Поляки и шведы, разоряя русскія церкви, жгли и книги церковныя. Въ Москвѣ, въ единственномъ мѣстѣ, откуда выходили для сѣверной Россіи печатныя богослужебныя книги, «вся штанба печатнаго дѣла отъ враговъ и супостатъ разорися и огнемъ пожжена бысть, погибе до конца и не остася ни чтоже таковаго орудія. Хитріи на то людіе мали осташася и въ иные грады отбѣгоша». Понятно, что печатное дѣло пріостановилось. Съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича дѣло печатанія возобновилось; была устроена типографія и печатались церковно-богослужебныя книги. Но печатаніе сравнительно шло неуспѣшно. И только когда возвратился изъ Литвы Филаретъ «зельною ревностію одержимъ бывъ къ божественнымъ книгамъ, повелѣлъ печатанію строитися безпрестани и предавать книги по всей русской землѣ святымъ Божіимъ церквамъ», такъ въ нихъ нуждавшимся. Патріархъ и царь видѣли, что въ книгахъ «многое нѣкое и преизлишно разногласіе и несличное стихословіе. О семъ разумно внемлюще, они повелѣли отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собрати и отъ тѣхъ древнихъ божественныхъ писаній стихословіе исправляти, яже неисправленіемъ отъ преписующихъ и многолѣтныхъ обычаевъ погрѣшено». Изъ описи книгъ лаврской библіотеки видно, что при патріархѣ Филаретѣ были взяты отсюда списки церковныхъ книгъ въ Москву для исправленія по нимъ книгъ, печатаемыхъ вновь. Такимъ образомъ пособіями при исправленіи были избраны добрые хартейные славянскіе переводы. Въ рѣдкихъ случаяхъ справщики пользовались и греческимъ текстомъ, особенно когда онъ оказывался сходнымъ съ древними славянскими переводами. Греческія книги и тогда уже не пользовались довѣріемъ. Книги грековъ считали искаженными латинянами. Однако и

при такихъ не широкихъ пріемахъ исправленія, какія были приняты, желанія патріарха, направленныя къ тому, чтобы, «все исправивъ, въ единогласіе привести всѣ потребы и чины церковнаго священноначалія», были выражены самимъ дѣломъ. Особенно было обращено вниманіе патріарха на пересмотръ потребника и служебника, первый былъ печатанъ четыре раза, второй шесть разъ. Хотя патріархъ строго слѣдилъ за печатаніемъ, самъ досматривалъ отпечатанныя уже книги, но, не знакомый съ языкомъ греческимъ, можетъ быть даже не чуждый такого же взгляда на грековъ, какой имѣли другіе, онъ не могъ многаго сдѣлать для исправленія книжнаго. Выборъ старыхъ переводовъ безъ свѣрокъ по тексту греческому не избавлялъ отъ повторенія важныхъ погрѣшностей. Исправленіемъ по древнимъ переводамъ ограничивалась только дальнѣйшая порча книгъ богослужебныхъ. Оттого-то въ служебникахъ и другихъ книгахъ времени патріарха Филарета встрѣчаются еще важные недостатки.

Иностранцы современники говорятъ, что русскіе не любили никакихъ высшихъ знаній, и одинъ изъ нихъ писалъ: «Невѣжество русскихъ таково, что во всей землѣ ни изъ высшаго сословія, ни изъ духовенства нѣтъ человѣка, который бы разумѣлъ словцо по-латыни, хотя этотъ языкъ есть корень и орудіе всякаго благоустройства, мудрости и искусства». Школы при церквахъ впрочемъ, какъ говорятъ иностранцы же, были, но въ нихъ немногіе священники или дьячки учили юношество только читать и писать на русскомъ языкѣ. Никакихъ общеобразовательныхъ книгъ не было. О русскомъ духовенствѣ и монашествѣ иностранцы говорятъ, что они ничего не могутъ отвѣтить, если ихъ спросить что нибудь изъ библіи или изъ святыхъ отцевъ, или объ ихъ вѣрѣ. Живое слово было забыто; священники не читали никакихъ проповѣдей, не дѣлали никакихъ толкованій библейскихъ текстовъ, а ограничивались только ихъ чтеніемъ и то въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Суевѣріе въ духовенствѣ было такъ же обычно, какъ и въ простомъ народѣ. Съ малообразованностью и суевѣріемъ духовенство соединяло порокъ пьянства, доходившій до того, что нетрезвые священники вступали въ стачки съ крестьянами, выходили на грабежи и разбои, творя соблазнъ и вѣрнымъ, и невѣрнымъ своимъ поведеніемъ. Грубые пороки, неразлучные съ порокомъ пьянства, унижали и бѣлое, и черное духовенство. Въ монастыряхъ было многое нестроенье, пьянство и своевольство, держали и питье пьяное, и табакъ; близъ монастырей харчевни были настроены, и продавалась брага, а старцы по пирамъ и братчинамъ ходили, постоянно бражничали и безчинствовали. Если таковы были тѣ, которые должны были служить примѣромъ доброй жизни для другихъ, можно представить, насколько высокъ былъ умственный и нравственный уровень простаго народа. Иностранцы не находятъ словъ, описывая его грубые пороки. Что же предпринималъ патріархъ относительно возвышенія умственнаго и нравственнаго состоянія русскаго народа? Къ сожалѣнію, только въ послѣдніе годы своей жизни Филаретъ нашелъ время обратить вниманіе на устройство школъ. Но вслѣдствіе недостатка людей, способныхъ заняться дѣломъ обученія русскаго юношества, нужно было обращаться съ просьбами объ учителяхъ на востокъ. Съ такою просьбою и обращался Филаретъ Никитичъ къ Кириллу, патріарху Константинопольскому. Протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе просьбъ изъ Россіи, пріѣхалъ въ 1633 г. въ Москву на службу по дѣламъ духовнымъ—пере-

водить греческія книги на славянскій языкъ и учить малыхъ ребятъ греческому языку и грамотѣ на учительскомъ дворѣ. Корму положено было ему по полтинѣ на день и сверхъ того ежегодно царскаго жалованья по десяти аршинъ камки и по сорока куницъ. Олеарій видѣлъ московскую школу, заведенную въ послѣдніе годы жизни патріарха. Въ какихъ размѣрахъ шло обученіе, мы не знаемъ. Филаретъ желалъ поднять уровень народнаго образованія. Онъ призывалъ и архіепископовъ къ участію въ устроеніи училищъ при домахъ архіерейскихъ. Но позднее, вслѣдствіе другихъ нуждъ, начатіе дѣятельности по отношенію къ народному образованію и недостатокъ людей, способныхъ къ этому дѣлу въ землѣ Русской, можетъ быть и недостатокъ въ грекахъ, готовыхъ отправляться въ Москву по требованію патріарха, все это было причиною того, что школа не могла приносить желанныхъ плодовъ. Не далѣе какъ въ 1640 г., кіевскій митрополитъ Петръ Могила писалъ Михаилу Ѳеодоровичу: «Пожалуй, царь, повели въ царствующемъ своемъ градѣ монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили. Нынѣ волошскій воевода добре позна, какова мзда отъ Бога для воздвиженья училищъ. Аще возможно и величеству твоему въ семъ прошеніи митрополита кіевскаго пожаловати, по своей воли сотвори, и митрополитъ кіевскій старцевъ со учителями пришлетъ». Эта просьба кіевскаго митрополита объ устроеніи монастыря въ Москвѣ съ цѣлью обученія русскихъ грамотѣ славянской и греческому языку ясно доказываетъ, что устроенная патріархомъ школа была слишкомъ недостаточна для своей цѣли.

Заботились царь и патріархъ и объ уничтоженіи пьянства, безчиній въ словѣ и дѣлѣ, какъ между духовенствомъ, такъ и въ народѣ. Распущенность въ этомъ отношеніи была такъ велика, что даже такіе монастыри, изстари отличавшіеся строгостью жизни, какъ Сергіева лавра и обитель Соловецкая, были увлечены общимъ потокомъ. И здѣсь пьянство, развратъ, нарушенія уставовъ нашли себѣ пріютъ въ смутное время. И вотъ съ первыхъ лѣтъ патріаршества Филарета Никитича было обращено посильное вниманіе на уничтоженіе такихъ пороковъ и своеволія въ монастыряхъ. Въ 1621 г., царь пишетъ грамоту въ Соловки, «чтобы братія жила по божественному уставу, по правиламъ отцевъ и по преданію Зосимы и Савватія, чтобы не самовластвовали, питья не держали». Но дѣло нравственнаго исправленія общества, ранѣе поставленнаго въ самыя удобныя условія для того, чтобы распущенность взяла верхъ надъ сдержанностью, каково время смутное, не можетъ быть достигнуто силами и временемъ одного человѣка. Въ нравственномъ отношеніи общество воспитывается поколѣніями.

Конецъ XVI и начало XVII вѣка были очень тяжелымъ временемъ для церкви православной. Если она по временамъ—и ранѣе XVII вѣка, и позднѣе—страдала въ какой либо странѣ, то въ другой по крайней мѣрѣ она не терпѣла особыхъ притѣсненій. Не таково было положеніе церкви за это время. Тяжелыя бѣдствія постигали ее одновременно и на Востокѣ, и въ Греціи, гдѣ ее разоряло и унижало своеволіе и фанатизмъ турокъ, и въ Грузіи, тѣснимой и разоряемой Шахъ-Аббасомъ. Церковь южно-русскую раздирала унія; церковь сѣверной Руси—самозванщина со всѣми ея ужасами. Если когда, то именно въ тяжелыя времена, члены

церкви нуждаются въ общеніи, взаимной помощи, въ сохраненіи единенія и мира духовнаго. Успокоенное Русское государство и церковь русская, получившія свою вѣру изъ Греціи, связанныя узами племеннаго родства съ угнетенными и нуждающимися въ помощи братіями другихъ церквей, имѣли теперь случай подать съ своей стороны помощь, какую могли, братьямъ по духу и тѣлу. Церковь восточная, крайне бѣдствовавшая въ то время, и прежде обращалась съ просьбами о милостыни къ церкви русской; но смуты государственныя прервали на время эти сношенія, и они возобновились только съ умиротвореніемъ государства. За милостынею пріѣзжаютъ: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и простые старцы изъ іерусалимской, александрійской, константинопольской патріархій, а черезъ эти каѳедры русскіе не забывали и каѳедру антіохійскую. Особенно часто писалъ въ Россію патріархъ константинопольскій Кириллъ. Вся церковь восточная ниоткуда не ждала помощи, какъ только отъ русской церкви; не имѣла ниоткуда надежды, какъ только изъ Россіи. И русская церковь оправдывала надежды церквей восточныхъ. Чтобы судить о русской милостынѣ на востокѣ въ первую четверть XVII в., укажемъ на то, что только въ одномъ 1624 г. русскими послами роздано было по разнымъ монастырямъ восточныхъ патріархій за здравіе царское 1590 золотыхъ. Кромѣ восточныхъ церквей, приходили за милостынею изъ Угорской земли, Сербіи, Болгаріи. Замѣтимъ однако, что отказывали тѣмъ лицамъ, которыя, приходя въ Русскую землю, не приносили какихъ либо политическихъ новостей изъ Турецкой или Литовской земли, или вообще той страны, чрезъ которую кому случалось ѣхать. Правительство желало знать о томъ, что дѣлается въ политическомъ мірѣ. Пріѣзжающихъ обыкновенно прежде всего спрашивали въ посольскомъ приказѣ: гдѣ кто ѣхалъ, какою землею, и что слышалъ, какія отношенія между сосѣдними дворами, и нѣтъ ли какихъ либо замысловъ. Не сообщавшіе политическихъ новостей принимаемы были холодно. Православная церковь южно-русская также не была забываема милостями царя и патріарха. Начиная съ 1621 г. мы видимъ приходящихъ за милостынею изъ Львова, Галича, Кіева; архимандритъ печерскій Петръ Могила часто сносился грамотами съ патріархомъ Филаретомъ то по личнымъ нуждамъ, то ходатайствуя за другихъ. Въ 1620 г. было посольство въ Москву отъ Сагайдачнаго съ просьбою о покровительствѣ. Православные казаки Малороссіи около 1625 г. отправляли въ Москву посольство, во главѣ котораго былъ епископъ луцкій Исаакій, съ просьбою принять казаковъ подъ русское покровительство отъ гнета католицизма. «У малороссіянъ одна только дума, говорилъ Исаакій, какъ бы поступить подъ государеву руку». Но эти посольства и просьбы не достигали своей цѣли. Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ, не желая нарушить до урочнаго времени мирнаго договора съ поляками, обнадежили пословъ обѣщаніемъ быть полезными въ свое время, щедро одарили ихъ, но, связанное договоромъ 1618 г., правительство хотя и не могло начать войны съ Польшею изъ за казаковъ, оно тѣмъ не менѣе желало знать о всѣхъ притѣсненіяхъ, какія терпѣли православные отъ католиковъ.

Патріарха Филарета лѣтописецъ недаромъ назвалъ государственнѣйшимъ патріархомъ. Мы видимъ въ характерѣ и образѣ дѣйствій его искуснаго дипломата и правителя; въ лицѣ его совершилось дѣйствительное соединеніе высшей духовной и гражданской власти. Въ грамотахъ и

указахъ того времени значилось: «Государь, царь и великій князь Михаилъ Өеодоровичъ всея России и великій Государь, Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи указали». И титулъ «великаго государя» не былъ у Филарета Никитича только почетнымъ титломъ, но дѣйствительнымъ обозначеніемъ и государственной власти, и государской дѣятельности патріарха. Въ полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи есть указъ о наслѣдствахъ, изданный только однимъ великимъ государемъ патріархомъ, безъ участія царя. Когда вступилъ на престолъ Михаилъ, еще «не бѣ ему толика разума», чтобы исправить разстроенный государственный порядокъ; бояре, окружавшіе престолъ царя, своевольствовали и не боялись молодаго государя. Мать не много могла пособить въ дѣлѣ управленія. Патріархъ Филаретъ, богатый опытностью, въ ранніе годы занимавшій видное мѣсто при дворѣ московскомъ, всего лучше могъ быть руководителемъ и совѣтникомъ своего сына, и лѣтописецъ справедливо замѣтилъ, что онъ «всякими царскими и ратными дѣлами владѣлъ». Онъ съ перваго же раза понялъ нужду экономическаго устроенія страны и посовѣтовалъ царю произвесть общую перепись въ видахъ облегченія и уравненія раскладокъ въ государственныхъ повинностяхъ. Такъ же хорошо понялъ онъ и нужду усиленія самодержавной власти, когда, по его совѣту, было уничтожено мѣстничество на службѣ при полкахъ и при отправленіи посольскихъ обязанностей. Со времени возвращенія изъ Польши и до самой смерти Филарета, всѣ важныя государственныя постановленія и распоряженія производились по совѣту и благословенію его. Бояре часто собирались у государя патріарха предъ крестовою палатою въ сѣняхъ для разсужденія о дѣлахъ государственныхъ. О нихъ докладывали царю и патріарху. До самой смерти патріархъ былъ преданъ интересамъ государства и дѣятельно участвовалъ въ правленіи государствомъ. Это двоевластіе заявлялось оффиціально: при торжественныхъ пріемахъ пословъ иностранныхъ и въ судахъ надъ русскими боярами. Патріархъ присутствовалъ при аудіенціяхъ посламъ. Въ такихъ случаяхъ онъ сидѣлъ по правую руку государя въ своемъ святительскомъ мѣстѣ, обитомъ чернымъ бархатомъ, въ бархатной мантіи съ саженными источниками, въ большомъ клобукѣ съ золотыми дробницами, съ каменьемъ и жемчугами. Когда патріархъ не присутствовалъ при пріемахъ или отпускахъ пословъ у царя, они оффиціально представлялись одному патріарху. Церемоніи пріема пословъ были тѣже, что и при представленіи ихъ царю.

LXIII. СОЕДИНЕНІЕ ЛИТВЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ И ЛЮБЛИНСКАЯ УНІЯ.

(По соч. Кояловича: «Люблинская унія»)

Сто восемьдесятъ три года прошло со времени перваго соединенія Литвы съ Польшей при Ягеллѣ (1386), до послѣдняго, рѣшительнаго соединенія ихъ при королѣ польскомъ и великомъ князѣ литовскомъ Сигизмундѣ-Августѣ (1569). Очевидно, что процессъ сліянія двухъ государствъ въ одно тормозился многими препятствіями, если государства

эти, состоя подъ управленіемъ одной династіи, иногда подъ управленіемъ однихъ и тѣхъ же государей, при несомнѣнномъ желаніи этихъ послѣднихъ добиться слiянія, долго не могли соединиться въ одно прочное и неразрывное цѣлое. Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягеллѣ было рѣшено случайностью существованія въ Польшѣ царственной невѣсты, на которой и женился в. князь литовскій. Съ другой стороны Литва, въ виду усиливавшагося Московскаго государства, въ виду набѣговъ крымцевъ, въ виду того, что сама была обременена многочисленными русскими землями, должна была искать себѣ союзниковъ и нашла ихъ въ полякахъ, королемъ которыхъ сдѣлался ея великій князь. О народныхъ симпатіяхъ, ведшихъ въ XIV столѣтіи Литву и Польшу во взаимныя объятія, не можетъ быть и рѣчи: симпатій этихъ не существовало, по крайней мѣрѣ онѣ ни въ чемъ не проявились. Но соединеніе Литвы съ Польшею на первыхъ же порахъ вызвало многочисленныя затрудненія. Противоположность между строемъ литовскимъ и строемъ польскимъ была слишкомъ значительна, чтобы дѣло могло сладиться вполнѣ мирно и спокойно. Въ Литвѣ государи были наслѣдственные, почти съ неограниченною властью, въ Польшѣ они были избирательные, съ очень ограниченною властью Аристократія литовская принадлежала къ княжескимъ фамиліямъ, нѣкогда владѣтельнымъ. Въ Литвѣ между аристократіей и простымъ народомъ былъ многочисленный средній классъ, такъ называемое боярство, которое, примыкая съ одной стороны нечувствительно къ аристократіи, а съ другой къ простому народу, давало возможность этому послѣднему быть свободнымъ классомъ земледѣльцевъ. Въ Польшѣ крупный аристократизмъ терялся въ шляхетствѣ, которое, съ другой стороны, сосредоточивъ въ себѣ всѣ права, приготовило для крестьянскаго сословія почти рабское состояніе. Поэтому въ Литвѣ ни крестьянству, ни аристократіи не могло особенно нравиться близкое соединеніе съ Польшею, при чемъ эта послѣдняя должна была неминуемо навязать первой свой политическій и общественный строй. Зато литовско-русское боярство могло желать и дѣйствительно желало соединенія, при которомъ оно надѣялось преобразиться въ шляхетство.

Пользуясь содѣйствіемъ элементовъ, не расположенныхъ къ уніи, двоюродный братъ Ягелла—Витовтъ, вскорѣ послѣ 1386 года, поднялъ смуту, которая угрожала расторгнуть тѣ слабыя узы, какими Ягелло старался привязать исконное владѣніе своихъ предковъ къ своему новому королевству. Пришлось за Витовтомъ утверждать личное право управлять Литвою. Литовцы задобрены были дарованіемъ польскихъ дворянскихъ гербовъ, польскихъ чиновныхъ названій, дозволеніемъ сеймовъ по образцу польскихъ, и въ свою очередь обѣщали быть въ неразрывномъ союзѣ съ Польшею. Это соглашеніе достигнуто было на сеймѣ въ Городлѣ въ 1413 г. Витовтъ однако держалъ себя отдѣльно и ограждалъ, на сколько могъ, свои владѣнія отъ польскаго вліянія. Онъ даже намѣревался провозгласить себя королемъ, но польско-латинская интрига помѣшала этому. Впрочемъ, главная причина неудачи скрывалась не въ этихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ: Литва дѣйствовала врозь съ Русью. По городельскому акту польскими преимуществами могли пользоваться только принявшіе католичество, а такъ какъ таковыми были главнымъ образомъ литовцы, то новыя ихъ привилегіи внесли рознь между ними и русскими.

Послѣ смерти Витовта рѣзкая отдѣльность Литвы отъ Польши продолжалась по-прежнему. Польскій король и в. князь литовскій Казимиръ (1440—1492) ничего не сдѣлалъ для слiянія двухъ половинъ своихъ владѣній. При немъ въ Литвѣ усилился даже элементъ русскій, ибо король особенно благоволилъ къ нему. Цѣлая масса русскихъ князей переходила добровольно подъ его власть, даже Новгородъ искалъ его покровительства и чуть было не примкнулъ къ Литвѣ. При сынѣ Казимира, Александрѣ, управлявшемъ Литвою въ то время, когда братъ его Янъ-Альбертъ управлялъ Польшею, значеніе русскаго элемента въ Литвѣ возросло до того, что Глинскій былъ самымъ приближеннымъ человѣкомъ, и даже, послѣ смерти Александра, возникла серьозная опасность, чтобы онъ не утвердился на виленскомъ престолѣ. Но столь благопріятныя для отдѣльнаго существованія Литвы обстоятельства прекратились съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Янъ-Альбертъ, и Александръ явился государемъ обоихъ государствъ. Теперь онъ долженъ былъ хлопотать объ уніи и при этомъ о возвращеніи подъ власть Польши Кіевской и Волынской областей, что обѣщалъ еще сдѣлать Ягелло, но не могъ выполнить на самомъ дѣлѣ. Литовцы всполошились, собрали всѣ свои силы и затормозили это дѣло такъ, что новый актъ соединенія Литвы съ Польшей съ подчиненіемъ послѣдней областей Кіевской и Волынской составлялся нѣсколько лѣтъ, подписанъ только немногими литовцами и остался безъ исполненія. Тѣмъ не менѣе народное западно-русское дѣло понесло невознаградимую потерю. Русскія области обѣднѣли лучшими людьми, перешедшими въ Московское государство, даже иныя русскія земли отпали совсѣмъ отъ Литвы. Народное дѣло осталось въ рукахъ однихъ литовцевъ, немногочисленныхъ, значительно ополяченныхъ и олатиненныхъ, а потому мало способныхъ опираться на поддержку народа. Можно думать, что еслибы Сигизмундъ, наслѣдникъ Александра, менѣе любилъ Литву, то онъ безъ особаго труда достигъ бы окончательной ея уніи съ Польшею. Но онъ самъ нарочно не поднималъ вопроса ни объ укрѣпленіи прежнихъ договоровъ, ни о передачѣ областей Кіевской и Волынской. Онъ даже далъ Литвѣ особаго правителя въ лицѣ своего сына Сигизмунда-Августа.

Не смотря на то, что и этотъ послѣдній былъ, подобно отцу, ревностнымъ литовскимъ патріотомъ, онъ, сдѣлавшись польскимъ королемъ, поставленъ былъ въ необходимость хлопотать объ уніи. До сихъ поръ одною изъ сильнѣйшихъ связей между двумя смежными государствами была династія Ягеллоновъ, любимая въ Литвѣ и доставлявшая Польшѣ королей. Сигизмундъ-Августъ былъ бездѣтенъ и послѣдній изъ Ягеллоновъ. Смерть его угрожала полнымъ разъединеніемъ, такъ какъ поляки выбрали бы, вѣроятно, на свой престолъ одно лицо, литовцы—другое, причемъ трудно было разсчитывать на тѣсную дружбу какъ обоихъ государей, такъ и обоихъ народовъ. Хотя и патріотъ литовскій, Сигизмундъ-Августъ не желалъ допустить разрыва между Литвою и Польшею, разрыва, который считалъ одинаково пагубнымъ для обѣихъ сторонъ. Во чтобы то ни стало, слѣдовало покончить дѣло въ томъ смыслѣ, чтобы не допускать разобщенія. Сигизмундъ-Августъ принялся за разрѣшеніе этой трудной задачи.

Онъ началъ съ того, что часть доходовъ, идущихъ съ государственныхъ литовскихъ земель въ его кассу и находившихся во владѣніи ли-

товскихъ вельможъ, подарилъ польской коронѣ. Это значило, что король, избранный въ Польшѣ, тѣмъ самимъ дѣлается в. княземъ литовскимъ; это значило также, что если Литва сольется съ Польшей, то и сама будетъ участвовать въ избраніи короля; въ противномъ же случаѣ ей прійдется принимать того, кого изберутъ поляки. Этотъ «варшавскій рецессъ» сильно разсердилъ литовскихъ вельможъ. Они протестовали, но безъ успѣха, такъ какъ в. князь могъ по своему произволу распорядиться тѣмъ, что считалось его собственностью. Между недовольными ходила даже мысль о томъ, чтобы передаться царю московскому, мысль, которая могла бы имѣть значительный успѣхъ, еслибъ на московскомъ престолѣ сидѣлъ вмѣсто Іоанна IV, уже прославившагося тогда своими жестокостями, кто-либо другой.

Намъ уже извѣстно, что изъ всѣхъ сословій Литвы одно лишь боярство могло желать слиться съ Польшею. Но оно жило на земляхъ аристократіи, и потому было отъ нихъ зависимо. Когда въ Литву проникли многія польскія новости въ родѣ сеймовъ, гербовъ и т. д., дѣлавшіяся доступными лишь для аристократіи, то боярство стало очень негодовать на свое положеніе. Аристократія сдѣлала ему уступку допущеніемъ областныхъ сеймовъ, на которыхъ участвовали и бояре; они-то могли избирать депутатовъ и на главный сеймъ. Но понятно, что, сидя на землѣ аристократовъ, бояре не могли имѣть существеннаго значенія ни на областныхъ сеймахъ, ни на главномъ. Король замѣтилъ эту слабую сторону и воспользовался ею. Онъ юридически уравнялъ литовское боярство съ аристократіей во всѣхъ правахъ. Такимъ образомъ сразу получалась значительная сила въ самой Литвѣ, готовая способствовать полному слiянію съ Польшею. Подготовивъ такимъ образомъ все дѣло, король велѣлъ (1569) съѣхаться и полякамъ, и литовцамъ на сеймъ въ Люблинъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о полномъ сліяніи обоихъ союзныхъ государствъ.

Сеймъ открылся 10 января. Поляки рѣшились дѣйствовать энергично и думали, что имъ удастся покончить дѣло вдругъ. Предполагая вопросъ о томъ, что унія неминуемо состоится, какъ-бы находящимся внѣ всякаго сомнѣнія, они предложили литовскимъ представителямъ сразу засѣсть съ ними вмѣстѣ и такимъ образомъ вести дальнѣйшее обсужденіе дѣла. Но литовцы, для которыхъ предлагаемая унія была не особенно желательною, этого предложенія не приняли. Они ссылались на обычай, по которому до сихъ поръ сеймы польскій и литовскій собирались отдѣльно и сносились другъ съ другомъ при помощи короля или особыхъ коммисаровъ; къ тому же они говорили, что желаютъ прежде покончить съ королемъ свои собственныя, чисто литовскія дѣла. Подъ послѣдними должно подразумѣвать то, что они добивались отъ Сигизмунда-Августа утвержденія своего собственнаго статута для Литвы и нѣкоторыхъ другихъ особыхъ правъ. Король сообразилъ, что удовлетворить ихъ желанію—значитъ сдѣлать полное сліяніе Польши и Литвы невозможнымъ, и потому отказалъ въ просьбѣ литовскихъ депутатовъ, пригласивъ ихъ прежде всего покончить важнѣйшее дѣло—дѣло уніи. Такимъ образомъ тактика литовцевъ не удалась; но не удалась и тактика поляковъ, желавшихъ сразу устроить совмѣстныя засѣданія: литовцы заявили, что они по-прежнему будутъ засѣдать отдѣльно до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ соглашеніе по всѣмъ пунктамъ. Вслѣдъ затѣмъ

обнаружилось, что обѣ стороны придерживаются весьма различныхъ точекъ зрѣнія на унію. Литовцы требовали оставленія въ сторонѣ вопроса о государственномъ слитіи Литвы съ Польшей и высказывались лишь за закрѣпленіе нравственнаго братскаго союза. Поляки выдвигали на первый планъ актъ уніи Александра и варшавскій рецессъ. Первый изъ этихъ актовъ литовцы называли пустою бумагою, о второмъ говорили, что такъ какъ сами, подобно полякамъ, имѣютъ право на избраніе государя, который въ Литвѣ можетъ получать власть не только по наслѣдству, то Сигизмундъ-Августъ, подаривъ Польшѣ на вѣчныя времена доходы съ литовскихъ государственныхъ имуществъ, подарилъ ей то, чего самъ не имѣетъ. Желая достигнуть соглашенія, король предложилъ обѣимъ сторонамъ слѣдующій проектъ уніи: сліяніе Литвы съ Польшею въ одно государство и одинъ народъ; признаніе одного монарха, избраннаго на общемъ сеймѣ; уничтоженіе особыхъ сеймовъ, особыхъ печатей, особой монеты, а также всѣхъ статей статута, нарушающихъ подобное единство; собственная Литва и Бѣлоруссія могутъ сохранить литовскій государственный титулъ, государственныя должности и очищенный статутъ; что касается до остальныхъ (малорусскихъ) частей княжества, то эти особенности на нихъ не распространяются, и онѣ переходятъ въ непосредственное польское управленіе. Литовцы отвергли этотъ проектъ, противопоставивъ ему слѣдующій свой: Польша свободно избираетъ себѣ короля, а Литва, также свободно, избираетъ этого короля своимъ в. княземъ, причемъ послѣ коронаціи въ Краковѣ должна слѣдовать коронація въ Вильнѣ; сохраняется отдѣльность сеймовъ, монеты, управленія; литовскій статутъ остается въ силѣ и не подвергается передѣлкѣ; Литва сохраняетъ всѣ свои владѣнія, не исключая Кіевской и Волынской областей, а Польша обязана гарантировать цѣльность этихъ владѣній. Но этотъ проектъ въ свою очередь отвергли поляки, говоря, что тутъ вовсе нѣтъ уніи, ибо «мы и съ невѣрными можемъ имѣть такой союзъ». Король, въ качествѣ защитника уніи въ польскомъ смыслѣ, рѣшился на хитрость. Онъ секретно условился съ польскими депутатами, чтобы они незамѣтно собрались въ назначенный день и часъ въ замокъ. Предполагалось затѣмъ, что король къ тому же времени призоветъ къ себѣ своею властью всѣхъ литовцевъ и введетъ ихъ въ польскій сеймъ. Поляки приготовились, король послалъ за литовцами, но тѣ, провѣдавъ въ чемъ дѣло, не явились и даже на слѣдующій день (28 февраля), не желая впредь подвергаться подобнымъ сюрпризамъ, уѣхали изъ Люблина почти всѣ.

Такимъ образомъ дѣло уніи казалось неудавшимся, сеймъ разстроеннымъ. Поляки страшно негодовали и, въ пылу гнѣва, кричали, что литовцы хуже турокъ, что ихъ слѣдуетъ проучить оружіемъ. Понятно, что о войнѣ серьозно не думали, какъ потому, что исходъ ея могъ быть плачевнымъ для самой Польши, такъ и потому, что въ такомъ случаѣ пришлось бы навсегда отказаться отъ полнаго слiянія, на какое можно было разсчитывать лишь при мирной политикѣ. Поляки рѣшились продолжать занятія сейма, какъ бы игнорируя какъ уѣхавшихъ, такъ и оставшихся литовцевъ; но за то они пригласили въ Люблинъ представителей Подлясья, литовской области, расположенной къ югу отъ Бѣловѣжской пущи. Многіе граждане Подлясья были недовольны литовскими аристократами, обращавшимися съ ними очень безцеремонно.

Подлясскимъ депутатамъ обѣщаны были нѣкоторыя льготы въ податяхъ, если они признаютъ, отъ имени своей области, унію и засядутъ на сеймѣ вмѣстѣ съ поляками. Къ тому же большинство этихъ депутатовъ были должностныя лица, а должности ихъ были соединены съ поземельнымъ владѣніемъ, которое могло быть отнято королемъ въ случаѣ упорства съ ихъ стороны. Все дѣло сладилось такъ, какъ желалъ король. За Подлясьемъ очередь дошла до Волыни, съ представителями которой люблинскій сеймъ думалъ поступить подобнымъ же образомъ. Предполагалось оттягать отъ Литвы одну область за другой, обезсилить ее и такимъ путемъ заставить согласиться на унію, сообразную съ польскимъ проектомъ. Литовцы поняли тактику и испугались. Они прислали королю просьбу о закрытіи существующаго сейма и о назначеніи новаго, на который будутъ присланы и новые депутаты отъ Литвы. Король былъ не прочь поступить сообразно этой просьбѣ, но польскіе политики стали настаивать, что если отсрочить дѣло, то унія можетъ погибнуть, что это маневръ со стороны литовцевъ, что, напротивъ, именно теперь открывается возможность сломить ихъ упрямство, ибо дѣло присоединенія Подлясья и Волыни заставитъ непремѣнно литовцевъ пріѣхать въ Люблинъ и сдаться. Представленія эти взяли верхъ: рѣшено было продолжать сеймъ, издать актъ соединенія Литвы съ Польшей и назначить литовскимъ депутатамъ, не новымъ, а прежнимъ, прибыть черезъ шесть недѣль.

Между тѣмъ волынское дѣло продолжалось. У малороссійскихъ аристократовъ не было сознательныхъ и сильныхъ побужденій отрѣшиться отъ Польши, а между тѣмъ, независимо отъ всякихъ отношеній къ ней, были побужденія предпочитать союзъ съ этой страной союзу съ Литвой. Русскія области больше всѣхъ страдали отъ татаръ, и къ нимъ гораздо скорѣе могла поспѣть помощь польская, чѣмъ литовская. Къ тому-же послѣ Глинскаго Ю. З. Русь обѣднѣла русскими людьми. Ихъ стали замѣнять литовцы, причемъ затрогивались интересы оставшихся русскихъ людей. О симпатіяхъ боярства къ Польшѣ говорено было выше. Не смотря на все это, представители Волыни на сеймъ ѣхали неохотно. А представителями этими были, не депутаты, избранные мѣстными сеймиками, но тоже должностныя лица, у которыхъ король, какъ в. князь литовскій, могъ отнять ихъ земли. Это обстоятельство не могло не вліять на податливость волынцевъ. Хотя, прибывъ въ Люблинъ, они говорили, что русскій народъ ихъ растерзаетъ за сліяніе ихъ области съ Польшею, но тѣмъ не менѣе они, руководствуясь вышеуказанными причинами и, быть можетъ также, тою привычкою покоряться волѣ монарха, которая такъ свойственна русскому человѣку, заканчивали свои рѣчи заявленіемъ «Однако волю государя готовы исполнить». Въ концѣ-концовъ волынцы присягнули на унію и засѣли вмѣстѣ съ польскими депутатами.

Литовскіе депутаты, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, вернулись въ Люблинъ. Они попытались было оттянуть русскихъ депутатовъ на свою сторону, но тѣ, связанные присягою, не могли дѣятельно помочь имъ, хотя искренне того желали и умоляли сеймъ, чтобы онъ ихъ «не разлучалъ съ литовцами». Теперь уже литовцамъ невозможно было настаивать на своихъ прежнихъ условіяхъ уніи. Допуская въ принципѣ избирательную систему государя, они оставляли за собою вопросъ о наслѣдственности своей династіи, требовали поочередныхъ литовскихъ сей-

мовъ, оставленія особой печати литовской и статута, въ чемъ видѣли гарантію противъ безусловнаго польскаго господства въ Литвѣ. Что касается до основаній Александровой уніи и варшавскаго рецесса, то литовцы «съ великою болью и стѣсненіемъ сердца, по приказанію вашей королевской милости», изъявляли на нихъ свое согласіе. Но поляки рѣшились не уступать ни на шагъ, и потому отказались принять даже тѣ немногія требованія, которыя имъ теперь представляли литовцы. За этимъ дѣло опять остановилось и грозило опять разстроиться. Обѣ стороны, измученныя борьбою, какъ-бы по взаимному соглашенію, обратились къ слѣдующему средству: потребовали, чтобы самъ король велъ дальше дѣло посредствомъ польскаго сената съ одной стороны и литовскаго съ другой. Оба сената съѣзжались во дворецъ и располагались въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Король присутствовалъ поочередно въ обѣихъ, склоняя стороны къ уступкамъ и передавая уступки одной стороны другой сторонѣ. Но король, въ роли посредника, далеко не могъ быть безпристрастнымъ. Двигатель уніи, онъ долженъ былъ больше сочувствовать настойчивости поляковъ, ибо ихъ требованія, хотя и невыгодныя и несправедливыя относительно Литвы, въ сущности ставили унію на прочную почву. То обстоятельство, что въ Польшѣ онъ былъ государемъ избраннымъ и очень ограниченнымъ, а въ Литвѣ наслѣдственнымъ и самодержавнымъ, давало королю возможность своимъ авторитетомъ импонировать больше одной сторонѣ, чѣмъ другой. Впродолженіе двухъ дней сряду тянулись эти новыя совѣщанія, во время которыхъ король, еле передвигая ноги, ходилъ изъ одной комнаты въ другую, вымаливая уступки. 30 іюня, въ послѣдній разъ попытавшись безуспѣшно отстоять литовскую печать, литовцы сдались, и объявлено было, что на слѣдующій день, 1 іюля, будетъ происходить присяга на унію, что и дѣйствительно состоялось.

Литовцамъ, присягнувшимъ на декретъ о люблинской уніи столь недобровольно, оставалась только надежда, что король не приведетъ въ исполненіе всего этого декрета. Дѣйствительно, ни Сигизмундъ-Августъ, ни его преемники не исполнили его въ точности, не уничтожили литовской печати, которая имѣла болѣе важное значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Она, вмѣстѣ съ литовскими государственными чинами и, главное, вмѣстѣ съ литовскимъ статутомъ, служила живымъ напоминаніемъ литовской отдѣльности отъ Польши.

LXIV. НАЧАЛО МАЛОРОССІЙСКАГО КАЗАЧЕСТВА.

(*Изъ соч. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій»*).

Казачество безспорно татарскаго происхожденія, какъ и самое названіе казакъ, означающее по-татарски бродягу, вольнаго воина, наѣздника. По основаніи Крымскаго царства и по занятіи ордами черноморскихъ странъ, татарскіе наѣздники стали безпокоить русскихъ жителей обоихъ существовавшихъ тогда государствъ—Московскаго и Литовскаго. Они отправлялись на военные подвиги по своей охотѣ, безъ приказанія и часто безъ позволенія своихъ старшихъ. Такихъ называли казаками. Отъ XVI вѣка осталось у насъ нѣсколько свидѣтельствъ о татарскихъ

казаками. Такъ Василій Ивановичъ, великій князь московскій, жаловался турецкому падишаху, что азовскіе и бѣлогородскіе татарскіе казаки безпокоятъ предѣлы Московскаго государства, помогая Литвѣ, которая тогда вела войну съ Москвою. Въ 1510 году великій князь литовскій Сигизмундъ I жаловался крымскому хану, что на литовскія области нападаютъ перекопскіе казаки, а въ 1516 г. крымскій ханъ Магметъ-Гирей объявлялъ тому же литовскому государю, что происшедшее прежде тѣмъ нападеніе татаръ на Украйну сдѣлано было своевольными татарами, бѣлогородскими казаками. Русскіе, принужденные отражать татарскіе набѣги, невольно должны были усвоивать и тѣ способы и пріемы войны, какіе употребляли ихъ враги, и такимъ образомъ у русскихъ явилось такое же казачество, какое было у татаръ. Возникли и русскіе казаки. Но это названіе въ XVI вѣкѣ еще не ограничивалось значеніемъ военныхъ людей: въ Московскомъ государствѣ на дальнемъ сѣверѣ (1564 г.) были *волостные* и *деревенскіе* казаки, называвшіеся такъ въ отличіе отъ земскихъ людей и неплатившіе, какъ послѣдніе, тягла по *обжеямъ* (поземельная единица), имѣвшіе однако свои дворы, лошадей и скотъ и занимавшіеся промыслами и торговлею. Они не были воины: изъ другихъ нѣсколько позднѣйшихъ актовъ видно, что они занимались ловлею соли и пользовались нѣкоторыми исключительными правами по этому занятію. Между тѣмъ, въ другихъ краяхъ того же Московскаго государства, на нижней Волгѣ, казаками (1582 г.) назывались вольные работники на судахъ тѣ, что послѣ на Волгѣ назывались бурлаками. Нанимаясь къ какому нибудь хозяину судна, они звались его казаками. Въ томъ же Приволжскомъ краѣ, въ тѣ же времена, казаками назывались и военные люди, не только бродячіе, гулящіе, вольные, но и начинавшіе составлять подъ этимъ именемъ особое служилое военное сословіе, заурядъ со стрѣльцами. Такимъ образомъ слово «казакъ» въ XVI вѣкѣ имѣло очень широкое значеніе и вообще выражало въ обширномъ смыслѣ то, что иначе называлось «гулящій человѣкъ», т. е. не связанный тягломъ.

Въ Руси, принадлежавшей въ XVI вѣкѣ къ Литовскому государству, названіе «казакъ» означало воина; но этотъ воинъ, однако, занимался промыслами и торговлею. Такъ въ грамотѣ, данной въ 1499 г. кіевскимъ мѣщанамъ, говорится о казакахъ, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и привозили ее въ Кіевъ на продажу. При Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ Августѣ было два рода казаковъ: однихъ набирали старосты изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей, другіе собирались въ вольныя шайки и выбирали сами себѣ предводителей. Первые назывались по имени своего старосты и предводителя. Такъ подъ 1503 г. мы встрѣчаемъ черкаскихъ Князь-Дмитровыхъ казаковъ. Съ учащеніемъ и усиленіемъ татарскихъ набѣговъ развивалось и усиливалось русское казачество. 1516 г. обозначается историками какъ періодъ уже значительной дѣятельности казаковъ. Важнѣйшими предводителями и устроителями казачества были хмельницкій староста Предславъ Ландскоронскій, черкасскій и каневскій староста Евстафій Дашковичъ, которому приписывали первому устройство казаковъ въ смыслѣ военнаго сословія, и князь Дмитрій Вишневецкій, знаменитый впослѣдствіи своими покушеніями на Крымъ и Молдавію и своею трагическою кончиною въ Царьградѣ. Ядромъ казачества сдѣлались Черкасы и Каневъ съ ихъ волостями, находившіеся долгое время подъ старостинскою властью Евстафія Дашковича, которому польскіе исто-

рики даютъ титулъ «знаменитаго казака». Обязанностью казаковъ было воевать съ татарами, но они не были единственными воинами въ краѣ. Необходимость военной силы въ Украйнѣ побуждала правительство держать вообще жителей городовъ на военной ногѣ. Такъ въ уставной грамотѣ кіевскимъ мѣщанамъ вмѣнялось въ обязанность на лошадяхъ и съ вооруженіемъ ходить въ погоню за татарами. Не будучи такимъ образомъ воинами, подобно казакамъ, мѣщане несли сверхъ того повинности, соотвѣтственныя мѣщанскому званію; казаки же, какъ люди исключительно военнаго сословія, освобождались отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной. Что для казаковъ составляло привилегію, то для мѣщанъ было отягощеніемъ. Сверхъ того, города, кромѣ тягостей, положенныхъ закономъ на мѣщанское сословіе, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, и оттого мѣщане, особенно молодые и бѣдные, которыхъ выгоды и симпатіи мало привязывали къ мѣщанству, убѣгали самовольно въ казаки; за ними и хлопы изъ селеній стали также порываться въ казачество и самовольно покидать свои тяглыя обязанности. Изъ нихъ то образовалось другого рода казачество, вольное, не подчиненное существовавшему по закону правленію: ядромъ такого вольнаго казачества сдѣлалась запорожская Сича. Когда собственно возникла эта славная впослѣдствіи община, нѣтъ точныхъ указаній.

Въ 1533 г. Евстафій Дашковичъ на піотроковскомъ сеймѣ представлялъ о необходимости держать постоянную казацкую стражу въ двѣ тысячи человѣкъ на днѣпровскихъ островахъ, да кромѣ того нѣсколько сотъ конныхъ для доставки имъ продоовльствія. Такимъ образомъ, и въ этомъ году, повидимому, еще не было Сичи. Въ шестомъ десятилѣтіи XVI вѣка, князь Дмитрій Вишневецкій построилъ городъ (укрѣпленіе) на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ казаковъ. Появленіе казацкаго поселенія на днѣпровскихъ островахъ по близости къ татарскимъ предѣламъ не по вкусу пришлось татарамъ; самъ ханъ ходилъ добывать этотъ городокъ и выгонять изъ своего сосѣдства казаковъ. Скоро послѣ того казаки имѣли уже за порогами постоянное укрѣпленіе на островѣ Томаковкѣ. То была славная впослѣдствіи Запорожская Сича. Въ актахъ, сколько намъ извѣстно, о ея существованіи первый разъ являются указанія въ грамотѣ Сигизмунда-Августа подъ 1568 годомъ, гдѣ говорится уже, что казаки на Низу, на Днѣпрѣ, не только ходятъ, какъ прежде бывало, но *перемѣшкиваютъ*, то есть обитаютъ.

Вѣроятно, образованіе Сичи совершалось не вдругъ, а постепенно и возникло изъ рыболововъ и звѣролововъ, которые издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги, ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украйну и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры. Условія пустыннаго края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сдѣлаться воинами. Изъ промышленнаго товарищества неизбѣжно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и въ поле не только за рыбою и звѣрями, но и за военною добычею, нападали на татарскіе улусы, захватывали скотъ, лошадей, брали у побѣжденныхъ конскую сбрую и вооруженіе. Была еще иная приманка для удальцовъ ходить на Низъ. Изъ Турціи чрезъ Очаковъ шелъ торговый путь въ Московское государство: этимъ путемъ проходили купеческіе караваны съ товарами. Казаки нападали на нихъ и

расхищали везомое богатство. Возвращаясь съ нимъ домой, они давали и другимъ поводъ покушаться на такой промыселъ. Украинскому поселенію пришлись по вкусу такіе походы. Число отправлявшихся весною на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Запорожье наполнялось бѣглецами.

Простота жизни, готовность на всякую опасность, благочестіе, цѣломудріе, совершенное братство между собою и строгое повиновеніе волѣ начальства—то были нравственныя требованія запорожской братчины, приближавшія ее, за исключеніемъ военнаго занятія, къ монастырской. Запорожцы собирались на раду-сходку, подобную стариннымъ вѣчамъ. На радѣ выбирались начальники. Главнымъ былъ атаманъ, носившій названіе кошеваго, и вся запорожская община, въ правительственномъ смыслѣ, называлась кошемъ—слово татарскаго происхожденія. Кошъ раздѣлялся на курени; надъ каждымъ куренемъ былъ выборный куренный атаманъ, подчиненный кошевому. Кошевой имѣлъ безусловную власть надъ кошемъ, но, по окончаніи года, отдавалъ отчетъ въ управленіи и, въ случаѣ злоупотребленій, подвергался смертной казни. Запорожцы жили въ куреняхъ, человѣкъ по сту пятидесяти въ одномъ; ссора между собою строго запрещалась; суровые и даже безчеловѣчные на войнѣ, запорожцы казнили смертью своихъ товарищей, дѣлавшихъ насилія и разбои въ мирныхъ христіанскихъ поселеніяхъ; воровство наказывалось повѣшеніемъ. Въ товарищество поступали и холостые и женатые, но ввести женщину въ Сичу запрещалось подъ смертною казнью. Запорожецъ, вступая въ Сичу, обѣщалъ воевать за христіанскую вѣру и биться противъ ея враговъ. Онъ долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу восточной церкви.

Такъ жили по описанію, переданному малорусскими лѣтописями, первые запорожцы, остававшіеся на болѣе или менѣе продолжительное время въ Сичѣ. Большая часть удальцевъ, которымъ суждено было не погибнуть и не попасть въ плѣнъ, возвращалась домой, обогащаясь добычею, нѣсколько разъ повторяла свои походы на Низъ, или же изъ нихъ образовывались казацкія шайки, которыя выбирали предводителей, величаемыхъ гетманами, или они, отвѣдавши казацкаго житья, поступали подъ предводительство какого-нибудь пана, который, въ такомъ случаѣ, называясь ихъ гетманомъ, обращался съ ними, какъ съ вольными людьми. Такіе вольные казаки служили у князей Вишневецкихъ и Ружинскихъ. Единаго начальника надъ всѣми украинскими казаками еще не было. Крайнее равенство правъ господствовало въ ихъ бытѣ. Шляхтичъ-ли, князь-ли, мѣщанинъ или сельскій хлопъ шелъ въ казаки—онъ былъ равенъ своимъ товарищамъ. Сперва вольное казачество наполнялось мѣщанами, а потомъ большинство въ немъ состояло изъ сельскихъ хлоповъ, не хотѣвшихъ повиноваться своимъ панамъ. Мѣстожительство казаковъ не ограничивалось Черкасами и Каневомъ, какъ было въ началѣ, но распространялось по всему пространству нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Полтавской и южной части Подольской. Тамъ проживали казаки, люди вольные, не хотѣвшіе подчиняться установленнымъ властямъ, и связанные съ центромъ казацкой вольности—запорожскою Сичью. Одна изъ украинскихъ лѣтописей говоритъ, что царь турецкій сдѣлалъ вопросъ: «Сколько въ Украинѣ казаковъ?» Ему отвѣчали: «У насъ гдѣ кракъ (кустъ), тамъ казакъ, а гдѣ байракъ (буеракъ), тамъ сто казаковъ.» Ка-

зацкіе походы не ограничивались уже стычками съ татарами въ степяхъ и разбиваніемъ купцовъ: на своихъ *чайкахъ*, какъ назывались ихъ челны, обшитые тростникомъ и помѣщавшіе до шестидесяти человѣкъ, казаки пускались въ открытое море, проникали въ Румелію, Анатолію, нападали на мусульманскіе города, избавляли изъ галугъ и темницъ христіанскихъ плѣнниковъ, появлялись даже подъ стѣнами столицы падишаха. Возвращаясь домой съ добычею, нѣкоторые изъ бѣдняковъ становились богачами и своимъ примѣромъ увлекали другихъ на казацкіе подвиги.

Польское правительство не покровительствовало умноженію казачества: оно не могло не видѣть въ немъ подрыва существующаго порядка, такъ какъ казачество наполнялось людьми, убѣгавшими отъ повинностей; притомъ оно боялось, что казацкіе набѣги на Крымъ и Турцію будутъ вызывать непріязненныя дѣйствія противъ Польши со стороны мусульманскихъ сосѣдей, съ которыми оно не хотѣло вести войнъ. Польскимъ и литовскимъ государямъ казалось лучше платить крымскимъ ханамъ дань, которую они называли, изъ благоприличія, жалованьемъ. Татаре нужны были для нихъ въ нескончаемой борьбѣ Литвы съ Москвою, чтобы при случаѣ можно было напускать на земли послѣдней союзныя орды. Правительство однако не желало совершеннаго уничтоженія казаковъ, но хотѣло, чтобы ихъ было немного, въ качествѣ пограничной стражи для обереженія польскихъ предѣловъ отъ татарскихъ своевольныхъ казаковъ. Въ 1557 г. Сигизмундъ Августъ похвалилъ Димитрія Вишневецкаго за его храбрые подвиги противъ татаръ, но не согласился исполнить того, что онъ предлагалъ—содержать гарнизонъ въ устроенномъ имъ замкѣ на днѣпровскомъ островѣ. Сигизмундъ Августъ, напротивъ, возлагалъ на него обязанность бдительно смотрѣть, чтобы казаки отнюдь не дѣлали нападенія на области турецкаго императора, съ которымъ какъ и съ крымскимъ царемъ, заключенъ былъ вѣчный миръ. Въ 1568 г., когда уже образовалась запорожская Сича, Сигизмундъ Августъ въ универсалѣ къ казакамъ писалъ: «Мы освѣдомились, что вы, самовольно выѣхавши изъ нашихъ украинныхъ замковъ и городовъ, проживаете на Низу, по Днѣпру по полямъ и по инымъ *входамъ* и причиняете вредъ и грабительство подданнымъ турецкаго царя, также чабанамъ и татарамъ перекопскаго царя, а тѣмъ самымъ приводите границы нашихъ государствъ въ опасность отъ непріятеля. Приказываемъ вамъ возвратиться въ наши замки и города, съ поля, съ Низу, и со всѣхъ входовъ, не отправляться туда своевольно и не безпокоить татарскихъ улусовъ; если же кто не станетъ повиноваться настоящему нашему приказанію, тѣмъ украинскіе наши старосты будутъ чинить жестокое наказаніе». Распоряженія эти не имѣли силы. Сича не уничтожалась, напротивъ укрѣплялась, казацкіе побѣги не только не прекращались, но увеличивались. Въ послѣдній годъ своего царствованія (1572), Сигизмундъ Августъ поручилъ коронному гетману Язловецкому произвести въ казачествѣ переборъ и, ограничивъ казаковъ извѣстнымъ числомъ, взять ихъ изъ-подъ власти старостъ подъ свою власть, назначивъ имъ годовое жалованье. Тогда, сколько извѣстно, былъ поставленъ первый разъ старшій надъ всѣми казаками съ правомъ суда надъ ними, подъ главнымъ начальствомъ короннаго гетмана. Этимъ старшимъ былъ нѣкто Янъ Бадовскій, шляхетскаго происхожденія. Съ этихъ поръ являются надъ казаками старшіе, признаваемые правительствомъ.

Преемникъ Сигизмунда Августа, Стефанъ Баторій, хотѣлъ ослабить и мало-по-малу довести до уничтоженія казаковъ. Стефанъ началъ свое дѣло стѣсненія казаковъ мѣрами, повидимому, благопріятными для казачества. Онъ послалъ, какъ-бы въ знакъ милости и благосклонности, казацкому гетману Өедору Богданку бунчукъ, булаву, печать съ изображеніемъ воина, знамя съ королевскимъ гербомъ и подтвержденіе въ достоинствѣ какъ гетмана, такъ и старшинъ. Онъ учредилъ въ казацкомъ сословіи особое сословіе подъ названіемъ реестровыхъ, на образецъ пограничной венгерской стражи, называемой гайдуками. Учрежденная нарочно коммиссія обязана была въ опредѣленное время набирать изъ жителей коронныхъ имѣній южной Руси реестровыхъ казаковъ и вести имъ списокъ. Ихъ должно было быть только шесть тысячъ и они составляли шесть полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій и переяславскій. Каждый полкъ, подъ начальствомъ полковника и его помощника, эсаула, дѣлился на десять сотенъ, каждая сотня состояла подъ начальствомъ сотника и его помощника, сотеннаго эсаула. Гетману, главному начальнику надъ всѣми казаками, давался для резиденціи городъ Трехтемировъ. При гетманѣ были чины генеральные: асаулъ, судья, и писарь. Всѣмъ казакамъ положено жалованье по червонцу въ годъ и по тулупу каждому. Осыпая, такимъ образомъ, милостями казаковъ, король показывалъ имъ, что считаетъ ихъ своими подданными и имѣетъ право верховнаго начальства надъ ними. Учрежденіемъ въ казацкомъ сословіи реестровыхъ король сдѣлалъ разъединеніе между казаками; онъ имѣлъ въ виду, чтобы современемъ только эти шесть тысячъ, записанныя въ реестръ, остались казаками, а прочіе мало-помалу вошли въ сословіе посполитыхъ: они всѣ наравнѣ съ другими, подпали-бы подъ власть дворянъ; наконецъ и шесть тысячъ реестровыхъ, получая жалованье, какъ солдаты, подвергаясь распоряженіямъ главнокомандующаго польскими войсками, должны были сдѣлаться только однимъ изъ отдѣловъ польской арміи. Өедоръ Богданко поблагодарилъ за подарки, а о подчиненности не думалъ, и тотчасъ-же, безъ позволенія короля, пошелъ воевать съ турками. Преемникъ его, Ганъ Подкова, овладѣлъ Молдавіею. Оттоманская Порта просила къ усмиренію его содѣйствія Польши; Стефанъ приказалъ хитрымъ оброазмъ схватить его и казнить. Казаки выбрали гетманомъ друга Подковы, Шаха, и начали мстить за Подкову. Тогда-то было начало столѣтней вражды южноруссовъ съ поляками.

LXV. МОРСКІЕ ПОХОДЫ ЗАПОРОЖСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

(*Изъ соч. Боплана: «Описаніе Украйны» **).

Задумавъ *погулять* на морѣ, казаки испрашиваютъ дозволенія не у короля, а у гетмана, потомъ составляютъ *раду*, т. е. военный совѣтъ, и выбираютъ походнаго атамана, такъ точно, какъ и главнаго вождя.

---

*) Description d'Ukranie, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Par le sieur de Beauplan. A Rouen. 1650.

Впрочемъ атаманъ походный ставится на время. Послѣ сего они отправляются въ войсковую *скарбницу*, сборное свое мѣсто, строютъ тамъ челны, длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 12 футовъ. Челны сіи безъ киля: дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна ивоваго или липоваго; оно обшивается съ боковъ на 12 ф. въ вышину досками, которыя приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 ф.; толстые канаты изъ камыша, обвитые лыкомъ или боярышникомъ, какъ связанные боченки, обхватываютъ челнъ отъ кормы до носа. Челны казацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ, но при сильномъ вѣтрѣ казаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы, если же ихъ зальетъ волнами, то камышевые канаты предохраняютъ отъ потопленія. Сухари складываютъ въ бочки, длиною въ 10, а въ поперечникѣ около 4 ф.; достаютъ ихъ черезъ втулку. Сверхъ того каждый казакъ запасается горшкомъ варенаго проса и горшкомъ тѣста, распущеннаго въ водѣ, которое они ѣдятъ, смѣшавъ съ просомъ. Тѣсто сіе, вкусомъ кисловатое, служитъ казакамъ для пищи и для питья: называютъ его *саламатою*, т. е. лакомымъ кушаньемъ, хотя я не находилъ въ немъ большой пріятности и употреблялъ оное въ путешествіяхъ только при недостаткѣ лучшей пищи. Казаки во время похода всегда трезвы, и если замѣшается пьяница, атаманъ тотчасъ приказываетъ выбросить его за бортъ; имъ не позволено также брать съ собою водки, ибо трезвость считаютъ необходимою при исполненіи своихъ предпріятій.

Для отмщенія татарамъ за разореніе Украйны казаки выбираютъ осеннее время; заранѣе отправляютъ въ Запорожье снаряды и запасы, необходимые для похода и для постройки челновъ. Въ Запорожьѣ собирается отъ 5 до 6000 хорошо вооруженныхъ казаковъ, которые немедленно принимаются за постройку лодокъ. Не менѣе 60 человѣкъ, искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, трудятся около одного челна и отдѣлываютъ оный чрезъ 15 дней, такъ что въ двѣ или три недѣли изготовляютъ около 80 или 100 лодокъ, съ 4 или 6 фальконетами. На челнъ садится отъ 50 до 70 казаковъ, изъ коихъ всякій имѣетъ саблю, двѣ пищали, 6 фунтовъ пороха, достаточное количество пуль и квадрантъ; туда же кладутъ ядра для фальконетовъ и необходимые жизненные припасы. Походная одежда состоитъ изъ рубахи, двухъ шароваръ (одни для перемѣны), кафтана изъ толстаго сукна и шапки. Вотъ какіе витязи садятся на летучій флотъ, приводящій въ трепетъ многолюдные города Натоліи!

Челны казацкіе спускаются по Днѣпру и плывутъ такъ тѣсно, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами; атаманскій флагъ развѣвается впереди. Турки обыкновенно заранѣе провѣдываютъ о намѣреніи казаковъ и, чтобы удержать ихъ, разставляютъ галеры свои на устьѣ днѣпровскомъ; но хищные казаки для выхода въ море избираютъ ночь самую темную, предъ новолуніемъ, а до того времени скрываются въ 3 или 4 миляхъ отъ устья, въ камышахъ, куда галеры турецкія, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться: онѣ стерегутъ казаковъ только на устьѣ и всегда безъ успѣха. Впрочемъ проѣздъ казаковъ чрезъ Ли-

манъ не можетъ совершенно укрыться отъ стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцевъ по берегамъ Натоліи, Болгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Казаки, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра, причаливаютъ къ берегамъ Натоліи и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженныхъ пищалями, дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Натолію, нерѣдко на цѣлую милю отъ морскаго берега, потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею и плывутъ далѣе на новые поиски. Есть надежда на успѣхъ—вновь дѣлаютъ высадку; если нѣтъ—возвращаются съ добычею на родину; встрѣтятся ли имъ на морѣ турецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ въ абордажъ. Открываютъ же непріятельскій корабль или галеру прежде, нежели турки замѣтятъ ихъ челны, возвышающіеся надъ морскою поверхностью неболѣе 2$^1/_2$ футовъ. Увидѣвъ вдали корабль, казаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра и становятся такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце у нихъ было за спиною. За часъ до захожденія онаго на всѣхъ веслахъ плывутъ къ кораблю и останавливаются на милю отъ него, чтобы не упустить непріятеля изъ вида. Наконецъ въ полночь, по данному знаку, устремляются на врага: половина удальцевъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждетъ абордажа и, сцѣпившись съ турецкимъ судномъ, въ одно мгновеніе входитъ на оное. Турки, изумленные нападеніемъ 80 или 100 лодокъ и множествомъ враговъ, уступаютъ; а казаки, забравъ деньги, негромоздкіе товары, которымъ не вредитъ подмочка, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ полезно, пускаютъ корабль на дно со всѣмъ его экипажемъ. Если-бы они умѣли править морскими судами, то уводили-бы съ собою и взятые корабли; но они еще не дошли до сего искусства.

Наконецъ настаетъ время къ возвращенію на родину. Турки между тѣмъ усиливаютъ стражу на устьѣ днѣпровскомъ; но казаки смѣются надъ этимъ даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ уменьшили число ихъ, или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ: они причаливаютъ въ заливѣ въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива къ Днѣпру идетъ узкая лощина, длиною около 3 миль, которую иногда море заливаетъ на $^1/_4$ мили, покрывая ее водою не болѣе какъ на $^1/_2$ фута. Чрезъ сію лощину казаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200 или 300 человѣкъ, и чрезъ 2 или 3 дня весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ казаки избѣгаютъ сраженія съ турецкими галерами, стоящими на устьѣ днѣпровскомъ близъ Очакова, возвращаются въ войсковую скарбницу и дѣлятъ тамъ добычу.

Впрочемъ и казаки въ свою очередь попадаются въ западню, если встрѣтятся съ турецкими галерами среди бѣла дня на открытомъ морѣ: тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются, какъ стая скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ; удальцы теряютъ все свое мужество и въ быстромъ бѣгствѣ ищутъ спасенія. Но когда рѣшаются на битву, привязываютъ весла по мѣстамъ и вступаютъ въ бой: одни, не трогаясь съ лавокъ, палятъ безпрерывно изъ пищалей; другіе

заряжаютъ ихъ и подаютъ своимъ товарищамъ; мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ турокъ до ручной схватки. При всемъ томъ пушки наносятъ казакамъ вредъ ужасный: они обыкновенно теряютъ въ сраженіяхъ съ галерами около двухъ третей своихъ сподвижниковъ, рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; зато привозятъ богатую добычу: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя ткани и иные драгоцѣнные товары. Вотъ славный ихъ промыселъ: они живутъ одною добычею; ибо, возвратясь на родину, ничѣмъ не занимаются.

Казаки выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня и возвращаются не позже 1-хъ чиселъ августа мѣсяца.

LXVI. ПОДГОТОВКА ЦЕРКОВНОЙ УНІИ.

(Изъ «Историческихъ монографій и изслѣдованій» Костомарова, т. III).

Съ тѣхъ временъ, какъ историческія судьбы повлекли русскія земли къ сближенію, а наконецъ къ соединенію съ Польшею, выступаетъ въ нихъ наявь борьба между греческимъ и римскимъ богослуженіемъ; на сторонѣ перваго было большинство народонаселенія и привычки старины, на сторонѣ другого—пособія правительственныхъ личностей и орудія западной образованности. Борьба эта то ослабѣвала и почти угасала, то оживала снова. Папское всевластіе ни на шагъ не оставляло своихъ привычныхъ стремленій подчинить себѣ русскую церковь и не пренебрегало мірскими обстоятельствами, если они, по своему стеченію, наклонялись ему въ пользу.

Съ принятія католичества Ягелломъ, устроившимъ, посредствомъ своего бракосочетанія съ Ядвигою, соединеніе Польши съ Литвою, католическій обрядъ сталъ внѣдряться въ русскіе края. Въ 1413 г., на городленскомъ сеймѣ, гдѣ совершился первый актъ соединенія Литвы съ Польшей, постановлено распространить права, которыми пользовалась польская шляхта, на Русь, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускать къ должностямъ только такихъ лицъ, которыя не отрекаются отъ послушанія апостольскому престолу. На этомъ сеймѣ было заявлено, что разновѣріе признается вреднымъ для цѣльности и безопасности государства. Тогда многіе, получившіе званіе шляхты, приняли католичество. Впрочемъ, это произошло болѣе собственно съ литовцами. Что касается до Руси, то это грозное предпочтеніе католичества и исключеніе русскихъ отъ правъ едва ли только не на бумагѣ существовало: все, что входило въ область Литовскаго княжества, было отдано удѣльной власти Витовта, а этотъ благоразумный князь, всю жизнь стремившійся устроить независимость русско-литовскаго государства, понималъ, что отдѣльность Руси отъ Польши въ религіозномъ отношеніи способствуетъ его политическимъ видамъ. При немъ (1415) церковь русская въ іерархическомъ отношеніи отдѣлилась отъ московской избраніемъ особаго кіевскаго митрополита. Въ земляхъ южнорусскихъ, принадлежавшихъ Польшѣ при Ягеллѣ, католичество успѣшнѣе дѣлало шаги къ господству, но болѣе чрезъ увеличеніе массы иноземцевъ, получавшихъ въ странѣ должности, а не чрезъ обра-

щеніе русскихъ. Самъ Ягелло не былъ фанатикомъ, и гдѣ приходилось ему дѣйствовать въ исключительную угоду католичеству, тамъ онъ поступалъ по требованію окружавшей его среды, а не по собственному побужденію. Папы побуждали его, какъ и Витовта, обращать православныхъ въ католичество. Король дѣйствительно строилъ католическія церкви въ русскихъ земляхъ, давалъ тамъ земли и староства природнымъ полякамъ, но все таки сдѣлалъ мало существеннаго въ этомъ вопросѣ.

Наслѣдникъ Ягелла Владиславъ II уничтожилъ всякое стѣсненіе греческой религіи и далъ равныя права ея исповѣдникамъ съ послѣдователями римской. Тогда совершилась первая унія на флорентійскомъ соборѣ. Митрополитъ Исидоръ, изгнанный изъ Москвы, превозгласилъ унію въ литовскихъ владѣніяхъ; католическое правительство не могло этому не благопріятствовать, но православные люди приняли нововведеніе дурно. Исидору неудобно оказалось жить въ южной Руси, и онъ долженъ былъ удалиться въ Римъ.

Унія XV вѣка болѣе существовала въ воображеніи немногихъ, чѣмъ въ религіозной жизни и церковномъ управленіи. Великій князь Казимиръ въ своихъ привиллегіяхъ не дѣлалъ разницы между послѣдователями греческой церкви, признающими и не признающими унію. Сынъ его Александръ, на котораго Иванъ III пошелъ войною подъ благовиднымъ предлогомъ защиты вѣры, далъ привиллегію на свободное отправленіе богослуженія греческой вѣры и не дѣлалъ различія между признавшими и отвергавшими единство восточной церкви съ западною. Безъ сомнѣнія, признавать его и не признавать было все равно въ то время.

При обоихъ Сигизмундахъ всѣ вѣроисповѣданія пользовались равенствомъ правъ и безусловною свободою. Тогда въ Польшѣ, а особенно въ Литвѣ, распространилось реформатство; оно годъ отъ году болѣе и болѣе угрожало ниспроверженіемъ католической религіи. И православные увлекались новизною и принимали новое ученіе. Въ Польшѣ нашло пріютъ и свободу ученіе, повсюду гонимое, отвергавшее троичность Божества и видѣвшее въ Христѣ не бога, а учителя и благодѣтеля человѣчества, избраннаго промысломъ возвѣстителя вѣчныхъ истинъ; это ученіе называли аріанствомъ. Съ другой стороны, ереси занесли въ литовскую Русь выходцы изъ Московщины, послѣдователи бродившихъ въ разныхъ формахъ остатковъ древняго новгородскаго и псковскаго вольнодумства. Правительство терпѣло, ничему не мѣшало, ничего не преслѣдовало. Дворяне католики, оставаясь вѣрны своей религіи, не поднимали голоса противъ свободы мысли, потому что считали ее драгоцѣннѣйшимъ правомъ своего сословія. Самые католическіе духовные не смѣли вопіять противъ общаго направленія и старались только объ удержаніи своихъ матеріальныхъ выгодъ. Для нѣкоторыхъ было все равно, хоть бы вся Рѣчь Посполитая отпала отъ католичества, лишь бы не отнимались имѣнія, приписанныя къ духовнымъ должностямъ. Такъ, по кончинѣ Сигизмунда-Августа, куявскій епископъ на сеймѣ предложилъ утвердить постановленіемъ полную свободу религіозныхъ мнѣній и равенство правъ послѣдователей какихъ бы то ни было толковъ; себѣ въ замѣнъ снисходительный іерархъ требовалъ укрѣпленія за духовенствомъ церковныхъ имуществъ. Предложеніе его было принято и многими духовными, и большинствомъ свѣтскихъ. 6 января 1573 г. послѣдовало постановленіе о свободѣ вѣроисповѣданій и равенствѣ правъ ихъ послѣдователей. Это было сдѣлано для того, чтобы

обязать будущихъ королей идти по слѣдамъ Ягеллоновъ. Новый король Генрихъ присягнулъ въ соблюденіи такого закона. Послѣ его бѣгства изъ Польши, въ слѣдующее затѣмъ безкоролевье, государственные чины повторили прежнее постановленіе, обязавшись клятвою за себя и за своихъ потомковъ хранить и защищать на вѣчныя времена свободу мысли и убѣжденій. Стефанъ Баторій, протестантъ, принявшій католичество при вступленіи на престолъ, присягнулъ въ смыслѣ такого закона и обязался хранить его свято во все царствованіе. Въ 1589 г. вступилъ на польско-литовскій престолъ Сигизмундъ Ваза, католикъ, тѣмъ болѣе ревностный, что съ мыслью о протестанствѣ у него соединялись тяжелыя воспоминанія о семейныхъ несчастіяхъ и несправедливостяхъ, понесенныхъ отцомъ его. Но сдѣлаться польскимъ королемъ онъ не могъ иначе, какъ произнеся, подобно своему предшественнику, присягу сохранять свободу мысли и вѣры.

Польша гордилась и имѣла право гордиться, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы такъ цѣнилась свобода совѣсти, мысли, слова и дѣла. Но безграничная свобода, которою такъ гордилось шляхетское сословіе, воспитало противъ себя въ своемъ нѣдрѣ враждебное свободѣ начало. Сигизмундъ-Августъ, по ходатайству кардинала Гозіуса, допустилъ ввести во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой орденъ іезуитовъ. Король поступалъ послѣдовательно и справедливо. Принявъ за правило оказывать терпимость всякому толку, всякому религіозному товариществу въ государствѣ, нельзя было отказать въ законномъ покровительствѣ обществу, дѣйствовавшему въ пользу той церкви, которую исповѣдывалъ самъ король предъ лицомъ всего свѣта. Сначала іезуиты вступили исключительно въ Пруссію, но въ 1564 г. вошли въ Великую Польшу, призванные туда познанскимъ епископомъ Конарскимъ, и водворились въ Брунсбергѣ; потомъ, въ 1570 г., вошли въ Литву и явились въ Вильнѣ, вслѣдъ за тѣмъ, при Стефанѣ Баторіи, въ Полоцкѣ, а потомъ проникли и въ южную Русь. Баторій оказывалъ имъ покровительство не съ цѣлью содѣйствовать ихъ задушевной мысли—истреблять все не католическое, а потому, что считалъ ихъ способными къ воспитанію юношества. Іезуиты твердили, что ихъ единственная цѣль—распространеніе просвѣщенія. Они повсюду заводили школы и ничего не брали за ученье. Впрочемъ, при такой безсребренной раздачѣ умственныхъ даровъ, они не оставались въ накладѣ: они брали отъ родителей учившихся у нихъ дѣтей, въ видѣ подарковъ и приношеній, хлѣбъ, рыбу, овощи, медъ, полотно, сукна, сосуды и проч. и получали такимъ образомъ столько, сколько бы имъ не могла дать опредѣленная плата за ученье, а между тѣмъ эта видимая безплатность ихъ школъ поддерживала доброе о нихъ мнѣніе въ народѣ. Они искусно поддѣлывались къ духу господствующихъ понятій. Большинство уважало и любило ихъ, хотя проницательные люди очень скоро поняли настоящее ихъ направленіе и предвидѣли, что они принесутъ больше врела, чѣмъ пользы. Цѣль ихъ была подчинить Рѣчь Постолитую власти апостольскаго престола въ церковномъ отношеніи и тѣснить несогласныя съ католичествомъ ученія. Сначала, пока они еще не укрѣпились на польской почвѣ, чтобъ не подать на себя подозрѣнія, они, заманивъ дѣтей протестантовъ въ свои школы, выпускали ихъ протестантами и увѣряли, что, заботясь единственно о просвѣщеніи, не хотятъ обращать никого въ католичество; но когда получили довольно силы, начали дѣло обращенія быстро, стараясь толковать такъ, какъ будто собственно не они

[illegible]

[illegible] Между тѣмъ [illegible] мѣста въ пра[illegible] церкви, чтобъ [illegible] посредствомъ ихъ [illegible] предположен[illegible] цѣли. Такъ [illegible] дѣло [illegible] со времени Баторія. Но при немъ [illegible] невозможно было приступать къ какому нибудь явному, [illegible]. Баторій ласкалъ іезуитовъ, но въ тоже время былъ очень далекъ отъ введенія уніи. Янъ Замойскій, заправлявшій при Стефанѣ всѣми дѣлами, говорилъ диссидентамъ: «Я католикъ и отдалъ бы половину жизни за то, чтобъ и вы были католики; но отдамъ всю свою жизнь за ваши права и свободу, еслибъ васъ стали насиловать и принуждать быть католиками». Когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ III, іезуитамъ было гораздо удобнѣе. Скарга сталъ его духовникомъ. Іезуитское внушеніе побуждало короля пріобрѣсть вѣнецъ безсмертія на небеси и вѣчную славу въ исторіи совершеніемъ спасительнаго подвига соеди-

предубѣжденію противъ брадобритія. Всѣ эти и подобныя новизны, переходившія къ намъ съ запада, весьма не нравились закоренѣлымъ приверженцамъ русской старины. Народъ по этимъ признакамъ новаго духа времени предчувствовалъ тотъ переворотъ, который долженъ былъ скоро совершиться во всемъ нашемъ гражданскомъ образованіи, во всемъ обществѣ: неразсудительные русскіе люди, привыкшіе жить въ своей національной замкнутости и исключительности, думали, что подлѣ наѣхавшихъ въ Россію иностранцевъ, нѣмцевъ, латиновъ, они не могутъ остаться прежними православными русскими людьми, что съ новыми иноземными обычаями общежитія должны исчезнуть старые благочестивые, религіозные русскіе нравы и обычаи.

Нравственная жизнь большей части русскаго народа, предъ появленіемъ раскола и во время распространенія его, къ прискорбію, во многихъ отношеніяхъ представляла почву самую благопріятную и удобную для распространенія раскола. Нравственная жизнь русскаго народа, въ разсматриваемое время, представляла весьма обильную почву для возрастанія раскола потому, что она не оживлена, не озарена была въ достаточной мѣрѣ животворнымъ свѣтомъ просвѣщенія. Старыя книги, старыя понятія, и никакой новой, свѣжей мысли, никакой новой книги, даже никакого новаго изданія, а тѣмъ болѣе исправленія старой книги! Вотъ жалкій девизъ умственной жизни большей части нашего народа въ XVII в. Съ невѣжествомъ всегда находится въ тѣсной связи грубое легковѣріе и суевѣріе. При недостаткѣ нравственнаго вліянія духовенства, суевѣріе въ народѣ особенно поддерживалось колдунами и чародѣями, этими вѣковыми хранителями языческихъ суевѣрій. Древнія языческія суевѣрія въ XVII в. какъ будто снова оживали въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, и мракъ этихъ суевѣрій до такой степени окружалъ, затемнялъ умственную жизнь народа, что правительство церковное и гражданское находилось вынужденнымъ дѣйствовать противъ суевѣрій особенно, систематически, указами и грамотами. Въ XVII в. неоднократно возникали даже процессы о колдовствѣ. Съ XVI в. кромѣ того, въ настроеніи русскихъ умовъ особенно усилилось еще какое то странное мистико-апокалиптическое воззрѣніе не только на церковныя, но и на гражданскія событія и перемѣны въ Россіи. Особенно великое, бѣдственное потрясеніе Россіи въ началѣ XVII в. открывало людямъ религіозно-настроеннымъ, но легкомысленнымъ, непросвѣщеннымъ, широкой просторъ для разныхъ мистико-апокалиптическихъ толковъ и гаданій, которые, распространяясь въ народѣ, возбуждали въ немъ суевѣрныя ожиданія скораго свѣтопреставленія, безотчетныя опасенія за цѣлость и сохранность православной русской вѣры и церкви и древняго порядка и устройства Россіи. Подъ вліяніемъ мистико-апокалиптическихъ воззрѣній, въ каждомъ необыкновенномъ лицѣ, выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ русскихъ людей, или возмущавшемъ старый порядокъ вещей, или вводившемъ что либо новое, видѣли образъ антихриста. При такомъ настроеніи умовъ, могъ ли не имѣть успѣха расколъ, который, въ религіозномъ отношеніи, и есть ничто иное, какъ окончательное проявленіе, утвержденіе, освѣщеніе всѣхъ мнѣній и суевѣрій XVI и XVII в.? Ложно-апокалиптическій взглядъ раскола на церковныя исправленія Никона и гражданскія преобразованія Петра В., главная и существенная проповѣдь его о воцареніи будто бы въ Россіи антихриста съ 1666 г. суть прямое слѣдствіе, окончательное развитіе и выраженіе мистико-апокалиптическихъ мнѣній и ожиданій XVI и первой половины XVII в. И такъ какъ эти мнѣнія сильно, глубоко занимали въ то время духъ народа, то не удивительно, что расколъ раскрывшій, освятившій эти мнѣнія, встрѣтилъ живое сочувствіе въ большей части народа и сильно распространялся. Расколъ потворствовалъ суевѣрію и распространялся по причинѣ суевѣрія, преобладавшаго въ XVII и даже въ XVIII в. Народъ русскій изстари отличался уваженіемъ и привязанностью къ своему духовенству; но, частью худое поведеніе нѣкоторыхъ изъ самихъ духовныхъ, частью еретики, особенно возстававшіе противъ православнаго духовенства, мало-по-малу ослабляли, потрясали въ народѣ русскомъ это уваженіе къ духовной іерархіи. Уже

какъ слѣдуетъ, то имѣло право обличать его и, въ случаѣ неисправленія, не признавать его власти, противиться ему, какъ врагу истины. Братство смотрѣло также за нравственностью мірянъ и особенно обязывало себя преслѣдовать волшебниковъ и волшебницъ и предавать ихъ епископскому суду. Епископъ не смѣлъ противиться постановленіямъ братства. Епископъ былъ безсиленъ передъ приговоромъ толпы, состоявшей, кромѣ духовныхъ и дворянъ, изъ мѣщанъ, пекарей, воскобойниковъ и другого рода ремесленниковъ и торгашей. Это не могло нравиться епископамъ. Патріархъ Іеремія не только утвердилъ устройство, данное братству Іоакимомъ, но еще расширилъ права его. Онъ постановилъ, чтобы братство находилось внѣ всякой зависимости отъ мѣстнаго епископа или отъ какого нибудь другаго іерарха, кромѣ патріарха константинопольскаго, и во Львовѣ далъ ему монополію воспитанія; тамъ не дозволялось быть иному православному училищу, кромѣ братскаго, гдѣ предположено учить дѣтей св. писанію, а также славянскому и греческому языку, если для этого найдутся учители. Вмѣстѣ съ тѣмъ братство получило право печатать священныя и церковныя книги и ученыя: грамматику, риторику, піитику и философію. Патріархъ поощрялъ заводить такія же братства повсюду, но оставилъ первенство за львовскимъ. Такимъ образомъ, заведено было троицкое братство въ Вильнѣ, а за нимъ и многія другія въ городахъ православнаго края.

Понятна цѣль, какую имѣлъ патріархъ. Такое общество, завися исключительно отъ власти патріарха, давало ему возможность знать все, что происходитъ на Руси, и держать въ рукахъ всю русскую церковь. Какихъ бы довѣренныхъ лицъ ни поставилъ патріархъ на епископскихъ мѣстахъ, живучи вдали, онъ всегда могъ опасаться, что эти лица увлекутся своими личными и мѣстными интересами въ ущербъ церкви, тогда какъ разнородное общество, съ правомъ надзора надъ епископами, станетъ крѣпко держаться воли вдалекѣ пребывающаго патріарха, какъ ради независимости отъ ближайшихъ властей, такъ и потому, что для братства не было инаго пути проводить свои намѣренія и предположенія, какъ черезъ покровительство патріарха.

По возвращеніи изъ Московскаго государства патріархъ остановился въ Замостьѣ. Тутъ онъ поручилъ митрополиту созвать синодъ для слѣдствія надъ поведеніемъ духовныхъ лицъ, обличаемыхъ братствомъ. Митрополитъ медлилъ, боялся, чтобъ на этомъ синодѣ не было доносовъ и на него самого. Владыки чувствовали за собой грѣхи и также просили митрополита не созывать собора. Говорятъ, что, по тайному приказанію луцкаго владыки, посланный патріархомъ къ митрополиту писарь митрополичій Григорій былъ ограбленъ въ пинскихъ лѣсахъ: у него взяли патріаршія письма, которыя такимъ образомъ не доходили до митрополита. Патріархъ продолжалъ жить въ Замостьѣ. Тутъ, не дожидаясь собора, явился къ нему львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, обвиненный также братствомъ, и доносилъ въ свою очередь на луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, что его въ народѣ обвиняютъ въ наѣздахъ, буйствѣ, развратѣ, дѣланіи фальшивой монеты. Гедеонъ вообще хотѣлъ настроить патріарха такъ, чтобъ послѣдній готовъ былъ обратить въ дурную сторону все, что услышитъ о луцкомъ владыкѣ; но патріархъ, вмѣсто того чтобы получить предубѣжденіе противъ Кирилла, какъ хотѣлось Гедеону, потребовалъ къ себѣ Кирилла и свелъ его съ глазу на глазъ съ Гедео-

номъ. Тогда Гедеонъ не сталъ обвинять Кирилла, а увѣрялъ, что все, что говорятъ о немъ въ народѣ, клевета, восхвалялъ святую жизнь луцкаго епископа, и въ присутствіи патріарха обращался съ нимъ по-братски, дружелюбно. Патріархъ отпустилъ Кирилла милостиво. Гедеонъ послѣ того, пользуясь тѣмъ, что патріархъ не умѣетъ читать и писать по-русски и по-польски, подсунулъ ему къ подписи бумагу, гдѣ заключалось обвиненіе на Кирилла. Патріархъ подписалъ, а потомъ, узнавъ, что его обманули, составилъ Кириллу оправдательную грамоту, гдѣ повелѣвалось не вѣрить тому, что прежде написано было на Кирилла Терлецкаго, и что его обманули; въ знакъ своего особаго благоволенія, онъ нарекъ луцкаго епископа своимъ экзархомъ или намѣстникомъ на предстоящій соборъ, котораго онъ долго ждать не рѣшался. Само собою разумѣется, что это сдѣлано въ ущербъ достоинству митрополита. Соборъ подъ предсѣдательствомъ нареченнаго экзарха могъ судить всѣхъ владыкъ, и самого митрополита. Гедеона, на котораго возстало львовское братство, патріархъ оставилъ подъ запрещеніемъ до покаянія. Тогда Гедеонъ отправился къ львовскому католическому епископу Соликовскому, кланялся ему, объяснялъ, что патріархъ притѣсняетъ владыкъ, желая съ нихъ что-нибудь сорвать, совѣтовался о средствахъ избавить русскую церковь отъ неволи и тутъ же высказалъ мысль, какъ-бы хорошо было подчинить русскую церковь папѣ: она бы избавилась на будущее время отъ произвола константинопольскихъ іерарховъ.

Патріархъ уѣхалъ, не открывши собора. Русскіе духовные говорили, что патріархъ затѣвалъ розыски надъ поведеніемъ духовныхъ только для того, чтобы имѣть возможность придираться и брать поборы. Находясь подъ властью Турціи, патріархи и вообще греческіе духовные были поневолѣ въ такомъ положеніи, что нуждались въ подаяніи, собираемомъ преимущественно въ независимыхъ православныхъ странахъ; православный востокъ терялъ къ себѣ уваженіе, по мѣрѣ того какъ духовные чины, носившіе званіе архимандритовъ, игуменовъ и даже епископовъ, блуждали по Литвѣ и Руси, собирали милостыню, выпрашивали себѣ у правительства и у знатныхъ вельможъ мѣста къ ущербу туземцевъ и часто затѣвали смуты и несогласія. Заведеніе братствъ, независимыхъ отъ епископовъ, русскіе іерархи считали для себя оскорбленіемъ и вообще униженіемъ духовныхъ властей. Между тѣмъ іезуиты указывали на все это русскимъ духовнымъ и доказывали, что присоединеніе къ русской церкви есть единственное средство избавиться отъ зависимости отъ патріарха, раба невѣрныхъ.

Мудрено-ли, что въ вѣкъ всеобщаго прозелитизма такіе ловкіе на діалектику проповѣдники, какими были іезуиты, не встрѣчали себѣ достойнаго отпора, а обращаемыхъ ими изъ православія некому было поддерживать въ отеческой вѣрѣ? «Изъ духовныхъ греческой вѣры, говоритъ современникъ, не нашлось бы десятка во всей Руси, чтобъ умѣли объяснить: что такое таинство, чистилище, папская власть и пр.; а когда владыки и игумены порывались показать свое просвѣщеніе, то возбуждали смѣхъ, когда какую нибудь простонародную польскую или русскую поговорку приписывали какому нибудь Солону или Пиѳагору».

При такомъ состояніи духовенства, простой народъ только по имени былъ христіанскимъ; а были такіе, что безъ крещенія оставались во всю жизнь. Народъ жилъ своею старою жизнью, нераздѣльно отъ природы,

безъ первоначальныхъ понятій о сущности христіанской религіи. Во всемъ еще господствовалъ языческій строй понятій и вѣрованій. Понятія о душѣ и загробной жизни сохранялись отъ временъ отдаленныхъ и почти чужды были христіанскаго рая и ада. Русскій поселянинъ воображалъ, что души умершихъ летаютъ по деревьямъ, превращаются въ деревья, въ птицъ, въ звѣрей, блуждаютъ по лѣсамъ, болотамъ и полямъ, а потомъ уходятъ въ отдаленную страну, гдѣ-то на востокѣ солнца; божество рисовалось въ неопредѣленномъ образѣ верховной силы, безъ яснаго сознанія, является ли эта сила въ одномъ или во множествѣ образовъ.

Въ дворянствѣ греческой вѣры развилась холодность къ отцовской религіи, переходившая часто и скоро въ убѣжденіе о превосходствѣ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: православная церковь безпрестанно теряла своихъ членовъ дворянскаго происхожденія. Во время Сигизмунда-Августа, когда въ Польшѣ и Литвѣ распространялась реформація, многіе покидали вѣру отцовъ и принимали кальвинство или аріанство, другіе хотя явно не переходили въ иновѣрство, но оставались безъ всякой сердечной и нравственной связи со своею вѣрою и почти такъ-же были ей чужды, какъ и перешедшіе въ другую; коль-скоро русскій шляхтичъ получилъ воспитаніе или даже только воображалъ себя воспитаннымъ, у него понятія и чувства обращались къ иному міру, и онъ старался быть чуждымъ православію. Съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты накинули на Рѣчь Посполитую свою католическую сѣть, русскіе стали переходить въ католичество.

Въ южной Руси отцу семейства невозможно было найти учителя, который бы преподавалъ законъ Божій и первоначальныя свѣдѣнія, и родители поневолѣ поручали воспитаніе дѣтей иновѣрцамъ, а тѣ, по духу прозелитизма, общему тогда всѣмъ толкамъ, старались воспитанникамъ внушить предпочтеніе чужой вѣрѣ. Князь Острожскій, одинъ изъ немногихъ знатныхъ людей, преданныхъ православію, съ сердечною болью указывалъ на упадокъ церковнаго благочинія въ русской церкви, невѣжество священниковъ, матеріальное своеволіе архипастырей, лѣность и равнодушіе мірянъ къ дѣламъ вѣры. Острожскій завелъ у себя школу, типографію, всѣхъ православныхъ дворянъ побуждалъ дѣлать то-же. Но мало было охотниковъ слѣдовать его примѣру, да и трудно было. Учителей негдѣ было набирать на всю Русь: своихъ нѣтъ, съ востока также получить нельзя было, въ Московщинѣ тоже невѣжество. Естественно было поддаваться іезуитскимъ внушеніямъ и приходить невольно къ мысли о соединеніи съ римскою церковью.

Митрополитъ въ 1590 г. (а по нѣкоторымъ въ 1591) созвалъ въ Брестѣ синодъ для совѣта объ улучшеніяхъ въ церкви. Онъ жаловался, что константинопольская каѳедра занимается по произволу турецкой власти, указывалъ на тягость зависимости отъ патріарха. Съ нимъ совѣщались: Кириллъ Терлецкій, уже давно расположенный къ латинству, пинскій епископъ Леонтій Пелчицкій, холмскій Діонисій Збируйскій и львовскій Гедеонъ Балабанъ. Всѣ нашли, что было бы полезно для церкви исполнить ея древнее желаніе соединенія съ западной. Тогда епископы, но безъ митрополита, составили запись, гдѣ изложили, что, по своему долгу, заботясь о приведеніи своихъ, порученныхъ имъ Богомъ, овецъ къ христіанскому согласію, они желаютъ признать власть римскаго перво-

священника, если только божественная служба и весь церковный уставъ восточной церкви останутся ненарушимыми во вѣки. Это было первое и исходное дѣло уніи.

LXVII. БРЕСТСКІЙ СОБОРЪ И ЦЕРКОВНАЯ УНІЯ.

(По соч. Кулиша: «Исторія возсоединенія Ю. З. Руси», Кояловича: «Литовская унія» и по соч. Сливова: «Іезуиты въ Литвѣ»).

Все было подготовлено въ церковной уніи: люди, интересы, страсти. Это былъ результатъ сложной работы іезуитскаго ордена и многихъ сознательныхъ и безсознательныхъ орудій его. Оставалось только сдѣлать послѣдній шагъ. И вотъ, въ 1590 г. собрался въ литовскомъ городѣ Брестѣ соборъ изъ православныхъ духовныхъ лицъ и русской шляхты, съ цѣлью установить церковное благочестіе на прочныхъ основаніяхъ. Соборъ этотъ былъ назначенъ патріархомъ Іереміею; онъ самъ желалъ на немъ присутствовать; но митрополитъ Рагоза медлилъ конвокаціею до тѣхъ поръ, пока патріархъ не удалился. Его мѣсто занялъ теперь человѣкъ, лучше котораго не возможно было и желать для предположенной іезуитской цѣли.

Еще въ 1577 г. іезуитъ Петръ Скарга издалъ на польскомъ, тогда общедоступномъ, языкѣ сочиненіе: «О единствѣ церкви Божіей и объ отступленіи грековъ отъ единства, съ предостереженіемъ и наставленіемъ народамъ русскимъ». Книга эта предназначалась программою для совращенія православныхъ въ унію, а черезъ посредство уніи—въ латинство. Въ ней прежде всего указаны причины, по которымъ въ русской церкви никогда не можетъ быть порядка. Первая причина—семейная жизнь священниковъ, которые вслѣдствіе этого заботятся только о мірскомъ, оставляя безъ всякаго пастырскаго попеченія свою паству. Семейная жизнь священниковъ служитъ причиною того, что на Руси вся наука упала, а попы омужичились. Вторая причина—славянскій языкъ. Греки, говоритъ Скарга, обманули русскихъ и съ умысломъ не дали имъ своего языка, оставивъ у нихъ языкъ славянскій, потому что только при помощи латинскаго и греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и вѣрѣ. На всемъ свѣтѣ еще никогда не было и никогда не будетъ ни академіи, ни коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки могли преподаваться и быть понимаемы на иномъ языкѣ. При славянскомъ языкѣ никогда никто ученымъ не можетъ быть, онъ никогда не имѣлъ правилъ и грамматики. Третья причина, не позволяющая быть порядку въ русской церкви, это униженіе духовнаго сословія и вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла.

Показавъ несостоятельность церкви православной, какъ со стороны догматической, такъ и со стороны нравственной, Скарга указываетъ средства выйти изъ этого безвыходнаго положенія: 1) чтобы кіевскій митрополитъ принималъ благословеніе не отъ константинопольскаго патріарха, но отъ папы; 2) каждый русскій долженъ быть согласенъ съ римскою церковью во всѣхъ артикулахъ вѣры; 3) русскіе должны признавать верховную власть столицы римской; что же касается церковныхъ обрядовъ, то они могутъ оставаться по прежнему неприкосновенными.

«На первомъ же съѣздѣ русскіе іерархи выполняли главную для нихъ часть программы, составленной Скаргою. Они заключали съ панами весьма знаменательное условіе—не позволять простымъ людямъ держать монастыри. Это значило—лишить магдебургскія, цеховыя и братскія общины патроната надъ монастырями, которые епископы и архимандриты обращали въ экономическія заведенія, оставляя церкви безъ оконъ, безъ книгъ, безъ утвари и богослуженія, а не то—даже и запертыми. На второмъ съѣздѣ 1591 года рѣшено было избавиться уніею отъ вмѣшательства свѣтскихъ людей вообще въ церковныя дѣла. Но мысль эта выразилась открыто только въ протестаціяхъ противъ королевскихъ урядниковъ и помѣщиковъ за то, что они вступаются въ дѣла духовенства, судятъ священниковъ, разводятъ браки; а тайно отъ большинства присутствовавшихъ на соборѣ составленъ четырьмя архіереями актъ признанія папы главою церкви. Эти архіереи были: Кириллъ Луцкій, Гедеонъ Львовскій, Леонтій Пинскій и Діонисій Холмскій. Митрополитъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, и заставлялъ іезуитовъ тайно убѣждать себя (просто напросто—дѣло шло о возвышеніи, въ глазахъ короля, цѣны отступничеству).

Приверженцы римской куріи въ Польшѣ считали православную Русь не только вѣрною, но и легкою добычею латинской церкви. Общество было разрознено въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ; связи между различными его частями были порваны; соперничество и недовѣріе господствовали тамъ, гдѣ бы слѣдовало царствовать согласію; просвѣщеніе въ высшемъ классѣ было только кажущееся; мракъ, свойственный народной массѣ, едва мѣстами начиналъ уступать случайнымъ проблескамъ знанія. Но практика показала, что добыча была не такъ легка, и что необразованныхъ русскихъ поповъ, съ ихъ безграмотною паствою, гораздо труднѣе обратить, нежели просвѣщенныхъ въ заграничныхъ университетахъ членовъ дома князей Острожскихъ.

Придворные патеры Сигизмунда III работали дѣятельно посредствомъ своихъ агентовъ на Руси. Православныхъ пановъ они, что называется, обернули вокругъ пальца; мѣщанъ имѣли они больше всего въ виду, но меньше всего боялись на поприщѣ интриги, такъ какъ мѣщане лишены были голоса на сеймѣ: а шляхетнымъ ихъ представителямъ, этимъ «старшимъ братчикамъ» мѣщанскимъ, іезуиты всегда готовы были давать полную свободу проявлять силу свою въ словоизверженіи. Они хорошо знали натуру пассивныхъ людей вообще и русскихъ пановъ въ особенности: они знали, что чѣмъ больше пассивный человѣкъ говоритъ, тѣмъ меньше дѣлается онъ способенъ дѣйствовать. Притомъ іезуиты разочли ариѳметически, что паны, охладѣвъ къ реформаціи, охладѣютъ и къ православію. Только задоръ однихъ пановъ къ новаторству, въ противодѣйствіе королю и его католической радѣ, подстрекалъ другихъ къ упорству въ древнемъ благочестіи, на зло той же самой придворной лигѣ. Знали очень хорошо іезуиты, и для этого не нужно было особенной прозорливости, что православные паны всѣ очутятся въ одной церкви съ королемъ и сенаторами, но никакъ не съ торгашами и холопами, никакъ не съ этими чоботарями и воскобойниками, которымъ они давали свои охранныя грамоты въ качествѣ старшихъ братчиковъ. А безъ привиллегированныхъ, неприкосновенныхъ для самого короля, членовъ братства, какая религіозная корпорація въ низшихъ сферахъ можетъ устоять противъ

шляхетскаго полноправства? О казакахъ іезуиты вовсе не думали въ началѣ: начали они думать о казакахъ только тогда, когда мѣщане и ихъ духовенство ухватились за эту послѣднюю защиту противъ допускаемыхъ закономъ насилій.

И такъ іезуиты дѣйствовали смѣло, быстро, настойчиво. Безъ вѣдома такихъ тузовъ православія, какъ Острожскій, Скуминъ-Тышкевичъ и другіе, составленъ былъ актъ отреченія отъ православія; помимо ихъ согласія отправлена была, осенью 1595 г., депутація въ Римъ, съ выраженіемъ готовности греко-русской церкви признать своимъ главою папу. Послами были извѣстный уже намъ Кириллъ Терлецкій и новый владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй. Поцѣй принадлежалъ къ панамъ аристократамъ. Папскій Нунцій Коммендони обратилъ его изъ православія въ католичество; но іезуиты наставили его обратиться снова въ православіе, чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать въ пользу латинской церкви, въ званіи уніатскаго архіерея. Замыливая глаза православнымъ, согласно іезуитской практикѣ, Поцѣй учредилъ самъ православное братство въ Брестѣ, на подобіе львовскаго. Братство брестское было похоже на львовское только именемъ, но не духомъ. Не понимали этого «старшіе братчики», и въ ихъ числѣ Острожскій. Онъ, глубокій уже старикъ, уважалъ Поцѣя за хорошую нравственность, ученость и благочестіе, онъ не противился возведенію въ санъ архіерейскій этого человѣка, который еще недавно носилъ военную одежду по должности каштеляна, а потомъ облачился въ одежду святительскую. Этотъ-то новый православный архипастырь, вмѣстѣ съ старымъ другомъ дома Острожскихъ Терлецкимъ, явился въ Римѣ искать благословенія своему дѣлу у папы. Поцѣй и Терлецкій имѣли сначала частное свиданіе съ папою, потомъ начались совѣщанія съ іезуитами и кардиналами, и наконецъ, когда все было улажено, 23 декабря, папа Климентъ VIII далъ имъ торжественную аудіенцію въ присутствіи всего ватиканскаго двора. Епископы, приложившись къ туфлѣ святѣйшаго отца, представили ему грамоту, писанную по-русски. Ее громко прочелъ Евстафій Воловичъ, еще въ юности совращенный въ католичество, виленскій каноникъ (впослѣдствіи епископъ), ученикъ и сподручникъ іезуитовъ, пріѣхавшій въ Римъ съ епископами въ качествѣ королевскаго секретаря. Вслѣдъ за тѣмъ прочтенъ былъ переводъ грамоты на латинскомъ языкѣ. Папа благодарилъ епископовъ за пріѣздъ, обѣщалъ сохранить неприкосновенными всѣ церковные обряды восточной церкви. Затѣмъ Поцѣй прочелъ по-латыни отъ имени митрополита и всѣхъ епископовъ обѣщаніе, особенно составленное по этому случаю, и епископъ луцкій Терлецкій прочелъ тоже самое по-русски, а вслѣдъ затѣмъ епископы, также отъ имени митрополита и всѣхъ отсутствующихъ епископовъ, приняли присягу на вѣрность папѣ. Послѣ этого Климентъ VIII, не скрывая своей радости, подозвавъ къ себѣ епископовъ, сказалъ имъ: «Желаю не господствовать надъ вами, но немощи ваши носить на себѣ.» На слѣдующій день, наканунѣ Рождества, папа торжественно совершилъ вечерню въ соборѣ св. Петра, при чемъ находились и епископы въ восточномъ облаченіи. Въ память событія вычеканена была медаль.

Присяга принята была и отъ имени Рагозы. Нельзя было долѣе скрываться. Православные теперь уже ясно видѣли, что митрополитъ измѣнилъ завѣтамъ церкви. Въ началѣ 1596 г. на сеймѣ въ Варшавѣ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] въ западно-русской церкви не было собора, который [illegible] 1596 г. въ Брестѣ. [illegible] въ Литвѣ [illegible] Константинополя [illegible] митрополитъ Михаилъ [illegible] Михаилъ [illegible] западно-русской [illegible] областей и множество людей всякаго чина и званія. Представителями [illegible] были: главнѣйшіе [illegible] епископъ Бернардъ Мацѣевскій, епископъ [illegible] Іпатій [illegible] съ [illegible] Кирилломъ Терлецкимъ [illegible] Николай Радзивиллъ, [illegible] Левъ Сапѣга и [illegible] Дмитрій Халецкій, также со [illegible]. Всѣ [illegible] на соборъ, немедленно раздѣлились на двѣ половины. [illegible] съ [illegible] Вмѣстѣ съ другими епископами [illegible] и [illegible] чуть ли не [illegible] Михаила Рогозы. Патріаршіе экзархи и другіе представители восточной церкви соединились съ [illegible] западно-русскими епископами Гедеономъ львовскимъ и Михаиломъ перемышльскимъ, съ Острожскимъ, съ послами областными [illegible] почти всѣ духовные и [illegible] представители [illegible] западно-русской церкви. Обѣ половины представляли собою [illegible], шатры и пушки покрывали окрестности Бреста; и

когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перевѣсъ на сторонѣ православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ уніатскую половину, и она обратилась съ тревожными вопросами къ Острожскому. Но онъ увѣрилъ ее, что спокойствіе не будетъ нарушено, и, вѣроятно, слово князя было выраженіемъ мыслей большинства православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла и въ сочувствіи цѣлаго народа, что никакъ не думали обращаться къ силѣ безъ прямаго вызова противной стороны и, какъ увидимъ сейчасъ, даже совершенно пренебрегли этою силою. Собираясь около двухъ патріаршихъ экзарховъ, двухъ своихъ епископовъ и всего духовенства, они выжидали, пока митрополитъ, согласно всегдашнему обычаю, назначитъ имъ мѣсто для собора. Но тотчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе не нарушать спокойствія подало поводъ противной сторонѣ устроить противъ нихъ козни. Митрополита не пускали къ нимъ и укрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того: они узнали, что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, приказалъ запереть всѣ церкви, чтобъ лишить соборъ православный приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія церковнаго освященія. Связанные благороднымъ словомъ князя, они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найти въ Брестѣ пообширнѣе. Такой домъ предложили протестанты. Православные раздѣлились на двѣ половины, духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ и, освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу. Дѣйствія этого собора въ обѣихъ его половинахъ (духовной и мірской) поражаютъ насъ изумительно вѣрнымъ знаніемъ церковныхъ и гражданскихъ литовско-польскихъ законовъ и еще болѣе изумительно строгимъ исполненіемъ ихъ. Всѣ увидѣли теперь, что митрополитъ и окружавшіе его епископы предаютъ латинянамъ свою церковь, и слѣдовательно подлежатъ суду. Судъ этотъ православные считали въ правѣ произвести надъ высшимъ своимъ іерархомъ и епископами теперь, потому что имѣли на сторонѣ своей представителей восточныхъ патріарховъ, уполномоченныхъ произвесть этотъ судъ; слѣдовательно на сторонѣ православныхъ были судьи по власти выше митрополита и всѣхъ западно-русскихъ епископовъ. Званіе Никифора, патріаршаго экзарха, не подлежало никакому сомнѣнію, потому что сами православные просили патріарха прислать его въ Литву, и теперь имъ представлена была грамота собора всѣхъ іерарховъ восточной церкви, утверждавшая Никифора въ званіи протосинкелла и экзарха; были далѣе здѣсь лица съ востока, которыя лично знали самого Никифора и видѣли его грамоту на этотъ санъ. Даже сами поборники уніи совершенно были увѣрены въ дѣйствительности сана Никифора и высказывали сначала гласно такую увѣренность. Они расточали передъ нимъ почести и чувства дружескія, пока не убѣдились, что Никифора нельзя склонить къ уніи. Имѣя на своей сторонѣ каноническую законность власти, православные не колебались ни минуты ввѣрить этой власти судъ надъ дѣлами церкви западно-русской, и каждое дѣйствіе этой канонически законной власти возвышало въ нихъ довѣріе къ собору. Экзархъ Никифоръ черезъ пословъ позвалъ митрополита на судъ, согласно съ церковными правилами судить виновнаго лично. Посланные не находили его; соборъ продолжалъ посылать ихъ для новыхъ поисковъ. Послѣ нѣ-

скольких таких посольств, митрополита наконецъ нашли въ кругу латинянъ и получили отвѣтъ, что онъ не явится на соборъ православныхъ. Соборъ теперь имѣлъ право судить виновнаго и заочно также по церковнымъ правиламъ. Выбранный отъ собора прочиталъ грамоты Никифора къ митрополиту съ убѣжденіемъ не приставать къ уніи, писанныя одна до пріѣзда на соборъ, другая въ день самаго пріѣзда; затѣмъ прочитаны были всѣ «позвы» митрополиту и послѣдній его отвѣтъ. Виновность его и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ не подлежала никакому сомнѣнію. Но такъ какъ, осуждая митрополита и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ осудить и унію, то члены собора, оставивъ въ сторонѣ виновниковъ ея, занялись рѣшеніемъ вопроса объ уніи. Сдѣлано было опроверженіе ея, и затѣмъ духовный соборъ обратился къ мірской половинѣ и требовалъ ея мнѣній. Съѣздъ православныхъ мірянъ прочиталъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей и представилъ духовному собору единогласное мнѣніе, что уніи не желаетъ весь литовско-русскій народъ. Тогда соборъ приступилъ къ окончательному рѣшенію: виновные въ уніи митрополитъ и епископы осуждены на низложеніе съ каѳедръ. Опредѣленіе собора было послано къ виновнымъ, и всѣ члены собора составили протестъ противъ уніи и владыкъ, принявшихъ ее, и отправили къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ.

Сторона уніатская дѣлала какъ бы подражаніе православному собору, но самое слабое и крайне неудачное, не смотря на святость мѣста, въ которомъ производила свои дѣйствія (въ каѳедральной церкви св. Николая). Въ страхѣ отъ православныхъ, будущіе уніаты окружали себя военною силою и, вопреки всѣмъ правиламъ церкви, допустили въ качествѣ членовъ собора иновѣрцевъ, т. е. латинянъ. Далѣе, подобно православнымъ, они считали нужнымъ снестись съ не принявшими уніи; но сносились частнымъ образомъ, не съ собора и не чрезъ грамоту, а словесно, посредствомъ иновѣрцевъ. На основаніи этихъ частныхъ и канонически незаконныхъ сношеній, они сочли не участвовавшихъ въ уніи виновными, руководствуясь не обличеніемъ ихъ и высказаннымъ ими отвѣтомъ, а тѣмъ убѣжденіемъ, что уніи всѣ упорно противятся. Еще далѣе. Православный соборъ разсуждалъ объ уніи и опровергалъ ее. Уніатскому собору нельзя было разсуждать о ней и вести преній: унія давно была рѣшена безъ собора и теперь утверждена была уже папою; разсуждать было не о чемъ, и уніатскій соборъ ограничился чтеніемъ папской утвердительной грамоты на унію. Наконецъ православный соборъ, слѣдуя вполнѣ соборнымъ правиламъ, допустилъ совѣщательное участіе мірянъ, потому что дѣло касалось всего народа и его гражданскихъ отношеній къ церкви. Уніатскому собору некого было спрашивать о мнѣніи народа, потому что на немъ не было ни одного земскаго посла. Поэтому уніатскій соборъ только объявилъ унію, какъ дѣло рѣшенное, представилъ отъ себя тоже протестъ королю противъ не принявшихъ уніи, съ просьбою низложить силою виновныхъ епископовъ и принять мѣры противъ народа.

Такимъ образомъ мы видимъ, что общій съѣздъ разногласящихъ сторонъ, собравшійся для примиренія ихъ въ дѣлахъ вѣры, какъ предполагалось въ универсалѣ короля и въ грамотѣ митрополита, вовсе не достигъ этой цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины, православную и ла-

тинствующую, которыя остались еще болѣе враждебными, и каждая по своему рѣшила дѣло уніи: одна отвергла ее, другая приняла. Значитъ, произнести окончательный приговоръ о соборѣ и принять рѣшеніе предоставлено было будущему времени.

Конечно, взаимныя проклятія и отрѣшенія ни сколько не препятствовали какъ православнымъ, такъ и уніатамъ оставаться при своихъ мѣстахъ и званіяхъ. Но положеніе православныхъ, оставшихся вѣрными восточной церкви, было гораздо труднѣе. Епископовъ, подчинившихся папѣ, защищало правительство; другихъ оно преслѣдовало. Тотчасъ послѣ Брестскаго собора, Сигизмундъ III издалъ грамоту, въ которой говоритъ: «Митрополитъ съ епископами, со всѣмъ духовенствомъ и многими людьми греческой русской вѣры, сошлись въ соборной брестской церкви св. Николы, послѣ молитвы, три дня разбирали дѣло, справляясь со священнымъ писаніемъ, съ правилами св. отецъ, братски призывали къ себѣ епископовъ Михаила и Гедеона съ ихъ товарищами; но они, хотя сначала сами добровольно приступали къ уніи и объ этомъ къ намъ писали, но теперь, по наущенію упорныхъ людей, оставили св. храмъ Божій, въ которомъ во все время собора ни разу не были, пожелали соединиться съ анабаптистами, аріанами, богохульниками и съ другими старыми еретиками, непріятелями и поругателями вѣры православной русской. Мало того: соединяясь съ какимъ то еретикомъ Никифоромъ и другими греками, со шпіонами и измѣнниками нашими, засѣли въ еретической божницѣ, гдѣ съ окаменѣлымъ фараоновымъ сердцемъ, съ упорствомъ и злостью, осмѣлились рѣшать дѣла, къ нимъ не подлежащія, возстали противъ насъ, своего господаря, противъ Рѣчи Посполитой и своихъ начальниковъ, отлучились отъ церкви Божіей, составили тайные протесты и заговоры, подписывали бланкеты и прикладывали печати, призывали къ рукоприкладству людей, не принадлежащихъ къ собору, насильно заставляя ихъ подписываться, а потомъ на этихъ бланкетахъ что то писали и по государству нашему разсылали». Далѣе король извѣщалъ всѣхъ, что епископы Михаилъ и Гедеонъ прокляты, а потому запрещается почитать ихъ епископами и входить съ ними въ какія либо сношенія; всѣ же правительственныя власти и должностныя лица обязываются уважать постановленіе брестскаго собора, въ противникахъ же онаго видѣть преступниковъ.

Такимъ образомъ король призналъ однихъ уніатовъ преданными престолу и отечеству и объявилъ, что на противниковъ уніи, т. е. православныхъ, смотритъ, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія. отступниковъ отъ церкви Божіей. Это было начало преслѣдованій, открывшее широкое поприще интригѣ, мелкой зависти, фанатичнымъ проискамъ.

Несправедливое рѣшеніе короля не столько испугало, сколько озлобило православныхъ. Еще 9 октября въ Брестѣ православные избрали изъ среды своей двухъ свѣтскихъ депутатовъ, Малиновскаго и Древинскаго, и снабдили ихъ инструкціей, какъ они должны дѣйствовать и чего требовать отъ короля и сейма. Въ инструкціи говорится, что предки ихъ и они сами болѣе шестисотъ лѣтъ подчинялись константинопольскому патріарху; что составляя только часть восточной церкви, они не могутъ признать надъ собою власти папы. Въ заключеніе просили короля низложить митрополита Михаила и епископовъ, принявшихъ унію, и лишить ихъ правъ на церковныя имущества. Въ 1598 г. православные по-

дали сейму жалобу на митрополита и епископовъ, принявшихъ унію; но разсмотрѣніе жалобы было отложено. Между тѣмъ (1600) умеръ митрополитъ Рагоза, не добившись всетаки осуществленія завѣтной своей мысли—засѣдать въ сенатѣ. Современники пишутъ, что совѣсть преслѣдовала его, и въ послѣднюю минуту онъ объявилъ желаніе умереть православнымъ; но окружавшіе ложе больного уніаты не допустили до этого.

Королевскою грамотой 8 апрѣля 1600 г. преемникомъ ему назначенъ вѣрный и надежный сподвижникъ іезуитовъ Ипатій Поцѣй, утвержденный въ санѣ уніатскаго митрополита. Тогда дѣло уніи уже всецѣло поступило въ вѣдѣніе іезуитовъ.

LXVIII. ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА ІЕЗУИТОВЪ КЪ МИТРОПОЛИТУ КІЕВСКОМУ МИХАИЛУ РАГОЗѢ.

(Изъ «Исторіи возсоединенія Ю. З. Руси» Кулиша).

«Мы бы желали, чтобы ваша милость благоволили видѣть въ нашихъ совѣтахъ такую же преданность къ вашей особѣ, какъ и къ общему благу католической церкви. Конечно, долгъ и профессія наша велятъ намъ имѣть въ виду прежде всего увеличеніе вселенской церкви подъ послушаніемъ единаго пастыря; но та же самая ревность къ общему благу тѣмъ больше влечетъ насъ къ расположенію къ вашей милости, тѣмъ больше усматриваемъ въ особѣ вашей милости заслуги и задатки дальнѣйшаго продолженія благочестивой ревности къ той же церкви. Велика будетъ радость всѣхъ католиковъ, когда они, благодаря мудрымъ стараніямъ столь великаго архипастыря, увидятъ осуществленіе давно желаннаго соединенія; но не менѣе блистательное украшеніе будетъ и для вашей милости, когда, будучи въ нашихъ краяхъ примасомъ восточной церкви, возсядете вы въ сенатѣ рядомъ съ коронным примасомъ. А это невозможно, доколѣ вы будете оставаться въ какой-либо зависимости отъ патріарха, находящагося подъ нехристіанскою властью, или имѣть съ нимъ какія бы то ни было сношенія. Доколѣ этотъ узелъ не будетъ разрубленъ, дотолѣ и у самого короля его милости, и у коронныхъ чиновъ не развяжутся руки. Скажите, почему коронныя провинціи, принимающія обряды западной церкви, должны считаться хуже московскихъ, имѣющихъ собственныхъ патріарховъ? Ваша милость уже сломали первый ледъ счастливо, и какъ, вступая на свой высокій постъ, вы не искали благословенія цареградскаго патріарха, по причинѣ суевѣрія, котораго набрались греки въ бусурманской средѣ, живя вдали отъ центра истиннаго ученія, такъ можете обойтись безъ него и впослѣдствіи. Да не устрашаютъ вашу милость разныя препятствія. Большею частью они уже устранены; остальныя могутъ быть устранены мудрымъ совѣтомъ и постоянствомъ въ задуманномъ предпріятіи. Развѣ маловажное преодолѣно препятствіе благимъ нашимъ намѣреніямъ тѣмъ, что выборъ іерарховъ начинаетъ ускользать изъ рукъ у русской шляхты? Она почуяла здѣсь нашу твердость въ обращеніи народа русскаго; она могла бы и впослѣдствіи почуять эту рѣшимость. Потому что надобно бояться, чтобы на ту должность, которую занимаете нынѣ вы, не поставлялись такіе люди, которые могли бы разрушать осно-

ванія этого труда и начатаго вашею милостью зданія. Не безъ Божіей воли это сталось, что они, не избирая вашей милости на эту должность, не могутъ столкнуть и низвести съ нея вашей милости. Ибо имѣете ваша милость королевскую привиллегію; есть у васъ въ Коронѣ и Литвѣ тайныя связи, родство, пріятели и могущественная партія; за васъ стоитъ вся католическая церковь, которая, въ случаѣ надобности, поддержитъ васъ могущественно. Кто же вашей милости можетъ помѣшать, для подготовленія себѣ преемника, подбирать себѣ коадъютора? А для него при дворѣ его королевской милост ипривиллегія будетъ готова, только бы онъ, съ своей стороны, былъ готовъ слѣдовать по стопамъ вашей милости. Наконецъ не смотрите на ваше духовенство, ни на ничтожные бунты безумной черни. Что касается духовенства, то ваша милость всего удобнѣе можете держать его въ послушаніи слѣдующимъ способомъ: замѣщайте всѣ вакансіи не знатными людьми, чтобъ не брыкались, а простыми, убогими и такими, которые бы вполнѣ зависѣли отъ вашей милости. А если бы на духовныхъ прелатурахъ оказались строптивые, тогда, подъ предлогомъ надобности въ ревностныхъ наставникахъ и порядочныхъ игуменахъ, смѣщайте противящихся и непослушныхъ вамъ прелатовъ, а на ихъ бенефиціи возвышайте преданныхъ вамъ; а чтобъ и эти не разжирѣли, отправляйте подозрѣваемыхъ на иныя мѣста и, по указанію обстоятельствъ, перемѣщайте. Не мѣшаетъ иныхъ охлаждать почетнѣйшими поѣздками и посольствами, которыя бы они совершали на собственный счетъ. Протопоповъ, которые попроще, берите съ собой въ дорогу и заблаговременно пріучайте при себѣ и направляйте къ тому, чтобъ они усвоили вашъ способъ дѣйствія. На поповъ накладывайте подати для общаго блага св. церкви и всего больше наблюдайте за тѣмъ, чтобъ они, безъ вашей милости, своего пастыря. не отправляли синодовъ и всяческихъ сходокъ, а кто бы изъ нихъ осмѣлился преступить строгое запрещеніе, тѣхъ подвергать наказанію. Что касается свѣтскихъ, а особливо черни, то какъ донынѣ ваша милость поступали очень благоразумно, такъ и на будущее время, по мѣрѣ возможности, вы будете осмотрительны, чтобы не подать имъ никакого повода къ уразумѣнію замысловъ и намѣреній вашей милости. Потому если бы надобно было опасаться войны съ ними, то мы не совѣтуемъ наступать на нихъ явно. Гораздо лучше въ мирное время передовыя между ними головы различными способами уловлять и обязывать, то чрезъ посредство своихъ агентовъ, то какими-либо иными дѣйствіями и награжденіями. Церемоній не вносить въ церковь разомъ: онѣ могутъ быть измѣнены мало-по-малу. Диспутовъ и споровъ съ западною церковью для виду не оставляйте, равно какъ и другихъ подобныхъ способовъ для уничтоженія слѣда своего предпріятія, чѣмъ можно замылить глаза не только шляхтѣ, но и черни. Для молодежи греческаго закона открывайте особыя школы, лишь бы имъ не запрещали посѣщать католическіе костелы и доканчивать образованіе въ нашихъ школахъ (іезуитскихъ). Слово унія должно быть изгнано: не трудно придумать другое, которое бы не такъ было противно для народа. Кто ходитъ около слоновъ, тотъ бережется носить красное платье. Что касается въ особенности до сословія шляхетскаго, то ему больше всего внушайте, дѣйствуя на совѣсть, чтобъ не имѣло общенія съ еретиками въ Коронѣ и Литвѣ, а, напротивъ, помогало бы искренно католикамъ къ ихъ искорененію. Отъ этого предостереженія, по нашему мнѣнію, такъ

много зависитъ, что, доколѣ еретики не будутъ истреблены въ Рѣчи-Посполитой, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться совершеннаго согласія, уніи греческихъ церквей въ отечествѣ съ костеломъ католическимъ. Ибо какимъ образомъ могли бы послѣдователи восточной церкви обратиться вполнѣ подъ послушаніе св. отца, доколѣ въ Польшѣ будутъ отказывать ему въ послушаніи тѣ, которые нѣкогда были членами западной церкви? Остальное возложимъ на Господа Бога, на раздачу духовныхъ бенефицій и на ревность коронныхъ чиновъ, которые, имѣя въ своихъ владѣніяхъ право патроната, станутъ допускать къ отправленію богослуженія однихъ только уніатовъ. Будемъ надѣяться, что нашъ богобоязненный, благочестивый государь и столь горячая, при его покровительствѣ, къ католическому обряду королевская рада, не перестанутъ притѣснять, то на сеймахъ, то въ судахъ, отступниковъ отъ св. католической вѣры, а этимъ потянутъ и упорныхъ въ русскомъ народѣ схизматиковъ: волею-неволею принуждены они будутъ поддаться подъ послушаніе св. отца. А мы всѣ, члены ордена, не оставимъ содѣйствовать съ нашей стороны не только молитвами, но и работою въ вертоградѣ Господнемъ».

LXIX. КІЕВО-МОГИЛЯНСКАЯ КОЛЛЕГІЯ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Изъ «Исторіи Кіевской Академіи» Макарія Булгакова).

Кіевская академія явилась въ концѣ XVI столѣтія, и явилась, какъ необходимый плодъ того времени и тогдашнихъ обстоятельствъ православной церкви въ западной части Россіи. XVI вѣкъ для цѣлой Европы былъ такимъ временемъ, когда она, послѣ великихъ религіозныхъ и политическихъ переворотовъ, въ высшей степени чувствовала въ себѣ жажду просвѣщенія, и когда поэтому во всѣхъ почти лучшихъ городахъ разныхъ государствъ ея, какъ бы наперерывъ, спѣшили заводить университеты и коллегіи, въ которые толпами стремилось любознательное юношество. Россія еще не входила въ составъ европейскихъ государствъ и продолжала жить своею отдѣльною жизнью. Но западная часть ея, съ 1560 г. будучи присоединена къ Польшѣ и, чрезъ Польшу, пришедши въ соприкосновеніе съ Европою, не могла не ощутить въ себѣ тѣхъ особенныхъ движеній, какія происходили въ общей жизни Европы, не могла не принять въ нихъ нѣкотораго участія. И кіевское училище, съ нѣсколькими другими, заведенное тогда у насъ, по образцу европейскихъ, было явнымъ слѣдствіемъ и свидѣтельствомъ сего участія—перваго участія Россіи въ умственной жизни Европы. Но здѣсь только одна, и отнюдь еще не главная, причина появленія кіевской академіи.

Для Россіи, въ ея отдѣльной жизни, XVI вѣкъ былъ также временемъ пробужденія отъ двухвѣковаго умственнаго сна, въ которомъ держало ее татарское порабощеніе, временемъ глубокаго, но еще робкаго сознанія потребности въ просвѣщеніи. Жалоба новгородскаго архіепископа Геннадія (1500 г.) всероссійскому митрополиту Симону на недостатокъ училищъ для образованія пастырей церкви, жалобы на совершенный недостатокъ училищъ, высказанныя самому царю отцами, присутствовавшими на Сто-

главомъ соборѣ, училище Заиконоспасское, открытое по приказанію Бориса Годунова (около 1599 г.)—суть прямыя доказательства той мысли, что русскіе глубоко уже сознавали потребность просвѣщенія. Западная Россія, состоявшая вмѣстѣ съ Польшею подъ владычествомъ потомковъ Ягелла, хотя и отдѣлена была повидимому отъ Руси восточной, но внутренно не прерывала совершенно и не могла прервать родственнаго союза съ нею. Посему-то, принимая чрезъ Польшу естественнымъ и необходимымъ образомъ нѣкоторое участіе въ жизни Европы, она, въ тоже самое время, не переставала жить попреимуществу русской жизнью. Кіевское православное училище, учрежденное въ ней вмѣстѣ съ другими подобными, было выраженіемъ этого глубокаго сочувствія ея съ образованнымъ Западомъ и съ твердою въ вѣрѣ и православіи Русью восточною, начавшею въ свою очередь сознавать потребность въ просвѣщеніи. Вотъ гдѣ можно полагать другую, но опять еще не главную, причину появленія училища собственно въ Кіевѣ. XVI вѣкъ для западной Россіи былъ временемъ, когда она въ первый разъ увидѣла крайнюю опасность лишиться перваго и драгоцѣннѣйшаго своего достоянія—православія. Давнее покушеніе папы подчинить русскихъ своей духовной власти теперь воскресло съ новою силою. Іезуиты, проникшіе въ Польшу еще при Сигизмундѣ-Августѣ, управляя теперь всею польскою политикою, немедленно и съ жаромъ приступили къ своему любимому дѣлу. Желая совращать съ пути православія людей взрослыхъ, но не твердыхъ и неискусныхъ въ вѣрѣ, они распускали разныя полемическія сочиненія на восточную церковь; а чтобы посѣевать и укоренять свои неправыя мысли въ душахъ еще юныхъ и неопытныхъ, они заводили въ Вильнѣ, Полоцкѣ и на Волыни свои училища. Въ такихъ обстоятельствахъ что оставалось дѣлать православнымъ? Училищамъ надобно было противопоставить училища, сочиненіямъ сочиненія, а для этого нужны были люди ученые, и значитъ, опять нужны были училища. И вотъ они начинаютъ возникать одно за другимъ. Первое православное училище явилось въ Острогѣ около 1580 г. Его учредилъ величайшій въ то время ревнитель православія Константинъ Константиновичъ князь Острожскій. Второе основано во Львовѣ около 1586 г. Третье благословилъ завести въ Вильнѣ въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія II, путешествовавшій по Россіи. Православное братство, только что образовавшееся передъ тѣмъ, при церкви монастыря Святодуховскаго, не замедлило привести въ исполненіе священную волю іерарха. Точно такое же православное училище открыто наконецъ и въ Кіевѣ, столицѣ православія. Святая ревность по вѣрѣ успѣла и здѣсь связать узами христіанскаго братства нѣсколько лицъ разныхъ сословій, которыя, предположивъ себѣ цѣлью попеченіе о всемъ, касающемся до благосостоянія церкви, рѣшились, между прочимъ, содѣйствовать всѣми мѣрами успѣхамъ и процвѣтанію лучшей изъ кіевскихъ приходскихъ школъ, находившейся при Богоявленской церкви. Сіе то благочестивое братство, на обратномъ пути патріарха Іереміи II изъ Москвы въ Константинополь, испросило у него благословеніе преобразовать свою школу въ высшее православное училище, по образцу другихъ, существовавшихъ уже въ княжествѣ Литовскомъ. Первосвятитель восточной церкви, на одномъ концѣ Россіи утвердившій патріаршій престолъ и давшій ей перваго патріарха, на другомъ положилъ своимъ благословеніемъ основной камень православному училищу, тогда четвертому въ кіевской православной митропо-

ліи. И такъ ревность по православію—вотъ главная и ближайшая причина появленія кіевской академіи. Такимъ образомъ академія сія, по своему происхожденію, служитъ живымъ памятникомъ трехъ важнѣйшихъ въ исторіи событій: она напоминаетъ намъ великую эпоху пробужденія Европы къ просвѣщенію и вмѣстѣ съ тѣмъ первое участіе Россіи въ умственной европейской жизни; она служитъ памятникомъ дѣятельнаго сознанія потребности просвѣщенія народа русскаго, послѣ удручавшаго его татарскаго ига, и дружелюбнаго участія въ семъ дѣлѣ великаго княжества Литовскаго или, частнѣе, Малороссіи; памятникомъ наконецъ первой явной опасности для западной Россіи лишиться православія, и вмѣстѣ памятникомъ особенной ревности кіевлянъ къ православной вѣрѣ.

Первые двадцать пять лѣтъ существованія кіевской школы остаются для насъ почти неизвѣстными. Сеймъ 1597 г., объявившій народъ русскій отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ, далъ полную волю фанатизму ревнителей папскаго престола, и скоро вся Украйна запылала страшною, непремиримою войною. Это продолжалось до 1607 г., когда новымъ сеймомъ ограждены были нѣсколько права христіанъ православныхъ. Легко представить себѣ, каково долженствовало быть состояніе кіевскаго училища и въ это десятилѣтіе. Тогда какъ всѣ православныя училища были всячески тѣснимы и разрушаемы іезуитами, главнѣйшими дѣятелями въ сихъ гоненіяхъ, могло ли оно укрыться отъ ихъ преслѣдованія? Если они старались довести до совершеннаго упадка училище острожское, львовское, то не упускали, безъ сомнѣнія, ничего ко вреду училища братскаго, которое, находясь въ самой столицѣ православія, служило оплотомъ правой вѣры. Наконецъ, къ довершенію бѣдствій, претерпѣнныхъ симъ училищемъ, огонь испепелилъ его въ концѣ 1614 г. Къ счастію, кіевская школа не пала навсегда: и послѣ пожара ревность по православію возродила ее изъ пепла. Анна Гугулевичевна, единственно по усердію и приверженности къ православной церкви, въ нѣдрахъ коей она родилась и была воспитана, пожертвовала для помѣщенія братской школы нѣсколько зданій и дворъ на Подолѣ (тотъ самый, гдѣ доселѣ существуетъ академія), съ условіемъ, чтобы при школахъ заведенъ былъ и монастырь, и гостепріимный домъ для православныхъ странниковъ духовнаго званія.

Чему обучали въ кіевскомъ училищѣ? Патріархъ Ѳеофанъ назвалъ его, въ одной изъ своихъ грамотъ, школою наукъ эллино-словенскаго и латино-польскаго письма; однако отсюда не должно заключать, будто бы, кромѣ показанныхъ четырехъ языковъ, ничего болѣе здѣсь не преподавали. Такъ назывались и училища острожское, львовское и виленское, по примѣру которыхъ заведено наше; но въ нихъ не только были сообщаемы желающимъ первоначальныя свѣдѣнія въ этихъ языкахъ, а на всѣхъ ихъ преподаваемы были и словесныя науки, т. е. поэзія и риторика. Преподаваніе, независимо отъ постороннихъ препятствій, было въ состояніи цвѣтущемъ. Хотя здѣшніе наставники большею частью воспитывались въ православныхъ училищахъ, но слушали тамъ науки, пересаженныя изъ Европы. Послѣднее подтверждается тѣмъ, что по крайней мѣрѣ извѣстные изъ сихъ наставниковъ были весьма достаточно приготовлены къ своему дѣлу. Таковы: Мелетій Смотрицкій, мужъ, въ свое время ученѣйшій и славный между соотечественниками многими сочиненіями, но, къ сожалѣнію, запятнавшій свое имя измѣною православію. Онъ первоначально препода-

помощь. Но ханъ не торопился на этотъ разъ, а безъ него Хмельницкій не рѣшился выступить на встрѣчу королевскому войску, которое было притомъ въ этомъ году особенно многочисленно. Хмельницкій и потому еще не рѣшался идти на короля безъ союзниковъ, что народъ не такъ охотно стекался по его призыву, какъ прежде, недоволенъ будучи за то, что былъ совершенно забытъ въ зборовскихъ статьяхъ. Наконецъ прибылъ ханъ; соединившись съ нимъ, казаки двинулись противъ поляковъ. Начался бой близъ рѣки Стыри у Берестечка. Татаре не выдержали и побѣжали. Хмельницкій кинулся къ хану убѣждать его, чтобъ онъ воротилъ своихъ татаръ. Но тотъ только пришпоривалъ коня, а когда гетманъ ему надоѣлъ своими просьбами и упреками, то онъ велѣлъ захватить и его съ собою. «Ты самъ виноватъ, говорилъ онъ; увѣрилъ меня, что поляковъ мало. Будешь у меня въ плѣну, пока не заплатишь вмѣсто поляковъ мнѣ и моимъ мурзамъ».

Между тѣмъ поляки стали крѣпко напирать на казаковъ. Тѣ мѣшались и путались, однако, огородившись по обычаю повозками, держались нѣсколько дней; но, потерявъ наконецъ надежду, пустились на утекъ топкими болотами, къ которымъ примыкалъ ихъ обозъ. Множество казаковъ и еще болѣе бывшихъ съ ними крестьянъ при этомъ потонуло, другіе были настигнуты поляками; самая большая часть умерла съ голоду въ дремучихъ лѣсахъ, которые тянутся по Стыри и Припети. Долго на Украйнѣ не было никакихъ вѣстей ни о гетманѣ, ни о казакахъ. Наконецъ онъ явился, вырвавшись кое-какъ изъ рукъ татаръ, почти голый; затѣмъ начали появляться и бѣглецы изъ подъ Берестечка, отощалые, изнуренные, едва волоча ноги. Отъ цѣлыхъ полковъ едва возвращалось по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Но это было еще не все: возстаніе, которое тоже было, хоть и не очень сильное, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, было подавлено литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ. Гоня передъ собою казаковъ, которые были въ Сѣверской странѣ, онъ шелъ вдоль Днѣпра къ Кіеву и овладѣлъ имъ. Потоцкій въ то же время шелъ къ Кіеву же изъ-подъ Берестечка.

Противъ соединенныхъ войскъ, польскаго или короннаго и литовскаго, Хмельницкому не съ чѣмъ было стать. Страшное пораженіе, понесенное казаками, хоть и не сломило русскаго народа, который опять началъ собираться въ гайдамацкія партіи, но уничтожило большое войско гетмана. Тогда онъ послалъ къ Потоцкому письмо, прося мира и свидѣтельствуясь Богомъ въ своей преданности королю. Потоцкій согласился вступить въ переговоры; но когда казаки заикнулись о подтвержденіи зборовскихъ статей, то онъ хотѣлъ ихъ перевѣшать. Хмельницкій понималъ, что послѣ неудачи нельзя надѣяться на выгодный миръ, и рѣшился сдѣлать уступки. Число казаковъ должно было не превышать двадцати тысячъ; имъ было дозволено сохранить свои старинныя права и жить только въ Кіевскомъ воеводствѣ (Кіевской и Полтавской губерніяхъ); всѣ прочіе простолюдины западной Руси были признаны крестьянами, и имъ было приказано постарому служить своимъ помѣщикамъ; гетманъ казачьяго войска былъ подчиненъ коронному; объ уніи не было сказано ни слова; о правѣ кіевскаго митрополита засѣдать въ сенатѣ— тоже; войску королевскому не дозволялось квартировать только въ казачьихъ мѣстечкахъ; евреямъ разрѣшалось попрежнему вездѣ жить, арендовать имѣнія и пр. Таковы были тяжелыя условія, подписанныя въ

опасность не укрылась отъ заботливаго взора многочисленнаго братства Богоявленскаго, и три просительныхъ листа отъ трехъ главнѣйшихъ тогда сословій въ Малороссіи, участвовавшихъ въ лицѣ нѣсколькихъ представителей своихъ въ семъ братствѣ, одинъ за другимъ поданы были Петру Могилѣ въ той силѣ, чтобы онъ не заводилъ особаго училища въ лаврѣ, а соединилъ бы его съ Братскимъ, находящимся на Подолѣ. Гетманъ Иванъ Петржицкій съ своими эсаулами, полковниками и со всѣмъ запорожскимъ войскомъ клятвенно обѣщали защищать Братское училище и все, ему принадлежащее, изъ рода въ родъ, отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; дворянство давало обѣтъ ежегодно избирать изъ среды своей старостъ для попеченія о содержаніи сего училища. Могила согласился. Признательная коллегія никогда не забывала своего величайшаго благодѣтеля. Болѣе ста лѣтъ, переименованная уже и въ академію, она во имя его, называлась собственно Кіево-Могилянскою.

Много сдѣлалъ Петръ Могила для своей коллегіи относительно внѣшняго ея благосостоянія, еще больше относительно ея внутренняго устройства. Онъ распространилъ въ ней кругъ наукъ, ввелъ новый училищный порядокъ, завелъ при ней необходимое учебное пособіе—библіотеку. Предметы обученія въ коллегіи были слѣдующіе: три языка—славянскій, греческій и латинскій, нотное пѣніе, православный катехизисъ, ариѳметика, поэзія, риторика, философія и богословіе. Есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ первоначально, здѣсь обучали юношей геометріи, музыкѣ и отчасти астрономіи.

Первые наставники коллегіи воспитывались въ академіяхъ и университетахъ заграничныхъ. А извѣстно, какъ преподавались тогда науки въ Европѣ. Въ богословіи, съ одной стороны, преобладалъ схоластицизмъ. Съ другой стороны, по случаю отторженія лютеранъ отъ римской церкви и происхожденія многихъ другихъ религіозныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое всячески старалось защищать свое ученіе, подвергавшееся нападенію прочихъ, и опровергать все чужое,—науки богословскія были обращены въ жаркую полемику. Самая строгая схоластика господствовала и въ философіи. Аристотель оставался попрежнему въ уваженіи; его сочиненія издаваемы были вновь, и знаменитые ученые продолжали писать на нихъ огромные комментаріи. Правда, Англія имѣла уже Бэкона и Локка, Франція Декарта; но творенія этихъ великихъ мыслителей были пока мало извѣстны и не успѣли освободить философіи отъ тяжкихъ оковъ схоластики. По риторикѣ методы Аристотеля, Димитрія Александрійскаго, и особенно Цицерона и Квинтиліана, почитались лучшими руководствами и единственными образцами при составленіи учебниковъ. Новые авторы писали комментаріи на эти образцы, или сочиняли цѣлые томы о томъ, какъ писать письма, какъ умножать при сочиненіи слова и мысли и т. п. Поэзія въ школахъ занималась только стихосложеніемъ латинскимъ и разными его родами и видами. Изрѣдка преподаваемы были воспитанникамъ немногія правила стихосложенія на языкахъ отечественныхъ. Въ такомъ точно видѣ всѣ эти науки явились и въ коллегіи нашей. Изъ языковъ главнѣйшимъ почитался литинскій, который потому и находился здѣсь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи съ первыхъ годовъ училища. На этомъ языкѣ излагались всѣ науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса; на немъ писались почти

всѣ сочиненія ученическія. По-латыни обязаны были говорить всѣ воспитанники и въ классахъ, и въ жилыхъ комнатахъ, и на улицахъ, словомъ вездѣ, гдѣ только могли сойтись другъ съ другомъ. Вторымъ языкомъ послѣ латинскаго считался здѣсь славянскій. И объ немъ также заботились здѣсь, хотя и не столько, сколько о первомъ. На немъ писались какъ наставниками, такъ и воспитанниками разныя стихотворенія по силлабическому размѣру: учитель поэзіи обязанъ былъ ежегодно приготовить драму, комедію или трагедію для лѣтнихъ рекреацій, а ученики нѣсколько діалоговъ, акростиховъ и другихъ виршей. На немъ сочиняемы были разныя поздравительныя рѣчи; на немъ произносились наставниками въ храмахъ божіихъ поученія. Но болѣе всего изученію его содѣйствовало то, что на немъ изложено св. писаніе, которое составляло всегда главнѣйшій предметъ занятій для обучавшихся богословію. На самой низшей степени, сравнительно съ другими, находился здѣсь языкъ греческій. Между науками, преподававшимися въ коллегіи, первое мѣсто занимало богословіе, которое наиболѣе и процвѣтало здѣсь. Побужденіемъ къ подробнѣйшему и основательнѣйшему изученію его служила отчасти унія, заставлявшая воспитанниковъ знать, какъ можно лучше, особенно спорные пункты вѣроученія, съ одной стороны, чтобы впослѣдствіи вразумлять и утверждать въ нихъ православныхъ, а съ другой, чтобы быть въ состояніи отражать всѣ нападенія враговъ и даже побѣждать ихъ. Съ этою цѣлью богословіе читалось здѣсь, преимущественно въ трактатахъ о предметахъ спорныхъ, съ величайшею обширностью и отчетливостью, и полный курсъ его продолжался цѣлыхъ четыре года, между тѣмъ какъ преподаваніе курса философіи ограничивалось двумя годами, а преподаваніе риторики, равно какъ и поэзіи, только однимъ. Процвѣтанію богословія содѣйствовало, конечно, и то, что по этой наукѣ постоянно, когда только она преподавалась, были прекрасные профессоры, знавшіе ее въ совершенствѣ.

Съ радостью, еще при жизни своей, видѣлъ Могила плоды отъ своей коллегіи для церкви божіей и просвѣщенія. Промыслу угодно было въ такой краткій промежутокъ времени вывести изъ сего училища стольких знаменитыхъ пастырей, подобно свѣтиламъ, просіявшихъ на тверди русской православной церкви и русскаго просвѣщенія. Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, и Іоанникій Галятовскій, архимандритъ, являются изъ кіевской коллегіи первымъ по времени яркимъ созвѣздіемъ на этомъ горизонтѣ. Оба они были славные состязательные богословы. Когда около половины XVII ст. уніаты и римско-католики стали издавать противъ восточной церкви разныя бранныя сочиненія, тогда для состязанія съ ними, съ общаго согласія всѣхъ малороссійскихъ церквей, избраны были Барановичъ и Галятовскій; и они достойно оправдали сіе избраніе.

Поприщемъ дѣятельности для выходившихъ изъ коллегіи была главнымъ образомъ Малороссія, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли случай служить Великой Россіи. Но затѣмъ они проникаютъ во всѣ страны обширнѣйшаго царства русскаго, занимаютъ большую часть пастырскихъ каѳедръ и всюду разносятъ съ собою свѣтъ просвѣщенія. Питомцы кіевской коллегіи являлись защитниками православія не на одномъ западѣ нашего православнаго отечества, ратуя только противъ уніатовъ: многіе изъ нихъ являются столпами всей россійской церкви, обуреваемой раско-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Многіе [illegible] [illegible] Рус[illegible]. [illegible] [illegible] ... [illegible] въ католической Польшѣ [illegible] ... Другіе потеряли вѣру и народность черезъ браки съ польками: а если сами заинтересовали отъ [illegible] [illegible], то всегда почти предоставляли дѣтямъ слѣдовать внушеніямъ матерей въ отношеніи вѣры. Такимъ образомъ перерождались цѣлыя фамиліи. Еще болѣе дѣйствовало на перерожденіе русскаго дворянства воспитаніе. Дѣти русскихъ дворянъ учились въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Ярославѣ и прочихъ городахъ внутреннихъ странъ Рѣчи Посполитой, иные за границею, въ Австріи, во Франціи, въ Испаніи, Италіи; іезуиты вездѣ овладѣвали тогда воспитаніемъ. Какъ только прибудетъ въ училище молодой русинъ, на него устремляется все вниманіе: ему внушаютъ отвращеніе къ вѣрѣ отцовъ его, описываютъ ее [illegible], представляютъ догматы римско-католической церкви истинными, а обряды ея стараются выставить въ привлекательномъ видѣ. Молодое чувство покоряется внушеніямъ наставниковъ: русскій принимаетъ римско-католическое исповѣданіе, возвращается на родину, и все въ ней кажется ему варварскимъ: онъ затыкаетъ уши, слыша рѣчь южно-рус-

жился: московское войско вступило въ Украину, съ тѣмъ-ли, чтобы защищать ее отъ поляковъ, или чтобы не допускать въ ней самой безпорядковъ—неизвѣстно; но Выговскій собралъ раду и объявилъ, что Москва нарушаетъ переяславльскія условія, и что потому онъ не хочетъ быть гетманомъ. Однако рада упросила его остаться.

Между тѣмъ на Украйнѣ было много недовольныхъ избраніемъ Выговскаго, особенно между казаками и жителями лѣваго берега Днѣпра. Они говорили, что избраніе произведено было неправильно, что на избирательной радѣ были почти одни только полковники, да другія лица изъ старшинъ, а простыхъ казаковъ и крестьянъ почти не было. Недовольны были избраніемъ этимъ и въ Запорожьѣ, откуда никого не было на избирательной радѣ. Выговскій собралъ преданные ему полки, выступилъ съ тѣмъ, чтобы смирить своихъ противниковъ, и требовалъ, чтобы московское войско помогло ему. Но воевода московскій, кн. Ромодановскій, не рѣшался этого сдѣлать безъ приказанія отъ царя; онъ видѣлъ, что гетманъ хочетъ употребить московское войско для наказанія людей, наиболѣе преданныхъ царю. Это раздражило Выговскаго: онъ и его приверженцы стали распускать слухи, что царь хочетъ уменьшить казачье войско до 10,000 человѣкъ, да и тѣхъ обратить въ драгуны, «вѣчными невольниками сдѣлать, а женъ заставить ходить въ лаптяхъ». Съ другой стороны, напротивъ, жаловались, что гетманъ собираетъ поборы не въ войсковой скарбъ, а въ свои собственные сундуки, и дѣлится ими со старшиною, что онъ умышляетъ измѣнить царю и призываетъ хана на Украину.

Между тѣмъ пріѣхали польскіе коммиссары. Переговоривъ съ ними и условившись, Выговскій собралъ въ Гадячѣ раду, но на радѣ этой, какъ и на той, которая избрала Выговскаго, было много казачьей старшины, а простыхъ казаковъ и черни было мало. Гетманъ явился туда и привелъ польскихъ коммиссаровъ. Поклонившись радѣ, онъ сказалъ коммиссарамъ, что войско желаетъ мира и союза съ Рѣчью Посполитой. Статьи, на которыя согласились польскіе коммиссары, обѣщали очень много. Украина, которой на этотъ разъ даны были болѣе обширные размѣры, а именно нынѣшнія губерніи: Кіевская, Полтавская, Черниговская съ частью Подоліи и Волыни; Украина должна была примкнуть къ Польскому королевству на тѣхъ же правахъ, какъ Литовское княжество, т. е. высылать на общій сеймъ нѣкоторое число пословъ, имѣть особаго гетмана, маршалковъ, подскарбіевъ и другихъ чиновниковъ и урядниковъ, не иначе какъ изъ русскихъ, а также свои суды и трибуналы; казаковъ и другихъ обывателей украинскихъ король, по представленію гетмана, обѣщалъ дѣлать шляхтичами; изъ духовенства и шляхетства украинскаго должны были нѣкоторые назначаться въ сенатъ; унію положено было совершенно уничтожить.

Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ князю Ромодановскому о переговорахъ въ Гадячѣ и о вступленіи въ Украину татаръ, онъ объявилъ царскую грамоту, въ которой Выговскій провозглашался измѣнникомъ, и казакамъ повелѣвалось избрать себѣ новаго гетмана. Чернь и простые казаки, особенно лѣвобережскіе, толпами повалили къ Ромодановскому, когда къ нимъ дошла эта царская грамота; обозъ гетманскій таялъ, какъ снѣгъ отъ лучей солнца. Выговскій собралъ было раду, чтобъ прочесть гадячскія условія, но рада не стала его слушать; гетмана громко упре-

подъ названіемъ *рогатаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставщину*, за право пасти скотъ—*спасное*; за право собирать жолуди—*жолудное*, за измолъ муки—*сухомельщину* и т. п. Крестьянамъ не дозволялось не только приготовлять у себя въ домахъ напитки, но даже покупать въ иномъ мѣстѣ, кромѣ панской корчмы, отданной обыкновенно жиду на аренду, а тамъ продавали хлопамъ такое пиво, медъ и водку, что и скотъ пить не станетъ. Случится у пана какая нибудь радость, подданнымъ его печаль: надобно давать поздравительное; если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему матерію, мясники—мясо, корчмари—напитки; по деревнямъ хлопы должны были давать *стацію* его гайдукамъ и казакамъ. Ѣдетъ ли панъ на сеймикъ или на богомолье въ Ченстохово, или на свадьбу къ сосѣду, на его подданныхъ налагалась всегда какая-нибудь новая тягость. Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитою), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у хлопа куръ, барановъ, масло, колбасы, а пойдетъ хлопъ жаловаться пану, такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ безпокоитъ его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать, какъ его слуги. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно жидамъ, а сами или жили и веселились въ своихъ дворцахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой расчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплативъ такъ называемаго *дудка*; если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить *поемщизну*. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено: и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья. Кромѣ того имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ владѣльца право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертью. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было ужаснѣе, нежели въ родовыхъ, даромъ что тамъ подданные имѣли право жаловаться на злоупотребленія.

Рядомъ съ утѣсненіемъ народа шло поруганіе православной вѣры. До смерти короля Владислава, со времени введенія уніи, польское правительство издало десять *конституцій*, обезпечивавшихъ спокойствіе послѣдователей греко-русскаго исповѣданія; но, во-первыхъ, духовные считали себя въ правѣ не слушаться никакихъ конституцій на томъ основаніи, что церковь выше государства, а во-вторыхъ, эти конституціи по самымъ правамъ польскимъ, могли относиться только къ дворянскому сословію. Дворянинъ православной вѣры могъ въ своемъ имѣніи или староствѣ построить церковь, монастырь, покровительствовать духовнымъ; но тамъ, гдѣ владѣлецъ-католикъ и не благопріятствуетъ вѣротерпимости, тамъ подобныя конституціи не могли имѣть ровно никакой законной силы, ибо и совѣсть, какъ честь и жизнь хлоповъ, зависѣла отъ произвола

пана. А такъ какъ пановъ католической вѣры со дня на день становилось больше, чѣмъ православныхъ, то эти конституціи давались въ полной увѣренности, что онѣ не могутъ остановить стремленія лишить русскихъ своенародности. Владѣльцы захватывали церковныя имѣнія, приписанныя къ тѣмъ храмамъ или обителямъ, которые находились на землѣ ихъ вотчинъ или старостствъ, обращали насильно православныя церкви въ уніатскія; нерѣдко толпа шляхтичей, жившихъ у пана, врывалась въ монастырь, разгоняла и мучила иноковъ, принуждая къ уніи. Ихъ заключали въ оковы, вырывали имъ волосы, томили голодомъ, иногда же топили и вѣшали. Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно для себя извлечь новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, церкви гонимаго вѣроисповѣданія. Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину, не забывая при этомъ всякаго рода нахальства и пренебреженія къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить, а священники, не получая содержанія, притомъ терпя оскорбленіе отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи.

Въ городахъ одни католики были выбираемы въ должности и, въ качествѣ членовъ городскаго начальства, потакали римско-католическому духовенству и допускали распоряженія, стѣснительныя для православія. Во Львовѣ запрещено было православнымъ не только участвовать въ муниципальномъ совѣтѣ, но даже торговать и записываться въ ремесленные цехи. Не дозволяли хоронить православныхъ съ христіанскими обрядами; священникъ не смѣлъ идти къ больному съ дарами; наглость львовскихъ католиковъ и уніатовъ доходила до того; что толпы врывались въ церковь во время богослуженія. Въ Кіевѣ насильно обратили большую часть церквей въ уніатскія, и въ томъ числѣ св. Софію и Выдубицкій монастырь.

Русское дворянство легко поддавалось польскому вліянію и теряло народность, а за народностью и вѣру предковъ. Простой народъ, порабощенный дворянствомъ, показывалъ бы долѣе страдательное противодѣйствіе, роптал бы на судьбу, вздыхалъ бы о вѣрѣ отцовъ своихъ, а въ концѣ концовъ, подъ силою всеизглаживающаго времени, уступилъ бы гнету обстоятельствъ и забылъ бы старину, также точно, какъ нѣкогда, послѣ введенія христіанства, онъ долго вздыхалъ о своемъ язычествѣ и втайнѣ обращался къ своимъ прежнимъ божествамъ, а между тѣмъ время дѣлало свое, и мало по малу народъ сроднился съ новою вѣрою и сталъ чуждъ языческой старинѣ своей. По общечеловѣческимъ законамъ то-же должно было, если не сразу, то въ теченіе не малаго времени, совершиться съ православіемъ и съ русскою жизнью. Все должно было ополячиться и окатоличиться, еслибы, на бѣду польскимъ и римско-католическимъ затѣямъ, не стояло противъ нихъ казачество, вооруженное, крѣпкое, составлявшее цвѣтъ и матеріальную силу русскаго народа. Наполняясь изъ простаго народа, оно готово было защищать оружіемъ то, что было дорого простому народу. Хлопъ, бѣжавшій въ казачество, вно-

силъ туда сердечную, глубокую ненависть ко всему панскому, шляхетскому, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ко всему ляхскому, потому что ненавистный ему панъ былъ или сдѣлался ляхомъ; заурядъ со всѣмъ панскимъ стала ему противна и враждебна римско-католическая вѣра; еще противнѣе была для него унія, какъ вѣра, которую, въ довершеніе своего произвола надъ хлопомъ, насильно навязывалъ панъ послѣднему на совѣсть. Такимъ путемъ сдѣлались казаки единственными борцами за православную вѣру и русскую народность.

LXXI. О СВАДЬБѢ И БРАКОСОЧЕТАНІИ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Изъ соч. Олеарія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 г.» переводъ Барсова).

Когда великій князь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, то былъ еще очень молодъ, и при немъ все еще оставался его бывшій дворецкій и воспитатель Морозовъ, по волѣ и усмотрѣнію котораго в. князь и велъ управленіе. Этотъ Морозовъ прежде всего привлекъ на свою сторону тѣхъ, которые наиболѣе готовы были служить его волѣ; родственниковъ же его царскаго величества, и въ особенности родственниковъ матери его, бывшей великой княгини, удалилъ отъ двора на воеводства и другія видныя должности съ тѣмъ, чтобы онъ могъ наполнить дворъ людьми, ему приверженными, и важнѣйшія должности распредѣлить между друзьями, которые, по его усмотрѣнію, должны были оставаться заодно съ нимъ. Никто изъ знатнѣйшихъ вельможъ не долженъ былъ превзойти Морозова въ болѣе ревностномъ служеніи молодому царю и постоянномъ при немъ пребываніи. Чтобы удалить отъ в. князя тѣхъ изъ бояръ, которые могли являться къ нему съ какими нибудь скучными и для его возраста даже съ тягостными служебными занятіями, Морозовъ часто возилъ его на охоту и доставлялъ ему всякаго рода и другія удовольствія. Для того же, чтобъ прочнѣе удержать за собою расположеніе царя, Морозовъ помышлялъ о томъ, какъ бы вступить въ ближайшее родство съ нимъ. Расчетъ его былъ таковъ: онъ зналъ, что его царское величество долженъ былъ скоро жениться, и, для того чтобы царь оставался въ родствѣ съ среднимъ сословіемъ, къ которому принадлежалъ Морозовъ, онъ рѣшилъ предложить ему въ супруги дочь одного дворянина, на сестрѣ которой думалъ жениться самъ. Между придворными дворянами былъ тогда одинъ, по имени Илья Даниловичъ Милославскій, который имѣлъ двухъ дочерей красавицъ и ни одного наслѣдника мужескаго пола. Этотъ Илья часто прислуживалъ Морозову, бывшему тогда въ силѣ при дворѣ, былъ его, какъ говорится *fac totum*, ревностно помогалъ ему, такъ что Морозовъ охотно терпѣлъ его не ради только его красивой дочери, но и ради его угодливости. Однажды, улучивъ удобное время, Морозовъ началъ выхвалять красоту сказанныхъ двухъ сестеръ и возбудилъ въ молодомъ государѣ сильное желаніе увидѣть ихъ. Обѣ сестры были приглашены къ дѣвицамъ—сестрамъ его царскаго величества, какъ бы только для посѣщенія сихъ послѣднихъ

Когда его царское величество увидѣлъ тутъ дочерей Милославскаго, то почувствовалъ тотчасъ же любовь къ старшей изъ нихъ. Милославскому объявлена поэтому милость его царскаго величества, и то, что онъ долженъ сдѣлаться тестемъ царя. Милославскій, конечно, не задумался дать тотчасъ же свое согласіе и благодарить за великую милость. Затѣмъ, такъ какъ Милославскій былъ небогатъ, ему послано большое количество денегъ и разныя дорогія вещи въ домъ, чтобъ онъ снарядилъ себя и своихъ приличнымъ образомъ. Вскорѣ же послѣ того затѣяна и свадьба, и въ 1647 г., на 22 году невѣсты, совершено бракосочетаніе, но безъ всякой торжественности и въ тиши, чтобы не было наслано на невѣсту и жениха какого либо чародѣйства, отъ чего бываетъ худо и чего въ то время очень опасались русскіе, по своему суевѣрію. Черезъ 8 дней послѣ этого царскаго бракосочетанія, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ сыгралъ и свою свадьбу, взявши за себя сестру молодой великой княгини, и сдѣлался такимъ образомъ зятемъ его царскаго величества.

LXXII. МОСКОВСКІЯ СМУТЫ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Изъ соч. Олеарія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію»).

Илья Даниловичъ Милославскій, сдѣлавшись тестемъ царя, вошелъ въ большую силу. Ему данъ былъ домъ въ Кремлѣ, подлѣ дворца его царскаго величества; домъ этотъ онъ снесъ до основанія и намѣсто его выстроилъ новыя великолѣпныя палаты. Старые слуги при дворѣ одинъ за другимъ удалены и вмѣсто ихъ посажены родственники Милославскаго, которые, будучи весьма бѣдны, были и очень жадны къ обогащенію себя. Въ этомъ отношеніи особенно отличался одинъ изъ нихъ, по имени Леонтій Степановичъ Плещеевъ, который посаженъ былъ главнымъ судьею въ земскомъ дворѣ или приказѣ. Онъ безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простаго народа; подарками не насыщался, но когда тяжущіеся приходили къ нему въ приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими. Онъ завелъ при себѣ негодныхъ молодцевъ, чтобы они взводили какое-нибудь ложное показаніе на честныхъ людей, имѣвшихъ состояніе, доносили на нихъ и обвиняли въ воровствѣ, убійствѣ, или иномъ какомъ преступленіи. По этимъ доносамъ бѣдныхъ людей брали въ темницу, содержали ихъ самымъ сквернымъ образомъ и не выпускали ихъ такъ по нѣсколько мѣсяцевъ, пока тѣ впадали почти въ отчаяніе. Между тѣмъ безбожные слуги Плещеева являлись къ друзьямъ заключеннаго, втайнѣ дѣлали имъ предложенія, какъ освободить ихъ друга. Черезъ такихъ-то мошенниковъ онъ торговался съ этими друзьями несчастнаго и назначалъ, что они должны дать за освобожденіе его. Въ числѣ такихъ безбожныхъ чиновниковъ былъ еще одинъ, по имени Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ, шуринъ Плещеева. Этотъ былъ уже возведенъ въ окольничьи (что составляетъ ближайшую степень къ званію боярина или государственнаго совѣтника) и посаженъ управляющимъ пушкарскаго приказа; подъ его управленіемъ находились стрѣльцы, оружейники, по-

лицейскіе чины и всѣ тѣ, которые служили при оружейной палатѣ, и со всѣми этими людьми онъ поступалъ самымъ жестокосердымъ образомъ и удерживалъ у нихъ заслуженную ими заработную плату. Кромѣ того были большія препятствія и въ торговлѣ: заведено было множество монополій, и кто приносилъ наибольшую взятку, тотъ возвращался весело домой. Былъ еще одинъ чиновникъ, который предложилъ дѣлать желѣзные аршины съ клеймомъ, изображающимъ орла, и каждый, кто только долженъ употреблять аршинъ, обязанъ былъ покупать новый клейменный аршинъ, стоющій какихъ-нибудь 10 копѣекъ (шилингъ), платя за него рейхсталеръ; старые же аршины при этомъ были запрещены, подъ опасеніемъ высокой пени. Распоряженіе это, простиравшееся и на всѣ области, принесло доходу до нѣсколькихъ тысячъ талеровъ. Другой подобный же чиновникъ, изъ желанія оказать услугу казнѣ и тѣмъ снискать себѣ его благосклонность, далъ предложеніе, чтобы по всей Россіи соль, которой пудъ (40 фунтовъ) стоилъ двѣ гривны или 10 грошей, обложить добавочной пошлиной въ одну гривну или пять грошей. Онъ даже высчиталъ, сколько тысячъ дохода ежегодно можетъ приносить такой налогъ въ казну. Но по прошествіи года сдѣланъ былъ расчетъ, и тогда оказалось, какъ много тысячъ потеряно было на соленой рыбѣ (употребляемой въ Россіи болѣе говядины), которая, по причинѣ вздорожанія соли, была недостаточно просолена и погнила, и какъ значительно меньше прежняго продано было самой соли, такъ какъ она осталась въ складочныхъ амбарахъ, испортилась и тамъ растаяла. На такія великія тягости и невыносимыя мученія вознегодовалъ простой народъ; утромъ и вечеромъ онъ собирался у церквей и толковалъ, какъ бы избавиться отъ такого бѣдствія. Всѣ видѣли, что тѣ, которые ближе всего были къ царю, не хотѣли выслушивать ихъ жалобъ, а тѣмъ менѣе желали облегчить ихъ тягости, и потому единогласно порѣшили: сторожить всякій разъ, когда царь будетъ выѣзжать, или во время какого-нибудь торжественнаго хода будетъ проходить изъ дворца въ городскую церковь, и отъ имени всего общества подать самому его царскому величеству нѣсколько просьбъ, пожаловаться ему на несправедливости и ежедневно совершаемыя злоупотребленія. Но, хотя недовольнымъ и удалось нѣсколько разъ выждать царя и подавать просьбы, просьбы эти всегда принимали отъ нихъ бояре, которые, по обыкновенію, сопровождали царя. Такъ какъ самъ царь не читалъ ихъ, а приказывалъ боярамъ сообщать ему объ ихъ содержаніи, то естественно, что бѣдствія угнетенныхъ подданныхъ передавались ему невѣрно, и по жалобамъ не воспослѣдовало никакого рѣшенія. Между тѣмъ негодованіе народа все болѣе и болѣе разжигалось. 1648 г., іюня 6 дня, былъ праздникъ, въ который его царское величество со всѣми боярами и знатными господами отправлялся въ Срѣтенскій монастырь. Въ этотъ день собралось несчетное множество народа на большомъ рынкѣ и по всѣмъ улицамъ, черезъ которыя долженъ былъ проходить крестный ходъ. Когда, по окончаніи службы Господней, его царское величество возвращался верхомъ домой, народъ съ силою протѣснился къ нему, нѣкоторые изъ толпы схватили за узду коня и молили выслушать ихъ, жаловались и громко вопили на Плещеева и его несправедливости, и неотступно просили отрѣшить его и на мѣсто его назначить честнаго, совѣстливаго человѣка, добавляя, что, въ противномъ случаѣ, народъ долженъ окончательно погибнуть. Царь ужаснулся такого неожиданнаго нападенія и

такихъ отчаянныхъ жалобъ всего народа, обратился къ нему съ дружелюбною рѣчью, чтобы онъ успокоился, что онъ развѣдаетъ все дѣло и удовлетворитъ просьбы. Народъ успокоился, благодарилъ царя и желалъ добраго здравія и долгой жизни, съ чѣмъ царь и отправился къ себѣ. Нѣкоторые же изъ бояръ, преданныхъ Плещееву и бывшихъ тутъ же въ поѣздѣ, начали бранить народъ, били нѣкоторыхъ изъ его среды кнутьями по головамъ, а иныхъ даже сшибли съ ногъ на землю. Народъ озлобился, схватился за каменья и началъ бросать ихъ въ обидчиковъ. Эти послѣдніе, не привыкшіе къ такому тяжкому граду, который посыпался на ихъ спины, мигомъ обратились въ бѣгство и помчались во дворецъ. Озлобившаяся чернь съ силою двинулась туда же за ними, но стрѣльцы, ежедневно державшіе стражу у дворца, успѣли сдержать народъ, пока преслѣдуемые бояре могли укрыться въ покояхъ. Тогда народъ, какъ бы обезумѣвъ отъ ярости, началъ неистовствовать, шумѣть, звать и кричать, чтобы ему выдали Плещеева. На крикъ этотъ бояринъ Морозовъ вышелъ на верхнее крыльцо къ народу и именемъ царя увѣщевалъ его, чтобы онъ отказался отъ такого требованія своего; но народъ закричалъ: «Мы и тебя хотимъ взять!» Морозовъ, чтобы избѣжать собственной опасности, поспѣшно долженъ былъ удалиться. Вслѣдъ затѣмъ толпа бросилась къ дому Морозова, разбила въ немъ ворота и двери, все расшибла и разломала, и разграбила въ домѣ его, что нашла. Въ домѣ Морозова нашли жену его, но ей не сдѣлали никакого оскорбленія, а сказали только: «Еслибъ ты не была сестрой великой княгини, мы изрубили бы тебя на мелкія части!». Послѣ этого народъ раздѣлился на особыя толпы: однѣ толпы потянулись къ Плещееву, другіе къ Траханіотову, третьи къ государственному канцлеру, нѣкоторые къ другимъ заподозрѣннымъ вельможамъ, даже къ писарямъ и другимъ лицамъ, бывшимъ въ дружбѣ или въ какомъ-нибудь сообществѣ съ ненавистными имъ людьми, и вездѣ у всѣхъ этихъ людей разъяренныя толпы опустошили, разграбили дворы и уничтожили въ нихъ все, что только попадалось подъ руку.

Въ то время, когда такое разграбленіе совершалось внѣ Кремля, самый Кремль велѣно было запереть, и рано утромъ слѣдующаго дня, т. е. 7 іюля, всѣмъ нѣмецкимъ офицерамъ дано было тайное приказаніе собраться и, хорошенько вооружившись, немедленно прибыть въ Кремль. Царь выслалъ къ мятежникамъ двоюроднаго брата своего, знатнаго и достохвальнаго вельможу Никиту Ивановича Романова, котораго народъ очень любилъ за его всегдашнюю доброту, попытаться, не сможетъ ли онъ укротить озлобленное настроеніе и возстановить спокойствіе. Съ непокрытой головой выѣхалъ Никита Романовъ къ народу, принявшему его съ должною почтительностью и называвшему его своимъ отцемъ, и въ трогательныхъ выраженіяхъ сказалъ: «Его царское величество испытываетъ глубокую скорбь при видѣ такого бѣдствія. Нѣсколько дней тому назадъ онъ уже обѣщалъ народу старательно разслѣдовать все дѣло и дать ему милостивое удовлетвореніе; это же обѣщаніе его царское величество приказалъ черезъ него, Никиту, теперь еще разъ повторить народу и добавить, что онъ непремѣнно сдержитъ его, а потому недовольные могутъ теперь успокоиться и смириться». На это народъ отвѣчалъ: «Мы совершенно довольны его царскимъ величествомъ и охотно готовы успокоиться, но не прежде, пока его царское величество прикажетъ выдать намъ виновниковъ такого бѣдствія, именно Морозова, Плещеева и

Траханіотова, чтобы бояре эти при глазахъ нашихъ получили заслуженную ими кару». Никита благодарилъ народъ за отвѣтъ, похвалилъ его за непоколебимую преданность царю, но при этомъ онъ клялся народу, что Морозова и Траханіотова въ Кремлѣ нѣтъ, но что они бѣжали. Мятежники просили тогда, чтобы имъ выдали немедленно хотя Плещеева. Никита простился засимъ съ народомъ и поскакалъ опять въ Кремль. Вскорѣ изъ Кремля пришло извѣстіе, что царь рѣшилъ выдать немедленно же Плещеева и приказалъ казнить его передъ народомъ; когда же отыщутъ остальныхъ двухъ бояръ, то и съ ними будетъ поступлено, какъ слѣдуетъ, по закону. Палачъ вышелъ изъ Кремля и велъ съ собою Плещеева. Разсвирѣпѣвшій народъ, какъ только завидѣлъ послѣдняго, не могъ выждать, чтобы его довели до мѣста казни, прочли приговоръ и затѣмъ казнили, но тутъ же бросился, забилъ Плещеева палками до смерти, размозживъ ему голову такъ, что она обратилась въ какую-то размазню, и мозгъ его разлетѣлся брызгами въ лица стоявшихъ кругомъ людей. Съ убитаго сорвали одежду и обнаженное тѣло потащили на площадь, волоча его по всѣмъ нечистотамъ. Бояринъ Морозовъ хотѣлъ найти свое спасеніе въ бѣгствѣ, но, замѣченный извощиками и ямщиками, которые заградили ему дорогу, бѣжалъ назадъ, успѣлъ уйти отъ нихъ, къ великому счастію своему, и тайнымъ ходомъ пробрался въ Кремль, такъ что изъ преслѣдовавшихъ никто не замѣтилъ этого. Между тѣмъ, чтобы показать народу, что царь крѣпко озабочивается преслѣдованіемъ бѣглецовъ, послали отыскать Траханіотова, котораго посланные поймали близъ Троицкаго монастыря и привезли его въ Москву. Царь приказалъ, чтобы палачъ, впродолженіе часа, водилъ его по торгу, съ деревяною колодкою на шеѣ, и затѣмъ отрубилъ ему топоромъ голову. Этою мѣрою вторично охлаждено было до нѣкоторой степени разгоряченное настроеніе народа; онъ благодарилъ царя за справедливый судъ, желалъ ему долгой жизни и просилъ, чтобы и съ Морозовымъ было поступлено такимъ же образомъ. Нѣсколько дней спустя царь приказалъ въ волю угостить виномъ и медомъ стрѣльцовъ, которые держали его дворскую стражу. Подобно ему, и тесть великаго князя, Илья Даниловичъ Милославскій, началъ дружески и кротко обращаться съ важнѣйшими изъ гражданъ, ежедневно приглашалъ по нѣскольку человѣкъ изъ цеховъ, по очереди, къ своему двору, любовно принималъ ихъ и всячески старался пріобрѣсть доброе къ себѣ расположеніе главнѣйшихъ изъ нихъ. Патріархъ также приказалъ попамъ и священникамъ, чтобы и они, съ своей стороны, прилагали стараніе усмирить все еще гнѣвное настроеніе народа. Царь замѣстилъ негодныхъ чиновниковъ людьми разумными, кроткими и весьма уважаемыми народомъ. Когда теперь стало видно, что описанная въ высшей степени страшная гроза достаточно поутихла, и можно было думать, что все приведено уже въ мирное и лучшее положеніе, царь приказалъ, въ одинъ изъ дней торжественнаго шествія своего, созвать народъ на извѣстное мѣсто внѣ Кремля, куда и вышелъ къ народу, въ сопровожденіи Никиты Романова. Царь обратился здѣсь къ народу съ рѣчью, въ которой прежде всего сказалъ, что ему въ высшей степени прискорбно, какъ жестоко поступали и обращались съ народомъ, невѣдомо для него, безбожные Плещеевъ и Траханіотовъ, которые за то получили уже вполнѣ заслуженное возмездіе, и на мѣста ихъ назначены теперь мужи богобоязливые, которые будутъ править народомъ съ кротостью и справедли-

востью, будутъ блюсти пользу и благо народное, о чемъ и самъ онъ, царь, будетъ отнынѣ имѣть бдительное смотрѣніе. Увеличенная пошлина на соль, продолжалъ царь, вмѣстѣ съ этимъ будетъ отмѣнена; выданныя до сего милостивыя грамоты на исключительную торговлю, смотря по обстоятельствамъ, будутъ отобраны, а нѣкоторыя льготы народныя и прежде дарованныя вольности онъ, царь, желаетъ теперь расширить и умножить и во всемъ поступать впредь какъ отецъ подданныхъ своей страны, съ царскимъ милосердіемъ. Въ отвѣтъ на это народъ низко кланялся, благодарилъ и желалъ долголѣтней жизни царю. Затѣмъ царь продолжалъ, что боярина Бориса Ивановича Морозова, котораго онъ также обѣщалъ выдать имъ, хотя онъ и не можетъ, конечно, во всемъ оправдать, но точно также не находитъ виновнымъ во всемъ. При этомъ царь сказалъ, что онъ желалъ быть увѣреннымъ, что, такъ какъ онъ никогда еще ни о чемъ особенномъ не просилъ своихъ подданныхъ, они уважутъ эту первую его просьбу и простятъ Морозову то, что онъ сдѣлалъ имъ недобраго; онъ же, царь, ручается, что отнынѣ Морозовъ будетъ оказывать имъ всю свою любовь, вѣрность и доброе расположеніе; если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не занималъ болѣе мѣста государственнаго совѣтника, то онъ, царь, отставитъ его отъ этой должности, но только чтобы онъ, царь, не выдавалъ народу головою его, своего втораго отца, воспитавшаго и возраставшаго его; его сердце не можетъ вынести этого, и потому онъ хочетъ думать, что народъ не потребуетъ отъ него такой жертвы. Когда при этомъ слезы, какъ свидѣтельство великой любви къ Морозову, выступили на глазахъ царя и прервали рѣчь его, весь народъ преклонилъ головы и громко закричалъ: «Боже, сохрани его царское величество въ добромъ здравіи на многія лѣта! Какъ угодно Богу и его царскому величеству, такъ и да будетъ!» При такомъ заявленіи народа царь такъ же сердечно обрадовался, какъ прежде сердечно скорбѣлъ, когда народъ требовалъ головы Морозова. Онъ поблагодарилъ народъ за такое рѣшеніе и увѣщевалъ его успокоиться и быть послушнымъ, увѣряя его при томъ, что самъ онъ всегда и безъ отмѣны будетъ исполнять все то, что теперь обѣщалъ народу. Затѣмъ царь, въ сопровожденіи своихъ придворныхъ людей, бывшихъ при его шествіи, мирно возвратился въ Кремль.

Спустя нѣсколько времени послѣ того царь ѣздилъ въ Троицкій монастырь, а съ нимъ и Морозовъ, который милостиво и низкими поклонами на обѣ стороны, ѣхавши верхомъ, здоровался съ народомъ. Съ той поры всякій, подавшій письменную просьбу царю чрезъ Морозова, никогда не получалъ отказа.

Такой-то великой опасности подвергалось тогда благосостояніе молодаго государя и его подданныхъ, когда слишкомъ ослаблены были бразды для неправедныхъ и своекорыстныхъ управителей.

LXXIII. О СМУТАХЪ ВО ПСКОВѢ И ВЪ НОВГОРОДѢ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Изъ ст. Зернина «О смутахъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича», помѣщ. въ «Библ. для чтенія» за 1860 г.).

Народное волненіе, происшедшее въ 1650 г. во Псковѣ и въ Новгородѣ, было нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ московскаго. Здѣсь,

[illegible]

Въ 1649 г. въ [illegible] Алексѣй Михайловичъ отправилъ въ Швецію къ королевѣ Христинѣ посольство, во главѣ котораго былъ окольничій Пушкинъ. Поводомъ къ отправленію посольства было слѣдующее обстоятельство. Съ самаго Столбовскаго мира, не смотря на [illegible] за рубежемъ [illegible] московскихъ. [illegible] подданныхъ [illegible] государей, которыхъ преслѣдовали [illegible] уходили за рубежъ, избавляясь такимъ образомъ отъ [illegible]. Но такъ какъ въ теченіи болѣе чѣмъ 30 лѣтъ [illegible] за рубежъ болѣе [illegible] тысячъ московскихъ подданныхъ, то шведское правительство постоянно обращалось въ Москву съ жалобами за слабый надзоръ за границею. Жалобы эти наконецъ превратились въ явное неудовольствіе; разрывъ казался неизбѣжнымъ. Пушкинъ однако предупредилъ его и загладилъ вызванное обоюдными неудовольствіями заключеніемъ стокгольмскаго договора. По которому 1 сентября 1649 г. было принято за нормальный терминъ; такъ что всѣ перебѣжавшіеся за рубежъ до этого срока оставались на своихъ мѣстахъ, всѣхъ же, перебѣжавшихъ послѣ, оба правительства обязывались немедленно выдать. Сверхъ того Алексѣй Михайловичъ по договору долженъ былъ заплатить Швеціи въ 1650 г. 190,000 р. Сумму эту должно было уплатить частью деньгами, а частью хлѣбомъ. По заключеніи договора пріѣхалъ въ Москву шведскій коммиссаръ Логинъ Нумевсъ. Ему заплатили часть деньгами; на остальную приказано было отпустить изъ царскихъ житницъ хлѣба. Вслѣдъ за этимъ изъ Москвы отправленъ былъ во Псковъ гость Өеодоръ Емельяновъ, которому велѣно было купить 2.000 четвертей хлѣба «для того, чтобъ цѣны прибавить: чтобъ вѣдали, по дорогой цѣнѣ продать», такъ какъ по договору хлѣбъ изъ царскихъ житницъ долженъ быть отпущенъ по той цѣнѣ, какая будетъ на рынкахъ. Но этотъ своенравный человѣкъ, пріѣхавъ во Псковъ, закупилъ такъ весь хлѣбъ и не дозволялъ даже обывателямъ покупать его безъ своего позволенія, которое получалось за дорогую цѣну. Псковичи, встревоженные такимъ его поступкомъ, подняли ропотъ, винили вельможъ въ алчности, Пушкина въ измѣнѣ, не забыли и Морозова, говоря, что онъ дѣйствуетъ заодно съ иноземцами. А тутъ нашлись люди, которые съумѣли превратить народный ропотъ въ явный бунтъ. Чернь начала вымещать свою злобу на тѣхъ, кто, по ея мнѣнію, были главными виновниками всего зла. Домъ Емельянова разграбили, стали побоями принуждать жену его, чтобы она сказала, гдѣ мужъ ея спряталъ деньги. Узнавъ объ этомъ, воевода окольничій Собакинъ прибылъ на мѣсто, гдѣ происходили безпорядки; но мятежники его обезчестили и отняли у него городскіе ключи. Потомъ они овладѣли боевыми снарядами, не пощадили и архіепископа, заключивъ его въ тюрьму. Когда же пріѣхалъ во Псковъ Нумевсъ съ деньгами, полученными въ Москвѣ, то ему было сдѣлано насиліе: царскія деньги у него отняли, самого его обезчестили, бputали и наконецъ отдали приставамъ. Чтобы успѣшнѣе дѣй-

ствовать, заводчики псковскаго мятежа старались увлечь и Новгородъ, гдѣ дѣйствительно нашлись люди, готовые при первомъ удобномъ случаѣ поднять знамя бунта. Свѣдавъ о псковскихъ безпорядкахъ, царь отправилъ съ грамотою дворянина Сонина; въ грамотѣ онъ увѣщевалъ мятежниковъ «исполнить крестное цѣлованіе и принести свои вины». Псковичи Сонина отпустили безъ дѣла. Вслѣдъ за симъ они отправили къ царю выборныхъ изъ купцовъ, стрѣльцовъ и казаковъ по одному человѣку съ челобитною, въ которой писали съ большимъ невѣжествомъ, не говоря ни слова о винѣ своей. Царь велѣлъ допустить къ себѣ псковскихъ челобитчиковъ, сперва гнѣвался на нихъ, а потомъ «положилъ на милость». На челобитной подъ всѣми статьями онъ велѣлъ написать свой указъ и въ такомъ видѣ отдать подавшимъ съ тѣмъ, чтобы они обратно отвезли его во Псковъ, приказавъ имъ также увѣщевать мятежныхъ своихъ собратій, чтобы они покорились и выдали воровъ и заводчиковъ смуты. Когда выборные, возвратившись во Псковъ, объявили жителямъ царскій указъ, то имъ не повѣрили, указу не послушали и «государево жалованье поставили ни во что». Наконецъ царь принялъ рѣшительныя мѣры: приказано было князю Хованскому идти во Псковъ съ ратными людьми. До какой степени въ Москвѣ избѣгали всякихъ принудительныхъ мѣръ, можно заключить изъ того, что Хованскому приказано напередъ прислать въ Псковъ уговаривать непокорныхъ, а потомъ уже, если уговоры будутъ безуспѣшны, дѣйствовать оружіемъ. Хованскій отправилъ во Псковъ дворянина Савву Бестужева съ товарищами; но мятежники его казнили, двухъ изъ его товарищей отпустили обратно, прочихъ посадили въ тюрьму. Между тѣмъ, узнавъ о грозныхъ приготовленіяхъ со стороны Москвы, псковичи написали листъ къ польскому королю и просили у него помощи и покровительства. Хованскій двинулся на Псковъ съ войскомъ. Когда онъ подошелъ къ городу, то бунтовщики вступили въ бой съ царскимъ войскомъ. Кроткій царь и послѣ этого «по своему государскому милосердому обычаю, жалѣя о христіанскихъ погибающихъ душахъ и ожидая въ винахъ ихъ обращенія, для унятія христіанской крови», еще разъ обратился къ мирнымъ средствамъ. Онъ отправилъ теперь во Псковъ коломенскаго и каширскаго епископа Рафаила. Прибывъ во Псковъ, Рафаилъ немедленно, по царскому указу, созвалъ въ соборную церковь псковскихъ стрѣльцовъ, казаковъ и всякихъ чиновъ людей; здѣсь онъ имъ объявилъ слѣдующее: «Псковичи, стрѣльцы и казаки и всегородные земскіе старосты и посадскіе и всякихъ чиновъ жилецкіе люди! Благочестивый и христолюбивый великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Россіи самодержецъ, прислалъ меня, богомольца своего, архимандрита и протопопа, и велѣлъ вамъ говорить...» Изложивъ по порядку всѣ обстоятельства мятежа и указавъ на безуспѣшность прежнихъ увѣщаній, Рафаилъ въ заключеніе объявилъ псковичамъ слѣдующую угрозу: «А будетъ вы, забывъ государево крестное цѣлованье, вины своей къ нему, государю, не принесете и его государской милости къ себѣ не уважите и отъ такого злаго воровства не отстанете и тѣхъ воровъ и заводчиковъ не отдадите: и великій государь, съ помощью Божіею, пойдетъ на васъ самъ и велитъ васъ до конца разорить; и тѣ многія крови прольются за вашу неправду и клятвопреступленіе. И вамъ бы одноличио, не дожидаясь на себя государской большой опалы и разоренья, вины свои къ нему, великому государю принести и тѣхъ воровъ и заводчиковъ отдать, и меня,

Рафаила, епископа и архимандрита и протопопа. [illegible] въ Москвѣ безъ указу патріарха». Затѣмъ [illegible] были [illegible] [illegible]. Съ своей стороны убѣждалъ [illegible] [illegible] и патріархъ Іосифъ. Въ случаѣ же неисполненія патріархъ грозилъ [illegible] ихъ отъ священія и отъ причастія и предать проклятію.

Убѣжденія Рафаила произвели [illegible] [illegible] [illegible]: [illegible] прекратился, народъ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]. Но [illegible] злой участи. Нѣкоторые изъ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] къ [illegible] [illegible] были [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] Ивана и [illegible] Степанова [illegible] въ Москву, что [illegible] [illegible] [illegible] стали [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] и ночью съ ружьемъ, говорить «злыя, [illegible] [illegible] [illegible] слова» и [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible], что они хотѣли [illegible] [illegible] и убить, одного стрѣльцы [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible], привели въ [illegible] избу, и дальнѣйшаго [illegible] не было. Вскорѣ полученъ былъ царскій указъ, которымъ [illegible] всѣхъ [illegible] отправить въ Новгородъ, гдѣ [illegible] было держать ихъ въ [illegible], женъ же и дѣтей ихъ [illegible] [illegible] по дворамъ, «съ [illegible] и береженіе къ нимъ [illegible] держать».

Описаніе мятежа въ Новгородѣ оставилъ намъ [illegible] патріарха Никона Шушеринъ. Разсказъ его простъ и безыскусственъ: на первомъ планѣ выставляетъ Никона, а за этою величавою личностью многія любопытныя подробности остались въ тѣни. Излагаемъ разсказъ Шушерина о новгородскомъ мятежѣ, сохраняя по возможности простоту, которою отличается все его сочиненіе.

Въ то время, какъ митрополитъ Никонъ жилъ въ Новгородѣ, при боярнѣ воеводѣ князѣ Хилковѣ произошло сильное возмущеніе. Случилось оно слѣдующимъ образомъ. Нѣкто изъ посадскихъ людей, по прозванію Волкъ, наученный совѣтомъ дьявола, ради своего прибытка, сталъ ходить по нѣмецкимъ дворамъ, говоря пріѣзжимъ купцамъ: «что дадите мнѣ, если я открою вамъ тайный надъ вами умыселъ новгородцевъ?» Когда же нѣмцы повѣрили ему, считая его своимъ истиннымъ оберегателемъ и, какъ втораго Іуду, награждали червонцами и ефимками, тогда онъ объявилъ имъ за непреложную истину, что слышалъ въ народѣ на Морозова нареканіе въ измѣнѣ. Такъ какъ противъ этого боярина было тогда сильное народное возмущеніе, то Волкъ объявилъ нѣмцамъ, что ихъ, какъ друзей и лазутчиковъ Морозова, вскорѣ хотятъ предать смерти, а имѣнія ихъ разграбить. «Поэтому, совѣтую вамъ, продолжалъ онъ, если вы хотите спасти жизнь свою отъ напрасной смерти, уѣзжайте отсюда какъ можно скорѣе». Нѣмцы, услышавъ это и видя, что народъ дѣйствительно волнуется, повѣрили объявленному имъ: они, не медля ни минуты, уложили свои товары въ повозки и выѣхали за городъ. Тогда Волкъ не довольствуясь тою своею ложью, за которую получилъ отъ нѣмцевъ награду, вымыслилъ умыселъ еще злѣйшій. Онъ пошелъ въ земскую избу и тамъ, а равно въ рядахъ, объявилъ всякихъ чиновъ людямъ, что нѣмцы, друзья и пріятели измѣнника Морозова были въ Москвѣ ради шпіонства и отъ него, измѣнника, отпущены въ свою землю съ казною. «Теперь они находятся въ Новгородѣ, возвращаясь домой; говорилъ онъ; намъ же слѣдуетъ радѣть великому государю и всему Московскому государству, и мы можемъ показать нашу ревность, если схватимъ нѣмцевъ и

отобравъ у нихъ казну, будемъ судить ихъ, какъ шпіоновъ и измѣнниковъ». Народъ, слушая такія рѣчи и принимая ихъ за правду, возмутился, бросился догонять нѣмцевъ. Настигнувъ ихъ на дорогѣ, новгородцы начали бить ихъ чѣмъ ни попало и разграбили ихъ имущество. Несчастные однако избавлены были отъ смерти, потому что лучшіе и богатѣйшіе изъ гражданъ начали говорить народу, что если кто можетъ доказать измѣну нѣмцевъ и подлинно уличить ихъ, то лучше дѣйствовать судомъ; когда объявится ихъ умыселъ, то изъ показаній ихъ узнаются и другіе сообщники, теперь же до слѣдствія ихъ нужно держать подъ крѣпкимъ карауломъ. Но народъ, оставивъ нѣмцевъ, бросился грабить дома богатыхъ гостей и торговыхъ людей. Воевода кн. Хилковъ, видя такіе безпорядки, послалъ дьяковъ и стрѣлецкихъ головъ уговаривать народъ прекратить смятеніе и оставить напрасное разореніе. Мятежники не только не слушали увѣщаній, а стали грозить смертью самимъ увѣщателямъ и устремились на убійство воеводы. Соединившись съ стрѣльцами и казаками, бунтовщики бросились въ Кремль къ воеводскому дому. «Вы всѣ друзья Морозова и заодно съ нимъ измѣняете, условившись отпускать за рубежъ хлѣбъ и мясо; намъ же причиняете скудость, почему у насъ и дороговизна» — вопила толпа. Кн. Хилковъ бѣжалъ изъ своего дома въ домъ митрополита, который принялъ его съ любовью, велѣлъ ему скрыться во внутреннихъ палатахъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы заперли ворота. Когда же мятежники съ крикомъ и бранью приступили къ воеводскому дому и узнали здѣсь, что воевода скрылся у митрополита, то завопили всѣ въ одинъ голосъ: «Идемъ къ митрополиту и тамъ убьемъ измѣнника». Такимъ образомъ около Софійскаго дома собрались толпы съ дубинами и каменьями и стали разбивать бревномъ ворота. Въ эту минуту передъ народомъ появился Никонъ. «Съ оружіемъ ли изыдосте на мя, сталъ говорить онъ; азъ по вся дни бѣхъ съ вами и не ясте мя, нынѣ почто тако пріидосте ко мнѣ? Видите, яко азъ предъ вами стою и не крыюся, понеже азъ есмь пастырь, подобаетъ ми душу положити за вы». И еще многому поучалъ онъ непокорныхъ. Но крамольники, пылая злобою, бросились на него какъ волки. «Онъ заступникъ измѣнничій и хранитель!» раздалось со всѣхъ сторонъ, и вдругъ съ яростью устремилась на митрополита, начавъ бить его палками. «Господи, не постави имъ грѣха сего, не вѣдятъ бо, что творятъ!» восклицалъ Никонъ. Но не всѣ были ослѣплены и омрачены злобою: въ толпѣ нашлись люди, сердцу которыхъ доступно было состраданіе. Видя, какъ святотатцы влачатъ митрополита по землѣ и бьютъ безъ милосердія, люди, менѣе омраченные злобою, обступили Никона, разогнали разъяренную чернь и не дали убить его, хотя многіе думали, что онъ уже убитъ. Страхъ напалъ на мятежниковъ, одинъ за однимъ стали они расходиться, наконецъ всѣ удалились. Тогда дворовые люди митрополита подняли Никона и привели въ келью. Онъ же, не страшась смерти, забывая претерпѣваемую имъ боль, заботился единственно объ усмиреніи бунта. Велѣвъ благовѣстить въ большой колоколъ, какъ бываетъ обычай передъ молебствіями, послалъ онъ ко всѣмъ архимандритамъ и игуменамъ гонцовъ съ приказомъ явиться къ нему немедленно; тогда былъ только третій часъ дня, самъ же Никонъ исповѣдовался. Когда духовенство собралось въ Софійскую церковь, то митрополитъ съ иконами и хоругвями пошелъ изъ нея въ Знаменскую соборную церковь на торговой сторонѣ. Никонъ съ трудомъ переступалъ, хар-

[illegible] больше. Прибывши къ [illegible], онъ [illegible] могъ отслужить литургію и [illegible] себя [illegible] причастіемъ. [illegible] ротомъ. Вскорѣ же въ состояніи [illegible] отъ [illegible] и [illegible], онъ велѣлъ везти себя въ [illegible] саняхъ въ [illegible] и [illegible]. Когда привезли его туда, онъ [illegible] [illegible]. Слышали-ли вы, что я не убоялся [illegible] правду и теперь еще разъ скажу вамъ, что душа моя грѣшная уже приготовлена къ смерти. Я [illegible] принять тѣло и кровь безсмертнаго агнца Христа-Бога, желая спасти и ваши грѣшныя души отъ [illegible] васъ злыхъ [illegible]. [illegible] при-[illegible] къ вамъ. Если вы [illegible] кого-нибудь вину или неправду къ царю или московскому государству, то объявите мнѣ [illegible]. Слова эти поразили даже тѣхъ, которые были наиболѣе [illegible] противъ митрополита; [illegible] за своего [illegible] пастыря. Они въ безмолвіи начали расходиться, [illegible] улица совершенно опустѣла. Никонъ [illegible], какъ будто [illegible], велѣлъ везти себя въ Софійскую церковь и тамъ предалъ проклятію главныхъ виновниковъ мятежа, [illegible]; послѣ этого онъ отправился въ свои кельи.

Между тѣмъ мятежники, размысливъ о своемъ поступкѣ, положили написать отъ лица всего Новгорода челобитную и послать ее въ Москву. Съ этою цѣлью они собрали знатныхъ чиновныхъ людей и стали принуждать ихъ подписываться за [illegible]; кто же не хотѣлъ, тому грозили смертью; для этого передъ [illegible] поставлены были плаха и топоры; болѣе же всего [illegible] духовенство. Потомъ выбранъ былъ новый воевода безъ государева указа: выбрали [illegible] на бывшаго митрополичья дворецкаго Ивана Жеглова, который тогда за какой-то проступокъ содержался въ кандалахъ. Его поставили насильно въ земской избѣ, приказавъ ему и другихъ начальныхъ людей. Чтобы не дать возможности митрополиту и кн. Хилкову извѣстить царя о случившемся въ Новгородѣ, мятежники разставили по дорогамъ заставы. Сознавая, какъ велико зло, совершенное ими, они стали помышлять о томъ, какъ бы отложиться отъ царя и принять подданство Польши или Швеціи. Никонъ во все это время берегъ воеводу и, не взирая на бдительность враговъ, нашелъ средство извѣстить царя: гонецъ его пробрался въ Москву окольными дорогами. Царь, получивъ письмо отъ митрополита, съ тѣмъ же гонцемъ послалъ и отвѣтъ. Въ грамотѣ своей Алексѣй Михайловичъ называлъ Никона новымъ страстотерпцемъ, исповѣдникомъ и мученикомъ. Другую грамоту царь прислалъ ко всему народу. Онъ объявлялъ мятежникамъ, чтобы они, сознавъ свою вину, просили у митрополита прощенія, если не хотятъ быть казненными. Царь довольствовался выдачею главныхъ виновниковъ мятежа; далѣе онъ писалъ, что если митрополитъ проститъ ихъ, то и его къ нимъ милость будетъ, и вины ихъ отданы будутъ; если же не повинятся, то вскорѣ примутъ смерть. Но и прежде полученія царской грамоты лучшіе люди, которые были только подъ проклятіемъ, стали приходить въ соборную церковь и просить у митрополита прощенія и разрѣшенія. Когда же получена была царская грамота и прочтена всему міру, то всѣми овладѣлъ величайшій ужасъ, какъ скоро услышали о смерти. Одно только утѣшало виновныхъ: царь все дѣло предоставлялъ митрополиту. Поэтому всѣ бросились теперь къ нему, какъ къ отцу милосердому, и со слезами просили у него милости и прощенія, отдавая себя совершенно въ его волю, только бы онъ былъ заступникомъ за нихъ у госу-

даря. Тогда Никонъ, поучая кающихся часа три или болѣе, довелъ ихъ до такого умиленія, что ни одинъ человѣкъ не могъ удержаться отъ слезъ Видя всеобщее сокрушеніе, Никонъ разрѣшилъ всѣхъ отъ клятвы, благословилъ и обѣщалъ испросить милость у государя; главныхъ же виновниковъ велѣлъ перехватать и заковать въ кандалы. Народъ исполнялъ его приказаніе съ такою ревностью, что схвачено и заточено было въ тюрьмѣ болѣе 300 человѣкъ. Обнадеженные словомъ митрополита, новгородцы совершенно успокоились. Когда же посланный изъ Москвы кн. Хованскій прибылъ съ своимъ отрядомъ въ Новгородъ и объявилъ, что царь еще разъ подтвердилъ, что разборъ всего новгородскаго дѣла предоставляется митрополиту, то Никонъ и при такомъ полномочіи не вышелъ изъ предѣловъ умѣренности: смертью казненъ былъ только Волкъ. Жегловъ и 10 главнѣйшихъ его сообщниковъ были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь; прочихъ всѣхъ митрополитъ отпустилъ безъ всякаго наказанія. — И отъ того времени въ Новгородѣ настала совершенная тишина.

По возстановленіи порядка въ Псковѣ и Новгородѣ нужно было оказать удовлетвореніе шведскому правительству, ибо королева Христина писала къ царю о Нуменсѣ, котораго въ Псковѣ мятежники измучили и «учинили надъ нимъ не по-христіански», вопреки взаимной дружбѣ между обоими государствами и вѣчному мирному докончанію. Христина была увѣрена, что царь окажетъ удовлетвореніе какъ Нуменсу, такъ и другимъ шведскимъ подданнымъ, понесшимъ убытки. Царь, получивши королевино письмо, немедленно велѣлъ привести Нуменса въ Москву, потомъ, обласкавъ и щедро одаривъ, онъ отпустилъ его въ Швецію. Нуменсу возвращено было все награбленное у него во Псковѣ. Вмѣстѣ съ этимъ были казнены главнѣйшіе виновники насилія, причиненнаго ему.

LXXIV. ИЗЪ „УЛОЖЕНІЯ“ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Глава I. О богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ.

1) Будетъ кто, иновѣрцы какой нибудь вѣры или и русскій человѣкъ, возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присnодѣву Марію, или на честный Крестъ, или на святыхъ Его угодниковъ, и про то сыскивать всякими сысками накрѣпко, если сыщется про то допряма, того богохульника, обличивъ, казнить— сжечь.

Глава II. О государской чести, и какъ его государское здоровье оберегать.

1) Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такого по сыску казнить смертью.

3) А будетъ кто царскаго величества недругу городъ сдастъ измѣною, или въ городъ кто царскаго величества приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежныхъ людей для измѣны-же, а сыщется про то допряма, такихъ измѣнниковъ казнить смертью же.

9) А будетъ кто измѣнитъ, а послѣ его въ Московскомъ государствѣ останутся отецъ, мать, братья родные или не родные, дядья, или иной кто его роду; а жилъ онъ съ ними вмѣстѣ и животы и вотчины у нихъ были общіе, то сыскивать всякими сысками накрѣпко, знали-ли отецъ, мать и родъ его про ту его

измѣну; если сыщется допряма, что они про измѣну того измѣнника знали, ихъ казнить смертью, и вотчины и помѣстья ихъ и животы взять на государя.

19) А будетъ кто, свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыслъ, государю и его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ, а въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, и сыщется про то допряма, и его за то казнить смертью безъ всякой пощады.

Глава III. О государевомъ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было.

2) А будетъ кто въ государевомъ дворѣ кого задеретъ и съ дерзости ударитъ рукою, и такого тутъ же изъимать и, не отпуская его, про тотъ его бой сыскать, и, сыскавъ допряма, за честь государева двора посадить въ тюрьму на мѣсяцъ. А кого онъ ударитъ, и тому на немъ управить безчестіе. А будетъ кого онъ ударитъ до крови, и на немъ тому, кого онъ окровавитъ, безчестіе доправить вдвое, да его же за честь государева двора посадити въ тюрьму на шесть недѣль.

Глава IV. О подпищикѣхъ, и которые печати поддѣлываютъ.

Глава V. О денежныхъ мастерахъ, которые учнутъ дѣлать воровскія деньги.

1) Которые денежные мастера учнутъ дѣлать мѣдныя, или оловяныя, или укладныя деньги, или въ денежное дѣло въ серебро учнутъ прибавлять мѣдь, или олово, или свинецъ, и тѣмъ государевой казнѣ учнутъ чинить убыль, и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнить смертью—залить горло.

Глава VI. О проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства.

1) А будетъ кому случится ѣхать изъ Московскаго государства, для торговаго промысла или инаго для какого своего дѣла, въ иное государство, съ Московскимъ государствомъ мирное, и тому на Москвѣ бить челомъ государю, а въ городахъ воеводамъ о проѣзжей грамотѣ, а безъ проѣзжей грамоты не ѣздить; а въ городахъ воеводамъ давать имъ проѣзжія грамоты безъ всякаго задержанія.

3) А будетъ кто поѣдетъ въ которое государство безъ проѣзжей грамоты и, бывъ въ иномъ государствѣ, пріѣдетъ въ Московское государство, а иной кто учнетъ на него извѣщать, что онъ ѣздилъ безъ проѣзжей грамоты самовольствомъ для измѣны или для инаго какого дурна, про того сыскивать всякими сыски накрѣпко. Если про него въ сыску скажутъ, что онъ впрямъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжей грамоты для измѣны или для инаго какого лихаго дѣла, то по сыску за измѣну казнить смертью.

4) А будетъ въ сыску объявится, что онъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжей грамоты для торговаго промыслу, а не для измѣны, и ему за то учинить наказаніе, бить кнутомъ, что бы, на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать.

Глава VII. О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства.

Глава VIII. О искупленіи плѣнныхъ.

Глава IX. О мытахъ и о перевозахъ и о мостахъ.

Глава X. О судѣ.

1) Судъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси судить боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, и судьямъ, и всякую расправу дѣлать всѣмъ людямъ Московскаго государства, отъ большаго и до меньшаго чину, вправду. Также и пріѣжихъ иноземцевъ, и всякихъ прибыльныхъ людей, которые въ Московскомъ государствѣ будутъ, тѣмъ же судомъ судить, и расправу дѣлать по государеву указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлѣхъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавлять, ни убавлять; ни въ чемъ другу не дружить, недругу не мстить, никому ни въ чемъ ни для чего не норовить, дѣлать всякія государевы дѣла не стыдясь лица сильныхъ, избавлять обиженнаго отъ руки неправеднаго.

2) А спорныя дѣла, которыхъ въ приказахъ почему-либо вершить будетъ нельзя, взносить изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю

но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ-ли палатахъ или въ думѣ заговоритъ съ нимъ какой-нибудь важный бояринъ, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ; и добился онъ такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его запросто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался; коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ царя, какъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. Государь безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей, былъ задушевнымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ весьма близкій къ государю человѣкъ.

Когда скончалась царица Марья Ильинишна, и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ государемъ. Мало того, что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои, и нѣсколько часовъ сряду у него просидитъ послѣ вечеренъ, государь и самъ не рѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго приказа, т. е. какъ бы министромъ иностранныхъ дѣлъ; слѣдовательно не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, но и посланники разныхъ государей, пріѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ. Въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось. Государь и самъ любилъ, чтобъ все вокругъ него было парадно, и подсмѣивался, что его министръ живетъ какъ какой-нибудь стрѣлецкій голова. Матвѣевъ долго отшучивался, понимая очень хорошо, что заживи онъ на широкую ногу, сейчасъ найдутся люди, которые заговорятъ, что онъ корыстуется казеннымъ добромъ и хочетъ перещеголять родовыхъ князей, а это такая вина, которая показалась бы хуже самой корысти. По этому то Матвѣевъ, какъ умный человѣкъ, и отыгрывался отъ постройки новаго дома. «Я человѣкъ маленькій, незнатный, говорилъ онъ царю; не годится мнѣ жить въ великихъ хоромахъ». Случилось, что объ этомъ какъ-то распространился по Москвѣ слухъ; и что же? Стрѣльцы и простые люди, съ которыми Матвѣевъ былъ всегда ласковъ и обходителенъ, пришли къ нему и сказали: «Мы разберемъ могилы нашихъ отцовъ и братій и навеземъ тебѣ каменьевъ для твоего дома, если ты жалѣешь царскую казну!» Матвѣевъ, конечно, не принялъ такой жертвы, но немедленно построилъ себѣ новый домъ, каменный, по тогдашнему, большой и красивый, въ которомъ не стыдно было принять хотя бы и цесарскаго посла. Не надобно однакожь думать, чтобъ это было что-нибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцовъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундаментомъ, въ иную залу Зимняго или новаго Кремлевскаго дворца. Ни дома Матвѣева, ни даже изображенія этого дома, къ сожалѣнію, не сохранилось; но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій, построенныхъ въ XVII вѣкѣ: есть даже нѣкоторыя изъ нихъ, которыя сохраняются безъ измѣненія, какъ образчики старины, или которыя возобновлены въ старинномъ видѣ, напримѣръ, домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ, издавна принадлежащій

нитъ, учнетъ бить челомъ за увѣчье; а тотъ, на кого онъ учнетъ бить челомъ, въ томъ не запрется и скажетъ, что онъ его ранилъ, себя обороняя, а сыщется про то допряма, что тотъ бой почался отъ того челобитчика отъ самого, то отвѣтчика въ томъ бою не винить и за увѣчье на немъ раненому ничего не указывать, потому что раненый самъ не правъ.

228) А будетъ кто, ради вражды или разграбленія, зажжетъ у кого дворъ, и послѣ того онъ будетъ пойманъ, и сыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ съ умысломъ, такого зажигальщика казнить сожженіемъ.

233) А будетъ кто у кого насильствомъ отъиметъ землю, или межи или грани передѣлаетъ, а сыщется про то допряма, и у того, кто такъ учинитъ, ту чужую землю взявъ, отдать тому, у кого отнялъ, да на немъ же доправить владѣнье по государеву указу; а за насильство учинить наказаніе, какое государь укажетъ.

279) А будутъ у кого на дворѣ хоромы высокія, а у сосѣда его близко тѣхъ хоромъ будутъ хоромы поземныя, и ему изъ своихъ высокихъ хоромъ на тѣ низкія хоромы сосѣда своего воды не лить и сору не сметать и иныхъ притѣсненій тому своему сосѣду не дѣлать. А будетъ онъ на тѣ сосѣднія низкія хоромы учнетъ воду лить, соръ метать, или иную какую пакость чинить, а на судѣ сыщется про то допряма, и ему тѣ свои высокія хоромы отъ тѣхъ сосѣднихъ хоромъ велѣть отнести. А будетъ онъ тѣхъ своихъ хоромъ отъ сосѣднихъ не отнесетъ, и тѣсноту тому своему сосѣду учнетъ дѣлать по-прежнему, и у него тѣ хоромы велѣть отломать, чтобы впредь сосѣду его отъ него никакого насильства не было.

Глава XI. Судъ о крестьянахъ.

1) Которые государевы дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьяне и бобыли, выбѣжавъ изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей, живутъ за патріархомъ или за митрополитами, архіепископами и епископами, или за монастырями, или за боярами, или за окольничими и за думными, и за комнатными людьми, и за стольниками, и за стряпчими, и за дворянами московскими, и за дьяками, и за жильцами, и за городовыми дворянами и дѣтьми боярскими, и за иноземцами, и за всякими вотчинниками и помѣщиками, а въ писцовыхъ книгахъ, которыя книги писцы подали въ помѣстный и иные приказы послѣ московскаго пожара прошлаго 134 года, тѣ бѣглые крестьяне или отцы ихъ написаны за государемъ, то тѣхъ государевыхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей сыскивать и свозить въ государевы дворцовыя села и въ черныя волости на старые ихъ надѣлы по писцовымъ книгамъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животами безъ урочныхъ лѣтъ.

Глава XII. О судѣ патріаршихъ, приказныхъ и дворовыхъ всякихъ людей и крестьянъ.

Глава XIII. О монастырскомъ приказѣ.

Глава XIV. О крестномъ цѣлованіи.

Глава XV. О вершеныхъ дѣлахъ.

Глава XVI. О помѣстныхъ земляхъ.

Въ Московскомъ уѣздѣ быти помѣстьямъ:

1) За боярами по 200 четвертей за человѣкомъ. За окольничими и за думными дьяками по 150 четвертей за человѣкомъ. За стольниками и за стряпчими и за дворянами московскими и за дьяками и московскихъ стрѣльцовъ за головами, и за степенными, и за путными ключниками, по 100 четвертей за человѣкомъ. За дворянами изъ городовъ, которые служатъ по выбору, по 70 четвертей за человѣкомъ. За жильцами и за стремянными конюхами и за сотниками московскихъ стрѣльцовъ по 50 четвертей за человѣкомъ. За дворовыми людьми, и стряпчими и за сытниками, за дѣтьми боярскими съ помѣстныхъ ихъ окладовъ со ста четвертей по 10 четвертей.

40) А украинныхъ городовъ дѣтямъ боярскимъ, которые бьютъ челомъ государю о помѣстьяхъ на порожнихъ земляхъ, давать изъ порожнихъ земель, изъ

дикихъ полей. Которымъ оклады по 400 четвертей, тѣмъ давать по 70 четвертей, а которымъ по 300 четвертей, тѣмъ 60 четвертей; а которымъ по 250 четвертей, тѣмъ по 50 четвертей; а которымъ по 200 и 150 четвертей, тѣмъ по 40 четвертей; а которымъ по 100 четвертей, тѣмъ по 30 четвертей; а которымъ оклады по 70 четвертей, тѣмъ по 25 четвертей; а давать такія земли челобитчикамъ въ мѣру.

Глава XVII. О вотчинахъ.

Глава XVIII О печатныхъ пошлинахъ.

Глава XIX. О посадскихъ людяхъ.

1) Которыя слободы на Москвѣ патріарши и митрополичьи, и владычны, и монастырскія, и бояръ, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякихъ чиновъ людей, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляютъ и лавками владѣютъ, а государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, и тѣ всѣ слободы со всѣми людьми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, взять за государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно, кромѣ кабальныхъ людей; а кабальныхъ людей, если по распросу скажется, что они ихъ вѣчные, отдавать тѣмъ людямъ, чьи они, и велѣть ихъ свести на свои дворы. А которые и кабальные люди, а отцы ихъ и родители ихъ были посадскіе люди или изъ государевыхъ волостей, и тѣхъ причислять къ посадамъ. А впредь кромѣ государевыхъ слободъ ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городахъ не быть. А у патріарха слободы взять совсѣмъ, кромѣ тѣхъ дворовыхъ людей, которые изстари за прежними патріархами живали въ ихъ патріаршихъ чинахъ, какъ то: дѣти боярскія, пѣвчіе, дьяки, подъячіе, истопники, сторожи, повары и хлѣбники, конюхи и иныхъ чиновъ дворовые люди, которымъ дается годовое жалованье и хлѣбъ.

40) А у кого изъ русскихъ людей дворы на Москвѣ въ Китаѣ и въ Бѣломъ и въ Земляномъ городѣ въ загородскихъ слободахъ, тѣхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ у русскихъ людей нѣмцамъ и нѣмкамъ-вдовамъ не покупать и въ закладъ не имать. А которые нѣмцы и ихъ жены и дѣти у русскихъ людей дворы или мѣста дворовыя учнутъ покупать или по закладнымъ учнутъ бить челомъ на русскихъ людей, и купчія и закладныя учнутъ приносить къ запискѣ въ земскій приказъ, и тѣхъ купчихъ закладныхъ не записывать. Если русскіе люди учнутъ нѣмцамъ или нѣмкамъ дворы и дворовыя мѣста продавать, то имъ за то отъ государя быть въ опалѣ. А на которыхъ нѣмецкихъ дворахъ поставлены нѣмецкія кирки, и тѣ кирки сломать, и впредь въ Китаѣ, въ Бѣломъ и въ Земляномъ городѣ на нѣмецкихъ дворахъ киркамъ не быть; а быть имъ за городомъ Землянымъ отъ церквей Божіихъ въ дальныхъ мѣстахъ.

Глава XX. Судъ о холопахъ.

Глава XXI. О разбойныхъ и о татиныхъ дѣлахъ.

1) Которые разбойники разбиваютъ и людей побиваютъ, и тати крадутъ въ Московскомъ уѣздѣ и въ городахъ, на посадахъ и въ уѣздахъ, и такія разбойныя и убійственныя и татиныя дѣла вѣдать въ разбойномъ приказѣ.

3) А вѣдать въ городахъ разбойныя и убійственныя и татиныя дѣла губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ по наказамъ изъ разбойнаго приказа, а воеводамъ въ городахъ такихъ дѣлъ не вѣдать. А гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ, въ тѣхъ городахъ губныя дѣла вѣдать воеводамъ и приказнымъ людямъ.

8) А которые люди привезутъ въ губу татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей и на ихъ дворовыхъ людей и на крестьянъ, которые ихъ въ губу приведутъ, возводить разбой, татьбу или иное какое воровство, то тому не вѣрить, для того чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ имать и въ губу приводить.

9) А приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу, тогда татя пытать и въ иныхъ татьбахъ, и въ убійствѣ; если съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ не повинится, а скажетъ, что кралъ впервые, а убійства не учинилъ, то его за первую татьбу бить кнутомъ и отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить его въ

тюрьму на два года, а животы его отдать истцамъ въ выть; во время содержанія въ тюрьмѣ должно его посылать въ кандалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ государь укажетъ. А какъ онъ два года въ тюрьмѣ отсидитъ, его послать въ украинные города, гдѣ государь укажетъ, и велѣть ему въ украинныхъ городахъ быть, въ какой чинъ онъ пригодится, и дать ему письмо за дьячьею подписью, что онъ за свое воровство въ тюрьмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.

10) А будетъ того татя изъимаютъ на другой татьбѣ, то его пытать и въ иныхъ татьбахъ. Если онъ повинится только въ двухъ татьбахъ, а убійства онъ не учинилъ, его послѣ пытки бить кнутомъ и, урѣзавъ у него праваго уха, посадить въ тюрьму на четыре года, изъ тюрьмы посылать на всякія государевы издѣлья въ кандалахъ. А какъ онъ въ тюрьмѣ урочныя лѣта отсидитъ, его сослать въ украинные города, гдѣ государь укажетъ, и дать ему письмо, что онъ за другую татьбу урочные годы въ тюрьмѣ отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.

11) А приведутъ татя и доведутъ на него татьбы три или четыре или больше, и того татя, пытавъ, казнить смертью, хотя онъ и убійства не учинилъ, а животы его отдать истцамъ въ выть.

12) А будетъ тать учинитъ и на первой татьбѣ убійство, его казнить смертью.

Глава XXII. Указъ, за какія вины кому чинить смертную казнь, и за какія вины смертью не казнить, а чинить наказаніе.

1) Будетъ который сынъ или дочь учинитъ отцу своему или матери смертное убійство, то ихъ за отеческое или за матернее убійство казнить смертью безо всякой пощады.

2) А будетъ который сынъ или дочь отцу своему или матери смертное убійство учинятъ съ инымъ съ кѣмъ, а сыщется про то допряма, тогда тѣхъ, которые съ ними такое дѣло учинятъ, казнить смертью же безо всякой пощады.

3) А будетъ отецъ или мать сына или дочь убьетъ до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ; отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходить имъ къ церкви Божьей, у церкви объявлять тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ; а смертью отца и мать за сына и за дочь не казнить.

8) А будетъ чей нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или противъ его выметъ какое оружіе, съ цѣлью его убить, и ему за такое его дѣло отсѣчь руку.

10) А будетъ кто, не боясь Бога и не опасаясь государской опалы и казни, учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительское наругательство, отсѣчетъ руку или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допряма, и за такое его наругательство самому ему то-же учинить; да на немъ же взять изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое наругательство учинитъ; будетъ отсѣчетъ руку, и за руку 50 рублей; а будетъ отсѣчетъ ногу, и за ногу 50 рублей; а за носъ и за ухо, и за губы, и за глазъ, по тому же за всякую рану, по 50 рублей.

14) А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма, и ее за то казнить: живую окопать въ землю и держать ее въ землѣ до тѣхъ поръ, пока она умретъ.

19) А будетъ кто надъ кѣмъ учинитъ смертное убійство по чьему наущенію, а сыщется про то допряма, и того, кто на смертное убійство научалъ, и кто убилъ, обоихъ казнить смертью.

Глава XXIII. О стрѣльцахъ.

1) Стрѣльцовъ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ разбоя и татьбы съ поличнымъ судить и управу межъ ними чинить въ стрѣлецкомъ приказѣ.

Глава XXIV. Указъ о атаманахъ и о казакахъ.

Глава XXV. Указъ о корчмахъ.

1) У кого корчму найдутъ впервые, или кто на продажу вино куритъ, и на тѣхъ впервые заповѣди править 5 рублей, а на питухахъ по полуполтинѣ на человѣка. А у кого корчму вторично найдутъ, на тѣхъ людяхъ заповѣди пра-

вить вдвое—по десяти рублей, а на питухахъ по полтинѣ на человѣка; да тѣхъ-же людей, у кого корчму найдутъ вторично, бить кнутомъ на торгу, а питуховъ бить батогами.

8) А которымъ людямъ питія у себя безъявочно держать не велѣно, а они у себя питіе держать учнутъ, не явя, и то неявочное питіе у нихъ найдутъ, и на тѣхъ людяхъ имать заповѣди пять рублей съ человѣка, а питіе имать на государя.

11) Да въ прошломъ, въ 142 году, по указу блаженной памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Россіи на Москвѣ и въ городахъ, о табакѣ заказъ учиненъ крѣпкій подъ смертною казнью, чтобъ нигдѣ русскіе люди и иноземцы всякіе табаку у себя не держали и табакомъ не торговли. А кто, русскіе люди и иноземцы, табакъ учнутъ держать или табакомъ учнутъ торговать, и тѣхъ людей продавцовъ и покупателей велѣно имать и присылать въ новую четверть, и за то тѣмъ людямъ чинить наказаніе большое безъ пощады подъ смертною казнью, а дворы ихъ и животы продавать, а деньги имать въ государеву казну. А нынѣ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи указалъ и бояре приговорили: тѣмъ людямъ, у кого табакъ объявился, указъ чинить противъ того же, какъ о томъ указано въ прошломъ, во 142, году.

Совершена сія книга повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи самодержца въ третье лѣто Богомъ хранимой его державы и при сынѣ его государевѣ благовѣрномъ царевичѣ и великомъ князѣ Дмитріи Алексѣевичѣ, въ первое лѣто рожденія его, лѣта 7157, января въ 29 день.

LXXV. О ЗНАЧЕНІИ УЛОЖЕНІЯ И ИСТОЧНИКАХЪ ЕГО.

(Изъ рѣчи профес. Морошкина. «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи», помѣщ. въ «Отчетъ Москов. университета» за 1838 г.).

Уложеніе составлено въ 1649 году повелѣніемъ Алексѣя Михайловича, трудами и искусствомъ бояръ: Одоевскаго, Прозоровскаго, окольничаго Волконскаго, и дьяковъ: Леонтьева и Грибоѣдова. Государь и великій земскій соборъ Уложеніе слушали, утвердили и на мѣрѣ поставили. Съ тѣхъ поръ Уложеніе начало свое дѣйствіе въ предѣлахъ Рускóй земли и до изданія Свода Законовъ пребыло главнымъ источникомъ законодательства. Сто восемьдесятъ шесть лѣтъ оно правило жизнью русскаго народа. Оно вѣчно пребудетъ историческимъ первообразомъ русскаго законодательнаго ума, русскаго гражданскаго быта и юридическаго слова. Уложеніе родословно, какъ Москва, патріархально, какъ русскій народъ, и грозно, какъ царскій гнѣвъ. По мѣсту своего происхожденія, будучи Уложеніемъ Москвы, по времени изданія, произведеніемъ упорной старины, оно какъ будто приковываетъ народъ къ неподвижному основанію московской мѣстности и древнихъ обычаевъ; но будучи соборнымъ, по своимъ источникамъ и редакціи, оно поставлено на распутіи русской исторіи; оно вольно было принять всѣ стихіи русской общественной жизни, и дѣйствительно ихъ приняло и уложило. Уложеніе не отвергаетъ и чужеземнаго, не противится преобразованіямъ и усовершенствованіямъ; но при этомъ оно хочетъ быть самобытнымъ, хочетъ быть Уложеніемъ Москвы, оно хочетъ быть единымъ, послѣдовательнымъ, народнымъ. Въ этомъ отношеніи оно упорнѣе самой Россіи. Когда наше отечество склонило свою главу подъ остріе преобразованія, одно Уложеніе пробилось сквозь ряды иностранныхъ регламентовъ и побѣдоносно возлегло на тронѣ Екатерины II.

Намъ извѣстны и ближайшія побужденія къ изданію Уложенія. Незадолго до сего изданія, прекращеніе царствующаго дома Рюрикова произвело безгосударное состояніе. Россія разрѣшилась на области, Москва на партіи; не стало власти и закона: все было ниспровергнуто, все истреблено; уцѣлѣло одно неподвижное основаніе—вѣра отцовъ; она-то возстала противъ анархіи и спасла отечество отъ гибели. На престолъ восходитъ домъ Романовыхъ; явился царь, явилось царство. Надлежало дать законную форму обновленному обществу, и вотъ является Уложеніе. Уложеніе утвердило царскую власть, единство государства, безопасность личности и святость собственности каждаго.

И такъ, Уложеніе въ исторіи русскаго законодательства имѣетъ высокое значеніе. Оно есть произведеніе всемірнаго стремленія народовъ къ единству; въ немъ исчезаютъ уставы древнихъ областей Россіи. Оно есть плодъ вліянія византійскаго законодательства и литовскаго Статута; оно есть настоятельная потребность времени.

Основательное просвѣщеніе и опытность въ государственномъ управленіи всегда бываютъ осмотрительны. Великіе законодатели не имѣли суетной славы творить новыя государства и новые законы. Извѣдавъ иностранныя учрежденія, они останавливались на правахъ своего народа, извлекая изъ нихъ лучшее для своего законодательства. Такъ думалъ и нашъ законодатель, царь Алексѣй. Составляя Уложеніе, онъ внесъ въ него не болѣе 19 статей новыхъ, да и тѣ были составлены совѣтомъ бояръ, по случаю возникшихъ недоумѣній въ судебныхъ дѣлахъ; слѣдовательно и эти статьи можно разсматривать какъ объясненіе или развитіе законовъ, уже изданныхъ. Всѣ же прочія принадлежатъ къ прошедшему времени. Источники Уложенія указаны самимъ законодателемъ. Государь говоритъ о нихъ такимъ образомъ: «Которыя статьи написаны въ правилѣхъ св. апостолъ и св. отецъ и въ градскихъ законахъ греческихъ царей, а пристойны тѣ статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать, и чтобы прежнихъ великихъ государей указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собрать, и тѣ государскіе указы съ старыми судебниками справить. А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей, въ прежнихъ судебникахъ указу не положено, и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, и тѣ бы статьи потому же написать и изложить по его государеву указу общимъ совѣтомъ». И такъ, по собственному указанію законодателя, къ составленію Уложенія приняты слѣдующіе источники: 1) правила св. апостолъ и св. отцевъ. 2) Градскіе законы греческихъ царей. 5) Прежніе судебники, указы государей и боярскіе приговоры. 4) Статьи, нерѣшенныя ни Судебниками, ни царскими указами. 5) Литовскій Статутъ.

Наиболѣе важное значеніе, какъ источники для созданія Уложенія, имѣютъ Судебники, указы и боярскіе приговоры.

Судебникъ былъ развитіемъ Русской Правды, которой самое имя уже показываетъ, что она была судебникомъ первыхъ временъ нашего общественнаго быта; а Уложеніе есть развитіе Судебника. Между всѣми тремя памятниками законодательства находится тѣсная генетическая связь. Всѣ они состоятъ между собою въ родствѣ по нисходящей линіи, имѣютъ одно содержаніе и выражаютъ только различныя степени въ юридической обработкѣ сего содержанія. Что же такое Судебникъ? Судебникъ есть судъ, московская правда. Самое названіе уже показываетъ, что здѣсь нѣтъ самаго права, а только судовая формальная сторона его. Законодатель устраиваетъ судъ, усаживаетъ судей, устанавливаетъ тяжущихся. Внѣшнее устройство присутствія составляетъ первую его обязанность. Далѣе, онъ опредѣляетъ зовъ къ суду, средство къ открытію истины, пишетъ реэстръ судебныхъ доказательствъ и оцѣниваетъ ихъ по достоинству. Наконецъ судья произноситъ приговоръ, составляетъ опредѣленіе и приказываетъ дьяку изготовить судную или правую грамоту. Здѣсь законъ дѣлается говорливымъ и плодовитымъ, ибо дѣло идетъ объ опредѣленіи судебныхъ издержекъ и взиманіи пошлинъ. Приставъ суда исполняетъ опредѣленіе, беретъ вязебное, хоженое и

LXXXVIII. ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ПОЛЬШѢ И ТУРЦІИ ПРИ ЦАРѢ ѲЕОДОРѢ АЛЕКСѢЕВИЧѢ.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ»).

По поводу Малороссіи при царѣ Ѳеодорѣ возникли у насъ споры съ Польшею и Портою. Малороссія вся, кромѣ Чигирина, находилась уже подъ владычествомъ царя Алексѣя Михайловича, признавая гетманомъ Самойловича. Однако же царь Алексѣй не успѣлъ окончательно утвердить за собой заднѣпровскую часть ея. Дорошенко засѣлъ въ Чигиринѣ, призывая къ себѣ на помощь турокъ и татаръ; Янъ Собѣсскій, король польскій, требовалъ, на основаніи андрусовскаго мира, возвращенія Кіева, считалъ владычество царя за Днѣпромъ нарушеніемъ мира и грозилъ войною; но опаснѣйшій противникъ Ѳеодора былъ турецкій султанъ, который, по послѣднему договору съ Польшею, признавалъ заднѣпровскую часть Малороссіи ему принадлежащею. Ѳеодоръ не страшился противниковъ и готовился къ упорной борьбѣ, съ твердымъ намѣреніемъ защищать Малороссію, старое достояніе Россіи, возвращенное его родителемъ. Ѳеодоръ хотѣлъ сперва уничтожить безпокойнаго Дорошенка, который, не смотря на претерпѣнныя имъ неудачи, не переставалъ волновать Малороссію съ намѣреніемъ быть въ ней независимымъ обладателемъ. Царь послалъ къ Чигирину, гдѣ засѣлъ Дорошенко, многочисленное войско подъ начальствомъ Ромодановскаго, соединившагося съ Самойловичемъ. Сіи два военачальника убѣждали его сдаться безъ сопротивленія, обѣщая ему полную свободу. Дорошенко, не получая помощи ни отъ султана, который ему тоже не довѣрялъ, ни отъ Польши, потерялъ надежду успѣть въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ и согласился на предложенія, сдѣланныя ему русскими полководцами. 1676 г., сентября 19, онъ положилъ оружіе, отдалъ Самойловичу всѣ знаки гетманскаго достоинства и присягнулъ въ вѣрности съ своими подданными московскому царю.

Янъ Собѣсскій назначалъ безпрестанно новыхъ гетмановъ въ заднѣпровскую часть Украйны, требуя, чтобы Россія не вмѣшивалась въ ея дѣла; но получивъ въ отвѣтъ, что Польша уступкою Малороссіи султану турецкому лишила себя права спорить о сей землѣ, прекратилъ свои требованія, ожидая, какой конецъ будетъ имѣть война Россіи съ турками. Султанъ выслалъ подъ начальствомъ Ибрагима-паши многочисленное войско. Ибрагимъ напалъ всѣми силами своими на Чигиринъ и взорвалъ часть стѣнъ сей крѣпости; но осажденные отражали его мужественно, съ значительнымъ для него урономъ. Ромодановскій съ Самойловичемъ подоспѣли на помощь къ Чигирину, разбили на голову Ибрагима (1677 г.).

Онъ лишился въ сей битвѣ большаго числа людей, пушекъ, всего обоза и бѣжалъ за Днѣпръ. Султанъ былъ такъ раздраженъ симъ извѣстіемъ, что приказалъ умертвить Ибрагима и многихъ находившихся при немъ второстепенныхъ турецкихъ военачальниковъ. Въ слѣдующемъ году султанъ выслалъ войско еще многочисленнѣе. Ромодановскій опять его разбилъ и обратилъ въ бѣгство, но имѣлъ оплошность не преслѣдовать непріятеля, полагая его въ такомъ разстройствѣ, что онъ ничего пред-

или, по выраженію древнѣйшей юриспруденціи, дать тяжбамъ *«отъ вѣка судъ»*, т. е. въ рѣшеніяхъ своихъ о каждомъ фактѣ жизни, напр. о владѣніи холопами, уплатѣ долга, наслѣдованіи и т. п. основываться на тѣхъ правилахъ, кои приняты изъ глубокой древности, «судить по старинѣ и по пошлинѣ». Но какъ, съ другой стороны, нѣкоторыя права въ семъ періодѣ получили мѣсто и въ самомъ законодательствѣ, получили значеніе закона, и однакожъ по своей краткости, случайности или излишне обширному объему были неудобны въ приложеніи къ дѣламъ, то здѣсь получили начало не то-что толкованіе, а извѣстныя правила примѣненія закона къ дѣламъ. Законъ былъ суровъ и не гибокъ; дѣло присутственныхъ мѣстъ было дать ему мягкость и гибкость въ приложеніи. Наконецъ встрѣчались и такія дѣла, кои невозможно было рѣшить ни по обычаямъ, ни по Судебнику, ибо ни въ томъ, ни въ другомъ не было о семъ никакого положенія. Въ такомъ случаѣ присутственное мѣсто, не докучая докладомъ законодательной власти, руководствовалось здравымъ смысломъ и смотрѣло только на то, чтобъ не придти въ противорѣчіе съ обычаями жизни и съ положеніемъ Судебника или указомъ государевымъ. И такъ, первоначальные боярскіе приговоры заключали въ себѣ слѣдующія стихіи: 1) право по сознанію народа, 2) объясненія Судебника и указовъ, 3) положенія здраваго разсудка, или логику судей. Но эти простыя стихіи права съ теченіемъ времени, какъ бы химически соединяясь между собою, взаимно себя видоизмѣняли и умѣряли, какъ видно во множествѣ боярскихъ приговоровъ Уложенія и послѣ Уложенія. По этой системѣ каждый новый приговоръ суда становился правиломъ для послѣдующихъ. Симъ способомъ могла составиться безконечная цѣпь живой, казуистической юриспруденціи, достаточной на каждое новое дѣло. Законодательная власть не хотѣла препятствовать свободному развитію практическихъ началъ, будучи довольна тѣмъ, что они не противорѣчатъ Судебнику и существующимъ указамъ.

Такимъ образомъ обширная частная дѣятельность Москвы обходилась почти безъ законодательства. Наконецъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича си обычаи присутственныхъ мѣстъ сдѣлались столь многочислены, и юриспруденція подьячихъ столь многосложна, запутана, что не было другаго средства помочь нуждамъ государства, какъ отвердить сію текущую юриспруденцію въ положительный законъ, что и исполнено Уложеніемъ. Уложеніе поглотило въ себѣ всѣ боярскіе приговоры, въ коихъ заключались вышеозначенныя стихіи. Самая большая часть Уложенія составлена изъ судебныхъ обычаевъ и изъ боярскихъ приговоровъ, и почти ничего не прибавлено новаго. Вотъ чѣмъ можно объяснить неимовѣрную скорость въ составленіи сего кодекса.

И такъ Уложеніе въ историческомъ процессѣ русскаго законодательства должно разсматривать, какъ вторую степень отвержденія народнаго сознанія о правѣ, вторую степень отвержденія народной совѣсти. Уложеніе, принявъ въ себя множество понятій о правѣ, отдѣльно отъ судопроизводства само въ себѣ открыло богатѣйшій источникъ для юриспруденціи. Однакожъ, не смотря на свою временную полноту, ясность и точность, оно не могло остановиться въ своемъ развитіи; нужны были объясненія, ограниченія и перемѣны: почему и находимъ, что къ Уложенію въ скоромъ времени сдѣлалось большое приращеніе законовъ. Всѣ новоуказныя статьи должно разсматривать, какъ органическое порожденіе Уложенія. Это потомство, это семья Уложенія, и, должно сознаться, семья благоустроенная, безъ исключенія объятая единою патріархальною властію Уложенія. Въ исторіи законодательства мы встрѣчаемъ новоуказныя статьи и не видимъ боярскихъ приговоровъ съ положительностію обычая; однакожъ это отнюдь не ведетъ къ заключенію, что авторитетная юриспруденція подьячихъ съ Уложеніемъ прекратилась. Есть мѣсто въ новоуказанныхъ статьяхъ, изъ коихъ очень легко усмотрѣть, что между Уложеніемъ и сими статьями былъ посредникъ, именно боярскіе приговоры, что толкованіе на статьи Уложенія отверждалось въ положительный законъ только тогда, когда на данные случаи не было боярскихъ приговоровъ. Дьякъ докладываетъ боярамъ дѣло и говоритъ, что это дѣло поме

не подходящее ни подъ одну статью Уложенія, и что рѣшить его не по чемъ, ибо «больше того примѣровъ не сыскано, а подъячіе сказали, что у нихъ вершеныхъ дѣлъ нѣтъ». По этому докладу бояре останавливаются рѣшеніемъ, дѣлаютъ представленіе государю, съ прописаніемъ того, «что подъячіе сказали», и съ прописаніемъ собственнаго мнѣнія въ видѣ вопросовъ. Вслѣдствіе сего представленія государь указалъ и бояре приговорили; и вотъ новоуказная статья. И такъ новоуказная статья въ системѣ законовъ появлялась только тогда, когда на данный судебный вопросъ не было примѣрныхъ рѣшеній: слѣдственно Уложеніе не только не останавливало развитія судебной юриспруденціи, но сообщало ей новое движеніе, новую обширнѣйшую дѣятельность.

LXXVI. О РУССКИХЪ СУДАХЪ, ЗАКОНАХЪ И РОДАХЪ НАКАЗАНІЯ ВЪ ЭПОХУ УЛОЖЕНІЯ.

(Изъ соч. Олеарія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію»).

Что касается до судебныхъ дѣлъ, то производятся они въ приказахъ (канцеляріяхъ). Каждый, назначенный управляющимъ приказа, бояринъ или судья, имѣетъ при себѣ дьяка или секретаря и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами или засѣдателями выслушиваетъ тяжущихся, которые являются передъ нимъ, и присуждаетъ имъ рѣшеніе. До послѣдняго времени русскіе имѣли только нѣкоторые, немногіе письменные законы и обычаи, данные различными в. князьями, и лишь противъ измѣнниковъ отечеству, противъ преступниковъ въ оскорбленіи его царскаго величества, противъ воровъ, убійцъ и должниковъ. Во всемъ же остальномъ, въ произнесеніи приговора судьи руководствовались большею частью собственнымъ своимъ усмотрѣніемъ, а иногда и желаніемъ сдѣлать кому добро или зло. Нѣсколько же лѣтъ назадъ (1649), по указу его царскаго величества, собраны были разумнѣйшіе изъ всѣхъ сословій люди, которые составили и написали нѣкоторые законы и постановленія, и законы эти были затѣмъ утверждены царемъ и его боярами и напечатаны порусски во всеобщее свѣдѣніе; эта книга въ листъ, въ два добрыхъ пальца толщиною, называется Соборное Уложеніе, т. е. единогласно принятое и собранное законоположеніе, по которому судьи и постановляютъ теперь свои приговоры, или, по крайней мѣрѣ, должны постановлять. Такъ какъ всѣ приговоры эти дѣлаются отъ имени царя, то они безпрекословно должны быть исполняемы, и никто не смѣетъ подавать на нихъ дальнѣйшей жалобы.

Въ прежнее время съ тяжущимися соблюдался такой порядокъ судопроизводства: если кто обвиняетъ другаго и не можетъ ничѣмъ доказать своего обвиненія, то судья присуждаетъ тяжущимся рѣшить дѣло присягою. Затѣмъ онъ спрашиваетъ обвиняемаго (отвѣтчика), такъ какъ отъ него зависитъ выборъ: «Хочешь ли взять присягу на свою душу или отдать ее на душу обвинителю (истцу)?» Кто послѣ этого захочетъ принять присягу, тотъ, впродолженіе трехъ недѣль, однажды въ недѣлю, приводится къ судьѣ, который его наставляетъ и увѣщеваетъ относительно того, какое великое и опасное дѣло есть присяга, и вообще предостерегаетъ его не присягать. Если, не смотря на то, увѣщеваемый всетаки присягаетъ, то, хотя бы онъ присягнулъ и въ правомъ дѣлѣ, всѣ

[illegible] при присягѣ [illegible] въ которой онъ присягалъ [illegible] [illegible] за него [illegible] и онъ не можетъ [illegible] [illegible] въ деревнѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Въ недавнее время вмѣсто [illegible] при присягѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] присягать [illegible] прежде [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] крестъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на присягу. Если будетъ доказано [illegible] присяга [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ Сибирь [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Хотя русскіе не легко рѣшаются на присягу, особенно во 2-й или въ 3-й разъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]: «Вотъ тѣ крестъ!» и крестятъ себя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] вѣрить.

У русскихъ употребляются разнаго рода страшныя мученія для того, чтобы допытаться правды. Между прочими родами пытокъ, хотя запрещенныхъ, одна: преступнику связываютъ назадъ руки, подымаютъ его за веревкѣ съ перекладиною между двумя столбами, и къ ногамъ привязываютъ тяжелый брусъ, на которомъ палачъ прыгаетъ, и такимъ образомъ вытягиваетъ члены преступника. На землѣ подъ ногами раскладывается иногда при этомъ огонь, который причиняетъ ужасныя мученія несчастному, опаляя жаромъ ноги и дымомъ захватывая ему дыханіе. Иногда же преступнику на головѣ пробриваютъ волосы и на выбритое мѣсто каплютъ холодною водою: эта пытка должна быть невыносимо мучительна. Нѣкоторыхъ преступниковъ, смотря по роду преступленія, при такихъ пыткахъ бьютъ еще кнутомъ, и по ранамъ, образующимся у нихъ на тѣлѣ отъ засѣченія кнутомъ, водятъ раскаленнымъ желѣзомъ.

По жалобамъ за драку, у русскихъ тотъ, кто первый началъ, считается виновнымъ; обыкновенно же правъ у нихъ бываетъ тотъ, кто прежде подалъ жалобу.

Убійца не вслѣдствіе необходимой обороны (которая у русскихъ дозволяется), но умышленно убившій кого либо, ввергается въ темницу, въ которой онъ шесть недѣль долженъ выдержать наказаніе на хлѣбѣ и водѣ; за тѣмъ его допускаютъ къ принятію св. таинъ и обезглавливаютъ.

Если кто обвиняется въ воровствѣ и будетъ въ томъ уличенъ, то его немедленно подвергаютъ пыткѣ, чтобы узнать, не укралъ ли онъ еще чего нибудь? Если онъ въ воровствѣ чего либо другаго на пыткѣ не

сознается, и то воровство, въ которомъ онъ обвиняется и уличенъ, было первое, то его сѣкутъ плетью на всемъ пути отъ Кремля до большой площади, гдѣ палачъ отрѣзаетъ у него одно ухо, затѣмъ сажаютъ его на два года въ темницу, и потомъ выпускаютъ на свободу. Если онъ будетъ пойманъ въ воровствѣ въ другой разъ, то у него, прежнимъ же порядкомъ, отрѣзываютъ другое ухо, и подъ конецъ опять сажаютъ въ темницу, гдѣ онъ и содержится до тѣхъ поръ, пока не наберется нѣсколько подобныхъ ему птицъ (воровъ), съ которыми онъ отсылается въ Сибирь; смертной же казни собственно за воровство, при которомъ убійства совершено не было, никто въ Россіи не подвергается. Если воръ на пыткѣ признается, кому именно продалъ онъ накраденное имъ имущество, то судъ призываетъ тѣхъ покупателей и присуждаетъ ихъ къ тому, чтобы они истцу, у котораго покрадено было имущество, сдѣлали достаточное вознагражденіе, и такую уплату русскіе называютъ *выть*. Такіе распорядки многихъ воздерживаютъ отъ покупки подозрительныхъ вещей или имуществъ.

Но правосудіе русское особенно дѣятельное вниманіе обращаетъ на долги и должниковъ. Кто не хочетъ, или не можетъ платить, тотъ препровождается къ приставу, т. е. долженъ сидѣть въ домѣ прислужника судьи, подобно тому, какъ у насъ сидятъ подъ стражей или на послушаніи. Если въ обѣщанный должнику срокъ уплаты долга отъ него не послѣдуетъ, то его сажаютъ въ долговую темницу (яму), безъ всякаго воззрѣнія на лица: русскій-ли то, или иностранецъ, мужчина или женщина, купецъ или ремесленникъ, священникъ, монахъ или монахиня. Ежедневно выводятъ его на общественную площадь передъ приказомъ, и тамъ впродолженіе часа бьютъ его по голенямъ гибкими прутьями толщиною въ мизинецъ, такъ что несчастный громко вопитъ отъ сильной боли. Иногда исполнитель такого наказанія, если получитъ посулъ или подарокъ отъ должника, дѣлаетъ легкіе удары, или и совсѣмъ даетъ промахъ. Съ другой стороны нѣкоторые должники сами иногда засовываютъ себѣ въ сапоги толстые куски шерсти или деревянные лубки, по которымъ въ такомъ случаѣ и приходятся удары прутьевъ. По выдержаніи такого наказанія и позора, должникъ обязанъ или снова отправиться въ темницу, или же представить поручительство за себя въ томъ, что завтра онъ снова предстанетъ на площадь и дастъ себя на дальнѣйшее битье. Этотъ родъ наказанія русскіе называютъ: поставить на правежъ. Если должникъ рѣшительно не имѣетъ никакихъ средствъ уплатить долгъ, то долженъ поступить въ кабалу къ заимодавцу и служить ему.

Остальныя наказанія, употребляемыя надъ преступниками, суть слѣдующія: разрѣзываніе или вырываніе ноздрей, битье батогами и сѣченіе кнутомъ по обнаженной спинѣ. Ноздри вырываютъ тѣмъ, которые наслаждаются нюханьемъ табаку, и наказанныхъ такимъ образомъ мы не рѣдко встрѣчали въ Россіи. Бить батогами можетъ каждый господинъ своего слугу или всякаго другаго, надъ кѣмъ онъ имѣетъ хотя какую нибудь власть. Наказаніе это состоитъ въ томъ, что преступникъ снимаетъ съ себя кафтанъ и все остальное платье до рубахи и животомъ ложится на землю; затѣмъ двое людей садятся на него, одинъ на голову, а другой на ноги, и бьютъ его гибкими прутьями по спинѣ, будто скорняки, выколачивающіе мѣхъ. Такого рода наказаніе часто употреблялось во время нашего путешествія между русскими, которые сопровождали насъ.

Сѣченіе кнутомъ, на наши глаза, одно изъ варварскихъ родовъ наказанія. Такое наказаніе я видѣлъ 24 сент. 1634 г. въ Москвѣ, когда оно совершалось надъ 8 мужчинами и надъ одной женщиной, оказавшимися виновными въ нарушеніи запрещенія въ продажѣ табаку и водки. Преступники, передъ приказомъ, называемымъ Новая Четверть, должны были обнажить свое тѣло по поясъ и прилечь на спину стоящаго на ногахъ прислужника палача, охвативъ руками шею этого прислужника. Ноги преступниковъ были крѣпко связаны и сдерживались за конецъ веревки другимъ прислужникомъ палача, такъ что подвергавшіеся наказанію не могли двигаться ни вверхъ, ни внизъ. За преступникомъ становился палачъ, въ трехъ добрыхъ шагахъ отъ него, и начиналъ длиннымъ и толстымъ кнутомъ наносить ему удары по спинѣ изо всей своей силы, такъ что послѣ каждаго удара выступала кровь и струилась внизъ по тѣлу преступника. Рѣзкость ударовъ увеличивалась еще и тѣмъ, что на концѣ кнута обыкновенно прикрѣпляются три ремня, длиною въ палецъ, изъ жесткой, невыдѣланной лосиной кожи, которые рѣжутъ, словно ножи. За тяжкія преступленія нѣкоторые преступники этого рода наказаніемъ засѣкаются до смерти. Передъ исполненіемъ описываемаго мною наказанія, служитель судьи, находившійся тутъ же, прочелъ въ особой запискѣ, сколько ударовъ должно было дать каждому изъ преступниковъ, и затѣмъ, когда означенное число ударовъ было нанесено, онъ кричалъ: «Полно!» На этотъ разъ мущины получили отъ 20 до 26 ударовъ каждый, а женщина 16 ударовъ, послѣ которыхъ она упала безъ чувствъ. По исполненіи этого наказанія на спинахъ несчастныхъ не осталось цѣлой кожи даже на палецъ шириной, и они имѣли видъ животныхъ, съ которыхъ содраны были кожи. Тѣмъ не менѣе, послѣ всего этого, каждому виновному въ продажѣ табаку, привѣшивалась на шею пачка съ табакомъ, а продавцамъ водки на шею водочная фляга или стклянка, и въ такомъ видѣ, связанныхъ за руки попарно и сопровождаемыхъ по обѣ стороны прислужниками палача, сказанныхъ преступниковъ провели сперва изъ города и затѣмъ обратно въ Кремль, и во все это время продолжали бить ихъ кнутомъ. Разсказываютъ, что нѣкоторые наказанные такимъ образомъ молодцы натягиваютъ на израненную спину свою еще теплую шкуру только что убитой овцы, и этимъ способомъ скоро излѣчиваются отъ ранъ своихъ.

Въ прежнія времена съ понесшими наказаніе обходились также почтительно, какъ и со всѣми другими, водили съ ними всякія дѣла; въ настоящее же время на такихъ людей начинаютъ смотрѣть съ нѣкотораго рода презрѣніемъ. Такъ какъ русскіе во внѣшнихъ пріемахъ своихъ, съ теченіемъ времени, во многомъ стали лучше прежняго и очень подражаютъ нѣмцамъ, то они чувствительнѣе стали теперь и ко всему тому, что касается чести или безчестія: палачи ихъ въ прежнее время вовсе не считались такими безчестными, какими считаются они тамъ въ настоящее время. Ни одинъ честный и почтенный человѣкъ не захочетъ теперь у нихъ знаться съ высѣченнымъ человѣкомъ, который считается уже какъ бы человѣкомъ негоднымъ, развѣ будетъ дознано, что такому наказанію подвергся онъ по ненависти судьи; въ такомъ случаѣ его скорѣе жалѣютъ, чѣмъ презираютъ, и честные люди, въ доказательство его невинности, не стыдятся тогда вести съ нимъ дальнѣйшее знакомство. Почтенные люди теперь также избѣгаютъ сообщества съ живодерами и пала-

чами; эти послѣдніе хотя и могутъ вести даже и торговлю, но занимаются ею неохотно, потому что собственная должность ихъ доставляетъ имъ довольно большія деньги. Кромѣ того что они получаютъ отъ правительства, за исполненіе разныхъ наказаній, деньги, по мѣрѣ возможности, и съ преступниковъ получаютъ за то, чтобы они не такъ жестоко ихъ наказывали. Они продаютъ также, хотя потихоньку, и водку заключеннымъ, которыхъ ежедневно сидитъ множество, и это также доставляетъ имъ значительный доходъ. Вслѣдствіе такой прибыльности должности палача, въ прежнее время ее покупали разными подарками, но теперь никто уже не смѣетъ перепродать ее. Если же случается недостатокъ въ исполнителяхъ наказаній, что и бываетъ нерѣдко по множеству экзекуцій, то цехъ мясниковъ обязанъ поставить ихъ изъ среды своей.

LXXVII. НИКОНЪ И ЕГО ПАТРІАРШЕСТВО ДО РАЗРЫВА СЪ ЦАРЕМЪ.

(Изъ соч. Знаменскаго: «Руководство къ русской церковной исторіи»).

Въ 1605 г. у крестьянина нижегородской области села Вильдеманова, Мины, родился сынъ Никита. Онъ скоро лишился своей матери и все дѣтство провелъ подъ нестерпимымъ гнетомъ мачихи. Ему рано удалось выучиться грамотѣ. Чтеніе книгъ увлекло его къ аскетической жизни, и 12 лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дома отца въ монастырь, гдѣ еще въ этомъ раннемъ возрастѣ удивлялъ братію силой своего характера въ монастырскихъ подвигахъ. Родня опять вызвала его въ міръ и заставила жениться. 20 лѣтъ онъ выбранъ былъ въ священники прихожанами одного сосѣдняго села, но по своимъ достоинствамъ недолго могъ оставаться въ такомъ захолустьѣ. Чрезъ 2 года объ немъ узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, и перезвали его съ собой въ Москву. Чрезъ 10 лѣтъ, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, Никита заставилъ свою жену постричься, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, гдѣ тоже постригся въ монахи подъ именемъ Никона. Изъ Анзерскаго скита, по неудовольствіямъ съ братіей, онъ ушелъ въ Кожеезерскій монастырь, гдѣ былъ выбранъ въ игумены. Въ 1646 г. онъ былъ въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ и былъ замѣченъ царемъ, котораго поразила его величественная наружность и сильная рѣчь. По своей религіозности и впечатлительности, Алексѣй Михайловичъ скоро сблизился съ Никономъ. По желанію царя, Никонъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, долженъ былъ каждую недѣлю являться къ царю во дворецъ для духовной бесѣды и сдѣлался неустаннымъ ходатаемъ за несчастныхъ, обиженныхъ на судѣ, вдовъ и сиротъ. Въ 1648 г. онъ былъ поставленъ митрополитомъ въ Новгородъ. Здѣсь Никонъ проявилъ обширную общественную дѣятельность. Особенно важныя гражданскія услуги онъ оказалъ во время новгородскаго и псковскаго бунтовъ.

Пользуясь своей близостью къ царю, Никонъ не разъ говорилъ ему, что учрежденіе монастырскаго приказа противно канонамъ, и настаивалъ на его уничтоженіи. Но приказъ былъ крѣпокъ не силою кроткаго и бла-

гочестиваго царя, а духомъ времени, былъ крѣпокъ потому, что вполнѣ отвѣчалъ современнымъ идеямъ объ отношеніи между церковью и государствомъ. Не успѣвъ настоять на его уничтоженіи, Никонъ получилъ только царскую несудимую грамоту, по которой всѣ духовныя лица новгородской епархіи подчинялись суду одного своего митрополита, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Зато своимъ вліяніемъ онъ побудилъ царя къ другому важному дѣйствію, въ которомъ выразилось преклоненіе свѣтскаго могущества предъ величіемъ церковной власти. Въ 1652 г., по порученію царя, онъ отправился на Соловки, чтобы перевезти оттуда въ Москву мощи митр. Филиппа. Съ нимъ отправлена была царская молитвенная грамота къ св. Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ предъ святителемъ, погибшимъ жертвою столкновенія съ царской властью, молилъ св. мученика пришествіемъ въ Москву разрѣшить грѣхъ Грознаго и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти. Во время отсутствія Никона, царь писалъ ему замѣчательныя письма. Какъ средневѣковые вожди юныхъ народовъ, при которыхъ развивалась папская власть, въ своемъ благоговѣніи предъ пастыремъ церкви, онъ совершенно забывалъ свой царскій санъ, не щадилъ словъ, чтобы возвеличить митрополита и унизить предъ нимъ самого себя. Изъ писемъ царя видно, что бояре очень недовольны были силой Никона, видно и то, что самъ Никонъ не умѣлъ смягчать своей силы кротостію и благодушіемъ. Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ царь совѣтовалъ ему быть поснисходительнѣе къ боярамъ, но въ то-же время просилъ его не сказывать имъ объ этомъ совѣтѣ, не выдавать его, царя, что онъ заодно съ нимъ, митрополитомъ. Добрый до слабости, находясь подъ двумя вліяніями, Никона и бояръ, царь боялся оскорбить и ту, и другую сторону, лавировалъ между ними, старался мирить ихъ и какъ-нибудь замять ихъ рознь. Такъ поступалъ онъ и въ вопросѣ о монастырскомъ приказѣ. Оставляя приказъ во всей его силѣ, потому что онъ нравился боярамъ, царь думалъ удовлетворить и своего друга, давъ ему несудимую грамоту. Наконецъ умеръ патр. Іосифъ. По возвращеніи Никона съ мощами, выборъ въ патріархи, разумѣется, палъ на него. Но ему не такого хотѣлось патріаршества, какое было у Іосифа. Усиленіе мірской власти бояръ и вражда ихъ къ нему заставили его отказаться отъ выбора, чтобы потомъ быть снова выбраннымъ на всей своей волѣ. Въ Успенскомъ соборѣ, въ собраніи бояръ и народа, царь, весь въ слезахъ, лежалъ у ногъ Никона, умоляя его принять патріаршій санъ. Тогда Никонъ, обратясь ко всѣмъ, спросилъ, будутъ ли его почитать какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ, и дадутъ ли ему устроить церковь? Всѣ сказали, что будутъ и дадутъ, и Никонъ принялъ патріаршество (1652).

Неограниченная дружба соединяла царя и патріарха въ первыя 6 лѣтъ управленія Никона. Безъ патріарха не рѣшалось ни одно государственное дѣло, какъ во времена Филарета. Усиленію его значенія много содѣйствовалъ скорый отъѣздъ царя къ войску по случаю польской войны. Во время своего отсутствія (1654 — 1655) царь поручилъ Никону все управленіе государствомъ. Особенно энергическую дѣятельность Никонъ проявилъ по случаю открывшейся тогда моровой язвы. Разсылая грамоты о мѣрахъ предосторожности противъ заразы, вразумляя суевѣрный народъ, который пассивно встрѣтилъ бѣду и считалъ за грѣхъ противустоять ей, какъ наказанію Божію, онъ въ то-же время успѣлъ оказать

важныя личныя услуги царю, все время хранилъ царское семейство, спасая его отъ язвы переѣздами по незараженнымъ мѣстамъ. Благодарный царь предложилъ Никону дать взаимную клятву не оставлять другъ друга до смерти и почтилъ его титуломъ «великаго государя». И снова стало два великихъ государя, но теперь другой великій государь носилъ этотъ титулъ уже не какъ отецъ царя, а какъ патріархъ. Власть патріаршая приравнивалась къ власти царской. Монастырскій приказъ на время потерялъ всякую силу. Вопреки Уложенію, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имущества, патріаршій домъ обогатился новыми вотчинами: вмѣсто прежнихъ 10,000 дворовъ сталъ владѣть 25,000. Когда Никонъ выстроилъ свои великолѣпные патріаршіе монастыри (Иверскій, Крестный и Новый Іерусалимъ), царь и имъ далъ богатыя вотчины. Но въ то-же время, вслѣдствіе той же дружбы царя съ патріархомъ, никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ, какъ при Никонѣ. Самъ патріархъ выставилъ въ поле до 10,000 воиновъ; столько же выставили монастыри. Патріархъ кромѣ того на свои богатыя средства увеличивалъ богадѣльни, раздавалъ богатую милостыню, дѣлалъ пожертвованія на тюрьмы и т. п.

Патріаршая власть при немъ была чрезвычайно сильна. Онъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только великимъ государемъ, окружилъ себя царской пышностью и недоступностью, возлюбилъ, какъ говорило духовенство, стоять высоко, ѣздить широко. Онъ выстроилъ себѣ новый дворецъ, употреблялъ всѣ средства тогдашняго искусства для украшенія соборовъ и сообщенія пышности своему богослуженію; лучшія облаченія, какія есть въ патріаршей ризницѣ, принадлежатъ ему; на нихъ употреблены цѣлые пуды жемчуга, золота и камней. Штатъ его дома былъ еще многочисленнѣе, чѣмъ при Филаретѣ. Протопопъ казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ говорилъ однажды патріарху: «Государевы-царевы власти уже не слыхать, всѣмъ отъ тебя страхъ, и посланники твои пуще царевыхъ всѣмъ страшны; никто не смѣетъ съ ними и говорить; затвержено у нихъ: знаете-ли патріарха?» Никона боялись сами бояре, которыхъ онъ обличалъ безъ всякаго стѣсненія. Еще до патріаршества о немъ говорили, что лучше погибнуть въ Новой Землѣ за Сибирью, чѣмъ попасть подъ начало новгородскому митрополиту. Патріархомъ онъ сталъ еще самовластнѣе. Онъ жегъ у бояръ вывезенныя съ запада иконы и органы; у боярина Никиты Романова изрѣзалъ въ куски ливрею, сдѣланную по западному образцу для домовыхъ слугъ. Какъ бы въ противодѣйствіе новымъ началамъ, выраженнымъ въ Уложеніи, Никонъ издалъ вновь пересмотрѣнную и дополненную Кормчую, въ которую включилъ подложную грамоту Константина В. папѣ Сильвестру, которая была важна для него какъ апологія церковной власти и церковныхъ имуществъ. Подложности этой грамоты впрочемъ не подозрѣвали ни царь, ни патріархъ. Никонъ убѣждалъ царя даже вовсе оставить Уложеніе и замѣнить его Кормчей; онъ не успѣлъ въ этомъ, но все-таки заставилъ Алексѣя Михайловича разослать по всѣмъ воеводамъ выписки изъ градскихъ законовъ Номоканона въ дополненіе Уложенія съ повелѣніемъ производить судъ по этимъ выпискамъ.

Патріархъ хотѣлъ воротить исторію назадъ къ тому времени, когда государство не знало ничего выше градскихъ законовъ Кормчей, и не чувствовалъ, что чѣмъ энергичнѣе онъ будетъ настаивать на возстановленіи

такой старины, тѣмъ будетъ хуже и для него, и для его дѣла. Значеніе его держалось только на его личной силѣ и любви царя, опорахъ слишкомъ непрочныхъ для того, чтобы онѣ могли устоять противъ историческаго хода государственной жизни. Орудіемъ, которымъ эти опоры были подломлены, были многочисленные враги Никона, дѣйствовавшіе противъ него со всѣмъ усердіемъ личнаго раздраженія. Своимъ великимъ государствованіемъ, крутымъ характеромъ, привычкой сталкиваться со всѣми власть имѣющими, онъ вооружилъ противъ себя очень сильную партію бояръ; противъ него были Стрѣшневы, родня царя по матери, Милославскіе, родня первой супруги царя, Морозовъ, царскій своякъ, супруга царя Марья Ильинична, составитель Уложенія кн. Одоевскій, бояре Долгорукій, Трубецкой и др. Много враговъ явилось у Никона по поводу его церковныхъ исправленій, которыя были имъ ведены очень круто, съ обычною его самоувѣренностью и деспотизмомъ его личнаго авторитета. Привычка не обращать вниманія на другихъ поставила его въ самое невыгодное положеніе между двумя сильными партіями, партіей новизны, стремившейся къ западу, и партіей старины. Образованные бояре, въ родѣ Морозова, Романова и др., раздражены были не менѣе старовѣровъ, когда патріархъ, вводя свои церковныя «новшества», въ тоже время возставалъ противъ новыхъ государственныхъ понятій и проблесковъ европейской цивилизаціи, жегъ картины и органы, рѣзалъ ливреи у боярской дворни. Между приверженцами старины было тоже не мало сильныхъ людей, нѣсколько бояръ, духовникъ царя. Наконецъ противъ патріарха было все духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностью, жестокими наказаніями, поборами въ патріаршую казну и на войско.

LXXVIII. ВОЗНИКНОВЕНІЕ РАСКОЛА ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ XVII СТОЛѢТІЯ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева и «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

При Іоаннѣ III и сынѣ его Василіи видимъ страдательное пользованіе чужимъ знаніемъ, искусствомъ, видимъ вызовъ иностранныхъ мастеровъ; Іоаннъ IV хотѣлъ сдѣлать этотъ вызовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но ему помѣшали ливонцы; при Годуновѣ являются иностранныя дружины, и слышатся жалобы на пристрастіе русскихъ къ иностраннымъ обычаямъ, на потаковничество царя этому пристрастію; русскіе люди отправляются учиться за границу; Лжедимитрій затѣваетъ преобразованія въ широкихъ размѣрахъ, но гибнетъ; смута останавливаетъ движеніе къ новому, особенно когда приверженцы новаго явились попреимуществу въ тушинскомъ станѣ и потомъ подъ Смоленскомъ у польскаго короля, когда противъ нихъ направилось народное возстаніе, восторжествовавшее во имя отцовской вѣры. Но какъ скоро смута утихла, стремленіе ко введенію западныхъ новизнъ усиливается все болѣе и болѣе: русскія войска устраиваются на иностранный образецъ; происходитъ небывалый наплывъ иностранцевъ въ Москву; иностранные мастера заводятъ производства свои, получаютъ привиллегіи съ условіемъ учить русскихъ людей; пользованіе плодами цивилизаціи изъ чужихъ рукъ стремится стать болѣе дѣя-

тельнымъ. Но если правительство, если люди, обладавшіе болѣе широкимъ взглядомъ, чувствовали необходимость преобразованій и шли къ нимъ, разумѣется, сперва ощупью, колеблющимися шагами, то въ этомъ движеніи своемъ они должны были встрѣтить сильныя препятствія, сильныхъ и многочисленныхъ противниковъ. Эти препятствія происходили естественно отъ долговременнаго застоя, отъ долговременной особной жизни русскихъ людей вдали отъ общества другихъ образованныхъ народовъ, отъ недостатка внутренняго движенія. Горизонтъ русскаго человѣка былъ до крайности тѣсенъ, жизнь проходила среди немногочисленнаго ряда неизмѣнныхъ явленій; эта неизмѣняемость явленій необходимо приводила къ мысли о ихъ вѣчности, божественномъ освященіи; они получали религіозный характеръ, религіозную неприкосновенность, измѣненіе ихъ считалось дѣломъ грѣховнымъ; такъ жили дѣды и отцы, измѣненіе ихъ образа жизни есть грѣховное оскорбленіе ихъ памяти. Такова обыкновенно бываетъ жизнь сельскаго народонаселенія, которое потому такъ упорно держится стараго, такъ тяжело на подъемъ; здѣсь все новое, каждое измѣненіе, является чѣмъ-то страшнымъ, враждебнымъ, грѣховнымъ, является произведеніемъ высшихъ, таинственныхъ и враждебныхъ силъ. Въ обществѣ развитомъ начало движенія представляется городомъ: здѣсь человѣкъ безпрерывно сталкивается съ новыми людьми, съ новыми родами дѣятельности, чрезъ это горизонтъ его расширяется, онъ привыкаетъ къ перемѣнѣ, перестаетъ бояться новизны и начинаетъ упражнять свои духовныя силы, выказывать свое господство надъ веществомъ, измѣняя его, выказывать свое господство надъ силами природы, заставляя ихъ служить себѣ; тогда какъ въ сельской жизни, въ занятіяхъ земледѣльческихъ, человѣкъ особенно чувствуетъ могущество силъ природы, находится подъ ихъ вліяніемъ. Но въ Московскомъ государствѣ городъ не могъ имѣть такого значенія, какой онъ имѣлъ въ западной Европѣ, не могъ представлять въ такой степени начала движенія, развитія. Московское государство было государство сельское по преимуществу; въ немъ городъ былъ большое огороженное село, и земледѣліе принадлежало къ числу занятій городскихъ жителей, промышленность мануфактурная была на низкой ступени развитія, торговля очень слаба. Отсюда понятно, почему введеніе новизнъ должно было такъ сильно взволновать общество. Если въ обществѣ, подобномъ русскому XVII вѣка, вообще вся внѣшняя обстановка жизни, вслѣдствіе долговременной неизмѣняемости своей, пользуется религіознымъ уваженіемъ, если считается грѣхомъ прикоснуться къ ней, измѣнить, исправить, то понятно, что еще болѣе грѣховнымъ должно являться покушеніе произвести перемѣну во внѣшней обстановкѣ религіи, въ обрядѣ богослужебномъ. При отсутствіи просвѣщенія, дающаго возможность различать существенное отъ несущественнаго, перемѣна во внѣшнемъ кажется измѣненіемъ существеннаго, измѣненіемъ религіи; мысль, что перемѣна есть исправленіе, не допускается: предки, святые отцы такъ молились и спаслись, угодили Богу, прославились чудесами, а теперь говорятъ, что надобно молиться не такъ, говорятъ, что святые молились не такъ, какъ надобно! Легко понять, какъ долженъ былъ встревожиться древній русскій человѣкъ при такихъ новизнахъ или новшествахъ, по тогдашнему выраженію; легко понять, что первою мыслью многихъ было: надобно стоять за вѣру, переданную отцами!

разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что сомнѣнія въ православіи южнорусскихъ ученыхъ не подтверждены тяжелыми и явными уликами. Осудивъ проповѣди Полоцкаго, патріархъ Іоакимъ говорилъ однакожь: «Могло быть, сочинитель имѣлъ другія мысли».

Представителемъ югозападной русской науки въ Москвѣ былъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій (1628—1682), одолженный своимъ образованіемъ польскимъ школамъ и кіевской академіи. По пріѣздѣ въ Москву, Полоцкій назначенъ въ наставники къ царевичу Θеодору (1672). Выборъ палъ на него какъ по личному его знакомству съ царемъ, такъ и по ученой славѣ, окружавшей югозападное духовенство. Могли содѣйсвовать тому и выгодные о немъ отзывы Барановича, который называетъ его, въ одномъ письмѣ къ царю, своимъ ученикомъ. Послѣ Барановича и Галятовскаго, Полоцкій пользовался наибольшею извѣстностью между югозападными учеными. На ряду съ нимъ Москва могла поставить только Епифанія Славинецкаго, получившаго образованіе въ кіевской академіи. Но Славинецкій, по характеру трудовъ своихъ, принадлежалъ къ классу людей собственно ученыхъ, которые не входятъ въ близкое соприкосновеніе съ обществомъ; тогда какъ Полоцкій обращалъ главное вниманіе на духовныя потребности современнаго общества и старался немедленно удовлетворять имъ. Его учено-литературная дѣятельность имѣла въ виду ближайшіе интересы большинства: служа имъ своими способностями и знаніями, Полоцкій пріобрѣлъ общую извѣстность. Самое разнообразіе его сочиненій, относящихся ко всѣмъ родамъ духовной словесности, давало возможность многимъ находить въ нихъ каждому что-либо для себя пригодное. По порученію патріарха Іоасафа, онъ написалъ «Жезлъ правленія»—книгу обличительную на раскольниковъ. Въ «Вѣнцѣ вѣры» изложена имъ система православнаго богословія. Два сборника словъ: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная» содержатъ въ себѣ плоды его живой проповѣди. Въ комедіяхъ «Блудный сынъ» и «О царѣ Навуходоносорѣ» далъ онъ образцы назидательныхъ драматическихъ представленій. Какъ искусный риѳмотворецъ, переложилъ въ стихи «Псалтирь» и, кромѣ того, въ двухъ книгахъ: «Риѳмологіонѣ» и «Вертоградѣ Многоцѣнномъ», собралъ другія произведенія своего піитическаго дара. Но, при всемъ различіи предметовъ, по всѣмъ сочиненіямъ Полоцкаго проходитъ одна и та же мысль: вездѣ онъ указываетъ необходимость ученія, вездѣ выставляетъ важность умственнаго успѣха, «исканія мудрости, не имѣвшей мѣста, гдѣ главу приклонити».

По содержанію и формѣ, сочиненія Полоцкаго были для Москвы новизною, которая возбуждала столько же приверженности въ однихъ, сколько недовольства въ другихъ. Если Сильвестръ Медвѣдевъ смотрѣлъ на Полоцкаго, какъ на своего учителя, и веселился душевнымъ веселіемъ, читая его сочиненія, то патріархъ Іоакимъ подозрѣвалъ въ Полоцкомъ іезуитскаго ученика, зараженнаго нѣкоторыми ересями. Особыя обстоятельства выдвинули Полоцкаго впередъ, независимо отъ его таланта и науки: онъ пользовался довѣренностью царя Θеодора и могъ дѣйствовать свободнѣе, чѣмъ другіе. Онъ завелъ во дворцѣ такъ называемую верхнюю типографію (верхъ—царскіе чертоги), гдѣ и печаталъ свои книги. По примѣру южнорусскихъ проповѣдниковъ, началъ въ московскихъ церквахъ живое устное проповѣданіе. И при дворѣ оказалъ онъ пользу своимъ вліяніемъ, возвышая значеніе науки въ мнѣніи тѣхъ,

отъ кого зависѣло дать ей большій просторъ, устраивая драматическія представленія съ царевною Софіею и тѣмъ развивая вкусъ къ образованнымъ забавамъ.

Достоинство и вмѣстѣ отличіе проповѣдей Полоцкаго отъ современныхъ духовныхъ словъ заключается въ томъ, что онѣ практичнѣе и устроеннѣе; его поученія были вызываемы тѣми потребностями, которыя дѣйствительно существовали въ его время. Слова его написаны «на различныя нужды». Не отрекаясь отъ жизни, а служа ей по долгу пастыря, онъ умѣлъ пренебречь хитростями въ выборѣ предметовъ, развитіи темы и выраженіи. Мысль каждаго поученія выговаривается опредѣлительно, въ короткомъ приступѣ; постройка, не всегда свободная отъ искусственныхъ пріемовъ, всегда удобопонятна; нѣтъ безцѣльныхъ отходовъ въ сторону, ни выисканныхъ примѣненій. Сухимъ отвлеченностямъ, обременительнымъ для вниманія, Полоцкій предпочитаетъ описанія и разсказы, которые наглядно представляютъ мысль и сообщаютъ проповѣди изобразительность. Онъ сознавалъ необходимость безъискусственнаго изложенія: «Простое слово въ писаніи разумѣется удобнѣе, нежели слово, покрытое красотами художественными; ядро удобнѣе снѣдается вылущенное, нежели въ скорлупѣ содержащееся».

Воспитаніе, суевѣріе и расколъ были тремя главными темами поученій Полоцкаго. Онѣ преимущественно выдавались изъ современнаго настроенія общества, потому общество болѣе нуждалось въ ясномъ на нихъ взглядѣ. Говоря о воспитаніи вообще, не всегда отличаемомъ отъ ученія, Полоцкій разсматриваетъ его необходимость и важность, предметы его и способъ достигать успѣшныхъ результатовъ. Слово въ день Рождества Христова, отъ лица патріарховъ, пріѣхавшихъ въ Москву для суда надъ Никономъ, молитъ именемъ Божіей премудрости, нынѣ рожденной міру, взыскать премудрости не мірской или эллинской, а истинной; затѣмъ обращается къ царю съ моленіемъ: «Положи въ сердцѣ твоемъ училища, греческія, славянскія и иныя, назидати, учениковъ умножати, учителей взыскати». Въ «Вечерѣ душевной» часто прославляются святые, которые радѣли о воспитаніи дѣтей своихъ, или сами подали примѣръ тщательнаго исканія мудрости. «И зло, и благо, говоритъ Полоцкій, нисходятъ на чадъ не по естеству отъ родителей, а отъ ученія. Учиться слѣдуетъ каждому: и монаху, и міранину; чтеніе божественныхъ писаній всѣмъ полезно: и мужчинамъ, и женщинамъ. Предметъ ученія—истинная, а не эллинская премудрость».

Слова Полоцкаго предлагаютъ много любопытныхъ данныхъ для исторіи народныхъ обычаевъ и суевѣрій, которые обличаются имъ отъ имени просвѣщенія и религіи. Онъ выставляетъ и смѣшную, и вредную ихъ стороны, ихъ противорѣчія наукѣ и здравому смыслу, ихъ родство съ языческими обычаями. Исчисляя, въ одномъ словѣ, разные виды лжепророковъ, проповѣдникъ отводитъ между ними особое мѣсто волхвамъ и ворожеямъ, которые по звѣздамъ, вѣтрамъ, звѣринымъ утробамъ, птичьему полету, встрѣчамъ, снамъ и тому подобнымъ предметамъ устраиваютъ настоящее или предсказываютъ будущее. «Поученіе отъ іереевъ къ паствѣ» увѣщеваетъ ее пребывать въ благочестіи, не подражая тѣмъ людямъ, которые сердцемъ и устами исповѣдуютъ истиннаго Бога, а дѣлами своими отвергаютъ Его и чуждымъ богамъ, или лучше бѣсамъ, поклоняются. Кто же эти двоевѣрцы? Это люди, предающіеся богомерз-

испугались и приложили руки». Враги новшествъ подали государю длинную жалобу на Никона, въ которой они вооружались противъ него, не какъ противъ нововводителя только, но какъ противъ дурнаго патріарха; здѣсь Никона обвиняютъ въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное, положительное обвиненіе Никону состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, преимущественно бѣлымъ: патріархъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ, «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко».

По совѣту, данному константинопольскимъ патріархомъ, Никонъ началъ поступать рѣшительно со своими противниками: Павелъ коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ, Нероновъ былъ отправленъ въ заточеніе въ вологодскій монастырь. Но этими ссылками и заточеніями нельзя было утишить волненія. Когда патріархъ разослалъ свои новыя богослужебныя книги и приказывалъ служить по нимъ и креститься тремя перстами, ропотъ поднялся разомъ во многихъ мѣстахъ. Кромѣ крестнаго знаменія, поднялись старые толки о сугубой и трегубой аллилуи; защитники старины видѣли ересь въ написаніи имени Іисусъ, вмѣсто Исусъ, какъ писали и печатали прежде. Начались толки объ осьмиконечномъ и четвероконечномъ крестѣ. Распространились мистическія предсказанія о скоромъ появленіи антихриста, которое, по апокалипсическимъ вычисленіямъ, приходилось на 1666 годъ. Пошли ходить по рукамъ грамотѣевъ книги: «О Вѣрѣ» и «Орелъ», гдѣ тогдашніе мудрецы излагали свои прорицанія о послѣднихъ временахъ міра. Всего болѣе помогло развитію противодѣйствія то, что было много нелюбившихъ Никона. Бояре, за исключеніемъ немногихъ, не терпѣли его за постоянное вмѣшательство въ мірскія дѣла и за рѣзкія выходки. Духовенство было озлоблено противъ него за надменность, строгость и притѣсненія, которыя терпѣло оно отъ его приказныхъ. Никонъ требовалъ отъ священниковъ трезвой жизни, точнаго исполненія требъ и заставлялъ читать въ церкви поученія народу, новость, которая не нравилась невѣжественному духовенству. Для Никона ничего не стоило священника, за небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, посадить на цѣпь, мучить въ тюрьмѣ и сослать кудаприбудь на нищенскую жизнь. Пророки и сновидцы возмущали умы своими ложными откровеніями противъ Никона. Патріархъ въ 1656 г. написалъ всенародную грамоту, гдѣ убѣждалъ не вѣрить лжепрорицателямъ. Но народъ, привыкши къ прежнему крестному знаменію, увидя внезапное измѣненіе церковныхъ обычаевъ, болѣе расположенъ былъ вѣрить врагамъ Никона, убѣждавшимъ русскихъ людей хранить древнее благочестіе, чѣмъ голосу патріарха, ненавидимаго духовенствомъ. Была у Никона одна сильная подпора въ царѣ, но скоро онъ потерялъ и ее.

LXXIX. ПАДЕНІЕ НИКОНА.

(Изъ соч. Субботина: «Дѣло патріарха Никона»).

Дружба царя Алексѣя Михаиловича съ патріархомъ Никономъ прекратилась вскорѣ послѣ его возвращенія въ Москву изъ польскаго похода

слагать вирши. Кромѣ «Псалтири» и молитвъ, мы имѣемъ отъ него мѣсяцесловъ въ стихахъ, т. е. краткія похвалы святымъ. За три дня до своей смерти онъ излагалъ въ стихахъ значеніе философіи для нравственнаго совершенства человѣка.

XCII. ПОДГОТОВКА КЪ ОТКРЫТІЮ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ МОСКВѢ.

(*Изъ «Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской академіи» Смирнова*).

Грекамъ обязана Русь пріятіемъ свѣта христіанства, имъ же одолжена и распространеніемъ свѣта образованія. Не смотря на тяжкія бѣдствія отъ невѣрныхъ, преслѣдовавшія грековъ на востокѣ, въ сердцахъ хранителей эллинской мудрости еще горѣла любовь къ драгоцѣнному наслѣдію науки. Но тяжесть рабства могла когда-нибудь истребить и эту святую привязанность, сокрушить и это послѣднее достояніе бѣдныхъ грековъ. Нужно было передать куда нибудь свѣтъ возвышенной христіанствомъ древней мудрости, и наслѣдницею такого сокровища могла быть одна Русь: она только могла вполнѣ сочувствовать положенію своихъ древнихъ просвѣтителей, одна представлялась способною быть послушной ученицей греческой мудрости. Нѣкто іеромонахъ Тимоѳей нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Палестинѣ и на Аѳонѣ, выучился тамъ греческому языку и, возвратившись въ Москву въ 1679 г., былъ представленъ царю Ѳеодору и съ чувствомъ соболѣзнованія пересказывалъ ему о притѣсненіяхъ, какія терпѣли православные на востокѣ отъ магометанъ и латинянъ, о разореніи святыхъ церквей и объ оскудѣніи свободныхъ греческихъ наукъ, къ восточной благочестивой вѣрѣ потребныхъ. Единовѣрная Русь никогда не отказывала въ помощи грекамъ, приходившимъ за милостынею для поддержанія церквей, а теперь нужно было оказать имъ помощь духовную, которая могла быть для нихъ существеннѣе даже внѣшнихъ пособій, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ была полезна и для самихъ русскихъ. Царь хорошо понялъ это и рѣшился помочь притѣсняемымъ грекамъ заведеніемъ училища въ Москвѣ. Водвореніе у насъ греческаго образованія долженствовало быть полезно грекамъ, еще болѣе, оно могло сближать съ ними русскихъ и способствовать сношеніямъ Россіи съ востокомъ; оно было полезно и для поддержанія православія на востокѣ, когда церкви единовѣрной, чрезъ изученіе языка греческаго, сдѣлаются въ самомъ источникѣ доступны сокровища мудрости греческихъ отцевъ и писателей; оно было полезно для грековъ, ибо они сами стали почерпать въ училищѣ московскомъ ученыя знанія. Съ другой стороны, собственно греческое образованіе было благодѣтельно для русскихъ, ибо могло служить оплотомъ противъ лжемудрствующихъ расколоучителей и, какъ послѣ писалъ патріархъ іерусалимскій Досиѳей, могло отдалять православныхъ отъ ученія латинскаго.

Выслушавъ трогательный разсказъ іеромонаха Тимоѳея, Ѳеодоръ Алексѣевичъ умилился сердцемъ и просилъ патріарха Іоакима учредить въ Москвѣ греческое училище. Патріархъ съ радостью спѣшилъ исполнить

снизойти до того, чтобъ искать объясненія и прочими средствами уничтожить нелюбье въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалялся и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя. И такъ, вскорѣ по возвращеніи царя изъ польскаго похода, отношенія двухъ друзей сдѣлались очень натянуты; надобно было ожидать взрыва накопившихся въ томъ и другомъ неудовольствій. Враги Никона сторожили удобную минуту, чтобы зажечь вражду между царемъ и патріархомъ. Благопріятный случай къ тому представился скоро.

Лѣтомъ 1658 г., по случаю пріѣзда въ Москву грузинскаго царевича Теймураза, во дворцѣ былъ обѣдъ, на который, противъ обыкновенія, Никонъ приглашенъ не былъ. Окольничій Хитровъ, очищавшій въ толпѣ народа путь для царевича, ударилъ палкой патріаршаго боярина, присланнаго сюда зачѣмъ-то отъ Никона; бояринъ не смолчалъ, сказалъ Хитрову, чтобы тотъ не смѣлъ драться, что онъ здѣсь не даромъ, а присланъ за дѣломъ отъ патріарха. Этимъ именемъ бояринъ, конечно, надѣялся смутить окольничаго; но Хитровъ вовсе не испугался: напротивъ, патріаршій бояринъ получилъ отъ него новый палочный ударъ съ наставленіемъ, чтобы не слишкомъ чванился. Это было уже, такимъ образомъ, сознательное, намѣренное оскорбленіе патріарха въ лицѣ его боярина. Такъ именно и понялъ это дѣло Никонъ. Онъ написалъ собственноручно письмо къ государю, требовалъ суда за оскорбленіе своего боярина. Царь отвѣтилъ, что самъ увидится съ патріархомъ и поговоритъ объ этомъ дѣлѣ; но свиданія не было и удовлетворенія никакого не дано. Очевидно, Хитровъ принадлежалъ къ партіи враждебныхъ Никону бояръ и дѣйствовалъ, сильно расчитывая на ихъ поддержку; они-то, безъ сомнѣнія, и не допустили царя до свиданія съ Никономъ. Предстояла возможность скоро увидѣться съ царемъ на двухъ приближавшихся праздникахъ: 8-го іюля былъ праздникъ въ Казанскомъ соборѣ, на которомъ царь обыкновенно присутствовалъ и участвовалъ въ крестномъ ходѣ; но Алексѣй Михайловичъ не пришелъ въ Казанскій соборъ; наступилъ другой, еще болѣе торжественный праздникъ, 10 іюля, въ память принесенія изъ Персіи въ Москву ризы Господней; въ этотъ праздникъ царь всегда слушалъ вечерню, утреню и обѣдню въ Успенскомъ соборѣ; но на этотъ разъ онъ прислалъ князя Ромодановскаго сказать, чтобъ его не ждали ни къ одной службѣ. Все это было явнымъ знакомъ царскаго неудовольствія; да князь и не скрывалъ отъ Никона, что царское величество на него гнѣвенъ за то, зачѣмъ онъ называетъ себя великимъ государемъ. Никонъ сталъ защищаться; но Ромодановскій сказалъ ему рѣшительно, царскимъ словомъ, чтобы «впредь онъ не смѣлъ называться и писаться великимъ государемъ, и что царь почитать его впередъ не будетъ». Трудно допустить, чтобы Ромодановскій рѣшился говорить отъ себя, не получивъ на самомъ дѣлѣ порученія отъ царя. Тогда Никонъ рѣшился торжественно, въ церкви, отречься отъ патріаршества. По всей вѣроятности, онъ не думалъ совсѣмъ оставить патріаршую каѳедру, а надѣялся только своимъ отреченіемъ смутить царя, скорѣе подвинуть его на объясненіе и съ полнымъ для себя торжествомъ возстановить прежнія отношенія съ государемъ. Патріархъ служилъ свою послѣднюю литургію въ Успенскомъ соборѣ весьма торжественно; стеченіе народа было большое. Во время причастна патріархъ приказалъ ключарю поста-

вить сторожей у выходныхъ дверей, чтобы народъ не пускали изъ церкви, потому что онъ намѣренъ говорить поученіе. Дѣйствительно, въ обычное время Никонъ вышелъ на амвонъ и сталъ читать народу слово Златоуста, въ которомъ говорилось о высокомъ назначеніи пастырскаго служенія и о томъ, какое зло бываетъ для церкви, когда пастырь не искусенъ пасти стадо; потомъ, не прерывая теченія мыслей, онъ сталъ не читать уже, а говорить рѣчью, на люди смотря, что онъ именно такой неискусный пастырь, не хорошо пасъ ихъ и не умѣетъ пасти, что по этому онъ больше не будетъ патріархомъ, и чтобы они впередъ его патріархомъ не считали. При этихъ словахъ въ церкви произошло смятеніе, поднялся шумъ, такъ «что въ тѣснотѣ великой рѣчей патріарха нельзя было разслушать», что именно и какъ говорилъ онъ дальше. Произнесши отреченіе, Никонъ сталъ разоблачаться, снялъ митру, омофоръ, саккосъ; власти его отговаривали, чтобы не дѣлалъ этого; а когда принесли ему мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, всѣмъ соборомъ это платье у него отняли. Никонъ въ одномъ подризникѣ ушелъ въ ризницу; здѣсь написалъ письмо къ государю, потомъ надѣлъ мантію съ источниками и черный клобукъ, взялъ простой посохъ и вышелъ изъ алтаря. Народъ окружилъ его и сказалъ, что безъ государева указа изъ собора его не отпуститъ. Никонъ дошелъ до амвона, что посрединѣ церкви, на которомъ облачаются архіереи, и сѣлъ на послѣдней ступени. Между тѣмъ митрополиты Питиримъ крутицкій и Михаилъ сербскій, съ другими властями, пошли къ государю извѣстить его о томъ, что случилось въ Успенскомъ соборѣ. Выслушавъ ихъ, царь сказалъ, что онъ «какъ будто спитъ съ открытыми глазами и все это видитъ во снѣ». Для объясненія съ патріархомъ онъ отправилъ въ соборъ кн. Трубецкаго да окольничьяго Стрѣшнева. Какого рода объясненіе происходило у нихъ съ патріархомъ, извѣстія объ этомъ разнорѣчивы, хоть и много было свидѣтелей ихъ разговора. Нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей довольно уклончиво сказали, что «утѣсненія ради народнаго рѣчей ихъ не слыхали». Самъ князь Трубецкой въ своей сказкѣ показалъ, что дѣло происходило такъ: онъ спросилъ Никона, «Для чего патріаршество оставляетъ, не посовѣтовавшись съ великимъ государемъ, отъ чьего гоненія, кто его гонитъ? И чтобы онъ патріаршества не оставлялъ и былъ по прежнему». Патріархъ отвѣчалъ: «Оставилъ я патріаршество собою, а не отъ чьего и не отъ какого гоненія, и государева гнѣва никакого на меня не было». Потомъ патріархъ вручилъ князю письмо и велѣлъ подать государю, да приказалъ бить челомъ государю, чтобъ пожаловалъ ему келью. «И я,—пишетъ Трубецкой далѣе,—про то про все великому государю извѣстилъ, и великій государь послалъ меня къ патріарху въ другой разъ и велѣлъ ему говорить, чтобъ онъ патріаршества не оставлялъ и былъ по прежнему, а келій на патріаршемъ дворѣ много, въ которой хочешь, въ той и живи; и письмо я ему отдалъ»; и патріархъ Никонъ сказалъ: «Ужь-де я слова своего не перемѣню и давно-де у меня о томъ обѣщаніе, что патріархомъ мнѣ не быть»; и пошелъ изъ соборной церкви вонъ. Питиримъ и Михаилъ сербскій показали въ сущности согласно съ Трубецкимъ. Но самъ Никонъ, въ письмѣ къ патріарху константинопольскому Діонисію, передаетъ дѣло иначе. По его словамъ, на вопросъ Трубецкаго: куда и зачѣмъ идетъ, онъ отвѣчалъ, что «даетъ мѣсто гнѣву царскаго величества (тоже писалъ онъ и въ письмѣ, ко-

торое вручилъ онъ Трубецкому для передачи государю), что безъ правы царскаго величества синклитъ, бояре и всякіе люди церковному чину всякія обиды творятъ, а сыску и управы царское величество не даетъ, а о чемъ мы жалуемся, и онъ гнѣвается на насъ; кромѣ того онъ писалъ, что тогда же предъ множествомъ народа бояре укоряли его, зачѣмъ называлъ себя великимъ государемъ и во многія государственныя дѣла вступается, и говорили, чтобы впередъ великимъ государемъ не назывался и въ государственныя дѣла не вступался». Присутствіе Стрѣшнева, одного изъ самыхъ жестокихъ враговъ Никона, располагаетъ вѣрить, что царскіе посланные, дѣйствительно, повторили патріарху тотъ упрекъ, который утромъ того дня онъ уже слышалъ отъ князя Ромодановскаго; притомъ теперь была такая рѣшительная минута для Никона и его противниковъ, что послѣдніе не могли не понять, какъ выгодно было для ихъ собственнаго дѣла поддержать раздраженіе патріарха, подстрекнуть его идти смѣлѣе по тому опасному пути, на который самъ онъ, противъ ихъ ожиданія, но къ особенному ихъ удовольствію, такъ неосторожно рѣшился вступить. Послѣ объясненія съ царскими посланными Никону ничего не оставалось болѣе, «какъ изъ соборной церкви идти вонъ»; онъ отправился пѣшкомъ на Ильинку, на подворье Воскресенскаго монастыря.

Такимъ образомъ, если Никонъ расчитывалъ своимъ торжественнымъ отреченіемъ отъ патріаршества вызвать царя на объясненіе и полное примиреніе, которое было бы такимъ торжествомъ для него, то онъ долженъ былъ горько разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, не умолялъ остаться, не просилъ торжественно прощенія. Никонъ отправился въ свой Воскресенскій монастырь.

Какъ только Никонъ прибылъ въ Воскресенскій монастырь, вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ туда по царскому указу Трубецкой съ дьякомъ Лопухинымъ. Имъ приказано было спросить Никона: «Зачѣмъ онъ, не доложа великому государю и не подавъ ему благословенія поѣхалъ, съ Москвы скорымъ обычаемъ? «Никонъ отвѣчалъ письмомъ, которое послалъ съ Трубецкимъ.» По отшествіи вашего боярина Алексѣя Никитича съ товарищами, писалъ онъ, ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію милостиваго указа, но не дождался, и многихъ ради болѣзней своихъ велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь». Кромѣ того онъ говорилъ Трубецкому, что «уѣхалъ не въ дальнее мѣсто и, буде царское величество на милости преложится, опять будетъ». Но Трубецкому не было приказа звать патріарха въ Москву; напротивъ, ему поручено было сказать Никону, «чтобы подалъ благословеніе великому государю, государынѣ царицѣ и ихъ дѣтямъ, и чтобы благословилъ того, кому изволитъ Богъ быть на его мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь крутицкому митрополиту». На эти предложенія, которыя такъ прямо вели къ рѣшенію его участи, Никонъ отвѣчалъ съ замѣчательнымъ въ его положеніи спокойствіемъ и покорностью. Онъ сказалъ, что великимъ государямъ посылаетъ благословеніе свое и прощеніе, что благословляетъ и того, кому Богъ изволитъ быть на его мѣстѣ патріархомъ, и даже челомъ бьетъ государю, чтобы поспѣшилъ избраніемъ ему преемника, чтобы церковь Божія не вдовствовала и безъ пастыря не была; о себѣ же повторилъ,

и съ клятвою, что патріархомъ быть не хочетъ. Миролюбивыя письма Никона тронули кроткое сердце Алексѣя Михайловича, старая пріязнь оживала: ему стало жалко Никона, запало раздумье, не слишкомъ ли строго и теперь уже поступлено съ нимъ, дѣйствительно ли виноватъ онъ, не лучше ли возстановить то, что было прежде,—словомъ, царь медлилъ избраніемъ новаго патріарха, а между тѣмъ началъ съ Никономъ сношенія, напоминавшія прежнюю ихъ искренность. Это расположеніе царя къ примиренію съ Никономъ должно было подѣйствовать на противниковъ патріарха, для которыхъ возстановленіе Никона было бы страшнымъ ударомъ. Оно побудило ихъ употребить всѣ усилія, чтобы опять склонить царя въ противную сторону и самое дѣло Никона повести такъ, чтобы оно кончилось не просто избраніемъ новаго патріарха вмѣсто стараго. Очевидно, о всемъ этомъ Никонъ получалъ подробныя извѣстія; эти извѣстія тяжело падали на его душу, особенно послѣ того, какъ ласковыя рѣчи царя, чрезъ разныхъ посланныхъ, возбудили въ немъ надежду на возстановленіе прежнихъ близкихъ отношеній съ царемъ, надежду, которой такъ противорѣчили всѣ эти слухи изъ Москвы: и вотъ мирнаго и кроткаго расположенія духа, которое посѣтило было Никона, какъ не бывало; вмѣсто прежнихъ смиренныхъ писемъ съ просьбами о прощеніи, онъ пишетъ царю обличительныя посланія въ свою защиту и въ защиту своихъ правъ. Съ особеннымъ негодоваеіемъ писалъ онъ объ осмотрѣ, произведенномъ въ его кельяхъ. «Слышу я, что пересмотрѣны худыя мои и смиренныя вещи, оставшіяся въ кельѣ, пересмотрѣны письма, а въ нихъ много тайнъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей не слѣдуетъ знать, потому что я былъ избранъ, какъ первосвятитель, и много вашихъ государевыхъ тайнъ имѣю у себя, также много писемъ отъ другихъ людей, въ которыхъ открывали мнѣ тайные грѣхи, требуя разрѣшенія; этого никому не должно знать, и даже тебѣ. Дивлюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія! Прежде ты боялся произнести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить...»

Враги Никона торжествовали: имъ удалось разрушить возобновлявшіяся добрыя отношенія между царемъ и патріархомъ; мало этого: они успѣли поселить между ними новыя неудовольствія и взаимныя отношенія ихъ сдѣлать затруднительнѣе и запутаннѣе прежняго. Время между тѣмъ проходило. Царь находился подъ вліяніемъ бояръ, и хоть все еще не рѣшался приступить къ избранію новаго патріарха, но уже не дѣлалъ попытокъ къ сближенію съ Никономъ. Наконецъ, въ февралѣ 1660 г., царь рѣшился составить соборъ для разсужденія объ избраніи преемника патріарху Никону. Основаніемъ для соборныхъ разсужденій по церковнымъ правиламъ, должно было послужить самовольное удаленіе Никона съ патріаршества и неоднократно подтвержденное имъ увѣреніе, что онъ не намѣренъ снова возвратиться на патріаршую каѳедру, также его собственное согласіе на избраніе новаго патріарха. Соборъ опредѣлилъ: поставить новаго патріарха, Никона же почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства. Таково было опредѣленіе собора по дѣлу патріарха Никона. Оставалось составить актъ соборнаго рѣшенія и скрѣпить его подписями. Составленіе акта царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ извѣстному старцу Епифанію Славинецкому. Епифаній не отказывался ис-

полнить порученіе, но откровенно сказалъ государю, что онъ не вполнѣ согласенъ съ соборнымъ рѣшеніемъ, что, въ исполненіе царской воли, онъ «готовъ написать слово о избраніи и постановленіи новаго патріарха, ибо это нужно и правильно; о низложеніи же Никона, бывшаго патріарха, писать не можетъ, по той причинѣ, что онъ не нашелъ такого правила, по которому бы архіерей, оставившій престолъ свой, но не отрекшійся епископства, подвергался низложенію и дѣлался чуждъ архіерейства». Это былъ тогда единственный смѣлый и благородный голосъ въ защиту Никона. Надобно думать, что представленія Епифанія имѣли вліяніе на царя, по крайней мѣрѣ въ актѣ соборнаго дѣянія, который былъ наконецъ составленъ, совсѣмъ не говорится о низложеніи Никона, но всѣ соборныя разсужденія сводятся къ одному заключенію, что «вмѣсто благоговѣйнаго Никона, патріаршества своего отрекшагося, иному боголюбивому архіерею избранну, хиротонисовану и на престолъ патріаршескій возведену быти правильно, благополезно и праведно». Въ это самое время пріѣхалъ въ Москву бывшій митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ, которому суждено было имѣть весьма сильное вліяніе на дальнѣйшій ходъ Никонова дѣла и на самого Никона.

Паисій былъ самый образованный, самый представительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Москву; но это былъ въ тоже время самый истый «гречинъ», какой только пріѣзжалъ когда-либо въ Россію: хитрый, льстивый, пронырливый, любившій интриги и всего болѣе дорожившій своими матеріальными выгодами, которыя собственно и влекли его въ Россію, и для которыхъ онъ легко жертвовалъ и долгомъ, и совѣстью. Паисій присоединился къ противникамъ Никона. Онъ съ перваго раза понялъ положеніе дѣлъ въ русской столицѣ; благоразуміе и личные интересы съ перваго же раза указали ему, какое положеніе самъ онъ долженъ занять въ отношеніи къ Никонову дѣлу. Примкнувъ къ сильнѣйшей сторонѣ, онъ скоро сдѣлался ея умомъ, ея душой, захватилъ все дѣло въ свои руки: при дворѣ онъ занялъ такое прочное положеніе, что никакіе доносы не могли поколебать его; царь и бояре ждали отъ него указанія, какъ распутать слишкомъ запутавшееся дѣло, какъ привести его къ желанному концу, слушали его, по выраженію Никона, какъ пророка Божія. Доселѣ впрочемъ участіе Паисія въ дѣлѣ патріарха Никона ограничивалось довольно мелкими услугами партіи, враждебной патріарху, письмами въ защиту царя, сочиненіемъ отвѣтовъ на разные вопросы по Никонову дѣлу, интригами при дворѣ, да оскорбительными выходками лично противъ Никона съ цѣлью вызвать его на новые опрометчивые поступки; но отъ него надѣялись и ждали чего-нибудь поважнѣе. Это и самъ онъ видѣлъ, это говорили ему и бояре и даже самъ царь. Однажды думные бояре прямо сказали ему, чтобъ онъ поискалъ средства покончить соблазнительное и вредное церковное дѣло. Паисій отвѣчалъ, что онъ знаетъ такое средство, только согласится-ли принять его русское правительство? Это было передано царю, и при первой встрѣчѣ съ Паисіемъ царь сказалъ ему: «Ради самой истины, открой мнѣ твою мысль о средствахъ къ исправленію нашей церкви». «Отправь грамоты къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ, отвѣчалъ Паисій, объяви имъ относящееся къ Никону, изложи вкратцѣ обвиненія противъ него и тотчасъ достигнешь твоего желанія». Написаны были грамоты къ вселенскимъ патріархамъ. Казалось бы, ничего не было проще и вѣрнѣе, какъ изло-

жить съ полною откровенностью дѣло Никона, показать, что сдѣлано по этому дѣлу въ Москвѣ, и просить у патріарховъ совѣта, какъ поступить дальше, какъ его кончить, или, если въ Москвѣ уже было готовое предположеніе объ его окончаніи, просить на это разрѣшенія. Но дѣло поведено было совсѣмъ не такъ просто и открыто. Было написано нѣсколько вопросовъ о царской и патріаршей власти, имѣвшихъ приложеніе къ дѣлу Никона, и на эти вопросы требовали рѣшенія отъ патріарховъ, нисколько не объясняя въ самихъ вопросахъ, для чего это нужно, и, что особенно важно, ни однажды не упоминая даже имени патріарха Никона, какъ будто всѣ эти вопросы не имѣли къ нему отношенія! Прибыли патріаршіе отвѣты, скрѣпленные собственноручными подписями четырехъ патріарховъ. Отвѣты были именно такіе, какихъ желали въ Москвѣ: поступки Никона, къ которымъ относились вопросы, были всѣ осуждены, дѣйствія царя и власти одобрены, имъ дано полномочіе распоряжаться въ дѣлѣ Никона самостоятельно, ибо патріархи утверждали за соборомъ мѣстныхъ пастырей и право поставить новаго архіерея, вмѣсто отрекшагося, и право судить своего митрополита или патріарха. Отвѣты патріарховъ рѣшали дѣло Никона не прямо: о самомъ Никонѣ не было ни слова. Конечно, всѣ они имѣли ближайшее отношеніе къ его дѣлу и уполномочивали соборъ русскихъ пастырей дѣйствовать по отношенію къ нему самостоятельно; но все-таки они возбуждали сомнѣніе, то ли именно сказали бы патріархи, еслибъ ихъ прямо спросили о Никонѣ, еслибъ имъ съ полной откровенностью изложили его дѣло.

Такимъ образомъ самое простое предпріятіе, къ которому, хотя и поздно, прибѣгли наконецъ для рѣшенія Никонова дѣла, и отъ котораго, дѣйствительно, можно было ожидать этого рѣшенія, было ведено такими окольными путями, такъ нерѣшительно и запутано, что не принесло дѣлу никакой пользы: только потеряны были даромъ и время, и деньги. Послѣ начатыхъ сношеній съ патріархами по дѣлу Никона, безъ ихъ участія было уже неудобно продолжать и кончить это дѣло; а для избѣжанія всѣхъ сомнѣній царь видѣлъ одно средство: пригласить самихъ патріарховъ въ Москву для личнаго присутствія на соборѣ, который долженъ будетъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣла о патріархѣ Никонѣ. Къ этому послѣднему средству онъ и рѣшился наконецъ прибѣгнуть. Никонъ не боялся патріаршаго суда. При первомъ извѣстіи объ открывшихся сношеніяхъ съ восточными патріархами по поводу его дѣла, онъ писалъ государю: «Мы не отметаемся суда и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если сами патріархи захотятъ быть и разсудить все по божественнымъ заповѣдямъ евангельскимъ и св. апостолъ и св. отецъ канонамъ». Онъ изложилъ свое дѣло въ длинномъ письмѣ къ патріарху константинопольскому Діонисію. Содержаніе этого письма слѣдующее: сначала Никонъ подробно описываетъ, какъ онъ избранъ на патріаршество, какъ царь въ первое время уважалъ его и какъ потомъ послѣдовала перемѣна въ ихъ отношеніяхъ; здѣсь онъ разсказываетъ случай при встрѣчѣ Теймураза, по которому царь не далъ ему никакого удовлетворенія, говоритъ далѣе, какъ царь перестал являться при патріаршемъ служеніи и чрезъ бояръ извѣстилъ его о своемъ гнѣвѣ, и какъ онъ рѣшился наконецъ оставить патріаршество; затѣмъ слѣдуютъ жалобы на бояръ и государя, что предоставилъ себѣ и имъ большую власть въ церковныхъ дѣлахъ, особенно учрежденіемъ такъ называемаго

монастырскаго приказа; отъ бояръ переходитъ къ Паисію Лигариду, говоритъ объ его вліяніи на царя, о жизни въ Москвѣ и проч.; упоминаетъ о нѣкоторыхъ другихъ, болѣе частныхъ обстоятельствахъ, какъ напр. о томъ, какъ Стрѣшневъ назвалъ его именемъ собаку и научилъ ее благословлять по-патріаршески, и какъ за это онъ его проклялъ. Письмо было написано вообще не въ спокойномъ духѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла, и гдѣ рѣчь идетъ о Паисіи, о которомъ Никонъ говоритъ съ величайшимъ негодованіемъ, не стѣсняясь никакими выраженіями. Предстояло большое затрудненіе, какъ переправить письмо въ Константинополь. Вызвался отвезти его дальній родственникъ Никона, жившій у него въ числѣ боярскихъ дѣтей. Приняты были всѣ предосторожности, чтобы тайно выѣхать ему изъ Россіи; но за Никономъ и его людьми слѣдили неусыпно: посланца схватили на дорогѣ, отобрали отъ него письмо и доставили государю. Этому письму суждено было пріобрѣсти важное значеніе при разсмотрѣніи Никонова дѣла на патріаршемъ соборѣ.

Патріархи прибыли въ Москву 2 ноября 1666 г.; судъ же надъ Никономъ начался ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого: такой длинный промежутокъ времени прошелъ частью въ торжествахъ и церемоніяхъ, частью въ предварительныхъ совѣщаніяхъ и разсужденіяхъ о Никоновомъ дѣлѣ. Понятно, что эти совѣщанія имѣли существенную важность для дѣла: здѣсь именно патріархи должны были получить на него тотъ или другой взглядъ, соотвѣтственно которому они дѣйствовали потомъ на соборѣ. «Но всѣ эти предварительныя совѣщанія, какъ замѣчаетъ Паисій, служили только преддверіемъ къ великой борьбѣ противъ пресловутаго Никона». Первый актъ этой борьбы происходилъ въ царскомъ дворцѣ, куда приглашены были патріархи, архіереи и синклитъ. Царь открылъ засѣданіе рѣчью. Послѣ рѣчи представлены были извѣстные намъ отвѣты четырехъ восточныхъ патріарховъ на вопросы о царской и патріаршей власти и прочтены изъ нихъ главныя статьи; затѣмъ патріархи спросили русскихъ архіереевъ: дѣйствительно-ли Никонъ виноватъ въ томъ, въ чемъ осуждаютъ его эти статьи? Они отвѣчали: да. Потомъ вручены были патріархамъ разныя записки, заключавшія въ себѣ вкратцѣ главнѣйшіе проступки Никона. При этомъ царь предложилъ имъ въ толмачи и слѣдователи по обвиненіямъ, произнесеннымъ противъ Никона, двухъ архіереевъ, Павла крутицкаго и Иларіона рязанскаго. Патріархи одобрили избраніе, но попросили придать имъ еще одноязычнаго съ ними Паисія, знакомаго съ дѣломъ. Государь отвѣчалъ: «Имѣйте его отнынѣ при себѣ; отъ него узнаете все подробно». Записка съ подробнымъ изложеніемъ обвиненій противъ Никона Паисіемъ же была составлена. Она очень обширна. Въ какомъ духѣ она написана, можно судить по началу: «Внемлите племена народовъ, главы церкви, равноангельные архіереи, небесные и земные чины и стихіи, которыхъ и Мойсей призываетъ во свидѣтельство, внемлите! Я открою вамъ, праведнымъ судіямъ, козни бывшаго патріарха Никона, который, сверхъ всякаго чаянія, изъ сыновей бѣдныхъ родителей, будучи возведенъ на патріаршую каѳедру, какъ новый Люциферъ, дерзнулъ поставить престолъ свой выше другихъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно эхиднѣ, родную мать свою церковь». Замѣчательно, что Паисій, желая рѣшительнѣе убѣдить патріарховъ въ преступности Никона, доказываетъ, что Никонъ посягалъ на

достоинство и власть ихъ самихъ, александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ, чего, разумѣется, никогда и на мысль не приходило Никону. Доказательства эти очень оригинальны. Паисій утверждаетъ, напримѣръ, что Никонъ имѣлъ замыселъ называться патріархомъ и папою, нарушая должное почтеніе къ «истинному папѣ и патріарху александрійскому», которому принадлежитъ это титло искони и нынѣ канонически. Никонъ оскорбилъ іерусалимскаго патріарха, «назвавъ себя патріархомъ Новаго Іерусалима, ибо онъ невѣжественно и безстыдно назвалъ обитель свою новую Новымъ Іерусалимомъ». Паисій старался представить Никона «нововводителемъ, поколебавшимъ уставъ и древнее церковное преданіе»; онъ ввелъ новые напѣвы, отмѣнилъ нѣкоторыя церковныя пѣсни, внутри алтаря передъ зеркаломъ расчесывалъ волосы и т. п. Что касается прочихъ обвиненій противъ Никона, то въ нихъ повторяются извѣстные толки о его гордости и надменномъ обращеніи съ архіереями, о крайней жестокости къ подчиненнымъ, неправосудіи и ужасномъ любостяжаніи, такъ что, по словамъ Паисія, онъ только и дѣлалъ, что, «вѣчно замкнутый, считалъ свои деньги и драгоцѣнные сибирскіе мѣха, предоставивъ судъ однимъ свѣтскимъ людямъ, обыкновенно продающимъ правосудіе».

Между собраніемъ, на которомъ патріархамъ вручена была записка съ обвиненіями противъ Никона, и послѣдовавшимъ за тѣмъ новымъ собраніемъ, прошелъ значительный промежутокъ времени. Это новое собраніе происходило 22 ноября. Архіереи собрались теперь, чтобы рѣшить только вопросъ: произнести-ли надъ Никономъ судебный приговоръ, не приглашая его къ отвѣту, такъ какъ преступленія его доказаны вѣрными свидѣтелями, или вызвать его на соборъ для выслушанія вопросовъ и подачи отвѣтовъ? Большинствомъ голосовъ рѣшено было вызвать Никона для законнаго оправданія. Составился соборъ во дворцѣ, въ столовой царской палатѣ; присутствовали самъ царь Алексѣй Михайловичъ, патріархи, архіереи, архимандриты съ нѣсколькими протопопами и синклитъ. Никонъ очень заботился сохранить свое патріаршее достоинство на судѣ предъ двумя восточными патріархами. Онъ настоялъ, чтобы ему позволено было идти на соборъ въ преднесеніи креста. Не смотря на раннюю пору, Кремль былъ наполненъ народомъ; Никонъ на пути раздавалъ благословеніе. Въ столовую палату онъ вошелъ съ обычными обрядами. Ему предложили садиться; но увидѣвъ, что особаго мѣста, какъ другимъ патріархамъ, ему не приготовлено, онъ отвѣтилъ, что мѣста для себя не принесъ и сѣсть ему негдѣ; онъ предпочелъ стоя отвѣчать на вопросы. Тогда всталъ съ своего мѣста и царь Алексѣй Михайловичъ и просилъ выслушать, что онъ будетъ говорить. Алексѣй Михайловичъ обратилъ вниманіе патріарховъ на главное, въ чемъ виноватъ былъ Никонъ, на его самовольное удаленіе съ патріаршества, отчего церковь, около девяти лѣтъ, оставалась безъ верховнаго пастыря и претерпѣла много бѣдствій; онъ предложилъ патріархамъ разсудить объ этомъ поступкѣ Никона, допросить его, для чего поступилъ онъ такимъ образомъ. Патріархи предложили Никону этотъ вопросъ. Никонъ отвѣтилъ, что ушелъ по причинѣ царскаго гнѣва, и въ доказательство, что царь дѣйствительно гнѣвался на него, разсказалъ подробно о случившемся при встрѣчѣ Теймураза, какъ царь не далъ ему удовлетворенія по жалобѣ на Хитрова, и какъ послѣ того пересталъ являться при патріаршемъ

служеніи въ нарочитые праздники. Дѣло касалось лично Алексѣя Михайловича; онъ отвѣчалъ, что когда Никонъ прислалъ жалобу, у него обѣдалъ грузинскій царь и въ ту пору розыскивать и оборону давать было некогда. Царь сказалъ еще, что въ праздники не дѣлалъ выходу за иными государственными дѣлами. Наконецъ, вѣроятно также по поводу Никонова объясненія, Алексѣй Михайловичъ прибавилъ, что посылалъ къ патріарху кн. Ромодановскаго сказать, «чтобы онъ впередъ великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писывались, но того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ». Затѣмъ патріархи повторили Никону вопросъ: какія же обиды ему были отъ великаго государя? И потомъ съ тѣмъ же вопросомъ обратились къ русскимъ архіереямъ. Послѣдніе отвѣтили, что никакихъ обидъ Никону отъ государя не было. И самъ Никонъ сказалъ, что обидъ дѣйствительно не было, но что у него и рѣчи не было объ обидахъ, а говорилъ онъ о гнѣвѣ царскомъ: когда царь сталъ гнѣваться и пересталъ ходить въ церковь, тогда и онъ рѣшился оставить патріаршество, по примѣру прежнихъ патріарховъ, «и прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали: Аѳанасій александрійскій, Григорій Богословъ». Этимъ отвѣтомъ Никонъ выводилъ соборныя разсужденія о его дѣлѣ на тотъ путь, которымъ слѣдовало бы идти имъ съ самаго начала; указывая въ свое оправданіе на примѣры древнихъ патріарховъ, онъ этимъ обращалъ вниманіе своихъ судей къ церковной практикѣ и каноническимъ правиламъ, на основаніи которыхъ имъ и слѣдовало разсуждать, имѣлъ ли патріархъ Никонъ право самовольно оставлять свою каѳедру по тому или другому побужденію, и если не имѣлъ, то какому подлежитъ за то наказанію? Патріархи ограничились краткимъ замѣчаніемъ, по поводу сдѣланнаго Никономъ указанія на примѣры древнихъ патріарховъ, что примѣры эти не служатъ къ его оправданію. Царь представилъ собору письмо Никона, перехваченное на дорогѣ, какъ самую сильную улику противъ Никона въ разныхъ его преступленіяхъ: «Я на него ни малаго безчестья и укоризны не писывалъ, сказалъ при этомъ Алексѣй Михайловичъ, а онъ въ грамотахъ своихъ къ вселенскимъ патріархамъ написалъ на меня многія безчестія и укоризны». Царь Алексѣй Михайловичъ далъ самое невыгодное толкованіе его письму. «Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія св. патріарховъ отчелъ и къ католицкой вѣрѣ причелъ и называлъ всѣхъ еретиками». Никонъ старался было объяснить свою мысль, говорилъ, что у него рѣчь идетъ о Паисіи и поставленныхъ по его благословенію архіереяхъ; Паисія же онъ дѣйствительно не признаетъ православнымъ. Но объясненіе Никона не было принято. Самъ царь обратилъ на него вниманіе собора и притомъ выставилъ дѣло гораздо прямѣе и рѣшительнѣе, нежели въ первый разъ: «Бранясь съ митрополитомъ газскимъ, Никонъ писалъ въ грамотѣ константинопольскому патріарху, будто все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу, тогда какъ святая соборная восточная церковь имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ св. московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало, держимъ и вѣруемъ по преданію св. апостолъ и св. отецъ истинно; бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили». При этомъ царь и весь соборъ поклонились патріархамъ до земли. Патріархи, съ своей стороны, поддержали мнѣніе царя

и думные люди въ ту палату въ думу и ни для какихъ дѣлъ не ходятъ, развѣ царь укажетъ.

6. Стольники—дѣти бояръ и окольничихъ, и думныхъ людей, и московскихъ дворянъ, и иныхъ чиновъ людей. Служба ихъ такова: какъ у царя бываютъ иныхъ государствъ послы или власти и бояре на обѣдахъ, они въ то время предъ царя и предъ властей, и пословъ, и бояръ, носятъ ѣсть и пить; а ставятъ на столъ кушанія по одному блюду всякаго рода, передъ царя крайчій; а къ инымъ столамъ приставлены бываютъ ставить окольничіе, а съ иными яствами блюда держатъ стольники на рукахъ, а на столъ всѣхъ яствъ вдругъ не ставятъ. И будетъ тѣхъ стольниковъ числомъ около 500 человѣкъ. И посылаютъ ихъ въ посольства послами и съ послами въ товарищахъ, и по воеводствамъ, и для сыскныхъ дѣлъ, и бояръ спрашивать о здоровіи, какъ они бываютъ по службамъ; а иные въ Москвѣ сидятъ въ приказахъ у дѣлъ и у пословъ въ приставахъ.

7. Стряпчіе. Чинъ ихъ таковъ: какъ царю бываетъ выходъ въ церковь или въ походъ на потѣхи, или въ палату въ думу и для обѣдовъ, и въ то время несутъ передъ нимъ скипетръ, а въ церкви держатъ шапку и платокъ, а въ походахъ возятъ панцырь, саблю, колчанъ съ лукомъ и стрѣлами. И посылаютъ ихъ во всякія-же посылки, кромѣ воеводствъ и посольствъ. А будетъ тѣхъ стряпчихъ 800 человѣкъ. А въ Москвѣ стряпчіе и стольники живутъ для царскихъ услугъ по полугоду, пополамъ; а другая половина, кто хочетъ, отъѣзжаютъ въ деревни свои, до сроку.

8. Дворяне московскіе. Тѣхъ дворянъ посылаютъ для всякихъ дѣлъ: и по воеводствамъ, и по посольствамъ въ послахъ, и для сыскныхъ дѣлъ, и въ Москвѣ въ приказы для дѣлъ, и къ служилымъ людямъ въ начальные люди, въ полковники и въ головы стрѣлецкіе.

9. Дьяки. Въ дьяки бываютъ пожалованы изъ дворянъ московскихъ и изъ городовыхъ, и изъ гостей, и изъ подьячихъ. А въ Москвѣ и въ городахъ въ приказахъ, съ боярами и окольничими, и думными и ближними людьми, и въ посольствахъ съ послами бываютъ они въ товарищахъ; и сидятъ вмѣстѣ, и дѣлаютъ всякія дѣла, и суды судятъ, и во всякія посылки посылаются.

10. Жильцы. Чинъ ихъ таковъ: для выхода и для всякаго дѣла, спятъ на царскомъ дворѣ, человѣкъ по сорокъ и больше, и посылаютъ ихъ во всякія посылки; а дѣти они дворянскіе, и дьячьи, и подьяческіе. И изъ того чина назначаются въ стряпчіе, въ стольники, и въ думные люди, да они же бываютъ въ начальныхъ людяхъ у конницы и у пѣхоты, и въ рейтерахъ, и въ солдатахъ. А будетъ ихъ числомъ 2.000 человѣкъ. Да и вообще дѣтямъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей первая служба бываетъ при царскомъ дворѣ въ жильцахъ; только по породѣ своей одни съ другими не равны.

11. Дворяне городовые и дѣти боярскіе. Они бываютъ посылаемы во всякія посылки: и по воеводствамъ, и въ начальные люди къ рейтарамъ и къ солдатамъ, и въ какіе чины годятся, и за службы бываютъ пожалованы многою честью. И тѣхъ дѣтей боярскихъ происхожденіе таково: какъ въ прошлыхъ давнихъ лѣтахъ у Московскаго государства бывала война съ окрестными государствами, и въ то время ратные люди сбирались со всего Московскаго государства изо всякихъ чиновъ людей, и

бора имѣли желаніе войти въ такое разсмотрѣніе; кромѣ того нельзя не замѣтить здѣсь еще разъ, что соборъ опять оставилъ безъ вниманія тѣ правила касательно поступковъ Никона, которыя въ значительномъ числѣ были уже собраны и разсмотрѣны на прежнемъ соборѣ. Приговоръ Никону, произнесенный александрійскимъ патріархомъ, «въ мѣстѣ судія вселенной», начинается такъ: «Благословенъ Богъ и прч. Изволися Духу Святому и намъ: по данной намъ власти вязать и рѣшить, мы, согласно приговору святѣйшихъ патріарховъ, братій и сослужителей нашихъ, постановляемъ, что Никонъ на будущее время не есть и не именуется московскимъ патріархомъ, а инокомъ и старцемъ Никономъ, за проступки, всюду разнесшіеся, и за прегрѣшенія, имъ совершенныя противъ божественныхъ каноновъ».

Такимъ образомъ судьба патріарха Никона была наконецъ рѣшена. Заслуживалъ-ли онъ дѣйствительно такого строгаго приговора, какой былъ произнесенъ надъ нимъ? Мы, конечно, не возьмемъ на себя рѣшенія этого вопроса; но судъ надъ Никономъ или, точнѣе, надъ этого суд не имѣлъ законной правильности. Оставивъ безъ вниманія главную сторону дѣла, соборъ остановился преимущественно на разныхъ частныхъ обвиненіяхъ противъ Никона, притомъ воспользовавшись случайнымъ обстоятельствомъ, перехваченнымъ письмомъ его къ патріархамъ, остановился на обвиненіяхъ въ такихъ проступкахъ, которые, положимъ, подвергали его справедливому осужденію, но на которые не обратили бы вниманія (да и не обращали прежде), если бы не случилось главнаго, что довело его до суда, но на что судъ не обратилъ надлежащаго вниманія, т. е. самовольнаго оставленія каѳедры на цѣлыхъ девять лѣтъ. И потомъ, какъ разсматривали на соборѣ самыя обвиненія, представленныя противъ Никона? Никонъ стоялъ не предъ судьями, а предъ одними обвинителями, которые собрались только затѣмъ, чтобы высказать ему его вины, дѣйствительность которыхъ они признали уже не подлежащими сомнѣнію. Самъ Никонъ, по своему обычаю, очень рѣзко, но вмѣстѣ и вѣрно указалъ при двухъ случаяхъ внутреннія побужденія, которыми руководствовались патріархи въ судѣ надъ нимъ, и которыя, конечно, съ своей стороны старался внушить имъ и Паисій, знакомя ихъ съ изложеніемъ дѣла. Когда патріархи въ столовой палатѣ произнесли надъ Никономъ приговоръ, онъ замѣтилъ имъ, что они не посмѣли бы этого сдѣлать, если бы не было на то воли государя. Въ другой разъ, когда патріархи при низложеніи Никона сняли съ него клобукъ съ жемчужными херувимами и панагію съ камнями, онъ сказалъ имъ: «Возьмите, это вамъ пригодится; вѣдь вы скитальцы и данники турокъ, пришли изъ далекихъ странъ не затѣмъ, чтобы учинить миръ, а чтобы получить нѣчто потребное себѣ и чѣмъ заплатить дань вашимъ обладателямъ». Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ ихъ поведеніи относительно Никонова дѣла замѣтно не столько желаніе вникнуть въ него со всею основательностью, сколько желаніе угодить царю и чрезъ то сохранить свои личные интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе, если не болѣе, охотно они оправдали бы Никона, какъ теперь осудили его, если бы это согласно было съ желаніемъ русскаго царя и слѣдовательно съ ихъ личными выгодами: вѣдь не затруднились же впослѣдствіи четыре патріарха разрѣшить Никона, уже умершаго, отъ осужденія, произнесеннаго надъ нимъ ихъ «братіями», возвратить ему имя патріарха и

прислать прощальныя грамоты, когда ихъ попросилъ объ этомъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Прошла цѣлая недѣля послѣ того, какъ на соборѣ былъ произнесенъ судъ надъ Никономъ. Наконецъ 12 декабря его призвали въ церковь Благовѣщенія, надъ воротами въ Чудовомъ монастырѣ. Въ церкви находились только патріархи съ архіереями да нѣсколько бояръ. Алексѣй Михайловичъ не рѣшился присутствовать при такомъ печальномъ дѣйствіи, какъ низложеніе его бывшаго друга, котораго прежде онъ самъ торжественно возвелъ на патріаршій престолъ. Изъ народа въ церковь не пустили никого. Какъ только вошелъ Никонъ, патріархи велѣли читать соборное постановленіе объ его низложеніи съ подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ его проступковъ. Потомъ александрійскій патріархъ снялъ съ него клобукъ съ херувимами и панагію; только архіерейской мантіи не рѣшились снять съ него; а велѣно было отобрать у ее Никона уже на пути въ заточеніе. Тайкомъ отъ народа совершали надъ Никономъ обрядъ низложенія; тайкомъ же рѣшились отправить его и въ заточеніе. Отъѣздъ былъ назначенъ 13 декабря. Съ утра стали сходиться въ Кремль толпы народа. Между ними распространился слухъ, что Никона повезутъ по Срѣтенкѣ, и когда народъ устремился туда, чтобы занять удобныя мѣста, гдѣ можно будетъ видѣть низложеннаго патріарха, Никона выпроводили изъ Москвы другими улицами. Его повезли въ ссылку въ Ѳерапонтовъ монастырь.

Въ дѣлѣ Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ рѣшился вопросъ о сравнительномъ превосходствѣ властей церковной и гражданской; съ паденіемъ Никона восторжествовала эта послѣдняя.

LXXX. ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАЗВИТІЕ РАСКОЛА.

(Изъ соч. Щапова: «Русскій расколъ старообрядства»).

«Насѣялъ небесный Домовладыка плодовитую ниву нашей православной державы пшеницею чистаго благочестія», съ глубокою скорбью говорилъ царь Алексѣй Михайловичъ на московскомъ соборѣ въ 1667 году; «но завистливый врагъ въ то время, какъ мы, поставленные отъ Бога стражами надъ ней, дремали, всѣялъ куколь душевредный. Куколь этотъ—душепагубные нынѣ насѣянные расколы, которыхъ тлетворное прозябаніе тщится осквернить чистую пшеницу слова Божія истинной каѳолической вѣры». Эти скорбныя слова царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ по поводу русскаго раскола старообрядства, который съ 1666 г. уже явно и окончательно отпалъ отъ церкви. Съ этого времени и до конца XVII столѣтія расколъ весьма быстро распространялся. Какія были причины быстраго распространенія раскола по Россіи? Историческія причины происхожденія и распространенія раскола заключались: а) въ духѣ времени, въ которое возникъ и распространился расколъ старообрядства, именно въ томъ, что съ XVIв. до патріарха Никона, многіе въ русскомъ народѣ питали суевѣрную привязанность къ одной внѣшней обрядности церковной безъ духа вѣры, и, будучи слѣпо привержены ко всему, что имѣло видъ какой бы то ни было, только русской, старины, обнаруживали недовольство церковными исправленіями и гражданскими преобразованіями, начавшимися въ царствованіе Алексѣя Михайловича

при Никонѣ; здѣсь заключается главный и первоначальный источникъ раскола; б) въ духовно-нравственномъ состояніи русскаго народа во время возникновенія и распространенія раскола; здѣсь находится самая почва, въ которой развился и распространился расколъ; в) въ самомъ расколѣ, особенно въ расколоучителяхъ и въ духѣ и въ направленіи раскола; здѣсь заключаются внутреннія силы и *способы*, посредствомъ которыхъ расколъ самъ собою развивался, возрасталъ и распространялся, какъ опредѣленное общество, отдѣльное отъ православной церкви; г) въ уклоненіяхъ отъ церковнаго или церковно-іерархическаго порядка, допускавшихся нѣкоторыми православными лицами, и въ другихъ недостаткахъ относительно благоустройства церковнаго; и д) въ разныхъ гражданскихъ безпорядкахъ и недостаткахъ того времени, когда возникъ и распространился русскій расколъ. Это, такъ сказать, была атмосфера, подъ вліяніемъ которой развивался расколъ.

Нѣкоторые писатели выражають мысль, будто ревностная поспѣшность Никона въ исправленіи книгъ произвела раскольниковъ. Раскольническіе писатели признають также патріарха Никона единственнымъ виновникомъ раскола въ русской церкви. Оба эти обвиненія, при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, среди которыхъ появился расколъ, оказываются несправедливыми. Исправленіе церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ было не болѣе, какъ только внѣшнимъ поводомъ къ открытію раскола. А главный, первоначальный источникъ раскола, почти при самомъ появленіи принявшаго характеръ не просто церковный, но церковно-гражданскій, кроется гораздо глубже и восходитъ гораздо далѣе времени патр. Никона. Русскій расколъ явно сложился изъ двухъ началъ: во-первыхъ, изъ начала собственно церковнаго, какъ секта церковно-обрядовая, несогласная съ православною церковью въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядахъ; во-вторыхъ, изъ начала гражданскаго, или противогосударственнаго, какъ секта, возставшая, по собственному выраженію раскольниковъ, противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Потому и источника раскола прежде всего надобно искать въ духѣ и направленіи церковной и гражданской жизни русскаго народа въ тотъ періодъ времени, когда расколъ зачался, развился и распространился. Впродолженіе всей древней русской исторіи, вѣра и благочестіе предковъ нашихъ имѣли направленіе преимущественно церковно-богослужебное, обрядовое. Богослужебнымъ книгамъ усвояли почти такое же существенное значеніе въ дѣлѣ спасенія, какъ самому слову Божію и вѣрѣ Христовой. Богослужебныя книги съ благовѣйнымъ усердіемъ и любовью списывали, переписывали и читали «въ честь и славу Отцу и Сыну и Святому Духу, къ себѣ на здравіе и на спасеніе и поющимъ ихъ". Нѣкоторые даже всю жизнь свою посвящали перепискѣ церковныхъ книгъ, и этимъ благочестивымъ трудомъ занимались не только иноки, священники и міряне, но и сами архипастыри и князья. Въ XVII в. въ церковныхъ книгахъ оказалось уже «многое нѣкое и преизлишнее разгласіе, еже и къ заповѣдемъ господнимъ несличное стихословіе», отъ котораго возникло уже «всякое несогласіе и несостояніе въ церковномъ соединеніи», какъ замѣчали самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и патр. Филаретъ. Даже нѣкоторые честные протопопы «служаще въ святыхъ церквахъ, и священнымъ книгамъ чтуще и поюще, не добрѣ разумѣли глаголемое и чтимое». Дѣти получали отъ своихъ родителей чисто внѣшнее, мертво-обрядовое воспитаніе: ихъ учили только земнымъ поклонамъ и двуперстному или трехперстному кресту, а никогда не объясняли, въ чемъ состоитъ духъ христіанскаго поклоненія *духомъ и истиною*, въ чемъ состоитъ искупительное значеніе креста; имъ преподавали подробныя до мелочности правила, какъ вкушать просфоры, какъ уламывать ихъ на кусочки и проч., а возвышеныхъ истинъ евангельскаго ученія и кратко никогда не преподавали. Патр. Никонъ положилъ пресѣчь раскольническое направленіе въ самомъ его источникѣ и возстановить богослужебно-обрядовый чинъ и церковно-богослужебную жизнь, въ ихъ первоначальной чистотѣ. Дѣятельно, съ дальновидною ревностью и истинно пастырскимъ благо-

отпуску изъ бояръ, изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, изъ полковниковъ, изъ дьяковъ изъ Москвы уѣхать не смѣетъ никто ни на одинъ день; да какъ они бываютъ отпущены на срокъ, и до срока для какого дѣла царю будутъ надобны, и за ними посылаютъ грамоты съ людьми ихъ, которые останутся въ Москвѣ, или нарочно съ стряпчими, съ жильцами, съ подъячими, велятъ быть тотчасъ. Да не только когда для гулянія своего отпрашиваются, но когда случится имъ котораго дня другъ у друга быть въ гостяхъ, на свадьбѣ, или на крестинахъ, или на имянинахъ, и они отправляются по такому же обычаю.

19. А какъ придетъ празднованіе дня рожденія котораго боярина, или думнаго и ближняго человѣка, или ихъ дѣтей, и они въ тотъ день ѣздятъ къ царю челомъ ударить, и царь ихъ спрашиваетъ о здоровіи и поздравляетъ, а послѣ того подносятъ царю имянинные калачи, и царь у нихъ тѣ калачи велитъ принимать; и потомъ пойдутъ къ царицѣ, и царица также поздравляетъ и калачи велитъ принимать; и потомъ ходятъ къ царевичамъ и къ царевнамъ, и отъ нихъ также бываетъ имъ поздравленіе и калачи принимаютъ; а у царевенъ у самихъ не бываютъ, кромѣ родственниковъ бояръ; и потомъ межъ себя тотъ день другъ у друга пируютъ. А царь, и царица, и царевичи, и царевны у нихъ на обѣдахъ и въ домахъ ихъ не бываютъ ни у кого; и не только на обѣдахъ, но на свадьбахъ ихъ и на погребеніяхъ не бываютъ тоже никогда.

XLVI. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ ДОПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

(Изъ соч. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.»).

Представимъ въ короткомъ очеркѣ *обрядъ* древней царской жизни, *комнатной* и *выходной*, т. е. собственно домашней и общественной, если можно такъ обозначить всѣ тѣ случаи повседневнаго порядка, когда государь являлся среди своего синклита и всего народа, присутствуя, какъ первое лицо, при совершеніи общихъ церковныхъ и праздничныхъ дѣйствъ и обрядовъ. Раннее утро заставало государя въ Крестовой, въ которой молебный иконостасъ, весь уставленный иконами, богато украшенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей, теплившихся почти предъ каждымъ образомъ. Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и одѣвалъ его. Умывшись, государь тотчасъ же выходилъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ или *крестовый попъ* и *крестовые дьяки*. Духовникъ или крестовый священникъ благословлялъ государя крестомъ, возлагая на чело и ланиты, при чемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Окончивъ утреннюю молитву, государь посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее о здоровьѣ, какъ почивала? Потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховыхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра собирались во дворецъ всѣ

превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибравъ крылосы предивн пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное, паче органа бездушна и таковаго пѣнія, якоже у него, ни у кого не бывало». Въ то же время о старался ввести въ церкви русской внятное и благоговѣйное чтеніе при богосл женіи. Какъ истинный просвѣщенный пастырь, Никонъ не могъ равнодуш видѣть, что многіе неразумно, даже и непохристіански почитали св. иконы, и лились въ церквахъ всякъ своей, изъ дома принесенной, иконѣ, называя и своими богами. Отъ глубокаго упадка духовнаго просвѣщенія въ Великорос до патр. Никона, весьма умножилось число священно и церковно-служител недостойныхъ, нерачительныхъ, весьма мало просвѣщенныхъ: много было св щенниковъ почти безграмотныхъ. Патр. Никонъ не могъ терпѣть безпорядочн жизни въ духовенствѣ. Стараясь привести въ уваженіе священный чинъ, о былъ взыскателенъ къ нерадивымъ, непослушливымъ и злымъ. Онъ выслушива и безпристрастно удовлетворялъ справедливыя жалобы челобитчиковъ на ду ныхъ, принималъ доносы отъ областныхъ управителей о худыхъ поступкахъ д ховенства, и порочныхъ протопоповъ, поповъ и другихъ священнослужителей стр смирялъ, посылалъ въ монастыри на черныя работы, заключалъ въ темни Особенное, строгое вниманіе обратилъ онъ на выборъ ставленниковъ. Усер изыскивалъ и умножалъ способы для распространенія духовнаго просвѣщ После слабаго надзора за духовенствомъ при предшествовавшихъ Никону п тріархахъ, понятно, какъ тяжкимъ казалось необыкновенно строгое управле Никона. Множество было недовольныхъ въ духовенствѣ строгимъ управлені Никона. При такомъ настроеніи умовъ, при почти общемъ недовольствѣ ду венства управленіемъ Никона и при суевѣрномъ предубѣжденіи почти вс народа противъ церковныхъ исправленій, еще болѣе усиленномъ и распрост ненномъ неблагонамѣренными справщиками, слѣдовало только возстать кому н изъ недовольныхъ Никономъ въ духовенствѣ или въ народѣ, и расколъ неи нуемо долженъ былъ возникнуть. Изъ исторіи первоначальнаго распростран раскола видно, что почти вездѣ первые, главные расколоначальники были и духовенства: протопопы, попы, архимандриты и простые иноки. За духовенств уже возставалъ народъ. Но, возникши первоначально въ сферѣ религіозной, це ковной, расколъ не остановился на этомъ, потому что духъ времени заключ въ себѣ много элементовъ для дальнѣйшаго развитія и усиленія его. Вскор послѣ паденія Никона, расколъ перешелъ въ сферу гражданской жизни и це получилъ новую жизнь. После роковаго 1666 года, когда на великомъ патр шемъ соборѣ московскомъ окончательно довершено и утверждено было вели дѣло Никона, начались народные гражданскіе бунты подъ знаменемъ раскол Съ этого времени расколоначальники подняли свой мятежный голосъ уже н противъ одного напр. Никона, но и противъ царя Алексѣя Михайловича. В первой половинѣ XVII вѣка въ русскомъ народѣ господствовало глубокое пр убѣжденіе противъ иностранцевъ; смотря на нихъ, какъ на еретиковъ, погань зловѣрныхъ, русскіе за грѣхъ почитали даже ѣсть и пить съ ними изъ одн посуды; не смотря на то, въ царствованіе Алексѣя Михайловича общеніе с иностранцами все болѣе и болѣе возрастало, и приливъ служилыхъ иноземц (докторовъ, аптекарей, инженеровъ, офицеровъ, фабрикантовъ) увеличивалс с каждымъ годомъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, при дворѣ и въ домахъ частн людей являлись новые, западные обычаи, напр. украшеніе комнатъ картинам и портретами, театральныя представленія, оркестръ музыки, танцы, большая пр стота, мягкость и непринужденность свѣтскаго обращенія и угощенія, исключ шаго прежнюю грубую восточную обрядность и формализмъ и т. п.; домъ А. Матвѣева былъ въ то время училищемъ новаго, европейскаго, великосвѣтск образованія. Нѣкоторые московскіе бояре стали «носить платье, кафтаны и шап съ иноземскихъ образцовъ». Равнымъ образомъ, въ царствованіе Алексѣя М хайловича нѣкоторые бояре, по примѣру иностранцевъ, начали себѣ брить б роды и стричь волосы, также вопреки господствовавшему въ народѣ суевѣрн

назидательное и церковно-историческое. Со временъ царя Алексѣя Михайловича стали вывозить и *куранты*, или тогдашніе европейскіе журналы, которые постоянно переводились для чтенія государю. Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Въ числѣ ихъ были и *юродивые*. Глубокое, всеобщее уваженіе къ этимъ старцамъ и старицамъ, Христа ради юродивымъ, основывалось на ихъ святой богоугодной жизни и благочестивомъ значеніи, какое они имѣли для нашей древности. Общество благоговѣло предъ ними, чтило ихъ, какъ пророковъ и провозвѣщателей Божьей воли, какъ неуклонныхъ и нелицепріятныхъ обличителей. Верховые богомольцы пѣвали государю *Лазаря* и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ... Были еще при царскомъ дворцѣ *слѣпцы домрачеи*, которые распѣвали, безъ сомнѣнія, сказки и былины о богатыряхъ князя Владиміра, съ аккомпаниментомъ *домры*, струннаго инструмента въ родѣ гитары.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы, и однородныя съ нею игры *тавлеи саки* и *бирки*.

Извѣстно также, что въ дворовомъ штатѣ царя состояли *дураки-шуты*, и у царицы *дурки-шутихы*, *карлы* и *карлицы*. Они пѣли пѣсни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили немалымъ потѣшеніемъ государеву семейству. По словамъ иностранцевъ, эта была самая любимая забава царя Ѳеодора Ивановича. Зимою, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, т. е. бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потѣха начиналась нерѣдко съ самаго утра, а потому измѣняла обыкновенный порядокъ дня. Вообще лѣто государь проводилъ большею частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотою и хозяйствомъ. Зимою онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лося, охотился за зайцами. Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, государь снова шелъ въ Крестовую и точно такъ же, какъ и утромъ, молился около четверти часа.

Благочестивые московскіе цари, подобно императорамъ византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подражаніе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церковнымъ праздентствамъ еще болѣе блеска и торжественности. Государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи, которое засвидѣтельствовано даже всѣми иностранцами, видѣвшими подобные выходы. И это было необходимо въ то время по самому значенію древняго царскаго сана. Притомъ церемонія, обрядъ составляли одно изъ главнѣйшихъ условій тогдашняго общественнаго быта, и потому каждый шагъ внѣ дома, а тѣмъ болѣе въ быту государей, по необходимости становился церемоніальнымъ, торжественнымъ. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковной службѣ въ извѣстные праздники, были ни что иное, какъ церемоніальныя шествія, которыя по этому возвѣщались нерѣдко, смотря по важности празден-

ства, особымъ колокольнымъ звономъ. Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и позволяла погода, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Великолѣпіе и богатство выходной одежды государя соотвѣтствовали значенію торжества, по случаю котораго дѣлался выходъ, а также и состоянію погоды въ тотъ день.

Во время шествія свита раздѣлялась рядами; люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, по два или по три человѣка въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ. На всѣхъ выходахъ въ числѣ царской свиты находился постельничій съ *стряпнею*, то-есть съ разными предметами, которые требовались на выходѣ и которые несли за постельничимъ стряпчіе, именно: *полотенцо* или носовой платокъ, *стулъ* съ *зголовьемъ* или подушкою, на которомъ садился государь; *подножье*, родъ ковра, на которомъ становился государь во время службы; *солношникъ* или зонтъ, защищавшій отъ солнца и дождя, и нѣкоторые другіе предметы, смотря по требованію выхода. Когда государь выходилъ на богомолье въ приходскую или монастырскую церковь, то впередъ несли особое *мѣсто*, которое обыкновенно ставилось въ церквахъ для царскаго пришествія. Оно было обито сукномъ и атласомъ краснаго цвѣта, по хлопчатой бумагѣ, съ шелковымъ или золотымъ галуномъ. Стряпчіе вообще прислуживали государю, принимали, когда было нужно, посохъ, шапку и пр. На малыхъ выходахъ они выносили только полотенцо (платокъ) и подножье, теплое или холодное, смотря по времени года.

24 декабря, въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, рано утромъ государь дѣлалъ тайный выходъ, въ сопровожденіи только отряда стрѣльцовъ и подьячихъ Тайнаго Приказа въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, плѣннымъ, богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. По улицамъ, гдѣ проходилъ государь, онъ также раздавалъ милостыню нищимъ и убогимъ, которые, безъ сомнѣнія, во множествѣ собирались даже изъ отдаленныхъ мѣстъ къ такимъ боголюбивымъ царскимъ выходамъ. Въ тоже время, какъ государь навѣщалъ такимъ образомъ всѣхъ заключенныхъ и сирыхъ, довѣренныя лица изъ стрѣлецкихъ полковниковъ или подьячихъ Тайнаго Приказа раздавали милостыню на Земскомъ дворѣ, также и у Лобнаго мѣста, и на Красной площади. И можно сказать, что ни одинъ бѣдный человѣкъ въ Москвѣ не оставался въ этотъ день безъ царской милостыни: каждому было чѣмъ разговѣться, каждый былъ съ «праздникомъ». Такіе царскіе выходы «тайно» дѣлались и наканунѣ другихъ большихъ праздниковъ и постовъ. Въ рожественскій сочельникъ они совершались рано утромъ, часу въ пятомъ. Ни одинъ праздничный царскій выходъ не отправлялся съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, какъ выходъ въ день Богоявленія. Государь являлся въ это время народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, которыя во многомъ напоминали обычаи востока. По словамъ иностранцевъ, стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное: со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ. Отъ Успенскаго собора и до самой Москвы-рѣки, гдѣ находилась іордань, строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами,

со всѣмъ ратнымъ строемъ, двумя линіями пролагалъ широкую дорогу для крестнаго хода. Государь выходилъ въ соборъ, обыкновенно, въ сопровожденіи бояръ и прочихъ сановниковъ, по Красному крыльцу. При его появленіи, народъ, увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ индѣйскаго дерева. Иногда случалось, что онъ выходилъ въ *большомъ царскомъ нарядѣ*. Но обыкновенно *царское платье* онъ надѣвалъ всегда въ соборѣ. Въ соборъ за государемъ входили одни только высшіе чины: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; прочіе же, начиная со стольниковъ, останавливались на помостѣ отъ Успенскаго собора до Архангельскаго, по обѣ стороны, по чинамъ, младшіе ниже старшихъ. Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался крестный ходъ, царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ. Патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его Животворящимъ крестомъ, а духовныя власти отдавали ему по два поклона. Церемонія поклоновъ духовенства происходила иногда и въ соборѣ, при началѣ крестнаго хода.

Торжественное шествіе открывали стрѣльцы, въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе, выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ, по 200 человѣкъ изъ каждаго. Они были въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ и шли по четыре человѣка въ рядъ, одни съ золочеными пищалями и винтовками, ложи коихъ украшены были перламутровыми раковинами; другіе съ золочеными копьями и, наконецъ, третьи съ нарядными золочеными протазанами (родъ алебарды). За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь, въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ, шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. Однихъ приходскихъ священниковъ бывало до трехсотъ и до двухсотъ дьяконовъ. Потомъ начиналось шествіе государя, открываемое обыкновенно нижними чинами, по три человѣка въ рядъ. Впереди шли дьяки разныхъ приказовъ и всѣ тѣ чиновники, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники въ *золотыхъ*, т. е. въ золотныхъ кафтанахъ; далѣе, ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ шубахъ. Вслѣдъ за этимъ шелъ постельничій съ *царскою стряпнею*. Впереди его человѣкъ двѣнадцать стряпчихъ несли государево платье, которое царь перемѣнялъ обыкновенно на іордани. Одинъ несъ посохъ, другой шапку, третій зипунъ, четвертый кафтанъ, пятый шубу и т. д. Кромѣ этого перемѣннаго платья, трое стряпчихъ несли на іордань царское полотенце, подножіе и стулъ или собственно кресла, а иногда, во время непогоды, солношникъ или балдахинъ. Государь шествовалъ въ большомъ *царскомъ нарядѣ*. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго становаго кафтана, на немъ было царское *платно*, изъ дорогой золотной матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Царскій вѣнецъ, называвшійся, по соболиной опушкѣ, царскою шапкой, блестѣлъ драгоцѣнными каменьями: алмазами, изумрудами, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая *діадима*, именуемая обыкновенно въ чинѣ царскаго вѣнчанія *бармами*; на груди на золотой цѣпи былъ крестъ Животворящаго Древа, а иногда золотой крестъ со Спасовою Ризою. Въ правой рукѣ государя былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями. Наконецъ, бархатные или сафьян-

книгъ. Справщики книгъ считались въ народѣ самыми высшими мудрецами, богословами, законниками. И потому можно себѣ представить, какимъ довѣріемъ пользовались въ народѣ, и какое вліяніе могли имѣть на народъ всѣ эти расколоучители. Другіе расколоучители имѣли большой вѣсъ въ народѣ по своей близости ко двору и по своимъ связямъ съ высшими сановниками, князьями и боярами. Аввакума ласкали князья и бояре.

Самое географическое положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно сильно распространяли свои мысли старообрядческіе учители, представляло имъ не мало удобствъ для успѣшнаго растространенія и усиленія старообрядческой общины. Они преимущественно распространяли свое ученіе въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ географическія условія мѣстности благопріятствовали успѣшному и безпрепятственному распространенію ихъ мыслей. Въ сѣверномъ поморьѣ, въ предѣлахъ олонецкихъ и каргопольскихъ, безпрепятственному и успѣшному распространенію раскола весьма много благопріятствовали частью лѣсистость, пустынность и малонаселенность этихъ мѣстъ, частью малодоступность ихъ для правительственнаго надзора, частью торговые пути сообщенія, которые изъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ поморскихъ городовъ и селъ пролегали въ южные и внутренніе города Россіи. Большіе, непроходимые лѣса представляли самыя удобныя мѣста для укрывательства и поселенія расколоучителей и ихъ многочисленныхъ послѣдователей: болота и озера ограждали ихъ отъ городовъ, откуда имъ угрожала опасность. Расколоучители обыкновенно поселялись въ этихъ лѣсахъ, и отсюда ходили въ близлежащія православныя села и погосты для уловленія православныхъ въ свою общину.

Въ церковно-правительственномъ отношеніи происхожденію и распространенію раскола при Никонѣ весьма много содѣйствовало возстаніе, вмѣстѣ съ расколоначальниками, бояръ противъ Никона и низложеніе его. Церковь русская никогда, кажется, не имѣла столько нужды въ единствѣ и согласіи дѣйствій церковнаго и гражданскаго правительства, какъ при Никонѣ, когда она совершала весьма важное и даже, можно сказать, послѣ принятія христіанства самое великое дѣло исправленія церковнаго порядка и богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и когда, между тѣмъ, противъ нея возстали противники церковнаго порядка и власти, ревновавшіе за старый церковный безпорядокъ. Къ несчастію, въ это-то самое время бояре монастырскаго приказа, за одно со многими членами боярской думы, напрягали почти всѣ усилія къ тому, чтобы ограничить власть церковнаго правительства и низвергнуть Никона. Боярамъ, желавшимъ совершенной независимости отъ патріаршей власти, господства надъ духовенствомъ и обладанія церковными и монастырскими имѣніями, нужно было, во что бы то ни стало, низложить сильнаго защитника правъ и величія высшей церковной власти Никона, по примѣру патр. Филарета, безпощадно преслѣдовавшаго и обуздывавшаго ихъ своеволіе, особенно противное канонамъ церковнымъ вмѣшательство въ дѣла чисто духовнаго вѣдомства. Монастырскій приказъ служилъ для нихъ въ этомъ отношеніи лучшимъ оружіемъ. Виновникъ учрежденія монастырскаго приказа, кн. Одоевскій, былъ личнымъ врагомъ Никона. Никонъ не утерпѣлъ съ твердостію и энергіею жаркаго защитника правъ церкви онъ возсталъ противъ монастырскаго приказа, возсталъ особенно противъ непомѣрнаго самоуправства бояръ въ непринадлежавшей имъ сферѣ церковнаго правленія. Но, къ прискорбію, тѣмъ еще болѣе вооружилъ противъ себя бояръ. И вотъ, во время этого-то раздора, расколъ особенно усилился и распространился, принявъ сторону боярской оппозиціи противъ Никона.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи не мало благопріятствовалъ какъ происхожденію, такъ и распространенію раскола примѣчаемый во многихъ частяхъ церковнаго управленія въ XVII в. недостатокъ церковно-правительственнаго надзора. Особенно епархіальное управленіе русской церкви, въ періодъ распространенія раскола, представляло много неустройства и недостатковъ, которые были очень благопріятны для успѣха раскола. Исторія отдаетъ полную

помѣсячный кормъ и ѣства и питье, а вдовьи попы ѣдятъ съ боярами своими вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось.

2. А въ которые дни бываютъ праздники Господскіе, или иные нарочитые, имянинные, родильные и крестильные дни, и въ тѣ дни другъ съ другомъ пиршествуютъ, почасту.

Ѣствы-жь обычай готовить попросту, безъ приправъ, безъ ягодъ и сахару и безъ перцу, инбирю и иныхъ способовъ, малосольны и безвкусны. А какъ начнутъ ѣсть, и въ то время ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а иныя кушанія приносятъ съ поварни и держатъ въ рукахъ люди ихъ, и въ которой ѣствѣ мало уксусу и соли и перцу, и въ тѣ ѣствы прибавляютъ па столѣ; а бываетъ всякихъ ѣствъ по 50 и по 100.

Обычай же таковой есть: передъ обѣдомъ велятъ выходить къ гостямъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостямъ придутъ, станутъ въ палатѣ или въ избѣ, гдѣ гостямъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостямъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дома бьетъ челомъ гостямъ и кланяется въ землю, чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости одинъ по одному кланяются женамъ ихъ въ землю и цѣлуютъ и, поцѣловавъ и отойдя, также кланяются въ землю; а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостямъ малымъ обычаемъ; потомъ того господина жена начнетъ подносить гостямъ по чаркѣ вина двойнаго, или тройнаго съ зельями (травами), величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря или немного больше, и господинъ начнетъ бить челомъ гостямъ и кланяется въ землю же, сколько тѣхъ гостей ни будетъ—всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пить вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пить напередъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ и подноситъ гостямъ, и гости, передъ питьемъ вина и выпивъ и отдавъ чарку назадъ, кланяются въ землю же; а кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романеи, или ренскаго, или инаго питья по кубку; и послѣ питья того господина жена, поклонясь гостямъ, пойдетъ въ свои покои къ гостямъ же, къ боярынямъ, тѣхъ гостей женамъ. А жена того господина и тѣхъ гостей жены съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые близкіе родственники, а чужихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ и въ обѣдъ, за всякою ѣствою, господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романею, и ренское, и пива, приправленныя и простыя, и меды разные. И въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ жены сыновей того господина, или дочери замужнія, или иныхъ родственниковъ жены, и тѣ гости, вставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ, тѣмъ женамъ кланяются, и мужья тѣхъ женъ также кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили; и гости, цѣловавъ тѣхъ женъ и пивъ вино, садятся за столъ, а тѣ жены пойдутъ попрежнему туда, гдѣ сперва были. А своихъ дочерей дѣвицъ къ гостямъ не выводятъ и не показываютъ никому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, послѣ обѣда господинъ и гости веселятся и пьютъ за здоровье другъ друга, пока не разъѣдутся по домамъ. Такимъ же образомъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоин-

женты Петра В. Въ расколѣ сходились всѣ частныя антипатіи и стремленія: и недовольство деспотизмомъ власти и преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство крѣпостнымъ состояніемъ, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стѣсненіе свободы и своеволія законами, и тягость податнаго состоянія, и прочія. Демократическая раскольническая община всѣмъ открывала и давала убѣжище, и чрезъ то сама росла. Раскольническая община принимала всѣхъ тѣхъ, кто одержимъ былъ еще старымъ противо-государственнымъ духомъ противленія гражданской власти, личнаго произвола и необузданной свободы. Но особенно развитію раскола благопріятствовалъ духъ противо-государственной вольности и самоуправства, господствовавшій въ стрѣльцахъ и казакахъ, преимущественно по украйнамъ Россіи. Стрѣльцы по городамъ были главными зачинщиками мятежей. Солдаты и особенно казаки, жившіе безъ строгаго надзора, также необузданно предавались своеволію и буйству, по уѣздамъ опустошали и разоряли храмы, мучили, сожигали и убивали народъ и причиняли вредъ государству. Извѣстно, что донскіе казаки, которыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича считалось до 20,000, въ расколѣ принимали дѣятельное участіе. Бунтъ Разина, бунтъ Булавина и другихъ мятежниковъ, тысячи буйныхъ казаковъ и всякой вольницы, разбойничавшихъ вмѣстѣ съ ними на Дону и Волгѣ, это было буйное проявленіе всѣхъ старыхъ анархическихъ, противогосударственныхъ элементовъ, къ концу XVII в., все болѣе и болѣе вытѣснявшихся изъ средины Россіи, скопившихся на Украйнѣ, куда еще не проникли благоустроительныя начала государства, и подъ конецъ древней Россіи, такъ сказать, всплывшихъ наверхъ для того, чтобы показать весь хаосъ старыхъ, отжившихъ, противогосударственныхъ началъ и всю необходимость государственнаго возрожденія и обновленія Россіи. Тутъ были и бѣглые дворяне, оставившіе службу, и бѣглые попы и монахи, которыхъ преслѣдовала церковь за порочную жизнь, тутъ были и приказные, писавшіе переметныя письма измѣнникамъ для своей корысти, тутъ были и боярскіе люди и холопы, и крестьяне, нехотѣвшіе служить своимъ помѣщикамъ, и всякаго рода люди, одержимые противогосударственнымъ духомъ. И вотъ, среди этой-то толпы противогосударственныхъ людей расколъ нашелъ подкрѣпленіе, и она, подъ его знаменіемъ, ратовала противъ государства. Всѣ бунты донскихъ казаковъ въ концѣ XVII в. были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Такимъ образомъ въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ, почти во всѣхъ концахъ ея, среди кореннаго тузамнаго народонаселенія, находилось множество людей пришлыхъ, бѣглыхъ, гулящихъ. Много было такихъ людей въ сѣверной области Россіи, въ пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, гдѣ онъ преимущественно распространился. Изъ московскихъ предѣловъ множество бѣжало народу въ понизовые города и въ Заволжье. Вотъ въ какомъ броженіи находилось русское народонаселеніе въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ! При такомъ бродяжничествѣ, трудно ли было распространиться ему? Удивительно-ли, что сначала расколъ, прикрываясь именемъ пустынничества, самъ принялъ характеръ бродяжничества, потворствовалъ склонности и страсти къ бродяжничеству? Поучая, что паспортъ есть печать антихриста, раскольники отрекаются отъ принадлежности своей обществу, говоря: «Града настоящаго не имамъ, но грядущаго взыскуемъ». По ихъ преданію, слова эти въ первый разъ сказаны были будто бы какими то бродягами Петромъ и Евдокимомъ еще царю Алексѣю. Гражданское начальство Россіи, въ періодъ распространенія раскола во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в., въ нѣкоторомъ отношеніи само было причиною усиленія народной, раскольнической оппозиціи противъ правительства и начальства. Народъ часто не находилъ правды на судѣ и страдалъ невинно. Не даромъ чернь до того озлоблена была противъ бояръ, окольничихъ и другихъ чиновниковъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича неоднократно поднимала бунты противъ нихъ и неистово требовала у царя позволенія избивать виновниковъ народныхъ бѣдствій. Не даромъ тотъ же неистовый вопль раздавался въ бунтѣ стрѣлецкомъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтахъ донскихъ

казаковъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, раскольники принимали самое дѣятельное участіе. Наконецъ не безъ причинъ раскольники доселѣ питаютъ злобную вражду къ начальству, чиновникамъ и нападаютъ даже на внѣшніе знаки, отличающіе чиновника отъ другихъ разрядовъ людей. Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаются жалобы на неправду судей, на притѣсненія, причиняемыя народу чиновниками, какъ на прямые знаки господства антихристова. Купцы и крестьяне всего болѣе страдали отъ чиновниковъ въ періодъ распространенія раскола: потому въ купцахъ и крестьянахъ всего болѣе замѣтна донынѣ раскольническая злоба противъ чиновниковъ и вообще противъ начальства. Поэтому основателей раскольническихъ сектъ, послѣ бѣглыхъ поповъ, дьяконовъ и дьяковъ, всего болѣе было изъ купцовъ и поселянъ. Бѣдные крестьяне страдали также и отъ крѣпостнаго состоянія. Крѣпостное положеніе ихъ было самое тяжкое. Если, съ одной стороны, гражданскіе начальники и помѣщики своими притѣсненіями отталкивали народъ отъ православнаго общества и невольно заставляли его уклоняться въ расколъ, то, съ другой стороны, многіе гражданскіе начальники и помѣщики, изъ-за корыстныхъ видовъ, потворствовали расколу и тѣмъ способствовали его распространенію. Расколу часто потворствовали разныя начальствующія лица, особенно въ областяхъ. Почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда укрывались раскольники, преслѣдуемые церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ, они, къ сожалѣнію, находили между мѣстными правителями и чиновниками покровителей и помощниковъ, особенно по украйнамъ Россіи, напр., въ сѣверномъ Поморьѣ, въ Сибири, въ Заволожскомъ краю, гдѣ вообще слабъ былъ надзоръ начальства. Такъ, когда расколоучитель попъ Козма бѣжалъ изъ Москвы послѣ 1667 г. съ 20 единомышленниками въ Стародубскій край, «бяше ему на той часъ—стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гаврила Ивановичъ». Пользуясь покровительствомъ своего друга—полковника, попъ Козма положилъ основаніе знаменитымъ въ исторіи раскола 17 стародубскимъ слободамъ. Весьма много также способствовало распространенію раскола корыстное потворство раскольникамъ помѣщиковъ, промышленниковъ на заводахъ и ихъ управляющихъ и прикащиковъ. Раскольники, чтобы жить свободно въ помѣстьяхъ, старались угождать помѣщикамъ. Зажиточные крестьяне-раскольники исправно выплачивали оброкъ, а богатые раскольники охотно платили даже много лишняго оброку, лишь бы имъ было жить льготно, свободно въ помѣстьяхъ господъ. Потому помѣщикамъ выгодно было имѣть въ своихъ владѣніяхъ такихъ раскольниковъ, и вотъ они потворствовали имъ, а иногда и сами придерживались раскола. И такъ дѣлали не только свѣтскіе помѣщики, но и духовные вотчинники.

Въ заключеніе замѣтимъ, что самыя гражданскія мѣры противъ раскола, какія употреблялись во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII в., не столько уничтожали расколъ, сколько иногда еще болѣе способствовали его усиленію и распространенію. Не говоря о жестокихъ гражданскихъ казняхъ, которымъ подвергали раскольниковъ, и которыя только сильнѣе раздражали, озлобляли, ожесточали ихъ и тѣмъ еще болѣе усиливали оппозицію раскола, самая ссылка раскольниковъ немало способствовала распространенію раскола. Въ самомъ началѣ, какъ только открылся расколъ, царь Алексѣй Михайловичъ «многихъ раскольниковъ послалъ во оземствованіе и въ темницы заточи». Многіе изъ этихъ сосланныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ мѣстахъ ссылки и заточенія, какъ извѣстно, были первыми расколоучителями. Многіе раскольники ссылаемы и заточаемы были въ монастыри: и здѣсь они, какъ сказано въ актахъ, притворствомъ и лукавымъ ухищреніемъ выманивались и, уходя изъ монастырей въ иныя мѣста, чинили противность горше перваго. Въ 1683 и въ 1702 г. сосланы были зараженные расколомъ стрѣльцы въ южную Россію и на Яикъ: отъ нихъ здѣсь заразились расколомъ донскіе и яицкіе казаки. А ссылки раскольниковъ въ Сибирь такъ много способствовали распространенію раскола въ этой странѣ, что въ 1722 г. Петръ В. по этому поводу и по ходатайству епископа нижегородскаго Питирима, издалъ указъ о прекращеніи ссылки раскольниковъ въ Сибирь и о посылкѣ ихъ, вмѣсто Сибири, въ Рогервикъ на вѣчную работу.

LXXXI. БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ И ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ КЪ МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ.

(*Изъ «Разсказовъ о Западной Руси» Щебальскаго*).

Съ самаго введенія уніи, впродолженіе почти пятидесяти лѣтъ, не прекращались насилія со стороны поляковъ, а со стороны русскихъ возстанія. Русь приходила въ конечное разореніе. Славный Кіевъ обратился въ это время въ ничтожный городишко; въ немъ было не болѣе 6,000 жителей. Домишки были всѣ низенькіе, крытые соломой, а по вечерамъ освѣщались лучинами; изъ множества церквей, украшавшихъ эту колыбель православія, оставалось только десять: всѣ прочія были или разорены, или обращены въ унію. Что было съ Кіевомъ, то и съ другими городами. Сынъ Острожскаго, сынъ Сапѣги, дѣти многихъ другихъ ревностныхъ православныхъ, стали католиками. Іезуиты вездѣ торжествовали и потомки старинныхъ князей русскихъ и литовскихъ дѣлались ихъ усердными помощниками, утѣсняя вѣру своихъ предковъ, утѣсняя своихъ братьевъ единоплеменниковъ.

Одна надежда была, казалось, на Россію, на ея защиту и покровительство. Русскіе западные стали вспоминать, что они одного племени съ восточными московскими; что они отдѣлились отъ своей братіи, когда надъ тѣми тяжело лежало татарское иго; но вотъ объ игѣ татарскомъ тамъ уже и память прошла, Москва пережила годину самозванцевъ, а западной Руси, которой было сначала легче, чѣмъ восточной, теперь с каждымъ годомъ становилось все тяжелѣе. Видя это, кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій посылалъ въ Москву сказать царю Михаилу: «У Малороссіи одна тольно дума, какъ бы поступить подъ твою государскую руку; намъ, кромѣ государя, некуда дѣваться». Но Московское государство еще не вполнѣ оправилось послѣ смутнаго времени: принять Малороссію значило вступать въ тяжелую борьбу съ Польшей, а на это не было еще силъ у восточной Руси; слѣдовательно Малороссіи должно было надѣяться только на свои собственныя силы.

По счастію, силъ этихъ еще было много: ими были братства, духовенство, простой народъ; опорою православія и русской народности были также казаки. Поляки были недовольны казаками за ихъ безпокойный духъ, за набѣги, которые тѣ дѣлали на крымскія и турецкія земли, и за которые нерѣдко приходилось отвѣчать Польшѣ; но съ ними поляки долго боялись поступать такъ безцеремонно, какъ съ остальною частью русскаго народа. Впрочемъ, ловкіе іезуиты всегда умѣли доставить назначеніе въ старосты, каштеляны и другія должности въ русскихъ земляхъ горячимъ католикамъ, которые готовы были усердствовать въ католическомъ духѣ даже тогда, когда уже на польскомъ сеймѣ составлялись рѣшенія, не одобряющія религіозной нетерпимости. Это, положимъ, было еще понятно при королѣ Сигизмундѣ, который самъ былъ изувѣромъ и негодовалъ на постановленія сеймовъ, если они оказывали снисхожденіе *схизматикамъ*; но тоже самое продолжалось и при его сынѣ Владиславѣ, государѣ вообще очень милостивомъ. Народъ русскій не переставали притѣснять. Украйна же не переставала возмущаться.

Казакамъ были однакожь обѣщаны въ это время нѣкоторыя права, а именно: чтобы въ войсковые реестры вписывать уже не шесть, а двад-

Въ то время, какъ женихъ бываетъ у царя, невѣста отъ себя посылаетъ къ царицѣ и къ царевнамъ дары, убрусы (полотенца) тафтяные, шитые золотомъ и серебромъ съ жемчугомъ: и у нихъ тѣ дары царица и царевны принимаютъ и посылаютъ отъ себя спрашивать невѣсту о здоровьѣ.

А на свадьбахъ дѣвицъ и музыки никакой не бываетъ, кромѣ того что въ трубки трубятъ и бьютъ въ литавры.

Тоже бываетъ, когда кто дочь свою вдову, или дѣвицу сестру и племянницу, выдаетъ замужъ: и свадебный чинъ и свадебный пиръ бываютъ такимъ же образомъ.

7. Такимъ же образомъ свадебные сговоры и свадьба, и чинъ у стольниковъ, у стряпчихъ, у дворянъ и у иныхъ людей бываетъ, какъ выше сего писано, и какъ кто можетъ по силѣ своей славную и честную свадьбу учинить; но ѣздятъ къ царю челомъ ударить только одни думные люди и спальники и ихъ дѣти самыхъ большихъ родовъ.

Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываютъ въ томъ же порядкѣ во всемъ; но только въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ разнятся, смотря по состоянію.

А въ домахъ они своихъ живутъ также, кто какой чести и чиномъ, безъ великаго устроенія. И самымъ меньшимъ чинамъ домовъ своихъ построить добрыхъ не можно, потому что говорятъ о нихъ, что богатство многое имѣютъ, и ежели построится домомъ какой приказный человѣкъ, оболгутъ царю и многія кривды учинятъ, что будто онъ былъ взяточникъ и злоиматель, царской казны не берегъ, или казну воровски кралъ, и отъ того злаго слова тому человѣку и не во время будетъ болѣзнь и печаль; или ненавидя, его пошлютъ на иную царскую службу, котораго дѣла ему исправить не можно, и наказъ ему напишутъ такой, что онъ изъ него выразумѣть не умѣетъ, и посему службою прослужится (провинится), и ему бываетъ наказаніе: домъ, имущество и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ тому, кто хочетъ купить. А если торговый человѣкъ и крестьянинъ построится добрымъ обычаемъ, и на него положатъ на всякій годъ податей больше. И оттого Московскаго государства люди домами своими живутъ негораздо устроенными, а города и слободы безъ устроенія же.

10. А если у котораго отца или матери есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очами, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ, красотою и рѣчью исполнены (исправны) и во всемъ здоровы; и если кто начнетъ свататься у того человѣка на дочери его и посылаетъ смотрѣть мать свою или сестру и кому вѣритъ, и тѣ люди вмѣсто той своей увѣчной дочери, назвавъ именемъ той дочери, за которую, не зная, начнутъ свататься, показываютъ другую или третью дочь, и та присланная, видѣвъ, излюбитъ ту дѣвицу и скажетъ жениху, что она добра и жениться ему на ней можно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ и о свадьбѣ у нихъ съ отцемъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а тому человѣку ту свою дѣвицу за него выдать на тотъ же уставленный срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ неустойки великія; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочь, имя которой въ [illegible] запишутъ, а не ту, которую сперва смотрильщицѣ пока[illegible]ъ

онъ находилъ вездѣ. Пробравшись наконецъ на Украйну, Хмельницкій повѣстилъ о томъ своимъ пріятелямъ и просилъ ихъ пріѣхать на свиданіе съ нимъ въ какой-то лѣсъ. На зовъ его пріѣхало много старыхъ казаковъ съ сивымъ усомъ и съ рубцами отъ польскихъ сабель на морщинистыхъ лбахъ. Хмельницкій сталъ имъ говорить, что нѣтъ для казаковъ въ Польшѣ ни суда, ни защиты, что нечего имъ дѣлать другаго, какъ, по примѣру отцовъ, добывать себѣ правду саблями. «Вотъ, говорилъ онъ, показывая украденную привилегію, король хочетъ насъ пожаловать, да паны не допускаютъ. Чего ждать? Весь народъ русскій только ждетъ отъ насъ примѣра!» Однакожь для большей осторожности Хмельницкій совѣтовалъ позвать къ себѣ на помощь татаръ. Казаки слушали, иные возражали; кончили однакожь тѣмъ, что всѣ съ нимъ согласились. Хмельницкаго тутъ же выбрали въ гетманы, чтобы вести казаковъ, когда наступитъ часъ. Это было въ 1646 году.

Уговорившись такимъ образомъ съ казаками украинскими, Хмельницкій поѣхалъ въ Сѣчь, чтобы оттуда пробраться въ Крымъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Кіевъ поклониться св. угодникамъ русскимъ. Полагаютъ, что онъ видѣлся также съ митрополитомъ Петромъ Могилою и получилъ отъ него благословеніе на замышленное дѣло. Потомъ онъ отправился къ запорожцамъ. Побывши нѣсколько времени въ Сѣчи и условившись съ главными запорожскими коноводами, Хмельницкій направилъ путь къ татарамъ и скоро воротился оттуда съ нѣсколькими тысячами наѣздниковъ. На другой день по прибытіи его собралась рада, на которой Хмельницкій объявилъ, что все готово для выступленія въ походъ. Рада весело зашумѣла и назначила Хмельницкаго гетманомъ.

Между тѣмъ польское начальство узнало о рѣчахъ Хмельницкаго въ Сѣчи, о поѣздкѣ его въ Крымъ и начало собирать коронное войско; строгія взысканія были объявлены тѣмъ, кто вздумалъ бы уходить въ Запорожье. Но это никого не остановило: Украйна начинала уже колыхаться. Казаки, крестьяне, вообще русскіе и православные люди толпами кинулись къ Запорожью. Такъ прошла зима. Въ началѣ 1647 г., какъ только стаялъ снѣгъ и Днѣпръ вскрылся, Хмельницкій съ казаками и татарами переправился черезъ него и сталъ недалеко отъ впаденія въ него рѣки Тясьмина. Собрались между тѣмъ и поляки; командовалъ ими коронный гетманъ Потоцкій. Онъ послалъ противъ Хмельницкаго два войска: одно сухопутьемъ, другое Днѣпромъ, на судахъ. Узнавъ, что на судахъ плывутъ все свои же, казаки, Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Какъ только увидѣли они его, замахали шапками, пристали къ берегу и сказали: «Веди насъ вмѣстѣ съ другими на поляковъ». Барабашъ, который былъ тутъ же на байдакахъ, былъ выброшенъ въ воду. «Братьярыцари-молодцы, сказалъ имъ Хмельницкій; да будетъ вамъ вѣдомо, что мы взялись за сабли не ради одной славы или добычи, а ради обороны живота, женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу, звѣри и птицы тоже дѣлаютъ, на то имъ Богъ далъ зубы и когти». Соединивши казаковъ, пришедшихъ на судахъ и прибывшихъ съ нимъ, Хмельницкій повелъ ихъ противъ польскаго войска. Оно стояло обозомъ на рѣчкѣ Желтыя Воды. Казаки съ гикомъ кинулись на польскій обозъ; оттуда навели на нихъ пушки; ядра полетѣли съ громомъ и визгомъ; въ то же самое время съ тыла раздался другой гикъ: то неслись татаре. Поляки смѣшались было, но скоро оправились, засѣли въ своемъ

обозѣ и отсиживались въ немъ слишкомъ сутки. Хмельницкій наконецъ остановилъ бой и, подъѣхавъ къ польскому обозу, закричалъ зычнымъ голосомъ, чтобъ оттуда выслали переговорщика. Выслали. Хмельницкій обласкалъ его, угостилъ по обычаю, но потребовалъ, чтобы поляки сдали всѣ свои пушки, а сами возвратились съ миромъ домой. Поляки, нечего дѣлать, согласились и поднялись съ своего обоза. Казаки слѣдовали за ними издали. Но вдругъ, когда поляки дошли до одного яра, на нихъ бросились татаре и однихъ истребили, другихъ захватили въ плѣнъ; казаки же только стояли поодаль и посмѣивались. Въ то время, какъ на Желтыхъ Водахъ происходила эта рѣзня, коронный гетманъ Потоцкій стоялъ близъ Черкасъ съ остальнымъ войскомъ и проводилъ время въ пированьи. Однако разъѣзды, которые онъ высылалъ отъ времени до времени по сторонамъ, доносили ему, что окрестности пустѣютъ, что народъ выбирается изъ деревень, а по перелѣскамъ и степнымъ курганамъ показываются вооруженные люди.

Смутился Потоцкій и рѣшился подвинуться впередъ. Идетъ: все пусто. Народъ какъ будто вымеръ. Вдругъ разъѣзды замѣтили человѣка, который одинъ тащился степью; это былъ шляхтичъ, которому удалось какъ-то, хотя и израненному, спастись отъ желто-водской гибели. Онъ разсказалъ Потоцкому, что и какъ было. Очнувшись отъ этого страшнаго извѣстія, гетманъ велѣлъ отступать; но казаки были уже близко вмѣстѣ съ татарами. Настигнувъ поляковъ, Хмельницкій пошелъ за ними слѣдомъ, не тревожа ихъ однакожъ, а самъ заслалъ самыхъ доброконныхъ людей впередъ, чтобъ испортить дорогу и сдѣлать засаду въ лѣсу, черезъ который надобно было проходить. Какъ только поляки подошли къ этому лѣсу, казаки и татаре кинулись на нихъ, а изъ лѣса открылась перестрѣлка. Тогда началась рѣзня еще ужаснѣе прежней. Мало кому удалось уйти съ побоища, да и тѣхъ, кому это удавалось, окрестные крестьяне ловили и приводили къ Хмельницкому. Побѣда была полная. Казаки прежде всего отпѣли благодарственный молебенъ, а потомъ начали пировать. Двадцать-пять бочекъ горѣлки было выпито заразъ! Помня, что первые помощники всему дѣлу были запорожцы, Хмельницкій, одаривъ тѣхъ, которые были съ нимъ, послалъ оставшимся на пиво 1,000 талеровъ, да 300 на свѣчу въ сѣчевую церковь.

Какъ только сдѣлалось извѣстно о совершенномъ истребленіи поляковъ, вся Украина закипѣла и поднялась; зашевелилась и вся Русь западная, повсюду началъ стекаться народъ въ Бѣлую-Церковь, гдѣ между тѣмъ расположился Хмельницкій, и записываться въ казаки. Эти прибылые люди, также какъ и казаки, сговорившись по нѣскольку десятковъ, а иногда и сотенъ человѣкъ вмѣстѣ, отправились, какъ они говорили, очищать русскую землю отъ жидовъ и ляховъ, и очищали ее такъ, что только пепелъ и кровь оставались тамъ, гдѣ они проходили. Дворяне, ксендзы, уніятскіе священники и евреи, заслышавъ о приближеніи *гайдамаковъ*, убѣгали опрометью, оставляя все свое имущество, лишь-бы спасти головы. Но и это имъ удавалось рѣдко, потому что вся прислуга панская состояла изъ русскихъ, и она сама зазывала гайдамаковъ на своихъ пановъ.

Духовенство, съ своей стороны, проповѣдывало всеобщее возстаніе и призывало народъ на защиту православія: народъ западной Руси или поднимался, или готовился подняться; католическіе костелы подвергались по-

руганію и разграбленію, ксендзовъ вѣшали вмѣстѣ съ жидами и собаками, латинскихъ покойниковъ вырывали изъ могилъ и ругались надъ ними; живыхъ же, особенно евреевъ, истребляли цѣлыми толпами вдругъ, и такъ свирѣпствовали на обоихъ берегахъ Днѣпра, въ Подоліи и Сѣверской землѣ. Польская шляхта, владѣвшая имѣніями въ русскихъ земляхъ, либо разбѣгалась, стараясь пробраться въ Польшу, либо иногда, собравшись вокругъ какого-нибудь магната, запиралась въ его замкѣ, и случалось, хотя и рѣдко, что успѣвала отбиться отъ страшныхъ гайдамаковъ. Между такими панами, которые стыдились уходить отъ казаковъ и крестьянъ, замѣчательнѣе всѣхъ былъ Вишневецкій. Происходилъ онъ изъ стариннаго православнаго рода, одинъ изъ его предковъ былъ даже гетманомъ надъ казаками, но самъ онъ перешелъ въ латинство и съ большимъ усердіемъ строилъ костелы, утѣснялъ православіе и обращалъ въ унію. Узнавъ о движеніи казаковъ и крестьянъ, онъ собралъ всю свою челядь, нѣсколько сотъ человѣкъ мелкой шляхты, жившей въ его обширныхъ имѣніяхъ, и выступилъ съ ними противъ гайдамаковъ, совершая надъ ними такія жестокости, какія они совершали надъ поляками и евреями.

Между тѣмъ царствовавшій въ Польшѣ король Владиславъ умеръ. Слѣдовало приступить къ избранію новаго государя, и неурядица въ польскомъ управленіи сдѣлалась хуже прежняго. Со времени пораженія Потоцкаго все собирались и не могли собраться послать новое войско противъ казаковъ. Наконецъ собрались и назначили трехъ начальниковъ. Согласія между ними не было: «У пановъ Богъ умъ отнялъ, говорилъ о нихъ Хмельницкій; каждый хочетъ быть старшимъ, а гдѣ старшихъ много, тамъ войско нездорово». Но паны думали высоко о себѣ и о своемъ войскѣ. «Противъ такой сволочи, говорили они о казакахъ, не стоитъ тратить пуль; мы ихъ плетьми разгонимъ». Хмѣльницкій выступилъ противъ нихъ изъ Бѣлой-Церкви, собравъ прежде всѣ гайдамацкія партіи. Такимъ образомъ у него составилось войско тысячъ въ полтораста, несравненно больше, чѣмъ у поляковъ. Хмельницкій встрѣтился съ ними недалеко отъ Константинова и еще разъ жестоко разбилъ ихъ. Затѣмъ они возвратились въ Польшу, гайдамаки опять разсыпались во всѣ стороны, а гетманъ отправился въ Галицкую Русь, гдѣ, при его приближеніи, народъ точно такъ же, какъ и въ остальной Руси, поднялся противъ своихъ пановъ. Изъ Галиціи онъ перешелъ въ восточную часть нынѣшняго царства Польскаго, гдѣ тоже жилъ и живетъ народъ русскаго происхожденія. И здѣсь крестьяне встрѣчали его какъ освободителя. Такимъ образомъ вся земля русская, 250 лѣтъ уже бывшая подъ польскимъ владычествомъ, приступила къ великому союзу.

Такого всеобщаго возстанія еще не было ни разу, и ни разу Рѣчь Посполитая не находилась въ такой страшной опасности. Татаре, которые въ первое время слѣдовали только издали за казаками, послѣ первыхъ успѣховъ сдѣлались горячими ихъ союзниками. Крымскій ханъ, довольный множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею, которыми снабжалъ его Хмельницкій, представилъ султану турецкому, что и ему самому, султану, будетъ выгодно тѣснѣе сойтись съ казаками. Къ Хмельницкому прибылъ посолъ изъ Константинополя. Гетманъ обласкалъ его и обѣщалъ уступить ему часть своихъ завоеваній съ тѣмъ, чтобы турки, въ случаѣ надобности, пособили казакамъ отторгнуть Русь отъ Польши.

Отъ господарей валахскаго и молдавкаго, отъ князя седмиградскаго точно также пріѣзжали къ Хмельницкому посланники; наконецъ и съ московскимъ царемъ казачій вождь вступилъ въ сношенія, совѣтуя ему воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши и возвратить Смоленскую и Сѣверскую земли. Посреди всѣхъ этихъ гонцовъ и пословъ, получая грамоты сильныхъ государей, Хмельницкій и самъ имѣлъ видъ какъ бы государя или независимаго владѣтеля, хотя въ жизни своей ни на шагъ не отступалъ отъ обыкновенной казачьей простоты и изъ золотыхъ чаръ пилъ простую горѣлку. Въ началѣ 1649 г., возвратившись изъ подъ Львова и Замостья, Хмельницкій вступилъ въ Кіевъ при звонѣ колоколовъ; встрѣченный духовенствомъ, самимъ митрополитомъ, окруженный безчисленными толпами народа, онъ ѣхалъ подъ войсковымъ знаменемъ, держа въ рукахъ гетманскую булаву.

Между тѣмъ избранъ былъ наконецъ на польскій престолъ новый государь—Янъ Казимиръ. Про него говорили, что онъ ласковъ, снисходителенъ, насилія не терпитъ и готовъ защищать русскую церковь отъ католиковъ и уніятовъ. Говорили также, что онъ обвинялъ самихъ поляковъ за нынѣшнее казачье возстаніе и будто-бы однажды выразился такъ: «Не слѣдовало у Богдана отнимать его хутора, срамить жены и убивать его сына». Слыша про все это казаки были довольны. И точно, первою заботою новаго короля было послать къ казакамъ слово милости и прощенія. Выбранъ для этого былъ человѣкъ знатный, русскаго происхожденія и православной вѣры, по имени Адамъ Кисель. Хмельницкій принялъ королевскихъ пословъ въ Переяславлѣ. Онъ хотѣлъ показаться имъ во всемъ своемъ величіи и могуществѣ: надъ нимъ держали бунчуки, полковники окружали его, держа въ рукахъ свои полковничьи булавы. Кругомъ толпился народъ, потому что свиданіе было на площади. Когда послы передали грамоту королевскую и осыпанную дорогими камнями булаву, то Кисель началъ говорить рѣчь; но одинъ изъ полковниковъ перебилъ его: «Кисель! Ты кость отъ костей нашихъ, и ты отщепился отъ насъ и присталъ къ ляхамъ!»—Хмельницкій приказалъ не мѣшать послу, но какъ было заставить молчать цѣлую толпу народа! «Зачѣмъ вы принесли эти *цацы*? Хотите обмануть насъ!» закричалъ одинъ. — «Не обманете!» подхватилъ другой. «Пусть за вами остается ваша Польша, а Украина намъ, казакамъ, пускай остается». Хмельницкій былъ въ этотъ разъ спокоенъ и вѣжливъ, но это было только одинъ разъ. Когда начались переговоры, онъ горячился, кричалъ, грозилъ. «Либо мнѣ совсѣмъ войскомъ запорожскимъ пропасть, либо землѣ Польской со всѣми сенаторами, *дуками*, корольками и шляхтою сгинуть!» Кисель упрашивалъ Хмельницкаго, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ написалъ, въ чемъ состоятъ его желанія, и что, по его мнѣнію, долженъ сдѣлать король, дабы успокоить Русь. На это Хмельницкій написалъ слѣдующія условія: чтобы и памяти и слѣда уніи не было на Руси; чтобъ кіевскій митрополитъ былъ первымъ сенаторомъ послѣ примаса; чтобъ всѣ воеводы, каштеляны и другіе сановники на Руси были изъ православныхъ; чтобъ казачьему войску были подтверждены его стародавнія права; чтобъ во всей Украйнѣ не оставалось ни одного жида; чтобъ гетманъ зависѣлъ отъ одного только короля. Съ этимъ и уѣхало польское посольство.

Условія Хмельницкаго были отправлены для утвержденія королемъ и

сеймомъ, а между тѣмъ положено было, чтобы и съ русской, и съ польской стороны быть перемирію. Но перемиріе было плохо соблюдаемо: опять начали бродить шайки гайдамаковъ, опять нѣкоторые паны польскіе съ жолнерами и слугами своими нападали на русскія деревни. Тѣхъ и другихъ трудно было теперь успокоить. Въ Кіевѣ, напримѣръ, поляки, надѣясь на перемиріе, стали показываться на улицахъ; народу это не понравилось, и однажды онъ побросалъ въ Днѣпръ слишкомъ сто человѣкъ вдругъ. А какъ между тѣмъ срокъ перемирія оканчивался, то Хмельницкій сталъ исподволь подвигаться къ польской границѣ. Со всѣхъ сторонъ стекался къ нему народъ: русскіе крестьяне, волохи, сербы, донскіе казаки, даже черкесы пристроивались къ казакамъ; сильная орда татарская къ нимъ тоже примкнула. Между тѣмъ и изъ Польши выступило войско и расположилось близь замка Збаражъ, на Волыни. Войско это однакожь было слабо въ сравненіи съ казачьимъ. Присоединился къ нему князь Вишневецкій съ нѣсколькими тысячами своихъ слугъ и пріятелей, а Вишневецкій даже безъ войска своего, самъ лично былъ уже большою помощью, потому что не было между панами человѣка столь рѣшительнаго и смѣлаго, какъ онъ, и столько любимаго жолнерами и шляхтою.

Узнавъ о приближеніи несмѣтной казачьей силы, поляки окопались въ своемъ обозѣ. Подступивъ къ нимъ, татаре и казаки захотѣли овладѣть ими съ налета, но это не удалось. Тогда Хмельницкій обложилъ польскій обозъ кругомъ, велѣлъ насыпать валъ и, поставивъ на него пушки, открылъ по полякамъ сильный огонь. Поляки подняли свои окопы выше; поднялъ и свои Хмельницкій, такъ что не только изъ пушекъ, но и изъ ружей можно было въ польскомъ обозѣ бить на выборъ. Поляки пришли было въ отчаяніе и уже говорили, чтобъ сдаться; но Вишневецкій и нѣкоторые другіе начальные люди удержали ихъ. Внутри окопа стали дѣлать другіе окопы; каждая хоругвь обводила около себя небольшой валикъ, чтобы за нимъ найти защиту, или вырывала въ землѣ для себя логовище. Поляки рылись, какъ кроты, но не сдавались. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: отъ множества убитыхъ воздухъ сдѣлался смраднымъ, провіантъ весь вышелъ, такъ что не только простые жолнеры, но и самые знатные паны принуждены были ѣсть крысъ и падаль. Казаки же съ своихъ укрѣпленій подсмѣивались и ругались надъ ними: «Когда вы, панове, станете на Украинѣ собирать чиншъ (оброкъ)?» кричали они имъ, издѣваясь. «Вотъ вамъ аренды, вотъ ставщины, вотъ пересуды, вотъ сухомельщины» (разные сборы, которые взыскивали паны съ своихъ крестьянъ). Приходилось все это выслушивать полякамъ, но они все-таки не сдавались. Вишневецкій стыдилъ трусливыхъ, а нѣкоторыхъ изъ своихъ рукъ закалывалъ; обнадеживалъ другихъ на скорую помощь и всегда былъ на ногахъ, не зналъ ни отдыха, ни покоя. «Лучше умремъ всѣ до единаго, чѣмъ порадуемъ подлое холопство нашею трусостью», говорилъ онъ. Пока все это происходило на Волыни, король по всей Польшѣ объявилъ «посполитое рушеніе», т. е. поголовное вооруженіе шляхетства, и самъ принялъ надъ нимъ начальство. Хмельницкій кинулся на встрѣчу королю подъ городомъ Зборовомъ. Началась страшная рѣзня. Король самъ не жалѣлъ своей головы и кидался туда, гдѣ было болѣе опасности. Бой продолжался до глубокой ночи. Поляки не дали одолѣть себя, но они были

окружены со всѣхъ сторонъ, и держаться долго имъ не было никакой возможности. Когда наступила ночь и сѣча должна была прекратиться, знатнѣйшіе паны собрались къ королю и стали убѣждать его, чтобъ онъ, спасая свою жизнь, постарался тайно уйдти изъ обоза. «Никогда, отвѣчалъ онъ, не покажу я примѣра гнусной трусости. Я готовъ жить и умереть съ вами. Онъ приказалъ окапывать обозъ и готовиться на утро къ послѣднему бою. Дѣйствительно, какъ только засіялъ день, началась сѣча. Неоконченные окопы не могли выдержать сильнаго напора. Казаки ворвались въ польскій обозъ и внутри его рѣзали, истребляли все, что имъ попадалось. Нѣсколько хоругвей собралось вокругъ короля, чтобъ защищать его до послѣдней крайности... Въ это время неожиданно раздались крики: «Згода! Згода!» Это Хмельницкій приказалъ остановить бой. Онъ не хотѣлъ, какъ говорилъ и прежде, воевать противъ своего государя, а истреблялъ пановъ и ксендзовъ, да ихъ пособниковъ жидовъ, угнетавшихъ Русь. Когда битва прекратилась, прибыли гонцы отъ Хмельницкаго и отъ хана, предлагая окончить дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ. Нѣсколько времени король и паны не рѣшались было вступить въ переговоры съ возмутившимися холопами, какъ называли они украинцевъ; но наконецъ рѣшились, и слѣдующія условія были тогда утверждены. Все случившееся предавалось забвенію; казакамъ разрѣшалось быть въ числѣ 40,000 и жить въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Полтавской и Черниговской; обѣщано было, что коронныя войска не будутъ вступать въ ту часть Руси, гдѣ дозволялось жить и селиться казакамъ; евреямъ не дозволено было тамъ жить; всѣ должности въ этой части Руси положено было раздавать только православнымъ; относительно уніи опредѣлено было сдѣлать особое постановленіе, съ согласія кіевскаго митрополита; іезуитамъ запрещалось находиться въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ существуютъ русскія школы; кіевскому митрополиту дано право засѣдать въ сенатѣ. Когда эти условія были подписаны королемъ, Хмельницкій просилъ дозволенія принести свою и народа русскаго признательность королю; бывъ къ нему допущенъ, онъ, ставъ на колѣна, сказалъ ему: «Много уже лѣтъ, найяснѣйшій и могущественнѣйшій государь, свирѣпая и кровавая ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ была обращена на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами они топтали привиллегіи нашихъ старшинъ, считали казаковъ запорожскихъ не войскомъ величества твоего, а своими рабами. Священники наши для нихъ были хуже магометанъ. Захвативъ въ государствѣ власть, они не давали намъ свободнаго голоса на сеймахъ; насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго рода мы претерпѣвали отъ нихъ безнаказанно. Прости смѣлости рѣчи моей, государь милостивый; мы не обманывали тебя, представляя причины, вынудившія насъ защищать жизнь свою. Терпѣніе наше лопнуло, мы принуждены были заключить союзъ съ чужестранцами и употребить ихъ помощь противъ шляхетства. Какъ осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь свою и имущество, что свойственно даже животному? Скотъ, если его мучатъ, бодается. У меня въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ вашего величества, государя нашего милостиваго и невиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали казаковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ!»

Если сравнить зборовскій договоръ съ тѣми условіями, которыя были переданы Хмельницкимъ Киселю, и особенно съ тѣмъ, что гетманъ нѣсколько разъ говорилъ послу королевскому въ Переяславлѣ, то окажется большая разница. Въ Переяславлѣ Хмельницкій говорилъ за весь народъ западной Руси, а въ зборовскихъ статьяхъ шла рѣчь только о казакахъ, да о той странѣ, гдѣ имъ разрѣшалось жить, и которую обыкновенно называютъ Украйною. Казачество уже начинало отдѣляться отъ остального народонаселенія. Очевидно, что положеніе Хмельницкаго, не взирая на его побѣды, было довольно затруднительно: правда, крымцы были его союзниками, но между ними и гетманомъ нерѣдко происходили ссоры; они безпрестанно требовали денегъ и подарковъ, грозя въ противномъ случаѣ уйдти въ Крымъ. Для нихъ ничего не значило бы даже вдругъ перейдти на сторону поляковъ, если бы король обѣщалъ болѣе добычи, чѣмъ казаки. На такихъ союзниковъ положиться было нельзя, а безъ союзниковъ одному Хмельницкому противъ Рѣчи Посполитой устоять было трудно. Поэтому онъ искалъ помощи у сосѣднихъ государей. Султанъ охотно вызывался на союзъ съ нимъ, требуя однако его подданства; но Хмельницкій боялся, что такой союзъ съ басурманами не понравится народу и особенно духовенству. Московскій царь, которымъ въ это время былъ Алексѣй, сынъ Михаила Θеодоровича, не оказалъ ему помощи во время послѣдней войны съ поляками; но народъ, а особенно чинъ духовный, былъ, не взирая на то, расположенъ искать у него покровительства и защиты. Посолъ царскій, который въ это время пріѣзжалъ къ Хмельницкому, писалъ въ Москву, что народъ вообще склоненъ къ государю православному и желаетъ быть подъ его высокою рукою. Хмельницкій самъ хоть и досадовалъ на неподаніе царемъ помощи, но разсыпалъ предъ его посланникомъ льстивыя рѣчи. «Если Богъ насъ помилуетъ, отъ проклятыхъ ляховъ освободитъ, то я, гетманъ, и войско иного государя, кромѣ великаго государя, свѣтила русскаго, имѣть не будемъ». Такъ говорилъ Богданъ, но на слова лукаваго старика положиться было нельзя. Вѣрно было только то, что онъ безъ союзниковъ и покровителей не надѣялся одолѣть польской силы и предвидѣлъ, что зборовскому договору существовать недолго. Въ Варшавѣ были этимъ договоромъ очень недовольны. Сеймъ и паны радные едва-едва согласились его утвердить, да и то съ непремѣннымъ намѣреніемъ нарушить его при первомъ случаѣ. Они даже нарушили его немедленно, не допустивши кіевскаго митрополита на сеймъ. Недовольны были и жители земель русскихъ, не попавшіе въ число условленныхъ 40,000 казаковъ. «Гдѣ же обѣщанія гетмана? кричали они; развѣ мы тоже не были казаками? А теперь опять будетъ панщина». И точно: паны, которые во время возстанія повыбрались изъ русскихъ земель, стали возвращаться въ свои помѣстья и требовать отъ своихъ крестьянъ прежнихъ работъ и прежнихъ поборовъ. Нѣкоторые начинали дѣлать отместки за разореніе своихъ усадьбъ и за понесенныя обиды. Народъ съ своей стороны начиналъ разбѣгаться и собираться въ гайдамацкія шайки. По всему становилось замѣтно, что тишинѣ не устоять, и дѣйствительно, въ началѣ 1651 г. началась рѣзня.

Хмельницкій, предвидя, что войнѣ быть неибѣжно, держалъ татаръ наготовѣ, а чтобъ помощь съ ихъ стороны была вѣрнѣе, онъ ласкался къ турецкому султану, отъ котораго татаре зависѣли. Еще въ началѣ года онъ послалъ повѣстить хана, чтобъ онъ, не мѣшкавъ, шелъ на

помощь. Но ханъ не торопился на этотъ разъ, а безъ него Хмельницкій не рѣшился выступить на встрѣчу королевскому войску, которое было притомъ въ этомъ году особенно многочисленно. Хмельницкій и потому еще не рѣшался идти на короля безъ союзниковъ, что народъ не такъ охотно стекался по его призыву, какъ прежде, недоволенъ будучи за то, что былъ совершенно забытъ въ зборовскихъ статьяхъ. Наконецъ прибылъ ханъ; соединившись съ нимъ, казаки двинулись противъ поляковъ. Начался бой близъ рѣки Стыри у Берестечка. Татаре не выдержали и побѣжали. Хмельницкій кинулся къ хану убѣждать его, чтобъ онъ воротилъ своихъ татаръ. Но тотъ только пришпоривалъ коня, а когда гетманъ ему надоѣлъ своими просьбами и упреками, то онъ велѣлъ захватить и его съ собою. «Ты самъ виноватъ, говорилъ онъ; увѣрилъ меня, что поляковъ мало. Будешь у меня въ плѣну, пока не заплатишь вмѣсто поляковъ мнѣ и моимъ мурзамъ».

Между тѣмъ поляки стали крѣпко напирать на казаковъ. Тѣ мѣшались и путались, однако, огородившись по обычаю повозками, держались нѣсколько дней; но, потерявъ наконецъ надежду, пустились на утекъ топкими болотами, къ которымъ примыкалъ ихъ обозъ. Множество казаковъ и еще болѣе бывшихъ съ ними крестьянъ при этомъ потонуло, другіе были настигнуты поляками; самая большая часть умерла съ голоду въ дремучихъ лѣсахъ, которые тянутся по Стыри и Припети. Долго на Украйнѣ не было никакихъ вѣстей ни о гетманѣ, ни о казакахъ. Наконецъ онъ явился, вырвавшись кое-какъ изъ рукъ татаръ, почти голый; затѣмъ начали появляться и бѣглецы изъ подъ Берестечка, отощалые, изнуренные, едва волоча ноги. Отъ цѣлыхъ полковъ едва возвращалось по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Но это было еще не все: возстаніе, которое тоже было, хоть и не очень сильное, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, было подавлено литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ. Гоня передъ собою казаковъ, которые были въ Сѣверской странѣ, онъ шелъ вдоль Днѣпра къ Кіеву и овладѣлъ имъ. Потоцкій въ то же время шелъ къ Кіеву же изъ-подъ Берестечка.

Противъ соединенныхъ войскъ, польскаго или короннаго и литовскаго, Хмельницкому не съ чѣмъ было стать. Страшное пораженіе, понесенное казаками, хоть и не сломило русскаго народа, который опять началъ собираться въ гайдамацкія партіи, но уничтожило большое войско гетмана. Тогда онъ послалъ къ Потоцкому письмо, прося мира и свидѣтельствуясь Богомъ въ своей преданности королю. Потоцкій согласился вступить въ переговоры; но когда казаки заикнулись о подтвержденіи зборовскихъ статей, то онъ хотѣлъ ихъ перевѣшать. Хмельницкій понималъ, что послѣ неудачи нельзя надѣяться на выгодный миръ, и рѣшился сдѣлать уступки. Число казаковъ должно было не превышать двадцати тысячъ; имъ было дозволено сохранить свои старинныя права и жить только въ Кіевскомъ воеводствѣ (Кіевской и Полтавской губерніяхъ); всѣ прочіе простолюдины западной Руси были признаны крестьянами, и имъ было приказано постарому служить своимъ помѣщикамъ; гетманъ казачьяго войска былъ подчиненъ коронному; объ уніи не было сказано ни слова; о правѣ кіевскаго митрополита засѣдать въ сенатѣ— тоже; войску королевскому не дозволялось квартировать только въ казачьихъ мѣстечкахъ; евреямъ разрѣшалось попрежнему вездѣ жить, арендовать имѣнія и пр. Таковы были тяжелыя условія, подписанныя въ

Бѣлой-Церкви. Но если зборовскій договоръ не устоялъ, то не устоять было и бѣлоцерковскому. Самъ Хмельницкій не думалъ его исполнять, а чернь и казаки не хотѣли знать его. Видя, что прежніе паны возвращаются въ свои помѣстія, они ихъ грабили и сожигали имѣнія, или же, бросивъ свои домы и забравъ съ собою, что было полегче, перебирались за Днѣпръ въ Московское царство. Многія тысячи перешли такимъ образомъ. Царь Алексѣй принималъ ихъ охотно и отводилъ имъ земли по Ворсклѣ, по Донцу и въ другихъ незаселенныхъ мѣстахъ. Такъ выстроились казачьи слободы, а нынѣ города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ и многіе другіе. Хмельницкій, видя, что народъ тянетъ къ царству православному, и что на татаръ и турокъ мало надежды, сильнѣе прежняго сталъ упрашивать въ Москвѣ, чтобъ царь принялъ подъ свою руку народъ украинскій. Долго не рѣшался на это царь, но наконецъ, въ 1653 г. осенью, онъ собралъ земскую думу, чтобы, по общему приговору, принять или отвергнуть ходатайство Хмельницкаго.

Въ самый Покровъ день, отслушавъ обѣдню, которую совершалъ патріархъ Никонъ, царь вступилъ въ Грановитую палату, гдѣ уже ожидали его выборные люди отъ духовнаго и свѣтскаго чина всего государства Московскаго. По знаку царя дьякъ сталъ громко читать, что гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ въ прошедшихъ годахъ многократно извѣщалъ государя объ утѣсненіяхъ, которыя терпятъ отъ поляковъ народъ русскій и церковь православная, и просилъ его принять ихъ подъ свою высокую государеву руку. Прочитавъ это, потребовали мнѣнія, какъ поступить. Патріархъ, митрополиты и прочее духовенство, черное и бѣлое, бояре и окольничьи, дѣти боярскія и посадскіе люди единогласно сказали, чтобъ русскій народъ украинскій и литовскій подъ государеву руку принять и войну Рѣчи Посполитой, если нужно, объявить. Тогда царь приказалъ отправить великихъ пословъ къ гетману для принятія присяги на вѣрное подданство отъ него и отъ всего народа русскаго, украинскаго и литовскаго. Главнымъ бояриномъ въ этомъ посольствѣ былъ Бутурлинъ. Въ послѣдній день 1653 г. онъ съ товарищами прибылъ въ Переяславль, гдѣ была назначена на 8 января великая рада. Раннимъ утромъ ударили въ литавры, на городскую площадь повалилъ народъ, потомъ явился туда старый гетманъ подъ бунчуками и войсковой старшина. Поклонясь на всѣ стороны, Хмельницкій сказалъ: «Панове полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію и хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя русское не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно, и видно, нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Изберите себѣ государя изъ четырехъ; какого захотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Руси. Царь турецкій—бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья православные христіане, греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ—тоже бусурманъ; хоть мы по нуждѣ и вели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что они лучше почитали жида и собаку, чѣмъ нашего брата христіанина. А православный христіанскій царь восточный

одного съ нами греческаго благочестія, единаго закона и исповѣданія, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ великій царь христіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое христіанское сердце и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то, кромѣ его царской высокой руки, благотишайшаго пристанища не обрящемъ. Кто же съ нами несогласенъ,—тому вольная дорога: идти куда хочешь». Вся толпа на площади переяславской и всѣ тѣ, которые тѣснились вокругъ на заборахъ и на крышахъ, въ одинъ голосъ воскликнули:—«Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!» Спросивши еще разъ, всѣ ли такъ желаютъ, гетманъ сказалъ громкимъ голосомъ: «Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!» А народъ восклицалъ: «Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки всѣ были едино!» Вслѣдъ за тѣмъ были прочитаны казакамъ статьи, по которымъ Украйна подчинялась царю. Статьи эти состояли въ слѣдующемъ: Украйна будетъ управляться тамошними уроженцами; они же будутъ собирать подати въ царскую казну; гетманъ будетъ избираться постаринному, вольными голосами; царь опредѣлитъ жалованье старшинѣ и казакамъ; реестровымъ казакамъ быть въ числѣ 60,000; гетману предоставлялось право попрежнему принимать иностранныхъ пословъ, кромѣ однакожъ отъ польскаго короля и турецкаго султана; казаки просили, и царь согласился, чтобъ въ помощь имъ и для охраненія ихъ границъ было прислано московское войско.

Это происходило въ началѣ 1654 г. Между царемъ и польскимъ королемъ началась изъ-за Украйны война, и война эта шла весьма счастливо для Россіи. Въ Москвѣ знали, что не только на русскихъ земляхъ польскаго короля, но и на литовскихъ живетъ немалое число православныхъ, поэтому, начиная войну, царь обратился къ нимъ съ грамотою, въ которой говорилъ: отъ многихъ временъ обращались къ намъ православные жители Литвы и русскихъ земель, прося помощи и заступленія, «на досадителей святой восточной церкви греческаго закона». И вы-бъ всѣ, заключалъ царь, на супостатовъ восточнаго благочестія возстали. Призваніе это было дѣйствительно многими услышано. Въ Бѣлоруссіи крестьяне охотно принимали царскія войска, нѣкоторые города защищались только для вида, а иные сами отворяли ворота. Войско же литовское постоянно терпѣло неудачи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ русскіе заняли Смоленскъ, Оршу, Минскъ, Могилевъ, Вильну, главный городъ Литвы, доходили до самаго Балтійскаго моря у Риги и овладѣли Дерптомъ, вообще же пріобрѣли болѣе 200 городовъ. Въ то же время Хмельницкій, съ своими казаками, и бояринъ Бутурлинъ, съ небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ, прошли всю Подолію, проникли въ Галицію, радостно встрѣчаемые крестьянами, и принудили Львовъ уплатить себѣ окупъ. Польское государство было въ это время въ самомъ отчаянномъ положеніи. Когда казаки и царскія дружины врывались съ востока, шведскій король, переправившись чрезъ Балтійское море, вступилъ въ Польшу, прошелъ ее съ сѣвера на югъ и занялъ Варшаву и Краковъ. Яну Казиміру не оставалось болѣе мѣста въ своемъ королевствѣ; онъ принужденъ былъ уйти за границу. Царь Алексѣй, по занятіи Вильны, сталъ себя именовать самодержцемъ литовскимъ, волынскимъ и подольскимъ. Когда же король Янъ Казиміръ прислалъ къ царю просить мира, то

московскіе бояре повели съ нимъ рѣчь о томъ, чтобы послѣ смерти короля Яна, который былъ бездѣтенъ, сеймъ избралъ ему преемникомъ Алексѣя Михайловича. Но дѣлу этому трудно было устроиться. Не говоря о католическомъ духовенствѣ, котораго было множество во всѣхъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, и которое было сильно нерасположено къ Россіи, не питала къ ней расположенія и большая часть шляхты, не только въ Литвѣ, но даже и въ русскихъ земляхъ, гдѣ она успѣла уже сильно ополячиться. Были противники московскому подчиненію и между казацкой старшиною, потому что многіе изъ этой старшины были шляхтичи, обучавшіеся въ польскихъ и іезуитскихъ школахъ, и привыкшіе къ необузданной свободѣ, которой, какъ они знали, московскія власти не допускали. Такимъ образомъ, когда Украина, вслѣдъ за Хмельницкимъ, присягала московскому царю, два казачьихъ полковника отказались присягать ему. Одинъ изъ нихъ, Богунъ, скоро принялъ однакожь участіе въ войнѣ противъ поляковъ, а другой, Сѣрко, ушелъ къ запорожцамъ, которые, кому бы ни присягали, служили сегодня одному, а завтра другому. Не безъ розни было и между высшимъ духовенствомъ украинскимъ. Попы были на сторонѣ Россіи, но митрополитъ, которымъ былъ въ это время Сильверстъ Коссовъ, природный шляхтичъ, отказался подчиниться московскому патріарху, признавая надъ собою власть только одного патріарха цареградскаго. Были слухи, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ и засылалъ къ нему просить, чтобъ онъ опять возвратилъ Украйну подъ свою державу. Къ этому присоединить надобно еще, что и Хмельницкій хитрилъ и тянулъ на обѣ стороны, къ Москвѣ и Варшавѣ.

Въ Москвѣ не слишкомъ довѣряли Хмельницкому. Бояринъ Бутурлинъ оказывалъ ему надлежащій почетъ, но зорко за нимъ присматривалъ, и войско московское неотлучно находилось при войскѣ казацкомъ. Старому гетману, который уже привыкъ не знать надъ собою никакой власти и стѣсненія, не нравилось соглядатайство московскаго боярина; онъ увидѣлъ, что подъ крѣпкою московскою властью ему не удастся быть царькомъ на Украйнѣ, а потому и онъ, подобно кіевскому митрополиту, сталъ тайно обсылаться съ польскими панами. Стоя подъ Львовомъ и переговариваясь относительно окупа, онъ выдавалъ себя за вѣрнаго союзника короля польскаго и между прочимъ сказалъ: «Постановляйте, какія хотите, условія съ москалями, я ихъ оставлю и иду въ *свое русское владѣніе*». Быть господаремъ особаго владѣнія, кажется, и было истиннымъ, тайнымъ желаніемъ Хмельницкаго. Объ этомъ онъ договаривался тайно съ королемъ шведскимъ и княземъ семиградскимъ, съ которыми у него положено было раздѣлить польское государство. Но все это было извѣстно въ Москвѣ, а потому и не могло исполниться. Притомъ же приближалась и смерть Хмельницкаго. Онъ умеръ 15 августа 1657 г.

Послѣ смерти Хмельницкаго, гетманомъ былъ избранъ Иванъ Выговскій. Избраніе это было сдѣлано, не обославшись съ Москвою, прежде даже, нежели тамъ узнали о смерти Богдана. Это, разумѣется, не понравилось въ Москвѣ тѣмъ болѣе, что Выговскому тамъ не совсѣмъ довѣряли. Выговскій былъ шляхтичъ, и сердце его лежало къ Польшѣ, ему не столько хотѣлось быть независимымъ господаремъ, сколько польскимъ княземъ и сенаторомъ. Скоро послѣ избранія своего онъ обнару-

жился: московское войско вступило въ Украину, съ тѣмъ-ли, чтобы защищать ее отъ поляковъ, или чтобы не допускать въ ней самой безпорядковъ—неизвѣстно; но Выговскій собралъ раду и объявилъ, что Москва нарушаетъ переяславльскія условія, и что потому онъ не хочетъ быть гетманомъ. Однако рада упросила его остаться.

Между тѣмъ на Украйнѣ было много недовольныхъ избраніемъ Выговскаго, особенно между казаками и жителями лѣваго берега Днѣпра. Они говорили, что избраніе произведено было неправильно, что на избирательной радѣ были почти одни только полковники, да другія лица изъ старшинъ, а простыхъ казаковъ и крестьянъ почти не было. Недовольны были избраніемъ этимъ и въ Запорожьѣ, откуда никого не было на избирательной радѣ. Выговскій собралъ преданные ему полки, выступилъ съ тѣмъ, чтобы смирить своихъ противниковъ, и требовалъ, чтобы московское войско помогло ему. Но воевода московскій, кн. Ромодановскій, не рѣшался этого сдѣлать безъ приказанія отъ царя; онъ видѣлъ, что гетманъ хочетъ употребить московское войско для наказанія людей, наиболѣе преданныхъ царю. Это раздражило Выговскаго: онъ и его приверженцы стали распускать слухи, что царь хочетъ уменьшить казачье войско до 10,000 человѣкъ, да и тѣхъ обратить въ драгуны, «вѣчными невольниками сдѣлать, а женъ заставить ходить въ лаптяхъ». Съ другой стороны, напротивъ, жаловались, что гетманъ собираетъ поборы не въ войсковой скарбъ, а въ свои собственные сундуки, и дѣлится ими со старшиною, что онъ умышляетъ измѣнить царю и призываетъ хана на Украину.

Между тѣмъ пріѣхали польскіе коммиссары. Переговоривъ съ ними и условившись, Выговскій собралъ въ Гадячѣ раду, но на радѣ этой, какъ и на той, которая избрала Выговскаго, было много казачьей старшины, а простыхъ казаковъ и черни было мало. Гетманъ явился туда и привелъ польскихъ коммиссаровъ. Поклонившись радѣ, онъ сказалъ коммиссарамъ, что войско желаетъ мира и союза съ Рѣчью Посполитой. Статьи, на которыя согласились польскіе коммиссары, обѣщали очень много. Украина, которой на этотъ разъ даны были болѣе обширные размѣры, а именно нынѣшнія губерніи: Кіевская, Полтавская, Черниговская съ частью Подоліи и Волыни; Украина должна была примкнуть къ Польскому королевству на тѣхъ же правахъ, какъ Литовское княжество, т. е. высылать на общій сеймъ нѣкоторое число пословъ, имѣть особаго гетмана, маршалковъ, подскарбіевъ и другихъ чиновниковъ и урядниковъ, не иначе какъ изъ русскихъ, а также свои суды и трибуналы; казаковъ и другихъ обывателей украинскихъ король, по представленію гетмана, обѣщалъ дѣлать шляхтичами; изъ духовенства и шляхетства украинскаго должны были нѣкоторые назначаться въ сенатъ; унію положено было совершенно уничтожить.

Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ князю Ромодановскому о переговорахъ въ Гадячѣ и о вступленіи въ Украину татаръ, онъ объявилъ царскую грамоту, въ которой Выговскій провозглашался измѣнникомъ, и казакамъ повелѣвалось избрать себѣ новаго гетмана. Чернь и простые казаки, особенно лѣвобережскіе, толпами повалили къ Ромодановскому, когда къ нимъ дошла эта царская грамота; обозъ гетманскій таялъ, какъ снѣгъ отъ лучей солнца. Выговскій собралъ было раду, чтобь прочесть гадячскія условія, но рада не стала его слушать; гетмана громко упре-

кали въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ накликалъ татаръ на Украину, что онъ ее продаетъ полякамъ. Началась свалка, и дѣло кончилось тѣмъ, что Выговскій принужденъ былъ бѣжать и отдать свою булаву и печать войсковую казакамъ, которые бросились за нимъ въ догонку.

Такъ кончилась затѣя Выговскаго. Но какъ подобная затѣя была не послѣднею на Украйнѣ, то о ней и другихъ ей подобныхъ стоитъ поразмыслить. Хмельницкій задумывалъ устроить особое владѣніе украинское; но онъ только задумывалъ это, а въ дѣйствіе не приводилъ; умный старикъ видѣлъ, что Украинѣ особымъ владѣніемъ быть невозможно, что у нея нѣтъ ни горъ, ни рѣкъ, которыя отдѣляли бы ее отъ Россіи и Польши и могли бы защищать ее въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны. Онъ видѣлъ также, что простонародье, рядовые казаки и низшее духовенство сильно тянутъ къ Москвѣ, а часть войсковой старшины и шляхты къ Польшѣ, что поэтому, въ случаѣ войны съ Россіей или Польшей, въ Украйнѣ всегда будетъ много людей, готовыхъ передаться, и слѣдовательно ослабить украинскія силы. И такъ оставалось рѣшить, куда выгоднѣе было Украинѣ примкнуть, къ Москвѣ или Польшѣ. По мнѣнію Хмельницкаго, къ Москвѣ; по мнѣнію Выговскаго, къ Польшѣ. Кто же изъ этихъ двухъ людей смотрѣлъ прямѣе и видѣлъ вѣрнѣе? Это рѣшилъ самъ народъ украинскій: за Польшу были сотни, или, можетъ быть, тысячи человѣкъ, а за Россію милліоны.

Измѣна Выговскаго сильно встревожила Москву. Надо не забывать, что война съ Польшею еще продолжалась, и именно въ это время русскія рати въ Литвѣ потерпѣли большія неудачи. Причиною этихъ неудачъ было отчасти неискусство воеводъ, а еще болѣе безпорядки и насилія, которыя дозволяли себѣ ратные люди. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Оршѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ царскія войска были встрѣчаемы съ хлѣбомъ-солью, ихъ теперь истребляли сами жители, или наводили на нихъ поляковъ. Польскому королю удалось притомъ отбиться отъ шведовъ, а потому онъ могъ обратить всѣ свои силы противъ русскихъ. Къ довершенію затрудненій Выговскій замутилъ Украину.

Измѣна Украины была однако не всеобщая: почти весь лѣвый берегъ Днѣпра и Запорожье остались вѣрны, но Заднѣпровье сильно бушевало. Московскіе бояре, надѣясь, что имя Хмельницкаго опять соединитъ казаковъ воедино, отыскали его сына Юрія и поставили его гетманомъ. Но Юрій Хмельницкій былъ еще очень молодой человѣкъ, слабый умомъ и характеромъ. Его окружила старшина, по большей части преданная Польшѣ, и увлекла за собою. Тогда началась совершенная неурядица: то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ казаки собирались и избирали себѣ гетмана; эти гетманы называли одинъ другого измѣнникомъ, вели свои полки другъ противъ друга, и дѣла до такой степени перепутались, что уже трудно было разобрать, кто стоитъ за Москву, кто за Польшу. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ появились татаре, принялись жечь и грабить и уводить въ плѣнъ, не разбирая, кто имъ союзникъ, кто врагъ.

Надо было однакожъ вывесть страну изъ этого жалкаго состоянія: нужно было выставить знамя, около котораго люди могли бы сражаться: нужно было дать Украинѣ гетмана. Но гдѣ было взять человѣка, котораго имя, какъ знамя, собрало бы вокругъ себя украинскій народъ? Такого человѣка не было. Многіе полковники посылали въ Москву гра-

моты и гонцовъ съ завѣреніями въ преданности, но и Выговскій не переставалъ увѣрять въ ней, даже послѣ гадячской рады; подобныя же увѣренія не переставалъ посылать и Юрій Хмельницкій. Какъ же было положиться на слова такихъ людей? Надежнѣе прочихъ казался кошевой атаманъ запорожскій Иванъ Брюховецкій; вотъ что о немъ писали русскіе воеводы въ Москву: «Хотя не ученъ да уменъ, и ужасть какъ воровать исправенъ»; посадивъ его на границѣ, «можно спать въ Москвѣ безъ торопливости».

Брюховицкій былъ точно не глупый казакъ, но лживый и притомъ злой. Запорожцы любили его, но онъ имѣлъ худую славу на Украинѣ; однако, такъ какъ не было другаго человѣка, на котораго можно было бы положиться, Москва рѣшилась его поддерживать. Избирательная рада собралась въ Нѣжинѣ, и хоть всѣ рады казацкія не обходились безъ шума, но подобной нѣжинской радѣ врядъ-ли когда бывало: запорожцы силою отбили другихъ кандидатовъ и угрозою заставили признать Брюховецкаго гетманомъ. Новый гетманъ далеко не оказался человѣкомъ, какой былъ нуженъ въ то время Украинѣ, человѣкомъ, который могъ бы собрать вокругъ себя разметавшійся на всѣ стороны народъ и успокоить страну. Онъ понималъ и любилъ только крутыя мѣры, производилъ казни, лишалъ города привиллегій, отбиралъ имѣнія у монастырей и пользовался общественными деньгами. Поэтому ни духовенство, ни горожане не любили его, и назначеніе его въ гетманы не усилило Россіи на Украйнѣ.

Между тѣмъ въ Заднѣпровьѣ Хмельницкій, наскучивъ неурядицей, которая была вокругъ него, и не имѣя силъ съ нею управиться, пошелъ въ монастырь, уступивъ мѣсто человѣку болѣе способному жить и дѣйствовать среди всеобщей сумятицы. Человѣкъ этотъ былъ Петръ Дорошенко. Послѣ смерти стараго Богдана никто не пользовался на Украйнѣ такою извѣстностью и славой, какъ онъ. Извѣстность эта и истинно казацкая удаль привлекали къ нему даже лѣвобережскихъ казаковъ, недовольныхъ Брюховецкимъ. Онъ опять пробудилъ мысль о независимости Украины и, чтобы отбиться въ одно время и отъ Москвы, и отъ Польши, рѣшился поддаться турецкому султану. Втянутый противъ воли въ войну съ Турціей, король польскій пожелалъ примириться съ Россіей, чего не менѣе его желалъ и царь. Русскіе и польскіе послы съѣхались въ селеніи Андрусовѣ и, послѣ долгихъ споровъ, постановили перемиріе (1667) на тринадцать лѣтъ, на такихъ условіяхъ: границѣ между Русскимъ и Польскимъ государствами быть по Днѣпру, причемъ земли Смоленская и Сѣверская отходили къ Россіи; Кіеву, хотя и находящемуся на правомъ берегу этой рѣки, оставаться за Россіей два года; Запорожью быть въ повиновеніи какъ царю, такъ и королю.

Въ Россіи были очень довольны андрусовскимъ миромъ и особенно радовались возвращенію Кіева, надѣясь удержать его не на два года, а навсегда; но на Украйнѣ хотя и были довольны тѣмъ, что старинный православный Кіевъ былъ изъятъ изъ-подъ власти поляковъ, однакожь сильно негодовали на то, что Украина была разорвана на двѣ части.

LXXXII. ДОРОШЕНКО И ТУРЕЦКОЕ ВМѢШАТЕЛЬСТВО ВЪ МАЛОРОССІЙСКІЯ ДѢЛА.

(По «Исторіи Малороссіи» Маркевича).

Андрусовскій договоръ раздѣлилъ Малороссію на двѣ части, что очень не нравилось какъ казакамъ, такъ и простому народу. Гетманъ западной стороны Дорошенко задумалъ поэтому воспользоваться всеобщимъ неудовольствіемъ и добиться не только цѣлости, но и независимости Малороссіи. Тѣмъ не менѣе самъ онъ не былъ на столько вліятеленъ, на сколько Хмельницкій, по слову котораго вся Украина единодушно бралась за оружіе. Да наконецъ и борьба, предпринятая во имя независимости Малороссіи, вызывала не только примиреніе, но даже союзъ между двумя могущественными государствами, Польшею и Россіею, противъ соединенныхъ силъ которыхъ Дорошенко не въ состояніи былъ бороться безъ посторонней помощи, тѣмъ болѣе, что въ самой Украинѣ были партіи, исключавшія возможность единодушнаго дѣйствія. Запорожскій атаманъ Сирко ненавидѣлъ Дорошенка, иные изъ старшинъ льнули къ Польшѣ, иные къ Московскому государству. Желая во что-бы то ни стало добиться своей цѣли, хотя-бы и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Дорошенко обратилъ свои взоры на Турцію, и подданствомъ Малороссіи султану, подданствомъ, конечно, болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, онъ разсчитывалъ купить содѣйствіе турецкихъ и татарскихъ силъ для веденія борьбы съ польскимъ и московскимъ правительствами.

Побуждаемый клевретами Дорошенка, султанъ сталъ заявлять самыя высокомѣрныя требованія на счетъ Малороссіи польскому посланнику въ Константинополѣ; когда-же посланникъ отвѣчалъ на нихъ отрицательно и заявилъ, что западная Украина есть достояніе Польши, а вмѣшательство посторонней державы во внутреннія дѣла Польши не можетъ быть терпимо, то султанъ велѣлъ посадить его въ Семибашенный замокъ и послалъ сказать хану, чтобы тотъ съ восемьюдесятью тысячами своего войска шелъ на соединеніе съ Дорошенкомъ. Такимъ образомъ открылась новая война съ Польшею. Но уже съ самаго-же начала обнаружилось, что Дорошенко не пользуется между казаками полною симпатіею. Сирко и запорожцы не только отказались дѣйствовать заодно съ нимъ, но даже лишили его татарской помощи, сдѣлавъ набѣгъ на Крымъ, когда большинство крымскихъ воиновъ отправилось за свои предѣлы, по приказанію султана, для поддержки Дорошенка. Оставленный крымцами, гетманъ былъ вынужденъ къ миру съ поляками, которые, утомленные и истощенные прежними войнами, легко согласились объявить ему, отъ имени короля, прощеніе и даже сдѣлали нѣкоторыя незначительныя уступки въ пользу гетмана и казацкой старшины.

Но безпокойный Дорошенко не удовольствовался одною попыткою: онъ продолжалъ мечтать объ осуществленіи своихъ завѣтныхъ желаній. Присягнувъ королю, онъ тайно сносился съ московскими боярами, съ Брюховецкимъ, продолжалъ свои сношенія съ турецкимъ правительствомъ и на родинѣ старался приготовить умы къ новому, рѣшительному шагу. Пользуясь нелюбовью казаковъ къ Брюховецкому, Дорошенко ловко под-

велъ подъ него интригу, думая, что, съ исчезновеніемъ гетмана восточной стороны, достигнется соединеніе Малороссіи. Брюховецкій дѣйствительно былъ уничтоженъ, но провозглашеніе Дорошенка гетманомъ обѣихъ сторонъ встрѣтило сильное препятствіе: въ московской половинѣ казаки, преданные царю, выбрали въ гетманы Многогрѣшнаго, и выборъ ихъ былъ подтвержденъ царемъ, въ польской—король назначилъ гетманомъ Ханенка. Закипѣла въ Малороссіи ожесточенная междоусобная война, явились и другіе претенденты на гетманство, напр. Юрій Хмельницкій, сынъ Богдана, который нашелъ себѣ поддержку у хана крымскаго. Дорошенку пришлось опять искать помощи въ Константинополѣ и, для полученія ея, заключить съ султаномъ (1669) договоръ, въ силу котораго казаки объявляли себя подручниками Турціи, за что послѣдняя обязалась ихъ защищать отъ Польши и Россіи и утвердить за Дорошенкомъ пожизненное гетманское достоинство. Хотя магометанская Турція и не пользовалась расположеніемъ православнаго народа и казачества, хотя многіе изъ бывшихъ друзей Дорошенка перешли на сторону его соперниковъ, узнавъ о договорѣ съ султаномъ, тѣмъ не менѣе сначала Дорошенко имѣлъ успѣхъ. Султанскія приказанія отвлекли значительныя татарскія силы отъ Юрія Хмельницкаго и передали ихъ въ распоряженіе Дорошенка. Юрій былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Константинополь, гдѣ ему нашли мѣсто въ Семибашенномъ замкѣ. Почти одновременно съ этимъ и Ханенко потерпѣлъ цѣлый рядъ неудачъ, хотя и не переставалъ воевать съ Дорошенкомъ. Такимъ образомъ Украина раздѣлилась на три гетманства: въ столицѣ своей Батуринѣ сидѣлъ Многогрѣшный, преданный Москвѣ, Чигиринъ былъ мѣстопребываніемъ Дорошенка, гетмана турецкаго, а въ Умани находился Ханенко, сторонникъ Польши. Въ Кальникѣ жилъ присланный изъ Стамбула паша, который выдавалъ отъ имени султана фирманы.

Но военное счастіе вскорѣ измѣнило Дорошенку. Татаре не столько помогали ему, сколько грабили украинскій народъ и этимъ все болѣе и болѣе подрывали авторитетъ гетмана, который долженъ былъ опираться на такихъ союзниковъ; другой помощи Турція не присылала, между тѣмъ какъ къ Ханенку приходили польскія войска. Города Могилевъ, Брацлавъ, Баръ, Немировъ, Ладыжинъ и Рашковъ покорились полякамъ, уманцы нанесли пораженіе самому Дорошенку. Тогда онъ рѣшился обратиться опять въ Москву, писалъ царю о своей готовности служить ему вѣрно, о томъ, что возсталъ собственно противъ поляковъ и желалъ добиться единства своего отечества, а потому будетъ счастливъ, если православный царь возьметъ всю Малороссію подъ свою высокую руку. Но въ Москвѣ не вѣрили въ искренность заявленій вѣроломнаго чигиринскаго гетмана, да и не хотѣли ссориться съ Польшею, а потому на просьбу Дорошенка послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Для блага Украины отстань отъ турокъ и, по андрусовскому постановленію, будь вѣрноподданнымъ короля польскаго.» Дорошенко былъ въ отчаяніи, казалось, насталъ послѣдній часъ его гетманства, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что султанъ Магометъ IV хочетъ окончательно обезпечить за собою обладаніе Украиной, и потому двинулъ туда не только войска Крыма, но и многочисленную турецкую рать. Хотя султанъ направилъ свои войска на западную сторону, но царь Алексѣй Михайловичъ понималъ, что и восточная не безопасна въ случаѣ, если турки утвердятся въ западной, а потому рѣ-

LXXXIII. РАЗВИТІЕ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Изъ соч. Хлѣбникова: «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи»).

Единственный классъ общества, который все потерялъ и ничего не выигралъ въ смутное время,—крестьяне. Царская власть должна была принести въ жертву соціальной необходимости интересы крестьянъ, потому что ихъ прикрѣпленіемъ она пріобрѣтала себѣ расположеніе всѣхъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые составляли опору государства.

Но если царская власть сознавала необходимость этой уступки, то она дѣлала её неохотно; да о на и не могла повернуть дѣло круто, потому что у всѣхъ на памяти было смутное время, и ей предстояло бороться съ сильнымъ врагомъ въ лицѣ польскаго королевича Владислава. Быстрое развитіе бунта Разина и огромное вліяніе на крестьянъ его «прелестныхъ листовъ» доказало, какъ могло быть опасно крестьянское движеніе въ расшатавшемся послѣ смутнаго времени государственномъ строѣ, если пятьдесятъ лѣтъ государственной дѣятельности едва могли дать государству столько силъ, чтобы бороться съ опаснымъ возстаніемъ. Въ силу этой необходимости прикрѣпленіе крестьянъ при Михаилѣ носило еще очень мягкій характеръ: оно совершилось вполнѣ только въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Очень хорошо понимая положеніе дѣлъ, Михаилъ не спѣшилъ удовлетворить настоятельныя просьбы дѣтей боярскихъ о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ съ правомъ безсрочно отыскивать бѣглыхъ, и только въ концѣ царствованія дѣлаетъ неполную уступку ихъ требованіямъ. До 1637 г. оставался въ силѣ старый законъ, по которому бѣглые крестьяне отыскивались за пять лѣтъ, и только въ 1637 г. этотъ срокъ былъ удвоенъ. Право срочнаго или безсрочнаго иска бѣглыхъ крестьянъ составляетъ существеннѣйшую часть крѣпостнаго права. Только право безсрочнаго сыска отдаетъ крестьянина вполнѣ во власть помѣщика. Но право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ впродолженіе пяти лѣтъ, и даже десяти лѣтъ, существовавшее отъ 1637 по 1647 г., далеко не отдавало крестьянина въ руки помѣщика и не могло уничтожить конкурренціи, невыгодной для мелкихъ владѣльцевъ. Это ясно видно изъ челобитной, которую подали въ 1642 г. дворяне и дѣти боярскіе. Въ этой челобитной они пишутъ, что богатые помѣщики, вотчинники и монастыри бѣглымъ крестьянамъ на пустыхъ мѣстахъ строятъ слободы, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того стоятъ пусты, а тѣ бѣглые люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы, «надѣясь на тѣхъ сильныхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ-за нихъ подговариваютъ, а домы ихъ пожигаютъ, и разоряютъ всякимъ разореньемъ. Но если даже имъ удастся провѣдать гдѣ живутъ ихъ крестьяне до урочныхъ лѣтъ, то они нигдѣ не могутъ добиться на тѣхъ крестьянъ суда и управы и даже, засудясь, за суднымъ дѣломъ за-вершеньемъ волочатся многое время». На основаніи этой челобитной, срокъ на крестьянъ, взятыхъ насильно изъ-за дворянъ и дѣтей боярскихъ, былъ продолженъ на пятнадцать лѣтъ, а для вышедшихъ добровольно остался все-таки прежній десятилѣтній срокъ.

Но если не было строго прикрѣпленіе помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, то еще менѣе строго было прикрѣпленіе черносошныхъ крестьянъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Главная масса черносошныхъ крестьянъ сосредоточивалась въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ почти не было помѣщиковъ, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ отдаленности отъ Москвы, и въ Сибири. Крестьяне черныхъ сохъ были прикрѣплены еще при Іоаннѣ IV. Но между прикрѣпленіемъ черносошныхъ крестьянъ и прикрѣпленіемъ крестьянъ, живущихъ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, была, кажется, значительная разница, что и должно было вытекать изъ самой сущности дѣла. Крестьяне помѣстные и вотчинные прикрѣплялись столько же къ лицу,

выхъ. А на строеніе пушечное мѣдь привозятъ отъ Архангельскаго города и изъ Шведскаго государства, а иныя пушки подряжаются дѣлать голландцы, любчане и гамбуржцы и привозятъ къ Архангельскому городу. А для порохового строенія учинены на Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ дворы и мельницы; а мастера у того дѣла бываютъ иностранцы и русскіе люди, а работники русскіе люди.

12. Царская Мастерская Палата, въ ней сидитъ стряпчій съ ключемъ да дьякъ, а тотъ стряпчій честью противъ окольничихъ, а въ думѣ не сидитъ. А вѣдомо въ томъ приказѣ его царское платье и всякое одѣяніе и мастеровые люди; а какъ царю на который день платье и шапки всякія выдаютъ, и въ казну принимаютъ назадъ осматривая, съ запискою; а иныхъ дѣлъ, окромѣ того, не бываетъ; да онъ же надсматриваетъ надъ другими стряпчими. И въ ту палату, кромѣ самого царя и тѣхъ людей, входить никто не смѣетъ.

14. Иноземный Приказъ, а вѣдаетъ тотъ приказъ тотъ же бояринъ, что и Стрѣлецкій приказъ, а съ нимъ товарищи, дворянинъ да два дьяка. И вѣдомы въ томъ приказѣ иноземцы всякихъ чиновъ служилые люди, и верстаютъ ихъ за службы изъ чина въ чинъ, которыхъ можно безъ царскаго указу, а иныхъ высокихъ чиновъ безъ царскаго указу не верстаютъ; а кормовое жалованье даютъ имъ помѣсячно, въ Большомъ приходѣ и въ иныхъ приказахъ.

15. Рейтарскій Приказъ, а вѣдаетъ его тотъ же бояринъ, а съ нимъ товарищи, дворянинъ да два дьяка. А бываетъ рейтарамъ сборъ изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, изъ дѣтей боярскихъ, малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ, и изъ недорослей и изъ вольныхъ людей; а жалованье имъ дается изъ Рейтарскаго приказу. А собираютъ тѣмъ ратнымъ людямъ на жалованье деньги, какъ бываетъ сборъ со всего государства для войны.

16. Приказъ Новгородская Четверть, а вѣдаетъ тотъ приказъ посольскій думный дьякъ да дьякъ. А въ томъ приказѣ вѣдомы города: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній Новгородъ, Архангельскій городъ, Вологда и иные поморскіе и пограничные со шведскою границею города; и съ тѣхъ городовъ и торговыхъ людей денежныхъ доходовъ, и таможенныхъ, и кабацкихъ, и соляныхъ, и съ желѣзныхъ и съ иныхъ промысловъ, соберется въ годъ со 100,000 руб. кромѣ того, что произойдетъ въ тѣхъ городахъ на всякіе расходы.

17. Приказъ Устюжская Четверть, а въ немъ сидитъ бояринъ да два или три дьяка. А вѣдомъ въ томъ приказѣ городъ Устюгъ Великій, со всякими податями съ посадскихъ людей и съ волостныхъ и уѣздныхъ крестьянъ, и съ кабаковъ, и съ таможенъ, и со всякихъ откуповъ; а соберется тѣхъ доходовъ въ годъ больше 20,000 руб.

18. Приказъ Костромская Четверть, а въ немъ сидитъ думный дворянинъ, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ города: Ростовъ, Ярославль, Кострома и иные, и доходу съ тѣхъ городовъ, съ посадскихъ людей и таможенныхъ, и кабацкихъ, и иныхъ будетъ 30,000 р.

19. Галицкая Четверть, а въ семъ приказѣ сидитъ бояринъ да два дьяка. А вѣдомъ въ немъ городъ Галичъ съ уѣздомъ во всякихъ доходахъ, а бываетъ приходу на годъ около 12.000 руб.

21. Оружейный Приказъ,—а вѣдаетъ тотъ приказъ окольничій, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ дворы, гдѣ дѣлаютъ оружье, и казенная оружейная палата, и ствольнаго, и ложнаго, и замочнаго, и

инаго дѣла мастера. А берутъ къ тому дѣлу мастеровъ на Москвѣ и изъ городовъ и изъ монастырей кузнецовъ и всякихъ для того дѣла способныхъ людей, погодно, по перемѣнамъ, и даютъ имъ за работу поденный кормъ изъ царской казны; а уголья на то дѣло, и на денежный и на кормовой дворы, берутъ съ Московскаго уѣзда монастырскихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ, по указу; но ружья, карабины, пистолеты съ футлярами, мушкеты и банделеры (ремни черезъ плечо для палаша), на царскій обиходъ покупаютъ въ иныхъ государствахъ, гдѣ случится.

22. Приказъ Золотаго и Серебрянаго Дѣла, а вѣдаетъ тотъ же окольничій, а съ нимъ дьякъ. И берутъ въ тотъ приказъ изъ Москвы и изъ другихъ городовъ добрыхъ мастеровъ въ вѣчную службу и даютъ имъ погодное жалованье; а дѣлаютъ они про царскій обиходъ сосуды всякіе и церковную утварь; а на заводъ того дѣла серебро и золото берутъ изъ приказа Большой Казны, изъ Казеннаго двора.

23. Аптекарскій Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ тотъ же, что и въ Стрѣлецкомъ приказѣ, да дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ аптека, доктора и лѣкари, иныхъ государствъ люди, да для ученія русскихъ людей съ 20 человѣкъ; а будетъ тѣхъ докторовъ и лѣкарей до 30 человѣкъ, и жалованье идетъ имъ по сговору.

24. Монастырскій Приказъ—а въ немъ сидитъ окольничій да два дьяка. А вѣдомъ въ томъ приказѣ всего Московскаго государства всякій духовный чинъ, митрополиты, архіепископы, епископы, монастыри, попы, во всякихъ дѣлахъ, и со властелинскихъ и съ монастырскихъ крестьянъ подати; соберется тѣхъ податей больше 20,000 р. въ годъ; а расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ также, куда понадобится, что и изъ иныхъ приказовъ, куда царь прикажетъ.

25. Хлѣбный Приказъ, а въ немъ сидитъ дворянинъ да дьякъ. А вѣдаютъ въ томъ приказѣ города и волости и села, и кабаки, и таможни, съ доходами и съ податями; и соберется такимъ образомъ до 20,000 рублей, кромѣ запасныхъ доходовъ; да въ тѣхъ городахъ устроены пашни на царя, и для досмотру хлѣба и расправы уставлены приказщики, дворяне; а сколько хлѣба въ году ни уродится, отдаютъ въ Москвѣ на Житенный дворъ.

27. Каменный Приказъ, а въ немъ сидитъ стольникъ или дворянинъ, да два дьяка. А вѣдомо въ томъ приказѣ всего Мосвовскаго государства каменное дѣло и мастера; и для какого царскаго строенія понадобятся тѣ мастера, и ихъ собираютъ изо всѣхъ городовъ, и даютъ имъ изъ царской казны на поденный кормъ деньги, чѣмъ имъ сытымъ быть можно. Да въ Москвѣ же вѣдомы въ томъ приказѣ известные и кирпичные дворы и заводы; а гдѣ бѣлый камень родится и дѣлаютъ известь, и тѣ города податями и доходами вѣдомы въ томъ приказѣ. А соберется тѣхъ доходовъ съ 5,000 рублей въ годъ; а камень бѣлый, тесаный и неочищенный привозятъ къ Москвѣ изъ тѣхъ городовъ уѣздные крестьяне, на кого сколько въ году положено поставить вмѣсто инаго оброку.

28. Челобитный Приказъ, а въ немъ сидитъ окольничій да два дьяка. А подвѣдомствены ему челобитныя. Нѣкоторые люди подаютъ царю челобитныя въ походахъ и въ праздники, и тѣ челобитныя царь слушаетъ самъ и бояре, и по которой челобитной доведется быть указу или отказу, и на тѣхъ челобитныхъ подписываютъ думные дьяки; и выслушавъ, царь тѣ челобитныя отсылаетъ въ тотъ приказъ, а изъ приказа посылаютъ тѣ

дяжничества, но развила разбойничество. Царствованіе Алексѣя Михайловича богато разбоями, особенно въ десятилѣтіе передъ появленіемъ Стеньки Разина. Въ 1667 г. они совершались въ Московскомъ государствѣ повсюду, и правительство то и дѣлало, что разсылало по областямъ сыщиковъ да воинскія команды, при чемъ однако цѣль оставалась далеко не достигнутою. Въ самой Москвѣ убійства и грабежи приняли большіе размѣры. Было ясно, что Русь готовится къ какому-то страшному волненію, и волненіе произошло, когда за него принялся Стенька Разинъ.

О Разинѣ извѣстно, что онъ съ своимъ братомъ, атаманомъ одного казацкаго отряда, участвовалъ въ 1665 г. въ походѣ противъ поляковъ. Къ осени атаману надоѣло воевать вдали отъ родины, и онъ просилъ у воеводы кн. Долгорукова позволенія вернуться на тихій Донъ. Князь позволенія не далъ, и атаманъ ушелъ самовольно, но былъ настигнутъ и казненъ смертью за ослушаніе. У казненнаго было два брата: Степанъ (Стенька) и Флоръ (Флорка). Неизвѣстно, ушли ли они сейчасъ на Донъ, или дождались окончанія похода, но несомнѣнно, что въ душу ихъ, особенно въ душу Стеньки, запало пламенное желаніе отмстить за казнь брата. Стенька обладалъ значительною физическою силою, ловко владѣлъ оружіемъ, былъ храбръ. Суровый и сосредоточенный, онъ нерѣдко предавался самому необузданному пьянству и разврату. Врагъ всего, что стояло выше его, онъ былъ неразборчивъ на средства при стремленіи къ разъ предположенной цѣли, былъ строгъ, даже жестокъ до изувѣрства, вольнодумно, по тогдашнему, смотрѣлъ на церковь. Во взорѣ и голосѣ его было столько повелительнаго, что всѣ, которые сближались съ нимъ, невольно становились исполнителями его воли; его даже считали чародѣемъ, застрахованнымъ и отъ пули, и отъ холоднаго оружія.

На Дону были казаки «домовитые», старые, прямые, настоящіе казаки, и «голутвенные» или «голытьба». Къ послѣднимъ принадлежали разные бѣглецы и бездомные скитальцы. Ихъ собралось на Дону особенно много послѣ того, какъ московское правительство стало усиленно преслѣдовать разбойниковъ и бродягъ. Все это были бѣглецы, готовые на бунтъ и разбой, если сыщется голова, умѣющая собрать ихъ въ одну ватагу. Стенькѣ не трудно было сойдтись съ этой голытьбою. Но въ Черкаскѣ былъ атаманъ Корнило Яковлевъ, старый заслуженный воинъ, глава партіи домовитыхъ казаковъ, стремящихся къ спокойной жизни и къ миру съ Москвою. При нихъ нельзя было Стенькѣ разгуляться; къ тому же у Стеньки не было еще ни денегъ, ни достаточнаго вліянія, чтобы рѣшиться на великое дѣло—«тряхнуть Москвою». Съ небольшимъ отрядомъ онъ думалъ было двинуться къ турецкимъ берегамъ за добычею и славою. Корнило помѣшалъ этому предпріятію и даже выжилъ съ Дона удалаго предводителя небольшаго отряда голутвенной черни.

На нѣсколькихъ стругахъ шайка Разина поплыла вверхъ по Дону, затѣмъ очутилась на Волгѣ и тутъ стала разбойничать порядкомъ. Она напала даже на казенныя суда, охраняемыя стрѣльцами, при чемъ какъ стрѣльцы, такъ и чернорабочіе казенныхъ судовъ не оказали существеннаго сопротивленія нападающимъ. Суда были захвачены, разграблены; шайка раздобылась деньгами, оружіемъ и увеличилась въ числѣ. Весною 1668 г. она уже выступаетъ въ Каспійское море, достигаетъ персидскихъ береговъ, наводитъ ужасъ на ближайшіе персидскіе города, жжетъ, грабитъ, убиваетъ и только осенью 1669 г. опять возвращается къ русскимъ берегамъ.

Во все время, когда казаки гуляли по Каспію, по устью Волги плавали служилые люди и провѣдывали, не возвращаются ли удальцы, чтобы тотчасъ дать о томъ знать воеводамъ въ Астрахань. Воеводы однако не думали вступать во враждебныя отношенія съ ними и заране выправили такую милостивую грамоту отъ имени царя, которая давала прощеніе казакамъ, если они принесутъ повинную. Очевидно, они не разсчитывали на свои силы и боялись, что въ самомъ ихъ городѣ удалецъ, слава котораго уже гремѣла, безъ труда найдетъ сообщниковъ, готовыхъ затѣять смуту. Поэтому, какъ только казаки стали приближаться къ Астрахани, воеводы послали къ нимъ на встрѣчу Никиту Скрипицына съ государевою грамотою и слѣдующими словами: «Вамъ ничего не будетъ, вы пойдете спокойно домой на Донъ, если отдадите пушки, которыя пограбили на Волгѣ и въ Яикѣ-городкѣ, также отдадите струги, отпустите служилыхъ людей, что забрали на Волгѣ и въ Яикѣ-городкѣ, и пришлете кн. Семену Ивановичу Львову (товарищу воеводы кн. Прозоровскаго) купеческаго сына Сехамбета и прочихъ плѣнныхъ». Казакамъ кстати было такое предложеніе, и они на него согласились. Послѣ этого Стенька и его дружина расположились станомъ подъ Астраханью, въ качествѣ мирныхъ гостей, и впродолженіе десяти дней посѣщали городъ. Между ними и астраханцами завязалась дѣятельная торговля; она была выгодна для обѣихъ сторонъ. Награбленныя въ Персіи драгоцѣнности покупались на расхватъ какъ астраханцами, такъ армянами и персіянами, проживающими въ этомъ городѣ. Одинъ голландецъ говоритъ: «Я самъ купилъ за 40 рублей огромную золотую цѣпь величиною въ сажень; за каждымъ золотымъ кольцомъ было по пяти драгоцѣнныхъ камней». Всѣ казаки были одѣты въ шелковыя, бархатныя одежды; жемчугъ и драгоцѣнные камни въ видѣ вѣнцовъ украшали ихъ шапки. Десятидневное пребываніе Разина подъ Астраханью произвело сильное впечатлѣніе на народъ и пробудило въ немъ симпатію къ счастливому атаману и даже благоговѣніе передъ нимъ.

Вернувшись на Донъ, Разинъ выбралъ себѣ мѣсто между Кагальницкою и Ведерниковскою станицами на островѣ, который имѣлъ 3 версты протяженія. Тамъ устроилъ онъ городокъ Кагальникъ и приказалъ обнести его землянымъ валомъ. Голытьба, подъ вліяніемъ молвы о его славѣ, стекалась къ нему со всѣхъ сторонъ. Были пришельцы и изъ Сѣчи запорожской. Разинъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлялъ съ пришельцами свою добычу, одѣлялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная куда дѣваться, искали у него и пріюта, и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, въ его силу, въ его счастье. Подозрительно поглядывали изъ Черкаска домовитые казаки на этого зловѣщаго предводителя голытьбы, тревожились и въ Москвѣ. Къ концу зимы правительство послало въ Черкаскъ грамоту и посланному съ ней, Евдокимову, велѣно тайно вывѣдать, что дѣлаетъ и замышляетъ Стенька. Во время пребыванія Евдокимова въ Черкаскѣ явился туда и Стенька. Заподозривъ Евдокимова въ шпіонствѣ, онъ велѣлъ своимъ приверженцамъ умертвить царскаго гонца, что и было исполнено, не смотря на противодѣйствіе со стороны законнаго атамана Яковлева. Теперь этотъ послѣдній былъ атаманомъ только по имени. Толпа переходила къ Стенькѣ; онъ распоряжался, кричалъ, что настало время идти противъ бояръ, и созывалъ молодцовъ съ собою на Волгу.

Бояръ ненавидѣли многіе; имя царя, напротивъ, было священнымъ и для самой крайней вольницы. Но Стенька пошелъ еще дальше: онъ сталъ врагомъ самой вѣры. Въ Черкаскѣ незадолго передъ тѣмъ сгорѣли церкви. Зная щедрость Стеньки, нѣкоторые убѣждали его поусердствовать на возобновленіе храмовъ. «На что церкви? Къ чему попы? Вѣнчаться, что-ли? Да не все-ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да пропляшите вокругъ него, вотъ и повѣнчались!» говорилъ Стенька.

Наконецъ въ маѣ 1670 г. поплылъ Стенька вверхъ по Дону вмѣстѣ съ удалымъ воромъ Васькой Усомъ и толпою вольницы. Вскорѣ онъ очутился подъ Царицынымъ. Царицынцевъ онъ увѣрялъ, что царское войско скоро прійдетъ къ нимъ и истребитъ ихъ, а потому царицынцы передались бы ему, Стенькѣ. Не смотря на противодѣйствіе своего воеводы, царицынцы открыли ворота казакамъ. Воевода былъ схваченъ и утопленъ, а Стенька ввелъ въ городѣ, ко всеобщей радости жителей, казацкое устройство: раздѣлилъ жителей на десятки и сотни, назначивъ имъ городового атамана. Изъ Царицына Стенька разослалъ по всему Поволжью своихъ эмиссаровъ. Кн. Львовъ изъ Астрахани двинулся было съ нѣсколькими тысячами стрѣльцовъ на выручку Царицына, но не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, ибо воины его подъ Чернымъ Яромъ, встрѣтившись съ казаками, побратались съ ними, перебили своихъ начальниковъ и поступили на службу къ Разину. Они говорили, что весь астраханскій людъ ждетъ «батюшку» къ себѣ, и что представители московскаго правительства въ этомъ городѣ безсильны, чтобы противопоставить серіозное препятствіе. Во второй половинѣ іюня Стенька уже былъ у низовьевъ Волги.

Астраханскій воевода кн. Прозоровскій давно уже ожидалъ нападенія и готовился къ нему: онъ дѣятельно вооружалъ ратниковъ, усиливалъ оборону, преслѣдовалъ возмутителей. Митрополитъ своимъ духовнымъ авторитетомъ старался влiять на поддержаніе преданности правительству. Но двусмысленныя, угрюмыя лица стрѣльцовъ и астраханскихъ посадскихъ не переставали тревожить воеводу. 21 іюня вечеромъ казаки явились подъ городомъ и начали приступъ. Астраханцы не защищались, а, напротивъ, помогли осаждающимъ перелѣзать черезъ стѣны. Лишь только значительное число казаковъ очутилось въ городѣ, астраханская чернь бросилась на дворянъ, дѣтей боярскихъ, пушкарей и вообще всѣхъ тѣхъ, которые защищали городъ серіозно. Бунтовщики ранили и Прозоровскаго. Стенька приказалъ умертвить плѣнныхъ. Прозоровскому онъ что-то сказалъ на ухо, но когда тотъ въ отвѣтъ отрицательно покачалъ головою, то послѣдовало приказаніе умертвить и его. Всѣхъ казненныхъ оказалось 441; ихъ зарыли въ одной могилѣ. Астрахань получила, какъ и Царицынъ, казацкое устройство: она должна была управляться кругомъ или народнымъ сборищемъ, выборными атаманами, эсаулами, сотниками и десятниками. Вслѣдъ затѣмъ въ Астрахани начались пиры, продолжавшіеся три недѣли, при чемъ Разинъ бывалъ постоянно пьянъ и потѣшалъ какъ себя, такъ и чернь лютыми казнями, совершаемыми надъ «лиходѣями».

Увеличивъ свою армію толпами астраханцевъ и оставивъ Ваську Уса, въ качествѣ атамана, въ Астрахани, Стенька пошелъ мимо Царицына вверхъ по Волгѣ. Саратовъ сдался ему безъ сопротивленія. Стенька приказалъ утопить тамошняго воеводу; умерщвлены были всѣ дворяне и

приказные люди, а въ городѣ введено казацкое устройство. Самара представила нѣкоторое сопротивленіе, но и она была скоро взята, благодаря возмутительному настроенію черни. Агенты Разина распространялись все болѣе и болѣе. Всего успѣшнѣе дѣйствовали они въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, проникали до Новгорода, до береговъ Бѣлаго моря, показывались въ Москвѣ. Въ своихъ воззваніяхъ Стенька говорилъ, что идетъ истреблять бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренять всякое чиноначаліе и власть, установить во всей Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ. Заслышавъ объ успѣхахъ Стеньки, холопъ вооружался на господина, служилый на своего начальника, язычникъ и магометанинъ на христіанина. Стенька сносился съ крымскимъ ханомъ и пытался призвать его опустошительныя орды на Русь. Каждый новый успѣхъ Стеньки усиливалъ броженіе, которое къ началу осени приняло ужасающіе размѣры.

5 сентября Стенька подступилъ къ Симбирску. Посадскіе люди Симбирска приняли его съ распростертыми объятіями, но собственно городъ или кремль, расположенный на горѣ, укрѣпленный довольно сильно и защищаемый храбрымъ бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ, оказывалъ сопротивленіе. Стенька началъ осаду и довелъ Милославскаго до крайности: еще немного времени, и бояринъ былъ бы поставленъ въ невозможность продолжать защиту. Но вдругъ явился на выручку изъ Казани сильный отрядъ, предводимый кн. Барятинскимъ. Онъ пробился сквозь мѣстности, занятыя возмутившимися чувашами и черемисами и вовремя подоспѣлъ къ Симбирску. Въ войскѣ Разина было много нестройныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ русскихъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, а также изъ инородцевъ. Эти отряды не выдержали напора Барятинскаго, въ отрядѣ котораго были части, обученные европейскому военному строю, и побѣжали. Казаки сражались храбро, но когда наступленіе вечера раздѣлило сражающихся, оказалось, что Барятинскому удалось одержать значительныя преимущества надъ противниками. Въ рукахъ его очутилось нѣсколько пушекъ, много плѣнныхъ. Стенька, считавшійся до сихъ поръ неуязвимымъ для пуль и мечей, получилъ нѣсколько ранъ. Во время ночи онъ усумнился въ возможности поправить дѣло и созвалъ донцевъ на совѣтъ тайно отъ прочихъ сообщниковъ-крестьянъ. Надежды на послѣднихъ было мало: воевать они не умѣли и могли бы, при всемъ многолюдствѣ, только испортить дѣло, когда бы имъ пришлось сражаться вновь съ непріятелемъ, знающимъ ратное искусство. Казаки рѣшились оставить ихъ на произволъ судьбы и бѣжать. Чтобы скрыть свое намѣреніе отъ крестьянъ, Стенька выстроилъ послѣднихъ въ боевой порядокъ и сказалъ: «Стойте здѣсь, а я съ казаками пойду на новоприбылыхъ людей». Пользуясь темнотою ночи, казаки сѣли въ суда и уплыли внизъ по Волгѣ. Утромъ мятежники увидѣли, что казаки ихъ оставили. Въ страхѣ они кинулись бѣжать къ Волгѣ, преслѣдуемые царскими войсками. Тутъ истреблены ихъ цѣлыя массы. Болѣе 600 человѣкъ попались въ плѣнъ и были казнены на мѣстѣ безъ всякаго слѣдствія и суда.

Впечатлѣніе, произведенное симбирскою битвою, было очень сильно. Жители подгородныхъ симбирскихъ слободъ явились съ повинною; воевода отобралъ изъ нихъ по человѣку со слободы и наказалъ кнутомъ,

а прочихъ только привелъ къ присягѣ. Еслибъ исходъ симбирской битвы былъ иной, мятежъ несомнѣнно принялъ бы ужасные размѣры. Стенька находилъ сочувствіе не только въ окрестныхъ жителяхъ, но и въ далекихъ углахъ Россіи: масса поднялась бы страшнымъ пластомъ. Теперь проигрышъ уронилъ значеніе Стеньки въ глазахъ народа. Оставленныя казаками, шайки крестьянъ не могли долго держаться противъ отрядовъ царскаго войска. Отовсюду жители приносили повинную и обыкновенно увѣряли, что воровали поневолѣ, хотя часто неправдоподобіе такой отговорки было очень явно. Они выдавали зачинщиковъ, которыхъ воеводы тотчасъ допрашивали, потомъ вѣшали, менѣе виновныхъ сѣкли кнутомъ, а массу приводили къ присягѣ. Воровскія письма, волновавшія умы, собирали и отправляли въ Москву.

То обстоятельство, что Стенька оставилъ чернь на произволъ судьбы, не прошло для него даромъ. Когда онъ со своими казаками, спасаясь отъ пораженія, присталъ къ Самарѣ, самарцы не пустили его въ городъ; тоже повторилось и въ Саратовѣ. Стенька прибылъ въ Царицынъ и нѣсколько времени оправлялся отъ ранъ, полученныхъ подъ Симбирскомъ, а потомъ, съ горстью своихъ вѣрныхъ донцевъ и царицынцевъ, вернулся на Донъ, надѣясь еще поправить дѣло какъ при помощи казаковъ, такъ и при помощи астраханцевъ. Но долгое отсутствіе его на Дону способствовало усиленію вліянія Яковлева, а слухи о пораженіяхъ Стеньки рѣшительно дали перевѣсъ этому домовитому, миролюбивому атаману. Когда Стенька со своею шайкою оставилъ Донъ, Корнило Яковлевъ тайно отправилъ въ Москву товарища умерщвленнаго Евдокимова, но не послалъ никакой отписки, а только велѣлъ словесно объяснить обо всемъ. Онъ, очевидно, лавировалъ, не высказываясь долго ни за московское правительство, ни за Разина. Но когда послѣдній, не побывавъ «па Москвѣ», какъ хвалился, возвратился на Донъ, Яковлеву незачѣмъ было продолжать прежнюю двойную игру. Онъ высказался противъ него, а съ нимъ и всѣ домовитые казаки. Напрасно Стенька разсылалъ по станицамъ свои воровскія письма: бѣглецы изъ Московскаго государства уже прежде выведены были имъ изъ Дона и погибли или разбѣжались; настоящіе казаки не увлекались его призывами, зная, что попытка къ новому возмущенію, совершенная при ихъ участіи, въ случаѣ неудачи грозитъ появленіемъ московскихъ войскъ на Дону и, быть можетъ, уничтоженіемъ Донскаго казачества. Понимая, что Яковлевъ и жители Черкаска въ сильной степени парализуютъ успѣхъ воззваній, приглашающихъ къ бунту, Стенька въ февралѣ отправился къ Черкаску. Сначала ласково, потомъ съ угрозами онъ требовалъ, чтобы его впустили въ городъ. Ему отказали. Переговоры продолжались недѣлю. Черкаскъ былъ укрѣпленъ. Стенькины силы были недостаточны. Освободившись отъ посѣщенія, Яковлевъ послалъ въ Москву вѣсть о нападеніи Стеньки на Черкаскъ и просилъ прислать войска для защиты Черкаска и для истребленія гнѣзда мятежниковъ. Видно, Стенька возбудилъ противъ себя большую вражду въ Черкаскѣ, такъ какъ донскіе казаки никогда до того не рѣшались призывать къ себѣ московскія войска, боясь за свои льготы. Изъ Москвы немедленно послали Яковлеву приказаніе чинить промыселъ надъ Стенькою Разинымъ и доставить его въ Москву на расправу, а бѣлгородскому воеводѣ кн. Ромодановскому велѣно отправить на Донъ отрядъ въ 1000 человѣкъ.

Въ апрѣлѣ казаки поплыли изъ Черкаска къ Кагальнику; 14 апрѣля сожгли его до основанія и перевѣшали всѣхъ сообщниковъ Стеньки. Неизвѣстны подробности взятія Стеньки. Одни источники говорятъ, что онъ былъ взятъ силою, другіе—что обманомъ. Яковлевъ былъ его крестный отецъ, а потому въ глазахъ Стеньки могъ пользоваться до нѣкоторой степени особеннымъ довѣріемъ. И этотъ Яковлевъ, какъ говорятъ, сталъ убѣждать Стеньку въ томъ, что дѣло его проиграно, и что покорностью онъ можетъ пріобрѣсти царское прощеніе. Стенька мало вѣрилъ такимъ убѣжденіямъ, но повиновался изъ отчаянія; притомъ жизнью онъ не дорожилъ. Захвативъ Стеньку и его брата Фролку, Яковлевъ самъ повезъ ихъ въ Москву. Фролка былъ отъ природы тихаго нрава и затосковалъ. «Вотъ, братъ, говорилъ онъ съ грустью, это ты виною нашихъ бѣдъ». Стенька отвѣчалъ: «Никакой бѣды нѣтъ! Насъ пріймутъ почестно: самые большіе господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ».

Въ Москвѣ ихъ привезли прямо въ Земскій приказъ и начали пытать. Самыя страшныя пытки не заставили Стеньку проронить хотя бы одно слово, хотя бы одинъ вздохъ. Вмѣстѣ съ нимъ пытали и Фролку, который кричалъ отъ боли. Стенька сказалъ ему: «Экая ты баба! Вспомни наше прежнее житье! Долго мы прожили со славою, повелѣвали тысячами людей; надобно же теперь бодро переносить и несчастье. Развѣ это больно? Словно баба уколола». 6 іюня его вывели на лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ. Множество народа стеклось на кровавое зрѣлище. Прочитали длинный приговоръ, гдѣ изложены были всѣ преступленія обвиненныхъ. Стенька слушалъ чтеніе спокойно, съ гордымъ видомъ. По окончаніи чтенія палачъ взялъ его подъ руки. Стенька обратился къ церкви Покрова пресв. Богородицы, перекрестился, потомъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: «Простите!» Его положили межъ двухъ досокъ. Палачъ отрубилъ ему сначала правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Стенька при этихъ страданіяхъ не издалъ ни одного стона, не показалъ знака, что чувствуетъ боль. Ужасное зрѣлище истязаній надъ братомъ окончательно лишило Фролку мужества. «Я знаю слово государево!» закричалъ онъ. «Молчи, собака!» сказалъ ему Стенька. То были послѣднія его слова. Палачъ отрубилъ ему голову. Его туловище разсѣкли на части и воткнули на колья, какъ и голову, а внутренности бросили собакамъ на съѣденіе.

LXXXV. ГРАМОТА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ДОНСКИМЪ КАЗАКАМЪ ПО СЛУЧАЮ ВОЗМУЩЕНІЯ РАЗИНА.

(Изъ «Матеріаловъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина», изданныхъ Поповымъ).

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, на Донъ въ нижніе и верхніе городки атаманамъ и казакамъ Корнилу Яковлеву и всему войску Донскому милостивое слово. Въ нынѣшнемъ въ 178 году въ маѣ мѣсяцѣ къ намъ, великому царю, пріѣхалъ съ Дону атаманъ Михаило Самаревинъ. А въ распросѣ сказалъ: нынѣшней зимы въ мартѣ мѣсяцѣ воръ Стенька Ра-

зинъ съ товарищами, съ Волги пришедъ къ вамъ на Донъ, учинилъ кругъ и началъ говорить воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобъ къ ихъ воровству иные приставали. И вы, атаманъ и старые казаки, помня Бога и нашу государскую милость, не принимая Стенькиныхъ злыхъ развратныхъ рѣчей, начали съ нимъ спорить; и онъ, Стенька, съ товарищами своими, желая учинить страхъ, добрыхъ казаковъ побивалъ и въ воду металъ. И онъ, Стенька, поносилъ имя Господне и св. церковь хулилъ, и священниковъ съ Дону началъ сбивать, желая жить безъ брака и тѣмъ истинные христіанскіе народы отъ Бога отлученными учинить и осквернить. А вы тому его злому воровскому совѣту не слѣдуйте, въ чемъ и впредь милостивый Богъ въ христіанской истинной вѣрѣ страхомъ своимъ святымъ васъ утвердитъ; такъ же какъ въ прежнія времена намъ, великимъ государямъ-царямъ, храбро и мужественно служили, и нынѣ намъ, великому государю, служите вѣрно, а относительно бояръ нашихъ и воеводъ указа нашего царскаго величества никогда не преступайте. И по совѣту всего Донскаго войска, по выбору съ атаманами, сколько можно, вы бы бусурманскихъ народовъ тѣснили и между ними на Дону смѣлымъ сердцемъ стояли, въ чемъ и впредь мы, великій государь, на васъ надѣемся, что въ прежнемъ постоянствѣ пребудете, а воровскихъ шатостныхъ людей за крѣпкимъ атаманскимъ постереганіемъ и старшинъ всего войска береженіемъ сдержите. И отъ указа нашего государскаго, и отъ истиннаго своего послушанія не отступайте. А что повсегодно по нашему государскому милостивому указу на Донъ запасы вамъ посылаютъ, и тѣ запасы изготовлены и по причинѣ той ссоры воровской на Воронежѣ до времени задержаны. А для обнадеживанья нашей государской ко всему войску Донскому милости Михайло Самаренинъ съ товарищами пожалованъ нашимъ государскимъ жалованьемъ; а до подлинной отъ васъ съ Дону вѣдомости по нашему великаго государя указу дожидаютъ отпуска своего на Москвѣ. Да іюля въ 8-й день, къ намъ, великому государю, писалъ бояринъ нашъ и воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Іюня въ 20 день, объявились въ украйнскихъ городахъ Донскіе казаки Семенъ Болдырь съ товарищами семнадцатью человѣками, а о своемъ отпускѣ съ Дону письма у себя не имѣли. И въ нынѣшнее время, такъ какъ воръ Стенька съ товарищами злыми, богоотступными на кровь христіанскую сталъ наступать, нужно, чтобъ у васъ добрымъ казакамъ отлучнымъ отъ злыхъ быть, и гдѣ кому случится для промысловъ въ русскіе города ѣхать, брали бы отъ васъ, атамана, проѣзжія памяти. И какъ къ вамъ сія наша великаго государя милостивая грамота прійдетъ, и вы бы, атаманъ и все войско Донское, читали ее всѣмъ въ слухъ во многіе дни, и для православной христіанской вѣры святыя Божія церкви созидали, и священническій чинъ при себѣ имѣли, и въ войсковомъ послушаніи, въ чемъ нашъ государскій указъ исполнять, были неотступно. А если тотъ воръ и богоотступникъ, церквамъ Божіимъ врагъ, скверный песъ Стенька Разинъ съ товарищами на погибель свою смертную съ Дону отъ васъ ушолъ на Волгу, то и нашъ великаго государя указъ въ города поволжскіе къ боярамъ и воеводамъ нашимъ посланъ, велѣно ратныхъ людей на нихъ посылать, и, за такія ихъ богомерскія дѣла, какъ отступниковъ побивать безъ пощады, чтобъ въ вѣрныхъ христіанскихъ народахъ отъ такихъ воровъ и богоотступниковъ смута не была, и кровь христіанская невинно отъ нихъ

не проливалась. А вы бы, нашего царскаго величества атаманъ и старшина и все войско Донское, со всякимъ впредь опасеніемъ въ милости Божіей и въ нашемъ государскомъ жалованіи были надежны и неотступны, и невинная кровь христіанская не лилась бы. А когда такія воровскія ссоры на Дону перестанутъ, и казаки въ послушаніи будутъ, то по нашему великаго государя указу съ Воронежа къ вамъ на Донъ всѣ запасы безъ задержанія будутъ отпущены. А что у васъ, помощью Всесильнаго Бога и нашимъ государскимъ счастьемъ, вѣрною вашею службою учнется дѣлать, о томъ бы къ намъ, великому государю, извѣстія присылали, и для вѣдомости въ украинскіе города къ воеводамъ нашимъ и къ приказнымъ людямъ для опасенья писали, чтобы служилые и торговые люди отъ тѣхъ воровъ во всемъ оберегались. Писанъ на Москвѣ лѣта 7178, іюля въ 8 день.

LXXXVI. ВОЗВЫШЕНІЕ МАТВѢЕВА И НАЧАЛО БОРЬБЫ МЕЖДУ НАРЫШКИНЫМИ И МИЛОСЛАВСКИМИ.

(Изъ соч. Щебальскаго: «Чтенія изъ русской исторіи съ исхода XVII в.)».

Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ (1669 г.), съ высокой башни Ивана-великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе, печальные удары колокола: это была вѣсть народу о преставленіи царицы Марьи Ильинишны. Народъ, правда, мало зналъ своихъ царицъ, которыя никогда не являлись публично и выѣзжали не иначе, какъ въ закрытыхъ каретахъ, но онъ питалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали.

Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны, заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ иныя сдѣлалъ богатые вклады, тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться своимъ одиночествомъ. Не меньше царя печалились и родственники покойной царицы—Милославскіе, а также и ихъ друзья и свойственники Соковнины, Хитрово, Урусовы; всѣ они были въ милости, силѣ и почетѣ по свойству своему съ покойною. Бывало, чего бы ни пожелали они для себя или для своихъ, чести-ли боярской, воеводства-ли доходнаго, придворной-ли должности приближенной, тотчасъ къ Ильѣ Даниловичу, отцу царицы; тотъ къ дочери, а она къ царю, и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что государь могъ вступить во второй бракъ, а съ новою царицей приблизилась бы новая родня, новые люди.

Уже въ послѣднее время, при прежней царицѣ, стали появляться новые люди, на которыхъ царская родня косо посматривала, напримѣръ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, дѣльный, ловкій человѣкъ. Началъ онъ съ небольшаго: былъ сынъ небогатаго человѣка, безъ родства и безъ связей, но мало-по-малу сдѣлался чуть не первымъ лицомъ въ государствѣ. Когда онъ появился при дворѣ, никто не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ, въ приходѣ Николы-на-Столбахъ, никому не навязывался въ дружбу,

но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ-ли палатахъ или въ думѣ заговоритъ съ нимъ какой-нибудь важный бояринъ, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ; и добился онъ такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его запросто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался; коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ царя, какъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. Государь безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей, былъ задушевнымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ весьма близкій къ государю человѣкъ.

Когда скончалась царица Марья Ильинишна, и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ государемъ. Мало того, что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои, и нѣсколько часовъ сряду у него просидитъ послѣ вечеренъ, государь и самъ не рѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго приказа, т. е. какъ бы министромъ иностранныхъ дѣлъ; слѣдовательно не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, но и посланники разныхъ государей, пріѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ. Въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось. Государь и самъ любилъ, чтобъ все вокругъ него было парадно, и подсмѣивался, что его министръ живетъ какъ какой-нибудь стрѣлецкій голова. Матвѣевъ долго отшучивался, понимая очень хорошо, что заживи онъ на широкую ногу, сейчасъ найдутся люди, которые заговорятъ, что онъ корыстуется казеннымъ добромъ и хочетъ перещеголять родовыхъ князей, а это такая вина, которая показалась бы хуже самой корысти. По этому то Матвѣевъ, какъ умный человѣкъ, и отыгрывался отъ постройки новаго дома. «Я человѣкъ маленькій, незнатный, говорилъ онъ царю; не годится мнѣ жить въ великихъ хоромахъ». Случилось, что объ этомъ какъ-то распространился по Москвѣ слухъ; и что же? Стрѣльцы и простые люди, съ которыми Матвѣевъ былъ всегда ласковъ и обходителенъ, пришли къ нему и сказали: «Мы разберемъ могилы нашихъ отцовъ и братій и навеземъ тебѣ каменьевъ для твоего дома, если ты жалѣешь царскую казну!» Матвѣевъ, конечно, не принялъ такой жертвы, но немедленно построилъ себѣ новый домъ, каменный, по тогдашнему, большой и красивый, въ которомъ не стыдно было принять хотя бы и цесарскаго посла. Не надобно однакожь думать, чтобъ это было что-нибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцовъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундаментомъ, въ иную залу Зимняго или новаго Кремлевскаго дворца. Ни дома Матвѣева, ни даже изображенія этого дома, къ сожалѣнію, не сохранилось; но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій, построенныхъ въ XVII вѣкѣ: есть даже нѣкоторыя изъ нихъ, которыя сохраняются безъ измѣненія, какъ образчики старины, или которыя возобновлены въ старинномъ видѣ, напримѣръ, домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ, издавна принадлежащій

фамиліи Романовыхъ, и терема царскіе, въ Кремлевскомъ дворцѣ, оставшіеся въ томъ видѣ, какъ они были при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ комнатки маленькія, низенькія, со сводами, расписанныя *травами* или обитыя кожей съ тисненными на ней узорами; вдоль стѣнъ—лавки, вездѣ множество образовъ, независимо отъ особой молельни; въ передней или столовой палатѣ длинный дубовый столъ, за который ежедневно садилась семья и весьма не рѣдко садились гости, потому что предки наши любили угостить и угоститься. Тутъ же, въ особомъ шкафѣ или на полкахъ, стояли тяжелыя серебряныя блюда, кубки, ковши—драгоцѣнности, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Женская половина была обыкновенно отдѣльная, чаще въ верхнемъ этажѣ. Это были такъ называемые *терема*. Тамъ жила сама хозяйка и дѣти; хозяинъ приходилъ туда только ночевать, и лишь очень немногіе изъ числа близкихъ родственниковъ имѣли туда доступъ. Такимъ образомъ наши прабабки вели жизнь уединенную, которая проходила въ попеченіяхъ о домашнемъ хозяйствѣ и дѣтяхъ, да въ рукодѣльныхъ занятіяхъ; навиду были одни мужчины, хотя не рѣдко бывало, что женщины имѣли вліяніе на ихъ дѣйствія.

Нижній этажъ дома всегда бывалъ занятъ кладовыми и погребами. Прадѣды наши были бережливы и имѣли вещи прочныя, цѣнныя: денегъ тогда было мало, перемѣнчивости модъ не существовало, а потому шубы, женскія парчевыя и атласныя одежды, жемчужные уборы, ковры, пуховики (которые тоже составляли предметъ роскоши), хранились въ этихъ кладовыхъ за тяжелыми замками и крѣпкими засовами. Что же касается до погребовъ, то хотя и ихъ берегли, какъ зѣницу ока, однако частенько ихъ тревожили: это были хранилища квасовъ разнаго сорта, пива, медовъ и разныхъ винъ. Какъ только у воротъ раздавался стукъ желѣзнаго кольца, замѣнявшаго теперешній колокольчикъ, ключникъ или ключница бѣжитъ въ погребъ, тяжелые засовы скрипятъ, ключъ, визжа, отворяетъ исполинскіе замки, и пѣнистое пиво изъ дубовой бочки, шипя, струится въ объемистую ендову, откупоривается и фряжское вино, и липецкій старинный медъ.

Такъ жили русскіе двѣсти лѣтъ тому назадъ. Матвѣевъ жилъ не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Другіе любили бражничать, Матвѣевъ этого не терпѣлъ, любилъ быть одинъ и нерѣдко заглядывалъ въ книгу духовнаго или историческаго содержанія. Онъ и самъ писалъ; его собственною рукой было написано кое-что изъ исторіи нашего отечества по извѣстіямъ, вычитаннымъ въ старинныхъ хартіяхъ и лѣтописяхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ иностранцами, разспрашивать, какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ, и какъ тамъ управляются государства. Прослышавъ отъ иноземныхъ своихъ знакомыхъ, что въ большихъ городахъ другихъ государствъ существуютъ театры и театральныя представленія, онъ составилъ труппу изъ своихъ дворовыхъ людей, сформировалъ кое-какой оркестръ и нерѣдко забавлялъ царя и дворъ музыкою и театральными зрѣлищами. Пьесы были большею частью духовнаго содержанія, изъ нихъ нѣкоторыя были написаны Симеономъ Полоцкимъ, ученымъ монахомъ, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени. Мало того: находя пользу и удовольствіе въ чтеніи и умной бесѣдѣ, онъ и сына пріучилъ къ тому же, давалъ ему учителей иностранныхъ языковъ и исторіи, и если бы прожилъ долѣе, то имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что ста-

ранія его не пропали даромъ: молодой Матвѣевъ былъ въ первое время царствованія Петра однимъ изъ полезныхъ его помощниковъ и оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ очень интересно разсказаны смуты, случившіяся въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти царя Ѳедора Алексѣевича.

Дочерей у Матвѣева не было. Но въ домѣ его жила дочь одного изъ его старыхъ сослуживцевъ, небогатаго дворянина Кирилла Нарышкина. Правду сказать, образованіемъ ея занимались немного, да и никто тогда въ Россіи не думалъ, чтобъ женщинѣ нужно было что-нибудь знать, кромѣ молитвъ и хозяйства; но воспитанница Матвѣева не была по крайней мѣрѣ отдалена отъ всего свѣта, подобно дѣвицамъ знатныхъ домовъ; онъ ея не пряталъ въ неприступныхъ теремахъ, такъ что ее видали многіе изъ пріѣзжавшихъ къ нему, даже иностранцевъ. Звали ее Натальей; она была красивая дѣвушка, высокая ростомъ, съ темнорусою косой, съ широкими рѣсницами на большихъ карыхъ глазахъ.

Случилось, что увидѣлъ ее и царь; красота дѣвушки сдѣлала на него впечатлѣніе. «Я не зналъ Сергѣичъ, сказалъ онъ, что у тебя есть дочь». «Это не дочь моя, а пріемышъ», отвѣчалъ Матвѣевъ и назвалъ ее. Тѣмъ на первый разъ и кончилось; но черезъ нѣсколько времени царь сказалъ Матвѣеву, что желаетъ вступить съ нею въ бракъ.

Государь сочетался бракомъ съ Натальей Кирилловною въ 1671 году. Вслѣдъ за нею явилась во дворцѣ и родня ея, Нарышкины. Отецъ ея былъ сдѣланъ бояриномъ и получилъ богатыя волости, братья взяты ко двору, Матвѣевъ тоже получилъ санъ боярина.

30 мая 1672 года въ старомъ Кремлевскомъ дворцѣ у царя родился сынъ, котораго назвали Петромъ. Этотъ младенецъ былъ будущій великій императоръ.

Около этого времени между людьми близкими ко двору стали ходить слухи, что между мачихой и падчерицами не стало согласія. Какъ это случилось, съ чего это началось, врядъ-ли кто нибудь могъ достовѣрно сказать; царевны-ли, изъ которыхъ многія были совершеннолѣтнія, недружелюбно встрѣтили мачиху; мачиха ли оттолкнула отъ себя падчерицъ,—дѣло темное: но между царевнами и царицей не было дружества. Государь горячо привязался къ молодой своей супругѣ и къ ея младенцу и, казалось, охладѣлъ нѣсколько къ своимъ прежнимъ дѣтямъ. Глядя на это, и дворъ раздѣлился на двѣ партіи: Матвѣевъ и большая часть царедворцевъ были на одной сторонѣ, окружая Наталью Кирилловну; другіе, родственники покойной царицы, угрюмо жались около царевенъ и двухъ царевичей отъ перваго брака. Впрочемъ, все это не выходило за черту кремлевскихъ стѣнъ; не всѣ знали это и въ Москвѣ, а по другимъ городамъ все оставалось какъ прежде, да и государь не показывалъ никакой немилости своей старой роднѣ.

Черезъ два года послѣ рожденія Петра объявленъ былъ старшій сынъ государя, Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Объявленіе было то же, что признаніе наслѣдникомъ престола. Царевичу тогда еще не исполнилось 13 лѣтъ, онъ былъ худенькій, довольно болѣзненный отрокъ, но душу имѣлъ добрую, здравый умъ и былъ прекрасно, по тому времени, образованъ умнымъ и ученымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Съ этого времени царевичъ Ѳеодоръ считался наслѣдникомъ престола; на него смотрѣли какъ на будущаго государя Россіи. И дѣйствительно, когда Алексѣй Михайловичъ, въ январѣ 1676 г. скончался, Ѳеодоръ вступилъ на престолъ.

LXXXVII. ПРИДВОРНЫЯ ИНТРИГИ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева.)

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ неожиданно, не достигши старости, и оставилъ семейство свое въ очень печальномъ для государства положеніи, предвѣщавшемъ большія смуты, и это въ такое время, когда столько важныхъ вопросовъ стояло на очереди, когда все колебалось при страшномъ поворотѣ на новый путь, когда при всеобщемъ истощеніи отъ прежнихъ войнъ предстояла еще опасная война съ могущественными турками. Старшій сынъ, торжественно объявленный при отцѣ наслѣдникомъ престола, былъ четырнадцатилѣтній, болѣзненный мальчикъ; самый близкій и довѣренный человѣкъ при покойномъ государѣ былъ Матвѣевъ, по праву пользовавшійся этою близостью и довѣренностью, человѣкъ съ обширною начитанностью, большой охстникъ до образованія и людей образованныхъ, ловко владѣвшій перомъ, опытный въ дѣлахъ правленія, давно уже завѣдывавшій внѣшними сношеніями. Матвѣевъ могъ быть самымъ лучшимъ совѣтникомъ, подпорою молодого царя; но, къ несчастію, между Ѳеодоромъ и любимцемъ отца его уже разступилась бездна: воспитанница Матвѣева была мачиха Ѳеодора, а извѣстно, какое страшное значеніе имѣло тогда слово: мачиха. Никогда еще въ семействѣ царей русскихъ не было этого печальнаго явленія, этой вражды между дѣтьми отъ разныхъ матерей и, какъ нарочно, это печальное явленіе произошло въ такое опасное время, когда предстояло преобразованіе, и долженъ былъ воспитываться преобразователь; первое чувство, которое онъ встрѣтитъ въ родной семьѣ, будетъ вражда! И безъ подробныхъ извѣстій, которыхъ мы не имѣемъ, легко понять, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на дворецъ, на тамошнія отношенія, второй бракъ царя Алексѣя при такомъ большомъ числѣ дѣтей отъ перваго брака. Помѣшать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметныя письма въ грановитыхъ сѣняхъ и проходныхъ съ обвиненіями Матвѣева въ чародѣйствѣ. Матвѣевъ оправдался, и государь женился на его воспитанницѣ. Алексѣй Михайловичъ жилъ долго съ первою женою, привязался къ ней, вслѣдствіе чего во дворцѣ образовалось и утвердилось много крѣпкихъ отношеній. Укрѣпили свое вліяніе Милославскіе съ своими родичами, людьми близкими и сблизившимися. Милославскіе, люди даровитые, дѣятельные, умѣвшіе пріобрѣтать вліяніе и пользоваться имъ, люди съ легкою нравственностью, съ неразборчивостью средствъ. И вдругъ, вслѣдствіе новаго брака царя, все это теплое гнѣздо, свитое ими и друзьями ихъ во дворцѣ, должно разрушиться! Новая царица съ своею родней, съ своими ближними людьми, Матвѣевъ хозяйничаютъ во дворцѣ. Столкновеніе интересовъ страшное, и ненависть страшная.

Смертью царя Алексѣя и восшествіемъ на престолъ Ѳеодора, сына Милославской, отношенія перемѣнились. Чего могла ждать хорошаго теперь царица Наталья съ дѣтьми и Матвѣевъ отъ этой накопившейся ненависти царевенъ, Милославскихъ и друзей ихъ? Здѣсь такъ естественно рождается вопросъ: неужели Матвѣевъ прежде не подумалъ объ этомъ и не постарался обезпечить себя и своихъ на счетъ перемѣны царствованія

нія? Оставя въ сторонѣ нравственныя побужденія, которыя если бы не были сильны у Матвѣева, то были очень сильны у царя Алексѣя, можно объяснить дѣло расчетомъ: царь Алексѣй былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны послѣдовать за своими единоутробными братьями, не переживутъ отца, и Петръ будетъ наслѣдникомъ. Но другое дѣло, когда царь умеръ скоропостижно; о движеніяхъ Матвѣева въ пользу Петра въ эту страшную минуту сохранились извѣстія у иностранцевъ; вотъ самое подробное изъ нихъ, оставленное полякомъ, авторомъ любопытнаго разсказа о стрѣлецкомъ бунтѣ: «Когда первая жена царя умерла и оставила двоихъ сыновей и шесть дочерей, то они много терпѣли отъ Матвѣева, а потомъ подверглись еще большему преслѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою. Умирая, Алексѣй благословилъ на царство сына отъ Милославской, Өеодора, который въ то время лежалъ больной, и опекуномъ назначилъ князя Юрія Долгорукаго. Матвѣевъ утаилъ смерть царя, подкупилъ стрѣльцовъ, чтобъ они стояли за маленькаго Петра, и потомъ уже ночью повѣстилъ боярамъ о преставленіи государя. Когда они начали собираться, онъ посадилъ маленькаго Петра на престолъ и уговаривалъ бояръ, чтобъ они признали его безпрекословно государемъ, потому что Өедоръ опухъ, лежитъ больной, и плоха надежда, что будетъ жить. Но бояре, узнавши отъ патріарха, который былъ при смерти царской, что отецъ благословилъ Өеодора на царство и Долгорукаго назначилъ опекуномъ, ждали послѣдняго. Пріѣзжаетъ наконецъ Долгорукій во дворецъ, какъ волъ реветъ съ жалости по царѣ и прямо къ патріарху: «Кого отецъ благословилъ на царство?» «Өеодора», отвѣчаетъ патріархъ. Тогда Долгорукій съ боярами, не слушая увѣщаній Матвѣева, стремятся къ покоямъ Өеодора; подходятъ—двери заперты. Долгорукій приказываетъ выломать двери, бояре берутъ на руки Өеодора, потому что самъ онъ идти не можетъ, ноги распухли, несутъ, сажаютъ на престолъ и сейчасъ же начинаютъ подходить къ рукѣ, поздравляя на царствѣ. Мать царя Петра и Матвѣевъ скрылись, видя, что ничего не могутъ сдѣлать противъ Долгорукаго и всѣхъ бояръ».

Мы никакъ не можемъ успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что послѣ, когда нужно было погубить Матвѣева, когда дали силу всякаго рода обвиненіямъ безъ разбора, лишь бы только къ чему нибудь привязаться, въ это время не послышалось ни слова обличенія ни отъ кого изъ вельможъ, которыхъ Матвѣевъ уговаривалъ мимо больнаго Өеодора присягнуть маленькому Петру.

Какъ бы то ни было, Өеодоръ вступилъ на престолъ спокойно, не произошло никакихъ перемѣнъ, Матвѣевъ остался въ прежнемъ важномъ санѣ великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя. Но враги его уже владѣли дворцомъ и не могли оставить его въ покоѣ. За больнымъ Өеодоромъ ухаживали тетки и шесть сестеръ одноутробныхъ, мачиха была удалена. Противъ Матвѣева дѣйствовалъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, злобившійся на него особенно за то, что его внушенію приписывалъ удаленіе свое на астраханское воеводство при царѣ Алексѣѣ; съ Милославскимъ заодно дѣйствовалъ другой могущественный бояринъ—дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Хитрово былъ самъ незнатнаго происхожденія, но онъ былъ не охотникъ до другихъ новыхъ людей, которые были виднѣе его по талантамъ, онъ былъ не

охотникъ до Ордына-Нащокина, былъ не охотникъ и до Матвѣева, особенно когда узналъ навѣрное или подозрѣвалъ, что Матвѣевъ указывалъ царю Алексѣю на злоупотребленія его по управленію приказомъ Большаго Дворца.

Паденіе Матвѣева было рѣшено: представили, что нельзя такого подозрительнаго человѣка оставить правителемъ аптеки, когда государь боленъ, и аптеку отняли у Матвѣева; потомъ датскій резидентъ Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы, прислалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, и что на его требованіе прислали ему изъ посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку. 500 рублей велѣли заплатить Гею и воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ отнять у Матвѣева завѣдываніе посольскими дѣлами и удалить его изъ Москвы. Когда Матвѣевъ пріѣхалъ, по обычаю, во дворецъ, бояринъ Стрѣшневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и объявилъ ему: «Указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурьѣ воеводою». Посольскій приказъ былъ порученъ думному дьяку Ларіону Иванову. Матвѣевъ съ сыномъ и племянниками отправился въ почетную ссылку; при нихъ былъ монахъ, священникъ, учитель сына польскій шляхтичъ Поборскій, большая дворня; взяты были двѣ пушки для безопасности. Но въ Лаишевѣ Матвѣева остановили: пріѣхалъ полуголова московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ и потребовалъ книги лѣчебника, въ которомъ многія статьи писаны цифирью, потребовалъ двоихъ людей: Ивана Еврея и карлу Захара; Матвѣевъ отвѣчалъ, что книги нѣтъ, а людей выдалъ. Съ мѣсяцъ послѣ этого прожилъ Матвѣевъ въ Лаишевѣ, какъ однажды разбудили его ночью: пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ и думный дьякъ Семеновъ: «Давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай имѣніе на осмотръ, давай племянниковъ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей!» Матвѣевъ сейчасъ все и всѣхъ выдалъ; Соковнинъ и Семеновъ поѣхали на съѣзжій дворъ и послали оттуда за Матвѣевымъ, чтобы пришелъ сейчасъ же. Бояринъ пошелъ пѣшкомъ; здѣсь распрашивали его племянниковъ и людей о знаменитомъ лѣчебникѣ, взяли сказки за руками, взяли съ Матвѣева сказку о томъ, какъ составлялись и подносились лѣкарства больному царю. Матвѣевъ показалъ, что лѣкарства составлялись докторами Кастеріусомъ и Стефаномъ Симономъ, по рецепту, а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; всякое лѣкарство отвѣдывалъ прежде докторъ, потомъ онъ, Матвѣевъ, а послѣ него дядьки государевы, послѣ же пріема, что оставалось лѣкарства, допивалъ опять онъ же, Матвѣевъ, въ глазахъ государя. За Соковнинымъ и Семеновымъ явился въ Лаишевъ дворянинъ съ указомъ перевести Матвѣева въ Казань. Здѣсь воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій приставилъ къ нему караулъ, и скоро пришелъ царскій указъ—отпустить людей по деревнямъ, другихъ на волю; потомъ ночью пріѣхалъ дьякъ Гороховъ: «Гдѣ имѣніе? Давай сейчасъ!» Матвѣевъ отвѣчалъ: «Въ животахъ моихъ ни краденнаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ, животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои нажитые милостью Божіею и великихъ государей жалованьемъ, за посольскія службы и за свои работы ратныя, за крови и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажиты, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренію, что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ

ленію. Рѣшено было продолжать войну. Однако, не смотря на эту видимую поддержку земскихъ чиновъ, военныя дѣйствія шли вяло. Начались новые переговоры, при которыхъ царь совѣщался уже съ одними боярами; наконецъ, въ 1570 г., заключено было перемиріе на основаніяхъ, отвергнутыхъ соборомъ 1566 года. Таковы были результаты единственнаго собранія, созваннаго въ XVI столѣтіи для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ.

Широкое поле открылось самодѣятельности русскаго общества съ пресѣченіемъ династіи Рюрика. Законнаго наслѣдника престола не был онадобно было призвать землю къ выбору государя.

Послѣ смерти Θеодора, осталась на царствѣ вдова его Ирина, сестра Бориса; но она отреклась отъ престола и постриглась въ монахини. Тогда патріархъ съ духовенствомъ, съ боярами и московскими гражданами просили ее благословить брата на царство. Но и Годуновъ отказался. Послѣ долгихъ совѣщаній съ патріархомъ, рѣшено было дождаться выборныхъ отъ земли, которые должны были съѣхаться въ Москву для собора.

Избраніе всею землею отнюдь не считалось непремѣннымъ условіемъ законнаго вступленія на царство; доказательствомъ служитъ то, что патріархъ съ духовенствомъ и съ московскими чинами уже прежде обращались къ Годунову съ просьбою принять царскій вѣнецъ. Но Годуновъ требовалъ созванія выборныхъ, желая утвердить престолъ свой на болѣе крѣпкихъ основахъ. На соборъ съѣхались выборные отъ служилыхъ людей и городовъ, послѣдніе впрочемъ въ незначительномъ числѣ, 33 человѣка. Крестьянъ не было вовсе, доказательство, что сельское населеніе имѣло очень мало значенія въ Московскомъ государствѣ. Патріархъ, который съ самаго начала стоялъ за Годунова, предложилъ вопросъ: кому быть на царствѣ? и тутъ же прибавилъ, что у него и у всего духовенства, и у бояръ, и у всякихъ чиновъ людей, и у всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были въ Москвѣ, одна мысль и совѣтъ, чтобы не искать другаго государя, кромѣ Бориса Θеодоровича. Земскіе люди отвѣчали, что у нихъ та же мысль. Рѣшено было опять просить Годунова, который, послѣ новаго притворнаго отказа, наконецъ принялъ вѣнецъ.

Выборъ всею землею не упрочилъ престола Годунова. Династія его пала, главнымъ образомъ вслѣдствіе боярскихъ козней. Орудіе русскихъ вельможъ и поляковъ, Лжедимитрій, послѣ кратковременнаго царствованія, также былъ свергнутъ съ престола. Боярская партія торжествовала; глава ея Шуйскій принялъ царскій вѣнецъ. На этотъ разъ не сочли нужнымъ сзывать соборъ изъ выборныхъ отъ всей земли. Крикъ народа, собраннаго на площади, былъ единственнымъ юридическимъ титуломъ, на который опирался новый царь. Въ сущности, онъ былъ возведенъ на престолъ своими приверженцами, хотя въ окружной грамотѣ, возвѣщавшей о его воцареніи, сказано было, что его избирали всѣмъ Московскимъ государствомъ, и били ему челомъ весь освященный соборъ, и бояре, и всякихъ чиновъ люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шуйскій далъ на себя запись и цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы ему *всякаго человѣка*, не осудя истиннымъ судомъ съ своими боярами, не предать смерти, и не отбирать имѣній у братьи, женъ и дѣтей, неповинныхъ въ преступленіи. Тоже обѣщаніе повторяется особо относительно гостей и торговыхъ людей.

уже были двое любимцевъ: первый—постельничій Иванъ Максимовичъ Языковъ, другой—комнатный стольникъ Алексѣй Тимофеевичъ Лихачевъ. Приближеніе Языкова объясняется тѣмъ, что въ такой должности [illegible] Адашеву при Іоаннѣ IV, Ртищеву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ [illegible], что двое бояръ, князь Долгорукій и Хитрово, не имѣя личной возможности соперничать съ Милославскимъ и быть [illegible] съ царемъ, [illegible] царю Языкова и Лихачева перебивать вліяніе Милославскихъ. Объ Языковѣ современники отзываются какъ о чрезвычайно ловкомъ придворномъ, его называли «человѣкомъ великой остроты, глубокимъ московскихъ прежде бывшихъ, [illegible] же дворскихъ обхожденій проникателемъ». Лихачева называютъ «человѣкомъ добраго совѣсти, исполненнымъ великаго разума и всякаго благочестиваго состоянія». Понятно, что для всѣхъ этихъ лицъ самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о бракѣ царя: молодая царица можетъ уничтожить или ослабить вліяніе царевенъ, теткѣ и сестеръ, а слѣдовательно и Милославскихъ, можетъ привести во дворецъ своихъ родственниковъ. Разсказываютъ, что или однажды въ крестномъ ходу, Феодоръ увидалъ дѣвушку, которая ему очень понравилась; онъ поручилъ Языкову справиться о ней, и тотъ донесъ, что это Агаѳья Семеновна Грушецкая, живетъ у родной тетки, жены думнаго дьяка Заборовскаго, и дьяку дано знать, чтобъ не выдавалъ племянницы замужъ безъ указа. Милославскій, узнавъ о намѣреніи царя жениться на Грушецкой, подумалъ, что это происки Языкова и Лихачева, и сталъ чернить Грушецкую и мать ея; но Языковъ и Лихачевъ обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой, въ іюлѣ 1680 г., и Милославскій потерялъ съ этихъ поръ всякое вліяніе, а Языковъ и Лихачевъ стали получать все большія и большія пожалованія. Такимъ образомъ самыми близкими къ царю, самыми вліятельными на дѣла правленія явились люди новые, молодые. Но подлѣ нихъ, если не въ такой близости, однако съ сильнымъ вліяніемъ на дѣла, видимъ человѣка изъ одного изъ самыхъ стародавнихъ родовъ, еще молодаго по лѣтамъ, боярина кн. Василья Васильевича Голицына, не однимъ именемъ и отечествомъ напоминавшаго знаменитаго предка своего, слывшаго столпомъ въ смутное время. Безспорно, что Голицынъ былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ описываемаго времени; къ этому присоединялъ онъ еще далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, дававшее ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднѣе, чѣмъ для другихъ.

Итакъ, говоря о правительственной дѣятельности Θеодора Алексѣевича, царя очень молодаго и болѣзненнаго, мы обязаны постоянно имѣть въ виду людей, его окружавшихъ, сначала Милославскихъ, потомъ, особенно съ 1680 г., Языкова, Лихачева и Голицына, хотя, разумѣется, по недостатку подробныхъ извѣстій, мы не можемъ опредѣлить долю каждаго изъ нихъ въ правительственной дѣятельности.

LXXXVIII. ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ПОЛЬШѢ И ТУРЦІИ ПРИ ЦАРѢ ѲЕОДОРѢ АЛЕКСѢЕВИЧѢ.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ»).

По поводу Малороссіи при царѣ Ѳеодорѣ возникли у насъ споры съ Польшею и Портою. Малороссія вся, кромѣ Чигирина, находилась уже подъ владычествомъ царя Алексѣя Михайловича, признавая гетманомъ Самойловича. Однако же царь Алексѣй не успѣлъ окончательно утвердить за собой заднѣпровскую часть ея. Дорошенко засѣлъ въ Чигиринѣ, призывая къ себѣ на помощь турокъ и татаръ; Янъ Собѣсскій, король польскій, требовалъ, на основаніи андрусовскаго мира, возвращенія Кіева, считалъ владычество царя за Днѣпромъ нарушеніемъ мира и грозилъ войною; но опаснѣйшій противникъ Ѳеодора былъ турецкій султанъ, который, по послѣднему договору съ Польшею, признавалъ заднѣпровскую часть Малороссіи ему принадлежащею. Ѳеодоръ не страшился противниковъ и готовился къ упорной борьбѣ, съ твердымъ намѣреніемъ защищать Малороссію, старое достояніе Россіи, возвращенное его родителемъ. Ѳеодоръ хотѣлъ сперва уничтожить безпокойнаго Дорошенка, который, не смотря на претерпѣнныя имъ неудачи, не переставалъ волновать Малороссію съ намѣреніемъ быть въ ней независимымъ обладателемъ. Царь послалъ къ Чигирину, гдѣ засѣлъ Дорошенко, многочисленное войско подъ начальствомъ Ромодановскаго, соединившагося съ Самойловичемъ. Сіи два военачальника убѣждали его сдаться безъ сопротивленія, обѣщая ему полную свободу. Дорошенко, не получая помощи ни отъ султана, который ему тоже не довѣрялъ, ни отъ Польши, потерялъ надежду успѣть въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ и согласился на предложенія, сдѣланныя ему русскими полководцами. 1676 г., сентября 19, онъ положилъ оружіе, отдалъ Самойловичу всѣ знаки гетманскаго достоинства и присягнулъ въ вѣрности съ своими подданными московскому царю.

Янъ Собѣсскій назначалъ безпрестанно новыхъ гетмановъ въ заднѣпровскую часть Украйны, требуя, чтобы Россія не вмѣшивалась въ ея дѣла; но получивъ въ отвѣтъ, что Польша уступкою Малороссіи султану турецкому лишила себя права спорить о сей землѣ, прекратилъ свои требованія, ожидая, какой конецъ будетъ имѣть война Россіи съ турками. Султанъ выслалъ подъ начальствомъ Ибрагима-паши многочисленное войско. Ибрагимъ напалъ всѣми силами своими на Чигиринъ и взорвалъ часть стѣнъ сей крѣпости; но осажденные отражали его мужественно, съ значительнымъ для него урономъ. Ромодановскій съ Самойловичемъ подоспѣли на помощь къ Чигирину, разбили на голову Ибрагима (1677 г.).

Онъ лишился въ сей битвѣ большаго числа людей, пушекъ, всего обоза и бѣжалъ за Днѣпръ. Султанъ былъ такъ раздраженъ симъ извѣстіемъ, что приказалъ умертвить Ибрагима и многихъ находившихся при немъ второстепенныхъ турецкихъ военачальниковъ. Въ слѣдующемъ году султанъ выслалъ войско еще многочисленнѣе. Ромодановскій опять его разбилъ и обратилъ въ бѣгство, но имѣлъ оплошность не преслѣдовать непріятеля, полагая его въ такомъ разстройствѣ, что онъ ничего пред-

принять не можетъ. Турки же между тѣмъ, собравъ разсѣянное свое войско, напали на Чигиринъ, овладѣли имъ и разорили его. Неустрашимый Ромодановскій вновь напалъ на нихъ и, послѣ жестокаго сраженія, 19 августа 1678 г., обратилъ ихъ въ бѣгство, причемъ непріятель лишился двухъ третей своей арміи и лагеря. Ромодановскій однако за оплошность, слѣдствіемъ коей было взятіе турками Чигирина, былъ смѣненъ; на мѣсто его назначенъ кн. Черкасскій. Во время сей кровавой войны, ознаменованной блестящими побѣдами царскихъ войскъ, несчастная заднѣпровская часть Малороссіи была совершенно опустошена турками.

Должно замѣтить, что предъ вторымъ чигиринскимъ походомъ было отдано строгое приказаніе не считаться мѣстничествомъ; такимъ образомъ царь Ѳеодоръ готовился нанесть вскорѣ послѣдній ударъ этому пагубному предразсудку.

Варшавскій дворъ, вопреки договорамъ, не оказалъ намъ помощи въ войнѣ противъ турокъ и думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съ угрозами требовать возвращенія городовъ, завоеванныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ. По поводу несогласій съ варшавскимъ дворомъ прибыло въ Москву въ маѣ 1678 г. великолѣпное польское посольство; главными лицами онаго были кн. Михайло Чарторыйскій и гр. Янъ Сапѣга. При посольствѣ однихъ слугъ находилось 300 человѣкъ и отрядъ тѣлохранителей. Пріемъ былъ сдѣланъ тоже пышный. Бояре имѣли съ польскими послами 23 засѣданія, вслѣдствіе которыхъ заключенъ договоръ 3 августа 1678 г. Главныя статьи онаго были: 1) перемиріе на 13 лѣтъ, 2) возвращеніе полякамъ Невеля, Себежа и Велижа; 3) выдача 200,000 руб. полякамъ при заключеніи трактата и 4) прекращеніе возникшихъ недоразумѣній и продолженіе дружественныхъ и торговыхъ сношеній.

Султанъ, послѣ двухъ неудачныхъ походовъ въ Малороссію, довольствовался тѣмъ, что тревожилъ насъ, подстрекая крымскаго хана дѣлать къ намъ сильные набѣги, такъ что татаре подходили къ самому Кіеву, но мужественная оборона царскихъ войскъ уничтожила покушеніе ихъ овладѣть этимъ городомъ; потомъ храбрый Сирко разбилъ ихъ на голову, преслѣдовалъ и вторгнулся въ ихъ владѣнія. Неудачи сіи заставили султана думать о мирѣ съ Россіею тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался воевать съ Австріею. Начались переговоры, вслѣдствіе коихъ 3 января 1681 г. заключенъ миръ въ Бахчисараѣ, по коему султанъ отказался отъ заднѣпровской Украйны съ условіемъ, чтобы ни Россія, ни Турція не возобновляли разрушенныхъ тамъ городовъ, исключая Кіева, Триполья, Василькова и Стаекъ, уступленныхъ Россіи, которая также удержала за собою и Запорожье. Такимъ образомъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, одержавъ блистательныя побѣды надъ турками и татарами, имѣлъ славу окончить войну за Малороссію, продолжавшуюся 27 лѣтъ.

и разрыва съ турками они, какъ и прочіе, говорятъ, что, «то въ его государской волѣ», но замѣчаютъ при этомъ, что приступъ къ Азову отбитъ изволеніемъ Бога и молитвами святыхъ, и совѣтуютъ даже не посылать казны крымскому хану, который разоряетъ государство. Для защиты Азова они такъ-же, какъ другіе, совѣтуютъ, въ помощь казакамъ, набрать вольныхъ охотниковъ, но прибавляютъ: «Опричь крѣпостныхъ и кабальныхъ людей». Они распостраняются подробно и на счетъ сбора денегъ и даточныхъ людей въ случаѣ войны. Деньги сбирать выборнымъ людямъ со всякихъ чиновъ, которые не служатъ службы. или которые у корыстовныхъ дѣлъ, сколько государь укажетъ; даточныхъ людей брать съ большихъ помѣстій, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, и вообще у кого земли много, а у безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ не брать даточныхъ людей или за даточныхъ людей деньги. При этомъ мелкіе московскіе дворяне замѣчаютъ, что московскіе люди отягощены противъ городовыхъ. А если, сверхъ того, нужны будутъ деньги, то брать ихъ со всѣхъ чиновъ людей, хотя бы по гривнѣ съ двора, а сверхъ того, что государь укажетъ.

Гораздо короче выразились головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ: «Разрывать ли съ турецкимъ царемъ и принимать ли Азовъ, въ томъ воленъ государь, какъ изволитъ, а смѣту ратнымъ людямъ и казнѣ, то государь вѣдаетъ, какъ изволитъ, а мы служить рады и готовы, гдѣ укажетъ». Точно тоже написали владимірцы, дворяне и дѣти боярскія. прибавивъ къ этому только, что бѣдность ихъ города вѣдома государю и его государевымъ боярамъ. Наконецъ совершенно такой же отвѣтъ дали дворяне и дѣти боярскія Нижняго Новгорода, муромцы. Но другіе объяснились гораздо обстоятельнѣе. Общее мнѣніе подали дворяне и дѣти боярскія городовъ Суздаля, Юрьева, Переяславля, Бѣлой, Костромы. Смоленска, Галича, Арзамаса, Великаго Новгорода и проч. Они прямо высказали мысль, что Азовъ надобно держать и съ турецкимъ султаномъ разорвать, потому что иначе можно навлечь на себя гнѣвъ Божій; ибо взятіе Азова совершилось по изволенію Божію. Въ помощь казакамъ надобно послать ратныхъ людей и собрать запасы съ украинскихъ городовъ и съ монастырей, а противъ турокъ велѣть строить рать и сбирать людей, какъ бывало прежде. Съ перваго взгляда можно подумать, что въ этихъ смѣлыхъ совѣтахъ выражается порывъ патріотическаго чувства, готовность стоять за честь и пользу отечества. Но когда рѣчь заходитъ о томъ, съ кого и какъ брать деньги на войну, дѣло принимаетъ иной оттѣнокъ. Прежде всего, указывается на бояръ и ближнихъ людей, которые нынѣ пожалованы многими помѣстьями и вотчинами. Точно также дьяки и подъячіе нажились и разбоготѣли неправеднымъ мздоимствомъ, построили себѣ дома, палаты каменныя, такія, что неудобь-сказаемыя, какихъ прежде не бывало и у великородныхъ людей. Затѣмъ указывается на духовенство и монастыри: надобно велѣть описать ихъ вотчины съ большимъ допросомъ, и кто изъ нихъ утаитъ крестьянъ, велѣть указъ учинить по уложенію и обратить крестьянъ въ казну. Доходитъ очередь и до неслужащихъ дворянъ: «Которые наша братія отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатствомъ», и съ тѣхъ слѣдуетъ взять денегъ и людей. Но при этомъ, дворяне и дѣти боярскія просятъ, чтобы ратныхъ людей прибирать, сколько государь изволитъ, «окромѣ нашихъ, холопей твоихъ, крѣпостныхъ и старинныхъ людишекъ и крестьянишекъ». Затѣмъ, обра-

довому быту, родовымъ понятіямъ, князь, который самъ понималъ только родовые счеты со старшими и младшими братьями, проводившій всю жизнь въ этихъ счетахъ, не могъ не признать господства родовыхъ счетовъ между дружинниками своими, не могъ не признать мѣстничества. Но, признавъ мѣстничество, князь не могъ однако отказаться отъ права наполнять свою дружину какъ можно большимъ числомъ храбрыхъ мужей, потому что храбрая и многочисленная дружина давала ему значеніе и силу, она давала ему богатство, давала побѣду въ родовыхъ распряхъ, отворяла ворота къ старшему столу. Отсюда необходимость для князя принимать людей извѣстныхъ своею доблестью; но эти люди соглашались поступить въ службу князя только при условіи мѣста, соотвѣтствующаго ихъ достоинству, и потому они непремѣнно должны были оттѣснять старыхъ дружинниковъ, старыхъ бояръ отъ первыхъ мѣстъ, *заѣзжали* ихъ, по мѣстническому выраженію. Еще хорошо, если пришлецъ былъ издалека, изъ чужаго народа, угринъ, чудинъ, нѣмецъ, ляхъ; тѣмъ, которыхъ онъ заѣзжалъ, нельзя было и ставить противъ него ни родовыхъ счетовъ по лѣствицѣ, ни служебныхъ по разряду; оставалось повѣрить князю, что заѣзжикъ *человѣкъ честный* и уступить мѣсто, или самимъ отъѣхать къ другому князю. Вотъ почему дружина, послѣ дворъ князей нашихъ, такъ легко наполнялись пришлецами изъ чужихъ народовъ. Но если пришлецъ былъ изъ русскаго княжества, если степень его въ лѣствицѣ и служебное мѣсто въ дружинѣ прежняго князя были извѣстны, тогда уже нельзя было избѣжать мѣстническихъ столкновеній, какъ напр. въ слѣдующемъ дѣлѣ:

«Государю князю Ивану Васильевичу московскому бьетъ челомъ холопъ твой Васюкъ Зюзинъ: сказали, государь, быти у твоего государева дѣла передъ тобою государемъ, въ окольничихъ Θедору Нагому, да мнѣ, холопу твоему, милостивый государь, покажи милость, пощади холопа твоего: *ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой Твери меньше дѣда и прадѣда Θедорова николи не бывалъ*; сыщи, государь, милосердіемъ твоимъ, какъ тебя, государя, Богъ извѣститъ, а во всемъ воленъ Богъ, да ты, государь, какъ велишь холопу твоему; надежда вся на Бога, да на тебя, государя. Милостивый государь, покажи милость, смилуйся»!

Но кромѣ заѣздовъ, частый случай къ мѣстническимъ столкновеніямъ подавали безпрестанный переходъ князей изъ одной волости въ другую, причемъ они приводили изъ стараго княжества въ новое своихъ собственныхъ дружинниковъ, къ которымъ, разумѣется, питали большую любовь и довѣренность, вслѣдствіе чего давали имъ высшія мѣста передъ дружинниками, которыхъ находили въ новомъ княжествѣ, и которые были имъ неизвѣстны. Отсюда ненависть старыхъ дружинниковъ къ пришлецамъ, стараніе первыхъ сбыть, во что бы то ни стало, послѣднихъ, а для этого единственнымъ средствомъ было завести крамолу противъ князя и призвать на его мѣсто другаго. Смуты и неудовольствія вслѣдствіе означенной причины появляются очень рано.

Единственнымъ средствомъ для старыхъ дружинниковъ, заѣзженныхъ пришлецами, оставалось отъѣзжать въ другія княжества: вотъ почему право отъѣзда было самымъ драгоцѣннымъ правомъ для бояръ нашихъ, вотъ почему они такъ горячо за него стояли, и упорствомъ своимъ въ его сохраненіи вызвали такія страшныя мѣры со стороны московскихъ государей.

Эти отъѣзды вслѣдствіе мѣстничества играютъ иногда важную роль въ событіяхъ. Такъ, во время борьбы великаго князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, когда знаменитый московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ отъѣхалъ къ Юрію, и побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго, то другой бояринъ Юрія, Морозовъ, вопреки Ивану Дмитріевичу и сыновьямъ Юрія, вступился за плѣнника Василія Васильевича и выхлопоталъ ему у дяди выгодныя условія явно въ ущербъ своего князя. Этого явленія нельзя иначе объяснить, какъ мѣстничествомъ, именно тѣмъ, что Иванъ Дмитріевичъ заѣхалъ Морозова, который и началъ стараться возстановить Василія, дабы послѣ имѣть возможность отъѣхать къ нему.

Но когда московскіе князья, собравъ сѣверовосточную Русь въ одно государство, положили конецъ отъѣздамъ изъ одного княжества въ другое, а отъѣзд

Не смотря на то, что почти всѣ чины высказались въ пользу принятія Азова отъ казаковъ, рѣшеніе царя, какъ извѣстно, было иное. И точно, трудно было начинать тяжелую войну при всеобщемъ, очевидномъ нежеланіи нести ея тяжестей.

Упадокъ соборовъ проявляется въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Тогда какъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ насчитываютъ ихъ до двѣнадцати, въ продолжительное и обильное событіями царствованіе Алексѣя Михайловича ихъ было, сколько можно судить по скуднымъ свѣдѣніямъ, всего 4. Первый соборъ былъ созванъ въ 1648 г., по случаю составленія Уложенія. Здѣсь были не одни московскіе чины, но выборные отъ всей земли, отъ служилыхъ людей и городовъ, ибо цѣль собора состояла не въ рѣшеніи того или другаго вопроса, а въ утвержденіи новаго законодательнаго памятника, «чтобъ то все уложеніе впредь было прочно и неподложно». Поэтому здѣсь нѣтъ ни законодательной дѣятельности собранія, ни обсужденія предлагаемыхъ законовъ. Составленное коммиссіею Уложеніе читается выборнымъ, и они прикладываютъ къ нему свои руки. Въ 1650 г. былъ другой соборъ, по случаю псковскаго бунта. На немъ были бояре и думные люди, городовые дворяне и дѣти боярскія, да московскіе торговые люди; но какое состоялось здѣсь рѣшеніе, объ этомъ не сохранилось свѣдѣній. Наконецъ, два собора были созваны въ 1653 г., по случаю дѣлъ малороссійскихъ. Объ одномъ едва есть скудныя извѣстія, другой же, котораго акты до насъ дошли, былъ вмѣстѣ и послѣднимъ соборомъ всѣхъ чиновъ русской земли. Сравнивая неопредѣленныя выраженія грамоты съ прежними подобными, можно думать, что и онъ былъ составленъ изъ москвичей и находившихся въ Москвѣ служилыхъ людей изъ городовъ. Послѣ пространнаго изложенія неправдъ польскаго короля, собранію предложенъ былъ вопросъ: принять ли Хмельницкаго въ подданство и начать ли войну съ Польшею? Мнѣнія духовенства въ актѣ вовсе нѣтъ. Бояре и думные люди приговорили вести войну съ Польшею и принять Хмельницкаго въ подданство. Тоже сказали и другіе чины, которые допрашивались порознь. Краткость свѣдѣній о дѣйствіяхъ собора не должна насъ удивлять, когда мы примемъ въ соображеніе, что онъ былъ созванъ единственно для формы. Дѣло было рѣшено уже въ мартѣ; въ сентябрѣ къ Хмельницкому отправлены были посланники съ извѣщеніемъ, что царь принимаетъ его въ свое подданство, а соборъ былъ созванъ 1 октября. Очевидно, что учрежденіе было въ полномъ упадкѣ. Земскіе соборы прекратились въ Россіи въ половинѣ XVII-го вѣка, одновременно съ прекращеніемъ сословнаго представительства во многихъ государствахъ европейскаго материка. Во Франціи послѣднее собраніе генеральныхъ штатовъ было въ 1614 г., въ Пруссіи въ 1653, въ Баваріи въ 1669, въ Даніи въ 1660 году.

Собранія выборныхъ отъ отдѣльныхъ сословій встрѣчаются впрочемъ и позднѣе, но уже съ другимъ характеромъ. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ они сзываются по вопросамъ, касающимся того или другаго сословія. Такимъ образомъ, выборные отъ служилыхъ людей, весьма вѣроятно отъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ, были призваны къ совѣщанію по вопросу о преобразованіи войска. Послѣдствіемъ было уничтоженіе мѣстничества, по челобитью выборныхъ людей и по приговору собора, составленнаго изъ духовныхъ властей и думныхъ людей. Въ это же время совершались въ Московскомъ государствѣ и финансовыя преобразованія.

Въ податяхъ оказалась значительная недоимка, и правительство рѣшилось уравнять службы и оклады. Съ этою цѣлью, велѣно было выбрать въ городахъ по два человѣка и выслать ихъ въ Москву для доставленія правительству свѣдѣній, могутъ ли они или не могутъ платить подати. а если нѣтъ, то почему не могутъ. На основаніи ихъ показаній, налоги были понижены и составлено новое распредѣленіе службъ и податей.

Послѣ смерти Өедора Алексѣевича встрѣчается и послѣдній примѣръ участія народа въ выборѣ царя. Но образцомъ служилъ здѣсь не соборъ, избравшій Михаила Өедоровича, а провозглашеніе Шуйскаго. Патріархъ вышелъ къ народу, собранному на площади, и спросилъ, кому быть преемникомъ престола? Большинство стоявшихъ тутъ людей отвѣчало, что быть царемъ Петру.

CIV. ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Изъ соч. Градовскаго: «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи»).

Между Москвою и низшимъ управленіемъ не образовалось посредствующихъ инстанцій. Собственно въ области была одна инстанція — уѣздное управленіе, сосредоточенное въ рукахъ воеводы. Развитіе воеводскаго управленія обусловливалось тяглымъ характеромъ сословій, не имѣвшихъ никакого самостоятельнаго значенія для государственнаго управленія. Уѣздъ собралъ въ одно цѣлое и замѣнилъ прежнія разнообразныя тяглыя единицы; воевода явился высшимъ исполнителемъ требованій центральнаго правительства и властью, понуждающею всѣ сословія къ исправному отбыванію повинностей.

Учрежденіе воеводъ съ такимъ характеромъ относится къ XVII в., когда сила государства, основанная на тягломъ положеніи сословій, установилась окончательно. До тѣхъ поръ остатки самоуправленія, общины, намѣстники и волостели производили невообразимую пестроту въ администраціи. Но появленіе воеводъ или, лучше сказать, воеводскаго управленія относится не къ XVII в. Еще въ XV ст. названіе воеводъ встрѣчается рядомъ съ должностью намѣстника. Оно не означало, кажется, особой должности, отличавшейся отъ намѣстниковъ. Послѣдніе, въ своемъ качествѣ военачальниковъ городскихъ, назывались воеводами мѣстными, въ противоположность *ратнымъ*, посылавшимся изъ Москвы. Но эти воеводы не составляли системы воеводскаго управленія со всѣми ея характеристическими особенностями. Нѣкоторыя обстоятельства вызвали эту систему уже въ XVI в. Области, требовавшія усиленнаго вниманія правительства вслѣдствіе своего географическаго положенія или военныхъ обстоятельствъ, получали воеводъ. Но для того, чтобы отличить ихъ отъ воеводъ въ прежнемъ смыслѣ, т. е. полковыхъ начальниковъ, ихъ называли *годовыми* воеводами и мѣстными воеводами въ противоположность полковымъ, ратнымъ. Такъ называемые годовые воеводы назначались уже въ XVI столѣтіи по разнымъ городамъ. Такъ были воеводы въ Орлѣ, Новосилѣ, Смоленскѣ, Одоевѣ, Пронскѣ, Брянскѣ. Въ это время названіе воеводъ, какъ уѣздныхъ и городовыхъ правителей,

начинаетъ смѣшиваться съ названіемъ намѣстника, причемъ послѣднее употребляется болѣе какъ почетное званіе, соединенное впрочемъ съ разными доходами, а не для обозначенія дѣйствительной должности административной. Затѣмъ въ иныхъ городахъ упоминаются то намѣстники, то воеводы. Новая правительственная система то замѣняетъ прежніе органы управленія, то вновь уступаетъ имъ мѣсто. Въ XVI в. воеводы хотя и участвовали въ судѣ, но рядомъ съ ними дѣйствовало и прежнее выборное начальство. Напротивъ, съ 1613 г. воеводское управленіе исключаетъ всякое другое. Можетъ быть, неурядица смутнаго времени вызвала потребность сильной правительственной диктатуры, для цѣлей «земскаго строенія». Но каковы бы ни были причины этой перемѣны, несомнѣнно то, что первоначально выборныя должности утратили свое значеніе. Уже впослѣдствіи возстановляются старыя уставныя грамоты и возобновляется учрежденіе губныхъ старостъ. И это возстановленіе далеко не было полно. На земскомъ соборѣ 1642 г. гости и торговые люди, жалуясь царю на воеводъ, говорили: «При прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было, а воеводы были посыланы, по прежнихъ государей указу, съ ратными людьми только въ крайнные города для береженія отъ тѣхъ же турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, отъ ихъ разоренія. Въ прежнее время, т. е. до смутнаго времени, воеводы дѣйствительно посылались *преимущественно* «для береженья» городовъ отъ непріятеля. Но въ то же время имъ поручались и другіе предметы. Двинскіе воеводы имѣли право суда, которое они до Михаила Өедоровича раздѣляли съ выборными судьями. Въ другихъ мѣстностяхъ воеводы издавна дѣйствовали по административнымъ и судебнымъ дѣламъ. Моментъ, когда воеводы вытѣснили намѣстниковъ, нельзя опредѣлить съ точностью.

Не изъ одной полковой службы развилась слѣдовательно воеводская должность. Съ самаго начала установилось различіе между *полковыми* и *годовыми* воеводами, посылавшимися не только для береженья городовъ отъ непріятеля, но и для разныхъ административныхъ цѣлей. Обыкновенный срокъ воеводской службы былъ 1—2 года. Впослѣдствіи встрѣчаются примѣры, что воеводы остаются за особенно усердную службу на третій годъ; но это было уже исключеніемъ изъ общаго правила.

Воеводы опредѣлялись обыкновенно изъ дворянъ, написанныхъ по московскому списку, т. е. изъ лицъ, подвѣдомственныхъ Большому Разряду. Областные приказы назначали воеводъ, но съ согласія разряда или другаго установленія, вѣдавшаго служилое сословіе. Никто не могъ быть отпущенъ на воеводство, если его присутствіе въ полку было необходимо. Челобитныя о назначеніи на воеводство подавались въ Разрядъ, и съ справкою изъ Разряда поступали на усмотрѣніе государя. Затѣмъ отпущенному на воеводство давали наказъ изъ того приказа, гдѣ городъ былъ вѣдомъ. Такимъ образомъ, областные приказы распоряжались людьми, отпущенными чрезъ Разрядъ. Правительство, какъ въ XVII, такъ отчасти и въ XVIII в., скупо надѣляло служилыми людьми гражданское управленіе. Никто не могъ быть назначенъ на воеводство и въ приказы безъ сношенія съ военнымъ вѣдомствомъ. Назначеніе на воеводство происходило не по инициативѣ правительства. Служилые люди сами добивались этой льготы и осаждали государя прось-

бами. Можетъ быть, отъ этого отчасти зависѣлъ кратковременный срокъ воеводской службы: надо же было удовлетворить такое количество челобитчиковъ! Напротивъ, само правительство не стремилось назначать на воеводство людей способныхъ. Оно смотрѣло на воеводство, какъ на должность инвалидную, и было недовольно, что нѣкоторыя лица, «отбывая государевой службы», бьютъ челомъ на воеводство. Взглядъ правительства на это дѣло обнаружился въ двухъ мѣрахъ Алексѣя Михайловича. Въ 1661 г. предписано во всѣ города, вѣдомые въ Разрядѣ, назначить въ воеводы и приказные люди изъ раненныхъ и бывшихъ въ плѣну, «а которые отпущены воеводы и приказные люди не ранены, и тѣхъ перемѣнить раненными». Затѣмъ въ томъ же году всѣхъ воеводъ для полковой службы велѣно выслать къ Москвѣ, а управленіе поручить губнымъ старостамъ, или, гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ, отставнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Обыкновенная сфера дѣятельности воеводъ опредѣлялась содержаніемъ общаго наказа. Содержаніе это было не особенно обширно. Его можно подвести подъ слѣдующія рубрики. 1) Наказъ содержалъ въ себѣ постановленія относительно вступленія въ должность новаго воеводы, порядка пріема должности отъ прежняго воеводы и составленія описи о принятіи казеннаго имущества. 2) Затѣмъ слѣдовали постановленія относительно финансоваго управленія. Этотъ отдѣлъ былъ особенно развитъ въ общихъ наказахъ, такъ какъ областные приказы имѣли въ виду главнымъ образомъ финансовое управленіе. 3-я часть опредѣляла отношенія воеводъ къ мѣстному обществу и выборнымъ должностямъ; 4-я заключала постановленія относительно полицейской дѣятельности воеводы, а если городъ былъ пограничный, то и правила объ отношеніяхъ его къ иноземцамъ.

Обращаясь къ подробному разсмотрѣнію обязанностей воеводы, нельзя не остановиться на общемъ замѣчаніи, которое поможетъ намъ объяснить многіе противорѣчивые факты въ воеводскомъ управленіи. Какую бы отрасль мѣстной администраціи мы ни взяли, вездѣ обращаетъ на себя вниманіе тотъ странный фактъ, что воевода имѣетъ всѣ средства для удовлетворенія обще-государственныхъ нуждъ, и почти безсиленъ для служенія мѣстнымъ интересамъ, для удовлетворенія нуждамъ мѣстности и частныхъ лицъ. Воевода былъ облеченъ большою властью для понужденія служилыхъ людей къ отправленію обязанностей, но съѣзжая изба не могла разрѣшить ни одного процесса о помѣстьѣ или вотчинѣ; воевода могъ поставить на правежъ цѣлую общину за невзносъ податей, но едва-ли могъ разрѣшить какое-нибудь хозяйственное затрудненіе въ дѣлахъ этой общины. Мало того: центральное правительство старается даже о томъ, чтобъ воеводская власть не получила слишкомъ большаго развитія, не устранила для общинъ возможности и даже необходимости сноситься прямо съ Москвою. Вслѣдствіе этого первое противорѣчіе воеводской должности заключалось въ непомѣрной власти его, какъ исполнительнаго агента московскаго приказа, и въ безсиліи его, какъ самостоятельнаго администратора. Воевода, такъ сказать, всякій разъ приводился въ движеніе указомъ изъ Москвы, въ противномъ случаѣ онъ бездѣйствовалъ. Даже и для исполнительной сферы должность эта не всегда была пригодна. Наказомъ опредѣлялись отношенія воеводы главнымъ образомъ къ приказу, выдавшему этотъ наказъ. Другіе приказы находились къ воеводѣ въ отношеніяхъ крайне неопредѣленныхъ, что вело къ большой «волокитѣ» въ исполненіи ихъ предписаній.

Тѣмъ, что мы назвали общею частью наказа, опредѣлялась совокупность порученій, данныхъ воеводѣ по предметамъ вѣдомства одного приказа. Поэтому съ помощью наказа можно опредѣлить сферу дѣятельности воеводы и отношеніе его къ центральному управленію, котораго онъ былъ органомъ. Мы разсмотримъ сначала воеводу, какъ органъ правительственныхъ интересовъ, причемъ главнымъ образомъ обратимъ вниманіе: а) на военную его дѣятельность и отношеніе къ служилому сословію, б) на финансовую и его отношеніе къ общинамъ.

Хотя еще въ XVI ст. проведено было различіе между *годовыми* и *полковыми* воеводами, но военный характеръ первыхъ сохранился и въ XVII в. Каждый воевода былъ военнымъ начальникомъ въ уѣздѣ и городѣ. Въ его завѣдываніе поступалъ городъ (крѣпость) со всѣми укрѣпленіями, военными снарядами, запасами, ему подчинялись всѣ служилые люди, дворяне и дѣти боярскія. Въ качествѣ такого военнаго начальника, онъ долженъ былъ бы подчиняться разряду и другимъ воинскимъ приказамъ. На дѣлѣ было не такъ. Воевода, принимая городъ отъ своего предшественника, составлялъ подробную роспись всѣхъ принятыхъ предметовъ и дѣлъ и представлялъ ее въ пославшій его приказъ. Въ эту роспись включилось описаніе города въ военномъ отношеніи и военныхъ снарядовъ, наравнѣ съ другими предметами. Разумѣется, не по всѣмъ этимъ дѣламъ воевода былъ подчиненъ четверти одинаково. Конечно, Разрядъ не переставалъ распоряжаться военнымъ управленіемъ; но это нисколько не слагало съ воеводъ обязанности доносить обо всемъ въ свою четверть. Слѣдовательно, военныя обязанности сливались въ то время съ административными даже въ центральныхъ установленіяхъ. Воевода же вѣдалъ военное дѣло, какъ представитель своего приказа, въ силу даннаго имъ наказа. Въ качествѣ воинскаго начальника, онъ долженъ былъ наблюдать за хорошимъ состояніемъ городскихъ укрѣпленій, заботиться, чтобъ въ городѣ было достаточно всякихъ запасовъ и т. д.

Военная власть воеводы проявлялась довольно разнообразно. Въ центральной Россіи онъ имѣлъ обязанности городоваго береженья, потому что въ случаѣ похода, войны, онъ не являлся полковымъ начальникомъ, а только высылалъ служилыхъ людей, находящихся въ уѣздѣ, на полковую службу, а самъ оставался съ остальными ратными людьми для охраненія города и уѣзда. Онъ долженъ былъ собирать всѣхъ жителей въ городъ, а уѣздныхъ людей въ острожки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для такого береженья, помимо воеводы, посылались изъ Москвы особые начальные люди. Въ иныхъ случаяхъ они обязаны были только оказывать содѣйствіе ратнымъ и начальнымъ людямъ, посылаемымъ на войну: доставлять имъ подводы, суда и т. д.

Какъ начальникамъ ратныхъ людей, имъ поручался наборъ войска, раздача денежнаго и хлѣбнаго жалованья, разверстаніе службы между служилыми и т. д. Воеводы дѣйствовали въ этихъ дѣлахъ по указамъ центральнаго правительства. Они не могли увеличивать жалованья служилымъ людямъ, верстать на службу, переводить изъ чина въ чинъ безъ указовъ центральнаго правительства. Со введеніемъ регулярныхъ войскъ посылались въ уѣзды особые воинскіе начальники для обученія и командованія войсками, тамъ расположенными. Они не зависѣли отъ воеводъ.

ремѣнить на лучшее, а котораго и прежняго устроенія дѣла на боях съ непріятелями имѣются пристойны, и тѣмъ быть безъ перемѣны».

Выборные указали на военное устройство, которое, по ихъ мнѣнію, будетъ прибыльнѣе, а именно: росписать служилыхъ людей по ротамъ, въ ротмистры и поручики назначить изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, изо всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ перемѣны, чтобъ были между собою безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ. Государь согласился, составлены были списки ротмистрамъ и поручикамъ, но при этомъ выборные объявили: «По государеву указу они, выборные люди, братья ихъ, дѣти и сродники записаны въ ротмистры и поручики; а Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и другихъ родовъ въ тѣ чины никого теперь не записано, потому что за малыми лѣтами въ чины они не приказаны: такъ опасаются они, выборные люди, чтобъ послѣ отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ другихъ родовъ не было имъ и родамъ ихъ укоризны и попреку. И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было».

Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитіи выборныхъ людей. 12 января 1682 г. Ѳеодоръ назначилъ чрезвычайное *сидѣнье* съ боярами, къ которому были приглашены патріархъ, архіереи и выборные начальники монастырей. Засѣданіе открылось чтеніемъ челобитья выборныхъ людей; когда чтеніе окончилось, началъ говорить царь: онъ распространился о своихъ обязанностяхъ слѣдовать во всемъ закону и примѣру Христа, заповѣдающаго любовь, потомъ перешелъ къ дѣлу: «Злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устроеніе, а непріятелямъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣстные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе. Наша царская держава, разсмотря, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ непріятелемъ общій и пристойный промыслъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевышнему Оку, желаемъ, да божественный Его промыслъ, мира и благоустроенія виновникъ, своимъ всесильнымъ повелѣніемъ оное разрушающее любовь мѣстничество разрушить изволитъ и отъ такого злокозненства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединить благоволитъ». Далѣе государь привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянулъ и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло, и заключилъ вопросомъ: «По нынѣшнему-ли выборныхъ людей челобитію всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или попрежнему быть съ мѣстами?».

На этотъ вопросъ отвѣчалъ патріархъ сильною выходкою противъ мѣстничества, отъ котораго «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое жъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, то-бъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе».

Царь обратился съ вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и другимъ людямъ; они отвѣчали, чтобъ великій государь «указалъ учинить по прошенію патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованія, а между ними богопротивное дѣло — великія продолжительныя вражды». Послѣ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: «Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записи о мѣстахъ извѣляемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не поминалась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ. У кого есть разрядныя книги и записки, тотъ пусть присылаетъ ихъ въ разрядъ, мы всѣ ихъ повелимъ предать огню. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ въ приказахъ и у расправныхъ и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ и всегда у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, и никого не укорять, и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься». На это всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да погибнетъ во огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки!"

Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь, и разрядныя книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патріархъ, обратясь къ свѣтскимъ чинамъ думы, сказалъ: „Начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и нерушимо, а если кто теперь или впредь оному дѣлу воспрекословитъ какимъ-нибудь образомъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія". Всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да будетъ такъ". Государь съ радостнымъ лицомъ сталъ хвалить ихъ за это и объявилъ, что имъ и потомству ихъ на память велитъ въ разрядѣ держать родословную книгу и въ домахъ своихъ такія родословныя книги могутъ они держать попрежнему. Въ награду имъ онъ велитъ эту родословную книгу пополнить недостающими къ ней именами, для чего велитъ взять у нихъ росписи за руками. Которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его государевыхъ и при немъ были въ честяхъ, боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, также и старые роды, кото-

рые хотя и не являлись въ честяхъ, но съ царствованія Іоанна Васильевича и при его державѣ являлись въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, великаго государя, въ близости, а въ родословной книгѣ имянъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать теперь въ особую книгу. А которые роды въ вышеописанныхъ честяхъ и въ посылкахъ не были, а съ царствованія Михаила Θеодоровича и при немъ, государѣ, были въ полковыхъ воеводахъ и въ послахъ, и въ посланникахъ, и въ знатныхъ какихъ-нибудь посылкахъ, и въ иныхъ честныхъ чинахъ и въ десятнахъ (въ войсковыхъ спискахъ) въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена также написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ. А которые въ тѣхъ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятнахъ написаны въ средней и въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую же книгу по ихъ росписямъ, и быть всѣмъ во всѣхъ чинахъ безъ мѣстъ".

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: какъ же это вдругъ сдѣлалось, что легко, безъ всякаго сопротивленія отмѣненъ вѣковой обычай, отмѣненъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь? Отмѣненъ онъ притомъ не желѣзною волею Петра, но волею слабаго, умирающаго Θеодора. На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: что можно было возразить на слова царя и патріарха, порицавшихъ мѣстничество? Что можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій *при случаѣ* считалъ своею обязанностью отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ безчестье, позоръ и укоризны; такъ и въ послѣднемъ случаѣ служилыхъ людей росписали по новому въ разныя войсковыя должности, и они бьютъ челомъ, что члены другихъ родовъ въ эти должности не назначены, такъ не было бы имъ отъ нихъ послѣ безчестья, и лучше всего уничтожить мѣста. Всѣ возставали *при случаѣ*, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возстать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались св. угодники, потому что авторитетъ нововводителей былъ заподозрѣнъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ-за него вовлекались въ богоненавистное, дьявольское дѣло, во вражду. Но если такъ, если мѣстничество само по себѣ ни въ чьихъ глазахъ не могло имѣть никакого оправданія, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Вѣковой, окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою высшею государственною и народною потребностью, войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновеніе не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причемъ корни всѣхъ вѣковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься, и вырвать ихъ стало уже легко. Дѣду и отцу Голицына, конечно, не приходило въ голову, что внукъ и сынъ ихъ доложитъ царю челобитье служилыхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества. Мѣстничество зашаталось и рушилось вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя.

вслѣдствіе поворота къ чужому, западному, это очевидно; но сколько уничтоженію мѣстничества содѣйствовало ослабленіе родового союза — этого подмѣтить нельзя; ясно обратное дѣйствіе: уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, ударъ, равный тому, какой въ низшихъ слояхъ нанесенъ былъ родовому союзу подушнымъ окладомъ.

XCI. КІЕВСКОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ МОСКВѢ И СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ.

(Изъ «Исторіи русской словесности» Галахова).

Жалобы на невѣжество, изъ котораго истекаютъ всѣ общественныя бѣдствія, необходимость науки, какъ главнаго средства къ улучшеніямъ, побудили московскихъ просвѣщенныхъ людей обратиться за помощью къ югозападной Руси. Еще въ 1649 г. пригласили изъ кіевской лавры нѣсколько иноковъ, «изящныхъ въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи». Имъ предложили два дѣла, въ которыхъ Москва особенно нуждалась: обучать юношество свободнымъ наукамъ и переводить Библію съ греческаго на славянскій. Переходъ югозападныхъ ученыхъ въ Москву усилился со времени присоединенія Украйны къ Великороссіи. Въ 1664 г. прибылъ изъ Полоцка Симеонъ Полоцкій. Учрежденіе духовной академіи было новымъ предметомъ, привлекавшимъ южнорусскихъ ученыхъ въ Москву: они имѣли право домогаться званія преподавателей въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены на одинакихъ основаніяхъ съ мѣстомъ ихъ собственнаго образованія.

Отношенія московскаго духовенства къ пришлымъ одновѣрцамъ не отличалось благосклонностью и довѣріемъ, причину чего слѣдуетъ искать не въ личныхъ только расчетахъ, но въ другихъ соображеніяхъ. Его пугала мысль, что религіозныя понятія югозападныхъ ученыхъ не совершенно согласны съ православнымъ вѣроученіемъ, что изъ дѣла уніи они вышли не вполнѣ твердыми и чистыми, что къ богословію ихъ могли привиться толкованія католическія и лютеранскія. Подозрительность идетъ издалека, почти съ самаго начала уніи. Патріархъ Іоакимъ постоянно негодовалъ на Полоцкаго: нѣкоторыя сочиненія послѣдняго осуждены на церковномъ соборѣ. При открытіи московской академіи южнорусскихъ ученыхъ не допустили занять въ ней учительскихъ мѣстъ, хотя они были рекомендованы лицами, уважаемыми при дворѣ. Сомнѣнія въ православіи малорусскаго духовенства усилились по поводу споровъ о евхаристіи между Лихудами и Сильвестромъ Медвѣдевымъ, строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, усвоившимъ нѣкоторыя латинскія толкованія. Медвѣдевъ называлъ своимъ учителемъ Полоцкаго, который самъ учился у Лазаря Барановича. Мнѣнія учениковъ бросали тѣнь и на ихъ учителей, такъ что Іоакимъ, для разъясненія дѣла, вынужденъ былъ снестись съ кіевскимъ митрополитомъ и Лазаремъ Барановичемъ, и потребовать отъ нихъ категорическаго отвѣта касательно ихъ отношеній къ латинству и уніи. Непріязнь къ латинской вѣрѣ вела за собою отчужденіе отъ западнаго просвѣщенія. Впрочемъ, по ближайшемъ

довому быту, родовымъ понятіямъ, князь, который самъ понималъ только родовые счеты со старшими и младшими братьями, проводившій всю жизнь въ этихъ счетахъ, не могъ не признать господства родовыхъ счетовъ между дружинниками своими, не могъ не признать мѣстничества. Но, признавъ мѣстничество, князь не могъ однако отказаться отъ права наполнять свою дружину какъ можно большимъ числомъ храбрыхъ мужей, потому что храбрая и многочисленная дружина давала ему значеніе и силу, она давала ему богатство, давала побѣду въ родовыхъ распряхъ, отворяла ворота къ старшему столу. Отсюда необходимость для князя принимать людей извѣстныхъ своею доблестью; но эти люди соглашались поступить въ службу князя только при условіи мѣста, соотвѣтствующаго ихъ достоинству, и потому они непремѣнно должны были оттѣснять старыхъ дружинниковъ, старыхъ бояръ отъ первыхъ мѣстъ, *заѣзжали* ихъ, по мѣстническому выраженію. Еще хорошо, если пришлецъ былъ издалека, изъ чужаго народа, угринъ, чудинъ, нѣмецъ, ляхъ; тѣмъ, которыхъ онъ заѣзжалъ, нельзя было выставить противъ него ни родовыхъ счетовъ по лѣствицѣ, ни служебныхъ по разряду; оставалось повѣрить князю, что заѣзжикъ *человѣкъ честный* и уступить мѣсто, или самимъ отъѣхать къ другому князю. Вотъ почему дружина, послѣ дворъ князей нашихъ, такъ легко наполнялись пришлецами изъ чужихъ народовъ. Но если пришлецъ былъ изъ русскаго княжества, если степень его въ лѣствицѣ и служебное мѣсто въ дружинѣ прежняго князя были извѣстны, тогда уже нельзя было избѣжать мѣстническихъ столкновеній, какъ напр. въ слѣдующемъ дѣлѣ:

«Государю князю Ивану Васильевичу московскому бьетъ челомъ холопъ твой Васюкъ Зюзинъ: сказали, государь, быти у твоего государева дѣла передъ тобою государемъ, въ окольничихъ Ѳедору Нагому, да мнѣ, холопу твоему, милостивый государь, покажи милость, пощади холопа твоего: *ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой въ Твери меньше дѣда и прадѣда Ѳедорова николи не бывалъ*; сыщи, государь, милосердіемъ твоимъ, какъ тебя, государя, Богъ извѣститъ, а во всемъ воленъ Богъ, да ты, государь, какъ велишь холопу твоему; надежда вся на Бога, да на тебя, государя. Милостивый государь, покажи милость, смилуйся»!

Но кромѣ заѣздовъ, частый случай къ мѣстническимъ столкновеніямъ подавали безпрестанный переходъ князей изъ одной волости въ другую, причемъ они приводили изъ стараго княжества въ новое своихъ собственныхъ дружинниковъ, къ которымъ, разумѣется, питали большую любовь и довѣренность, вслѣдствіе чего давали имъ высшія мѣста передъ дружинниками, которыхъ находили въ новомъ княжествѣ, и которые были имъ неизвѣстны. Отсюда ненависть старыхъ дружинниковъ къ пришлецамъ, стараніе первыхъ сбыть, во что бы то ни стало, послѣднихъ, а для этого единственнымъ средствомъ было завести крамолу противъ князя и призвать на его мѣсто другаго. Смуты и неудовольствія вслѣдствіе означенной причины появляются очень рано.

Единственнымъ средствомъ для старыхъ дружинниковъ, заѣзженныхъ пришлецами, оставалось отъѣзжать въ другія княжества: вотъ почему право отъѣзда было самымъ драгоцѣннымъ правомъ для бояръ нашихъ, вотъ почему они такъ горячо за него стояли, и упорствомъ своимъ въ его сохраненіи вызвали такія страшныя мѣры со стороны московскихъ государей.

Эти отъѣзды вслѣдствіе мѣстничества играютъ иногда важную роль въ событіяхъ. Такъ, во время борьбы великаго князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, когда знаменитый московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ отъѣхалъ къ Юрію, и побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго, то другой бояринъ Юрія, Морозовъ, вопреки Ивану Дмитріевичу и сыновьямъ Юрія, вступился за плѣннаго Василія Васильевича и выхлопоталъ ему у дяди выгодныя условія явно въ ущербъ своего князя. Этого явленія нельзя иначе объяснить, какъ мѣстничествомъ, именно тѣмъ, что Иванъ Дмитріевичъ заѣхалъ Морозова, который и началъ стараться возстановить Василія, дабы послѣ имѣть возможность отъѣхать къ нему.

Но когда московскіе князья, собравъ сѣверовосточную Русь въ одно государство, положили конецъ отъѣздамъ изъ одного княжества въ другое, а отъѣзды

къ великому князю литовско-русскому получили значеніе измѣны вслѣдствіе преобладанія государственныхъ понятій и различія вѣроисповѣданій, тогда-то мѣстническіе споры должны были усилиться при московскомъ дворѣ до чрезвычайности. Московскіе великіе князья и потомъ цари, которыхъ главною задачею было уничтоженіе родовыхъ отношеній между князьями и замѣненіе ихъ государственными, ставши слѣдовательно въ разладъ съ старою Русью, которой мѣстничество было порожденіемъ, по этому одному должны были враждебно смотрѣть на него, не говоря уже о страшномъ вредѣ, проистекавшемъ отъ мѣстничества для службы. Не смотря однако на стремленіе московскихъ государей противоборствовать мѣстничеству, это исчадіе стараго порядка вещей было еще такъ сильно, что государи должны были терпѣть его, даже уступать ему. Когда князю нужно было принять въ свою дружину знаменитаго пришлеца и дать ему высшее мѣсто предъ старыми боярами, то для возстановленія мѣстническихъ отношеній, нарушенныхъ пріѣздомъ новаго дружинника, необходимо было сдѣлать новый рядъ, что означалось словомъ *мънить*, т. е. перемѣнять мѣстническія отношенія.

Если иногда правительство для пользы службы нарушало обычное право мѣстничества, то люди, оскорбленные этимъ нарушеніемъ, не думали исполнять воли правительства, и оно уступало наконецъ ихъ требованіямъ. Такъ, напр., А. Голицынъ на службу не ѣхалъ для Б. Трубецкаго, ибо передъ тѣмъ ему не дано было счету на Трубецкаго, и царь велѣлъ отвезти его на службу приставу, который его на службу и привезъ; но онъ списковъ не взялъ и за то посаженъ въ тюрьму, сидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли и списковъ все-таки не взялъ; наконецъ царь велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить и со службы отпустить, и назначить на его мѣсто другаго. Но вскорѣ снова искалъ А. Голицынъ на Т. Трубецкомъ и, какъ видно, судъ былъ на этотъ разъ данъ ему. Такъ мы видимъ, что правительство уступило наконецъ требованію Голицына, не смотря на свой первый отказъ ему и учиненное наказаніе.

Какъ сильно было мѣстничество въ началѣ московскаго единодержавія, показываетъ невмѣшательство правительства касательно распредѣленія мѣстъ въ войскѣ. Мѣста въ войскѣ вообще не подлежали распредѣленію исполнительной власти; каждое мѣсто было уже напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицомъ или лицами, по извѣстнымъ обычнымъ отношеніямъ этихъ мѣстъ между собою, и по напередъ даннымъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, мѣстническимъ отношеніямъ всѣхъ служащихъ лицъ государства. Верховная власть, особливо же въ началѣ единодержавія московскаго, когда всѣ отношенія жизни, а слѣдовательно и мѣстничества, какъ главной пружины этой жизни, были еще простѣе и непосредственнѣе и не получали послѣдующей сложности государственнаго механизма, рѣшала только миръ или войну, назначала извѣстный походъ, или опредѣляла войску собраться тогда-то и тамъ-то: войско же само собой собиралось и становилось подъ знамена, не нуждаясь ни въ наборщикахъ, ни въ росписаніяхъ, кому, гдѣ и какъ быть и проч. Каждый уже зналъ напередъ свое мѣсто въ немъ, отдѣльныя дружины располагались въ полки, полки размѣщались въ ополченія на 3 или на 5 полковъ, воеводы принимали начальство надъ полками, кому съ кѣмъ вмѣстно и т. д., и все это двигалось и слагалось по извѣстному внутреннему обычному закону и отношеніямъ жизни, которая по тому самому и не нуждалась ни въ какомъ внѣшнемъ двигателѣ, ею распоряжающемъ. Правительству же оставался одинъ только высшій, общій надзоръ за правильнымъ сборомъ и размѣщеніемъ войска, и самъ царь, не принимая на себя труда рѣшать, кому съ кѣмъ и гдѣ быть вмѣстно, высказывалъ иногда въ своихъ грамотахъ, что предоставляется самимъ воеводамъ знать или разсудить, гдѣ кому съ кѣмъ быть пригоже, и что *пригоже*.

Иногда воеводы, прежде чѣмъ принимали на себя службу, какъ бы торговались съ правительствомъ и напередъ вступали съ нимъ въ условія, на которыхъ служить ему готовы, напр., кн. А. Хилковъ, М. Кашинъ и М. Салтыковъ били челомъ объ указѣ, что если грамоты будутъ приходить къ одному кн. Трубец-

кому, то мы на службу готовы, а если къ Трубецкому и Хворостинину вмѣстѣ, то имъ быть не вмѣстно.

Нерѣдко мѣстничество прямо оспаривало письменные акты и царскія грамоты потому только, что они противорѣчили ему; такъ, напр., при Годуновѣ подлинная невмѣстная грамота, данная Грознымъ, была обвинена воровскою, не смотря на скрѣпы и дьячью подпись, и дьякъ Щелкаловъ, вызванный рѣшить подлинность ея, отвѣчалъ, справедливо или нѣтъ, «что такой не довелось дать, а поднесъ который подъячій во многихъ дѣлахъ, и подписалъ-де онъ за невѣжды». Мы уже упоминали о неповиновеніи воеводъ указамъ царскимъ и о вредѣ, проистекавшемъ отъ этого неповиновенія; но мѣстническіе счеты происходили не въ однихъ полкахъ, а также и при дворѣ, гдѣ, разумѣется, упорство мѣстниковъ имѣло слѣдствія больше смѣшныя, чѣмъ вредныя. Такъ Котошихинъ описываетъ упрямство мѣстниковъ: «Царь велитъ посадить за столъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ за стола вонъ... и кричитъ: хотя де царь велитъ ему голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спустится подъ столъ, и проч.» Бывали примѣры, что бояре, проигравшіе свое дѣло по мѣстничеству, хотѣли постричься, и царь принужденъ былъ давать имъ правую грамоту.

Какъ же могли противодѣйствовать вел. князья и цари такой могущественной формѣ отношеній? Любопытно взглянуть на средства, употребляемыя государями для нарушенія мѣстническаго порядка въ пользу лицъ, которыя они хотѣли возвысить. Въ дворцовыхъ запискахъ читаемъ слѣдующій случай: при Василіи Шуйскомъ Иванъ Пушкинъ, меньшій въ родѣ, билъ челомъ на Д. М. Пожарскаго, но судъ не былъ вершенъ. Царь Михаилъ велѣлъ, при своемъ вѣнцѣ, Гаврилѣ Пушкину, высшему родичу, сказать боярство Д. М. Пожарскому, но Гаврила отвѣчалъ ему, «что ему невмѣстно, что ихъ родители меньше Пожарскихъ не бывали, и что доселѣ еще судъ не вершонъ съ меньшимъ его родичемъ». Но государь указалъ для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, и тогда Гаврило боярство сказывалъ. 15 лѣтъ спустя Борисъ Пушкинъ, племянникъ Гаврилы, билъ снова челомъ на Д. М. Пожарскаго, но былъ за безчестье посланъ въ тюрьму, «потому что при царѣ Василіи Пушкинъ былъ меньше Д. Пожарскаго, да и дѣдъ твой сказывалъ боярство Пожарскому, а былъ безъ мѣста для царскаго вѣнца, а не для его челобитья». Обыкновенно же царь, повышая своихъ любимцевъ, употреблялъ слѣдующія средства: или не давалъ вершенія суду, или отставлялъ противника, или объявлялъ службу невмѣстною.

Въ 1550 г. царь Іоаннъ Грозный уничтожилъ мѣстническіе счеты князей, дѣтей боярскихъ и большихъ дворянъ съ воеводами; объявлено, что служба ихъ не будетъ порукою для ихъ будущихъ счетовъ въ отечествѣ, когда они сами будутъ въ санѣ воеводъ и случится имъ быть вмѣстѣ съ тѣми же воеводами, подъ которыми прежде служили.

Ища выхода изъ ненавистнаго ему порядка вещей, Грозный учредилъ *опричнину*, которая была не иное что, какъ древняя дружина, знавшая только своего вождя, покорная только его велѣнію, долженствовавшая забыть преданія прошедшаго, забыть настоящія отношенія къ родной странѣ, къ роднымъ людямъ. Изъ такого значенія опричнины ясно, что въ ней мѣстническіе счеты не могли имѣть мѣста, что воля вождя рѣшала здѣсь все; и точно, мы видимъ, что опричнина спутала мѣстническіе счеты, и въ послѣдующихъ случаяхъ на нее указываютъ, какъ на случайное нарушеніе обычнаго права мѣстничества, которое и должно принимать въ расчетъ: «То дѣялось въ опричнинѣ, говорятъ челобитчики, а хотя и будетъ таковъ разрядъ и былъ, а та была государева воля въ опричнинѣ, а въ томъ государь воленъ». Но и здѣсь, въ этой опричнинѣ, въ этой Александровской слободѣ, притонѣ страшной дружины, царя смущали мѣстническія челобитныя: «Быть безъ мѣстъ!» было на нихъ отвѣтомъ. Когда полкамъ опричнымъ нужно было соединяться съ земскими, тогда воеводы земскіе бывали въ одномъ полку съ опричными и мѣстами не считались.

Вообще царствованіе Грознаго не богато мѣстническими случаями: цѣлые годы, какъ кажется, проходили безъ споровъ; споры эти происходили преимуще-

сился съ московскимъ управленіемъ. Результатомъ этого было то, что воеводы нерѣдко отказывались исполнять законныя требованія другихъ воеводъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «у нихъ о томъ отъ великаго государя указу нѣтъ».

Воевода занималъ первое мѣсто между постоянными исполнителями правительственныхъ распоряженій, но былъ далеко не единственнымъ. Ямскіе и городовые приказщики, стрѣлецкіе, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы дѣйствовали подъ его наблюденіемъ, но большею частью по наказамъ изъ Москвы. Сюда же слѣдуетъ отнести таможенныхъ и кабацкихъ головъ, губныхъ старостъ и т. д. Затѣмъ у московскаго правительства возникли въ разное время потребности, удовлетвореніе которыхъ оно не хотѣло поручить мѣстному начальству. Отсюда цѣлый легіонъ «присыльныхъ людей изъ Москвы». Между ними наибольшею извѣстностью въ нашей литературѣ пользуются такъ называемые сыщики какъ по губнымъ дѣламъ, такъ и для сыску бѣглыхъ. Но кромѣ того въ разное время посылались въ уѣзды: горододѣльцы, сборщики хлѣбнаго и денежнаго сбора, сборщики разныхъ податей и разныя лица по отдѣльнымъ порученіямъ. Правительство не хотѣло установить между этими лицами никакихъ іерархическихъ отношеній и, по обстоятельствамъ того времени, имѣло на это основаніе. При отсутствіи не только правильной, но и всякой системы надзора, имѣть въ мѣстности только одно отвѣтственное лицо, прямо подчиненное центральному правительству, было крайне невыгодно, при извѣстныхъ злоупотребленіяхъ всѣхъ приказныхъ лицъ. Напротивъ, правительство стремилось поднять отвѣтственность всѣхъ предъ центральнымъ правительствомъ, а потому подчиняло ихъ прежде московскимъ приказамъ, а потомъ воеводѣ. Если воеводѣ поручалось смотрѣть за разными головами и старостами, то и старостамъ и головамъ поручалось иногда наблюденіе за воеводою. Воевода писалъ въ Москву на головъ, головы на воеводъ. Система эта не удалась. Предписанія правительства исполнялись все-таки плохо, а одинаковая отвѣтственность всѣхъ лицъ мѣстнаго управленія передъ центральнымъ вела къ тому, что они сваливали другъ на друга вину: воеводы на головъ, головы на воеводу. О послѣдствіяхъ этой системы для мѣстнаго народонаселенія и говорить нечего. Каждый приказный человѣкъ кормился отъ своихъ «дѣлъ». Неслыханные поборы увеличивали и безъ того большія тягости бѣднаго крестьянства.

Противорѣчія московской административной системы шли дальше. Изъ степени власти, предоставленной воеводамъ, можно видѣть, что они главнымъ образомъ назначались для исполненія порученій центральнаго правительства. Самостоятельность ихъ даже въ дѣлѣ—суда сомнительнаго свойства. Между тѣмъ незнаніе мѣстныхъ условій, отсутствіе правильнаго контроля и невозможность сосредоточить всѣ дѣла въ московскомъ управленіи приводили въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ самостоятельности, а въ другихъ—къ систематическому произволу воеводъ. Воевода не могъ судить безъ особаго разрѣшенія правительства исковъ на 100 рублей, а между тѣмъ ему поручались дипломатическія сношенія, отъ которыхъ зависѣла цѣлость и безопасность государства. Правительство обозначало обязанности воеводъ въ наказахъ, которые всѣ писались по одному образцу; воеводѣ предписывалось въ точности держаться наказа: «А будетъ онъ (воевода) учнетъ государевы дѣла дѣлать не по сему госуда-

же перемѣнилъ свое поведеніе касательно мѣстничества: теперь уже мѣстничество не могло быть для него опасно, не могло его затронуть, и потому Борисъ въ отношеніи къ нему является необыкновенно кроткимъ, ибо суровыя мѣры тамъ, гдѣ дѣло не шло о личныхъ выгодахъ, не входили въ планы Бориса, желавшаго, наоборотъ, милостями привлечь къ себѣ всѣ сословія. Ставши царемъ Борисъ хотѣлъ показать, что онъ не оставилъ за собою никакихъ изъ прежнихъ отношеній, и потому явился совершенно безпристрастнымъ къ своимъ родичамъ, Годуновымъ, оставилъ ихъ при прежнихъ отношеніяхъ въ мѣстническомъ распорядкѣ, какъ обыкновенно царскіе родственники по женѣ. Но, оставаясь равнодушнымъ къ повышенію своихъ родичей, Борисъ постепенно повышалъ своего любимца и будущаго измѣнника Петра Басманова, точно такъ, какъ Грозный повышалъ самого Годунова: какъ при Грозномъ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ челобитій на Годунова, такъ въ царствованіе послѣдняго мы находимъ безпрестанныя челобитья на Басманова, отъ которыхъ отстаивалъ его царь Борисъ.

При новой династіи Романовыхъ мѣстничество обнаруживаетъ явные признаки вымиранія. Такъ мы встрѣчаемъ теперь примѣры, противорѣчившіе мѣстническимъ понятіямъ и обычаю, тогда какъ прежде мы находимъ ссылки на эти уставы и приговоры въ однихъ отвѣтахъ царя или разряда: знакъ, что мѣстничество стало уже терять всю свою прежнюю крѣпость обычая. Правительство слѣдуетъ благоразумной мѣрѣ Грознаго: почти всѣ походы были уже безъ мѣстъ, что и привело постепенно и естественно къ мысли объ уничтоженіи мѣстничества, совершенномъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ: здѣсь вѣчное «быть безъ мѣстъ» замѣнило только повтореніе этого выраженія при каждомъ походѣ. По видимому, въ XVII в. мѣстничество достигло своего окончательнаго результата, а именно сдѣлало извѣстные степени въ государственныхъ должностяхъ принадлежностью немногихъ родовъ; такъ встрѣчаемъ у Котошихина слѣдующее раздѣленіе родовъ: «1) Роды, которые бываютъ въ боярехъ, а въ окольничихъ не бываютъ; 2) роды меньше тѣхъ, которые бываютъ въ окольничихъ и боярехъ; а бывъ въ спальникахъ, бываютъ пожалованы большихъ бояръ дѣти въ бояре, а иныхъ меньшихъ родовъ дѣти въ окольничіе. Роды же, которые бываютъ въ думныхъ дворянѣхъ, окольничихъ, изъ честныхъ родовъ и изъ среднихъ, и изъ дворянъ, и тѣ болше той чести не доходятъ». Но съ другой стороны, въ XVII в., мы видимъ въ мѣстничествѣ уже чуждыя ему понятія, которыя свидѣтельствуютъ о сильномъ ударѣ, ему нанесенномъ: встрѣчаемъ новое понятіе о высотѣ своею степенью; такъ кн. Вяземскій говоритъ: «Да и по степени мы больше Вельяминовыхъ, отъ Мономахова большаго сына пошли, а Вельяминовыхъ степень прежде изъ орды къ в. кн. Калитѣ, а не отъ великихъ и не удѣльныхъ князей пошли, а потому мы и больше Вельяминовыхъ». Но въ древнѣйшую эпоху, когда еще были живы всѣ преданія удѣльной Россіи и владѣтельнаго княжества, когда въ Москвѣ мѣстничалось второе и третье поколѣніе бывшихъ владѣтельныхъ князей, въ это время мы не находимъ ни разу, чтобъ потомокъ великаго или удѣльнаго князя указывалъ на свое княжеское происхожденіе и на немъ думалъ оперѣть права своей чести. Какъ же объяснить такую новость? Мы видѣли, что первые государи наши, противодѣйствуя мѣстничеству, вводили въ свою дружину пришельцовъ изъ разныхъ странъ и народовъ, такъ что за исключеніемъ изъ общаго счета 163 княжескихъ родовъ Рюриковичей и 96 родовъ, неизвѣстно откуда пришедшихъ, оказывается, что на 36 родовъ непришлыхъ приходится 351 выѣхавшихъ въ Россію со всѣхъ концовъ міра: въ томъ числѣ изъ Франціи, Италіи, Англіи, Цесаріи, Венгріи и пр. 35; изъ Пруссіи 65; изъ Польши и Литвы, считая и Гедиминовичей, 214; изъ нѣмцевъ и варягъ 56; изъ грековъ, сербовъ и проч. 17; изъ разныхъ татарскихъ ордъ, сарацинъ, Кафы, Персіи, Грузіи 14. Всѣ эти пришлые роды были знатные, честные, или, по крайней мѣрѣ, такъ называли себя, уличить ихъ въ обманѣ было невозможно. Князь вѣрилъ для собственной выгоды, бояре вѣрили по невозмножности не вѣрить, потому послушно раздвигали ряды свои для принятія пришельца: аристократическое чувство ихъ

не могло быть оскорблено. Но въ позднѣйшее время пріѣздъ новыхъ дружинниковъ, новыхъ слугъ царскихъ изъ чужихъ земель прекращается, или, по крайней мѣрѣ, становится очень рѣдкимъ; а вмѣсто того пробиваются до первыхъ степеней въ государствѣ люди неизвѣстнаго, низкаго происхожденія. Іоаннъ Грозный первый нанесъ сильный ударъ аристократическому чувству, подаривъ своею довѣренностью людей низкаго происхожденія, относительно низкаго, поставивъ ближе всѣхъ къ себѣ Адашева, учредивъ санъ думныхъ дворянъ, сильно возвысивъ вліяніе дьяковъ на дѣла, «которыхъ отцы», пишетъ Тетеринъ къ Морозову «нашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ». Правда, дьяки оставались дьяками; не шли впередъ; но ихъ сила, ихъ вліяніе на дѣла не могли не оскорбить аристократическаго чувства родовъ, не могли не возбудить этого чувства, прежде не высказавшагося, ибо не тронутаго, не оскорбленнаго; Грозный первый задѣлъ аристократическое чувство, и при Грозномъ впервые оно высказалось, именно въ Курбскомъ. Послѣ это чувство не переставало быть оскорбляемо; во время междуцарствія Болотниковъ сталъ воеводою, Андроновъ спорилъ съ Салтыковымъ о довѣренности Сигизмунда, о вліяніи на дѣла Москвы; наконецъ при новой династіи Языковы, Милославскіе, Матвѣевы, Хитрово могли достигнуть первыхъ степеней въ государствѣ. Слѣдовательно понятіе о высотѣ своею степенью обнаруживаетъ естественную, необходимую аристократическую реакцію, вызванную втѣсненіемъ худородныхъ людей на высшія ступени, ближайшія къ трону. На какихъ основаніяхъ древніе знатные роды могли мѣстничаться съ Языковыми и Матвѣевыми? Ихъ нельзя было утянуть ни лѣствицею, ни разрядомъ, противъ нихъ можно было выставить только свое знатное происхожденіе; но какъ скоро понятіе о высокости происхожденія разъ было возбуждено естественнымъ образомъ чрезъ противоположеніе, то уже и древніе знатные роды начали считаться другъ съ другомъ высотою своей степени, и Вяземскій выставляетъ свое происхожденіе отъ Мстислава В. предъ татарскимъ происхожденіемъ Вельяминовыхъ точно такъ, какъ Салтыковъ выставляетъ свое знатное происхожденіе предъ Сулешевымъ, который былъ иноземецъ и на Москвѣ новый.

XC. Уничтоженіе мѣстничества.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Виднѣе всѣхъ бояръ, доступнѣе всѣхъ новому по своей образованности и между тѣмъ членомъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ былъ князь Вас. Вас. Голицынъ. Ему-то государь указалъ вѣдать ратныя дѣла для лучшаго своихъ ратей устроенія и управленія, и съ нимъ у того дѣла быть выборнымъ стольникамъ и генераламъ, стольникамъ же и полковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Эта, по нашему, *коммиссія* назначалась для слѣдующаго: «Вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски подъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобъ имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобъ прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалося на бояхъ неприбыльно, пе-

ремѣнить на лучшее, а котораго и прежняго устроенія дѣла на боягъ съ непріятелями имѣются пристойны, и тѣмъ быть безъ перемѣны».

Выборные указали на военное устройство, которое, по ихъ мнѣнію, будетъ прибыльнѣе, а именно: расписать служилыхъ людей по ротамъ, въ ротмистры и поручики назначить изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, изо всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ перемѣны, чтобъ были между собою безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ. Государь согласился, составлены были списки ротмистрамъ и поручикамъ, но при этомъ выборные объявили: «По государеву указу они, выборные люди, братья ихъ, дѣти и сродники записаны въ ротмистры и поручики; а Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и другихъ родовъ въ тѣ чины никого теперь не записано, потому что за малыми лѣтами въ чины они не приказаны: такъ опасаются они, выборные люди, чтобъ послѣ отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ другихъ родовъ не было имъ и родамъ ихъ укоризны и попреку. И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было».

Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитіи выборныхъ людей. 12 января 1682 г. Θеодоръ назначилъ чрезвычайное *сидѣнье* съ боярами, къ которому были приглашены патріархъ, архіереи и выборные начальники монастырей. Засѣданіе открылось чтеніемъ челобитія выборныхъ людей; когда чтеніе окончилось, началъ говорить царь: онъ распространился о своихъ обязанностяхъ слѣдовать во всемъ закону и примѣру Христа, заповѣдающаго любовь, потомъ перешелъ къ дѣлу: «Злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устроеніе, а непріятелямъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣстные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе. Наша царская держава, разсмотря, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ непріятелемъ общій и пристойный промыслъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевидящему Оку, желаемъ, да божественный Его промыслъ, мира и благоустроенія виновникъ, своимъ всесильнымъ повелѣніемъ оное разрушающее любовь мѣстничество разрушить изволитъ и отъ такого злокозньства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединить благоволитъ». Далѣе государь привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянулъ и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло, и заключилъ вопросомъ: «По нынѣшнему-ли выборныхъ людей челобитію всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или попрежнему быть съ мѣстами?».

На этотъ вопросъ отвѣчалъ патріархъ сильною выходкою противъ мѣстничества, отъ котораго «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое жъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, то-бъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе».

Царь обратился съ вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и другимъ людямъ; они отвѣчали, чтобъ великій государь «указалъ учинить по прошенію патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованія, а между ними богопротивное дѣло — великія продолжительныя вражды». Послѣ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: «Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записи о мѣстахъ извелимъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не поминалась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ. У кого есть разрядныя книги и записки, тотъ пусть присылаетъ ихъ въ разрядъ, мы всѣ ихъ повелимъ предать огню. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ въ приказахъ и у расправныхъ и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ и всегда у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, и никого не укорять, и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься». На это всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да погибнетъ во огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки!“

Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь, и разрядныя книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патріархъ, обратясь къ свѣтскимъ чинамъ думы, сказалъ: „Начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и нерушимо, а если кто теперь или впредь оному дѣлу воспрекословитъ какимъ-нибудь образомъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія“. Всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да будетъ такъ“. Государь съ радостнымъ лицомъ сталъ хвалить ихъ за это и объявилъ, что имъ и потомству ихъ на память велитъ въ разрядѣ держать родословную книгу и въ домахъ своихъ такія родословныя книги могутъ они держать попрежнему. Въ награду имъ онъ велитъ эту родословную книгу пополнить недостающими къ ней именами, для чего велитъ взять у нихъ росписи за руками. Которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его государевыхъ и при немъ были въ честяхъ, боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, также и старые роды, кото-

рые хотя и не явились въ честяхъ, но съ царствованія Іоанна Васильевича и при его державѣ явились въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, великаго государя, въ близости, а въ родословной книгѣ имен ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать теперь въ особую книгу. А которые роды въ вышеописанныхъ частяхъ и въ посылкахъ не были, а съ царствованія Михаила Θеодоровича и при немъ, государѣ, были въ полковыхъ воеводахъ и въ послахъ, и въ посланникахъ, и въ знатныхъ какихъ-нибудь посылкахъ, и въ иныхъ честныхъ чинахъ и въ десятняхъ (въ войсковыхъ спискахъ) въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена также написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ. А которые въ тѣхъ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятняхъ написаны въ средней и въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую же книгу по ихъ росписямъ, и быть всѣмъ во всѣхъ чинахъ безъ мѣстъ".

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: какъ же это вдругъ сдѣлалось, что легко, безъ всякаго сопротивленія отмѣненъ вѣковой обычай, отмѣненъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь? Отмѣненъ онъ притомъ не желѣзною волею Петра, но волею слабаго, умирающаго Θеодора. На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: что можно было возразить на слова царя и патріарха, порицавшихъ мѣстничество? Что можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій *при случаѣ* считалъ своею обязанностью отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ безчестье, позоръ и укоризны; такъ и въ послѣднемъ случаѣ служилыхъ людей росписали по новому въ разныя войсковыя должности, и они бьютъ челомъ, что члены другихъ родовъ въ эти должности не назначены, такъ не было бы имъ отъ нихъ послѣ безчестья, и лучше всего уничтожить мѣста. Всѣ возставали *при случаѣ*, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возстать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались св. угодники, потому что авторитетъ нововводителей былъ заподозрѣнъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ-за него вовлекались въ богоненавистное, дьявольское дѣло, во вражду. Но если такъ, если мѣстничество само по себѣ ни въ чьихъ глазахъ не могло имѣть никакого оправданія, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Вѣковой, окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою высшею государственною и народною потребностью, войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновеніе не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причемъ корни всѣхъ вѣковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься, и вырвать ихъ стало уже легко. Дѣду и отцу Голицына, конечно, не приходило въ голову, что внукъ и сынъ ихъ доложитъ царю челобитье служилыхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества. Мѣстничество зашаталось и рушилось вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя.

вслѣдствіе поворота къ чужому, западному, это очевидно; но сколько уничтоженію мѣстничества содѣйствовало ослабленіе родового союза — этого подмѣтить нельзя; ясно обратное дѣйствіе: уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, ударъ, равный тому, какой въ низшихъ слояхъ нанесенъ былъ родовому союзу подушнымъ окладомъ.

XCI. КІЕВСКОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ МОСКВѢ И СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ.

(Изъ «Исторіи русской словесности» Галахова).

Жалобы на невѣжество, изъ котораго истекаютъ всѣ общественныя бѣдствія, необходимость науки, какъ главнаго средства къ улучшеніямъ, побудили московскихъ просвѣщенныхъ людей обратиться за помощью къ югозападной Руси. Еще въ 1649 г. пригласили изъ кіевской лавры нѣсколько иноковъ, «изящныхъ въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи». Имъ предложили два дѣла, въ которыхъ Москва особенно нуждалась: обучать юношество свободнымъ наукамъ и переводить Библію съ греческаго на славянскій. Переходъ югозападныхъ ученыхъ въ Москву усилился со времени присоединенія Украйны къ Великороссіи. Въ 1664 г. прибылъ изъ Полоцка Симеонъ Полоцкій. Учрежденіе духовной академіи было новымъ предметомъ, привлекавшимъ южнорусскихъ ученыхъ въ Москву: они имѣли право домогаться званія преподавателей въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены на одинакихъ основаніяхъ съ мѣстомъ ихъ собственнаго образованія.

Отношенія московскаго духовенства къ пришлымъ одновѣрцамъ не отличалось благосклонностью и довѣріемъ, причину чего слѣдуетъ искать не въ личныхъ только расчетахъ, но въ другихъ соображеніяхъ. Его пугала мысль, что религіозныя понятія югозападныхъ ученыхъ не совершенно согласны съ православнымъ вѣроученіемъ, что изъ дѣла увіи они вышли не вполнѣ твердыми и чистыми, что къ богословію ихъ могли привиться толкованія католическія и лютеранскія. Подозрительность идетъ издалека, почти съ самаго начала увіи. Патріархъ Іоакимъ постоянно негодовалъ на Полоцкаго: нѣкоторыя сочиненія послѣдняго осуждены на церковномъ соборѣ. При открытіи московской академіи южнорусскихъ ученыхъ не допустили занять въ ней учительскихъ мѣстъ, хотя они были рекомендованы лицами, уважаемыми при дворѣ. Сомнѣнія въ православіи малорусскаго духовенства усилились по поводу споровъ о евхаристіи между Лихудами и Сильвестромъ Медвѣдевымъ, строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, усвоившимъ нѣкоторыя латинскія толкованія. Медвѣдевъ называлъ своимъ учителемъ Полоцкаго, который самъ учился у Лазаря Барановича. Мнѣнія учениковъ бросали тѣнь и на ихъ учителей, такъ что Іоакимъ, для разъясненія дѣла, вынужденъ былъ снестись съ кіевскимъ митрополитомъ и Лазаремъ Барановичемъ, и потребовать отъ нихъ категорическаго отвѣта касательно ихъ отношеній къ латинству и увіи. Непріязнь къ латинской вѣрѣ вела за собою отчужденіе отъ западнаго просвѣщенія. Впрочемъ, по ближайшемъ

довому быту, родовымъ понятіямъ, князь, который самъ понималъ только родовые счеты со старшими и младшими братьями, проводившій всю жизнь въ этихъ счетахъ, не могъ не признать господства родовыхъ счетовъ между дружинниками своими, не могъ не признать мѣстничества. Но, признавъ мѣстничество, князь не могъ однако отказаться отъ права наполнять свою дружину какъ можно большимъ числомъ храбрыхъ мужей, потому что храбрая и многочисленная дружина давала ему значеніе и силу, она давала ему богатство, давала побѣду въ родовыхъ распряхъ, отворяла ворота къ старшему столу. Отсюда необходимость для князя принимать людей извѣстныхъ своею доблестью; но эти люди соглашались поступить въ службу князя только при условіи мѣста, соотвѣтствующаго ихъ достоинству, и потому они непремѣнно должны были оттѣснять старыхъ дружинниковъ, старыхъ бояръ отъ первыхъ мѣстъ, *заѣзжали* ихъ, по мѣстническому выраженію. Еще хорошо, если пришлецъ былъ издалека, изъ чужаго народа, угринъ, чудинъ, нѣмецъ, ляхъ; тѣмъ, которыхъ онъ заѣзжалъ, нельзя было выставить противъ него ни родовыхъ счетовъ по лѣствицѣ, ни служебныхъ по разряду; оставалось повѣрить князю, что заѣзжикъ *человѣкъ честный* и уступить мѣсто, или самимъ отъѣхать къ другому князю. Вотъ почему дружина, послѣ дворъ князей нашихъ, такъ легко наполнялись пришлецами изъ чужихъ народовъ. Но если пришлецъ былъ изъ русскаго княжества, если степень его въ лѣствицѣ и служебное мѣсто въ дружинѣ прежняго князя были извѣстны, тогда уже нельзя было избѣжать мѣстническихъ столкновеній, какъ напр. въ слѣдующемъ дѣлѣ:

«Государю князю Ивану Васильевичу московскому бьетъ челомъ холопъ твой Васюкъ Зюзинъ: сказали, государь, быти у твоего государева дѣла передъ тобою, государемъ, въ окольничихъ Ѳедору Нагому, да мнѣ, холопу твоему, милостивый государь, покажи милость, пощади холопа твоего: *ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой съ Твери меньше дѣда и прадѣда Ѳедорова николи не бывалъ*; сыщи, государь, милосердіемъ твоимъ, какъ тебя, государя, Богъ извѣститъ, а во всемъ воленъ Богъ, да ты, государь, какъ велишь холопу твоему; надежда вся на Бога, да на тебя, государя. Милостивый государь, покажи милость, смилуйся»!

Но кромѣ заѣздовъ, частый случай къ мѣстническимъ столкновеніямъ подавали безпрестанный переходъ князей изъ одной волости въ другую, причемъ они приводили изъ стараго княжества въ новое своихъ собственныхъ дружинниковъ, къ которымъ, разумѣется, питали большую любовь и довѣренность, вслѣдствіе чего давали имъ высшія мѣста передъ дружинниками, которыхъ находили въ новомъ княжествѣ, и которые были имъ неизвѣстны. Отсюда ненависть старыхъ дружинниковъ къ пришлецамъ, стараніе первыхъ сбыть, во что бы то ни стало, послѣднихъ, а для этого единственнымъ средствомъ было завести крамолу противъ князя и призвать на его мѣсто другаго. Смуты и неудовольствія вслѣдствіе означенной причины появляются очень рано.

Единственнымъ средствомъ для старыхъ дружинниковъ, заѣзженныхъ пришлецами, оставалось отъѣзжать въ другія княжества: вотъ почему право отъѣзда было самымъ драгоцѣннымъ правомъ для бояръ нашихъ, вотъ почему они такъ горячо за него стояли, и упорствомъ своимъ въ его сохраненіи вызвали такія страшныя мѣры со стороны московскихъ государей.

Эти отъѣзды вслѣдствіе мѣстничества играютъ иногда важную роль въ событіяхъ. Такъ, во время борьбы великаго князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, когда знаменитый московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ отъѣхалъ къ Юрію, и побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго, то другой бояринъ Юрія, Морозовъ, вопреки Ивану Дмитріевичу и сыновьямъ Юрія, вступился за плѣннаго Василія Васильевича и выхлопоталъ ему у дяди выгодныя условія явно въ ущербъ своего князя. Этого явленія нельзя иначе объяснить, какъ мѣстничествомъ, именно тѣмъ, что Иванъ Дмитріевичъ заѣхалъ Морозова, который и началъ стараться возстановить Василія, дабы послѣ имѣть возможность отъѣхать къ нему.

Но когда московскіе князья, собравъ сѣверовосточную Русь въ одно государство, положили конецъ отъѣздамъ изъ одного княжества въ другое, а отъѣзды

къ великому князю литовско-русскому получили значеніе измѣны вслѣдствіе преобладанія государственныхъ понятій и различія вѣроисповѣданій, тогда-то мѣстническіе споры должны были усилиться при московскомъ дворѣ до чрезвычайности. Московскіе великіе князья и потомъ цари, которыхъ главною задачею было уничтоженіе родовыхъ отношеній между князьями и замѣненіе ихъ государственными, ставши слѣдовательно въ разладъ съ старою Русью, которой мѣстничество было порожденіемъ. по этому одному должны были враждебно смотрѣть на него, не говоря уже о страшномъ вредѣ, проистекавшемъ отъ мѣстничества для службы. Не смотря однако на стремленіе московскихъ государей противоборствовать мѣстничеству, это исчадіе стараго порядка вещей было еще такъ сильно, что государи должны были терпѣть его, даже уступать ему. Когда князю нужно было принять въ свою дружину знаменитаго пришлеца и дать ему высшее мѣсто предъ старыми боярами, то для возстановленія мѣстническихъ отношеній, нарушенныхъ пріѣздомъ новаго дружинника, необходимо было сдѣлать новый рядъ, что означалось словомъ *мѣнить*, т. е. перемѣнять мѣстническія отношенія.

Если иногда правительство для пользы службы нарушало обычное право мѣстничества, то люди, оскорбленные этимъ нарушеніемъ, не думали исполнять воли правительства, и оно уступало наконецъ ихъ требованіямъ. Такъ, напр., А. Голицынъ на службу не ѣхалъ для Б. Трубецкаго, ибо передъ тѣмъ ему не дано было счету на Трубецкаго, и царь велѣлъ отвезти его на службу приставу, который его на службу и привезъ; но онъ списковъ не взялъ и за то посаженъ въ тюрьму, сидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли и списковъ все-таки не взялъ; наконецъ царь велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить и со службы отпустить, и назначить на его мѣсто другаго. Но вскорѣ снова искалъ А. Голицынъ на Т. Трубецкомъ и, какъ видно, судъ былъ на этотъ разъ данъ ему. Такъ мы видимъ, что правительство уступило наконецъ требованію Голицына, не смотря на свой первый отказъ ему и учиненное наказаніе.

Какъ сильно было мѣстничество въ началѣ московскаго единодержавія, показываетъ невмѣшательство правительства касательно распредѣленія мѣстъ въ войскѣ. Мѣста въ войскѣ вообще не подлежали распредѣленію исполнительной власти; каждое мѣсто было уже напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицомъ или лицами, по извѣстнымъ обычнымъ отношеніямъ этихъ мѣстъ между собою, и по напередъ даннымъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, мѣстническимъ отношеніямъ всѣхъ служащихъ лицъ государства. Верховная власть, особливо же въ началѣ единодержавія московскаго, когда всѣ отношенія жизни, а слѣдовательно и мѣстничества, какъ главной пружины этой жизни, были еще простѣе и непосредственнѣе и не получали послѣдующей сложности государственнаго механизма, рѣшала только миръ или войну, назначала извѣстный походъ, или опредѣляла войску собраться тогда-то и тамъ-то: войско же само собой собиралось и становилось подъ знамена, не нуждаясь ни въ наборщикахъ, ни въ росписаніяхъ, кому, гдѣ и какъ быть и проч. Каждый уже зналъ напередъ свое мѣсто въ немъ, отдѣльныя дружины располагались въ полки, полки размѣщались въ ополченія на 3 или на 5 полковъ, воеводы принимали начальство надъ полками, кому съ кѣмъ вмѣстно и т. д., и все это двигалось и слагалось по извѣстному внутреннему обычному закону и отношеніямъ жизни, которая по тому самому и не нуждалась ни въ какомъ внѣшнемъ двигателѣ, ею распоряжающемъ. Правительству же оставался одинъ только высшій, общій надзоръ за правильнымъ сборомъ и размѣщеніемъ войска, и самъ царь, не принимая на себя труда рѣшать, кому съ кѣмъ и гдѣ быть вмѣстно, высказывалъ иногда въ своихъ грамотахъ, что предоставляется самимъ воеводамъ знать или разсудить, гдѣ кому съ кѣмъ быть пригоже, и что *пригоже*.

Иногда воеводы, прежде чѣмъ принимали на себя службу, какъ бы торговались съ правительствомъ и напередъ вступали съ нимъ въ условія, на которыхъ служить ему готовы, напр., кн. А. Хилковъ, М. Кашинъ и М. Салтыковъ били челомъ объ указѣ, что если грамоты будутъ приходить къ одному кн. Трубец-

кому, то мы на службу готовы, а если къ Трубецкому и Хворостинину вмѣстѣ, то имъ быть не вмѣстно.

Нерѣдко мѣстничество прямо оспаривало письменные акты и царскія грамоты потому только, что они противорѣчили ему; такъ, напр., при Годуновѣ подлинная невмѣстная грамота, данная Грознымъ, была обвинена воровскою, не смотря на скрѣпы и дьячью подпись, и дьякъ Щелкаловъ, вызванный рѣшить подлинность ея, отвѣчалъ, справедливо или нѣтъ, «что такой не довелось дать, а поднесъ который подъячій во многихъ дѣлахъ, и подписалъ-де онъ за невѣды». Мы уже упоминали о неповиновеніи воеводъ указамъ царскимъ и о вредѣ, проистекавшемъ отъ этого неповиновенія; но мѣстническіе счеты происходили не въ однихъ полкахъ, а также и при дворѣ, гдѣ, разумѣется, упорство мѣстниковъ имѣло слѣдствія больше смѣшныя, чѣмъ вредныя. Такъ Котошихинъ описываетъ упрямство мѣстниковъ: «Царь велитъ посадить за столъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ за стола вонъ... и кричитъ: хотя де царь велитъ ему голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спустится подъ столъ, и проч». Бывали примѣры, что бояре, проигравшіе свое дѣло по мѣстничеству, хотѣли постричься, и царь принужденъ былъ давать имъ правую грамоту.

Какъ же могли противодѣйствовать вел. князья и цари такой могущественной формѣ отношеній? Любопытно взглянуть на средства, употребляемыя государями для нарушенія мѣстническаго порядка въ пользу лицъ, которыя они хотѣли возвысить. Въ дворцовыхъ запискахъ читаемъ слѣдующій случай: при Василіи Шуйскомъ Иванъ Пушкинъ, меньшій въ родѣ, билъ челомъ на Д. М. Пожарскаго, но судъ не былъ вершенъ. Царь Михаилъ велѣлъ, при своемъ вѣнцѣ, Гаврилѣ Пушкину, высшему родичу, сказать боярство Д. М. Пожарскому, но Гаврила отвѣчалъ ему, «что ему невмѣстно, что ихъ родители меньше Пожарскихъ не бывали, и что доселѣ еще судъ не вершонъ съ меньшимъ его родичемъ». Но государь указалъ для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, и тогда Гаврило боярство сказывалъ. 15 лѣтъ спустя Борисъ Пушкинъ, племянникъ Гаврилы, билъ снова челомъ на Д. М. Пожарскаго, но былъ за безчестье посланъ въ тюрьму, «потому что при царѣ Василіи Пушкинъ былъ меньше Д. Пожарскаго, да и дѣдъ твой сказывалъ боярство Пожарскому, а былъ безъ мѣста для царскаго вѣнца, а не для его челобитья». Обыкновенно же царь, повышая своихъ любимцевъ, употреблялъ слѣдующія средства: или не давалъ вершенія суду, или отставлялъ противника, или объявлялъ службу невмѣстною.

Въ 1550 г. царь Іоаннъ Грозный уничтожилъ мѣстническіе счеты князей, дѣтей боярскихъ и большихъ дворянъ съ воеводами; объявлено, что служба ихъ не будетъ порукою для ихъ будущихъ счетовъ въ отечествѣ, когда они сами будутъ въ санѣ воеводъ и случится имъ быть вмѣстѣ съ тѣми же воеводами, подъ которыми прежде служили.

Ища выхода изъ ненавистнаго ему порядка вещей, Грозный учредилъ *опричнину*, которая была не иное что, какъ древняя дружина, знавшая только своего вождя, покорная только его велѣнію, долженствовавшая забыть преданія прошедшаго, забыть настоящія отношенія къ родной странѣ, къ роднымъ людямъ. Изъ такого значенія опричнины ясно, что въ ней мѣстническіе счеты не могли имѣть мѣста, что воля вождя рѣшала здѣсь все; и точно, мы видимъ, что опричнина спутала мѣстническіе счеты, и въ послѣдующихъ случаяхъ на нее указываютъ, какъ на случайное нарушеніе обычнаго права мѣстничества, котораго не должно принимать въ расчетъ: «То дѣялось въ опричнинѣ, говорятъ челобитчики, а хотя и будетъ таковъ разрядъ и былъ, а та была государева воля въ опричнинѣ, а въ томъ государь воленъ». Но и здѣсь, въ этой опричнинѣ, въ этой Александровской слободѣ, притонѣ страшной дружины, царя смущали мѣстническія челобитныя: «Быть безъ мѣстъ!» было на нихъ отвѣтомъ. Когда полкамъ опричнымъ нужно было соединяться съ земскими, тогда воеводы земскіе бывали въ одномъ полку съ опричными и мѣстами не считались.

Вообще царствованіе Грознаго не богато мѣстническими случаями: цѣлые годы, какъ кажется, проходили безъ споровъ; споры эти происходили преимуще-

ственно между военными чинами; царь рѣшалъ ихъ скоро, благоразумно и милостиво; всего чаще встрѣчается слѣдующее рѣшеніе: «Служить, и какъ служба минетъ, тогда и счетъ будетъ данъ». Почти половина всѣхъ споровъ рѣшалась такою невмѣстностью службы, что было самымъ прямымъ и вѣрнымъ исходомъ изъ тѣхъ препятствій и невыгодъ, которыя мѣстничество могло представлять для государственной службы. Для рѣшенія споровъ назначаемы были одинъ или два боярина и при нихъ дьякъ, да записывалъ подъячій. Но иногда самъ Грозный, охотникъ до историческихъ розысканій и критики вообще, бралъ на себя трудъ разбирать челобитчиковъ, и самъ выводилъ ихъ поколѣнныя росписи, вычислялъ службы ихъ предковъ и давнія, многосторонвія отношенія этой службы къ другимъ родамъ и лицамъ, судилъ и рядилъ, но всегда болѣе или менѣе соображаясь съ обычнымъ правомъ и ссылаясь на его положенія; иногда отставлялъ отъ дѣла случаи, представленные челобитчиками, и самъ придумывалъ новое, замысловатое отношеніе по службѣ, по которому и приказывалъ рѣшать. Замѣчательно, что съ 1572 г., т. е. со времени уничтоженія опричнины, число мѣстническихъ случаевъ удвоется и возрастаетъ съ каждымъ годомъ; это легко объясняется тѣмъ, что опричнина необходимо должна была спутать всѣ отношенія.

Грозный, видя, что мѣстничество еще сильно, что открыто дѣйствовать противъ него невозможно, употреблялъ самое лучшее средство для обхода его вредныхъ слѣдствій, именно объявленіе службы невмѣстною, и съ неправыми челобитчиками поступалъ вообще очень милостиво. Объявляя походы безъ мѣстъ, отстраняя споры невмѣстными грамотами, правительство незамѣтно отучало такимъ образомъ воеводъ отъ мѣстничества, что случилось и при Романовыхъ, когда всѣ почти походы бывали безъ мѣстъ. Но этой благоразумной мѣрѣ Грознаго и его кротости въ отношеніи къ мѣстничеству не подражали въ царствованіе сына его Θеодора, т. е. въ правленіе Годунова. Годуновъ, при всемъ его умѣ и талантахъ, былъ не въ уровень своему положенію потому, что постоянно ставилъ интересъ личный и интересъ своей семьи выше интереса государственнаго: такъ поступилъ онъ и въ отношеніи къ мѣстничеству. Годунову нужно было возвысить свой родъ передъ другими, а невмѣстность службы не могла содѣйствовать этому возвышенію, ибо оставляла всѣ отношенія по-прежнему, тогда какъ Годунову нужно было не временное, но постоянное возвышеніе его рода передъ другими родами боярскими, чего онъ могъ достигнуть только рѣшительнымъ опредѣленіемъ отношеній вслѣдствіе приговора царскаго: если, напримѣръ, Сицкій билъ челомъ на Годунова, и ему дана невмѣстная грамота, это значитъ, что отношенія между ними остались прежнія, что Сицкій въ правѣ считать себя выше Годунова и впередъ бить на него челомъ: Годунову нужно было, чтобы дѣло было рѣшено окончательно, чтобы окончательно, навсегда Годуновы поставлены были выше Сицкихъ.

Годуновъ постоянно забывалъ государственную мудрость, когда дѣло шло о его личныхъ выгодахъ; если бы онъ предвидѣлъ близкую кончину мѣстничества, то ему не нужно было бы употреблять крутыхъ мѣръ противъ него, а продолжать только отрицательныя мѣры Грознаго, обходя вредныя слѣдствія мѣстничества и давая ему спокойно вымирать.

Вотъ почему, вмѣсто кротости Іоанновой, мы видимъ при Θеодорѣ необыкновенную строгость, и вмѣсто объявленій службы невмѣстною, даже произволъ правительства въ дѣлахъ по мѣстничеству: когда обычное право было разъ нарушено для Годунова, то онъ хотѣлъ освятить это нарушеніе и для другихъ родовъ; всего ненавистнѣе ему было оставленіе прежнихъ отношеній, и потому объявленіе службы безмѣстною при немъ вышло изъ употребленія; во все царствованіе Θеодора, при учетверившемся числѣ споровъ и челобитій, мы находимъ собственно не болѣе пяти невмѣстныхъ грамотъ или рѣшеній, что служба невмѣстна; но за то заключеній въ тюрьму и другихъ наказаній за челобитья по мѣстничеству мы находимъ въ 15 лѣтъ до 15.

Какъ же скоро Годуновъ достигъ своей цѣли, сталъ царемъ, выдѣлился изъ прежней среды и возвысился надъ всѣми прежними отношеніями, такъ тотчасъ

же перемѣнилъ свое поведеніе касательно мѣстничества: теперь уже мѣстничество не могло быть для него опасно, не могло его затронуть, и потому Борисъ въ отношеніи къ нему является необыкновенно кроткимъ, ибо суровыя мѣры тамъ, гдѣ дѣло не шло о личныхъ выгодахъ, не входили въ планы Бориса, желавшаго, наоборотъ, милостями привлечь къ себѣ всѣ сословія. Ставши царемъ, Борисъ хотѣлъ показать, что онъ не оставилъ за собою никакихъ изъ прежнихъ отношеній, и потому явился совершенно безпристрастнымъ къ своимъ родичамъ. Годуновымъ, оставилъ ихъ при прежнихъ отношеніяхъ въ мѣстническомъ распорядкѣ, какъ обыкновенно царскіе родственники по женѣ. Но, оставаясь равнодушнымъ къ повышенію своихъ родичей, Борисъ постепенно повышалъ своего любимца и будущаго измѣнника Петра Басманова, точно такъ, какъ Грозный повышалъ самого Годунова: какъ при Грозномъ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ челобитій на Годунова, такъ въ царствованіе послѣдняго мы находимъ безпрестанныя челобитья на Басманова, отъ которыхъ отстаивалъ его царь Борисъ.

При новой династіи Романовыхъ мѣстничество обнаруживаетъ явные признаки вымиранія. Такъ мы встрѣчаемъ теперь примѣры, противорѣчившіе мѣстническимъ понятіямъ и обычаю, тогда какъ прежде мы находимъ ссылки на эти уставы и приговоры въ однихъ отвѣтахъ царя или разряда: знакъ, что мѣстничество стало уже терять всю свою прежнюю крѣпость обычая. Правительство слѣдуетъ благоразумной мѣрѣ Грознаго: почти всѣ походы были уже безъ мѣстъ, что и привело постепенно и естественно къ мысли объ уничтоженіи мѣстничества, совершенномъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ: здѣсь вѣчное «быть безъ мѣстъ» замѣнило только повтореніе этого выраженія при каждомъ походѣ. Повидимому, въ XVII в. мѣстничество достигло своего окончательнаго результата, а именно сдѣлало извѣстные степени въ государственныхъ должностяхъ принадлежностью немногихъ родовъ; такъ встрѣчаемъ у Котошихина слѣдующее раздѣленіе родовъ: «1) Роды, которые бываютъ въ боярехъ, а въ окольничихъ не бываютъ; 2) роды меньше тѣхъ, которые бываютъ въ окольничихъ и боярехъ; а бывъ въ спальникахъ, бываютъ пожалованы большихъ бояръ дѣти въ бояре, а иныхъ меньшихъ родовъ дѣти въ окольничіе. Роды же, которые бываютъ въ думныхъ дворянѣхъ, окольничихъ, изъ честныхъ родовъ и изъ среднихъ, и изъ дворянъ, и тѣболше той чести не доходятъ». Но съ другой стороны, въ XVII в., мы видимъ въ мѣстничествѣ уже чуждыя ему понятія, которыя свидѣтельствуютъ о сильномъ ударѣ, ему нанесенномъ: встрѣчаемъ новое понятіе о высотѣ своею степенью; такъ кн. Вяземскій говоритъ: «Да и по степени мы больше Вельяминовыхъ, отъ Мономахова большаго сына пошли, а Вельяминовыхъ степень прежде изъ орды къ в. кн. Калитѣ, а не отъ великихъ и не удѣльныхъ князей пошли, а потому мы и больше Вельяминовыхъ». Но въ древнѣйшую эпоху, когда еще были живы всѣ преданія удѣльной Россіи и владѣтельнаго княжества, когда въ Москвѣ мѣстничалось второе и третье поколѣніе бывшихъ владѣтельныхъ князей, въ это время мы не находимъ ни разу, чтобъ потомокъ великаго или удѣльнаго князя указывалъ на свое княжеское происхожденіе и на немъ думалъ опереть права своей чести. Какъ же объяснить такую новость? Мы видѣли, что первые государи наши, противодѣйствуя мѣстничеству, вводили въ свою дружину пришельцовъ изъ разныхъ странъ и народовъ, такъ что за исключеніемъ изъ общаго счета 163 княжескихъ родовъ Рюриковичей и 96 родовъ, неизвѣстно откуда пришедшихъ, оказывается, что на 36 родовъ непришлыхъ приходится 351 выѣхавшихъ въ Россію со всѣхъ концовъ міра: въ томъ числѣ изъ Франціи, Италіи, Англіи, Цесаріи, Венгріи и пр. 35; изъ Пруссіи 65; изъ Польши и Литвы считая и Гедиминовичей, 214; изъ нѣмцевъ и варягъ 56; изъ грековъ, сербовъ и проч. 17; изъ разныхъ татарскихъ ордъ, сарацинъ, Кафы, Персіи, Грузіи 143. Всѣ эти пришлые роды были знатные, честные, или, по крайней мѣрѣ, такъ называли себя, уличить ихъ въ обманѣ было невозможно. Князь вѣрилъ для собственной выгоды, бояре вѣрили по невозмножности не вѣрить, потому послушно раздвигали ряды свои для принятія пришельца: аристократическое чувство ихъ

не могло быть оскорблено. Но въ позднѣйшее время пріѣздъ новыхъ дружинниковъ, новыхъ слугъ царскихъ изъ чужихъ земель прекращается, или, по крайней мѣрѣ, становится очень рѣдкимъ; а вмѣсто того пробиваются до первыхъ степеней въ государствѣ люди неизвѣстнаго, низкаго происхожденія. Іоаннъ Грозный первый нанесъ сильный ударъ аристократическому чувству, подаривъ своею довѣренностью людей низкаго происхожденія, относительно низкаго, поставивъ ближе всѣхъ къ себѣ Адашева, учредивъ санъ думныхъ дворянъ, сильно возвысивъ вліяніе дьяковъ на дѣла, «которыхъ отцы», пишетъ Тетеринъ къ Морозову «нашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ». Правда, дьяки оставались дьяками; не шли впередъ; но ихъ сила, ихъ вліяніе на дѣла не могли не оскорбить аристократическаго чувства родовъ, не могли не возбудить этого чувства, прежде не высказавшагося, ибо не тронутаго, не оскорбленнаго; Грозный первый задѣлъ аристократическое чувство, и при Грозномъ впервые оно высказалось, именно въ Курбскомъ. Послѣ это чувство не переставало быть оскорбляемо; во время междуцарствія Болотниковъ сталъ воеводою, Андроновъ спорилъ съ Салтыковымъ о довѣренности Сигизмунда, о вліяніи на дѣла Москвы; наконецъ при новой династіи Языковы, Милославскіе, Матвѣевы, Хитрово могли достигнуть первыхъ степеней въ государствѣ. Слѣдовательно понятіе о высотѣ своею степенью обнаруживаетъ естественную, необходимую аристократическую реакцію, вызванную втѣсненіемъ худородныхъ людей на высшія ступени, ближайшія къ трону. На какихъ основаніяхъ древніе знатные роды могли мѣстничаться съ Языковыми и Матвѣевыми? Ихъ нельзя было утянуть ни лѣствицею, ни разрядомъ, противъ нихъ можно было выставить только свое знатное происхожденіе; но какъ скоро понятіе о высокости происхожденія разъ было возбуждено естественнымъ образомъ чрезъ противоположеніе, то уже и древніе знатные роды начали считаться другъ съ другомъ высотою своей степени, и Вяземскій выставляетъ свое происхожденіе отъ Мстислава В. предъ татарскимъ происхожденіемъ Вельяминовыхъ точно такъ, какъ Салтыковъ выставляетъ свое знатное происхожденіе предъ Сулешевымъ, который былъ иноземецъ и на Москвѣ новый.

XC. УНИЧТОЖЕНІЕ МѢСТНИЧЕСТВА.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Виднѣе всѣхъ бояръ, доступнѣе всѣхъ новому по своей образованности и между тѣмъ членомъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ былъ князь Вас. Вас. Голицынъ. Ему-то государь указалъ вѣдать ратныя дѣла для лучшаго своихъ ратей устроенія и управленія, и съ нимъ у того дѣла быть выборнымъ стольникамъ и генераламъ, стольникамъ же и полковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Эта, по нашему, *коммиссія* назначалась для слѣдующаго: «Вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски подъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобъ имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобъ прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалося на бояхъ неприбыльно, пе-

ремѣнить на лучшее, а котораго и прежняго устроенія дѣла на боях съ непріятелями имѣются пристойны, и тѣмъ быть безъ перемѣны».

Выборные указали на военное устройство, которое, по ихъ мнѣнію, будетъ прибыльнѣе, а именно: росписать служилыхъ людей по ротамъ, въ ротмистры и поручики назначить изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, изо всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ перемѣны, чтобъ были между собою безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ. Государь согласился, составлены были списки ротмистрамъ и поручикамъ, но при этомъ выборные объявили: «По государеву указу они, выборные люди, братья ихъ, дѣти и сродники записаны въ ротмистры и поручики; а Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и другихъ родовъ въ тѣ чины никого теперь не записано, потому что за малыми лѣтами въ чины они не приказаны: такъ опасаются они, выборные люди, чтобъ послѣ отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ другихъ родовъ не было имъ и родамъ ихъ укоризны и попреку. И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было».

Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитіи выборныхъ людей. 12 января 1682 г. Θеодоръ назначилъ чрезвычайное *сидѣнье* съ боярами, къ которому были приглашены патріархъ, архіереи и выборные начальники монастырей. Засѣданіе открылось чтеніемъ челобитія выборныхъ людей; когда чтеніе окончилось, началъ говорить царь: онъ распространился о своихъ обязанностяхъ слѣдовать во всемъ закону и примѣру Христа, заповѣдающаго любовь, потомъ перешелъ къ дѣлу: «Злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устроеніе, а непріятелямъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣстные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе. Наша царская держава, разсмотря, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ непріятелемъ общій и пристойный промыслъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевидящему Оку, желаемъ, да божественный Его промыслъ, мира и благоустроенія виновникъ, своимъ всесильнымъ повелѣніемъ оное разрушающее любовь мѣстничество разрушить изволитъ и отъ такого злокозньства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединить благоволитъ». Далѣе государь привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянулъ и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло, и заключилъ вопросомъ: «По нынѣшнему-ли выборныхъ людей челобитію всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или попрежнему быть съ мѣстами?».

На этотъ вопросъ отвѣчалъ патріархъ сильною выходкою противъ мѣстничества, отъ котораго «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возраствую пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое жъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, то-бъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе».

Царь обратился съ вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и другимъ людямъ; они отвѣчали, чтобъ великій государь «указалъ учинить по прошенію патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованія, а между ними богопротивное дѣло — великія продолжительныя вражды». Послѣ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: «Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записи о мѣстахъ повелѣваемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не поминалась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ. У кого есть разрядныя книги и записки, тотъ пусть присылаетъ ихъ въ разрядъ, мы всѣ ихъ повелимъ предать огню. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ въ приказахъ и у расправныхъ и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ и всегда у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, и никого не укорять, и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься». На это всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да погибнетъ во огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки!"

Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь, и разрядныя книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патріархъ, обратясь къ свѣтскимъ чинамъ думы, сказалъ: „Начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и нерушимо, а если кто теперь или впредь оному дѣлу воспрекословитъ какимъ-нибудь образомъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія". Всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да будетъ такъ". Государь съ радостнымъ лицомъ сталъ хвалить ихъ за это и объявилъ, что имъ и потомству ихъ на память велитъ въ разрядѣ держать родословную книгу и въ домахъ своихъ такія родословныя книги могутъ они держать попрежнему. Въ награду имъ онъ велитъ эту родословную книгу пополнить недостающими къ ней именами, для чего велитъ взять у нихъ росписи за руками. Которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его государевыхъ и при немъ были въ честяхъ, боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, также и старые роды, кото-

рые хотя и не явились въ честяхъ, но съ царствованія Іоанна Васильевича и при его державѣ явились въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, великаго государя, въ близости, а въ родословной книгѣ именъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать теперь въ особую книгу. А которые роды въ вышеописанныхъ частяхъ и въ посылкахъ не были, а съ царствованія Михаила Ѳеодоровича и при немъ, государѣ, были въ полковыхъ воеводахъ и въ послахъ, и въ посланникахъ, и въ знатныхъ какихъ-нибудь посылкахъ, и въ иныхъ честныхъ чинахъ и въ десятняхъ (въ войсковыхъ спискахъ) въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена также написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ. А которые въ тѣхъ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятняхъ написаны въ средней и въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую же книгу по ихъ росписямъ, и быть всѣмъ во всѣхъ чинахъ безъ мѣстъ".

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: какъ же это вдругъ сдѣлалось, что легко, безъ всякаго сопротивленія отмѣненъ вѣковой обычай, отмѣненъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь? Отмѣненъ онъ притомъ не желѣзною волею Петра, но волею слабаго, умирающаго Ѳеодора. На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: что можно было возразить на слова царя и патріарха, порицавшихъ мѣстничество? Что можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій *при случаѣ* считалъ своею обязанностью отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ безчестье, позоръ и укоризны; такъ и въ послѣднемъ случаѣ служилыхъ людей росписали по новому въ разныя войсковыя должности, и они бьютъ челомъ, что члены другихъ родовъ въ эти должности не назначены, такъ не было бы имъ отъ нихъ послѣ безчестья, и лучше всего уничтожить мѣста. Всѣ возставали *при случаѣ*, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возстать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались св. угодники, потому что авторитетъ нововводителей былъ заподозрѣнъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ-за него вовлекались въ богоненавистное, дьявольское дѣло, во вражду. Но если такъ, если мѣстничество само по себѣ ни въ чьихъ глазахъ не могло имѣть никакого оправданія, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Вѣковой, окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою высшею государственною и народною потребностью, войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновеніе не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причемъ корни всѣхъ вѣковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься, и вырвать ихъ стало уже легко. Дѣду и отцу Голицына, конечно, не приходило въ голову, что внукъ и сынъ ихъ доложитъ царю челобитье служилыхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества. Мѣстничество зашаталось и рушилось вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя,

вслѣдствіе поворота къ чужому, западному, это очевидно; но сколько уничтоженію мѣстничества содѣйствовало ослабленіе родового союза — этого подмѣтить нельзя; ясно обратное дѣйствіе: уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, ударъ, равный тому, какой въ низшихъ слояхъ нанесенъ былъ родовому союзу подушнымъ окладомъ.

XCI. КІЕВСКОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ МОСКВѢ И СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ.

(Изъ «Исторіи русской словесности» Галахова).

Жалобы на невѣжество, изъ котораго истекаютъ всѣ общественныя бѣдствія, необходимость науки, какъ главнаго средства къ улучшеніямъ, побудили московскихъ просвѣщенныхъ людей обратиться за помощью къ югозападной Руси. Еще въ 1649 г. пригласили изъ кіевской лавры нѣсколько иноковъ, «изящныхъ въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи». Имъ предложили два дѣла, въ которыхъ Москва особенно нуждалась: обучать юношество свободнымъ наукамъ и переводить Библію съ греческаго на славянскій. Переходъ югозападныхъ ученыхъ въ Москву усилился со времени присоединенія Украйны къ Великороссіи. Въ 1664 г. прибылъ изъ Полоцка Симеонъ Полоцкій. Учрежденіе духовной академіи было новымъ предметомъ, привлекавшимъ южнорусскихъ ученыхъ въ Москву: они имѣли право домогаться званія преподавателей въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены на одинакихъ основаніяхъ съ мѣстомъ ихъ собственнаго образованія.

Отношенія московскаго духовенства къ пришлымъ одновѣрцамъ не отличалось благосклонностью и довѣріемъ, причину чего слѣдуетъ искать не въ личныхъ только расчетахъ, но въ другихъ соображеніяхъ. Его пугала мысль, что религіозныя понятія югозападныхъ ученыхъ не совершенно согласны съ православнымъ вѣроученіемъ, что изъ дѣла уніи они вышли не вполнѣ твердыми и чистыми, что къ богословію ихъ могли привиться толкованія католическія и лютеранскія. Подозрительность идетъ издалека, почти съ самаго начала уніи. Патріархъ Іоакимъ постоянно негодовалъ на Полоцкаго: нѣкоторыя сочиненія послѣдняго осуждены на церковномъ соборѣ. При открытіи московской академіи южнорусскихъ ученыхъ не допустили занять въ ней учительскихъ мѣстъ, хотя они были рекомендованы лицами, уважаемыми при дворѣ. Сомнѣнія въ православіи малорусскаго духовенства усилились по поводу споровъ о евхаристіи между Лихудами и Сильвестромъ Медвѣдевымъ, строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, усвоившимъ нѣкоторыя латинскія толкованія. Медвѣдевъ называлъ своимъ учителемъ Полоцкаго, который самъ учился у Лазаря Барановича. Мнѣнія учениковъ бросали тѣнь и на ихъ учителей, такъ что Іоакимъ, для разъясненія дѣла, вынужденъ былъ снестись съ кіевскимъ митрополитомъ и Лазаремъ Барановичемъ, и потребовать отъ нихъ категорическаго отвѣта касательно ихъ отношеній къ латинству и уніи. Неприязнь къ латинской вѣрѣ вела за собою отчужденіе отъ западнаго просвѣщенія. Впрочемъ, по ближайшемъ

разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что сомнѣнія въ православіи южнорусскихъ ученыхъ не подтверждены тяжелыми и явными уликами. Осудивъ проповѣди Полоцкаго, патріархъ Іоакимъ говорилъ однакожъ: «Могло быть, сочинитель имѣлъ другія мысли».

Представителемъ югозападной русской науки въ Москвѣ былъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій (1628—1682), одолженный своимъ образованіемъ польскимъ школамъ и кіевской академіи. По пріѣздѣ въ Москву, Полоцкій назначенъ въ наставники къ царевичу Θеодору (1672). Выборъ палъ на него какъ по личному его знакомству съ царемъ, такъ и по ученой славѣ, окружавшей югозападное духовенство. Могли содѣйсвовать тому и выгодные о немъ отзывы Барановича, который называетъ его, въ одномъ письмѣ къ царю, своимъ ученикомъ. Послѣ Барановича и Галятовскаго, Полоцкій пользовался наибольшею извѣстностью между югозападными учеными. На ряду съ нимъ Москва могла поставить только Епифанія Славинецкаго, получившаго образованіе въ кіевской академіи. Но Славинецкій, по характеру трудовъ своихъ, принадлежалъ къ классу людей собственно ученыхъ, которые не входятъ въ близкое соприкосновеніе съ обществомъ; тогда какъ Полоцкій обращалъ главное вниманіе на духовныя потребности современнаго общества и старался немедленно удовлетворять имъ. Его учено-литературная дѣятельность имѣла въ виду ближайшіе интересы большинства: служа имъ своими способностями и знаніями, Полоцкій пріобрѣлъ общую извѣстность. Самое разнообразіе его сочиненій, относящихся ко всѣмъ родамъ духовной словесности, давало возможность многимъ находить въ нихъ каждому что-либо для себя пригодное. По порученію патріарха Іоасафа, онъ написалъ «Жезлъ правленія»—книгу обличительную на раскольниковъ. Въ «Вѣнцѣ вѣры» изложена имъ система православнаго богословія. Два сборника словъ: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная» содержатъ въ себѣ плоды его живой проповѣди. Въ комедіяхъ «Блудный сынъ» и «О царѣ Навуходоносорѣ» далъ онъ образцы назидательныхъ драматическихъ представленій. Какъ искусный риѳмотворецъ, переложилъ въ стихи «Псалтирь» и, кромѣ того, въ двухъ книгахъ: «Риѳмологіонѣ» и «Вертоградѣ Многоцѣнномъ», собралъ другія произведенія своего піитическаго дара. Но, при всемъ различіи предметовъ, по всѣмъ сочиненіямъ Полоцкаго проходитъ одна и та же мысль: вездѣ онъ указываетъ необходимость ученія, вездѣ выставляетъ важность умственнаго успѣха, «исканія мудрости, не имѣвшей мѣста, гдѣ главу приклонити».

По содержанію и формѣ, сочиненія Полоцкаго были для Москвы новизною, которая возбуждала столько же приверженности въ однихъ, сколько недовольства въ другихъ. Если Сильвестръ Медвѣдевъ смотрѣлъ на Полоцкаго, какъ на своего учителя, и веселился душевнымъ веселіемъ, читая его сочиненія, то патріархъ Іоакимъ подозрѣвалъ въ Полоцкомъ іезуитскаго ученика, зараженнаго нѣкоторыми ересями. Особыя обстоятельства выдвинули Полоцкаго впередъ, независимо отъ его таланта и науки: онъ пользовался довѣренностью царя Θеодора и могъ дѣйствовать свободнѣе, чѣмъ другіе. Онъ завелъ во дворцѣ такъ называемую верхнюю типографію (верхъ—царскіе чертоги), гдѣ и печаталъ свои книги. По примѣру южнорусскихъ проповѣдниковъ, началъ въ московскихъ церквахъ живое устное проповѣданіе. И при дворѣ оказалъ онъ пользу своимъ вліяніемъ, возвышая значеніе науки въ мнѣніи тѣхъ,

отъ кого зависѣло дать ей большій просторъ, устраивая драматическія представленія съ царевною Софіею и тѣмъ развивая вкусъ къ образованнымъ забавамъ.

Достоинство и вмѣстѣ отличие проповѣдей Полоцкаго отъ современныхъ духовныхъ словъ заключается въ томъ, что онѣ практичнѣе и устроеннѣе; его поученія были вызываемы тѣми потребностями, которыя дѣйствительно существовали въ его время. Слова его написаны «на различныя нужды». Не отрекаясь отъ жизни, а служа ей по долгу пастыря, онъ умѣлъ пренебречь хитростями въ выборѣ предметовъ, развитіи темы и выраженіи. Мысль каждаго поученія выговаривается опредѣлительно, въ короткомъ приступѣ; постройка, не всегда свободная отъ искусственныхъ пріемовъ, всегда удобопонятна: нѣтъ безцѣльныхъ отходовъ въ сторону, ни выисканныхъ примѣненій. Сухимъ отвлеченностямъ, обременительнымъ для вниманія, Полоцкій предпочитаетъ описанія и разсказы, которые наглядно представляютъ мысль и сообщаютъ проповѣди изобразительность. Онъ сознавалъ необходимость безъискусственнаго изложенія: «Простое слово въ писаніи разумѣется удобнѣе, нежели слово, покрытое красотами художественными; ядро удобнѣе снѣдается вылущенное, нежели въ скорлупѣ содержащееся».

Воспитаніе, суевѣріе и расколъ были тремя главными темами поученій Полоцкаго. Онѣ преимущественно выдавались изъ современнаго настроенія общества, потому общество болѣе нуждалось въ ясномъ на нихъ взглядѣ. Говоря о воспитаніи вообще, не всегда отличаемомъ отъ ученія, Полоцкій разсматриваетъ его необходимость и важность, предметы его и способъ достигать успѣшныхъ результатовъ. Слово въ день Рождества Христова, отъ лица патріарховъ, пріѣхавшихъ въ Москву для суда надъ Никономъ, молитъ именемъ Божіей премудрости, нынѣ рожденной міру, взыскать премудрости не мірской или эллинской, а истинной; затѣмъ обращается къ царю съ моленіемъ: «Положи въ сердцѣ твоемъ училища, греческія, славянскія и иныя, назидати, учениковъ умножати, учителей взыскати». Въ «Вечерѣ душевной» часто прославляются святые, которые радѣли о воспитаніи дѣтей своихъ, или сами подали примѣръ тщательнаго исканія мудрости. «И зло, и благо, говоритъ Полоцкій, нисходятъ на чадъ не по естеству отъ родителей, а отъ ученія. Учиться слѣдуетъ каждому: и монаху, и міряниту; чтеніе божественныхъ писаній всѣмъ полезно: и мужчинамъ, и женщинамъ. Предметъ ученія—истинная, а не эллинская премудрость».

Слова Полоцкаго предлагаютъ много любопытныхъ данныхъ для исторіи народныхъ обычаевъ и суевѣрій, которые обличаются имъ отъ имени просвѣщенія и религіи. Онъ выставляетъ и смѣшную, и вредную ихъ стороны, ихъ противорѣчія наукѣ и здравому смыслу, ихъ родство съ языческими обычаями. Исчисляя, въ одномъ словѣ, разные виды лжепророковъ, проповѣдникъ отводитъ между ними особое мѣсто волхвамъ и ворожеямъ, которые по звѣздамъ, вѣтрамъ, звѣринымъ утробамъ, птичьему полету, встрѣчамъ, снамъ и тому подобнымъ предметамъ устраиваютъ настоящее или предсказываютъ будущее. «Поученіе отъ іереевъ къ паствѣ» увѣщеваетъ ее пребывать въ благочестіи, не подражая тѣмъ людямъ, которые сердцемъ и устами исповѣдуютъ истиннаго Бога, а дѣлами своими отвергаютъ Его и чуждымъ богамъ, или лучше бѣсамъ, поклоняются. Кто же эти двоевѣрцы? Это люди, предающіеся богомерз-

кимъ скаканіямъ, плясаніямъ, играніямъ; это—прибѣгающіе за помощью къ дьяволу, чародѣйствуя сами или довѣряясь чародѣямъ; это—почитатели чуждыхъ боговъ, хранители языческихъ обычаевъ, къ которымъ отнесены и произведенія безъискусственной поэзіи, подъ именемъ «бѣсовскихъ пѣсенъ». Изъ богомерзкихъ обычаевъ въ городахъ, селахъ и весяхъ, три особенно возмущаютъ Полоцкаго, какъ остатки языческихъ вѣрованій. Первый обычай — «поставлять нѣкія висѣльницы, простіе именуемые рѣлями (качелями), на которыхъ и малые, и большіе привыкли качаться, съ опасностью для здоровья, а иногда и для жизни, и всегда со грѣхомъ, ибо то самое творили древніе идолослужители въ честь своихъ лжебоговъ». Второй обычай—нелѣпое скаканіе и плясаніе съ неблагопристойными припѣвами. Третій—наканунѣ рождества Іоанна Предтечи разводятъ огонь и прыгаютъ чрезъ него, называя это торжество «купало»; язычники точно такимъ же образомъ чествовали своихъ боговъ. Въ тотъ же день нѣкоторые невѣжды всю ночь проводятъ безъ сна и стерегутъ восходящее солнце; узрѣвъ его, баснословятъ, что оно играетъ, переходя съ мѣста на мѣсто и мѣняясь въ цвѣтѣ. «О безуміе! О суевѣріе!» восклицаетъ Полоцкій: «Откуда взяли они это играніе солнца? Въ священномъ писаніи этого нѣтъ; въ преданіяхъ св. отцевъ тоже; философы и звѣздословы не знаютъ того, а невѣжды и слышатъ другъ отъ друга, и видятъ собственными глазами. Что же видятъ? Дѣйствительно, пьяному человѣку, отъ винныхъ паровъ, въ голову восходящихъ, кажется, что все вокругъ него ходитъ, хотя въ самомъ дѣлѣ все стоитъ неподвижно. И какъ одна вещь двоится и троится въ глазахъ пьяницы, такъ и этимъ солнцезрителямъ, отъ излишняго смотрѣнія на солнце, отъ великаго дѣйствія лучей его, поражающихъ глаза, представляется, что оно прыгаетъ и мѣняется цвѣтомъ и объемомъ. Къ тому же и дьяволъ за такое ихъ суевѣріе можетъ сотворить перемѣну въ ихъ очахъ или въ воздухѣ, но не въ солнцѣ».

Сочинивъ въ обличеніе раскола цѣлую книгу: «Жезлъ Правленія», Полоцкій дѣйствовалъ противъ него и проповѣдью. Въ одномъ поученіи онъ уподобляетъ слово Божіе водному потоку, котораго не могъ перейти пророкъ Іезекіиль. Начальники еретиковъ, покушаясь перейти его, терпѣли кораблекрушеніе и отъ глубины писаній божественныхъ низвергались въ адскую глубину: «И нынѣшнимъ суемудрамъ, во глубину писанія врѣвающимся и по своему умышленію толкующимъ его, надобно блюстись. Не искусившемуся въ плаваніи нельзя искать въ пучинѣ бисеровъ, такъ и невѣгласу не подобно взимать тайные бисеры премудрости. Людямъ малоученымъ довольно, стоя на брегѣ рѣки, утолять жажду».... Другое слово, приписывая развитіе раскола нерадивости и неискусству отцевъ духовныхъ, видитъ еще большую вину ихъ въ томъ, что они сами на зло наставляютъ: «Таковые беззаконные іереи обрѣлись въ нынѣшнія времена (слово произнесено въ 1682 г.) въ Русскомъ царствѣ: не только благословеніе давали измѣнникамъ, но и сами поднимали оружіе противъ самодержца, на мучительство и грабленіе, сами нарицались атаманами».

Полоцкій питалъ большое пристрастіе къ стихамъ, которое въ XVII в. господствовало между югозападными учеными. Онъ сочинялъ цѣлыя книги стихотвореній „о всякихъ разныхъ дѣлахъ". Каждый случай, мало-мальски выходившій изъ обыденнаго теченія жизни, заставлялъ его

слагать вирши. Кромѣ «Псалтири» и молитвъ, мы имѣемъ отъ него мѣсяцесловъ въ стихахъ, т. е. краткія похвалы святымъ. За три дня до своей смерти онъ излагалъ въ стихахъ значеніе философіи для нравственнаго совершенства человѣка.

XCII. ПОДГОТОВКА КЪ ОТКРЫТІЮ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ МОСКВѢ.

(Изъ «Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской академіи» Смирнова).

Грекамъ обязана Русь пріятіемъ свѣта христіанства, имъ же одолжена и распространеніемъ свѣта образованія. Не смотря на тяжкія бѣдствія отъ невѣрныхъ, преслѣдовавшія грековъ на востокѣ, въ сердцахъ хранителей эллинской мудрости еще горѣла любовь къ драгоцѣнному наслѣдію науки. Но тяжесть рабства могла когда-нибудь истребить и эту святую привязанность, сокрушить и это послѣднее достояніе бѣдныхъ грековъ. Нужно было передать куда-нибудь свѣтъ возвышенной христіанствомъ древней мудрости, и наслѣдницею такого сокровища могла быть одна Русь: она только могла вполнѣ сочувствовать положенію своихъ древнихъ просвѣтителей, одна представлялась способною быть послушной ученицей греческой мудрости. Нѣкто іеромонахъ Тимоѳей нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Палестинѣ и на Аѳонѣ, выучился тамъ греческому языку и, возвратившись въ Москву въ 1679 г., былъ представленъ царю Ѳеодору и съ чувствомъ соболѣзнованія пересказывалъ ему о притѣсненіяхъ, какія терпѣли православные на востокѣ отъ магометанъ и латинянъ, о разореніи святыхъ церквей и объ оскудѣніи свободныхъ греческихъ наукъ, къ восточной благочестивой вѣрѣ потребныхъ. Единовѣрная Русь никогда не отказывала въ помощи грекамъ, приходившимъ за милостынею для поддержанія церквей, а теперь нужно было оказать имъ помощь духовную, которая могла быть для нихъ существеннѣе даже внѣшнихъ пособій, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ была полезна и для самихъ русскихъ. Царь хорошо понялъ это и рѣшился помочь притѣсняемымъ грекамъ заведеніемъ училища въ Москвѣ. Водвореніе у насъ греческаго образованія долженствовало быть полезно грекамъ, еще болѣе, оно могло сближать съ ними русскихъ и способствовать сношеніямъ Россіи съ востокомъ; оно было полезно и для поддержанія православія на востокѣ, когда церкви единовѣрной, чрезъ изученіе языка греческаго, сдѣлаются въ самомъ источникѣ доступны сокровища мудрости греческихъ отцевъ и писателей; оно было полезно для грековъ, ибо они сами стали почерпать въ училищѣ московскомъ ученыя знанія. Съ другой стороны, собственно греческое образованіе было благодѣтельно для русскихъ, ибо могло служить оплотомъ противъ лжемудрствующихъ расколоучителей и, какъ послѣ писалъ патріархъ іерусалимскій Досиѳей, могло отдалять православныхъ отъ ученія латинскаго.

Выслушавъ трогательный разсказъ іеромонаха Тимоѳея, Ѳеодоръ Алексѣевичъ умилился сердцемъ и просилъ патріарха Іоакима учредить въ Москвѣ греческое училище. Патріархъ съ радостью спѣшилъ исполнить

желаніе царя, взялъ къ себѣ Тимоѳея въ крестовые іеромонахи, назначилъ для помѣщенія училища три верхнія палаты въ типографіи и на первый разъ набралъ изъ разныхъ сословій до 30 учениковъ. Тимоѳей опредѣленъ ректоромъ училища, а учить греческому языку поручено жившему въ Москвѣ греку Мануилу Левендатову, мужу искусному въ свободныхъ наукахъ, а послѣ него—греку же іеромонаху Іоанну. «Нельзя описать, говоритъ современникъ, усердія царя и патріарха къ училищу: то оба они, то порознь, и явно, и тайно едва не каждую недѣлю приходили въ училище утѣшаться духомъ о новомъ и неслыханномъ дѣлѣ и щедро награждали учениковъ и одеждою, и деньгами». Съ радостью принято и на востокѣ извѣстіе объ открытіи въ Москвѣ греческаго училища. Скоро начатки эллинскаго ученія показались малы для государя, и онъ пожелалъ дать школѣ болѣе обширные размѣры и преобразовать ее въ академію. Осторожный царь не хотѣлъ поручить академію даже ученымъ изъ югозападныхъ областей русскихъ; царь опасался, не заражены ли они духомъ уніи, и послалъ взять наставниковъ для академіи отъ вселенскихъ патріарховъ.

Между тѣмъ царь поспѣшилъ заготовить и грамоту, которою предоставлялись большія права и привиллегіи академіи. Она состоитъ изъ 18 пунктовъ. Прежде всего говорится въ ней о важности и пользѣ ученія мудрости. Далѣе царь ссылается на грамоты патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, которые въ 1668 г. благословили учредить въ Москвѣ училище славяно-греко-латинское. Въ академіи предназначено преподавать слѣдующія науки: грамматику, піитику, реторику, діалектику, философію разумительную (умозрительную), естественную (физику) и богословіе созерцательное (учащее вещей божественныхъ) и дѣятельное (учащее совѣсти очищенія). Къ симъ наукамъ присоединяются: право церковное и гражданское (ученіе правосудія духовнаго и мірскаго) и прочія свободныя науки. Помѣстить академію предназначалось въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которомъ для сего обѣщано построить зданія на казенный счетъ. На содержаніе училища, учителей и учениковъ приписывались къ Заиконоспасскому монастырю нѣкоторые монастыри съ ихъ отчинами. Сверхъ сего желающіе могли жертвовать въ академію на пищу и одежду учениковъ. Наконецъ, чтобъ обезпечить академію со стороны учебныхъ пособій, царь обѣщалъ предоставить академіи царскую библіотеку. Блюститель или ректоръ академіи и учителя избираются изъ сыновъ православной вѣры, русскихъ или грековъ; послѣдніе должны имѣть свидѣтельство о своемъ православіи отъ восточныхъ патріарховъ и, кромѣ того, въ самой Россіи должны быть испытаны въ вѣрѣ. Жившіе въ Малороссіи и Литвѣ могутъ быть избираемы въ учители, только должны представить достовѣрное свидѣтельство о своемъ православіи. Въ академію могутъ быть принимаемы ученики изъ всѣхъ сословій, только чтобъ были православной вѣры. А учиться дома у иностранныхъ учителей греческому, польскому, латинскому и другимъ языкамъ воспрещается безъ разрѣшенія ректора и учителей академіи: нарушители сего подвергаются конфискованію имѣнія. Во все время ученія ученики освобождаются отъ свѣтскаго суда, исключая уголовныхъ преступленій, а за всякіе другіе проступки судитъ ихъ ректоръ съ учителями. За продолжительную усердную службу при академіи, засвидѣтельствованную ректоромъ, учителю обѣщается особая пенсія отъ щедротъ царскихъ.

Иностранцы, прiѣзжающiе въ Россiю и желающiе поступить на службу царскую, прежде испытываются въ вѣрѣ блюстителемъ академiи и учителями и если, по ихъ свидѣтельству, окажутся достойными, принимаются въ службу; а тѣ, въ которыхъ усмотрѣно будетъ направленiе, противное духу православiя, высылаются назадъ за границу. Блюститель и учители обязываются наблюдать, чтобы въ народѣ не было какихъ-нибудь распрей и непристойныхъ толковъ о вѣрѣ.

Иновѣрцы, принимающiе православную вѣру, записываются въ особыя книги, которыя должны храниться у ректора и учителей: они должны наблюдать за образомъ ихъ мыслей и жизни. Ректору же и учителямъ вмѣняется въ обязанность наблюдать, чтобы ни у духовныхъ, ни у мiрянъ не было въ домахъ запрещенныхъ книгъ. Судя по содержанiю этой грамоты, можно заключать, что при составленiи грамоты руководствовались уставами западныхъ университетовъ и академiй. Представителемъ западнаго образованiя былъ у насъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Симеонъ Полоцкiй, учившiйся въ польскихъ академiяхъ и имѣвшiй большую силу при дворѣ. Его влiянiемъ только и можно объяснить, что западныя академiи взяты были въ примѣръ при устройствѣ академiи московской; сочинителемъ грамоты, кромѣ него, признать некого. Царь подписалъ проектъ, но, не успѣвъ привести его въ исполненiе, скончался (28 апрѣля 1682 года). Вскорѣ открывшiйся бунтъ стрѣлецкiй и волненiя поднятыя раскольниками, воспрепятствовали правительству заняться устройствомъ академiи; впрочемъ, ученiе въ типографской школѣ продолжалось. По укрощенiи мятяжей, когда бразды правленiя приняла царевна Софiя, заботы о начатомъ дѣлѣ образованiя возобновились, и два ученые инока представили царевнѣ просьбы въ стихахъ о водворенiи наукъ въ столицѣ, по плану Ѳеодора. Первымъ былъ чудовскiй iеродiаконъ Карiонъ Истоминъ, который, въ ноябрѣ 1682 года, поднесъ царевнѣ просьбу въ стихахъ. Другой былъ настоятель Заиконоспасскаго монастыря iеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Онъ представилъ царевнѣ грамоту царя Ѳеодора объ учрежденiи академiи и вмѣстѣ съ нею свое стихотворное посланiе. Но, вѣроятно, вслѣдствiе влiянiя патрiарха Iоакима, который неблагопрiятно смотрѣлъ на Медвѣдева, какъ поборника латинства, и въ которомъ онъ опасался видѣть блюстителя будущей академiи, привиллегiи академiи не были утверждены. Въ это время въ Москву уже ожидали учителей греческихъ, за которыми посылали къ восточнымъ патрiархамъ.

Со времени открытiя ихъ ученой дѣятельности въ Москвѣ, начинается исторiя Славяно-Греко-Латинской академiи, существовавшей въ Москвѣ почти 130 лѣтъ.

XCIII. СТОЛИЦА МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Изъ ст. Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.», помѣщенной въ «Современникѣ»).

Средоточiемъ Москвы былъ Кремль. Неизвѣстенъ годъ построенiя его. Вѣроятно, онъ существовалъ съ основанiя самой Москвы и былъ, какъ вообще русскiе города, деревянный. Въ 1367 г. впервые заложенъ

былъ каменный городъ, но потомъ разрушился, и уже въ концѣ XV в. великій князь Іоаннъ построилъ опять каменную стѣну съ башнями. Постройкою занимались итальянцы. Отъ двухъ угловъ кремлевской ограды на востокъ тянулось продолженіе каменной стѣны и образовало другой городъ, называемый Китай-городъ, построенный въ 1538 г. правительницею Еленою. За Кремлемъ и Китай-городомъ, примыкавшими съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другихъ сторонъ простирался посадъ, который также былъ обведенъ стѣною съ воротами и башнями и назывался Бѣлымъ городомъ, отъ бѣлаго цвѣта окружавшей его стѣны. За этой стѣною слѣдовалъ другой посадъ, который былъ при Борисѣ обведенъ двойною деревяною стѣною съ толстымъ слоемъ земли въ промежуткѣ между двумя стѣнными рядами. Онъ назывался Землянымъ городомъ. Сверхъ того на другой сторонѣ Москвы-рѣки, какъ продолженіе Земляного города, стоялъ городокъ, и наконецъ многіе монастыри, укрѣпленные, по тогдашнимъ обычаямъ, стѣнами и башнями, представляли видъ отдѣльныхъ городовъ. Москва своей огромностью изумляла иностранцевъ; впрочемъ, отъ нихъ не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. По свидѣтельству Герберштейна, въ его время Москва заключала въ себѣ 41,500 домовъ. Кремль занималъ середину столицы и былъ средоточіемъ власти, управленія, церковнаго устройства и убѣжденій всего русскаго народа. Кремль окружала кирпичная стѣна съ башнями. Каждая изъ башенъ носила собственное названіе, однѣ по образамъ, которые на нихъ висѣли, другія по мѣстности. Въ XVI в. было шестнадцать или семнадцать башенъ. Башни проѣзжія были громаднѣе, чѣмъ глухія. Ворота Кремля были слѣдующія: Фроловскія (переименованныя въ Спасскія), Никольскія, Константиновскія (теперь не существующія) на югъ отъ Спасскихъ, Боровицкія (переименованныя въ Пречистенскія), Неглинныя, Тайнинскія къ Москвѣ-рѣкѣ и Портомойныя на юго-западномъ углу у водовзводской башни, куда прачки выходили мыть бѣлье на плотъ, устроенный для этого. Только пять первыхъ воротъ были проѣзжія. Фроловская или Спасская башня надъ главными воротами была выше и красивѣе другихъ. На рисункахъ, оставшихся отъ XVII вѣка, она одна походитъ на нынѣшнія кремлевскія проѣзжія башни. Сверхъ всѣхъ башенъ, проѣзжихъ и глухихъ, на каждой сторонѣ кремлевскихъ стѣнъ были устроены маленькія башенки, гдѣ висѣли колокола, въ которые звонили во время пожара и тревоги. Кремлевскія стѣны были уставлены пушками.

Въ Кремлѣ былъ дворъ государевъ. У старыхъ великихъ князей хоромы были деревяныя. Но по мѣрѣ того, какъ держава московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникала при дворѣ потребность созидать каменныя зданія. При Іоаннѣ III построенъ былъ каменный казенный дворецъ между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, а потомъ и дворецъ для жилья, оконченный въ 1508 г. Но послѣ пожара 1626 г. принялись за постройку каменныхъ зданій. Михаилъ Ѳедоровичъ отстроилъ себѣ каменный дворецъ, но не жилъ въ немъ, а предоставилъ его царевичу и предпочелъ для себя жить въ деревяномъ зданіи, находя, что деревяныя здоровѣе каменныхъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ была построена новая дворцовая палата и потѣшный дворецъ. Въ концѣ его царствованія было два царскихъ каменныхъ дворца. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ были перестроены и обновлены

каменныя зданія дворца. Но тѣмъ не менѣе въ XVII вѣкѣ цари продолжали предпочитать деревянныя зданія для жилья и для каждаго члена царскаго семейства строили особые домики. Такимъ образомъ царскія усадьбы въ Кремлѣ состояли изъ немногихъ каменныхъ и множества деревяныхъ строеній, отдѣльно построенныхъ, нагроможденныхъ въ различныхъ направленіяхъ и по вкусу времени испещренныхъ золотомъ, разноцвѣтными и вычурными украшеніями. На взгорьѣ къ Москвѣ-рѣкѣ былъ запасный дворецъ, каменное зданіе съ разведеннымъ на немъ садомъ, а внизу житный дворъ (гдѣ хранилось хлѣбные запасы) и церковь Благовѣщенія. Кромѣ царскаго двора въ Кремлѣ были дворы приближенныхъ къ царю бояръ и вельможъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились дворы: Морозова, Черкасскаго, Лыкова и другихъ. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затѣйливость украшеній останавливали на себѣ глаза путешественниковъ; но болѣе всего поражали ихъ кремлевскія церкви: куполы и главы нѣкоторыхъ изъ нихъ были покрыты золоченою мѣдью и ослѣпительно блистали противъ солнца. Въ началѣ XVI вѣка только немногія изъ нихъ были каменныя, но въ XVII число ихъ несравненно увеличилось. Всѣхъ вообще церквей насчиталъ Олеарій въ Кремлѣ пятьдесятъ двѣ, а другой путешественникъ при Алексеѣ Михайловичѣ только тридцать. Вѣрно только то, что ихъ было больше, чѣмъ теперь, потому что, кромѣ существующихъ, упоминаются такія, которыхъ болѣе нѣтъ. Башня Ивана Великаго, построенная Борисомъ, величаво возвышалась надъ кремлевскими зданіями, близъ нея находилась башенка съ огромнымъ колоколомъ въ 365 центнеровъ вѣсомъ. Къ огромному языку его были привѣшены двѣ веревки, а къ каждой изъ нихъ по двѣнадцати веревочекъ, такъ что нужно было двадцать четыре человѣка, чтобъ раскачать эту массу. Въ него звонили по большимъ праздникамъ и при встрѣчѣ посольствъ.

За предѣлами Кремля на востокъ протягивался Китай-городъ. Китай-городъ начинался отъ Кремля Красною площадью. Онъ обведенъ былъ кирпичною стѣною краснаго цвѣта, которая на сѣверѣ соединялась съ угломъ кремлевской, а на югѣ вдоль Москвы-рѣки съ бѣлогородскою и образовала съ нею одну стѣну. Тутъ было Лобное мѣсто, откуда читались народу царскія грамоты; здѣсь стояла Покровская церковь, построенная царемъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ взятія Казани и теперь поражающая своею оригинальностью и причудливою смѣсью восточной архитектуры съ европейскою. На Красной площади предъ лицомъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднолюбцы. На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждаго товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай-городѣ была типографія, множество церквей, многіе приказы, домы знатныхъ бояръ, дворянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привилегіи англичанъ обращенный въ тюрьму, три гостиныхъ двора; отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла Овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами. Она упиралась въ рыбный рынокъ, по разсказамъ иностранцевъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью. Отъ него черезъ рѣку построенъ былъ мостъ на судахъ, а за мостомъ слѣдовало Козье болото, урочище, на которомъ казнили преступниковъ. За предѣлами Китай-города слѣдовалъ Бѣлый городъ, обведенный бѣлою стѣною, называемой такъ осо-

бенно въ отличіе отъ красной стѣны Китай-города. Стѣна Бѣлаго города шла по линіи нынѣшнихъ бульваровъ, и, какъ извѣстно, старинныя названія воротъ сохранились до сихъ поръ, хотя стѣны уже давно исчезли, по повелѣнію Екатерины II. Бѣлый-городъ или Царь-городъ, какъ его называли, былъ самою населенною частью Москвы. У многихъ князей и бояръ были здѣсь большіе дворы, здѣсь жили многіе изъ богатаго купечества, большая часть ремесленниковъ съ своими мастерскими и лавками при нихъ для продажи своихъ издѣлій; здѣсь былъ гостинный шведскій дворъ; здѣсь сосредоточивалась торговля хлѣбомъ и мясомъ: послѣднее продавалось на мясномъ рынкѣ съ мясныхъ скамей; на этомъ рынкѣ были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близъ урочища, называемаго Поганый Прудъ, стоялъ пушечный или литейный заводъ, гдѣ готовились пушки и колокола.

За предѣлами Бѣлаго города былъ расположенъ Земляной городъ. Стѣна его была построена очень скоро, и, вѣроятно, отъ этой скорости весь Земляной городъ назывался Скородумомъ, т. е. скоро задуманнымъ городомъ. Стѣна эта шла по теперешнему направленію Новинскаго и Садовой округленнымъ очертаніемъ и какъ на западѣ, такъ и на востокѣ упиралась въ Москву-рѣку, пересѣкая на пути своемъ рѣку Яузу. Въ Земляномъ городѣ за Яузою былъ древесный рынокъ, гдѣ продавались лѣсныя издѣлія и между прочимъ готовые дома, нужные для московскихъ жителей по причинѣ частыхъ пожаровъ. Много торговыхъ и ремесленныхъ заведеній находилось въ дворахъ домохозяевъ. Жители здѣсь были большею частью посадскіе люди, и мало жило знатныхъ особъ. Домы были почти всѣ деревянные, а самые дворы отличались огромностью пространства.

Замоскворѣчье въ древности называлось Zарѣчье. Впослѣдствіи тамъ заведена была стрѣлецкая слобода. Она была обнесена стѣною, которая казалась продолженіемъ стѣны Землянаго города, потому что подходила къ Москвѣ-рѣкѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на противоположной сторонѣ упиралась въ нее земляногородская стѣна. За городомъ были разныя слободы, которыхъ насчитываютъ чрезвычайно много. Однѣ изъ нихъ вошли въ разное время въ городъ, мѣстность другихъ даже опредѣлить теперь трудно. Въ XVI и XVII вѣкѣ упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотенъ), гончаровъ и др. За Яузой помѣщалась, между прочими, Иноземная слобода или Нѣмецкая, построенная Иваномъ Грознымъ. Послѣ смутнаго времени нѣмцы разселились по городу и построили себѣ церковь въ Бѣломъ городѣ; но, по настоянію духовенства, при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ снова выселили въ слободу. Тамъ у нихъ было три церкви. Сверхъ всѣхъ слободъ по окрестностямъ столицы было разсѣяно множество загородныхъ домовъ вельможъ и богатыхъ московскихъ жителей, такъ что, приближаясь къ столицѣ, можно было издали ее чувствовать. Тамъ и сямъ мелькали монастыри, огороженные стѣнами и башнями во вкусѣ тогдашнихъ городовъ. Между ними безпрестанно появлялись новые дворы.

Только въ Москвѣ и въ большихъ городахъ было что-то похожее на мостовую. Это были круглыя деревяшки, сложенныя плотно вмѣстѣ одна съ другою. Не вся Москва была такимъ образомъ вымощена: во многихъ мѣстахъ не было мостовой, и тамъ, гдѣ особенно было грязно, черезъ улицы просто перекладывали доски. Въ Москвѣ собирался съ жи-

телей поборъ подъ именемъ мостовщины, и земскій приказъ занимался мощеніемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю. Такая мостовая не препятствовала впрочемъ женщинамъ ходить не иначе, какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобъ не увязнуть въ грязи. Хотя въ Москвѣ существовалъ особый классъ служителей, называемыхъ метельщиками, обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было человѣкъ пятьдесятъ, однако въ переулкахъ столицы валялась падаль и во многихъ мѣстахъ господствовала невыносимая вонь. Пожары были самое повседневное и повсемѣстное явленіе. Москва, какъ извѣстно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Несмотря однако на частыя бѣдствія отъ огня, мѣры противъ него были вялы и преимущественно только предохранительныя: старались дѣлать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строеній кадки съ водою и мѣрники съ помелами, запрещалось по ночамъ сидѣть съ огнемъ и топить лѣтомъ мыльни и даже печи въ избахъ, а вмѣсто того жители должны были готовить себѣ пищу въ огородахъ. Эта мѣра одна по себѣ была плохимъ средствомъ, и притомъ не всѣ ей подлежали. При Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно было, чтобъ всѣ вообще зажиточные люди заводили у себя мѣдныя и деревянныя трубы, а люди съ меньшимъ достаткомъ складывались вмѣстѣ по пяти дворовъ для покупки одной трубы, и въ случаѣ пожара всѣ должны были бѣжать для погашенія.

XCIV. О КОРОНОВАНІИ И МИРОПОМАЗАНІИ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ.

(Изъ соч. Флетчера: «О государствѣ русскомъ или образѣ правленія русскаго царя»).

Торжественные обряды, совершаемые при короновапіи русскихъ царей, суть слѣдующіе. Въ большой церкви Успенія, находящейся въ оградѣ царскаго замка, устроено возвышенное мѣсто, на которомъ стоитъ налой съ царскимъ вѣнцомъ и одѣяніемъ изъ дорогой матеріи. Въ день миропомазанія собираются туда: патріархъ съ митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами и игуменами, всѣ богато одѣты въ своихъ облаченіяхъ. Потомъ входятъ дьяконы съ хоромъ пѣвчихъ, которые, при входѣ царя въ церковь, начинаютъ пѣть многолѣтіе царю, на что патріархъ и митрополитъ съ прочимъ духовенствомъ отвѣчаютъ гимномъ, въ родѣ молитвы, который поютъ всѣ вмѣстѣ и чрезвычайно громко. По окончаніи гимна, патріархъ съ царемъ всходятъ на возвышеніе, гдѣ для государя приготовленъ особый стулъ. Вслѣдъ затѣмъ патріархъ приглашаетъ царя сѣсть, и самъ садится подлѣ него на другомъ стулѣ, нарочно для того поставленномъ, кланяется въ землю и читаетъ слѣдующую молитву: „Господи Боже нашъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, иже Самуиломъ пророкомъ избравъ раба своего Давида и помазавъ того въ цари надъ людьми своими Израиля! Ты и нынѣ услыши молитву нашу недостойныхъ и виждь отъ святаго жилища Твоего благовѣрнаго раба своего, царя и великаго князя, еже благоволилъ еси воздвигнути царя въ языцѣ Твоемъ святемъ, его же

стяжалъ еси честною кровію единороднаго Ти Сына, помазати сподоби елеомъ возрадованія, одѣй того свыше силою, положи на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна, даруй тому долготу дній, дай же въ десницы его скифетръ царствія, посади того на престолѣ правды, огради того всеоружествомъ святаго ти Духа, утверди того мышцу, покори ему вся языки варварскія, всѣй въ сердцы его страхъ Твой, и еже къ послушнымъ милостивное, соблюди того въ непорочней вѣрѣ, покажи того опасна хранителя святыя твоея соборныя церкве велѣніяхъ, да судитъ люди твоя, правдою и нищихъ твоихъ, судомъ спасетъ сыны убогихъ, и наслѣдникъ будетъ ти небеснаго царствія". Эту молитву говоритъ онъ тихимъ голосомъ, а потомъ произноситъ громко: „Яко Твоя держава и Твое есть царство, и сила и слава, Отца и Сына и св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь." По окончаніи молитвы, патріархъ приказываетъ нѣкоторымъ архимандритамъ принести царское одѣяніе и вѣнецъ, что дѣлается весьма чинно и торжественно, а между тѣмъ произноситъ громко: „Миръ всѣмъ!" Потомъ начинаетъ онъ читать другую относящуюся къ тому молитву: «Тебѣ единому Царю вѣковъ, иже земное царство Тобою ввѣренный, поклони выю съ нами, и молимъ Ти ся, Владыко всѣхъ, сохрани того подъ кровомъ Твоимъ, удержави того царство, благоугодное Ти всегда творити, всегда того сподоби, возсіяй во днехъ его правду и множество мира, да въ тихости его тихо и безмолвно житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ!" Эту молитву патріархъ произноситъ нѣсколько тихимъ голосомъ, а потомъ договариваетъ опять громко: „Ты бо еси Царь мірови и Спасъ душамъ нашимъ, и Тебѣ славу всылаемъ, Отцу и Сыну и св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь". Потомъ, возлагая на царя одѣяніе и вѣнецъ, благословляетъ его крестнымъ знаменіемъ и говоритъ: „Во имя Отца и Сына и св. Духа". Тоже самое дѣлаютъ и митрополиты, архіепископы и епископы, которые всѣ по порядку подходятъ къ царскому мѣсту и одинъ за другимъ благословляютъ царя двумя первыми пальцами. Затѣмъ патріархъ читаетъ еще молитву, которая начинается такъ: „О Пресвятая Госпоже Дѣво, Богородице", и проч. Послѣ этой молитвы одинъ изъ дьяконовъ произноситъ сильнымъ громкимъ голосомъ: „Благовѣрному и благородному, и христолюбивому, Богомъ избранному и Богомъ почтенному и Богомъ возлюбленному и поставленному, и Богомъ вѣнчанному, царю и великому князю Владимерьскому и Московскому... и всея Россіи самодержцу, многая лѣта!" На что прочіе священники и дьяконы, стоящіе въ нѣкоторомъ отдаленіи, близъ алтаря или стола, поютъ въ отвѣтъ: „Многая лѣта, многая лѣта!" „Тоже самое повторяютъ священники и дьяконы, стоящіе по правой и лѣвой сторонамъ церкви, послѣ чего всѣ вмѣстѣ поютъ громогласно: „Благовѣрному и благородному" и проч. „многая лѣта!" По окончаніи торжества подходятъ къ царю сперва патріархъ съ митрополитами, архіепископами и епископами, потомъ дворянство и всѣ присутствующіе по порядку, и приносятъ ему поздравленія, преклоняя передъ нимъ главу, и у ногъ его падаютъ въ землю.

Титулъ, который получаетъ царь при коронованіи, слѣдующій: „Божіею милостію царь и великій князь всея Россіи самодержецъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій,

Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны повелитель, и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель". Этотъ титулъ заключаетъ въ себѣ владѣнія царя и являетъ все его величіе, почему имъ весьма гордятся, заставляя не только туземцевъ, но и иностранцевъ (которые съ чѣмъ либо обращаются къ царю словесно или письменно) повторять его вполнѣ отъ начала до конца. Такое требованіе производитъ иногда большія непріятности и даже ссоры съ татарскими и польскими послами, которые не хотятъ употреблять названіе царя, т. е. императора, и повторять въ подробности весь его длинный титулъ. Я самъ, бывъ на аудіенціи у царя (Θедора Іоанновича) почелъ достаточнымъ привѣтствовать его только слѣдующими словами: „Царь всея Россіи, великій князь Владимірскій, Московскій и Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій"; остальное же нарочно пропустилъ, зная, что они тщеславятся тѣмъ, что титулъ царскій длиннѣе титула королевы англійской. Но это было такъ дурно принято, что канцлеръ (находившійся тогда при царѣ съ прочими сановниками) громкимъ и сердитымъ голосомъ настаивалъ, чтобы я произнесъ весь титулъ. На его требованіе я отвѣчалъ, что титулъ царскій слишкомъ длиненъ, и иностранцу трудно его запомнить, но что я сказалъ изъ него столько, что достаточно видно мое уваженіе къ остальному; однако все было напрасно, такъ что я наконецъ велѣлъ моему толмачу проговорить сполна весь титулъ.

XCV. О ЦАРСКИХЪ ЧИНОВНЫХЪ И ВСЯКИХЪ СЛУЖИЛЫХЪ И ДВОРОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(*Изъ сочиненія Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»*).

1. Прежніе большіе роды князей и бояръ многіе совсѣмъ исчезли Нынѣ же послѣ тѣхъ родовъ роды, которые бываютъ въ боярахъ, а въ окольничихъ не бываютъ, суть: кн. Черкасскихъ, кн. Воротынскихъ, кн. Трубецкихъ, кн. Голицыныхъ, кн. Хованскихъ, кн. Пронскихъ, Шеиныхъ, Салтыковыхъ, кн. Репниныхъ, кн. Прозоровскихъ, кн. Буйносовыхъ, кн. Хилковыхъ, кн. Урусовыхъ.

2. Роды меньше тѣхъ, которые бываютъ въ окольничихъ и въ боярахъ, суть: кн. Куракиныхъ, кн. Долгоруковыхъ, Бутурлиныхъ, кн. Ромадановскихъ, кн. Пожарскихъ, кн. Волконскихъ, кн. Лобановыхъ, Стрѣшневыхъ, кн. Барятинскихъ, Милославскихъ, Сукиныхъ, Пушкиныхъ, Измайловыхъ, Плещеевыхъ, Львовыхъ.

3. Роды же, которые бываютъ въ думныхъ дворянахъ и окольничихъ, изъ честныхъ (почетныхъ) родовъ и изъ среднихъ, и изъ дворянъ; и тѣ роды больше той чести не доходятъ. Есть потомъ и иные многіе добрые и высокіе роды, только еще въ честь не пришли за недослуженіемъ.

4. Думные дьяки. Три или четыре, а больше четырехъ не бываетъ; и въ тѣхъ думныхъ дьякахъ бываютъ изъ дворянъ и изъ гостей, и изъ

подъячихъ; и изъ тѣхъ думныхъ дьяковъ посольскій дьякъ, хотя породы бываетъ меньшей, но по приказу и по дѣламъ выше всѣхъ.

5. Спальники,—которые спятъ у царя въ комнатѣ, посуточно, перемѣнами, человѣка по четыре; и многіе изъ нихъ женатые люди и бываютъ въ томъ чину многіе годы, и царя раздѣваютъ и разуваютъ; а бываютъ въ тѣхъ спальникахъ изо всякихъ боярскихъ и окольничихъ и думныхъ людей дѣти, которыхъ царь укажетъ, а иные такого чина добиваются и не могутъ до того прійдти. Бывшіе въ спальникахъ бываютъ пожалованы большихъ бояръ дѣти въ бояре, а иныхъ меньшихъ родовъ дѣти въ окольничіе, кого чѣмъ царь пожалуетъ, по своему разсмотрѣнію, и называютъ ихъ комнатными боярами или окольничими, а въ посольственныхъ письмахъ пишутъ ближними боярами и окольничими, потому что отъ близости пожалованы. А жалуетъ царь въ бояре и окольничіе и въ думные люди, хотя котораго и на Москвѣ не бываетъ, въ новый годъ сентября въ 1 день, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на день празднества рожденія его, изъ окольничихъ бояриномъ, или изъ стольниковъ и изъ спальниковъ бояриномъ и окольничимъ или думнымъ человѣкомъ. И какъ царю случится сидѣть съ тѣми боярами и думными людьми въ думѣ, и въ то время бояре и окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежде въ чину, окольничіе подъ боярами такимъ же образомъ, подъ окольничими думные дворяне также по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть; и о чемъ случится мыслить, мыслятъ съ царемъ, какъ обычай и въ иныхъ государствахъ. А случится царю мысль свою о чемъ объявить, и онъ имъ, объявя, приказываетъ, чтобы они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ побольше и разумнѣе, или кто и изъ меньшихъ, и они мысль свою о способѣ объявляютъ; а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неучены и не образованы; однако сыщется и кромѣ ихъ на отвѣты разумный изъ большихъ и изъ меньшихъ бояръ. А на чемъ которое дѣло быть приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякамъ помѣтить и тотъ приговоръ записать. А случится писать о чемъ грамоты въ окрестныя государства, и тѣ грамоты прикажутъ готовить посольскому думному дьяку, а думный дьякъ приказываетъ подьячему, а самъ не готовитъ, только чернитъ и прибавляетъ, что надобно и не надобно. А какъ изготовятъ, тѣ грамоты слушаютъ напередъ бояре, и потомъ они-же, бояре, слушаютъ вдругорядъ съ царемъ всѣ вмѣстѣ; также и иныя дѣла вносятся для слушанія всѣмъ боярамъ, и потомъ бояре слушаютъ вдругорядъ съ царемъ-же. А на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ, кромѣ того что послы прикладываютъ руки къ договорнымъ записямъ, руки своей не прикладываютъ; для этого предназначаются думные дьяки; а къ меньшимъ ко всякимъ дѣламъ прикладываютъ руки простые дьяки, и приписываютъ подьячіе свои имена.

А какъ царю случится о чемъ мыслить тайно, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходить; а иные бояре, окольничіе

и думные люди въ ту палату въ думу и ни для какихъ дѣлъ не ходятъ, развѣ царь укажетъ.

6. Стольники—дѣти бояръ и окольничихъ, и думныхъ людей, и московскихъ дворянъ, и иныхъ чиновъ людей. Служба ихъ такова: какъ у царя бываютъ иныхъ государствъ послы или власти и бояре на обѣдахъ, они въ то время предъ царя и предъ властей, и пословъ, и бояръ, носятъ ѣсть и пить; а ставятъ на столъ кушанія по одному блюду всякаго рода, передъ царя крайчій; а къ инымъ столамъ приставлены бываютъ ставить окольничіе, а съ иными яствами блюда держатъ стольники на рукахъ, а на столъ всѣхъ яствъ вдругъ не ставятъ. И будетъ тѣхъ стольниковъ числомъ около 500 человѣкъ. И посылаютъ ихъ въ посольства послами и съ послами въ товарищахъ, и по воеводствамъ, и для сыскныхъ дѣлъ, и бояръ спрашивать о здоровіи, какъ они бываютъ по службамъ; а иные въ Москвѣ сидятъ въ приказахъ у дѣлъ и у пословъ въ приставахъ.

7. Стряпчіе. Чинъ ихъ таковъ: какъ царю бываетъ выходъ въ церковь или въ походъ на потѣхи, или въ палату въ думу и для обѣдовъ, и въ то время несутъ передъ нимъ скипетръ, а въ церкви держатъ шапку и платокъ, а въ походахъ возятъ панцырь, саблю, колчанъ съ лукомъ и стрѣлами. И посылаютъ ихъ во всякія-же посылки, кромѣ воеводствъ и посольствъ. А будетъ тѣхъ стряпчихъ 800 человѣкъ. А въ Москвѣ стряпчіе и стольники живутъ для царскихъ услугъ по полугоду, пополамъ; а другая половина, кто хочетъ, отъѣзжаютъ въ деревни свои, до сроку.

8. Дворяне московскіе. Тѣхъ дворянъ посылаютъ для всякихъ дѣлъ: и по воеводствамъ, и по посольствамъ въ послахъ, и для сыскныхъ дѣлъ, и въ Москвѣ въ приказы для дѣлъ, и къ служилымъ людямъ въ начальные люди, въ полковники и въ головы стрѣлецкіе.

9. Дьяки. Въ дьяки бываютъ пожалованы изъ дворянъ московскихъ и изъ городовыхъ, и изъ гостей, и изъ подьячихъ. А въ Москвѣ и въ городахъ въ приказахъ, съ боярами и окольничими, и думными и ближними людьми, и въ посольствахъ съ послами бываютъ они въ товарищахъ; и сидятъ вмѣстѣ, и дѣлаютъ всякія дѣла, и суды судятъ, и во всякія посылки посылаются.

10. Жильцы. Чинъ ихъ таковъ: для выхода и для всякаго дѣла, спятъ на царскомъ дворѣ, человѣкъ по сорокъ и больше, и посылаютъ ихъ во всякія посылки; а дѣти они дворянскіе, и дьячьи, и подьяческіе. И изъ того чина назначаются въ стряпчіе, въ стольники, и въ думные люди, да они же бываютъ въ начальныхъ людяхъ у конницы и у пѣхоты, и въ рейтерахъ, и въ солдатахъ. А будетъ ихъ числомъ 2.000 человѣкъ. Да и вообще дѣтямъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей первая служба бываетъ при царскомъ дворѣ въ жильцахъ; только по породѣ своей одни съ другими не равны.

11. Дворяне городовые и дѣти боярскіе. Они бываютъ посылаемы во всякія посылки: и по воеводствамъ, и въ начальные люди къ рейтарамъ и къ солдатамъ, и въ какіе чины годятся, и за службы бываютъ пожалованы многою честью. И тѣхъ дѣтей боярскихъ происхожденіе таково: какъ въ прошлыхъ давнихъ лѣтахъ у Московскаго государства бывала война съ окрестными государствами, и въ то время ратные люди сбирались со всего Московскаго государства изо всякихъ чиновъ людей, и

послѣ мира распускались по домамъ; иные изъ нихъ многою своею службою и полономъ освободились отъ рабства и отъ крестьянства, и у кого были помѣстья и вотчины и нынѣ попрежнему за ними; а у которыхъ людей помѣстій и вотчинъ не было, и имъ за службы и за полонное терпѣніе помѣстья и вотчины даваны, жилыя и пустыя, малыя, и служить имъ было съ тѣхъ данныхъ помѣстій и вотчинъ противъ прямыхъ дворянъ не съ чего; также у которыхъ дворянъ были помѣстья и вотчины, а по смерти ихъ тѣ ихъ помѣстья и вотчины раздѣлены были дѣтямъ ихъ, и отъ нихъ дѣти также размножились, а дать имъ было изъ старыхъ ихъ отцовскихъ помѣстій и вотчинъ и вновь не изъ чего, потому же и царскихъ службъ не служивали,—и ихъ написали въ дѣти боярскія, что безпомѣстны и малопомѣстны.

Есть кромѣ того и иные чины, которые служатъ при царскомъ дворѣ; а написаны они ниже сего въ разныхъ мѣстахъ.

12. Да въ царскомъ же чину царевичи сибирскіе, касимовскіе, крещенные въ христіанскую вѣру. Честью они бояръ выше, а въ думѣ ни въ какой не бываютъ и не сидятъ, потому что государства ихъ и они сами учинилися въ подданствѣ послѣ воинскаго времени, невдавнѣ, да и обычай того не допускаетъ; притомъ и опасеніе имѣютъ отъ нихъ всякое. А служба ихъ такова: какъ на праздники идетъ царь къ церкви, и они его ведутъ подъ руки, да на всякій день бываютъ предъ царемъ на поклоненіи. И даны имъ помѣстія и вотчины не малыя, также поженились на боярскихъ дочеряхъ и брали ихъ за себя съ великими пожитками и съ помѣстьями и съ вотчинами; а за которымъ помѣстія мало, и ему въ прибавку идетъ царскій кормъ денежный помѣсячно. И по тѣхъ царевичахъ и князьяхъ, и дѣти ихъ, и внучата, и правнучата, называются царевичи и князья, безъ измѣненія. Также московскіе и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, многіе есть старые, издавна тѣхъ родовъ, которые прежде сего были во дворянахъ при великихъ князьяхъ. А вновь московскій царь изъ бояръ, и изъ ближнихъ, и изъ иныхъ чиновъ людей, княземъ учинить не можетъ никого, кромѣ боярствъ и иныхъ чиновъ, потому что не обычай тому есть и не повелось; также и графовъ и бароновъ не бываетъ, и изъ московскихъ чиновъ людей къ тѣмъ двумъ чинамъ приравнять никого не можно, потому какъ бы дано было кому баронство, и о томъ бы размышляли, что то было бы самому царю въ стыдъ, будто бы тотъ человѣкъ тѣмъ именемъ отъ него уволь нился и не подданенъ. А кому царь захочетъ вновь дать боярство или окольничество и думное дворянство изъ стольниковъ и изъ дворянъ или дворянина изъ дворовыхъ всякихъ чиновъ и изъ вольныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ. А грамотъ и гербовъ на дворянства ихъ и на боярства никому не даетъ, потому что гербовъ никакому человѣку изложить не могутъ; также и у старыхъ родовъ князей и бояръ, и у новыхъ, истинныхъ своихъ печатей нѣтъ; да не только у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго государства гербовъ не бываетъ; а когда случится кому къ какимъ письмамъ, или посламъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, то они прикладываютъ, у кого какая печать прилучилась, а не породная; какъ бываютъ московскіе послы въ посольствахъ и на съѣздахъ, и къ письмамъ, и къ крѣпостямъ печати свои прикладываютъ, а случится тѣмъ же посламъ, или родствен-

никамъ ихъ, быть вдругорядъ въ посольствѣ и къ письмамъ печати свои прикладывать, и у тѣхъ новыхъ писемъ съ старыми письмами многія печати рознятся. А изъ посадскихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, дворянство не дается никому; а кто посадскій человѣкъ, или крестьянинъ, или кто-нибудь, отпуститъ сына своего на службу въ солдаты и въ рейтары, или въ приказѣ подъячимъ и инымъ царскимъ человѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малой чести дослужатся повыше, и за службу достанутъ себѣ помѣстья и вотчины, и отъ нихъ можетъ пойдти дворянскій родъ; а грамотъ и гербовъ имъ не дается; а даются высокимъ и меньшимъ родамъ и дворянамъ грамоты на вотчины и на помѣстія, и въ тѣхъ грамотахъ именуютъ ихъ, кто каковъ чиномъ и честью.

13. Постельничій. Постельничаго чинъ таковъ: вѣдаетъ его царскую постель и спитъ съ нимъ въ одномъ покоѣ; также у того постельничаго для скорыхъ и тайныхъ царскихъ дѣлъ печать. А честью тотъ постельничій равенъ окольничему.

14. О пріѣздѣ боярскомъ къ царю. Бояре и окольничіе, и думные и ближніе люди, пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано всякій день; и, пріѣхавъ въ церковь или въ палату, увидѣвъ царя, кланяются передъ нимъ въ землю; а котораго дня они въ пріѣздѣ своемъ запоздаютъ, или за ними царь посылаетъ, а они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинятъ не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами, или велитъ изъ палаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрьму, и они за свои вины также кланяются въ землю, многократно, пока проститъ; а какъ они и на пріѣздѣ кланяются, а онъ въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А когда случится ему сидѣть въ покояхъ своихъ и слушаетъ дѣла, или слова разговорныя говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ, а пристанутъ стоя, и они выходятъ отдыхать—сидѣть на дворѣ; также и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему, въ вечерни, всякій день. А пріѣзжая они къ царскому двору на лошадяхъ верхами или въ каретахъ и въ саняхъ, и съ лошадей слазятъ, или изъ каретъ и изъ саней выходятъ, не доѣзжая двора и не близко крыльца; а къ самому крыльцу или на дворъ его царскій, не ѣздятъ никогда, и лошадей ихъ боярскихъ черезъ дворъ не пускаютъ, а обводятъ кругомъ двора (а ѣздятъ бояре въ каретахъ старые, которые на лошадяхъ сидѣть не могутъ). А который бы бояринъ, или кто-нибудь учинилъ черезъ силу, чтобъ на царскій дворъ ѣхалъ на лошади, хотя безъ самаго царя, а ему бы о томъ вѣдомо учинилось, и его бы скоро за то велѣлъ послать въ тюрьму, до указу своего, и честь его отнятабъ была; а ежелибъ человѣкъ его боярскій, безъ вѣдома его, провелъ черезъ дворъ лошадь, и тому человѣку учинено было наказаніе кнутомъ. Да не только боярамъ ѣздить нельзя и лошадей ихъ водить заказано, но и всякаго чина людей, кромѣ стрѣльцовъ, съ ружьемъ и въ япанчахъ, и торговыхъ людей съ товарами, и крестьянъ и простыхъ людей, черезъ царскій дворъ не пускаютъ тоже; также и иноземцевъ разныхъ вѣръ на дворъ и черезъ дворъ не пускаютъ; а кому до кого будетъ какое дѣло, до бояръ и думныхъ людей, и они ожидаютъ у царскаго двора; также и въ походахъ его царскихъ и въ селахъ черезъ дворы также не пускаютъ. А который бы человѣкъ, кромѣ стражи, въ Москвѣ и въ селахъ, пошелъ черезъ царскій дворъ съ ружьемъ, съ саблею

или съ пистолетомъ, тайно, съ простоты, а не умысломъ злымъ, и такого бы человѣка увидѣли, или бы кто на него указалъ, поимавъ, пытали бы, для чего онъ черезъ царскій дворъ шелъ съ ружьемъ, не на царя ли, или на его домъ, или на бояръ и на думныхъ и на ближнихъ людей, и не по наученію ли чьему отъ кого изъ бояръ и думныхъ и ближнихъ людей, или отъ посадскихъ и отъ гулящихъ людей и отъ крестьянъ: и если тотъ человѣкъ съ пытки скажетъ, что онъ шелъ черезъ царскій дворъ съ ружьемъ умысломъ своимъ, а ни по чьему наученію, хотя его, царя и домовыхъ его кого, или изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, за какое-нибудь дѣло погубить, и такого вора, пытавъ накрѣпко трижды, впрямь-ли онъ шелъ своимъ умысломъ, а не по наученію, казнятъ смертью, безъ всякой пощады, ктобъ ни былъ. А если скажетъ, что онъ шелъ умысломъ по наученію бояръ и думныхъ людей, или какихъ иныхъ людей, и по его сказкѣ, тѣхъ людей всѣхъ велятъ похватать и пытать, для чего они такого человѣка на царское здоровье научили, не по наученію ли котораго иностраннаго государя, чтобъ учиниться его подданными, или сами желая государствомъ завладѣть, или чтобъ въ государствѣ учинить смуту для грабежа домовъ и животовъ: и если тѣ люди по первымъ рѣчамъ въ тѣхъ дѣлахъ винятся, и ихъ также казнятъ всѣхъ безъ милосердія, если-же не повинится, и ихъ всѣхъ посадятъ въ тюрьму, пока по нихъ поруки будутъ.

15. Стольники меньшихъ родовъ и стряпчіе, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и иноземцы, и подъячіе пріѣзжаютъ въ городъ и съ лошадей слазятъ далеко отъ царскаго двора, на площади.

16. А пріѣзжаютъ бояре, и думные и ближніе люди, ходятъ къ царю во дворецъ въ переднюю палату и ожидаютъ царскаго выхода изъ покоя; а ближніе бояре, выждавъ время, ходятъ въ комнату; а стольники и стряпчіе, и дворяне, и полковники и головы, и дьяки, и иные служилые чины, къ царю во дворецъ не ходятъ, бываютъ на крыльцѣ середнемъ передъ палатами непокоевыми; а инымъ чинамъ и до тѣхъ мѣстъ ходить не велѣно, гдѣ бываютъ стольники и иные нарочитые люди.

17. А куда случится царю идти въ походъ, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и спальники, бываютъ съ нимъ вмѣстѣ, кого захочетъ съ собою взять; а инымъ велитъ остаться въ Москвѣ для приказныхъ дѣлъ. А идя въ походъ на войну, или по монастырямъ молиться, или для гулянья въ дальнія и въ ближнія мѣста, дворъ свой царскій и Москву для обереганія приказываетъ одному человѣку боярину, а съ нимъ товарищамъ окольничимъ двумъ человѣкамъ, да думнымъ дворянамъ двумъ же человѣкамъ, и думнымъ дьякамъ. И случатся какія дѣла изъ полковъ или изъ городовъ, и они тѣ дѣла, кромѣ тайныхъ, иные посылаютъ къ царю въ походъ, а по инымъ дѣламъ указъ чинятъ, не писавъ къ царю, по которымъ можно. Да съ царемъ же бываютъ въ походахъ стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, жильцы и иныхъ чиновъ люди, которымъ велѣно бываетъ; да стремянный приказъ 1000 человѣкъ стрѣльцовъ, на царскихъ лошадяхъ.

18. Также какъ пойдетъ царь куда въ походъ, на недѣлю и больше, или будетъ въ Москвѣ, а боярамъ и думнымъ и ближнимъ людямъ и полковникамъ, и дьякамъ для гулянья, или для какого дѣла, понадобится ѣхать въ деревни свои, дня на два или на недѣлю и на мѣсяцъ, и они бьютъ челомъ царю о томъ, и царь ихъ отпускаетъ съ срокомъ, а безъ

отпуску изъ бояръ, изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, изъ полковниковъ, изъ дьяковъ изъ Москвы уѣхать не смѣетъ никто ни на одинъ день; да какъ они бываютъ отпущены на срокъ, и до срока для какого дѣла царю будутъ надобны, и за ними посылаютъ грамоты съ людьми ихъ, которые останутся въ Москвѣ, или нарочно съ стряпчими, съ жильцами, съ подъячими, велятъ быть тотчасъ. Да не только когда для гулянія своего отпрашиваются, но когда случится имъ котораго дня другъ у друга быть въ гостяхъ, на свадьбѣ, или на крестинахъ, или на имянинахъ, и они отправляются по такому же обычаю.

19. А какъ придетъ празднованіе дня рожденія котораго боярина, или думнаго и ближняго человѣка, или ихъ дѣтей, и они въ тотъ день ѣздятъ къ царю челомъ ударить, и царь ихъ спрашиваетъ о здоровіи и поздравляетъ, а послѣ того подносятъ царю имянинные калачи, и царь у нихъ тѣ калачи велитъ принимать; и потомъ пойдутъ къ царицѣ, и царица также поздравляетъ и калачи велитъ принимать; и потомъ ходятъ къ царевичамъ и къ царевнамъ, и отъ нихъ также бываетъ имъ поздравленіе и калачи принимаютъ; а у царевенъ у самихъ не бываютъ, кромѣ родственниковъ бояръ; и потомъ межъ себя тотъ день другъ у друга пируютъ. А царь, и царица, и царевичи, и царевны у нихъ на обѣдахъ и въ домахъ ихъ не бываютъ ни у кого; и не только на обѣдахъ, но на свадьбахъ ихъ и на погребеніяхъ не бываютъ тоже никогда.

XLVI. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ ДОПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

(Изъ соч. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.»).

Представимъ въ короткомъ очеркѣ *обрядъ* древней царской жизни, *комнатной* и *выходной*, т. е. собственно домашней и общественной, если можно такъ обозначить всѣ тѣ случаи повседневнаго порядка, когда государь являлся среди своего синклита и всего народа, присутствуя, какъ первое лицо, при совершеніи общихъ церковныхъ и праздничныхъ дѣйствъ и обрядовъ. Раннее утро заставало государя въ Крестовой, въ которой молебный иконостасъ, весь уставленный иконами, богато украшенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей, теплившихся почти предъ каждымъ образомъ. Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и одѣвалъ его. Умывшись, государь тотчасъ же выходилъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ или *крестовый попъ* и *крестовые дьяки*. Духовникъ или крестовый священникъ благословлялъ государя крестомъ, возлагая на чело и ланиты, при чемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Окончивъ утреннюю молитву, государь посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее о здоровьѣ, какъ почивала? Потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховыхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра собирались во дворецъ всѣ

бояре, окольничіе, думные и ближніе люди „челомъ ударить государю", и присутствовать въ царской думѣ. Они собирались обыкновенно въ *Передней*, гдѣ и ожидали царскаго выхода изъ внутренняго покоя или комнаты. Нѣкоторые, пользовавшіеся особою довѣренностью государя, выждавъ время, входили и въ комнату. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, они всегда кланялись передъ государемъ въ землю, даже по нѣскольку разъ. За особенную милость, являемую государемъ, бояре кланялись ему въ землю до тридцати разъ сряду. Поздоровавшись съ боярами, поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ, часу въ девятомъ, къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Если же тотъ день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ соборъ, или въ храмъ или монастырь, сооруженный въ память празднуемаго святаго. Послѣ обѣдни въ комнатѣ въ обыкновенные дни государь слушалъ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами. Съ докладами входили начальники приказовъ и сами ихъ читали предъ государемъ. Думный дьякъ докладывалъ челобитныя, вносимыя въ комнату, и помѣчалъ рѣшенія. Присутствовавшіе въ комнатѣ бояре во время слушанія дѣлъ не смѣли садиться. Когда, особенно по пятницамъ, государь открывалъ обыкновенное *сидѣнье съ бояры*, засѣданіе думы, то бояре садились по лавкамъ, отъ царя поодаль. Засѣданіе и слушаніе дѣлъ въ комнатѣ оканчивалось около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а государь шелъ къ *столовому кушанью* или обѣду, къ которому иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ; но большею частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный столъ его не былъ такъ изъисканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты. По свидѣтельству иностранцевъ, къ столу царя Алексѣя подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, легкое пиво съ коричнымъ масломъ, а иногда одна только коричная вода. Но и этотъ столъ никакого сравненія не имѣлъ съ тѣмъ, который государь держалъ во время постовъ. Великимъ постомъ царь Алексѣй обѣдалъ только по три раза въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные же дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огорцу и пилъ по стакану полпива.

Послѣ обѣда государь ложился спать и обыкновенно почивалъ до вечеренъ, часа три. Къ вечеру снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховную церковь къ вечернѣ. Послѣ вечерни иногда также слушались дѣла или собиралась дума. Но обыкновенно все время до ужина государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Время это было отдыхомъ, и потому оно посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія. По свидѣтельству иностранцевъ, цари отличались большою любознательностью, которая ставила ихъ въ кругъ самыхъ образованныхъ людей того времени. По характеру же нашего древняго образованія, потребность знанія могла удовлетворяться только чтеніемъ,—вотъ почему чтеніе составляло одно изъ любимѣйшихъ занятій во время отдыха. Но какъ поборники и хранители православія, цари предпочитали чтеніе духовно-

назидательное и церковно-историческое. Со временъ царя Алексѣя Михайловича стали вывозить и *куранты*, или тогдашніе европейскіе журналы, которые постоянно переводились для чтенія государю. Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Въ числѣ ихъ были и *юродивые*. Глубокое, всеобщее уваженіе къ этимъ старцамъ и старицамъ, Христа ради юродивымъ, основывалось на ихъ святой богоугодной жизни и благочестивомъ значеніи, какое они имѣли для нашей древности. Общество благоговѣло предъ ними, чтило ихъ, какъ пророковъ и провозвѣщателей Божьей воли, какъ неуклонныхъ и нелицепріятныхъ обличителей. Верховые богомольцы пѣвали государю *Лазаря* и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ... Были еще при царскомъ дворцѣ *слѣпцы домрачеи*, которые распѣвали, безъ сомнѣнія, сказки и былины о богатыряхъ князя Владиміра, съ аккомпаниментомъ *домры*, струннаго инструмента въ родѣ гитары.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы, и однородныя съ нею игры *тавлеи саки* и *бирки*.

Извѣстно также, что въ дворовомъ штатѣ царя состояли *дураки-шуты*, и у царицы *дурки-шутихи, карлы* и *карлицы*. Они пѣли пѣсни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили немалымъ потѣшеніемъ государеву семейству. По словамъ иностранцевъ, эта была самая любимая забава царя Ѳеодора Ивановича. Зимою, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, т. е. бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потѣха начиналась нерѣдко съ самаго утра, а потому измѣняла обыкновенный порядокъ дня. Вообще лѣто государь проводилъ большею частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотою и хозяйствомъ. Зимою онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лося, охотился за зайцами. Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, государь снова шелъ въ Крестовую и точно такъ же, какъ и утромъ, молился около четверти часа.

Благочестивые московскіе цари, подобно императорамъ византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подражаніе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церковнымъ празденствамъ еще болѣе блеска и торжественности. Государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи, которое засвидѣтельствовано даже всѣми иностранцами, видѣвшими подобные выходы. И это было необходимо въ то время по самому значенію древняго царскаго сана. Притомъ церемонія, обрядъ составляли одно изъ главнѣйшихъ условій тогдашняго общественнаго быта, и потому каждый шагъ внѣ дома, а тѣмъ болѣе въ быту государей, по необходимости становился церемоніальнымъ, торжественнымъ. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковной службѣ въ извѣстные праздники, были ни что иное, какъ церемоніальныя шествія, которыя по этому возвѣщались нерѣдко, смотря по важности праздн-

ства, особымъ колокольнымъ звономъ. Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и позволяла погода, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Великолѣпіе и богатство выходной одежды государя соотвѣтствовали значенію торжества, по случаю котораго дѣлался выходъ, а также и состоянію погоды въ тотъ день.

Во время шествія свита раздѣлялась рядами; люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, по два или по три человѣка въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ. На всѣхъ выходахъ въ числѣ царской свиты находился постельничій *съ стряпнею*, то-есть съ разными предметами, которые требовались на выходѣ и которые несли за постельничимъ стряпчіе, именно: *полотенцо* или носовой платокъ, *стулъ* съ *зголовьемъ* или подушкою, на которомъ садился государь; *подножье*, родъ ковра, на которомъ становился государь во время службы; *солнешникъ* или зонтъ, защищавшій отъ солнца и дождя, и нѣкоторые другіе предметы, смотря по требованію выхода. Когда государь выходилъ на богомолье въ приходскую или монастырскую церковь, то впередъ несли особое *мѣсто*, которое обыкновенно ставилось въ церквахъ для царскаго пришествія. Оно было обито сукномъ и атласомъ краснаго цвѣта, по хлопчатой бумагѣ, съ шелковымъ или золотымъ галуномъ. Стряпчіе вообще прислуживали государю, принимали, когда было нужно, посохъ, шапку и пр. На малыхъ выходахъ они выносили только полотенцо (платокъ) и подножье, теплое или холодное, смотря по времени года.

24 декабря, въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, рано утромъ государь дѣлалъ тайный выходъ, въ сопровожденіи только отряда стрѣльцовъ и подъячихъ Тайнаго Приказа въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, плѣннымъ, богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. По улицамъ, гдѣ проходилъ государь, онъ также раздавалъ милостыню нищимъ и убогимъ, которые, безъ сомнѣнія, во множествѣ собирались даже изъ отдаленныхъ мѣстъ къ такимъ боголюбивымъ царскимъ выходамъ. Въ тоже время, какъ государь навѣщалъ такимъ образомъ всѣхъ заключенныхъ и сирыхъ, довѣренныя лица изъ стрѣлецкихъ полковниковъ или подъячихъ Тайнаго Приказа раздавали милостыню на Земскомъ дворѣ, также и у Лобнаго мѣста, и на Красной площади. И можно сказать, что ни одинъ бѣдный человѣкъ въ Москвѣ не оставался въ этотъ день безъ царской милостыни: каждому было чѣмъ разговѣться, каждый былъ съ «праздникомъ». Такіе царскіе выходы «тайно» дѣлались и наканунѣ другихъ большихъ праздниковъ и постовъ. Въ рожественскій сочельникъ они совершались рано утромъ, часу въ пятомъ. Ни одинъ праздничный царскій выходъ не отправлялся съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, какъ выходъ въ день Богоявленія. Государь являлся въ это время народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, которыя во многомъ напоминали обычаи востока. По словамъ иностранцевъ, стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное: со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ. Отъ Успенскаго собора и до самой Москвы-рѣки, гдѣ находилась іордань, строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами,

со всѣмъ ратнымъ строемъ, двумя линіями пролагалъ широкую дорогу для крестнаго хода. Государь выходилъ въ соборъ, обыкновенно, въ сопровожденіи бояръ и прочихъ сановниковъ, по Красному крыльцу. При его появленіи, народъ, увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ индѣйскаго дерева. Иногда случалось, что онъ выходилъ въ *большомъ царскомъ нарядѣ*. Но обыкновенно *царское платье* онъ надѣвалъ всегда въ соборѣ. Въ соборъ за государемъ входили одни только высшіе чины: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; прочіе же, начиная со стольниковъ, останавливались на помостѣ отъ Успенскаго собора до Архангельскаго, по обѣ стороны, по чинамъ, младшіе ниже старшихъ. Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался крестный ходъ, царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ. Патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его Животворящимъ крестомъ, а духовныя власти отдавали ему по два поклона. Церемонія поклоновъ духовенства происходила иногда и въ соборѣ, при началѣ крестнаго хода.

Торжественное шествіе открывали стрѣльцы, въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе, выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ, по 200 человѣкъ изъ каждаго. Они были въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ и шли по четыре человѣка въ рядъ, одни съ золочеными пищалями и винтовками, ложи коихъ украшены были перламутровыми раковинами; другіе съ золочеными копьями и, наконецъ, третьи съ нарядными золочеными протазанами (родъ алебарды). За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь, въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ, шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степѣнямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. Однихъ приходскихъ священниковъ бывало до трехсотъ и до двухсотъ дьяконовъ. Потомъ начиналось шествіе государя, открываемое обыкновенно нижними чинами, по три человѣка въ рядъ. Впереди шли дьяки разныхъ приказовъ и всѣ тѣ чиновники, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники въ *золотыхъ*, т. е. въ золотныхъ кафтанахъ; далѣе, ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ шубахъ. Вслѣдъ за этимъ шелъ постельничій съ *царскою стряпнею*. Впереди его человѣкъ двѣнадцать стряпчихъ несли государево платье, которое царь перемѣнялъ обыкновенно на іордани. Одинъ несъ посохъ, другой шапку, третій зипунъ, четвертый кафтанъ, пятый шубу и т. д. Кромѣ этого перемѣннаго платья, трое стряпчихъ несли на іордань царское полотенце, подножіе и стулъ или собственно кресла, а иногда, во время непогоды, солнешникъ или балдахинъ. Государь шествовалъ въ большомъ *царскомъ нарядѣ*. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго становаго кафтана, на немъ было царское *платно*, изъ дорогой золотной матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Царскій вѣнецъ, называвшійся, по соболиной опушкѣ, царскою шапкой, блестѣлъ драгоцѣнными каменьями: алмазами, изумрудами, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая *діадима*, именуемая обыкновенно въ чинѣ царскаго вѣнчанія *бармами*; на груди на золотой цѣпи былъ крестъ Животворящаго Древа, а иногда золотой крестъ со Спасовою Ризою. Въ правой рукѣ государя былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями. Наконецъ, бархатные или сафьян-

ные башмаки государя были также богато унизаны жемчугомъ. Подъ руки государя поддерживали обыкновенно двое стольниковъ, изъ ближнихъ людей. Около шли бояре и думные дворяне въ богатѣйшихъ шубахъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ. За ними шелъ окольничій, а по обѣ стороны царскаго пути шли стрѣлецкіе полковники въ бархатныхъ и объяринныхъ ферезяхъ и въ турскихъ кафтанахъ; они *оберегали государское шествіе отъ утѣсненія нижнихъ чиновъ людей*. Потомъ слѣдовали гости въ золотныхъ кафтанахъ и наконецъ приказные и иныхъ чиновъ люди и народъ. Подлѣ всего этого шествія, съ обѣихъ сторонъ шло 150 или 200 человѣкъ стрѣльцовъ. Совершеніе обряда освященія воды происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала духовныя власти и соборяне подходили къ государю и патріарху, по степенямъ, по двое въ рядъ, и кланялись. Потомъ патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и совершалъ *дѣйство* по чину. Въ то время, какъ онъ погружалъ въ воду Животворящій крестъ, начальные люди всѣхъ полковъ и знаменщики съ знаменами подступали къ іордани, для окропленія знаменъ св. водою. Послѣ погруженія креста, патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ іордани и отдавалъ ключарю; потомъ онъ наполнялъ также св. водою государеву *стопу*, которую относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. Послѣ этого патріархъ трижды осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ св. водою и поздравлялъ съ торжествомъ. Государь, вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ, прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха, потомъ принималъ поздравленія отъ духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, причемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ говорилъ поздравительную рѣчь. Послѣ того два архимандрита кропили знамена и войско, стоявшее на Москвѣ-рѣкѣ. Крестный ходъ возвращался въ томъ же торжественномъ порядкѣ. Если ходъ бывалъ до обѣдни, то съ іордани государь иногда ѣзжалъ къ обѣднѣ на Троицкое подворье, гдѣ была церковь Богоявленія; въ противномъ случаѣ, онъ возвращался съ ходомъ въ Успенскій соборъ и, отслушавъ тамъ молебенъ или отпускную молитву, шествовалъ во дворецъ. Съ подобною же торжественностью отправлялись выходы въ новый годъ (1 сентября), въ Рождество, въ Вербное воскресеніе, на Пасху, на Масляницу.

XCVII. О ЖИТІИ БОЯРЪ И БЛИЖНИХЪ И ИНЫХЪ ЧИНОВЪ ЛЮДЕЙ.

(Изъ соч. Котошихина: «О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича»).

1. Бояре и ближніе люди живутъ въ домахъ своихъ, въ каменныхъ и въ деревяныхъ, безъ великаго устроенія и призрѣнія; и живутъ съ женами своими и съ дѣтьми своими покоями. Да у нихъ же, большихъ, не у многихъ, бояръ, учинены на дворахъ церкви; а у которыхъ церквей нѣтъ, и они, большіе и середнихъ статей бояре, которымъ повелѣно держать въ домахъ своихъ поповъ, заутреню и часы, и молебенъ, и вечерню отправляютъ у себя въ своихъ хоромахъ, а у обѣдни бываютъ въ церквахъ, кто гдѣ прихожъ, или гдѣ захочетъ; а въ домахъ у нихъ, кромѣ церквей, обѣдни не бываетъ ни у кого; и даютъ бояре и ближніе люди попамъ

помѣсячный кормъ и ѣства и питье, а вдовьи попы ѣдятъ съ боярами своими вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось.

2. А въ которые дни бываютъ праздники Господскіе, или иные нарочитые, имянинные, родильные и крестильные дни, и въ тѣ дни другъ съ другомъ пиршествуютъ, почасту.

Ѣствы-жь обычай готовить попросту, безъ приправъ, безъ ягодъ и сахару и безъ перцу, инбирю и иныхъ способовъ, малосольны и безвкусны. А какъ начнутъ ѣсть, и въ то время ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а иныя кушанія приносятъ съ поварни и держатъ въ рукахъ люди ихъ, и въ которой ѣствѣ мало уксусу и соли и перцу, и въ тѣ ѣствы прибавляютъ на столѣ; а бываетъ всякихъ ѣствъ по 50 и по 100.

Обычай же таковой есть: передъ обѣдомъ велятъ выходить къ гостямъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостямъ придутъ, станутъ въ палатѣ или въ избѣ, гдѣ гостямъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостямъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дома бьетъ челомъ гостямъ и кланяется въ землю, чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости одинъ по одному кланяются женамъ ихъ въ землю и цѣлуютъ и, поцѣловавъ и отойдя, также кланяются въ землю; а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостямъ малымъ обычаемъ; потомъ того господина жена начнетъ подносить гостямъ по чаркѣ вина двойнаго, или тройнаго съ зельями (травами), величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря или немного больше, и господинъ начнетъ бить челомъ гостямъ и кланяется въ землю же, сколько тѣхъ гостей ни будетъ—всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пить вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пить напередъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ и подноситъ гостямъ, и гости, передъ питьемъ вина и выпивъ и отдавъ чарку назадъ, кланяются въ землю же; а кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романеи, или ренскаго, или инаго питья по кубку; и послѣ питья того господина жена, поклонясь гостямъ, пойдетъ въ свои покои къ гостямъ же, къ боярынямъ, тѣхъ гостей женамъ. А жена того господина и тѣхъ гостей жены съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые близкіе родственники, а чужихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ и въ обѣдъ, за всякою ѣствою, господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романею, и ренское, и пива, приправленныя и простыя, и меды разные. И въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ жены сыновей того господина, или дочери замужнія, или иныхъ родственниковъ жены, и тѣ гости, вставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ, тѣмъ женамъ кланяются, и мужья тѣхъ женъ также кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили; и гости, цѣловавъ тѣхъ женъ и пивъ вино, садятся за столъ, а тѣ жены пойдутъ попрежнему туда, гдѣ сперва были. А своихъ дочерей дѣвицъ къ гостямъ не выводятъ и не показываютъ никому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, послѣ обѣда господинъ и гости веселятся и пьютъ за здоровье другъ друга, пока не разъѣдутся по домамъ. Такимъ же образомъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоин-

ству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужескаго полу у нихъ не бываетъ никого.

3. А случится которому боярину и ближнему человѣку женить своего сына, или самому, или брата и племянника женить, или дочь, или сестру и племянницу выдать замужъ, то они, межъ себя свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу той невѣсты, или къ матери, или къ брату, говорить друзей своихъ мужчинъ или женщинъ. Посланные говорятъ, что тотъ человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорить и спросить, ежели онъ захочетъ свою дочь или инаго кого выдать замужъ за него самого, или за инаго кого, и что будетъ за тою дѣвицею приданаго платьемъ и деньгами, и вотчинами, и дворовыми людьми. И тотъ человѣкъ, если хочетъ дочь свою, или инаго кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и сродичами, а подумавъ дастъ отвѣтъ, когда можно; а если дать за него не хочетъ, зная, что онъ пьяница, или сумасбродъ, или иной какой дурной обычай за нимъ знаетъ, и тѣмъ людямъ откажетъ, что ему дать за такого человѣка не можно, или чѣмъ-нибудь отговорится и откажетъ.

А если умыслитъ за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ, то онъ, изготовя роспись, сколько за тою дѣвицею дастъ приданаго, денегъ и серебряной и иной посуды, и платья, и вотчинъ, и дворовыхъ людей, пошлетъ къ тѣмъ людямъ, которые къ нему отъ жениха приходили, а тѣ люди передадутъ жениху; а дочери или кому-нибудь, о томъ не скажутъ, и она не вѣдаетъ ничего до замужества своего. И если тому жениху по тому приданому та невѣста полюбится, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери говорить, черезъ ихъ же людей, чтобъ они ему ту невѣсту показали; а какъ тѣ посланные люди придутъ и говорить о томъ начнутъ, то отецъ или мать невѣсты скажутъ, что они дочь свою показать рады, только не ему, самому жениху, а отцу или матери, или сестрѣ, или родственницѣ, кому онъ, женихъ, самъ вѣритъ. И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрѣть мать свою или сестру, на который день приговорятъ. И той невѣсты отецъ и мать къ тому дню готовятся, невѣсту нарядятъ въ доброе платье, созовутъ гостей, родственниковъ и посадятъ ту невѣсту за столъ; а какъ та смотрильщица пріѣдетъ, и ее, честь воздавъ, посадятъ за столъ подлѣ невѣсты. Сидя за столомъ, за обѣдомъ, смотрильщица съ невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, испытывая ея умъ и рѣчь, и всматривается въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобъ сказать, пріѣхавъ къ жениху, какова она есть; и побывъ мало-ли, много-ли времени, она ѣдетъ къ жениху. И если той смотрильщицѣ та невѣста не полюбится, и она скажетъ жениху, чтобъ онъ къ ней не сватался, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи недобра, или хрома, или косноязычна, и женихъ отъ той невѣсты отстанетъ прочь и свататься не станетъ; а если та невѣста полюбилась, и скажетъ смотрильщица жениху, что добра и разумна и рѣчью и всѣмъ исполнена, женихъ посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери тѣхъ же первыхъ людей съ заявленіемъ, что онъ ту невѣсту излюбилъ, и хочетъ учинить сговоръ и записи написать, что ему на ней жениться на постановленный срокъ, и что они ту невѣсту также выдадутъ за него на тотъ же срокъ. И той невѣсты отецъ и мать приказываютъ съ тѣми присланными людьми къ жениху, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нимъ для сговору съ немво-

гими людьми, кому онъ въ такомъ дѣлѣ вѣритъ, такого-то дня до обѣда или послѣ обѣда. И женихъ, дождавшись того дня, нарядясь съ отцемъ своимъ, или сродичами, или съ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матери; пріѣхавшаго невѣстинъ отецъ и родственники встрѣчаютъ и честь воздадутъ, какъ слѣдуетъ, и идутъ въ хоромы и садятся по чину; а посидѣвъ, начнетъ говорить жениха отецъ или иной родственникъ, что они пріѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу; и господинъ дома своего отвѣчаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя, съ обѣихъ сторонъ, начнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положатъ свадьбѣ срокъ, какъ кому можно къ тому времени изготовиться, за недѣлю и за мѣсяцъ и за полгода и за годъ и больше; и начнутъ между собою писать въ записяхъ своихъ имена, и третьихъ (посредниковъ), и невѣстино, а напишутъ, что ему по сговору ту невѣсту взять на прямой установленный срокъ, непремѣнно, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ, непремѣнно; и положатъ въ томъ письмѣ межъ собою уговоръ, если женихъ на установленный срокъ дѣвицы не возьметъ, или отецъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взять на виноватомъ 1,000, 5,000 или 10,000 руб. денегъ, сколько кто напишетъ въ записи. И посидѣвъ у него въ гостяхъ, поѣвши и попивши, поѣдутъ къ себѣ, а невѣсты не показываютъ, и невѣста своего жениха не видитъ; а выходитъ въ то время ширинкою (платкомъ) дарить жениха отъ невѣсты мать, или замужняя сестра, или какая родственница.

4. Если послѣ сговора женихъ провѣдаетъ про ту невѣсту, или кто со стороны, желая ту невѣсту взять за себя или за сына, нарочно разстроитъ того жениха, что она въ дѣвствѣ своемъ нечиста, или глуха, или нѣма, или увѣчна, что-нибудь худого за нею приведетъ, и тотъ человѣкъ той невѣсты за себя не возьметъ,—тогда невѣстинъ отецъ и мать бьютъ челомъ о томъ патріарху, что женихъ по сговору своему и по условію невѣсты въ срокъ не взялъ и взять не хочетъ, и тѣмъ ее обезчестилъ; если той невѣсты отецъ и мать, провѣдавъ про того жениха, что онъ пьяница, или игрокъ, или уродливъ, или что-нибудь свѣдавъ худое, за него не выдаютъ и выдать не хотятъ, тогда женихъ бьетъ челомъ о томъ патріарху. И патріархъ велитъ то изслѣдовать, и на виноватомъ возьмутъ зарядъ (неустойку), сколько въ записи написано, и отдадутъ правому жениху или невѣстѣ; а послѣ того вольно ему жениться на комъ хочетъ, или невѣсту вольно выдать, за кого хотятъ же.

5. А если съ обѣихъ сторонъ противъ писемъ своихъ исполнятъ и къ свадьбѣ изготовятся въ установленный срокъ, женихъ созываетъ къ себѣ на свадьбу родственниковъ и чужихъ людей, кто кому друженъ, въ чиновные люди и въ сидячіе бояре и боярыни (т. е. свадебные чины, участвующіе и не участвующіе въ свадебныхъ поѣздахъ); также и съ невѣстиной стороны созываютъ гостей такимъ же образомъ. И въ тотъ день, въ который быть свадьбѣ, готовятъ у жениха и у невѣсты столъ и посылаютъ приглашенія, что ужь жениху пора ѣхать за невѣстой, и они поѣдутъ по чину: напередъ несутъ коровайники, хлѣбъ на носилкахъ, потомъ ѣдутъ лѣтомъ на лошадяхъ верхами, а зимою въ саняхъ попъ съ крестомъ, потомъ бояре, тысяцкій и женихъ; а пріѣхавъ къ невѣстѣ на дворъ, идутъ въ хоромы, по чину, и невѣстинъ отецъ и гости встрѣчаютъ ихъ съ

честью. А какъ будетъ имъ время ѣхать къ вѣнчанію, и дружки у отца и у матери невѣстиной спрашиваются, чтобъ они новобрачнаго и новобрачную благословили ѣхать къ вѣнчанію, и они благословляютъ ихъ словомъ, а на отпускѣ отецъ и мать благословляютъ жениха и невѣсту образами, а потомъ, взявъ дочь свою за руку, отдаютъ жениху въ руки. И потомъ свадебный чинъ и попъ и женихъ съ невѣстою вмѣстѣ, взявъ ее за руку, идутъ изъ хоромъ вонъ, а отецъ, мать и гости ихъ провожаютъ на дворъ, и женихъ, посадя невѣсту въ колымагу или въ возокъ, садится на лошадь или въ сани, также и весь свадебный чинъ, и ѣдутъ со двора къ той церкви, гдѣ вѣнчаться; а отецъ невѣстинъ и гости идутъ назадъ въ хоромы и пьютъ и ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока будетъ отъ жениха вѣсть; а провожаетъ невѣсту только одна сваха ея, да женихова другая. Послѣ вѣнчанія ѣдутъ со всѣмъ поѣздомъ къ жениху на дворъ; и посылаютъ къ женихову отцу съ вѣстью, что вѣнчались въ добромъ здоровьѣ. И какъ пріѣдутъ они къ жениху на дворъ, и ихъ жениховъ отецъ и мать и гости встрѣчаютъ, и отецъ и мать родные, и посаженые, жениха и невѣсту благословляютъ образами и подносятъ хлѣбъ да соль, и потомъ садятся за столы и начнутъ ѣсть, по чину; и въ то время невѣсту откроютъ. Послѣ третьей ѣствы (кушанья) дружки благословляются у отца и у матери новобрачному и новобрачной идти опочивать, и они ихъ благословляютъ; и отпустя и проводивъ, пойдутъ назадъ и начнутъ ѣсть и пить по-прежнему. Передъ разъѣздомъ гости справляются о здоровьѣ жениха и невѣсты, пьютъ заздравныя чаши и посылаютъ къ невѣстинымъ родителямъ сказать, что женихъ и невѣста въ добромъ здоровьѣ, и потомъ всѣ гости разъѣзжаются.

6. А на утро женихъ ѣздитъ съ дружкою созывать къ себѣ гостей, къ обѣду, своихъ и невѣстиныхъ. А пріѣхавъ къ невѣстину отцу и матери, бьетъ челомъ имъ за то, что они дочь свою вспоили и вскормили и замужъ выдали, и, созвавъ гостей, поѣдетъ къ себѣ домой. А какъ къ нему гости всѣ съѣдутся, и новобрачная свадебнымъ чиновнымъ людямъ подноситъ дары. И передъ обѣдомъ онъ, женихъ, ѣздитъ со всѣмъ поѣздомъ челомъ ударить къ царю. А какъ пріѣдутъ и войдутъ въ палату къ царю, всѣ кланяются въ землю, а царь въ то время сидитъ и спрашиваетъ про жениховo и невѣстино здоровье, сидя въ шапкѣ; и женихъ кланяется въ землю; и потомъ царь поздравляетъ ихъ съ законнымъ бракомъ и благословляетъ жениха и невѣсту образами окладными, и даетъ жалованье по сороку соболей да на платье по куску бархату и атласу и объяри золотой, и по куску же атласу, и камки, и тафты простой, да по сосуду серебряному вѣсомъ фунта по полтора, или по два сосуда. А невѣста сама у царя не бываетъ. Подаетъ царь тысяцкому и свадебному чину питья по кубку романеи, а потомъ по ковшу меду вишневаго, а какъ они выпьютъ, царь отпуститъ ихъ къ себѣ домой. А пріѣхавъ домой, женихъ со всѣми гостями начнутъ ѣсть и пить, а послѣ ѣды мать и гости благословляютъ жениха и невѣсту образами и дарятъ, у кого что прилучилось; и поѣвши и попивши, разъѣзжаются по домамъ. А на третій день бываетъ женихъ и невѣста и гости у невѣстина отца и матери, со всѣми своими гостями, на обѣдѣ, и послѣ обѣда невѣстинъ отецъ и мать и гости также дарятъ жениха и невѣсту, и поѣвши и попивши, разъѣдутся по домамъ; больше того у нихъ веселья не бываетъ.

Въ то время, какъ женихъ бываетъ у царя, невѣста отъ себя посылаетъ къ царицѣ и къ царевнамъ дары, убрусы (полотенца) тафтяные, шитые золотомъ и серебромъ съ жемчугомъ: и у нихъ тѣ дары царица и царевны принимаютъ и посылаютъ отъ себя спрашивать невѣсту о здоровьѣ.

А на свадьбахъ дѣвицъ и музыки никакой не бываетъ, кромѣ того что въ трубки трубятъ и бьютъ въ литавры.

Тоже бываетъ, когда кто дочь свою вдову, или дѣвицу сестру и племянницу, выдаетъ замужъ: и свадебный чинъ и свадебный пиръ бываютъ такимъ же образомъ.

7. Такимъ же образомъ свадебные сговоры и свадьба, и чинъ у стольниковъ, у стряпчихъ, у дворянъ и у иныхъ людей бываетъ, какъ выше сего писано, и какъ кто можетъ по силѣ своей славную и честную свадьбу учинить; но ѣздятъ къ царю челомъ ударить только одни думные люди и спальники и ихъ дѣти самыхъ большихъ родовъ.

Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываютъ въ томъ же порядкѣ во всемъ; но только въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ разнятся, смотря по состоянію.

А въ домахъ они своихъ живутъ также, кто какой чести и чиномъ, безъ великаго устроенія. И самымъ меньшимъ чинамъ домовъ своихъ построить добрыхъ не можно, потому что говорятъ о нихъ, что богатство многое имѣютъ, и ежели построится домомъ какой приказный человѣкъ, оболгутъ царю и многія кривды учинятъ, что будто онъ былъ взяточникъ и злоиматель, царской казны не берегъ, или казну воровски кралъ, и отъ того злаго слова тому человѣку и не во время будетъ болѣзнь и печаль; или ненавидя, его пошлютъ на иную царскую службу, котораго дѣла ему исправить не можно, и наказъ ему напишутъ такой, что онъ изъ него выразумѣть не умѣетъ, и посему службою прослужится (провинится), и ему бываетъ наказаніе: домъ, имущество и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ тому, кто хочетъ купить. А если торговый человѣкъ и крестьянинъ построится добрымъ обычаемъ, и на него положатъ на всякій годъ податей больше. И оттого Московскаго государства люди домами своими живутъ негораздо устроенными, а города и слободы безъ устроенія же.

10. А если у котораго отца или матери есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очами, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ, красотою и рѣчью исполнены (исправны) и во всемъ здоровы; и если кто начнетъ свататься у того человѣка на дочери его и посылаетъ смотрѣть мать свою или сестру и кому вѣритъ, и тѣ люди вмѣсто той своей увѣчной дочери, назвавъ именемъ той дочери, за которую, не зная, начнутъ свататься, показываютъ другую или третью дочь, и та присланная, видѣвъ, излюбитъ ту дѣвицу и скажетъ жениху, что она добра и жениться ему на ней можно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ и о свадьбѣ у нихъ съ отцемъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а тому человѣку ту свою дѣвицу за него выдать на тотъ же уставленный срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ неустойки великія; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочь, имя которой въ записяхъ напишутъ, а не ту, которую сперва смотрильщицѣ показывали, и тотъ

XCVIII. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Изъ ст. Бѣляева: «Служилые люди въ Московскомъ государствѣ», помѣщ. въ «Московскомъ Сборникѣ»).

По свидѣтельству договорной грамоты в. кн. Симеона Ивановича съ братьями (1341), вторымъ классомъ служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ были вольные слуги. Притомъ изъ этой грамоты видно, во 1-хъ, что слуги, какъ и бояре, могли переходить отъ одного князя къ другому, и князья по русскому народному праву того времени обязывались не держать за это нелюбья и не посягать на чужихъ слугъ, но блюсти, какъ и своихъ; во 2-хъ, что слуги, какъ и бояре, могли покупать села и другія недвижимыя имѣнія; въ 3-хъ, что слуги раздѣлялись на свободныхъ и несвободныхъ; къ первымъ относились тѣ, которые бывали въ кормленіи и доводѣ, т. е. которымъ поручались въ управленіе области съ правомъ пользоваться доходами; а ко вторымъ тѣ, которымъ назначались отъ князя должности безъ права перемѣнять службу. Такимъ образомъ изъ этой грамоты мы ясно видимъ, что вольные слуги наравнѣ съ боярами пользовались правомъ свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, правомъ владѣнія недвижимыми имѣніями на условіяхъ собственника и правомъ занимать разныя правительственныя должности съ опредѣленными отъ нихъ доходами.

Но всѣ эти указанія намъ еще не объясняютъ, кто именно причислялся къ этому разряду служилыхъ людей, и какое было различіе между слугами и боярами; въ другихъ московскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ тоже нѣтъ объясненія, поэтому необходимо прибѣгнуть къ грамотамъ другихъ княженій, ибо вольные слуги въ древности были у всѣхъ русскихъ князей. Въ этомъ случаѣ намъ нѣкоторымъ образомъ могутъ помочь договорныя грамоты Новгорода съ тверскими князьями. Изъ всѣхъ этихъ грамотъ мы видимъ, что въ іерархіи служебныхъ лицъ рядомъ съ боярами стоятъ дворяне точно такъ-же, какъ въ московскихъ грамотахъ слуги; слѣдовательно, почти можемъ допустить, что «слуги» (т. е. вольные) и дворяне въ XIII—XV вѣкахъ были одно и то-же. И такъ какъ въ упомянутыхъ новгородскихъ грамотахъ вездѣ дворяне являются только низшими служебными лицами, т. е. сборщиками податей и пошлинъ, разсыльщиками и служителями при судьяхъ, то изъ этого можно заключить, что дворяне или слуги, пользуясь одинакими правами съ боярами относительно свободы перехода изъ службы отъ одного князя къ другому и относительно владѣнія недвижимыми имѣніями, въ отношеніи къ самой службѣ были на низшей степени противъ бояръ и могли занимать должности только второстепенныя. Далѣе въ другихъ новгородскихъ грамотахъ вездѣ вмѣсто дворянъ поставлены слуги. Такъ и въ договорной грамотѣ съ кн. Ярославомъ Ярославичемъ, писанной въ 1270 г., сказано: «А въ Бѣжичахъ тебѣ, княже, ни твоей княгинѣ, ни твоимъ боярамъ, ни твоимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ пріимати, и по всей волости Новгородской». Такимъ образомъ ясно, что подъ именемъ вольныхъ слугъ, упоминаемыхъ въ древнихъ московскихъ грамотахъ, должно разумѣть дворянъ, что дворяне и слуги въ то время были сановниками

Но очевидно, что этихъ дворянъ нельзя принимать за одно съ дворянами царя Ивана Васильевича послѣ 1566 г., когда этимъ именемъ стали называть высшее служебное сословіе; дворяне XIII—XV вѣковъ, даже до половины XVI, составляли именно то самое сословіе, которое послѣ 1566 г. получило названіе боярскихъ дѣтей, т. е. къ нему принадлежали древніе лѣтописные дѣтцкіе, отроки и другіе свободные княжескіе служители низшихъ степеней, извѣстные подъ названіемъ молодшей дружины.

Изъ единогласнаго свидѣтельства оффиціальныхъ памятниковъ и лѣтописныхъ извѣстій видно, что въ Московскомъ государствѣ второй классъ служилыхъ людей составляли вольные слуги, которые въ древности, у кіевскихъ и другихъ князей, вообще назывались молодшею дружиною, молодью, и состояли изъ княжихъ отроковъ, дѣтскихъ, мечниковъ и гридей; эти же вольные слуги въ XIII, XIV, XV и до половины XVI вѣка назывались еще дворянами, какъ въ Московскихъ владѣніяхъ, такъ и въ другихъ русскихъ княжествахъ; а съ 1566 г. въ Московскомъ государствѣ ихъ стали называть дѣтьми боярскими, названіе же дворянъ перешло къ высшему классу служилыхъ людей, которые до 1433 г. назывались боярами, а потомъ боярскими дѣтьми.

Этотъ второй классъ служилыхъ людей, подобно первому, долженъ былъ участвовать во всѣхъ родахъ государственной службы. Впрочемъ, военная служба этого класса не могла равнятся съ службою лицъ перваго класса: они не были главными воеводами и начальниками полковъ; это доказываютъ слова боярскихъ дѣтей въ соборномъ приговорѣ 1566 г. «А мы, государевы холопы служилые люди, намъ какъ государь велитъ; и мы, холопы его, на государево дѣло готовы». Это прямо голосъ людей, не имѣющихъ высшаго значенія въ службѣ, простыхъ воиновъ и много-много сотенныхъ головъ, каковыми точно и являются боярскіе дѣти, по свидѣтельству разныхъ памятниковъ. По другимъ службамъ мы видимъ боярскихъ дѣтей разсыльщиками при разныхъ приказахъ и дьячихъ избахъ, также приставами при заставахъ, приставами при перевозахъ. Въ одной отпискѣ къ тобольскимъ воеводамъ 1640 г. сынъ боярскій значится сборщикомъ ясака. Дѣти боярскіе также выбирались въ губные старосты, городовые прикащики, ямскіе стройщики и другія подобныя должности. Прежніе дворяне, или позднѣйшіе дѣти боярскіе, бывали конюхами, псарями, тенетчиками, рѣшеточными прикащиками. Такимъ образомъ древніе слуги и дворяне, или позднѣйшіе дѣти боярскіе, во всѣхъ родахъ службы могли занимать только незначительныя должности; но, конечно, имъ не былъ загражденъ путь къ возвышенію, ибо они могли переходить въ высшій классъ служилыхъ людей, и тогда имъ открывалась возможность занимать и высшія должности. Переходъ въ высшій классъ пріобрѣтался службою, а служба обыкновенно соразмѣрялась болѣе или менѣе съ состояніемъ служащаго: кто имѣлъ болѣе средствъ, тотъ могъ лучше и служить, ибо, по правиламъ старой московской администраціи, время отъ времени составлялись разборные списки служилыхъ людей; въ этихъ спискахъ отмѣчалось, за кѣмъ какое имѣніе, и какъ кто коненъ, люденъ и оруженъ можетъ явиться на дѣйствительную службу. Смотря по спискамъ, служилые люди верстались въ высшія или низшія статьи.

ніе стольниковъ. Каждый полкъ заключалъ въ себѣ до 1,000 человѣкъ и раздѣлялся на сотни, подъ вѣдѣніемъ капитановъ. Какъ въ столицѣ, такъ и въ городахъ, стрѣльцы жили особыми слободами, получали отъ казны жалованье, землю, могли имѣть торговыя лавки, мельницы, освобождались отъ всѣхъ городскихъ повинностей, равнымъ образомъ и отъ торговыхъ пошлинъ, если торговали на сумму не свыше 50 рублей—капиталъ значительный при тогдашней цѣнности монеты. Званіе стрѣльцовъ было наслѣдственное и переходило отъ отца къ сыну. Въ мирное время они исправляли въ своихъ городахъ обязанности гарнизонной службы и разныя полицейскія должности; въ случаѣ войны выступали въ походъ, вооруженные мушкетами, саблями, бердышами; у первыхъ ротъ были, сверхъ того, копья, оттого назывались онѣ копейными. Каждый полкъ имѣлъ свою артиллерію, отъ 7 до 8 пищалей на станкахъ, съ извѣстнымъ числомъ *пушкарей*, которые выбирались однакожь не изъ стрѣльцовъ, считавшихъ званіе пушкарское для себя унизительнымъ; пушкарямъ также отводилась земля или производилось денежное жалованье.

Къ пѣхотѣ русскаго строя принадлежали *городовые казаки*, служившіе съ данной имъ земли, и *люди даточные*, собираемые съ тяглыхъ и нетяглыхъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ, смотря по надобности, иногда съ 50, иногда съ 20, даже съ 3 дворовъ по человѣку, съ исправнымъ оружіемъ и достаточнымъ запасомъ продовольствія на счетъ помѣстныхъ владѣльцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли латы, шишаки, мушкеты, сабли; другіе только луки, топоры и рогатины. По окончаніи войны, всѣ они распускались по домамъ и поступали въ прежнее состояніе. Городовые казаки и даточные люди во время походовъ оберегали обозы, строили мосты, сооружали окопы; тѣ и другіе бывали и конные; на долю сихъ послѣднихъ доставалась сторожевая и станичная служба.

Боевою конницею было дворянство, многочисленный классъ людей родословныхъ, стародавнихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, изъ которыхъ многіе вели родъ свой отъ Владиміра св. Въ одномъ разрядѣ съ нимъ находились новокрещенные князья и мурзы татарскіе, получившіе помѣстья. Каждый городъ имѣлъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, *дворянъ и дѣтей боярскихъ*: они обыкновенно назывались по имени города, къ которому были приписаны (владимірцами, кашинцами) и раздѣлялись на три статьи: на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ. Послѣдніе занимали низшую ступень, и только за особенное отличіе или достоинство перемѣщались въ дворовой списокъ и въ выборный, т. е. получали высшіе помѣстные оклады. Царскій указъ „служить съ городомъ“ для знатнаго сановника выражалъ тяжкую опалу. Изъ выборнаго списка лучшіе помѣщики и вотчинники поступали ко двору, съ званіемъ жильцовъ въ царскіе тѣлохранители, и хотя смѣнялись обыкновенно чрезъ полгода, но уже оставались въ спискѣ московскаго чина: если же получали помѣстные оклады въ Московскомъ уѣздѣ, то пріобрѣтали званіе дворянъ московскихъ, отсюда могли перейти въ стряпчіе и стольники, т. е. въ высшій классъ царедворцевъ.

Право помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія непремѣнно обязывало къ военной службѣ лично самихъ владѣльцевъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которые не могли служить по своему званію, полу, за старостью, болѣзнью, увѣчьемъ, или находились въ придворныхъ должностяхъ, на

воеводствѣ, въ посольствѣ; въ званіи губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и т. п. Воеводы вели помѣщикамъ и вотчинникамъ *разборныя книги* подробные списки, въ которыхъ означались прежнія службы каждаго изъ нихъ, помѣстные оклады, временныя денежныя выдачи, также сыновья взрослые и малолѣтніе, еще не отдѣленные отъ отца, и другіе свойственники, состоявшіе въ семействѣ; сверхъ того, «кто какъ люденъ, коненъ и оруженъ», т. е. съ какимъ боемъ или оружіемъ и съ какимъ числомъ людей явится на службу каждый помѣщикъ и вотчинникъ. Разборныя книги ежегодно сообщались въ Москву, въ главное вѣдомство служилыхъ людей. Разрядъ, который, основываясь на нихъ, время отъ времени, большею частью предъ началомъ войны, нерѣдко и по объявленіи уже разрыва, посылалъ въ уѣздъ разборщиковъ и окладчиковъ: первыхъ—для пересмотра служилыхъ людей, кто изъ нихъ годенъ къ службѣ или не годенъ; вторыхъ—для *верстанья новиковъ*, т. е. для записки въ государеву службу всѣхъ недорослей, достигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста, и для назначенія имъ помѣстныхъ окладовъ.

Въ мирное время помѣщики и вотчинники, бывшіе не у дѣлъ, слѣдовательно состоявшіе въ полковой службѣ, спокойно проживали въ своихъ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ и менѣе всего думая о ратномъ дѣлѣ, пока не прискачетъ отъ воеводы посыльный стрѣлецъ съ царскимъ указомъ: «Строиться къ службѣ, запасы готовить и лошадей кормить». Тутъ брались они за дѣдовскіе, заржавленные доспѣхи, устраивали походный кошъ, нагружали нѣсколько возовъ, по мѣрѣ своихъ способовъ, провіантомъ (вяленымъ и соленымъ мясомъ, рыбою, толокномъ, гречею, масломъ, хлѣбомъ), снаряжали въ походъ съ собою своихъ людей, назначая однихъ къ бою, другихъ въ обозъ, и поджидали новаго царскаго указа, который кликнетъ ихъ въ дальній путь, съ Вологды на Украйну, съ Казани на Литву. Многіе, не взирая на преклонныя лѣта, на сорокалѣтнюю службу, бодро и смѣло на ретивыхъ коняхъ спѣшили въ указное мѣсто, къ назначенному сроку; другіе медленно и лѣниво подвигались съ своимъ кошемъ и нерѣдко приходили къ сборнымъ пунктамъ въ концѣ военныхъ дѣйствій; не мало было и такихъ, которые, подъ разными благовидными предлогами, уклонялись отъ службы, чаще всего, прикидываясь больными, чтобы за неудачный *нѣтъ* на смотру не попасть подъ батоги и не потерять помѣстья, а иные отважно и упорно сказывались въ *нѣтѣхъ*, укрываясь отъ всѣхъ поисковъ городовыхъ высыльщиковъ.

Пріѣзды помѣщиковъ на сборные пункты представляли живописную, хотя мало утѣшительную картину, по разнообразію вооруженія, доспѣховъ, прислуги и обозовъ. Люди богатые являлись на рѣзвыхъ аргамакахъ, въ блестящихъ панцыряхъ и въ зерцалахъ, вооруженные булатными саблями, мушкетами, карабинами, съ исправною боевою прислугою, съ обильнымъ запасомъ всякаго продовольствія. Бѣднякъ пріѣзжалъ на плохой лошадкѣ, безъ латъ и шлема, безъ мушкета и карабина, съ одною саблею въ рукѣ или съ парою пистолей, да съ мѣшкомъ сухарей, который несъ за нимъ хилый челядинецъ, вооруженный рогатиною. Явившіеся во-время на сборныя мѣста, дворяне городовые распредѣлялись по корпусамъ между другими ратными людьми, имѣя своихъ головъ и есауловъ. Дворяне московскаго чина именовались *полкомъ государевымъ*; одна половина его оставалась въ Москвѣ, другая отправлялась въ походъ

и всегда находилась при Большомъ Полку или при главномъ войскѣ, въ видѣ отдѣльнаго отряда.

Первоначальное войско иноземнаго строя учреждено въ Россіи умомъ Бориса Годунова, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Сознавая превосходство западныхъ народовъ въ военномъ искусствѣ, Борисъ охотно принималъ въ царскую службу всѣхъ способныхъ иностранцевъ; многіе изъ нихъ сами предлагали свои услуги русскому правительству, въ надеждѣ пріобрѣсть сокровища въ богатой Московіи; другихъ *приговаривали* наши послы и торговые агенты за границею; остальные взяты изъ плѣнниковъ прежнихъ войнъ, преимущественно изъ ливонцевъ и поляковъ. Такъ возникла въ концѣ XVI вѣка иноземная дружина въ 2,500 чел., наиболѣе изъ поляковъ и ливонцевъ, съ частью шотландцевъ, датчанъ, шведовъ, цесарцевъ, французовъ и грековъ. Она получала отъ казны значительное содержаніе, денежными и помѣстными окладами, и состояла въ вѣдѣніи своихъ капитановъ. Димитрій Самозванецъ избралъ изъ нея 300 лучшихъ нѣмецкихъ воиновъ въ свои тѣлохранители и далъ имъ такое жалованье, что они могли носить бархатную одежду. По воцареніи Шуйскаго, иноземная дружина разсѣялась въ разныя стороны; а во время кровавой брани русскихъ за свободу отечества, вожди народнаго ополченія отклоняли всѣ вызовы иноземцевъ, желавшихъ вступить въ нашу службу, давая знать, что русскіе служатъ и бьются за вѣру и царство безъ жалованья и спасутъ свою отчизну и безъ наемныхъ людей. Этому же правилу слѣдовалъ и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ первые годы своего царствованія. При нашествіи королевича Владислава на Россію въ 1618 году, когда правительство, для спасенія царства, вооружило всѣхъ жителей Москвы, нашлось въ ней иноземцевъ стараго выѣзда не болѣе 137 человѣкъ. Царь Михаилъ видѣлъ однакожь необходимость, для успѣха неизбѣжной борьбы съ Польшей, окружить себя войсками искусными въ ратномъ дѣлѣ: съ этою цѣлью онъ собралъ всѣхъ иноземцевъ *стараго выѣзда*, разсѣянныхъ по Россіи, и образовалъ изъ нихъ нѣсколько ротъ, наиболѣе изъ грековъ, сербовъ и волоховъ, подъ начальствомъ ротмистровъ съ славянскими прозваніями.

Когда же пришло время войны съ Польшей, государь прибѣгнулъ къ двумъ важнымъ мѣрамъ, которыя едва ли приходили на мысль и Годунову: съ одной стороны, онъ отправилъ двухъ полковниковъ, Лесли и фонъ-Дама, въ западныя государства нанять до 7000 воиновъ въ полномъ вооруженіи на все время замышляемой войны съ Польшею; съ другой же стороны, велѣлъ набрать въ своемъ государствѣ нѣсколько полковъ конныхъ изъ безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ вольныхъ людей, и ввѣрилъ ихъ нѣмецкимъ офицерамъ для ратнаго обученія иноземнымъ обычаемъ. Лесли и фонъ-Дамъ привели изъ-за границы пять полковъ, которые однако не принесли ожидаемой пользы въ войнѣ съ Польшею, и, послѣ печальнаго опыта подъ Смоленскомъ, правительство болѣе не вызывало иноземныхъ солдатъ въ такомъ огромномъ числѣ; но тѣмъ ревностнѣе, чрезъ пословъ и торговыхъ агентовъ, приговаривало оно за границею въ русскую службу способныхъ *начальныхъ* людей, т. е. полковниковъ, капитановъ, ротмистровъ, поручиковъ, прапорщиковъ, также и капраловъ, для ратнаго обученія русскихъ войскъ иноземному строю. Въ войскахъ Шеина подъ Смоленскомъ было уже шесть полковъ солдатскихъ, одинъ полкъ рейтар-

скій и одинъ драгунскій: всѣ они составлены были преимущественно изъ русскихъ подъ начальствомъ нѣмецкихъ офицеровъ.

Мысль царя Михаила о введеніи въ русскія войска иноземнаго строя развилась въ обширныхъ размѣрахъ при его преемникѣ. Отъ начала до конца своего царствованія Алексѣй Михайловичъ постоянно вызывалъ въ Россію иноземныхъ офицеровъ для обученія своихъ войскъ, и находилъ ихъ безъ труда; въ западной Европѣ, послѣ тридцатилѣтней войны, скитались безъ дѣла и безъ денегъ тысячи отважныхъ бойцовъ, которые готовы были идти на край свѣта за честью и корыстью. Русскій государь предлагалъ имъ щедрое жалованье, обширныя помѣстья, свободу вѣроисповѣданія, съ правомъ безпрепятственнаго выѣзда изъ Россіи по окончаніи условнаго срока, и цѣлыя толпы нѣмецкихъ начальныхъ людей стремились въ Московію; въ особенности много появилось ихъ во время войны за Малороссію; въ одинъ годъ, въ 1661, выѣхали въ Россію: изъ Польши полковникъ Кравфурдъ съ 30 офицерами, въ числѣ которыхъ были маіоръ Патрикъ Гордонъ; изъ цесарской земли полковникъ Шейнъ, подполковникъ Крейцъ, маіоръ Венстендорфъ съ 39 капралами и рейтарами; изъ Шотландіи капитанъ Смитъ, изъ Любека ротмистръ Шульцъ съ 17 рейтарами; изъ Даніи полковникъ Эгератъ и подполковникъ Стробель съ 136 ч. начальныхъ людей и рейтаръ; изъ Англіи подполковникъ Дикенсенъ съ нѣсколькими товарищами; изъ Аугсбурга полковникъ фонъ-Падбергъ, подполковники Гольмъ, Вильдъ, Ясманъ, съ 12 ротмистрами, 9 капитанами, 18 поручиками, 15 прапорщиками, лѣкарями, гранатчиками, съ сотнею капраловъ и рейтаръ.

Выѣзжіе нѣмцы нерѣдко ошибались въ своихъ корыстныхъ разсчетахъ: полковникъ Падбергъ и многочисленные спутники его, до 137 человѣкъ, на пути въ Москву, въ Великомъ Устюгѣ, едва не погибли съ голода и только угрозою грабежа принудили таможняго воеводу дать имъ нѣсколько денегъ на кормъ; славный впослѣдствіи сподвижникъ Петра, Гордонъ, въ первый годъ по пріѣздѣ въ Москву думалъ уйти въ Персію: жалованье производилось мѣдными деньгами, быстро упадавшими въ цѣнѣ, и чрезъ нѣсколько времени уменьшено было цѣлою третью. Той же участи подвергались и другіе иноземцы. При всемъ томъ они не переставали, толпа за толпою, приходить въ Россію. Многіе выѣзжали съ женами и дѣтьми; другіе поженились въ Россіи, большею частью на дочеряхъ и вдовахъ своихъ единоземцевъ; нѣкоторые приняли и православную вѣру. Впрочемъ, благоразумная вѣротерпимость руководствовала нашимъ правительствомъ: оно только запрещало иноземцамъ имѣть крѣпостныхъ людей православнаго исповѣданія. Это распоряженіе состоялось при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, вслѣдствіе жалобъ дворовыхъ бабъ и дѣвокъ на жену полковника Лесли, которая обременяла ихъ нестерпимою работою и въ великій постъ заставляла ѣсть мясо и «всякой скоромъ» неволею.

До выѣзда въ Россію, всѣ вообще иноземцы, вступившіе въ Русскую службу, заключали съ нашимъ правительствомъ, при посредствѣ пословъ или агентовъ, условія на извѣстный срокъ, съ жалованьемъ, смотря по чину; по окончаніи условнаго срока, одни изъ нихъ возвращались восвояси, другіе возобновляли контракты на опредѣленное время, или навсегда оставались въ Россіи, тѣмъ болѣе, что наше правительство весьма неохотно отпускало людей способныхъ и, частью обѣщаніемъ наградъ,

часть югрозою ссылки въ Сибирь, удерживало ихъ въ своей службѣ. Такъ Гордонъ, не взирая на ходатайство своего короля, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ вырваться изъ Россіи и за слишкомъ настойчивое требованіе отставки, при царевнѣ Софіи, на нѣкоторое время разжалованъ былъ изъ генералъ-поручиковъ въ прапорщики.

Главною цѣлью нашего правительства, при вызовѣ иностранныхъ офицеровъ, было обученіе войскъ иноземному строю; въ составѣ 9 корпусовъ, опредѣленныхъ росписаніемъ царя Ѳеодора Алексѣевича, въ послѣдній годъ его жизни, находились уже 63 полка иноземнаго строя; въ томъ числѣ 25 полковъ конныхъ, рейтарскихъ и копейныхъ, и 38 пѣшихъ солдатскихъ; столько же набрала ихъ и Софія для похода на Крымъ.

Въ рейтарскую и копейную службу, кромѣ значительнаго числа иноземцевъ, набирались малопомѣстные дворяне, дѣти боярскіе и всякіе вольные охочіе люди, не бывшіе ни въ тяглѣ, ни холопствѣ; имъ производилось во время похода жалованье отъ 15 до 20 руб., за исключеніемъ тѣхъ, которые могли содержать себя сами въ своихъ помѣстьяхъ, и выдавались отъ казны карабины, сабли, пистолеты, порохъ, свинецъ, шишаки и латы, иногда одежда и лошадь, а въ копейные полки копья. Сверхъ того, всѣ лица, владѣвшія помѣстьями, но не могшія служить лично (духовенство, сановники, бывшіе у дѣлъ, престарѣлые и больные помѣщики, вдовы, дѣвицы), выставляли въ случаѣ надобности со ста дворовъ по рейтару, въ полномъ вооруженіи, съ лошадью и съ запасомъ продовольствія. Рейтары и копейщики раздѣлялись на полки; полки раздѣлялись на роты. Полковники были обыкновенно иноземцы, равно какъ и начальные люди, т. е. маіоры, ротмистры, поручики, прапорщики, числомъ до 33 въ каждомъ полку.

Когда не было войны, рейтары какъ начальные, такъ и рядовые, проживали въ своихъ помѣстьяхъ и не болѣе одного мѣсяца въ году, обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба, занимались ратнымъ ученіемъ, по особому предписанію правительства. Полковникъ, получивъ о томъ *память* изъ рейтраскаго приказа, пріѣзжалъ въ городъ, въ уѣздѣ котораго расположенъ былъ его полкъ, разсѣянный по волостямъ и станамъ, собиралъ начальныхъ людей и рейтаръ, записывалъ пріѣзды ихъ, досматривалъ оружіе, доспѣхи, лошадей, училъ ратному строю; послѣ чего, сказавъ имъ вслухъ царскій указъ, чтобы они впредь на государеву службу были готовы съ полнымъ ружьемъ и на добрыхъ лошадяхъ, съ вѣдома воеводы распускалъ ихъ по домамъ до будущей осени.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ учреждены были еще драгуны, частью изъ иноземцевъ, частью изъ русскихъ охочихъ людей, изъ боярскихъ дѣтей, новокрещеныхъ и татаръ, также изъ дѣтей стрѣлецкихъ, казачьихъ и всякихъ вольныхъ, безпомѣстныхъ людей, которые не въ службѣ, не въ тяглѣ и не въ холопствѣ. Имъ производилось жалованье по 3 рубля въ годъ, съ поденнымъ кормомъ: дѣтямъ боярскимъ и иноземцамъ по 8 денегъ, прочимъ по 7. Лошади и доспѣхи давались казенныя. Драгуны имѣли латы и панцыри; вооружены были мушкетами, пиками, шпагами и бердышами, службу несли конную и пѣшую, по окончаніи похода распускались по домамъ, лошади же съ сѣдоками и военною сбруею отсылались по разнымъ областямъ, гдѣ лошадей отдавали на кормъ сельскимъ обывателямъ, по одной на 4 двора, а оружіе хранилось у воеводъ или въ монастыряхъ. Гусары, кажется, были переименованы копейщиками.

Пѣхотные полки солдатскіе избирались изъ того же класса вольныхъ людей, какъ и драгунскіе, изъ безпомѣстныхъ, малопомѣстныхъ и изъ крестьянъ, отъ трехъ братьевъ по одному, отъ четырехъ по два; они были поселены при городахъ особыми слободами, сохранившими, подобно стрѣлецкимъ, до сихъ поръ названіе солдатскихъ, во время войны получали жалованье и кормовыя деньги наравнѣ съ драгунами; въ мирное время они кормились съ отведенной имъ земли. Оружіе было казенное: оно состояло изъ мушкетовъ, пикъ и долгихъ и короткихъ шпагъ и бердышей. Солдаты раздѣлялись на полки, отъ 1,000 до 2,000 человѣкъ, и назывались иногда по имени полковниковъ, напримѣръ, Ловизовъ, иногда по имени городовъ, Рыльскій, Елецкій. Полковники были исключительно иноземцы, какъ и въ рейтарскихъ полкахъ. Полки имѣли по 6 или 8 пушекъ, съ особыми пушкарями. Вообще устройствомъ своимъ солдаты много сходствовали со стрѣльцами, отличаясь только тѣмъ, что не имѣли ихъ привиллегій, состояли въ вѣдѣніи болѣе опытныхъ начальниковъ, чаще упражнялись въ ратномъ дѣлѣ, слѣдовательно лучше могли знать воинскіе пріемы.

Въ руководство при обученіи войскъ иноземнаго строя составленъ былъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ уставъ, изданный въ 1648 г. повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича, подъ заглавіемъ: «*Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*». Впрочемъ, каждый полковникъ слѣдовалъ своей методѣ.

Не взирая однакожь на всю заботливость царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора объ учрежденіи въ Россіи полковъ иноземнаго строя и на тысячи иноземцевъ, находившихся въ русской службѣ, мы не имѣли войска регулярнаго, т. е. правильно устроеннаго, хорошо вооруженнаго и привычнаго къ дѣлу ратному въ той степени, въ какой оно было уже въ западной Европѣ: названіе рейтаръ, копейщиковъ, драгунъ, солдатъ, также нѣкоторая перемѣна оружія по иностраннымъ образцамъ, самое раздѣленіе на полки и роты, подъ начальствомъ иностранныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ, ничто не могло переродить старыхъ воиновъ Руси: попрежнему они оставались тѣми же дворянами, боярскими дѣтьми, городовыми казаками, вообще землевладѣльцами разныхъ названій; попрежнему большую часть года проживали въ деревняхъ и дворахъ, разсѣянныхъ по волостямъ и станамъ, хлопоча болѣе о насущномъ хлѣбѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, чѣмъ о военной службѣ. Карабинъ и сабля спокойно по цѣлымъ мѣсяцамъ висѣли на стѣнѣ, покрываясь ржавчиною, а воинъ-помѣщикъ возился съ сохою, мололъ муку, или ѣздилъ по ярмаркамъ и торговалъ, чѣмъ могъ. Собрать ихъ въ походъ было трудно: не взирая на самые строгіе указы, тысячи дворянъ, рейтаръ, солдатъ оказывались въ *нѣтахъ*; самые иноземцы, бездомные капитаны, голодною и жадною толпою приходившіе въ Россію, заживались въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ и до того облѣнивались, что нерѣдко досиживались въ своей деревнѣ до третьяго *нѣта*, поплачиваясь за каждый *нѣтъ* своею спиною подъ батожьемъ; послѣ третьяго нѣта ихъ обыкновенно выгоняли за границу.

Вооруженіе воиновъ-помѣщиковъ какъ русскаго, такъ и иноземнаго строя было неисправно и недостаточно: часто являлись рейтары на сборныя мѣста съ однимъ пистолетомъ въ рукѣ, объясняя, что другой пистолетъ потерянъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ бою, карабинъ ра-

зорвало, а лать не дано. Лошади, не привычныя къ огню боевому, пугались отъ выстрѣловъ и часто сбивали съ себя всадниковъ прежде, чѣмъ начнется сраженіе. Менѣе всего удовлетворительно было состояніе артиллеріи; въ каждомъ полку солдатскомъ и стрѣлецкомъ было отъ 6 до 8 пищалей въ вѣдѣніи особыхъ пушкарей, назначаемыхъ Пушкарскимъ приказомъ; кромѣ полковыхъ орудій, при разрядномъ шатрѣ или при начальникѣ корпуса, находился большой полковой нарядъ, не болѣе впрочемъ 10 орудій, также подъ управленіемъ особыхъ пушкарей, столь же несвѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ, какъ и полковые.

Всѣ исчисленныя нами войска, въ послѣдній годъ царствованія Θеодора Алексѣевича распредѣлены на 9 разрядовъ или корпусовъ, которые именовались по мѣстамъ, гдѣ были расположены полки: 1) разрядъ московскій, до 30,000 человѣкъ; 2) разрядъ сѣверскій, до 34,000; 3) разрядъ владимірскій, 12,000 слишкомъ; 4) разрядъ новгородскій, до 12,000; 5) разрядъ казанскій, до 14,500; 6) разрядъ смоленскій, до 7,900; 7) разрядъ рязанскій, до 15,500; 8) разрядъ бѣлгородскій, до 25,000; 9) разрядъ тамбовскій, до 14,500.

С. О ПРИКАЗАХЪ.

(*Изъ соч. Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»*).

1. Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, а въ немъ сидитъ дьякъ да подъячихъ съ 10 человѣкъ, и вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякія царскія, тайныя и явныя; и въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя. А посылаются того приказа подъячіе съ послами въ чужія государства и на посольскіе съѣзды, и на войну съ воеводами, для того, что послы въ своихъ посольствахъ много чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣздѣ и въ разговорныхъ рѣчахъ, а воеводы въ полкахъ много неправды чинятъ надъ ратными людьми, и тѣ подьячіе надъ послами и воеводами подсматриваютъ и царю, пріѣхавъ, сказываютъ; послы или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправленіе свое и страшась царскаго гнѣва, тѣхъ подъячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они предъ царемъ ихъ выславляли, а худымъ не поносили. А устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ, для того чтобы его царскія мысли и дѣла исполнялись всѣ по его хотѣнію, а бояре бы и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали.

Да въ томъ приказѣ вѣдаются гранатнаго дѣла мастера и всякое гранатное дѣло и заводы; а деньги на строеніе того гранатнаго дѣла и на заводы, на покупку и на жалованье мастеровымъ людямъ берутъ изъ разныхъ приказовъ, откуда царь велитъ. Да въ томъ же приказѣ вѣдается царская лѣтняя потѣха, птицы, кречеты, соколы, ястребы и иныя; а бываетъ тѣми птицами потѣха на лебедей, на утокъ, на журавлей и на иныя птицы и на зайцевъ, и учиненъ для той потѣхи подъ Москвою потѣшный дворъ; да для той же потѣхи и для ученья учинены сокольники со 100 человѣкъ, и на томъ дворѣ лѣтомъ и зимою бываютъ у птицъ безпрестанно, днюютъ и ночуютъ поперемѣнно, человѣкъ по 20; а честью тѣ сокольники равны жильцамъ и стремяннымъ конюхамъ, они пожалованы денежнымъ жалованьемъ и платьемъ погодно и помѣстьями

и вотчинами; и будучи у тѣхъ птицъ, они пьютъ и ѣдятъ царское; а будетъ у царя всякихъ потѣшныхъ птицъ больше 3000, и кормъ, мясо говяжье и баранье, идетъ тѣмъ птицамъ съ царскаго двора; да для ловли и для ученья тѣхъ же птицъ, въ Москвѣ, въ городахъ и въ Сибири, учинены кречетники и помощники, больше 100 человѣкъ, люди пожалованные же; а ловятъ тѣхъ птицъ, подъ Москвою и въ городахъ, и въ Сибири, надъ озерами и надъ большими рѣками на берегахъ по пескамъ, и наловя тѣхъ птицъ, привозятъ къ Москвѣ больше 200 на годъ; и посылаются тѣ птицы въ Персію съ послами и куда случится, и персидскій шахъ тѣхъ птицъ принимаетъ за великіе подарки и ставитъ ихъ цѣною рублевъ по 100, по 200, по 500, по 1000 и больше, смотря по птицѣ; да на кормъ тѣмъ птицамъ и для ловли берутъ они, кречетники и помощники, голубей во всемъ Московскомъ государствѣ, у кого-бъ ни были, и, взявъ, привозятъ въ Москву, а въ Москвѣ тѣмъ голубямъ устроенъ дворъ, и будетъ тѣхъ голубей больше 100,000 гнѣздъ, а кормъ, ржаныя и пшеничныя высѣвки, идутъ съ Житеннаго двора.

2. Посольскій Приказъ, а въ немъ сидитъ думный дьякъ да два дьяка, подъячихъ 14 человѣкъ. А вѣдаются въ томъ приказѣ дѣла всѣхъ окрестныхъ государствъ, и пословъ чужеземныхъ принимаютъ, и отпускъ имъ бываетъ, также и русскихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ посылаютъ, въ которое государство случится, отпускъ имъ бываетъ изъ того-жь Приказу; да для перевода и толмачества въ этомъ приказѣ имѣютъ переводчиковъ латинскаго, шведскаго, нѣмецкаго, греческаго, польскаго, татарскаго и иныхъ языковъ, съ 50 человѣкъ, толмачевъ 70 человѣкъ. А бываетъ тѣмъ переводчикамъ въ Москвѣ работа во всѣ дни, когда случатся изъ окрестныхъ государствъ всякія дѣла, также старыя письма и книги для испытанія велятъ имъ переводить, кто каковъ къ переводу добръ, и потому и жалованье имъ дается; а переводятъ сидючи въ приказѣ, а на домъ имъ самыхъ великихъ дѣлъ переводить не даютъ, потому что опасаются всякой порухи отъ пожарнаго времени и иной причины.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы московскіе и пріѣзжіе иноземцы, всѣхъ государствъ торговые и всякихъ чиновъ люди; и судятъ торговыхъ иноземцевъ, и расправу имъ чинятъ съ русскими людьми въ томъ приказѣ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы 5 городовъ, и для приказнаго строенія, и на всякіе покупки на расходъ, и на жалованье подъячимъ и сторожамъ собираютъ деньги съ тѣхъ городовъ, которые въ томъ приказѣ вѣдомы, съ кабаковъ и съ таможенныхъ доходовъ, погодно; а соберется тѣхъ денегъ въ годъ больше 2,500 руб. Да въ тотъ же приказъ со всего Московскаго государства, съ царскихъ дворцовыхъ и черныхъ волостей, и съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей, собираются деньги плѣннымъ на выкупъ, которые бываютъ въ Крыму и въ турецкой землѣ, погодно, по указу; и соберется тѣхъ полоняничныхъ денегъ съ 150,000 р. въ годъ, и кромѣ выкупа тѣхъ денегъ не даютъ ни въ какіе расходы.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы печати: большая государственная, которою печатаютъ грамоты, что посылаютъ въ окрестныя государства, другая, которою печатаютъ грамоты, жалованныя на вотчины всякихъ чиновъ людямъ; тою же печатью печатаютъ грамоты къ крымскому хану и къ калмыкамъ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдаются донскіе казаки, татаре крещенные и не крещенные, которые въ прошлыхъ годахъ взяты въ плѣнъ изъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и Касимовскаго царствъ, и даны имъ вотчины въ подмосковныхъ ближнихъ городахъ; греческія власти и греки, какъ пріѣзжаютъ для милостыни и для торговли, вѣдомы въ томъ же приказѣ.

3. Разрядный Приказъ, и въ томъ приказѣ сидятъ окольничій да думный дьякъ, да два дьяка. А вѣдомы въ томъ приказѣ всякія воинскія дѣла, и города строеніемъ, крѣпостями, починкою ихъ, вооруженіемъ и служивыми людьми; также вѣдомы бояре, окольничіе, и думные и ближніе люди, и стольники, и дѣти боярскіе, и казаки, и солдаты, всякою службою; и кого куда случится послать на службу, на войну и на воеводства въ города и во всякія посылки, и за службу о жалованьѣ и о чести, о прибавкѣ денежнаго жалованья указъ въ томъ же приказѣ, также и о сыскѣ чести, и о безчестіи, и о наказаніи; а кого царь куда посылаетъ, и что кому за службу бываетъ чести, жалованья и безчестія, и то записываютъ въ книги. А доходовъ въ тотъ приказъ съ небольшихъ городовъ и съ судныхъ дѣлъ пошлинъ соберется въ годъ немного больше 1000 р.

4. Приказъ Большого Дворца, а въ немъ бываетъ и сидитъ бояринъ и дворецкій, да окольничій, да думный человѣкъ, да два или три дьяка. И тотъ бояринъ честью бываетъ второй человѣкъ, подъ конюшимъ первый; а когда дворецкаго не бываетъ, и тогда вѣдаетъ окольничій. А вѣдомы въ томъ приказѣ дворы: сытенный, кормовой, хлѣбный, житенный, и дворовые люди; и указъ, и досмотръ тѣмъ людямъ чинятъ во всемъ они.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы больше 40 городовъ, посадскіе люди, тягломъ и податьми, да съ кабаковъ, съ таможенъ и съ водъ, съ мельницъ и съ рыбныхъ ловель, откупы и вѣрный сборъ (взысканіе казенныхъ сборовъ посредствомъ присяжныхъ лицъ), ежегодно; дворцовыя села и черныя волости, и рыбныя угодья, и бобровые гоны, и бортные ухожи, и сѣнные покосы, въ царскихъ угодьяхъ, и тѣхъ селъ и съ волостей дворцовыя подати хлѣбомъ и деньгами, и всякими податями, и сѣномъ, а съ рыбныхъ и съ иныхъ угодій откупы, и съ перевозовъ, и съ мостовщины откупы же деньгами; да московскія слободы, восемь слободъ, съ торговыми и ремесленными людьми; и съ нихъ подати берутъ также, какъ и съ иныхъ посадскихъ людей, да они же повинны работать всякія дѣла на царскомъ дворѣ, что случится, безденежно. И соберется съ городовъ и съ селъ, и съ волостей, и съ слободъ, и со всякихъ угодьевъ и промысловъ, денежныхъ доходовъ, кромѣ иныхъ податей, со 120,000 р. въ годъ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдома печать, и собираютъ печатныя пошлины съ грамотъ и съ иныхъ дѣлъ, которыя посылаются по челобитью всякихъ чиновъ людей, въ города и въ дворцовыя волости и села; а соберется тѣхъ пошлинъ въ годъ съ 2000 рублей; а вырѣзанъ на той печати единорогъ-звѣрь.

Да изъ того же приказа въ Москвѣ откупаютъ на Москвѣ-рѣкѣ и на Яузѣ зимою ледъ и пролубное платяное мытье, и весною перевозъ, а будетъ съ того откупу денегъ въ годъ съ 3000 р.

А расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ: на церковныя строенія, и какъ

царь ходитъ по монастырямъ и по церквамъ, и въ тюрьмы, и въ богодѣльни, нищимъ и убогимъ людямъ на милостыню и на погребенія, и на всякія дворцовые расходы, и на покупки дворцовыхъ запасовъ, и на жалованье подъячимъ и трубникамъ, и работникамъ.

А какъ царь ходитъ въ походы и по монастырямъ и по церквамъ, и для его выѣздовъ и выходовъ наготавливаютъ деньги въ бумагѣ, по 2 гривны, и по полуполтинѣ, и по полтинѣ, и по рублю, и по 2, и по 5, и по 10, и по 20, и по 30, кому сколько прикажетъ дать, чтобъ было готово. Также какъ и царица ходитъ и ѣздитъ, а за нею деньги возятъ и носятъ такимъ же образомъ, и раздача бываетъ всякимъ людямъ, кому что прикажетъ дать.

5. Стрѣлецкій Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ да два дьяка. А въ томъ приказѣ вѣдомы стрѣлецкіе приказы, московскіе и городовые, и собираютъ тѣмъ стрѣльцамъ жалованье со всего Московскаго государства, съ вотчинниковыхъ крестьянъ, и Новгородскаго и Псковскаго государства, и Казани, и Астрахани, и Сибири. Да съ крестьянъ же берутъ стрѣлецкіе хлѣбные запасы, по указу, и велятъ имъ запасы всякій годъ поставлять въ Москву; а какъ бываетъ имъ, стрѣльцамъ, служба, и тѣ стрѣлецкіе запасы велятъ имъ ставить на службѣ, въ которомъ городѣ доведется; а съ дальнихъ мѣстъ съ крестьянъ вмѣсто запасовъ и провоза ихъ берутъ деньгами по расчету.

А въ Казани, въ Астрахани, въ Новгородѣ, въ Псковѣ, въ Смоленскѣ, у Архангельскаго города, и въ иныхъ мѣстахъ, деньги стрѣльцамъ собираютъ, также и запасы всякіе ежегодно съ тамошнихъ мѣстъ, гдѣ кто подъ которымъ городомъ живетъ, по московскому же.

А бываетъ въ Москвѣ стрѣлецкихъ приказовъ, когда и войны не бываетъ ни съ которымъ государствомъ, всегда больше 20; и въ тѣхъ приказахъ стрѣльцовъ по 1000 и по 800 ч. въ приказѣ или немного меньше. И изъ тѣхъ приказовъ одинъ приказъ выборный зовется стремянный, потому что бываетъ всегда съ царемъ и съ царицею во всякихъ походахъ, для обереганія, а въ иныя службы и въ посылки ни въ какія не посылается никуда, кромѣ караула. И въ тѣхъ приказахъ стрѣльцы—люди торговые и ремесленные всякіе, богаты многіе.

9. Приказъ Большой Казны, а вѣдаетъ тотъ приказъ бояринъ тотъ же, что и стрѣлецкій приказъ вѣдаетъ, а съ нимъ товарищъ думный дворянинъ, да два или три дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы гости, и гостинная и суконная сотня, и серебрянаго дѣла мастера, и многихъ городовъ торговые люди.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомъ Денежный дворъ; а въ немъ сидитъ для досмотру денежнаго дѣла дворянинъ да дьякъ. А дѣлаютъ деньги серебряныя мелкія. Ефимки и серебро, прутовое и тянутое, привозятъ къ Архангельскому городу изъ Голландской земли, изъ Венеціи, изъ Любека, изъ Гамбурга; а покупаютъ они на тѣ ефимки всякія товары изъ царской казны, или серебро же мѣняютъ на всякіе товары, а берутъ тѣ ефимки у нихъ за товары, и серебро противъ ефимковъ по четыре гривны и по 14 алтынъ ефимокъ, а товары царскіе ставятъ дорогою цѣною, и изъ тѣхъ ефимковъ, или изъ серебра, въ серебряныхъ деньгахъ царю бываетъ прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходитъ дешевою цѣною, а въ дѣлѣ московскихъ денегъ выходитъ изъ ефимка по двѣнадцати и по одному алтыну и двѣ деньги. А денежныхъ мастеровъ

для того дѣла берутъ изъ вольныхъ и изъ торговыхъ людей, кто захочетъ, съ поруками и за присягою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ, будучи у царскаго, не воровать серебра, и денегъ не красть, и въ серебро мѣди и олова и иного ничего не примѣшивать и въ домахъ своихъ фальшивыхъ денегъ не дѣлать никакихъ, и чекановъ не красть и воровски подъ чеканы не подрѣзываться. А будетъ тѣхъ денежныхъ мастеровъ, чеканщиковъ, рѣзальщиковъ и пр. 200 человѣкъ. Какъ они для денежнаго дѣла ходятъ на дворъ или со двора, ихъ осматриваютъ, чтобъ они не приносили олова и свинцу, или съ двора чего не снесли. А если сыщется, что они дѣлали на царскомъ дворѣ или у себя въ домѣ воровствомъ деньги, или подъ чеканы поддѣлывались и тѣ воровскіе чеканы продавали на сторону инымъ людямъ, то имъ, по сыску, бываютъ пытки, много ли разъ воровали, и кому что продавали, и съ кѣмъ о томъ сообща умышляли; и на кого съ пытокъ скажутъ, и тѣхъ всѣхъ пытаютъ накрѣпко, если винятся, чинятъ наказаніе, заливаютъ оловомъ горло, а инымъ, смотря по винѣ, отсѣкаютъ руки, и отрѣзываютъ уши, и бьютъ кнутомъ, и отнимаются домы и имущество, и ссылаются въ ссылку въ Сибирь. А въ Московскомъ государствѣ золота и серебра не родится, хотя въ хроникахъ пишутъ, что русская земля на золото и на серебро урожайная, однако сыскать не могутъ, а когда и сыщутъ, то мало; да и къ такому дѣлу московскіе люди не способны; а иныхъ государствъ люди тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро, не хотятъ искать и къ тому дѣлу пристать, для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ окажутъ, то ихъ промыслъ и заводъ ни во что поставятъ и отъ дѣла отлучатъ.

10. Большой Приходъ,—а въ немъ сидитъ окольничій да два дьяка. А доходы бываютъ въ тотъ приказъ на Москвѣ и съ иныхъ городовъ, съ лавокъ и съ гостиныхъ дворовъ, и съ погребовъ, и съ мѣры, чѣмъ всякіе товары и питья мѣряютъ, также и таможенныя пошлины, и мыт (пошлина съ товаровъ), и перевозъ, и мостовщина; и соберется той казны въ годъ больше 500,000 р. А куда той казнѣ бываетъ расходъ, и то написано ниже сего: какъ бываютъ окрестныхъ государствъ послы на Москвѣ, также и греческія власти, и персидскіе и греческіе купеческіе люди, и имъ покупается всякій кормъ, хлѣбъ и мясо, и конскій кормъ, сѣно и овесъ, и дрова, и дается деньгами; кормовымъ иноземцамъ и ихъ женамъ, вдовамъ и дочерямъ дѣвицамъ, и преводчикамъ, и толмачамъ, и черкасамъ запорожскимъ казакамъ и донскимъ, поденный кормъ, по указу; московскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, какъ ихъ посылаютъ въ иныя государства, жалованье въ дорогу, на всякіе судовые заводы, которые ходятъ по Москвѣ-рѣкѣ и по Волгѣ, для хлѣбнаго и рыбнаго и солянаго и инаго товарнаго промыслу, на товарную покупку, которую покупаютъ и отвозятъ и продаютъ у Архангельскаго города; на жалованье того приказа подъячимъ, и работникамъ судовымъ, и которые на соляномъ царскомъ дворѣ.

11. Пушкарскій Приказъ, а въ томъ приказѣ сидитъ бояринъ да два дьяка. А вѣдомы въ томъ приказѣ пушечные дворы, московскіе и городовые, и казна, и пушкари, и всякіе пушечные запасы и сборы; а города въ томъ приказѣ вѣдомы небольшіе, и собирается денегъ въ годъ съ 2,500 руб. А будетъ пушкарей, и затинщиковъ (стрѣлковъ), и мастеровыхъ всякихъ людей съ 600 человѣкъ на Москвѣ, кромѣ городо-

выхъ. А на строеніе пушечное мѣдь привозятъ отъ Архангельскаго города и изъ Шведскаго государства, а иныя пушки подряжаются дѣлать голландцы, любчане и гамбуржцы и привозятъ къ Архангельскому городу. А для порохового строенія учинены на Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ дворы и мельницы; а мастера у того дѣла бываютъ иностранцы и русскіе люди, а работники русскіе люди.

12. Царская Мастерская Палата, въ ней сидитъ стряпчій съ ключемъ да дьякъ, а тотъ стряпчій честью противъ окольничихъ, а въ думѣ не сидитъ. А вѣдомо въ томъ приказѣ его царское платье и всякое одѣяніе и мастеровые люди; а какъ царю на который день платье и шапки всякія выдаютъ, и въ казну принимаютъ назадъ осматривая, съ запискою; а иныхъ дѣлъ, опромѣ того, не бываетъ; да онъ же надсматриваетъ надъ другими стряпчими. И въ ту палату, кромѣ самого царя и тѣхъ людей, входить никто не смѣетъ.

14. Иноземный Приказъ, а вѣдаетъ тотъ приказъ тотъ же бояринъ, что и Стрѣлецкій приказъ, а съ нимъ товарищи, дворянинъ да два дьяка. И вѣдомы въ томъ приказѣ иноземцы всякихъ чиновъ служилые люди, и верстаютъ ихъ за службы изъ чина въ чинъ, которыхъ можно безъ царскаго указу, а иныхъ высокихъ чиновъ безъ царскаго указу не верстаютъ; а кормовое жалованье даютъ имъ помѣсячно, въ Большомъ приходѣ и въ иныхъ приказахъ.

15. Рейтарскій Приказъ, а вѣдаетъ его тотъ же бояринъ, а съ нимъ товарищи, дворянинъ да два дьяка. А бываетъ рейтарамъ сборъ изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, изъ дѣтей боярскихъ, малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ, и изъ недорослей и изъ вольныхъ людей; а жалованье имъ дается изъ Рейтарскаго приказу. А собираютъ тѣмъ ратнымъ людямъ на жалованье деньги, какъ бываетъ сборъ со всего государства для войны.

16. Приказъ Новгородская Четверть, а вѣдаетъ тотъ приказъ посольскій думный дьякъ да дьякъ. А въ томъ приказѣ вѣдомы города: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній Новгородъ, Архангельскій городъ, Вологда и иные поморскіе и пограничные со шведскою границею города; и съ тѣхъ городовъ и торговыхъ людей денежныхъ доходовъ, и таможенныхъ, и кабацкихъ, и соляныхъ, и съ желѣзныхъ и съ иныхъ промысловъ, соберется въ годъ со 100,000 руб. кромѣ того, что произойдетъ въ тѣхъ городахъ на всякіе расходы.

17. Приказъ Устюжская Четверть, а въ немъ сидитъ бояринъ да два или три дьяка. А вѣдомъ въ томъ приказѣ городъ Устюгъ Великій, со всякими податями съ посадскихъ людей и съ волостныхъ и уѣздныхъ крестьянъ, и съ кабаковъ, и съ таможенъ, и со всякихъ откуповъ; а соберется тѣхъ доходовъ въ годъ больше 20,000 руб.

18. Приказъ Костромская Четверть, а въ немъ сидитъ думный дворянинъ, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ города: Ростовъ, Ярославль, Кострома и иные, и доходу съ тѣхъ городовъ, съ посадскихъ людей и таможенныхъ, и кабацкихъ, и иныхъ будетъ 30,000 р.

19. Галицкая Четверть, а въ семъ приказѣ сидитъ бояринъ да два дьяка. А вѣдомъ въ немъ городъ Галичъ съ уѣздомъ во всякихъ доходахъ, а бываетъ приходу на годъ около 12,000 руб.

21. Оружейный Приказъ,—а вѣдаетъ тотъ приказъ окольничій, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ дворы, гдѣ дѣлаютъ оружье, и казенная оружейная палата, и ствольнаго, и ложнаго, и замочнаго, и

инаго дѣла мастера. А берутъ къ тому дѣлу мастеровъ на Москвѣ и изъ городовъ и изъ монастырей кузнецовъ и всякихъ для того дѣла способныхъ людей, погодно, по перемѣнамъ, и даютъ имъ за работу поденный кормъ изъ царской казны; а уголья на то дѣло, и на денежный и на кормовой дворы, берутъ съ Московскаго уѣзда монастырскихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ, по указу; но ружья, карабины, пистолеты съ футлярами, мушкеты и банделеры (ремни черезъ плечо для палаша), на царскій обиходъ покупаютъ въ иныхъ государствахъ, гдѣ случится.

22. Приказъ Золотаго и Серебрянаго Дѣла, а вѣдаетъ тотъ же окольничій, а съ нимъ дьякъ. И берутъ въ тотъ приказъ изъ Москвы и изъ другихъ городовъ добрыхъ мастеровъ въ вѣчную службу и даютъ имъ погодное жалованье; а дѣлаютъ они про царскій обиходъ сосуды всякіе и церковную утварь; а на заводъ того дѣла серебро и золото берутъ изъ приказа Большой Казны, изъ Казеннаго двора.

23. Аптекарскій Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ тотъ же, что и въ Стрѣлецкомъ приказѣ, да дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ аптека, доктора и лѣкари, иныхъ государствъ люди, да для ученія русскихъ людей съ 20 человѣкъ; а будетъ тѣхъ докторовъ и лѣкарей до 30 человѣкъ, и жалованье идетъ имъ по сговору.

24. Монастырскій Приказъ—а въ немъ сидитъ окольничій да два дьяка. А вѣдомъ въ томъ приказѣ всего Московскаго государства всякій духовный чинъ, митрополиты, архіепископы, епископы, монастыри, попы, во всякихъ дѣлахъ, и со властелинскихъ и съ монастырскихъ крестьянъ подати; соберется тѣхъ податей больше 20,000 р. въ годъ; а расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ также, куда понадобится, что и изъ иныхъ приказовъ, куда царь прикажетъ.

25. Хлѣбный Приказъ, а въ немъ сидитъ дворянинъ да дьякъ. А вѣдаютъ въ томъ приказѣ города и волости и села, и кабаки, и таможни, съ доходами и съ податями; и соберется такимъ образомъ до 20,000 рублей, кромѣ запасныхъ доходовъ; да въ тѣхъ городахъ устроены пашни на царя, и для досмотру хлѣба и расправы уставлены прикащики, дворяне; а сколько хлѣба въ году ни уродится, отдаютъ въ Москвѣ на Житенный дворъ.

27. Каменный Приказъ, а въ немъ сидитъ стольникъ или дворянинъ, да два дьяка. А вѣдомо въ томъ приказѣ всего Мосвовскаго государства каменное дѣло и мастера; и для какого царскаго строенія понадобятся тѣ мастера, и ихъ собираютъ изо всѣхъ городовъ, и даютъ имъ изъ царской казны на поденный кормъ деньги, чѣмъ имъ сытымъ быть можно. Да въ Москвѣ же вѣдомы въ томъ приказѣ известные и кирпичные дворы и заводы; а гдѣ бѣлый камень родится и дѣлаютъ известь, и тѣ города податями и доходами вѣдомы въ томъ приказѣ. А соберется тѣхъ доходовъ съ 5,000 рублей въ годъ; а камень бѣлый, тесаный и неочищенный привозятъ къ Москвѣ изъ тѣхъ городовъ уѣздные крестьяне, на кого сколько въ году положено поставить вмѣсто инаго оброку.

28. Челобитный Приказъ, а въ немъ сидитъ окольничій да два дьяка. А подвѣдомствены ему челобитныя. Нѣкоторые люди подаютъ царю челобитныя въ походахъ и въ праздники, и тѣ челобитныя царь слушаетъ самъ и бояре, и по которой челобитной доведется быть указу или отказу, и на тѣхъ челобитныхъ подписываютъ думные дьяки; и выслушавъ, царь тѣ челобитныя отсылаетъ въ тотъ приказъ, а изъ приказа посылаютъ тѣ

челобитныя съ подьячими, велятъ имъ читать ихъ на площади передъ царскимъ дворомъ всѣмъ людямъ, и отдавать именно тѣмъ, чья та челобитная будетъ; а иные люди берутъ свои челобитныя въ приказѣ, и кто о чемъ билъ челомъ, смотря по подписи, ходятъ въ тѣ приказы куда подписано будетъ, и гдѣ дѣло его. Да въ томъ же приказѣ вѣдомы судомъ, приказные люди, дьяки и подъячіе, и сторожи и ходаки; доходы денежные съ судныхъ дѣлъ не велики.

29. Приказъ Малой Россіи, а сидитъ въ немъ тотъ же бояринъ, что и въ Галицкой четверти, а съ нимъ дьякъ. А вѣдома въ томъ приказѣ Малая Россія, войско запорожское казаки и города Кіевъ и Черниговъ съ того времени, какъ отлучились они отъ польскаго короля и учинились въ подданствѣ царскомъ. А доходовъ съ той Малой Россіи не бываетъ ничего, ибо, принимая ее въ свое владѣнье, царь обѣщалъ и чинилъ присягу на томъ, что малороссійскимъ людямъ быть подъ его владѣньемъ въ вѣчномъ подданствѣ, но по своимъ вольностямъ и привилегіямъ, какъ были въ подданствѣ у польскаго короля, ни въ чемъ не перемѣняя и вольностей ихъ не отнимая. А приговорено войску быть всегда готову противъ его царскихъ непріятелей и для обереганія городовъ, по 60,000 человѣкъ; а собирать тому войску на жалованье деньги съ тамошнихъ городскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.

30. Земскій Приказъ, а въ немъ сидитъ думный дворянинъ, что и въ Костромской четверти, а съ нимъ два дьяка. А въ немъ вѣдомы московскіе посадскіе люди и города небольшіе. Да въ немъ же вѣдомы въ Москвѣ и въ городахъ дворовыя мѣста, бѣлыя и черныя, и слободы, продажею и мѣрою, также мощенія и чистка улицъ, собираніе мостовщины со всякаго чина жилецкихъ людей. А какъ царю бываетъ выходъ или походъ, и для чищенья улицъ устроены земскіе метельщики, человѣкъ съ 50. А доходовъ въ тотъ приказъ съ московскихъ торговыхъ людей и съ городовъ, а также съ записки продажныхъ дворовъ и мѣстъ, до 15,000 р. въ годъ; а расходъ бываетъ во всякія статьи. Да въ томъ же приказѣ вѣдомы московскіе разбойныя и всякія воровскія приводныя дѣла.

31. Холопій Приказъ, а въ немъ сидитъ стольникъ да дьякъ. А вѣдаютъ въ томъ приказѣ боярскихъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей дворовыхъ ихъ, кабальныхъ, и данныхъ, и записныхъ служилыхъ людей; и кто холопъ кому бьетъ челомъ во дворъ, и его запишутъ въ книги, и даютъ на того холопа вѣчныя служилыя кабалы, и данныя, и на урочные годы записи, тѣмъ людямъ, кому они бьютъ челомъ; и съ записи тѣхъ людей берутъ записныя пошлины, а въ годъ соберется тѣхъ пошлинъ съ 500 рублей. А если отъ кого боярина и всякаго чину человѣка люди воруютъ и бѣгаютъ, и смуты чинятъ, и тѣмъ людямъ указъ въ томъ же приказѣ, по Уложенію. А даютъ на тѣхъ кабальныхъ людей кабалы вѣчныя, если бьетъ челомъ кому во дворъ, на его имя самого, или жены его, или дѣтей, по ихъ вѣкъ, а не на урочныя лѣта; а посадскимъ людямъ, и служкамъ монастырскимъ и попамъ, и холопамъ барскимъ, дается на служилыхъ людей записи на 5 лѣтъ, а больше 5 лѣтъ держать имъ у себя не велѣно. Также кто кому долженъ, а заплатить будетъ нечѣмъ, и такихъ отдаютъ въ слуги служить за тотъ долгъ урочныя лѣта; а какіе чины велѣно отдавать за долги въ слуги, это подлинно расписано въ Уложенной Книгѣ.

32. Два Приказа Судные: Московскій и Владимірскій, а сидятъ въ нихъ по боярину, да по стольнику, да по дьяку и по два. А вѣдомы въ тѣхъ приказахъ судомъ во всякихъ дѣлахъ бояре и окольничіе, и ближніе и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне, и всякіе помѣщики и вотчинники. А доходовъ нѣтъ никакихъ, кромѣ пошлинъ съ судныхъ дѣлъ, и того съ 500 р. въ годъ во всякій приказъ.

34. Разбойный Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ, или окольничій, да стольникъ, или дворянинъ, да два дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы всего Московскаго государства разбойныя, татинныя и приводныя дѣла и мастера заплечные; а тѣхъ мастеровъ на Москвѣ съ 50 человѣкъ, и дается имъ годовое жалованье. Также и въ городахъ для разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ устроены приказныя губныя избы, и вѣдаютъ такія дѣла выборные дворяне, за вѣрою (присягою) и крестнымъ цѣлованіемъ, которые за старостью полковыхъ службъ служить не могутъ. И какого чину ни будь князь, или бояринъ, или и простой человѣкъ пойманъ будетъ на разбоѣ, или въ кражѣ, или въ зломъ дѣлѣ въ смертномъ убійствѣ, поджогѣ и иныхъ преступленіяхъ, то его приводятъ въ Москвѣ въ Разбойный или въ Земскій Приказъ, а въ городахъ въ приказы же и въ губную избу; и если кто былъ на разбоѣ и учинилъ убійство, поджогъ и кражу, и товарищи его разбѣжались и не пойманы, и такого въ праздники и въ иные дни пытаютъ и мучатъ безъ милосердія, для того чтобы по его сказкѣ сыскать товарищей. Также иныхъ злочинцевъ такимъ же образомъ пытаютъ, смотря по дѣлу, однажды, дважды и трижды, и послѣ пытокъ указъ чинятъ, до чего доведется. А на которыхъ они людей скажутъ, и тѣхъ людей, сыскавъ всѣхъ, поставятъ съ очей на очи и воровъ пытаютъ накрѣпко, впрямь ли тѣ люди, на которыхъ они говорятъ, съ ними въ томъ воровствѣ товарищами, и не напрасно-ли они на нихъ говорятъ. Если съ пытокъ скажутъ, что впрямь тѣ люди ихъ прямые товарищи или оберегальщики, и тѣхъ всѣхъ также начнутъ пытать. А которые винятся, такихъ сажаютъ въ тюрьму и, смотря по дѣлу, указъ чинятъ, до чего доведется.

35. Панихидный Приказъ, а въ немъ сидитъ дьякъ. А вѣдомо въ томъ приказѣ поминаніе по умершимъ прежнимъ великимъ князьямъ и царямъ россійскимъ, царицамъ, царевичамъ, царевнамъ; и котораго дня должно по комъ творить память, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и въ монастыряхъ по церквамъ, указы посылаются изъ того приказа.

36. Счетный Приказъ, а въ немъ сидятъ два дьяка. Они вѣдаютъ и дѣлаютъ всего Московскаго государства приходъ и расходъ и остатокъ по книгамъ, за многіе годы. А приходъ въ него бываетъ остаточныя деньги, которыя въ которомъ году съ кого не взяты въ царскую казну, также въ которомъ году за расходомъ что осталось въ остаткѣ; а собранныя такимъ образомъ деньги въ расходы ни въ какіе не даются безъ царскаго указа.

И всего на Москвѣ, кромѣ городовыхъ и патріаршихъ приказовъ и таможенъ, 42 приказа; а дьяковъ въ тѣхъ приказахъ и по городамъ съ воеводами, со 100 человѣкъ, подъячихъ съ 1,000 человѣкъ. А устроены приказы на царскомъ дворѣ: Тайныхъ Дѣлъ, Приказъ Большаго Дворца, Мастерскія Палаты, Аптекарскій, Серебрянаго и Золотаго Дѣла, Оружейный, Монастырскій; а остальные всѣ приказы устроены отъ царскаго двора поодаль, на площади за церквами.

45. А кромѣ царскихъ приказовъ и кромѣ городовъ, и царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей, и патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ и епископскихъ приказовъ, нигдѣ никакимъ людямъ судовъ и расправы ни въ чемъ не бываетъ. А бываютъ у патріарха и у властей судебныя дѣла, въ духовныхъ статьяхъ и смертяхъ и въ иныхъ и во всякихъ дѣлахъ такимъ же образомъ, что и въ царскомъ судѣ, всякому чину мужскому полу и женскому, кромѣ разбойныхъ, татинныхъ и пожегныхъ дѣлъ; а кого у нихъ за духовныя дѣла въ воровскихъ статьяхъ осудятъ на смерть, кто какую казнь заслужитъ, и они, изъ дѣла выписавъ, приговоръ свой посылаютъ съ тѣми осужденными людьми въ царскій судъ, и потому ихъ приговору изъ царскаго суда велятъ казнить безъ задержанья, кто чего достоинъ; а безъ царскаго вѣдома не казнятъ ни за что.

48. А во всякомъ приказѣ, съ городовъ и съ посадовъ, и съ волостей, и съ селъ, и съ деревень, и съ таможенъ, и съ кабаковъ, и со всякихъ откуповъ денежные всякіе доходы, которые города, слободы, волости и села, въ которомъ приказѣ вѣдомы, принимаютъ и раздаютъ подъячіе, помѣсячно.

И всего денежныхъ доходовъ на всякій годъ въ царскую казну приходитъ во всѣ приказы, со всего государства, кромѣ того что исходитъ въ городахъ, съ десять сотъ съ триста съ одиннадцать тысячъ рублей, кромѣ сибирской казны.

CI. УСТРОЙСТВО ПРИКАЗОВЪ ВЪ ЭПОХУ УЛОЖЕНІЯ.

(Изъ соч. Дмитріева: «Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ»).

Центральная, приказная администрація не потерпѣла существенныхъ измѣненій въ эпоху Уложенія. Въ ней по-прежнему проглядываетъ личное начало. Однако въ мѣрахъ и распоряженіяхъ правительства болѣе прежняго видно стремленіе къ внесенію порядка и единства въ это управленіе.

Приказы безпрестанно умножались въ XVII вѣкѣ. Изъ придворныхъ образовались: 1) нѣсколько Мастерскихъ Палатъ, завѣдывавшихъ личною услугою царицъ и даже царевенъ. Эти палаты, разумѣется, существовали только при жизни того лица, для котораго были учреждены. Въ вѣдомствѣ ихъ состояли тѣ мастеровые люди, которые должны были работать на царицу. 2) Панафидный Приказъ, или Панафидная Палата, возникъ около 1663 г. 3) Сытенный дворъ, завѣдывавшій царскими погребами. 4) Кормовой дворецъ, завѣдывавшій расходами по царскому столу. 5) Хлѣбный дворъ, завѣдывавшій расходами хлѣбныхъ запасовъ на столъ государя. Изъ мѣстныхъ государственныхъ приказовъ возникли: 1) Приказъ Золотаго и Серебрянаго дѣла и 2) Оружейная Палата. Первый вѣдалъ мастеровъ, дѣлавшихъ разную посуду и церковную утварь, а вторая—оружейныхъ мастеровъ. Центральные приказы частью измѣнились, частью умножились. Изъ нихъ къ территоріальнымъ прибавились: 1) Малороссійскій, 2) Великороссійскій, управлявшій дѣлами Ахтырскаго, Сумскаго, Харьковскаго и Изюмскаго слободскихъ полковъ; 3) Смоленскій, 4) Литовскій и 5) Лифляндскій. Изъ четвертей остались въ это время: Новгородская, Устюжская, Костромская, Галицкая и Новая. Изъ сословныхъ прибавились: Рейтарскій и возстановленный Монастырскій приказы. Изъ управлявшихъ отдѣльнымъ родомъ дѣлъ образовались: 1) Счетный, повѣрявшій приходъ и расходъ всего Московскаго государства; 2) Хлѣбный

управлявшій тѣми городами и волостями, гдѣ устроена была пашня на царя, 3) Преображенскій и 4) Тайныхъ Дѣлъ, родъ тайной канцеляріи государя.

Распредѣленіе дѣлъ между приказами сохранило прежнюю неправильность. Такъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ завѣдывалъ также гранатнымъ дѣломъ и царскою лѣтнею потѣхой, Хлѣбный Приказъ завѣдывалъ кабаками и таможнями нѣкоторыхъ городовъ, Разрядъ также и т. д. Нѣкоторыя дѣла, такъ сказать, странствуютъ по различнымъ мѣстамъ, напр., гранатное дѣло было и въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, и въ Приказѣ Большого Дворца. Мѣры для упрощенія приказнаго управленія были прежнія, но принимались еще чаще. Къ нимъ относятся: а) Соединеніе однородныхъ приказовъ. Такъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ въ 1682 г. соединенъ съ Разрядомъ, а въ 1700 г. Владимірскій Судный Приказъ соединенъ съ Московскимъ; Земскій Приказъ былъ соединенъ съ Стрѣлецкимъ, который и прежде завѣдывалъ многими земскими дѣлами; Иноземскій съ Рейтарскимъ; Приказъ Холопьяго Суда съ Суднымъ; б) Учрежденіе присудныхъ приказовъ. Въ эпоху Уложенія ихъ было очень много, и въ подчиненіи замѣтно болѣе системы. Приказу Большаго Дворца были присудны всѣ такъ называемые *дворы*, Посольскому всѣ мѣста, завѣдывавшія новыми пріобрѣтеніями Россіи. Но совершенной однородности между подчиненными приказами искать, разумѣется, нельзя. Поэтому отъ Посольскаго Приказа, напримѣръ, зависѣли и нѣкоторыя старинныя области. Его присудные приказы были: Великороссійскій, Малороссійскій, Литовскій, Смоленскій, Новгородскій, Устюжскій, Владимірскій, Галицкій, Половяничный. Тоже для введенія іерархіи, указомъ 23 февраля 1677 г., велѣно было во всѣ приказы, гдѣ сидятъ думные люди, писать изъ Разряда не памятями, а указомъ. Этимъ всѣ общія административныя мѣста поставлены въ зависимость отъ Разряда: извѣстно, что думные люди обыкновенно управляли приказами, завѣдывавшими цѣлою отраслью государственнаго управленія. Разрядъ стоялъ даже вообще во главѣ всѣхъ приказовъ, пока князь В. В. Голицынъ своимъ личнымъ вліяніемъ не далъ перевѣса Посольскому, что удержалось и впослѣдствіи. Кромѣ общихъ мѣръ, приказы соединялись иногда вслѣдствіе порученія ихъ одному лицу. Такъ Милославскій завѣдывалъ въ 1682 г. четырьмя приказами: Новгородскимъ, Большаго Прихода, Владимірскимъ и Галицкой Четвертью. Всѣ эти приказы были при этомъ соединены, «чтобъ челобитчикамъ по тѣмъ разнымъ приказамъ лишнія волокиты не было». Въ слѣдующемъ году Владимірская и Галицкая Четверти и Новгородскій Приказъ снова подчинены Посольскому Приказу. Точно также Житный Приказъ былъ соединенъ съ Стрѣлецкимъ, Литовскій Приказъ въ 1666 году съ Разрядомъ, Челобитенный Приказъ въ 1678 году съ Суднымъ. Иногда и безъ этого окончательнаго соединенія приказовъ, управленіе нѣсколькими изъ нихъ поручалось одному лицу. Въ 1657 г. одни и тѣ же дьяки вѣдали Земскій Приказъ и Костромскую Четверть; въ 1698 г. послѣднею управляли тѣже судьи, что и въ Стрѣлецкомъ Приказѣ; Литовскій Приказъ и Ужстюжская Четверть въ 1657 г. находились подъ управленіемъ боярина Стрѣшнева. Какія причины побуждали иногда правительство соединять приказы, объ этомъ есть слѣдующее любопытное извѣстіе. Языковъ, говоритъ онъ, присовѣтовалъ царю Ѳеодору Алексѣевичу Милославскаго дѣлами отяготить, дабы ему для оныхъ удобность часто при дворѣ быть отнять, положили на него труднѣйшіе восемь приказовъ».

Дѣла, поступавшія въ приказы, какъ въ первую инстанцію, начинались и производились точно такъ-же, какъ и прежде. Отношенія городовъ къ приказамъ не только не сдѣлались опредѣленнѣе, но съ развитіемъ администраціи еще болѣе запутались. Отсутствіе всякихъ началъ видно здѣсь въ каждой мѣрѣ правительства. По словамъ Котошихина, Посольскій Приказъ вѣдалъ пять городовъ «для приказнаго строенья», т. е. другими словами, для дохода. Едвали не съ этою цѣлью города такъ часто передавались изъ одного вѣдомства въ другое. Разумѣется, столкновенія были неизбѣжны, но они всегда разрѣшались частными распоряженіями. Напримѣръ, въ 1692 г. Ярославль, Ростовъ и Переяславль Залѣсскій были соединены подъ управленіемъ одного воеводы. Изъ этихъ городовъ

Ярославль зависѣлъ прежде отъ Разряда, а Ростовъ съ Переяславлемъ отъ Костромской Четверти. Возникъ вопросъ, откуда давать воеводскіе наказы? Законъ вовсе не предвидѣлъ подобнаго случая. Къ какому отягощенію областныхъ жителей вела эта неопредѣленность, видно изъ многочисленныхъ ихъ жалобъ. Вотъ какъ изображали свое положеніе псковскіе посадскіе люди въ челобитной 1665 г. «И въ розныхъ, государь, приказѣхъ, индѣ ратьми, индѣ сборами денежными Псковъ вѣдомъ; а намъ, сиротамъ твоимъ, отъ разныхъ приказовъ и отъ пятинныхъ денегъ тягость не въ мѣру, задолжены у нѣмцевъ и товары на ихъ деньги сбираемъ изъ малаго найму, чѣмъ питаемся, а по запискамъ въ книгахъ на насъ, сиротахъ твоихъ, изъ того начитаютъ пятинныя деньги, будто съ нашихъ животовъ; и мы, государь, не вѣдаемъ, бѣдные сироты твои, гдѣ заступленія искать, и ктобъ за насъ, сиротъ твоихъ, вступился. Разрядъ, государь, рати строитъ и указъ твой великаго государя..., а изъ Новгородцкіе Чети и изъ иныхъ приказовъ денежныхъ сборовъ твоей великаго государя казны на насъ, бѣдныхъ сиротахъ твоихъ, спрашиваютъ въ отпускъ, изъ Пскова къ Москвѣ; а чтобъ, великій государь, въ одномъ приказѣ рати и доходы денежные и хлѣбные псковскаго государства... были и насъ, сиротъ твоихъ, вѣдали строеньемъ, псковскому государству лучше бы показалось и напрасныхъ обидъ и разоренія не было». Въ отвѣтъ на эти жалобы, правительство или подчиняло города по прежнему одному приказу, или принимало косвенныя мѣры, не всегда удобныя. Кажется, съ этою цѣлью, въ воеводскихъ наказахъ предписывалось иногда не дѣлать исполненія по приказаніямъ другихъ приказовъ, безъ послушной грамоты изъ того, которому городъ подчиненъ въ военномъ и финансовомъ отношеніи; напр. въ 1697 г. казанскому воеводѣ велѣно по всѣмъ дѣламъ ждать послушной грамоты изъ Казанскаго Дворца. Но и эта мѣра относилась едва ли не къ однимъ важнѣйшимъ городамъ.

Составъ присутствія въ приказахъ остался безъ всякой перемѣны. Извѣстій объ этомъ болѣе прежняго, но изъ нихъ трудно сдѣлать какое нибудь новое заключеніе. Не легко даже различить настоящихъ судей отъ канцеляріи. Напримѣръ, дьяки иногда судили, иногда только завѣдывали письмоводствомъ. Число судей, по-прежнему, случайно. Правда, Уложеніе вездѣ предполагаетъ ихъ нѣсколько: но изъ этого никакъ нельзя заключать о коллегіальномъ началѣ. Хотя и сказано, что когда судьи больны или въ отпускѣ, то безъ нихъ допускается одно судоговореніе, а рѣшеніе должно быть постановлено вмѣстѣ (вопче), но цѣль здѣсь была другая. Уложеніе не довѣряетъ однимъ судейскимъ товарищамъ и позволяетъ имъ рѣшать дѣла безъ судей только въ крайнихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія. Судья долженъ присутствовать въ приказѣ подъ страхомъ наказанія за нарушеніе этой обязанности. Законными причинами отсутствія названы только болѣзнь, мѣстническія дѣла и важный недосугъ. Главною цѣлью этихъ законовъ было облегчить производство дѣлъ, возложивъ его на нѣсколько лицъ. Оттого въ числѣ судей нерѣдко бываютъ самые близкіе родственники. Такъ въ 1686 г. Аптекарскимъ Приказомъ завѣдывали двое князей Одоевскихъ; когда, въ 1689 г., одинъ изъ нихъ умеръ, то на мѣсто его былъ назначенъ его сынъ. Въ 1666 г. Приказомъ Большой Казны и Лифляндскихъ Дѣлъ управляли окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, да сынъ его. Въ 1689 г. въ Иноземскомъ Приказѣ были братья Голицыны, князь Василій Васильевичъ и князь Алексѣй Васильевичъ. Случалось также, что приказныя дѣла раздѣлялись между судьями и даже дьяками, и такимъ образомъ при наружной коллегіальности устройства, управленіе превращалось въ совершенно личное. Извѣстно, напр., что гости и гостиная сотня обыкновенно зависѣли отъ Казеннаго Двора; но въ 1665 г. они были подчинены только одному изъ членовъ этого приказа. Въ 1677 г., по закрытіи Монастырскаго Приказа, всѣ дѣла его предписано вѣдать въ Приказѣ Большаго Дворца, а денежныя его недоимки собирать въ Новой Четверти думному дьяку Ивану Горохову, между тѣмъ какъ въ этомъ приказѣ главнымъ судьею былъ тогда бояринъ Милославскій и другими дѣлами, напр., калмыцкими, дьякъ упра-

Приставы въ нѣкоторыхъ приказахъ носили особенныя названія: въ Посольскомъ были толмачи, въ Приказѣ Большаго Дворца трубники. Кромѣ приставовъ для разсылокъ еще употреблялись деньщики и пушкари.

Въ канцеляріяхъ приказовъ по временамъ производили ревизію. Она состояла въ томъ, что судьямъ предписывалось описать дѣла, счесть подъячихъ и донести объ этомъ къ извѣстному числу государю, подъ страхомъ опалы. Поводомъ къ этому были, кажется, взятки подъячихъ.

CII. БОЯРСКАЯ ДУМА.

(Изъ соч. Дмитріева: «Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до учрежденія о губерніяхъ»).

Высшее въ государствѣ мѣсто, къ которому обращались и самые приказы за разрѣшеніями, составляла Царская или Боярская Дума. Ея окончательное образованіе относятъ къ царствованію Іоанна Грознаго. Дума, для дѣлъ государственныхъ, была царскимъ совѣтомъ, на который призывались тѣ или другіе бояре по волѣ государя. Для дѣлъ административныхъ едвали она не состояла сначала изъ собранія всѣхъ бояръ московскаго двора, потому что Судебникъ не употребляетъ даже въ этомъ случаѣ и названія думы, а выражается просто: «Бояре, поговоря вмѣстѣ». Члены думы, судя по званіямъ: думный дворянинъ, думный дьякъ, что сначала врядъ ли было однимъ пустымъ титуломъ, были въ это время, вѣроятно, очень многочисленны. Но со времени царя Ивана Васильевича дума получила значеніе постояннаго верховнаго учрежденія, и съ этихъ поръ число ея членовъ было ограничено. Такъ, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, только пять-шесть членовъ составляли непремѣнное присутствіе, собиравшееся три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Въ другіе дни собирались только для обсужденія чрезвычайныхъ дѣлъ, по особеннымъ повѣсткамъ. Впослѣдствіи дѣлаются извѣстными особенныя названія думы: Золотая Расправная Палата, Золотая Меньшая палата, Передняя и Отвѣтная Палата. Все это принимается за отдѣленія думы. Вѣроятно, эти отдѣленія сначала не были постоянными, что уже видно и изъ самыхъ названій, заимствованныхъ отъ мѣстъ засѣданія. Впослѣдствіи, повидимому, отдѣленія имѣли большею частью постоянный характеръ. Составъ каждаго отдѣленія былъ совершенно подобенъ составу присутствія въ приказахъ: отдѣленія состояли изъ двухъ или трехъ лицъ, по волѣ государя. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ названій нельзя, кажется, даже принимать за особыя отдѣленія. Такъ, напримѣръ, Передняя и Золотая Меньшая Палата обозначали, повидимому, одно и тоже: объ обѣихъ говорится, что туда поступаютъ спорныя дѣла изъ приказовъ. Отвѣтная Палата была вовсе не административнымъ учрежденіемъ, а простымъ собраніемъ бояръ для пріема государемъ иностранныхъ пословъ.

Судебныя дѣла всего болѣе поступали въ думу по докладу приказныхъ судей. Докладъ дѣлался при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ начальникомъ того мѣста, изъ котораго онъ поступалъ, слѣдовательно первоприсутствующимъ приказа. Въ какомъ случаѣ поступалъ докладъ изъ приказовъ, рѣшить довольно трудно. Законы XVI и XVII вѣковъ не дѣла-

ють на этотъ счетъ никакихъ опредѣленій, замѣчая только, что дѣло восходитъ на разсмотрѣніе государя, когда жалобнику нельзя учинить управы безъ государева указа. Такъ должно было происходить всякій разъ, когда въ приказѣ не было единогласія, ибо иначе нельзя объяснить, какимъ образомъ могло бы составиться рѣшеніе. Другой случай доклада можно вывести изъ дошедшихъ до насъ дополнительныхъ указовъ къ Судебнику и новоуказанныхъ статей. Какъ тѣ, такъ и другія образовались изъ боярскихъ приговоровъ, утвержденныхъ государемъ, и содержатъ въ себѣ большею частью изложеніе какого нибудь юридическаго казуса, возникшаго вслѣдствіе неяснаго пониманія закона. Эти доклады тоже должны были поступать изъ приказовъ.

Другаго рода дѣла, поступавшія на разсмотрѣніе думы, были дѣла по жалобѣ или аппеляціи. По одному иностранному извѣстію XVI в., къ думѣ обращались просители не только съ жалобою на судей, но даже и въ первой инстанціи. Бояре обязаны были разсмотрѣть прошеніе, и если обращеніе къ нимъ было законное, то и рѣшали дѣло; если же, по роду своему, оно подлежало другому вѣдомству, то они отсылали его туда, куда слѣдовало подать просьбу на общемъ основаніи законовъ. Что дѣйствительно сюда подавались апелляціонныя жалобы, въ этомъ насъ убѣждаютъ тѣ статьи Судебника, гдѣ говорится о взысканіяхъ съ провинившихся судей. Какъ изъ полнаго ихъ изложенія, такъ въ особенности изъ опредѣленія, что о штрафѣ указываетъ самъ государь, между тѣмъ какъ о другихъ взысканіяхъ съ судей этого не сказано, ясно, что разборъ между жалобникомъ и судьею принадлежалъ особому учрежденію. Этимъ учрежденіемъ должна была быть дума, когда жалоба подана на судей приказовъ, ибо кто же бы могъ, кромѣ ея, дать расправу въ этомъ случаѣ?

Послѣдній родъ дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе боярской думы, составляютъ тѣ, которыхъ разборъ самъ государь поручалъ боярамъ. Эти разсматривались здѣсь въ первой инстанціи. Сюда относятся дѣла мѣстническія, которыя однако разбирались думою только случайно. Иски низшихъ чиновъ до стольниковъ судились въ Разрядѣ; но челобитныя высшихъ чиновъ, начиная отъ стольника, подавались самому государю. Государь или лично разсматривалъ дѣло, или назначалъ для этого какого нибудь боярина, или наконецъ передавалъ дѣло на разсмотрѣніе думы. Въ этомъ случаѣ всегда дѣлали докладъ государю, который и приказывалъ выдать правую грамоту. Вѣроятно, не одни мѣстническія дѣла, но и многія другія такимъ же образомъ переходили на обсужденіе думы.

Вообще дума не была собственно главнымъ центральнымъ учрежденіемъ государства. Это просто совѣтъ государя, а потому и голосъ она имѣла только совѣщательный. Рѣшенія ея почти всегда пріобрѣтали силу только вслѣдствіе утвержденія государя. Это выражается какъ въ самомъ словѣ «дума», такъ и въ формѣ боярскихъ приговоровъ: «великій государь указалъ и бояре приговорили». Сношенія государя съ думою происходили посредствомъ думныхъ дьяковъ, которые, по выраженію записки о царскомъ дворѣ 1610 г., «доносили до государя думу».

Въ эпоху Уложенія царская дума называлась: Золотою, Золотою Меньшею и Переднею Палатами, иногда Золотою Расправною и просто Палатою. Это были отдѣленія думы, кажется, постоянныя, потому что о